

Ф И Л О С О Ф С К А Я
Э Н Ц И К Л О П Е Д И Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

ЭНЦИКЛОПЕДИИ СЛОВАРИ СПРАВОЧНИКИ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

А. П. АЛЕКСАНДРОВ, А. А. АРЗУМАНЯН, А. В. АРЦИХОВСКИЙ,
Н. В. БАРАНОВ, А. А. БЛАГОНРАВОВ, Н. Н. БОГОЛЮБОВ,
Б. А. ВВЕДЕНСКИЙ (председатель Научного Совета), Б. М. ВУЛ,
Г. Н. ГОЛИКОВ, И. Л. КНУНЯЦ, Ф. В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. В. КУКАРКИН, Ф. Н. ПЕТРОВ, В. М. ПОЛЕВОЙ, А. И. РЕВИН
(заместитель председателя Научного Совета), Н. М. СИСАКЯН,
А. А. СУРКОВ, Л. С. ШАУМЯН (заместитель председателя Научного
Совета)

МОСКВА 1964

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Ф. В. КОНСТАНТИНОВ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В. Ф. АСМУС, Б. Э. БЫХОВСКИЙ, М. Т. ИОВЧУК, М. Д. КАММАРИ,
Б. М. КЕДРОВ, П. В. КОПНИН, И. В. КУЗНЕЦОВ, А. Д. МАКАРОВ,
Х. Н. МОМДЖЯН, А. Ф. ОКУЛОВ, Е. П. СИТКОВСКИЙ, А. Г. СПИРКИН
(заместитель главного редактора), В. П. ТУГАРИНОВ, П. И. ФЕДОСЕЕВ,
Л. С. ШАУМЯН

3

КОММУНИЗМ — НАУКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

28226

Научные консультанты: канд. филос. наук Е. К. Войшвилло (логика), д-р филос. наук И. С. Кон (историч. материализм, совр. бурж. социология), действит. член АПН РСФСР А. Н. Леонтьев (психология), канд. филологич. наук Г. А. Недошвин (эстетика), действит. член АПН РСФСР Б. М. Теплов (психология), академик Ю. П. Францев (историч. материализм, совр. бурж. социология), д-р филос. наук А. Ф. Шишкин (этика), д-р физико-математич. наук С. А. Яновская (математич. логика).

Редакция философии: заведующий редакцией канд. филос. наук З. А. Каменский (история зарубежной философии); научный редактор канд. филос. наук М. Б. Туровский (диалектический материализм, филос. вопросы естествознания и психология); старший научный редактор Н. М. Ланда (исторический материализм, история зарубежной социологии); старший научный редактор канд. филос. наук А. И. Володин (история марксистской философии, история русской философии); старший научный редактор канд. филос. наук В. П. Шестаков, научный редактор Ю. Н. Попов (этика, эстетика, история атеизма и религии); научные редакторы М. М. Новоселов и М. Ф. Солодухина (логика, филос. вопросы математики и кибернетики); научный редактор Р. А. Гальцева (совр. зарубежная философия); младший научный редактор М. Г. Романова.

Внештатные научные редакторы: канд. филос. наук Б. В. Бирюков (логика, филос. вопросы математики и кибернетики), Е. Е. Давыдов (история философии народов СССР, стран народной демократии и Востока).

Редакция библиографии: В. А. Гальминас, В. А. Стулов (зав. редакцией), Э. А. Шимбирева; проверка цитат Г. И. Лачина.

Транскрипция и этимология: М. Е. Айзенштадт, М. Д. Дриневиц, Л. Ф. Риф.
Литературная редакция: А. Г. Сучкова (зав. редакцией), Н. А. Абиндер, Т. М. Орлова, Г. У. Холичева.

Проверка фактов: Э. С. Лapidус, Б. А. Ельцов, М. А. Зимина, Б. Г. Попов, О. Е. Соловьев.

Корректорская: М. В. Акимова, Л. Н. Соколова.

К

КОММУНИЗМ (от лат. *communis* — общий, всеобщий) — 1) Общественно-экономич. формация, основанная на обществ. собственности на средства произ-ва. В своем развитии она проходит две фазы, различающиеся по степени зрелости, — низшую, называемую *социализмом*, и высшую, называемую полным К. или просто К. «... Социализм есть то общество, которое вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества. Коммунизм же есть более высокий вид общества, и он может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм» (Ленин и В. И., Соч., т. 30, с. 260). Полный К. представляет собой «...бесклассовый общественный строй с единой общепародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществятся великий принцип „от каждого — по способностям, каждому — по потребностям“». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» (Программа КПСС, 1961, с. 62).

2) Теория, раскрывающая историч. необходимость революц. смены капитализма К. и пути построения этого общества. 3) Общественно-политич. движение, ведущее борьбу за свержение капитализма и построение К., представленное в нашу эпоху коммунистич. партиями. Коммунистические и рабочие марксистско-ленинские партии стоят в авангарде революц. рабочего класса, призванного историей играть роль могильщика бурж. общества и творца К., являются высшей формой его классовой организации, его передовой, дисциплинированной и сознат. частью. Они создают программы, разрабатывают стратегию и тактику, определяют внешнюю и внутр. политику стран, в к-рых рабочий класс руководит гос. властью, на основе творч. применения марксизма-ленинизма.

Коммунистич. и рабочие партии составляют единое междунар. коммунистич. движение, связанное общей целью, сплоченное узами взаимной помощи и поддержки. На основе научного анализа изменений, происходящих в совр. мире, коммунистич. партии выработали марксистско-ленинскую характеристику совр. эпохи, к-рая служит основой генеральной линии мирового коммунистич. движения. Осн. положения генеральной линии коммунистич. движения сводятся к следующему: в совр. эпоху характер и содержание мирового революц. процесса определяются слиянием в единый поток борьбы с империализмом народов, строящих социализм и коммунизм, революц. движе-

ния рабочего класса в капиталистич. странах, нац.-освободит. борьбы угнетенных народов, общедемократич. движений. В этом союзе антиимпериалистич. революц. сил решающая роль принадлежит междунар. рабочему классу и его главному детищу — мировой системе социализма, к-рая оказывает свое главное воздействие на развитие мировой социалистич. революции силой примера, своим хозяйств. строительством. В силу сложившихся объективных историч. условий (крайнее обострение агрессивности империализма, появление оружия огромной разрушит. силы и т. п.) центр. место среди всех задач, стоящих перед антиимпериалистич. силами в совр. эпоху, занимает борьба за предотвращение термоядерной войны. Поэтому первостепенная задача коммунистич. партий — сплочение всех миролюбивых сил для защиты мира, спасения человечества от ядерной катастрофы (см. *Мир* международный, *Мирное сосуществование*). Коммунисты исходят из того, что социалистич. революция осуществляется в результате внутр. развития классовой борьбы в каждой стране, а ее формы и пути определяются конкретными условиями данной страны. Общей закономерностью является революц. низвержение власти капитала и установление в той или иной форме *диктатуры пролетариата*. Задача рабочего класса и компартий состоит в том, чтобы максимально использовать имеющиеся возможности для мирного, не связанного с *гражданской войной* пути социалистич. революции и в то же время быть готовыми к мирному пути, к вооруженному подавлению сопротивления буржуазии; общедемократич. борьба является необходимой составной частью борьбы за социализм.

Цели рабочего класса и коммунистич. партий в нац.-освободит. движении состоят в доведении до конца задач антиимпериалистич., демократич. революции, в развитии и упрочении нац. фронта, основанного на союзе с крестьянством и патриотически настроенной нац. буржуазией, в подготовке условий для образования государства нац. демократии и перехода на некапиталистич. путь развития. Отношения сотрудничества и взаимопомощи между социалистич. странами, сплоченность и единство междунар. коммунистич. и рабочего движения, верность совместно разработанным позициям и оценкам, ленинским принципам жизни партии и взаимоотношений между ними составляют необходимые условия успешного решения историч. задач, стоящих перед коммунистами. Отличит. особенностью коммунистич. и рабочих партий является борьба за единство рядов внутри каждой партии и единство рядов мирового коммунистич. движения. Укрепление единства междунар. коммунистич. движения — высший интернац. долг каждой марксистско-ленинской партии. В истории каждой коммунистич. партии, как и в истории мирового коммунистич. движения, борьба за чистоту и творч. развитие марксизма-ленинизма, против ревизионизма и дог-

матизма, правого и левого оппортунизма, сектанства и нац. ограниченности занимает одно из центральных мест.

Коммунистич. и рабочие партии преодолевают все препятствия на пути к великой цели — построению нового обществ. строя и объединяют под знаменем марксизма-ленинизма в борьбе за мир, демократию, нац. независимость, социализм и коммунизм все более широкие нар. массы (см. *Заявление Совещания коммунистических и рабочих партий, Марксизм-ленинизм, Программа КПСС, Коммунистическая партия Советского Союза, Рабочий класс*).

Развитие коммунистических идей. Представления о совершенном обществе начали складываться в недрах первых классово-антагонистич. формаций. Они выражали еще смутно осознанную реакцию на условия жизни трудящихся масс в эксплуататорском обществе. Нередко такие представления бывали облечены в религ.-мистич. оболочки, от к-рых они постепенно освободились на рубеже двух эпох — феодальной и капиталистич., превратившись в своего рода социальную программу, содержащую в себе элементы коммунистич. идеала.

Утопический социализм и коммунизм как идейный источник теории и научного коммунизма. Теория науч. К. возникла и развивалась как последоват. революц. решение социальных проблем, поставленных ходом обществ. развития в эпоху капитализма. В той или иной степени и в утопич. форме эти проблемы уже ставились до Маркса и Энгельса наиболее прогрессивными критич. умами. Научный К. «... никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 498—99). Это предвосхищение явилось результатом критики социалистами-утопистами капитализма, хотя метод критики был еще субъективным и она принимала форму либо нравств., либо эстетич. осуждения действительности и противопоставления ей идеального общества. Утописты угадывали нек-рые черты грядущего социализма или даже собственно К. Напр., идеи о бесклассовом обществе, о ликвидации присущих капитализму антагонистич. форм разделения труда, противоположности между умств. и физич. трудом, между городом и деревней; о равенстве, о всеобщности труда, о соревновании, о трудовом воспитании; идеи утопич. коммунистов, шедших еще дальше и требовавших обществ. собственности, превращения труда в потребность и т. п. Все эти утописты мечтали о таком состоянии общества, при к-ром нет классовых антагонизмов, нет социальных групп, монополизирующих к.-л. из осн. сфер деятельности. В противоположность мелкобурж. эгалитаризму, утопич. К., начиная с Т. Мора, исходил из того, что равенство возможно «...только с совершенным уничтожением частной собственности» («Утопия», М., 1953, с. 97; см. также Морелли, Кодекс природы..., М.—Л., 1947, с. 109; Г. Мабли, О правах и обязанностях гражданина, в кн.: Избр. произв., М.—Л., 1950, с. 309—10). Р. Оуэн включал частную собственность в «троицу зол». Ликвидацию частной собственности они представляли себе как установление обществ. собственности или как устранение отношений собственности вообще поскольку эти отношения разъединяют людей.

С дальнейшим развитием противоречий капитализма перед утопистами встала более отчетливо задача выработать конкретное понятие обществ. собствен-

ности как основы «гармонич. общества» (Фурье, Вейтлинг) и совпадения личных и обществ. интересов (Сен-Симон). Сен-Симон выдвинул идею централизованного планирования произ-ва в «ассоциации» будущего. Цель — всемирная ассоциация, где царит высшая организованность, единый ритм хозяйств. жизни как результат применения науки к произ-ву. Сен-Симон рисует картину иерархич. структуры экономики в «ассоциации», в к-рой власть вверяется ученым и хоз. руководителям (фабрикантам, банкирам) — «иерархия способностей» среди «индустриалов».

Р. Оуэн изображает будущее общество как федерацию самоуправляющихся общин.

Фурье противопоставлял идее иерархич. централизма альтернативное решение проблемы собственности: общество распадается у него на множество общин — «фаланг». В них сохраняются пережитки частной собственности и известное социальное неравенство.

У утопистов умств. и физич., пром. и с.-х. труд не противостоят друг другу и не закреплены за разными людьми. Принципиально важным утописты считали не просто технич. прогресс произ-ва, а развитие сил и способностей человека. Однако неумение теоретически разграничить технику и ее социальную роль привело их иногда к реакц. позиции по отношению к крупному машинному произ-ву. Утописты считали, что в результате уничтожения уродующего человека разделения труда в связи с преодолением пожизненной прикованности к к.-л. узкой профессии (Мор. Кампанелла) на смену «раздробленному» индивиду придет целостная личность. В Мегалопатонии Ретифа де Ла Бретонна «гражданин даже поощряют менять занятия...» («Южное открытие...», М.—Л., 1936, с. 144). Фурье, развив идею перемены видов трудовой деятельности, довел ее до крайности: его социетарии трудятся кратковременными «сеансами» и за день сменяют около десятка различных занятий. Тезис о всеобщности труда отстаивали утописты различных оттенков. Те из них, к-рые не поднялись до идеи потребности в труде, возлагали надежды гл. обр. на трудовое законодательство, гос. контроль и моральное осуждение недобросовестности в работе (Дж. Уинстонли, Д. Верас д'Алле, Ж. Мелье, Дж. Брей, Сен-Симон). Все утописты гневно обличают паразитизм в бурж. обществе. Мор. Кампанелла и особенно позднейшие утописты (Дезами и др.) уделяют существ. внимание нравств. стимулам труда. Вместе с тем в поисках преодоления отчужденного отношения к труду рождалась идея о побудит. мотивах в самом содержании труда. К этой идее приближались и нек-рые ранние утописты (см. Кампанелла, Город Солнца, с. 81). Граждане утопич. общества у Морелли после 40 лет трудятся исключительно по собств. воле; там праздность рассматривается как наказание (см. Кодекс природы..., 1947, с. 240). Согласно Т. Дезами, люди «... не будут подчиняться дисциплине труда по причине: всех их будет не удерживать и не влечь к нему...» («Кодекс общности», М., 1956, с. 156). Наиболее полно эту идею развил Фурье. «Мораль приказывает нам любить труд, но пусть она сумеет сначала сделать его приятным...» («Théorie de l'Unité universelle», v. 3, 1838, p. 147). Идею о превращении труда в высшую потребность и наслаждение каждого Фурье положил в основу всей своей утопич. системы, однако ее обоснование он построил на ошибочной теории труда — игры (Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1951, с. 297; т. 3, М., 1954, с. 251). В деятельности осуществляется и всестороннее развитие человека (см. там же, т. 3, с. 336). Существ. роль отводил Фурье трудовому соревнованию (см. *Коммунистический труд*).

Все утописты считали важнейшим фактором воспитание нового поколения. Воспитанием должны зани-

маться самые талантливые люди (см. Ретиф, Южное открытие..., с. 139). Они пользуются высшим уважением (см. Кампанелла, Город Солнца, с. 49, 156). Уинстэнли, Верас считали необходимым трудовое воспитание. Более детально эту идею разрабатывал Дж. Беллерс, а позднее Морелли, Буассель, Фурье, Оуэн, Моррис. Фурье был убежден, что потребность в труде формируется очень рано и что важно именно на ее основе придать активный творч. характер процессу обучения (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 516—17). Маркс высоко ценил также мысли Беллерса и Оуэна о соединении образования с производит. трудом (см. «Капитал», т. 1, 1955, с. 494, 489). Уже ранние утописты выдвигали идею обществ. коллективного воспитания. Оуэн известен как «изобретатель» и организатор детских яслей. Обществ. воспитание детей рассматривалось утопистами также как фактор освобождения женщин от «домашнего рабства». Их полноценное развитие и участие во всех сферах деятельности утописты считали важнейшим условием свободы вообще. Кампанелла основывал достижение фактич. равного участия женщин в культурной жизни на ликвидации мелкого домашнего хозяйства и введении коллективных форм потребления и обслуживания. Сен-Симон провозгласил освобождение женщин мерилом всякого освобождения, а Фурье даже объявил лежащим в основании социального прогресса (см. «Теория четырех движений», гл. 4).

Новый облик человека будущего, каким его рисовали утописты, включает также новое отношение к свободному времени. И утопийцы у Т. Мора, и солирии у Кампанеллы стремятся проводить свободное время не потребительски, а деятельно — «в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей...» («Город Солнца», с. 70). Развивая эту мысль, утописты (Фурье, Моррис) предугадывали стирание граней между свободным и рабочим временем.

Утопич. К. предвосхитил также идею распределения по потребностям. В «Утопии» Мора каждый получает с обществ. складов «...все, что ни попросит» (с. 129). Это обеспечивается не только избытком средств существования, но, главное, совершенно новым характером потребностей (см. там же; ср. Мабли, Избр. произв., с. 313), что позволяет преодолеть материальную заинтересованность (см. Дж. Брей, Несправедливости в отношении труда, М., 1956, с. 69). Иначе понимали распределение утопич. социалисты, сохранявшие к.-л. формы неравенства; они предвосхитили принцип распределения по труду. Сен-симонистам принадлежит афоризм: «...Каждому по его способности, каждой способности по ее делам...» («Изложение учения Сен-Симона», М.—Л., 1947, с. 84).

Не поняв объективных закономерностей движения к К., т. к. еще не созрели материальные условия перехода к нему, утописты еще не смогли увидеть и ту социальную силу, к-рая способна создать новый обществ. строй (см. В. И. Ленин, Соч., т. 19, с. 7). Это привидело многих из них к пессимизму (см. Т. Мор, Утопия, с. 222; Мабли, Избр. произв., с. 115, 316). В противоположность этому приверженец Морелли Ф. Буассель провозгласил: «„Золотой век“ — не позади, а впереди»; эти слова подхватил Сен-Симон (см. Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1958, с. 273). Но этот оптимизм не был научно обоснован. Ни «мирное» (чуждое всякой политич. борьбы) течение (большинство утопистов), ни революционное (Бабёф и бабувисты, в т. ч. Буонарроти, а также Дезамы, Бланки и бланкисты) не поняли историч. роли рабочего класса как своего собств. освободителя. Поэтому первые апеллировали «ко всем классам», а вторые проводили сектантскую заговор-

щическую тактику. К «мирному» течению примыкают «рикардианские социалисты», к-рые использовали теорию Рикардо для доказательств «несправедливости» капиталистич. эксплуатации (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 24, с. 17—18), но надеялись устранить ее путем реформ в сфере обращения. Фурье рассматривал переходные этапы между бурж. обществом и «гармонизмом» («гарантизм» и «социантизм»), но допускал возможность «перескочить» через них (см. Избр. соч., т. 3, с. 15—17).

Средоточием слабостей утопистов всегда оказывался их субъективный метод: идеальное общество они хотели бы просто «ввести» путем пропаганды или декретирования.

Создание и развитие научной теории коммунизма Марксом и Энгельсом. Принципиальное отличие марксистской теории К. от всех утопич. концепций коренится в том, что она возникла в результате исследования законов развития капитализма. Классовая позиция создателей науч. К. явилась выводом из открытия революц. миссии рабочего класса и «...теоретического понимания всего хода исторического движения» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 434). К идейному наследству утопич. социализма и коммунизма Маркс и Энгельс обратились на определ. этапе критич. переосмысления проблем классич. нем. философии при одноврем. интенсивных исследованиях в области политич. экономии.

В противовес многим поздним утопич. социалистам и коммунистам, усматривавшим методологич. основание своих учений, «...логическую основу коммунизма» (там же, т. 2, с. 146), в созерцат. франц. материализме (из толкования человека как продукта «среды» вытекало представление о пролетариате лишь как о страдающей массе), Маркс пришел к научному пониманию К., ибо, преодолевая идеализм также и в истории, исходил из тезиса: всемирная история «...есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 598; см. также с. 627, 637). Если человек — творец своих социальных отношений, если при определ. историч. преходящем уровне развития произ-ва он сам создает господствующие над ним социальные силы, то только сам он на определ. ступени развития общества и может освободиться от них и воссоздать их как свои собств. силы. Так, Маркс впервые, уже в своих ранних работах, вывел понятие К. как полного преодоления всякого *отчуждения*. Маркс пришел к выводу, что именно пролетариат как класс должен освободить себя и все общество.

Общие контуры К. были очерчены Марксом в 1843—1844 так: человек относится ко всему богатству культуры (к «человеческой действительности») уже не как к внешней для него и стоящей над ним социальной «среде», а как к собств. «неорганическому телу» и предметному воплощению. К. есть «...подлинное разрешение противоречия... между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью...» (там же, с. 588). К. — это обретение человеком целостности, освоение прежде отчужденной культуры «...с сохранением всего богатства достигнутого развития...» (там же; ср. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 558, 604—05).

При выработке понятия коммунизма Маркс отирывался от идеи о преодолении гос-ва: «...когда человек познаёт и организует свои „собственные силы“ как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 406; ср. с. 448). Эта идея была

развита в «Ницете философии» (1847): «...когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями» (там же, т. 4, с. 185; ср. «Манифест Коммунистической партии», там же, с. 447). Предвидя, что к К. ведет «...весьма трудный и длительный процесс» (Маркс и Энгельс Ф., Из ранних произв., с. 606), Маркс выделил два периода в развитии новой формации (см. там же, с. 637, 598, 606).

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс обосновывают теорию К. исследованием закономерностей обществ. произ-ва, раскрывающих диалектику производит. сил и производств. отношений. В этой работе выдвинуто важнейшее положение: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должно сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 34). Задача преодоления всякого отчуждения, к-рая «...совпадает с задачей организовать общество на коммунистических началах», конкретизируется как установление господства личностей над социальными отношениями (там же, с. 440), как присвоение и освоение совокупности производит. сил, образовывавших прежде «особый мир наряду с индивидами» (там же, с. 67, ср. с. 415). К. — подлинная общность (см. там же, с. 75, ср. с. 441). Труд превращается в самодеятельность, к-рая «...совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности» (там же, с. 68) вместе с преодолением социального разделения труда (см. там же, с. 32 и др.). При К. труд совпадает с наслаждением (см. там же, с. 206). В «Принципах коммунизма» (1847) Энгельс настаивает на том, что произ-во, к-рое «...ведется сообща и планомерно всем обществом...», предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства» (там же, т. 4, с. 335). Энгельс пишет также о «производственном воспитании» молодежи (см. там же, с. 336).

«Манифест Коммунистической партии» (1847—1848) концентрирует в себе итоги всей предшествующей разработки Марксом и Энгельсом теории К. в 40-х гг. В бурж. обществе, где овеществл. труд в форме капитала поработил живой труд, «...прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе — настоящее над прошлым» (там же, с. 439). В «Манифесте...» главное внимание уделяется процессу перехода к К., как закономерному процессу, путем свершения коммунистич. революции, роли рабочего класса как могильщика капитализма и как творца коммунистич. общества, а также дается один из первонач. набросков идеи диктатуры пролетариата, намечается программа мероприятий, направленных в конечном счете на уничтожение классовых отношений, в т. ч. умножение производит. сил, коренное преобразование экономики, «одинаковая обязательность труда», «общественное и бесплатное воспитание всех детей... Соединение воспитания с производством...» (там же, с. 447).

Решающей основой дальнейшей разработки проблем К. явились исследования Маркса 50—60-х гг., приведшие к созданию «Капитала». Существенное значение для развития идей научного К. имели произведения «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В своих классич. произведениях основоположники марксизма строят последовательную систему научной теории К. Филос. и экономич. категории, в к-рых осмысливался революц. переход к К., были наполнены конкретным со-

держанием; необходимость этого перехода была доказана исследованием законов развития капиталистич. способа произ-ва. Анализ бурж. экономич. отношений Маркс доводит по каждой проблеме до выводов о развертывании противоречий этих отношений и далее — до выводов об историч. предпосылках К., к-рый разрешит эти противоречия в процессе коммунистич. революции. В «Капитале» показывается, как рост централизации и обобществления произ-ва ведет к революц. сбрасыванию его капиталистич. оболочки. Маркс разработал в «Капитале» и «Критике Готской программы» свой тезис о двух фазах К. и определил историч. роль диктатуры пролетариата. Когда Маркс не выделяет особенностей второй фазы, он называет новый способ произ-ва «...способом производства ассоциированного труда...» («Капитал», т. 3, 1955, с. 621), говорит об обществе ассоциированных и социализированных производителей, об ассоциации будущего. При социализме идет процесс изживания «родимых пятен» бурж. общества путем ускоренного развития всех предпосылок К. вместе с созданием и развитием экономич. строя социализма. Всеобщность труда — существ. источник сокращения рабочего дня; она является для него «абсолютной границей» при данном уровне производит. сил (см. там же, т. 1, 1955, с. 532). Рабочие силы членов общества в планомерном произ-ве образуют «одну общественную рабочую силу» (там же, с. 85). Огромное значение приобретает контроль, учет, регулирование (см. там же, т. 2, 1955, с. 153; т. 3, с. 865). Соответственно прогрессу экономич. отношений в непосредств. процессе произ-ва и развитию самих производителей изменяются и отношения распределения. Распределение по труду не есть равное распределение, и ему соответствует право, для к-рого отдаваемый индивидом обществу труд — абсолютный критерий, следовательно, неравное право. Коммунистическим является лишь требование равенства, сводящееся к уничтожению классов. «Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелености» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 108). При К. «...требования равенства и права будут казаться... смешными» (там же, с. 637). Анализируя в работе «Гражданская война во Франции» опыт Парижской Коммуны, Маркс рассматривает эту исторически первую форму власти рабочего класса и показывает ее значение. «Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом...», когда на место власти, стоящей над обществом, приходят «...его собственные живые силы» (Маркс К., там же, т. 17, с. 548).

Историч. ограниченность социализма по сравнению с К. связана с тем, что труд только при К. превращается полностью и для всех членов общества из средства жизни в самодеятельность и потому первейшую потребность жизни каждого. По отношению к отд. индивиду необходимость труда не входит в его собств. содержание как целиком внутренняя; и потому необходимо стимулирование труда распределением средств потребления. Производство ставится под обций централизованный контроль и совершается рационально, при возможно более человеческих условиях (см. К. Маркс, Капитал, т. 3, с. 267, 833). Задача состоит в том, чтобы сделать труд в общественно материальном произ-ве максимально производительным и требующим минимума времени. Экономия времени — первейший экономич. закон на основе коллективного производства (см. Архив Маркса и Энгельса, т. 4, 1935, с. 119).

Зрелый К. — это общество, к-рое не только «...относится научно к процессу своего прогрессирующего воспроизводства», но где «прекратился такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя» [Маркс К., Grund-

risse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohtwurf), 1857—58, М., 1939, S. 231], т. е. где грандиозный технич. прогресс позволяет человеку перестать быть агентом собственно материального произ-ва. В целостной деятельности каждый человек делает себя целостной личностью (см. там же, S. 387). Специализация не означает более разделения труда, делящего самого человека. Освобожденные от всех превращенных форм проявления отношения людей прозрачно-разумны (см. К. Маркс, Капитал, т. 1, с. 86). «Основным принципом» К. «является полное и свободное развитие каждого индивидуума» (там же, с. 597).

При К. расцветает «истинное царство свободы», к-рое означает, что развитие всех подлинно человек. способностей и сил в их гармонич. и целостном единстве уже не подчинено и не сковано заботой о средствах существования, что творч. устремления каждой личности могучим потоком вырвутся на простор, полностью совпадая с целями и задачами всего общества в целом. Поэтому «...начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью...» (там же, т. 3, с. 833; ср. Ф. Энгельс, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 20, с. 295). Сам процесс деятельности, поскольку труд целиком превратился в самодеятельность, во всем богатстве его живого содержания станет высшей целью и первой потребностью жизни. Общая характеристика К. дана Марксом в «Критике Готской программы»: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всеобщим развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 20).

Г. Батищев. Москва.
Развитие В. И. Лениным теории научного коммунизма. Ленин творчески развил учение Маркса и Энгельса о К., исходя из новых историч. условий, обобщая, подытоживая новый опыт. Проанализировав монополистич. стадию развития капитализма, Ленин показал, что капитализм в целом как система созрел для социалистич. революции, что высшая и последняя стадия капитализма — империализм есть канун социалистич. революции. Он развил теорию социалистич. революции, доказав, что становление коммунистич. формации может произойти в результате победы пролетариата сначала даже в одной капиталистич. стране. Разработка Лениным вопросов К. в период, предшествовавший Окт. социалистич. революции 1917, была связана с задачей вооружения пролетариата ясной целью и программой действий, с необходимостью борьбы против «... поделки великого революционного учения под господствующую обывательщину» (Соч., т. 25, с. 370), т. е. против оппортунистич. искажений марксизма вождями социал-демократии, гл. обр. учения о гос-ве и диктатуре пролетариата. Важнейшей такой работой является «Государство и революция». Новый этап в развитии Лениным учения о К. связан с периодом социалистич. строительства в России, когда социализм стал вопросом «практики» масс. Ленина, как и Маркса, и Энгельса, характеризует трезвый учет реального обществ. развития, практики масс, научное обоснование выводов. Маркс и Энгельс установили, что рождающийся в результате победы социалистич. революции новый обществ. строй проходит в своем

развитии ряд этапов утверждения и созревания. Ленин, опираясь на учение Маркса, конкретизировал три ступени в развитии общества после установления диктатуры пролетариата: переходный период, низшая фаза К. — социализм, высшая фаза К., и различие между социализмом и К. (см. Соч., т. 30, с. 260—61). Поскольку при социализме «...общей собственностью становятся средства производства, постольку слово „коммунизм“ и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм» (там же, т. 25, с. 442). Иногда Ленин характеризовал К. как высшую ступень развития социализма (см. там же, т. 30, с. 180).

Ленин говорил на VII съезде партии (1918), что нельзя, не впадая в фантазию, дать характеристику К., потому что мы не знаем, каков будет социализм, когда достигнет готовых форм. «...Ничего тут не придумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям» (Соч., т. 27, с. 122). Призывая быть как можно «осторожнее и точнее» (см. там же, с. 123), Ленин в своих произведениях дал общую характеристику социализма и К. Он раскрыл общие черты двух фаз К. и в то же время показал существенное различие между ними, к-рое определяется уровнем развития производит. сил, степенью экономич. и политич. зрелости общества, уровнем культуры и развития трудящихся.

Социализм, утверждающийся в результате победы пролет. революции и вырастающий из капитализма непосредственно, устанавливает обществ. собственность на средства производства, уничтожает эксплуатацию человека человеком. Основой его развития является быстрый рост производит. сил, освобожденных от оков капиталистич. отношений. «... С социализма, — писал Ленин, — начинается быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» (Соч., т. 25, с. 443).

На социалистич. ступени осуществляется всеобщность труда: «кто не работает, тот не ест», а господствующим является принцип — «за равное количество труда равное количество продукта». Это обусловлено как экономич. уровнем развития общества, так и недостаточным уровнем сознательности трудящихся, «...ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что... люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права...» (там же, с. 439). Поэтому строжайший учет и контроль над мерой труда и мерой потребления является необходимым принципом социализма. Т. о., при социализме сохраняются неравенство и «различия в богатстве», связанные с распределением по труду, а не по потребностям, но это неизбежно, т. к. не существует еще материальных и духовных предпосылок для перехода к высшей фазе К. Определяя задачи социалистич. строительства в России, Ленин писал о необходимости электрификации, подведения под промышленность, сельское хозяйство, транспорт технич. базы совр. крупной промышленности (см. там же, т. 31, с. 486).

Как основу в развитии производит. сил Ленин выделял электрификацию всех сфер произ-ва и отраслей нар. хозяйства, выразив это в знаменитой формуле: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (там же, с. 484). Социализм осуществляет планомерную гос. организацию обществ. произ-ва и распределения «по научным соображениям», на новой, более совершенной по сравнению с капитализмом базе, с «...утилизацией и учетом всех достижений капитализма» (см. Соч., т. 30, с. 473; т. 27, с. 375; т. 29, с. 52, 55; т. 32, с. 313).

В производительности труда, как показателе экономич. развития, Ленин видел самое главное условие

победы нового обществ. строя. «Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда» (Соч., т. 29, с. 394). Поэтому важнейшей задачей после победы социалистич. революции является «...повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшей организацией» (там же, т. 27, с. 227). В ходе развития социалистич. общества уничтожаются классовые различия. Для этого нужно преодолеть старое разделение труда, «...различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое, — подчеркивал Ленин. — Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками» (там же, т. 29, с. 388).

Коренное изменение характера труда и отношения к труду, «творчество новых экономических отношений», утверждение и упрочение «свободной и сознательной дисциплины самих трудящихся» Ленин относил к числу решающих условий быстрого развития нового обществ. строя. «„Формулы“ настоящего коммунизма...», — указывал Ленин, — сводят все к условиям труда» (там же, с. 395, см. также с. 386, 387, 390).

В создании этих условий «...для социалистической революции начинаются действительные трудности» (там же, т. 27, с. 267), т. к. новое общество нужно строить не из «особо добродетельных людей», выращенных в теплицах, а из «массового человеческого материала», испорченного капитализмом (см. там же, т. 28, с. 365). Ленин призывал строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, подчеркивал громадную организационную задачу, когда «...дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей» (там же, т. 27, с. 214). Ленин охарактеризовал социалистич. труд, при котором определяется мера труда, его вознаграждение. В связи с этим, призывая использовать революц. энтузиазм масс, Ленин в то же время подчеркивал важнейшее значение при социализме *материальной заинтересованности* в результатах труда (см. Соч., т. 33, с. 36). Ленин раскрыл значение *социалистического соревнования*, как важнейшего средства вовлечения масс в строительство нового общества и повышения производительности труда. Он высоко оценил коммунистич. субботники как великий сознательный и добровольный «почин» рабочих, увидев в них «фактическое начало коммунизма». В связи с этим Ленин раскрыл сущность *коммунистического труда* (см. там же, т. 29, с. 394; т. 30, с. 482).

Ленин глубоко проанализировал связь, существующую между развитием производит. сил, труда и государства, историч. необходимость существования гос-ва при социализме и предпосылки его отмирания. Выступив против оппортунистич. и анархистских взглядов и развив взгляды основоположников марксизма, Ленин показал, что гос-во необходимо пролетариату не только как орган подавления сопротивления эксплуататорских классов, но и как орудие вовлечения самых широких масс в строительство нового мира; он обосновал экономич. необходимость существования социалистич. гос-ва, к-рое охраняет общую собственность на средства произ-ва, осуществляет контроль над мерой труда и мерой потребления (см. там же, т. 25, с. 439—41), руководит процессом создания нового общества.

Пролет. гос-во коренным образом отличается от эксплуататорского капиталистич. гос-ва, а пролет. демократия неизмеримо выше бурж. демократии. Ленин определил осн. принципы его устройства, состоящие в привлечении широких масс к управлению и контролю, в уничтожении чиновничества и армии, стоящих над народом, в *демократическом централизме*.

Развивая взгляды Маркса и Энгельса по вопросу о связи отмирания гос-ва с развитием К., Ленин показал глубоко диалектич. характер этого процесса и намечил его пути. Ленин предвидел, что по мере созревания социализма и К. будет отмирать административный аппарат гос-ва и расширяться органы управления обществ. произ-вом, постепенно утрачивая политич. характер с уничтожением классов (см. там же, т. 27, с. 372). «Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно...» (Соч., т. 25, с. 442). Отмирание гос-ва — длительный процесс. «Для его осуществления необходимо поставить ... б о л ь ш и н с т в о населения в условия, позволяющие в сем без изъятия выполнять „государственные функции“...» (там же, с. 459). Социализм, по словам Ленина, не уничтожает выборность и представительные учреждения, а превращает их из «говорящих» в работающие учреждения, одновременно издающие законы и исполняющие их (см. там же, с. 395). Управление обществ. делами должно стать функцией каждого трудящегося, и гос. функции в связи с этим должны утратить «...всякую тень чего-либо привилегированного, „начальственного“» (там же, с. 392). «...Для нас важно, — подчеркивал Ленин, — привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не может вести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами» (Соч., т. 27, с. 111). «...Когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу становится всеобщим явлением» (Соч., т. 30, с. 260—61) и «...люди постепенно п р и в ы к н у т к соблюдению элементарных... правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения...» (там же, т. 25, с. 434), тогда будет осуществлен переход к высшей фазе К., а вместе с тем и к полному отмиранию гос-ва. Важнейшим и необходимым условием социалистич. и коммунистич. преобразований Ленин считал уничтожение отчужденности трудящихся от культуры, уничтожение классовой монополии на знания и обеспечение для каждого равноправного пользования всеми достижениями науки и культуры (см. там же, т. 5, с. 137; т. 6, с. 12), свободное и полное развитие личности каждого трудящегося. Необходимые для этого материальные и духовные предпосылки создаются в ходе развития нового общества, а рост культуры масс, переворот в их сознании, в свою очередь, ускоряет это развитие. Ленин формулирует принципы социалистич. культурной революции, в ходе к-рой знания становятся достоянием широких масс трудящихся. Выдвигая в качестве важнейшей задачи строительства К. переход «...к воспитанию, обучению и подготовке в с е с т о р о н н е развитых и в с е с т о р о н н е подготовленных людей», Ленин подчеркивал, что «к этому коммунизм идет, должен идти и п р и д е т, но только через долгий ряд лет» (Соч., т. 31, с. 32). Ленин уделял громадное внимание коммунистич. воспитанию и образованию молодого поколения. В его речи на III съезде комсомола (1920) поставлена задача овладения всем богатством чело-веч. культуры, без чего невозможно успешное строительство коммунизма. Ленин выдвигает также осн. принципы коммунистич. нравственности, утверждение

к-рых является важнейшим условием торжества социализма и К. и к-рые приобретают значение новой формы обществ. связи в условиях отмирания гос-ва. Большое внимание Ленин уделял выработке принципов управления обществом как принципиально новому явлению в его развитии с переходом к социализму. «Самые основы, самая сущность Советской власти, как и самая сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 36, с. 130). Всем процессом обществ. преобразований может руководить авангард пролетариата, Коммунистич. партия, проводящая огромную работу по коммунистич. воспитанию трудящихся и направляющая их деятельность во всех областях обществ. жизни (см. В. И. Ленин, Соч., т. 34, с. 27; т. 32, с. 222).

Ленин руководил громадной практич. работой социализации нового общества в России, обосновал политику социалистич. индустриализации, раскрыл пути перевода крестьян к социализму с помощью кооперации (см. *Кооперативный план В. И. Ленина*), разработал положение о решающей роли союза рабочего класса и крестьянства, о развитии наций при социализме и К. и др. В связи с победой социалистич. революции в одной стране Ленин выдвинул принцип мирного сосуществования социалистич. и капиталистич. гос-в. Ленинское наследство является источником социал. деятельности Коммунистической партии Советского Союза и междунар. коммунистич. движения по революц. преобразованию общества, построению социализма и К. После Ленина коммунистич. партии творчески развивали и конкретизировали *марксизм-ленинизм*. Итоги теоретич. работы КПСС получили выражение в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии (1961), — научном плане построения коммунистич. общества. Н. Ланда. Москва.

Коммунистическая общественно-экономическая формация. В недрах капитализма складываются только материальные предпосылки новой, высшей формации. Поэтому утверждению полного К. предшествует более или менее долг. эпоха строительства этого общества, в ходе к-рой проводятся необходимые преобразования в области экономики, обществ. отношений, политики, идеологии и культуры. Эта эпоха начинается с социалистической революции и установления диктатуры пролетариата и проходит в своем развитии ряд этапов.

Период перехода от капитализма к социализму. Каким бы зрелым и незрелым ни был в данной стране капитализм накануне революции, построение социалистич. фазы новой формации выдвигает многочисл. задачи обществ. преобразований, к-рые могут быть решены только в условиях диктатуры пролетариата. Историч. миссия диктатуры пролетариата состоит в подавлении сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и построении социализма.

С первых своих шагов власть рабочего класса обобществляет путем социалистич. национализации крупную капиталистич., а также (там, где она есть) помещичью собственность. Тем самым, с одной стороны, устраняются экономич. основы власти эксплуататорских классов, господствовавших до революции, а с другой — образуется социалистич. сектор экономики, к-рый служит опорой для осуществления дальнейших социалистич. преобразований. Методы осуществления национализации и ее масштабы зависят от конкретных историч. условий. Сроки и формы обобществления капиталистич. собственности зависят от экономич. обстоятельств, остроты классовой борьбы, отношения тех или иных слоев буржуазии к вла-

сти рабочего класса. Не исключены и такие формы, как выкуп собственности, различные виды компенсации бывшим владельцам и отд. группам акционеров, образование смешанной (гос.-капиталистич.) собственности и т. д. Одна из наиболее сложных социально-экономич. задач власти рабочего класса — ликвидация многоукладности экономики, социалистич. преобразование мелкого произ-ва. Речь идет о наиболее многочисл. непролет. классах и социальных слоях, преобразуя к-рые, рабочий класс не может действовать одними политич. и тем более принудит. методами; это противоречило бы и экономич. интересам общества в переходный период. Генеральный путь решения этой задачи был обоснован Лениным в виде новой экономич. политики (нэп), исключаяющей меры экспроприации в отношении тех слоев частнособственнич. классов (прежде всего трудящегося крестьянства), к-рые представляют собой осн. союзника рабочего класса. С ними устанавливаются прочные экономич. связи на основе товарно-денежных отношений, регулируемых рабочим классом так, чтобы ограничивать возможность укрепления позиций сельской (кулачества) и гор. буржуазии, помогая в то же время бедному и среднему крестьянству, а также трудовой части гор. мелкой буржуазии (кустарям, ремесленникам и т. д.). По мере укрепления социалистич. экономики и обществ. отношений происходит социалистич. преобразование всех этих слоев на основе кооперации и ликвидации последних эксплуататорских классов и слоев (кулачества в деревне, мелких капиталистов в городе).

Одновременно диктатура пролетариата осуществляет революцию в области культуры, духовной жизни общества — социалистич. перевоспитание старой и создание новой, народной интеллигенции, победа социалистич. культуры и идеологии в сфере обществ. сознания.

В тех странах, к-рые начинают строительство социализма в условиях слабо- или среднеразвитой экономики, важнейшее значение в переходный период имеет задача социалистич. индустриализации, т. е. создания материально-технич. базы социализма, без к-рой нельзя реорганизовать и земледелия. В той или иной мере эту задачу предстоит решать и в развитых странах, т. к. капитализм, как правило, не доводит до конца создание материальных предпосылок социализма.

Социалистич. революция создает новые возможности быстрого прогресса во всех областях жизни общества. Однако реализация этих возможностей в большой мере зависит от самих трудящихся, рабочего класса и его авангарда — марксистско-ленинской партии, к-рая становится правящей партией в стране. В своей политике партия руководствуется общими закономерностями строительства социализма; они сформулированы в Декларации 1957. Вместе с тем марксизм-ленинизм требует творческого применения этих общих принципов в зависимости от конкретных историч. условий каждой страны и ее национальных особенностей.

Историч. опыт полностью подтверждает правоту Ленина, подчеркивающего, что после революции «преимущественное значение приобретает не политика, а экономика». Чтобы одержать верх на этом поприще, писал Ленин, нужны новые методы, нужны и новые кадры. Место агитаторов, к-рые стояли на переднем крае в годы борьбы за власть и подавления сопротивления эксплуататоров, должны занять практические руководители и организаторы (см. газ. «Правда», 1962, 28 сент., с. 2). Причем умелое руководство экономикой исключает волюнтаризм и субъективизм, попытки «перепрыгнуть» через целые этапы социалистич. развития, пренебречь принципами плано-

мерного развития экономики и материальной заинтересованности.

Строительство социализма протекает в классовой борьбе, к-рая временами может приобретать острый характер. Классовая борьба пролетариата после революции требует дифференцированного подхода к различным группам буржуазии и примыкающим к ней социальным слоям. В отношении открыто выступающих против социализма власть рабочего класса не колеблясь применяет революц. силу. В отношении других групп буржуазии гл. методом становится подрыв их экономич. влияния и перевоспитание. В отношении мелких собственников, не эксплуатирующих или почти не эксплуатирующих чужого труда, проводится политика постепенного социалистич. преобразования. Осн. часть бурж. интеллигенции рабочий класс стремится привлечь к делу строительства социализма. Все эти методы зависят также от того, на каком этапе социалистич. строительства находится страна, от соотношения сил социализма и капитализма, а также и от междунар. обстановки. В этом свете очевидна неправомерность и вредоносность механистич. формулы, выдвинутой Сталиным, об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму, а также проводившейся им политики, делавшей упор на применение насильств. методов борьбы.

Большое значение приобретают в ходе построения социализма вопросы гос. и партийного строительства. Накопленный опыт говорит о том, что отход от принципов пролет. демократии и ленинских норм внутр. партийной жизни — идет ли речь об оппортунистич. уступках бурж. и мелкобурж. элементам или сектантстве — может принести ущерб делу строительства социализма, а если допущенные ошибки своевременно не исправляются, даже поставить под угрозу социалистич. завоевания.

Социализм народам приходится строить в определенной, объективно складывающейся системе отношений между народами и гос-вами. В этой связи первоочередное значение приобретают вопросы внешней политики. Генеральный ее курс, выработанный еще Лениным, — это курс на мирное сосуществование государств, принадлежащих к различным социальным системам. Такой курс отвечает не только идеалам социализма, к числу к-рых относится мир между народами, но и интересам социалистич. строительства в странах, где произошла революция, а также интересам дальнейшего развертывания процесса мировой социалистич. революции. «Коммунисты никогда не считали и не считают, что путь к революции проходит непременно через войны между государствами. Социалистическая революция не обязательно связана с войной» (Программа КПСС, с.39). Ленинизм отвергает «подталкивание» революций в других странах с помощью «революц. войны», выступает против «экспорта» революции, так же как и «экспорта» контрреволюции. «Пролетарская революция в каждой стране, являясь частью мировой социалистической революции, совершается рабочим классом, народными массами данной страны. Революция не происходит по заказу. Ее нельзя навязать народу извне. Она возникает в результате глубоких внутренних и международных противоречий капитализма. Победивший пролетариат не может навязать народу другой страны никакого участия, не подрывая этим собственной победы» (там же). Огромное революц. влияние на трудящихся других стран социалистические государства оказывают своими хозяйственными успехами, примером более совершенной организации общества, развитием социалистической демократии, созданием условий для полного и свободного развития каждого человека.

С тех пор как социализм вышел за рамки одной страны и образовалась мировая социалистич. система,

решающее значение приобрели вопросы, связанные с взаимоотношениями социалистич. народов. Укрепление их единства и сотрудничества на основе равноправия и суверенитета стало одной из главных задач марксистско-ленинских партий. С точки зрения политической, ее решение обеспечивает неприменимость социалистич. завоеваний всех народов, гарантирует их против любых попыток империалистич. интервенции. С точки зрения экономической, от решения этой задачи все в большей степени зависят темпы и успешность строительства социализма во всех странах. Ибо строя социализм, народы могут уже опираться не только на свои силы, но и использовать преимущества междунар. разделения труда, специализации и кооперирования произ-ва. Единство и сплоченность мировой системы социализма представляют собой, наконец, одно из условий ее превращения в решающий фактор обществ. развития, ее влияния на весь ход событий в мире — на борьбу за предотвращение войны, на успешное развитие революц. движения в странах капитала и нац.-освободит. борьбу народов.

Вот почему марксистско-ленинские партии придают огромное значение борьбе против национализма, против любых попыток расшатать единство великого социалистич. содружества, разобщить социалистические страны.

Накопленный опыт социалистич. преобразований в различных по уровню предшествующего экономич. развития странах дает марксистско-ленинским партиям возможность выработки верной линии при решении даже самых трудных задач строительства социализма. Этот опыт предостерегает партии как от правооппортунистич., так и от левооппортунистич. ошибок, помогает успешно бороться против обих уклонов. Такая борьба остается актуальной задачей, поскольку партии не застрахованы от проникновения чуждых пролетариату влияний, особенно в странах, где рабочий класс составляет меньшинство и сильно давление мелкобурж. настроений, где в ходе революций социалистич. задачи переплелись с национальными и общедемократическими. В таких условиях борьба против мелкобурж. нетерпеливости и субъективизма, против национализма приобретает исключит. значение.

Социалистич. революция создает возможности быстрого прогресса во всех областях жизни общества. Однако реализация этих возможностей в большой мере зависит от активности, инициативы, творчества самих трудящихся, рабочего класса и, прежде всего, его авангарда — марксистско-ленинской партии, к-рая становится правящей партией в стране. В своей политике партия руководствуется общими закономерностями строительства социализма, генеральной линией коммунистического движения. Вместе с тем марксизм-ленинизм требует творческого применения этих общих принципов в зависимости от конкретных историч. условий каждой страны и ее нац. особенностей, не допускает механич. копирования политики и тактики коммунистич. партий др. стран.

Социализм — первая фаза новой формации. Решение указанных выше задач означает построение социализма, с к-рого развитие нового общества продолжается уже на собственной, а не унаследованной от капитализма основе. Облик социалистич. общества (уровень экономич. развития, благосостояния трудящихся, нек-рые политич. формы и т. д.) зависит от конкретных историч. условий и традиций данной страны. Но в основном и главным социалистич. тип общества, в какой бы стране он ни построен, определяется общими чертами. В области экономики полностью утверждаются производств. отношения социализма, основанные на обществ. (общенародной или кооперативной) собственности на средства произ-ва. В результате этого полный простор

получают экономич. законы социализма. Осн. законом, осн. целью обществ. произ-ва становится удовлетворение быстрорастущих материальных и духовных потребностей трудящихся. Планирование охватывает всю сферу произ-ва, способствуя его быстрому и пропорциональному развитию. В области обществ. отношений построение социализма знаменует собой принципиальное изменение классовой структуры. Полностью ликвидируются эксплуататорские классы. Рабочий класс из эксплуатируемого класса при капитализме в условиях социализма становится руководящей силой общества. Крестьянство из частнособственнич. класса мелких производителей становится социалистич. классом тружеников с. х-ва. Возрастает прослойка работников умств. труда — *интеллигенции*, к-рая становится при социализме социально однородной, не отличается по своей природе от рабочего класса и крестьянства и служит всему обществу. Классовые отношения в социалистич. обществе становятся отношениями крепнущего сотрудничества, социально-политич. и идейного единства.

Существование изменения происходит с построением социализма в политич. надстройке общества. Основоположники марксизма-ленинизма видели в диктатуре пролетариата исторически преходящее явление. Ленин подчеркивал, что цель диктатуры пролетариата — «создать социализм», и говорил о периоде диктатуры пролетариата как периоде «перехода от капитализма к социализму» (см. Соч., т. 29, с. 358). Этому не противоречит и известное высказывание Маркса в «Критике Готской программы» о периоде революц. превращения капиталистич. общества в коммунистическое, на протяжении к-рого гос-во может быть только «революционной диктатурой пролетариата» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 19, с. 27). Слово «коммунизм» часто использовалось Марксом для характеристики всей формации, приходящей на смену капитализму, в т. ч. социализма (см. В. И. Ленин, Соч., т. 25, с. 442).

В Программе КПСС (1961) сделан вывод о том, что с полной и окончательной победой социализма, на основе изменившихся классовой структуры и социальных отношений, происходит процесс преобразования гос-ва диктатуры пролетариата в общенародное социалистич. гос-во, а пролет. демократия перерастает во всенародную социалистич. демократию. Этот процесс знаменует серьезными изменениями в функциях и методах деятельности гос-ва (отпадает функция подавления угнетательских классов, приобретают еще большее значение функции, связанные с хоз. деятельностью и развитием культуры, сфера принудит. деятельности гос-ва сокращается и т. д.). Перерастание пролет. демократии в социалистическую ведет к расширению как политических, так и социальных прав и свобод граждан.

В Программе отмечается, что и после превращения гос-ва диктатуры пролетариата в общенародное социалистич. гос-во сохраняется руководящая роль рабочего класса. «Поскольку рабочий класс — самая передовая, организованная сила советского общества, он осуществляет свою руководящую роль и в период развернутого коммунистического строительства. Выполнение своей роли руководителя общества рабочий класс завершит с построением коммунизма, когда исчезнут классы» (Программа КПСС, 1961, с. 101).

В сфере обществ. сознания победа социализма означает победу новой, социалистич. идеологии. Это не значит, что преодолены пережитки капитализма в быту и сознании людей. Борьба с такими пережитками сохраняет свое значение, но социалистич. идеология становится господствующей во всем обществе. Одновременно происходит бурный подъем культурной жизни общества.

Полная и окончат. победа социализма знаменует ускорением поступат. развития общества. Для социализма характерно появление новых источников, движущих сил развития. Все большую роль в развитии общества играют нар. массы, их сплочение на основе социального, политич., идейного единства. Решающее значение имеет руководство партии, в к-рой олицетворяется сознат. начало жизни общества, овладевающего законами собств. развития. На основе социально-политич. единства по-новому выступают и неантагонистич. противоречия, имеющиеся в социалистич. обществе. Возникающие противоречия, при условии верной политики, не развиваются в антагонистические, имеют тенденцию не к обострению, а к постепенному смягчению и преодолению. Вместе с тем их разрешение происходит в борьбе против всего старого, отжившего, мешающего движению вперед.

Полная и окончат. победа социализма означает вступление общества в период развернутого строительства К.

Период перехода от социализма к коммунизму. «...Социализм, — указывал Ленин, — неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм...» (Соч., т. 24, с. 62). В этой короткой формулировке выражены нек-рые осн. особенности процесса перехода от социализма к К. Во-первых, это процесс объективный. В силу внутр. закономерностей социалистич. строй, развиваясь, неизбежно превращается в коммунистический. Во-вторых, это процесс постепенный, в том смысле, что он происходит путем совершенствования и развития, а не ломки или отмены осн. принципов и установлений социализма.

Происходит переход от первой, менее зрелой ко второй, более зрелой фазе одной и той же формации, причем обе эти фазы представляют собой обществ. строй, основанный на однотипной обществ. форме собственности на средства произ-ва. Это сближает многие установления и принципы социализма и К., ведет к тому, что уже в недрах социалистич. общества возникают ростки будущего строя. Особенность процесса перехода от социализма к К. в том, что при условии правильной политики партии и гос-ва он совершается без столкновений и конфликтов между классами или социальными прослойками, на основе их укрепляющегося сотрудничества и единства.

Глубокая связь и преемственность социализма и К., как двух ступеней развития одной и той же формации, не должны, однако, заслонять того факта, что постепенный переход от социализма к К. представляет собой особый этап в истории нового общества. В ходе строительства К. обществу предстоит решать целый ряд новых задач, с к-рыми оно не могло сталкиваться, строя социализм. Строительство К. происходит в условиях, когда эксплуататорские классы ликвидированы, когда все классы и социальные прослойки общества едины, кровно заинтересованы в победе К. и сознательно добиваются ее. Это неизбежно влияет на методы деятельности гос-ва и партии. Коммунистическое общество создается самими демократич. методами, в условиях всестороннего развертывания и совершенствования социалистич. демократии во всех областях жизни общества, роста активности и самостоятельности широких народных масс.

Строительство К. — не стихийный, а целенаправленный и организованный процесс деятельности широчайших масс трудящихся, к-рый происходит под руководством марксистско-ленинской партии. Ей предстоит верно определить начало этапа развернутого строительства К. Всякое забегание вперед, торопливость могут только затруднить и замедлить движение к К. в условиях, когда не созрели объективные и субъективные предпосылки для такого ускорения, когда принимаемые решения не основываются на научном

анализе тенденций развития, практики и опыта масс.

Вместе с тем, партия не может и запаздывать с выдвиганием задач коммунистич. строительства, если для них уже созрели предпосылки. Определяя начало этапа развернутого строительства коммунизма, партия исходит не из чьих-то субъективных мнений, а из объективных условий — ставить практич. задачу перехода к К. можно лишь тогда, когда социализм в данной стране полностью победил и упрочился. Партия конкретизирует и развивает ленинскую генеральную линию применительно к задачам и обстановке нового этапа. В политич. курсе партии находят свое концентрированное выражение объективные закономерности перехода от социализма к К. и сознат. стремление трудящихся построить К.

В Сов. Союзе развернутое строительство К. стало практич. задачей. Осн. условия для вступления в период строительства К. начали складываться в СССР еще в конце 30-х гг. Однако соиздат. деятельность сов. народа была прервана войной, к-рая потребовала отвлечения огромных сил и средств для разгрома фашизма, а затем восстановления тяжелых разрушений и потерь. Развитие по пути к К. было также затруднено ошибками и злоупотреблениями властью, допущенными Сталиным, последствиями культа его личности, отрицательно сказавшимися на положении дел во многих областях жизни. XX, а затем XXI съезды КПСС, деятельность партии и ее ленинского руководства на протяжении последних лет показали, что партия решительно выступает против идеологии и практики культа личности, последовательно утверждает ленинские принципы партийного и гос. руководства, открыв широкий простор творческим силам партии и народа.

Выработанный КПСС курс развернутого строительства К. нашел свое воплощение в Программе КПСС. Программа КПСС дала обоснование главных закономерностей строительства К., открыв новую страницу марксистско-ленинской теории.

В области экономической Программа КПСС в качестве главной задачи партии и народа выдвигает создание материально-технич. базы К. Происходящая научно-технич. революция показывает, что все необходимые элементы и предпосылки для создания материально-технич. базы К. уже созданы человек. гением и трудом. Программа КПСС раскрывает пути ее создания: полная электрификация страны и совершенствование на этой основе техники, технологии и организации обществ. произ-ва во всех отраслях нар. х-ва; комплексная механизация производств, процессов, все более полная их автоматизация; быстрое и широкое развитие и применение химии в нар. х-ве; всемерное развитие новых, экономически эффективных отраслей произ-ва, новых видов энергии и материалов; всестороннее и рациональное использование природных, материальных и трудовых ресурсов; органич. соединение науки с произ-вом и быстрые темпы научно-технич. прогресса; высокий культурно-технич. уровень трудящихся; значит. превосходство над наиболее развитыми капиталистич. странами по производительности труда, что составляет важнейшее условие победы коммунистического строя (см. Программа КПСС, 1961, с. 66). Декабрьский (1963) пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза в своем решении подчеркнул важнейшее значение химизации народного хозяйства страны в создании материально-технич. базы К., быстрого подъема сельскохозяйственного производства, роста благосостояния народа. Создание материально-технич. базы К. предполагает технич. революцию в с. х-ве, к-рая превратит с.-х. труд в разнородность индустриального труда, а также требует решения многочисл.

проблем организации и управления произ-ва, совершенствования производств. и иных отношений, материального и морального стимулирования труда, большой работы в области образования, воспитания и проф. подготовки кадров.

В период перехода к К. происходит развитие гос. собственности в коммунистич. форму собственности, совершенствование существующих ныне предприятий и их развитие в предприятия коммунистич. общества. Это наряду с постепенным преобразованием групповой (кооперативной) собственности в общенародную, происходящим на основе развития и совершенствования колхозного строя, составляет важнейшую сторону развития социалистич. производств. отношений в коммунистические.

В период развернутого строительства коммунистич. общества Советский Союз превзойдет уровень пром. произ-ва в самой развитой стране капитализма — США. Одновременно Сов. Союз превзойдет уровень производительности труда в США, а также нац. доход на душу населения. Эти достижения позволят решить задачу всемирно-историч. значения — обеспечить самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма. В ходе строительства социализма такая задача могла бы быть поставлена только в экономически наиболее развитых странах. В период строительства К. ее решение обязательно для всех стран, независимо от уровня хозяйств. развития страны до революции.

Марксистско-ленинская теория указывает следующие осн. пути роста благосостояния трудящихся: а) повышение индивидуальной оплаты по количеству и качеству труда в сочетании со снижением розничных цен и отменой налогов с населения; б) расширение обществ. фондов, предназначенных для удовлетворения потребностей членов общества независимо от количества и качества их труда, т. е. бесплатно (образование, лечение, детские учреждения, переход к бесплатному пользованию коммунальными услугами и т. д.). Принципиальное значение имеет сочетание обоих путей, причем в тех пропорциях, к-рые на каждой ступени отвечают достигнутому уровню развития общества. При этом общество, не подрывая принципа материальной заинтересованности, не допуская уравниловки в политике подъема заработной платы, держит курс на постепенное сближение доходов, прежде всего путем преимущественного повышения зарплат низкоквалифицируемым категориям трудящихся. Повышение благосостояния трудящихся в период перехода к К. предполагает непрерывный и быстрый рост производства товаров широкого потребления, разрешение жилищной проблемы, сокращение рабочего времени и улучшение условий труда, совершенствование системы здравоохранения, улучшение бытовых условий семьи. Программа КПСС предусматривает широкую систему мероприятий во всех этих областях.

В области обществ. отношений Программа КПСС намечает пути постепенного преобразования социалистич. общества дружеств. классов в бесклассовое коммунистич. общество свободных и сознат. людей. Чтобы решить эту задачу, необходимо прежде всего преодолеть различие между рабочим классом и крестьянством. Программа КПСС указывает, что только мощный подъем производит. сил с. х-ва создает базу для постепенного перехода сов. деревни к коммунистич. обществ. отношениям и ликвидации различий между городом и деревней. КПСС отвергла ошибочные взгляды на колхозную форму х-ва, как неполноценную, нуждающуюся в скорейшей замене совхозной, и показала, что как колхозы, так и совхозы являются крупными социалистич. х-вами, позволяющими эффективно применять достижения техники и науки, быстро расширять обществ. произ-во.

На основе экономич. подъема колхозов будут совершенствоваться внутриколхозные отношения (повышается степень обобществления произ-ва, нормирование, организация и оплата труда приближаются к сложившимся на гос. предприятиях, широко развивается система обществ. услуг). Когда за счет обществ. хозяйства колхозов можно будет полностью удовлетворять потребности колхозников, их личное подсобное хозяйство изживет себя экономически и колхозники добровольно от него откажутся. Межколхозные производств. связи, процесс обобществления хозяйств все больше будут выходить за рамки отд. колхозов, усилятся производств. связи колхозов и совхозов между собой и с местными пром. предприятиями. Постепенно будут складываться аграрно-пром. объединения. Трудящиеся с. х-ва будут все больше сосредотачиваться в крупных поселках, по благоустройству не уступающих городским. Изменится и структура сел. населения — постепенно в с.-х. произ-ве исчезнет неквалифицированный труд, а удельный вес специалистов будет непрерывно расти. Все эти изменения приведут к ликвидации социально-экономич. и культурно-бытовых различий между городом и деревней, что будет одним из величайших результатов строительства К.

Одновременно, по мере создания материально-технич. базы К., будет происходить постепенное слияние умств. и физич. труда, что в конце концов приведет к преодолению разделения общества на людей физич. и людей умств. труда. Программа КПСС подчеркивает в этой связи задачу повышения культурно-технич. уровня рабочих и крестьян до уровня интеллигенции. Главный путь ее решения — изменение техники произ-ва и самого характера труда в материальном произ-ве, к-рый будет все больше сочетать в себе функции физич. и умств. труда, причем функции умств. труда будут становиться преобладающими. Значительно возрастет число людей умств. труда (врачей, учителей, научных работников, инженеров и техников, агрономов и т. д.). В то же время будет сокращаться удельный вес ряда других специальностей, в частности, связанных с функциями управления, где дело идет к непрерывному уменьшению числа штатных, платных работников, задачи к-рых все больше берут на себя работники нештатные, обществ. актив. Процесс полного стирания граней между интеллигенцией, с одной стороны, рабочими и крестьянами, с другой, будет более длительным, чем стирание граней между классами рабочих и крестьян (см. В. И. Ленин, Соч., т. 33, с. 169).

Среди социальных задач, к-рые решаются на пути к К., важное место занимает ликвидация остатков неравенства в положении женщин. Хотя социализм уравнивает женщин в правах с мужчиной в политич. и социальном отношениях, тем не менее еще не ликвидированы следы неравенства женщин. Семья еще остается своего рода хозяйственной единицей общества, где на женщину падает главная тяжесть домашнего труда. Программа КПСС предусматривает в ближайшие два десятилетия широкие мероприятия для осуществления ленинской программы окончательного освобождения женщины — развитие системы общественного питания, разнообразных предприятий бытового обслуживания и всех типов детских учреждений.

Одна из важных социальных задач перехода к К. для многонац. государств — дальнейший расцвет и сближение наций. Это объективный процесс, развертывающийся на основе экономич. сближения наций, все более интенсивного обмена материальными и духовными ценностями между ними, растущей социальной однородности наций, к-рая способствует укреплению их взаимного доверия и дружбы.

В Программе КПСС конкретизирован и поставлен по-новому целый ряд вопросов, связанных с политич. эволюцией общества в период перехода к К., развито марксистско-ленинское учение об отмирании государства. Опыт Сов. Союза уже дает известные основания в общих чертах судить, какими будут формы коммунистич. обществ. самоуправления, к-рое придет на смену социалистич. государственности, и генеральный путь ее преобразования. Это — всестороннее развертывание и совершенствование социалистич. демократии, активное участие всех граждан в управлении гос-вом, в руководстве хоз. и культурным строительством, улучшение работы гос. аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью.

Конкретные задачи партии и гос-ва в политич. области состоят в повышении роли представит. органов (в Сов. Союзе — Советов), сочетающих в себе черты гос. и обществ. организации. Для широкого и непосредств. участия масс в их работе партия считает необходимым совершенствовать демократич. принципы деятельности органов нар. представительства и их формы, принципы избират. системы (систематич. обновление представит. органов, широкое обсуждение личных и деловых качеств депутатов, регулярная отчетность их перед избирателями, отзыв депутатов, не оправдавших доверия). На основе принципа демократич. централизма расширяются права местного самоуправления.

Будет происходить дальнейшее развитие демократич. начал в управлении — укрепление гос. и обществ. контроля над деятельностью гос. аппарата, неуклонное сокращение платного аппарата, с тем чтобы привычками управления овладевали все более широкие массы, постепенное распространение на всех руководящих работников гос. органов принципа выборности и подотчетности перед представит. органами и т. д.

По мере перехода к К. будут получать всемерное развитие свобода личности и права граждан — как политические, так и социальные. На смену адм.-принудит. мерам воздействия все больше и больше будут приходить воспитательные, опирающиеся на обществ. мнение. Сами условия жизни, а также деятельность гос. и обществ. орг-ций воспитывают трудящихся в духе добровольного, добросовестного исполнения своих обязанностей, ведут к органич. соединению прав с обязанностями в единые нормы коммунистич. общности.

В период перехода к К. неуклонно возрастает роль обществ. орг-ций — профсоюзных, молодежных, кооперативных и др. Вместе с представит. органами они являются школой управления гос-вом, охватывающей поголовно всех трудящихся, приобщающихся к повседневному участию в решении обществ. дел. Этот процесс может завершиться полным отмиранием гос-ва только при наличии как внутр. условий — построения развитого коммунистич. общества, так и внешних условий — победы и упрочения социализма на междунар. арене. Пока не построен К., гос-во остается необходимым для руководства экономич. и культурным развитием общества, контроля над мерой труда и меры потребления, охраны правопорядка. Существование империализма на междунар. арене может заставить даже после построения К. сохранить те гос. органы и функции, к-рые связаны с обороной, задачами защиты мира и безопасности народов.

Большое внимание в Программе КПСС уделяется проблемам идеологии, воспитания, образования, науки и культуры. Становление коммунистич. экономики, развитие обществ. отношений, формирование нового человека — взаимообусловленные процессы.

В ходе строительства К. происходит новый подъем нар. образования. Этого требуют задачи развития экономики, в частности научно-технич. революция, а также социальные (слияние физич. и умств. труда) и

политич. (вовлечение всех граждан в управление обществ. делами) процесс периода перехода к К. В Программе КПСС поставлена цель в течение ближайших двух десятилетий обеспечить для всех граждан возможность получения полного среднего образования. Другая важная задача в этой области — усиление обществ. начала в воспитании детей дошкольного и школьного возраста, в т. ч. путем создания соответствующих дошкольных учреждений и школ-интернатов, куда бы дети могли поступать по желанию родителей. Быстро развивается в период перехода к К. система высшего и среднего спец. образования. Расширение всех видов образования ставит задачу сочетания массового обучения с участием осн. массы граждан в материальном произ-ве. Решается эта задача на путях политехнизации среднего образования и широкого развития сети вечерних школ, вечерних и заочных высших и средних спец. учебных заведений.

Переход к К. требует дальнейшего повышения коммунистич. идейности трудящихся. Партия ставит в этой связи великую задачу — чтобы ее научное мировоззрение стало достоянием всего народа. Повышение коммунистич. идейности происходит в самом процессе практич. строительства К. Решающее значение имеет воспитание коммунистич. отношения к труду — готовности и желания хорошо работать, творчески, новаторски относиться к своему делу не только потому, что от этого зависит заработок, но и в силу высокой сознательности и морального долга, а также коммунистич. отношения к обществ. собственности. «Чем выше сознательность членов общества, тем полнее и шире развертывается их творческая активность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми и, следовательно, тем быстрее и успешнее решаются задачи строительства коммунизма» (Программа КПСС, с. 116). Повышение коммунистич. идейности неразрывно связано с утверждением коммунистич. нравственности. Ее осн. принципы сформулированы в *Моральном кодексе строителей коммунизма*. Воспитание коммунистич. идейности происходит в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей. Партия придает большое значение мобилизации средств идеологич. воздействия (в т. ч. литературы и искусства) для этой борьбы, отвергает оппортунистич. идею «мирного сосуществования» в идеологии.

В период строительства К. происходит дальнейший расцвет науки и культуры, повышение их роли в поступат. развитии общества, в воспитании нового человека, в приумножении материальных и духовных благ. Характерная черта этого процесса — сочетание подъема науки, иск-ва и лит-ры с развитием разнообразной самодеятельности широких масс в области научного и культурного творчества.

Сами масштабы задач, встающих перед обществом в ходе коммунистич. строительства, предполагают укрепление организующего начала. Его носителем является Коммунистич. партия, в результате победы социализма превратившаяся из партии рабочего класса в авангард всего народа. Ее роль и значение как руководящей и направляющей силы общества в период перехода к К. возрастают. Это обусловлено ростом масштабов и сложностью задач коммунистич. строительства, требующих более высокого уровня политич. и организац. руководства; подъемом творч. активности масс, вовлечением новых миллионов трудящихся в управление гос. делами и произ-вом; дальнейшим развитием социалистич. демократии, повышением роли обществ. орг-ций, расширением прав союзных республик и местных орг-ций; возрастающим значением теории научного К., необходимостью ее творч. развития и пропаганды, усиления коммуни-

стич. воспитания трудящихся и борьбы за преодоление пережитков прошлого в сознании людей (см. Программа КПСС, с. 136—37). Периоду развернутого строительства К. соответствует новый, более высокий этап в развитии самой партии, ее политич., идеологич. и организац. работы. В Программе КПСС особое значение придается дальнейшему развитию внутрипартийной демократии, укреплению связей с массами, развитию ленинских норм руководства и партийной жизни, что позволит партии показывать пример и образец выработки наиболее совершенных форм коммунистич. обществ. самоуправления.

Строительство К. в Сов. Союзе имеет огромное международн. значение. Сов. Союз прокладывает неизведанные пути для всего человечества. Строительство К. в СССР укрепляет экономич. могущество и обороноспособность всего социалистич. лагеря, создает все более благоприятные возможности для оказания помощи и поддержки другим социалистич. странам. Между социалистич. странами развивается все более тесное экономич., технич., научное, культурное сотрудничество, создаются общие органы, координирующие планы развития этих стран (СЭВ), с учетом преимуществ междунар. разделения труда, что создает возможность сокращения сроков строительства социализма и их более или менее одновременного, в пределах одной историч. эпохи, перехода к К.

Строительство К. будет иметь решающее значение также и для процесса дальнейшего развития социалистич. революции во всем мире. «Не путем войны с другими странами, а примером более совершенной организации общества, расцветом производительных сил, созданием всех условий для счастья и благополучия человека идеи коммунизма завоевывают умы и сердца народных масс» (там же, с. 141).

Успехи коммунистич. строительства в Сов. Союзе оказывают воздействие на историч. судьбы народов, освободившихся или освобождающихся от колониального ига. По мере перехода к К. будут возрастать возможности оказания помощи этим странам в деле развития экономики и культуры. Вместе с тем успехи СССР и всего социалистич. лагеря помогут народам слаборазвитых стран в выборе таких путей дальнейшего развития, к-рые с наименьшими издержками и в самые короткие сроки позволят преодолеть унаследованную от мрачных времен колониализма отсталость и быстрыми шагами двинуться вперед. Строительство К., отвечая кровным интересам сов. народа, является для него в то же время и великой интернациональной задачей. Все народы придут к К., добившись торжества его идеалов собств. борьбой и собств. трудом. Но сила примера Сов. Союза и других стран, уже строящих новое общество, играет огромную роль в мобилизации трудящихся всего мира на борьбу за К.

В ы с ш а я ф а з а к о м м у н и с т и ч. о б щ е с т в а. Изучение объективных социально-экономич. процессов перерастания социализма в К., ростков будущего, повседневно возникающих в обществ. жизни, позволяет развивать науку о коммунистич. обществе. В этом направлении Коммунистич. партия Сов. Союза проделала за последний период огромную теоретич. работу, итоги к-рой подведены в Программе КПСС. В ней развиты те положения, к-рые касаются общей характеристики высшей фазы К., ближайших перспектив. Высший принцип, осн. закон жизни коммунистич. общества — полное удовлетворение материальных и духовных потребностей всех членов общества. Все установления К. будут способствовать воплощению этого принципа — свободному и всестороннему развитию личности.

Материально-технич. база К. вместе с трудящимися, обеспечивающими ее функционирование, и составит производит. силы К. Им будут соответствовать про-

изводств. отношения этого общества, в к-ром на новую ступень поднимется общенар. собственность, охватывающая, в отличие от социализма, всю экономику, а также получат распространение новые принципы и формы распределения.

Чтобы коммунистич. труд стал всеобщим для всех членов общества, необходимы серьезные изменения в характере самого труда. Человеч. труд должен быть заменен машинным повсюду, где требуется затрата чрезмерных физич. усилий, где работа монотонна и выматывает человека. С созданием материально-технич. базы К. в труде человека все большее место будут занимать творч. функции.

В любом обществе труд остается необходимым условием жизни людей, развития культуры, социального прогресса. И при К., как бы ни развивались наука и техника, люди будут трудиться, причем с несравненно большими результатами, усердием и добросовестностью, нежели когда бы то ни было раньше. «У всех членов общества, благодаря изменению характера труда и росту его технической вооруженности, благодаря высокому уровню сознательности, разовьется внутренняя потребность добровольно и по своим склонностям трудиться для общественного блага» (Программа КПСС, с. 64). Труд людей при К. навсегда перестанет быть постылой обязанностью, превратится в источник глубочайшего удовлетворения и радости. Свободный творч. труд по душе каждому нормальному человеку и является, как писал Энгельс, «...высшим из известных нам наслаждений...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 351). На этой основе полностью разовьется замечат. принцип «от каждого по способностям». Способности всех людей получат при К. полное, всестороннее развитие, и каждый человек обретет возможность не только их совершенствовать, но и эффективно применять в процессе труда, делать то, к чему у него лежит сердце не только в часы досуга, но и в часы работы. Вполне вероятно, что, помимо своей осн. производств. деятельности, к-рая отнимет лишь незначит. часть дня, множество людей захочет посвятить себя занятиям в области науки, изобретательства, иск-ва, лит-ры и т. д., что составит постоянно растущий вклад в развитие и процветание общества. Высшая радость свободного творч. труда из достоинства немногих станет достоянием всех, а время, затрачиваемое на труд, из времени, вычеркнутого из жизни, каким оно было для миллионов на протяжении веков, станет временем, обогащающим жизнь. Вместе с тем это даст огромный выигрыш обществу в целом, послужит могучим фактором его дальнейшего быстрого прогресса. Перестройка человеческого труда на коммунистических началах будет великим достижением гуманизма. Результаты его скажутся во всех областях жизни общества, рождая новые отношения между людьми, создавая предпосылки невиданного расцвета личности.

Создание материально-технич. базы К. позволит также осуществить изобилие материальных и духовных благ для всех. Изобилие для всех — один из главных принципов нового коммунистич. общества, каким его понимает научный К. В этом его отличие от аскетич. К., звавшего людей к жесткому самоограничению. Марксизм-ленинизм отвергает взгляды, согласно к-рым рост благосостояния трудящихся, изобилие ведет к возрождению частнособственнич. нравов и морали, обуржуазиванию. Путь к изобилию научный К. всегда видел прежде всего в произ-ве. В этом его отличие от потребительского К., к-рый видит ключ к решению проблемы изобилия в распределении, в простом разделе между членами общества всех материальных благ. Такая программа в лучшем случае дала бы кратковременную иллюзию изобилия, благополучия, а затем привела бы н...

а к оскудению, не к поравнению в богатстве, а к поравнению в бедности.

К. дает людям не только изобилие материальных благ, но и вводит новую форму их распределения, суть к-рой выражена в принципе «каждому по потребностям». Это означает, что каждый человек, независимо от его положения, от количества и качества труда, к-рое он отдает обществу, получает от него все, в чем испытывает потребность, без денег, без каких-либо норм и ограничений. При этом речь идет об удовлетворении разумных потребностей высокоразвитых культурных людей, а не нелепых причуд и прихотей. На эту сторону дела обращал в свое время внимание еще Энгельс. Ленин пояснял, что люди при К. будут достаточно культурными и сознательными, чтобы предъявлять к обществу лишь разумные требования (см. Соч., т. 25, с. 441).

Главное преимущество распределения всех материальных и духовных благ по потребности состоит в том, что оно создает наилучшие условия для развития главной производит. силы — самого трудящегося. Указывая на это обстоятельство, Энгельс писал, что «...распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет в с е м членам общества как можно более всесторонне развиваться, поддерживать и проявлять свои способности» («Анти-Дюринг», 1957, с. 188).

Осуществление коммунистич. принципа распределения по потребностям означает не только величайший переворот во взглядах на труд, к-рый перестает быть просто средством заработка. После того как товарно-денежные отношения выполнят свою роль и отомрут, коренным образом изменится сам характер связей между человеком и обществом. Человеч. отношения полностью и навсегда освободятся от расчета, корыстных соображений, всего, что вносила в них погоня за материальной выгодой. Возможность всегда бесплатно получать из обществ. запасов все, что нужно для обеспеченной и культурной жизни, оздоровит психику человека, освободит его от тягостных забот о завтрашнем дне. В психологии и морали коммунистич. человека не останется места мыслям о доходах и частной собственности, охота за к-рыми составляет при капитализме смысл жизни для целых обществ. классов. Человек получит, наконец, возможность полностью посвятить себя высоким интересам, среди к-рых на первый план выйдут интересы общественные.

Утверждение коммунистич. принципов и отношений в сфере произ-ва и распределения повлечет за собой серьезные перемены и в других областях обществ. жизни.

Важнейшее место среди идеалов К. занимают полное социальное равенство и свобода. Решающие шаги в осуществлении этих идеалов общество делает уже в период социализма. Но еще более богатым содержанием они наполняются после победы К. Один из краеугольных социальных принципов этого общества — всеобщее фактич. равенство, означающее одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда, распределения, а также участия в управлении обществ. делами, гармонию личности и общества на основе органического сочетания личных и общественных интересов.

К такому равенству общество приходит в результате преодоления всех социальных различий. Принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» обеспечивает ту высшую ступень равенства, к-рой даже «... различие в деятельности, влечёт за собой никакого н е р а в е н

ства, никакой привилегии в смысле владения и потребления» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 542).

Исчезновение социальных различий при К. ни в коем случае не означает нивелировки индивидуальностей, унификации человек. способностей и характеров. К. не казарма, населенная безликими фигурами. Таким обществом будущего могут изображать только неисправимые вульгаризаторы или заведомые клеветники. В действительности это общество раскрывает безграничный, никогда в прошлом не существовавший простор для расцвета человек. индивидуальности во всем ее многообразии.

К. несет также окончат. торжество человек. свободы. Огромный прогресс в этом направлении осуществляется уже первая — социалистич. — фаза коммунистич. формации, при к-рой люди получают такую важную свободу, как свобода от эксплуатации. Подлинный смысл обретает при социализме и демократия — т. е. народовластие. К. достраивает величье. здание свободы прежде всего тем, что кладет конец всякому принуждению людей.

С построением бесклассового общества, преобразованием на коммунистич. началах произ-ва, распределения и труда, а также сознания и морали членов общества исчезает сама почва для каких бы то ни было мер принуждения. Отношения господства и подчинения окончательно заменяются свободным сотрудничеством. Отпадает необходимость в гос-ве как политич. орг-ции. Отмирает нужда в правовой регламентации. Для культурных, идейных, высоко нравств. людей, какими будут члены коммунистич. общества, соблюдение правил человек. общежития делается привычкой, второй натурой. В таких условиях «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами» (Энгельс Ф., там же, т. 19, с. 225).

Свобода, к-рую даст человеку К., не будет означать распада общества на отд. общины и тем более на индивидов, не признающих никаких обществ. связей. «Коммунизм представляет собой высшую форму организации общественной жизни» (Программа КПСС, с. 64). На смену государственности, остающейся при социализме важнейшей формой организации общества, при К. приходит не царство всеобщей анархии, а система коммунистич. обществ. самоуправления (см. там же, с. 109—10).

Переход от государственности к обществ. самоуправлению означает полный переход от адм.-принудит. методов воздействия на людей к методам убеждения, воспитания. В этой связи можно предвидеть огромный рост влияния обществ. мнения, к-рое станет при К. могучей силой, достаточной, чтобы урезонивать индивидов, склонных нарушать коммунистич. обычаи и правила общежития.

Коммунистич. обществ. самоуправление будет действовать в атмосфере полной гласности, информированности масс о делах общества и, что особенно важно, чрезвычайно высокой гражданской активности людей, их глубокой заинтересованности в этих делах.

Намного вырастет свободное время членов общества. Учение станет такой же неременной чертой образа жизни каждого человека, как труд и отдых. В таких условиях во всю свою гигантскую силу развернется человек. разум. Огромных высот достигнет культура характеров и чувств людей. Коммунистич. бытие в полную силу разовьет новые моральные побуждения, солидарность, взаимное доброжелательство, чувство глубокой общности с другими людьми — членами одной человек. семьи.

Сплочение, сотрудничество и братство, став при К. принципами отношений между людьми внутри общества, распространяются также и на отношения

между народами. Уже на первых ступенях развития коммунистич. формации ликвидируются социально-экономич. причины войн между гос-вами, где власть взяли в свои руки трудящиеся. «...В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием,— писал Маркс,— нарождается новое общество, международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — труд» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 17, с. 5). К. ведет к дальнейшему сближению гос-в и наций. Но слияние наций, устранение нац. различий — дело весьма отдаленного будущего, к к-рому человечество придет, видимо, изрядное время спустя после победы К. «Коммунизм выполняет историческую миссию освобождения всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов» (Программа КПСС, с. 6).

Всегда оставаясь обществом, где господствует обществ. собственность на средства произ-ва и ликвидировано деление на классы, К. вместе с тем будет претерпевать на протяжении своей истории большие изменения. Марксизм-ленинизм никогда не ставил и не ставит вопрос о К., как об обществе раз и навсегда решающем все на свете противоречия и проблемы. Прежде всего никогда не исчезнет необходимость в дальнейшем развитии произ-ва. Ведь потребности общества — и материальные и духовные — всегда будут расти. Не прекратится при К. и рост населения. Это будет требовать увеличения произ-ва всех благ, необходимых для жизни. Долгое время в том же направлении будет действовать и обществ. потребность в дальнейшем сокращении рабочего времени, увеличении свободного времени трудящихся. Развитие произ-ва, в свою очередь, потребует решения множества сложных вопросов, связанных с совершенствованием организации нар. х-ва, подготовкой работников, изобретением и внедрением в практику технич. нововведений. Все новые и новые проблемы будут возникать перед наукой. Нет и не может быть предела для пытливого человек. ума, для стремления людей поставить себе на службу силы природы, овладеть всеми ее тайнами. Никогда не прекратится и деятельность людей; направленная на совершенствование устройства общества — форм обществ. самоуправления, образа жизни людей, норм человек. общежития и общения. Неисчерпаемое поле деятельности открывается перед коммунистич. обществом на пути развития способностей, физич. и духовного совершенствования личности всех.

Коммунистический идеал и его критики. На пути к осуществлению коммунистич. идеала человечеству предстоит раздаться со всей мерзостью эксплуататорских порядков, на к-рых зиждется паразитич., привилегированное положение целых обществ. классов. Неудивительно, что коммунистич. движению пришлось с самых первых шагов столкнуться с ожесточ. и злобным сопротивлением этих классов — и не только в политич., но и в теоретич. областях. Такое сопротивление приняло характер широкой кампании антикоммунизма, призванной опорочить коммунистич. идеал, а после того как СССР и ряд других стран вступили на путь практич. строительства нового общества, также опорочить и оклеветать социалистич. действительность.

На протяжении истории антикоммунизм прибегал в этих целях к разным доводам, аргументам и пропагандистским приемам — от издевок по поводу общества, к-рым будет управлять неграмотная, темная и некультурная «чернь», до хитроумных теорий, призванных доказать, что переход к К. будет означать

не прогресс, а утрату завоеваний цивилизации, от спекуляций на естеств. трудностях становления совершенно нового обществ. строя, к тому же осложненных тяжелыми объективными условиями в странах, первыми вставших на путь К., до незуитской критики коммунистич. идеала с позиций «гуманизма». В эту антикоммунистич. кампанию давно уже включилось и правое крыло социал-демократии, начавшее с критики путей, к-рыми коммунисты идут к осуществлению своих идеалов и закончившее отказом от самих идеалов социализма, критикой их как таковых. Несмотря на внешнее разнообразие аргументов, выдвигаемых против коммунистич. идеала, в основном дело сводится к двум ясно очерченным пропагандистским линиям: к попыткам доказать его нереальность, неосуществимость (при этом, подчас даже не отрицается величие и положит. характер многих целей коммунистов самих по себе) и к попыткам ослабить притягательную силу самого коммунистич. идеала, искажая его характер, приписывая ему антигуманистич. черты.

Что касается первой линии критики, то многие ее конкретные приемы менялись в соответствии с историч. условиями. Было время, когда противники К. вообще отрицали возможность взятия рабочим классом власти, возможность общества нормально существовать, если во главе экономики, гос-ва, культуры и т. д. не будут стоять представители «избранных» классов. Окт. революция доказала, что трудящимся вполне по плечу задача управления всеми сторонами обществ. жизни, т. к. только после свержения капитализма появляется возможность во все более полной мере использовать в интересах общества богатство талантов и способностей, заложенных в нар. массах, но подавлявшихся и уродовавшихся эксплуататорским строем. Долгое время противники К. утверждали, что без частной собственности, частной инициативы и «свободной конкуренции» не удастся наладить нормально функционирующий хозяйств. механизм, тем более превосходящий капиталистический, а значит, и добиться более высокого, нежели при капитализме, уровня жизни масс. Благоприятная почва для такой пропаганды создавалась тем, что строительство социализма, в силу конкретно-историч. условий, началось за немногими исключениями в странах, серьезно отставших в экономич. отношении от наиболее развитых капиталистич. стран и к тому же особенно пострадавших от войн и империалистич. интервенции. Однако, несмотря на такие неблагоприятные предпосылки, социалистич. страны, используя преимущества нового способа произ-ва, продвинулись далеко вперед по пути ликвидации былой хозяйств. отсталости и превзошли капитализм по темпам роста произ-ва и ряду других важных экономич. показателей, а также развитию многих ключевых отраслей науки и техники. В последние годы социалистич. страны приблизились к решению осн. экономич. задачи, к-рая заключается в том, чтобы превзойти наиболее развитые страны капитализма по произ-ву продукции на душу населения.

Все это серьезно подорвало возможности такой пропаганды антикоммунизма. В таких условиях бурж. и правосоциалистич. теоретикам пришлось перенести центр тяжести на доказательство неосуществимости коммунистич. идеалов из-за извечной «человеч. природы», к-рая якобы никогда не сможет быть приспособленной к коммунистич. порядкам. Бурж. социология уже с начала века оказалась подготовленной к такой линии пропаганды, ибо в ней произошел резкий поворот от восхваления и идеализации человек. природы, характерных для молодой буржуазии, уверенной в поддержке масс, не испытывающей еще потребности в обосновании систематич. насилия и оглуления трудящихся, к поношению и клевете на природу человека, характерных для реакц. буржуазии на закате ее исто-

ри, когда до предела обострились ее противоречия не только с рабочим классом, но и с подавляющим большинством других классов и социальных слоев общества. Этот поворот, связанный в бурж. социологии с именами Г. Лебона, О. Шпенглера и др., нашел свое законченное выражение в идеологии *фашизма*. Подобные взгляды господствуют в совр. бурж. социологии и социальной психологии (в частности, в фрейдизме и бихевиоризме, у многих экзистенциалистов, персоналистов, в позитивистской социологии и т. д.). Согласно нынешним воззрениям буржуазии на человек. природу, последней органически присущи всевозможные пороки, животные стремления и т. д., что не только оправдывает, в интересах самосохранения общества и цивилизации, террор и уточенную манипуляцию массами с помощью пропаганды, но и делает совершенно беспочвенными и нереальными осн. установления К. (в частности, добровольный труд по способностям, безгосударств. политич. орг-цию, предлагающую отказ от насилия, распределение материальных и духовных благ по потребностям и т. д.).

Совершенно очевидно, что как идеализация человек. природы, характерная для молодой буржуазии, так и ее опорочивание являются антинаучными. И тот и другой взгляд исходит из понимания человек. психики и характера, как чего-то биологически детерминированного. Как доказал марксизм, то, что называют природой человека, представляет собой в основном и главным продукт обществ. отношений. Они формируют психику, сознание, человек. мораль. В частности, те черты, на к-рые ссылаются реакц. теоретики, доказывая недостижимость идеалов К.: жадность, жажда власти, жестокость и т. д., представляют собой свойства человека, не заложенные в нем от природы, а приобретенные в ходе ожесточ. борьбы за существование в условиях эксплуататорского общества, и должны исчезнуть с изменением этих условий. И так же закономерно с новыми обществ. условиями на смену таким чертам приходит умение и желание сотрудничать с другими людьми, доверие к ним, альтруизм, готовность к взаимопомощи и другие черты коммунистич. человека. Как уже доказал опыт социализма, массовая переделка «природы человека» — дело вполне осуществимое, если оно опирается не на благие пожелания, а на реальные возможности, создаваемые изменениями в обществ. бытии, причем эта переделка может быть серьезно ускорена воспитат. работой, осуществляемой под руководством передовых общественных сил.

Другая линия наступления против коммунистич. идеала состоит в том, чтобы доказать его антигуманизм, в частности несовместимость с интересами личности. С этой линией непосредственно смыкаются попытки изобразить К. в виде тоталитарного строя, представляющего собой антипод демократии. В данном случае антикоммунистич. пропаганда широко спекулирует на тех ошибках и извращениях, к-рые были связаны с культом личности Сталина, изображая их как неотъемлемую сущность социализма и К. Последоват. борьба против культа личности и его последствий, проведенная после XX съезда КПСС в Сов. Союзе и др. странах, быстрое развитие социалистич. демократии выбили почву из-под такой пропаганды, резко сократили возможности ее спекуляций. Тем не менее критика К. с лжегуманистич. позиций остается одним из гл. направлений антикоммунизма. Объективно такой пропаганде помогают неверные взгляды и действия тех людей в коммунистич. движении, к-рые отстаивают идеологию и практику культа личности, отпускают извращения генеральной линии коммунистич. движения. Отступления от ленинских норм и принципов, извращения коммунистич. идеала, с к-рыми коммунисты ведут непримиримую борьбу, дают

в руки антикоммунизма новое оружие для всевозможных спекуляций.

Бурж. теоретики и пропагандисты в своих псевдогуманистич. спекуляциях усилленно пытаются противопоставить личность коллективу и доказать, будто в таком коллективистском обществе, как К., неизбежно полное разрушение индивидуальности, пренебрежение интересами и ценностью индивида, превращение общества в своего рода «человеческое стадо». Такие представления о К. насаждаются не только «теоретич.» трудами, рассчитанными на специалистов, но и пропагандой, нацеленной на широкие массы, в частности художеств. лит.-рой. Таковы, напр., книги О. Хаксли «Смелый новый мир» и особенно Дж. Оруэлла «1984», разрекламированные в печати, воспроизводившиеся по радио и инсценированные в кинофильмах, а также многие другие, сложившиеся даже в своего рода жанр «антикоммунистич. утопий».

Подобные представления о К. и коллективизме полностью пренебрегают подлинными ценностями и достоинством личности и могут рождаться лишь на почве бурж. индивидуализма. Одна из осн. проблем справедливого устройства общества заключается как раз в том, чтобы обеспечить интересы личности и ее всестороннее развитие таким путем, чтобы это не шло вразрез с интересами и не мешало развитию всех других личностей, т. е. коллектива. Бурж. индивидуализм не только бессилен решить эту проблему, но, напротив, создает на пути ее решения непреодолимые препятствия. Он представляет собой идеологию подавления огромного большинства личности во имя «свободы» и удовольствия немногих «избранных» личностей, тех, к-рые в силу классовой принадлежности, богатства, связанных с этим возможностей получения образования и воспитания оказываются в привилегированном в отношении массы положении. При этом мало что выигрывает и личность «избранников» судьбы, к-рая вне коллектива, вне обществ. связей подвергается растлению и распаду, разрушается из-за отсутствия больших интересов и идеалов. Об этом наглядно свидетельствует бурж. действительность, отражен. в многочисл. произв. худож. лит.-ры, кинофильмах и т. д.

Коммунистич. коллективизм, напротив, исходит из правильно понятых интересов личности, причем не баловней судьбы, а всех личностей в обществе. Это, конечно, связано с определ. ограничениями действий индивида — такими ограничениями, к-рые защищают интересы всех личностей, составляющих коллектив. Но подобные ограничения в той или иной мере вводит любое цивилизованное общество, не допускающее убийств, насилий и др. преступных действий отд. личностей. К. добавляет к ним ограничения, направленные на то, чтобы не допустить паразитизма и эксплуатации. Но все такие ограничения отнюдь не составляют сущности коммунистич. коллективизма. Она заключается в другом — в том, чтобы создать условия, к-рые обеспечили бы всем без исключения членам общества максимальное развитие личности, расцвет индивидуальности и в то же время гармонизировали отношения личности и коллектива. При этом К. исходит из того подтверждаемого всем опытом жизни, всей историей факта, что подлинный расцвет личности возможен только в коллективе, многосторонних связях, сотрудничестве и взаимопомощи с другими людьми.

Коммунистич. идеал — это огромная революц. сила, вдохновляющая и силачивающая на борьбу за светлое будущее миллионные массы трудящихся. Совр. буржуазии нечего противопоставить этому идеалу, т. к. ее представления о будущем пронизаны пессимизмом, дурными предчувствиями, ожиданием катастрофы. Эта естеств. особенность мировоззрения

умирающего класса, к-рому кажется, будто с его гибелью наступит и конец цивилизации, находит воплощение в соответствующих философско-историч. концепциях (напр., теория круговорота в развитии цивилизаций А. Тойнби и др.), получивших широкое распространение. Многие империалистич. теоретики и политич. деятели понимают, что отсутствие позитивных идеалов, способных привлечь на их сторону широкие массы, серьезно подрывает позиции бурж. идеологии. Отсюда их попытка позаимствовать идеалы и лозунги у рабочего движения или у буржуазии той эпохи, когда она еще выступала как революц. прогрессивная сила, — спекуляции на лозунгах свободы, прогресса и демократии, даже стремление приписать себе цель создания бесклассового общества. Однако такая тактика использования «краденых лозунгов» обречена на провал, поскольку ее разоблачает на каждом шагу сама капиталистич. действительность и империалистич. политика.

Идеал К. становится целью, программой борьбы все новых миллионов людей во всех странах мира. Вовлечение их в борьбу, практич. деятельность, направленную на завоевание и построение К., служит важнейшей гарантией неизбежной победы этого обществ. строя на всей нашей планете.

Ю. Арбатов. Москва.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; их же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Маркс К., Ницше философия, там же; его же, Экономическо-философские рукописи 1844г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956; его же, К критике политической экономии. Предисловие, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13; его же, Гражданская война во Франции, там же, т. 17; его же, О семилетии Интернационала, там же; его же, Национализация земли, там же, т. 18; его же, Критика Готской программы, там же, т. 19; его же, Капитал, т. 1—3, там же, т. 23—25 (ч. 1—2); его же, [Письмо] И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г., там же, т. 28; его же, Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. [Roheentwurf]. 1857—1858. Anhang 1850—59, В., 1953; Энгельс Ф., Эльберфельские речи, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2; его же, Коммунисты и Карл Гейнцен, там же, т. 4; его же, Принципы коммунизма, там же; его же, К жилищному вопросу, там же, т. 18; его же, Карл Маркс, там же, т. 19; его же, Развитие социализма от утопии к науке, там же; его же, Анти-Дюринг, там же, т. 20; его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21; его же, Людвиг Фербах и конец классической немецкой философии, там же; Фейн и В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Марксизм и ревизионизм, там же, т. 15; его же, Три источника и три составных части марксизма, там же, т. 19; его же, Карл Маркс, там же, т. 21; его же, О лозунге Соединенных Штатов Европы, там же; его же, Задачи пролетариата в нашей революции, там же, т. 24; его же, Государство и революция, там же, т. 25; его же, Удержат ли большевики государственную власть?, там же, т. 26; его же, О задачах профсоюзов, там же, т. 28; его же, Пролетарская революция и ренегат Каутский, там же; его же, Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г., там же; его же, Великий почин, там же, т. 29; его же, О государстве, там же; его же, От разрушения векового уклада к творчеству нового, там же, т. 30; его же, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, там же, т. 31; его же, Задачи коммунистического союза молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г., там же; его же, К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, там же, т. 33; его же, О кооперации, там же; его же, О закономерности возникновения и развития социализма и коммунизма, [Сб.], М., 1960; Бебель А., Социализация общества, К., 1905; его же, Женщина и социализм, М., 1959; Гед Ж., Гос. предприятия и социализм, СПб, 1907; Каутский К., История социализма в монографиях..., ч. 1—2, СПб, 1907; Лафарг П., К царству социализма, М., 1917; его же, За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение, М., 1959; Мерино Ф., От утопии к науке. Вступ. ст. Д. Рязанова и Ф. Энгельса, Ростов-Дон—Краснодар, 1924; его же, Карл Маркс. История его жизни, М., 1957; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; XX съезд КПСС 14—25 февр. 1956 года. Стеногр. отчет, т. 1—2, М., 1956; Внеочередной XXI съезд КПСС 27 января — 5 февраля 1959 года. Стеногр. отчет, т. 1—2, М., 1959; XXII съезд КПСС 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; Кий, Что такое социализм, П., 1919; Иванов И., Материальный базис коммунистического общества, «Вестн. Соц. академии», М.—П., 1923, № 4; Зайдель Г., Маркс в борьбе с уравнил.

социализмом, «Проблемы марксизма», 1933, № 1—2; То п ч и е в А., Строительство коммунизма и науки, «Коммунист», 1957, № 13; А н д р е с Э., Переходный период от капитализма к социализму, М., 1958; К а р п и н с к и й В. А., Беседы о К., 2 доп. изд., М., 1958; Л е о н т ь е в Л., Маркс о социализме, «Вопр. экономики», 1958, № 6; Ф е д о с е е в П. Н., Развитие производственных отношений при переходе от социализма к коммунизму, «Коммунист», 1958, № 9; Г л е з е р м а н Г., Два фазы коммунистического общества и закономерности перерастания социализма в коммунизм, «Пропагандист и агитатор», 1959, № 6; С т е п а н я н Ц. А., Строительство коммунизма и кризис антикоммунизма, М., 1959; И о в ч у к М. Т., Закономерности развития обществ. сознания в период социализма и перехода к К., М., 1959; А р б а т о в Ю. А., Что такое К., М., 1960; Б е р л и н С. Э., Осн. черты переходного периода от капитализма к социализму, М., 1960; Вопросы теории социалистич. общества, [Сб. ст.], М., 1960; Нек-рые теоретич. вопросы строительства К. [Сб. ст.], М., 1960; П е р в у ш и н С. П., Нек-рые проблемы перехода от социализма к К., М., 1960; О закономерностях возникновения и развития социалистич. общества (под ред. Федосеева П. Н.), М., 1960; У к р а и н ц е в В., Вопросы диалектики перерастания социализма в К., «Коммунист», 1960, № 13; Ш а х м а з а р о в Г. X., К. и свобода личности, М., 1960; А д о р а т с к и й В. В., Научный коммунизм Карла Маркса, в кн.: А д о р а т с к и й В. В., Избр. произв., М., 1961; Г а н и н Н. И., Главные закономерности переходного периода от капитализма к социализму, М., 1961; Диалектика развития социалистич. общества, [Сб. ст.], под ред. М. М. Розенталя, М., 1961; К о в а л ь ч у к А. С., О характере перехода к высшей фазе К., «Вопр. философии», 1961, № 11; С т е п а н я н Ц. А., Осн. закономерности строительства К., там же, № 12; К у г е л ь С. А., Изменение социальной структуры общества при переходе к К., Л., 1961; Н и к и т и н П. И., Что такое К., М., 1961; А н д р е е в Б. С., Формирование коммунистич. производств. отношений, Л., 1962; Б и к к е н и н Н. Б., К. и социально-экономич. равенство, (Консультация), «Вопр. философии», 1962, № 11; Вопросы политич. организации сов. об-ва в период развернутого строительства К. [Сб. ст. под ред. Т. В. Анисимовой и др.], М., 1962; Г л е з е р м а н Г., К. и обществ. прогресс, «Коммунист», 1962, № 10; Демократия и К. [Сб. ст., М., 1962; Д у д е л ь С. П., Специфика борьбы нового и старого в условиях строительства К., «Вопр. философии», 1962, № 3; И л ь и н ц е в Л. Ф., Ленинским курсом к победе К. Доклад на торжеств. заседании в Москве, посвящ. 92-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, М., 1962; К е л л е В. Ж., К. и гуманизм (Коммунистич. идеология — самая гуманная идеология), М., 1962; К о в а л е в А., К. — начало подлинной истории человека, «Коммунист», 1962, № 3; К о л г а н о в М., О формировании единой коммунистич. собственности, «Вопр. экономики», 1962, № 5; К у м а ч е н к о Я. С., Два фазы коммунистич. об-ва и закономерности перерастания социализма в К., М., 1962; К у с о в Е., Междунар. значение строительства К. в СССР, «Полит. самообразование», 1962, № 6; Общие закономерности и особенности перехода к социализму в различных странах, [Сб. ст. под ред. П. К. Топилина и др.], М., 1962; О диалектике развития сов. социализма, об-ва, [Сб. ст. под общ. ред. Пилюпенко Н. В. и Штрака Г. М.], М., 1962; От социализма к К. [Сб. ст.], М., 1962; П л а т к о в с к и й В., Формирование коммунистич. обществ. отношений, «Коммунист», 1962, № 15; С е в р и к о в К., Ф е о ф а н о в Ю., Личная собственность и строительство К., там же, № 13; С м и р н о в Г. [Л.], Формирование коммунистич. обществ. отношений, М., 1962; Сов. гос-во и общественность в условиях развернутого строительства К. [Сб. ст.] под ред. Н. Г. Александрова, [М.], 1962; Строительство К. в СССР и сотрудничество социалистич. стран, [Сб. ст.] под общ. ред. Г. М. Сорокина, М., 1962; Т у г а р и н о в В. П., К. и личность, «Вопр. философии», 1962, № 6; Учение о социализме и К., в кн.: Основы марксизма-ленинизма, 2 изд., М., 1962; Ф е д о с е е в П. Н., К. и философия, М., 1962; Ф и г у р н о в С. П., Строительство К. и рост благосостояния народа, М., 1962; Ф и л ь м о в о в Н. П., Ленинский путь к К., М., 1962; Экономич. закономерности перехода от социализма к К. [Сб. ст.] под ред. Н. В. Баутиной, М., 1962; Ю д и н П. Ф., От социализма к К., М., 1962; Б е с е д ы о К., М., 1963; О К., Книга для чтения, М., 1963; Ф р а н ц е в Ю. П., Разработка В. И. Ленинским проблем науч. коммунизма, «Вопр. философии», 1963, № 12; Б у р л а ц к и й Ф. М., Гос-во и К., М., 1963; G a l l a c h e r W., The case for communism, Harmondsworth (Middlesex), [1949]; R o t h s t e i n A., The Soviet Union and socialism, L., 1957; C o g n i o t G., Qu'est-ce que le communisme?, P., [1960]; K o l á r A., Ekonomika přechodného období od kapitalismu k socialismu, Praha, 1960; К у р г о в а Я., Ekonomická stránka přechodu od kapitalismu k socialismu, [Praha], 1960; R é v é s z G. I., Négyszemközt. A kapitalizmusról és a szocializmusról, [Budapest], 1960; E a t o n J., Socialism in the nuclear age, L., 1961; Е г о р о в Ю. В. и П о н о в А. А., Закономерности строительства социализма и К. в странах социалистич. лагеря. Рекоменд. указатель лит., Л., 1960.

М. Полищук, Н. Стариков. Москва.

КОММУНИКАЦИЯ (от лат. communicatio — общение) — 1) Общение. Ср. коммуникативная функ-

ция языка, т. е. функция общения, обмена мыслями. 2) Категория совр. бурж. философии, гл. обр. *экзистенциализма* и *персонализма*, обозначающая общение, основывающееся на взаимопонимании, дискуссии. Исторически учение о К. сложилось в противовес доктрине обществ. договора, восходящей к просветительской идеологии. Сторонники принципа К. (К. Ясперс, О. Больнов, Э. Мунье) считают, что обществ. договор в основе своей есть контракт, сделка, покоящаяся на фактич. разобщенности людей. Участники договора взаимно ограничены обоюдными обязательствами; они воспринимают и осознают друг друга лишь в свете этих обязательств, т. е. абстрактно, безлично. Напротив, К. рассматривается как сознательно устанавливаемая взаимозависимость, противоположная договору. «Контакт — вместо контракта» (Ф. Кауфман). Средством установления К. объявляется «дискуссия», в ходе к-рой люди убеждаются, что их разъединяют сознательные установления и общепринятые нормы мышления, но роднит некий внутренний и бессознательно исповедуемый «этнос».

В прошлом договорные отношения реализовались, по Ясперсу, через систему рыночных связей и их правового регулирования; коммуникативные же контакты выступали как еще не разложившиеся общинные зависимости. В совр. условиях, по мнению Ясперса, договорные отношения, конвенция реализуются в мнпмых коллективах «массового общества», к числу к-рых относятся различного типа бурж. социальные объединения (корпорации, группы давления, бюрократизированные институты и т. д.). В отличие от корпоративных объединений с их принудительным характером, К., согласно Ясперсу, должны основываться на тщательно подготовленных интимных контактах и осознанной духовной общности.

В развитии экзистенциализма принцип К. появился как попытка преодоления ряда противоречий, к к-рым вело допущение изолированного бытия, экзистенции. Бытие других людей принималось во внимание лишь в качестве условия процесса самосознания, протекающего в изолированном индивидуе. «Я один не являюсь самостью для себя, а становлюсь ею во взаимодействии с другой самостью. Коммуникация есть условие также и личного бытия... Поэтому, где есть коммуникация, там есть и одиночество» (J a s p e r s K., Idee der Universität, B., 1923, S. 36). Обществ. отношения, поскольку они носят материальный характер и опосредуются вещами, просто отбрасываются экзистенциалистами как неподлинные. Первичной формой обществ. отношений считались эмпирич. формы прямого контакта сознаний — «беседа», «дискуссия» между двумя лицами. К., согласно Ясперсу, — это «безграничное обоюдостороннее пребывание в беседе» (там же, S. 37). «Подлинная дискуссия... возможна только между двумя людьми, беседующими с глазу на глаз» (там же, S. 38).

Объективно учение о К. противостоит марксистскому пониманию коллектива, являясь утонченной формой защиты кастовых и элитарных связей в совр. бурж. обществе.

Лит.: Б у р М., Нем. экзистенциализм и рефашизация идеологии в Зап. Германии, «Вопр. философии», 1962, № 12; J a s p e r s K., Die geistliche Situation der Zeit, B., 1931; е г о ж е, Philosophie, B.—G ö t t.—Hdlb., 1948; B o l l n o w O., Neue Geborgenheit, Stuttg.—Köln, 1955; K a u f m a n n F., K. Jaspers und die Philosophie der Kommunikation, в кн.: S c h i l l p p P. A., K. Jaspers, Stuttg., 1957; P e u r s e n C. A. v a n, Die Kommunikationshaftigkeit der Welt, в кн.: M. Heidegger zum siebzigsten Geburtstag, Tübingen, 1959; J u n g h ä n e l G., Über den Begriff der Kommunikation bei K. Jaspers, «Dtsch. Z. Philos.», 1961, № 4.

Э. Соловьев. Москва.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (КПСС) — боевой испытанный авангард сов. народа, объединяющий на добровольных началах передовую, наиболее сознат. часть рабочего класса,

колхозного крестьянства и интеллигенции СССР; высшая форма обществ.-политич. организации, руководящая и направляющая сила сов. общества и Сов. гос-ва. По определению Ленина, КПСС воплощает в себе ум, честь и совесть нашей эпохи. КПСС возникла в 1903, в условиях царской России, в обстановке жесточайшего террора как нелегальная партия. Социальная база возникновения КПСС — классовая борьба поднимающегося пролетариата России против царизма и капитализма. Идеино-теоретич. основой КПСС явился марксизм-ленинизм.

КПСС — пролет. партия нового типа. Если зап.-европ. социалистич. партии кон. 19 — нач. 20 вв. ограничивались гл. обр. парламентской деятельностью, не готовили пролетариат к решит. битвам за свержение власти капиталистов, за революц. переустройство капиталистич. общества в коммунистическое, то, в отличие от них, КПСС с самого начала своего существования неуклонно выполняла задачу свержения власти помещиков и капиталистов, осуществления социалистич. революции, установления диктатуры пролетариата, построения социализма и коммунизма.

Организатор и вожьд КПСС — В. И. Ленин. Он создал цельное и стройное учение о партии, разработал ее программу, стратегию и тактику, нормы парт. жизни и принципы парт. руководства. В пролет. партии Ленин видел авангард рабочего класса, способный сплотить широчайшие нар. массы, направить их энергию на революц. преобразование общества на социалистич. и коммунистич. началах. «Опыт СССР полностью подтвердил марксистско-ленинское учение о роли и в создании и развитии социалистического общества. Только партия, неуклонно проводящая классовую, пролетарскую политику, вооруженная передовой революционной теорией и сплоченная воедино, тесно связанная с массами, в состоянии организовать и повести весь народ к победе социализма» (Программа КПСС, 1961, с. 18).

Осн. организац. принципом КПСС является *демократический централизм*, сочетающий внутрипарт. демократию с твердой дисциплиной, активностью и самостоятельностью парт. организаций с подчинением нижестоящих организаций вышестоящим. Гл. принципом парт. руководства является коллективность. Непредложный закон жизни и деятельности партии — идейное и организац. единство ее рядов, неослабная борьба против любых отклонений от генеральной линии партии. Какое бы то ни было проявление фракционности и групповщины, любое ослабление парт. дисциплины несовместимы с марксистско-ленинской партийностью. «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии, ... тот фактически помогает буржуазии...» (Ленин В. И., Соч., т. 31, с. 27).

Гл. источники силы партии — это, во-первых, ее связь с массами, поддержка ими политики партии; чуждая всякого сектанства, КПСС всегда вела работу среди масс, в массовых организациях трудящихся; она учитывала и учитывает коллективный опыт масс, подхватывает и направляет нар. инициативу. КПСС существует для народа, служит народу, борется за его коренные интересы, считает народ гл. силой историч. процесса. Источником силы КПСС является, во-вторых, то, что ее политика строилась и строится на глубоконауч. основах *марксизма-ленинизма*.

Мировоззрением КПСС является *диалектический материализм*. Будучи органич. частью марксизма-ленинизма, диалектич. материализм является филос. основой всей деятельности партии, ее политич. линии. Политика, стратегия и тактика КПСС строятся в строгом соответствии с положениями и требованиями марксистской *философии*. Неуклонное соблюдение прин-

ципов диалектич. и *исторического материализма*, их творческое применение к анализу обществ. явлений дает возможность партии правильно определять свои задачи и успешно решать их.

Рассматривая революц. теорию как руководство к действию, КПСС опирается на глубокое знание законов обществ. развития и при определении политич. линии, задач и форм борьбы всегда учитывает особенности историч. обстановки. КПСС выступала и выступает против догматич. понимания теории, против механич. перенесения положений, соответствующих определенным историч. условиям, на другие, уже изменившиеся условия. «Марксизм,— писал Ленин,— требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики» (Соч., т. 24, с. 24).

Для деятельности КПСС характерно единство революц. теории и практики. Руководствуясь учением марксизма-ленинизма и борясь за претворение его в жизнь, КПСС в то же время творчески развивает и обогащает революц. теорию на основе обобщения опыта и созидат. деятельности масс, новых данных в развитии общества. История КПСС, вся ее преобразующая деятельность есть марксизм-ленинизм в действии и в развитии. Ленин еще в период создания партии отмечал, что нельзя рассматривать теорию Маркса как нечто законченное, что ее необходимо развивать дальше во всех направлениях. Ленин всегда выступал как против ревизионизма, так и против догматич. подхода к марксистской теории, характерного для меньшевизма и др. мелкобурж. партий, в борьбе с к-рыми росла и развивалась КПСС. Ленин высмеивал меньшевиков: «...выучили, но не поняли. За зубрили, но не продумали. Букву, но не смысл усвоили» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 10, с. 368). В условиях новой историч. эпохи, наступившей в конце 19 — нач. 20 вв., когда домонополия капитализм превратился в империализм, Ленин развил марксизм, обогатил его новыми выводами и положениями. Ленинизм — это марксизм совр. эпохи. Высшим достижением марксистско-ленинской мысли в совр. условиях является *Программа КПСС*, принятая XXII съездом партии, представляющая собой филос., политич. и экономич. обоснование построения коммунизма в СССР. Новая Программа КПСС — Коммунистический Манифест современности.

На протяжении всей своей истории КПСС непримиримо боролась и борется против каких бы то ни было отступлений от марксистско-ленинской теории, от последоват. революц. линии, вела и ведет борьбу на два фронта: против правого ревизионизма, с одной стороны, и «левого» оппортунизма, догматизма и сектанства — с другой.

Возникновение КПСС имело решающее значение не только для судеб народов России, оно явилось поворотным пунктом во всем мировом революц. движении: КПСС стала образцом для всех коммунистич. и рабочих партий. «...Большевизм,— отмечал Ленин,— годится как образец тактики для всех» (Соч., т. 28, с. 270). КПСС — неотъемлемая составная часть междунар. коммунистич. движения. Во всей своей деятельности она руководствуется принципами пролет. *интернационализма*, строго следует указаниям документов, принятых междунар. совещаниями представителей коммунистич. партий, борется за единство мирового коммунистич. движения. Ее деятельность высоко оценивается марксистско-ленинскими партиями. В Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1960) сказано: «Коммунистические и

рабочие партии единодушно заявляют, что общепризнанным авангардом мирового коммунистического движения была и впредь остается Коммунистическая партия Советского Союза, как наиболее опытный и закаленный отряд международного коммунистического движения. Опыт КПСС, накопленный в борьбе за победу рабочего класса, в строительстве социализма и в осуществлении развернутого строительства коммунизма, имеет принципиальное значение для всего международного коммунистического движения» («Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», 1961, с. 83). Всей своей деятельностью КПСС оправдывает эту высокую оценку.

Рабочий класс и его Коммунистич. партия проходят в своей борьбе три всемирно-историч. этапа: свержение господства эксплуататоров и установление диктатуры пролетариата; построение социализма; создание коммунистич. общества. Ныне КПСС вступила в третий этап своего развития — приступила к развернутому строительству коммунизма.

В условиях развернутого строительства коммунизма КПСС, оставаясь партией рабочего класса, превратилась в партию всего народа, что является объективной закономерностью. Условиями такого превращения явились: полная и окончательная победа социализма в СССР, ликвидация всех эксплуататорских классов, укрепление союза между рабочим классом и крестьянством, дружбы между народами Советского Союза, идейно-политическое единство всего советского народа.

Образование КПСС как пролет. партии нового типа явилось закономерным и исторически необходимым процессом. КПСС возникла в период, когда капитализм вступил в свою последнюю стадию — империализм, когда крайне усилились все его противоречия и пролет. революция встала перед рабочим классом как непосредств. практич. задача. Особо острыми противоречия оказались в России; рус. рабочий класс выдвинулся на самые передовые позиции в междунар. рабочем движении. С особой необходимостью возникла здесь потребность в пролет. партии нового типа — последовательно революционной, способной организовать и повести рабочий класс на штурм капитализма, совершить социалистич. революцию. Такой партией и явилась КПСС. Не случайно, а в силу историч. условий развития Россия стала родиной ленинизма, родиной последовательно революц. рабочей партии. Революц. пролет. партия в России возникла на основе марксизма, получившего широкое распространение в 80-е и особенно в 90-е гг. 19 в., и на основе обобщения опыта российского и мирового рабочего движения; партия внесла идеи науч. социализма в стихийное рабочее движение, придав ему организованность и революц. целенаправленность. КПСС — законный преемник всего лучшего, что дало пролет. революц. движение на Западе при жизни Маркса и Энгельса и революц.-демократич. движение в России.

Утверждение революц. марксизма в рабочем движении проходило в ожесточ. борьбе против домарксистских, утопич. форм социализма, особенно *народничества*. При этом рус. марксисты, подвергая критике народнич. доктрину в целом, отмечали заслуги революц. народников как революц. демократов. Революц. марксизм в России утвердился также в борьбе против извращения марксистской теории в бурж. духе (см. *«легальный марксизм»*).

Победа марксизма в российском рабочем движении, подготовка к созданию пролет. партии потребовала десятилетий. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — указывал Ленин, — Россия поистине в ы с т р а д а л а полувековой историей не-

слыханных мук, жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Соч., т. 31, с. 9).

Как идейное течение социал-демократия возникла в России с основанием группы «Освобождение труда» (1883). Но она не была связана с рабочим движением. Первым зачатком партии, опирающимся на массовое рабочее движение, был основанный Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (1895). Ленинский «Союз борьбы» соединил идеи науч. социализма с рабочим движением; в его создании и деятельности под руководством Ленина принимали участие передовые рабочие И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, М. И. Калинин, Г. И. Петровский и др.

Российская социал-демократич. рабочая партия была основана в 1898; I съезд РСДРП выпустил «Манифест», с осн. положениями к-рого солидаризировался Ленин. Но фактически партии как единой сплоченной организации еще не существовало; с.-д. комитеты были разобщены, переживали период разброда и идейных шатаний. Потребовалось несколько лет борьбы Ленина и его соратников, чтобы подготовить действительно революц. марксистскую партию.

Решающее значение в ее создании сыграла основанная Лениным газета «Искра», ставшая центром объединения парт. сил, сплочения революционеров в единую организацию. На страницах «Искры», в книге *«Что делать?»* и в др. произведениях Ленин всесторонне разработал план создания партии, ее осн. задачи и принципы построения; в соответствии с этим планом образовалась КПСС. КПСС как партия нового типа, ленинская партия, возникла на II съезде РСДРП (1903). «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» (там же, с. 8).

II съезд РСДРП принял первую программу партии, в к-рой, в отличие от программ зап.-европ. социалистич. партий, содержалась идея борьбы за установление диктатуры пролетариата. Руководствуясь этой программой, партия развертывала борьбу за победу бурж.-демократич. и социалистич. революции в России. Историч. значение II съезда РСДРП состоит в том, что он закрепил победу «искровского», ленинского направления в российском движении; положил начало пролет. партии нового типа.

За период своего более чем шестидесятилетнего существования партия в соответствии с конкретно-историч. обстановкой и задачами, к-рые нужно было решать, меняла стратегию и тактику, организац. формы; изменялись и закономерности ее развития. В условиях капиталистич. общества, когда на рабочий класс оказывала влияние бурж. идеология, а в самом рабочем классе существовали различные прослойки, одной из осн. закономерностей развития и укрепления КПСС являлась непримиримая борьба против оппортунизма внутри российского и междунар. рабочего движения и против оппортунистич. течений и групп внутри самой партии, отражавших в той или иной форме бурж. и мелкобурж. идеологию. КПСС пришлось вести ожесточенную борьбу с меньшевиками, ликвидаторами, троцкистами, правыми и «левыми» оппортунистами, национал-уклонистами. Ленин отмечал, что большевизм вырос, окреп и закалился прежде всего в борьбе против правого оппортунизма, как гл. врага, а также против мелкобурж. революционности, к-рая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует. В ходе этой борьбы КПСС показала себя до конца преданной великим идеям марксизма-ленинизма, принципам пролет. интернационализма, ко- ренным интересам рабочего класса, всех трудящихся.

Без такой борьбы партия не смогла бы успешно решить свои историч. задачи; опыт борьбы КПСС против всяких проявлений оппортунизма имеет огромное значение для всего мирового коммунистич. движения.

Перед первой рус. революцией (1905—07) и в ходе ее вождь КПСС Ленин разработал научно-обоснов. стратегию и тактику победоносной борьбы против царизма. Раскрыв особенности бурж.-демократич. революции в России, он показал, что, хотя революция в России является по своему содержанию буржуазной, ее руководителем, гегемоном выступает пролетариат, а не буржуазия, как утверждали меньшевики. Этот важнейший вывод Ленин сделал в результате применения метода диалектич. материализма, на основе конкретного анализа особенностей рус. бурж. революции, происходившей в условиях империализма. Подход меньшевиков, судивших о движущих силах рус. революции по простой аналогии с бурж. революциями 18 и 19 вв., Ленин расценивал как издевательство над диалектич. материализмом. Характеризуя движущие силы революции, Ленин обосновал положение, что союзником пролетариата в борьбе против царизма является крестьянство; важнейшее средство свержения царизма — *вооруженное восстание*. Вслед за выполнением демократич. задач революции, отмечал Ленин, должна начаться борьба пролетариата и др. эксплуатируемых масс за социалистич. революцию. Разработка Лениным теории перерастания бурж.-демократич. революции в социалистическую — важнейший вклад в учение марксизма. Огромное значение имела оценка Лениным возникших в ходе революции Советов рабочих депутатов как зачатков новой, революц. власти.

После поражения революции, в период реакции в России (1907—10), когда все др. оппозиц. партии оказались разбитыми и деморализованными, только большевики высоко держали революц. знамя; они были убеждены в неизбежности нарастания новой революции и, умело сочетая нелегальную и легальную работу, собирали силы. КПСС дала решит. отпор антипарт. течениям — отзовистам, троцкистам, а также ревизионистам в области философии. В труде *«Материализм и эмпириокритицизм»* Ленин подверг критике махистскую ревизию философии марксизма, дал всестороннюю критику реакц. идеалистич. философии, обобщил с позиций диалектич. материализма как всемирно-историч. практику рабочего класса, так и новейшие достижения естествознания. Разработка Лениным филос. вопросов в период реакции в связи с задачами политич. борьбы является одним из ярких примеров единства политики партии и марксистской философии. Произведение *«Материализм и эмпириокритицизм»* сыграло выдающуюся роль в идейном вооружении партии, в обосновании ее общетеоретич. принципов, в борьбе против бурж. идеологии и различных разновидностей оппортунизма. В ходе борьбы с ревизионистами в области философии Ленин высказал очень важное положение о том, что в различные историч. периоды закономерно выдвигается на первый план то одна, то другая сторона марксизма.

В годы нового революц. подъема (1910—14) партия уделила большое внимание разработке нац. вопроса. В трудах Ленина *«Критические заметки по национальному вопросу»*, *«Право наций на самоопределение»* и др. была развернута научно-обоснов. программа партии по нац. вопросу, развит принцип пролет. интернационализма, подвергнуты критике великодержавный и бурж. национализм. Разработка КПСС нац. вопроса имела огромное междунар. значение для сплочения рабочих всех наций под знаменем пролет. интернационализма.

В годы 1-й мировой войны и второй революции в России (1914 — февраль 1917), в обстановке безу-

держного разгула шовинизма и преследований, измены и предательства лидеров 2-го Интернационала, КПСС мужественно выступила под знаменем пролет. интернационализма против империалистич. войны, наметила цельную программу по вопросам войны, мира и революции. Под руководством Ленина КПСС развернула огромную работу в массах, среди солдат, разъясняя им, что выход из войны в создавшихся условиях возможен только на путях революции, превращения войны империалистической в войну гражданскую. На междунар. социалистич. конференциях (Циммервальдской, Кинтальской) большевики сплачивали левые, интернационалистские элементы, закладывали основы будущего, 3-го, Коммунистич. Интернационала.

В период войны Ленин проделал громадную теоретич. работу. Он дал глубокий марксистский анализ *империализма* как высшей и последней стадии капитализма, как «умирающего капитализма», кауна социалистич. революции. Ленин показал, что, в отличие от периода домонополистич. капитализма, когда, как справедливо считали Маркс и Энгельс, победоносная социалистич. революция была возможна лишь как одновременная во всех или в большинстве развитых капиталистич. стран, в период империализма победа социализма одновременно во всех странах невозможна; социализм победит первоначально в одной, отдельно взятой, капиталистич. стране или в неск. странах. Ленинская теория социалистич. революции указала верный путь борьбы рабочим всех стран.

Глубокий анализ империализма, развитие теории социалистич. революции Ленин сочетал с разработкой вопросов марксистской философии, особенно материалистич. диалектики. В период 1-й мировой войны Ленин совершил огромную работу по философии (см. *«Философские тетради»*). Именно применение материалистич. диалектики позволило Ленину вскрыть неразрешимые противоречия империализма, закономерности его развития, неминуемо ведущие к его гибели. Громадное значение имеет разработка Лениным вопроса о типах войн в эпоху империализма, о войнах справедливых и несправедливых, их причинах, о позиции пролетариата в отношении к разным типам войн. В связи с рассмотрением всей совокупности этих проблем Ленин сформулировал необходимость историч. подхода к любому обществ. явлению: «Весь дух марксизма, вся его система, требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (Соч., т. 35, с. 200).

После Февр. революции 1917, в ходе к-рой было свергнуто царское самодержавие, Ленин в Апрельских тезисах определил курс партии на борьбу за перерастание бурж.-демократич. революции в революцию социалистическую. Ленин указывал в тезисах, что своеобразие текущего момента состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму ее этапу, когда власть в гос-ве должна перейти к пролетариату и беднейшему крестьянству. Вместе с тем Ленин определил и политич. форму организации власти, выдвинув республику Советов как политич. форму диктатуры пролетариата. Важнейшее значение имело обоснование Лениным возможности в тех условиях перехода власти к Советам мирным путем. Он определил линию отношения партии к войне, наметил меры в экономич. области, по аграрному вопросу, по вопросам парт. жизни.

В период от февраля к октябрю КПСС под руководством Ленина проделала громадную организаторскую и разъяснит. работу в массах, завоевывая их на свою сторону, создавая политич. армию революции. Возглавляя революц. инициативу масс, партия проводила гибкую тактику, учитывающую быстрое изменение

историч. обстановки. Блестящим образом этого является смена лозунгов партии в связи с июльскими событиями. После июльских дней обстановка в стране резко изменилась: двоевластие кончилось, наступило единовластие буржуазии. Ленин дал глубокий анализ новой обстановки, показал, что пролетариат теперь может взять власть только силой, путем вооруж. восстания. Эта новая тактика, намеченная Лениным, была принята VI съездом РСДРП(б) (авг. 1917), нацелившим партию на подготовку и проведение вооруж. восстания.

Находясь в подполье, Ленин разработал важнейшие вопросы марксистской теории. В работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться» он обосновал программу переходных мер к социализму, показал выход из грозившей стране нац. катастрофы, в пропасть к-рой ее толкали помещики и капиталисты. Этот выход Ленин видел в социалистич. революции, в политич. и экономич. обновлении России, в том, чтобы догнать передовые капиталистич. страны в экономич. отношении. В труде «Государство и революция» Ленин восстановил подлинные взгляды Маркса и Энгельса, фальсифицированные оппортунистами из 2-го Интернационала, по вопросам гос-ва, диктатуры пролетариата и развил марксистское учение о гос-ве. Дав глубокий марксистский анализ происхождения гос-ва, его классовой сущности, Ленин с особой силой подчеркнул, что главное в марксизме — это признание историч. неизбежности диктатуры пролетариата как осн. орудия социалистич. революции и построения социализма. При этом Ленин выдвинул положение о разнообразии политич. форм пролет. гос-ва: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политич. форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата» (Соч., т. 25, с. 385). Характеризуя диктатуру пролетариата как гос-во подлинной, нар. демократии, Ленин показал фальшивый, урезанный характер бурж. демократии, являющейся формой диктатуры буржуазии и угнетения трудящихся. Неоценимое значение имеет теоретич. разработка Лениным вопроса о двух фазах коммунизма, об условиях отмирания гос-ва.

Труды Ленина, написанные непосредственно перед Октябрем, представляют яркий образец творческого развития марксизма. В этих произведениях Ленин вновь глубоко обосновал неизбежность и необходимость социалистич. революции, дал всестороннюю характеристику Советов как гос. формы диктатуры пролетариата. Все работы Ленина проникнуты непреклонной верой в силу партии, в силу рабочего класса, народа, в их способность свергнуть власть помещиков и капиталистов и начать социалистич. преобразование страны.

Преодолевав штрейкбрехерство и измену Камнева и Зиновьева, выступавших против восстания и выдавших врагу решение ЦК о восстании, а также сопротивление Троцкого, партия под руководством Ленина успешно провела вооруж. восстание; рабочие и беднейшее крестьянство свергли власть помещиков и капиталистов и установили диктатуру пролетариата. Великая Окт. социалистич. революция 1917 победила потому, что КПСС сумела объединить в один революц. поток различные революц. движения: борьбу рабочих за установление диктатуры пролетариата, общедемократич. движение за мир, борьбу крестьянства за землю, борьбу народов за нац. освобождение. В период подготовки и проведения Великой Окт. социалистич. революции партия выступила как подлинный вождь трудящихся и как великая патриотич. и интернационалистич. сила. Она спасла страну от грозившей национальной катастрофы и открыла народу путь для строительства новой жизни, строи-

тельства социализма и коммунизма. Началась новая эра в истории человечества.

С победой Великой Окт. социалистич. революции 1917 КПСС стала правящей партией, руководящей и направляющей силой в системе диктатуры рабочего класса. От задачи разрушения старого, эксплуататорского строя она перешла к решению значительно более сложной и трудной задачи — созданию нового обществ. строя, построению социализма и коммунизма. Вождь партии Ленин всесторонне обосновал возможность решения этой великой историч. задачи. Он указывал, что в Сов. стране есть все необходимое для построения социалистич. общества — «... и в природных богатствах, и в запасах человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция...» (Соч., т. 27, с. 134—35). Одну из важнейших предпосылок для создания нового обществ. строя партия видела в выходе из империалистич. войны, в борьбе за мир. В основу внешней политики Сов. гос-ва с первых дней его рождения был положен ленинский принцип *мирного сосуществования* государств с различным общественным строем.

Сразу же после победы Окт. революции КПСС пришлось вести борьбу в защиту своей мирной политики против меньшевиков, эсеров, а также «левого» уклона в ее собственных рядах. Т. н. «левые коммунисты» и троцкисты выступали против заключения мира. В то время, как страна переживала тяжелую разруху, не имела боеспособной армии, они толкали ее на войну против вооруженного до зубов герм. агрессора. Они выступили с чудовищным заявлением о том, что во имя мировой революции целесообразно даже идти на утрату Сов. власти. Это была крайне опасная, авантюристич. политика, ведущая к гибели молодого Сов. гос-ва. «Левые» не хотели понимать того, что революция не делается по заказу, что она может возникнуть только в условиях общенац. кризиса при наличии революц. ситуации. Будучи догматиками в теории и в политике, «левые» отрицали всякие компромиссы, без к-рых не может обойтись ни одна серьезная политич. партия. В борьбе с «левыми коммунистами» партия одержала победу; ленинская мирная политика восторжествовала, что имело громадное значение не только для Сов. страны, но и для судеб мировой революции.

Строительство социализма в одной стране, в условиях враждебного капиталистич. окружения, было связано с величайшими трудностями. Оно проходило в обстановке острой классовой борьбы. Свергнутые эксплуататорские классы с помощью мелкобурж. партий — меньшевиков, эсеров, анархистов — стремились реставрировать капитализм, используя для этого саботаж, вредительство, террор, вооруж. борьбу против пролет. гос-ва. Организованные междунар. империализмом и внутр. контрреволюцией иностр. интервенция и гражд. война не могли сломить первого в мире пролет. гос-ва, но нанесли ему громадный ущерб, что еще более усугубило трудности социалистич. строительства.

Во главе обороны социалистич. отечества стояла КПСС; она возглавляла героич. борьбу трудящихся на фронте и в тылу; под ее руководством сов. народ разгромил многочисл. врагов. «...Только благодаря тому, — говорил Ленин, — что партия была на страже, что партия была строгайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти» (Соч., т. 30, с. 416).

Обобщая первый опыт историч. творчества трудящихся масс по созданию социалистич. общества, развивая теорию науч. коммунизма, Ленин разработал конкретный план социалистич. строительства, осн. звеньями к-рого являлись: социалистич. индустриализация, электрификация всей страны; коллективизация сельского хозяйства; культурная революция. Ленинский план стал руководством для деятельности партии и народа по революц. преобразованию общества на социалистич. началах. Важнейшим условием построения социализма в СССР являлось укрепление экономич. и политич. союза рабочего класса и крестьянства при сохранении руководящей роли рабочего класса. Этой задаче соответствовала новая экономич. политика, введенная по инициативе Ленина решением X съезда РКП(б) (1921). Новая экономич. политика поднимала заинтересованность крестьянства в развитии сельского хозяйства, а это в свою очередь создавало условия для подъема всех производит. сил страны, для укрепления экономич. союза города и деревни. Новая экономич. политика была единственно правильной политикой в переходный период от капитализма к социализму. Она была рассчитана на упрочение союза пролетариата и крестьянства, на вытеснение капиталистич. элементов социалистическими, на уничтожение эксплуататорских классов, на победу социализма в СССР.

Необходимым условием победы социализма явился идейный разгром антиленинских фракций и течений в рядах партии. В переходный период от капитализма к социализму, когда свергнутые эксплуататорские классы упорно сопротивлялись мероприятиям пролет. гос-ва, а на рабочий класс сильное влияние оказывала мелкобурж. стихия, классовая борьба в стране нашла отражение в острой идейной борьбе внутри партии. Гл. вопросом, вокруг к-рого шла борьба с троцкистами, правыми уклонистами, национал-уклонистами, был вопрос о возможности построения социализма. Партия разгромила все враждебные ленинизму каппулянтские фракции и группировки, отрицавшие возможность построения социализма в одной стране, сохранила и укрепила идейное и организац. единство своих рядов, обеспечив тем самым проведение в жизнь генеральной линии партии, рассчитанной на построение социализма. При этом партия раскрыла не только социальные, но и филос. основы антиленинских группировок: субъективизм и волюнтаризм, эклектизм, механицизм, а в конечном счете — капитулянтство перед бурж. философией, забвение материалистич. диалектики.

Партия провела громадную политич., организаторскую и идейно-воспитат. работу в массах, мобилизовала все материальные и духовные силы народа на построение первого в мире социалистич. общества. Осн. звеном, с к-рого началось создание нового обществ. строя, была социалистич. индустриализация страны, создававшая прочную основу для развития всех отраслей нар. хозяйства, обеспечившая экономич. независимость и оборонную мощь страны. В ней партия видела ключ к разрешению противоречия между самым передовым политич. строем и отсталой экономикой. Опираясь на указания Ленина, партия изыскала источники социалистич. накопления для капитальных вложений, одним из к-рых явился строжайший режим экономии, обеспечила неуклонный рост производительности труда. В результате величайших усилий партии и народа индустриализация страны была осуществлена в кратчайшие историч. сроки не только без помощи извне, но и при враждебном отношении капиталистич. гос-в, что вынуждало выделять большие средства непосредственно для нужд обороны. Индустриализация страны явилась великим подвигом рабочего класса, всего сов. народа.

Под руководством партии была решена сложнейшая задача социалистич. переустройства сельского хозяйства на основе *кооперативного плана В. И. Ленина*. Опираясь на союз рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса, на бедняцко-средняцкие массы деревни, партия осуществила политику сплошной коллективизации и на этой основе — ликвидацию кулачества как класса. Мелкие, раздробленные крест. хозяйства были переведены на рельсы крупного коллективного производства. Обобщая опыт колхозного движения, партия определила наиболее целесообразную форму организации коллективного хозяйства, снабдила колхозы новейшей с.-х. техникой, укрепила их руководящими кадрами. Переход сов. деревни к крупному социалистич. хозяйству означал великую революцию в экономич. отношениях, во всем укладе жизни крестьянства.

В СССР была совершена культурная революция, к-рая вывела трудящихся из духовного рабства и темноты, приобщила их к богатствам культуры и науки. Впервые в истории человечества наука, лит-ра и искусство стали служить всему народу. Была успешно решена проблема подготовки кадров для всех отраслей гос., хоз. и культурного строительства. В борьбе за социалистич. культуру, за преодоление влияния бурж. идеологии, в особенности для дальнейшего развития марксистской философии, огромное значение имела работа Ленина «*О значении воинствующего материализма*» (1922), в к-рой он определил осн. направления и задачи, стоящие перед философами-марксистами, наметил программу развития марксистской филос. мысли. С особой силой Ленин подчеркнул необходимость борьбы за диалектич. материализм, против бурж. идеологии, идеалистич. реакц. течений, религии, всякого рода поповщины и мистики.

Величайшим завоеванием социализма являлось разрешение *национального вопроса* в СССР. Осуществляя ленинскую нац. политику, партия последовательно проводила линию на ликвидацию фактич. неравенства народов СССР, оставшегося в наследство от прошлого. Многие ранее отсталые народы пришли к социализму, минуя капиталистич. стадию развития. Результатом этого явился мощный подъем их экономики, расцвет культуры — социалистической по содержанию и национальной по форме. Сплочение народов СССР в единую братскую семью, укрепление их нерушимой дружбы и братского сотрудничества — важнейший источник силы сов. социалистич. гос-ва.

В ходе социалистич. строительства получила дальнейшее развитие социалистич. *демократия* — первая в истории подлинно нар. демократия, обеспечивающая всем гражданам широкие политич. свободы и социальные права, активное участие в управлении гос-вом, экономич. и культурным строительством. В результате ликвидации эксплуататорских классов, на базе общности коренных интересов рабочих, крестьян, интеллигенции сложилось нерушимое идейно-политич. единство сов. общества.

Победа социализма в СССР явилась великим подвигом партии и народа, триумфом бессмертных идей марксизма-ленинизма. «В результате самоотверженного труда советского народа, теоретической и практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза человечество получило реально существующее социалистическое общество и проверенную на опыте науку о построении социализма» (Программа КПСС, с. 19). Победа социализма в СССР явилась величайшей историч. проверкой и подтверждением истинности диалектич. и историч. материализма, марксизма-ленинизма в целом. Было подтверждено положение историч. материализма о великой роли народа как творца истории,

о роли рабочего класса и его партии как руководителей трудящихся масс. Победа социализма в СССР подтвердила и важнейшее положение диалектич. материализма о том, что с изменением обществ. бытия и в ходе этого процесса меняется и обществ. сознание: старое бурж. сознание было побеждено новым социалистич. сознанием, отражающим социалистич. обществ. отношения, социалистич. бытие людей. Практика революции и строительства социализма подтвердила также истину историч. материализма о великой организующей и преобразующей роли передовых идей, идей марксизма-ленинизма. Когда эти идеи овладели сознанием миллионов, они превратились в могучую материальную движущую силу развития. Практика строительства социализма, развитие нового общества подтвердили истинность законов материалистич. диалектики. Революц. диалектика в руках партии была неизменным теоретич. оружием во всей ее многогранной деятельности. Победа социализма служит доказательством того, что КПСС правильно поняла, применяла и применяет великую истину Маркса: философия должна не только объяснять мир, но и служить делу изменения мира.

Успехи социализма в СССР были бы еще большими, если бы не культ личности Сталина, к-рый не только не вытекал из социалистич. строя, но находился в глубоком противоречии с природой этого строя, с природой ленинской партии, с существом марксизма-ленинизма. В обстановке культа личности Сталина попирались ленинский принцип коллективности парт. руководства, нарушались нормы парт. жизни, насаждались несвойственные КПСС нравы голого администрирования, принижалась роль трудящихся масс как творца истории, создателя материальных и духовных благ. В идеологии широкое распространение получили догматизм и чуждость, отрыв теории от практики, от жизни. Были допущены грубые нарушения социалистич. законности. Выдвинутый Сталиным уже после победы социализма и ликвидации эксплуататорских классов тезис о том, будто по мере упрочения позиций социализма, дальнейшего продвижения Сов. гос-ва вперед классовая борьба будет все более и более обостряться, послужил «теоретическим» обоснованием массовых репрессий, произвола по отношению к ни в чем неповинным людям, в особенности к парт., гос. и воен. кадрам. Ослабление воен. кадров в результате массовых репрессий, а также грубые ошибки, допущенные Сталиным перед Великой Отечеств. войной и в ходе войны, привели к ряду неудач и тяжелых поражений Сов. Армии на первом этапе войны. Страна оказалась в крайне трудном и опасном положении.

Но культ личности Сталина не мог остановить поступат. развития сов. общества, изменить характер социалистич. строя, поколебать силу сов. народа, основы КПСС, хотя он и создал дополнит. трудности и нанес серьезный урон делу коммунизма.

Суровой проверке подвергся сов. социалистич. строй в годы Великой Отечеств. войны 1941—45. В эти грозные годы КПСС выступила как вдохновитель и организатор всенар. борьбы против фашистских агрессоров. Несмотря на врем. неудачи Сов. Армии в начале войны, СССР не только устоял перед натиском фашистской Германии и ее сателлитов, но, преодолев неимоверные трудности, разгромил врага. В годы войны с огромной силой проявились преимущества социалистич. строя перед капиталистич. строем, превосходство социалистич. идеологии над человеконенавистнич. фашистской идеологией. Победой над гитлеровской Германией и империалистич. Японией сов. народ сыграл решающую роль в избавлении народов Европы, Азии и др. континентов от угрозы фашистского порабощения, в спасении мировой цивили-

зации. Ход и исход Отечеств. войны подтвердили, что в мире нет сил, к-рые могли бы остановить поступат. движение социализма.

После окончания войны все силы партии и народа были направлены на восстановление и дальнейшее развитие нар. хозяйства, на завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму. Возросли роль и авторитет Сов. Союза на междунар. арене. Всемирно-историч. значение имело отпадение от капиталистич. системы ряда стран Европы и Азии, образование мировой системы социализма. Возникла новая форма политич. организации общества — народная демократия, явившаяся одной из форм диктатуры пролетариата. Под ударом нац.-освободит. движения начался распад колониальной системы империализма. В результате произошло дальнейшее обострение общего кризиса капитализма. Империализм вступил в период заката и гибели. Темпы мирового обществ. прогресса значительно усилились. Гл. содержание, направление и особенности историч. развития человечества во все возрастающей мере определяют теперь мировая социалистич. система, силы, борющиеся против империализма, за социалистич. переустройство общества.

Начиная с 1953 партия приняла решит. меры к ликвидации вредных последствий культа личности Сталина, к восстановлению ленинских норм парт. жизни и принципа коллективного руководства. Поворотным пунктом в жизни партии и страны, в междунар. коммунистич. движении явился XX съезд КПСС (1956). Партия смело вскрыла ошибки и недостатки, допущенные в прежние годы в партийной, государственной и хоз. жизни, и решительно повела курс на ликвидацию последствий культа личности, на осуществление ленинских демократических принципов и традиций. Партия идейно и политически разгромила антипартийную группу Молотова, Кагановича, Маленкова и др., которая сопротивлялась ленинскому курсу XX съезда КПСС.

Курс XX съезда КПСС, его решения нашли горячее одобрение в междунар. коммунистич. движении. Решения XX съезда КПСС «...имеют не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма» (Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, 1961, с. 84).

Разоблачая культ личности Сталина, следовательно, преодолевая его вредные последствия во всех областях жизни, партия в то же время выступает против попыток под видом борьбы против культа личности Сталина реабилитировать разгромленные в свое время враждебные ленинизму антиленинские фракции и течения, перечеркнуть и очернить героич. деятельность партии, ее успехи в строительстве социализма. Партия осуждает также, как не имеющие ничего общего с марксизмом-ленинизмом, попытки анархич. отрицания авторитета руководителей.

Под руководством КПСС в СССР за последние годы осуществлены крупнейшие политич. и народнохозяйств. мероприятия, направленные на обеспечение крутого подъема всех отраслей нар. хозяйства. Успехи сов. народа в дальнейшем развитии нар. хозяйства позволили ему в короткий срок завершить строительство социалистич. общества и выйти на новые историч. рубежи. Внеочередной XXI съезд КПСС (1959) сделал вывод о том, что социализм в СССР победил не только полностью, но и окончательно. Страна вступила в период развернутого строительства коммунизма.

Величайшим событием в жизни партии и страны явился XXII съезд КПСС (1961) — съезд строителей коммунизма, имевший огромное значение для всего

международного коммунистического движения. На XXII съезде КПСС был дан анализ международного и внутреннего положения СССР, подведены итоги деятельности партии за период после XX съезда, определены перспективы коммунистического строительства. Съезд полностью одобрил политич. курс и практич. деятельность ЦК КПСС в области внутр. и внешней политики, одобрил выводы и предложения, содержащиеся в отчете ЦК КПСС. Съезд принял новую, третью Программу Коммунистической партии Советского Союза, к-рая отвечает условиям совр. историч. периода в жизни Сов. Союза, социалистич. лагеря, всего мирового рабочего и освободит. движения. В Программе определены и научно обоснованы гл. задачи партии на период строительства коммунизма: пути и методы создания материально-технич. базы коммунизма, преобразования социалистических отношений в коммунистические, воспитания сов. людей в духе коммунизма. Все эти три великие задачи внутренне связаны. Но определяющим весь ход коммунистич. строительства естественно является создание материально-технич. базы коммунизма, создание могучих производит. сил. Это основа высокой производительности труда, источник и условие изобилия материальных благ, основа ликвидации остатков классовых различий и формирования всесторонне развитой личности.

Выработка новой Программы партии является ярким выражением громадной теоретич. деятельности КПСС. Программа дает научно обоснованные ответы на главные вопросы современности. В Программе партии, в решениях съездов и пленумов ЦК КПСС развито ленинское учение о путях перехода от социализма к коммунизму, о характере совр. эпохи, о мирном сосуществовании двух обществ, систем, о возможности предотвращения войн в совр. эпоху, о разнообразии форм перехода от капитализма к социализму, о более или менее одновременном вступлении социалистич. стран в коммунизм, о превращении гос-ва диктатуры пролетариата во всенар. гос-во, о превращении партии рабочего класса в партию всего народа и др. В Программе и др. парт. документах разработаны крупнейшие проблемы периода развернутого строительства коммунистич. общества: о путях и формах сближения колхозной и общенар. собственности и перспективах их слияния в единую коммунистич. собственность, о развитии коммунистич. обществ. отношений, о переходе от общенар. гос-ва к коммунистич. самоуправлению и др.

Историч. опыт показывает, что с 1953 КПСС проделала гигантскую теоретич. работу; по объему и результатам этой деятельности партии истекший период был исключительно творческим, плодотворным.

В период развернутого строительства коммунизма в СССР партия вступила в новый этап своего развития. Возникнув как авангард рабочего класса, КПСС превратилась в авангард всего сов. народа; ее направляющее влияние на все стороны жизни общества еще более расширилось.

Это обусловлено ростом масштабов и сложностью задач коммунистического строительства, требующих более высокого уровня политического и организационного руководства; подъемом творческой активности масс, вовлечением новых миллионов трудящихся в управление гос. делами и производством; дальнейшим развитием социалистич. демократии, повышением роли обществ. организаций, расширением прав союзных республик и местных организаций; возрастающим значением теории науч. коммунизма, ее творческого развития и пропаганды, необходимостью усиления коммунистич. воспитания трудящихся и борьбы за преодоление пережитков прошлого в сознании людей.

Опираясь на возросшую активность сов. народа, партия проводит громадную работу по дальнейшему развитию производит. сил страны, созданию материально-технич. базы коммунизма. КПСС постоянно совершенствует формы руководства всеми областями коммунистического строительства, глубоко анализирует сложные процессы экономической, политической и культурной жизни, выработывает на этой основе правильные решения. Ленинская партия — враг субъективизма и самотека в коммунистич. строительстве. Ей чужды прожектерство, скороспелые выводы и спешные, оторванные от реальности решения и действия, хвастовство и пустозвонство, увлечение администрированием, нежелание считаться с тем, что уже выработали наука и практический опыт. Строительство коммунизма не терпит канцелярских методов, единоличных решений, игнорирования практического опыта масс.

Как передовой отряд народа партия показывает пример выработки наиболее совершенных форм коммунистич. обществ. самоуправления. Законом ее жизни является неуклонное соблюдение ленинских норм парт. жизни и принципов коллективного руководства, повышение ответственности парт. органов и их работников перед парт. массами, обеспечение и развертывание внутривид. демократии. Партия требует от коммуниста своим поведением на производстве, в обществе, в личной жизни показывать образцы борьбы за развитие и упрочение коммунистич. отношений, принципов и норм коммунистич. морали. Чуждая догматизму, косности, партия постоянно совершенствует формы и методы своей работы.

Создание материальных и духовных предпосылок коммунизма — взаимосвязанный процесс: мощное развитие производит. сил и непрерывное повышение жизненного уровня народа способствуют росту коммунистич. сознания людей, а это, в свою очередь, ускоряет решение хоз. задач. Главное в идейно-воспитат. работе партии — идеологически обеспечить превращение в жизнь Программы КПСС, создание материально-технич. базы коммунизма, формирование коммунистич. обществ. отношений, воспитание нового человека; вести развернутое наступление против империалистич. идеологии, против идей антикоммунизма, против пережитков прошлого в сознании людей.

Важнейшая закономерность развития КПСС — постоянное усиление ее связей с массами. Ярким проявлением тесной связи партии с народом является рост ее рядов. Если в первый год существования Сов. власти в партии насчитывалось ок. 300 тыс. членов, то теперь армия коммунистов в СССР составляет более 11 млн. членов и кандидатов.

Осуществляя развернутое строительство коммунизма, КПСС проводит мирную внешнюю политику. Политика мирного сосуществования — это линия на исключение воен. средств борьбы между гос-вами с различной социально-экономич. организацией; она предполагает борьбу в форме экономич. соревнования, политич. и идеологич. борьбы. Стремясь предотвратить новую мировую войну, КПСС, как и все социалистич. страны, все коммунисты, опирается на новое соотношение сил на мировой арене, на реальные средства, позволяющие обуздать империалистич. агрессоров. Борясь за мир, всеобщее и полное разоружение под строгим междунар. контролем, партия и Сов. пр-во в то же время учитывают воен. приготовления наиболее агрессивных империалистич. сил и поэтому считают необходимым поддерживать боевую готовность Вооруж. Сил СССР на уровне, обеспечивающем решит. и полный разгром любого агрессора.

КПСС и Сов. пр-во последовательно и настойчиво ведут борьбу против колониализма, оказывают бескорыстную помощь освобождающимся народам в их

борьбе против империализма, за политическую свободу и самостоятельное социально-экономическое развитие.

Во всей своей деятельности КПСС неукоснительно соблюдает решения, принятые междунар. совещаниями представителей коммунистич. и рабочих партий, борется за генеральную линию междунар. коммунистич. движения: за мир, демократию, нац. независимость и социализм, за полную победу социализма и коммунизма. Коммунистическая партия Советского Союза последовательно борется за единство и сплоченность мирового коммунистического движения и стран социалистического содружества; отстаивая чистоту марксизма-ленинизма, она вместе с другими марксистско-ленинскими партиями борется против ревизионизма, правого и левого оппортунизма, догматизма и сектанства.

Более чем за шестьдесят лет КПСС прошла славный и героич. путь. Созданная и выпетованная Лениным она всегда была на высоте историч. задач. Выполнив две программы, она приступила к выполнению третьей Программы — величественной Программы построения коммунистического общества. Она прокладывает путь всему человечеству.

Сов. Союз является в нашу эпоху источником самых возвышенных, благородных и вдохновляющих идей в борьбе за мир, за демократию и социализм, за счастье всех людей на земле. Творцом этих идей является Коммунистическая партия Советского Союза.

Г. Обичкин, Н. Рубан. Москва.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД—1) в узком и строгом смысле слова присущий зрелому коммунистич. обществу труд вне нормы, без условия о вознаграждении (см. В. И. Ленин, Соч., т. 30, с. 482); 2) в широком смысле — совокупность тех элементов труда в социалистич. обществе, развитие к-рых подготавливает переход к собственно К. т.

Собственно К. т.— это деятельность, выступающая как первейшая и определяющая потребность каждого члена коммунистич. общества. Превращение труда в такую потребность означает, по Марксу, превращение трудовой деятельности в самодеятельность, когда определяющим побудит. мотивом является не внешняя для нее необходимость, а внутр. содержание самой деятельности; превращение свободного времени, ставшего временем универсальной деятельности, в мерило обществ. богатства; превращение труда, поскольку он наполнен всем богатством социального содержания, из средства в цель жизни каждого человека; превращение всестороннего, целостного и свободного развития человек. сил в самоцель; превращение самого процесса деятельности в источник эстетич. наслаждения. При этом труд отд. человека, становясь с самого начала достоянием и богатством всего общества, не перестает быть также и его личным достоянием и богатством, ибо он не отчуждается, и то, что человек обретает в процессе деятельности, представляет собой нечто неизмеримо более высокое в сравнении с тем, что он расходует и что необходимо возместить средствами потребления.

С торжеством К. т. связано полное осуществление принципа коммунизма: «От каждого по способностям, каждому по потребностям», причем К. т. означает коренное изменение самих способностей и потребностей: всякая деятельность по способностям становится потребностью, а удовлетворение потребностей, ставших у каждого подлинно человеческими, в сущности совпадает с самой деятельностью по способностям.

Необходимыми условиями К. т. являются материально-техническая база коммунизма, преодоление существ. различий между городом и деревней, между умств. и физич. трудом, существенное сокращение рабочего времени; достижение высокого уровня обществ.

самосознания каждым членом общества. Технич. вооружение К. т., являющееся его предпосылкой, станет также и его результатом, т.е. будет воспроизводиться, ускоренно расширяясь и прогрессируя. Вместе с тем человек будет столь же сознательно направлять всю свою повседневную деятельность на созидание и изменение социальных отношений, человек. «природы», как и на вещные результаты своего труда.

«Труд и дисциплина не будут в тягость человеку; трудовая деятельность перестанет быть только средством к жизни и превратится в подлинное творчество, источник радости» (Программа КПСС, 1961, с. 64).

Идеи утопистов — предшественников марксистской концепции коммунистического труда. Учения представителей утопич. социализма и коммунизма содержат замечат. догадки относительно нек-рых черт К. т., к-рые были результатом критики бурж. общества и поисков его антипода, его идеальной противоположности. Обличение презрения к труду и паразитизма в среде господств. классов приводило их к идее труда как всеобщей почетной обязанности, как одной из осн. этич. и правовых норм общества. Критика отношения к труду как к средству существования приводила их к идее о труде как внутр. потребности и эстетич. наслаждении. О труде как всеобщей обязанности писал еще основоположник утопич. коммунизма Т. Мор (см. «Утопия», М., 1953, с. 119). Дж. Беллерс к «Проекту учреждения трудового колледжа...» (1695) избирает (из Посл. фессал. 2, 3) эпиграф: «Бездельник должен ходить в лохмотьях; кто не работает, да не ест!». Согласно уравнит. программе Ф. Бабёфа и бабувистов, «...никто не мог уклониться от труда, не совершив тем самым преступления» (Буонаротти Ф., Заговор во имя равенства..., т. 2, М.—Л., 1948, с. 152). Но у большинства утопистов всеобщность труда — лишь предпосылка решения проблемы отношения к труду. Т. Дезами в «Кодексе общности» (1842) вслед за Мабли и Н. Ретифом де Ла Бретонном писал: «Труд... был бы развлечением, если бы его разделяли все» (указ. соч., М., 1956, с. 147). Поиски, еще не выведшие за пределы отношения к труду как к средству жизни, или от идеи о контроле над трудом с помощью правовых и моральных норм к идее о различных видах морального поощрения и основанном на них соревновании. Утописты подчеркивают значение обществ. мнения, превращения труда в дело чести и славы. Согласно, напр., Морелли, честолюбие заключалось бы в желании превзойти других в изобретательности, трудолюбии, прилежании (см. «Кодекс природы...», М.—Л., 1947, с. 68). Фурье придумывает для этого целую иерархию почетных званий и особую роль отводит соревнованию (см. «Теория четырех движений», в кн.: Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1951, с. 212).

Поскольку моральное поощрение как особая форма вознаграждения не совпадает с содержанием труда, утописты искали внутр. побудит. мотивы труда. Нек-рые из них надеялись, что усвоение моральной и правовой обязанности трудиться в форме долга приведет к закреплению ее как привычки к труду, дающей чувство удовлетворения (Д. Верас, бабувисты и др.). Более глубокие умы пошли дальше — к идее об освобождении человека от власти вещного «богатства», от подчинения разделению труда. Кампанелла говорит о солариях: «Не они служат вещам, а вещи служат им» («Город Солнца», с. 71). Уже Т. Мор писал о свободном выборе каждым «ремесла» и о перемене занятий. Кампанелла, выдвинувший идею трудового воспитания подрастающего поколения, и Дезами считали целью участия детей во всех видах производств просто приучение их к труду, а «выяснение наклонностей каждого», выбор любимого занятия. Чернышевский справедливо рассматривал в качестве основы «вольного труда в охоту» то, что почти все

делают машины, а люди главным образом управляют ими (см. Полн. собр. соч., т. 11, 1939, с. 590).

Наибольшую ценность представляют мысли неких утопистов о труде, к-рый не нуждается ни в каком вознаграждении, поскольку сам является высшей «наградой» жизни. Идею использования свободного от работы в материальном произ-ве времени для научной и художеств. деятельности выдвигает уже Т. Мор (см. «Утопия», с. 120, 126). У Кампанеллы соларики «не признают никакого иного отдыха, кроме того, во время которого приобретают еще больше знаний...» («Город Солнца», с. 54, 70). Однако здесь в первую потребность превращается только часть труда; труд в материальном произ-ве, хотя и «доставляет удовольствие», остается лишь средством к жизни. Провозгласивший «трудолюбивое притяжение» целью всего «социетарного строя», Фурье различал 1) «прямое притяжение» к труду, когда люди «страстно увлечены самим предметом, самим родом деятельности», 2) «косвенное притяжение», 3) «расходящееся, или извращенное притяжение», включающее в себя и утилитарные мотивы (см. Избр. соч., т. 3, М., 1954, с. 200—05). На высшей стадии (гармонизм) люди находят наслаждение в самой деятельности, что делает излишним вознаграждение за ее выполнение.

Выдвинутая Ретифом (см. «Южное открытие», М.—Л., 1936, с. 146) вместе с идеей частых перемен занятий и развитая Фурье теория труда-и г р ы (см. там же, т. 2, с. 270 и др.) позволяла представить труд как не являющийся ни навязанным бременем, ни добровольной мукой. Однако на деле труд никогда не будет просто игрой. К. т. тем и отличается, что наслаждение трудом и его целесообразность перестанут быть враждебны друг другу.

Моррис делал акцент на эстетич. отношении к труду. Приходя в ужас от обезчеловечивающего утилитаризма, от культ материального благополучия в бурж. обществе, Моррис полагается на спасит. роль иск-ва, к-рое станет «... неотделимой частью всякого труда», по аналогии с трудом ср.-век. ремесленника — творца шедевров. В изображенном им утопич. обществе «всякая работа стала предметом искусства»; «вознаграждением за труд» служит радость творчества (см. «Вести ниоткуда», СПб, 1909, с. 68, 99). Однако Моррису, так же как и Чернышевскому (см. Полн. собр. соч., т. 5, 1950, с. 609), не удается преодолеть натурализм, т. к. отношение к труду они выводят из абстрактного «природного стремления довести до совершенства... всякую исполняемую работу», из некоего «инстинкта» (М о р р и с У., там же) или из физиологич. потребности человек. организма.

Ограниченность утопистов коренится в их субъективном методе, в апелляции к предпочтительному, к абстрактному долженствованию.

Разработка основ теории коммунистического труда Марксом и Энгельсом. Создавая теорию научного коммунизма, Маркс и Энгельс подвергли переосмыслению наследие утопистов. Наиболее ценным у Фурье Энгельс считал идею о том, что «... труд может стать тем, чем он должен быть, — наслаждением» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 528), а также идею Фурье о соревновании (см. там же, с. 562). В «Анти-Дюринге» (см. там же, т. 20, с. 304) концепция Фурье и Оуэна о труде как привлекат. деятельности дана высокая оценка. Маркс особое внимание уделил критике теории труда-игры, настаивая на том, что свободный труд не развлечение, ибо он — «дьявольски серьезная вещь, интенсивнейшее напряжение» [«Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)», 1857—1858», М., 1939, S. 505; ср. S. 599].

Основоположники марксизма выводили отношение к труду из его специфич. обществ. условий на основе

материалистич. понимания истории. Маркс и Энгельс также и в проблеме отношения к труду окончательно преодолели т. зр. «робинзонады», неисторич. натурализм и антропологизм (см. Соч., 2 изд., т. 3, с. 441, 486—87). При этом плодотворность критич. переработки идей утопистов была связана с одновр. критич. переосмыслением проблем классич. нем. философии, в особенности роли деятельности субъекта и предметных форм его культуры. Труд не может превратиться в первую потребность в результате лишь «воздействия на сферу сознания», ибо отношение к труду не «заключено» в ней, а образует социальное отношение, к-рое и надо переделать.

В работах Маркса и Энгельса 1844—46 уже можно проследить наметки теории К. т. (см. MEGA, Abt. 1, Bd 3, 1932, S. 546—47) [тогда уже сформулирован тезис: человек есть «... результат его с о б с т в е н н о г о т р у д а» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 627)].

В «Немецкой идеологии» переход к К. т. раскрывается как «превращение труда в самодеятельность», как развитие «индивидов в целостных индивидов», как превращение мнимой и вынужденной коллективности в действит. и свободную, как универсальное присвоение и освоение путем деятельности материальной и духовной культуры.

В произведениях Маркса 1850—60 теория К. т. развивается на основе его политико-экономич. исследований. К. т. противопоставляется порабощающему человеку разделению труда, его отчуждению. Прогресс технич. разделения производств. функций всегда был и будет неотделим от прогресса производн. сил. Социальное разделение труда, напротив, исторически преходяще. Оно означает раздробление человека как субъекта общественных отношений и «... существует, подобно природному отношению, вне индивидов... Индивиды подчинены общественному производству, которое наподобие рока существует вне их...» (Архив Маркса и Энгельса, т. 4, 1935, с. 91). Внутри капиталистич. системы прогресс технич. разделения труда осуществим только путем усиления социального разделения труда. Тенденции в развитии разделения труда превращают рабочего в частичного человека, низводят его до роли придатка машины, мучительным для него путем лишают его труд. содержательности, отчуждают от рабочего духовные потенции труда (см. К. Маркс, Капитал, т. 1, 1955, с. 651). Такова картина разделения физич. и умственного, материального и духовного труда, функций управления и исполнения, города и деревни, «профессиональный идиотизм» и т. п. формы осуществления отчуждения. Свобода кажется осуществимой только в сфере потребления, вне деятельности (см. К. Marx, Grundrisse..., S. 203, 505).

В противоположность этому К. т. предполагает и создает всесторонне и, главное, целостно развитых людей. К. т. предполагает преодоление социального разделения труда, лишającego человека целостности развития, на основе прогресса технич. разделения производств. функций и специализации целостно развитых людей. Маркс предвидел первейшую предпосылку К. т. — гигантский прогресс техники, автоматизации собственно материального производства. Важным условием К. т. Маркс считал приобретение процессом труда «научного характера» (см. там же, S. 505). Благодаря этому получают полный простор творч. функции труда. Человек не будет искать мнимой свободы вне деятельности и добьется, чтобы самоутверждение выступало, как — «реальная свобода, деятельное проявление которой и есть труд» (там же).

На стадии социализма, когда формируются предпосылки К. т. в строгом смысле, материальное произ-во еще существует в форме «собственно материального производства», к-рое «... всё же остается царством необ-

ходимости» (Маркс К., Капитал, т. 3, 1955, с. 833). На стадии полного коммунизма труд полностью и во всех своих видах становится самодеятельностью — производством предметного мира человека, направленным непосредственно на развитие его творч. способностей и столь же непосредственно осуществляющим такое развитие.

Коммунизм — это царство труда, ставшего первой потребностью каждого, когда «труд, — как писал Энгельс, — станет своим собственным вознаграждением...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 558). Это означает коренное изменение понятия богатства. Его мерилom станет свободное время («Grundrisse...», S. 596). «Чем иным является богатство как не полным развитием человеческого господства над силами природы ... как не абсолютным обнаружением творческих дарований человека...» (там же, S. 387). К. т. означает преодоление, «снятие противоположности между свободным и рабочим временем» (там же, S. 599), т. е. слияние труда в рабочее время и труда в свободное время в единую самодеятельность, время к-рой — подлинно свободное время.

Для сформировавшегося человека коммунистич. общества, целостной личности, труд — это «...материально творческая и опредмечивающаяся наука» (там же, S. 599—600). Социальная необходимость деятельности реализуется через его творч. волю, волю свободного субъекта-деятели. Однако такому отношению к труду необходимо предшествует процесс его воспитания. Для формирующегося человека «этот процесс... есть дисциплина» (там же, S. 599), к-рая через самодисциплину ведет к преобразованию и превращению внешней необходимости в свободу. К. т. неизмеримо поднимает значение человек. личности, ибо человек станет, как никогда, далек от того, чтобы его можно было считать лишь «рабочей силой», лишь агентом произ-ва средств потребления или лишь потребителем материальной и духовной культуры. К. т. делает самоцелью «...тотальность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было з а р а н е е у с т а н о в л е н н о м у масштабу...», и человек тогда «воспроизводит себя не в какой-либо одной определенности, но производит себя во всей тотальности», «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, но находится в абсолютном движении становления» (там же, S. 387). Это «развитие человеческой силы, которое является самоцелью», и есть, по Марксу, «истинное царство свободы» (см. «Капитал», т. 3, с. 833).

Пока сам труд еще не стал потребностью, наслаждения находятс я «...вне действительного содержания жизни людей и в противоречии с ним...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 419). К. т., напротив, означает, что «отпадает самая основа всей этой противоположности между трудом и наслаждением» (там же, с. 206). Тезис: «...труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни» (Маркс К., там же, т. 19, с. 20) — глубочайшая характеристика коммунистич. общества.

Ленин о коммунистическом труде. В произведениях Ленина теоретически осмыслены реальные процессы обществ. преобразований и поставлены практич. задачи борьбы за торжество К. т. Главное внимание Ленин уделял вопросам становления элементов К. т., создания его историч. предпосылок. Так, в «Детской болезни „левизны“ в коммунизме» (1920) указывается на роль обществ. организаций в подготовке перехода «... к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию... в с е с т о р о н н е р а з в и т ы х и в с е с т о р о н н е п о д г о т о в л е н н ы х л ю д е й...» (Соч., т. 31, с. 32). Ленин не только обосновывает положение о необходимости трудового воспитания требованиями совр. уровня техники и науки

(см. там же, т. 2, с. 440), но и ставит практич. задачу: «Надо, чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде» и своими делами добивался, чтобы все смотрели «на труд не так, как на него смотрели прежде» («Задачи союзов молодежи», см. там же, т. 31, с. 274, 273).

В работе «Государство и революция» (1917) Лениным вскрыта глубокая связь между превращением труда в первую потребность каждого и полным отмиранием гос-ва: «Государство сможет отмереть полностью тогда, ...когда люди... добровольно будут трудиться по способностям» (Соч., т. 25, с. 440). Разъясняя эту мысль в «Докладе о субботниках на Московской конференции РКП(б)» (1919), Ленин говорил, что К. т. означает, что «...люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, что это «...не нормированный никакой властью, никаким государством, труд отдельных лиц на общественную пользу в широком масштабе» (Соч., т. 30, с. 260—62). Исчезновение необходимости требовать от каждого, чтобы он участвовал в труде, и специально стимулировать его трудовую деятельность извне, упорочение внутр. потребности в труде «...предполагает и не теперешнего обывателя...» (Соч., т. 25, с. 441).

Но пока труд не стал первой потребностью каждого, пока в условиях социализма имеют огромное значение не совпадающие с содержанием деятельности побудит. мотивы морального характера (такие, как почетность труда, социалистич. соревнование), пока важную роль играет коллективная и личная материальная заинтересованность, гос-во должно строжайшим образом контролировать соблюдение всеми гражданами обязанности трудиться, правильность вознаграждения за труд, и осн. принципом остается: «Кто не работает, тот не ест». Этот принцип окажется излишним тогда, когда станет для всех само собой разумеющимся, что нет смысла жить не трудясь, когда будет преодолена косная сила традиций и привычек обывателя (см. Соч., т. 30, с. 164).

Путь к этому лежит через коммунистич. дисциплину труда, источник к-рой заключен в усвоении каждым членом общества обязанности трудиться в форме своего личного долга, в том, что каждый рассматривает все обществ. нужды как свои собственные и добровольно заботится о них, не считая это «чужой» функцией. «Мы будем работать, — писал Ленин, — чтобы ... вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд..., чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд» (Соч., т. 31, с. 103). Элементы организации труда, основанной на этой «...свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся...» (Соч., т. 29, с. 387), Ленин открыл в родившихся из революц. энтузиазма «коммунистических субботниках» («Великий почин», 1919, и др.). Особенно высоко ценил Ленин то, что участники субботников, показывая пример бесплатного труда «...из сознания необходимости работать на общую пользу» (Соч., т. 30, с. 180), повысили производительность труда. «... Где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда...», труд на пользу «...не их „ближним“, а „дальним“, т. е. всему обществу в целом...», там, писал Ленин, начинается коммунизм, ибо «коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих» (Соч., т. 29, с. 394).

Первые ростки К. т. Ленин призывал «...тщательно изучать, ...внимательнейшим образом относиться к

ним, всячески помогать их росту и „ухаживать“ за этими слабыми ростками» (там же, с. 392). Вместе с тем Ленин всегда настойчиво предостерегал и протестовал против слишком легкого употребления понятия «коммунистическое»: «... столь почетное название надо завоевать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом» (там же, с. 398). «...Слово „коммунистический“ требует к себе очень осторожного отношения», ибо только в субботниках, «...только в этом, чрезвычайно малом, явлении стало проявляться кое-что коммунистическое», а в первоначальных формах социализма «...коммунистического еще... ничего нет» [«Доклад о субботниках на Московской конференции РКП(б)», см. Соч., т. 30, с. 261]. Поэтому, подчеркивал Ленин, когда речь идет о труде при социализме, правильнее было бы говорить не о коммунистическом, а о социалистическом труде..., так как К. т. «...в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма» («От разрушения векового уклада к творчеству нового», см. там же, с. 482).

Социализм и борьба за торжество коммунистического труда. История строительства социализма показывает, как внутри социалистич. производств. отношений вместе с их становлением — благодаря ликвидации бурж. способа произ-ва и на основе социалистич. собственности на средства произ-ва — формируются такие черты социалистич. труда, которые готовят переход к собственно К. т. К этим чертам принадлежат и такие, к-рые, получив максимальное развитие и исчерпав свою прогрессивную роль, изживают себя. Таковы, напр., современные формы материальной заинтересованности в труде, играющие важнейшую роль на стадии социализма. Но, наряду с отношением к труду как к источнику получаемых за труд средств потребления, почетному делу, приносящему моральное вознаграждение, и как к определяющему место человека в обществе, уже сами социалистич. производств. отношения порождают и др. стимулы к труду. Это, прежде всего, отношение к труду как к участию в осуществлении историч. цели социалистич. общества — в построении коммунизма, как к вытекающему отсюда сознательному служению обществу и деятельности на благо других. Действие этого фактора воплощает и организует коммунистич. партия (см. *Коммунистическое воспитание*). Задача состоит в том, чтобы цель общества стала непосредственно всеобщим интересом. Далее, по мере прогресса производств. сил социализма, совершенствования его экономич. отношений и организац. форм хоз. жизни, по мере роста занятости трудящихся теми видами труда, к-рые отличаются сравнительно большой содержательностью, зарождается и крепнет потребность в труде как творчестве — технич., научном, художеств. и даже социальном. Наконец, возникают элементы таких форм труда, когда выполнение основных производственных или служебных обязанностей, с одной стороны, и выполнение определ. функций на обществ. начала начинаются не просто дополнять друг друга, но взаимопроникать, срастаться между собой. Эти три фактора в их единстве и придают социалистич. труду черты К. т. в широком смысле, к-рые представляют собой не какие-то готовые «куски» собственно К. т., а элементы, к-рые его

подготавливают. В распространении этих элементов К. т. особую роль играло и играет *социалистическое соревнование*, содержание к-рого соответствует характеру стимулов труда его участников. Оно в свою очередь становится фактором, усиливающим действие тех стимулов, на к-рых оно основано. Для социалистич. соревнования Ленин сформулировал три принципа: гласность, т. е. полная и широкая информация о ходе всех дел; сравнимость результатов и правильный учет всех условий; распространение передового опыта. обмен им, помощь победителей соревнования отстающим (см. Соч., т. 27, с. 182).

Первые «ростки» К. т. — коммунистич. субботники — были проявлением самоотверженности и героич. порыва рабочих во имя коммунизма. Субботники родились в борьбе со свирепствовавшим во время гражданской войны и интервенции голодом и разрухой; они — детище периода «военного коммунизма» (первый субботник был 12 апр. 1919 в депо Москва-Сортировочная Моск.-Казанской ж. д.). Их великое значение состоит в том, что они показали пример труда без вознаграждения, труда во имя обществ. (классовой) цели. Этот «великий почин» высоко ценил Ленин. Субботники не охватывали всей сферы произ-ва. В восстановит. период создания условий для роста элементов К. т. в повседневном труде способствовала организация на предприятиях производств. совещаний (1923), призванных приобщить рабочих к участию в управлении хозяйством. Расширению почвы для ростков К. т. способствовало ударничество (1925—28, годы 1-й пятилетки), характеризовавшееся развитием рабочего рационализаторства. После создания основ социализма сложились новые формы социалистич. соревнования, связанные с новой техникой (стахановское движение 1935, движение многостаночников и др.).

После XX съезда КПСС (1956), поднявшего трудовую активность масс, социалистич. соревнование получило новый размах в форме движения новаторов произ-ва. С 1958, в условиях более высокого уровня развития производств. сил, экономики, науки, культуры и идеологии идущего к коммунизму социалистич. общества, развернулось новое, массовое движение за К. т., в к-ром развиваются элементы К. т. в широком смысле. Начало соревнования за звание бригад К. т. положил коллектив депо Москва-Сортировочная Моск.-Казанской ж. д. В качестве условий соревнования были приняты «три заповеди»: 1) работать все более высокопроизводительно... 2) постоянно учиться... 3) воспитывать в себе черты человека нового общества... Оценивая это движение, ЦК КПСС отметил, что «...в нем органически сочетаются борьба за достижение... наивысшей производительности труда и воспитание нового человека — хозяина своей страны, который постоянно смотрит вперед, дерзает, думает, творит» («Всесоюзное совещание передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда», 1960, с. 8). Не только высокие производств. показатели, но наряду с ними повышение культуры самого человека труда также становится мерилем успеха в соревновании. Укрепляются элементы потребности в труде как творчестве, ибо зарождается понимание того, что труд — не только затрата сил, но также приобретение, обогащение человека.

Труд во имя коммунизма выступает как труд на благо общества, на благо других, как помощь им, труд во имя обществ. долга. Так, напр., получило распространение движение за переход передовиков на отстающие участки произ-ва с целью поднять их до уровня передовых (инициатором его была В. Гаганова).

Элементы К. т. существуют не самостоятельно, а внутри социалистич. производств. отношений и подчинены им. Отличие социалистической материальной заинтересованности от «выгоды» в том и

состоит, что она образует органическое единство двух форм — личной и коллективной материальной заинтересованности.

Единство личной и коллективной материальной заинтересованности, а также то, что труд определяет место человека в обществе, является основой возрастающей роли моральных стимулов к труду (признание и уважение коллектива, почет, поощрительные меры обществ. организаций, Коммунистич. партии и социалистич. государства). При этом развитие стимулов, вырастающих лишь из обогащенного социального содержания труда вместе с реальной ответственностью человека в труде, не может быть сведено к идеологич. задаче формирования морального сознания.

«Автоматизация и комплексная механизация служат материальной основой для постепенного перерастания социалистического труда в труд коммунистический» (Программа КПСС, с. 67).

Элементы К. т. в социалистич. труде выступают как ускоряющие ход технич. прогресса.

Развитие элементов К. т. невозможно без усиления борьбы против унаследованных от эксплуататорского общества пережитков паразитизма, бюрократизма, потребительски-собственнич., утилитарного отношения ко всей культуре.

Участники совр. движения за К. т. нередко берут на себя выполнение нек-рых функций учета, контроля и надзора. В Программе КПСС распространение коммунистич. форм труда связывается с участием коллективов предприятий в управлении ими (см. там же, с. 75).

Усвоение необходимости труда предполагает превращение дисциплины в самодисциплину, контроля в самоконтроль, организованности в самоорганизованность. При этом самоорганизованность — результат реального освоения и включения функции контроля в содержание деятельности, результат того, что каждый реально берет на себя всю полноту ответственности за все аспекты и последствия своей деятельности в обществе. Каждый должен подняться до уровня обществ. деятеля не в порядке дополнения к осн. труду, а в самом повседневном труде.

К. т. есть полное претворение в действительность высшего гуманистич. принципа: «Все во имя человека...» (там же, с. 6), ибо этот принцип совпадает с принципом: труд, его человек. смысл — первая потребность, цель. Человек, к-рый в своей активной деятельности осуществляет свои интересы и интересы общества в целом и к-рый может с полным правом сказать: я — это мой труд, сам может быть только целью.

Развитие деятельных способностей человека требует решения проблемы свободного времени. В совр. движении за К. т. можно найти смелые попытки содержательного и даже творч. использования свободного времени наряду с новаторскими устремлениями в производит. труде. Пока труд таков, что остается средством жизни, задача состоит в сокращении рабочего времени на основе роста производительности труда. Однако увеличение свободного времени исторически оправдано лишь тогда, когда оно означает увеличение не времени безделья, а времени разностороннего развития личности. Оно само — обществ. достояние величайшей ценности и потому бессодержательные занятия — это его расхищение. «Досуг людей будет все больше посвящаться общественной деятельности, культурному общению, умственному и физическому развитию, научно-техническому и художественному творчеству» (там же, с. 124). В конечном счете труд в рабочее время и труд в свободное время, превратившись в К. т., сольются в единую самостоятельную деятельность.

В совр. движении за К. т. самым важным является не тот или иной частный успех его участников, а их готовность смело идти дальше, учиться решать более

глубокие задачи, поэтому девиз этого движения — «Учиться работать и жить по-коммунистически». Поступат. движение социалистич. общества к коммунизму будет выдвигать, в частности, также и перед движением за К. т. все более трудные задачи, действительно глубокие проблемы и предъявлять гораздо более высокие требования к его участникам. Тем, кто завоевал почетное звание победителей в этом соревновании вчера, предстоит сделать гораздо больше, чтобы заслужить это звание завтра.

Движение за К. т. — новейшая из форм социалистич. соревнования. Развиваясь шире, оно быстро приобрело подлинно массовый характер. Число его участников составляет 23 млн. чел. (1963).

Так как движение за К. т. по своему содержанию является закономерным результатом развития социалистич. общества, то и в др. странах мировой социалистич. системы складываются формы соревнования трудящихся, в к-рых обнаруживаются те же самые сущест. черты. Так, с 1958 движение бригад социалистич. труда развернулось в ЧССР: его лозунг — «По-социалистически работать, по-социалистически жить!»; став массовым, оно захватило также и с. х-во. Аналогичные движения развиваются в ГДР (под лозунгом «Будем учиться работать и жить по-социалистически!»), в Болгарии (с 1959 — движение бригад образованного социалистич. труда), в Польше, Венгрии и др. странах социалистич. системы.

Совр. бурж. идеологи с их классовых позиций видят в науч. марксистской концепции К. т. и в практич. усилиях с целью ее осуществления в странах социализма лишь «утопию» или «эсхатологич. веру». Они либо объявляют человека навсегда обреченным на то, чтобы его труд противостоял ему в качестве чуждой враждебной силы (напр., большинство экзистенциалистов), либо пытаются с помощью паллиативов «смягчить» участь наемного рабочего, не выходя за пределы капитализма и даже не помышляя об устранении его язв (напр., *индустриальная социология*, концепция «человеческих отношений» и т. п.). Часто в качестве таких мер «смягчения» выдвигаются методы психологич. и идеологич. обработки, оглушения, омещанивания и культивирования бутафорских развлечений с целью внушить людям, низведенным до уровня «винтика», со стандартными запросами, чувство полной удовлетворенности существующим. Таков и новейший вариант старой буржуазной «идеи» об «изменении сознания». Один из самых распространенных пороков бурж. идеологии в трактовке проблемы отношения к труду состоит в сведении ее к чисто технич. проблеме: вместо анализа исторически возникших и преходящих социальных отношений, выражавшихся в отчуждении труда, эти особые социальные условия фетишистски выдаются за свойства или самой техники (технократич. концепции и т. п.) или индивиду как такового. Поэтому эти идеологи неспособны понять историч. перспективы тех процессов, к-рые совершаются в странах социализма под руководством коммунистич. партий, под знаменем марксизма-ленинизма.

Лит.: Маркс К., Экономическо-философские рукописи 1844 года, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956; его же, Ницшега философии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4; его же, Наемный труд и капитал, там же, т. 6; его же, Заработная плата, там же; его же, Критика Готской программы, там же, т. 19; Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, там же, т. 2; Энгельс Ф., Положение рабочего класса в Англии, там же; его же, Коммунисты и Карл Гейнцен, там же, т. 4; его же, Принципы коммунизма, там же; Ленин В. И., Политический доклад ЦК 2 дек. [на VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2—4 дек. 1919 г.], Соч., 4 изд., т. 30; его же, Речь на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 дек. 1919 г., там же; его же, Доклад о субботниках на Московской общегор. конференции РКП(б) 20 дек. 1919 г., там же; его же, От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко всероссийскому суб-

ботнику-маевке, там же, т. 31; с г о ж е, Речь на митинге, посвященном закладке памятного Освобожденному труду, 1 мая 1920 г., там же; е г о ж е, Задачи союза молодежи, там же; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; XXII съезд КПСС 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; Героич. трудом воздвигнем величественное здание коммунизма! Обращение Пленума ЦК КПСС, в кн.: Пленум ЦК КПСС 24—29 июня 1959 г. Стеногр. отчет, М., 1959; У истоков коммунистич. труда, [Сб.] под ред. Г. Д. Костомарова, М., 1959; К а й д а л о в Д. П., Коммунизм, труд и человек, М., 1960; Вознесенский Л. и Волков Ф., Замечательное движение современности, «Коммунист», 1960, № 8; М о р о з о в М., Р о д и о н о в П., На главном направлении в борьбе за К. т., там же, 1961, № 11; Г е р ш б е р г С. Р., Движение коллективов и ударников К. т., М., 1961; Г л е з е р м а н Г. Е., Коммунизм и труд, М., 1961; И о й р ы ш А. И., Труд и коммунизм, М., 1961; Н о в о с е л о в Н. С., О превращении труда в первую жизненную потребность, М., 1961; С т р у м и л и н С. Г., Проблемы социализма и коммунизма в СССР, М., 1961; Л е о н т ь е в Л., Коммунизм и труд, [М.], 1962; О коммунистич. отношении к труду, [Сб. документов и материалов], М., 1962; Д а в ы д о в Ю. Н., Труд и свобода, М., 1962; Б а т и щ е в Г., Человек — труд — свобода (ред.), «Новый мир», 1963, № 12; Разделение труда и всестороннее развитие личности, [Материалы обсуждения], «Вопр. философии», 1962, № 10; 1963, № 3, 4, 9, 11, 12; 1964, № 1, 6; Б а т и щ е в Г. С., Отношение к труду как первейшей потребности жизни — важнейшая черта человека коммунистич. общества, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1963, № 1; Гвардия строителей коммунизма, [Материалы респ. совещания передовиков движения за К. т.], Йошкар-Ола, 1963; В о л к о в Г., Эра роботов или эра человека, «Новый мир», 1963, № 9; K u g e l l a A., Der Mensch als Schöpfer seiner Selbst, В., 1958. См. также лит. при ст. *Коммунистическое воспитание*. Г. Батищев. Москва.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ — планомерное, целеустремленное и систематич. формирование всесторонне и гармонично развитой личности; важнейшая составная часть теории научного коммунизма. Для построения коммунистич. общества необходимо не только создание соответствующей материально-технич. базы и на ее основе коммунистич. обществ. отношений, но и всестороннее развитие личности, формирование коммунистич. сознания людей, полное преодоления пережитков старого общества в области сознания, психологии, нравов, обычаев, творч. формирование способностей, дарований, талантов.

Предшественники научного коммунизма — утописты-социалисты — высказали ряд идей, вошедших в марксистское учение о К. в. Они выдвинули идею широкого общенародного воспитания. По их мнению, каждый обществ. институт, каждое обществ. мероприятие, все общество в целом должны представлять собой школу воспитания. «Так как формирование характера, — говорил Оуэн, — происходит изо дня в день, со дня рождения и еще до него, а затем в течение всей жизни, то каждый поселок во всех своих частях станет школой, где путем комбинированных мероприятий у всех его членов будет создаваться совершенный характер» (Соч., т. 2, М.—Л., 1950, с. 193).

Утописты поставили и отчасти решили ряд вопросов о значении идеальных факторов в воспитании; о месте в воспитании морали, иск-ва. Они впервые выдвинули идею безрелигиозного воспитания. Правда, у нек-рых утопистов религия еще остается, но она сводится либо к почитанию «божественной природы» (см. Т. Мор, «Утопия», М., 1953, с. 210), либо к поклонению гармонии (см. Ш. Фурье, Избр. соч., т. 3, М., 1954, с. 414).

Считая, что воспитание должно быть свободным от всякого принуждения, как внутреннего, так и внешнего, утописты критически относились и к бурж. морали, рассматривали ее как средство, скрывающее самодетельность народа. Согласно Фурье, мораль, основанная на принуждении, так же неистинна и вредна для воспитания, как и религия. Воспитание «эпохи цивилизации», поскольку оно основывается на морали, подавляет все чувства и страсти человека, тогда как воспитание «строит гармонию» ведет к «взлету страстей» и будет обходиться без мораль-

ного принуждения. В будущем коммунистич. обществе принципы нравственности будут соблюдаться по привычке. По мнению Фурье, «... добрые нравы будут дарить только в силу единодушного соглашения без вмешательства морали и законов, а тем паче наказаний. Но у гармонийцев хороший тон будет вовлекать в производительный труд...» (там же, т. 4, М., 1954, с. 160—61).

Очень настороженно утописты относятся к иск-ву. Как источник развлечения и чистого эстетич. наслаждения иск-во отрицается. Оно принимается ими лишь как средство обучения производительному труду. Правда, Фурье придавал большое значение эстетич. воспитанию в будущем обществе, считая, что опера и театр будут развивать страсть к соревнованию. Он предполагал, что при строе гармонии каждая фаланга будет любительским театром.

Одна из важнейших заслуг утопистов состоит в том, что они не ограничились поисками моральных, этич. и эстетич. мотивов к трудовой деятельности, но и в самой трудовой деятельности увидели определяющий мотив поведения человека во всех сферах его деятельности. Т. о., они впервые выдвинули идею о самовоспитании народа, о воспитании, к-рое совершается в процессе творч. труда. Почти у всех утопич. социалистов высказывается идея о соединении образования с трудом.

Исходя из этих положений, утописты отстаивали идею о всестороннем развитии человека как гл. условия К. в. «... Прошли времена, — говорил Оуэн, — когда требовались характеры, лишённые целостности... Наступил период, когда успехи знания требуют создания ... всесторонне развитых разумных мужчин и женщин» (Соч., т. 2, с. 218). Воспитание, основанное на труде, является основой формирования гармонически и всесторонне развитой личности. Труд как условие свободного воспитания индивидов обеспечивает, по мнению утопистов, разносторонность и целостность индивидов. При строе гармонии «... воспитание, — по мнению Фурье, — должно быть с л о ж н о - ц е л о с т н ы м: сложным, поскольку оно формирует одновременно тело и душу, целостным, т. е. охватывающим все части ... тела и души, вводящим совершенство со всех точек зрения...» («О воспитании при строе гармонии», М., 1939, с. 21). Однако, утверждая, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, они, как указал Маркс в 3-м тезисе о Фейербахе, забывают о том, что обстоятельства сами изменяются людьми. По их мнению, путь к построению совершенного общества лежит через воспитание новых людей. Но чтобы воспитать новых людей, надо изменить условия их жизни, создать новую социальную среду.

В. Штакков. Москва.

Науч. основы теории К. в. были разработаны Марксом, Энгельсом и Лениным. Классики марксизма-ленинизма вскрыли социальную природу воспитания и его классово-историч. характер, они связали воспитание людей с переустройством обществ. отношений, с активной ролью людей в этом переустройстве в качестве его творцов. Только в результате обществ.-историч., трудовой деятельности человек формирует себя во всех своих человеческих качествах, осваивает материальную и духовную культуру, развивает свои деятельные способности. «Спадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 2).

Классики марксизма показали, что в процессе обществ.-историч. практики, в процессе изменения социальных отношений происходит самовоспитание человека, формирование его реальной обществ. сущно-

сти, а также его сознания, психики, нравств. и эстетич. чувств. Только в обществ.-революц. практике и воспитатель может быть воспитан. Маркс и Энгельс подчеркивали, что суть К. в. состоит не в избрании на утопич. манер новой формы противопоставления массе стоящих над ней воспитателей, а в том, чтобы «... сбросить с себя всю старую мерзость...» (там же, с. 70, ср. с. 33). В этом творч. самоочищении от старой мерзости — воспитат. цель коммунистич. революции, понятой как совпадение изменения обстоятельств людьми и изменения ими самих себя. В ходе такого революц. процесса его вершители поднимаются до роли подлинных субъектов истории. Поэтому подлинно К. в. не имеет ничего общего с элитарной т. зр. на массу как на простой объект воспитания.

Маркс и Энгельс доказали, что в классовом обществе нет и не может быть человека вообще, что человек есть продукт обществ. отношений. Поскольку условия материальной жизни различных социальных групп различны, это определяет принадлежность всех людей к определ. классам. Поэтому в классово антагонистич. обществе не может быть бесклассового воспитания.

Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике бурж. систему воспитания, раскрыли ее классовую сущность. Буржуазия дает трудящимся образование постольку, поскольку это в ее интересах. Система ее нравств. воспитания сводится, по словам Маркса, к вдалбливанию бурж. принципов морали, оправдывающих неравенство людей, эксплуатацию человека человеком. Все средства воспитания буржуазия направила на культивирование в людях самых худших качеств — бурж. индивидуализма, стяжательства, равнодушия к человеку. На службу своим узкоклассовым, корыстным интересам она поставила и науку, и иск-во, и лит-ру.

Маркс и Энгельс видели цель К. в. во всестороннем, гармонич. развитии всех духовных и физич. сил каждого члена общества. Эту цель они сформулировали не как доброе пожелание на будущее, они вывели ее из закономерностей социально-историч. развития и прежде всего из потребностей обществ. производства. При коммунизме, когда орудия и средства производства будут принадлежать всему обществу, не будет частной собственности и эксплуатации человека человеком, воспитание в равной степени станет доступным для всех. Все общество будет заинтересовано в том, чтобы каждый человек получал самое широкое и разностороннее науч. образование, овладевал сокровищами мировой культуры, развивал свои деятельные способности.

Процесс создания материальных предпосылок и потребностей в многосторонних людях в бурж. обществе протекает крайне противоречиво, антагонистично. Развитие крупной промышленности сопровождается постоянными переворотами в технике и технологии производства, в результате к-рых из сферы материального производства устраняются одни виды труда и возникают другие. Непрерывное и практически бесконечное развитие и совершенствование техники требуют и соответств. развития и совершенствования человека, его производств. навыков и знаний. Крупная промышленность нуждается в людях с широким науч.-технич. кругозором, к-рые могут легко ориентироваться в сложных механизмах, быстро приспосабливаться к новым технич. усовершенствованиям. Одновременно с этим крупная промышленность, указывал Маркс, постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает рабочих из одной отрасли производства в другую. Все это обуславливает перемену труда, подвижность функций, всестороннюю подвижность рабочего, «... делает вопросом жизни и смерти признание пере-

мены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, ... как вопрос жизни и смерти, ставит задачу ... частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляются сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» («Капитал», т. 1, 1955, с. 493). Т. о., природа крупной промышленности вызывает потребность и создает предпосылки для устранения бурж.-огранич. системы разделения труда, для всестороннего развития работника. Но капиталистич. форма производства, классовые интересы буржуазии препятствуют осуществлению этой потребности. В условиях капитализма рабочие при каждом изменении в характере труда безжалостно выбрасываются на улицу. Капиталистич. отношения производства воспроизводят уродующее человека социальное разделение труда с его заостренными специальностями, с отрывом умств. труда от физического, с пожизненным закреплением рабочего за строго определ. операцией, с расщеплением человек. личности, превращением индивида в частичного человека. Рабочий превращается в придаток машины. При капитализме противоположность между умств. и физич. трудом углубляется и особенно остро отражается на положении рабочего.

Это глубокое противоречие между обществ. потребностью во всесторонне развитых людях и капиталистич. системой производства может быть устранено только в результате уничтожения частной собственности и установления нового, социалистич. способа производства, осуществляемого в плановом порядке и в интересах всего общества. Только в условиях коммунизма создается возможность для всестороннего, гармонич. развития людей.

Маркс и Энгельс обосновали ведущий принцип воспитания людей коммунистич. общества — принцип соединения обучения с трудом. В новом обществе, писал Маркс, «... каждый трудоспособный взрослый человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками» (Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 197). Производит. труд тружеников бесклассового общества будет дополняться широким политехнич. образованием, сущность к-рого состоит в том, что оно «знакомит с основными принципами всех процессов производства» и осн. навыками обращения с простейшими орудиями всех производств. Политехнич. образование содействует преодолению свойственного эксплуататорскому обществу разрыва между умств. и физич. трудом. В результате этого рабочий становится хозяином производства, а его труд из подневольного и механического превращается в свободный и творческий. Политехнич. образование, соединенное с производительным трудом, Маркс рассматривал не только как одно из средств увеличения обществ. производства, но и как «... единственное средство для производства всесторонне развитых людей» («Капитал», т. 1, с. 489).

Соединение производит. труда, духовного и физич. развития при политехнич. обучении, превращение труда в самодетельность и потому в первую потребность всей жизни — вот путь воспитания новых, не только всесторонне, но и целостно развитых людей. Освобожденные от мелочных забот, члены коммунистич. общества смогут в полной мере овладеть богатствами культуры и утверждать себя как личности в деятельности, в творчестве, преодолев противоположность между рабочим и свободным временем.

Учение Маркса и Энгельса о К. в. в новых историч. условиях было развито Лениным. Строительство ком-

мунистич. общества, писал он, приведет «к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке восторонне развитых и восторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать. К этому коммунизм идет, должен идти и придет...» (Ленин В. И., Соч., т. 31, с. 32).

Ленин конкретизировал и развил дальше марксистский принцип соединения обучения с трудом. Он считал, что нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: «... ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания» (там же, т. 2, с. 440). Ленин подчеркивает здесь необходимость как соединения обучения с трудом, так и соединения обучения и образования с производит. трудом.

Важную роль в воспитании восторонне развитых людей Ленин отводил политехнич. образованию, в к-ром главное — это изучение науч. основ производства. Политехнич. образование должно осуществляться в тесной связи с производит. трудом, с усвоением науч. знаний. Овладение знаниями означает в то же время и умение применять их на практике. Общее образование будет неизбежно односторонним и неполным, если школа, вооружая учащихся основами наук, не научит их трудиться. Ленинский принцип соединения обучения с производит. трудом и производит. труда с обучением положен в основу системы воспитания и образования подрастающих поколений сов. людей.

В речи о «Задачах союзов молодежи» Ленин указывал, что решать вопросы воспитания в гос-ве необходимо в тесной, органич. связи с задачами организации социалистич. строительства. Большую роль в воспитании восторонне развитой личности должна сыграть школа. Она должна вооружить молодое поколение подлинно науч. знаниями о природе и обществе, выработать у него революц. материалистич. мировоззрение. Для того чтобы быть строителем коммунистич. общества, молодежь должна неустанно учиться, овладевать знаниями, к-рые выработало человечество на протяжении своего историч. развития. В неразрывной связи с образованием Ленин считал необходимым осуществить воспитание подрастающего поколения в духе коммунистич. нравственности. Ленин писал, что надо воспитывать «... всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде» (Соч., т. 31, с. 274), в духе коммунистич. организованности, умения подчинять свои интересы интересам коллектива.

В СССР в результате победы социалистич. революции и строительства коммунистич. общества на практике осуществляются идеи К. в., строясь отношения, основанные на принципах коллективизма, интернационализма, товарищества, преданности обществ. долгу. Воспитание нового, восторонне развитого человека, гармонически сочетающего в себе моральную чистоту, духовное богатство и физич. совершенство, стало насущной практич. задачей партии. Широкое развитие демократии, обществ. начал в жизни общества сужает рамки административного регулирования взаимоотношений людей. Убеждение, воспитание масс все в большей степени становится осн. методом регулирования жизнедеятельности общества.

Идейной основой К. в. является марксизм-ленинизм. В условиях строительства коммунизма овладение теорией марксизма-ленинизма, формирование науч. мировоззрения у всех тружеников общества приобретает жизненно важное значение. Формиро-

вание науч. мировоззрения предполагает укрепление и развитие в людях пролетарского интернационализма и социалистич. патриотизма. Быть интернационалистом — значит крепить дружбу народов, единство стран социалистич. лагеря, поддерживать борьбу трудящихся всех стран за мир, демократию и социализм.

Интернационализм, любовь к человечеству неотъемлемы от любви к социалистич. Родине. Воспитывать любовь к своему народу, высокую пац. гордость, чувство достоинства гражданина великой и могучей Сов. страны, готовность защищать социалистич. Родину — важнейшая задача К. в. С образованием мировой системы социализма патриотизм граждан социалистич. общества выражается в преданности и верности своей Родине, всему содружеству социалистич. стран. К. в. основано на принципах гуманизма, братства и взаимопомощи. Поэтому социалистич. патриотизм и интернационализм органически включают пролетарскую солидарность с рабочим классом трудящихся всех стран. Воспитание пролетарского интернационализма и социалистич. патриотизма требует настойчивой борьбы против реакц. идеологии бурж. национализма, расизма и космополитизма.

Составной частью К. в. является атеистич. воспитание, к-рое введено в СССР после победы социалистич. революции (см. *Атеизм*). Освобождение духовных сил человека от религ. предрассудков делает его непримиримым ко всякой мистике и суевериям.

Коммунистич. мораль впитала в себя осн. общечеловеч. моральные нормы, к-рые нар. массы выработали на протяжении тысячелетий в процессе обществ. трудовой деятельности, в борьбе с социальным злом и нравств. пороками. Эти «простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами» (Материалы XXII съезда КПСС, 1961, с. 410). В Программе КПСС сформулирован *моральный кодекс* строителей коммунизма, включающий важнейшие нравств. принципы, к-рые становятся привычками поведения людей как в обществ., так и в личной жизни. Усвоение принципов морального кодекса, превращение их в нормы поведения, в органич. потребность каждого человека — такова задача К. в.

Важнейшей составной частью К. в. является эстетич. и художеств. воспитание, целью к-рого является восторонне и гармонически развитая личность, воспитание творч. способностей людей, умения пошмать и ценить прекрасное в жизни и иск-ве, обогащение духовной жизни человека. Эстетически развитый человек способен наслаждаться красотой, творить «по законам красоты» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 566). Необходимым условием К. в. является физич. воспитание как условие гармонич. развития человека.

В центре воспитания. работы партия ставит развитие сознательного, коммунистич. отношения к труду и обществ. собственности — трудовое воспитание. «Необходимо воспитывать всех трудящихся на лучших образцах труда, на лучших примерах ведения общественного хозяйства... Каждый трудоспособный человек должен участвовать в создании тех средств, которые необходимы для его жизни и деятельности, для благосостояния общества. Человек, который получал бы от общества какие-либо блага, не участвуя в труде, был бы тунеядцем и жил за счет других» (Программа КПСС, 1961, с. 118—19).

Воспитание нового, коммунистич. отношения к труду — задача исключит. трудности. Как показал опыт

коммунистич. строительства в СССР, задача коренного изменения взглядов на труд не может быть полностью решена в переходный период от капитализма к социализму. Она решается и в период перехода от социализма к коммунизму. Свободный творч. труд — основа формирования нового, всесторонне развитого человека, школа воспитания коллективизма, взаимопомощи, дисциплины. В труде формируются коммунистич. мировоззрение и характер человека, новое отношение личности к обществу, глубокое сознание обществ. долга, в труде раскрываются способности и таланты людей. Отношение к труду становится мерилем моральных качеств члена социалистич. общества. Коммунистич. отношение к труду возникает тогда, когда человек трудится не только ради удовлетворения личных потребностей, но и ради общества, ради общего блага. «Коммунизм, — писал Ленин, — начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда...» (Соч., т. 29, с. 394). Забота не только о себе и своем ближнем, а забота об интересах всего общества — вот в чем выражается нравств. значение коммунистич. труда.

В процессе развития общества к коммунизму возрастает значение моральных стимулов к труду. Этот процесс проявляется в социалистич. соревновании, в изобретательстве и рационализации производства, в создании добровольных нар. дружин по охране порядка, в создании бригад коммунистич. труда. В условиях коммунистич. общества труд превращается в первую жизненную потребность, в наслаждение. При коммунизме создаются необходимые материальные и культурные условия, высвобождается свободное время, к-рое становится мерилом обществ. богатства и условием воспитания всесторонне развитых людей.

Технич. прогресс в условиях коммунизма, ведущий к созданию полной автоматизации производства, служит материальной основой для перерастания социалистич. труда в труд коммунистический. Автоматизация коренным образом меняет характер труда, открывает возможность постепенной передачи функций непосредственного контроля и управления автоматически действующим устройствам, приводит к ликвидации различий между физическим и умственным трудом.

Воспитание нового человека происходит в процессе активного участия в революц. борьбе, в строительстве коммунистич. общества, под влиянием всего уклада жизни общества, способа производства, форм распределения, бытового обслуживания, обществ., политич. деятельности, правовых и моральных норм. Руководящей и направляющей силой в процессе К. в. выступает КПСС. Владея знаниями законов развития общества, она обеспечивает правильное руководство всей работой по строительству коммунизма, придает ей планомерный, научно обоснованный характер.

В период развернутого строительства коммунизма возрастает роль общественности и обществ. мнения во всех сферах жизни. Программа КПСС ставит в качестве важной задачи «...повысить внимание и требовательность со стороны общественности к поведению людей», требует активнее использовать моральный вес и авторитет общественности для борьбы с нарушителями норм и правил социалистического общежития (там же, с. 195). Развитие и утверждение принципов коммунистич. морали происходит в упорной борьбе с остатками старой бурж. морали, с пережитками в сознании части людей, с влиянием бурж. идеологии. Борьба с проявлениями бурж. идеологии и морали, с остатками частнособственнич.

психологии, суеверий и предрассудков — составная часть К. в.

Проблемы К. в. получили широкое освещение на Июньском пленуме ЦК КПСС (1963). Пленум подчеркнул воспитат. значение важнейшего принципа социализма — распределения по труду, отметил большое значение мероприятий, обеспечивающих материальное стимулирование сознат. инициативы трудящихся. Важнейшей предпосылкой К. в. масс является рациональная организация быта и досуга, разумное использование каждым трудящимся своего свободного времени, к-рое все более становится гл. мерилом обществ. богатства, условием формирования всесторонне развитого человека. Пленум подчеркнул, что проблема воспитания нового человека тесно связана с борьбой против бурж. идеологии, пережитков прошлого в сознании людей, наметил конкретные пути совершенствования организации, методов и форм партийного руководства идеол. деятельностью, указал на необходимость развивать ленинский стиль идейно-воспитат. работы, соединяющий в себе высокую принципиальность, коммунистическую идейность, непримиримость к враждебной идеологии и характеризующийся творч. применением революц. теории.

Лит.: Ленин В. И., Задачи союзов молодежи, Соч., 4 изд., т. 31; Калинин М. И., Вопросы коммунистического воспитания, (Речи), М., 1940; Н. К. Крупская о К. в., Избр. ст. и речи, М., 1956; А. С. Макаренко о К. в., 2 изд., М., 1956, с. 64—87, 424—54; его же, Соч. в 7 тт., т. 5, М., 1958, с. 190—224, 420—26, 437—58; Скарякина В. Д., Роль труда в К. в. сов. народа, К., 1957; Белов М. В., К. в. трудящихся в преодолении решающих религиозных пережитков, М., 1958; Журавков М., О К. в. трудящихся, М., 1959; К. в. трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. Сокр. тексты докладов и сообщений на науч. межвузовской конференции 25—27 мая 1960 г., О., 1960; Проблемы К. в. (Сб. ст.), М., 1960; Болдырев Н. И., О принципах К. в. молодого поколения, «Вопр. философии», 1960, № 12; Вопросы эстетики, (Сб. ст.), вып. 4, Искусство и К. в., М., 1960; Ковалев С. М., К. в. трудящихся, М., 1960; Котов Л. И., Развитие нравственных убеждений и привычек в процессе К. в., М., 1961; Батищева Г. С., Методол. аспекты формирования целостной личности, «Докл. АПН», 1962, № 1, 2; Шестаков В. П., Проблемы эстетич. воспитания, М., 1962; Давыдов Ю. Н., Труд и свобода, М., 1962; Основы К. в. Учебное пособие, 2 изд., М., 1962. Л. Князева. Москва.

КОММУТАТИВНОСТЬ (позднелат. *commutativus* — подвергающийся перемещению, от лат. *commuto* — меняю, обмениваю) — свойство нек-рых бинарных (т. е. двучленных, двуместных) логич. и математич. операций или функций, состоящее в том, что результат применения данной операции к предметам *a* и *b*, взятым в одном порядке, совпадает с результатом применения той же операции к тем же предметам, взятым в обратном порядке. К. выражается обычно формулами вида $a * b = b * a$, в к-рых вместо * стоят знаки рассматриваемых операций. Операция, обладающая свойством К., наз. коммутативной. Предложение (или формула), выражающее свойство К. для данной операции, наз. обычно законом К. (или переместительным законом) этой операции. Широко известны законы К. для сложения и умножения в обычной арифметике: $a + b = b + a$ и $a \cdot b = b \cdot a$ или, говоря словами, «при перестановке слагаемых (смножителей) сумма (соответственно произведение) не меняется». В логике свойством К. обладают, напр., конъюнкция и дизъюнкция (как неразделительная, так и разделительная), что отражает то свойство союзов «и» и «или» естеств. языка, к-рое проявляется в равнозначности таких, напр., предложений, как 1) «Москва — большой город и столица СССР» и «Москва — столица СССР и большой город» или 2) «Сегодня мы пойдем на выставку или в театр» и «Сегодня мы пойдем в театр или на выставку»; коммутативной яв-

ляется также операция эквивалентности (эквивалентность) и нек-рые др. логич. операции (напр., штрих Шеффера). Существует ряд обобщений понятия K . (называемых с и м м е т р и ч н о с т ь ю) на *отношения* (понимаемые как логич. функции) и многочисленные операции. Напр., двустороннее отношение R на нек-ром множестве D понимают часто как множество упорядоченных пар элементов множества D . При этом пару, имеющую элемент x первым своим членом, а элемент y — вторым, обозначают $\langle x, y \rangle$. Говорят, что пара $\langle x, y \rangle$ принадлежит R , или символически $\langle x, y \rangle \in R$, если x находится в отношении R к y . Условие симметричности (K) отношения R можно записать тогда в виде след. предложения: R симметрично, если и только если из того, что $\langle x, y \rangle \in R$, следует, что $\langle y, x \rangle \in R$.

Лит.: Ван-дер-Варден Б. Л., Современная алгебра, пер. с нем., ч. 1—2, М.—Л., 1947; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, с. 109, 168. Б. Вирюков, М. Новоселов, Москва.

КОН (Kohn), Ганс (р. 15 сент. 1891) — бурж. социолог и историк. Род. в Праге; с 1933 живет в США, проф. истории гор. колледжа Нью-Йорка (с 1949), Военно-морского колледжа (с 1952), Пенсильванского ун-та (с 1954), пред. Междунар. об-ва по изучению идей (с 1960). В первых работах — «Смысл и судьба революции» («Sinn und Schicksal der Revolution»), 1923, посвящена Окт. революции в России), «История национального движения на Востоке» («Geschichte der nationalen Bewegung im Orient», 1928), «Восток и Запад» («Orient und Okcident», 1931) и др., K . высказывал прогрессивные взгляды, подчеркивал преходящий характер капиталистич. цивилизации, на смену к-рой идет социалистич. общество, клеймил колониальную политику империалистич. держав, отмечал, что Окт. революция была воплощением идеалов рус. народа. В 30 — нач. 40-х гг. K . выступал против фашизма. В 40—50-е гг., находясь в США, K . перешел на реакц. позиции, полностью отказавшись от прежних взглядов. В своей осн. работе «Идея национализма» («The idea of nationalism», 1944) K . определяет национализм как явление, в к-ром «сконцентрированы все проблемы недавней истории и современности». Понятие «национализм» K . толкует и как собственно национализм, и как патриотизм, и как нац.-освободит. движение. В конечном счете K . сводит национализм к двум видам — «западному», англо-саксонскому, принципами к-рого он объявляет свободу индивида, либерализм, терпимость, и «восточному», для к-рого якобы характерны тоталитаризм, стремление к насилию. Условие прогресса «отсталых» вост. стран K . видит в отказе от вост. «традиционализма» и в «вестернизации» — усвоении зап. «образа жизни» и либеральной идеологии.

Основой этой реакц. теории K . служит идеалистич. определение национализма как самодовлеющей «идеи-силы». Рассуждая о зап. «национализме», K . распространяет на все историч. периоды относит. прогрессивность раннего бурж. национализма; говоря о «вост. духе», K . отождествляет с ним панславизм и политику феод. режимов, свергнутых демократич. и социалистич. революциями.

В работах о т. н. «русском духе» K ., воспроизводит идеи бурж. историографии, пытается изобразить борьбу западников и славянофилов «осью» всей рус. истории, пишет о «свободолюбии» кадетов, скрывая монархизм контрреволюц. рус. либерализма. Большевикам K . приписывает традиции «нечаевщины», «бачунизма», панславизма и пытается доказать «случайный характер» Октябрьской революции.

Последние историч. «труды» K . служат политике империалистич. кругов.

См. ч.: Revolutions and dictatorships. Essays in contemporary history, [2 ed.], Camb. (Mass.), 1941; World order in historical perspective, Camb. (Mass.), 1942; Prophets and peoples,

N. Y., 1946; Nationalism, its meaning and history, Princeton (N. Jersey), [1955]; The mind of modern Russian, New Brunswick (N. Jersey), 1955; The twentieth century. The challenge to the West and its response, new ed., N. Y., 1957; Basic history of modern Russia, Princeton (N. Jersey), [1957]; Reflections on colonialism, в сб.: The idea of colonialism, N. Y., 1958; The mind of Germany, N. Y., [1960].

Лит.: Брутенц К. Н., Апология колониализма или «теория национализма» Г. К., «Вопр. философии», 1958, № 2; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г., Мистер К. исследует «рус. дух», М., 1961. Ю. Карякин, Е. Плимак, Москва.

КОН, Игорь Семенович (р. 21 мая 1928) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1960), профессор (с 1963). Член КПСС с 1955. Окончил историч. фак-т Ленинградского гос. пед. института им. Герцена (1947) и аспирантуру там же (1950). Ведет преподават. работу с 1950; с 1956 — на филос. фак-те Ленинградского ун-та. Проблематика науч. исследований: история бурж. философии истории и социологии 19—20 вв., филос.-методологич. проблемы историч. науки и общие вопросы историч. материализма (характер и механизм действия законов обществ. развития, критерии историч. прогресса, формы обществ. сознания и др.). Занимался историей обществ.-политич. мысли Англии 17 в., вопросами этики и истории этич. учений. Участвовал в написании кн. «Основы марксизма-ленинизма» (1959).

Соч.: Этич. воззрения Н. Г. Чернышевского, «Вопр. философии», 1950, № 2; Наука как форма обществ. сознания, там же, 1951, № 1; Марксистская этика и проблема долга, там же, 1954, № 3; О совр. бурж. философии истории, Л., 1957; О понятии историч. прогресса, в сб. ст.: Проблемы развития в природе и обществе, М.—Л., 1958; Страх перед законами истории, М., 1958, венг. пер. — Vdpst, 1960; рум. доп. пер. — Vis., 1960; Дж. Мильтон как социально-политич. мыслитель, «Вопр. философии», 1959, № 1; Некоторые вопросы философии истории в совр. франц. историографии, «Вестн. истории мировой культуры», 1959, № 1; Филос. идеализм и кризис бурж. историч. мысли (Критич. очерки философии истории эпохи империализма), М., 1959; Вопросы закономерности обществ. развития, в кн.: Историч. материализм и социальная философия совр. буржуазии, М., 1960; Мораль коммунистич. и мораль бурж., М., 1960; Бурж. философия истории в тунике, «Вопр. истории», 1960, № 12; Христиан. философия истории на службе реакции, там же, 1961, № 12; Основные направления бурж. философии и социологии XX века, [Л.], 1961 (соавтор), словацк. пер. — Vrat., 1963; К вопросу о предмете социологии (Краткий историч. очерк), в сб. ст.: Вопросы марксист. социологии, Л., 1962; Неопозитивизм в социологии, в сб. ст.: Философия марксизма и неопозитивизм, М., 1963; Неопозитивизм и вопросы логики историч. науки, «Вопр. истории», 1963, № 9; Kriticky nastin filosofie dejin 20. stoleti, Praha, 1963.

КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ (от лат. conventio — соглашение) — идеалистич. направление в филос. ист.-исследованиях науки, согласно к-рому в основе математич. и естественнонауч. теорий лежат произвольные соглашения (условности, определения, конвенции), выбор к-рых регулируется лишь соображениями удобства, целесообразности, «принципом экономии мышления» и т. п. K . возник в нач. 20 в. в условиях революции в естествознании, когда нек-рые ученые, не знаящие диалектики, сделали идеалистич. выводы из таких достижений науки, как *относительности теории*, неэвклидовы и многомерные геометрии, распространение *метода аксиоматического* и т. п.

Основоположником K . был Пуанкаре, развивший K . в применении к физике и особенно к математике. Аксиоматизация ряда математич. дисциплин, развитие неэвклидовых геометрий [показавших, что одному и тому же пространству могут соответствовать различные, но эквивалентные (в смысле: изоморфные, см. *Изоморфизм*) друг другу геометрии, а одной и той же геометрии — различные системы удовлетворяющих ей объектов] привели его к выводу, будто геометрия не имеет опытного происхождения и ничего не говорит о реальном мире; математик сам творит «факты этой науки, или скажем иначе, их творит его каприз» («Наука и метод», СПб, 1910, с. 17); лежащие в основе математич. теорий (в частности, геометрии) системы аксиом суть произвольные соглашения; основанием для предпочтения одной системы другой является

«удобство» или «полезность» системы. Последняя понимается в духе, близком к *прагматизму*; геометрия, с т. зр. Пуанкаре, «не истина, но она полезна» («Наука и гипотеза», СПб, 1906, с. 58). К. извращал подлинное отношение между теорией, объективной действительностью и практич. деятельностью людей: «удобство», «полезность», «экономность» к.-л. естеств.-науч. теории является следствием (но отнюдь не основанием) ее объективной истинности; «мысленные человека „экономно“, когда оно правильно отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 157).

Ни один представитель К. не мог провести последовательно свою т. зр. Уже Пуанкаре пришлось наложить в качестве ограничения на произвольность выбора аксиом требование их непротиворечивости. Однако первые же попытки доказательства непротиворечивости нек-рых систем аксиом (напр., неевклидовой геометрии) показали, что это фактически удается сделать лишь тогда, когда можно указать хотя бы одну интерпретацию, т. е. область объектов (либо непосредственно вещественных, либо абстрактных, но находящихся на более низкой ступени абстракции), для к-рых данная система аксиом превращается в систему истинных предложений, т. е. область, для к-рой эти аксиомы имели бы конкретный, содержат. смысл, к к-рой они были бы приложимы и отображением к-рой они служили бы. Непротиворечивость оказалась зависимой от истинности. Фактически это признавал для арифметики сам Пуанкаре. В вопросе о непротиворечивости арифметики он отказался от положений К., считая аксиомы арифметики не произвольными соглашениями, а «очевидными истинами» (правда «очевидность» истолковывалась им в духе кантианства).

Следующий «взлет» К. падает на 30-е гг., когда он был связан с ошибочными выводами, сделанными нек-рыми зарубежными философами и логиками из развития математич. логики. Математич. логика ввела понятие о формальной системе как особом «языке», с помощью к-рого могут быть выражены определ. разделы науки и к-рый имеет свой синтаксис (см. *Логический синтаксис*) и свою семантику (см. *Логическая семантика*). К. этого периода особенно явно выражен в ранних работах Карнапа (Логич. синтаксис языка — R. Carnap, *Logische Syntax der Sprache*, 1934) и Айдукевича. Карнап сформулировал принцип, названный им «принципом терпимости», согласно к-рому в основу каждой естеств.-науч. теории можно положить любую систему аксиом, любую совокупность правил синтаксиса, или «языковых форм». «Мы не хотим устанавливать запреты, ... мы хотим достигать соглашений... В логике нет морали. Каждый может строить свою логику, т. е. свою языковую форму, как он хочет. Он должен только давать ... четкие синтаксические определения того, как он строит свою логику» (указ. соч., с. 44—45). Но и Карнап не смог последовательно провести свою т. зр., т. к. открытым оставался вопрос, на каком языке нужно формулировать эти определения и как судить о том, «четко» они сформулированы или нет. Без признания необходимости пользоваться обычным языком и обычной содержат. логикой ответить на эти вопросы было нельзя. Поэтому начиная с 40-х гг. Карнап видоизменил свой принцип и стал утверждать, что предпочтение одной логической системы, «языковой формы», другой делается на основании эффективности достигнутых с ее помощью результатов (см., напр., «Значение и необходимость», М., 1959, с. 320), что было приближением к признанию значения практической проверки теоретических выводов науки.

Аналогичную эволюцию проделал и Айдукевич, к-рый в своих ранних работах («Картина мира и аппаратура понятий» — K. Ajdukiewicz, *Das Weltbild und die Begriffsapparatur*, в журн. «Erkenntnis», 1934, Bd 4, и «Мировые перспективы науки» — «Die wissenschaftliche Weltperspektive», в сб. докл.: *Einheit der Wissenschaft*, [1935]) развивал т. зр. т. н. «радикального К.», согласно к-рой изображение мира в науке зависит от выбора понятийного аппарата, причем в этом выборе мы свободны. Однако в дальнейшем, особенно в условиях демократич. Польши, Айдукевич отказался от этой т. зр. и стал говорить только о свободе выбора терминологии и о требовании твердого соглашения ученых о точном значении тех или иных науч. терминов («терминологич. К.») (см. особенно в работе «Вопросы и направления философии» — *Zagadnienia i kierunki filozofii*, 1949). В науке, утверждал теперь Айдукевич, «нет положений, которые имели бы характер конвенций. Конвенционален смысл, придаваемый в науке терминам (понятиям), которые в обиходном языке имели неопределенное значение. Конвенционален способ, посредством которого наука уточняет эти понятия» («Konwencyonalne pierwiastki w nauce», в журн.: «Wiedza i Zycie», Warsz., 1947, № 4, S. 312).

В наст. время несостоятельность К. обнаружилась в полной мере и К. в чистом виде не встречается (хотя в методологич. анализе науч. знания за рубежом имеются отд. его проявления).

Не следует думать, что употребление в науке таких выражений, как «допустим, что... и согласимся», «договоримся о том, что...» и т. д., неизбежно влечет за собой уступку К. Такие выражения просто указывают на то, что, напр., из ряда эквивалентных систем аксиом выбирается к.-л. одна. К. заключается не в признании возможности подобной эквивалентности и существования соглашений в науке, а в игнорировании пределов, в к-рых эти соглашения имеют силу, в непонимании того, что эти пределы обусловлены самой действительностью и что в основе существования эквивалентных друг другу теоретич. систем (исчислений, формализов. языков и т. п.) лежит объективно существующее многообразие явлений внешнего мира.

В совр. филос. лит-ре термин «К.» иногда понимают более широко, обозначая им любую филос. теорию, утверждающую произвольность мышления, независимость его от внешнего мира (см., напр., ст. К. в кн.: Н. Аббаньяно, *Словарь по философии* — N. Abbagnano, *Dizionario di filosofia*, [1961]; И. Фолькельт, *Очевидность и истина* — J. Volkelt, *Gewissheit und Wahrheit*, 1918; а также А. Шафф, *Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины*, пер. с польск., 1953. и др.); в этом смысле К. оказывается и философия Ницше, и прагматизм, и т. н. лингвистич. философия и др. течения бурж. филос. мысли. Однако такое употребление термина «К.» мало удачно, т. к. объединяет весьма разнородные филос. направления.

Лит.: Пуанкаре А., *Последние мысли*, пер. [с франц.], [П.], 1923; Франк Ф., *Философия науки*. Связь между наукой и философией, пер. с англ., М., 1960; Нерк и И. С., *Критика К. как методологич. основы совр. позитивизма*, «Вест. МГУ». Серия 8. Экономика, философия, 1961, [№] 1; Nagel E., *Nature and convention*, «J. Philos.», 1929, v. 26, № 7; Black M., *Conventionalism in geometry*, «Philos. Sci.», 1942, v. 9, № 4; Winch P., *Nature and convention*, в кн.: *Proceedings of the Aristotelian society*, v. 60, L., 1960, p. 231—52; Gould J. A., *The origin of Poincaré's conventionalism*, «Rev. Intern. Philos.», 1961, № 55. И. Добронравов. Москва.

КОНВЕРСИЯ (лат. *conversio*, букв. — превращение, изменение) — 1) То же, что *обращение*. 2) Преобразование условного суждения, состоящее в замене его основания на его следствие, а следствия — на основание; образует из суждения вида «Если А,

то В» суждение вида «Если В, то А», называемое конверсным суждением, или К. данного суждения. При истинности исходного суждения конверсное суждение может быть как истинным, так и ложным. В математике К. известна как способ формулировки обратной теоремы по данной прямой теореме. Об отношении суждения, конверсного данному, к инверсному и контрапозитивному суждению см. *Инверсия, Контрапозитивный закон*.

Лит.: Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М.—Л., 1948, гл. 2; Градштейн И. С., Прямая и обратная теоремы, 3 изд., М., 1959; Чёрч А., Введение в математич. логику, Гл. II, пер. с англ., [М.], 1960, с. 161; Ziehen Th., Lehrbuch der Logik..., Bonn, 1920, S. 718—20.

КОНГРЕГАЦИОНАЛИЗМ (от лат. congregatio — объединение) — одна из распространенных в Англии и США протестантских религий, радикальная разновидность кальвинизма. К. утверждает высший авторитет в делах веры местной, автономной, самоуправляющейся религ. общины (конгрегации). Последняя понимается как совокупность христиан, каждый из к-рых «... новинует своей совестью, направляемой духом бога...» (цит. по кн.: Мауер Ф. Е., The religions beodies of America, S.-Louis, 1956, p. 245).

К. сложился в Англии во 2-й пол. 16 в. как бурж.-демократич. движение, оппозиционное королевскому абсолютизму и гос. англиканской церкви, радикальная разновидность пуританизма. В период англ. революции конгрегационалисты создали революц. партию индепендентов, установившую республику, вырвавшуюся в диктатуру Кромвеля. В Америке (с 1620) они отличались фанатизмом, преследовали квакеров, баптистов, проводили «охоту на ведьм» в «Новой Англии». Те, кто не был полноправным членом общины, не имел и политич. прав. Вместе с тем многие сторонники К. разделяли прогрессивные для того времени идеи, видя в договоре основу светских и религ. учреждений, поддерживая идею естеств. прав, требование религ. свободы и отделения церкви от гос-ва. Фатализму ортодоксального кальвинизма К. противопоставил учение о свободе воли. Для К. характерна динамичность религ. воззрений: откровение не закончено, направляемая «святым духом» община понимает свое религ. кредо как относит. отражение религ. «истины» и приспособливает его к духу времени. Число приверженцев К. превышает 2 млн. чел. Совр. К. ведет реакц. пропаганду, участвует в миссионерской деятельности.

Лит.: Dale R. W., History of English congregationalism, L., 1907; Selbie W. B., Congregationalism, L., [1927]; Atkins G. G. and Fagley F. L., History of American congregationalism, Boston—Chi., [1942]. А. Чанышев. Москва.

КОНДИЛЬЯК, Кондийак (Condillac), Этьенн Бонно де (30 сент. 1715 — 3 авг. 1780), — франц. философ-просветитель, разработавший *сенсуализм*. Член Французской академии. Брат *Мабли*.

Филос. взгляды К. сложились под непосредств. влиянием Локка, истолкование философии к-рого

К. дал в работе «Опыт исследования происхождения человеческих знаний...» («Essai sur l'origine des conceptions humaines...», 1746). В ней К., по словам Маркса, утверждал, что «... не только душа, но и чувство, не только искусство создавать идеи, но и искусство чувственного восприятия являются делом опыта и привычки. От воспитания и внешних обстоятельств зависит поэтому всё развитие человека» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 144).

«Трактат о системах...» («Traité des systèmes...», 1749, рус. пер. 1938, под ред. Е. Ситковского) был следующим шагом в развитии сенсуалистич. взглядов К. В нем он подверг критике теорию *врожденных идей* Декарта (см. указ. соч., М., 1938, с. 39), *окказионализм* Мальбранша (см. там же, с. 67—68), учение Лейбница о *монадах* и, отражая прогрессивные устремления естествознания своего времени, выдвинул требование о создании философии, опирающейся не на ложные гипотезы, а на фундамент науч. знаний.

В противоположность субъективному идеализму Беркли, К. утверждал, что природа как источник наших ощущений существует вне человека. В отличие от Юма, К. подчеркивал, что человек может достичь всех знаний, к-рые отвечают его природе и способностям. Но, справедливо критикуя Декарта, Мальбранша, Лейбница за их идеализм, К. опровергал в то же время Спинозовское определение природы как субстанции на том основании, что за многообразием качеств предметов «... мы не в состоянии открыть того, что служит основой их» (там же, с. 99). По К., существуют «...идеи чувственные и идеи абстрактные» (там же, с. 43). Последние только суммируют то, что уже есть в первых, и могут лишь вносить порядок в наши знания, не расширяя их.

Гл. филос. произведение К. «Трактат об ощущениях» («Traité des sensations», v. 1—2, 1754, рус. пер. 1935, под редакцией Е. Ситковского) посвящено выяснению того, «... каким образом все наши знания и все наши способности происходят из... ощущений...» (указ. соч., М., 1935, с. 42).

Возражая Локку, К. утверждал, что не существует деятельности воли и разума, независимой от чувств. В исследовании поставленной задачи К. придавал решающее значение наблюдению и анализу. Вообразив статуя, последовательно наделяемую ощущениями, философ показывал, что вместе с этими ощущениями, статуя наделяется всеми психич. и интеллектуальными функциями. К. прослеживал, как в связи со стремлением к удовлетворению потребностей в человеке возникают привычки осознать, обонять, видеть и т. п., а также размышлять, желать, любить и ненавидеть. Лишь мельком К. затронул вопрос о потребностях, возникающих из совместной жизни людей в обществе, и их влиянии на познание. На основе ощущения возникают внимание, память, идеи; сравнение приводит к суждению (к-рое замечает в сравниваемых идеях сходство и несходство) и, следовательно, к размышлению. Из желания или нежелания приобрести те или иные ощущения «... рождаются страсти, любовь, ненависть, надежда, страх, воля» (там же, с. 52). При переходе от одной потребности к другой образуется воображение.

К. не сделал последовательно материалистич. выводов из своего сенсуализма, колебался между материализмом и идеализмом, но своим сенсуализмом и борьбой против идеалистич. метафизики 17 в. оказал непосредств. влияние на развитие франц. материализма. Последний освободил сенсуализм К. от идеалистич. и агностич. тенденций. В своей «Логике...» («La logique...», изд. посмертно в 1781, рус. пер. Т. Осиповского под назв. «Логика, или Умственная наука,

руководствующая к достижению истины», 1805; под тем же рус. назв. «Логика...» вышел в 1792 сделанный А. Гронским пер. др. соч. К. по логике — «L'art de raisonner») К. отделил практич. знания от теоретических. Первые бессознательны, инстинктивны и возникают до появления языка; вторые невозможны без языка. Теоретич. знания и есть анализ, классификация идей при помощи слов. Слова — это знаки идей, и без знаков, т. е. слов, невозможно теоретич. мышление. К. признавал возможность и др. знаков — цифр, букв, обозначений и т. п. Логика, как общая грамматика всех этих знаков, включает, т. о., и математику. Эти вопросы К. рассматривал также в напечатанной посмертно работе «Язык исчислений» («La langue des calculs», 1798). Общие принципы логики, как и все абстрактные принципы, не имеют, по К., познавательного характера. И если они используются во всех случаях, то потому, что они «... не столько знания, сколько сокращенный метод изложения ряда частных знаний...» («Трактат о системах...», с. 8). К. отрицал возможность выработки общих принципов, охватывающих все явления природы, общества и души. Существуют лишь принципы данного ряда фактов, к-рые и есть извлечение того общего, что есть в них. Логика К. была чрезвычайно популярна в конце 18 — нач. 19 вв. В 1-й пол. 19 в. реакц. противники идей франц. Просвещения и материализма боролись против сенсуализма К. (*Mein de Бюан, Руайе-Коллар, Кузен* и др.). Бурж. история философии 2-й пол. 19 в., искажая взгляды К., объявляла его родоначальником франц. позитивизма (*Виндельбанд* и др.).

Соч.: Oeuvres complètes, v. 1—23, P., 1798 (с предисл. Arpoux et Mousnier); nouv. éd., v. 1—16, P., 1821—23 (с предисл. A.-F. Théry); Oeuvres philosophiques, v. 1—3, P., 1947—51; Recherches sur l'origine des idées que nous avons de la beauté..., v. 1—2, Amst., 1749; Cours d'études..., [Уроки принцу Пармекому], v. 1—13, Parma, 1769—73. Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 169—70; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14, с. 24; Лунин И. К., Э. Б. де К., в кн.: Деборин А., Книга для чтения по истории философии, т. 2, М., 1925; История философии, т. 2, М., 1941, с. 437—43; История философии, т. 1, М., 1957, с. 533—538; Герцен А. И., Собр. соч., т. 3, М., 1954, с. 293, 300, 305; Cousin V., Philosophie sensualiste au dix-huitième siècle, 3 éd., P., 1856; Saltukow W., Die Philosophie Condillacs, Bern, 1901; Baguenault de Puchesse G., Condillac. Sa vie. Sa philosophie. Son influence, P., 1910; Didier J., Condillac, P., 1911; Schinz M., Die Anfänge des französischen Positivismus, Tl 1—Die Erkenntnislehre, Stras., 1914; Ewald O., Die französische Aufklärungsphilosophie, Münch., 1924; Lenoir R., Condillac, P., 1924; Le Roy G., La psychologie de Condillac, P., 1937; Tommucci L., Il problema dell'esperienza dal Locke al Condillac, Messina, 1937; Meyer P., E. B. de Condillac, Z., 1944; Bizzarri R., Condillac, Brescia, [1945]; D'Alpra M., Condillac, Mil., 1947. Г. Зельманова. Ленинград.

КОНДИЦИОНАЛИЗМ (от лат. condicio — условие) — филос. течение в естествознании (прежде всего в медицине), отрицающее объективность причинно-следств. связей; сформировался в исследованиях нем. физиолога, проф. Иенского и Гёттингенского ун-тов Макса Ферворна и нем. патологоанатома Ханземана. Они рассматривали принцип К. как методологич. основу не только медицины, но и всего новейшего естествознания.

Созданию К. предшествовало открытие патогенных (болезнетворных) микроорганизмов, к-рое было осмыслено большинством медиков с позиций метафизич. механич. детерминизма, оформившегося в данном случае в виде т. н. монокаузализма. С т. зр. монокаузализма, проникновение в организм человека патогенного микроба — единств. причина возникновения недуга. Затем был открыт факт бациллоносительства и появились первые исследования иммунитета. Эти открытия обнаружили факт зависимости заболевания от случайности сочетаний различных условий, что побудило медиков-метафизиков сделать вывод: если

само это сочетание условий совершенно случайно, то ни о какой общей, повторяющейся, закономерно и с необходимостью действующей причине речи быть не может. Понятие «причина», т. о., превращается, с их т. зр., в условное обозначение стихийно следующих друг за другом событий и, по мнению Ферворна, должно быть изгнано из науки. Прямолинейность и односторонность монокаузализма вытесняется крайним и столь же односторонним релятивизмом. Профилактика лишается к.-л. научной основы. При этом К. объективно приводит его сторонников к отрицанию нозологии, качеств, особенностей различных болезней человека, что в конечном счете сказывается и на отношении кондиционалистов к познанию сущности болезни. Последователи Ферворна считают, что патолог способен лишь «констатировать факты», чисто логически связывая их в своем сознании. Т. о., общая позитивистская тенденция совр. бурж. методологии естествознания проявилась и в медицине.

Диалектика детерминизма в патологии раскрывается в сложном переплетении (вплоть до тождества) таких противоположностей, как внешнее и внутреннее, случайное и необходимое, специфическое и неспецифическое. Напр., внешнее для организма действие того же микроба одновременно является и внутренним, самим организмом детерминированным процессом. Как внешнее, микроб может действовать лишь в том случае, когда его действие становится элементом внутр. системы жизнедеятельности микроорганизма. Метафизич. же противопоставление внешнего внутреннему приводит нек-рых патологов к выводу: причина болезни — в законах жизнедеятельности самого организма («чистая необходимость», «внутреннее само по себе»). И тогда для исследователя то, что вызывает болезнь в организме индивидуума, — не причина, а случайный повод, значение к-рого весьма условно. «Специфика» этого «чисто внешнего», случайного условия только «подталкивает» действие общих, неспецифич. адаптационных реакций организма.

Организм может жить и бороться за жизнь лишь за счет внешнего и против внешнего, постоянно претворяющего его воздействия во внутр. процессы, осуществляющиеся по законам жизнедеятельности самого организма. Но внешнее, самим организмом объективно отождествляясь с внутренним, остается и сам собой, вызывая в организме такие процессы, к-рые так или иначе зависят от специфики внешнего. С др. стороны, сама т. н. «неспецифическая» реакция организма в каждом индивидуальном случае также существует в определенной, особенной форме (кстати сказать, зависящей и от специфики патогенного агента). Ни одно из условий, без к-рых патогенное свойство возбудителя не проявится, ни их совокупность не вызовут заболевания без наличия самого возбудителя. Но общая закономерность и необходимость патогенного действия возбудителя-причины в каждом единичном случае проявляется в форме случайности потому, что необходимые для проявления патогенных качеств возбудителя условия собираются, накапливаются независимо от самих особенностей и свойств возбудителя, иными словами — случайно по отношению к внутр. закономерности жизнедеятельности микроба и макроорганизма. Причем именно специфич. особенности заболевания как следствия зависят не только от качества причины-возбудителя, но и от всего комплекса условий: локализации процесса, общего состояния организма, его предрасположенности (сенсibilизированности) и мн. др. В этой связи каждое из условий по отношению к определ. особенности болезни выступает уже как причина.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 532—536; Энгельс Ф., Наука логики, Соч., т. 5, 6, М., 1937—1939; Ферворн М., Естествознание и мирозерцание. Пробле-

ма жизни. Две лекции, пер. с нем., М., 1909; е го же, Механика душевной жизни, М., [1909]; е го же, Общая физиология. Основы учения о жизни, пер. с нем., вып. 1—3, М., 1910—12; Г е н е с С. Г., О каузализме и К. в медицине, «Врачебное дело», 1930, № 5; К а р л и к Л. Н., Патологич. физиология, М.—Л., 1936; А д о А. Д.; [и др.], Патологич. физиология, М., 1957; Б о г о м о л е ц А. А., Избр. труды, т. 3, К., 1958; С е л ь е Г., Очерки об адаптационном синдроме, пер. с англ., М., 1960; Д а в ы д о в с к и й И. В., Проблема причинности в медицине (этиология), М., 1962; П и г а р е в с к и й В. Е., Нек-рые критич. замечания к кондициональному направлению в патологии, в сб.: Вопросы диалект. материализма в теоретич. медицине, Л., 1962; Ц а р е г о р о д ц е в Г. И., К. в свете ленинской критики махизма, в сб.: Филос. вопросы медицины, М., 1962; H a n s e m a n n D., Über das konditionale Denken in der Medizin und seine Bedeutung für die Praxis, В., 1912; V e r w o r n M., Kausale und konditionale Weltanschauung, Jena, 1912. Ф. Михайлов. Москва.

КОНДОРСЁ (Condorcet), Мари Жан Антуан Никола́ де (17 сент. 1743 — 7 апреля 1794) — франц. математик, социолог и политич. деятель. Под влиянием Д'Аламбера, Клеро и геометра Фонтена

стал на путь науч. деятельности. После издания «Опытов анализа» («Essais d'analyse», 1768) был избран в члены Академии. С 1773 занимал пост ее секретаря. Сотрудничал в «Энциклопедии...». Написал более 50 биографий членов Академии, в т. ч. *Вольтера* и *Тюрго* («Eloges des académiciens... morts depuis 1666 jusqu'en 1699», 1773), с к-рыми поддерживал личные связи. В 1791 К. избран в Законодательное собрание. В Конвенте К. противопоставил якобинцам свой жирондистский проект конституции. Правительство Робеспьера обвинило его в заговоре и вынесло решение о его аресте. Скрываясь, К. писал свой знаменитый «Эскиз историч. картины прогресса человек. разума» («Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain», 1795; рус. пер., 1909, вступ. ст. М. Ковалевского; 2 изд., 1936). Весной 1794 К. был арестован и в тюрьме, желая избежать публичной казни, принял яд.

Сторонник *деизма* и *сенсуализма*, К. исходил из того, что «человек рождается со способностью получать ощущения... под воздействием внешних вещей... Эта способность, соединенная со способностью образовывать и сочетать идеи, порождает между людьми отношения интереса и долга...» (указ. соч., М., 1936, с. 3, 4). В противовес «скептикам» К. утверждал, что при помощи ощущений и идей люди способны познавать окружающий мир; К. признавал наличие вечных и неизменных законов природы и общества.

В своей философии истории (изложенной гл. обр. в «Эскизе...») К., находясь под влиянием *Руссо* (см. там же, с. 164—66), *Тюрго* и *Рейналя*, развивал теорию прогресса человечества на идеалистич. базе. В основе истории лежит, по мнению К., безграничное совершенствование знаний и способностей людей, хотя К. указывал также и на значение хозяйств. и политич. факторов для объяснения различных этапов совершенствования человек. разума и периодов развития общества. Невежество, предрассудки, деспотизм являются осн. врагами человечества. Религия, возникновение к-рой, по утверждению К., было обусловлено хитростями шарлатанов и попов, с одной стороны, легковерием и суеверием масс — с другой, играет вредную роль в истории.

Форма организации человек. рода на первой стадии цивилизации — семья, к-рая, размножаясь, превращается в племя; осн. источник существования — охота и рыболовство. Нет частной собственности. Пер-

вой характерной чертой, отличавшей это общество от животного стада, являлись «... искусства, посвященные удовлетворению самых незатейливых потребностей человека» (там же, с. 18). Общество не располагало досугом, необходимым для развития наук. Поэтому образуется класс людей, к-рый хранит накопившиеся знания, приемы искусства изготовления оружия и утвари, обряды, а затем и религ. церемонии; так, по мнению К., возникло духовенство (см. там же, с. 22). С переходом к скотоводству и земледелию образуется имущество, неравенство, собственность становится наследственной. Появляются обмен, торговля и деньги. Ввиду того, что труд может создавать ценностей больше, чем стоит пища, необходимая для восстановления сил работника, создается возможность «...превращать военнопленных в рабов, вместо того чтобы их убивать» (там же, с. 25). Возникает промышленность, совершенствуется земледелие. Все это ведет к развитию знаний и к совершенствованию разума, т. е. наук и философии. Но одновременно «... совершенствуется искусство вводить в заблуждение людей, чтобы их легче эксплуатировать...» (там же, с. 27). В противоположность *Руссо*, вслед за *Рейналем*, К. утверждал, что переход от первобытного общества к цивилизации являлся не вырождением человек. рода, но «... неизбежным переломом в его постепенном движении к полному совершенству» (там же, с. 31). Дальнейший прогресс общества, по К., принес с собой разделение труда и возникновение новых классов, в т. ч. «... класса рабочих всевозможных профессий и класса купцов» (там же, с. 35). Т. о., политич. строй общества усложнялся. Когда терпение народов истощалось, возникали революции, в результате к-рых появлялись новые формы государственного устройства — республики. Революции способствовали прогрессу.

Возникновение феодализма и деспотизма К. объяснял завоеванием. Люди должны покончить с феодализмом и проложить дорогу полной реализации «естественных прав», вытекающих из природы человека и его разума.

В своих идеалах К. не выходил за рамки частной собственности и считал, что имущество, неравенство необходимо и даже полезно для общества. К. требовал уничтожения неравенства между нациями (см. там же, с. 221), был противником работорговли и расовой ненависти, осуждал войны как «гибельный бич» и «величайшее преступление», пропагандировал сближение культур и междунар. солидарность народов, был сторонником уравнения прав женщин и мужчин. В демократии, по его словам, «...целью всех общественных организаций должно быть улучшение социальных, моральных, интеллектуальных и физических возможностей самого многочисленного и самого нуждающегося класса» (цит. по речи М. Тореза на XVI съезде КПФ, см. «Humanité», 1961, 15 mai, p. 8).

Идеи К. сыграли прогрессивную роль и оказали значит. влияние, в частности на *Сен-Симона* и франц. историков эпохи Реставрации.

Как экономист, К. находился под влиянием физиократов, особенно *Тюрго*. Занимался математикой (кроме «Опытов анализа», напечатал «Опыт интегрального исчисления» — «Du calcul intégral», 1765).

Соч.: Oeuvres, t. 1—12, P., 1847—49.

Лит.: М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Немецкая идеология. Сочинения, 2 изд., т. 3, с. 530—31; М а р к с К., Переловца в № 179 «Kölnische Zeitung», там же, т. 1, с. 112; Э н г е л ь с Ф., Праздник народов в Лондоне, в кн.: М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., т. 5, М.—Л., 1929; П л е х а н о в Г. В., Очерки по истории материализма, в его кн.: Избр. филос. произв., т. 2, М., 1956; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 315—21; История философии, т. 1, М., 1957, с. 591—93; Старое ельска-Яникина О., Очерки по истории науки и техники периода франц. бурж. революции 1789—1794, М.—Л., 1946; В о л г и н В. П., Развитие обществ. мысли во Фран-

ции в XVIII веке, М., 1958; Robinet I. F. E., C., sa vie, son oeuvre, 1743—1794, P., [1893]; Cahen L., C. et la révolution française, P., 1904; Alengry F., C. guide de la Révolution française, P., 1904; Schinz M., Die Anfänge des französischen Positivismus, Tl. 1. Die Erkenntnislehre, Stras., 1914; Buisson F., Condorcet, P., 1929; Frazer J. G., C. on the progress of the human mind, Oxf., 1933; Shapiro J. S., C. and the rise of liberalism in France, N. Y., [1934]; Grainger G. G., La mathématique sociale du marquis de C., P., 1956; Cento A., C. e l'idea di progresso, Firenze, [1956] (им. библи.).

Г. Зельманова. Ленинград.

КОНЕЧНОЕ [буквально — имеющее конец (соответственно — начало)] — всякий определенный, ограниченный переходящий предмет, процесс. Представление о К. содержит характеристику вещей со стороны их качеств и количества, определенности. Эта характеристика связана с определением реальности как дискретной. В силу того, что между любыми вещами можно найти что-то общее, граница вещи всегда есть ограниченность ее в отношении одних характеристик и не является таковой в отношении других. Напр., капитализм есть переходящая, конечная стадия развития общества. Но его граница не есть граница развития производит. сил. Наоборот, производит. силы, развитые капитализмом, переходят границу меры капитализма, чем и обусловлена его конечность.

Поскольку качество, как объективная определенность вещи, никогда не сводится к количеству, сама задача выражения качества через количество неизбежно предстает как нечто бесконечное.

Качество есть конечность внутри бесконечного многообразия мира. В категории количества бесконечное выступает непосредственно в своем отношении к К. Количество есть бесконечность внутри К. С др. стороны, качество любого определ. предмета может быть выражено через свойства, в к-рых выражены его отношения с др. предметами. Но при этом оказывается, что различных отношений и, следовательно, свойств у этого предмета бесконечно много, и качество предстает как бесконечность в смысле бесконечного многообразия, неисчерпаемости самого предмета. Т. о., качество есть бесконечность внутри количества К. В данном аспекте количество выступает как К., как ограничение качеств. бесконечного предмета. Поэтому, с т. зр. чисто количеств. подхода, любое качественно определ. явление (т. е. К.) выглядит как лишенное каких бы то ни было внутр. границ и пределов, как чистая (и потому бесконечная) возможность их установления, как непрерывный континуум (и следовательно, бесконечное). К. определяется вообще как исчезающий момент, как переходящее состояние материи, находящейся в бесконечном изменении. Изменение же вообще связано с постоянным снятием границ, пределов, различий между вещами, а следовательно, и снятием дискретности. В этом процессе каждое К. выходит за свои пределы, во-первых, тем, что соотносится, взаимодействует с бытием, лежащим вне его, а во-вторых, тем, что со временем превращается в другое К. В этом постоянном выходе из себя заключается всеобщая, бесконечная природа любого К., или К. вообще — его универсальное отрицат. определение. Если мыслить К. как нечто только определенное, т. е. без движения (сняющего эту определенность), внутренне в ней же самой заложенного, без имманентного противоречия, то невозможно понять процесс развития, почему это К. превращается в другое К., почему оно — именно К., а не бесконечное. С т. зр. диалектич. логики, внешние границы существования вещи — ее начало и конец во времени и в пространстве — всегда полагаются внутр. границей, т. е. качественно-определенной мерой, имманентным противоречием этой меры.

Т. о., имеется глубокое различие между метафизикой как методом и диалектикой в понимании взаимоотношения между К. и бесконечным. С т. зр. метафизики,

это взаимоотношение сводится к тому, что бесконечное составлено из бесконечного числа конечных вещей, и, т. о., бесконечное не существует без К. Диалектика видит здесь лишь внешнюю сторону отношения между К. и бесконечным. Более важным для нее является понимание бесконечного как отрицат. определения К., как процесса. Этот процесс состоит в постоянном ограничении К. и одновременно выходе за границу, ибо ограничить вещь (т. е. понять ее как К. или вообще определить ее) означает выйти за пределы вещи. Т. о., сама природа К. предполагает возможность выхода за его границу. С этой т. зр., К. не существует без бесконечного. Следовательно, наличие в мире конечных вещей (напр., физич., космич. систем и т. д.) и процессов есть свидетельство бесконечности материальной Вселенной. Поэтому любые конечные характеристики, параметры, величины, входящие в теорию, не могут иметь абсолютного смысла. По этой же причине теории и модели релятивистской космологии в лучшем случае могли бы претендовать на изображение нек-рых характеристик конечной части бесконечной Вселенной. Конечность этих моделей связана с введением в теорию конечного числа конечных параметров, т. е. они предполагают К. как исходный пункт, а потому К. неизбежно выступает как результат формально-математич. оформления данной модели. В тех случаях, когда модель получается бесконечной, она все же оказывается таковой в смысле дурной бесконечности, т. е. мыслится как повторение тех или иных характеристик в пространстве или времени бесконечное число раз. Но такая «бесконечность» есть качеств. ограничение и, следовательно, с т. зр. диалектики, К. В то же время бесконечность не может быть положена наряду с К., а в качестве процесса определяется как движение К. Поэтому принцип теоретич. познания К. является не только и не столько простое описание тех внешних границ, к-рые отделяют одно К. от другого, а раскрытие тех внутр. противоречий меры, силой к-рых данное К. возникает, а затем исчезает в ходе нек-рого общего процесса (напр., в ходе развития системы более высокого порядка).

По той же причине односторонне-математич. понимание К., выражающее его только как величину или пропорцию, лишенную каких бы то ни было противоречий, приводит к неразрешимым парадоксам, в к-рых обнажаются вовсе не случайные ошибки или недоработанность понятий, а принципиальная невозможность выразить конечным образом познание конкретного объекта посредством формально-математич. количеств. отношений. Ибо определенность предмета (в т. ч. количественная) как К. постоянно снимается движением внутр. противоречий, поэтому попытки свести познание К. к его выражению в конечном же числе уравнений и избавиться от бесконечности путем чисто формальных операций (в логике путем уточнения понятий, квантификации предикатов и пр., а, напр., в квантовой механике путем введения операции перенормировки и т. п.) принципиально не могут дать желаемого результата. Ибо такие попытки фактически выражают стремление избавиться от диалектики К. как формы и полюса бесконечного.

В математике термины «ограниченный», «определенный», «конечный» употребляются в смысле, отличном от их смысла в диалектике. В последней любое определение (а следовательно, ограничение) приводит к К., в то время как в математике ограниченное не всегда означает К. Напр., числовая последовательность $1/2, 1/4, 1/8, \dots, 1/2^n, \dots$, будучи ограниченной (т. е. обладая пределом $= 0$), в то же время считается бесконечной. С т. зр. диалектики, это случай, когда вещь (в данном случае числовая последовательность) в одном отношении выступает как конечная (имеет

предел величины своих членов), а в другом — как бесконечная (в отношении числа этих членов). Такого же рода бесконечность свойственна любой теории. Всегда явно или неявно в ней существуют параметры, ограничение которых связано с учетом др. параметров явления, не вошедших в теорию. Поэтому всякая теория в определенных отношениях экстраполирует себя на бесконечность. Эта экстраполяция обычно сменяется следующей, более конкретной теорией, вводящей новые конечные параметры. Напр., не учитывая предельную скорость физич. взаимодействия «с», классич. механика распространяла фактически свои законы на бесконечные отношения скорости. Теория относительности сняла эту экстраполяцию. Невозможность учета в совр. квантовой физике конечного размера микрочастицы приводит к бесконечным значениям ее энергии и т. д. Введя конечный параметр « h », квантовая механика сняла неявное предположение классич. механики о возможности бесконечного дробления энергии физич. процессов.

В процессе постоянного снятия границ никогда не заканчивающегося отрицания любого К. остается, сохраняется бесконечное как инвариант, т. е. закон изменения, закон связи явления с явлением: «форма всеобщности в природе — это закон... Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 548—549).

Лит.: Маркс К., Математические рукописи, «Под знаменем марксизма», 1933, № 1; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; его же, Диалектика природы, М., 1955, с. 185—87, 189; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; его же, Философские тетради, там же, т. 38, с. 98—99, 100; Аристотель, Физика, пер. [с греч.], М., 1936; Гегель В., Соч., т. 5, М., 1937; Александров П. С. и Колмогоров А. Н., Введение в общую теорию множеств и функций, М.—Л., 1948, гл. 2, 6; Сви́децкий В. И., Философское значение пространственно-временных представлений в физике, Л., 1956; Мельник С. Т., Проблема конечного и бесконечного, М., 1958; Зельманов А. Л., [Выступление на дискуссии], в сб.: Философские проблемы современного естествознания, М., 1959.

А. Арсенев, Москва, Я. Ляткер, Новосибирск.
КОНИСКИЙ, Георгий (Григорий Осипович, 20 ноября 1717 — 13 февр. 1795) — писатель-драматург, философ и православный богослов, борющийся против унитарства и католицизма. Род. в Нежине в дворянской семье. Учился в Киевской духовной академии, затем преподавал в ней (с 1751 — ректор). С 1755 — белорус. архиепископ (жил в Могилеве).

Филос. взгляды К. изложены гл. обр. в рукописном соч. «Философия...» («Philosophia iuxta numerum quatuor facultatum quadripartita, co Logicam, Methaphisicam, Phisicam, et Ethicam...»), 1749; хранится в Ленинграде в Гос. публичной б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). К. считал, что все отрасли знания должны «служить теологии» и «получать от нее законы». Вместе с тем К. утверждал, что в основе природы лежат три начала: материя, форма и лишение формы, т. е. способность тел к развитию. Политич. идеал К. — централизов. феод. гос-во во главе с «добрым» монархом. К. критиковал «...тиранство владетелей, министров их, усугубляющих бремена подчиненных, даже и необходимые, ненасытных воровством своим мошенничеством судей, вместо правды одно лихоимство гонящих, мучительства владельцев, кожи с крестьян обдирающих и плоти снедающих и самых кости...», богатых изытки, причины лишения убогих...» («Слова и речи», Могилев на Днепре, 1892, с. 275—76). Социальная тема была остро поставлена в драме К. «Воскресение мертвых» (опубл. в сб.: «Летописи рус. лит.», т. 3, 1861, с. 39—58; см. также в кн.: О. И. Білецький, Хрестоматія давньої укр. літ., 1952, с. 344—64).

Соч.: Собр. соч., ч. 1—2, СПб., 1835; Записки пресвященного Г. К. о том, что в России до конца XVI в. не было никакой унии с Рим. церковью, «Чтения в об-ве истории и древностей Российских при Москов. ун-те», 1847, март, № 8; Письмо господина Вольтера к учителям церкви и богословам, «Домашняя беседа», 1867, вып. 46, с. 1102—106; вып. 47, 1122—126; вып. 48, с. 1154—156.

Лит.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в., М., 1957, с. 549; История укр. лит., т. 1, К., 1954, с. 105—06. В. Протасевич. Минск.

КОНКРЕТНОЕ (от лат. concretus, букв. — сросшийся) — реальный объект во всем богатстве его содержания, отражение действительности в восприятии, представлении и мышлении. В мышлении К. отражается в виде системы теоретич. определений. «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 727).

К. в иск-ве представлено в виде чувственно-наглядных форм, но взятых не в их непосредственности, а как выражение общественно закрепленного опыта. Иск-во обладает достоинством чувственной К., непосредственности. Но эта непосредственность в иск-ве выступает как форма выражения общего, как способ выражения обобщенного содержания. Искажение конкретности форм в искусстве, напр. в абстракционизме, ведет к нарушению художественного образа и тем самым к разрушению подлинного искусства.

В филос. языке термин «К.» утвердился в ср.-век. схоластике. Употреблялся по большей части как синоним единичного тела, вещи, непосредственно воспринимаемой органами чувств. Характерное для религ.-схоластич. мировоззрения презрение ко всему чувственному, плотскому, мирскому, т. е. к К., естественно дополнялось почтением к умопостижаемому, имматериальному, сверхчувственному — к абстрактному.

В значении синонима единичного, чувственно-воспринимаемого тела термин «К.» был унаследован и философией нового времени, а позднее некоторыми формами эмпиризма. К. в этом смысле понималось в зависимости от гносеологич. позиций как объективно (Гассенди, Ф. Бэкон, Гоббс, франц. материалисты 18 в.), так и субъективно-идеалистически (Юм, Беркли). Толкуемое субъективно-идеалистически, К. превращается в синоним индивидуально неповторимого «состояния сознания», «переживания». Позднее в этом смысле К. толкуется Дж. С. Миллем, Махом и неопозитивистами. У Дж. С. Милля, напр., это толкование К. лежит в основании его деления понятий на абстрактные и конкретные и связано с идеалистич. психологизмом в толковании К. как формы чувств. восприятия (в отличие от «абстрактного» как формы мышления), характерным для позитивизма 19—20 вв.

На почве механистич. формы материализма понимание К. в философии 17—18 вв. было также больше или меньше окрашено в субъективистские тона. Абстрактно-геометрич. представление об объективной реальности (Декарт, Гоббс, Локк и др.) с неизбежностью приводило к тому, что К., т. е. образ вещей в созерцании, начинало казаться лишь субъективной иллюзией, порождаемой органами чувств, субъективно окрашенной копией с бесцветного абстрактно-геометрич. оригинала. С этим связано и представление, согласно к-рому «воспарение» от К. к абстрактным отвлечениям есть естеств. путь к истине, к познанию вещи такой, какова она есть сама по себе. На почве односторонне механистич., абстрактно-математич. взгляда на объективную реальность такое понимание К. как формы лишь непосредственно-чувственного

познания оставалось непреодолимым. Отд. исключения, как, напр., гениальные идеи Спинозы о К. понятии и его отличиях от простых рассудочных абстракций, тонули в общем потоке метафизич. мышления 17—18 вв.

Понятие К. было решительно переосмыслено в нем. классич. философии конца 18 — нач. 19 вв. Кант, пытаясь соединить принципы эмпиризма и рационализма на идеалистич. основе, должен был отказаться от жесткого деления понятий на «конкретные» и «абстрактные», связанного с односторонне-эмпирич., номиналистич. толкованием понятия.

«...Выражения абстрактный и конкретный относятся не столько к понятиям самим по себе — ибо всякое понятие есть абстрактное понятие — сколько лишь к их употреблению» (Кант И., Логика, II., 1915, с. 92), т. е. выражают степень определенности понятий в контексте рассуждения или теории. Чем больше определений присоединяется к понятию, тем оно конкретнее, и наоборот. Термин «К.» срastaется у Канта с учением о синтезирующей деятельности интеллекта, о синтезе определений в рассудке и разуме. Такое словупотребление послужило отправной точкой и для гегелевской терминологии. Под К. вообще Гегель стал понимать любое «единство во многообразии», как эмпирически данное, так и теоретически сконструированное единство определений понятий, идей, т. е. превратил термин «К.» в важнейшую логич. категорию. На этой основе Гегель подробно разработал учение о диалектич. единстве К. и абстрактного в процессе «мыслящего познания» и сделал К. важнейшим признаком истины, истинного понятия, теории. С этим связана гегелевская идея о том, что абстрактная истина — это бессмыслица, что истина всегда конкретна. В полной мере К. осуществляется, по Гегелю, только в процессе диалектич. саморазвития идеи в форме духа, в чистом логич. процессе «саморазличения» понятия и, в конце концов, в логике; отд. науки, за исключением философии, не достигают познания К., выражая лишь его абстрактные моменты. Гегелевское понимание К. в итоге оказывается неразрывно связанным с исходными объективно-идеалистич. принципами его системы.

Подвергнув материалистич. переработке диалектич. достижения Гегеля в области логики, Маркс и Энгельс переосмыслили гегелевское понимание К. Соглашаясь с Гегелем в том отношении, что К. в мышлении есть всегда результат процесса теоретич. синтеза многообразных абстрактных определений, классики марксизма-ленинизма развили это положение на материалистич. основе, установив, что К. в мышлении есть историч. и теоретич. результат процесса отражения объективной конкретности. Примером такого К. может служить товарно-капиталистич. формация, теоретически воспроизведенная в «Капитале» Маркса методом восхождения от абстрактного к конкретному. Понятия, отражающие всеобщие формы и закономерности развития такого К., суть конкретные понятия. Поэтому «общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный „конкретный“ пример этого» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 537).

К. понятие отражает определ. сторону исследуемого целого со стороны ее специфич. роли и функции в составе этого целого, в ее связи и взаимодействии с др. сторонами, в развитии заключенных в ней противоречий. Противоположность между К. и абстрактным относительна. Товар, как наиболее абстрактная и всеобщая форма капиталистич. произ-ва, есть в то же время простейшая экономич. конкретность, т. е. форма, заключающая в себе внутр. отношения, противоречие между стоимостью и потребит. стоимостью,

развитие к-рого превращает товарное обращение в товарно-денежное, и далее — в капиталистич. обращение, как момент и фазу произ-ва прибавочной стоимости. Т. о., конкретные теоретич. определения товара суть в то же время наиболее абстрактные определения капиталистич. продукта.

Отражение действительности в мышлении истинно лишь в том случае, если оно конкретно. «...Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов (Ленин В. И., Соч., т. 32, с. 72—73). К. познание не может быть отождествлено с познанием единичного. Любой единичный факт может быть правильно понят только тогда, когда он рассматривается не в изоляции от др. фактов, а в связи с ними, т. е. не абстрактно, а конкретно. В этом смысле чувств. познание само по себе «абстрактно», поскольку объект отражается в нем как единичный, вне закономерной связи, в к-рой он выступает лишь как составная часть. Поэтому конкретность мышления измеряется не непосредств. его согласием с чувственно-данным образом вещи, а только его соответствием действительности, к-рое осуществляется и проверяется практикой, преобразующей и изменяющей вещь.

Любое понятие или суждение, вырванное из контекста теории, утрачивает и свою конкретность, превращается в пустую абстрактную фразу, хотя бы оно и иллюстрировалось наглядными примерами. Точно так же и теория, порвавшая связи с жизнью, с практикой, перестает быть конкретной, т. е. истинной. К. в этом аспекте есть синоним истинного, в полной мере категория К. раскрывается лишь в составе и контексте материалистич. диалектики как логики и теории познания, взятой в целом.

Нарушение диалектич. принципа К. ведет к догматизму, оперирующему абстрактными формулами, оторванными от жизни, безотносительно к конкретным условиям места и времени. В политич. жизни догматизм ведет к сектантству, к отказу от творческих принципов марксизма-ленинизма, к субъективизму.

Лит.: Маркс К., Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов), в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12; его же, Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии», там же, т. 19; его же, Капитал, т. 1—3, М., 1955; Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; его же, Анти-Дюринг, М., 1957; Ленин В. И., Еще раз о профсоюзах..., Соч., 4 изд., т. 32; его же, Философские тетради, там же, т. 38; Гегель В., Лекции по истории философии, кн. 1—3, Соч., т. 9—11, М.—Л., 1932—35; его же, Наука логики, Соч., т. 5, М., 1937; его же, «Кто мыслит абстрактно?», пер. с нем., «Вопр. философии», 1956, № 6; Розенталь М. М., Принципы диалектической логики, М., 1960; Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960; его же, Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике, в кн.: Диалектика и логика. Формы мышления, М., 1962.

А. Гулыга, Э. Ильенков. Москва.

КОНКРЕТНОСТЬ ИСТИНЫ — см. ИСТИНА. КОНКРЕТНЫЕ И АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ

(см. этимологич. справки при статьях *Абстракция* и *Конкретное*) — виды понятий, описываемые в традиц. формальной логике. Конкретным наз. понятие, к-рое отражает отд. предмет или класс предметов (напр., «Московский кремль», «дом» и т. п.); абстрактным наз. понятие, в к-ром мыслится не предмет как целое, а отд. признак, отвлеченный от предмета или предметов и мыслимый вне связи с ними, как нек-рый самостоят. объект («храбрость», «храбрость Суворова» и т. п.). Как отметил еще Локк, понятия, фиксируемые прилагательными («белый», «красивый»), следует рассматривать не как абстрактные, а как конкретные, ибо в них имеются в виду, по существу, классы (белых, красивых и т. п.) предметов, а не отд. признаки («белизна», «красота») как таковые. Конкретные понятия образуются при помощи обобщающей абстракции и фиксируются словами и выражениями, допускаю-

щими обычно множественное число; абстрактные понятия образуются при помощи изолирующей абстракции и фиксируются словами и выражениями, обычно не имеющими множественного числа. Одну и ту же по содержанию мысль часто можно выразить как с помощью конкретного («*NN* — храбрый человек»), так и с помощью абстрактного понятия («храбрость — одно из свойств *NN*»). См. *Абстракция, Конкретное* и библиографию при этих статьях. К. Морозов. Москва.

КОНРАД (Konrad), Курт (15 окт. 1908 — 25 сент. 1941) — чешский политич. деятель и философ-марксист. Исследовал причины эволюции бурж. идеологии к фашизму, к принципам неравенства и авторитарности; анализировал философию неогегельянства. В 1934 К. выступил с обоснованием осн. принципов социалистич. реализма, критиковал структурализм в языкознании и эстетику сюрреализма. Обратившись к проблемам социологии и истории, К. в соч. «Испанская революция» («*Španelské revoluce*», 1936, 3 vyd., 1950) выдвинул идею о едином нар. фронте. Методологич. проблемам историографии К. посвятил свой труд о гуситской революции «Спор о смысле чешской истории» («*Spor o smysl českých dějin*»). В неоконч. книге «Свобода и оружие» («*Svoboda a zbraň*», 1949) дал сравнительный очерк бурж. революций. Был убит фашистами в Дрездене.

Соч.: Na prahu války, Praha, 1951.

Лит.: J a n o u š e k J., K. Konrad, Praha, 1956.

С. Штрот. ЧССР.

КОНСЕКВЕНТ И АНТЕЦЕДЕНТ (от лат. consequens — следствие, вывод и antecedens — предшествующее обстоятельство) — две части условного высказывания, связанные логич. союзом «если... то»; антецедентом высказывания «если *A*, то *B*» называют его основание, или условие (*A*), а консеквентом — его следствие, или заключение (*B*). В отличие от терминов «следствие» и «основание», термины «К. и А.» не содержат намека на связь по смыслу между частями условного высказывания, соединенными союзом «если... то», что более соответствует тому подходу к формализации условных высказываний, к-рый выражен в понятии материальной импликации.

Термины «К. и А.» применяются также к частям формул логич. исчислений, являющихся формализованными аналогами условных высказываний содержания мышления; антецедентом в этом случае называют ту часть формулы вида ($\mathcal{A} \supset \mathcal{B}$) (импликативная формула), к-рая стоит между левой скобкой и знаком импликации \supset , т. е. \mathcal{A} , а консеквентом — часть, стоящую между знаком \supset и правой скобкой (\mathcal{B}). К. и А., взятые в отдельности, также являются формулами и могут, в свою очередь, иметь К. и А. Так, в формуле логики высказываний: ($p \supset (q \supset p)$) антецедентом будет p , а консеквентом ($q \supset p$); консеквент, в свою очередь, есть импликативная формула с антецедентом q и консеквентом p . Отношение между К. и А. в формулах логики может быть различным в зависимости от смысла знака импликации. Так называемое правило зачеркивания (modus ponens) позволяет, соединив к нек-рой импликативной формуле ее антецедент в качестве второй посылки, получить в качестве следствия ее консеквент (т. е. $\mathcal{A} \supset \mathcal{B}$, $\mathcal{A} \vdash \mathcal{B}$, где \supset — знак импликации; материальной, строгой или к.-л. другой, а \vdash — знак вывода). Поэтому К. и А. иногда наз. соответственно следствием и посылкой импликативной формулы; применяются также названия *implicate* и *implicans* и др.; вместо термина «консеквент» иногда употребляется термин «сукцедент» (нем. Sukzedens). Термины «консеквент» и «антецедент» восходят к схоластич. логике. См. также *Условное суждение*.

Лит.: Г и л ь б е р т Д. и А к к е р м а н В., Основы теоретич. логики, пер. с нем., М., 1947, с. 19—22, 233—54; Т а р с к и й А., Введение в логику и методологию дедук-

тивных наук, пер. с англ., М., 1948, с. 53—64; Ч ё р ч А., Введение в математич. логику, Im. 1, пер. с англ., М., 1960, § 10.

В. Бирюков, Д. Лахути. Москва.

КОНСИДЕРАН (Considérant), Виктор (12 окт. 1808—27 дек. 1893) — франц. политич. деятель, социалист-утопист, ученик Фурье. Окончив Политехнич. школу, стал пропагандистом *фурьеризма*. Редактировал журналы «*Le Phalanstère*» («Фаланстер»), 1832—34, «*La Phalange*» («Фаланга»), 1836—43. Возглавлял «Социетарную школу», осн. объединение франц. фурьеристов, организованное в 1837. С целью создания «социальной партии» для борьбы за осуществление своих идей К. в 1843 основал газету «*La Démocratie pacifique*», к-рая просуществовала до декабря 1851.

В своих печатных и устных выступлениях К. выявлял осн. процессы развития капитализма (концентрация капитала, подавление мелкой промышленности крупной, усиление эксплуатации труда, обострение классовой борьбы и назревание пролет. революции), обосновывал необходимость и возможность и конкретизировал план перехода к строю свободной трудовой ассоциации, но, будучи мелкобурж. идеологом, проникнутым неверием в социат. возможности пролетариата, он призывал к предотвращению пролет. революции путем мирных социальных реформ. Ход событий заставил К. отказаться от политич. индифферентизма и признать необходимость участия в политич. борьбе как средстве к достижению социальных целей. К. приветствовал Февр. революцию 1848. Избранный депутатом в Учредительное, а затем в Законодательное собрание, он примкнул к «Горе» и выступил с требованием провозглашения права на труд, поддерживал проекты Л. Блана и вносил собств. предложения об учреждении министерства прогресса, об организации опытной социетарной общины и др.

Кровавые июньские события показали беспочвенность надежд К., как и вообще мелкобурж. надежд, на мирное строительство «социальной республики» на основе «единения классов». Политика восторжествовавшей бурж. реакции, к-рую вскоре возглавил Луи Бонапарт, толкнула К. к активному участию в борьбе против нее. Но организованное 13 июля 1849 при посредств. его участия внепарламентское выступление мелкобурж. демократич. оппозиции против правительства контрреволюции потерпело провал, т. к. было лишено поддержки масс. Привлеченный к судебной ответственности, К. бежал в Бельгию. Заочно был приговорен к ссылке.

К. оказался неспособным извлечь правильные выводы из поражения мелкобурж. социализма в 1848—49. Оставаясь утопистом, он вскоре задумал организовать фаланстерианские колонии на свободных землях в Техасе (США). Созданная там по его инициативе колония «*Le Réunion*» («Воссоединение») прекратила свое существование во время гражд. войны.

В 1869 К. вернулся во Францию, но обществ.-политич. деятельность не возобновлял. В апреле 1871 он солидаризировался с Парижской Коммуной.

Перед своей смертью К. присоединил к архиву Фурье (последним из трех совладельцев к-рого он был) свои личные рукописи и письма, а также документы «Социетарной школы», в результате образовались Социетарные архивы, к-рые ныне хранятся в Нац. архивах Франции.

Соч.: Destinée sociale, t. 1—3, P., 1834—38; Nécessité d'une dernière débacle politique en France, P., 1836; Bases de la politique positive. Manifeste de l'École sociétaire fondée par Fourier, 2 ed., P., 1842; Principes du socialisme. Manifeste de la démocratie au XIX siècle, P., 1847; Théorie du droit de propriété et du droit au travail, P., 1848; Le socialisme devant le vieux monde, ou le vivant devant les morts, P., 1848; Ma justification, [Brux., 1854]; Au Texas, P., 1854; Du Texas, P., 1857; Prédications sur la guerre, P., [1870]; La paix en 24 heures, dictée par Paris à Versailles..., P., [1871]; Exposition abrégée du système phalanstérien de Fourier...

пouv. éd., P.—W., 1921; рус. пер.—Систематизация и развитие учения Фурье у главного представителя его школы В. К., в кн.: Великие утописты. Сен-Симон, Фурье и их школы. Сост. В. Семенов, М.—Л., 1926, с. 329—55.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 117, 529; и там же, Соч., 1 изд., т. 21, М.—Л., 1929, с. 60, 235; Каутский К., Коммунистич. манифест — плагиат, (пер. с нем.), СПб., 1906; Зильберфарб И. И., Банкротство эпигонов фурьеризма, в кн.: Из истории социально-политич. идей. Сб. ст. к семидесятилетию акад. В. П. Волгина, М., 1953, с. 548—69; Mirecourt E. de, V. Considérant, [P.], 1858; Coignet (Mme) C., V. Considérant, sa vie, son oeuvre, P., 1895; Ramus P., Die Urheberschaft des Kommunistischen Manifests, B., 1906 (частичный рус. пер. в кн.: Черкесов В. Н., Предгечи Интернационала, П.—М., 1919); Bourgin H., V. Considérant. Son oeuvre, Lyon, 1909; Collard P., V. Considérant. 1808—1893. Sa vie, ses idées, Dijon, 1910; Dommanget M., V. Considérant. Sa vie, son oeuvre, P., 1929; частичный рус. пер.—Социальная критика в сочинениях В. К., в кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 4, М.—Л., 1929; Garaudy R., Les sources françaises du socialisme scientifique, P., [1948]; Armand F., Les fouriéristes et les luttes révolutionnaires de 1848 à 1851, P., 1948. И. Зильберфарб. Москва.

«КОНСПЕКТ „ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА 1844—1883 гг.“» — рукопись В. И. Ленина; составлена в октябре—декабре 1913, впервые опубликована в 1959. В «Переписке», — писал Ленин в незаконч. статье-рецензии «Переписка Маркса с Энгельсом» (1913), — «богатейшее теоретическое содержание марксизма развертывается в высшей степени наглядно... Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходятся вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (Соч., т. 19, с. 502, 503).

Значит, место в «Конспекте...» уделяется вопросам философии: Ленин отметил и законспектировал более 30 писем, в к-рых рассматриваются филос. вопросы; важнейшие из них он затем полностью выписал (из 17 таких выписок филос. сюжетам посвящено 12). Указывая на «фальшивое» применение диалектики, метода Лассалем, Ленин выписывает слова Маркса: «Подведение массы случаев под общий принцип не есть диалектика» («Конспект „Переписки...“», с. 280). Ленин отмечает указания Маркса и Энгельса на важность знания произведений Гегеля, ценность его диалектич. метода, а также и на неумение Гегеля увидеть реальную основу абстрактных понятий и вытекающую отсюда мистификацию диалектики (см., напр., там же, с. 33, 127). Конспектируя письмо Маркса от 11 янв. 1868, в к-ром указывается, что в Германии третируют диалектику Гегеля и что «на совести Фейербаха большой грех в этом отношении», Ленин пишет: «NB Фейербах и диалектика. Фейербах виноват в непонимании диалектики Гегеля» (там же, с. 55). Ленин отметил письма, в к-рых говорится о филос. взглядах Диггена. «Главное, — пишет Ленин, — Дигген не штудировал Гегеля...» (там же, с. 82). Ленин обратил внимание на критику основоположниками марксизма филос. взглядов Д. Юма, Ф. А. Ланге, Дюринга, ограниченности материализма Гексли и т. п., выписал слова Маркса о Контэ: «Контэ, „по сравнению с Гегелем нечто жалкое“» (там же, с. 371, прим.).

Также фиксируются Лениным письма, в к-рых идет речь о проблемах политич. экономии (см., в частности, характеристику «Капитала» как «первого опыта применения диалектического метода к политической экономии», там же, с. 395), о нек-рых историч. событиях. Большое место в «Конспекте...»

занимают вопросы рабочего движения, стратегии и тактики революц. сил в революции 1848—49, проблема отношения пролетариата и его партии к либеральной буржуазии. Ленин выделяет те места «Переписки», где говорится о крестьянстве как решающей силе бурж. революции, о возможности союза среднего крестьянства с коммунистами, рассматривается нац. вопрос. Он прослеживает борьбу Маркса и Энгельса против прудонизма, «истинного» социализма, взглядов Луи Блана и др. форм ненауч. социализма.

«Конспект...» был использован Лениным при работе над произв. «О праве наций на самоопределение», «Карл Маркс», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и др. «Переписка» в известной мере определила круг вопросов, исследуемых Лениным в «Философских тетрадах».

Лит.: Мамай Н. П., В. И. Ленин о письмах К. Маркса и Ф. Энгельса, как ценной сокровищнице марксизма, в сб. ст.: Ленинские идеи живут и побеждают, М., 1961, с. 289—345. Н. Коликов. Москва.

КОНСТАН ДЕ РЕБЕК (Constant de Rebecque), Бенжамен (25 окт. 1767—8 дек. 1830) — франц. бурж. политич. деятель, идеолог антидемократич. направления бурж. либерализма, являвшийся, по выражению Маркса, одним из «истинных истолкователей... трезво-практического буржуазного общества» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 8, с. 120). В 1819 был избран в палату депутатов, где в течение десяти лет возглавлял либеральную оппозицию, после июльской революции 1830—пред. Гос. совета. Выступая против Руссо и его последователей, К. по существу отвергал принцип нар. суверенитета, считал вечными и неизблывными основы капиталистич. общества (свободу предпринимательской деятельности, конкуренции и др.) (см. «Commentaire sur l'ouvrage de Filangieri», P., 1822, p. 51—52).

Примыкая к возникшему в конце 18 — нач. 19 вв. широкому движению противников революц. идеологии и франц. материализма (Рюйе-Коллар, Мен де Биран, Кузен и др.), К. развивал идеологию бурж. либерализма. В работах «О религии, рассматриваемой в ее происхождении, формах и развитии» («De la religion considérée dans sa source, ses formes et ses développements», v. 1—5, 1824—31), «Римский политизм, рассматриваемый в его отношении к греческой философии и христианству» («Du polythéisme romain considéré dans ses rapports avec la philosophie grecque et la religion chrétienne», t. 1—2, P., 1833, посмертно) К. на основе историко-филос. анализа религии пытался опровергнуть материализм и атеизм. Выступая против Гольбаха и Гельвеция, К. утверждал, что человеку свойственно религ. чувство, что истинная, т. е., по его мнению, идеалистич. философия, «ни в чем не противоположна религии» («Du polythéisme romain...», t. 2, p. 1), как и истинная мораль.

В литературе К. был одним из зачинателей либерального романтизма. Его роман «Адольф» («Adolphe», 1816, nouv. éd., 1930, рус. пер., 1818, нов. изд. 1959) высоко оценен Пушкиным за правдивое изображение эгоистического молодого человека буржуазного общества.

Соч.: Oeuvres, [P., 1957]; De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leur rapports avec la civilisation européenne, 4 éd., P., 1814; Questions sur la législation actuelle de la presse en France..., P., 1817; Mémoires sur les Cent-Jours, nouv. éd., pt 1—2, P., 1829; Cours de politique constitutionnelle, 2 éd., t. 1—2, P., 1872.

Лит.: Ковалевский М. М., Молодосъ Б. К., «Вестн. Европы», 1895, № 4, 5; Градовский А. Д., Политич. теории XIX столетия. II — Парламентаризм во Франции, В. К., Собр. соч., т. 3, СПб., 1899; Лабурло Э. Р. Ф., Политич. идеи Б. К., М., 1905; Lauris G. de B. C. et les idées libérales, Pion, 1904; Glachant V., B. C. sous l'oeil du guet, P., 1906; Rudler G., La jeunesse de B. C. 1767—1794, P., 1909; Ettinger J., B. C. Der Roman seines Lebens, B., 1909; Fabre-Luce A., B. Constant, P., [1939]; Du Bois Ch., Grandeur et misère de

В. С., P., 1946; Kerschovc A. de, В. С. ou le libertain sentimental, P., 1950]. Г. Зельманова. Ленинград.

КОНСТАНТА, п о с т о я н н а я (от лат. constans, род. п. constantis—постоянный, неизменный), — такой из объектов в нек-рой теории, значение к-рого в рамках этой теории (или, иногда, более узкого рассмотрения) считается всегда одним и тем же. К. противопоставляются таким объектам, значения к-рых изменяются (сами по себе или в зависимости от изменения значений др. объектов). Наличие К. при выражении мн. законов природы и общества отражает относительную неизменность тех или иных сторон реальной действительности, проявляющуюся в наличии закономерностей.

Важной разновидностью К. является К., относящиеся к числу физич. величин, — таких, как длина, время, сила, масса (напр., масса покоя электрона), или более сложных величин, численно выражимых через отношения между этими К. или их степенями, — таких, как объем, скорость, работа и т. п. (напр., ускорение силы тяжести у поверхности Земли). Те из К. этого рода, к-рые считаются в совр. физике (в рамках соответствующих ее теорий) имеющими значение для всей наблюдаемой части Вселенной, наз. м и р о в ы м и (или у н и в е р с а л ь н ы м и) К.; примерами таких К. являются скорость света в пустоте, квантовая постоянная Планка (т. е. величина т. н. кванта действия), гравитационная постоянная и др. На большое значение мировых К. наука обратила внимание в 20—30-х гг. 20 в. При этом нек-рые зарубежные ученые (англ. физик и астроном А. Эддингтон, нем. физик Гейзенберг, австр. физик А. Марх и др.) пытались дать им идеалистич. истолкование. Так, Эддингтон видел в системе мировых К. одно из проявлений самостоят. существования идеальных математич. форм, выражающих гармонию природы и ее законов. На самом же деле универсальные К. отражают не мнимое самостоят. бытие (вне вещей и познания) указанных форм, а (выражаемые обычно математически) фундаментальные закономерности объективной действительности, в частности закономерности, связанные со строением материи. Глубокий диалектич. смысл мировых К. раскрывается в том, что нек-рые из них (квантовая постоянная Планка, скорость света в пустоте) являются своего рода масштабами, разграничивающими различные классы процессов, протекающих принципиально по-разному; вместе с тем такие К. указывают и на наличие определ. связи между явлениями этих классов. Так, связь между законами классич. и релятивистской механики (см. *Относительности теория*) может быть установлена из рассмотрения такого предельного перехода уравнений движения релятивистской механики в уравнения движения классич. механики, к-рый связан с идеализацией, состоящей в отказе от представления о скорости света в пустоте как о конечной К. и в понимании скорости света как бесконечно большой; при др. идеализации, состоящей в рассмотрении кванта действия как бесконечно малой величины, уравнения движения квантовой теории переходят в уравнения движения классич. механики и т. п.

Кроме этих важнейших К., определяемых сугубо физически и фигурирующих в формулировках многих осн. законов природы, широко используются там же и такие, определяемые чисто математически, К., как числа $0; 1; \pi$ (отношение длины окружности к диаметру); e (основание натуральных логарифмов); постоянная Эйлера и др. Не менее часто используются и К., к-рые являются результатами известных математич. операций над указанными К. Но чем труднее выразить часто употребляемую К. через более просто определяемые К. (или такие самые простые К., как 0 и 1) и известные операции, тем более самостоятельным

является ее участие в формулировках тех законов и соотношений, в к-рых она встречается, тем чаще для нее вводят спец. обозначение, вычислят или измеряют ее возможно точнее. Иные из величин встречаются эпизодически и являются К. лишь в рамках рассмотрения нек-рой задачи, причем они могут даже зависеть от выбора условий (значений параметров) задачи, становясь К. лишь при фиксировании этих условий. Такие К. часто обозначают буквами *С* или *К* (не связывая эти обозначения раз навсегда с одной и той же К.) или просто пишут, что такая-то величина = const.

А. Кузнецов, И. Лахов. Москва.

В тех случаях, когда в математике или логике роль рассматриваемых объектов играют функции, К. называются такие из них, значение к-рых не зависит от значений аргументов этих функций. Напр., К. является разность $x - x$ как функция от x , т. к. при всех (числовых) значениях переменной x значением функции $x - x$ является одно и то же число 0 . Примером функции алгебры логики, являющейся К., является $A \vee \bar{A}$ (рассматриваемая как функция от «переменного высказывания» A), т. к. она при всех возможных значениях своего аргумента A имеет (в рамках обычной, классич. алгебры логики) одно и то же значение 1 (к-рым характеризуется условно отождествляемое с ним логич. значение «истина»). Примером более сложной К. из алгебры логики является функция $\bar{1}(A \vee \bar{B}A)$. В нек-рых случаях функции, значение к-рой постоянно, отождествляется с самим этим значением. При этом значение функции выступает уже как К. (точнее, как функция, являющаяся К.). Аргументами этой функции могут считаться любые выбранные буквенные переменные (напр., A, B, x, y и т. п.), т. к. все равно она от них не зависит. В др. случаях такого отождествления функции, являющейся К., с ее значением не производят, т. е. различают такие две К., у одной из к-рых среди ее аргументов есть переменная, к-рой нет у другой. Это позволяет, напр., определять функцию как ее таблицу, а также упрощает схематич. определение нек-рых операций над функциями.

Наряду с такими К., значения к-рых являются числами (быть может и именованными) или характеризуются числами, встречаются и иные К. Напр., в *теории теории* важной К. является натуральный ряд N , т. е. множество всех целых неотрицат. чисел. Значением функции, являющейся К., тоже может быть объект любой природы. Напр., рассматривая функции от такой переменной A , значениями к-рой являются подмножества натурального ряда, можно определить такую из этих функций, значением к-рой при всех значениях переменной A будет множество всех простых чисел.

Кроме физич. величин и функций в роли таких объектов, нек-рые из к-рых оказываются К., часто (особенно в *логике* и *семантике*) рассматривают знаки и их комбинации: слова, предложения, термины, формулы и т. п., а в качестве значения тех из них, о значениях к-рых особо не говорится, их смысловые значения (если таковые имеются). При этом выявляются новые К. Так, в арифметич. выражении (терме) $2 + 3 - 2$ К. оказываются не только числа 2 и 3 и результаты операций над ними, но также и знаки $+$ и $-$, значениями к-рых являются операции сложения и вычитания. Эти знаки, являясь К. в рамках теоретич. рассмотрения обычных школьных арифметики и алгебры, перестают быть К., когда мы выходим в более широкую область совр. алгебры или логики, где знак $+$ имеет в одних случаях значение операции обычного сложения чисел, в др. случаях (напр., в алгебре логики) — сложения по модулю 2 или булева сложения, в иных же случаях — иной операции. Однако при более узких рассмотрениях (напр., при построении конкретной алгебраич. или логич. системы) значения знаков операций фиксируются и эти знаки, в отличие от знаков переменных, становятся К.

Выделение логич. К. играет особую роль в применении к объектам из естеств. языка. В роли логич. К. в рус. языке выступают, напр., такие союзы, как «и», «или» и др., такие кванторные слова, как «все», «всякий», «существует», «некоторый» и др., такие глаголы-связки, как «есть», «суть», «является» и др., а также такие более сложные словосочетания, как «если... то», «если и только если», «существует единственный», «тот, который», «такой, что», «эквив-

валентно тому, что» и др. Средством выделения логич. К. в естеств. языке является усмотрение одинаковости их роли в огромном числе случаев умозаключений или иных рассуждений, позволяющее объединить эти случаи в ту или иную единую схему (логич. правило), в к-рой объекты, отличные от выделенных К., заменены соответствующими переменными. Чем меньшим числом схем удастся охватить все рассматриваемые случаи рассуждений, чем проще сами эти схемы и чем больше мы гарантированы от возможности ошибочных рассуждений по ним, тем более оправданным является выбор фигурирующих в этих схемах логич. К.

А. Кузнецов, Москва.
Лит.: Эддингтон А., Пространство, время и тяготение, пер. с англ., О., 1923; Джинс Д., Вселенная вокруг нас, пер. с англ., Л.—М., 1932; Борн М., Таинственное число 137, в сб.: Успехи физ. наук, т. 16, вып. 6, 1936; Гейзенберг В., Филос. проблемы атомной физики, М., 1953; его же, Открытие Планака и осн. филос. вопросы учения об атомах, «Вопр. философии», 1958, № 11; его же, Физика и философия, М., 1963; Сб. ст. по матем. логике и ее приложения к иск-рым вопросам киберетики, в кн.: Тр. матем. ин-та, т. 51, М., 1958; Кузнецов И. В., В чем прав и в чем ошибается Вернер Гейзенберг, «Вопр. философии», 1958, № 11; Успенский В. А., Лекции о вычислимых функциях, М., 1960; Кэй Дж. и Лэбл Т., Таблицы физ. и хим. постоянных, пер. с англ., 2 изд., М., 1962; Курош А. Г., Лекции по общей алгебре, М., 1962; Свидерский В. И., О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании, М., 1962, лл. 3; Eddington A. S., New pathways in science, Camb., 1935, его же, Relativity theory of protons and electrons, L., 1936; его же, The philosophy of physical science, N. Y.—Camb., 1939; Louis de Broglie, physicien et penseur, P., [1953]; Ma r c h a., Die physikalische Erkenntnis und ihre Grenzen, 2 Aufl., Braunschweig, 1960.

КОНСТАНТИНОВ, Федор Васильевич [р. 8(21) февр. 1901] — сов. философ, доктор философских наук (с 1953), профессор (с 1934), академик (с 1964), директор Ин-та философии АН СССР (с 1962). Член КПСС с 1918. Окончил ИКП (1932); в последующие годы ведет преподават., н.-и. и парт. работу. В 1945—51 работал в Ин-те философии АН СССР. Был гл. редактором журн. «Вопросы философии» (1952—54), ректором Академии обществ. наук (1954—55), зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС (1955—58), гл. редактором журн. ЦК КПСС «Коммунист» (1958—1962). Гл. редактор «Философской энциклопедии» (т. 1—3 —, 1960—64 —). Один из авторов и руководитель авторского коллектива кн. «Историч. материализм» (2 изд., 1954), «Основы марксистской философии» (2 изд., 1962). Один из авторов кн. «В. И. Ленин. Биография» (2 изд., 1963).

К. разрабатывает теоретич. проблемы общественного развития, проблемы историч. материализма: предмет историч. материализма, общие и специфич. законы обществ.-экономич. формаций, диалектика развития производит. сил и производств. отношений, базис и надстройка, роль личности и нар. масс в истории, личность и общество, роль передовых идей в развитии общества, неравномерность изменений в области сознания в период перехода от капитализма к коммунизму, движущие силы развития социалистического общества, коммунистич. идеология как фактор строительства коммунизма, философия и политика, социология и политика, критика бурж. социологии и др.

Соч.: За большевизацию работы на филос. фронте (соавтор), в сб.: За поворот на филос. фронте, М.—Л., 1931; Ленинское учение о социализм. формах труда и политотдела, «Под знаменем марксизма», 1933, №6; Социалистич. общество и историч. материализм, там же, 1936, № 12; Ленин и Гегель, «Книга и пролетарская революция», 1937, №10; Сила революц. теории (К пятидесятилетия статьи Ленина «О нашей революции», там же, 1938, № 1; Бессмертное произведение ленинизма (К 30-летию книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», там же, № 8—9; Значение личных способностей и труда при социализме, [М.], 1938; «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Историч. журнал», 1940, № 9; Роль идей в обществ. развитии, [М.], 1940; Что такое марксистско-ленинская философия, [М.], 1941; Материалистич. и идеалистич. понимание истории, М., 1946;

Историч. материализм, как наука, М., 1949; О движущих силах развития социалистич. общества, М., 1951; Формы обществ. сознания, М., 1951; Осн. черты социалистич. идеологии, «Вопр. философии», 1952, № 2; Предисловие к кн.: Гароди Р., Грамматика свободы, М., 1952; Роль передовых идей в развитии общества, М., 1953; Роль социалистич. идеологии в развитии социалистич. общества, «Коммунист», 1953, № 13; Совр. бурж. социология и историография о роли нар. масс и личности в истории (соавтор), гл. 5, в кн.: Роль народных масс и личности в истории, М., 1957; Против совр. ревизионизма, в сб.: Против совр. ревизионизма, [Л.], 1958; Политич. теории и политич. практика (К итогам IV Междунар. конгресса Ассоциации политич. наук), «Коммунист», 1958, № 16; Новый период в строительстве коммунизма, там же, 1959, № 1; Сов. интеллигенция, там же, 1959, № 15; Ленин и современность, там же, 1960, № 5; Диалектика и современность, там же, 1960, № 10 (соавтор); Великий мыслитель и учитель всемирного рабочего класса (К 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса), там же, № 17; К изучению основ марксистско-ленинской философии, «Вопр. философии», 1960, № 2 (соавтор); «Основы марксистской философии», К выходу второго издания, «Политич. самообразование», 1962, № 4; The individual and society, в сб.: Philosophy, science and man. The Soviet delegation reports for the XIII world congress of philosophy, Moscow, 1963; В поисках социологич. теории, «Коммунист», 1963, № 2 (соавтор); Философия нашей эпохи, там же, 1964, № 6; Социология и политика, в сб.: Марксистская и бурж. социология сегодня, М., 1964; Марксизм и наше время, там же; Науч. метод — исходный принцип познания объективного мира, в сб.: Методологич. проблемы науки, М., 1964.

КОНСТРУКТИВНАЯ ДИЛЕММА — см. Дилемма.
КОНСТРУКТИВНАЯ ЛОГИКА (от лат. constructio — построение) — часть математич. логики, соответствующая т. н. конструктивному направлению,

характерная особенность к-рого состоит в требовании конструктивности (построимости) тех объектов, существование к-рых утверждается в предположениях математики и логики. Имеются оттенки этого направления, отличающиеся друг от друга, прежде всего, различным подходом к пониманию понятия сущест в о в а н и я в применении к абстрактным объектам логики и математики. К. л. есть логика тех приемов рассуждения, к-рые претендуют на конструктивность (в указ. смысле). В зависимости от особенностей того или иного течения внутри конструктивного направления К. л. можно либо отождествлять с *интуиционистской логикой* (см. также *Логика высказываний*, *Предикатов исчисления*), либо считать, что она есть некое расширение этой последней. Так, можно считать, что с позиций конструктивного направления, возглавляемого Марковым и Н. А. Шаниным, К. л. получается из интуиционистской приосложением так называемого принципа конструктивного подбора (см. *Конструктивное направление*). В разработку различных аспектов конструктивного направления и К. л., помимо упомянутых выше ученых, внесли вклад французский математик Ж. Эрбран, сов. математик М. Шейнфинкель, Клини, Колмогоров, Гёдель, Чёрч, Тьюринг, Кёрри, Лоренцен, немецкий математик К. Шютте и др.

Лит.: Вейль Г., О философии математики, пер. с нем., М.—Л., 1934; Марков А. А., О непрерывности конструктивных функций, «Успехи матем. наук», 1954, т. 9, №3, с. 226—230; его же, Об одном принципе конструктивной математики логики, в кн.: Тр. третьего Всесоюз. матем. съезда, т. 2, М., 1956, с. 146—47; Клини С. К., Введение в метаматематику, М., 1957; Проблемы конструктивного направления в математике, [т.] 1—2, М.—Л., 1958—62; Чёрч А., Введение в математическую логику, [т.] 1, М., 1960; Гудстейн Р. Л., Математическая логика, М., 1961; Гейтинг А., Обзор исследований по основаниям математики, пер. с нем., М.—Л., 1936; его же, Интуиционизм, М., 1964; Гроувег Л. Е. J., Over de grondslagen der wiskunde, Amst.—Lpz., 1907, [Thesis]; его же, De onbetrouwbaarheid der logische principes, «Tydschrift voor wijsbegeerte», 1908, 2, с. 152—58; его же, Intuitionism and formalism, «Bull. Amer. Math. Soc.», 1913, v. 20, № 2; его же, Mathematik, Wissenschaft und Sprache, «Monatsh. Math. und Physik», 1929, Bd 36; Glivenko V., Sur quelques points de la logique de Brouwer, «Bull. de la classe des sci. Acad. Royale de Belgique», 1929, ser. 5, t. 15, № 3, p. 183—88; Heyting A., Die formalen Regeln der intuitionistischen Logik, «Sitzungsber. der Preussischen Akad. Wiss. Physikalisch-math. Klasse», 1930, [№] 2, 10—12; Johnson I., Der Minimalalkül, ein reduzierter intuitionistischer Formalismus, «Composito Math.», 1937, v. 4, p. 119—36; Man-

по угу G., *Mathesis en mystiek*, Amst., 1925; его же, *Les fondements psycholinguistiques des mathématiques*, Nêhât., 1947; Fitch F. B., *Intuitionistic modal logic with quantifiers*, «Portugaliae Math.», 1948, v. 7; Hao Wang, *Eighty years of foundational studies*, «Dialectica», 1958, v. 12, № 3—4.

КОНСТРУКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ (в математике и логике) — состоит в том, что исследование ограничивается *конструктивными объектами* и проводится в рамках абстракции *потенциальной осуществимости* без привлечения абстракции *актуальной бесконечности*; при этом отвергаются т. н. чистые теоремы существования; существование объекта с данными свойствами лишь тогда считается доказанным, когда указывается способ потенциально осуществимого построения объекта с этими свойствами. В конструктивных математич. теориях ограничиваются рассмотрением конструктивных объектов нек-рого стандартного типа, что избавляет от необходимости формулировать общее определение конструктивного объекта (понятие конструктивного объекта не определяется, а лишь поясняется). Стандартизации подлежат как элементарные конструктивные объекты, так и способы сочленения элементарных конструктивных объектов.

Один из простейших типов конструктивных объектов образуют слова в определ. фиксированном алфавите. Слово в данном алфавите есть ряд букв этого алфавита. Напр., (1): *παπαγγλῆμα* есть слово в греч. алфавите. Здесь элементарными конструктивными объектами являются буквы данного алфавита, а способ их сочленения — это написание рядом друг с другом. Натуральные числа можно рассматривать как слова в алфавите, единств. буквой *k*-рого является |. В частности, единица рассматривается как слово |, два — как слово ||, три — как слово |||. При рассмотрении слов появляется понятие *одинаковости*. Напр., слово (1) мы считаем одинаковым со словом (2) *παπαγγλῆμα*. Естеств. образом здесь применяется абстракция отождествления: мы отождествляем одинаковые слова (1) и (2), отвлекаясь от имеющихся различий между ними, говорим, что это одно и то же слово.

При рассмотрении слов в данном алфавите возникает потребность в абстракции и др. типа — в абстракции *потенциальной осуществимости*. Она состоит в отвлечении от практич. границ наших возможностей в пространстве, времени и материале при построении слов. Напр., мы отвлекаемся от практич. невозможности написать на данной доске данным мелом сколь угодно длинные слова и начинаем рассуждать так, как если бы это было возможно. Мы утверждаем, в частности, что к любому слову в данном алфавите можно приписать справа любое другое слово в этом алфавите. Рассматривая натуральные числа как слова в однобуквенном алфавите, мы утверждаем, что любые два натуральных числа можно сложить. Это, однако, вовсе не означает, что мы начинаем рассматривать «натуральный ряд» как нек-рый бесконечный «объект». Такое рассмотрение было бы связано с абстракцией *актуальной бесконечности*, выходящей за рамки К. н. и характерной для т. н. классич. математики и логики. Здесь мы имеем водораздел, отделяющий К. н. от классического.

Характерное различие между этими двумя направлениями связано с предложениями о существовании. Конструктивисты и «классики» по-разному понимают самый термин «существование» в связи с объектами математики и логики. В «классической» математике и логике доказываются многочисленные «чистые теоремы существования», состоящие в утверждениях о существовании объектов с такими-то свойствами, при

полном игнорировании способов построения таких объектов. К. н. отвергает такого рода предложения. Так, конструктивное понимание параметрич. предложений о существовании, т. е. предложений о существовании, содержащих параметры, могущие принимать различные значения, состоит в их трактовке как предложений о возможности построения алгоритмов, перерабатывающих любое допустимое значение параметров в объект, существование которого утверждается. Например, конструктивный смысл теоремы Эвклида: «для всякого натурального числа x существует простое число y , большее x » (где x играет роль параметра) усматривается в том, что имеется алгоритм, *k*-рый дает возможность, исходя из произвольного натурального числа x , получить простое число y , большее x — алгоритм, «перерабатывающий» любое натуральное число x в простое число y , большее x .

Конструктивному пониманию существования объекта соответствует конструктивное понимание дизъюнкций — предложений вида « P или Q ». Такое предложение тогда считается установленным, когда хотя бы одно из предложений P , Q установлено как верное. Это понимание дизъюнкции не дает оснований считать верным закон исключенного третьего: « P или не верно, что P ». Т. о., К. н. требует своей конструктивной логики, в нек-рых важных пунктах отличной от классической.

Оформление и развитие К. н. имело место на основе осуществленного в 30-х гг. 20 в. уточнения понятия алгоритма (см. *Алгоритм*), освободившего это понятие от распылчатости и субъективизма. Это было сделано в работах неск. авторов, шедших разными путями: Чёрча, Клини, Тьюринга, Поста. Теория, построенная этими авторами, — теория рекурсивных функций Клини, исчисления λ -конверсии Чёрча, теория машины Тьюринга, теория финитных комбинаторных процессов Поста — оказались эквивалентными друг другу и привели по существу к одному и тому же уточнению понятия алгоритма. Новые уточнения этого понятия, также эквивалентные прежним, были построены рядом др. авторов. В наст. время продолжают публиковаться все новые и новые теории алгоритмов, эквивалентные прежним теориям. Для целей К. н. оказалась удобной теория «нормальных» алгоритмов.

Нормальные алгоритмы строятся по следующему плану. Фиксируется нек-рый алфавит A . Из его букв и нек-рых вспомогат. знаков строится стандартного вида «схема» будущего алгоритма. Алгоритм формулируется затем как нек-рое стандартного вида предписание, определяемое схемой. Оно определяет процесс последоват. преобразования слова в алфавите A . В качестве исходного слова при этом может быть взято любое слово P в алфавите A . Процесс, порождаемый данным алгоритмом, состоит из последоват. дискретных шагов, на каждом из *k*-рых получается нек-рое слово в алфавите A . Алгоритм определяет также окончание процесса, *k*-рое может и никогда не наступать. Если окончание наступает, то мы говорим, что данный алгоритм применим к слову P , и называем слово Q , получаемое на последнем шаге, результатом применения алгоритма к слову P . Мы говорим тогда, что данный алгоритм перерабатывает слово P в слово Q и выражаем это равенством $\mathfrak{A}(P) = Q$, где \mathfrak{A} — знак рассматриваемого алгоритма. Нормальный алгоритм определяется своим алфавитом и своей схемой. Схема нормального алгоритма может быть закодирована словом в двубуквенном алфавите. Это слово называется записью данного алгоритма.

Теория нормальных алгорифмов строится в рамках абстракции потенциальной осуществимости. Слова в рассматриваемом алфавите A , схемы нормальных алгорифмов в A — все это потенциально осуществимые конструктивные объекты. Сам процесс применения нормального алгорифма к данному слову рассматривается как потенциально осуществимый процесс. Для того чтобы удостовериться в применимости алгорифма \mathcal{A} к слову P , не обязательно, чтобы процесс применения \mathcal{A} к P был выполнен перед нашими глазами от начала до конца. Как же можно удостовериться в этом? Сов. конструктивисты А. А. Марков и Н. А. Шанин считают здесь возможным применять рассуждение «от противного», т. е. утверждать, что алгорифм \mathcal{A} применим к слову P , если предположение о неограниченности продолжаемости процесса применения \mathcal{A} к P опровергнуто приведением к нелепости. Они мотивируют это тем, что никакого выхода за рамки $K. n.$ при этом не происходит: абстракция актуальной бесконечности не привлекается, существование продолжает совпадать с потенциальной осуществимостью построения. Если на основании доказанной невозможности неогранич. продолжаемости детерминированного процесса утверждается, что этот процесс закончится, то при этом дается совершенно определенный способ построения: продолжать процесс до его завершения. То обстоятельство, что при этом число шагов может не быть «заранее» ограниченным, ничего здесь по существу не меняет. К тому же требование, чтобы это число было заранее ограниченным, едва ли может быть точно и объективно сформулировано.

Рассмотренный способ доказательства применимости алгорифма дает возможность обосновать следующий способ рассуждения. Пусть для свойства \mathcal{F} имеется алгорифм, выясняющий для всякого натурального числа n , обладает ли n свойством \mathcal{F} . Если опровергнуто предположение о том, что ни одно число не обладает свойством n , то имеется натуральное число со свойством \mathcal{F} . Найти это натуральное число можно тогда путем перебора натуральных чисел, начиная с нуля, причем для каждого рассматриваемого натурального числа n мы выясняем, пользуясь алгорифмом, наличие n -рого предпологается, обладает ли n свойством \mathcal{F} . В силу этого данный способ рассуждения наз. методом конструктивного подбора.

Использование точного понятия алгорифма дает возможность развивать конструктивную математику и конструктивную математич. логику как науки. В частности, в настоящее время строится конструктивный математич. анализ (важные результаты здесь получены А. А. Марковым, Н. А. Шаниным, Г. С. Цейтлин, И. Д. Заславским и др. сов. учеными), во многих отношениях непохожий на классический. Есть основания думать, что $K. n.$ в математике будет удовлетворять запросам, предъявляемым математике со стороны др. наук.

$K. n.$ имеет точки соприкосновения с т. н. интуиционистской математикой (см. *Интуиционизм*). Конструктивисты сходятся с интуиционистами в трактовке предложений о существовании натурального числа с данным свойством как констатации наличия метода построения числа с этим свойством. Конструктивисты сходятся с интуиционистами в понимании дизъюнкций и в силу этого признают правильной даную Брауэром критику закона исключенного третьего. Вместе с тем конструктивисты считают неприемлемыми методологич. основы интуиционизма. Интуиционисты не признают чужд. практику источником формирования математич. понятий, методов

математич. построений и методов умозаключений. Единств. источником математики они считают первоначальную «интуицию», а критерием истинности в математике — «интуитивную ясность». В основу своей теории действит. чисел интуиционисты кладут идею «свободно становящейся последовательности», к-рую они считают интуитивно ясной, но к-рая для многих др. математиков совсем не ясна. Эта идея во всяком случае несовместима с осн. требованием $K. n.$, состоящим в том, что лишь конструктивные объекты допускаются в качестве объектов исследования.

Лит.: Марков А. А., Теория алгорифмов, Тр. Матем. ин-та, т. 38, М., 1951, с. 176—89; его же, Теория алгорифмов, там же, т. 42, М., 1954; Цейтлин Г. С., Алгорифмич. операторы в конструктивных метрич. пространствах, там же, т. 67, М.—Л., 1962; Заславский И. Д., Некоторые свойства конструктивных чисел и конструктивных функций, там же; Шанин Н. А., О конструктивном понимании математических суждений, там же, т. 52, М.—Л., 1958; его же, Конструктивные вещества, числа и конструктивные функциональные пространства, там же, т. 67, М.—Л., 1962; Specker E., Nicht konstruktiv beweisbare Sätze der Analysis, *J. Symbolic Logic*, 1949, v. 14, № 3. А. Марков. Москва.

КОНСТРУКТИВНЫЙ ОБЪЕКТ — одно из осн. понятий математики, совр. формальной логики и теории алгорифмов. Конструктивными наз. объекты, построение или рассмотрение к-рых возможно в рамках абстракции потенциальной осуществимости при противопоставлении ее абстракции актуальной бесконечности. К числу $K. o.$ могут принадлежать как конкретные, так и абстрактные предметы, требуется лишь, чтобы эти предметы обладали свойством жесткости (т. е. относительной устойчивости), позволяющим их эффективно опознавать (различать и отождествлять) и эффективно (конструктивно) оперировать с ними. Понятие $K. o.$ имеет важное гносеологич. содержание. См. *Конструктивное направление, Формализация*.

КОНТ (Comte), Огюст (19 янв. 1798—5 сент. 1857) — франц. философ, один из основоположников бурж. социологии и философии позитивизма. Род. в Мошиелье, в семье чиновника. Учился в лицее, затем в Политехнич. школе.

С 1818 — секретарь Сен-Симона, с к-рым через несколько лет порвал. Период связи с Сен-Симоном благотворно сказался на науч. деятельности К. «Конт все свои гениальные идеи заимствовал у Сен-Симона...», — писал Энгельс (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 479). В революции 1848 занимал крайне реакц. политич. позицию [см. Архив Маркса и Энгельса, т. 3(8), 1934, с. 347]. Его гл. филос. и социологич. работы: «Курс позитивной философии» (см. соч.), «Система позитивной политики...» («Système de politique positive...», v. 1—4, 1851—54), «Субъективный синтез...» («Synthèse subjective...», v. 1—2, 1856).

Широкий науч. кругозор К., его попытка разобраться не только в вопросах естествознания, но и в социальных проблемах, данная им, хотя и с неверных позиций, критика нек-рых уродливых сторон бурж. культуры дают возможность использовать труды К. для борьбы с новейшими представителями реакционной идеологии. Этим объясняется, почему прогрессивная общественность всех стран отмечала в 1957 по предложению Всемирного Совета Мира столетнюю годовщину со дня смерти К. Вместе с тем К. вошел в историю филос. и социологич. мысли как представитель

субъективного идеализма, поставивший своей гл. задачей борьбу против материализма и атеизма, как противник революц. пролетариата, противопоставлявший коммунизму идеал слегка подкрашенного капиталистич. строя. Эти реакц. стороны контизма поднимают на щит совр. бурж. философы и социологи.

Относительную ценность имеют высказывания К. в области естествознания и математики, в к-рых он, придерживаясь идеи об объективном существовании предметов в пространстве и во времени, выдвинул рациональный принцип математической абстракции как обобщающей деятельности ума, отрывающегося от действительных процессов реального мира. Положительный характер имела критика К. отрыва филос. доктрин от жизни и требование науч. анализа конкретных фактов и явлений. Несмотря на наличие этих идей, для философии К. в целом характерен субъективистский идеализм и агностицизм — принципиальное отрицание возможности познания сущности вещей. Считая себя стоящим «выше» материализма и идеализма, К. сводил задачу исследователя к описанию и систематизации человеком сведений, полученных в ощущении. Попытки вскрыть объективную причинную связь явлений материальной действительности К. характеризовал как пустую и бесплодную метафизику. «...Мы считаем безусловно недопустимым и бессмысленным, — заявлял он, — искание так называемых причин, как первичных, так и конечных» («Родоначальники позитивизма», вып. 4, СПб, 1912, с. 6). В теории познания К. пропагандировал *релятивизм*, к-рым он и пытался обосновать свой *агностицизм*. Высшей стадией в развитии человека К. считал такую, на к-рой признается «...невозможность достигнуть абсолютных знаний...» (там же, с. 2).

Значит. место в филос. системе К. занимает проблема классификации наук. Отвергая принцип деления наук по «различным способностям человеческого ума» (см. «Курс положительной философии», т. 1, СПб, 1899, с. 25), он считал, что этот принцип должен «...вытекать из изучения самих классифицируемых предметов и определяется действительным сродством и естественными связями, которые между ними существуют» (там же, с. 26). Исходя из этого принципа, К. располагал науки по убывающей простоте и общности: математика с механикой, науки о неорганич. телах, науки об органич. телах, включающие «социальную физику» или социологию (с дальнейшими подразделениями). К. доказывал, что между всеми видами знаний существует глубокая внутр. связь. Однако контовская классификация наук носит статич. характер, игнорирует принцип развития. В классификации наук К. содержится также прогрессивная мысль о том, что «теология и физика... глубоко несовместимы друг с другом...» (там же, с. 7). Вместе с тем К. выступал как сторонник новых рафинированных форм религии. К. ввел в науч. оборот термин «социология». Заимствуя у Тюрго и Сен-Симона идею о трех стадиях развития общества, он придерживался идеалистич. взгляда на общество. Этапы его развития определяются формами мышления: теологический, когда люди объясняют все явления, исходя из религии, действием сверхъестеств. сил, метафизический, когда все объясняется действием различных «сущностей» и «причин»; позитивный, когда все объясняется научно, т. е. в соответствии с требованиями позитивизма (по тем же стадиям, согласно К., проходит и индивидуальное развитие человека). Эту классификацию подверг критике Чернышевский (см. Избр. философ. соч., т. 3, 1951, с. 691). Высшая стадия историч. развития для К. — общество, по сути дела, являющееся

лишь реформированным капитализмом. В социологии К. имелись и механистич. элементы — деление социологии на «социальную статику» и «социальную динамику», рассмотрение социологии как социальной физики и т. д. Отдельные прогрессивные идеи К. — напр. идея морального «превосходства пролетариев над другими слоями общества...» («Родоначальники позитивизма», вып. 5, СПб, 1913, с. 10) — тонут в общей реакционности его социол. концепции. Последователи К. — Лафитт, *Littre*, как и англ. позитивисты Дж. С. Милль, *Спенсер* и др., — выступали в качестве прямых защитников капитализма и открытых врагов материалистич. философии. Идеи К. имели большое влияние на франц. философию 19 в. и пользуются известной популярностью среди совр. реакц. бурж. социологов (Л. Бернарду, Э. Росс, Э. Богардус и др.). На самые реакц., субъективно-идеалистич. положения философии К. ориентируются представители неопозитивизма в Англии, США, Австрии, ФРГ и др. капиталистич. странах. Неопозитивисты, как и К., под флагом борьбы с «метафизической» материализма в конечном счете приходят к отрицанию объективной реальности. Прогрессивные ученые, отвергнувшие агностицизм К. (К. Тимирязев, Мария Склодовская, Пьер Кюри и др.), отмечали отдельные плодотворные идеи в его работах, напр. предвосхищение дарвиновской идеи естеств. отбора (см. К. Тимирязев, Наука и демократия, 1920, с. 113). Основоволожники марксизма, отмечая отдельные положит. идеи К., критиковали его позитивизм. Энгельс говорил о философии К. как об «узком филистерском мировоззрении...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 479). Ленин относил К. к числу реакц. философов, явно враждебных материализму (см. Соч., т. 14, с. 192).

[М. Баскин.] Москва.

Первые сведения о К. проникли в Россию в 40-х гг. 19 в. «В Париже явился новый человек или, лучше, вновь явился известный человек, Auguste Comte...», — сообщал в 1845 из Берлина Герцену Огарев (Избр. соц.-полит. и филос. произв., т. 2, 1956, с. 359). Свое сообщение Огарев основывал на письмах В. П. Боткина, Н. Г. Фролова и Н. М. Сатина, находившихся в это время в Париже и слушавших лекции К. (см. «Русская мысль», 1891, кн. 7, с. 39; кн. 8, с. 4 и 7). В 1847 со статьей Сессе о философии К. и Литтре познакомился Белинский. Свое мнение о философии К. он изложил в письме Боткину от 17 февр. 1847, в том же году с учением К. русскую публику познакомил В. Миллютин («Отечеств. записки», 1847, кн. XI, XII). Герцен, Белинский, Огарев не приняли контовского позитивизма, расценив его как шаг назад от гегелевской диалектики к эмпиризму (см. Н. П. Огарев, Избр. соц.-полит. и филос. произв., т. 2, с. 377; В. Г. Белинский, Избр. филос. соч., т. 2, 1948, с. 326—29). В нач. 60-х гг. воззрения, близкие к позитивизму К., развивал Лавров. Взгляды Лаврова подверглись критике со стороны Чернышевского («Антропологич. принцип в философии»), Антоновича («Два типа совр. философов») и Писарева («Схоластика XIX в.») и не получили распространения среди передовой русской интеллигенции. Однако начиная со 2-й пол. 60-х гг. интерес к К. в рус. демократич. кругах растет. О К. с сочувствием писал Ватсон в «Современнике». Писарев в «Русском слове» дал обзор социологии К. В 1868 появилась статья Лаврова «Задачи позитивизма и их решение» («Совр. обозрение», 1868, № 5), где в духе материалистич. толкуемого позитивизма он излагал учение К., к-рое высоко оценивал и Михайловский, усматривая в контовском агностицизме гносеол. обоснование «субъективного метода» в социологии (см. Соч., т. 1, СПб, 1896, с. 104—06). Классификация наук

и эволюц. идеи К. привлекли внимание рус. естествоиспытателей (К. Тимирязева, Н. Н. Соколова, Вырубова). Поворот европ. бурж. философии к Канту, а затем Юму и Беркли вызвал критику К. «справа». В России в 70—80-х гг. гл. представителем этого направления явился махист *Лесевич*, критиковавший систему К. за то, что она «...слишком часто перегибается в папавный реализм...» (Собр. соч., т. 1, М., 1915, с. 634). С критикой К. «слева» выступал Чернышевский. В письмах к сыновьям он высмеивал претензии К. на создание новой философии, критиковал его за то, что его теория познания носила кантланский характер. В 20 в. влияние К. сходит в России на нет.

И. Пантин. Москва. Соч.: Курс позитивной философии (Cours de philosophie positive) осн. соч. К. По замыслу автора оно должно было охватывать все области знания и обществ. жизни: философию математики (т. 1), философию астрономии и физики (т. 2), философию химии и биологии (т. 3), а также социальную философию (т. 4—6). Характеристику «Курса» дал Энгельс, показавший несамостоятельность кантовской классификации наук (см. «Диалектика природы», 1955, с. 199). Первые «Курсы» издан в Париже (т. 1—6, 1830—42). Затем т. 1 переиздан в 1852. Полностью 2 изд. вышло в 1864 с предисловием Литтре; 3 изд. 1869, 4—1877 и 5—1892—94 гг. На иностр. яз. «Курс» полностью не переводился. Сокращ. англ. текст Г. Мартино, 1853, 1875 и 1896. В 1871—72 этот текст издан и на франц. яз. С др. франц. сокращ. текста, выполненного в 1880 Ж. Ригом, И. Г. Кирхман сделал нем. перевод, к-рый и издал в 2 тт., 1883—84. В России было начато издание рус. перев. в 6 тт., под назв.: «Курс положительной философии», однако выпущены лишь три книги: т. 1 (отд. 1—2) и т. 2, СПб., 1899—1900.

Л. Азарх. Москва. Discours sur l'esprit positif..., P., 1844; Discours sur l'ensemble du positivisme..., P., 1848; Catéchisme positiviste, P., 1852; Appel aux conservateurs, P., 1855; Correspondance inédite, v. 1—4, P., 1903—1904; в рус. пер.—Дух позитивной философии, СПб., 1910; Катехизис промышленников (третья тетрадь) или система позитивной политики, в соч.: Сен-Симон, Катехизис промышленников, опубл. в кн.: Родоначальники позитивизма, вып. 2, СПб., 1910; Курс позитивной философии (2 лекции); Общий обзор позитивизма, там же, вып. 4—5, СПб., 1912—13.

Лит.: Маркс К., [Письмо] Энгельсу 7 июля 1866 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, [Л.], 1953; его же, [Письмо] Э.-С. Бязли 12 июня 1871 г., там же; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; Положительная философия О. К. в изложении д-ра Робиня, пер. с франц., СПб., 1898; Видель В. и Видель В., История новой философии..., пер. с нем., т. 2, СПб., 1905, с. 400—401 (подробная библиогр. о Конте на рус. яз. до 1903); Тимирязев К. А., Наука и демократия. Сб. ст., М., 1920, с. 113; История философии, т. 3, М., 1943, с. 402—49; История философии, т. 2, М., 1957 (см. Именной указатель); Дезант Д., О. Конт, «В защиту мира», 1957, № 70, март; Баскин М. П., О. К. и его место в истории мировой культуры, «Вестн. истории мировой культуры», 1957, № 6; Кедров В. М., О. К. о классификации естеств. наук, там же; Суфботин А. Л., Филос. идеи О. К., «Вопр. философии», 1957, № 6; Асмус В. Ф., О. Конт, «Вестн. АН СССР», 1957, № 9; Иго же, Начало разложения бурж. философии, в кн.: Краткий очерк истории философии, М., 1960, с. 404—08; Кедров В. М., Классификация наук, т. 1, М., 1961, с. 99—141; Mill J. S., A. C. and positivism, 2 ed., L., 1866; Lévy-Bruhl L., La philosophie d'A. C., P., 1900; Dumas G., Psychologie des deux Messies positivistes. Saint-Simon et A. C., P., 1905; Ostwald W., A. Comte. Der Mann und sein Werk, Lpz., 1914; Reiche K., A. C. Geschichtsphilosophie, Tübingen, 1927; Borchert H., Der Begriff des Kulturzeitalters bei C., Halle, 1927 (Diss.); Marcuse A., Die Geschichtsphilosophie A. C., Stuttg.—B., 1932; Gouhier H., La jeunesse d'A. C. et la formation du positivisme, v. 1—3, P., 1933—41; Cicala V., Corso di sociologia. Il pensiero di A. C. e di F. St. Mill, Firenze, 1935; Peter J., A. C. Bild vom Menschen, Stuttg., 1936; Marvin F. S., C., the founder of sociology, L., 1937; Ducassé P., Méthode et intuition chez A. C., P., 1939; Lacroix J., La sociologie d'A. C., P., 1956; Argousse-Bastide P., La doctrine de l'éducation universelle dans la philosophie d'A. C., t. 1—2, P., 1957; Charlton D. G., Positivist thought in France during the second empire, 1852—1870, Oxf., 1959.

М. Баскин. Москва.

КОНТА (Conta), Василе (15 нояб. 1845—22 апр. 1882) — рум. философ, представитель радикального крыла рум. буржуазии; критиковал идеализм и, в частности, априоризм Канта. К. отстаивал идею детерминированности всех процессов, включая явления психики, к-рую он определял как «функцию» нервной системы. Под влиянием материалистич. сенсуализма

17—18 вв. К. называл ощущения и восприятия «отпечатками первой степени», непосредственно отражающими предметный мир; в мышлении он видел «отпечатки второй степени», отражающие предметы косвенно, путем переработки «отпечатков первой степени». Достижения естествознания, теория эволюции Дарвина привели К. к атеистич. выводам и резкой критике религ. предрассудков. Под влиянием социологич. идей О. Конта, Бокля, Тэна, Спенсера К. примкнул к лагерю сторонников органич. теории общества. В политике К. стоял на позициях, близких к национализму.

Соч.: Opere filosofice, Buc., [1923]; Théorie du fatalisme, Brux.—P., 1877; Théorie de l'ondulation universelle, P., 1895; Introduction à la métaphysique, Brux.—P., 1880; Premiers principes composant le monde, Jassy, 1888; Opere filozofice alese, Buc., 1959.

Лит.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 482—85; Гогоняцэ Н., Филос. взгляды В. К., Л., 1958 (Diss.); Gogoneatá N., Filozofia lui Vasile Conta, Buc., 1962; Bădăreu D., Un système matérialiste métaphisique au XIX siècle, P., 1924; Răleca M., V. C., filozof de materialist, в сб.: Studii, 1949, Anul 2, № 4. *Инт-м философии PHP*

КОНТИНУУМ (лат. continuum — непрерывное) — термин, к-рым в математике, математич. естествознании, философии обозначают несколько различных, но тесно связанных друг с другом понятий, употребляемых при анализе *математической бесконечности*, при изучении абстрактных пространств в математике и ее приложениях, при характеристике взаимосвязи между пространством и временем и т. д.

В ряде разделов математики (геометрия, математич. анализ, топология) К. наз. непрерывное множество точек (чисел), т. е. множество, удовлетворяющее определ. требованиям, различные (эквивалентные между собой) формулировки к-рых составляют т. н. принцип непрерывности (напр., формулировки, принадлежащие нем. математикам Р. Дедекинду, Г. Кантору, К. Вейерштрассу и др.). Примерами таких множеств являются К. действительных чисел или изоморфный ему (см. *Изоморфизм*) линейный К. (прямая или отрезок прямой), непрерывные кривые (взаимно-однозначные и непрерывные образы прямой), отрезки таких кривых; двумерный К. (плоскость) и отд. части плоскости, удовлетворяющие нек-рым дополнит. условиям; трехмерный К. и т. д. В совр. физике говорят о четырехмерном «пространственно-временном» К. — совокупности упорядоченных четверок действит. чисел, первые три из к-рых суть пространств. координаты к.-л. точки, а четвертое характеризует момент времени. Термин «К.» относят также и к различным (в т. ч. многомерным) пространствам, изучаемым в математике и находящим применение в физике, особенно в механике.

В теории множеств и функций К. наз. м о щ н о с т ь множества, эквивалентного множеству действит. чисел или множеству всех подмножеств натурального ряда (не обязательно состоящего из точек или чисел, а любого абстрактного множества; см. *Множества теории*). В интуиционистском (см. *Интуиционизм*) и конструктивном направлениях упоминаются выше понятия К. не употребляются, как не имеющие точного интуиционистского (или конструктивного) смысла; однако в рамках этих направлений говорят об интуиционистских (или конструктивных) а н а л о г а х понятия К.

Понятия, выражаемые термином «К.», имеют общенаучный характер и важное филос. значение, связанное с рассмотрением соотношения познавательных методов, основанных на идее непрерывности, и методов, носящих дискретный характер, с гносеологич. осмыслением понятия *бесконечности* и использующих это понятие результатов совр. физики. В ряде случаев с этими понятиями связаны глубокие труд-

ности логич. характера (напр., известная континуум-проблема). Подробнее см. *Прерывность и непрерывность, Относительности теория, Пространство и время* и лит. при этих статьях.

Ю. Гастев. Москва.

КОНТРАДИКТОРНОЕ ОТНОШЕНИЕ (от лат. *contradictorius* — противоречащий), отношение противоречия, — одно из отношений, рассматриваемых в традиционной формальной логике. Различают К. о. между суждениями и К. о. между понятиями; суждения и понятия, находящиеся в К. о., наз. *контрадикторными*, или *противоречащими*, или *контрадикторно-противоположными*. Понятие о К. о. восходит к Аристотелю. К. о. между суждениями состоит в том, что суждения, находящиеся в этом отношении, подчиняются *противоречию закону*, в силу чего они не могут быть оба истинными, и *принципу исключенного третьего*, в силу чего одно из них истинно; т. о., из двух контрадикторных суждений одно и только одно истинно; из истинности одного следует ложность другого и из ложности одного — истинность другого. К. о. имеет место между суждением и отрицанием этого суждения, напр. «Это дерево плодовое» и «Неверно, что это дерево плодовое». Частным случаем К. о. является отношение между двумя суждениями субъектно-предикатного строения (в смысле традиционной логики), имеющими одинаковые субъекты и одинаковые предикаты, но различающимися по количеству и качеству (см. *Суждение*), т. е. между общеутвердительным (Все S суть P) и частноотрицательным (Нек-рые S не суть P) суждениями (напр., «Все деревья в этом саду плодовые» и «Нек-рые деревья в этом саду не плодовые»), а также между общеотрицательным (Ни одно S не есть P) и частноутвердительным (Нек-рые S суть P) суждениями (напр., «В этом саду нет плодовых деревьев» и «Нек-рые деревья в этом саду плодовые»). Другим случаем К. о. является отношение между двумя единичными суждениями с одинаковыми субъектом и предикатом, из к-рых одно является утвердительным, а другое — отрицательным (напр., «Это дерево плодовое» и «Это дерево не плодовое»).

К. о. между понятиями имеет место в том случае, когда одно из них является положительным, т. е. таким, что предметы, входящие в объем понятия, мыслятся обладающими определенным свойством, а другое — отрицательным, т. е. таким, что предметы, входящие в объем данного понятия, мыслятся не обладающими тем же свойством. Понятия, находящиеся в К. о., несовместимы: пересечение их объемов пусто; объединение их объемов совпадает с объемом того родового понятия, к-рому они соподчинены: каждый предмет из объема родового понятия входит либо в объем одного, либо в объем другого противоречащего понятия. Напр., объединение объемов понятий «человек, имеющий высшее образование» и «человек, не имеющий высшего образования» совпадает с объемом родового понятия «человек».

Лит.: Аристотель, *Аналитики* первая и вторая, пер. с греч., [Л.], 1952, Первая аналитика; Минто В., *Дедуктивная и индуктивная логика*, пер. с англ., 6 изд., М., 1909, гл. 2; Асмус В. Ф., *Логика*, М., 1947, гл. 3 и 8; *Логика*, М., 1956, гл. 2. Б. Вирюков. Москва.

КОНТРАПОЗИЦИИ ЗАКОН — закон логики, гласящий, что если из нек-рого суждения A следует суждение B , то из отрицания суждения B следует отрицание суждения A . К. з. можно также сформулировать в виде правила для условных суждений: из истинности суждения «Если A , то B » следует истинность суждения «Если не B , то не A ». К. з. называют также формулы в логических исчислениях, являющиеся аналогом законов К. з. Таковы, напр., формулы: $(A \supset B) \supset (\neg B \supset \neg A)$, $(\neg A \supset B) \supset (B \supset \neg A)$, $(A \supset B) \supset (B \supset A)$ и $(\forall x)(A(x) \supset B(x)) \supset$

$(\forall x)(\neg B(x) \supset \neg A(x))$, где A и B — переменные для высказываний, $A()$ и $B()$ — переменные для предикатов, x — предметная переменная, а \supset , \neg и \forall — соответственно знаки импликация, отрицания и квантора общности.

Лит.: Тарский А., *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*, М., 1948, гл. 2.

КОНТРАПОЗИЦИЯ (позднелат. *contrapositio* — противопоставление, от лат. *contra* — против и *positio* положение) — особый вид умозаключений из категорической или условной посылки. О К. категорич. суждения см. *Противопоставление*, о К. условного суждения см. *Контрапозиции закон*.

Лит.: Ziehen Th., *Lehrbuch der Logik...*, Bonn, 1920, S. 718—20.

КОНТРАРНОЕ ОТНОШЕНИЕ (от лат. *contrarius* — противоположный) (отношение противности, отношение противоположности) — одно из отношений, рассматриваемых в традиц. формальной логике; суждения (а также понятия), находящиеся в К. о., наз. *контрарными*, или *противными*, или *противоположными*, или *контрарно-противоположными*, или *диаметрально противоположными*. Понятие о К. о. восходит к Аристотелю.

К. о. между суждениями состоит в том, что два контрарные суждения не могут быть оба истинными, но, вообще говоря, могут быть оба ложными. К. о. имеет место между двумя суждениями субъектно-предикатного строения (в смысле традиционной логики), имеющими одинаковые субъекты и одинаковые предикаты, если одно из них общеутвердительное (Все S суть P), а другое общеотрицательное (Ни одно S не есть P) [напр., (1) «Все деревья в этом саду плодовые» и (2) «В этом саду нет плодовых деревьев»], а также, если одно суждение общее (утвердительное или отрицательное), а другое определенное частное суждение, т. е. такое, в к-ром высказывание относится к нек-рым и только нек-рым предметам класса, мыслимого в субъекте суждения (Только нек-рые S суть P . Только нек-рые S не суть P) [напр., (1) и (3) «Только нек-рые деревья в этом саду плодовые»]. Наличие К. о. между двумя суждениями является основанием для умозаключения от истинности одного из них к ложности другого; т. о., контрарные суждения опровергают друг друга. Но опровержение данного суждения с помощью контрарного ему суждения таит в себе ту опасность, что при ложности опровергаемого суждения ложным может оказаться и опровергающее. Этой опасности не подвержено опровержение с помощью контрадикторного суждения (см. *Контрадикторное отношение*), к-рое не может быть ложно, если ложно опровергаемое. Для опровержения суждения (1) достаточно доказать, что «в этом саду есть неплодовое дерево». См. также *Логический квадрат*.

К. о. между понятиями наз. *отношением между такими двумя несовместимыми понятиями* (подчиненными нек-рому общему для них родовому понятию), содержание к-рых (в к.-л. определ. смысле) противоположно друг другу; пример: «храбрость» и «трусость» (подчиняющее понятие — «черты характера»). См. *Понятие*.

Лит. см. при ст. *Контрадикторное отношение*.

Б. Вирюков. Москва.

КОНТРАФАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (от лат. *contra* — против и *factum* — событие) — предложения, имеющие условно-сослагат. форму, т. е. предложения с союзом «если бы...», «то бы...». В рус. языке К. п. имеют различные значения. Часто антецедент К. п. (см. *Копсеквент и антецедент*) является высказыванием, противоречащим нек-рому факту или общепринятому мнению, напр. (1) «Если бы на Земле не было кислорода, то жизнь на ней была бы невоз-

можно» (отсюда — термин «К.п.»). Что же касается консеквента К. п., то он может как противоречить [как в предложении (1)], так и не противоречить факту [как в предложении (2)]: «Если бы он не был занят, то он все же не пошел бы ко мне». Однако (2) можно рассматривать как отрицание предложения «Если бы он не был занят, то он пошел бы ко мне», консеквент к-рого противоречит факту. Поэтому можно ограничиться анализом К. п. с противоречащим факту консеквентом.

Истинность К. п. нельзя определять табличным способом, как в случае материальной импликации, т. е. при таком определении истинным окажется как предложение (1), так и, напр., предложение: «Если бы на Земле не было кислорода, то жизнь на ней была бы возможна» (поскольку антецедент обоих предложений ложен). Поэтому необходимо искать др. критерии истинности К. п. Амер. логик Н. Гудмен исходит из того, что в К. п. между антецедентом и консеквентом устанавливается определенная смысловая связь, к-рая может быть как логической, так и каузальной (причинной). К. п. является истинным, если его консеквент может быть выведен из антецедента согласно нек-рому закону. При этом возникают две серьезные проблемы. Во-первых, в К. п. консеквент редко следует из одного лишь антецедента: для вывода консеквента к антецеденту обычно необходимо присоединить совокупность нек-рых условий. Так, в предложении «Если бы данное зерно посеяли, то из этого зерна вырос бы колос» консеквент следует из антецедента лишь при выполнении ряда необходимых условий (зерно было всхожим, в почве было достаточно влаги, проводился уход за посевами и т. д.). Поэтому возникает проблема выявления этих условий. Во-вторых, поскольку консеквент К. п. выводится из антецедента согласно логическому или каузальному закону, то требуется найти способ выделения из всей совокупности высказываний высказываний, выражающих законы (см. *Номологические высказывания*). Обе эти проблемы в настоящее время не решены.

Форма К. п. используется часто для того, чтобы подчеркнуть связь по смыслу между антецедентом и консеквентом условного предложения (см. *Импликация*). При этом антецедент К. п. вовсе не обязан быть утверждением, противоречащим факту, а может выражать предположение, напр. (3) «Если бы вор влез через окно, то он оставил бы на подоконнике отпечатки своих пальцев». Предложение (3) можно представить в форме обычного (не контрафактического) условного предложения: «Если вор влезает через окно, то он оставляет на подоконнике отпечатки своих пальцев». Однако контрафакт. форма указывает, что истинность данного предложения определяется не истинностью или ложностью его компонент, а связью по смыслу между ними. Иногда такие К. п. употребляются для отрицания антецедента по правилу *modus tollens*, если известно, что само предложение истинно, а его консеквент ложен. Так, если К. п. (3) истинно, а отпечатки пальцев на подоконнике не обнаружены, то можно заключить, что вор через окно не влез.

К. п. связаны с изучением т. н. диспозиционных свойств предметов, т. е. свойств реагировать определенным образом при наличии определенных условий (см. *Диспозиционный предикат*). Напр., предложение «Этот предмет изгибаем» с диспозиционным свойством «изгибаемый» может быть представлено в форме К. п. так: «Если бы этот предмет находился под соответствующим давлением, то он изогнулся бы». С анализом К. п. связаны также проблема индуктивного вывода, проблема подтверждения и др. вопросы логики.

Лит.: Reichenbach H., *Elements of symbolic logic*, N. Y., 1951, ch. 8; Goodmen N., *Fact, fiction and forecast*, L., 1954. В. Донченко. Москва.

КОНФЛИКТ (от лат. *conflictus* — столкновение) — 1) В широком смысле — предельный случай обострения противоречия. 2) В более узком, специфич. смысле употребляется в иск-ве; К. драматический — форма отражения противоречий в иск-ве, проявляющаяся в столкновении и борьбе противоположных идей, стремлений, поступков людей. Форма К. во многом зависит от особенностей того или иного вида или жанра иск-ва. Наиболее благоприятной формой для развития художеств. К. является в драматич. иск-ве трагедия, а в лит-ре — роман. В реалистич. иск-ве К. отличается глубиной и значительностью иденого и социального содержания, совершенной художеств. формой. См. *Антагонизм, Антагонистические противоречия, Единство и борьба противоположностей, Противоречие, Трагическое*.

КОНФУЦИАНСТВО — одно из наиболее распространенных направлений общественной мысли в Китае, оказавшее значительное влияние на развитие кит. философии. Берет свое начало от *Конфуция* (6 в. до н. э.). К. — больше этико-политич., чем филос. система. Складывавшаяся в период бурных социальных изменений (смена рабовладельчества феодализмом), К. с самого начала было направлено на то, чтобы оградить существующий обществ. строй от всяких потрясений и изменений. По мнению конфуцианцев, порядок в обществе может быть сохранен только при строгом соблюдении традиций древней культуры и неукоснительном следовании культуре предков. Отсюда большое внимание, к-рое К. уделяло ритуалу и обрядам, и строгое определение порядка обществ. и семейных отношений.

Главная конфуцианская добродетель — *жэнь* (гуманность). Это закон жизни людей в семье и обществе, определяющий их взаимоотношения и основывающийся на любви и уважении к старшим по возрасту и обществ. положению. Для постижения жэнь необходимо совершенствовать себя, при помощи самоусовершенствования человек избавляется от отрицат. качеств: зложелательности, алчности, стремления поставить себя выше других, хвастовства и т. д.

Не менее важное место в К. занимает этикет (*ли*), т. е. нормы обществ. поведения, нравы, обычаи, ритуал. Строгое соблюдение «ли» помогает постижению жэнь. Соблюдать «ли» — это точно знать свое место в обществе и действовать только согласно занимаемому обществ. положению.

Теоретич. обоснованием конфуцианской этики служило учение об исправлении имен (*чжэнмин*). Его смысл заключался в том, что имя должно соответствовать сущности вещи. В обществ. отношениях это значило, что титул должен строго соответствовать обществ. положению. В трактате «Лунь юй» записаны такие слова Конфуция: «Государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном». Управлять — это исправлять имена, т. е. ставить всех на свое место.

К. допускало существование традиционного кит. божества шанди (верховный владыка) или тянь (небо), к-рое вознаграждает добро и наказывает зло, определяет и направляет деятельность правителя.

Наиболее известные представители древнего К. — это Цзэн-цзы (5 в. до н. э.), Цзы Сы (5 в. до н. э.), Мэн-цзы (4—3 вв. до н. э.) и Сюнь-цзы (3 в. до н. э.). Школа Цзэн-цзы создала трактат «О почтении к старшим» («Сяо цзин»). Известную конфуцианскую книгу «Великое учение» («Да сюэ») *Чжу Си* приписывает школе Цзэн-цзы, а Цзя Куй — школе Цзы Сы. «Великое учение» представляет собой попытку систематизировать учение Конфуция, основное место

в этом трактате занимает вопрос управления. Идеальное управление возможно только на основе самоусовершенствования личности. Школа Цзы Сы создала трактат «Центр истины и ее бытие» («Чжун юн»), в котором развивается конфуцианская метафизика. «Чжун юн» писался в разное время и в нем отражена эволюция К. от 5 до 3 в. до н. э. В качестве основы жизни трактат устанавливает внутреннюю гармонию человека с небом (чжун). В этом трактате проводится мысль о врожденных знаниях, присущих лишь благородным людям. Школой Мэн-цзы создан трактат «Мэн-цзы», в котором развивается учение об управлении. Образцовое управление достигается самоусовершенствованием, и если народ примет государя, то последний управляет в полном соответствии с волей неба. Противоположность Мэн-цзы представлял Сюнь-цзы, рассматривавший небо не как божество, а как элемент природы. Между школами Мэн-цзы и Сюнь-цзы долгое время происходила непримиримая борьба, носившая по своему идейному содержанию характер борьбы материализма с идеализмом. Главная политич. доктрина К. — подчинение низших высшим — наиболее полное отражение нашло в конфуцианском трактате «Летопись» («Чунь-цзю»). Общее представление о К. дает трактат «Беседы и суждения» («Лунь юй»), представляющий собой запись бесед Конфуция с учениками, суждений Конфуция и преданий, имеющих к нему отношение.

Во 2 в. до н. э. раздробленный Китай был объединен под властью династии Хань. Централизованное управление стало стремиться к созданию единой официальной идеологии, к-рая заменила бы собой многочисленные идейные течения и направления. Наиболее подходящим для этой роли было К. Император У-ди (2 в. до н. э.) по предложению видного в то время философа Дун Чжун-шу взял курс на вытеснение «Ста школ», т. е. всех течений и направлений обществ. мысли, кроме К. Конфуцианские принципы были возведены в канон, К. было объявлено официальной идеологией, а сам Конфуций был превращен в основоположника религии. Дун Чжун-шу стал развивать теол. теорию, согласно к-рой Конфуций возводился в сан святого, а император становился сверхчеловеком, к-рого само небо послало на землю править людьми. Теология Дун Чжун-шу занимала господствующее положение весь период правления династии Хань (2 в. до н. э.—2 в. н. э.).

Противники офиц. К. образовали школу древних текстов, т. к. выступили с утверждением, что все поздние трактаты являются подделкой под Конфуция и извращают смысл его учения. Направление сторонников офиц. К. получило название школы современных текстов. В результате борьбы этих школ с К. были сорваны религ. и священные покровы. Несмотря на то, что К. продолжало оставаться официальной идеологией, вера в божественность императорской власти пошатнулась. Поэтому господствующие классы стали приветствовать буддизм, проникший в Китай из Индии, и даосизм. Религиозная мистика этих направлений помогала укрепить веру в неизменное превосходство высших классов. Широкое распространение буддизма и даосизма вызывало растущее сопротивление. В 9 в. н. э. против этих религиозно-мистических направлений выступил известный китайский философ Хань Юй.

С 10 в. н. э. в К. на первый план выдвигается новое течение (сунское неоконфуцианство), представленное двумя направлениями — лисью (учение о ли, осн. принципе, законе — неоконфуцианский объективный идеализм) и синьсюэ (учение о духе — неоконфуцианский субъективный идеализм). Первое

во главе с Чэн Хао (1032—1086), Чэн И (1033—1107) и Чжу Си (1130—1200), второе во главе с Лу Цзю-юанем и Ван Ян-мином (Ван Шоу-жэнем). Школы лисью и синьсюэ по вопросу об отношении между принципом (ли) и материей (ци) проповедовали идеи о «примате принципа перед материей», утверждая, что «вне духа нет вещей», откровенно провозглашали рабскую мораль, считая, что «подданные преступны и достойны наказания, а властитель, посланный небом, есть воплощение мудрости».

Признанным главой сунского неоконфуцианства являлся Чжу Си, его филос. система стала офиц. гос. идеологией. В течение многих столетий на гос. экзаменах для кандидатов на чиновничьи должности являлось обязательным знание конфуцианского «Четверокнижия» («Сы шу») со сводным комментарием Чжу Си.

К. на протяжении тысячелетий служило укрепление феод. режима. Оно настолько глубоко вошло в сознание кит. народа, что стало серьезной преградой на пути к прогрессу. К. служило своеобразным идеол. оружием кит. реакции против марксизма-ленинизма, получившего распространение в Китае после движения «4 мая». После победы революции 1949 влияние К. на общественно-политич. жизнь страны ослабло.

Лит.: Васильев В. П., Религии Востока: К., буддизм и даосизм, СПб, 1873; Георгиевский С., Принципы жизни Китая, СПб, 1888; Грубе В., Духовная культура Китая, СПб, 1912; Петров А. А., Очерк философии Китая, в сб.: Китай, М.—Л., 1940; Радль-Затулловский Я. Б., К. и его распространение в Японии, М.—Л., 1947; История философии, т. 1, М., 1957, гл. 1, §3; т. 2, М., 1957, гл. 9, §2; т. 4, М., 1959, гл. 7; Ян Юн-го, История древнекит. идеологии, пер. с кит., М., 1957, с. 91—172; Фань Вэнь-лань, Древняя история Китая, М., 1958, с. 164—86; Александров Г. Ф., История социол. учений. Древний Восток, М., 1959, с. 219—328; Хоу Вай-лу (Идр.), Чжунго сыяси тунши (История кит. идеологии), т. 1, Пекин, 1957, с. 131—90; Шиань цзи чжу шу (13 классич. книг К. с комментариями), т. 1—40, Пекин, 1957; Chen Huan-shan, The economic principles of Confucius and his school, v. 1—2, N. Y., 1941; Giles H. A., Confucianism and its rivals, N. Y., 1945; Hsi L. S., The political philosophy of confucianism, N. Y., 1932; Chen Tien-Hsi, China moulded by Confucius, L., 1947; Levenson J. R., Confucian China and its modern fate, L., 1952; Chang Charsun, The development of neo-confucian thought, N. Y., 1957; Chan Wing-tsit, An outline and an annotated bibliography of Chinese philosophy, New Haven, 1959.

КОНФУЦИЙ (Кун-цзы, Кун Цю, Кун Фу-цзы, второе имя — Чжун-ни) (551—479 до н. э.) — кит. мыслитель, политич. деятель и педагог эпохи Чуньцю, создатель оригинального этико-политич. учения. Он оказал большое влияние на развитие общественно-политич. и филос. мысли в Китае. К. родился в царстве Лу (на территории совр. провинции Шаньдун) в знатной, но обедневшей семье. Согласно традиционной версии о жизни К., ему приписывается авторство «Летописи» («Чуньцзю»), десяти комментариев, или т. н. «десяти крыльев», входящих в состав «Книги перемен» («И цзин»), обработки «Книги песен» («Ши цзин») и ряда других произведений древнейшей лит-ры. Большинство таких утверждений не выдерживает критич. проверки. Основным источником наших знаний о К. является книга «Беседы и суждения» («Лунь юй»). Большинство исследователей признают «Лунь юй» наиболее аутентичным текстом для изучения взглядов К. Однако несомненно, что «Лунь юй» не свободен от более поздних интерполяций. Текст «Лунь юй» представляет запись изречений и бесед К. со своими ближайшими учениками и последователями.

По натуре филос. вопросам К. воспринял и развил представления предшествующей эпохи о небе и небесном велении как сознательно действующей высшей силе, определяющей действия и поступки людей, их обществ. положение. «Для жизни и смерти су-

шествует судьба, богатство и знатность зависят от неба». Моральные нормы также идут от неба. Вместе с тем К. считал, что небо является частью природы, естество, явлением, к-рое вступает в определенные отношения с др. компонентами многообразного мира.

Центральным понятием учения К. является *жэнь* (гуманность) — не только источник, из которого вытекают этико-политич. положения учения К., но и конечная

цель нравственного самоусовершенствования. *Жэнь* выступает как закон, как совокупность этич. и социальных взаимоотношений людей. На вопрос о назначении *жэнь* К. ответил: «Чего не желаешь себе, того не делай людям» («Лунь юй», 12,2). Не менее важное место в учении К. занимает понятие «ли» (нормы общечеловеческого, социального регламента), являющиеся конкретным воплощением высшего этич. закона *жэнь*, методом его осуществления. Сфера действия этого социального регламента весьма широка: она обнимает всю обществ. жизнь от семьи до гос-ва. Нормы социального регламента действуют различно в зависимости от различий в условиях их применения и от различий социального положения людей. По сути дела, этот социальный регламент основан на нормах, созданных господством аристократии. В высказываниях К. отражена классовая аристократич. направленность его учения. Он решительно противопоставлял «благородных» простолюдином, к-рые «повсюду со своими детьми за спиной работают, а богатым людям незачем заниматься земледелием» («Лунь юй», гл. Ци лу).

Более подчиненная роль в учении К. отводится понятиям «и» — чувство долга, справедливость; «синь» — верность, искренность, и нек-рым другим. Они служат гл. обр. для раскрытия этич. достоинства «благородного мужа». Большое значение К. придавал воспитанию и обучению, сводя их к овладению и постижению этико-политич. норм и требований. Процесс овладения такого рода нормами К. неразрывно связывал со своими представлениями о знании (чжи) и учении (сюэ). К. говорил о четырех категориях людей. К первой относятся те, кто обладает знаниями от рождения, ко второй — кто приобретает знания в учении, к третьей — кто учится, испытывая трудности, и к последней, низшей, категории относится народ, к-рый испытывает трудности и не учится. По мнению К., первую категорию характеризует постоянное стремление к справедливости, а остальных — к выгоде. Высокие моральные качества «благородных» предопределяют их власть над простым народом, удел к-рого — тяжелый физич. труд. «Добродетели благородного мужа — ветер, добродетели простолюдина — трава. Ветер непременно пригибает траву» («Лунь юй», 12,18). «Благородные» — это «совершенномудрые», знания к-рым даруются небом, поэтому они являются воплощением истинного пути мира. У К. почти отсутствует гносеологич. подход к проблеме знания. Чаще всего он ограничивается высказываниями следующего содержания: «что знаешь, считай знанием, а что не знаешь, считай незнанием». В программе воспитания и обучения К. важное место занимают музыка и поэзия, при помощи к-рых достигается совершенство красоты и добра, слияние индивидуума с обществом. Без поэзии и музыки невозможно усвоение социального регламента.

Гос. власть, учил К., должна пользоваться доверием народа, ибо без этого она не способна к существованию. По его мнению, правители должны наставлять народ личным примером, т. к. порядок и приемы гос. управления, к к-рым прибегают верхи, очень легко влияют на нар. низы. Главное в политич. программе К. — строгое и четкое определение обязанностей каждого члена общества. Каждый должен знать свое место в обществе, государь должен быть государем, подданный — подданным, «...какое же будет тогда государство, если не будет разницы между благородными и простыми людьми?». Мн. принципы К. широко использовались господствующими классами для обоснования своей власти. В процессе развития учение К. становится основой офиц. феод. идеологии, глубокое влияние к-рой прослеживается на протяжении мн. столетий истории Китая (см. *Конфуцианство*).

Соч.: Сы Шу ген, т. е. Четыре книги с толкованиями. Книга первая, пер. с кит. А. Леонтьев, СПб, 1780; Джун-Юн, т. е. Закон непреложный (из преданий философа Кун-Дзы), пер. с кит. А. Леонтьев, СПб, [1784]; Летопись Чунь-Цю, СПб, 1876; Изречения..., в кит.: П о п о в П. С., Изречения К., учеников его и других лиц, пер. с кит., СПб, 1910.

Лит.: З о м м е р Н., Об основаниях новой кит. философии, Уч. зап. Казан. ун-та за 1831, 1832, № 2; К о р я г и н К. М., Конфуций. Его жизнь и филос. деятельность, 2 изд., СПб, 1897; Г р у б е В., Духовная культура Китая, СПб, 1912; Петров А. А., Очерк философии Китая, в сб.: Китай, М.—Л., 1940; Р а д у л ь-З а т у л о в с к и й Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947; История философии, т. 1, М., 1957, гл. 1; Я н Ю н-г о, История древнекит. идеологии, пер. с кит., М., 1957; И н Б о-д з ю н ь, Лунь юй и чжу (Лунь юй с переводом на совр. кит. яз. с комментариями), Шанхай, 1958; С к а ч к о в П. Е., Библиография Китая, М., 1960.

КОНЦЕПТУАЛИЗМ (от лат. *conceptus* — мысль, понятие) — одно из гл. направлений в решении проблемы общих понятий. В противоположность *реализму*, К. отрицает какую бы то ни было онтологич. реальность общего, его существование вне чело-веч. ума и считает, что общее находится только в уме познающего субъекта. Будучи, т. о., разновидностью *номинализма*, К. утверждает (в отличие от того направления номинализма, для к-рого общее лишь словесное обозначение), что общее, как результат абстрагирования сходных признаков вещей и их объединения в уме человека, есть мысленные предметы, идеальные сущности, существующие в уме человека. В древности точка зрения К. была представлена в гносеологии *стоицизма*. В ср. века К. слова по-является как одно из решений проблемы *универсалий* с точки зрения номинализма. К К. приближались *Абеляр*, утверждавший, что слово, не будучи самостоятельной вещью, вместе с тем не является и пустым звуком, а обладает тем или иным значением, применяемым к множеству вещей. Наиболее последовательным из ср.-век. концептуалистов был Иоанн Солсберийский (ок. 1115—1180), ученик Абеляра, один из гл. представителей *Шартрской школы*. По убеждению Иоанна в природе нет никаких реальных родов и видов, как доказывали схоластики-реалисты, ибо общее — только присущий разуму способ, посредством к-рого он вскрывает сходство и подобие между вещами. Концепция Иоанна — одно из ранних выражений эмпирич. реакции против схоластич. реализма. Отказываясь от фантастич. конструкций теологов-реалистов, Иоанн пытался направить философию на путь изучения предметов реального мира. В еще большей мере это относится к *Оккаму*. Однако, поскольку в эпоху средневековья отсутствовали социальные и науч. предпосылки для опытного исследования

природы, К. не стал тогда влиятельным и тем более определяющим направлением гносеологии. К. становится таковым только в новое время, у философов эмпирическо-сенсуалистич. направления. Один из гл. представителей К. в эту эпоху — Локк, теория абстракции к-рого неотделима от К. (см. в особенности «Опыт о человеческом разуме», в кн.: Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960, с. 414). Вслед за Локком точка зрения К. формулировалась Кондильяком, Гельвецием и др. мыслителями. Признавая относительную прогрессивность К., особенно в эпоху его борьбы против схоластическо-идеалистич. реализма, диалектич. материализм вместе с тем доказывает несостоятельность его, коренящуюся в неспособности усвоить диалектику общего и единичного. Такая неспособность проявляется прежде всего в том, что, подчеркивая сходство вещей, фиксируемое в общих понятиях, К. не понимает того, что это сходство обязательно выступает как их тождество в том или ином отношении. Тем самым К. не понимает того, что правильная науч. абстракция отражает общность, реально, объективно присущую самим вещам.

Лит.: Виндельбанд В., История философии, пер. с нем., СПб, 1898, § 23; Бакрадзе К., Логика, Тб., 1951, с. 128—33; Трахтенберг О. В., Очерки по истории зап.-европ. ср.-век. философии, М., 1957, с. 36—38, 45; Wulf M. de, Le problème des universaux dans son évolution historique du IXe au XIIIe siècle, «Arch. Philos.», 1896, Bd 9, neue Folge, Bd 2; Prantl C., Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 2, В., 1955, S. 162—205; Grattan M., Die Geschichte der scholastischen Methode, Bd 2, В., 1957, S. 441—52. В. Соколов. Москва.

КОНЦЕПЦИЯ (от лат. conceptio — понимание, система) — определ. способ понимания, трактовки к.-л. предмета; осн. точка зрения на предмет; руководящая идея для его систематич. освещения. Термин «К.» употребляется также для обозначения ведущего замысла, конструктивного принципа в науч., художеств., технич., политич. и др. видах деятельности человека.

КОНЪЮНКТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ (лат. conjunctivus — соединительный, от conjungo — соединяю) (соединительное суждение) — сложное суждение, к-рое либо (а) образовано из двух (или большего числа) др. суждений (членов К. с.) с помощью союза «и» (или с помощью союзов «но», «а» и т. п., подобных союзу «и» с логич. т. зр.) или путем бессоюзной сочинит. связи, выражаемой при письме запятой или точкой с запятой (этот случай К. с. можно назвать конъюнкцией суждений и), либо (б) может быть без изменения смысла преобразовано в форму (а); при этом от союза «и» (и вообще от средств, используемых для образования К.с.) требуется лишь, чтобы зависимость истинности К. с. от истинности его членов соответствовала определению логич. операции конъюнкции через истинностные значения высказываний (т. е. чтобы истинность К. с. в целом могла иметь место только при истинности всех его членов). Примеры К. с.: (1) «Блеснула молния и загредел гром», (2) «Антилопы и олени — травоядные животные», (3) «Иванов, Петров и Сидоров живут под Москвой, а учатся в МГУ». Суждение (1) — конъюнкция двух суждений: «Блеснула молния» и «Загредел гром»; суждение (2) без изменения смысла преобразуется в суждение: «„Антилопы — травоядные животные“ и „Олени — травоядные животные“, к-рое есть конъюнкция двух суждений; при аналогичном представлении суждение (3) оказывается конъюнкцией 6 суждений. Используемый в естеств. языке для образования К. с. союз «и» (и др. аналогичные ему с логич. т. зр. средства) рядом свойств отличается от операции конъюнкции логики высказываний. Так, этот союз в нек-рых К. с. не обнаруживает свойства коммутативности [примером такого К. с. является суждение (1), перестановка членов к-рого искажает

смысл суждения]. Эта черта К. с. связана с тем, что в них союз «и» (и др. эквивалентные ему с логич. т. зр. союзы) служит обычно не только для выражения зависимости истинности К. с. от истинности его членов, но (вместе с частью содержания членов К. с.) выражает также связь по смыслу между ними (в частности, временную последовательность мыслимых в них явлений, причинную зависимость между последними, противопоставление их в к.-л. смысле и т. п.); особенно это заметно в случае таких союзов, как «а», «но», «хотя» (ср. «Взошло солнце и стало тепло», «Взошло солнце, но было холодно», «Хотя взошло солнце, было холодно»).

В традиц. логике К. с. рассматриваются обычно в рамках представления о субъектно-предикатном строении суждений в смысле аристотелевой логики. К. К. с. с этой т. зр. относят суждения вида (I) S есть P₁ и P₂, и ..., и P_n (отрицат. форма: S не есть ни P₁, ни ..., ни P_n); (II) S₁ и S₂, и ..., и S_k суть P (отрицат. форма: ни S₁, ни ..., ни S_k не есть P) и (III) S₁ и S₂, и ..., и S_k суть (не суть ни) P₁ и P₂, и ..., и P_n, где буквы S, S₁, ..., S_k обозначают субъекты, а P, P₁, ..., P_n — предикаты суждений. Иногда термин «К. с.» сохраняют лишь за суждениями вида (I), называя суждения (II) копулятивными (от лат. copula — связка), а суждения (III) — конъюнктивно-копулятивными.

Лит.: Зигварт Х., Логика, пер. с нем., т. 1, СПб, 1908, с. 177—81; Милль Дж. С., Система логики..., пер. с англ., М., 1914, с. 71—72; Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, гл. 2; Таванец П. В., Вопросы теории суждения, М., 1955, с. 110—13, 121—22; Дроздов А. В., Вопросы классификации суждений, Л., 1956, с. 39—60. В. Вирюков, К. Морозов. Москва.

КОНЪЮНКЦИЯ (от лат. conjunctio — союз, связь) — операция логики, отражающая употребление союза «и» в содержат. логич. выводах; заключается в образовании из двух к.-л. высказываний (или форм высказываний) A и B такого сложного высказывания (формы высказываний) (обозначаемого обычно A&B или A·B, что читается «A и B»), к-рое истинно лишь тогда, когда истинны оба высказывания A и B (К. часто наз. и то высказывание, к-рое получается в результате применения операции К.). К. не совпадает полностью с употреблением логич. союза «и» в естеств. языке, т. к. не предполагает связи по смыслу между выражениями, связываемыми знаком К. Операция К. обычно вводится в рамках того или иного исчисления. Подробнее см. *Конъюнктивное суждение*; см. также *Коммутативность*, *Алгебра логики*, *Логика высказываний*.

Лит.: Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, гл. 2, § 7; Градштейн И. С., Прямая и обратная теоремы, 3 изд., М., 1959, с. 14—15; Чёрч А., Введение в матем. логику, пер. с англ., Г., 1960, § 05 и с. 402.

КОНЬО (Cogniot), Жорж (р. 15 дек. 1904) — франц. философ-марксист. Род. в Монтиши; был преподавателем в лицеях Эврё, Дижона, Сен-Кантена и Парижа, ген. секретарем Рабочего ун-та (1934) — высшей школы парт. кадров Франц. коммунистич. партии; неоднократно избирался депутатом Нац. собрания Франции; активный участник Движения Сопротивления; гл. редактор газ. «Humanité» (1944—49); кандидат в члены (с 1936) и член ЦК (с 1937) ФКП; член руководящего комитета журн. «La Pensée».

Подвергая критике тезис правых социалистов об «устарелости» марксизма, К. доказывает жизнеспособность марксистского учения в совр. условиях («Актуальность „Капитала“ — «Actualité „du Capital“», 1948). В полемике с экзистенциализмом К. отстаивает положение о существовании объективных законов развития природы и общества. Выступая против попыток ограничить диалектику сферой мышления, К. пока-

зывает, что диалектика имеет универсальный характер («Диалектика природы». Гениальный труд Ф. Энгельса — «„La dialectique de la nature“. Une oeuvre géniale de F. Engels», 1953). К. резко полемизирует против всякого рода «критиков марксизма»: феноменолога Мерло-Понти (статья «Выводы» — «Conclusions», в кн.: «Злоключения антимарксизма. Несчастья Мерло-Понти» — «Mésaventures de l'antimarxisme. Les malheurs de M. Merleau-Ponty», 1956), католич. теоретиков («Диалектика, извращенная преподобным отцом Шамбром» — «La dialectique défigurée par le R. P. Chambré», в сб.: «Марксисты отвечают своим католич. критикам» — «Les marxistes répondent à leurs critiques catholiques», 1957, рус. пер. — 1958). К. подвергает критике бурж. национализм и космополитизм («Реальность нации» — «Réalité de la nation», 1950). Доказывая превосходство социалистич. системы над капиталистической, К. разоблачает клеветнич. измышления бурж. идеологов о Сов. Союзе («Знакомство с Советским Союзом» — «Connaissance de l'Union Soviétique», 1956, рус. пер. — 1959). В борьбе с наступлением клерикальной реакции К. защищает светскую систему образования, раскрывая несовместимость религ. суеверий с науч. знанием («Религия и наука» — «La religion et la science», 1960). Историко-филос. работы К. посвящены исследованию материалистич. линии в антич. философии («Лукреций, его труд и его философия» — «Lucrèce, son oeuvre et sa philosophie», в кн.: Лукреций, О природе вещей — Lucrèce T. L. C., De la nature des choses, 1954), борьбе с бурж.-идеалистич. фальсификацией истории франц. философии («Декарт и наше время» — «Descartes et notre temps», 1950, рус. пер. в сб.: «Франц. коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию», 1953).

Соч.: De l'enthousiasme à la conscience enchaînée. La question scolaire en 1848 et la loi Falloux, P., 1948; Proudhon et la démagogie bonapartiste, P., 1958; Le parti communiste — instrument décisif de la classe ouvrière dans sa lutte pour le pain, pour la paix, pour le socialisme, P., 1958; Pour l'union dans la bataille laïque, P., 1959; Que est ce que le communisme?, P., 1960; в рус. пер. — Нар. фронт во Франции, М., 1937 (совм. с М. Тарезовым). В. Кузнецов, Москва.

КООПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН В. И. ЛЕНИНА (от лат. cooperatio — сотрудничество) — науч. теория об условиях и путях перехода крестьянства к социализму и коммунизму. Необходимость использования кооперации при переходе к коммунизму предвидели Маркс и Энгельс, считавшие целесообразным передачу крупных капиталистич. земледельч. хозяйств в коллективное пользование сельским рабочим, а также постепенное и добровольное кооперирование мелких крестьянских хозяйств (см. Соч., 2 изд., т. 18, с. 611—12; т. 19, с. 407; т. 22, с. 519—25; т. 27, 1935, с. 523—24). Эта идея получила обоснование и развитие у Ленина в плане перехода от мелко-варного единоличного крестьянского к крупному коллективному произ-ву. Ленин показал, что в условиях бурж. общества кооперация не отличается от коллективного капиталистич. предприятия, что общественно-экономич. содержание кооперации в земледелии и трестов в промышленности тождественно (см. Соч., т. 4, с. 105; т. 6, с. 305). В условиях диктатуры пролетариата коренным образом изменяется классовая природа кооперации, «... количество переходит в качество. Кооператив, как малепький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм» (там же, т. 27, с. 189). Идея кооперативной организации всего общества служила основанием практич. требования создания «потребительско-производительных коммун», объединяющих все население страны по территориальной принципу и являющихся общей формой

организации социалистич. произ-ва и распределения. Единая система кооперативов должна была создать условия для перехода к напрямую продуктообмену «без капиталистов», с перераспределением всех излишков продукции, производимой кооперативами через гос-во (см. Соч., т. 27, с. 128, 131; т. 29, с. 98).

В условиях военного коммунизма Сов. гос-во должно было осуществить объединение всего населения в производственно-потребит. общества. Это была попытка способом «... самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения» (Соч., т. 33, с. 69). Однако она не привела к успеху. «Потребовался ряд переходных ступеней...», чтобы... — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму» (там же, с. 36). В этот период задачу социалистич. преобразования земледелия Ленин рассматривал как составную часть всеобщего кооперирования страны. Условия и принципы перехода крестьян к крупному коллективному земледелию разрабатывались Лениным с осени 1918, в связи с развертыванием социалистич. этапа аграрной революции. Ленин подчеркивал недопустимость экспроприации крестьянства. «Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину... мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что „коммуния“ лучше всего» (Соч., т. 29, с. 187, см. также т. 28, с. 152, 318; т. 31, с. 138, 473).

Проблема переходных путей и форм была разработана после перехода к новой экономике, политике (план). Ленин пришел к выводу о необходимости использования кооперации, рассматриваемой как разновидность госкапитализма, обеспечивающей «учет, контроль, надзор» со стороны пролет. гос-ва за развитием мелкобурж. стихий. Вместе с тем кооперация облегчает объединение населения и переход от мелкого хозяйства к крупному, что представлял собой «...гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму» (Соч., т. 32, с. 327).

Законченную разработку осн. идеи кооперативного плана получили в статье Ленина «О кооперации» (январь 1923), где сделан вывод о том, что кооперативные предприятия «... не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» (там же, т. 33, с. 433). Поэтому в условиях диктатуры пролетариата простой рост кооперации тождествен росту социализма.

Ленин ставил задачу «кооперирования России» для построения социализма. Главное значение кооперации в том, что она открывала возможность «...перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьян» (там же, с. 428; см. также с. 431). Исходным звеном перехода крестьянства к социализму становилось кооперирование функций товарообмена мелкого х-ва. Первичные, торгово-кредитные формы кооперации не требовали от крестьянина отказа от частного торгового интереса. В то же время они вносили в хоз. деятельность крестьянина первые элементы коллективизма. Кооперирование товарооборота составляет лишь начальную ступень (см. там же, с. 36). Только производств. кооперирование устраняет источники существования и воспроизводства капитализма, утверждает социалистич. производств. отношения в деревне.

Одним из первых условий социалистич. развития кооперации является руководство со стороны пролет. гос-ва (см. В. И. Ленин, Соч., т. 31, с. 131—32). Разрешается эта задача путем освобождения кооперации от бурж. руководства, демократизации организац. принципов, вовлечения в кооперацию широ-

ких слоев крестьянства, создания для нее ряда экономич. привилегий. Важнейшим условием осуществления кооперативного плана является культурная революция, к-рая сможет «...сделать наше население настолько „цивилизованным“, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие» (там же, т. 33, с. 430; см. также с. 435). Переход крестьянства на путь социализма требовал создания в сел. х-ве новой материально-технич. базы, «... что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца» (там же, т. 32, с. 194).

Практика подтвердила правильность ленинского кооперативного плана. В условиях зноа, с восстановлением товарооборота стали быстро расти первичные формы кооперации (кредитные и сбыто-снабженческие). В первые годы реконструктивного периода началась интенсивный рост производств. товариществ (машинных, мелиоративных, семеноводческих и т. п.), в к-рых сохранялись еще одиночные х-ва, но уже появились элементы обществ. собственности на средства произ-ва и коллективного х-ва. Высшей формой кооперирования является коллективное х-во, в к-ром обобществлены осн. средства произ-ва и осн. трудовые процессы совершаются совместно.

Сплошная коллективизация сел. х-ва в СССР явилась революц. преобразованием, в результате к-рого в деревне утвердился социалистич. строй. Она представляла собой непосредств. переход крестьянства к крупному коллективному х-ву. Коммунистич. партия разработала принципы с.-х. артели как осн. формы коллективного х-ва, определила пути создания новой материально-технич. базы земледелия.

В ходе сплошной коллективизации были допущены значит. ошибки как в связи с отсутствием практич. опыта, так и в связи с влиянием складывавшегося культа Сталина. Особенно серьезные ошибки и перегибы были допущены в самом начале (зимой 1930): нарушался ленинский принцип добровольности; разъяснит. и организац. работа во мн. случаях подменялась грубым администрированием; меры «раскулачивания» нередко применялись к середнякам; предпринимались попытки насильств. обобществления всего скота. Причиной этих ошибок было в первую очередь чрезмерное форсирование темпов коллективизации. Перегибы вызвали недовольство крестьянских масс, привели к частичному разрушению производств. сил (массовой убой скота и т. д.), поставили колхозное строительство на грань дискредитации, тяжело отразились на дальнейшем развитии сел. х-ва. Начался отлив колхозного движения. ЦК Коммунистич. партии должен был в марте 1930 принять решит. меры по исправлению ошибок и перегибов. На протяжении весны и лета 1930 обстановка в деревне нормализовалась. Рост с.-х. произ-ва после коллективизации задерживался ошибками, допущенными в руководстве колхозами, прежде всего нарушением ленинского принципа *материальной заинтересованности*.

Социалистич. природа колхозного строя позволила преодолеть нарушения принципов ленинского кооперативного плана. Начиная с 1953 КПСС осуществила ряд важнейших мероприятий по восстановлению ленинских принципов, по дальнейшему совершенствованию колхозного строя. Развивая идеи ленинского кооперативного плана, КПСС в новой Программе (1961) показала необходимость сохранения с.-х. артели на весь период коммунистич. строительства, обосновала положение о коллективном х-ве, как «школе коммунизма» для крестьянства. «Колхоз как общественная форма хозяйства... обеспечивает управление производством самими колхозными массами, развертывание их творческой инициативы, воспитание кол-

хозников в духе коммунизма» (Программа КПСС, 1961, с. 77). Всеобщее значение ленинского кооперативного плана подтверждено опытом строительства социализма в странах народной демократии.

Лит.: Ленин В. И., Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии), Соч., 4 изд., т. 24; е го ж е, Очередные задачи Советской власти, там же, т. 27; е го ж е, Речь к делегатам Комитетов бедноты Моск. области 8 ноября 1918 г., там же, т. 28; е го ж е, Пролетарская революция и ренегат Каутский, там же; е го ж е, Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г., там же; е го ж е, Доклад о работе в деревне 23 марта [VIII съезд РКП (б), 18—23 марта 1919 г.], там же; е го ж е, Резолюция об отношении к среднему крестьянину [VIII съезд РКП (б), 18—23 марта 1919 г.], там же; е го ж е, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, там же, т. 30; е го ж е, Речь на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне 18 ноября 1919 г., там же; е го ж е, Речь на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 г., там же; е го ж е, Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу, там же, т. 31; е го ж е, Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта [X съезд РКП (б), 8—16 марта 1921 г.], там же, т. 32; е го ж е, О продовольственном налоге, там же; е го ж е, Тезисы доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала, там же; е го ж е, К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, там же, т. 33; е го ж е, О нашей революции, там же; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; К у й б ы ш е в В. В., Ленин и кооперация, [М.], 1925; Т р а п е з и к о в С. П., Историч. опыт КПСС в социалистич. преобразовании с. х-ва, М., 1959; С е л у н с к а я В. М., Борьба КПСС за социалистич. преобразование с. х-ва, М., 1961; История КПСС, М., 1962.

В. Данилов. Москва.

КООРТ, Альфред Юрьевич [16(29) мая 1901 — 28 сент. 1956] — сов. философ, акад. АН Эстр. ССР (с 1946). Защитил в 1934 докторскую дисс. «Исследование о логике понятия типа» («Beiträge zur Logik des Typusbegriffs»), опубли. в «Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. B. Humaniora», 1936, [v.] 38, № 4, 1938, [v.] 39, № 1). Проф. Тартуского ун-та (с 1935). Работы К. «Введение в философию» («Sissejuhatus filosoofiasse», 1938) и «Вопросы совр. философии» («Kaasaegset filosoofiat», 1, 1938) носили идеалистич. характер. Изучение марксизма привело К. в конце 30—нач. 40-х гг. на позиции диалектич. материализма (см. статью К. о труде Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — V. I. Lenini teos «Materialism ja empiriokrititsism», в журн. «Nõukogude Kõrgem Kool», 1941, № 2). В 1944—51 К. — ректор Тартуского ун-та. В последние годы жизни — проф. Таллинского педагогич. ин-та.

Соч.: Hegeli dialektika, «Akadeemia», 1937, № 6, 7; Kasuaalsusprintsip ja moodne loodusteadus, «Looming», 1938, № 2; Fenomenoloogiline filosoofia, там же, № 6; Pragmatism — ameeriklaste maailmavaade, «Akadeemia», 1939, № 3, 4; Kultuur ja neuroos, там же, 1940, № 2; Ühest pedagoogilisest poemist, «Viisnurk», 1940, № 2.

КОПЕРНИК (Copernik, Copernicus), Николай (19 февр. 1473—24 мая 1543) — польский астроном и мыслитель. В 1491—94 учился в Краковском ун-те. В 1495—1504 — в итал. ун-тах (Болонья, Падуа, Феррара). С 1504—05 жил в Вармийской обл. на севере Польши (гг. Лидзбарк, Фромборк). Много лет руководил административными и фин. делами области и активно участвовал в защите ее от нашествия Тевтонского ордена (1519—21), непосредственно руководя обороной г. Ольпытына. Со времени пребывания в Италии К. занимался проблемами строения Вселенной, отправляясь от трудов ученых древности, особенно пифагорейцев и Аристарха Самосского. От критики и отрицания истинности канонизированной церковью геоцентрич. системы мира К. постепенно пришел к утверждению новой

системы мира, согласно к-рой Солнце занимает центр. положение, а Земля является одной из планет, обращающихся вокруг Солнца, и вращается вокруг своей оси. Свои взгляды К. впервые изложил (без математического обоснования) ок. 1515 в рукописном сочинении «Малый комментарий» («Commentariolus»). В капитальном труде «Обращение небесных сфер» («De revolutionibus orbium coelestium», 1543) К. развил и математически обосновал гелиоцентрическую систему мира, хотя прямыми доказательствами движения и вращения Земли он еще не располагал. В своей системе К. сохранил представление о движении планет по эпциклам и деферентам, введенным Птолемеем, указал на огромность расстояния Земли до звезд, по сравнению с к-рым расстояние от Земли до Солнца исчезающе мало. Труд К., вышедший в 1543 в Нюрнберге, был без его ведома сопровожден предисловием лютеранского богослова Осиаандера, пытавшегося представить учение К. только как гипотезу, облегчающую астрономич. вычисления, тогда как сам К., утверждавший в своем собственном предисловии свободу науч. исследования, рассматривал свою систему мира как описание реального строения Вселенной, в к-рой Земля — рядовое небесное тело. Подложность предисловия Осиаандера была установлена ок. 1605 Кеплером.

Учение К. явилось основой развития новой астрономии и оказало глубокое влияние на последующий прогресс физики и механики (труды Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона). Филос. значение учения К. заключается прежде всего в том, что К. отверг исключит. положение Земли во Вселенной, а тем самым нанес удар по самым основам церк.-библейского и всего религ. мировоззрения. В свете учения К. устранилась противоположность земного и небесного, законы природы — и прежде всего законы движения тел — оказывались едиными для Земли и для всей Вселенной и доступными для человек. познания. Учение К. опровергло взгляды Аристотеля, Птолемея и их последователей, принимавших видимые явления в природе за действительные, и утверждало необходимость критич. проверки данных чувств. опыта, четкого различения кажущегося и реального. Тем самым учение К. явилось мощным стимулом для развития теории познания. Открытие К. указало путь освобождения естеств. наук от богословского образа мышления. В противоположность христ. учению, к-рое унижало достоинство человека, провозглашало ничтожность и бессилие человек. разума, К. обосновал могущество человек. разума, познающего закономерность строения Вселенной. В учении К. раскрывалась неизмеримо более грандиозная картина мироздания, чем в геоцентрич. системе мира. На основе его открытия Дж. Бруно развил учение о бесконечной Вселенной и о множественности обитаемых миров. В свете умозрений Бруно и последующих открытий Галилея стал очевидным революц. характер учения К., первоначально скрытый математич. языком книги и предисловием Осиаандера. В 1616 труд К. был включен Ватиканом в список запрещенных книг (запрет был снят только в 1822). Энгельс охарактеризовал появление труда К. как «революционный акт, которым исследование природы заявило о своей независимости...», и как «...вызов церковному авторитету в вопросах природы» («Диалектика природы», 1955, с. 5).

Своими трудами К. содействовал развитию математики (тригонометрия, особенно сферическая). К. был также выдающимся врачом. В экономич. трактате о монете (1519—26) К. обосновал закон вытеснения полноценной монеты неполноценной, ошибочно названный в позднейшей лит-ре законом Грешема. Им были переведены с греч. на лат. яз. соч. Феофилакта Симокатты «Нравственные, сельские и лю-

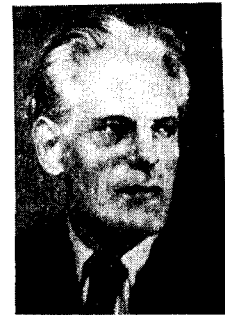
бовные письма» («Epistolae morales, rurales et amatoriae», 1509, нов. изд. 1953). А. Новицкий. ПНР.

Учение К. в первую очередь получило признание в странах, где феод. строй ранее, чем в других, сменился капиталистическим (Голландия, Англия). В России первые переводы книг, излагавших строение Вселенной по К. (Блау, Атлас Новый, Я. Гевелий, Селенография), были сделаны в нач. 2-й пол. 17 в., но остались неизданными. Распространение учения К. в России в самом конце 17 в. и в 1-е десятилетие 18 в. связано с деятельностью Петра I и прогрессивных деятелей эпохи (Я. В. Брюс, Феофан Прокопович и др.), а потом с деятельностью основанной в 1724 Академии наук и ее выдающихся ученых (Д. Бернулли, Делиль, Эйлер и др.). Исключит. роль в пропаганде учения К. в России сыграл Ломоносов. Сопротивление церк. кругов распространению учения К., сдерживаемое при Петре I, вновь усилилось при его ближайших преемниках, особенно в царствование Елизаветы. Однако с 60-х гг. 18 в. учение К. получает в России полное признание, ставится в основу преподавания астрономии в высшей и средней школе. Учение К. оказало действительное влияние на развитие в России передовой филос. и естественнонауч. мысли и способствовало, в частности, широкому распространению передовых космологич. идей, сложившихся в 18 в. на основе расширения и углубления учения К. (космология Канта, система мира Ламберта).

С о ч.: Gesamtausgabe, Bd 1—2, Münch., 1944—49; в рус. пер. — Об обращениях небесных сфер, в кн.: Н. Коперник. [Сб. ст. к 400-летию со дня смерти], М.—Л., 1947; Ост. трактаты К. в сб.: Польские мыслители эпохи Возрождения, М., 1960, с. 35—66.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; В л а ж к о С. Н., Коперник, М.—Л., 1926; Б а е в К. Л., Коперник, М., 1935; Р е в з и н Г. Н., Коперник, [М.], 1949; Н. Коперник. Сб. ст. и материалов, М., 1955; П е р е л ь Ю. Г., Развитие представлений о Вселенной, М., 1958; В е с е л о в с к и й И. И., Генезис «De revolutionibus» К., в сб.: Историко-астроном. исследования, вып. 6, М., 1960; В и р к е н м а j e r Л. А., М. Коперник, Кр., 1900; е р о ж е, Stromata Copernicana, Кр., 1924; D u h e m P., Le système du monde. Histoire des doctrines cosmologiques de Platon à C., t. 1—10, P., 1954—1959; B a r a n o w s k i H., Bibliografia Kopernikowska, 1509—1955, Warsz., 1958; Дополнение с 1955 по 1958 г. дано в кн.: Three Copernican treatises, ed. Rosen E., 2 ed., N. Y., 1959. Ю. Перель. Москва.

КОПЛЕНИГ (Koplenig) Иоганн (р. 15 мая 1891) — деятель австр. и междунар. рабочего движения, пред. Коммунистич. партии Австрии (КПА) (с 1945). Род. в Санкт-Лоренцене (Каринтия) в семье батрака. По профессии сапожник. В 1909 вступил в с.-д. партию, работал в проф. организациях и среди молодежи. В марте 1915 был мобилизован в армию и отправлен на фронт, с осени 1915 — в плену в России. С 1918 — коммунист, ведет политич. работу среди австр. военнопленных. В 1920 возвратился в Австрию. С 1922 — секретарь коммунистич. организации земли (провинции) Штирии и член ЦК КПА. С 1924 — ген. секретарь ЦК КПА. Во главе ЦК Коплениг проделал большую работу по превращению КПА в боевую массовую партию австр. рабочего класса, активно боролся против фракционеров, оппортунистич. и сектантских элементов. К. призывал рабочий класс Австрии к установлению единства и развертыванию борьбы против грозившей стране фашистской опасности. В 1928 был избран членом Исполкома Коминтерна (ИККИ), в 1935 — членом Президиума ИККИ. За революц. деятель-

ность подвергался преследованиям и неоднократно тюремному заключению. В 1934 по решению ЦК КПА выехал из Австрии, но продолжал руководить нелегальной деятельностью партии. В период оккупации Австрии гитлеровской Германией (1938—45) К. вел большую работу по организации борьбы за независимость страны. В статьях и выступлениях К. этого периода разоблачались лживые «теории» о том, будто Австрия является «вторым германским государством», показывалось, что австр. народ, как об этом свидетельствует его историч., экономич. и культурное развитие, представляет самостоят. нацию. В апреле 1945 К. вернулся на родину. В 1945 был вице-канцлером во врем. пр-ве Австрии. Избирался депутатом парламента (1945, 1949, 1953 и 1956).

Выступая с отчетными докладами ЦК на послевоеен. съездах КПА, К. подчеркивает, что гл. задачей компартии является борьба за мир и проведение Австрией последоват. политики нейтралитета, за единство рабочего класса, демократию и повышение жизни. уровня трудящихся, против возрождения фашистской идеологии и происков зап.-герм. империалистов. К. неустанно выступает за чистоту марксистско-ленинской линии партии, отмечая необходимость решит. борьбы против всяких проявлений ревизионизма, догматизма и сектанства. Критикуя правых лидеров Социалистич. партии Австрии, заявляющих, будто марксизм «устарел», К. отмечал: «... Наш долг состоит в том, чтобы четко и ясно заявить австрийскому рабочему классу: отказ от марксизма означает отказ от социализма, потому что без учения марксизма, проверенного уже всем ходом истории, нет пути к социализму, не может быть победы социализма» («XVII съезд и конференция 1958 года Коммунистич. партии Австрии», М., 1958, с. 174).

При активном участии К. был разработан программный документ «Путь Австрии к социализму», принятый парт. конференцией в феврале 1958 (утвержден XVIII съездом КПА в апреле 1961). В документе на основе марксистско-ленинских принципов анализируются возможности и особенности перехода Австрии к социализму.

К. возглавлял делегации КПА на Советаниях представителей коммунистич. и рабочих партий в Москве (1957, 1960). Выступает за сличение мирового коммунистич. движения на принципах марксизма-ленинизма и пролет. интернационализма. К. — автор мн. статей и брошюр по вопросам австр. и междунар. рабочего движения.

Соч.: *Reden und Aufsätze. 1924—1950*, W., 1951; в рус. пер.— Избр. произв., М., 1963, биогр. очерк Э. Цукер-Шиллинга.

Лит.: *Der Weg des Arbeiterführers J. Koplenig*, W., 1951. Д. Мочалин. Москва.

КОПНИН, Павел Васильевич (р. 27 янв. 1922) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1957), профессор (с 1958). Член КПСС с 1943. Окончил филос. фак-т Моск. ун-та (1944), филос. аспирантуру Моск. гор. пед. ин-та (1947). В 1947—55 — зав. кафедрой философии Томского ун-та, в 1955—58 — работал в АН СССР (с 1958 — на Украине). Директор Ин-та философии АН УССР (с 1962). Член редколлегии журн. «Вопр. философии» (с 1963) и «Филос. энциклопедии» (с 1961), один из авторов учебника «Основы марксистской философии». Науч. исследование ведет в области диалектич. материализма, особенно по проблемам гносеологии и диалектич. логики, методологии отд. областей естествознания, в частности медицины, а также истории логики.

Соч.: О существе и структуре суждения, Уч. зап. Томского ун-та, № 12, 1949; О логич. воззрениях Н. А. Васильева, Тр. Томского ун-та. Серия истор.-филологич., т. 112, 1959; Основные вопросы теории диагноза (в соавторстве с И. Н. Осиповым), М., 1951; 2 изд., Томск, 1962; Эксперимент и его роль в познании, «Вопр. философии», 1955, № 4; О некоторых вопросах теории умозаключения, в сб.: Вопросы

логики, М., 1955; Формы мышления и их взаимосвязь, «Вопр. философии», 1956, № 3; Категории материалистич. диалектики, М., 1956, гл. 9; Природа суждения и формы выражения его в языке, в сб.: Мышление и язык, М., 1957; Диалектика форм мышления в философии Гегеля, «Вопр. философии», 1957, № 4; Диалектика и противоречия в мышлении, там же, 1958, № 7; Thought and action, в кн.: Proceedings of the thirty-second Indian Philosophical Congress, Kashmir, 1957; Диалектика и логика, «Философская Мысль», 1959, № 5; Категории как выражение элементов диалектики, в сб.: Вопросы диалектич. материализма, М., 1960; Марксистская философия как метод научного познания, «Вопр. философии», 1960, № 5; Понятие мышления и кибернетика, «Вопр. философии», 1961, № 2; Диалектика как логика, К., 1961; Гипотеза и познание действительности, К., 1962; Изменение предмета и содержания логики в процессе ее историч. развития, в сб.: Проблемы методологии и логики наук (Уч. зап. Томского ун-та, № 4), Томск, 1962; Probleme der Erkenntnistheorie und der dialektischen Logik, «Wiss. Z. Humboldt-Universität», 1962, № 10; Рассудок и разум и их функции в познании, там же, 1963, № 4; О некоторых особенностях ленинского метода критики идеалистич. филос. концепций, в сб.: Против совр. бурж. философии, М., 1963; Идея как форма мышления, К., 1963.

КОНЪЮНКТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ (от лат. *con-junctio* — соединение, связь) — см. *Конъюнктивное суждение*.

КОРАН (араб. кор'ан, от кара'а — читать) — произведение араб. классич. лит-ры, гл. священная книга мусульман, к-рые признают ее божество. открытием, переданным через пророка Мухаммеда в 7 в. н. э. В дошедшем до нас виде К. разделен на 114 сур (глав), расположенных в порядке помещения сур по длине. Каждая сура имеет заглавие: напр., «Корова», «Иосиф», «Железо», «Солнце». К. стал составляться после смерти Мухаммеда, а первый официальный текст, по преданию, был отредактирован при халифе Османе (644—656). Другие варианты К., бывшие в обращении в средние века, до нас не дошли. Официальный османовский текст К. подвергался изменениям (сокращениям и дополнениям) вплоть до нач. 8 в.; гласные знаки были введены в него не ранее конца 7 в. Наиболее древние арабские рукописи К. относятся к 8 в. н. э.

Содержание К. очень разнообразно, и идеалистич. в нем материалы можно разделить на след. группы: 1) шаманские заклинания, 2) эсхатология, 3) древнеараб. фольклор, 4) иудейская и христианская сектантская догматика и мифология, 5) правовые нормы. Все эти материалы размещены в К. бессистемно. Написанный в период становления классового общества у арабов, К. особое внимание уделяет охране частной собственности; поэтому в К. имеются точные предписания о наследовании имущества, об опеке и т. д. Имущественное и социальное неравенство (в частности, рабство) К. считает порядком, установленным аллахом.

Идеи К. о происхождении и строении Вселенной (особенно в мекканских эсхатологич. сурах) связаны с донауч. наивными представлениями. Согласно К., плоская Земля, твердый небесный свод, звезды-светильники, зажигаемые ангелами, появились и существуют благодаря непрерывной творч. деятельности аллаха. Происхождение человека и животных объясняется на основе соответствующих библейских мифов.

Лит.: Коран, М., 1963; Бартольд В. В., Ислам, II, 1918; Климович Л. И., Содержание корана, 2 изд., М., 1930; Nöldike T., Geschichte des Qur'ans, Tl 1—3, 2 Aufl., Lpz., 1909—38; Jeffery A., Materials for the history of the text of the Qur'an, Leiden, 1937. Е. Веллер. Москва.

КОРЕЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. Изучение истории кор. философской мысли началось со 2-й пол. 19 в. Лит-ра этого периода, представленная гл. обр. произведениями отд. миссионеров или изданиями католич. миссий в Корее, дает фрагментарное и тенденциозное изложение фактов. Работы бурж. япон. и европ. корееведов Такахаси Тору, М. Н. Троллона, Ф. Старра содержат большой факто-

логич. материал, но имеют объективистский характер. Произведения совр. южнокор. историков носят реакц. характер, проблематика в них освещается в осн. с позиций неотомизма. Действит. характер развития истории кор. философии выясняется в работах марксистских исследователей.

История филос. и обществ. мысли Кореи уходит своими корнями в далекое прошлое страны, когда Корея была местом трансформации крупных религ.-этич. учений Востока — буддизма, конфуцианства и даосизма — на их пути из Китая в Японию. На протяжении многих веков история философской мысли Кореи испытала сильное влияние идеологии Китая.

В связи с обострением классовой борьбы, развитием произ-ва, ростом науч. знаний и культурным влиянием Китая возникли первые пассивно-материалистич. представления, к-рые объясняли мир материальными факторами и естеств. причинами, полярными силами добра (ым) и зла (ян) — света и тьмы; все бесконечно разнообразие явления мира объяснялись взаимодействием этих противостоящих сил, а сам мир воспринимался как разнообразное комбинация из пяти первоэлементов (металл, дерево, вода, огонь, земля). Подобные пассивно-материалистич. представления получали развитие в борьбе с религ.-мистич. идеями.

В 1 в. до н. э. на развалинах гос-ва Древний Чосон возник ряд гос. объединений, три из к-рых — Силла, Пэкче и Когурё — стояли на высоком уровне развития. В этот период корейцы впервые познакомились с учением Конфуция. В 372 в королевстве Когурё было создано конфуцианское высшее учебное заведение, но распространение конфуцианства было отсечено на задний план бурным вторжением махаянистского буддизма, к-рый в большей степени отвечал требованиям правящих кругов. В период 4—6 вв. буддизм становится офиц. идеологией, гос. религией гос-в Силла, Пэкче и Когурё. Начиная с 4 в. буддизм стал проникать из кор. гос-в в Японию.

Период объединенного Силлаанского гос-ва (647—918) ознаменовался значит. расцветом буддизма. Крупнейшими представителями буддистской мысли в этот период являлись Вон Хё (617—686) и Ый Сан (625—702). В конце 8 в. в результате обострения классовых противоречий корейский буддизм раскололся на ряд сект, представлявших классовые интересы различных социальных группировок кор. общества. Раскол в буддизме совпал с распространением всякого рода мистич. учений. Наивысшего расцвета буддизм достиг в первое двухсотлетие периода Корё (918—1392), когда буддистские монастыри, получившие землю от новой династии, стали представлять крупнейшую политич. и идеологич. силу. Наиболее известными представителями буддистской мысли в этот период являлись Ый Чхон (1095—1142) и По Чо (1157—1210), к-рые стояли на позициях буддистского субъективного идеализма.

Параллельно буддизму в период Корё проходило распространение учения Конфуция. Конфуцианцы — Соль Чхон (7 в.), Чхи Чхи Вон (858—951), Чви Чхун (984—1068) и Ким Бусик (1075—1151) придерживались того мнения, что буддизм является «основой нравственного воспитания», а конфуцианство «основой государственного правления».

Начиная с 12 в. буддистские монастыри и крупные феодалы приступили к захвату крест. земель, усилили ростовщический гнет. Этот процесс вызвал массовые крест. восстания и открытую конфуцианскую оппозицию. В это время появились многочисл. еретич. учения, представлявшие собой эклектич. смесь конфуцианских, даосских и буддистских положений с примесью мистич. элементов и отражавшие

нар. протест против феод. гнета и засилья буддийских монастырей.

В конце 13 в. в обстановке падения авторитета буддизма в Корею проникло учение кит. философа Чжу Си. Активными проповедниками нового учения, нашедшего социальную базу в среде мелких и средних землевладельцев и опальной бюрократии, были Ан Хян (1242—1306), У Тхак (1253—1333), Квон Бу (1262—1346), Ли Че Хён (1287—1367), нанесение идеологич. господству буддизма в Корею первый чувствит. удар. Начиная с 14 в. последователи Чжу Си разделились на две группировки. Представители первой — Ли Сэк (1328—96), Чон Мон Чжу (1337—92) и др. выступили против экономич. и этич. положений буддизма, предлагая заменить буддизм неоконфуцианским учением. Представители другой — Квон Гын (1352—1409) и Чон До Чон (1337—98), тоже выступая с критикой политич. и теоретич. основ буддизма, предлагали более свободную трактовку неоконфуцианских положений. Именно в этой группировке дворян-реформистов созрели идеи ограничения крупной земельной собственности и нек-рых «уступок» нищенствовавшему крестьянству. Наиболее радикал. взглядами отличался мыслитель и обществ. деятель Чон До Чон, критически подошедший к изучению идейного наследия Чжу Си, Чжоу Дунь-и, Чжан Цзя и выдвинувший ряд материалистич. и диалектич. догадок о развитии объективного мира.

С приходом к власти династии Ли (1392—1910) был окончательно разгромлен буддизм, лишенный основы своей власти и влияния — земельной собственности. Гос. идеологией на долгое время становится неоконфуцианство. Со временем в неоконфуцианстве обострилась борьба материалистич. и идеалистич. концепций, возникли различные по своему характеру идейные течения и филос. школы, к-рые в основном не выходили за рамки неоконфуцианского учения.

В 15—16 вв. в кор. неоконфуцианстве сформировалось новое направление, родоначальниками к-рого были Ким Чон Чик (1431—92) и его ученик Чо Гван Чо (1482—1519), выступавшие против пустых схоластич. дискуссий чжусианцев и отстаивавшие идею сильного гос-ва, осн. на строгих законах. Это направление пользовалось влиянием при дворе лишь на первом этапе становления новой династии. В 16—17 вв. сложилась самая крупная чжусианская идеалистич. филос. школа Кореи, известная под названием сонника или лихак (школа «ли» или школа естественного порядка). Правое крыло и основатели школы были представлены известными неоконфуцианскими учеными ортодоксального толка, такими, как Ли Хан (1501—70), Ким Рин Ху (1511—60), Ли Он Чок (1491—1553) и Ки Дэ Сын (1527—72). Несколько обособленно от них по времени и убеждениям стоят известные кор. мыслители — материалисты Ким Си Сын (1435—93) и Со Кён Док (1489—1546). Материалистич. и диалектич. концепции последнего оказали сильное влияние на развитие материалистич. традиции в Корее. Компромиссную позицию между этими двумя противоположными группировками занимал философ Ли И (1536—84).

Большое влияние на ход идеологич. борьбы в Корее оказала Имдинская отечественная война (1592—98). Определ. влияние приобретает оппозиционная правительству школа последователей учения кит. философа Ван Ян-мина, т. н. янменхакхха. Эта школа на всем протяжении своего существования оставалась непримиримым противником господствовавшего в Корее неоконфуцианства. Наиболее известным представителем этой школы является Чон Че Ду (1649—1736). В 18 в. из среды этой школы вышел известный ученый-материалист Им Сон Чу (1711—88), стоявший на позициях т. н. чугирон (мопистич. направление

в неоконфуцианстве, отстаивавшее первичность материального начала ки); все его творчество явилось продолжением материалистич. линии Со Кён Дока, он выступал против субъективного идеализма сторонников учения Ван Ян-мина, а также объективного идеализма Чжу Си и его последователей из школы «ли». В 1-й пол. 19 в. теория чугирон получила дальнейшее развитие в учении мыслителя-материалиста Чхве Хан Ги (1803—73).

Самой оригинальной школой кор. философии явилась школа сирхак (реальных знаний), возникшая в 17 в., основоположником к-рой является Лю Хён Вон (1622—78). После Лю Хён Вона школу сирхак представляли Ли Ик (1682—1764), Пак Че Га (1750—1805), Пак Чи Вон (1737—1805) и последователь материалистич. учения Со Кён Дока Чон Як Ён (1762—1838) и др. Филос. и социологич. идеи школы явились крупнейшим вкладом в развитие материалистич. традиций в кор. обществ. мысли. Патриотизм мыслителей школы сирхак оказал решающее влияние на последующее развитие филос. и обществ.-политич. мысли в стране. Последователи этой школы пытались отделить религ. домыслы от естественнонауч. знаний, проникших в Корею из Зап. Европы и Америки; выступая против христианства, к-рое начало распространяться в Корее с 18 в., они ратовали в то же время за распространение передовой техники и прогрессивных науч. представлений. Однако, несмотря на то, что эти ученые во многом опередили свое время, они все же не смогли полностью избавиться от определ. ограниченности в своем мировоззрении.

В нач. 19 в. вместе с завершением деятельности прогрессивных мыслителей школы сирхак начался период реакции. Социальной основой нового течения, т. н. вичон пёксарон (теория сохранения истины и искоренения ереси), являлись ориентировавшиеся на Китай реакц. круги феоц. бюрократии. Под истинно понималось ортодокс. неоконфуцианство, к-рое в глазах кор. последователей всегда ассоциировалось с учением Чжу Си, как ересь же воспринимались любые идеи, противоречащие неоконфуцианству, т. е. католичество, идеи школы последователей Ван Ян-мина, идеи и религ. концепции секты тонхак, идеи представителей школы сирхак. Во главе этого похода идеологич. реакции стояли неоконфуцианцы Ки Чон Чин и Ли Чин Сан.

Интересы крестьян во 2-й пол. 19 в. были в определ. мере представлены идеями религ. секты тонхак (восточное учение), основанной Чхве Че У (1824—65). Возникшее в 1859 как реакция на распространение католичества в Корее учение Чхве Че У сочетало в себе пантеистич. элементы с элементами материализма. Социальные же требования, выдвигавшиеся сектой, сводились к требованию всеобщего равенства людей и создания идеального гос-ва на земле. С открытием в 1876 Кореи для иностр. гос-в вместе с вторжением зарубежного капитализма в страну начали более интенсивно проникать социальные и политич. теории Запада. Идеи социально-экономич. преобразований Кореи, к-рые вынашивались передовыми слоями, представленными разночинной кор. интеллигенцией, были выражением стремления передовых кругов Кореи поставить страну на капиталистич. путь развития. Идеологом движения за реформы выступил Ким Ок Кюн (1851—95).

После поражения крест. войны 1893—94, к-рая была открытым антифеод. и антияпон. выступлением, в идеологич. жизни страны произошли крупнейшие сдвиги. Конец 19 в. и начало 20 в. — это период развития бурж.-просветительской мысли культурно-патриотич. характера. Самыми видными представителями просветительского движения являлись Пак Ён Сик (1850—1926), Сип Чхэ Хо (1879—1936) и Чу Си

Ген (1876—1914); их творчество было отражением роста капиталистич. отношений и роста нац.-освободит. движения кор. народа. Творчеству этих крупнейших представителей кор. просветительского движения присущи идеи патриотизма и антифеод. направленности. Однако оно отражало противоречия, вызванные самим характером движения, выросшего, с одной стороны, на базе материалистич. идей, к-рые были достоянием культурного наследия кор. народа, а с другой — на базе англ. позитивизма и социально-экономич. взглядов франц. просветителей. Определ. отпечаток на мировоззрение кор. просветителей наложило то, что западноевропейская бурж. философия и социология вторгались в Корею не непосредственно, а через Китай и Японию, где они подвергались определ. трансформации, и уже после этого сочетались с традиц. философ. представлениями. Это особенно ярко проявилось в идеях конфуцианского богоискательства Пак Ён Сика.

Аннексия Кореи Японией (1910) положила конец легальному развитию прогрессивной кор. нац. мысли. Колониальная политика удушения нац. самосознания и поддержки самых реакц. филос. доктрин и открытого суеверия привела к оживлению различных религ. сект, проповедовавших уход в мистику и непротивление злу. Просветительское движение было организационно разгромлено и превратилось в умеренное бурж.-националистич. движение, руководство к-рого находилось в эмиграции. Благодаря поощрению со стороны колониальных властей в Корее становится модным позитивизм. Конфуцианство и буддизм тщательно оберегались колониальными властями как идеологич. средство подчинения нар. масс.

После Первоапрельского антияпон. движения (1919) молодой кор. пролетариат стал вести активную классовую борьбу; в 20-х гг. начал через своих передовых представителей знакомиться с марксистско-ленинской теорией; выдающаяся роль в усвоении марксизма-ленинизма, в применении его на практике в условиях кор. действительности принадлежала корейским коммунистам. Распространение марксизма-ленинизма в стране протекало в острой борьбе с реакц. бурж.-националистич. теориями, содержание к-рых сводилось к проповеди «особой» роли Японии в Азии. Лидеры бурж. национализма внутри страны окончательно скатились в лагерь национал-реформизма, стали на путь соглашательства с колонизаторами. Идеологи бурж. национализма, находившиеся в эмиграции (США, Китай, Гавайские о-ва), сеяли в кор. народе иллюзорную веру в идеалы «цивилизации Запада» и, идейно разоружая его, срывали революц.-освободит. борьбу. После освобождения страны Советской Армией (1945) и образования КНДР (1948) были созданы необходимые условия для изучения истории кор. обществ. мысли. В секторе философии Ин-та истории Академии наук КНДР ведется работа по вопросам теории марксистско-ленинской филос. мысли Кореи, создана первая работа по истории кор. филос. мысли, переводятся и издаются произведения классиков марксизма-ленинизма. Печатаемыми органами филос. и обществ. мысли являются журналы: «Чхорхак ёнгу» («Филос. исследование»), «Ёкса квахак» («Историч. наука»), «Чосон квахаквон тхонъбо» («Вестн. АН КНДР»), «Кынчочжа» («Трудящийся»).

Совершенно иная ситуация сложилась в Юж. Корее, где после 1945 были продолжены традиции реакц. бурж. философии и получили распространение прагматизм, неопозитивизм, экзистенциализм, неотомизм.

Лит.: Радуль-Затуловский Я. В., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 190—203; Очерки по истории освободительной борьбы кор. народа, пер. с кор., М., 1953; Передовые ученые Кореи XVII—XIX вв., Пхеньян, 1956; Кор. Народно-Демократич.

Республика, Пхеньян, 1958, с. 283—88, 295—306; Т я г а й Г. Д., Нар. движение в Корее во второй половине XIX в., М., 1958, с. 20, 48—60; Ш а б и н а Ф. И., Нар. восстание 1919 г. в Корее, 2 изд., М., 1958, с. 57—72, 80; е е ж е, Очерки новейшей истории Кореи, М., 1958; Южная Корея, М., 1959, с. 184—205; К и м П р с е н, Избр. статьи и речи. Переводы, М., 1962; Т а к а х а с и Т о р у, Ритё дзютакусин-ни оэру сюрхас-сюгхас-но хаттацу (Развитие школ о примате «ки» и о примате «ли» в истории конфуцианства периода династии Ли), Токио, 1929; К и м Б у с и к, Самгук саги (Истор. записки трех гос-в), т. 1—2, Пхеньян, 1958—59; R o c k h i l l W. W., China's intercourse with Korea from the XV century to 1895, L., 1905; H u l b e r t H. B., The passing of Korea, L., 1906; T r o l l o p e M. N., Introduction to the study of buddhism in Korea, «Transactions of the Korea branch of the Royal Asiatic Soc.», 1917, [v. 1] 8, p. 1—41; S t a r r F., Korean Buddhism, history—condition—art, Boston, 1918; C l a r k C. H. A., Religions of old Korea, N. Y., [1932]; N e l s o n M. F., Korea and the old orders in Eastern Asia, Baton Rouge, 1945; The culture of Korea, ed. by Changsoo Kim, [Honolulu, 1945]; T e w k s b u r y D. G. [ed.], Source materials on Korean politics and ideologies, ser. v. 2, [Tokyo], 1950; O s g o o d C., The Koreans and their culture, N. Y., 1951; W e e m s N., The Korean reform and independence movement, 1881—1898, Ann Arbor, [1954]; Y a n g K e y u P. and H e n d e r s o n G., An outline of the history of Korean confucianism, [Wash., 1956]; Le civiltà dell'oriente, v. 3, Roma, 1958; R e i s c h a u e r E. O. and F a i r b a n k J. K., East Asia: the great tradition, [Boston], 1960. А. Уткин. Москва.

КОРИДАЛЕС (Κορυδαλλεύς, Korydalleus), Теофил (р. ок. 1560—ум. ок. 1646) — представитель греч. Ренессанса, церк. деятель, предшественник новогреч. просвещения.

Филос. и мед. образование получил в Падуе и Риме. Затем в течение мн. лет управлял Патриаршей академией, ставшей центром высшего образования в Греции. Первым из греч. мыслителей выступил против *схоластики* и обратился к подлинным текстам Аристотеля. Им были написаны «Риторика», «Логика», «Физика» и др. соч., подробно комментирующие соч. Аристотеля и обрабатывающие нек-рые его идеи в материалистич. направлении. За свои филос. взгляды К. был осужден церковью и лишен сана.

К. сосредоточил внимание на систематич. изучении философии, включающей исследование природы. Он считал, что природа управляется своими законами, каждое явление детерминировано производящими, а не конечными причинами. Бог не вмешивается в действия природы. Опираясь на идеи Аристотеля, К. отвергал христ. взгляд на создание мира из ничего, считая матерю вечной. В то же время К. частично модифицировал учение Аристотеля, отвергая конечные причины и утверждая, что материя — активна прежде, чем принимает форму или лишается ее. К. подчеркивал значение опыта в процессе познания. Он признавал автономию разума, основанного на наблюдении, однако не отвергал и откровения.

Источн.: Νεοελληνική φιλοσοφία, т. 1, Athens, 1953.

Лит.: Demos R., The Neo-Hellenic Enlightenment (1750—1821), «J. History Ideas», 1958, v. 19, № 4. В. Тимошенко. Москва.

КОРКУНОВ, Николай Михайлович [14(26) апр. 1853 — 27 нояб. (10 дек.) 1904] — рус. теоретик права и социолог бурж.-либерального направления. Окончил Петерб. ун-т (1874), в к-ром с 1878 читал лекции; профессор Юрьевского (Тартуского) и (с 1894) Петерб. ун-тов.

Общепилос. воззрения К. — *позитивизм*, ценность к-рого, по К., заключается в его методологии, не приемлющей спекулятивных (типа гегелевских) построений и опирающейся только на факты, наблюдения. Основа и цель жизни — в индивидуальном, к-рое проявляется прежде всего в интересе личности. Охранять и разграничивать интересы каждого призвано право (здесь К. близок к теории нем. юриста Р. Иеринга). Последнее возникло как бессознат. продукт совместной жизни людей, когда у них появились нек-рые общепризн. идеи, играющие роль правовых норм. Развитие права состоит в систематич. расширении круга интересов и правовом их разграничении.

К. считал теорию *естественного права* метафизической. Гос-во, по К., есть обществ. союз, представляющий собой «...признанное и принудительное властвование над свободными людьми» («Русское гос. право», т. 1, СПб, 1892, с. 4). В отношении различных обществ. элементов гос-во выступает объединяющей силой; в основе его лежит правств. начало. Власть — это «... государственная сила, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства» («История философии права», СПб, 1915, с. 491). Отвергая историко-материалистич. объяснение права, К. неизбежно приходил к явно антинаучным выводам: он считал, что право (включая и гос. власть) есть взаимная психич. связь людей. Эта сторона теории К. была развита представителями реакц. психологич. школы права, в частности *Петражицким*. Идеалистич. основы общесоциологич. концепции К. полностью опровергнуты марксистской философией.

Соч.: Лекции по общей теории права, СПб, 1886; Обществ. значение права, СПб, 1892; Указ и закон, СПб, 1894.

Лит.: Ивановский В. В., Гос-во как юридич. отношение. По поводу книги Н. М. Коркунова..., Каз., 1893; Грабарь В. Э., Материалы к истории лит-ры междунар. права в России (1647—1917), М., 1958, с. 352—54, 373—75. А. Лоляков. Москва.

КОРН (Korn), Алехандро (1860—1936) — аргент. философ-идеалист. Врач-психиатр и проф. философии ун-та в Буэнос-Айресе (1906—30). Основатель «Кантианского общества» (1929).

На формирование взглядов К. оказали значит. влияние *неокантианство* и *Дильтей*. К. исходил из идеалистич. принципа, будто нет ничего вне сознания, к-рое понималось им как сознание вообще («объективный мир действительно находится вне „Я“, но не вне сознания»), и что объективный мир не представляет собой реальности, а является лишь проблемой. Гл. источник познания, по мнению К., — *интуиция*. Согласно К., наука изучает мир с т. зр. количества и меры, тогда как философия имеет дело с ценностями (см. *Аксиология*). К. выступал с критикой позитивизма, имевшего большое влияние в Аргентине, но позитивизм он толкует ложно, включая в него естественнонаучный материализм и марксизм. Центр. филос. проблема — это проблема свободы как этич. цели развития человечества. Политич. взгляды К. были прогрессивными. Он с сочувствием относился к идеям социализма и Великой Окт. социалистич. революции. Несмотря на то, что К. не воспринял марксизм, он приближался к пониманию его огромного социального значения.

Соч.: Obras completas, [v. 1—3], La Plata, 1938—40; Esquema gnoseológico, B. Aires, 1924; El concepto de ciencia, B. Aires, 1926; Filósofos y sistemas, B. Aires, [1937]; Influencias filosóficas en la evolución nacional, La Plata—B. Aires, 1940; La libertad creadora, B. Aires, [1944]; Apuntes filosóficos, [2 ed.], B. Aires, [1948].

Лит.: A. Korn, [Сб. ст.: Romero F., Vassallo A., Aznar L.], B. Aires, [1940]. А. Бургеет. Москва.

КОРНЕЛИУС (Cornelius), Гаус (27 сент. 1863—23 авг. 1947) — нем. философ, представитель *махизма*, стремившийся дополнить его *имманентной философией* и *прагматизмом Джемса*. Проф. философии в Мюнхене (с 1903), во Франкфурте-на-Майне (с 1910). Основой философии и всей опытной науки К. считал психологию, поскольку, с его т. зр., «последним фундаментом» познания являются наши переживания («Психология как опытная наука» — «Psychologie als Erfahrungswissenschaft», 1897). Объявляя себя сторонником *Маха* и *Авенариуса* («принцип экономии мышления» последнего является исходным пунктом рассуждений К.), он называет свои воззрения последовательными, или гносеологическим, эмпиризмом (см. «Введение в философию», М., 1905, с. 32 и др.). Объекты для К. — лишь возможные содержания сознания, внешний мир — обозначение совокупности чувств. восприятий. Ленин

относил К. к «прямым философским реакционерам и проповедникам фидеизма» (Соч., т. 14, с. 207).

Соч.: *Völkerbund und Dauerfriede*, Münch., 1919; *Elementargesetze der bildenden Kunst*, 3 Aufl., Lpz.—В., 1921; *Vom Wert des Lebens*, Hannover, 1923; *Grundlagen der Erkenntnistheorie*, *Transcendentale Systematik*, 2 Aufl., Münch., 1926; *Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft*, Erlangen, 1926; *Das Philosophische System...* *Eigene Gesamtdarstellung*, в кн.: *Deutsche systematische Philosophie nach ihren Gestaltern*, hrsg. von H. Schwarz, Bd 2, В., 1934.

А. Мысливченко. Москва.

КОРНИЛОВ, Константин Николаевич (9 марта 1879—10 июля 1957) — сов. психолог. На 1-м и 2-м всероссийских съездах по психоневрологии (1923 и 1924) выступил против идеалистич. школы Челпанова, возглавив методологич. перестройку психологии на основе диалектич. материализма. Ведя борьбу против субъективизма Челпанова, рефлексологии Бехтерева и амер. бихевиоризма, К. в своей реактологич. допуская эклектич. сочетание марксистских принципов (напр., понимание психики как функции мозга, признание активного характера психики и др.) с нек-рыми механистич. и энергетич. идеями (напр., «теория двух факторов» — биологич. и социального, в определении человек. психики и др.). Критика на психологич. дискуссии начала 30-х гг. привела К. к отказу от реактологич. ошибок. В дальнейшем К. участвовал в разработке проблем педагогич. психологии и психологии личности.

Соч.: *Совр. психология и марксизм*, 2 изд., Л., 1925; *Учение о реакции человека с психологич. точки зрения («Реактология»)*, 3 изд., М.—Л., 1927; *Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектич. материализма*, 4 изд., М.—Л., 1929; *Психология*, 2 изд., М., 1941 (совм. с В. М. Тепловым и Л. М. Шварцем); *Психология*, 3 изд., М., 1948 (совм. с др.).

Лит.: К. Н. Корнилов (Некрол.), «Вопр. психологии», 1957, № 4; Теплов В. М., Борьба К. Н. К. в 1923—25 гг. за перестройку психологии на основе марксизма, в сб.: *Вопр. психологии личности*, М., 1960.

А. Петровский. Москва.

КОРНФОРТ (Cornforth), Морис (р. 1909) — англ. философ-марксист. Филос. образование получил в Лондонском ун-те, затем специализировался по логике в Тринити-колледже Оксфордского ун-та. С 1931 — член компартии. В 1934—45 — районный секретарь компартии по Вост. Англии. Руководитель издательства компартии «Лоренс энд Вишарт» в Лондоне, член редколлегии теоретич. органа компартии «Marxism to-day». Выступает с критикой совр. бурж. философии, пропагандирует диалектич. и историч. материализм, разрабатывает вопрос о положении науки в капиталистич. обществе. В кн. «Наука против идеализма». В защиту философии против позитивизма и прагматизма» («Science versus idealism. In defence of philosophy against positivism and pragmatism», 1955; рус. пер. 1957) и др. критически рассматривает совр. позитивизм и прагматизм. Опираясь на критику эмпириокритицизма В. И. Лениным, К. показывает, что совр. позитивизм наиболее ярко выражает осн. тенденции совр. бурж. философии, в частности отказ от понимания мира и места человека в нем при помощи философии. Пропагандируя марксизм в лекциях, организуемых КПВ для англ. трудящихся, и в своих печатных работах («Диалектич. материализм. Введение» — «Dialectical materialism. An introductory course», v. 1—3, 1952—54, рус. пер. 1956, и др.), К. подвергает критике также и др. формы бурж. и правосоциалистич. идеологии.

Соч.: *Science for peace and socialism*, L., 1949 (совм. с J. Bernal); *Philosophy for socialists*, L., 1959.

Ю. Михаленко. Москва.

КОРНИО (Cornu), Огюст (р. 9 авг. 1888) — франц. философ-марксист, деятель франц. рабочего движения; с 1913 — член социалистич. партии Франции, с 1923 — коммунист. Профессор (с 1948) Берлинского ун-та им. Гумбольдта (ГДР).

Осн. работы К. посвящены проблемам формирования и истории марксизма. На большом фактич. материале

К. проследживает эволюцию взглядов Маркса и Энгельса в направлении диалектич. материализма и науч. коммунизма, раскрывает органич. связь филос., экон. и социалистич. взглядов основоположников марксизма в процессе их формирования. Гл. заслугу марксизма в области философии К. видит в создании целостного материалистич. взгляда на мир, в понимании активного характера человек. мышления в познании мира и человек. деятельности — в его преобразовании. Направленные против бурж. фальсификации ранних произведений Маркса и Энгельса работы К. — серьезный вклад в изучение истории марксизма. Они получили положит. оценку в трудах сов. философов и марксистов др. стран.

Соч.: Karl Marx. *L'homme et l'oeuvre. De l'hégélianisme au matérialisme historique (1818—1945)*, P., 1934; Moses Hess et la gauche hégélienne. P., 1934; Karl Marx et la révolution de 1848, P., 1948; Karl Marx und die Entwicklung des modernen Denkens, В., 1950; *Essai de critique marxiste*, P., [1951]; Karl Marx. *Die ökonomisch-philosophischen Manuskripte*, В., 1955; *The origins of marxian thought*, Springfield (Ill.), [1957]; в рус. пер. — Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность, т. 1—2, М., 1959—61.

Лит.: Селезнев К. Л., О. Корнио, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, [Рец.], «Вопр. истории», 1956, № 4; Кузнецов В., Истоки марксистской мысли, в бюлл.: *Новые книги за рубежом по обществ. наукам*, 1959, № 6; Ойзерман Т. И., Формирование философии марксизма, М., 1962; Лантин Н. И., Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса, М., 1962; Кандель Е. П., Некоторые проблемы истории формирования марксистской философии в свете новейших исследований, в кн.: *Из истории марксизма и международного рабочего движения*, М., 1963.

В. Кузнецов. Москва.

КОРСАКОВ, Сергей Сергеевич (22 янв. 1854—1 мая 1900) — рус. психиатр, автор соч. «Курс психиатрии» (1893, 3 изд. 1913), «К психологии микроцефалов» (в сб.: *Вопросы философии и психологии*, кн. 21, 22, 1894) и др. Окончил Моск. ун-т (1875). Проф. Моск. ун-та (с 1892). Организатор Науч. об-ва невропатологов и психиатров (1891), один из основателей «Журнала невропатологии и психиатрии» (1901). Все природные явления К. считал проявлениями материи, изменяющейся под влиянием многообразных модификаций мировой силы (энергии), к-рая сама по себе не имеет психич. характера, ибо психика является свойством лишь живой природы. Вместе с тем в трактовке сознания К. допускал нек-рые идеалистич. моменты, оставаясь в целом на механистич. позиции. Сознание, по К., — особое, сопровождающее смену психич. состояний чувство; оно детерминировано функционированием нервной системы, внешней стимуляцией, произвольным вниманием (волей) и «высшей направляющей функцией разума» (Избр. произв., 1954, с. 241), в к-рой К. видел основание единства логич. структуры мышления и всех высших проявлений психич. деятельности людей различных эпох и стран. К. резко полемизировал с совр. ему идеалистами, напр. с Гротом по вопросу о свободе воли (см. «По вопросу о свободе воли», М., 1889). К. рассматривал психич. акты как «очень сложный рефлекс» (указ. соч., с. 31) и искал их объяснение в функционировании нервной системы, гл. обр. больших полушарий головного мозга. К. стремился найти физиологич. обоснование сущности психозов. Именем К. назван (1897) психоз, описанный им в 1887 («Об алкогольном параличе», 1887, дисс.).

Лит.: Рот В. К., С. С. Корсаков. Биограф. очерк, «Ж. невропатологии и психиатрии», 1901, № 1 (имеется библио.); Бернштейн А. Н., Психологич. и филос. воззрения С. С. К., в сб.: *Вопросы философии и психологии*, кн. 60, М., 1901 (см. там же и др. статьи); Дельштейн А. О., С. С. Корсаков, М., 1948 (имеется библиография); Баницкий В. М., Значение С. С. К. в развитии отечеств. психиатрии, «Ж. невропатологии и психиатрии», 1950, № 5; Попов Е. А., С. С. К. — основоположник отечеств. психиатрии, М., 1954; Мирельзон Л. А., И. М. Семенов и С. С. Корсаков, Тр. Одесского ун-та, т. 147, 1957, с. 111—113.

М. Роговин. Москва.

КОСВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО (непрямое доказательство) — доказательство,

в к-ром заключение об истинности доказываемого суждения (тезиса доказательства) извлекается непосредственно из опровержения нек-рого др. суждения (или суждений), находящегося в определ. отношении к тезису. Обычно рассматривают разделительные и анагогические К. д.

В разделительном К. д. тезис представляет собой один из членов дизъюнкции суждений, о к-рой известно, что она истинна; доказательство состоит в опровержении всех членов дизъюнкции, кроме одного — тезиса доказательства. [Этот вид К. д. имеет, т. о., форму отрицающе-утверждающего модуса (modus tollendo ponens) разделительно-категорич. умозаключения]. Если известно, что истинно какое-то из суждений T_1, T_2, \dots, T_n (что можно представить разделит. посылкой « T_1 или T_2 , или ..., или T_i , или ..., или T_n ») и что все эти суждения, кроме одного из них, напр. T_i , ложны (т. е. имеет место « $\neg T_1$ и $\neg T_2$, и ..., и $\neg T_{i-1}$, и $\neg T_{i+1}$, и ..., и $\neg T_n$ », где \neg — знак отрицания), то суждение T_i (тезис доказательства) истинно. Эта форма К. д. применима как в том случае, когда в разделит. посылке подразумевается истинность по крайней мере одного из n ее членов, так и в том случае, когда имеется в виду истинность только одного из них.

В анагогическом К. д. (от греч. *anagoge* — вывод), иначе называемом *доказательством от противного*, вывод об истинности тезиса извлекается из опровержения противоречащего ему суждения (т. н. антитезиса) посредством выведения из последнего такого заключения, к-рое является ложным суждением [это выведение наз. «приведением к нелепости», «приведением к абсурду» (лат. *reductio ad absurdum*, *deductio ad absurdum*) или «приведением к невозможному» (лат. *reductio ad impossibile*); наиболее распространенным случаем «приведения к абсурду» является выведение логич. противоречия]. Если антитезис представляет собой отрицание тезиса (т. е. если T — тезис, а $\neg T$ — антитезис), то переход от ложности антитезиса к истинности тезиса предполагает (наряду с положением о равнозначности ложности суждения истинности его отрицания) применение закона снятия двойного отрицания (анагогическое К. д. 1-го вида); если же тезис есть отрицание антитезиса (т. е. если $\neg T$ — тезис, а T — антитезис), то такой переход свободен от применения указанного закона (анагогич. К. д. 2-го вида).

К. д. широко применяются в рассуждениях. Это особенно касается анагогич. К. д., играющих важную роль в дедуктивных науках, в которых анагогич. К. д. часто оказываются более краткими и простыми, чем некосвенные (прямые) доказательства тех же тезисов. В дедуктивных науках применяются анагогич. К. д. обоих видов, хотя они и различаются по своей применимости к разл. вопросам. Последнее находит отражение в разл. отношении к этим двум видам анагогич. К. д. в классич. и неклассич. (в частности, конструктивной, интуиционистской и минимальной) математич. логике, что объясняется различием в подходе к закону снятия двойного отрицания (см. *Двойного отрицания законы*) и связанному с ним *принципу исключенного третьего*. Закон снятия двойного отрицания (принимаемый в классич. логике) в общем случае не принимается в неклассич. логич. системах (принятие его в конструктивной и интуиционистской логике было бы равносильно отбрасываемому здесь закону исключенного третьего; в др. неклассич. системе — в *минимальной логике* — принятие закона снятия двойного отрицания влечет за собой принятие закона исключенного третьего, но не наоборот). Поэтому в указанных неклассич. системах не допускаются анагогич. К. д. 1-го вида [кроме, напр., тех из них, в к-рых тезис представляет собой отри-

цание нек-рого высказывания (т. е. имеет вид $\neg B$, в силу чего антитезис имеет вид $\neg \neg B$); это исключение объясняется тем, что в этих системах опровержимость формулы $\neg \neg B$ равносильна опровержимости формулы B , что сводит этот случай анагогич. К. д. 1-го вида к анагогич. К. д. 2-го вида]. В упомянутых неклассич. системах допустимы там анагогич. К. д. обосновываются *теоремой о дедукции* и *контрапозиции законами* ($A \supset B \supset (\neg B \supset \neg A)$) и ($A \supset \neg B \supset (B \supset \neg A)$) или законом приведения к абсурду ($A \supset B \supset ((A \supset \neg B) \supset \neg A)$) (принятие к-рого, впрочем, влечет за собой принятие обеих указанных форм принципа контрапозиции и равносильно принятию второй из них). В классич. логике в качестве средства обоснования анагогич. К. д. пригодны и нек-рые иные законы — в частности те, к-рые получаются из только что упомянутых путем обмена местами A и $\neg A$.

Исторически К. д. возникли очень давно. Так, их применяли представители др.-греч. науки и философии (элейцы, софисты и др.). Они были известны Аристотелю. Анагогич. К. д. пользовался *Эвклид* в своих «Началах», в силу чего они широко известны из школьного курса геометрии.

Термин «К. д.» применяется и в юриспруденции (в теории судебных доказательств), однако в отличном от описанного смысле. В юриспруденции К. д. (или косвенными уликами, или просто уликами) называют источники сведений о таких фактах, к-рые сами непосредственно не являются предметом судебного исследования, но связаны с этим предметом и могут поэтому при определ. условиях служить основанием для вывода о существ. чертах преступления.

Лит.: Начала Эвклида, кн. 1—6, пер. с греч., М.—Л., 1948 (см. также коммент. с. 262—64 и 346—50); Аристотель, Аналитики первая и вторая, [пер. с греч., М., 1952], с. 141—47, 156, 238; Асмус В. Ф., Учение логики о док-ве и опровержении, М., 1954, с. 44—49; Строгович М. С., Материальная истина и судебные док-ва в сов. уголовном праве, М., 1953; Рутковский Л. В., Критика методов индуктивного доказательства, в кн.: Избр. труды рус. логиков XIX в., М., 1956, с. 217—21; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, с. 50, 52, 439; Старченко А. А., Логика в судебном исследовании, М., 1958, гл. 1; Градштейн И. С., Прямая и обратная теоремы. Элементы алгебры логики, 3 изд., М., 1959, гл. 1; Лукасевич Я., Аристотелевская силлогистика с точки зрения совр. формальной логики, пер. с англ., М., 1959, с. 99—105; Чёрч А., Введение в матем. логику, [т.] 1, пер. с англ., [М.], 1960, § 26.

КОСЕНТИНИ (Cosentini), Франческо (р. 1870) — итал. философ, социолог, правовед. В 1919—26 — директор Туринского междунар. ин-та социологии и политики, и социальных реформ; издатель журн. «*Scienza sociale*» и др. Активный сторонник мира.

К. — представитель *генетической социологии*, испытал влияние М. М. Ковалевского, однако иногда высказывался в духе социального дарвинизма и чрезмерно подчеркивал роль биологич. факторов. Осн. внимание уделял генезису семьи, права, религии, морали, гос-ва, иск-ва и науки. Выступал против марксистского понимания истории, якобы преувеличивающего роль экономич. фактора, и учения о классах. Науч. социализму противопоставлял идеал «юридического социализма», к-рый якобы может возникнуть за счет улучшения законодательства и развития бурж. правопорядка. В философии К. — позитивист субъективно-идеалистич. толка; в основном интересуется историей философии (см. «*I grandi filosofi e i grandi sistemi filosofici*», 1925).

См. о ч.: *Importanza della Scienza Nuova di G. B. Vico...*, Sassari, 1903; *Sociologia genetica*, introd. M. Kovalewsky, Sassari, 1903; *La filosofia italiana contemporanea*, Napoli, 1904; *La giustizia e il potere nel loro fondamento genetico*, Napoli, 1905; *La società future: individualisme ou collectivisme*, P., 1905; *La philosophie socialiste et sa revision critique*, P., 1907; *Sociologia; genesi ed evoluzione dei fenomeni sociali*, Torino, 1912; *Filosofia del diritto*, Torino, 1914, 2 ed., Torino, 1923. *И. Добролюбов*. Москва.

«КОСМИЧЕСКАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ» — направление в совр. бурж. этике, возникшее в нач. 20 в. и получившее распространение в США и Англии в 20—30-х гг. Гл. представители: О. Степлдон (Англия), Ф. Вудбридж и У. Шелдон (США).

Согласно «К. т.» мораль является одной из форм и ступеней осуществления процесса развития Вселенной, к-рый имеет телеологич. характер. В основе эволюции Вселенной лежит объективная цель, и каждое изменение в природе и обществе есть осуществление предустановленной цели путем приспособления к ней имеющихся средств. «К. т.» рассматривает человека не как социальное существо, а как часть природы, поэтому сущность морали усматривает в том, что человек, познавая с помощью интуиции мировую цель, «берет на себя задачу сознательного созидания в свете природной телеологии» (Woodbridge F., *Nature and mind*, N. Y., 1937, p. 130). Добро, согласно последователям «К. т.», есть то, что «помогает завершить или осуществить какую-то уже существующую тенденцию» во Вселенной (Sheldon W., *An empirical definition of value*, в «The Journal of Philosophy», 1914, v. 2, № 4, p. 121), зло — как то, что ей препятствует. Идеал, или наивысшая степень добра, согласно Степлдону, — это «наибольшее возможное осуществление тенденции Вселенной» (см. «A modern theory of ethics», L., 1929, p. 170).

Придание морали космич. характера и рассмотрение человека в отрыве от общества лишено научного смысла. Учение «К. т.» является объективно-идеалистич. и иррационалистич.

Лит.: Woodbridge F. J. E., *Naturalism and humanism*, «Hibbert J.», 1907, v. 6; е го ж е, *Natural teleology*, в кн.: *Essays in modern teleology and related subjects: the C. A. Briggs commemorative volume*, N. Y., 1911; е го ж е, *Ethics and education*, *A cyclopedia of education*, v. 2, N. Y., 1911, p. 500—509; е го ж е, *Pluralism*, *Encyclopedia of religion and ethics*, v. 10, Edinburgh, 1918; е го ж е, *Behavior*, «J. Philos.», 1925, v. 22, № 15; е го ж е, *The preface to morals*, «Jale Rev.», 1931, v. 20. О. Дробницкий. Москва.

КОСМОГОНИЯ (греч. *κοσμογονία*, от *κόσμος* — Вселенная и *γενεα* — зарождение) — область науки, изучающая происхождение и развитие небесных (космич.) тел и их систем. К. опирается на астрономич. и астрофизич. данные, а планетная К. также на данные наук о Земле. В совр. К. широко используются данные экспериментальной и теоретич. физики.

Планетная К. изучает происхождение нашей планетной системы, опираясь на наблюдения различных тел только этой системы. Звездная К. и К. галактик изучают происхождение множества звезд и звездных систем, опираясь на наблюдения многих сходных объектов, возникших в разных условиях, в разное время и находящихся на разных стадиях развития.

Вследствие специфич. трудностей (крайняя медленность большинства космогонич. процессов, отсутствие до сих пор возможностей эксперимента) в К. чаще, чем в др. науках, приходится иметь дело не с разработанными теориями, а с науч. гипотезами. Кроме того, в физико-математич. науках, к к-рым относится и К., хотя бы ограниченная количеств. разработка является наряду с подтверждением фактич. данными необходимой предпосылкой для превращения гипотезы в теорию.

Космогонич. исследование, как и вообще всякое исследование процессов развития в естествознании, обычно представляет собой тесное сочетание индукции и дедукции. Вместе с тем имеются дедуктивные гипотезы и теории (напр., исходящие из предвзятой идеи о важной роли турбулентности или электромагнитных сил в изучаемом процессе), к-рые иногда замаскированы индуктивной формой изложения. Видимость индуктивности зачастую создается опред. толкованием фактич. данных, на самом деле допускающих различные истолкования.

Космогонич. гипотезы 18 и 19 вв. относились гл. обр. к происхождению солнечной системы. В них рассматривалась преимущественно механич. сторона процесса развития. Лишь в 20 в. развитие астрофизики и физики позволило начать серьезное изучение происхождения звезд. Совсем в недавнее время, всего несколько лет назад, началась разработка К. галактик, природа которых была выяснена только к 20-х гг. 20 в.

История космогонии. Первые общие идеи о развитии небесных тел были высказаны антич. философами в 5—1 вв. до н. э. (Левкипп, Демокрит, Лукреций). В средние века наступил период господства телеологии. Лишь в 17 в. Декарт отбросил библейский миф о сотворении мира и нарисовал картину образования всех небесных тел в результате вихревого движения мельчайших частиц материи, оставив богу лишь роль создателя этой материи. До середины 18 в. теория вихрей Декарта владела умами ученых. Фундамент науч. планетной К. заложил Ньютон, к-рый первый обратил внимание на закономерности движения планет. Опираясь на открытые им осн. законы механики и закон всемирного тяготения, управляющий движением планет вокруг Солнца, он пришел к выводу, что устройство планетной системы не может быть результатом случайного стечения обстоятельств. Но он приписывал его акту божеств. творения. Гюйфон высказал гипотезу (1745), что планеты возникли из сгустков вещества, исторгнутого из Солнца ударом огромной кометы (в то время кометы считались массивными телами). Кант в книге «Общая естеств. история и теория неба» (1755) поставил вопрос о закономерном естеств. происхождении всех небесных тел. Полемизируя с Ньютоном, он дал космогонич. объяснение закономерности движения планет, выдвинув гипотезу об их образовании из рассеянной материи. Как стало теперь ясным, Кант правильно нарисовал картину развития вращающегося околосолнечного пылевого облака, но не мог ее обосновать. В течение 19 и 20 вв. неоднократно делались попытки обоснования этой гипотезы, но все они были неудачными вследствие механистич. подхода к исследованиям, игнорирования процесса перехода механич. энергии в др. формы. Между тем еще в 70-х гг. 19 в. Энгельс писал о решающей роли этого процесса (см. «Диалектика природы», 1955, с. 48). В конце 18 в. Лаплас выдвинул гипотезу о происхождении солнечной системы, во многом сходную с гипотезой Канта. Гипотеза Лапласа быстро завоевала признание и именно благодаря ей астрономия оказалась одной из первых наук, внесших идею развития в совр. естествознание. Еще столетие назад выяснилось, что гипотеза Лапласа не способна объяснить распределение момента количества движения между Солнцем и планетами или, иными словами, огромные размеры планетной системы по сравнению с Солнцем. Хотя обнаруживались все новые трудности, с к-рыми гипотеза Лапласа не могла справиться, она признавалась мн. учеными вплоть до середины 20 в.

Нек-рые космогонич. гипотезы, выдвигавшиеся в 19—нач. 20 вв., хотя и были в целом ошибочными, содержали новые интересные идеи (метеоритная гипотеза Лигондеса, планетезимальная гипотеза Мультоша и Чемберлина, гипотеза Си о захвате готовых планет). Англ. астроном Джордж Дарвин исследовал эволюцию системы Земля — Луна и показал, что вследствие приливного трения вращение Земли замедляется, а расстояние Луны от Земли увеличивается. Дарвин выдвинул гипотезу об отделении Луны от некогда жидкой, быстро вращавшейся Земли. Однако дальнейшие исследования подтвердили вывод А. М. Ляпунова о том, что плавное разделение быстро вращающегося жидкого тела невозможно.

В 20—30-х гг. 20 в. широкой известностью пользовалась гипотеза англ. астронома Джинса, считавшего, что планеты образовались из вещества, вырванного из Солнца притяжением пролетающей поблизости массивной звезды. Но эта гипотеза не способна объяснить огромные размеры планетной системы и др. явления.

В 40-х гг. планетная К. вернулась к классич. идеям Канта и Лапласа об образовании планет из рассеянного вещества. В 1943 О. Ю. Шмидт выдвинул идею об аккумуляции планет из холодных твердых тел. Такой процесс образования Земли приводит к заключению о ее холодном начальном состоянии. В 1950 в работе Л. Э. Гуревича и А. И. Лебединского было показано, что тела, из к-рых аккумуляровались планеты, образовались в окрестностях Солнца из вещества газово-пылевого облака. Нем. физик Вейцеккер (1943), рассматривая аккумуляцию планет из газово-пылевого облака, приписывал важное значение вихревым и турбулентным движениям в нем, что, однако, не подтвердилось. Амер. астроном Кейпер (1949) предполагал, что в облаке образовались огромные массивные газово-пылевые протопланеты, превратившиеся в планеты путем избавления от избытка вещества. Под давлением критики Кейпер в конце 40-х гг. прекратил разработку этой гипотезы. Швед. физик Альвеш рассмотрел в 1954 образование планет, исходя из предположения, что оно происходило под действием гл. обр. электромагнитных сил. Эта гипотеза вела к противоречию с фактич. данными. Однако она способствовала появлению теории Хойла (1960) о возникновении околосолнечного протопланетного облака, в к-рой электромагнитные силы играют важную роль. В 50-х гг. представления об аккумуляции планет из холодного вещества и о холодном начальном состоянии Земли стали господствующими в планетной К. во всем мире.

В то время как в прежних гипотезах и теориях планетной К., начиная с Канта, выяснение процесса образования планет опиралось в первую очередь на механич. закономерности строения солнечной системы, в работах амер. физико-химика Г. Юри, начавшихся в 1951, основой служат данные о химич. составе Земли и метеоритов, а в работе Фаулера, Гринштейна и Хойла (1962) — данные об особенностях изотопного состава нек-рых элементов и об их относительном обилии. Все три принципиально разных подхода приводят к одинаковым общим заключениям об аккумуляции планет.

Среди гипотез планетной К. часто выделяют небулярные (напр., Канта, Лапласа) и катастрофические (напр., Бюффона, Джинса). Однако многие не попадают ни в одну из этих групп. Следуя О. Ю. Шмидту, можно выделить в планетной К. три осн. вопроса, каждый из к-рых может служить основой для классификации: 1) Откуда и как взялось около Солнца вещество для построения планет и в каком состоянии оно находилось? 2) Каков был процесс образования планет из этого вещества? 3) Каково было начальное состояние Земли?

Идея об образовании звезд путем сгущения рассеянного туманного вещества, восходящая в натурфилос. плане к Канту и даже Декарту, а в естеств.-науч. плане (с опорой на наблюдения туманностей) — к Гершелю и Лапласу, сохранилась до нашего времени и разделяется подавляющим большинством исследователей.

После открытия механич. эквивалента тепла была подсчитана энергия, освобождающаяся при сжатии звезды (Гельмгольц, 1854; Кельвин, 1862). Оказалось, что ее хватало бы для поддержания излучения Солнца в течение десятков млн. лет. В то время такой срок казался достаточным, но потом изучение проплого Земли показало, что Солнце излучает несрав-

ненно дольше. Кроме того, аналогичные расчеты для звезд большей светимости показали, что они могли бы излучать лишь несколько десятков тысяч лет. В начале 20 в. проблему источников энергии звезд пытались решить с помощью радиоактивных элементов, в то время лишь недавно открытых. Однако, хотя Солнце, если бы оно целиком состояло из радия или урана, и обладало бы достаточным общим запасом энергии, никакая смесь этих элементов не может обеспечить необходимую длительность и интенсивность ее выделения.

Установление взаимосвязи массы и энергии, показавшее, что звезды, излучая, теряют массу, привело к гипотезам о возможности «аннигиляции» вещества в недрах земли, т. е. превращения вещества в излучение, к-рые не подтвердились. Правильной оказалась идея о «трансмутации» элементов, т. е. об образовании более сложных атомных ядер из простых, в первую очередь гелия из водорода. В 1938—39 были выяснены конкретные ядерные реакции, могущие обеспечить излучение звезд (Вейцеккер, Бетте), и это явилось началом совр. этапа развития звездной К.

Современная космогония. В планетной К. в наст. время общепризнано, что наша планетная система образовалась $4\frac{1}{2}$ —5 млрд. лет назад из газово-пылевого вещества, некогда окружавшего Солнце и простиравшегося до границ системы. Исходя из господств. представлений об образовании Солнца из сжимающейся туманности, большинство исследователей, не конкретизируя предполагаемый процесс, считает, что газово-пылевое околосолнечное протопланетное облако образовалось совместно с Солнцем. Гипотеза О. Ю. Шмидта о захвате Солнцем части межзвездной туманности встречается с трудностями. Самый процесс формирования планет подавляющее большинство исследователей рассматривает как постепен. аккумуляцию холодного вещества. Гл. движущимися факторами эволюции были действие сил тяготения, переход механич. энергии в тепловую и действие химич. сил.

Земля первоначально была холодной. Лишь постепенно ее недра разогрелись в результате накопления тепла, выделяющегося при распаде радиоактивных элементов (последние присутствуют в небольших количествах во всех горных породах). Т. о., в совр. планетной К. восторжествовали идеи акад. В. И. Вернадского, высказывавшиеся им еще в начале века.

Мыслимы др. планетные системы, в к-рых земледобные планеты содержат больше или меньше радиоактивных элементов и потому их термич. история, а вместе с тем и история их коры, атмосферы и гидросферы отличаются от земной.

Звездная космогония первоначально имела задачей изучение происхождения и развития окружающих звезд, рассматриваемых как индивидуальные объекты. Успехи в изучении газово-пылевых туманностей поставили перед звездной К. вопрос об их происхождении и развитии и об их взаимодействии со звездами. Далее постановка вопроса о происхождении звезд изменилась после выяснения группового характера их образования. Наконец, в последние годы встала задача увязать результаты звездной К. с эволюцией нашей Галактики и др. галактик.

Изучение внутр. строения звезд и ядерных источников их энергии показало, что массивные звезды большой светимости обладают таким огромным излучением, что могут поддерживать его лишь несколько млн. лет и, следовательно, являются очень молодыми. (Процессы «омоложения» звезд представляются мало вероятными, т. к. требуют выполнения довольно жестких условий). Тем самым была возрождена идея Гершеля о том, что процесс звездообразования продолжается до нашего времени. Подтверждением этой идеи явилось открытие В. А. Амбарцумяном звездных ассоциаций — крайне разреженных звездных

групп, возраст к-рых не превышает неск. десятков млн. лет. Сосредоточение молодых звезд в ассоциациях показывает, что образование звезд носит групповой характер.

Межзвездное пространство в нашей Галактике, а также во мп. др. галактиках наполнено разреженным газом и пылью, к-рые местами образуют более плотные газово-пылевые туманности. Массы нек-рых из них в тысячи раз больше масс отд. звезд. Туманное вещество пополняется выбросом вещества из звезд, происходящим как непрерывно, так и в форме взрывов, проявляющихся в виде вспышек «новых» и «сверхновых» звезд. С др. стороны, по мнению большинства астрономов, происходит образование звезд из холодных туманностей, что создает частичный круговорот вещества. Компактные непрозрачные туманности, называемые глобулами, рассматриваются как начальная стадия формирования звезд. На нек-ром этапе сжатия и разогрева (происходящего вследствие выделения гравитац. энергии), когда темп-ра центр. области превысит млн. градусов, начинаются ядерные реакции. Сжатие практически прекращается, и звезда приходит в равновесие. Большинство наблюдаемых нами звезд излучает за счет превращения водорода в гелий. Водород — самый обильный элемент в космосе — составляет больше половины массы звезд, и потому водородная реакция длится очень долго. Массивные звезды выделяют больше энергии и потому быстрее расходуют свои запасы горючего, т. е. быстрее эволюционируют. После завершения всей цепи ядерных реакций у звезд умеренной массы происходит, с одной стороны, рассеяние наружных оболочек, слабо связанных со звездой, с др. стороны, сокращение остающегося ядра до размеров планет. Его плотность оказывается в тысячи и даже миллионы раз больше плотности воды. Как дальше эволюционируют сверхплотные звезды, как их вещество вновь вовлекается в общий круговорот, остается пока неизвестным. У массивных звезд исчерпание ядерных реакций, по-видимому, приводит к катастрофич. сжатию и разогреву, завершающемуся гигантским взрывом, при к-ром значит. часть вещества звезды разбрасывается в пространство (Хойл). Это наблюдается в виде вспышки «сверхновой» звезды. Во время такого взрыва происходит синтез наиболее тяжелых химич. элементов. Вспышки «сверхновых» звезд и рассеивающиеся оболочки обогащают межзвездный газ тяжелыми элементами. В нашей Галактике процесс звездной радиоволны длится приблизительно 10^{10} лет, и за это время химич. состав межзвездного газа успел заметно измениться. Ядерные процессы в звездах ведут к сокращению количества водорода и увеличению количества тяжелых элементов. Неизвестно, где и как протекает обратный процесс.

Теория образования звезд из холодных туманностей встречается с трудностями при объяснении нек-рых механич. свойств групп молодых звезд. Поэтому В. А. Амбарцумян предполагает, что звезды образуются из вещества, находящегося в каком-то пока еще неизвестном сверхплотном состоянии.

Эволюция звездных систем изучается в звездной динамике, сочетающей методы теоретич. механики и статистич. физики. С одной стороны, звездная система рассматривается как система материальных точек, гравитационно взаимодействующих друг с другом. С др. стороны, звездные системы рассматриваются как своего рода гравитирующий газ, что возможно благодаря тому, что в них важную роль играют хаотич. движения, хотя бы и накладывающиеся на упорядоченное движение, напр. на общее вращение звездного скопления. (К планетной системе с ее очень упорядоченными движениями методы звездной динамики неприменимы.) Тем не менее далеко не все методы и ре-

зультаты кинетич. теории газов переносимы на звездный газ. Это объясняется др. характером взаимодействия, медленностью убывания гравитац. сил с расстоянием. Звездные системы не имеют равновесных (наиболее вероятных) состояний и всегда эволюционируют, хотя бы очень медленно.

Системы с отрицат. полной энергией, т. е. такие, у к-рых потенциальная энергия гравитац. взаимодействия между звездами или др. членами системы (условно считаемая отрицательной) больше кинетич. энергии их движения, изменяются медленно. Принципиально очень важно, что в системе с хаотич. движениями действие сил притяжения приводит к ее рассеянию (диссипации) даже при отрицат. полной энергии. Чем массивнее система, чем больше ее притяжение, тем труднее ее покинуть, и потому она диссипирует медленнее.

Системы с положит. полной энергией можно наблюдать лишь в течение небольшого интервала времени после образования — они быстро рассеиваются либо целиком, либо оставляя после себя небольшие подсистемы с отрицат. энергией.

Наряду с образованием при звездных взаимодействиях подсистем с отрицат. энергией происходит и обратный процесс разрушения таких подсистем под действием притяжения пролетающих мимо посторонних звезд. Рассмотрение с этой т. зр. кратных звезд и скоплений показывает, что в условиях звездной среды нашей Галактики, в к-рых мы их сейчас наблюдаем, они не могли образоваться путем объединения отд. звезд. Они представляются собой группы совместно образовавшихся звезд, к-рые имеют тенденцию к распаду в ходе своей динамич. эволюции. Очень широкие двойные и кратные звезды могли образоваться путем взаимного захвата, но это могло происходить лишь в скоплениях, т. е. это опять-таки связано с групповым образованием звезд.

У мн. звездных систем время жизни так велико, что успевают измениться физич. свойства входящих в них звезд. Поэтому частью космогонич. изучения звездных систем является рассмотрение статистич. распределения их звездного «населения» по различным физич. характеристикам и изменений этих распределений со временем. При этом исключит. значение имеет распределение звезд на диаграмме спектр-светимость (диаграмма Герцшпрунга-Рессела). За последние годы многие особенности распределений звезд на диаграмме спектр-светимость объяснены как результат эволюции звезд: изменения их внутр. строения и химич. состава вследствие протекания в их недрах ядерных реакций. Поэтому можно считать установленным, что именно ядерные реакции являются осн. источником энергии Солнца и звезд.

В разработке К. галактик пока что делаются первые шаги. Еще продолжается выявление различных структурных типов галактик и их объединение в эволюционные последовательности. Выявлены галактики, обладающие мощным радиоизлучением. В 1963 обнаружены совершенно новые объекты, названные «сверхзвездами», к-рые, по-видимому, расположены на расстоянии многих миллиардов световых лет и излучают больше, чем суммарное излучение целой галактики.

История К. от ее возникновения до совр. этапа характеризуется постепенным распространением идеи развития на все новые и новые космич. тела и системы. При этом подобно тому как проникновение в микромир привело к открытию новых форм существования и взаимодействия материи, так и проникновение в макромир открывает перед нами новые свойства материи.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; Новые идеи в астрономии, Сб. 1,3, СПб, 1913, 1914; Клас-

сич. космогонич. гипотезы, М.—П., 1923; Баев К. А., Ларионов А. Ф., Попов П. И., История взглядов на строение и происхождение вселенной, М., 1931; Джинос Д. К., Вселенная вокруг нас, 2 изд., Л.—М., 1932; Полак И. Ф., Происхождение вселенной, 3 изд., М.—Л., 1934; Успехи астрономич. наук, т. 2, М.—Л., 1941; Ресселл Г. Н., Солнечная система и ее происхождение, пер. с англ., М.—Л., 1944; Фесенков В. Г., К. солнечной системы, М.—Л., 1944; его же, Постановка проблемы К. в совр. астрономии, «Астрон. журн.», 1949, т. 26, № 2; Ивановский М. П., Рождение миров. Очерк совр. представлений о возникновении и развитии солнечной системы, Л., 1951; Труды первого совещания по вопросам космогонии 16—19 апреля 1951 г., М., 1951; Труды второго совещания по вопросам космогонии 19—22 мая 1952 г., М., 1953; Вопросы космогонии, т. 1—9, М., 1952—1963; Фесенков В. Г., Происхождение и развитие небесных тел по совр. данным, М., 1953; Струве О., Эволюция звезд, пер. с англ., М., 1954; Арсеньев А. С., Некоторые методологич. вопросы К., «Вопр. философии», 1955, № 3; Цэйн-Гапошкина И. П., Рождение и развитие звезд, пер. с англ., М., 1956; Шмидт О. Ю., Четыре лекции о теории происхождения Земли, 3 изд., М., 1957; Лабенин П., Происхождение миров, пер. с франц., М., 1957; Левин Б. Ю., Происхождение Земли и планет, 3 изд., М., 1959; Пикельнер С. Б., Физика межзвездной среды, М., 1959; Альбарцумян В. А., Некоторые методологич. вопросы К., в сб.: Тр. Всесоюз. совещания по филос. вопросам естествознания, М., 1959; его же, Науч. труды, т. 2, Ер., 1960; его же, К., в сб.: Астрономия в СССР за 40 лет, М., 1960, с. 347—64; Фесенков В. Г., Что говорят данные наблюдений о происхождении солнечной системы, М., 1960; Шмидт О. Ю., Избр. труды. Геофизика и К., М., 1960; его же, Происхождение Земли и планет, М., 1962; Poinsard H., Leçons sur les hypothèses cosmogoniques, P., 1913; Nöike F., Das Problem der Entwicklung unserer Planetensystems, 2 Aufl., B., 1919; Jeans J., Astronomy and cosmogony, [Camb.], 1928; Nöike F., Der Entwicklungsgang unserer Planetensystems, B.—Bonn, 1930; Угеу Н. С., The planets, their origin and development, New Haven—L., 1952; Smart W. M., The origin of the Earth, [Camb.], 1953; Schatzman E., Origine et évolution des mondes, P., [1957]; Masl R., Cosmologia, Roma, 1961; Origin of the solar system, N.Y.—L., 1963. Б. Левин. Москва.

КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ — затруднения (противоречия), возникающие при распространении законов физики на Вселенную в целом. Классич. К. п. являются фотометрический (или парадокс Шезо—Ольберса) и гравитационный (иначе парадокс Зелигера, или Неймана—Зелигера).

Кажется естественным предположить, что повсюду в бесконечном пространстве Вселенной всегда имеются излучающие звезды и что их средняя плотность (число звезд на данный объем пространства) в целом отлична от нуля. Однако при этом вся поверхность неба должна была бы быть ослепительно яркой, подобно, напр., поверхности Солнца; на деле поверхность неба яркость ночного неба в миллионы раз ниже. Предположения о поглощении света межзвездной средой и др. не устраняют фотометрич. парадокса и могут его даже усиливать.

При аналогичных условиях возникает и гравитационный парадокс. Если повсюду в бесконечной Вселенной имеются тяготеющие массы и средняя плотность распределения их при переходе ко все большим областям пространства не стремится к нулю достаточно быстро, то ньютонов потенциал тяготения от этих масс не имеет предел. конечного значения; абс. ускорения движения тел, вычисленные на основе ньютоновой теории, могут получаться неопределенными или неограниченно большими и т. п.

Из существования этих парадоксов нередко делались выводы о необходимости отказа от применения ко Вселенной известных нам законов физики или даже о необходимости отказа от самой идеи бесконечности Вселенной. Однако оба парадокса могут быть преодолены даже в рамках классич. физики, если только учесть специфику бесконечного. Для конечной области пространства средняя плотность вещества, равная нулю, означает пустоту, отсутствие вещества. Для бесконечной области возможно такое распределение, когда средняя плотность в некоторой, как угодно большой, но конечной области сколь угодно

велика (но конечна), и в то же время для всего бесконечного пространства она равна нулю. Идея подобной схемы распределения была высказана еще в 18 в. Ламбертом и математически разработана Шарлье в 1908—22.

К числу классич. К. п. можно отнести также термодинамич. парадокс — вывод о неизбежности *тепловой смерти Вселенной* (см. также *Энтропия*).

Эти парадоксы, возникающие в рамках дорелятивистских представлений, не имеют места в релятивистской космологии. Гравитационный парадокс с математич. т. зр., по-видимому, обязан своим происхождением характеру уравнений поля ньютоновой теории тяготения (их линейности и эллиптичности). С физич. т. зр. это означает неучет теорией Ньютона некоторых существ. черт поля тяготения, раскрываемых теорией Эйнштейна (в частности, конечной скорости распространения взаимодействия). Фотометрич. парадокс в принципе преодолевается уже в силу того, что Вселенная, с т. зр. теории относительности, не может быть статической — все ее составные части достаточно больших размеров должны испытывать деформацию (см. *Красное смещение*). О преодолении термодинамич. парадокса см. *Тепловая смерть Вселенной*.

К. п. прежде всего являются важным частным случаем физич. парадоксов, но им, несомненно, присуща также природа логич. парадоксов, поскольку они возникают в результате использования посылок, суждений и выводов, границы применимости которых на соответств. этапе развития науки еще не выяснены. Свойства движущейся материи бесконечно многообразны, но на каждом данном этапе развития науки мы исходим только из тех свойств и явлений, которые уже известны. Незнание некоторых свойств изв. явлений (напр., конечной скорости распространения взаимодействия в явлениях тяготения) или тех явлений, которые обнаруживаются лишь при переходе к большим масштабам (напр., явления «разбегания» галактик), как видно на примере гравитац. и фотометрич. парадоксов, и создает предпосылки для возникновения парадоксов. В конечном счете основу возникновения парадоксов К. п. следует искать в специфике самого объекта космологии — Вселенной. Она бесконечна в пространстве—времени, и поэтому при распространении любых законов или условий на Вселенную в целом приходится считаться с противоречиями бесконечности, в частности с возможностью нарушения аксиомы «целое больше [своей правильной] части» (см. также *Бесконечность, Вселенная, Космология, Парадокс*).

Значение К. п. для космологии — прежде всего эвристическое. К. п. сильно суживают круг возможных решений космологич. проблемы. В сущности уже из того простого факта, что ночью темно, следует, что Вселенная не может быть устроена как угодно: из всех мыслимых схем строения Вселенной в счет могут идти только те, которые свободны от фотометрического и др. К. п. В ходе развития космологии преодолеваются одни парадоксы и возникают другие; преодоление каждого из них означает шаг вперед в познании общих закономерностей строения Вселенной.

Лит.: Фесенков В. Г., Совр. представления о Вселенной, М.—Л., 1949, гл. 4; Паренаго П. П., Курс звездной астрономии, 3 изд., М., 1954, §§36, 56; Зелигманов А. Л., Нерелятивист. гравитац. парадокс и общая теория относительности, «Физико-матем. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1958, [№] 2; его же, Фотометрич. парадокс, БСЭ, 2 изд., т. 45; его же, Гравитац. парадокс, Физич. энциклопедич. словарь, т. 1; Нан Г. И., О совр. состоянии космологич. науки, § 2, в сб.: Вопросы космогонии, т. 6, М., 1958; Киппер А. Я., О гравитац. парадоксе, там же, т. 8, М., 1962. См. также лит. при ст. *Космология*.

КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОСТУЛАТ (космологический принцип) — приниасмое без

доказательства положение об однородности Вселенной, об отсутствии в ней выделенных по своим физич. свойствам точек или областей. К. п. утверждает, что осн. свойства любой достаточно большой части Вселенной тождественны свойствам любой другой ее части, имеющей размеры того же порядка, если только не принимать во внимание местных отклонений случайного характера. Однако, в частности, пространств. плотность вещества и постоянная *красного смещения*. Термин введен в 1935 Э. А. Милном, но еще в 1923 Г. Вейль выдвигал идею, близкую к идее К. п. В 1948 Бонди и Т. Голд ввели понятие совершенного (широкого, полного) К. п. В отличие от «узкого» К. п., утверждающего, что свойства данной части Вселенной одинаковы со свойствами любой другой части в каждый данный момент времени, «широкий» К. п. утверждает, что эти свойства одинаковы и в любой момент времени. Иными словами, эти свойства со временем не изменяются. Предполагается, в частности, что, несмотря на расширение любой такой области, средняя плотность вещества в ней остается неизменной (теория «стационарной Вселенной»). Из этого предположения и следует осн. вывод данной теории — о постоянном возникновении вещества из ничего (или из особого «творящего поля») — в др. варианте теории). Т. о., в этой теории К. п. играет роль осн. исходной посылки. В космологии «кинематической относительности» Милна К. п. также придается значение важнейшего закона природы. В развитии релятивистской космологии (основанной на общей теории относительности) К. п. не играет такой большой роли, тем не менее и здесь без такого рода предположения однородные изотропные модели нельзя было бы истолковывать, как это обычно делалось, как модели Вселенной в целом.

Непосредственно данными наблюдений К. п. не может быть ни подтвержден, ни опровергнут. Но он не независим от наблюдения, опыта, не является априорным положением. К. п. возник как одностороннее обобщение наблюдат. данных 20—30-х гг. 20 в., согласно к-рым галактики во всей охваченной наблюдениями области космоса распределены в среднем равномерно. Однако в 40—50-х гг. этот вывод сменился прямо противоположным: галактики распределены крайне неравномерно. Тогда стали предполагать, что равномерно распределены центры скопления галактик, т. е. что К. п. выполняется для больших областей Вселенной, чем предполагалось ранее. Если и это не подтвердится, то всегда можно предположить, что для проявления действия К. п. просто требуется еще большая область.

Возведение в принцип положения об однородности Вселенной фактически означает преувеличение, абсолютизацию одной стороны дела. Вся история расширения наших знаний о Вселенной заставляет думать, что Вселенная столь же однородна, как и неоднородна, что она является диалектич. единством этих взаимоисключающих противоположностей. Возведение в абсолютизм любой из этих сторон ведет к упрощению и искажению действительности. Простейшие космологич. модели, исходящие только из однородности Вселенной, являются именно такими очень упрощенными схемами. Отказ от К. п. в релятивистской космологии — теория неоднородной анизотропной Вселенной — является преодолением этой односторонности.

Лит.: Н а н Г. И., Общие вопросы космологии, в сб.: Внегалактич. астрономия и космология. Тр. шестого совещания по вопросам космологии 5—7 июня 1957 г., М., 1959; З е л ь м а н о в А. И., К р е л я т и в и с т. теории анизотропной неоднородной Вселенной, там же; е го ж е, К постановке космологич. проблемы, в сб.: Тр. второго съезда Всесоюз. астрономо-геодезич. об-ва 25—31 января 1955 г., М., 1960; В е у л Н., Zur allgemeinen Relativitätstheorie, «Phys. Z.», 1923, Jg 24. № 11, S. 230—32;

Milne E. A., Relativity, gravitation and world-structure, Oxf., 1935; B o n d i H., G o l d T., The steady-state theory of the expanding universe, «Monthly Notices Roy. Astron. Soc.», 1948, v. 108, p. 252—70; B o n d i H., Cosmology, 2 ed., Camb., 1960. Г. Нанн, Таллин.

КОСМОЛОГИЯ (от греч. *κόσμος* — мир, Вселенная, а также строй, порядок, в противоположность хаосу, и *λόγος* — слово, учение) — учение о Вселенной как целом и о всей охваченной астрономич. наблюдениями области Вселенной как части этого целого.

К. развивалась как раздел *астрономии*. Нередко ее рассматривают также как раздел физики или философии. Фактически совр. К. является пограничной наукой на стыке астрономии, физики и философии. Наиболее общие положения К. имеют непосредственно филос. характер, поэтому К. являлась и является ареной борьбы мировоззрений.

Первые наивные космологич. представления зародились в глубокой древности в результате попыток человека осознать свое место в мироздании. Для этих воззрений характерны антропоморфизм и антропоцентризм. Процесс становления К. происходил в порядке взаимосвязанного развития, с одной стороны, абстрактного мышления, с другой — средств и методов наблюдения. Мн. общие вопросы К. были поставлены филос. мыслью задолго до того, как стало возможным подходить к решению этих вопросов средствами астрономии и физики. Таковы, напр., вопрос о том, является ли Вселенная единым целым или множеством отд. миров, вопрос о конечности или бесконечности Вселенной, поставленные др.-греч. философами. Идея Вселенной как единого, вечного и закономерного процесса имеется уже у Гераклита (см. А 5, 10; В 30, 65, 76, 90, Diels⁹). Первая попытка представить строение Вселенной в целом на основе наблюдат. данных — геоцентрич. система мира (см. *Гелиоцентрическая и геоцентрическая системы мира*). Важнейшие космологич. идеи этой системы: неподвижность и центральное положение Земли во Вселенной, пространств. ограниченность последней, коренное различие физич. природы «земного» и «небесного». Эти космологич. идеи были преодолены только гелиоцентрич. системой мира. Уже Дж. Бруно сделал из нее вывод о безграничности Вселенной; этот вывод получил физич. обоснование в теории тяготения Ньютона: статическая ограниченная Вселенная несовместима с законом всемирного тяготения. Что касается представления о противоположности «земного» и «небесного», то оно было подорвано уже самим выводом о том, что Земля — лишь одна из планет, т. е. часть «небесного»; телескопич. открытия Галилея, закон всемирного тяготения Ньютона и спектральный анализ показали полное единство физич. законов и химич. состава «земного» и «небесного».

По мере развития средств и методов астрономии расширялась охваченная наблюдениями часть Вселенной, и космич. роль Земли представлялась все более и более скромной. Системы Птолемея и Коперника (в первонач. виде) были по существу К. солнечной системы. Только постепенно выяснилось, какую исчезающе малую долю объема «звездной вселенной» — Галактики охватывает солнечная система: Солнце — лишь одна из примерно 100 млрд. звезд этой системы. Выяснение протяженности Галактики заняло ок. 150 лет. Хотя еще Райт, Ламберт и Кант в 50—60-х гг. 18 в. высказывали догадку не только о том, что все видимые звезды образуют огранич. дискообразную систему, но и о том, что существует множество таких систем, даже в нач. 20 в. среди астрономов были широко распространены представления, будто наша Галактика и есть вся материальная Вселенная (неограниченность самого пространства при этом обычно не подвергалась сомнению). Когда же

было окончательно доказано, что существует огромное количество звездных систем, в общем сходных с нашей, вновь появилась тенденция лишь отодвинуть границы Вселенной, без отказа от самого понятия границы. Теперь за Вселенную принималась уже система галактик — *Метагалактика*.

Науч. К. в своем развитии прошла два крупных этапа — ньютоновский и релятивистский. Предпосылками возникновения науч. К. был отказ от геоцентризма, создание классич. механики и открытие закона всемирного тяготения. Со времен Ньютона космологич. проблема могла ставиться уже не умозрительно, а как физич. задача. Первоначально, в связи с господством механистич. мировоззрения, она сводилась к задаче о поведении бесконечной системы масс, управляемой силами всемирного тяготения. Конкретным образом системы масс, к-рой оперировала ньютонова К., была звездная система. Начало нового, совр. этапа в развитии К. связано, с одной стороны, с созданием общей теории относительности и первых релятивистских моделей мира (1917—22), с др. стороны, с установлением звездной природы и внегалактич. положения спиральных «туманностей» (1917—24). Сопоставление теоретич. и наблюдат. выводов стало возможно после открытия Хабблом в 1929 закона *красного смещения*, а конкретным образом космологич. системы масс стала система галактик. Начался этот новый этап с попыток преодоления на основе новой теории тяготения тех космологич. затруднений, к-рые были унаследованы от классич. (дорелятивистской) физики (см. *Космологические парадоксы*). Казалось, что бесконечная Вселенная с равномерным (в среднем) распределением тяготеющих и излучающих масс (звезд) при отличной от нуля пространств. плотности масс существовать не может. Выход формально можно было искать в одном из трех направлений: либо отказаться от предположения о равномерном (хаотич.) распределении космич. масс, либо от предположения о бесконечном объеме пространства Вселенной, либо, наконец, предположить, что ньютонов закон тяготения выполняется лишь приближенно. Возможность решения проблемы в первом из этих направлений рассмотрел в 1908—22 Шарлье (в общем виде идея была выдвинута еще в 18 в. Ламбертом). Это т. н. иерархич. схема строения Вселенной, исходящая из представления о строгой закономерности строения и пространств. распределения космич. систем: определ. число звезд образует систему (галактику) первого порядка, определ. число к-рых, в свою очередь, образует систему (галактику) второго порядка, и т. д. до бесконечности. Вселенная есть система бесконечно высокого порядка сложности. Если величины, характеризующие каждую из систем (линейные размеры, массы, плотности), связаны опред. соотношениями, то такая бесконечная система свободна от космологич. парадоксов. При стремлении размеров системы к бесконечности ее плотность стремится к нулю. Однако такая схема казалась слишком искусственной. Поиски решения во втором направлении в рамках ньютоновой физики также представлялись мало обнадеживающими. Со времен Римана было известно, что безграничное пространство может быть как конечным, так и бесконечным. Однако первая из этих возможностей представлялась лишь математич. абстракцией. Идея Маха и др. о возможности пространственно конечной Вселенной не получила поэтому признания. Третью возможность рассмотрел в 1895 Нейман; он показал, что гравитац. парадокс устраняется, если предположить, что на больших расстояниях сила тяготения убывает быстрее, чем по закону обратных квадратов (или, что эквивалентно, что на больших расстояниях наряду с силами притяжения действуют еще неизвестные силы отталкивания, ослабляющие

гравитац. эффекты). Однако не существовало никаких данных для обоснования таких предположений. В 1917 Эйнштейн сделал попытку применить к решению космологич. проблемы созданную им релятивистскую теорию тяготения — общую теорию относительности. Оказалось, что если исходить из предположения о статичности Вселенной, то в рамках новой теории тяготения возникают затруднения, аналогичные тем, к-рые имеют место в классич. (ньютоновой) теории. Поэтому Эйнштейн видоизменил ур-ния тяготения общей теории относительности путем введения в них т. н. космологич. члена. Это видоизменение означало предположение о существовании неизвестных сил отталкивания, сказывающихся на больших расстояниях. Решение ур-ний тяготения с космологич. членом в предположении о статистически однородном и изотропном распределении вещества дает замкнутое (конечное) пространство. Др. статич. (псевдостатич.) модель была построена де Ситтером. В 1922—24 А. А. Фридман показал, что для такого видоизменения ур-ний тяготения нет достаточных оснований: «космологический член» может соответствовать не только отталкиванию, но и притяжению и, что наиболее существенно, обычные ур-ния Эйнштейна также имеют космологич. решения, свободные от указанных затруднений. Но пространство таких моделей не является статическим, кривизна пространства со временем изменяется, пространство деформируется. После открытия Хаббла оказалось, однако, что это не недостаток, а преимущество новых моделей: Метагалактика не является статич. системой, и модели Фридмана могут рассматриваться как теоретич. объяснение эффекта «разбегания» галактик. Однако простейшие релятивистские модели, если рассматривать их как модели Вселенной в целом, приводят к принципиальным затруднениям, к-рые были использованы фидеизмом и идеализмом для «обоснования» идеи сотворения мира из ничего или первозданного хаоса, притом в очень недалеком, по астрономич. масштабам, прошлом — 2—10 млрд. лет. Ст. зр. самой К. и астрономии, предположение, лежащее в основе изотропных однородных моделей, и пространственное представление, что галактика или скопление галактик является высшим, наиболее сложным структурным образованием, за к-рым следует уже непосредственно Вселенная, сильно задержало изучение строения Метагалактики. Вплоть до 40-х гг. преобладал взгляд о беспорядочном распределении галактик, а обнаружившиеся неоднородности рассматривались как неоднородности местного характера (см. *Космологический постулат*). Для преодоления затруднений, связанных с простейшими моделями, были сделаны попытки отказаться от основного упрощающего предположения о равномерном распределении вещества и построить более сложные — неоднородные анизотропные модели. Это задача исключит. математич. сложности. Однако уже полученные результаты показывают, что на этом пути можно, по-видимому, преодолеть все осн. затруднения совр. К. без какой-то кардинально новой физич. теории. Однако при переходе к существенно большим масштабам (системе метагалактик) совр. теоретич. база К. может оказаться недостаточной, как ньютонова физика оказалась недостаточной для объяснения явлений метагалактич. масштабов. Известны также попытки найти решение космологич. проблемы вне рамок общей теории относительности. К их числу относится К. «кинематической относительности» англ. астрофизика Милна, созданная в 30-х гг. Схема Милна крайне искусственна и распространения не получила. Др. космологич. теории, напр. Иордана, также не имеют особого влияния. Значительно большей популярностью пользуется среди ученых

Запада модель «стационарной Вселенной» Бонди, Голда и Хойла (1948). В наст. время она обычно рассматривается как альтернативная к релятивистским моделям «динамической Вселенной». Идея этой модели такова. Вселенная существовала и будет существовать вечно без к.-л. этапов катастрофальной эволюции. Она всегда расширялась, расширяется и будет расширяться, однако плотность вещества при этом остается неизменной за счет постоянного возникновения вещества. В первонач. варианте теории вещество возникает из ничего; в варианте, развитом Хойлом, источником вещества является физич. «творящее» поле не известной пока природы, причем тензор этого поля вводится в уравнения поля общей теории относительности. Здесь теория может рассматриваться как особый случай релятивистской космологич. теории.

К. занимается также «термодинамикой Вселенной» (см. *Энтропия, Тепловая смерть Вселенной*). Пограничной проблемой К., космогонии, астрофизики и ядерной физики является проблема нуклеогенеза, т. е. происхождения химич. элементов. В связи с открытием античастиц в К. стала обсуждаться проблема «антимиров» — гипотетич. космич. объектов, построенных из антивещества (античастиц). Это, однако, только небольшая часть более общей проблемы симметрии Вселенной. К. проблемам К. можно отнести также проблему распространенности органич. жизни во Вселенной (в наст. время это пограничная проблема К., космогонии, астрофизики и биохимии). Совр. т. зр. состоит в том, что жизнь во Вселенной хотя и не всеобща, но далеко не исключит. явление.

Ряд существующих космологич. концепций складывался под влиянием позитивизма. Это сказалось прежде всего в стремлении развивать К. независимо от философии, далее, в неосноват. претензии получить сразу и окончательно исчерпывающее решение вопроса о строении Вселенной в целом. Отсюда стремление рассматривать космологич. модели не как очередные ступеньки бесконечного процесса познания бесконечной Вселенной, а как окончат. результат, не как схематич. модели Метагалактики, а как адекватную модель всей Вселенной. Это сказалось, наконец, в игнорировании диалектич. противоречивости Вселенной. Объект К. — Вселенная — одновременно является предельно всеобщим (ибо не существует ничего, что не входило бы во Вселенную) и в то же время предельно единичным (ибо, помимо нее, вообще ничего не существует). Поэтому, напр., в общем виде вопрос о том, какие черты Вселенной являются единичными, какие особенными и какие всеобщими, без дальнейшего уточнения лишен смысла: наиболее общие свойства Вселенной — это и ее индивидуальные свойства, не присущие какому бы то ни было другому объекту. Но поскольку мы всегда наблюдаем не непосредственно к.-л. «свойства Вселенной в целом» (напр., ее протяженность или кривизну ее пространственно-временного континуума), а лишь свойства определ. космич. системы как ее части, то вопрос о разделении индивидуальных, особых и общих свойств приобретает в познании Вселенной решающее значение. Так, если Вселенная однородна, как утверждает космологич. постулат, то в зависимости от отбора данных можно получить, напр., вывод о ее конечности в пространстве или времени, о том, что возраст Вселенной в целом меньше возраста ее составных частей и т. п. Если же она неоднородна (в широком смысле), т. е. можно допустить, напр., что в каких-то др. метагалактиках действует иной закон тяготения, то это означало бы, что мы наблюдаем лишь единичные и особенные свойства космич. систем, не отражающие общих черт строения Вселенной; тогда доля познанного во Вселенной не

превышает ее познанной доли и даже при сколь угодно быстром прогрессе познания мы всегда будем знать лишь бесконечно малую часть Вселенной и никогда не сможем ничего сказать о Вселенной в целом. Др. словами, мы должны были бы сделать вывод, что Вселенная как объект непознаваема, и предмета К. не существует. Диалектика состоит здесь в том, что бесконечная (в пространстве — времени и по неисчерпаемости свойств) всеохватывающая Вселенная является единством и взаимопроникновением взаимоисключающих противоположностей: однородности и неоднородности, прерывного и непрерывного, единого и многообразного, конечного и бесконечного, симметричного и несимметричного, обратимого и необратимого. Познавая конечное, мы всегда познаем и какие-то черты бесконечного, по части можем делать нек-рые выводы о целом, но не можем просто переносить свойства одного на другое. Проблемы совр. К. должны решаться общими усилиями астрономии, физики и философии. Сов. наука имеет в этом отношении определ. успехи. До недавнего времени К. уделялось у нас несравненно меньше внимания, чем др. разделам астрономии, что объясняется, во-первых, тем, что до недавнего времени в СССР отсутствовали сверхмощные инструменты, необходимые для работ в области внегалактич. астрономии. Во-вторых, в условиях догматизма, порожденного культом личности Сталина, теоретич. основа совр. К. — теория относительности — подвергалась со стороны ряда философов и отд. физиков нигилистич. критике, а релятивистская К. рассматривалась ими как всецело идеалистическая. Сейчас, когда оба эти препятствия преодолены, Сов. Союз, занимающий ведущее положение в освоении космоса, имеет также все предпосылки для того, чтобы сделать крупный шаг вперед в теоретич. осмыслении его общих закономерностей.

См. также статьи *Бесконечность, Пространство и время, Вселенная, Тяготение всемирное*.

Лит.: Шкловский И. С., Фотометрич. парадокс для радиоизлучения метагалактики, «Астрономич. журнал», 1953, т. 30, вып. 5, с. 495—508; Внегалактич. астрономия и К. Тр. шестого совещания по вопросам космогонии 5—7 июня 1957 г., М., 1959; Зельманов А. Л., К., БСЭ 2 изд., т. 23; его же, К., в сб.: Астрономия в СССР за тридцать лет (1917—1947), М.—Л., 1948 (имеется библи.); его же, К. постановке космологич. проблемы, в кн.: Тр. второго съезда Всесоюзного астроном.-геодезич. общ-ва 25—31 янв. 1955 г., М., 1960; Нан Г. И., О совр. состоянии космологич. науки, в кн.: Вопр. космогонии, т. 6, М., 1958; его же, О бесконечности Вселенной, «Вопр. философии», 1961, № 6; Мак-Витти Г. К., Общая теория относительности и К., М., 1961; Ландау Л. Д. и Лифшиц Е. М., Теория поля, 4 изд., М., 1962; Абарцумян В. А., Проблемы внегалактич. исследований, в сб.: Вопр. космогонии, т. 8, М., 1962, с. 3—26; Robertson H. P., Relativistic cosmology, «Rev. of Modern Physics», 1933, v. 5, № 1; Tolman R. C., Relativity, thermodynamics and cosmology, Oxf., 1934; Heckmann O. H. L., Schücking E., Newtonsche und Einsteinsche Kosmologie, Handbuch der Physik, hrsg. von S. Flügge, Bd 53, B.-Gött.—Hftb., 1959; Bondi H., Cosmology, 2 ed., Camb., 1960. Г. Наан. Таллин.

КОСМОПОЛИТИЗМ (от греч. κόσμος — мир, вселенная и πολιτεία — гражданство) — идеология т. н. «мирового гражданства», реакц. бурж. идеология, проповедующая отказ от нац. традиций, нац. культуры, патриотизма, отрицающая нац. суверенитет.

Со времени своего возникновения понятие К. имело различное содержание, определяемое конкретно-историч. условиями. По свидетельству Диогена Лаэртского, слово «космополит» (греч. *κοσμοπολίτης*) было впервые употреблено киником *Диогеном Синопским* (VI, 63). Плутарх приписывал приоритет *Зенону* из Китиона. (Plutarchi Mor. 329A-B). Нек-рые считают, что уже Сократ был космополитом, и он же создатель этого термина. Это основано на высказывании Эпиктета: «Если верно то, что утверждают философы о родстве между богом и людьми, тогда на вопрос о родине человек должен отвечать словами Сократа: я не афинянин

или коринфянин, а я космополит...» (Disc. I, 9, 1). Подобное свидетельство содержится и в соч. Цицерона. Нем. исследователь Мевальдт утверждал, что идея К. встречается уже у софистов Антифонта и Гиппия, а позже частично у Теофраста (см. «Das Weltbürger-tum in der Antike», см. в журн.: «Die Antike», В. — Лpz., 1926, Bd 2, Н. 3, S. 178).

Кризис антич. полиса и создание гос-ва Александра Македонского явились причиной возникновения космополитич. воззрений различного социально-классового содержания. Мировая империя Александра служила в известной мере образцом для космополитич. построений. Экспансионистские интересы рабовладельцев явились одним из источников космополитич. концепций, обосновывавших расширение сферы эксплуатации (Александр Македонский, Марк Аврелий).

К. киников Антисфена и Диогена Синопского выражал отрицат. отношение к полису, стремление бежать от суровой действительности в прошлое — «золотой век». Стоики, гл. обр. Зенон из Китиона, в космополитич. идеале искали общественную форму, к-рая бы сделала возможной жизнь каждого человека по всемирному закону, общему для всех. В абстрактной, утопич. форме в этой концепции снимались классовые различия и границы между народами и содержались идеи единства мира. Объективно они оправдывали равнодушие к судьбе своей родины. Космополитич. идеи киренаиков выражены в словах: «ubi bene, ibi patria» («где хорошо, там и отечество»).

В эпоху феодализма осн. носителем реакц. космополитич. тенденций выступала католич. церковь, что было связано с ее стремлением к главенству над светской властью. В эпоху Возрождения идеи мирового гражданства были направлены и против феод. раздробленности стран (Данте, Т. Кампанелла). Выдвигнув лозунг «Моем отечеством является весь мир», идею мировой монархии, Данте не отрицал любви к отечеству (см. «De monarchia», в кн.: Opera minora, v. 2, Firenze, 1861, p. 290). П. Дюбуа был противником мирового гос-ва ср.-век. феод. типа во главе с папой или монархом и отстаивал идею федерации государств.

Абстрактно-гуманистич. идеал мирового гражданства получил дальнейшее развитие в эпоху Просвещения. Его основой служили идеи освобождения индивида от феод. оков, связанные с развитием капиталистич. произ-ва и «открытием» антич. культуры, прежде всего философии (Данте, Петрарка, Пико делла Мирандола — в Италии; Вивес — в Испании, Рабле, Монтень — во Франции, Эразм Роттердамский и т. д.).

Идеология революц. буржуазии во Франции в эпоху Просвещения в борьбе против феодализма выступала как представители прогрессивных идей. Вместо нац. ограниченности и шовинизма перед их взором витал гуманистич. идеал человечества.

В Германии, в противоположность феод.-патрикуляристскому «патриотизму» и княжескому деспотизму и религиозности, идеи мирового гражданства развивались у Лессинга, Гёте, Шиллера, Канта, Фихте в своеобразном единстве с патриотич. идеями и отражали стремление к нац. единству. Они считали, что идея мирового гражданства заложена в человеке. природе и осуществится на основе науки и морального усовершенствования; это свидетельствовало об их неспособности выйти за рамки бурж. мировоззрения (см., напр., Fichte, Der Patriotismus und sein Gegenteil, Lpz., 1918, S. 11). Характеризуя позицию Лессинга, Ф. Мюринг писал: «Мы не хотим вовсе защищать Лессинга от „позора“ обвинений ревностных патриотов, в особенности таких, которые желали бы, чтобы он ради патриотизма забыл, что он гражданин мира. Можно ли представить себе без содрогания такую возможность — к счастью немцы, — чтобы Лессинги,

Шиллеры, Гёте были не „гражданами мира“, а „патриотами“, вроде Глейма и Рамлера? Но, во всяком случае, необходимо как в интересах исторической справедливости, так и в целях опровержения политической клеветы, установить факт, что представители нашей классической литературы, как передовые бойцы буржуазных классов, исходили всегда из национально-немецкой точки зрения, и только после того, как эти классы доказали свою неспособность сломить княжеский деспотизм, должны были в интересах самой буржуазии сделаться „мировыми гражданами“ вместе с Лессингом или же „современниками всех времен“, вместе с Шиллером, а не габсбургскими или гогенцоллернскими, вальденскими или веттинскими кvasными патриотами» («Легенда о Лессинге», М., 1924, с. 267).

С утверждением капитализма бурж. К. приобретает реакц. характер. Он отражает природу капитала, стремящегося туда, где его ожидает наибольшая прибыль. «Потребность в постоянно увеличивающемся сырте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи. Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 427). К. не исключает бурж. национализма угнетающих наций, а возникает на его почве. Бурж. националисты национальное считают достойным универсального применения.

Космополитич. идеи получили особое распространение в эпоху империализма. В связи с процессом распада колониальной системы и ростом нац.-освободит. движения, идеологи империалистич. буржуазии усиливают проповедь «устарелости» нац. суверенитета. Объективная тенденция капитализма к «интернационализации», действующая наряду с тенденцией к образованию нац. гос-в и неотделимая от империалистич. форм, в к-рых она развивается, вызывает попытки «обосновать» необходимость создания наднац. сообществ. Среди совр. сторонников космополитич. взглядов есть люди, искренне желающие мира между народами, однако выдвигаемые ими практич. предложения, вроде создания региональных наднац. орг-ций и мирового гос-ва, объективно выгодны империалистич. реакции.

К. не образует отд. направления в совр. бурж. философии или социологии. Он представляет собой неотъемлемую часть идеологии империализма и, в первую очередь, бурж. политич. науки (проповедь мировой политич. интеграции, наднац. блоков и межгос. монополистич. орг-ций), к-рая оказывает то или иное влияние и на все другие области бурж. идеологии. Космополитич. идеи находят выражение и в сфере экономики, теории (реакционно-утопич. проекты создания планируемой мировой капиталистич. экономики), и в области права (теории междунар. правосубъектности личности и т. н. мирового права, основанные на отрицании нац. и гос. суверенитета), и в области эстетики (апология формализма, абстрактного наднац. иск-ва).

В теоретич. отношении К. опирается на антинауч. концепцию абстрактного человека; на идеалистич. теории нации; на позитивистские теории сторонников т. н. технологич. детерминизма, идеалистически фальсифицирующих роль техники в обществ. развитии и делающих вывод о неизбежном расширении «политич. единиц» в связи с развитием средств транспорта и связи; на антинауч. аналогии обществ. развития с биологич. процессами. Отрицание нац. суверенитета находит себе опору и в реакц. воззрениях идеологов политики «с позиции силы». Обоснованием космополитич. идей занимаются и теоретики совр. реформизма, пытающиеся отождествить К. с пролет.

интернационализм. В действительности пролет. интернационализм противоположен бурж. К. В вопросе о слиянии наций космополитизм и пролет. интернационализм стоят на диаметрально противоположных позициях. К. призывает к слиянию наций путем насильственной ассимиляции, требуя фактически закабаления народов мира империализмом. Марксисты же рассматривают перспективу сближения, а затем и слияния наций с точки зрения объективного хода общественного развития, свидетельствующего о том, что слияние наций — это длительный процесс, наступающий в результате освобождения наций и расцвета национальных культур и происходящий совершенно добровольно (см. В. И. Ленин, Соч., т. 22, с. 135—36).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, М., 1961; и х же, Святое семейство..., Соч., 2 изд., т. 2; и х же, Немецкая идеология, там же, т. 3; Ленин В. И., О праве наций на самоопределение, Соч., 4 изд., т. 20; е го же, Империализм, как высшая стадия капитализма, там же, т. 22; е го же, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», там же, т. 23; XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1956; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; Францев Ю., Национализм — оружие империалистич. реакции, «Большевик», 1948, № 15; Модржинская Е. Д., К. — империалистич. идеология порабощения наций, М., 1958.

Осп. труды совр. идеологов К.: Hartwig T., Der kosmopolitische Gedanke, Wiesbaden, 1924; Adler M. J., How to think about war and peace, N. Y., [1944]; Johnson F. E., (ed.), World order. Its intellectual and cultural foundations, N. Y., 1945; Reves E., The anatomy of peace, N. Y.—L., [1946]; Burnham J., The struggle for the world, N. Y., [1947]; Hutchins R. M., Borgese G. A., [a. o.], Preliminary draft of a world constitution, Chi., 1948; Brinton C. C., From many one, Camb. [USA], 1948; Laski H. J., Socialism as internationalism, L., 1949; Hawtrey R. G., Western European Union, L.—N. Y., [1949]; Bonnefous E., L'idée européenne et sa réalisation, P., [1950]; Roberts O. J., Schmidt J. F., Streit C. K., The new federalist, N. Y., 1950; Fischer J., Master plan USA..., N. Y., [1951]; Barr S., Citizens of the world, N. Y., 1952; Feller A. H., United Nations and world community, Boston, [1952]; Northrop F. S. C., The taming of the nations, N. Y., 1952; Cousins N., Who speaks for man?, N. Y., 1953; Goudenhove-Kalergi R. N. von, An idea conquers the world, L., [1953]; е го же, Die Europäische Nation, Stuttg., [1953]; Bowle J., Minos or Minotaur? The dilemma of political power, L., [1956]; Friedmann W., An introduction to world politics, [3 ed.], L.—N. Y., 1956; Del Vecchio G., Das Naturrecht als Basis für eine Theorie der Weltgesellschaft, «Arch. Rechts- und Sozialphilos.», 1962, v. 48, H. 3; Etzioni A., The dialectics of supranational unification, «Amer. Political Sci. Rev.», 1962, v. 56, № 4; е го же, The epigenesis of political communities at the international level, «Amer. J. Sociology», 1963, v. 68, Jan., № 4; Kitzinger U., Die neue europäische Revolution, «Dokumente», Köln., 1963, Jg. 19, H. 1, Febr.

Е. Модржинская. И. Элез. Москва.

КОСМОС (греч. *κόσμος* — «строй», «порядок», «украшение», «мировой порядок», «вселенная») — 1) в широком смысле слова К. — «мир», или «мироздания» (см. *Вселенная*) и 2) категория антич. философии, обладающая астрономич., эстетич., этич., социально-политич. и филос. значением.

В астрономич. отношении представление о мире отличалось у древних непосредственно целостным характером и потому, с одной стороны, оно не было лишено мифологич. элементов (см. о наполненности демонами и о «созданности» богом у Фалеса А 1, Diels⁹, о космич. пещере у Ферекида В 6, о божественной пронизанности у Пифагора и Эмпедокла 31 В 136, о вмещении в К. ума у Анаксагора А 64, промысла у Экфанта 4, раздора у Эмпедокла В 131), с другой стороны, понимание К. уже у ранних греч. философов освобождается от мифич. представлений, будучи то «смещением элементов» (Эмпедокл А 32), то «идеей ума» (Экфант 1), то системой чисел у пифагорейцев и Платона, то вместилищем гомеомерии у Анаксагора, то вихрем атомов у атомистов. Основываясь на непо-

средств. созерцании, античность имела тенденцию строить К. как нечто конечное во времени и пространстве, как некое огромное произведение иск-ва. Об единстве К. говорили Фалес, Пифагор, Эмпедокл, Экфант, о наличии в нем пространств. границы — Мелисс (А 9); об его шаровидности — не только пифагорейцы, напр. Экфант (1), но даже и Левкипп и Демокрит (67 А 22), они же говорят и о «круглости» К. (А 24).

В течение всей античности просуществовал пифагорейско-платонич. К.: посредине мира — мировой очаг или Гестия, центр. огонь, кругом него вращались Земля, Луна, Солнце, пять известных тогда планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн); далее следовала сфера неподвижных звезд; кроме Земли признавалось еще вращение вокруг центра т. н. Противоземия (общее резюме — у Филолая А 16). Кроме того, все мировое пространство мыслилось натянутым в виде струны так, что каждая из сфер издавала определенный тон, откуда и появлялись т. н. гармония сфер и представление о К. как о некоем гигантском музыкальном инструменте, к-рый является к тому же универсальным живым существом. Окончат. оформление этой концепции завершается в платоновском «Тимее» и в Древней Академии. Стоики добавили к этому учению о взаимной «симпатии» всех мельчайших частей космоса. Обращает на себя внимание также и вполне определен. учение о неоднородности различно-натянутого повсюду пространства. Поскольку такое представление существовало в течение всей античности, его можно считать наиболее для нее характерным. Но древность далеко не сводилась к одной только пифагорейско-платонич. астрономии.

У мн. философов (и, прежде всего, у Гераклита) было популярно учение о периодич. мировых пожарах. Здесь мир представлялся уже бесконечным во времени, а временными считались только те или другие его образования. К. является «нерождаемым, негибнущим, вечным» у Ксенофана (А 37), «несозданным» у Гераклита (В 30), но отд. его образования гибнут у Анаксимандра, Анаксимена, Анаксагора, Архелая, Диогена, Левкиппа (59 А 65). У атомистов же мыслилось бесконечным и мировое пространство, а пластика переносилась у них не на мир в целом, но на отд. атомы, к-рые мыслились бесконечно разнообразными геометрич. телами. Впрочем, о бесконечных мирах говорили уже Анаксимандр (А 10.14.17), Анаксимен, Архелай, Ксенофан и мн. др.

Т. о., даже у пифагорейцев еще не было представления о центральном положении Земли, к-рое закрепилось лишь в позднейшей античной астрономии и было научно обработано в системе Птолемея, что, однако, не мешало появлению гелиоцентрич. систем (Аристарх Самосский III в. до н. э., Селевк из Селевкии II в. до н. э.). В любых учениях о К. отсутствует идея личного творца, появившегося только в поздней античности под влиянием Библии. Античный К. всегда возникает из хаоса, из хаотич. смещения физич. элементов, о происхождении к-рых вопроса уже не ставилось. Платонизм, правда, всегда имел ту или иную теорию этих элементов и даже вводил такие понятия, как первообраз и *демиург*, якобы создавший вселенную согласно этому первообразу. Но ни платонич. демиурги, ни аристотелевские перводвигатели никогда не имели в античности личного характера; и платоники всегда мыслили их в виде безличного начала, т. е. в виде своего рода системы законов природы.

Т. о., в астрономич. отношении античный К. отличался непосредств. целостностью, пластичной, конечными размерами и вполне чувств. представлением как центр. точки (в виде Земли), так и периферии (в виде эфирного тела). Пифагорейско-платонич. и птолемея-

ское понимание К. оставалось и после крушения античного мира, вплоть до эпохи Возрождения.

В эстетич. значении термин употребляется у орфиков (В I — «К. песни»), Парменида (В 8,52 — «К. речи»), Демокрита (В 21 — о стихах Гомера; В 195 — «одеяния и К.»), Горгия (В 11 — о вооружении). В применении к этич. области термин К. тоже употреблялся часто (Гераклит А 1, 12). Был К. в области воспитания (Демокрит В 180), женского поведения (там же В 274), воздержности в словах (Биант 10,3), политич. устройства (Демокрит В 258; ср. Горгий В 6 и Протагор С 1). К., как украшающую функцию красоты (а не саму красоту), рассматривал Платон в своем «Гиниии большем». Здесь он говорил об украшении лавровыми венками, пестрой одеждой, коваными изделиями; слова у него украшают речь, речь украшает человека, добродетель украшает душу и т. д. и т. д. У Аристотеля этот термин находил самое широкое употребление в области быта и бытовых предметов, в области этич., политич., логич., поэтич., риторич. и, наконец, космич. (где он, между прочим, именуется самим богом, фрз. 21.1477 22).

Наконец, в своем филос. употреблении термин К. обозначает у греков предельное обобщение всего видимого и мыслимого и в этом смысле под влиянием Платона (R. P. VI 507 В; Tim. 30 В—51 D, 52 А; Phaedr. 246 С) уже Филон Александрийский (De mundi orif. 4) прямо говорит об «умопостигаемом К.». В качестве технич. термина этот «умопостигаемый К.» фигурирует везде у неоплатоников, как, напр., у Плотина (У 9,9. 13; IV 1 сл.). Здесь он является идеальным первообразом вещей, источником их смысла и жизни, вечно созерцающим себя самого, изливающим из себя формы на все существующее (последние два мотива являются аристотелизмами). Интересно, что даже здесь, на высотах филос. абстракции, для характеристики чистого мышления древние философы все еще пользуются своим старинным термином, искони связанным с эстетикой, пластикой и натурфилософией.

Лит.: Лосев А. Ф., Античный К. и совр. наука, М., 1927; Гейбергер И. Л., Естествознание и математика в классич. древности, пер. [с нем.], М.—Л., 1936; G u t b e r l e t K., Der Kosmos, Paderborn, 1908; R e i n h a r d K., Kosmos und Sympathie, Münch., 1926; K r a n z W., Kosmos und Mensch in der Vorstellung des frühen Griechentums, «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», neue Folge, 1938, Bd 11, № 7; его же, Kosmos als philosophischer Begriff frühgriechischer Zeit, «Philologus» (Z. d. klassischen Altert.), 1939, Bd 93; его же, Kosmos, «Archiv für Begriffsgeschichte», 1957, Bd 2, Tl 2; R y f f e i H., Eukosmia. Ein Beitrag zur Wiederherstellung des Aerepagitikon des Damos, «Museum Helveticum», 4 Jg., 1947, fasc. 1; D i l l e r H., Der vorphilosophische Gebrauch von Cosmos und Cosmein, в кн.: Festschrift Bruno Snell, Münch., 1956; S c h a d e w a l d t W., Das Welt-Modell der Griechen, «Neue Rundschau», 1957, Bd 68, H. 2. А. Лосев. Москва.

КОСОЙ ВАССИАН — см. *Вассиан Косой*.

КОСОЙ ФЕОДОСИЙ — см. *Феодосий Косой*.

КОСТЕ (Coste), Адольф (1842—17 окт. 1901) — франц. бурж. социолог-позитивист; президент Парижского статистич. об-ва. Взгляды К. формировались под влиянием Конта, Спенсера, К. Бернара. К. поставил задачу превратить социологию в точную науку (социометрию — К. ввел этот термин в 1899). Обществ. явления К. делил на социальные и идеологические. К. социальным фактам оп относил 4 «порядка»: политику (правление), экономику (произ-во и распределение), теоретич. порядок, или верования; порядок солидарности (семья, касты, классы, партии, ассоциации). Идеологич. факты (искусство, философия, поэзия, нек-рые науч. теории) имеют источником действия выдающихся личностей. К. утверждал абс. самостоятельность социальных и идеологич. фактов. Общество в целом и каждый социальный порядок совершают прогрессивную эволюцию, к-рая подчиняется объективным законам, имеющим принудит.

характер; идеологич. факты не подчиняются законам эволюции. К. отмечал 8 социологич. законов, два из к-рых, по его мнению, имеют универсальное значение: ассимиляции (каждое человек. объединение стремится ассимилировать менее сильное) и соответствия между социальным состоянием и народонаселением, к-рое он считал определяющим фактором обществ. жизни, в связи с чем подчеркивал значение демографии. В политике проявляется закон разделения властей; в экономике — закон разделения и организации труда; в теоретич. области — закон прогресса знания, обуславливающий переход от суеверий и религии к науч. знанию; в порядке солидарности действует закон уравнивания социальных условий жизни. В ходе эволюции старое не уничтожается, а подчиняется новому. Семья, частная собственность, религия, по К., хотя и эволюционируют, в сущности являются вечными. Т. о., теория прогресса К. носит бурж.-аналогич. характер.

В духе *Ле Пле* К. пропагандировал план социальных реформ, имевших целью уничтожить классовую борьбу и предотвратить гибель бурж. общества.

Соч.: Dieu et l'âme, essai d'idéalisme expérimental, P., 1880, 2 éd., P., 1903; Hygiène sociale contre le paupérisme, P., 1882; Les questions sociales contemporaines, P., 1885; Les conditions sociales du bonheur et de la force, 3 éd., P., 1885; Nouvel exposé d'économie politique et de physiologie sociale, P., 1889; Etude statistique sur les salaires des travailleurs et le revenu de la France, P., 1890; La richesse et le bonheur, P., 1891; Les principes d'une sociologie objective, P., 1899; L'expérience des peuples et les prévisions qu'elle autorise, P., 1900.

Лит.: S o r o k i n P., Contemporary sociological theories, N. Y.—L., 1928, p. 359—70. В. Кузнецов. Москва.

КОСТА (Costa), Анхель Флоро (18 авг. 1838—10 июня 1906) — уругвайский бурж. философ, естественнонауч. материалист, прогрессивный обществ. деятель, подвергал резкой критике диктатуру Латорре. Испытал сильное влияние Геккеля и Дарвина. По ряду вопросов выступал с позиций вулгарного материализма. Так, мышление К. пытался объяснить, исходя только из физиологич. свойств мозга. К. утверждал, что осн. двигателем обществ. прогресса является столкновение экономич. интересов людей. Однако К. ограничивал действие экономич. факторов сферой распределения и потребления, не учитывая формы собственности. Соч.: La metafísica y la ciencia. Fantasia, Montevideo, 1879; Nirvana. Estudios sociales, políticos y económicos..., Montevideo, 1881.

Лит.: История философии, [т.] 4, М., 1959, с. 444—45; А г д а о А., Espiritualismo y positivismo en el Uruguay, Mex.—B. Aires, [1950]. П. Бурете. Москва.

КОСТА КРУС, Жуан (р. 1904) — браз. историк философии, см. *Крус Коста*.

КОСТА-И-МАРТИНЕС (Costa y Martínez), Хоаким (14 сент. 1846—8 февр. 1911) — исп. историк, социолог, правовед, обществ. деятель, идеолог мелкой буржуазии. Разрабатывал программу бурж.-демократич. преобразований исп. общества. В работе «Олигархия и каскизм как современная форма правления Испании» («Oligarquía y caciquismo como la forma actual de gobierno en España», 1901) К.-и-М. подверг критике феод.-монархич. строй Испании конца 19 в. Средством ликвидации социально-экономич. и культурной отсталости страны считал «европеизацию», т. е. бурж.-демократич. реформы и использование достигнутых развитых в капиталистич. отношении стран («Возрождение и европеизация Испании» — «Reconstitución y europeización de España ...», 1900).

Под влиянием усиления классовой борьбы он пришел к выводу, что монархия должна быть уничтожена с помощью революции и заменена республикой; гегемоном этой революции, по К.-и-М., является «средний класс». К.-и-М. возглавил организацию мелких крестьян и ремесленников: «Национальную лигу производителей» (осн. в 1899) и «Национальный союз» (осн. в 1900). Однако эти организации не имели серъ-

езного влияния. Пережив идейный кризис, К.-и-М. в конце своей жизни стал сторонником теории об определяющей роли личности в истории.

Соч.: *Obrae completas*, v. 1—21, Huesca, 1911—24. Лит.: *Gambón Piana M.*, *Biografía y bibliografía de D. J. Costa*, Huesca, 1911.

КОСТАНДЯН, Галуст (1840—15 авг. 1898) — арм. философ, физик, обществ. деятель. Мировоззрение К. претерпело значит. эволюцию — от мистицизма и идеализма до атеизма и материализма. Вершина творчества К. — кн. «О методе» (1878, нов. изд., 1960), в к-рой он разоблачал реакц. роль религии и называл детскую сказку религ. версию сотворения мира. Говоря о человеческом сознании, он называл его плодом внешнего мира и результатом последующего восприятия. За кн. «О методе» К. был отлучен арм. церковью. Книга была изъята из продажи и сожжена.

Лит.: Габриэлян Г., Г. Костандян, Науч. тр. Ереван. ун-та, т. 23, 1946; История философии, т. 4, М., 1959, с. 256—57; на арм. яз.: Гаепазян Г. Н., Филос. атеистич. взгляды Г. К., «Изн. АН Арм. ССР». Обществ. науки, 1955, № 9.

КОСТИЧ (Костић), Лаза (1841—1910) — сербский писатель, лит. критик и философ. В 60-е гг. участвовал в демократич. Молодежном движении (Омладински покрет), затем отошел от него, став клерикалом, противником филос. и эстетич. взглядов Св. Марковича. Отрицая монизм, К. считал, что ни материя, ни дух не являются основой мира. В основе мира, по его мнению, лежит закон отношений всего существующего, понимаемый им как принцип «скрещивания» противоположного. Процесс развития мира К. рассматривал как метаморфозу этого осн. закона. На вершине бытия развитие становится регрессивным. Теория познания, по К., представляет собой психологию эстетич. переживания.

Соч.: *Основа лепоте у свету с особитим обзором на ерские народне песме*, Нови Сад, 1880; *Основно начело. Критични увод у општу философију*, Нови Сад, 1884.

КОТАРБИНСКИЙ (Kotarbiński), Тадеуш (р. 31 марта 1886) — польский логик и философ, проф. ун-та в Варшаве (с 1919), ректор ун-та в Лодзи (1945—49), зав. кафедрой логики Варшавского ун-та (1951—61), президент Польской АН (1957—62), иностранный член АН СССР (с 1958) и АН Болгарии.

В начале своей филос. деятельности К. представлял наиболее близкое к материализму крыло *львовско-варшавской школы*; утверждал, что психическое есть отражение объективно-реального (тезис т. н. радикального реализма), что не существует ничего, что принципиально не могло бы стать, в той или иной форме, предметом чувств. восприятия. По мере филос. эволюции К. его материалистич. взгляды становились все более определенными. К. выдвинул онтологич. учение (к-рое назвал *реизмом*, от лат. *res* — вещь, или *конкретизмом*, от *concretus* — букв. — спрощенный; цельный), являющееся номиналистич. разновидностью материализма. Осн. идея конкретизма такова: единственной онтологич. категорией является категория вещи; при этом под вещью понимается любой пространств.-временной объект, т. е. нечто конкретное и телесное (отсюда др. название реизма: *с о м а т и з м*, от греч. *δύσμα* — тело); общие свойства и отношения К. первоначально истолковывал как метафорически употребляемые термины. Семантический аспект этого учения, относящийся к выражению онтологич. категорий в языке, приводил к признанию в качестве подлинных предложений (т. е. выражений, относительно к-рых можно ставить вопрос об их смысле) лишь таких выражений языка, в к-рых (помимо логич. терминов и вспомогат. выражений) встречаются только имена вещей, но нет названий свойств и отношений (квазиимен); предложения, в к-рых встречаются квазиимена, суть сокращения для предложений, относя-

щихся к вещам. Этот характерный для конкретизма К. метафизич. разрыв между вещами, с одной стороны, и их свойствами и отношениями, с другой, постепенно преодолевался К. В последние годы (см. *Wybór pism*, Warsz., 1958, t. 2, s. 180) К. признал объективность свойств и отношений, подчеркивая вместе с тем, что их существование носит вторичный, производный по сравнению с вещами характер. Такое истолкование конкретизма К. рассматривает как проведение точки зрения диалектич. материализма в вопросах *логической семантики*.

Филос. взгляды К. тесно связаны с его работами в области совр. формальной логики (так, его конкретизм можно рассматривать как филос. истолкование исчисления имен *Лесьюевского*); ему принадлежат работы по проблеме истинности, теории *вывода*, по проблемам логич. семантики, по истории логики (см., напр., «Лекции по истории логики» — «Wykłady z dziejów logiki», 1957) и применениям логики в конкретных науках (в деятельности юриста и педагога, см., напр., «Курс логики для юристов» — «Kurs logiki dla prawników», 1951, 6 wyd., 1963). К. сыграл большую роль в постановке логич. образования и в развитии логич. науки в Польше.

В настоящее время К. разрабатывает т. н. праксеологию, к-рую он определяет как науку о законах результативности любой человек. деятельности (см. «Развитие праксеологии» в журн. «Польское обозрение», Варшава, 1962, № 12, с. 12; см. также № 13, с. 7—11). В праксеологии рассматриваются понятия действия, деятельности, действующего лица, объекта действия, орудия, средства, цели, продукта труда, результата действия и т. п. Хотя в праксеологии К. имеются спорные моменты, очевидно ее родство кругу идей *кибернетики* и проблематике научной организации труда.

В этике К. неизменно занимал прогрессивные демократич. позиции; он подверг резкой критике этику утилитаризма (см., напр., «Утилитаризм в этике Милля и Спенсера» — «Utylityzizm w etyce Milla i Spencera», 1915). Свою систему этики К. назвал *независимой*, стремясь тем самым подчеркнуть ее светский, независимый от церкви характер. Осн. принцип ее — минимизация несчастий (если человек не в состоянии делать добро, он должен, по крайней мере, не делать зла). Преодолевая пассивный характер своей этики, К. в выступлениях 1956—60 включает в нее принцип борьбы трудящихся за освобождение от эксплуатации.

К. активно борется за освобождение школы и обществ. жизни от влияния католич. церкви. Общедемократич. гуманизм и антиклерикализм взглядов К. сыграли большую роль в борьбе с религ. моралью в Польше.

Соч.: *Szkice praktyczne*, Warsz., 1913; *Elementy teorii poznania, logiki formalnej i metodologii nauk*, Lw., 1929, 2 wyd., Wr., 1961; *Z zagadnień ogólnej teorii walki*, Warsz., 1938; *Traktat o dobrej robocie*, Łódź, 1955; [2 wyd.], Wr. — Warsz., 1958; *Sprawność i błąd*, Warsz., 1956, 3 wyd., Warsz., 1960; *Wybór pism*, t. 1—2, Warsz., 1957—58; *Prakseologia czyli zasady sprawnego działania*, «Argumenty», 1963, № 19; *Błąd praktyczny*, «Studia Filozoficzne», 1963, № 2 (33); в рус. пер. — Развитие праксеологии, «Польское обозрение», 1962, № 12, 13; Избр. произв., М., 1963.

Лит.: В а с з к о в., О поглядях филозофичных и сполечно-политичных Т. Котарбиńskiego, Warsz., 1951; Г р е н в е с к и й Г., Кибернетика без математики, М., 1964, гл. 5.

КОТОКУ ДЭНДЗИРО (С ю с у й) (23 сент. 1871—24 янв. 1911) — япон. обществ. деятель и философ-материалист, ученик и последователь *Накао Тёмин*. Окончил Народный английский ин-т в Токио (1893). В 1898 вместе с *Катаяма* и др. принял участие в создании «Общества по изучению социализма». В 1903 увидел свет первый номер созданной им и Сакаи Тосихико «Народной газеты» («Хэймин симбун»).

К. Д. в своем соч. «Империализм» («Тэйкокусюги-рон», 1901) выступил против милитаристской и шовинистич. политики империалистич. стран. Изучив «Капитал» и ряд др. произведений классиков марксизма, К. Д. опубликовал работу «Сущность социализма» («Сякайсюги синдзуй», 1903), в к-рой выступил как популяризатор идей марксизма. К. Д. в содружестве с Сакаи перевел «Манифест Коммунистической партии» и, несмотря на полицейские притеснения, почти весь напечатал в «Народной газете». В своих работах К. Д. разоблачал лицемерие т.п. социалистов, стоявших на позициях христианского гуманизма, писал и печатал антиклерик. и атеистич. статьи. После поездки в Америку (1905) К. Д. в нек-рой части своих взглядов подпал под влияние анархо-синдикализма, но, вернувшись на родину (1906), продолжал участвовать в социалистич. движении. В 1906 на основании провокац. обвинения в участии в заговоре против императора он был арестован. В тюрьме К. Д. закончил свое соч. «Ниспровержение Христа» («Кири-судо массакурю»), где доказал мифичность существования Христа. 24 янв. 1911, несмотря на протесты прогрессивной печати мира, был казнен.

Лит.: Жуков Е. М., Предсмертное письмо К. Д. (Из истории социалистич. мысли в Японии), в сб.: Из истории социально-политич. идей, М., 1955, с. 690—702; Сакисака Идуро, Совр. япон. мыслители, пер. с япон., М., 1958, с. 163—73; Иванова Г. Д., К. — революционер и литератор, М., 1959, библи. с. 128—29; История философии, т. 5, М., 1961, с. 834—39; Сангуса Хирото, Нихон-но юбуцудзюрю (Япон. материалисты), Токио-Эйхоса, 1956, с. 234—60; Опитадаси, Нихон киндай сисо-но ронри (Логика совр. япон. мысли), Токио, 1958, с. 84, 98, 112, 152, 155, 161—68, 171, 173, 248.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

КОТРЕЛЛ (Cottrell), Уильям Фредерик (р. 19 авг. 1903) — амер. бурж. социолог, проф. ун-та в Оксфорде (шт. Огайо). В осн. кн. «Энергия и общество» («Energy and society», 1955) исследует «соотношение энергии, социальных изменений и экономического развития». К. отмечает необходимость возрастания планового начала в жизни общества по мере усиления его энергетич. вооруженности и ищет об ответственности обществ. и гос. деятелей в условиях применения атомной энергии (см. указ. соч., р. 256, 310—11). Несмотря на признание о том, что общество с высоко развитыми энергетич. ресурсами не нуждается в частной собственности (см. там же, р. 219—20), К. враждебно относится к коммунизму и волюнтаристски толкует законы обществ. развития, говорит о необходимости модифицировать капитализм. Вместе с тем анализ разрушит. силы ядерного оружия привел его к выводу о необходимости устранения войн и расширения взаимопонимания между странами с различным обществ. строем.

Соч.: The railroader, L., [1940]. Д. Ермоленко. Москва.

КОУЛ (Cole), Джордж Дуглас Хоуард (25 сент. 1889—14 янв. 1959) — англ. социолог, теоретик левого лейборизма. Пред. исполкома (1939—46 и 1948—50) и президент (1952—58) Фабианского об-ва, проф. социальной и политич. теории Оксфорд. ун-та (1944—57). В своих работах (за 46 лет К. опубликовал более 50 книг) К. рассматривал вопросы классовой структуры совр. общества, историю рабочего движения, историю и роль профсоюзов, экономич. и политич. проблемы Великобритании. В период 1-й мировой войны К. был одним из идеологов т.п. гильдейского социализма. В последние годы жизни К. выдвинул теорию о промышл. партнерстве, к-рая представляет собой новый вариант «гильдейского социализма» в условиях гос.-монополистич. капитализма. Оставаясь в теории на позициях откровенного реформизма и выступая с критикой марксизма, К. вместе с тем высказывал верные взгляды по ряду актуальных проблем внутр. и внешне-политики Англии.

Соч.: The world of labour, 4 ed., L., 1919; A short history of the British working class movement 1789—1937,

[2] ed., v. 1—3, L., [1938]; Fabian socialism, L., [1943]; A history of the Labour Party from 1914, L., [1948]; Socialist economics, L., 1950; A history of socialist thought, v. 1—3, N. Y., 1953—56; Studies in class structure, L., 1955; The case for industrial partnership, L.—N. Y., 1957; в рус. пер.— Капитализм в совр. мире, М., 1958 (вступ. ст. В. А. Чепракова). М. Волков. Москва.

КОФКА (Koffka), Курт (18 марта 1886—22 нояб. 1941) — нем. психолог, ученик Штумпфа. Работал в Гисене. В 1924 сблизился с амер. психологами и переехал в США, где занял кафедру Смитовского колледжа (Нортхемптон, штат Массачусетс). Совместно с Вертхеймером и Келером основал журн. «Psychologische Forschung», ставший осн. органом *гештальтпсихологии*. К. исследовал широкий круг вопросов *восприятия*, психич. развития, памяти, мышления, выработки навыков и т. д., к-рые интерпретировал в плане закономерностей целостной структуры. Так, напр., закономерности мышления К. рассматривал как преобразование структуры наглядной ситуации, не учитывая специфики мышления как познават. процесса.

Соч.: Zur Analyse der Vorstellung und ihrer Gesetze, Lpz., 1912; Perception: an introduction to the Gestalt-Theorie, «Psychol. Bull.», 1922, № 19, p. 531—85; Psychologie, в кн.: Lehrbuch der Philosophie, hrsg. von M. Dessoir, [Lpz.—B., 1925]; Mental development, в сб.: Psychologies of 1925, ed. by C. Murchison, Worcester—L., 1926, p. 129—43; Die Wahrnehmung von Bewegung, в кн.: Handbuch der normalen und pathologischen Physiologie, Bd 12, Hälfte 2, B., 1931, S. 1166—1214; Principles of Gestaltpsychology, N. Y.—L., 1935; в рус. пер.— Основы психич. развития, М.—Л., 1934.

Лит.: Petermann B., Die Wertheimer — Koffka — Köhlersche Gestalttheorie und das Gestaltproblem, Lpz., 1929; Heidbreder E., Seven psychologies, N. Y.—L., 1933; Hartmann G. W., Gestalt psychology, N. Y., 1935. М. Рогович. Москва.

КОЦЮБИНСКИЙ, Михаил Михайлович [5(17) сент. 1864—12(25) апр. 1913] — укр. писатель, революц. демократ. Взгляды К. формировались под влиянием революционно-демократич. идей Шевченко, Белинского, Добролюбова, Чернышевского. В 90-х гг. К. познакомился с марксизмом и принял нек-рые его положения. К. разоблачал капиталистич. порядки и доказывал, что нельзя реформами прекратить разорение крестьянства и изменить тяжелое положение народа. Видя путь к освобождению в революц. свержении самодержавия, он горячо приветствовал революцию 1905—07.

В философии К. был материалистом, боролся с религ. предрассудками и суевериями. В период реакции, наступившей после революции, К. вскрыл связь декадентства с религ.-идеалистич. мировоззрением, доказывал, что творчество декадентов служит интересам эксплуататорских классов («Філянський. Лірика», 1907; «Intermezzo», 1909, и др.). К. показывал реакционность теории «искусства для искусства» и требовал, чтобы искусство служило трудовому народу. Рус. писатели Короленко и М. Горький высоко ценили К. и содействовали переводу его произведений на рус. язык.

Соч.: Твори, т. 1—3, К., 1955—56; в рус. пер.— Собр. соч., т. 1—3, М., 1951; см. также в кн.: Избр. обществ.-политич. и филос. произв. укр. революц. демократов XIX в., М., 1955.

Лит.: Очерки по истории философии и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 634—638; Горький А. М., М. М. К., Собр. соч., в тридцати томах, т. 14, М., 1951; Партолин М., Суспільнополітичні погляди М. М. К., Х., 1953; его же, М. М. К. — виразитель дум и чаяний трудящихся, в сб.: Укр. революц. демократи, М., 1954; Коцюбинська-Ефіменко З. Х., М. К. Життя і творчість, К., 1955; Смілянський Л., М. Коцюбинський, К., 1955; Калениченко Н. Л., М. К. Життя і творчість, К., 1956; Мищенко Д. О., Розвиток «элітаризму» в творчості М. К., К., 1957. Д. Острижко. Киев.

КОЧАРЛИ, Фирудин Касум оглы (р. 24 дек. 1922) — сов. философ, руководитель Сектора философии АН Азерб. ССР (с 1959), канд. филос. наук (с 1954). Член КПСС с 1945. Окончил филос. отделение историч. ф-та Азерб. ун-та им. С. М. Кирова (1950). Преполагает философию с 1950. Работает преимуще-

ственно над проблемами развития сов. общества и историей обществ. и филос. мысли Азербайджана конца 19 — нач. 20 вв.

Соч.: Совет Чамиййэтинин йерекэтверичи гуввалер, в кн.: Совет чамиййэтинин инкишафынын бэ'зи меселелери. (Мегагаллер), Баки, 1957; Сосиализмин луксалиб коммунизму кемчосинин ганунауунлуглары, Баки, 1959; Сосиализм чамиййэтидадиле, Баки, 1959; В. И. Ленини сосиалист медиййэтинин ташекулу ва инкишафынын ганунауунлуглары наггында, в сб.: Ленинизм идежаларынын тонтанеси, Мегагаллер, Баки, 1960; ССРИ — да сосиализмин там ва гет и галбэси ленинизм бежук тонтанесидир, там же; К вопросу формирования Азерб. социалистич. культуры, Тр. сектора философии АН Азерб. ССР, т. 3 (7), Баки, 1960.

КОЭН (Cohen), Моррис Рафаэль (25 июля 1880 — 28 янв. 1947) — амер. философ, представитель т. н. неореализма, в политике — приверженец бурж. либерализма. С 1906 — д-р философии, с 1938 — проф. Чикагского ун-та. В гл. работе «Разум и природа» («Reason and nature», 1931, 2 ed., 1953) К. уделял много внимания проблеме соотношения естеств. и обществ. наук, называл свои взгляды «реалистическим рационализмом», отвергал априоризм, но, вместе с тем, переоценивал рациональное познание в ущерб чувственному. Подверг критике, с одной стороны, индуктивизм, с другой — понимание законов логики как законов связи понятий. Логике К. понимает как науку, тождественную с математикой, считая совр. символич. логику более гибким инструментом, чем традиц. логика, способным оперировать с частичными истинами, вероятностями, неопределенностями и т. д. (см. «A preface to logic», 1944, p. 5—10). В целом для филос. концепции К. характерна рационалистич. и натуралистич. окраска. К. выступал против иррационалистич. тенденций совр. идеалистич. философии. Большое внимание он уделял связи философии с правовыми науками (см. «Reason and law», 1950), истории философии (см. «The meaning of human history», 1947), истории науки (там же с. 245—59, а также в гл. «Bacon and the inductive method», в кн.: «Studies in philosophy and science», 1949).

Соч.: Law and the social order, N. Y., [1933]; An introduction to logic and scientific method, L., 1934 (совм. с E. Nagel); The faith of a liberal, N. Y., [1946]; A source book in Greek science, N. Y.—Toronto — L., 1948 (совм. с I. E. Drabkin); A dreamer's journey, Boston, 1949; Studies in philosophy and science, N. Y., [1949]; Readings in jurisprudence and legal philosophy, N. Y., 1951 (совм. с F. S. Cohen); в рус. пер.—Амер. мысль, М., 1958.

КРАВКОВ, Сергей Васильевич (19 мая 1893 — 16 марта 1951) — сов. психолог, специалист по психофизиологии органов чувств. Чл.-корр. АН СССР (1946) и АМН СССР (1946), засл. деят. науки. С 1931 до 1951 с перерывами заведовал Лабораторией психофизиологии ощущений Ин-та психологии. С 1936 руководил лабораторией физиологич. оптики НИИ глазных болезней, к-рая носит теперь его имя. С 1945 руководил созданной им лабораторией физиологич. оптики при Ин-те философии АН СССР. Вед педагогич. работу. При активном участии К. была создана комиссия по физиологич. оптике при АН СССР. Он был инициатором создания, а потом редактором неперидич. издания трудов этой комиссии: «Проблемы физиологич. оптики». Монография К. «Глаз и его работа» (1932, 4 изд., 1950) представляет своего рода энциклопедию по физиологии зрения и физиологич. оптике. Оригинальной линией науч. исследований К. было изучение взаимодействия органов чувств, связи органов зрения с организмом в целом, в т. ч. регулирования зрительных функций центр. нервной системой.

Соч.: Очерк психологии, [М., 1925]; Очерк общей психофизиологии органов чувств, М.—Л., 1946; Взаимодействие органов чувств, М.—Л., 1948; Цветовое зрение, М., 1951.

Лит.: С. В. Кравков. [Некролог], «Вопр. философии», 1951, № 3, с. 221—22.

КРАЛЬ (Kral), Йосеф (р. 31 окт. 1882) — чешский философ-позитивист, проф. философии и социологии

ун-та им. Коменского в Братиславе, а потом (с 1932) Карлова ун-та в Праге. Отвергая иррационализм и априоризм как формы филос. и социологич. исследования, К. считал необходимым основывать философию и социологию на базе опыта. Он определял социологию как науку о строении и развитии общества, а культуру, как систему достижений человек. деятельности. Проблема предмета социологии и ее взаимоотношения с др. науками посвящены работы К.: «Отношение социологии к психологии и педагогике» — «Vztahy sociologie k psychologii a pedagogice», 1922; «Социологические основы педагогики» — «Sociologické základy pedagogiky», 1926; «Социальные науки и их классификация» — «Sociální vědy a jejich třídění», 1931. К. является также автором монографии «Гербартовская социология» — «Herbartovská sociologie», 1921.

Гл. объект науч. занятий К. — история чехословацкой философии и социологии («Ессеннус — философ» — «Jessenius filozof», в журн.: «Česká mysl», 1923; «Чешские гуманистич. логики» — «České logiky humanistické», в кн.: Š. Gelenius Sušický, Logika, 1926). К. — автор ряда очерков о философии Тырша («Životní a národní filosofie Tyršova», в кн.: Tyršův sborník, sv. 16, 1932), Ф. Дртыни («Filosofie profesora Drtiny», в журн.: «Česká mysl», 1922), Ф. Крейчи («Fr. Krejčí», 1935), Т. Масарика («Masaryk filosof a sociolog», 1931; «Masaryk — filosof humanity a demokracie», 1947), Линднера («Studie o G. A. Lindnerovi», 1930). Осн. труд К. — «Чехословацкая философия» («Československá filosofie», 1937).

Лит.: Прокоп Д., Filosofické a sociologické názory J. K., «Filosofický časopis», 1959, № 3. М. Свобода, ЧССР.

КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ (мегагалактическое) — понижение частот электромагнитного излучения галактик (света, радиоволн) по сравнению с частотой лабораторных (земных) источников электромагнитного излучения. В частности, линии видимой части спектра смещены к красному его концу, откуда и название «К. с.». Осн. физич. особенность К. с. — независимость относит. изменения частоты от самой частоты.

К. с. естественно объясняется эффектом Доплера — Физо: при относит. движении источника и приемника частота излучения (длина волны) изменяется — при их взаимном удалении частота понижается (К. с.), при сближении — повышается (фиолетовое смещение). В спектрах галактик фиолетовое смещение наблюдается лишь у нек-рых из них, ближайших к нам, и является следствием движения солнечной системы в Галактике и движения Галактики в Местной группе галактик. Спектры всех др. галактик показывают К. с., что свидетельствует об их удалении от нашей Галактики и друг от друга. Это явление часто неудачно наз. «расширением Вселенной» (см. *Космология*).

К. с. открыл амер. астроном Слайфер в 1912—14, когда природа источников излучения («туманностей») была еще неясна. В 1929 амер. астроном Хаббл открыл закон, носящий его имя: К. с., а значит и скорости удаления галактик, в среднем прямо пропорциональны расстояниям до них. Теоретич. объяснение явления «разбегания» галактик дается релятивистской теорией тяготения как естеств. результат того, что система масс, включающая миллиарды галактик, не может быть статической. До открытия К. с. господствовало метафизич. представление о Вселенной как статич. системе. Даже после создания теории относительности были попытки сохранить статичность Вселенной путем видоизменения уравнений тяготения. Открытие К. с. заставило отказаться от этого представления и показало наличие во Вселенной движений огромного масштаба, притом иного характера, чем наблюдалось в Галактике и ее составных частях. Мн. важные стороны К. с. недостаточно выясне-

ны. В частности, теория указывает, что зависимость между величиной K . с. и расстоянием сложнее, чем простая пропорциональность. Принципиальный интерес представляет также вопрос о масштабах явлений, отраженном K -рых является K . с. Если бы простейшим релятивистским космологич. моделям можно было придавать абс. значение, то деформацию пространства надо было бы считать универсальным явлением и можно было бы говорить о расширении всей Метагалактики или даже всей Вселенной (т. е. всех ее частей достаточно больших размеров). На самом же деле эти модели являются лишь весьма схематическими, упрощенными. В более сложных (анизотропных, неоднородных) релятивистских моделях показывается возможность расширения одних областей системы (напр., Метагалактики) при одновремен. сжатии др. областей, а также смены сжатия расширением и наоборот. Поэтому хотя возможно, что расширение охватывает всю Метагалактику, но вовсе не исключено, что — только часть ее, протяженностью в неск. десятков млрд. световых лет. Говорить же об одновремен. расширении всей Вселенной вообще нет оснований. Поэтому совершенно несостоятельны и те идеалистич. и фидеистич. выводы, к-рые были распространены в 30—40-х гг. 20 в., но имеют изв. хождение и сейчас, — о конечном возрасте Вселенной, о ее возникновении в результате единовремен. взрывного акта «творения» и т. д. Надо также оговорить, что хотя K . с. естественно объясняется эффектом Доплера — Физо и все попытки объяснить это явление иными причинами (напр., «старением» световых квантов) оказались неудовлетворительными, они предпринимаются и сейчас.

K . с. называют также явление совсем иного характера — эффект Эйнштейна (гравитационное K . с.), состоящее в понижении частоты излучения при его перемещении из области с большим значением гравитационного потенциала в область его меньшего значения (см. *Относительности теория*).

Лит.: А г е к я н т А., Звездная вселенная, М., 1955, гл. 5; Ш к л о в с к и й И. С., Радиоастрономия, 2 изд., М., 1955; Н а а н Г. И., О современном состоянии космологич. науки, в сб.: Вопросы космогонии, т. 6, М., 1958; М а р т ы н о в Д. Я., О надежности наблюдательных данных во внегалактич. астрономии, в сб.: Внегалактич. астрономия и космология. Тр. шестого совещания по вопросам космогонии 5—7 июня 1957 г., М., 1959; H u b b l e E. d., A relation between distance and radial velocity among extragalactic nebulae, «Proc. Nat. Acad. Sci. USA», 1929, v. 15, № 3; H u m a s o n M. L., M a y a l l N. U. and S a n d a g e A. R., Redshifts and magnitudes of extragalactic nebulae, «Astron. J.», 1956, v. 61, № 3; Radio sources outside our Galaxy: a Symposium, «Publ. Astron. Soc. Pacif.», 1958, v. 70, p. 133—59. Г. Наан. Таллин.

КРАСОТА — термин, употребляющийся для обозначения прекрасного.

КРАССЕР (Krasser), Фредерик (25 апр. 1818—9 февр. 1893) — румынский естествоиспытатель, атеист и социальный мыслитель. Род. в Себеше (Трансильвания). Филос. концепция K ., его взгляды на природу формировались под воздействием учений Дарвина и Геккеля; в социально-политич. области K . находился под влиянием утопического социализма.

Соч.: Offnes Visier, Buc., 1954 (предисл. Н. Krasser'a). Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 325; Гельнер К. (С и б и у), К вопросу об истории филос. мысли трансильванских саксов в XIX в., «Cercetări Filozofice», Buc., 1957, № 4.

КРАТИЛ (Κρατύλος, конец 5 в. до н. э.) — др.-греч. философ, ученик Гераклита, сделавший из его материалистич. учения о всеобщей текучести вещей крайние релятивистские выводы. K . слушал Платона (65,3, Diels⁹), вступивший, однако, впоследствии в полемику с K . Из теории всеобщей текучести вещей K . делал вывод об отсутствии у явлений к.-л. качеств определенности, почему ни о чем текучем вообще ничего нельзя сказать или можно говорить что угодно. И если Гераклит учил о том, что нельзя дважды войти

в одну и ту же реку, то K . учил, что в нее нельзя войти даже и один раз. Поэтому, вместо высказывания о вещах, он считал возможным только указывать на них. Эти сведения о K . имеются у Аристотеля (фр. 4), к-рый опровергал K . указанием на то, что во всяком становлении имеются еще и нестановящиеся моменты и что, следовательно, обо всем текучем вполне возможны нетекучие высказывания. В диалоге Платона «Кратил» K . приписаны доведенные до абсурда гераклитовские положения. Платон спорил с K ., опираясь на свое учение об идеях, не отбрасывая, однако, гераклитовской текучести, но рассматривая ее как один из необходимых моментов бытия и познания (ср. фр. 1). Судя по этому же диалогу Платона, K . проповедовал прирожденность правильного названия каждой вещи (фр. 5), что он объединял со своим доведенным до полной иррациональности учением о текучести вещей. Ленин, комментируя книгу Лассалю о Гераклите, обращал внимание на то, что у K . диалектика Гераклита превращалась в софистику, в субъективизм (см. Соч., т. 38, с. 343, 350). Абсурдная абсолютизация становления у K . не имеет ничего общего ни с диалектикой, ни с материализмом.

Фрагменты, рус. пер., в кн.: Маковельский А., Досократики, ч. 3, Каз., 1919, с. 188—89.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940 (по именованному указанию); M o n d o l f o R., Il problema di Cratilo e la interpretazione di Eraclito, «Riv. Critica Storia Filosofia», Roma — Milano, 1954, anno 9, fasc. 9, p. 221—31; A l l a n D. J., The problem of C., «Amer. J. Philology», Baltimore, 1954, v. 75, № 299, p. 271—87. А. Лосев. Москва.

КРАУЗЕ (Krause), Карл Христиан Фридрих (6 мая 1781—27 сент. 1832) — нем. философ-идеалист. Получил филос. образование в ун-те в Иене (1797—1802), где слушал лекции Фихте и Шеллинга. С 1802 жил в Иене, с 1814 в Берлине и с 1824 в Гёттингене, где преподавал в ун-те (1824—31).

Используя идеи Фихте и Шеллинга, K . развил мистич. учение о бытии как бож., к-рое выдавал за преодоление «крайностей» материализма и идеализма, а также мистическое и космополитическое учение о праве.

На родине K . его учение не пользовалось известностью. Благодаря Аренсу, ученику K ., оно получило распространение в Бельгии и Голландии; в Испании крупнейшими пропагандистами учения K . были Санс дель Рио, к-рый перевел книгу K . «Прообраз человечества» («Das Urbild der Menschheit», 1811, 3 Ausg., 1904) на исп. яз. («El ideal de la humanidad, trad. J. Sanz del Río, 1860) и Хинер де лос Риос [«Философия и социология» (F. Giner de los Rios, Filosofia y sociología, 1904)].

Соч.: Entwurf des Systems der Philosophie, Jena, 1804; System der Sittenlehre, Bd 1, Lpz., 1810; Abriss des Systemes der Logik als philosophischer Wissenschaft, 2 Ausg., Gött., 1828; Vorlesungen über das System der Philosophie, Gött., 1828; Abriss des Systemes der Philosophie des Rechtes oder Naturrechtes, Gött., 1828; Vorlesungen über die Grundwahrheiten der Wissenschaft, Gött., 1829; Handschriftlicher Nachlass, Abt. 1—4, Gött., 1834—74; Abriss der Aesthetik oder der Philosophie des Schönen und der schönen Kunst, Gött., 1837; Lebenlehre oder Philosophie der Geschichte zur Begründung der Lebenskunstwissenschaft, 2 Aufl., Lpz., 1904.

Лит.: История философии, т. 3, М., 1959, с. 560—61; M a r t i n B. R., K. Ch. F. Krause's Leben, Lehre und Bedeutung, Münch., 1885; L e o n h a r d i H. von, Karl Christian Friedrich Krause als philosophischer Denker gewürdigt, Lpz., 1905; S c h u r d a G., Aesthetik und Musiktheorie des Philosophen K. Ch. F. Krause, Münster in Westf., 1932; S c h w a r z T., Die Lehre vom Naturrecht bei K. Ch. F. K., Bern, 1941; G ö s s l M., Untersuchungen zum Verhältnis von Recht und Sittlichkeit bei I. Kant und K. Ch. F. K., Münch., 1961. М. Бур. ГДР.

КРАУС (Kraus), Оскар (24 июля 1872—1942) — австр. неореалист, проф. Пражского ун-та (1916—1938). Как и его учитель А. Марти, K . воспринял идеи, высказанные Ф. Брентано (1838—1917) после 1910, и выдвинул концепцию т. н. р е з м а (от лат. res — вещь) — разновидности номиналистич. онтологии,

близкой к материализму. Согласно этой концепции, можно мыслить только о конкретных вещах (Dinge). Слова «сознание», «представление» и т. п. — это грамматич. гипостазы, абстракции, не имеющие самостоятельного значения.

Если сам Брентано в понимании «вещей» остался в рамках неореализма, то К. внес в толкование реизма материалистич. момент. Так, Брентано писал о «вещах», как о том, что мыслимо, а К. — как о том, что единственно существует в реальном мире (см., напр., Einleitung, к кн.: «Psychologie vom empirischen Standpunkt», Bd 1, «Philosophische Bibliothek», hrsg. von F. Meiner, Bd 192, Lpz., 1924, S. LVIII). Материалистич. понимание реизма было развито далее Котарбинским.

В учении о ценностях К. резко разграничил эмоциональные и интеллектуальные оценки и отверг существование особого царства ценностей (о к-рых ранее говорил Брентано). Ценности, по К., суть установки предпочтения (Bevorzugungen), возникающие в представлениях, эмоциях и суждениях человека. Сами предпочтения, в свою очередь, подлежат оценке с т. зр. их отношения, во-первых, к вещам и, во-вторых, к принципам долга и права. Последние разрабатывались К. в плане принятия механистич. концепции причинности и критики волюнтаризма. К. стремился основать учение о праве на ценностной этике и выступал за детерминистич. понимание социальных явлений. Критикуя «Философию жизни», К. характеризовал ее как разрушающую логич. мышление. Его выступления против теории относительности основывались на обвинении ее в том, что она будто бы подмывает объективную относительность пространства-времени субъективной относительностью чувственных восприятий.

Соч.: Das Bedürfnis, Lpz., 1894; Zur Theorie des Wertes, Halle, 1904; Die Lehre von Lob, Lohn, Tadel und Strafe bei Aristoteles, Halle, 1905; Die Grundlagen der Werttheorie, «Jahrb. Philos.», 1914, Bd 2; Der Krieg, die Friedensfrage und die Philosophen, Prag, 1918; Franz Brentano, Münch., 1919; F. Brentanos Stellung zur Phänomenologie und Gegenstandstheorie, Lpz., 1924; [Selbstdarstellung], в сб.: Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen, [Bd 7], Lpz., 1929; Zur Kritik von Bertrand Russells «Analyse des Geistes», «Arch. ges. Psychol.», 1930, Bd 75, H. 3/4; Wege und Abwege der Philosophie, Prag, 1934; Die Werttheorien, Brünn, 1937.

Лит.: Stegmüller W., Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie, W.—Stuttg., 1952, Kap. I; Tatarekiewicz W., Historia filozofii, t. 3, Warsz., 1958, s. 207—17; Katarbinski T., Uwagi na temat reizmu. O postawie reistycznej, Wybór pism, t. 2, Warsz., 1958. И. Нарский. Москва.

КРАФТ (Kraft), Юлиус (23 окт. 1898—29 дек. 1960) — нем. бурж. философ и правовед, последователь Л. Нельсона — главы т. н. неофризской кантонаской школы (см. Фриз). Проф. социологии в ун-те г. Франкфурт-на-Майне (1928—33 и 1957—60). В годы фашизма эмигрировал и преподавал в США и Англии. Основатель журнала «Ratio» («Разум», 1958). Подверг критике с позиций старого бурж. рационализма феноменологич. философию, экзистенциализм и прагматизм. В кн. «От Гуссерля к Хейдеггеру» («Von Husserl zu Heidegger. Kritik der phenomenologischen Philosophie», 1932, 2 Aufl., 1957) критикует иррационализм и алогизм, показывая, что эволюция феноменологии от гуссерлианской философии как «строгой науки» к иррационализму Хейдеггера не случайна, а внутренне обусловлена признанием интуиции как осн. метода познания. Социологич. концепция К., сложившаяся под влиянием Гельзенга, характерна выделением роли этич. ценностей и категорий. Справедливо указывая на упадок совр. бурж. филос. мысли, К., однако, враждебно относится к диалектич. и историч. материализму.

Соч.: Die Methode der Rechtstheorie in der Schule von Kant und Fries, B., 1924; Die «Wiedergeburt» des Naturrechts, B., 1932; Philosophie als Wissenschaft und als Weltanschau-

ung, Gött., 1933; Die Unmöglichkeit der Geisteswissenschaft, Lpz., 1934, 2 Aufl., Fr./M., 1957; Erkenntnis und Glaube, Leiden, [1937]; The philosophy of existence: its structure and significance, «Philos. and Phenol. Res.», 1941, v. 1, № 3, p. 339—58; Rechtssoziologie, в кн.: Handwörterbuch der Sociologie, Stuttg., 1959, S. 466—79.

Лит.: Zsigmond A., [пер.] J. Kraft: Von Husserl zu Heidegger, «Magyar Filozófiai Szemle», 1959, № 3—4; Poppert K. R., J. Kraft. 1898—1960, «Ratio», 1962, v. 4, № 1 (библ. работ К.). И. Добронравов. Москва.

КРЕАЦИОНИЗМ (в биологии) (от лат. creatio — сотворение) — биологич. концепция, трактующая многообразие форм органич. мира как акт божеств. творения. К. отрицает эволюцию и изменение видов. В биологии креационистская традиция церковной догматики продолжается со средневековья и вплоть до 19 в., воплощаясь в антиэволюционистской идее неизменности видов, разделявшейся большинством естествоиспытателей того времени. Научообразную форму К. получил у франц. анатома и палеонтолога Ж. Кювье. До последовательно креационистской концепции множественности актов творения теория катастроф была доведена его учениками и последователями А. Д'Орбиньи и Ж. Агассисом. Хотя К. с конца 18 в. подвергался сильным атакам со стороны эволюционистских идей (уже К. Линней в конце жизни отказался от т. зр. неизменяемости видов), особенно Ламарка, однако только теория происхождения видов Дарвина подорвала его влияние. В течение 19 в. дарвинизм с боями вытесняет К. из биологии. Особенно ожесточенно борьба велась в Англии (А. Седжвик, Уолластон и др.), Франции (М. Флуранс, А. Мильн-Эдвардс, Ж. Катрфаж и др.) и США (швейцарский биолог Агассис, живший в Америке). 20 в. — время окончат. и полного торжества эволюционного учения, в результате чего креационистские воззрения становятся анахронизмом. Однако вплоть до наст. времени К. используется как знамя в непрекращающихся усилиях церкви подчинить своему влиянию науку; продолжаются попытки поставить под сомнение доказательность эволюц. теории. Таковы утверждения об «исчерпанности» теории происхождения видов (В. Тролл), о «недействительности» естеств. отбора в создании значит. эволюционных преобразований, отрицание прогресса в эволюции (Дж. Дьюар) и т. д. «Стыдливой» формой К. является утверждение, что дарвинизм — только одна из возможных гипотез (Ф. Фозергилл). Эта т. зр. смыкается с др. направлением совр. К. — попытками «ассимилировать» эволюц. учение, подчинив его идее божеств. творения. Таковы разнообразные виталистические концепции: теория *эмержентной эволюции*, «телефиализм» Леконта де Нюя, теория «первичной активности» Р. Рюйе, *голизм* и мн. др. К. пользуется признанием в неотомизме. Будучи лишен всякого научного содержания, К. в наст. время имеет только отрицат. значение идеологич. орудия борьбы религии против научной биологии.

Лит.: Кю вье Ж., Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара, пер. с франц., М.—Л., 1937; Дарвин и ташвилл Л. Ш., История эволюц. палеонтология от Дарвина до наших дней, М.—Л., 1948; Платонов Г. В., Дарвин, дарвинизм и философия, М., 1959; Фролов И. Т., О причинности и целесообразности в живой природе, М., 1961; Зиммерман W., Evolution. Die Geschichte ihrer Probleme und Erkenntnisse, Münch., 1953. М. Левин. Москва.

КРЭБЕР (Kroeber), Алфред Луис (11 июня 1876—5 окт. 1960) — амер. этнограф и социолог, представитель «исторической» школы в амер. этнографии. Эта школа возникла в конце 19 — нач. 20 вв. как реакция на теорию Л. Моргана и марксистскую концепцию прогресса и единства пути развития общества. Филос. основа взглядов К. — прагматизм. К. испытал влияние идеи *баденской школы* об отсутствии закономерности в историч. процессе и теории М. Вебера об идеальных типах («История и наука в антропологии» — «History and science in anthropology», журн. «Amer. Antrop.», 1935, т. 37, № 4). Многочисл. этнографич.

работы К. содержат большой фактич. материал, но крайне эмпиричны и написаны с позиций антиэволюционизма. В конце 30 — нач. 40-х гг. К. испытал влияние холизма и трактовал историч. процесс как множество отд. изолированных культур, образующих отд. циклы развития. К. биологизировал культуру («Очертания роста культуры» — «Configurations of culture growth», 1944). В последние годы жизни К. отказался от антиэволюционизма и циклизма и выступил за признание идеи непрерывного развития («Эволюция, история и культура» — «Evolution, history and culture», в сб.: Evolution after Darwin, v. 2, 1960).

Лит.: Б у т и н о в Н., [рец.] A. L. Kroeber. Configurations of culture growth. Berkeley and Los Angeles, 1944, «Сов. этнография», 1948, № 2; е г о ж е, Совр. амер. «теоретич.» этнография, там же, 1949, № 1; А в е р к и с в а Ю. П., Совр. тенденции в развитии этнографии США, в сб.: Совр. амер. этнография, М., 1963; S t e w a r d J. H., A. L. Kroeber, «Amer. Anthropologist», 1961, v. 63, № 5; G i b s o n A. J., R o w e J. H., A bibliography of the publications of A. L. K., там же; D r i v e r H. E., The contribution of A. L. K. to culture area theory and practice, Balt., 1962. М. Роговин, Л. Файнберг. Москва.

КРЕЙЦВАЛЬД, Фридрих Рейнгольд (26 дек. 1803 — 25 авг. 1882) — основоположник эст. нац. литературы, просветитель-демократ. По специальности врач. Выступал как писатель и фольклорист, как борец за нар. просвещение и популяризатор естеств. наук. Основной труд К. — составление эст. нац. эпоса «Калевипоэг» (вып. 1—5, 1857—61, «народное» [сокр.] изд. 1862). Филос. взгляды К. нашли отражение в его переписке с Койдулой и Фельманом (Kreutzwaldi ja Koidula kirjavahetus, [т.] 1—2, 1910—11; Fr. R. Kreutzwaldi kirjavahetus, т. 2—5, 1953—62). Для филос. взглядов К. характерны черты материализма и стихийной диалектики, убеждение в познаваемости мира. К. остро критиковал ортодоксальное христианство, церковь и пасторов, в к-рых видел непримиримых врагов прогресса. Мировоззрению К. остались свойственны черты *деизма*.

Лит.: Очерки по истории философии и обществ. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 860—63. Э. Янсен. Таллин.

КРЕЙЧИ (Krejčí), Франтишек (21 авг. 1858 — 24 мая 1934) — чешский бурж. философ-позитивист. Проф. философии и психологии Карлова ун-та в Праге (с 1912). Сторонник *психофизического параллелизма* и т. н. феноменального *дуализма* (см. «Психология», «Psychologie», dl. 1—6, 1902—26). Представители идеалистич. направлений чешской философии, особенно виталист Марен, критиковали К. за допущение психологии «без души», за защиту детерминизма как принципа науки, за атеизм. К. активно участвовал в политич. жизни, совместно с З. Неудлы выступал в защиту интересов рабочего класса.

Соч.: O filosofii přítomnosti, Praha, 1904; Svoboda vůle a mravnost, Praha, 1907; Filosofie posledních let před válkou, 2 vyd., Praha, 1930; Positivní etika ..., Praha, 1922; Politika a mravnost, Praha, 1932.

Лит.: Sborník ku počtě F. K., Praha, 1929; «Československá Psychologie», 1958, т. 2, с. 3.

КРЕМЕР (Kremer), Юзеф (22 февр. 1806 — 2 июня 1875) — польский философ-идеалист. Изучал право и философию в Кракове, Берлине, Гейдельберге и Париже. Обучаясь во Франции (1828), находился под влиянием сеп-симонизма. По возвращении на родину принимал участие в восстании 1830—31. Позднее отказался от политич. деятельности. С 1850 — проф. философии в Ягеллонском ун-те, преподаватель эстетики и истории иск-ва в Краковской школе изящных искусств. Филос. взгляды К. сформировались под влиянием философии Гегеля, лекции к-рого он слушал в Берлине. В работах по эстетике «Письма из Кракова» («Listy z Krakowa», т. 1, 1843, т. 1—3, 1855—56), «Путешествия в Италию» («Podróż do Włoch», т. 1—5, 1859—64) К. развивал проблемы гегелевской эстетики, модифицируя их в духе правогегельянцев. Выступал против реализма в иск-ве,

защищая теорию иск-ва для иск-ва. В соч. «Систематич. изложение философии...» («Wykład systematyczny filozofii...», 1849—1852) и др. развивал понятие личного бога. К концу жизни занялся изучением тессофии.

Соч.: Dzieła z dodaniem życiorysu i rozbioru prac K., t. 1—12, Warsz., 1877—81.

Лит.: S t r u v e H., Życie i prace J. K., jako wstęp do jego Dzieł, Warsz., 1881; B r z o z o w s k i S t., J. K. jako pisarz, filozof i estetyk, Warsz., 1902; Z m i g r o d z k a M., Edward Dembowski i polska krytyka romantyczna, Warsz., 1957.

КРЕСКАС (Crescas), Хасдай бен Авраам (ок. 1340 — после 1410) — евр. философ и богослов. Жил в Испании. Его соч. «Свет Господень» («Or Adonai», опубл. 1555) ставило осн. целью опровергнуть онтологич. учение Аристотеля, а также — в противоположность взглядам *Маймонида* — утвердить идею о том, что и бог обладает атрибутами, в частности протяжением. Своей критикой аристотелевских аргументов в пользу невозможности бесконечно большого тела и протяжения и идей о том, что в области учения о бесконечном многое является непредставимым и невообразимым, хотя разум и вынужден принять то, что превосходит силу воображения, К. оказал влияние на *Спинозу* (на его учение о бесконечной материальной субстанции и о различии между воображением и интеллектом).

Сторонник *детерминизма*, К. не только отрицал свободу воли у человека, но утверждал, что и деятельность бога подчинена объективной закономерности всеобщего порядка вещей.

Лит.: J o e l M., Don Chasdai Cresca's religionsphilosophische Lehren in ihrem geschichtlichen Einflusse dargestellt, Breslau, 1866; е г о ж е, Zur Genesis der Lehre Spinoza's, Breslau, 1871; W o l f s o n H. A., Crescas' critique of Aristotle, [L.] — Camb. [Mass.], 1929. В.Зубов. Москва.

КРЕСТЬЯНСТВО (от рус. «крестьянин», первоначально «христианин», с 15 в. вытеснившего другие термины — «смерд», «сирота» и пр., обозначающие зависимых от князей и бояр мелких земледельцев) — совокупность в досоциалистич. общественно-экономич. формациях мелких производителей в земледелии (в более широком смысле — в с. х-ве вообще), ведущих хозяйство собств. средствами произ-ва и силами своей семьи, а при социализме объединяющихся для ведения коллективного, кооперативного крупного х-ва.

К. возникло на основе разложения первобытно-общинного строя, когда на смену общинной собственности приходит частная собственность на средства произ-ва. Родовая и патриархальная домашняя община, как хозяйств. единица, заменяется новой формой организации х-ва, влекущей к изменению форм *семьи*. С установлением частной собственности на средства произ-ва многогамная семья стала хозяйств. единицей общества, к-рой принадлежали жилище, домашнее х-во, скот (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 68, 77, 140). Начало экономич. обособления и развития частной собственности семей у древнейших земледельцев, как показали раскопки в р-не др. Персеполя в Юж. Иране, можно отнести к 6—5-му тыс. до н. э. Родовые связи ослабевают, и место родовой и патриархальной семейной общины занимает сельская (соседская) община. Письменные источники Египта периода Древнего царства в 3-м тыс. до н. э. сообщают, что даже простые люди продавали землю, т. е. уже тогда существовала частная собственность на землю. Но у др. народов частная собственность на пашни, луга и леса появилась много позже. Общинная собственность на землю в менее развитых странах сохранилась до наст. времени.

С. х-во на протяжении тысячелетий было основано на ручном труде и тягловой силе животных. В наиболее развитых странах с.-х. машины на конной тяге получили распространение лишь в 19 в., а механизация с. х-ва на основе механич. двигателей — в 20 в.

Медленное развитие с.-х. техники в сочетании с природными особенностями с. х-ва создали устойчивую мелкую х-ва в с.-х. произ-ве, особенно в земледелии. К. как большая обществ. группа существовало в рабовладельч., феод. и капиталистич. обществах. Даже в совр. эпоху перехода от капитализма к коммунизму оно составляет большинство человечества. На протяжении тысячелетий сложились нек-рые общие черты быта и психологии, физич. и духовного облика К. Напряженный труд создавал физич. крепость и выносливость, медленное экономич. развитие — устойчивость традиций в организации х-ва и семейных отношениях, в психологии и идеологии. Разобщенное ведение х-ва отд. семьями затрудняло обществ. и политич. организацию К., разработку и осуществление его общественно-политич. программ и требований.

Общественно-экономич. природа К., его экономич. и политич. положение, а также идеология изменялись в зависимости от смены общественно-экономич. формаций и этапов их развития. Обществ. разделение труда — отделение земледелия от скотоводства, ремесла от с. х-ва — привело к развитию обмена, создало основу для углубления имуществ. неравенства и выделению среди почти однородной массы крестьян-общинников более богатых семей. Обычно это были знатные семьи старейшин, военных руководителей, жрецов и т. п. С появлением прибавочного труда и прибавочного продукта знатные и богатые семьи, обладающие большим количеством средств произ-ва, начали присваивать прибавочный продукт, обращая в рабов пленных, а затем и обедневших соседей-общинников. В условиях рабовладельч. строя К. было основным, переходным классом. На первом этапе этого строя оно составляло большинство населения и занимало важное место в экономич. и политич. жизни общества, поставляя, как это было в Др. Риме, осн. военную силу для гос-ва. Образование латифундий, ставших источником дешевых с.-х. товаров, произведенных рабами, усиление эксплуатации К. рабовладельч. гос-вом, помогавшим рабовладельцам захватывать общинные земли и заставлявшим свободных крестьян платить большие налоги, бросать свою деревню и идти в войска, все более разоряли крестьян, превращали их в рабов, уменьшали удельный вес К. в экономич. и обществ. жизни. Ослабление военной мощи рабовладельч. гос-ва, а с другой стороны, движение крестьян против рабовладельцев вызвали появление различных программ для восстановления крест. х-ва. Напр., движение братьев Гракхов (133, 123—122 до н. э.) в Др. Риме, проект указа императора Лю Ина (1 в. до н. э.) и реформы Ван Мапа в Др. Китае (1 в.). Обострение классовых противоречий рабовладельч. общества привело к мощным восстаниям рабов, вместе с к-рыми действовали разоряющиеся крестьяне, напр. восстание Спартака [74 (или 73) — 71 до н. э.], «Желтых повязок» в Др. Китае (184—205). В Др. Риме кризис рабовладельч. х-ва привел к тому, что рабовладельцы начали в 1 в. делить свои земли на мелкие участки и раздавать их рабам, отпущенным на волю, или разорившимся крестьянам, обязанным нести повинности в пользу землевладельца. Новые земледельцы — колонны — закреплялись за земельными участками. Они были предшественниками ср.-век. крепостных крестьян.

У многих народов, напр. у герм. и слав. племен, рабство не вышло за пределы патриархального, домашнего рабства и они не пережили рабовладельч. формации. На основе разложения первобытнообщинного строя складывался феод. строй.

В феод. обществе К. стало осн. классом, эксплуатируемым классом феодалов. Господство феодалов определяется крупной феод. земельной собственностью и личной зависимостью крестьян от феодалов, к-рая могла выражаться в разных формах: от обязанности

платить умеренный оброк до полной зависимости крепостного. Крестьянин имел свое х-во, пользовался участком земли, к-рая считалась принадлежащей феодалу или феод. гос-ву. В отличие от раба, он не считался полной собственностью феодала, но последний путем внеэкономич. принуждения заставлял его отдавать прибавочный продукт в виде феод., докапиталистич. ренты на землю. На первом этапе феод.-крепостнич. формации феод. рента взималась в форме отбавочной ренты и ренты продуктами. С развитием товарно-денежных отношений она обычно принимает форму денежной ренты. При возрастании спроса на с.-х. продукты, возможности их выгодного сбыта феодалы-помещики увеличивают собств. запашку, урезая наделы крестьян и заставляя их работать в х-ве феодала. В нек-рых странах, в частности в странах Вост. Европы, это выражалось в такой барщине, к-рая отнимала у крестьян почти все рабочее время. Несмотря на стремление феодалов изъять у крестьян весь прибавочный продукт, все же нек-рая самостоятельность крестьянина в ведении своего х-ва создавала иногда возможность накопления и на этой основе — усиления имуществ. неравенства, к-рое в дальнейшем, гл. обр. в период кризиса и разложения феод. х-ва, вело к классовому расслоению К.

К. постоянно вело борьбу против феодалов, особенно в периоды усиления эксплуатации. В этой борьбе проявляется осн. внутр. противоречие феод. общества: К. и крест. х-во представляют гл. производит. силу, но крестьяне являются гл. объектом эксплуатации феодалов, к-рая на определ. ступени задерживает и делает невозможным развитие производит. сил крест. х-ва.

В идеологии К. это противоречие отражалось в идеях равенства, равных прав на землю и освобождения от повинностей. Поскольку интересы господствующего класса феодалов защищались религией, то антифеод. крест. идеология выступала в виде различных *ересей*, в идеях реформации (учение *анабаптистов*, Т. Мюнцера и др.). В истории известны восстания, в к-рых участвовали широкие массы крестьян (в Сев. Италии под руководством фра Дольчино в 1304—07, Жакерия во Франции в 1358, в Англии под руководством Уота Тайлера в 1381; Крестьянская война в Германии в 1524—25; в Китае в 1620—40-е гг., в России под руководством И. Болотникова в 1606—07, С. Разина в 1670—71, Е. Пугачева в 1773—75). Но крестьяне не могли разработать последоват., законченной программы борьбы, а организацию своих сил строили по примеру господствующего класса: руководитель армии восставших кит. крестьян — Ли Цзы-чэн, овладев в 1644 столицей — Пекином, принял титул императора, Пугачев называл себя императором Петром III. Крест. восстания терпели поражения, а при победе, как это было в Китае в 1644, не могли ее закрепить. История крест. движения против феодализма и крепостничества показывает, что оно может быть успешным лишь когда созревают объективные условия для перехода от феодализма к капитализму. Несмотря на конечные поражения, крест. восстания наносили сильные удары феодализму и усиливали его кризис. В бурж. революциях в период перехода от феодализма к капитализму К. составляло главную силу.

В капиталистич. обществе К. обычно сохраняется, но оно перестает быть единым классом; происходит его классовая дифференциация, глубина и темпы к-рой непосредственно связаны с развитием капитализма. К. распадается на пролетариат и буржуазно. По определению Ленина, трудящиеся и эксплуатируемые массы в деревне представлены след. группами: 1) с.-х. пролетариатом, 2) полупролетариями, или парцельными крестьянами, 3) мелкими крестьянами, к-рые, покрыва-

вая потребности своей семьи и своего х-ва, не прибегают к найму чужой рабочей силы. Эти три группы составляют во всех капиталистич. странах большинство населения деревни. Далее в деревне есть: 4) средние крестьяне, к-рые владеют на праве собственности или аренды участками земли, к-рые позволяют получить известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превращаться в капитал, и 5) крупные крестьяне — капиталистич. предприниматели в земледелии (см. Соч., т. 31, с. 130—34). В зависимости от степени развития капитализма и удельного веса пром-сти в нар. х-ве К. в разных капиталистич. странах может составлять различную долю населения — от незначит. меньшинства до подавляющего большинства. Разорению К. «... предшествует отчаянная борьба за свою экономическую самостоятельность» (Ленин В. И., Соч., т. 5, с. 171). Для сохранения своего х-ва крестьяне вынуждены прибегать к чрезмерному труду и ограничению потребностей, в результате чего при капитализме «мелкое земледелие держится... расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли...» (там же, с. 161). При сохранении, а иногда даже увеличении числа крест. хозяйств происходит рост числа крест. членов крестьянских семей, считающих уже земледелие своим только п о б о ч н ы м занятием (там же, с. 201), а основным становится работа по найму и др. «подсобные заработки». Крупные землевладельцы, ведущие на своей земле капиталистич. земледелие, выделяют часть земли для продажи ее или сдачи в аренду своим «рабочим с наделом», обеспечивая, т. о., свое х-во дешевыми рабочими.

Процесс классовой дифференциации, разорения и вытеснения К. из с. х-ва резко усиливается в эпоху империализма и особенно в период общего кризиса капитализма. Мелкий крестьянин не может даже при самом напряженном труде всех членов семьи возместить отсутствие новейшей техники, применение же ее в мелком х-ве недоступно из-за высокой цены технических усовершенствований и экономически не оправдывает расходов на них. Установление господства монополистич. капитализма во всех отраслях нар. х-ва и в торговле приводит к тому, что крестьяне вынуждены приобретать необходимые средства произ-ва и удобрение по все более высоким ценам, а продавать свою продукцию — продовольств. продукты и сырье — по низким ценам. На совр. этапе гос.-монополистич. капитализма в правящих кругах США и странах «Общего рынка» (Европ. экономич. сообщества) разрабатываются планы резкого сокращения «нерентабельных» х-в («Зеленый план» в ФРГ, закон «О сельскохозяйственном курсе» во Франции), что угрожает полным разорением и вытеснением мелких и средних крест. х-в.

В других формах проявлялось господство капитализма в менее развитых капиталистич. странах, напр. вост. части Европы, в частности в России, и в колониальных или полуколониальных странах. Вплоть до эпохи империализма там преобладали в экономике феод.-крепостнич. отношения или сохранялись их сильные пережитки. К. испытывало гнет феод.-крепостнич. отношений, еще более тяжелый из-за проникновения и пережитков с ними капиталистич. отношений. Крестьяне страдали и от капитализма и от недостаточного развития капитализма. Проникновение финанс. капитала в отсталые страны разлагает натуральное или полунатуральное крестьянское х-во, вносит в К. классовую дифференциацию. Финанс. капитал сочетает капиталистич. и феод.-крепостнич. методы эксплуатации. Не заинтересованный в пром. развитии слабых стран, финанс. капитал входит в союз с господствующим классом феодалов и буржуа-

зией (в колониальных и полуколониальных странах с компрадорской буржуазией), поддерживая экономич. базу своих союзников: феодалов или полуфеодалов. Землевладение, зависимое положение К. от феодалов и др. Все это задерживает развитие производит. сил отсталых стран и сохраняет надолго в них, особенно в с. х-ве, докапиталистич. производств. отношения, в т. ч. строй мелкого крест. х-ва.

В развитых капиталистич. странах, где крестьяне после бурж. революций, руководимых буржуазией, получили земли помещиков или земли, захваченные у местного населения, напр. в США, они поддерживали новый, капиталистич. строй. Франц. крестьяне помогли буржуазии подавить революц. выступления рабочего класса в 1848 и 1871. Разные классовые группы К. занимают различные политич. позиции. Крупные крестьяне — деревенская буржуазия, примыкает к буржуазии города и вливается в бурж. политич. партии. С.-х. рабочие и подпролетарии постепенно втягиваются в общепролет. движение. Наиболее сложный и длит. путь изменения идеол. и политич. позиций, путь колебаний проходит мелкое и среднее крестьянство. Экономич. положение ставит эти группы деревни и вообще *мелкую буржуазию* между пролетариатом и буржуазией. Как частные собственники они тяготеют к буржуазии, как труженики и эксплуатируемые — к пролетариату. Им трудно преодолеть иллюзии о возможности свободно развивать свое мелкое хозяйство. От подобных иллюзий долго не могут освободиться и сел. рабочие. Бурж. идеология, в частности бурж. и реформистская экономич. наука, многочисл. путями поддерживает эти воззрения и приверженность к бурж. правопорядку. Важную роль в поддержании этих иллюзий играет религия. В эпоху капитализма также возникают религ. учения, выступающие против частной собственности на землю: в России было распространено учение Л. Н. Толстого, к-рый рассматривал собственность на землю как «великий грех» и проповедовал, что осознание этого «греха» приведет землевладельцев к добровольному отказу от своей собственности, в Индии большую популярность имело учение Ганди.

Отражением передовых бурж.-демократич. революц. взглядов К. были идеи крест. социализма, разработанные в трудах Герцена, Чернышевского, проповеднившие революц. *народничеством* в России. Выдвигая крест. общину как основу для перехода К. к социализму, эти идеи представляли собой одно из течений мелкобурж. утопич. социализма. В условиях подъема революц. движения рабочего класса, одухотворенного учением научного социализма, идеи крест. социализма приобретают реакц.-утопич. характер.

Марксизм-ленинизм научно определил положение К. при капитализме и доказал необходимость его союза с рабочим классом в борьбе за свержение капитализма и переход к социализму. Интересы трудящегося К. находятся в антагонистич. противоречии с интересами монополистич. капитала. Коренные же интересы рабочего класса и К. совпадают. В период общего кризиса капитализма крестьяне убеждаются в том, что у них нет иной надежды на будущее, помимо союза с рабочим классом для борьбы против главного врага — капиталистич. монополий. Пролетариат выдвигает программу борьбы против всевластия монополий. «Он поддерживает требования крестьянства о проведении радикальных аграрных реформ и добивается осуществления лозунга „Землю тем, кто ее обрабатывает!“» (Программа КПСС, 1961, с. 38). В слаборазвитых и колониальных странах борьба против феодал.-пережитков неотделима от борьбы против империализма. Рабочий класс этих стран стремится создать единый нац. фронт революц. сил, основой к-рого является его союз с К.

В результате победы социалистич. революции или бурж.-демократич., перерастающей в социалистическую, происходит принудит. отчуждение без выкупа у крупных землевладельцев земли и инвентаря. Часть земли, гл. обр. та, на к-рой велось крупное капиталистич. х-во, переходит к гос-ву. На ней создаются крупные гос. с.-х. предприятия (в СССР — совхозы). Большая часть отчужденной земли, а в нек-рых странах и часть инвентаря переходит к К. В странах, где в крест. х-ве принцип частной собственности на землю еще не укрепился, как это было в России, вся земля национализируется и превращается во всенар. достояние, т. е. в гос. собственность. Крестьяне безвозмездно получают в пользование земли, конфискованные у помещиков. В других странах, где у крестьян сложились традиции частной собственности на землю, крестьяне получают отчужденную у землевладельцев землю в частную собственность. Освободившись от гнета крупных землевладельцев, К. получает возможность улучшить и развить свое х-во. В экономич. отношении большая часть крест. хозяйств в переходный период от капитализма к социализму представляют собой мелкие товарные хозяйства, в нек-рых странах часть крестьян ведет натуральное хозяйство. Сел. буржуазия — кулачество — продолжает вести капиталистич. х-во. Мелкое товарное произ-во после социалистич. революции остается базой, неизбежно рождающей капиталистич. элементы. Классовая дифференциация К. сохраняется и в переходный период, но она происходит иначе, чем при господстве капитализма. Удельный вес среднего К. возрастает, а бедноты и кулачества уменьшается. Гос-во в области землепользования, налогового обложения, снабжения инвентарем, удобрениями и семенами оказывает помощь беднейшему и среднему К., ограничивая развитие кулацкого хозяйства. Часть крестьян из группы бедноты передвигается в группу середняков, а часть переходит в состав рабочего класса.

После социалистич. революции трудящиеся К. становятся, наряду с рабочим классом, осн. классом общества, в к-ром гос. власть находится в руках рабочего класса и крестьянства. Трудящиеся К. заинтересованы в союзе с рабочим классом. Этот союз служит гарантией от реставрации помещиков, способствует подъему материальной обеспеченности и культуры К., обеспечивает защиту общества, приступившего к строительству социализма, от враждебной политики империалистов. Экономич. базой союза рабочего класса и К. в переходный период является взаимозависимость и обмен товаров гос. социалистич. пром-сти и мелкого крест. х-ва. Вместе с тем пока К. остается классом мелких товаропроизводителей, между ним и рабочим классом существуют противоречия по нек-рым общественно-экономич. вопросам, напр. о политике цен на товары, высоте налогового обложения и др. Экономич. позиции кулачества и его влияние на К., особенно в первые годы после социалистич. революции, вызывают колебания отд. групп К., направленные против союза с рабочим классом и перехода к социализму. Они дают почву для деятельности контрреволюц. орг-ций и течений, объявляющих себя защитниками интересов К., напр. «Трудовая крестьянская партия» в СССР (1927—29), «Польская крестьянская партия» (1945—46) и др. При правильной политике коммунистич. партий подобные колебания успешно преодолеваются.

Производств. отношения мелкого товарного х-ва ограничивают развитие крест. х-ва, затрудняя использование машинной техники и достижений агрономич. науки. В то же время индустриализация обеспечивает материально-технич. условия для перехода от мелкого к крупному х-ву в земледелии и животноводстве. Это создает объективные предпосылки для со-

циалистич. кооперирования крест. х-в. На определ. этапе развития отд. стран, при сложившихся объективных и субъективных предпосылках под руководством коммунистич. партий, при помощи рабочего класса осуществляется социалистич. производств. кооперирование, к-рое в разных странах в связи с конкретно-историч. условиями завершается в различные сроки.

Впервые социалистич. кооперирование К. было осуществлено в СССР. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства... На основе ленинского кооперативного плана извечный крестьянский вопрос нашел свое подлинное разрешение» (Программа КПСС, с. 14). К. превращается в класс кооперированного (в СССР — колхозного) К., класс работников социалистич. сел. х-ва. На основе социалистич. кооперирования кулачество как класс ликвидируется, при этом формы этого преобразования зависят от условий классовой борьбы. В СССР в условиях острой борьбы кулаки были экспропрированы. В других социалистич. странах деревенская буржуазия (кулаки) принимается в социалистич. производств. кооперативы или постепенно экономически вытесняется. Победа социализма уничтожает коренные различия между рабочим классом и К. Оба класса объединяются на базе социалистич. способа произ-ва. Союз рабочего класса и крестьянства укрепляется на новой, более высокой основе. Но все же классовые различия между рабочим классом и кооперированным К. сохраняются. Базой рабочего класса является общенародная, гос. форма социалистич. собственности на средства произ-ва, базой К. является колхозно-кооперативная форма социалистич. собственности. К. отличается от рабочего класса отношением к средствам произ-ва, уровнем обобществления произ-ва, формами организации и оплаты труда. В процессе развития социализации общества происходит постепенное стирание этих классовых различий. Социалистич. кооперирование создает условия для преодоления в сознании К. бурж. идеологии, в частности религ. взглядов, и утверждения марксистско-ленинской идеологии.

Программа КПСС выдвигает в качестве гл. экономич. задачи партии и сов. народа создание материально-технич. базы коммунизма. «Создание, наряду с могучей промышленностью, процветающего, всесторонне развитого и высокопродуктивного сельского хозяйства — обязательное условие построения коммунизма. Партия организует мощный подъем производительных сил сельского хозяйства, который позволит решить две основные, тесно связанные между собой задачи: а) достигнуть изобилия высококачественных продуктов питания для населения и сырья для промышленности; б) обеспечить постепенный переход советской деревни к коммунистическим общественным отношениям и ликвидировать в основном различия между городом и деревней» (1961, с. 75—76). С. х-во по технич. вооруженности и организации произ-ва будет приближаться к уровню пром-сти, с.-х. труд превратится в разновидность пром. труда. Движение деревни к коммунизму будет происходить при развитии обеих форм социалистич. с. х-ва — совхозов, как ведущих социалистич. предприятий в деревне, и колхозов, к-рые обеспечивают переход К. к коммунизму. «Колхоз как общественная форма хозяйства по характеру организации, демократическим основам, которые будут все больше развиваться, обеспечивает управление производством самими колхозными массами, развертывание их творческой инициативы, воспитание колхозников в духе коммунизма. Колхоз — это школа коммунизма для крестьянства» (там же, с. 77).

Экономич. подъем колхозов создает возможность увеличения осн. производств. фондов и повышения уровня обобществления колхозного произ-ва, благодаря чему организация и оплата труда будут приближаться к формам гос. предприятий. Обществ. хозяйство колхозов со временем будет полностью удовлетворять потребности колхозников и на этой основе личное подсобное приусадебное хозяйство изживет себя экономически. Культурно-бытовые условия в деревне будут приближаться к условиям городов. С ростом производств. сил колхозов будут развиваться межколхозные производств. связи и объединения, а также совместные гос.-колхозные предприятия — «...процесс обобществления хозяйства выйдет за рамки отдельных колхозов» (там же, с. 83). Все эти процессы будут придавать колхозно-кооперативной собственности общепародный характер. Происходящее одновременно развитие общепародной гос. собственности в общепародную коммунистич. собственность будет основой для стирания различий между рабочими и колхозниками. Рабочий класс, колхозное К. и интеллигенция постепенно сливаются в социально-однородное коммунистич. общество.

Лит.: Маркс К., Восемнадцатое броюера Луи Бонапарти, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 8; его же, Капитал, т. 3, ч. 2, там же, т. 25, ч. 2; его же, Теория прибавочной стоимости (4 том «Капитала»), ч. 1—3, М., 1955—1961; Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; его же, Революция и контрреволюция в Германии, там же, т. 8; его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21; его же, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, там же, т. 22; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, там же; его же, Развитие капитализма в России, там же, т. 3; его же, Рабочая партия и крестьянство, там же, т. 4; его же, Аграрный вопрос и «критика Маркса», там же, т. 5; его же, Аграрная программа русской социал-демократии, там же, т. 6; его же, К деревенской бедноте, там же; его же, Пересмотр аграрной программы рабочей партии, там же, т. 10; его же, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 года, там же, т. 13; его же, Аграрный вопрос в России к концу XIX века, там же, т. 15; его же, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, там же, т. 22; его же, Сельская (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. Доклад по аграрному вопросу 28 апреля (11 мая), там же, т. 24; его же, I Всероссийский съезд крестьянских депутатов 4—28 мая (17 мая — 10 июня) 1917 г. Речь по аграрному вопросу 22 мая (4 июня), там же; его же, Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. Доклад о земле 26 октября (8 ноября), там же, т. 26; его же, Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами, там же; его же, Пролетарская революция и ренегат Каутский, там же, т. 28; его же, Ценные признания Питирима Сорокина, там же; его же, Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г., там же; его же, VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о работе в деревне 23 марта, там же, т. 29; его же, Речь на I съезде земельных коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 г., там же, т. 30; его же, Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу, там же, т. 31; его же, О продовольственном налоге, там же, т. 32; его же, О кооперации, там же, т. 33; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 г., М., 1960; XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14—25 февраля 1956. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1956; Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1959; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962.

К. до капитализма: Маурер Г. Л., Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и обществ. власти, пер с нем., М., 1880; Морган Л. Г., Первобытное общество, пер. с англ., 2 изд., Л., 1935; Петрушевский И. Д. М., Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феод. строя в Англии, 4 изд., М., 1937; Ковалевский М. М., Очерк происхождения и развития семьи и собственности, пер. с франц., М., 1939; Дружинин Н. М., Гос. крестьяне

и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М.—Л., 1946, т. 2, М., 1958; Смирнов И. И., Восстание Болотникова. 1606—1607, Л., 1951; Греков В. Д., Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., 2 изд., кн. 1, М., 1952, кн. 2, М., 1954; Неусыхин А. И., Возникновение замкнутого К. как класса раннефеод. общества в Зап. Европе VI—VIII вв., М., 1956.

К. в развитых капиталистич. странах: Каутский К. Аграрный вопрос, пер. с нем., [X.], 1926; Рочестер А., Почему бедны фермеры. Аграрный кризис в США, пер. с англ., М., 1949; Обнищание и массовое разорение К. стран Зап. Европы, М., 1952; Шифрин Э. Л., С. х-во США после второй мировой войны, М., 1956; Петрушов А. М., Аграрные отношения в странах Зап. Европы после второй мировой войны, М., 1959; Попов В. А., Земельная реформа и аграрные отношения в Японии после второй мировой войны, М., 1959; Особенности аграрного строя России в период империализма, М., 1962; Афимов А. М., Российская деревня в годы первой мировой войны, М., 1962; Дубровский С., Столыпинская земельная реформа, М., 1963.

К. в экономически слаборазвитых странах: Аграрный вопрос на Востоке. Сб. ст., М., 1933; Аграрные отношения в странах Востока, М., 1958; Положение с. х-ва и К. в колониях и других слаборазвитых странах, М., 1958; Аграрные реформы в странах Востока, М., 1961; Аграрно-крестьянский вопрос в суверенных слаборазвитых странах Азии. (Индия, Вирма, Индонезия), М., 1961; Аграрный вопрос и национально-освободит. движение. Материалы обмена мнениями марксистов-аграрников, состоявшегося в июле—сент. 1960 г. в Гаване и Бухаресте, М., 1963.

К. в социалистич. странах: Аграрные преобразования в народно-демократич. странах Азии, М., 1957; Собор в П. Н. Беднейшее К. — союзник пролетариата в Окт. революции, М., 1958; Новый этап в развитии колхозного строя, М., 1958; Першин П. М., Нарисы аграрной революции в Росии, К., 1959; Трапезников С., Историч. опыт КПСС в социалистич. преобразовании с. х-ва, М., 1959; Петрушов А., С. х-во европ. стран нар. демократии на социалистич. пути, М., 1959; Нуньес Хименес А., Аграрная реформа на Кубе, пер. с исп., М., 1960; Развитие колхозной собственности в период развернутого строительства коммунизма, М., 1961; Ворович А. А., Ленинская аграрная программа и ее осуществление в СССР, М., 1961; Союз рабочего класса и К. на совр. этапе, М., 1962; История сов. К. и колхозного строительства в СССР. Материалы науч. сессии, состоявшейся 18—21 апр. 1961 г. в Москве, М., 1963; Победа ленинского кооперативного плана в странах социализма, М., 1963.

Е. Луцкий. Москва.

КРЕЧЕТОВ, Федор Васильевич (р. в нач. 1740-х — год смерти неизв.) — рус. публицист, организатор просветительского «Всенародно-вольного ко благодействованию составляемого общества» (приблизительно 1785—87). Составленная К. программа об-ва требовала реформы суда, отмены сословных привилегий дворянства и высшего духовенства, свободы слова и печати, равноправия женщин, всемерного распространения знаний в народе и пр. В 1786 К. начал издавать журн. «Не всио и не ничего» (вышел только один номер, остальные номера, сохранившиеся в рукописи, были запрещены цензурой). К. издал без цензурного разрешения каталог «Открытие нового издания; души и сердца пользующего...» (1787), излагавший содержание подготовленных К. книг. В 1793 против К. по доносу члена об-ва Малевинского (обвинявшего К. в том, что он «шорочествует к величайшему бунту такому, которого еще не бывало») было начато следств. дело. По приговору Екатерины II К. был заточен в Петропавловскую крепость, откуда был освобожден в марте 1801. Дальнейшая судьба К. неизвестна.

В следств. доле хранится ок. 50 не увидевших света соч. К. («Разум», «Игра мыслей...» и др.), в к-рых он, подчас в религиозной и расплывчатой форме, выражал веру в возможность осуществления коренных гос. и обществ. преобразований мирными, просветит. средствами. Проповедь равенства и братства К. адресовал равно ко всем людям и классам, к монархич. власти и церкви, призывая их слиться в единый всемирный союз «ко благодействию человечества». Признавая необходимым освобождение крестьян от помещичье-крепостнич. кабалы, К. вместе с тем считал нужным предварительно подготовить их к свободе просвещением. По словам Плеха-

нова, взгляды К. представляли собой «...смесь передовых идей французской философии с более или менее оригинально истолкованным христианским учением» (Соч., т. 22, 1925, с. 235; см. также с. 233—41).

Лит.: Корольков М., Поручик Ф. К., «Былое», 1906, апрель, № 4; Чулков Н., Ф. В. К. — забытый радикальный публицист XVIII в., в сб.: Лит. наследство, [№] 9—10, М., 1933; Светлов Л., А. Н. Радищев и политич. процессы конца XVIII в., в сб.: Из истории рус. философии XVIII—XIX вв., [М.], 1952; Сивков К. В., Папаригопулос В., О взглядах Ф. К., «Вопр. истории», 1956, № 3.

КРЕЧМЕР (Kretschmer), Эрнст (8 окт. 1888—8 февр. 1964) — нем. психиатр, создатель теории зависимости психич. склада личности от конституционального типа. Длительное время был проф. психиатрии в Марбурге, с 1946 — проф. ин-та в Тюбингене (ФРГ). К. предложил считать основной психикой, как здоровой, так и больной, конституциональный склад человека. Согласно К., психич. заболевание является не болезнью мозга или следствием конфликтных ситуаций жизни индивида, а всецело обуславливается биологич. особенностями строения его организма. К. предложил классификацию типов конституции [пикнический, лептосомный (астенический), атлетический и диспластический], каждому из к-рых соответствуют особенности темперамента и характера. Соответственно, каждому типу темперамента свойственны здоровый, психопатический и психотический варианты психич. склада, между к-рыми разница лишь количественная и к-рые легко переходят друг в друга. Т. о., ошибочная теория К. стирает качественную грань между здоровым и психически больным человеком и утверждает предопределенность психич. заболевания. Еще менее обоснованной является попытка использовать ее для общей или социальной типологии. Тем не менее на зарубежную криминалистику и характерологию теория К. оказала значительное влияние.

Соч.: Die Veranlagung zu seelischen Störungen, В., 1924; Der sensitive Beziehungswahn, В., 1927; Psychotherapeutische Studien, Stuttgart, 1949 (им. список журн. ст. Кречмера); Medizinische Psychologie, 11 Aufl., Stuttgart, 1956 (им. список трудов Кречмера); Geniale Menschen, В., 1929; 5 Aufl., В.—Gött., Hdb., 1958; в рус. пер.—Внушение, К., 1925; Медицинская психология, М., 1927; Об истории, М.—Л., 1928; Строение тела и характер, 2 изд., М.—Л., 1930.

Лит.: Westphal K., Zur Psychogenese und Psychotherapie psychoneurotischer Anfälle, «Z. ges. Neurol. und Psychiatr.», 1932, Bd 138, H. 5; Sheldon W. H., Stevens S. S., The varieties of temperament, 3 ed., N. Y., 1945; Sheldon W. H., Varieties of delinquent youth; an introduction to constitutional psychiatry, N. Y., 1949.

КРЖИВИЦКИЙ, Кржиwицкий (Krzywicki), Людвик (псевдонимы — К. Р. Живецкий, Ф. Вольский, Й. Воеводский; 21 авг. 1859 — 10 июня 1941) — польский обществ. деятель,

социолог, экономист, этнограф и педагог. Первый представитель историч. материализма в Польше. Один из переводчиков и издатель первого польского перевода 1-го тома «Капитала» Маркса (вып. 1—3, 1884—90), переводчик трудов «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса (1885), «Нищета философии» Маркса (1886) и «18 брюмера Луи Бонапарта» (1889) К. Маркса. В молодости — участник социалистич. студенч. кружков в Варшаве (1878—83), деятель первой польской социалистич. партии марксистского направления «Пролетариат» (1884—88), редактор ее органа «Przedświt» (1885), участник с.-д. Союза польских рабочих (1889—92) и редактор первого легального

рабочего периодич. издания в Варшаве «Tygodnik Rozwazchny» (1891). В дальнейшем занимался гл. обр. науч.-публицистич. и педагогич. деятельностью (лекции в нелегальном польском ун-те в Варшаве). К. и *Кржwицкий* положили начало марксистской публицистике на страницах легальной варшавской прессы («Przegląd tygodniowy», «Prawda», «Głos»). В 1908—17 был близок к ППС-левце, постоянно сотрудничал в ее легальной прессе («Myśl Socjalistyczna», «Wiedza»), защищал теоретич. позиции марксизма и боролся против бернштейннианского ревизионизма. После Окт. революции 1917 и установления независимости Польши К. отделился от революц. рабочего движения. Однако он до конца жизни оставался демократом. Был проф. Варшавского ун-та (1921—36) и др. вузов Варшавы, основателем и многолетним руководителем Н.-и. ин-та обществ. хозяйства (1921—39).

Гл. заслуга К. в области социологии, помимо популяризации историч. материализма, состоит в разработке вопроса о роли идей в обществ. развитии, об их обратном воздействии на экономику (теория странствования идей в пространстве и времени). В очерке «Идея и жизнь» («Idea a życie», 1888) и в более поздних работах К. с марксистских позиций рассматривал проблемы форм обществ. сознания, в частности разрабатывал вопросы теории морали. К. критиковал господствовавшее в бурж. социологии конца 19 в. позитивистское социал-дарвинистское направление. Однако, критикуя позитивизм в социологии (в частности, *Спенсера* и его последователей), К. в ранний период деятельности был сторонником позитивизма в философии. В 1886 он написал спец. статью в защиту махистского принципа экономии мышления. На позиции диалектич. материализма он перешел гораздо позже: только в 1914 он объявил себя сторонником филос. материализма Маркса и Энгельса в ст. «Qui pro quo» (опубл. в «Widnokrąg», 1914, № 7, 8, 9).

В политич. экономии К. защищал (хотя и не всегда последовательно) марксистскую теорию капиталистич. пути развития с. х-ва, критиковал сторонников стабильности мелкой с.-х. собственности («Демократические иллюзии» — «Złudzenia demokratyczne», 1889; «Аграрный вопрос» — «Kwestja rolna», 1903, рус. пер.— под назв. «Капитализация земледельческой промышленности», в журн. «Мир Божий», 1898, № 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11; 1899, № 7, 8, 9, 12; 1900, № 1).

Как этнограф К. популяризировал труды *Маркса* и Энгельса. Ряд крупных работ К. — попытка материалистич. истолкования процесса развития первобытных обществ: «Обществ. развитие среди животных и в человек. роде» («Rozwój społeczny wśród zwierząt i rodzaju ludzkiego», 1905), «Обществ.-хозяйств. строй в период дикости и варварства» («Ustroje społeczno-gospodarcze w okresie dzikości i barbarzyństwa», 1914), «Первобытное общество и статистич. данные о нем» («Primitive society and its vital statistics», 1934), «Начало социальных связей» («Pierwociny więzi społecznej», 1957, посмертное изд.).

Соч.: Studia sociologiczne, [Warsz., 1951]; Idea a życie, Warsz., 1957; Wspomnienia, t. 1—3, Warsz., 1957—59; Dzieła, t. 1—5, Warsz., 1957—61; в рус. пер.: Антропология, СПб., 1896; За Атлантич. океаном, «Мир Божий», 1896, № 1—5, 7, 8; Земледельч. кооперация в Зап. Европе, там же, 1900, № 1; Человек и общество, «Научное обозрение», 1898, № 9; Антропологич. эскизы, «Жизнь», 1899, февраль, т. 1, 5, 6; Из психологии обществ. жизни, там же, 1900, т. 8; Совр. положение и задачи этнографич. социологии, там же, 1901, т. 1; Физич. антропология, СПб., 1902; Психич. расы. Опыт психологии народов, СПб., 1902; Генезис идей.— Распространение идей.— Прошедшее и настоящее, [2 изд., СПб., 1905]; Аграрный вопрос, СПб., 1906; До и после 1-го октября. (Развитие классовых противоречий в Германии), [К., 1906]; Жмудские пильвалы, в сб.: Изв. Археологич. комиссии, вып. 29, СПб., 1909; Профессион. типы. Размещение в обществе способностей, «Совр. мир», 1909, № 4, 6, 11; Отд. личность и общество, там же, 1910,

№ 7; Бродяги и домоседы, там же, 1912, № 6; Жестокие и кровавые эпохи в Литве, № 2; Последние моменты неолитич. эпохи в Литве, в кн.: Сб. в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913; Происхождение идей, [М.], 1923; Развитие нравственности, [М.], 1924; Развитие общественной в среде животных и человека, [М.], 1925; Хозяйств. и обществ. строй первобытных народов, М.—Л., 1925.

Лит.: Энгельс Ф. [Письмо] Л. Кржиwickoму, 28 янв. 1884 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 1 изд., т. 27, [Л.], 1935, с. 347; Ленин В. И., Соч., 3 изд., т. 3, с. 252; История философии, т. 4, М., 1959, с. 305—10; Lange O., L. Krzywicki jako teoretyk materializmu historycznego, в кн.: L. Krzywicki. Praca zbiorowa poświęcona jego życiu i twórczości, Warsz., 1938 (дана подробная библиография); Holland H., W walce z pozytywizmem warszawskim. Z dziejów narodzin ideologii marksistowskiej w Polsce, «Myśl Filozoficzna», 1954, № 1; его же, «Wielka emigracja» L. K., там же, 1956, № 3; его же, Jeden z pionierów marksizmu w Polsce. W 15 rocznicę śmierci L. K., «Trybuna Ludu», 1956, № 161; Kowalik T., O L. Krzywickim. Studium społeczno-ekonomiczne, Warsz., 1959; Szturm de Sztrem T., Instytut Gospodarstwa Społecznego. 1920—24, Warsz., 1959; Schaff A., L. K. a materializm historyczny, «Kwartalnik Historii Nauki i Techniki», 1960, № 1. X. Холланд. ПНР.

КРИГЕ (Kriegel), Герман (1820—50) — нем. публицист, сторонник *истинного социализма*. В 1845 эмигрировал в Америку, где основал «Ассоциацию социальной реформы», примкнувшую к бурж.-демократич. «Молодой Америке». С 1846 издавал газету «Volkstribun» («Народный трибун»). Средством ликвидации нищеты К. считал раздачу гос-вом пустыющих земель крестьянам. К. не понял неизбежности развития капитализма и идеализировал патриарх. отношения. В «Циркуляре против Криге» Маркс и Энгельс (1846; см. Соч., 2 изд., т. 4) вскрыли мелкобурж. сущность и утопизм его социально-экономич. программы.

Лит.: Ленин В. И., Маркс об американском «черном переделе», Соч., 4 изд., т. 8; Корню О., К. Маркс и Ф. Энгельс, пер. с нем., т. 1, М., 1959.

А. Панфилова. Москва.

КРИЖАНИЧ (Križanić), Юрий (р. ок. 1618—83) — деятель зап.-слав. и рус. обществ. мысли. Род. в Хорватии, получил богословское образование, был католич. священником-миссионером. В 1659 отправился в Россию. В 1661 был сослан в Тобольск. После освобождения (1676) жил в Польше. Важнейшие соч. К.: сб. трактатов, известный под назв. «Политика» (1663—66), «Об божием смотреии» (1666—67), «Толкование историч. пророчеств» (1674). Большинство соч. К. не было известно его современникам и впервые опубл. в 19 в.

К. уделял большое внимание философии, считал, что науч. знание является необходимым условием успешной деятельности людей, но объявлял его достоянием высших сословий, а не простого народа. В разработанной им первой классификации наук в рус.-слав. терминологии К. отнес философию к ряду «мирского знания», включив в ее состав «логику, физику и этику». Мировоззрение К. сочетало в себе принципы ортодоксальной католич. догмы с элементами живой творч. мысли.

К. стоял на позициях *провиденциализма*, но полагал, что божеств. промысел определяет лишь коренные повороты в развитии общества, и допускал возможность свободного воздействия людей на нек-рые стороны историч. процесса. Всемирную историю К. изображал в виде непрерывного процесса, в ходе к-рого одни народы и страны приходят в упадок, а другие достигают расцвета.

Глав. целью К. было политич. и культурное возрождение и сплочение всех слав. народов. Одним из средств для достижения этой цели К. считал заключение унии между православной и католич. церковью. Религ. планы К. неоднократно вступали в противоречие с его нац.-патриотич. замыслами.

По мнению К., осн. условием возрождения славянства должно было стать укрепление могущества рус. гос-ва. В «Политике» К. выдвигал программу политич. и экономич. преобразований в России. Программа К. отражала интересы прогрессивной части

господств. феод. класса — служилого дворянства, заинтересованного в укреплении абс. монархии. Теоретич. выражением соц.-политич. идеалов К. было учение о «всеобщем благе и всеобщей справедливости».

В сов. лит-ре существует и другая т. зр., предостерегающая в работах Л. Мордуховича, по мнению к-рого К. был сторонником теории естеств. права и развивал в своих соч. антифеод. концепцию.

К. предпринял попытку создания «общеславянского языка», разработал его грамматику и использовал его в своих книгах.

Соч.: Рус. гос-во в половине XVII в. [Политика]. Рукопись времен царя Алексея Михайловича, вып. 1—[6], М., 1859—60 (Приложение к журн. «Рус. беседа»); О промысле (Об божием смотреии), М., 1860; Собр. соч., вып. 1—3, М., 1891—93; Из рукописного наследия Ю. К., «Историч. архив», 1958, № 1.

Лит.: Беасонов П. А.,... Ю. Крижанич, «Православное обозрение», 1870, № 1, 2, 4, 5, 11, 12; Белокурова С. А., Ю. К. в России, М., 1901; Вальденберг В. Е., Гос. идеи К., СПб., 1912; Плеханов Г. В., История рус. обществ. мысли, Соч., т. 20, М.—Л., 1925; Шмурло Е. Ф., Римская курия на рус. православном Востоке, Прага, 1928; Дациук В. Д., Ю. Крижанич, [М.], 1946; Пичета В. И., Ю. К. и его отношение к Рус. гос-ву, в кн.: Славянский сб., [М.], 1947; Гольдберг А., Историч. наука о Ю. К., в сб.: Уч. зап. ЛГУ, № 117 (Сб. студенческих работ, вып. 1), 1949; Пущкарев Л. Н., Об оценке деятельности Ю. К., «Вопр. истории», 1957, № 1; Курмачева М. Д., Шерстобитова В. Г., Обсуждение вопроса о деятельности Ю. К., там же, № 2; Мордухович Л. М., Антифеодалная концепция Ю. К., в сб.: Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, № 26, 1958; Мордухович Л. М., Филос. и социол. взгляды Ю. К., там же, № 36, 1963; Гольдберг А. Л., Ю. К. о рус. обществе XVII в., «История СССР», 1960, № 6; его же, «Идея славянского единства», в соч. Ю. К., в сб.: Труды отд. древнерус. литературы Ин-та рус. литературы АН СССР, т. 19, 1963; Jagić V., Život i rad Jurja Križanića, Zagreb, 1917; Križanić M., O patru Dominikancu Jurju Križaniću, в его кн.: Eseji, kn. 1, Zagreb, 1932 (Sabrana djela); Vandić J. (ред.), Juraj Križanić — pjesnik Hrvatske, в кн.: Radovi Slavenskog Instituta, 2, Zagreb, 1958 (Sveučilište u Zagrebu. Filozofski Fakultet). А. Гольдберг. Ленинград.

КРИГ (Kriegel), Эрнст (р. 6 июля 1882) — нем. педагог и философ, один из идеологов германского фашизма. С 1933 по 1944 — проф. философии и педагогики в Гейдельбергском ун-те. Философия К. — одна из разновидностей иррационалистич. антропологич. фашистский вариант философии жизни. Единственной реальностью, к-рая подлежит филос. рассмотрению, является, по К., миф, истоки к-рого надо искать по ту сторону истории. Наука изображается К. как одна из форм мифа, один из возможных способов видения мира. Поэтому, согласно К., бессмысленно говорить о науч. истине, в противоположность, напр., истине религиозной; как две разновидности мифа они совершенно равноправны. Отсюда абсолютный релятивизм философии К., к-рую он наз. «расово-народно-политической антропологией». Эта антропология, согласно К., «должна занять место общешапшей философии» («Völkisch-politische Anthropologie», Bd 1, Lpz., 1936, S. 43). В концепции К. находит свое выражение характерная для бурж. философии тенденция к биологизации социальных явлений. Человек рассматривается как биол. существо, что непосредственно служит обоснованию фашистской идеологии, центр. понятиями к-рой являются «раса» и «кровь». Иррационалистич. трактовка человека и истории приводит к характерному для этого направления культу «судьбы», общему у К. со Шпенглером, Боймлером и Хейдеггером. Историч. развитие, по К., не имеет логики, оно определяется «судьбой»; фашизм объявляется, т. о., «судьбой» герм. нации.

Соч.: Die deutsche Staatsidee, Jena, 1917; Nationalpolitische Erziehung, B., 1932; Völkisch-politische Anthropologie, Bd 1—3, Lpz., 1936; Mythologie des bürgerlichen Zeitalters, Lpz., 1939; Volkcharakter und Sendungsbewußtsein, 2 Aufl., Lpz., 1943; Heil und Kraft. Ein Buch germanischer Weltweisheit, Lpz., 1943. П. Гайденко. Москва.

КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ (от др.-греч. κριτήριον — мерило, средство суждения) — способ, с помощью

к-рого устанавливается истинность знания и отличается истина от заблуждения. Решение вопроса о К. и. по существу зависит от трактовки проблемы истины. Впервые термин «К. и.» был использован стоиками (Dox. Diels, 606). Стремясь совместить гераклитовское понимание истины как *логоса* — объективной космич. закономерности, и протагороровскую трактовку человека как меры всех вещей (см. *Протагор*), стоики оказались перед проблемой объективности знания. Поскольку они понимали человека по-протагоровски, поиски решения этой проблемы привели их к открытию такой познават. способности человека, к-рая, оставаясь субъективным качеством индивида, одновременно гарантировала бы объективность содержания знания. Обеими этими признаками они наделили т. н. каталептич. фантазию — представление, к-рое благодаря чистоте и силе выражения в нем объекта принуждает принять последний за истину, согласиться с ним. Отрицание возможности К. и. служило одним из аргументов в обосновании античного скептицизма (см. Секст-Эмпирик, *Adv. Math.*, VII, 150 сл.).

Рационализм нового времени выдвинул в качестве К. и. понятие ясного и отчетливого познания. Эта концепция вытекала из понимания разума как «естеств. света» и была связана с общемеханистич. мировоззрением, для к-рого прообразом научн. метода была математика. У Декарта рационалистич. теория истины как абс. совпадения разума и бытия получила выражение в идее врожденности основ знания. Спиноза преодолел непоследовательность декартовского рационализма, определив протяжение и мышление как атрибуты единой субстанции — природы. Тем самым совпадение идеи с объектом стало необходимой «нормой» истины. Но отсюда вытекало, что истина есть критерий нормы самой себя и заблуждения. Лейбниц, исходя из своего различения «истин факта» и «истин разума», установил для первых в качестве К. и. логич. принцип непротиворечивости. Но это не снимало проблемы К. и. в отношении знания, соотносимого с действительностью. Этот вопрос оказался неразрешимым для сенсуалистов 17—18 вв. (см. *Сенсуализм*). Именно в проблеме К. и. обнаружилась их неспособность опровергнуть субъективно-идеалистич. построения Беркли и Юма. В этом споре во весь рост встала проблема содержательности знания: что является К. и. того познания, предметом к-рого является сама действительность. Кант убедительно показал, что в пределах теоретич. философии всеобщий материальный критерий согласования познания с реальным предметом невозможен, ибо он должен был бы отвлекаться от всех конкретных различий отд. предметов и одновременно быть критерием этих различий. С этой т. зр., традиционное определение истины как соответствия знания предмету содержит жалкий логический круг, т. к. проблема как раз в том, что означает отношение познания к его предмету и как мы можем установить это отношение, если вне знания мы не имеем ничего, что могли бы противопоставить знанию, как соответствующее ему. Следовательно, возможен только всеобщий формальный критерий истинности, «именно соответствие познания общим и формальным законам рассудка и разума». Однако Кант понимает, что этот критерий является «...только отрицательным условием всякой истины. Дальше логика идти не может и не имеет того пробного камня, на котором она могла бы открыть ошибку, если эта ошибка заключается не в форме, а в содержании» («Критика чистого разума», 1902, с. 81). Выход из этого тупика нашел Гегель. Он обнаружил необходимость преодолеть рамки старой гносеологии — абсолютное противопоставление субъекта и объекта, путем раскрытия диалектики

их взаимного опосредствования. Гегель установил, что посредствующим звеном этого отношения является практика, однако истолковал ее как активность духа, как преобразование предмета по его понятию, т. е. как становление понятия «для себя» познанным. Ленин отмечал: «...Несомненно, практика стоит у Гегеля, как звено, в анализе процесса познания и именно как переход к объективной („абсолютной“, по Гегелю) истине. Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания...» (Соч., т. 38, с. 203).

В совр. бурж. философии нек-рое чисто внешнее сходство между марксистским и прагматистским пониманием практики как К. и. иногда вызывало попытки их отождествить. Эти попытки явно несостоятельны. *Прагматизм* понимает практику идеалистически, как субъективный опыт, как индивидуальную деятельность. Отсюда прагматисты (Джемс, Дьюи, Шиллер) выдвигают в качестве К. и. «полезность», «успех», отбрасывая понятие истины как соответствия знания объективной реальности.

Принципиальное отличие марксистского решения проблемы К. и. состоит в том, что на место пассивного субъекта старых материалистов и гегелевского абсолютного духа марксизм ставит исторически деятельного субъекта (человека), к-рый своей чувственно-предметной деятельностью изменяет мир, приобретаемая в процессе этого изменения знание об объективной действительности и способе ее преобразования. Человеч. чувств. деятельность, т. е. практика, является единств. непосредств. связью человека с объективным миром и только она может быть основой познания и К. и., т. е. посредствующим звеном между субъектом и объектом, обеспечивающим, точнее, воплощающим в действительность их единство. Человеч. мышление как форма отражения действительности сформировалось и непрерывно формируется в истории по типу трудового (орудийного) отношения к объекту деятельности. Поэтому фактически мышление воспроизводит в логич. форме те действительные закономерности, к-рые человек открывает в своей практич. деятельности. Эта деятельность снимает субъективность цели путем ее реаллизации, опредмечивания. Такое опредмечивание человек. субъективности есть одновременно проверка предметной истинности мышления. Поэтому Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а п р а к т и ч е с к и й вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть с х о л а с т и ч е с к и й вопрос» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 1—2). Выступая в истории как общественно организованный труд, производство, практика закрепляется в своих познават. результатах как наука, теория. Поэтому для того чтобы практика могла выступать в качестве К. и., на деле всегда необходимо теоретически определить условия, к-рым должна удовлетворять сама практич. проверка. Новая теория должна опираться на уже доказанные теории в науке, на уже проверенные законы и принципы. Та теория, к-рая содержит в себе более богатую и содержит. практику, становится критерием для другой теории, более частной. Отсюда следует, что каждый конкретный успех на практике не доказывает автоматически и абсолютно, что данная теория истинна. Беда эмпирика, к-рый всегда спешит разрешить такое противоречие между теорией и практикой за счет теории, как раз и заключается в том, что он оказывается рабом наличной эмпирии, т. е. той ограниченной практики, на почве к-рой он мыслит. По-

этому он не в состоянии критически отнестись к своему собств. практич. опыту. Теория при этом утрачивает свою активную роль по отношению к практике. Поэтому марксизм обязывает относиться критически не только к теории, но и к практике, к ее наличным формам. Всякое противоречие между теорией и практикой указывает, что необходимо произвести внимательный критич. анализ того и другого, что необходимо или отвергнуть предшеств. теорию, или продолжать собиране практич. опыта прежде, чем сделать выводы, противоречащие старой теории.

См. также *Истина, Практика* и лит. при этих статьях.

КРИТИЙ (*Kritias*, ок. 460—403 до н. э.) — др.-греч. оратор, философ-софист, политич. деятель, вождь «тридцати олигархов» в Афинах, враг афин. демократии. Ученик *Сократа*, родственник *Платона*, к-рый вывел К. в диалогах «Тимей» и «Критий»; учился также у софистов *Горгия* и *Протагора*. В педошедшей до нас трагедии «Сизиф» выступил как атеист, доказывавший, что религия выдумана законодателями:

«С умом глубоким мудрый муж впервые
Боянь богов для смертных изобрел,
Чтоб страх у злых какой-нибудь, да был,
Начнут ли делать, говорить иль думать
Хотя б тайком...» (цит. по кн.:

«Древний мир в памятниках его письменности», ч. 2— Греция, М., [1917], с. 400).

Фрагменты: Diels H., Die Fragmente der Vorsokratiker, Bd 2, 5 Aufl., V., 1935.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940 (см. Указатель имен); Blumenthal A., Der Tyrann Kritias als Dichter und Schriftsteller, Stuttg., 1923; Nestle W., Griechische Studien. Untersuchungen zur Religion, Dichtung und Philosophie der Griechen, Stuttg., 1948.

М. Петров. Ростов-на-Дону.

КРИТИКА в научном познании (от греч. *κριτική* — искусство судить) — активное выражение отношения данной теории к другим, их оценка либо переосмысление самой данной теории с т. зр. ее собств. выводов. К. и позитивное исследование взаимопроникают друг друга.

Для античного филос. мышления постижение естеств. начал космоса делало К. необходимой стороной постепенного освобождения от пут мифологич. и обыденного сознания. Вместе с тем суммирование рационального содержания различных учений стало формой выработки знания, и поэтому в критич. сопоставлении взглядов философов был усмотрен положит. путь познания истины. Одновременно в др.-греч. философии значит. роль сыграла догадка о том, что К. — не только средство на пути к истине, но что сама истина «подемична» по своей природе. С этим связаны сократич. смысл первонач. понятия «диалектика» и распространение диалогич. формы изложения. В ср.-век. философии К. утратила значение пути к истине и стала идеологич. орудием, т. к. сама философия была превращена в прислужницу авторитарной теологич. «истины». Эпоха Возрождения выдвинула проблему отношения к культурному наследию как проблеме К. Как теоретич. К. философов, так и текстологич. К. гуманистов была направлена на восстановление «естественности» против авторитарности ср. веков. Однако эта К. имела (даже у Ф. Бэкона) еще гл. обр. отрицат. характер. Так, Монтень оценил всю прежнюю философию как «грезы и безумные фантазии», а Ф. Бэкон — как «блуждание»; прогресс осуществим не путем «прививки нового к старому», а путем «обновления до последних основ» (см. Ф. Бэкон, Новый органон, Л., 1935, с. 148, 114). Теоретич. обоснование понятия естественного было дано механицизмом. Универсальное понятие науч. теории, выработанное в 17—18 вв. на основе механики, придало понятию истины методологич. характер. Критерием истинности знания считался механико-мате-

матич. метод его получения, к-рый в плане общепилос. метода предстал как *метафизика*. Соответственно этой филос. позиции понятие «естественного» было определено в рамках механики. В теории познания ему соответствовала теория разума как «естеств. света». Она легла в основу концепции истины как у рационалистов (Декарт, Лейбниц), так и у сенсуалистов (Локк, Кондильяк, франц. материалисты 18 в.). Согласно этой теории, истина есть отображение абс. объекта в интеллектуальном или чувств. созерцании. С этой т. зр., истина абсолютна и как таковая противопоставляется абсолютному же заблуждению. Негативизм в К. был подкреплен теорией гносеологич. «робинзоады», согласно к-рой познающим субъектом является изолированный от общества индивид. Метафизич. абсолютизирование истины и заблуждения влекло за собой толкование К. как посторонней для процесса познания истины. Задачи К. сводились к расчистке пути достижения истины от заблуждений, к-рые лишь засоряют этот путь. Из числа собств. орудий исследования К. тем самым исключалась. С этой т. зр., К. предполагает готовую истину и заключается в приложении ее (прикладная К.). Такое понимание К. было связано с исключением историзма. Так, по Гоббсу, исчисляющая истину философия «...исключает историю, как естественную, так и политическую...» (см. Избр. соч., М.—Л., 1926, с. 11). Поэтому «вместо книг следует читать наши собственные представления...» (там же, с. 236). История познания рисовалась как цепь «абстрактных систем», лишь удаляющих от истины (см. Э. Кондильяк, Трактат о системах..., М., 1938, с. 162; ср. П. Гольбах, Здравый смысл, М., 1924, с. 4; ср. Д. Юм, Исследование человеческого разума, СПб., 1902, с. 193).

Роль Канта в разработке проблемы К. двойственна. Его заслуга — в различении формальных ошибок и содержит заблуждений, или «неизбежных иллюзий» (см. «Критика чистого разума», СПб., 1915, с. 202—03). Однако вся его идея «критицизма», т. е. К. как «орудия» познания, основана на дуализме субъекта и объекта. Начав с того, что К. имеет дело лишь со «спецификой» познания, он отделил от подлинной предметности все познание.

Баденская школа неокантианства окончательно оторвала способность к критич. оценивающим суждениям от способности к положит. познанию. Первая была истолкована как якобы имеющая совершенно иную природу — не категориальную, а ценностную. Аксиологич. концепция (см. *Аксиология*) настолько лишает К. предметности, что саму истину объявляет лишь одной из ценностей.

Отношение к К. в совр. бурж. философии, развивающейся в обстановке кризиса бурж. культуры, характеризуется антиисторич. тенденциями в различной форме. Для нек-рых направлений, выступающих против концепции прогрессивности историч. развития, характерна тенденция к отречению от классич. культурного наследия. Так, иррационалисты отказываются видеть прогресс в науке и культуре вообще, спекулируя на факте *отчуждения* (напр., *Хейдеггер*). С др. стороны, ряд филос. школ относятся к истории философии апологетически, принимая как абс. истину нек-рые крайние формы идеализма. Таков, напр., *неопозитивизм*. *Неопозитивизм* выступает с апологич. антиисторизма и тем самым культурного нигилизма, порожденных антагонистич. разделением труда в совр. науке. С этой т. зр., «...традиционные метафизические учения следует отбросить как бессмысленные и псевдорациональные..., не вникая глубоко в их структуру и происхождение» (T o p i t s c h E., Vom Ursprung und Ende der Metaphysik, Wien, 1958, S. 2; ср. R. Carnap, Die Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache, см. «Erkenntnis», 1931,

Vd 2, Н. 4, S. 219—42). В то же время неопозитивисты столь же неисторично отбирают из истории логики идеи, созвучные теоретич. конструкциям совр. математич. логики.

В домарксистской философии диалектич. понимание сущности и роли К. вырабатывалось вместе с проникновением в диалектику истины и заблуждения. В классич. нем. философии складывалось представление о том, что «наука и ее критика взаимно поддерживают и объясняют друг друга» (Ф и х т е И. Г., Избр. соч., т. 1, 1916, с. 7). Гегель систематически развил диалектич. понимание К. «Снимающая» К. — принцип построения его «Феноменологии духа». Решающим явилось осмысление им истины не как результата, получаемого вопреки истории заблуждений, а как процесса, к-рый и есть история познания или «прогрессирующее развитие истины» (см. Соч., т. 4, М., 1959, с. 2; ср. т. 10, М.—Л., 1932, с. 426). Поэтому «мы в истории философии имеем дело с самой философией, и ее этапы суть «моменты одного целого», а не «галерея мнений» (см. там же, т. 9, Л., 1932, с. 25, 40, 19). Заблуждение «составляет момент истины уже не в качестве ложного» (там же, т. 4, с. 21), а в снятой форме — снятой не чем иным, как К. При этом «истинное опровержение должно вникнуть в сильную сторону противника...» (там же, т. 6, М., 1939, с. 10). Это делает К. способом положит. преодоления предмета К. Проникая в противоречия достигнутой культуры, такая К. обретает и эвристич. функции. Это позволило Гегелю провозгласить истинной задачей К. «...не чисто негативное разрушение... ограничение, но подготовка ею пути для истинной философии» («Über das Wesen der philosophischen Kritik...», в кн.: *Sämtl. Werke*, Bd 1, Lpz., 1928, S. 129). Однако для Гегеля, как идеалиста, критичность теории в отношении к др. теории не была производной от действит. критичности человек. практики.

Только Маркс поставил проблему К. на ее действит. почву. Для Маркса теоретич. К. есть лишь идеальное выражение реальной, практич. критичности человека как обществ. субъекта всей и в т. ч. научно-теоретич. культуры. В этой ориентации на практич. изменение действительности — ключ к преодолению всякого «некритического позитивизма». Марксистские принципы науч. К. таковы: 1) принцип совпадения партийности с объективностью, к-рый состоит прежде всего в том, что марксист науч. путем определяет свою точку зрения (см. В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 380) и, никогда не превращая ее в абсолют, в догму, непрестанно подвергает ее самокритике. Этот принцип исключает всякое субъективистское извращение партийности и не только дает науке право, но и обязывает ее получать путем исследования и только этим путем все без изъятия практич. выводы и оценки. Это является лишь выражением того, что диалектика «... ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 20). В таком свете проясняется и действит. смысл названий гл. трудов Маркса — «К критике политической экономии» и подзаголовков «Капитала» — «Критика политической экономии».

2) К. должна быть объясняющей. Предмет К. надо понять как исторически необходимый и найти ему место в истории. К. заблуждения всегда должна пайти его предметное содержание (см. В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 216). Негативная К., отвергая критикуемую концепцию, «...поворачивается к ней спиной и... бормочет по её адресу несколько сердитых и банальных фраз» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 420). Она требует от предмета К., чтобы он не был тем, чем он является. Но «...объяснить данную философию ошибочной еще

не значит покончить с ней» (Энгельс Ф., там же, т. 21, с. 281; ср. с. 300). Обращаясь к вопросу о К. совр. кантианства, махизма и т. п., Ленин констатировал в 1914, что к тому времени марксисты еще не овладели принципами диалектич. позитивной К.: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхневовски), чем по-гегелевски» (Соч., т. 38, с. 170), т. к. отвергали эти концепции «с порога» и не исправляли, не углубляли их проблематику (см. там же). Чем последовательнее негативизм в К., тем больше он ведет к догматизации собств. «позиции», к сектантской узости и нигилизму. Будучи неспособна объяснить предел «основания» для критич. оценок за пределами науки. Из негативизма в К. проистекают две питающие друг друга тенденции. Одна — к отказу от всякой К. якобы во имя строгой «научности», в результате разочарования в ней, т. е. к объективизму. Другая — к субъективистской идеологизации, к вырождению К. в морализирование, к открытому вмешательству вненауч. соображений (см. К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, ч. 2, 1957, с. 112). Путь критич. преодоления предшеств. научного развития лежит только через полное освоение предмета К. «...Первая критика всякой науки необходимо найдется во власти предпосылок той самой науки, против которой она ведёт борьбу...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 33). Этой «власти» приходит конец только тогда, когда К. продвигается вперед в реальной проблематике и становится выше предмета К. Поэтому «... вообще опровергнуть философскую систему не значит отбросить ее, а развить дальше, не заменить другой, односторонней противоположностью ее, а включить ее в нечто более высокое» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 157—58).

3) К. — это лишь особая форма разработки теории. Научная К. позитивна: она «снимает» критикуемую концепцию и формирует свою собственную. Это — «конструктивная», «поисковая» К. Только такая К. в состоянии не только проникнуть в «рациональное ядро» критикуемой концепции, но и увидеть еще не реализованные последние возможности, еще не решенные ею проблемы (пусть даже неверно поставленные). «Истинная критика анализирует не ответы, а вопросы» (MEGA, I, Bd 1, Halbbd 1, S. 230). Тем самым К. обретает принципиально важную гносеологич. функцию: она помогает в решении таких проблем, к-рые неразрешимы с помощью одного только позитивного исследования.

Марксизм включает в требование научности К. также и требование ее социальности. Социальный характер К. вытекает из социальной природы познания. Гносеологич. и социальные «корни» критикуемой концепции вовсе не образуют двух самостоят. основ ее. Анализ гносеологич. «корней» должен быть доведен до социальных проблем, и единая социально-гносеологич. основа всей критикуемой концепции должна быть понята как объясняющая и то, что в ней есть ложного, и то, что в ней истинно. Значение К. в науке возрастает вместе с ростом социальной потребности в целостном теоретич. исследовании объектов и построении не фрагментарных, а синтетич. теорий. Последние предполагают высокую методологич. культуру ученого и его критич. самосознание, непримиримое ни с каким догматизмом. Любая попытка ученого просто избавиться от социальных факторов К. и замкнуться в своей узкой специальности утопична и иллюзорна. Она лишь предоставляет этим факторам действовать стихийно и слепо. Положит. свобода, т. е. господство над ними, достижима только путем их преобразования и освоения также и внутри науки. Надо справиться с ними и придать сознат.

социально-направленный характер всей научной К. Субъективистское извращение партийности в К. преодолевается не «беспартийностью», а лишь активной партийностью, питаемой реальным практически-критич. отношением и совпадающей с объективностью.

Марксистские принципы К. предъявляют к ученому высокие требования, нацеленные против «научной» обывательщины, и возлагают на него ответственность как за судьбы науки, так и за ход всех обществ. процессов. Нормы, выступающие как нравств. требования: добросовестность в К., деловитость, недопустимость пустого критиканства, принципиальность и т. п. — для ученого-марксиста вытекают из понимания сущности самой К. Ученый должен быть не пассивным поставщиком требуемой от него науч. «информации», а активным критиком-борцом.

Марксистская науч. К. призвана довести до полной победы борьбу против бурж. идеологии. Использование в качестве «средств» К. апелляции к «силе» и догматич. брань всегда были показателем слабости К. Свидетельством силы марксизма является его способность и решимость одолеть идейного противника идейным оружием К. — на основе практич. развития и экономич. соревнования двух систем. Для марксиста нет таких областей или проблем, к-рые бы он отдавал «на откуп» противникам. Ведя наступательную К. капитализма во всех областях обществ. жизни, марксизм победит, ибо его победа есть лишь выражение всемирной самокритики Истории.

Лит.: Маркс К., Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie [Rohentwurf]. 1857—1858, Moskau, 1939; В., 1953; е г о ж е, К критике политической экономии, Соч., 2 изд., т. 13; е г о ж е, Теории прибавочной стоимости, там же, т. 26; Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; Ленин В. И., О значении воинствующего материализма, Соч., 4 изд., т. 33; Ильенков Э., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960, гл. 4. Г. Батищев. Москва.

«КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ» — произведение К. Маркса; представляет собой критич. замечания на «Проект программы Герм. рабочей партии», выработанный для объединения съезда с.-д. рабочей партии Германии («эйзенахцев») и лассальянского Всеобщего герм. рабочего союза в Готе в 1875. Замечания были направлены Марксом в мае 1875 с сопроводит. письмом руководству герм. с.-д-тии, но критика Маркса почти не была учтена в окончат. тексте программы, принятой съездом. «К. Г. п.» была опубликована Энгельсом, несмотря на упорное сопротивление нек-рых лидеров герм. с.-д-тии, в 1891 в «Neue Zeit» с нек-рыми сокращениями. На рус. яз. «К. Г. п.» была переведена Н. А. Алексеевым (1906). Полный текст «К. Г. п.» впервые был опубликован в СССР в 1932.

В «К. Г. п.» нашли развитие осн. принципы теории науч. коммунизма, разработанные ранее в таких произведениях основоположников марксизма, как «Низы философии», «Манифест Коммунистической партии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Капитал», «Гражданская война во Франции». Развивая теорию социалистич. революции, Маркс показывает необходимость союза рабочего класса с др. слоями трудящихся и особенно с крестьянством, резко критикует сектантскую тактику лассальянцев по отношению к крестьянству, — тактику, прикрывавшую «...союз с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии» (Маркс К., Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 22).

Творчески разрабатывая идею переходного периода между капитализмом и социализмом, Маркс в противовес анархизму, утверждавшим необходимость ликвидации гос-ва на следующий же день после пролет. революции, подчеркнул, что в переходный период пролетариат нуждается в гос-ве. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал

Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» (там же, с. 27).

Центр. место в «К. Г. п.» занимает вопрос о закономерностях становления и развития коммунистич. общества. Здесь Маркс впервые четко сформулировал учение о двух фазах развития коммунистич. общества — первой, в к-рой общество «...только что в ы х о д и т... из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества...» (там же, с. 18), и второй, т. е. фазы полного коммунизма, в к-рой коммунистич. общество «...развилось на своей собственной основе...» (там же). Опираясь на опыт Парижской Коммуны, Маркс решает вопрос о судьбе гос-ва в период построения коммунистич. общества, формулирует мысль о признании «...государства вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм» (Ленин В. И., Соч., т. 22, с. 309), показывает, что сущность процесса отмирания гос-ва заключается в превращении гос. функций в функции всего общества. Опыт строительства социализма в СССР и др. социалистич. странах показал, что гос-во диктатуры пролетариата, выполнив свою функцию подавления сопротивления эксплуататорских классов, выполнив свою историч. миссию с т. зр. задач внутр. развития, перерастает в общенар. гос-во еще до полной победы коммунизма.

Маркс дает сжатую характеристику осн. черт полного коммунизма: когда «...исчезнет поработавшее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет самой первой потребностью жизни; когда вместе с всеобщим развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда... общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способности, каждому по потребностям!» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 20).

Рассматривая вопросы стратегии и тактики рабочего движения, Маркс резко критикует эклектизм тогдашних лидеров герм. с.-д-тии, пытавшихся сочетать в программе партии лассальянство с отд. неверно понятыми положениями марксизма. Вскрывая теоретич. бесплодность метафизич. и идеалистич. подхода Лассаля к анализу важнейших социологич. категорий (труд, гос-во, класс), Маркс показывает бурж. характер теорий, рассматривающих гос-во «...как некую самостоятельную сущность...» (там же, с. 27). Он разоблачает реакц. смысл лассальянской идеи построения социализма при помощи учреждения кооперативных товариществ с помощью бурж. гос-ва (см. там же), а также т. н. «железного закона заработной платы» (см. там же, с. 23). Маркс подчеркивает необходимость для партии рабочего класса руководствоваться во всей своей деятельности принципами пролет. интернационализма.

К «К. Г. п.» тесно примыкает письмо Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 по поводу Готской программы, где изложена общая т. зр. основоположников марксизма на ошибки ее составителей (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, 1953, с. 292—99).

Идеи, разработанные в «К. Г. п.», получили дальнейшее развитие в работах Энгельса (особенно в «Анти-Дюринге»), в трудах Ленина, прежде всего в кн. «Государство и революция», в работах их учеников и продолжателей. Важнейшим вкладом

в разработку науч. коммунизма является Программа КПСС, принятая XXII съездом партии.

В СССР «К. Г. п.» была издана (на 1 октября 1963 года) на 27 языках общим тиражом 2608 тысяч экземпляров. За рубежом «К. Г. п.» издана на 23 языках.

Лит.: Ленин В. И., Итоги дискуссии о самоопределении, Соч., 4 изд., т. 22; е го же, Государство и революция, там же, т. 25; е го же, Пролетарская революция и ренегат Каутский, там же, т. 28; е го же, Марксизм о государстве, М., 1958; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961, с. 62—66; Д о р ж и И. Н., Великий программный документ марксизма, М., 1940; Ш е с т а к о в М. Г., О произв. К. Маркса «К. Г. п.», М., 1954; С е л о в е в а К. В., Рукопись «К. Г. п.», «Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Научно-информ. бюллетень сектора произв. К. Маркса и Ф. Энгельса», 1961, № 6; O e l s s n e r F., Das Kommunisten von Gotha und seine Lehren, 18. Aufl., B., 1955. В. Мосолов. Москва.

КРИТИКА И САМОКРИТИКА — процесс отрицания и самоотрицания в обществ. развитии, внутренне необходимая сторона материальной и духовной человечес. деятельности; метод раскрытия внутр. противоречий развития; один из принципов деятельности коммунистич. партий, революц. рабочего класса, в социалистич. обществе — всего народа; объективная закономерность и движущая сила развития социалистич. и коммунистич. общества; действенный метод коммунистич. строительства; принцип трудового, нравств. воспитания и духовного развития людей коммунистич. общества.

Основой К. и с. является развитие обществ. жизни, в ходе к-рого непрерывно идет борьба между новым и старым, прогрессивным и консервативным. В связи с дифференциацией обществ. жизни все более разграничивались сферы деятельности (политич., правовой, нравств., научной, философской и др.), в каждой из к-рых К. и с. приобретала специфич. формы проявления. Классовая борьба в антагонистич. обществе в ее различных формах была осн. формой критики. В истории досоциалистич. формаций для идеологов восходящего класса было характерно критич. отношение к идеологии и практике отживающих классов.

Научно вопрос о К. и с. был проанализирован Марксом. И «оружие критики», и «критику оружием» Маркс рассматривал как одно из средств классовой борьбы пролетариата. Марксизм отверг субъективистский, волюнтаристич. подход к критике, характерный для левых гегельянцев («критическая критика»).

В К. и с. марксизм раскрывает отрицание старого не как самоцель, а как момент утверждения нового, отвергает метафизически-нигилистич. подход к развитию материальной и духовной культуры, подчеркивает не просто разрушающую, а прежде всего созидательную роль деятельности масс.

Общесметодологич. основа К. и с.— диалектически-противоречивый характер развития, объективная необходимость социалистич. революций, к-рые «... постоянно критикуют сами себя...» (М а р к с К., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 8, с. 123), единство теории и практики, критич. и революц. характер марксистской диалектики.

В период подготовки и проведения пролет. революции, а затем организации социалистич. строительства особенно выявилась движущая роль К. и с. Ленин считал умение пользоваться К. и с. важным признаком жизнеспособности и серьезности политич. партии. После победы революции, когда Коммунистич. партия становится правящей партией, особенно возрастает положит. значение не просто критики, но и самокритики. Эту мысль развивал Ленин, предупреждая против пошлого «самодовольного оптимизма» и требуя развертывания самокритики, необходимой для «живой и жизнеспособной партии» (см. Соч., т. 8,

с. 418), для усиления связи партии с массами. Предвидя попытки использования результатов К. и с. врагами коммунизма, Ленин еще до победы революции писал о необходимости «...продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения» (Соч., т. 7, с. 190; см. также т. 33, с. 32). В переходный период к социализму, когда еще решался вопрос «кто — кого», К. и с. оставалась и формой классовой борьбы внутри страны. С победой социализма К. и с. становится объективной закономерностью развития общества, свободной от классовых столкновений, общества дружественных классов и групп. В этих новых условиях К. и с. является проявлением объективных неантагонистич. противоречий, свойственных социализму. В поступат. движении социалистич. общества необходимо выявление старого и борьба против него, что невозможно без К. и с. В условиях развернутого строительства коммунизма, помимо пережитков капитализма, тормозом развития становятся и такие явления, к-рые родились как новое на почве социализма, но успевают устареть в процессе прогрессивного развития, перейти в свою противоположность и требуют выявления и устранения.

С помощью К. и с. народы Сов. Союза «...выявляют трудности, находят средства их преодоления, отбирают лучшие формы и методы коммунистического строительства» (Программа КПСС, 1961, с. 133). К. и с. является мощным рычагом в создании материально-технич. базы коммунизма, в формировании коммунистич. обществ. отношений и воспитании нового человека.

Решит. осуждение культа личности имеет огромное значение для правильного понимания и использования К. и с. Культ личности направлен против важнейшего ленинского принципа максимального использования творч. инициативы масс, критики снизу, привлечения масс к осуществлению задач парт. и гос. руководства и контроля, порождает бахвальство и равнодушье к недостаткам, культивирует произвол, субъективизм и бюрократич. подход к решению важнейших вопросов развития партии и страны.

Решения XX, XXI, XXII съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС являются примером действенного использования К. и с. В этих решениях были выявлены крупные недостатки в развитии пром-сти, строительства, с. х-ва и намечены эффективные меры по восстановлению ленинских норм парт. жизни, парт. и гос. руководства, перестройке парт. работы и др. крупные шаги в коммунистич. строительстве. Устав КПСС, принятый XXII съездом КПСС, рассматривает К. и с. как одну из важнейших ленинских норм парт. жизни и обязывает коммунистов «развивать критику и самокритику ... давать решительный отпор всяким попыткам зажима критики» (1961, с. 6). Партия всемерно поддерживает развитие К. и с., особенно критики снизу, и заботится о создании условий для ее действительности, что является необходимым моментом ее развертывания.

Культ личности наложил свою печать и на науч. дискуссии по вопросам биологии, языкознания, философии, политич. экономии. Высказывания Сталина оказались вне науч. критики, а к ученым, не разделявшим мнения Сталина, нередко применялись методы администрирования и репрессий. Преодоление культа личности во всех его проявлениях раскрывает перед науч. мыслью возможности дальнейшего свободного развития, плодотворной борьбы мнений, глубокой науч. критики и разоблачения совр. бурж. идеологии.

Коренное отличие К. и с. от критики, идущей из лагеря империалистич. идеологов, состоит в том,

что К. и с. направлена не на расплаты, а на укрепление, совершенствование и дальнейшее развитие социалистического общества. К. и с., будучи важнейшим средством преодоления всего старого, отжившего и поддержки нового, прогрессивного, выполняет в социалистическом обществе важную созидательную роль.

Сущность К. и с. глубоко диалектична, неразрывно связана с развитием через противоречия, с познанием специфич. противоречий развития социалистич. общества, его перерастания в коммунизм.

Формы проявления К. и с. многообразны и специфика этих форм определяется во многом сферой их действия. Так, развитие всех форм социалистич. соревнования предполагает критику делом, устранение рутинных и распространение передового опыта, подтягивание отстающих до уровня передовых. Важную роль играют собрания трудящихся и постоянно действующие производств. совещания, вновь создаваемые на предприятиях производств. комитеты, печать и вся система обществ. орг-ций в пром-сти, с. х-ве, науч. учреждениях, работа плановых и руководящих хозяйств. органов. Мощным рычагом К. и с. в сфере материального произ-ва является материальная и моральная заинтересованность каждого человека в развитии социалистич. экономики, парт.-гос. контроль с участием широких масс.

В сфере политич. организации общества расширение социалистич. демократии и вовлечение всех трудящихся в управление обществ. делами, в контролирование обществ. порядка, соблюдения норм социалистич. общежития предполагают широкое развертывание К. и с. Специфич. формами в этой области являются всенародные обсуждения важнейших конституционных актов, политич. документов, реализация прав на отзыв депутатов, не оправдавших доверия народа, усиление активности и инициативы всех советских, партийных и обществ. орг-ций, система партийно-государственного контроля (см. Программа КПСС, с. 100—12).

В сфере идеологической К. и с. является движущим началом развития форм обществ. сознания. Новый опыт жизни и потребности развития науки, преодоление последствий культа личности Сталина, борьба против ревизионизма и догматизма требуют всемерного развертывания принципиальной К. и с. всего устаревшего в области идеологии и науки.

Творч. применение марксистско-ленинской теории позволяет своевременно раскрывать новое, поддерживать его, предвидеть перспективы его роста, вскрывать вредные последствия отрицат. явлений и не дать возможность недостаткам разрастись в серьезный тормоз общегосударственного масштаба, а противоречиям обостриться до социального конфликта. Максимальная острота теоретического раскрытия возникающих противоречий средствами К. и с. на основе глубокого изучения новой действительности, практики является предпосылкой их своевременного преодоления. Для этого необходимо держать под постоянным контролем общественности и подвергать решительной критике все, что мешает поступательному развитию общества к коммунизму.

По мере овладения всеми трудящимися науч. мировоззрением, по мере осуществления поставленной КПСС задачи воспитания нового человека будет возрастать роль не только критики, но и самокритики в сфере нравственной самооценки поступков человека, повышения чувства ответственности, критич. подхода к собственной деятельности. «В борьбе с пережитками прошлого, с проявлениями индивидуализма и эгоизма большая роль принадлежит общественности, воздействию общественного мнения, развитию критики и самокритики. Товарническое осуждение

антиобщественных поступков постепенно станет главным средством искоренения проявлений буржуазных взглядов, нравов и обычаев» (Программа КПСС, с. 121). Неантагонистич. характер противоречий развития социалистич. общества определяет и характер К. и с. Это принципиальная, непримиримая к педо-статкам, но товарищеская критика, что вытекает из ее цели, в реализации к-рой в равной мере заинтересованы все трудящиеся социалистич. общества в условиях социального единства сов. народа. К. и с. в коммунистич. обществе будет движущим стимулом развития его экономики и культуры.

Лит.: Маркс К., К критике гегелевской философии права. Введение, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1; е го же, Послесловие ко второму изд. 1-го т. «Капитала», там же; Л е и н В. И., Шаг вперед, два шага назад, Соч., 4 изд., т. 7; е го же, О смешении политики с педагогикой, там же, т. 8; е го же, Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коминтерна, там же, т. 31; е го же, К четырехлетней годовщине Окт. революции, там же, т. 33; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч 1—4, 7 изд., [М.], 1954—1960; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961, Устав КПСС, М., 1961; XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1956; Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1959; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; XXII съезд КПСС и вопросы идеологии работы, М., 1962; XXII съезд КПСС и задачи кафедр обществ. наук высших учебных заведений. 30 янв.—2 февр. 1962 г., М., 1962. С. Дудель. Москва.

«КРИТИКА НАШИХ КРИТИКОВ» — сборник произведений Плеханова (под псевд. Н. Бельтов), вышедший легально в России в 1906. Включал статьи «Сант против Канта или духовное завещание г. Бернштейна», «Бернштейн и материализм», «Конрад Шмидт против К. Маркса и Ф. Энгельса», «Материализм или капитализм», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Еще раз материализм», три работы против П. Струве под общим заглавием «Г-н П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития» и др., а также неск. рецензий. Вошедшие в сборник произведения были напечатаны в 1891—1902 гл. обр. в нем. с.-д. органе «Die Neue Zeit» и в журнале рус. социал-демократов «Заря». Эти работы появились в обстановке активного наступления на марксизм как его открытых врагов, так и ревизионистов во главе с Бернштейном.

Уделяя в статьях против ревизионизма осн. внимание защите филос. основ марксизма, Плеханов показывал абсурдность попыток извратить марксизм в духе вульгарного материализма, дискредитировать данную Марксом и Энгельсом критику капитализма и на этой основе заменить диалектич. материализм философией Канта. Защищая диалектику Маркса, Плеханов указывал на ее коренное отличие от диалектики Гегеля, критиковал как плоский эволюционизм, так и извращение марксизма в духе теории кастраф. В противовес ревизионистскому утверждению, будто диалектика Маркса абстрактна и наносит вред теории науч. социализма, Плеханов доказывал, что «искание конкретной истины составляет отличительный признак диалектического мышления» (Избр. филос. произв., т. 2, 1956, с. 379). Именно с отказом ревизионистов от диалектики связано их предательство дела социальной революции. «...Бернштейн, — вместе со всеми филистерами всего земного шара, — готов городить против диалектики всякий вздор и взводит на нее самые нелепые обвинения всякий раз, когда ему кажется, что она может содействовать укреплению и развитию революционных стремлений в социалистической области», — писал Плеханов (там же, с. 392). Показав, что теоретич. заключения Бернштейна объясняются его практич. стремлением

приспособить марксизм к интересам буржуазии, Плеханов требовал исключения Бернштейна из партии.

В ст. «О материалистич. понимании истории» и др. Плеханов изложил осн. положения историч. материализма, дал критику теории факторов, указав, что марксизм требует не простого установления взаимодействия различных факторов обществ. жизни, а выяснения основы историч. процесса. Особо рассмотрел Плеханов вопрос о взаимной связи форм обществ. сознания и их обратном воздействии на экономич. строй общества. В целом положительно оценивая марксистские филос. работы *Лабриолы*, Плеханов критиковал его идеи о влиянии расовых особенностей на развитие идеологии.

В статьях против Струве Плеханов подверг критике его метафизич. методологию, вскрыл безосновательность его утверждений о притуплении противоречий между буржуазией и пролетариатом и показал, что проповедь эволюционизма нужна ревизионистам для того, чтобы объявить социальную реформу единственно возможной формой обществ. развития. Плеханов разоблачил попытку Струве превратить социализм в нравственно-этич. идеал, оторванный от борьбы за диктатуру пролетариата. В ст. «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» Плеханов разъяснил, что этич. социализм основывается на дуализме Канта. «С его помощью можно строить самые заманчивые идеалы, можно предпринимать самые смелые путешествия в „лучший мир“, несколько не помышляя о том, чтобы воплотить эти „идеалы“ в действительность» (там же, т. 1, 1956, с. 448). Еще Гегель смотрел на утверждение о недостижимости идеала как на оскорбление человека разума. «Заведомо несбыточный идеал для нас не идеал, а просто безнравственные пустяки, — писал Плеханов. — Наш идеал, идеал революционной социал-демократии, это — действительность будущего» (там же, 1956, т. 2, с. 621).

Разоблачая ревизионизм с т. зр. диалектич. материализма, Плеханов в отд. вопросах допускал ошибки. Напр., он ошибочно приписывал Энгельсу согласие с утверждением, что мы только «... в е р и м в а т о м» (см. там же, с. 351); утверждал, будто «первым отличительным свойством» пространства и времени является их «субъективность» (см. там же, с. 447); излишне сближал философию Маркса, к-рую он определял как род спинозизма, с материализмом прошлого. Гл. приемом критики Плехановым ревизионизма был метод обнаружения его логич. ошибок и противоречий, поэтому нек-рые его статьи носили несколько абстрактный характер.

В целом же произведения, вошедшие в сб. «К. н. к.», сыграли значит. роль в защите марксизма от его фальсификаторов. В письме от 27 июня 1899 Ленин высоко оценил работы Плеханова против Бернштейна и К. Шмидта (см. Соч., т. 34, с. 20). Появление их приветствовали *Бebelь* и *В. Либкнехт*. Позже выступивший против Бернштейна *Меринг* солидаризировался с Плехановым. Оценивая значение плехановских выступлений против ревизионизма, Ленин писал: «... Единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов» (Соч., т. 15, с. 19).

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, гл. 2; Фомин А. В. А., Филос. взгляды Г. В. Плеханова, М., 1955; Чагин Б., Защита и обоснование Г. В. Плехановым диалектич. и историч. материализма в борьбе против ревизионизма, в кн.: Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 2, М., 1956; Иовчук М. Т., Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, М., 1960.

Л. Лавинская. Москва.

«КРИТИКА ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА» (1788) — соч. *Канта*, в к-ром изложено его учение о морали. «КРИТИКА СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ» (1790) — сочинение *Канта*, посвященное проблемам эстетики.

«КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА» (1781) — осн. соч. *Канта*, в к-ром изложены его общепилос., гл. обр. гносеологич., идеи.

«КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ» — работа В. И. Ленина, посвященная разработке национального вопроса (см. *Нация*). Написана в октябре — декабре 1913. Впервые напечатана в 1913 в журн. «Просвещение» (№ 10, 11, 12) за подписью «В. Ильин». Написанию статьи предшествовали рефераты Ленина по нац. вопросу, прочитанные летом 1913 в Цюрихе, Женеве, Лозанне и Берлине, и доклад на совещании ЦК РСДРП с парт. работниками осенью 1913. В этой статье, а также в работе «О праве наций на самоопределение» (1914), полемизируя с еврейскими и укр. оппортунистами, Ленин разъяснял требования большевистской программы по нац. вопросу, отношение коммунистов к вопросам о нац. культуре и общегос. языке, равноправии наций и «культурно-национальной автономии». Ленин показал, что при капитализме существуют две тенденции в нац. вопросе: «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и утаивание всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма» (Соч., т. 20, с. 11). Первая тенденция преобладает в начале развития капитализма, вторая — в период империализма. Исходя из этих объективных тенденций, марксисты борются за равноправие наций и языков, против всякого гнета, отстаивают самый решит. и последоват. демократизм во всех частях нац. вопроса. В то же время они проводят принцип интернационализма, направленный против реакц. бурж. национализма.

В каждой нац. культуре в бурж. обществе следует отличать господствующую культуру буржуазии от элементов демократич. и социалистич. культуры. Лозунг «национальной культуры» стирает это различие и вместе с тем затушевывает противоположность интересов пролетариата и буржуазии. Лозунг рабочего класса есть «... интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения» (там же, с. 7). «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе» (там же, с. 10).

Ленин разоблачил бурж. характер требования «культурно-национальной автономии», доказав, что этот лозунг противоречит пролетарскому интернационализму. Поддерживая все, что помогает падению нац. перегородок, что усиливает связи между национальностями и ведет к их добровольному объединению, пролетариат вместе с тем должен бороться против бурж. национализма. Эта борьба составляет одну из важнейших задач марксистов всех стран.

Лит.: Ленин В. И., Тезисы по национальному вопросу, Соч., 4 изд., т. 19; его же, Письмо С. Г. Шаумяну 6. XII. 1913, там же; Ленинский сборник, т. XXIX, [Л.], 1937, с. 7—58; Бадазаров А. С., Разработка В. И. Лениным нац. вопроса в годы новой революц. подъема, М., 1956; Издание и распространение произв. В. И. Ленина, сб. ст. и материалов, М., 1960; История философии, т. 5, М., 1961, с. 202—05.

КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ — 1) Термин, применяемый бурж. философами для противопоставления своих теорий «наивному реализму», т. е. стихийному материализму. 2) Одна из школ совр. бурж. философии. Ведет происхождение от т. н. «критической философии» *Канта*; нем. идеалисты *Вундт*, *Кюльпе*, *Мессер* и др. обозначали этим термином всякую философию, делающую различие между объектом и представлением субъекта об этом объекте. Во 2-й пол. 19 в. К. р. был распространен в Германии (*А. Риль*), Англии (*А. Сет*, *А. Прингл-Пэттисон*, *Д. Хикс*). Критич. реалистами именовали себя нек-рые из рус. махистов (*Юшкевич*). Как самостоят. школа возникает в США в 1916—20. Его основатели: *Дрейк*, *Лавджой*, *Дж. Б. Пратт*, *Роджерс*, *Дж. Сантаяна*, *Селлерс* и *Ч. О. Стронг*, изложившие свои общие взгляды в сб. «Очерки критического реализма» («Essays in critical realism», 1920). В предисловии к нему авторы признали, что их согласие касается только «эпистемологической проблемы» (теории познания), и выражали уверенность, что можно сохранить единство в теории познания, придерживаясь различных взглядов на онтологию. Все же они приняли ряд общих онтологич. положений: а) признание реального существования объектов познания, независимых от познающего субъекта и находящихся в причинном отношении к нему; б) признание того, что человек познает как-то сообразуясь с объектами; в) признание того, что в процессе познания человек может делать истинные заключения об объектах. Однако в вопросе о том, чем являются объекты познания, критич. реалисты не были едины: одни (*Стронг*, *Дрейк* и др.) рассматривали их как идеальные, другие (*Селлерс*) как материальные.

В теории познания критические реалисты противопоставили свои взгляды *неореализму*, утверждая, что в процессе познания объекты включаются в сознание, становясь его «содержаниями» («эпистемологический монизм»). К. р. утверждает, что человек познает объекты не непосредственно, а при помощи «данных» («data») или «сущностей» («essences»). Субъект непосредственно познает «данное», служащее посредником между субъектом и объектом. «Данное» связано с объектом, «соответствует» ему, но вместе с тем отлично от объекта. «Данное» — не отражение, не образ, а знак, символ, указывающий на присутствие объекта. Это сближает К. р. с *агностицизмом* кантовского толка или «иероглифизмом» (см. «*Иероглифов теория*»). Достоверность познания объективной реальности нек-рые представители К. р. основывают на «животной вере». Критикуя неореалистов за отождествление объекта и «данного», т. е. психического, критич. реалисты впадают в др. крайность и метафизически разрывают объект и его образ, абсолютизируя момент их различия.

В вопросах онтологии критич. реалисты обнаруживают значит. разногласия; эксенциалистское крыло» (*Сантаяна*, *Дрейк*, *Роджерс*, *Стронг*) рассматривали «данные» как логич. «сущности», вечные и неизменные, приходя к объективному идеализму платоновского толка (учение *Сантаяны* о «царствах бытия») или к *субъективному идеализму*, провозглашающему бытие физическим по форме и психическим по субстанции (*D. Drake*, «What is a Mind?», «Mind», 1926, ч. 35, № 138); др. группа (*Селлерс*, *Пратт*, *Лавджой*) считала «данные» психич. образованиями, возникающими в результате мозговой деятельности. Но и между ними не было единства: *Пратт* эволюционизировал в сторону персонализма; *Лавджой* — создал теорию «темпоралистического реализма», лежащую, по его словам, «между идеализмом и неореализмом». *Селлерс* в процессе своей филос. эволюции шел к материализму. В обращении к онтологии рушилось и

без того призрачное единство критич. реалистов. В 30-х гг. XX в. это течение как таковое прекращает свое существование, хотя его приверженцы продолжают, каждый в соответствии со спецификой своей философии, развивать его принципы.

Лит.: *Квитко Д. Ю.*, Очерки совр. англо-амер. философии, М.—Л., 1936; *Коэн М. Р.*, Амер. мысль, пер. с англ., М., 1958; *Боднар Я.*, О совр. философии США, [пер. со словацк.], М., 1959; *Юлиана Н. С.*, Концепция реальности в амер. «критич. реализме», «Филос. науки» (Научн. докл. высшей школы), 1958, [№] 2; *Богомолов А. С.*, Идеи развития в бурж. философии XIX и XX вв., [М.], 1962; *Бичко И.*, На философском раздоржке, К., 1962; *Pratt J. V.*, Matter and spirit, N. Y., 1922; *Santayana G.*, Scepticism and animal faith..., N. Y., [1929]; *Sellars R. W.*, The philosophy of physical realism, N. Y., 1932; его же, Critical realism and modern materialism, в кн.: *Philosophic thought in France and the United States*, N. Y., 1950; *Lovejoy A. O.*, The revolt against dualism, 2 ed., La Salle (Illinois), 1960.

И. Бычко. Киев.

КРИШНАМУРТИ, Джидду (псевдоним — *Алсион*) (р. 1895) — инд. философ, писатель и поэт. Род. в Юж. Индии (г. Мадрас). Образование получил в Англии. В 20-х гг. ездил с лекциями по Европе и США. В последнее время живет в США.

Свое учение К. излагает преим. в виде кратких афористич. изречений и притч. Его воззрения при-мыкают к *экзистенциализму* и *философии жизни*. К. отрицает объективность общества, считая, что оно есть лишь «...внешняя проекция всех наших внутренних психологических состояний» («The first and the last freedom», N. Y., 1954, p. 26). Причину неустойчивости и разлада в духовной, психич. и обществ. жизни человека К. видит в принадлежности людей к определ. группам, классам, гос-вам, к-рая якобы разъединяет и противопоставляет их друг другу.

К. критически относится ко всем священным писаниям, равно как и совр. рационалистич. теориям, считая, что они, заставляя человека действовать по своим старым образцам перед лицом каждой раз вновь возникающей ситуации, лишают тем самым человека его подлинной свободы. Зависимость от этих ложных символов и создает тот парадокс, когда человек, руководствуясь прошлым, действует во имя будущего, совершенно упуская настоящее, хотя только оно и составляет единств. эмпирич. реальность и истину бытия человека. Вся задача сводится, по К., к тому, чтобы человек обрел это свое истинное бытие, вырвавшись из-под рабской зависимости опутывающих его верований и постоянной жертвы настоящим ради прошлого и будущего. Эта цель, по мнению К., достигается только посредством любви. «...Только любовь может преобразовать нынешнее безумие мира, любовь, а не системы, правые или левые» (там же, p. 234). Основой философии К. является субъективный идеализм, разбавленный неокантовством, бергсонизмом и экзистенциализмом.

Соч.: *The kingdom of happiness*, L., 1928; *Causeries*, Madras, 1947; *Krishnamurti's talks. (Verbatim report)*, Madras, 1947; *Education and the significance of life*, N. Y., 1953; *Commentaries on living. From the note books of Krishnamurti*, N. Y., 1956; в рус. пер.— У ног учителя, СПб, 1941; *Воспитание как вид служения*, СПб, 1943.

Н. Аникиев. Москва.

КРКОШКА (Krkoška), Панкрац (26 янв. 1861—17 февр. 1888) — пропагандист идей марксизма в Чехии. Один из основателей и редактор (1885—88) журнала «Rovnost» («Равенство», Брно), в к-ром опубликовал статьи, излагавшие осн. вопросы учения Маркса: об историч. миссии пролетариата, о концентрации капитала, об отношении крестьянства к капитализму, о прибавочной стоимости (К. впервые пытался ввести нек-рые чешские термины для понятий марксистской экономич. науки), о философии и социализме и т. д. («Историч. задача пролетариата» — «Dějiny úkol proletariátu», «Rov-

nost», I, ч. 3; «Машина и рабочий» — «Stroj a dělník», там же, ч. 4; «Кто нас спасёт» — «Kdo nás spasí», там же, ч. 6; «Будущее в свете учения социализма» — «Budoucnost dle socialismu», там же, II, ч. 3; «Философия социализма» — «Filosofie socialismu», там же, ч. 6; «Национальность и социализм» — «Národnost a socialismus», там же, ч. 10; «Капитал в истории» — «Kapitál v dějinách», там же, ч. 12, и др.). Первым из чехов К. подверг критике некие неправильные взгляды Лассалля (см. «Rovnost», IV, ч. 17). К. пытался организовать сбор средств для осуществления перевода «Капитала» К. Маркса. Он опубликовал свой перевод раздела о первонач. накоплении («Rovnost», II, ч. 14). К. пропагандировал среди моравских рабочих атеизм, популяризировал достижения совр. ему науки, в частности теорию Ч. Дарвина.

Соч.: Vznik soustavy sluneční, 2 vyd., Brno, 1891.
Лит.: S o l l e Z d., Dělnické hnutí v českých zemích koncem minulého století (1887—1897), [2 vyd., Praha], 1954.
И. Дубски. ЧССР.

КРОМАН (Kroman), Кристиан Фредерик Вильгельм (29 марта 1846—26 июля 1925) — дат. бурж. философ, проф. Копенгагенского ун-та (1884—1922). Гносеология (см. «О познании природы» — «Vor Naturerkendelse», 1883) близка к неокантианской. К. строит теорию познания, исходя из анализа естеств. наук, прежде всего математики и физики. Он различает два рода наук: формальные (логика, математика, механика) и реальные (физика, химия и др.). Формальные науки, по К., имеют дело с апрорными конструкциями и поэтому дают достоверные знания. Реальные же науки рассматривают наличные объекты (предметы опыта); они эмпиричны и поэтому имеют лишь вероятностный характер. Реальные науки, по К., предполагают веру в существование причинности, к-рую он трактовал идеалистически. В психологии К. выступал против психофизич. параллелизма, отстаивая учение о психофизич. взаимодействии.

Осн. проявлениями этич. жизни человека являются, по К., чувство ответственности и вытекающее из него сознание вины.

Соч.: Den exakte videnskabs indlaeg i problemet om sjaaelens existens, Kbn., 1877; Kortfattet taenke-og sjaelelaere, Kbn., 1882; 5 udg., Kbn., 1915; Ethik, Kbn., 1904; Matematikken og erkendelseslaeren, Kbn., 1920.

Лит.: Н у м а н А., Rumsanalogierna inom logiken, Lund, 1926; Dansk biografisk leksikon, bd 13, 1938, s. 377—382.
А. Мысливченко. Москва.

КРОНЕБЕРГ, Иван Яковлевич (19 февр. 1788—19 окт. 1838) — рус. эстетик и переводчик; с 1819 — проф. кафедры классич. филологии, в 1826, 1829 и 1833—38 ректор Харьковского ун-та. К. один из первых перевел на рус. яз. ср.-век. поэтов и Шекспира; был сторонником шеллингянского романтизма, решал проблемы эстетики с позиций объективного идеализма, критикуя идею об иск-ве, как воспроизведении природы (см. «Амалтея...», ч. 1, X., 1825, с. 86, 88; «Минерва», ч. 1, X., 1835, с. 169—72, и др.).

Соч.: [Исторический взгляд на эстетику; Материалы для истории эстетики; Отрывки и афоризмы и др.] в кн.: Брошюрка, кн. 1—10, X., 1830—33; Подробную библиогр. см. в Рус. биогр. словаре, т. 9, СПб., 1903. З. Каменский. Москва.

КРОНЕКЕР (Kronecker), Леопольд (7 дек. 1823—29 дек. 1891) — нем. математик. С 1883 — проф. ун-та в Берлине. Интересовался вопросами искусства и философии. Филос. аспект взглядов К. выражен в его требовании ограничения понятия б е с к о н е ч н о с т и [согласно К., бесконечные множества, напр. бесконечные ряды, в математике можно допустить лишь при условии, что в каждом отд. случае задан закон образования элементов множества (членов ряда) и выполнены известные предпосылки, позволяющие обращаться с этим множеством как с конечным выражением]. К. настаивал на полном отказе от понятия а к т у а л ь н о б е с

к о н е ч н о г о (см. Математическая бесконечность) и резко выступал против теории множеств Кантора. Требование К. признавать математич. объект законным лишь тогда, когда дан способ его вычисления или построения, было впоследствии (в уточненной форме) выдвинуто конструктивным направлением в математике и логике. В области оснований математики К. возглавил направление, целью к-рого была провозглашена «арифметизация» математики; согласно К., математич. теории имеют смысл лишь постольку, поскольку они могут быть сведены к арифметике [теории (натуральных или целых) чисел]. Уверенность К. в возможности арифметизации всей математики и (с др. стороны) в несводимости арифметики к к.-л. более простой теории выражена в его известном афоризме: «Бог создал целые числа, все остальное — творение человека» (цит. по кн.: Клини С. К., Введение в метаматематику, М., 1957, с. 25).

Соч.: Werke, v. 1—5, Lpz.—В., 1895—1930.
Лит.: Hermite [C.], Note sur Mr. K., «Compt. rend. Acad. Sci.», 1892, t. 114, p. 19—21; Frobenius G., Gedächtnisrede auf L. K., B., 1893; Bell E. T., Les grands mathématiciens, P., 1939, p. 497—515. А. Коноплякин. Москва.

КРОНЕР (Kroner), Рихард (р. 8 марта 1884) — философ-идеалист, один из наиболее крупных представителей нем. неогегельянства, председатель «Гегелевского союза» (Hegelsbund), в наст. время — религ. философ. Проф. во Фрейбурге (1912—24), в Дрездене (с 1924), Киле, Франкфурте-на-Майне, Берлине (с 1929). В 1938 эмигрировал в Англию, а в 1940 переехал в США; в 1948—52 читал лекции по философии религии в Нью-Йоркской теологич. семинарии, с 1953 — в Temple University в Филадельфии.

Филос. взгляды К. эволюционировали от неокантианства к неогегельянству и затем к разновидности философии откровения. Первый этап филос. развития К. протекал в русле баденской школы. Вслед за своим учителем Г. Риккертом К. сосредотачивает внимание на этич.-мировоззренч. стороне философии Канта в противоположность теоретико-познавательной (см. его «Kant's Weltanschauung», 1914, изд. на англ. яз. — 1956). Реакция на теоретико-познават. формализм марбургской школы и поиски конкретного, «живого» содержания философии, при неспособности выйти за пределы кантовски-фихтевского субъективизма приводят К. к сближению с иррационалистич. историцизмом и биологизмом философии жизни (см. его «Проблему исторической биологии» — «Das Problem der historischen Biologie», 1919). В результате своеобразного «синтеза» неокантианских и иррационалистич. элементов сформировались гносеологич. воззрения К., приведшие его к неогегельянству. Историко-филос. обоснование своему переходу к неогегельянству К. дал в двухтомной работе «От Канта до Гегеля» («Von Kant bis Hegel», Bd 1—2, 1921—24). В этой работе Гегель был преуважен в духе кантовски-фихтевского субъективизма, и гегелевская диалектика выродилась в иррационализм. В подобном истолковании гегелевской философии состояло осн. содержание второго, неогегельянского этапа филос. эволюции К. Дух этого же этапа характерно большее, чем в предшествующий период, внимание к проблемам философии культуры. В своих работах («Самоосуществление духа» — «Die Selbstverwirklichung des Geistes», 1928; «Идея и действительность» — «Idee und Wirklichkeit des Staates», 1930, и «Обоснование политики с т. зр. философии культуры» — «Kulturphilosophische Grundlegung der Politik», 1931) К. стремится создать свой вариант философии культуры на основе модернизации гегелевской философии духа с помощью иррац. понятия «души», заимствованного из философии жизни. Для социально-политич. воззрений К. в этих работах

характерна крайне реакц. тенденция, связанная с идеалистич. апологией империалистич. «тотального гос-ва». Конфликт К. с реальным — фашистским — воплощением того самого «тотального гос-ва», к-рое он воспевал в качестве философа культуры, вынудил его эмигрировать из Германии. Однако это привело лишь к дальнейшему усилению реакц. тенденций мировоззрения К. В этот последний период филос. развития К. религ.-мистич. тенденция, характеризованная воззрения К. на всем протяжении его эволюции, окончательно возобладала, и он всецело отдал предпочтение религ. вере перед разумом, откровенно перед «умозрением» (см. его работы, опубл. на англ. яз.: «The primacy of faith», 1943; «Culture and faith», 1951; «Speculation and revelation in the history of philosophy», v. 1—3, 1956—61). Сводя «теоретич. счеты» с Гегелем в одной из своих последних работ, К. противопоставляет ему религиозно ориентированных философов Паскаля и Кьеркегора, к-рые, по К., «превзошли спекулятивную точку зрения гегелевской онтологии» («Hegel heute», «Hegel-Studien», Bd 1, 1961).

Соч.: Zweck und Gesetz in der Biologie, Tüb., 1913; Hegel. Zum 100. Todestage, Tüb., 1932; Kierkegaard or Hegel?, «Rev. Internat. Philos.», 1952, t. 6, fasc. 1, [№] 19; Kierkegaards Hegelverständnis, «Kant-Studien», 1954—55, № 46; в рус. пер.— К критике философского мистицизма, «Логос», 1913, № 3—4.

Лит.: Давыдов Ю., Борьба вокруг «Феноменологии духа» в совр. бурж. философии, «Вопр. философии», 1959, № 2; с г о же, Критика иррац. основ гносеологии неогегельянства, в сб.: Совр. объективный идеализм, М., 1963; Леву Н., Die Hegel-Renaissance in der deutschen Philosophie, Charlottenburg, 1927; Маргск С., Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, Bd 1—2, В., 1929—31; Ловитх К., Von Hegel zu Nietzsche, Z., 1953; Лукас Г., Die Zerstörung der Vernunft, В., 1955.

Н. Мотрошилова, Ю. Давыдов. Москва.

КРОНЬСКИЙ (Kronski), Тадеуш Юлиуш (1907—1958) — польский философ. В начале науч. деятельности (30-е гг.) находился под влиянием феноменологии Гуссерля, в 40-х гг. перешел на позиции марксизма. В 1951—58 преподавал философию в Варшавском ун-те. Автор «Лекций по истории античной философии» («Wykłady z historii filozofii starożytnej. Grecja i Rzym», 1955). Осн. работы К., посвященные философии Канта, Фихте, Гегеля и влиянию классич. нем. философии на польских мыслителей, собраны в изданной посмертно кн. «Вокруг Гегеля» («Rozważania wokół Hegla», 1960, имеется библиография работ К. и лит-ра о нем). К. опубликовал также ряд статей об экзистенциализме и др. течениях совр. идеалистич. философии. [В. Гальминас.] Москва.

КРОПОТКИН (псевдонимы: Бородин, Левашин), Петр Алексеевич [27 нояб. (9 дек.) 1842 — 8 февр. 1921] — рус. мелкобурж. революционер, один из теоретиков *анархизма*, ученый-географ. Род.

в рус. княжеской семье. Окончил Пажеский корпус (1862). В 1867—68 занимался на математич. отделении физико-математич. фак-та Петерб. ун-та. В 1872 во время поездки за границу установил контакт с народниками-бакунистами. В ноябре 1873 составил записку: «Должны ли мы заняться рассматриваем идеала будущего строя?» (см. в сб. «Революц. народничество 70-х гг. XIX в.», т. 1, М., 1964, с. 55—

118) — важнейший документ *народничества* 70-х годов. В 1874 был арестован; в 1876 бежал. Поселившись в Швейцарии, развернул пропаганду идей анархизма, основал (1879) газ. «Le Révolté». В 1881 был вынужден

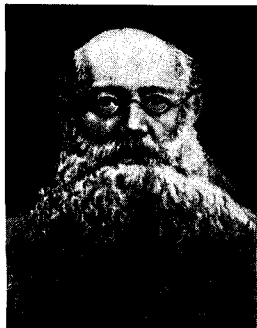
покинуть Швейцарию, в 1883 был осужден франц. судом на 5-летнее тюремное заключение. В 1886 амнистирован и поселился в Лондоне, где написал неск. книг, в т. ч. кн. о франц. революции («Великая революция» — «La grande Révolution», 1893, рус. пер. 1917), получившую высокую оценку В. И. Ленина (см. В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. 3, 1963, с. 401); выступал с лекциями и докладами о т. н. «коммунистич. анархизме». В 1900 пытался организовать, в противоположность 2-му Интернационалу, «Междунар. революц. рабочий конгресс».

В отличие от Бакунина, акцентировавшего внимание на разрушит. стороне анархизма, К. пытался нарисовать картину будущего «коммунистического» общества как огромного множества самостоят. общин (комму) производителей («La conquête du pain», 1892, рус. пер. 1902 под назв.— «Хлеб и воля», 1906 — «Завоевание хлеба»; «Коммунизм и анархия», 1900, рус. пер. 1902, и др.). Отрицая необходимость гос-ва в период построения бесклассового общества, К. и его сторонники призывали немедленно «...уничтожить государство и создать новые формы объединения, исходя из самых основных единиц каждого общества — из сельской общины, свободного союза рабочих и т. д. ...» («Гос-во, его роль в истории», Женева, 1904, с. 71).

Будучи позитивистом, К. противопоставлял марксистскому диалектич. методу «единственно научный индуктивный метод» и «механическое понимание явлений» (см. «Современная наука и анархия», М., 1920, с. 41—43). Отрицая специфич. закономерности обществ. развития, К. утверждал, что борьбе за существование как в жизни растений и животных, так и в человек. обществе противостоит взаимная помощь (см. «Взаимная помощь, как фактор эволюции», СПб., 1907, с. 300). Она является гл. фактором обществ. эволюции и этнич. прогресса («Этика», 1922). Гос-во сковывает действие этого фактора. Уничтожение гос-ва будет означать переход к «коммунистическому анархизму».

Все осн. принципы нравственности К. выводил из поведения животных. «Природа, может... быть назвала первым учителем этики, нравственного начала для человека» («Этика», т. 1, с. 38), «понятия о „добродетели“ и „пороке“ — понятия зоологические...» (там же, с. 19). Понятие о зле имеет своим первонач. источником естеств. отбор, истребление слабых сильными, представление о добре человек выводит, наблюдая взаимную поддержку внутри видов. Эта взаимная помощь и есть «зачатки нравственной совести» (там же, с. 14).

Во время революции 1905—07 К., находясь за границей, развил бурную публицистич. деятельность. В России выходят его брошюры «Анархия, ее философия и идеал» («L'anarchie, sa philosophie, son idéal», 1896, рус. пер. 1900), «Революция в России» (1906), «Анархия и ее место в социалистич. эволюции» («L'anarchie dans l'évolution socialiste», 1887, рус. пер. 1907) и др. В октябре 1906 К. выступил с докладом на съезде «коммунистов-анархистов» в Лондоне (см. сб. «Рус. революция и анархизм», 1907). Помимо России, анархистские идеи К. получают нек-рое распространение и в др. странах (Испания, странах Лат. Америки, Китая и др.). В период 1-й мировой войны К. занимал позиции шовинистич. оборончества. Ленин, большевики вели в эти годы активную борьбу против последователей К. в России как представителей мелкобурж. авантюристич. учения. Ленин клеймит К. как «мещанина от анархизма», как одного из «анархо-траншейников» (см. Соч., т. 21, с. 329; т. 25, с. 442). Летом 1917 К. возвратился в Россию, проповедуя «классовый мир» и

войну «до победного конца». Участвовал в Гос. совещании в авг. 1917.

После победы Окт. революции 1917 К., оставаясь противником пролетарской диктатуры, признал междунар. значение революции в России. В декабре 1918 он писал: «Надо быть справедливым: коммунисты — истинные социалисты. Они доказали на практике возможность социальной революции и освобождения рабочего класса от власти капитала» (цит. по кн.: Лебедев Н. К., П. А. Кропоткин, 1925, с. 73). В мае 1919 состоялась встреча К. с Лениным (см. В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. 3, с. 401—06). В 1920 К. выступил с призывом к рабочим Зап. Европы объединиться для борьбы против интервенции.

Как ученый-географ К. исследовал ряд районов Сев. Маньчжурии и Сибири, изучал ледниковые отложения в Финляндии и Швеции («Исследования о ледниковом периоде», 1876). К. сотрудничал с Реклю в написании всемирной географии «Земля и Люди», перевел на русский язык «Основы биологии» Спенсера.

Соч.: Идеалы и действительность в рус. лит., СПб., 1906; Соч., т. 1—7, СПб., 1906—07; Поля, фабрики и мастерские, М., 1918; Труд ручной и умственный, М., 1919; Собр. соч., т. 1—2, М., 1919; Речи бунтовщика, СПб.—М., 1921; Дневник..., М.—П., 1923 (имеется библи.); Записки революционера, [М.—Л.], 1933; Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса, П.—М., 1922.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 21, с. 84, 289, 330; его же, там же, т. 22, с. 118; его же, там же, т. 23, с. 119; его же, там же, т. 25, с. 459; Плеханов Г. В., Анархизм и социализм, Собр. соч., т. 4; Луань И. И., Анархизм и рабочий класс, М., 1906; Белосельский З. П. А. К., СПб., 1906; Гроссман-Рощин И. С., Характеристика творчества П. А. К., П.—М., 1921; Новом и рски й Я., П. А. К. как теоретик анархизма, «Коммунистич. Интернационал», 1921, № 16; Памяти П. А. К. [Сб. ст.], П.—М., 1921 (дана библи.); П. К. Сб. ст., П.—М., 1922; К и ж н и к [Ветров] И., Воспоминания о П. А. К., «Красная Летопись», 1922, № 4; Лебедев Н. К., П. А. К. как теоретик био-социологии, закона взаимопомощи, «Былое», 1922, кн. 17; Ярославский Е. М., Анархизм в России, [М.], 1939; Обручев В. А., П. А. К., в кн.: Люди рус. науки, т. 1, М.—Л., 1948; Laugentius, K. Moral- lehre und deren Beziehungen zu Nietzsche, Dresden, 1896; Robins on V., Comrade K., N. Y., 1908; Landauer W., K's Ideen über die gegenseitige Hilfe und ihre Bedeutung, Lpz., 1920; Nettlau M., Der Anarchismus von Proudhon zu K., B., 1927; Sé e H., K., historien, в кн.: Sé e H., Science et philosophie de l'histoire, P., 1928. Э. Баллер. Москва.

КРОССЕР (Crosser), Пол (р. 1902) — амер. философ и экономист, симпатизирующий философии марксизма. Проф. Адельфи университета в Нью-Йорке. Экономич. образование получил в Берлинском, философское — в Колумбийском ун-тах. С материалистич. позиций выступает против идеалистич. и иррационалистич. течений в совр. бурж. филос. и обществ. мысли. В кн. «Нигилизм Джона Дьюи» («The nihilism of John Dewey», [1955], рус. пер. 1958) показывает несостоятельность «инструментализма» Дьюи, релятивизм и нигилизм его философии и логики науки, бесплодность эстетич. концепции и обскурантизм педагогич. теории. В работе «Экономические фикции» («Economic fictions», [1957], рус. пер. 1962) К. критикует методологич. основы субъективистских школ в бурж. политэкономии от И. Тюнена до О. Шанна, проследживает связь соответствующих экономич. учений с различными системами идеалистич. философии. Критика иррационализма дана также в ст. «Заметки об иррационализме в совр. амер. мысли» («Вопр. философии», 1960, № 8), «Традиция антиинтеллектуализма в амер. философии» (там же, 1962, № 6).

Противник войны, К. был одним из немногих амер. философов, подписавших в период кризиса в Карибском море (1962) обращение амер. ученых к Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущеву.

Соч.: Ideologies and American labor, N. Y., 1941; State capitalism in the economy of the United States, N. Y., [1960]. Лит.: Мельвиль Ю. К., Митрохин Л. Н., «Нигилизм Джона Дьюи», [рец.], «Вопр. философии», 1956, № 3. Ю. Мельвиль. Москва.

КРОЧЕ (Croce), Бенедетто (25 февр. 1866 — 20 нояб. 1952) — итал. философ-неогегельянец, историк, литературовед, критик, публицист, политич. деятель. Мироззрение К. формировалось под влиянием школы неаполитанского гегельянца (Б. Спанента, Ф. Де Санктис). С 1903 ок. 50 лет издавал журнал «Critica», содержащий почти исключительно его собств. статьи, заметки, рецензии и пр. В 1902—20 — проф. в Неаполе. К. — один из основных идеологов и политич. лидеров итал. бурж. либерализма. Президент созданной им (1948) либеральной партии.

К. полемизировал с марксизмом, с к-рым он познакомился под влиянием своего учителя А. Лабриолы («Исторический материализм и марксистская экономика», 1901, рус. пер. 1902). Критика марксизма в работах К. сочеталась с заимствованием, хотя и в крайне искаженном и мистифицированном виде, ряда элементов марксистской филос. и социологич. проблематики. Значит. роль принадлежит К. в борьбе против позитивизма в Италии (см. *Итальянская философия*).

К. критиковал философию Гегеля справа, считая, что не только кантовский идеализм, но и идеализм Гегеля недостаточно последователен и не свободен от дуализма, поскольку они допускали существование материального мира, хотя бы и в форме ипнотич. идеи (см. «Indagini su Hegel...», Bari, 1952, p. 45). По К., такое допущение должно быть принципиально отвергнуто. Из «дуалистических заблуждений» Гегеля (и Канта) в отношении материального мира органически вытекает их методологич. дуализм: они допускали двойственность метода, полагая, что не только спекулятивный, но и естественно-научный метод в той или иной мере способствует отысканию истины. Между тем к истине может вести только один метод, определяемый ее внутр. природой, — спекулятивный. Поэтому К. целиком отрицает познават. ценность естеств. и математич. наук, к-рые имеют, по К., чисто утилитарное значение. В отличие от Гегеля, К. отрицает противоречие как осн. принцип диалектики. Таковым, по его мнению, является единство и различие понятий, а не единство и борьба противоположностей. «Диалектика есть не что иное, как сам принцип различия» («Storiografia e idealita morale», p. 137).

Дух, представляющий собой, согласно К., единств. реальность, выступает в двух осн. формах: теоретической (интуитивной и логической) и практической (экономической и этической). Формам духа, тождественным категориям (прекрасное, истинное, полезное или жизненное и добро), соответствует подразделение философии на эстетику, логику, философию экономики и этику. Система К. изложена в 4-томной «Философии духа».

С. Эфиров. Москва.

К. принимает за исходный материал познания, как духовной активности вообще, «бесформенную материю» ощущений (см. «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика», ч. 1, М., 1920, с. 8). Собственно же познание начинается с представлений, к-рые суть результат обработки, или организации, хаотич. содержания ощущений согласно законам «духа» — своеобразной «кристаллизации» этого содержания в виде непосредственно воспринимаемых образов вещей. Осн. способностью, с помощью к-рой осуществляется эта обработка, является, по К., воображение, фантазия, или, согласно его терминологии, интуиция. В этом понимании интуиции К. следует за Кантом и Фихте. Чтобы резче подчеркнуть творческую формообразующую роль интуиции в духовной деятельности, К. отождествляет ее со способностью «выражения», к-рое есть «...синтез разного или множественного в едином» (там же, с. 24). Интуитивная

(«выразительная») активность духа, как полагает К., «объективирует» данное содержание (т. е. ощущения, впечатления) в ходе его оформления в образ, т. е. «преодолеывает» это содержание путем его своеобразного «разрыва» с самим собой и «освобождается» от него через «растворение» этого содержания в формах, имеющих происхождение в глубинах вечно деятельного духа. Однако эта «объективация», по сути дела, имеет исключительно «внутренний», «идеальный», более того — «субъективный» характер. Она не предполагает выхода за пределы индивидуальных переживаний личности. Интуитивная выразительность приобретает у К. не только чисто формальный, но и совершенно внечувств. характер: «...интуиция или представление отличается от того, что чувствуется или испытывается..., от психической материи, как форма» (там же, с. 14). К. отличает интуицию от чувства как «теоретическую» (познават.) способность от «практической»; и это побуждает его рассматривать интуицию в одном ряду с др. теоретич. способностью — логич. мышлением. Но в общих пределах теоретически-познават. сферы К. все же отличает интуицию от логич. способности на тех основаниях, что первая есть познание, «свободное от понятий», а вторая — познание в понятиях; что первая дает познание неповторимо индивидуального, а вторая — всеобщего и универсального; что с помощью первой постигается сама вещь в ее конкретности, а с помощью второй — абстрактные отношения вещей, скрывающиеся за их внешним обликом; словом, «интуиция дает нам мир, феномен; понятие дает нам ноумен, дух» (там же, с. 36; ср. также с. 68). Идеальной моделью интуиции (воображения) является, по К., «лирическая интуиция», находящая свое развернутое воплощение в бесконечном многообразии произведений искусства. Поэтому философия интуиции есть эстетика, общая теория искусства, понятая как «наука о выражении», и наоборот — последняя есть важнейшая часть системы «Философии духа».

Ю. Давыдов. Москва.

Хотя эстетика К. пользуется, пожалуй, наибольшей известностью за пределами Италии, центр. место в его учении занимает историч. концепция. Отказавшись от системосозидательных тенденций первого периода своей деятельности, он отождествил философию с историографией и признал задачей философии решение конкретных проблем. К. называл свое учение «абсолютным историцизмом». На деле для К. характерен антиисторизм: он исключает из сферы истории не только все материальные элементы (материальные факты, веществ. свидетельства прошлого и пр.), но и основы подлинно науч. историч. анализа. Выступая против гегелевской и в особенности против марксистской «философии истории», он отрицает детерминизм, объективные закономерности в историч. развитии, возможность обобщений, предвидения и т. д. «История не полагает серию законов, но воспроизводит и представляет индивидуальные действия, каждое из которых закон для самого себя» («Ultimi saggi», Bari, 1935, p. 369). Однако вместе с тем К. допускает наличие логики в историч. развитии, с одной стороны, как логики, вносимой историком и существующей «в самом акте исторического мышления» («La storia come pensiero e come azione», Bari, 1939, p. 337), с другой — как непознаваемого «плана провидения». «Развитие мира имеет свои причины, которых мы не знаем и которые мы напрасно пытаемся вскрыть с помощью наших предвидений» («Storiografia...», p. 63). Назвав свое учение «религией свободы», К., в отличие от традиц. бурж. теорий, отрицающих формальный характер бурж.-демократич. свобод, откровенно утверждает, что реальная свобода — понятие, лишенное смысла, что «свобода всегда является

„формальной“» («Indagini su Hegel...», p. 109). Что касается демократии, то она отвергается им даже как формальный принцип. Историю, по К., делают великие люди; нар. массы, неспособные к самостоят. мысли и действию, в лучшем случае являются пассивным воспреемником их идей. «С точки зрения либерализма, который всегда был против теории равенства, свобода есть средство создания и возвышения аристократии, а не демократии» («Politics and morals», L., [1946], p. 83). В деятельности и воззрениях К. были моменты, имевшие прогрессивное значение для итал. действительности его времени (некие его культурные начинания, критика позитивизма, клерикализма и фашизма, хотя во многом внешняя, двулика, и т. д.). Однако в целом филос. и политич. деятельность К. была весьма консервативной по своему характеру. В воззрениях К. имелись некие элементы, близкие фашистским теориям (апология силы, войны, политического макиавелизма и пр.).

Влияние К. на итал. интеллигенцию, очень большое в первые десятилетия 20 в., стало падать в 40-х гг. Огромную роль в подрыве влияния концепций К. сыграла марксистская критика, особенно работы А. Грамши и совр. итал. марксистов. В наст. время философия К. почти полностью вытеснена из итал. бурж. идеологии др. филос. системами, однако косвенно влияние К. еще довольно значительно, поскольку ряд видных итал. политич. деятелей и деятелей культуры — в прошлом ученики К.

Соч.: *Filosofia dello spirito*, v. 1—4, nuova ed., Bari, 1948—58; 1v.—*Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale*, 2v.—*Logica come scienza del concetto puro*, 3v.—*Filosofia della pratica*, 4v.—*Teoria e storia della storiografia; Etica e politica*, Bari, 1931; *La filosofia di Giambattista Vico*, 3 ed., Bari, 1933; *Freedom. Its meaning*, N. Y., 1940; *History as the story of liberty*, L., 1941; *Il carattere della filosofia moderna*, Bari, 1941; *Discorsi di varia filosofia*, v. 1—2, Bari, 1945; *Pensiero politico e politica attuale*, Bari, 1946; *Saggio sullo Hegel...*, 4 ed., Bari, 1948; *Nuovi saggi di estetica*, 3 ed., Bari, 1948; *Come il Marx fece passare il comunismo dell'utopia alla scienza*, Bari, 1948; *My philosophy and other essays*, L., 1949; *Filosofia e storiografia*, Bari, 1949.

Лит.: Плеханов Г. В., О книге Кроче. Избр. филос. произв., т. 2, М., 1956; Серени Э., Марксизм, наука, культура, пер. с итал., М., 1952; Чернышев Б. С., Б. К. и диалектика, «Вопр. философии», 1958, № 8; Абабаде М., Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества, пер. с итал., М., 1959; Gramsci A., *Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce*, [Torino], 1949; Carr H. W., *The philosophy of Benedetto Croce*, L., 1927; Ruggiero G., *Il ritorno alla ragione*, Bari, 1946; Ciardolo M., *Le quattro epoche dello storicismo: Vico, Cant, Hegel, Croce*, Bari, 1947; Fauci D., *Storicismo e metafisica nel pensiero crociano*, Firenze, 1950; *La «Critica» e il tempo della cultura crociano*, Bari, 1953; Benedetto Croce. *A cura di F. Flora*, Mil., 1953; Olgiatti F., *Benedetto Croce e lo storicismo*, «Vita e Pensiero», 1952, № 3; Alberghamo Fr., *La critica della scienza oggi in Italia*, Roma, 1953; Cione E., *Benedetto Croce*, Mil., 1953; его же, *Bibliografia crociano*, [Monza], 1956; Garin E., *Cronache di filosofia italiana (1900—1943)*, Bari, 1955; Sprigge C., *Benedetto Croce l'uomo e il pensatore*, Mil.—Napoli, 1956. Э. Эфиров. Москва.

КРУГ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ (лат. *circulus in demonstrando*) — логич. ошибка, состоящая в том, что доказываемый тезис обосновывается с использованием в данном доказательстве самого же этого тезиса в качестве одного из его оснований; разновидность ошибки «недоказанного основания» (или «постулирования основания», лат. *petitio principii*). Типичным видом К. в д. является случай, когда в доказательстве тезиса *A* встречается такое положение (суждение, предложение) *B*, к-рое само ранее доказывалось с привлечением положения *A*. Другие случаи К. в д. могут отличаться большей тривиальностью (когда тезис доказывается непосредственно с помощью самого себя) или, наоборот, большей сложностью (когда, напр., тезис *A* доказывается с привлечением положений *B*₁ и *B*₂, положение *B*₁ доказы-

ваются с привлечением C_1 и C_2 , положение B_2 — с привлечением C_2 и C_3 , положения C_1 и C_2 — с привлечением D , а положения C_3 и D — с привлечением A). Понятие K . в д. является частным случаем общего понятия порочного круга (или ложного круга, лат. *circulus vitiosus*), др. частным случаем к-рого является понятие круга в *определении* (когда, напр., термин A определяется через термин B , а B — через A).

При наличии K . в д., как и вообще в случае ошибки «недоказанного основания», настоящего доказательства не получается, т. е. совокупность посылок такого доказательства не может служить достаточным основанием доказанности тезиса. Однако в некоторых случаях такое ошибочное доказательство может быть полезно тем, что оно легко превращается в доказательство иного тезиса, утверждающего, напр., эквивалентность двух различных по смыслу положений. Действительно, если из исходных положений некоей данной системы знания (ее постулатов, определений и т. п.) и некоего осмысленного в этой системе предложения B выводится предложение A , а из этого A и тех же исходных положений выводится B , то предложения A и B эквивалентны в данной системе. Именно такое значение имели в истории геометрии доказательства Евклидова 5-го постулата (о параллельных) *Прокла* (5 в.), *Насирэддина Туси* (13 в.), *Дж. Валлиса* (17 в.) и др., хотя в них непосредственно и не было K . в д., а было лишь явное или неявное (выявленное после уточнения логич. оснований геометрии) использование некоего недоказанного, но, как казалось, очевидного основания B . После выяснения того, что и само это B тоже требует доказательства (причем осуществить последнее не легче, чем доказать 5-й постулат) и что естественнее B доказывать как обычно, с использованием 5-го постулата, их уже нельзя было принять в качестве доказательства этого постулата. Поскольку же B оказывалось таким положением, доказывать к-рое с привлечением 5-го постулата умели еще со времен Евклида (3 в. до н. э.), то доказательство 5-го постулата, основанное на таком B , автоматически превращалось в доказательство эквивалентности положения B 5-му постулату.

Этот пример показывает, что некоторые доказательства, содержащие конструкции, похожие на K . в д., могут и не быть ошибочными. Другим примером такого рода могут служить доказательства по методу *математической индукции*, когда доказываемый тезис $A(x)$ используется в своем собственном доказательстве в качестве посылки того вспомогат. вывода, в к-ром из $A(x)$ выводится $A(x+1)$, т. е. когда доказательство проводится в соответствии с формулой: $(A(0) \& \forall x(A(x) \supset A(x+1))) \supset A(x)$.

Лит.: Логика, под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца, М., 1956, гл. 15; Рашевский П. К., «Основания геометрии» Гильберта и их место в историч. развитии вопроса, в кн.: Гильберт Д., Основания геометрии, пер. с нем., М.—Л., 1948; Каган В. Ф., Основания геометрии, т. 1, М.—Л., 1949, т. 2, М., 1956.

А. Кузнецов, А. Субботин. Москва.

КРУГ В ОПРЕДЕЛЕНИИ — см. *Определение; Непредикативное определение.*

КРУГОВОРОТА ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕОРИЯ — концепция обществ. развития, определяющим признаком к-рой является идея о постоянном и периодич. прохождении различными сосуществующими в пространстве и сменяемыми во времени обществ. образованиями аналогичных замкнутых циклов зарождения, подъема, упадка и гибели. Согласно K . и т., принцип развития применяется лишь к локальным историч. процессам и не доводится до принципа всемирно-историч. развития. Формы выражения K . и т. были многообразны. Это относится как к установ-

лению субъектов обществ. развития (гос-во, локальная культура), их общего числа, так и стадий историч. цикла.

Представление об историч. процессе как о вечном круговом движении было распространено в др.-вост. странах и в антич. обществе (Платон, Аристотель, Полибий). Предпосылками его возникновения служили частая смена политич. форм при относительно медленном социально-экономич. развитии в период рабовладельч. формации, а также состояние науки того времени. Облаченные в большинстве случаев в религ.-мистич. и умозрит. форму, K . и т. древности содержали в себе зародыши ценных мыслей, получивших развитие и научное обоснование лишь в дальнейшем. К ним относится попытка рассмотрения обществ. изменений как необходимого процесса, не зависящего от воли отд. выдающихся лиц; догадка о единстве историч. процесса, в смысле повторения различными народами аналогич. ступеней развития.

В новое время наиболее известными представителями K . и т. были *Макиавелли*, *Кампанелла* и особенно *Вико*. После них вплоть до последней четверти 19 в. K . и т. не имела видных последователей. С нач. 20 в. K . и т. становится одной из наиболее влият. философско-историч. бурж. концепций. Ее представители отрицают закономерное всемирно-историч. поступат. развитие человечества, предсказывая упадок человечества. Этот суевер. признак объединяет концепции Б. Адамса, Э. Мейера, М. Ростовцева, Р. Пёльмана, *Парето*, *Шпенглера*, *Тойнби*, *Сорокина* и др. бурж. социологов, философов и историков, несмотря на глубокие конкретные различия в общей системе их взглядов.

Факт возрождения K . и т. связан со сменой оптимизма, к-рый был присущ восходящей буржуазии, идеологией и психологией глубокого пессимизма, наступившего в связи с общим кризисом капиталистич. системы. Неспособность выйти за классово-идеологич. рамки и неприемлемость для многих бурж. ученых прогрессивных тенденций совр. обществ. развития наложили печать пессимизма на их восприятие истории человечества.

Археологич. открытия 2-й пол. 19 — нач. 20 вв., достижения в области этнографии и истории культуры явились одним из факторов, обусловивших крушение односторонних и вульгарных построений позитивистской социологии и историографии. Они показали несостоятельность трактовки историч. процесса как плавной, поступат. эволюции человечества и свидетельствовали о противоречивом, зигзагообразном и многоплановом характере его развития. Они опровергли также позитивистское представление о единстве истории, игнорирующее особенности социально-историч. развития различных народов, глубокую специфику их культурного творчества. Однако факты истории и совр. эпохи в общей системе историко-идеалистич. мышления бурж. исследователей воспроизводились в извращенном виде. Концепция поступат. эволюции общества заменяется антинауч. теориями, отрицающими всемирно-историч. прогрессивное развитие человечества.

Для собственно историков K . и т. связана с тенденцией модернизации истории, формального отождествления процессов и отношений качественно различных историч. эпох (Пёльман, Мейер, Ростовцев).

Другой тип K . и т., рассматривающий историю человечества в качестве сосуществующих в пространстве и периодически сменяющихся во времени локальных, глубоко специфичных цивилизаций, к-рым в то же время присуща идентичная формальная структура, представлен в философско-историч. построениях Шпенглера и Тойнби. При этом выпячиваются индивидуально-неповторимые стороны дей-

ствительности и игнорируются общие закономерности развития, подменяемые произвольным конструированием идентичного «жизненного цикла» зарождения, развития и гибели культурно-историч. систем. Это достигается с помощью абсолютно релятивистского тезиса «эквивалентности» локальных цивилизаций, при к-ром в единый («параллельный» ряд могут ставиться зап.-европ. общество и культура майя, древний Рим и совр. капиталистич. общество. К. и т. глубоко реакционна. Социальная обусловленность этой теории связана с реакционностью буржуазии, ее страхом перед будущим (см. В. И. Ленин, Соч., т. 33, с. 313).

Последовательно научное опровержение К. и т. содержится в марксистском учении об общественно-экономич. формациях (см. *Формация общественно-экономическая*), к-рое впервые дало возможность исследовать общие и специфич. стороны социально-историч. процесса. К. и т. опровергается критическим капиталистич. системы и переходом все новых народов к социализму.

Лит.: Мейер Э., Рабство в древнем мире, пер. с нем., М., 1899; его же, Экономическое развитие древнего мира, пер. с нем. J. M., 1906; Шельман Р., История античного коммунизма и социализма, СПб., 1910; Шпенглер О., Запад Европы, пер. с нем. J. т. 1, М.—П., 1923; Асмус В. Ф., Маркс и буржуазный историзм, М.—Л., 1933; Вико Д., Основания новой науки об общей природе наций, Л., 1940; Францев Ю. П., Деграляция совр. буржуазной социологии (Аналогия зстоя и регресса), «Вопр. философии», 1954, № 1; Маркьяри Э. С., Концепция общественного круговорота в философии истории, «Вест. истории мировой культуры», 1957, № 2; Кон И. С., Философский идеализм и кризис буржуазной историч. мысли, М., 1959; Араб-Оглы Э. А., Концепция историч. круговорота, в кн.: Историч. материализм и социальная философия совр. буржуазии, М., 1960; Семенов Ю. Н., Проблема общественного прогресса, там же; Маркьяри Э. С., О концепции локальных цивилизаций, Ер., 1962; Adams V., The law of civilization and decay, N. Y., 1943; Тойнбе А. J., A study of history, 2 ed., v. 1—12, L.—N. Y., 1955—61.

Э. Маркьяри.

КРУЖКОВ, Владимир Семенович [р. 3(16) июня 1905] — сов. философ, профессор (с 1940), д-р филос. наук (с 1950), член-корр. АН СССР (с 1953). Член КПСС с 1925. Окончил Академию коммунистич. воспитания им. Н. К. Крупской (1931), аспирантуру филос. фак-та Коммунистич. ун-та преподавателей обществ. наук (1933). Преподавательскую работу по философии ведет с 1932. Директор Ин-та истории иск-ва Мин-ва культуры СССР (с 1961). Разрабатывает вопросы истории рус. философии, истории эстетич. мысли, проблемы ленинского этапа марксистской философии. Редактор избр. филос. сочинений Д. И. Писарева (1944), М. А. Антоновича (1945), автор вступит. статей к ним. Гос. премия СССР (1952) за кн. «Мировоззрение Н. А. Добролюбова» (1950).

Соч.: Томмазо Кампанелла (К 300-летию со дня смерти), «Сов. наука», 1939, № 6; Д. И. Писарев. Филос. и социально-политич. взгляды, М., 1942; Осн. особенности классич. рус. философии, М., 1944; Классики рус. философии: Велнинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, М., 1945; Эстетика и лит. критика Н. А. Добролюбова, «Знамя», 1949, № 9; Великий рус. писатель Н. В. Гоголь, «Большевик», 1952, № 4; А. Н. Радищев — великий патриот и революционер, «Большевик», 1952, № 17; В. И. Ленин — гений творч. марксизма, «Вестн. АН СССР», 1954, № 1; Ленин о партийности философии, «Вопр. философии», 1959, № 6; История философии, т. 5, М., 1961, гл. 4, § 1.

КРУЗИУС (Crusius), Христиан Август (10 янв. 1715—18 окт. 1775) — нем. теолог и философ-идеалист, проф. теологии в Лейпциге (с 1774). Стремился согласовать разум с откровением, К. резко критиковал Х. Вольфа за отсутствие в его филос. системе такого согласования, за моральный *фатализм*, а также *детерминизм* Лейбница — Вольфа в метафизике («закон достаточного основания») и этике. К. критиковал учение Лейбница о *предустановленной гармонии*, считая, что свобода человека, допущенная богом и являющаяся источником зла, несомнима с существованием такой гармонии. Он отрицал положение

Лейбница о том, что наш мир — лучший из возможных миров.

Основу всякой объективной достоверности (в т. ч. убеждения в реальности внешнего мира) составляет божество, разум; отражением его является разум человека, для к-рого все то, что цельзя помыслить иначе, как истинное — истинно («принцип мыслимости»). К. оказал влияние на формирование учения Канта о синтетич. суждениях, но в целом Кант подверг критике метод К. (в соч.: Исследования о ясности основоположений естественной теологии и морали) — «Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze der natürlichen Theologie und der Moral», 1764). Философию К. делил на логику («Путь к достоверности и надежности человеческого познания» — «Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntnis», 1747), метафизику («Эскиз необходимых истин разума» — «Entwurf der notwendigen Vernunftwahrheiten», 1745) и этику («Наставление о том, как жить разумно» — «Anweisung, vernünftig zu leben», 1744).

Соч.: Anleitung über natürliche Begebenheiten ordentlich und vorsichtig nachzudenken, Tl 1—2, Lpz., 1749; Opuscula philosophico-theologica, Lpz., 1750.

Лит.: Виндельбанд В., История философии..., т. 1, СПб., 1913, с. 447—50; Marguardt A., Kant und Crusius, Kiel, 1885; Festner C. A., C. als Metaphysiker, Waldenburg-Halle, 1892; Seitz A., Die Willensfreiheit in der Philosophie des Ch. A. Crusius..., Würzburg, 1899; Heimsoeth H., Metaphysik und Kritik bei Ch. A. C., B., 1926; Jaitner W. R., Thomasius, Rüdiger, Hoffmann und Crusius, Bleicherode, 1939 (Diss.). М. Бур. ГДР.

КРУПСКАЯ, Надежда Константиновна [14(26) февр. 1869—27 февр. 1939] — сов. парт. и гос. деятель, педагог и теоретик коммунистич. воспитания в СССР. Почетный член АН (с 1931), д-р педагогич. наук (с 1936). Родилась в Петербурге; семья К. была связана с кругами революц. демократии. В юности К. ознакомилась с марксизмом и стала его убежденным сторонником. «Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь» («Как я стала марксисткой», в кн.: Пед. соч., т. 1, 1957, с. 34—35). С 1895 К. — деятельный член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1901 — секретарь «Искры», а затем — редакция большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», секретарь заграничной части ЦК партии, в период революции 1905—07 — секретарь ЦК партии в России. После победы Окт. революции К. всецело отдается делу просвещения в гос. масштабе. К. — член ЦК партии ряда съездов, член ЦКК. Соратник и неутомимый помощник, ближайший друг и жена В. И. Ленина.

В соч. «Народное образование и демократия» (1915, опубл. 1917; Пед. соч., т. 1, 1957) К. разработала ряд проблем марксистской педагогики, показала возникновение и развитие идеи трудовой школы, ее связь с классовой борьбой. В апреле — мае 1917 К. была поручена разработка проекта изменений программы партии по нар. образованию. К. показала, что воспитание по своим целям, содержанию и методам в каждую данную эпоху исторически обусловлено характером обществ. отношений и является могучим рычагом их преобразования. В работе «К вопросу о социалистич. школе» (1918; Пед. соч., т. 2, 1958) К. определила, что целью воспитания в СССР являет-

ся формирование преданных делу коммунизма все-сторонне развитых людей, имеющих цельное науч. мировоззрение, подготовленных как к физическому, так и к умственному труду.

К. развивала и обосновывала ленинскую идею о политехнич. образовании как одном из способов уничтожения противоположности между умств. и физич. трудом, как средстве воспитания всесторонне развитой личности. К. показала, что политехнич. образование должно быть тесно связано с производит. трудом и основываться на глубоком изучении наук.

Одним из существенных вкладов К. в теорию коммунистич. воспитания является созданное ею учение о детском коллективе как среде, где воспитывается чувство ответственности каждого за деятельность всех и ответственность коллектива за деятельность каждого. Она была одним из инициаторов создания Союза рабочей молодежи в России и пионерской организации, определила содержание, направление и характер ее деятельности.

К. плодотворно занималась культурно-просветительной работой, разрабатывая вопросы о развитии массовой культуры, о роли народа и самостоятельности масс в строительстве социалистич. культуры.

В трудах «Задачи антирелигиозной пропаганды» (1922; Пед. соч., т. 7, 1959), «Роль искусства в религиозном и антирелигиозном воспитании» (1929; Избр. пед. произв., 1957) и др. К. раскрыла марксистское понимание сущности религии, указала на иск-во как на одно из средств атеистич. воспитания.

К. работала по распространению ленинизма среди широких нар. масс. Ей принадлежат статьи, посвященные филос. сочинениям Ленина: «О Ленине. Воспоминания, связанные со статьей Ленина „О значении воинствующего материализма“» (1934); «К 25-летию выхода в свет книги Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“» (1934, а также в сб. ст.: «О Ленине», 1960).

Соч.: Пед. соч., тт. 1—10, М., 1957—63; О воспитании в семье. Избр. ст. и речи, М., 1962.

Лит.: Константинов Н. А., Зиневич Н. А., Н. К. К. об атеистич. воспитании детей, «Сов. педагогика», 1955, № 7; Фрид Л. С., Н. К. Крупская, в сб.: Крупская Н. К., О культурно-просветительной работе, М., 1957; Арсеньев А. М., Роль Н. К. К. в строительстве сов. школы, «Сов. педагогика», 1957, № 9; Дридзе В., Н. К. Крупская, М., 1958; Кравченко А. Г., Н. К. К. — выдающийся деятель культурного строительства в СССР, М., 1958; Руднева Б. И., Н. К. К. и ее роль в строительстве сов. школы, М., 1958; Шарапов Ю. П., Выдающийся деятель культурного фронта, «Вопр. истории КПСС», 1959, № 1; Руднев П. В., К истории разработки программы партии по нар. образованию, «Сов. педагогика», 1959, № 12; Чувашев И. В., Н. К. К. — теоретик трудового и политехнич. обучения, М., 1960; Левидова С. М., Павлоцкая С. А., Н. К. Крупская, Л., 1962; Андреева Е. П., Н. К. Крупская. Библ. указатель, М., 1959. А. Сабун. Москва.

КРУС КОСТА (Cruz Costa), Жуан (р. 1904) — бразильский прогрессивный философ, историк филос. мысли Бразилии. Подверг обстоятельному рассмотрению осн. течения совр. браз. философии, в частности позитивистскую философию. В кн. «К истории идей в Бразилии» («Contribuição a história das idéias no Brasil», 1956) и др. работах он отстаивает принцип историзма и выступает за связь теории с историч. действительностью. К. К. сочувственно относится к марксизму; участвовал в работе Всемирного конгресса мира в Москве (1962).

Соч.: A filosofia no Brasil, Porto Alegre, 1945; O pensamento brasileiro, São Paulo, 1946 (Boletim da faculdade de filosofia, ciências e letras da universidade de São Paulo, v. 67); O desenvolvimento da filosofia no Brasil no século XIX e a evolução histórica nacional, São Paulo, 1950; O positivismo na República, São Paulo, 1956; A. Comte e as origens do positivismo, São Paulo, 1959; в рус. пер. — Обзор истории философии в Бразилии, вступит. статья Ж. А. Базаряна, М., 1962. Ж. Базарян. Москва.

КРУСИНСКИЙ (Krusiński), Станислав (1 мая 1857—24 янв. 1886) — один из первых польских марк-

систов, публицист, социолог и экономист; руководитель социологич. кружка студентов Варшавского ун-та (1880—83); был арестован и исключен из ун-та за участие в студенч. демонстрации (1883); участвовал в переводе первого польского издания 1-го тома «Капитала» К. Маркса (1884).

Вместе с *Крживицким* К. положил начало марксистской публицистике на страницах легальной польской прессы. В 1884—85 опубликовал в приложении к изданию «Przegląd Tygodniowy» ряд статей, в к-рых популяризовал основы историч. материализма и марксистской политич. экономии, боролся против позитивистской социологии и социал-дарвинизма, против вульгарной и народнич. политич. экономии. Теоретич. заслуга К. — марксистская критика теории «общественного организма» *Спенсера* и его польских сторонников, а также пропаганда идеи классовости морали. Вместе с тем при рассмотрении филос. проблем К. допустил уступки критикуемому им же самим позитивизму.

Соч.: Pisma zbrane. Wstęp T. Kowalika, [Warsz.], 1958.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 305; Kellies-Krauz S., S. K. Anschauungen vom sozialen Organismus, «Die Neue Zeit», Stuttg., 1898—99, № 1, S. 453—61; Antoszuk S. L., Stanisław Krusiński (Sylwetka ideologiczna), «Mysł Współczesna», 1950, № 1 (44). Х. Холланд. ИНР.

КРЫВЕЛЁВ, Иосиф Аронович [р. 31 авг. (13 сент.) 1906] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1964). Член КПСС с 1941. Окончил Моск. историко-филос. ин-т (1934). Преподавательскую работу по философии ведет с 1932. Работал в Центр. совете Союза воинствующих безбожников (1934—36), Центр. антирелиг. музей (1936—39), Ин-те философии АН СССР (1939—41, 1947—49). Ст. науч. сотрудник Ин-та этнографии АН СССР (с 1959). Осн. круг науч. исследований — проблемы теории и истории атеизма и истории религии, а также теории и истории культуры.

Соч.: К вопросу об оценке философии И. Дицгена, «Под знаменем марксизма», 1936, № 7; Учение диалектич. материализма о объективной истине, там же, 1939, № 9; Об осн. определяющем признаке понятия религии, в сб. ст.: Вопросы истории религии и атеизма, 1956, т. 4; Гносебологич. корни религии, там же, 1958, т. 6; Книга о Библии, М., [2 изд.], 1959 (пер. на чешский, словацкий и венг.); Совр. богословие и наука, М., 1959 (пер. на словацкий яз.); Ленин о религии, М., 1960; О доказательствах бытия божия, М., 1960; Крушение теории прамотеизма, «Вопр. философии», 1960, № 7; Маркс и Энгельс о религии, М., 1964.

КРЫСТЕВ, Крыстю (псевдонимы: В. М и р о л ю б о в, К. Столетов и др.; 3 мая 1866—5 апр. 1919) — болг. бурж. литературовед и критик; в философии — идеалист. С 1908 — проф. эстетики в Софийском ун-те, член Болг. АН. Редактировал журн. «Критика» (1891) и «Мисль» (1892—1907). Первоначально выступал в защиту реализма, но впоследствии стал приверженцем идей нем. идеалистич. эстетики; распространял взгляды *Фолькельта*, К. Ланге (1855—1921), К. Гросса (1861—1946). Защищал идею «искусства для искусства». Позиция К. была подвергнута резкой критике со стороны болгарских марксистов (Д. Благов и др.).

Соч.: Курс по философията, [т.] 1, Психология, С., 1891; Спиноза, «Мисль», 1893, [т.] 3, № 6; Етоди и критики, С., 1894; Против материялизма, там же, 1898, [т.] 8, № 3; Литературни и философски студии, Пловдив, 1898; Млади и стари, [Тутракан], 1907; Нашия университет, Тутракан, 1907; За тенденцията и тенденциозната литература, «Мисль», 1908, год 13, № 2, 5, 6.

Лит.: История Болгарии, т. 1, М., 1954 (см. указатель имен); Натев А., Цел или самоцелност на изкуството, С., 1960.

КРЮГЕР (Krueger), Феликс (10 авг. 1874—25 февр. 1948) — нем. психолог и философ, проф. в Буэнос-Айресе, затем в Галле и Лейпциге, где он сменил В. Вундта в заведовании психологич. лабораторией при Лейпцигском ун-те. Основатель журн. «Neue psychologische Studien» и серийного издания «Arbeiten zur Entwicklungspsychologie». С 1927 — председатель Нем. филос. об-ва. К. — глава т. н.

лейпцигской школы «целостной психологии», продолжающей иррационалистич. направление нем. идеалистич. философии 19 в. Как психологич. направление лейпцигская школа — крайне идеалистич. течение зарубежной психологии 1-й пол. 20 в., сводящее основу психич. процессов к мистич. переживанию и выдвигающее на первый план понятие недифференцированной целостности психич. актов; в этом плане оно противопоставляется как ассоциационизму, так и физикализму и феноменализму *гештальтпсихологии*. Концепция иррационалистич. идеализма лейпцигской школы оказывают значит. влияние на совр. бурж. нем. характерологию, социальную и генетич. психологию.

Соч.: Der Begriff des absolut Wertvollen als Grandbegriff der Moralphilosophie, Lpz., 1898; Die Theorie der Konsonanz, «Psychol. Studien», 1906, Bd 1; Über Entwicklungspsychologie..., Lpz., 1915; Der Strukturbegriff in der Psychologie..., Jena, 1924; Über psychische Ganzheit, «Neue Psychol. Studien», 1926, Bd 1; Das Wesen der Gefühle, 2 Aufl., Lpz., 1929; Das Problem der Ganzheit, «Blätter für deutsche Philosophie», 1932, [№] 6; Bund, Volk und Reich, B., 1933.

Лит.: Lum., Ganzheit und Struktur. Festschrift zum 60. Geburtstag F. K., Münch., 1934; Wellek A., Das Problem des seelischen Seins. Die Strukturtheorie F. K. Deutung und Kritik, Meisenheim-W., 1953; Негрманн Th., Problem und Begriff der Ganzheit in der Psychologie, W., 1957.

М. Роговин. Москва.

КРЮКОВ, Дмитрий Львович (8 апр. 1809—5 марта 1845) — рус. историк, одним из первых познакомивший рус. общество с диалектикой Гегеля; соратник Грановского, друг Герцена. Сын вольноотпущенного крепостного живописца. В 1827 окончил Казанский ун-т, в 1832 — Дерптский профессорский Ин-т (где получил степень д-ра философии). С 1835 — проф. Моск. ун-та. В 40-е гг. участвовал в борьбе с идеологами «официальной народности» — Погодиным и Шевыревым. Герцен высоко ценил К. и намеревался опубликовать его лекции, однако их студенч. записки так и остались неизданными.

Филос.-историч. концепция К., наиболее четко выраженная в его лекционном курсе, характеризуется критич. отношением как к абстрактно-умозрит., так и к узкоэмпирич. толкованиям истории. «Мнение, что философия истории может быть построена без помощи фактов, — говорил К., — ввели так называемые натурфилософы, но оно совершенно ложно. Также, только одни факты, не связанные философией, превратят историю в мертвый агрегат... Истинный метод есть историко-философский», т. е. сочетающий конкретн.-историч. изучение фактов с их филос. обобщением (цит. по рукописи, см. Отдел письм. источников Гос. Истор. музея, ф. 221, ед. хр. 15, л. 7). Противник субъективизма, К. возражал против абсолютизации роли личности в истории, ратовал за раскрытие объективной закономерности обществ. развития, к-рую он понимал идеалистически, хотя и придавал большое значение влиянию географич. среды, а также роли труда как цивилизующего, нравственно и эстетически формирующего фактора. История рассматривалась К. как арена борьбы противоположных сил: «где борение — там развитие». Исходя из различного обществ. положения плебеев и патрициев, К. пытался уяснить характер религии в Древнем Риме; у патрициев, считал он, была одна религия, у плебеев — другая. К. был одним из первых рус. ученых, включивших историю Китая, Индии и др. стран Востока в курс истории. Элементы диалектики, содержащиеся в идеалистич. философии истории К., свидетельствуют о его стремлении самостоятельно применить гегелевский метод к истолкованию обществ. явлений, особенно антич. эпохи.

Соч.: Observationes ad Taciti Agricolam, Dorpati, 1832; Taciti Agricola. Вновь пересмотренный текст с примеч., М., 1837; De Quinti Curtii Rufi actate, в кн.: Речи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Моск. ун-та, М., 1836; О трагич. характере истории Тацита, «Москвитянин», 1841, ч. 2, [№3], с. 119—28; Andeutungen über den ursprüngl-

ichen Religionsunterschied der römischen Patricier und Plebeier, Lpz., 1849; Мысли о первонач. различии римских патрициев и плебеев в религ. отношении, в кн.: Пропислен. Сб. ст. по классич. древности, издаваемый П. Леонтьевым, кн. 4, М., 1854.

Лит.: Н. Н., [Рец. на кн.] Речи, произн. в Моск. Ун-те..., «Телескоп», 1836, ч. 33 [№ 9]; Благовещенский И., [Рец. на об. ст.] Пропислен, «Отечественные зап.», 1855—56, т. 103, 105; Биогр. словарь проф. и преподавателей Имп. Моск. ун-та..., ч. 1, М., 1855; Чернышевский Н. Г., Полн. собр. соч., т. 2, М., 1949, с. 574—75; Очерки истории историч. науки в СССР, [т.] 1, М., 1955, с. 417—20; Герцен А. И., Собр. соч. в тридцати томах, т. 9, М., 1956 (см. Указатель имен); Коган Л. А., Философско-историч. взгляды Д. Л. К., «Вопр. философии», 1961, № 7.

Л. Коган. Москва.

КРЮКОВ, Николай Александрович [1800—30 мая (11 июня) 1854] — рус. революционер и философ, член Южного об-ва декабристов (с 1820). Сын нижегородского губернатора; офицер. Наблюдения за жизнью крепостных крестьян, влияние товарищей по об-ву (Пестеля и др.), а также изучение работ франц. просветителей 18 в. привели К. к республиканским и материалистич. убеждениям.

Сохранившиеся в бумагах К. конспекты и наброски («Записная книжка», «Филос. записки»), как его показания во время следствия, свидетельствуют о том, что среди занимавших К. теоретич. вопросов на первом плане стояли: отношение к религии, проблема воспитания, теория познания. Достижение человек. счастья, полагал К., всецело зависит от воспитания, просвещения и «хорошего» законодательства. Осуществление «хорошего» законодательства К. связывал с революц. переворотом, а воспитание и просвещение, по его мнению, осуществляются путем преодоления всякого рода предрассудков (гл. обр. религиозных), к-рые затемняют сознание народа и способствуют угнетению. Задумываясь над этим, К. отверг сначала религ. обрядность как нелепый обычай, затем религию как таковую и, наконец, — не без колебаний — самого бога, вставт. о. на позиции атеизма. К. считал, что единств. «светильником» в жизни является человек, разум, что задача философии состоит в искании истины и воспитании высоких моральных качеств. Процесс познания К. трактовал в духе материалистич. *сенсуализма*.

За причастность к об-ву декабристов К. был приговорен к 20 годам каторжных работ. Тюремное заключение и ссылка сломили его волю, привели к тяжелым нравств. потрясениям и духовному надлому, в результате чего он вновь обратился к религ. вере.

Соч.: Избр. социально-политич. и филос. проищ. декабристов, т. 2, [М.], 1951, с. 399—431; Восстание декабристов. Документы, т. 11, М., 1954, с. 345—78.

Лит.: Павлов-Сильванский Н. П., Материалисты двадцатых годов, в кн.: Очерки по истории XVIII—XIX вв., СПб., 1910, с. 239—89; Вороницын И. П., История атеизма, [Рязань, 1930], с. 812—16; Тарасова В., К вопросу о социально-политич. взглядах Н. А. К., в кн.: Тр. Марийск. пед. ин-та, т. 8, Йошкар-Ола, 1950; История философии, т. 1, М., 1957, гл. 9, § 7; Галактионов А. А., Никандров П. Ф., История рус. философии, М., 1961.

П. Никандров. Ленинград.

КСЕНОКРАТ из Халкедона (Ξενοκράτης) (395 — 314 до н. э.) — др.-греч. философ-идеалист, ученик Платона, второй после Спевсиппа руководитель Академии платоновской (339—314 до н. э.), завершивший начальный период развития Академии (т. н. Древней Академии, для к-рой характерна гипертрофия пифагорейства). Как видно из свидетельств древних авторов (Секста-Эмпирика, Adv. math., VII, XI; Плутарха, De anim. proc., De Isid et osiride; Климепта, Strom., II и др. Фрагменты К. собраны в кн.: R. Heinze, Xenokrates. Darstellung der Lehre und Sammlung der Fragmente, 1892), К. провел отчетливое членение философии на диалектику (логику и теорию познания), физику (натурфилософию) и этику. В физике К. развивал пифагорейские идеи позднего Платона, детализировал учение о мировой душе — «самодвижущемся числе» как о посреднике меж-

ду миром идей и чувств. миром. Обожествляя элементы (эфир, огонь, воду, воздух и землю), К. усложнил этику Платона учением о демонах (занимающих среднее место между богами и людьми), способствующих общению людей друг с другом или затрудняющих его. Соответственно источник зла в мире К. видел в действиях внешних человеку существ — злых демонов. Как и у Платона, цель человек. жизни по К., — освобождение духа от оков чувственности.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940 (см. Указатель); Schweitzer В., Xenokrates von Athen. Beiträge zur Geschichte der antiken Kunstforschung und Kunstanschauung, Halle, 1932; Chernis H., The riddle of the early academy, Berk. — Los Ang., 1945.

КСЕНОПОЛ (Xenopol), Александру (23 марта 1847—27 февр. 1920) — рум. бурж. историк и социолог; в его мировоззрении эклектически сочетались элементы материализма и идеализма; К. был не чужд и позитивизму. Свои социологические взгляды К. изложил гл. обр. в труде «Основные принципы истории» («Les principes fondamentaux de l'histoire», 1899; перензд. в 1908 под загл. «La théorie de l'histoire»). Признавая значение социальных и экономич. факторов, К., однако, утверждал, что эволюция человечества осуществляется «на почве идей». Историч. явления («факты последовательности»), по К., в отличие от природных («фактов повторения»), не подчиняются закономерности, но зато связаны причинностью; задача истории — раскрыть причинные связи, «ряды событий». Несмотря на близость историч. воззрений К. к риккертianству, он критиковал теорию ценностей Риккерта. К. выступал как враг исторического материализма.

Соч.: Răsboaiele dintre Ruși și Turci și înfrăurirea lor asupra țarilor române, v. 1—2, Iași, 1880; Studii economice, Craiova, 1882; Istoria Românilor din Dacia Traiana, v. 1—6, Iași, 1880—93, v. 1—12, Iași, 1896; Histoire des Roumains de la Dacie trajane, v. 1—2, P., 1896; Domnia lui Cuza-Voda, v. 1—2, Iași, [1903].

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 318—19; Угало Ф. С., Il problema della storia in X., Gubbio, 1931; Вадасар Н., Filosofia contemporană a istoriei, Buc., 1930, p. 110—65; Botez O., A. D. Xenopol. Teoretician și filosof al istoriei, Buc., 1935.

КСЕНОФАН Клодофонский (Ξενοφάνης) (6—5 вв. до н. э.) — др.-греч. поэт и философ, считавшийся, согласно псевдоаристотелевскому трактату «О Ксенофане, Зеноне и Горгии», основателем элейской школы. В воззрениях К. сильны материалистич. и диалектич. тенденции.

К. — автор элегий (одну из них Пушкин дал в свободном переводе — «Чистый лоснится пол», В 1, Diels²), в к-рых он осмеивал культ физич. силы (В 2), выступал против роскоши (В 3) и няньства (В 5), проводил орфич. мотивы (см. Орфики) переселения душ (В 7). В пародийных «Силлах» К. дал знаменитую критику антропоморфизма, к-рая является первой сознат. попыткой опровержения мифологии: «Но если бы быки, лошади и львы имели руки и могли бы ими рисовать произведения [искусства], подобно людям, то лошади изображали бы богов похожими на лошадей, быки же похожими на быков, и придавали бы [им] тела такого рода, каков телесный образ у них самих [каждый по-своему]» (В 15, ср. 16). В этом смысле К. порицал антропоморфич. изображение богов у Гомера и Гесиода (В 10—12). К. резко критиковал различные философ. школы (А 22, 25). Т. о., в художеств. произведениях К. чувствуется филос. мысль. Направленность ее заключается в том, чтобы мыслить бытие, с одной стороны, вполне материально и в его эволюции: «Из земли все [возникло], и в землю все обратится в конце концов» (В 27), «земля и вода есть все, что рождается и растет» (В 29, ср. В 33). К. мыслит постепенную эволюцию Земли, учитывая, между прочим, на основании личных наблюдений отпечатки морских растений и животных на суше (А 35). Ему принадлежит целая космогония, типичная вообще

для досократовской философии (В 38—48; В 30—33). С др. стороны, К. уже дошел до той степени абстракции, чтобы мыслить материю как единое сущее, совмещающее в себе осн. противоречия материи как филос. принципа. Это бытие и повсюду разное (признается постепенная эволюция материи), и повсюду однородное и в этом смысле шаровидное (шаровидность допускается здесь, очевидно, как символ всеобщей однородности, или, как мы теперь сказали бы, одинаковой удаленности всего от центра). Все и ограничено и безгранично. Все едино и множественно. Все телесно и бестелесно. Все божественно и материально. Все сущее и не-сущее. Все является сознанием, ощущением, мышлением; и все — материально. Среди многочисл. мотивов натурфилософского, критикомифологич. и поэтич. содержания и в дошедших до нас фрагментах К. убежденно проводится мысль о непрерывности, единстве, вечности, неразрывности и неизменяемости сущего (см. особенно А 35—38), что, несомненно, оказало решающее влияние на всю элейскую школу.

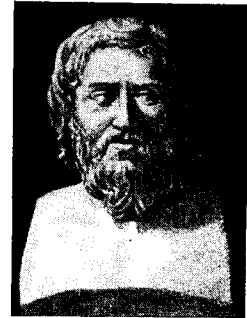
Философия К. впоследствии толковалась и теологически (см. у Климента Александрийского, В 23; у Секста-Эмпирика, В 24; у Симпликия, В 25—26), и материалистически (см. у Аэция, В 27; у Секста-Эмпирика, В 33).

Соч.: Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch, von H. Diels, Bd 1, 9 Aufl., B., 1960; Маковельский А., Досократики, ч. 1, Каз., 1914, гл. 11 (пер. фрагментов из трудов К. и лит. о нем).

Лит.: Мандес М. И., Элеаты, О., 1911, с. 45—100; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по указат. имен); История философии, т. 1, М., 1957 (по имен. указат.); Berger H., Untersuchungen über das kosmische System des Xenophanes, «Ber. der könig. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-hist. Cl.», Bd 46, 1894, S. 15—64; Магрокордато Н., Der Monotheismus des Xenophanes, Lpz., 1910 (Diss.); Франкел Н., Xenophanesstudien, «Hermes», 1925, Bd 60, H. 2, S. 174—192.

А. Лосев. Москва.

КСЕНОФОНТ Афинский (Ξενοφών) (р. ок. 430 — ум. в 50-х гг. 4 в. до н. э.) — др.-греч. стратег, писатель, ученик Сократа, излагавший его учение. Из произведений К. к философии имеют отношение: «Воспоминания о Сократе», «Апология Сократа», «Кипропедия», «Пир», отчасти «Гieron» и «Агесилай». Если считать, что приписываемые им Сократу взгляды принадлежат также и ему самому (что вовсе не так уж очевидно), то «Воспоминания» дают обильный материал по диалектике (определение общих понятий) и по этике, к-рая и у него и у Сократа возникает на месте преемней натурфилософии. Этика понимается у них как

учение о добродетели, а добродетель — как знание о правилах поведения, так что знание и добродетель неразделимы (Memor. III 9,5). Добродетели ведут к благу, заключающемуся в пользе (там же, IV 6, 9) и в счастье жизни, в к-рое входят и физич. здоровье, и науки, и иск-ва, и дружба, и гражд. деятельность, и благочестие. Др. обширная область филос. интересов К. — это социальная жизнь, где у него весьма заметна постоянная склонность к аристократич. и даже монархич. образу мышления. В этом отношении он выступал как деятель кануна эллинизма и военно-монархич. идеологии, как представитель культа сильной личности (идеализация Кира Старшего и Младшего, спартанского царя Агесилая, сиракузского тирана Гиерона и др.), ввиду чего он был вынужден покинуть демократич.

Афины и скитаться до тех пор, пока не получил приют под покровительством аристократии Спарты.

Соч.: [Works, v 1—3], Camb. (Mass.), 1947—50; в рус. пер. — Сократич. соч., М.—Л., 1935.

Дит.: Ба бст. Политич. идеалы Исократ и Ксенофонта, в сб.: История Греции со времени Пелопоннесской войны, пер. под ред. Н. Н. Шамонова и Д. М. Петрушевского, вып. 1, М., 1896; Гоммерц Т., Греч. мыслители, пер. с нем., т. 2, СПб., 1913; Croiset A., Xénophon. Son caractère et son talent, P., 1873; Sofro G., Νόμος und Φύσις in X's Anabasis, «Hermes», 1899, Bd 34, S. 568—89; Kalinka E., Zu Xenophons Leben und Schriften, W., 1905; Friederici E., Das persische Idealheer der Syropädie, B., 1909 (Diss.); Scharr E., Xenophon's Staats- und Gesellschaftsideal und seine Zeit, Halle, 1919 (Diss.); Luccioni J., Les idées politiques et sociales de Xénophon, P., 1946 (Thèse). А. Лосев. Москва.

КУАЙН (Quine), Уиллард ван Орман (р. 25 июня 1908) — амер. логик, математик и философ. Проф. Гарвардского ун-та (с 1948). Осп. работы К. в области логики посвящены построению аксиоматич. системы, к-рая включала бы в себя логику классов и была бы непротиворечивой. Первая такая система изложена К. в его статье «Новые основания математич. логики» («New foundations for mathematical logic», 1936, опубл. в журн. «Amer. Math. Monthly», 1937, v. 44, № 2). Позднее в соч. «Математич. логика» («Mathematical Logic», [1940], new ed., 1962) он расширяет эту систему, освобождаясь от ряда ограничений, к-рым должны удовлетворять объекты для того, чтобы быть членами классов. Чтобы избежать логич. парадоксов, К. использует т. н. метод стратификации, по своей идее близкий к теории типов, но более простой. Доказательство непротиворечивости для систем К. не найдено, но показано, что система Mathematical logic непротиворечива, если непротиворечива более узкая система New foundations. Система Mathematical logic обладает тем достоинством, что она по меньшей мере так же ограждена от опасности скрытых противоречий, как и другие, более узкие системы, включающие в себя логику классов. К. принадлежит оригинальная формулировка *натурального исчисления*. В исследованиях по *логической семантике* К. утверждает, что понятия смысла и синонимии лишены содержания; перевод с одного языка на другой, согласно К., вообще говоря, невозможен, так как язык включает в себя не только синтаксис и семантику, но и прагматику. Стало быть, в одном языке могут быть такие понятия (относящиеся к практич. жизни людей), к-рым нет соответствия в др. языке. В области *модальной логики* К. возражал против введения кванторов в системы модальной логики. В философии математики К. придерживается *взглядов номинализма*. Он ставит вопрос о возможности выразить все естеств. науки на языке, в к-ром идет речь только о конкретных предметах, а не о классах, свойствах, отношениях и т. п. Тем не менее при исследовании оснований математики К. приходится начинать с допущения существования классов или атрибутов (свойств). К. допускает возможность использования абстрактных понятий лишь в тех случаях, когда они служат вспомогат. средством, т. е. когда окончат. результат не содержит этих абстракций.

Соч.: A system of logistic, Camb. (Mass.), 1934; Denotation and existence, «J. Philos.», 1939, v. 36, № 26; Elementary logic, Bost., 1941; Notes on existence and necessity, «J. Philos.», 1943, v. 40; On universals, «J. Symbolic Logic», 1947, v. 12, № 3; Two dogmas of empiricism, «Philos. Rev.», 1951, v. 60; From a logical point of view, Camb. (Mass.), 1953; Methods of logic, N. Y., [1957]; Word and object, [Camb. (Mass.), 1960]. В. Донченко. Москва.

КУБИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Остров Куба был открыт Колумбом в 1492 и до 1898 оставался исп. колонией. В колониальный период развитие философии на Кубе было тесно связано с развитием философии в метрополии — Испании, насаждавшей на острове религ. идеологию. До 18 в. на Кубе безраз-

дельно властвовала схоластика, распространяемая и пропагандируемая различными религ. орденами, в руках к-рых было сосредоточено образование, служившее оружием духовного порабощения народа. Основанный в 1728 Гаванский ун-т контролировался орденом проповедников вплоть до 1842, когда была осуществлена реформа образования. Осп. филос. текстами были или аристотелевские труды, препарируемые схоластами, или многочисл. комментарии к ним, приносящие идею Аристотеля к католич. доктрине. На Кубу не проникали передовые европ. филос. и общественно-политич. идеи. Лишь в конце 18 в. намечился нек-рый перелом, связанный с победой франц. бурж. революции, борьбой северо-амер. штатов за независимость и подъемом нац.-освободит. борьбы в др. исп. колониях в Лат. Америке. На Кубе усилились выступления против исп. господства. Прогрессивные материалистич. филос. и гуманистич. общественно-политич. идеи эпохи бурж. революции проникали на Кубу и подрывали влияние господствующей на Кубе религ. идеологии.

В 1769 епископ Хосе де Эчаварриа в уставе семинарии св. Карла и св. Амбросия писал, что необходимо уделить большее внимание исследованию и объяснению природных явлений (см. J. A. Caballero, Philosophia electiva, в кн.: Obras, v. 1, La Habana, 1944, p. XLVI, XLVII). В 1791—98 в газ. «Papel Periódico» появился ряд статей, в к-рых остро критиковалась схоластика и ставился вопрос о необходимости заменить ее новыми филос. течениями, в частности философией Декарта.

В 1797 в семинарии св. Карла и св. Амбросия начал читать филос. курс Хосе Агустин Кабальеро (1771—1835) — первый кубинский философ, к-рый пытался преодолеть косность и ограниченность схоластики, догматики и вводил ряд идей и положений Декарта и англ. материалистов.

Дальнейшее распространение передовых филос. идей на Кубе связано с именем последователя Кабальеро, Феликса Варелы-и-Моралеса (1787—1853). Идеи Варелы еще эклектичны и неосследовательны, идеалистич. положения переплетаются у него с материалистич. Следующая за Декартом, он боролся за новый метод филос. исследования, в к-ром на первое место выдвигалось опытное наблюдение природы, разум заменял веру. Реформа в преподавании философии, осуществленная Варелой, положила конец безраздельному господству схоластики на Кубе. Среди других передовых философов этого периода можно указать Хуана Бернардо О'Гавана, одного из учителей Варелы, по свидетельству нек-рых исследователей, близкого к Локку и Кояндильяку.

В 19 в. развитие философии на Кубе отражало, по существу, развитие двух осн. направлений в философии: материализма и идеализма. Идеалистич. философия продолжала с нек-рыми изменениями линию обанкротившейся схоластики; это — неосхоластика, преподавание к-рой продолжалось в учебных заведениях, контролируемых католич. церковью, и идеалистич. эклектицизм В. Кузена. Наиболее видными представителями этого направления были братья Мануэль и Хосе Сакарнас Гонсалес дель Валье. Мануэль — д-р философии и права, в 1842 — декан филос. фак-та ун-та, написал ряд работ по психологии и логике и вместе с братом Хосе вел в ун-те курс толкования «аристотелевского текста». Т. о. была осуществлена попытка обновить и дополнить аристотелевско-томистскую концепцию рядом новых положений идеалистич. философии.

Другое течение, имевшее материалистич. и сенсуалистич. направленность, продолжало и развивало положит. стороны философии Х. А. Кабальеро и Варелы. Наиболее ярким представителем его был

Хосе де ла Лус-и-Кабальеро (1800—62). Развивая учение Бэкона и Локка, он уделял большое внимание разработке метода и теории познания. Вместе с тем в мировоззрении Лус-и-Кабальеро были определ. противоречия, связанные с его религиозностью.

Важным событием в истории К. ф. была полемика в 1839—40-х гг. между Лус-и-Кабальеро и сторонниками философии Кузена, братьями Гонсалес дель Валье, породившая многочисл. филос. лит-ру. Полемика, отражавшая борьбу двух осн. линий развития философии на Кубе в этот период, привела к оживлению филос. деятельности.

Идеи Лус-и-Кабальеро развивал его друг и соратник Хосе Мануэль Местре (1832—85), преподававший в ун-те логику, метафизику и мораль. В 1861 Местре выступил в ун-те с речью (в 1862 издана отд. книгой: J. M. Mestre, De la filosofía en la Habana), в к-рой впервые исследовал историю К. ф., указав на преемственность передовых филос. традиций. Мыслители, к-рые развивали и распространяли прогрессивные в условиях Кубы филос. взгляды, были вместе с тем борцами за отмену рабства и за независимость страны (Кабальеро, Лус-и-Кабальеро, Варела). Особенно ярко проявилась эта свободолюбивая тенденция во 2-й пол. 19 в., когда нац.-освободит. борьба против исп. колониального господства приняла значит. размах. В 1868 вспыхнуло восстание, к-рое провозгласило Кубу республикой. Война с Испанией продолжалась 10 лет, и хотя восстание было подавлено, борьба кубинского народа за свою независимость в действительности не прекращалась, а в 1895 вспыхнула с новой силой. В 1898 была провозглашена независимость Кубы, однако империалисты США фактически закатали страну. В этот период среди философов особенно выделяются Хосе Марти (1853—95) и Энрике Хосе Варона (1849—1933). Революц.-демократич. поэт и мыслитель Марти оставил глубокий след в культуре стран Лат. Америки. Многие исследователи филос. творчества Марти пытались доказать его близость к Эмерсону или к исп. краусизму. Не отрицая влияния, к-рое оказали эти мыслители на Марти в определ. период, необходимо отметить, что его творчество в целом характеризуется явной тягой к естеств.-науч. материализму Дарвина и Геккеля, особенно заметной в ряде его последних работ. Неоценим вклад Марти в развитие эстетич. идей. Центр. место в творчестве Марти занимают социальные вопросы. Он не только участвовал в революц. борьбе, но и был ее идейным руководителем. Марти обосновал необходимость и неизбежность революц. освобождения Кубы, предостерегая против империалистич. политики США.

Творчество Э. Х. Варона также имело яркую социальную направленность. Во многих работах он критиковал исп. и амер. колонизаторов; в филос. сочинениях защищал и пропагандировал естеств.-науч. материалистич. концепцию.

В сер. 19 в. на Кубе получили нек-рую известность филос. идеи Канта, хотя тогда они не нашли сторонников. С критикой философии Канта выступил Варела, а позднее Лус-и-Кабальеро. В 70-х гг. 19 в. кубинец Хосе дель Перохо-и-Фигерас (1852—1908), слушавший в Германии лекции К. Фишера, стал на позиции неокантианства. Благодаря Перохо, к-рый перевел на исп. язык «Критику чистого разума» Канта (1883) и «Жизнь Канта» К. Фишера, эти работы получили нек-рое распространение в Лат. Америке. Хотя Перохо жил в основном в Испании, его работы, среди к-рых следует выделить «Кант и совр. философы» (J. del Perojo, Kant y los filósofos contemporáneos, опубли. в журн. «Revista Europea», 1875, t. 4), оказали влияние на развитие философии на Кубе.

В 20 в. на Кубе становятся популярными идеи прагматизма, экзистенциализма и неотомизма.

Однако кубинскими философами в этот период не написано почти ничего значительного. Нек-рые интерес представляют лишь работы, посвященные истории филос. идей на Кубе, среди к-рых можно отметить книгу Медардо Витьера «Философия на Кубе» (M. Vitier, La filosofía en Cuba, 1948). Положит. явлением было издание работ классиков кубинской филос. мысли.

Распространение и развитие марксистских идей на Кубе тесно связано с развитием рабочего движения в конце 19—нач. 20 вв. Идеи социализма пропагандировали газеты «El Obrero» и «El Productor», гл. редактором к-рой был Энрике Ронг, популяризовавший марксизм (см. Блас Рока, Основы социализма на Кубе, М., 1961, с. 188). На страницах этих газет велась борьба за создание социалистич. партии, основанной на принципах марксизма. В 1900 под руководством Диего Висенте Техера была создана Народная партия — первая партия рабочего класса Кубы. Нек-рое время спустя был создан «Клуб социалистической пропаганды», руководимый Карлосом Балиньо (1848—1926); клуб издавал газету «La Voz Obrera», пропагандирующую работы Маркса и Энгельса. В 1904 была основана «Рабочая партия Кубы» (с 1905 — «Рабочая социалистич. партия»), под влиянием «Клуба социалистической пропаганды» и благодаря усилиям Балиньо включившая в свою программу ряд социалистич. требований. Октябрьская революция в России оказала значит. влияние на рост рабочего движения и распространение марксистских идей. В 1925 марксисты, входившие в «Рабочую социалистич. партию», порвали с оппортунистами и ревизионистами и создали Коммунистич. партию Кубы (в 1944 преобразована в Народно-социалистич. партию). Большую роль в ее создании сыграли выдающиеся деятели рабочего движения Кубы Карлос Балиньо и Хулио Антонио Мелья (1903—29).

Работы Балиньо свидетельствуют о его глубоком знании марксизма, к-рый он творчески применял к условиям кубинской действительности. Он подверг критике взгляды кубинских реформистов, считавших, что на Кубе должна быть «особая форма социализма», и показал, что подобные утверждения означают отказ от социалистич. идеалов. Его работа «Истины социализма» (C. Balaño, Precursores cubanos. Verdades del socialismo, 1941) пропагандировала осн. идеи науч. социализма.

Хулио Антонио Мелья был стойким революционером, пламенным пропагандистом идей марксизма: «Мелья, — писал Блас Рока, — убитый совсем молодым, это одна из вершин кубинского революционного движения, один из тех, кто выковывал антиимпериалистическую идеологию...» («Conclusiones de la discusión del programa...», in «Fundamentos...», № 158, La Habana, 1959, nov., p. 26).

Создание Коммунистич. партии явилось значит. событием в политич. жизни страны. Печатные органы партии стали важным фактором идеологич. борьбы. Несмотря на тяжелые условия нелегального существования, партия сумела регулярно выпускать теоретич. орган «Fundamentos» и др. издания, в к-рых освещались осн. политич. и теоретич. проблемы революции и нац.-освободит. борьбы на Кубе. Выдающуюся роль в пропаганде идей марксизма-ленинизма на Кубе в 1-й пол. 20 в. сыграли руководители рабочего класса Блас Рока, Хуан Маринельо, Мартинес Вильена, Хесус Менендес и др.

Несмотря на очень трудные условия борьбы, кубинские марксисты принимали активное участие в культурной жизни страны, отстаивая в литературе и искусстве основы марксистского мировоззрения и принципы социалистич. реализма. Большую роль в идеологич.

борьбе сыграли работы Хуана Маринельо, в которых с марксистских позиций исследуются проблемы развития культуры в Лат. Америке, традиции прогрессивной мысли в этих странах: работы о Хосе Марти (J. Marinello, José Martí, 1958), об аргентинском марксисте Анибале Понсе — «Восемь статей об Анибале Понсе» (J. Marinello, Ocho notas sobre Anibal Ponce, 1958). Маринельо отстаивает принципы социалистич. иск-ва, выступает за новую культуру, близкую народу. В этой связи он остро критикует абстракционизм и формализм, показывает их оторванность от подлинных интересов народа.

Широкое распространение идей марксизма явилось одним из важных факторов, определивших характер нац.-освободит. борьбы и быстрое перерастание народной антиимпериалистич. революции в социалистическую.

Переломным моментом в истории нац.-освободит. борьбы кубинского народа явилась победа революции и свержение диктатуры Батисты в 1959. Кубинская революция является самым значит. событием в истории нац.-освободит. борьбы народов Лат. Америки в 20 в. Своим примером она вдохновляет на борьбу угнетенные народы других латино-амер. стран.

Кубинская революция покончила с господством северо-амер. империализма, к-рый подчинил своим интересам всю экономику страны. Она доказала, что в совр. эпоху социалистич. революция может победить даже в самых неблагоприятных условиях и опровергла теорию, согласно к-рой на амер. континенте в непосредств. близости от североамер. империализма социалистич. революция обречена на провал.

Опыт революц. развития Кубы теоретически обобщен в 1-й и 2-й Гаваецких декларациях (от 2 сент. 1960 и 4 февр. 1962), в выступлениях руководителей кубинской революции и прежде всего в работах вождя Кубинской революции Фиделя Кастро Рус. В них на основе науч. анализа историч. развития революц. борьбы на Кубе показывается, что только под руководством рабочего класса народ может довести борьбу против империализма до конца, успешно построить фундамент нового общества. Анализируя опыт революц. борьбы на Кубе, Кастро Рус говорит: «Кубинская революция доказывает, что империализм несет в себе зародыши собственного разрушения» («Noticias de hoy», 1961, 9 de junio, p. 5).

В процессе революц. борьбы на основе принципов марксизма произошло слияние осп. идейных течений — революционно-демократического и марксистского, и создана (1963) Единая партия социалистич. революции (ПУРС), являющаяся единств. партией кубинского народа. С целью усиления идеол. работы среди масс, повышения теоретич. уровня членов партии, улучшения изучения марксистско-ленинской теории создана широкая сеть школ революц. просвещения. При Гаванском ун-те организована Школа политич. наук. Издается теоретич. журнал «Cuba Socialista» («Социалистич. Куба»). Кубинскими учеными-марксистами написан ряд работ, в которых дается глубокий науч. анализ актуальных проблем кубинской революции и истории нац.-освободит. борьбы (Антонио Нуньес Хименес, Эмилио Роиг де Леучсеинга, Хосе Антонио Портуондо и др.). Важное значение в деле пропаганды и распространения марксистских филос. идей имеют работы сов. философов, переведенные на исп. язык.

Лит.: Народы Лат. Америки в борьбе против амер. империализма. Сб. ст., М., 1951; Фостер У. З., Очерк истории Америки, пер. с англ., 2 изд., М., 1955; Зорина А. М., Нац.-освободит. движение на Кубе в 1895—1898 гг., «Уч. зап. по новой и новейшей истории», 1957, вып. 3; Терновой О. С., Выдающийся кубинский мыслитель Хосе Марти, «Вопр. философии», 1959, № 2; Ермолаев В. И., Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Лат. Америки (1870—1900 гг.), «Вопр. история», 1959, № 1; Лат.

Америка в прошлом и настоящем. Сб. статей по экономике, истории и культуре стран Лат. Америки, М., 1960; Блас Рокка, Кубинский народ в борьбе за свободу и независимость, «Коммунист», 1960, № 7; егo же, Куба — свободная территория Америки, пер. с исп., М., 1961; История философии, т. 2, 4, 5, М., 1957—61; Че Гевара Э., Партизанская война, пер. с исп., М., 1961; Портуондо Х. А., Историч. очерк кубинской лит., М., 1961; Нуньес Хименес А., Империя янки — враг Лат. Америки, пер. с исп., М., 1962; егo же, Республика Куба. Историч. очерк, пер. с исп., М., 1963; Леучсеинга Э. Р. де, Хосе Марти — антиимпериалист, пер. с исп., М., 1962; Вареела А., Куба революционная, пер. с исп., М., 1962; Кастро Ф., Речи и выступления, пер. с исп., М., 1960; егo же, Речи и выступления. 1961—1963 гг., пер. с исп., М., 1963; Народы СССР и Кубы навеки вместе. Документы советско-кубинской дружбы, М., 1963; Sangüily M., Don José de la Luz y Caballero, 2 ed., Habana, 1926; Méndez M. I., Martí, estudio crítico-biográfico, La Habana, 1941; Varona y Perea E. J., Prólogo y selección de J. A. Fernández de Castro, Méx., 1943; егo же, Por la patria, en la Colonia y en la República, [Habana], 1949; Vida y pensamiento de Félix Varela, La Habana, 1944; Varela y Morales F., Miscelánea filosófica, La Habana, 1944; егo же, Cartas a Elpidio, v. 1—2, Obras, v. 6, 7, La Habana, 1944—45; Martí J., Obras completas, v. 1—2, La Habana, 1946; Luz y Caballero J. C. de I., La polemica filosófica, t. 1, Obras, v. 3, La Habana, 1946; Sangüily y Garritte M., Defensa de Cuba, Habana, 1948; Vitier M., La filosofía en Cuba, Méx.—B. Aires, [1948]; егo же, Enrique José Varona, su pensamiento representativo, La Habana, 1949; Roa R., Historia de las doctrinas sociales, v. 1, [Habana], 1949; Marinello J., Meditación americana, B. Aires, [1959]; Castro F., Pensamiento político, económico y social de Fidel Castro, [3 ed.], La Habana, 1959; Manach J., José Martí, t. 1—2, La Habana, [s. a.]; егo же, El pensamiento vivo de Maceo, La Habana, [1952]; Nunez Jiménez A., Patria o muerte, La Habana, 1961; Arismendi R., Problemas de una revolución continental, Montevideo, 1962.

Р. Буржете. Москва.
КУБЛАНОВ, Борис Григорьевич [р. 15(28) февр. 1905] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1960). Член КПСС с 1932. Окончил филос. отделение Харьковского ун-та им. М. Горького (1936). Ведет преподават. работу по философии с 1936. Зав. кафедрой философии Львовского ун-та (с 1963). Работает над проблемами теории познания и эстетики, гл. обр. над вопросами образного мышления, гносеологии, природы лит-ры и иск-ва.

Соч.: При пізнавальну і виховну роль реалістичного мистецтва, «Жовтень», 1955, № 6; Эстетич. чувство и иск-во, Львов, 1956; Про працю Івана Франка «За секретів поетичної творчості», в кн.: Праці кафедр суспільних наук, Львів, ун-т. Вып. 2—Філософія, 1957; Матерія і свідомість, [Львів], 1958; Гносеологіч. природа лит-ри і иск-ва, Львов, 1958; Деякі питання гносеологічної природи мови, в кн.: Праці кафедр суспільних наук, Львів, ун-т. Вып. 5—Питання філософії, 1959; Комунізм і естетичне виховання, Львів, 1960; Комунізм і завдання естетичного виховання людини, в сб.: Зримі риси комунізму, Львів, 1960; Ленінська теорія відображення і деякі проблеми літератури і мистецтва, в сб.: Велика сила ленінських ідей, Львів, 1960; Закономірний характер глибокої кризи сучасної буржуазної ідеології, в сб.: Всепермагаюча сила марксизму-ленінізму, Львів, 1961; Деякі проблеми теорії пізнання, «Вістник Львівського ун-ту», Серія сусп. наук, 1962, № 1.

КУВАКИ ГЭНЪЭКУ (1874—1946) — япон. философ-идеалист, исследовал развитие логич. идей в др.-кит. философии, перевел на япон. язык «Пролегомены» Канта. В 1905—06 выступил против распространявшегося в Японии прагматизма. В 1918 К. Г. примкнул к бурж.-демократич. об-ву «Рэймэйкай» («Общество зары»).

К. Г. отрицательно относился к реакц. феод. идеологии и воинствующему шовинизму. С позиций либерально-бурж. демократа критиковал реакционных нем. философов (Дриша и др.). Сочувственно относился к организации «Общества по изучению материализма» и принял участие в его первом заседании.

Соч.: Сюнси но ронри сэнцу (Рассуждение о логике Сюньцзы), Токио, 1898; Тэцугаку гайрон (Очерки философии), Токио, 1900; Сина но кодай ронри сисо хаттацу-но гайсэнцу (Очерк развития идей логики древнего периода Китая), Токио, 1900; Мудзюн но гэнри то тэцугаку (Основной принцип противоречия и философии), Токио, 1902; Тэцугаку коё (Очерки философии), Токио, 1913; Канто то гэндэй но тэцугаку (Кант и современность), Токио, 1917; Тэцугаку оёби тэцугаку си кэнкю (Изучение философии и истории философии), Токио, 1936; Тэцугаку ёги (Сущность философии),

Токио, 1946; Тоцугаку си дзюэн (Сорок лет философии), Токио, 1947.

Лит.: Совр. япон. мыслители. Сб. ст., ред.-составитель Саисака Идуро, пер. с япон., М., 1958; Ои Тадаси, Нихон киндай сисо но ронри (Логика совр. япон. идей), Токио, 1958; Фунаяма Синити, Нихон-но каннэнронсея (Японские идеалисты), Токио, 1956; его же, Майдзи тоцугакусю кэнкю (Изучение истории философии времени Майдзи), Киото, 1959; его же, Тоцугаку гайрон (Очерки философии), Токио, 1959.

КУДИН, Вячеслав Александрович (р. 19 февр. 1925) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1963). Член КПСС с 1951. Окончил лит. ф-т Владивостокского нед. ин-та (1949, заочн.) и аспирантуру при Киевском ун-те (1954). Зав. кафедрой этики, эстетики и логики Киевского ун-та (с 1960). Науч. исследования по проблемам социалистич. реализма, закономерностям художеств. познания действительности.

Соч.: Питания теории социалистичного реализма, К., 1959; Социалистичный реализм, К., 1961; Что такое мистецтво, 2 вид., К., 1962; Эстетика, К., 1962.

КУДРЯВЦЕВ (Кудрявцев-Платонов), Виктор Дмитриевич (3 окт. 1828 — 3 дек. 1891) — рус. философ-идеалист, православный теолог. Окончил Моск. духовную академию (1852), профессор этой академии (с 1857). Считая материю и дух проявлением бога как высшей творч. причины, К. называл свое учение системой трансцендентального монизма. Исходя из этих трех моментов — бога, материи, духа, К. делил философию на учение о безусловно существе, или божестве (естеств. богословие), учение об условно существе, или мире физическом (космология), и учение о мире духовном (рацион. психология). По К., религия коренится в природе человека как осн. признак его социальности. Сочинения К. — пестрое смешение отд. положений идеалистич. учений Канта, Якоби, Гегеля и христ. теологов — имели большой успех среди духовенства, высоко оценивались нек-рыми славянофилами (в частности, Ю. Самариным), одобрялись офиц. кругами.

Соч.: Соч., т. 1—3, Сергиев-Посад, 1892—94; Соч., т. 1, вып. 1—3, т. 2, вып. 1—3, 2 изд., Сергиев-Посад, 1898—1914; О единстве рода человеческого, в кн.: Прибавления к изданию творений святых отцов, ч. 11—13, М., 1852—54; Материалистич. атомизм, там же, ч. 26, М., 1880; Телеология, идеи и материализм. «Православное обозрение», 1877, т. 1—3, янв., март, сент.

Лит.: Колубовский Я. Н., Материалы для истории философии в России, «Вопр. философии и психологии», 1890, № 4 (Приложение); Введенский А. [Ив.], О характере, составе и значении философии В. Д. К.-Платонова, Сергиев-Посад, 1893. И. Балакина, Москва.

КУЗЕН (Cousin), Виктор (28 ноября 1792 — 13 янв. 1867) — франц. философ-идеалист, эклектик, бурж. политич. деятель. Преподавал философию (1814—20) в Нормальной школе («L'école Normale»); позднее — ее директор. В 1817—18 и 1824 посетил Германию, лично познакомился с Гегелем и Шеллингом. С 1828 — проф. философии в Сорбонне. Сторонник конституц. монархии, К. состоял при Луи Филиппе членом Гос. совета; изр. Франции; с 1832 — член Франц. академии, а затем Академии моральных и политич. наук. Страх перед революционными выступлениями пролетариата развеял либерализм К. и привел его к реакции. В 1840 К. — министр просвещения.

Проведенные им реформы преследовали реакц. цель сближения ун-тов с церковью, функций профессуры и жандармерии. Во время республики К. предложил свое перо Кавеньяку для борьбы против социалистич. идей.

Политич. и филос. взгляды К., формировавшиеся под непосредств. влиянием *Руайе-Коллара*, *Мен де Бирана*, были формой активной борьбы против бурж. идеологии того периода, когда она была еще революционной. К. утверждал, что все филос. истины уже высказаны прежними философами, поэтому философия не может претендовать на открытие новых истин. Задача философии заключается в кри-

тич. отборе истин из прежних филос. систем. Метод этого отбора также эклектичен, все должно быть подчинено «здравому смыслу», т. е. меняющимся требованиям жизни. К. способствовал популяризации истории философии и развитию интереса к ней. Ему принадлежат переводы Платона на франц. язык, издание соч. Прокла, Абельяра, Декарта и др. мыслителей. К. познакомил франц. читателей с философией Канта, Шеллинга, Гегеля, беря произвольно те или иные положения их систем (см. письмо К. к Шеллингу от 30 окт. 1829 в кн.: «Briefe von und an Hegel», Pruz., 1887, S. 384—86). К. вел борьбу против материализма, особенно франц. материализма 18 в., основой к-рого он считал сенсуализм *Кондильяка*. Все филос. системы К. разделял на четыре группы: сенсуализм, к-рый исходит из объектов ощущения; идеализм, к-рый все сводит к объективам разума; скептицизм, возникающий на основе противоречий сенсуализма и идеализма; мистицизм, в к-ром он видел единств. выход из сомнений разума, указывая на веру, основанную на чувстве. К. считал, что сенсуализм, идеализм, скептицизм и мистицизм являются одновременно и сторонами сознания. Поэтому история философии является постоянной сменой или сочетанием этих четырех систем; ум человеческий всегда колеблется между ними. Опираясь на идеи *шотландской школы*, соединяя их с положением Декарта «я мыслю, следовательно, я существую», К. считал, что знания включают в себя восприятия и идеи — концепции, при посредстве к-рых разум возвышается до абсолютных идей. Разум не есть способность только человека, он принадлежит богу и человечеству, служа посредником между ними. Разум приносит «... вести из невдомого мира, сообщая одновременно и идею его необходимости» («Fragments philosophiques», в кн.: Oeuvres, v. 2, Brux., 1841, предисл., р. 38). В начальный период своей деятельности К. отождествлял бога с *любом* Платона и Пифагора, затем стал утверждать, что «... каждая истинная философия имеет своим основанием таинства христианства» (там же, Brux., 1847, р. 37), подчиняя философию религии. Позднее в своей работе «Об истине, прекрасном и добре» («Du vrai, du beau et du bien», 1836) К. стремился к разворовению философии в религии. История, по К., представляет собой битву идей. Каждая нация является носительницей известных идей, к-рые создают великие личности.

Маркс относил К. к числу «истинных истолкователей» «трезво-практического буржуазного общества» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 8, с. 120) и называл его «слабым эклектиком» (см. там же, т. 27, с. 376).

Соч.: Oeuvres, troisième sér., t. 1—4, P., 1847; Oeuvres, sér. 3, v. 1—2, P., 1855; De la métaphysique d'Aristote, P., 1835; Cours de l'histoire de la philosophie moderne, deuxième sér., t. 1—2, nouv. éd., P., 1846—1847; Philosophie sensualiste, nouv. éd., P., 1863; Philosophie écossaise, 4 éd., P., 1864; Philosophie de Kant, 4 éd., P., 1864; Histoire générale de la philosophie..., nouv. éd., P., 1864; в рус. пер. — Кузенский курс истории философии. Лекция первая, «Московский телеграф», 1829, май, № 10; О великих людях, там же, февр., № 3; О главных родах систем философских, «Атеней», 1829, февр., № 3; О начале истории философии, там же, дек., № 23; О прекрасном и об искусстве, «Библиотека для чтения», 1845, т. 72, отд. 3.

Лит.: [Рен.], Fragments philosophiques, par V. Cousin, «Моск. Вестник», 1828, ч. 12, № 21—22; Тэн И., Франц. философия первой половины XIX-го века, пер. с франц., СПб., 1896, гл. 4—8; Кареев Н., Основные вопросы философии истории, 3 изд., СПб., 1897; История философии, т. 3, М., 1941, с. 400—402; История философии, т. 2, М., 1957 (по указат. имен); A l a u x J., La philosophie de M. C., P., 1864; Janet P., V. C. et son oeuvre, P., 1885; Simon J., V. Cousin, 3 éd., P., 1891; Barthélemy-Saint-Hilaire J., V. Cousin, sa vie et sa correspondance, v. 1—3, P., 1895; Ody H. J., V. Cousin, nouv. éd., Saarbrücken, 1953; Cornélius A., Die Geschichtslehre V. C. unter besonderer Berücksichtigung des hegelschen Einflusses, Gen.—P., 1958.

Г. Зельманова, Москва.

КУЗМАНИ (Kuzmány), Карол (16 нояб. 1806—14 авг. 1866) — словацкий поэт, эстетик, деятель пар.-освободит. движения. Основатель журн. «Hronka» (1836—38), к-рый явился органом пропаганды прогрессивных идей и нац. лит.-ры в Словакии. Находился под влиянием просветительских идей Я. Коллара. К. — автор филос. романа «Ладислав» («Ladislav», опубл. в журн. «Hronka», 1838, го. 3, № 1—2) и эстетич. соч. «О красоте» («O krásě», опубл. там же, 1836, го. 1, № 3). В своих филос. воззрениях К., находясь под влиянием нем. философа Я. Фриша, придерживался объективного идеализма. По К., задача философии заключается в осознании причин и цели духовной жизни, в познании и постижении ее наивысшей сущности, к-рую он усматривал в правде, красоте и добре. В связи с этим К. различал три сферы в духовной деятельности человека: науку (познание правды), иск-во (чувство красоты) и религию (достижению добродетели). Эстетика К., указывая на ведущую роль иск-ва в формировании самосознания народа, имела исторически прогрессивное значение.

Лит.: В у j n a k P., Dr. Karol Kuzmány, Lipt. Sv. Mikuláš, 1927. Э. Варошова. СССР.

КУЗНЕЦОВ, Ивац Васильевич [р. 25 авг. (7 сент.) 1911] — сов. философ, зав. Сектором филос. вопросов естествознания Ин-та философии АН СССР, д-р филос. наук (с 1961), проф. (с 1962). Член КПСС с 1942. Окончил физич. ф-т Моск. ун-та (в 1935), ведет педагогич. работу по курсам общей теоретич. физики (в 1937—41) и по диалектич. материализму и филос. проблемам естествознания (с 1950). Пред. Центр. бюро филос. семинаров науч. учреждений АН СССР (до 1964). С 1948 работает в Ин-те философии АН СССР. Осн. работы относятся к области филос. проблем естествознания, истории наук, а также общих вопросов диалектич. материализма. Им опубликован также ряд работ по теоретич. физике. К. — организатор и редактор ряда коллективных трудов, сборников и книг выдающихся представителей рус. и зарубежного естествознания.

С о ч.: Принцип соответствия в совр. физике и его филос. значение, М.—Л., 1948; Характерные черты рус. естествознания, М., 1948; Об одном порочном толковании второго начала термодинамики, «Успехи физ. наук», 1949, т. 39, вып. 2, окт.; Против идеалистич. извращения понятий массы и энергии, там же, 1952, т. 48, вып. 2; Философские идеи Ленина и познание природы, там же, 1960, т. 70, вып. 4; Работы С. И. Вавилова по философии и истории естествознания, в сб.: Памяти С. И. Вавилова, М., 1952; Против лутанщины в вопросе о понятии материи, «Изв. АН СССР». Сер. истории и философии, 1952, т. 9, № 3; Об основных вопросах теории относительности, в кн.: Филос. вопросы совр. физики, К., 1956; К вопросу об определении предмета совр. физики, в сб.: Нек-рые филос. вопросы естествознания, М., 1957; В чем прав и в чем ошибается Вернер Гейзенберг, «Вопр. философии», 1958, № 11; Основные идеи в творчестве Макса Планка, в сб.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1959; Филос. идеи Ленина и познание природы, «Успехи физ. наук», 1960, т. 70, вып. 4; Принцип причинности и его роль в познании природы, в кн.: Проблема причинности в совр. физике, М., 1960; Развитие В. И. Лениным диалектич. материализма в борьбе против идеализма и метафизики, в кн.: История философии, т. 5, М., 1961; Основы марксистской философии, 2 изд., М., 1962 (соавтор.); Нет! Философия — это наука, «Вопр. философии», М., 1962, № 1; Научный метод М. В. Ломоносова, там же, № 2; О математической гипотезе, там же, № 10; Взаимосвязь физ. теорий и развитие совр. физики элементарных частиц, в кн.: Филос. проблемы физики элементарных частиц, М., 1963.

КУЛИ (Cooley), Чарлз Хортон (17 авг. 1864—8 мая 1929) — амер. бурж. социолог. Проф. социологии (с 1907) Мичиганского ун-та. В 1918 — президент Амер. социологич. об-ва. Выступал с социальнопсихологич. трактовкой обществ. явлений. Одним из первых обратился к изучению «социальных групп». В соч. «Социальная организация» («Social organization», 1909) К. рассматривал общество как организм, состоящий из первичных и вторичных коллективов. В «первичных коллективах» (семья, игровые группы,

соседи и т. д.), образующих, по К., основу общества, индивидуумы познают действительность путем личных, прямых, интимных контактов, а также подвергаются воздействию идей лояльности, свободы, верности закону. «Вторичные коллективы» (классы, нации) находятся под контролем закона и обществ. мнения. Называя социологию художеств. наукой, К. одну из первостепенных задач ее видел в психологич. исследовании способов влияния коллективов на психику индивидуума, а также индивидуума на коллектив. Идеалистич. концепция обществ. структуры К. оказала влияние на Дж. Дьюи, У. Томаса, Р. Макивера и др.

С о ч.: Human nature and the social order, N. Y., 1902; Social process, N. Y., 1918; Sociological theory and social research, N. Y., 1930.

Лит.: J a n d y E. C., С. Н. Cooley. His life and his social theory, N. Y., 1942. Л. Сеитбеов. Москва.

КУЛЬТ религиозный (лат. cultus, от colō — возделываю, почитаю) — религ. почитание каких-либо предметов или сверхъестеств. существ, обрядовая сторона религии. В широком смысле в понятие К. включаются все виды действий, связанных с религ.-магич. представлениями: всевозможные обряды, жертвоприношения, молитвы, богослужения, «таинства», мистерии и относящиеся сюда предметы: священные изображения, храмы, святые лица, принадлежности религ. обрядов. В узком смысле под К. рассматривают только те религ. обряды, к-рые связаны с верой в высшие, сверхъестеств. существа и направлены на их умилостивление; в таком случае в понятие К. не включаются магические (колдовские) обряды (см. *Магия*) и обряды заклинания духов (экзорцизм).

Формы К. соответствуют историч. формам религии: тотемич. К., погребальный К., промысловый К., родовые и семейные К., шаманский К., К. племенного бога и др. Иногда выделяют виды К. по объектам: К. солнца, К. неба, К. воды, К. животных (зоолатрия), К. деревьев, К. огня и пр.

Первонач. формы К. несомненно представляли собой непосредств. магич. действия, в свою очередь восходящие к стихийной практике первобытного человека. Так, жесты адорации (воздевание рук, поднятие глаз к небу и пр.) развились, видимо, из простейших магич. телодвижений. Первобытные колдовские пляски (охотничьи, военные и др.), вначале возникшие из непосредств. импульсивных выразит. движений, вошли впоследствии в состав К. многих религий: напр., по Библии, царь Давид, встречая религ. святыню евреев — «ковчег божий» — «скакал из всей силы пред господом» (2. Царств, 6, 14); о жрецах других богов там же рассказывается не раз, что они «скакали» перед жертвенниками (3. Царств, 18, 26 и др.); в Индии религ. пляски в храмах и сейчас служат обычной формой К.

Молитвы — одно из важных проявлений К. — развились из колдовских заклинаний — заговоров. Брамапы Индии верили и верят, что если молитва (мантра) произнесена правильно и точно, она как бы принудительно действует на божество, понуждая его исполнить желание молящегося. И в христианстве сохранилось представление, что любая молитва должна быть произнесена в точно установленной форме, иначе она-де не имеет силы, — а это есть характерный признак всякого заклинания.

Жертвоприношения, как один из существ. элементов К., имеют более сложное происхождение. Они развились частью из первобытных охотничьих трапез, частью из обществ. регулирования потребления, выражавшегося в запрете пользоваться плодами до определенного момента, когда этот запрет в торжеств. форме снимался, частью из суеверного обычая кормить покойников (см. *Жертвоприношение*).

Употребление различных священных предметов и изображений в К. — икон, церк. сосудов и пр. утвари — восходит своими истоками к древнему фетишизму, когда люди приписывали неодушевленным предметам и изображениям сверхъестеств. силу. И до сих пор, напр., в христианском или буддистском К. разным материальным предметам приписывается таинств. сила (чудотворные иконы, святые мощи, святая вода, нателный крест, реликвии и пр.).

Все отличия этих элементов совр. К. от их первобытных фетишистско-магич. зачатков состоит в том, что с церк., богословской точки зрения все культовые действия (молитвы, жертвы и пр.), равно как священные предметы, не сами по себе производят желаемый эффект, а через них действует бог или иное сверхъестеств. существо; но для рядовой массы верующих это тонкое различие не существует, и совершаемые ими культовые действия по сути дела мало отличаются от магич. актов и поклонения фетишам.

Развитие и усложнение К. тесно связано с обособлением и усилением отд. обществ. группы служителей К. — жрецов.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ — первоначально обожествление представителей духовной и светской власти, наделение их сверхчеловеческими достоинствами и силой; освящение власти императоров, царей, королей, представителей духовенства — верховных жрецов, пап и т. д.; в совр. проявлениях — навязывание народу преклонения перед носителями власти как непогрешимыми, приписывание им способности творить историю по своему усмотрению и производству. В рабочем и коммунистич. движении К. л. является чужеродной, антимарксистской идеологией и практикой, приводит к насаждению антидемократич. методов в строительстве социализма, преувеличению роли насилия, к искусственному раздуванию роли руководителей, принижению роли партии и народных масс, что ведет к извращению идеалов социализма.

С возникновением гос-ва появился культ институтов гос. власти (обожествление института фараонов в Др. Египте, власти богдыханов — святых ханов — в Китае, монархов — единовластителей — в феод. Европе). Этот культ утверждался господств. классами, к-рые навязывали массам почитание носителей власти, независимо от их личных качеств и степени реального участия в гос. управлении (напр., в Тибете Далай-лама считался божеств. правителем с младенчества). В дальнейшем наряду с культом гос. институтов возникает и собственно К. л., связанный с персонификацией власти, с мистификацией влияния и роли отд. выдающихся историч. личностей, с распространением ошибочного взгляда, будто данная конкретная личность обладает властью в силу гениальности, только ей присущих особенных и даже сверхъестеств. качеств. Господств. класс наделяет «сильную личность» чрезвычайными полномочиями, изображая ее действия как надклассовые.

В бурж. идеалистич. философии были созданы теории, оправдывающие К. л. Так, Гегель изображал выдающихся историч. деятелей орудием всемирного духа, исполителями его воли; реакц. романтики (*Шеллинг*, позже — *Карлейль*) развивали эти же идеи в теориях «культа гениев», «культа героев»; *младогегельянцы* (*Б. Бауэр* и др.) выдвинули теорию всемогущества «критических личностей». Вскрывая классовое содержание теории Карлейля о правах гениев и героев на господство, Маркс и Энгельс указывали, что «исторически возникший господствующий класс, промышленная буржуазия, был приобщен к гениальности в силу одного того, что господствовал...»; «н о в а я э р а», в которой господствует гений, отличается от старой эры главным образом тем, что плоть воображает себя гениальной» (Соч., 2 изд., т. 7, с. 278).

В России реакц. теорию «героев» и «толпы» проповодовали народники и эсеры (см. *Народничество*).

На империалистич. стадии развития, в эпоху общегос. кризиса капитализма и кризиса институтов бурж. демократии, финансовая олигархия использует гос.-монополистич. систему для укрепления своей власти и прибегает не только к открытому террору, но и к К. л. диктатора. Последний объявляется «сильной, исключительной личностью», «сверхчеловеком», обладающим «интуитивным сознанием», способным все познавать и предвидеть и действовать во имя якобы всеобщих интересов народа и нации. В фашистских теориях (Муссолини, Гитлер, Розенберг) система К. л. касалась не только верховного диктатора, но распространялась и на всех представителей «властвующей элиты» корпоративного гос-ва; т. н. «принцип вождизма» (фюрертузм) пронизывал собой идеологию фашистского человеконенавистничества, распространялся на всю т. н. избранную «нордическую» расу, якобы обладающую особыми природными способностями и правом господствовать над другими народами.

В совр. реакц. бурж. идеологии теория К. л. связана с представлениями о якобы вечном существовании обществ. иерархии — наследственной, богатой индивидуальностями элиты и бедличных масс (*Шеллер*, *Ясперс*, *Парето*) (см. *Народ*). К. л. прививалась массам на протяжении столетий, освящалась церковью, проникал в их сознание и психологию. Его выражениями были и царистские взгляды, свойственные значит. слоям крестьянства, а также чиновничество и низкокочекство, присущие мелкой буржуазии, чиновничеству и мещанству.

Революц. и прогрессивная мысль народов разоблачала иллюзии о божеств. силе личности правителей. Марксизм возник и окреп в борьбе против идеалистич. понимания истории, отрицающего ее закономерный характер, решающую роль народных масс, чрезмерно преувеличивающего значение личностей (см. *Роль народных масс и личности в истории*). Выдающиеся личности играют важную роль в историч. событиях как руководители, организаторы и вдохновители борьбы масс и классов, но решающая роль в истории принадлежит народным массам. К. л. чужд пролетариату как классу, к-рый стоит во главе народных масс в их борьбе за освобождение от всех форм эксплуатации и гнета. Рабочий класс и его партия сильны социалистич. сознательностью масс, их солидарностью в борьбе, сознат. дисциплиной и массовым героизмом и поэтому не нуждаются ни в каких культах. Вожди пролетариата Маркс, Энгельс, Ленин, опасаясь возможности проникновения в революц. движение К. л., как одного из самых отвратит. пережитков прошлого, решительно вели борьбу против всех его проявлений. Известно, с какой резкостью выступали основоположники марксизма против культа Лассаля, распространенного в герм. соц.-демократии в период ее становления; они с возмущением говорили о притязаниях Лассаля «на звание пророка» (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 28, 1940, с. 288). Энгельс утверждал, что «... культ Лассаля привит и к с у щ е с т в е н н о, привит благодаря нашему молчаливому согласию терпеть его вопреки собственным убеждениям...» (там же, с. 315).

К. л. в пролет. партии вступает в вопиющее противоречие с ее демократич. сущностью, ниспровергает принцип коллективности руководства и принцип критики и самокритики, без к-рого немислимо развитие подлинно революц. партии и к-рый является одним из главных принципов взаимоотношений между пролетариатом, партией и вождями. Энгельс призвал перестать «...подходить к партийным чиновникам — своим собственным слугам — в лайковых перчатках»,

перестать «относиться к ним, словно к непогрешимым бюрократам, с величайшим послушанием вместо критики» (там же, с. 288). Маркс и Энгельс решительно протестовали даже против малейших проявлений преклонения перед их личностями. В 1877 Маркс писал: «... из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суверенному преклонению перед авторитетами...» (там же, т. 26, 1935, с. 487—88).

Огранич. нетерпимость по отношению к К. л. проявлял Ленин. Подобно Марксу и Энгельсу, опасаясь проникновения К. л. в партийную среду, Ленин с исключит. неприязнью встречал любую демонстрацию почитания его личности. Так, когда в конце 1918, оправившись после ранения, Ленин обнаружил в газетах обилие материалов о нем, о его здоровье, он с крайним возмущением говорил Бонч-Бруевичу: «Это что такое? Как же Вы могли допустить? Смотрите, что пишут в газетах? Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком... Ведь это ужасно!... И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это куда не годится» (цитируется по кн.: Бонч-Бруевич В. Д., Избр. соч., т. 3, 1964, Воспоминания о В. И. Ленине 1917—1924 гг., с. 296—97).

В высказываниях Маркса, Энгельса, Ленина исчерпывающе определено отношение пролет. партии к К. л. как явлению, не совместимому с коммунистич. идеологией. К. л. Сталина в условиях социалистич. строительства в СССР был грубым извращением принципов марксизма-ленинизма и нанес серьезный ущерб партии, социалистическому строительству в СССР, международному коммунистическому движению. Анализ условий и причин возникновения К. л. Сталина имеет не только теоретическое, но и большое практич. и политич. значение. Это — вопрос о путях и методах созидания социализма, о роли социалистич. демократии, о роли народных масс, о принципах и нормах парт. и обществ. жизни. Идеологи антикоммунизма, с целью дискредитации социалистич. идеалов в глазах трудящихся, пытаются связать К. л. с сущностью марксизма-ленинизма, с природой социализма и коммунизма. Они клеветнически утверждают, что социализм якобы неизбежно порождает К. л., что К. л. будто бы привел к бюрократич. перерождению сов. строя. Анализ развития нашего социалистич. общества полностью опровергает такого рода домыслы. В материалах XX, XXI, XXII съездов КПСС, в постановлениях ЦК КПСС от 30 июня 1956 и др. парт. документах, разоблачивших и осудивших К. л., дан анализ условий возникновения К. л. и показано, что он глубоко противоречит природе социализма и сущности марксистского мировоззрения.

Строительство социализма в СССР осуществлялось впервые, когда никакого опыта еще не было, в трудной международной и внутренней обстановке, в условиях капиталистич. окружения и постоянной угрозы нападения извне. Сов. народ под руководством партии осуществлял строительство социализма в стране, где преобладали мелкобурж. слои населения. Все это требовало от партии высокой дисциплины и строгой централизации, но понимаемых по-ленин-

ски: дисциплины — основанной на сознательности и идейности авангарда рабочего класса; централизации — органически сочетаемой с социалистич. демократизмом. Партийная дисциплина, демократич. централизм и авторитет руководителей не имеют ничего общего с К. л. В зарубежной печати нек-рые авторы пытались объяснить возникновение К. л. Сталина такими объективными условиями, как унаследованная от царизма экономич. отсталость нашей страны, отсутствие «демократич. навыков» у народов России, веками находившихся под гнетом самодержавия. Все эти обстоятельства не могли не влиять на жизнь и деятельность партии, на ход социалистич. переустройства страны. Но нельзя искать в этих условиях причины возникновения К. л., ибо при тех же объективных историч. условиях, когда коммунистич. партии и сов. государством руководил Ленин, никакого культа Ленина не было. Социалистич. революция в России привела к утверждению широкой, подлинной демократии, созданной самим народом, какой не знала ни одна страна в мире. В партии при Ленине не было единоличного командования, слепого преклонения перед авторитетом, не говоря уже о преследовании тех, кто открыто полемизировал с Лениным, кто в различных парт. инстанциях оспаривал взгляды Ленина по конкретным вопросам парт. и гос. строительства. Культа Ленина не было, несмотря на стремительный в истории авторитет Ленина, на безраздельную любовь к нему партии и народа. Старый соромовский рабочий Петр Заломов, явившийся прообразом Павла Власова в романе М. Горького «Мать», писал Н. К. Крупской через четыре дня после смерти Владимира Ильича: «На протяжении десятков лет Ильич неуклонно шел к намеченной цели и был выразителем всех наших дум и стремлений. Мы не можем найти у него ни одной фальшивой ноты — он наш вполне... Мы схоронили всех старых богов и никогда — никогда не создадим себе новых. Мы вовсе не думаем обожествлять товарища Ленина — мы с ним равны! Мы заслужили такого вождя, и он, достойный нас, вправе гордиться нами...».

В ходе победоносной борьбы Коммунистич. партия Сов. Союза, ее вождь и организатор Ленин завоевали в широчайших массах трудящихся СССР, народов всех стран авторитет, каким за всю историю человечества не пользовался никто и никогда — ни одна партия, ни один деятель. Любовь и уважение к партии, к Ленину сов. люди распространяли на ЦК партии, на других руководящих деятелей, на соратников Ленина. Исключит. авторитет Ленина не перерос в К. л. потому, что сам Ленин был решит. противником К. л., человеком подлинной скромности, ибо К. л. противоречил мировоззрению Ленина, тем методам парт. и гос. строительства, к-рые он считал единственно правильными. «...Ум десятков миллионов творцов, — писал Ленин, — создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение» (Соч., т. 26, с. 431). Ленин глубоко понимал, что руководство правящей политич. партией и построение социализма могут быть успешными только при условии, если партия не отрывается от трудящихся масс, не командует ими, а направляет действия масс, строго учитывая объективные и субъективные условия. «В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, — писал В. И. Ленин, — чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса выработать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов» (Соч., т. 31, с. 50). Ленинские методы, ленинский стиль партийной и го-

сударственной деятельности безусловно исключают идеологию и практику К. л.

К. л. Сталина возник в полном противоречии с природой социализма, сов. строя, с природой Коммунистической партии. Понять условия, в к-рых сложился К. л. Сталина, нельзя без учета положения в партии в последний период жизни Ленина, когда он, скованный тяжелой болезнью, был лишен возможности непосредственно руководить партией и страной. В этот период Ленин в ряде произведений («О кооперации», «Лучше меньше, да лучше», «Как нам реорганизовать Рабкрин» и др.) освещает программные вопросы социалистического строительства, предлагает меры по укреплению партии, сохранению и упрочению ее единства, анализирует условия развития советского государства. Ленин считал, что Советская республика обладает необходимыми объективными условиями для построения социализма, что за пять лет господства диктатуры пролетариата в стране создан союз рабочего класса и крестьянства — главная основа советского социалистического строя. Ленин указывал, что в социальных основах советского строя нет объективных причин для раскола в партии. Что же касается субъективных факторов, то вопрос о единстве партии — об устойчивости ЦК, о его составе, о личных качествах ряда членов ЦК — вызывал у Ленина беспокойство. В «Письме к съезду», известном как «Завещание» Ленина, Владимир Ильич писал: «Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства» (там же, т. 36, с. 544).

Вопросу о личных качествах руководящих деятелей партии Ленин всегда придавал огромное значение. Исходя из того, что партийному центру «...многое будет дано и многое с него взмывается», Ленин еще в 1903 писал: «...необходимо, чтобы в с я п а р т и я систематически, исподволь и неуклонно воспитывала себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой, как на ладони, в с ю д е я т е л ь н о с т ь каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и „поражениями“». Уже тогда Ленин говорил, что надо дать возможность массе партийных работников «...узнать своих вождей и поставить каждого из них на надлежащую полочку» (там же, т. 7, с. 100, 101). «Письмо к съезду» Ленин посвящает главным образом характеристике личных качеств и черт руководящих членов ЦК партии. Обстоятельства сложились так, что в руководящем ядре партии рядом с верными учениками Ленина стояли люди, или на протяжении многих лет ведущие теоретич., политич. и организационные борющиеся против ленинизма (Троцкий), или неоднократно колебавшиеся и допускавшие серьезнейшие ошибки в ответственные моменты революции (Зиновьев, Каменев), или молодые и способные деятели, но недостаточно овладевшие марксизмом (Бухарин), не овладевшие мастерством политич. руководства и увлекавшиеся администрированием (Пятаков). И, наконец, Сталин, к-рый за годы своей революц. деятельности накопил большой опыт руководящей парт. работы, но имел крайне отрицат. личные качества. Приковывая внимание партии к вопросу о личных качествах и взаимоотношениях руководящих деятелей ЦК, Ленин подчеркивал, что «...это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» (Соч., т. 36, с. 546). Особенную тревогу внушали Ленину отрицательные личные качества Сталина — его грубость, нелояльность и нетерпимость по отношению к товарищам, его увлечение администрированием, склонность к торопливости,

озлобленность, властолюбие. «Гов. Сталин, сделавшись генсеком, — писал Ленин, — сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» (там же, с. 544). Ленин предлагал обдумать способ перемещения Сталина с этого поста (см. там же, с. 546).

Сталин впоследствии пытался истолковать по-своему характеристику, данную ему Лениным. В речи на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКР ВКП(б) (1927) Сталин, упомянув ленинское «Завещание», заявил: «Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и расклевывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю» («Об оппозиции», 1928, с. 724). В этой речи и неоднократно впоследствии Сталин допускал бессовестную передержку. Со всей очевидностью вытекает из «Завещания», что Ленин обвинял Сталина в грубости не по отношению к врагам и разрушителям партии, а по отношению к товарищам, имевшим перед партией большие заслуги. Воля Ленина не была выполнена и Сталин, в силу сложившихся обстоятельств, не был тогда освобожден от обязанностей ген. секретаря ЦК. Ленин писал свое «Завещание» («Письмо к съезду») 24—25 декабря 1922 и 4 января 1923. Очередной XII съезд состоялся в Москве 17—25 апреля 1923. «Завещание» делегатам этого съезда сообщено не было, ибо, согласно воле Ленина, оно должно было быть доведено до сведения партии только после его смерти. Через несколько месяцев после XII съезда, осенью 1923, оппозиция, возглавляемая Троцким, выступила открыто с антиленинской платформой. ЦК партии, возглавляемый Сталиным, организовал борьбу партии против троцкистской оппозиции. В янв. 1924 скончался В. И. Ленин. В конце мая 1924 состоялся XIII съезд РКП(б), делегатам к-рого ленинское «Завещание» было сообщено не на заседании съезда, а на совещаниях делегаций отд. республик, краев, губерний. Зачитав «Завещание», руководители делегаций (секретари местных парт. органов) ставили перед товарищами вопрос: целесообразно ли в условиях острой внутрипарт. борьбы освобождать Сталина от поста ген. секретаря. Делегации XIII съезда, а затем члены ЦК на состоявшемся сразу после съезда Пленуме обсуждали письмо Ленина в сложной внутрипарт. обстановке. Искренне надеясь, что Сталин добросовестно учтет ленинскую критику, делегаты съезда и пленум ЦК высказались за оставление Сталина на посту ген. секретаря ЦК.

Сталин возглавил борьбу партии против отклонений от ленинской линии, допускавшихся троцкистами, затем ленинградской оппозицией — группой Зиновьева—Каменева, а впоследствии правооппортунистич. группой Бухарина — Рыкова — Томского. В ряде работ, включенных в сборник «Вопросы ленинизма», Сталин защищал ленинские положения о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, что вооружало партию в борьбе с оппозициями. Теоретич. и практич. деятельность Сталина, выступавшего в тот период с ленинских позиций, снискали ему большой авторитет в партии и народе. Но уже на том этапе проявились крайне отрицат. качества Сталина. Он был неспособен убеждать противников, подчинять их идейному влиянию партии, разрешать возникающие разногласия и противоречия демократич., парт. методами, как это делал Ленин. Прибегая к методам администрирования, Сталин использовал внутрипарт. борьбу для укрепления личных позиций и своей власти. Сталин не только сохранил, но и всячески развивал практику чрезмерной централизации в парт. и гос. руководстве, к-рая была объективно неизбежна в период гражд. войны и послевоенной разрухи. Тогда партия вынуждена была и в совет. рядах поддерживать воен-

ную дисциплину, обстановка принуждала к известному ограничению внутрипарт. демократии. После окончания гражд. войны партия сразу же приняла меры к ликвидации этих ограничений. Еще X съезд РКП(б) (1921), работавший под руководством Ленина, в резолюции по вопросам парт. строительства отмечал, что в период гражд. войны, когда непосредственной, основной, ударной задачей была задача военного боевого действия, организац. формой партии неизбежно должна была быть милитаризация парт. организации. Это выражалось «в крайнем организационном централизме и в свертывании коллективных органов партийной организации», методы парт. работы тяготели к системе боевых приказов, к-рые беспрерывно выполнялись без обсуждения рядовыми членами партии. Такая система была неизбежной в военный период, но она породила и ряд отрицат. явлений: «...централизация развивала тенденцию к превращению ее в бюрократизацию и отрыв от масс; система боевых приказов принимала извращенные формы ненужного нажима; необходимые привилегии становились почвой для злоупотреблений разного рода; необходимое свертывание партийных органов — к ослаблению духовной жизни партии и т. д. ...». X съезд партии признал необходимой перестройку партии в соответствии с условиями перехода к мирному строительству, развертывание внутрипартийной демократии, восстановление основных норм партийной жизни (см. «КПСС в резолюциях...», 7 изд., ч. 1, 1954, с. 517—19).

Сталин пренебрегал и этими указаниями, и решениями последующих съездов партии о развертывании внутрипарт. демократии. Опираясь на авторитет, к-рый ЦК и партия создали ему в борьбе против фракционеров и раскольников, Сталин все дальше отходил от ленинского метода коллективного руководства, самолично принимал решения по важнейшим вопросам. Когда партия приступила к практич. осуществлению программы строительства социализма, особенно к осуществлению ленинского кооперативного плана, Сталин нарушил ленинские методы руководства хозяйств. строительством, а в целом ряде случаев и ленинский принцип добровольности кооперирования крестьянства, проявил свойственные ему горюпливость и администрирование. «Левацкие» перегибы в колхозном движении, на к-рые толкал Сталин, вели к применению насильств. методов по отношению ко многим трудящимся крестьянам, что тяжело отразилось на состоянии с. х-ва, подрывало доверие к политике кооперирования, вело к разрушению созданных колхозов. В последующем партии пришлось приложить громадные усилия к исправлению перегибов, организационно-хозяйств. укреплению колхозов, созданию мощной индустриальной базы, что обеспечило победу социализма в деревне. Будучи ген. секретарем ЦК и пользуясь необъятной властью, Сталин стал грубо нарушать уставные требования партии, что выразилось в нерегулярном созыве съездов партии и пленумов ЦК, свертывании работы Политбюро ЦК как коллективного органа руководства, нарушении внутрипарт. демократии в виде подмены выборности в парт. органы кооптацией и т. д. Даже в тяжелых условиях иностр. военной интервенции и гражд. войны, в первые 6 лет после Октября (1918—23), при Ленине состоялось 6 общепарт. съездов, 5 конференций, 79 пленумов ЦК партии. В первые 10 лет после смерти Ленина (1924—33) состоялось 4 парт. съезда, 5 конференций, 43 пленума ЦК, большей частью посвященных борьбе с оппозициями и уклонами. Но за последующие 20 лет (1934—53) состоялось всего 3 съезда партии и одна конференция, причем интервал между XVIII и XIX съездами составил 13 лет. За два десятилетия было созвано только 23 плену-

ма ЦК. В 1941, 1942, 1943, 1945, 1946, 1948, 1950 и 1951 не было ни одного пленума ЦК.

Сталин пренебрег важнейшими указаниями Ленина о борьбе с бюрократизмом, как серьезной опасностью для гос-ва трудящихся. Ленин считал, что эта борьба «... так же сложна, как задача борьбы с мелкобуржуазной стихией» (Соч., т. 32, с. 167), что борьба с бюрократизмом «... может быть успешной лишь при громадной настойчивости в течение долгого ряда лет» (там же, с. 367). Для борьбы с бюрократизмом, для укрепления сов. аппарата, для обучения широких слоев трудящихся делу управления Ленин разработал план реорганизации Рабкрин, создания системы объединенного парт. и гос. контроля (ЦКК—РКП). Существовавший тогда Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции, во главе к-рого в 1919—21 стоял Сталин, не был способен справиться с этими ответств. задачами. Ленин писал: «Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрин не пользуется сейчас ни тем же авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждений нашего Рабкрин, нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать» (там же, т. 33, с. 448). По замыслу Ленина вновь создаваемый орган — ЦКК—РКП — призван был сыграть огромную роль в борьбе за ликвидацию экономич. и культурной отсталости страны, помочь стране «...пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (там же, с. 459). Ленин писал, что он в своих мыслях связывает «...общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрин» (там же). Сталин же, видя в ЦКК—РКП помеху для развития и закрепления своего единовластия, навязал XVII съезду ВКП(б) (1934) решение о ликвидации объединенного партийно-советского контрольного органа. Сталин грубо нарушил ленинский принцип организации партийно-государственного контроля. Замечательная система контроля, сложившаяся в первые годы Советской власти, была фактически разрушена и заменена бюрократическим контрольным аппаратом, оторванным от масс.

Отбросив ленинское «Завещание», Сталин поставил себя над ЦК и возомнил себя «начальником» партии, вышел из-под ее контроля, оградил себя от критики. Злоупотребляя авторитетом партии и ее ЦК, спекулируя священным для народа именем Ленина, Сталин методически укреплял культ своей личности. Он узурпировал народную любовь к партии, к ее ЦК, к Ленину; бесстыдно приписывал себе чрезмерные заслуги в партии, успехи, достигнутые народом в гражд. войне, в строительстве социализма, в разгроме гитлеровских полчищ. Это наиболее откровенно сказалось при личном редактировании Сталиным текста своей биографии, выпущенной миллионными тиражами. Повсеместно в изобилии сооружались памятники Сталина. Чтобы создать ореол непогрешимости Сталина, грубо искажалась история партии, упорно пропагандировалась версия, будто Сталин — это тот человек, к-рый вместе с Лениным создавал большевистскую партию, разработывал ее теорию и тактику. В 1946 А. Жданов говорил: «Надо помнить, что Ленинград был колыбелью большевистских ленинских организаций. Здесь Ленин и Сталин заложили основы большевистской партии, основы большевистского мировоззрения, большевистской культуры» («О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», 1952, с. 24). Фальсификация истории КПСС в угоду Сталину рас-

пространялась в книгах и газетах, учебниках и диссертациях, каждое высказывание Сталина трактовалось как абсолютно непогрешимое и единственно правильное. При этом от партии и народа скрывались серьезные ошибки Сталина в вопросах теории и тактики как до революции, так и в дни Октября, и в годы социалистич. строительства. Но в партии были люди, к-рые знали правду о действительных и мнимых заслугах Сталина. Эти люди — преимущественно из старой ленинской гвардии, явно мешали Сталину. Малейшие попытки противодействия фальсификации истории партии стали расцениваться как «враждебные вылазки» или «примиренчество к ним»; Сталин начал прибегать к безжалостной расправе с неугодными ему лицами, используя для этого гос. карательные органы. Старые большевики, особенно те, кто помнил ленинское «Завещание», понимали ненормальность складывавшейся обстановки. Как выяснилось много лет спустя, в дни XVII съезда ВКП(б) (1934) у нек-рых делегатов возникла мысль о смещении Сталина с поста ген. секретаря; при выборах в ЦК нек-рые делегаты проголосовали против Сталина. После съезда Сталин принял свои меры, уничтожив больше половины участников XVII съезда: 1108 из 1966 делегатов. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде, погублено 98 человек. С каждым годом репрессии усиливались, Сталин все шире и настойчивее действовал через карательные органы, вывел аппарат гос. безопасности из-под контроля партии и лично сам, через специально подобранных людей, направлял его деятельность.

Когда социалистич. строй уже окончательно победил в СССР, когда эксплуататорские классы и их экономич. база были ликвидированы, Сталин выступил с глубоко ошибочным утверждением, будто по мере продвижения к социализму классовая борьба все более обостряется, доказывая необходимость усиления насильственных карательных функций сов. гос-ва, что служило теоретич. обоснованием массовых репрессий. С помощью фальсифицированных документов Сталин распространял представление о наличии в партии и стране массовых измен и заговоров, повсюду видел «врагов народа». Империалистич. разведки, конечно, засылали в СССР шпионов и диверсантов, вербовали себе на службу неустойчивых сов. граждан. Нужна была высокая революц. бдительность. Но в категорию шпионов, диверсантов, врагов народа по произволу Сталина сначала зачислялись люди, допускавшие идейные отклонения от ленинизма, а потом и неугодные Сталину верные ленинцы, никогда не участвовавшие в оппозициях. Репрессиями по отношению к ленинским кадрам партии, честным гос. и хоз. руководителям, командно-му и политич. составу Красной Армии, рядовым коммунистам и сов. гражданам был нанесен тяжелейший ущерб стране, к-рый стал особенно явным после нападения на СССР фашистской Германии.

Господство К. л. способствовало распространению в парт. строительстве и хоз. работе порочных методов, развитию бюрократизма, голого администрирования, порождало грубые нарушения внутрипарт. демократии, замазывание недостатков, лакировку действительности. Развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей. Производ и злоупотребления властью в центре порождали вопиющие беззакония на местах. В этой атмосфере скрывалась творческая инициатива трудящихся, в людях порождались боязнь нового, неуверенность, возникал страх.

Характерная черта К. л. — разрыв между словом и делом. Сталин лицемерно клялся именем Ленина, обильно цитировал его труды, а на практике при решении политич. и хоз. вопросов сплошь и рядом искажал ленинские принципы, нарушал заветы Ленина. Порож-

дались волюнтаризм и субъективизм в планировании и управлении нар. хозяйством, пренебрежение экономич. стимулами развития произ-ва, серьезно нарушался социалистич. принцип оплаты по труду. На словах у Сталина была лицемерная проповедь скромности, на деле — мания величия; на словах — демагогич. заявления о служении народу, на деле — игнорирование, прямое забвение насущных нужд миллионов трудящихся (непомерные налоги на крестьянство, пренебрежение жилищным строительством для рабочих и служащих и т. д.). На словах — забота о кадрах, к-рые «решают все», на деле — массовое истребление лучших кадров. На словах — заверения о преданности ленинской нац. политике, на деле — ущемление прав и даже преследование отд. наций и народностей. На словах — декларирование внутрипарт. и сов. демократии, на деле — систематич. нарушение принципов демократии и коллективного руководства, отрыв от масс, боязнь народа, подмена методов убеждения и воспитания методами насилия, командования, отсечения; на словах — борьба за социалистич. законность, на деле — грубейшие нарушения законности. На словах — забота о творч. развитии науки и искусства, на деле — насаждение догматизма, арачьевщины, цитатничества, отрыв теории от практики. В период К. л. особый вред был нанесен обществ. наукам, в т. ч. философским, что тормозило творческое развитие марксизма-ленинизма, ослабляло влияние науки на развитие общества.

Внутри ЦК партии имелись деятели, к-рые правильно понимали назревшие потребности в области внутр. и внешней политики и противодействовали отрицат. явлениям, связанным с К. л. Были определ. периоды, когда единоличные действия Сталина ограничивались, благодаря чему существенно ослаблялись отрицат. последствия его произвола. В годы Великой Отечеств. войны «... члены ЦК, а также выдающиеся советские военачальники взяли в свои руки определенные участки деятельности в тылу и на фронте, самостоятельно принимали решения и своей организаторской, политической, хозяйственной и военной работой, вместе с местными партийными и советскими организациями обеспечивали победу советского народа в войне» («О преодолении культа личности и его последствий», Постановление ЦК КПСС, 1956, с. 17). Однако в сложившихся условиях любое выступление против Сталина не было бы тогда понято и не получило бы поддержки в народе. «Более того, подобное выступление было бы расценено в тех условиях, как выступление против дела строительства социализма, как крайне опасный подрыв единства партии и всего государства» (там же, с. 18). Нельзя не учитывать и того, что многие факты и неправильные действия Сталина, особенно в области нарушения сов. законности, стали известны уже после его смерти, гл. обр. в ходе разоблачения банды Берия и восстановления контроля партии над органами гос. безопасности, а вред, к-рый наносился култом Сталина, извращениями ленинских принципов, заслонялся успехами в строительстве социализма, достигнутыми благодаря героич. усилиям партии и народа.

Центральный Комитет КПСС, открыто разоблачив тяжелые последствия К. л., обезвредив политического авантюриста Берия и его приспешников, отбросив с ленинского пути антипартийную группу рьяных приверженцев К. л. и его методов — Молотова, Кагановича, Маленкова, до конца вскрыл и решительно ликвидировал грубейшие нарушения социалистич. законности. Партия отдавала себе отчет в том, что выявленные ошибки и извращения, злоупотребления властью могут вызвать в партийных рядах и в народе известное чувство горечи и даже недовольства, повлекут за собой некоторые издержки и минусы,

создадут временные трудности для КПСС и братских марксистско-ленинских партий. Но партия смело пошла навстречу трудностям, она честно и откровенно сказала народу всю правду, глубоко веря, что ее линия будет правильно понята народом. Центральный Комитет, XX и XXII съезды сказали партии и народу правду о Сталине, опираясь на ленинское указание: «Фарисей буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчат, либо говорят хорошее). Пролетариату нужна п р а в д а и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживают имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть» (Ж е н и н В. И., Соч., т. 16, с. 290).

XX съезд КПСС (1956) совершил историч. поворот в развитии партии и страны, всего коммунистического движения, положив начало восстановлению ленинских норм партийной и государственной жизни. Осуществлены кардинальные мероприятия по восстановлению и дальнейшему развитию социалистич. демократии, ленинских принципов гос., парт. жизни и хоз. строительства, строгому соблюдению социалистич. законности, создана система объединенного партийно-гос. контроля, реабилитированы многочисленные жертвы сталинского произвола. После смерти Сталина состоялось 3 общепартийных съезда: XX (1956), XXI (1959), XXII (1961). Регулярно проводятся Пленумы ЦК КПСС, посвященные важнейшим вопросам жизни партии и страны. Центральный Комитет КПСС обеспечивает необходимые условия для того, чтобы в ленинской партии не мог вновь возникнуть и развиваться К. л., чуждый марксизму-ленинизму, противоречащий интересам народа и делу коммунизма.

Длит. господство К. л. нанесло серьезный вред всем отраслям социалистич. строительства, тормозило продвижение социализма, ослабляло притягат. силу его идеалов, но не могло поколебать и не поколебало социально-политич. природу нашей страны. Еще много лет назад Илеханов писал, что общие историч. условия сильнее самых сильных личностей. «Каковы бы ни были особенности данной личности, она не может устранить данные экономические отношения, раз они соответствуют данному состоянию производительных сил» (Избр. филос. произв., т. 2, 1956, с. 324). Несмотря ни на что, сов. обществ. строй сохранил свою социалистич. экономич. и политич. основу. Незыблемым осталось господство гос. и обществ. собственности. Страна ликвидировала вековую экономич. и культурную отсталость, была создана мощная социалистич. индустрия; осуществлена, хотя и с большими трудностями и потерями, коллективизация с. х-ва. Диктатура пролетариата обеспечила подавление классово-враждебных сил, построение социализма и, выполнив свою историч. миссию, переросла в общенародное гос-во. Внешняя политика, несмотря на колебания, случаи отхода от ленинских принципов мирного сосуществования, служила делу защиты социалистич. отечества, борьбе с империализмом, поддержке нац.-освободит. движений. Как ни тяжела была антимарксистская, антинародная атмосфера периода К. л., как ни вредны были отклонения от ленинских норм и методов, не было такой силы, к-рая могла бы увести с ленинского пути экономич., политич. и культурную жизнь народов СССР. Миллионы членов партии, массы беспартийных тружеников хранили и хранят верность ленинским заветам, жили, живут и трудятся, вдохновляемые ленинскими идеями. Разоблачение К. л. и ликвидация его последствий, громадные успехи в осуществлении решений XX, XXI и XXII съездов, Программы КПСС, в развертывании коммунистич. строительства — лучшее свидетельство великой силы социалистич.

строю и торжества творческого марксизма-ленинизма.

Если бы не был со всей решительностью и прямой осужден К. л., если бы не были преодолены его вредные последствия, если бы не были восстановлены ленинские принципы парт. и гос. деятельности, возникла бы угроза отрыва партии от масс, от народа. Все это привело бы к серьезным нарушениям советской демократии и революционной законности, замедлению экономического развития страны, снижению темпов коммунистического строительства, а следовательно, и к ухудшению благосостояния трудящихся. В области международных отношений это привело бы к ослаблению позиций Советского Союза на мировой арене, к ухудшению отношений с другими странами, что чревато серьезными последствиями. Вот почему критика культа личности и преодоление его последствий имеют огромное политическое и практическое значение.

В Программе КПСС подчеркивается, что период развернутого строительства коммунизма характеризуется дальнейшим возрастанием роли и значения Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества. Партия, говорится в Программе, обязана показывать пример и образец выработки наиболее совершенных форм коммунистического общественного самоуправления. «Закон жизни партии — неукоснительное соблюдение ленинских норм партийной жизни и принципа коллективности руководства, повышение ответственности партийных органов и их работников перед партийными массами, обеспечение роста активности и самодеятельности всех коммунистов, их участия в выработке и проведении политики партии, развитие критики и самокритики. Это — непреходящее условие идейной и организационной крепости самой партии, единства и сплоченности партийных рядов, всестороннего развертывания внутрипартийной демократии и активизации на этой основе всех партийных сил, укрепления связи с массами.

С ленинскими принципами партийной жизни несовместим культ личности и связанные с ним нарушения коллективности руководства, внутрипартийной демократии и социалистической законности. Культ личности ведет к принижению роли партии и народных масс, сковывает развитие идейной жизни партии и творческую активность трудящихся» (1961, с. 137—38).

В целях последовательного проведения в жизнь ленинского принципа коллективности руководства, обеспечения более широкого притока в руководящие партийные органы новых, свежих партийных сил, правильного сочетания старых и молодых кадров, а также для того, чтобы «исключить возможность чрезмерного сосредоточения власти в руках отдельных работников и предотвратить случаи выхода их из-под контроля коллектива», Программа и Устав КПСС предусматривают ряд мер по систематическому обновлению всех выборных органов партии, более широкому применению принципа выборности и отчетности в партийных организациях, повышение роли партийных собраний, конференций, съездов, пленумов партийных комитетов, дальнейшее развитие критики и самокритики, повышение роли и ответственности члена партии. Параграф 28 Устава КПСС гласит: «Высшим принципом партийного руководства является коллективность руководства — непреходящее условие нормальной деятельности партийных организаций, правильного воспитания кадров, развития активности и самодеятельности коммунистов. Культ личности и связанные с ним нарушения внутрипартийной демократии не могут быть терпимы в партии, они несовместимы с ленинскими принципами партийной жизни».

Принятые КПСС меры по разоблачению К. л. и преодолению его вредных последствий единодуш-

но одобряются междунар. коммунистич. движением, что отмечено в многочисленных документах братских партий, в Декларации (1957) и Заявлении (1960) Московских совещаний коммунистич. и рабочих партий. В Декларации отмечается, что «исторические решения XX съезда КПСС имеют не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма» (Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, 1961, с. 20).

Ленинский Центральный Комитет КПСС стоял и неизменно стоит на страже монолитного единства КПСС, непоколебимой верности ленинской генеральной линии, ленинским принципам партийного и государственного руководства, проявлял и проявляет марксистско-ленинскую непримиримость ко всем и всяким пережиткам и К. л. «Только на основе ленинского принципа коллективности руководства можно направлять и развивать растущую творческую инициативу партии и всего народа. Только опираясь на этот принцип, можно правильно анализировать обстановку, трезво, объективно, без зазнайства оценивать достигнутые успехи, видеть недостатки, своевременно и до конца их устранять» («Правда», 1964, 17 окт., с. 1).

К. л. Сталина оказал отрицат. влияние на ряд братских партий, на отношения между нек-рыми социалистич. странами. Это выразилось не только в ряде ошибочных установок по стратегии и тактике, к-рые Сталин навязал Коминтерну, но и в том, что Сталин, используя авторитет ген. секретаря ЦК КПСС, допустил шельмование ряда видных деятелей зарубежных партий, к-рые были оклеветаны, незаслуженно изгнаны из своих партий, а нек-рые из них безосновательно обвинены в шпионаже и репрессированы. Большой вред нанесло подражание методам Сталина, насажденные его стили в парт. и гос. руководстве в нек-рых социалистич. странах.

КПСС, а затем и другие марксистско-ленинские партии приняли и принимают кардинальные меры к ликвидации последствий К. л., но последовательная борьба со всеми и всякими его проявлениями в междунар. коммунистич. и рабочем движении продолжает оставаться актуальной задачей.

Опыт КПСС убедительно показал, что всякие проявления К. л., как чуждые природе марксистско-ленинских партий, враждебные социализму, неизбежно разоблачаются и преодолеваются. Коммунисты не могут не вести решит. и непримиримой борьбы с К. л. Чем скорее будет повсеместно покончено с К. л., тем успешнее междунар. коммунистич. движение будет решать историч. задачи борьбы за победу социализма и коммунизма.

Л. Шаумяч. Москва.

КУЛЬТУРА — совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, используемых обществом, составляющих культурные традиции и служащих дальнейшему прогрессу человечества; в обществе с антагонистич. классами неизбежно носит классовый характер. Противоположные понятия — некультурность, варварство, дикость. Правильное понимание К. возможно лишь на основе учения о социально-экономич. формациях, с помощью анализа развития производит. сил, производств. отношений и надстроек данного общества. Однако понятие К. не может быть заменено этими понятиями, поскольку оно объединяет достижения во всех сферах деятельности человека, результаты умств. и физич. труда в их единстве, открывает особенности таких достижений, характерные для определ. историч. эпох, конкретных обществ, *народностей и наций*. Содержание К. — творч. создат. труд человека во всех областях жизни и отношение к труду, есть важнейший признак уровня про-

грессивного развития человечества. Первоначально понятие К., восходящее к лат. слову cultura (возделывание, обработка), употреблялось гл. обр. для определения воздействия человека на природу, для характеристики достижений, выражающих овладение ее силами. Это понятие особенно широко применялось в период подъема бурж. К. в трудах историков, этнографов, археологов 19 в. Появилась даже особая дисциплина «история К.». В дальнейшем под влиянием идеалистич. концепций теории буржуазии крайне запутали вопрос о К., пытаясь свести содержание этого понятия лишь к идеям, моральным нормам, господствующим в данном обществе, или даже к иррациональной жизненной силе определ. периода, эпохи, игнорируя материальную основу К.

Понятие К. включает в себя два аспекта, соответствующие двум органически взаимосвязанным сторонам трудовой деятельности человека: материальную К. — достижения, показывающие гл. обр. уровень овладения обществ. человеком силами природы; и духовную К. — достижения, показывающие уровень и глубину познания природы и общества, пироту достигнутого кругозора, внедрение в обществ. жизнь прогрессивных идей и положит. знаний.

Важнейшим показателем материальной К. являются орудия труда, к-рые в совр. эпоху все в большей мере становятся материализованным воплощением достижений науки. Уровень К. определяется также достигнутыми навыками и знаниями, применяемыми трудящимися в процессе материального произ-ва. В этом смысле часто говорится о «культуре труда» различных историч. эпох. Уровень К. выражается в других материальных элементах обществ. жизни — обработанные человеком предметы природы (таковы приспособленные для жизни человека, расчищенные и возделанные участки земли, поля, сады и т. п., в этом смысле говорят, напр., о «культивированной почве»), различного рода и назначения материальные предметы, употребляемые человеком в быту (одежда, мебель, утварь и др.); понятие «культура быта» предполагает использование этих предметов человеком), научное, учебное, медицинское оборудование и т. п.

Все эти достижения являются показателем того уровня развития производит. сил и производств. отношений, к-рого достигло данное общество, а также конкретн-историч. условий его жизни. На изучении предметов материальной К. основана такая историч. дисциплина, как археология, отчасти также этнография. Обе эти науки на основании анализа памятников материальной К. делают выводы относительно уровня духовной К. той или иной эпохи, страны, народа (напр., изучение орнамента на орудиях труда и предметах быта, приемы их выделки и т. д.). Достижения в области материальной деятельности неразрывно связаны с духовным обликом людей, с уровнем их интеллектуального развития.

Духовная К. — это совокупность достигнутого обществом в области правств., художеств. жизни, в науке и философии. Она выражена также в политич. и правовых идеях, в политич. развитии людей, в их правовых отношениях. Для характеристики уровня достигнутого в развитии обществ. отношений, в политич. и правовой области чаще употребляется понятие цивилизации.

Такие явления духовной жизни людей, как язык, речь, мышление (логика), правила поведения («внешняя» К.), а также то, что можно было бы назвать «культурой чувств», также характеризуют духовную К. общества. Освобождение человек. чувств и характера от «зоологического индивидуализма», умение владеть своими чувствами и настроениями есть развивающийся от одного историч. этапа к другому свойству обществ. человека, находящие свое выражение в К.

(см. В. И. Ленин, Соч., т. 35, с. 93). Исторически формирующийся психич. склад людей также можно рассматривать с т. зр. духовной К. общества и личности.

В классовом обществе К. носит классовый характер. Обществ. сознание людей всегда в конечном счете определяется их отношением к средствам произ-ва, их ролью в обществ. организации труда, участием в распределении. Поэтому в период разделения общества на антагонистич. классы, напр. в рабовладельч. обществе, существует духовная К. рабовладельцев и она является господствующей; в феод. обществе господствует К. феодалов, помещиков; в капиталистич. обществе — бурж. К. Развив цепи капиталистич. рабства, рабочий класс, опираясь на прогрессивную К. предшествующих историч. эпох, создает свою, социалистич. К., к-рая принимает всенародный характер. На всем протяжении развития каждой формации К. имеет определ. устойчивые признаки, но она качественно изменяется от одной историч. эпохи к другой. В истории различаются, напр., К. раннего средневековья, К. эпохи Возрождения или в Др. Греции К. «века Перикла» и т. д.

«В каждой национальной культуре, — писал Ленин о бурж. эпохе, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только „элементов“, а в виде господствующей культуры» (Соч., т. 20, с. 8). В эпоху средневековья существовала не только феод. К., но зарождалась в виде элементов К. буржуазная, в капиталистич. обществе в виде элементов развивается демократич. и социалистич. К.

Классовый характер духовной К. в классовом обществе не исключает того, что имеется известная общность К., культурные навыки и традиции, принадлежащие той или иной нации, той или иной эпохе в целом. Приблизительно одно и то же в социальном отношении содержание обществ. сознания может находить проявление в различных формах, видах К. в зависимости от национально-историч. особенностей, от особенностей конкретных эпох и т. д.

Достижения в области материального и духовного развития общества обязаны своим происхождением гл. обр. народу, включающему прогрессивные классы и слои общества, трудящиеся массам. Отсюда и объективное общечеловеч. содержание К. Нар. основа — залог прогрессивного движения культурной жизни, *предметности* в ее развитии. Вместе с тем господствующие классы оказывают влияние и на образ жизни эксплуатируемых, поскольку в обществе, состоящем из антагонистич. классов, господствующие идеи есть идеи господствующего класса.

Франц. социолог Э. Дюркгейм отметил как важный рубеж в истории К. ее раскол на «светскую» и «сакральную», происшедший еще в первобытном обществе, но объяснял это с идеалистич. позиций. Однако игнорировать такое явление культурного развития человечества также нельзя, ибо оно имело большое социальное значение. В эпохи, когда господствующее положение занимала религ. идеология, она наложила свой отпечаток на все развитие К. Так выражалось влияние господствующих классов на К., их контроль в этой сфере обществ. жизни, а также социальная придавленность масс, неразвитость науки и науч. мировоззрения в силу обществ. условий. Борьба против рабовладельч. К. происходила в религ. форме, и победа феодализма в Европе ознаменовалась господствующим влиянием христ. религии во всех областях К. Выделение элементов К., связанных с церковью,

с обрядами и религ. представлениями, противопоставление их другим элементам, объявленным «мирскими» или даже «греховными», играло большую роль в истории классовой борьбы. Известно, что в период феодализма церковь боролась против «светского духа» науки и иск-ва. Феодализм стремился к полной клерикализации культурной жизни, к подчинению всех ее сторон религии. С другой стороны, недостаточно зрелые идейные и политич. течения, выступавшие против феодализма, в той или иной мере использовали религ. формы. Движение за освобождение К. от влияния религ. идей, культа и контроля церкви было прогрессивным, однако в полной мере буржуазия этого освобождения никогда не добивалась, а в эпоху империализма клерикальные влияния на К. значительно усиливаются.

В эксплуататорском обществе господствующие классы стремятся присвоить себе все достижения в материальном и духовном развитии общества, отстранить в той или иной мере от К. трудящиеся массы. Уже Руссо заметил эту противоречивость К. эксплуататорского общества, создание к-рой неизбежно предполагает тяжелую нужду и страдания нар. масс. Распространение К. в массах теоретики реакц. буржуазии рассматривают как понижение уровня К., ее нивелировку и унификацию. Проблема К. и массы неразрешима для эксплуататорского общества на всех ступенях его развития.

Неразрешимость этой коренной проблемы приводит К. эксплуататорского общества в конце концов к упадку. К. антич. рабовладельч. строя пришла к упадку, ибо свойственное господствующим классам этого общества презрение к труду убивало творч. начало в деятельности людей, без к-рого не может развиваться К. Культура стала синонимом роскоши и праздности господствующего класса. Отрицат. отношение к творч., соиздат. труду в условиях крепостничества привело примерно к такому же концу феод. К. Буржуазия, начав с проповеди предприимчивости и почина, пришла затем к паразитизму, к-рый глубоко враждебен духу созидания, творч. деятельности человека. Бурж. К. развивается неравномерно, под знаком глубоких противоречий, ее достижения сопровождаются усилением реакции, разложения. Империализм по существу враждебен всякому творчеству, превращая его в средство удовлетворения корысти или в пустую забаву, в созидание пустышек (беспредметное иск-во, филос. теории, сводящие деятельность разума к произвольной игре, и т. д.). Этого процесса не могут скрыть даже многие апологеты капиталистич. строя. Так, зап.-герм. философ-идеалист Хейдеггер пишет о возникновении бурж. К.: «Бегство из мира в царство сверхчувственного замещается историческим прогрессом. Погусторонняя цель вечного блаженства превращается в земное счастье большинства. Забота о религиозном культе сменяется воодушевлением культурного творчества... Творчество, до сих пор привилегия библейского бога, становится признаком человеческой деятельности». Его рассказ об изменениях, происшедших в К., заканчивается следующим образом: «Это творчество (Schaffen) превращается в конце концов в гешефт» («Holzwege», Fr./M., 1950, S. 203). Но гешефт, бизнес, это, конечно, не творчество, не созидание, а махинация, продиктованная корыстным расчетом и часто связанная с прямым жульничеством. По Хейдеггеру, в этом виновата не буржуазия, а сама К., на к-рую издавна ополчаются многие т. наз. критики К. (Шпенглер, идеологи фашизма и др.). Эти проклятия по адресу К. также являются характерным выражением идеологии империализма.

«Идейное обоснование господства монополий, оправдание эксплуатации, опорочение общественной соб-

ственности и коллективизма, воспевание милитаризма и войны, оправдание колониализма и расизма, разжигание вражды и ненависти между народами — таковы идеи, которыми проникнуты политические и экономические теории, философия и социология, этика и эстетика современной буржуазии» (Программа КПСС, 1961, с. 53—54) (см. *Капитализм*, разд. Капитализм и буржуазная культура).

Победа социалистич. революции знаменует коренной поворот в развитии К. Социалистич. К. является продолжением, законной наследницей всех прогрессивных, положит. культурных достижений и традиций прошлого, «... закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (Ленин В. И., Соч., т. 31, с. 262). Социалистич. культурная революция устраняет свойственную эксплуататорскому обществу отчужденность трудящихся масс от К. Отсутствие социальных антагонизмов и единая интернац. классовая природа духовной К. социалистич. стран делает ее подлинно народной. В эту создающуюся К. все народы вносят свой вклад. Для нее характерно развивающееся у всех членов общества творч. инициативное отношение к труду, умножающему обществ. собственность, забота о непрерывном росте обществ. материального и духовного богатства — источника счастья для всех, непримиримое отношение к тем, кто покушается на это богатство, кто духовную сокровищницу народа пытается наполнить фальшивыми ценностями и подделками, кто не хочет работать в меру своих сил и способностей на общее благо. Эта К. является выражением всех развивающихся способностей человека, всех его гигантских возможностей, освобожденных от пут эксплуататорского общества. Культурный рост всего народа — важнейшее условие прогресса производит. сил, повышения обществ. активности трудящихся, переустройства быта. Социалистич. общество заботится о передаче культурного наследия, «... всех тех богатств, которые выработало человечество» (там же) молодому поколению, к-рое должно будет его преумножить и развить.

Одной из важнейших закономерностей начавшегося в совр. эпоху перехода от капитализма к социализму, процесса складывания единой всемирной К. будущего является взаимообогащение различных нац. социалистич. К., в ходе к-рого решительно отбрасываются пережитки родовых, феод. и капиталистич. форм и всемерно возвращаются подлинно нар. формы К., способные обогатить сокровищницу мировой К. человечества. Социалистич. К. объединяет народы, и поэтому особенно нетерпимы всякого рода националистич. ее извращения, препятствующие союзу свободных народов. Социалистич. К. — прообраз всемирной духовной К. коммунистич. общества, к-рая будет носить общечеловеческий — лишенный социальных и нац. различий — характер. «Культура коммунизма, вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано мировой культурой, явится новой, высшей ступенью в культурном развитии человечества» (Программа КПСС, с. 130).

Марксистско-ленинское представление о К. и путях ее развития противостоит реакц. и лженауч. бурж. философии и социологии К. Суть бурж. теорий К. сводится к идеалистич. тезису о том, что К. общества определяется идеями и представлениями. Объективный идеализм сводит определение К. к господствующей идее, к духу народа и эпохи и т. д. Совр. субъективный идеализм считает, что К. — комплекс «понятий и положений, принятых народом для того, чтобы организовать данные его опыта» (амер. философ и социолог *Нортон*). Нек-рые из представителей субъективного идеализма идут еще дальше, опреде-

ляя К. как комплекс «условных символов», принятых данным обществом, и т. д. Никакого принципиального отличия бескультурия и варварства от подлинной высокой К. с такой т. зр. не существует.

Многочисл. представители бурж. индивидуализма утверждают, что основа К. — отд. личность, а не коллектив, общество, народ. Они культивируют тип одиночки, отщепенца, для к-рого характерен анархич. индивидуализм или рабская приниженность, заботность, находящая свое выражение в религ.-мистич. настроениях. Превознесение одиночки — одно из проявлений разложения бурж. К., ибо индивидууму вне общества некому и нечего сказать. Отсюда косноязычие или даже полная немота нек-рых представителей иск-ва, лит-ры капиталистич. стран.

Для различных школ совр. идеализма характерно отрицание закономерности и глубокой прогрессивности взаимодействия К. различных народов. Распространенная в бурж. этнографии школа «культурных кругов» изображает историю К. как чередование разных типов «культур», не связанных между собой генетически. О различных «типах культур», к-рые не являются закономерными этапами культурного развития человечества, пространно писал Шпенглер, Тойнби и др. При этом многие философы совр. буржуазии стремятся софистически отождествить глубочайший кризис, переживаемый сейчас бурж. К., с кризисом К. вообще. Для этих теоретиков буржуазии характерны односторонние и преувеличенные нападки на «машинную культуру», заменившую человека-творца придатком машины, «массовую культуру». Многие из критиков «машинной культуры» заявляют при этом, что выход состоит в восстановлении господства религии, в возврате под сень ср.-век. порядков. Сторонниками такой т. зр. выступают католич. философы, неомисты. Другие бурж. теоретики, подчеркивая, что духовная К. отстает от материальной, заявляют, что такое «культурное отставание» является неизбежным и закономерным (напр., амер. социолог *Огборн*). Все эти теории в извращенной форме отражают глубочайший кризис бурж. К., для к-рой характерна деградация, разрыв между высокими достижениями в области материальной К. и духовной нищетой, скудостью идеалов, моральных норм и т. д. В своем стремлении «опровергнуть» закон поступка развития общества бурж. теоретики особый упор делают на критику теории культурного прогресса. Такие факты, как возрождение в фашизме звериных, варварских элементов, выдаются ими за «закон» развития К., приводят их к мысли, будто никакого прогресса в области К. человечества установить нельзя. Уродующее, реакц. влияние капитализма на духовную жизнь общества они выдают за доказательство отсутствия прогресса.

Опыт истории в целом, признанные всем миром огромные успехи техники, науки, иск-ва в СССР, стране строящегося коммунизма, в других социалистич. гос-вах, успехи, к-рые являются лишь первыми ласточками невиданного духовного прогресса общества, основанного на принципах коммунизма. — наглядная иллюстрация открытых историч. материализмом законов развития К. и убедит. опровержение реакц. спекуляций бурж. социологов вокруг вопроса о К. и путях ее развития.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, [М.], 1955, гл. 1; е го же, К критике политической экономии. Предисловие, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 5—9; е го же, [Письмо] П. В. Анненкову, 28 дек. [1846], там же, т. 27, с. 401—12; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, там же, т. 20, с. 16—17, 94—96, 334—35; е го же, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, там же; е го же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21; е го же, [Письмо] М. Каутской, 26 нояб. 1885 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, [М.], 1953, с. 395; е го же, [Письмо] К. Шмидту, 5 авг. 1890 г., там же, с. 420; е го же, [Письмо]

Г. Штаркенбургу. 25 янв. 1894 г., там же, с. 469—71; Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся?, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 2, с. 540—50; его же, Партийная организация и партийная литература, там же, т. 42; его же, Памяти Герцена, там же, т. 21; его же, Тезисы по национальному вопросу, там же, т. 23; его же, Цивилизованное варварство, там же, т. 24; его же, О национальной гордости великороссов, там же, т. 26; его же, Философские тетради, там же, т. 29, с. 194; его же, Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г.), там же, т. 41; его же, О пролетарской культуре, там же; его же, О значении вопрекающего материализма, Соч., 4 изд., т. 33; его же, Страницки из дневника, там же; его же, Лучшие меныне да лучше, там же; Программа КПСС (принята XXII съездом КПСС), М., 1961; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; Жуначарский А. В., Десятилетие революции и культура, М.—Л., 1927; его же, Культура на Западе и у нас, М.—Л., 1928; его же, Культурная революция и общественность, М.—Л., 1929; Крупская Н. К., Ленинские установки в области культуры. Сб. ст., М., 1934; Калинин М. И., О вопросах социалистич. культуры. Сб. ст. и речей 1925—1938 гг., М., 1938; Серени Э., Марксизм, наука, культура, пер. с итал., М., 1952; Горький М., Разрушение личности. Собр. соч., в 30 тт., т. 24, М., 1953; Чихвишвили Д. И., О нац. форме социалистич. культуры, Тб., 1955; Карпов Г., Партия и культурная революция в СССР, М., 1957; Малышев А. С., Цифры и факты о развитии экономики и культуры в СССР, М., 1957; Абросенко К. П., Рост культуры сов. об-ва, М., 1958; Алтымышбаев А., Некоторые особенности формирования и развития социалистич. культуры народов Сов. Востока, Фрунзе, 1958; Грамши И., Избр. произв., т. 3, М., 1959; Междунар. культурные организации, [Выв. 1—2], М., 1959—60; Можаев Г. А., Междунар. культурные связи СССР, М., 1959; Мордвинов А. Е., О социалистич. содержании и нац. форме сов. культуры, М., 1959; Цеткин К., Воспоминания о Ленине, М., 1959; Арнольд А. И., Коммунизм и культура, М., 1960; Смирнов И. С., Ленин и сов. культура, М., 1960; Вопросы идеол. работы. Сб., М., 1961; Ким М. П., Коммунизм и культура, М., 1961; Леонтьев А. Н., Человек и культура, М., 1961; Гайденко И. П., Экзистенциализм и проблема культуры, М., 1963; Ильичев Л. Ф., Искусство принадлежит народу, М., 1963; Строительство коммунизма и проблемы культуры. [Сб. ст.], М., 1963; Агости Э. П., Нация и культура, пер. с исп., М., 1963; Спенсер Г., Основания этики, пер. с англ., СПб., 1900; Липперт Ю., История культуры, пер. с нем., 7 изд., СПб., 1908; Шпенглер О., Закат Европы, т. 1, М.—П., 1923; Зиммель Г., Конфликт совр. культуры, пер. с нем., П., 1923; Тайлор Э., Первобытная культура, пер. с англ., М., 1939; Гердер И. Ф., Избр. соч., М.—Л., 1939; Регель, Философия истории, Соч., т. 8, М.—Л., 1935; Adeltung J. C., Versuch einer Geschichte der Cultur des menschlichen Geschlechts, 2 Aufl., Lpz., 1800; Klemm G., Allgemeine Cultur-Geschichte der Menschheit, Bd 1—10, Lpz., 1843—52; Pitt-Rivers A. H. L. F. (A. Lan e), The evolution of culture and other essays. Oxf., 1906; Herder J. G. von, Ideen zur Kulturphilosophie, Lpz., 1911; Wundt W., Völkerpsychologie, Bd 1—10, Stuttg., 1917—23; Ellwood C. A., Cultural evolution, N. Y.—L., [1927]; Dixon R. B., The building of cultures, N. Y., 1928; Polson J. K., Culture and social progress, N. Y.—L., 1928; Wissler C., An introduction to social anthropology, N. Y., [1929]; Wallis W. D., Culture and progress, N. Y., 1930; Winston S., Culture and human behavior, N. Y., [1933]; Benedict R., Patterns of culture, Bost.—N. Y., [1934]; Linton R., The study of man, N. Y.—L., 1936; Plant J. S., Personality and cultural pattern, N. Y.—L., 1937; Mead M. (ed.), Cooperation and competition among primitive peoples, N. Y.—L., 1937; General anthropology, ed. F. Boas, Bost., [1938]; Huizinga J., Der Mensch und die Kultur, Stockh., 1938; Kardiner A., The individual and his society, N. Y., 1939; The cultural approach to history, ed. C. F. Ware, N. Y., 1940; Turner R., The great cultural traditions. The foundations of civilization, v. 1—2, N. Y.—L., 1941; Young K., Sociology, a study of society and culture, N. Y., [1942]; Cassirer E., An essay on man, New Haven—L., [1945]; Feibleman J., The theory of human culture, N. Y., [1946]; Huntington E., Mainsprings of civilization, N. Y.—L., [1945]; Jerome V. J., Culture in a changing world. A marxist approach, N. Y., [1947]; Keith A. sir, Essays on human evolution, L., [1947]; Sorokin P. A., Society, culture, and personality, N. Y., [1947]; Gillin J. L. and Gillin J. P., Cultural sociology, N. Y., 1948; Coutu W., Emergent human nature, N. Y., 1949; Jaspers K., Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, Münch., [1949]; Kluckhohn C., Mirror for man, N. Y.—Toronto, [1949]; Science and civilization, ed. R. C. Stauffer, Madison, 1949; White L. A., The science of culture, N. Y., 1949; Ogburn W. F., Social change, with respect to culture and original nature, N. Y., 1950; Slotkin J. S., Social anthropology. The science of human society and culture, N. Y., 1950; Weber A.,

Kulturgeschichte als Kulturosoziologie, Münch., [1950]; Thurnwald R., Der Mensch geringer Naturbeherrschung, sein Aufstieg zwischen Vernunft und Wahn, B., 1950; Durant W., The story of civilization, v. 1—7, N. Y., 1935—1961 (изд. продолжается); Kroeber A. L. and Kluckhohn C., Culture. A critical review of concepts and definitions, Camb. (Mass.), 1952; Kroeber A. L., The nature of culture, Chi., [1952]; Heidegger M., Holzwege, [2 Aufl.], Fr/M., [1952]; Znaniecki F., Cultural sciences. Their origin and development, Urbana, 1952; Interrelations of cultures. Their contribution to international understanding, P., UNESCO, 1953; Callot E., Civilisation et civilisations. Recherche d'une philosophie de la culture, P., 1954; L'originalité des cultures. Son rôle dans la compréhension internationale, [P., 1954]; Duplessy L., L'esprit des civilisations. Les lois de leur naissance, de leur vie et de leur mort, P., [1955]; Harkness G., The sources of Western culture. From primitive society to the beginnings of Christian ethics, L., [1955]; Lalou P. J. et Néllis J., Culture et civilisation. Initiation à l'humanisme historique, Tournai—P., 1953; Toynbee A. J., A study of history, v. 1—12, L., 1934—1963; Birket-Smith K., Geschichte der Kultur. Eine allgemeine Ethnologie, [3 Aufl.], Z., [1956]; Evans-Pritchard E. E., Social anthropology, L., [1956]; Clough S. B., The rise and fall of civilization. An inquiry into the relationship between economic development and civilization, N. Y., [1957]; Kultur und Norm, B., 1957; Merton R. K., Social theory and social structure, Glencoe (Ill.), 1957; Shapiro H. L., Aspects of culture, New Brunswick (N. J.), [1957]; Becker J. R., Die sozialistische Kultur und ihre nationale Bedeutung, B., 1958; Keesing F. M., Cultural anthropology. The science of custom, N. Y., [1958]; Nef J. U., Cultural foundations of industrial civilization, Camb., 1958; Snow C. P., The two cultures and the scientific revolution, Camb., 1959; Malinowski B., A scientific theory of culture and other essays, N. Y., 1960; Martinez Estrada E., Analisis funcional de la cultura, La Habana, 1960; Eliot T. S., Notes towards the definition of culture, L., [1962].

Г. Францев. Москва.
КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ — составная часть социалистич. и коммунистич. строительства, коренное преобразование духовной жизни общества, создание качественно новой, высшей ступени в культурном развитии человечества — культуры социализма и коммунизма, приобщение трудящихся к достижениям культуры, науки и техники, воспитание их в духе коммунизма. К. р. с. является необходимым условием формирования нового человека, активного участия всех граждан в управлении гос-вом, руководстве хоз. и культурным строительством, идейно-политич. сплочения социалистич. общества.

Капитализм создает материальные и духовные предпосылки нового общества, но массовое порождение коммунистич. сознания возможно только в практич. движении, в революции. Ленин выдвинул положение о необходимости К. р. с. как условия построения социализма (см. Соч., т. 33, с. 435); «... Все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации» (там же, т. 26, с. 436). Ленин отстаивал марксистскую точку зрения о том, что новая культура должна явиться закономерным развитием предшествующей культуры. «Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» (Ленинский сб., XXXV, 1945, с. 148; см. также Соч., т. 31, с. 262; т. 29, с. 360). Ленин подчеркивал, что становление и развитие новой культуры должно быть проиницировано «...духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком» (Соч., т. 31, с. 291).

Для проведения К. р. с. должны быть созданы определ. политич. и экономич. предпосылки: установление диктатуры пролетариата, обобществление осн. средств произ-ва, создание материальной базы для развития и распространения новой культуры. В ходе К. р. с. осуществляется подготовка и приобщение ши-

роких нар. масс к активному участию в политич., общественной, хоз. деятельности, в управлении гос-вом; трудящиеся освобождаются от влияния бурж. идеологии и социалистич. идеология становится господствующей; широким слоям трудящихся обеспечивается доступ к просвещению и науке, создается социалистич. система нар. образования, духовные ценности становятся достоянием народа; происходит коренная перестройка быта народа; перевоспитание старой интеллигенции и создание социалистич. интеллигенции; создание новой, социалистич. лит-ры и иск-ва, всестороннее развитие науки. К. р. с. включает в себя искоренение пережитков капитализма в сознании людей, ликвидацию всех форм духовного угнетения человека. Она способствует устранению существ. различий между умств. и физич. трудом, обеспечению условий для всестороннего и гармонич. развития трудящихся. В результате осуществления К. р. с. возникает новая социалистич. культура, к-рая получает широчайшее распространение среди масс, служит воспитанию нового человека.

Крупные преобразования в области культуры осуществляются в ряде стран, завоевавших нац. независимость (ликвидируется массовая неграмотность населения, перестраивается система нар. образования, формируется прогрессивная нац. интеллигенция). Масштабы и темпы этих культурных преобразований неодинаковы в разных странах. Однако это качественно иной процесс по сравнению с К. р. с., которая имеет социалистич. политич., идеол. и экономич. основу.

К. р. с. начинается сразу же после политич. переворота. Она не сводится к совокупности лишь просветит. мероприятий, а органически связана с социалистич. преобразованиями во всех областях, выступая как результат и условие их дальнейшего развития.

Руководящей силой К. р. с. являются марксистско-ленинские партии. Они объединяют и направляют творч. деятельность масс, вооружают трудящихся знанием законов обществ. развития и умением пользоваться ими в процессе строительства нового общества, намечают осн. линии решения назревших вопросов культурного развития. Гос-во при социализме выполняет наряду с другими и культурные функции, и поэтому К. р. с. осуществляется по научно разработанным гос. планам.

Главным итогом К. р. с. в СССР явилось обновление духовной жизни рабочего класса и крестьянства, значит. рост их культурно-технич. уровня, коренное изменение их сознания.

В 1959 среднее и высшее образование имели 58,7 млн. чел. (почти 30% населения).

Подъем культуры крестьянства связан с его социалистич. кооперированием и перевоспитанием. В СССР крестьянство покончило с поголовной неграмотностью, выдвинуло из своей среды миллионы квалифицированных специалистов, ученых, общественных деятелей.

Огромным успехом К. р. с. явилось создание новой многонац. нар. интеллигенции. До революции в России на 159 млн. чел. приходилось 290 тыс. специалистов. Общая численность интеллигенции в СССР достигла 20,5 млн. человек (почти 10% всего населения) (по данным переписи 1959). В процессе К. р. с. решена задача ликвидации фактич. неравенства ранее отсталых народов в области культуры.

Но своим задачам, сущности и целям культурные преобразования принципиально одинаковы во всех социалистич. странах. Однако социализм создает разнообразие форм К. р. с., связанных с нац. и историч. особенностями каждой страны. Страны социализма, руководствуясь марксистско-ленинским учением о К. р. с., творчески заимствуют все наиболее ценное

друг у друга. Использование опыта Сов. Союза, сотрудничество с др. социалистич. гос-вами способствовало ускорению культурного расцвета каждой братской страны. Европ. народно-демократич. республики, избежав гражданской войны, смогли уже в первые годы нар. власти эффективно решать задачи К. р. с. Производит. силы в ряде этих стран были развиты настолько, что культурные преобразования осуществлялись в сравнительно быстром темпе. В то же время сильное влияние бурж. идеологии, религии (напр., в Польше, Венгрии) осложняло проведение К. р. с. Бурж. Чехословакия отличалась от многих европ. гос-в сравнительно высоким уровнем экономич. и культурного развития, значит. развитием рабочего класса, густой сетью культурных учреждений. Поэтому здесь в число задач К. р. с. не входила ликвидация массовой неграмотности.

В период развернутого строительства коммунизма на новую ступень поднимаются и культурные преобразования. К. р. с. в СССР вступила в завершающий этап, осн. задачи к-рого определены в Программе КПСС. Они заключаются в создании всех необходимых идеол. и культурных предпосылок для победы коммунизма. Выполнение новых задач К. р. с. связано со всеми сторонами коммунистич. строительства и способствует успешному решению экономич. и социальных проблем движения к коммунизму, ибо «от культурного роста населения в огромной мере зависят подъем производительных сил, прогресс техники и организация производства, повышение общественной активности трудящихся, развитие демократических основ самоуправления, коммунистическое переустройство быта» (см. Программа КПСС, 1961, с. 129—32). Завершающий этап культурных преобразований закономерно пройдут и другие социалистич. страны.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; и х же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Энгельс Ф., К жилищному вопросу, [М.], 1957; Ленин В. И., О культуре и искусстве. [Сб.], М., 1956; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов, М., 1963; Развитие социалистической культуры в союзных республиках. Сборник статей, М., 1962; Строительство коммунизма и проблемы культуры. [Сборник статей], М., 1962; Зап. Л. М., История культурного строительства СССР в советской историографии (1956—1963 гг.), «Вопросы истории», 1964, № 2; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 7 изд., [М.], 1953, ч. 1, с. 419, 420, 671, 674, 705, 740, 744, 861, 864, 873—74, 880, 888, ч. 2, с. 403, 498, 882, 905—06, 1013, 1117—18; Крупская А. Н. К., о путях культурной революции, М.—Л., 1927; Луначарский А. В., Культурная революция и общественность. Речь на втором съезде ОДН, М.—Л., 1929; Юдин П., Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции, М., 1933; Калинин М. И., Статьи и речи о коммунистич. воспитании, 1925—1945 гг., М., 1951; Ким М. П., Коммунистич. партия—организатор культурной революции в СССР, М., 1955; Карпов Г., Партия и культурная революция в СССР, М., 1957; Смирнов И. С., Ленин и сов. культура, М., 1960; Иовчук М., Завершающий этап великой культурной революции в СССР, «Коммунист», 1961, № 18.

А. Арнольдов, Л. Семенов. Москва.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА — клерикальное направление в истории культуры и этнографии, выросшее в нач. 20 в. из культурных кругов теории Ф. Гребнера. Известна также под назв. Венской католич. школы. Филос. основой К.-и. ш. явились неокантианские идеи Г. Риккерта о значении в истории единичных, неповторяющихся фактов и отсутствии в ней закономерностей, использованные Ф. Гребнером для изучения истории культуры и этнографии, и ряд библейских положений. Возникновение К.-и. ш. связано, в первую очередь, с именем австр. лингвиста и этнографа патера Вильгельма Шмидта (1868—1954) и с основанным им в 1906 в Вене журналом «Anthropos» («Антропос»). Теория Шмидта не была оригинальной и исходила первоначально из

взглядов теории культурных кругов. Шмидт и некие его сторонники посвятили всю жизнь обоснованию «первобытного монотеизма», извечности патриархального брака и др. библейских принципов и догм. Уже в первых работах Шмидт начал отходить от осн. положений школы культурных кругов и попытался создать универсальную схему развития мировых культур. Древнейшей культурой Шмидт считал «экзогамно-моногамную», «пигмейскую» и пытался доказать существование в ней исконного монотеизма и отцовского права. Единобожие и веру в Великого творца он находил также у андаманцев и др. народов. Такие формы верований, как анимизм, магия и т. п., Шмидт считал более поздними явлениями, возникшими в результате наслоения др. культур. Все эти взгляды Шмидта не могут быть признаны обоснованными. Во многих случаях Шмидт тенденциозно использовал этнографич. материалы, отбирая только нужные ему свидетельства. Важнейшими работами Шмидта этого периода были «Значение пигмейских народов в эволюции человека» (W. Schmidt, Die Stellung der Pygmäenvölker in der Entwicklungsgeschichte des Menschen, 1910) и начатое многотомное исследование «Происхождение идеи бога» («Der Ursprung der Gottesidee», Bd 1—12, 1912—55).

Взгляды Шмидта нашли широкий отклик в среде католич. ученых. Вокруг него и журнала «Антропос» сгруппировалось много последователей. К их числу могут быть отнесены патеры В. Конперс, П. Шебеста, М. Гузинде, Л. Голуб и др. Число светских сторонников К.-и. ш. было незначительно. К.-и. ш. с самого начала получила признание со стороны Ватикана и широкую материальную поддержку католич. церкви, а позднее мн. частных фондов, что позволило развернуть широкую экспедиционную деятельность и издание трудов. Отношение др. направлений бурж. науки к К.-и. ш. было по большей части сдержанным. Отказ Шмидта от географич. фактора как основы культурного круга, эволюционное построение ступеней культуры навлекло на его взгляды резкие нападки со стороны Гребнера и его сторонников. В многочисл. трудах деятелей К.-и. ш. было опубликовано огромное количество фактич. материала. Однако тенденциозная и необъективная методика сбора сведений, нередкие подтасовки, произвольный подбор фактов сильно снижают значение публикаций школы. К.-и. ш. прошла ряд этапов — от первоначального признания гребнерского взгляда на культурные круги к эволюционному построению Шмидта и, наконец, к отказу от большинства традиц. идей теоретич. наследия К.-и.ш. Уже с начала 20-х гг. сокращается количество работ, связанных с развитием и обоснованием теологич. взглядов, большее внимание начинает уделяться изучению истории хозяйства у разных народов. Характерны в этом отношении работы Конперса, в к-рых заметно сильное влияние идей Э. Гроссе и философа А. Фиркандта о периодизации первобытного общества и развитии культуры (P. W. Köppers, Die ethnologische Wirtschaftsforschung, «Anthropos», 1915—16, Bd 10—11, H. 5—6; Das Problem der Entstehung der Tierzucht, «Schriften des Vereines zur Verbreitung naturwissenschaftlicher Kenntnisse in Wien», 1929, Bd 69). После присоединения в 1938 Австрии к гитлеровской Германии К.-и. ш. подверглась гонениям, и большая часть ее деятелей эмигрировала. Шмидт переехал в Швейцарию, где продолжил издание «Антропоса», завершил свой капитальный труд о происхождении идеи бога и обобщающее исследование по матриархату («Матриархат» — «Das Mutterrecht», 1955).

После окончания 2-й мировой войны в рядах сторонников К.-и. ш. обнаружился окончательный разброд, вызванный несостоятельностью теоретических взглядов Шмидта и его школы. См. *Культурных кругов теория*.

Лит.: Левин М. Г., Токарев С. А., «К.-и. ш.» на новом этапе, «Сов. этнография», 1953, № 4; Токарев С. А., «Венская школа этнографии», «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 3; R a h m a n R., Vier Pioniere der Völkerkunde. P. P. Arndt, M. Gusinde, W. Köppers, P. Schebesta, «Anthropos», 1937, v. 52, fasc. 1—2. Г. Марков. Москва.

КУЛЬТУРНЫХ КРУГОВ ТЕОРИЯ. Возникла в нач. 20 в. как одна из конкретно-историч. форм неокантовской концепции (см. *Риккерт*) принципиального различия естеств. и историч. наук, отрицавшей закономерность историч. процесса, а также бурж. учения диффузионизма. Нек-рое влияние на К. к. т. оказали также взгляды антрополога Ф. Ратцеля и этнографа Л. Фробениуса. Основоположник теории и школы К. к. т. Ф. Гребнер (1877—1934) опубликовал в 1905 первую работу, посвященную исследованиям «культурных кругов» в Австралии и Океании. Культурный круг в понимании Гребнера представляет собой совокупность характерных элементов материальной и духовной культуры, семейных и обществ. отношений на определ. территории. Элементы культуры брались Гребнером произвольно и объединялись в культурный круг только на основании общего географич. распространения, безотносительно к конкретным народам. Родство и происхождение культурных кругов устанавливались по сходству отдельных, не связанных между собой элементов культуры. Этот метод изучения культуры был назван Гребнером «историческим». В трудах сторонников школы К. к. т. историч. процесс, богатство человек. культуры сводились к единичным, неповторяющимся явлениям. Отрицались историч. закономерности, и ход истории рассматривался как результат миграций, заимствований и взаимовлияний, диффузий. В целом К. к. т. была резко направлена против эволюционизма и марксистского понимания развития общества. Учение получило широкий отклик в бурж. науке и нашло много сторонников. К числу видных представителей школы К. к. т. можно отнести Ф. Краузе, Б. Анкермана, В. Фоя, В. Шмидта и др. К началу 20-х гг. влияние школы сильно упало.

Лит.: Наука о расах и расизм. Сб. ст. (Тр. НИИ антропологии МГУ, вып. 4), М.—Л., 1938; G r ä b n e r F., Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien, «Z. Ethnologie», 1905, Jg 37; е г о ж е, Ethnologie, в кн.: Kultur der Gegenwart, Tl 3, Abt. 5, В.—Lpz., 1923. Г. Марков. Москва.

КУН (Kun), Бела (20 февр. 1886—30 ноября 1939)— деятель венг. и междунар. рабочего движения, пропагандист марксизма-ленинизма. Род. в Трансильвании в местечке Леле. С 1902 — член Венгерской с.-д. партии. В 1916, находясь в лагере военнопленных в Томске, установил связь с большевиками, вступил в РСДРП(б) (лето 1917). В конце 1917 приехал в Петроград, познакомился с Лениным. Здесь окончательно оформилось революц. мировоззрение К. Он выступил организатором венг. группы РКП(б). С марта 1918 К. — в Москве; как пред. федерации иностр. групп РКП(б) работал по формированию интернац. частей Красной Армии.

В нояб. 1918 К. вернулся на родину и принял участие в создании Коммунистич. партии Венгрии (КПВ) (24 ноября 1918), был избран пред. ЦК партии. В февр.—марте 1919 К. вместе с др. руководителями партии был в заключении. После провозглашения Венг. сов. республики (ВСР) (21 марта 1919) К. — фактич. руководитель венг. сов. ир-ва. Когда ВСР пала (авг. 1919), К. эмигрировал в Австрию, откуда летом 1920 приехал в Сов. Россию. Был направлен на Южный фронт, затем — пред. Крымского

ревкома. В 1921—23 — на руководящей парт. работе на Урале. Участвовал в создании Коминтерна (1919), в 1921—36 — член ИККИ; возглавлял Комиссию Коминтерна по изданию трудов В. И. Ленина на иностр. языках.

Произведения К., опублик. до ноября 1918, сыграли значит. роль в создании идейных предпосылок образования КПВ. В них излагались основы марксизма-ленинизма, освещались причины и характер империалистич. войны, роль пролетариата и задачи его партии в революции. Применяя ленинское учение об империализме к условиям Венгрии, К. показал, что закономерности империализма действуют и здесь. Впервые в истории венг. рабочего движения К. рассмотрел проблему союза рабочего класса с крестьянством, подчеркнув, что единств. классом, к-рый стремится к конфискации земли и передаче ее в обществ. собственность, является пролетариат. В то же время К. отрицал необходимость и целесообразность раздела земли после ее конфискации у помещиков. Указывая на междунар. значение ленинизма, К. отмечал, что «в противоположность всем оттенкам ревизионизма и оппортунизма, от Бернштейна до Каутского, которых характеризует отказ от революционных методов марксизма, ленинизм является революционным марксизмом, развитым применительно к новой исторической эпохе» («О венг. сов. республике» — «A Magyar tanácsköztársaságról», Bp., 1958). Необходимость создания марксистской партии в Венгрии К. связывал с перерастанием капитализма в империализм, с оппортунистич. перерождением социал-демократии и ростом революц. движения. Выступая в 1919 с докладом о программе партии, К. теоретически обосновывал необходимость диктатуры пролетариата в переходный период от капитализма к социализму. В ст. «К 10-й годовщине пролетарской революции в Венгрии» («A Magyarországi proletárforradalom évfordulójára», в журн. «Új Március», 1929, március), «Уроки пролетарской революции в Венгрии» («A Magyarországi proletárforradalom tanulsági», первая публ. на рус. яз.: газ. «Правда», 1929, 21 марта), «Почему победила в Венгрии пролетарская революция» («Miert győzött magyarországon a proletárforradalom», 1934) и др. К. дал глубокий анализ особенностей Венг. сов. республики. В работах «Ленин и Коммунистич. Интернационал» (журн. «Красная молодежь», 1924, № 1), «Пропаганда ленинизма в Коминтерне» (журн. «Коммунистич. Интернационал», 1924, № 2—4), «Крах II Интернационала» (на нем. яз. «Die II Internationale in Auflösung», 1933, на венг. яз. — 1934) и др. К. настойчиво пропагандировал учение ленинизма, призывая к идейному и политич. укреплению коммунистич. партий в борьбе против фашизма и угрозы войны, за мир, демократию и социализм. К. — редактор кн. «Коммунистич. Интернационал в документах» (1933), к к-рой он написал предисловие.

Соч. в рус. пер.: в кн.: Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистич. революции, сост. Дьёржи Е. и Пожа А., М., 1959; Уроки пролетарской революции в Венгрии, М., 1960.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 29, с. 218—19, 244, 296; т. 31, с. 142—44; К сорокалетию образования коммунистич. партии в Венгрии. Тезисы. (Информационный бюллетень ЦК Венг. социалистич. рабочей партии, № 1), Будапешт, 1959; Kun Béla. Születésének 75. évfordulójára, «Népszabadság», 1961, február 19, 44 szám; рус. пер.: Выдающиеся деятели рабочего движения, «Правда», 1961, 20 февраля, № 51 (15 541).

КУН (Kuhn), Хельмут (22 марта 1899) — нем. философ-идеалист и эстетик. Образование получил в ун-тах Бреслау, Инсбрука, Берлина. В 1930—37 читал лекции по философии в Берлинском ун-те. Проф. философии в ун-тах США (1938—49), ФРГ (Эрланген, 1949—53, Мюнхен, с 1953). Занимается преим. вопросами эстетики, исходя из положения об имманентном соответствии формы и содержания художеств. произ-

ведения. С этих позиций он рассматривает всю историю эстетики («Культурная функция искусства» — «Die Kulturfunktion der Kunst», Bd 1—2, 1931). Очн. соч. К. — «История эстетики» («A history of esthetics», 1939, нов. изд. — 1953, совместно с К. Гилберт, рус. пер., М., 1960), написано с объективистских позиций. К. также работает в области истории греч. философии. В последних работах заметен поворот К. в сторону философии экзистенциализма.

Соч.: Sokrates. Ein Versuch über den Ursprung der Metaphysik, B., 1934; neue Ausg., Münch., 1959; Freedom forgotten and remembered, Chapel Hill, 1943; Encounter with nothingness, an essay on existentialism, L., [1951]; на нем. яз. — Tübingen, 1950; на исп. яз. — B. Aires, 1953; Begegnung mit dem Sein, Tübingen, 1954; Wesen und Wirken des Kunstwerkes, Münch., [1960].

Лит.: Овсянников М., Послесловие, в кн.: Гилберт К., Кун Г., История эстетики, М., 1960.

Д. Срединий. Москва.

КУНАНБАЕВ, Абай — см. *Абай Кунанбаев*.

КУНИЦЫН, Александр Петрович (1783—4 июля 1840) — рус. правовед и социолог. Учился в Петерб. пед. ин-те (1803—07), Гейдельбергском и Гёттингенском ун-тах (1808—11). С 1811 — адъюнкт-профессор в Царскосельском лицее, с 1817 — проф. Петерб. Гл. пед. ин-та, преобразованного в ун-т. Отставлен от должности (1821) реакционером Руничем. В 1840 — директор департамента иностр. исповеданий.

Филос.-историч. концепция К., направленная против офиц. феод. идеологии и объективно обосновывавшая необходимость бурж. развития России, изложена им в кн. «Изображение взаимной связи гос. сведений» (1817), «Право естественное» (ч. 1—2, 1818—20) и в курсах лекций «Энциклопедия прав» и «Изображение системы политич. наук» [опубл. по записям слушателей в «Красном Архиве», 1937, № 1 (80)]. Опираясь на теорию *естественного права*, К. игнорировал, а иногда и отвергал религ. объяснение истории, процесса. Происхождение и цель человеч. общества, к-рому, по К., предшествовало внеобществ. «естественное состояние», раскрываются им из рассмотрения «природы человека», к-рую К. делил на чувственную и духовную (или разумную). Первая побуждает человека стремиться к личному благополучию, вторая — к общественному. Созданное путем договора общество обязано охранять свободу человека: «Человек имеет право на все деяния и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может» («Право естественное», с. 34). К. призывал к установлению мирных взаимоотношений между народами, считая, что «мир всегда будет одним из первейших благ».

К. считал правомерным как демократич., так аристократич. и монархич. устройства общества, но осуждал деспотизм. Вместе с тем он требовал различия «естественного равенства» и «политического», а потому различия «первоначальных» и «производных» прав «бедных и богатых, умных и несмышленных, сильных и слабых». В политич. жизни К. считал необходимым отдавать предпочтение имущим перед немущими. Он резко осуждал «ужасы революции» во Франции (ст. «О конституции» в журн. «Сын отечества», 1818, № 18), его симпатии склонялись к конституционной монархии.

К. оказал значит. влияние на формирование воззрений А. С. Пушкина и нек-рых декабристов (Н. Бестужев, Е. Оболенского и др.), слушавших его лекции.

Соч.: О вкусе, в сб.: Соч. студентов СПб пед. ин-та по части эстетики, СПб, 1806; О состоянии иностранных крестьян, «Сын отечества», 1818, ч. 45, № 17.

Лит.: Зайцев А. Ф., Мироззрение А. П. К. [автореф. канд. дисс.], М., 1951; Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 299—301; Смирнов Ф. Н., Мироззрение А. П. К., «Вестн. МГУ», серия 8, 1963, № 5.

З. Каменский. Москва.
КУНОВ (Cunow), Генрих (11 апр. 1862—20 авг. 1936) — нем. историк, этнограф, социолог, правый

социал-демократ. В годы 1-й мировой войны стал открытым защитником герм. империализма, в 1917—23 — редактор (после К. Каутского) теоретич. органа с.-д. партии «Die Neue Zeit», в 1919 — проф. Берлинского ун-та, в 1919—24 — директор музея народоведения при ун-те. К. претерпевал на роль «защитника» марксизма, но усматривал «противоречие» между социалистич. и революц. взглядами Маркса. «Марксистская» социология в работах К. сближается с позитивистской эволюц. теорией, соединенной с экономич. материализмом. Определяет коммунизм как строй, где «все принадлежит всем», К. в работах о первобытном обществе отрицал существование первобытного коммунизма как стадии развития человечества, ссылаясь на факты существования личной собственности производителей в нек-рых обществах на заготовленные им орудия труда, и находил на самых ранних этапах «ярко выраженную идею собственности». В работе «Марксова теория исторического процесса, общества и государства» («Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie», Bd 1—2, 1920—21, рус. пер., т. 2, 1930, с предисл. Н. Альтера) К. извратил положение марксизма об обществе и гос-ве, о пролет. революции и диктатуре пролетариата. Идеи Маркса и Энгельса о гос-ве он считал продуктом не науч. объективности, а «чисто политической враждебности» к бурж. гос-ву; учение о диктатуре пролетариата противоречит, по К., «общей концепции» Маркса. К. отрывал развитие гос-ва от развития общества и расценивал нек-рое расширение хозяйств. функций бурж. гос-ва в конце 19 — нач. 20 вв. как начало превращения классового гос-ва в надклассовое. Тем самым, по К., отпадает необходимость в «политич. революции», к-рую он противопоставлял «революции социальной». Положения марксизма о возможности при определ. условиях мирного перехода к социализму К. трактовал в реформистском смысле, считая, что «социальная революция» возможна без «политич. революции». История, по К., — это процесс постепенных социальных изменений, в к-рых «политич. революции» не играют существ. роли. Производств. отношения пассивно отражают рост производит. сил; новые отношения постепенно вырастают из старых. Социальная революция, оторванная от преобразований в политич. надстройке, революционность к-рой К. игнорировал, в его изображении ничем не отличается от мирной эволюции. К. противопоставлял нацию классу, выступал против включения в партийную программу положения о классовой борьбе, доказывал «нежизненность» малых гос-в, неизбежность поглощения их империалистич. державами, отвергая принцип нац. самоопределения.

Книги К. по этнографии и особенно о возникновении религ. верований и истории религии, а также по истории нар. х-ва и этнографии содержат ценный фактич. материал. И. И. Скворцов-Степанов переделал книгу К. «Теологич. и этнологич. история религии?» («Theologische oder ethnologische Religionsgeschichte?», 1910) и издал ее под назв. «Происхождение нашего бога» (1919, нов. изд. 1958).

Соч.: Социология и этнология, СПб, 1905; Борьба классов и партий в Великой франц. революции 1789—1794 гг., 3 изд., М.—П., 1923; О происхождении брака и семьи, М., 1923; Очерки по истории первобытной культуры, ч. 1, Минск, 1923; Первобытная техника, 3 изд., М.—П., 1924 (соавтор); Возникновение религии и веры в бога, 4 изд., М.—Л., 1925; Первобытный коммунизм, X., 1926; Wirtschaftsgeschichte, Bd 1—3, В., 1926—1929; в рус. пер.: Всеобщая история хозяйства, т. 1, Хоз-во первобытных и полукультурных народов, М.—Л., 1929.

Лит.: Лени и В. И., О лозунгах и о постановке думской и введумской с.-д. работы, Соч., 4 изд., т. 17, с. 298; е го же, Социалистич. революция и право наций на самоопределение, там же, т. 22, с. 140; е го же, Империализм как высшая стадия капитализма, там же, с. 257; Каутский К., Марксова теория государства в освещении К., пер. с нем. (предисл. Л. Рудаша), М., 1924.

А. Завадько. Москва.

КУНЬЯ (Cunha), Эуклидес да (20 янв. 1866—15 авг. 1909) — браз. писатель и мыслитель, один из первых пропагандистов науч. социализма в Бразилии. В кн. «Сертаны» («Os sertoes», 1902) К. с сочувствием описывает историю восстания бедных крестьян селения Канудоса. В др. произв. К. выступал против феодализма и капитализма, проповедовал «социализацию средств производства и обращения» и «солидарность всех угнетенных, составляющих большинство населения». К. с уверенностью говорил о неизбежной победе социализма во всем мире. Однако К. не был последоват. социалистом; он оставался мелкобурж. революционером, сочувственно относящимся к социализму. К. высоко ценил русскую прогрессивную литературу.

Соч.: Contrastes e confrontos, 3 ed., Porto, 1923; A margem da historia, 4 ed., Porto, 1926.

Лит.: Б а з а р я н Ж., Браз. прогрессивный мыслитель Э. де К., «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 5; История философии, т. 5, М., 1961, с. 765—66; К р у з К о с т а, Обзор истории философии в Бразилии, М., 1962; P o n t e s E., A vida dramatica de Euclides da Cunha, R. de J., 1938; S y l v i o R a b e l l o, Euclides da Cunha, R. de J., 1948. Ж. Базарян. Москва.

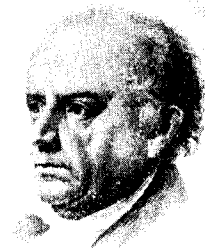
КУПЕР (Cooper), Томас (22 окт. 1759—11 мая 1839) — англо-амер. философ-материалист, врач, химик, экономист и политич. деятель. Родился в Вестминстере, учился в Оксфорде, во время франц. революции посетил Францию (1792), где установил связь с якобинцами, за что был обвинен англ. реакционером Бёрком в нац. измене. В 1793 с семьей своего учителя и тестя Пристли К. переселился в США, где примыкал к демократич. партии Джефферсона, с к-рым находился в дружеств. отношениях. Был судьей, затем проф. химии и экономики, с 1821 — президент Колумбийского колледжа (Южная Каролина). Энциклопедически образованный ученый, активный борец против религ. мракобесия, К. постоянно подвергался нападкам и преследованиям со стороны клерикалов и реакционеров. В борьбе Севера и Юга по вопросу о рабовладении К. выступал, однако, в защиту рабовладения, изменив антирабовладельч. взглядам, к-рые он защищал до приезда в Америку.

В своих филос. произведениях и анонимных антирелиг. памфлетах К. боролся за науч. материалистич. и атеистич. мировоззрение, разоблачал нелепость библейских мифов и отрицал божеств. происхождение «священного писания». В полемике с метафизикой Декарта, с идеализмом Мальбранша, Лейбница, кембриджских неоплатоников, шотландской школы он открыто защищал материализм, отрицал существование духовной субстанции, бессмертие души, свободу воли, врожденные идеи. Особенно большое место в работах К. занимала материалистич. разработка психофизич. проблемы, доказательство того, что материя мыслит. В этой области он продолжал линию франц. материалистов Ламетри и Кабаниса.

Соч.: Tracts, ethical, theological and political, v. 1, L., 1789; A view of the metaphysical and physiological arguments in favor of materialism, Phil., 1823; The scripture doctrine of materialism, Phil., 1823; Lectures on the elements of political economy, Columbia, 1826.

Лит.: История философии, т. 2, [М.], 1941 (см. Указатель); История философии, т. 1, М., 1957 (см. Указатель); M a l o n e D., The public life of Th. C., New Haven — L., 1926; A n d e r s o n P. R. and F i s c h M. H., Philology in America. From the Puritans to James, N. Y., 1939.

Б. Выховский. Москва.
КУРГАНОВ, Николай Гаврилович (р. в 1725 или 1726 — ум. 13 янв. 1796) — рус. ученый и писатель-просветитель. Сын унтер-офицера. Окончил Навигацкую школу (1741) в Москве и Мор-

скую академию (1746) в Петербурге, где с 1750 преподавал математику, астрономию и навигацию. Автор учебных книг, переводчик. В 1769 выпустил в свет «Российскую универсальную грамматику» (или «Письмовник»), выдержавшую 11 изд. Помимо грамматич. части, «Письмовник» содержал «Обстоятельное изъяснение порядка знаний человеческих, или Всеобщий чертеж наук и художеств» — своего рода краткую энциклопедию сведений о явлениях природы и общества, в т. ч. и сведений по философии. В др. разделе — «Краткие замысловатые повести» — К. поместил ряд лит. произведений, направленных против религ. ханжества и суеверий. В «Письмовнике» К. неоднократно ссылался на журналы Н. Новикова.

Лит.: Берх В., Жизнеописание Н. Г. К., СПб, 1829; Колбасин Е., Лит. деятели прежнего времени, СПб, 1859; Благой Д. Д., История рус. лит. XVIII в., 2 изд., М., 1951; Макогоненко Г. П., Радищев и его время, М., 1956, с. 97—115; Денисов А. П., Н. Г. К. — выдающийся рус. ученый и просветитель XVIII в. [Л.], 1961. А. Головкин. Москва.

КУРИЦЫН, Иван-Волк Васильевич (г. рожд. неизв. — ум. 27 дек. 1504) — дипломатич. и гос. деятель в России в 80 и 90-х гг. 15 в. В 90-х гг. переписывал «Мерило Праведное» (Кормчая), имевшее большое юридич. значение и по содержанию близкое «Кормчей» нестяжателя *Вассиана Косого*. К. являлся видным деятелем реформац. движения в Москве, участвовал в еретич. кружке, руководимом его братом Федором *Курицыным*, поддерживал реформац. движение в Новгороде. В декабре 1504 был судим в Москве церк. собором и 27 дек. сожжен на костре.

Лит.: Бегунов Ю. К., Кормчая И. В. К., в кн.: Тр. отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР, т. 12, М.—Л., 1956, с. 141—59.

КУРИЦЫН, Федор Васильевич — рус. политич. деятель 2-й пол. 15 в., идеолог и глава моск. кружка религ. реформаторов. Занимая пост великокняжеского дьяка, фактически руководил деятельностью внешнеполитич. ведомства.

В развитии религ.-филос. мировоззрения К. сыграло роль его пребывание (1482—84) в качестве посла в Венгрии, где довольно широкое распространение получили реформац.-гуманистич. идеи.

К. принадлежит едва ли не первое рус. соч. по грамматике — т. н. «Литорея в квадратах» и толкование к ней. В религ.-филос. введении к своим грамматич. таблицам (Лж.-дидкийское послание) К. сформулировал осн. идею гуманистич. мировоззрения — утверждение воли и разума человека. Его исходный тезис — идея «самовластия» души. Вместе с тем К. в духе религ.-реформац. идей «оградой» души провозгласил веру, к-рую понимал как постоянное памятование бога. Такое понимание веры приводило К. к противопоставлению формулам авторитарной религии учения ветхозаветных пророков, толкуемого им в качестве религии «духа», некоего религ.-творч. воодушевления. К. верил в способность ветхозаветных пророков творить чудеса, но пояснял, что «дар чудотворения» силен мудростью пророков, а не сам по себе и заявлял: «В мудрости — сила».

К. высказал идею о познаваемости духовных явлений благодаря их физич. проявлению и о разуме как функции не одной души, но и тела. К. приписывается также «Написание о грамоте», проникнутое реформац.-гуманистич. духом и утверждавшее широкие познават. способности разума.

Лит.: Клибанов А. И., Опыт исследования просветельско-реформац. памятников конца XV — половины XVI в., в сб.: Вопросы истории религии и атеизма, т. 3, М., 1955; его же, Реформац. движения в России в XIV — первой половине XVI вв., М., 1960; Лурье Я. С., Идеологич. борьба в рус. публицистике конца XV — начала XVI века, М.—Л., 1960. А. Клибанов. Москва.

КУРНО (Cournot), Антуан Огюстен (28 авг. 1801 — 31 марта 1877) — франц. математик, экономист и фи-

лософ-идеалист. Проф. математики в Лионе (с 1834), ректор Академии в Гренобле (с 1835) и Академии в Дижоне (с 1854). Философия К. эклектична. Вслед за *Кантом* утверждал непознаваемость сущности вещей и возможность знания лишь о феноменах. От *Канта* же К. заимствовал принцип иерархич. классификации наук, в основу к-рой он положил степень вероятности знаний (она максимальна в математич. науках, где приближается к достоверности, и минимальна в философии; промежуточное положение занимают естествознание и история). По К., для каждой науки свойственны специфич. категории — «фундаментальные идеи», к-рые он пытался представить в виде системы. Ценность «фундаментальных идей» определяется результатами, к к-рым они приводят: они приемлемы, если вносят порядок и связь в систему знаний, и неприемлемы, если ведут к несогласованности знаний. Большую роль в философии К. играет понятие случая, к-рым К. определял как точку пересечения одного или неск. независимых друг от друга причинных рядов. К. пытался применить математич. методы к исследованию экономич. явлений; выступал с апологией бурж. прогресса.

Философия К., почти не известная при его жизни, вызвала значительный интерес среди философов-идеалистов 20 в.

Соч.: *Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses*, P., 1838; *Expositions de la théorie des chances et des probabilités*, P., 1843; *De l'origine et des limites de la correspondance entre l'algèbre et la géométrie*, P., 1847; *Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caractères de la critique philosophique*, P., 1851, nouv. éd., P., 1912; *Traité élémentaire de la théorie des fonctions et du calcul infinitésimal*, P., 1857; *Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire*, t. 1—2, nouv. éd., P., 1911; *Principes de la théorie des richesses*, P., 1863; *Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes*, t. 1—2, P., 1872; dernière éd., t. 1—2, P., [1934]; *Matérialisme, vitalisme, rationalisme*, P., 1875.

Лит.: Мендерец Е., Cournot et la renaissance du probabilisme au XIX siècle, P., 1908; Darbon A., Le concept du hasard dans la philosophie de C., P., 1911; Bartrault H., Les doctrines de C. sur le commerce international, [P.], 1912; Bottinelli E. P., A. A. C. — métaphysicien de la connaissance, P., 1913; Milhaud G., Etudes sur C., P., 1927; Ruyer R., L'humanité de l'avenir d'après C., P., 1930; La Harpe J., De l'ordre et du hasard; le réalisme critique d'A. A. C., Neuchâtel, 1936; Cournot nella economia e nella filosofia, Padova, 1939; Caizzi B., La filosofia di A. C., Bari, 1942; Richard H., A. A. Cournot, Tübingen, [1954]; Callot E., La philosophie biologique, P., 1957.

В. Кузнецов, Э. Пчелкина. Москва.

КУРСАНОВ, Георгий Алексеевич (р. 10 мая 1914) — сов. философ, профессор (с 1941), д-р филос. наук (с 1951). Член КПСС с 1940. Окончил Моск. ин-т инженеров транспорта (1936), аспирантуру Ин-та истории, философии и лит-ры (экстерном, 1938). Профессор ВПИ при ЦК КПСС (с 1959). Науч. труды посвящены разработке проблем теории познания и логики (роль обществ. практики в познании, проблемы науч. понятия, проблема истины, логич. принципы науки), филос. вопросов естествознания (совр. физич. картина мира, вопросы пространства и времени, теории относительности, познават. значение принципов квантовой механики) и критике совр. бурж. философии (кризис бурж. философии, гносеологич. концепции неопозитивизма, прагматизма и неотомизма).

Соч.: *Пространство и время — формы бытия материи, «Под знаменем марксизма»*, 1940, № 6; *Логич. законы мышления*, Л., 1947; *Реакционная гносеология и «теория» понятия неопозитивизма*, «Иzv. АН СССР, Серия истории и философии», 1948, т. 5, № 5; *Понятие как форма отражения действительности*, в кн.: Уч. зап. Уральского ун-та. Обществ. науки, вып. 5, Свердлов., 1948; *Диалектич. материализм о пространстве и времени*, «Вопр. философии», 1950, № 3; *Великий рус. ученый-материалист И. П. Павлов*, Свердлов., 1952; *О нек-рых совр. концепциях истины в совр. идеалистич. гносеологии*, «Вопр. философии», 1957, № 2, *О связи динамич. и статистич. закономерностей в атомных явлениях* (соавтор), «Вестн. АН СССР», 1957, № 4; *О естественно-науч-*

пом мировоззрения Гёте; «Природа», 1957, № 6; Гносеология совр. прагматизма, М., 1958; Die philosophischen Anschauungen Einsteins über die Natur der geometrischen Begriffe, «Dtsch. Z. Philos.», 1959, № 1; К оценке филос. взглядов А. Эйнштейна на природу геометрич. понятий, в сб.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1959; Ф. Франк и его философия науки (вступит. ст.), в кн.: Франк Ф., Философия науки, М., 1960; Что такое диалектика, М., 1960; В. И. Ленин и совр. физич. картина мира, «Коммунист», 1960, № 6; Бесконечность и вечность Вселенной, М., 1961; О новых попытках примирения науки с религией, в сб.: Успехи совр. науки и религия, М., 1961; А. Грамши и революц. борьба итал. рабочего класса, «Коммунист», 1962, № 6; Бурж. философия в тунике, там же, № 15; Диалектический материализм о понятии, М., 1963; Научное познание мира и неонизитизм, «Вестн. АН СССР», 1963, № 9; Кризис бурж. филос. мысли и совр. объект идеализма (соавтор), в сб.: Совр. объект идеализма, М., 1963; Die Weltanschauung Goethes, «Dtsch. Z. Philos.», 1959, № 5/6; Des principes logiques de la science, «Analele universitatii C. I. Parhon», Seria Acta Logica, 1960, № 1; Hegels «Phänomenologie des Geistes», «Dtsch. Z. Philos.», 1962, № 11; Sull'unità dei componenti scientifici ed artistici nell'opera di Leonardo, в кн.: Atti del IV Congresso internazionale di estetica, Atene, 1960.

КУРЫЛЕВ, Анатолий Константинович [р. 27 янв. (9 февр.) 1909] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1963). Член КПСС с 1928. Окончил ВПШ при ЦК КПСС (1950). В 1954—61 — зам. директора Ин-та повышения квалификации преподавателей обществ. наук при МГУ, с 1963 — зав. кафедрой науч. коммунизма там же. Разрабатывает проблемы: преодоление социально-экономич. различий между городом и деревней, между умств. и физич. трудом, всестороннее развитие личности в социалистич. обществе.

Соч.: Социалистич. революция — осн. предпосылка уничтожения противоположности между умств. и физич. трудом, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1958, № 1; К вопросу о преодолении существенного различия между городом и деревней, «Вопросы философии», 1959, № 4; Строительство коммунизма и стирание существенного различия между умств. и физич. трудом, «Коммунист», 1959, № 5; Значение ленинского наследия для практики коммунистич. строительства, М., 1960; Проблема существенного различия между умств. и физич. трудом, в кн.: Нек-рые теоретич. вопросы строительства коммунизма, М., 1960; О ликвидации социально-экономич. и культурно-бытовых различий между городом и деревней, М., 1961; О всестороннем развитии личности при коммунизме, «Вопр. философии», 1961, № 11; Разделение труда и всестороннее развитие личности в период перехода от социализма к коммунизму, там же, 1962, № 10; Преодоление существенных различий между умств. и физич. трудом — проблема строительства коммунизма, М., 1963; Коммунизм и труд, М., 1963.

КУТУЗОВ, Алексей Михайлович (ок. 1750 — ок. 1797) — рус. писатель и переводчик, масон, один из найщиков «Компании типографической» Н. Новикова. Вместе с Радичевым и Ф. Ушаковым обучался в Лейпцигском ун-те (1766—70). Друг Радичева, к-рый посвятил К. «Житие Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву». Был близок к Карамзину; перевел «Мессию» Клопштока (1785—87) и поэму «Плач, или Ношния размышления...» Э. Юнга (1785, две части), в примечаниях к к-рой философски обосновывал сентиментализм. Этим объясняется большое влияние К. на становление рус. сентимент. лит-ры.

В философии К. придерживался характерных для масонства религ.-мистич. взглядов, в то же время критиковал внешние обрядовые стороны религии и ин-т монашества. До сих пор не обнаружена переписка между К. и Радичевым, в к-рой, по свидетельству современников, они вели полемику по филос. и религ. вопросам.

Соч.: Наставление отца сыну..., «Моск. ежемесячное издание», 1781, ч. 2, август; О приятности грусти, там же, ч. 3, октябрь; «Сочувственик А. Н. Радичева» А. М. Кузузов и его письма к И. П. Тургеневу, в кн.: Тр. по рус. и слав. филологии. VI (Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 139, 1963).

Лит.: Лонгинов, Новиков и московские мартинисты, СПб., 1865; Тарасов Е., К истории масонства в России, СПб., 1910; Вороницин И. П., История атеизма, 3 изд., [М.], 1930; Лотман Ю. М., Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. А. Н. Радичев и А. М. К. в кн.: Радичев. Статьи и материалы, [Л.], 1950. А. Голодко. Москва.

КУТЮРА (Couturat), Луи (1868—1914) — франц. философ, логик и математик. Осн. областью науч. интересов К. была методология наук, особенно физики и математики, а также математич. логика, в филос. истолковании к-рой К. следовал Расселу. Филос. взгляды К. оформились под влиянием Канта, вслед за к-рым К. считал, что философия «в сущности есть теория познания и ее истинное имя — Критика» («De l'infini mathématique», P., 1896, p. VI). Принимая априоризм Канта, но критикуя его учение о «вещи в себе», К. утверждал, что «... реальность не может быть чем-то иррациональным или интеллигибельным, так как реальным для нас является то, что мы мыслим как истинное, а истина — то, что разум познаёт и утверждает как существование» (там же, р. XIII). Математика, с т. зр. К., — наука рациональная и априорная, физика же основана на опыте и пользуется апостериорными методами; связующим звеном между этими науками является прикладная математика; приложение математики к физике порождает математич. физику; математич. методы применимы ко всем наукам, а язык математики — это «универсальный язык наук». Поэтому и логика должна быть математизирована. С этой т. зр. К. высоко оценивал тот подход к математике и логике, к-рый развивали Декарт и Лейбниц. Труды Лейбница по логике К. подверг тщательному изучению. Отмечая узость классической (т. е. традиционной) логики, К. указывал вместе с тем на то, что и алгебра логики не обнимает всей логики; это — «... математическая логика по своей форме и по своему методу; но не следует принимать ее за логику математики» («Алгебра логики», рус. пер., О., 1909, с. 102); подлинной логикой математики является логика отношений, к-рую «... предвидел Лейбниц, основание которой положили Пирс... и Шрёдер, и которую Пеано и Рессель..., как кажется, установили окончательно на прочном основании» (там же). В соч. «Принципы математики» («Les principes des mathématiques», P., 1905) К. изложил одноименную работу Рассела, отметив, что этот труд является «... необходимым завершением... всех критических исканий математиков за последние полвека» (указ. соч.; рус. пер. «Филос. принципы математики», СПб., 1913, с. 1). В трактовке оснований математики К. следует логицизму Рассела; математика, утверждает К., с т. зр. формы совпадает с (дедуктивной) логикой, а с т. зр. содержания является «... лишь одной специальной областью в поле приложения логики» (там же, с. 186); «... математика „абстрактная“ наука... потому, что она уже ни в какой степени более не является наукой о предметах, но — формальной и чистой наукой, которая рассматривает только форму и отношения предметов» (там же, с. 177). Это не исключает определ. отношения математики к миру опыта; так, из всех логически мыслимых геометрий, к-рые можно теоретически построить, лишь опыт, утверждает К., позволяет нам выбрать ту, к-рую мы будем прилагать к действительности. К. — талантливый пропагандист логич. знаний. Его «Алгебра логики», в которой широко освещаются результаты П. С. Порецкого, до сих пор остается хорошим популярным введением в алгебраич. теории логики.

Соч.: La logique de Leibnitz, P., 1901; В защиту логики, в сб.: Новые идеи в математике, № 10, П., 1915.

Лит.: Эренфест П., Л. Кутюра. Алгебра логики. (реп.), «Ж. рус. физ.-хим. об-ва», 1910, т. 42, отд. 2, вып. 10; Пуанкаре А., Математика и логика. (пер. с франц.), в сб.: Новые идеи в математике, № 10, П., 1915; Серрюсю Ш., Опыт исследования значения логики, пер. с франц., М., 1948. Г. Зельманова. Ленинград. Н. Стяжкин. Москва.

КУУСИНЕН, Отто Вильгельмович (4 окт. 1881 — 17 мая 1964) — деятель Коммунистич. партии Сов. Союза и междунар. коммунистич. движения, член Президиума (с 1957) и секретарь (с 1957) ЦК КПСС;

академик (с 1958). Член КПСС с 1904. Герой Социалистич. Труда (1961).

Род. в с. Лаукаа (Финляндия) в семье портного. В 1892—1900 учился в гимназии, затем окончил историко-филологич. ф-т Гельсингфорского ун-та. С 1905 — кандидат филос. наук. В социалистич. движении с 1904: сначала в студенч. кружках, а с мая 1905 в Финской с.-д. партии. В 1906—08 — редактор «Socialist Journal» («Социалистич. журнала»), с 1907 по 1916 — редактор центр. органа с.-д. партии газ. «Tjoomies» («Рабочий»). В этот период неоднократно избирался депутатом сейма. В сеймовской фракции, печати и партруководстве был активным деятелем левого крыла, боролся против оппортунистов-ревизионистов. Делегат Базельского (1912) конгресса 2-го Интернационала. В августе 1917 впервые встретился с В. И. Лениным (в Хельсинки). Активный участник и один из руководителей революции в Финляндии (январь 1918), член революц. пр-ва. Один из основателей Коммунистич. партии Финляндии (авг. 1918).

К. — участник всех (кроме II) конгрессов Коминтерна. В 1921 К., по поручению Ленина, написал для III конгресса Коминтерна проект тезисов по организац. вопросу, к-рые были приняты конгрессом. На III конгрессе К. был избран членом Исполкома Коминтерна и до 1939 работал в Коминтерне в качестве секретаря и члена Президиума ИККИ.

К. неоднократно поручалось выступать с докладами на пленумах Исполкома Коминтерна, в частности по таким вопросам, как междунар. положение и задачи Коминтерна, о борьбе против фашизма и опасности войны, а также на VI конгрессе Коминтерна — о нац.-освободит. движении в колониях и полуколониях.

В 1940—56 К. — пред. Президиума Верх. Совета Карело-Финской ССР; одновременно (до 1958) — зам. пред. Президиума Верх. Совета СССР. С 1941 — член ЦК КПСС.

В годы Великой Отечеств. войны и в послевоен. период К. написал много публицистич. и теоретич. статей и брошюр по вопросам: свобода и ответственность печати, сов. патриотизм, проблемы коммунистич. движения в Зап. Европе, внешняя политика капиталистич. гос-в, жизнь и деятельность Г. Димитрова и др.

После смерти Сталина К. вместе с др. руководителями КПСС последовательно боролся за восстановление и развитие ленинских норм парт. и гос. жизни, против приверженцев порядков и методов *культы личности*, за ленинский курс политики партии. К. внес значит. вклад в разъяснение и осуществление политич. линии мирового коммунистич. движения, выраженной в Декларации (1957) и Заявлении (1960). К. выступал с принципиальной критикой правых и левых оппортунистов, стойко боролся за укрепление единства рядов коммунистов всего мира.

К. деятельно участвовал в творч. разработке проблем науч. коммунизма, стратегии и тактики революц. борьбы. Под руководством К. создана книга «Основы марксизма-ленинизма» (1959, 2 изд. 1962), в к-рой обобщены важнейшие вопросы марксистско-ленинской теории (переведена на многие языки).

Соч.: Учебник политэкономии для партийной школы (на финском языке), Хельсинки, 1912; Финляндская революция, в сб. ст.: Финляндская революция, М., 1920; Тезисы о строгости и организац. деятельности коммунистич. партий, М., 1921; Ленинские заветы в организационной работе компартий в капиталистич. странах, «Коммунистич. Интернационал», 1925, № 2; Слабый участок на фронте Коминтерна, «Коммунистич. Интернационал», 1931, № 8; Молодёжь и борьба против фашизма и военной опасности, «Большевик», 1935, № 16; Финляндия без маски, М., 1943; Победивший социализм и телодержатели капитализма, «Новое время», 1947, № 45; О претендентах на опеку над народами Европы, М., 1947; Совр. правые социал-демократы, М., 1948; Вы за или против Советского Союза?, «Новое время», 1948, № 39; «Калевала» — неуязвимый эпос карело-финского народа. Предисловие в кн.: Калевала. Карело-финский эпос, [пер.

с фин.], М., 1949; Коммунистич. партии Западной Европы в авангарде борьбы за демократич. свободы, М., 1954; Хартия единства международного коммунистич. движения, «Правда», 1958, 22 ноября, № 326; О тенденциях и перспективах совр. монополистич. капитализма, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 4; Как Ленин в Коминтерне лечит детскую болезнь «левизны», «Правда», 1963, 6 ноября.

КУЧИНСКИЙ (Kuczynski), Юрген (р. 17 сент. 1904) — экономист и обществ. деятель ГДР. Профессор экономич. истории Берлинского ун-та (с 1946), в 1946 — 50 — первый пред. Об-ва германо-советской дружбы. Член Немецкой АН, лауреат Нац. премии, член Социалистич. единой партии Германии.

Осн. экономич. работы К. посвящены изучению положения рабочего класса в капиталистич. странах. К. опубликовал также ряд работ по истории герм. империализма и истории мирового х-ва. На большом конкретно-историч. материале К. показывает абсолютное и относительное обнищание пролетариата и всех трудящихся при капитализме. В работе «О некоторых проблемах историч. материализма» («Über einige Probleme des historischen Materialismus...», 1956) К. исследует, преимущественно на примерах нем. истории, вопросы о различии сфер влияния законов, об экономич. законе как абстрактной модели и конкретной действительности, проблемы производств. отношений и производит. сил. базиса и надстройки. К. — автор ряда работ, направленных против бурж. идеологии, политики империалистов и западногерм. реваншистов.

Соч.: Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus, Т. 1, Bd 1—4, 6, 8—16, 18, В., 1960—63 (изд. продолжается); Die Revolution der Direktoren und andere gefährliche Gespinste der bürgerlichen Ideologie, В., [1949]; Traktat vom Frieden, В., 1951; Fortschrittliche Wissenschaft, В., 1951; Die zwei Weltwirtschaftssysteme und die Vertiefung der allgemeinen Krise des Kapitalismus, В., 1953; Studien über schöne Literatur und politische Ökonomie, В., 1954; Der Ausbruch des ersten Weltkrieges und die deutsche Sozialdemokratie, В., 1957; в рус. пер.: История условий труда в США с 1789 по 1947 г., М., 1948; История условий труда в Великобритании и Британской империи, М., 1948; Очерки истории герм. империализма, т. 1, М., 1952; Очерки по истории мирового х-ва, М., 1954; Условия труда в капиталистич. странах. (Теория и методология), М., 1954; Положение рабочего класса в Зап. Германии. (1945—1956 гг.), М., 1957.

А. Мыслевиченко. Москва.

КЪРКЕГОР, Киркегор (Kierkegaard), Сёрен (5 мая 1813—11 нояб. 1855) — датский теолог и философ-идеалист, предшественник совр. *экзистенциализма*. Подчеркнуто личная окраска философии К. делает важными для ее понимания нек-рые черты биографии К. Особенно характерны: архаически-суровая религ. атмосфера родительского дома (отец К. считал себя проклятым за совершенное в детстве богохульство и передал ощущение мистич. виновности детям), чрезвычайно замкнутая жизнь (особенно после разрыва с невестой в 1841), наполненная только интенсивной лит. работой, а под конец жизни — бурной полемикой с официальными теологич. кругами. Свои взгляды К. публиковал под различными псевдонимами, маскируя свое авторство и стремясь к «косвенной связи с публикой». В целом К., как впоследствии Ницше, представляет собой психологич. тип философа, в сознательном аскетич. одиночестве культивирующего свои возможности эмоционального переживания проблематики эпохи и виртуозной рефлексии самонаблюдения.

Стиль философствования К. полемически противостоит традиц. рационалистич. умозрению. Это сказывается уже в форме изложения, исключаяющей систематичность. Исходя из сознательной установки на

субъективизм («истина — в субъективности»), К. не избегал противоречий в своих высказываниях (что чисто технически связано с системой различных псевдонимов). Формализующая абстракция как метод объявляется у К. извращением интимной реальности существующего; онтологич. конструкции уступают место у К. этико-психологич. проблематике.

С. Аверинцев. Москва.

Филос. воззрения К. сложились под влиянием нем. романтизма, а также — антирационалистич. реакции на гегелевскую философию (Шопенгауэр, Шеллинг); определ. след в мировоззрении К. оставила религ.-филос. концепция Баадера. Нем. романтики импонировали К. своим субъективизмом, стремлением усмотреть в субъективном переживании изолированного индивида «внутр. бесконечность». Особое значение К. придавал романтич. концепции *иронии*, религ.-филос. истолкованию к-рой (в духе протестантизма) он посвятил свою магистерскую дисс. «О понятии иронии» («Om begrebet ironi med stadigt Hensyn til Socrates», 1841). С позиций, близких к романтическим, К. резко критиковал Гегеля за «объективизм», т. е. стремление понять индивида как момент в исторически-конкретной системе объективного духа. Эту т. зр. К. считал «сверхличной», отдающей личность во власть «апонычного» господства истории и, следовательно, исключающей самостоятельность и свободу личности, снимающей с нее ответственность за происходящее, лишаящей ее возможности этически отнестись к действительности и к самой себе, т. е. деморализующей личность.

К. видел свою задачу в том, чтобы противопоставить гегелевской «сверхличной» концепции такое понимание личности, к-рое основывалось бы на абс. свободе индивидуального выбора. В поисках этой абс. свободы К. должен был все больше и больше очищать личность от всех и всяких объективных детерминаций. Он считал, что только в «безусловной независимости» от природных связей, обществ. влияний и отношений к др. людям — словом, от всего внешне существующего человек может обрести «абсолютность» своего индивидуального этич. решения (выбора) и сохранить себя как личность, способную принять ответственность за самое себя. Только такая отд. личность способна достичь подлинного, «этически-личностного» существования, т. е. экзистенции. Логически неизбежным результатом подобного очищения личности от всего «неличностного» могло быть только углубление романтич. субъективизма до иррационализма и мистицизма.

Стремясь определить исходные понятия своего филос. построения — «свобода», «личность», «выбор», «решение» и пр. — безотносительно к их реальному обществу, содержанию, К. подверг их предельной мистификации. Так, свободу К. рассматривает только в этич. аспекте — как свободу определения позиции по отношению к действительности, как свободу решения дилеммы «или — или», как свободу «выбора». Причем, в данном случае К. интересуется не содержанием «выбора», не «действительность» выбранного, но лишь действительность акта выбора» (К и р к е г о р С е р е н, Наслаждение и долг, СПб, 1894, с. 247). Этому акту выбора, взятому в абс. обособленности от всякого содержания, К. придает метафизич. значение: в минуту этого — «истинного» — выбора «...душа остается наедине сама с собой, уединяется от всего мира и созерцает в отверзтых небесах самое Вечную Силу» (там же).

В этом пункте этич. содержание акта «абсолютного выбора» раскрывается как религ. и мистическое. «... Духовное крещение воли человека в купели этики» (там же, с. 238) оказывается его (человека) вступлением «... в непосредственную связь с Вечной Силой, проникающей все и вся» (там же, с. 235), нек-рым способом

«приращения» к этой божеств. «Силе» — с тем, чтобы в этом «причастии» обрести личность. В конце концов личность находит себя в боге — в созерцании «Вечной Силы». Т. о., абсолютность индивидуальной свободы теряется у К. в «абсолютности» бога. Тезис об абсолютной свободе индивида противоречил постулату об абсолютности бога. В то же время К. не мог отказаться от этого постулата, ибо это единственное, что позволяло ему избежать этического солипсизма в ходе развития постулата об абсолютности индивидуального этич. решения (выбора): бог должен был гарантировать однозначность этич. содержания личности и ее — уникальных! — интимно-личностных акций.

К. выступил с попыткой противопоставить гегелевской — объективной и «количественной», согласно К., диалектике — принципиально иную — субъективную и «качественную» — диалектику. Эту «качественную» диалектику (или «диалектику существования», «экзистенциальную диалектику») К. рассматривал как корректив к гегелевской, как корректирующее преобразование нем. идеализма. В противоположность гегелевской, «качественная» диалектика должна исходить не из объективных и исчисляемых (т. е. — по К. — «количественных») предпосылок, но из предпосылок, принципиально «необъективируемых» (и, следовательно, неопределяемых, неисчисляемых, словом — чисто «качественных»). К ним К. относит те из «интимно-личностных» переживаний, к-рые, по его мнению, не поддаются никакой объективации и потому невыразимы и неизреченны. Это, прежде всего, переживание «страха». «Страх» выступает у К. в качестве бытия, противопоставленного личной «ничем не обоснованной» свободе; он выступает как изнач. характеристика человек. бытия (существования) в противоположность небытию; это — интимнейшее выражение свободы человека в вопросе о том, «быть или не быть?». «Страх», выражающий бытие личности «перед лицом смерти», и то уникальное интимнейшее переживание, к-рое личность не может передать никому другому, относится, по К., к сфере истинного существования личности в противоположность неистинному, к-рое она всегда может разделить с другими [«О понятии страха» — «Begrebet angst», 1844]. «Качественная» диалектика «страха» и других родственных ему экзистенциальных категорий, внутренне противопоставленная гегелевской, определяет методологическое строение работ К.

Суть «качественной» диалектики К. — противопоставление некоего «иррационального» содержания личности рациональному; иррац. «экзистенция» — «существование», к-рое «нельзя мыслить», — рассматривается как истинная основа человек. личности, ее «качественная» диалектика.

В противоположность «количественной» диалектике, к-рая выступает в качестве инструмента науч. познания, «качественная» диалектика оказывается средством сохранить отношение к богу, ибо только там, где существует отношение к богу, сохраняется личность. На пути к богу человек, согласно К., проходит три стадии познания своего существования: эстетическую, этическую и религиозную. «Эстетический» человек живет переживаниями минуты, «этический» — заботой о будущем, «религиозный» — ощущением вечности. «...Эстетическим началом, — по К., — может назваться то, благодаря чему человек является непосредственно тем, что он есть, этическим же то, благодаря чему он становится тем, чем становится» («Наслаждение и долг», с. 249). Четкое противопоставление первой и третьей стадий отделяет К. от романтиков, часто отождествлявших принцип религии и принцип искусства. Острый интерес К. к психологии эстетич. имморализма (в эпоху К. еще воспринимавшегося как отдаленная возможность) во многом предвосхищает эстетизм 2-й пол. 19 в., аналитико-

критич. окрашенность этого интереса — критику «декаданса» у Ницше. Эстетически живущий индивид, по К., достигает цельности и остроты эмоционального наслаждения отказом от дальнейшего познания и обретения «истины» своего существования («поэт — дитя вечности, но лишен залога вечности»); этот отказ — источник неудовлетворенности и «отчаяния», к-рое и составляет экзистенциальную основу эстетич. стадии. Однако это — неистинное отчаяние. «Истинное отчаяние» наступает на этической стадии, это — «...душевный акт, требующий серьезного напряжения и сосредоточения всех сил души» (там же, с. 286); это отчаяние К. полемически противопоставляет философскому (картезианскому или гегелевскому) сомнению: «сомнение — отчаяние мысли; отчаяние — сомнение личности» (там же, с. 290); «сомнение дробится в переходящих различиях, отчаяние же абсолютно» (там же, с. 292). Абсолютное отчаяние приводит человека к осознанию религиозного значения своей личности, т. е. возводит на религ. стадию существования; другого пути к богу, по К., нет (об этом см. *Existenz im Glauben*, 2 Aufl., 1956). Ю. Давыдов. Москва.

К. настаивает на радикальном парадоксализме и алогичности религ. переживания, высмеивая все попытки рационализации веры в гегелевской философии или в практике либерального протестантского богословия. В интерпретации христианства К. продолжает линию, идущую от посланий апостола Павла через философию *Тертуллиана*, *Августина*, средневековой *мистики* к пессимизму *Паскаля*. К. остро ощущал антизвездомонизм христианства, несовместимый с реалиями бурж. цивилизации, и критиковал Реформацию за то, что она, отменив средневековый аскетизм, «облегчила жизнь». Лютеранство, исторически возникшее из отталкивания от догматич. рационализма схоластики, воспринималось К. как дальнейшая рационализация религии, т. е. как ее деградация (хотя в действительности стиль религиозности К. в своих осн. чертах всецело определен лютеранской традицией религ. индивидуализма). Лютеровской формуле («оправдание» единой верой) К. противопоставлял тезис о реальности христианства лишь для избранных, к-рые смогут реализовать свою экзистенциальную свободу и достичь третьей, религ. стадии существования (что неминуемо приведет их к конфликту с обществ. рутиной).

При жизни К. и в ближайшие десятилетия после его смерти философия К. оставалась известной лишь узким кругам его почитателей в Дании. К концу 19 в. она приобретает нек-рое распространение в скандинавских странах: влияние бескомпромиссного религ. идеала К. сказывается в творчестве Г. Ибсена (образ Бранда), интерес к К. проявляет Брандес. В 20 в. к учению К. обращается протестантская неоортодоксия, стремящаяся реставрировать его парадоксалистское понимание религии, а с 20-х гг. конституирующийся на основе традиций К., Ницше и других экзистенциализм. «Кьеркегор и Ницше открыли нам глаза», — заявляет К. Ясперс («*Rechenschaft und Ausblick*», Münch., 1951, S. 132—33). Стиль философствования К. становится образцом для иррационалистич. течений; его критика Гегеля злободневно интерпретируется как критика «Маркса в Гегеле».

С. Аверинцев. Москва.
В целом философия К. оказывается определ. религ.-этич. способом приспособления к бурж. действительности, к-рая оставляется в неприкосновенности как нечто неизменное, несмотря на все этич. негодование против «рефлектирующего поколения» и «анонимной власти всеобщего», и этим определяется ее консервативная тенденция.

С о ч.: Samlede vaerker, udg. af A. B. Drachmann [o.a.], 2 udg., bd 1—15, Kbn, 1920—36; Papirer, udg. af P. A. Heiberg og V. Kuhr, bd 1—11, [2 udg.], Kbn, 1909—48; Gesa-

mmelte Werke, übers. [von schwedisch], Abt. 1—17, 24—36, Düsseldorf — Köln, [1950] — 1962; в рус. пер. — Несчастнейший, в изд.: Северные сборники, кн. 4, СПб, 1908.

Лит.: История философии, т. 3, [М.], 1943, с. 494—98; Бородай Ю. М., Гайденок П. П., С. К. и критика Гегеля с позиций экзистенциализма, «Вестник МГУ. Серия экономика, философия», 1961, № 2; Шестов Л., Кьеркегард и экзистенциальная философия, Париж, 1939; Höfding H., S. K. als Philosoph, Stuttg., 1896; Niedermeyer G., S. Kierkegaard und die Romantik, Lpz., 1909; Gemmer A., Messer A., S. Kierkegaard und K. Barth, Stuttg., 1925; Przywara E., Das Geheimnis K., Münch., 1929; Wiesengrund-Adorno Th., Kierkegaard. Konstruktion des Aesthetischen, Tübingen, 1933; Löwith K., Von Hegel bis Nietzsche, Z. — N. Y., [1941]; Bense M., S. K. Leben im Geist, Hamb., 1942; Berberich G., La notion métaphysique de la personne chez Kant et K., Fribourg, [1942], (These); Jolivet R., Introduction à K., P., 1946; Wahl J., Etudes Kierkegaardiennes, 2 éd., P., 1949; Sjöstedt N. A., S. K. och svensk litteratur, Göteborg, 1950; Fabro C., Tra K. e Marx; per una definizione dell'esistenza, [Firenze, 1952]; Collins J. D., The mind of K., L., 1954; Höhlerberg J. E., S. Kierkegaard, P., [1956]; Holm S., Kierkegaard, Wiesbaden, 1956; Jolivet R., Aux sources de l'existentialisme chrétien. Kierkegaard, P., [1956]; Kottanek A. M., Schellings Seinslehre und K., Münch., 1962; Lowrie W., Kierkegaard, v. 1—2, N. Y., [1962]; Price G., The narrow pass. A study of Kierkegaard's concept of man, N.-Y. [a.o.], 1963; Heiss R., Die grossen Dialektiker, Köln-B., [1963]; Mesnard P., Kierkegaard, 3 éd., P., 1963. Ю. Давыдов. Москва.

КЮВИЛЬЕ (Cuvillier), Арман (р. 3 окт. 1887) — франц. бурж. философ и социолог. Проф. философии, лектор Сорбонны (1945—53), издатель «Petite bibliothèque sociologique internationale». К. — позитивист, для к-рого философия — это «...критическое осмысление методов и результатов науки, включая науки о человеке, производимое с целью разработки теории познания и теории ценностей» («Partis pris sur l'art, la philosophie, l'histoire», P., Colin, 1956, p. 55). Предмет социологии, по К., в изучении групп, коллективов. Он выступает против течений амер. социологии, ошибочно исходящих из личности, а не группы, и против сведения социологии к эмпирич. экспериментированию. Однако для К. изучение социальных явлений сводится только к анализу феноменов «коллективного сознания», где, в полном согласии с Контom, «идеи правят миром и потрясают его» и где «весь социальный механизм есть, в конце концов, реакция на мнения». В своих работах К. неоднократно касается учения Маркса, но понимает его только ограниченно, лишь как реакцию на примитивный материализм — «всеобщее овеществление» классич., особенно англ., политич. экономии, с одной стороны, и на объективный идеализм Гегеля — с другой. Бросая вслед за Дюркгеймом ложный упрек марксизму в «отсутствии метода», К. признает в то же время закономерность его распространения как одной из социологич. доктрин.

С о ч.: Manuel de philosophie, t. 1—2, P., 1927; 10 éd., 1950; Introduction à la sociologie, P., 1936, 5 éd., P., 1954; Durkheim et Marx, «Cahiers Internationaux de Sociologie», cahier 4, 1948, p. 75—96; Sociologie de la connaissance et idéologie économiques, «Cahiers Internationaux de Sociologie», cahier 11, 1951, p. 80—111; Précis de philosophie, t. 1—2, P., 1953—61; Où va la sociologie française, P., 1953; Textes choisis des auteurs philosophiques, t. 1—2, P., 1955; Les antagonismes de classes dans la littérature sociale française de Saint-Simon à 1848, «International Rev. of Social History», 1956, v. 1, p. 433—63; Nouveau vocabulaire philosophique, [P., 1956]; Sociologie et problèmes actuels, P., 1958; Manuel de sociologie, t. 1—2, P., 1960—62.

Лит.: Выховский И. Б., Кювилье А., Антология совр. франц. философов, [Рец.], «Новые книги за рубежом (по обществ. наукам)», № 3, март, 1963. М. Розовин. Москва.

КЮВЬЕ (Cuvier), Жорж (23 авг. 1769—13 мая 1832) — франц. естествоиспытатель. Осн. работы — в области зоологии, сравнит. анатомии, палеонтологии. Сформулировал закон корреляции (соотношения) частей организма. Этот закон К. распространял не только на морфологич. (закон соподчинения органов), но и на физиологич. связи (закон соподчинения функций — органич. корреляции). Применив закон корреляции, К. воссоздал ряд вымерших животных

по их ископаемым остаткам и тем самым заложил основы научной палеонтологии. К. телеологически истолковал этот закон, считая, что он вытекает из «принципа условий существования»: части тела служат определ. цели, обеспечению существования тела как самого по себе, так и в отношении к др. существам. Исследование ископаемых привело его к заключению, что по мере перехода от древнейших слоев к новым наблюдается постепенное усвершенствование строения ископаемых животных, так что по ископаемым остаткам можно судить о возрасте геологич. слоев, и наоборот. Однако, придерживаясь *креационизма* и идеи постоянства органич. видов, допускающих, по его мнению, лишь изменения в рамках индивид. различий, К. не сделал естественного вывода об историческом развитии животного мира. Метафизически абсолютизируя качественные различия геологических слоев и видов ископаемых животных, К. объяснял их преемственность на основе теории катастроф (см. *Катастрофизм*). К. допускал как одновременное творение различных биологич. видов, так и последующее заселение опустошенных областей вследствие миграции животных из не затронутых катастрофой районов земли («Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара» — «Discours sur les révolutions de la surface du globe», 1812, рус. пер. 1937).

К. непримиримо относился к эволюционным идеям в биологии. Резко отрицательно он оценивал концепции *Ламарка*. В 1830 К. выступил против Э. Жоффруа Сент-Илера, защищавшего теорию «единого плана строения» органич. существ и изменчивости видов, и одержал победу, явившуюся, однако, «последнею победою защищаемого им мировоззрения» (Тимирязев К. А., Исторический метод в биологии, 1943, с. 56).

К. откровенно связывал свои теоретич. воззрения с религией. Однако намеченные им элементы сравнительного метода в анатомии и палеонтологии объективно прокладывали дорогу диалектическому взгляду на мир.

Политич. взгляды К. отличались консерватизмом. Он занимал видные политич. посты при Наполеоне I, а затем в период Реставрации.

Соч.: Recherches sur les ossemens fossiles, 4 éd., t. 1—10, P., 1834—36; Leçons d'anatomie comparée..., 2 éd., t. 1—8, P., 1835—46.

Лит.: Энгельгардт М. А., Жорж Кювье, его жизнь и научная деятельность, 2 изд., СПб., 1893; Гремьяцкий М., Ж. Кювье, М., 1933; Лункевич В. В., От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии, т. 3, М.—Л., 1940; Давиашвили Л. Ш., История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней, М.—Л., 1948; Амлинский П. Е., Жоффруа Сент-Илер и его борьба против Кювье, М., 1955; Перье Э., Основные идеи зоологии в их историч. развитии с древнейших времен до Дарвина, пер. с франц., СПб., 1896; D a u d i n H., Cuvier et Lamarck, [t.] 1—2, P., 1926; D e h a u t E. G., Les doctrines de G. C., P., 1945.

А. Богомолов. Москва.

КЮЛЬПЕ (Külpe), Освальд (3 авг. 1862—30 дек. 1915) — нем. философ и психолог, один из основоположников *критического реализма*, проф. в ун-тах Вюрцбурга, Бонна и Мюнхена, основатель *вюрцбургской школы* в психологии. Известность К. принесла его теория мышления, не связанного с чувств. образами и определяемого внутр. детерминирующими тенденциями. Адекватным методом экспериментально-психологич. исследований К. считал самонаблюдение. В своей концепции психического К. признавал как «содержание», так и «акт» (в его терминологии «функцию») сознания, отходя тем самым от взглядов Вундта и сближаясь со взглядами Brentano и Гуссерля. По К., внешний мир существует независимо от данности предмета в сознании и от творческого мышления. Науч. познание возможно благодаря использованию категорий, представляющих собой формы самого бытия и абстрактного мышления; с их помощью в познании разделяются реальное и феноменальное (см. «Die Realisierung», Lpz., 1912, Bd 1, S. 235—38). При этом мышление высвобождает предмет из его субъективно-чувственной оболочки и имеет дело с ним как с объектом, независимым от сознания. Хотя реальный предмет и содержание мысли о нем совпадают только частично, последний выходит за свои собств. пределы в трансцендентное бытие.

Соч.: Einleitung in die Philosophie, 2 Aufl., Lpz., 1898; Die Realisierung. Ein Beitrag zur Grundlegung der Realwissenschaften, Bd 1—3, Lpz., 1912—23; Über die moderne Psychologie des Denkens, «Internationale Monatschrift für Wissenschaft und Technik», 1912, № 9; Vorlesungen über Psychologie, Lpz., 1920; Grundlagen der Aesthetik, Lpz., 1921; Vorlesungen über Logik, Lpz., 1923; в рус. пер.: Введение в философию, СПб., 1901; Совр. психология мышления, в сб.: Новые идеи в философии, СПб., 1914, № 16.

Лит.: S c h r ä d e r H., Die Theorie des Denkens bei Külpe und bei Husserl, [s. l., 1925] (Diss.).

Б. Кауфхольдт. ГДР, М. Роговин. Москва.

Л

ЛААС (Laas), Эрнст (16 июня 1837—25 июля 1885)— нем. педагог и философ, субъективный идеалист. Проф. философии в Страсбурге (с 1872). Исходя из позитивизма и выступая как против платоновской тенденции объективного идеализма, так и против неокантианства, Л. пришел, в сущности, к тем же выводам, что и *Авенариус* (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 193). В соч. «Идеализм и позитивизм» («Idealismus und Positivismus», Т1 1—3, 1879—84; рус. пер. 1907) Л. развивал идеалистич. теорию познания, к-рую назвал «коррелятивизмом».

По Л., субъект и объект «соотносительны», бытие имманентно сознанию. Мир, по Л., — сумма возможных ощущений. Историю философии Л. рассматривал как борьбу платонизма и позитивизма, восходящего к Протагору. В статье «Идеалистич. и позитивная этика» («Idealistische und positivistische Ethik», в кн.: Literarischer Nachlass, 1887) Л. с позитивистских позиций выступил против кантовской этики. Ленин критиковал Л. как субъективного идеалиста, близкого к махистам и имманентам (см. Соч., т. 14, с. 198).

Соч.: Kant's Analogien der Erfahrung, В., 1876.
Лит.: Hanisch R., Der Positivismus von E. L., Halle, 1902 (Diss.); Gjurič D., Die Erkenntnistheorie des E. L., Lpz., 1902 (Diss.); Kohn J., Der Positivismus von E. L., Bera, 1907 (Diss.); Grunicke L., Der Begriff der Tatsache in der positivistischen Philosophie des 19. Jahrhunderts, Halle, 1930; Salamonicz L., Die Ethik des Positivismus nach E. L., В., 1935 (Diss.); Koch N., Das Verhältnis der Erkenntnistheorie von E. L. zu Kant, Würzburg, 1940.

ЛА ВОЭСИ, Ла Боэти (La Boétie), Этьенн (1 сент. 1530—18 авг. 1563)— франц. публицист и поэт. По профессии юрист, советник бордосского парламента; переводчик *Ксенофонта* и *Плутарха*. Ближайший друг *Монтеня*. Автор политич. трактата «Рассуждение о добровольном рабстве...» («Discours de la servitude volontaire...», 1922, рус. пер. 1952; написан Ла Б. в 18-летнем возрасте, впервые полностью напечатан в 1576) — обличит. памфлета против усиливавшегося гнета франц. абсолютизма. В своем трактате Ла Б. проводил мысль о том, что короли узурпировали права, принадлежащие народу. Он выступал не только против монархического, но и против всякого гос-ва, основанного на эксплуатации. Все люди, по мнению Ла Б., по рождению равны и свободны, они должны быть товарищами и братьями и подчиняться одному разуму; если же народы еще находятся в рабстве, то лишь потому, что они сами добровольно вручают власть одному человеку, сами порабощают себя, не сознавая своих прав и своей силы. Однако революц. выводов Ла Б. не делал. Он считал, что достаточно народам понять свои права и захотеть отказаться от рабства, чтобы благодаря их численному превосходству тирания рухнула сама собой. Идеи Ла Б. оказали значит. влияние на франц. просветителей 18 в. «Рассуждение о добровольном рабстве» высоко ценил Л. Н. Толстой, к-рый впервые перевел трактат на рус. яз. и опубликовал отрывки из него

(см. Полн. собр. соч., т. 44, 1957, с. 426—34; т. 42, 1957, с. 402—04, 613).

Лит.: История франц. литературы, т. 1, М.—Л., 1946, с. 318—20; Barré J., L'humanisme et la politique..., P., 1923; Lugli V., Une amitié illustre: Montaigne et La B., Firenze, 1935; Day, E. de La Boétie, P., 1939; Claude P., Essai sur La B., Brux., 1949.

ЛАБРИОЛА (Labriola), Антонио (2 июля 1843 — 2 февр. 1904) — итал. философ, теоретик и пропагандист марксизма, деятель социалистич. движения. Род. в Кассино. Окончил ун-т в Неаполе. Испытал сильное влияние философа-гегельянца *Спаветты*. В 1862 написал дисс. «Защита гегелевской диалектики...» («Difesa della dialettica di Hegel...»). С 1871 — доцент ун-та в Неаполе, с 1874 — проф. педагогики и морали в Римском ун-те. В это время Л. разделял филос. взгляды левых гегельянцев (см. *Гегельянство*), а также *Гербарта*. В 1889—90 Л. переходит на позиции науч. социализма.

Принимая активное участие в итал. и междунар. рабочем движении, боролся с оппортунизмом и ревизионизмом. С марта 1890 вел оживленную переписку с Энгельсом.

В своих осн. марксистских филос. трудах — «В память о Манифесте Коммунистич. партии» («In memoria del manifesto dei comunisti», 1895, рус. пер. 1922), «Об истории материализма» («Del materialismo storico: delucidazione preliminar», 1896) (обе эти книги впоследствии вошли в кн.: «Очерки материалистич. понимания истории» — «Saggi intorno alla concezione materialistica della storia», v. 1—4, 1895—1925, нов. рус. пер. 1960), «Историч. материализм и философия (Письма к Сорелю)» («Discorrendo di socialismo e di filosofia», 1898, 3 ed., 1939, рус. пер. 1900; 1922) — Л. развивал мысль о неразрывной связи социалистич. движения с марксистской теорией, подчеркивал всемирно-историч. значение марксистского материалистич. понимания истории и противопоставлял его позитивистским взглядам на обществ. развитие. Л. считал, что овладение историч. материализмом невозможно без овладения диалектич. методом. Осн. положения историч. материализма Л. рассматривал в тесной связи с генезисом марксистской теории, историей развития классовой борьбы и с глубокой критикой мелкобурж. течений в социализме. Анализируя различные концепции философии истории, Л. дал развернутую критику «теории географич. среды» и «теории факторов», показал качеств. различие идей утопич. и науч. социализма, раскрыв в то же время их связь. Он изложил учение Маркса о классах, классовой борьбе и гос-ве, дал критику гегелевской теории

гос-ва и права. Разоблачая механистич. концепцию *экономического материализма*, Л. противопоставлял ей глубокий анализ сложных и многосторонних связей между «производит. силами», «орудиями», «экономич. структурой общества» и определяемыми ими классами, формами права и морали, а также этикой, наукой, иск-вом, философией.

Изложение теории историч. материализма Л. завершал док-вом неизбежности гибели капитализма, происходящей в результате социалистич. революции.

Являясь ценным вкладом в марксистскую теорию, лит-ру, произведения Л. не были свободны от ошибок. Относя победу социалистич. революции к отдаленному будущему, Л. не придавал должного значения учению о диктатуре пролетариата. Не оценил он и значения вопроса об отношении партии пролетариата к классу пролетариев и союзникам пролетариата, иногда проявляя непонимание руководящей роли партии в борьбе за социализм. Л. допускал ошибки и по над. вопросу, придерживаясь деления наций на «активные» и «пассивные». Неправильное положение Л. о том, что духовное развитие народов усложняется их равными свойствами, Г. В. Плеханов называл разновидностью «... теории, по которой весь ход истории объясняется свойствами человеческой природы. Материалистическое понимание истории совершенно несовместимо с этой теорией» (Избр. филос. произв., т. 2, 1956, с. 253). Л. не понял до конца сущности марксистского диалектич. метода (за что его критиковал Энгельс), сводя иногда значение диалектики к сумме критических приемов, в равной степени применяемых как идеализмом, так и материализмом (см. А. Labriola, Lettere a Engels, Roma, 1949, p. 149), и допуская суждения в духе неокантианского агностицизма (см. «К вопросу о материалистич. взгляде на историю», СИБ, 1898, с. 26). Несмотря на эти недостатки, труды Л. оказали большое влияние на формирование марксистского мировоззрения итал. рабочих и трудовой интеллигенции. Его воздействие испытали Грамши (см. «Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce», [Torino], 1949, p. 79—81) и Тольятти (см. ст. «Развитие и кризис итальянской мысли в XIX в.», в журн.: «Вопр. философии», 1955, № 5, с. 57—70, представляющую собой часть его статьи «К правильному пониманию воззрений Антонио Лабриолы» — «Per una giusta comprensione del pensiero di Antonio Labriola», в журн.: «Rinascita», 1954, № 7, p. 483—91), к-рые при помощи трудов Л. преодолевали испытанное ими в студенч. годы влияние гегелевской и позитивистской философии. В совр. условиях КПИ пропагандирует наследие Л. и дает отпор попыткам ревизионистов опереться на его наследие (см. Материалы VIII съезда итал. компартии, М., 1957, с. 106—10).

Соч.: Opere complete, t. 1—3, Mil., 1959—61; Socrate, nuova ed., Bari, 1909; Morale e religione, Napoli, 1873; Della libertà morale, Napoli, 1873; Del concetto della libertà. Studio psicologico, Roma, 1878; Del socialismo: conferenza, Roma, 1889; Scritti vari di filosofia e politica, Bari, 1906; Democrazia e socialismo in Italia, Mil., 1954; в рус. пер.— К «кризису марксизма», К., 1906; О социализме, СИБ, 1906; Очерки материалистич. понимания истории, М., 1960 (предисловие З. Мелещенко).

Лит.: Энгельс Ф., [Письмо] Ф. А. Зорге, 30 дек. 1893 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 29, [Л.], 1948, с. 276—7; его же, [Письмо] Антонио Лабриоле в Рим, 30 марта 1890 г., там же, т. 28, [Л.], 1940, с. 192; его же, [Письмо] Карлу Каутскому в Штуттгарт, 3 дек. 1891 г., там же, с. 393; Ленин В. И., Соч., 5 изд., т. 2, с. 500; его же, Письма к родным. 1894—1919, [Л.], 1934, с. 73; Плеханов Г. В., О материалистич. понимании истории, Избр. философ. произв., т. 2, М., 1956; История философии, т. 3, М., 1959, с. 543—52 (и др. по указат.); Diambigli Palazzi S., Il pensiero filosofico di A. L., Bologna, 1923; D'Alpane L., Antonio Labriola: la vita e il pensiero, Roma, 1935; его же, Profilo di A. L., Mil., 1948; Giudizi su A. L. dei classici del marxismo, «Rinascita», 1954, № 3, с. 183—84; Verti G., Per uno studio della vita e del pensiero di A. L., Roma, 1954; его же,

Bertrando Spaventa, A. Labriola e l'hegelismo napoletano, Roma, 1954; Actis Perinetti L., A. L. e il marxismo in Italia, Torino, 1958. З. Мелещенко. Ленинград.

ЛАБРИЮЕР (La Bruyère), Жан (16 авг. 1645—10 мая 1696) — франц. писатель и моралист, предвестник франц. Просвещения 18 в. Член Франц. академии (с 1693). Состоял адвокатом париж. парламента и с 1684, по рекомендации *Боссюэ*, стал воспитателем внука Конде герцога Бурбонского, в доме к-рого и прожил до конца своей жизни, наблюдая жизнь франц. аристократии. Материалы этих наблюдений легли в основу его книги «Характеры Теофраста, перевод с греческого дополненный характеристиками и правами этого века» («Les caractères de Théophraste, traduits du grec avec les caractères ou les moeurs de ce siècle», 1688; при жизни Л. выдержала 9 изданий; рус. пер.— «Характеры или свойства различного состояния людей нынешнего времени», 1812; 1889; «Характеры или нравы нынешнего века», 1964), в к-рой он показывал, что характеры являются непосредств. результатом социальной среды. Л. подверг острой критике политику, обществ. жизнь и нравы своего времени с бурж.-демократич. позиций. Самым большим злом франц. общества Л. считал неравенство сословий и власть денег. Политич. идеалом Л. был просвещенный абсолютизм. Критику Л. пороков цивилизов. общества продолжил *Рейналь* и *Руссо*.

Соч.: Oeuvres, éd. G. Servois, 3 éd., P., 1922; Oeuvres complètes, [P., 1934], в рус. пер.— Избр. мысли Л. с прибавлением избр. афоризмов и максим Ларошфуко, Вольтера и Монтескье, с предисл. Л. Н. Толстого, М., 1908.

Лит.: История франц. литературы, т. 1, М.—Л., 1946, с. 571—75; Пущкин А. С., Путешествие из Москвы в Петербург, Полн. собр. соч. в 6 тт., т. 6, М., 1936, с. 240; Толстой Л. Н., О писателях и о книгах, вып. 1, М., 1942; Pellissier M., La Bruyère, P., 1892; Lange M., La Bruyère. Critique des conditions et des institutions sociales, P., 1909; Richard P., La Bruyère et ses «Caractères», Amiens, 1946; Michaut G., La Bruyère, P., 1936; Paquot-Pierrat L., L'art du portrait chez La Bruyère, Brux., 1948. Г. Зельманова. Ленинград.

ЛАВДЖОЙ (Lovejoy), Артур Онкен (10 окт. 1873—30 дек. 1962) — амер. философ, представитель *критического реализма*. Проф. философии Вашингтонского (1901—1908), Миссурийского (1908—10) ун-тов и ун-та Джона Хопкинса в Балтиморе (1910—38). Президент Американской философской ассоциации (1916—1917), Американской ассоциации университетских профессоров (1919). С 1940 — основатель и ред. журн. «Journal of the History of Ideas» («Журнал истории идей»).

Важнейшие работы — по истории философии, понимавшейся им как «историография идей»: методом ее Л. считал выделение «идей-единиц» (unit-ideas), т. е. филос. категорий, специфич. филос. теорий, свящ. формул и т. д., и исследование их проникновения в различные области идейной жизни (см. «Essays in the history of ideas», Balt., 1948, p. 10). Филос. взгляды Л.—т. н. «темпоралистический реализм», к-рый является попыткой защитить реальность качеств разнообразия в мире. С этих позиций он критикует аргументацию субъективного идеализма, к-рый, изгоняя из мира реальное изменение, смешивает «восприятие последовательности с последовательностью восприятий», и рационализм, выдающего за очевидный закон тезис о том, что «в следствии не может быть ничего такого, чего бы не было в причине» (Козэн М. Р., Американская мысль, М., 1958, с. 346). Л.—сторонник теории *эмерджентной эволюции* (см. «The meaning of „emergence and its modes“» в журн. «J. Philos. Stud.», 1927, v. 2, № 6, p. 176, 177). Он критикует *прагматизм* (гл. обр.—прагматизм *Дьюи*) за отожествление реальности и опыта и *неореализм* за признание имманентности объекта субъекту в акте познания. Свои взгляды он считает дуалистическими в том смысле, что данные опыта не тождественны объективной реальности и не совпадают с нею. Л. признает независимые от субъек-

та «физические существования», находящиеся в процессе постоянного изменения. Однако, признавая, что познанию доступны только «данные познания», т. е. психич. образования, но не «физические существования», Л. утверждает, что во всей познавательной деятельности человек имеет дело только с понятиями, реальное содержание которых лежит по ту сторону опыта. Тем самым, отрывая образ от его объекта, Л. отстает на позиции агностицизма и идеализма (см. Pragmatism versus the pragmatist, в сб.: Essays in critical realism, 1920, new ed., 1941). Сам Л. утверждает, что он занимает позицию между идеализмом и неореализмом.

Соч.: A temporalistic realism, в кн.: Contemporary American philosophy, v. 2, N.Y., 1930; The revolt against dualism, L., 1930; The great chain of being, Camb. (Mass.), 1936.

Лит.: Квитко Д. Ю., Очерки совр. англо-амер. философии, М.—Л., 1936, с. 174—80; Козан М. Р., Амер. мысль, пер. с англ., М., 1958, с. 303, 337—38; Боднар Я. И., О совр. философии США, М., 1959, с. 145—47.

ЛАВЕЛЬ (Lavelle), Луи (15 марта 1883—1 сент. 1951) — франц. философ-спиритуалист, один из основоположников т. н. философии духа. Осн. принципом философии Л. считает категорию бытия, якобы находящегося «выше классического противоречия между объектом и субъектом» («La dialectique du monde sensible», Sras., 1921, p. X). Бытие, по Л., есть чистый «акт», оно идентично понятию «дух» и образует полноту и цельность опыта. «... Чистое бытие абсолютно чуждо материи...» (там же, p. 4). «Источником и сущности и существования является бог» («De l'Acte», P., 1937, p. 107, 108). Преодолевая эмпиричность природы, человек через свою «духовную интимность» участвует (participe) в «свободном чистом и бесконечном акте», т. е. в бытии бога. Попытки Л. разрешить противоречие между сознанием и бытием, сущностью и существованием, природой и свободой, как и его концепция человека, «расцветающего в ясном мире божественного присутствия», близки иррационализму и мистицизму христианского экзистенциализма.

Соч.: Le présence totale, P., 1934; Le moi et son destin, P., 1936; La philosophie française entre les deux guerres, P., 1942; Du temps et de l'éternité, P., 1945; La dialectique de l'éternel présent. De l'être, nouv. éd., P., 1947; De l'acte, P., 1951; Introduction à l'ontologie, P., 1947; De l'âme humaine, P., 1951; Notes sur le sujet..., «Giornale di metafisica», 1955, maggio-giugno, № 3; De l'intimité spirituelle, P., 1955; Traité des valeurs, t. 1—2, P., 1951—55; Morale et religion (Chroniques philosophiques, t. 1), P., 1960; Manuel de méthodologie dialectique, P., 1962.

Лит.: Ионович М. В., Поход против разуму, К., 1960; Совр. религ.-филос. течения в капиталистич. странах, М., 1962; «Giornale di Metafisica», 1952, 15 luglio — agosto, № 4; Ecole J., La métaphysique de l'être dans la philosophie de L. L., Louvain — P., 1957; Lacroix J., Consentement et création, «Études Philosophiques», 1957, № 4; Davy G., L. Lavelle, там же, 1957, № 4; 1958, № 1; Forest A., Lavelle et Malebranche, там же, 1958, № 1; Sciaccia M. F., Souvenir de L. Lavelle, там же; Pierson W., La valeur dans la philosophie de L. L. (Thèse), Lyon, 1959; Levert P., L'être et le réel d'après la philosophie de L. L., «Études Philosophiques», 1960, № 2.

Т. Сахарова. Москва.

ЛАВЕРНЬ (Lavergne), Бернар (р. 15 дек. 1884) — франц. бурж. социолог и экономист, почетный проф. ф-та права и экономич. наук Парижского ун-та. По ряду политич. вопросов Л. занимает прогрессивные позиции (борьба против вооружения Зап. Германии, империалистич. планов объединения Европы).

Ученик Ш. Жюда, Л. считает, что на смену зап. капитализму должен прийти «кооперативный строй», который якобы обеспечит сочетание социалистич. распределения с либерализмом и режимом политич. свободы, приведет к диффузии прибыли, к «облагораживанию» наемного труда, к гармонии классов (см. «L'ordre coopératif», P., 1926, p. 69).

В основу объяснения истории Л. кладет борьбу индивидуализма и авторитаризма; первый Л. рассматривает как выражение т. зр. потребителя, а второй —

т. зр. производителя; в определенных пределах оба они правомерны (идея «социального дуализма»). Вместе с тем Л. отдает решит. предпочтение индивидуализму, поскольку, по его мнению, в экономич. области примат должен принадлежать потребителю (см. «Individualisme contre autoritarisme», P., 1959, p. 120).

В политич. экономике Л. защищает психологич. теорию стоимости и психологич. теорию кризисов.

Соч.: Le régime coopératif, P., 1908; La théorie des marchés économiques, P., 1910; Les régies coopératives, P., 1927; Le gouvernement des démocraties modernes, t. 1—2, P., 1933; La crise et ses remèdes, P., 1938; Essor et décadence du capitalisme, P., 1938.

В. Кузнецов. Москва.

ЛАВРОВ, Петр Лаврович [2(14) июня 1823—25 янв. (7 февр.) 1900] — рус. философ и социолог, мелкобурж. социалист — теоретик революции, народничества. Род. в семье псковского помещика. Окончил

петерб. артиллерийское училище (1842). В 1844—66 преподавал в воен. учебных заведениях. Начал печататься в 1852. В статьях «Гегелизм» («Библ. для чтения», 1858, № 5), «Практич. философия Гегеля» (там же, 1859, № 4, 5), «Механич. теория мира» («Отечеств. записки», 1859, апр.), «Что такое антропология» («Рус. слово», 1860, окт.), «Моим критикам» (там же, 1861, июнь, авг.) и др. и кн. «Очерки вопросов практич. философии (Личность)»

(1860, посвящена Герцену и Прудону) и «Три беседы о совр. значении философии» (1861), а также в статьях, написанных Л. для редактировавшегося им «Энциклопедич. словаря» (издание прекращено в 1863 за «вредное направление»), Л. определяет свою позицию в философии как «антропологич. точку зрения».

Суть антропологизма Л. — признание человек. личности как единства материального и духовного, отвержение разного рода «метафизики». Резко критикуя мистич. формы идеализма, Л. называл религ. настроения патологическим. Полемика Л. с мистицизмом была, однако, непоследовательной, ибо велась с позиций позитивизма, а не материализма, который, по Л., также представляет собой метафизику: материалисты, по Л., в поисках сущности бытия тщетно пытаются выйти за пределы мира явлений — единственного, данного человек. личности. Теоретич. непоследовательность Л., нашедшая выражение в его агностицизме, сползании к субъективизму в гносеологич. вопросах, была подвергнута критике Чернышевским («Антропологич. принцип в философии»), а также Писаревым и Антоновичем.

Расходясь с кругом «Современника» по филос. вопросам, Л. вместе с тем активно участвовал в политич. деятельности демократов. Особенно радикальной его позиция становится в 1861: он поддерживает студент. выступления, ставит свою подпись под протестом против ареста М. Михайлова, сближается с Чернышевским, участвует в подпольной «Земле и воле» (1862). После осуждения Чернышевского Л. ходатайствует о пересмотре его дела. Жандармы 3-го отделения в 1862 устанавливают за Л. негласное наблюдение. После выстрела Каракозова (1866) Л. арестовывают и предают суду, в 1867 отправляют в ссылку в Вологодскую губ. (Тотьма, Вологда, Кадников).

В ссылке Л. создает свой важнейший труд — «Исторические письма» (под псевд. Миртов, первоначально в журн. «Неделя», 1868—69; отд. изд. 1870). По-своему перерабатывая филос. и социологич. концепции Прудона, Конта, Стенсера и др. зап.-европ. мыслителей, Л. рассматривает здесь такие понятия, как история,

прогрессе, культура, цивилизация, идеал, государство, национальность и др. Подчеркивая принципиальное различие явлений общественных и природных, Л. отрицает естественно-историч. характер развития общества: в природе господствует закономерность, принцип повторяемости, историю же отличает развитие, прогресс; установление правильной перспективы историч. фактов, уяснение их смысла зависит от самого историка. Отсюда и идея Л. о так наз. субъективном методе в социологии, отрицающая объективный материальный критерий при определении законов обществ. развития. «Сознательно или бессознательно, человек прилагает ко всей истории человечества ту нравственную выработку, которой он сам достиг... Все... судят об истории субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут» («Историч. письма», в кн.: Избр. соч., т. 1, 1934, с. 190). «... Нравственный идеал историка есть единственный светоч, способный придать перспективу истории в ее целом и в ее частностях» (там же, с. 391). Соответственно нравств. идеалу, признаваемому, по Л., «лучшими мыслителями» нового времени, прогресс в истории есть усиление сознат. элемента в жизни общества, или, говоря более пространно, «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости...» (там же, с. 199). Реально прогрессивное развитие общества выступает, по Л., как процесс переработки культуры в цивилизацию. «Культура» в трактовке Л. — это обществ. формы, лишенные развития, склонные к застою. Только «мысль есть единственный деятель, сообщающий человеку достоинство общественной культуре» (там же, с. 244), превращающий ее в «цивилизацию». Поскольку «мысль реальна лишь в личности» (там же, с. 245), постольку гл. движущей силой истории являются критически мыслящие личности, т. е. передовая интеллигенция.

Формула Л. об истории как процессе переработки культуры мыслью крайне идеалистична и лишена, по выражению Плеханова, «самого малейшего атома конкретности» (см. Соч., т. 9, 1926, с. 8). Но в контексте «Историч. писем» она имела вполне определенный смысл: это был призыв к рус. интеллигенции на борьбу с существующими историч. формами: «Итак, если человек сознал в себе ясное понимание минувшего и энергическое стремление к правде, то он не может и не должен отречься от выработанного им убеждения, в виду исторических форм общества, потому что раз ум, польза, право на его стороне. Он только должен взвесить свои силы для предстоящей борьбы... рассчитать свои действия и тогда решиться» (Избр. соч., т. 1, с. 252). «Чтобы сила не тратилась даром, надо ее организовать. Критически мыслящие и энергически желающие личности должны желать не только борьбы, но и победы; для этого надо понимать не только цель, к которой стремишься, но и средства, которыми можно ее достигнуть» (там же, с. 254). Отсюда необходимость объединения личностей в партию, к-рая придаст борьбе «направление и единство» (см. там же, с. 261). В России конца 60 — нач. 70-х гг. 19 в. «Историч. письма» Л., несмотря на нек-рую абстрактность их положений, были восприняты передовой разночинной молодежью как призыв на борьбу, явились мощным фактором движения «в народ».

В февр. 1870 Л. при посредстве Г. Лопатина осуществил побег из ссылки в Петербург; затем нелегально выехал в Париж. Здесь Л. сблизается с революц. рабочими, участвует в деятельности Парижской Коммуны. Посланный Коммуной в Лондон, Л. в 1871 поз-накомился там и близко сошелся с Марксом и Энгельсом. Отныне Л. рассматривает рус. освободит. движение как один из отрядов международного социалистического движения.

Вершина революц.-теоретич. деятельности Л. — издание им журнала (1873—77, 5 сб., в последнем Л. не участвовал) и газеты (1875—76) «Вперед» (Цюрих, с 1874 — Лондон). На страницах «Вперед» Л. дал разработку особого типа рус. революц. народничества. Гл. отличие Л. от др. теоретиков народничества 70-х гг. заключается в настойчивом подчеркивании необходимости тщательной подготовки революции. С этой т. зр. Л. выступал против как бунтарского, анархистского (*Бакунин*), так и бланкистского, заговорщического (*Ткачев*) течений в народничестве. В противоположность Бакунину Л. указывал, что «торопить» историю посредством простого призыва к молодежи устраивать крест. бунты и восстания — опрометчиво; необходима основат. пропаганда социалистич. учения среди трудящихся и тщательная — теоретич. и нравственная — подготовка революционеров. Попытка вызвать революцию искусственно «... едва ли может быть оправдана в глазах того, кто знает, как тяжело ложатся всякие общественные потрясения именно на самое бедное большинство, которое принесит при этом значительные жертвы» (там же, т. 2, 1934, с. 34). Полемицируя со сторонниками заговорщич. тактики, Л. призывал оставить «... устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленные массы. Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти. Будущий строй русского общества... должен воплотить в дело потребности большинства, им самим сознанные и поняты» (там же, с. 31). Уделяя особое внимание проблеме средств революции, подчеркивая гуманность социализма, Л. писал: «Люди, утверждающие, что цель оправдывает средства, должны бы всегда сознавать ограничение своего правила весьма простым трионизмом: кроме тех средств, которые подрывают самую цель» (там же, с. 26).

Л. внимательно следил за развитием зап.-европ. рабочего движения, за деятельностью Интернационала; с этой целью он публиковал в журн. «Вперед» спец. обзоры. В особенности опыт борьбы европ. пролетариата послужил материалом для работ Л. «18 марта 1871 г.» (1880, последующее изд. под назв. «Парижская Коммуна»; переведена на мн. яз.), «Государств. элемент в будущем обществе» (1876). Л. выступает здесь за уничтожение бурж. гос. машины, существование к-рой, по его мнению, никак не может быть примирено с интересами сил социализма. Если раньше, полемицируя с рус. бланкистами, Л. категорически высказывался против какого-либо принятия революц. диктатуры, то теперь он признает ее необходимость как диктатуры большинства, существующей притом только в рамках суровой необходимости. В противоположность Бакунину, Л. придерживается мысли о положительн. роли гос-ва при строительстве социалистич. общества. Нельзя, пишет он, смещивать общество на другой день после совершения социалистич. революции (когда рядом с победителями будут побежденные, враждебные силы, когда социалистич. страну будут окружать гос-ва с бурж. строем, когда большинство победителей, провозгласивших начало рабочего социализма, будет бессознательно хранить в себе привычки и влечения, унаследованные от старого строя) с социалистич. обществом, развивающимся «... на своих собственных началах» (Соч., т. 4, 1935, с. 262). Сохранение гос-ва при социализме — мера вынужденная. «... Временное проявление государственного элемента

для разрыва с закоренелыми привычками старого мира и для войны не может привести к злоупотреблениям при внимательном взаимном контроле наиболее влиятельных членов общества, а через незначительный период времени и это участие государственного элемента может быть доведено до минимума, если не совсем устранено» (там же, с. 346). Образец социалистич. гос-ва Л.— как и Маркс — увидел в Парижской Коммуне 1871.

Разумеется, Л. не смог до конца правильно понять сущность марксизма как учения, принципиально отвергающего его субъективистские установки. Говоря об интернационализме социалистов, Л. беспринципно призывал марксистов и бакунистов к примирению. Понимая закономерный характер социализма, он не видел, что только пролетариат может выступить организатором социалистич. революции. Рассуждая о роли гос-ва, Л. исходил из того, что оно — не продукт классовой борьбы, а результат обществ. договора. Указывая на важнейшую роль экономич. фактора в обществе, Л. наряду с ним ставил фактор нравственный. Стремление Л. в 70-х гг. 19 в. создать единую теорию революц. процесса и для пролетарской Европы и для крест. России, соединить народничество с марксизмом не могло не означать беспрепятственного эклектизма, отмечавшегося Энгельсом (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 15, с. 231) и Плехановым (Соч., т. 9, 1926, с. 6; т. 24, 1927, с. 86, 89).

В конце 70 — нач. 80-х гг. взгляды Л. подвергаются некоторым изменениям: он приходит к идее непосредственно-политич. действия как осн. метода борьбы с самодержавием. После неудачной попытки сотрудничества с Плехановым на почве сови. издания «Социально-революц. библиотеки» Л. примыкает в 1882 к «Нар. воле». В 1883—86 вместе с Л. Тихомировым он редактирует «Вестник нар. воли».

Наиболее значит. произведение Л. этого времени — «Социалистич. революция и задачи нравственности» (1884), подытоживающее многолетнюю разработку Л. вопросов революц. этики. Л. исходит из того, что, пока существует борьба классов, «... до тех пор ни одна нравственная задача... не может быть даже поставлена правильно» («Социальная революция и задачи нравственности», П., 1921, с. 49). Цель социалиста — осуществление возможно полного торжества социализма возможно скорее и при возможно меньших страданиях для общества (см. там же, с. 51). Но в условиях классового антагонизма шансы ослабления борьбы за социалистич. строй очень незначительны. Путь насильств. революции, «кровяного столкновения» становится необходимым и почти неизбежным. «... Социалистический переворот немислим без политического и, следовательно, без политической деятельности, его подготовляющей» (там же, с. 66). А поскольку в России социалистич. пропаганда встречает «... неодолимые препятствия в современном бюрократическом абсолютизме российской империи» (там же, с. 47), постольку необходимо создание тайной босовой организации, ставящей своей целью уничтожение этого самодержавия. Так Л. подводил теоретич. базу под тактику «Народной воли».

В последующие годы — с развитием рабочего движения и распространением пролет. идеологии в России — роль и авторитет Л. в революц. движении падают; сам он все менее правильно понимает сущность процессов, происходящих на родине и в Зап. Европе. Рус. рабочий класс Л. по-прежнему считает незначит. силой, он скептически оценивает деятельность рус. социал-демократов, отрицая т. обр. применимость марксизма к условиям России. Резкую критику идей Л. дает в работе «Наши разногласия» Г. В. Плеханов. Ряд ошибочных положений Л., изложенных в его письме, опубли. в № 4 «Летучих листов» петербургской

группы народолюбцев в 1895, подвергнут критике в работе В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов». Эти ошибки Ленин считал непростительными для такого «ветерана революционной теории», каким был Л. (см. Соч., т. 2, с. 319).

Особое внимание Л. уделял разработке вопросов истории обществ. мысли и обществ. движений. Так, в эмигрантских «Материалах для истории рус. социально-революц. движения» (1893—96) им была опубликована работа «Народники-пропагандисты 1873—1878 годов». Л. работал также над большим трудом по социологии и истории мысли, начатым еще в 60-х гг. В 1875 вышла работа Л. «Опыт истории мысли», составленная из цикла ранее опубликованных статей. Затем отд. выпусками Л. напечатал «Опыт истории мысли Нового времени» (Женева, 1888—94). Наконец, в 90-х гг. он вновь возвратился к этой работе: в 1898 выходит книга Л. «Задачи понимания истории» (под псевд. С. С. Арнольди), как бы открывающая серию работ по истории мысли. Уже после смерти Л. была опубликована след. книга этой серии «Важнейшие моменты в истории мысли» (1903, под псевд. А. Доленга).

Значение Л. в истории рус. мысли и революц. движения крайне противоречиво. В философии он представляет собой как бы промежуточное звено от материализма Чернышевского и др. шестидесятников к неокантианству и субъективизму Михайловского. В социологии Л. в полемике против историч. фатализма дал разработку вопроса о субъективном факторе в истории, значение которого он, однако, очень переоценил, выступив родоначальником т. н. субъективной школы. При разработке этич. проблем Л. сильно мешали его антропологич. установки. В области политической безусловно положит. явлением была критика Л. революц. авантюризма. Вместе с др. народолюбцами Л. верно указал на необходимость вести политич. борьбу с самодержавием, хотя зачастую и отождествлял ее с понятием политич. заговора. Интерес Л. к рабочему движению, подчеркивание им интернационалистского характера революц. борьбы и значения марксизма в обосновании науч. социализма — все это объективно служило делу подготовки кадров для будущих с.-д. кружков. Однако, с др. стороны, ряд последователей Л., руководствуясь его идеями о постепенной — гл. обр. интеллектуальной и моральной — подготовке революции, отошел от революц. деятельности к «культурничеству» (от этих «лаврнстов» отрекался и сам Л.).

Науч. изучение деятельности и лит.-теоретич. наследия Л. началось по существу лишь после Окт. революции 1917. Были изданы «Мат-лы для биографии Л.» (в. 1, П., 1921), переиздан ряд его сочинений, начато издание многотомного Собр. произведений Л. В работах И. Книжника-Ветрова и ряда др. авторов была сделана попытка определить действит. историч. место Л., проследить тенденции его идейного творчества. В годы культ. личности Сталина было прекращено издание соч. Л. и книг о нем, стало энциклопедическим распределение Л. как вождя «правого», т. е. оппортунистич. крыла рус. освободит. движения 19 в. Вплоть до сер. 50-х гг. наследие Л. не разрабатывалось, его архив не изучался. После XX съезда КПСС возобновилось изучение Л. При этом в ходе дискуссии о народничестве вновь возник вопрос о месте Л. в рус. революц. движении.

Соч.: Собр. соч., сер. 1, 3—6, П., 1917—20 (не закончено); Избр. соч. на социально-политич. темы, т. 1—4, М., 1934—35 (введение И. Книжника-Ветрова; изд. не закончено, имеется библиография).

Лит.: Переплюска К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политич. деятелями, 2 изд., [М.], 1951; Шелгунов Н., История. сила критич. личности, «Дело», 1870, № 11; Кольцовский Я. Н., Материалы для истории философии в России, П. Л. Лавров, «Вопр. филос. и психологии», 1898, кн. 44, сент. — окт.; Рубанович Н. А., П. Л. Л., как философ, «Вестник рус. революции», 1901, № 1; Аксельрод П. Б., Рабочий класс и революц. движение в России, пер. с нем., СПб., 1907, с. 108—24; Раппопорт Х., Социальная философия П. Л., пер. с франц., СПб., 1906; Кареев Н. И., Теория личности П. Л. Л., СПб., 1907; Русанов Н. С., П. Л. Лавров, «Былое», 1907,

№ 2/14, февр.; В и т я з е в П., П. Л. Л. и Н. К. Михайловский, П., 1917; «Вперед!» Сб. ст., посвященных памяти П. Л. Л., П., 1920; П. Л. Л. Статьи, воспоминания, материалы, П., 1922; Г о р е в Б., Л. и утопич. социализм, «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7; Ф р и ч е в В., Л. и «чистое» искусство, там же; С а п о ж н и к о в П., П. Л. как идеолог народничества, в сб.: Зап. Коммунистич. ун-та им. Свердлова, т. 1, 1923; К и р и ч е н к о П., Место П. Л. Л. в истории социализма, «Звезда», 1925, № 1(7); е г о же, П. Л. Лавров, 2 изд., М., 1930; Л а д о х а Г., Историч. и социол. воззрения П. Л. Л., в сб.: Рус. историч. лит-ра в классовом освещении, т. 1, М., 1927; М и л ь ш т е й н А. А., Элементы науч. социализма в учении П. Л. Л., «Тр. Вятского пед. ин-та», 1927, т. 2, вып. 1; К о з ь м и н В. П., От девятнадцатого февраля к первому марта, М., 1933, с. 107—58; е г о же, Рус. секция Первого Интернационала, М., 1937; Л е в и н Ш. М., Обществ. движение в России в 60—70-е годы XIX века, М., 1958; М а р к и н а Н. Л., Социол. взгляды П. Л. Л., в сб.: Тр. ин-та философии АН БССР, вып. 1, Минск, 1958; З а м я т и н В., Экономич. взгляды П. Л. Л., «Экономич. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1961, № 3; В у л а т о в Г. П., Обществ.-экономич. взгляды П. Л. Л. и П. Н. Ткачева, в кн.: Сб. трудов Ставропольского пед. ин-та, вып. 21, 1963; К и р и ч е н к о Т. М., К вопросу об обществ.-политич. взглядах П. Л. Л. в 70—80-х гг. XIX в., «Тр. Моск. истор.-архивного ин-та», 1963, т. 18; Революц. народничество 70-х гг. XIX в. Сб., т. 1, М., 1964; M e i j e r J. M., Lavrov and Russian literature, в кн.: *Analecta slavica; a Slavica miscellany*, Amst., 1955, p. 135—43; K a g r o v v i c h M. M., P. L. Lavrov and Russian socialism, «California Slavic Studies», 1963, v. 2, p. 21—38.

Г. Арефьева, А. Володин. Москва.

ЛАГАРД (Lagarde), Пауль Антон де (2 ноября 1827—22 дек. 1891) — нем. бурж. философ, теолог, филолог-арабист. Проф. восточных языков в Гёттингенском ун-те. В своей «Программе консервативной партии Пруссии» Л. утверждает, что защита и сохранение status quo являются недостаточными средствами для борьбы с революц. обществ. силами; необходим поворот вспять, восстановление status quo ante. Идеализируя средневековые, Л. отрицает крупную промышленность, фабричную систему; он противопоставляет им труд ремесленника, феод. корпорации, цеха и т. д. Л. восхваляет монархию и вместе с тем отстаивает теократический политич. идеал, ибо светская гос. власть не в состоянии управлять человек. чувствами и мыслями. Это может делать лишь церковь, к-рая поэтому должна рассматриваться как высшая руководящая сила в обществе.

Теократич. концепция Л. неразрывно связана с его идеалистич.-теологич. мировоззрением, к-рое носит ярковыраженный иррационалистич. характер. Но Л., все в природе и обществе иррационально, выходит за пределы человек. возможностей понимания и действия. В отличие от Шопенгауэра и Ницше, Л.— религ. иррационалист, противопоставляющий иррациональности природы и особенно иррациональности человек. жизни высший, сверхприродный божеств. разум. Иррациональность человек. жизни связывается Л. со смертностью человека и первородным грехом; но существует и вечное, нетленное — путь к богу, составляющий генеральную линию в блужданиях человечества на всем протяжении всемирной истории. В отличие от ортодоксально католич. философов, к-рые пытаются обосновать «гармонич.» веры и знания, Л. противопоставляет религию наукам о природе, якобы неспособным постигнуть истинную, божеств. сущность действительности. В изучении человека Л. отвергает объективные научные методы исследования, подменяя их идеалистич., теологич. спекуляциями. Осн. понятие учения Л. о человеке — понятие «этоса», некоей врожденной, богом вложенной духовной сущности человека. В своих спекуляциях об этосе Л. использует христианский миф о грехопадении Адама и Евы, связывая с ним проблему заблуждения в познании, т. е. пытаясь отыскать некий фатальный, predetermined источник всех человек. заблуждений. Л. подчеркивал, что его интересует не истина, а содействие «возрождению» нем. нации, якобы возвращенной и ослабленной развитием культуры.

Воинствующий реакционер, националист, Л. утверждал, что Германия образует «сердце человечества». Л. осуждал Реформацию, видя в ней ослабление религиозности, попытки компромисса с просвещением, культурой. Он выступал также против гуманизма, считая его одним из проявлений испорченности человека, вызванной якобы развитием культуры, цивилизации. Крайне реакц. воззрения Л., не привлекавшие внимания во 2-й пол. 19 в., в эпоху империализма и особенно в период гитлеровской диктатуры стали широко пропагандироваться идеологами герм. фашизма и пангерманизма, к-рые рассматривали Л. (наряду с Ницше) как одного из наиболее выдающихся своих предшественников.

С о ч.: *Schriften für das deutsche Volk*, Bd 1—2, Münch., 1924.

Лит.: Быховский Б., Фельдфебели в вольтерах (Фашизм и философия), [М.], 1943; Freitling R., P. de L. und der grossdeutsche Gedanke, W., 1927; Kroger F., L. und der deutsche Staat, Münch., 1930; Schmid L., Paul de Lagarde's Kritik an Kirche, Theologie und Christentum, Stuttgart, 1935. Т. Ойзерман. Москва.

ЛАДЫГИНА-ГОТС, Надежда Николаевна [6(18) мая 1889—3 сент. 1963] — сов. психолог, старший науч. сотрудник Института философии АН СССР (1945—63), д-р биол. наук; засл. деятель науки (с 1961). С 1911 работала в Гос. Дарвиновском музее, ведя науч. исследования по сравнит. и эволюц. психологии. Л.-К.— крупнейший специалист в области сравнит. психологии, особенно в изучении психики и поведения обезьян. Работы Л.-К. имеют фундаментальное значение для разработки проблемы антропогенеза.

С о ч.: Исследование познават. способностей шимпанзе, ч. 1—2, М.—П., 1923; О познават. способностях шимпанзе, в кн.: Брэм А., Человеческ. обезьяны, пер. с нем., М.—Л., 1924; Приспособит. моторные навыки макака в условиях эксперимента, [М.], 1928; Дети шимпанзе и дети человека..., М., 1935; Различение количества у шимпанзе, в сб.: Психология, т. 3, Тб., 1945; Особенности элементарного мышления животных, «Вопр. психологии», 1955, № 3; Развитие форм отражения в процессе эволюции организмов, «Вопр. философии», 1956, № 4; Les caractères spécifiques de l'intelligence des anthropoïdes (du chimpanzé), М., 1957; Развитие психики в процессе эволюции организмов, М., 1958; Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе), М., 1959; The handling of objects by primates (apes and monkeys) in the light of antropogenesis, в кн.: XVth International Congress of Zoology (London, 16—23 July 1958), Proceedings, L., 1959; Работы сов. ученых в области сравнительной психологии, в кн.: Психология, наука в СССР, т. 2, М., 1960; Дарвинизм и проблема происхождения сознания, в кн.: Дарвинизм живет и развивается, М., 1960; Emploi d'un instrument par un chimpanzé dans une situation expérimentale, «L'année psychologique», 1961, № 1; Значение трудов Ч. Дарвина для сравнительной психологии. (К 80-летию со дня смерти), «Вопр. психологии», 1962, № 4.

ЛАЗ, Иоанн (Иоанн Грузин Митридат) — теолог и философ 5 в., единомышленник и друг П. Иверя. Жил в Грузии, Константинополе; скончался в Сирии, ок. 464—65. Был последователем неоплатоников Плотина и Прокла (есть данные о сотрудничестве Л. с Проклом). По предположению бельг. проф. Э. Хонигмана (E. Honigman, Pierre l'Ibérien et les écrits du Pseudo-Denys l'Aréopagite, 1952), Л. был соавтором *Ареопагитик*.

Лит.: Н у ц у б и д з е Ш. П., Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита, Тб., 1942. П. Хидашели. Тбилиси.

ЛАЗАРСФЕЛЬД (Lazarsfeld), Пауль Феликс (р. 13 февр. 1901) — амер. бурж. социолог, представитель социол. неопозитивизма и один из ведущих представителей «математич. социологии». Получил образование в Вене, где работал до пересзда в США (1933). Проф. (с 1940) и руководитель (с 1950) отделения социологии в Колумбийском ун-те, возглавляет отдел социол. исследований.

Основной теоретич. воззрений Л. является позитивистская т. зр. относительно «нефилософской» социологии; единств. путем развития социологии Л. считает заимствование ею методологии точных наук. Л. приравнивает к социологии неопозитивистское требование

«универсальной науки» и считает единств. критерием научности социологич. знания математич. правильность исследовательских методов и операций. В понимании социологич. теории Л. целиком стоит на позиции прагматизма и инструментализма. Ее значение он сводит к конвенционалистски понимаемой методологии, т. е. рассматривает как совокупность произвольных, созданных «искусством исследователя» приемов, позволяющих «упорядочить» характеристики действительности в соответствии с задачей исследования. В конечном счете эта теория оказывается рядом формальных правил построения типологий и создания статистич. и математич. моделей.

Л. разработал нек-рые математич. методы анализа социальных и социально-психологич. явлений, напр., метод анализа «скрытой структуры» — личных отношений индивидов в той или иной группе, — скрывающейся за их собств. представлениями об этой структуре (см. *The language of social research*, [1955], совм. с М. Rosenberg); *A conceptual introduction to latent structure analysis*, в кн.: *Mathematical thinking in the social sciences*, ed. by P. E. Lazarsfeld, 1954). Ему принадлежит обоснование «панельного интервьюирования» — процедуры повторяющегося через определ. промежутки времени опроса группы людей.

Л. известен как один из руководителей ряда крупных эмпирич. исследований, проводимых по заказам пр-ва и корпораций, а также работами о средствах массовой связи, о процессах избират. компаний в США. В этих работах поставлены узкоэмпирич. описат. задачи, однако нередко в них приводятся ценные в науч. отношении выводы. Напр., в кн.: «*The voting. A study of opinion formation in a presidential campaign*» (1954, соавтор) показывается распределение голосов в небольшом г. Элмира (ок. Нью-Йорка) во время президентских выборов 1948 в связи с социально-экономич. положением избирателей, их политич. симпатиями, религ. убеждениями, национальностью, расой, полом и т. д., хотя и не вскрываются причины и закономерности формирования обществ. мнения, не дан анализ социальных сил и системы политич. власти. На 4-м Междунар. социологич. конгрессе (1959) Л., признавая ограниченность и поверхностность проблематики большинства социологич. исследований, проводимых в США, призывал к постановке более широких и социально значимых вопросов, в к-рые он, однако, не включил проблемы коренных, социально-экономич. отношений капиталистич. общества.

Соч.: *Radio and the printed page*, N. Y., [1940]; *The people's choice*, 2 ed., N. Y., 1948 (совм. с В. Berelson, H. Gaudet); *The people look at radio*, Chapel Hill, [1946] (совм. с H. Field); *Radio listening in America*, N. Y., 1948 (совм. с P. Kendall); *The logical and mathematical foundation of latent structure analysis*, в кн.: *Stouffer S. A. [a.o.], Measurement and prediction*, Princeton, 1950.

Лит.: Федосеев П., Францев Ю., *Бурж. социология в тушке*, «Коммунист», 1959, № 17, с. 89—100. Н. Новиков. Москва.

ЛАЗУРСКИЙ, Александр Федорович [31 марта (12 апр.) 1874—27 февр. (12 марта) 1917] — рус. психолог. Сотрудник *Бехтерева*, проф. Психоневрологич. ин-та. Разработанная Л. методика «естественного эксперимента» (1911) впервые сближала психологич. исследование с непосредств. жизненной ситуацией и оказала влияние на совр. педагогич. психологию. В ст. «Влияние естествознания на развитие психологии» (*Журн. «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии»*, 1900, № 8) Л. возражал против выведения психологии из умозрит. философии и подчеркивал связь психологии с естеств. науками. Работал над проблемами характерологии и классификации личностей. Выдвинутая Л. идея отношений, в к-рых проявляется характер, противопоставлялась традиц. пониманию личности как со-

вокупности психич. функций. Вместе с тем взгляды Л. на личность и характер страдали механицизмом. Филос. взгляды Л. были идеалистическими: на них сказалось влияние представлений бурж. социологии о биосоциальной сущности человека.

Соч.: О центральных продолжениях двигательных черепных нервов, «Неврологич. вестник», 1895, т. 3, вып. 3; Школьные характеристики 2 изд., СПб, 1913; К учению о психической активности. М., 1916; Очерк науки о характере, 3 изд., П., 1917; Естественный эксперимент и его школьное применение. [Сб. ст.] под ред. А. Ф. Л., П., 1918; Классификация личностей, 3 изд., П., 1924; Психология общая и экспериментальная, [3 изд.], Л., 1925.

Лит.: Лазурский В. Ф., Профессор А. Ф. Лазурский, О., [б. г.]; Нечаев А. П., Памяти А. Ф. Л., «Психология и дети», 1917, № 3—4; Бехтерев В. М., А. Ф. Лазурский, «Вестник психол., криминальной антропол. и педологии», 1919, т. 14, вып. 1; Крогнус А. А., Ступени познания, продолженные в характерологии А. Ф. Лазурским, там же; Садчиков П. И., Психологич. наследие А. Ф. Л., К., 1955 (Автореф.); е е же, Психологична спадщина О. Ф. Лазурського, в сб. ст.: *Нариси в историі вітчизняної психології кінця XIX і початку XX століття*, К., 1959. А. Петровський. Москва.

ЛАЙН ЭНТРАЛЬГО (Lain Entralgo), Педро (р. 1908) — исп. историк и философ. Один из представителей части бурж. интеллигенции, оппозиционной к режиму Франко. Идеалистически трактуя историю культуры в книгах «*Поколения в истории*» («*Las generaciones en la historia*», 1944), «*Испания как проблема*» («*España como problema*», т. 1—2, 1956) и др., Л. Э. в то же время пытается раскрыть нац. своеобразие развития Испании. В работах «*Поколение 1898 года*» («*La generación del 98*», 1945, 3 ed., 1956), «*Менендес-И-Пелайо*» («*Menéndez y Pelayo: historia de sus problemas actuales*», 1944) и др. выступает против трактовки обществ. мысли в духе ортодокс. католицизма. Сторонник умеренного направления в совр. католицизме, Л. Э. выступает против марксизма («*Ожидание и надежда*» — «*La espera y la esperanza*», 1957). Л. Э. — автор ряда работ по истории медицины, в к-рых стремится примирить науку с религией, объяснить эволюцию представлений о болезни с позиций теологии.

Соч.: *Medicina e historia*, Md., 1941; *Estudios de historia de la medicina y la antropología médica*, Md., 1943; *Historia de la medicina. Medicina moderna y contemporánea*, Md., 1954; *Mysterium doloris*, Md., 1955.

ЛАКЕБРИНК (Lakebrink), Бернхард (р. 24 февр. 1904) — зап.-герм. философ-неотомист. В осн. работе «*Гегелевская диалектич. онтология и томистская аналектика*» («*Hegels dialektische Ontologie und die Thomistische Analektik*», 1955) Л. пытается дать методологич. обоснование схоластич. онтологии, разработать в противоположность диалектике схоластич. метод — томистскую аналектику (термин введен им). Диалектич. противоречию как взаимопроникновенно противоположностей Л. противопоставляет аналектич. тезис гармонии, сходства различий, к-рое следует понимать как нечто промежуточное между тождеством и борьбой противоположностей. Сходство при этом считается первичным, субстанциальным принципом всех свойств и отношений бытия. Сходство, по Л., является «материнской первоосновой своих частей» (указ. соч., S. 323). Своим содержанием аналектич. тезис о примате сходства над различием служит обоснованию одного из осн. положений схоластич. картины мира — утверждению неподвижной иерархич. структуры бытия. Существо такого обоснования составляет антидиалектич. решение проблемы источника движения, перенесение этого источника вовне и в конечном счете обожествление. Аналектика Л. несовместима с наукой, к-рая подтверждает диалектико-материалистич. понимание единства и борьбы противоположностей.

Соч.: *Das Wesen der theoretischen Notwendigkeit unter besonderer Berücksichtigung der kantischen und ihrer modernen Interpretation* (Natorp, Heidegger), в кн.: *Philosophisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft*, Bd 46, Bonn, 1933; *Zum Eckehart-Problem*, в кн.: *Studien zum Myt-*

hus des 20. Jahrhunderts, [T1] 3, Köln, 1935; Neue Bildung. Die Überwindung des modernen Nominalismus, Bonn, 1946; Der lateinische Gedanke und die deutsche Subjektivität, Köln, 1946; Der Existentialismus, «Die Kirche in der Welt», Jg 2, 1949, Lfg. 1; Der Einfluss Schellings auf das ontologische Denken der Gegenwart, там же, Jg 7, 1954, Lfg. 3.

Лит.: Деборин А. М., Философия и политика, М., 1961, с. 630; Греков Л. И., Диалектика противоречия и неомистическая аналетика, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1962, № 5; Лей Н., Die materialistische Dialektik gegen die idealistische Metaphysik, «Wissenschaftliche Zeitschrift der technischen Hochschule Dresden», Jg 7, 1957—58, Н. 1. Л. Греков. Москва.

ЛАКОМБ (Lacombe), Оливье (р. 2 июля 1904) — франц. философ-неотомист; проф. Лилльского ун-та (с 1947), президент Католич. центра франц. интеллигенции. Филос. воззрения Л. формировались под влиянием неомистических концепций Маритена и Жильсона. Л. ставит вопрос о необходимости создания нового католицизма. Современность, отмечает Л., — это эпоха нового (после Возрождения и Просвещения) наступления на католицизм; исход борьбы зависит от того, сможет ли католицизм освободиться от своей традиц. формы и, сохраняя христ. основу, органически включить в себя мудрость всех народов (в том числе и народов Азии и Африки), сделавшись, т. о., всеобщим учением, стоящим выше отдельных форм. Л. высоко оценивает идеалистич. системы индийской философии, сближая их с христ. спиритуализмом.

На филос. взгляды Л. оказала влияние также философия жизни. Хотя Л. критикует иррационализм (в частности, бергсоновский) за противопоставление жизни и разума как двух принципиально несоизмеримых начал, он отличает свое учение, с уважением и пониманием относящееся к различным формам религиозного опыта, от классического рационализма, враждебно веру. Рассматривая жизнь как в сущности иррациональный процесс, Л. заявляет, что «нет никакого разрыва между разумом и жизнью, и разум, вместе с порождаемой им духовной любовью, сам является суверенной формой жизни» («Chemins de l'Inde et philosophie chrétienne», P., 1956, p. 20).

Соч.: L'absolu selon le Védanta, P., 1937; перевод и комментарии в кн.: Ramanauja A., La doctrine morale et métaphysique..., [P.], 1938; Existence de l'homme, Bruges, [1951]. В. Кузнецов. Москва.

ЛАКОМБ (Lacombe), Поль (1833—17 июля 1919) — франц. бурж. историк и социолог. Ген. инспектор библиотек и архивов Франции, член Парижского социологич. об-ва. Представитель позитивистско-психологич. направления в социологии, последователь Тарда. Историч. факты, согласно Л., делятся на единичные (события) и повторяющиеся (установления — обществ. учреждения, а также доктрины, верования, идеи, к-рые имеют распространение среди группы людей). События могут переходить в установления, когда данное единичное действие многократно повторяется многими людьми. Л. пытался установить нек-рые закономерности в эволюции общества. Психологизм у Л. эклектически сочетается с рядом положений «экономического материализма». Основу истории составляют сознат. действия индивидов, психология — ключ к пониманию истории. Л. признавал существование «человеческой природы» как извечно данной совокупности потребностей и свойств человеческой личности. Исходя из такого понимания «человеч. природы», Л. надеялся дать науч. объяснение историч. процесса. Первостепенное значение имеют, по Л., экономич. потребности человека (см. «Социологич. основы истории», СПб, 1895, с. 57). Наряду с признаем большой роли экономич. фактора, Л. важнейшее значение придавал психологич. «потребности заручиться уважением людей» (там же, с. 89) и даже рассматривал историю как процесс борьбы между экономич. интересами и этой потребностью.

Большую роль в истории Л. отводил «выдающимся личностям», к-рые своими «изобретениями» создают нечто совершенно новое; роль масс сводится к подражанию этим «изобретениям» и их сохранению. Свободная деятельность «выдающихся личностей», по Л., вносит элемент случайности в историю (см. там же, с. 205—22).

Л. считал, что движение общества по восходящей линии может временно сменяться периодами застоя и регресса. Придерживаясь реакц. взглядов, Л. важнейшей причиной регресса считал революц. выступления нар. масс. Отмечая наличие экономич. и социального неравенства в обществе, Л. предупреждал о предстоящих революц. выступлениях трудящихся. Считая, что революция приведет к гибели цивилизации, Л. призывал к проведению умеренных реформ и к развитию «социальной солидарности». Социализм Л. отвергал, утверждая, что он будто бы ведет к ликвидации экономич. ответственности и к установлению царства «худших». При объяснении тяжелого положения нар. масс Л. широко прибегал к мальтузианству.

Критика концепции истории Л. была дана Г. В. Плехановым в работе «Нечто об истории» (см. Избр. филос. произв., т. 2, 1956, с. 225—35).

Соч.: Les armes et les armures, P., 1868; Petite histoire d'Angleterre, v. 1—2, P., 1876; La famille dans la société romaine, P., 1889; De l'histoire considérée comme science, [v. 1—2], P., 1894—98; La guerre et l'homme, P., 1900; La psychologie des individus et des sociétés chez Taine..., P., 1906; Taine historien et sociologue, P., 1909; в рус. пер.: Краткая история франц. народа, Ростов-на-Дону, [1904]; Присвоение земли, П., 1915.

Лит.: Кареев Н. И., Новый труд по теории истории, в кн.: Историч. обозрение, т. 8, 1895; Вегг Н., P. Lacombe, L'homme et l'oeuvre, «Rev. Synthèse Historique», 1920, v. 30. В. Кузнецов. Москва.

ЛАКТАНЦИЙ (Lactantius), Луций Целлий Фирмиан (ок. 250 — ум. после 325) — церк. писатель, преподаватель красноречия в Никодемии. До принятия христианства склонялся к стоицизму. В своем гл. соч. «Божественные установления» (Institutiones divinae) Л., в отличие от своих предшественников, стремился, по его собств. словам (см. указ. соч., V, 4, 3), не только «ответить обвинителям», но и «установить» (institutu) систематич. основы христианского учения (отсюда — заглавие). В полемич. частях «Божественных установлений» и в соч. «О творении божием» («De officio Dei») и «О гневе божием» («De ira Dei») Л. пытался истолковать античные мифы в духе эвгемеризма (см. Эвгемер), опровергнуть «языческую» философию, выявляя противоречия между школами. В его обширной полемике с эпикурейцами («О творении божием») сказались влияние стоицизма. Оно заметно также в учении о душе: несмотря на дуалистич. противопоставления тела и души, Л. мыслит последнюю как некое тончайшее вещество. В полемич. работах Л. бог выступал антропоморфным. Соч. Л. содержат ряд свидетельств, текстов и фрагментов, важных в качестве источников по истории древней философии. В отношении стиля Л. следовал лучшим образцам и получил прозвище «христианского Цицерона». Естеств.-науч. представления Л. характерны для того упадка, к-рый переживала наука в последние века Рим. империи и в раннем средневековье.

Соч.: Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum..., v. 19, 27, W., 1890—1897; Schriften, в кн.: Bibliothek der Kirchenväter, Bd 36, 1919; в рус. пер. — Творения Л., писателя в начале четвертого века, прозванного христианским Цицероном, пер. Е. Корнеева, ч. 1—2, СПб, 1848.

Лит.: Садов А. И., Древне-христиан. церк. писатель Л., СПб, 1895; Магбачх F., Die Psychologie des Firmianus Lactantius. Ein Beitrag zur Geschichte der Psychologie. Halle an der Saale, 1889; Pichon P., Lactance, étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le régime de Constantin, P., 1901; Siegert J., Die Theologie des Apologeten Lactantius in ihrem Verhältnis zur Stoa, Bonn, 1921 (Diss.); Roller K., Kaisergeschichte in Lactanz «de mortibus persecutorum», Giessen, 1927 (Diss.).

[В. Зубов]. Москва.

ЛАЛАНД (Lalande), Андре (р. 19 июля 1867) — франц. философ, субъективный идеалист. С 1904 — проф. философии в Сорбонне, с 1922 — член Академии моральных и политич. наук. Вместе с Ксавье Леоном Л. был инициатором создания Франц. филос. общества (Société française de philosophie, 1901) и созыва первого междунар. филос. конгресса (Париж, 1900). Автор работ по филос. проблемам эволюционизма, философии науки, этике и эстетике. Под редакцией Л. в 1902—23 в «Bulletin de la Société française de la philosophie» был впервые опубликован «Технич. и критич. филос. словарь» («Vocabulaire technique et critique de la philosophie»). Эта наиболее значительная франц. энциклопедич. работа по филос. терминологии вышла отдельно в 1926 и выдержала уже 7 изданий.

Филос. взгляды Л. эклектичны: в них заметно сочетание позитивистских элементов с метафизически-спиритуалистическими, влияние философии тождества *Мейерсона* и таких философов, как Изуле-Лубатьер и Бутру. Выступая с критикой эволюционизма *Спенсера*, Л. утверждает, что если на поверхности вещей наблюдается эволюция, ведущая к возрастающей дифференциации, то глубинная тенденция действительности состоит в диссоциации или инволюции, в стремлении от гетерогенного к гомогенному, к единообразию и смерти, что рассматривается в качестве универсального закона развития [«Ведущая идея диссоциации, противостоящая идее эволюции в методе физических и моральных наук» — «L'idée directrice de la dissolution opposée à celle de l'évolution, dans la méthode des sciences physiques et morales», 1898 (Thèse); 2 изд. под назв. «Эволюционистские иллюзии» — «Les illusions évolutionnistes», 1930]. С наибольшей силой тенденция к инволюции обнаруживается в разуме, основная особенность к-рого — подведение под нек-рое единство хаотич. иррациональности природы. Осн. типы инволюции, по Л.: механич., физиологич., психологич. и социологический. Критерий объективности знания Л. усматривает в коллективном сознании, смыкаясь здесь с социологич. школой Э. *Дюркгейма*. Противопоставляя логику, этику и эстетику фактич. знанию, Л. рассматривает их как осн. нормативные дисциплины, построение к-рых состоит в нахождении очевидных норм и установлении связей между ними.

Л. написал ряд логич. исследований по истории теоретич. описания, экспериментального метода и процессов индуктивного умозаключения.

Соч.: *La psychologie des jugements de valeur*, Le Caire, 1929; *Les théories de l'induction et de l'expérimentation*, P., 1929; *Lectures sur la philosophie des sciences*, 11 éd., P., 1932; *La raison et les normes*, P., 1948; рус. пер.— *Этюды по философии наук*, 2 изд., СПб., 1897.

Лит.: *V e n g u b i I.*, Philosophische Strömungen der Gegenwart in Frankreich, Lpz., 1928; *D a v y G.*, La philosophie de A. L., «Rev. de Deux Mondes», 1957, № 20, p. 612—28; *S c h u l P. M.*, L'oeuvre de M. A. L., «Revue Philos. de la France et de l'étranger», 1958, t. 148, № 1, p. 1—6. *В. Лекторский, В. Садовский.* Москва.

ЛАЛО (Lalo), Шарль (1877 — 1 апр. 1953) — франц. эстетик, позитивист, председатель Франц. общества эстетики (Société française d'esthétique). С позиций позитивистской «формальной эстетики» Л. выступал против иррационализма (Бергсон, Кроче) и субъективизма в эстетике, в частности против т. н. теории *вчувствования* («Эстетич. чувства» — «Les sentiments esthétiques», 1910). В ранних своих работах под влиянием Гельмгольца стремился построить муз. эстетику на экспериментальной основе. В последующем разрабатывал и более общие вопросы эстетики: о связи искусства с обществ. жизнью («Искусство и социальная жизнь» — «L'art et la vie sociale», 1921; «Выражение жизни в искусстве» — «L'expression de la vie dans l'art», 1933), с моралью («Искусство и мораль» — «L'art et la morale», 1922), с половым инстинк-

том («Прекрасное и половой инстинкт» — «La beauté et l'instinct sexuel», 1922). В соч. «Введение в эстетику» («Introduction à l'esthétique», 1912, рус. пер. 1915) Л. вслед за *Гюйо* развивал положение о том, что иск-во есть игра, однако считал, что оно имеет социальный характер, т. к. восстанавливает «полноту гармонии жизни». Согласно Л., иск-во является не отражением жизни, а лишь эстетич. реакцией на различные ее явления. В 30-х гг. Л. снова возвращается к теории музыки и к проблемам структуры художеств. произведений, приближаясь к распространенному на Западе «структурализму».

Соч.: *L'esthétique expérimentale contemporaine*, P., 1908; *Esquisse d'une esthétique musicale scientifique*, P., 1908; 2 éd., *Éléments d'une esthétique musicale scientifique*, P., [1939]; *La faille de la beauté*, P., 1923 (совм. с А.-М. Лало); *Notions d'esthétiques*, P., 1925. *И. Маца.* Москва.

ЛАМАИЗМ — тибето-монгольская форма *махаяны*, или сев. направления *буддизма*, к-рый стал распространяться в Тибете с 7 в. Распространение буддизма в Тибете началось в царствование первого тибетского царя Сронцангамбо (620—50), покровительственно относившегося к буддистским жрецам, т. к. он видел в их проповеди непротввления и смирения одно из средств держать народ в подчинении. В этот период началось строительство буддистских монастырей и храмов. Из Тибета буддизм проник в Монголию (16—17 вв.), а затем и в Россию (17—18 вв.), став религией большинства бурят.

Распространение буддизма происходило в борьбе с местными культами и религиями, подавляя к-рые буддизм в то же время заимствовал у них нек-рые элементы. Так, напр., тибетские буддисты стали почитать божества древнетибетской религии Бон (Нанг-ла — домашний бог, Тхаб-ла — бог очага и т. д.). Такие заимствования привели к тому, что тибетский буддизм приобрел ряд специфич. особенностей.

В 13 в. политич. власть в Тибете получил глава буддистской секты кадампа Пакба-лама. В борьбу с этой сектой за власть вступила усилившаяся впоследствии секта гэлугпа, основанная тибетским мыслителем и реформатором буддизма Цзонкабой (1357—1419). Победителем из этой борьбы вышла секта гэлугпа, распространившая свою власть не только на весь Тибет, но и на Монголию. С этого времени тибетские и монг. буддисты стали уделять осн. внимание ритуальной, обрядовой стороне буддизма — учению о достижении спасения.

Центральным пунктом ламаистского учения о достижении спасения является культ ламы (тибет., букв. — высший). Высшие ламы — хубилганы были объявлены существами, достигшими спасения (буддами) или приблизившимися к спасению (бодисатвами). По учению Л., каждый верующий должен иметь наставника в лице ламы, к-рый помогает человеку достичь спасения своими советами и наставлениями. Наставлениям и советам ламы надлежит беспрекословно подчиняться.

Широкому распространению Л. способствовало не только покровительственное отношение правящей верхушки, но и то, что ламаистская церковь во чрезвычайности упростила обряды и ритуал для широких масс верующих и включила в буддийский пантеон местных богов, объявив их буддами и бодисатвами. Тем не менее, несмотря на простоту, а иногда даже и примитивность нар. обрядов, монастырская, эзотерич. сторона ламаистских ритуалов содержит массу весьма сложных мистич. и магич. элементов — тантризм, иогизм (см. *Иога*).

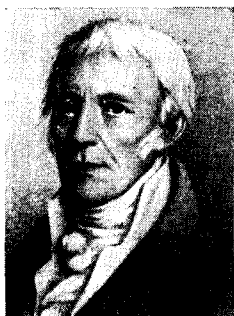
Верхушка ламаистской церкви представляла собой наиболее влиятельную часть феодалов, монастыри превратились в крупнейшие феодал. владения и оплот реакции, в препятствие на пути к культурному и экономич. прогрессу. Великая Октябрьская социа-

листич. революция в основном уничтожила влияние ламаизма среди бурятского населения нашей страны, а успехи МНР в культурном и хоз. строительстве привели к тому, что авторитет ламаистской церкви в Монголии был в корне подорван, а большая часть рядового ламства стала приобщаться к общественно полезному труду.

Лит.: Попов И., Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения, Каз., 1898; Пубаев Р. Е., Семичов Б. В., Происхождение и сущность буддизма-ламаизма, Улан-Удэ, 1960; Востриков А. И., Тибетская история, лит., М., 1962; Богословский В. А., Очерк истории тибет. народа, М., 1962; Коеррен С. F., Die Religion des Buddha und ihre Entstehung, Bd 2, Die Lamaische Hierarchie und Kirche, В., 1859. См. также библиопр. ст.: Будда, Буддизм, Махаяна.

ЛАМАРК (Lamarck), Жан Батист (1 авг. 1744—18 дек. 1829) — франц. натуралист и мыслитель. Учился в Высшей мед. школе (1772—76). При содействии Бюффона Л. в 1778 выпустил трехтомный труд

«Флора Франции...» («*Flore française...*»). Адъюнкт ботаники Париж. АН (с 1779), чл. АН (с 1783), хранитель гербария Королев. ботанич. сада (с 1784); принимал участие в написании 2 т. «Методической энциклопедии» («*Encyclopédie méthodique*»). Революцию 1789 Л. приветствовал с энтузиазмом. С 1793 в продолжение 25 лет Л. читал курс зоологии беспозвоночных в Музее естеств. истории. Впервые Л.

выступил как трансформист при чтении курса в 1800. Л. работал также в области геологии, метеорологии, физики, химии. Отрицая популярную в его время «теорию катастроф» Ж. Кювье и его школы, Л. был предшественником Ч. Лайеля в проведении идеи развития в истории Земли. В области зоологии Л. явился настоящим реформатором. В 1809 он сформулировал свои взгляды на эволюцию органич. мира в книге «Философия зоологии» («*Philosophie zoologique...*»). В 1815 Л. систематизировал в сводном труде «Естественная история беспозвоночных животных» («*Histoire naturelle des animaux sans vertèbres*») все, что было известно науке того времени о низших животных. 1-й том (1815) открывается «Введением», в к-ром Л. еще раз сформулировал, углубил и развил свою теорию эволюции и дал ее новый, значительно усовершенствованный вариант. В 1820 вышел его филос. трактат «Аналитическая система положительных знаний человека» («*Système analytique des connaissances positives de l'homme*»). Л. умер в бедности. Могила его неизвестна.

Заслуги Л. в области систематики растений и животных были высоко оценены еще при жизни. Трансформистские взгляды Л. не встретили сочувствия у современников. Подобно многим мыслителям и ученым конца 18 в., Л. — типичный деист; однако в изучении и объяснении законов природы Л. являлся материалистом. Он отвергал телеологизм в природе, ему также чужд к.-л. панпсихизм. Центральная в ламаркизме концепция эволюции в органич. природе, как развития от простого к сложному, основывается на факте градации организмов в порядке возрастающей сложности. Л. видел в «градации» организмов результат их постепенного совершенствования под влиянием внутр. и внешних факторов (трансформизм). У Л. уже имеется использованный потом Дарвином довод в пользу признания эволюции — невозможность определить вид организмов как нечто неизменное и строго отгра-

ниченное от др. видов. Виды бывают связаны друг с другом постепенными переходами, и между видом и разновидностью в сущности нет резких отличий. Прогрессивное усложнение организации Л. не объяснял, называя его просто «стремлением организма к прогрессу» и характеризуя как точнее не определяемую способность, присущую жизни. Др. уязвимое место теории Л. — нечеткое представление о том, каким образом влияние мест обитания изменяет уже существующие органы и вызывает образование новых. Лишь для растений и низших животных, лишенных нервной системы, Л. принимал непосредств. физико-химич. воздействие «... изменения условий питания, поглощения и испарения...» (Избр. произв., т. 1, М., 1955, с. 334). У животных же с нервной системой воздействие внешних условий вызывает образование новых органов, гл. обр. не непосредственно, а через изменение привычек. Животные с нервной системой обладают также «внутренним чувством» (*sentiment interne*), под влиянием к-рого к образуемому или уже существующему органу притекают «нервные» и «питательные флюиды», напр. в случае образования рогов у самцов оленей. Распространенное представление о ламаркизме как об учении, согласно к-рому эволюция совершается в силу передающихся по наследству изменений организма под непосредств. влиянием внешних условий, крайне односложно. Еще более исторически неточно называть ламаркизмом самое убеждение в наследовании приобретенных признаков, т. к. это убеждение, вошедшее в 4-й закон Ламарка, целиком заимствовано им от предшественников и отчасти современников — Дидро, Э. Дарвина, Бюффона и др. Л. принимал его как вполне очевидное и даже не трудился доказывать. Истинным же стержнем теории Л. является признание необъяснимого для него «стремления организмов к совершенствованию». Л. высказал мысль о выживании наиболее приспособленных, хотя и не придавал ей всеобщего значения. Прогрессивный и материалистич. характер носит также учение Л. о происхождении человека от человекообразных обезьян и об эволюции психики животных и человека. Л. высказал интересные мысли о возникновении и эволюции инстинктов, а также о проторении нервных путей в результате многократно повторяющихся действий. Он категорически отвергал теорию врожденных идей. Значение Л. и его место в истории биологии определяются тем, что он представил первое систематич. изложение трансформизма, хотя и не дал развернутого объяснения движущих сил эволюции, в особенности же причин органич. целесообразности, что сделал через полвека Дарвин.

Первыми учеными, оценившими значение идей Л., были Гексли, Ч. Лайель, Геккель, а позднее и Дарвин, в России — Рубль, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, И. Мечников. Выдвижение Л. разнородных принципов объяснения биологич. эволюции (непосредств. влияние факторов среды наряду с внутр. «стремлением к совершенствованию») и даже некая противоречивость высказываний Л. привела к тому, что последователи его, получившие название «неоламаркистов», вскоре разделились на отд. весьма разнородные школы, объединяемые лишь недооценкой или отрицанием творческой роли естеств. отбора и безусловным признанием наследств. характера приобретенных признаков. Каждая из школ «неоламаркистов» выдвигала на первый план к.-н. один из сформулированных Л. принципов. Ближе всего к подлинному учению Л. стоит школа ортоламаркистов, или автогенетиков, к-рые, не отрицая непосредств. влияния физико-химич. факторов на эволюцию, считают гл. двигателем ее внутренние, имманентные организму силы (батмогенез американца Копа, аристокенез

Г. Осборна). Из зарубежных ученых к автогенетикам принадлежали Кёлликер, Негели, в новейшее время Осборн и Бёкер. Из сов. ученых к ним принадлежали палеонтолог Д. Соболев и особенно акад. Л. С. Берг. В противоположность автогенетикам, механоламаркисты принимают лишь развитие под влиянием внешних физико-химич. факторов. Большинство из них не отрицает и творч. роли естеств. отбора. Полной противоположностью механоламаркистам являются психоломаркисты, к-рые, стоя на почве панпсихизма и витализма, объясняют органич. прогресс и целесообразность сознат. деятельностью протоплазмы как животных, так и растений. За границей к психоломаркистам принадлежали А. Вагнер и особенно Паули. По сути дела, их взгляды имеют мало общего с подлинным учением Л.

Соч.: Избр. произв., т. 1—2, М., 1955—59 (им. библ.). Лит.: Половцев В. В., Л. и его учение, «Изв. СПб биол. лаб.», 1896, т. 1, вып. 3, 4; Карпов В. П., Ламарк. Биографич. очерк, в кн.: Ламарк Ж. Б., Философия зоологии, т. 1, М.—Л., 1935; Комаров В. Л., Л. и его науч. значение, там же; Поляков И. М., Л. и ламаркизм, там же, т. 2, М.—Л., 1937; Тимирязев К. А., Ламарк, Соч., т. 6, М., 1939; Поляков И. М., Эволюц. учение Л., его филос. и общебиологич. предпосылки, в кн.: Ламарк Ж. Б., Избр. произв., т. 2, М., 1959; Геллерштейн С. Г., Л. как психолог, там же; Пузанов И. И., Ж. В. Ламарк М., 1959; Packard A., L. the founder of evolution, N. Y., 1901; Landrieu M., L. le fondateur du transformisme, P., 1909; Regnier E., Lamarek, P., 1929.

ЛАМБЕРТ (Lambert), Иоганн Генрих (26 авг. 1728—25 сент. 1777)—нем. философ, математик, физик, астроном и логик. Автор соч. «Фотометрия...» («Photometria, sive de mensura et gradibus luminis, colorum et umbrae», 1760). В «Космологических письмах...» («Kosmologische Briefe über die Einrichtung des Weltbaues», 1761) выступил как мыслитель школы Вольфа, опирающийся на естеств.-науч. результаты Ньютона. В переписке с Кантом Л. настаивал на дополнении рационализма Вольфа эмпиризмом Локка. В «Новом Органоне...» («Neues Organon, oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren...», Bd 1—2, 1764) и «Архитектонике...» («Anlage zur Architectonik oder Theorie des Einfachen und Ersten in der philosophischen und mathematischen Erkenntnis», Bd 1—2, 1771), пытаясь систематизировать философию, обратил внимание на важность изучения знаков, выступив как один из предшественников совр. семиотики и логической семантики.

Вслед за Лейбницем Л. явился создателем одной из первых логико-математич. концепций, предвосхитивших ряд результатов Буля. Ему фактически были известны процедура разложения логич. выражений на элементарные составляющие (конституенты) и нек-рые др. результаты алгебры логики; им дан логич. анализ строгой дизъюнкции. Развивавшееся Л. исчисление классов включало в себя, помимо символов классов, также и знаки отношений. Л. принадлежит также оригинальное построение обобщенной силлогистики, основанной на квантификации предиката.

Соч.: Logische und philosophische Abhandlungen, V., 1782; Briefwechsel..., Bd 1—5, V., [1782—84]; Brief des Lambert an Kästner, «Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen», 1764, 28 Stück, 5 März.

Лит.: Стяжкин Н. И., К характеристике ранней стадии в развитии идей матем. логики, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1958, № 3; Ваенсч О., J. H. L. Philosophie und seine Stellung zu Kant, Tübingen, 1902.

ЛАМЕННÉ (Lamennais), Фелисите Робер де (19 июня 1782—27 февр. 1854)—франц. публицист и философ, аббат, один из родоначальников христианского социализма. Быстро преодолев увлечение идеями Руссо, Л. уже в молодости стал убежденным монархистом и правоверным католиком. В своих ранних трудах — «Размышления о состоянии церкви во Франции...» («Réflexions sur l'état de l'Eglise en

France...», 1808), «Традиция французской церкви в учреждении епархий» («Tradition de l'Eglise sur l'institution des évêques», v. 1—3, 1814), «Опыт о равнодушии к вопросам веры» («Essai sur l'indifférence en matière de religion», v. 1—4, 1817—23) и др. — Л. яростно нападал на идеи франц. бурж. революции и на материалистич. философию 18 в., боролся с атеизмом и религ. индифферентизмом. Он доказывал, что только религия, вера приводят человека к истине и делают его счастливым. Философия же, напротив, внушает ему сомнения, разрушает нравственность и делает несчастным. Политич. идеалом Л. была в это время христианская монархия.

Во время революции 1830 Л. в сотрудничестве с аббатом Лакордером и графом Монталабером основал журнал «L'avenir» («Будущность») с программой отделения церкви от гос-ва, всеобщего избират. права и нек-рых др. либеральных реформ, переходя тем самым от монархизма к бурж. республиканизму. Эта программа, сыгравшая определенную роль в деле критики религ.-феод. идеологии и получившая известный обществ. резонанс, вызвала недовольство и даже осуждение офиц. католич. церкви.

Испугавшись широкого движения нар. масс и распространения социалистич. идей, Л. стремился противопоставить социализму христ. идеи всеобщей любви и братства, использовав антикапиталистич. лозунги и революц. движение нар. масс в интересах реакции. В 1834 Л. напечатал «Слова верующего» («Paroles d'un croyant», рус. пер. 1906)—произведение, осуждавшее капитализм с позиций феодального социализма, к-рый так остро бичевали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» (см. Соч., 2 изд., т. 4, с. 448—49).

Утопич. иллюзии Л. отразились в «Книге народа» («Le livre du peuple», 1838), где рисуется патриарх. строй, основанный на «возвращении орудий труда всем». Реакц. идеи Л. о возможности предотвращения социальных революций и улучшения обществ. строя путем христ. любви и нравств. самоусовершенствования оказали большое влияние на развитие христ. социализма.

К концу жизни Л. выступил с собств. филос. системой, изложенной в 4-томном «Эскизе философии», («Esquisse d'une philosophie», 1840—46). В ней, отходя по ряду вопросов от ортодоксально-католич. учения, но неизменно оставаясь врагом материализма и идеалистом, он пытался совместить религию и философию, опираясь на идеи неоплатонизма (учение о творении мира богом, об истечении — эманации — вещей из бога и др.) и лейбницянскую теодицею.

Соч.: Oeuvres complètes, v. 1—12, P., 1836—37; Oeuvres complètes, v. 1—10, P., 1843—44; Oeuvres posthumes, v. 1—3, P., 1856—59; Oeuvres inédites, v. 1—2, P., 1866; в рус. пер.: Совр. рабство, [пер. с франц.], Н. Новгород, 1905.

Лит.: Щеглов В., История социальных систем, т. 2, СПб, 1889; Котляревский С. А., Л. и новейший католицизм, М., 1904; Инсаров Х., Л. и его время, «Мир божий», 1905, № 1, 2; История философии, т. 3, [М.], 1943, с. 388—92; Janet P., La philosophie de L., P., 1890; Spuller E., Lamennais, P., 1892; Boutard C., Lamennais, sa vie et ses doctrines, v. 1—3, P., 1905—13; Valléry-Radot R., Lamennais, ou le prêtre malgré lui, P., [1931]; Carcopino Ch., Les doctrines sociales de L., P., 1942; Marechal Ch., La Mennais, Descartes et Saint Thomas, «Rev. Philos. de la France et de l'étranger», 1947, p. 447—51; Remond R., L. et la démocratie, P., 1948; Mourge M., L. ou l'hérésie des temps modernes, P., 1955; Médine H., Esquisse d'un traditionalisme catholique, [P., 1956]; Roussel J., F. de Lamennais, P., 1957; Quérard J. M., Notice bibliographique des ouvrages de M. La Mennais, P., 1849; Duine F. M., Essai de bibliographie de F. R. de L., P., 1923.

ЛАМЕТРИ (Lametrie), Жюльен Офре (25 дек. 1709—11 ноября 1751)—франц. философ-материалист. Врач по образованию, Л. был решит. противником

(Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 140). За свои материалистич. и атеистич. взгляды Л. подвергался преследованиям со стороны теологов, идеалистов, врачей старой школы, а также франц. королев. власти. После выхода в свет первого произведения Л. «Естественная история души» («Histoire naturelle de l'âme», 1745, или, иначе, — «Трактат о душе» — «Traité de l'âme») он вынужден был эмигрировать в Голландию. Там Л. анонимно опубликовал труд «Человек-машина» («L'homme machine», 1747, нов. изд. 1960, рус. пер.—1911). Скрываясь затем от голл. реакционеров, Л. эмигрировал в Германию, где издал свои последние работы: «Человек-растение» («L'homme plante», [1748]) и «Система Эпикура» («Système d'Épicure», [1751]), в к-рых его материалистич. и атеистич. взгляды нашли наиболее полное выражение.

Л. материалистически решал основной вопрос философии. Опираясь на данные естествознания, он отвергал дуализм и доказывал, что существует лишь единая материальная субстанция. Она изначально и вечна. Материя не возникает, не уничтожается, но лишь меняет формы своего существования. Сознание, дух вторичны по отношению к телу. Способность человека чувствовать, помнить и мыслить не таит в себе ничего сверхъестественного и мистического. Она не более, как свойство тела. Всегда ли материя обладала таким свойством, как ощущение? Отвергая гилозоизм, Л. утверждал, что способность ощущений является свойством не всякой материи и «... обнаруживается только в организованных телах» (Избр. соч., М.—Л., 1925, с. 55). Душа не может существовать вне и независимо от тела. Состояния материи, тела обуславливают состояния души. Со ссылкой на Лукреция («О природе вещей») он отверг идею бессмертия души (см. там же, с. 137). Осн. свойствами материальной субстанции Л. считал протяженность и движение, к-рое он понимал как присущую материи внутр. активность. Но Л., материя имеет «... постоянно способность к движению, даже когда не движется» (там же, с. 51). Материальная субстанция, по Л., существует в формах, составляющих три царства природы: неорганическое, растительное и животное, к к-рому принадлежит и человек. Л. высказывал мысли о постепенном совершенствовании органич. существ и приближался к идеям эволюции (см. там же, с. 257—58). Л. писал, что нельзя считать нелепой «... мысль о происхождении человека от животных» (там же, с. 265). Между животным и человеком Л. видел только количеств. различие: человек обладает большей степенью чувствительности и большим количеством ума. Ведя борьбу против дуализма Декарта и идеалистич. положения Локка о внутр. опыте души, или рефлексии, Л. сводил физиологич. явления к механическому и уподоблял человека машине. «Человеческое тело,— писал Л., — это—самостоятельно заводящаяся машина, живое оли-

цствование непрерывного движения» (там же, с. 185). Опираясь на достижения анатомии, физиологии, медицины своей эпохи, Л. отстаивал мысль, что в функционировании организма человека, включая и сферу психич. явлений, нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить, не прибегая к религии и мистике.

Утверждая, что мир познаваем, Л. вел борьбу против агностицизма. По мнению Л., человек может познать причины и свойства явлений и на этом основании — их сущность. Внешний мир отражается на «мозговом экране». В теории познания Л. выступал как сторонник материалистич. сенсуализма. Чувств. опыт, обусловленный высшим материальным миром, — основа всякого познания. «... Нет более надежных руководителей, чем наши чувства. Они являются моими философами. Сколько бы плохого о них ни говорили, одни только они могут просветить разум в поисках истины; именно к ним приходится всегда восходить, если всерьез стремиться ее познать» (там же, с. 45). Подчеркивание роли чувств. восприятия в процессе познания не сопровождалось у Л. припущением теоретич. мышления. Однако как и все домарксистские материалисты, Л. не поднялся до понимания роли обществ. практики в познании, и его теория познания была созерцательной. Ощущения рассматривались Л. не только как образы предметов, но и как критерий истины.

Из материалистич. философии Л. сделал неприкрытые атеистич. выводы. Если признать материю внутренне-активной, находящейся в процессе вечного изменения и развития, то отпадают аргументы в защиту идеи бога как перводвигателя, творца многообразной картины мира.

Хорошо осознавая роль религии в обосновании феод. идеологии, Л. показал антинауч. характер религ. мировоззрения и отвергал всякие компромиссы между религией и наукой. Л. утверждал, что уничтожение религии было бы счастьем для человечества. «Если бы... атеизм получил всеобщее распространение, то тогда все виды религии были бы уничтожены и подрезаны в корне. Прекратились бы религиозные войны и перестало бы существовать ужасное религиозное воинство; природа, зараженная ныне религиозным ядом, вновь вернула бы себе свои права и свою чистоту» (там же, с. 212).

В понимании истории общества Л. был идеалистом. Решающее значение в развитии общества он приписывал просвещению, сознат. деятельности выдающихся личностей. Л. был сторонником просвещ. абсолютизма; свободу частной собственности и торговли он считал выражением свободы личности. Л. отстаивал осн. принципы бурж. демократии, обосновывал необходимость политич. свободы, свободы мысли и совести.

В книге «Против Сенеки, или Рассуждение о счастье» («Anti-Seneque, ou Discours sur le bonheur», [1748]) Л. изложил свои этич. взгляды. Он отвергал валичие неизменных абсолютных нравств. ценностей. Отвергая религ.-спиритуалистич. взгляд на мораль, Л. отстаивал идею, согласно к-рой разные народы и даже один и тот же народ на различных ступенях своего развития имеют различные представления о добре и зле, о справедливом и несправедливом, о возвышенном и низменном и т. п. Критерием нравственности поступка Л. считал обществ. интерес, то, что соответствует интересам большинства членов общества. Отвергая загробную жизнь и наслаждения в потустороннем мире, осмеивая религ.-аскетич. нравств. идеалы, Л. отстаивал идеи *гедонизма* и *эвдемонизма* в их разумном понимании. Подчеркивая роль и значение чувств. наслаждений в жизни человека, указывая на всеобщность стремления к этим

наслаждениям, Л. одновременно по достоинству оценивал духовные наслаждения, считал их более сильными и существенными для развитой личности. Духовные наслаждения не ограничены от чувственных. Больше того, они способны превращаться в наслаждения чувственные. Человек испытывает чувств. наслаждение, когда проникается мыслью, что живет не только для себя, но и для своей родины.

В духе бурж. утилитаризма Л. развивал мысль, что каждый человек стремится к личному счастью и может пытаться достигнуть его за счет несчастья других, если не будет страшиться возмездия. «В общем, — писал Л., — люди рождаются злыми, и без воспитания было бы очень мало добродетельных людей... Таков порок человеческого устройства. Только воспитание улучшило его внутреннюю организацию; оно преобразовало людей к выгоде и пользе людей; оно завело их, подобно часам, наилучшим образом, так, чтобы они могли служить. Таково происхождение добродетели; ее источником является общественное благо» (там же, с. 299). Отсюда следует необходимость справедливого законодательства, выражающего обществ. интерес. Мысли Л. о сочетании личных и обществ. интересов нашли свое дальнейшее развитие в работах Дидро, Гольбаха и в особенности Гельвеция. Вся его этич. концепция заострена против аскетизма, ущемления прав личности на наслаждение и счастье.

Борьба Л. против идеализма и обоснование им материалистич. мировоззрения сыграли значит. роль в последующем развитии передовой филос. мысли домарковского периода (Дидро и др.). Для воззрений Л. характерна ограниченность, свойственная домарковскому материализму вообще (см. *Материализм*).

Феод.-клерикальная и реакц. буржуазная философия до неузнаваемости исказили суть учения Л., попытались очернить Л., человека и ученого. В этом проявилась ненависть реакционеров к воинствующему материализму и атеизму Л., к его передовым обществ.-политич. взглядам.

Соч.: Les animaux plus que machines, [В., 1750]; Réflexions philosophiques sur l'origine des animaux, В., 1750; Oeuvres philosophiques, t. 1—3, В., 1796; Textes choisis. Discours préliminaire. Traité de l'âme. Abrégé des systèmes. Système d'Épicure. L'homme plante, Р., 1954; в рус. пер.: Избр. соч., М.—Л., 1925; [Отрывки из произв.] Предварительные рассуждения. Человек-машина. Система Эпикура, в кн.: Франц. просветители XVIII в. о религии, М., 1960.

Лит.: Вороницын И. П., Ла Метри, [Х.], 1925; Серезинков В. К., Ламетри, М., [1925]; История философии, т. 2, [М.], 1941 (см. указатель имен); История философии, т. 1, М., 1957 (см. указатель имен); P i c a v e t F. J., La Mettrie et la critique allemande, Р., 1889; P o r i t z k y J. F., J. O. de Lamettrie. Sein Leben und seine Werke, В., 1900; B e r g m a n n E., Die Satiren des Herrn Maschine. Lpz., 1913; B o i s s i e r R., La Mettrie..., Р., 1931; N e d e l j k o v i c D., Lamettri, Zagreb, 1961.

Х. Момджян. Москва.

ЛАМОНТ (Lamont), Корлисс (р. 28 марта 1902) — амер. обществ. деятель и философ. Д-р философии (с 1932), председатель Конгресса американо-советской дружбы (с 1942), а затем Национального совета американо-сов. дружбы (1943—46). Л. написано много трудов, рассказывающих амер. читателям о достижениях сов. народа, об успехах социализма. Важное место в деятельности Л. занимает борьба за гражданские свободы, провозглашенные конституцией США, критика правящих кругов, попирающих демократич. завоевания амер. народа и развязывающих антикоммунистич. истерию. Вместе с тем Л. толкует демократию не как форму политич. господства тех или иных классов, а как «...обеспечение гражданских свобод всем: реакционерам и радикалам, предпринимателям и рабочим, католикам и атеистам, коммунистам и фашистам, либералам, прогрессивным и свободомыслящим людям...» («Свобода должна

быть свободой на деле», М., 1958, с. 19). Он осуждает политику нац. угнетения и расовой дискриминации, выступает за мир, дружбу и сотрудничество между народами всего мира. С позиций своей философии «натуралистического гуманизма», к-рая, по его словам, в нек-рых своих пунктах «... находится, безусловно, в соответствии с марксистской мыслью и принципами диалектического материализма» («Иллюзия бессмертия», М., 1961, с. 9), Л. ведет борьбу с идеалистич. филос. теориями и религ.-фидеистич. концепциями.

Соч.: Issues of immortality, N. Y., [1932]; You might like socialism; a way of life for modern man, N. Y., [1939]; The peoples of the Soviet Union, N. Y., [1946]; A humanist funeral service, Boston, 1947; The independent mind, N. Y., 1951; Soviet civilization, [2 ed.], N. Y., [1955]; The philosophy of humanism, [4 ed.], N. Y., [1957].

В. Леонтьев. Москва.

ЛАМОТ-ЛЕВАЙЁ (La Mothe Le Vayer), Франсуа (1 авг. 1588—9 мая 1672) — франц. публицист и философ-вольнодумец. Член Франц. академии (с 1639), воспитатель Людовика XIV (1652). Филос. взгляды Л.-Л. сложились под влиянием *Секста-Эмпирика*, *Монтеня*, *Гассенди*. Скептицизм Л.-Л. был направлен против утверждений об абсолютности знаний и моральных норм, а также религ. принципов. Опираясь на сенсуалистич. теорию познания, Л.-Л. отстаивал независимость человек. разума от вселенских ограничений, в т. ч. и религиозных. Л.-Л., подчеркивая противоречие веры и разума, утверждал, что доступными человеку средствами нельзя доказать существование бога. Анализируя доказательства бессмертия души, приводимые Платоном, Аристотелем, Порфирием, Фомой Аквинским и др., Л.-Л. вскрывал их противоречивость и несостоятельность, показывал, что религия, в т. ч. и христианство, не располагает ни одним беспорным положением и что философия не может иметь своим основанием теологию; моральные нормы, по его мнению, не зависят от религии.

В своих политич. высказываниях Л.-Л. отрицал абсолютность и неограниченность власти короля. Политику Л.-Л. определял как науку о хорошем управлении, а гл. задачу видел в том, чтобы дать возможность народу наслаждаться миром, для чего народ должен быть готов к войне. Л.-Л. оказал влияние на последующее развитие прогрессивной филос. мысли во Франции. Высокую оценку Л.-Л. дали *Бейль* и *Вольтер*.

Соч.: Oeuvres, v. 1—14. Dresden, 1756—59.

Лит.: История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 164—65; История французской литературы, т. 1, М.—Л., 1946; W i c k e l g r e n F. L., La Mothe le Vayer, sa vie et son oeuvre, Р., 1934; P i n t a r d R., La Mothe le Vayer, Cassendi, Guy Patin, Р., 1943; ег о ж е, La libertinage érudit dans la première moitié du XVIIe siècle, t. 1—2, Р., 1943; J u l i e n - F y m a r d d' A n g e r s, Stoicisme et «libertinage», dans l'oeuvre de François La Mothe le Vayer, «Rev. Sci. Humaines», 1954, fasc. 73; S p i n k J. S., French free-thought from Gassendi to Voltaire, Oxf., 1960.

Г. Зельманова. Ленинград.

ЛАМПРЕХТ (Lamprecht), Карл (25 февр. 1856—10 мая 1915) — нем. либерально-бурж. историк. Проф. в Лейпциге (с 1891). Примыкая по филос. взглядам к *позитивизму* в духе *Конта*, Л. в работе «История германского народа» («Deutsche Geschichte», Bd 1—12, Erg. Bd 1—2, 1891—1909, [4—6Auf.], 1920—22, рус. пер., т. 1—3, 1894—96) и др. изображал историю на основе «нового метода», к-рый он противопоставлял господствовавшей офиц. историографич. школе. Под влиянием *Вундта* объектом истории и основой своего метода Л. считал коллективную психику, познание к-рой путем индуктивно-эмпирич. исследования позволило, по его мнению, выявить закономерности истории. Метод Л. характеризовался нек-рыми прогрессивными чертами: признанием причинного характера историч. развития, определяющей роли масс в истории по сравнению с отд. историч. деятелями. Плеханов положительно оценивал направление (к

нему принадлежал и Л.), к-рое «...объявляет важнейшей задачей исторической науки изучение общественных учреждений и экономических условий» (Избр. филос. произв., т. 2, 1956, с. 314). В то же время он характеризовал как глубоко ошибочное мнение Л., будто «...социальная психика составляет коренную причину исторических явлений» (там же, с. 333). Л. ошибочно полагал, будто общественные, в т. ч. и экономические, отношения являются не материальными, а духовными в своем существе. Л. отводил решающую роль культуре и рассматривал ее как историю социально-психич. развития, носителем к-рого является нация. В основу периодизации истории он положил стадии развития сознания (анимизм, символизм и т. д.), параллельно к-рым изменяются и уклады экономич. жизни народа. Каждая из этих стадий (культурно-историч. эпох) характеризуется, по Л., определ. единством социально-психологич. факторов.

Метод Л. не получил поддержки со стороны большинства нем. бурж. историков, обвинявших Л. в «коллективизме» и в материализме. Однако, как отметил Плеханов, эти обвинения были не основательны (см. там же, с. 312).

Соч.: *Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft*, В., 1896; *Die kulturhistorische Methode*, В., 1900; *Moderne Geschichtsauffassung*, 2 Aufl., В., 1909; *Einführung in das historische Denken*, Лpz., 1912.

Лит.: Вайнштейн О. Л., *Историография средних веков...*, М.—Л., 1940, с. 206, 224—25; Данилов А. И., *Проблемы аграрной истории Средневековья в нем. историографии конца XIX — начала XX в.*, [М., 1958], с. 52—53, 64—94. А. Мысливченко. Москва.

ЛАНГЕ, Николай Николаевич [12(24) марта 1858—15 февр. 1921] — рус. психолог, представитель эмпирич. направления. Окончил Петерб. ун-т. Работал в психологич. лаборатории В. Вундта в Лейпциге (с 1883). Проф. кафедры философии Одесского ун-та (1888—1921). Осн. филос. соч.—«История нравственных идей XIX в.» (ч. 1, 1888). В труде «Психология» (опубл. в серии: *Итоги науки в теории и практике*, т. 8, 1914, имеется библиограф. трудов Л.) Л., разрабатывая филос. основы психологии, подверг критике взгляды Маза, Авернуца и Патерна по этому вопросу. Концепция самого Л., к-рую он называл «реалистической» или «биологической», не была последовательной: наряду с признанием первичности материального и отрицанием эпифеноменализма, Л. выдвигал дуалистич. теорию «психофизического взаимодействия», в к-рой отразилось влияние идущей от нем. философии (в частности, от Вундта) идеалистич. концепции активности сознания. Возражая против т. п. *социального дарвинизма*, Л. подчеркивал важность социальных факторов и языковой традиции в развитии психики человека.

Осп. идей эксперимент. работ Л. было рассмотрение психич. процессов в их связи с моторными компонентами. В этом обнаруживается влияние идей Сеченова на психологич. взгляды Л. Одной из важнейших заслуг Л. является разработка теории стадияльного характера восприятия: в сформулированном им «законе перцепции» последовательность фаз восприятия от менее дифференцированного к более дифференцирован. отражению объекта дается в сопоставлении с процессом филогенетич. развития человека. Л. доказал, что процесс восприятия одновременно является образованием наглядного суждения. Установленный Л. «закон перцепции», во многом подтверждающийся данными более поздних исследований, имеет большое значение для понимания единства чувственного и логического в познании. Л. осуществил первый в России перевод «Первой аналитики» Аристотеля (1894).

Соч.: *Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception*, «Philos. Studien», 1888, Bd 4; *Механизм внимания*, «Русская школа», 1891, № 1; *Душа ребенка в первые годы жизни*, СПб, 1891; *Психоло-*

гич. исследования, О., 1893; *Великие мыслители XIX в.* Лекция 4.—Кант и критика чистого разума, [О.], 1901; *Теория В. Вундта о начале мифа*, О., 1912; *Учебник логики*, 2 изд., О., [1918].

Лит.: Гордиевский М. И., *Наукова и громадсько-педагогічна діяльність проф. М. М. Л.*, в кн.: *Зап. Одеського наукового при ВУАН товариства. Секція педагогічна*, № 1, 1930 (имеется библиогр.); Олькин Д. и Шапиро Л., *Психологич. наследие Н. Н. Л.*, в кн.: *Сб. каф. педагогики Одесского ун-та*, т. 2, О., 1941; Аналиев Б. Г., *Очерки истории рус. психологии XVIII и XIX веков*, [М.], 1947; Теплов Б. М., *Осп. идеи в психологич. трудах Н. Н. Л.*, «Вопр. психологии», 1958, № 6; Шен А. А., *Об истории оценки психологич. концепции Н. Н. Л.*, там же, 1960, № 5; Теплов Б. М., *Об истории оценки психологич. концепции Н. Н. Л.*, там же, № 6.

М. Роговин. Москва.

ЛАНГЕ (Lange), Фридрих Альберт (28 сент. 1828—21 нояб. 1875) — нем. философ-неокантианец и экономист. Проф. философии Цюрихского (с 1870) и Марбургского (с 1872) ун-тов. Будучи одним из инициаторов лозунга «назад к Канту», Л. критиковал материалистич. элементы философии Канта и считал, что «вещь в себе» является продуктом нашего разума, «предельным понятием». Внешний мир и разум, по Л., — непознаваемые феномены, в силу чего он считал религ. веру выше рационального познания. Л. использовал учение И. Мюллера о специфич. энергии органов чувств для обоснования «*Физиологического идеализма*». Активно борясь против филос. материализма, Л. отвергал его как «метафизику». С этих позиций написан его получивший большое распространение гл. труд «История материализма и критика его значения в настоящее время» («*Geschichte des Materialismus...*», Bd 1—2, 1866, 10 Aufl., 1921, рус. пер. т. 1—2, 1881—83, 2 изд., 1899—1900), дающий извращенную историю материализма. Не понимая диалектики (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Избр. письма*, 1953, с. 239), Л. отождествлял законы общества с законами биологии; пытался внести идеологию неокантианства в нем. рабочее движение. В агитмарксистском соч. «Рабочий вопрос в его значении для современности и будущего» («*Die Arbeiterfrage...*», 1865) Л. выступил как бурж. либерал. Он проповедовал классовый мир, считая, что не классовая борьба, а моральные идеалы устраняют антагонизм между буржуазией и пролетариатом.

Соч.: *Logische Studien*, 2 Aufl., Iserlohn, 1894.

Лит.: Маркс К., *Критика Готской программы*, в кн.: *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. 15, М., 1933, с. 279; его же, [Письмо] Ф. Энгельсу, от 7 мая 1865 г., там же, т. 23, М.—Л., 1930, с. 281; его же, [Письмо] Л. Кугельману, 5 дек. 1868 г., там же, т. 25, [М.—Л.], 1934, с. 544; его же, [Письмо] дочери, 31 мая 1870 г., там же, т. 26, [М.—Л.], 1935, с. 53—54; Энгельс Ф., [Письмо] К. Марксу, 11 марта 1865 г., там же, т. 23, М.—Л., 1930, с. 265; его же, [Письмо] А. Ланге, 29 марта 1865 г., там же, т. 25, [М.—Л.], 1934, с. 449—52; Ленин В. И., Соч., 4 изд., *Справочный том*, ч. 2, с. 212; Ситковский Е., *Неокантианство*, в сб.: *Из истории философии XIX в.*, М., 1933, с. 219—26; Ellis E. A., *F. A. Lange*, Лpz., 1891. Б. Пфю. ГДР.

ЛАНДБЕРГ (Lundberg), Джордж Эндру (р. 3 окт. 1895) — амер. бурж. социолог-неопозитивист. Проф. социологии и статистики Вашингтонского ун-та (1945—53). В 1943 — президент Амер. социологич. об-ва. Как субъективный идеалист, Л. отвергает объективное значение закона, причинности и выдвигает операционалистич. метод определения понятий социологии (см. *Операционализм*). Следуя биохенизму, Л. отказывается признать сознат. мотивы поведения людей. Стимул и мотив, по Л., тождественны сумме их последствий, поэтому задача социологии заключается в упорядочении признаков и характеристик внешнего поведения. Л. — сторонник количеств. методов в социологии, перенесения методов и моделей естеств. наук (в особенности физики) в социологию.

Соч.: *Trends in American sociology*, N. Y.—L., 1929 (совм. с R. Bain, N. Anderson); *Leisure*, N. Y., 1934 (совм. с M. Komarovsky, M. A. McNerny); *Foundations of sociology*, N. Y., 1939; *Social research*, [2 ed.], N. Y.—L., 1942; *Can*

science save us?, N. Y.—L., 1947; Sociology, N. Y., [1954] (совм. с С. С. Schrag, O. N. Larsen).

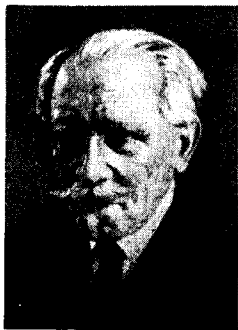
Лит.: Беккер Г., Восков А., Совр. социологич. теории в ее преемственности и изменении, пер. с англ., М., 1961. И. Новиков. Москва.

ЛАНДГРЕБЕ (Landgrebe), Людвиг (р. 9 марта 1902) — нем. философ-идеалист, последователь феноменологии Э. Гуссерля, его ассистент (1923—30), один из издателей Архива Гуссерля. Л. сближает феноменологию Гуссерля с философией Хейдеггера. Активный противник марксизма. По Л., осн. проблема всей европ. философии — проблема свободы человека. Свободу Л. понимает как такое состояние, при котором человек не признает никакой другой зависимости, кроме зависимости, оправданной его мышлением («Marxismusstudien», 1 Folge, Tübingen, 1954, S. 43). Понимание процесса познания как отношения субъекта к объекту, характерное, по мнению Л., для всей европ. философии нового времени, он называет субъективизмом, а саму эту философию — «метафизикой субъективности». С этой т. зр. Л. объявляет марксизм таким выражением «метафизического субъективизма», когда объект рассматривается якобы лишь как пассивный, пластич. материал человек. деятельности, труда.

В своей философии, осн. принципом к-рой является идеалистически понимаемое единство субъекта и объекта [причем бытие для Л. лишь «коррелят сознания» (см. «Philosophie der Gegenwart», В., 1957, S. 34)], Л. опирается на субъективный идеализм позднего Гуссерля и приближается к иррационализму, отвергающему науч. философию.

Соч.: W. Diltheys Theorie der Geisteswissenschaften, Halle, 1928; Nennfunktion und Wortbedeutung, Halle, 1934; Was bedeutet uns heute Philosophie?, Hamb., 1948, 2 Aufl., 1954; Phänomenologie und Metaphysik, Hamb., 1949; Hegel und Marx, в кн.: Marxismusstudien, 1 Folge, Tübingen, 1954; Philosophie der Gegenwart, В., 1958; Das Problem der Dialektik, там же, 3 Folge, Tübingen, 1960. А. Огурцов. Москва.

ЛАНЖЕВЕН (Langevin), Поль (23 янв. 1872—19 дек. 1946) — франц. физик-теоретик и экспериментатор, сторонник диалектич. материализма. Род. в Париже в семье рабочего. Ученик Пьера Кюри.

В 1891 окончил Школу промышленной физики и химии, в к-рой впоследствии (с 1903) был преподавателем и директором (с 1925). В 1897 окончил Высшую нормальную школу. В 1902 в Сорбонне защитил докторскую диссертацию, а в 1909 был избран проф. Коллеж де Франс, где преподавал почти 40 лет. Учеником Л. был Жюлио Кюри; под руководством Л. была выполнена де Бройлем дисс. о волнах материи.

Науч. интересы Л. группировались в трех областях: исследование масс и поведения атмосферных ионов, теория пара- и диамагнитных явлений, разработка методов получения ультразвуковых колебаний с помощью пьезокарта. Был почетным членом АН СССР, членом Королевского общ-ва в Лондоне, почетным д-ром многих ун-тов. Парижская АН избрала Л. своим членом только в 1934 из-за враждебного отношения официальной франц. науки к прогрессивной обществ.-политич. деятельности ученого и его передовым философским воззрениям.

В 1939 Л. основал близкий марксизму журнал «La Pensée» в целях пропаганды «идей современного рационализма». В конце 1941 Л. был арестован гестапо, заключен в тюрьму, а затем выслан из Парижа. Вернувшись в Париж после его освобождения от гитлеровцев, Л. в 1944 вступил в ряды компартии. Л. —

один из организаторов об-ва «Франция — СССР», в 1946 избран председателем этого общества.

Мировоззрение Л. имеет своими истоками рационалистич. и материалистич. традиции франц. филос. мысли. Взгляды Л. последовательно развивались в направлении к диалектич. материализму. Почти все работы Л. по методологич. вопросам науки призывают диалектич. идея историзма, последоват. развития человек. знания. В цикле работ, посвященных теории относительности, Л. доказывает, что «понятия времени и пространства не являются априорными. Каждому этапу наших познаний, каждой стадии в развитии наших теорий о физическом мире соответствует определенное представление о пространстве и времени. Механицизм породил прежнюю концепцию, электромагнетизм требует новой, и у нас нет никаких оснований думать, что эта новая концепция окончательна» (Избр. труды, М., 1960, с. 452). В статьях по квантовой теории и проблеме причинности в микромире Л. протестовал против «интеллектуального разврата» поборников индетерминизма и «свободы воли» электронов, писал: «В действительности речь идет вовсе не о кризисе детерминизма вообще, но лишь о кризисе механицизма, который мы пытались приспособить для объяснения совершенно новой области. Нам приходится констатировать недостаточность для объяснения микромира тех концепций, которые оправдывали себя в макроскопической области, для которой они были созданы, и где применялись в продолжение многих поколений» (там же, с. 655). Он подчеркивал, что те, кто говорят о банкротстве причинности, «... напрасно ссылаются на новейшие достижения современной науки. Их идеи взяты совсем не оттуда; они извлечены из старой философии, враждебной научному познанию... И когда философы-идеалисты ссылаются на физика-идеалиста, они лишь берут у него обратно те представления, которые когда-то ссудили ему сами» (там же, с. 657). Развитие материалистич. воззрений Л. в области естествознания, его прогрессивная обществ. деятельность, близость к социальной и политич. борьбе масс закономерно привели Л. в конце жизни на позиции диалектич. материализма и науч. коммунизма.

Соч.: Физика за последние двадцать лет, Л., 1928; Избр. произв., М., 1949.

Лит.: Рейвиш Ю. Г., П. Л. — ученый, борец за мир и демократию, М., 1955; Ландсберг Г. С., Поль Ланжевен, «Усп. физ. наук», 1947, т. 31, вып. 3.

И. Акчуриш. Москва.

ЛАНФРАНК (Lanfranc) (р. ок. 1005 — ум. 24 или 28 мая 1089) — реакц. ср.-век. теолог, архиепископ Кентерберийский (с 1070); один из зачинателей ортодоксальной церк. схоластики, противопоставленной оппозиционным рационалистич. тенденциям филос. мысли 11 в. Род. в Павии (Италия). Основал в Нормандии (Франция) известную школу бенедиктинского монастыря Бек, из к-рой вышел ряд ортодоксальных схоластов, в т. ч. и ученик Л. — Ансельм Кентерберийский. Л. известен активной борьбой с проявлениями раннего номинализма. Он обрушился на попытки рационалистич. и сенсуалистич. истолкований церк. догмата пресуществления Беренгаром Турским, к-рого Л. преследовал на церк. соборах, и добился его осуждения.

Л. утверждал, в противовес Беренгару (см. «Трактат против Беренгара» — «De corpore et sanguine Domini», Migne, PL, t. 150, 1854), что диалектика (т. е. логич. рассуждение) не может считаться судьей в вопросах веры, но лишь вспомогательным средством для обоснования и разъяснения догматов религии.

Соч.: Opera quae supersunt omnia..., ed. J. A. Giles, v. 1—2, Oxf., 1844.

Лит.: Сидорова Н. А., Очерки по истории ранней гор. культуры во Франции, М., 1953, с. 195, 253—54; Трахтенберг О. В., Очерки по истории зап.-европ. средневеков. философии, М., 1957, с. 32—33; Масдо-

nald A. J., Lanfranc, a study of his life, work and writing, L., 1944; Southern R. W., Lanfranc of Bec and Berengar of Tours, в кн.: Studies in medieval history presented to F. Powicke, Oxf., 1948, p. 27—48. С. Стам. Саратов.

ЛАО-ЦЗЫ (Л и Э р) — др.-кит. философ, живший, согласно преданию, одновременно с *Конфуцием* (6—5 вв. до н. э.) или несколько раньше. Ему приписывается филос. трактат «Ляо-цзы» (др. название —

«Дао дэ цзин»), к-рый служит источником изучения филос. воззрений Л.-ц. Историки кит. философии высказывают различные мнения относительно времени жизни и взглядов Л.-ц. Окончательно еще не решен вопрос о том, какое отношение имеет трактат «Ляо-цзы» к личности самого философа. Ряд ученых считает, что трактат написан в 4—3 вв. до н. э. и является плодом труда последователей философа. В трактате обосновывается на-

правление, получившее назв. *даосизма*. Согласно этому учению, первоосновой мира является *дао*. Учение о дао переносится на природу и общество. В природе нет ничего постоянного и неизменного: все находится в движении, в процессе развития и изменения. Достигнув определ. степени развития, вещи переходят в свою противоположность: несчастье есть основа счастья, а счастье есть то, в чем заключено несчастье. В обществе все несчастья происходят из-за нарушения естеств. закона дао. Для того чтобы этот закон не нарушать, люди должны научиться находить удовлетворение в спокойствии, а не в действии. Отсюда проповедь фаталистич. теории «недеяния», лежащей в основе жизни общества. Все должно быть предоставлено самому себе. Ожесточенная борьба между различными обществ. группами вызвана развитием цивилизации; по мнению Л.-ц., необходимо возвратиться к первобытному обществу, где нет классового угнетения, войн, а каждый человек находит удовлетворение в простой, естеств. жизни.

В совр. науке существует две т. зр. по вопросу о том, является ли дао в учении Л.-ц. материальным или духовным началом. Нек-рые полагают, что дао у Л.-ц., с одной стороны, означает материальную первооснову, к-рую нельзя ни увидеть, ни услышать, ни осязнуть, а с другой — всеобщий естеств. закон самих вещей, исключающий вмешательство сверхестеств. сил. Согласно этой т. зр., филос. идеи Л.-ц. в своей основе являются материалистическими. Другие полагают, что дао — это сверхестеств. духовная первопричина вещей. Согласно этому толкованию, филос. идеи Л.-ц. идеалистичны в своей основе, хотя и содержат нек-рые материалистич. элементы.

Лит.: Конисси Д. П., «Тао-те-кинг» Лао си, «Вопр. филос. и психологии», 1894, май; Рониде, Философия Лао-цзы, «Научное обозрение», 1900, № 5; его же, Мораль и политика по теории Лао-цзы, там же, 1902, № 2; Ян Хяи-шун, Древнекит. философ Лао-цзы и его учение, М., 1950; История философии, т. 1, М., 1957, с. 64; Фань Вэнь-лань, Древняя история Китая, пер. с кит., М., 1958; Александров Г. Ф., История социологич. учений. Древний Восток, М., 1959, с. 197—215; Жэнь Цзи-юй, Лао-цзы цзинь (Перевод «Ляо-цзы» на совр. язык), Пекин, 1956; Хоу Вай-лу (и др.), Чжунго сынси туниси (История кит. идеологии), т. 1, Пекин, 1957.

ЛАПЛАС (Laplace), Пьер Симон (23 марта 1749 — 5 марта 1827) — франц. ученый, сыгравший своими открытиями в области теоретич. астрономии, математики и физики выдающуюся роль в развитии естеств.-науч. взглядов на природу. Родился в местечке Бомон в семье нормандского крестьянина. Чл. Парижской АН (с 1785), председатель Палаты мер и весов (с 1790).

10*

Осн. науч. наследие Л. представлено в «Трактате о небесной механике» («Traité de mécanique céleste», v. 1—5 [1798/99—1825]), где изложены его открытия, позволяющие доказать, что закон всемирного тяготения Ньютона при учете взаимных возмущений планет полностью объясняет их наблюдаемое движение. В приложениях к кн. «Изложение системы мира» («Exposition du système du monde», v. 1—2, [1795/96]) Л. выступил со своей гипотезой о происхождении солнечной системы из «первичной» туманности, находившейся в медленном равномерном вращении и распространявшейся за пределы возникшей из нее позднее солнечной системы. В отличие от небулярной гипотезы Канта, Л. рассматривал только солнечную систему, не касаясь более общего вопроса о происхождении звездных систем. Гипотеза Л., получившая в середине 19 в. математич. подтверждение, сохраняла свое значение до начала 20 в. Однако материалистич. основы ее построения определили непреходящую роль гипотезы Л. в развитии космогонии и естествонауч. картины мира (см. *Космогония*).

Большое значение для науки имели труды Л. по математич. теории вероятностей, созданной в значит. мере самим Л. В качестве введения к одному из изданий «Аналитической теории вероятностей» («Théorie analytique des probabilités», 1812) Л. предпослал «Опыт философии теории вероятностей» («Essai philosophique sur les probabilités», 1814), в к-ром развил принцип механич. детерминизма.

Естеств.-науч. взгляды Л. нашли свое отражение в его филос. убеждениях, близких к воззрениям ф-рац. материалистов. Известен его ответ Наполеону I: когда последний спросил Л., почему он в своей небесной механике не отвел соответствующего места богу, ученый ответил, что при построении теории происхождения солнечной системы он не нуждался в гипотезе существования бога. Механистич. ограниченность его взглядов проявилась в попытке объяснить весь мир, в т. ч. физиологич., психич. и социальные явления, с т. зр. механич. детерминизма. Свое понимание детерминизма Л. рассматривал как методологич. принцип построения всякой науки. Образец оканчат. формы науч. познания Л. видел в небесной механике. Лапласовский детерминизм стал нарицат. обозначением механистич. методологии классич. физики.

Соч.: Oeuvres complètes, v. 1—14, P., 1878—1912; в рус. пер.— Изложение системы мира, т. 1—2, СПб, 1861; Опыт философии теории вероятностей, М., 1908.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955, с. 8; Андронов А. А., Лаплас, М., 1930; Воронцов-Вельяминов Б. А., Лаплас, М., 1937.

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ, Александр Сергеевич [15 (27) янв. 1863 — 7 февр. 1919] — рус. бурж. историк и социолог. Окончил историко-филологич. фак-т Петерб. ун-та (1886); с 1890 — проф. этого ун-та; академик (с 1899). С 1887 до конца жизни вел семинар и читал лекции в Петерб. ун-те по методологии истории («Методология истории», вып. 1—2, 1910—13; вып. 1, 1923). Вначале примыкал к юридич. школе в историографии («Организация прямого обложения в Моск. гос-ве...», 1890), затем перешел на позиции *неокантианства*. В ст. «Осн. принципы социологич. доктрины О. Конта» (в сб. «Проблемы идеализма», 1902) подверг критике историко-социологич. идеи *позитивизма* контовского типа. Коренной недостаток концепции Конта Л.-Д. видел в отсутствии разработанной гносеологич. основы теории историч. знания. Такую основу Л.-Д. нашел в по-своему толкуемой теории познания *баденской школы*. Цель историч. знания, по Л.-Д., — в построении историч. действительности как «эволюционного целого», т. е. как совокупности явлений, покоящихся на психич. факторах. Сделать это с помететической (т. е. «законополагающей»), стремя-

щей к установлению закономерностей) т. зр. нельзя, ибо она не может учесть специфики историч. факта, под к-рым Л.-Д. понимал «... воздействие сознания данной индивидуальности (включая в нее и коллектив.— *Ред.*) на среду, в особенности на общественную среду» («Методология истории», вып. 2, СПб, 1913, с. 322). Ближе к истине, по Л.-Д., *идиографический метод*, к-рый стремится воспроизвести своеобразие фактов истории. Установление историч. роли события достигается отнесением его к ценности, т. е. к значению данного переживания, обладающему императивностью и абсолютностью. Отнесение к ценности (этической, эстетической и т. д.) характеризует событие как добро или зло, истину или ложь, красоту или безобразие. Недостаток идиографич. знания, по Л.-Д., состоит в недооценке категорий «целого» и «эволюции», без к-рых нельзя построить процесс историч. действительности, а также отказ от использования нек-рых др. общих понятий. Л.-Д. полагал, что историк, сознательно различая номотетич. и идиографич. точки зрения, «... может соединять их в своей исторической работе» (там же, вып. 1, СПб, 1910, с. 291). Спец. историч. работы Л.-Д. представляют определенную науч. ценность.

Подробная библиография трудов Л.-Д. имеется в «Рус. историч. журнале» № 6 за 1920, посвященном Л.-Д.

Лит.: Райнов Т., О филос. взглядах и под. приемах А. С. Л.-Д., «Ж. М-ва народного просвещения», 1915, Нов. серия, ч. 61, март; Пресняков А. Е., А. С. Лаптев-Данилевский, П., 1922; Покровский М. Н., О книге акад. Л.-Д., «Под знаменем марксизма», 1923, № 4—5; Материалы для биографии А. С. Л.-Д., Л., 1929; Черепнин Л., А. С. Л.-Д.— бурж. историк и источниковед, «Вопр. истории», 1949, № 8 (имеется библиогр. трудов Л.-Д. и лит-ры о нем). А. Поляков. Москва.

ЛАПУЖ (Lapouge), Жорж Ваше де (12 дек. 1854—20 февр. 1936) — франц. социолог, один из создателей *расизма*. Разделяя человечество на высшие расы (долихоцефалы — длинноголовые — арийская, или нордическая раса) и низшие (брахицефалы — короткоголовые), Л. утверждал, что «раса — основной фактор истории» («Les sélections sociales», P., 1896, p. 68). Развитие цивилизации каждого народа, по Л., начинается, когда во главе его встают арийцы, составляющие господств. класс; с исчезновением арийских элементов цивилизация приходит в упадок. «... История различных народов сводится... к истории их евгенических элементов» (там же, p. 78). Применяя дарвинизм к обществу, Л. считал, что происходит военный, политич., религ., моральный, юридич. и экономич. «социальный отбор», к-рый идет к постепенному уничтожению представителей высшей расы, поскольку они хуже приспособлены к среде — «закон быстрого уничтожения наиболее совершенных» (там же, p. 456). Теорию прогресса Л. считал иллюзией, т. к. в ходе цивилизации растрачивается необходимый для ее существования «евгенический капитал». Единств. выход Л. видел в евгенике, «систематическом отборе», сохраняющем высокую расу. Вместе с *Гобино* Л. оказал значит. влияние на формирование фашистской расовой теории.

Соч.: L'aryen; son rôle social, P., 1899; Race et milieu social, P., 1909.

Лит.: Ковалевский М., Совр. социологи, СПб, 1903, с. 322—39; Аммон О., Histoire d'une idée, L'anthropologie, «Rev. Internat. de Sociologie», 1898, v. 6, p. 145—81; Halkins F. H., The racial basis of civilization, N. Y.—L., 1926, ch. 5; Sorokin P., Contemporary sociological theories, N. Y.—L., 1928, p. 234—44; 250—51; Solombat J., La fin du monde civilisé, les prophéties de V. de Lapouge, P., 1946. В. Кузнецов. Москва.

ЛАШИН, Иван Иванович (р. 1870) — рус. философ-идеалист и психолог, ученик А. Введенского, сторонник *неокантианства*. Преподавал логику в Александровском лицее, был проф. Петерб. ун-та. Д-р философии (с 1906). Белоэмигрант (с 1922). В отличие

от зап.-европ. неокантианцев (напр., *Когена*), Л. допускал возможность обсуждения вопроса о приложимости законов мышления к «вещам в себе». Он утверждал, что вне опыта (в кантовском его понимании) законы мысли никакой силы не имеют. Законы формальной логики зависят, по Л., от форм интуиции. Противоречивость филос. взглядов Л. — своеобразное доказательство несостоятельности *имманентной философии*, к-рую он пытался защищать.

Соч.: Филос. значение психологич. воззрений Джэмса, в кн.: Джэмс У., Психология, пер. с англ. Ланшина, СПб, 1896; Законы мышления и формы познания, СПб, 1906; Проблема «чужого Я» в новейшей философии, СПб, 1910; О вселенском чувстве, СПб, 1911; Неокритицизм Шарля Ренуве, в сб.: Новые идеи в философии, сб. 13, СПб, 1914; Психология эмоций. Мышления Рейнриха Майера, там же, сб. 16; Гносеологич. исследование, вып. 1 — Логика отношений и силлогизм, П., 1917; Мистич. рационализм С. Л. Франка, «Мысль», 1922, № 3; Опровержение солицизма, в сб.: Тр. рус. ученых за границей, вып. 1, Отдел историко-филологич., Прага, 1923; Философия изобретения и изобретение в философии, [т.] 1—2, 2 изд., Прага, 1924.

Лит.: Лосский Н. [О.], И. Лашин. Законы мышления и формы познания (реф.), «Вопр. филос. и психологии», 1907, кн. 88, май — июнь; Jakovenko В., Dejiny ruské filosofie, Praha, 1938, с. 284—89. Л. Суворов. Москва.

ЛАРОШФУКО (La Rochefoucauld), Франсуа (15 дек. 1613—17 марта 1680) — франц. писатель и философ-моралист, один из руководителей Фронды.

Л. считал человека произведением природы, а личные интересы — двигателем его поступков. Характеризуя мораль феод. аристократии, он угадал общие черты морали, свойственные классовому обществу. Л. осуждал эту мораль, но считал, что она свойственна природе человека; отсюда его пессимизм. Свои взгляды он изложил в форме афоризмов в соч. «Максимы и моральные размышления» («Réflexions ou sentences et maximes morales», 1665; рус. пер. 1959, вступит. ст. Т. Хатисовой), выдержавшем семь изданий при жизни автора; каждое из них дополнялось новыми афоризмами. Л. оказал влияние на Гельвеция. Маркс в письме к Энгельсу цитировал поправившиеся ему афоризмы Л. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 32, с. 261—62).

Соч.: Oeuvres complètes, t. 1—2, P., 1883—84, P., 1935; в рус. пер. — Дух изысканных мнений..., М., 1788; Правоучит. мысли герцога де-ла Рошефуко, пер. Е. Т. [Е. Татищевой], М., 1798; Нравственные рассуждения герцога де-ла Рошефуко, пер. Д. Пименова, М., 1809; Мысли герцога де-ла Рошефуко, извлеченные из высшего познания мира и людей, пер. И. Барышниковой, М., 1809; Мысли, изречения и поучения, СПб, 1901; Избр. мысли Лабрюера с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье, с предисл. Л. Н. Толстого, М., 1908.

Лит.: История франц. лит., т. 1, М.—Л., 1946, с. 449—454; Толстой Л. Н., Полн. собр. соч., т. 40, М., 1957, с. 217—18, 284; Bourdeau J., La Rochefoucauld, P., 1895; Grandsaignes d'Hauteville R., Le pessimisme de La Rochefoucauld, P., 1914; Marchand J., Les manuscrits des Maximes, P., 1935; его же, Bibliographie générale raisonnée de La Rochefoucauld, P., 1948; H e s s G., Zur Entstehung der «Maximen» La Rochefoucaulds, в серии: Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein — Westfalen, H. 67, Köln — Opladen, 1957. Г. Зельманова. Ленинград.

ЛАРРА (Larra), Марьяно Хосе де (24 марта 1809—13 февр. 1837) — исп. писатель, публицист и критик, заложивший основы критич. реализма в Испании. Воспитанный на просветительской философии, Л. в своих журналах «El Duende Satirico del Dia» («Сатирический оборотень современности», 1828—29) и «El Pobrecito Kablador» («Простодушный болтун», 1832—33) обличал феод.-католич. Испанию и горячо отстаивал идеи просвещения, разума и прогресса. Эти же идеи характерны для историч. романа «Наж короля Энрико Слабого» («El Doncel de don Enrique el Doliente», 1834) и драмы «Масиас» («Macías», 1835), написанной на тот же сюжет. Подвергая резкой критике и феодально-клерик. реакцию (антикарлистские очерки 1833—34), и либерально-бурж. демагогию (очерки «Обстоятельства», «Преимущество полумер», «Слова,

«Полиция» и др., опубли. в журн. «La Revista Española» — «Исп. обозрение» и «El Observador» — «Наблюдатель» в 1833—35) с прогрессивных позиций революц. демократии, Л. в 1835—36 пришел к идее революции и выдвинул требования нар. суверенитета и демократич. свобод (2-я ч. очерка «1830—1836 годы, или Испания от Фердинанда VII до Мендисабала», 1836). Поражение нар. движения 1834—36 привело Л. в конце жизни к разочарованию в революц. возможностях исп. народа. Л. обратился к идеям «христианского социализма» *Ламение*, чью книгу «Слова верующего» (F. R. Lamennais, *Paroles d'un croyant*, 1834) Л. перевел на испанский яз. и снабдил предисловием (1836). Охваченный настроениями отчаяния и безысходного пессимизма, Л. покончил жизнь самоубийством.

Соч.: *Obras completas*, v. 1—4, Barcelona, [1921]; *Articulos*, v. 1—3, Md., 1923—40; в рус. пер.: Сатирич. очерки, М., 1956 (со ст. К. Н. Державина и З. И. Плавскина «Мариано Хосе де Ларра»).

Лит.: *Retrosicione Alfredo*, Mariano José de Larra (Figaro), Venezia, 1946; Bellini G., *La critica del costume negli articoli di Larra*, Mil., [1957].

З. Плавский. Ленинград.

ЛАРРОЙО (Larroyo), Франсиско (р. 1908) — мекс. философ; декан филос. фак-та Мекс. ун-та, один из основателей неокантианского движения в Мексике, автор ряда работ по педагогике. Филос. идеи Л. близки к идеям марбургской школы, к-рые он популяризировал в написанной совместно с М. А. Сабальос (M. A. Ceballos) книге «Логика наук» («La lógica de la ciencia», 1939).

В книге «Амер. философия» («La filosofía Americana. Su razón y su sinrazón de ser», 1958) Л. подверг критич. анализу точки зрения других лат.-амер. философов по вопросу об особенностях развития и характере философии в странах Лат. Америки, противопоставив им концепцию, основанную на неокантианском понимании аксиологич. категорий. Решительно отвергая философию, направленную на познание объективной реальности, как бесплодную «метафизику», Л. считает основной задачей философии анализ культурных «ценностей». Согласно Л., философия — это ретроспективный анализ категорий трансцендентального сознания человека, проявляющихся в его деятельности в сферах науки, искусства, религии, политики и др. Социологич. взгляды Л. развиваются в духе Ортега-и-Гассета. В докладе «Проблема и проблемы нашей эпохи» («Problema y problemas de la crítica de la época. Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofía, 1963, v. 1, p. 167—92) на Международном философском конгрессе в Мехико (председателем к-рого он являлся) Л. характеризует современность как часть новой «технической эры», в к-рую техника обнурует «демонические качества». В бурном развитии техники, в нарушении равновесия между взлетом научно-технической мысли и отставанием морально-политического сознания Л. видит источник кризиса нашей эпохи. Способ производства, определяющий форму использования научно-технических достижений, для Л. несуществен. Специфика технич. эры с ее универсальностью и единообразием, с ее господством идеологий — это появление «массового человека». Грядущую форму историч. существования Запада Л. находит в амер. образе жизни.

Соч.: *La filosofía de los valores*, México, 1936; *El romanticismo filosófico*, [Méx.], 1941; *Historia de la filosofía en Norteamérica*, Méx., 1946; *El existencialismo, sus fuentes y direcciones*, Méx., 1951; *Lecciones de lógica y ética*, Méx., 1957; *Los principios de la ética social*, 9 ed., Méx., 1959.

Р. Бургете. Москва.

ЛАРСОН (Larsson), Ханс (18 февр. 1862—16 февр. 1944) — швед. философ-идеалист. В 1901—27 — проф. ун-та в Лунде. Находясь под влиянием философии *Канта*, в частности его положений об априорных фор-

мах опыта, Л. в работе «Граница между ощущением и эмоцией» («Gränsen mellan sensation och emotion», 1899) выступил против теории чувств Джемса — Ланге, согласно к-рой чувство (гнев, радость и т. д.) производно от физиологич. реакций, ощущений. По Л., ощущения всегда выступают вместе с чувствами, к-рые связаны с представлениями, зависимы от них и образуют границу между «я» и «не я». Примыкая к рационалистич. истолкованию интуиции и подвергнув критике иррационализм, в частности ницшеанство и бергсонизм, он не противопоставлял интуицию разуму. Л. утверждал, что она завершает действие обычных законов логики, но оперирует ими в более быстром темпе и «более тонким образом» («Интуиция...» — «Intuition...», 1892; 4 uppl., 1920). На этом понятии интуиции основана и его работа в области эстетики. Л. выдвинул идею т. н. совпадающей философии: если различные филос. концепции доводить до их крайних выводов, то они будут совпадать. Он объяснял это тем, что противоположные идеи содержат в себе не всю истину, а лишь ее часть, и чем больше их развивать и уточнять, тем больше они будут сближаться.

Соч.: *Kants transcendentala deduktion af kategorierna*, Lund, 1893 (Diss.), 3 uppl., Stockh., 1925; *Under världskrisen*, Stockh., 1920; *Poesiens logik*, 4 uppl., Stockh., 1922; *Filosofien och politiken*, 2 uppl., Stockh., 1922; *Platon och vår tid*, 3 uppl., Stockh., 1924; *Filosofiska uppsatser*, Stockh., 1924; *Intuitions problemet*, 2 uppl., Stockh., 1925; *Spinosas*, Stockh., 1931; *Gemenskap*, Stockh., 1932; *Minimum*, Stockh., 1935.

Лит.: *Nyman A., H. L. en svensk tänkareprofil*, Stockh., 1945; *Aspelin G., H. L. som tänkare och skriftställare*, Stockh., 1946; *Ryding E., Den svenska filosofins historia*, Stockh., 1959, s. 105—13.

А. Мысливченко. Москва.

ЛАСК (Lask), Эмиль (25 сент. 1875 — 26 мая 1915) — нем. философ-идеалист; проф. Гейдельбергского ун-та. Сочетал неокантианство в духе *Риккерта* с феноменологией *Гуссерля*. Отбрасывая, как и все неокантианцы, «вещь в себе», отказываясь также от трансцендентальной эстетики *Канта*, Л., с др. стороны, пытался сохранить понятие объективного, независимого от мышления идеального бытия, якобы образующего внутреннее лишь интуитивно постигаемое содержание сознания. Т. о., идеальное бытие, понимаемое Л. в духе платонизма, есть трансцендентная логич. структура сознания, якобы составляющая основу не только априорных логич. форм, но и вещей мира, природы. Одним из гл. понятий философии Л. является понятие формы, истолковываемой в духе *Аристотеля*, т. е. как идеальная сущность. Однако, в отличие от *Аристотеля*, Л. рассматривает в качестве осн. форм идеального бытия категории, среди к-рых выделяются первичные формы, нечто вроде субстанции идеального бытия. Субъект, человек понимается как «переживающая реальность».

Л., так же как и *Гуссерль*, настаивает на существовании независимой от субъекта истины (а также «смысла» и «значения»), понимая ее как некое трансцендентное логич. бытие, имеющее свое местопребывание в сознании и постигаемое исключительно интуитивным путем. Интуиция рассматривается как предшествующий мышлению (и науке) акт познания бытия, проникающий сквозь сферу переживаний в то, что якобы определяет их структуру и *интенциональность* (направленность). Учение об идеальном бытии Л. связывает с теорией ценности, к-рую, взяв у неокантианцев, он истолковывает в духе феноменологии *Гуссерля*. Л. признает существование, с одной стороны, личных, субъективных ценностей (к к-рым он относит все «практические» ценности), а с др. стороны, — транссубъективных ценностей, существующих в сфере идеального бытия и постигаемых интуитивно. Именно эти транссубъективные ценности и придают человек. жизни, переживаниям цен-

постный характер. К таким трансубъективным ценностям Л. относит прежде всего религию, а затем также и эстетическое. В конечном счете все существующее в сфере идеального бытия, поскольку оно имеет интенциональный характер, оказывается сводимым к понятию ценности. Поэтому Л. определяет философию как учение о ценностях.

Претензия Л. на строгое обоснование принципов науки, на создание науч. мировоззрения опровергается его крайне упрощенным и в конечном счете антинауч. пониманием естествознания и практич. деятельности, к-рые рассматриваются как наиболее удаленные от идеального бытия.

Соч.: Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre... Tübingen, 1914; Die Lehre vom Urteil, Tübingen, 1912; Gesammelte Schriften, Bd 1—3, Tübingen, 1923—24. Лит.: Rick G., Die Übergegensätzlichkeit der Werte. Gedanken über das religiöse Moment in E. L. logischen Schriften vom Standpunkt des transzendentalen Idealismus, Tübingen, 1921; Herrigel E., E. L. Wertsystem, «Logos», 1923—24, Bd 12. Т. Ойзерман. Москва.

ЛАСКИ (Laski), Гарольд Джозеф (30 июня 1893 — 24 марта 1950) — англ. социолог, политич. деятель, лидер и идеолог Лейбористской партии. В своих работах Л. проповедовал разновидность реформистской теории вращающейся капитализма в социализм — т. н. демократический социализм («Свобода в совр. гос-ве» — «Liberty in the modern state», 1930, new ed., 1948; «Парламентарное управление в Англии» — «Parliamentary government in England», 1938, 4 ed., 1950). Л. считал, что главную роль в развитии общества играет индивидуальное сознание, и потому освобождение трудящихся должно быть осуществлено не путем революции, а в результате нравств. совершенствования («Вера, разум и цивилизация» — «Faith, reason and civilization», 1944). Л. открыто провозгласил связь своих идей с религией: источник идеи демократич. социализма он видел в христианстве. Абсолютизируя мировые связи капиталистич. хозяйств. системы на империалистич. стадии, Л. пытался доказать необходимость создания мирового гос-ва, считал нац. суверенитет «угрозой цивилизации», оправдывал колониализм («Основания суверенитета» — «The foundations of sovereignty», 1921, 2 ed., 1931).

Соч.: A grammar of politics, New Haven — L., 1925; Communism, L., 1927; Democracy in crisis, 3 ed., L., 1934; The state in theory and practice, L., 1935; The rise of European liberalism, L., 1936; Reflections on the revolution of our time, N. Y., 1944; The American democracy, L., 1949; Political thought in England. Locke to Bentham, L., 1950. П. Зыков. Москва.

ЛАССАЛЬ (Lassalle), Фердинанд (11 апр. 1825 — 31 авг. 1864) — деятель нем. рабочего движения, родоначальник одной из форм оппортунизма в междунар. рабочем движении — лассальянства; мелко-

бурж. социалист и философ. Род. в богатой купеч. семье. Изучал философию, особенно Гегеля и Фихте. В революции 1848—49 участвовал как бурж. демократ. В 60-х гг. возглавлял движение нем. рабочих за создание самостоят. политич. партии; сыграл значит. роль в образовании Всеобщего германского рабочего союза. «В Германии великая историческая заслуга Лассалья состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию» (Ленин В. И., Соч., т. 4, с. 157).

В философии Л. был идеалистом. С позиций гегельянства он извращал отдельные заимствованные у

Маркса материалистич. положения. В своем осн. филос. произведении «Философия Гераклита Темного из Эфеса» («Die Philosophie Herakleitos des Dunklen von Ephesos», Bd 1—2, 1858), получившем отрицат. оценку Маркса (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 29, с. 221—24) и Ленина (см. Соч., т. 38, с. 337—52), Л., следуя Гегелю, превращал Гераклита в идеалиста, полностью игнорируя материалистич. сущность его учения. Оставаясь гегельянцем, Л. пытался «поддирать» Гегеля элементами философии Фихте.

Историч. развитие Л. рассматривал как постепенное развитие идеи свободы. Гос-во, в к-ром Л. видел олицетворение общего духа в противоположность эгоистич. индивидуальному духу, он считал надклассовой, нравств. категорией, имеющей своим назначением «развитие рода человеческого — в направлении к свободе» («Программа работников», Соч., т. 1, СПб, 1908, с. 31). Противоречивым, но по существу идеалистическим был взгляд Л. на право. В лекциях о «Сущности конституции» он определял право как юридич. воплощение силы, проявляющееся в правовых нормах. Но в «Системе приобретенных прав» (1861) — наиболее оригинальном произведении — Л. указывал, что право есть выражение нар. духа, нар. самосознания. Выдвигая как первостепенную идею всеобщего избират. права, Л. выступал за отказ от классовой борьбы и революции. Все крестьянство он считал реакц. массой («Франц фон Зикинген» — «Franz von Sickingen», 1859). Организация самостоят. политич. рабочей партии имела целью, по Л., мирную агитацию за всеобщее избират. право. Выдвинутой Л. «железный закон заработной платы» был заимствован у Рикардо и Мальтуса и должен был теоретически обосновать отказ от борьбы за повышение заработной платы рабочих. Программа Л. содержала требование свободной ассоциации рабочих, организованной с помощью гос. кредитов при условии наличия в стране всеобщего избират. права. Л. стремился к изоляции герм. рабочего класса от всеобщего пролетарского движения. Он выступал за объединение Германии «сверху», с помощью династич. войн юнкерской Пруссии, и вел по этому поводу переговоры с Бисмарком. Результатом заигрываний Л. с Бисмарком было то, что он помог Бисмарку покончить с бурж. оппозицией и не допустить революции. «... Лассаль, — писал Ленин, — шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики» (Соч., т. 21, с. 121, прим.).

Маркс и Энгельс, критикуя Л. за идеализм и оппортунизм, отмечали, что Л. в форме «королевско-прусского правительственного социализма» (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 233) вносил в рабочее движение бурж. идеологию.

Соч.: Gesammelte Reden und Schriften, Bd 1—12, В., 1919—20; Aus dem literarischen Nachlaß von K. Marx, F. Engels und F. Lassalle, Bd 1—4, Stuttg., 1902; Nachgelassene Briefe und Schriften, Bd 1—6, Stuttg.—В., 1921—25; в рус. пер.— Соч., т. 1—7, СПб, 1908; Соч., т. 1—3, М., 1925; Логика Гегеля и логика Розенкранца, «Под знаменем марксизма», 1925, № 4.

Лит.: Маркс К., Критика Готской программы, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, М., 1955; его же, Заявление, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 13, ч. 1, [М.—Л.], 1936, с. 79—82; его же, там же, с. 88—89; Энгельс Ф., там же, с. 218, 279—82, 314; его же, К жилищному вопросу, в кн.: Избр. произв., т. 1, М., 1935, с. 376; Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 23, М.—Л., 1930, с. 153, 199, 201—202, 206—207, 232—234, 248, 484 (Переписка); их же, там же, т. 25, [М.—Л.], 1934, с. 423, 438—41, 481, 536—39 (Письма); их же, там же, т. 26, [М.—Л.], 1935, с. 10, 384—88; их же, там же, т. 27, [М.—Л.], 1935, с. 54; Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38, с. 337—52; его же, Государство и революция, там же, т. 25, с. 429, 436—38; его же, Август Бебель, там же, т. 19, с. 265; его же, Протест российских социал-демократов, там же, т. 4, с. 157; Плеханов Г. [В.], Ф. Лассаль. Его жизнь и деятельность, Женева, 1887; Вебель А.

и Бернштейн Э., Ф. Лассаль, М., 1917; Бернштейн А., Осн. взгляды Ф. Лассаля, «Под знаменем марксизма», 1924, № 10—11; Деборин А., О статье Л., там же, 1925, № 4; Разумовский П., Философско-правовое наследие Л., там же; Виноградская П., Ф. Лассаль, М.—Л., 1926; Мерино Ф., История германской социал-демократии, пер. с нем., т. 2—3, М., 1921—1922; его же, Карл Маркс, М., 1957 (см. указат. имен); Rosenbaum P., F. L. Studien über historischen und systematischen Zusammenhang seiner Lehre, Jena, 1911; Trautwein K., Über F. L. und sein Verhältnis zur Fichteschen Philosophie, Jena, 1913; Steinbüchel T., F. Lassale. Der Mensch, der Politiker, der Philosoph, «Hochland», 1923, 20 Jg., № 12; Vorländer K., Marx, Engels und L. als Philosophen, 3 Aufl., B., 1926; Oschilewski W. G., Grosse Sozialisten in Berlin. Born, Marx, Engels, L., B., 1956; Vessari A., L. e la fondazione della socialdemocrazia, Mil., 1959; Friederici H. T., Zur Einschätzung L. und des Lassalleismus in der bürgerlichen und rechtssozialdemokratischen Geschichtsschreibung, «Beitr. zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1960, № 2. А. Панфилова. Москва.

ЛАССОН (Lasson), Георг (13 июля 1862 — 2 дек. 1932) — нем. теолог, философ, неогегельянец. Протестантский пастор в Берлине; издатель (с 1907) лейпци. издания соч. Гегеля, а также гегелевского архива. Известность Л. связана гл. обр. с тем, что им впервые были опубликованы нек-рые ранние произведения Гегеля, иррационалистич. истолкование к-рых явилось одним из исходных пунктов неогегельянизма. В 1923 Л. опубликовал гегелевское «Сочинения по вопросам политики и философии права» (W. F. Hegel, Schriften zur Politik und Rechtsphilosophie, в кн.: W. F. Hegel, Sämtliche Werke, Bd 7, 1923), «Иенскую логику, метафизику и натурфилософию» («Jenenser Logik, Metaphysik und Naturphilosophie», там же, Bd 18a, 1923), в 1931 «Иенскую реальную философию» («Jenenser Realphilosophie», Tl 2, там же, Bd 20), а в 1932 первую часть этой же работы («Jenenser Realphilosophie», Tl 1, там же, Bd 19). В предисловиях и комментариях к Гегелю Л. истолковывал его учение как философию, адекватную вероучению протестантизма. Вопрос о соотношении философии и религии, знания и веры превращается Л. в центр. проблему гегелевской философии. С этой т. зр. Л. по существу истолковывает «Науку логики» в духе теологии, отрицает наличие в системе Гегеля идеалистически пантеистич. тенденций и противоречия между методом и системой, пренебрегает положением Гегеля о том, что философия является более высокой ступенью развития абсолютного духа, чем религия, и всячески преувеличивает свойственные Гегелю религ. идеи. В конечном счете диалектика Гегеля оказывается в изложении Л. методом иррационалистич. проникновения в трансцендентную реальность, несмотря на то, что Л. постоянно подчеркивал ее «научный» характер, ее отличие от интуитивистской концепции познания.

Л. является также автором ряда теологич. соч. «К теории христианского догмата» («Zur Theorie des christlichen Dogmas», 1897), «Основные вопросы вероучения» («Grundfragen der Glaubenslehre», 1913) и др. Соч.: Beiträge zur Hegelforschung, Н. 1—2, В., 1909; Was heisst Hegelianismus?, В., 1916; Hegel als Geschichtsphilosoph, Лpz., 1920. Лит.: Zum 70. Geburtstag G. L., «Kantstudien», 1932, Bd 37, Н. 3/4. Т. Ойзерман. Москва.

ЛАССУЭЛЛ (Lasswell), Гаролд Дуайт (р. 13 февр. 1902) — амер. бурж. юрист и социолог, сторонник реакц. теории элиты. Проф. права (с 1946) и политич. наук (с 1952) Иельского ун-та. Согласно Л., лишь немногие члены об-ва обладают важнейшими качествами «ценностями»; они образуют слой избранных — элиту («A study of power», 1950). Элита, по Л., должна изучать состояние и поведение масс для выбора наиболее целесообразных методов (применение насилия, пропаганда) сохранения своей власти. Противник марксистской теории классовой борьбы, Л. утверждает «бессмысленность» революций и пытает-

ся доказать возможность их предотвращения. Выступил с обоснованием т. н. «астрополитики», призывая использовать космич. полеты для порабощения обитателей других планет («Men in space», в журн. «Annals of the New York Academy of Sciences», 1958, v. 72, art. 4).

Соч.: Psychopathology and politics, Chi., 1930; World politics and personal insecurity, N. Y.—L., 1935; Democracy through public opinion, Menasha (Wis.), 1941; Power and personality, L., 1948; National security and individual freedom, N. Y., 1950; World revolution of our time, Stanf., 1951; The policy sciences, recent developments in scope and method, Stanf., 1951 (совм. D. Lerner); The comparative study of elites, Stanf., 1952. Г. Ашш. Москва.

ЛАСТАРРИЯ (Lastarria), Хосе Викторино (22 марта 1817 — 14 июня 1888) — чилийский философ и социолог-позитивист, прогрессивный политич. деятель, выступавший за бурж. развитие Чили, против клерикальной реакции. После революц. событий 1851 Л. вынужден был на нек-рое время покинуть Чили. В 1874 вышло его осн. соч. «Лекции позитивной политики» («Lecciones de politica positiva»), написанное под сильным влиянием идей Конта и излагающее осн. принципы социологич. науки в их конкретном применении к условиям Чили.

Соч.: Obras completas, t. 1—12, Santiago de Chile, 1906—13.

ЛАТЫШСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. Истоки филос. мысли латышей уходят в устье нар. творчество; наивный материализм и стихийная диалектика проявляются в истолковании народом явлений природы; идея труда пронизывает принципы нар. морали, представления о красоте. В фольклоре нашли выражения и классовые противоречия, ненависть латышского народа к нем. захватчикам, в течение ряда веков угнетавших народы Прибалтики.

Присоединение Прибалтики к России (завершено в 18 в.) спасло латышей от угрозы поглощения их нем. милитаристским гос-вом и дало им возможность развивать нац. культуру в условиях благотворного влияния демократич. культуры рус. народа. В конце 18 в. в Латвии появились идейные последователи Вольтера, Монтескье, Руссо и Радищева. Наиболее значительным из них был Меркель, оказавший большое влияние на обществ. мысль и лит-ру латыш. народа. В 50—60-х гг. 19 в. среди латыш. интеллигенции получили распространение произведения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Нек-рые передовые деятели 60-х гг. были тесно связаны с рус. революционерами. К ним в первую очередь относится Балод — материалист, атеист, активный деятель революц. движения. В конце 50 — нач. 60-х гг. 19 в. возникло бурж. национально-либеральное младолатышское «движение», направленное против феод. привилегий нем. баронов. Несмотря на то, что, по мнению «младолатышей», только реформы и просвещение избавят народ от тяжелого гнета, движение это было прогрессивным. «Младолатыши» выступали за развитие латыш. культуры, за просвещение народа. Представители «младолатышей» Алуан и Виезбардис пропагандировали материалистич. взгляды на природу, боролись против религии, доказывали, что мир познаваем и т. д. В последней четверти 19 в. по мере роста рабочего движения латыш. буржуазия теряет связи с народом и становится на узкоклассовые позиции. В это время наиболее крупным латышским бурж. философом был Я. Осис — ученик и последователь Тейлмюллера. Передовую философию Латвии этого времени представляли писатели-демократы, выдвигавшиеся из народа (напр., поэт Вейденбаум).

В нач. 90-х гг. в Латвии образовалось т. п. «Новое течение» («Яуна страва»), объединившее прогрессивную интеллигенцию. Идейным центром «Нового течения» стала легальная газ. «Dienas Lapa» («Еже-

дневный листок», 1886—97), к-рая публиковала статьи о диалектич. и историч. материализме, перепечатавала и излагала отд. работы Маркса и Энгельса. Газета пропагандировала реализм в лит-ре и иск-ве, материализм в естеств. науках, критиковала идеалистич. и реакц. воззрения бурж. писателей, боролась с поповщиной. Райнис, Стучка, Розинь, Янсон-Браун, составлявшие ядро «Нового течения», распространяли идеи марксистской философии и науч. социализма среди трудящихся. В 90-х гг. в Латвии возникли первые нелегальные марксистские кружки рабочих и учащихся.

Большое значение для развития революц. орг-ций и распространения марксизма в Латвии имел приезд в Ригу Ленина (весна 1900). В 1904 была создана марксистская латышская с.-д. рабочая партия (ЛСДРП), ставшая вместе с рижской орг-цией РСДРП руководителем и организатором рабочего класса и трудящихся Латвии. Органом партии стала газ. «Сīņa» («Zihņa», 1904), издающаяся до сих пор. Как отмечал Ленин, во время революции 1905—07 латыш. пролетариат и его партия занимали «... одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя» (Соч., т. 16, с. 235). В период революции был издан на латыш. языке ряд произведений Маркса, Энгельса, Ленина и др. марксистов.

После поражения революции сторонники философии марксизма в Латвии, отбивая наступление реакции, боролись за чистоту марксистской теории. Статьи газ. «Сīņa» в 1908—09 разоблачили пропаганду мистицизма и бурж. индивидуализма как средство, имевшее целью отвести массы от революц. пути. В этот период большую роль сыграли работы Райниса, Стучки и Янсона-Брауна. Живой отклик нашла в Латвии книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Своими выступлениями на II (1907) и IV (1914) съездах социал-демократов Латышского края, статей «Юбилейному номеру „Zihņa“», 1910 (см. там же, с. 235—38) Ленин содействовал сплочению марксистских сил в Латвии, повышению интереса к теории в рядах латыш. социал-демократии.

В годы 1-й мировой войны Стучка, Розинь и др. латыш. марксисты пропагандировали идеи интернационализма, боролись с шовинизмом. В период подготовки и проведения Октябрьской революции внимание латыш. марксистов было направлено на пропаганду и осуществление ленинского плана перерастания бурж.-демократич. революции в социалистическую (работы Стучки, Розиня, Дауге, Р. Пельше и др.). Несмотря на то, что Сов. власть в Латвии была подавлена силами междунар. империализма, идеи марксизма-ленинизма остались жить в сознании трудящихся масс. Пришедшая к власти латыш. буржуазия развернула широкое наступление на идеологич. фронте; она распространяла идеи шовинизма и религ. идеологию. Находившаяся на нелегальном положении компартия Латвии спланировала демократич. силы в единый нар. фронт, организовывала получение и изучение марксистской лит-ры, давала репит. отпор бурж. идеологии.

После вступления Латвии в СССР (1940) стала широко изучаться и пропагандироваться марксистско-ленинская философия.

Во время оккупации Латвии фашистскими захватчиками снова возродилась пропаганда реакц. философии.

В послевоен. период, когда латыш. народ развернул под руководством компартии работу по восстановлению нар. х-ва, по построению социализма, в Латвии стала вестись активная работа по преодолению и искоренению реакц.-идеалистич. пережитков в философии, науке, лит-ре, иск-ве, по атеистич. воспитанию трудящихся. Был создан сектор фило-

софии в Академии наук и кафедра философии при Лат. гос. ун-те.

В Латвии началось систематич. изучение истории развития обществ.-филос. и естеств.-науч. мысли, а также нек-рых проблем диалектич. и историч. материализма. Ведутся конкретные социологич. исследования. Изданы на латыш. яз. собр. соч. В. И. Ленина, осн. работы Маркса и Энгельса. Опубликованы произведения Ю. Алунана «Избранное» (J. Alunans, Izlase, 1956); Э. Вейденбайма «Собр. соч.» на латыш. яз. (W. Veidenbaums, Kopoti raksti. sej. 1—2, 1961). «Избранное» на рус. яз. (1953); Г. Меркеля «Латыши...» (G. Merkelis, Latvieši, sevišķi Vidzeme..., 1953); Я. Райниса «Полн. собр. соч.» (J. Rainis, Kopoti raksti, sej. 1—14, 1947—51), и на рус. яз. — Собр. соч., т. 1—3, 1954; издано «Литературное наследство» Райниса («Literarais mantojums», т. 1—2, 1957—1961), создан ряд исследований о творчестве выдающихся латыш. мыслителей: П. И. Валескалн, Революционный демократ П. Д. Баллод, 1957, на рус. яз., и дополн. изд. на латыш. яз. (P. Valeskalns, Revolucionārais demokrats Peteris Balodis, 1961); П. Дауге, Жизнь и деятельность П. Стучки (P. Dauge, P. Stučkas dzīve un darbs, 1958); К. Краулин, Жизнь и деятельность Я. Райниса (K. Krauliņš, J. Raiņa dzīve un darbība, 1953); К. Краулин, Андрей Упит (K. Krauliņš, Andrejs Upiņš, 1963); «Латыш. революц. деятели», Сб., 1958; В. Самсон, Обществ.-филос. взгляды Яна Райниса, в журн. «Коммунист Сов. Латвии», 1955, № 9; Э. Сокол, Райнис (E. Sokols, Rainis, 1962); М. Н. Сочнев, Каспар Биезбардис, жизнь и мировоззрение (M. Soņņevs, Kaspars Biezbardis, dzīve un pasaules uzskats, 1963); В. Штейнберг и А. Вилсон, Жизнь Я. Янсона-Брауна (V. Steinbergs un A. Vilsons, J. Jansona-Brauna dzīve, 1957); В. Штейнберг, Ф. Розинь — пионер марксистской философии в Латвии (V. Steinbergs, F. Roziņš — marksistiskās filozofijas celmlauzis Latvijā, 1960).

Лит.: Наан Г. и Самсон В., Передовая обществ. и филос. мысль у народов Прибалтики в XIX веке, «Большевик Сов. Латвии», 1948, № 9; История Латвийской ССР, т. 1—3, Рига, 1952—58; Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 826—86; История философии, т. 2, 4, М., 1957—59 (т. 1, с. 424—26, т. 4, с. 268—77); О характере младолатышского движения и о дискуссии по этому вопросу, «Коммунист Сов. Латвии», 1960, № 1. П. Валескалн. Рига.

ЛАУ (Lau), Теодор Людвиг (1670—1740) — нем. философ-материалист. В области религии и в социально-политич. вопросах Л. защищал воззрения нем. гуманиста 16 в. (Рейхлина, Эразма Роттердамского, Гуттена и др.), выступал за уничтожение церк. цензуры и создание светской науки, с позиций *деизма* отвергал сверхъестеств. откровение и догматы ортодокс. богословия. Не соглашаясь, однако, и с учением атеизма (в атеизме его упрекал *Томазий* за отрицание личного бога, дьявола и ведьм), Л. обосновывал необходимость «естественной религии», покоящейся на признании безличного божества.

В философии Л. был последователем Спинозы и Толанда. Согласно Л., бог существует и проявляется только в своих творениях, т. е. в вещах и явлениях природы. Материя и движение неуничтожимы, ибо уничтожить их значит уничтожить бога. Следуя во многом за материалистич. и механистич. физикой Декарта, Л. объявлял человека и животных своеобразными машинами, созданными из грубой материи — тела и тонкой материи — души, к-рые после смерти распадаются на атомы, но потом соединяются при образовании различных иных организмов. В теории познания Л. выдвигал осн. тезис сенсуализма, согласно к-рому в разуме и воле нет ничего такого, чего бы раньше не было в чувствах.

В своих филос. работах Л. обосновывал наступление грядущего золотого века человечества и вы-

двигал утопич. идеал общества без пороков и грехов, в к-ром человек был бы свободен и руководствовался бы велениями разума. Произведения Л. были конфискованы и сожжены при жизни автора, а сам он был вынужден публично отречься от своих филос. взглядов.

См. ч.: *Meditationes philosophicae de Deo, mundo, homine*, Fr./M., 1717; *Meditationes, theses, dubia philosophico theologica*, Freystadit., 1719.

Лит.: Геттнер Г., История всеобщей лит-ры XVIII века, т. 3, кн. 1, М., 1872, с. 45; История философии, т. 3, М., 1943, с. 21—2; Гропп Р. О., Прогрессивное филос. наследие Германии последней трети XVII—конца XVIII вв., «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1961, № 1; Гулыга А. В., Из истории немецкого материализма (последняя треть XVIII в.), М., 1962; Zeller E., *Geschichte der deutschen Philosophie*, 2 Aufl., Münch.—Oldenbourg, 1875; Pfeleiderer O., *Geschichte der Religionsphilosophie...*, 3 Aufl., B., 1893; Вагнер К., J. N. Lamberts Philosophie und seine Stellung zu Kant, Tübingen, 1902. Б. Работн. Москва.

ЛАФАРГ (Lafargue), Поль (15 янв. 1842—25 нояб. 1914) — деятель франц. и междунар. рабочего движения, теоретик и пропагандист марксизма, друг и ученик Маркса и Энгельса. Как отмечал Ленин, Л. был одним из самых талантливых распространителей идей марксизма.

Род. в г. Сантьяго на о-ве Куба в семье франц. вино-торговца. В 1851 семья вернулась во Францию. Получив среднее образование, Л. поступил в Медицинскую академию в Париже. В междунар. рабочее движение Л. вступил, находясь под влиянием теорий Прудона и Конта. В феврале 1865 Л. ездил в Лондон, чтобы сообщить Марксу о положении во франц.

секции 1-го Интернационала. Это была первая встреча Л. с Марксом. За выступления против режима Второй империи Л. вместе с группой студентов был в конце 1865 исключен из академии. В начале 1866 он переехал в Лондон и вскоре вошел в состав Ген. совета 1-го Интернационала. Под идейным воздействием Маркса и в результате изучения опыта междунар. борьбы пролетариата Л. постепенно освобождается от прудонистских и позитивистских взглядов. В 1868 в Англии Л. закончил мед. образование. Вернувшись в том же году во Францию, вступил в решит. борьбу с прудонизмом и бланкизмом. Во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны Л. разоблачал предательство пр-ва «национальной обороны», выступал за революц. ведение войны; он руководил борьбой пролетариев Бордо в защиту Коммуны. После ее поражения Л. эмигрировал в Испанию, где, борясь с бакунистами, решительно отстаивал программные, тактич. и организац. принципы Интернационала. В 1873 Энгельс и Л. по поручению Гаагского конгресса выступили с брошюрой против бакунизма («Альянс социалистич. демократин и Междунар. товарищество рабочих»). В 70-х гг., находясь в Лондоне, Л. деятельно участвовал в развитии франц. социалистич. движения и в организации рабочей партии. В 1880 при содействии Маркса и Энгельса Л. и Ж. Гед выработали программу этой партии. В том же году Л. стал сотрудником газ. «Egalité», на страницах к-рой опубликовал ст. «Классовая борьба», «Рабочая партия и капиталистич. гос-во», «Эволюция — революция» и т. д. Этими статьями Л. положил начало систематич. пропаганде революц. марксизма во Франции. После амнистии 1880 Л. вернулся во Францию и возглавил вместе с Гедом Рабочую партию. Выступая против прудонизма, POSSИБИЛИЗМА

и др. оппортунистич. течений, Л. ориентировал франц. пролетариат на революц. захват власти для установления социализма, выступал за самостоят. политич. лично пролетариата, боролся за централизм как принцип организации боеспособной пролетарской партии.

Еще в 70-х гг. Л. установил связи с деятелями рус. революц. движения и выступал со статьями в прогрессивных органах печати России. Л. приветствовал группу «Освобождение труда». Позднее, в период борьбы между большевиками и меньшевиками, Л. не скрывал своих симпатий к большевикам в решении ряда принципиальных вопросов.

В 80-е гг. Л. вел большую политич. и организац. работу. В сочинениях, направленных против критиков Маркса из лагеря бурж. экономистов, и в памфлетах «Право на день» (1880), «Проданный аппетит» (1884), «Пий IX в раю» (1891) и др. Л. подверг острой критике всю систему капиталистич. рабства, в т. ч. религию как защитницу капиталистич. эксплуатации. В 1891, вопреки противодействию реакц. сил, Л. первым из революц. марксистов был избран депутатом парламента; он блестяще использовал свои парламентские полномочия для пропаганды марксизма. В 90-е и 900-е гг., когда оппортунизм с возрастающей силой захлестывал партию 2-го Интернационала, Л. был в числе тех, кто боролся против ревизионизма.

Л. вел решит. борьбу против всех форм идеалистич. философии, отвергая всякие попытки «примирения» материализма с идеализмом. Л. решительно осудил намерение *Бернштейна* «синтезировать» марксизм с кантианством. Признавая материалистич. момент в философии Канта, Л. сосредоточил огонь критики на идеализме и агностицизме кантианства. Он показал антинаучность отрыва «вещи в себе» от ее отражения в сознании человека, принципиального противопоставления сущности и явления. Опровергая кантовский априоризм, Л. подчеркивал зависимость всех форм познания от материального мира. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», отметив полемику Л. с кантианцами, указал на правильность позиций «ученика» Энгельса — Л. (см. Соч., т. 14, с. 189, 191). В 1910 в работе «Проблема познания», продолжая критику агностицизма, Л. указал на его гносеологическую основу — разрыв чувств. и логич. сторон познания, абсолютизацию каждой из этих сторон, взятых вне их реальной связи, в отрыве от практики.

Отвергая всякие уступки бурж. мировоззрению, Л. призывал использовать марксистскую теорию для подготовки умов к социалистич. революции. «Революционерам социалистам, — писал Л., — приходится начать такую же борьбу, какую вели философы и памфлетисты буржуазии; они должны взять штурмом социальные теории и мораль капитализма; они должны уничтожить в головах класса, призванного к борьбе, предрассудки, воспитываемые в нем господствующим классом» (Соч., т. 3, М.—Л., 1931, с. 325).

В 1895 Л. выступил против попыток *Жореса* примирить марксизм с идеализмом платоновского толка («Идеализм и материализм в объяснении истории», 1895). Так же решительно Л. выступал против отождествления марксистской философии с философией Гегеля. Л. отверг утверждение А. Раппопорта, будто для Маркса «существует тождество реальности». Идея, говорил Л., так же реальна, как объект, отражением к-рого в мозгу она является. Но Маркс никогда не утверждал тождества отражаемого и отражения, объективной действительности и идеи. Марксизм исходит из единства бытия и мышления, но не из их тождества.

В своем осн. филос. труде «Экономич. детерминизм Карла Маркса» (1909) Л. попытался с позиций исто-

рич. материализма объяснить возникновение и развитие идеологич. явлений, в частности этич., филос. и религ. идей.

Считая диалектику Маркса науч. методом, имеющим всеобщий характер, Л. писал: «... К изучению всех естественных или общественных явлений можно применять один и тот же научный метод, метод диалектический, „наивысшую форму мышления“» (там же, т. 1, М.—Л., 1925, с. 272). Однако Л. не сумел в полной мере понять и оценить материалистич. диалектику как революц. душу марксистской философии и иногда отступал на позиции метафизич. материализма.

В области политики Л. боролся против реформистской идеи «мирного вращающегося» капитализма в социализм, отвергал абсолютизацию легальной парламентской борьбы, критиковал реформистские и националистич. ошибки Геда. Однако борьба Л. с оппортунизмом была не всегда последовательной. Л. не сумел распознать каутскианство и в ряде вопросов сам оказывался на позициях централизма. Во имя формального единства Л. продолжал находиться в одной партии с людьми, к-рые еще задолго до первой мировой войны ничего общего с пролетариатом не имели. В нек-рых важнейших вопросах теории марксизма Л. также стоял на неверных позициях. Так, он ошибочно полагал, что задача социалистич. революции заключается лишь в захвате политич. власти и в приведении ее в соответствие со сложившейся будто бы в недрах капиталистич. общества социалистич. экономикой (см. «Социализм во Франции», там же, с. 76). Л. допустил ошибки и по крест. вопросу, полагая, что в период социалистич. революции рабочий класс должен осуществлять союз не с трудящимся крестьянством, а с крестьянством в целом.

Рассматривая вопросы эстетики и лит. критики, Л. с марксистских позиций подверг резкой критике отрыв лит-ры и иск-ва от породившей их социальной среды, показал их обратное влияние на эту среду. Убедительный противник теории «искусства для искусства», Л. резко выступал против писателей-формалистов. Он критиковал и натурализм, к-рый, по Л., видит лишь поверхность жизни и не в состоянии уловить законы развития обществ. явлений. Л. высоко оценил реалистич. творчество Бальзака. Вместе с тем в работах Л. имелись несправедливые оценки Гюго («Легенда о Викторе Гюго», 1888) и Золя («О „Днях Золя“», 1891, рус. пер. 1932).

Раскрывая закономерности развития языка, Л. признавал наличие и необходимость общенар. языка; богатство и развитость языка Л. объяснил уровнем развития мышления, к-рый, в свою очередь, определяется развитием производит. сил, богатством и разнообразием обществ. связей («Франц. язык до и после революции», 1894, рус. пер. 1930). Л. обратил внимание на то, что в революц. эпохи язык, его грамматич. строй и словарный запас подвергаются особо быстрым изменениям. Л. придал большое значение изучению т. н. классовых жаргонов, желая доказать активное воздействие социальной среды на язык. Эти положения Л. были неправильно интерпретированы в сов. лит-ре 50-х гг. (в т. ч. и автором настоящей статьи). Выражение Л. «революция в языке» было воспринято в буквальном смысле, т. е. как качеств. переход от одного общенац. языка к другому. В действительности же Л. говорил о резких качеств. переходах в границах единого общенац. языка, что несомненно для революц. эпох. Точно так же из учения Л. о классовых жаргонах нельзя было вывести теорию о классовости языка, ибо Л. полагал, что классовые жаргоны существуют внутри единого общенац. языка. Ошибочные оценки лингвистич. взглядов Л. имели своим основанием неверную трактовку роли Л.

в развитии марксистского языкознания; данную Сталиным.

С позиций пролет. атеизма Л. разоблачал в своих работах реакц. сущность религии. В памфлете «Религия капитала» (1887) Л. вложил в уста буржуа Шнейдера след. слова, вскрывающие классовую сущность религии, христианства в частности: «Если мы хотим остаться привилегированным классом, если мы желаем продолжать жить за счет тех, кто трудится,— необходимо развлекать воображение скотских народных масс легендами и сказками о потустороннем мире. Христианская религия великолепно исполняла эту роль» (Соч., т. 3, с. 354). Преодоление религ. мировоззрения Л. связывал с уничтожением эксплуатации человеком, нищеты и культурной отсталости масс.

Выступая в защиту марксистского понимания нравственности, Л. на большом фактич. материале показывал классовый характер нравственности в классовом обществе. Он подверг беспощадной критике ханжескую и человеконенавистнич. бурж. мораль, показал возвышенный характер нравственности революц. пролетариата.

Значит. интерес представляют работы Л. по криминалистике, этнографии, сравнит. мифологии. Опровергая теорию Ломброзо, Л. указывал, что корни преступности нужно искать не в области биологии, а в материальных условиях жизни людей, в наличии эксплуататорского строя, к-рый обрекает огромные массы на безработицу, на полунищенскую жизнь, расширяет возможности преступности. Опираясь на труды Кетле, Л. доказывал, что преступность в капиталистич. обществе вытекает из самой его сущности, что кривая преступности в этом обществе подчиняется изменениям экономич. конъюнктуры. Как и в др. своих исследованиях, Л. в работах по этнографии стремился найти последние основания обычаев и нравов в особенностях экономич. жизни людей. О работах Л. по сравнит. мифологии Энгельс писал: «Предложенное Лафаргом толкование библии очень мило; незрело, но оригинально; оно порывает, наконец, с устаревшим теперь немецко-рационалистическим, филологическим методом. Большего для начала нельзя требовать» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 28, 1940, с. 323). Л. отказывался видеть в именах Адама, Евы, Авеля и даже в именах богов — Элоим, Яве — обозначение отд. личностей, считая эти имена обозначением племен и родов, только впоследствии персонафицированным. Так, в мифе об убийстве Авеля Каином Л. усматривал фантастич. отражение противоречий между скотоводч. и земледельч. племенами. Не все в работах Л. выдержало испытание временем. Тем не менее в целом они являются показателем силы и плодотворности изучения социальных явлений с позиций историч. материализма.

Соч.: в рус. пер.— Соч., т. 1—3, М.—Л., 1925—31; Памфлеты, М.—Л., 1931; Литературно-критич. статьи, Вступ. ст. В. Гоффеншера, М., 1936; Религия и капитал, М., 1937.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Переписка и письма], Соч., т. 21—27 (см. Именной указатель); Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14, с. 189—91, 236; его же, Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг, 20 ноября (3 декабря) 1911 г., там же, т. 17; Русанов Н., Поля и Лаура Лафарги, «Рус. богатство», 1911, № 12; Стеклов Ю. М., П. Л., боец революц. коммунизма. (1842—1911), 3 изд., П., 1924; Гоффеншер В., П. Лафарг как практик марксистской критики, М., 1933; Момджян Х. Н., Л. и нек-рые вопросы марксистской теории, Ер., 1954; Ерышев А. А., П. Л.—выдающийся теоретик марксизма, К., 1956; Гоффеншер В., П. Л. и критика натурализма, «Вопр. лит.», 1957, № 5; Ковалев И., Арест на брошюры П. Л., «Наука и религия», 1961, № 10; Ардабьев А., Поля Лафарг, там же, 1962, № 4; Протасенко З. М., Вопросы историч. материализма в трудах П. Л., Л., 1962; Meiring F. G., Paul und Laura Lafargue, «Neue Zeit», 1911, 8. Dez., № 10.

Х. Момджян. Москва,

ЛАФАТЕР (Lavater), Иоганн Каспар (15 нояб. 1741—2 янв. 1801) — швейц. религ.-филос. писатель, участник антифеод. движения нем. бюргерства «Буря и натиск». С 1768 до смерти — пастор в своем родном гор. Цюрихе. Широкий отклик у современников нашло стремление Л. рассматривать человека вне зависимости от сословной принадлежности, как самодовлеющую ценность. Известен как автор «Физиогномики» («*Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe*», Bd 1—4, 1775—78, нов. изд. 1948; неполн. рус. пер. 1817). Учение Л. о физиогномике исходит из ложного представления о тройственной природе человека — животной, интеллектуальной и моральной. Для выражения каждой из них якобы предназначены определенные мышцы, особенно мышцы лица. Изучая черты лица, можно дать, по Л., разностороннюю характеристику человека. На почве физиогномич. интересов Л. в течение ряда лет (особенно в 1775—76) был связан с *Гёте*, к-рый считал, что в отдельных своих высказываниях Л. поднимался до «гениальной эмпирии». Однако в 1788 Гёте окончательно порвал с Л., от к-рого его отталкивали «расслабляющий мистицизм» и «жалкая апостольская капуцинская декламация». Действительно, несмотря на отдельные меткие эмпирич. наблюдения, физиогномика Л. лишена науч. значения: она строится на религ.-идеалистич. принципах и полна совершенно произвольных толкований. К физиогномике Л. иронически относился Дарвин (см. в его кн.: «Выражение эмоций у человека и животных», Соч., т. 5, М., 1953, с. 692—93).

Соч.: *Ausgewählte Werke*, [Bd] 1—2, Z., [1943]; *F u n c k H.*, Briefwechsel zwischen Hamann und Lavater, Königsberg, 1894; *Goethe und Lavater*, hrsg. v. H. Funck, Weimar, 1901.

Лит.: Переписка Карамзина с Л. Сообщена доктором Ф. Вальдманом, в кн.: Сборник отд. рус. языка и словесности АН, т. 54, № 5, СПб., 1893; *К а р а м з и н Н. М.*, Письма рус. путешественника, 4 изд., М., 1900, с. 150—53, 157, 158—59, 161; *Hellen E. von d. G.*, Goethe's Anteil an Lavater's Physiognomischen Fragmenten, Fr./M., 1888; *Steinbrucker C. H.*, Lavater's physiognomische Fragmente im Verhältnis zur bildenden Kunst, В., 1915; *Н а с е r Th.*, J. C. Lavater, Z., 1942; *H u r p e r t O.*, Humanismus und Christentum. Goethe und L., die Tragik einer Freundschaft, Stuttg., [1949]. С. *Геллерштейн*. Москва.

ЛАФИНУР (Lafinur), Хуан Крисостомо (1797—1824) — аргентинский философ-сенсуалист; учился в католич. ун-те, однако вскоре порвал с католицизмом и стал сторонником и пропагандистом учений Кондильяка и Кабаниса, противопоставляя их господствовавшей в тот период в Аргентине схоластике.

Соч.: *Curso filosofico*, В.-Aires, 1938.

Лит.: *Ingenieros J.*, La evolución de las ideas argentinas, t. I, В.-Aires, 1951.

ЛАЦАРУС (Lazarus), Мориц (15 сент. 1824—14 апр. 1903) — нем. философ-идеалист, один из основателей т. н. психологии народов. Проф. в Берне (1860), Берлине (1873—96). По филос. взглядам Л. последователь *Гербарта*. Вместе с Штейнталем основал в 1859 журнал «*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*» («Журнал психологии народов и языкознания»). Отправляясь от психологич. «атомизма» Гербарта, рассматривавшего различие психич. деятельности индивидов как результат взаимоотношений между их «душами», Л. трактовал индивида в качестве звена нек-рой психич. связи. Эта связь, объединяющая людей в общество, определяется исторически. Производным от психологии индивида выступает у Л. понятие «народного духа», объективным выражением к-рого являются язык, нравы, обществ. учреждения и т. п. Отсюда расширение индивидуальной психологии до «социальной психологии», или «психологии народов», с привлечением данных и методов исследования этнографии, языкознания и других народоведческих дисциплин.

Идеалистич. концепция «психологии народов» была продолжена в иной трактовке В. Вундтом.

Соч.: *Über den Begriff und die Möglichkeit einer Völkerpsychologie als Wissenschaft*, «Deutsches Museum», 1851; *Das Leben der Seele in Monographien über seine Erscheinungen und Gesetze*, Bd 1—2, В., 1856—57, 3 Aufl., Bd 1—3, В., 1885—1917; *Über die Ideen in der Geschichte*, В., 1865, 2 Aufl., В., 1872; *Ideale Fragen...*, В., 1878, 3 Aufl., Lpz., 1885.

Лит.: *L e i c h t A., L.*, der Begründer der Völkerpsychologie, Lpz., 1904; *S g a n z i n i C.*, Die Fortschritte der Völkerpsychologie von Lazarus bis Wundt, Bern, 1913. А. Мысливченко. Москва.

ЛАШЕЛЬЕ (Lachelier), Жюль (27 мая 1832—16 янв. 1918) — франц. логик и философ, объективный идеалист, ближайший продолжатель Равессона. Проф. Канского лицея (1858—64) и Высшей нормальной школы в Париже (1864—75), член Академии моральных и политич. наук. Л. считает, что многообразие существующего образует иерархию т. н. духовных реальностей, идущую от высшей реальности (бога) к низшим «абстрактным» реальностям; последние являются предметом наук о природе, открывающих закономерности и присущий «абстрактной реальности» универсальный механизм. В духе кантианства, оказавшего значительное влияние на Л., последний утверждает, что закономерности, как и все категории естествознания, носят априорный характер; их всеобщность и необходимость есть лишь внутренне присущий мышлению способ синтезирования чувственно-данного. Само же мышление, духовная деятельность восходят к божеству, в к-ром совпадают существование и сущность, мышление (рефлексия) и воля.

Кроме абстрактной реальности, составляющей предмет естествознания, существует также «конкретная реальность», существование, к-рое сознает, переживает само себя, соотносит себя с высшей, абсолютной реальностью бога. Таким существованием является человек. Жизнь, к-рая характеризуется, в отличие от природы, не детерминизмом, а свободой, не механизмом, а целевыми причинами, источником к-рых является особая функция духа, проявляющаяся в *интуиции*, религ. вере и т. д.

«Метафизика» Л. носит ярко выраженный фидеистский характер. Ее характерной особенностью является попытка соединить знание с верой, *рационализм* с *иррационализмом*, однако иррационализм — преобладающий мотив в его философии. Попытка Л. преодолеть характерное для предшествующего спиритуализма противопоставление души и тела, сверхъестественного и естественного с целью создания «спиритуалистич. реализма» несостоятельна, поскольку Л. сохраняет основу спиритуализма — признание высшей, божественной реальности, противостоящей всему земному, небожественному. Л. — автор ряда исследований по логике, один из основоположников *логики отношений*.

Соч.: *De natura syllogismi*, P., 1871; *Oeuvres*, t. 1—2, P., 1933.

Лит.: В о й ш в и л л о Е. К., Критика логики отношений как релятивистского направления в логике. К вопросу о сущности суждений, в кн.: Филос. зап., т. 6, М., 1953; *B o u t r o u x E.*, Etudes d'histoire de la philosophie, 5 éd., P., 1925; *S é a i l l e s G.*, La philosophie de J. L., P., 1935; *B r é h i e r E.*, Histoire de la philosophie, t. 2, fasc. 4, [4 éd.], P., 1953; *J o l i v e t R.*, De Rosmini à L., P., [1953]; *M i l l e t L.*, Le symbolisme dans la philosophie de L., P., 1959. Т. Ойзерман. Москва.

ЛЕБ (Loeb), Жак (7 апр. 1859—11 февр. 1924) — биолог, основоположник физико-химич. методов в биологии. Работал в ун-тах Берлина, Вюрцбурга, Страсбурга и на зоологич. станции в Неаполе. В 1891 переехал в США, где работал в Чикагском ун-те и Рокфеллеровском ин-те. Согласно взглядам Л., среда, в к-рой живет организм, представляет собой совокупность гетерогенных силовых полей, образованных различными силовыми линиями — световыми лучами, диффузными токами диссоциированных на ионы химич. веществ и т. д. Вследствие влияния силовых полей на физико-химич. реакции в организме и благодаря

симметричному строению тело животных принудительно ориентируется по отношению к этим силовым линиям, в результате чего происходит движение животного, как инстинктивное, так и условнорефлекторное, по прямой линии к источнику раздражения. С т. зр. этих физико-химич. реакций, к-рые Л. назвал «животными тропизмами» (1890), он пытался объяснить биологич. поведение всех живых существ, от простейших до человека. В наст. время установлено, что даже у растений тропизмы есть реакции раздражимости живого вещества, к-рые не сводимы к физико-химич. процессам. Л. просто отбрасывал качеств. особенности живых существ, отличающие их от физико-химич. систем: раздражимость, ощущение, приспособляемость, целостность и лабильность.

Соч.: *The mechanistic conception of life*, Chi., 1912; *Regeneration from a physico-chemical view-point*, N. Y., 1924; в рус. пер.—*Динамика живого вещества*, О., 1910; *Значение тропизмов для психологии*, в кн.: *Новые идеи в философии*, сб. 8, СПб, 1913; *Вынужденные движения, тропизмы и поведение животных*, М., 1924; *Организм как целое с физико-химич. точки зрения*. Вступит. ст. Б. Завадовского, М.—Л., 1926; *Белки и теория коллоидных явлений*, М., 1933.

Лит.: Самойлов А. Ф., *Механич. воззрение на жизненные процессы*, «Успехи экспериментальной биол.», 1924, т. 3, вып. 1—2; Соболев С., *Жак Лёб*, «Народный учитель», 1925, № 3, с. 66—72; Дорфман В., *Загадки жизни*, там же, 1927, № 5—6; Остергаут В., *Жак Лёб*, пер. с англ., М.—Л., 1930; *Полная библиография трудов Л.*, дается в англ. издании этой книги: *Osterhout W. J. V., J. Loeb*, [s. 1.], 1929, большинство их опублик. в основном Л. журнале «*Journal of General Physiology*». М. *Рогович*. Москва.

ЛЕБОН (Le Bon), Гюстав (7 мая 1841—15 дек. 1931) — франц. ученый, философ-идеалист и реакц. социолог, д-р медицины. Л. принадлежит ряд эксперимент. работ в области анатомии, физиологии, физики и химии. Он создал натурфилос. гипотезу, близкую к *энергетизму* (см. «*L'évolution de la matière*», P., 1909, p. 12).

Психологию Л. считал существ. основой познания истории (см. «*Bases scientifiques d'une philosophie de l'histoire*», P., 1931, p. 16), а движущей силой истории — иррациональные моменты — чувства и верования, прежде всего религиозные (см. «*Психологич. законы эволюции народов*» — «*Les lois psychologiques de l'évolution des peuples*», 1894, 18 ed., 1927; рус. пер. 1906). По Л., физиологич. и анатомич. расовые различия между народами дополняются не менее значит. психологич. различиями наследств. характера. Это ведет к различию воззрений народов и порождает между ними конфликты (см. там же, p. 190). Л. считал, что развитие цивилизаций происходит циклически. Толпа людей складывается в расу по мере приобретения ею общего идеала (являющегося большей частью иллюзорным верованием); затем под влиянием чуждых элементов этот идеал разлагается, вызывая распад общества и гибель цивилизации («*Психология народов и масс*» — «*Psychologies des foules*», 1895, рус. пер. 1896). В этой работе Л., враждебно относившийся к нар. массам, характеризует конец 19 и нач. 20 вв. как «эру толпы». Л. различал «гетерогенные толпы» (напр., толпы улицы) и «гомогенные толпы» (технич. и политич. секты, военные и рабочие касты, бурж. и крест. классы). По мнению Л., человек в толпе теряет свою индивидуальность, подчиняется ее примитивным импульсам, действует аффективно, обретает веру в чудо и потребность подчиняться вождю.

Идеи равенства Л. считал противоречащими человеку природе и утверждал, что «неизбежное следствие цивилизации состоит в дифференциации индивидов и рас» («*Les lois psychologiques...*», p. 189). Л. клеветнически изображал социализм врагом демократии и призывал к борьбе с ним (см. «*Психология социализма*», СПб, 1908, с. 75). Отрицательно относился

ко всякой революции, Л. особенно враждебно встретил Окт. революцию 1917, поскольку она привела к уничтожению «элиты», якобы принесла России только разруху и показала «полную неспособность» рабочего класса (см. «*Psychologie des temps nouveaux*», P., 1920, p. 191). Реакц. идеи Л. оказали влияние на многих представителей бурж. социальной психологии.

Соч.: *L'homme et les sociétés*, v. 1—2, P., 1881; *La civilisation des arabes*, P., 1884; *Les civilisations de l'Inde*, P., 1887; *Les premières civilisations de l'Orient*, P., 1889; *Les opinions et les croyances*, P., 1911; *La révolution française et la psychologie des révolutions*, P., 1912; *La vie des vérités*, P., 1914; *L'évolution actuelle du monde*, P., 1927; в рус. пер.— *Эволюция материи*, 2 изд., СПб, 1909; *Психология воспитания*, СПб, 1910; *Зарождение и исчезновение материи*, 2 изд., СПб, 1910.

Лит.: Бычковский Б. С., *Совр. философия*, ч. 1, *Проблема материи и энергии*, СПб, 1911; Picard E., G. Le Bon et son oeuvre, P., [1909]. В. *Кузнецов*. Москва.

ЛЕБРЕ (Lebret), Луи Жозеф (р. 26 июня 1897) — франц. социолог, священник, представитель социального католицизма; один из инициаторов движения за «гуманную экономику», руководитель ассоциации «*Экономика и гуманизм*» (с 1940), директор журн. «*Economie et humanisme*» (с 1942). Л. осуждает капитализм как «жадную» экономику, занятую погоней за прибылью и игнорирующую потребности человек. личности, и выдвигает задачу создания новой цивилизации, принципно к-рой должно явиться удовлетворение потребностей всех людей в сочетании с участием трудящихся в руководстве экономикой. Предлагая нек-рые реформы в области экономики, эта программа не предусматривает уничтожения частной собственности на средства произв. и направлена против социалистич. революции. Не указывая реальных путей для осуществления лозунгов «гуманной экономики», Л. пропагандирует реакц. утопию об установлении «земного рая» на основе осуществления заповедей христианства; его учение — религ. разновидность реформизма. Взгляды Л. проникнуты антикоммунизмом; марксизм он характеризует как «фальшивый гуманизм», якобы игнорирующий глубокие потребности человек. личности, т. к. он не признает ее «божеств. природы». Создание «гуманной экономики», по мнению Л., — наиболее эффективный путь борьбы с коммунизмом.

Л. призывает зап. державы во имя их собств. спасения и борьбы с влиянием коммунизма к «бескорыстной» помощи слабо развитым странам (см. «*Le drame du siècle*», P., 1960, p. 146—47). Отрицая за народами бывших колоний способность самостоятельно преодолеть экономич. и культурную отсталость, Л., по сути дела, предлагает новые формы колониальной зависимости для этих стран.

По методологии исследований (гл. место занимают исследования потребностей и жизненного уровня) Л. примыкает к эмпирич. социологии. Л. имеет много сторонников во Франции и др. странах.

Соч.: *Principes et perspectives d'une économie humaine*, [2 ed.], Ecully (Rhône), [1944]; *Positions-clés*, L'Arbresle (Rhône), [1946] (соавтор); *Principes pour l'action*, P., 1946; *Découverte du bien commun*, P., [1947]; *De l'efficacité politique du chrétien*, P., [1947]; *Action, marche vers Dieu*, P., 1949; *Montée humaine*, P., 1951; *Guide pratique de l'enquête sociale*, v. 1—4, P., 1951—58; *Civilisation*, P., 1953; *Connaître une population*, L'Arbresle (Rhône), 1953; *Rajeunir l'examen de conscience*, P., [1953]; *Sociologie religieuse, sciences sociales*, [P.], 1953; *Appels au Seigneur*, P., [1955]; *Aménagement des territoires*, P., [1955] (соавтор); *Tensions du monde moderne*, P., [1955] (соавтор); *Au contact des forces vivantes*, [P.], 1955] (соавтор); *Pour une économie des besoins*, [P.], 1955]; *Économie et civilisation*, v. 1—2, P., 1956—58 (соавтор); *La France en transition*, P., [1957]; *Dimensions de la charité*, P., 1958; *Suicide ou survie de l'Occident?*, P., 1958; *Manifeste pour une civilisation solidaire*, [Caluire — P.], 1959]; *Dynamique concrète du développement*, P., [1961]. В. *Кузнецов*. Москва.

ЛЕВ (ЛЕОН, ЛЕВОН) МАТЕМАТИК (Λέων ὁ Μαθηματικός) (805—870) — визант. философ и ученый, армя-

нин по происхождению. Принадлежал к умеренному направлению *иконоборчества*. В 840—843 был митрополитом Фессалоники, но был смещен в 843 после восстановления иконопочитания. Л. М. был одним из основоположников светского направления в визант. науке. Он особенно интересовался диалектикой, математикой и прикладной механикой, занимался исследованиями в области наблюдат. астрономии. После реорганизации Константинопольского ун-та в 863 Л. М. был назначен его ректором и проф. философии и математики. Среди его учеников были просветители славян Константин (Кирилл) и Мефодий, геометр Федор, астроном Феодигий, грамматик Комитас и, возможно, Фотий. Сочинения Л. М. до нас не дошли.

Лит.: Л и ш и ц Е. Э., Визант. ученый Л. М., «Визант. временник», 1949, т. 2 (27); на арм. яз.— А д о н ц И., Историч. исследования, Париж, 1948; П е т р о с я н Г. В., О жизни и деятельности выдающегося ученого математика IX века Левона, в сб.: Из истории естествознания и техники, вып. 1, Ер., 1960. Б. Горянов. Ленинград.

ЛЁВЕНХЕЙМ (Löwenheim), Леопольд (1878—1940)—нем. логик и математик. Осн. работы Л. посвящены исследованию *разрешения проблемы для узкого предикатов исчисления*. Он доказал, что решение этой проблемы в общем случае сводится к ее решению для случая, когда логич. выражения имеют лишь двуместные и одноместные предикатные переменные. Л. показал, что существуют выражения (формулы) узкого исчисления предикатов, общезначимые в любой конечной области, но не общезначимые в бесконечной области предметов. Вместе с тем он установил, что если формула узкого исчисления предикатов содержит лишь одноместные предикатные переменные и число их равно некому натуральному n , то из общезначимости формулы в любой области, состоящей не более чем из 2^n предметов, следует ее общезначимость во всякой области. Из этого утверждения следует разрешимость проблемы разрешения для узкого исчисления одноместных предикатов. Л. доказал также, что из общезначимости формулы исчисления предикатов в нек-рой счетной области следует ее общезначимость в любой непустой области.

С о ч.: Möglichkeiten im Relativkalkül, «Math. Ann.», 1915, Bd 76; Einleitung der Mathematik in Schröderschen Relativkalkül, «J. Symbolic Logic», 1940, v. 5, № 1.

В. Донченко. Москва.

«**ЛЕВИАФА́Н**» (1651) — сочинение *Гоббса*, в к-ром изложено его учение о гос-ве.

ЛЕВИ-БРЮЛЬ (Lévy-Bruhl), Люсьен (10 апр. 1857 — 13 марта 1939) — франц. философ-позитивист, социолог и теоретик этнографии, руководитель Ин-та этнологии при Сорбонне. Автор ряда трудов по истории франц. и нем. философии. Широкую известность приобрели труды Л.-Б. о первобытном мышлении, построенные на большом этнографич. материале народов Африки, Австралии и Океании. В них Л.-Б. выдвинул гипотезу о наличии качественно различных типов мышления и утверждал, что невозможно понять психику первобытных людей или же людей, стоящих на очень низкой ступени обществ.-историч. развития, если исходить из психологич. данных, полученных на основании изучения взрослых или детей из совр. общества (как это делают, напр., последователи школы психологич. эволюционализма — Спенсер, анимизма — Тайлор, Вундт, Боас и др.) или же на основании изучения психологии невротика (*Фрейд*). Л.-Б. утверждает, что мышление первобытного человека относится к «дологической» (prelogique) фазе, в к-рой мысленное расчленение предметов и явлений и мысленное их объединение осуществляется по совершенно иным признакам, чем это делает человек из цивилизованного общества. Первобытное мышление, по Л.-Б., характеризуется — с ло-

гич. точки зрения — отсутствием в нем законов формальной логики и прежде всего закона противоречия, а с психологич. точки зрения — отсутствием свойственных цивилизов. человеку ассоциаций. Правда, по теории Л.-Б., «дологический» характер носят лишь «коллективные представления» (термин заимствован у *Дюркгейма*), а мышление отд. индивидов в первобытном обществе является вполне логичным. Господствующим в первобытном мышлении является закон партиципации (сопричастия), согласно к-рому предметы и явления обладают свойством «единосущности», наиболее ярким примером к-рой является тотем (см. *Тотемизм*). В результате сознание первобытного человека, не отличаясь по чувственно-моторной сфере от сознания цивилизованного человека, воспринимает мир через призму «коллективных представлений» (языка, мифов, обрядов и т. п.). В посмертно изданных «Записных книжках» (1949) Л.-Б. в значит. мере отходит от этой концепции. Сов. исследователи проблемы происхождения сознания отвергли ошибочные концепции Л.-Б. о дологич. характере первобытного мышления (см. *Сознание*).

С о ч.: L'Allemagne depuis Leibniz. Essai sur le développement de la conscience nationale en Allemagne. 1700—1848, P., 1890; La philosophie d'Auguste Comte, 3 éd., P., 1913; Jean Jaures; essai biographique, 6 éd., P., 1924; L'âme primitive, P., 1927; La morale et la science de moeurs, 9 éd., P., 1927; Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive, P., 1931; La mythologie primitive, P., 1935; L'expérience mystique et les symboles chez les primitifs, P., 1938; Les carnets..., P., 1949; Les fonction mentales dans les sociétés inférieures, 9 éd., P., 1951; в рус. пер.— Первобытное мышление, М., 1930; Сверхъестественное в первобытном мышлении, М., 1937.

Лит.: М е с и н Ф., Л.-Б. и его теория прелогизма, «Научное слово», 1929, № 9; Ш а р е в с к а я В. И., Проблема первобытной религии в трудах совр. бурж. ученых, в сб.: Труды ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, 1959, т. 51, с. 76—113; E s s e r t i e r D., Les savants français du XIX-e siècle, t. 4—5, P., 1930; B e n r u b i J., Le sources et les courants de la philosophie contemporaine en France, t. 1, P., 1933, p. 204—29; W a l l o n H., L'oeuvre de L.-B. et la psychologie comparée, «Rev. phil. de la France et de l'étranger», 1939, année 64, № 5—6; B r é h i e r E., Originalité de L.-B., там же, 1949, année 74, № 10—12; Centenaire de L. L.-B., там же, 1957, année 82, № 4, p. 397—569 (вс ст. жур. посв. Л.-Б. к 100-летию со дня его рождения). М. Роговин. Москва.

ЛЁВИН (Levin), Курт (9 ноября 1890 — 12 февр. 1947)—нем. психолог. Проф. Берлинского ин-та психологии. После установления фашизма в Германии эмигрировал в США, где преподавал в Стаунфордском и Корнеллском ун-тах. С 1936 — проф. детской психологии Айовского ун-та. С 1945 — директор исследоват. центра групповой динамики при Айовском ун-те (Кембридж, штат Массачусетс). Л., представитель берлинской школы *гештальтпсихологии*, применил принципы теории гештальтпсихологии к изучению личности. Заслугой Л. является то, что он впервые дал оригинальную разработку проблем воли и аффекта и одним из первых обратился к изучению особенностей поведения человека в конкретной обстановке. В противовес совр. ему ассоциативной психологии, Л. полагал, что осн. двигателем поведения человека являются не ассоциации идей, а потребности. Под потребностями он подразумевал не биологич. инстинкты — влечения, а психологич. состояния, возникающие из намерения в связи с жизненными целями человека и в зависимости от психологич. ситуации. в к-рой субъект находится. Однако проблему потребности Л. разрешает с идеалистич. позиций. Потребность означает для Л. некую динамич. внутрипсихич. «напряженную систему», стремящуюся к разрядке; в разрядке этой системы и состоит, по Л., удовлетворение потребностей. Л. игнорировал их обществ. содержание и физиологич. основу. Последнее послужило основанием резкой критики гештальттеории, в т. ч. и Л., со стороны И. П. Павлова. В учении о потребностях Л. поставлен вопрос о связи между

потребностью и окружающей средой. По Л., возникновение потребности связано с актуальной сферой окружения личности («психологич. поле»). Только те моменты, к-рые приводят к удовлетворению потребности, приобретают для человека положит. «побудительный характер» (Aufforderungscharakter). Однако «психологич. поле» не означает реального объективного окружения, оно есть феноменальный мир, к-рый определяется наличием напряженных систем. Т. о., волевое действие понимается Л. как проявление в конечном счете динамики и свойств «напряженных систем» и определяется структурой «психологич. поля», являющегося по существу отражением тех же напряженных систем. (При этом Л. не проводит принципиальной разницы между волей и эффектом; он рассматривает эти процессы в плане единой активной направленности личности.)

Положит. роль Л. и его школы заключается в разработке экспериментальных методов исследования в области психологии воли. Однако в работах Л. последних лет (в США) экспериментальный метод заменяется методом графич. пространств. изображения «психич. мира» человека. Л. все больше использует понятия топологии (отрасли математики, исследующей свойства форм и расположения фигур) и гомологии (науки о путях). С помощью понятий «силовых векторов» и спекулятивных формалистич. построений Л. пытается разрешить вопросы не только психологич., но и социального значения. Метафизич., антиисторич. концепция неминуемо привела Л. в лагерь откровенных идеалистов.

Соч.: Die psychische Tätigkeit bei der Hemmung von Willensvorgängen und das Grundgesetz der Assoziation, «Z. Psychol.», 1917, Bd 77, [H. 1—2]; Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation, «Psychol. Forschung», 1922, Bd 1, 2; Vorsatz, Wille und Bedürfnis, В., 1926; A dynamic theory of personality, transl. [from German], N. Y.—L., 1935; Principles of topological psychology, transl. [from German], N. Y.—L., 1936; The conceptual representation and measurement of psychological forces, Camb., 1938, в серии: Contributions to psychological theory, IV, 1, № 4; Formalization and progress in psychology, в сб.: Studies in topological and vector psychology, Iowa city, 1940 (University of Iowa. Studies in child welfare, v. 16, № 3); Frontiers in group dynamics..., «Human relations», 1947, v. 1; Group decisions and social change, в кн.: Readings in social psychology, 2 ed., N. Y., 1952; Field theory in social science, L., 1952; в рус. пер. — Социализация системы Тейлора, Л.—М., [1925].

Лит.: Heidbreder E., Lewin's principles of topological psychology, «Psychol. Bull.», 1937, v. 34; Garrett H. E., Lewin's topological psychology: an evaluation, «Psychol. Rev.», 1939, v. 46, № 6; Leeper R. W., Lewin's topological and vector psychology, Eugene (Oregon), 1943; Tolman E. C., K. Lewin. 1890—1947, «Psychol. Rev.», 1948, v. 55, № 1; Zellingner E., Die Lehre K. L. im Vergleich zu einer «horizontalen» und «vertikalen» Psychologie, «Psychol. Rundschau», 1954, Jg 5, H. 3; Hilgard E. R., Theories of learning, 2 ed., N. Y., [1956]; Siegel S., Level of aspiration and decision making, «Psychol. Rev.», 1957, v. 64, № 4. Б. Зейгарник. Москва.

ЛЕВИ-СТРОС (Levi-Strauss), Клод (р. 28 нояб. 1908) — франц. бурж. этнолог и социолог. Проф. ун-та в Сан-Паулу (1935—38), советник по вопросам культуры франц. посольства в США (1946—47), зам. директора Антропологич. музея в Париже (1949—50), проф. и руководитель учебной части Ecole Pratique des Hautes Etudes, проф. Коллеж де Франс (с 1959).

Концепция Л.-С. связана с социологич. школой Дюркгейма—Мосса и амер. культур-антропологий (Боас, Крёбер). Поведение человека обусловлено, по Л.-С., двумя различными закономерностями: биологическими (природными) и культурными. В основу этого противопоставления Л.-С. кладет не факт использования орудий в трудовой деятельности, а внесение условий, совершающейся по нек-рым определ. правилам искусства, регуляции поведения и взаимоотношений людей (см. «Les structures élémentaires de la parenté», P., 1949, p. 8—9). Отсюда первичным

элементом культуры, по Л.-С., является запрещение кровосмешения.

Признавая, что все в человеке (обществе может быть понято только в свете истории (см. «Histoire et ethnologie», в журн.: «Revue de métaphysique et de morale», 1949, № 3—4, p. 376), Л.-С. вместе с тем утверждает, что историч. подход («диахронич. разрез») только облегчает понимание того, как возникают те или иные обществ. ин-ты; главная же цель науч. изучения общества — «синхронный разрез», т. е. раскрытие формальной структуры взаимоотношений, к-рые в свою очередь вытекают из «бессознательной природы коллективных феноменов» (там же, p. 383). Это бессознательное есть универсальное для всех времен и народов стремление заключить исторически конкретное многообразие действительности в символич. формы традиций, ритуалов и, в первую очередь, языка. Следовательно, изучение историч. и этнич. фактов есть, по Л.-С., только первый шаг в постижении коллективного бессознательного; эти факты представляют собой лишь внешнюю оболочку. за к-рой наука должна вскрыть неизменные символич. структуры отношений. «Социальные структуры», в понимании Л.-С., это не эмпирически устанавливаемая реальность, а модель, должная удовлетворять определ. логич. требованиям — единству целого и частей, изоморфизму процесса (трансформации во времени) и результата (структуры), а также возможности предвидения изменений всей структуры при изменении одного из ее элементов («Социальная структура» — «Social structure», в кн.: Anthropology today. An encyclopedic inventory, prep. of A. L. Kroeber, 1953).

Социология должна применять такой математич. аппарат (напр., топологию), с помощью к-рого окажется возможным переход от измерения к раскрытию формальной структуры («Математика человека» — «Les mathématiques de l'homme», UNESCO. Bull. International des sciences sociales, 1954, v. 6, № 4). В применении математич. методов социология должна следовать примеру лингвистики, особенно структурной лингвистики, к-рая, по мнению Л.-С., показала, что осн. явления в функционировании психики в их самой общей форме, выражающей структуру отношений между «я» и «другим», осуществляются на уровне бессознательного. Л.-С. делает также попытку провести свой анализ в противоположном направлении — от формальной структуры к универсальным формам мышления («Примитивное мышление» — «La pensée sauvage», 1962).

Среди других методов идеологич. борьбы ревизионисты (Л. Себар) стремятся противопоставить историч. материализму также и «структурализм» Л.-С. (см. Л. Фигер, Под знаменем творческого марксизма. О некоторых проблемах совр. идеологич. борьбы во Франции, в журн.: «Проблемы мира и социализма», 1963, № 1, с. 11—18).

Соч.: L'analyse structurale en linguistique et en anthropologie, «Word», 1945, v. 1, № 2; French sociology, в кн.: Twentieth century sociology, N. Y., 1945, франц. пер. в кн.: La sociologie au XX siècle, v. 1—2, P., 1947; Race et histoire, P., 1952; Tristes tropiques, P., 1955; Anthropologie structurale, P., 1958; La structure et la forme, «Cahier de l'Institut de Science Economique Appliquée», ser. M., 1960, № 7; Le problème de l'invariance en anthropologie, «Diogenes», 1960, № 31, juillet.

Лит.: [Дискуссия по кн. Л.-С. «La pensée sauvage»], «Esprit», 1963, № 11. М. Розович. Москва.

ЛЕВИТ (Löwith), Карл (р. 9 янв. 1897) — нем. бурж. философ; проф. философии в Марбургском ун-те (1928—36), Токийском ун-те (1936—41), в США (1941—52) и в Гейдельбергском ун-те (с 1952). Филос. воззрения Л. складываются в 20-х гг. под влиянием феноменологии позднего Гуссерля, антропологии М. Шелера и особенно экзистенциальной

философии *Хейдеггера*, с к-рым Л. сотрудничал в Марбурге с 1924. В связи с тем, что Хейдеггер в 30-х гг. был близок к фашизму и его философия стала созвучной унастроению национал-социализма, Л. отмежевывается от Хейдеггера и в работе «Хейдеггер. Мыслитель жалкой эпохи» («Heidegger. Denker in dürftiger Zeit», 1953) выявляет противоречия во взглядах Хейдеггера.

Осн. проблема, к-рой занимается Л., — кризис совр. бурж. мировоззрения. Для Л. социальные проблемы выступают как проблемы мировоззрения. Становлению бурж. мировоззрения, анализу его истории и его истоков посвящена работа Л. «От Гегеля до Ницше» («Von Hegel bis Nietzsche», 1941, 4 Aufl., 1958), где автор пытается выявить происхождение марксизма, ницшеанства, экзистенциализма. Гегель, согласно Л., своей системой завершил целую эпоху в бурж. духовном развитии — «эпоху духа», и оказал решающее влияние на последующее развитие, к-рое привело к концу «буржуазно-христианский» мир и выдвинуло, с одной стороны, в марксизм, а с другой, — в экзистенциализм (см. указ. соч., Stuttgart., 1958, S. 178). Эти два момента, по Л., должны быть объединены на новой основе, и это объединение осуществляется в философии Ницше, к-рый, по мнению Л., кладет конец христ. миру и возвращает Европу к античности. В 50-х гг. интерес Л. все больше сосредоточивается на вопросах философии истории. Л. приходит к реакц. выводу, что на осн. вопрос современности: «Определяется ли бытие и смысл истории вообще (исходя из нее самой, а если нет, то из чего?)» ответ может быть один: вне религии история не имеет смысла. Вера или скепсис — вот альтернатива, поставленная Л.

Соч.: Das Individuum in der Rolle des Mitmenschen, Münch., 1928; Max Weber und Karl Marx, «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1932, Bd 67, H. 1, 2; Kierkegaard und Nietzsche, Fr./M., 1933; Nietzsches Philosophie der ewigen Wiederkehr des Gleichen, Ineue Ausgabe, Stuttg., 1956; J. Burckhardt, Luzern, 1936; Weltgeschichte und Heilsgeschehen, 3 Aufl., Z., [1957]; Wissen, Glaube und Skepsis, [2 Aufl.], Gött., 1958; Gesammelte Abhandlungen. Zur Kritik der geschichtlichen Existenz, [Stuttg., 1960].

Лит.: В о е h m R., K. L. und das Problem der Geschichtsphilosophie, «Z. Philos. Forschung», 1956, Bd 10, H. 1.

П. Райденко. Москва.

ЛЕВКИПП (Λεύκιππος) — э л е и л и з м и л е т а (предположительно 500—440 гг. до н. э.) — древнегреч. философ, впервые выдвинувший атомистич. учение. Биографич. сведения о Л. весьма скудны. Известно лишь, что Л. был современником *Парменида*, *Зенона Элейского*, *Эмпедокла*, *Анаксагора* и учителем *Демокрита*. Диоген Лаэртский (X 13; рус. пер., М а к о в е л ь с к и й А. О., Древнегреч. атомисты, Баку, 1946, с. 200) утверждает, что якобы Эпикур вообще отрицал существование философа Левкиппа, однако в Геркуланском папирусе (Pap. Herc. 1005, fr. 24; по Маковельскому, с. 200) Филодем приводит отрывок из Эпикура, где Эпикур упоминает как Л., так и Демокрита. Не исключено, что Л. ограничивался лишь устным изложением своего учения. *Аристотель*, *Теофраст* и др. античные авторы даже излагали некоторые различия между учением Л. и учением Демокрита; Л. приписывают авторство соч. «Великий диакосмос» (см. *Диакосмос*) и «Об уме». Соч. Л. и Демокрита уже в 4 в. до н. э. объединены и позднее названы *Corpus Democriteum*, что существ. образом затрудняет четкое разграничение левкипповского и демокритовского учений.

Л. слушал Зенона Элейского, но не стал последователем его философии, а продолжал материалистич. традицию *ионийской школы* и создал собств. атомистич. филос. систему. Он утверждал, что в основе Вселенной лежит не единое неподвижное начало, а «бесконечное число всегда движущихся элементов и бесконечное множество форм их...» (Симпликий, *Phys.*, 28,4; по Маковельскому, с. 202), что небытие,

абсолютная пустота, не менее реальна, чем тело, и что все существующее совершается в силу естеств. необходимости, определяемой им как причинность. Так, в соч. «Об уме», как сообщает Аззий, Л. говорил: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» (1 25, 4; по Маковельскому, с. 208). Из форм самая подвижная — сферическая, утверждал Л., связывая характер первичного движения атомов с формой. Бесконечное разнообразие форм и величин атомов является основанием различной скорости движения атомов, движущихся во всевозможных направлениях. Скапливаясь в одном месте, атомы образуют вихрь, из к-рого возникает мир. «Великая пустота» содержит бесконечное число миров, постоянно возникающих и разрушающихся.

Вместе с Эмпедоклом и Анаксагором Л. было создано в середине V в. до н. э. новое направление, к-рое, в отличие от предшествующей философии, учило о множественности элементов Вселенной.

В то же время учение Л. оказало известное влияние на воззрения Эмпедокла и Анаксагора, а также *Мелисса*, *Диогена Аполлонийского* и *Экфанта* и легло в основу атомистич. теории Демокрита. Однако, в отличие от учения Демокрита, метод Л. более умозрительен, а круг рассматриваемых вопросов более ограничен.

В 1879 Эрнст Роде («Отношения основателей атеистич. материализма греч. филос. Левкиппа и Демокрита» — E. Rode, Über Leukipp, в кн.: Verhandlungen der 34. Versammlung Deutscher Philologen und Schulmänner in Trier vom 24. bis 27. Sept. 1879, 1880) вновь поднял т. н. «Левкиппов вопрос», пытаясь поставить под сомнение историч. достоверность личности философа. Роде поддержали *Наторп*, П. Таннери, В. Нестле и др. С обоснованием достоверности личности Л. выступили *Дильтс*, Э. Целлер, *Гомперц*, *Маковельский* и др.

Ф р а г м е н т ы: Diels H., Die Fragmente der Vorsokratiker, griechisch und deutsch, hrsg. von W. Kranz, Bd 2, 8 Aufl., B., 1956; Alfieri V. E., Gli atomisti, [Bari], 1936.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 94—98 и др. (см. Указат.); Маковельский А. О., Левкипп, «Изв. пед. фак-та Азерб. гос. ун-та», 1925, т. 4—5; е г о ж е, Материализм в древности, там же, 1928, т. 13 (имеется отд. оттиск); Vilborg E., Achilles Tatius, Leucippe and Clitophon. A commentary by E. Vilborg, Stockh. [a. o.], 1962.

В. Тимошенко. Москва.

ЛЕВОГЕГЕЛЬЯНИСТВО (м л а д о г е г е л ь я н с т в о) — направление в нем. философии 30—40-х гг. 19 в. См. *Гегельянство*.

«**ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ**» — идейно-политич. течение, представители к-рого (П. Струве, *Туган-Барановский*, *Булгаков*, *Бердяев* и др.) выступали в рус. легальной печати 90-х гг. 19 в. против *народничества* под флагом марксизма, извращаемого ими в духе бурж. либерализма. Ленин, показавший его как «отражение марксизма в буржуазной литературе» (см. подзаголовок к работе «Экономич. содержание народничества...», 1895, Соч., т. 1, с. 315). «Это были, — писал о представителях «Л. м.» Ленин, — буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму» (Соч., т. 13, с. 81). Резкую, хотя и непоследоват. критику «Л. м.» дал также Плеханов.

Первое значит. выступление «Л. м.» — книга П. Б. Струве «Критич. заметки к вопросу об экономич. развитии России» (1894), ревизовавшая марксизм по всем осн. вопросам (проволашение надклассового характера гос-ва, отрицание противоречий капиталистич. общества, отбрасывание теории диктатуры про-

летариата, выдвигание реформистской идеи непрерывной «эволюции», подмена марксистского метода исследования позитивистским объективизмом и т. д.). Для «Л. м.» характерно огульное охаивание народничества, зачеркивание его демократизма.

По своему содержанию «Л. м.» в общем совпадал с *бернштейнством*. В области философии «Л. м.» противопоставлял диалектич. материализму *неокантианство*, вульгарный эволюционизм, *позитивизм* и — в работах нек-рых представителей «Л. м.» — *фихтенанство*; в области политэкономии и социологии — «экономический материализм», взгляды *Вём-Баверка*, *Зиммеля*, *Зомбарта*, *Штаммлера*.

Временное соглашение революц. социал-демократов с «легальными марксистами», благодаря к-рому «... была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)» (Ленин В. И., Соч., т. 5, с. 334), закончилось полным разрывом, как только выявилось стремление «Л. м.» «... превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов» (там же, с. 335). Бурж. объективизму «Л. м.» Ленин противопоставил воинствующую партийность революц. марксизма. Разоблачая «объективизм» Струве, Ленин указал, что, постоянно твердя о «необходимости данного исторического процесса», объективист игнорирует классы, отстаивающие и реализующие эту необходимость, и классы, препятствующие ее осуществлению. Подчеркивая глубоконауч. характер материализма, Ленин писал, что «... материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (там же, т. 1, с. 380—81). Борьба Ленина, Плеханова и др. революц. марксистов против «Л. м.» имела междунар. значение, т. к. подобные извращения марксизма имели место и в Зап. Европе. Ряд представителей «Л. м.» выступил впоследствии в качестве идеологов *ветхоства*.

Лит.: Ангарский Н., Л. м., М., 1930; Вайнштейн И., Методология экономич. апологетики. (Критика методологии Струве), «Под знаменем марксизма», 1930, № 10—12; Чагин Б. А., Борьба Ленина за марксистский материализм в девятидесятых годах, М.—Л., 1940; его же, Борьба марксизма-ленинизма против филос. ревизионизма в конце XIX — начале XX веков, Л., 1959; его же, Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии, М., 1960; Востриков А. В., Борьба Ленина против неокантианской ревизии марксизма в России, [М.], 1949; Турдазов Я. С., Критика В. И. Лениным идеалистич. социологии «Л. м.», М., 1954 (Автореф.); Демко Н., Развитие Лениным принципа партийности в борьбе с бурж. объективизмом «легальных марксистов», в сб.: Уч. зап. Красноярского пед. ин-та, т. 6, вып. 2. Кафедра марксизма-ленинизма, [Красноярск], 1956; Вейсман А. М., Борьба В. И. Ленина против бурж. объективизма «легальных марксистов» за марксистский принцип партийности в сб.: Тр. Среднеазиатского ун-та им. В. И. Ленина. Философия, (Нов. сер., вып. 106. Филос. науки, кн. 1), Таш., 1957; Гиршович Е. И., Разоблачение В. И. Лениным бурж. объективизма. (Критика социологии, основ струвизма), «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1959, № 2; Афанасьев А. Г., Развитие В. И. Лениным марксистской теории классовой борьбы в конце XIX века и критика «Л. м.», в сб.: Очерки по истории философии в России, М., 1960; Расуллов Т. А., Критика В. И. Лениным позитивистской социологии в 90-е годы XIX века, Баку, 1960; История философии, т. 3, М., 1961, с. 51—7.

ЛЕГИСТЫ (от лат. lex — закон), кит. фация, — школа кит. философии, возникшая в период 8—5 вв. до н. э. Разрабатывала вопросы права и гос. законодательства. См. *Законники*.

ЛЕДЕРЕР (Lederer), Эмиль (22 июля 1882—29 мая 1939) — нем. экономист и социолог, социал-демократ. Проф. Гейдельбергского (1922—30) и Берлинского (1930—33) ун-тов. После 1933 — проф. «Новой школы социальных исследований» в Нью-Йорке; с 1910 — редактор журн. «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». В политич. экономии выступал как сторонник реакц. теории организован-

ного капитализма и «критик» теории прибавочной стоимости Маркса. В социологии Л. исходил в сущности из идеалистич. понимания обществ. развития, сходного в ряде моментов с философией М. Шелера. Хотя «дух», «идеи» к.-л. периода истории общества и возникают, по Л., из производств. отношений, их следует объяснять, исходя в основном из «творч. достижений личности», нек-рых ее «стихийных сил». Л. подчеркивал, что идеи не только определяют обществ. развитие, но и обладают имманентным развитием, прерываемым социальными факторами лишь в переломные моменты обществ. развития (см. «Задачи социологии культуры» — «Aufgaben einer Kultursoziologie», в сб.: «Hauptprobleme der Soziologie», Bd 2, hrsg. von M. Palyi, 1923). В ранней работе «Некоторые соображения к социологии революции» («Einige Gedanken zur Soziologie der Revolutionen», 1918) Л. выдвинул мысль о том, что революция является духовным процессом развития идеи, в к-ром «насилие представляет собою последнее средство претворения идеи в жизнь». Осуществление идеи революции и ее характер, по Л., зависит в первую очередь от интеллигенции, определяющей страны, от интенсивности, темперамента и уровня ее мышления (см. указ. соч., S. 17, 21). Массы хотя и являются главными «актерами», «посилателями» революции, однако их роль якобы нетворческая: они только разрушают старое и претворяют созданные интеллигенцией идеи. С развитием бурж. демократии революции, по Л., становятся невозможными и ненужными. В работах «Социальное расслоение пролетариата» («Die Umschichtung des Proletariats», в журн. «Die Neue Rundschau», 1929, Jg 40, H. 8), «Новое среднее сословие» («Der neue Mittelstand», совместно с Я. Маршаком, в кн.: «Grundriss der Sozialökonomik», Abt. 9, Tl 1, 1926, S. 120—41) Л. доказывал, в отличие от своих прежних работ, согласно к-рым служащие составляют особый самостоятел. социальный слой, что служащие и мелкие чиновники в совр. капиталистич. обществе по своему классовому положению принадлежат к рабочему классу, хотя они этого субъективно и не признают и стараются идеологически отделиться от него.

В работе «Государство масс. Опасность бесклассового общества» («The state of the masses: the threat of the classless society», N. Y., 1940) Л. утверждал, что фашизм есть результат стирания границ между классами (т. н. дестратификация), превращения общества в аморфную бесклассовую массу, к-рую легко увлечь пропагандой и разжечь в ней звериные инстинкты (см. указ. соч., р. 31, 36). Только в обществе, в результате экономич. разделения труда разделенном на классы (или группы), социальная жизнь находит свое нормальное выражение; в нем обеспечиваются индивидуальные права и свобода личности (см. там же, р. 12, 18, 29, 45—50, 142). Поэтому сами классовые противоречия в капиталистич. обществе должны, по Л., рассматриваться как выражения свободы (см. там же, р. 12). В этой реакц. концепции проявилась неспособность Л. понять классовую природу фашизма. Л. выступал против марксистского учения о социализме и диктатуре пролетариата, повторяя избитые утверждения бурж. пропаганды, что марксизм якобы не уделяет внимания свободе личности и т. д. В целом теория Л. — апология капиталистич. общества, идеализированной бурж. демократии.

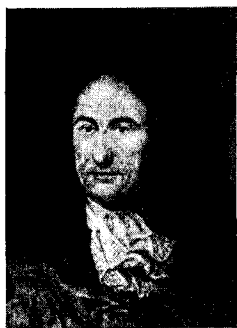
Соч.: Soziologie der Gewalt, в сб.: Soziologische Probleme der Gegenwart, B., 1921; Die sozialen Organisationen, 2 Aufl., Lpz.—B., 1922; Wege aus der Krise, 2 Aufl., Tübingen, 1931; Planwirtschaft, Tübingen, 1932; Das Problem der russischen Wirtschafts- und Sozialverfassung, «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1933, Bd 68; On revolutions, «Social Research», 1936, v. 3.

Лит.: E. Lederer. 1882—1939, «Social Research», 1940, v. 7, № 3, 1941, v. 8, № 1. И. Добропразов. Москва.

ЛЕЙ (Ley), Герман (р. 30 ноября 1911) — нем. философ-марксист. Профессор (с 1949), директор Ин-та философии Берлинского ун-та им. Гумбольдта (с 1962). Основ. труд Л. «Очерк истории ср.-век. материализма» («Studie zur Geschichte des Materialismus im Mittelalter», 1957, рус. пер. 1962) содержит обстоят. анализ возникновения аверроизма и его распространения в Зап. Европе. Л. является также автором ряда работ, посвященных критике совр. бурж. философии, особенно неотомизма («Dämon Technik?», 1961, и др.).

Соч.: Zur Entwicklungsgeschichte der europäischen Aufklärung, «Wiss. Z. Techn. Hochschule Dresden», 1954/55, Jg 4, H. 3; Zur Philosophie eines idealistischen Naturwissenschaftlers, там же, H. 5; Materialistische Dialektik gegen idealistische Metaphysik. Bemerkungen über das Wesen des dialektischen Widerspruchs im Anschluß an eine Arbeit Lakebrinks, там же, 1957/58, Jg 7, H. 1, 2; Einige erkenntnistheoretische Probleme in Naturwissenschaft und Technik, «Wiss. Z. Techn. Univ. Dresden», 1962, Jg 11, H. 4, 5; Humanismus und Technik, в сб.: Humanismus heute? Essays, B., 1961.

ЛЕЙБНИЦ (Leibniz, Leibnitz), Готфрид Вильгельм (1 июля 1646—14 ноября 1716) — нем. просветитель-энциклопедист, философ-идеалист, ученый и обществ. деятель. С 1661 учился в Лейпц. ун-те. В 1663 получил степень бакалавра за дисс. «О принципе индивидуации» («De principio individui»), а в 1664 — степень магистра философии за работу «Опыт о филос. вопросах, собранных из области права» («Specimen quaestionum philosophicarum ex jure collectarum»). В 1666 защитил диссертацию на степень лиценциата («Арифметич. рассуждения о соединениях» — «Disputatio arithmetica de complexionibus»; издана в том же году в дополненном виде под названием

«Dissertatio de arte combinatoria») и доктора прав («Рассуждение о запутанных казусах в праве» — «Disputatio de casibus perplexis in jure»). Отказавшись от профессуры, Л. в 1672—76 совершил с дипломатич. поручениями путешествие в Париж и Лондон, где занимался науч. работой. В 1711—16 неск. раз встречался с Петром I (во время заграничных поездок Петра), выдвигал идею создания Академии наук и распространения науч. знаний в России. Л. был основателем и первым президентом Берл. АН, членом англ. Королев. общества и Париж. АН. С 1676 и до конца жизни Л. состоял на службе в качестве библиотекаря, историографа, а также политич. советника по внешним делам (с 1696) у ганноверского герцога.

Теоретич. и практич. деятельность Л. исключительно разнообразна. Будучи передовым ученым нового времени, Л. с увлечением работал над разрешением технич. проблем, усиленно ратовал за нововведения в производстве, напр. выдвинул идею применения цилиндра и поршня, усовершенствовал счетную машину Паскаля и т. д. Наряду с Ньютоном и независимо от него Л. разработал дифференциальное и интегральное исчисления. Во мн. вопросах естествознания Л. предвосхитил последующие науч. открытия: в геологии («Протогея» — «Protogaea», ок. 1693, изд. 1748) выдвинул мысль о том, что Земля имеет историю; в биологии защищал учение об эволюции, понимая ее, однако, механистически, как развертывание и свертывание вечно существующих зародышей; в языковедении резко выступил против господствовавшей тогда библейской легенды о происхождении всех языков от др.-еврейского и указал на историч. близость ряда языков (напр., германских и славянских, финского и венгерского, тюркских).

Л. — видный обществ. деятель Германии, отразивший взгляды прогрессивной, но нерешительной нем. буржуазии, действовавшей в условиях феод. раздробленности путем компромисса с «просвещенным» абсолютизмом нем. князей. В качестве дипломата и юриста Л. отстаивал принципы нац. единства нем. гос-ва и начала *естественного права*. Занимаясь социальными вопросами, Л. составил предложения о реформе податной системы, уничтожении барщины, крепостного права и введении общинного самоуправления. Как мыслитель Л. склонялся к компромиссу с офиц. религ. идеологией, одновременно выступая и против богословской ортодоксии, и против материализма и атеизма. Ленин отмечал у Л. «... примирительные стремления в политике и религии» (Соч., т. 38, с. 378). Л. стремился примирить враждующие курьоршества и дворы, католич. и протестантскую церковь, религию и естествознание, идеализм и материализм (на базе объективного идеализма), априоризм с эмпиризмом.

В философии Л., как и др. мыслители нового времени, стремился раскрыть сущность бытия в форме учения о субстанции (*монаде*), чтобы, отыскав последний «кирпичик мироздания», создать универсальный принцип или метод, позволяющий объяснить источник движения в природе. Неудовлетворенный господствовавшими в естествознании 17 в. механистич. представлениями о причинах движения и свойствах вещей, в частности учением Декарта о телесной субстанции, сводившим материальность к протяжению, Л. отмечал, что из одних лишь геометрич. свойств тел нельзя вывести их физич. характеристики — движение, сопротивление, инерцию и т. д. Л. отверг декартовский дуализм и учение Спинозы о субстанции с пассивными модусами, подчеркивал ограниченность механицизма во взглядах Бейля, Локка и др. В противовес этому Л. стремился отыскать динамич. начала для объяснения многообразия мира. Опираясь на открытый им в полемике с картезианцами и ньютоновцами физич. закон сохранения «живых сил», Л. утверждал, что все вещи обладают собств. силой, внутр. способностью непрерывно действовать. Согласно Л., силы, к-рые всегда разнообразны и поэтому позволяют отличить одну вещь от другой, являются их субстанциями; число этих субстанций бесконечно, и все они первоэлементы или «единицы» бытия — монады. На представление Л. о монадах, как «единицах» бытия, значит. влияние оказало открытие микроорганизмов в биологии и введение понятия бесконечно малых в математике, позволившего вывести интегрированным саму формулу закона «живых сил». Учением о монадах Л. объединил понятия философии и всех наук, к-рыми занимался. Согласно Л., понятию монады соответствует: в математике — нумерич. единица и дифференциал, в физике — сила с ее механич. законом действия, в химии — атом, в биологии — органич. фермы, в психологии — перцепция (восприятия — единицы сознания), в логике — субъект суждения, в праве — юридич. лицо, индивид и т. п.

Метафизич. и механистич. ограниченность естествознания 17 в. обусловила мнение Л. о том, что сама материя не может быть первоосновой мира, субстанцией, т. к. она протяженна, а самое простое, согласно Л., не должно делиться на части и потому является идеальным. Первоэлементом бытия, по Л., не может быть ни физич. точка (т. к. она делима), ни геометрич. точка (т. к. она, будучи неделимой, все же выражает свойства пространства). Субстанция как исходное начало всего сущего должна отличаться абс. простотой, неделимостью и самостоятельностью. Она — метафизич. точка, духовная единица бытия, или монада, представляющая собой сущность, принци

деятельности всех вещей. Этим представлением о существовании множества идеальных существ материальных тел Л., по существу, возрождает идеализм Платона и воздвигал целую идеалистич. систему монадологии. Многообразие мира обусловлено, по Л., иерархией различных монад — простых (неорганич. тела и растения), душ (животные), духов (человек) и высшей монады — бога. Наделенные изначально не только пассивной способностью восприятия (перцепция), но и активным самосознанием (интерперция), монады содержат потенциально, в свернутом виде все бесконечное число свойств вещей. В мире не существует абсолютно схожих монад или двух совершенно одинаковых вещей.

Эту идею Л. сформулировал как принцип «всеобщего различия» и в то же время как тождество «неразличимых», выдвинув тем самым глубоко диалектич. идею. Согласно Л., монады, саморазвертывающиеся благодаря самосознанию все свое содержание, являются самостоятельными и самостоятельными силами, к-рые приводят все материальные вещи в состояние движения, активного стремления. Здесь Л., по выражению Ленина, «...через теологию подходил к принципу неразрывной (и универсальной, абсолютной) связи материи и движения» (там же, с. 377). В учении о материи Л. стремился соединить теологию с механицизмом, учение Аристотеля о формах как целях вещей с учением Спинозы о механич. причинности. Душа, по Л., — внутр. цель тела, а оно — средство души. Монада есть одновременно душа и тело, форма и материя; материя является силой пассивной, механической, а форма — духовной, активно действующей. Материя, по Л., представляет собой нечто вроде инобытия монад, а телесность — их явление друг другу, внешнее обнаружение, в к-ром раскрываются и все др. свойства и отношения вещей, в частности механич. причинность, время и пространство. В противоположность Ньютону, Л. отрицал абсолютные (т. е. независимые от материальных вещей) пространство и время и этой идеей гениально предвосхитил один из осн. принципов теории относительности Эйнштейна. Однако пространство, время и механич. причинность являются, по Л., лишь способом представления в монадах и проявляются в их взаимодействии. Это учение о сущности и явлениях (развитие впоследствии Кантом) противоречило тезису самого Л. о полной взаимозависимости монад.

Монады, согласно Л., как идеальные сущности, не могут физически влиять друг на друга, «они не имеют окон» в окружающий мир. В то же время Л. утверждал, что каждая монада — это «малый мир», «сжатая Вселенная», отражающая отношения мирового целого через посредство связанных между собой вещей. Это глубокое противоречие в учении о взаимоотношении монад, душ и тел, формы и материи Л. пытался разрешить с помощью божеств. предопределения. Согласованность и единство между монадами есть результат *предустановленной гармонии* (*harmonia praestabilita*), положенной богом подобно часовщику, к-рый однажды завел разные часы, а затем не вмешивается в их ход, и они идут синхронно. От бога, по Л., происходят непрерывные излучения, эманация новых монад, но он не вмешивается в развитие уже сотворенных субстанций. Как текст, Л. допускал постоянное воздействие бога на течение мировых процессов, но отвергал его влияние на изменения в сотворенных монадах и отождествлял в духе деизма «Бога-творца» с «сотворенным миром», отрицал личного человекообразного бога (высшую монаду-бога нельзя, согласно Л., уподоблять высшей — духу человека).

В своем религ.-этич. учении, изложенном гл. обр. в «Теодицее» («Essais de théodicée sur la bonté de Dieu», 1710, рус. пер. в журн. «Вера и разум»,

1887—92), Л. утверждал, что все происходящее в мире единичных вещей случайно, хотя и предусмотрено идеально богом; здесь господствует абс. свобода воли и поэтому возможны зло, грехи и т. п. В то же время бог, согласно Л., предопределил все закономерности мира, изначально установил необходимое и всеобщее соответствие душ и тел, свободы и необходимости, напр. допустил зло, чтобы выразить добро, и, т. о., создал «... совершеннейший из всех возможных миров...» («Теодицея», в журн.: «Вера и разум», X., 1887, № 13, с. 48). Эта попытка Л. примирить механистич. фатализм с признанием свободы воли, объяснить наличие зла и оправдать его в духе казенного оптимизма была едко высмеяна Вольтером в «Кандиде» (см. Избр. произв., М., 1947, с. 41—129).

В методологии и филос. учения Л. содержались диалектич. идеи: признание самостоятельности субстанции, понимание связи единичного с бесконечным. Ленин, как и Маркс, отмечал, что Л. по сравнению с Декартом и Спинозой обогатил понимание протяженной субстанции принципом деятельной силы. «Тут своего рода диалектика и очень глубокая, несмотря на идеализм и поповщину» (Соч., т. 38, с. 381). На основе принципа непрерывности Л. дал одну из первых в новой философии формулировок идеи всеобщей связи сущего. «... Все во вселенной находится в такой связи, что настоящее всегда скрывает в своих недрах будущее, и всякое данное состояние объяснимо естественным образом только из непосредственно предшествовавшего ему» («Hauptschriften zur Grundlegung der Philosophie», Bd 2, 1906, S. 75). Основываясь на этом положении, Л. пришел к выводу об органич. родстве всех живых существ и о связи их с неорганич. природой. Этой постановкой вопроса Л., несмотря на ошибочность представления о существовании зоофитов, или животного-растений, сделал шаг к диалектич. пониманию природы, однако его концепция развития была метафизической в том смысле, что отрицала скачкообразность и абсолютизировала принцип непрерывности.

Согласно Л., развитие происходит только из первоначальных форм в «малых перцепциях» монады путем бесконечно малых изменений. Л. выдвинул преформистское учение о постепенном развитии живой природы из вечно существующих зародышей и отрицал наличие скачков в ее эволюции. «Мы признаем, — писал Л., — что через посредство одного только переместительного движения можно объяснить все остальные материальные явления» (там же, Bd 1, 1903, S. 261).

В своей теории познания Л. исходил из учения о монадах, их представлениях и восприятиях. Разум, согласно Л., это монада, он заключает внутри себя потенциально, в зародышевом состоянии все идеи абсолютно достоверных наук — философии и математики. Как рационалист, продолжатель линии Декарта и противник эмпиризма Локка, Л. утверждал, что эмпирич. познание природы играет роль толчка для деятельности прирожденных идей, но не является истинным родом познания. С этих позиций Л. в своих «Новых опытах о человеческом разуме» (М.—Л., 1936, см. соч.) — произведении, направленном против Локка, подверг критике его положение о субъективности *вторичных качеств*. Локковскому образу «чистой доски» (*tabula rasa*) Л. противопоставил образ глыбы мрамора, прожилки к-рой расположены т. о., что намекают фигуру будущей статуи. В формулу эмпиризма — «нет ничего в интеллекте, чего бы не было раньше в чувстве» («nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu») — Л. внес существ. оговорку: «кроме самого интеллекта» («nisi ipse intellectus») [см. «Новые опыты...», М.—Л., 1936, с. 100—01], ука-

зав на ошибочность игнорирования эмпиризмом роли абстрактного мышления в познании.

В учении об истине Л. стремился сочетать *рационализм* и *эмпиризм* на основе рационализма, что непосредственно связано с его онтологией. Л. исходил из того, что всякое суждение по своей природе является аналитическим. Как монада таит в себе сполна все свое содержание, к-рое может быть развернуто, но в него нельзя привести ничего принципиально нового, так и субъект суждения содержит в себе все возможные предикаты. Поэтому Л. отверг принцип сомнения Декарта и считал недостаточным и ложным предложенный им критерий истины — ясность и отчетливость знаний. Согласно Л., идеи, к-рые кажутся людям ясными и отчетливыми, могут быть ложными. В качестве критерия истины Л. выдвигал закон противоречия. Чтобы убедиться в истинности и, следовательно, непротиворечивости идеи, нужно разложить ее на простые элементы. По Л., истины бывают двух родов: истины разума и истины факта. Первые отыскиваются путем разложения терминов суждения и потому они всеобщи и необходимы; противоположное им логически невозможно. Для их проверки достаточны законы аристотелевской логики (закон противоречия, тождества и исключенного третьего). Истины факта — это эмпирические, лишенные метафизич. необходимости, т. е. «случайные». Методом нахождения истин факта Л. считал индукцию, опыт и в этом вопросе примыкал к механич. естествознанию 16—17 вв. Согласно Л., истины факта, по Л., раскрывающие свойства связи и отношения материальных вещей, должны иметь свое конечное основание. Это основание не может заключаться в самих вещах, т. к. они протяженны и потому бесконечно делимы, а должно находиться вне их. Основанием свойств и отношений вещей в онтологии Л. служит явление монад друг другу. Для проверки истин факта необходимо опираться также и на закон достаточного основания, к-рый был им впервые сформулирован. Несомненная заслуга Л. — введение в гносеологию категории вероятности, утверждение правомерности знания вероятного, гипотетического наряду с достоверным.

В философии Л. заметную роль, особенно с 1680, стала играть тенденция к *панлогизму* и всеобщему *детерминизму*, к-рая внесла принципиальные изменения в его систему. Эта тенденция явно обнаруживается в целом ряде писем последнего периода жизни Л., опубликованных посмертно и исследованных потом Кутюра в книге «Логика Лейбница» (L. Couturat, La logique de Leibnitz, 1904). Л. пришел к утверждению, что для исследования всего существующего не нужно ничего, кроме законов чистой логики. Реально, а не просто номинально определить вещь значит, согласно Л., не только выявить в субъекте суждения все предикаты — признаки, позволяющие отличить одну вещь от другой, но и выяснить саму возможность условия ее существования в ряду др. вещей, совместимость или несовместимость с ними. Отсюда напрашивается вывод, опровергающий гл. религ.-нравов. тезис «Теодицеи» Л. о сотворенном богом мире как единственно возможном и наилучшем из миров. Этот вывод по существу ограничивал акт творения, абс. свободу воли и тем самым подрывал осн. принципы монадологии. *Б. Раббот.* Москва.

Формальной логикой Л. занимался в течение всей своей науч. деятельности.

Значение Л. для логики состоит в том, что, оставаясь в основном в рамках традиц. формальной логики, он развил ряд идей и разработал ряд методов, относящихся к принципам построения и обоснования логики классов (терминов), логики высказываний, логики отношений и др., вошедших в 19 в. в состав *математической логики*.

Л. обосновал значение рациональной символики для логики и для эвристич. заключений. Л. доказывал, что познание сводится к доказательствам (утверждениям), находить же доказательства необходимо по определенному методу (см. «Fragmente zur Logik», В., 1960, S. 87—88). В общем виде такой метод не известен, только в математике мы находим нечто подобное. Сам по себе математич. метод не достаточен, чтобы открыть все то, что мы ищем, но он предохраняет от ошибок.

Последнее объясняется тем, что в математике утверждения формулируют с помощью определенных знаков и действуют по определенным правилам, а проверка, возможная на каждом этапе, требует «только бумаги и чернил». Идеалом Л. было создание такого языка науки, к-рый позволил бы заменить содержательные рассуждения *исчислением* на основе арифметики и алгебры: «... с помощью таких средств можно достичь... удивительного искусства в открытиях и найти анализ, к-рый в др. областях даст нечто подобное тому, что алгебра дала в области чисел» (там же, S. 15). Л. многократно возвращался к задаче «математизации» формальной логики, пробуя применять при этом арифметику, геометрию и комбинаторику — область математики, осн. создателем к-рой он сам являлся. Материалом для этого ему служила традиц. силлогистика, достигшая к тому времени высокой степени совершенства.

Осуществить полную формализацию и арифметизацию языка и мышления Л., естественно, не удалось. Принципиальная неосуществимость намерений Л. была строго обоснована только в 30-е гг. 20 в. Гёделем, что, однако, не обесценивает методов, предложенных Л. в применении к частным задачам. Напр., большой интерес представляют различные варианты арифметизации логики. В одном из них предлагалось приписывать исходным, «примитивным», понятиям простые числа, а сложные понятия рассматривать как произведение простых чисел (эта идея была развита Гёделем в работах по «арифметизации синтаксиса» формализованной арифметики). Другой вариант позволил Л. представить в форме арифметич. исчисления всю силлогистику *Аристотеля*. «Я обнаружил, — писал Л., — то замечательное обстоятельство, что с помощью чисел можно представить все виды верных утверждений и заключений» (там же). Осн. идея этого варианта состояла в том, чтобы переменным силлогистики сопоставить упорядоченные пары взаимно простых чисел. Пусть переменная А соответствует двум взаимно простым числам a_1 и a_2 , а переменной В соответственно b_1 и b_2 . Тогда суждение «Всякое А есть В» истинно в том и только в том случае, когда истинна конъюнкция условий: a_1 делимо на b_1 и a_2 делимо на b_2 . В противном случае оно ложно и истинно его отрицание. Суждение «Некоторые А суть В» истинно в том и только в том случае, когда a_1 и b_2 , a_2 и b_1 взаимно простые числа, и ложно во всех др. случаях. На основе такой *интерпретации* можно доказать правильность всех модусов аристотелевской силлогистики. Впоследствии было доказано, что эта интерпретация удовлетворяет соврем. аксиоматике силлогистики, предложенной *Лукасевицем* (см. «Аристотелевская силлогистика с точки зрения соврем. формальной логики», 1959, с. 183—88).

Дедуктивный анализ традиц. логики Л. дал в «Новых опытах» (кн. 4). Л. показал, что 2-я и 3-я фигуры силлогизма могут быть получены как следствие из модуса Barbara при помощи закона противоречия, а 4-я фигура — с использованием закона обращения. Здесь же Л. дал новую классификацию модусов силлогизма.

Большое значение Л. придавал проблеме тождества и связанному с ней принципу подстановки эквивалентных. Хотя, по убеждению Л., не существует двух

индивидуальных вещей, во всем подобных друг другу, отождествление все же может быть произведено, т. к. особая субстанция есть в то же время и общая. Т. о., отождествление относилось у Л. только к общему, но не к единичному, индивидуальному. Сформулированный Л. закон тождества, согласно которому предметы x и y тождественны тогда и только тогда, когда x обладает каждым свойством, к-рым обладает y , и y обладает каждым свойством, к-рым обладает x , в наст. время используется в большинстве совр. логико-математических исчислений.

С законом тождества связан принцип подстановки эквивалентных: «Если А есть В и В есть А, тогда А и В называются „тем же самым“. Или: А и В есть то же самое, если они могут быть подставлены один вместо другого» (Leibniz G. W., *Fragmente...*, S. 460).

Принципы тождества, подстановки эквивалентных и противоречия для Л. — основные средства всякого дедуктивного доказательства. Опираясь на них, Л. предпринял попытку доказать нек-рые т. н. аксиомы. Л. считал, что аксиомы — недоказуемые предложения, представляющие собой тождества, но в математике далеко не все положения, выдаваемые за аксиомы, представляют собой тождества, а потому их, с точки зрения Л., необходимо доказывать.

Анализ проблемы тождества позволил Л. обнаружить трудности синонимии. Л. отмечал, что два выражения, не различающиеся по отношению к вещи (ein Ding), к-рую они обозначают, могут различаться по «способу понимания» (eine Weise des Begreifens). Напр., имя «Петр» и «Апостол, отрѣкшийся от Христа» обозначают одно и то же лицо и могут быть поставлены одно вместо другого, если контекст позволяет не учитывать «способа понимания» этих выражений. В противном случае такая подстановка приводит к бессмыслице: «Петр, поскольку он был апостолом, отрѣкшимся от Христа, согрешил» — «Петр, поскольку он был Петром, согрешил».

Введенный Л. критерий отождествления и различения имен соответствует в известной мере соврем. различению между *смыслом* и *значением* имен и выражений. Так, пирокко известный пример с эквивалентностью выражений «сэр Вальтер Скотт» и «автор Веверлея», восходящий к Расселу, буквально повторяет эту мысль Л. (см. А. Черч, Введение в математич. логику, 1960, с. 18—19, 342).

Единой системы обозначений Л. не выработал, наиболее разработано им исчисление «плюс—минус» (см. «Fragmente...», S. 304—43). Удачным оказалось предложенное Л. для вывода правильных модусов силлогизмов представление суждений посредством параллельных отрезков или кругов («Опыт доказательной силлогистики», в кн. «Opusculæ et fragmenta inedita de Leibniz», extraits... par L. Couturat, P., 1903, p. 292—321). Представление кругами позже применил Эйлер.

Видное место у Л. занимала защита объекта и метода формальной логики. Он писал Г. Вагнеру, что «... хотя г-н Арио (соавтор *Пор-Рояля логики*. — *Ред.*) в своем искусстве мышления утверждал, что люди редко ошибаются в форме, а почти исключительно в сути, в действительности дело обстоит совсем иначе и уже г-н Гюйгенс вместе со мной заметил, что обычно математические ошибки, называемые парадоксизмами, вызываются неряшливостью формы. И, конечно, не пустяк то, что Аристотель вывел для этих форм строгие законы и тем самым оказался первым, кто вне математики писал математически» («Fragmente...», S. 7). Такой тезис Л. в различных вариациях повторял многократно, и это имело определенное историч. значение. Непосредств. влияние Л. видно в работах Ламберта и Плуке. Дальнейшему развитию в этом направлении помешало отрицательное отношение к формальной

логике со стороны Гегеля и влияние Канта, считавшего логику Аристотеля не только совершенной, но и завершенной. Только в конце 19 в. в связи с развитием алгебры логики работы Л. в области логики были оценены по заслугам.

Л. Калужин, И. Погребьский. Киев. Б. Грязнов. Москва.
Влияние филос. и науч. трудов Л. на науку эпохи нем. Просвещения (математику, геологию, языковедение и др.) и на формирование нем. классич. идеализма было огромно. Идеи Л. отразились на мировоззрении поэтов «Бури и натиска», на эстетич. взглядах Лессинга, на мировоззрении Гёте (его учение о метаморфозах) и Шиллера. Учение Л. об органич. единстве всех вещей мира и их развитии было воспринято Шеллингом и нашло свое выражение в его натурфилософии. Существ. черты лейбницевого идеализма возродились в объективном идеализме Гегеля. Деятельная, духовная монада Л. — прообраз саморазвивающейся идеи Гегеля. Фейербах высоко ценил учение Л. о деятельной силе самодвижения как основном и самом существ. определении субстанции и вместе с тем отметил, что теология извращает его лучшие мысли (см. Избр. филос. произв., М., 1955, с. 144—46). Высоко оценивал Л. как выдающегося мыслителя и Ломоносов, к-рый, однако, резко критиковал его монадологию как «мистическое учение» (см. Полн. собр. соч., т. 1, 1950, с. 424; т. 10, 1957, с. 503).

В совр. бурж. философии лейбницианство имеет последователей среди целого ряда течений (логический позитивизм, персонализм и др.). Мн. представители этих направлений искажают философию Л., возрождают ее наиболее реакц. элементы. На щит поднимается монадология Л., его представления об атомарных понятиях. Теоретики логич. позитивизма (Карнап и др.) стремятся использовать идеи Л. для обоснования учения о произвольности выбора системы знаков и аксиом, обозначающих логич. элементы мысли и операций с ними. Вопреки этим мнениям, историч. значение Л. определяется не мистико-теологич. сторонами его мировоззрения, а его выдающимися открытиями в математике и др. отраслях естествознания, его вкладом в развитие диалектич. идей в философии. Науч. наследие Л. — нац. гордость нем. народа. В Берлине при Академии наук с 1926 существует Лейбницево-ское общество; в 1928 основан Архив Лейбница.

Б. Работт. Москва.
Соч.: «Новые опыты о человеческом разуме» («Nouveaux essais sur l'entendement humain») — осн. соч. Л., систематически излагающее его учение о познании. Написано в ответ на «Опыт о человеческом разуме» Локка. Соч. было закончено к 1704, но ввиду смерти Локка Л. не пожелал его опубликовать. Первая публикация франц. оригинала принадлежит Р. Р. Распе (см. «Oeuvres philosophiques...», Amst. — Lpz., 1765, часть тиража вышла в 1764). Пер. на нем. яз.: 1873, 1904, на англ. яз.: 1884, 1896, 1916, лучшее англ. издание вышло в США в 1949; на итал. яз.: 1909—11 (2 тт.), 1925, 1959; на исп. яз.: 1878, 1928; на венг. яз.: 1930; на чеш. яз.: 1932; на пол. яз.: 1955, на португ. яз. I. На рус. яз. отрывки из «Новых опытов» вошли в «Избр. филос. соч.» Л., 1890. Полный пер. П. С. Юшкевича вышел в 1936.

«Монадология» («Monadologie») — соч. Л., в к-ром кратко изложена сущность его филос. системы. При жизни Л. не публиковалось. В авторском тексте названия нет, ввиду чего имеются публикации с различными названиями. Впервые издано на нем. яз. в переводе Г. Келера: «Lehrsätze über die Monadologie...», Frankf. — Lpz., 1720 (перездано в 1740). Затем вышел лат. пер. под назв. «Principia philosophiae...» в «Acta eruditorum Lipsiae publicantium». Supplementa, t. 7, sect. 11, 1721. Франц. оригинал работы издан Эрджанном (вместе с «Новыми опытами») лишь в 1840 («Opera philosophica...», Vd 1—2, В.). Лучшие издания оригинала принадлежат Гюйо (1904) и Робине (1954). Лучшее нем. издание — 1956. Существуют переводы: англ.: 1925, 1930; итал.: множество изданий, напр. 1926, 1930, 1939; исп.: 1882, 1889, 1935; турецк.: 1935; азербайдж.: 1902, 1904. На рус. яз. книга издана в пер. Е. Н. Боброва в «Избр. филос. произв.» Л.

Л. Азарх. Москва.
Gesammelte Werke, aus den Handschriften der königlichen Bibliothek zu Hannover: Erste Folge — Geschichte, Bd 1—4, Hannover, 1845—47; Zweite Folge — Philosophie, Bd 1,

Hannover, 1846; Dritte Folge — Mathematische Schriften, Bd 1—7, V. — Halle, 1849—63; Die philosophischen Schriften, hrsg. von G. J. Gerhardt, Bd 1—7, V., 1875—90; Sämtliche Schriften und Briefe, hrsg. von der Deutschen Akademie der Wissenschaften, Reihe 1—6, Darmstadt — V. — Lpz., 1923—1962 — (изд. продолжается); в рус. пер.: Сб. писем и мемуаров, относящихся к России и Петру Великому, СПб., 1873; На разуме основанные принципы природы и благодати, «Вера и разум», 1892, № 22; О свободе, в кн.: Фишер К., О свободе человека, пер. с нем., СПб., 1900; Письмо Л. к Косту «О необходимости и случайности», там же; Избр. филос. соч., в сб.: Тр. Моск. психол. об-ва, 4 вып., 1890, перепечатка — М., 1908; Элементы современной философии о совокупности вещей, Каз., 1913; Неизданные соч. Л. «Исповедь философа» (предисловие П. И. Ягодинского), Каз., 1915; Неизданные заметки о душе, Каз., 1917; Избр. отрывки из матем. соч., «Успехи матем. наук», 1948, т. 3, вып. 1; Полемика Г. В. Л. и С. Кларка по вопросам философии и естествознания, (1715—1716), Л., 1960.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство или критика критической критики, Соч., 2 изд., т. 2; Маркс К., Математические рукописи, в кн.: Марксизм и естествознание, М., 1933; его же, [Письмо к Ф. Энгельсу], в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 19, М.—Л., 1931, с. 337; Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38 (по имен. указат.); Герье В. И., Л. и его время, т. 1—2, СПб., 1868—71; Сперанский Н., Миченко Л. и Локка о врожденных идеях..., «Моск. университетские изв.», 1872, (№) 2—3; Филиппов М. М., Л. и его жизнь и филос. деятельность, СПб., 1893; Серебрянский В. С., Л. и его учение о душе человека, СПб., 1908; Фишер К., Лейбниц, в кн.: История новой философии, т. 3, СПб., 1905; Каринский В., Умозрительные знания в филос. системе Л., СПб., 1912; Ягодинский И. И., Философия Л., Каз., 1914; Белая А., Л. и Спиноза, СПб., 1914; Спокойный Л., Философия Л., Л.—М., 1935; Быховский Б., О месте Л. в истории диалектики, «Под знаменем марксизма», 1935, № 6; его же, Идеализм Л., там же, 1936, № 5; Познер В., Философия Л., «Фронт науки и техники», 1936, № 9; Цейтлин Г. Г., История математики в XVI и XVII веках, пер. с нем., 2 изд., М.—Л., 1938; Штыкан А. Б., Интегрирующий механизм Л., «Успехи матем. наук», 1952, вып. 1; Деборин А. М., Г. В. Л. как социальный мыслитель, «Вопр. философии», 1961, № 3; Асмус В. Ф., Проблема интуиции в философии и математике, М., 1963 (по указ. имен); Feuerbach L., Darstellung, Entwicklung und Kritik der Leibniz'schen Philosophie, 2. Ausg., Lpz., 1844; Cassirer E., L. System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen, Marburg, 1902; Russell B., A critical exposition of the philosophy of L., L., 1937; Hartmann N., L. als Metaphisiker, B., 1946; Benz E., L. und Peter der Grosse, B., 1947; Hochstetter E., Zu L. Gedächtnis, в кн.: Leibniz G. W., Zu seinem 300. Geburtstag, B., 1948; Dürr K., Leibniz' Forschungen im Gebiet der Syllogistik, B., 1949; Joseph H. W. B., Lectures on the philosophy of L., Oxf., 1949; Brunner F., Etudes sur la signification historique de la philosophie de L., P., 1950; Stieler G., G. W. Leibniz, Paderborn, 1950; Zöcher R., L. Erkenntnislehre, B., 1952; Moreau I., L'univers Leibnizien, P., 1953; Yest R. M., L. and philosophical analysis, Berkeley — Los Ang., 1954; Grua G., La justice humaine selon L., P., 1956; Holz H. H., Leibniz, Stuttgart, 1958; Fleckenstein J. O., G. W. Leibniz, Barock und Universalismus, Münch., 1958; Belaval Y., L. critique de Descartes, P., 1960; Wolff H. M., Leibniz. Allbeseelung und Skepsis, Bern — Münch., [1961]; Navier E., Bibliographie des oeuvres de L., P., 1937. **В. Работ.** Москва.

«ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ» (1833—1836) — посмертное издание лекций Гегеля, осуществленное по записям его учеников.

«ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ» (1837) — посмертное издание лекций Гегеля, осуществленное по записям его учеников.

«ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ» (1832) — посмертное издание лекций Гегеля, осуществленное по записям его учеников.

«ЛЕКЦИИ ПО ЭСТЕТИКЕ» (1835—38) — посмертное издание лекций Гегеля, осуществленное по записям его учеников.

ЛЕЛЕВЕЛЬ (Lelewel), Иохим (22 марта 1786—29 мая 1861) — польский историк и прогрессивный обществ. деятель. В 1808 окончил Виленский ун-т, занимал там кафедру истории в 1815—18 и 1818—24. Был идейным вдохновителем радикального студенчества, объединенного в тайное об-во «Филоматов». Поддерживал науч. связи с будущими декабристами.

Во время польского освободит. восстания 1830—31 был членом пр-ва и пред. радикального бурж.-демократич. «Патриотич. клуба», выступавшего за социальные реформы и респ. строй. После поражения восстания Л. эмигрировал во Францию. После высылки из Франции (1833) переехал в Брюссель, идейно руководил польскими демократич. организациями «Молодая Польша», «Месть народа» и др. В 1847 познакомился с Марксом, с к-рым сотрудничал в междунар. «Демократич. ассоциации».

Л. был представителем демократич. течения романтич. историографии. Он требовал, чтобы историч. наука перестала быть хроникой жизни героев и королей, а стала летописью жизни народа, всесторонне показывающей «состояние людских дел во все времена». Придавая большое значение проблеме нации, он рассматривал нац. историю как фрагмент всеобщей истории. Л. как решительный сторонник детерминизма выступал за создание «философской истории», к-рая выясняла бы «тесную возможность событий, единство и гармонию».

Л. принадлежал к тем ученым, к-рые, по словам Маркса, составляли «вторую реакцию» против Французской революции и связанного с нею просветительского движения. Эта реакция заключается в том, чтобы заглянуть за средневековые в первобытную историю каждого народа и обнаружить в ней элементы будущего развития народов — «... вплоть до поборонок равенства...». Эта реакция, писал Маркс, «... соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают о своей связи с ним...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 200).

Рассматривая историю Польши как историю потери народом своих прав, его борьбу в их защиту и за обладание ими, Л. подошел — независимо от франц. историков Реставрации — к пониманию роли классовой борьбы в обществе. Работы Л. способствовали формированию революц.-демократич. воззрений на общество (Дембовский, Кремповецкий). Маркс дал высокую оценку исследованиям Л. о происхождении феод. привилегий (см. «Мадзини и Наполеон», в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 12, с. 435).

Соч.: Dziata, t. 1, 3, 6—8 —, Warsz., 1957—63; — Dzieje starożytnie, Wilno, 1818; Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane, t. 1—20, Poznan, 1846—68; Historia..., Warsz., 1862; Listy do rodzeństwa pisane, t. 1—2, Poznań, 1878—79; Listy emigracyjne, t. 1—5, Wr.—Kr., 1948—56; Wybór pism politycznych, [Warsz.], 1954; в рус. пер. — Краткие очерки истории польского народа, СПб., 1862; [Отрывки] в кн.: Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей, т. 2, М., 1956.

Лит.: Энгельс Ф., Речь по польскому вопросу, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 5, М.—Л., 1929, с. 265; История философии, т. 2, М., 1957, с. 436—38; Chrzanowski T., J. Lelewel, człowiek i pisarz, [Kr.], 1946; Sereski M. H., J. Lelewel, Z dziejów postępowej myśli historycznej w Polsce, Warsz., 1953; его же, Koncepcja historii powszechnej J. L., Warsz., 1953; Assogodo Braun., Kształtowanie się założeń teoretycznych historiografii J. L., в кн.: Z dziejów polskiej myśli filozoficznej i społecznej, t. 3, [Warsz.], 1957; Slowikowski T., Poglądy na nauczanie historii w Polsce w wieku XVIII oraz dydaktyczna koncepcja J. L., Kr., 1960; Bronowski F., Idea Narodu w twórczości J. L. w latach 1806—1830, «Roczniki Historyczne», 1960, rocz. 26, s. 171—94; Nieb — Koszarska H., i Kotwiczówna M., Bibliografia utworów J. L., Wr., 1952; Nowodworski W., Bibliograficznych ksiąg dwójce J. L., Wr., 1959. **Е. Шацкий.** ПНР.

ЛЕММА (греч. λήμμα, букв. — польза; в философии — предположение, предположение). Термин «Л.» у Аристотеля обозначал посылку (категорического) силлогизма. В «Началах» Эвклида Л. — математич. предположение, специально доказываемое с целью последующего использования при доказательстве некоего другого предложения (теоремы). Этот смысл термина «Л.» в истории науки подвергался модификациям. Лейбниц рассматривал Л. в качестве промежуточных (между аксиомами и теоремами) истин, необходимых для сокращения рассужде-

ний. По Канту, наука, пуждающаяся для своего обоснования во внешних для нее положениях, заимствует эти положения, к-рые и наз. леммами, из др. наук (напр., механика заимствует теоремы геометрии в качестве лемм). Иногда Л. называют истину, к-рая доказывается в др. части той же науки. В совр. математике и математич. логике общепринят смысл, к-рый придавал термину «Л.» Эвклид.

У стоиков Л. имела значение большей (условной или разделительной) посылки в рассматривавшихся ими умозаклчениях с условными и разделит. суждениями (второй посылкой в к-рых было категорич. суждение); с этим смыслом термина «Л.» связаны термины «дилемма», «трилемма» и т. п. традиц. логики, охватываемые понятием лемматическ. умозаклчения. Лемматич. умозаклчение — особый вид умозаклчений с условными и разделит. посылками, являющиеся обобщением дилеммы. В отличие от дилеммы, лемматич. умозаклчение в общем случае может иметь большее, чем 2, число условных посылок (и соответствующее число членов дизъюнктивной посылки); если это число равно трем, умозаклчение наз. трилеммой, если четырем — тетралеммой и т. п. Пример одной из форм лемматич. умозаклчения: «Если А, то D; и если B, то D; и если C, то D; А или B или C; значит, D», где А, В, С, D — к.-л. суждения; это — один из видов трилеммы.

Лит.: Кант И., Критика способности суждения, СПб, 1898, § 68; его же, Логика, П., 1915, § 39; Лейбниц Г. В., Новые опыты о человеческом разуме, М.—Л., 1936, с. 395; Челпанов Г. И., Учебник логики, М., 1946, гл. 16; Начала Эвклида, пер. с греч., М.—Л., 1950 (см. кн. VI, а также комментарии Д. Д. Мордухай-Болтовского, с. 256—57); Aristoteles, Top. VIII 1, 156 a b 21; Diog. L., VII 16; Cicero, De divin. II, 53, 108; Prantl K., Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 1, Lpz., 1855, S. 375—85; Fries J. Fr., System der Logik, Lpz., 1914, S. 224. В. Вирюков, А. Коноплякин.

Москва.

ЛÉМУС (Lemos), Мигел (25 нояб. 1854 — 10 апр. 1917) — браз. философ и социолог, последователь Канта, глава т. н. религ.-ортодоксального позитивизма. Руководил (с 1877) «позитивистской церковью» в Бразилии. Вместе с Мендесом Л. издавал ежегодный бюллетень «Circular anual do apostolado positivista do Brasil» и брошюры, в к-рых пропагандировал т. н. религию человечества, добиваясь превращения позитивизма в господств. идеологию и религию.

Соч.: Pequenos ensaios positivistas, R. de J., 1877; A nossa iniciação no positivismo, R. de J., 1889 (совм. с Мендесом Т.); Apelo as conservadores, R. de J., 1899; O positivismo e a escravidão moderna, 2 ed., R. de J., 1934.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 416; Круз Коста Ж., Обзор истории философии в Бразилии, пер. с португ., М., 1962; Cruz Costa J., O positivismo na República, São Paulo, 1956. Ж. Вазарян. Москва.

ЛЕНИН (Ульянов), Владимир Ильич [10(22) апр. 1870—21 янв. 1924] — гениальный мыслитель, теоретик марксизма, организатор и вождь КПСС и междунар. коммунистич. движения, основатель Сов. гос-ва. В эпоху империализма и начала строительства социалистич. общества Ленин обогатил марксизм опытом трех рус. революций и междунар. рабочего движения, дал науч. решение вопросов, поставленных всемирной историей.

Ленинизм вырос в борьбе против ревизионистских и догматических извращений теории Маркса, явился прямым продолжением и новой фазой в истории марксизма, органич. развитием всех его составных частей — философии, политич. экономии, науч. коммунизма, достигением не только русской, но мировой культуры (см. *Марксизм-ленинизм*). На основе теоретич. обобщения особенностей новой историч. эпохи — эпохи империализма и начала крушения капиталистич. системы, эпохи социалистич. и национально-освободит. революций, эпохи построения социализма — Ленин развил марксистскую стратегию и тактику пролетариата, интернац. значение к-рой подтверждено всем

последующим развитием междунар. рабочего и коммунистич. движения. В области философии Ленину принадлежит заслуга всестороннего развития диалектич. и историч. материализма на основе обобщения практики революц. преобразования общества и новейших открытий естествознания.

Ленин завершил начатое группой «Освобождение труда» во главе с Плехановым перенесение марксизма в Россию, почва для к-рого была подготовлена всем ходом освободит. движения и развитием обществ. мысли. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — писал Ленин, — Россия поистине выстрадала полувекковой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Соч., т. 31, с. 9). Историч. развитие сделало Россию в нач. 20 в. центром мирового революц. движения.

Мировоззрение Ленина складывалось в годы, к-рые он впоследствии охарактеризовал как период «...разнуданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции...» (Соч., т. 1, с. 267). Среди факторов, оказавших влияние на формирование взглядов юного Ленина, надо отметить демократич. воспитание в семье, раннее знакомство с тяжелым положением народа, с экономич., политич. и нац. гнетом царизма.

Ленин окончил Симбирскую классич. гимназию, когда в мае 1887 за организацию покушения на царя был казнен его старший брат народоволец Александр Ульянов. Это событие имело важное значение для развития взглядов молодого Ленина на революц. духе; вместе с тем оно показало ему несостоятельность тех методов, к-рыми народолюбцы надеялись изменить социальный строй самодержавной России.

В Казанском ун-те, на юридич. фак-т к-рого поступил Ленин, он принял участие в студенч. движении. В дек. 1887 «за участие в студенческих беспорядках» Ленин был арестован и выслан под надзор полиции в дер. Кокушкино, где начал систематически изучать обществ.-политич. лит-ру, в частности произведения рус. революц. демократов, в первую очередь Чернышевского. Значительно позже Ленин вспоминал: «Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в „Современнике“ я прочитал до последней строчки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего уже было много легче усвоить диалектику Маркса» («Вопр. лит-ры», 1957, № 8, с. 133).

Это было время, когда в России интенсивно распространялось учение Маркса, повсеместно возникли революц. кружки, в к-рых изучался марксизм. В один из таких кружков, организованных Н. Е. Федосеевым в Казани, осенью 1888 вступил Ленин (ему было разрешено вернуться в Казань без права поступления в ун-т). Ленин изучает осн. произведения Маркса (особенно «Капитал»), Энгельса, работы Плеханова, становится убежденным марксистом.

В Самаре, куда семья Ульяновых переехала в мае 1889, Ленин продолжает изучать и пропагандировать марксистскую теорию. В 1891 он сдает экстерном экзамены за юридич. фак-т Петерб. ун-та. Однако Ленина влечет не юридич. практика, а революц. деятельность. В Самаре Ленин определяется как профессиональный революционер. Вскоре, переехав в Петербург (1893), он становится признанным руководителем марксистов столицы.

В 90-е гг., в период строгого развития капитализма и начала подъема массового рабочего движения, важнейшей теоретич. задачей рус. марксистов было иссле-

дование обществ. строя России и определение роли различных классов в надвигающейся революции. Эта задача была осуществлена Лениным в произведениях «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893), «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893), «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894—95) и особенно в кн. «Развитие капитализма в России» (1896—99). Развитие капитализма, писал Ленин, углубляет обществ. разделение труда в России, вызывает дифференциацию мелких производителей и расширяет внутр. рынок, ведет к увеличению численности пролетариата, делает его гл. производит. силой общества; развитие капитализма делает необходимым ликвидацию скользящих его феод. отношений.

Марксистский взгляд на обществ. отношения рус. общества неизбежно сталкивался с господствовавшими в то время народнич. представлениями, к-рые к концу 19 в. стали серьезным препятствием для развития освободит. движения. Вот почему в работах Ленина 90-х гг. анализ обществ. отношений сопровождается критикой их искаженного отражения в народнич. лит-ре, а вместе с тем и критикой всей системы субъективно-идеалистич. взглядов либеральных народников. Исключит. значение в этой критике имела книга Ленина «Что такое „друзья народа“...», к-рая знаменовала собой начало нового, ленинского этапа в развитии марксизма вообще, в развитии марксистской философии в частности; в ней нашла выражение одна из осн. особенностей Ленина как философа-марксиста — блестящее умение применять общие теоретич. положения к анализу историч. действительности, к политическим задачам пролетариата. Марксизм, указывал Ленин, в самой теории внутренне и неразрывно «... соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью...» (Соч., т. 1, с. 308).

Применительно к рус. условиям 90-х гг. Ленин развил марксистскую идею гегемонии пролетариата и учение о союзниках рабочего класса в революц. борьбе, наметил задачи политич. организации пролетариата, создания самостоят. пролет. партии. Метафизич. методу мышления и субъективной социологии народников Ленин противопоставил марксистскую диалектику, в частности учение о конкретности истины, и материалистич. понимание закономерностей развития общества, роли нар. масс, классов и личности в истории. Раскрывая существо революц. переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии, Ленин особо подчеркнул методологич. значение материалистич. понимания историч. процесса: «... Идея материализма в социологии была гениальная идея... До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления... и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив „производственные отношения“ как структуру общества и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты» (там же, с. 121—22). В книге рассмотрены такие категории историч. материализма, как общественно-экономич. формация, способ произ-ва и др.

С конца 19 в., когда марксизм, как теория, наиболее адекватно отражающая историч. роль пролетариата, завоевал господствующее положение в европ. рабочем движении, враждебные марксизму обществ. учения все чаще стали маскироваться под марксизм, стремясь осуществить его ревизию; подорвать его «изнутри». Одним из таких течений в России был «легаль-

ный марксизм». В ст. «Экономическое содержание народничества...», «Некритическая критика» (1900) и др. Ленин показал несостоятельность попыток «легальных марксистов» навязать марксизму неокантианскую философию, «надклассовую» «общечеловеческую» этику. Бурж. объективизму «легальных марксистов» Ленин противопоставил партийность марксизма.

Методологич. порок «легального марксизма» и народничества, обусловленный классовой природой этих идейных течений, Ленин видел в идеализме и «абстрактном догматизме», неспособности конкретно анализировать явления действительности. Выступая против догматизма, Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» (Соч., т. 4, с. 191).

В 1895 для установления связи с группой «Освобождение труда» Ленин выезжал за границу; здесь он изучает марксистскую лит-ру, в частности конспектирует книгу Маркса и Энгельса «Святое семейство». В связи со смертью Энгельса Ленин пишет статью-некролог, в к-рой характеризует духовное развитие и историч. значение одного из основоположников марксизма.

В дек. 1895 Ленин был арестован и после 14 месяцев тюремного заключения выслан на 3 года под гласный надзор полиции в Вост. Сибирь (с. Шушенское). Здесь Ленин не прекращает теоретич. работу, пишет ряд статей и рецензий, заканчивает книгу «Развитие капитализма в России», внимательно следит за развернувшейся на страницах иностр. и рус. журналов борьбой марксистов с ревизионистами, выступает против бернштейнианства и «экономизма». В сент. 1898 он пишет А. Н. Потресову: «Обратили ли Вы внимание в „Русском богатстве“ на статьи Н. Г. (в 2-х последних книжках) против „материализма и диалектической логики“ (речь шла о статьях Житловского. — *Ред.*). Преинтересны ведь — с отрицательной стороны. Я должен сознаться, что некомпетентен в поднятых автором вопросах, и меня крайне удивляет, почему это автор „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“ (Плеханов. — *Ред.*) не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников (т. е. марксистов. — *Ред.*)» (там же, т. 34, с. 5—6). В связи с борьбой против неокантианства Ленин начинает систематически изучать историю философии. Н. К. Крупская впоследствии вспоминала: «Ильич всегда интересовался вопросами философии, занимался ею много в ссылке, знал хорошо все высказывания в этой области К. Маркса, Ф. Энгельса, Плеханова, изучал Гегеля, Фейербаха, Канта. Еще в ссылке он яро спорил с товарищами, склонявшимися к Канту, следил за тем, что писалось по этому вопросу в „Neue Zeit“, и вообще по части философии был серьезно подкован» («Воспоминания о Ленине», 1957, с. 145). Летом 1899 Ленин изучает произведения Гольбаха, Гельвеция, Гегеля, Канта, читает «Очерки по истории материализма» Плеханова, знакомится с неокантианской лит-рой (Ланге, Штаммлер и др.). В письмах Ленина этого периода упоминаются работы Маркса «Нищета философии» и к критике гегелевской философии права», «Очерки материалистического понимания истории» А. Лабриолы, журн. «Вопросы философии и психологии». Во время встреч с ссыльными товарищами Ленин обсуждает «Науку логики» Гегеля; в 1898—99

он переписывается по филос. вопросам с Н. Е. Федосеевым и с Ф. В. Ленгником, критикуя в своих письмах юмизм и кантианство (см. там же, ч. 3, 1960, с. 25; письма Ленина не сохранились). В направленной против Струве ст. «Еще к вопросу о теории реализации» (март 1899) Ленин указал на бесцелность подмены неокантианством диалектич. материализма, к-рый «...представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки» (Соч., т. 4, с. 66).

Вскоре после окончания срока ссылки (январь 1900) Ленин выезжает за границу (июль 1900); началась первая эмиграция Ленина. В декабре 1900 вышел первый номер газ. «Искра», сыгравший решающую роль в создании (в 1903) марксистской партии в России.

Накануне первой рус. революции в центре теоретич. деятельности Ленина была разработка марксистского учения о политич. партии пролетариата. В работах 1900—04 («С чего начать?», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и др.) Ленин исследует процесс формирования социалистич. идеологии и ее влияние на историч. развитие, разрабатывает учение о партии нового типа как высшей форме классовой организации пролетариата, его передовом отряде, анализирует формы классовой борьбы пролетариата, формулирует принципы организац. строения партии, действующей гл. обр. в нелегальных условиях. Именно марксистская партия, — показывает Ленин, — призвана осуществить соединение социализма с рабочим движением; возникающее в результате выработки классового сознания духовное единство пролетариата должно быть закреплено «... материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса» (Соч., т. 7, с. 383). Организац. вопросам Ленин дал глубокое теоретич. обоснование, противопоставив «теории стихийности» марксистское понимание роли субъективного фактора в истории.

Ленин продолжал внимательно следить и за филос. борьбой. В письме от 5(18) февр. 1902 к Аксельрод он просит прислать ее ст. «О нек-рых филос. упражнениях нек-рых „критиков“», рекомендует обратить внимание на статьи Чернова в «Рус. богатстве» («О субъективном методе») и Лозинского в «Sozialistische Monatshefte», к-рый «тоже хоронит материализм и восхваляет Бердяева». Судя по письму, Ленин был осведомлен о филос. спорах, к-рые велись тогда в вологодской ссылке, где находились, в частности, *Бердяев* и *Богданов*.

В работах периода революции 1905—07 Ленин гл. внимание уделяет теории революции, тактике пролетариата и его партии («Две тактики социал-демократии в демократической революции»). В революц. периоды, писал Ленин, неизмеримо возрастает роль субъективного фактора историч. процесса, роль нар. масс, продуктивность «организаторского творчества народа» (см. там же, т. 10, с. 233); причем в бурж.-демократич. революции в капиталистически развитой стране руководителем, гегемоном революц. сил выступает пролетариат, а его союзником является крестьянство. Такой союз представляет необходимое условие победы и предпосылку перерастания буржуазно-демократич. революции в социалистическую. Анализируя революц. процесс, Ленин раскрывает диалектику общего и отдельного, абстрактного и конкретного, части и целого, формы и содержания в обществ. развитии. Он указывает на многообразие форм и методов классовой борьбы пролетариата, подчеркивает, что «...марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма» (там же, т. 11, с. 187).

Ленин показывает политич. непоследовательность, абстрактный, формально-логич. метод мышления меньшевиков, их социальный фатализм, отказ от анализа своеобразия революции в России, в результате чего ортодоксальность превращалась в теории в догматизм, а в политике — в оппортунизм. Меньшевики, — писал Ленин, — «...принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действительной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, создавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов» (там же, т. 9, с. 28). В ноябре 1905 Ленин приезжает в Петербург и непосредственно возглавляет борьбу партия.

К 1906 относится одна филос. работа Ленина (не сохранилась), о к-рой он позднее писал: «Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь, — кажется, III вып. „Эмпириомонизма“. Летом 1906 г. он мне презентовал ее и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневверным путем, не марксистским. Я написал ему тогда „объяснение в любви“, письмо по философии в размере трех тетрадок... Сии тетрадки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать, под заглавием „Заметки рядового марксиста о философии“, но не собрался» (Соч., т. 13, с. 412). Решающий этап борьбы с богдановской ревизией философии марксизма наступил вскоре после поражения революции, в 1908—09.

В февр. 1907 Ленин пишет предисловие к рус. переводу писем Маркса к Л. Кугельману, в к-ром, отмечая важнейшие в теоретич. отношении места писем, уделяет гл. внимание революц. политике Маркса, указывает на необходимость рассматривать историю «... с точки зрения тех, кто ее творит...», ценить выше всего «и ст о р и ч е с к у ю и н и ц и а т и в у масс». Здесь же Ленин раскрывает соотношение теории и практики в марксизме, подчеркивая, что «... тот не марксист, кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего...» (там же, т. 12, с. 90, 88, 86 — 87).

После поражения революции, скрываясь от преследовавшей полиции, Ленин уезжает в Женеву [25 дек. 1907 (7 янв. 1908)]; началась вторая эмиграция Ленина.

В годы реакции усилилось влияние на пролетариат и его партию бурж. идеологии, в частности идеалистич. философии. Это сказалось в предпринятой Богдановым, Базаровым, Луначарским, Юшкевичем, Валентиновым и др. попытке ревизии марксистской философии, замены ее махизмом. В ст. «Марксизм и ревизионизм» (апр. 1908) Ленин показал, что в капиталистич. обществе развитие теории Маркса неизбежно сопровождается попытками ее ревизии. «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — писал он позднее, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии» (Соч., т. 14, с. 316).

Борьба против филос. ревизионизма имела междунар. значение, поскольку оппортунистич. лидеры 2-го Интернационала примиренчески относились к идеализму; пытались доказать совместимость марксизма в политике с идеализмом в философии. «Материализм, как философия, — писал Ленин, — везде у них в заго не. „Neue Zeit“, самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков... Все мещанские течения в социал-

демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии» (там же, т. 34, с. 336). Против филос. ревизионизма в годы реакции выступали Плеханов, Воровский, Горин и др. марксисты, но решающую роль в его разгроме сыграли работы Ленина, в особенности кн. «Материализм и эмпириокритицизм» (1908) — гл. филос. труд Ленина. В нем Ленин рассмотрел осн. направления бурж. философии конца 19 — нач. 20 вв. (эмпириокритицизм, неокантианство, имманентную школу, прагматизм и др.), показал их антинауч. реакц. характер, прямую связь с субъективно-идеалистич. традицией в истории философии. Ленин раскрыл филос. значение той революции в естествознании, к-рая началась на рубеже 19 и 20 вв. Обобщив с позиций диалектич. материализма важнейшие естеств.-науч. открытия, Ленин всесторонне развил осн. понятия марксистской философии (материя, опыт, истина, практика, причинность, свобода и необходимость и др.), выдвинул мысль о неисчерпаемости материи, подтверждаемую всем дальнейшим развитием естествознания. Определяя материю как объективную реальность, данную нам в ощущениях, и указывая на ее первичность по отношению к сознанию, Ленин вместе с тем подчеркивал, что абс. противоположность материи (бытия) и сознания (мышления) ограничивается пределами «основного гносеологического вопроса», что «за этими пределами относительность данного противопоставления несомненна» (там же, т. 14, с. 134, 135). Этот аспект в решении осн. вопроса философии явился предпосылкой развитой Лениным впоследствии материалистич. трактовки активной роли сознания в процессе познания и практич. изменения человеком объективной действительности. Исследуя процесс познания, Ленин показал плодотворность применения диалектики к теории отражения. Ощущение есть субъективный образ объективного мира, содержание наших знаний не зависит от субъекта, познание есть процесс развития относительной объективной истины в абсолютную. «Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» (там же, с. 122).

Книга Ленина — образец марксистской партийности в философии, показывающий, как за «гносеологической схоластикой» бурж. философии нужно уметь видеть «...борьбу партий в философии, борьбу, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества» (там же, с. 343).

В связи с 80-летием Л. Толстого Ленин пишет статью «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908), к-рая наряду с работой «Партийная организация и партийная литература» (1905), статьями о Толстом 1910, письмами к М. Горькому, И. Арманд и др. имеет важное значение для марксистской эстетики; здесь обосновывается принцип партийности лит-ры и иск-ва, рассматривается их роль в классовой борьбе пролетариата, специфика и социальное содержание художеств. творчества.

Переехав в Париж (дек. 1908), Ленин в связи с подготовкой к изданию книги «Материализм и эмпириокритицизм» продолжает заниматься философией, следит за новейшей филос. лит-рой. Его внимание привлекают гл. обр. филос. вопросы естествознания и лит-ра о различных направлениях бурж. философии того времени (см. Соч., т. 38, с. 42—47). В начале янв. 1909 Ленин выступает с лекциями по философии в большевистском кружке в Париже.

Для борьбы против различных филос.-религ. течений, усилившихся в России в годы реакции (богострой-

тельство, богоискательство и др.), для развития науч. атеизма вообще исключит. значение имели статьи Ленина «Об отношении рабочей партии к религии» (май 1909) и «Классы и партии в их отношении к религии и церкви» (июнь 1909). В борьбе с религией, подчеркивал Ленин, недостаточно «абстрактно-идеологической проповеди», ибо гл. основой ее в бурж. обществе являются социальные причины, к-рые можно устранить, лишь уничтожив само это общество. Идеиная, теоретич. борьба должна быть подчинена решающей форме классовой борьбы пролетариата — борьбе политической. «Отделять абсолютной, непреходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т. е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, — значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности» (там же, т. 15, с. 375—76).

В июне 1912 Ленин переезжает в Краков, откуда было удобнее осуществлять руководство работой партии в России. В работах этого времени («Критические заметки по национальному вопросу», 1913; «О праве наций на самоопределение», 1914; «О картатуре на марксизм...», 1916, и др.) Ленин развивает данное Марксом и Энгельсом решение нац. вопроса применительно к эпохе империализма и назревавшего в Европе революц. кризиса. Одновременно Ленин пишет ряд произведений, в к-рых разрабатывает вопросы истории обществ. мысли в связи с развитием освободит. движения. В ст. «Памяти Герцена» (1912) он выдвигает марксистскую концепцию развития рус. освободит. движения, указывая на три осн. его этапа (дворянский, бурж.-демократич. и пролетарский). Подчеркивая «великое значение революционной теории» (Соч., т. 18, с. 15), Ленин показывает, как прогрессивная обществ. мысль России развивалась по мере роста освободит. движения; в статье дана высокая оценка филос. взглядов Герцена, к-рый «...вылотно подошел к диалектическому материализму и остановился — перед историческим материализмом» (там же, с. 10). В ст. «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (март 1913) Ленин дает периодизацию истории марксизма, а в ст. «Три источника и три составных части марксизма» (март 1913) анализирует историю. корни марксистской теории, к-рая возникла «... как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма» (там же, т. 19, с. 3). В 1913 Ленин составляет подробный конспект изданной в четырех томах переписки Маркса и Энгельса, начинает писать статью о ней. В ленинском «Конспекте „Переписки“ К. Маркса и Ф. Энгельса» выписан ряд мест о значении диалектики, об оценке различных философов.

В годы первой империалистич. войны Ленин ведет борьбу за объединение интернационалистов всех стран. за создание Коммунистич. Интернационала. В работах этого периода Ленин раскрыл причины политич. и идейного краха 2-го Интернационала, показав не только социальную природу социал-шовинизма и каутскианства как политич. течений, проводивших бурж. влияние в рабочем движении, но и их гносеологич. корни — догматизм и бурж. объективизм, подмену диалектики вульгарным эволюционизмом, софистикой и эклектикой, непонимание изменившегося характера капитализма и т. п.

Политич. борьба Ленина была тесно связана с теоретич. работой. В ноябре 1914 он закончил для Энциклопедич. словаря Гранат ст. «Карл Маркс». «В связи с писанием глав о философском материализме и диалектике Ильич стал опять усердно переписывать»

тывать Гегеля и других философов и не бросил эту работу и после того, как окончил работу о Марксе», — писала Н. К. Крупская («Воспоминания о Ленине», 1957, с. 239). На первый план в теоретич. занятиях Ленина выдвигается диалектика, ее осн. категории, ее история и отношение к практике. Ленин конспектирует «Науку логики» и параллельно первую часть «Энциклопедии филос. наук» Гегеля, его «Лекции по истории философии» и «Лекции по философии истории», сочинения Фейербаха («Изложение, анализ и критика философии Лейбница») и Ф. Лассалля («Философия Гераклита Темного из Эфеса»), «Метафизику» Аристотеля и ряд др. книг по философии и естествознанию. Эти конспекты и заметки составили содержание восьми тетрадей, озаглавленных Лениным «Тетрадки по философии (Гегель, Фейербах и разное)»; к этой серии относятся и написанный ранее конспект «Лекций о сущности религии» Фейербаха. Ленинские филос. конспекты, фрагменты, заметки 1914—15 (их изучение позволяет предположить, что Ленин собирался написать спец. труд о диалектике) имеют огромное значение для развития марксистской философии, указывая пути «...диалектической обработки истории человеческой мысли, науки и техники» (Соч., т. 38, с. 136). Идеалистич. диалектика Гегеля, диалектич. идеи Гераклита, Лейбница и др. философов служат Ленину исходным материалом для разработки материалистич. диалектики как единственно правильной теории развития, к-рая «...дает ключ к „самодвижению“ всего сущего» (там же, с. 358), формулирует «общие законы движения мира и мышления» (там же, с. 165). Из них Ленин особо выделяет закон единства и борьбы противоположностей — «сущность», «ядро» диалектики, подчеркивая относительность единства противоположностей и абсолютность их борьбы. В ленинских конспектах и фрагментах развито дальше учение об активности сознания, сформулировано важнейшее положение марксистской философии о единстве диалектики, логики и теории познания, раскрывающее единство онтологич. и гносеологич. аспектов законов и категорий диалектики. Проследившая сложный, «спиралеобразный» путь познания, Ленин показывает, как мышление от отражаемых непосредственно в ощущениях и представлениях отд. вещей восходит к абстрактным понятиям, фиксирующим существенные стороны, связи, отношения предмета и опосредствованно отражающим его природу «глубже, вернее, полнее». Диалектич. познание, сущность к-рого — «развертывание всей совокупности моментов действительности», не ограничивается выработкой абстракций, а движется дальше по пути восхождения от абстрактного к конкретному, воспроизведения в мышлении конкретного как «единства многообразного» (М а р к с). При этом, указывает Ленин, мышление не может охватить объективную истину в отрыве от практики — основы, цели и критерия истинности знания. Большое внимание уделил Ленин взаимоотношению теории и истории познания, законов мышления и процесса их формирования, истории мысли с т. зр. развития и применения категорий совр. логики, к-рая есть «... итог, сумма, вывод и ст о р о н и познания мира» (там же, с. 81). Развивая осн. положения марксистской историко-филос. концепции, Ленин подчеркивает необходимость строгой историчности в оценке филос. учений прошлого, выдвигает важнейший принцип выявления как их гносеологич., так и социальных, классовых корней. Обобщающая характеристика процесса познания дана во фрагменте «К вопросу о диалектике». Конспекты, заметки и фрагменты по вопросам философии за период 1914—15 являются осн. частью «Философских тетрадей».

Работа Ленина над проблемами философии имела большое значение для анализа империализма, для

дальнейшего развития теории социалистич. революции; исследование осн. законов и категорий диалектики способствовало выработке политики партии в условиях войны и краха 2-го Интернационала, в условиях подготовки и проведения Октябрьской революции 1917. «Диалектика, — писал Ленин, — требует всестороннего исследования данного общественно-го явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе» (Соч., т. 24, с. 193—94). Такое исследование монополистич. стадии капитализма было выполнено Лениным в ряде работ 1915—16 и прежде всего в кн. «Империализм, как высшая стадия капитализма». На основе анализа империализма как высшей и последней стадии развития капитализма, кануна социалистич. революции, Ленин разработал учение о революционной ситуации, развил дальше марксистскую теорию революции. Еще раньше (ст. «Марксизм и ревизионизм») Ленин опроверг одну из осн. догм 2-го Интернационала, показав, что для осуществления пролетарской революции вовсе не обязательна пролетаризация большинства населения страны. В ст. «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (август 1915) он выдвинул положение, к-рое блестяще подтвердилось развитием мировой революции: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой, капиталистической стране» (там же, с. 311). В работе «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“» Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» (там же, т. 23, с. 58).

В конце 1916 в Цюрихе Ленин начинает работать над вопросом об отношении марксизма к гос-ву, к-рый выдвинулся на первый план развитием революции в России и революц. кризисом в Зап. Европе.

Узнав о Февральской революции 1917, Ленин сразу принимает меры для возвращения на родину. Он пишет для «Правды» пять «Писем издалека» (опубликовано тогда было только первое), в к-рых говорит о неизбежности перерастания бурж.-демократич. революции в социалистическую и рассматривает вопросы пролетарского гос. устройства.

3(16) апреля 1917 Ленин приезжает в Петроград. В написанных на другой день «Апрельских тезисах» Ленин провозгласил курс на победу социалистич. революции, выдвинул идею республики Советов как гос. формы диктатуры пролетариата, наметил ряд политич. и экономич. преобразований, к-рые она должна осуществить. Перед партией Ленин поставил важнейшую политич. задачу: завоевание большинства в Советах. «Чтобы стать властью, — писал он, — сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону...» (Соч., т. 24, с. 21). Буржуазия не в состоянии вывести страну из катастрофич. положения, сделать это может лишь «...союз беднейшего крестьянства, т. е. большинства крестьян, с пролетариатом» (там же, т. 25, с. 339). Ленин намечает социально-экономич. мероприятия, к-рые гос-во рабочих и крестьян должно провести в жизнь в первую очередь, указывает на материальные предпосылки социализма, созданные развитием капитализма («Грозящая катастрофа и как с ней бороться», сент. 1917, «Удержат ли большевики государственную власть?», сент.—окт. 1917, и др.). В борьбе против реформизма и анархизма Ленин защищает и развивает марксистское учение о революции, о диктатуре пролетариата,

о путях построения бесклассового общества и фаз его развития, об отмирании гос-ва («Государство и революция», 1917). В ходе социалистич. революции пролетариат уничтожает диктатуру буржуазии, ломает старую гос. машину и создает гос-во диктатуры пролетариата, к-рое уже не есть гос-во в собств. смысле слова, во-первых, потому, что функции подавления (эксплуататоров) оно осуществляет при непосредств. поддержке трудящегося большинства народа, и, во-вторых, потому, что оно принимает на себя прежде несвойственные гос-ву функции руководства экономикой и воспитания масс, к-рые по мере уничтожения эксплуататорских классов начинают играть решающую роль. Диктатура пролетариата есть демократия для большинства народа; дальнейшее развитие демократии, ликвидация всех классовых различий и перевоспитание человека в процессе построения коммунистич. общества делают ненужным как политическое, так и экономич. принуждение настолько, что государство как особый аппарат принуждения постепенно отмирает. В борьбе против оппортунистич. искажения марксистского учения о гос-ве Ленин указал на недопустимость подмены диалектики софистикой и эклектикой. «Такая замена, конечно, не новость,—писал он,—она наблюдалась даже в истории классической греческой философии. При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и проч., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» (там же, с. 372). К вопросу о государстве Ленин неоднократно возвращался и после Октябрьской социалистической революции (в лекции «О государстве», июль 1919, в плане брошюры «О диктатуре пролетариата», сент.—окт. 1919, и др.).

Ленин был вождем Октябрьской социалистич. революции, ознаменовавшей собой новую эру в истории человечества — эру строительства бесклассового общества. По инициативе Ленина, возглавившего первое Сов. пр-во, были приняты первые декреты, созданы осн. органы Сов. гос-ва. Революция сломала старую гос. машину, поставила перед пролетариатом задачу научиться управлять страной. Решая важнейшие теоретич. проблемы социалистич. строительства, Ленин практически руководил созданием пролетарского гос-ва. Залог победы социализма Ленин видел в историч. творчестве трудящихся масс.

В работах этого периода Ленин раскрыл творческий, созидат. характер социалистич. революции, определил ее осн. задачи — построение совр. экономики и коммунистич. воспитание масс. С победой революции ленинская политика партии большевиков, методологич. основанием к-рой является материалистич. диалектика, стала политикой Сов. гос-ва. «... Наступил именно тот исторический момент,—писал Ленин,—когда теория превращается в практику, оживает, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...» (Соч., т. 26, с. 373—74). Ленин сформулировал основы внешней политики социалистич. гос-ва в период, «... когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства» (там же, т. 30, с. 24), и показал, что принцип *мирного сосуществования* является и будет являться основным в отношениях Сов. гос-ва с капиталистич. странами. Указывая на огромное революционизирующее влияние первого в мире социалистич. гос-ва, Ленин вместе с тем решительно отверг авантюристич. идею «подталкивания», «экспорта» революции.

Разрабатывая основы экономич. политики диктатуры пролетариата («Очередные задачи Советской власти», март—апр. 1918; «О „левом“ ребячестве и мелко-

буржуазности», май 1918, и др.), Ленин видел в осуществлении всенародного учета и контроля, в повышении производительности труда, организации соревнования необходимые условия перехода к планомерному социалистич. строительству, то «собое звено» в цепи историч. событий, ухватившись за к-рое можно «удержать всю цепь», осуществить социалистич. преобразование России. Этот переход,—писал Ленин,— и есть тот «скачок из царства необходимости в царство свободы», о котором говорил Энгельс (см. Соч., т. 27, с. 243). Развивая теорию науч. коммунизма, Ленин указал на принцип демократич. централизма как основу хозяйств. строительства в условиях диктатуры пролетариата; анализируя пять общественно-экономич. укладов, существовавших в России в начале переходного периода от капитализма к социализму, Ленин подчеркнул необходимость использовать различные формы «государственного капитализма», имея в виду неизбежную победу социалистич. уклада.

По инициативе Ленина в 1919 был основан Коммунистич. Интернационал. Ленин явился вождем междунар. коммунистич. движения, автором осн. положений его стратегии и тактики. Обобщая опыт социалистич. революции в России, Венгрии и др. странах, он развил тезис о разнообразии форм перехода к социализму, разработал тактику единого рабочего фронта в борьбе против капитализма.

Большое внимание уделил Ленин зародившимся уже в первые годы революции формам *коммунистической труда*, анализу к-рых посвящена его работа «Великий почин» (июнь 1919). «Коммунизм,—писал в ней Ленин,—есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих» (Соч., т. 29, с. 394). Важнейшее значение имеет данное в этой работе определение классов.

Обобщая двухлетний опыт Сов. власти, анализируя и развивая понятие диктатуры пролетариата как социалистич. гос-ва переходного периода, рассматривая соотношение диктатуры и демократии и т. п., Ленин указывал на руководящую роль партии в системе диктатуры пролетариата и на необходимость укрепления союза пролетариата с крестьянством, в к-ром он видел осн. условие для победы социализма («О диктатуре пролетариата», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», окт. 1919, и др.).

Ленин выступил против возросшей в коммунистич. движении опасности «левого» оппортунизма, раскрыл его мелкобурж. природу и сектантский характер, догматизм и субъективизм, незнание диалектики или неумение применять ее в политике пролетарских партий («Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», апр.—май 1920). Разрабатывая основы стратегии и тактики междунар. коммунистич. движения в новых условиях, Ленин указал на растущее значение революц. теории, к-рая «... не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» (там же, т. 31, с. 9). В опыте политич. борьбы большевистской партии Ленин видел «образец тактики для всех».

Когда Богданов и его сторонники возродили выдвинутый ими еще в годы реакции лозунг «пролетарской культуры», Ленин раскрыл реакционность попыток отгородить культуру пролетариата от лучших традиций общечеловеч. культуры, развил теорию социалистич. культуры. Определяя осн. задачи культурной революции, Ленин показал, что строители коммунистич. общества необходимо должны овладеть всеми богатствами культуры, выработанной человечеством в его историч. развитии («Задачи союзов молодежи», окт. 1920).

Осенью 1920 Сов. республика победоносно закончила гражд. войну; на первый план выдвинулись задачи «... переорганизации самых основ экономики России...» (там же, с. 467). Партии предстояло убедить широкие массы рабочих и крестьян в правильности социалистич. методов преобразования экономики, привлечь их к активному участию в планомерном хозяйств. строительстве. Это требовало усиления руководящей роли пролетариата в его союзе с крестьянством, в связи с чем особое значение приобретали профессиональные союзы. В работах «О профессиональных союзах...» (дек. 1920), «Еще раз о профсоюзах...» (январь 1921) и др. Ленин, критикуя разного рода оппозиционеров, доказал, что профсоюзы «... есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма» (Соч., т. 32, с. 2). Софистике и эклектицизму фракционеров, «формальной, схоластической» логике, с позиций к-рой они подходили к анализу действительности, Ленин противопоставил логику «диалектическую». «Чтобы действительно знать предмет, — писал Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, „самодвижении“ (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В 4-х, диалектическая логика учит, что „абстрактной истины нет, истина всегда конкретна“...» (там же, с. 72).

При переходе к мирному строительству Ленин разработал новую экономич. политику как единственно возможную в условиях преобладания мелкотоварного произ-ва форму строительства социализма [«О продовольственном налоге», апр. 1921; выступления на X съезде, IX конференции РКП(б) и др.].

В марте 1922 Ленин написал для журн. «Под знаменем марксизма» ст. «О значении воинствующего материализма», в к-рой дана программа деятельности коммунистов на теоретич. фронте. Внимательное изучение достижений естествознания, разоблачение бурж. философии, сплошь и рядом спекулирующей на этих достижениях, творч. изучение теоретич. наследия прошлого, всестороннее развитие диалектики, последоват. борьба с религией — вот важнейшие пункты этой программы. Ленин обосновал необходимость союза философов-марксистов с представителями совр. естествознания, так как «... без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания» (там же, т. 33, с. 207). В истории философии, изучение к-рой необходимо для овладения законами диалектич. мышления, Ленин особо выделил диалектику Гегеля, призывая изучать ее «с материалистич. точки зрения» и развивать дальше, применяя к совр. экономич. и политич. отношениям, к новейшим открытиям естествознания.

Обобщая опыт нац. строительства, Ленин выдвинул идею создания СССР, разработал принципы построения единого многонац. социалистич. гос-ва как добровольного союза суверенных наций. Ленин внес новый элемент в теорию социалистич. революции, указав на значение нац.-освободит. борьбы народов Востока для освобождения всех трудящихся.

Будучи уже больным, Ленин продиктовал ряд документов («Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о нацио-

нальностях...»), в к-рых рассмотрел важнейшие вопросы внутр. политики, предложил предпринять «ряд перемен в нашем политическом строе» (Соч., т. 36, с. 543), укрепить единство партии, усовершенствовать парт. и гос. аппарат. Особое значение Ленин придавал правильной нац. политике, указывая на ее значение не только для Союза советских республик, но и для колониальных и зависимых народов. Давая характеристику членам ЦК, Ленин указал на личные недостатки Сталина и предложил заменить его на посту генерального секретаря партии.

К январю—февралю 1923 относятся последние статьи Ленина: «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О нашей революции», «Лучше меньше, да лучше». В них Ленин вновь обратил внимание коммунистов на вред догматического, педантского подхода к марксистской теории, призывал их глубже овладеть революц. диалектикой. Подчеркивая общие и специфич. черты социалистич. революции в России, Ленин показал, что страна имеет все необходимые предпосылки для построения бесклассового общества, и разработал генеральный план социалистич. строительства, осн. моментами к-рого были: укрепление союза рабочего класса и крестьянства; индустриализация страны при условии преимуществ. развития тяжелой промышленности; кооперирование с. х-ва; культурная революция; проведение правильной нац. политики, укрепление СССР — добровольного союза наций, объединившихся для строительства бесклассового общества; совершенствование гос. аппарата, привлечение к управлению гос-вом непосредственно рабочих и крестьян; укрепление идейного и организац. единства Коммунистич. партии.

Из филос. вопросов в последних работах Ленина преимущественное внимание уделяется проблемам историч. материализма, в частности закономерностям переходного периода от капитализма к социализму.

Творч. развитие Лениным диалектич. и историч. материализма, дальнейшая разработка учения о материи и ее свойствах, законов и категорий диалектики, проблем теории познания, закономерностей обществ. развития, филос. вопросов естествознания, проблем этики, эстетики, науч. атеизма составило новый, ленинский этап в истории марксистской философии.

После смерти Ленина его учение продолжает развиваться КПСС и др. марксистскими партиями. Жизненность ленинизма подтверждается прогрессом мировой системы социализма, всего междунар. коммунистич. движения.

Н. Колюков. Москва.

С о ч.: Соч., 4 изд., т. 1—40, М., 1941—59; Полное собр. соч., т. 1—49, М., 1958—1964 (изд. продолжается). Хронологич. указатель произв. В. И. Ленина, ч. 1—2, М., 1959—62. Вспомогательные указатели к хронологич. указателю произведений В. И. Ленина, М., 1963.

Лит.: О ленинском этапе в развитии марксистской философии.

В а с к и н М., Ленин как материалист и диалектик, М., 1924; Быстрянский В., Ленин, как материалист-диалектик, Л., 1925; Невский В. И., В. И. Ленин как материалист в своих первых работах, 2 изд., М.—Л., 1925; е го же, Борьба В. П. Ленина на философском фронте в годы реакции, в сб.: Старый большевик, октябрь — декабрь, 5 (8), М., 1933; В а рь я ш А., Диалектика у Ленина, М.—Л., 1928; Д е б о р и н А., Ленин как мыслитель, 3 изд., М.—Л., 1929; Л у п п о л И., Ленин и философия, 3 изд., М.—Л., 1930; А д о р а т с к и й В. В., О занятиях Ленина философией, «Большевик», 1930, № 2, а также в кн.: А д о р а т с к и й В. В., Избр. произв., М., 1961; е го же, О значении работ Ленина для философии, «Пролетарская революция», 1930, № 10, а также в кн.: А д о р а т с к и й В. В., Избр. произв., М., 1961; Г о р о х о в, Ленин и философия, «Партработник», 1931, № 2 (80); Ш и р о к о в И., Ранний период философского развития Ленина (90-е годы), «Проблемы марксизма», 1934, № 1; Вопросы марксистско-ленинской философии (из философского наследия В. И. Ленина), в сб.: Уч. зап. кафедры истории философии Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, вып. 21, М., 1956; Х а ч а т у р я н А. В., К вопросу о ленинском этапе в развитии материалистической диалектики, в кн.: Уч. зап. Моск. пед. ин-та, т. 113, вып. 2, 1957; Вопросы

марксистской философии в трудах В. И. Ленина, Сб. ст., Минск, 1958; Голосов В. Ф., Возникновение ленинизма - новый этап в развитии марксистской философии, Красноярск, 1958; Вопросы диалектич. материализма в трудах В. И. Ленина, в сб.: Уч. зап. Челябинского пед. ин-та, т. 7, Кафедра философии, вып. 1, 1959; Борьба В. И. Ленина за конструирующий материализм и революционную диалектику, Сб. ст., М., 1960; Вартанян Г. М., О ленинском этапе в развитии философии марксизма, Ер., 1960; Иовчук М. Т., Великое теоретич. наследие В. И. Ленина и совр. проблемы философии, «Философские науки» (Науч. докл. высшей школы), 1960, № 3; Констатинов Ф. В., Ленин и современность, «Коммунист», 1960, № 5; Митин М. Б., Разработка филос. наследия В. И. Ленина - важнейшая наша задача, в кн.: Митин М. Б., Философия и современность, М., 1960; Чагин Б. А., Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии, М., 1960; История философии, т. 5, М., 1961, с. 9-288; Владимир Ильич Ленин, Биография, М., 1953; J e r o m e V., Lenin's method - guide to the grasp of reality, «Political Affairs», 1946, v. 25, № 4; G a r a u d y R., Lénine et la philosophie, «Cahiers du Communisme», 1949, № 4; C a v e i n g M., Lénine, philosophe et savant, там же, 1954, № 11-12; D e s a n t i J.-T., Lénine et la philosophie, там же, № special; K ö s i n g A., Für die schöpferische Aneignung des philosophischen Erbes Lenins, «Einheit», 1956, № 7; Lénine philosophe et savant, P., 1957; S r o v n a l J., Leninská epocha ve filozofii, «Nová Myсль», 1959, № 1; N o w i n s k i C., Filozofia zaangażowania, «Kultura i społeczeństwo», 1960, № 1-2; «Философская Мысль», 1960, № 2; P o n i a t o w s k i Z., Lenin a naukowe filozofii, «Kwart. Historii Nauki i Techniki», 1961, № 1; P a s t o r e A., La filosofia di Lenin, Mil., 1946; P a n n e k ö e k A., Lenin as philosopher. A critical examination of the philosophical basis of Leninism, N. Y., 1948; H u g h W. B., Soviet legal philosophy, by V. I. Lenin (and others), with an introduction by John N. Hazard, Oxf., 1951; L e f e b v r e H., La pensée de Lénine, P., 1957; M e y e r A., Leninism, Camb. (Mass.), 1957; C h a s s i n L. M., De Nietzsche à Lénine, «Rev. Défense Nationale», 1962, année 18, octobre; K a u t s k y B., Lenins Erbschaft, «Zukunft», 1962, № 1-4.

Проблема партийности философии. Основные этапы борьбы Ленина против философского ревизионизма и буржуазной философии.

С и р и д о в и ч Е., Ленин и махизмы, [Симферополь], 1924; Ю д и н П., Ленин и филос. дискуссия 1908-1910 гг., «Под знаменем марксизма», 1931, № 9-10; Г о р ш а с т е й Т. Н., Ленин в борьбе с махизмом, М.-Л., 1935; Х а с х а ч и Ф., Борьба В. И. Ленина против махизма, «Сов. наука», 1939, № 1; е г о ж е, Учение Ленина о партийности философии, «Вестн. ЛГУ», 1949, № 7; В о с т р и к о в А., Борьба Ленина против неокантианской ревизии марксизма в России, [М.], 1949; С у в о р о в С. Г., Критика В. И. Лениным махизма и борьба против совр. «физич.» идеализма, в сб. ст.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1952; К у л и к о в Е. С., Борьба В. И. Ленина за диалектич. материализм против либерального народничества, в кн.: Уч. зап. пед. ин-та. Вып. 8. Кафедры истории и филос. наук, [Волгоград], 1957; А х р е м ч и к М. Н., Борьба В. И. Ленина против реакц. социологии махизма, в кн.: Тр. ин-та философии АН БССР, вып. 1, Минск, 1958; В а й с м а н А. М., Обоснование и развитие В. И. Лениным марксистского принципа партийности в освещении обществ. идей и теорий, (Период борьбы В. И. Ленина против «злегалного марксизма»), Таш., 1959; К р у ж к о в В. С., В. И. Ленин о партийности философии, «Вопр. философии», 1959, № 6; О к у л о в А. Ф., Борьба В. И. Ленина против философии реформизма и ревизионизма, М., 1959; Ш е с т а к о в М. Г., Борьба В. И. Ленина против идеалистич. социологии народничества, 2 изд., М., 1959; А с е в Ю. А., Методология. основы ленинской критики социально-политич. содержания позитивизма, «Вестн. ЛГУ», № 11. Серия экономики, философии и права, вып. 2, 1960; Б о ч к а р е в Н. И., Некоторые вопросы критики В. И. Лениным идеологии буржуазного либерализма в России (1907-1914 гг.), в сб. ст.: Очерки по истории философии в России, М., 1960; Б у т е н к о А. А., Критика В. И. Лениным идеалистич. эмпиризма по осн. гносеологии. Вопросу, в кн.: Тр. учебн. ин-тов связи, вып. 2, Л., 1960; П о п о в С. П., Борьба В. И. Ленина против неокантианской ревизии марксистской философии и значение этой борьбы для современности, в сб. ст.: Очерки по истории философии в России, [М.], 1960; П у н д а Г. В., Критика В. И. Лениным филос. осн. ревизионизма, в кн.: Сб. ст., посвященных 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, Ростов-на-Дону, 1960; Р а с у л о в Т. А., Критика В. И. Лениным позитивистской социологии в 90-е годы XIX века, Баку, 1960; Ч е р к а с о в И. И., В. И. Ленин о причинах возникновения и классовой сущности ревизионизма, в сб.: Уч. зап. Моск. физико-технического ин-та. Труды кафедры марксизма-ленинизма, 1960, № 6; В а с е ц к и й Г. С., Развитие В. И. Лениным марксистской философии в борьбе с ревизионизмом (1907-1913 гг.), М., 1961; Д у б о р о в с к и й Д. И., К вопросу о критике В. И. Лениным прагматизма, «Вопр. философии», 1962, № 4; М и т и н М. Б.,

В. И. Ленин и борьба против совр. позитивизма, в сб. ст.: Философия марксизма и неопозитивизма. Вопросы критики совр. позитивизма, М., 1963; G h i o l d i R., Los partidos en filosofia, «Cuadernos de Cultura», 1957, № 32; В о б о с А., Actualitatea luptei lui V. I. Lenin împotriva pozitivismului, «Cercuri Filosofice», 1960, anul 7, № 2; Б е р б а т о в Н., Ленинский принцип за партийности философия и естествознания, «Народна провета», 1960, № 4; H e i n z e A., Lenins Kampf gegen den Revisionismus. Vortrag anlässlich des 90. Geburtstages von W. I. Lenin, Lpz., 1960; M o l s k a A., Lenin i problemy sociologii, в сб.: Filozofia i sociologia XX wieku (Seria Myśli i Ludzie. 2. Filozofia nowożytna współczesna, Warsz., 1962.

Развитие диалектического материализма.

Е г о р ш и н В., Диалектика у Ленина и народники, «Под знаменем марксизма», 1928, № 1; Б а м м е л ь Г., Ленин и проблема логики в марксизме, там же, 1929, № 4; А к с е л ь р о д Л., О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения, там же, 1934, № 4; К о п н и н П. В., В. И. Ленин о способности отражения как свойстве материи, в сб.: Тр. Сиб. физ.-техн. ин-та Томского ун-та, вып. 32, 1953; Р о з е н т а л ь М. М., В. И. Ленин о задачах и принципах разработки диалектич. логики, «Вопр. философии», 1955, № 2; Г а р б е р Л. Е., Некоторые вопросы диалектич. метода в работах В. И. Ленина 1914-1916 гг., в кн.: Тр. Среднеаз. ун-та, вып. 106, Филос. науки, кн. 1, Таш., 1957; Е р и ч е в Л. И., Ленинское понятие материи и его значение для борьбы с идеалистич. теорией познания, «Вестн. ЛГУ», № 11. Серия экономики, философии и права, вып. 2, 1956; С и т к о в с к и й Е. П., Ленин о совпадении в диалектич. материализме диалектики, логики и теории познания, «Вопр. философии», 1956, № 2; А р х и п ц е в Ф. Т., В. И. Ленин о научном понятии материи, М., 1957; Д е к а н о с и д з е Д. Д., Раздвоение единого и познание противоречивых частей его в свете ленинского филос. наследия, в кн.: Уч. зап. Дагестан. женского пед. ин-та, т. 1, Махач-Кала, 1957; С у в о р о в Л. Н., Развитие В. И. Лениным диалектич. метода марксизма в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.), М., 1957; е г о ж е, Развитие В. И. Лениным марксистской диалектики в послеоктябрьский период, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1960, № 1; А з а р е н к о Е. К., В. И. Ленин о двух концепциях развития, в кн.: Сб. научн. тр. Минск. мед. ин-та. Кафедра обществ. наук, т. 22, 1958; В о л о б у е в П. В., Вопросы диалектики в работах В. И. Ленина о Великой Октябрьской социалистич. революции, «Вопр. философии», 1958, № 4; Х а р и н Ю. А., В. И. Ленин о законе отрицания отрицания, Тр. Куйбышевского инженерно-строительного ин-та, вып. 6, Кафедра общ. наук, 1958; Ш е п т у л и н А. П., В. И. Ленин о категориях как ступенях процесса познания, Красноярск, 1958; В и б л е р В. С., К ленинскому определению филос. понятия материи, в сб.: Уч. зап. Тадж. ун-та, т. 24, Труды кафедры философии, вып. 3, [Душанбе], 1959; М а н ь к о в с к и й Л. А., В. И. Ленин о диалектике, логике и теории познания, М., 1959; Т а в а д з е И. К. и К а л а н д а р и ш в и л и Г. М., В. И. Ленин о «Науке логики» Герселя, Тб., 1959; В а р т а н я н Г. М., Развитие В. И. Лениным марксистской теории отражения, Ер., 1960; В и н о г р а д о в В. Г., В. И. Ленин о причинности, М., 1960; В о с т р и к о в А. В., Развитие Лениным марксистской теории познания, в кн.: Великая сила ленинских идей, М., 1960; К о з л о в с к и й В. Е., В. И. Ленин о диалектике противоречий, М., 1960; М а л ь ц е в В. И., В. И. Ленин о диалектике отражения внешнего мира, М., 1960; М о л ч а н о в И., В. И. Ленин и решение вопроса об абсолютном и относительно противопоставлении материи и сознания, в кн.: Всенобеждающие идеи, [Ростов-на-Дону], 1960; М о с к а л е н к о Ф. Я., В. И. Ленин о познании значения индукции и индуктивных выводов, в кн.: Гносеология. содержание логики, форм и методов. Сб. науч. тр. кафедры философии ин-та повышения квалификации преподавателей обществ. наук при Киев. ун-те, 1960; Н и к и т и н А. Г., Критика В. И. Лениным релятивизма, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1960, № 1; С в и д е р с к и й В. И., О ленинском понимании природы движения и его значения для борьбы с метафизикой, «Вестн. ЛГУ», № 11. Серия экономики, философии и права, вып. 2, 1960; С к у д а р ь М. К., В. И. Ленин о материалистич. и идеалистич. понимании опыта, в кн.: Уч. зап. кафедры диалектич. и историч. материализма ВПШ при ЦК КПСС и местных ВПШ, вып. 2, М., 1960; Ц е р е т е л и С. Б., К ленинскому пониманию диалектич. природы истины, «Вопр. философии», 1960, № 4; е г о ж е, Некоторые вопросы ленинского понимания истины, Тб., 1960 (на груз. яз.); Ш е г л о в А. В., Из истории борьбы В. И. Ленина за диалектич. материализм, Пермь, 1960; С к в о р ц о в Л. В., В. И. Ленин о единстве познания и практики, М., 1961; Ж о ж а А., В. И. Ленин о разработке диалектич. логики в связи с общим развитием логики, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1962, № 1, 2; Б а з и л е в с к и й Б. И., В. И. Ленин об элементах диалектики, в сб. ст.: Развитие В. И. Лениным теории марксизма, М., 1962; З н а м е н с к а я Л. И., Развитие В. И. Лениным материалистич. теории познания, там же; К а н т е м и р о в Д., Борьба В. И. Ленина против идеализма и метафизики в теории познания, Аляма-Ата,

1963; Розенталь М. М., Ленин и диалектика, М., 1963; Eilstein H., Leninowskie pojęcie materii a idealizm fizyczny, «Mysl Filozoficzna», 1953, № 4 (10); Аврамов Д., Развитие на марксистската гносеология от В. И. Ленин, «Философска Мисъл», 1955, № 3; Гиргинов Г., В. И. Ленин за диалектика на познавателния процес, там же, № 2; Apostol P., Pentru valorificarea moștenirii leniniste în problema dialecticii noțiunilor, «Cercetări Filozofice», 1956, anul 3, [№] 3; Giudici E., La teoría del reflejo y la lógica según Lenin, Problemas actuales, «Cuadernos de Cultura», 1957, año 7, № 28; Zwicklin K., Der Leninsche Materiebegriff und seine Bestätigung durch die moderne Atomphysik, 14 Aufl., B., 1958; Redlow G., Lenin über den marxistischen philosophischen Begriff der Materie, «Dtsch. Z. Philos.», 7 Jg., 1959, H. 2; Rochhausen R., Gegen eine Erweiterung oder Einengung des Leninschen Materiebegriffs, там же; Добрянков В., Ленин и някои проблеми на диалектиката логика, «Ново Време», 1960, [№] 4; Ghiseld., V. I. Lenin și gnozeologia materialist-dialectică, «Stea», 1960, anul 9 (122), [№] 4; Măchăk K., Mlîkóvský V., Zivý Lenin, «Filosofický Casopis», 1960, ročník 8, № 3; Вадяна, Ленинската теория на отражението против съвременната буржоанска философия, «Философска Мисъл», 1960, № 6; Caszkowski Z., O stosunkach poglądów gnozeologicznych Lenina i Plechanowa, «Studia Filozoficzne», 1960, № 1 (16); Lombardi F. V., La dialettica come prassi rivoluzionaria in Lenin, «Riv. di Filos. Neo-scolastica», 1962, anno 54, fasc. 65; Molnár L., Lenin a materialista dialektika kidolgozásáért (A «Filozofiai Füzetek» új kiadása: Lenin Muvei 38 kötet), «Magyar Filoz. Szemle», 1962, № 3.

Развитие исторического материализма.

Федосеев П. Н., Развитие В. И. Ленинским историч. материализма, «Вопр. философии», 1954, № 1; Черемных П. С., Разработка В. И. Ленинским вопросов историч. материализма в годы первой рус. революции, «Вопр. философии», 1956, № 2; Айвазян К., Ленинский этап в развитии теории базиса и надстройки общества, в сб.: Уч. зап. Ереванск. рус.-нед. ин-та, т. 9, 1957; Халипов Н. А., В. И. Ленин о решающей роли нар. масс в истории, Минск, 1957; Горюхов Ф. А., Ленин и историч. материализм, 3 изд., М., 1958; Коробков Д. П., В. И. Ленин о значении конкретно-историч. анализа для познания обществ. явлений, в сб.: Уч. зап. Костромского нед. ин-та, т. 4, Кафедра марксизма-ленинизма, вып. 1, 1958; Камарин М. Д., В. И. Ленин о единстве диалектич. и историч. материализма, «Вопр. философии», 1959, № 5; Владимир Ильич Ленин о строительстве социализма и коммунизма, [Сб. ст.], Саратов, 1960; Голлова Л., Злотина М., Розвиток В. И. Лениним историч. материализма в кінці XIX — на початку XX ст., К., 1960; Курсанов Г. А., В. И. Ленин о науч. предвидении и банкротство бурж. социологии, в кн.: Великая сила ленинских идей, М., 1960; Мисабиши И. Ш. В., В. И. Ленин об общих и специфич. закономерностях обществ. развития, Сухуми, 1960; Павлюченко А. М., В. И. Ленин об объективном характере закономерностей обществ. развития, Минск, 1960; Рожин В. П., Развитие В. И. Ленинским теории науч. коммунизма, «Вестн. ЛГУ», № 11, Серия экономики, философии и права, вып. 2, 1960; Федотов В. П., В. И. Ленин и историч. материализм (конец XIX — нач. XX вв.), Л., 1960; Шмельков М. И., В. И. Ленин и диалектика сближения физич. и умств. труда, М., 1960; Гендина А., В. И. Ленин об историч. детерминизме и критике волюнтаризма и фатализма в совр. бурж. социологии, в сб.: Тр. Красноярского с.-х. ин-та, т. 9, 1961; Фурманов Г. Л., Развитие В. И. Ленинским историч. материализма на основе обобщения опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР, М., 1962; Францев Ю. П., Разработка В. И. Ленинским проблем научного коммунизма, «Вопр. философии», 1963, № 12; Чагин Б. А., Анализ В. И. Ленинским роли субъективного фактора в обществ. жизни, «Вопр. философии», 1963, № 4; Heuden G., Lenins Kampf gegen den Biologismus in der Geschichtsauffassung, «Dtsch. Z. Philos.», 1959, № 2; Dorgosz J., Filozoficzne aspekty Leninowskiej koncepcji wojen, «Mysl Wojskowa», 1960, [№] 1.

Развитие истории философии как науки.

Быховский Б., Ленин и нек-рые вопросы теории философии, «Под знаменем марксизма», 1931, № 1—2; Поанер В., К вопросу о ленинском понимании истории философии как науки, «Под знаменем марксизма», 1937, № 11—12; Дынкин М. А., Ленин об истории философии, «Изв. АН СССР», 1945, т. 2, № 2; Иовчук М. Т., Сидоров М. И., Борьба В. И. Ленина за прогрессивное наследие филос. мысли человечества, «Вопр. философии», 1954, № 2; Черкашин П. П., В. И. Ленин о гносеологич. корнях идеализма, «Вопр. философии», 1954, № 1; Тарасов К. Е., В. И. Ленин о гносеологич. корнях идеалистич. философии, в сб.: Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, т. 113, Кафедра диалектич. и историч. материализма, вып. 2, 1957; Шаповский В. А., В. И. Ленин о гегелевском понимании предмета истории философии, в сб.: Уч. зап. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, вып. 44. Из истории философии, вып. 2, 1958; Давыдов Ю. Н., Ленинская критика отношения Богданова к филос. традиции, «Вопр. философии», 1959, № 6; Кузнецов К. Т.,

В. И. Ленин и нек-рые вопросы истории марксистской философии, там же, 1960, № 4; Шипанов И. И., В. И. Ленин и рус. философия, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1960, № 3; Богданов В. В., О нек-рых методологич. принципах истории философии как науки в работах В. И. Ленина, «Вестн. МГУ», Серия 8, Экономика, философия, 1962, № 1; Сидоров М. И., В. И. Ленин и вопросы истории рус. материалистич. философии, М., 1962.

Философские проблемы естествознания.

Тимирязев А. К., Ленин и совр. естествознание, 2 изд., Л., 1925; Деборин А. М., Ленин и кризис новейшей физики, 2 изд., Л., 1930; Максимов А. А., Ленин и естествознание, М.—Л., 1933; Омельяновский М. Э., В. И. Ленин и физика XX века, [М.], 1947; Петленко В. П., В. И. Ленин об адекватности отражения и нек-рые вопросы критики физиологич. идеализма, «Вестн. ЛГУ», № 23, Серия экономики, философии и права, вып. 4, 1957; Плоткин М. Р., В. И. Ленин об отношении общества к природе, «Вестн. АН Казах. ССР», 1957, № 2; Богачева И. Е., Ленинское учение об абсолютной и относительной истине и смена научных представлений о физ. картине мира, в сб.: Тр. Воронеж. ун-та, т. 69. Обществ. науки, 1958; Жданов Ю. А., Ленин и естествознание, М., 1959; Щедина Л., Ленинский анализ проблемы причинности и его значение для естествознания, «В помощь политич. самообразованию», 1959, № 12; Гращенков Н. И., Ленинская теория отражения и совр. физиология органов чувств, в кн.: Филос. проблемы совр. естествознания. Тр. Всесоюзного совещания по филос. вопросам естествознания, М., 1959; Омельяновский М. Э., В. И. Ленин и филос. вопросы совр. физики, там же; Колыман Э. Я., Ленин и новейшая физика, М., 1959; Страшников В. М., В. И. Ленин о свойстве отражения и нек-рые вопросы технич. прогресса, Иркутск, 1959; Харламов П. А., К вопросу о критике В. И. Ленинским идеализма в естествознании после выхода в свет его работы «Материализм и эмпириокритицизм», в кн.: Филос. вопросы физики и химии, вып. 1, Свердловск, 1959; Андриященко М. Н., Ленинская теория отражения и кибернетика, в сб. ст.: Изв. Ленингр. электротехнич. ин-та, вып. 40, 1960; Ванслов С. И., Ленин и физика, Сб. ст., М., 1960; Гуцол А. З., К вопросу о значении филос. работ В. И. Ленина для развития науки, в кн.: Сб. ст. к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, О., 1960; Жмудский А. З., В. И. Ленин о временных кризисах в естествознании, К., 1960; Кедров В. М., Ленинский анализ революции и кризиса совр. естествознания, в кн.: Ленин и наука, М., 1960; его же, Ленин о связи совр. физики с философией, «Вестн. АН СССР», 1960, № 4; Кузнецов И. В., Филос. идеи Ленина и познание природы, «Успехи физ. наук», 1960, т. 70, вып. 4; Рудаков В. Н., Ленинское понятие материи и проблемы единства поля и вещества, в сб. ст.: Изв. Ленингр. электротехнич. ин-та, вып. 40, 1960; Студитский Я. Н., В. И. Ленин и биологич. наука, «Успехи совр. биологии», 1960, т. 49, вып. 2; Толчиев А. В., Ленин и наука, «Вопр. философии», 1960, № 5; Умаров С. У. и Мосстапенко М. В., Ленин и развитие совр. физики, [Душанбе], 1960; Школьников С. А., Об источнике развития живых тел в свете ленинского учения о противоречиях, в кн.: Сб. ст., посвященных 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, Ростов-на-Дону, 1960; Вильницкий М. Б., Ленин про простр. и част. теория видности, К., 1961; Смирнов А. А., Ленинская теория отражения в психологии, в сб. ст.: В. И. Ленин и проблемы нар. образования, М., 1961; Баженов Л. Слущкий М., Ленинские принципы критики идеализма в естествознании, «Коммунизм», 1963, № 9; Vassails G., Léline et la physique moderne, «La Nouvelle Critique», 1949, № 4; Leu H., Die Bedeutung der philosophischen Arbeiten Lenins für die Naturwissenschaft, «Dtsch. Z. Philos.», 1957, № 5; Tlustý V., Lenina poznámka o absolutním prostoru, «Filosofický Casopis», 1957, № 3; Niebsch H., Die Bedeutung der philosophischen Arbeiten W. I. Lenins für die Grundfragen der dialektisch-materialistischen Psychologie, «Wiss. Z. der Karl Marx Univ. Leipzig, Gesch.-und Sprachwiss. Reihe», 1959—1960, Jg. 9, № 4; Бербагов Н., Значение на Лениновото философско наследство за някои теоретически въпроси на биологията, в кн.: Гошпник на Соф. ун-т. Филос.-историч. фак., т. 53, кн. 1, 1960; Новацку V., Invatatura leninista, si problemele stiintelor naturii, «Cercetări Filozofice», 1960, anul 7, № 2; Панчев И., Ленин и естествознание, С., 1960.

Проблемы этики и эстетики.

Григорьян Т. Г., В. И. Ленин об основах коммунистич. морали, в сб.: Уч. зап. Азерб. пед. ин-та рус. яз. и лит.-ры. Серия обществ. наук, вып. 4, Баку, 1957; Эрнст Г. С. Б., Ленинская теория отражения и искусство, в сб. ст.: Нек-рые вопросы теории изобразительного искусства, М., 1957; Егоров А. Г., Ленинская теория отражения и совр. ревизионизм в эстетике, «Вопр. философии», 1959, № 5; Мезенцев П., Эстетич. взгляды В. И. Ленина, Кишинев, 1959; Дэверин И., Ленин и питание эстетики, К., 1960; Мейлах В., Проблема искусства и действительности в эстетич. взглядах В. И. Ленина, «Рус. литература», 1960, № 2; Овсянников М., В. И. Ленин и проб-

лемы эстетики, «Искусство», 1960, № 4; Парсаданов Н. Я., Филос. наследие В. И. Ленина и нек-рые проблемы эстетики, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1960, № 2; Столович Л. Н., Ленинская критика махизма и ее значение для эстетики, там же, № 3; Фридлиндер Г., В. И. Ленин и эстетич. наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, «Рус. литература», 1960, № 2; Шишкин А. Ф., Вопросы этики в трудах В. И. Ленина, «Вопр. философии», 1960, № 4; Шербина В., Ленинская теория отражения и литература, «Вопр. литературы», 1960, № 4; Качановский Н. И., В. И. Ленин и нек-рые вопросы эстетики, в сб.: Уч. зап. Ташкентского театрально-худож. ин-та, вып. 5, 1962; Марк А. А., Развитие В. И. Лениным марксистской этики, в кн.: Сб. науч. работ преподавателей философии вузов г. Харькова, вып. 2, X., 1962; Эфендиев Д. Ф., Ленинская теория отражения — филос. основа реализма, в сб.: Уч. зап. Азербайджан. ун-та. Серия обществ. наук, вып. 1, Баку, 1962; Nejedlý Z., Stati o Leninovi, Praha, 1952.

Проблемы научного атеизма.

Галактионов М., Ленин о религии и борьбе с ней, М., 1933; Федосеев П. Н., Ленин о социальных и гносеологич. корнях религии, «Под знаменем марксизма», 1933, № 4; Ярославский Е. М., Ленин, коммунизм и религия, М., 1933; Паричи А., Ленин в борьбе с богостроительством, М., 1939; Бонч-Бруевич В. Д., Владимир Ильич и религиозный вопрос, в кн.: Бонч-Бруевич В. Д., Избр. соч., т. 1, М., 1959; Калугин В. М., Филос. обоснование В. И. Лениным науч. атеизма, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1959, № 3; Крывелев И. А., Ленин о религии, М., 1960; Шахнович М. И., Ленин и проблемы атеизма. Критика религии в трудах Ленина, М.—Л., 1961. См. также лит. при статьях об отдельных произведениях Ленина.

Л. Варчан, О. Виноградова, Н. Колюков. Москва.

ЛЕНИНИЗМ — см. Марксизм-ленинизм, Ленин.

ЛЕОН, Понсе де Леон (Ponce de León), Луис (1527 или 1528 — 28 авг. 1591) — исп. поэт и теолог. В 1572 — 76 находился в тюрьме инквизиции по обвинению в «иудействующей ереси», в 1579 — 82 вновь находился под инквизиц. следствием.

Поэт и переводчик лат. авторов, Л. в многочисл. комментариях к текстам священного писания — трактатах «Имена Христовы» («De los nombres de Christo», 1583, нов. изд., t. 1—3, 1932—38) и «Истолкование книги Иова» («Exposición del libro de Job», изд. посмертно в 1779) и др. — примыкал к школе «мистиков», отразивших кризис схоластики (см. *Испанская философия*) и характерное для *Возрождения* стремление к критич. методам исследования.

В «Истолковании книги Иова» обнаруживается пессимистич. оценка Л. действительности как воплощения хаоса, страданий и раздоров. Путь к гармонии лежит, по его мнению, через созерцание природы и главное через стремление приблизиться к богу. Если наше мышление, речь и письмо «истинны», то вещи оказываются при этом в нас такими же, какими они существуют вне нас, и мы, т. о., устанавливаем с ним полную гармонию и единство.

Мир с самим собой, без к-рого немислим мир с окружающими и с богом, заключается, по мнению Л., в гармонии личных устремлений человека под контролем разума и воли. А эта гармония возможна лишь благодаря стремлению к Иисусу, «высшему спасителю» рода человеческого. Если в трактате «Имена христовы» Л. пытался установить некие абсолютные посылы морали, то в трактате «Совершенная супруга» («La perfecta casada», 1583, нов. изд., 1950) он формулировал принципы «практической этики», сочетая здесь религ. прописи с характерным для эпохи *Возрождения* уважением к человек. личности.

Соч.: Obras completas, 2 ed., Md., 1951.

Лит.: Blanco García F., Fr. L. de León, Md., 1904; Fitzmaurice-Kelly J., Fray L. de León... [Oxf.], 1921; Bell A. F. G., L. de León (a study of the Spanish renaissance), Oxf., 1925; Gutiérrez M., Fray Luis de León y la filosofía española del siglo XVI, Obras completas, t. 1, [El Escorial], 1929; Vossler K., Fray L. de León, B. Aires, [1946]; Zarco Cuevas J., Bibliografía de Fray L. de León, Málaga, [1924]. З. Плавский. Ленинград.

ЛЕОН ЕВРЭЙ (лат. Leo Hebraeus) (псевд. Иуды Абрабанеля или Абарбанеля; Abrabanel или Abarbanel) (р. ок. 1463 — ум. после 1520) — исп.-евр.

философ. Врач по образованию, Л. Е. вследствие преследований евреев переселился из Португалии в Испанию, а в 1492 — в Италию. Здесь он написал трактат «Диалоги о любви» (опубл. впервые посмертно по-итальянски «Dialoghi d'amore», 1535, критич. издание — Bari, 1929; пер. на нем. яз. с комментариями, ч. 1—7, Hdb, 1929; пер. на англ. яз., L., 1937). Этот трактат — одно из самых популярных изложений неоплатонич. философии Возрождения — анализировал природу и сущность любви, ее универсальность и происхождение.

Л. Е. объявлял любовь высшим принципом мироздания: силою любви божество породило материальный мир, ею он способен воссоединиться с божеством через посредство человека. Различая любовь, присущую неодушевл. природе, животным и человеку, Л. Е. считал, что способность человека к «вышей» любви реализуется в совершенствовании его «разумной души» и очищениях от более «низких» видов любви. Из этого учения о любви Л. Е. выводил теорию эстетики. нравственности, к-рая опирается на представление о красоте как об универсальной идее, являющейся воплощением любви, гармонии и истины. Эта теория оказала большое влияние на этич. и эстетич. воззрения гуманистов в Италии и Испании эпохи Возрождения.

Неоплатоник, объективный идеалист в общефилос. взглядах, Л. Е. считал, что субстанция вещей составляют идеи, исходящие от бога. Метафизика является для Л. Е. своего рода поэзией, ведущей к познанию красоты всевышнего. Познание вещей равнозначно познанию идей; «формы» чувств как бы «освещают» формы, находящиеся в душе человека в скрытом состоянии. В то же время в трактате Л. Е. явственно обнаруживается тенденция к пантеистич. истолкованию действительности.

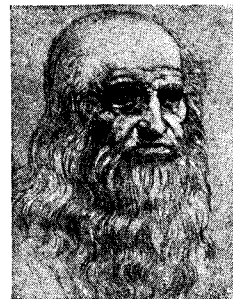
Лит.: Zimmels B., Leo Hebraeus, ein jüdischer Philosoph der Renaissance, Lpz., 1886; его же, Leone Hebreo, Neue Studien, W., 1892; Solmi E., Benedetto Spinoza e L. E., Modena, 1903; Carvalho J., De Leão Hebreo, filósofo, Coimbra, 1918; Pflaum H., Die Idee der Liebe. Leone Hebreo, Tübingen, 1926; Saitta G., La filosofia di L. E., в кн.: Saitta G., Filosofia italiana e umanesimo, Venezia, 1928; Fontanesi G., Il problema filosofico dell'amore nell'opera di L. E., Venezia, 1934; Margel R., Le platonisme de Pétrarque à Léon l'Hebreu, в сб.: Congrès de Tours et Poitiers, 3—9 sept., 1953, p. 293—319.

З. Плавский. Ленинград.

ЛЕОНАРД, Павел Степанович (11 июля 1837 — 8 июля 1891) — молд. социолог и писатель, сторонник самодержавия, опору к-рого видел в зажиточном крестьянстве. В области эстетики был противником реализма и народности иск-ва.

Соч.: Путешествие по Европе пресловутого принципа национальностей, Lpz., 1867; Эскизы из жизни Европы за последние 20 лет, СПб., 1874; Смута и ее настоящая причина, СПб., 1881; Новая эра для дворянства, Вена, 1885; Социальная боль, О., 1887; Сельско-промышленный кризис и меры к его устранению, СПб., 1888.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ (Leonardo da Vinci; 15 апр. 1452 — 2 мая 1519) — итал. художник, инженер, ученый и философ, сформулировавший нек-рые принципы механистич. материализма, один из величайших представителей искусства Возрождения. Сын зажиточного нотариуса. Работал в качестве живописца, скульптора и инженера во Флоренции, Милане, Риме. Умер во Франции. Как ученый Л. да В. сделал ряд открытий, как инженер — построил замечат. сооружения и разрабатывал огромное количество технич. проектов и механизмов, многие из к-рых могли быть осу-

ществлены только в 19 и даже в 20 вв. В отличие от сторонников схоластики, Л. да В. видел смысл науч. деятельности прежде всего в той практич. пользе, какую она может принести человечеству. Это объясняет обращение Л. да В. к практич. деятельности, к опыту как гл. показателю истинности науч. положений (см. Избр. естеств.-науч. произв., ред. и пер. В. П. Зубова, М., 1955, с. 9). В то же время Л. да В. понимал огромную роль теоретич. осмысления и обобщения в исследовании природы. Наиболее эффективное исследование возможно лишь на основе союза опыта с теорией (см. там же, с. 23). Подлинной он считал науку, связанную с математикой (см. там же, с. 12). Методологич. взгляды Л. да В., предвосхищавшие многие идеи Галилея, Ф. Бэкона, Декарта, вытекали из убеждения в познаваемости мира, объективности и материальности к-рого не вызывали у него сомнений. Особенно важно, что Л. да В. подходил к аналитич. методу исследования природы, восторжествовавшему лишь в 17 в. Согласно Л. да В., наблюдения показали, что природа порождает из сочетания ряда условий определенные действия. Чтобы раскрыть эти условия, познать причины, порождающие интересующие человека действия, исследователь должен разложить эти действия посредством экспериментов на ряд простых элементов, указывающих на причинные закономерности, и познать их. В связи со своими интенсивными занятиями механикой Л. да В. одним из первых при переходе к новому времени сформулировал принцип *детерминизма*, сознательно противопоставив его принципу *телеологии*, почти безраздельно господствовавшей не только в схоластике, но и в *натурфилософии*. От понятия же детерминизма, трактуемого механистически, мыслитель поднялся к еще более важной филос. категории — закономерности, объективного закона природы: «Необходимость, — писал он, — наставник и опекун природы ... и узда, и вечный закон» (там же, с. 11, ср. с. 713). По убеждению Л. да В. все сферы действительности подчиняются численному отношению, обнаруживают математич. пропорции. Надо, однако, иметь в виду, что эти свои идеи Л. да В. изложил афористично в записных книжках и дневниках. Публикация и изучение науч.-филос. записей Л. да В. начались лишь со 2-й пол. 19 в., хотя нек-рые из содержащихся здесь идей и проектов были использованы отдельными учеными еще в эпоху Возрождения.

Шной оказалась судьба художеств.-эстетич. наследия Л. да В. Гениальный художник-реалист оказал могущее влияние на мн. живописцев Италии и др. стран. Влияние это было усилено тем, что он был не только гениальным мастером, но и крупнейшим теоретиком искусства. Эстетич. идеи Л. да В. изложены в «Книге о живописи» («Trattato della pittura», первое изд. в 1651, рус. пер. со вступит. ст. В. Н. Лазарева в 1934). Реалистич. сущность эстетики Л. да В. состоит в убеждении, что иск-во, как и наука, служит делу познания реального мира, но они изучают разные стороны этого мира и используют при этом различные средства. Если наука изучает количеств. закономерности явлений природы, то иск-во постигает качеств. особенности ее предметов. Недостатки этой позиции Л. да В. связаны с ограниченностью его механистич. методологии, ст. зр. к-рой наука призвана раскрывать только количеств. закономерности мира. Вместе с тем подчеркивание роли иск-ва как средства познания качеств. особенностей предметов природы и явлений человек. мира выразило страстные стремления передовых людей эпохи к восприятию красоты и неповторимости их форм, что игнорировалось в течение долгих веков господства ср.-век. теологии, и аскетич. мировоззрения. Наиболее совершенным творением природы Л. да В. считал человека. Подобно

подавляющему большинству передовых умов эпохи, он рассматривал его как микрокосм, концентрирующий в своем существе весь окружающий мир. Неповторимую индивидуальность и красоту тела и души человека он изучал как проинцат. ученый-анатом и физиолог и изображал как великий живописец-психолог. В центре методологич. изысканий Л. да В. как теоретика иск-ва стояла проблема пропорции, в к-рой он видел связующее звено между науч. исследованием природы и ее художеств. изображением. Гениальная проинцательность художника-реалиста проявилась у Л. да В. и в его отрицат. отношении к искусству, лишенному могучей обобщающей силы и позже развившемуся в *натурализм* (см. Избр. произв., пер. статьи, комментарии А. А. Губера, А. К. Дживелегова, В. П. Зубова, В. К. Шилейко и А. М. Эфроса, т. 2, М.—Л., 1935, с. 88). Ведущая роль в иск-ве, по убеждению Л. да В., принадлежит живописи, как наиболее наглядному и достоверному виду иск-ва, уподобляющемуся в этом отношении науке. В этом положении эстетики Л. да В. сказались не только его интересы великого живописца, но и та огромная роль, к-рую этот вид иск-ва играл в эпоху Возрождения.

С о ч.: La filosofia di Leonardo da Vinci, a curadi A. M. D'Anghiari, Mil., 1920; Frammenti letterari et filosofici, a cura di F. Solmi, Firenze, 1920; Leonardo «omo senza lettere», Firenze, 1939; The literary works of L. da V., ed. by J. P. Richter, 2 ed., v. 1—2, L. fa. o. J., 1939; в рус. пер.: Избранное, М., 1952.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955, с. 4; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 59—62; Столетов А. Г., Л. да В. как естествоиспытатель, в его кн.: Избр. соч., М.—Л., 1950, с. 611—40; Зубов В. П., Научное наследие Л. да В., «Вестн. АН СССР», 1952, № 4; Коган Бернштейн Ф. А., К вопросу о мировоззрении Л. да В., «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1952, т. 9, № 3; Лазарев В. Н., Леонардо да Винчи, М., 1952; Алпатов М. В., Великий итал. художник и ученый, «Искусство», 1952, № 2; Дынкин М. А., О филос. и эстетич. идеях Л. да В., «Вопр. философии», 1954, № 4; Надор Д., Леонардо — философ Возрождения, «Вопр. философии», 1956, № 4; Гукowski М. А., Пять лет после юбилея (Из зарубежной литературы о Леонардо да Винчи за 1952—57 гг.), «Вестн. истории мировой культуры», 1958, № 2 (8); е го же, Леонардо да Винчи, Л.—М., 1958; Эубов В. П., Леонардо да Винчи, М.—Л., 1961; Duchem P., Etudes sur Léonard de Vinci, série 1—3, P., 1913; Vulliamud P., La pensée ésotérique de L. de V., P., 1945; Colloques internationaux du Centre national de la recherche scientifique (sciences humaines). Léonard de Vinci et l'expérience scientifique au XVI siècle, P., 1953; Luporini C., La mente di L., Firenze, 1953; Castelfranco G., Il pensiero estetico di L. da V., в сб.: Museo nazionale della Scienza e della Tecnica, Mil., 1953; Zammatteo C., La visione scientifica di L. da V., Mil., 1953; Jaspers K., L. als Philosoph, Bern, 1953; Leonardo. Saggi e ricerche, Roma, 1954; Verga E., Bibliografia Vinciana. 1493—1930, t. 1—2, Bologna, 1931. В. Соколов. Москва.

ЛЕОНОВ, Михаил Андреевич (март 1902—4 ноября 1952) — сов. философ, профессор (с 1939), д-р филос. наук (с 1950). Член КПСС с 1919. Окончил филос. аспирантуру при Коммунистич. ун-те им. Я. М. Свердлова (1933). Заведовал кафедрами диалектич. материализма в ряде вузов. В 1945—50 — зав. сектором диалектич. материализма Ин-та философии АН СССР. Работал в области диалектического и исторического материализма, истории марксистской философии.

С о ч.: О соотношении войны и политики, [М.], 1944; Моральный фактор в совр. войнах, [М.], 1946; Марксистский диалектич. метод, [М.], 1947; Очерк диалектич. материализма, [М.], 1948; Критика и самокритика — закономерность развития сов. об-ва, «Большевик», 1948, № 5. **ЛЕОНТЬЕВ**, Алексей Николаевич [р. 5(18) февр. 1903] — сов. психолог, профессор (с 1932), д-р педагогич. наук (с 1941). Действит. член Академии педагогич. наук РСФСР (с 1950). Член КПСС с 1948. Окончил Московский ун-т (1924). Ученик Л. С. Выготского. С 1941 — проф. Моск. ун-та, с 1945 — зав. кафедрой психологии филос. фак-та МГУ. Награжден орденом Ленина. Лауреат Ленинской премии (1963, за книгу «Проблемы развития психики», 1959).

Эксперимент. и теоретич. работы посвящены проблеме развития психики: генезису психики, ее биологич. эволюции и обществ.-историч. развитию, развитию психики ребенка и функциональному развитию психич. процессов. Выдвинул ряд новых теоретич. положений: гипотеза о возникновении чувствительности в связи с переходом от жизни в гомогенной среде к среде вещно-оформленной и формированием реакций, ориентирующих организм на биотич. свойства среды; положение об общности строения внешней, практич. и внутренней, теоретич. деятельности человека; о механизме прижизненного формирования функциональных мозговых систем, составляющих физиологич. основу специфически человеческих способностей и др. Последние годы ведет также исследования в области инженерной психологии.

Соч.: Развитие памяти, М.—Л., 1931; Восстановление движения (соавтор), М., 1945; Очерк развития психики, [М.], 1947; Очерки психологии детей, М., 1950.

ЛЕОНТЬЕВ, Константин Николаевич [13(25) янв. 1831—12(24) нояб. 1891] — рус. реакц. социолог, идеалист-мистик. Окончил мед. фак-т Моск. ун-та (1854), находился на дипломатич. службе (1861—73), был цензором (1880—87). К концу жизни принял сан монаха. Гл. произведения: «Из жизни христиан Турции» (т. 1—3, 1876), «Восток, Россия и славянство» (т. 1—2, 1885—86), «Записки отшельника» (опубл. в газ. «Гражданин», 1887—88), «Национал. политика, как орудие всемирной революции» (опубл. в газ. «Гражданин», 1888). По филос. взглядам — эклектик, пытавшийся «синтезировать» отд. положения Платона, Гегеля, Шенкера, а также идеи ранних *славянофилов* о мистич. основе мира; мистич. теория познания Л. включала элементы неокантианства и позитивизма. Социология Л. испытала влияние «теории» культурно-историч. типов *Данилевского*. Всякий процесс проходит, по Л., три стадии: 1) первичной простоты, 2) цветущей сложности, 3) вторичного смесит. упрощения. Целое только тогда жизненно, когда скрепляется одною «деспотическою» идеею. В соответствии с этим — только сильная императорская власть может спасти Россию от натиска «Федеративной Европы». В проповеди культа силы и господства избранных Л. близок к *Ницше*. Социальным идеалом Л. был византизм, к-рый он характеризовал в политич. отношении как самодержавие, в религиозном — как православное христианство, в нравственном — как склонность к разочарованию во всем земном и отвержение идеи о всеобщем благоденствии народов. Этика Л. аскетична и основана на принципах христ. догматики; эстетич. нормы, по Л., неотделимы от религ. чувства.

Единомышлениками и последователями Л. были Астафьев, *Розанов*, «веховцы» (см. С. Булгаков, Победитель — побежденный, в его кн.: Тихие думы, 1918). Представители неотогизма и христ. экзистенциализма находят в творчестве Л. близкие их взглядам идеи (см., напр., Н. А. Бердяев, К. Л. Очерк из истории рус. религ. мысли, 1926).

Соч.: Собр. соч., т. 1—9, М., 1912—13.

Лит.: Миллюков П., Разложение славянофильства, «Вопр. филос. и психол.», 1893, № 3; Памяти К. Н. Л., Лит. сб., СПб., 1911; Фудель И., К. Л. и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях, «Рус. мысль», 1917, № 11—12; Зандер Л., Учение Л. о прогрессе, «Вост. обозрение», 1921; Gasparini E., Le previsioni di Costantino Leont'ev, Venezia, 1957; Kurland J. E., Leont'ev's views on the course of Russian literature, [Montpelier — N. Y.], 1957.

Библи. в кн.: История рус. лит-ры XIX в. Библиографич. указатель, под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1962, с. 412—414.

ЛЕ ПЛЕ (Le Play), Фредерик (11 апр. 1806—5 апр. 1882) — франц. бурж. экономист и социолог. Проф. Горной школы (с 1840). Сенатор при Наполеоне III (1867). Организатор Междунар. об-ва практич. изучения социальной экономики (1885). Издатель газ. «La Réforme Sociale» («Социальная реформа», 1881).

Идеолог капитализма, Ле П. стремился найти средства сохранения существующего строя и борьбы против роста рабочего движения. Революции он противопоставил план социальных реформ и классового мира во Франции и всей Европе («Социальная реформа во Франции» — «La réforme sociale en France», t. 1—2, 1864; «Реформа в Европе и спасение Франции» — «La réforme en Europe et le salut en France», 1876), предусматривающий укрепление семьи, рассматриваемой в качестве осн. единицы общества, и религ. воспитание народа, используемое для подчинения рабочих предпринимателям. Осуждая «...принципы 1789 г., натурализм и эволюционизм» («Основная конституция человеческого рода», М., 1897, с. 182), Ле П. учил о врожденной греховности человек. природы и необходимости ее обуздания, выступал против демократич. институтов (равенство перед законом, всеобщее избират. право и т. д.). По его мнению, демократия должна ограничиваться сферой местного управления.

В кн. «Европейские рабочие» («Les ouvriers européens», 1855) Ле П. изложил свой «монографический метод» социального исследования: изучение бюджетов рабочих семей. Однако подбор фактов и выбор обследуемых семей у Ле П. не был научно обоснован. Ле П. создал школу в социологии, представители к-рой (А. де Турвиль, Э. Демолен, Р. Пино, П. де Рузье) были сторонниками географич. детерминизма, эмпирич. и количеств. подхода к обществ. явлениям; особое внимание уделялось исследованию семьи.

В России политич. программу Ле П. пропагандировал К. П. Победоносцев.

Соч.: La constitution de l'Angleterre, t. 1—2, P., 1875; Voyages en Europe, 1829—1854, P., 1899; L'organisation du travail..., 7 éd., Tours, 1906; L'organisation de la famille..., 5 éd., P., 1907.

Лит.: Победоносцев К. П., Ле-Пле, М., 1893; Турвиль А. де, Социальная наука представляет ли науку?, пер. с франц. Н. С. Ланского, СПб., 1895; Guérin U., La science sociale et l'école de la paix sociale, P., 1883; Ribbe C. de, Le Play, d'après sa correspondance, P., 1884; Vignès (J. B. Maurice), La science sociale d'après les principes Le Play..., P., 1897; Gurzon E. de, Fr. Le Play..., P., 1899; Auburtin F., F. Le Play..., P., 1906; Sorokin P., Contemporary sociological theories, N. Y.—L., 1928; Recueil d'études sociales publié à la mémoire F. Le Play, P., 1956. В. Кутецов. Москва.

ЛЕРНЕР (Lerner), Дениел (р. 30 окт. 1917) — амер. бурж. социолог. Проф. социологии (с 1951) Станфордского ун-та, социологии и междунар. отношений (с 1958) Массачусетского технологич. ин-та. Основатель и директор (с 1954) парижского «Institut d'études européennes».

Л. — последователь Г. Д. Лассуэлла и один из представителей т. н. психологич. направления в социологии. Сводя фактически социологию к социальной психологии и широко используя фрейдизм и психоанализ, Л. утверждает, что исследование понимания личностью своей индивидуальности является ключом к решению осн. социальных проблем, т. к. «через индивидуальность своего я (ego-identification) человек соотносится со своей семьей, со своей работой, с обществом, нацией, религией, расой, культурой и политической» («Social science: whence and whither», в сб.: «The human meaning of the social sciences», N. Y., 1959, p. 18). Внимание Л. привлекают следующие проблемы: природа и техника пропаганды, формирование обществ. мнения, средства массовой коммуникации и их роль в обществе, формирование политич. элиты и социология познания. Ограниченность в понимании природы социальных явлений, недооценка классового и экономич. факторов приводит Л. к одностороннему пониманию методологии социальных наук. По Л., социальные и естественные науки должны применять только количеств. методы (см. D. Lerner and E. R. Hilgard, The person: subject and object of science and policy, в сб. «The policy sciences», ed. D. Lerner and H. D. Lasswell, Stanford, 1951, p. 28).

В работах о формировании политич. элиты [см., напр., «Нацистская элита» — «The Nazi elite», 1951 (соавтор); «Сравнительное изучение элит» — «The comparative study of elites», 1952 (в соавторстве с Н. Д. Lasswell и С. Е. Rothwell)] и в книге «Отмирание традиционного общества...» — «The passing of traditional society. Modernizing the Middle East», [1958], посвященной анализу социальных изменений, происшедших в нач. 50-х гг. в странах Ближнего и Ср. Востока, осн. приемом исследования явилось психоаналитич. интервью.

Соч.: Sykewar. Psychological warfare against Germany, N. Y., [1949]; La querelle de la C. E. D. (совместно с Aron R.), P., 1956; France defeats EDC. Ed. D. Lerner and R. Aron, N. Y., [1957].
И. Добролюбов. Москва.

ЛЕРУ (Leroux), Пьер (6 апр. 1797 — 12 апр. 1871) — франц. философ и социалист-утопист, один из основателей *христианского социализма*. Происходил из париж. мелкобурж. семьи. Был типографским рабочим. В 1824 основал журн. «Le Globe», ставший с 1830 органом сенсимонистов. В конце 1831 одновременно с *Базаром* вышел из сенсимонистской общины. Сотрудничал в ряде журналов. В 1845 основал журн. «La Revue Sociale». Во время революции 1848—49 Л. был избран членом Нац. собрания. Резко протестовал против кровавой расправы франц. буржуазии с пролетариатом в июньские дни, что впоследствии было высоко оценено Парижской Коммуной.

Считая себя продолжателем *Сен-Симона*, Л. видел его заслугу и свою осн. задачу в разработке науки с законами историч. развития, о «порядке и организации» общества. Конечная цель развития человечества — равенство. К нему человечество поднимается, переходя от одной формы религии к другой. Резко критикуя католич. церковь, Л. полагал, что старое христианство должно быть отвергнуто. Новая «религия человечества» приведет к исцелению общества от всех мучающих его болезней. Осн. идея этой новой религии состоит в том, что рай должен осуществиться на земле. Революция конца 18 в. остановилась на полдороге; с начала 19 в. воцарился «новый феодализм», господствующим принципом стал меркантильный интерес. Общество резко делится на «третье сословие» и «пролетариат» (к нему Л. относил также нищих и крестьян-тружеников), стремящийся к ассоциации, организованному равенству. Число немущих растет. Логика событий требует возврата к революц. традиции. И все же наиболее предпочтителен не путь раздоров и анархии, а путь взаимного согласия и гармонии. Осн. условие социального преобразования — преобразование моральное. Существующие политич. формы должны быть заменены новыми. Законодателем должно стать нар. представительство, к-рое внедрит в респ. учреждения принцип равенства. В будущем обществе тирания семьи сменится полной эмансипацией женщины, тирания гос-ва — самоуправлением самостоят. общин, тирания собственности — уничтожением бедности.

Употребляя слово «социализм», Л. не всегда причислял себя к социалистам, разумея под ними школу *Афанатена*, приносящую индивида в жертву обществу. Л. мечтал о гармонии индивидуального и коллективного начал.

В филос. взглядах Л. много мистического (учение о метампсихозе и пр.). Тем не менее его заслуга — критика эклектизма *Кузена*. Интерес представляют мысли Л. об иск-ве, в к-ром он видел художеств. выражение жизни, осуществляемое посредством символов (образов). Иск-во для иск-ва — «особый род эгоизма», плод неудовлетворенности художников окружающей их обществ. средой.

Соч.: Réfutation de l'éclectisme, P., 1841; De l'humanité, t. 1—2, 2 éd., P., 1845; Discours sur la situation actuelle de la société et de l'esprit humain, v. 1—2, Boussac, 1847; Du Christianisme et de son origine démocratique, Boussac, 1848; De la Ploutocratie, Boussac, 1848; De l'égalité, Boussac, 1848; Job, P., 1866; Malhus et les économistes, v. 1—2, P., 1897.

Лит.: Плеханов Г. В., Утопич. социализм XIX века, Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957; ег о ж е, Франц. утопич. социализм XIX в., там же; Волгин В. П., П. Л. — один из эпигонов сенсимонизма, в сб.: Из истории обществ. движений и междунар. отношений, М., 1957; Гейне Г., Собр. соч., т. 7, Л., 1958, с. 427; т. 8, Л., 1958, с. 174, 265—71; Marchal P. F., P. J. Proudhon et P. L., P., 1850; Thomas P. F., P. Leroux, [P. J. 1904; Fida-o-Justiniani I. E., P. Leroux, P., 1912; Mouglin H., P. Leroux, P., 1938; Evans D., Le socialisme romantique. P. L. et ses contemporains, P., 1948.

А. Володин. Москва.

ЛЕРУА (Le Roy), Гендрик — см. *Де Руа*.

ЛЕРУА (Le Roy), Эдуар (18 июня 1870—1 нояб. 1954) — франц. философ, религ. идеалист, представитель «католического модернизма». Л. открыто выступал против науки в пользу веры и пытался обновить религию при помощи интуитивизма *Бергсона*. Выдвинув положение о единой «мысли-действии», подчиненной «религ. потребностям», различными аспектами к-рой якобы являются разум и интуиция, Л. широко использовал идеи *Маха*, *Дюгема*, *Пуанкаре* для защиты фидеизма и иррационализма. Всякая философия, по Л., «если не формально, то фактически является мистической» («Un positivisme nouveau», в «Revue de métaphysique et de morale», 1901, p. 151). Л. занимался также математикой, палеонтологией и антропологией. Филос. взгляды Л. (с определено фидеистическими выводами) были подвергнуты критике еще в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (см. Соч., т. 14, с. 277—78).

Соч.: De la valeur objective des lois physiques, «Bulletin de la Société Française de la Philosophie», 1901, № 1; Une philosophie nouvelle. Henri Bergson, P., 1912; L'exigence idéaliste et le fait de l'évolution, P., 1927; Le problème de Dieu, P., 1929; La pensée intuitive, v. 1—2, P., 1929—30; Essai d'une philosophie première, t. 1—2, P., 1956—58; в рус. пер.— Догмат и критика, М., 1915.

Лит.: Сульженко Г. Д., Франц. католич. экзистенциализм — философия иррационализма и мистики, в сб.: Совр. субъективный идеализм, М., 1957; Попович М. В., Поход проти розуму, К., 1960; Ventrubi L., Les sources et les courants de la philosophie contemporaine en France, t. 1—2, P., 1933; Vanda J., De quelques constantes de l'esprit humain..., P., 1950.
М. Попович. Киев.

ЛЕСЕВИЧ, Владимир Викторович (15 янв. 1837—13 ноября 1905) — рус. философ-позитивист, эволюционировавший от Конта к Авенариусу. Ленин характеризовал Л. как «...первого и крупнейшего русского эмпириокритика» (Соч., т. 14, с. 44). Осн. работы Л.: «Очерк развития идеи прогресса» (1868), «Опыт критич. исследования основоначал позитивной философии» (1877), «Письма о науч. философии» (1878), «Что такое науч. философия?» (1891).

В 1879 Л. был выслан в Сибирь, затем проживал под надзором в Полтаве, Твери; в 1888 вернулся в Петербург, где примкнул к кружку *Михайловского*, группировавшемуся вокруг «Рус. богатства».

Л. отрицательно относился к религ.-мистич. направлению в рус. философии, критически отзывался о В. Соловьеве, называя его «подголоском схоластики», проповедником «мертвых абстракций» (см. Собр. соч., т. 2, М., 1915, с. 655). Л. не считал философию отд. наукой, полагая, что ни по своему содержанию, ни по методу она не отличается от частных наук. Единств. своеобразие ее в том, что, став философией науки, она выполняет функцию синтеза науч. знания. Осн. недостаток системы Конта — отсутствие разработанной гносеологии. *Литтре*, *Вырубов* и др., по мнению Л., усугубили этот недостаток и привели позитивизм к вырождению; спасение принесла нем. «неокритическая школа» в лице Геринга, Авенариуса, Паульсена, Петцольда и др. Неокантианцы и махисты оплодотворили позитивизм своей теорией познания. Активно

пропагандируя в России эмпириокритицизм в качестве новейшего продукта опытной науки, Л. пазывал его Пльей Муромцем совр. философии. Свою гносеологию Л. и строил в соответствии с принципами эмпириокритицизма: мы познаем не предметы сами по себе, а лишь данные опыта, синтезируя их в понятия; все, что можно сказать об окружающем мире, — это то, что мы представляем его себе так, а не иначе.

С критикой субъективно-идеалистич., эклектич. философии Л. выступал еще в 60-е гг. 19 в. *Антонович*.
Соч.: Собр. соч., т. 1—3, М., 1915—17; Этюды и очерк, СПб, 1886.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 14, с. 179, 194, 196—97, 305; Иберверг-Гейнце, История новой философии в сжатом очерке, пер. с нем. Я. Колубовского, СПб, 1890, с. 554—57 (библиография); Каресв Н., Памяти В. В. Л., «Современность», 1906, № 1; Гансмайер Е., В. В. Л. в письмах и воспоминаниях, «Голос минувшего», 1914, № 8; История философии, т. 4, М., 1959, с. 76. *Л. Коган*. Москва.

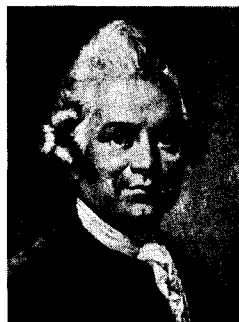
ЛЕ СЕНН (Le Senne), Рене (8 июля 1882—1 окт. 1954) — франц. философ-идеалист, близкий к католич. экзистенциализму, представитель т. н. философии духа. По Ле С., бог создает «иерархию ценностей», при этом сам он является «неделимой и первой ценностью» («Открытие бога» — «La découverte de Dieu», 1955). Пытаясь построить на спиритуалистич. основах характерологию, Ле С. рассматривал *характер* как неизменный, передающийся по наследству скелет духовной жизни человека. Компонентом конкретной духовной целостности человека Ле С. считал мистич. активный центр — «Я», объединяющий личность и характер.

Соч.: Introduction à la philosophie, P., 1925; Le devoir, P., 1930, 2 éd., P., 1950; Obstacle et valeur, P., 1934; Traité de morale générale, P., 1942; Traité de caractérologie, 2 éd., P., 1946; De la «Philosophie de l'Esprit», в кн.: L'activité philosophique contemporaine en France et aux Etats-Unis, t. 2, P., 1950.

Лит.: Попович М. В., Поход проти розуму, К., 1960; Раумен J., Le spiritualisme existentiel de R. Le S., P., 1949; Centineo E., R. Le Senne, Palermo, 1952; Pirlot J., Destinée et valeur, Namur — P., 1953.

М. Попович. Киев.

ЛЁССИНГ (Lessing), Готхольд Эфраим (22 янв. 1729—15 февр. 1781) — нем. просветитель, писатель, критик и теоретик искусства. Сыграл выдающуюся

роль в истории прогрессивной нем. филос. и антицерк. мысли. Л. начал свою деятельность, находясь под влиянием идеалистич. философии Лейбница и Х. Вольфа, однако в 50-х гг. 18 в. в его взглядах обнаружилось заметные материалистич. тенденции. В отличие от Лейбница, Л. пришел к выводу, что дух и тело представляют собой две стороны единой субстанции (фрагмент «Спиноза навел Лейбница лишь на след учения о предустановленной гармонии» — «Durch Spinoza ist Leibnitz nur auf die Spur der vorherbestimmten Harmonie gekommen», 1763).

Признавая себя последователем Спинозы, Л. утверждал, что бог существует не вне мира, а в нем самом (фрагмент «О действительности вещей вне бога» — «Über die Wirklichkeit der Dinge ausser Gott», 1763). В беседе с Ф. Якоби (1780) Л. выразил материалистич. сущность своего филос. мировоззрения в словах: «В основе протяженности, движения, мысли поистине лежит одна и та же более высокая сила, которая не исчерпывается этими определениями... Ортодоксальные понятия о божестве не существуют более для меня. Единое — все, все — единое. Я не разумею иначе» (Gesammelte Werke, Bd 8, B., 1956, S. 622, 618).

Посмертное опубликование беседы Л. с Якоби (1785) вызвало в Германии ставший знаменитым «Спор о Спинозе» (1785—87), в к-ром идеалисту Мендельсону возражали Гёте и Гердер, защищавшие идеи Спинозы.

Пантеистически окрашенный материализм Л. стремился соединить с детерминизмом и с идеей развития. Признавая одушевленность не только органич., но и неорганич. природы, он считал, что различие между ними связано с тем, что частицам неорганич. природы свойственно одно чувство, а органической — соединение нескольких чувств. Человек располагает пятью чувствами, по число их может увеличиваться в результате развития культуры (фрагмент «О том, что человек может обладать более, чем пятью чувствами» — «Dass mehr als fünf Sinne für den Menschen sein können», ок. 1770—80).

Огромное значение для нем. Просвещения имели соч. Л., посвященные борьбе с церковью (памфлет «Анти-Гёце» — «Anti-Goeze», 1778; филос. драма «Натан Мудрый» — «Nathan der Weise», 1779, рус. пер. 1875). Л. защищал право свободного исследования религ. вопросов, доказывая невозможность примирить философию и учение церкви, проповедовал веротерпимость, равенство людей независимо от вероисповедания и сословного происхождения. Соединив филологич. метод критики с историческим, он способствовал развитию в Германии науч. критики евангелий.

Идею развития Л. стремился приложить к истории человек. культуры. В «Воспитании человек. рода» («Die Erziehung des Menschengeschlechts», 1775—80) он рассматривал историю человечества как процесс постоянного совершенствования и восхождения от низших ступеней к высшим. Все религии, по Л., составляют продукт определенной историч. эпохи. Выражая сознание одной эпохи, они в следующую эпоху перестают соответствовать потребностям человечества, достигнутому им уровню развития. Язычество, иудаизм и христианство Л. рассматривал как три ступени нравств. эволюции человечества, конечной целью к-рой является торжество разума и справедливости. На высшей ступени истории христ. религия должна уступить место идеалу гуманности.

Различие между гос. и правовым строем разных народов Л., в духе *Монтескье*, объяснял различием климата. Л. был страстным патриотом, защитником равенства и дружбы народов, борцом против нем. абсолютизма и феод. раздробленности Германии за ее мирное объединение. Он считал, что гос-во и связанное с ним обществ. неравенство должны в будущем исчезнуть. Не ставя вопроса о революц. средствах борьбы, Л. связывал свои патриотич. чаяния с верой в историч. прогресс, в совместные усилия передовых деятелей в области культуры, литературы и искусства («Эрнст и Фальк» — «Ernst und Falk», 1778—80).

Материалистич. тенденции филос. взглядов Л. получили яркое отражение в его эстетич. идеях. Наряду с Дидро Л. — самый крупный представитель бурж.-демократич. эстетики 18 в., сложившейся под знаком борьбы с аристократич. и раннебурж. классицизмом и утверждения теории реализма. Рассматривая иск-во как «подражание» природе, Л. понимал ограниченность термина «подражание», характерного для эстетики 17—18 вв., и стремился истолковать его более широко — в духе реалистич. воспроизведения и познания жизни. Иск-во, по Л., как и наука, сосредоточивает внимание человека на существенных и закономерных сторонах действительности, помогает усмотреть необходимость там, где на поверхности жизни господствуют случайность и нестрога явлений. Поэтому иск-во, по Л., ведет к «познанию» и вместе с тем способствует «исправлению», является для человечества орудием нравственного воспитания и совершенствования.

Материалистический по своему характеру взгляд на иск-во как отражение действительности получил широкое развитие в соч. Л. «Лаокоон» («Laokoön, oder Über die Grenzen der Malerei und Poesie», 1766, рус. пер. 1957). Л. доказывал здесь, что законы различных искусств обусловлены их специфич. особенностями, характерным для них предметом изображения. Средства, к-рыми располагают поэзия и живопись, не являются для художника и поэта лишь механич. внешним орудием; между средствами и специфич. характером иск-ва существует объективная связь. Каждое из иск-в приспособлено в первую очередь к изображению тех сторон внешнего мира, к-рые с наибольшей полнотой и совершенством могут передаваться его специфич. художеств. средствами. Живопись и скульптура как пространств. иск-ва наиболее приспособлены для изображения «тел», расположенных в пространстве, поэзия как временное иск-во — для изображения «действий», совершающихся во времени. Поскольку же живопись должна изображать действия, а поэзия — телесный облик предметов, они должны делать это не прямо, а опосредствованно: живопись — через материальные, телесные признаки, а поэзия — изображая соиздание материальных предметов человеком или воздействие внешнего мира на его сознание. В «Гамбургской драматургии» («Hamburgische Dramaturgie», Bd 1—2, 1767—69, рус. пер., 1936) Л. изложил свою теорию театра и драмы. Он подчеркивал обществ.-политич. значение театра и указывал на силу его воздействия. В отличие от Дидро, считавшего, что типы свойственны только комедии, Л. признал обобщенные свойства всякого иск-ва, в то же время подчеркивая, что типичность в разных жанрах и видах иск-ва может достигаться различными средствами. Утверждая, что разнообразие человек. характеров в жизни безгранично, Л. призывал выводить на сцене не отвлеченные и идеализированные, а реалистич. образы людей, сочетающие типическое с индивидуальным. Л. указал в «Гамбургской драматургии» на придворно-аристократич. черты эстетики классицизма не только в произведениях Корнелия, но и Вольтера, высоко оценил правдивость и естественность антич. трагедии Шекспира, лучшие образцы передовой бурж. драмы 18 в. и этим способствовал повороту нем. литературы к реалистич. драматургии. Свои эстетич. принципы Л. осуществлял в драмах — поэтич. произведениях, полных глубокого гуманистич. социальн.-филос. содержания.

Соч.: Lessing's Philosophie, Lpz., 1909; Werke, Tl 1—25, В., [1925], Anmerkungen, Tl 1—3, В., [1929], Register, Tl 1—2, В., [1935]; Gesammelte Werke, Bd 1—10, В., 1954—58; Werke, Bd 1—6, Lpz., [1955]; в рус. пер. — Собр. соч., 2 изд., т. 1—10, СПб., 1904; Избр. произв., М.—Л., 1953.

Лит.: Чернышевский Н. Г., Л., его время, его жизнь и деятельность, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1948; Дюролюбов Н. А., Лаокоон, или о границах живописи и поэзии, Соч., Л. [реп.], Полн. собр. соч., т. 5, М., 1941; Фишер К., Г. Э. Л. как преобразователь нем. лит., пер. с нем., М., 1882; Филипов М. М., Лессинг. Его жизнь и лит. деятельность, СПб., 1891; Мейер Ф., Лессинг о Л., Лит.-критич. работы, т. 1, М.—Л., 1934; История философии, т. 3, М., 1943, с. 24—33; Гриб В. Р., Жизнь и творчество Л., Избр. работы, М., 1956; Фридендерг Г., Лессинг, М., 1957; История философии, т. 2, М., 1957, с. 21—25; Гулыга А. В., Из истории нем. материализма (последняя треть XVIII века), М., 1962 (см. указат.); Дальке, Г. Л. и развитие теории реализма, М., 1963 (Автореф.); Leisegang H., Lessings Weltanschauung, Jena, 1931; Klein F. F. L. Weltanschauung, W., 1931; Liemann H., L. und die mittelalterliche Philosophie, Stuttg., 1931; Kommerell M. L. und Aristoteles, Fr./M., [1957]; Rilla P., L. und sein Zeitalter, В., 1958; Szagota E. M., Lessings «Laokoön», Weimar, 1959; Lowenich W. von, Luther und L., Tübingen, 1960; Mann O., Lessing. Sein und Leistung, 2 Aufl., Hamb., 1961. Г. Фридендерг. Ленинград.

ЛЭССИНГ (Lessing), Теодор (8 февр. 1872—31 авг. 1933) — нем. философ и писатель. На филос. взгляды Л. оказывали влияние Гуссерль и представители *фило-*

софии жизни. Согласно концепции, развитой Л. в работе «История как придание смысла бессмысленному...» («Geschichte als Sinngebung des Sinnlosen oder Geburt der Geschichte aus dem Mythos», 1919), Л. видит в истории лишь «становящийся миф», «не имеющее конца мифологическое творчество человека» (указ. соч., S. 11). Л. не скрывает того, что его историч. концепция направлена против марксистского понимания истории. Отрицание объективности историч. процесса есть отражение того пессимизма, кризиса европ. культуры, к-рый объединяет Л. с О. Шпенглером, Р. Нанвицем и др. Представление об истории как мифотворчестве роднит Л. с совр. ему релятивистскими концепциями (напр., философией фикций Файхингера, «идеологическим реляционизмом» Манхойма). Предвосхитив ряд идей морфологии замкнутых культур, Л. много писал о растущем обезличивании человека, об усилении роли обществ. мнения, об одиночестве человека в совр. мире. «Предметный мир убивает жизнь; машины стали умнее своих создателей; творения богаче своих творцов» (там же, S. 57). Противопоставление общины (Gemeinschaft) и общества (Gesellschaft), выдвинутое Ф. Теннисом, Л. принимает и интерпретирует как противопоставление земли (Erde) и духа (Geist). Согласно Л., в духе гибнет земля и человек («Europa und Asien», 1918, 5 Aufl., 1939).

Критика Л. европ. цивилизации обнаруживает силу и слабость романтич. критики капитализма, о к-рой Маркс говорил, что она «...умеет осуждать и осуждать современность, но не умеет понять ее» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 514, прим.).

Соч.: Christus und Venus, Münch., 1895 (als Manuskript gedr.); Das Recht des Lebens, Münch., 1898; Schopenhauer. Wagner. Nietzsches. Einführung in die moderne deutsche Philosophie, Münch., 1906; Über Hypnose und Suggestion, Gött., 1907; Philosophie als Tat, Gött., 1914; Studien zur Wertaxiomatik, 2 Aufl., Lpz., 1914; Die verfluchte Kultur. Gedanken über den Gegensatz von Leben und Geist, Münch., 1921.

Лит.: Вазаров В., История, как осмысливание бессмыслицы, «Совр. Запад», 1922, кн. 1, с. 89—96; Кош И. С., Филос. идеализм и кризис бурж. историч. мысли, М., 1959; Messer A., Der Fall Lessing, Bielefeld, 1926; Goetze W., Die Gegensätzlichkeit der Geschichtsphilosophie O. Spenglers und Th. L., Lpz., 1930 (Diss.). А. Оурицов. Москва.

ЛЕСЬНЕВСКИЙ (Leśniewski), Станислав (18 марта 1886—13 мая 1939) — польский логик, проф. Варшавского ун-та (с 1919). Большое внимание Л. уделял вопросам, связанным с логич. парадоксами. Разработанная им теория семантич. категорий близка к *типов теории* Уайтхеда и Рассела и, так же как последняя, ставит своей целью устранение известных антиномий. При анализе логич. парадоксов Л. предложил новый метод, заключающийся в том, что к высказыванию о к.-л. объекте добавляется требование же с т к о с т и этого объекта, т. е. требование выполнения для объекта *A* условия *A=A*. По Л., для таких парадоксальных объектов, как множество всех правильных множеств (т. е. множеств, к-рые не являются элементами самих себя), условие жесткости не выполняется. Л. — автор трех логич. систем, названных им соответственно *прототетикой*, *онтологией* и *мереологией*. Эти системы отличаются большой четкостью и точностью, но являются более сложными, чем др. системы совр. математич. логики, и поэтому редко находят применение у математиков. Система прототетики является обобщением двузначного исчисления высказываний путем введения *кванторов* по переменным любого рода (в том числе и по пропозициональным переменным) и переменных различных логич. типов, значений к-рых являются функции от значений истинности. Онтология является формализованной теорией значения символа « ϵ » (согласующегося со значением связки «есть» в разговорном языке), дополненной разработанной Л. системой семантич. категорий. Позднее была доказана

эквивалентность онтологии алгебре множеств и их элементов. Однако положенный в основу онтологии семантич. анализ ее первичных терминов придает этой системе специфически философский смысл. В мереологии основную роль играет отношение «предмет x является частью предмета y ». Это обычная булева алгебра без нулевого элемента. Логич. системы Л. можно рассматривать как результат его филос. номиналистич. воззрений. Не случайно Л. считается одним из родоначальников совр. *номинализма* в философии математики и логики. Работы Л. оказали большое влияние на развитие логики и философии в Польше.

Соч.: *Podstawy ogólnej teorii mnogości*, 1, Moskwa, 1916; *Grundzüge eines neuen Systems der Grundlagen der Mathematik*, «*Fundamenta Mathematicae*», 1929, t. 14; нов. изд. — *Warsz.*, 1938; *O podstawach matematyki*, «*Przegląd Filozoficzny*», 1927—31, v. 30—34; в рус. пер.: Логич. рассуждения, СПб, 1913. Изложение логич. систем Л. содержится в работах: Słupiecki J., *S. L.'s protothetics*, «*Studia Logica*», 1953, t. 1; е го же, *S. L.'s Calculus of Names*, там же, 1953, t. 3; е го же, *Towards a generalized mereology of L.*, там же, 1958, t. 8.

Лит.: *Sobociński B.*, *L'analyse de l'antinomie russellienne par L.*, «*Méthodos*», 1949, v. 1, p. 94—107, 220—228, 308—316; 1950, v. 2, p. 237—57; *Priog A. N.*, [Реферат статьи], *B. Sobociński, L'analyse de l'antinomie russellienne par L.*, «*J. Symbolic Logic*», 1953, v. 18; *Grzegorz A.*, *The systems of L. in relation to contemporary logical research*, «*Studia Logica*», 1955, t. 3.

В. Донченко. Москва.

ЛЕСЯ УКРАИНКА [псевд.; наст. имя — Лариса Петровна Косач-Квитка; 13 (25) февр. 1871—19 июля (1 авг.) 1913] — укр. писательница, публицистка и литературный критик. Род. в г. Новгород-Волынский. В совершенстве владела многими европейскими языками. В конце 80-х гг. сблизилась с революц. молодежью. В сер. 90-х гг. под влиянием рабочего движения начала изучать и популяризировать марксистские произведения, хотя марксизм до конца не поняла. Перевела на укр. язык «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса, «Очерки материалистич. понимания истории»

Лабриолы, популярную в марксистских кружках того времени брошюру польского социалиста Ш. Дикштейна «Кто чем живет», в послесловии к к-рой Л. У. изложила учение марксизма о классовой борьбе. Другом рабочих называла Л. У. большевистская газета «Рабочая правда». Л. У. была связана с укр. с.-д. организацией, за что в 1907 подверглась аресту.

Уже с середины 90-х гг. Л. У. встала на позиции революции, хотя не видела еще в рабочем классе гл. силы революц. преобразования общества. Впоследствии Л. У. сделала значит. шаг к марксизму, показывая в лице рабочего класса силу, призванную возглавить нар. массы в их великой борьбе. Л. У. призывала трудящихся Украины к единению и укреплению дружбы с трудящимися других наций, особенно с рус. народом, разоблачала укр. бурж. националистов, подчеркивала, что условием нац. развития является социальное освобождение (см. Собр. соч., т. 3, М., 1950, с. 69).

Л. У. считала материалистич. мировоззрение единственно верным, отстаивала принцип детерминированности мира, выступала с критикой идеализма Платона, мистицизма Августина, ницшеанства и др. реакц. филос. учений.

Борясь с фатализмом, Л. У. требовала, чтобы философия служила делу преобразования мира и, прежде всего, обществ. отношений. Утверждая, что нельзя

представить жизнь без движения, Л. У. считала правильным конкретнo-историч. подход к явлениям природы и общества, рассматривала каждый этап в их развитии как часть «великой и величественной цепи эволюции» (Твори, т. 12, Київ, 1930, с. 57).

Эстетич. взгляды Л. У. характеризовались требованием народности и идейности иск-ва. По мнению Л. У., реалистич. отражение жизни должно включать в себя мечту об идеале, за к-рый борются прогрессивные силы общества. Сила иск-ва — в правильном выражении стремлений и чаяний трудового народа. «Не поэт, кто забывает о страданиях народа...» (Собр. соч., т. 1, 1950, с. 285). Л. У. близко подошла к марксистскому пониманию классовой иск-ва.

Соч.: Твори, т. 1—5, К., 1951—56; в рус. пер.— Собр. соч., т. 1—4, М., 1956—57; Избр. обществ.-политич. и филос. произв. украинских революционных демократов XIX в., М., 1955, с. 507—631.

Лит.: Франко И., Избр. соч., пер. с укр., т. 5, М., 1951, с. 235—56; Головаха И., Суспільно-політичні і філософські погляди Л. У., К., 1953; е го же, *Леся Українка — верный друг людей труда*, в сб.: Укр. революц. демократы. Обществ.-политич. и филос. взгляды, М., 1954; Дейч А. И., *Л. Украинка*, 2 изд., М., 1954; Куликов И. М., *Суспільнополітичні погляди Л. У.*, К., 1954; Вабишкін О. К., *Курашова В. С.*, Л. Украинка, К., 1955; *Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР*, т. 2, М., 1956, с. 625—34; *Корчевой Д. А.*, Эстетич. взгляды Л. У., К., 1956; *Авторовой О. Л.*, *О лексиконі М. М., Атеїстичні погляди Л. У.*, Львів, 1958.

Д. Остришин. Киев.

ЛЕТЕЛЬЕР (Letelier), Валентин (1852—1919) — чилийский социолог, правовед, педагог и либерально-бурж. обществ. деятель. Проф. права Чилийского ун-та (1888—1911). Л. — последователь контовского позитивизма. В работах по историографии и философии права он утверждал, что к возникновению первичных обществ. групп «привела потребность в общих благах и сексуальная разнородность человеческого рода». Придерживаясь «договорной» теории в вопросе о возникновении гос-ва и права, Л. подчеркивал значение и таких факторов, как рост населения, территория, развитие городов и просвещения. Л. выступал противником теории *естественного права*.

Сыграл большую роль в развитии педагогики и в постановке образования в Чили.

Соч.: *El hombre antes de la historia*, Santiago, 1883; *De la ciencia política en Chile*, Santiago, 1886; *La lucha por la cultura*, Santiago, 1895; *La evolución de la historia*, 2 ed., Santiago, 1900; *Fisiología, de la educación*, Santiago, 1912; *Genesis del estado y sus instituciones fundamentales*, B. Aires, 1917; *Genesis del derecho y de las instituciones civiles fundamentales*, Santiago, 1919. *И. Добронравов.* Москва.

ЛЕТУРНО (Letourneau), Шарль (23 сент. 1831—21 февр. 1902) — франц. бурж. этнограф, философ и социолог; д-р медицины (с 1858), президент (с 1886) и ген. секретарь (с 1887) Парижского антропологич. общ-ва, проф. истории цивилизации в Антропологич. школе (с 1885). В понимании природы Л. — материалист (см. «Биология», СПб, 1903, с. 1). Опровергая религ. верования, подчеркивая связь материализма с успехами естествознания, Л. заявлял: «в настоящее время после стольких перипетий материалистическая философия завоевала свое право гражданства и ее окончательный триумф не вызывает сомнений» («*Science et matérialisme*», P., 1890, p. VI). Социология Л. является позитивистской, связана с отрицанием истории, закономерностей и возможности их познания. Защищая теорию прогресса, он давал идеалистич. толкование его: «Строго говоря, весь этот сложный прогресс в сущности — умственный» («Социология по данным этнографии», СПб, 1896, с. 347). Будучи убежденным эволюционистом, Л. утверждал, что все обществ. институты необходимо рассматривать в их изменении и развитии. Наилучшим методом является обращение к этнографии, на к-рой и должна быть построена социология. Л. принадлежат работы по эволюции морали, семьи, брака, собственности, торговли, рабства, политики, религии, лит-ры, воспитания, к-рые носят

описат. характер. Приводя большой фактич. материал, отобранный недостаточно критически, Л. отказывался от общих выводов и выяснения причин обществ. изменений. Выступал против расизма и апологии войны («Война» — «La guerre», 1895).

Соч.: L'évolution du mariage et de la famille dans les diverses races humaines, P., 1888; L'évolution politique..., P., 1890; L'évolution juridique dans les diverses races humaines, P., 1891; L'évolution religieuse..., 2 éd., P., 1898; La psychologie ethnique..., P., 1901; в рус. пер. — Прогресс нравственности, 2 изд., СПб, 1910; Эволюция собственности, СПб, 1889; Эволюция рабства, М., 1897; Лит. развитие различных племен и народов, СПб, 1895; Эволюция торговли, СПб, 1899; Эволюция воспитания у различных человеческих рас, СПб, 1900; Физиология страстей, СПб, 1896.

Лит.: Плеханов Г. В., В защиту экономич. материализма, в кн.: Избр. филос. произв., т. 2, М., 1956, с. 210—212; е го ж е, Материалистич. понимание истории, там же, с. 661—62. В. Кузнецов. Москва.

ЛЕФЕВР (Lefebvre), Анри (р. 16 июня 1905) — франц. философ, д-р филологич. наук, работает в Нац. центре научных исследований. В прошлом принадлежал к Франц. коммунистич. партии. В этот период им были опубликованы ряд работ по диалектич. и историч. материализму, логике, эстетике, истории философии; они способствовали пропаганде идей марксистской философии во Франции, борьбе с бурж. идеологией. Однако уже в этих работах имелись серьезные ошибки, свидетельствующие о непонимании Л. ряда важнейших положений марксизма (единство теории и практики, философии и политики, возникновение марксизма как революц. переворот в философии, познание как отражение действительности и др.) и непреодоленном влиянии идеализма. У Л. имелась тенденция к связыванию диалектич. движения только с человек. деятельностью и отрицанию диалектики природы; главным в марксизме он считал теорию отчуждения и учение о товарном фетишизме. Эти идеи Л. оказали влияние на извращение марксистской диалектики экзистенциалистами (Сартр) и католич. философами (Виго, Кальвез, Шамбр). Ошибочные взгляды Л. неоднократно критиковались марксистами (см., напр., Р. Гароди, Вопросы марксистско-ленинской теории познания, М., 1955). С конца 1956 ошибочное понимание важнейших положений марксистской философии Л. перерастает в ревизионизм: политич. неустойчивость Л., проявленная им в связи с критикой КПСС культа личности Сталина, контрреволюц. мятежом в Венгрии осенью 1956 и усилением атак бурж. идеологов на марксизм, способствовала этому. Л. выступил с обвинениями совр. марксистской мысли в застое, «склерозе»; под предлогом борьбы с догматизмом Л. пришел к отрицанию важнейших положений марксизма (в т. ч. в решении осн. вопроса философии, в теории гос-ва, учении о диктатуре пролетариата и руководящей роли партии); вдохновляясь католическими идеями, Л. утверждал, будто тезис о первичности материи по отношению к сознанию — это недоказуемый постулат, а сама материя — нечто непостижимое. Он изображал марксизм как учение, состоящее из нерешенных проблем («Совр. проблемы марксизма» — «Problèmes actuels du marxisme», 1958). Исключенный из ФКП, Л. продолжал эволюционировать в сторону все большего сближения с бурж. идеологией. В кн. «Сумма и остаток» («La somme et la reste», 1959) Л. полностью порывает с марксизмом, хотя и считает себя чуть ли не «единственным марксистом» современности, и присоединяет свой голос к хору клеветников на коммунистич. движение. Теория отчуждения в ее идеалистич. трактовке, теория практики в ее прагматистском понимании, «теория моментов» (разлагающая человек. жизнь па лишь внешне связанную последовательность изолированных и недетерминированных моментов — экзистенциалистских «ситуаций») — таков филос. багаж Л. Философия Л. является разновидностью эклектич.

идеализма. В политич. плане Л. порвал с освободит. борьбой пролетариата и стал выразителем мелкобурж. анархистских настроений.

Соч.: La conscience mystifiée, P., 1936 (совтор); Le nationalisme contre les nations, P., 1937; Hitler au pouvoir. Les enseignements de cinq années de fascisme en Allemagne, P., 1938; Nietzsche, P., 1939; L'existentialisme, P., 1946; Pour connaître la pensée de Karl Marx, [P.], 1947; Critique de la vie quotidienne, [5 ed.], P., [1947]; Descartes, P., [1947]; A la lumière du matérialisme dialectique, I. Logique formelle, logique dialectique, P., 1947; Diderot, [P.], 1949; Le matérialisme dialectique, [3 ed.], P., 1949; Contribution à l'esthétique, P., [1953]; Pascal, t. 1—2, P., [1949—1955]; A. de Musset, dramaturge, [P.], 1955; Rabelais, P., [1955]; Le marxisme, P., 1956; La pensée de Lénine, [P.], 1957; рус. пер. — Введение в эстетику, М., 1954.

Лит.: Садовский Н. А., История марксистской философии в кривом зеркале ревизионизма, «Вопр. философии», 1958, № 10; Боров Ю., Против ревизионизма в эстетич. теории [В связи со статьей А. Л. «К революционному романтизму»], «Иностр. лит.», 1958, № 4; Эфиоров С., От ревизии марксизма к буржуазной идеологии, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 5; Кузнецов В. Н., Развитие марксистской философии во Франции после второй мировой войны, М., 1962; Иовчук М. Т., Осипов Г. В., О некоторых теоретич. принципах, проблемах и методах социологич. исследований, «Вопр. философии», 1962, № 12; Давыдов Ю. Н., А. Л. и его «концепция отчуждения», «Вопр. философии», 1963, № 1; Garaudy R., La lutte idéologique chez les intellectuels, «Cahiers du Communisme», 1955, № 7—8; Une lettre de Henri Lefebvre à R. Garaudy. Réponse à H. Lefebvre: Sur les fondements idéologique du parti et les problèmes de l'unité, там же, № 10; Suret-Canalet J., Le marxisme en France et la lutte des classes, там же, 1957, № 11; Garaudy R., A propos d'un livre d'H. L. Initiation au marxisme ou initiation au révisionnisme?, там же, 1958, № 4; Вессе Г., Impuissance de révisionnisme, там же, 1959, № 5; Канапа Ж., Sur un bulletin de santé du marxisme en France. Réponse à H. L., «La Nouvelle Critique», 1957, № 87—88; Сève L., H. L. et la dialectique chez Marx, там же, 1958, № 94; Suret-Canalet J., Notes sur la méthode d'H. L. devant les problèmes actuels du marxisme, там же, № 95; Мурау Г., Un panorama de la philosophie. L'Encyclopédie française (Philosophie), «Pensée», 1958, № 78; Сève L., Sur «La somme et la reste» d'H. Lefebvre, в кн.: Сève L., La différence, [P.], 1960. В. Кузнецов. Москва.

ЛЕФЕВР Д' ЭТАПЛЬ (Lefèvre d'Étapes; лат. Faber Stapulensis), Жак (1455—1536 или 37) — франц. философ-гуманист. Большое влияние на формирование взглядов Л. д'Э. оказали итал. гуманизм и натурфилософия (Фичино, Пико дела Мирандола, Николай Кузанский, собр. соч. к-рого он издал в 3 тт. в 1514, и др.), Эразм Роттердамский, а также христ. мистика. Л. д'Э. выступил за восстановление подлинной, свободной от схоластики, извращений философии Аристотеля. Он издал мн. произведений Аристотеля, снабдив их комментариями и написав к ним предисловия. В то же время Л. д'Э. возражал против авероистского (см. Авероизм) истолкования аристотелизма, стремясь согласовать метафизику Стагирита с догматами творения мира и личного бессмертия. Деятельность Л. д'Э. способствовала оживлению интереса к Аристотелю во Франции и Германии; его многочисл. последователи, образовавшие целую школу (фабристов), желали умеренной реформы аристотелевской логики (т. н. термизм), отрицательно относясь к нововведениям Раме. Странники Л. д'Э. приобрели большое влияние в протестантских ун-тах.

Л. д'Э. был предшественником реформационного движения во Франции. Он перевел Библию (1523) на франц. яз. и написал комментарий к ней. Призывы возвратиться к простоте первоначального христианства, упростить культ, пропандея Нового завета как осн. и единств. источника вероучения — все это сближало взгляды Л. д'Э. с программой Лютера. Католич. церковь осудила воззрения Л. д'Э., как еретические, и только покровительство королевского двора спасло его от расправы.

Соч.: Totius philosophiae naturalis paraphrases, P., 1501; Meteorologia Aristotelis elegantia J. Fabri Stapulensis paraphrasi explanata... Norimbergae, 1512; Aristotelis opus metaphysicorum, P., 1515; Aristotelis de Anima libri tres..., Basi-

leae, 1538; Fabri J. Stapulensis in libros logicos paraphrasis, P., 1543.

Лит.: Graf K. H., Jacobus Faber Stapulensis. Ein Beitrag zur Geschichte der Reformation in Frankreich, «Z. Histor. Theologie», 1852, S. 3—86, 165—237; Hauser H. et Renaudet A., Les débuts de l'âge moderne, 3 éd., P., 1946; Renaudet A., Préforme et humanisme à Paris pendant les premières guerres d'Italie (1494—1517), 2 éd., P., 1953. В. Кузнецов. Москва.

ЛЭХЕН (Lehén), Туре (р. 1893) — финский философ-марксист, деятель революц. рабочего движения. Работал в Коминтерне; участник учредит. съезда компартии Финляндии. В работе «Мировоззрение рабочего класса» («Tuöväenluokan maailmankatsoimus»), 1950, 3 изд., 1959, рус. пер. 1962) Л. в популярной форме изложил ряд проблем диалектич. материализма, рассматривая их в тесной связи с социально-политич. условиями Финляндии. Опираясь на работы Ленина, Л. подвергает критике реакц. взгляды представителей совр. бурж. философии в Финляндии (особенно логич. позитивизма). В произв. «Народ и государство» («Kansa ja valtio», 1951) Л. выступает в защиту марксистско-ленинского учения о гос-ве и революции. В др. работах он разъясняет отношение коммунистов к религии («Коммунизм и христианство» — «Communismi ja kristinusk», 1951), критикует старых и новых «опровергателей» марксизма («Так изменяется мир» — «Niin muuttuu maailma», 1960; «Причины влияния коммунизма в массах» — «Kommunismiin joukko vaikutuksen syyt», [1961]).

А. Мысливченко. Москва.

ЛН, Вернон (Lee Vernon) [подлинное имя — Пэджет (Paget), Ваиолет] (1856—1935) — англ. писательница, автор работ по вопросам эстетики. Ей принадлежат ряд работ по культуре Италии периода Возрождения. В области эстетики вслед за Липсом и Гроссом разрабатывала т. н. теорию *вчувствования*, истолковывая иск-во как некий синтез мысли и чувства, имеющий «досознательный» характер.

Соч.: Beauty and ugliness..., L.—N. Y., 1912 (соавтор); The beautiful. An introduction to psychological aesthetics, Camb., 1913; в рус. пер.: Италия, [т. 1—2], М., 1914—15; Совр. книга по эстетике. Антология. [Сост. М. Рейдер], М., 1957 (см. Указатель). И. Мача. Москва.

ЛНВАНИЙ (Λιβάνιος) (р. ок. 314 — ум. ок. 393) — риторик и философ Восточной Римской империи. Получил образование в Афинах, основал собств. школу в Константинополе. Филос. воззрения Л. сформировались под влиянием *неоплатонизма*. Антихрист. деятельность была причиной удаления Л. из столицы вместе с его школой. Среди многочисл. учеников и слушателей Л. был император Юлиан-отступник, на которого он оказал большое влияние. Л. с большим воодушевлением встретил реформы Юлиана, восстановившие культ древних языч. богов.

Лит. наследие Л., состоящее из речей и писем (св. 1600), представляет большой интерес для понимания совр. Л. жизни. Одним из его адресатов был груз. мыслитель Бакури.

Соч.: Речи Л., пер. с прим. С. Шестакова, т. 1—2, Каз., 1914—16; [Фрагменты] в кн.: Рапович А., Античные критики христианства, М., 1935. Ш. Хидашели. Тбилиси.

ЛИБЕЛЬТ (Libelt), Кароль (8 апр. 1807—9 июня 1875) — польский философ-идеалист, либерально-бурж. политич. деятель. Выступал против германизации Польши, участвовал в освободит. восстании 1830—31. С нач. 40-х гг. Л. был одним из руководителей польской тайной организации, за что в 1846 был осужден прусскими властями и приговорен к смертной казни, замененной 20 годами заключения. Революция 1848 освободила Л. С позиций бурж. либерализма Л. пропагандировал необходимость уничтожения феод. строя, но был против революц. демократизма Дембовского. После поражения революции 1848—49 Л. примкнул к либеральной «Польской Лиге», отказавшейся от нац.-освободит. борьбы.

Л. принадлежал к «национальным философам» — мессиаистам. Первоначально испытал влияние философии Гегеля, Л., однако, выступил против гегельянского панлогизма, поскольку эта теория отрицала личного бога и бессмертие души. Существует, по Л., некая сверхрациональная способность постижения истины, свойственная исключительно слав. народам, особенно полякам. В связи со своим постулатом «славянской философии» Л. пронагадировал иррационалистич. и религиозное мировоззрение. Идеализм пронитывает и эстетику Л., к-рая была подвергнута критике Э. Дембовским (E. Dembovski, в журн. «Przeegląd Naukowy», 1842, t. 4, № 31 — рецензия на работу Л. «Введение в философию изящных искусств» — «Wstęp do filozofii sztuk pięknych») и Т. Шевченко (см. Собр. соч., т. 5, 1956, с. 65—66).

Соч.: Pisma pomniejsze, t. 1—6, Poznań, 1849—51; Dzieła. Filozofia i krytyka, 2 wyd., t. 1—6, Poznań, 1874—75.

Лит.: Дембовский Э., Мысли о будущности философии, в кн.: Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей, т. 3, М., 1958, с. 280; Кронский Т., Концепция философич. месьянизма польских в половине XIX в., «Archiwum historii, filozofii i myśli społecznej», 1957, t. 2; Моравский С., Погляды эстетич. К. Л., в сб.: Materiały do studiów i dyskusji..., № 7—8, Warsz., 1951; Polska filozofia narodowa. Zb., Kr., 1921; Космоўска Я. В., К. Л. jako działacz polityczny i społeczny, Poznań, 1918; Bibliografia filozofii Polskiej 1831—1864, Warsz., 1960, s. 160—79.

ЛИБЕРТ (Liebert), Артур (10 нояб. 1878—5 нояб. 1948) — нем. философ-идеалист, неокантионец *марбургской школы*. Проф. Берлинского (1928—33) и Гелградского (1934—39) ун-тов. Теорию познания считал предпосылкой для рассмотрения всех остальных филос. проблем, прежде всего проблемы ценности. В 30-х гг., стремясь преодолеть субъективно-идеалистич. характер *неокантианства*, Л. сближается с *неогегельянством*. Если в первый период его деятельности категории рассматривались им как определения мышления, то теперь принимается гегелевский тезис о тождестве субъекта и объекта и категории выступают как определения самого бытия. Тем самым делается попытка преодолеть кантовский разрыв между мышлением и бытием. Диалектику субъекта и объекта Л. пытается проследить в соч. «Дух и мир диалектики» («Geist und Welt der Dialektik», 1929). Задача философии, согласно Л., понять сущность духа, постигнуть его спонтанность именно в его диалектике и как диалектику. Таким образом, в конечном итоге теория познания должна выступать как учение о творческой диалектике духа. Исходя из этих филос. позиций, Л. критикует совр. бурж. культуру, по причине ее унат-ка видит не в капиталистич. производств. отношениях, а в духовном кризисе. Преодолеть этот кризис, по Л., можно только путем создания нового мифа. В философии культуры Л. чувствуется влияние иррационалистич. философии жизни.

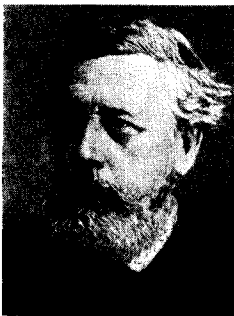
Л. относится к тем нем. философам, к-рые политически являются представителями отжившего свой лек либерализма. После прихода фашизма в власти в Германии слабость либерализма стала очевидной и его сторонниками овладел пессимизм; они восприняли национал-социализм как роковое явление, видя в нем не общественный, а духовный феномен, с которым бороться можно только духовными средствами.

Соч.: Das Problem der Geltung, B., 1914; Der Geltungswert der Metaphysik, P., 1915; Wie ist kritische Philosophie überhaupt möglich?, Lpz., 1919, 2 Aufl., Lpz., 1923; Vom Geist der Revolution, 3 Aufl., B., 1919; Die geistige Krisis der Gegenwart, B., 1923; Ethik, B., 1925; Mythos und Kultur, B., 1925; Zur Kritik der Gegenwart, Langensalza, 1928; Die Krise des Idealismus, Z.—Lpz., 1936; Der Liberalismus als Forderung, Gesinnung und Weltanschauung, Z., 1938; Von der Pflicht der Philosophie in unserer Zeit, Z., 1938; Der universale Humanismus, Z., 1946.

Лит.: Марск С., Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, Tübingen, 1929—31; Кронер Г., A. L. in memoriam, «Z. philos. Forschung», 1949, Bd 3, № 3.

В. Кауфхольдт. ГДР.

ЛИБКНЕХТ (Liebknecht), Вильгельм (29 марта 1826—7 авг. 1900) — один из основателей, лидеров и теоретиков герм. с.-д. партии, деятель междунар. рабочего движения. Окончив гимназию, изучал теологию, филологию и философию в ун-тах Берлина и Магдебурга. В студенч. годы познакомился с произведениями социалистов-утопистов и нек-рыми трудами основоположников марксизма. Участвовал в революции 1848—49 в Германии. После поражения революции бежал в Швейцарию (1849), в 1850 был вынужден эмигрировать в Англию. Еще в 1849 в Женеве познакомился с Энгельсом, а в июле 1850 в Лондоне — с Марксом и вступил в

Союз коммунистов; под влиянием Маркса и Энгельса стал на позиции науч. социализма. В 1862 после амнистии вернулся в Германию и принял активное участие в рабочем движении, вел борьбу с Лассалем и его последователями, отстаивал революц.-демократич. путь объединения Германии. В 1869 Л. и Бебель, направляемые Марксом и Энгельсом, руководили съездом в Эйзенахе, на к-ром была создана нем. с.-д. партия. Л. был редактором газеты партии («Volksstaat»), на страницах к-рой опубликовал нек-рые работы Маркса и Энгельса, филос. статьи *Дицгена*. Л. представлял интересы нем. рабочего класса в рейхстаге. Ленин высоко ценил позицию Л. по вопросу о формах и тактике парламентской борьбы (см. Соч., т. 11, с. 63—64). Во время франко-прусской войны Л. занимал интернационалистскую позицию, выступал с защитой Парижской Коммуны, за что был арестован и осужден на два года тюрьмы. В 1875 при объединении лассальянцев и эйзенахцев Л. допустил уступчивость в принципиальных вопросах, включив в программу партии вредные догмы Лассалья о создании социалистич. общества посредством организации производит. товариществ, о крестьянстве как единой реакт. массе, о гос-ве и др. Маркс и Энгельс остро критиковали эту программу партии и позицию Л. (см. К. Маркс, Критика Готеской программы, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 9—32, и Ф. Энгельс, Письмо к А. Бебелю 18—28 марта 1875, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 292—99). Вместе с Бебелем Л. проводил большую работу по руководству партией в условиях подполья, вел борьбу с ревизионизмом.

В работах «История франц. революции» («Geschichte der französischen Revolution», 1890), «Кто такие социал-демократы и чего они хотят» («Was die Sozialdemokraten sind und was sie wollen», [1894]) и др. Л. выступил как умелый популяризатор идей науч. социализма, историч. материализма. Л. указывал, что все политич. и обществ. отношения и учреждения обусловлены формами человек. труда. Обществ. устройство зависит от уровня развития орудий и средств произ-ва (см. «Германия полвека тому назад», СПб, 1907, с. 105). Капитализм обречен на гибель. «Неодолимые законы общественного развития, ...неодолимые как и рок у древних греков, заставляют его расчищать дорогу социализму...» («Der Hochverrats-Prozess wider Liebknecht, Bebel, Nepper...», В., 1911, S. 35). Однако гибель капитализма не произойдет сама собой, активные революц. действия людей включаются в объективный процесс: «...люди не являются игрушкой судьбы... отношения обуславливают человека, но и обуславливаются человеком..., и наши цели могут быть достигнуты только в резуль-

тате неустанной борьбы, в которой все примут активное участие, и каждый в отдельности безоговорочно все свое „я“ и самое свое существование кладет на весы этой борьбы...» («Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands», В., 1891, S. 342). Разоблачая оппортунистич. измышления о том, что переход предприятий в руки бурж. гос-ва является переходом к социализму, Л. утверждал, что бурж. гос-во является классовым в любой его форме. Пролетариат должен бороться за завоевание политич. власти, иначе он не может прийти к социализму (см. «Государств. социализм и революц. социал-демократия», с. 7—8). Опровергая клеветнич. утверждения, будто социалисты стремятся уничтожить семью и нравственность (см. «От обороны к нападению», Курск, 1923, с. 34—39), Л. доказывал, что подлинным наследником общечеловеч. культуры является пролетариат.

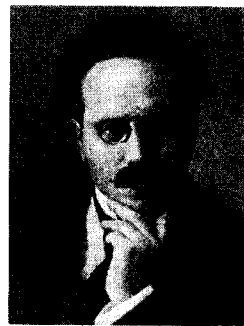
Маркс и Энгельс, подвергая критике теоретич. и тактич. ошибки Л., в т. ч. его неверное отношение к философии Гегеля (см. Соч., т. 24, 1931, с. 335—36), высоко ценили и направляли его деятельность. Высокую оценку деятельности Л. дал также Ленин.

Соч.: Zur Grund- und Bodenfrage, Lpz., 1876; Gegen den Militarismus und gegen die neuen Steuern, В., 1893 (совм. с А. Бебел); Robert Blum und seine Zeit, В., 1896; Die Emser Depesche, Nürnberg, 1899; Zum Jubeljahr der Märzrevolution, В., 1898; в рус. пер.—Знание есть сила, сила есть знание, СПб, 1919; Роберт Оуэн. Его жизнь и обществ.-политич. деятельность, М., 1919; О политич. позиции социал-демократии..., Никаких компромиссов..., Науки и мухи, М., 1958; Из воспоминаний о Марксе, М., 1958.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 25—29, [Л.], 1934—46 (см. Письма к Либкнехту); Ленин В. И., Предисловие к русскому переводу брошюры: «В. Либкнехт. Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!», Соч., 4 изд., т. 11; е го же, Август Бебель, там же, т. 19 (см. также в Справочном томе, ч. 2, с. 214); П и к В., Либкнехт В., БСЭ, 1 изд., т. 36, 2 изд., т. 25; История философии, т. 3, М., 1959 (см. Именной указатель); Eisenberg K., W. Liebknecht, В., 1906; Der Hochverrats-Prozess wider Liebknecht, Bebel, Nepper, В., 1911.

ЛИБКНЕХТ (Liebknecht), Карл (13 авг. 1871—15 янв. 1919) — сын В. Либкнехта, один из вождей левого крыла нем. социал-демократии и основателей компартии Германии. Деятель междунар. рабочего движения, Л. всегда был страстным защитником и сторонником рус. революции. Имя Л., писал Ленин, «...есть символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции, ... символ действительно искренней, действительно готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом» (Соч., т. 28, с. 410—11).

Подобно др. выдающимся революционерам-социалистам нач. 20 в., борцам против оппортунизма 2-го Интернационала, Л. стремился к марксистскому синтезу практики и теории, к-рый разрушал реформисты. Право, политэкономия, иск-во, религия, нар. образование — объекты постоянного интереса Л., темы его многочисл. блестящих выступлений в печати, с трибуны ландтага и рейхстага. Однако до последнего времени в Л. видели гл. обр. практика революции, ее воина и трибуна. Внимание историков, так же как современников Л., привлекали прежде всего наиболее яркие эпизоды его политич. борьбы — знаменитые судебные процессы, речи против Крупна, получившее отклик во всем мире антивоен. выступление в рейхстаге 2 дек. 1914 и др. Исследователи деятельности Л. не уделяли должного внимания анализу его теоретич. воззрений, ограничиваясь иногда

ссылками на «революц. инстинкт». Работа Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931) на четверть века предопределила односторонне-негативный подход к нем. левым и помешала серьезно изучению их наследия. С изданием в ГДР первого собрания соч. Л. (*Gesammelte Reden und Schriften, Bd 1—5, В., 1958—61; изд. продолжается*) появляется возможность для новой оценки филос. содержания его трудов.

Хотя на Ганноверском партийтаге (1899) Л., полемизируя с *Бернштейном*, защищал историч. материализм, первым его теоретич. выступлением считается ст. «Новый метод» (1903), представляющая собой отклик на книгу *Жореса* «Из теории и практики», переведенную нем. ревизионистами. Цель статьи — защита теории Маркса от фальсификации, критика очередной попытки противопоставить революц. учению «новый метод» мирного вступления в социализм. «Органическое» развитие общества, по убеждению Л., не исключает скачков и насилия; «органический» — не всегда означает «постепенный» и «мирный»; вера реформистов в бурж. демократию — не что иное как «суеверие»; условием победы социализма является «боевая сила» пролетариата.

По мере нарастания революц. ситуации в Европе филос.-историч. принципы, намеченные в ст. «Новый метод», разрабатывались Л. все более решительно и многогранно. Так, в ст. «Антимилитаризм!» (1915), подводя итоги первого года войны, Л. переходит к анализу роли личности и масс в совр. историч. процессе. Он выступает против вытекающего из теории стихийности тезиса «революции не делаются» и настаивает на том, что революции можно «сделать»; они являются итогом роста познаний и воли общества, это массовый процесс, происходящий в массах и через массы; но бессмысленно представлять массовые выступления как результат одноврем. решимости всех отд. личностей к действию; на нек-рых этапах, особенно в периоды катастрофич. потрясений, индивидуальные поступки, содействующие выступлению масс, необходимы и оправданы. Оспаривая концепции ревизионистов, придававших детерминизму Маркса фаталистич. характер, Л. подчеркивает, что принципность, необходимость, закономерность обществ. развития включают в себя индивидуальное деяние как фактор первостепенной важности, если оно способствует активности масс. «Принятое доселе воспитание пролетариата в духе подчинения отдельной личности коллективу и его обстоятельно разработанным репешиям крайне необходимо дополнить воспитанием в каждом способности проявить свободную, смелую инициативу в правильно выбранный момент; необходимо воспитать способность к действию под собственную ответственность...» (Избр. речи, письма и статьи, М., 1961, с. 311). На разработке этой проблемы Л., правда, сказались свойственные нем. левым недостатки: четкое понимание закономерностей империалистич. эпохи, но значение такой постановки вопроса, особенно для Германии и для нем. с.-д. партии, отравленной фидлистерским приспособленчеством, было исключительно велико.

Внутренне связана с этой трактовкой проблемы общества и личности последоват. борьба Л. против закрепощения науч. и политич. мысли кайзеровской бюрократией, частным капиталом, религией [«За свободу науки» (1910), «За политич. свободу студентов» (1910), «Искусство и наука на службе капитала» (1911), «Прусские унты — рассадник прусского бескультурья» (1911), «Свежий воздух — в душевные прусские унты» (1912) и др.]. По убеждению Л., наука не может плодотворно развиваться в «клетке бюрократии», не может идти вперед, вытянувшись в струнку

перед реакцией, поддерживающей лишь те направления, к-рые враждебны свободе. Полная свобода исследования, свобода для учащихся и учащихся, свобода в политич. и социальной сфере — вот, по мнению Л., необходимые предпосылки решения тех задач, к-рые стоят перед нем. народом.

Итоги филос. творчества Л. нашли выражение в его труде «Очерки о законах обществ. развития» («*Studien über die Bewegungsgesetze der gesellschaftlichen Entwicklung*», 1922). Работа над «Очерками» была начата еще во время первого тюремного заключения Л. (1907—09), вызванного опубликованием кн. «Милитаризм и антимилитаризм». Вероятно, в связи с этой работой Л. решил пополнить свои филос. знания, о чем свидетельствуют хранящиеся в ЦПА ИМЛ письма Л. к А. Бебелю и Е. Дидцену (1908). Оказавшись в 1916 в тюрьме второй раз, Л. вернулся к отложенному замыслу; не получив разрешения пользоваться своим архивом, Л. вынужден был начать труд заново. Книга создавалась в тяжелейших условиях и закончить ее не удалось: изложение часто носит тезисный, конспективный характер, конкретно-историч. анализ подменяется абстрактно-логическим. Однако мысль Л. настолько последовательна, что есть основания видеть в «Очерках» набросок цельной, антропоцентрич. по тенденции системы, в к-рой вслед за общими законами историч., экономич., биологич. развития рассматриваются отд. явления культуры: религия, искусство, мораль, политика.

Стержнем концепции Л. является идея социальной активности. Отстаивая ее, Л. полемизирует с характерным для деятелей 2-го Интернационала пониманием экономики как единств. силы обществ. развития, настойчиво развивает тезис о «взаимной, двусторонней, нет, многосторонней, всесторонней» связи (см. Указ. соч., S. 100) экономич. причин и идеологич. следствий. Правда, признание диалектики не мешает здесь Л. совершить метафизическо-идеалистич. ошибку, полемич. перегиб: он вообще оспаривает отделение базиса от надстройки. Акцентировать значение субъективного фактора в истории Л. побуждает неподготовленность пролетариата Германии для взятия власти при наличии объективных предпосылок для его победы. Детерминированный в своем естеств. и обществ. развитии человек, подчеркивает Л., сам является важнейшей детерминирующей силой, он способен творчески разрешать социальные противоречия, преодолевать любые преграды. Для развития общества важен поэтому примат активности. В иерархии сил она выше остальных; основываясь на воле и вырастая из нее, действие увенчивает волю, к-рая для него лишь средство; действие — цель всех духовно-психич. и физич. сил; оно — исходный пункт всякого развития; «для развития общества воистину „началом было дело“» (там же, S. 341). Идея творч. преобразования действительности ведет у Л. к идеалу свободного, гуманистич. «космически-универсального» будущего. «...Не борьба и ненависть, а гармония и мир манят устремленное к ним человечество как цель крутого, тернистого, полного бурь пути» (там же, S. 300). «Социализм — социальное движение пролетариата — есть форма возникновения и борьбы этого нового всеохватывающего гуманизма» (там же, S. 301).

Гуманистич. пафосом убеждений Л. продиктовано его особое внимание к искусству, проявившееся как в тюремных и фронтовых письмах Л., так и в спец. выступлениях [«Искусство и наука для народа», 1910, «Искусство и наука на службе капитала», «Освободить художеств. творчество от оков» (1912)]. Л. затрагивает коренные проблемы художеств. творчества, «Общество, которое не в состоянии сохранять достоинство своего искусства, опускается вместе с ним», — пишет Л. (*Gesammelte Reden und Schriften, Bd 3,*

В., 1960, S. 242). По убеждению Л., гл. враг нем. искусства — бюрократия, капитал, пр-во, лозунг к-рых: «задержанный прогресс и ускоренный прогресс» (см. там же, S. 25—59). «Свобода искусства и науки, — говорил Л. с трибуны ландтага, — одно из самых принципиальных требований, которые должны быть поставлены» (там же, S. 263). Для понимания эстетики, взглядов Л. наибольшее значение имеет глава «Искусство» третьего раздела «Очерков», где предлагается решение ряда кардинальных проблем эстетики, раскрывается социальный смысл и активная роль искусства в жизни. Выступая против Канта, философия к-рого была опорой ревизионистской критики марксизма, Л. связывал эстетич. совершенство с этическим, рассматривал форму как неотделимое свойство содержания. Трактровка проблемы трагического заострена у Л. против идеи социального примирения, лежащей в основе теорий, традиционных для нем. классич. эстетики. Идеям компромисса Л. противопоставляет теорию активного преодоления трагич. противоречий. Однако Л. не возвысился здесь до диалектико-материалистич. подхода к проблеме, указанного Марксом и Энгельсом. Идеалистич. оттенок имеет и данное Л. определение реализма; единств. мерой реализма Л. считал реальность достигнутого успеха. Однако эти недостатки не могут все же перечеркнуть итога рассуждений Л., выраженного в разделах «Апология тенденциозной поэзии» и «Народ и искусство». Эти разделы, как и все труды Л., свидетельствуют, что его филос.-эстетич. развитие шло в направлении к ленинизму.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 23, с. 206, 263, 272—76; т. 24, с. 56—57, 105—107; т. 28, с. 389, 408, 410—13; Г а н о и о в Л. М., К. Л. и Великая Окт. социалистич. революция, в кн.: Тр. Воронеж. ун-та т. 59, вып. историч., 1957; П и к В., Мы выполнили заветы Карла Л., «Проблемы мира и социализма», 1959, № 1; Г и н ц б е р г Л. И., Карл Либкнехт, М., 1959; Б а р т е л ь В., Левые в герм. социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны, пер. с нем., М., 1959; А й з и н Б. А., Борьба К. Л. против милитаризма в нач. XX в., в кн.: Империализм и борьба рабочего класса, М., 1960; К о р а л л о в М., Об эстетич. взглядах К. Л., в сб.: Вопросы эстетики, т. 3, М., 1960; История философии, т. 15, М., 1961, с. 519—20; С е р г е е в В., Карл Л. о воспитании молодежи, «Нар. образование», 1961, № 12; Ч а г и н Б. А., Из истории борьбы против филос. ревизионизма в герм. социал-демократии, 1895—1914, М.—Л., 1961; S c h u t a n n H., K. Liebknecht, Dresd., 1923; S c h u t a n n E., Wir gingen mit K. L., В., 1960; P i e c k W., K. L. — ein wahrer deutscher Patriot, В., 1961. М. Кораллов. Москва.

ЛИБМАН (Liebmann), Отто (25 февр. 1840—14 янв. 1912) — нем. философ, представитель раннего неокантианства. С 1865—доцент в Тюбингене, с 1872 — проф. в Страсбурге, с 1882 — в Йене. В соч. «Кант и эпигоны» («Kant und die Epigonen», 1865) Л. призывает вернуться «назад к Канту». Л. отвергал понятие «вещи в себе» и строил свою философию на тех сторонах учения Канта, к-рые он считал непреходящими, — априоризме и феноменализме («K анализ действительности» — «Zur Analysis der Wirklichkeit», 1876). Внешний мир, согласно Л., есть лишь феномен (явление) внутри воспринимающего интеллекта, а потому и подчинен законам последнего. Всякая метафизич. система (в т. ч. и его), как обращенная к познанию сущности мира, может претендовать только на гипотетич. объяснение человек. представлений о сущности, основе и взаимосвязи вещей. Психическое не выводимо из физического, поэтому сознание является первонач. фактором, а способность человека нечто утверждать или отрицать — его первонач. функцией, определяющей существование ценностей. Нравств. идеалы, к-рыми люди должны руководствоваться в своей деятельности, постигаются человек. сознанием внеопытным путем из некоей трансцендентальной сферы и носят характер доопытных субъективных ценностей.

Соч.: Ueber den individuellen Beweis für die Freiheit des Willens, Stuttg., 1866; Ueber den objektiven Anblick,

Stuttg., 1869; Ueber philosophische Tradition, Stras., 1883; Gedanken und Tatsachen, Stras., 1882; Die Klimax der Theorien, Stras., 1884; Weltwanderung (Gedichte), Stuttg., 1899.

Лит.: Zum 70. Geburtstag O. Liebmanns. Festschrift der «Kant-Studien», «Kant-Studien», Bd 15, 1910.

Б. Григорьян. Москва.

ЛИВИ (Livi), Ливиньо (р. 2 янв. 1891) — итал. бурж. социолог и статистик, последователь В. Парето. В 1927—35 — директор Ин-та политич. и социальных наук во Флоренции, в 1939—41 — президент Итал. демографич. и статистич. об-ва, директор Итал. антропологич. ин-та (1954—56), вице-президент Междунар. объединения по изучению проблем народонаселения (1937—40; 1949—54). Определяющую роль в изменениях социальной структуры общества (особенно семьи) Л. отводит биологич., психологич. и расовым факторам. Основу развития человек. общества он видит в росте народонаселения («Естественные законы развития народонаселения» — «Le leggi naturali della popolazione», 1940). Л. считает, что появление новых социальных наук: биометрии, психометрии, генетики и демографии позволит влить новые силы в «общую» социологию, к-рая, по его мнению, зашла в тупик в 30—40-х гг. 20 в. Л. критиковал совр. амер. эмпирич. социологию за отсутствие теоретич. принципов и незначительность тематики ее исследований.

Соч.: La composizione delle famiglie: studio demografico, Firenze, 1915; I fattori bio-demografici dell'ordinamento sociale, Padova, 1941; La rilevazione della ricchezza e del reddito nazionale..., Firenze, 1952; La vecchia e la nuova sociologia generale positiva, Mil., 1957.

Лит.: N i r c h i o G., A proposito di «Vecchia e nuova sociologia», «Politico», 1958, anno 23, № 4.

И. Добронравов. Москва.

ЛИ ДА-ЧЖАО (6 окт. 1888—28 апр. 1927) — первый пропагандист марксизма-ленинизма в Китае, один из организаторов КПК. Родился в небогатой крест. семье. В 1913 окончил Политико-юридич. училище в Тяньцзине, продолжил образование в Японии. В 1916 возвратился на родину. Работал в Пекине редактором прогрессивной газ. «Чэньчжунбао», с начала 1918 — проф. политэкономии в Пекинском ун-те.

Революц. деятельность Л. Д.-ч. начал еще в Политико-юридич. училище в Тяньцзине. Накануне революции 1911 вступил в «Союзную лигу» (Гунмэньхой) — организацию революц. демократов, возглавлявшуюся Сун Ят-сенем. После поражения революции Л. Д.-ч. эмигрировал в Японию и стал вести активную революц. пропаганду среди кит. студенчества, в это же время он писал публицистич. статьи, в к-рых призывал восстановить республику. Возвратясь в Китай, Л. Д.-ч. примкнул к революц. группе кит. интеллигенции, объединившейся вокруг журн. «Синь циньянь» («Новая молодежь») и ставшей инициатором движения за новую культуру. Л. Д.-ч. принимал активное участие в революц. движении, развернувшимся в Китае после 1-й мировой войны и Октябрьской революции. Он был одним из главных руководителей «движения 4-го мая» 1919 — первым откликом кит. народа на Октябрьскую революцию в России. Руководил крупными антифеод. и антиимпериалистич. революц. выступлениями на севере страны. За революц. деятельность в 1927 Л. Д.-ч. был арестован и казнен.

С марксизмом Л. Д.-ч. познакомился еще в студенческие годы в Японии. В период после Октябрьской революции обращается к изучению рабочего движения в Европе и истории Парижской Коммуны. В написанных в 1918 статьях «Сравнение французской революции с русской» («Фа-э чэмин-чжи бицзюа гуань», опубли. в журн. «Янь чжи», № 3) и «Победа большевизма» («Bolshevism-ды пэнли», опубли. в журн. «Синь циньянь», т. 5, № 5) Л. Д.-ч. разоблачил империалистич. сущность первой мировой войны как «войны царей и кайзеров, королей и императоров, войны

империалистических правительств» и показал, что победа рус. народа является «величайшим поворотом» в мировой истории, к-рый «окажет влияние на цивилизацию будущих веков». «Русская революция 1917 года, — говорил Л. Д.-ч., — это предвестник мировой революции XX века». Л. Д.-ч. высказал непоколебимую уверенность в окончательной победе идей социализма на земном шаре. В 1919 Л. Д.-ч. опубликовал в № 5 и 6 журн. «Синь циньянь» ст. «Мое понимание марксизма» («Води макэсычжуи гуань»), в к-рой сделал попытку изложить сущность материалистич. понимания истории, экономич. учения Маркса и учения о классовой борьбе. Не совсем правильное понимание марксизма не помешало ему, однако, материалистически решить вопрос о развитии кит. идеологии в новое время. Марксистские взгляды Л. Д.-ч. получили дальнейшее развитие в статьях: «Философия истории Маркса и философия истории Риккерт» («Макэсыды лиши чжэсюэ юй Лиайэрды лиши чжэсюэ», в кн.: «Лекции по истории историко-научной мысли» — «Шисюэ сысян ши цзянзи», 1920), «Значение историч. материализма для совр. историч. науки» («Вэйшунгуань цзай сяньдай лишисюэнан ды цзянзи», в «Синь циньянь», 1920, № 4), «Экономич. учение Маркса» («Макэсыды цзинци сэюэю», опубли. в газете «Чань бао», 1922, 21—23 февраля) и в др. статьях. В 1921 Л. Д.-ч. опубликовал ст. «Прошлое и настоящее рус. революции» («Элосы гэмнидыгоцой цзи сяньцзай», журнал «Синь циньянь», 1921, № 3) с изложением биографии и перечнем осн. трудов Ленина. В последующих многочисленных печатных трудах Л. Д.-ч. выступает как пламенный пропагандист марксистско-ленинских идей.

Соч.: Шоу-чан вэньци (Собр. соч. ...), Шанхай, 1950; Ли Да-чжао сяньцзи (Избр. произв. ...), Пекин, 1959. Лит.: Ян Х и и-шун, Из истории борьбы за победу марксизма-ленинизма в Китае, М., 1957; Гарушия и Ю.М., Идеиная борьба среди кит. интеллигенции в конце 1918 — начале 1919 года, «Сов. китаеведение», 1958, № 1; Сенин Н. Г., «Движение 4-го мая» и идеологич. борьба в Китае, «Вопр. философии», 1959, № 7; Дин Шоу-хэ (и др.), Влияние Октябрьской революции на Китай, М., 1959; Ли Лу-н-м у, Ли Да-чжао тунчжи хэ у-сы шици макэсычжуи сысянды сяньчжуань (Ли Да-чжао и распространение идей марксизма в период движения 4-го мая), «Иши яньцзю», 1957, № 5; Чжан Цз и в-ж у, Ли Да-чжао тунчжи гамин сысянды фачжянь (Развитие революционных идей Ли Да-чжао), Ухань, 1957; Ши Цзюнь, Ли Да-чжао юй Чань Ду-сюэ, в кн.: Чжунго цзипдай сысян ши лунвэнь цзи (Сб. ст. по истории кит. идеологии нового времени), Шанхай, 1958. Н. Сенин. Москва.

ЛИ И (Юльгрок) (536—84) — корейский философ, педагог и политич. деятель. Автор дуалистич. филос. системы, объединяющей элементы материализма и идеализма. Дуализм Л. И объясняется влиянием на него, с одной стороны, неоконфуцианской философии Чжу Си и воздействием материалистич. воззрений корейского мыслителя Со Кен Дока — с другой. Признавая первичность духовного начала во времени, Л. И пытался доказать, что в пространстве духовное и материальное начала неотделимы. Вслед за Со Кен Доком он признавал самодвижение материального. Однако, в отличие от последнего, отвергал представление о неумирающей материальности начала, подчеркивал абс. характер духовного начала. Согласно Л. И, источником этич. суждений и познания является душа, к-рая, будучи заключена в материальную оболочку, определяет собой характер человека.

В 1749 было напечатано полное собр. соч. Л. И «Юльрок чоносо» в 44 томах, а в 1759 вышли 13 тт. его «Избранных материалов к священному учению».

Лит.: Корейская Народно-Демократич. республика, Пхеньян, 1958, с. 284—85; Описание Кореи, ч. 2, СПб, 1900, с. 29; Culture of Korea. Ed. by Changsoon Kim, Pasadena (California), 1945; Le Civiltà dell'Oriente, IV, 2, Roma, 1957, p. 1035; Чокрохак поумунди (Сб. ст. по философии), Пхеньян, 1959, с. 25—38; Ли Чханхва, Ли Юльгрок кёкк саньг (Педагогич. идеи Ли Юльгрока), «Вьеса кванхак», 1961, № 2. А. Уиков. Москва.

ЛИ ИК (Сен Хо, известен также как Ли Сен Хо) (1682—1764) — корейский философ-материалист и ученый, последователь школы сирхак. Под влиянием зап.-европ. естеств.-науч. идей выступал с критикой феод. идеологии неоконфуцианства, буддистской и даосской мистики. Филос. идеи Л. И. явились дальнейшей разработкой идей корейского материалиста Со Кен Дока. Выступая с обоснованием материализма, Л. И. в работе «Новые размышления о четырех началах и семи эмоциях» («Са иль синхён») дал материалистич. трактовку вопроса о соотношении материального начала «ки» и идеального «ли». Согласно Л. И., душа, идеальное является всего лишь чрезвычайно сложным и тонким формообразованием материального начала «ки».

В области социально-политич. воззрений Л. И. выступал как последователь Лю Хён Вона, выдвигал утопич. программу земельного преобразования. Из ста томов его трудов наиболее значит. работой является десяти томник «Суждения о различных вещах» («Сэсол юсон»), посвященный изучению классиков конфуцианства, проблемам этнографии, астрономии и географии.

Лит.: Очерки по истории освободительной борьбы кор. народа, пер. с корейск., М., 1953, с. 71—72; Передовые ученые Кореи XVII—XIX ввек, Пхеньян, 1956, с. 20—36; Кор. Народно-Демократич. Республика, Пхеньян, 1958, с. 54; Кор. лит. Сб. статей. [Отв. ред. В. К. Пашков], М., 1959, с. 11; Чосонса кяё (Очерк истории Кореи), Пхеньян, 1957; Yang K. P. and Henderson G., Outline history of Korean Confucianism, pt. 1, 2, «J. Asian Stud.», 1958—59, v. 18, Nov., Febr.

ЛИКЭЙ, или лицей (греч. Λύκειον), — пригород Др. Афин с гимназией, посвященной Аполлону, где преподавал Аристотель в последние годы своей жизни, когда он возвратился из Македонии в Афины. Название это является также обозначением всей аристотелевской школы, к-рая называлась *перипатетической школой*. В Лицее Аристотель читал лекции двух типов: более трудные, специальные — для своих ближайших учеников по утрам и более общие, популярные — для широкого круга слушателей по вечерам. Перипатетики после Аристотеля просуществовали в течение всей античности, упорно отстаивая идеи своего учителя, на манер академик — учеников Платона, к-рые занимались философией в др. афинском пригороде — Академии.

В новое и новейшее время термин «лицей» стал употребляться вообще для обозначения определ. типа учебных заведений, гл. обр. привилегированного характера.

Лит.: Usener H., Organisation der wissenschaftlichen Arbeit, в кн.: Preußische Jahrbücher, 1884, Bd 53, S. 1—25; Arnim H., Die Aristonische Peripatetici apud Philodemum Aristigis, Rostochii, 1900; Wehrli F., Die Schule des Aristoteles. Texte und Kommentar, H. 1—10, Basel, 1944—59.

ЛИЛЬЕКВИСТ (Liljequist), Пер Эфраим (24 сент. 1865—20 авг. 1941) — швед. философ-идеалист. Проф. Лундского ун-та (1906—35); последний видный представитель т. н. персоналистич. идеализма в Швеции, основателем к-рого был Х. Я. Бустрём. Выступая против позитивизма, он стремился в то же время пересмотреть нек-рые положения бустремизма посредством сопоставления их с данными совр. психологии и с результатами новых аксиологич. исследований.

Исходя из того, что человек является конечным, несовершенным, относительным субъектом, Л. предполагал существование бесконечного, совершенного и абсолютного субъекта, т. е. бога. Люди, по Л., по своей сущности не могут стать совершенными, ибо они — лишь моменты абсолютного субъекта. Вслед за Кантом отрывая формы рассудка от форм чувственности, Л. отрицал способность человека к истинному познанию действительности и наделял ею лишь бога, в к-ром достигается «совпадение противоположно-

стей) — чувственности и разума. Пространство и время, по Л., будучи лишь формами несовершенного «человеческого опыта», не имеют объективного характера.

Соч.: Om Francis Bacon's filosofi, Bd 1—2, Upsala, 1893—94; Om Boströms äldsta skrifter, Göteborg, 1897; Inledning till psykologien, Göteborg, 1899; Om specifika sinnenergiër, Bd 1, Göteborg, 1899; Meinongs allmänna värde teori, Göteborg, 1904; Selbstdarstellung, в кн.: Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen, Bd 6, В.-Лпз., 1927, S. 37—64.

Лит.: Aspelin G., E. Liljequist, «Theoria», 1942, № 1—2; Studier tillägnade E. Liljequist den 24 september 1930. Utg. av G. Aspelin och E. Akesson, bd 1—2, Lund, 1930.

ЛИМА (Lima), Алсеу Аморозу (р. 1893) — бразильский католич. философ и писатель. Отстаивает принципы «вечной философии» неоплатонизма и «божественные истины» католицизма. С этих позиций он выступает против марксистской философии и критикует нек-рые иррационалистические направления совр. бурж. философии («Экзистенциализм и другие мифы нашего времени» — «Existencialismo e outros mitos do nosso tempo», 1951; 2 ed., 1956).

Отмечая успехи социализма, Л., однако, открыто объявляет себя врагом коммунизма, технич. прогресса и защитником т. н. христ. бурж. гуманизма. В кн. «Американская действительность» («A realidade americana», 1954) Л. восхваляет американскую «демократию» и утверждает, что «от США зависит ныне судьбы цивилизации 20 века». Вместе с тем Л. осуждает идею новой мировой войны и призывает к мирному урегулированию спорных вопросов.

Соч.: Meditação sobre o mundo moderno, R. de J., 1942. Лит.: Базарян Ж. А., Филос. течения, в сб.: Бразилия, М., 1963; Padovani H. e Castagnola L., Historia da filosofia, 2 ed., São Paulo, 1956.

ЛИНГВИСТИКА МАТЕМАТИЧЕСКАЯ (от лат. lingua — язык) — наука, использующая для исследования языка методы математической логики, теории автоматов, теории информации, теории вероятностей, математич. статистики и др. дисциплин. Разрабатываемые в Л. м. математич. модели языка строятся и проверяются с помощью экспериментов на цифровых вычислит. машинах, использование к-рых для решения лингвистич. задач (машинного перевода, автоматического анализа текстов, машинного анализа и синтеза устной речи и т. п.) является одним из основных стимулов развития Л. м. См. Языкознание.

В. Иванов. Москва.

ЛИНД (Lynd), Роберт (р. 26 сент. 1892) — амер. бурж. социолог. Проф. Колумбийского ун-та (с 1931). Известен работами, написанными вместе с женой Х. Линд (H. M. Lynd), «Средний город» («Middletown», 1929) и «Средний город в переходе» («Middletown in transition», 1937). Они представляют собой очень детальное описание и анализ всех аспектов социальной жизни в среднем городе (на примере г. Манси, шт. Индиана). Хотя это исследование и основано на непосредств. обследовании, громадном числе опросов, различного рода статистич. таблицах, схемах, диаграммах и т. д., оно представляет собой только описание, набор конкретных фактов. Теоретич. модель Л. примитивна и поверхностна. Напр., Л. делит население города на два осн. класса: рабочий класс и класс предпринимателей (класс бизнесменов). К первому относятся все те, чья проф. деятельность связана прежде всего с операциями над вещами, те же, кто к-л. образом руководят людьми, относятся к классу предпринимателей. По Л., принадлежность к тому или иному классу определяет образ жизни и поведение индивида в обществе. Он высказал мысль о том, что изменения в области технологии и произ-ва принимаются скорее, нежели новые идеи. Так, в среднем городе производство 20 в. уживалось с распространенной верой в лозунг физиократов Laissez faire и обществ. идеалы, характерные для 19 в.

Работы Л. оказали влияние на развитие амер. и европ. бурж. социологии, вызвав к жизни большое количество исследований различного рода коллективов, общностей и общин.

Соч.: Knowledge for what?, Princeton, 1939.

И. Добринцова. Москва.

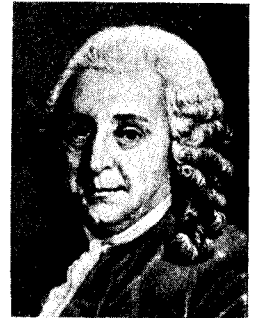
ЛИНДНЕР (Lindner), Густав Адольф (11 марта 1828—16 окт. 1887) — чешский философ, социолог и психолог. С 1882 — проф. философии и педагогики Карлова ун-та. Написал учебники по философии, логике и психологии («Lehrbuch der empirischen Psychologie nach genetischer Methode», 1858; «Lehrbuch der formalen Logik nach genetischer Methode», 1861; «Einleitung in das Studium der Philosophie», 1866), к-рые были переведены на ряд европ. языков и выдержали много изданий.

По своим филос. воззрениям Л. — последователь Гербарта, однако Л. попытался дополнить герbartовское статич. толкование мира дарвиновским эволюционизмом (отчасти под влиянием Геккеля и Спенсера), а в вопросах гносеологии опирался на франц. материалистов (Гельвеций). Осн. сочинения Л. — «Проблема счастья» («Das Problem des Glücks», 1868), в к-ром Л. развивает свои этич. взгляды в духе эвдемонизма, и «Идеи психологии общества, как основы социологии» («Ideen zur Psychologie der Gesellschaft als Grundlage der Socialwissenschaft», 1870) — оказали известное влияние на социологич. мысль 2-й пол. 19 в. (напр., на воззрения А. Лабриолы — см. рец. Лабриолы на работу Л. «Das Problem des Glücks», в журн. «Z. exakte Philosophie...», 1871, Bd 9).

Лит.: Z u m r J., Některé otázky českého herbartismu, в кн.: Filosofie v dějinách českého národa, [Praha], 1958 (резюме на рус. яз.); K r á l J., Herbartovská sociologie, Praha, 1921; его же, Studie o G. A. Lindnerovi, Brat., 1930.

И. Зумр. СССР.

ЛИННЭЙ (Linné, Linnaeus), Карл (23 мая 1707—10 янв. 1778) — шведский естествоиспытатель и натуралист. Род. в Росхульте. Образование получил в Упсальском университете. С 1741 до конца жизни преподавал ряд биологич. и медицинских дисциплин и возглавлял кафедру в этом ун-те. В центре науч. интересов Л. была ботаника, однако он занимался широким кругом вопросов естествознания — зоологией, рудным делом и минералогией, медициной и др. Осн. заслуга Л. — создание систем классификации растений и животных. Первое изложение ее представлено Л. в кн. «Система природы» («Systema naturae», 1735, рус. пер., ч. 1—2, 1804—1805); система классификации растений получила завершение в книге «Виды растений» («Species plantarum», t. 1—2, 1753). Классификация Л. была основной, т. к. в основу ее были положены нек-рые произвольно выбранные признаки (напр., число тычинок у растений). Тем не менее она основывалась на науч. критерии — структурном сходстве видов животных и растений, к-рое, как выяснила впоследствии эволюционная теория, необходимо вытекает из эволюц. преемственности видов. Успеху классификации Л. содействовала строгая и ясная система описания. Единицей ее является вид, к-рый был в общем правильно определен Л. Бинарная система наименования видов, предложенная Л., вооружила биологию науч. терминологией, являющейся необходимым средством самоопределения науки. В системе классификации Л. отразились черты целого периода систематизации накопленного материала. Наиболее

характерным для этого периода явилась «...выработка своеобразного общего мировоззрения, центром которого является представление о абсолютной неизменности природы» (Энгельс Ф., Дialectика природы, 1955, с. 6). Метафизич. характер мировоззрения этого периода связан с неустранимым еще значит. влиянием религ. взглядов. Последние довели также и над Л. Однако исследование живой природы приводило Л. к идее развития. Систематизация видов животных и растений сталкивала естествоиспытателей с фактами их изменчивости, подсказывала идею родства видов. Сам Л. в конце жизни начал сомневаться в неизменности видов под влиянием опытов по скрещиванию растений. В «Основах ботаники» («Fundamenta Botanica», 1736) он указывал на возможность возникновения значит. уклонений от осн. вида под влиянием климата, почвы и питания. Более того, в посмертно изданной работе о растении пелюрия Л. прямо делает допущение естеств. возникновения новых видов растений и общности происхождения различных видов. Л. включил в свою систему и человека, что явилось для последующих естествоиспытателей одним из стимулов к исследованию вначале сходства, а затем и связи человека с животным миром.

Соч.: Философия ботаники..., СПб, 1805.

Лит.: Фаусек В. А., К. Линней, его жизнь и научная деятельность, СПб, 1891; Комаров В. Л., Жизнь и труды Карла Линнея, в его кн.: Избр. соч., т. 1, [М.—Л.], 1945; Бобров Е. Г., Двухсотлетие «Species plantarum» Карла Линнея, 1753—1953, М.—Л., 1954; его же, Линней, его жизнь и труды, М.—Л., 1957; Станков С., Линней, Руссо, Ламарк, М., 1955; его же, Карл Линней — выдающийся шведский натуралист, М., 1957; Карл Линней, 250 лет со дня рождения, 1707—1957. Сб. статей, М., 1958; Junk W., Bibliographia Linnaeana, В., 1902.

А. Игнатов. Москва.

ЛИНТОН (Linton), Ралф (27 февр. 1893—24 дек. 1953) — амер. бурж. антрополог и социолог. Проф. антропологии Висконсинского (1928—37), Колумбийского (1937—46) и Иельского (1946—53) ун-тов. Редактор журн. «American Anthropologist» (1939—1944). Л. проводил мысль о связи антропологии с социологией и психологией, о синтезе их результатов, методов и техники. Взгляды Л. в области социологии культуры эклектичны. В исследовании культурного развития общества он, отталкиваясь от идей амер. антрополога Ф. Боаса, придерживался в общем стихийно материалистич. взглядов, резко критиковал расистские утверждения; в рассмотрении же формирования личности он исходил из идей фрейдистского психоанализа.

Определяющим моментом культурной эволюции общества Л. считал развитие технологии, средств и орудий произ-ва. «Пока не произойдут фундаментальные изменения в технологии, изменения в других элементах культуры будут ограничены как в направлении своего развития, так и в своих размерах» («The tree of culture», N. Y., 1955, p. 48). Он исследовал также разделение труда, к-рое, по его мнению, обуславливает структуру и развитие культуры. Развитие технологии и культуры происходит, по Л., дисгармонично, серией мутаций, к-рым он относит: открытие и использование орудий произ-ва, огня и языка; открытие средств к увеличению количества пищи; открытие тепла как источника энергии и появление науки (с 16 в.).

Л. выдвинул оказавшую большое влияние на амер. социологию и социальную психологию теорию статуса и роли. Согласно этой теории, в группах или вообще в обществе вырабатываются и предписываются более или менее осознанные «идеальные схемы» (общие нормы) ожидаемого поведения индивидуумов в различных ситуациях. Эти идеальные схемы определяют и взаимное отношение между индивидуумом и группой. Полярные позиции в таких схемах пред-

ставляют собой статусы — определ. социальную позицию в определ. идеальной схеме, собрание прав и обязанностей для каждого члена группы. Роль отражает динамич. аспект статуса, когда член группы осуществляет свои права и обязанности (см. «The study of a man», 1936, гл. 7, 8). Вместе с А. Кардинером Л. ввел одно из осн. понятий совр. бурж. социальной психологии — понятие «основной структуры личности» определ. общества или культуры (см. «The cultural background of personality», 1945, 2 ed., 1961). Анализируя природу человеч. личности, Л. считал, что в ее основе лежат три гл. духовные потребности, «больше, чем какие-либо иные определяющие поведение человека»: потребность реагировать на окружающее; стремление к безопасности; потребность в новом опыте. Наряду с этим Л. пытался доказать, что индивидуум часто действует бессознательно, повинувшись скрытым психич. мотивам.

Соч. (исключая чисто антропологич.): Acculturation in seven American Indian tribes, ed. R. Linton, N. Y.—L., [1940]; The scope and aims of anthropology, в сб.: The science of man in the world crisis, ed. R. Linton, N. Y., 1945, p. 3—18; Problems of status personality, в сб.: Culture and personality, ed. S. S. Sargent and M. W. Smith, [N. Y.], 1949.

Лит.: Gellin J., R. Linton, «American Anthropologist», 1956, v. 56, pt. 1, № 2 (имеется список трудов Л.). И. Доброправов. Москва.

ЛИПМАН (Lippmann), Уолтер (23 сент. 1889) — амер. бурж. журналист и социолог. В 1910 окончил Гарвардский ун-т. Недолгое время разделял идеи фабианского и гильдейского социализма. С 1914 выступал с умеренной программой бурж. реформ. В 1917—1919 занимал ряд постов в пр-ве Вильсона (Л. — один из авторов «14 пунктов»), затем вернулся к журналистике. С 1931 — обозреватель газ. «New York Herald Tribune», где Л. предоставлено право писать «что он хочет и о чем хочет». Статьи Л. по вопросам внутр. политики и междунар. отношений создали ему репутацию одного из самых влият. журналистов США. Л. — автор большого числа работ о проблемах бурж. гос-ва и обществ. мнения. В работе «Предисловие к политике» («A preface to politics», 1913), написанной под влиянием Джемса, Сапаяны и Уоллеса (учителей Л. в Гарварде), интуитивизма Бергсона и психологии Фрейда, Л. толковал осн. проблемы политич. развития как следствия «природы индивидуума» и призывал обратиться к иррациональным мотивам человеч. деятельности — «истинной» природе человека. Л. стремился создать «новую философию», пробуждающую в людях не меньше энергии, чем «философия войны класса против класса» и тем самым «предотвратить взрывы в обществ. отношениях». Хотя в позднейших работах Л. отказался от иррационализма, но он так и не вышел из круга идей, определяемого волюнтаризмом прагматич. толка, психологизацией обществ. жизни, уверенностью в решающей роли политич. факторов в развитии общества, апологией «свободного предпринимательства».

В работах «Общественное мнение» («Public opinion», 1922) и «Призрачная общественность» («The phantom public», [1925]) Л. отрицает положение о том, что «народ управляет» и критикует «миф о всеведущем и всемогущем гражданине»: политич. решения принимаются небольшими группами людей. Но источник ограниченности бурж. демократии Л. видит не в ее социально-экономич. основе, а в неспособности «среднего человека» разобраться в сложной обществ. действительности; для этого у массы людей нет ни времени, ни знаний, а получаемая ими с помощью газет, радио и т. п. информация является неюльной или искаженной. Люди редко понимают свои интересы и не сознают, как рационально осуществить их. Л. выдвигает понятие «стереотипа» — упрощенного или искаженного представления о лице, объекте или проблеме. По Л., люди находятся во власти стереотипов и «ни-

какая избират. система и никакие изменения в распределении собственности не могут устранить корни этой проблемы». Эти идеи Л. оказали влияние на разработку вопросов обществ. мнения в бурж. социологии.

Л. одно время защищал «свободный коллективизм», толкуемый как частичное регулирование капиталистич. экономики гос-вом («Метод свободы» — «The method of freedom», 1934), но в работе «Исследование принципов здорового общества» («An inquiry into the principles of good society», 1937) выступил против «коллективизма», ошибочно утверждая, что экономич. планирование неизбежно ведет к тирании; процветание может быть достигнуто только путем неограниченного функционирования рынка. После недолгой поддержки Ф. Рузвельта Л. высказывается против «нового курса», ведущего, по его мнению, к созданию «планируемой» экономики.

В своих этич. изысканиях Л. утверждает, что не может быть морали без веры («Введение к морали» — «A preface to morals», 1929). Критикуя представление о боге как творце Вселенной, несостоятельное с т. зр. науки, обоснование религии Л. вслед за Джемсом ищет в опыте, понимаемом как внутр. переживание человека. Под видом отмежевания от традиц. религ. взглядов Л. развивает более гибкую версию фидеизма.

Антидемократич. тенденции, характерные и для ранних работ Л., со всей ясностью проявились в его кн. «Общественная философия» («Essays in the public philosophy», 1955). Л. заявляет, что «зап. общество» находится в упадке, причину к-рого он усматривает в слабости гос. власти, в господстве обществ. мнения, приводящего к «параличу пр-ва». Л. выражает элитарные взгляды на народ, как невежественную и некомпетентную массу и считает необходимым найти «правильные границы власти народа». Демократию, по Л., разрушает излишняя свобода. Выход он видит в установлении «сильной власти» некоей просвещенной элиты и господствующей идеологии, когда поступки и мораль людей перестанут быть частным делом. Идеал Л. в прошлом. Он призывает вернуться к доктрине естеств. права и рационализму 18 в., утверждая веру в неизменный «рациональный порядок» бурж. общества.

Концепция Л. свидетельствует о безысходном кризисе совр. бурж.-либерального мировоззрения. Л. оказывается в круге неразрешимых противоречий: признавая регулирование экономики «тиранией», он стоит за регулирование «всегда ложного» обществ. мнения, политич. и духовной жизни; защищая бурж. демократию, настаивает на всемерном ее ограничении. В своих статьях в текущей печати Л. нередко выступает как трезвый наблюдатель. Одной из гл. его идей является призыв оценить успехи социализма, признав его силу.

А. Завадько. Москва.

ЛИПСС (Lipps), Теодор (28 июля 1851 — 17 окт. 1914) — нем. бурж. философ и психолог, субъективный идеалист. Приват-доцент и проф. в Бонне, проф. в Бреслау (с 1890), в Мюнхене (с 1894), основатель Мюнхенского психологич. ин-та.

Л., наряду с Вундтом и Эббингаузом, наиболее крупный систематизатор нем. психологии конца 19 в. Работы Л., помимо общей теории психологии, охватывают широкий круг частных вопросов, связанных с психологией искусства.

Л. придерживается схемы психофизич. параллелизма (см. «Основы психофизики», СПб, 1903, с. 18). Выступая против материализма, Л. утверждает, что противоположность физического и психического не существует объективно, что это лишь два «аспекта», две фазы субъективного опыта, к-рые создаются и различаются самим субъектом, его мышлением (см. «Основы логики» — «Grundzüge der Logik», 1893, рус. пер. 1902). Для психологич. системы Л. в целом

характерно частичное стирание основного для нем. идеалистич. психологии конца 19 в. деления между концепциями «содержания сознания» (Вундт) и «интенционального психического акта» (Брентано). У Л. понятия субъекта, акта и объекта выступают как подчиненные по отношению к спиритуалистически понимаемой активности сознания — «переживанию». Субъективный идеализм послужил Л. основой для крайнего психологизма в логике: само мышление трактуется им лишь как психологич., субъективный факт. Поэтому стирается грань между психологич. и логич. аспектами сознания, и логика объявляется частью психологии. Психология вообще выступала у Л. как всеобъемлющая «наука о духе», основа философии. Объявляя психологию наукой «экспериментальной», Л. считал основным психологич. экспериментом «созерцание» психологом своей собственной духовной жизни. Под влиянием критики Гуссерля и Мейнонга у Л. появилась тенденция к «абсолютному объективному идеализму», что выразилось в разработке им полужитиевской концепции реального «Я», некоего безличного мирового «Я» («Философия природы» — «Naturphilosophie», в кн.: W. Windelband [ред.], Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts, 1907, рус. пер. 1914). Однако объективный идеализм у Л. переплетается с субъективным: об этом «трансцендентном субъекте», «психической реальности» мы знаем только через индивидуальное сознание. Философия истории, этика и эстетика Л. построены на субъективистской основе. Так, высшим нравственным правилом Л. считал пребывание «верным самому себе». При анализе «эстетических ценностей» Л. считает решающим фактором индивидуальную оценку.

Соч.: Grundtatsachen des Seelenlebens, Bonn, 1883; Die ethischen Grundfragen, Hamb.—Lpz., 1899; Psychologie und Logik, Münch., 1905; Philosophie und Wirklichkeit, Hdlb., 1908; Psychologische Untersuchungen, Bd 1—2, Lpz., 1907—12; в рус. пер. — Самосознание, СПб, 1903; Основные вопросы этики, СПб, [1905]; Руководство к психологии, СПб, 1907.

Лит.: К l e m m O., Geschichte der Psychologie, Lpz.—B., 1911, изд. на англ. яз. N. Y., [1914]; A n s c h ü t z G., T. Lipps [Некролог], «Arch. Ges. Psychol.», 1915, Bd 34.

Н. Мотрошилова, М. Розовин. Москва.

ЛІПСЕТ (Lipset), Сеймур Мартин (р. 18 марта 1922) — амер. бурж. социолог. С 1956 — проф. социологии в Калифорнийском ун-те. Наибольшее внимание Л. уделяет теоретич. проблемам социального расслоения в совр. капиталистич. обществе и политич. социологии, к-рые трактуются им в духе социолитч. учения М. Вебера. Л. — ярый противник марксистского учения о классах и защитник реакц. теорий *социальной стратификации* и *социальной мобильности*; на 3-м Междунар. социологич. конгрессе совместно с Г. Зеттербергом предложил один из вариантов системы стратификации, согласно к-рой общество делится по след. признакам: профессия или занятия, потребление (уровень жизни), общность социальных интересов, степень власти. Соответственно этому выделяются: «профессиональные, потребительские, социальные классы» и «классы власти». Утверждая, что в США существуют наиболее высокие нормы т. н. вертикальной социальной мобильности, Л. считает США т. н. открытым обществом, т. е. обществом равных возможностей для всех. В работах по политич. социологии (напр., «Политический деятель. Социальные основы политики» — «Political man. The social bases of politics», 1960) отрицает классовый характер политики. Выводя осн. положения своей политич. социологии из учения о социальной мобильности, Л. пытается доказать, что «зап. демократия» в развитых капиталистич. странах якобы достигла «послеполитич. фазы», т. е. того уровня, когда классовые различия уже сгладились

и на первый план выступают различия между людьми по социальному статусу. Эти взгляды Л. нагли выражение и в его докладе на 5-м Междунар. социологич. конгрессе (1962) — «США — первая новая нация» («The United States — the first new nation»), в к-ром Л. выступает непримиримым апологетом амер. капитализма.

Соч.: Agrarian socialism, Berkeley, 1950; Class, status and power: a reader in social stratification, Glencoe (Ill), [1953], [eds], (совм. с R. Bendix); The political process in trade union, в сб.: Berger M., Abel T. and Payne C., Freedom and control in modern society, N. Y. — Toronto — L., 1954; The psychology of voting: an analysis of political behavior, [совм. с др.], в кн.: Handbook of social psychology, v. 2, Camb., 1954; Political sociology (совм. с Bendix R.), «Current sociology», 1957, v. 6, № 2; Social mobility in industrial society, Berkeley — Los Ang., 1960 (совм. с R. Bendix).

ЛИ СЭЖ (Могын) (1328—96) — корейский философ, последователь субъективно-идеалистич. учения кит. философа Чжу Си. Принадлежал к идеологич. группировке — саллимханхва (букв. — школа гор и лесов), проповедующей отшельничество, уход от реального мира. Л. С. — сторонник умеренного направления в критике буддизма. Лояльное отношение к феод.-монархич. системе сочеталось у него с требованиями замены буддизма неоконфуцианством. Для Л. С. была характерна попытка перенесения идеализма Чжу Си на корейскую почву, что в сочетании с консервативными политич. взглядами и боязнью социальных преобразований обусловило реакц. характер его мировоззрения.

Лит.: Чхорхак нонмундип (Сб. статей по философии), Пхеньян, 1959, с. 30—43; Чосона кяё (Очерк истории Кореи), Пхеньян, 1957, с. 396; Hulbert H. B., The history of Korea, v. 1, Seul, 1905, p. 239, 288—92; Yang K. P. and Henderson G., Outline history of Korean Confucianism, «J. Asian Stud.», 1958, v. 18, p. 87—101. А. Ушков. Москва.

ЛИСЮЭ — школа кит. философии, возникшая в 11 в. на основе развития конфуцианской идеологии. См. *Неоконфуцианство*.

ЛИТОВСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. У литов. народности первобытное, анимистическое миропонимание, находившее свое выражение в фольклоре, сохранилось, несмотря на распространение католичества, вплоть до сер. 16 в. В 1-й пол. 16 в. в Литве началась *Реформация* [А. Кульветис (ок. 1510—45) и С. Райпайлионис (ок. 1485—1545)]. Для усиления проповеди католицизма в 1578 в Вильнюсе была основана духовная академия иезуитов. Наиболее крупными идеалистами и схоластиками того времени были М. Смигленский (ок. 1550—1618), автор кн. «Логика» («Logica...», 1618), и В. Тылковский (1629—95). Под влиянием философии Аристотеля находился издатель и редактор «Литовского статута» (1588) Лев (Леон) Сапега.

Во 2-й пол. 17 в. в Литве начинает развиваться атеистич. и материалистич. мысль. В 1688 воспитанник академии иезуитов *Лыцинский* был обвинен в том, что он не признавал бога и бессмертия души. В сер. 18 в. Б. Добшевич (1722 — год смерти неизв.) — иезуитский софистик и догматик, сделал еще шаг по этому пути, посвятив своей гл. труд «Лекции по логике» («Praelectiones logicae», 1761) разбору взглядов Ф. Бэкона, Локка, Гассенди, Декарта и др. англ. и франц. философов. В 1773 после упразднения в Литве ордена иезуитов Вильнюсская академия была реорганизована в Высшую школу Литвы, где был создан фак-т естеств. наук, профессора к-рого Л. Боянус (1776—1827) и его ученик Э. Эйхенвальд (1795—1876) развивали взгляды, близкие к эволюц. теории видов, проф. этого же ф-та Э. Снядецкий (1768—1838) в труде «Теория органических существ» («Teoria jęstestw organiczych», t. 1—2, 1804—11) защищал положение о том, что жизнь есть особая форма движения вещества, показывая связь организмов с окружающей средой. Большое влияние на развитие

материалистич. взглядов оказал М. Почобут. Его ученик просветитель-материалист Я. Снядецкий (1756—1830) в филос. произведениях «О философии» («O filozofii», 1819), «О метафизике» («O metafizyce», 1819), «Философия человеческого рассудка» («Filozofija umyslu ludzkiego, czyli rozważny wywód się i działań umysłowych», 1822) и др. критиковал Канта и его последователей за априоризм в понимании познания. Пропагандируя взгляды Ф. Бэкона, Локка, Гельвеция и др. материалистов, он в целом оставался деистом. В естествознании материализм находил все большее признание, но в гуманитарных науках господствовали идеализм и теология. На фак-те моральных и политич. наук Вильнюсского ун-та преподавали: сторонник идеализма И. Канта М. Абихт (1762—1816) — автор книг по философии и логике («Философия познания» — «Philosophie der Erkenntnisse», t. 1—2, 1791; «Система элементарной философии» — «System der Elementarphilosophie», 1795; «Философская энциклопедия» — «Encyclopedie der Philosophie», 1804, и др.), *Довгирд* (Даугирдас, 1776—1885), выступивший с доказательством первичности сознания, бессмертия души и свободы воли; приверженец идеалистич. взглядов Шеллинга И. Толуховский (1797—1858). Постепенно прогрессивная мысль проникает и в гуманитарные науки, что нашло отражение в творчестве основоположника литов. светской художеств. лит-ры К. Донелайтиса (1714—80; «Времена года» — «Metai», опубл. посмертно в 1818; рус. пер. 1946, нов. изд. 1964, и др.).

Существенное влияние на развитие литов. обществ. мысли оказало развитие капиталистич. отношений, крест. выступления и идеи *декабристов*. В 1-й пол. 19 в. оформилось демократич. течение литов. обществ. мысли, к-рое представляли поэты-просветители Д. Пошка (1757—1830), А. Страздас (1763—1833) и К. Незабитаускас-Забитис (1779—1837), выдвигавший идеи утопич. социализма. Просветитель *Даукантас* раскрыл реакц. роль католич. церкви и Ватикана. Прогрессивные взгляды защищал в Литве польский ученый, проф. Вильнюсского ун-та *Лелевель*. Наиболее радикальные для того времени взгляды выразил один из руководителей восстания 1831 в Литве И. Гоштаутас (1800—71). Находясь в эмиграции во Франции, он издал на польском языке кн. «Господин судья, или Рассказ о Литве и Жемайтии» («Pan sędzic czyli opowiadanie o Litwie i Żmudzzi», 1839), в к-рой резко критиковал крепостнич. систему и царское самодержавие.

В нач. 2-й пол. 19 в. в связи с революц. ситуацией в России 1859—61 и под влиянием мощного крест. движения возникло революц.-демократич. течение. Руководители крест. восстания в Литве З. Сераковский (1826—63) и А. Мацквичюс (1826—63), тесно связанные с белорус. революционером *Калиновским*, были учениками и последователями рус. революц. демократов. Центральной в их воззрениях была идея нар. революции.

После подавления крест. восстания в Литве был установлен жестокий режим классового и нац. угнетения. Идеологи литов. буржуазии [историк И. Басанавичюс, писатель В. Кудирка (1858—99), И. Вилейшис и др.] проповедовали примирение с царизмом, старались изолировать трудящихся Литвы от общероссийского революц. движения. Но и в этих условиях пробивала себе дорогу передовая обществ. и филос. мысль. Публицист и поэт И. Андзюлайтис (1864—1916) осуждал тиранию и эксплуатацию, проповедывая идеи социалистич. революции и пролетарского интернационализма, показывал связь клерикализма с интересами эксплуататорских классов. Революц.-демократич. идеи конца 19 в. были ярко выражены в творчестве И. Мачиса-Кекштаса (1867—1902), под-

черкивавшего, что не искусство определяет жизнь, а наоборот. Он открыто осуждал националистич. идеологию литов. буржуазии и утверждал, что создателями всех материальных благ являются трудящиеся массы, к-рые остаются при капитализме голодными и бесправными. Сблизившись с рабочим движением, Мачис-Кекшгас пришел к заключению, что единств. выходом для народа является революц. борьба. Однако он, как и И. Андзюлайтис, ошибочно считал буржуазию союзником литов. народа в борьбе против царизма.

Под влиянием франц. материализма 18 в., материализма Фейербаха и рус. материалистич. философии в конце 19 — нач. 20 вв. формируются взгляды материалистов и атеистов (*Адомайтиса*, С. Матулайтиса, 1856—1956, *Билюнаса*, *Шлюпаса*, В. Дембкиса); определенную роль в этом сыграл также и вульгарный материализм *Бюхнера*. Литов. материалисты противопоставляли клерикальной идеологии естеств.-науч. знания и атеизм.

Убежденные в неогранич. познаваемости мира, материалисты критиковали агностицизм и субъективный идеализм, противопоставляя им материалистич. теорию отражения. Однако они рассматривали познание как непосредств., фотографич. отражение объективной реальности в сознании, не видели качественного различия между чувств. и логич. формами познания, не понимали значения материальной практики.

Материалисты создали большую популярную атеистич. лит.-ру для интеллигенции и нар. масс: И. Шлюпас — «Спасение отверженного» (*Išganymas vargdienio*, 1886), «Бог, небо и ад» (*Dievas, dangus ir pragaras*, 1893), «Религия или наука» (*Tikybė ar mokslas*, 1895); С. Матулайтис — «Пармазон, или Страх гнева божьего» (*Parmazonas, arba dievo rūstybės baisumas*, 1897), «Смерть» (*Smertis*, 1900), «Недра ада» (*Pragarų gėlmės*, 1904), «Социальная роль религии» (*Socialinė religijos reikšmė*, т. 1—2, [1932]; И. Адомайтис — «Этнология, или Наука о народах мира» (*Etnologija arba mokslas apie žemės tautas*, 1903) и др. Они в основном правильно понимали историч. происхождение религии. Однако наличие религии объясняли лишь низким культурным уровнем нар. масс, веря в то, что религию можно преодолеть просветительством; только Матулайтис дошел до марксистского атеизма и стал революц. социал-демократом, активным участником революц. движения, пропагандистом диалектич. и историч. материализма в Литве. Билюнас, бывший участником рабочего движения, приветствовавший революцию 1905—07, к концу жизни отошел от революции, хотя и остался верен идеалам социализма. Шлюпас в ранний период деятельности выражал радикальные демократич. взгляды, однако он связывал ликвидацию социального неравенства с развитием науки и распространением просвещения. Адомайтис же от критики царизма с буржуазно-либеральных позиций перешел к критике капитализма, но так и не понял историч. роли пролетариата и теории науч. социализма.

В 1886—87 в Вильнюсе возник первый марксистский кружок. В конце 80 — нач. 90-х гг. участники марксистских кружков начали активную пропаганду идей науч. социализма. Усиление влияния марксизма способствовали приезд В. И. Ленина в Вильнюс в 1895 и распространение в Литве (с 1901) ленинской «Искри». Революц. представители первых политич. рабочих организаций — с.-д. партий Литвы и Рабочего союза Литвы — Ф. Дзержинский, К. Залевский, М. Козловский и др. — в борьбе с оппортунистич. и националистич. взглядами руководства СДП Литвы отстаивали принципы марксистского пролетарского интернационализма.

В период революции 1905—07 в публицистич. выступлениях *Мицкявичюса-Капсукаса*, ставшего одним из организаторов и руководителей компартии Литвы (основана в 1918), нашла свое отражение идея союза рабочего класса и крестьянства. Защищая филос. основы марксизма, Капсукас резко критиковал оппортунизм бернштейншанцев. Один из крупнейших пропагандистов марксизма в Литве З. Алекса-Ангаретис в кн. «Пути развития философско-историч. взглядов и К. Маркс» (*Filosofiniai-istoriniai pažiūrų keliai ir K. Marksas*, 1912) и «Материалистич. понимание истории» (*Materialistinis istorijos supratimas*, 1918) защищал и популяризировал осн. принципы историч. материализма. Он разоблачал идеализм бурж. и мелкобурж. партий, в частности идеалистич. содержание программных положений литов. эсеров о т. н. «высоком естественном законе», «о вечной истине» и т. д. Марксистские филос. и революц. идеи пропагандировал также пролетарский поэт И. Янонис (1896—1917). Большую роль в распространении марксизма сыграла пресса: газета социал-демократов «*Vilnis*» («Волна»), выходящая в Риге в 1913—14; с.-д. газеты, изд. в Англии и США, «*Socialdemokratas*» («Социал-демократ»), «*Rankpelnis*» («Труженик»), «*Kova*» («Борьба»), «*Naujoji gadynė*» («Новая эра»), ред. которой в 1915—17 был Капсукас; первая литов. большевистская газ. «*Tiesa*» («Правда»), изд. с 12 апр. 1917.

После свержения в Литве Сов. Республики и установления бурж. диктатуры начались преследования марксистов. В течение двух десятилетий в Литве господствовала философия католицизма — неотомизм, гл. представителями к-рой были профессор Теолого-филос. фак-та Каунасского ун-та: П. Бучис (1872—1951) — «Критерии веры» (*Tikėjimo kriterijus*, 1919), «Человек и животное» (*Žmogus ir gyvulus*, 1920), «Краткая апологетика» (*Trumpa apologetika*, 1922), «Курс теологич. энциклопедии» (*Teologijos enciklopedijos kursas*, 1925), «Беседа о душе» (*Pasikalbėjimas apie sielą*, 1930), «Основа жизни» (*Gyvenimo pagrindas*, 1930) — и П. Довидайтис (р. 1886) — ред. журн. «*Kosmos*» и «*Logos*», руководитель клерикальной организации учащихся «*Ateitininkai*» («Будущники»). Одним из лидеров философии католицизма был прелат *Дамбраускас*, боровшийся с материализмом гл. обр. в области естествознания и логики. Теоретиком католицизма был С. Шалкаускас (1886—1941), пытавшийся «обновить» неотомизм с помощью *неопозитивизма*; ему принадлежит ряд книг по философии культуры, по нац. вопросу, педагогике и др. (нек-рую ценность представляют работы Шалкаускаса по филос. терминологии на литов. языке). С обострением кризиса бурж. строя в Литве происходит сближение двух реакц. идеологий — католицизма и фашизма. Эту тенденцию наиболее ярко выразил И. Тамошайтис — редактор журналов «*Vairas*» и «*Eranus*».

Особое место среди литов. бурж. философов занимает Видунас (1868—1953), испытавший влияние как инд. идеалистич. философии (*буддизма* и *гандизма*), так и воззрений Канта, Гегеля, Л. Толстого и В. Соловьева. В книгах «Тайное величие человека» (*Slaptinga žmogaus didybė*, 1907), «Происхождение судьбы» (*Likimo kilmė*, 1908), «Путь человечества» (*Žmonijos kelias*, 1915), «Жизнь нации» (*Tautos gyvata*, 1920) и др. Видунас гл. внимание уделял проблемам личност. жизни. Основой всего существующего он считал абстрактную всеобщую «совокупность», отождествляемую им с богом. Пытаясь доказать первичность мистической «совокупности» и превращение, в конечном итоге, всех явлений в нее, Видунас в кн. «Строение Вселенной» (*Visatos sąranga*, 1907) изобразил сложную систему этих

превращений, высказав одновременно диалектич. положения — о всеобщем характере развития, о взаимном превращении количества в качество и обратно, о взаимосвязи всеобщего и единичного и т. д. Утверждая противоречивость антагонистич. общества, Видунас вместе с тем уповал на мирный путь победы добра над злом, категорически отрицая классовую борьбу.

В трудных условиях клерикально-фашистской реакции, в борьбе против идеализма и религии развивалась передовая обществ. и филос. мысль в бурж. Литве. Большую роль в распространении материалистич. философии в это время сыграл проф. И. Кайрюкшис (1896—1957, в сов. время — чл.-корр. АН Лит. ССР), к-рый в труде «Философия естествознания» («Gamtos mokslų filosofija», 1926), материалистически освещая процесс возникновения органич. природы из неорганич., возникновение жизни и человека, критиковал идеализм и его неопозитивистскую разновидность. Он опубликовал также неск. оригинальных и переводных атеистич. брошюр («Азбука свободной мысли» — «Laisvosios minties ABC», 1934; «Куда идешь, католическая молодежь?» — «Kur eini katalikų jaunime?», 1925; «Христа не было» — «Kristaus ne buvo»; «Литва в тени крестов» — «Lietuva kryžių šešėliuose», и др.).

Материалистич. взгляды в биологии активно пропагандировали проф. Каунасского ун-та П. Авижонис (1875—1939), Т. Иванаускас (р. 1882, ныне акад. АН Лит. ССР), И. Дагис (р. 1906, ныне член-корр. АН Лит. ССР), В. Лашас (р. 1892, ныне акад. АН Лит. ССР) и др. Значит. роль в распространении материализма в области естествознания сыграли профессора — астроном П. Славенас (р. 1901, ныне член-корр. АН Лит. ССР) и физик В. Чепинскис (1871—1940), хотя последний и сделал ошибку, оценив дарвинизм как метафизич. теорию. Антинауч. и реакц. характер расизма разоблачили проф. И. Бальджюс (р. 1902), Г. Зиманас (р. 1910) и др. Активно выступал против идеализма и религии журн. «Kultūra» (1923—41), в к-ром было напечатано много статей по вопросам материалистич. философии и эстетики. В нем историк И. Гальвидис (р. 1896) опубликовал неск. работ по вопросам диалектич. материализма («Диалектически-материалистич. мировоззрение», 1931, «Наука познания диалектич. материализма», 1932, и др.).

Находившаяся в подполье компартия Литвы через свои печатные органы: «Tiesa» («Правда»), «Komunistas» («Коммунист»), «Balsas» («Голос»), «Priekalas» («Наковальня») и др., разоблачала бурж. идеологию, пропагандировала марксизм-ленинизм. Используя любые возможности для издания марксистской лит-ры, коммунисты в 1920 организовали в Каунасе кооперативное об-во «Швиеса» («Свет»), к-рое издало книгу К. Маркса «Наемный труд и капитал»; вскоре это об-во было закрыто. В 1926 ЦК КП Литвы организовал др. общество — «Вильнис» («Волна»), издавшее «Принципы коммунизма» Ф. Энгельса, но и оно после фашистского переворота (1926) было ликвидировано. В 1933 в легальной типографии в Каунасе была издана в сокращенном виде работа В. И. Ленина «Карл Маркс» под назв. «О К. Марксе и марксизме», с указанием только инициалов (В. И.) автора. В 1934 под назв. «Три источника» и с указанием на перевод с франц. была изд. работа В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма». Для выпуска марксистской лит-ры использовались и нелегальные типографии, а также изд-ва за границей. Значит. работу в этом отношении проделали литов. прогрессивные организации в США. В издании марксистской лит-ры на литов. языке большую роль сыграли В. Капсукас и З. Ангаретис. За время подпольной

деятельности КП Литвы выпустила неск. сот марксистских книг и брошюр, около 300 названий газет и журналов, около 3000 названий листовок.

Установление Сов. власти в 1940 открыло новые возможности для дальнейшего развития марксизма. Во время Отечественной войны снова оживились бурж. идеологи и философы (П. Мацейна и др.); в 1944 они эмигрировали на запад, где включились в антисоветскую и антикоммунистич. пропаганду.

В первые послевоен. годы марксистская мысль в Литве развивалась в трудных условиях ликвидации тяжелых последствий войны и острой классовой борьбы в деревне, разжигаемой бурж. националистами. С восстановлением и развитием экономики, победой колхозного строя и ликвидацией буржуазно-националистич. группировок марксистское мировоззрение одержало окончат. победу над бурж. идеологией и стало господствующим мировоззрением в Литве. Огромное значение в идеологич. борьбе имело издание на литов. языке произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, сочинений В. И. Ленина и др. марксистской общественно-политич. и филос. лит-ры.

За годы Сов. власти в республике выросли новые филос. кадры (в 1961 — ок. 50 чел.), работающие в вузах и н.-и. учреждениях. В последние годы в республике вышел ряд исследований по проблемам истории обществ.-филос. мысли в Литве: И. Заксас, Борьба материализма в бурж. Литве против религии и идеализма в биологии (I. Zaksas, Materializmo kova buržuazinėje Lietuvoje prieš religiją ir idealizmą biologijoje, 1956), «Расизм и евгеника в буржуазной Литве» («Rasizmas ir eugenika buržuazinėje Lietuvoje», 1959); по общепилос. вопросам: В. Мураускас, Религия и мораль (V. Murauskas, Religija ir morale, 1959), «Коммунистическая мораль» («Komunistinė moralė», 1960); Н. Ицкович, Филос. основы господства человека над природой (N. Jckovičius, Žmogaus viešpatavimo gamtai filosofiniai pagrindai, 1959); Н. Соловьев, Любовь, брак и семья (N. Solovjovas, Meilė, santuoka ir šeima, 1958); по филос. вопросам естествознания: Т. Иванаускас, Развитие жизни (T. Ivanauskas, Gyvybės raida, 1958); С. Павилонис, Происхождение человека (S. Pavilonis, Žmogaus kilmė, 1955) и др.; по вопросам религии и атеизма: Ю. Матулис, Наука в борьбе с суеверием и религией (J. Matulis, Mokslas kovoje su prietarais ir religija, 1949); Ю. Юргинис, Казимерас Лицинскис — основоположник атеизма в Литве (J. Jurginis, Kazimeras Lyščinskis — ateizmo pradininkas Lietuvoje, 1957); И. Рагаускас, Христианская мораль — орудие эксплуатации трудящихся (J. Ragauskas, Krikščionsikojų dorovė — darbo žmonių išnaudojimo iraniks, 1951), «Как ксендзы обманывают трудящихся?» («Kaip kunigai argaudinėja darbo žmonės?», 1954), «Католические религиозные праздники и обряды» («Katalikų religinės šventės ir apeigos», 1958), «Женщины и религия» («Moteris ir religija», 1959), «Ступайте, месса окончена!» («Ite missa est!», 2 изд., 1960, рус. пер. 1961) и др.; Ю. Жюгжда, Реакционное католич. духовенство — вечный враг литовского народа (J. Žiugžda, Reakcinė katalikų, dvasiškių — amžinas lietuvių tautos priešas, 1948) и др.; И. Пакаркис, Экономич. и юридич. положение католич. церкви в Литве (XV—XIX вв.) [P. Pakarklis, Ekonominė ir teisinė katalikų bažnyčios padėtis Lietuvoje (XV—XIX a.), 1956]; Л. А. Адомаускас, Тайны священного писания (L. Adomauskas, Svetaraščio paslaptys, 2 изд., 1960) и др.

И. Мацявичус. Вильнюс.
ЛИТОВСКИЕ БРАТЬЯ — представители реформационно-гуманистич. движения в Литве и Белоруссии 16 в. Первоначально движение Л. б. носило шляхетский характер. Видным деятелем Л. б. явился Симон Будный. Порвав с кальвинизмом, Л. б. при-

держивались арианских взглядов (см. *Арианство*), отрицали божественность природы Христа, не признавали учения церкви о воскресении после смерти, верили в царство божие на земле. Противники упрекали Симона Будного и его сторонников в отрицании бессмертия души, обвиняли их в эпикуреизме.

Социально-политич. требования Л. б. не шли дальше осуждения отд. отрицат. сторон крепостничества. За это Л. б. подвергались критике со стороны представителей крестьянско-плебейских масс, к-рые отрицали крепостничество, проповедовали равенство, выступали против войн. Наиболее последоват. рационалистич. воззрения Л. б., а также их утверждения о праве занимать обществ. должности и употреблять оружие вызывали возражения среди умеренного крыла т. н. польских братьев (социниан). На Лукловском арианском соборе 1582 социниане добились осуждения Симона Будного как еретика. В 17 в. движение Л. б., не получив поддержки нар. масс, пошло на убыль.

Лит.: Малышевский И., Подложное письмо полковника Ивана Смеры к великому князю Владимиру Святому, К., 1876; Плисс В., Симон Будный и его сектантская и лит. деятельность в Литве и Зап. Руси, «Христианское чтение», 1914, т. 242, ч. 1—2; Из истории филос. и общественно-политич. мысли Белоруссии. Избр. произв. XVI — нач. XIX в., Минск, 1962; K o t S., Szymon Budny der grösste Häretiker Litauens im 16. Jahrhundert, в сб.: Studien zur älteren Geschichte Osteuropas, Tl I, Graz—Köln, 1956; Українські письменники. Біо-бібліографіч. словник, т. 1, К., 1960, с. 223. В. Корецький. Москва.

ЛИТТ (Litt), Теодор (17 дек. 1880—16 июля 1962) — нем. философ-идеалист; проф. в Бонне (с 1919, затем с 1947) и Лейпциге (с 1920). Сочетал неогегельянство в духе т. н. философии жизни с феноменологией Гуссерля и неокантианством. Работы Л. посвящены преим. вопросам культуры, социологии, педагогики. Осн. филос. вопросы сводятся Л. к учению о науке, наукоучению. Философия, по Л., рассматривает науку как функцию духовной жизни, задача философии — исследование науки как одного из проявлений жизни. Л. противопоставляет наукам о природе «науки о духе», утверждая, что только последние способны преодолеть антитезу познания и жизни, природы и свободы, непреодолиму для естествознания. Гл. выводом из этого выдержанного в духе неокантианства противопоставления естествознания и истории является понятие т. н. духовной жизни как основной всеохватывающей реальности. Духовное характеризуется Л. как внутренне присущий действительности процесс, к-рому свойственна направленность на определ. чувств. переживание. Согласно Л., основой всякого бытия является жизнь, к-рая понимается иррационалистически, в духе «философии жизни», как целостность чувственно определенных, направленных функций духа, как «особенное душевное содержание конкретного субъекта». Естествознание и науки о духе имеют дело, по Л., не с различными объектами, существующими независимо от науки, а представляют собой различные функции духа. Естествознание трактуется Л. в духе кантовского учения об априорных формах созерцания и мышления, как особый способ априорного категориального синтеза чувственно данного, являющийся проявлением духовной жизни, культуры. Предметом естествознания, с т. зр. Л., оказывается «безданная вещь» как внешнее проявление духа. Объективность естествознания, всеобщее и необходимое значение положений математики, физики и др. наук является, по Л., свидетельством феноменального характера объектов естеств. наук. Естествознание не понимает, а лишь описывает, измеряет, конструирует. Науки о духе, в отличие от естествознания, постигают свой объект с помощью «понимания», т. е. *интуиции*, к-рая характеризуется в духе иррационализма как особая сверхинтеллектуальная способность приобщаться к предмету поз-

нания, существовать в нем, переживать особым образом постигаемое содержание. Источником «понимания» является эмоциональное состояние духа, не связанное с чувственным восприятием материального мира.

В социологии Л. отвергает историч. необходимость и сводит содержание обществ.-историч. процесса к свободным решениям индивидуумов. Истолкование историч. фактов, в свою очередь, становится мотивом историч. решения. Иррационалистич. тенденции неокантианской индивидуализирующей концепции истории доводятся Л. до предела. Л. утверждает, что историч. процесс лишен абсолютного смысла и обладает множеством относительных, субъективных смыслов.

Соч.: Erkenntnis und Leben, Lpz.—B., 1923; Individuum und Gemeinschaft, 2 Aufl., Lpz., 1924; Ethik der Neuzeit, Tl 1—2, Münch.—B., 1926; Wissenschaft, Bildung und Weltanschauung, B., 1928; Geschichte und Leben, 3 Aufl., Lpz.—B., 1930; Möglichkeiten und Grenzen der Pädagogik, 2 Aufl., Lpz., 1931; Einleitung in die Philosophie, Lpz.—B., 1933; Die Selbsterkenntnis der Menschen, Lpz., 1938; Mensch und Welt, Münch., 1948; Denken und Sein, Stuttg., 1948; Kant und Herder..., 2 Aufl., Hdb., 1949; Naturwissenschaft und Menschenbildung, Hdb., 1952; Hegel, Hdb., 1953; Die Wiedererweckung des geschichtlichen Bewusstseins, Hdb., [1956].

Лит.: Pixberg H., Soziologie und Pädagogik bei Willmann, Barth, Litt und Kriek, 2 Aufl., Langensalza, 1929; Vanselow M., Kulturpädagogik und Sozialpädagogik bei Kerscheneiner, Spranger und Litt, 2 Aufl., B., 1930. Т. Ойзерман. Москва.

ЛИТТРЕ (Littré), Эмиль (1 февр. 1801—2 июня 1881) — франц. философ-позитивист, ученик и последователь *Конта*, филолог и политич. деятель. Бурж. республиканец по политич. убеждениям, Л. сражался на баррикадах во время революции 1830; после Париж. Коммуны стал на открыто враждебные пролетариату позиции. С 1871 — член Франц. академии; с 1875 — сенатор.

Л. пытался примирить идеалистич. гносеологию и агностицизм *позитивизма* с науч. миропониманием, в частности с допущением существования объективных и неизменных, по мнению Л., всеобщих закономерностей, исключающих какой бы то ни было индетерминизм и сверхъестеств. вмешательство в естеств. ход событий в природе. Однако это положение о «неизменности естественных законов» не согласуется с исходным тезисом позитивизма о том, что познание не выходит за пределы явлений, обусловленных структурой чувств. восприятия. В области социологии Л. сводил проблему социальных изменений к интеллектуальному развитию, пытался сочетать политич. консерватизм с признанием обществ. прогресса. Эти взгляды Л. пропагандировал в основном им и издававшимся вместе с Вырубовым журнале «La philosophie positive» («Позитивная философия», т. 1—26, 1867—81); Л. перевел соч. Гиппократ (10 тт., 1839—61) и Плиния (2 тт., 1848—50); является автором «Истории франц. языка» («Histoire de la langue française», т. 1—2, 1863), «Словаря франц. языка» («Dictionnaire de la langue française», т. 1—2, 1863—69; т. 1—7, 1958), к-рый до сих пор не утратил значения, являясь одним из основных лексикографич. пособий по франц. яз.

Соч.: De la philosophie positive, P., 1845; Application de la philosophie positive ou gouvernement des sociétés..., P., 1850; Conversation, révolution et positivisme, P., 1852; Paroles de philosophie positive, 2 éd., P., 1863; Auguste Comte et la philosophie positive, 3 éd., P., 1877; La science au point de vue philosophique, 3 éd., P., 1873; Fragments de philosophie positive et de sociologie contemporaine, P., 1876; в рус. пер. — Конт и Милль, в кн.: Тэн И., Об уме и познании, т. 2, СПб., 1872; Несколько слов по поводу положительной философии, Берлин, 1865.

Лит.: История философии, т. 3, М., 1959, с. 495; К а р о Э. М., Э. Л. и позитивизм, пер. с франц., [М.], 1884; Н-в А., Позитивная школа философии истории и новая книга Л., «Вестник Европы», 1868, 3 год изд., кн. 5; Chardon D., Positivist thought in France during the Second Empire 1852—1870, Oxf., 1959; Р о ё у А., L. et A. Comte, P., 1879. Т. Ойзерман, В. Сафронов. Москва.

ЛИФШИЦ, Михаил Александрович [р. 10 (23) июля 1905] — сов. философ и эстетик, старший науч. сотрудник Ин-та истории искусств (с 1963). Член КПСС с 1938. Учился в Высшем художественно-технич. ин-те. Преподават. и науч. работу по философии в вузах и науч. учреждениях Москвы ведет с 1925. Автор работ, посвященных проблемам обществ. наук, лит-ры, иск-ва. Составитель книг «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве» (1938; т. 1—2, 1957; имеются многочисл. издания на иностр. языках), «Ленин о культуре и искусстве» (1939), редактор изданий классиков филос., обществ. и эстетической мысли.

Соч.: К вопросу о развитии взглядов Маркса на искусство, М., 1933; пер. на англ. яз. — N. Y., 1938; на нем. яз. — Dresd., 1960; Вопросы искусства и философии, М., 1935; серия полемич. статей против вульгарной социологии: Ленинизм и художественная критика, «Лит. газета», 1936, 20 января, № 4; Критич. заметки, там же, 24 мая, № 30, 15 июля, № 40, 15 августа, № 46; Надоело, там же, 1940, 10 янв., № 2; В чем сущность спора?, там же, 15 февр., № 9; частично переведено на нем. яз. в «Internationale Literatur», 1936, № 2; на англ. яз. — в сб.: Literature and Marxism, N. Y., 1938; Франческо Гвиччардини, «Лит. газета», 1934, 10 июня, № 73; Джамбаттиста Вико, вступит. ст., в кн.: Вико Д., Основания новой науки, Л., 1940, пер. на англ. яз. — в «Philos. and Phenomenol. Res.», 1948, v. 8, № 3; Belinsky's aesthetic views, «Modern Quarterly», 1949, v. 4, № 3; Responsibility of art to society in Belinsky's esthetics, «Science and Society», 1949, № 3; Великий франц. просветитель, «Новый мир», 1953, № 6; «Философия жизни» И. Видмара, «Новый мир», 1958, № 12, пер. на чеш. яз., Прага, 1960; Странный социализм, «Новое время», 1958, № 9, 10, 13; Ветер истории, «Сов. культура», 1960, 26 нояб., № 141; В мире эстетики, «Новый мир», 1964, № 2.

ЛИ ХВАН (Тхвевге) (1501—70) — корейский мыслитель, неоконфуцианец, основоположник субъективно-идеалистич. школы чурирон. Филос. взгляды изложил в работе «Краткий анализ учения Чжу Си» («Чусоль чоре»). Утверждал первичность идеального абсолютного начала «ли», руководящего материальным началом «ки» и лежащего в основе данного природой человеку интеллекта. В соответствии с этим Л. Х. делил всех людей на «совершенно-мудрых», «рядовых» и «тупиц», отстаивая вечность и неизблемость конфуцианских эthic. норм. Идеалом социально-политич. устройства считал гос-во «гуманного правления», основанное на лояльном отношении к монарху и почтении к родителям.

Мировоззрение Л. Х. в течение неск. веков являлось идеологич. основой реакц. сил феод. Кореи, под влиянием к-рого оформилась общая тенденция развития корейского неоконфуцианства в сторону идеалистич. монизма.

Лит.: Очерки по истории освободительной борьбы кор. народа, М., 1953, с. 68—70; Чо и Дон Хыйи, Чосон сынму юхён нёнпхё (История выдающихся деятелей кор. конфуцианства Ли Тхвевге), Сеул, 1928; Чосонгва квё (Очерк истории Кореи), Пхеньян, 1957; Чхорхак ёнгубан чхамю чаре, (Материалы по изучению философии), ч. I, Пхеньян, 1958, с. 28; Y a n g K. P. a n d H e n d e r s o n G., Outline history of Korean Confucianism, pt. 1—2, «J. of Asian Stud.», v. 18, 1958—59, Nov., Febr.

ЛИХТЕНБЕРГ (Lichtenberg), Георг Кристоф (1 июля 1742—24 февр. 1799) — нем. просветитель, физик, художеств. критик. Учился в Гёттингенском ун-те; с 1769 до конца жизни был там же проф. физики. В 1795 стал членом Академии наук в Петербурге. Л. издавал «Гёттингенский карманный календарь» («Göttingischer Taschenkalender», 1778—99) и совместно со своим другом нем. революц. демократом *Форстером* — «Göttingisches Magazin der Wissenschaft und Literatur» («Гёттингенский журнал науки и литературы», 1780—85). Л. по существу отрицал христ. религию; его воззрения приближались к атеизму. Относительно Библии он заявлял, что она написана людьми, и полагал, что человек создал бога по своему образцу. Критикуя *агностицизм* Канта (к концу жизни Л. в известной мере подпал под его влияние, хотя и не стал правоверным кантианцем), Л. одобрительно высказывался о философии Спинозы

и признавал себя сторонником принципа «все — единое». Враг дворянства и духовенства, Л. критиковал духовное убожество, безнравственность и властолюбие дворянства и выступал в защиту порабожденных крестьян. Он поддерживал, хотя и не без колебаний, франц. революцию и призывал немцев преодолеть политич. разобщенность их отечества.

Как физик Л. известен наблюдениями над фигурами скользящего искрового разряда, названными Лихтенберговыми; как художеств. критик — своими статьями об англ. трагике Гаррике («Письма из Англии» — «Briefe aus England», 1898) и англ. художнике Хоггарте («Подробное разъяснение гравюр Хоггарта» — «Ausführliche Erklärung der Hogart'schen Kupferstiche», 1794—99, опубл. Bd 1—12, 1794—1816).

Соч.: Werke, Stuttg., [1947]; Gesammelte Werke, Bd 1—2, Fr./M., 1949; Aphorismen und Briefe, В., [1953]; в рус. пер. — Афоризмы, СПб., 1899; Избр. мысли Лихтенберга, в кн.: Избр. мысли Канта, М., 1906, с. 78—116; Афоризмы, пер. Г. С. Слободкина, М., 1964.

Лит.: Тронская М. Л., Л. и Хогарт, «Уч. зап. ЛГУ», 1959, № 276; е е же, Нем. сатира Просвещения, Л., 1962; Гулыга А. В., Из истории нем. материализма (последняя треть XVIII века), М., 1962 (см. по указат.); K l e i n e i b s t R., G. Ch. L. in seiner Stellung zur deutschen Literatur, Stras., 1915; H a h n P., G. Ch. L. und die exakten Wissenschaften, Gött., 1927; D e n e k e O., Lichtenbergs Leben, [Bd 1], Münch., 1944; S c h ö f f l e r H., Lichtenberg, Gött., 1944; R e q u a d t P., Lichtenberg. Zum Problem der deutschen Aphoristik, Hameln, [1948]; B r i n i t z e r K., G. Ch. Lichtenberg, Tübingen, [1956]; G. Ch. Lichtenberg, в кн.: Aufklärung, Hrsg. vom Kollektiv für Literaturgeschichte, В., 1958, S. 580—90.

ЛИХУД, Иоанникий (1663—1717) — деятель просветительского движения в России конца 17 — нач. 18 вв. По происхождению грек. Образование получил в Венеции в Падуанском ун-те. В 1685 по приглашению патриарха Иоакима Л. вместе с братом Софронием прибыл в Москву для организации преподавания в Славяно-греко-латинской академии, где преподавал логику, риторику, пинтику и «физику» (в аристотелевском смысле). Филос. курсы Л. представляют собой анализ работ Аристотеля, они носят еще в значит. степени схоластич. характер. Сохранился трактат Л. «О душе по учению перипатетиков...». Братья Л. активно участвовали также в богословской борьбе. Они возглавляли греч. школу в богословии, выступая против «латинского учения» Сильвестра Медведея, написали ряд полемич. сочинений против католичества, лютеранства и раскольников. течений в России. В 1694, благодаря стараниям своих противников в богословской борьбе, братья Л. отстраняются от преподавания в академии, а в 1701, обвиненные в ересях и политич. интригах, высылаются в костромской Ипатьевский монастырь. В 1706 новгородский митрополит Иов поручает братьям Л. устройство в Новгороде славяно-греко-лат. школы по образцу московской. Лишь в 1716 Л. получает разрешение вернуться в Москву. Несмотря на богословско-схоластич. характер своих курсов, братья Лихуды сыграли огромную роль в распространении образования в России начала 18 в.

Лит.: Смирнов С., История Московской славяно-греко-латинской Академии, М., 1855; Куприянов И., Материалы для истории училищ в России, «Ж. для воспитания...», 1857, т. 2; Образцов И. Я., Братья Лихуды, «Ж. мив-ва народного просвещения», 1887, № 9; Никольцев И., Материалы к биографии Лихудов, М., 1881; Семеновский М., Братья Лихуды, СПб., 1899; Лихачев Н. П., Портрет И. Лихуды, СПб., 1902; Галкин А., Академия в Москве в XVII столетии, М., 1913; Трахтенберг О. В., Общественно-политич. мысль в России в XV—XVII вв., в сб.: Из истории русской философии, под ред. И. Я. Шипанова, М., 1951.

ЛИХУД, Софроний (1652—1730) — рус. педагог и мыслитель, деятель просветит. движения в России. Грек по происхождению. Брат Иоанникия Л.

Свой курс логики, носивший название «Яснейшее изложение всего логич. действования», Л. делал

на 3 части, соответственно 3 способностям ума: 1) о познании путем восприятия, 2) о познании при помощи суждений, 3) об умозаключении при помощи силлогизма. В курсе излагались осн. положения традиц. аристотелевской логики. Курс «Естеств. философии», основой к-рого являлась «Физика» Аристотеля, носил схоластич. характер.

Лит. см. при статье *Ли Хун И*. А. Голодко. Москва. **ЛИ ЧЖИ** (Ли и Чжю) (1527—1602) — кит. философ-просветитель и политич. деятель. Выступая против метафизич. неоконфуцианских построений, Л. Ч. утверждал, что в мире нет ничего неизменного: «все то, что у Конфуция считалось добром и злом, никогда не было неизменным добром и злом... Что вчера было злом, то сегодня добро, что сегодня зло, завтра будет добром. Если бы Конфуций воскрес, он бы не знал, что добро и что зло» («Ли-ши пан шу», «Цзи чжуань муду цяньюнь»).

Находясь под сильным влиянием школы Ван Шоу-жэня (*Ван Ян-мина*) и признавая его теорию о заране данной человеку природе (душе), Л. Ч. тем не менее полагал, что мир состоит из материальных элементов. За протест против офиц. идеологии конфуцианства был посажен в тюрьму, где и погиб.

Соч.: Ли-ши фань шу (Сожженные книги Ли Чжи), Шанхай, [б. г.]; Ли-ши суй фань шу (Продолжение сожженных книг Ли Чжи), [б. м.], 1618; Ли-ши цан шу (Собрание книг Ли Чжи), Нанкин, 1599; Ли-ши суй цан шу (Продолжение собрания книг Ли Чжи), [б. м.], 1599.

Лит.: Жун Чжюань, Ли Чжи Няньпу (Биография, хроника Ли Чжи), Пекин, 1957.

ЛИЧНОСТЬ — человек. индивид как продукт обществ. развития, субъект труда, общения и познания, детерминированный конкретно-историч. условиями жизни общества.

Личность в философии и социологии

Понятие Л. следует отличать от понятий индивида и индивидуальности. Понятие «человек. индивид» обозначает лишь принадлежность к человек. роду и не включает конкретных социальных или психологич. характеристик. Понятие индивидуальность, к-рым очерчивает психология, обозначает совокупность унаследованных и выработанных в процессе онтогенеза физич. и психич. особенностей, отличающих данного индивида от всех остальных. Понятие Л. обозначает целостного человека в единстве его индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций (ролей).

В теории Л. ясно проявляется противоположность материализма и идеализма. С т. зр. идеализма, Л. — духовное существо, автономно творящее историю. С т. зр. историч. материализма, Л. — продукт обществ. развития, она является субъектом обществ. отношений не изолированно, сама по себе, а лишь как часть социального коллектива (сословия, класса, нации, общества в целом). Человек не рождается Л., а становится ею, и этот процесс социален как в фило-, так и в онтогенезе. Решающим в процессе формирования Л. является тот факт, что «... индивиды как физически, так и духовно творят друг друга...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 36), что «...развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении...» (там же, с. 440). Это общение структурно организовано в виде различных социальных групп и конкретных коллективов. Одни из этих групп (сословия, классы и т. п.) складываются независимо от воли и сознания принадлежащих к ним индивидов, другие (политич. партии, различные формальные и неформальные объединения) суть продукт социальной ассоциации людей во имя определенных целей. Принадлежность индивида к группе выражается в определ. функциях (ролях), в к-рых фиксируются его обязанности и права по отношению к группе. Ролей, как

и групп, к к-рым принадлежит индивид, много: муж, отец, рабочий и т. п. Разные роли не совпадают друг с другом и могут даже противоречить одна другой (робкий служащий — деспотичный глава семьи). Эта множественность групп и ролей делает Л. автономной по отношению к каждой из них в отдельности. Л. не исчерпывается ни одной из ее многочисл. ролей; структуру Л. образует их целостность, совокупность. Охарактеризовать Л. можно только через ее осн. роли, в исполнении к-рых проявляется ее индивидуальность. Определение объективной структуры Л. как совокупности всех ее ролей подчеркивает зависимость Л. от др. индивидов и социального целого.

Однако Л. — не только продукт, но и — в составе социального целого — субъект обществ. отношений. Усваивая в специфич. для нее форме социальные влияния, роли, убеждения, Л. одновременно выражает свой «внутр. мир» в установках, поведении и отношениях к др. людям и к обществ. учреждениям. Соотношение этих процессов (усвоение внешних влияний и выражение собств. индивидуальности) у разных индивидов различно, но они всегда предполагают друг друга. «Как само общество производит человека как человека, так и он производит общество» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 589). Социальное положение индивида, его принадлежность к определ. классу не зависит от его воли. Но его конкретная роль всегда зависит от того, как он сам осознает и оценивает свое положение. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в бессловесной покорности, есть просто раб. Раб, осознавший свое рабство и примирившийся с ним, — холоп, хам. Но раб, осознавший свое положение и восставший против него, — это революционер (см. В. И. Ленин, Соч., т. 13, с. 38). Самосознание Л., ее представления о своих способностях, свойствах и обществ. положении всегда производно от реальных обществ. связей индивида. «...Человек, — писал Маркс, — сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Пётр начинает относиться к самому себе как к человеку» («Капитал», т. 1, 1955, с. 59, прим.).

Л. социальна, поскольку все ее роли и ее самосознание — продукт обществ. развития. «... Сущность человека, — писал Маркс, — не есть абстракт, присутствующий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 3). И характер существующих в обществе групп, и их внутр. членение, и их взаимоотношения друг с другом зависят в конечном счете от социальной системы как целого. Кроме того, Л. формируется не только под влиянием непосредств. окружения, но и под влиянием усвоения ею обществ. идей, культуры и т. д. Даже когда индивиду кажется, что он отвергает всю систему обществ. отношений, он в действительности восстает лишь против каких-то определ. порядков и норм, опираясь при этом на другие. Но, будучи социальной, Л. в то же время индивидуальна, неповторима, т. к. данная структура и сочетание ролей и такое именно их осознание характерны лишь для этого человека и ни для кого другого. Социально-экономич. структура общества, через господствующую в нем культуру, определяет типичный для этого общества, класса социальный характер (преобладание индивидуализма или коллективизма, авторитарного или рационально-критич. типа мышления и т. п.). Но одни и те же объективные условия в сочетании с разной индивидуальностью дают разный тип Л.

Отсюда — различие психологического и социологического аспектов в исследовании Л. Социология дает филогенетическую теорию Л., изучает

историч. процесс формирования и развития Л. в различных социальных системах, анализирует типы социального характера в их конкретно-историч. отношениях к обществу и культуре.

Л и ч н о с т ь в и с т о р и и о б щ е с т в а. Становление Л. связано прежде всего с развитием трудовой деятельности. Если животное тождественно со своей жизнедеятельностью, то отношение человека к природе опосредствуется орудиями труда. В процессе труда человек как бы удваивается, объективирует себя в вещах и тем самым различает себя как деятеля от предметов своей деятельности. Однако первоначально субъектом самосознания был не индивид, а род. В силу неразвитости индивидуальных производит. сил «...отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине» (Маркс К., *Формы, предшествующие капиталистич. производству*, 1940, с. 18). Ни в своей деятельности, ни в своем сознании первобытный человек не выделяет себя из родовой целостности. Все его права и обязанности были не личными, а родовыми (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Соч.*, 2 изд., т. 21, с. 99). Только развитие производит. сил и связанное с ним разделение труда, разрушившие первонач. родовую целостность, делают человека особым индивидом. Выполнение специфич. функций, отличных от функций др. членов общины, дает индивиду определ. социальную роль, в свете к-рой он оценивается другими и на к-рой основывается его личное самосознание.

Но развитие Л. с момента ее зарождения было внутренне противоречиво. С одной стороны, Л. есть непосредств. целостность жизни индивида, ее внутр. мир определяется характером ее действит. обществ. отношений. Чем больше специализация функций, чем разнообразнее роли, выполняемые разными индивидами, тем многообразнее сами индивиды и тем крепче их связь друг с другом. С др. стороны, «...в ходе исторического развития, — и как раз вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное, — появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям» (Маркс К. и Энгельс Ф., там же, т. 3, с. 77).

С возникновением частной собственности и классов распределение социальных ролей между индивидами определяется не столько их личными способностями, сколько их социальным положением. Благодаря обществ. разделению труда все сферы человек. деятельности выступают в форме организации, а труд отд. человека, кто бы он ни был, представляет собой отд. функцию, часть общей задачи. Обществ. цель деятельности индивида отрывается от самой деятельности и даже противопоставляется ей в качестве внешней силы, принуждающей человека выполнять функции, смысл и значение к-рых для него утрачены (см. *Отчуждение*). В результате индивид не может отождествить себя ни с одной из своих ролей, к-рые он воспринимает как навязанные извне, и его самоутверждение принимает форму конфликта Л. и общества, за к-рым в действительности стоят противоречия самой социальной жизни.

Это противоречие проявляется уже в античной Греции. В рабовладельч. обществе статус и достоинство Л. признавались только за свободными людьми. «Естеств. человек» древнегреч. философии — гражданин античного полиса, смысл жизни к-рого в жизни целого, гос-ва. Для Аристотеля отдельный человек так же мало есть нечто само по себе существующее, как какая-нибудь оторвавшаяся от целого организма часть. Но слитность человека с обществом, на к-рую указывали Платон и Аристотель, была в их эпоху уже

отчасти иллюзорной, отражая предшествовавший этап обществ. развития. Уже в философии софистов, Сократа и в греч. трагедии (Софокл) отражается факт расщепления индивидуального самосознания. Формула софиста Протагора «человек есть мера всех вещей» бросала вызов не только древним богам, но и традициям общинной жизни. Философия эпохи разложения антич. полиса была уже явно индивидуалистической. С т. зр. стоиков, скептиков, эпикурейцев, всеобщее (в форме гос-ва, разумной необходимости вообще) не гармонически охватывает Л., а тяготеет над ней как внешняя и чуждая власть. Высшее удовлетворение человек может получить лишь в одиночестве своего мышления, сведя к минимуму свою связь с внешним миром, а тем самым и зависимость от него.

В жесткой иерархич. структуре феодализма индивид не занимал самостоят. места, его права и обязанности определялись гл. обр. его сословной принадлежностью и освящающей ее традицией. В христианстве проблема Л. ставится преимущественно в религ.-этич. плане как вопрос о соотношении свободы воли индивида и божеств. провидения (Августин). При этом свобода человека мыслится как отрицат. понятие (свобода творить зло), тогда как вся положит. деятельность (добро) связывается с божеств. предопределением. Эта концепция была идеологич. отражением реального факта подавленности Л., ее подчиненности, социальной и духовной, иерархич. строю.

Зарождение капитализма и разрыв старых социальных связей вызвали серьезные изменения в положении Л. Частное предпринимательство было невозможно без личной инициативы и предприимчивости. Протест против феодализма облекается в форму требования свободы Л. Гуманисты эпохи Возрождения (*Валла, Пико делла Мирандола, Фичино* и др.) провозглашают освобождение человека от всяких обязанностей по отношению к анонимному «целому» и выдвигают идеал целостной, всесторонне развитой Л. Личность провозглашается целью, общество — средством развития. Идея свободы Л., первоначально ограниченная сферой интеллектуальной деятельности, по мере развития бурж.-революц. движений перерастает в требование гражд. и политич. свободы. Просветители 17—18 вв. само общество и гос-во рассматривают как продукт договора между индивидами (см. *Общественный договор, Естественное право*).

Просветительская теория Л. отражала реальный процесс распада феод. связей и зарождения нового общества, где все подчинено законам товарного произ-ва.

Выдвигаемая на первый план интересы Л., просветители никогда не понимали их узко-эгоистически, подчеркивая, что правильно поняты интересы Л. в конечном счете всегда совпадают с обществ. благом. Но эта концепция, как и породившие ее обществ. отношения, была внутренне противоречива. Противоречиво уже капиталистич. разделение труда. С одной стороны, специализация труда и связанная с ней дифференциация социальных функций порождает необычайное многообразие форм деятельности. С др. стороны, она суживает диапазон жизнедеятельности каждого отд. человека. Л. низводится до уровня носителя частичной социальной функции, к-рая навязывается извне.

Еще более противоречива социальная структура капитализма. С одной стороны, капитализм уничтожил феод. сословный строй, при к-ром все социальные связи индивида (производственные, семейные, религиозные) subordinировались в единую жесткую иерархию. С др. стороны, превращение рабочей силы в товар неизбежно усиливает отчуждение личностных свойств человека. В каждом из своих обществ. отношений он выступает не как целостный индивид, а лишь как средство, как воплощение определ. функ-

ции. Отношения между людьми все больше из отношений между индивидами (межиндивидуальные отношения) становятся отношениями между отвлеченными социальными функциями (безличные отношения). Отношение капиталиста и рабочего откровенно безлично; капиталисту нет дела до Л. рабочего, а для рабочего капиталист — не индивид, а безличная «фирма». Товарный фетишизм, вырастающий из недр товарно-капиталистич. отношений, отражает это положение, персонифицируя вещи и обезличивая человека. Капитализм, т. о., одновременно поднял Л. на пьедестал и сам же ограничил ее возможности. Отсюда трагич. противоречие между самосознанием Л., ее идеальным «внутр. миром» и ее социальным положением и деятельностью. Противоречие это в самых различных вариантах отражается в философии и искусстве нового времени.

Уже нем. классич. идеализм в превращенной форме поставил вопрос о несовместимости бурж. обществ. отношений со свободой Л. Кант вслед за Руссо показал, что в бурж. обществе человек не может поступать нравственно и в то же время быть счастливым, нравственность и благополучие — взаимоисключающие понятия. В философии Канта это противоречие приобретает метафизич. форму и констатируется им (здесь он полностью разделяет с просветителями их антиисторизм) как неизбежное в силу двойственности природы человек. существа, к-рое есть и явление и «вещь в себе», т. е., с одной стороны, включено в природную связь явлений и подчиняется природной необходимости, а с другой — принадлежит к миру интеллектуальному и в этом смысле свободно. Стоя на почве эмпирич. действительности бурж. общества с его индивидуализмом и утилитаризмом, Кант признает его как мир опыта, в к-ром Л. есть лишь средство. Но он не может примириться с этой действительностью и ищет за ней трансцендентную реальность, посредством к-рой можно было бы обосновать несовместимый с этой эмпирией нравств. закон, по к-рому Л. не может быть средством, но только целью, а людей должен связывать друг с другом не принцип взаимной выгоды, не расчет, а нечто принципиально иное. Отрицая связь между людьми, основанную на принципе «взаимной выгоды», Кант по существу не видит иной связи, так что перехода от Л. к обществу не оказывается.

Еще острее вопрос о несовместимости капиталистич. прогресса и развития Л. был поставлен романтиками. «Сколько бы ни выигрывал мир, как целое, от этого раздельного развития человеческих сил, все же нельзя отрицать того, что индивиды страдают под гнетом этой мировой цели» (Шиллер Ф., Собр. соч., т. 6, М., 1957, с. 302). Только искусство, свободное от разделения труда, может воссоздать гармонию Л., облагородив чувственность человека и подготовив его тем самым к восприятию нравств. долга, к-рому противятся его природные влечения. Но это решение чисто иллюзорно. Не случайно романтики резко противопоставляют искусство «грубой действительности» и говорят о невозможности реализации возвышенных идеалов.

Выступив против романтич. индивидуализма, Гегель показал несостоятельность его исходных посылок. Несовместимость личного идеала с действительностью объясняется лишь субъективностью этого идеала, к-рая обычно свойственна юношескому возрасту. «Что в этих идеалах есть и с т и н о г о, сохраняется в практической деятельности; только от неистинного, от пустых абстракций должен отделаться человек» (Соч., т. 3, М., 1956, с. 95). Гегель рассматривал Л. не как изолированную монаду, а как момент всеобщего, рода Л. реализует не субъективные, но объективные цели: она едина не только с родом, но и со всем миром, ибо сущность всего мира та же, что и сущность

Л. — дух. Но и Гегель не в состоянии разрешить противоречия, объективно присущего капиталистич. обществу. Разделение труда и связанное с ним «отчуждение» индивида будут, по Гегелю, развиваться и дальше. Только в сфере духовной, филос. деятельности может человек выступать как целостный, неотчужденный индивид. Самый тезис о возможности реализации личных идеалов базируется у Гегеля на постулате разумности мира как «осуществления божественного разума». Высшим воплощением духа и реализацией человек. свободы Гегель считал гос-во; он пронизировал над планами «полного преобразования мира». Если индивидуализм просветителей и Канта был филос. основой идеологии бурж. либерализма, то гегелевский панлогизм имел консервативный политич. смысл.

Как ни прозаично бурж. общество, его рождение потребовало немалых жертв, усилий и героизма, оно вызвало к жизни яркие, цельные характеры. «Люди, основавшие современное господство буржуазии, — писал Энгельс об эпохе Возрождения, — были всем, чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными» («Диалектика природы», 1955, с. 4). Но уже в 19 в. в условиях победившего капитализма положение изменилось. Обезличенности подверглись не только рабочие, но и представители буржуазной верхушки, общественная деятельность к-рых настолько «...обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями», что отличие их Л. от этих отношений «... для них самих обнаруживается лишь тогда, когда они обанкротились» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 3, с. 77). Чтобы увидеть всю глубину падения бурж. Л., достаточно сравнить многокрасочный индивидуализм франц. просветителей с унылым утилитаризмом англ. либералов 19 в. «Сверхчеловек» Ницше — не только предвестник эпохи империализма, стремящейся избавиться от ставших стеснительными для буржуазии демократич. свобод, но и естеств. реакция на пошлую обиденность бурж. жизни и порождаемых ею обезличенных индивидов. Еще быстрее идет этот процесс в эпоху империализма. Процесс нивелировки индивидуальности пронизывает все сферы жизни совр. бурж. общества. Прежде всего обезчеловечивается, обезличивается труд. В условиях совр. капитализма подавляющее большинство не только рабочих, но и служащих, вынуждено выполнять работу, к-рая их совершенно не интересует и никак не связана с их индивидуальностью. Эта дегуманизация неуклонно захватывает и сферу умств. труда, к-рый раньше был в привилегированном положении. То же самое происходит в сфере обществ.-политич. отношений. Типичная для совр. капитализма бюрократизация гос. аппарата, политич. партий, профсоюзов, обществ. орг-ций означает, что отношения между индивидами уступают здесь место безличным отношениям, в к-рых индивид является не субъектом деятельности, а винтиком безличной машины, носителем определ. функций.

Нет спасения Л. и в сфере досуга. Духовные потребности человека, к-рого труд и обществ. деятельность не побуждают к самостоятельности, неизбежно оскудевают. Раз выработанная привычка к стандарту, конформизм побуждают его в свободное время искать не столько развития своей Л., сколько развлечения. Он не создает культурных ценностей, а только потребляет их. Свойственный капитализму коммерч. подход к духовному произ-ву, ориентация на неразвитые, низменные вкусы вызывает стандартизацию поведения, вкусов, потребностей, духовной культуры. Массовое произ-во товаров завершается массовым произ-вом стандартных индивидов.

Процесс разрушения Л. широко отражается в бурж. идеологии. Вопрос о судьбах Л. занимает важное место в бурж. философии и социологии конца 19

и особенно 20 вв. Уже Теннис пытался осмыслить процесс перехода от «общности», основанной на патриархально-романтической. отношениях между индивидами, к безличному «обществу», основанному на выгоде и взаимном использовании. Проблема интеграции индивида с социальной группой — главный вопрос социологич. концепции Дюркгейма. Универсализируя противоречия своей эпохи, Зиммель рассматривал кризис Л. как одно из проявлений непреодолимой «общей трагедии культуры».

В совр. бурж. социологии проблема Л. ставится в неск. различных аспектах: 1) изучаются, на этнографич. материале, особенности формирования Л. в примитивных обществах и взаимозависимость между типом Л. и характером культуры (культурная антропология, Р. Бенедикт, М. Мид и др.); 2) исследуется изменение социального характера в совр. капиталистич. обществе под влиянием индустриализации, автоматизации и др. условий (Фромм, Милас, Г. Герт, Т. Адорно, Рисмен, Уайт и др.); 3) изучается, в т. ч. экспериментальными методами, поведение индивида в социальной группе (социология малых групп, начиная с Кули, работы Хоменса, Бейлса, Морено и др.); 4) разрабатываются наиболее эффективные способы манипуляции людьми в различных социальных ситуациях, особенно производственных (теория человеческих отношений в промышленности, менеджеризм, социология труда).

В концепциях бурж. социологов отражаются реальные социальные процессы (крах индивидуализма эпохи свободного предпринимательства, бюрократизация общества и ее влияние на Л. и т. д.). Но, ставя серьезные проблемы, бурж. социологи большей частью обходят их конкретно-историч. смысл. Одни авторы прямо признают отказываться от идеала «автономной» Л. и рассматривают Л. лишь как один из элементов социальной группы. При помощи системы т. н. «человеч. отношений» в пром-сти и др. форм искусств. коллективизма, маскирующих эксплуататорскую природу капиталистич. производств. отношений, корпорации сеют иллюзии о «гуманизации» труда и получают доп. выгоды возможности манипулировать людьми. Др. авторы (в частности, неопрейдисты, Фромм, Рисмен) осуждают этот конформизм и подвергают критике капиталистич. порядки. Но эта критика ведется с позиций старого индивидуалистич. идеала и потому носит романт. характер. Противоречия капиталистич. общества трактуется внеисторически, либо как проявление всеобщего конфликта между рациональной цивилизацией и иррациональной человек. природой (Фрейд), либо как неизбежное следствие индустриализации, порождающей «массовое общество» и «массовую культуру». Отчуждение Л. рисуется при этом как нечто неотвратимое не только при капитализме, но и при коммунизме (Фромм). Так романт. критика капитализма становится формой его косвенной апологетики.

Если социологи подходят к проблеме Л. гл. обр. под углом зрения взаимодействия индивидов в конкретных коллективах, то совр. бурж. философия ставит вопрос о соотношении Л. и общества в широком филос. плане. Особенно много внимания уделяют Л. персонализм и экзистенциализм, для к-рых проблема Л. является центральной. Но идеалистич. антропология во всех его разветвлениях не способен выразить реальные обществ. связи, вне к-рых не существует Л. С т. зр. персонализма, Л. есть единственная абсолютная реальность. Но при этом имеется в виду не реальный человек, а некая духовная субстанция. Критикуя взгляд на общество как механич. объединение отд. индивидов и правильно связывая этот взгляд с принципом бурж. эгоизма, персоналисты (напр., Мунье) в то же время мистифицируют

обществ. природу человека, истолковывая ее в религ. духе. В результате обещанное персоналистами «преодоление» индивидуализма оказывается мнимым, а человеческая Л. становится производной от Л. бога. Экзистенциализм вскрывает глубокий и острый конфликт Л. и совр. общества, показывает порабощение индивида безличными внешними силами. Но в противоположность Марксу, показавшему, что источник «овеществления» Л. нужно искать в бурж. производств. отношениях, экзистенциалисты утверждают, что отчужденный способ бытия человека коренится в самой природе человека. Реальное историч. противоречие между свободой Л. и безличной обыденностью жизни («тап») превращается т. обр. в неразрешимое метафизич. противоречие. Быть Л. — для большинства людей непосильная задача. Чтобы выйти из мира «обыденности», человеку нужно изменить не сам этот мир, а свое сознание: решиться смотреть в глаза смерти; перед лицом смерти человек всегда становится самим собой, т. е. Л. Итак, вместо реального выхода из того положения, в к-рое поставлена Л. при капитализме, экзистенциалисты предлагают иллюзорный выход, сводящийся в конечном счете к нравств. перерождению индивида.

Если социально-экономич. отношения капитализма разрушают Л. путем ее нивелирования, то индивидуализм разрушает Л. изнутри, превращая ее самознание из средства связи с социальным миром в средство искусственной (и иллюзорной) изоляции от него.

Коммунизм и личность. Маркс был первым, кто поставил проблему Л. не вообще, а конкретно-исторически. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс показали, что абстрактная противоположность Л. и общества и ее эthic. выражение — противоречие между эгоизмом и альтруизмом есть лишь иллюзорное отражение социальных противоречий капиталистич. общества. «...Эта противоположность является лишь кажущейся, потому что одна из ее сторон, так называемое „всеобщее“, постоянно порождается другой стороной, частным интересом, а отнюдь не противостоит последнему как самостоятельная сила, имеющая самостоятельную историю» (Соч., 2 изд., т. 3, с. 236). Решение этого противоречия только одно: превращение бурж. «гражданского» общества, в «человеческое общество, или обобществившееся человечество» (там же, с. 4), т. е. коммунизм. Поскольку Л. не есть изолированная монада, путь к освобождению и расцвету Л. идет только через освобождение массы. Но, с другой стороны, «...общество не может освободить себя, не освободив и каждого отдельного человека» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1957, с. 278). Коммунизм — это общество, в к-ром «...свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 447).

Решение проблемы Л. при коммунизме складывается из трех взаимообусловленных моментов: 1) радикально изменяется соотношение Л. и социальной структуры; 2) создается новый тип Л. (социального характера); 3) создаются условия для всестороннего развития Л.

При коммунизме Л. становится целью обществ. развития. Как писал Маркс, при коммунизме «...прибавочный труд масс точно так же перестает быть условием для развития всеобщего богатства, как безделье немощных перестает быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы... Свободное развитие индивидуальностей; поэтому — не сокращение необходимого рабочего времени ради увеличения прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к

минимуму. Этому тогда соответствует художественное, научное и т. д. воспитание индивидов в свободное для всех них время и средствами, сделавшимися доступными для всех» («Grundrisse», рус. пер. см. журн.: «Большевик», 1939, № 11—12, с. 62). Но если труд из тягостной необходимости превращается в первую жизненную потребность Л., ее уже не нужно принуждать к труду, и социальная орг-ция, необходимая для руководства производств. процессом, становится свободной ассоциацией индивидов. Гос-во из органа, стоящего над обществом, из аппарата классового насилия буржуазии последовательно превращается сначала в орган господства большинства (диктатура пролетариата), затем становится общенародным и, наконец, заменяется обществ. самоуправлением. Постепенно преобладают все формы социального неравенства: уничтожаются классовые различия, стираются различия между людьми физич. и людьми умств. труда. Это значит, что и сфера деятельности Л. и характер выполняемых ею ролей, к-рые в прошлом определялись ее объективной социальной «принадлежностью», теперь определяются исключительно ее собств. индивидуальностью. Сами производств. отношения становятся в подлинном смысле этого слова человеческими, т. е. свободными отношениями. Примером таких отношений являются коллективы *коммунистического труда*, в к-рых люди объединены не только общей производств. задачей, но и взаимной симпатией, товарищеской взаимопомощью. Принадлежность к такому коллективу не обедняет, а обогащает Л. Выполняя множество различных ролей и принадлежа одновременно к различным группам (производств. коллектив, семья, обществ. орг-ция, спортивные общества и т. д.), Л. не растворяется ни в одной из них, но сохраняет известную автономию. Всякое расширение обязанностей Л. сопровождается соответственным расширением ее прав, так что в конечном итоге права и обязанности сливаются, обозначая лишь разные аспекты одного и того же отношения. Вопреки утверждениям бурж. пропагандистов, будто марксисты стремятся «уничтожить личность», «растворить» ее в коллективе, коммунистич. общество жизненно заинтересовано в том, чтобы не допустить нивелирования индивидов. Только мелкобуржуазные теоретики могут считать, что гуманизм и свобода Л. — «буржуазные понятия». Конечно, конкретное содержание этих принципов существенно изменилось в ходе истории. Но именно коммунизм очищает их от буржуазных и религиозных наслоений и не только провозглашает в качестве мировоззренческих принципов, но и реализует на практике. Для коммунизма жизнь и благополучие каждого человека — важнейшая социальная ценность. Уравнит. распределение материальных благ, нивелировка потребностей и запросов, мелочная регламентация быта и прав людей — все это не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Коммунистич. коллектив — не казарма, а свободное объединение свободных индивидов. Если индивиды обезличены, их объединение дает лишь простую кооперацию. Только объединение разных людей вызывает активный обмен мнениями, полезный для группы в целом и для каждого индивида в отдельности. Высший принцип, которым руководствуются коммунистическое общество в целом и каждый из составляющих его коллективов, это свобода и всестороннее развитие Л. каждого человека.

Эта особенность коммунистич. общества вызывает к жизни новый тип социального характера, свободный от индивидуализма и ставящий общие, коллективные интересы превыше частных. Индивидуализм всегда выражал разобщенность индивидов, столкновение их интересов, вследствие к-рого все «общее»

кажется им фиктивным, внешним по отношению к их собств. «я». Отсюда понятие «личной жизни» как чего-то противоположного жизни общественной, «внутр. мира» как изолированного от мира «внешней деятельности», «свободного времени» как свободы от труда. Коммунизм кладет конец этим антиномиям. Если общество не имеет других задач, кроме заботы о благе каждого отд. индивида, то обществ. интерес есть не что иное, как личный интерес каждого. Обществ. дисциплина, без к-рой не может существовать общество, становится сознат. дисциплиной, а выполнение ее требований — естеств. привычкой. Коммунистич. общество ни в малейшей степени не посягает на автономию «личной жизни» и «внутр. мира» индивидов. Но именно потому, что свобода Л. становится из иллюзии реальностью, она перестает быть проблемой. Конечно, Л. всегда будет иметь свой «внутр. мир», самосознание одного человека никогда не будет тождественно самосознанию другого. Но если человек может реализовать свои идеалы в действиях, исчезает база для противопоставления (в абсолютном смысле) «внутреннего» — внешнему. Поскольку люди не похожи друг на друга, каждый из них всегда будет иметь свою особую и в этом смысле «личную» жизнь. Но эта личная жизнь не будет противопоставляться обществ. жизни раз обществ. отношения перестали быть безличными. Коллективизм коммунистич. социального характера, осн. черты к-рого для совр. эпохи обобщены в моральном кодексе строителя коммунизма, является личностным коррелятом гуманизма, присущего коммунизму как обществ. системе. Не растворение Л. в безличном социальном целом, а гармонич. сочетание социального с индивидуальным — вот что такое коммунистич. общество. Именно эта гармония позволяет коммунистич. обществу решить проблему всестороннего развития Л., «воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» (Программа КПСС, 1961, с. 120—21). Всестороннее развитие Л. не исключает разделения труда и его специализации. Объем знаний и умений, необходимый для продуктивного труда в любой области, слишком велик, чтобы отд. индивид мог одинаково успешно справляться со всеми видами деятельности. Да в этом и нет необходимости. Превращение труда в первую жизненную потребность означает, что каждый человек может свободно, исходя из своих индивидуальных склонностей, выбирать осн. вид своей трудовой деятельности. Автоматизация произ-ва, передавая механич., рутинные виды труда машинам, оставляет на долю человека наиболее интересный, творч. труд, предполагающий высокообразованного работника. Сложный творч. труд, как бы он ни был специализирован, стимулирует самостоятельность мышления и любознательность, к-рая, укорежившись в психологич. структуре Л., сказывается и вне проф. сферы Л., побуждая ее к расширению своего общекультурного кругозора. Однако узкая специализация часто развивает специальные способности индивида за счет других, и это при любой социальной форме превращает его в частичного работника. Для капитализма эта проблема неразрешима. Но в коммунистич. обществе индивид не агент произ-ва, а цель историч. развития, самостоят. Л., для к-рой «...различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (М а р к с К., Капитал, т. 1, 1955, с. 493). Его отношения с другими индивидами многогранны. Он не только рабочий определ. специальности, но и обществ. деятель, член различных добровольных коллективов и т. п. И эти его внепрофессиональные роли общество считает не менее важными, чем его трудовые функции. Эта множественность ролей не

позволяет Л. замыкаться в более или менее узкий мир специальных интересов. Сами условия жизни коммунистич. общества, обеспечивая Л. небывало широкую сферу жизнедеятельности, толкают ее к расширению своего кругозора, выработке научного мировоззрения, пробуждают ее эстетич. интересы. Превращение труда в первую жизненную потребность снимает быдлую абстрактную противоположность рабочего и свободного времени, а ограничение продолжительности рабочего времени открывает безграничные перспективы для развития Л. (см. К. Маркс, *Grundrisse*; рус. пер. в журн. «Большевик», 1939, № 11 — 12, с. 61—62).

Этим преодолевается, в частности, типичный для современного общества разрыв между естественными и гуманитарными элементами культуры. Индивиды, освобожденные от бремени отчужденного труда, становятся не только потребителями, но и творцами художественных и иных человеческих ценностей.

«При коммунизме, — говорится в Программе КПСС, — все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения и активное участие в управлении общественными делами. Утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов. Запросы людей при всем их громадном разнообразии будут выражать здоровые, разумные потребности всесторонне развитого человека» (1961, с. 63—64).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956, с. 563—67, 601—02; их же, Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; Ленин В. И., Государство и революция, Соч., 4 изд., т. 25, с. 436—46; Асмус В., Противоречия специализации в бурж. сознании, «Под знаменем марксизма», 1926, № 9—10; Кон-стантин Ф. В., Значение личных способностей и труда при социализме, [М.], 1938; Федосеев П. Н., Социализм и гуманизм, М., 1958; Гароди Р., Марксистский гуманизм, М., 1959, гл. 1, 3; Гак Г., Строительство коммунизма и всестороннее развитие Л., «Коммунист», 1959, № 12, Спиркин А. Г., Происхождение сознания, М., 1960, гл. 6, 7; Тугаринов В. И., О ценностях жизни и культуры, Л., 1960; Замошкин Ю. А., Совр. капитализм и духовная жизнь, Л., «Вопр. философии», 1960, № 6; его же, Бюрократизация бурж. общества и судьба Л., там же, 1961, № 4; Курьев А. К., О всестороннем развитии Л. при коммунизме, там же, № 11; Крижев П. Е., Общество и личность, М., 1961; Давыдов Ю. Н., Труд и свобода, М., 1962; Тугаринов В. П., Коммунизм и Л., «Вопр. философии», 1962, № 6; Разделение труда и всестороннее развитие Л., там же, № 10; Замошкин Ю. А., Кризис «амер. деловитости», там же, № 11; Соколов Э. В., Всестороннее и гармонич. развитие Л. в процессе построения коммунизма, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1962, № 6; Гайденик П. П., Экзистенциализм и проблема культуры, М., 1963; Ломов Б. Ф., Человек и техника, [Л.], 1963; Лосев А. Ф., История античной эстетики, М., 1963; Струков Э. В., Всестороннее и гармонич. развитие Л., М., 1963; Козлова Г. П., Файнберг З. И., Изменение характера труда и всестороннее развитие человека, «Вопр. философии», 1963, № 3; Струмлини С. Г., Коммунизм и разделение труда, там же; Замошкин Ю. А., Проблемы аморализма и преступности в совр. амер. социологии, там же, № 7; Митрохин Л. П., Проблема человека в марксистском освещении, там же, № 8; Белозерцев В. И., Фомина В. А., Коммунистич. разделение труда не исключает всестороннего развития человека, там же, № 9; Шмелев Г. И., Связь науки с производством и всестороннее развитие Л., там же, № 9; Вайнштейн Л. М., Тенденции разделения труда и развития Л. при социализме и коммунизме, там же; Колубабо Н. С., Косолапов Р. И., Россман И. М., Сокращение рабочего времени, перемена труда и всестороннее развитие Л., там же; Кристовурьян Н., Всестороннее развитие работника производства, «Коммунист», 1963, № 7; Давыдов Ю., Царь Эдип и Аристотель, «Вопр. лит-ры», 1964, № 1; Коммунизм и Л., М., 1964; Человек и эпоха (По материалам XIII Междунар. философского конгресса), М., 1964; Хусар Т., Марксистское и экзистенциалистическое понимание Л., «Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio philosophica», 1964, t. 3; Mead G. H., Mind, self and society, Chi., 1934; Benedict R., Patterns of culture, Boston —

N. Y., [1934]; Linton R., The study of man, [N. Y.], 1936; Kardiner A., The individual and his society, [N. Y.], 1939; его же, The psychological frontiers of society, N. Y., 1945; Linton R., The cultural background of personality, N. Y.—L., [1945]; Fromm E., Escape from freedom, Oxf. (Toronto), 1941; его же, Man for himself, N. Y.—Toronto, [1947]; Sorokin P. A., Society, culture and personality, [N. Y.], 1947; Thiel M., Versuch einer Ontologie der Persönlichkeit, Bd 1, B., 1950; Riesman D. [a. o.], The lonely crowd, New Haven, 1950; Weinberg S. K., Society and personality disorders, [N. Y.], 1952; Gerth H. H. and Mills C. W., Character and social structure, [N. Y.], 1953; Kluckhohn C. and Murray H. A. (eds), Personality in nature, society and culture, 2 ed., [N. A.], 1953; Lersch P., Aufbau der Person, Münch., 1954; Riesman D., Individualism reconsidered and other essays, [N. Y.], 1954; Fromm E., The sane society, N. Y., [1956]; Whyte W., The organisation man, N. Y., 1957; Stein M. R. a. o. (eds), Identity and anxiety. Survival of the person in mass society, [N. Y.], 1960; Lipset S. M. and Lowenthal L. (eds), Culture and social character. The work of D. Riesman, reviewed, [Glencoe, 1961]; Garaudy R., Les perspectives de l'homme, P., 1962; Krec'h D. a. o., Individual in society, [N. Y.], 1962; Schaff A., Filozofia człowieka, 2 wyd., [Warsz.], 1962; Kosik K., Diaktika konkrétniho, Praha, 1963; Olson Ph. G. (ed.), America as a mass society, N. Y., 1963. И. Кон. Ленинград.

Личность в психологии

К психич. свойствам Л. относятся характер, темперамент, способности человека, совокупность преобладающих чувств и мотивов его деятельности, а также особенности протекания психич. процессов. Это неповторимое в своей индивидуальности сочетание свойств у каждого конкретного человека образует устойчивое единство, к-рое можно рассматривать как отност. постоянство психич. облика или склада Л. Психич. склад Л. является производным от деятельности человека и детерминирован прежде всего развитием обществ. условий его жизни. Взаимосвязанные, относительно устойчивые и относительно изменчивые свойства и особенности Л. образуют ее сложную динамич. структуру.

Идеалистич. психология абсолютизирует устойчивость психич. свойств Л. и трактует Л. как особую неизменную духовную сущность (Кляеес). При этом извращается обществ. характер Л. Она рассматривается как «целиком психическое существо» (Гегерли). Л., по Джемсу, составляет общая сумма всего, что человек может назвать «своим». Тем самым Л. по существу идентифицируется с личной собственностью. В различных вариантах глубинной, «гормической» психологии (Мак-Дугалл) и в особенности в психологич. системе Фрейда ядром Л. признаются иррациональные инстинктивные влечения; сущностью Л. признается антисоциальная система подсознат. влечений, в к-рой бессознательное находится в состоянии постоянного конфликта с сознательным. Поэтому, с т. зр. фрейдизма, Л. потенциально патологична. *Вихевиоризм* фактически снимает проблему Л., к-рой не остается места в механистич. схеме С — Р (стимул—реакция). В таких разновидностях бурж. динамической психологии, как индивидуальная психология, гормич. психология, понятие активной, творч. силы Л. имеет очевидный телеологич. и индетерминистич. характер. Общая тенденция совр. бурж. психологии Л. заключается в истолковании Л. в терминах деятельности. Однако сама деятельность истолковывается в духе бурж. индивидуалистич. концепций. Характерной чертой большинства совр. теорий Л. в бурж. психологии является отказ от концепции Л. как некой неизменной духовной сущности. Последняя как бы оказалась распыленной в потоке динамич. факторов («локомоций» у К. Левина, «фрустраций» у Р. Сьерса, «промежуточных переменных» у Халла, Толмена и др.). Др. словами, реальная предметно-чувственная практич. деятельность человека подменена взаимодействием февомепальной Л. с миром психич. явлений, активность Л. понята

идеалистически, как «психическая энергия», «психическое напряжение» и т. д. Т. о., несмотря на существ. изменения, идеалистич. концепция Л. в бурж. психологии остается непреодоленной.

Этой концепции противостоит на Западе формирующийся под влиянием марксизма подход к Л. как продукту историч. преобразования субъекта в трудовой деятельности, структурирующей конкретный и динамич. характер деятельности психической (А. Валлон, И. Мейерсон, Ж. Политцер и др.).

В сов. психологии проблема Л. решается с позиций историч. материализма. Она не сводится к констатации, классификации и изучению индивидуальных особенностей и различий Л. (характер, способности, темперамент и др.). Психологич. эффект каждого внешнего воздействия на Л. обусловлен историей ее развития и ее внутр. закономерностями (*Рубинштейн*). Один из ведущих принципов построения психологии Л. — принцип историч. подхода, связанный с идеей преобразования природных механизмов психич. процессов в ходе общественно-историч. онтогенетич. развития, в основе к-рого лежат гипотеза об опосредствованном характере психич. функций человека и гипотеза о происхождении внутр. умственных процессов из деятельных первоначально внешней и «интерпсихологической» (*Выготский*). В дальнейшем он был развит А. Н. Леонтьевым и нашел выражение во взгляде на психич. деятельность как на особую форму деятельности — продукт и дриват развития материальной деятельности, к-рая преобразуется в ходе общественно-историч. развития во внутр. деятельность человек. сознания. Это становится основой для решения различных проблем формирования свойств Л. (генезиса и строения психич. функций и способностей людей).

Источником активности Л. являются многообразные общественно-личные потребности человека. Сложными производными потребностей являются интересы, склонности, вкусы, установки и т. п., к-рые в совокупности образуют мотивационную характеристику Л., или ее «направленность». В сов. психологии серьезно экспериментальному изучению подверглись интересы и особенно установки (*Д. Н. Узнадзе*).

Человека как Л. характеризует система отношений, обусловленных его жизнью в обществе. В процессе отражения объективного мира активно действующая Л. выступает как целое, в к-ром познание объективного осуществляется в единстве с его переживанием. Не отрицая значения наследств. анатомо-физиологич. качеств, как отправных пунктов, от к-рых идет развитие, сов. психология рассматривает их как общие возможности развития, реализация к-рых зависит, однако, от наличия соответств. обществ. условий. В связи с этим исключительно важное значение в психологии Л. приобретают исследования типологич. особенностей высшей нервной деятельности человека. Осн. задача этих исследований (*Теплов*) состоит в выяснении того, как именно типологич. свойства высшей нервной деятельности участвуют в выработке тех или иных психич. свойств Л. При этом устанавливается, что непосредств. основой психич. облика Л. являются устойчивые системы связей, к-рые вырабатываются в процессе жизненного воспитания в широком смысле слова. Свойства же типа высшей нервной деятельности, составляющие фонд врожденных предрасположений, существенно сказываются на образовании и функционировании этих систем связей, а отсюда на индивидуальности психич. особенностей Л. Поэтому они имеют прямое отношение ко всей динамич. характеристике Л. Сов. психология уделяет большое внимание вопросам формирования характера, способностей, чувств, сознания и самосознания.

Предметом психологич. изучения Л. являются закономерности изменения, перестройки, развития индивидуального сознания в результате изменения обществ.-историч. условий существования Л. Необходимо с этой целью различать общие закономерности, оказывающиеся верными для всех людей, и закономерности, к-рые являются конкретным проявлением этих общих закономерностей для данных историч. условий. В программе КПСС записано, что в период перехода к коммунизму возрастают возможности воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физич. совершенство. Психология входит в круг наук, способствующих успешному осуществлению этого процесса. Решающее значение приобретают задачи «проектирования Л.» в коллективе, превращения внешних средств воздействия на Л. в средства внутреннего управления и сдерживания, мерло внутренней оценки поступков (А. Макаренко), задачи исследования психологических черт Л. советского человека и формирования их в процессе труда и коммунистического воспитания (В. Колбановский, К. Платонов).

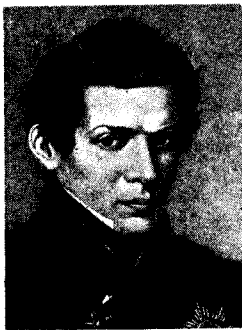
Проблема Л., в особенности вопрос о ее структуре, источниках активности, установках и отношениях Л., а также вопрос о путях историч. развития Л. широко обсуждаются в сов. психологии (см., напр., дискуссию в журн. «Вопросы психологии» по статье А. В. Веденова, Личность как предмет психологич. науки, 1956, № 1).

См. также статьи *Сознание, Потребности, Интересы, Мотивы, Характер*.

Лит.: Бинэ А., Изменения личности, пер. с франц., [СПБ, 1893]; В и к т о р о в П. П., Учение о личности и настроениях, 2 изд., М., [1903]; Д ж э м с У., Психология, пер. [с англ.], 5 изд., СПб, 1905, гл. 12; У ш и н с к и й К. Д., Человек как предмет воспитания, т. 1, 12 изд., СПб, 1912, т. 2, 13 изд., СПб, 1916; Л а з у р с к и й А. Ф., Классификация Л., 2 изд., М.—П., 1923; Проблема активности Л. [Сб. ст.] под ред. Н. Ф. Добрынина, Уч. зап. МГПИ, Кафедра психологии, т. 36, вып. 2, М., 1954; Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. [Сб. ст.], отв. ред. В. М. Теплов, М., 1956; К о л б а н о в с к и й В. Н., О Л. как предмете психологич. науки, «Вопр. философии», 1956, № 3; Ф о р т у н а т о в Г. А. и П е т р о в с к и й А. В., Проблема потребностей в психологии Л., там же, № 4; К р у т е ц к и й В. А. и Э л ь н о н и Д. Б., Сопоставление по психологии Л., там же; Доклады на совещании по вопросам психологии Л., М., 1956; Л е в и т о в Н. Д., Вопросы психологии характера, 2 изд., М., 1956; Р у б и н ш т е й н С. Л., Бытие и сознание, М., 1957, гл. 4; К о в а л е в А. Г. и М я с и ш е в В. Н., Психологич. особенности человека, т. 1, Л., 1957; Ф у р с т Дж., Невротик. Его среда и внутренний мир, пер. с англ., М., 1957; М о р е н о Дж. Л., Социометрия, пер. с англ., М., 1958; Ч л а р т и ш в и л и Ш. Н., Место потребности и воли в психологии Л., «Вопр. психологии», 1958, № 2; Р е й н в а л ь д Н. И., Разработка вопросов психологии личности с позиций рефлексивной теории И. П. Павлова, там же; Л е о н т ь е в А. Н., Проблемы развития психики, М., 1959; Р у б и н ш т е й н С. Л., Принципы и пути развития психологии, М., 1959; У э л л с Г., Павлов и Фрейд, пер. с англ., М., 1959; Вопросы психологии личности. Сб. ст. под ред. Игнатъева Е. И., М., 1960; Л е й т е с Н. С., Об умственной одаренности, М., 1960; Т е п л о в В. М., Проблемы индивидуальных различий, М., 1961; Проблемы способностей. [Материалы конференции 22—24 июня 1960 г.] под ред. В. Н. Мясищев, М., 1962; Способности и интересы. [Сб. ст.] под ред. Н. Д. Левитова и В. А. Крутецкого, М., 1962; Совр. психология в капиталистич. странах. [Сб. ст. под ред. Е. В. Шороховой], М., 1963; К о в а л е в А. Г., Психология Л., Л., 1963; Очерк Л. нового рабочего. [Сб. ст. под ред. К. К. Платонова], М., 1963; T r e n d e l e n b u r g A., Zur Geschichte des Wortes Person, «Kant-Studien», 1908, Bd 13, S. 1—17; J a n e t P., L'évolution psychologique de la personnalité, P., [1929]; L e w i n K., Dynamic theory of personality, N. Y.—L., 1935; A l l p o r t G. W., Personality. A psychological interpretation, N. Y., 1937; H o r n e y K., Neurotic personality of our time, N. Y., 1937; K a r d i n e r A., The individual and his society, N. Y., 1939; S h e r i f M. and S h e r i f C., An outline of social psychology, N. Y., [1956]; K o w a l s k i S t., Zagadnienie osobowości w świetle psychologii marksistowskiej, Wr., [1956]; A d l e r A., The individual psychology..., N. Y., [1956]; S t a y e n h a g e n K., Person und Persönlichkeit, Gött., [1957].

А. Петровский. Москва.

ЛОБАЧЕВСКИЙ, Николай Иванович [20 нояб. (1 дек.) 1792—12 (24) февр. 1856] — рус. математик и мыслитель-материалист, создатель гиперболической неевклидовой геометрии. Род. в Нижнем Новгороде

в семье бедного чиновника. Окончил Казанский ун-т (1811); адъюнкт (1814), проф. (с 1816), декан фак-та (1820—1821, 1823—25) и ректор (1827—46) этого ун-та. Л. руководил организацией нар. образования в казанском учебном округе, вначале как член училищного комитета (1818) и его председатель (1827), а в последние годы жизни (1846—56) — как помощник попечителя округа. Кроме геометр. работ, Л. принадлежит ряд соч. по алгебре, математич. анализу, теории вероятностей, механике, физике и астрономии. Он разработал один из наиболее совершенных методов приближенного решения алгебраич. уравнений, дал почти современное определение функции, указав на различные свойства непрерывности и дифференцируемости их. Л. впервые публично высказал мысль о возможности построения новой геометрии 23 февр. 1826 на заседании физико-математич. отделения Казанского ун-та. В 1829—30 он опубликовал свои исследования «О началах геометрии» в «Казанском вестнике». На место евклидова постулата о параллельных Л. ставит аксиому: «Через точку, не лежащую на данной прямой, проходят по крайней мере две прямые, лежащие с ней в одной плоскости и не пересекающие ее». Опираясь на эту аксиому, а также на аксиомы т. н. абсолютной геометрии (т. е. геометрии, не зависящей от V постулата *Эвклида*) Л. строит новую геометр. систему, логически строгую и непротиворечивую. Идея Л. поразила современников как жущейся парадоксальностью, несоответствием с обычными наглядными представлениями о пространстве. В действительности же Л. только вскрыл относительный характер исходных начал геометрии Эвклида с т. зр. соответствия «природе вещей». Определяющий девиз Л. (формулируемый им словами *Ф. Вэгона*): «спрашивайте природу, она хранит все истины и на вопросы ваши будет отвечать вам непременно и удовлетворительно» (Модзалевский Л. Б., Материалы для биографии Н. И. Лобачевского, 1948, с. 204). Естественно, поэтому, что истинность той или иной геометрии определяется, по Л., не а priori, как это утверждала кантианская философия, противником к-рой был Л., а с помощью опытов. Л. считал, что истинность геометр. понятий могут подтвердить «... лишь опыты, каковы, например, Астрономические наблюдения» (Полн. собр. соч., т. 2, 1949, с. 147). Все это имело большое значение для борьбы против идеализма в математике.

Вытекающая из открытия Л. идея о многообразии пространственных свойств действит. мира, получающем свое отражение в многообразии геометр. систем, приобрела глубокий научный смысл и оказалась исключительно плодотворной для развития геометр. исследований 19—20 вв. Не менее важной была и другая идея Л. — о зависимости геометр. свойства пространства от его физич. природы, которая получила блестящее подтверждение в совр. физике. Эта идея лежит в основе общей *относительности теории*.

Как в своих математич. воззрениях, так и в разработке вопросов воспитания Л. исходил из признания объективности и материальности внешнего

мира и считал, что «первыми данными без сомнения будут всегда те понятия, которые мы приобретаем в природе посредством наших чувств» (там же, с. 164). Вместе с тем он придавал большое значение разуму в познании, логич. стороне исследований. Соч.: Полн. собр. соч., т. 1—5, М.—Л., 1946—51; Три сочинения по геометрии. Геометрия. Геометрические исследования по теории параллельных линий. Пангеометрия, М., 1956.

Лит.: Васильев А. В., Н. И. Лобачевский, СПб., 1914; Каган В. Ф., Лобачевский, 2 изд., М.—Л., 1948 (имеется библиография); Яновская С. А., Передовые идеи Н. И. Л. — орудие борьбы против идеализма в математике, М.—Л., 1950; Сто двадцать пять лет неевклидовой геометрии Л. 1826—1951, М.—Л., 1952; Рыбкин Г. Ф., О мировоззрении Н. И. Л., «Успехи матем. наук», 1951, т. 6, вып. 3 (43), май—июнь; его же, Н. И. Лобачевский, «Вопр. истории естествознания и техники», вып. 2, М., 1956; Кольман Э., Великий рус. мыслитель Н. И. Л., 2 изд., М., 1956; Курсанов Г. А., о значении идей Н. И. Л. для развития материалистич. представлений о пространстве в совр. науке, в кн.: Филос. вопросы физики и химии, Свердл., 1959. *Г. Курсанов*. Москва.

ЛОБАН (Левейка), Стефан Григорьевич (16 в.) — белорусский материалист и атеист. В 1591 привлечен польским королем Сигизмундом III «пред главный трибунальский суд» за распространение материалистич. и атеистич. идей. Вторичное разбирательство дела Л. в 1594 вследствие неяски доносчика в суд привело к решению короля о «неосновательности» обвинений Л. в «богохульстве и эцигурействе».

Соч. Л. не найдены. О его мировоззрении можно судить по обвинит. материалам суда, а также по сочинениям современников Л., обвинявших Л. в том, что он отрицал сотворение мира богом (см. S. Zebrowski, *Recepta na plaster Czechowicza*, 1597; St. Rejsyc, *De atheismis et phabarismis evangelicorum libri duo...*, 1596, и др.). Л. считал, что мир «так стоит от века»; все, что мы видим вокруг нас, не пуждается в допущении сверхъестеств. творца; мир подвижен; все — «земля, древо, вода и иные речы» — «само презь себе стадося». Особой, отдельной от тела души не существует. Все учение церкви Л. рассматривал как ложное. Говоря о порядках на земле, Л. утверждал, что люди создают на земле ад одним и рай другим; феод. порядки считал неправомерными, выступая, т. о., как идеолог нарождающейся буржуазии.

Лит.: Бодянский О. М., О поисках моих в Познанской публичной библиотеке, М., 1846; Архивы ЦГАДА, Литовская метрика, ф. 389, е. х. № 277, лист 405, 405 об; Архив Виленской капитулы, Рукописный отдел АН Лит. ССР, коллекция Гоштаута; Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, Минск, 1962. *В. Сербинта*. Минск.

ЛОГИКА (греч. λογική — наука о мышлении, от λόγος — слово, речь, разум, рассуждение) — наука о законах, формах и приемах познания мира на ступени абстрактного мышления, а также о языке как средстве такого познания. Основная цель Л. — выяснение условий истинности познания, выработка эффективных логич. аппаратов и правильного метода познания. Слово «Л.» употребляется также для обозначения закономерностей развития и взаимосвязей предметов и явлений объективной действительности (в этом смысле говорят об «объективной Л.», «Л. классовой борьбы» и т. п.) и закономерностей рассуждения («Л. мышления», «Л. доказательства»).

Совр. Л. как наука представляет собой совокупность ряда разделов и направлений, главными из к-рых являются диалектич. и формальная Л. Это разделение обусловлено наличием двух аспектов мышления.

По своему существу мышление есть процесс развития знания, формирования понятий, суждений, теорий, в к-ром действуют как общие для всех предметов и явлений, так и специфич. для познания законы диалектики и обусловленные ими приемы познания. Совокупность этих законов и приемов входит в предмет диалектич. Л.: на основе их исследования формируется научный диалектико-материали-

стич. метод познания с учетом диалектики как самих объектов познания, так и процесса отражения мира в мышлении.

Вместе с тем всякий процесс мышления представляет собой оперирование сложившимися понятиями и суждениями (определение, обобщение, ограничение и деление понятий, в к-рых выделены изучаемые предметы, преобразование суждений из одних форм в другие, логич. выведение одних суждений из других, обоснование или опровержение одних суждений посредством других и т. п.). Совокупность этих форм и операций составляет формально-логич. аппарат познания. Подобные формы и операции и лежащие в их основе специфич. (формальные) законы связи между понятиями и суждениями составляют предмет формальной Л.

Проблемы диалектич. и формальной Л. возникли в древнем мире в рамках филос. проблем о сущности познания, его источниках и отношении к объективному миру. Формальная Л. как наука сложилась в 4 в. до н. э. в трудах *Аристотеля*.

В силу неразрывной связи ее проблем с *основным вопросом философии* формальная Л. рассматривалась обычно как один из разделов философии, что оправдывалось, в частности, постоянной борьбой *материализма и идеализма, диалектики и метафизики* вокруг ее понятий и существованием различных филос. направлений внутри самой Л.

Развитие осн. идей диалектич. Л. осуществлялось в рамках теории познания. Начало формированию диалектич. Л. как системы знания положил *Гегель*, у к-рого она получила, однако, идеалистич. истолкование. Действительно науч. ее основы создали *Маркс, Энгельс и Ленин*. В настоящее время она является частью диалектич. материализма.

Формальная Л. и диалектика составили осн. рациональное содержание философии. Как писал Энгельс, в результате выделения из философии конкретных наук «... из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика» (*Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., 2 изд., т. 19, с. 207).

Со 2-й пол. 19 в. формальная Л. в виде символич. (или математич.) Л. выделяется в самостоятельную науку, исследующую в основном формы выводов и доказательств и лежащие в их основе логич. законы. Развитие символич. Л. открыло путь важному направлению в области исследований теоретического мышления (см. *Метатеория*) и положило начало ряду новых логических дисциплин (см. *Металогика, Семантика*). Полученные на этом пути результаты еще более подтвердили связь Л. и философии; не случайно их широко используют (с соответствующим истолкованием) совр. позитивизм и другие идеалистич. направления совр. бурж. философии. Между тем наиболее важные из этих результатов свидетельствуют о правильности диалектико-материалистич. понимания процесса познания. Диалектич. материализм является единственно возможной научно-методологич. основой всей совр. Л. (см. *Логика диалектическая, Формальная логика*).

Е. Войшевло. Москва.

Логические журналы появились в начале 30-х гг. 20 в., что было связано с изменением предмета Л., сферы ее применения, ее методологии и технич. аппарата. Это изменение шло в основном по двум направлениям, каждое из к-рых, взаимно обогащаясь, использовало результаты другого. С одной стороны, Л. «математизировалась», т. е. в Л. все в большей степени проникали математич. методы и средства исследования и доказательства. С другой стороны, с начала века мн. философов и логиков

стали интересоваться проблемами т. н. Л. науки, т. е. проблемы, связанные с исследованиями логич. средств и приемов, используемых в процессе научного рассуждения, с изучением структуры научного рассуждения, с возможностями и пределами формализации ряда содержательных областей, и т. д.

В соответствии с этими двумя линиями развития все осн. логич. журналы условно можно разбить на две группы: журналы по «широко понимаемой» Л. (Л. науки) и журналы по *математической логике*, интересы к-рой преимущественно сосредоточиваются вокруг технич. проблем, связанных с разработкой аппарата, или вокруг содержательных проблем, связанных с основаниями *математики*. При характеристике журналов первой группы необходимо учитывать, что те из них, к-рые издаются в капиталистич. странах, по вопросам общепилос. разработки логич. исследований идут в осн. русле бурж. мировоззрения, тогда как логич. исследования, публикуемые в журналах социалистич. стран, основываются на принципах диалектич. материализма.

Предшественником первой группы журналов является довольно известный «Erkenntnis». На страницах этого журнала публиковали свои работы почти все крупные зарубежные логики. К настоящему времени в первую группу логич. журналов входят: 1) «Synthese; an international journal for the logical and psychological study of the foundations of sciences». Основан в 1936 в Амстердаме. Выходит 4 раза в год. С 1940 по апрель 1946 не выходил. Является офиц. органом ин-та по единству науки, международ. общества сигнифики, франц. социологич. ин-та, франц. и голл. секций международной ассоциации по Л. и философии науки. Несмотря на то, что журнал публикует статьи по философии, психологии и социологии, основное внимание все же уделяется Л. науки. Хотя в работе журнала принимают участие авторы самых различных филос. течений и школ, на его страницах печатаются преим. статьи т. н. аналитич. философов: логич. позитивистов, неореалистов, операционалистов и др. Статьи печатаются в основном на английском, французском и немецком языках. 2) «Philosophy of Science». Основан в 1934 в Балтиморе. Офиц. орган амер. ассоциации философии науки, ин-та по единству науки и секции Л. амер. ассоциации по развитию науки. Осн. задача журнала — публикация исследований по «философии и логике науки». Она распадается на следующие конкретные задачи: исследования по анализу значения, определения, основных принципов символизации; исследование логич. принципов, аксиом, постулатов, положений науки; изучение методов науки; исследование природы теоретич. принципов и их формулировок; исследование структуры науки, классификации различных наук; исследование роли и значения науки в различных аспектах (см. «Philosophy of Science», 1934, v. 1, № 1, p. 3—4). Филос. основой для таких исследований служат, как правило, концепции прагматизма, логич. эмпиризма, операционализма и т. н. лингвистич. анализа. Хотя журнал американский, в нем принимают участие мн. видные бурж. логики, философы и ученые из др. стран (Англии, Франции, Голландии, Бельгии и др.). 3) «Studia Logica». Единственный в социалистич. странах спец. ежегодник по Л. Основан в 1953 в Варшаве филос. комитетом Польской академии наук. Наряду со специальными исследованиями по формальной и математич. Л. публикуются работы по различным разделам общей Л. Освещается применение Л. в различных областях практич. жизни, обсуждаются программы обучения Л. в школах и др. меры, направленные на повышение общей логич. культуры общества. Много внимания уделяется взаимоотношениям меж-

ду Л. и психологией, анализу логич. правильности методов мышления и систематич. исследованию явлений т. п. нелогичности, истории Л. Одной из осн. задач ежегодника является также публикация исследований о применении Л. и логич. средств к анализу понятий в естеств. и обществ. науках, к теории автоматич. устройств. Как правило, все статьи публикуются на польском яз. с обязательным резюме на одном из четырех языков: рус., англ., франц. и нем. 4) «Logique et Analyse». Основан в 1958 в Брюсселе и является продолжением основанного в 1950 бюллетеня, издаваемого бельгийским национальным центром логич. исследований. Выходит 3 раза в год (январь, апрель, август). Освещаются проблемы общей Л., связь Л. с философией, специальные проблемы математич. Л., а также логич. проблемы в области права и языковедения. Журнал преим. неопозитивистского толка. Фактически является международным журналом, публикует статьи на франц. (преимущественно), англ. и нем. яз. 5) «Methodos». Основан в 1949 при Миланском ун-те. Выходит 4 раза в год. До 1960 носил подзаголовок «Rivista trimestrale di metodologia e di logica simbolica» и распадался по содержанию на две секции: секция по методологии, руководимая итальянским центром методологии и анализа языка (при Миланском ун-те), и секция символич. Л. С 1960 журнал несколько изменил свою тематику, носит подзаголовок «Linguaggio e cibernetica» и издается центром по кибернетике и лингвистич. деятельности при Миланском ун-те, группой по автоматизации науч. информации при Евратоме и итал. операционной школой. Наряду со специальными статьями по кибернетике, программированию и лингвистике журнал по-прежнему большое внимание уделяет проблемам общей и математич. Л., связи Л. с философией, психологией и лингвистикой, логич. проблемам кибернетики, теории информации, информационно-поисковых систем и техники программирования. Предоставляет возможность печататься авторам самых различных филос. направлений (от неотомистов типа Ю. Бохенского до теоретиков генетической эпистемологии типа Ж. Пиаже). Статьи в основном печатаются на итал. и англ. яз. Фактически является международным.

Вторую группу составляют журналы по математич. Л.: 1) Осн. международным журналом по математич. Л. является «Journal of Symbolic Logic». Основан в 1936. Выходит 4 раза в год. Является офиц. органом ассоциации символич. Л. — международной организации математич. логиков. Журнал поддерживается ЮНЕСКО и секцией Л., методологии и философии науки при международном объединении истории и философии науки (сокр. ICSU). В нем сотрудничают почти все крупнейшие зарубежные логики и математики. Журнал является фактически единств. полным специальным библиографич. указателем по Л. (как общей, так и формальной). В четвертых номерах первого (1936, р. 121—218) и третьего (1938, р. 178—212) томов помещена широко известная «Библиография математич. логики», составленная А. Чёрчем. В ней дается свод всей лит-ры по математич. Л. со времени зарождения этой науки (т. е. с 1666 — года опубликования работы Лейбница «Disseratio de arte combinatoria») до 1935 включительно. С 1935 в разделе «Рецензии» («Reviews») реферировались все логич. работы (включая и выходящие в СССР). Каждые 4 года в последнем номере журнала дается именной и предметный указатель всех прореферированных работ, так что в журнале можно найти указания почти на все работы, появившиеся в мировой логич. литературе. 2) «Zeitschrift für mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik». Основан в 1955 в Берлине (ГДР). Выходит 4 раза в год. Изда-

ется Ин-том математич. Л. им. Гумбольдта. Международный журнал; публикует статьи на рус., нем., англ. и франц. яз. по проблемам математич. Л. и основанной математики, а также освещает результаты смежных с ними областей. При этом особое внимание уделяется применению математич. Л. и теории рекурсивных функций к проблемам построения вычислительных машин, алгебры переключений и техники программирования. Публикуются статьи преимущественно математич. характера. В журнале активное участие принимают советские математики и математич. логики (Марков, Шанин, Успенский, Кабаков и др.). 3) «Archiv für mathematische Logik und Grundlagenforschung». Основан в 1950 в г. Штутгарте (ФРГ). Задуман как кварталный журнал, но выходит крайне нерегулярно.

Осн. внимание уделяется сугубо «техническим» проблемам математич. Л. и проблемам основанной математики. Фактически является международным журналом; публикует статьи на нем., англ. и франц. языках.

Кроме вышеперечисленных, логич. проблематике уделяют место почти все крупные международные и нац. филос. журналы (см. раздел о журналах в ст. *Философия*).

ЛОГИКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ — раздел совр. (математической) логики, посвященный изучению логич. форм сложных высказываний, образованных из элементарных высказываний с помощью связей, аналогичных союзам «и», «или», «если... то», «если... и только если», отрицания («не») и др. Элементарные высказывания при этом рассматриваются как целые, т. е. не расчленяются на части (такие, напр., как *субъект* и *предикат*).

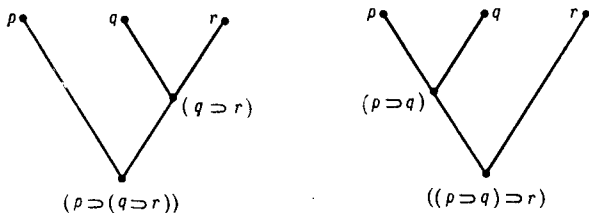
Задачей Л. в., называемой также логикой предложений или пропозициональной логикой (а иногда также исчислением высказываний, исчислением предложений, пропозициональным исчислением), является прежде всего такое уточнение понятия формы сложного высказывания, к-рое позволяет уточнить и правила логич. оперирования с высказываниями, выразимыми в этой форме; так уточнить, чтобы для последнего стало возможным алгоритмическое (см. *Алгоритм*) решение вопросов логич. характера, для к-рых люди давно искали общие — и притом автоматические — методы решения. К числу таких вопросов относятся прежде всего вопросы, связанные с *выводом* логич. следствий из данных посылок (напр., теорем в данной системе аксиом) или с поиском доказательства предложений, выразимых в этой уточненной форме. Примерами вопросов этого рода являются не только вопросы, относящиеся к проверке того, следует ли данное утверждение из данных посылок, но и вопросы о том, какие вообще логич. следствия данного вида могут быть выведены из данных посылок; каковы все те различные гипотезы (определ. вида), из к-рых может быть выведено данное заключение; можно ли упростить (в том или ином смысле) форму выражения данного высказывания, и мн. др.

Л. в. есть та — элементарная — часть математич. логики, для к-рой такие задачи являются разрешимыми (см. *Разрешения проблемы*), и поэтому именно она особенно часто находит разнообразные технич. применения в совр. автоматостроении, в т. ч. и при построении (имитирующих работу нервных сетей мозга) надежных схем из не вполне надежных элементов, к-рым занимается новая наука — **бионика**; именно к Л. в. обычно производится (непосредственно или опосредованно) сведение аналогичных вышеприведенным проблем из более сложных частей логики в тех случаях, когда они допускают алгоритмич. решение. Несмотря на ее элементарный характер, Л. в. играет поэтому важную роль в совр. логике.

Задача уточнения формы сложных высказываний и правил логич. вывода (рассуждения) может решаться в Л. в. по-разному, прежде всего в зависимости от того, имеем ли мы дело с т. н. «классической» или же с конструктивной Л. в. Однако и в самих классич. и конструктивной Л. в. имеются различные решения проблемы такого уточнения, хотя часто (в том или ином смысле) равносильные между собой.

Понятие формы сложного высказывания уточняется с помощью понятия формулы Л. в., введение к-рого осуществляется посредством построения нек-рого «языка» для Л. в., состоящего из алфавита «букв» этого «языка» и правил написания «слов» (формул) в этом алфавите.

Алфавит может выбираться при этом по-разному, но он обычно содержит, во-первых, «буквы», называемые «пропозициональными переменными» (число к-рых предполагается неограниченным); далее, в алфавит должны входить «буквы», являющиеся знаками для логич. связей, таких, напр., как конъюнкция, дизъюнкция, импликация, отрицание; большинство алфавитов Л. в. содержит, кроме того, вспомогат. знаки: чаще всего скобки или точки. В алфавит вводятся иногда и знаки для постоянных: «истины» и «лжи» (1, 0, или 2, 0, или др.). Понятие формулы Л. в. легче всего определяется для алфавитов, в состав к-рых входят и скобки. Так, если алфавит состоит из пропозициональных переменных, знаков конъюнкции (&), дизъюнкции (\vee), импликации (\supset), отрицания (\neg) и скобок, то понятие формулы можно определить так: (1) Великая пропозициональная переменная есть формула; (2) Если А и В — формулы, то $(A \& B)$, $(A \vee B)$, $(A \supset B)$, $(\neg A)$ — формулы; если А есть формула, то $\neg A$ — тоже формула. Употребителен, однако, и бесскобочный алфавит Лусасевича или алфавиты, в к-рых роль скобок выполняют точки (и группы точек). Существенно только, чтобы понятие формулы было «разрешимым», т. е. чтобы для всякого «слова» в данном алфавите можно было эффективно ответить «да» или «нет» на вопрос о том, является ли оно формулой Л. в. или нет, и к тому же ответить так, чтобы при положительн. ответе однозначно восстанавливалась вся последовательность шагов построения формулы начиная с ее элементарных составляющих. Так, «слова»: $(p \supset (q \supset r))$ и $((p \supset q) \supset r)$ (где p, q, r — пропозициональные переменные), согласно приведенному выше определению формулы, являются формулами, и последовательность шагов их построения может быть изображена следующими «деревьями»:

«Слово» же $(p \supset q \supset r)$ не есть формула: без дополнит. соглашения, позволяющих в точно определ. случаях опускать скобки, неизвестно, какие именно формулы связываются здесь знаками импликации; «дерево» поэтому нельзя построить.

Выбор алфавита для «языка» Л. в. определяется тем, что именно на этом «языке» должно стать выразимым (и притом в достаточно точной форме), т. е. определяется семантикой этого «языка». В классич. Л. в. этой семантикой являются правила, позволяющие установить истинность (соответственно, ложность) сложного высказывания в зависимости от истинности или ложности входящих в него элементарных высказываний. В соответствии с этим связи классич. Л. в. толкуются как функции от нек-рого числа аргументов, такие, что как сама функция, так и ее аргументы могут принимать одно и только одно из двух различных значений (соответствующих «истине» и «лжи»). Чтобы сделать выразимыми на «языке» Л. в. все такие функции, оказывается достаточным выбрать в качестве исходных связей лишь нек-рое — небольшое — их число: достаточно, напр., одних только конъюнкции и отрицания (соответственно, одних только дизъюнкции и отрицания), одних только импликации и отрицания или даже одного только «штриха» Шеффера — антиконъюнкции. Наиболее употребительными яв-

ляются «языки»: ИО (импликации и отрицания; А. Чёрч), СКЕ (сложения, т. е. строгой дизъюнкции, конъюнкции, единицы, т. е. истины; И. И. Жегалкин), КДО (конъюнкции, дизъюнкции, отрицания; Д. Гильберт и В. Аккерман), КДИО (конъюнкции, дизъюнкции, импликации, отрицания — «полная» Л. в.).

Общие теоремы о необходимых и достаточных условиях, для того чтобы данная совокупность связей, выбранных за исходные, обеспечивала *полноту функциональную* пользующегося ими «языка» Л. в., были установлены Э. Постом и (позднее, но в более общих предположениях) сов. учеными С. В. Яблонским и А. В. Кузнецовым.

Семантика конструктивной Л. в., вообще говоря, является более сложной и определяется тем или иным истолкованием в с е й *конструктивной логики* вообще (как логики конструктивной математики, имеющей дело только с конструктивными объектами и отвергающей абстракцию актуальной бесконечности, по А. Маркову и Н. А. Шанину; как *исчисления задач* по А. Н. Колмогорову; как «оперативной логики» или же как «логики спора» по П. Лоренцену; как определения «доказуемости» по К. Гёделю или по лекциям П. С. Новикова; как системы замкнутых подмножеств любого топологич. пространства по Стону и А. Тарскому; как импликативной алгебраич. структуры по Х. Кёрри и Г. Биркгофу; и др.). Все эти системы, за исключением первой, в которой используется еще «принцип конструктивного подбора» А. Маркова (см. *Конструктивное направление*), являются точными интерпретациями формальной системы А. Гейтинга для интуиционистской Л. в. Во всех них связи, соответствующие конъюнкции, дизъюнкции, импликации и отрицанию, независимы друг от друга, т. е. ни одна из них не может быть выражена (определена) через другие. Недавно (1963) А. В. Кузнецов построил для конструктивной Л. в. аналоги «штриха» Шеффера.

Еще более разнообразными, чем способы уточнения формы сложного высказывания, являются уточнения логики. *правила вывода* для Л. в. [напр., классическое и конструктивное *секвенций исчисления* или близкое к обычным способам рассуждения и специально ориентированное на них — классич. *натуральное исчисление* и его «минимальная» и «конструктивная» модификация; семантические и дедуктивные таблицы голл. математика и логика Э. Бета; семантические и синтаксические схемы вывода нем. математика К. Шютте и др. В ряде этих систем правила вывода устроены так, что они решают одновременно и проблемы поиска доказательства (соответственно, обнаружения недоказуемости)].

Несмотря на существование различных способов уточнения правил логич. вывода, выбор последних отнюдь не произволен (как это допускается позитивистским «принципом терпимости» Карнана), а должен удовлетворять нек-рым требованиям. Характер этих требований определяется потребностями науки и техники, т. е. они имеют науч. смысл, когда удовлетворяют материалистич. критерию практики. Прежде всего, правила должны быть таковы, чтобы с их помощью из истинных посылок можно было вывести только истинные же заключения. Существенно, далее, чтобы заключения при этом логически следовали из посылок не только в том смысле, что могут быть выведены из последних по нек-рым правилам вывода, но — поскольку идет речь о подходящем выборе самих правил вывода — еще и в таком смысле, к-рым является независимым от этого выбора. Для целей классич. Л. в. этому требованию вполне удовлетворяет семантич. определение логики. следования, по к-рому заключение Z логически следует (в смысле Л. в.) из посылки P_1, \dots, P_k , если и только если заменив в P_1, \dots, P_k, Z элементарные высказывания пропозициональ-

ными переменными, мы получим формулы \mathcal{L} . в. P_1, \dots, P_k, Φ (формы посылок и заключения) такие, что всякий раз, когда функции, выражаемые формулами P_1, \dots, P_k , принимают значение «истина», это же значение принимает и формула Φ . Иными словами, заключение с необходимостью следует из посылок, если неосуществим такой случай, когда все формы посылок принимают значение «истина», а форма заключения — значение «ложь».

Другим условием, соблюдение которого при выборе правил логич. вывода представляется весьма существенным, является требование полноты выбранной системы правил, т. е. возможности вывести, пользуясь только ими, любое заключение \mathcal{Z} , логически следующее (в семантич. смысле) из к.-н. данных посылок. Все вышеупомянутые (классические) исчисления этому требованию удовлетворяют. (Само собой разумеется, что полнота исчисления не равнозначна отрицанию возможности расширять запас допускаемых им правил логич. вывода, но означает лишь, что всякое новое правило, вводимое в такое исчисление, должно быть допустимым в нем в том смысле, что все, что может быть выведено с его помощью, может быть получено и без него. Допустимость всякого такого правила всегда нуждается поэтому в спец. обосновании, состоящем в указании способа, позволяющего по данному выводу, в котором используется новое правило, построить др. вывод, где это правило уже не применяется.)

Поскольку формула $(P_1 \supset (P_2 \supset \dots \supset (P_k \supset \Phi) \dots))$ может быть ложной лишь тогда, когда все «посылки» (антецеденты) P_1, P_2, \dots, P_k истинны, а «заключение» (консеквент) Φ ложно, семантич. определение логич. следования для классич. \mathcal{L} . в. оказывается эквивалентным условию, чтобы эта формула была тождественно-истинной, т. е. при любых значениях пропозициональных переменных принимала бы лишь значение «истина». Вопрос о том, следует ли данное заключение \mathcal{Z} (в смысле классич. \mathcal{L} . в.) из посылок P_1, \dots, P_k может быть сведен, т. о., к вопросу о том, является ли некая формула \mathcal{L} . в. тождественно-истинной («законом \mathcal{L} . в.») или нет. Для \mathcal{L} . в. этот вопрос решается принципиально очень просто (см. *Тождественная истинность, Тавтология*).

Естественно, встает, однако, вопрос о том, нельзя ли множество «законов \mathcal{L} . в.» охарактеризовать непосредственно формой выражающих их формул. Иными словами, нельзя ли дать такие правила, к-рые среди всех формул \mathcal{L} . в. выделили бы — только по их форме — тождественно-истинные. Оказывается, это можно сделать, причем различными способами. Прежде всего аксиоматически, т. е. в нек-ром смысле аналогично приведенному выше определению формулы \mathcal{L} . в. Именно, сначала задаются нек-рые формулы (или схемы формул: не формулы, а формы формул, где роль пропозициональных переменных играют формульные переменные, но трактуемые не формально, а содержательно), к-рые наз. *аксиомами* (соответственно, схемами аксиом) \mathcal{L} . в., а затем формулируются правила вывода, позволяющие из уже имеющихся формул получать новые. Если все аксиомы при семантич. истолковании оказываются тождественно-истинными формулами \mathcal{L} . в., а правила вывода, будучи примененными к тождественно-истинным формулам, дают тоже тождественно-истинные формулы, то аксиоматика выделяет нек-рое множество T тождественно-истинных формул и при этом является непротиворечивой (как в том смысле, что в ней не может быть выведена никакая пара формул, одна из к-рых является отрицанием другой, так и в том смысле, что из нее заведомо не может быть выведена любая формула \mathcal{L} . в. и, в частности, к.-л. пропозициональная переменная, т. к. последняя заведомо не есть тождественно-истинная

формула). Если всякая тождественно-истинная формула выводима в данной аксиоматике, то последняя наз. *семантически полной*. Во всякой непротиворечивой и семантически полной аксиоматике классич. \mathcal{L} . в. множество T выводимых в ней формул совпадает со всем множеством тождественно-истинных формул \mathcal{L} . в. Таковой является, напр., аксиоматика классич. \mathcal{L} . в., приведенная в ст. *Вывод* (в математич. логике). Эта аксиоматика является «полной» еще и в том смысле, что к ней «ничего нельзя добавить»: всякое добавление к ней в качестве аксиомы к.-л. формулы, не выводимой в ней, делает ее противоречивой. Аксиоматика конструктивной \mathcal{L} . в. этим свойством «полноты» не обладает.

Если исходными в аксиоматике классич. \mathcal{L} . в. являются не аксиомы, а схемы аксиом (каждой из к-рых соответствует, т. о., бесконечное множество аксиом), то обычно единственным правилом вывода в ней бывает правило удаления знака импликации (модус поненс), позволяющее из двух уже имеющихся формул A и $(A \supset B)$ получить формулу B . Если же исходными являются сами аксиомы (конечное их число), то к числу правил вывода приходится присоединить и правило подстановки.

Для целей вывода логич. следствий аксиоматика («полная») может быть использована и независимо от ее семантич. истолкования. Так, при наличии в ней правила модус поненс (а значит, и знака импликации в «языке» формул) всякий вывод логич. следствия формы Φ из посылок, имеющих формы P_1, \dots, P_k , может быть осуществлен с помощью вывода из аксиом «закона \mathcal{L} . в.» ($P_1 \supset (P_2 \supset \dots \supset (P_k \supset \Phi) \dots)$) и применения (к раз) правила модус поненс. Ничего другого, кроме «законов \mathcal{L} . в.» и одного лишь этого правила, для вывода логич. следствий, т. о., не требуется. Для того же, чтобы обеспечить такую «полноту» аксиоматики \mathcal{L} . в., при наличии к-рой всякий вывод (по правилу модус поненс) формулы Φ из форм посылок P_1, \dots, P_k и аксиом можно было заменить применением (к раз) правила модус поненс к формуле $(P_1 \supset (P_2 \supset \dots \supset (P_k \supset \Phi) \dots))$, выводимой только из аксиом, — т. е. чтобы была верна т. н. «теорема дедукции», — семантич. полнота аксиоматики не является необходимой. Достаточно иметь в ней следующие две схемы аксиом: (1) $(A \supset (B \supset A))$ и (2) $((A \supset (B \supset C)) \supset ((A \supset B) \supset (A \supset C)))$. [Этими схемами — при наличии правила модус поненс — обеспечивается возможность: а) добавлять к множеству посылок лишние, в частности, считать всякую отд. посылку логич. следствием из всего их множества; б) в формуле $(P_1 \supset (P_2 \supset \dots \supset (P_k \supset \Phi) \dots))$ как угодно переставлять посылки P_1, \dots, P_k , т. е. считать вывод не зависящим от порядка посылок; в) в множестве посылок отбрасывать вторюющиеся; г) вывод из заключения, следующего из нек-рых посылок, считать выводом только из этих посылок. Если желательно выяснить роль каждого из этих свойств вывода в отдельности, то естественно заменить — как это и было сделано Х. Кёрри — схемы (1), (2) такими, к-рые непосредственно отражают все эти свойства вывода \mathcal{L} . в. аксиоматике конструктивной \mathcal{L} . в. теорема дедукции также справедлива.

Заметим, что при наличии одного только правила модус поненс достаточно добавить к схемам аксиом (1), (2) т. н. «закон двойного отрицания» в виде следующей схемы: (3) $((A \supset \neg f) \supset f) \supset A$, — где f есть вводимая в алфавит постоянная, в наиболее естественном семантич. истолковании соответствующая «лжи», — чтобы получить семантически полную аксиоматику для классич. \mathcal{L} . в. (см. А. Чёрч, Введение в математическую логику, т. 1, М., 1960, гл. 1).

Хотя \mathcal{L} . в. является более простой частью логики, чем силлогистика *Аристотеля*, исторически она возникла позднее — по-видимому, в школе стоиков (см. *Стоицизм*), к-рые уже изучали логич. связи (такие, как импликация) и делали попытки сформулировать аксиомы \mathcal{L} . в. (ее осн. законы). Но в дальнейшей истории логики \mathcal{L} . в. не выделялась в особую часть этой науки вплоть до последней четверти 19 в. [первыми работами, посвященными специально \mathcal{L} . в., обычно считаются работы Хью Мак-Колла (1877)]. Однако и в это время \mathcal{L} . в. трактовалась чаще всего — в восходящих еще к идеям Буля работах Пирса, Шрёдера, англ. логика Дж. Вейна, Порецкого и др. — лишь как одна из возможных интерпретаций *логики классов*, к-рая рассматривалась как соответствующая силлогистике Аристотеля.

Логика при этом строилась содержательно: как метод сведения задач логики к задачам арифметики, алгебры или геометрии, способы решения к-рых предполагались уже известными из этих наук. В частно-

сти, поскольку всякое решение уравнений (и систем уравнений) всегда есть нек-рый вывод логич. следствий (определ. вида) из посылок, записанных в виде уравнений, естественно, возникло желание свести любые задачи, относящиеся к логич. выводу следствий, к решению уравнений и систем уравнений. Для Л. в. это оказалось особенно легко осуществимым, т. к. связи Л. в. можно было толковать как арифметич. функции, рассматриваемые лишь при двух различных значениях входящих в них переменных.

Так, если «истину» обозначить через 0, а «ложь» через 1, то табличное определение импликации ($x \supset y$), где x, y — пропозициональные переменные, выразится функцией $(1-x) \cdot y$. Высказыванию же $(X \supset Y)$, где X, Y — элементарные высказывания, будет соответствовать утверждение, что $(1-X) \cdot Y = 0$. Посылки $(P \supset Q)$ и $(Q \supset R)$, т. о., выразятся уравнениями $(1-P)Q = 0$ и $(1-Q)R = 0$; откуда $PQ = Q$ и $QR = R$. Поэтому, далее $PR = P(QR) = (PQ)R = QR = R$, т. е. $PR = R$, или $(1-P)R = 0$, т. е. $(P \supset R)$. Итак, оперируя с уравнениями, соответствующими посылкам $(P \supset Q)$ и $(Q \supset R)$, по обычным правилам арифметич. алгебры, мы приходим к заключению $(P \supset R)$, к-рое является, т. о., логич. следствием из этих посылок.

Алгоритм вывода логич. следствий и др. алгоритмич. проблемы Л. в. особенно легко сводится к алгоритмам решения линейных уравнений при построении Л. в. как арифметики вычетов по модулю 2 (по И. И. Жегалкину, см. его соч. «Арифметизация символической логики», в Матем. сб., т. 35, вып. 3-4, 1928, т. 36, вып. 3-4, 1929).

Геометрич. методы решения задач логики, начало к-рым было положено еще Л. Эйлером, в применении к Л. в. в наст. время используются чаще всего в виде диаграмм Вена, достоинством к-рых является (когда приходится иметь дело с формулами с небольшим числом пропозициональных переменных) их геометрич. наглядность, побуждающая считать их особенно пригодными, напр., при построении схем, отражающих работу нейронов (работы амер. ученого Мак-Каллока и его учеников).

Алгебраич. методы решения задач Л. в. в наст. время связываются прежде всего с истолкованием как классич., так и конструктивной Л. в. в виде нек-рых структур (в смысле алгебраич. «теории структур»): дистрибутивной структуры с дополнениями (или алгебры Буля) — в случае классич. Л. в., и импlicative структуры (в к-рой импликация является нек-рым аналогом деления, если конъюнкция трактуется как умножение) — в случае конструктивной Л. в.

Содержательным («семантическим») построением классич. Л. в. как математич. теории функций (определяемых таблично и соответствующих логич. связкам, употребляемым при построении сложных высказываний) и до сих пор иногда еще исчерпывается (особенно в популярных руководствах) изложение Л. в. Основанному на более строгом анализе логич. средств (в том числе и допускаемых в самом построении Л. в. как науч. теории) уточнению правил логич. вывода («синтаксису») Л. в. при этом не уделяется достаточного внимания. Однако для многих приложений Л. в., особенно технич. тех, такого ее «табличного» построения оказывается достаточно.

Существенную роль при этом играет возможность приводить (заменяя их эквивалентными, т. е. выражающими ту же функцию) формулы Л. в. к т. н. *нормальной форме* (см. также *Алгебра логики*).

Особенно большую роль, напр., при решении задач минимизации числа контактов в электрич. релейных схемах, играет т. н. «сокращенная нормальная форма», к-рая была предметом исследования в ряде работ сов. (С. В. Яблонский и его ученики, Е. К. Войшвилло и др.) и зарубежных (У. Куайн, Д. Нельсон и др.) авторов. Двойственный (см. *Действительность*) к дизъюнктивной «сокращенной нормальной форме» конъюнктивный «силлогистич. многочлен» (термин принадлежит амер. логичу А. Блэку, продолжившему работу П. С. Поречного) имеет полезные применения к выводу логич. следствий. Его членами являются все те и только те формулы, к-рые наз. «простыми следствиями» из конъюнкции посылок, приводящейся к данному силлогистич. многочлену, а понятие «простого следствия», неэквивалентного к-л. из посылок, можно считать нек-рым уточнением понятия «тривиального следствия».

Естественным обобщением для таблиц (матриц), определяющих связи Л. в. как истинностные функции (функции, принимающие значения: «истина», «ложь» в зависимости от того, какие из этих значений принимают их аргументы), являются матрицы с большим, чем 2, числом истинностных значений, соответствующие многозначным Л. в. (см. *Многозначная*

логика). Первая трехзначная Л. в. была построена Лукасевичем в 1920. Филос. вопросам, связанным с многозначными системами Л. в., была посвящена статья Лукасевича (1930). Трехзначная Л. в. с истинностными значениями: «истина», «ложь», «бессмыслица», была предложена как один из методов решения трудностей, связанных с парадоксами (антиномиями) теории множеств, сов. логиком Д. А. Бочваром в 1938. Вопросам об аксиоматизируемости многозначных Л. в. (т. е. замене табличного их построения аксиоматическим) был посвящен ряд работ польских логиков: М. Вайсберга, Е. Слупецкого, Б. Собочиньского, Тарского и др., а также работы амер. ученых Б. Россера и А. Тюркетта. Таблично строящиеся многозначные Л. в. играют существ. роль при доказательствах независимости аксиом в аксиоматич. построении Л. в.: если при истолковании связей как функций, определяемых к-л. многозначной таблицей, все аксиомы из рассматриваемой их системы, за исключением той, независимость к-рой подлежит доказательству, равно как и формулы, выводимые из них по правилам вывода данной аксиоматически построенной Л. в., не принимают никогда к-л. значения α , к-рое данная аксиома может принимать, то ясно, что последняя не выводима из остальных, т. е. является независимой от них.

Поскольку вопрос о тождественной истинности (о том, что формула принимает лишь нек-рые «выделенные» значения) особенно легко решается (принципиально) при табличном построении Л. в., большое значение имеет вообще задача отыскания для аксиоматически построенной Л. в. (системы Σ) такой ее табличной интерпретации («характеристической матрицы»), в к-рой не только все формулы, выводимые в системе Σ , оказываются тождественно-истинными, но и, наоборот, все тождественно-истинные в этой матрице формулы оказываются выводимыми в Σ . Для полных систем аксиом классич. Л. в. такие матрицы состоят из обычных определений связей Л. в. с помощью истинностных таблиц. Для конструктивной Л. в., как это было показано Гёделем, конечной характеристич. матрицы не существует (т. е. конструктивная Л. в. не является к-л. k -значной Л. в.). Но польским логиком С. Яськовским в 1935 была построена (бесконечная) последовательность матриц такая, что всякая формула, выводимая в конструктивной Л. в., должна быть «тождественно-истинной» во всех матрицах этой последовательности и, наоборот, всякая формула, «тождественно-истинная» во всех матрицах этой последовательности, является выводимой в конструктивной Л. в. Отправляясь от матриц Яськовского, нетрудно построить (что и было сделано сов. логиком Б. Ю. Пильчак и несколько по-иному Д. Скоттом, предложившим систему «аксиом» и правил «вывода» для получения всех недоказуемых формул интуиционистской Л. в.) разрешающую процедуру для конструктивной Л. в., позволяющую для всякой формулы Л. в. установить, является ли она выводимой в конструктивной Л. в. или нет. Другие разрешающие процедуры для конструктивной Л. в. были предложены Г. Гещеном (исчисление секвенций), сов. математиком Н. Н. Воробьевым, Э. Бетом (дедуктивные таблицы) и др. (Для всякой семантически полной аксиоматики классич. Л. в. такой разрешающей процедурой может быть, напр., табличное установление того, является ли данная формула тождественно-истинной или нет. В то же время, — как показал А. В. Кузнецов и для некоторых задач ранее Э. Пост, — многие более общие алгоритмические проблемы, связанные со всем классом т. н. «обыкновенных исчислений высказываний», являются неразрешимыми. Таковы, напр., задачи: построить алгоритм, который по списку I аксиом такого исчисления и формуле Φ распознавал, выводима ли Φ в I или нет; по-

строить алгоритм, который бы по двум спискам аксиом I_1 и I_2 распознавал бы, эквивалентны ли соответствующие исчисления высказываний, и др.). Интересные результаты, относящиеся к проблеме машинного поиска логич. вывода, — прежде всего средствами классич. л. в., — были доложены на Первом всесоюзном симпозиуме на эту тему, состоявшемся в г. Тракай 1—7 июля 1964, Н. А. Шаниным и его учениками.

Системой л. в. особого рода, в которой операции конъюнкции, дизъюнкции и отрицания определяют таблицно (обычным образом), формализация же логич. следования осуществляется с помощью знака «строгой импликации», вводимого только системой аксиом и правил, является логика «строгой импликации» (см. *Импликация*).

Лит.: Жегалкин И. И., О технике вычислений предложений в символич. логике, Матем. сб., т. 34, 1927, вып. 1; Гильберт Д. и Аккерман Б., Основы теоретической логики, пер. с нем., М., 1947; Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948; Пильчак Б. Ю., Об исчислении задач, «Укр. матем. ж.», 1952, т. 4, № 2; Шанин Н. А., О некоторых логич. проблемах арифметики, в сб.: Тр. Матем. ин-та им. В. А. Стеклова, т. 43, М., 1955; [см. ст.] Яблонский С. В., Кузнецов А. В., там же, т. 51, М., 1958; Воробьев Н. Н., Новый алгоритм выводимости в конструктивном исчислении высказываний, там же, т. 52, М.—Л., 1958; Новиков П. С., Элементы математической логики, М., 1959; Гудстейн Р. Л., Математическая логика, пер. с англ., М., 1961; Беркли Э., Символическая логика и разумные машины, М., 1961 (имеется библиография); Кобрицкий И. Е. и Трахтенброт Б. А., Введение в теорию конечных автоматов, М., 1962; Глушков В. М., Синтез цифровых автоматов, М., 1962; Колдуэлл С., Логич. синтез релейных устройств, пер. с англ., М., 1962; Ван Хао, На пути к механич. математике, в кн.: Кибернетический сборник, [т.] 5, М., 1962; Донченко В. В., Некоторые вопросы, связанные с проблемой разрешения для исчисления строгой импликации Аккермана, в сб.: Проблемы логики, М., 1963; Кемен Д. Ж., Снелл Д. Ж., Томпсон Д. Ж., Введение в конечную математику, пер. с англ., М., 1963; Hilbert D., Bernays P., Grundlagen der Mathematik, Bd 1, B., 1934; Gentzen G., Untersuchungen über das logische Schliessen I—II, «Math. Z.», 1934, Bd 39, H. 2, 3; Curry H. B., Leçons de logique algébrique, P., 1952; Rosser J. V., Logic for mathematicians, N. Y., 1953; Lorenzen P., Einführung in die operative Logik und Mathematik, V.—Gött.—Hdb., 1955; Quine W. v. O., Mathematical logic, Camb., 1955; Łukasiewicz J. and Tarski A., Investigations into the sentential calculus, в кн.: Tarski A., Logic, semantics, metamathematics, Oxf., 1956, p. 38—59; Curry H. B., A theory of formal deducibility, Notre Dame (Ind.), 1957; Lorenzen P., Formale Logik, B., 1958; Asser G., Einführung in die mathematische Logik, Tl 1, Lpz., 1959; Hilbert D., Ackermann W., Grundzüge der theoretischen Logik, 4 Aufl., V.—Gott.—Hdb., 1959; Schütte K., Beweistheorie, B., 1960; Scott D., Completeness proofs for the intuitionistic sentential calculus, в кн.: Summaries of talks pres. at the Summer Inst. f. Symb. Logic, 2 ed., 1960, p. 231—41; Beth E. W., Formal methods, Dordrecht, [1962]. Библ. см. в кн.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957; Чёрч А., Введение в метаматематич. логику, [т.] 1, пер. с англ., [М.], 1960. С. Яновская, Москва.

ЛОГИКА ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ — наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления. Эти законы отражаются в виде особых понятий — логич. *категорий*. Поэтому л. д. можно определить и как науку о диалектич. категориях. Представляя собой систему диалектич. категорий, она исследует их взаимную связь, последовательность и переходы одной категории в другую.

Предмет и задачи л. д. Логика диалектическая исходит из материалистич. решения *основного вопроса философии*, рассматривая мышление как отражение объективной реальности. Этому пониманию противостоят и противостоят идеалистич. концепции л. д., исходящие из представления о мышлении как о самостоятельной сфере, независимой от окружающего человека мира. Борьба между этими двумя взаимно исключаящими интерпретациями мышления и характеризует всю историю философии и логики.

Существует логика объективная, к-рая царит во всей действительности, и субъективная

логика, к-рая есть отражение в мышлении господствующего во всей действительности движения путем противоположностей. В этом смысле л. д. является субъективной логикой. Кроме того, л. д. можно определить и как науку о наиболее общих законах связи и развития явлений объективного мира. л. д. «... есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей“, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод и ст о р и и познания мира» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 80—81).

л. д. как наука совпадает с *диалектикой* и с *теорией познания*: «...не надо 3-х слов: это одно и то же» (там же, с. 315).

л. д. обычно противопоставляют *формальной логике* (см. также ст. *Логика*). Это противопоставление связано с тем, что формальная логика изучает формы мышления, отвлекаясь и от их содержания и от развития мышления, тогда как л. д. исследует логич. формы в связи с содержанием и в их историч. развитии. Отмечая различие между формальной и диалектической, содержательной логикой, нельзя их противопоставление преувеличивать. Они тесно связаны между собой в реальном процессе мышления, а также в его изучении. л. д. под углом зрения рассматривает и то, что является предметом рассмотрения формальной логики, а именно — учение о *понятии*, *суждении*, *умозаключении*, научном *методе*; она включает в предмет своего исследования ее филос., методол. основы и проблемы.

Задача л. д. заключается в том, чтобы, опираясь на обобщения истории науки, философии, техники и творчества вообще, исследовать логич. формы и законы научного познания, способы построения и закономерности развития научной теории, вскрыть ее практические, в частности экспериментальные, основы, выявить способы соотношения знания с его объектом и т. д. Важной задачей л. д. является анализ исторически сложившихся методов науч. познания и выявление эвристич. возможности того или иного метода, границы его применения и возможности появления новых методов (см. *Методология*). Развиваясь на основе обобщения обществ. практики и достижений наук, л. д., в свою очередь, играет огромную роль по отношению к конкретным наукам, выступая в качестве их общей теоретич. и методол. базы (см. *Наука*).

Особую роль по отношению к л. д. играет история философии как наука. Последняя, по сути дела, есть та же л. д. с тем отличием, что в л. д. мы имеем последовательное развитие абстрактных логич. понятий, а в истории философии — последовательное развитие тех же понятий, но только в конкретной форме сменявших друг друга филос. систем. История философии подсказывает л. д. последовательность развития ее категорий. Последовательность развития логич. категорий в составе л. д. диктуется прежде всего объективной последовательностью развития теоретич. знаний, к-рые, в свою очередь, отражают объективную последовательность развития реальных исторических процессов, очищенных от нарушающих их случайностей и не имеющих сущности значения зигзагов (см. *Логическое и историческое*). л. д. представляет собой цельную, но отнюдь не законченную систему: она развивается и обогащается вместе с развитием явлений объективного мира и вместе с прогрессом человек. знания.

История л. д. Диалектическое мышление имеет древнейшее происхождение. Уже первобытное мышление было проникнуто сознанием развития, диалектикой. Древневосточная, а также антич. философия создали непреходящие образцы диалектич. теорий. Ан-

тич. диалектика, основанная на живом чувств. восприятии материального космоса, уже начиная с первых представителей греч. философии твердо формулировала всю действительность как ставовящуюся, как совмещающую в себе противоположности, как вечно подвижную и самостоятельную. Решительно все философы ранней греч. классики учили о всеобщем и вечном движении, в то же самое время представляя себе космос в виде законченного и прекрасного целого, в виде чего-то вечного и пребывающего в покое. Это была универсальная диалектика движения и покоя. Философы ранней греч. классики учили, далее, о всеобщей изменчивости вещей в результате превращения какого-нибудь одного основного элемента (земля, вода, воздух, огонь и эфир) во всякий другой. Это была универсальная диалектика тождества и различия. Далее, вся ранняя греч. классика учила о бытии как о чувственно воспринимаемой материи, усматривая в ней те или др. закономерности. Числа пифагорейцев, по крайней мере в раннюю эпоху, совершенно неотделимы от тел. Логос Гераклита есть мировой огонь, мерно вспыхивающий и мерно угасающий. Мышление у Диогена Аполлонийского есть воздух. Атомы у Левкиппа и Демокрита есть геометрич. тела, вечные и неразрушимые, не подверженные никаким изменениям, но из них составляется чувственно воспринимаемая материя. Вся ранняя греч. классика учила о тождестве, вечности и времени: все вечное протекает во времени, а все временное содержится в себе вечную основу, откуда и теория вечного круговорота вещества. Все создано богами; но сами боги есть не более, как обобщение материальных стихий, так что в конце концов космос никем и ничем не создавался, а возник сам собой и постоянно возникает в своем вечном существовании.

Итак, уже ранняя греч. классика (6—5 вв. до н. э.) продумала основные категории Л. д., хотя, находясь во власти стихийного материализма, она была далека от системы этих категорий и от выделения Л. д. в особую науку. Гераклит и др. греч. натурфилософы дали формулы вечного становления как единства противоположностей. Аристотель считал первым диалектиком элейца Зенона (А 1.9.10, Diels⁹). Именно элеаты впервые резко противопоставили единство и множество, или мысленный и чувственный мир. На основе философии Гераклита и элейтов, в условиях нарастающего субъективизма, в Греции, естественно, возникла чисто отрицательная диалектика у софистов, к-рые в непрестанной смене противоречащих друг другу вещей, а также и понятий увидели относительность человеческого знания и довели Л. д. до полного нигилизма, не исключая и морали. Впрочем, жизненные и житейские выводы из диалектики делал уже и Зенон (А 9. 13). В этом окружении Ксенофонт изображает своего Сократа, стремящимся давать учение о чистых понятиях, но без софистич. релятивизма, ища в них наиболее общие элементы, разделяя их на роды и виды, обязательно делая отсюда моральные выводы и пользуясь методом собеседования: «Да и само слово „диалектика“, — говорил он, — произошло оттого, что люди, совещаясь в собраниях, разделяют предметы по родам...» (Memor. IV 5, 12).

Ни в каком случае нельзя снижать роль софистов и Сократа в истории Л. д. Именно они, отойдя от слишком онтологич. Л. д. ранней классики, привели в бурное движение человек. мысль с ее вечными противоречиями, с ее неустанным поиском истины в атмосфере ожесточенных споров и погоней за все более и более тонкими и точными мыслительными категориями. Этот дух эристики (споров) и вопросо-ответной, разговорной теории диалектики отныне стал пронизывать всю антич. философию и всю свойственную ей Л. д. Этот дух чувствуется в напряженно-мыслительной

ткани платоновских диалогов, в различениях у Аристотеля, в словесно-формалистич. логике стоиков и даже у неоплатоников, к-рые при всей своей мистич. настроенности бесконечно погружались в эристику, в диалектику тончайших категорий, в интерпретацию старой и простой мифологии, в изощренную систематику всех логич. категорий. Без софистов и Сократа немислима античная Л. д. и даже там, где она не имеет ничего общего с ними по своему содержанию. Грек — всегдашний говорун, спорщик, словесный эквилибрист. Такова же и его Л. д., возникающая на основах софистики и сократовского метода диалектического разговора.

Продолжая мысль своего учителя и трактуя мир понятий, или идей, как особую самостоятельную действительность, Платон под диалектикой понимал не только разделение понятий на четко обособленные роды (Soph. 253 D. сл.) и не только искание истины при помощи вопросов и ответов (Crat. 390 C), но и «знание относительно сущего и истинного сущего» (Phileb. 58 A). Достигнуть этого он считал возможным только при помощи сведения противоречащих частностей в цельное и общее (R. P. VII 537 C). Замечательные образцы этого рода античной идеалистической Л. д. содержатся в диалогах Платона «Софист» и «Парменида».

В «Софисте» (254 В—260 А) дается как раз диалектика пяти основных диалектич. категорий — движения, покоя, различия, тождества и бытия, в результате чего бытие трактуется здесь у Платона в качестве активно самопротиворечащей координированной раздельности. Всякая вещь оказывается тождественной сама с собой и со всем другим, различной сама с собой и со всем другим, а также покоящейся и подвижной в самой себе и относительно всего другого. В «Пармениде» Платона эта Л. д. доведена до крайней степени подробности, тонкости и систематики. Здесь сначала дается диалектика единого, как абсолютной и неразличимой единичности, а затем и диалектика едино-раздельного целого, как в отношении его самого, так и в отношении всего иного, к-рое от него зависит (Parm. 137 С—166 С). Рассуждения Платона о разных категориях Л. д. рассыпаны по всем его произведениям, из чего можно указать хотя бы на диалектику чистого становления (Tim. 47 E — 53 C) или диалектику космич. единства, стоящего выше единства отдельных вещей и их суммы, а также выше самого противопоставления субъекта и объекта (R. P. VI, 505 А—511 А). Недаром Диоген Лаэртский (III, 56) считал изобретателем диалектики именно Платона.

Аристотель, поместивший платоновские идеи в пределах самой материи и тем самым превративший их в формы вещей и, кроме того, присоединивший сюда учение о потенции и энергии (как равно и ряд др. аналогичных учений), поднял Л. д. на высшую ступень, хотя всю эту область философии он называет не Л. д., но «первой философией». Термин «логика» он сохраняет за формальной логикой, а под «диалектикой» он понимает учение о вероятных суждениях и умозаключениях или о видимости (Anal. prior. 11, 24a 22 и др. места).

Значение Аристотеля в истории Л. д. огромно. Его учение о четырех причинах — материальной, формальной (вернее, смысловой, эйдетической), движущей и целевой — трактовано так, что все эти четыре причины существуют в каждой вещи совершенно неразличимо и тождественно с самой вещью. С совр. т. зр. это, несомненно, есть учение о единстве противоположностей, как бы сам Аристотель ни выдвигал на первый план закон противоречия (вернее сказать, закон непротиворечия) как в бытии, так и в познании. Учение Аристотеля о перводвигателе, к-рый мыслит сам же себя, т. е. является сам для себя и субъектом и объек-

том, есть не что иное, как фрагмент все той же Л. д. Правда, знаменитые 10 категорий Аристотеля рассматриваются у него раздельно и вполне описательно. Но в его «первой философии» все эти категории трактованы достаточно диалектично. Наконец, не нужно низко ставить то, что он сам называет диалектикой, а именно систему умозаключений в области вероятных допущений. Тут уж во всяком случае Аристотель дает диалектику становления, поскольку сама вероятность только и возможна в области становления. Ленин говорит: «Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля, а из нее, из логики Аристотеля (который в с ю д у, на каждом шагу, ставит вопрос и менно о диалектике) сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов» (Соч., т. 38, с. 366).

У стоиков «только мудрый — диалектик» (SVF II фр. 124; III фр. 717 *Arpim.*), а диалектику они определяют как «науку правильно беседовать относительно суждений в вопросах и ответах» и как «науку об истинном, ложном и нейтральном» (II фр. 48). Судя по тому, что у стоиков логика делилась на диалектику и риторику (там же, ср. I фр. 75; II фр. 294), понимание Л. д. у стоиков совсем не было онтологическим. В противоположность этому эпикурейцы понимали Л. д. как «канонику», т. е. онтологически и материалистически (Diog. L. X 30).

Однако если принимать во внимание не терминологию стоиков, но их фактич. учение о бытии, то в основном и у них находим гераклитовскую космологию, т. е. учение о вечном становлении и о взаимном превращении элементов, учение об огне-логосе, о материальной иерархии космоса и гл. отличие от Гераклита в виде настойчиво проводимой телеологии. Т. о., в учении о бытии стоики тоже оказываются не только материалистами, но и сторонниками Л. д. Линию Демокрита — Эпикура — Лукреция тоже ни в каком случае нельзя понимать механистически. Появление у них каждой вещи из атомов тоже есть диалектич. скачок, поскольку каждая вещь несет с собой совершенно новое качество в сравнении с теми атомами, из к-рых она возникает. Известно также антич. уподобление атомов буквам (67 А 9, см. также в кн.: «Древнегреч. атомисты» А. Маковельского, с. 584): цельная вещь появляется из атомов так же, как трагедия и комедия из букв. Явно, атомисты продумывают здесь Л. д. целого и частей.

В последние столетия античной философии диалектика Платона получила особенно большое развитие. У Платона имеется специальный трактат о диалектике (*Euplead.* 1 3); и чем дальше развивался неоплатонизм до конца антич. мира, тем более утонченной, скрупулезной и схоластичной становилась здесь Л. д. Вполне диалектична основная неоплатоновская иерархия бытия: единое, к-рое является абсолютной единичностью всего сущего, сливающей в себе все субъекты и объекты и потому неразличимой в себе; числовая раздельность этого единого; качественная наполненность этих первочисел, или Нус-ум, представляющий собой тождество универсального субъекта и универсального объекта (заимствовано у Аристотеля) или мир идей; переход этих идей в становление, к-рое является движущей силой космоса, или мировая душа; произведение и результат этой подвижной сущности мировой души, или космос; и наконец, постепенно убывающие в своем смысловом наполнении космич. сферы, начиная от неба и кончая землей. Диалектично в неоплатонизме также и само это учение о постепенном и непрерывном изливании и саморазделении первоначального единого, т. е. то, что обычно называется в антич. и ср.-век. философии эманационизмом (Плотин, Порфирий, Ямвлих, Прокл и мн. др. философы конца античности 3—6 вв.). Здесь — масса продуктивных диалек-

тич. концепций, но все они, ввиду специфич. особенностей данной эпохи, часто даются в форме мистич. рассуждений и скрупулезно-схоластич. систематики. Диалектически важна, напр., концепция раздвоения единого, взаимоотражения субъекта и объекта в познании, учение о вечной подвижности космоса, о чистом становлении и др.

В результате обзора антич. Л. д. необходимо сказать, что здесь были продуманы почти все гл. категории этой науки на основе сознательного отношения к стихии становления. Но ни антич. идеализм, ни антич. материализм не могли справиться с этой задачей ввиду своей созерцательности, слияния идеи и материи в одних случаях и разрыва их в др. случаях, ввиду примата религиозной мифологии в одних случаях и просветительского релятивизма в др. случаях, ввиду слабой осознанности категорий как отражения действительности и ввиду постоянного неумения понимать творч. воздействие мышления на действительность. В значительной мере это относится также и к ср.-век. философии, в к-рой место прежней мифологии заняла др. мифология, но Л. д. и здесь по-прежнему оставалась скованной слишком слепым онтологизмом.

Господство монотеистич. религий в ср. века перенесло Л. д. в область богословия, используя Аристотеля и неоплатонизм для создания схоластически разработанных учений о личном абсолюте.

В смысле развития Л. д. это было шагом вперед, т. к. филос. сознание постепенно приучалось чувствовать свою собственную силу, хотя и возникающую из персоналистски понимаемого абсолюта. Христианское учение о троициности (напр., у каппадокийцев — Василия Великого, Григория Назианзина, Григория Нисского — и вообще у множества отцов и учителей церкви, хотя бы, напр., у Августина) и арабско-еврейское учение о социальном абсолюте (напр., у Ибн Рашда или в Каббале) строились по-преимуществу методами Л. д. Утвержденный на двух первых вселенских соборах (325 и 381) символ веры учил о божественной субстанции, выраженной в трех лицах, при полном тождестве этой субстанции и этих лиц и при полном их различии, а также и при самотождественном развитии самих лиц: исходное лоно вечного движения (отец), расчлененная закономерность этого движения (сын или бог-слово) и вечное творч. становление этой неподвижной закономерности (дух святой). В науке уже давно выяснена связь этой концепции с платонаристотелевской, стоич. и неоплатонич. Л. д. Наиболее глубоко эта Л. д. выражена в трактате Прокла «Элементы богословия» и в т. н. «Ареопагитиках», представляющих собой христианскую рецепцию проклязма. То и другое имело большое значение во всей ср.-век. Л. д. (см. А. И. Бриллиантова, Влияние восточного богословия на западное в творениях Иоанна Скота Эриугены, 1898).

Эта Л. д., основанная на религ.-мистич. мышлении, дошла до Николая Кузанского, построившего свою Л. д. как раз на Прокле и ареопагитиках. Таковы учения Николая Кузанского о тождестве знания и незнания, о совпадении максимума и минимума, о вечном движении, о тропичной структуре вечности, о тождестве треугольника, круга и шара в теории божества, о совпадении противоположностей, о любом в любом, о свертывании и развертывании абсолютного нуля и т. д. Кроме того, у Николая Кузанского антично-ср.-век. неоплатонизм смыкается с идеями зарождающегося математич. анализа, так что в понятие самого абсолюта вносится идея вечного становления, и сам абсолют начинает пониматься как своеобразный и всеохватывающий интеграл или, в зависимости от т. зр., дифференциал; у него фигурируют такие, напр., понятия, как бытие — возможность (*posse—feri*). Это есть понятие вечности, являющейся вечным становлением,

вечной возможностью всего нового и нового, что и является ее подлинным бытием. Т. о., инфинитезимальный принцип, т. е. принцип бесконечно малого, определяет собой бытийную характеристику самого абсолюта. Таково же, напр., и его понятие *possest*, т. е. *posse est*, или понятие опять-таки вечной потенции, порождающей все новое и новое, так что эта потенция есть последнее бытие. Тут Л. д. с инфинитезимальной окраской становится весьма четкой концепцией. В этой связи необходимо упомянуть Джордано Бруно, гераклитовски мыслящего пантеиста и предспинозистского материалиста, к-рый тоже учил и об единстве противоположностей, и о тождестве минимума и максимума (понимая этот минимум тоже близко к нарастающему тогда учению о бесконечно малом), и о бесконечности Вселенной (вполне диалектически трактуя, что ее центр находится повсюду, в любой ее точке), и т. д. Такие философы, как Николай Кузанский и Джордано Бруно, все еще продолжали учить о божестве и о божественном единстве противоположностей, но эти концепции у них уже получают инфинитезимальную окраску; а через век или полтора уже появилось и самое настоящее исчисление бесконечно малых, представлявшее собой новый этап в развитии мировой Л. д.

В новое время, в связи с восходящей капиталистич. формой и зависящей от нее индивидуалистич. философией, в период господства рационалистич. метафизики математич. анализ (Декарт, Лейбниц, Ньютон, Эйлер), оперирующий переменными, т. е. бесконечно-становящимися функциями и величинами, был не всегда осознанной, но фактически неуклонно назревающей областью Л. д. Ведь то, что в математике называют переменной величиной, является с филос. т. зр. становящейся величиной; и в результате этого становления возникают те или иные предельные величины, к-рые в полном смысле слова оказываются единством противоположностей, как, напр., производная есть единство противоположностей аргумента и функции, не говоря уже о самом становлении величин и о переходе их к пределу.

Необходимо иметь в виду, что исключая неоплатонизм, самый термин «Л. д.» либо вовсе не употреблялся в тех филос. системах ср. веков и нового времени, к-рые по существу своему были диалектическими, либо употреблялся в смысле, близком к формальной логике. Таковы, напр., трактаты 9 в. Иоанна Дамаскина «Диалектика» в византийском богословии и «О разделении природы» Иоанна Скота Эриугены в западном богословии. Учения Декарта о неоднородном пространстве, Спинозы о мышлении и материи или о свободе и необходимости или Лейбница о присутствии каждой монады во всякой др. монаде несомненно содержат в себе весьма глубокие диалектические построения, но у самих этих философов диалектической логикой не именуются.

Также и вся философия нового времени тоже была шагом вперед к осознанию того, что такое Л. д. Эмпирик нового времени (Ф. Бэкон, Локк, Юм), при всей своей метафизичности и дуализме, постепенно так или иначе приучали видеть в категориях отражение действительности. Рационалисты, при всем своем субъективизме и формалистич. метафизике, все же приучали находить в категориях некое самостоятельное движение. Были даже попытки нек-рого синтеза того и другого, но попытки эти не могли увенчаться успехом в виду слишком большого индивидуализма, дуализма и формализма буржуазной философии нового времени, возникшей на основах частного предпринимательства и слишком резкого противопоставления «Я» и «не-Я», причем примат и команда всегда оставалась за «Я» в противоположность пассивно понимаемому «не-Я».

Достижения и неудачи такого синтеза в докантовской философии можно продемонстрировать, напр., на Спинозе. Первые определения в его «Этике» вполне диалектичны. Если в причине самого себя совпадают сущность и существование, то это есть единство противоположностей. Субстанция есть то, что существует само по себе и представляется само через себя. Это есть также единство противоположностей — бытия и определяемого им же самим представления о нем. Атрибут субстанции есть то, что ум представляет в ней как ее сущность. Это — совпадение в сущности того, чего она является сущностью, и ее умственного отражения. Два атрибута субстанции — мышление и протяжение — есть одно и то же. Атрибутов бесконечное количество, но в каждом из них отражается вся субстанция. Несомненно здесь мы имеем дело не с чем иным, как с Л. д. И все же даже и спинозизм слишком слепо онтологичен, слишком нечетко учит об отражении и слишком мало понимает обратное отражение бытия в самом бытии. А без этого невозможно построить правильную и систематически осознанную Л. д.

Классическую для нового времени форму Л. д. создал нем. идеализм, начавший с ее негативной и субъективистич. трактовки у Канта и перешедший через Фихте и Шеллинга к объективному идеализму Гегеля. У Канта Л. д. является не чем иным, как разоблачением иллюзий человек. разума, желающего обязательно достигнуть цельного и абсолютного знания. Т. к. научным знанием, по Канту, является только такое знание, к-рое опирается на чувств. опыт и обосновано деятельностью рассудка, а высшее понятие разума (бог, мир, душа, свобода) этими свойствами не обладает, то Л. д., по Канту, и обнаруживает те неминуемые противоречия, в к-рых запутывается разум, желающий достигнуть абсолютной цельности. Однако эта чисто негативная трактовка Л. д. у Канта имела то огромное историч. значение, что обнаружила в человек. разуме его необходимую противоречивость. А это в дальнейшем и привело к исканию преодоления этих противоречий разума, что и легло в основу Л. д. уже в положительном смысле.

Надо отметить также и то, что Кант впервые употребляет самый термин «Л. д.», настолько большое и самостоятельное значение придавал он этой дисциплине. Но интереснее всего то, что даже и Кант, как и вся мировая философия, бессознательно все же поддавался впечатлению от той огромной роли, к-рую Л. д. играет в мышлении. Вопреки своему дуализму, вопреки своей метафизике, вопреки своему формализму, он, незаметно сам для себя, все же весьма часто пользовался принципом единства противоположностей. Так, в главе «О схематизме чистых понятий рассудка» своего основного труда «Критика чистого разума» он вдруг задает себе вопрос: как же это чувственные явления подводятся под рассудок и его категории? Ведь ясно же, что между тем и другим должно быть нечто общее. Это общее, к-рое он называет здесь схемой, есть время. Время связывает чувственно протекающее явление с категориями рассудка, т. к. оно и эмпирично, и априорно (см. «Критика чистого разума», II, 1915, с. 119). Тут у Канта, конечно, путаница, потому что по его основному учению время вовсе не есть нечто чувственное, но априорное, так что эта схема вовсе не дает к-н. объединения чувственности и рассудка. Однако несомненно и то, что, бессознательно для самого себя, Кант понимает здесь под временем становление вообще; а в становлении, безусловно, каждая категория в каждый момент возникает и в тот же момент снимается. Так, причина данного явления, характеризуя собой его происхождение, обязательно в каждый момент этого последнего проявляет себя по-разному и по-разному, т. е. постоянно возникает и исчезает. Т. о., диалектич. синтез чувственности

и рассудка, и притом именно в смысле Л. д., фактически строился уже самим Кантом, но метафизически-дуалистич. предрассудки помешали ему дать ясную и простую концепцию.

Из четырех групп категорий качество и количество, несомненно, диалектически сливаются в группу категорий отношения; а группа категорий модальности есть только уточнение полученной группы отношения. Даже в пределах отд. групп категории даны у Канта по принципу диалектической триады: единство и множество сливаются в то единство этих противоположностей, к-рое сам Кант называет целостью; что же касается реальности и отрицания, то, несомненно, их диалектич. синтезом является ограничение, поскольку для этого последнего необходимо нечто зафиксировать и необходимо иметь нечто выходящее за эту реальность, чтобы очертить границу между утверждаемым и неутверждаемым, т. е. ограничить утверждаемое. Наконец, даже знаменитые антиномии Канта (как, напр.: мир ограничен и безграничен в пространстве и во времени) в конце концов тоже снимаются самим же Кантом при помощи метода становления: фактически наблюдаемый мир конечен; однако найти этого конца во времени и пространстве мы не можем; поэтому мир и не конечен, и не бесконечен, а существует только искание этого конца согласно регулятивному требованию разума (см. там же, с. 310—15). «Критика силы суждения» тоже есть бессознательный диалектич. синтез «Критики чистого разума» и «Критики практического разума».

Фихте сразу облегчил возможность систематич. Л. д. своим пониманием вещей в себе как тоже субъективных категорий, лишенных всякого объективного существования. Получился абсолютный субъективизм и тем самым уже не дуализм, а монизм, что только способствовало стройному систематич. выделению одних категорий из других и приближало Л. д. к антиметафизич. монизму. Стоило только внести в этот абсолютный дух Фихте также и природу, что мы находим у Шеллинга, а также и историю, что мы находим у Гегеля, как возникла система объективного идеализма Гегеля, к-рая в пределах этого абсолютного духа давала безупречную по своему монизму Л. д., охватывавшую всю область действительности, начиная от чисто логич. категорий, проходя через природу и дух и кончая категориальной диалектикой всего историч. процесса.

Гегелевская Л. д., если не говорить о всех прочих областях знания, хотя, по Гегелю, они тоже представляют собой движение тех или других категорий, создаваемых все тем же мировым духом, представляет собой систематически развитую науку, в к-рой дана исчерпывающая и содержательная картина общих форм движения диалектики (см. К. Маркс, Капитал, 1955, т. 1, с. 19). Гегель совершенно прав со своей т. зр., когда делит Л. д. на бытие, сущность и понятие. Бытие есть самое первое и самое абстрактное определение мысли. Оно конкретизируется в категориях качества, количества и меры (причем под последней он понимает как раз качественно определенное количество и количественно ограниченное качество). Гегель понимает свое качество в виде исходного бытия, к-рое переходит после своего исчерпания в небытие и становление как диалектич. синтез бытия и небытия (поскольку во всяком становлении бытие всегда возникает, но в тот же самый момент и уничтожается). Исчерпав категорию бытия, Гегель рассматривает то же бытие, но уже с противопоставлением этого бытия ему же самому. Естественным образом отсюда рождается категория сущности бытия, а в этой сущности Гегель, опять-таки в полном согласии со своими принципами, находит сущность самое по себе, ее явление и диалектич. синтез исходной сущности и

явления в категории действительности. Этим исчерпывается у него сущность. Но сущность не может быть в отрыве от бытия. Гегель исследует и ту ступень Л. д., где фигурируют категории, содержащие в себе одинаково и бытие, и сущность. Это — понятие. Гегель является абсолютным идеалистом и поэтом он именно в понятии находит высший расцвет и бытия, и сущности. Гегель рассматривает свое понятие как субъект, как объект и как абсолютную идею, категория его Л. д. является и идеей, и абсолютном. Кроме того, гегелевское понятие можно, как это делал Энгельс, истолковать материалистически — как общую природу вещей или, как это делал Маркс, как общий закон процесса или, как это делал Ленин, как познание. И тогда этот раздел гегелевской логики теряет свой мистич. характер и приобретает рациональный смысл. В общем же все эти самодвижные категории продуманы у Гегеля так глубоко и всесторонне, что, напр., Ленин, заключая свои конспекты гегелевской «Науки логики», говорит: «... в этом самом идеалистическом произведении Гегеля все огромное идеализма, в него больше материализма. „Противоречиво“, но факт!» (Соч., т. 38, с. 227).

У Гегеля мы имеем наивысшее достижение всей западной философии в смысле создания именно логики становления, когда все логич. категории неизменно берутся в их динамике и в их творч. взаимопорождении и когда категории, хотя и оказываются порождением только духа, однако как такого объективного начала, в к-ром оказываются представленными природа, общество и вся история.

Из домарксистской философии 19 в. огромным шагом вперед явилась деятельность русских революц. демократов — Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, к-рым их революц. теория и практика не только дала возможность перейти от идеализма к материализму, но и привела их к диалектике становления, помогшей им создавать самые передовые концепции в разных областях истории культуры. Ленин пишет, что диалектика Гегеля явилась для Герцена «алгеброй революции» (см. Соч., т. 18, с. 10). Насколько Герцен глубоко понимал Л. д., напр. в отношении физич. мира, видно из следующих его слов: «Жизнь природы — непрерывное развитие, развитие отвлеченного простого, не полного, стихийного в конкретное полное, сложное, развитие зародыша расчленением всего заключающегося в его понятии, и всегдашнее домогательство вести это развитие до возможно полного соответствия формы содержанию — это диалектика физического мира» (Собр. соч., т. 3, 1954, с. 127). Глубокие суждения о Л. д. высказывал и Чернышевский (см., напр., Полн. собр. соч., т. 5, 1950, с. 391; т. 3, 1947, с. 207—09; т. 2, 1949, с. 165; т. 4, 1948, с. 70). По условиям времени революц. демократы могли только подойти к материалистич. диалектике.

Л. д. в буржуазной философии 2-й пол. 19—20 вв. Буржуазная философия отказывается от тех достижений в области диалектич. логики, к-рые имелись в прежней философии. Л. д. Гегеля отвергается как «софистика», «логическая ошибка» и даже «болезненное извращение духа» (Р. Гайм, Гегель и его время — R. Haun, Hegel und seine Zeit 1857; A. Trendelenburg, Logische Untersuchungen, 1840; Э. Гартман, О диалектическом методе — E. Hartmann, Über die dialektische Methode, 1868). Попытки правых гегельянцев (Михелет, Розенкранц) защитить Л. д. оказались безуспешными, как в силу догматического к ней отношения, так и в силу метафизич. ограниченности их собственных воззрений. С др. стороны, развитие математич. логики и ее огромные успехи в обосновании математики приводят к ее абсолютизации как единственно возможной научной логики.

Сохраняющиеся в совр. бурж. философии элементы Л. д. связаны прежде всего с критикой ограниченности формальнологич. понимания процесса познания и воспроизведением учения Гегеля о «конкретности понятия». В неокантианстве на место абстрактного понятия, построенного на основе закона обратного соотношения объема и содержания понятия и потому ведущего к все более пустым абстракциям, ставится «конкретное понятие», понимаемое по аналогии с математич. функцией, т. е. общим законом, к-рый охватывает все отд. случаи посредством применения переменной, принимающей любые последовательные значения. Восприняв эту мысль из логики М. Дробиша (Новое изложение логики... — M. Drobisch, Neue Darstellung der Logik..., 1836), неокантианство марбургской школы (Коген, Кассирер, Наторп) вообще подменяет логику «абстрактных понятий» «логикой математич. понятия о функции». Это приводит, при непонимании того факта, что функция есть способ воспроизведения действительности разумом, а не сама она, к отрицанию понятия субстанции и «физич. идеализму». Однако в неокантианской логике сохраняется и ряд моментов идеалистич. Л. д. — понимание познания как процесса «создания» объекта (объект как «бесконечное задание»); принцип «первоначала» (Ursprung), состоящий в «сохранении объединения в обособлении и обособления в объединении»; «гетерология синтеза», т. е. подчинение его не формальному закону «А-А», но содержательному «А-В» (см. Г. Коген, Логика чистого познания — H. Cohen, Logik der reinen Erkenntnis, 1902; П. Наторп, Логические основы точных наук — P. Natop, Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften, 1910).

В неогегельянстве проблема Л. д. также поднимается в связи с критикой традиц. теории абстракций: если единственная функция мысли есть отвлечение, то «чем больше мы мыслим, тем меньше мы будем знать» (Т. Х. Грин). Поэтому необходима новая логика, подчиненная принципу «целостности сознания»: разум, несущий в себе бессознательную идею целого, приводит свои частые идеи в соответствие с ней путем «дополнения» частного до целого. Поставив на место гегелевского принципа «отрицательности» принцип «дополнения», неогегельянство приходит к «отрицательной диалектике»: противоречия, обнаруживаемые в понятиях, свидетельствуют о нереальности, «кажущести» их объектов (см. Ф. Брэдли, Принципы логики — F. Bradley, The principles of logic, 1928; его же, Явление и действительность — Appearance and reality, 1893). Дополняя эту концепцию «теорией внутренних отношений», к-рая, абсолютизируя универсальную взаимосвязь явлений, исключает возможность истинных высказываний об изолированных фрагментах действительности, неогегельянство скатывается к иррационализму, отрицает правомерность дискурсивного и аналитич. мышления. Та же тенденция налицо в нем. (Р. Кронер) и русском (И. А. Ильин) неогегельянстве, трактующем Л. д. Гегеля как «сделанный рациональным иррационализм», «интуитивизм» и др.

Общий кризис капитализма и быстрое нарастание противоречий капиталистич. общества приводят к попыткам пересмотра Л. д. в плане признания неразрешимости раскрываемых ею противоречий. Возникает «трагич. диалектика», отличающаяся от гегелевской своим «этосом», т. е. настроением, исключаяющим «рационалистическую веру в окончательную гармонию противоречий» (L i e b e r t A., Geist und Welt der Dialektik, В., 1929, S. 328). Отвергая примирение противоречий, «трагич. диалектика» исключает возможность разрешения их, даже путем выхода за пределы той формации, в рамках к-рой такое разрешение действительно невозможно. Это превращает «трагич. диалектику» в разновидность апологии совр. капитализма, а теоретиче-

ски означает отход от Л. д. Гегеля к антиномике Канта. В «критич. диалектике» (З. Марк) эта мысль дополняется утверждением о невозможности применения Л. д. к природе.

В *прагматизме* критика абстрактности и формалистичности традиц. и математич. логики также приводит к *иррационализму* (У. Джемс) и *волюнтаризму* (Ф. К. С. Шиллер). Пытаясь заменить формальную логику «логикой исследования», Дьюи воспринимает, однако, нек-рые стороны Л. д. Гегеля, в частности, рассматривая отношения между высказываниями различного качества и количества как свидетельство углубления познания. Так, контрарные суждения ограничивают поле исследования и дают направление последующим наблюдениям; субконтрарные — интересны не тем формальным свойством, что они не могут быть одновременно ложны, но тем, что они конкретизируют проблему; субальтернативные суждения, тривиальные при ходе мысли от подчиненного к подчиняющему, очень важны при переходе от подчиненного к подчиняющему; установление противоречия отрицания — новый шаг в продолжении исследования (см. Дж. Дьюи, Логика. Теория исследования — J. Dewey, Logik. The theory of inquiry, 1938). Однако поскольку «логика исследования» У. Дьюи основана на понятии «неделимой и неповторимой ситуации», формы и законы логики превращаются ею в «полезные фикции», а процесс познания — по существу в метод «проб и ошибок».

Филос. направления, не связанные с традиц. Л. д. в нем. классич. философии, обычно трактуют ограниченность формальной логики как ограниченность науч. познания вообще. Отсюда проистекает, напр., требование Бергсона о необходимости «текущих понятий», способных следовать за реальностью («во всех ее изгибах»), к-рые могли бы объединить противоположные стороны действительности. Однако «это соединение, — заключающее в себе к тому же нечто чудесное, ибо непонятно, как две противоположности могут соединиться вместе, — не сможет представить собою ни многообразия степеней, ни изменчивости форм: как все чудеса, оно может быть только принято или отвергнуто» (Бергсон А., Введение в метафизику, см. Собр. соч., т. 5, СПб, 1914, с. 30). Следовательно, исходное требование Л. д. превращается в требование «чуда». Отсюда прямой путь к признанию иррационалистически понимаемой *интуиции* как единств. средства подлинного познания (немецкая «философия жизни» А. Бергсона) и к прямой мистике («диалектич. теология» К. Барта, П. Тиллиха и др., мистицизм У. Т. Стейса, «философия полярности» У. Г. Шелдона).

Немалое место занимают идеи идеалистич. Л. д. в совр. *экзистенциализме*. Тяготеея в целом к мистицизму в истолковании познания, экзистенциализм трактует Л. д. как «диалог Я и Ты», где под «Ты» понимается не только др. человек, но в первую очередь «бог» (Г. Марсель, теологич. экзистенциализм М. Бубера). К. Ясперс, считая высшей формой познания интуицию, совпадающую с творением самого ее предмета и свойственную лишь божеству, в то же время воспринимает гегелевское противопоставление «рассудка» (Vernunft) и «разума» (Vernunft). Последний стоит выше рассудка, но ниже интуитивного познания и основывается на противоречии, к-рое используется для того, чтобы с помощью самого противоречия прорвать окружающее (Umgreifende) нашей мысли как сознание вообще. Человек может выйти из тюрьмы мысли и мыслимости в само бытие. Трансцендирование посредством разрушенной (scheiternden) мысли есть путь мистики в мышлении (см. К. Jaspers, Von der Wahrheit, 1958, S. 310). Л. д., согласно Ясперсу, применима лишь к «существованию», т. е. «бытию, которое суть мы сами», обнаруживающему себя как «универсальная отрицатель-

ность» (там же, S. 300). Эту мысль воспринял в своей трактовке Л. д. и Ж. П. Сартр, утверждающий, что применимость ее к человеку связана с тем, что с ним «ничто» (le neut) впервые приходит в мир. Природа — область «позитивистского разума», основанного на формальной логике, тогда как общество познается «диалектическим разумом». «Диалектич. разум» определяется Сартром как «движение обобщения» («превращения в целое», totalisation), как «логика работы». В этой связи диалектич. разум превращается в средство познания лишь того, что он сам создал. Реальные «целые», по Сартру, существуют лишь как продукт человек. активности, а познающий и «конституирующий» их «тотализирующий» (totalisateur) «диалектич. разум» черпает свои принципы не из диалектики природы и общества, а из человек. сознания и индивидуальной практики человека, противопоставляемой как природе, так и обществу. Этот ход мысли продолжает домыслы бурж. идеологов различного рода, утверждающих, будто соединение диалектики и материализма невозможно.

Развитие неопозитивизма и абсолютизация им математич. логики как единственно возможной научной логики существенно тормозило восприятие совр. бурж. философией даже отдельных моментов Л. д. Однако кризис неопозитивистской концепции «логики науки» порождает попытки выйти за ее рамки. Примеры этого: «общая теория систем» Л. Берталанфи, «генетич. эпистемология» Ж. Шаже, «теория аргументации» Х. Перельмана. Правда, отсутствие у этих логиков сколько-нибудь полной и четкой диалектич. концепции, а также сугубый эмпиризм в исследовании логич. приемов науч. мышления не дают возможности выработать позитивные принципы Л. д. Однако их эмпирич. исследования идут в русле содержательного анализа логич. теории, приближаясь тем самым к Л. д. Определ. интерес представляют также работы т. н. «диалектич. школы», группирующейся вокруг швейцарского журнала «Диалектика» (Ф. Гонсет и др.) и примыкающих к ней философов и естествоиспытателей (Г. Башлар, П. и Ж. Л. Дегуш-Феврие и др.). Однако и их попытка создать Л. д. как логику «диалектич. противоположностей» во многом обесценивается в силу прагматического подхода к принятию «альтернативных логик» по принципу «удобства» и «полезности» и абсолютного релятивизма в понимании истины (Гонсет), а также в связи с тем, что диалектич. единство противоположностей зачастую подменяется «дополнительностью», постулирующей сосуществование, а не единство, «тождество» противоположностей.

Т. о., в совр. бурж. философии воспринимаются лишь отд. стороны, моменты Л. д.

Ни одна из совр. бурж. филос. теорий не имеет науч. концепции Л. д., а заимствуемые из философии прошлого диалектико-логич. идеи все чаще приводят к иррационализму и мистицизму. Тем не менее, состояние совр. бурж. философии свидетельствует о том, что традиция Л. д. не прекратилась и в ее рамках, хотя и на идеалистич. началах.

Т. о., если подвести итог домарксистскому и немарксистскому развитию Л. д., то необходимо констатировать, что она выступала: как общее становление материи, природы, общества, духа (греч. натурфилософия); как становление тех же областей в виде точных логич. категорий (платонизм, Гегель); как становление математич. величин, чисел и функций (математич. анализ); как учение о правильных вопросах и ответах и о спорах (Сократ, стоики); как критика всякого становления и замена его дискретной и непознаваемой множественностью (Зенон Элейский); как учение о закономерно возникающих вероятных понятиях, суждениях и умозаключениях (Аристотель); как систематич. разрушение всех иллюзий человек.

разума, незакономерно стремящегося к абсолютной цельности и потому распадающегося на противоречия (Кант); как субъективистич. (Фихте), объективистич. (Шеллинг) и абсолютная (Гегель) философия духа, выраженная в становлении категорий; как учение об относительности человек. познания и о полной логич. невозможности мыслить и говорить или о возможности вообще каких угодно утверждений или отрицаний (греч. софисты, скептики); как замена единства противоположностей единством сосуществующих дополнительных элементов ради достижения цельности знания (Ф. Брэдли); как совмещение противоположностей при помощи чистой интуиции (Б. Кроче, Р. Кронер, И. А. Ильин); как иррационалистич. и чисто инстинктивное совмещение противоположностей (А. Бергсон); как релятивистски понимаемая и более или менее случайная структура сознания (экзистенциализм); и как теологически трактуемая система вопросов и ответов между сознанием и бытием (Г. Марсель, М. Бубер).

Следовательно, в домарксистской и немарксистской философии Л. д. трактовалась начиная с позиций материализма и кончая позициями крайнего идеализма. Но общий результат истории Л. д. поучителен: филос. мысль уже столкнулась с материальным бытием, существующим вне и независимо от человек. сознания; она уже поняла, что категории человек. мышления есть результат отражения этого бытия; выяснилась необходимость признавать относительность этих категорий, их самодвижение и их сложный характер; ми. филос. системы столкнулись также и с проблемой обратного воздействия мышления на мир; и, наконец, кое-где стал выступать также и учет историзма в учении о категориях и об их становлении. Однако все эти отдельные и часто весьма крупные достижения Л. д. оставались более или менее случайными историко-философскими фактами. Здесь не было еще той великой социальной силы, к-рая сумела бы объединить все эти великие достижения и связать с общечеловек. развитием, к-рое придало бы им максимально объединенную и обобщенную форму и заставило бы служить нуждам свободно развивающегося человека.

История Л. д. свидетельствует о том, что в течение всей античности, средневековья и даже нового времени до Канта Л. д. мало дифференцировалась от общ. учений о бытии. Кант и нем. идеализм, открывший самостоятельность Л. д., увлеклись в обратную сторону и стали трактовать ее либо как порождение человек. субъекта, либо, в крайнем случае, как порождение некоего мирового субъекта, мирового духа. Оставался, однако, еще один путь, слабо использованный в прежних системах философии, а именно — путь признания Л. д. как отражения объективной действительности, но такого отражения, к-рое само через обществ. практику обратно воздействует на действительность.

Единственной филос. системой, критически усвоившей все завоевания предшествующей филос. мысли в области Л. д. с позиций последовательного материализма и двинувшей эти завоевания вперед, оказалась лишь философия диалектич. материализма. Маркс и Энгельс, ставившие очень высоко диалектич. логику Гегеля, освободили ее от учения об абсолютном духе. Они критически переработали идеи Фейербаха, также пытавшегося усвоить достижения Гегеля в области логики с т. зр. материализма, но не понявшего роли труда для духовного развития человека. Фейербах исходил из того, что реальный мир дан человеку в акте созерцания, и потому видел задачу материалистич. критики гегелевской логики в истолковании логич. категорий как наиболее общих абстракций от чувственно созерцаемой человеком картины действительности и этим ограничивался.

Подвергнув критике Фейербаха, Маркс и Энгельс установили, что человеку в его познании дан не прямо внешний мир как он есть сам по себе, а в процессе его изменения человеком. Маркс и Энгельс нашли ключ к проблеме мышления и науки о мышлении в обществ. практике. «Капитал» Маркса явился триумфом материалистически понимаемой Л. д. Экономич. категории как отражение экономич. действительности; их абстрактно обобщенный и в то же самое время конкретно-историч. характер; их саморазвитие, определяемое соответствующим саморазвитием экономич. действительности; их самопротиворечие и вообще противоречие как движущая сила историч. и логич. развития; и, наконец, учет революц. появления новых историч. периодов, без всяких иллюзий, без всякого замалчивания и преуменьшения, — все это в самой отчетливой форме дает о себе знать в любой диалектич. категории в «Капитале» Маркса. Таковы категории товара, конкретного и абстрактного труда, потребительной и меновой стоимости, торговли и денег или формул $T-D-T$ и $D-T-D$, прибавочной стоимости, а также и самих социально-экономич. формаций — феодализма, капитализма и коммунизма. Блестящие образцы Л. д. дал Энгельс во мн. своих трудах и особенно в «Диалектике природы». Этим и были заложены основы марксистской Л. д. Небывалое развитие естествознания в течение 19 в., с одной стороны, и развитие рабочего движения, — с другой, несмотря на мелкобурж. реакцию против Гегеля, постоянно приучало умы к Л. д. и подготовляло торжество марксистской диалектики. В 20 в. Ленин, будучи во всеоружии научных достижений 19 и 20 вв., дал глубокую формулировку марксистской Л. д., понимая ее вслед за Марксом и Энгельсом как революц. переворот в логике («К вопросу о диалектике», см. Соч., т. 38, с. 353—61). Можно сказать, что ни одна экономич., ни одна обществ.-историч. и ни одна культурно-историч. категория не осталась у Ленина без диалектич. обработки. В качестве примеров можно привести учение Ленина о развитии капитализма в России, об империализме как последнем этапе капиталистич. развития, о народе и государстве, о коммунистич. партии, о войне и мире, о сохранении ценностей мировой культуры и критике разных периодов ее развития в прошлом, о профсоюзах, о творчестве Л. Толстого и т. д.

Л. д. в советской философии. В Советском Союзе ведется большая работа по диалектическому анализу отдельных категорий, по их объединению в ту или иную систему, по Л. д. в целом. Вопросы Л. д. разрабатываются и философами-марксистами др. стран. Ряд вопросов носит дискуссионный характер, в частности по-разному понимается сам предмет Л. д. и ее отношение к формальной. Отметим наиболее характерные т. зр. на предмет и содержание диалектической логики, нашедшие отражение в сов. литературе. Т. зр., напр., М. М. Розенталя, Е. П. Ситковского, И. С. Нарского и др. исходит из того, что Л. д. не существует вне диалектики, к-рая, являясь наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и человек. мышления, выступает одновременно как логика марксизма-ленинизма. «...Диалектическую логику следует рассматривать не как нечто отличное от диалектического метода, а как одну из важнейших его сторон и аспектов — именно ту сторону, которая исследует, какими должны быть человеческие мысли — понятия, суждения и иные мысленные формы, чтобы выразить движение, развитие, изменение объективного мира» (Розенталь М. М., Принципы диалектической логики, 1960, с. 79).

Существует т. зр., согласно к-рой Л. д. является частью теории познания, а последняя является частью диалектики. Эта концепция выражена В. П. Рожиным: «... предмет диалектической логики является частью

предмета марксистской теории познания и диалектики... В свою очередь, предмет теории познания является частью предмета материалистической диалектики...» («Марксистско-ленинская диалектика как философская наука», 1957, с. 241). Этой же позиции придерживается М. Н. Руткевич (см. «Диалектический материализм», 1959, с. 302).

Б. М. Кедров исходит из того, что Л. д. составляет «...логическую сторону или логическую функцию диалектики» (см. «Диалектика и логика. Законы мышления», 1962, с. 64), что она «...по своему существу совпадает не только с так называемой субъективной диалектикой, т. е. диалектикой познания, но и с объективной диалектикой, диалектикой внешнего мира» (там же, с. 65). Вместе с тем Кедров признает, что «... проблематика диалектической логики отличается от проблематики теории познания материализма и от общей проблематики диалектики как науки, хотя резких граней провести невозможно. Это отличие обусловлено тем, что диалектическая логика касается специально форм мышления, в которых специфическим образом отражаются связи объективного мира» (там же, с. 66). В связи с этим Кедров считает возможным говорить о специфич. законах Л. д., к-рые он рассматривает «...как конкретизацию законов материалистической диалектики применительно к сфере мышления, где общие законы диалектики выступают по форме иначе, чем в различных областях внешнего мира» (там же).

Ряд сов. философов (С. Б. Церетели, В. И. Черкесов, В. И. Мальцев) идут в этом направлении дальше, признавая существование особых, специфич. форм мышления: суждений, понятий, умозаключений. Ближкую к этой т. зр. развивает М. Н. Алексеев, к-рый предметом Л. д. считает диалектич. мышление: «Если мышление познает диалектику предмета, осознает ее, оно будет диалектическим, если не познает, не воспроизводит ее, его нельзя назвать диалектическим» («Диалектическая логика», 1960, с. 22).

Наконец, нек-рые признают существование только одной логики — формальной, считая, что диалектика не логика, а филос. метод познания и преобразования действительности. Так, К. С. Бакрадзе пишет: «Не существует двух наук о формах и законах правильного мышления; существует одна наука, и эта наука — логика или формальная логика... Диалектическая логика — это не учение о формах и законах правильного, последовательного мышления, а общая методология познания, методология практической деятельности. Это метод изучения явлений природы, метод познания этих явлений» («Логика», Тб., 1951, с. 79—80).

Творч. развитие любой науки связано с борьбой мнений, с попытками разрешения стоящих перед ней задач, что и наблюдается сейчас в сов. логич. литературе.

Основные принципы и законы Л. д. С точки зрения Л. д., формы мышления, категории являются отражением в сознании всеобщих форм предметной деятельности обществ. человека, преобразующего действительность: «...существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 545). Субъектом мышления является не просто индивид, а личность в системе обществ. отношений. Все формы жизнедеятельности человека даны не просто природой, но историей, процессом становления человек. культуры. Если вещь сделана человеком или переделана им из др. вещи, то это значит, что она сделана кем-то, как-то, когда-то и для какой-то цели, т. е. тут вещь представляет собой уз-

ловой пункт очень сложных производственных и вообще социальных и социально-историч. отношений. Но если вещь даже и не сделана человеком (солнце, луна или звезды), а только мыслится им, то и в этом случае общественно-историч. практика тоже входит в определение вещи. Принцип практики должен входить в само определение предмета, поскольку все предметы либо созданы субъектом, либо переделаны им самим из другого, либо, по крайней мере, для тех или других жизненных целей выделены им из необъятной области действительности.

Будучи осознаны, закономерности природы, в согласии с к-рыми человек изменяет любой объект, в том числе самого себя, выступают как логич. законы, одинаково управляющие и движением объективного мира, и движением человек. жизни. В сознании они выступают как идеальный образ объективной действительности: «законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека» (Ленин В.И., Соч., т. 38, с. 174). Л. д. исходит из утверждения единства законов объективного мира и мышления. «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собою» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1955, с. 213). Всякий универсальный закон развития объективного и духовного мира в определ. смысле является вместе с тем и законом познания: любой закон, отражая то, что есть в действительности, указывает также на то, как следует правильно мыслить о соответствующей области действительности (см. *Мышления законы*).

Основными, наиболее общими законами развития явлений действительности являются *единство и борьба противоположностей, переход количественных изменений в качественные и отрицание отрицания закон*.

Существенными принципами Л. д. является утверждение всеобщей связи и взаимозависимости явлений, а также их развития, осуществляющегося через противоречие. Отсюда характерные для Л. д. принцип, требующий учета всех (могущих быть выделяемыми на данной ступени познания) сторон и связей изучаемого предмета с др. предметами; принцип, требующий рассмотрения предметов в развитии. Развитие имеет место только там, где каждый его момент является наступлением все нового и нового. Но если в этих наступающих новых моментах не будет присутствовать то самое, что становится новым, и нельзя будет его узнавать во всех этих новых моментах, то окажется неизвестным то, что развивается, и, следовательно, рассыплется и само развитие. Исключение различия моментов становления приводит к гибели самое становление, поскольку становится только то, что переходит от одного к другому. Но полное исключение тождества различных моментов становления тоже аннулирует это последнее, подменяя его дискретным множеством неподвижных и ничем не связанных между собой точек. Т. о., как различие, так и тождество отдельных моментов становления необходимы для всякого становления, без к-рого оно делается невозможным. Взятое в определ. пределах и в конкретном содержании развитие есть история. Л. д. есть прежде всего логика развития, логика историческая. О диалектике у Ленина говорится, что она есть «...учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» (Соч., т. 19, с. 4). Историзм есть сущность диалектики, а диалектика в основе своей обязательно есть историч. процесс.

Противоречие есть движущая сила становления. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его ... есть суть (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» (там же, т. 38, с. 357). Развитие есть осуществление противоречия и противоположностей, к-рое предполагает не просто тождество и различие абстрактных моментов становления, но и их взаимоисключение, их объединение в этом взаимоисключении. Т. о., реальное становление не есть просто тождество и различие противоположностей, но их единство и борьба. Л. д. изучает развитие категорий, отражающих действительность, к-рая «сама себя движет» и вне к-рой нет не только никакого двигателя, но и вообще ничего нет. Отражающие ее категории обладают относительной самостоятельностью и внутренней логикой движения. «Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений до существенного различия, до противоположности. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными (regsam) и живыми по отношению одного к другому, — ...приобретают ту негативность, которая является внутренней пульсацией самодвижения и жизненности» (там же, с. 132). «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание и источника „само“-движения. Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего, только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового» (там же, с. 358). «Движение и „самодвижение“ [это NB! самопроизвольное (самостоятельное), спонтаннейшее, внутренне-необходимое движение], „изменение“, „движение и жизненность“, „принцип всякого самодвижения“, „импульс“ (Trieb) к „движению“ и к „деятельности“ — противоположность „мертвому бытию“ — кто поверит, что это суть „гегелевщины“, абстрактной и abstrusen (тяжелой, нелепой?) гегельянщины? Эту суть надо было открыть, понять, hinüberretten, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» (там же, с. 130).

Замечательной характеристикой Л. д. являются следующие рассуждения Ленина: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений, „опосредствований“ со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы,

употребляя этот стакан, и т. п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.

Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться — с поправками — для низших классов школы), берет формальные определения, руководствуясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно (и стеклянный цилиндр и инструмент для питья), то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только.

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это, во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет, в его развитии, „самодвижении“ (как говорит иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром. В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что „абстрактной истины нет, истина всегда конкретна“, как любил говорить вслед за Гегелем, покойный Плеханов...

Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого» (Соч., т. 32, с. 71—73).

Можно привести и еще одно суждение Ленина о Л. д. из множества прочих других его суждений по этому предмету, но данное суждение Ленина при всей своей краткости обладает характером точно выраженной системы. Речь идет об «элементах диалектики». Прежде всего, необходимо утверждение объективной реальности самой по себе, вне всяких категорий. Для того чтобы вещь была познаваема, для этого необходимо познавать и ее отношения к другим вещам. Это и зафиксировано у Ленина в первых двух «элементах диалектики»: «1) объективность рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь в себе). 2) вся совокупность многообразных отношений этой вещи к другим». Однако отношения, существующие между вещами в себе, не могут быть мертвыми и неподвижными. Они необходимым образом движутся, потому что им свойственно внутреннее противоречие, приводящее в дальнейшем к единству противоположностей. «3) развитие этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь. 4) внутренние противоречивые тенденции (и стороны) в этой вещи. 5) вещь (явление etc.) как сумма и единство противоположностей. 6) борьба respective развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений etc.». Место исходной и потому абстрактной вещи в себе возникает реальная вещь, полная противоречивых тенденций, так что в ней потенциально содержится уже всякая другая вещь, хотя и содержится каждый раз специфически. «7) соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе. 8) отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с каждым. 9) не только единство противоположностей, но переходы каждого опре-

деления, качества, черты, стороны, свойства в каждом другое [в свою противоположность?]. Наконец, этот процесс живой действительности вещей, бесконечный по своему разнообразию и бесконечный по своему существованию; единство противоположностей вечно бурлит в нем, создавая одни формы и сменяя их другими: «10) бесконечный процесс раскрытия новых сторон, отношений etc. 11) бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности. 12) от существования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей. 13) повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc., низшей и 14) возврат якобы к старому (отрицание отрицания). 15) борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания. 16) переход количества в качество...» (Соч., т. 38, с. 213—25).

Эти 16 элементов диалектики, сформулированные Лениным, представляют собой наилучшую в мировой литературе картину Л. д. Здесь Ленин определенным образом идет от бытия материи через формулировку царящих в ней существенных отношений к живой, самопротиворечивой, вечно подвижной и бурлящей конкретной действительности.

О системе диалект. категорий. Структура Л. д. в общих чертах отражает действительную картину развития человек. познания, процесс его движения от непосредственного бытия вещи к ее сущности. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно обобщенный ход всего человеческого познания (всей науки) вообще» (там же, с. 314).

В соответствии с этим Л. д. имеет три основных отдела:

Отдел бытия, материи, в котором рассматриваются такие проблемы, как основной вопрос философии, материя и формы ее существования, пространство и время, конечное и бесконечное, материя и сознание и т. д.;

Отдел сущности, в котором рассматриваются категории и законы диалектики: взаимный переход количественных изменений в качественные, диалектическое противоречие, отрицание отрицания, причинность, форма и содержание, необходимость и случайность, часть и целое, возможность и действительность и т. д.;

Отдел познания, рассматривающий проблемы познаваемости мира, роли практики в познании, эмпирического и теоретич. познания, вопросы истины, формы, приемы и методы научного познания, вопросы научного открытия, доказательства и т. д.

Последовательность развития логич. категорий в составе Л. д. имеет объективно обоснованный характер и не зависит от произвола людей. Она диктуется прежде всего объективной последовательностью развития знания. Каждая категория — обобщенное отражение материи, результат вековой общественно-историч. практики. Логич. категории «... суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети (природных явлений, природы. — *Ред.*), помогающие познавать ее и овладеть ею» (там же, с. 81).

Разъясняя это понимание, Ленин намечает общую последовательность развития логич. категорий: «Сначала мелькают впечатления, затем выделяется нечто, потом развиваются понятия качества (определения вещи или явления) и количества. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus (по отношению к. — *Ред.*) явления, — причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объ-

екту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине...» (там же, с. 314—15).

Система диалектич. категорий есть нечто подвижное внутри себя; она всегда меняется и развивается также и в историч. плане. Каждый период в науке и философии может быть выражен в своей специфич. системе категорий. И то, что характерно для одного периода, может потерять значение для др. периода.

Логич. категории и законы—ступеньки познания, развертывающего объект в его собств. необходимости, в естественной последовательности уровней его становления. Любая из логич. категорий определяется лишь путем систематич. прослеживания ее связи со всеми другими, лишь внутри системы и посредством ее. Задача развертывания определений логич. категорий в строгую систему — это единственно возможный способ научно-теоретич. раскрытия сути каждой из них. Поскольку такая система логич. категорий, отражающая необходимую последовательность развития знаний в согласии с развитием его предмета, усвоена человеком и тем самым превращена в сознательную форму его мышления, она выступает в роли метода научного исследования.

Все положения диалектич. материализма, т. е. л. д., имеют значение методологич. принципов относительно путей исследования конкретного объекта — значение норм истинного познания. Это и имел в виду Маркс, говоря, что логически мыслить можно только по диалектич. методу. Только диалектика обеспечивает согласие движения мышления с движением объективной реальности.

О диалектике категорий. Понятия «...должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» (там же, с. 136 сл.). Эта «ж и в а я связь всего со всем» (выражение Ленина, там же), очевидно, должна быть раскрыта в определенной последовательности категорий так, чтобы была видна их диалектика. Всякая категория, ввиду своей самопротиворечивости, движется к снятию этого противоречия, что может произойти только в результате появления новой категории. Эта новая категория тоже находится в противоречии сама с собой и в результате снятия этого противоречия приходит еще к третьей категории и т. д.

Т. о., всякая категория становится непрерывна и бесконечна, пока не исчерпает всех своих внутренних возможностей. Когда же эти возможности исчерпаны, мы приходим к ее границе, к-рая уже есть ее отрицание, переход к ее противоположности, а т. к. бесконечность нельзя охватить при помощи конечного числа операций (напр., при помощи прибавления все новых и новых единиц), то, очевидно, указанный предел бесконечного становления может быть достигнут только путем скачка, т. е. скачка из области конечных значений данной категории совершенно в новое качество, в новую категорию, к-рая и является пределом бесконечного становления предыдущей категории.

Исчерпание бесконечных возможностей внутри данной категории, взятое само по себе, ровно ничего не говорит ни о противоречии, лежащем в основе этого исчерпания, ни о выходе к тому пределу этого исчерпания, к-рое является единством противоположностей данной категории с той соседней, в к-рую данная категория переходит. Противоречие, как движущая сила становления, незаменимо никакой другой силой, и без него становление рассыпается в дискретную множественность. Однако здесь нас интересует самый механизм диалектич. перехода, т. е. самый механизм возникновения категорий из противоречия. Пока мы движемся внутри самой категории, противоречие, хотя и остается на каждом шагу, но его не обязательно фиксировать здесь постоянно. Только когда мы исчер-

пали все внутреннее содержание данной категории и натолкнулись на ее границу, на ее предел, только здесь мы впервые начинаем весьма отчетливо констатировать момент реального осуществления противоречия, поскольку в окружности круга, как мы сказали, как раз совпадают противоположности круга и окружающего этот круг фона. Если уже самое простое движение есть единство противоречий (см. В. И. Ленин, там же, с. 130, 253, 342—43) и если в каждом явлении наличны противоречивые силы (см. там же, с. 213—15, 357—58) и самые противоречия подвижны (см. там же, с. 97—98, 132), то естественно искать такое противоречие, к-рое говорило бы само за себя и предстало перед нами как очевиднейший факт и чувств. восприятия и разума. Таким фактом и являлся то, что Ленин называл «границей» или «пределом». Ленин пишет: «Остроумно и умно!» по поводу следующего рассуждения Гегеля: «Нечто, взятое с точки зрения его имманентной границы, — с точки зрения его противоречия с самим собой, какое противоречие толкает его (это нечто) и выводит его дальше своих пределов, есть к о н е ч н о е ... Когда о вещах говорят, что они — конечны, то этим признают, что их небытие есть их натура („небытие есть их бытие“). „Они“ (вещи) „с у т ь, но истина этого бытия есть их к о н е ц“» (там же, с. 98). Т. о., не просто само исчерпание внутреннего содержания категории и переход к ее пределу, граничащему уже с др. категорией, есть сущность диалектич. перехода, но оно есть только конкретный механизм этого последнего и конкретная его картина, в то время как единств. движущей силой движения категории является ее самопротиворечие, и единственной силой, приводящей к пределу, а следовательно, и к др. категории везде и всегда остается только противоречие.

Так, вписанный в круг многоугольник может иметь какое угодно большое количество сторон и в то же время не сливаться с окружностью круга. И только при бесконечном увеличении числа этих сторон в пределе, путем скачка, мы получаем уже не вписанный в окружность круга многоугольник, но саму окружность круга. При этом окружность круга снимает весь процесс увеличения сторон вписанного в этот круг многоугольника и все связанное с ним противоречие и является непосредственной границей с др. геометрич. построениями уже вне круга. Поэтому, переводя точное математич. понятие предела на язык логич. категорий, мы должны сказать, что тайна диалектич. перехода заключается в скачкообразном переходе от бесконечного становления к пределу этого становления, к-рый, будучи границей с др. категорией, тем самым в зародыше уже содержит ее в себе и к-рый, становясь отрицанием данной категории, тем самым начинает переходить к ее противоположности, т. е. уже к новой категории. «Остроумно и умно! Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них есть движение. Конечный? Значит, д в и г а ю щ и й с я к концу! Нечто? — Значит, не то, что другое. Бытие вообще? — значит, такая неопределенность, что бытие=небытию» (там же). Значит, Ленин учит не только о движении понятий, но и о движении их к пределу. А на примере категории «нечто» он констатировал, что достижение предела есть уже начало выхода за этот предел. Ленин с одобрением цитирует Гегеля: «... именно через определение нечто, как предела, уже совершается выход за этот предел» (там же, с. 99).

Возьмем, к примеру, категорию бытия. Пройдем все его виды и вообще все, что в него входит. После этого окажется, что уже больше ничего нет другого. Но раз нет ничего другого, то, следовательно, это бытие ни от чего другого не отличается; ведь после исчерпания всего бытия, как мы сказали, ничего дру-

того вообще не остается. Но если бытие ничем ни от чего не отличается, оно не имеет никакого признака и вообще не есть нечто. Следовательно, такое бытие есть небытие. Др. словами, небытие есть тот предел, к к-рому переходит бытие после своего бесконечного становления и исчерпания и в к-ром оно себя скачкообразно отрицает, переходя в свою противоположность.

Рассмотрим далее категорию становления. Когда становление исчерпало себя, оно приходит к своему пределу, к своей границе. А это значит, что становление остановилось и оказалось теперь уже ставшим. Следовательно, ставшее как категория, есть тот предел, к к-рому переходит становление на путях своего бесконечного развертывания (заметим, что Гегель вместо категории ставшего говорит о Dasein, т. е. о «наличном бытии»).

Возьмем категорию ставшего, т. е. остановку становления, и тоже будем исчерпывать ее бесконечные возможности. Т. к. ничего, кроме бытия, не существует и, следовательно, нет ничего, кроме ставшего бытия, то мы должны полученную нами категорию остановки проводить теперь уже по всему ставшему, т. е. внутри него же самого. А это значит, что ставшее рассыплется у нас на отд. остановки, т. е. превратится в количество, и тем самым все качество (с его бытием, небытием, становлением и ставшим) перейдет в количество.

Нетрудно также показать, что бескачественное количество в результате использования всех своих бесконечных возможностей перейдет к качественному количеству, т. е. мере.

Исчерпание всех бесконечных возможностей бытия вообще, включая все качественные и все количеств. категории, приведет к единственному возможному выходу — к сопоставлению всего бытия как такового с ним же самим. Сопоставлять бытие с чем-нибудь другим мы уже не можем, т. к. все бытие уже нами исчерпано и ничего другого уже нет. Что же касается сопоставления бытия с его отдельными моментами, то этот этап тоже нами пройден (в количестве и в мере). Остается, следовательно, сопоставлять бытие с ним же самим, но уже как с чем-то целым. Исчерпавши все возможности какого-нибудь А, начинаем рассматривать его как таковое, уже вне его всяких внутренних переходов и начинаем видеть, что это А есть именно А, но никак не что-нибудь другое. И когда мы в этом А узнали именно А, это значит, что от бытия этого А мы перешли к его сущности. Тождество есть первая ступень сущности, т. к. сущность есть то, что получается в результате соотношения бытия с ним же самим, его самосотнесенная или, как говорят, его отражения и, в первую очередь, его отражения в нем же самом. Сущность бытия есть, т. о., не что иное, как само же бытие, но только взятое с т. зр. своей самосотнесенности.

Возьмем категорию движения. Движение может представляться с любой скоростью. Исчерпать все эти скорости можно только тогда, когда мы возьмем также и бесконечную скорость. Но тело, движущееся с бесконечной скоростью, сразу и одновременно находится во всех точках своего бесконечно длинного пути. А это значит, что оно покоится. Итак, покой есть движение с бесконечно большой скоростью. А то, что покой есть движение с нулевой скоростью, это элементарно. Следовательно, категория покоя появляется тоже путем скачкообразного перехода к пределу от бесконечного становления его скоростей.

Реальное мышление под давлением фактов и экспериментов на каждом шагу показывает фактически и выражает в определенных понятиях именно переходы, превращения противоположностей друг в друга, формулирует законы, по к-рым эти переходы совершаются.

Итак, каждая из категорий Л. д. отражает какую-либо сторону объективного мира, а все вместе они «... охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» (Ленин В. И., там же, с. 173). Законы и категории диалектики выражают всеобщие свойства, связи, формы, пути и движущую силу развития объективного мира и его познания. Выражая объективную диалектику действительности, категории и законы диалектики, будучи познанными человеком, выступают в качестве всеобщего филос. метода познания мира

Лит.: Маркс К., Критика гегелевской диалектики и гегелевской философии вообще, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956; ег о ж е, Тезисы о Фейербахе, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3; ег о ж е, Ницше философии, там же, т. 4; ег о ж е, Введение, там же, т. 12; ег о ж е, Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. [Rohtentwurf], М., 1939; Энгельс Ф., Карл Маркс. К критике политической экономии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13; ег о ж е, Анти-Дюринг, там же, т. 20; ег о ж е, Диалектика природы, там же; ег о ж е, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, там же, т. 21; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; ег о ж е, Ещё раз о профсоюзам, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина, там же, т. 32; ег о ж е, О значении воинствующего материализма, там же, т. 33; ег о ж е, Философские тетради, там же, т. 38; Дебольский Н. Г., О диалектич. методе, т. 1, СПб., 1872; Житловский И. Х., Материализм и диалектич. логика, М., 1907; Кассирер Э., Познание и действительность, пер. с нем., СПб., 1912; Ильин И. А., Философия Гегеля, как учение о конкретности бога и человека, т. 1—2, М., 1918; Асмус В. Ф., Диалектич. материализм и логика, К., 1924, ег о ж е, Диалектика Канта, 2 изд., М., 1930; Орлов И., Логика формальная, естественно-научная и диалектика, «Под знаменем марксизма», 1924, № 6—7; Гриб В., Диалектика и логика как научная методология (По поводу статьи тов. Перлина), там же, 1928, № 6; Милонюв К., К вопросу о соотношении логики формальной и диалектич., там же, 1937, № 4—5; Лосев А. Ф., Античный восток и совр. наука, М., 1927; ег о ж е, Диалектика художеств. формы, М., 1927; ег о ж е, Философия имени, М., 1927; ег о ж е, Диалектика числа у Платона, М., 1928; ег о ж е, Критика платонизма у Аристотеля, М., 1929; ег о ж е, Очерки античного символизма и мифологии, т. 1, М., 1930 (с. 468—592 о диалектике Платона); ег о ж е, История античной эстетики, М., 1963 (450—461 о диалектике Демокрита); Варьяш А. И., Логика и диалектика, М.—Л., 1928; Топорков А. К., Элементы диалектич. логики, М., 1928; Дынин М. А., Диалектика Гераклита Эфесского, М., 1929; Гегель и диалектич. материализм, М., 1932; Чернышев Б., О логике Гегеля, в сб. ст.: Тр. Моск. госуд. ин-та истории, философии и литературы им. Чернышевского. Филос. факт., т. 9, 1941; Баградзе К. С., К вопросу о соотношении логики и диалектики, «Вопр. философии», 1950, № 2; Астафьев В. К., О двух ступенях в развитии логики, там же, 1951, № 4; Лозовский Б. И., О логике формальной и логике диалектич., там же; Алексеев М. Н., Дискуссия по вопросу соотношения формальной логики и диалектики, «Вестн. МГУ», 1951, № 4; ег о ж е, Диалектика форм мышления, [М.], 1959; ег о ж е, Диалектич. логика как наука, М., 1961; Гоккел и Л. П., Относительно нек-рых вопросов теории логики, в сб. ст.: Тр. Тбилисс. гос. ун-та, т. 45, 1951; ег о ж е, О природе логического, Тб., 1958; Нудубидзе Ш. И., Диалектич. и формальная логика, в сб. ст.: Тр. Тбилисс. гос. ун-та, т. 43, 1951; Тугаринов В. П., Марксистская диалектика как теория познания и логика. Стенограмма публичной лекции, Л., 1952; Гелашвили А. А., К вопросу о законах мышления, Тб.: 1953 (автореф.); Мальцев В. И., Диалектический материализм и вопросы логики, М., 1953 (автореферат); ег о ж е, О некоторых чертах диалектической логики, «Уч. зап. философского ф-та МГУ», вып. 190, 1958; ег о ж е, Место и роль категорий в диалектич. материализме, М., 1960; Юсупов Э., Логические законы и формы мышления в свете диалектического материализма, М., 1954 (автореферат); Розенталь М., Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; ег о ж е, О диалектич. логике, «Коммунист», 1960, № 11; ег о ж е, Ленин и диалектика, М., 1963; Гак Г. М., О соотношении диалектики, логики и теории познания, «Уч. зап. Моск. обл. нед. ин-та», т. 42, вып. 3, 1956; Понилов П. С., Вопрос об отношении логики и диалектики в работах прогрессивных ученых Запада, там же; Категории материалистич. диалектики, под ред. М. М. Розенталя, Г. М. Штракса, М., 1956; Рожин В. П., Марксистско-ленинская диалектич. логика, Л., 1956; Тугаринов В. П., Соотношение категорий диалектич. материализма, Л., 1956; Черетели С. В., О диалектич. природе логич. связи [на груз. яз.], Тб., 1956; Ситковский Е. П., Ленин

о совпадении в диалектич. материализме диалектики, логики и теории познания, «Вопр. философии», 1956, № 2; Зиновьев А. А., О разработке диалектики как логики, там же, 1957, № 4; Иовчук М. Т., Диалектика Гегеля и рус. философия XIX в., там же; Ильенко В. В., К вопросу о противоречии в мышлении, там же; его же, Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960; Шур Э. Б., Учение о понятии в формальной и диалектич. логике, «Вопр. философии», 1958, № 3; Тавадзе И., К марксистско-ленинскому пониманию категорий, Тб., 1957 (автореферат); Библер В. С., О системе категорий диалектич. логики, [Душанбе], 1958; Копнин П. В., Диалектика и противоречия в мышлении, «Вопр. философии», 1958, № 7; его же, Диалектика как логика, К., 1961; Савинов А. В., Логич. законы мышления, (О структуре и закономерностях логич. процесса), Л., 1958; Гортарн Э. Л. и др., Введение в диалектич. логику, пер. с исп., общ. ред. и вступ. ст. Войшвилло Е. К., М., 1959; Горский Д. П., Понятие как предмет изучения диалектич. логики, «Вопр. философии», 1959, № 10; его же, Проблема формально-логич. и диалектич. тождества, там же, 1960, № 8; Групп Р. О., К вопросу о марксистской диалектич. логике как системе категорий, там же, 1959, № 1; Каландаров И. и Гр. М., О соотношении диалектич. логики и логики формальной, Владивосток, 1959; его же, Диалектич. логика об отражении в мышлении объективных противоречий, Тб., 1961 (авторефер.); Колшанский Г., Логика, диалектика и проблемы познания, «Вестн. истории мировой культуры», 1959, № 2; Логич. исследования. Сб. ст. [Редакция Э. Кольман и др.], М., 1959; Маньковский Л. А., В. И. Ленин о диалектике, логике и теории познания, М., 1959; Проблемы диалектич. логики. Сб. ст., М., 1959; Георгиев Ф. И., Категории материалистич. диалектики, М., 1960; Гриценко И. И., Диалектич. материализм о совпадении логики и истории познания, М., 1960 (авторефер.); Куражковская Е. А., Диалектика процесса познания, Лекция, М., 1960; Сарджан В. Х., О единстве диалектики, логики и теории познания, в сб. ст.: Тр. Ин-та философии АН Груз. ССР, т. 9, 1960; Зуев И. В., Диалектич. логика в классич. нем. философии и в марксистско-ленинском, М., 1961; Ребане Я. К., К вопросу об отражении объективной действительности в логич. структуре мышления, «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по философии», 1961, т. 5, вып. 3; его же, Роль диалектич. логики в связи с социальной природой мышления, [М.], 1963 (авторефер.); Диалектика и логика. Формы мышления, М., 1962; Диалектич. логика в экономич. науке, М., 1962; Жука А., В. И. Ленин о разработке диалектич. логики в связи с общим развитием логики, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1962, № 1, 2; Оружейников С. В., Логич. функция категорий диалектики, там же, 1963, № 3; Касымжанов А. Х., Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания, (По «Философским тетрадям» В. И. Ленина), Алма-Ата, 1962; Стэйс У. Т., Мистицизм и логика, «Америка», 1962, № 68; Шелдон У. Г., Принцип полярности, там же; Чересов В. И., Материалистич. диалектика как логика и теория познания, Под ред. Никитина П. И., [М.], 1962; Батищев Г. С., Противоречие как категория диалектич. логики, М., 1963; Габриэльян Г. Г., Марксистская логика как диалектика и теория познания, Ер., 1963; Иванов Е. А., О соотношении законов формальной и диалектич. логики в процессе оперирования понятиями, М., 1963; Кедров Б., Единство диалектики, логики и теории познания, М., 1963; Курсанов Г. А., Диалектич. материализм о понятии, М., 1963; Проблемы логики и диалектики познания, Алма-Ата, 1963; Садовский В. И., Кризис неопозитивистской концепции «логики науки» и антипозитивистские течения в совр. зарубежной логике и методологии науки, в кн.: Философия марксизма и неопозитивизм. Сб. ст., [М.], 1963; Туровский М. Б., Труд и мышление, М., 1963; Уваров А. И., Ленинский принцип объективности в познании и некоторые вопросы диалектич. логики, Томск, 1963; Богомолов А. С., Англо-амер. бурж. философия эпохи империализма, М., 1964; Bradley F. H., The principles of logic, L., 1883; его же, Appearance and reality: a metaphysical essay. 7th impression, L., 1920; Green T. H., Works, vol. 2..., 1900; Cohen H., System der Philosophie. Bd 1, Logik der reinen Erkenntnis, B., 1902; Ovestreet M. A., The dialectic of Plotinus, Berkeley, 1909 (Diss.); Endres J. A., Forschungen zur Geschichte der frühmittelalterlichen Philosophie, Münster, 1945; Stenzel J., Studien zur Entwicklung der platonischen Dialektik von Sokrates zu Aristoteles, Breslau, 1947; Gramann M., Geschichte der Philosophie. Die Philosophie des Mittelalters, B., 1921; его же, Die Geschichte der scholastischen Methode, Bd 1—2, B., 1957; Natorp P., Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften, 2 Aufl., Lpz.—B., 1921; Kollerer R., Von Kant bis Hegel, Bd 1—2, Tübingen, 1921—1924; Sohn J., Theorie der Dialektik, Lpz., 1923; Theodorakopoulos J., Platons Dialektik des Seins, Tübingen, 1927; Wust P., Die Dialektik der Geistes, Augsburg, 1928; Liebert A., Geist und Welt der Dialektik, B.—Lpz., 1929; Margck S., Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, Tübingen, 1929; Sannwald A., Der Begriff der «Dialektik»

und der Anthropologie, Bern, 1931; Hartmann N., Hegel und die Probleme der Realdialektik, «Blätter für deutsche Philosophie», IX, 1935; Foulquie P., La dialectique..., 1949; Guardin R., Dialektische Gegensatz..., 1955; Bröcker W., Dialektik. Positivismus. Mythologie, Fr./M., 1958; Ogermann H., Zur Frage nach dem Wahrheitsgehalt von Dialektik, «Festschrift E. Przywara», 1959, S. 106—125; Wald H., Introdúcere in logica dialecticá, [Buc.], 1959; Sartre J. P., Critique de la raison dialectique, v. I. Théorie des ensembles pratiques, P., 1960; его же, L'être et le néant, P., [1960]; Jasný J., Kategorie marxistické dialektiky, Praha, 1961; Zelený J., O logické strukture Marxova «Kapitálu», Praha, 1962; Bachelard G., La philosophie du non, 3 éd., P., 1962. А. Богомолов. Москва (Л. д. в бурж. философии 2-й пол. 19—20 вв.), П. Копнин. Киев (Л. д. в сов. философии), А. Лосев. Москва (история Л. д., основные принципы и законы Л. д., о диалектике категорий, библиография), Е. Ситковский, А. Спиркин. Москва (предмет и задачи Л. д., о системе диалектич. категорий).

ЛОГИКА ИНДУКТИВНАЯ — раздел логики, в к-ром изучаются логич. процессы перехода от единичного знания к общему. В наст. время анализ этих процессов вошел в круг рассмотрения вероятностной логики как частный случай решения более широкой задачи: определения степени правдоподобия, или вероятности, данного знания на основании нек-рой имеющейся (неполной) информации; это позволяет говорить о вероятностной логике как о совр. форме Л. и. Однако в вероятностной логике не рассматривается ряд методологич. вопросов, возникших еще в традиц. Л. и. Исторически проблематика Л. и. тесно связана с более широкой гносеологич. проблемой выяснения отношения между теоретич. и эмпирич. знанием — вообще, с вопросами логики и методологии наук, непосредственно опирающихся на наблюдения и эксперименты (т. н. эмпирич. науки).

Отношение общего и единичного знания изучалось еще в антич. древности. Уже Сократ ставил вопрос о способах образования общих понятий. В теории умозаключений отношение общего и единичного знания впервые рассматривалось Аристотелем, к-рый описал логич. процесс, получивший впоследствии название индукции и через простое перечисление, и выявил гносеологич. аспект индукции, состоящий в ее связи с чувств. восприятиями. Но Аристотель разработывал прежде всего силлогистику, и индукция интересовала его лишь постольку, поскольку помогала в объяснении процесса получения общих посылок силлогизмов; при этом индукцию он считал неким несовершенным видом вывода. Объясняется это прежде всего особенностями совр. ему науки, в к-рой методы активного опытного исследования не получили еще достаточного развития.

Индуктивная логика Бэкона — Милля. Первой попыткой создания Л. и. как особой области логики, независимой от силлогистики — и, более того, противопоставляемой ей как истинный метод познания, — является логич. учение Ф. Бэкона. Оно явилось выражением запросов и тенденций естествознания нового времени, возникшего интереса к логике и методологии науч. эмпирич. исследования. Под «индукцией» («наведением») Бэкон фактически понимал всякое движение познания от единичного к общему, всякий процесс выработки мысленных обобщений, резюмируемый в понятиях и суждениях. «Наведение» Бэкон противопоставлял силлогизму как процессу использования «готовых», уже выработанных и зафиксированных в языке, абстракций.

Приступая к исследованию обобщающих выводов, Бэкон прежде всего подверг критике индукцию через простое перечисление (см. Популярная индукция), т. к., по его словам, она дает шаткие заключения и подвержена опасности быть опровергнутой противоречащим примером. «Истинным наведением», по Бэкону, является индукция, с помощью к-рой можно открывать «формы», т. е. нечто устойчивое в явлениях,

некую внутр. определенность, обуславливающую ту или иную «природу» вещи, ее внешние свойства. Отношение между «формой» и определяемой ею «природой», по Бэкону, характеризуется следующим: 1) когда имеет место форма к.-л. природы, то и данная природа неизменно присутствует; 2) когда форма удалена, то и данная природа неизменно исчезает; 3) когда форма убавляется или увеличивается, то соответственно убавляется или увеличивается определяемая ею природа. На основании этих свойств отношения формы и природы и должно осуществляться исследование форм. Сопоставляемые факты заносятся в «таблицу присутствия», «таблицу отсутствия» и «таблицу степеней», задачу и цель к-рых он определял как «представление примеров разуму». Центральной логич. идеей таблиц Бэкона является выделение схемы сопоставления двух явлений, ведущей к установлению необходимой связи между ними; эта идея связана, однако, еще с архаич. понятием «формы», идущим от Аристотеля и схоластов. Бэкон рассматривает свои таблицы как приемы открытия. Индукцию он противопоставляет традиц. силлогистике как логике открытия, исследования — логике обоснования, доказательства.

Идеи, заложенные в «Новом Органоне» Бэкона, получили дальнейшее развитие в трудах англ. естествоиспытателя и материалиста Дж. Гершеля. В соч. «Философия естествознания» (J. F. Herschel, Preliminary discourse on the study of natural philosophy, 1830; рус. пер. 1868) Гершель подчеркивает значение науч. обобщения. Указывая, что нахождение законов природы происходит путем установления причинных связей, он выделяет ряд свойств этих связей: 1) неизменность связи причины и следствия и, в частности, неизменность предшествования причины следствию; 2) неизменность отсутствия следствия при отсутствии причины; 3) возрастание или уменьшение следствия с возрастанием или уменьшением интенсивности причины; 4) пропорциональность следствия причине во всех случаях ее прямого, беспрепятственного действия; 5) уничтожение следствия с уничтожением причины. На основании этих признаков Гершель сформулировал правила установления причинных связей.

Последней вехой в эволюции бэконовской линии Л. и. явилось логич. учение Дж. С. Милля. Нек-рые авторы (напр., Л. Лиар, Английские реформаторы логики в XIX в., пер. с франц., 1897; П. Лейкфельд, Логическое учение об индукции..., 1896) утверждают, что целью Милля явилась разработка Л. и. как логики доказательства, а не открытия. На самом же деле для Милля доказательство неотделимо от процесса открытия и является лишь определ. аспектом последнего: получение нового положения в соответствии с определ. логич. правилами (т. е. открытие) есть одновременно и процесс обоснования, доказательства этого положения. При этом гл. задачу своей Л. и. Милль видит в установлении причинных связей явлений; с этой целью он формулирует, развивая идеи своих предшественников, известные *методы исследования причинной связи*. Процесс рассуждения по этим методам представляет собой установление зависимости между эмпирически воспринимаемыми явлениями, осуществляемое посредством сопоставления ситуаций, в к-рых варьируется присутствие, отсутствие и изменение (по степени интенсивности) исследуемых явлений.

Характерной чертой Л. и. Бэкона — Милля является трактовка всякого рассуждения, ведущего от факта к теории, от явлений к закону как индуктивного в своей основе процесса. Такое расшир. понимание индукции ведет к «всеиндуктивизму», подвергнутому критике Энгельсом (см. *Индукция*). С т. зр. «всеиндуктивизма», индукция есть осн. метод естеств. наук; все науки, изучающие эмпирически данные объекты,

рассматриваются как индуктивные. Это истолкование индукции создает иллюзию того, что средства Л. и. являются единственно возможными при движении мысли в процессе формирования науч. знания.

Гипотетико-дедуктивная концепция Л. и. Др. линией развития Л. и. явилось изучение процесса подтверждения некоего общего положения, взятого как *гипотеза*, эмпирически наблюдаемыми фактами. В отличие от бэконо-миллевского направления, стремившегося выявить логич. пути открытия общего знания, целью Л. и. этого типа было установление логич. критериев подтверждаемости (обоснованности) общего знания, взятого как нечто данное, единичными фактами. Обоснование гипотезы происходит как путем сопоставления ее с уже известными эмпирич. фактами, так и с теми фактами, к-рые могут быть установлены в будущем; иначе говоря, обоснование гипотезы предполагает оценку ее с т. зр. эффективности в объяснении имеющихся фактов и в предвидении новых. И то, и другое требует дедукции эмпирически проверяемых следствий, своеобразия к-рой состоит в том, что гипотеза выступает в качестве одной из посылок дедуктивного вывода. Метод обоснования теоретич. обобщений (рассматриваемых в качестве гипотез) при помощи дедукции из них эмпирически проверяемых следствий наз. г. и. п. о. т. е. т. и. к. о. д. е. д. у. к. т. и. в. н. ы. м. е. т. о. д. о. м. Идея этого метода содержится уже в высказываниях итал. философа 16 в. Цабареллы и работах Галилея. Оба мыслителя проводили аналогию между проверкой вновь открытых науч. законов и решением задач в геометрии методом анализа, описанным антич. математиком Папом, усматривая сходство обоих процессов в том, что в обоих случаях имеет место вывод следствий из еще не доказанных положений и подтверждение этих следствий путем сопоставления с известными данными. Как оформленная концепция гипотетико-дедуктивный метод нашел свое выражение в работах Лейбница (см. L. Couturat, *La logique de Leibniz d'après des documents inédites*, 1901), к-рый также уподоблял проверку естеств.-науч. законов методу анализа Папа. Лейбниц уже прямо ставит вопрос об условиях наибольшей обоснованности гипотезы и формулирует эти условия (см. *Вероятностная логика*). Систематич. изложение Л. и., основанной на гипотетико-индуктивном методе, содержится в работах У. Эввелла.

Аналогичные идеи Л. и. в 19 в. развивали нем. философ Э. Апельт, *Джевонс*, *Зигварт* и др.

В. Швырев. Москва.

Современная Л. и. В 20 в. в связи с развитием математич. логики возникает совр. форма Л. и., исторически связанная с обоими указанными выше направлениями Л. и., особенно с гипотетико-дедуктивным методом. Гл. задачей совр. Л. и. является разработка средств для оценки степени логич. связи одних высказываний (называемых гипотезами) с другими, истинность к-рых известна. Получение такой оценки наз. индуктивным выводом. Индуктивный вывод понимают также и в более узком смысле: как заключение об истинности гипотезы, к-рая «в большой степени» следует из имеющихся знаний. В случае, когда это следование является логическим, вывод становится дедуктивным. Если же гипотеза имеет форму общего закона, а наши знания — форму высказываний об отд. наблюдениях, мы имеем дело с уточненной формулировкой осн. проблемы традиц. Л. и. — проблемы получения вывода от частного к общему. При исследовании индуктивного вывода уточнение традиц. постановки вопроса происходит в основном в двух направлениях: 1) если в традиц. логике речь шла только о двоякой возможной оценке гипотезы (либо о ее принятии, либо о ее отклонении),

то в совр. Л. и. имеет место более гибкая — многозначная — оценка приемлемости гипотезы; 2) если в Л. и. 18—19 вв. не рассматривались способы получения статистич. законов, то в совр. Л. и. эти способы становятся предметом спец. исследования; кроме того, в совр. Л. и. уточняются различные понятия и методы, возникшие в традиц. Л. и.: методы Милля, выводы по аналогии, само понятие гипотезы и т. д.

В формализованном языке, в к-ром определено понятие логич. следования, степень связи между гипотезой h и знанием e есть нек-рая функция $C(h, e)$ (наз. степенью подтверждения, или C -функцией), удовлетворяющая условию $0 \leq C(h, e) \leq 1$; $C(h, e)$ равна 1, если h логически следует из e , и $C(h, e)$ равна 0, если h логически противоречит e . В различных системах Л. и. в основу кладутся разные определения C -функции. В частности, в нек-рых системах степень подтверждения оценивается не количественно, а лишь сравнительно, в терминах «больше — меньше»; при этом все определения удовлетворяют аксиомам теории вероятности (см. *Вероятность*). Такой подход соответствует содержательно-интуитивному пониманию степени подтверждения: чем сильнее связано h с e , тем больше вероятность того, что h истинно, при условии, что e истинно. В своих исследованиях (в обоих вышеуказанных направлениях) Л. и. существенно опирается на теорию вероятностей, выступающая в качестве вероятностной логики.

В наст. время определения C -функции даны лишь для языков с одноместными предикатами. Одной из осн. задач Л. и. является построение C -функций для более богатых формализованных языков, приближающихся к языку совр. науки. Др. задачей Л. и. является выбор из множества C -функций, возможных в данном языке (т. е. удовлетворяющих аксиомам теории вероятностей), одной конкретной C -функции. Этот выбор зависит уже не от свойств данного языка (т. к. различные возможные C -функции формально равноправны), а от реальной практики науки. Задача состоит в том, чтобы выбрать C -функцию, подтверждающую гипотезы в степени, соответствующей практич. частоте истинности этих гипотез.

Исследования в области совр. Л. и. принадлежат *Рейхенбау*, *Карнапу* (оба они построили числовые определения C -функций), *К. Гемпелю* (к-рый ввел понятие функций подтверждения), *Кемени*, *И. Бар-Хиллелю* и др. Предшественниками совр. идей в Л. и. можно считать англ. логика 19 в. *Дж. Вейна* и *Кейнса*. В последнее десятилетие круг проблем Л. и. расширился. Определилась связь Л. и. с теорией информации, в терминах которой хорошо формулируются проблемы, связанные с экспериментальной проверкой гипотез: из множества возможных экспериментов, служащих проверке гипотезы, следует выбирать, очевидно, тот, высказывание об исходе к-рого несет наибольшую информацию. При выборе последовательности экспериментов необходимо учитывать, что суммарная информация, содержащаяся в высказываниях об их результатах, тем больше, чем в большей степени выбранные эксперименты независимы друг от друга. В данном случае информац. критерий оказывается уточнением традиц. требования разнообразия примеров при проверке гипотез. Тенденция развития Л. и. указывает на то, что в ходе дальнейшего развития Л. и. информац. подход будет играть все большую роль. *О. Кузнецов*. Москва.

Методологический аспект Л. и. Традиц. Л. и. носила ограниченный характер. Сформулированные в ее рамках понятия индуктивного обобщения, индуктивных методов (Бэкон — Милль) и логич. оправдания гипотез выражали лишь относительно несложные логич. процессы. Не осознав значения образования науч. абстракций и их роли в обосновании общего знания, представители традиц. Л. и. сводили процесс формирования последнего либо к эмпирич. обобщению или сопоставлению результатов

единичных наблюдений и экспериментов, либо к применению гипотетико-дедуктивного метода, в к-ром дедукция выступала в качестве «обратного применения индукции». Оба аспекта традиц. Л. и. носили «всендуктивистский» характер.

С диалектико-материалистич. т. зр. процесс получения новых научно-теоретич. положений не может быть объяснен средствами одной лишь Л. и., поскольку существо процесса науч. открытия и доказательства не сводится к установлению эмпирич. законов, а характеризуется прежде всего вычлениением нового мысленного содержания — образованием науч. понятий и систем понятий, к-рые объединяют полученные эмпирич. данные в цельную и строгую теоретич. систему.

Неспособность традиц. Л. и. объяснить весь процесс формирования научно-теоретич. знания и явилась причиной того, что совр. Л. и. отказалась от претензии быть учением, объясняющим, как происходит в науке открытие ее законов, и сосредоточила свое преимуществ. внимание на изучении вопросов, касающихся оценки вероятности гипотезы относительно подтверждающей ее информации. Такое ограничение задачи совр. Л. и. вполне оправдано с т. зр. ее исходных абстракций. Однако у ряда зарубежных логиков-неопозитивистов оно сопровождается принципиальным отказом от логич. исследования процессов получения нового знания в науке, неправомерным отрицанием возможности анализа этих процессов. Противопоставление процесса открытия нового знания (изучение к-рого они предоставляют психологич. логич. исследованию знания в конечном счете приводит к отказу вообще от логич. анализа этого процесса. Попытки же логиков-неопозитивистов решить гносеологич. проблему связи общего теоретич. знания с эмпирич. знанием в отвлечении от процессов выработки новых абстрактных понятий исключительно путем логич. анализа подтверждения гипотез, как показывают их собственные логич. исследования, сталкиваются с рядом трудностей (см. В. С. Швырев, Критика неопозитивистской концепции индуктивной логики, «Вопр. философии», 1961, № 3). Действительное решение этой проблемы возможно лишь в рамках диалектико-материалистического учения о взаимодействии «дедуктивного» (предполагающего применение сложившейся системы теоретич. понятий) и «индуктивного» (включающего в себя учет не укладывающихся в эту систему новых эмпирич. фактов и обобщений) процессов. Существо этого взаимодействия составляет активная, творческая деятельность мышления по выработке новых абстракций, приводящая к возникновению новых теоретич. систем, более глубоко, чем предшествующие им, отражающих действительность. *См. Теория познания, Истина.*

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955 (см. по указателю на сл. «Индукция» и «Гипотеза»); Аристотель, Аналитики первая и вторая, М., 1952; Евклид, Начала..., пер. с греч. и комментарии Д. Д. Мордухай-Болтовского, М.—Л., 1950, кн. 13; В ладиславлев М. И., Логика, СПб., 1881, отд. 3; Д ж е в о н У. С., Элементарный учебник логики..., СПб., 1881; У э т е р л. Ф. Э., Основы индуктивной и дедуктивной логики, пер. с англ., К.—Х., 1894; М и л л ь Д. С., Система логики силлогистич. и индуктивной, пер. с англ., М., 1914; Б а к р а д з е К., Логика, Тб., 1951, гл. 8; М о с к а л е н к о Ф. Я., Учение об индуктивных выводах в истории рус. логики, К., 1953; У ё м о в А. И., Индукция и аналогия, Иваново, 1956; Филос. вопросы совр. формальной логики, [Сб. ст.], М., 1962; W h e w e l l W., Philosophy of the inductive science..., v. 1—2, L., 1840; е г о ж е, On the philosophy of discovery..., L., 1860; L a l a n d e A., Les théories de l'induction et l'expérimentation, P., 1929; F e i g l H., The logical character of the principle of induction, «Philos. Sci.», 1934, v. 1; H e m p e l C., Studies in the logic of confirmation, «Minds», 1945, v. 54, № 213; K n e a l e W., Probability and induction, Oxf., 1949; R e i c h e n d a c h H., The theory of probability, 1949; K r a f t V., Der Wiener Kreis, W., 1950; C a r n a p R., Logical foundations of probability, Chi., 1950; е г о ж е, Continuum of inductive methods, Chi., 1952; К е м е н ы

J. G., Extension of methods of inductive logic, «Philos. Studies», 1952, v. 3, № 3; Braithwaite R. B., Scientific explanation, Camb., 1953; Wright C. N., The logical problem of induction, 2 ed., Oxf., 1957; Carnap R., Induktive Logik und Wahrscheinlichkeit, W., 1959; Примаковский А. П., Библиография по логике, М., 1955. В. Шайрев. Москва.

ЛОГИКА КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ — логика, все законы к-рой применимы в рассуждениях об объектах микромира и в частности об объектах, рассматриваемых в квантовой механике (отсюда и название этой логики). Обычная классич. логика не может служить логикой рассуждений о микрообъектах, т. к. классич. исчисление высказываний — эта основа классич. логики — является т. н. булевой алгеброй (см. *Алгебра логики*) и применимо лишь к таким областям знания, в к-рых к каждому высказыванию может быть отнесено одно и только одно из двух значений истинности: «истинно», «ложно» (если это обычное двузначное исчисление высказываний), приписана одна и только одна степень вероятности (если это вероятностная логика, являющаяся т. н. булевой алгеброй с мерой). Но в квантовой механике ни первое, ни второе условие не выполняется; напр., конъюнкция высказываний (а) « q есть координата нек-рой частицы, полученная в результате измерений, выполненных в момент времени t_1 » и (б) « p есть импульс той же частицы, полученный в результате измерений, выполненных в момент t_2 », теряет смысл, если $t_1 = t_2$, что объясняется тем, что в этом случае теряет смысл (становится неопределенным) одно из этих высказываний, т. к. в силу принципа неопределенности (см. *Микрочастицы*) невозможно одновременно измерить импульс и координату одной и той же частицы. Отсюда следует ограниченность применения в квантовой механике классич. логики; применяя последнюю, нужно каждый раз уметь определить, выполняются ли для соответствующих высказываний квантовой механики указанные выше условия. Такое определение предполагает, что имеется правило, позволяющее нам, с большей или меньшей степенью формализации, произвести обрисованный выше содержательный анализ высказываний квантовой механики. Формулировка этого правила, к-рая может быть достаточно сложной, и составляет, по существу, главную задачу Л. к. м. Поскольку это правило можно формулировать различным образом, допустимы — и действительно уже построены — различные логич. системы, формализующие рассуждения о микрообъектах. Общей чертой этих логич. систем является то, что в них не предполагается в общем случае действие отмеченных выше условий применимости классич. логики высказываний, что и приводит к ряду существенных отличий Л. к. м. от классич. логики. Так, в Л. к. м., построенной амер. математиками Г. Биркгофом и Дж. Нейманом, не выполняются в общем случае, даже для конечной области, *дистрибутивности законы* (однако эти законы сохраняют свою силу для одновременно наблюдаемых свойств, вообще для этих свойств сохраняет свое действие обычная классич. логика). Др. примером Л. к. м. является логич. система описания микрообъектов, предложенная Рейхенбахом. Последний пошел по пути отнесения к высказываниям наряду с истинностью и ложностью еще и третьего значения истинности, к-рое можно истолковать как *неопределенность*, и построил нек-рую своеобразную трехзначно-двузначную логику. В логике Рейхенбаха сохраняются закон тождества, законы дистрибутивности и закон противоречия (причем даже в нескольких формах), но закон исключенного третьего теряет силу (для всех рассматриваемых в этой логике различных операций отрицания).

Во всех системах Л. к. м. для физически осмысленных высказываний принципиально предусмотрен пе-

реход к обычной классич. двузначной логике. В силу этого, как правило, нет оснований применять системы Л. к. м. в конкретных исследованиях теоретич. или экспериментальной физики, поскольку в таких исследованиях необходимый содержательный анализ высказываний об объектах микромира можно выполнять и не прибегая к (более или менее) формализованной в логике правилам, а используя лишь средства физич. эксперимента и заменяющие его математич. построения. Однако для более широких целей, в частности для философского анализа осн. понятий и методов квантовой механики, Л. к. м. представляет несомненный интерес, т. к. она доставляет системы правил, позволяющих отличать высказывания, имеющие физич. смысл в квантовой механике, от высказываний, не имеющих такого смысла, и оперировать со всеми этими высказываниями строго логически.

Лит.: Биркгоф Г., Теория структур, пер. с англ., М., 1952; Кузнецов Б. Г., Об основах квантово-релятивистской логики, в сб.: Логич. исследования, М., 1959; Зиновьев А. А., Филос. проблемы многозначной логики, М., 1960, с. 41—46; Birkhoff G. und Neumann J. von, The logic of quantum mechanics, «Annals Math.», 1936, v. 37; F é v r i e r P., Les relations d'incertitude de Heisenberg et la logique, «Comt., Rend. Acad. Sci.», 1937, t. 204, № 7; e e ж e, Sur une forme générale de la définition d'une logique, там же, № 12; R e i c h e n b a c h H., Philosophic foundations of quantum mechanics, Berkeley—Los Ang., 1946. В. Пятницын. Москва.

ЛОГИКА КЛАССОВ — раздел математич. логики, соответствующий такому усилению логики высказываний, при к-ром элементарные высказывания уже не рассматриваются только как нерасчленяемое дальше целое, а имеют специфич. субъектно-предикатную форму, характеризующуюся тем, что *понятия*, входящие в элементарные высказывания, отождествляются с их объемами, т. е. с классами (множествами) объектов. [В нек-рых совр. курсах математич. логики (см., напр., W. Quine, Mathematical logic, 1940, или P. Л. Гудстейн, Математическая логика, пер. с англ., 1961) под Л. к. понимается вообще определ. образом формализованная *множеств теория*, т. е. Л. к. рассматривается как расширение не логики высказываний, а *предикатов исчисления*].

Отождествление понятия с его объемом в Л. к. предполагает, во-первых, что *содержание* ем понятия является не отношение, а свойство. (В логике предикатов свойства выражаются одноместными предикатами, отношения же — не менее чем двуместными). Два свойства P и Q — такие, что всякий предмет, обладающий одним из них, обладает и другим (определяющие, иными словами, один и тот же класс предметов), предполагаются, далее, неразличимыми средствами Л. к., т. е. все, что может быть сказано на «языке» Л. к. об одном из них, может быть сказано и о другом. Таковыми будут, напр. (в арифметике натуральных чисел), свойства: «быть четным простым числом» и «быть числом, следующим за единицей» (оба им соответствуют один и тот же класс натуральных чисел, состоящий из одного лишь числа 2).

Чтобы сделать возможными более широкое применения Л. к. (особенно математические) и облегчить, наоборот, применение математики (в к-рой «0», обозначающий пустоту нек-рого множества объектов, трактуется как число объектов этого множества) к решению задач логики, в Л. к. *пустой класс* также причисляется обычно к числу классов любой предметной области (последняя, наоборот, предполагается непустой). Пустой класс считается при этом частью всякого класса: включается как часть во всякий класс (см. *Пустое*). В т. н. классической Л. к., помимо *пустого класса*, вводится еще и *универсальный класс*, состоящий из всех объектов подлежащей рассмотрению предметной области.

Задачей Л. к., рассматриваемой как расширение «классической» логики высказываний (только о такой

Л. к. и будет идти речь), является уточнение формы элементарного высказывания и соответствующие обобщения понятия «закона логики» (тождественно-истинной формулы) и правил логики. вывода следствий из данных посылок. Как и в логике высказываний, вопрос о том, является ли данное заключение Z логич. следствием из посылок P_1, P_2, \dots, P_k , сводится к вопросу о том, является ли формула Л. к. вида $(P_1 \supset (P_2 \supset \dots \supset (P_k \supset \Phi) \dots))$ (где $P_1, P_2, \dots, P_k, \Phi$ — логич. формы высказываний P_1, P_2, \dots, P_k, Z) «законом Л. к.» или нет. Решение же последнего вопроса удаётся свести к решению ряда аналогичных вопросов из логики высказываний, т. е. и в Л. к. разрешенная проблема оказывается разрешимой: существует алгоритм, позволяющий по форме выражения, записанного на «языке» Л. к., ответить «да» или «нет» на вопрос о том, является ли оно тождественно-истинной формулой («законом») Л. к. или нет.

Уточнение формы элементарного высказывания в Л. к. может производиться по-разному. В соответствии с задачами Л. к. оно должно содержать, однако, формы выражения сложных классов, построенных из к.-л. классов, принятых за элементарные. Это значит, что определению «формулы Л. к.» должно предшествовать определение «терма Л. к.».

Чтобы терм действительно мог служить выражением способа построения класса из элементарных классов, определению термина, в свою очередь, должно предшествовать еще рассмотрение о п е р а ц и й с классами. Это рассмотрение выполняется содержательно — с использованием отношения элемента класса к самому классу (соответственно, предмета к его свойству), к-рое в Л. к. еще не выражено. (В Л. к. вообще нет никаких предметов, отличных от «классов». По свойствам операций с классами в ней уже выражены). Осн. операциями обычно считаются: (1) п е р е с е ч е н и е классов α и β , т. е. класс $(\alpha \cap \beta)$, состоящий из всех тех и только тех элементов, к-рые содержатся в обоих классах α и β ; (2) о б ъ е д и н е н и е классов α и β , т. е. класс $(\alpha \cup \beta)$, состоящий из всех тех и только тех элементов, к-рые содержатся хотя бы в одном из классов α или β ; (3) д о п о л н е н и е класса α , т. е. класс α' , состоящий из всех тех и только тех элементов универс. класса, к-рые не содержатся в классе α .

Чтобы определить терм, остается еще расширить алфавит логики высказываний, добавив, напр., к нему: (1) к.-л. буквы a, b, c, \dots (или те же буквы с индексами), к-рых нет в алфавите логики высказываний, — п е р е м е н н ы е для к л а с с о в, или «кл.-переменные», значениями к-рых могут быть классы (иногда добавляют еще и знаки для постоянных: 0 — для пустого класса и 1 — для универс. класса); (2) знаки: $\cap, \cup, '.$ Определение термина может быть теперь таким: 1) кл.-переменная есть терм (если в алфавите есть 0 и 1, то они, по определению, также считаются термами), 2) если u и v — термы, то $(u \cap v)$, $(u \cup v)$ — также термы; если u — терм, то u' также терм.

Чтобы определить форму элементарного высказывания Л. к., нужно еще иметь в алфавите знаки для нек-рых постоянных отношений, напр., « \subset » — для отношения включения одного класса в другой и « $=$ » — для равенства классов. (Оба эти отношения, каждое из к-рых может быть выражено через другое, содержательно определяются обычно тоже через отношение элемента к классу: «класс α включается в класс β » (« $\alpha \subset \beta$ »), если и только если каждый элемент класса α есть элемент β ; «класс α равенся классу β » (« $\alpha = \beta$ »), если и только если всякий элемент одного из этих классов есть также и элемент другого. Элементарную формулу Л. к. теперь можно определить так: если u и v — термы, то $(u \subset v)$ и $(u = v)$ — элементарные формулы. В остальном определение формулы Л. к. в точности повторяет определение формулы логики высказываний.

Четыре аристотелевы формы элементарных высказываний (А, I, E, O) на этом «языке» Л. к. могут быть выражены так: «Все u суть v » как $(u \subset v)$; «Нек-рые u суть v » как $\neg (u \subset v')$ (т. е. «неверно, что все u суть не- v »); «Никакое u не есть v » как $(u \subset v')$ (т. е. «всякое u есть не- v »); «Нек-рые u не суть v » как $\neg (u \subset v)$ (т. е. «неверно, что все u суть v »).

В соответствии с содержат. истолкованием («семантической») Л. к. элементарные формулы Л. к. могут быть тождественно-истинными, и притом «тождественно-истинными» (или «общезначимыми») в нек-ром расширенном смысле. Так, напр., формула $((a \cap b) \subset a)$, в нашем истолковании гласящая, что «Всякий элемент, содержащийся в обоих классах α, β , подставляемых на место переменных a и b , содержится в классе α , подставляемом на место a », истинна не только для любых классов α, β к.-н. данной области D , но и для всяких классов α, β л ю б о й области D . В Л. к. всякая формула, обладающая тем свойством,

что она является истинной при любых значениях входящих в нее переменных, и притом в любой области D , и называется «тождественно-истинной», или «общезначимой».

Если область D содержит лишь один предмет, в ней возможны лишь два класса: пустой (0) и универсальный (1). Всякая кл.-переменная может принимать поэтому в такой области лишь 2 значения: 0 и 1. Таблицы возможных значений для термов $(u \cap v)$, $(u \cup v)$, u' , 1, 0, соответствующие их семант. истолкованию, примут в таком случае в точности тот же вид, какой имеют соответственно таблицы для формул $(u \& v)$, $(u \vee v)$, $\neg u$ при истолковании u и v как формул логики высказываний, «единицы» и «нуля» как «истинны» и «лжи». Аналогично таблица возможных значений элементарной формулы $(u \subset v)$ будет иметь тот же вид, что и таблица для импликации $(u \supset v)$ в логике высказываний; таблица для формулы $(u = v)$ — тот же вид, что и таблица для эквивалентности $(u \equiv v)$.

Поэтому если мы заменим в Φ , формуле Л. к., все элементарные формулы соответствующими им формулами логики высказываний (т. е. все знаки $\cap, \cup, \subset, =$ на $\&, \vee, \supset, \neg, \equiv$ соответственно), то получим формулу Φ^* логики высказываний, равнозначную (в смысле истинности или ложности) формуле Φ , когда последняя рассматривается в одноэлементной области. При этом оказывается (см. D. Hilbert und W. Ackermann, Grundzüge der theoretischen Logik, 1959, S. 51—56), что если (1) Φ — элементарная формула Л. к., то вопрос о ее тождественно-истинности в Л. к. сводится к вопросу о тождественно-истинности в логике высказываний формулы Φ^* . [Так, вопрос о тождественно-истинности в Л. к. формулы $((a \cap b) \subset a)$ сводится к вопросу о тождественно-истинности в логике высказываний формулы $((a \& b) \supset a)$. Аналогично обстоит дело для формул (в к-рых, согласно обычным соглашениям, скобки можно опустить) видов: (II) $\neg \mathfrak{A}$ и вообще (III) $(\neg \mathfrak{A}_1 \vee \neg \mathfrak{A}_2 \vee \dots \vee \neg \mathfrak{A}_n)$, (IV) $(\neg \mathfrak{A} \vee \mathfrak{B})$ и, более общо, (V) $(\neg \mathfrak{A}_1 \vee \dots \vee \neg \mathfrak{A}_n \vee \mathfrak{B})$, где $\mathfrak{A}, \mathfrak{A}_1, \mathfrak{A}_2, \dots, \mathfrak{A}_n, \mathfrak{B}$ — элементарные формулы. И только в случае формулы вида (VI) $(\mathfrak{B}_1 \vee \dots \vee \mathfrak{B}_m \vee \mathfrak{A}_1 \vee \mathfrak{A}_2 \vee \dots \vee \mathfrak{A}_n)$, ($n \geq 2, m \geq 0$), где все $\mathfrak{A}_1, \dots, \mathfrak{A}_n, \mathfrak{B}_1, \dots, \mathfrak{B}_m$ — элементарные формулы, вопрос о ее общезначимости в Л. к. не сводится к вопросу об общезначимости в логике высказываний соответствующей формулы Φ^* , а решается путем сведения к вопросу об общезначимости хотя бы одной из n формул: $(\mathfrak{B}_1 \vee \dots \vee \mathfrak{B}_m \vee \mathfrak{A}_1), \dots, (\mathfrak{B}_1 \vee \dots \vee \mathfrak{B}_m \vee \mathfrak{A}_n)$, т. е. к случаю (V). Поскольку всякую формулу Л. к. можно привести (относительно ее элементарных формул) к конъюнктивной нормальной форме, члены к-рой всегда имеют один из видов (I)–(VI), то вопрос об общезначимости формулы Л. к. действительно сводится к вопросу об общезначимости нек-рых формул логики высказываний, т. е. решается алгоритмически (см. Алгоритм)].

Всякому модусу силлогистики Аристотеля, если \mathfrak{A}_1 и \mathfrak{A}_2 — посылки, \mathfrak{B} — заключение, соответствует формула Л. к.: $((\mathfrak{A}_1 \& \mathfrak{A}_2) \subset \mathfrak{B})$, к-рая для всех модусов, за исключением *darapti, felapton, bamalip* и *cesaro*, оказывается тождественно-истинной в Л. к. Последние 4 модуса неверны в Л. к. потому, что в ней допускаются пустые классы, к-рых нет у Аристотеля. Однако если ввести соответствующую оговорку, т. е. добавить к числу посылок нужное допущение непустоты нек-рого класса, то и эти модусы дают правильное заключение в Л. к. (На «языке» Л. к. можно выразить непустоту класса α , сказав, что «Нек-рые a суть α », т. е. что «Неверно, что все a суть не- α »: $\neg (a \subset \alpha')$. Если бы α был пустой класс, то было бы верно, в частности, что «Все a суть не- α »).

Исторически — в трудах Лейбница, Иоганна и Даниэля Бернулли (конец 17 — нач. 18 вв.), Буля, Девонсона, Шрёдера, Пирса, Порецкого, Дж. Венна и др. (2-я

пол. 19 в.) — Л. к. возникла и развивалась в результате попыток свести решение логич. задач силлогистики Аристотеля к решению нек-рых задач арифметики, алгебры или геометрии. Именно для целей Л. к. была построена алгебра Буля (1854), сыгравшая существенную роль в развитии совр. абстрактной алгебры. Именно в применении к Л. к. появились первые приемы наглядного геометрич. решения задач логики: «круги» Эйлера и диаграммы Венна. Проблема разрешения для логики классов была решена впервые — на основании подготовивших ее решение работ Э. Шрёдера (1890—95) — *Лёвенгеймом* (1915). Более сильные результаты, относящиеся к расширенной Л. к. (допускающей и классы классов) или к эквивалентности ей логич. исчислениям, были получены в дальнейшем Т. Сколемом (1919), нем. математиком Г. Беманом (1922), *Жезгалкиным* (1928—29) и др. Очень простые и остроумные решения предложены нем. ученым В. Аккерманом и — для формализованной силлогистики Аристотеля — *Лукасевицем*.

В наст. время Л. к. редко излагается уже как особый раздел совр. (математической) логики, поскольку ее задачи полностью решаются в логике предикатов (где ей соответствует логика одноместных предикатов); силлогистика же Аристотеля находит лучшее выражение в специально посвященном ее формализации исчислении Лукасевича.

Будучи таким усилением исчисления высказываний, в к-ром осн. логич. задачи остаются еще алгоритмически разрешимыми, Л. к. находит широкие применения в технике, прежде всего к синтезу машин, моделирующих нек-рые операции человеческого мышления.

Лит.: К у т я р а Л., Алгебра логики, пер. с франц., О., 1909; Ж е г а л к и н И. И., Арифметизация символьч. логики, Матем. сб., т. 35, вып. 3—4, 1928; т. 36, вып. 3—4, 1929; Г и л ь б е р т Д., А к к е р м а н В., Основы теоретич. логики, пер. с нем., М., 1947; гл. 2 и значительно усовершенствованное 4-е изд., Берлин, 1959, гл. 2; Б и р к о ф Г., Теория структур, пер. с англ., М., 1952; К л и н И. С., Введение в метаматематику, М., 1957 (содержит подробную библиографию, в к-рой, в частности, имеются данные об упомянутых в тексте работах Бемана, Буля, Лёвенхейма, Сколема, Шрёдера); Л у к а с е в и ч Я., Аристотелевская силлогистика с точки зрения совр. формальной логики, пер. с англ., М., 1959; В е р к л и Э., Символическая логика и разумные машины, М., 1961; A c k e r m a n W., Solvable cases of the decision problem, Amst., 1954, ch. 3—4. С. Яновская. Москва.

ЛОГИКА КОМБИНАТОРНАЯ — одно из направлений логики, занимающихся ее основаниями, т. е. такими осн. понятиями и методами, к-рые при построении формальных логич. систем или исчислений предполагаются обычно не нуждающимися в пояснениях (содержательно понятными) и не анализируются. Особое внимание уделяется при этом понятиям *переменной*, *функции*, *множества*, различению типов переменных (предметные, предикатные, пропозициональные и др.), правилу подстановки, логич. антиномиям.

В системах *математической логики* (призванных формализовать логич. выводы) правила вывода, хотя и формулируются содержательно, но, по идее, должны быть вполне доступны для одноактного автоматич. выполнения. Нек-рые из них, вроде известного *modus ponens*, позволяющего из выведенных уже формул A и $(A \supset B)$ вывести формулу B , представляются непосредственно удовлетворяющими этому требованию. В др. случаях, прежде всего для правила подстановки (особенно на место предикатных переменных), формулировка правила настолько сложна (требует введения ряда новых терминов, проверки выполнения или невыполнения трудно формулируемых условий), что даже квалифицированному специалисту бывает нелегко решить вопрос о ее корректности. Выполнить такое правило поэтому во многих случаях отнюдь не просто. В Л. к. правило подстановки сводится к цепочке правил, не более сложных, чем *modus ponens*. Анализ выявляет трудности и в др. упомянутых выше

понятиях, формализацией (или устранением) к-рых и занимается Л. к.

История Л. к. начинается с труда сов. математика М. И. Шейнфинкеля «О кирпичиках матем. логики» [(M. Schönfinkel, Über die Bausteine der mathematischen Logik, «Math. Ann.», 1924, Bd 92); краткое пояснение смысла исходных функций Шейнфинкеля имеется в статье С. А. Яновской «Основания математики и математическая логика» (см. сб. «Математика в СССР за тридцать лет 1917—1947», 1948, с. 31—33)], положившего в основу логики нек-рые три индивидуальные функции C , S , U (рассматриваемые как особые предметы, отличные от значений функций) и одну операцию: приложения функции к аргументу (к-рым может быть и функция), обозначаемую только тем, что знак аргумента ставится непосредственно за знаком функции. Функции от n аргументов (n -местные функции) сводятся Шейнфинкелем к функциям от одного аргумента (к одноместным функциям). Задание же последних не предполагает у него (в отличие от того, как это принято в т. н. классич. математике) предвзят. задания множеств значений аргументов и значений функции. Понятие функции оказывается, т. о., независимым от понятия множества, с к-рым связаны большие трудности (см. *Парадокс*). Шейнфинкель полагал, что введенных им функций C , S , U достаточно для представления любых выражений математич. логики (в т. ч. и содержащих кванторы «все» и «существует») в виде слов в алфавите, состоящем только из трех латинских букв C , S , U и скобок. Выражения логики должны были сводиться, т. о., к комбинациям (с повторениями) из букв C , S , U (и скобок), откуда и название «Л. к.» (предложенное в 1930 Х. Кёрри). Употребление же переменных должно было быть вообще исключено из логики.

Чтобы показать на простом примере, как это делается, рассмотрим комбинатор A такой, что $Axy = x + y$, и комбинатор C такой, что $Cfx = fx$; [приложение комбинатора A к аргументам x , y дает $x + y$; приложение комбинатора C к $f(x, y)$ дает $f(y, x)$ — в более обычных обозначениях]. Сумму $y + x$ в таком случае можно выразить как $CAxy$. Тождество $x + y = y + x$ выражается при этом в виде $Axy = CAxy$. И если (как это делается обычно в математике) трактовать тождественное равенство $f(x_1, \dots, x_n) = g(x_1, \dots, x_n)$ как другое выражение для того, что $f = g$ (т. е. считать, что функции f и g , относящиеся обе одна и те же объекты к одним и тем же значениям аргументов, отождествляются нами), то другим выражением для тождества $x + y = y + x$ будет $A = CA$ — формула, не содержащая переменных.

Как показало дальнейшее развитие идей Шейнфинкеля, их осуществление — в применении к той части Л. к., к-рая призвана была заменить уже и оперирование с кванторами, — оказалось отнюдь не столь простым, как это представлялось их автору, и потребовало дальнейших исследований. Среди последних выделяются прежде всего работы Кёрри.

Первые работы Кёрри по Л. к. появились в 1929—30. В них он пользовался системой исходных функций («комбинаторов»), отличной от введенной Шейнфинкелем, а также разработал технику вывода для Л. к., к-рой не было у Шейнфинкеля. Непротиворечивость той части системы Л. к., в к-рой еще нет аналога для кванторов (т. н. «чистой» Л. к.), также была доказана в этих работах Кёрри. В это же время Чёрчем было разработано его исчисление λ -конверсии, в к-ром были получены первые в истории науки доказательства неразрешимости нек-рых массовых проблем (см. *Алгоритм. Разрешения проблемы*). В диссертации «Математическая логика без переменных» (J. B. Rosser, A mathematical logic without variables, 1935) амер. математик Россер показал эквивалентность Л. к. и исчисления λ -конверсии. В том же 1935 Клини и Россер обнаружили противоречие в первоначальной системе Чёрча, к-рое, т. о., оказалось имеющим место и в применении к Л. к.: не

к «чистой», а к «заключительной» (illative), включающей импликацию и аналоги для кванторов. Чтобы избежать этого противоречия, «заключительную» Л. к. приходится строить либо как неклассическую, либо как содержащую предметы разных (не сводимых друг к другу) категорий (что и было сделано Кёрри). В логику приходится, т. о., включать некоторые сведения о предметах (о существовании разных категорий предметов и, следовательно, о некоторых специфич. свойствах их), к-рые естественно относить уже к области онтологии или еще более конкретных наук, изучающих специфицированные предметы. В развитии Л. к., т. о., полностью подтверждаются принципы, ясные с т. зр. материалистич. диалектики: о неотделимости логики от онтологии, о роли противоречия в развитии науки, о способах «снятия» противоречия с помощью большей конкретизации исследуемых предметов и др.

Поскольку в Л. к. исходным является понятие функции, а не множества, естественно, встает задача построить теорию множеств, исходя из Л. к. Такие попытки предпринял Кёрри в 1934 (опубликовано только резюме его работы) и Когеи (1955), в работе к-рого (она посвящена обоснованию средствами Л. к. системы аксиом Гёделя для теории множеств) нем. математик Титгемайер обнаружил, однако, противоречие, свидетельствующее о том, что попытка Когеи не удалась. В 1952 Кёрри предложил использовать Л. к. при составлении программ для вычислит. машин.

Лит.: Curry H., An analysis of logical substitution, «Amer. J. Math.», 1929, v. 51, p. 363—84; его же, Grundlagen der kombinatorischen Logik, там же, 1930, v. 52, p. 509—36; 789—834; его же, Foundations of the theory of abstract sets from the standpoint of combinatory logic, «Bull. Amer. Math. Soc.», 1934, v. 40, № 9, p. 654; его же, The logic of program composition, в кн.: Applications scientifiques de la logique mathématique. Actes du 2-e colloque international de logique mathématique, Paris, 22—30 août 1952, P.—Louvain, 1954, p. 97—102; Kleene S. C. and Rosser J. B., The inconsistency of certain formal logics, «Annales Mathém.», 1935, v. 36, ser. 2, p. 630—36; Coogan E. J., A formalization of the theory of sets from the point of view of combinatory logic, «Z. math. Logik und Grundlagen Math.», 1955, Bd 1, H. 3, S. 198—240; Curry H. and Feys R., Combinatory logic, v. 1, Amst., 1958 (имеется библиогр.); Tittgemeyer R., Über einen Widerspruch in Cogans Darstellung der Mengenlehre, «Z. math. Logik und Grundl. Math.», 1961, Bd 7, H. 3.

С. Яновская. Москва.

ЛОГИКА ОТНОШЕНИЙ — 1) Один из разделов совр. логики, представляющий собой теорию отношений. В этом смысле термин «Л. о.» употребляется, напр., Э. Шрёдер («Лекции по алгебре логики» — E. Schröder, Vorlesungen über die Algebra der Logik, Bd 3, 1895); в «Principia mathematica» Уайтхеда и Рассела (A. N. Whitehead and B. Russell, Principia mathematica, v. 1, 1910, § 21) им обозначена более узкая область — именно та часть теории отношений, в к-рой исследуются общие свойства отношений, не имеющие аналогов в теории классов.

2) Особое направление в логике и ее филос. истолковании, отличающееся специфич. пониманием осн. форм мышления (понятий, суждений, умозаключений). Возникло во 2-й пол. 19 в. в связи с развитием теории отношений и выявлением важной роли отношений, суждений с отношениями и умозаключений об отношениях в науч. познании. Развитие Л. о. происходило гл. обр. на базе неокантианства позднего периода, особенно его франц. разновидности — неокритицизма (Лашелье, Виндсלבанд, Кассирер, Ш. Серрюс и др.). В России видным представителем Л. о. был Поварнин, стремившийся развивать идеи Л. о. вне связи с к.-л. определенной философской концепцией.

Специфика взглядов представителей Л. о. заключена прежде всего в понимании суждения. В отличие от традиц. логики, в к-рой все простые суждения понимались как утверждения или отрицания свой-

ства у предмета и сводились т. о. к схеме «S есть P», в Л. о. все суждения истолковывались как суждения об отношениях и сводились к схеме $a R b$ (в к-рой R — некое двучленное отношение, а a и b — обозначения двух к.-л. предметов). В соответствии с таким пониманием представители Л. о. трактовали умозаключения как перестановки терминов в суждениях (напр.: «линия a параллельна b , следовательно, b параллельна a »), переносы отношений с одних предметов на другие (напр.: « a больше b , b больше c , следовательно, a больше c ») и т. д. на основе формальных свойств (симметричность, транзитивность и др.) соответствующих отношений. Высказывания, в к-рых выражаются эти свойства, рассматривались как логич. принципы, подобные, напр., аксиоме силлогизма. (Начало такому истолкованию суждений и умозаключений положил О. де Морган, являвшийся также одним из основоположников теории отношений в математич. логике). Т. о., предполагалось, что с каждым отношением должен быть связан свой принцип умозаключения, что крайне затрудняло построение общей теории умозаключений. Больше того, на пути Л. о. вообще было невозможно охватить все формы логич. выводов, т. к. схема $a R b$ не представляет даже всех суждений с двучленными отношениями (охватывая лишь единичные суждения с этими отношениями; для выражения суждений с двучленными отношениями в других, более сложных, случаях нужны кванторы), не говоря уже о суждениях с много (трех-, четырех- и т. д.) членными отношениями. Естественно, что развитие теории умозаключений и суждений пошло по др. пути, имело по пути, определенному математич. логикой, в к-рой учитывается наличие многоместных отношений и различие между свойствами и отношениями, а в качестве основной умозаключений выделяются и исследуются логические отношения (наиболее общие отношения, определяющие логич. формы мысли), все же др. отношения относятся к содержанию мысли, причем высказывания, выражающие свойства этих отношений, рассматриваются как посылки умозаключений. Поскольку в Л. о. не проводилось различие логич. и внелогич. отношений по их роли в мышлении, в ней игнорировалось различие между логич. формой и содержанием мысли. На этом именно основано неправильное представление атрибутивных суждений вида «S есть P» как суждений об отношениях (заметим, что о наличии логич. отношений, напр. отношения принадлежности свойства предмету, в таких суждениях знала уже традиц. логика, но не относила их к содержанию суждения); не случайно поэтому, что такое представление оказывается обычно весьма искусственным (напр., Поварнин представлял суждение «кошка лежит» как говорящее об отношении между кошкой и состоянием лежания).

Характерное для Л. о. истолкование суждений приобрело у неокантианских представителей этого направления явно выраженный субъективно-идеалистич. характер; оно было обусловлено их стремлением «очистить» логику от «метафизики» (выражающейся в признании существования вещей вне человек. сознания) и от «субстанциализма», к-рые вносятся в нее, как они утверждали, аристотелевским (традиционным) пониманием суждения. Преимуществом схемы $a R b$, с их т. зр., в том, что она облегчает трактовку суждений как актов синтеза представлений, в к-рых, согласно их взглядам, происходит формирование предметов окружающего мира. Так, Серрюс видел осн. смысл Л. о. в том, что она отказывается от понимания суждений как отнесенных предикатов к бытию (см. «Опыт исследования значения логики», М., 1948, с. 124). Кассирер пытался создать теорию понятия в духе Л. о., согласно к-рой понятия и предметы

действительности возникают на основе развиваемых мышлением отношений.

Развитие науки, в особенности в последние десятилетия, убедительно показало несостоятельность как философских, так и собственно логич. предпосылок Л. о. В частности, развитие символич. логики опровергло характерное для Л. о. понимание суждений и др. форм мысли; оно продемонстрировало, что при построении любой логич. системы, претендующей на формализацию определ. областей знания и способ рассуждений людей, всегда предполагается существование нек-рой предметной области, к объектам к-рой относятся формулируемые в этой системе истинные высказывания.

Лит.: Риккерт Г., Границы естественно-научного образования понятий, пер. с нем., СПб, 1903; Виндельбад В., Прелюдии, пер. с нем., СПб, 1904; его же, Принципы логики, пер. с нем., М., 1913; Кассирер Э., Познание и действительность, пер. с нем., СПб, 1912; Полярник С. И., Логика. Общее учение о доказательстве, П., 1915; его же, Логика отношений, П., 1917; Таванец П. В., О структуре суждения в атрибутивной логике и в логике отношений, «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1946, т. 3, № 6; его же, Об идеалистической критике аристотелевской теории суждения, там же, т. 6, 1947, № 4; его же, Суждение и его виды, М., 1953, гл. 11, § 3; Войшилло Е. К., Критика логики отношений как религиозистского направления в логике, в кн.: Философские записки, т. 6, М., 1953; его же, Об одной логической концепции, «Вопр. философии», 1957, № 6; Lachelier J., Etudes sur le syllogisme, P., 1907; Segus C., Le parallélisme logico-grammatical, P., 1933. Е. Войшилло. Москва.

ЛОГИКИ-СОФИСТЫ — последователи древнекит. филос. направления минцзя (школы имен) (5—2 вв. до н. э.). Наибольшей известностью пользуются *Гунсунь Лун* и *Хуэй Ши* — представители двух противоположных течений этой школы. Менее известны др. Л.-с.: Дэв Си, Инь Вэнь, Мао Гун, Чэнгун Шэи и Хуан-гун. Учение представителей этой школы сводилось гл. обр. к логич. рассуждениям о соотношении между именем (названием вещи) и содержанием (сущностью вещи). Теория Л.-с. о сущности вещей и их названиях сводится к доказательству и разработке идеи о том, что все в окружающем мире зависит от названия. Л.-с. утверждали, что все неурядицы в жизни происходят от того, что название не всегда соответствует содержанию вещи или понятия. Достаточно привести их в соответствие, как в жизни начнет царить гармония (учение об исправлении имен). Примерно такие же рассуждения можно встретить в *конфуцианстве*. При помощи схоластич. рассуждений о названиях, игнорируя подлинную сущность законов объективного мира, Л.-с. доказывали, что «истинное все же не истинно». Они пришли к утверждению отдельного и независимого существования абстракций.

ЛОГИСТИКА (от греч. λογιστική — искусство вычислять, рассуждать). У древних греков Л. наз. искусство вычислений и геометрич. измерений, т. е. практич. арифметика, противопоставлявшаяся теоретич. математике. В этом значении этот термин употреблялся в Зап. Европе вплоть до 17 в. Но уже *Лейбниц* пользовался словом *logistica* (так же как и термином *logica mathematica*) как синонимом для *calculus ratiocinator* (исчисления умозаключений), идею к-рого он выдвинул. В 1904 на Международном филос. конгрессе в Женеве этот термин был предложен (независимо Ительсоном, *Лаландом* и *Кутюра*) для обозначения *математической логики*; в наст. время чаще всего употребляется именно в этом смысле. В лит-ре встречается, однако, и иное его употребление: как название того этапа в логике, к-рый представлен логич. работами *Рассела* и его школы или связанного с этими же работами направления в философии математики, к-рое иначе наз. *логицизмом*.

От «Л.» как названия математич. логики образован ряд важных терминов, употребляемых в логич.

и филос. лит-ре. Так, характерный для математич. логики способ формализации посредством построения *формализованных языков* часто наз. *логистическим методом*; чисто формальную часть формализованного языка (т. е. неинтерпретированное *исчисление*) наз. *логистической системой* (а также *формальной системой*).

Лит.: Чёрч А., Введение в математическую логику. Гл. I 4, пер. с англ., М., 1960, с. 48—60, 373—378; Колман Э. Я., История математики в древности, М., 1961, с. 73—74; «Revue de Métaphysique et de Morale», v. 12, 1904; The dictionary of philosophy, ed. D. Runes, 4 ed., N. Y., 1942.

ЛОГИЦИЗМ — направление в области филос. проблем математики, пытающееся обосновать математику путем сведения ее к логике, т. е. путем определения ее «неопределяемых» (исходных) понятий в терминах логики, формулировки всех вообще ее предложений на «языке» *математической логики* и доказательства их (в т. ч. и аксиом) по правилам этой же логики.

Предшественником Л. считается обычно *Лейбниц*, основателем Л. является *Фреге*, предпринявший попытку построить арифметику натуральных чисел как систему предложений, выводимых по правилам логики из сформулированных им (в терминах логики) определенных натуральных чисел и операций с ними.

Поскольку в это время уже было осуществлено сведение геометрии к алгебре (аналитич. геометрия) и анализу (дифференциальная геометрия); математический же анализ удалось арифметизировать (путем теоретико-множеств. сведения действит. чисел к множествам множеств и т. д. натуральных чисел), то от осуществленного Фреге сведения натуральных чисел к объемам понятий уже, казалось, было недалеко к сведению всей вообще математики к глубокой и тонко разработанной Фреге, хотя и очень громоздкой, системе логики.

Однако в системе Фреге *Расселом* было обнаружено противоречие, известное под названием «парадокса Рассела» (см. *Парадоксы*), побудившее Рассела предпринять новую попытку свести «чистую» математику к «чистой» логике, использовав осн. идею Фреге и введенную *Пеано* удачную математич. символику. Эта попытка, сделавшая Рассела осн. представителем Л., была осуществлена им вместе с *Уайтхедом* в большом, трёхтомном, и все же незаконченном труде «Principia Mathematica» (1910—13), сыгравшем важную роль в дальнейшей истории математич. логики и оснований математики. В ходе жарких дискуссий, к-рыми было встречено появление этой работы (наиболее резкой, хотя и отнюдь не справедливой, была критика Л. со стороны *Пуанкаре*), были получены результаты, которые сделали возможным строгое доказательство того, что классич. «чистая» математика вообще не может быть сведена к логике, трактуемой, как этого хотел Рассел, как система тавтологий, истинных a priori (или, по Лейбницу, верных вообще во всех «возможных мирах»), и потому ничего не говорящих нам о мире, в к-ром мы живем и действуем). Действительно, именно в применении к Principia Mathematica и родственным ей системам были доказаны *Гёделем* (1931) его осн. теоремы о их принципиальной неполноте (т. е. о невозможности вывести ни в одной из них все содержательно истинные предложения математики) и о невозможности доказать непротиворечивость такой системы средствами логики, формализуемыми в этой же системе. Эти теоремы, — а также доказанная вскоре (1936) *Чёрчем* неразрешимость *разрешения проблемы* в системах типа Principia Mathematica — равно как и обнаруженная самим Расселом невозможность доказать, не обращаясь к естествознанию, необходимую ему аксиому о бесконечности множества вещей в мире или логически обосновать т. н. аксиому сводимости, к-рую Рассел вводил

с целью избежать нарушений «принципа порочного круга» в определениях понятий в его системе, не выбрасывая из нее ряда осн. теорем классич. математики, — показали неосуществимость попыток обосновать классич. (теоретико-множественную) математику, трактуя ее как логику, строящуюся а priori, т. е. по существу идеалистически.

Большинство позднейших последователей Л. пытаются исправить недостатки системы Рассела с помощью т. н. «конструктивного номинализма» (см. *Номинализм*), трактующего множества (объемы понятий) не как особые абстрактные сущности или единичные «идеальные объекты», обладающие самостоят. существованием наряду с вещами, из свойств к-рых они, согласно особому «принципу абстракции», были извлечены, а лишь как коллективы, состоящие из отдельных (изолированных друг от друга) конкретных вещей. Такого рода системы были разработаны или намечены, напр., *Лесневским* и его учениками, а также амер. логиками *Куайном*, *Гудменом*, *Мартином*, *Вуджером*, *Генкиным* и др. Сам Рассел в дальнейшем также пытался искать выход из обнаруженных им трудностей, интерпретируя свою систему в духе, отличном от его первоначальных намерений; но, перейдя на позиции, гораздо более близкие к т. зр. *Венского кружка* неопозитивистов, не случайно он нашел при этом выхода из трудностей, с к-рыми встретился. [О первоначальных идеях Рассела, направленных против трактовки математич. объектов и истин как произвольных творений нашего разума, хорошо говорят, напр., следующие слова из его статьи «Recent work in the philosophy of mathematics» (1901): «Слишком часто говорят, что нет абсолютной истины, но есть только мнение и частное суждение; что каждый из нас обусловлен в своей точке зрения на мир, его личными особенностями, личным вкусом и склонностями; что нет внешнего царства истины, к которому с помощью терпения и дисциплины, мы можем, наконец, получить доступ, но есть только истина для меня, для тебя, для каждой отдельной личности. Людьями этого склада ума отрицается одна из главных целей человеческих усилий, и высшее достоинство беспристрастия, бесстрашного познания того, что есть, ускользает от нашего морального взора. По отношению к такому скептицизму математика является неизменным укором, ибо ее здание истин стоит непоколебимо и неприступно ни для какого оружия сомневающегося цинизма» («Mysticism and Logic», 1917, p. 71)].

То обстоятельство, что Л. оказывается неспособным решить проблему обоснования математики, связано, прежде всего, с тем, что сама проблема поставлена неправильно. Когда в уже построенной математике обнаруживаются противоречия и трудности, то речь идет не просто об «обосновании» математики, а о ее перестройке, и притом такой, к-рая ориентирована на материалистич. критерий практики, т. е. предполагает такое истолкование абстрактных объектов математики (и относящихся к ним предложений), к-рое позволило бы применять математич. теории на практике (к построению др. математич. теорий, к естествознанию и технике, к экономике, языку и др. областям челоуеч. жизни и деятельности), к-рое позволило бы, иными словами, находить в материальной действительности и отражающей ее науке конкретные (во всяком случае, менее абстрактные) прообразы абстрактных объектов математики, обуславливающие возможность ее применения в тех случаях, к-рые действительно встречаются на практике. Для понятия натурального числа такими прообразами были еще с антич. древности модели в виде линейно расположенных последовательностей палочек, камушков, косточек, четок и др. достаточно жестких объектов.

Именно эти модели и легли в основу того определения числа как «слова» в алфавите, состоящем из букв 0 и 1, к-рое принято в сов. школе конструктивной математики А. А. *Маркова*, П. А. *Шанина* и их учеников. Определение же количественного числа по Фреге и Расселу, т. е. как множества множеств, равнопомощных данному, отнюдь не имеет эффективного характера, позволяющего воспользоваться им на практике. Прежде всего, поскольку самое понятие «множества» или «объема понятия» трудно поддается уточнению. Даже те понятия, объем к-рых заведомо мыслится в виде некоего коллектива материальных объектов (списка его членов), в большинстве случаев не имеют достаточно жесткого объема (известно, какие трудности приходится преодолевать, напр., при уточнении понятия «гражданин данной страны»), в связи с организацией переписи населения для выяснения объема этого понятия; с аналогичными трудностями приходится иметь дело вообще при организации любого учета, всегда состоящего в том, что уточняется объем некоего понятия, понимаемый в самом простом смысле: т. е. как список материальных объектов). Но даже научно уточненные уже понятия диалектически изменяются вместе с развитием науки, причем не всегда оказываются имеющими неизменяющийся — в ходе нашего рассуждения о них — объем (к ним не всегда применима т. н. «аксиома сгертывания»). Сам Рассел не только не считает понятие «множества» само собой разумеющимся, но даже объявляет его «фикцией» (т. е. имеющим смысл лишь в контексте). А как осуществить практически множество множеств, равнопомощных множеству пальцев моей руки? Такие определения «сводят» абстрактное понятие к абстрактным же понятиям, и притом не более низкого, а более высокого уровня абстрактности и поэтому, хотя и выясняют характерные для этих абстракций связи между ними, но вряд ли осуществляют действительное сведение сложного к простому, абстрактного к его восполнению (или реализации) в конкретных объектах, с к-рыми можно оперировать на практике и к-рые — в тех случаях, когда абстрактный объект или понятие таким образом реализуется, — допускают проверку с помощью материалистич. критерия практики.

При всех ее недостатках, в системе Principia Mathematica, и особенно в работах Фреге, есть много важных и интересных результатов логики, анализа, относящихся к понятиям «объекта» и его «имени», «упоминания» и «употребления» термина, «смысла» и «значения», «функции» и «отношения» и мн. др. Особенное значение имеет разработанная Расселом, с целью избежать парадоксов теории множеств, *типов теория*, к-рая равносильна некоему включению времени, развития и движения в логику, т. е. содержит элементы диалектики.

На истории Л. лишний раз подтверждается ленинский прогноз о том, что действительный прогресс науки нашего времени всегда будет удовлетворять требованиям материалистич. диалектики, между тем как всякие попытки использовать этот прогресс науки для к.-л. идеалистич. выводов неизбежно будут терпеть крушение.

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, ч. 1, с. 15—47; Бирюков В. В., О работах Г. Фреге по филос. вопросам математики, в кн.: Филос. вопросы естествознания, вып. 2, М., 1959; Гетманова А. Д., О взгляде Бертрама Рассела на соотношение математики и логики, «Вестн. МГУ. Серия экономика, философия, права», 1959, № 1; сжж. О соотношении логики и математики в системах типа Principia Mathematica, в сб.: Логич. исследования, М., 1959; Иновская С. А., О филос. вопросах матем. логики, в сб.: Проблемы логики, М., 1963; Урбакис Н., Очерки по истории математики, М., 1963; Frege G., Begriffsschrift... Halle, 1879; англ. пер., Oxf., 1952; его же, Die Grundla-

gen der Arithmetik, Breslau, 1884; англ. пер., Oxf., 1950; его же, Grundgesetze der Arithmetik, Bd 1—2, Jena, 1893—1903; оба тома частично перев. на англ., Oxf., 1952; Whitehead A. N. and Russell B., Principia Mathematica, v. 1—3, Camb., 1910—13; 2 ed., v. 1—3, Camb., 1925—27; Russell B., Introduction to mathematical philosophy, 2 ed., L., 1924; нем. пер., Münch., 1930; его же, The principles of mathematics, 2 ed., L., 1937; Gödel K., Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I, «Monatsh. Math. und Physik», 1931, Bd 38; его же, Russell's mathematical logic, в кн.: The philosophy of Bertrand Russell, ed. by P. A. Schlipp, Evanston, 1944, p. 123—53; Church A., An unsolvable problem of elementary number theory, «Amer. J. Math.», 1936, v. 58, p. 345—63; Gödel K., Steps toward a constructive nominalism, «J. Symbolic Logic», 1947, v. 12, № 4; Martin R. M. and Woodger J. H., Toward an inscriptional semantics, «J. Symbolic Logic», 1951, v. 16, № 3; Beth E. W., The foundations of mathematics, Амст., 1959, ch. 13, p. 353—64; Luschei E. C., The logical systems of Lesniewski, Амст., 1962 (имеется библиограф. работ Лесневского); Lakatos I., Infinite regress and foundations of mathematics, [Proceeding of the] Aristotelian Society, suppl. v. 36, L., 1962, p. 155—84.

ЛОГИЧЕСКАЯ ИСТИННОСТЬ (в формальной логике) — истинность предложения (суждения, высказывания), обусловленная его формально-логич. структурой и принятыми при его рассмотрении законами логики (в отличие от т. н. фактической истинности, для установления к-рой необходим также анализ содержания предложения). Л. и. конкретного высказывания обосновывается указанием на то, что его форма совпадает с формой логич. закона или может быть сведена к форме логич. закона с помощью нек-рого допустимого приема. Напр., Л. и. любого из трех предложений «поскольку Петр и Андрей братья, а братья носят одну и ту же фамилию, то Петр и Андрей однофамильцы», «поскольку Петр и Андрей знакомые, а знакомые носят одну и ту же фамилию, то Петр и Андрей однофамильцы» и «поскольку произведение $a \cdot b$ нечетно, а числа, произведение к-рых нечетно, сами нечетны, то a и b нечетны» устанавливается (независимо от значения входящих в них терминов) ссылкой на одну и ту же формулу исчисления предикатов $[\forall x \forall y (P(x, y) \supset Q(x, y) \& P(a, b)) \supset Q(a, b)]$; но таким образом нельзя установить истинность предложения «Москва — столица СССР», к-рая обусловлена наличием определ. географич. и политич. факта, или истинность предложения « $2 \times 2 = 4$ », к-рая вытекает из аксиом натурального ряда чисел или проверяется вычислением.

Л. и. является проявлением общих логич. закономерностей и может тем самым служить критерием для выделения нек-рых определ. свойств и законов мышления в качестве предмета логики.

Проблема различения Л. и. и фактической истинности рассматривалась еще Лейбницем (характеризовавшим Л. и. как необходимую истинность, или «истинность во всех возможных мирах»), Юмом и Кантом (называвшим Л. и. аналитической — в отличие от синтетической, т. е. фактической, истинности).

Более строгий логич. подход к проблеме Л. и. характерен для Фреге, к-рый предложил считать предложение аналитически истинным, если в процессе его доказательства используются только общие логич. определения и законы, и синтетически истинным, если доказательство его требует использования предложений к.-л. спец. науки. В соответствии с этим Витгенштейн считал, что логически истинные предложения сводятся к тавтологиям и ничего не говорят о мире. Слабая сторона этого подхода заключалась в том, что понятие логики не уточнялось, так что, напр. (истинные) предложения логики высших порядков (см. Типов теория, Метатеория), выражающие нек-рые общие свойства предметных областей (см. Область предметов) и являющиеся поэтому в извест-

ном смысле обобщенными фактич. (точнее о н т о л о г и ч е с к и м и) предложениями, следовало бы отнести, в соответствии с точным смыслом их концепции, к логически истинным. [Кроме того, необходимо различать случаи, когда в качестве логики фиксируются разные логич. системы, напр. классич. логика, интуиционистская логика, конструктивная логика, минимальная логика и т. д.]

Создание строгих теорий Л. и. потребовало привлечения понятий и методов математической логики и логической семантики. Для полных логич. исчислений (напр., для логики высказываний и узкого предикатов исчисления) Л. и. может быть определена чисто синтаксически, как доказуемость выражающей предложение формулы, поскольку в этих системах класс формальных теорем (доказуемых формул) совпадает с классом логически истинных формул. Для неполных логич. и логико-математич. систем (напр., для аксиоматич. арифметики, класс истинных (в к.-л. интерпретации) предложений к-рых шире класса доказуемых, теория истинности (из к-рой может быть извлечено и понятие Л. и.) была предложена Тарским. Его метод состоит в построении спец. «предиката истинности» в метаязыке рассматриваемой теории: предложение p наз. истинным в теории, если в ее метатеории доказуема формула $T(p)$, где T — металогич. (см. Металогика) предикат истинности. Следуя идее Тарского, можно различать случаи логич. и фактич. истинности, в зависимости от того, может ли быть предикат T в метатеории определен в терминах одних лишь логич. аксиом предметной теории, или же для этой цели требуется привлечение нелогич. средств предметной теории (если таковые имеются; классификация аксиом на логические и нелогические предполагается заранее). Метод Тарского нашел широкое применение в доказательствах относительной непротиворечивости аксиоматич. теорий (а именно теория, для к-рой удается построить определение предиката истинности средствами др. теории, оказывается непротиворечивой по отношению к последней).

Другой подход к проблеме Л. и., характерный для логич. семантики (одним из центр. понятий к-рой является понятие Л. и.), содержится в теории Карнапа. Пусть $\{P_i^k\}$ — совокупность постоянных (индивидуальных) предикатов нек-рого прикладного исчисления предикатов первого порядка, $\{a_j\}$ — совокупность предметных (индивидуальных) констант этого исчисления. Предложение, выражаемое формулой вида $P_i^k(a_{j_1}, a_{j_2}, \dots, a_{j_k})$ (где $k = 1, 2, \dots, n; n = 1, 2, \dots$), наз., как обычно, атомарным (или элементарным) предложением данной теории (или формализующего ее исчисления). Конъюнкция атомарных предложений (здесь и всюду ниже можно также говорить и о выражающих предложения формулах, что далее специально не оговаривается), содержащая для каждого предиката P_i^k и каждого упорядоч. набора k предметных констант $a_{j_1}, a_{j_2}, \dots, a_{j_k}$, для к-рого определен предикат P_i^k , либо предложение (формулу) $P_i^k(a_{j_1}, a_{j_2}, \dots, a_{j_k})$, либо его (ее) отрицание, т. е. $\neg P_i^k(a_{j_1}, a_{j_2}, \dots, a_{j_k})$, наз. о п и с а н и е м состояния данной теории (исчисления). Если хотя бы одна из совокупностей $\{P_i^k\}$ и $\{a_j\}$ бесконечна, то описанием состояния естественно называть не конъюнкцию (бесконечную!) указанного вида, а просто класс таких атомарных предложений; в этом случае бесконечное множество описаний состояния описывает бесконечное множество возможных «состояний» предметной области теории, т. е. возможных

распределений рассматриваемых свойств и отношений ($\{P_i^k\}$) среди элементов предметной области. Далее индукцией по построению формулы определяется понятие в полноте формулы в описании состояния: атомарная формула по определению выполняется в данном описании состояния, если и только если она входит в него; формула $\neg \mathcal{A}$ выполняется в описании состояния, если и только если \mathcal{A} не выполняется в нем; выполнимость формулы $\mathcal{A} \vee \mathcal{B}$ означает выполнимость хотя бы одной из формул \mathcal{A} или \mathcal{B} и т. д. Наконец, на класс описаний состояния могут быть наложены некоторые спец. условия аксиоматич. характера, выражающие содержание зависимости некоторых исходных предикатов теории от других, — называемые постулатами значения. Тогда предложение p наз. логически истинным в данной теории, если и только если оно выполняется в каждом описании состояния этой теории, выполняющем все постулаты значения (соответственно в любом описании состояния, если множество постулатов значения пусто), и логически ложным, если оно не выполняется ни в одном из таких описаний состояния; предложение, не являющееся ни логически истинным, ни логически ложным (т. е. выполняющееся некоторыми — но не во всех — охарактеризованных выше описаниях состояния), наз. фактически истинным.

Критич. рассмотрение изложенного определения Л. и. предпринял амер. логик Р. Мартин, отметивший трудность отличия постулатов значения от фактически истинных предложений в случае, когда в рассматриваемой теории имеются аксиомы эмпирич. характера (индуктивные обобщения).

Определяемое Карнапом понятие Л. и. есть, очевидно, естественный аналог определяемого табличным (матричным) методом понятия тождественно-истинной логич. формулы (см. *Тавтология*). В то же время его можно считать — в применении к связанным с ним исчислениям — экспликацией (уточнением) понятия аналитич. истинности, употребление которого имеет давнюю филос. традицию. В теориях других авторов (в частности, Куайна и Кемени) таким экспликацией (уточняющим понятием) служит именно определяемое в них понятие аналитич. истинности, в то время как термин «Л. и.» используется для обозначения хотя и близкого, но не совпадающего с аналитич. истинностью (вспомогательного) понятия. Так, Куайн по определению наз. логически истинными предложениями «законы логики» (т. е. логич. тавтологии; такое расширение толкования термина «закон логики» не принципиально, т. к. все выводимые логич. формулы можно с таким же успехом постулировать), а аналитически истинными — результаты всевозможных (в т. ч. тождественных) подстановок в логически истинные предложения вместо некоторых (произвольных) входящих предметных и предикатных констант их синонимов [На самом деле это различие логич. и аналитич. истинности у Куайна не является сколько-нибудь четким, поскольку отношения синонимичности (для предметов и предикатов) носят содержательный (не формализованный) характер, при формализации же их можно рассматривать как (логич.) предикаты (типа эквивалентности, равенства), принадлежащие самой теории].

Кемени, предложивший обобщение логич. семантики Карнапа на случай логич. языков, построенных на базе простой теории типов (см. *Модель*), определяет аналитически истинное предложение как предложение, выполняемое во всех возможных интерпретациях (понимаемых им как аналог и обобщение совокупности выполняющих постулаты значения описа-

ний состояния), а логически истинные — как получающиеся из аналитически истинных предложений подстановкой нелогич. констант (не входящих до подстановки в эти предложения) вместо входящих свободных предметных переменных (с соблюдением обычного условия совпадения типов подставляемых друг вместо друга термов). Упомянутое выше включение класса логически истинных предложений в класс аналитически истинных в теории Кемени доказывается.

Понятие Л. и. (и логич. ложности) по Карнапу естественно укладывается в схему определений развиваемой им и израильским логиком И. Бар-Хиллом теории *семантической информации* (так что, напр., семант. информация логически истинных предложений, не сообщающих никаких «фактических» сведений о предметной области рассматриваемой теории, оказывается равной нулю).

Все упомянутые определения Л. и. носят неэффективный характер, поскольку они связаны (вообще говоря) с рассмотрением актуально-бесконечных областей (описаний состояния, «всех возможных интерпретаций» и т. п.; см. *Математическая бесконечность*). Эти экспликации интуитивного понятия Л. и. (или аналитич. истинности), имеющие ряд применений в логике и логич. семантике, играют важную методологич. роль в раскрытии логико-семант. природы различных прикладных исчислений, формализующих языки конкретных наук; в частности, они позволяют разумным образом классифицировать предложения этих наук. В то же время ни одно из этих определений не дает оснований для буквальной (в соответствии с этимологией) трактовки понятия Л. и. как некоей абсолютной истинности в раз навсегда канонизированной логике. Такая трактовка Л. и. была бы неминуемо связана с метафизич. абсолютизацией как самих понятий «логика» и «истинность», так и их взаимосвязи.

О семант. антиномиях (парадоксах), связанных с понятием (логической) истинности, см. *Парадоксы семантические*. См. также *Синтетические и аналитические суждения*, *Семантика в логике*, *Реализуемость*.

Лит.: Витгенштейн Л., Логико-филос. трактат, пер. с нем., М., 1958; Карнап Р., Значение и необходимость, пер. с англ., М., 1959; Carnap R., Introduction to semantics, Cambr. (Mass.), 1946; Frege G., The foundations of arithmetic, Oxf., 1950; Carnap R. and Bar-Hillel I., Semantic information, (Brit. J. Philos. Sci., 1953, v. 4, № 14; Kementy J., A new approach to semantics, «J. Symbolic Logic», 1956, v. 21, № 1, 2; Martin R. M., The notion of analytic truth, Phil., [1959], Quine W. V., Carnap and logical truth, «Synthese», 1960, v. 2.

Ю. Гаснев, В. Финн. Москва.

ЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА — раздел *металогик*, в котором изучаются интерпретации *логических исчислений*. Осн. понятия Л. с. можно разделить на 2 группы: (1) понятия, применение которых к выражениям логич. исчисления существенно зависит от выбора *интерпретации* (см. также *Модель*) (таковы понятия истинности, обозначения, экспансиональности выражения относительно контекста, синтетич. истинности и др.); (2) понятия, принадлежащие т. н. теории *смысла* (см. также *Значение*) (таковы понятия синонимии, аналитич. истинности, интенциональности выражения относительно контекста и др.), которые определяются для всех возможных интерпретаций. Наиболее значит. результаты Л. с. относятся к понятиям 1-й группы (определение понятия истинности в формализованных языках, анализ семантич. антиномий, доказательства полноты достаточно богатых логич. исчислений, теория определимости понятий). С помощью понятий и методов Л. с. изучаются различные семантич. свойства выражений искусств. языков (в особенности языков естеств. наук). Важным примером таких свойств является «связь по смыслу»

в т. н. *контрфактических предложениях* (см. также *Диспозициональный предикат*).

На базе понятий Л. с. определяются такие понятия логики *индуктивной*, как степеней подтверждения гипотезы, аналогия. В последнее время была предложена теория семантической информации. Понятия и методы Л. с. получили свое развитие в связи с идеями и проблемами математич. логики в работах *Фреге*, *Тарского*, *Карнапа*, *Кемени* и др. См. *Семантика* в логике. Д. Лахути, В. Финн. Москва.

ЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ — см. *Константа*.
ЛОГИЧЕСКИЕ МАШИНЫ — механические, электромеханические или электронные устройства для полуватоматич. или автоматич. выполнения к.-л. операций логики. Л. м. применяются для анализа и упрощения формул нек-рых разделов логики (в частности, для определения тех значений переменных в формулах логики *высказываний*, при к-рых эти формулы превращаются в истинные или в ложные высказывания), для получения выводов из посылок в рамках нек-рых логич. теорий и исчислений (*алгебра логики*, различные исчисления высказываний, *силлогистика* и др.), для доказательства теорем формализованных науч. теорий и т. д.

Первые Л. м. появились в 19 в. Их создание было подготовлено развитием логики, а также разработкой т. н. логических диаграмм — двумерных геометрических фигур с топологическими отношениями, изоморфными операциям и отношениям, которые рассматриваются в логике. К числу наиболее ранних логич. диаграмм относятся *логический квадрат* и *круги Эйлера*, широко используемые до сих пор в элементарных учебниках логики. После возникновения алгебры логики появились и другие виды логич. диаграмм (для решения задач, относящихся к *логике классов* и логике высказываний). Из них наибольшее значение имеют *д и а г р а м м ы В е н н а*, предложенные англ. логиком Дж. Венном в 1880. С 50-х гг. 20 в. диаграммы Венна в виде т. н. карт Вейча и Карно (и их обобщений) стали применяться в приложениях алгебры логики для решения задач упрощения (т. н. минимизации) релейных схем и автоматов. Однако логич. диаграммы и соответствующие им пространственные модели являются эффективным средством решения логич. задач лишь до тех пор, пока с их помощью достаточно наглядно могут быть изображены условия задачи, т. е. в случае сравнительно простых выражений алгебры логики (выражений, содержащих не более шести независимых пропозициональных переменных). Для более сложных логич. выражений единственным практически эффективным средством решения логич. задач являются Л. м.

Идеи, относящиеся к Л. м., прошли длит. путь развития. В истории философии оставили след попытки Р. Луллия разработать на основе аристотелевой логики некую сверхнауку — *Ars magna et ultima* (великое и окончательное искусство) и представить ее в виде нек-рой Л. м.

Однако первой Л. м., на к-рой можно было решать задачи формальной логики, явился т. н. «демонстратор» Ч. Стенхона (1753—1816). Это механич. устройство можно было применять для проверки не только традиционных, но и т. н. числовых силлогизмов (см. *Силлогизм*), а также для решения элементарных задач теории вероятностей. В 1869 *Джевоис* построил свою известную Л. м., являвшуюся усовершенствованием ранее изобретенного им более простого устройства — т. н. логич. счетов. Л. м. Джевоиса позволяла механизировать ряд процедур в логике классов, высказываний и в силлогистике [представление формул в совершенной дизъюнктивной нормальной форме (см. *Алгебра логики*), упрощение логич. фор-

мул, вывод следствий из посылок, проверка правильности силлогизмов и т. п.].

Л. м. Джевоиса была первой, к-рая могла решать сложные логические задачи быстрее, чем человек без ее помощи. В 19 в. были построены или описаны и др. механич. устройства аналогичного назначения (в частности, Дж. Венном). Наиболее совершенным из них была Л. м. Маркванда (1853—1924), построенная им в 1883 (см. A. Marquand, A new logical machine, «Proc. Amer. Acad. Arts and Sci.», v. 21, 1886, p. 303). Маркванд разработал также схему электрической (релейной) Л. м. (1885), аналогичную его механич. Л. м. Машины Маркванда могли решать задачи, содержащие не более 4 независимых пропозициональных переменных.

Машинизация логич. процедур может иметь практич. значение лишь в том случае, если работа Л. м. по ряду важных параметров (напр., по скорости и надежности, по сложности решаемых задач и т. п.) превосходит аналогичные показатели человек. мышления. Механич. устройства, разработанные в 19 в., не удовлетворяли отмеченным требованиям. Этим гл. обр. и объясняется то, что в 19 в. Л. м. не вышли из стадии опытных образцов. Построенные тогда Л. м. имели лишь нек-рые внутрилгич. применения, гл. обр. в качестве пособий в курсах традиционной и математич. логики. Ограниченные возможности Л. м. этого времени были также обусловлены недостаточным развитием математич. логики и, что особенно важно, неразработанностью ее приложений к др. наукам и отсутствием применения в технике. Поэтому новый, современный этап в развитии Л. м. начался лишь с конца 40-х гг. 20 в., когда достижения техники (автоматики, электроники и др.) открыли перед создателями Л. м. новые конструктивные возможности. Развитие электронных вычислит. машин, успехи математич. логики, создание теории алгоритмов, логич. формализация нек-рых разделов науки, развитие приложений логики в технике составили прочный фундамент для теоретич. работы в областях, связанных с Л. м. С этого времени разработка и использование Л. м. стали происходить в рамках *кибернетики*.

В сер. 20 в. сложилось два осн. подхода к разработке машинных способов решения задач логики. Один из них состоит в создании специализированных Л. м., т. е. машин, сама конструкция к-рых (а не только закладываемые в них программы работы) предусматривает применение их для выполнения логич. процедур определ. рода. Такие Л. м. строятся на базе электрической — как электронной, так и релейно-контактной — техники. Другой подход заключается в применении, благодаря надлежащему программированию, для решения логич. задач универс. электронных автоматич. быстродействующих цифровых вычислит. машин. Первый подход связан с разработкой Л. м., оперирующих в основном в рамках логики высказываний. Первая совр. электрич. Л. м., предназначенная исключительно для решения задач логики высказываний, была построена в 1947 Б. Буркхартом и Т. Калном (см. Э. Беркли, Гигантские мозги, или думающие машины, — E. C. Berkeley, Giant brains or machines that think, [1950], ch. 9).

Развитие приложений алгебры логики к анализу и синтезу релейных схем и конечных автоматов привело к тому, что Л. м. стали применяться в технике в форме т. н. анализаторов релейных схем, предназначенных для облегчения и ускорения проектирования и проверки релейно-контактных схем. Первый релейный анализатор релейно-контактных схем описан в 1953 К. Шенноном и Э. Муром. В СССР первый анализатор был предложен в 1955 Т. Т. Цукановым. Первый электронный анализатор контак-

ных схем был спроектирован и описан в 1957 В. Н. Родным. Значит, шагом вперед явился анализатор П. П. Нархоменко, разработанный и описанный им в 1959; в настоящее время он выпускается в СССР серийно.

Все задачи, которые решаются на специализированных Л. м., могут решаться и на универс. цифровой вычислит. машине. Для этого требуется составить и ввести в машину программу (программы), обеспечивающую выполнение требуемых логич. процедур (алгоритмов логики). Правда, такое применение универс. цифровых машин обычно нецелесообразно, т. к. при этом не используется значит. часть оборудования, предназнач. для выполнения арифметич. операций. Но когда решению подлежат более сложные задачи логич. характера, недоступные для сравнительно простых по устройству специализированных Л. м., — такие, напр., как доказательство теорем пек-рой логич. системы (в т. ч. и теорем, не известных ранее), — применяются именно эти машины. Примером того, что в этом случае может дать их использование, могут служить составленные в 1958 Ван Хао программы для машинного доказательства теорем исчисления высказываний и узкого предикатов исчисления с равенством, содержащихся в соч. Б. Рассела и А. Уайтхеда «Principia Mathematica»; программа для исчисления высказываний позволила за 3 минуты получить доказательства 220 законов этой области логики (см. Ван Хао, На пути к механической математике, в Кибернетическом сборнике, № 5, 1962).

Работа по машинизации логич. процедур приобрела в последние годы большое практич. значение вследствие резкого увеличения потока науч. информации в различных областях знания, в нар. х-ве и т. д. Практич. потребности развития произ-ва и науки требуют создания т. н. информационных машин — машин, предназнач. для хранения больших массивов информации различного вида, автоматич. выборки из них нужных сведений и комплексной логич., математич. и статистич. обработки последних. Разработка таких машин началась с сер. 50-х гг. 20 в. Эти машины должны обладать рядом новых важных свойств. Они должны иметь запоминающее устройство (машинную память) очень большой емкости и с большой скоростью извлекать из памяти нужные сведения; запоминающее устройство их должно быть рассчитано на длительное и прочное хранение информации; машины должны быть хорошо приспособлены для массового выполнения логич. операций и решения логич. задач, содержащих большое число независимых переменных, и т. д. Осн. назначение машин этого рода — выдача ответов на вопросы или решение задач, относящихся к тем или иным областям науки, техники, нар. х-ва и т. н. Машина воспроизводит определ. сведения в ответ на запросы человека (эти запросы могут, напр., быть основаны на сочетании т. н. ключевых терминов, или дескрипторов, характеризующих искомые сведения). Если при этом логич. обработка информации в машине носит элементарный характер (ограничиваясь, напр., подведением менее общих понятий под более общие, с тем чтобы перенести на первые признаки, присутствующие вторым, или сравнением частей информации с целью определения совпадения или различия их по содержанию), то такую машину часто наз. информационной. Термин «информационно-логическая машина» применяется к машине, перед которой ставится задача сочетать поиск информации с ее многообразной обработкой, включая не только выполнение математич. операций и осуществление требуемых математич. алгоритмов и элементарных логич. операций, но также и такие процессы, как вероятностно-статистич. обра-

ботка данных, классификация информации в соответствии с нек-рыми принципами, установление систем отношений между понятиями, дедукция следствий, проверка истинности высказываний, осуществление процессов, соответствующих образованию понятий, умозаключениям по аналогии, индуктивным выводам, выдвижению и исследованию гипотез и т. п. Для решения этой задачи информационно-логич. машины должны иметь блоки, аналогичные по назначению специализированным Л. м.

Информационные и информационно-логич. машины предназначаются для использования в различных областях и для различных целей: в справочно-библиотечном деле, в экономике (для статистич., логич. и иной обработки информации о развитии нар. х-ва, для ее анализа по отд. отраслям пром-сти, транспорта, с. х-ва, торговли, финансов и т. д., для экономич. планирования), в медицине, в эксперимент. науках (для обработки результатов экспериментов и наблюдений), в лингвистике, в военном деле и т. д.

Информационные и информационно-логич. машины могут обрабатывать любой письменный и графич. материал, от которого требуется только, чтобы он был приведен к виду, приспособленному для машинной обработки, в частности, чтобы он однозначно (и по возможности компактно) выражал содержащуюся в нем информацию. Эти требования обусловили разработку искусственных машинных т. н. информационных (или информационных) языков, специально предназнач. для придания информации указанного вида. Разработка таких языков в настоящее время интенсивно проводится по отд. отраслям знания (металлургия, химия, элементарная геометрия и др.).

Для разработки информац. и информационно-логич. машин, определения закономерностей их работы, составления программ для них широко используются идеи и средства совр. формальной логики. Логич. исчисления обычно служат основой для построения информац. языков для этих машин; при применении этих машин к конкретному материалу последний подвергается определ. логич. формализации. При этом используются не только осн. разделы логики (и связанных с ней наук) — такие, как теория алгоритмов, логика высказываний и исчисление предикатов, но и менее разработанные логич. дисциплины: многозначные логики, вероятностная и совр. индуктивная логики, теория классификации, теория определений; ставится вопрос об использовании в теории информационно-логич. машин модальной логики. Важное значение для разработки информационно-логич. машин имеет применение результатов нейрофизиологии и психологии, поскольку при создании таких машин приходится вступать на путь моделирования отд. процессов умств. труда человека, познаваемых средствами этих наук. Следует, наконец, отметить тесную связь теоретич. и технич. вопросов конструирования таких машин с исследованиями в области логической семантики, лингвистики математической и семиотики. Комплекс дисциплин логико-лингвистич. цикла — вместе с рядом важных частей совр. математики (алгебра, теория вероятностей и математич. статистика, теория множеств и др.) — составляет теоретич. фундамент работ по созданию информационно-логич. машин, а средства радиоэлектроники и вычислит. техники — их технич. базу.

Отражая в структуре машин и программах их работы логику своих содержательных рассуждений, люди получают возможность резкого расширения своих интеллектуальных возможностей. Уже в наст. время с помощью информац. машин решаются задачи, которые практически не могут быть решены технически невооруженным сознанием человека. В будущем же

распространение информмац. и информационно-логич. машин должно привести к революц. изменениям во всех сферах умств. деятельности. Применение таких машин резко повысит производительность и эффективность интеллектуального труда; оно вызовет к жизни более компактные и обозримые, чем в наст. время, формы публикации науч. сообщений и машинный отбор наиболее важных из них. Машины предназначены играть роль автоматич. «справочников», причем справочников, способных активно «самообучаться» в процессе функционирования, анализировать собств. решения, совершенствовать хранящиеся в них программы работы. Потенциальные возможности информационно-логич. машин позволяют рассчитывать на машинное получение новых науч. результатов, на машинное доказательство новых теорем, на применение машин для составления обобщающих обзоров по отд. разделам знания, для выработки обоснованных рекомендаций по тем или иным вопросам, для систематизации отдельных отраслей науки. Распространение этих машин повлечет за собой дальнейшую математизацию науки, возрастание роли математики и логики во многих областях жизни общества. Информмац. и информационно-логич. машины облегчат обмен идеями и результатами между различными науч. дисциплинами и сферами деятельности людей; уже выдвинута задача создания единого информмац. языка-посредника с разными уровнями специализации, к-рый позволил бы установить обмен информацией между разными машинами, а также между специалистами различных областей, к-рые ими будут пользоваться. Нет сомнения в том, что в будущем к этим машинам перейдет значит. часть функций работников умств. труда (особенно тех функций, к-рые носят массовый характер) — не только справочно-консультативных, но и исследовательских. Создавая возможности для быстрого и полного использования накопленных в науке знаний, для передачи их на большие расстояния по технич. линиям связи, информационно-логич. техника породит новый стиль науч. работы, при к-ром гл. внимание ученого будет обращено на решение кардинальных проблем, на получение принципиально важных новых результатов, на творчество.

Т. о., информационно-логич. техника приведет к резкому возрастанию человек. знаний, к необычному усилению логич. возможностей человечества. Определяющей в этом процессе является общественно-историч. практика — как в том смысле, что практика есть конечная основа и источник тех знаний, к-рые вводятся в машины или в них вырабатываются, так и в том смысле, что развитие самой информационно-логической техники происходит на основе задач, к-рые она выдвигает, и средств, к-рые она создает.

Лит.: Родин В. Н., Электронный анализатор контактных схем, «Автоматика и телемеханика», 1957, т. 18, № 5; Успенский В. А., К проблеме построения машинного языка для информационной машины, в сб.: Проблемы кибернетики, вып. 2, М., 1959; Пархоменко П. П., Принципы механизации анализа релейно-контактных схем, «Докл. АН СССР», 1959, т. 124, № 1; его же, Анализ релейных схем при помощи машины, «Автоматика и телемеханика», 1959, т. 20, № 4; Влэдун Г. Э. и др., Научная и технич. информация как одна из задач кибернетики, «Усп. физ. наук», 1959, т. 69, вып. 1; Беркли Э., Символич. логика и разумные машины, пер. с англ., М., 1961; Батраков В. А. и Богатырев В. И., Электронные цифровые машины для решения информационно-логич. задач, М.—Л., 1961; Гутенмахер Л. И., Электронные информационно-логич. машины, 2 изд., М., 1962; Jevons W. S., On the mechanical performance of logical inference, «Philos. Transactions of Royal Soc. London», 1870, v. 160, pt 2; Venn J., On the diagrammatic and mechanical representation of propositions and reasonings, «Philos. Magazine», 1880, v. 10; Vetch E. W., A chart method simplifying truth functions, «Proc. Assoc. for Computing Machinery», 1952, May, p. 127—33; Kaugh M., The map method for synthesis of combinational logic circuits, «Trans. Amer. Inst.

Electr. Engineers», 1953, v. 72, pt 1, p. 593—99; Ma y s W., The first circuit for an electrical logic-machine, «Science», 1953, v. 118, № 3062; Moore E. F. and Shannon C. E., Machine aid for switching circuit design, «Proc. Inst. Radio Engrs», 1953, v. 41, № 10; Burks A. W., Warren D. W. and Wright J. B., An analysis of a logical machine using parenthesis-free notation, «Math. Tables and other Aids to Computations», 1954, v. 8, № 46, p. 53; Michle W., Burroughs truth function evaluator, «J. Assoc. Comp. Machinery», 1957, v. 4, № 2, p. 189; Humphrey W. S., Switching circuits with computer applications, N. Y.—Toronto—L., 1958; Gardner M., Logic machines and diagrams, N. Y., 1958. Б. Бирюков, В. И. Шестаков. Москва, Л. Калужин. Киев.

ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ — ошибки, связанные с нарушением логической правильности рассуждений. Л. о. состоит в том, что утверждается истинность ложных суждений (либо ложность истинных суждений), или логически неправильные рассуждения рассматриваются как правильные (либо логически правильные рассуждения — как неправильные), или недоказанные суждения принимаются за доказанные (либо доказанные — за недоказанные) или, наконец, неверно оценивается осмысленность выражений (бессмысленные выражения принимаются за осмысленные либо осмысленные — за бессмысленные); эти аспекты познават. ошибок могут различным образом сочетаться друг с другом (напр., принятие бессмысленного суждения за осмысленное обычно бывает связано с убеждением в его истинности). Л. о. изучались уже Аристотелем, к-рый в соч. «Опровержение софистических аргументов» проанализировал их виды. На этой основе в традиционной логике, начиная с трудов схоластов, было разработано подробное описание Л. о. В соответствии с выделяемыми в традиционной логике частями доказательства Л. о. были подразделены на ошибки в отношении (1) оснований доказательства (посылок), (2) тезиса и (3) формы рассуждения (демонстрации, или аргументации).

К числу Л. о. типа (1) относится прежде всего Л. о. ложного основания, состоящая в том, что в качестве посылки доказательства принимается ложное суждение (эта Л. о. наз. также основным заблуждением, лат. название — *error fundamentalis*; лат. названия логич. ошибок получили распространение, начиная с работ схоластич. логиков); поскольку из ложных суждений по законам и правилам логики могут быть выведены в одних случаях ложные, а в других — истинные следствия, постольку наличие в числе посылок ложного суждения оставляет открытым вопрос об истинности доказываемого тезиса. Частным случаем этой Л. о. является такое использование (в качестве посылки доказательства) нек-рого суждения, требующего для своей истинности определ. ограничит. условий, при к-ром это суждение рассматривается безотносительно к этим условиям, что приводит к его ложности. Другой случай этой Л. о. состоит в том, что вместо нек-рой нужной для данного доказательства истинной посылки берется более сильное суждение, являющееся, однако, ложным (суждение *A* наз. более сильным, чем суждение *B*, если из *A*, в предположении его истинности, следует *B*, но не наоборот).

Другой вид Л. о. типа (1) — это Л. о. недоказанного основания; она состоит в том, что в качестве посылки используется недоказанное суждение, в силу чего недоказанным оказывается и тезис доказательства. К числу Л. о. этого вида относится т. н. предвосхищение основания или «предрешение основания» (лат. название — *petitio principii*), суть к-рого состоит в том, что за основание доказательства принимается суждение, истинность к-рого предполагает истинность тезиса. Важным частным случаем *petitio principii* является *круг в доказательстве*. Наиболее грубый

случай круга дает Л. о., к-рая наз. *idem per idem* («то же через то же»), состоящая в том, что суждение «доказывается» посредством (по существу повторением) его же самого.

Л. о. типа (2) состоят в том, что доказываемый тезис в ходе доказательства подменяется нек-рым др. суждением, причем таким, что доказательство этого суждения не влечет доказательства тезиса. В основе этой Л. о. лежит неверное отождествление фактически доказанного суждения с тем тезисом, к-рый должен был быть доказан. Эта Л. о. наз. *подменной тезиса* (или игнорированием тезиса, или отступлением от тезиса; лат. название — *ignoratio elenchi*). При Л. о. этого вида обычно имеется определ. связь между тезисом и подменившим его суждением (напр., сходство их грамматич. формы, сходство по содержанию и т. п.), в силу чего оказывается возможным их ошибочное отождествление. Так, в ряде случаев доказываемый тезис подменяется нек-рым более слабым суждением (суждение *A* слабее суждения *B*, если *A* следует из *B*, но не наоборот); в таких случаях говорят, что суждение, к-рое фактически доказано, является лишь частью тезиса. Естественно, что доказательство «части тезиса» не означает доказательства этого последнего. О совершающих такую Л. о. говорят: «Кто слишком мало доказывает, тот ничего не доказывает». К этому же типу Л. о. можно отнести и т. н. *чрезмерное доказательство*, к-рое состоит в подмене тезиса более сильным суждением, причем таким, что из него, помимо тезиса, следует и нек-рое ложное суждение (что свидетельствует о том, что это более сильное, чем тезис, суждение ложно). О совершающих такую Л. о. говорят: «Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает». В др. случаях тезис, в к-ром говорится о ч.-л. с ограничением к.-л. условиями, подменяется тезисом, рассматриваемым безотносительно к этим условиям. Важным частным случаем подмены тезиса является т. н. *аргументация к человеку* (*argumentum ad hominem*), состоящая обычно в том, что обоснование истинности тезиса подменяется рассуждением о достоинствах или недостатках человека, защищающего этот тезис.

Самую большую группу составляют Л. о. типа (3). Грубая Л. о. этого вида — ошибка «не следует» (*non sequitur*); она состоит в том, что доказываемый тезис (обычно с помощью слов: «итак», «значит», «следовательно» и т. п.) присоединяется к рассуждению, относительно к-рого полагают, что оно доказывает тезис, но к-рое, однако, лишь внешне похоже на его доказательство, фактически же не имеет отношения к существу дела. Другой вид этой ошибки — не менее грубый — состоит в воздействии на чувства людей, воспринимающих доказательство, с целью убеждения их, помимо логич. аргументации, в истинности тезиса. Эта Л. о. наз. *аргументация к публике* (*argumentum ad publicum*).

Менее грубый характер носят Л. о., состоящие в нарушении правильного хода доказательства на к.-л. его шаге. Такие Л. о. возникают в результате неверного отождествления или различения понятий и суждений, используемых в доказательстве, нарушения правил умозаключений, ошибок при операциях с понятиями и т. п. К числу Л. о., связанных с неверным отождествлением и различением, относится *омонимия*, а также амфиболия (от греч. *ἀμφίβολος* — двусмысленный) — Л. о., возникающая в результате неясности или многосмысленности грамматич. конструкции выражения языка, в частности в результате того, что нек-рое грамматич. предложение или оборот речи употребляется в одном и том же рассуждении в различных значениях. К Л. о. этого вида может также вести неправильное различение

языковых выражений, являющихся на деле синонимами, и вообще подмена терминов в ходе рассуждения, неверное отождествление значений выражений и т. п. К Л. о. этого же рода относится ошибка, проистекающая из отождествления суждения, в к-ром высказываемое относится к каждому предмету нек-рого класса (разделит. смысл), с суждением того же содержания, но в к-ром высказываемое относится к классу в целом (т. е. к классу как отд. предмету; собират. смысл); в этом случае, в зависимости от направленности рассуждения, говорят или об ошибке «от разделительного смысла к собирательному», или об ошибке «от собирательного смысла к разделительному». Аналогично отождествление высказывания о частях к.-л. предмета с высказыванием об этом предмете как целом, выливается в Л. о., называемые ошибками «от разделенного к составному» и «от составного к разделенному». К этому же виду Л. о. относится ошибка, в основе к-рой лежит отождествление суждения, истинного при нек-рых ограничивающих условиях («истинного относительно»), с таким же по содержанию суждением, но рассматриваемым безотносительно к этим условиям («истинного безотносительно»), проявляющаяся в ошибочном умозаключении «от истинного относительно к истинному безотносительно»; эта ошибка иначе наз. ошибкой «от сказанного с условием к сказанному без условия».

К числу Л. о. типа (3) относятся, далее, любые нарушения *правил вывода* в дедуктивных умозаключениях, а также ошибки в *индукции*, ошибочное применение *аналогии* и т. п. Таковы, в частности, Л. о., состоящие в нарушении установленных в традиционной логике правил *обращения* категорич. суждений, правил *заклучений по схеме логического квадрата*; правил простого категорич. *силлогизма* (сюда относится, напр., «учетверение терминов», лат. название — *quaternio terminorum*); правил, относящихся к умозаключениям с условными и разделит. посылками (напр., ошибочные умозаключения «от истинности следствия условного суждения к истинности его основания» и «от ложности основания к ложности следствия»); ошибки в *энтимемах* и пр. *Популярная индукция* может приводить к ошибке *после шпота* о *общении*. Эта ошибка наз. также заключением «от случайного» (*fallacia accidens*), т. к. состоит в том, что, обнаружив, что нек-рое свойство налицо во всех наблюдавшихся предметах нек-рого класса, и не встретив противоречащих случаев, полагают, что оно является необходимым для всех предметов этого класса и, следовательно, принадлежит всем им; на деле же это свойство может принадлежать лишь нек-рым (не всем) предметам класса и быть в этом смысле в данном классе случайным. В рассуждениях о причинах явлений встречается Л. о. *ложного вывода о причине*; напр., когда от констатации определенной последовательности двух событий во времени переходят к заключению о том, что то из этих явлений, к-рое предшествует другому, является его причиной (эта Л. о. наз. «после этого, значит по причине этого»: *post hoc, ergo propter hoc*). Л. о., связанные с нарушением правил оперирования с понятиями, — это ошибки при *определении* понятий и при делении их объема; нарушение правил *определения* и деления может вести к формулировке ложных суждений, к-рые, будучи использованными в рассуждении, лишают его доказат. силы. Бывают также Л. о., состоящие в допущении в процессе рассуждения логич. противоречий в к.-л. их форме (см. *Противоречие* в логике).

В традиц. логике все Л. о. подразделяются на непреднамеренные Л. о. — *паралогизмы* и преднамеренные — *софизмы*.

Учение традиц. логики о Л. о. охватывает все осн. виды логич. дефектов в содержат. рассуждениях людей. Средства совр. формальной логики позволяют лишь уточнить характеристику многих из них. В связи с развитием математич. логики понятие Л. о. находит естественное распространение на случаи ошибок, связанных с построением и использованием рассматриваемых в ней *исчислений*; в частности, всякая ошибка в применении правил образования или преобразования выражений исчисления может рассматриваться как Л. о.

Источником Л. о. в мышлении являются различные причины психологич., языкового, логико-гносеологич. и иного характера. Появлению Л. о. способствует прежде всего то, что многие логически неправильные рассуждения внешне похожи на правильные. Немаловажную роль играет также и то, что в обычных содержат. рассуждениях не все их шаги — суждения и умозаключения, в них входящие, — обычно бывают выраженными в явной форме. Сокращенный характер рассуждений часто маскирует неявно подразумеваемые в нем ложные посылки или неправильные логич. приемы. Важным источником Л. о. является недостаточная логич. культура, сбивчивость мышления, нечеткое понимание того, что дано и что требуется доказать в ходе рассуждения, неясность применяемых в нем понятий и суждений. Сбивчивость мышления бывает тесно связана с логич. несовершенством языковых средств, применяемых при формулировке тех или иных суждений и выводов. Источником Л. о. может быть также эмоциональная неуравновешенность или возбужденность. Питательной средой для Л. о., особенно для ошибки ложного основания, являются те или иные предрассудки и суеверия, предвзятые мнения и ложные теории.

В борьбе с Л. о. немаловажное значение имеет использование средств л о г и к и; эти средства дают должный результат в тех областях, где фактич. материал позволяет осуществить предписываемое формальной логикой уточнение формы рассуждений, выявление опущенных звеньев доказательств, развернутое словесное выражение выводов, четкое определение понятий. В этих областях применение логики является эффективным средством устранения сбивчивости, непоследовательности и бездоказательности мышления. Дальнейшее развитие средств логики — уже в рамках математич. логики — привело к оформлению строгой теории дедуктивного вывода, к логич. формализации целых разделов науки, к разработке искусственных (папр., т. н. информационно-логич.) языков. Вместе с тем выяснилось, что чем сложнее область исследования, тем сильнее проявляется неизбежная ограниченность формально-логич. средств. Средства логики сами по себе, как правило, не гарантируют правильности решения науч. и практич. вопросов; при всей их необходимости они дают должный эффект лишь в комплексе всей практич. и познават. деятельности человечества. Стоящая перед каждым человеком задача развить свой ум так, чтобы максимально предохранить себя от заблуждений и Л. о. в теоретич. и практич. деятельности, решается посредством усвоения и активного применения науч. мировоззрения и диалектико-материалистич. филос. метода, применения специальных методов исследования, использования современных приборов для вычисления, измерения и контроля, накопления знаний и практич. опыта, воспитания воли и внимания, развития памяти, навыков логич. мышления, повышения общей культуры и т. п.

Лит.: А с м у с В. Ф., Учение логики о доказательстве и опровержении, [М.], 1954, гл. 6; У е м о в А. И., Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить, М., 1958. Б. Бирюков, В. Шварев. Москва.

ЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ АВТОМАТОВ — технич. устройства (или части технич. устройств), в к-рых зависимость между входными и выходными сигналами выражается логич. функцией. Л. с. а. делятся на два основных класса — Л. с. а. без памяти (однотактные или комбинационные схемы), в к-рых выходной сигнал в настоящий момент времени зависит только от входных сигналов в этот же момент, и Л. с. а. с памятью (многотактные или последовательностные схемы), в которых выходной сигнал зависит еще и от входных сигналов в предыдущие моменты времени. Структурные свойства Л. с. а. изучает абстрактная теория автоматов. Осн. задачами теории автоматов являются вопросы анализа и синтеза Л. с. а., т. е. выяснение того, какое преобразование информации реализует заданная Л. с. а. (анализ) и построения Л. с. а., реализующей заданное преобразование (синтез); минимизация числа элементов в Л. с. а., синтез надежных схем из элементов, обладающих нек-рой вероятностью отказа в работе, и др. При разработке этих вопросов широко используются средства логики, причем не только логики высказываний, но и нек-рые разделы логики предикатов, *многозначные логики* и т. п. Т. о., с одной стороны, Л. с. а. моделируют логич. операции, а с другой стороны, при исследовании Л. с. а. используется аппарат современной формальной (математической) логики. Результаты, получаемые при изучении Л. с. а., имеют важное значение для *кибернетики*, в частности для описания процессов обработки информации человеком в его содержательном мышлении.

Лит.: К о б р и н с к и й Н. Е., Трахтенброт Б. А., Введение в теорию конечных автоматов, М., 1962; Г л о у н к о в В. М., Синтез цифровых автоматов, М., 1962; Я б л о н с к и й С. В., Функциональные построения в *k*-значной логике, Тр. Матем. ин-та им. В. А. Стеклова, т. 51, М., 1958; Автоматы, Сб., пер. с англ., М., 1956; А й з е р м а н М. А. и др., Логика. Автоматы. Алгоритмы, М., 1963.

О. Кузнецов. Москва.

ЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ — формы отображения действительности в мышлении. Изучение Л. ф. с т. зр. объективно-истинного отражения в мышлении изменяющейся, развивающейся действительности в ее всеобщей форме, в форме категорий входит в задачу *логики диалектической*. Изучение структуры Л. ф., а также разработка средств их *формализации* являются задачей *формальной логики*. В с о в р е м е н н о й формальной логике Л. ф. исследуются также в связи с возможностями выражения с их помощью определ. содержания. См. *Форма логическая*.

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ — уточнение логич. формы (строения, структуры) рассуждений, осуществляемое средствами формальной логики. Л. а. касается как рассуждений (логич. выводов, доказательств, умозаключений и т. п.) и их составных частей (понятий, терминов, предложений), так и отд. областей знания. Наиболее развитой формой Л. а. содержательных областей знания и важных науч. понятий является построение формальных систем, интерпретируемых на этих областях или с помощью данных понятий, т. н. *формализованных языков*. Л. а. — один из важнейших познават. приемов совр. науки, значение к-рого особенно возросло благодаря развитию математич. логики, *кибернетики*, *лингвистики математической* и *семантики*, созданию информационно-логич. машин (см. *Логические машины*) и т. д. (см. *Формализация, Форма логическая*).

В бурж. философии необоснованная универсализация гносеологич. возможностей Л. а. неоднократно приводила (особенно начиная с 1-го десятилетия 20 в.) к оформлению субъективистских филос. тече-

ний, наиболее известным из к-рых является *логического анализа философия*. Критикуя эти течения, диалектик, материализм раскрывает подлинную познават. роль Л. а. в совр. науке.

Лит.: Чёрч А., Введение в матем. логику, [т.] 1, пер. с англ., М., 1960 (введение); Субботин А. Л., Смысл и ценность формализации в логике, в сб.: Филос. вопросы соврем. Формальной логики, М., 1962.

ЛОГИЧЕСКИЙ АТОМИЗМ (logical atomism, logischer Atomismus, atomisme logique) — крайне номиналистич. и плюралистич. учение о действительности, выдвинутое Расселом и Витгенштейном в первые два десятилетия 20 в. на основе их понимания языка. Анализируя логич. сторону разговорного языка, они пришли к выводу, что его грамматич. структура затемняет и маскирует логич. связи, существующие между его терминами, что приводит к путанице и появлению бессмысленных выражений. Поэтому они предложили программу построения «логически совершенного языка», в к-ром была бы полностью выявлена и четко описана логич. структура чело-веч. языка вообще, т. е. описаны «принципы символизма и отношения, необходимо имеющие место между словами и вещами в любом (естественном, обычном, — И. Д.) языке» (Рассел Б., Введение к кн.: Витгенштейн Л., Логико-философский трактат, М., 1958, с. 11). Используя в качестве модели такого «логически совершенного языка» наиболее развитый в то время логич. язык, а именно язык «Principia mathematica» Рассела и Уайтхеда, Витгенштейн и Рассел пришли к следующим положениям относительно природы «логически совершенного языка»: 1) все предложения сводятся либо к элементарным («атомарным»), утверждающим, что определ. объект находится в определ. отношении к др. объекту (или объектам), либо к сложным («молекулярным»), к-рые получаются посредством соединения нек. предложений логич. связками или путем введения *кванторов* общности и существования; 2) все отношения и связи между предложениями являются внешними, т. е. для них содержание (смысл) предложений, входящих в отношение или связь, не играет роли; истинность любого сложного предложения есть функция истинности составляющих его элементарных предложений; 3) элементарные предложения логически независимы, т. е. из одного элементарного предложения не может следовать никакое другое; 4) мысль выражается только в осмысленном предложении; элементарные предложения являются простыми, далее неразложимыми в смысловом отношении «атомами» языка. Лежащая в основе этой концепции идея построения языка из его элементарных составных частей (т. н. теория атомарного строения языка) явилась плодотворной для дальнейшего развития формальной логики, поскольку выражала общую закономерность конструирования любого логич. языка (см. *Формализованные языки*). По последующее развитие логики одновременно показало, что не во всяком логич. языке сложные предложения являются функциями истинности составляющих их элементарных предложений (см., напр., *Экстенциональные и неэкстенциональные языки*). Это обстоятельство принципиально ограничивает общность расселовско-витгенштейновской системы языка и показывает неправомерность ее отождествления с чело-веч. языком вообще. Любая формально-логич. система представляет собой абстрактную, идеализированную модель структуры чело-веч. рассуждений и никогда не исчерпывает содержат. логики мышления. Тем более неправомерно представлять ту или иную формально-логич. теорию языка в качестве учения о форме и структуре действительности. Постулируя, что язык является образом действительности, т. е. что его предложения изображают сочетания объ-

ектов так же, напр., как проекция к.-л. геометрич. фигуры изображает эту фигуру (т. н. теория языка как образа), теория Л. а. конструирует картину такого мира, строение к-рого полностью согласуется со строением языка. Именно эта попытка «подогнать» онтологию к логике, искажающая их действит. взаимоотношение, и объясняет первую часть ее названия («л о г и ч е с к и й а т о м и з м»). Вторая часть этого названия связана с тем, что Л. а. рассматривает мир как совокупность лишь внешне связанных друг с другом фактов. Факт — в соответствии со структурой предложения — Л. а. определяет как нек-рую комбинацию, состоящую из индивидуального объекта (объектов), его свойства (свойств) или отношения (отношений) к др. объектам; напр., то, что изображается предложениями «стол — черный» или «Петр старше Ивана», суть факты; предикаты «стол», «черный», «Петр», «Иван», изображающие индивидуальные объекты, связаны в данных предложениях друг с другом отношениями «есть» и «старше». Оба предложения в целом изображают комбинации индивидуального объекта и его свойства (в первом) и двух объектов и отношения между ними (во втором предложении). Объект, как и слово в предложении, не может мыслиться вне факта. Отсюда тезис: «мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Витгенштейн Л., Логико-философский трактат, с. 31). Как и предложения, факты делятся на атомарные и сложные. Атомарным называется факт, не имеющий составных частей, являющихся фактами. Его структура соответствует структуре атомарного предложения. Сложный факт, как и сложное предложение, есть нек-рое множество атомарных фактов, связанных внешними связями, подобными связям предложений через логич. *константы*. Тем самым мир рассматривается как совокупность независимых друг от друга атомарных фактов; из существования или несуществования к.-л. одного атомарного факта нельзя заключать о существовании или несуществовании другого. Т. о., теория Л. а. отрицает всякую закономерную внутр. связь в действительности, отрицает всякое движение и развитие (напр., Витгенштейн утверждал, что вера в причинную связь есть «предрассудок»). Для теории Л. а. характерны чрезвычайные формалистичность и эмпиризм, т. к. она обходит вопрос о природе мира, а чрезвычайно сложный процесс чело-веч. познания сводит к бесконечному описанию внутренне несвязанных между собой атомарных фактов.

Исторически теория Л. а. была разработана Расселом в противовес одному из положений абс. идеализма *Брадди*, согласно к-рому познание к.-л. отд. отношений и свойств невозможно без полного познания всех имеющихся в мире отношений и свойств; поэтому всякое знание относительно к.-л. класса этих вещей (без знания всех остальных) якобы не является истинным знанием. Однако, отрицая одну крайность, теория Л. а. впадает в другую — *плюрализм*.

Хотя нек-рые идеи Л. а. нашли отражение в дискуссии о *протокольных предложениях*, имевшей место в Венском кружке, и в учениях об атомарном строении языка, несостоятельность его была достаточно быстро обнаружена даже в рамках бурж. философии, и сами создатели этого учения Рассел и Витгенштейн в 30-е гг. отказались от него. Л. а. прикладывает уже истории философии, являя собой яркий пример умозрительной спекуляции, основанной на неправомерном распространении специальных результатов матем. логики на нек-рые философ. проблемы.

Лит.: Геллер Э., Слова и вещи, пер. с англ., М., 1962, с. 95—105; Russell B., Logical atomism, в сб.: Contemporary British philosophy, L., 1924; Уорсон J. O., Philosophical analysis, Oxf., 1956; Pears D. F., Logical

atomism: Russell and Wittgenstein, в кн.: The revolution in philosophy, L., 1957; В е р г м а н н G., The revolt against logical atomism, «Philosophical Quarterly», 1957—1958, v. 7—8, № 29—30. И. Доброзравов. Москва.

ЛОГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ — схема, выражающая отношения с т. зр. истинности и ложности между общеутвердительным, общеприцательным, частноутвердительным и частноотрицательным суждениями традиц. логики, имеющих один и тот же субъект и один и тот же предикат и обозначаемыми соответственно буквами A, E, I, O (рис. 1); предложен в 11 в. *Михаилом Пселлом*.

Отношение подчинения характеризуется тем, что истинность подчиняющего суждения (A или E) обуславливает истинность соответствующего подчиненного суждения (I или O), а ложность подчиненного суждения обуславливает ложность подчиняющего суждения; отношение подпротинности (субконтрарности) характеризуется тем, что ложность одного из подпротинных суждений обуславливает истинность другого.

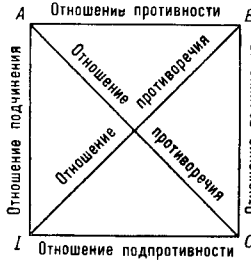

Рис. 1.

(Об отношениях противности и противоречия см. *Контрарное отношение и Контрадикторное отношение*).

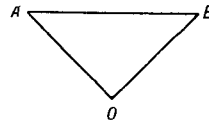

Рис. 2.

Л. к. предполагает, что связка «есть» («суть») суждения употребляется в экзистенциальном смысле, согласно к-рому суждения A, I, E, O предполагают существование предметов класса S (т. е. непустоту субъекта) и слово «нек-рые» имеет смысл «нек-рые, а может быть и все».

Если отказаться от последнего условия и понимать «нек-рые» как «только нек-рые» (что соответствует одному из смыслов употребления этого слова в естеств. языке), то условия истинности I и O совпадают и отношения между A, I, E, O выражаются уже логич. треугольником (предложенным рус. логиком П. А. Васильевым), в к-ром буквы I и O отмечают одну и ту же вершину (см. рис. 2); здесь отношения между A, E и O (равнозначного I) характеризуются тем, что из трех суждений одно и только одно может быть истинным.

Схема Л. к. с присущей ей системой отношений истинности и ложности применяется также для выражения отношений между модальными суждениями (см. *Модальность*) [рис. 3, в к-ром $Np, N\sim p, \sim Np$ и $\sim N\sim p$ выражают, соответственно, суждения: «Необходимо p » (что равнозначно утверждению «Невозможно не- p »), «Необходимо не- p » («Невозможно p »), «Не необходимо p » («Возможно не- p ») и «Не необходимо не- p » («Возможно p »)].

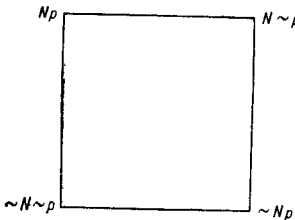

Рис. 3.

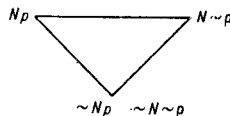

Рис. 4.

Соединение суждений $\sim Np$ и $\sim N\sim p$ союзом «и» (знак $\&$) порождает суждение случайности («Случай-

но, что p ») и получающаяся в результате этого система отношений между тремя модальными суждениями выражается логич. треугольником (рис. 4).

Лит.: А с м у с В. Ф., Логика, М., 1947, с. 143—46; М и н т о В., Дедуктивная и индуктивная логика, пер. с англ., 5 изд., М., 1905, кн. 1, ч. 3, гл. 2; В а с и л ь е в Н. А., О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого, Каз., 1910; В о с х е н с к и J. M., Formale Logik, Freiburg — München, 1956. В. Швырев. Москва.

ЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ — метод воспроизведения в мышлении сложного развивающегося (развивавшегося в прошлом) объекта (органического целого, системы) в форме историч. теории. Наряду с историч. методом, воспроизводящим тот же объект в виде истории системы, Л. м. и. представляет собой форму осуществления диалектич. метода в практике исследования развития объекта. С этой т. зр. Л. м. и. необходимо отличать от всех тех теоретич. методов (напр., аксиоматического), к-рые исследуют систему безотносительно к процессам ее развития.

Непосредственно предмет исследования, на к-рый направлен Л. м. и., — структурные формы (элементы, связи, зависимости и т. д.) системы, относящиеся к к.-л. одному ее состоянию, чаще всего к состоянию-результату, например составляющие экономич. структуры общества эпохи империализма, формы совр. рельефа земной поверхности, отдельные формации материи, слагающие звездные системы и данные исследователю одновременно, и т. д. Непосредственная задача Л. м. и. — воспроизвести определенное структурное состояние объекта как результат развития системы в целом, т. е. как состояние, исторически возникшее и развивавшееся, а тем самым и как функционирующее и развивающееся в настоящее время. Иначе говоря, при Л. м. и. речь идет о научном воспроизведении объекта, во-первых, как системы (т. е. во всей сложности и во всем многообразии его структурных связей и зависимостей) и, во-вторых, как системы именно исторической (т. е. во всей сложности и во всем многообразии его историч. связей и зависимостей).

В истории науки возникновение отдельных элементов Л. м. и. связано с работами Ч. Лайеля, Ч. Дарвина, А. Смита, Д. Рикардо и др.; в истории философии — прежде всего с трудами Гегеля. В своем классич. виде Л. м. и. был создан и теоретически исследован К. Марксом. Его «Капитал», воспроизводящий сложнейшую систему бурж. экономич. отношений во всей совокупности ее функциональных и историч. зависимостей, является непревзойденным образцом осуществления Л. м. и. в практике научного исследования.

По своей логич. структуре Л. м. и. является сложной зависимостью многочисленных приемов исследования, направленных на решение задач по воспроизведению системы и закономерностей ее развития. Объект, подлежащий исследованию, представляет собой сложное целое, состоящее из массы составляющих, функционально связанных друг с другом и данных наряду; поэтому первоначальная проблема Л. м. и. — определение начального, с х о д н о г о п у н к т а исследования. Поскольку исследуемый объект представляет собой такое целое, к-рое включает в себя множество различных зависимостей между входящими в него составляющими, так что один и тот же элемент входит в состав нескольких связей, а одна и та же связь взаимодействует с массой других связей, — важнейшая задача Л. м. и. — определить общую последовательность рассмотрения всех составляющих объекта, последовательность переходов от отношения исходного к другим, от этих других к третьим и т. д. Особая проблема, решаемая Л. м. и., — изображение принятой последовательности рассмотрения объекта как последовательности исторической (достижение

единства логического и исторического).

Характеризуя общий принцип теоретич. расчленения объекта, свойственный Л. м. и. и решающий в общем виде проблему последовательности рассмотрения объекта, Маркс (применительно к анализу экономич. системы капитализма) писал: «...Недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития... Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества» («К критике политической экономии», 1953, с. 221). Т. о., при Л. м. и. система расчленяется на ряд различных функционально связанных форм, причем хотя подобное расчленение и позволяет воспроизвести исследуемый объект с т. зр. процессов его развития, решающим при самом вычленении этих форм являются не историч., а структурные отношения между ними в рамках данного состояния системы.

В «Капитале» Маркс различает в качестве основных такие структурные зависимости между составляющими системы: 1) функциональную зависимость «господствующее — подчиненное» (при этом объект расчленяется на такие составляющие, из которых одни в данной системе выступают в качестве определяющих, а другие — в качестве определяемых) и 2) зависимость «простое — сложное» (при этом объект расчленяется на такие составляющие, из которых одни по своему строению являются более простыми или сложными, нежели другие). В соответствии с первым типом зависимости Маркс выделяет в системе бурж. экономич. отношений также, напр., сферы, как «капитал» и «земельная собственность» [ср. «Капитал, это — господствующая над всем экономической силой буржуазного общества. Он должен составлять как начальный, так и конечный пункт и должен быть разобран (entwickelt) раньше земельной собственности» (там же)], как «промышленный капитал» и подчиненные ему формы — «капитал, приносящий проценты», «товарно-торговый капитал» и т. д. В соответствии со вторым типом структурной зависимости Маркс рассматривает элементы системы раньше связей, их включающих (напр., машину — раньше фабрики), более простые связи — раньше связей более сложных (напр., Д — Т раньше Д — Т — Д), индивидуальный процесс — раньше переплетения индивидуальных процессов (напр., метаморфозу индивид. капитала — раньше метаморфозы обществ. капитала) и т. д.

Вычлененные в ходе такого функционального расчленения отдельные составляющие объекта подвергаются дальнейшему исследованию по отношениям «форма — содержание», «сущность — явление», «количество — качество» и т. д. В результате исследователь приходит к обнаружению исходного пункта рассмотрения и воспроизведения системы в форме историч. теории — к тому ее простейшему отношению, к-рое Маркс и Ленин называли «клеточкой» системы. «...В „Капитале“, — писал Ленин, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) все противоречия (resp. зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (в сумме. — *Ред.*)

его отдельных частей, от его начала до его конца» (Соч., т. 38, с. 358—59).

Так же характеризует «клеточку» системы Энгельс: при Л. м. и. «...мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, — из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем самое по себе; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения... Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения и что теперь нам надо развивать две противоположные стороны этого нового отношения и т. д.» (цит. по кн.: Маркс К., К критике политич. экономии, с. 236).

Движение от «клеточки» системы ко всем другим ее отношениям и зависимостям, осуществленное Марксом в форме *восхождения от абстрактного к конкретному*, совпадает с той последовательностью рассмотрения, к-рую Маркс, а позднее Ленин, называл диалектической, или логической. Значение этой логич. последовательности состоит в том, что с ее помощью объект воспроизводится как система связей, причем «...самые замысловатые экономические проблемы выясняются просто и почти наглядно благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную связь» (Маркс К. и Энгельс Ф., Письма о «Капитале», 1948, с. 121). С другой стороны, логич. последовательность рассмотрения является формой воспроизведения историч. процесса развития этой системы.

Исследование объекта в качестве развивающейся системы достигается при Л. м. и., как и при историческом, с помощью анализа и структуры объекта и его истории, с помощью единства логических и историч. приемов исследования. Однако решение этой общей задачи осуществляется при Л. м. и. исходя из структурного анализа объекта, из логич. последовательности рассмотрения. Отсюда — специфич. особенности Л. м. и. История, по словам Энгельса, идет скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за ней повсюду, то благодаря этому пришлось бы не только принимать во внимание обширный эмпирич. материал со всеми его незначит. подробностями, но и часто прерывать ход мыслей. Л. м. и. свободен от этого. Но «в сущности» он является «...не чем иным, как тем же историческим способом, только освобожденным от его исторической формы и от нарушающих его случайностей» (цит. по кн.: Маркс К., К критике политич. экономии, с. 236). Благодаря логич. последовательности рассмотрения Л. м. и. обеспечивает отражение историч. процесса «в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы» (там же). С другой стороны, при Л. м. и. анализ вовсе не обязан держаться только в чисто абстрактной области, он нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью.

Подобно историч. методу, Л. м. и. может быть применен к анализу любого развивающегося системного объекта, при условии, что этот объект не только объективно представляет собой историч. систему, но и субъективно выделен в качестве такого из ряда других

объектов. Иными словами, как и историч. метод, Л. м. и. не может быть применен к анализу несистемного объекта, неразвивающейся (механической) системы или к одновременному (напр., сравнительному) анализу нескольких историч. систем. Напротив, в отличие от историч. метода, Л. м. и. вполне уместен при воспроизведении (в абстрактной форме) историч. процессов развития тех объектов, эмпирич. история к-рых безвозвратно исчезла (напр., звездные системы) или в настоящий момент не изучена.

Лит.: Энгельс Ф., Карл Маркс. «К критике политической экономии», в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 1, М., 1955, с. 325—34; его же, Анти-Дюринг, М., 1957; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Философские тетради, там же, т. 38; Ролзэн Галь М. М., Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; Зиновьев А. А., Восхождение от абстрактного к конкретному (На материале «Капитала» К. Маркса), М., 1954 (авторэф.); Грушин Б. А., Логич. и историч. приемы исследования в «Капитале» К. Маркса, «Вопр. философии», 1955, № 4; его же, Очерки логики историч. исследования, М., 1961. Б. Грушин. Москва.

ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ. 1) В широком смысле — направление, представители к-рого пытаются использовать данные *математической логики* и растущее применение в науке математич. и логич. средств для оправдания агностицизма и субъективного идеализма в его позитивистском виде. В этом смысле Л. п. совпадает с *неопозитивизмом* (т. н. «философией науки»). 2) В узком смысле Л. п. — этап в развитии неопозитивизма, связанный с *Венским кружком* 20 — сер. 30-х гг. 20 в. и деятельностью его сторонников в Англии, США, в ряде скандинавских и лат.-амер. стран. Гл. представители Л. п. — Шлик, Карнап, Нейрат, Ф. Вайсман (Австрия), Мизес, Рейхенбах (Германия), Франк (Чехословакия), Витгенштейн, А. Айер, Поппер, К. Гемпель (Англия), Моррис (США), Л. Ружье (Франция), Й. Йоргенсен (Дания), Э. Кайла (Финляндия) и др. Публикации представителей Л. п. появлялись гл. обр. в «Erkenntnis» (1930—38). Теоретич. источники Л. п., с одной стороны, — *магизм*, у к-рого были восприняты гл. позитивистские установки: отрицание мировоззренческой сущности и партийности философии, ограничение задач науки изучением «посредственно данного» в опыте субъекта, игнорирование обществ. практики, субъективистское истолкование новейших данных естествознания, в частности физики, и, с др. стороны, — метод т. н. «логического анализа» проблем филос. характера, к-рый приобрел развитую форму в трудах Рассела (см. *Логического анализа философия*).

Специфика Л. п. состоит в подмене филос. проблематики логич. анализом языка науки: «Логика есть сущность философии» (Russell B., Our knowledge of the external world, L., 1952, p. 42). Философия, — писал Карнап (1934), — это «логика науки», а именно — «логический синтаксис языка науки», и требовал от философа изложить «синтаксические правила вместо философских аргументов» (Carnap R., The logical syntax of language, L., 1952, p. 52; см. также, p. 279—81). В этом прокламированном Карнапом в нач. 30-х гг. отождествлении философии с *логическим синтаксисом* (к-рый в действительности представляет собой один из научно-значимых аспектов логич. исследований, но не может претендовать на исполнение общепилос. функций) состояла одна из характерных особенностей Л. п.

Мн. представители Л. п. были одновременно крупными учеными в области математич. логики, физики, теории вероятностей и др. областях науки и ставили важные для ее развития проблемы формализации научного знания; однако их философ. установки приводили к методологически несостоятельным оценкам этих проблем и путей их решения, к ошибочным конвенционалистским и субъективно-идеалистич. выво-

дам. Антинаучность Л. п. прежде всего проявилась в борьбе против материализма, к-рая велась под лозунгом защиты «эмпиризма» от посягательства «метафизики». Метафизическими представителями Л. п. объявили основные проблемы философии: вопрос о первичности материи и вторичности сознания, о познаваемости мира, о причинности и т. п., считая их совокупностью «псевдопроблем», якобы лишенных научного смысла.

Перед философией, очищенной от метафизики, Л. п. ставил, по крайней мере, одну задачу, а именно: философия должна, «проясняя» язык наук, унифицировать последний в систему «единого знания» (Einheitswissenschaft). «Едиственное дело, которое он (философ. — Ред.) может делать... — это действовать как своего рода интеллектуальный полицейский, следя за тем, чтобы никто не нарушил границы и не перешел в область метафизики» (Ayer A., см. сб. «The revolution in philosophy», L., 1956, p. 78—79).

Пытаясь разрешить эту задачу, Л. п. обратился к средствам разработанной наукой логич. анализа теоретич. знания, стремясь обосновать сведение теоретич. предложений к непосредственно-данному (с 1935 — к *протокольным предложениям*). Методом «очищения» философии от «метафизики» был признан т. н. метод верификации (см. *Верифицируемости принцип*), применяемый в качестве критерия фактич. истинности и науч. осмысленности предложений. Переключаясь с тезисом *операционализма*, на этапе Л. п. он выражал требование сводимости значения предложения к способу его эмпирич. проверки. Обнаружение трудностей, связанных с применением этого метода (приводящим, в частности, к солипсизму), вызвало полемику вокруг вопросов, относящихся к характеристике фундамента науч. знания (состоит ли этот фундамент из чувственных данных, фактов или из протокольных предложений), к соотношению фактич. и логич. истинности и характеру самого принципа верификации (принять ли «строгий» или же различные «ослабленные» его варианты). В этой связи получила видоизмененная развитая Карнапом и Нейратом концепция *физикализма* как средства реализации постулата единого языка науки. Неудача попыток указанного выше сведения (т. н. редуccionистский этап неопозитивизма) и стремление избежать субъективистских последствий принципа верификации привели представителей Л. п. к отказу от осн. положений этого направления в их «крайней» форме, к отходу от физикализма и к смягчению первоначальной «антиметафизической» кампании. Это означало распад Л. п. К 40-м гг. это течение утрачивает прежнюю определенность и вливается в общее позитивистское русло «аналитич. философии».

Характерное для Л. п. стремление к наивозможно «полной» реализации принципа «эмпиризма» средствами совр. символич. логики выразилось вместе с тем в попытке применить этот принцип к самой логике. Результатом «эмпирич.» подхода к последней явился т. н. *конвенционализм*, согласно которому логика и математика ничего не говорят о мире и бессодержательны; их положения «тавтологичны», т. к. аналитически вытекают из исходных положений, к-рые считаются истинными по определению. Определения же эмпирически «даны» в том смысле, в каком субъекту «даны» его собственные решения. Конвенционализм нашел яркое выражение в «принципе терпимости» Карнапа. Одним из проявлений конвенционализма в Л. п. был резкий разрыв между фактической (т. е. относящейся к области фактов) истинностью (т. н. принцип корреспонденции, т. е. согласования предложения и факта) и *логической истинностью* (т. н. когеренция, т. е. взаимосогласованность предложений друг с другом в логич. системе).

Одной из отличительных черт Л. п. является то, что он ввел в сферу гл. филос. интересов проблему значения. Но исследования представителей Л. п. в этой области свидетельствовали о методологич. несостоятельности установок этого направления и тем самым подготовили крушение Л. п.; крайняя односторонность наиболее характерной для Л. п. концепции значения как выразимости одних знаков посредством других (эта концепция выросла из вышеупомянутого принципа когеренции) лишь подчеркивала необходимость разработки *логической семантики* (заявившей впоследствии важное место в науке).

Отношение Л. п. к религии характеризуется след. положениями: предложения религии не являются ложными; они лишь не имеют науч. смысла, так что возможно сосуществование науки и религии (Айер); человек. душа испытывает в религии потребность, подобно потребности в искусстве (Карнап); религия и теология должны оставить свои претензии на решение вопросов науки (Рассел). Только немногие представители Л. п. и близкие к нему философы (напр., Рассел) пытались сделать из указанной концепции атеистич. выводы; в частности, Рассел доказывает несовместимость религии и морали. Большинство же заняло по отношению к религии примирит. позицию.

В социологии Л. п. привел к идеям «эмпирич. социологии» Нейрата, несовместимой с марксизмом, хотя и претендовавшей на «усовершенствование» (в духе австромарксизма) историч. материализма. В 40—50-х гг. 20 в. эти идеи были развиты Дж. Ландбергом, Н. Лазарфельдом и др. уже в открыто враждебном марксизму духе. В этике Л. п. привел к образованию школы т. н. эмотивизма (30—40-е гг. 20 в.), отрицающей научную значимость эthic. утверждений и относящей их в одну рубрику с побудительными предложениями, восклицаниями, выражающими настроения (эмоции) субъекта, и т. п. (Айер в Англии, Л. Стивенсон в США и др.).

Классовая позиция большинства представителей Л. п. — позиция либер. бурж. интеллигентов, к-рые не выражают своего несогласия с отрицат. тенденциями империализма, хотя и не разделяют его агрессивных политич. устремлений; несостоятельность этой половинчатой тактики («уйти из политики в науку», доказываемая всем ходом классовой борьбы, неизбежно приводит к уступкам реакц. идеологии. Подтверждением тому являются многочисл. попытки идеологов империализма использовать Л. п. и связанные с ним филос. и политич. доктрины для «объяснения» междунар. напряженности несовершенством языка и неопределенностью политич. терминологии.

Лит.: Корнфорт М., Наука против идеализма, пер. с англ., М., 1957; Современный субъективный идеализм. Критич. очерки [под ред. М. П. Баскина и М. Ш. Бахитова], М., 1957; Витгенштейн Л., Логико-философский трактат, пер. с нем., М., 1958; Карнап Р., Значение и необходимость, пер. [с англ.], М., 1959; Нарский И. С., Что такое доктрина «Венского кружка?», «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1961, № 2; его же, Совр. позитивизм (Критический очерк), М., 1961; Философия марксизма и неопозитивизм (Сб. ст.), М., 1963 (имеется библиогр.); Каила Е., Der logistische Neupositivismus, «Annales Universitatis Aboensis», ser. B, 1930, v. 13; Blumberg A. F. and Feigl H., Logical positivism (A new movement in European philosophy), «J. Philos.», 1931, v. 28, № 11, p. 281—96; Schlick M., Positivismus und Realismus, «Erkenntnis», 1932, Bd 3; Carnap R., Logische Syntax der Sprache, W., 1934; пер. на англ. яз., L., 1937; его же, Philosophy and logical syntax, L., 1935; Weinberg J., An examination of logical positivism, 2 ed., L., 1946; Morris C. H., Logical positivism, pragmatism and scientific empiricism, P., 1937; Ayer A., Language, truth and logic, 2 ed., L., 1946; Passmore J. A., Logical positivism, «Australian J. Psychol. Philos.», 1943, 1944, 1948; Russell B., Logical positivism, in: «The development of logical empiricism», Chi., 1951; Semantics and the philosophy of language, ed. by L. Linsky, Urbana (Ill.), 1952; Bergmann G., The metaphysics of logical posi-

tivism, N. Y., 1954; Nagel E., Logic without metaphysics, Glencoe, 1956; Logical positivism, ed. by A. J. Ayer, Glencoe, 1960 (есть библиогр.).

В. Мивенщерадзе, И. Нарский. Москва.

ЛОГИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС — теория, изучающая чисто формальную часть логич. систем, т. е. отношения между их выражениями безотносительно к интерпретации последних и устанавливающая правила построения этих выражений и правила оперирования с ними. Описание л. с. к.-л. системы состоит в указании «словаря» (алфавита и классификации его элементов), правил образования (построения) выражений системы и правил преобразования (вывода, дедукции). См. Синтаксис в логике.

ЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФИЛОСОФИЯ — широкое течение в бурж. философии 20 в., объединяющее направления и отд. философов, к-рые усматривают цель и метод философии в логич. анализе языка науки средствами математич. логики. По методологич. установкам Л. а. ф. не есть нечто единое. В логическом позитивизме идеи Л. а. ф. связываются с отрицанием мировоззренч. характера философии и используются для поддержки гносеологич. платформы неопозитивизма. В то же время др. группы и отд. представители Л. а. ф. соединяют установку на логич. анализ языка науки с иными филос. концепциями (или вообще явно не выражают своей общепилос. позиции).

Само по себе выдвигание логич. анализа как метода или цели философии специфично не только для совр. этапа бурж. философии. Уже неокантианцы *марбургской школы* утверждали, что философия должна быть сведена к логике науки; метод логич. анализа в филос. исследовании пытались применять австр. философ Ф. Brentano (1838—1917), *Мейнонг*, польский философ К. Твардовский и др. Специфику совр. Л. а. ф. составляет не идея логич. анализа, а широкое привлечение средств математич. логики для ее реализации. При этом задачу логич. анализа Л. а. ф. видит не в эмпирич. исследовании логич. свойств естеств. языков, а в построении искусств. языков-моделей, к-рые выступают в качестве реконструкций естеств. языков (в т. ч. «языков науки») или, точнее, их фрагментов. Т. о., в отличие от т. н. лингвистической философии (вместе с к-рой, сводя философию к анализу языка, Л. а. ф. составляет широкое направление т. н. философии анализа), Л. а. ф. понимает анализ языка прежде всего как реформу естеств. естеств. языков в соответствии с определ. логич. нормами. Л. а. ф. возникла в 1-й четверти 20 в., т. е. в период новыш. интереса к логико-методологич. проблематике, обусловленного глубокими переменами в науке, процессом ее математизации, развитием математич. логики и ее приложений к вопросам обоснования математики. Создатели Л. а. ф. противоставили строгость логико-математич. методов «туманности» и «академичности» того подхода к познанию, к-рый был связан с традиционными для прежней идеалистич. философии понятиями, а также описательности эмпирич. методологич. исследований, имевшихся ко времени зарождения этого направления. Важным фактором, способствовавшим развитию Л. а. ф., явилось банкротство идеалистич. *психологизма* в логике и гносеологии. В условиях господства реакц. бурж. идеологии все эти тенденции привели, однако, не к оформлению науч. филос. методологии логич. анализа, а к развитию филос. течения, тесно связанного с несостоятельными позитивистскими (или полупозитивистскими) филос. течениями, с прагматизмом и др. школами совр. бурж. философии.

Основоположником Л. а. ф. был *Рассел*, к-рый в ряде сочинений периода 1912—24 выдвинул идею о том, что логич. анализ открывает широкие возможности для решения филос. вопросов и методологич. проблем науки. По мнению Рассела, строгая формулировка и решение этих проблем могут быть даны лишь на ос-

нове т. н. логически совершенного (или идеального) языка, структура к-рого соответствует структуре логич. исчисления и к-рый выражает подлинный логич. строй наших мыслей, не искаженный дезориентирующей грамматикой естеств. языков. Выражение мысли в этом «идеальном языке» обеспечило бы точность смысла и предупредило бы неправильные метафизич. заключения от структуры языка к структуре мира, имеющие место при употреблении разговорного языка. «Идеальный язык», по Расселу, нужен, однако, только для особых науч. целей и не предназначен для замены разговорного языка в его повседневном употреблении. Идеи Л. а. ф. получили свое развитие в «Логико-философском трактате *Витгенштейна*, где была развита определ. концепция строения знания о мире, связанная с идеей «логически совершенного языка» (см. *Логический атомизм*). Все, что не могло быть выражено на этом «языке» — предложения «традиционной» философии, положения этики и т. п., — было объявлено бессмысленным; источник же появления этих «бессмысленных» выражений усматривался в непонимании людьми логики языка. Философия, согласно Витгенштейну, возможна лишь как критика языка; ее цель — логич. прояснение мысли. Субъективистский характер Л. а. ф. нашел наибольшее воплощение в программе *Венского кружка*.

Попытки реализации этой программы привели к эволюции концепции логич. анализа науки, что было вызвано стремлением устранить или смягчить несоответствие между исходными принципами этой концепции и действит. характером науч. знания. В результате мн. представители Венского кружка отказались от ряда существенных пунктов первоначальной доктрины.

Начиная с 20—30-х гг. к течению Л. а. ф. примкнули, помимо логич. позитивистов Венского кружка и берлинской группы *Рейхенбаха*, ряд групп и отд. философов в США и Великобритании, уральская школа в Швеции, мюнстерская школа в Германии, а также *львовско-варшавская школа*. В США Л. а. ф., помимо сторонников «логического эмпиризма», продолжающих линию Венского кружка, представлена группой т. н. «неопрагматистов» (*Куайн*, Ш. Уайт, Н. Гудмен). Сочетание прагматизма с отд. идеями Л. а. ф. имело место уже в т. н. концептуальном прагматизме К. Льюиса. Совр. неопрагматисты используют логич. анализ языка науки в своих попытках осуществить номиналистич. элиминацию «абстрактных сущностей», они отвергают жесткое различие аналитич. и синтетич. высказываний, утверждая, что оно зависит гл. обр. от прагматич. (см. *Прагматика*) соображений. Взглядов, близких к неопрагматистским, особенно в вопросе об аналитич. и синтетич. высказываниях, придерживался А. Пап, к-рый, однако, отвергая номинализм, выражал определ. идеи платонизма в Л. а. ф. К совр. представителям Л. а. ф. следует также отнести ряд философов и логиков в США (У. Селлерс, Ф. Чизм, А. Бёркс, *Нагель*), Великобритании (*Поппер*, Р. Б. Брейтвейт, С. Туллин, У. Нил, У. Вуджер), в скандинавских странах, в Австралии и т. д. Всех их, несмотря на определ. различия филос. позиций, объединяет установка на разработку логич. языков и на уточнение (экспликацию) с их помощью логич. форм языка науки (напр., высказываний, выражающих законы науки) или решение определ. логико-гносеологич. проблем (относящихся, напр., к теории значения, индукции, проблеме подтверждения гипотез и др.).

Исследования представителей совр. Л. а. ф. перестали в значит. мере быть философскими или гносеологическими, а являются конкретно-логическими или логико-методологическими. В частности, их конкретные исследования в области логич. семантики (*Карнап*), *вероятностной логики* (*Карнап*, *Рейхенбах*, *Поп-*

пер, фон Райт), *модальной логики* (К. Льюис, фон Райт, Бёркс), строения гипотетико-дедуктивных теорий (*Гемпель*, *Карнап*), логич. формы номологических, диспозициональных и причинных высказываний (*Рейхенбах*, Бёркс, Селлерс, Чизм и др.), проблем науч. объяснения (*Гемпель*, Брейтвейт) и др. имеют науч. значение. Однако в вопросах филос. истолкования основных теоретич. результатов конкретно-научных исследований представители Л. а. ф. продолжают выступать как противники философии марксизма.

Лит.: Рассел Б., История зап. философии, М., 1959, гл. 30; Нарски и И. С., Совр. позитивизм, М., 1961, гл. 4; его же, Понятие формального анализа и диалектика, «Вестн. МГУ», 1963, № 1; Швырев В. С., Неопозитивистская концепция эмпирич. значения и логич. анализ науч. знания, в кн.: Философские вопросы современной формальной логики, М., 1962; Carnap R., Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache, «Erkenntnis», 1931, Bd 2, H. 4; его же, On the character of philosophic problems, «Philos. Sci.», 1934, v. 1, № 1; Feigl H. and Sellars W. (editors), Readings in philosophical analysis, N. Y., [1949]; Pap A., Elements of analytic philosophy, [N. Y.], 1950; Quine W. van O., From a logical point of view, Camb. (Mass.), 1953; Philosophy and «Analysis». A selection of articles publ. in «Analysis» between 1933—40 and 1947—53, ed. by M. Macdonald, Oxf., 1954; The age of analysis, ed. by M. White, [N. Y.], 1955; Lewis C. I., Mind and world order, N. Y., [1956]; Urmsion J. O., Philosophical analysis, Oxf., [1958]; Russell B., My philosophical development, L., [1959]. В. Швырев. Москва.

ЛОГИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ — категории материалистич. диалектики, выражающие отношение теоретич. воспроизведения закономерности развития в ее всеобщих характеристиках (логическое) к процессу ее историч. развертывания в многообразии конкретных форм (историческое). Как универсальные характеристики логики и истории развития, Л. и и. являются необходимой формой применения диалектич. метода к построению действительно научной теории происхождения и развития всякого объекта. По определению Энгельса, логич. метод исследования «...является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 497).

Различие между Л. и и. намечено уже у Аристотеля в его различении «первого по природе» («по сущности») от «первого по времени». По Аристотелю, последовательность теоретич. рассмотрения не может и не должна быть простым повторением порядка смены явлений во времени, ибо с т. зр. разума действительность выглядит не так, как с т. зр. чувств. восприятия. Если для последнего исходным пунктом оказываются единичные вещи, то для разума — общие формы, категории, роды. Но поскольку именно разум открывает познанию истину, постольку порядок вещей в разуме также более истинен, соответствует подлинной картине рождения и развития вещей: «...сущность есть первое со всех точек зрения — и по понятию, и по познанию, и по времени» (Met. VII, 1 1028a10—b3). Однако, отчетливо понимая различие чувственного и всеобщего, Аристотель оказался не в состоянии объяснить их единство как сторон единого процесса развития. Поэтому он противопоставил научное знание (*ἐπιστήμη*), как знание необходимого и всеобщего, мнению (*δόξα*) — чувств. знанию единичного. В этой апории Аристотеля обнаружилась основная диалектич. трудность проблемы.

На почве свойственного философии 17—18 вв. метафизич. понимания природы, лишившего ее действит. развития во времени, проблема отношения Л. и и. не могла быть поставлена во всей полноте ее содержания. Рационалисты нового времени репали проблему отношения всеобщего в действительности и в мышлении тем, что просто отрицали различие между ними. У Декарта и окказионалистов (см. *Окказионализм*) они выражают две субстанции, в к-рых каждое

действие одной точно соответствует действию другой. У Спинозы эти субстанции преобразуются в атрибуты единой природы, так что связь идей оказывается тождественной связи вещей. Правда, у крупнейших мыслителей нового времени имеются догадки о принципиальном родстве формы теоретич. дедукции с представлением о развитии. Так, Декарт, приступая к построению своей системы мира, к выведению сложных явлений из простейших частиц, обосновывает свое право на такой способ построения теории след. соображением: «Природу их (вещей. — *Ред.*) гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые» (Избр. произв., М., 1950, с. 292). Принципиально верное решение проблемы отношения логич. последовательности («порядка и связи идей») к последовательности рождения вещей в природе наметил Спиноза.

Др. форма решения проблемы отношения последовательности развития понятий к порядку изменений действительности представлена номинализмом Гоббса и сенсуализмом Локка, Кондильяка, а также субъективно-идеалистич. концепциями Беркли и Юма. Для этой позиции естественным оказывался взгляд, согласно к-рому логич. порядок развития понятий диктуется лишь имманентной природой мышления и не стоит ни в каком отношении к последовательности развития предмета во времени. Проблема, т. о., просто снимается с рассмотрения.

Наиболее полно проблема отношения Л. и и. стала перед философией лишь к началу 19 в. Наиболее значит. этапом в ее рассмотрении оказалась нем. классич. философия, увенчанная системой Гегеля. Будучи идеалистом, Гегель рассматривал историю человечества, т. е. историю цивилизации, науки и нравственности, включая и производство материальной жизни, как внешнее проявление логич. мощи разума. Эмпирич. история человечества с этой т. зр. неизбежно представляется как внешнее воплощение логич. начала, как логическое, лишь развернутое во времени. Отказав природе в развитии, Гегель тем самым рассмотрел лишь один (и к тому же производный) аспект проблемы — вопрос об отношении логики развитого мышления к истории формирования этой логики. Историческое было представлено в его философии как несвершенная, искаженная форма логического. Однако в этой перевернутой форме впервые было установлено совпадение логич. последовательности процесса развития понятий с научно понятой последовательностью историч. процесса, ибо логика развитого мышления есть на самом деле результат всей истории практич. и духовного развития человечества, сокращенно-обобщенное отражение тех реальных всеобщих закономерностей, к-рым это развитие подчиняется.

Понимание роли историч. подхода к логическо-теоретич. анализу было характерно для рус. революц. демократов середины 19 в. См., напр., у Н. Г. Чернышевского: «Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах» (Избр. филос. соч., т. 1, 1950, с. 303).

Диалектико-материалистич. решение вопроса было дано Марксом и Энгельсом в результате критич. переработки гегелевской концепции с позиций материализма и на конкретном материале политэкономич. теории. Проблема в этом свете выступила более сложной, чем у Гегеля. На почве материализма вопрос стал так: в какой закономерной связи находится теория (т. е. логич. отражение предмета), во-первых, с историей самого отражаемого предмета и, во-вторых, с историей человек. знаний о нем, с историей самой теории. Ясно, что прямого совпадения Л. и и. нет ни в том, ни в другом случае. Всеобщее (необходимое, законосообразное) в истории не существует само по себе,

но только как объективная логика событий, протекающих во времени и несущих на себе непосредственные, в т. ч. и случайные, характеристики конкретно-историч. особенностей. Последние и образуют специфическую историч. форму объекта. Логически-всеобщее выступает в очищенном от историч. непосредственности виде, т. е. как логическая форма (см. *Форма логическая*), только в теории. Но что означает и как достигается эта «очищенность»? Научный анализ вообще, как правило, «...избирает путь, противоположный их (т. е. объективных форм. — *Ред.*) действительному развитию» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 82); «...историческое развитие всех наук только через множество перекрещивающихся и окольных путей приводит к их действительной исходной точке. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем она заложила его фундамент» (Маркс К.; К критике политической экономии, 1953, с. 46). Анализируя историю математики (в «Математических рукописях»), Маркс отмечает, что создатели математич. анализа Ньютон и Лейбниц действовали с самого начала на почве дифференциального исчисления, однако не давая ему должного логич. доказательства. Это было сделано лишь позже благодаря трудам ряда математиков — от Д'Аламбера, Эйлера и Лагранжа до Коши и Вейерштрасса, к-рые подвели под дифференциальное исчисление строгое основание в виде теории пределов и установили его связи с «нижележащими» разделами математики. Тем самым с нек-рым запозданием были определены логически необходимые звенья единой системы математич. знаний. То же самое можно обнаружить в истории любой науки. Так же обстоит дело и с теорией Дарвина. Открытием закона естеств. отбора Дарвин обнаружил действительно всеобщий принцип биологич. развития, к-рый определяет процесс видообразования и тем самым представляет биологич. целесообразность как детерминированный процесс. Т. о., был выдвинут единый логич. принцип построения целостной системы биологич. отношений. Однако, строго говоря, эта теоретич. система не была доведена Дарвином до ее истоков. Вопрос о природе и механизме наследственности не был им решен, исчерпывающего решения этого вопроса, к-рое бы выявило логич. связь между наследственностью и процессом видообразования, нет и до сих пор, хотя биохимия и генетика значительно продвинулись в изучении клеточных механизмов наследственности. Аналогичное положение наблюдается в наст. время и в *космогонии*, где планетная космогония представляет уже развитую теорию, звездная же возникла совсем недавно.

Стало быть, совпадение Л. и и. есть не исходный пункт, а результат историч. развития знаний. Для теории это совпадение составляет цель, к к-рой она должна устремляться. Средством же ее достижения оказывается лишь критич. анализ предшеств. развития теории. Непосредственно проблема отношения Л. и и. и встала перед Марксом в виде вопроса о способе критич. преодоления ранее достигнутого теоретич. понимания действительности: «критику политической экономии... можно было проводить двойным образом: исторически или логически» (там же, с. 235). Это связано с тем, что возникновение новой теории, т. е. новой ступени логич. отражения, необходимо связано с критич. преобразованием предшеств. ступени теоретич. развития. В любом случае критика теории совершается через ее сопоставление с фактами, с действительностью. Различие же между Л. и и. способами критики понятий (соответственно — способами теоретич. анализа выраженных ими фактов) заключается в следующем: при историч. способе теория сопоставляется с теми самыми фактами, на почве к-рых она возникла, при логиче-

ском же — с фактами, наблюдаемыми на высшей ступени зрелости того же предмета. Избрав логич. способ, Маркс, в частности, подверг критике трудовую теорию стоимости, развитую в нач. 19 в., сопоставляя ее категории с действительностью середины 19 в. Этот способ имел явные преимущества перед историческим. Он позволял рассматривать каждое экономич. явление в той точке, где оно достигло полной зрелости и чистоты выражения, полно выявив свои тенденции и противоречия. Стоит указать хотя бы на кризисные явления. К тому же факты, современные Марксу, могли быть лучше и тщательнее проверены. Наконец, логич. способ давал непосредств. теоретич. понимание совр. экономич. развития.

Здесь проявляется то закономерное отношение, в к-ром стоит новая теория (новая ступень логич. развития) к истории ее подготовки. Старая теория и ее категории, будучи сопоставлены с фактами, наблюдаемыми и сегодня, на высшей точке развития предмета, предстают как неполное, одностороннее, абстрактное отражение конкретности и потому включается на правах абстрактного момента в новое логич. понимание. Она тем самым снимается в составе более глубокого и полного понимания новой теории. Рациональное (объективное) содержание прежней критикуемой теории входит в состав новой теории и отбрасывается лишь представление, будто она была исчерпывающей, каковой она, естественно, казалась ее автору. Старая теория поэтому интерпретируется как относит. истина и тем самым — как частный случай более общей и конкретной теории. Характерным случаем такого отношения между старой и новой теорией может служить сформулированный физиком 20 в. «принцип соответствия» (см. *Соответствия принцип*). Это связано с тем, что более общая теория, возникающая по времени позже, оказывается в то же время и более конкретной (см. *Конкретное*). Указанное понимание основовавалось у Маркса и Энгельса на диалектико-материалистич. интерпретации таких категорий, как всеобщее (общее), конкретное и т. д., и без нее не может быть правильно освещено.

Согласно материалистич. диалектике, логич. анализ фактов и понятий, относящихся к высшей стадии зрелости исследуемого конкретного объекта, сам по себе дает по существу историч. понимание этого объекта, даже в том случае, когда история, его создавшая, специально и не исследуется.

Маркс так сформулировал отношение между Л. и и. в ходе научного анализа: «Для того, чтобы развить законы буржуазной экономики, нет надобности писать действительную историю производственных отношений. Паустролив, правильное созерцание и дедукция производственных отношений, которые сами сложились исторически, всегда ведет к некоторым первым соотношениям (на манер того, как эмпирически найденные числа в естествознании), которые указывают на прошлое, лежащее позади этой системы. Эти указания, вместе с правильным пониманием настоящего, дают также ключ к пониманию прошлого» («Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie...», М., 1939, S. 364—65). Потому анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» («К критике политической экономики», 1953, с. 219). Это значит, что низшие формы развития правильно понимаются только в свете тех тенденций, к-рые полностью выявляются лишь позже, а в составе низших форм заслонены, переплетены со случайностями и потому не видны.

Данное методологич. соображение основано на том, что в результате историч. процесса, т. е. в составе оформившейся, или ставшей, системы явлений, сохраняется и в необходимых ее моментах постоянно воспроизводится история ее собств. происхождения и развития. Чрезвычайно наглядно это демонстрирует,

напр., *биогенетический закон*. Поэтому вопрос, на первый взгляд чисто методологич., оборачивается объективно-диалектич. проблемой — вопросом о том объективно-закономерном соотношении, в к-ром находится историч. процесс и его собств. продукты.

Поскольку диалектика развития товарно-капиталистич. общества есть частный (и очень характерный) случай диалектики развития вообще, постольку на ней можно проследить решение проблемы отношения Л. и и. в ее общем виде. Теория, т. е. логич. отражение, имеет дело со всеобщими и необходимыми моментами исследуемого предмета. Ее не интересуют те частные моменты, к-рые имеют место на одной стадии его развития и бесследно исчезают на другой. Но действительно необходимые предпосылки и условия возникновения любой конкретной системы взаимодействующих явлений сохраняются на всем протяжении ее истории. Их исчезновение или разрушение было бы равнозначно разрушению самой системы. Более того, если система развивается, то все необходимые и всеобщие условия ее существования должны быть налицо в постоянно расширяющихся масштабах. С этим и связано то обстоятельство, что любая саморазвивающаяся система взаимодействующих явлений с необходимостью воспроизводит эти условия и предпосылки (или хотя бы свое отношение к ним) своим собств. движением, т. е. полагает их как свой продукт. Таково отношение капитала к товарной форме, к деньгам, к свободной рабочей силе и т. д. Имея их своими историч. предпосылками, условиями *sine qua non*, капитал активно воспроизводит их как результаты своих кругооборотов и притом во все расширяющихся размерах. Это отношение Маркс прямо рассматривает как всеобщий диалектич. закон, имеющий значение для любой «органической системы». «Если в развитой буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазной экономической форме, и если, таким образом, каждое полагаемое (*Gesetzte*) есть одновременно предполагаемое (*Voraussetzung*), то это отношение имеет место в любой органической системе» («Grundrisse...», S. 189). И, наоборот, каждое действительно необходимое следствие существования данной системы необходимо же превращается в условие ее дальнейшего развития, напр. монополия в развитии капитализма. И поскольку данная конкретная органич. система действительно превратила условия своего возникновения в следствия, в продукты своего самодвижения, она и превращается в относительно самостоят. форму развития. До этого она была лишь побочным ответвлением исторически предшествующей ей системы явлений. Аналогичным является и отношение, напр., человеческой цивилизации к природным, материальным условиям ее возникновения. Она превращает — и чем дальше, тем больше — независимые от нее условия и предпосылки в свой продукт. Условия и предпосылки специфически человечес. бытия, не переставая быть природными фактами, превращаются в «органы» предметного тела цивилизации и, как таковые, активно воспроизводятся ее собств. движением. Условия возникновения системы превращаются в ее следствия, и потому взаимоотношение между разными моментами ее обретает циклич., точнее — спиралевидный характер. Только при таком условии система развивается и растет подобно снежному кому. Именно поэтому логический, т. е. одновременный, срез через все необходимые системы показывает все эти моменты в той же самой их последовательности, в к-рой они на самом деле и во времени, т. е. исторически, становились ее внутренне необходимыми компонентами. Напр., если товар может быть по существу понят независимо от анализа структуры капитала, но не наоборот, то это свидетельствует и о том, что исторически, во времени, товарная форма сложи-

лась ранее, т. е. была историч. предпосылкой возникновения капитала. Иными словами, явление, более сложное по существу (более развитое), может быть квалифицировано и как более позднее. Поэтому, указывал Маркс, логич. развитие оказывается «ключом к пониманию исторического развития» (см. там же, С. 565).

Вместе с тем Маркс отмечает, что логич. анализ ни в коем случае не может руководствоваться просто той последовательностью, в к-рой рассматриваемые категории исторически играли решающую роль на поверхности историч. процесса, и соответственно той последовательностью, в какой они осознавались людьми (см. «К критике политической экономии», с. 221). Дело в том, что процесс историч. становления системы всегда совершается на почве условий, созданных всем предшеств. развитием и в очень сложном переплетении с массой других процессов. И если категории капитала в теории, раскрывающей лишь внутр. логику становления системы, предшествует категория денег и стоимости, то в действительности капиталу предшествовала другая сложная система экономич. взаимоотношений, от своеобразия к-рой теория полностью абстрагируется.

Капитал, возникшая вначале как «чужеродное тело» внутри феод. системы экономич. отношений, начинает развиваться в противоположность ей, частью ломая ее формы без остатка, частью сохраняя их и развивая до полного значения те моменты, к-рые до этого существовали в них в виде побочных и несущих тенденций. В ходе этого становления капитал превращается в формы своего собств. самодвижения многие явления, существовавшие задолго до него (напр., торговую прибыль, процент и т. п.), откуда и получается видимость, что эти формы, как исторически более ранние, и в логич. анализе должны предшествовать понятию капитала. Однако подобные формы, хотя они и существовали задолго до того, как появился капитал в собств. смысле этого слова, в истории становления капиталистич. системы обрели внутр. отношение лишь там, где независимо от них развившийся капитал превратил их в формы своего специфич. движения, и не ранее. Поэтому логич. развитие соответствует лишь той историч. последовательности, в которой совершалась эволюция именно данной, конкретной системы взаимодействующих явлений, а не история в целом, данная непосредственному эмпирич. наблюдению.

Иными словами, логическое соответствует историческому, но лишь понятому в его сути, лишь в подлинной, внутренней необходимой последовательности его моментов, скрытой от непосредств. взора и часто даже обратной по сравнению с ухватываемой им картиной. [Ср. замечание В. И. Ленина о том, что в научной истории философии «хронология насчет л и ц» обязательна (см. Соч., т. 38, с. 360)]. Логич. порядок категорий в науке противоречит, т. о., вовсе не действит. истории данного конкретного предмета, а лишь поверхности явлений и поверхностно понятой истории. А верно понятая логич. последовательность совпадает с верно понятой историч. последовательностью развития данного конкретного объекта науки. Развивая положения Маркса и Энгельса по этому поводу, Ленин определяет логику как «... итог, сумму, вывод и с т о р и н познания мира» (там же, с. 81), отмечая, что «в логике история мысли д о л ж н а, в общем и целом, совпадать с законами мышления» (там же, с. 314).

Диалектико-материалистич. решение вопроса об отношении Л. и и. дает в руки исследователя методол. ориентиры. Напр., кажется совершенно естественным, если хочешь познать предмет исторически, прямо начинать с рассмотрения фактов его истории. Однако в этом случае сразу же встает вопрос — с чего начинать, с какого момента датировать

начало истории этого предмета? Оказывается, что понимание истории предмета зависит от того, как понимается сам этот предмет, т. е. от логич. аспекта.

Э. Ильенков. Москва.

Историч. необходимость не есть наперед заданное, неподвижное условие движения, как думают механисты, а есть процесс ее становления в историч. развитии. Напр., нервная система развивается в направлении дифференциации и концентрации от диффузного сетчатого строения до развитой нейронной системы экранного типа в коре головного мозга человека. При этом структура коры на высшем функционально-морфологич. уровне как бы воспроизводит принцип сетчатого строения нервной системы гидры. Качества, к-рые характеризуют нервную систему высших животных и человека, в нервной сети, напр., кишечнополостных могут быть обнаружены только в виде возможности. Но для того чтобы такую возможность усмотреть, необходимо исследовать эту элементарную нервную структуру с т. зр. принципов работы и строения развитых форм нервной системы.

В этом движении законов развития заключается объективное содержание Л. и и. как категорий и объективное основание их как методов исследования. Выступает ли определ. закономерность на первонач. этапах развития предмета или на стадии его неполной зрелости, все равно она есть закон исторически определ. и в этом смысле самодовлеющей органич. системы. В качестве таковой предмет определяется всегда как историч. реальность, а не как «предпосылка», только тенденция. Источником саморазвития этой системы, составляющим внутр. содержание ее закона, выступает специфическое, в историч. пространстве и времени определенное противоречие. Эту историч. действительность всякой органич., т. е. саморазвивающейся, системы и улавливает историч. метод. В то же время заморазвитие системы необходимо обнаруживается переходом ее в преемственно более высокую систему, по отношению к к-рой она выступает как предшеств. ступень и в этом смысле как действит. предпосылка. Именно в этом плане разворачивается закон саморазвивающегося процесса в целом, и в структуре закономерностей высших ступеней раскрывается логика развития исторически предшеств. этапов. Эта-то логика историч. преемственности и воспроизводится логич. методом. Единая научная теория развития предмета возможна только на базе такого выявления логики процесса. Так, навловская рефлекторная теория выросла на изучении рефлексов высших млекопитающих, кортикальных рефлексов, и только поэтому установила всеобщее значение рефлекса как физиологич. категории. В свете этой теории более полное и глубокое исследование получили и рефлексы как более низких уровней центральной нервной системы, находившиеся в центре внимания предшеств. физиологии. Однако все равно простое перенесение развитых форм закономерности на процесс становления предмета исследования неправомерно: первые представляют собой необходимость развитой системы и относятся к генезису ее как уже выявленная возможность, тенденция. Поэтому-то генетич. исследование проблемы происхождения, необходимо предполагающее выявление исходной категории, «клеточки» процесса, может осуществиться в научном объективном плане, в плане совпадения Л. и и. только с позиций развитой теории. Но и логика высшей ступени развития, являющаяся ключом к логике низших ступеней, все же не может вполне совпасть с последней. Границы этого совпадения определяются тем, что сквозная логика процесса в целом не покрывает специфики каждой из ступеней этого процесса, в к-рых выявляются их историч. своеобразие, историч. конкретность. В этом смысле каждая из ступеней единой линии развития образует конкрет-

ную систему, и конкретно-всеобщие теоретич. определения ее, выступающие как всеобщие в контексте логики высших ступеней, совпадают с низшей только в общем, к-рое, т. о., никогда не может исчерпать конкретности. Поэтому Л. и и. всегда находятся в отношении противоречия, вследствие чего наука никогда не может быть завершена не только в исследовании перспектив развития, но и в изучении прошлого.

Лит.: Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957, с. 20—23; его же, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, М., 1952, с. 358—59; Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38, с. 80—81, 91, 165, 173, 183, 193, 314; Розенталь М. М., Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; Грушин Б. А., Логические и исторические приемы исследования в «Капитале» К. Маркса, «Вопр. философии», 1955, [№] 4; его же, Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития, М., 1956 (дисс.); Ситковский Е. П., Ленин о совпадении в диалектическом материализме диалектики, логики и теории познания, «Вопр. философии», 1956, [№] 2; [Розенталь М. М.], Историческое и логическое, в сб.: Категории материалистической диалектики, М., 1956; Тугаринов В. П., Соотношение категорий материалистической диалектики, Л., 1956; Рошин В. П., Марксистско-ленинская диалектика как философская наука, Л., 1957; Кузьмин Е. С., Система онтологических категорий, Иркутск, 1958; Библиер В. С., О системе категорий диалектической логики, [Душанбе], 1958; Подкорытов Г. А., Соотношение истории и теории в познании, «Вопр. философии», 1958, [№] 10; Ильенков Э. В., Логическое и историческое, в сб.: Вопросы диалектического материализма, М., 1960; его же, Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960; Розенталь М. М., Принципы диалектической логики, М., 1960; Спиркин А. Г., Происхождение сознания, М., 1960; Грушин Б. А., Очерки логики исторического исследования, М., 1961; Розенталь М. М., Ленин и диалектика, М., 1963; K ges ch n a k H., Zur Einheit von Logischem und Historischem in der Erkenntnistheorie, «Dtsch. Z. Philos.», 1963, Jg. 11, [№] 4.

ЛОГИЧЕСКОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ — исчисление (формальная система), допускающее интерпретации в терминах дедуктивной логики или же с самого начала строящееся в качестве формализации к.-л. содержат. логич. теории. В соответствии с распространенным употреблением термина «исчисление» не только в применении к формальным (хотя, быть может, и интерпретируемым) системам, но и к содержат. математич. и др. теоретич. аппаратам («дифференциальное исчисление» и т. п.), термин «Л. и.» используется также для наименования содержательных систем логики, особенно в тех случаях, когда они используются в качестве базы для построения более обширных (вообще говоря, нелогич.) теорий. Для обоих пониманий термина «Л. и.» наиболее существенным является не различие между ними, а то, что их объединяет, — именно, наличие четкого, «алгоритмического» (см. *Алгоритм*) логич. аппарата.

В совр. науке общепризнана роль Л. и. как основы для построения более богатых содержанием нелогич. систем. Примерами Л. и., служащих для указанных целей, являются исчисления высказываний (классическое и интуиционистское — см. *Интуиционизм*, *Интуиционистская логика*, *Поиска высказываний*), различные виды *натурального исчисления*, *сеquentий исчисления*; примерами Л. и. служат также т. н. исчисления строгой *импликаци* *Льюиса* и нем. математика В. Аккермана и др.

При построении на базе Л. и. к.-л. (математич.) теории к «чистому» Л. и. обычно присоединяют различные предметные, предикатные и (или) функциональные *константы*. Полученное в результате Л. и. наз. прикладным Л. и. Простейшим и наиболее важным примером служит исчисление предикатов с равенством, получаемое из обычного (классического или интуиционистского) предикатов исчисления путем введения индивидуального предиката равенства и характеризующих его постулатов. Это исчисление многие логики также счи-

тают Л. и., полагая, что предикат равенства имеет логич. природу. Независимо от этой характеристики равенства следует отметить, что исчисление предикатов с равенством чаще всего выступает именно в той роли, к-рая была охарактеризована выше как присущая Л. и., — в роли дедуктивной основы более развитых аксиоматич. теорий. То же самое можно сказать и о т. н. логико-арифметич. исчислениях (напр., об исчислении, описанном в соч. С. К. Клини «Введение в метаматематику», рус. пер. 1957), поскольку формальная (т. е. построенная на аксиоматич. основе) арифметика может быть положена (и фактически кладется) в основу др. разделов математики, а также о различных системах аксиоматич. теории множеств. Исчисления такого рода (никем, кроме последоват. логистов, не характеризуются как логические) интерпретируются (см. *Интерпретация*) в соответствующих предметных областях. Для логико-арифметич. исчислений такой областью служит натуральный ряд чисел (см. *Математическая индукция*), для аксиоматич. теорий множеств — множества (и иногда, к л а с с ы множеств). Исследование таких логико-математич. исчислений играет важнейшую роль для проблем обоснования как математики, так и самой логики (см. *Метод аксиоматический*, *Непротиворечивость*, *Парадоксы*). С др. стороны, их теория в известном смысле более элементарна, чем теория «чисто» Л. и., поскольку понятия последних являются результатом более высоких абстракций.

Кроме перечисл. примеров логич. и логико-математич. исчислений, основанных на т. н. двузначной логике (т. е. исходящих из различения двух «значений истинности» — «истины» и «лжи»), большое распространение получили также различные системы *многозначной логики*.

Значит. вклад в развитие общей теории Л. и. внесли нем. математики Д. Гильберт, Гёдель, Г. Генцен, амер. математики Клини, Дж. Б. Россер, Э. Пост, Чёрч, Кёрри, польские ученые Лукасевич, Тарский, Мостовский, норв. математик Т. Сколем, голл. математик А. Гейтинг, сов. ученые П. С. Новиков, А. А. Марков, Н. А. Шанин и др. Исследование различных Л. и. имеет первостепенное филос. значение, содействуя, по выражению Гильберта, изучению «техники нашего мышления» (см. «Основания геометрии», М.—Л., 1948, с. 382).

Лит. см. при статьях: *Исчисление*, *Логика высказываний*, *Предикатов исчисление*. Ю. Гастев. Москва.

ЛОГИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ — суждение (предложение, высказывание, формула), логически вытекающее (или, иначе, логически следующее) из посылок умозаключения (или из посылок вывода, состоящего из ряда умозаключений), т. е. выводимое из посылок на основе правил и законов логики. См. *Следствие*.

ЛОГОС (λόγος) — непереводимый и один из самых оригинальных и популярных терминов антич. и ср.-век. философии, обозначающий такое единство мышления и языка, к-рое доходит до их полного тождества. Условно и описательно его можно было бы перевести «мысль, адекватно выраженная в слове и потому неотделимая от него» или «слово, адекватно выражающее какую-нибудь мысль и потому от нее неотделимое». Поэтому перевод этого термина на др. языки весьма затруднителен. Такие ходовые переводы, как лат. verbum, нем. Wort, франц. parole, англ. word, передают только словесную сторону значения термина, но не его смысловую и логич. сторону. Тем не менее, только в зависимости от контекста речи этот термин в греч. языке может пониматься то более узко, то более широко; вообще же ни при каком контексте речи нельзя забывать указанного глубочайшего единства

мысли и слова. Из многочисл. отд. значений можно указать следующие. Смысловые значения: «смысл», «понятие», «категория», «определение», «суждение», «мысль», «умозаключение», «отношение», «основание», «принцип», «причина», «аргументация», «доказательство», «исследование», «предположение», «теория», «метод», «закон», «наука», «рассудок», «разум» (как чисто человек. разум, так и в том или др. обобщении, включая божеств. разум). Значения из области языка: «слово», «предложение», «высказывание», «изложение», «речь», «разговор». Термин и понятие «Л.» является одним из самых оригинальных порождений греч. гения, выраставшего на основе стихийного материализма и не понимавшего такой чистой мысли, к-рая не была бы в то же самое время практически использована. Стоики, в особенности ранние, а предположительно уже и Гераклит, не отождествляли бы так легко Л. с самыми обыкновенными вещами, с их смысловой значимостью, если бы здесь не лежал в основе античный стихийный материализм. Л. — одновременно и огонь, и смысл вещи, и сама материальная вещь.

Философия Л. начинается с Гераклита. За ничтожным исключением, все историки философии и особенно богословы всегда выдвигали у Гераклита на первый план учение о Л., находя в Гераклите прямого или косвенного предшественника иудейско-христ. учения о божестве-слове. «Правителем мира и богом» Л. назван у *Климента Александрийского* при изложении им учения Гераклита о круговороте вещества (В 31, Diels⁹). Но это не мысль Гераклита, а интерпретация самого Климента, желающего доказать сотворенность огня-Л. Подобным же образом, но с позиций стоицизма интерпретирует Гераклита и Марк *Аврелий* (В 72). Наконец, извлекаемое из не критически мыслящего коллекционера Стобея (жившего к тому же, по крайней мере, на 1000 лет позже Гераклита) изречение: «душе присущ Логос, сам себя умножающий» (В 115) уже и вовсе не имеет никакого отношения к предполагаемому учению Гераклита о Л. как о божестве. Силе мира. Такого же типа понимание термина «Л.» в изречении Гераклита о неисчерпаемости души, где говорится — «столь глубок ее Логос» (В 45). *Максвеллский* совершенно правильно перевел тут вместо «Л.» — «столь глубока ее основа». Позднейшая традиция приписывала Гераклиту такие термины, как «бог», «судьба», «необходимость» (А 8), «вечность» (В 50), «мудрость» (В 32, 108), «общее» (В 2), «закон» (В 114) и др. Как понимать все эти термины в сравнении с термином «Л.» — неясно. Посидоний (А 8) выдвинул целую фантастич. концепцию на эту тему: «Гераклит объявил сущностью судьбы логос: пронизывающий субстанцию вселенной. Это — эфирное тело, сперма рождения вселенной и мера назначенного круга времени». Однако здесь слишком заметна аристотелевская и послеаристотелевская, в частности стоическая, терминология, чтобы можно было ее некритически и безоговорочно относить прямо к Гераклиту.

Т. о., рассуждая строго филологически, доказать наличие у Гераклита определенного и развитого учения о Л. как о той или иной космич. силе и тем более представить его предшественником христ. учения о божестве-слове невозможно. Поскольку же Гераклит является одной из вершин греч. натурфилософии, можно думать, что проповедуемая у него материя огня имела свою диалектич. закономерность. И тогда, на основании окружающего историч. фона и придерживаясь марксистской традиции в интерпретации философии Гераклита, можно вместе с *Динником* понимать Л. у Гераклита как «закон бытия, объективно данного в развитии, возникновении и уничтожении его переходных форм, т. е. как реальный диалектический закон...» («Диалектика Гераклита Эфесского», 1929,

с. 167; на с. 128—89 см. обзор многочисленных истолкований логоса Гераклита).

В соч. более поздних др.-греч. натурфилософов можно встретить самое разнообразное значение Л. Прежде всего, это самое обыкновенное «слово», к-рое противопоставляется делу (Анаксагор, В 7; Филолай, В 11; Демокрит, В 82) и даже «просто только слово» (Ксенофан, В 1, 14; Парменид, В 1, 15; Демокрит, В 51, что не чуждо также и Гераклиту, В 87). Последнее, конечно, больше представлено у *софистов* (Горгий, В 3; Фрасимах, В 1), особенно в риторич. смысле (Протагор, А 3; Горгий, В 17; Гиппий, А 12, и мн. др.). Далее, Л. понимался как человек. разум (Ксенофан, А 32; Парменид, А 1; Анаксагор, А 101). Понимание Л. как объективного разума или как космич. закономерности встречается у атомистов (Левкипп, В 2; ср. Демокрит, А 38). Постепенно пллдуется и логич. значение Л. — в смысле «закон» или «отношение», «вычисление». У Платона логич. значение Л. дано весьма выразительно: «понятие» (Theaet. 148 D), «суждение» (там же, 186 D), «обоснование» (Gorg. 509 A), «критерий» (там же, 465 a), «теория» (R. P., 361 B, 369 a, 525 E), «разум» (там же, 402 a), «разумное основание, или отчет» (в диалектич. рассуждении — там же, 533 c, 534 b, 259 E), «категория познания» (там же, 260 a; Soph. 264 b), «закон движения звезд» (Logg. 898 a), «первичная причина» как в смысле логич. принципа (Soph. 265 c), так и в объективном миропорядке (Tim. 46 D). В логич. отношении термин «Л.» интерпретируется и Аристотелем; он употребляет его в тех же значениях, что и Платон, но, кроме того, и в других значениях: «слово» или «речь», «объяснение» или «определение», «понятие» и «силлогизм» (напр., Anal. pr. 124 b 18), «доказательство» (напр., см. Met. I 9, 990 b 12—18; De an. I 3, 407 a 25), «аксиома», «математическое отношение», «исследование». Важно отметить то, что у Аристотеля не попадает ни натурфилософского, ни вообще онтологич. значения Л., хотя его перводвигатель есть не что иное, как *нус* — ум.

Стоики, вернувшись к досократовской материалистич. натурфилософии, стали понимать самое матерю как результат периодич. воплощений Л., трактованного у них как «творческий огонь». И хотя субъективизм послеклассич. философии заставил их трактовать огненный Л. как божество. разум (Зенон, SVF I frg. 85, Agnim), как провидение (там же, frg. 160; 162; Клеанф, I frg. 531; Хрисипп, II frg. 945) и как универсальную целесообразность, они все еще не отличали от «природы» всеобщей судьбы, или рока (там же, Хрисипп, II frg. 937). Весьма многочисл. ст. ои. тексты о пронизывании Л. всей природы, всего человека, всей его психологии и биологии, о наличии Л. в человеке в виде «господствующего» начала и необходимости подчиняться этому началу показывают, что понятие Л. проникло в их этику. Сперматич. Л., т. е. «семенной смысловой принцип», — термин, к-рый является блестящей иллюстрацией антич. материалистич. учения о Л., когда этот последний был и телесным огненным семенем, и организующим принципом, и смыслом всякой вещи и существа (Зенон, I frg. 102, 108; Клеанф, I frg. 497; Хрисипп, II frg. 580, 1027; I frg. 141).

Последним этапом развития антич. учения о Л. является *неоплатонизм*, к-рый, исходя из платоно-аристотелевского учения о перводвигателе и об его энергиях, стал трактовать логосы вместе со стоиками как истекающие («манирующие») из этого нуса-перводвигателя, «осеменяющие все бытие принципы» и, т. о., развертывающие «внутренний» Л. в «произнесенный» (Plot. П 3, 16, 18; Ш1, 7; IV 3, 15; IV 4, 12; IV 7, 2; V 1, 1).

Филон Александрийский толковал библейского Иегову как платоновский мир идей и Л., из к-рого исте-

кают Л. в материю, что и приводило к творению мира (De mundi orif. I 13) и к толкованию Л. как первородного сына божия, посредствующего между богом и людьми (De agric. I 12). Это не могло не приводить Филона к глубочайшему противоречию между *теизмом*, *деизмом* и *пантеизмом* (оно было вскрыто М. Д. Муретовым в кн. «Учение о логосе у Филона Александрийского и Иоанна Богослова в связи с предшествовавшим историческим развитием идеи логоса в греч. философии и иудейской теософии», 1885; ср. его же, «Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о логосе», 1885). Через четвертое Евангелие (I 4—5) это учение о Л., постепенно освобождаемое от элементов пантеизма, вошло в *патристику*, в христ. символ веры (где оно стало догматом о воплощении бога-слова), подверглось бесчисленным толкованиям, начиная с раннего христианства вплоть до конца средневековья и бесчисленное количество раз возобновлялось не только в популярной богословской литературе, но и у таких мыслителей, как Фихте или Гегель.

Лит.: Трубецкой С. Н., Учение о логосе в его истории, 2 изд., М., 1906; He i n z e M., Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie, Oldenburg, 1872; A a l l A., Geschichte der Logosidee in der griechischen Philosophie, Bd 1—2, Lpz., 1896—99; F l i p s e H., De vocis quae est λόγος significatione atque usu, Leiden, 1902; L o e w E., Heraklit im Kampfe gegen den Logos, W., 1908; T u r c h i N., La dottrina del logos nei presocratici, «Riv. stor.-crit. delle Scienze Theol.», Roma, 1910; D ö r f l e r J., Vom Mythos zum Logos, Freistadt, 1914; H ö l s c h e r U., Der Logos bei Heraklit, в кн.: Varia variorum, Festgabe für K. Reinhardt..., Köln, 1952; K e l b e r W., Die Logoslehre von Heraklit bis Origenes, Stuttg., 1958; H i l d e b r a n d K., Platon, Logos und Mythos, 2 Aufl., B., 1959; N e s t l e W., Vom Mythos zum Logos, Stuttg., 1959; D u c h e s n e - G u i l l e m i n J., Le Logos en Iran et en Grèce, «Philosophia», anno 13, 1962, novembre, supplement; R u b e r g M., Logos, Hdlb., 1962. А. Лосев, Москва.

ЛОГОСОФИЯ (от греч. λόγος — слово и σοφία — мудрость) — реакц. учение аргент. философа-идеалиста Пекоче, рекламируемое в США. Сочетает в себе объективный и субъективный идеализм. Согласно Л., конечная цель самосовершенствования человека — поиски бога.

Лит.: Сивоконь П., [рец. на кн.] Пекоче Ц., Л., наука и метод, «Новые книги за рубежом по обществ. наукам», 1960, ноябрь, № 11; его же, Л. профессора Пекоче, «Наука и религия», 1962, № 6; G o n z a l e z P e s o t t e C. V., Logosophy: science and method, N. Y., 1959.

ЛЮДИЙ, Петр Дмитриевич (4 мая 1764—10 июня 1829) — философ-деист. Род. в Австро-Венгрии в с. Збой Земщинского комитата (в наст. время терр. ЧССР). Проф. Львовского (с 1787) и Краковского (с 1801) ун-тов, Петерб. пед. ин-та (с 1803) и ун-та (1819—20).

Рассматривая человека как состоящего из тела и «души» (являющейся совокупностью естеств. познават. и волевых способностей), Л. развил сенсуалистич. взгляд на проблему познания. В полемике с субъективным идеализмом, скептицизмом и агностицизмом, в особенности кантовским, он доказывал возможность достижения истины, к-рую понимал как «сходство мыслей наших с таковым предметом, который действительно существует вне нашего ума» («Логич. наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного», СПб, 1815, с. 310). Л. выступил против попыток запретить преподавание в России философии и низведения ее до роли «служанки богословия». С 1820 Л. подвергался гонениям: его не допускали к преподаванию философии, «Логич. наставления...» были запрещены к переизданию, на самого Л. писались доносы. Взгляды Л. на проблемы обществ. жизни были консервативны (см. «Теория общих прав, содержащая в себе филос. учение о естеств. всеобщем гос. праве», СПб, 1828).

Соч. Л. «Естеств. право народов» и «Полный курс философии» остались неопубликованными, рукописи их, по-видимому, погибли.

Лит.: Зверев В. М., Петр Дмитриевич Л., в кн.: Бюллетень студент. науч. об-ва Ленингр. ун-та, вып. 2, [Л.], 1959; Москаленко Ф. Я., Учение об индуктивных выводах в истории рус. логики, К., 1953, с. 164—65, 167—69; Костюк Г. С., Рус.-укр. связи в формировании передовой отечеств. психологич. мысли, «Изв. Акад. пед. наук РСФСР», 1955, вып. 65, с. 60—62.

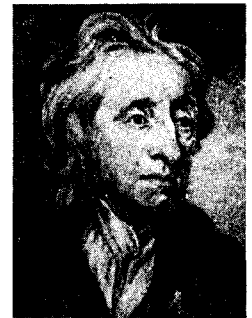
З. Каменский, Москва.

ЛОЙОЛА (Loyola), Игнатий (1491—31 июля 1556) — исп. монах, основатель ордена иезуитов (см. *Иезуиты*). В 1540 папа Павел III утвердил устав «Общества Иисуса» (Societas Iesu) — ордена иезуитов. Л., избранный первым генералом ордена, превратил орден в одно из орудий католич. реакции. В соч. «Духовные упражнения» («Exercitia spiritualia», 1548) Л. изложил принципы и систему иезуитского воспитания, ставящего своей целью полное подавление индивидуальной воли человека и превращение его в послушное орудие христианской церкви. В 1622 папа римский провозгласил Л. «святым». Б. Рамм, Ленинград.

ЛОКАЙТА (от санскр. лока — мир, мирские дела) — название одной из материалистич. школ инд. философии. Первоначально в эпосе «Рамаяна», ранних буддистских трактатах и, возможно, в *Артшашастре* термином «Л.» обозначалось преим. иск-во спора, умение опровергать устоявшиеся положения и религ. догмы и вообще скептицизм, к-рый за его направленность против религии брахманизма стал позже отождествляться с материалистич. учением *чарвака*. Начиная с 5 в. в работах буддистских и джайнистских авторов термином «Л.» обозначаются материалистич. учения, отрицающие существование бога, души (атман), идеи о переселении душ и т. д. Термин «Л.» обычно употребляется в качестве синонима чарвака с традиц. провозглашением одного из древних мудрецов (в данном случае Брихаспати) основоположником этого учения. В нек-рых работах термином «Л.» называют мировоззрение простого народа.

Лит.: Чаттопадхьяя Д., Локайта даршана. История индийского материализма, пер. с англ., М., 1961; R h y s - D a v i d s T. W. (tr.), Dialogues of the Buddha, vol. 2, L., 1910, pp. 169—172; S c h e r m e r h o r n R. A., When did Indian materialism get its distinctive titles?, «J. Amer. Oriental Soc.», 1930, v. 50, № 2; S u r e n d r a n a t h D a s g u p t a M. A., A history of Indian philosophy, vol. 3, (Camb.), 1940. Н. Аникиев, Москва.

ЛОКК (Locke), Джон (29 авг. 1632—28 окт. 1704) — англ. просветитель, философ, основоположник материалистич. сенсуализма, первый в философии нового времени систематически разрабатывавший теорию познания как спец. область философии. Л. — идеолог т. н. «славной революции» 1688 — классового компромисса крупной буржуазии и части земельной аристократии, представлявший «...новую буржуазию во всех ее формах...» (М а р к с К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 62). Род. в Рингтоне в семье судейского чиновника. В 1652 поступил в Оксфордский ун-т, где по окончании недолго занимался преподаванием. В 1667 стал домашним врачом и воспитателем детей, а затем секретарем лорда Эшли (графа Шефтсбери), с к-рым тесно связал свою судьбу. Вместе с Шефтсбери подвергался гонениям при реставрации Стюартов, дважды был вынужден эмигрировать. Путешествовал по Франции и Италии. Бежав в последний раз в Голландию (1683), Л. сблизился с Вильгельмом Оранским и стал идеологом вигов. Здесь он закончил свой гл. филос. труд «Опыт о человеческом разуме» («An essay concerning human understanding», 1690).

После переворота 1688 вернулся в Англию и до 1700 занимал административные посты.

Учение об опыте. Углубляя материалистич. эмпиризм и сенсуализм Ф. Бэкона, Л. развил учение о происхождении знания. Большое влияние на Локка оказали через Ф. Бернье идеи Гассенди. Подвергнув критике теорию врожденных идей картезианцев, кембриджских платоников и Мальбранша, Л., придерживаясь положения о том, что нет ничего в мыслях, чего не было бы в чувствах, пришел к утверждению: «на опыте основывается все наше знание...» («Опыт о человеческом разуме», в кн.: Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960, с. 128). Сознание новорожденного — это «пустое помещение» (empty cabinet), «чистая доска» (tabula rasa), и только опыт, состоящий прежде всего из ощущений, наполняет его содержанием. В педагогике эти идеи привели Л. к признанию определяющего влияния среды на воспитание («Некоторые мысли о воспитании» — «Some thoughts concerning education», 1693), в этике — к установлению тесной связи добра и удовольствия. Эти идеи имели огромное значение для развития обществ. мысли 18—19 вв. Опыт, по Л., состоит из идей, под которыми он понимал всякий объект познания, предстоящий уму: чувств. впечатления, представления, понятия, продукты воображения, интеллектуальные, эмоциональные и волевые акты души (mind), а также иногда и чувств. качества в самих объектах (см. там же, с. 75). В качестве особого внутр. опыта Л. выделил т. н. рефлексию, представляющую собой «...наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления...» (там же, с. 129). Рефлексия, по Л., — вторична и возникает на основе чувств. опыта. Такое понимание рефлексии способствовало преодолению дуализма Декарта, развитию эмпирич. психологии, изучению деятельности субъекта в процессе познания и установлению специфики рационал. формы познания. Компромисс с идеализмом в толковании рефлексии возник в философии Л. лишь при определении результатов деятельности рефлексии, будто бы помимо внешнего опыта порождающей идеи существования, времени, числа. Эта непоследовательность сенсуализма Л. выражала неспособность метафизич. материалиста понять диалектику перехода от чувств. познания к рациональному.

Проблема мира и бога. Источник внеш. опыта Л. видел в объективном мире: «... простые идеи не выдумки нашего воображения, а естественные и закономерные продукты вещей, которые... действуют на нас...» (там же, с. 549). Материалистич. учение о природе изложено Л. в «Опыте» и «Элементах естественной философии» («Elements of natural philosophy», 1697—1700, изд. 1720). Оно сложилось под влиянием атомистики Эпикура, Гассенди и Р. Бойля, а также механики Ньютона. Ленин характеризовал материалистич. взгляды Эпикура и Л. как «... гениальные догадки и указания пути науке...» (Соч., т. 38, с. 290). Пытаясь объяснить отнюдь не устойчивость сочетаний идей внешнего опыта, Л. приходил к предположению о некоей связующей их субстанции-материи, но, будучи метафизиком, понимал ее как «плотную субстанцию» (пометка Л. на полях книги Д. Сердженга), являющуюся подпорой устойчивых качеств предметов внешнего мира (см. Избр. филос. произв., т. 1, с. 301 и др.). В понимании пространства Л. колебался между свойственной Ньютому его абсолютизацией и пониманием его как несамостоятельного условия движения. О факте наличия объективного мира с очевидностью свидетельствуют ощущения (см. там же, с. 612); убеждение в этом делало Л. противником идеалистич. интерпретации сенсуализма.

Принимая идею субстанции, Л. критиковал ее схоластич. интерпретацию. Однако вся трактовка Л. по-

нятия субстанции обнаруживала ее метафизич. слабость, чем воспользовались Беркли и Юм в интересах идеализма. Герцен отмечал, что Л. своим учением о независимости идеи «подпоры» от опыта превращал ее невольно в разновидность им же отрицаемых врожденных идей (см. Собр. соч., т. 3, 1954, с. 293—94).

Как метафизик, Л. не понимал, что материя обладает самодвижением, и считал атомы пассивными. Поэтому для объяснения движения он, как и Ньютон, признавая существование бога, отводил ему роль источника движения и сознания (см. Избр. филос. произв., т. 1, с. 600—11). Вслед за Гоббсом, утверждавшим существование «мыслящих тел», Л. допускал, что материя способна к мышлению. В полемике со Стиллингфлитом, епископом Вустерским (Ворчестерским), обвинявшим Л. в безбожии, Л. повторил аргумент Иоанна Дунса Скота о том, что отрицание способности материи к мышлению означало бы ограничение могущества бога. В соч. «Разумность христианства» («The reasonableness of Christianity», 1695) Л. отстаивал «естественную религию», близкую к деизму и отличающуюся от него допущением божеств. откровения и неких тезисов христ. догматики. Л. — сторонник отделения церкви от гос-ва и веротерпимости, к-рую он не распространял, однако, на католиков и атеистов («Четыре письма о веротерпимости», 1685—1704, изд. 1689—1706). Л. был противником подчинения знания откровению и утверждал, что «вера не может иметь силу авторитета перед лицом ясных и очевидных предписаний разума» (там же, с. 671). Идею бога Л. характеризовал как неясную и спутанную.

Учение об идеях, абстракциях и истине. Простые чувств. идеи (наследницы «натур» Ф. Бэкона) Л. разделял на *первичные качества* (протяженность, фигура, толчок, механич. движение, покой и телесная непроницаемость) и *вторичные качества* (цвет, запах, вкус, звук и т. д.). Первые «... реально существуют... в телах» (там же, с. 157) и воспринимаются совокупностью органов чувств, хотя для выявления структуры тел и нельзя обойтись без разума. Вторые не отражают свойств вещей. Впрочем, в вопросе об отношении первичных и вторичных качеств Л. не занял все же вполне четкой позиции: не понимая диалектики сущности и явления и заявляя, что вторичные качества мнимы, «... вовсе не имеют сходства с ними (вещами. — И. Н.)» (там же), в других случаях он признавал, что между ними и силами тел есть реальная сообразность (см. там же, с. 376), а иногда допускал, что они «подобны» свойствам вещей (см. там же, с. 389). Учение Л. о первичных и вторичных качествах приводило его к противоречию между признанием качества, многообразия мира и стремлением свести его многообразие к первичным качествам. Колебания Л. использовал Беркли, полностью субъективировавший не только вторичные, но и первичные качества, устранив тем самым на почве идеализма всякое различие между ними.

Проводя различие между видами знания по степени достоверности, Л. считал исходным, первым чувственным знанием: оно содержит сведения о существовании вещей вне нас и в этом смысле является почти «интуитивным». Давая знание единичных свойств вещей, оно приближается к знанию более общего характера через использование аналогий, свидетельств различных лиц и пр. (вероятное знание). Второй вид знания — демонстративное, т. е. знание через умозаключения, среди к-рых Л., невысоко оценивая познание значение силлогистики и критикуя ее употребление в схоластике, выделял умозаключения через сравнения и вообще отношения идей. Третий (высший) вид знания — интуитивное знание, т. е. непосредств. восприятие разумом соответствия и несоответствия идей друг другу. В учении об интуиции

на Л. оказал влияние Декарт, однако понимание Л. интуиции свободно от картезианской концепции врожденных идей. Еще до умозаключений, по мнению Л., активность ума проявляется в образовании сложных идей посредством невольного или же активного комбинирования простых идей тремя способами. Первый из этих способов заключается в суммировании простых идей, благодаря чему получаются собственно сложные (complex, collected) идеи субстанций (в данном случае под субстанциями понимаются единичные самостоят. объекты, напр. «человек»), а также идеи модусов (т. е. признаков и действий субстанций) — простых (образуемых соединением однородных простых идей, напр. «пятнадцать») и смешанных (эти модусы образуются через аналогичное соединение разнородных идей, напр. «красота»). Второй способ состоит в сравнении идей, благодаря чему получаются идеи отношений («причина», «отцонство» и др.). Третий способ есть обобщение через предшествовавшую абстракцию, когда суммируются идеи, предварительно отвлеченные от предметов данной группы; в результате возникают общие (general) идеи, напр. «человек вообще», «живое существо». Разграничение между первым и третьим способами по характеру полученных результатов у Л. недостаточно ясно и оправдано. Учение Л. о деятельности рассудка сложилось отчасти под влиянием Гоббса. Положенный в основу его принцип комбинирования соответствовал практике науч. исследования 17—18 вв., в к-ром преобладали собирание, регистрация и упорядочение (классификация) фактов, а на первом плане среди наук выступала механика. Примененный Ф. Бэконом в учении о «формах», этот принцип был использован Л. в теории познания для анализа деятельности мышления.

Вопрос о реальности общего Л. решал в плане концептуализма: «... деление вещей на виды и обозначение их по ним есть работа разума, который из наблюдаемого между вещами сходства делает предположку к образованию отвлеченных общих идей и устанавливает их в уме вместе с относящимися к ним названиями...» (там же, с. 414). Концептуализм Л. был направлен против реализма схоластиков и кембриджских платоников, приводившего к злоупотреблению словами. Л. выдвинул понятие о семантике как общей теории знаков и их роли в познании.

Теория образования сложных и отвлеченных идей Л. была механистической и не учитывала различия между существ. и несуществ. признаками вещей. Сам же Л. замечал недостаточности своего метода обобщения и абстрагирования, что проявилось в проводимом им различении между реальными и номинальными сущностями вещей. Номинальные сущности — это общие идеи родов вещей, получаемые через отвлечение и соединения чувств. идей и фиксируемые в именах (nomina). Содержание их зависит от совокупности воспринятых человеком внешних свойств вещей, а потому оказывается более или менее поверхностным: «... наши границы для видов не вполне соотнобразуются с природными» (там же, с. 453). Для постижения истинной, реальной сущности вещей необходимо при помощи рациональных средств познать структуру тел. Ограниченность теории абстракций Л. проявилась в экономич. учениях А. Смита и Д. Рикардо. «... Его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений» (Маркс К., Теории прибавочной стоимости, ч. 1, 1955, с. 348).

Не проводя отчетливой грани между философией и спец. науками, Л. определял философию как «истинное познание вещей». Истину Л. понимал как соответствие идей объектам и связей между идеями связям между объектами. «Наше познание... реально лишь

постольку, поскольку наши идеи сообразны с действительностью вещей» (Избр. филос. произв., т. 1, с. 548—549). Иногда Л. сбивался на идеалистич. понимание истины, считая познание восприятием «... связи и соответствия, либо несоответствия и несовместимости наших... идей» (там же, с. 514). Те же тенденции к интроспекционизму проявились у Л. в принятии интуиции. Понимание Л. истины как соотношения идей переносило центр тяжести вопроса на отношения между идеями и противоречило его же утверждению о том, что идеи первичных качеств истинны и что, следовательно, элементы знания (идеи) сами могут быть знанием.

Этич., педагогич. и социологич. взгляды. В этике Л. перекрещиваются две тенденции: главная из них состоит в отождествлении добра с длительным удовольствием (здоровье, добрая слава и т. п.) и пользой человека (она повлияла на формирование франц. просветителей 18 в.), вторая, побочная, — в определении добра через добровольное подчинение людьми их поступков божести и граждан. законам, а также обществ. мнению своей страны. Противоречие между данными точками зрения Л. пытался преодолеть, указывая, что законы природы суть именно «ветвь» божеств. закона, дедуктивно из него вытекающие. Развитие Л. понимание человек. природы, согласно к-рому возможны взаимопомощь ощущений, эмоций и разума в определении верного пути жизни, оказало воздействие на концепции Вольтера, Гельвеция и др. франц. просветителей. В английской же философии оно было разрушено Юмом, утверждавшим неустрашимый разлад между разумом, неспособным якобы быть путеводителем людей в практич. жизни, и их повседневными инстинктами и привычками, подчиняющими себе мышление и не ведущими ни к знанию, ни к моральным идеалам.

Целью педагогики Л. было формирование крепкого телом и духом благовоспитанного джентльмена, стремящегося к приобретению знаний, практически полезных для предпринимательской и торговой деятельности. Воспитание должно быть строго индивидуальным, учитывать естественные склонности и способности. Наиболее прогрессивными педагогич. идеями Л. были тезисы о решающем влиянии среды на воспитание и образование и о значении наглядности в обучении.

В социологич. взглядах Л. получила отражение его идея политич. компромисса буржуазии с дворянством. Л. был одним из родоначальников англ. бурж. либерализма. В «Двух трактатах об управлении государством» («Two treatises of government», 1690) им была, в ходе критики феод.-патриархальной концепции Р. Филмера, развита теория бурж. парламентарно-монархич. конституц. гос-ва, направленная как против легитимистов, так и против демократов-республиканцев. Л. — сторонник отделения верховной законодат. власти (парламент) от власти исполнительной (со включением судебной и военной) и «федеративной», т. е. внешних сношений (министры и король). Теория разделения властей отражала практически сложившееся разделение власти между буржуазией и обуржуазившимися дворянами. Эту политич. концепцию Л. пытался обосновать социологически: по его мнению, обществ. договор создал правительств. власть, обязанную охранять «естественные права» людей: личную свободу и частную собственность. В отличие от Гоббса, Л. считал, что пр-во обязано само подчиняться законам, в противном случае нация возвращает себе право суверена, т. е. право насильственно расторгнуть договор с данным пр-вом и образовать новое, к-рому и передается вновь суверенитет. Л. полагал, что в условиях Англии такой случай только что произошел и в повторении не нуждается. Так, Л. узаконивал при-

ход к власти бурж.-дворянской партии Вильгельма Оранского.

Взгляды Л. сыграли большую роль в последующей истории философии, хотя в силу противоречивости их использование было двойственным. С одной стороны, его идеи разрабатывали *Толанд, Пристли, Кондильяк*, франц. материалисты (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, 2 изд., т. 2, с. 139, 142, 144, 147), к-рые, как, напр., *Ламетри* и *Гельвеций*, отбросили его идею рефлексии и понятие бога. Мысли, высказанные Л. в 33 гл. кн. II «Опыта...», положили начало разработке ассоциативной психологии (Юм, Пристли, *Гартли*). Локкова теория воспитания оказала влияние на этич. и социологич. учение Гельвеция, а затем и на концепции утопич. социализма начала 19 в. и передовые педагогич. идеи 18—19 вв. С др. стороны, его учение об опыте было развито Беркли и Юмом в направлении субъективного идеализма. «И Беркли и Дидро, — писал Ленин, — вышли из Локка» (*Соч.*, т. 14, с. 113).

Философия Л. ныне стремятся использовать в интересах субъективного идеализма англо-амер. позитивисты (напр., *Айер*, см. «The problem of knowledge», *Edinb.*, 1957, p. 108) и «общие семантики» (*Хаякава*), к-рые свое понимание теории познания как процесса оперирования исходными чувств. данными и чисто условными знаками возводят к Л. (через Беркли и Юма) и игнорируют признание Л. объективного источника идей внешнего опыта (ощущений). *Витгенштейн* субъективистски преобразовал учение Л. об обобщениях, выдвинув т. н. концепцию «семейных сходств» между чувств. данными, зависящих от конвенционально установленных способов употребления слов (см. «Philosophical investigations», тезис 67 и др.).

Соч.: Опыт о человеческом разуме (An essay concerning human understanding, 1690) — гл. филос. произведение Л., излагающее его теорию познания, над к-рым Л. с перерывами работал почти 20 лет. К 1685 относится вариант первых двух книг «Опыта...», известный под названием «Набросок С» («Draft C»). Извлечение из «Опыта...» было опубликовано на франц. языке в 1688 в журн. «Bibliothèque universelle et historique». Сохранилось два относящихся к 1671 черновых наброска «Опыта...», обнаруживающие значит. влияние на Л. идей Гассенди. Первый из них («Draft A») опубликован Р. Арон в Оксфорде в 1936; второй («Draft B») — В. Ронд в издании Гарвардского ун-та в 1931. «Опыт...» состоит из четырех книг. В 1-й книге содержится критика теории врожденных идей; во 2-й — учение об опыте, классификация идей и образовании сложных идей, а также анализ проблемы субстанции. В 3-й рассмотрены вопросы роли языка в познании; образования общих понятий через абстракцию; 4-й книге — задачи и границы познания, проблема истины и соотношения веры и знания. Точка зрения Л. по последнему вопросу послужила основанием тому, что папа Климент XII своим бреве от 1734 внес книгу Л. в список запрещенных для католиков книг. Лучшее англ. издание «Опыта...» с обстоят. комментариями А. Фрейзера издано в двух томах (Oxford, 1894) «Опыт...» входил во все издания *соч.* Л. начиная с 1714. В 1700 он был издан во франц. и в голл. переводах, в 1701 в лат., в 1755 и 1757 — в нем. переводах. На рус. яз. «Опыт...» издан в переводе А. Н. Савина в 1898 отдельно, а в 1960 в «Избр. филос. произв.», на польском — в 1921 (не полностью) и в 1955 в переводе Б. Гавецкого.

Works, v. 1—3, L., 1714; 10 ed., v. 1—10, L., 1801; (new ed.), v. 1—2, L., 1877; *Philosophical works*, v. 1—2, L., 1889; *Essays on the law of nature*, Oxf., 1954; в рус. пер. — Мысли о воспитании, 3 изд., М., 1913; Мысли о воспитании и о воспитании разума, вып. 1—3, СПб, 1913; Педагогические *соч.*, М., 1939; Избр. филос. произв., т. 1—2, [И т. ео. вступ. ст. и под ред. И. С. Нарского, 2 т. под ред. А. А. Макаровского], М., 1960.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, [М.], 1955 (см. Указатель); его же, К критике политич. экономии, [М.], 1953 (см. Указатель); Маркс К. и Энгельс Ф., Избранные письма, [М.], 1953, с. 429; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, [М.], 1957 (см. Указатель); Серебрянский В., Учение Л. о природных началах знания и деятельности, СПб, 1892; Гребнев К. В., Д. Л. Популярный очерк его жизни и учения, М.—Л., 1929; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 213—23; Суюботи А. Л., Принципы гносеологии Л., «Вопр. философии», 1955, № 2; Сахарова Т. А., Новое о Л., там же, 1956, № 5; История философии, т. 1, М., 1957, с. 433—39; Заиченко Г. А., К вопросу об скептицизме в теории познания Д. Л., «Филос. науки» (Науч. докл. высшей

школы), 1959, № 4; его же, Философия Д. Л., М., 1959; Нарский И. С., Философия Д. Л., М., 1960; Fox Bourne H. R., The life of J. L., v. 1—2, L., 1876; Magdon H., J. Locke. Sa vie et son oeuvre, 2 éd., P., 1893; Fraser A. C., Prolegomena biographical, critical and historical, в кн.: Lock J., An essay concerning human understanding, v. 1—2, Oxf., 1894; Alexander S., Locke, L., 1908; Didier J., J. Locke, P., 1911; Gibsons J., Locke's theory of knowledge and its historical relations, Camb., 1917; Carlini A., La filosofia di G. L., Firenze, 1928; King, [P.], The life of J. L., with extracts from his correspondence, journals and commonplace books, new ed., v. 1—2, L., 1930; McLachlan H., Religions opinions of Milton, Locke and Newton, Manch., 1941; Gough J. W., J. Locke's political philosophy, Oxf., 1950; Klemmt A., J. Locke, Meisenheim — W., 1952; Aron R., J. Locke, 2 ed., Oxf., 1955; Bonno G., Les relations intellectuelles de L. avec la France (D'après des documents inédits), Berk.—Los Ang., 1955; Yolton J. W., J. L. and the way of ideas, Oxf., 1956; Cronston M. W., J. Locke, a biography, N. Y., 1957; Mehring F., J. Locke, Gesammelte Schriften, Bd 13, B., 1961, S. 31—35 (впервые опубли. в журн. «Neue Zeit», 23 Jg., 1904/05, Bd 1); Macpherson C. B., The political theory of possessive individualism. Hobbes to Locke, Oxf., 1962.

И. Нарский. Москва.

ЛОМБРОЗО (Lombroso), Чезаре (18 ноября 1836 — 19 окт. 1909) — итал. психиатр и криминалист. Основатель антропологич. направления совр. бурж. криминалистики. Л. развил теорию о биологич. обусловленности уголовной преступности. Первоначально Л. толковал преступность как атавизм, далее он развивал взгляд на преступника как на помешанного и эпилептика. Л. не только утверждал предопределенность преступности индивида. Он биологизировал юридич. функции гос-ва, отождествляя их с защитной реакцией животных, он рассматривал революцию как результат деятельности гениальных и психически ненормальных людей, к-рым, в отличие от консервативного большинства, физиологические свойственно стремление к переменам. То же стремление, обнаруживающееся в виде выраженной патологии, ведет, по мнению Л., к «бунту». Теория Л. оказала значит. влияние на бурж. криминологов и характерологов, напр. *Кремера* или *Хутона*. Интерес к концепциям Л. со стороны бурж. криминалистики, несомненно, в значит. мере определяется их объективно реакц. социальной направленностью.

Соч.: Il delitto politico e le rivoluzioni..., Torino, 1890 (совм. с R. Laschi); La donna delinquente..., Torino, 1893 (совм. с G. Ferrero); L'uomo delinquente, v. 1—3, 5 ed., Torino, 1896—97; в рус. пер.: Любовь у помешанных, О., 1889; Неполные успехи науки о преступнике, СПб, 1892; Гениальность и помешательство, 3 изд., СПб, 1895.

Лит.: Чижев В., Криминальная антропология, «Северный вестн.», 1892, № 3, отд. 1, с. 161—83; 3 акривский И., Об учениях уголовно-антропологич. школы, X., 1893; Ферри Э., Уголовная социология, ч. 1—2, пер. с франц., СПб, 1910—12; Kugella H., C. L. als Mensch und Forscher, Wiesbaden, 1910; Lombroso C., C. Lombroso, storia della vita e delle opere narrata della figlia, Torino — N. Y., 1915; Ferrarri G., C. Lombroso, 3 ed., Torino, 1915; Hoaton E. A., Crime and the man, Camb., 1931; его же, The American criminal: an anthropological study, Camb., 1939; Lindesmith G. A. and Levin Y., The Lombrosian myth in criminology, «Amer. J. Soc.», 1937, № 42, p. 653—67; Vold G. B., Theoretical criminology, N. Y., 1958.

М. Розович. Москва.

ЛОМОНОСОВ, Михаил Васильевич [8(19) нояб. 1711 — 4(15) апр. 1765] — рус. ученый и мыслитель-материалист. Род. в дер. Мишанинской Архангельской губ. в семье крестьянина-помора. В 1730 ушел учиться в Москву. Учился в Славяно-греко-лат. академии в Москве, Киевской духовной академии, ун-те при Петерб. АН. В 1736—41 продолжал образование в Германии.

Вернувшись в Петерб. АН и работая гл. обр. в области физики и химии, Л. разрабатывает материалистич. атомно-молекулярную теорию или, как он ее называл, «корпускулярную философию»; последняя явилась теоретич. фундаментом выдвинутых Л. молекулярно-кинетич. теорий теплоты и газов. В 1748 в письме к Л. Эйлеру Л. впервые в мировой науке сформулировал всеобщий закон сохранения материи (ве-

щества) и движения. Экспериментально доказанный Л. в 1756 закон сохранения материи и движения был публично изложен им в 1760 на рус. и лат. языках («Рассуждение о твердости и жидкости тел»). Своими открытиями Л. обогатил почти все области знания, что дало основание А. С. Пушкину назвать его «первым нашим университетом» (Полн. собр. соч., т. 7, 1958, с. 277), «величайшим умом новейших времен» (там же, с. 634).

В области философии Л. выступил как один из первых представителей рус. материализма. «Материя, — писал он, — есть то, из чего состоит тело и от чего зависит его сущность» (Полн. собр. соч., т. 1, 1950, с. 173).

В противоположность ср.-век. схоластике Л. доказывал, что материя есть мать единства тел. Принцип единства мира был конкретизирован Л. в законе, согласно к-рому «...все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимется у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-либо телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования, и т. д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому» (там же, т. 2, 1951, с. 183—85; ср. т. 3, 1952, с. 383). Согласно Л., единичные тела обладают протяженностью, имеют начало и конец; общее же движение протяженной материи извечно. В отличие от Галилея и Локка, Л. настаивал на объективности всех качеств материального мира.

Л. развивал мысль о том, что познание природы есть процесс искания истины, в к-ром участвует ряд поколений людей; серьезный тормоз в развитии науки — слепое преклонение перед авторитетами, отжившими теориями (см. там же, т. 1, с. 423). В науке необходимо единство эксперимента и теоретич. мышления: «Мысленные рассуждения произведены бываю из надежных и много раз повторенных опытов» (там же, с. 424). Критикуя ньютонализм, Л. доказывал важное значение гипотез в процессе исследования: «Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе» (там же, т. 3, с. 231).

Л. — представитель механистич. формы материализма, однако его мировоззрению свойственны элементы диалектики. Так, он утверждал: «... телесные на землй вещи и весь мир не в таком состоянии были..., но великие происходили в нем перемены...» (там же, т. 5, 1954, с. 574). Издеваясь над утверждением, будто «все дано от бога», Л. писал: «... напрасно многие думают, что все, как видим, с начала творцом создано... Такие рассуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно, и натуральному знанию шара земного, а особливо искусству рудного дела, хотя оным умникам и легко быть философами, выучась наизусть три слова: „Бог так сотворил“ и сядая в ответ вместо всех причин» (там же, с. 574—75). Л. резко осмеивал и осуждал многие библейские мифы и религ. обряды. Борясь за освобождение науки и философии от идеологич. опеки церкви, Л. противо-

поставлял самодержавному господству богословия «республику наук». Открытая защита Л. гелиоцентрич. учения, его сатирич. памфлет «Гимн бороде» вызывали ярость церковников.

Однако материализм Л. действителен; бог у него все же выступает как «главный строитель», «начальник», «творец», «архитектор» мира, его «всемогущий двигатель» (см. Избр. филос. произв., 1950, с. 93). О теол. непоследовательности в мировоззрении Л. говорит также признание им учения о двойственности истины.

Идеалист в понимании общества, Л. видел его прогресс прежде всего в развитии науки и просвещения. Он ратовал за обществ. преобразования, за развитие индустрии, с. х-ва, торговли, рост народонаселения и т. д. Проявлениями естеств. закона Л. считал служение «общему благу», любовь к Родине, свободное состояние людей, естеств. влечение и браки людей по любви. Он осуждал, как явления, противоречащие естеств. закону, рабство, войны, погоню за наживой и властью, браки по принуждению, многие церк. обряды. «Золотой век» человечества Л. видел в будущем, в совершенствовании человека и общества в целом. Он глубоко верил в творческие силы народа и считал, что гос-во обязано служить его интересам и обеспечивать мир между народами.

От Л. идут две ветви рус. науч.-филос. мысли: материалистич. естествознание и прогрессивная обществ.-политич. мысль, развитая впоследствии Радищевым, декабристами и революц. демократами 19 в.

Борьба вокруг идейного наследия Л. Дворянско-бурж. историки отрицали самостоятельность естеств.-науч. открытий Л., его филос. и обществ.-политич. идей. Для их работ традиционным было искажение Л. из числа выдающихся рус. философов. А. Введенский, напр. (см. «Судьбы философии в России», М., 1898, с. 5), зачеркивая вклад Л. в историю рус. филос. мысли, утверждал, что философия в России появляется лишь в 1755, т. е. с основания Моск. ун-та. Э. Радлов («Очерк истории рус. философии», 2 изд., 1920; его же, Очерк рус. филос. лит-ры XVIII века, опубли. в журн. «Мысль», 1922) формально признавал Л. философом, но отрицал самостоятельность его филос. обобщений. Он характеризовал Л. как идеалиста и последователя философии Х. Вольфа. А. Попов («Наука и религия в мирозверении Л.», в сб. ст.: М. В. Ломоносов, 1911) и И. К. Сухоплов («Взгляды Л. на политику народонаселения», в кн.: Ломоносовский сб., 1911) представляли Л. безоговорочным последователем вольфианства.

Игнорирование и искажение роли Л. в истории рус. философии доведено до предела в писаниях совр. «специалистов» по рус. философии из среды белоэмигрантов. Н. Лосский, напр., в «Истории рус. философии» (рус. пер. 1954) ни словом не обмолвился о Л. как философе. В. Зеньковский изображает Л. как идеалиста и мистика. Он утверждает, что у Л. «есть склонность к „предустановленной гармонии“», что «здесь Ломоносов всецело примыкает к Лейбницу», наконец, что Л. якобы осуществил «теоретический опыт объединения принципов науки и религии» (см. «История рус. философии», т. 1, с. 91—93).

Прогрессивные рус. ученые подчеркивали оригинальность науч. открытий Л. и его филос. взглядов. Ученик Л., первый ректор Моск. ун-та Поповский (см. «Избр. произв. рус. мыслителей 2-й пол. XVIII века», т. 1, 1952, с. 102) видел в нем пример «остроты в науках» рус. народа. Радищев отмечал преемственность своих идей с идеями Л., указывая на огромную ценность его науч. трудов (см. Полн. собр. соч., т. 1, 1938, с. 379—92). Белинский (см. Полн. собр. соч., т. 1, 1953, с. 42—44) называл Л. гением, утвердил за ним место и роль отца и пестуна рус. лит-ры. Некрасов создал поэтич. образ Л. — борца за знания. Чернышевский писал о нем как о великом мыслителе и патриоте (см. Полн. собр. соч., т. 3, 1947, с. 137). Плеханов говорил о гениальности науч. творчества Л., однако несколько преувеличивал деятелич. черты его мировоззрения, ошибочно зачисляя в последователя философии Лейбница — Вольфа, объявлял консерватором по обществ.-политич. взглядам.

Сов. ученые (С. Вавилов, Б. Кедров, Г. Васецкий, Б. Кузнецов и др.), продолжая традиции прогрессивных исследователей наследия Л. (Б. Меншуткина и др.), всесторонне изучили это наследство и показали, что гений Л., опираясь на все передовое в мировой науке и философии, поднялся до оригинальных, самостоят. науч. открытий, материалистич. обобщений, что он стоит в истоках солидной материалистич. традиции рус. мысли.

Соч.: Соч., т. 1—5, СПб., 1891—1902, т. 6—8, М.—Л., 1934—48; Полн. собр. соч., т. 1—10, М.—Л., 1950—59;

Избр. филос. произв. (предисл. Г. С. Васецкого), [М.], 1950; Соч., М.—Л., 1961.

Лит.: Плеханов Г. В., Собр. соч., т. 21, М.—П., 1925, с. 137—60; Меншуткин Б. Н., Труды М. В. Л. по физике и химии, М.—Л., 1936; Бурмистенко И., Филос. взгляды Л., «Под знаменем марксизма», 1938, № 9; Васецкий Г., Иовчук М., Очерки по истории рус. материализма XVIII и XIX вв., М., 1942; Иовчук М. Т., Ломоносов М. В., в кн.: Рус. материализм XVIII века, М., 1946; Загрядков М. Д., Л. о праве и гос-ве, «Изв. АН СССР. Отд. экон. и права», 1946, № 2; Кауфман И. И., Осн. черты естеств.-науч. материализма, М. В. Л., [X.], 1947; Кедров В. М., О филос. значении естеств.-науч. открытий М. В. Л., «Вопр. философии», 1951, № 5; Морозов А., М. В. Ломоносов, Л., 1952; М. В. Л. — основоположник материалистич. философии и передового естествознания в России, в кн.: Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1955, гл. 6; История философии, т. 1, М., 1957, гл. 6; Азаренко Е. К., Мирозрение М. В. Л., Минск, 1959; Белявский М. Т., М. В. Л. — наш первый университет, М., 1961; Вавилов С. И., М. В. Ломоносов, М., 1961; Кузнецов В. Г., Творч. путь Л., 2 изд., М., 1961; Тончиев А., Гениальный ученый, вдохновенный патриот, «Правда», 1961, 22 ноября, № 327; Келдыш М., Великий пример служения народу, там же; Мартысевич И. Д., Вопросы гос-ва и права в трудах М. В. Л., М., 1961; Васецкий Г. С., Мирозрение М. В. Л., М., 1961; Петров Л. А., Л. — великий рус. ученый-материалист, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1961, № 4; Галактионов А., Никандров П., История рус. философии, М., 1961, с. 68—84; Кедров В. М., М. В. Л. и атомистика, «Вопр. философии», 1962, № 2; Кузнецов И. В., Научный метод М. В. Л., там же; Lug-Saluces [A. del. L., le prodigieux moujik, P., 1933; Grasshoff H., M. Lomonossov. Der Begründer der neueren russischen Literatur, Halle, 1962; Lomonosov, Schlözer, Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert, hrsg. von E. Winter [u. a.], B., 1962; Langevin L., Lomonossov et la science de son temps, «Impact Sci. Société», 1963, v. 13, № 2. Л. Петров. Иркутск.

ЛОНГИН — предполагаемый автор трактата «О возвышенном» (рус. пер. «О высоком», 1803, 2 изд., 1826), памятника антич. эстетич. и лит.-критич. мысли эпохи ранней Римской империи. До нач. 19 в. автором этого трактата считали Кассия Лонгина (лат. Longinus), знаменитого риторика 3 в. В 1809 итал. филолог Дж. Аматти, проанализировав рукописи, отверг традиц. взгляд и предположил, что автором является Дионисий Галикарнасский. Затем авторство без достаточных оснований приписывалось Плутарху, риторам Элию Теону, Гермагору и др. Вопрос об авторстве остается открытым. Большинство новейших исследователей (Г. Кайбель, У. Робертс, М. Бойд и др.) относят трактат к 40-м гг. 1 в. н. э. Трактат полемически заострен против одноименного сочинения риторика Цецилия из Калакты. Имеющиеся в нем высказывания об упадке красноречия и его причинах свидетельствуют о том, что идейно Л. принадлежал к кругу республиканской оппозиции, связанной с рим. стоицизмом.

Хотя трактат предназначался для изучающих ораторское иск-во, в нем ставится ряд важнейших вопросов эстетики и теории лит.-ры. Впервые у псевдо-Л. термин «высокое», *возвышенное* интерпретируется и как эстетич. категория. Автор различает возвышенное в природе (его атрибуты — количественно огромное, грозное, страшное) и в челоуеч. обществе, иск-ве. Согласно псевдо-Л., возвышенное — это «...отголосок душевного величия...» (IX, 3). Критерием возвышенного Л. выдвигает общезначимость (см. там же, VII, 4). Л. принадлежит учение о пяти источниках возвышенного, главный из к-рых — смелые мысли и сильная страсть. Три остальных источника (формальные средства) связаны с обучением, мастерством.

Трактат оказал значит. влияние на эстетику нового времени, особенно *классицизма*. Под его влиянием находились Буало, Мильтон, Поп, Винкельман, Драйден. Идея псевдо-Л. нашла отражение во взглядах на возвышенное Бёрка, Канта, Чернышевского.

Соч.: Libellus de sublimite Dionysio Longino fere adscriptus... Oxf., [1906]; De sublimite libellus, 4 ed., Lpz., [1911]; On the sublime, N. Y., 1930; On great writing, transl. by G. M. A. Grube, N. Y., 1957.

Лит.: Vaucher L., Etudes critiques sur le Traité du sublime et sur les écrits de L., P.—Gen., 1854; Kайbел G., C. L. und die Schrift «peri ὑψους», «Hermes», 1899, Bd 34, H. 1; Müller H. F., Die Schrift «Über das Erhabene», Hdb., 1911; Mutschmann H., Tendenz, Aufbau und Quellen der Schrift «Vom Erhabenen», B., 1913; Cantarella R., Osservazioni critiche intorno al peri ὑψους, «Rev. études grecques», 1925, t. 38, № 175—76; Cataudella Q., Intorno al peri ὑψους, там же, 1930, t. 43, № 200—201; Roberts W. R., Longinus on the sublime, «Philological Quarterly», 1928, v. 7 (July), № 3; Munno G., Un libro di critica letteraria nell'antica Grecia, Roma, 1935; Boyd M. J., L., the «Philological discourses» and the essay «On the sublime», «Classical Quarterly», 1957, Jan.—Apr. (New ser.), v. 7, № 1—2, p. 39—46; Morgew G., Boileau and L., «French Studies», 1960, Jan., v. 14, № 1, p. 52—62.

ЛОНГО (Longo), Лунджи (р. 15 марта 1900) — деятель итал. и междунар. коммунистич. движения, ген. секретарь Итал. коммунистич. партии (с 1964). Член ИКП с 1921. Организатор и руководитель

(1921—27) Коммунистич. федерации молодежи (ИКСМ). С 1927 — член ЦК ИКП, с 1931 — член Политбюро. С 1932 — представитель ИКП в ИРКИ. С 1935 работал во Франции. Участник революц. войны в Испании, один из организаторов Интернац. бригады. После поражения исп. революции был выдан франц. пр-вом фашистским властям и находился в ссылке до 1943. С первых дней антифашистской борьбы за освобождение Италии — руководитель партизанского движения. После провозглашения республики — депутат парламента (с 1946). В 1945—64 — зам. ген. секретаря ИКП.

Книги, статьи и выступления Л., опубликованные в журналах и сборниках коммунистич. прессы («Ринашита», «Проблемы мира и социализма», «Критика марксизма» и др.), освещают мн. важные проблемы историч. материализма, истории ИКП, экономики совр. капитализма, тактики компартии, разоблачают враждебные марксизму течения бурж. философии. Л. принимал активное участие в создании теоретич. центра марксистской мысли Италии — «Института Грамши». Много внимания уделяет вопросам культуры, вовлечению прогрессивно настроенной интеллигенции в борьбу за мир, демократию и социализм, высвобождению ее из-под влияния реакц. теории аполитизма и «независимости науки и искусства». Исследованию роли пар. масс в борьбе против фашизма посвящена книга Л. «Народ Италии в борьбе» («Un popolo alla maschia», 1947, рус. пер., М., 1952). В работе «Ревизионизм новый и старый» («Revisionismo nuovo e antico», 1957, рус. пер., 1958) Л. анализирует социально-политич. основы совр. ревизионизма, показывает его полный отход от осн. положений марксизма-ленинизма, от диалектич. материализма, рассматривает важнейшие вопросы совр. коммунистич. движения. Л. разоблачает попытки итал. ревизионистов исказить истинный облик А. Грамши, представив его защитником теории стихийности. Л. борется против принижения ведущей роли компартии в борьбе за мир и социализм, раскрывает связь между интернациональной и национальной сторонами коммунистич. движения. Значителен вклад Л. в изучение совр. капитализма, его развития в Италии и роли гос.-монополии. капитала в наст. время.

Соч.: Il XIX congresso del Partito comunista del Unione Sovietica, в кн.: Togliatti — Longo — Salinari. Per la Costituzione democratica e per una libera cultura. Rapporti alla sessione del C. C. del P. C. I. del 10—12 novembre 1952, [Firenze, 1953]; Azione democratica e rinnovamento del P. C. I., «L'Unità», 1960, 25 gennaio, № 4 (25); Il miracolo economico

e l'analisi marxista, [Roma, 1962]; в рус. пер.: Интернационал. бригады в Испании, М., 1960; За демократич. обновление Италии, за социализм, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 4; Сорок лет жизни и борьбы Итал. коммунистич. партии, «Коммунист», 1961, № 3; «Экономич. чудо» и дальнейшее обострение классовых противоречий, там же, 1962, № 14; Революц. значение борьбы за структурные реформы, «Проблемы мира и социализма», 1963, № 2.

Лит.: Л. Л. о ревизионизме Джолитти, «В помощь политич. самообразованию», 1958, № 15; Невлер В., Л. Л. разоблачает Джолитти, «Нов. мир», 1958, № 9; Л. Лонго, «Новое время», 1960, № 8; Longo ai giornalisti, «L'Unita», 1960, 30 gennaio, № 30.

З. Мелещенко, Москва.

ЛОПАТИН, Герман Александрович [13(25) янв. 1845—26 дек. 1918] — рус. революционер. Род. в Н. Новгороде. Окончил естеств. отделение физико-математич. фак-та Петерб. ун-та (1866), защитив дисс. «О самопроизвольном зарождении» (см. «Историч. архив», 1960, № 3), свидетельствующую о материалистич. подходе Л. к явлениям природы и его атеистич. убежденности. В 70-х гг., живя за границей, находился в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом; был избран в Ген. совет 1-го Интернационала (1870), где поддерживал борьбу Маркса против бакунистов. Перевел на рус. яз. часть 1-го т. «Капитала» Маркса. Зимой 1870—71 сделал неудачную попытку освободить из ссылки Чернышевского. Неск. раз подвергался арестам. В 1883 совершил побег из ссылки. Отстаивая необходимость вовлечения широких нар. масс в борьбу против самодержавия, но не сумев найти правильного пути для революционной деятельности, Л. примкнул к народнич. орг-ции «Народная воля», хотя и не разделял политич. идей народолюбцев. В 1887 был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Освобожден в 1905.

В своих выступлениях Л. разрабатывал вопросы революц. борьбы, резко критиковал либералов. Маркс неоднократно писал о Л. в письмах к своим рус. корреспондентам. По воспоминаниям П. Лаврова, «о многих людях Карл Маркс говорил... с такой теплой симпатией к человеку и с таким уважением к силе его ума...», как о Л. («Г. А. Лопатин», П., 1919, с. 29). Большой интерес представляет запись Л. своей беседы с Энгельсом (1883), во время к-рой Энгельс охарактеризовал задачи и перспективы революции в России (см. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, с. 207—08).

Соч.: Не наши, в кн.: Вперед! (Непериодич. обозрение), 1874, т. 3, отд. 2; Письма... редактору газеты «Daily News», там же; Вместо внутреннего обозрения, «Народная воля», 1884, № 10; [К истории «Вперед!», «Речь», 1916, № 350, 20 декабря; Первые дни революции, «Одесские новости», 1917, 12 марта; Автобиография (1845—1918), П., 1922.

Лит.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 2 изд., [Л.], 1951; Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 20, с. 405; Бурцев В. Л., Из моих воспоминаний, «Свободная Россия», 1889, № 1, с. 48—56; Бернштейн Э. Д., Карл Маркс и рус. революционеры, «Минувшие годы», 1908, № 10, с. 23; Попов И. И., Г. А. Лопатин, М., 1926; Попов А. В., Г. А. Лопатин, в кн.: Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 1, Ставрополь, 1949; Саморук Н. Н., Общественно-политич. деятельность Г. А. Л. (1845—1918), «Вопр. истории», 1951, № 3; Савицкий А. П., Г. Л. в Ташкенте, в кн.: Тр. Среднеазиатского ун-та, вып. 142, Историч. науки, кн. 30, Ташкент, 1958; Рапорт Ю. М., Из истории связей рус. революционеров с основоположниками науч. социализма (К. Маркс и Г. Лопатин), М., 1960; Антонов В. Ф., Г. Лопатин, Липецк, 1960; его же, Рус. друг Маркса Г. А. Л., М., 1962; Научитель М. В., Г. Л. в Сибири, [Иркутск], 1963.

ЛОПАТИН, Лев Михайлович (1 июня 1855—21 марта 1920) — рус. философ-персоналист. Проф. Моск. ун-та, редактор журн. «Вопросы философии и психологии», пред. Моск. психол. об-ва (с 1899). В «динамическом» спиритуализме Л. переплетаются влияния *Лейбница*, *Лотце*, *В. Соловьева*. Ленин называл Л. «философским краснотенцем» и отмечал близость его обскурантских устремлений с философией неокри-

тицистов, имманентов и др. совр. идеалистов (см. Соч., т. 14, с. 286).

Мир, по Л., одушевлен и представляет собой совокупность сверхвременных, внутренне-активных центров — живых монад; каждая из них — единство субстанции и силы, субъекта и процесса. Абс. причина этих конечных динамич. субстанций — бог. Источник и носитель челоуеч. сознания — бессмертная душа, являющаяся более богатой внутр. жизнью монадой, чем монады, составляющие окружающий мир. Объективно-идеалистическая в целом философия Л. включала в себя субъективистские, агностич. тенденции; человек созерцает, по Л., не объективную внешнюю действительность, а лишь ее подобие, созданное духом. Мистифицируя причинность, Л. толковал ее как свободное волеизлияние духа, создающего явления. Философия Л. пессимистична; выход из «безумного хаоса» жизни она видит лишь за пределами земного бытия.

Соч.: История древней философии, [М., 1901], литогр. изд.; Психология, М., [1902]; Философские характеристики и речи, М., 1911; Положительные задачи философии, ч. 1—2, 2 изд., М., 1911; Лекции по истории новой философии, ч. 1, М., 1914; Неотложные задачи совр. мысли, «Вопр. философии и психологии», 1917, кн. 136, янв.—февр.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 14, с. 286—88, 290, 328, 337—38; Гуляев А. Д., Несколько замечаний о приемах историко-философских исследований, Каз., 1909; Коган Л. А., К критике философии Вл. Соловьева, «Вопр. философии», 1959, № 3; История философии, т. 5, М., 1961, с. 345—47; Петровский А. В., Об основных направлениях в рус. психологии нач. XX в., в кн.: Из истории рус. психологии, М., 1961. Л. Куган. Москва.

ЛОПУХИН, Иван Владимирович (24 февр. 1756—22 июня 1816) — рус. писатель-масон (см. *Масонство*). В молодости увлекался «вольтерьянством», переводил «Естеств. политику» *Гольбаха*, с 80-х гг. — масонистик. В кн. «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил» (1780) доказывал, что просвещенные люди, нравственность, правосудие должны быть основаны на заповедях религии, выступал против франц. материалистов, лишивших, по Л., человека «преслаждкия надежды» на загробную жизнь и разрупивших якобы тем самым весь обществ. порядок. В кн. «*Οὐρανολογία*. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь» (1791) Л. детально разрабатывал масонский ритуал и религ. систему нравственности. В произведениях «Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами» (1794), «Благодать и преимущество единоначалия» (1795), «Отрывки сочинения одного старинного судьи и его же замечание на известную книгу Руссово „Du Contrat social“» (1809) Л., исходя из якобы существующего в природе установленного богом «естественного» неравенства, доказывал естественность обществ. неравенства, необходимость «степени состояний». Отстаивая необходимость «мудрого» самодержавного правления, Л. считал одной из гл. задач масонов борьбу с теорией *общественного договора* франц. энциклопедистов. Осуждая франц. революцию конца 18 в., Л. утверждал, что только соблюдение христ. заповедей делает «человека совершенно свободным в внутренне» («Отрывки сочинения...», с. 53); «спокойно несущий иго рабства счастливее того мшио свободного, который беспрестанно всем обижается и беспокоится желанием большей свободы» (там же, с. 44—45). Л. считал, что «... в России ослабление связей подчиненности крестьян помещикам опаснее самого нашествия неприятельского» («Записки из нек-рых обстоятельств жизни и службы...», Лондон, 1860, с. 171).

Лит.: Илеханов Г. В., Соч., т. 22, М.—Л., 1925, ч. 3, гл. 11; Герцен А. И., [Предисловие к изданию] «Записки» И. В. Лопухина, Собр. соч., т. 14, М., 1958; Пиксанов Н. К., И. В. Лопухин, в сб.: Масонство в прошлом и настоящем, т. 1, СПб., [1914]; Барсков Я. И. В. Л., в кн.: Рус. биограф. словарь, т. 10, СПб., 1914 (подробная библиография); Плимак Е. Г., Масонская

реакция против материализма в России, «Вопр. философии», 1957, № 2. *Е. Палмк.* Москва.

ЛОРЕНЦЕН (Lorenzen), Пауль Петер Вильгельм (р. 24 марта 1915) — нем. логик и математик, д-р естествознания, проф. ун-та в Киле (с 1956). Работает в области математич. логики, оснований математики и алгебры. В соч. «Введение в оперативную логику и математику» («Einführung in die operative Logik und Mathematik», 1955) Л. построил систему «оперативной логики», к-рая является попыткой обосновать употребляемые во мн. системах математич. логики аксиомы и правила вывода. С этой целью Л. строит логику без аксиом, как общую теорию исчислений. Система Л. при этом сама оказывается исчислением, в к-ром выводимы все аксиомы и правила вывода *интуиционистской логики*. Л. разработал также «логику спора», близкую по своему характеру к т. н. дедуктивным таблицам голл. логика Э. Бета. «Логика спора» является одним из обоснований интуиционистской логики.

Соч.: Logical reflection and formalism, «J. Symbolic Logic», 1958, v. 23, № 3; Logik und Agon, в кн.: Atti del XII Congresso internazionale di Filosofia, [Venezia, settembre 1958], v. 4, Firenze, 1960; Die Entstehung der exakten Wissenschaften, В., 1960; Ein dialogisches Konstruktivitätskriterium, в сб.: Infinitistic methods. Proceedings of the symposium on foundations of mathematics. Warszawa, 2—9 September, 1959, Oxf. — Warsz., 1961, p. 193—200; Formale Logik, [2 Aufl.], В., 1962. *В. Донченко.* Москва.

ЛОСЕВ, Алексей Федорович [р. 10(22) сент. 1893] — сов. филолог и философ, проф. (с 1923), д-р филологич. наук (с 1943). Окончил филологич. и филос. отделения Моск. ун-та (1915). Начиная с 20-х гг. преподавал классич. филологию, логику, психологию, историю философии и историю эстетич. учений в различных вузах Москвы. С 1944 преподает классич. филологию в Моск. педагогич. ин-те им. Ленина. В 20-х гг. пытался сочетать элементы неоплатонизма с диалектикой Гегеля и феноменологией Гуссерля. В дальнейшем, в 30—40-е гг., переходит на позиции марксизма. С этих позиций он исследует проблемы антич. мифологии, философии, эстетики, лит-ры, категории диалектики, выступает с критикой бурж. философии. Переводчик Аристотеля, Платона, Секста-Эмпирика, Прокла и Николая Кузанского.

Соч.: Эрос у Платона, в сб.: Г. И. Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1894—1916, М., 1916; О музыкальном ощущении любви и природы, «Музыка. Ежемесячный», 1916, № 251, 252; Античный космос и современная наука, М., 1927; Музыка как предмет логики, М., 1927; Философия имени, М., 1927; Диалектика художеств. формы, М., 1927; Диалектика числа у Платона (пер. и комментарии трактата Платона «О числах»), М., 1928; Критика платонизма у Аристотеля, М., 1929; Очерки античного символизма и мифологии, т. 1, М., 1930; Диалектика мифа, М., 1930; Олимпийская мифология в ее социально-историч. развитии, Уч. зап. [Моск. гос. пед. ин-та], т. 72, Кафедра классич. филологии, вып. 3, 1953; Эстетич. терминология ранней греч. лит-ры. (Эпос и лирика), там же, т. 83, вып. 4, 1954; Геспод и мифология, там же; Введение в античную мифологию, в сб.: Уч. зап. пед. ин-та. Филологич. сер., вып. 5, [Душанбе], 1954; Античная мифология в ее историч. развитии, М., 1957; Совр. проблемы изучения античной мифологии, «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 3; пер. на рум. яз. в «Analele romînosovietice. Seria istorie», 1958, № 1—2 (21—22); пер. на польский яз. в «Euhemer, przegląd religioznawczy», 1960, № 3; Chaos antyczny, «Meander», 1957, № 9; Послесловие в кн.: Томсон Дж., Исследования по истории древнегреч. общества, т. 2, Первые философы, М., 1959; Классич. калогнагия и ее типы, в сб.: Вопросы эстетики, [т.] 3, М., 1960; Гомер, М., 1960; пер. на болгар. яз., София, 1962; Предшественники неоплатонизма, в кн.: История греч. лит-ры, т. 3, М., 1960; Философская проза неоплатонизма, там же; Античная музыкальная эстетика, М., 1960; Эстетич. терминология Платона, в кн.: Из истории эстетич. мысли древности и средневековья, М., 1961; Гибель бурж. культуры и ее философии (Послесловие), в кн.: Хубшиер А., Мыслители нашего времени, пер. с нем., М., 1962; Эллинизм, в кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетич. мысли, т. 1, М., 1962; История антич. эстетики, М., 1963.

ЛОССИУС (Lossius), Иоганн Христиан (22 апр. 1743 — 8 янв. 1813) — нем. философ и психолог. Психич. явления сводятся, по Л., к материальным процессам в человек. теле, к-рые повинуются определенным механич. и физиологич. закономерностям. Бла-

годаря воздействию внешних предметов на органы чувств возникают ощущения, из к-рых создаются представления и понятия. Л. находился под влиянием англ. и франц. материализма. Он боролся против картезианского учения о *врожденных идеях*, лейбницевской монадологии, скептицизма Юма и субъективного идеализма Беркли, хотя в своих воззрениях в области теории познания колебался между материалистич. теорией отражения и *релятивизмом*, а в старости склонился к гносеологии Канта.

Соч.: Physische Ursachen des Wahren, Gotha, 1774; Unterricht der gesunden Vernunft, Tl 1—2, Gotha, 1777—78; Neues philosophisches allgemeines Real-Lexikon, Bd 1—4, Erfurt, 1803—06. *О. Фингер.* ГДР.

ЛОСКИЙ, Николай Онуфьевич (р. 6 дек. 1870) — рус. философ-идеалист. До Окт. революции 1917 — проф. Петерб. ун-та. С 1922 — белоэмигрант. До 1945 жил в Чехословакии. Проф. философии в Рус. духовной академии в Нью-Йорке (с 1947). По филол. взглядам Л. — представитель *интуитивизма*. Гл. задача философии, по Л., — построить «теорию о мире как едином целом». Наиболее важные данные для этого дает религ. опыт. Центр. элемент мира — мистически понимаемая личность как сверхвременный субстанциональный деятель. Все остальное — результат ее творч. способности. В основе гносеологии Л. лежит понятие «гносеологической координации» (ср. «принципиальную координацию» *Авенариуса*). Познание начинается тогда, когда на объект направляется серия «интенциональных» (целевых) актов — осознание, внимание и т. д. Любой исследуемый предмет познается посредством различных видов интуиции: интеллектуальной, чувственной или мистической в зависимости от характера объекта. Сущность предмета (единство свойств, причинное отношение и т. д.) всегда идеальна, потому и возможно его познание. Реальная история для Л. — это иллюзия, лишь подготовка к «метаистории», т. е. к «грядущей жизни в царстве божием». Л. — сторонник абс. этики; идти с богом или против бога — в этом, по Л., критерий нравственности.

Л. оценивает различные филос. системы с т. зр. того, какой вклад они вносят в построение теории о мире как «едином целом», опирающейся прежде всего на религ. опыт, к-рый раскрывает «сокровеннейший смысл вселенского существования». Осн. черты рус. философии, по Л., — ее этич. характер, «религ. реалистичность», «синтетичность». Исходя из этого, Л. по существу исключает материализм из истории рус. философии, тем самым фальсифицируя ее («История рус. философии» — «History of Russian philosophy», 1951, рус. пер., 1954).

Соч.: Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма, СПб., 1903; Мир как органич. целое, М., 1917; Введение в философию, ч. 1, 2 изд., П., 1918; Основные вопросы гносеологии. Сб. ст., П., 1919; Интуитивная философия Бергсона, 3 изд., П., 1922; Конкретный и отвлеченный идеал-реализм, «Мысль», 1922, № 1, 2; Логика, ч. 1—2, 2 изд., Берлин, 1923; Сборник задач по логике, Прага, 1924; Обоснование интуитивизма, 3 изд., Берлин, 1924; Свобода воли, Париж, 1927; Типы мировоззрений, Париж, 1931; Условия абсолютного добра (основы этики), Париж, 1931; Рус. философия в XX в., в кн.: Записки Рус. науч. ин-та в Белграде, вып. 3, 1931; Диалектик. материализм в СССР, Париж, 1934; Value and existence, Л., 1935 (совм. с J. Marshall); Чувственная, интеллектуальная и мистич. интуиция, Париж, 1938; Достоевский и его христианское миропонимание, Нью-Йорк, 1953; Personalistischer Idealismus, «Kant-Studien», 1959—60, Bd 51, H. 4.

Лит.: П о в а р н и н С. И., Об «интуитивизме» Н. О. Л., СПб., 1911; И в а н о в с к и й В. Л., О нек-рых недомыслиях, вызываемых «интуитивизмом» Н. О. Л., в кн.: Сб. ст. в честь Д. А. Корсакова, Мюнхен, 1913; На о в а М. А., Философствующий богослов, в кн.: Уч. зап. кафедры диалектик. и историч. материализма ВПШ при ЦК КПСС и местных ВПШ, вып. 1, М., 1958; Против совр. фальсификаторов истории рус. философии, М., 1960; Ч у е в а И. П., Критика идей интуитивизма в России, М. — Л., 1963. *Л. Суворов.* Москва.

ЛОТЦЕ (Lotze), Герман (21 мая 1817 — 1 июля 1881) — нем. философ, врач, естествоиспытатель.

Изучал медицину и философию в Лейпциге, где с 1842 был проф. философии. В 1844—81 — проф. философии в Гёттингене. Стоял как философ на идеалистич. позиции, в спец. трудах по медицине и физиологии — «Медицинская психология...» («Medizinische Psychologie oder Physiologie der Seele», Lpz., 1852) и др. отстаивал нек-рые положения механистич. материализма, критиковал витализм. В филос. работах «Микрокосм» («Mikrokosmos», Bd 1—3, 1856—64, рус. пер. ч. 1—3, 1866—67), «Система философии» («System der Philosophie»): ч. 1 — «Логика» («Logik», 1874), ч. 2 — «Метафизика» («Metaphysik», 1879) и др. развивал идеи объективного идеализма, близкие Лейбницу. Л. утверждал, что наличие индивидуальных духовных сущностей — монад — доказывается посредством аналогии с нашим внутр. «Я». Индивидуальные сущности являются частью абсолюта и через него влияют друг на друга. Объективная связь явлений материальной действительности в конечном счете выражает божеств. цели и намерения. Он называл поэтому свою философию телеологич. идеализмом. В теории познания и логике Л. развивал идею полной автономности сознания от бытия: сознание принципиально не может выйти за пределы субъекта. Отсюда критерием истины у Л. является понятие значимости (Gelten — термин, впервые введенный Л.), т. е. действительность мыслит, содержащая, независимая от изменений ни внешней, ни духовной жизни. Впоследствии эта концепция была воспринята Гуссерлем. Однако в противоречие со своей идеалистич. теорией познания Л. признавал мир вещей как объективную, независимую от сознания реальность. Этика Л. основана на признании независимых от опыта нравств. идеалов.

Соч.: Geschichte der Ästhetik in Deutschland, Münch., 1868; Geschichte der deutschen Philosophie seit Kant, Lpz., 1882; Grundzüge der Ästhetik, Lpz., 1884; рус. пер.: Основания практич. философии, СПб., 1882; Основания психологии, СПб., 1884.

Лит.: Озе Я., Проективизм и персонализм в метафизике Л., в сб.: Уч. Зап. Юрьевского ун-та. Приложение, 1893—96; Миртов Д. П., Учение Л. о духе человеческом и духе абсолютном, СПб., 1914; Hartmann E., Lotze's Philosophie, Lpz., 1888; Falckenberg R., H. Lotze, Stuttg., 1901; Ambrosi L., E. L. e la sua filosofia, Roma, 1912; Wentscher M., Lotze, Hdb., 1913; ег же, Fechner und L., Münch., 1925; Pfeil C. H. F., Der Einfluß L. auf die logische Bewegung der Gegenwart, Erlangen, 1914 (Diss.); Pattgen H., Gesamtdarstellung und Würdigung der Ethik L., Bonn, 1928 (Diss.); Jaeger E., Kritische Studien zu L. Weltbegriff, Würzburg, 1937; Kripp H. J., Die Gestalt des Menschen bei L., Bonn, 1941 (Diss.).

[М. Ваклин.] Москва.

ЛОЦМАНОВ, Андрей Васильевич (1807 — г. смерти неизв.) — рус. крепостной вольнодумец. Род. на Верх-Исетском заводе (Урал), обучался в нар. училище и частных пансионах в Москве. Под воздействием жизненных впечатлений (ужасов крепостного рабства, волнений крестьян и мастеровых и др.), произведенный франц. просветителей (в частности, кн. «Об уме» Гельвеция) и рус. лит-ры Л. пришел к идее вольности. В течение ряда лет Л. вынашивал мысль о создании тайного плебейско-разночинного об-ва с целью «рассеяния мнений о свободе» и «освобождения крепостных от зависимости помещиков». Этот замысел Л. пытался, хотя и безуспешно, осуществить на Верх-Исетском заводе. Идейной подготовке тайного об-ва призваны были служить рукописные сочинения Л. — обращение к «сподвижникам свободы», написанное в форме письма к Н. С. Мордвинову, и антикрепостнич. обличит. повесть «Негр, или Возвращенная свобода». В 1827 Л. был арестован, затем по личному указанию Николая I заключен в Бобруйскую крепость. В заточении Л. написал «Подробное жизнеописание».

Взгляды Л. имеют, как он сам признавал, «сходство и некоторую связь» с тираноборч., антикрепостнич. идеями декабристов. Человек, по Л., — естеств. порождение материальной «натуры». Все люди от природы

равны; рабы «родились такими же людьми, как их властелины». Считая обществ. неравенство величайшим злом, Л. клеймил «бесчеловечие» самодержавно-крепостнич. порядков, к-рые должны быть уничтожены, по Л., «снизу». О религии Л. отзывался неуважительно. Свобода, как и равенство, является, по Л., естеств. свойством человека, «врожденным чувством», выражающим существо человец. природы; поскольку же свобода узурпирована тиранами, она должна быть добыта борьбой, в «трудах ратных». С этим связано у Л. понятие истинного сына отечества, являющегося одновременно «ревнителем свободы». В отличие от бурж. просветителей, уповавших на «просвещенный абсолютизм», а также от многих крепостных вольнодумцев, разделявших иллюзию о «добром» мужицком царе, Л. ненавидел самодержавие и считал, что свобода — это единств. «монарх», достойный поклонения.

Лит.: Гандцова-Берникова В., Отголоски декабрьского восстания 1825 г., «Красный архив», 1926, т. 4 (17); Байтин М. И., Пугачев В. В., Политич. идеи А. Л., Уч. зап. Саратовск. юридич. ин-та, вып. 9, 1960; Когова Л. А., Из истории нар. свободомыслия в России начала 19 века (Дело Л.), «Вестн. истории мировой культуры», 1961, № 3; ег же, Связь филос. идей в рус. нар. свободомыслии XIX в. с традициями передовой культуры, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1963, № 1.

ЛУБИН (Lubin), Эйльгард (1565—1631) — нем. натурфилософ. В противоположность схоластич. мировоззрению и под влиянием идей Демокрита требовал воссоздания атомистики, к-рую считал единств. науч. основой исследования природы.

Соч.: Phosphorus de prima causa et natura mali, Rostochii, 1607.

Лит.: Fabricius J. A., Historiae bibliothecae Fabricianae pars 3, Wolfenbuttelii, 1719 (p. 521 — список трудов).

ЛУБКИН, Александр Степанович (1770 или 1771—30 авг. 1815) — рус. философ. Окончил костромскую и петерб. главную (1792) духовные семинарии. Преподавал философию в костромской (с 1797) и в петерб. армейской (1801—06) семинариях. Проф. кафедры «умозрит. и практич. философии» Казанского ун-та (1812—15).

В «Письмах о критич. философии» (см. «Сев. Вестник», 1805, № 8, 9) Л. впервые в рус. лит-ре подверг рассмотрению и критике философию Канта, в частности кантовскую идею «вещи в себе» (см. указ. соч., с. 188—89). В полемике с кантовским субъективизмом и априоризмом Л. утверждал, что время и пространство суть «необходимые принадлежности бытия вещей» (там же, с. 192). В этом же соч., а также в кн. «Начертание логики» (СПб., 1807) и в комментариях к книге Г. Снелля «Начальный курс философии» (перевод и примеч. Л. совм. с П. Кондыревым, Казань, 1813—14, ч. 1—5) Л. с сенсуалистич. позиций доказывал, что без чувств. познания «мы ничего не можем заключить о внутренней природе вещи» («Начертание логики», с. 192); однако в силу недостатков чувств человек «принимает» им «в помощь свой рассудок» (там же, с. 133), познавая т. о. уже не «только одни различные... внешние виды» вещей, но и их внутр. качества (см. там же, с. 177). Подходя к идее противоречивости мира, Л. говорил о «многообразных и противоположности в предметах» («Письма...», с. 196). В комментариях к книге Снелля Л. от имени «бедного простолудима» («Начальный курс...», т. 4, с. 34) подверг критике априоризм кантовской этики с позиций этики «самолюбия в пространном значении взятого, т. е. любви к самому себе» (там же, с. 31). Ряд оригинальных идей Л. высказал в логике (критика традиц. классификации умозаклучений и пр.).

Материализм и сенсуализм во взглядах Л. сочетались с деистич. тенденцией, усилившейся к концу жизни Л. и перешедшей в прямую религиозность в офиц. речи «Рассуждение о том, возможно ли нравучению дать твердое основание независимо от религии...» (Казань. 1815). Религ. характер имела и по-

следняя работа Л. — «Начертание метафизик», однако наличие в ней вольнодумч. тенденций послужило поводом к запрещению ее печатания (см. М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи..., т. 1, СПб, 1889, с. 203).

Лит.: Булич Н., Из первых лет Казанского ун-та (1805—1819), ч. 2, 2 изд., СПб, 1904; Кравец И. Н., «Письма о критич. философии» А. С. Л., «Вопр. философии», 1952, № 6; Москаленко Ф. Я., Учение об индуктивных выводах в истории рус. логики, К., 1955, с. 165—67; Тузов Л. Л., Из истории филос. мысли в Казанском ун-те (Полемика А. С. Л. против кантовской философии), в кн.: Уч. зап. Казанского ун-та, т. 116, кн. 5, 1956, с. 268—72; Каменский З. А., И. Кант в русской философии начала 19 века, «Вестн. истории мировой культуры», 1960, № 1; его же, Диалектич. идеи в рус. философии нач. XIX в., «Вопр. философии», 1963, № 6; Черкесов В. П., Материалистич. диалектика как логика и теория познания, М., 1962, с. 190—92.

З. Каменский. Москва.

ЛУКАСЕВИЧ (Łukasiewicz), Ян (21 дек. 1878—14 февр. 1956)—польский логик; член Польской АН, проф. ун-тов в Львове (с 1902) и Варшаве (1915—39), а после 2-й мировой войны — Королевской ирл. академии в Дублине; Л.—представитель львовско-варшавской школы логики, зачинатель исследований по математической логике в Польше. Решительно выступал против психологизма в логике, отстаивая применение в ней точных методов. Ранние работы Л. посвящены анализу логич. оснований теории вероятностей. Наиболее важные результаты Л. — построение первой системы *многозначной логики* (трехзначная логика высказываний Л., 1913—20) и исследование (совместно с Тарским) различных проблем, связанных с многозначными логич. системами. С помощью трехзначной логики Л. построил систему пропозициональной *модальной логики*. Позднее (1954) он предложил более совершенный вариант модальной логики — четырехзначную систему модальной логики. Л. разработал оригинальный яз. для формализации логич. и математич. выражений (бескочечная символика Л.). Ему принадлежит ряд результатов и в области классич. матем. логики. Он много занимался упрощением аксиоматик двузначной логики высказываний. Различая в формальных логич. системах акты принятия выводимых и отбрасывания невыводимых предложений, Л. поставил задачу аксиоматизации невыводимых предложений и сформулировал соответствующие аксиомы и правило отбрасывания для исчисления высказываний и формализованной *силлогистики*. Л. рассмотрел систему исчисления высказываний с переменными функциями от пропозициональных аргументов, являющуюся нек-рым фрагментом прототетики *Лесневского*. Много работал Л. в области истории логики. Он исследовал логич. идеи ранних стоиков, а также силлогистику Аристотеля, к-рую представил в виде формализованной системы. Ряд работ Л. посвятил рассмотрению значения логики, отношения ее к др. наукам. В мировоззрении Л. филос. мотивы позитивизма сочетаются с идеями католицизма. Так, он выступал против детерминизма, считая, что нельзя говорить о существовании в настоящем причин будущих событий, и усматривал в предложенной им системе модальной логики основание для такого взгляда. Неоднократно подчеркивая необходимость отделять логич. проблематику от философской, Л. вместе с тем высказывался за подчинение творчества логика религ. чувству, за соединение науки и религии.

Соч.: *Z zagadnień logiki i filozofii. Pisma wybrane*, Warsz., 1961 (имеется полная библиогр. работ Л.); Аристотелевская силлогистика с точки зрения совр. формальной логики, пер. с англ., М., 1959.

Лит.: *Ворковский Л., Ступрский Я.*, The logical works of J. Łukasiewicz, «*Studia Logica*», 1958, т. 8; *Котарбинский Т.*, J. L. works on the history of logic, там же.

ЛУКАЧ (Lukács), Дьёрдь (Георг) (р. 13 апр. 1885)—венг. философ и эстетик, член Венг. АН, лауреат премии Кошута. В 1918 Л. вступил в Венг. коммунистич.

партию. В период Венг. сов. республики Л.—зам. нар. комиссара, а затем нар. комиссар по культурным делам. После падения республики эмигрировал в Вену. В 1920 Ленин критиковал статью Л. «К вопросу о парламентаризме» («*Zur Frage des Parlamentarismus*», опубл. в журн. «*Kommunismus*», 1920, № 6), как «очень левую» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 31, с. 142). В 1931—1933 Л. жил в Германии, а затем в СССР. В 1945 вернулся в Венгрию, был проф. эстетики и философии Будапештского ун-та, ныне — на пенсии.

Л.—автор большого числа работ по проблемам философии и истории философии, истории и теории эстетики и лит-ры. В начальный период своей деятельности Л.—идеалист. Он выступил против капитализма; его поиски разрешения противоречий бурж. общества, носившие утопич. характер, привели его к марксизму. Однако и после перехода на позиции философии марксизма Л. допускал серьезные ошибки. Так, он утверждал, что объективная диалектика существует только в обществе («*История и классовое сознание*» — «*Geschichte und Klassenbewusstsein. Studien über marxistische Dialektik*», 1923). В дальнейшем Л. правильно оценил свои прежние идеалистич. ошибки, хотя и не освободился полностью от идеализации Гегеля («*Молодой Гегель и проблемы капиталистич. общества*» — «*Der junge Hegel und die Probleme der kapitalistischen Gesellschaft*», окончена в 1938, впервые опубл. в 1948, нов. изд.—1954; рус. пер. отд. глав опубл. в журн. «*Вопр. философии*», 1956, № 5).

С 40-х гг. значит. место в творчестве Л. принадлежат работам по разоблачению фашистской идеологии и социологии. Л. подверг критич. анализу нем. и франц. экзистенциализм («*Кризис бурж. философии*» — «*A polgári filozófia válsága*», 1947; «*Разрушение разума*» — «*Az ész trónfosztása. Az irracionalista filozófia kritikája*», 1954, на нем. яз.—1954). Однако этим работам Л. свойствен ряд ошибок: Л. недооценивал роль рабочего класса как ведущей силы в борьбе против фашизма; надклассовой концепцией прогресса и реакции он подменял понятие классовой борьбы; гл. фактором новейшей философии Л. считал борьбу между диалектич. разумом и иррационализмом, а не между материализмом и идеализмом.

В работах Л. по лит-ре и эстетике 30-х гг. ряд оценок сов. лит-ры и характеристик социалистич. реализма вызвал дискуссии [«*Проблема реализма*» — «*A realizmus problémái*» (б. г.), на нем. яз.—1948, нов. изд.—1955; «*Историч. роман*», опубл. в журн. «*Лит. критик*», 1937, кн. 7, 9, 12, 1938, кн. 3, 7]. В работах 40—50-х гг. Л. выступил против формалистич. теории искусства для искусства в защиту реализма; в то же время он допускал отступления от принципа партийности («*Литература и демократия*» — «*Irodalom és demokrácia*», 1946); в последующих работах выдвинул надклассовый принцип «великого реализма», игнорируя принцип социалистич. реализма.

В 1956 Л. принял министерский портфель в контрреволюц. пр-ве Имре Надя. В решении ЦК ВСРП (1958) отмечено, что концепция Л., согласно к-рой «в эпоху мирного сосуществования государств с различным общественным устройством, главным противоречием борьбы, проводимой в международных масштабах, является не противоречие между социализмом и капитализмом, между рабочим классом и буржуазией, а противоречие между «демократизмом и антидемократизмом», в действительности означает отказ от классовой борьбы» (Информац. бюллетень ЦК ВСРП, 1958, № 5—6, ноябрь—декабрь, с. 34). В период реорганизации партии (1956—57) Л. не был восстановлен в ВСРП.

Соч.: *Lélek és formák*, Bdpst, 1910; нем. изд., В., 1911; *Esztétikai kultúra*, Bdpst, 1911; *Die Theorie des Romans*, В., 1920; *Lenin. Studie über den Zusammenhang seiner Gedanken*, [В.—В.], 1924; *Moses Hess und die Probleme der idealistischen Dialektik*, Lpz., 1926; *Arisztokratikus és demo-*

kratikus világnézet (Conférence tenue aux «Rencontres internationales de Genève»), 1946, [H.] 1, [№] 3; Lenin és a kultúra kérdései, Bdpst, 1946; Nagy orosz realista, Bdpst, 1946; нов. изд., Bdpst, 1952; Fortschritt und Reaktion in der deutschen Literatur, B., 1947; Existentialisme ou marxisme, P., 1948; Heidegger redivivus, «Studi Filosofici», 1948, № 3, 1949, № 1; Lenin ismertelmélete és a modern filozófia problémái, «Társadalmi Szemle», 1948, [H.] 2, [№] 5—6; Schicksalswende. Beiträge zu einer neuen deutschen Ideologie, B., 1948; 2 Aufl., B., 1956; Adalékok az esztétika történetéhez, Bdpst, 1953; Beiträge zur Geschichte der Ästhetik, B., 1954; Német realista, Bdpst, 1953; Skizze einer Geschichte der neueren deutschen Literatur, B., 1955; Das Besondere als zentrale Kategorie der Ästhetik, «Dtsch. Z. Philos.», 1956, Jg 4, № 2; A különösség mint esztétikai kategória, Bdpst, 1957; Friedrich Nietzsche, в кн.: Mehring F. und Lukács G., F. Nietzsche, B., 1957; Prolegomeni a un'estetica marxista. Sulla categoria della particolarità, [Roma], 1957 (Nuova biblioteca di cultura, 20); Wider den missverständlichen Realismus, Hamb., 1958; Schriften zur Literatursoziologie. Ausgewählt und eingeleitet von P. Ludz, B., 1961; Ästhetik, [T.] 1, Die Eigenart des Ästhetischen, Bd 1—2, 1963; в рус. пер. — Материализм и пролетарское сознание, «Вест. Соц. Акад.», 1923, кн. 4—6; Ницше как предшественник фашистской эстетики, «Лит. критику», 1934, кн. 12; Проблемы теории романа, там же, 1935, № 2, 3; К проблеме объективности художественной формы, там же, 1938, кн. 5; Совр. буржуазно-демократич. гуманизм и историч. роман, там же, кн. 8, 12; Литературные теории XIX в. и марксизм, М., 1937; Спор идет о реализме (в совр. литературе), «Интернациональная литература», 1938, № 12; К истории реализма [Статьи 1934—1936], М., 1939; Борьба гуманизма и варварства, Таш., 1943.

Лит.: Деборин А. М., Г. Лукаш и его критика марксизма, М., 1924; R u d a s L. [Рудаш Л.], Ортодоксальный марксизм, «Вестник Коммунистич. Акад.», 1924, кн. 8, 9, 1925, кн. 10; Е г о р о в А. Г., Против ревизионизма в эстетике, «Вопр. философии», 1958, № 9; О ревизионистских взглядах Д. Л. (По страницам венг. и нем. печати), «Иностран. литература», 1958, № 8; П о п о в С. И., Критика ревизионистских взглядов Г. Л. в венг. и нем. печати, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1958, № 2; С и г е т и И., Еще раз к вопросу о Л. Приложение к Информационному бюллетеню (№ 1, янв.) ЦК Венгерской социалистич. рабочей партии, [Будапешт, 1958]; е г о ж е, Взаимосвязь между филос. и политич. взглядами Д. Л., «Информацион. бюллетень ЦК Венг. соц. рабочей партии», Спец. номер, 1958, май; е г о ж е, Художественное творчество и партийность искусства в эстетике Д. Л. Приложение к Информацион. бюллетеню (№ 5—6, ноябрь—дек.) ЦК Венг. социалистич. рабочей партии, Будапешт, 1958; Х е в е ш и М. А., К критике воззрений Г. Л. (По страницам венг. печати), «Вопр. философии», 1958, № 6; М е л е щ е н к о З. Н., О ревизионизме в филос. воззрениях Г. Л., «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1959, № 2; За ленинскую партийность философии, «Вопр. философии», 1960, № 12; R u d a s L., Irodalom és demokrácia, «Társadalmi Szemle», 1949, 4 évf., № 6—7; R e v a i J., Megjegyzések irodalmunk néhány Kérdéséhez, там же, 1950, 5 évf., № 3—4; е г о ж е, La littérature et la démocratie populaire. A propos de G. Lukács, P., 1950; G. L. zum siebzigsten Geburtstag B., 1955; G e d ő A., A jelenkori ideológiai osztályharc néhány címéleti problémájához (A befejező részt a Következő számban közöljük), «Pártélet», 1957, 2 évf., № 4; F o g a r a s i B., L. G. filozófiai koncepcióról. A béke és a szocializmus kérdései, 1959, № 6; G. L. und der Revisionismus. Eine Sammlung von Aufsätzen, B., 1960. М. Макаи, Венгрия.

ЛУКАШ ПРАЖСКИЙ (Lukáš Pražský) (р. ок. 1460 — ум. 11 дек. 1528) — чешский мыслитель, идеолог «Общины чешских братьев»; занимался развитием школьного дела, основал типографию. С этого времени община становится центром антицерк. сил горожан и определенной части дворянства, важным фактором культурной жизни. Осн. произведение Л. — «Сведения о богослужениях» («Zprávy při službách úřadu kněžského», 1527).

Лит.: История Чехословакии, т. 1, М., 1956, с. 251; П а л ь м о в И., Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия, т. 1, вып. 1, Прага, 1904; M ü l l e r J. T. H., Geschichte der Böhmischen Brüder, Bd 1—3, Herrnhut, 1922—1931; Jednota bratská, 1457—1957, Sborník, Praha, 1956.

ЛУКИАН (Λουκιανός) (р. ок. 120 или 125—ум. после 180) — греч. писатель, вольнодумец периода упадка античного мира. Родом из Самосаты (Сирия). Первоначально, примерно до 150, занимался отвлеченной риторикой. Позднее пишет ряд сочинений, отличающихся яркой критической и сатирической направленностью. Л. выступал с сатирой на др.-греч. богов и героев, а также с критикой антич. философии, риторики и исто-

риогрфии. В соч. «Разговоры богов», «Разговоры в царстве мертвых», «Морские разговоры», «Зевс уличаемый», «Зевс трагический», «Прометей, или Кавказ» и мн. др. Л. изображал богов и героев в сатирич. и комич. виде, глупыми, тупыми, жадными, корыстолюбивыми и ничтожными существами. В «Геромитиме», «Мениппе», «Икаромениппе» Л., критикуя различные филос. школы, выставляя их взаимную противоречивость и враждебность, отразил тем самым глубочайший кризис философии своего времени (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 128). Нек-рым исключением для Л. являются только киники, в лице к-рых Л. прославляет опрощенчество, отход от цивилизации и интерес к неумрующему классу («Разговоры в царстве мертвых»). В конце своего творческого пути Л. переходит на позиции филос. эпикуреизма. В «Зевсе трагическом» (гл. 19) высказываются похвалы по адресу эпикурейского учения о невмешательстве богов в жизнь людей, а в «Сновидении, или Петухе» (гл. 21—23) одобряется эпикурейская *атараксия*. В трактате «Как следует писать историю» Л. высмеивал совр. ему историографию, критикуя лит. безвкусицу и извращение подлинных событий ради подражания классич. историкам. Л. выступил с критикой восходящего христианства, в последователях к-рого он видел забитых суеверных людей и легковесных простаков, находящихся под властью странствующих шарлатанов и изуверов («О кончине Перегринна»). В «Александр, или Лжепророке» Л. выступил против всевозможных видов суеврия, критикуя их «...с плоско-рационалистической точки зрения...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 469). По словам Энгельса, «одним из наших лучших источников о первых христианах является Лукиан из Самосаты, этот Вольтер классической древности, который одинаково скептически относится ко всем видам религиозных суеврий...» (там же).

Соч.: в рус. пер.— Собр. соч., под ред. и с комментариями Б. Л. Богасевского, т. 1—2, М.—Л., 1935; Избр. атеистич. произв., ред. и вступ. статья А. Каждана, М., 1955; Избранное, М., 1962.

Лит.: А п т С. К., Лукиан (Краткий очерк творчества), Уч. зан. Орехово-Зуевского пед. ин-та, т. 2, М., 1955, с. 181—215; Н а х о в И. М., Мировоззрение Л. Самосатского (Лукиан и киники), М., 1951 (автореферат); P e r e t t i A., Luciano, un intellettuale greco contro Roma, Firenze, 1946; D e l z J., Lukians Kenntnis der athenischen Kntiquitäten, Basel, 1950 (Diss.). А. Лосев, Москва.

ЛУКРЕЦИЙ (Lucretius), Тит Лукреций Кар (р. ок. 99—95—ум. 55 до н. э.), — др.-рим. поэт и философ-материалист. Биографич. сведения о Л. почти не сохранились (сообщения Иеронима и Доната относятся к 4 в. н. э. и мало достоверны). По всей вероятности, Л. получил филос. образование в процветавшей в то время в Италии неаполитанской эпикурейской школе, к-рую тогда возглавлял *Филодем*.

Сохранилась филос. поэма Л., не опубликованная при его жизни и, по-видимому, не законченная им. Ее отредактировал и опубликовал Цицерон (вероятно, не Марк Тулий Цицерон, а его брат Квинт). Позже она была озаглавлена «О природе вещей» («De rerum natura»). Это название вполне выражает ее содержание. Это соч. Л. — единственный полностью сохранившийся памятник материалистич. мысли древности; в нем материализм и аргументированно изложен антич. материализм и особенно полно высшее его достижение — атомистич. учение *Эпикура*, физику к-рого, по характеристике Маркса, Л. постиг один «из всех

древних» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произв., 1956, с. 41).

Л. развивал материалистич. взгляд на природу. Исходным для Л. было осн. положение др.-греч. материализма: «Из ничего не творится ничто по божественной воле» («О природе вещей», I, 150; рус. пер., М., 1958). Л. показывал, что в основе вещей лежат некие мельчайшие материальные начала, к-рые

«...материей мы называем

И для вещей родовыми телами обычно, а также

Их семенами вещей мы зовем и считаем телами

Мы изначальноными, ибо началом всего они служат»

(там же, I, 58—61).

Вслед за Демокритом и Эпикуром Л. считал эти вечные, неделимые (Л. нигде в поэме не употреблял греч. термин «атом»), неизменные «тела», «семена», абсолютно плотными, непроницаемыми, движущимися в пустоте. Существование тел и пустоты, по Л., взаимно обусловлено (см. там же, I, 443—44). Источником движения тел, по Л., является вес «первоначал», их «тяжесть» (см. там же, I, с. 360—62), скорость движения в силу «тяжести» в пустом пространстве всех «первоначал» была бы одинакова, они «падали» бы параллельно, не сталкиваясь, если бы не обладали неким особым, присущим каждому началу индивидуальным, свойством отклонения (см. там же, II, 217—224). Примыкая в учении об «отклонении» к Эпикуру, Л. считал, что благодаря «отклонению» телца случайно, «разрушая рока законом», сталкиваются и связываются друг с другом, образуя все многообразие вещей и явлений в природе (см. там же, II, 253—54). Идея «отклонения» интересует Л. особенно как основание для объяснения свободы воли человека, его неподвластности «року» (см. там же, II, 254—56). Учение это направлено не только против т. н. «сквозной причинности» Демокрита, но и против рим. религии, связывающей действия человека с учением о божеств. роке и предопределенности судьбы каждого человека, ибо во время Л. (I в. до н. э.), в эпоху бурных социальных перемен, на первый план выдвигались эти проблемы. В противовес представлению римлян о времени как существующем само по себе, Л. считал, что никакого времени нет «вне движения тел и покоя» (там же, I, 463).

Космогонич. и космологич. воззрения Л. в основе своей являются систематич. изложением учения Демокрита — Эпикура о беспредельности Вселенной, бесконечном многообразии, постоянном изменении, возникновении и гибели миров, подобных и неподобных нашему. В то же время Л. своеобразно объяснял возникновение жизни, считая, что живое возникло в результате случайного стихийного сочетания определенных телец, «семян»; в дальнейшем выжили наиболее «приспособленные» организмы, «эта приспособленность» является, по Л., результатом того, что могли сохраниться только удачные сочетания телец, соответствующие условиям среды (см. там же, III, 784—85). Л. полностью отвергал учение идеалистов о конечной цели, понимая целесообразность лишь как случайный результат соединения первоначал (см. там же, IV, 822—57).

В учении о познании Л. также продолжал линию филос. материализма, считая мир познаваемым. Единственно достоверным источником знания являются, по Л., чувства, ошибки возникают там, где выводы не основаны на чувств. данных, либо при неверном обобщении рассудком этих данных (см. там же, IV, 508—09). В основу механизма чувств. восприятия Л. кладет теорию «образов» («эйдолов») Демокрита.

Т. о., Л. использовал все осн. положения эпикурейской школы, внесенные ею в атомистич. учение Демокрита («отклонение», признание гипотез для объяснения причин нек-рых явлений и др.). В то же

время Л. в своем обосновании атомистики отличался от Эпикура, к-рый ограничивался преим. логич. аргументацией; Л. сделал более доступными сложные филос. идеи Эпикура, он широко применял сравнения, аналогии между различными процессами живой и неживой природы, метафоры и т. д. Эта особенность изложения атомистики у Л. связана, по-видимому, с его стремлением широко популяризировать атомистич. теорию, его теоретико-познават. концепцией и большим доверием к данным чувств и повседневной практики.

Обществ.-историч. воззрения Л. несмотря на их идеалистич. характер, были прогрессивными для его времени. Вслед за Демокритом Л. рассматривал развитие общества как поступат. процесс, в основе к-рого лежат «нужда» (особенно нужда в жилище, в огне и одежде) и «разум пытливый» (см. там же, V, 1448—53). В ходе этого процесса возникают язык, гос-во (происхождение к-рого Л. объяснял договором людей), право.

Являясь идеологом рабовладельч. демократии, Л. осуждал аморализм рим. рабовладельцев, выступал против истребит. войн, отрывающих мирных жителей от полезного для общества труда. В. Т. Мошенок. Москва.

Последоват. выводом из материализма Л. являлся его атеизм. Л. считал несостоятельными религ. представления о провидении, чудесах и т. п. Согласно Л., религия — суеверие и предрассудок, продукт невежества и страха (см. там же, I, 151—58), подерживаемая к-рые, она стала источником многих зол и бедствий, несправедливости и преступлений. Средство избавления от религии Л. видел в разъяснении истинных причин природных явлений, в разоблачении распространяемой жрецами лжи о бессмертии души и загробном существовании. Душа, по Л., телесна; она состоит из тех же атомов, что и тело, но более тонких. Душа неразрывно связана с телом. Со смертью тела погибает и душа. Смерть означает прекращение страдания. Между жизнью и смертью нет ничего общего. В смерти пугает не уничтожение, а неизбежность загробного воздаяния, к-рое является лишь суеверием.

По Л., боги, хотя и существуют где-то в междумировых пространствах, никакого отношения к миру и жизни людей не имеют. Признание Л. бытия богов объясняется не его уступками религии, а разделяемой им наивной теорией познания Демокрита и Эпикура, согласно к-рой источником представлений, в т. ч. и представлений о богах, являются тончайшие образы, идущие от вещей и предметов внешнего мира: поскольку существуют и сами боги.

Л. решительно отстаивал возможность атеистич. этики. Поэтому он допускал в человеке свободную волю, к-рую связывал с идеей Эпикура об отклонении движения атомов от вертикальной линии.

Ф. Гессенди. Москва.

Влияние филос. произведения Л. на последующее развитие философии и естествознания чрезвычайно велико. Еще на рим. почве под этим влиянием находился инженер и теоретик архитектуры Витрувий (I в. до н. э.), трактат к-рого «Десять книг об архитектуре» (рус. пер., 1936), содержащий ссылки на Л., был широко известен в ср. века, а затем именно своими матер. идеями оказал влияние на итал. архитектора эпохи Возрождения Л. Б. Альберти; в 17—19 вв. — на мн. теоретиков архитектуры, а в России на зодчего В. Баженова, к-рый еще в 1790—97 издал трактат Витрувия («Об архитектуре», кн. 1—10). Галлей, Ньютон, Ломоносов и др. корифеи науки нового времени часто ссылались на Л. Материалисты 17—18 вв. воспринимали атомистич. идеи древности гл. обр. из поэмы Л. Выдающимся пропагандистом идей Л. был Гессенди. Огромным было влияние атеизма Л.

Атеистическая по существу поэма Л. породила среди служителей церкви множество «Анти-Лукрециев» (напр., М. Полиньяк, Против Лукреция. Девять книг о боге и естестве, рус. пер., т. 1—2, 1803), стремившихся подвергнуть критике, оклеветать и извратить воинствующего материалиста древности. Среди нек-рых совр. бурж. исследователей наследия Л. появилась диаметрально противоположная «новая» интерпретация его мировоззрения (см., напр., G. Hadzsits, Lucretius and his influence, 1935), согласно к-рой Л. якобы был провозвестником высшей религии, предшественником христианства и отвергал лишь рим. языч. религию. Образцом др. современного «открытия» является попытка превратить Л. в физич. идеалиста совр. толка, якобы видящего в своем атомистич. учении лишь удобные «рабочие гипотезы» (G. E. Mueller, What Plato thinks, 1937).

Соч.: О природе вещей (De rerum natura). Лат. текст рукописи поэмы Л. дошел до нас во мн. списках, самые ранние из них относятся к 9 в. и хранятся в Лейденской ун-тской библиотеке. Первое комментированное изд. поэмы Л. было осуществлено франц. филологом Ламбином (1563), оно не утратило своего значения и до наших дней. Позднее сравнительно-критич. анализ рукописей был произведен Лакманом, Менро, Диллсом, Эрну и др. Новейшие издания на яз. оригинала: De rerum natura. Libri 6, ed. with introduction and commentary by W. E. Leonard and S. B. Smith, Madison, 1942; On the nature of the universe, transl. and with an introd. by R. Latham, Harmondsworth, 1958; De rerum natura. Libri 6, 4 rec. J. Martin, Lpz., 1959; в рус. пер. — О природе вещей, пер. с лат. А. Клеванова, М., 1876; О природе вещей, пер. с лат. И. Рачинского, М., 1904; 2 изд., М., 1913, 3 изд., предисловие В. Вандека и В. Тимоско, М., 1933; О природе вещей, пер. и ком. Ф. А. Петровского, Вступ. ст. В. Ф. Асмуса, М.—Л., 1936; О природе вещей. Ред. лат. текста и пер. Ф. А. Петровского, т. 1—2, М.—Л., 1946—47 (во 2-м томе ст. о Л.: Вавилова, Светлова, Толстого, Боровского, Машкина и др.); О природе вещей, пер. с лат., вступ. ст. и ком. Ф. А. Петровского, М., 1958; Über die Natur der Dinge, hrsg. von G. Klaus, fibers. von H. Diels, B., 1957; De la nature. Texte établi et traduit par A. Ernout, 2 éd., P., 1959.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956 (см. Имен. указатель); Марковников В., Идея культурно-историч. развития в поэме Л., «Науч. слово», 1903, № 10, с. 97—122; Вандек В., Тит Л. Кар и его философия воинствующего атеизма, М.—Л., 1931; Вавилова С. И., Физика Л., «Вестн. АН СССР», 1946, № 2, с. 43—56; Светлов В. И., Мировоззрение Л., М., 1952 (авторф. дисс.); Вавилова С. И., Собр. соч., т. 3, М., 1956, с. 646—63; Кубланов М. М., Атеистич. воззрения Л., в кн.: Ежегодник музея истории религии и атеизма, т. 13, М.—Л., 1959, с. 377—98; Макошевский А. О., К вопросу об атеизме Л., там же; Мотус А. А., Л. Кар — великий просветитель древности (общественно-политич. взгляды Л. Кара), Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, т. 188, Историко-филологич. факультет. Историч. науки, 1959, с. 365—95; Рабинович В. И., Витрувий и Л., «Вопр. философии», 1963, № 3; Masson J., Lucretius, epicurean and poet, v. 1—2, L., 1906—1909; Alfieri V. E., Lucrezio, Firenze, 1929; Regensburg O., Lukrez, seine Gestalt in seinen Gedichten, Lpz., 1932; Mewaldt J., Der Kampf des Dichters L. gegen die Religion, W., 1935; Moritz M., Medizinisches bei Seneca und L., Düsseldorf, 1935 (Diss.); The stoic and epicurean philosophers. Ed. and with an introduction by W. I. Cates, N. Y., 1940; Rozelaar M., Lukrez. Versuch einer Deutung, Amst.—P., 1941, (Diss.); Traglia A., Sulla formazione spirituale di Lucrezio, Roma, 1948; Riposati B., Il poema di L., Mil., 1958; Bollaek J., L. und Empedokles, «Neue Rundschau», 1959, Jg 70, H. 4. В. Тимошенко. Москва.

ЛУЛЛИЙ (Lullus, Lull), Раймунд (1235—29 июня 1315) — исп. философ и богослов. Род. на о. Майорка, учился в Париже, в качестве францисканского миссионера проповедовал в Армении, на Кипре и в Сев. Африке; умер в Тунисе. Л. утверждал, что возможно произвести полное слияние философии с теологией. Исходя из этого положения, он полемизировал не только с аверроистами и их теорией двойственной истины, но и с теми религ. философами, к-рые утверждали, что истины веры недоступны для разума и не должны быть предметом филос. доказательства или объяснения. Как логик Л. фактически положил начало трактатам на тему «de consequentiis» (о следовании), содержащим зачатки теории формальной и материальной импликаций. В осн. соч. «Великое искусство»

(«Ars magna...», опубл. 1480)

Л. описывал свои попытки механически моделировать логич. операции в изобретенной им с этой целью «логической машине», анализировал логич. характер вопросов, предложений, изучал взаимоотношения логич. констант «и» и «или» (vel). Формальную логику Л. определял как «искусство и науку, при помощи которых истина и ложь распознаются разумом и отделяются друг от друга, — наука принятия истины и браковки лжи» (цит. по кн.: Grantl C., Geschichte der Logik im Abendland, Bd 3, B., 1957, S. 150). В приведенном определении содержится явное указание на двусмысленный характер логич. формализмов. В «Великом искусстве» Л. описал также и технику моделирования логич. операций — систему концентрич. кругов, из к-рых каждый служит для обозначения группы понятий. Так, одна таблица дает девять субстанций: бог, ангел, небо, человек, воображаемое, чувственное, растительное, стихийное, инструментальное. Другая дает девять абсолютных предикатов: благодать, величина, длительность, могущество, знание, стремление, добродетель, истина, слава; третья дает те же предикаты как относительные: благое, великое и т. д. Вращая один круг относительно другого, мы можем получать такие сочетания понятий: благой бог, великий бог и т. д., или же: великая благодать бога, длительная благодать бога и т. д. Различные точки зрения на предмет отмечены под рубриками: различие, согласие, противоречие, начало, середина, конец, превышение, равенство, умаление. Есть еще таблицы вопросов (ли? что? из чего? почему? как велико? какого качества? когда-где? как и чем?), акциденций (количество, качество, отношение, деятельность, претерпевание, обладание, положение, время, место). Логика сведена Л. к оперированию общими знаками, заключение получается посредством механизма. Правила вращения, посредством к-рого субстанции получают подходящие им предикаты, дают, по его мнению, возможность исчерпать общую науку, истину и все конкретные предметы. В системе Л. много произвольного, но осн. идея, не имеющая никакой связи с теологией Л., была воспринята и усовершенствована Бруно и Лейбницем. Л. — изобретатель первой логич. машины, предшественник комбинаторных методов в логике и в этом смысле — предшественник математич. логики. Л. — автор филос. романа «Blanquerna» (1505, англ. пер., L., 1926).

Соч.: Obras..., v. 1—21, Barcelona, 1906—50.

Лит.: Соловьев В., Лю(у)ллий, Новый энциклопедич. словарь, т. 25, П., [б. г.]; Дружинин В. Г., К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Р. Л., П., 1914; История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 469; Перельман Я. И., Занимательная алгебра, 4 изд., М., 1949; Varber W. Th. A., R. Lull, L., [1903]; Ribet [Campins] L., R. Lullio (R. Lull), Barcelona, 1935; Menéndez y Pelayo M., R. Lull (Raimundo Lullio), в кн.: Menéndez y Pelayo M., La ciencia española, v. 3, B. Aires, [1947], p. 5—38; Escalasa A., La filosofía de R. L., v. 1—, Barcelona, [1952—]; Platzeck E. W., Die Lullische Kombinatorik, «Franziskanische Studien», 1952, Jg 34, S. 32—60; его же, La combinatoria lulliana, «Revista de Filosofía», 1953, v. 12, 1954, v. 13; Rogent E., Durán E., d'Alós-Moner R., Bibliografía de les impressions Lullianes, Barcelona, 1927; Battlori M., Introduccion bibliográfica a los estudios lullianos, Mallorca, 1944. [А. Рубин], Н. Стяжкин. Москва.

ЛУМИС (Loomis), Чарлз Прайс (р. 26 окт. 1905) — амер. бурж. социолог. Проф. и декан фак-та социологии и антропологии Мичиганского гос. ун-та (с 1944), в 1941—48 — ред. журн. «Rural Sociology».

Осн. задачей социологии Л. считает изучение общей структуры взаимодействия людей в обществе, форм, причин и последствий этого взаимодействия. Л. — последователь субъективно-идеалистич. учения М. Вебера о «понимающей социологии» и идеальнотипич. понятиях, «теоретич. моделях». Ключевым в типологии Л. является понятие «социальной системы», причем под него Л. ненаучно подводит все обществ. явления: и общество в целом и, напр., взаимоотношения между врачом и пациентами. Каждая система определяется через свои составные элементы, среди к-рых Л. произвольно выделяет нормы системы (правила жизни и поведения), статус-роль (социальное положение члена системы), власть (авторитет и влияние), способ использования средств для достижения целей, территорию. Осн. внимание Л. уделял проблемам социального изменения, классификации систем и взаимодействий в них. В соответствии с концепцией Ф. Тенниса об обществе и общине, Л. различает два осн. типа социальных систем: *Gesellschaft-like* и *Gemeinschaft-like*. В первой (напр., крест. семья) — членов системы связывают друг с другом родовые, семейные узы, здесь царит солидарность, взаимопонимание, нравственность. Во второй системе людей связывает конвенция, общий рассудочный принцип, разделение труда (напр., воен. организация). Эти идеи, затухающие классовую структуру и противоречия совр. бурж. общества, легли в основу эмпирич. исследований Л., особенно в области сел. социологии (см. *Studies of rural social organization in the United States, Latin America and Germany, 1945; Rural sociology, 1957*, совместно с J. A. Beegle). В ряде работ Л. развивает нек-рые методы социометрии (в частности, метод социограмм) (см. напр., *Sociometry* совместно с Н. Proctor, в сб.: *Research methods in social relations*, ed. by M. Jahoda, M. Deutsch and S. Cook, 2 ed., 1962).

Соч.: Critique of class as related to social stratification, [N. Y.], 1948 (совместно); Rural social systems, N. Y., 1950 (совместно с J. A. Beegle); Studies in applied and theoretical social science at Michigan State College, East Lansing, 1950; Social systems. Essays on their persistence and change, N. Y., 1960; Modern social theories, N. Y., 1961 (совместно с Z. K. Loomis). И. Добролюбов. Москва.

ЛУНАЧАРСКИЙ, Анатолий Васильевич (24 янв. 1875 — 26 дек. 1933) — деятель Коммунистич. партии и Сов. гос-ва, пропагандист марксизма-ленинизма, эстетик, художеств. критик и драматург. Первый нарком просвещения (1917—29).

Мировоззрение Л. складывалось под влиянием рус. революц. движения и марксизма. Познакомившись в юности с «Капиталом» Маркса, Л. в 1892 вступил в киевскую с.-д. организацию, по заданию к-рой вел пропаганду идей науч. социализма. В 1894—95, учась в Цюрихском ун-те, он сблизился с членами группы «Освобождение труда», познакомился с Плехановым, под влиянием

к-рого стал изучать историю материализма и нем. классич. философии. Возвратившись в Москву в 1897, Л. участвовал в пропаганде идей марксизма в массах, был арестован и затем сослан в Вологду. После II съезда партии в 1903 Л. встал на сторону большевиков, однако не смог удержаться на позициях марксизма-ленинизма в период после поражения революции 1905—07. В это время он вместе с А. Богдановым встал на позиции махизма и проповедовал богостроительство, вступил в отзовистскую группу «Вперед». Попытка Л. переработать эмпири-

критицизм в «марксистском духе» привела его к эклектизму. Подвергнув критике Л., Ленин указывал на его преданность пролетариату, а также пропагандистский талант. С 1912 Л. вновь сотрудничает в большевистских газетах. Вступление в ряды РКП(б) в июле 1917 явилось важным шагом в идейном развитии Л. На посту наркома просвещения он проводит линию партии по вопросам культуры, междунар. и внутр. политики. В 1933 он был назначен полномочным представителем СССР в Испании.

В филос. работах, написанных в дооктябрьский период («Очерк позитивной эстетики» (в сб.: «Очерки реалистич. мировоззрения, 1904; в 1923 издана под названием «Основы позитивной эстетики»), «Этюды критич. и полемич.» (1905), «Р. Авенариус. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского» (1905), «Религия и социализм» (т. 1—2, 1908—11), ст. «Атеизм» (в сб. «Очерки по философии марксизма», 1908), «Мещанство и индивидуализм» (в кн.: «Очерки по философии коллективизма», 1909) и др.), Л. пытался «дополнить» диалектич. и историч. материализм философией эмпириокритицизма, махизма. Он ошибочно считал, что т. зр. эмпириокритицизма дает возможность уничтожить мнимую «пропасть» между материей и сознанием. В работах периода 1908—11 Л. встал на позиции богостроительства, заявляя, что философия Маркса есть «философия религиозная», что она якобы «вытекает из религиозных исканий прошлого» («Религия и социализм», т. 2, СПб, 1911, с. 326). Ленин оценил проповедь «богостроительства» Л. как «... порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого» (Соч., т. 14, с. 330), а его положение «социализм есть религия», как «... форму перехода ... от социализма к религии» (там же, т. 15, с. 378).

Поворот от махизма и богостроительства к марксизму наметился у Л. еще в дооктябрьский период. В «Письмах о пролетарской литературе» (опубл. в журн. «Борьба», 1914, № 1, 3, 6), выступая за связь иск-ва с политич. борьбой пролетариата, Л. призывал иск-во служить делу социалистич. революции, бороться за реализм, против формализма, декадентства и мещанства.

В первые годы после Октябрьской революции Л. гл. внимание обращал на разработку проблем эстетики, лит. критики, проблем культурной революции. На посту наркома просвещения Л. в целом последовательно проводил линию партии по вопросам культуры; выступление Л. в защиту автономии Пролеткульта в 1920 было подвергнуто критике Лениным.

В работах «Десятилетие революции и культура» (1927), «Культура на Западе и у нас» (1928), «О роли пролетарского гос-ва в развитии социалистич. культуры» (речь, опубл. в журн. «Под знаменем марксизма», 1933, № 6) он указывал на связь культурной и хозяйственной революции, выдвигал задачу создания новой, социалистич. культуры, воспитания новой интеллигенции. Л. заботливо поддерживал молодые таланты и помогал их становлению. Одной из важнейших проблем строительства социалистич. культуры Л. считал критич. освоение культурного наследия прошлого.

Л. занимает выдающееся место в развитии сов. лит. критики, в изучении и популяризации наследия рус. критич. реализма (статьи о Пушкине, Достоевском, Тургеневе, Короленко, Некрасове, Герцене и др.), рус. революц. демократов 60-х гг., а также ряда зарубежных классиков (статьи о Диккенсе, Мериме, Гейне, Прусте, Шоу и т. д.). Многочисл. выступления Л. по драматургии, различным вопросам изобразит. иск-ва и музыке сыграли большую роль в становлении социалистич. культуры.

В наиболее важной с методологич. т. зр. статье Л. «Ленин и литературоведение» (1932, «Лит. энцикло-

недия», т. 6) рассматриваются проблемы идейности, классовости иск-ва, отношения к наследию прошлого. Основываясь на ленинском учении о культуре, Л. выясняет смысл борьбы с сектантскими пролеткультовскими теориями, отрицавшими преемственность художеств. развития и значение классич. культуры для социалистич. иск-ва. На обширном материале работ Ленина Л. раскрывает подлинно марксистское отношение к классич. лит.-критич. и эстетич. мысли прошлого.

Л. проявлял большой интерес к истории философии. Ему принадлежит историко-филос. очерк «От Спинозы до Маркса» (1925), брошюра «Барух Спиноза и буржуазия» (1933), статьи: о А. Н. Радищеве (1923), Н. Г. Чернышевском (1928), Л. Н. Толстом (1924), брошюра «Карл Маркс. Ко дню столетнего юбилея со дня его рождения (1818—1918)» (1918).

Соч.: Идеализм и материализм. Культура буржуазная и пролетарская, П., 1923; Наука. Искусство. Религия, М., 1923; Беседы по марксистскому миросозерцанию, Л., 1924; Ленин и литературоведение, Л., 1934; О театре и драматургии, т. 1—2, М., 1958; О народном образовании, М., 1958; В мире музыки, М., 1958; Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1959; Собр. соч. в 8 томах, т. 1—2, М., 1963—64 (изд. продолжается).

Лит.: Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14, с. 67, 68, 175, 269, 317, 328—31, 335; его же, О пролетарской культуре, там же, т. 31, с. 7; его же, [Письма А. В. Луначарскому], там же, т. 34, 35; О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде (Резолюция), в кн.: КПСС в резолюциях..., 7 изд., ч. 1, [М.], 1953, с. 222; Лебедев-Полянский П. И., А. В. Луначарский, М., 1926; Альтман И., Л. — драматург, [Лит. критик], 1934, № 3; его же, Большевик — энциклопедист, «Художественная литература», 1935, № 1; его же, [Доклад, посвященный годовщине со дня смерти Л.], «Вестник коммунистич. Академии», 1935, № 3; Памяти А. В. Л. 1875—1933, М., 1935; Кривошеина А., А. В. Л. — лит. критик, [Лит. современник], 1938, № 12; ее же, Эстетич. взгляды А. В. Л., Л. — М., 1939; Лебедев А., А. В. Л. о принципах и задачах марксистской лит. критики, [Вопр. литературы], 1958, № 12; Шулъгин В., Памятные встречи, М., 1958; Самойлова Н. А., А. В. Л. в борьбе за идейность и художеств. богатство сов. лит-ры, М., 1959; Буагенико П. А., А. В. Л. как лит. критик, Саратов, 1960; Бычков В. В., Лебедев А. А., Первый нарком просвещения, М., 1960; Мандельштам Р. С., Книжки А. В. Л. Библиографич. указатель, М. — Л., 1926.

Е. Шаранова. Москва.

ЛУНИН, Михаил Сергеевич (1787 — 3 дек. 1845) — рус. политич. мыслитель, декабрист. Род. в дворянской семье. В 1805—16 — в гвардии (участвовал в Аустерлицком и Бородинском сражениях). С сент. 1816

по май 1817 был в Париже, где познакомился с деятельностью левых политич. клубов и тайных об-в, встречался с Сен-Симоном. Член «Союза спасения» (с весны 1816), затем состоял в Коренной думе «Союза благоденствия», с основанием «Сев. об-ва» считался его членом. С 1822 служил в Литовском армейском корпусе в Варшаве, сблизился с руководством «Южного об-ва», выполнил ряд его поручений. В восстании 14 декабря не участвовал, однако при аресте заявил, что «... при других обстоятельствах вероятно действовал бы в духе оного» («Дело М. С. Лунина», в кн.: «Восстание декабристов», т. 3, 1927, с. 130). Сослан в Сибирь. В 1835 вышел на поселение и с 1836 жил в с. Урик близ Иркутска. В письмах к сестре Е. С. Уваровой, написанных во 2-й пол. 30-х гг. и расхоронившихся в списках, Л. выступил с резкой критикой российских порядков. В связи с этим был вновь арестован (1841) и заточен в Акатуйскую тюрьму, где и умер или, возможно, был убит «по указанию свыше».

Участвуя в движении *декабристов*, Л. неоднократно выступал с предложениями царевубийства как средства развязать революц. процесс. Сторонник конституц. правления «с ограниченной исполнительной властью при монархе или президенте, полагая того и другого в одинаковом виде» (там же, с. 122), Л. одновременно считал необходимым освобождение крестьян с предоставлением им земельного надела, а также ликвидацию православной церкви; однако он плохо представлял себе социальное содержание нового, «представительного порядка вещей» (см. Соч. и письма, 11б., 1923, с. 19). Движущую силу обществ. развития Л. усматривал в духовном начале. «События вытекают из законов логики» (там же, с. 26), — писал он, — считая, тем не менее, что люди должны активно им способствовать. Исходя из этого, Л. оценивал восстание декабристов как исторически необходимое и полагал, что оно есть лишь эпизод движения общества к гражд. свободе. «Через несколько лет, — писал Л., — те мысли, за которые меня приговорили к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни» (там же, с. 14). В «Письмах из Сибири» Л. резко обрушился на казенную формулу: «самодержавие, православию, народность». «...Права бывают трех родов, — говорил он, — политические, гражданские и естественные. Первые не существуют в России, вторые уничтожены произволом, третьи — нарушены рабством» (там же, с. 27). Причина этого в том, что пороки в политич. устройстве России — не заблуждение, а основа. Уничтожение этой основы — задача всего рус. общества. Важную роль в этом должна сыграть католич. вера, в к-рой Л. видел силу, способную бороться с самодержавием и православием. Вопреки мнению некоторых бурж. историков, католицизм Л. (на его позиции Л. перешел еще в 1816—17) не приобрел значения всеобъемлющего принципа и не определил его политич. поведение.

Подвиг Л., даже в смысле продолжавшего революц. традиции декабристов, был высоко оценен современниками. Герцен издал за границей в 1859—63 произведение Л., написанные им в Сибири. «Письма из Сибири» Л. имели наряду с «Философическим письмом» Чаадаева важнейшее значение для рус. освободит. движения 30-х гг. 19 в.

Соч.: Духовное завещание Лунина, в кн.: Архив графов Мордвиновых, т. 6, СПб., 1902; Письма М. С. Л. из Акатуй, в кн.: Избр. соц.-политич. и филос. произв. декабристов, т. 3, [М.], 1951, с. 151—96.

Лит.: Гессен С. Я., К о г а н М. С., Декабрист Лунин и его время, [Л.], 1926 (в приложении — соч. и письма Л.); О к у н ь С. Б., Декабрист М. С. Лунин, [Л.], 1962 (библ. в подстрочных прим.). См. также лит. при ст. *Декабристы*. Л. Филиппов. Москва.

ЛУППОЛ, Иван Капитонович (1 янв. 1896 — 26 мая 1943) — сов. философ, профессор, д-р филос. наук, академик (с 1939). Член КПСС с 1920. Окончил юридич. фак-т Моск. ун-та (1919) и филос. отделение ИКП (1932). Работал в Ин-те Маркса и Энгельса (1924), был проф. Моск. ун-та (1925—31) и ИКП философии (1925—38), директором Ин-та мировой лит-ры им. М. Горького (1935—40).

Круг науч. исследований Л. — проблемы истории философии и эстетики. Одним из первых среди сов. ученых Л. обратился к изучению франц. материализма. Его книга «Дени Дидро. Очерки жизни и мировоззрения» (1924, 3 изд., 1960, вступит. ст. М. Григорьяна, пер. на франц. яз., 1936) — первое сов. монографич. исследование о крупнейшем представителе франц. Просвещения 18 в. Детально выяснив социальные и теоретич. истоки мировоззрения Дидро, Л. раскрыл эволюцию его взглядов, учение о природе и познании, этику и эстетику. При этом Л. использовал неизвестные ранее рус. читателю материалы. Под ред. Л. издавались собр. соч. Дидро (в 1, 2, 8 и 9-м тт. вступит. статьи Л.), избр. соч. Ламетри (1925). В кн.

«Историко-филос. этюды» (1935) Л., утверждая необходимость введения в историко-филос. обиход имен, забытых прежней историографией, рассмотрел филос.-взгляды У. Акосты, Радищева, Пнина и др. мыслителей.

Л. — один из первых исследователей филос. наследия В. И. Ленина. Его первые статьи о Ленине как философе, теоретике пролетарского гос-ва и культуры появились в 1924—25. Подзаголовком книги «Ленин и философия» (М.—Л., 1927; 3 изд., М.—Л., 1930; пер. на нем. яз., W.—В., 1929) — «К вопросу об отношении философии к революции» — Л. подчеркивал единство теории и практики в творчестве и деятельности Ленина.

Л. активно участвовал в филос. дискуссиях 20—нач. 30-х гг., выступая против попыток «упразднения» марксистской философии («На два фронта», М.—Л., 1930). В годы культа личности Сталина Л. был безвинно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Соч.: Наука и реконструктивный период. Л.—М., 1931; Лит. этюды. М., 1940; Из истории философии XIX века, [М.], 1933 (редактор).

Лит.: И в с к и й В., Новый труд о Дидро, «Воинствующий материалист», кн. 2, 1925. [А. Казарин]. Москва.

ЛУРИЯ, Александр Романович (р. 1902) — сов. психолог, д-р педагогич. наук (по психологии, с 1937), д-р мед. наук (с 1943), действит. член АН РСФСР (с 1947), проф. Моск. ун-та. Окончил Казанский ун-т по фак-ту обществ. наук (1922) и 1-й Моск. мед. ин-т (1937). Занимается проблемами нормальной, генетич. и патологич. психологии и психологич. анализом мозговых поражений.

Соч.: Этюды по истории поведения, М.—Л., 1930 (совм. с Выготским Л. С.); Речевые реакции ребенка, в кн.: Речь и интеллект в развитии ребенка, т. 1—2, М., 1927—30; The nature of human conflicts or emotion, conflict and will, N. Y., 1932; Травматич. афазия, М., 1947; Восстановление функций мозга после военной травмы, М., 1948; Очерки психофизиологии письма, М., 1950; Речь и развитие психич. процессов у ребенка, М., 1956 (совм. с Юдович Ф. Я.); Некоторые проблемы изучения высшей деятельности нормального и аномального ребенка, в сб.: Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка, т. 1—2, М., 1956—58; The role of speech in the regulation of normal and abnormal behaviour, L., 1961; Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга, М., 1962; Мозг человека и психич. процессы, М., 1963.

ЛУС-И-КАБАЛЬЕРО (Luz y Caballero), Хосе де ла (1800—62) — кубинский философ и педагог; преподавал философию в духе сенсуализма Локка. Поскольку для Л.-и-К. природа первична по отношению к идеям, постольку в основе всех наук должно лежать изучение природы. Л.-и-К. выступил против эклектич. философии Кузена, к-рая с 1839 стала пользоваться нек-рым влиянием на Кубе. Философия Кузена, писал он, это философия приспособления к правительству реставрации, и она противоречит интересам кубинцев, борющихся против исп. господства, за нац. независимость. Свои филос. принципы Л.-и-К. положил в основу системы воспитания, требуя, чтобы обучение и воспитание делали человека способным изучать действительность.

Соч.: Obras, v. 1—7, La Habana, 1945—55. Лит.: R o d r i g u e z J. I., Vida de Don J. de la Luz y Caballero, N. Y., 1874; S a n g u i l l y M., J. de la Luz y Caballero, La Habana, 1890; V i t t e r M., La filosofia en Cuba, Méjico — B. Aires, [1948]. Г. Бургеме. Москва.

ЛУ ЦЗЮ-ЮАНЬ (Цзю-цзюань и или Лу Сян-шань) (1139—92) — кит. философ, представитель неоконфуцианской школы лисюэ, принадлежал к субъективно-идеалистич. направлению этой школы; утверждал, что «мир — это мое сознание, мое сознание — это мир» (собр. соч. Лу Цзю-юаня «Сян-шань цзюань цзи», цзюань 36).

Политич. воззрения Л. Ц.-ю. отличались консерватизмом, он отражал интересы крупных помещиков. **ЛУЩИЦКИЙ**, Иван Николаевич [р. 7(20) янв. 1907] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1952), про-

фессор (с 1953). Член КПСС с 1926. Окончил Белорус. ун-т (1930) и аспирантуру АН БССР (1933). Научно-педагогич. работу ведет с 1931. Зав. кафедрой истории философии и логики Белорус. ун-та им. В. И. Ленина (с 1953). Исследует преим. проблемы истории философии (гл. обр. истории рус. и белорус. филос. и обществ. мысли) и историч. материализма. Автор ряда разделов и глав по истории филос. мысли в Белоруссии в кн.: «История философии», т. 2 (1957) и «Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР», т. 2 (1956). Ведет социологич. исследования по проблеме: движение за коммунистич. труд.

Соч.: Супроць буржуазна-ліберальных трактовак Фашызму, «Большавік Беларусі», 1932, № 6 (соавтор); Соцыяльна-палітычныя погляды Кастуся Каліноўскага, «Польмя», 1949, № 8; Великие рус. революционеры-демократы и передовая обществ.-политич. мысль в Белоруссии (60-е гг. XIX в.), «Большевик Белоруссии», 1952, № 5; Передавая громадскія ідэі ў беларускай вуснай народнай творчасці, «Польмя», 1953, № 8; К вопросу о распространении марксизма в Белоруссии (80—90-е годы XIX в.), «Коммунист Белоруссии», 1953, № 12; Передавая громадская думка у беларускай аналімнай літаратуры, «Польмя», 1954, № 1; Аб светопоглядзе Адама Гурыновіча, там же, 1955, № 6; Грамадска-палітычныя і філасофскія ідэі твораў Ф. Багуш-віча, там же, № 8; Рус. революц. демократія и передовая обществ.-политич. мысль в Белоруссии в период востания 1863 г., в кн.: Научные труды по философии, 1956, вып. 1; Нарысы на гісторыю грамадска-палітычнай філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку, Мінск, 1958; В. И. Ленин о социологич. взглядах Гегеля и Фейербаха, в кн.: О «философских тетрадах» В. И. Ленина, М., 1959; Савецкая дзяржава ў перыяд разворота будаўніцтва камунізма, Мінск, 1961; Пуці построения коммунизма в СССР, «Коммунист Белоруссии», 1962, № 1; Сборник из истории филос. и обществ. мысли, «Коммунист Белоруссии», 1963, № 2 (соавтор).

ЛЫЩИНСКИЙ (Łyszczynski), Казимир (ок. 1634—30 марта 1689) — мыслитель-атеист литовского происхождения, живший на территории Польши и Литвы. Небогатый дворянин из рода Корчак. Прошел курс обучения в иезуитских школах. Л. — автор трактата «О несуществовании бога» («De non existentia Dei», опубли. в журн. «Przeegl. Religioznawczy», в работе: A. Nowicki, Pięć fragmentów z dzieła «De non existentia Dei» K. L., 1957, z. 1, № 1, с. 72—75), фрагменты к-рого опубликованы в Польше в 1957. В трактате высказываются радикальные атеистич. идеи. Бог, говорил Л., «не существует», он является лишь творением людей, представляя собой только химеру, плод воображения. Идея бога нужна для того, чтобы внушить угнетенному народу страх перед «сильными». Л. утверждал, что Библия и Евангелие — ложны, написаны людьми, к-рые с их помощью поддерживают этот обман. Высшим авторитетом и критерием истины для Л. являлся разум. Мировоззрение Л. сложилось под влиянием передовых идей, распространившихся среди городской польско-литовской интеллигенции, бросавшей вызов религ. фанатизму и феод. эксплуатации.

Резкая критика основ христ. догматики, разоблачение алчности и лицемерия духовенства вызвали против Л. жестокие преследования, организованные польским епископатом и иезуитами. В 1687 Л. был арестован и предан суду епископов, собравшемуся в Вильносе. Его признали атеистом и осудили на смертную казнь. По протесту брестских дворян, обратившихся к королю, дело было изъято из рук духовенства, передано на новое рассмотрение в высшую инстанцию — суд сейма. Однако варшавский сейм (дек. 1688) осудил Л. к сожжению на костре. Приговор был приведен в исполнение 30 марта 1689.

Лит.: Р а м м В. Я., К. Л. — жертва религиозного изуверства, в кн.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма АН СССР, т. 3, Л., 1959, с. 173—98 (имеется подробная библиография); W i e l o w s k i J., Sprawa K. L., Warszawa, 1955; J u r g i n i s J., K. L. — ateizmo pradininkas Lietuvoje, Vilnius, 1957. В. Рамм. Ленинград.

ЛЬВОВСКО-ВАРШАВСКАЯ ШКОЛА — школа польских логиков и философов, работавших в период между 1-й и 2-й мировыми войнами гл. обр. в Варшаве

и Львова. Осн. представители Л.-в. ш.: Лукасевич, Котарбинский, Айдукевич, Лесьневский, Тарский, Л. Хвистек (работал в Кракове), З. Завирский, Т. Чезжовский. В филос. взглядах Л.-в. ш. соединились разнообразные, порой противоречащие друг другу, направления: материалистическое представляли (хотя и не всегда последовательно) Котарбинский, Лесьневский и Завирский; позитивистское — Айдукевич (до начала 2-й мировой войны); Лукасевич, И. Саламуха и др. отстаивали неотомистскую философию, соединенную с нек-рыми идеями позитивизма. Общим почти для всех представителей Л.-в. ш. является: отрицание иррационализма, стремление к уточнению с помощью математич. логики осн. идей и принципов традиц. рационализма; строгое исследование осн. понятий и проблем логики науч. рассуждения; использование математич. логики как средства теоретико-познавательного анализа; интерес к логической семантике, выдвигание тезиса о том, что исследование познания необходимо предполагает изучение его языковых средств.

Истоки Л.-в. ш. были заложены в антиметафизич. и антииррационалистич. мотивах ряда польских философов конца 60-х и 70-х гг. 19 в. (составляющих т. н. варшавский позитивизм) и в деятельности *Твардовского*. Хотя последний развивал неосхоластич. метод (см. *Неосхоластика*) в духе австр. философа неореалиста Ф. Brentano и не занимался логикой, однако его требования строго следовать методам точных наук, бороться против путаницы понятий дали толчок к исследованию логики и семантики со стороны его учеников, из к-рых и вышли осн. деятели Л.-в. ш.

Представителей Л.-в. ш. можно разделить на две группы. В первой осн. внимание уделялось теории познания, общим проблемам методологии конкретных наук, семантике. У ученых этой группы (Айдукевич, Котарбинский и др.) наибольший интерес вызывали логич. анализ осн. филос. понятий и проблем («субстанция», «существование», «универсалия», «дефиниция» и др.), филос. оценка и интерпретация результатов формальной и математич. логики. В частности, исходя из идей *формализма* Д. Гильберта, Айдукевич предложил такую теорию языка (охватывающую как формализованные, так и естеств. языки), в к-рой смысл выражений нек-рого языка определяется через существующие между ними синтаксич. (см. *Синтаксис* в логике) отношения и через т. н. правила смысла этого языка (аксиоматические, дедуктивные и эмпирические), т. е. правила осмысленного употребления языковых выражений. Айдукевич выдвинул также мысль о разделении языков на «замкнутые и осмысленно-связанные» (в них правила смысла однозначно определяют осмысленное употребление в с е х выражений этого языка) и «открытые» (в к-рых не выполняется указ. условие; такими, напр., являются естеств. языки). Класс всех смыслов выражений «замкнутого» языка есть его «понятийный аппарат», выраженное же этим аппаратом содержание представляет собой связанную с данным языком «картину мира». Филос. осмысление этой теории содержится в его учении о «радикальном конвенционализме» (см. *Конвенционализм*). В послевоен. время Айдукевич отказался от многих идей этого учения, пересмотрев свои филос. взгляды в духе материализма.

Вторую группу Л.-в. ш. составляют ученые, занимавшиеся проблемами математич. логики, логич. оснований математики, спец. проблемами методологии дедуктивных наук и историей логики. Осн. представители этой группы: Лукасевич, Лесьневский, Тарский и их ученики: К. Куратовский и Б. Собочинский, Е. Слупецкий, А. Линденбаум, М. Вайсберг и др. Они наряду с др. представителями Л.-в. ш. внесли большой вклад в формальную и математич. логику.

Польские логики и философы одними из первых разработали осн. идеи логич. семантики (Тарский, Лесьневский, Хвистек, Айдукевич и др.), *модальной логики* и *многозначной логики* (Лукасевич, Тарский, Вайсберг, Слупецкий, Завирский и др.), исследовали осн. понятия *металогик* (Лукасевич, Л. Хвистек, Тарский, Лесьневский, Собочинский и др.), проанализировали ряд проблем теории определений (Лесьневский, Тарский, Айдукевич), работали в области аксиоматизации *множеств теории* (Куратовский, Хвистек), создали исчисление имен (Лесьневский); много внимания польские логики уделили упрощению различных аксиоматик *двузначной логики высказываний*. Логика этой школы также исследовала проблемы *логики отношений*, определенности понятий (Тарский), методологии науч. знания (проблемы *индукции, гипотезы, аналогии*, теории вероятностей и т. д.) и истории логики (Лукасевич).

Распавшись в 1939 после захвата Польши гитлеровцами (часть представителей Л.-в. ш. эмигрировала: Лукасевич, Тарский, Хвистек), Л.-в. ш. оставила глубокий след в развитии логики и философии и подняла на высокий уровень логич. образование в Польше. В народной Польше мн. представители Л.-в. ш. либо перешли на материалистич. позиции, либо пересмотрели свои прежние материалистич. учения в духе диалектич. материализма. Ученые народной Польши продолжают развивать прогрессивную часть наследства Л.-в. ш.

Лит.: Шаффа А., Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины, пер. с польского, М., 1953, ч. 2, гл. 6, § 5; История Польши, т. 3, М., 1958, гл. 28; Философия марксизма и неопозитивизм. Вопросы критики совр. позитивизма, М., 1963, с. 56—60; Котарбинский Т., Избр. произв., М., 1963, с. 172—181; Ajdukiewicz K., W sprawie «universaljów», «Przeegląd Filozoficzny», 1934, rocz. 37, z. 3; Jordan Z., The development of mathematical logic and logical positivism in Poland between the two wars, L., 1945; Dąmbska I., Czterdzieści lat filozofii we Lwowie. 1898—1938, «Przeegląd Filozoficzny», 1948, rocz. 44, z. 1—3; Tatarski W I., Pięćdziesiąt lat filozofii w Warszawie, там же.

И. Добролюбов, И. Нарский. Москва.

ЛЬЮИС (Lewes), Джордж Генри (18 апр. 1817—28 ноября 1878) — англ. журналист, лит. критик и философ-позитивист, последователь О. Конта. Основатель журн. «Fortnightly Review». Большое распространение получила его работа «История философии в биографиях» («A biographical history of philosophy», 4 vv., 1845—46; с третьего издания в переработанном виде под заглавием «History of philosophy from Thales to Comte», 1867, рус. пер. — «История философии от начала ее в Греции до настоящего времени», 1865, 1889, 1892, 1897). В ней Л. рассматривает историю философии не как прогресс науч. мысли, а как историю человек. заблуждений, доказывающую невозможность иного пути познания, кроме позитивизма. Разделяя взгляды *Спенсера* на зависимость индивидуального сознания от эволюции родового сознания, Л., однако, глубже понимал значение социально-историч. условий в психич. жизни. В психологии Л. выступал против взглядов Конта, отстаивая значение интроспективного метода, контролируемого объективным изучением. Отвергая механицизм в биологии, Л. признавал чувствительность особым свойством всего живого. Выдвинув принцип «функционального безразличия нервов», Л. подверг критике учение «физиологического идеализма» о специфич. энергии органов чувств. Оставаясь в границах позитивистского эмпиризма, Л. отбрасывал спенсерианский непознаваемый абсолют; агностич. мотивы принимают у него характер «теории символов» (понятия — символич. конструкции).

Соч.: Aristotle..., L., 1864; The physical basis of mind, L., 1877; The life of Goethe, L.—N.Y., 1930; в рус. пер.— Философия наук О. Конта, в кн.: Льюис [Д. Г.] и Милль Д. С., О. Конт и положительная философия, СПб., 1867; Сердце и мозг, [2 изд.], СПб., 1875; Вопросы о жизни и

духе, т. 1—2, СПб, 1875—76; Изучение психологии, ее предмет, область и метод, М., 1880.

Лит.: Стадлин А., Филос. учение Д. Г. Льюиса, «Рус. вестник», 1876, т. 124, 125, 126; В ы р у б о в Г. Н., [Рец. на кн.:] Problems of life and mind, by G. H. Lewes. 3 series, problem 1: The study of psychology..., L., 1879. «Критич. обозрение», 1880, № 5; Ч у й к о в В., Ж.-Г. Льюис, в кн.: Л ь ю и с Д. Г., История философии от начала ее в Греции до настоящего времени, пер. с англ., [ч. 1], СПб, 1892; В о л к о в Н. П., Д.-Г. Льюис, Владикавказ, 1904. G i a m b a t t i s t a G. G., V e r t a z z i, Esame critico della filosofia di G. H. L., Messina, 1906; K a m i n s k y J., The empirical metaphysics of G. H. L., «J. History Ideas», 1952, v. 13, p. 314—32.

А. Потемкин. Ростов-на-Дону.

ЛЬЮИС (Lewis), Кларенс Ирвинг (р. 1883) — амер. логик и близкий к прагматизму философ. Длит. время преподавал в Гарвардском и Станфордском ун-тах. В гносеологии Л., испытавший большое влияние Пирса, выдвинул теорию «концептуалистич. прагматизма», в к-рой соединил элементы прагматизма и свое, трудно совместимое с последним, истолкование системного, логического организованного знания; в ней он сознательно проводил т. зр. дуалистического противопоставления общих понятий, как чисто логических абстракций, потоку «сырых фактов опытных данных», а также, соответственно, аналитического, формального, абсолютно истинного знания всегда только вероятным эмпирич. истинам. Знание путем непосредств. ознакомления, по Л., невозможно, оно всегда предполагает выводной элемент и, следовательно, категориальную сеть, без к-рой нельзя схватить истину опыта. Эта сеть «критериев категориального классифицирования и истолкования», по Л., — априорна. Однако Л. отвергает традиционное, кантовское понимание априорного и истолковывает «априорную истину» как дефинитивную и находимую только из анализа понятий (образец — математика). Дефиниция же может быть бесполезной, но не ложной. Именно в силу дефинитивности основоположений системного знания возможно, по Л., неогранич. множество различных «концептуальных систем», различных «способов упорядочения». Выбор среди них и является сферой действия прагматич. или инструмент. критерия. Именно здесь, по Л., разворачивается вся драма познават. деятельности людей.

Логич. работы Л. посвящены в основном разработке модальной логики и ее применению к формализации логич. следования, а также вопросам логич. семантики. Еще в 1912 Л. указал на несоответствие материальной импlications общему понятию логич. следования и предложил идею импlications, основанной на модальном понятии возможности (строгая <strict> импlications). В соч. «Очерк символич. логики» («A survey of symbolic logic», 1918) и «Символич. логика» («Symbolic logic», 1932, совместно с Лэнгфордом) разработал ряд исчислений, содержащих понятие строгой импlications (в соч. 1932 имеется пять различных «исчислений строгой импlications»), использующих модальный оператор «возможно» (и производные операторы «невозможно», «необходимо» и т. п.).

В кн. «Анализ знания и оценки» («An analysis of knowledge and valuation», 1946) Л. уделит осн. внимание определению значения и аналитич. истинности (истинности, опирающейся только на значения). Идеи Л. оказали значит. влияние на развитие логики.

Соч.: Implication and the algebra of logic, «Mind», 1912, new series, v. 21, № 84; The pragmatic element in knowledge, Berkeley, 1926; The modes of meaning, «Philos. and Phenomenol. Res.», 1943—44, v. 4; Mind and the world-order, [new ed.], N. Y., [1956]; Our social inheritance, Bloomington, [1957].

Лит.: Карнап Р., Значение и необходимость, пер. с англ., М., 1959; Wright G. H. von, Essay in modal logic, [Amst.], 1951. Г. Ватищев, Д. Лахути. Москва.

ЛЮБИМОВ, Николай Алексеевич (26 янв. 1830—6 мая 1897) — рус. физик. Проф. Моск. ун-та (1859—82). Работал в области оптики и учения об электричестве, а также над вопросами истории науки,

гл. смысл к-рой усматривал в уяснении «логики открытий» («История физики. Опыт изучения логики открытий в их истории», ч. 1—3, 1892—96). Преимущественно под углом зрения истории естествознания написана и книга Л. «Философия Декарта» (1886), где дан обстоят. очерк материалистич. физики Декарта. В филос. отношении Л. стоял на позициях индуктивизма и агностицизма. «Дух естествознания» он противопоставлял «духу системы», к проявлениям к-рого относил и нем. натурфилософию, и франц. позитивизм, и материализм («В чем дух естествознания?», опубл. в «Моск. унив. известиях», 1866—67, № 4; также в сб. «Мой вклад», т. 2, М., 1887, с. 466—526). Л. был сотрудником «Рус. вестника» и «Моск. ведомостей», издававшихся Камковым; содействовал введению реакц. университетского устава 1884.

Лит.: Памяти Н. А. Л., СПб, 1897; Кудрявцев П. С., История физики, т. 2, М., 1956, с. 395—96; История естествознания в России, т. 2, М., 1960 (см. Именной указатель); Науч. и лит. труды засл. проф. Н. А. Л. в хронологич. порядке (1853—1895), СПб, 1896. [В. Зубов]. Москва.

ЛЮБОВСКИЙ, Петр Михайлович (гг. рожд. и смерти неизв.) — рус. логик и психолог. Окончил Харьковский ун-т (1808), магистр философии (1812). В соч. «Краткое руководство к опытному душесловию» (1815) — первой рус. учебной книге по психологии, полемизируя с материализмом, Л. отвергал идею детерминированности челоуеч. воли. В пределах общей идеалистич. концепции Л. сенсуалистически объяснял происхождение общих понятий (см. «Опыт логики», X., 1818, с. 23) и усматривал условие истинности познания «в действительном сходстве понятий с их предметами» (там же, с. 78). Однако наиболее общие понятия — 12 категорий — Л., в согласии с Кантом, признавал «врожденными нам с нашим разумом» («Краткое руководство...», X., 1815, с. 31). По Л., лишь «ум» — сверхъестественная и возносящаяся «выше всякой опытности» способность — производит «во внутреннее существо природы» (там же, с. 59, 58). Л. пытался с т. зр. физиологии объяснить чувств. познание и мышление, сочувственно ссылаясь на мысль Гольбаха о том, что «самый разум производят от мозга» (там же, с. 49). Он самостоятельно разработал вопрос о материальном источнике влечений.

Соч.: О достоинствах человека, происходящих от дарования слова, в кн.: Речи, говоренные в гимназиях и уездных училищах округа Харьковского ун-та..., X., 1812.

Лит.: Ананьев В. Г., Очерки истории рус. психологии XVIII и XIX вв., [М.], 1947, гл. 3; Петровский А. В., П. Л. — передовой психолог нач. XIX в., «Вопр. философии», 1952, № 3. З. Камениский. Москва.

ЛЮБОВЬ — нравственно-эстетич. чувство, выражающееся в бескорыстном и самозабвенном стремлении к своему объекту. Понятие Л. многозначно: существует Л. к делу, идее, родине, человечеству, личности. Специфич. содержанием Л. является самоотверженность, самоотдача и возникающее на этой основе духовное взаимопроникновение. Духовная близость в Л. ощущается как постоянное взаимное мысленное присутствие, как такое отношение любящих, когда один человек направляет свои помыслы и чувства к другому и оценивает свои поступки в соответствии с его взглядами. «Истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом „я“ и, однако, в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать самим собою» (Гегель, Соч., т. 13, М., 1940, с. 107). Индивидуальности с их духовными и природными различиями образуют в Л. завершенное единство; дополняя друг друга, они выступают как гармонич. целое. Процесс формирования Л. как исторически, так и в ходе индивидуального развития неразрывно связан со становлением личности (см. Самоосознание).

Нравств. природа Л. выявляется в ее устремленности не просто на существо другого пола, что харак-

терно для непосредств. чувств. влечения, а на *личность* с ее индивидуальной неповторимостью, к-рая выступает для нас ценной благодаря своим интеллектуальным и эмоциональным качествам. Природа как будто хочет, по словам Гёте, чтобы один пол чувственно воспринимал в другом доброе и прекрасное. Чувственное влечение выступает в Л. лишь как биологически целесообразный источник возникновения и одна из форм ее проявления.

Эстетич. аспект Л. выражается в чувстве длительной радости, возникающей от непосредств. созерцания или представления любимого существа. Л. пробуждает и вызывает подъем жизненных сил.

В истории духовной культуры понятие Л. трактовалось весьма различно. На ранних стадиях развития человечества Л. понималась еще мифологически как грандиозная, надмировая сила, господствующая в природе. Так, в др.-греч. философии орфики представляли Л. в виде мистич. существа — Эроса, к-рый воплощал производит. силы мира. В последующем Эрос отождествлялся с др. божествами, в частности с Зевсом; к нему обращались как к существу, владеющему «ключом всех вещей». В космогонии Эмпедокла Л. является началом, организующим Вселенную; если вражда разъединяет мир, то Л. объединяет всех людей, явления и элементы природы. Платон впервые отметил два вида Л.: чувственную и духовную. Первый вид Л. — низший, ограниченный любованием красивыми формами; духовная Л. — источник активной познавательной деятельности. Платон указывает на взаимосвязь этих видов Л. Совершенствование Л. состоит в переходе от чувственной Л. к духовной, т. е. от Л. к красивой форме к пониманию красоты вообще — нравственной, эстетической, научной и т. д. (отсюда выражение — «платоническая любовь», т. е. максимально духовная). По Платону, Л. рождается от соприкосновения с чувственными формами, с осязательной красотой; зарождающаяся Л. носит все признаки «безумия», «неистовства», делающего человека чужим самому себе; лишь тогда, когда в чувств. красоте познается скрытая в ней идеальная красота, раскрывается истинная сущность Л.

В антич. эпоху появляется и обширная эротич. лит-ра (трактат Овидия «Искусство любви» — *Ars amatoria*, и др.). Особенно широкое распространение эротич. лит-ра получает в Индии. Типичным образцом этого жанра является трактат «Намасутра», в к-ром практицизм в вопросах Л. своеобразно сочетается с элементами мифологии, нар. медицины и т. д. В ср.-век. этике резкое различие чувств. и духовной Л. привело к их противопоставлению. Христ. Л. — это сверхъестеств. акт, каритас (т. е. человеколюбие), посредством к-рого человек освобождается от грешной, чувств. природы и достигает слияния с богом. Сам бог рассматривается как Л. Истинная Л., по Фоме Аквинскому, это Л. к богу, к-рая исчерпывается в себе самой вне всяких отношений к человеку и к реальной действительности. Христ. религия проповедует ряд догматич. принципов: возлюби бога больше всего существующего, люби ближнего как самого себя, возлюби врага своего и т. д. Проповедь вечной Л. — один из реакц. этич. догматов христианства, посредством к-рого религия поныне пытается скрыть классовые противоречия и достигнуть «мира» между угнетателями и угнетенными.

Философия Возрождения вновь обращается к античному представлению о Л. как объективной космич. силе. Итал. гуманист Марсилио Фичино развивал теорию любви Платона; он видел в Л. циклич. движение, основную закономерность Вселенной: исходя от бога-творца, Л. к человеку и прочим творениям наполняет мир вещей красотой, к-рая возбуждает в них ответную Л. к богу. Проходя через мн. «очисти-

тельные» ступени, душа, движимая Л. к богу, достигает высшего блаженства, поднимаясь к высотам интеллигибельного мира и наслаждаясь созерцанием божественного.

Пико делла Мирандола различал три вида Л.: иррациональную (чувственную), рациональную и интеллектуальную. Причем главная из них — рациональная, или человеческая в собств. смысле слова, порожденная красотой чувственно воспринимаемой вещи, возбуждает желание духовно овладеть предметом Л., т. е. познать идею вещи. Она стимулирует совершенствование человек. разума. «В силу этой („человеческой“) любви, если человек идет от совершенству к совершенству, то он достигает такой степени, когда его душа полностью сливается с мировым интеллектом» (Комментарий к «Канцоне о любви» Джироламо Бенивиени). Рассматривая Л. как стимул к совершенствованию человека, Пико делла Мирандола придает ей важный этич. смысл.

Космологич. понимание Л. свойственно и Дж. Бруно, для к-рого Л. — страстное желание, героич. энтузиазм, переполняющий человека и влекущий его к познанию и покорению природы (см. «О героическом энтузиазме», 1585, рус. пер., М., 1953).

Понятие Л. занимает большое место в этике Спинозы, считавшего, что, познавая бога, т. е. природу как причину всех вещей, человек испытывает к нему интеллектуальную Л., к-рая освобождает душу от аффектов, свойственных чувств. Л. В познавательной Л. совпадают чувство и разум, и сам интеллект выступает как естеств. сила природы.

Просветители рассматривали Л. как естеств. человеческое чувство. Шефтсбери, напр., видел в Л. чувство солидарности, условие порядка и красоты в обществе. Гельвеций считал Л. самым могучим источником нашей деятельности (см. «О человеке», М., 1938, с. 74—78), гл. условием воспитания и развития человека. Этика просветителей пыталась в духе учения о разумном эгоизме объяснить Л. отношение человека к обществу, связать в единое целое индивидуальную и обществ. интерес.

Понятие Л. как социального чувства развивалось в учениях утопич. социалистов. Кампанелла рассматривал Л. как силу, организующую социальную жизнь: Л. обуславливает не только деторождение, но и воспитание детей и «... вообще все, относящееся к пище, одежде и половым отношениям» («Город Солнца», М., 1954, с. 44). Фурье относил Л. к страстям привязанности, к-рые в условиях справедливых обществ. установлений являются основой возникновения человек. коллективности и общности, условием гармонич. развития личности. Франц. утописты 19 в. высказывали многочисл. проекты такой организации обществ. и частной жизни, при к-рой Л. и семья будут основаны не на корысти и отношениях собственности, а на свободном чувстве взаимной привязанности.

Л. составила одну из гл. тем философского и художеств. творчества в нем. романтизме. Напр., Ф. Шлегель, наряду с др. романтиками, истолковал Л. как космич. силу, объединяющую в единое целое земное и небесное, человека и природу, конечное и бесконечное. Л. идеальна, она раскрывает истинный смысл природы и назначение человека, конкретно проявляясь в Л. к женщине. Вместе с тем идеальный смысл Л. к женщине раскрывается в мировой Л.

По Фейербаху, Л. «есть у н и в е р с а л ь н ы й з а к о н р а з у м а и п р и р о д ы, она есть не что иное, как осуществление единства рода через единомыслие... Любовь может корениться только в единстве рода, в единстве интеллекта и в природе человечества» (Избр. произв., т. 2, М., 1955, с. 304). Вместе с тем, объявляя сущностью человека и религии вечную и неизменную Л., Фейербах создал своеобразную рели-

гию Л., обожествил половую Л. и придал отношениям между полами характер некоей трансцендентальной сущности.

Для бурж. философии 19—20 вв. характерен пессимизм в оценке и понимании Л., истолкование ее как иллюзии, фикции, обмана. Так, по Шопенгауэру, Л. — это выражение простого физиологич. инстинкта, к-рый, заманивая живые существа иллюзией счастья, делает их орудием для собств. целей. Теория психоанализа Фрейда, сводя все виды Л. к физиологич. инстинкту, игнорирует социальную природу человека и его чувств. В его учении все виды Л. — отцовская, сыновья, интеллектуальная и пр. — лишь сублимация полового импульса.

В философии ценностей М. Шелера чувство Л., трактуемое в качестве первичного условия этич. ценности человек. личности, выступает как иррациональный акт, истоки к-рого уходят в глубины неискоренимой сущности каждого человека. С т. зр. *Сартра*, идеал и цель Л. состоят в том, чтобы влиять на свободу другого, оставляя ее вместе с тем невредимой. У представителя католич. *экзистенциализма* Г. Марселя чувство Л., а не разум является средством постижения «существования».

В марксистской философии Л. рассматривается в тесной связи со всем процессом обществ.-историч. развития. Во Л. проявляется «...не только данное природой, но и привнесённое культурой...» («Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, 1957, с. 483). Энгельс характеризовал Л. в совр. ее форме индивидуально-избирательного чувства как сложный продукт длительной истории. «Современная половая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом отношении женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось ее согласие. Во-вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обеим сторонам великим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу... Появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания половой связи; спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет?» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 79—80).

По характеристике Маркса, Л. является своеобразным мерилем того, насколько «естественное поведение человека стало человеческим», «в какой мере сам он, в своём индивидуальнейшем бытии является вместе с тем общественным существом» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1958, с. 587).

Л. составляет нравственную основу брака и семейных отношений (см. *Семья*).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956, с. 587—588; Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Ленин В. И., [Письма] Инессе Арманд, Соч., 4 изд., т. 35, с. 137—41; Бебель А., Женщина и социализм, пер. с нем., М., 1939; Колбановский В. П., Л., брак и семья в социалистич. обществе, М., 1948; Харчев А. Г., Семья и сов. общество, Л., 1960; его же, О нравственной сущности социалистической семьи, «Вопр. философии», 1961, № 1; Стендаль, О Л., пер. с франц., Собр. соч., т. 4, М., 1959; Каленов П., Л. по Платону, «Рус. вестник», 1886, ноябрь; Фулье А., Л. по Платону, пер. с франц., М., 1898; Веселовский А., Из истории развития личности. Женщина и старинные теории Л., СПб., 1912; Арсеньев Н. С., Платонизм Л. и красоты в литературе эпохи Возрождения, «Ж. Мин-ва народного просвещения», 1913, № 1, 2; Лосев А., Эрос у Платона, в кн.: Г. И. Челпанову от участников его семинариев..., М., 1916; Volkelt I., Zur Geschichte der Philo-

sophie der Liebe, [s. l.], 1873; Wiegand W., Die wissenschaftliche Bedeutung der platonischen Liebe, B., 1877; Teichmüller G., Ueber das Wesen der Liebe, Lpz., 1879; Robin L., La théorie platonicienne de l'amour, P., 1908; Lagerborg R., Die platonische Liebe, Lpz., 1926; Pflaum H., Die Idee der Liebe bei Leone Ebreo, Tübingen, 1926; Krakowski E., Une philosophie de l'amour et de beauté, P., 1929; Ortega y Gasset J., Estudios sobre el amor, B. Aires, [1939]. А. Спиркин. Москва.

«ЛЮБОМУДРЫ» — участники моск. лит.-филос. кружка «Общество любомудрия», осн. в 1823. Осн. состав — воспитанники Моск. ун-та и Царскосельского лицея, молодые чиновники Моск. архивной коллегии иностр. дел (отсюда — «архивные юности»). Членами об-ва состояли: В. Ф. *Одоевский* (пред.), Д. В. *Веневитинов* (секретарь), А. И. Кошелев, И. В. *Киреевский*, Н. М. Рожалин. Более или менее тесно примыкали к об-ву «Л.» Н. А. Мельгунов, М. П. *Погодин*, В. П. Титов и С. П. *Шевырев*. Первоначально для пропаганды своих взглядов «Л.» использовали журн. «Вестник Европы», затем своим органом они сделали альманах «Мнемозина. Собр. соч. в стихах и прозе» (ч. 1—4, 1824—25). Вместе с В. Ф. Одоевским издателем и постоянным сотрудником «Мнемозины» являлся Кюхельбекер. В узком кругу «архивных юношей» и на страницах «Мнемозины» дискутировались вопросы философии, естествознания, лит-ры, эстетики и этики. Для удовлетворения «разнообразных вкусов всех читателей» альманах «Л.» печатал повести, анекдоты, очерки, стихотворения, критич. заметки на темы «о русской словесности».

Члены кружка взяли себе название «Л.» ввиду преобладания среди них интереса к философии. Филос. кредо кружка было стремление создать самобытную философию новой эпохи рус. истории. Тем не менее филос. взгляды членов об-ва не были тождественными. Одоевский, напр., симпатизировал пантеистич. системам Спинозы и Сковороды; не отвергая идею бога, он растворял ее в понятии «мир», отстаивая идею о всеилии человек. разума. Одоевского поддерживал Кюхельбекер, высказывавший мысли о «суверенности природы», доказывавший безграничность познания человека. Киреевский, Кошелев, Погодин, Шевырев возвеличивали мистицизм Шеллинга, имели склонность к «религиозным исканиям».

Большинство «Л.» отстаивало лозунг народности лит-ры и искусства (хотя народность «Л.» понимали весьма абстрактно), стояло за развитие «сатирического жанра» и политич. лирики. Кюхельбекер призывал поэтов воспевать высокие гражд. чувства, возбуждать действительную любовь к Отечеству. Одоевский горячо отстаивал права в рус. лит-ре комедии с рус. сюжетом и серьезным социальным звучанием. На страницах «Мнемозины» и «Моск. телеграфа» он выступил против М. Дмитриева и А. Писарева в защиту «Недоросля» Фонвизина и «Горя от ума» Грибоедова. «Л.» были одними из первых критиков реакц. эстетики, взглядов Ф. Булгарина и Н. Греча.

Общим для «Л.» являлась защита бурж.-демократич. идей свободы слова, печати, вероисповедания, призывы содействовать развитию нац. культуры, просвещения и науки в России. «Мнемозина» высмеивала светские обычаи «высшего» общества, уродливые формы дворянского воспитания, погоню «света» за «почестями без заслуг». Судя по свидетельству А. И. Кошелева, лишь на «тайных собраниях» узкого круга «архивных юношей» нередко высказывались «крайне либеральные» взгляды. Не случайно эти беседы «Л.» продолжались только до того времени, как стало известно в Москве о поражении восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825. Получив об этом сведения, «Л.» прекратили свои встречи, не желая «привлечь на себя подозрения полиции». С годами терялись связи бывших членов общества «Л.», изменялись их интересы и убеждения.

Лит.: Записки А. И. Кошелева (1812—1883 годы), Вег-
 lin, 1884; Пятковский А. П., Из истории нашего
 лит. и обществ. развития, ч. 1—2, 2 изд., СПб, 1888—
 1889; Барсуков Н. П., Жизнь и труды М. П. Пого-
 дина, кн. 1—3, СПб, 1888—1911; Павлов-Силь-
 вановский И. П., Очерки по рус. истории XVIII—
 XIX вв., СПб, 1910; Сакулин П. Н., Из истории
 рус. идеализма, Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Пи-
 сатель, т. 1, ч. 1—2, М., 1913; Очерки по истории рус. журна-
 листики и критики, т. 1, Л., 1950; Соколов А. Н.,
 История рус. лит-ры XIX в., т. 1, М., 1960.

**«ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИ-
 ЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ»** — произве-
 дение Энгельса, посвященное характеристике отноше-
 ния марксистской философии к своим теоретич.
 источникам и содержащее очерк ее важнейших поло-
 жений. Написано в 1886 по поводу книги датского
 философа К. Н. Старке «Людвиг Фейербах» (1885);
 однако Энгельс уделяет ей незначит. внимание.
 Подлинные причины написания «Л. Ф. ...» Энгельсом
 были иные: распространение марксизма «вширь»
 сопровождалось его вульгаризацией, его эклектич.
 толкованием на уровне догматической философии
 (кантианство и т. п.), поэтому надо было разъяснить,
 каковы коренные отличит. черты диалектич. и историч.
 материализма. Ленин высоко оценил работу «Л. Ф. ...»
 и часто ссылался на нее. Он считал, что «Л. Ф. ...» и
 «Анти-Дюринг», так же как и «Коммунистический
 Манифест», «...являются настольной книгой» всякого
 сознательного рабочего» (Соч., т. 19, с. 4).

Характеризуя в «Л. Ф. ...» появление на историч. сце-
 не франц. философии 18 в. и классич. нем. философии,
 Энгельс говорит о филос. революциях. В еще более
 глубоком смысле явился революцией процесс созда-
 ния диалектич. и историч. материализма Марксом
 и Энгельсом. Этот процесс включал в себя усвоение
 в новом синтезе всего ценного из наследия филос.
 культуры и прежде всего ее высшего достижения —
 философии Гегеля. Поэтому 1-я гл. «Л. Ф. ...» посвящена
 Гегелю и истории раскола гегелевской школы. Взгля-
 ды Гегеля Энгельс передает так, как они исторически
 выступили в качестве идейного источника марксист-
 ской философии, а именно в их противоречии между
 диалектич. методом и догматизмом, не критичностью
 и консерватизмом его системы. Гегелевская философия
 в целом — «...величественный итог всего предыдущего
 развития философии...»; вся она — «... лишь идеали-
 стически на голову поставленный материализм»
 (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21,
 с. 279, 285); повсюду в ней — поразительное богат-
 ство идей, усвоение к-рых — условие подлинного
 выхода из «лабиринта» филос. проблем. Тем не менее
 Фейербах, восстановивший материализм, не преодолел
 философию Гегеля посредством «снямой»
 критики, но попросту отбросил ее прочь. И все же
 именно Фейербах дал становлению марксизма «могуч-
 ий толчок» (см. там же, с. 299).

Во 2-й гл. Энгельс противопоставляет обыватель-
 скому утилитаристскому представлению о «материаль-
 ном» и «материализме» научное, филос. понятие
 о них. Филос. понятие материализма формулируется
 как ответ на основной вопрос философии; различие
 же в решении этого вопроса составляет критерий клас-
 сификации филос. концепций. При этом Энгельс выде-
 ляет «две стороны» этого вопроса. С т. зр. марксизма,
 мышление способно, по выражению Энгельса, состав-
 лять верное отражение действительности. «На фило-
 софском языке этот вопрос называется вопросом о
 тождестве мышления и бытия» (там же, с. 283). Имен-
 но материалистически истолкованное тождество мыш-
 ления и бытия определяет совпадение гносеологии,
 онтологии и логики в диалектике как «... науке об
 общих законах движения как внешнего мира, так и
 человеческого мышления», ибо эти законы «... по
 сути дела тождественны...» (там же, с. 302). Поэтому

познающее мышление есть всегда движение понятий
 согласно логике самого предмета.

Доказательство предметной истинности знания и тем
 самым опровержение дуализма и агностицизма
 «...заключается в практике, именно в эксперименте и
 в промышленности» (там же, с. 284). Здесь Энгельс
 отвлекается от др. функций практики и от роли ее
 превращенных форм (отношения полезности и т. п.).

Обращая внимание на особенности материализма
 диалектического, Энгельс отмечает три ограничен-
 ности старого материализма: 1) механистичность,
 2) метафизичность, 3) идеализм в понимании обще-
 ства (см. там же, с. 286—89). При этом надо учиты-
 вать, что гл. недостаток предшеств. материализма —
 его созерцательность (см. «Тезисы о Фейербахе», «Не-
 мецкая идеология», Материализм). Энгельс называл
 Л. Бюхнера, К. Фохта и Я. Мошотта вульгарными
 материалистами за то, что они «... не вышли ни в
 чем за эти пределы учений своих учителей» (там же,
 с. 288).

В гл. 3-й Энгельс показывает, что Фейербах не
 только остался идеалистом в понимании общества,
 но и оказался здесь гораздо беднее Гегеля. В социаль-
 ных отношениях «... он видит только одну сторону —
 мораль» (там же, с. 295). Корни этич. идеализма Фей-
 ербаха — в его антропологизме.

Глава 4-я содержит характеристику революц. пере-
 ворота в философии, совершенного Марксом и Энгель-
 сом, и экскурсию в область материалистич. теории
 истории. Классич. филос. наследие восприняли и пере-
 работали основоположники марксизма. Гегелевскую
 диалектику они освободили от «идеологического извраще-
 ния» (см. там же, с. 301). Суть дела в том, чтобы
 не только «признавать» диалектику, но и уметь
 «...применять ее в каждом отдельном случае и в каж-
 дой данной области исследования» (там же, с. 302).

Марксизм провозгласил принципиально новое отно-
 шение между предметом философии и предметами ос-
 тальных положит. наук. Оценивая открытие клетки,
 установление закона сохранения и превращения энер-
 гии и теорию Дарвина как «три великих открытия»
 (см. там же, с. 288, а также с. 303—04), Энгельс
 усмотрел в них начало усвоения диалектич. метода
 мышления самими положит. науками. Поскольку
 такое усвоение совершается, оно избавляет философию
 от монополизирования задачи «... дать общую кар-
 тину природы как связанного целого» (там же, с. 304),
 т. к. науки становятся полноправными строитель-
 ными «системы мира». Теоретич. развитие науки
 делают излишней особую, отдельную от них науку
 «о мире в целом», каковой ранее претендовала быть
 философия. Тем самым философии предоставляется
 возможность сосредоточить свое внимание на иссле-
 довании всеобщих характеристик действительности,
 на разработке диалектики как логики и теории науч.
 познания (см. там же, с. 316).

В очерке материалистич. понимания истории (см.
 там же, с. 305—316) марксизм противопоставляется
 домарксовским социологич. концепциям как впервые
 раскрывший материальными движущими силами, к-рые
 скрываются за идеальными побудит. силами (см. там
 же, с. 307); рассматривая лишь общую независимость
 первых от вторых, Энгельс отвлекается от того, что
 и те и другие могут выступать еще и как якобы неза-
 висимые от челоуеч. деятельности, от реального чело-
 века. Энгельс поясняет важнейшие положения марк-
 систской теории классов и классовой борьбы, теории
 базиса и надстройки, анализирует классовый характер
 гос-ва (см. там же, с. 310).

В заключение Энгельс выражает веру в грядущий
 расцвет теоретич. мысли, выступающей смело и ре-
 шительно, без каких бы то ни было соображений
 «... о карьере, о наживе и о милостивом покровитель-

стве сверху» (там же, с. 317). Коммунизм и высокий интерес к теории нераздельны.

«Л. Ф. ...» был издан сначала в «Neue Zeit» (1886, №№ 4 и 5), а в 1888 в Штутгарте отд. брошюрой с предисловием. Первый рус. перевод «Л. Ф. ...» принадлежит Плеханову. В 1905 и 1906 публиковались и др. рус. переводы. В сов. время «Л. Ф. ...» многократно переиздавался (до 1939 — в переводе Плеханова). На 1 янв. 1964 «Л. Ф. ...» издан в СССР 98 раз на 32 языках (народов СССР и иностр.) тиражом 3282 тыс. экземпляров.

Лит.: Ленин В. И., Три источника и три составных части марксизма, Соч., 4 изд., т. 19; Юдин П., Классич. произв. марксистского материализма, [М.], 1939; Ильичев Л. Ф., О книге Ф. Энгельса «Л. Ф. ...», [М.], 1940; Розенталь М., О произведении Ф. Энгельса «Л. Ф. ...», [М.], 1952; Баллер Э. А., Произведение Ф. Энгельса «Л. Ф. ...», М., 1960. Г. Ватищев. Москва.

ЛЮКСЕМБУРГ (Luxemburg), Роза (5 марта 1871—15 янв. 1919) — деятельница герм. и польского рабочего движения, представительница революц. марксизма конца 19 — нач. 20 вв. Род. в Польше

в г. Замосьц (Замостье). Уже в гимназич. годы была связана с революц. кружками, познакомилась с марксизмом. Была в числе основателей (1893) с.-д. партии Королевства Польского, участвовала в деятельности с.-д. партии Королевства Польского и Литвы. Окончила ун-т в Цюрихе со степенью д-ра гос. наук. Переехав в 1897 в Германию, активно включилась в борьбу левых нем. с.-д-тов против оппортунизма и ревизи-

онизма. Опираясь на опыт революции 1905—07 в России, Л. решительно выступала за массовую стачку как новую форму борьбы пролетариата. Во время первой мировой войны Л. с марксистских интернационалистских позиций беспощадно боролась с милитаризмом, разоблачала предательство правых и центристских лидеров герм. с.-д-тии. В период войны Л. за выступления против империализма трижды сидела в различных герм. тюрьмах (около 4 лет). Л. явилась одним из организаторов революционного «Союза Спартака» (1916), затем — созданной на его основе Коммунистич. партии Германии (1918). 15 янв. 1919 вместе с К. Либкнехтом была зверски убита контрреволюционерами.

Убежденная марксистка, Л. правильно указывала на загнивание бурж. идеологии, выражающее неизбежность гибели капитализма, вскрывала реакц. сущность неокантианства и теорий этического социализма. В работе «Социальная реформа или революция?» («Sozialreformen oder Revolution?», 1899, рус. пер. [1904—05], новое изд. 1959), в многочисл. статьях и выступлениях Л. с присущей ей революц. страстностью и остроумием подвергла резкой критике Бернштейна и др. ревизионистов. Стержнем этой полемики была проблема соотношения объективной историч. закономерности и революц. преобразований. Защищая выводы Маркса об углублении всех противоречий капитализма и неизбежности социалистич. революции, Л. показывала фальшь утверждения Бернштейна об устойчивости мелкого произ-ва, подчеркивала классовый характер бурж. гос-ва, решительно выступала против реформистской идеи постепенной «социализации» общества. Подвергнув критике метафизич. противопоставление революц. «катастрофы» и эволюц. «развития», Л. писала, что «катастрофа» представляет собой закономерный

момент развития. Крушой заслугой Л. было выдвинутое ею, но не поддержанное ни руководителями партии, ни т. н. «средняками» требование решительного разрыва с оппортунистами, изгнания Бернштейна и его единомышленников из партии (см. письма Л. в ст. «Роза Люксембург против ревизионизма», в журн. «Новая и новейшая история», 1962, № 5, 6; 1963, № 1).

Вместе с тем Л. не поняла всей опасности бернштейновского ревизионизма, его нападков на материализм и диалектику, допускала отд. отступления от диалектики к механистич. детерминизму. Основа этих отступлений — ошибочные воззрения Л. на ряд вопросов политич. экономии, к-рые нашли выражение в ее работах «Накопление капитала» («Die Akkumulation des Kapitals», 1913; рус. пер. 1921, 5 изд. 1934) и «Введение в политич. экономию» («Einführung in die Nationalökonomie», 1925; рус. пер. 1925, нов. изд. 1960). Популяризируя учение Маркса, показывая, что не техника, а отношения собственности определяют характер способа произ-ва, Л., однако, ошибочно писала, что регулятором товарного х-ва является не закон стоимости, а обмен, к-рый «регулирует... все хозяйство, ... управляет обществом» («Введение...», М., 1960, с. 236). Накопление при капитализме возможно, по Л., лишь за счет расширения сферы эксплуатации «некапиталистической среды» (т. е. хозяйств крестьян и ремесленников), с исчезновением к-рой капитализм якобы автоматически рухнет. Отсюда и неправильное определение Л. империализма как политики борьбы капиталистич. гос-ва за остатки «мировой некапиталистич. среды». Защита механистич. детерминизма сочеталась, однако, у Л. с горячей убежденностью в неотвратимости пролетарской революции. Все же ошибки Л. в области политич. экономии не могли не сказаться на ее деятельности, на понимании организац. принципов партии, аграрного и нац. вопросов. Полагаясь преимущественно на объективный ход развития, она недооценивала роль субъективного фактора в истории, что нашло выражение в недооценке роли партии в рабочем движении.

В 1916 под псевд. «Юниус» вышла написанная Л. в тюрьме брошюра «Кризис социал-демократии» («Die Krise der Sozialdemokratie», рус. пер. 1923). В ст. «О брошюре Юниуса» Ленин приветствовал появление этой работы, разоблачаящей социал-шовинистские вымыслы о якобы освободит. характере происшедшей войны (см. Соч., т. 22, с. 291—305). В то же время Ленин подверг критике ряд ошибок Л., в частности недооценку ею нац.-освободит. движений эпохи империализма. Ленин неоднократно указывал, что политич. ошибки герм. левых, в т. ч. и Л., тесно связаны с их метафизич. и механистич. ошибками в теории. В 1918 Л. написала работу «Рус. революция» («Die russische Revolution», оубл. 1922), в к-рой, несмотря на ошибочные высказывания по ряду вопросов большевистской тактики, отмечала историч. заслугу партии большевиков как партии последовательно революционной, с презрением писала о правых руководителях герм. с.-д-тии.

Под влиянием Октябрьской революции и России, опыта большевиков Л. начала, хотя и не сразу, исправлять свои ошибки. О переходе Л. на позиции ленинизма свидетельствуют статьи в «Rote Fahne» и особенно «Доклад о программе партии» («Rede zum Programm...», 1919), с к-рым она выступила на Учредит. съезде КПГ (1918). Хотя и здесь еще недостаточно подчеркивалась роль партии, необходимость союза рабочего класса с крестьянством, однако, окончательно покончив с метафизическо-эволюционистскими теориями оппортунистов, отметив историч. значение Октябрьской революции, программа выдвинула зада-

чу борьбы за социалистич. преобразование общества. *А. Мысливченко. Москва.*

С революц. деятельностью Л. были тесно связаны ее выступления по вопросам лит-ры и иск-ва. Статьи Л. о Мицкевиче, Успенском и Шиллере, о Л. Толстом и Короленко имели большое значение в борьбе герм. левых против бурж.-реформистской идеологии. Эти статьи защищали иск-во, связанное с демократич. и революц. движением, показывали, что участие в социальных битвах не принижает, а возвышает иск-во. В трех статьях о Толстом, опубликованных в тот же период, что и посвященные Толстому статьи Ленина, Л. отвергла традиц. противопоставление Толстого художника Толстому-мыслителю. «Без величия личности и величия мировоззрения, — писала она, — нет великого искусства» («О литературе», М., 1961, с. 121). Однако Л. не смогла преодолеть до конца теорию «двойственности» Толстого. Статья Л. «Душа рус. литературы» (1918, рус. пер. 1922) представляла собой первый марксистский очерк рус. поэзии и прозы от 1812 до 1914. Правда, и здесь сказались ошибки Л.: героич. характер рус. лит-ры она как бы выводит из «чувства социальной ответственности» и недостаточно объясняет конкретно-историч. особенностями развития России. В целом же наследие Л., лит. критика, показывает, как марксистская эстетич. мысль того времени, очищаясь от реформистских и догматич. искажений, вступала в ленинское русло развития.

М. Кораллов. Москва.

Критикуя отд. ошибки и отступления Л. от последоват. марксизма, Ленин высоко ценил ее как пламенного борца за дело рабочего класса, против ревизионизма; он называл Л. орлом, великой коммунисткой (см. Соч., т. 31, с. 315; т. 33, с. 184). Отдавая должное революц. заслугам Л., нем. коммунисты под руководством Э. Тельмана повели борьбу за преодоление ее ошибок (см. E. Thälmann, Der revolutionäre Ausweg und die KPD, М., [1932], S. 71).

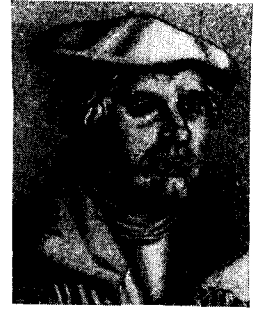
Ревизионисты пытались и пытаются использовать ошибки Л. для противопоставления ее взглядов Марксу и Ленину, для борьбы против марксизма-ленинизма (см., напр., В. Kautsky, Rosa Luxemburg. Eine biographische Skizze, в кн.: R. Luxemburg, Briefe an Freunde, 1950). Нем. коммунисты дают отповедь подобному искажению взглядов Л. Революц. заветы Л. последовательно проводятся в жизнь в ГДР.

Соч.: Briefe aus dem Gefängnis, 14 Aufl., В., 1953; Ausgewählte Reden und Schriften. Mit einem Vorwort von W. Pieck, 12 Aufl., Bd 1—2, В., 1955; Rosa Luxemburg im Kampf gegen den deutschen Militarismus, В., 1960; в рус. пер.—Карл Маркс. Критич. очерк его учения, К., 1906; Всеобщая забастовка и нем. социал-демократия, П., 1919; Письма из тюрьмы, Х., 1923; Избр. соч., т. 1, ч. 1—2, М.—Л., [1928]—1930.

Лит.: Ленин В. И., Заметки публициста, Соч., 4 изд., т. 33; Петкин К., Р. Л. и рус. революция, М.—П., 1924; Альтер И. М., Р. Л. в борьбе с реформизмом, Л., [1927]; Шафф А., Филос. взгляды Р. Л., в сб.: Против бурж. и правосоциалистич. фальсификаторов марксизма, М., 1952; Эльснер Ф., Р. Люксембург. Критико-биографич. очерк, М., 1952 (Приложение к бюллетеню «Новые книги за рубежом»); Против совр. ревизионизма. Сб. переводов, М., 1958, с. 325—38; Бутенко А. П., Вокруг работы Р. Л. «Рус. революция», «История СССР», 1958, № 2; Бартель В., Левые в герм. социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны, пер. с нем., М., 1959; История философии, т. 5, М., с. 517—19; Чагин Б. А., Из истории борьбы против филос. ревизионизма в герм. социал-демократии. 1895—1914, М.—Л., 1961; Кривогуз И. М., «Спартак» и образование Коммунистич. партии Германии, М., 1962; Waгs k i A., Rosa Luxemburgs Stellung zu den taktischen Problemen der Revolution, Hamb., 1922; Des a n t i D., Visages de femmes, P., 1953; В а u e r R., Die besten Deutschen verteidigten die Oktoberrevolution und lernten von ihr, «Beitr. zur Geschichte deutschen Arbeiterbewegung», 1962, Н. 4. *А. Мысливченко. Москва.*

ЛЮТЕР (Luther), Мартин (10 ноября 1483—18 февр. 1546) — деятель бюргерской Реформации в Германии, основатель нем. протестантизма. Род. в г. Эйслебене в Саксонии. В 1501 поступил в Эрфуртский ун-т,

в 1505 получил степень магистра свободных иск-в. В Эрфуртском ун-те Л. был связан с кружками гуманистов, к-рые вели энергичную борьбу против столпов схоластич. теологии, но не примкнул к ним. В то время как радикальные гуманисты видели пути развития нем. культуры в распространении светского образования, Л. стремился к реформе теологии, оставаясь на ее почве.

Пытаясь найти основы новой христианской догматики, он изучал различные направления схоластич. теологии, в частности ср.-век. мистику. Начав читать лекции в Виттенбергском ун-те, в 1512 он получил степень д-ра богословия.

Осн. положения нового вероучения Л. высказал в предназначенных для диспута 95 тезисах против индульгенций, прибитых им 31 окт. 1517 к дверям виттенбергской церкви. Л. выступал против догматов и претензий католич. церкви, утверждал, что церковь и духовенство не являются посредниками между человеком и богом. Человек, по Л., достигает «спасения души» («оправдания») только при помощи «веры», к-рая даруется ему непосредственно богом. Л. отвергал претензии духовенства на господствующее положение в мире. Вместе с тем объявив «веру» христианина единств. средством его общения с богом, Л. настаивал на том, что и мирская жизнь, и весь мирской порядок, светское гос-во и его учреждения занимают важное место в христианской религии. В соответствии с этим должен быть отвергнут авторитет папских декретов и посланий («священное предание») и восстановлен авторитет «священного писания». Но, выдвинув против католич. вероучения положение о непосредств. общении наделенного «верой» христианина с богом, Л. решительно отрицал при этом значение человек. воли и разума. Общения с богом человек, согласно лютеровскому учению, достигает путем полного «смирения» и «сокрушения сердца»: человек должен осознать свою полную ничтожность перед спасающей его милостью божией. Поэтому Л. не полностью отвергал роль духовенства, считал его необходимым для того, чтобы наставлять людей в смирении перед богом.

В первых произведениях Л. оставалось неясным, следует ли из его учения, что сама светская жизнь и мирской порядок должны быть преобразованы, поскольку они призваны играть важную роль в деле религ. «оправдания». Л. не уточнял своих взглядов по вопросам социальных отношений, что придавало его учению весьма широкий характер, т. к., не выходя по существу за рамки бюргерской ереси, оно, по словам Энгельса, не исключало «...ни одного более радикального направления...» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 7, с. 365). В обстановке усиления классовой борьбы крестьянства и гор. низов идеи Л. были восприняты как сигнал к выступлению всех оппозиц. и революц. слоев населения и положили начало широкому обществ. движению, направленному против католич. церкви. Л. отказался явиться на церк. суд в Рим, а на лейпцигском диспуте с папистом Экком в 1519 открыто признал, что во многом следует учению сожженного на костре великого чешского реформатора Яна Гуса. В 1520 Л. публично сжег папскую буллу об отлучении его от церкви. В том же году Л. напечатал свой трактат «К христианскому дворянству немецкой нации» («An den christlichen Adel deutscher Nation: von des christlichen Standes Besserung»), осн. мысль к-рого заключается в том, что нац.-политич. задача немцев — осво-

бодиться от папского засилья — решается тем, что дело служения богу должно рассматриваться не как дело одного духовенства, а как функция всей жизни христиан, их мирских учреждений и светской власти. Эта идея, объявляющая священной всю мирскую жизнь христиан, получила выражение в его учении о «всеобщем священстве». Но этот сравнительно радикальный период в деятельности Л. продолжается недолго. Реформац. движение вышло за те границы, к-рые желал поставить ей Л. В обстановке обострившейся в 1520—21 классовой борьбы, когда выявилось революц. понимание Реформации нар. низами, когда на политич. арену выступил вождь крестьянско-плебейского лагеря Т. Мюнцер, Л. выдвинул на первый план консервативные основы своего учения и стал отдаляться от нар. движения. Уже в трактате 1520 «О свободе христианина» («Tractatus de libertate christiana») он разъяснял, что «христианскую свободу» следует понимать только в смысле духовной свободы, из чего следует, что телесная несвобода вполне совместима с христ. свободой. Учение Л. было осуждено императорским эдиктом в Вормсе весной 1521. С 1522 Л. стал резко выступать против революц. действий нар. масс. В трактате 1523 «О светской власти» («Von weltlicher Obrigkeit») Л. в сформулированной им теории «божественного» и «естественного» права указал, что светская власть, опираясь на естеств. право, обязана охранять существующий светский порядок силой меча и что именно этой своей функцией она создает основу для христ. благочестия, т. е. для божеств. порядка. Таким образом, феодал. власть князей объявлена была Л. официальной опорой Реформации. Во время Крестьянской войны Л. на основании этой теории двух порядков требовал кровавой расправы с восставшими крестьянами и восстановления крепостного состояния. В полемич. трактате 1525 против Эразма Роттердамского «О рабской воле» (De servo arbitrio) Л. сформулировал свою «теорию» абсолютного предопределения, согласно к-рой человек. воля и знания не играют никакой роли и не имеют никакого значения. Человек. воля, пишет Л., подобна волючному животному: она пассивно повинуется тому, кто овладевает ею, богу или дьяволу. Эта реакц. концепция представляла собой шаг назад по отношению к его идеям начала 20-х гг. о том, что божественное откровение возвещается расцветом языков и наук. Став на реакц. позиции в области социально-политич., Л. порвал с традициями прогрессивной мысли. Эта эволюция Л. отражала развитие того консервативного слоя бюргерства, идеологом к-рого был Л. Реабилитация мирской жизни в лютеровском вероучении, сочетавшаяся с отрицанием всякого положит. значения воли и разума человека, означала не изменение существующих отношений, а лишь их освящение божеств. авторитетом. «... Лютер победил рабство по н а б о ж н о с т и только тем, — писал К. Маркс, — что поставил на его место рабство по у б е ж д е н и ю. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил мирян в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 422—23).

В историю нем. обществ. мысли Л. вошел и как деятель культуры, как реформатор образования, языка, музыки и т. д. Правда, Л. всегда подчеркивал свою отчужденность от идей гуманизма и от светской культуры вообще. Однако он не только испытал на себе влияние культуры Возрождения, но в интересах своей борьбы с папистами стремился использовать нар. культуру и многое сделал для ее развития. В этом

отношении Л., вопреки его религ. догматизму, оставался сыном эпохи Возрождения. Поэтом Ф. Энгельс причислил Л. к выдающимся людям этой эпохи. Важнейшим вкладом Л. в нем. культуру было утверждение им в нем. переводе Библии норм общенем. нац. языка. Составленный Л. «хорал» на основе 46-го псалма сделался, по словам Энгельса, «Марсельезой XVI в.». Этим же духом проникнут ряд духовно-лит. произведений Л., особенно составленные им религ. песни, в к-рых он сумел широко использовать формы и элементы мелодий песен мейстерзингеров, нар. песен и светской лирики.

Характерной чертой лютеровской реформации является сочетание абстрактного радикализма с религ. освящением действительности. Историч. значение ее заключалось в том, что она дала толчок мощному подъему обществ. движения, в ходе к-рого на арену выступили различные направления, истолковывавшие реформационные идеи в бурж.-радикальном и революц. духе.

Соч.: Werke. Kritische Gesamtausgabe, Abtl. 1—4, Weimar, 1882—1957 (Abtl. 1, Bd 1—58; Abtl. 2, Bd 1—6; Abtl. 3, Bd 1—10; Abtl. 4, Bd 1—11; Inhaltsübersicht zu Abtl. 1—4).

Лит.: Маркс К., К критике гегелевской философии права, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1; Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, там же, т. 7; Бецольд Ф. фон, История реформации в Германии, пер. с нем., т. 1—2, СПб, 1900; Смирин М. М., Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война, М., 1947; его же, Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны, М., 1962; Diem H., Luthers Lehre von den zwei Reichen, Münch., 1938; Heinrichs K., L. und Muntzer, B., 1952; Stern L., M. L. und Philipp Melancthon — ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung, [Halle — Wittenberg, 1954]; Borckmann H., L. im Spiegel der deutschen Geistesgeschichte, Hdlb., 1955; Gerstenkorn H. R., [«Weltlich Regiment...»]. Die Staatstheoretischen Auffassungen Martin Luthers..., Bonn, 1956; Fife R. H., The revolt of M. L., N. Y., 1957; Blayney I. W., The age of L. The spirit of Renaissance-humanism and the Reformation, N. Y., [1957]; Granz F. E., An essay on the development of Luther's thought on justice, law and society, Camb., 1959. М. Смирин. Москва.

ЛЮ ХЁН ВОН (Пан Ге) (1622—73) — корейский философ, историк, астроном и этнограф, основоположник материализма и социологии. школы сирхак — т. е. школы точной науки. Большинство филос. работ Л. Х. В., посвященных критике идеалистич. учений, не сохранилось. Выступая против *конфуцианства*, Л. Х. В. стремился соединить философию с точными науками. В соответствии с этим он выдвинул тезис: «стремиться к реальным фактам, чтобы добиться истины». Этот тезис стал методологич. основой и лозунгом всей школы сирхак. Согласно Л. Х. В., истинность или ложность любого положения можно доказать только исходя из конкретных фактов. В области соц.-политич. взглядов Л. Х. В. выступал как реформатор, выдвигал идею земельной преобразований, обосновывал принцип равенства людей. В дошедшем до нас соч. «Записки Панге» («Панге сурок», т. 1—3, 1959—60) Л. Х. В. выступал с материалистич. трактовкой категории ки, под к-рой понимал неуничтожимое материальное начало, выступал с резкой критикой мистич. и религиозных учений, в частности буддизма и христианства.

Лит.: Кор. Народно-Демократич. Республика, М., 1954, с. 48; Передовые ученые Кореи XVII—XIX веков, Пхеньян, 1956, с. 7—19, Кор. лит.-ра. Сб. ст. [Отв. ред. В. К. Пашков], М., 1959, с. 10—11, 40; Чосонса кзэ (Очерк истории Кореи), Пхеньян, 1957, с. 607—08; Yang Keu P., Henderson G., An outline history of Korean confucianism, «J. Asian studies», 1958—59, v. 18, p. 81—101, 259—76.

ЛЮ ЦЗУН-ЮАНЬ (Лю Цзы-хоу) (773—819) — кит. философ-атеист и обществ. деятель. Участник движения за гос. реформы (805). История развития общества, по Л. Ц.-ю., есть процесс естеств. развития. В этом процессе «воля народа» решает все, и нет места никакой небесной воле, «награждающей и ка-

рающей по заслугам». «Волю народа» он противопоставлял «воле неба», проповедовавшей верховной феод. общества для теоретич. оправдания своего господства. Он заявлял, что небо непознаваемо, поэтому нельзя судить о его предписаниях. Л. Ц.-ю. критически относился к конфуцианству. Историч. развитие — есть «процесс непрерывного движения вперед от первозданного хаоса к постепенному упорядочению». По Л. Ц.-ю., все учения, проповедующие мифы о получении государями «мандата неба» и о счастливых предзнаменованиях, есть «шаманская лженстория». Согласно Л. Ц.-ю., развитие обществ. жизни, возвышение и падение царств зависят от «воли народа», поэтому цари получают мандат на царствование не от неба, а от людей.

Т. н. «воля народа» Л. Ц.-ю. фактически была отражением интересов средних и мелких помещиков, крестьянства и мелких производителей, требовавших в те времена политич. реформ. По его словам, помещичья аристократия и придворные временщики — противоречат «воле народа», они заслуживают всяческого поношения, истребления и ненависти.

Осн. соч. Л. Ц.-ю. — «Ответ Юань Жаочжоу о принципах гос. управления» («Да Юань Жаочжоу лунь чжэн ли шу»), «Трактат об уделах» («Фынцзянь лунь») и «Юнчжоуские железные печи» («Юнчжоу

телу бу чжи»). После его смерти Лю Юй-си составил сборник соч. Л. Ц.-ю. «Собрание Лю из Хэдуна» («Лю Хэдуна цзи») и «Собрание Лю Лючжоуского» («Лю Лючжоу цзи»).

Лит.: Люй Чжэнъюй, Чжунго чжэнчжи сысян ши (История политич. мысли в Китае), Пекин, 1956.

ЛЮ ЮЙ-СИ (Лю Мэн-дэ) (772—842) — кит. философ и обществ. деятель. Наивно-материалистич. учение Л. Ю.-с., изложенное в кн. «Трактат о небе» («Тянь лунь»), по своему существу явилось продолжением идей Сюнь-цзы. Выступая против теол. учений о небе, Л. Ю.-с. доказывал, что небо, как и человек, является всего лишь одной из форм существования материи. Человек непрерывно общается с природой, он ведет борьбу за ее покорение и использование. Установив в обществе твердый порядок, человек побеждает природу. Допустив нарушение порядка, человек терпит поражение. В мире все имеет свой образ. Если человек чего-то не видит, это не значит, что оно не существует. Применяя какие-нибудь дополнит. инструменты, человек может увидеть то, что он не видел раньше.

Соч. в собрании: Лю Винь-кэ [вэнь] цзи (30 цзюаней), 9 в.

Лит.: Люй Чжэнъюй, Чжунго чжэнчжи сысян ши (История политич. мысли в Китае), Пекин, 1956; Фэн Ю-лань, Чжунго чжэсюе ши (История кит. философии), т. 1—2, Пекин, 1961.

М

МАБЛІ (Mably), Габриель Бонно де (14 марта 1709—23 апр. 1785) — франц. философ-моралист, утонич. коммунист, политич. писатель, историк; старший брат *Кондильяка*. Род. в просвещ. дворянской семье, принадлежавшей к судейскому сословию. Образование получил в иезуитском коллеже и в семинарии, окончание к-рой дало ему звание аббата. М. отказался от духовной карьеры и четыре года (с 1742) прослужил в министерстве иностр. дел. В 1746 М. навсегда оставил гос. службу и посвятил всю свою дальнейшую жизнь науч. занятиям.

М. скептически относился к филос. мысли своего времени. «Век просвещения» он называл «веком болтовни и парадоксов». Тем не менее идеи Просвещения нашли отражение в его взглядах и самого его можно отнести к числу просветителей. Он утверждал, что приложил принципы философии своего брата к вопросам морали и политики.

М. — противник атеизма и материализма. Один из осн. доводов М. против материализма состоял в том, что последний считает человека существом, подчиненным слепой необходимости, не оставляющей места для морали. В этом плане М. критиковал идею *Бейля* о «республике атеистов». «Если нет бога, то нет и никакой морали», — писал М. (*Collection complète des oeuvres de l'abbé de Mably*, P., 1794—95, t. 9, p. 389). Он выступал также против *деизма*, считая его в особенности неприемлемым для массы населения. Чтобы быть полезной людям, религия должна, по М., сопровождаться наглядным и публичным культом. Однако деизм наложил свою печать на взгляды М. Проходящая через мн. соч. М. идея о том, что общество должно быть перестроено соответственно законам природы, к-рые совпадают с законами разума и с божеств. законом, являлась типично деистической. Деистич. характер носило и утверждение М., что церк. обряды — это только средство для напоминания о боге.

М. считал, что человек состоит из двух совершенно разных субстанций — материальной и духовной, тела и души, взаимосвязь к-рых осуществляется по воле божьей. Двойственность человека, по мнению М., находит отражение и в области морали. Такой подход был положен в основу учения М. о роли разума и страстей в жизни человека и общества.

В своей этике М. шел от природы и ее законов, предписанных, по его мнению, богом. Человек создан так, что не может не любить самого себя, он стремится к удовольствиям и избегает страданий.

Но природа так устроила, что любовь к самому себе выступает и как сильнейшая связь человека с др. людьми: по причине своей слабости человек нуждается в др. людях, в обществе. Взаимная помощь является необходимостью, а эффективно она может оказываться только на условиях равенства. Именно отсюда, говорил М., можно извлечь все правила морали.

М. придерживался распространенных в 18 в. теорий *общественного договора* и *естественного права*. В то же время М. выдвинул идеи, представлявшие собой дальнейшее развитие обществ. мысли.

Вначале, утверждал М., обществ. жизнь была основана на общности имущества — на коллективном владении землей. Только такой коммунистич. строй, писал М., отвечает требованиям и законам природы, несет всеобщее равенство и свободу, обеспечивает совпадение частного и общего блага, гармонич. соединение физич. и моральной сторон человека, только при нем возможно достижение цели обществ. жизни — счастья всех членов общества. Этот строй был разрушен в результате возникновения частной собственности на землю. В полемике против физикратов М. доказывал, что частная собственность на землю отнюдь не является частью «естественного порядка», «физической необходимостью», не продиктована природой, а возникла «по воле людей», в результате невежества наших предков, не сумевших предусмотреть последствий ее установления. Частная собственность была осн. источником всех несчастий, угнетающих человечество (см. Избр. произв., М.—Л., 1950, с. 125). М. отвергал оправдание частной собственности ссылками на изобилие материальных благ, производимых при ее господстве. Это изобилие, говорил М., при частной собственности делает людей несчастными. Скромная жизнь при общности имущества, напротив, создает добродетельных и счастливых людей. Коммунизм М. — аскетич. коммунизм.

М. считал, что восстановить прежнюю «систему общности» невозможно. Проповедь коммунистич. строя, при всех достоинствах последнего, не может иметь успеха. Неверие М. в возможность осуществления коммунистич. идеала связано с его учением о страстях. Положение франц. материалистов 18 в. — взгляды человека суть продукт среды — у М. приняло такой вид: страсти человека — продукт среды, причем в понимании среды М. на первый план выдвинул имуществ. отношения. С делением общества на богатых и бедных социальные чувства превратились, по его мнению, в грубые и жестокие страсти, разум из господина страстей стал их рабом. М. подверг критике и отбросил иллюзию философов Просвещения, что достаточно провозгласить идею «разумного строя» и она силой истины, в ней заключенной, побудит людей к ее осуществлению. «Как можно воображать, что сила правды подчинит себе

все умы и одушевит волю всех?» (там же, с. 205). В обществе, разделенном на классы, по мнению М., нет силы, способной осуществить обществ. идеал. Сильные и богатые не хотят возвращения к строю общности имуществ, а народ подавлен, забит, у него «совершенно отсутствует принцип равенства» (там же, с. 116). М., т. о., не разделяя веры философов 18 в. во всеилле разума. Он правильно обратил при этом внимание на классовое деление совр. ему общества, на противоречия классовых интересов и их влияние на сознание людей и их поступки. Это был шаг вперед от того круга идей, который был типичен для философов бурж. Просвещения, и в этом состоит заслуга М.; что касается заявления М. о неосуществимости коммунизма, то оно было порождено метафизич. и идеалистич. пониманием обществ. жизни. Но следует учитывать, что в 18 в. полностью отсутствовали объективные предпосылки для осуществления коммунизма, и пессимизм М. был своеобразным выражением этого факта.

Обрисовав пагубную роль частной собственности, М. считал ее практически неустраивимой (см. там же, с. 125). Единственно практически возможное — это уменьшение имуществ. неравенства. Для этого М. рекомендовал ограничение потребностей, пресечение роскоши и т. д.

Взгляды М. по вопросам гос. устройства носили прогрессивный для своего времени характер. В них сказались влияние Локка, Монтескье, Руссо. М. утверждал, что народ, будучи «носителем верховной власти» (там же, с. 280), имеет право выступать против властей, если они нарушают «естественные права» (см. там же, с. 278) граждан, прежде всего их права на свободу и счастье. М. оправдывал революции и гражд. войны, когда они направлены против насилия и деспотизма. Но эти положения носили абстрактный характер, были лишены классовой определенности.

М. пользовался большой популярностью. К нему обращались из др. государств за советами. В 1770 польские дворяне (Барская конфедерация) поручили ему высказаться по вопросам гос. устройства Польши. Франклин и Адамс просили М. дать отзыв о конституции США, что М. и сделал в книге «Наблюдения над пр-вом и законами Соединенных Штатов Америки» («Observations sur le gouvernement et les lois des États-Unis d'Amérique», 1784).

Дав общую положит. оценку конституции, М. осудил имуществ. неравенство в США и предсказал, что дальнейшее развитие неравенства приведет к деспотич. власти богатых и агрессии по отношению к др. народам.

Произв. М. способствовали идеол. подготовке франц. бурж. революции конца 18 в. В силу противоречивости взглядов М., сочетавших разнородные элементы, к его идеям обращались идеологи и политич. деятели разных классов и течений, выступавших на революц. арене. М. восхваляли деятели Учредит. собрания, его заслуги перед революцией признал Конвент, принявший решения о перенесении праха М. в Пантеон и об издании полного собрания его сочинений. На коммунистич. идеи М. ссылался Бабеф и Буонарроти. М. был хорошо известен и в России. Одно из его произв. было переведено на рус. яз. *Радищевым* [«Размышление о греч. истории и о причинах благоденствия и нещастия греков», СПб, 1773; опубл. также в кн.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 2 (1941)].

В историю обществ. мысли М. вошел прежде всего как один из ранних представителей утопич. коммунизма (см. «Анти-Дюринг», 1957, с. 18).

С о ч.: Collection complète des oeuvres..., P., 1794—1795; в рус. пер.— Разговоры Фокионова о сходности нравочужения с политикой, собранные греком Никоклесом, СПб, 1772;

Начальные освоения нравочужения, ч. 1—3. М., 1803; О изучении истории, ч. 1—3, [СПБ], 1812; Избр. произв., М.—Л., 1950.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 315; Маркс К., Капитал, т. 2, М., 1955, с. 369; Герье В., Франц. этик-социалист XVIII в., «Рус. мысль», 1883, кн. 11; его же, Учение о нравственности и социальная утопия М., там же, 1885, кн. 1—2; его же, Политич. теории аббата М., «Вестник Европы», 1887, т. 1; Панов В., Политич. идеи аббата М., «Ж. Мин-ва народного просвещения», 1911, июль, ч. 34 (нов. сер.); Луппол И. К., Социальная этика М. и Морелли, в кн.: Луппол И. К., Историко-филос. этюды, М.—Л., 1935; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 334—39; Сафронов С. С., Политич. и социальные идеи М., в сб. статей: Из истории социально-политич. идей, М., 1955; История философии, т. 1, М., 1957, с. 586—90; Волгин В. П., Развитие обществ. мысли во Франции в XVIII в., М., 1958; Деборин А. М., Социально-политич. учения нового и новейшего времени, т. 1, М., 1958; Whitfield E. A., G. B. de Mably, L., 1930; Müller G., Die Gesellschafts- und Staatslehren des Abbés Mably und ihr Einfluss auf das Werk der Konstituante, В., 1932. А. Макаровский. Москва.

МАГИЯ (от греч. *μαγία*—колдовство, волшебство, чародейство) — совокупность обрядов, связанных с верой в способность человека сверхъестеств. образом воздействовать на материальные предметы, существа и духов. М. составляет органич. элемент всякой религии.

Корни М., как и корни всякой религии вообще, заключены в обществ. практике, в бессилии первобытного человека перед стихийными силами природы и общества. Поэтому первобытные магич. обряды непосредственно связаны с практич. деятельностью: лечебная М. — с нар. медициной, любовная (половая) М. — с полунстинктивными приемами ухода за вания, промысловая М. — с промысловой техникой (охотничья маскировка, подманивание и скрадывание зверя), военная М. — с подготовкой к сражению или к военному походу (имитация или репетиция боя, подготовка оружия и пр.).

Одним из осн. типов М. является М. наступательная (агрессивная). Приемы наступат. М. по «технике» очень часто представляют собой более или менее отдаленное подобие тех естеств. действий, к-рые только и могут привести к желаемому результату. В одних случаях человек, желая, напр., погубить врага, пронзает его изображение и т. п. (подражательная, или имитативная, М.), сжигает его волосы, ногти и т. п. (М. части, или парциальная) или просто бросает копы или заменяющий его предмет в том направлении, где живет противник (начинательная, или инициальная, М.). В определ. случаях магич. обряды могут дополняться, а иногда и полностью заменяться словами (заговоры) — т. е. словесная, или вербальная М.

Кроме М. наступат. действия, существует М. запрета действия, или М. *табу*. Она связана с верой, что совершение определ. действий, прикосновение к определенным предметам, существам мешают достижению желаемых результатов и, даже более того, автоматически навлекает на человека какую-то таинственную, сверхъестеств. опасность и что единств. способ избежать этого отрицат. магич. влияния состоит в соблюдении строжайшего запрета этих действий — табу. Магич. опасность, проистекающая из нарушения табу, мыслится обычно как заразная. Человек, нарушивший табу, оказывается в состоянии табу, он не только находится в опасности, но и сам является ее источником. С М. табу тесно связана очистительная (катартическая) М. — разнообразные приемы очищения человека от состояния магич. нечистоты, состояния табу.

В ходе развития религ. верований М. становится одним из элементов классовых религий. К первобытным магич. обрядам уходят своими корнями почти все осн. христ. обряды — «таинство» соборования, а также целебные заговоры с упоминанием имен святых, богородицы — лечебная М.; окропление

«святой водой» посевов, скота — земледельческо-скотоводческая (промысловая) М.; молебны о победе — военная М.; обряд «анафематствования» — вредоносная М. В этих случаях магич. заклинание превращается в молитву. Однако магич. представления и обряды сохранились до наших дней и без всякой примеси христианских или иных подобных идей, как пережитки древнейших религ. верований. Напр., вера в хорошие и дурные приметы, знахарство, любовное «привораживание», охотничьи поверья. Любая М., выражается ли она в церк. обрядах или в религ. пережитках, является грубым суеверием.

Лит.: Майков Л. Н., Великорусские заклинания, СПб., 1869; Леманн А., Иллюстрированная история суевений и волшебства, пер. с нем., М., 1900; Ветухов А. В., Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова, вып. 2, Варшава, 1907; Познанский Н., Заговоры, П., 1917; Фрэнгер Д., Золотая ветвь, пер. с франц., [М.], 1928; Сидоров А., Знахарство, колдовство и порча у народа коми, Л., 1928; Кагаров Е. Г., К вопросу о классификации народных обрядов, «Докл. АН СССР», 1928, № 11—[15] В; ег о же, Состав и происхождение свадебной обрядности, в кн.: Сб. Музея антроп. и этногр., т. 8, Л., 1929; Зелеин Д. К., Табу слов у народов Вост. Европы и Сев. Азии, ч. 1, там же; Токарев С. А., Сущность и происхождение М., Тр. ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Нов. серия, т. 51, М., 1959; Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959; Семенов Ю. И., Возникновение человек. общества, Красноярск, 1962; Матвеев В. С., О «загадочном» в психике, [3 изд., Свердлов, 1962; Зыбковец В. Ф., О черной и белой М., М., 1963; Hubert H. et Mauss M., Esquisse d'une théorie générale de la magie, L'Année sociologique, 1902—1903, an. 7, P., 1904; Preuss K. Th., Ursprung der Religion und Kunst, «Globus», 1904, Bd 86, № 20, 24; Vierekandt A., Die Anfänge der Religion und Zauberei, «Globus», 1907, Bd 92, № 2, 3, 4; Gennep A. van, Les rites de passage, P., 1909; Maquet R., The threshold of religion, 2 ed., L., 1914; Cyclopaedia of magic, by H. Nay, N. Y., 1949; Wedeck H. E., Dictionary of magic, N. Y., [1956]. С. Токарев. Москва.

МАГНЕН, Магнён (лат. Magnenus; франц. Magnien, Magnen), Жан Кривостом (р. ок. 16 или нач. 17 вв. — ум. после 1663) — франц. медик и философ, проф. Павийского ун-та. В соч. «Оживающий Демокрит, или об атомах» («Democritus reviviscens, sive de Atomis», 1646) М., одновременно с Гассенди, пытался восстановить атомистич. учение Эпикура. М. придавал большое значение математике в деле познания природы и специально занимался механикой и баллистикой (труды его в этой области остались неопубликованными).

Лит.: Lasswitz K., Geschichte der Atomistik vom Mittelalter bis Newton, 2 ed., Bd 1—2, Lpz., 1926; Güssgen J., J. Ch. Magnenus, ein Naturphilosoph des 17. Jahrhunderts, Bonn, 1910.

МАДРАССКАЯ ГРУППА — арм. просветители 18 в. Эмин, Шаамирян, Баграмян, деятельность к-рых протекала в основном в г. Мадрасе (Индия) и выражала идеологию зарождавшейся арм. буржуазии. М. г. выступала против феод.-монархич. порядков. На основе просветительских идей М. г. разрабатывала бурж.-демократич. респ. конституц. программу, согласно к-рой высшие органы арм. гос-ва должны быть выборными, верховная власть в стране должна принадлежать законодательному органу, т. н. Армянской палате — парламенту, к-рому подотчетны исполнит. органы. Освобождение Армении бурж.-демократич. захватчиков и местных реакционеров, утверждая, что лишь в союзе с Россией и закавказскими народами Армения может обрести нац. самостоятельность.

Г. Григорян. Ереван.

МАДХАВА, или Мадхавачарья (14 в.), — представитель недуалистической веданты, историк философии древней и ср.-век. Индии. Написал биографию Шанкары, создал историко-филос. компендиум Сарва-даршана-самграху, к-рый обнимает все осн. филос. и религ. системы Индии от материализма *локайты* до веданты Шанкары. М., будучи при-

дворным ученым и советником царей Виджаянагага, пытался создать единый свод индуистской философии, внутри к-рого все ортодоксальные системы противопоставлялись материализму и буддизму, но к-рый в целом оказывался противопоставленным растущему мусульм. влиянию.

Лит.: Радхакришнан С., Индийская философия, т. 2, М., 1957. А. Пятигорский. Москва.

МАДХВА, или Мадхавачарья (1198—1273), — основатель религ.-филос. системы *вишнуизма*. Осн. положения философии М. высказаны в комментариях на Брахма-сутры — т. н. Брахма-сутрабашьи. В центре внимания философии М. — учение о знании. Согласно М., всякое знание является истинным, достоверным. Недостаточность знания — не ложность, а знание лишь части истины. В этом пункте М. противопоставит недуалистич. *веданте*, считавшей всякое неполное знание иллюзорным, ложным. В этике М. развил учение о *бхакти* — любви к богу. Критика М. квинетической этики Шанкары привлекла к нему внимание ряда философов нового времени.

Соч.: The Sarva-darśana-samgraha or Review of the different systems of Hindu philosophy, transl. by E. B. Cowell and A. E. Gough, L., 1882; Les noms védiques de Visnu dans l'Anuvyākhyāna de Maghva (Brahma-Sutra 1, 1, adhikarana 2 à 12) Texte avec trad. et notes par S. Siauue, Pondichéry, 1959.

Лит.: Радхакришнан С., Индийская философия, т. 2, М., 1957; Glaserapp H. von, Madhva's Philosophie des Vishnu-Glaubens, Bonn — Lpz., 1923; Mahadevan T. M. P., The philosophy of adavita, [rev. ed.], Madras, 1957; Siauue S., La voie vers la connaissance de dieu, Pondichéry, 1957. А. Пятигорский. Москва.

МАДХЬЯМИКА — одна из филос. школ махаянистского (см. *Махаяна*) буддизма, существовавшая на С.-З. Индии во 2—9 вв. н. э. Основоположником М. был *Нагарджуна*. Он предложил метод «среднего пути» (санскр. мадхьямака — отсюда и назв. школы) — обнаружения противоречий в понятиях и опровержения их как «неистинных». Др. название школы «шуньявада» — учение о «пустоте» или о «неистинности» понятийного мышления. Последователи Нагарджуны развили его метод для защиты махаянистской философии и религии. Ученик Нагарджуны Арьядова (нач. 3 в.) в соч. «Трактат из 400 строф» («Catuhśātaaka») критикует атомистич. учение *вайшешики*, показывая, что атомы не могут быть ни вечными, ни непроницаемыми, ни восприимчивыми. Другой последователь школы М. — Буддхапалита (ок. 5 в.), родоначальник школы праангика, в своем «Комментарии к карикам среднего учения» («Mūlamadhyamakavṛitti») опровергал противников путем выведения из их положений нежелательных следствий, т. е. посредством метода сведения к абсурду. Буддхапалита воздерживался от к.-л. положит. утверждений, в отличие от Бхававивеки (сер. 6 в.), к-рый дал своей школе имя сватантрика-мадхьямика. Используя достижения логики Дигнаги (см. *Индийская логика*), Бхававивека опровергал учения *санкхьи*, выступал с критикой *йогачаров*. Однако обе школы — М. и йогачары — придерживались идеалистич. учения о том, что высшее знание достигается сверхразумной интуицией. Крупнейший представитель М. — Чандракирти (7 в. н. э.) в соч. «Ясное слово» («Prasānaparādā»), «Введение в учение среднего пути» («Madhyamakāvātāra»), опираясь на учение Буддхапалиты, выступил за освобождение учения Нагарджуны от нововведений Бхававивеки. Чандракирти заявляет, что логика имеет только негативное значение. Она предназначается им для опровержения противников, а не для обоснования к.-л. тезиса. Абсолютная реальность невыразима. «Абсолютная реальность есть молчание святого». Последний философ М. — Шаптидена в стихах «Вступление на путь просветленного» («Bodhicaryāvātāra») воспекает истинное «Я», к-рое является чистым сознанием и ведет

к чистому будде. Учение о «пустоте» т. о. становится почти неотличимым от объективного идеализма *веданты*. Школа прасангика получила наибольшее распространение в Тибете, Китае и Японии. Зен-буддизм, распространенный в настоящее время в Японии, ссылается на негативную диалектику М.

Лит.: В а с и л ь е в В., Буддизм, его догматы, история и литература, ч. 1—3, СПб, 1857—69; S t c h e r b a t s k y Th., The conception of Buddhist Nirvana, Leningrad, 1927; Aryadeva, The Catuhsataka, Calcutta, [1931]; L a V a l l e e P o u s s i n L. de, Madhyamaka, в сб.: Mélanges chinois et bouddiques, v. 2, Brux., 1933; M u r t i T. R. V., The central philosophy of Buddhism, L., [1955]; F r a u w a l l n e r E., Die Philosophie des Buddhismus, B., 1956; S h a r m a Ch., A critical survey of Indian philosophy, L., 1960; C o n z e B. d., Buddhist thought in India, L., 1962. И. Кутасова. Москва.

МАЗДАКИЗМ — религ.-филос. учение, отражавшее идеологию широкого нар. движения крестьян, горожан и отчасти мелких феодалов в Иране на рубеже 5 и 6 вв., в эпоху перехода от рабовладельч. отношений к феодализму [названо по имени его основоположника Маздака (ок. 470—529)]. М. учил, что в основе мировых процессов лежит борьба между светлым началом, действующим целеустремленно и разумно, и темным началом, действующим слепно и случайно. Эта борьба проявляется в природе (основные три элемента — вода, земля и огонь, — смешиваясь друг с другом, вызывают положит. и отрицат. явления) и в обществ. жизни. Согласно М., первоначально люди пользовались полным равенством, к-рое было нарушено случайной победой тьмы (зла) над светом (добром), породившей все присущие обществу бедствия: нищету, зависть, жадность, лживость, убийства, воровство и войны. Маздакиты, призывая к активной борьбе за восстановление равенства и требуя раздачи имущества богачей нуждающимся, обобществления средств производства и рабов, а также свободного брака среди членов общины, по существу боролись за восстановление общинно-родового строя.

Сохраняя религ. оболочку *манихейства*, М. отвергал манихейский аскетизм и пессимизм и был насыщен духом борьбы и оптимизма. Маздакитское движение было жестоко подавлено, однако его учение в течение нескольких последующих столетий служило знаменем борьбы крестьянства и городской бедноты в Иране, Средней Азии и Азербайджане (восстания Абу Муслима, Муканни, Бабека).

Лит.: П и г у л е в с к а я Н. В. [и др.], Маздакитское движение, «Изв. АН СССР. Отд. истории и философии», 1944, № 4; е е ж е [и др.], История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Л., 1958; K i m a O., Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im sassanidischen Persien, Praha, 1957. А. Сагадеев. Москва.

МАЗДЕИЗМ — распространенное название ряда др.-иранских религ. систем, происходящее от имени верховного божества Ахурамазды. Впервые культ Ахурамазды засвидетельствован в сев.-зап. Иране в 8 в. до н.э. Термин «М.» иногда употребляется как синоним *зороастризма*, особенно для сасанидского периода (3—7 вв.). М., однако, не ограничивается зороастризмом, ряд почитающих Ахурамазду др.-иранских религий (персов ахеменидского периода, мидийских магов и др.) расходится с ним по мн. положениям.

МАЙЕР (Mayer), Курт (р. 6 сент. 1916) — амер. бурж. социолог. С 1956 — проф., с 1957 — руководитель отдела социологии и антропологии Браунского ун-та. Интересы М. лежат в области изучения проблем народонаселения и классовой структуры совр. амер. общества. В основном придерживается учения М. Вебера о социальном статусе. М. — один из ярых противников марксистского учения о классах; в ряде работ (напр., в докладах на 2-м и 3-м всемирных социологич. конгрессах) безуспешно пытался доказать его «старомодность». На основе теорий *социальной мобильности* и *социальной стратификации* усиленно пропагандирует якобы происхо-

дщий в США процесс «ликвидации классов». Проповедуя реакц. теорию о «народном характере» совр. капитализма (см. «*Народного капитализма теория*»), своеобразно его историч. развития в США, М., извращая факты, утверждает, что в США будто бы начался процесс превращения рабочего класса в «средний класс» и что якобы амер. общество в скором будущем снова станет обществом преим. среднего класса.

Соч.: The population of Switzerland, N. Y., 1952; Economic development and population growth in Rhode Island, Providence, 1953; The theory of social classes, в кн.: Transactions of the second world congress of sociology, v. 2, [L.], 1954, p. 321—35; Class and society, Garden city (N. Y.), 1955; Recent changes in the class structure of the United States, в кн.: Transactions of the third world congress of sociology, v. 3, [L.], 1956, p. 66—80. И. Добронравов. Москва.

МАЙЕР (Mayer), Роберт Юлиус (25 ноября 1814—20 марта 1878) — нем. ученый, открывший закон сохранения и превращения энергии. Первую формулировку идеи закона М. дал в 1841. Здесь понятие «силы» (причины) приближается по смыслу к понятию энергии. Разность «уровней сил» (энергий) лежит, согласно М., в основе всех изменений в природе. В 1842 М. более четко сформулировал закон и привел экспериментально полученную им величину механич. эквивалента теплоты. В работе 1845 «*Органическое движение в его связи с обменом веществ*» («Die organische Bewegung in ihrem Zusammenhang mit dem Stoffwechsel», рус. пер. в журн. «Бюллетень заочно-консультат. отд. Ин-та красной профессуры», 1931, март, № 3) М., развивая открытый им закон, проследил круговорот и взаимные превращения известных в то время «сил» (видов энергии) — механич. движение (особо выделяя свободное падение тел), теплоту, электричество и магнетизм, химич. реакции, а также физич. и химич. процессы в живых организмах.

Соч.: Über quantitative und qualitative Bestimmung der Kräfte, в кн.: Z ö l l n e r F., Wissenschaftliche Abhandlungen, Bd 6, Lpz., 1881; в рус. пер. — Замечания о силах неживой природы, «Бюллетень заочно-консультат. отд. Ин-та красной профессуры», 1930, № 9; Закон сохранения и превращения энергии. Четыре исследования. 1841—1851, М.—Л., 1933.

Лит.: Э н г е л ь с Ф., Диалектика природы, М., 1955; его же, Анти-Дюринг, М., 1957; К у д р я в ц е в П. С., История физики, т. 1, М., 1956; К у з н е ц о в В. Г., Принципы классич. физики, М., 1958. В. Тюттин. Москва.

МАЙКОВ, Валериан Николаевич (28 авг. 1823—15 июля 1847) — рус. критик и публицист. Род. в дворянской семье. Окончил юридич. фак-т Петерб. ун-та (1842). В 1843 жил за границей (в Германии, Италии, Франции), где продолжал образование. Вскоре по возвращении в Петербург стал посещать «лянтцы» *Петрашевского*; принял активное участие в составлении и редактировании 1-го вып. «Карманного словаря иностр. слов...» (1845) (см. *Петрашевцы*); однако по причинам, недостаточно выясненным, разошелся с Петрашевским. В 1845 сотрудничал в журн. «Финский вестник», весной 1846 стал редактором критич. отдела «Отечеств. записок», в 1847 сотрудничал также в «Современнике». В своих статьях М. обличал крепостничество, «восточный характер личных отношений», угнетенное положение женщины и т. д. Он высоко оценивал реформы Петра I, резко критиковал славянофильство, в к-ром видел реакц. утопию (см. «Обществ. науки в России», в кн.: Соч., т. 2, К., 1904, с. 43).

Отстаивая идею сближения науки с жизнью, М. выступал как против «дуализма», под к-рым подразумевал непоследовательность мышления, «соединение несоединяемых идей» (см. там же, т. 1, К., 1904, с. 253), так и против умозрительности отвлеченных теорий. В связи с этим он критиковал современных ему философов (в т. ч. *Канта*, чье влияние на М. нек-рыми исследователями преувеличивалось) и в особенности представителей нем. идеалистич. философии. Однако, критикуя филос. системы *Канта*,

Шеллинга, Гегеля, М. недооценивал развиваемые ими идеи диалектики, к-рые в значит. мере оставались ему чуждыми. В воззрениях М. всегда были сильны элементы метафизики, к-рые в ст. «Стихотворения Кольцова» («Отечественные записки», 1846, т. 49, № 11, 12) привели его к противопоставлению общенародного начала национальному: первое, по М., воплощает идеальную сущность человека, «черты общей человеческой природы», второе — их искажение и деградацию (см. Соч., т. 1, с. 55). Таково же соотношение, по мнению М., между выдающейся личностью, к-рая содержит в себе черты «богоподобного человека» и не зависит от «обстоятельств», и массой, подчиняющейся этим обстоятельствам. Эти положения М. вызвали возражения Белинского, выступившего против «... безусловного или абсолютного способа суждения» М. (Полн. собр. соч., т. 10, 1956, с. 23).

Идейные искания М., так и оставшиеся незавершенными, были прерваны его ранней смертью. Наиболее заметные изменения претерпели социально-экономич. взгляды М. Если в работе «Об отношении производительности к распределению богатств» (1842, опублик. 1889) М. борется за просветит. понимание человека, пишет о несостоятельности теорий социалистов-утопистов и предлагает такое средство социального прогресса (т. н. «дольщина»), к-рое бы примиряло «интересы» как имущих, так и эксплуатируемых (см. Соч., т. 2, с. 79—80), то в последних своих статьях он явно симпатизирует утонич. социализму.

Как лит. критик М. стремился развить идею историзма в подходе к художеств. произведениям, солидаризируясь здесь с Белинским. В частности, М. одним из первых в России выдвинул задачу создания историч. теории иск-ва, в к-рой исследовалось бы само «движение родов и видов» лит-ры (см. там же, с. 198). М. был противником как классицизма, так и романтизма; последний он считал проявлением «дуализма». Новый этап развития рус. лит-ры он видел в творчестве Пушкина, Лермонтова и особенно Гоголя, к-рый являл собой «... торжество русского анализа, анализа мощного, бестрепетного и торжественно-спокойного» (там же, т. 1, с. 258). М. принадлежит глубокое суждение о творчестве А. В. Кольцова, Я. Г. Буткова, Герцена и особенно раннего Достоевского (ст. «Нечто о рус. лит-ре в 1846 г.», «Отечеств. записки», 1847, т. 50).

Соч.: Критич. опыты, II, 1891.

Лит.: Пидеханов Г. В., В. Белинский и В. М., Лит-ра и эстетика, т. 1, М., 1958; Сакулин П., Рус. лит-ра и социализм, ч. 1, М., 1924, с. 212—26; Мордовиченко Н., Белинский и рус. лит-ра его времени, М.—Л., 1950; Макашин С., Салтыков-Щедрин, т. 1, 2 изд., М., 1951, с. 221—24, 230—37; Кийко Е. Н., В. Н. Майков, в кн.: История рус. критики, т. 1, М.—Л., 1958; Усаккина Т. И., Чернышевский и В. М., в кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, [т.] 3, Саратов, 1962; Манн Ю., В. М., «Вопр. лит-ры», 1963, № 11.

Ю. Манн. Москва.

МАЙМОН [Maimon; наст. фам. — Хейман (Heiman), Соломон] (1753 или 1754 — 22 нояб. 1800) — философ-самоучка, субъективный идеалист. Род. в местечке Мирз (или Мир; ныне территория БССР), неподалеку от Несвижа. Воспитанный в духе *иудаизма*, М. стал поклонником философии *Маймонида*, в связи с чем изменил свою фамилию.

Критикуя философию Канта с позиций субъективного идеализма и являясь в этом отношении предшественником Фихте, М. писал, что т. к. познать предмет означает отыскать его признаки, а последние содержатся лишь в сознании, то «вещь в себе» невозможна и непознаваема. А раз «вещь в себе» — ничто, то познание постигает лишь то, что само создается в виде своих объектов, сообщая им характер необходимости и всеобщности. Законы природы определяют деятельностью рассудка. Категории логики,

по М., являются условиями существования всех предметов возможного опыта. Сталживаясь с неразрешенными трудностями, встающими перед субъективным идеализмом, М. пытался преодолеть их либо в традиции Юма — с помощью *скептицизма*, либо в традиции Беркли — с помощью религии, *фидеизма*.

Соч.: Versuch über Transcendentalphilosophie, В., 1790; Versuch einer neuen Logik oder Theorie des Denkens, В., 1794; neue Aufl., В., 1911; Über die Progressen der Philosophie..., В., 1793; Kritische Untersuchungen über den menschlichen Geist..., Лpz., 1797; Lebensgeschichte, Bd 1—2, В., 1911 (частичный перевод на рус. яз. см. в кн.: Евр.-библиотека, т. 1—2, СПб., 1871—72).

Лит.: Фишер К., История новой философии, т. 6, СПб., 1909, гл. 6—7; Яковенко Б., Филос. конспекци С. М., «Вопр. философии и психологии», 1912, кн. 4 (114), кн. 5 (115); Kuntze F., Die Philosophie S. Maimons, Hdb., 1912; Zuber'sky A., S. Maimon und der kritische Idealismus, Лpz., 1925; Gergol't M., La philosophie transcendente de S. Maimon, P., 1929; Бергман Г., Философия С. М., Иерусалим, 1932 (на яз. иврит); Бельский И. М., Агоста, Спиноза, Маймон, М., 1941 (на яз. идиш).
М. Бельский. Москва.

МАЙМОНИД (Maimonides; наст. имя — Моисей бен Маймон) (30 марта 1135—13 дек. 1204) — евр. ср.-век. философ, теолог и врач. Род. в Кордове, где и получил воспитание в духе иудаизма. В период, когда Кордова была покорена династией Альмохадов, преследовавшей евреев, М. покинул свой родной город и отправился в путешествие по Испании, Марокко, Палестине. В 1165 М. поселился в Египте, в 1187 — стал лейб-медиком каирского султана Салах-ад-дина. Наряду с медициной М. занимался теологией и философией. В 1190 в Египте на араб. яз. был опубликован гл. филос. труд М. «Наставник колеблющихся» («Далалат аль-хайрин», 1190), к-рый вскоре был переведен на евр. яз. под назв. «Учитель заблудших» («Море небуким», 1204), а затем и на лат. язык («Doctor perplexorum»).

Усвоив в интерпретации араб. мыслителей философию Аристотеля, М. пытался рационализировать иудаизм. В поисках синтеза религии и философии он стремился свести ветхозаветное пророчество к разумным началам, усмотрев в нем аллегорию, художеств. образ и метафору. Опровергая идею антропоморфного бога, М. вместе с тем возражал против учения Аристотеля о вечности мира и отстаивал библейский миф о сотворении богом мира из ничего. М. не разделял церк. учение о воскресении мертвых и бессмертии души. Он различал материальный разум, к-рый неотделим от материи и подчинен ее влияниям, и разум приобретенный, к-рый не зависит от тела и является эманацией универсального разума. Этот разум, по М., составляет бессмертную часть человек. существа. М. призывал к познанию закономерностей природы, изучению наук и философии. Ортодоксы иудаизма преследовали М. При помощи инквизиции они в 1234 предали сожжению его книги, а их автора — анафеме.

Произведения М. оказывали значит. влияние на развитие *схоластики* 13—15 вв., а также на развитие евр. философии 16 и 18 вв. Горячим последователем М. был, в частности, *Маймон*.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 454—57; Гретц Г., История евреев от древнейших времен до настоящего, чер. с нем., т. 7, О., 1906, с. 229—90; Тобенгауз Э., М., его жизнь и деятельность, Тель-Авив, 1956 (на яз. иврит); Веер Р., Leben und Wirken des Rabbi Moses ben Maimon, gewöhnlich Rambam und Maimonides genannt, Prag, 1834; Benisch A., Two lectures on the life and writings of Maimonides, L., 1847; Geiger A., Moses ben Maimon, Rosenberg, [s. a.]; Jørgensen, Die Religionsphilosophie des Mose ben Maimon, Breslau, 1859; Yellin D. and Abrahams J., Maimonides, Phil., 1903; Moses ben Maimon, sein Leben, seine Werke und sein Einfluss, Bd 1—2, Лpz., 1908—14; Efron I. I., Philosophical terms in the Moreh Nebukim, N. Y., 1924; Nirenstein S., The problem of the existence of God in Maimonides, Alanus and Averroes..., Phil., 1924; Levy L.—G., Maimonide, nouv. éd., P., 1932 (имеется библиография).

М. Бельский. Москва.

МАЙОРЕСКУ (Măiorescu), Титу (15 февр. 1840—2 июля 1917) — рум. бурж. философ-идеалист, эстетик и лит. критик. Проф. философии в Ясском и Бухарестском ун-тах. Занимался политич. деятельностью, был премьер-министром. Филос. концепция М. представляет собой эклектич. синтез взглядов Канта, Гербарта, Фишера, Шопенгауэра. В эстетике М. отстаивал принципы «искусства для искусства», утверждал, что «сущность искусства заключается в вымысле».

Соч.: *Einiges Philosophische in gemeinfasslicher Form*, В., 1861; *Logica*, Buc., 1876; Buc., 1940; *Critica*, v. 1—3, 3 ed., Buc., 1915.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 318, 321—22; Gullian C. I., Titu Măiorescu—exponent ideologic al regimului burgeois-moşieresc, «Din istoria filozofiei în România», 1955, v. 1.

МАЙЭВТИКА (от греч. *μαευτική*, букв. — повивальное искусство) — метод диалектич. споров Сократа, заключающийся в обнаружении противоречия в рассуждениях собеседника и приведении его к истине посредством искусно задаваемых вопросов и ответов. М. — составная часть т. н. сократич. метода наряду с иронией, индукцией и определением. Благодаря М. познание переходит от филос. сомнения («Я знаю, что ничего не знаю») к рождению истины посредством самопознания («Познай самого себя»). Образец М. — ряд сократич. диалогов Платона.

МАЙЯ — одно из центр. понятий в инд. философии, имевшее на разных ее этапах различное содержание. Первоначально термин «М.» имел магич. и культовое значение. В Ригведе он обозначал могущество, силу богов и демонов, их способность совершать сверхчеловеч. поступки и действия, напр. вызывать дождь, перевоплощаться, с помощью различных хитростей и уловок побеждать своих врагов и т. п. «Индра, — говорится в Ригведе, — своей силой (майей) утвердил горы, извлек воду из облаков, удержал землю от падения» (Ригведа, II, 7, 5). В Упанишадах М. понимается обычно как магич. способность абс. духа (брахмана) к сотворению мира, материи, имеющих реальное существование; «...материя (природа) есть майя, а всемогущий является творцом этой майи» («Шветашватара Упанишада», IV, 10). Новое значение М. приобретает в школе веданты. У Гауданады (7 в.), а затем у Шанкары термин «М.» употреблялся в значении иллюзии, видимости; под ним имелся в виду чувственно воспринимаемый материальный мир, будто бы лишь по незнанию (*авидья*) принимаемый обывденным сознанием за реально существующий. Согласно веданте, все многообразие мира — это иллюзия, видимость, т. е. М., скрывающая истинную природу брахмана, подобно тому, как простая веревка кажется иногда змеей. Когда человек с помощью священного писания и интуиции постигает, что только брахман обладает единств. реальностью, то с его глаз как бы спадает пелена М. и исчезает множественность мира. «Для того, кто достиг состояния истины и реальности (т. е. брахмана), весь видимый мир исчезает» (Веданта-сутра-бхашья, II, 1, 14).

На позднейших этапах развития веданты среди ее последователей, особенно у Рамануджи, возрождается характерная для Упанишад трактовка М. как способности брахмана к сотворению мира, обладающего реальным существованием.

В европ. философии большое внимание анализу понятия «М.» с идеалистич. позиций уделяли А. Шопенгауэр и его последователь П. Дёйсен.

Лит.: Чаттопадхья Д., Локант дашана, М., 1961, с. 567—709; Shastri P. D., The doctrine of Māyā in Vedānta, L., 1911. Н. Аникиев. Москва.

МАК-АЙВЕР (McIver), Роберт Моррисон (р. 17 апр. 1882) — амер. бурж. социолог, представитель т. н. теории социального действия. Д-р философии

(1915). Проф. (1927—50) Колумбийского ун-та. Последователь М. Вебера, М.-А. идеалистически рассматривает взаимодействие людей как продукт уяснения ими особого «смысла» действий друг на друга, не совпадающего с реальными намерениями или причинами их действий. В работе «Социальная причинность» («Social causation», 1942) М.-А. выдвигает в качестве причин социальных процессов факты духовной жизни людей, в результате чего приходит к волюнтаристич. пониманию обществ. явлений (напр., революций). Он считает, что социология имеет своей задачей уяснение систем ценностей, норм поведения людей и их роли в процессе обществ. жизни, достигаемое при помощи «метода вживания», сводящегося в трактовке М.-А. к иррационалистич. метода понимаемой интуиции. Статистич. и количеств. методы анализа социальных процессов являются при этом вспомогательными.

В последнее десятилетие центром внимания М.-А. стали проблемы политич., экономич. и культурной жизни совр. капиталистич. общества. Он констатирует разрыв между развитием науки и техники и удовлетворением материальных и духовных потребностей человека («Поиски счастья» — «The pursuit of happiness», 1955), нерешенность вопросов экономич. прогресса, обеднение духовной жизни людей в условиях капитализма. С позиций идеалистич. «понимающей социологии» он критикует эмпиризм бурж. социологии, обуславливающий, по его мнению, бессилие обществ. науки в реформировании обществ. жизни при капитализме.

Соч.: *Community, a sociological study*, L., 1936; *Labor in the changing world*, N. Y., 1919; *The elements of social science*, L., 1921; *The contribution of sociology to social work*, [Oxf.], 1931; *Economic reconstruction*, Oxf., 1934; *Society, a textbook of sociology*, N. Y., 1937; *Leviathan and the people*, Louisiana, 1939; *Towards an abiding peace*, N. Y., 1945; *The web of government*, N. Y., 1947; *The more perfect union*, N. Y., 1948; *The ramparts we guard*, N. Y., 1950; *Democracy and the economic challenge*, N. Y., 1952; *Academic freedom in our time*, N. Y., 1955. Н. Новиков. Москва.

МАКАРЕНКО, Антон Семенович [1 (13) марта 1888—1 апр. 1939] — сов. педагог, разрабатывавший проблемы коммунистического воспитания, коммунистич. нравственности; писатель, автор книг «Педагогич. поэма», «Флаги на башнях», «Книга для родителей» и др. Род. в г. Белополье б. Харьковской губ. в рабочей семье. Окончил Кременчугское гор. училище и педагогич. курсы при нем (1905), Полтавский учительский ин-т (1917). Организатор и руководитель (1920—28) трудовой колонии близ Полтавы (впоследствии им. М. Горького; в 1926 переехала в Куряж близ Харькова), зав. детской коммуной им. Ф. Э. Дзержинского (1927—35), пом. начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР (1935—37). С 1937 — в Москве, занимался гл. обр. лит. деятельностью.

Педагогич. система М. — отклик на призыв Ленина «... продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячекратно рабства, крепостничества, капитализма...» (Соч., т. 28, с. 365). М. доказывал, что активное формирование и изменение личности является закономерностью коммунистич. воспитания. Воспитание личности и воспитание коллектива — это, по М., в сущности один процесс; в этом — суть идеи М. о «педагогике параллельного действия».

Одной из важнейших задач М. считал создание «цельной нравственной системы», выраженной «...с одной стороны, в серьезных философских разработках, и, с другой стороны, в системе общественных этических традиций» (Соч., т. 5, 1958, с. 427). При постановке этич. вопросов М. исходил из марксистского понимания сущности человека как совокупности обществ. отношений. В связи с этим особое место М. отводил проблеме *свободы*. В бурж. обществе, писал М., любят декларировать принцип свободы, однако «свобода» в бурж. конституциях устанавливается для личности, мыслимой идеально. Такой личности предоставлена широкая амплитуда колебания в области поступка. Однако реальная личность в бурж. обществе имеет в подавляющем большинстве случаев очень маленькую «...амплитуду поступка: от страха голодной смерти, с одной стороны, до бесильного гнева, — с другой» (там же, т. 7, 1958, с. 16). Для трудящегося социалистич. общества, напротив, амплитуда колебания поступка очень велика: «от радостного, сознательного, творческого труда в полном единстве с трудом других людей, с одной стороны, до полнокровного, жизненного счастья, не отравленного никаким обособленностью, никакими муками совести, — с другой» (там же). Отсюда вывод: зависимость личности от общества существует всегда, но характер этой зависимости определяется внутр. структурой общества. В социалистич. обществе — «это зависимость членов общества, находящихся не в простой толпе, а в организованной жизни, стремящихся к определенной цели» (там же, т. 5, с. 209). Этой целью М. считал «человеческое счастье».

М. настаивал на необходимости теоретич. исследования проблемы *счастья*, практически решаемой в разных обществ. формациях различно: при капитализме культивируется этика индивидуализма — счастье только для себя; в социалистич. обществе эта проблема решается, исходя из единства интересов личности и общества; здесь счастье — «...очень сложный, богатейший комплекс самочувствия советского гражданина» (там же, т. 7, с. 33). Исследование этого «комплекса самочувствия» М. начинал с определения единства сов. людей как осн. достоинства и гл. качества граждан социалистич. общества (см. там же, т. 5, с. 81).

Естественно поэтому, что в центре внимания М. было учение о коллективе. Каждый человек, по М., так или иначе, в любых социальных условиях находится в том или ином «сообществе» с др. людьми, прежде всего по совместной работе; трудовые отношения и определяют характер «сообщества». В условиях капиталистич. общества они неизбежно ведут к противоречиям между личностью и обществом, делают труд «рабским», подчиненным цели поддержания жизненного существования. Такое «сообщество» не есть коллектив. При социализме труд изменил свой характер, «...стал творческим трудом и в рабочем, и в производственном, и в политическом, и в моральном отношениях» (там же, т. 7, с. 136). Такой характер труда объединяет людей в социалистич. коллектив, в к-ром личные цели или перспективы совпадают с коллективными перспективами. Исходя из того, что «истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость» (там же, т. 5, с. 74), М. подчеркивал необходимость преобладания коллективных перспектив над личными и далекими перспектив — над близкими. «Социалистическое общество, — писал М., — основано на принципе коллективности. В нем не должно быть уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива» (там же, с. 353—54).

Вследствие качеств. изменения отношений людей в социалистич. обществе здесь меняется и содержание понятия *дисциплины*. В бурж. обществе дисциплина есть внешнее явление и даже метод властвования, метод подавления личности, в социалистическом — дисциплина представляет собой явление нравственное, политическое; это не только точное соблюдение порядка, но и форма жизнедеятельности общества, форма политич. и нравств. благополучия его членов. «В социалистическом обществе, свободном от каких бы то ни было потусторонних оснований нравственности, дисциплина становится не технической, а обязательно нравственной категорией» (там же, с. 356). Отсюда — «дисциплина — это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством» (там же, с. 293), дисциплина — это сложный комплекс самочувствия человека, в к-ром сознат. поведение сочетается с точной его формой, переходящей в естеств. привычку. Формула отношений в социалистич. обществе: «...как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему» (там же, с. 148).

Определяя задачи сов. педагогики, М. писал, что она «обязана далеко вперед проектировать качества нового типичного советского человека, должна даже обгонять общество в его человеческом творчестве» (там же, с. 106). Отсюда: «Мы должны требовать от человека идеального поведения (другое дело, что мы не всегда его достигаем). И тогда будет какое-то приближение к идеалу» (там же, с. 294). Необходимо только при проектировании личности избегать крайностей, чтобы, с одной стороны, не «втиснуть человека в стандартный шаблон», не «воспитать узкую серию человеческих типов», а с др. стороны, чтобы не получилось «пассивное следование за каждым индивидуумом», «гипертрофия „индивидуального“ подхода» (там же, с. 353). С этой т. зр. М. подверг критике представителей *неологии*, к-рые выступали сторонниками «...фатального следования... за биологическими и генетическими капризами» личности (там же, с. 346).

М. рассматривал все категории нравственности в системе, утверждая, что воспитание тех или иных нравств. качеств неизбежно влечет за собой воспитание и др. качеств личности. В этой связи М. обращал внимание на тот факт, что старые нравств. качества (честность, долг и др.) получают в условиях социализма качественно новое содержание (см. там же, т. 5, с. 286; т. 7, с. 136).

Рассмотрение этич. проблем у М. было тесно связано с анализом эстетич. вопросов. Подчеркивая необходимость воспитания человека по законам красоты, М. понимал красоту и как красоту внутреннюю, красоту сущности человека, и как форму человек. поведения. Без эмоц. воспитания, по М., не может быть полноценного нравств. воспитания, ибо переживание эмоции приобщает воспитанника к «опыту нравственной жизни» (см. там же, т. 5, с. 352). Подытоживая свой опыт по эстетич. воспитанию, М. утверждал: «...приходя к эстетике как к результату стиля, как показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий» (там же, с. 219). Как писатель М. следовал традициям социалистич. реализма Горького, к-рого он высоко ценил как большого оптимиста, умеющего «проектировать лучшее в человеке» (там же, с. 305).

Книги М. переведены на мн. языки народов мира; его методика все больше применяется в воспитат. работе социалистич. гос-в; его теоретич. выводы взяты на вооружение марксистской философии и этикой в борьбе против идеологии бурж. индивидуализма.

Соч.: Соч., т. 1—7, М., 1950—52; 2 изд., т. 1—7, М., 1957—58.

Лит.: Шахматов Ф. Ф., А. С. М. о воспитании советского волевого человека, Томск, 1948; М е д в е н с к и й

Е. Н., А. С. Макаренко. Жизнь и пед. творчество, [2 изд.], М., 1949; Бограчев Я. Л., Вопросы коммунистич. этики в науч. наследстве А. С. М., «Вопр. философии», 1949, № 1; Бушин В. С., А. С. М. о связи этики и эстетики, там же, 1960, № 1; Кочкина А. Ф., Формирование коллективизма как черты личности в опыте А. С. М., в сб.: Уч. зап. Ставропольского пед. ин-та, т. 7, 1951; Гмурман В. Е., А. С. М. — выдающийся педагог-марксист, «Сов. педагогика», 1952, № 1; Левин А., Пед. идеи А. С. М. в Нар. Польше, там же, 1959, № 4; Блюмина Т. А., Проблема личности в системе психолого-пед. воззрений А. С. М., М., 1953 (автореф.); Годкина З. Г., Проблема воспитания и развития характера в трудах А. С. М., Л., 1953 (автореф.); Лялин Н. А., К вопросу о сущности и содержании пед. наследства А. С. М., в сб.: Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та, т. 8, Кафедра педагогики, 1953, вып. 1; Агатов А. М., Эстетич. воспитание в пед. деятельности А. С. М., М., 1954 (автореф.); Макаренко Г. С., В творческой лаборатории А. С. М., в кн.: А. С. Макаренко, кн. 2, [Львов], 1954; Костелянец В., А. С. Макаренко. Критико-биографич. очерк, М., 1954; Луккин Ю., А. С. Макаренко. Критико-биографич. очерк, М., 1954; Манвелян Г. В., Вопросы воспитания коммунистич. морали в пед. теории и практике А. С. М., М., 1954 (автореф.); Флоровский Ю. В., А. С. М. о формировании нравственных чувств советского человека, М., 1954 (автореф.); Алексеевич Г. С., А. С. М. о воспитании сознательной дисциплины, в сб.: Уч. зап. Новосиб. пед. ин-та, вып. 9, 1954; его же, А. С. М. и пед. наука, в кн.: А. С. Макаренко, кн. 4, [Львов], 1959; Яковлев В. А., А. С. М. о воспитании нового человека, в сб.: Уч. зап. Тамбовского пед. ин-та, вып. 6, [Тамбов], 1955; Борисов Г. Е., А. С. М. о воспитании через коллектив, там же, вып. 18, Кафедра философии. Вопросы марксистско-ленинской этики, [Тамбов], 1958; Морозова Н. А., А. С. Макаренко, [Л.], 1957; Степанов П. М., Филос. основы пед. взглядов А. С. М., Шахты, 1957; его же, А. С. М. о коммунистич. воспитании, «Уч. зап. Акад. Общ. Наук», 1958, вып. 43; Петрухин И. С., Некоторые общие проблемы педагогики в трудах А. С. М., «Изв. АПН РСФСР», 1959, вып. 102; Балабанович Е., А. С. Макаренко. Человек и писатель, М., 1963; Ложечко А. Б., Воспитатель, учитель, боец, М., 1963; Lewin A., Makarenko. Konfrontacje pedagogiczne, Warsz., 1960; его же, Makarenko w Polsce. Studium, Warsz., 1962; Хрусталева Б. А., сост. Л., А. С. Макаренко. Библиографич. указатель, М., 1959. В. Стратиматов. Москва.

МАКАРОВ, Алексей Дмитриевич [р. 19 янв. (1 февр.) 1903] — сов. философ, профессор (с 1938), д-р филос. наук (с 1962). Член КПСС с 1924. Окончил Ин-т красной профессуры философии (1932). Руководитель кафедры марксистско-ленинской философии ВПШ при ЦК КПСС (с 1959). Член редколлегии «Филос. энциклопедии» (с 1959). Работает преим. над проблемами истории философии и диалектич. материализма. Автор одной из глав кн. «Диалектич. и историч. материализм» (ч. 1, 1933), гл. редактор уч. пособий «Диалектич. материализм» (1960) и «Историч. материализм» (1963), подготовленных в ВПШ при ЦК КПСС.

Соч.: К вопросу о филос. эволюции К. Маркса, «Под знаменем марксизма», 1931, № 7—8; Карл Маркс и его критика «Философии права» Гегеля, «Под знаменем марксизма», 1938, № 4; О работе В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», М., 1951; Произведение В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», М., 1953; О произведении Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг», М., 1953; Историко-филос. введение к курсу «Диалектич. и историч. материализм», М., 1958.

МАК-ДУГАЛЛ (McDougall), Уильям (22 июня 1871—28 ноября 1938) — англ. психолог и философ. Врач по образованию. Работал в психологич. лаборатории в Гёттингене. Преподавал в университетском колледже в Лондоне и в ряде незуитских уч. заведений, одновременно занимаясь в физиологич. лаборатории (с 1904). В 1920 переехал в США, где стал преемником *Мюнстерберга* в Гарвардском ун-те, затем (с 1927) проф. Дьюкского ун-та (Сев. Каролина).

М.-Д. считал стремление к цели фундаментальным явлением, свойственным как поведению животных, начиная с простейших (conduct), так и «поведению» человека (behavior). Он противопоставлял ассоциационизму и *бихевиоризму* Торндайка и др. концепциям в психологии и физиологии, исходящим из признания рефлекторной теории, «целевую психологию», к-рую М.-Д. назвал «гормической психологией» (от греч. *ὄρμη* — стремление, желание, порыв). «Горме» М.-Д. толкует очень широко, как гл. признак живого вообще.

Он открыто характеризует свою теорию как телеологич. и сближает понятие «горме» с «волей» *Шопенгауэра*, *elan vital Bergsona* и т. п. Затем М.-Д. расширил свою виталистич. и телеологич. концепцию до масштабов филос. системы, распространив понятие «горме» и на неживую природу (см. «The hormic psychology», в кн.: «Psychologies of 1930», L., 1930, p. 15).

М.-Д. толкует «горме» не как сознание, а именно как некую движущую силу интуитивного характера, что очень сближает ее с бергсоновским «жизненным порывом». В то же время его теория близка к «целевому» бихевиоризму Толмэна и «динамической» психологии вообще. На основе толкования «горме» как изначальных определяющих природу человека инстинктов М.-Д. построил крайне реакционную «социологию», в к-рой, напр., извечность войн выводилась из «инстинкта драчливости». Воинств. идеалист, человек крайне реакц. взглядов, М.-Д. резко выступал против любой материалистич. тенденции в психологии.

Соч.: Physiological psychology, L.—N. Y., 1905; Outline of psychology, N. Y. [a. o.], 1923; Men or robots?, в кн.: Psychologies of 1925, ed. by C. Murchison, 3 ed., L., 1928, p. 273—75; Outline of abnormal psychology, 2 ed., L., 1933; Body and mind, 8 ed., L., 1938; The group mind, L., 1939; Psychology. The study of behaviour, 2 ed., L., [a. o.], 1952; в рус. пер.—Осн. проблемы социальной психологии, М., 1916. *Лит.*: Flugel J., Prof. W. McDougall. 1871—1938. «Brit. J. Psychol.», Gen. section, 1939, v. 29, pt. 4; Langfeld H. S., Prof. McDougall's contributions to the science of psychology, там же, 1940, v. 31, pt. 2; W. McDougall: a bibliography, ed. by A. L. Robinson, Camb., 1943.

М. Рогович. Москва.

МАКИАВЕЛЛИ (Machiavelli), Никколо ди Бернардо (3 мая 1469—22 июня 1527) — итал. политич. мыслитель, обществ. деятель и писатель. Происходил из обедневшей флорентийской дворянской семьи нотариуса. Противник Медичи, фактич. государей Флоренции, М. встал на сторону республиканцев и выполнял во время республики ответств. внешнеполитич. поручения. После реставрации Медичи (1512) был арестован и выслан в свое поместье близ Флоренции, где написал большинство произведений.

Один из ранних бурж. идеологов, М. стремился обосновать теорию бурж. гос-ва с т. зр. этики, философии и права, основанных на принципе единой, неизменной природы человека. Он пытался раскрыть законы обществ. развития, не прибегая к теологич. идее; отмечал влияние климата на нравы людей. Значительно раньше Гоббса М. выводил необходимость гос-ва из эгоистич. природы человека, из его стремления к личному интересу и к самосохранению. Из этого стремления вытекает, по его мнению, необходимость насилия над людьми для обуздания эгоизма и установления порядка. Эту функцию насилия и выполняет гос-во. М. подошел к идее объективной закономерности обществ. развития, к-рую называл «фортуной» и считал, что человек, как разумное существо, может познать ее, а познав — направить «закон» на благо человечества. М. был уверен в победе разумного начала в человеке, а поэтому считал, что все историч. развитие общества идет «от несвободы к свободе», от жестокого насилия к победе гуманности. Борьба людей за свои интересы выражается полнее всего в приобретении собственности и ее защите. На этой почве развивается борьба между «народом» и «вышшими классами», к-рая способствует обществ. прогрессу, как это стремился показать М. на примере истории Фло-

ренции. Само существование в обществе богатых и бедных является, по М., естественным и должно быть сохранено при условии ограничения чрезмерного обогащения и ликвидации крайней нищеты. Являясь защитником бурж. собственности, М. резко критиковал феод. строй, а также христианство с его проповедью смирения и непротivления злу. Он осуждал богатство и светскую власть папства как препятствия к развитию новых экономич. отношений, нац. объединения и культуры. В то же время М. боялся самостоят. действий народа. Политич. идеалом М. была умеренно демократич. республика, но ее осуществление в современных ему условиях политич. раздробленности Италии М. считал невозможным. Только после завершения нац. объединения Италии и изгнания иноземных захватчиков следует, по его мнению, постепенно переходить к организации республики. Нац. объединение Италии М. связывал с деятельностью сильного государя, к-рый во имя этой великой цели может применять по отношению к врагу все средства — вероломство, убийство явное и тайное, обман и т. д. Образцом такого политич. деятеля для М. являлся Цезарь Горджа, прославившийся аморализмом и политич. предательством.

Взгляды М. оказали сильное влияние на мн. социологов, политич. писателей и практич. политич. деятелей 17—18 вв., опиравшихся на него в защите абсолютизма против идеи суверенитета народа.

Реакц. бурж. историки и государствоведы эпохи империализма и особенно фашистские теоретики использовали макиавеллизм, не учитывая особенностей историч. и нац. обстановка его времени. Они выдвигали на первый план защиту М. единоличной власти князя, полностью замалчивая его респ. идеал гос-ва, к-рое придет на смену единовластию. Вопреки ясно выраженному убеждению М. в независимости социально-политич. строя от законов морали и религии, реакц. бурж. историографы отождествляют философию истории М. с волюнтаризмом Ницше и Шпенглера. Марксистские историки и философы в оценке М. опираются на положения Маркса о том, что у М. «...теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали...», «...был выдвинут лишь постулат самостоятельной трактовки политики» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 314), что М. относится к числу тех, к-рые «...стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии» (Маркс К., там же, т. 1, с. 111). Глубокому анализу взглядов М. посвятил многие свои заметки Грамши (Избр. произв., т. 2, М., 1957, с. 55; т. 3, 1959, с. 125—29 и 160—61), рассматривавший М. как крупнейшего передового мыслителя Италии.

З. Мелещенко. Ленинград.

Соч.: «Государь» или «Князь» («Il Principe») —гл. соч. М., закончено в основном к 1513 г., дописывалось, вероятно, в течение 1514—1515, издано впервые во Флоренции и Риме в 1532 на итал. яз. На яз. оригинала — итальянском — она издавалась десятки раз, отдельно, в т. ч. Roma, 1955, и в собр. соч. Лат. пер. книги издавались в Базеле (1560 и др.) и др. городах. Первый франц. перевод издан Ж. Гогори в 1544. Последний —1956. Англ. переводы: первый—Л., 1640, посл.—Л., 1954; Чи., 1955. Первый нем. перевод—Фр.—Лpz., 1745, последний—Stuttg., 1955. Исп. пер.—Md., 1821, последний—Md., 1957. В 1920 в Барселоне вышел каталанский перевод. Имеются переводы на: швед.—1757, 1867, Stockh., 1914, норв.—Kristiania, 1898, Oslo, 1948, дат.—Kbn., 1876, голл.—Hague, 1940, Амст., 1955, польск.—Кр., 1868, Лw.—Warsz., 1920, чеш.—Praha, 1873, 1901, болг.—С., 1933, венг.—Pest, 1848, Vdpst., 1906.

Рус. пер.—одновременно (СПб, 1869) под названием «Государь» (пер. Н. Курочкина) и «Монарх» (пер. Ф. Затлера). Н. Курочкин перевел с франц. версии, повторяя ее ошибки, Ф. Затлер — с нем., его перевод также несовершенен. В 1900 вышло сокр. издание А. Пресса, в 1910 — перевод С. М. Роговина (Москва). Лучшее рус. изд.: «Князь» — в кн.: Соч. М., М.—Л., 1934, переводчик — М. С. Фельдштейн, примеч. составил А. Дживелегов. Л. Азарс. Москва. Opege, Mil.—Napoli, 1954; Opege, v. 1—2, 6—, [Mil.], 1960—1961—; в рус. пер.—Соч., т. 1, М.—Л., 1934; Мандрагора, Бер-

лин, 1924; О военном искусстве, М., 1939; Рассуждения на 1 декаду Тита Ливия, СПб, 1869.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, 3, 13, 14, 15, 16; и х же, Соч., т. 22, М.—Л., 1929 (см. Указатель имен); Архив Маркса и Энгельса, кн. 4, М.—Л., 1929; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 72—75; Дебори и А. М., Социально-политич. учения нового времени, т. 1, М., 1958; История политич. учений, 2 изд., М., 1960; Виллари П., Н. М. и его время, пер. с итал., т. 1, М., 1914; Tommasini O., La vita e gli scritti di N. Machiavelli..., v. 1—2, 2 ed., Roma, 1911; Orsini N., Bacone e Machiavelli, Gen., 1936; Norsa A., Il principio della forza nel pensiero politico di Niccolo Machiavelli, Mil., 1936; Whittfield J. H., Machiavelli, Oxf., 1947; Norsa A., N. Machiavelli, Mil., 1949; Gramsci A., Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo Stato moderno, Torino, 1949; Koskowska A., Machiavelli jako humanista..., Lódz, 1954; Prezzolini G., Machiavelli anticristo, Roma, 1954; Ridolfi R., Vita di N. Machiavelli, 2 ed., Roma, 1954; Butterfield H., The statecraft of Machiavelli, L., 1955; Möbus G., Die politischen Theorien von den Anfängen bis zu Machiavelli, Köln-Opladen, [1958]; Sasso G., N. Machiavelli. Storia del suo pensiero politico, Napoli, 1958; Chabod F., Machiavelli and the Renaissance, L., 1958.

З. Мелещенко. Ленинград.

МАККЕНЗИ (McKenzie), Родерик Дункан (3 февр. 1885—6 мая 1940) — амер. бурж. социолог. Проф. социологии Мичиганского ун-та (1930—40). Взгляды М. сформировались под влиянием Э. Бёрджесса и особенно Р. Парка, совместно с к-рым он является создателем т. н. «человеч. экологии». Последнюю М. определял как науку, «исследующую пространств. аспекты симбиотич. связей между людьми и человек. коллективами. Ее задача — открыть принципы и факторы, влияющие на пространств. расположение населения и коллективов, к-рое возникло в результате взаимодействия людей между собой в процессе постоянно изменяющегося развития культуры» («Human ecology», в кн.: «Encyclopedia of the Social Sciences», v. 5, N. Y.—L., 1931, p. 314). Абсолютизируя классовые антагонизмы капиталистич. общества, М. считал ключевым понятием человек. экологии понятие конкуренции как человек. формы якобы всеобщей борьбы за выживание. Конкуренция, как осн. тип взаимодействия между людьми, определяет распределение населения по профессиям и территории; она лежит в основе обществ. разделения труда. Экологич. подход М. использовал и для исследований социальной структуры города (в частности, большого города или сверхгорода) (см. «Metropolitan community» — «The metropolitan community», 1933; «Соседство» — «The neighborhood, a study...», 1923; «Город» — «City», 1925, совм. с R. E. Park и E. W. Burgess).

М. проводил эмпирич. исследования города [анализ пространств. структуры города, его районирование, связь между географич. местоположением города (а также районов внутри города) с уровнем населения и его плотностью, с мобильностью, с уровнем преступности, с уровнем самоубийств, зависимостью роста города и его структуры от развития транспорта и средств массовой коммуникации, связь большого города с пригородами и т. д.], к-рые по методике и тщательности считаются образцовыми в амер. бурж. социологии.

Соч.: Oriental exclusion, Chi., [1928]; L'évolution économique du monde, [Boulogne-sur-Seine, 1928]; The rise of metropolitan communities, в сб.: Recent social trends in the USA, v. 1, N. Y.—L., 1933.

Лит.: Еубанк Е. Е., R. D. McKenzie, «Sociology and Social Res.», [1940], v. 25, № 1. И. Добропоров. Москва.

МАККИНДЕР (Mackinder), Халфорд Джон (1861—1947) — англ. географ и политич. деятель, один из родоначальников геополитики. В 1900—25 — проф. географии Лондон. ун-та. В 1910—22 — член парламента от либеральной партии. В 1919—20 был представителем Великобритании при Белогвард. армии Деникина, впоследствии занимал ряд гос. должностей.

В 1904 в лекции «Географич. основа истории» М. изложил геополитич. концепцию, согласно к-рой определяющим моментом в судьбе народов и гос-в является

ся их географич. положение. Позднее он выдвинул псевдонаучн. понятие «сердца земли» как определ. территориального массива, якобы обеспечивающего воен. мощь гос-ва. Внешняя политика, по М., определяется географич. факторами; влияние положения страны на ее политику по мере историч. развития не уменьшается, а становится будто бы более значительным. В последние годы отстаивал идею «Атлантического единства», пытаясь геополитич. аргументами оправдать политику создания воен. блоков империалистич. стран во главе с США. Идеи М. не нашли вначале широкого признания в Англии, но в 20-е гг. были подхвачены нем.-фашистской школой геополитиков (К. Хаусхофер и др.). Во время и после 2-й мировой войны в империалистич. странах, особенно в США, возрос интерес к взглядам М.

С о ч.: Britain and British seas, N. Y., 1902; Democratic ideas and reality, L., 1919. А. Завалье. Москва.

МАК-КИННИ (McKinney), Джон Клиффорд (р. 11 мая 1920) — амер. бурж. социолог. С 1954 — проф. социологии и декан фак-та социологии и антропологии ун-та в г. Дарем (шт. Сев. Каролина). М. занимается проблемами, связанными с природой и строением социологич. теории, с методологией и осн. исследовательскими приемами социологии, с *социологией познания*. Согласно М., социология изучает «повторяющиеся и постоянные факторы или закономерности человеческого общества», она должна «обобщать и предсказывать» (см. «Методология, процедуры и техника социологии», в сб.: «Совр. социологич. теория», под ред. Г. Беккера и А. Боскова, М., 1961, с. 237, 264). Он резко выступает против представителей «идиографического» толкования задач социологии (см. там же, с. 239). М. критикует также эмпирич. тенденцию в социологии, «эмпирич. миф» о том, что истинный ученый должен исходить из наблюдения фактов без каких-то предвзят. теорий и оценок. По М., это требование логически невозможно и находится в противоречии с действит. историей науки. Теория систематизирует опытные данные и позволяет от фрагментарного знания (описания) переходить к систематическому (объяснению). Однако при анализе роли теории в социологии, чему М. уделяет осн. внимание, он следует субъективно-идеалистич. идеям М. Вебера о т.н. конструктивной типологии, т. е. об идеально-типич. абстракциях, «теоретич. моделях». По М., «конструированный тип — это целенаправленный плановый отбор, абстракция, комбинация и подчеркивание ряда критериев, имеющих эмпирические референты (соответствия. — И. Д.)...» (там же, с. 233). Однако для М. эти «конструированные типы» — чисто условные (хотя и имеющие эмпирич. соответствия) идеальные типы, «...в значительной степени определяемые выбором и творческой деятельностью ученого» и создаваемые сознанием социолога для удобства систематизации. Такие идеалистич. конвенционалистские установки привели М. к псевдонауч. утверждению, что ценность типа как одного из компонентов знания «...определяется не точностью его соответствия воспринимаемой реальности, а его способностью обьяснить ее», там же, с. 260). Осн. положения «конструктивной типологии» М. переносит также и в свою трактовку социологии познания (см. «Вклад Дж. Г. Мида в социологию познания» — «The contribution of G. H. Mead to the sociology of knowledge». «Social Forces», 1955, v. 34, № 2), и в ряд эмпирич. исследований семьи и небольших коллективов (см., напр., «Различия в системах между латиноамериканскими семейными общинами...» — «Systemic differences between Latin-American communities of family farms and large estates, в соавт. с Ch. Loomis, в журн.: «Amer. J. Sociol.», 1956, v. 61, № 5).

С о ч.: Role of constructive typology of scientific sociological analysis, «Social Forces», 1950, v. 28; Constructive ty-

pology and social research, в кн.: An introduction to social research, ed. J. T. Doby, Harrisburg, [1954]; Methodological convergence of Mead, Lundberg and Parsons, «Am. J. Sociol.», 1954, v. 59, № 6; The typological tradition (в соавт. с Ch. P. Loomis), в кн.: Contemporary Sociology, ed. J. S. Rouček, L., 1959. И. Добронравов. Москва.

МАК-КОШ (McCosh), Джеймс (1 апр. 1811—6 ноября 1894) — шотл. пастор, религ. философ, оказавший большое влияние на распространение философии *шотландской школы* в США. М.-К. занимал кафедру логики и метафизики в Белфасте (1852—68), в 1868 переехал в США, где в течение 20 лет был президентом колледжа в Нью-Джерси (впоследствии Принстонский ун-т). На формирование филос. взглядов М.-К. оказали влияние сначала *Гамильтон*, затем *Рид*. Отстаивая религ.-интуитивист. концепцию философии «здорового смысла», М.-К. подверг критике справа позитивизм, эмпиризм и сенсуализм Конта, Спенсера и Дж. С. Милля, а также этич. утилитаризм и религ. скептицизм последнего. Формально не отвергая эволюц. теории Дарвина, М.-К. пытался приспособить ее к христ. догматике, толкуя эволюцию телеологически, как осуществление божеств. плана.

С о ч.: The intuitions of the mind inductively investigated, L., 1860; The supernatural in relation to the natural, N. Y., 1862; An examination of J. S. Mill's philosophy, L., 1866; The method of divine government, physical and moral, 10 ed., L., 1870; Christianity and positivism, N. Y., 1871; The Scottish philosophy biographical expository, critical from Hutcheson to Hamilton, L., 1875; Realistic philosophy defended in a philosophical series, v. 1—2, N. Y., 1877; Development; what it can do and what it cannot do, N. Y., 1883; Psychology, (v. 1—2), L., 1886—87; rev. ed., N. Y., 1906—1909; The religious aspect of evolution, N. Y., 1888.

Лит.: Sloan W. M. (ed.), The life of J. McCosh, 2 ed., N. Y., 1897; Dullies J. H., J. McCosh bibliography, Princeton, 1895; Schmidt G. P., Old time college president, N. Y., 1930. В. Высокский. Москва.

МАКМЕРРИ (Macmurray), Джон (р. 1891) — амер. религ. философ, представитель *персонализма*; проф. Эдинбургского ун-та. Свой вариант персонализма М. связывает с прагматистским идеалистич. истолкованием понятия практики (см. *Прагматизм*); отвергает объективную причинную обусловленность событий. Мир, согласно М., представляет собой единое целое лишь благодаря «всеобщему мышлению», выступающему как «одно действие абсолютного деятеля» (т. е. бога).

С о ч.: Interpreting the Universe, [2 ed.], L., 1936; The structure of religious experience, New Haven, 1936; Reason and emotion, N. Y., 1937; The boundaries of science..., L., [1939]; The self as agent, N. Y., [1957].

А. Титаренко. Москва.
МАКОВЕЛЬСКИЙ, Александр Осипович [р. 10(22) июля 1884] — сов. философ, академик АН Азерб. ССР (с 1949), член-корр. АН СССР (с 1946). Окончил Казанский ун-т (1907). С 1912 — доцент, с 1918 — проф. Казанского ун-та. В 1920—60 — проф. ун-та и др. уч. заведений в Баку. В 1945—50 — директор Ин-та философии и права АН Азерб. ССР, с 1950 — ст. науч. сотрудник АН Азерб. ССР. М. — один из крупнейших сов. специалистов по истории античной философии. В его переводе и с его комментариями изданы многочисл. труды др.-греч. философов. М. ведет также научно-исследоват. работу в области истории философии народов Ближнего Востока (в частности, азерб. философии), а также по диалектич. материализму, логике и психологии. Участвовал в коллективных трудах: «История философии», т. 1 (1957), «Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР», т. 1 (1955), «Краткий очерк истории философии» (1960).

С о ч.: Введение в философию, ч. [1]—2, Каз., 1912—16; Мораль Эпиктета, Каз., 1912; Понятие о душе в Древней Греции. «Хартис», Варшава, 1913; Психология вюрцбургской школы, Варшава, 1913; Досократики, ч. 1—3, Каз., 1914—19; Досократовская философия, ч. 1. Обзор источников, Каз., 1918; Эпикур, в сб.: История материализма, т. 1, ч. 1, М., 1927; Софисты, вып. 1—2, Баку, 1940—41; Демокрит в веках истории, «Изд. Азерб. филиала АН СССР», 1941, № 3; Древнегреч. атомисты, Баку, 1946; Передовая политич. мысль народов России в XIX в. и влияние на нее рус. революцион-

ных демократов, в сб.: Уч. зап. Азерб. ун-та, Баку, № 1, 1955; Этим ганулярный объект характерен, Баку, 1955; К вопросу о мировоззрении Мирза Шафи, в сб.: Тр. ин-та истории и философии, т. 7, Баку, 1955; Атомистика на Ближнем Востоке, «Вопр. философии», 1957, № 3; Экономич. быт и социальная структура общества в Авесте (Тезисы докладов на 1-м Всесоюзном съезде востоковедов), Таш., 1957; Бенедикт Спиноза и его роль в истории психологии, «Вопр. психологии», 1958, № 5; К вопросу об атеизме Лукреция, в сб.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, [т.] 3, М.—Л., 1959; Авеста, Баку, 1960; Категория причинности и законы природы и общества, М., 1961; О филос. трактате М. Ф. Ахундова и об этапах развития его мировоззрения, «Философские науки» (Науч. докл. высшей школы), 1962, № 9; О материализме М. Ф. Ахундова, «Изв. АН Азерб. ССР. Серия обществ. наук», 1962, № 10; Психика и сознание, в сб.: Материалы III Закавказской конференции психологов, Баку, 1962.

Лит.: Шакирзаде А. С. и Ахмедов Э. М., Научно-пед. и обществ. деятельность проф. А. О. М., «Изв. АН Азерб. ССР», 1954, № 10; О научной деятельности и научных трудах А. О. М., «Тр. Азерб. Гос. ун-та им. С. М. Кирова. Сер. логики и психол.», 1954, вып. 4.

МАКРОБИЙ (лат. Macrobius), Амбросий Феодосий (копец 4— начало 5 вв. н. э.) — антич. философ-идеалист, один из гл. представителей зап. неоплатонизма. Грек по происхождению, М. занимал высокие гос. должности в Зап. Рим. империи. Гл. соч. М. — «Сатурналии» («Saturnalia»; сатурналии — праздник в честь Сатурна-Кроноса) — дошло до нас не полностью. Для истории философии интерес представляют 6—7-я кн. этого соч., где изображен спор порицателей и защитников Платона, для истории эстетики — 2-я и часть 7-й кн., где затрагиваются вопросы юмора, иронии в антич. лит-ре. Др. большое произведение М. — комментарии к «Сну Сципиона», где М. интерпретирует Цицерона в духе неоплатонизма, причем весьма заметна симпатия автора к начальным стадиям неоплатонизма, а именно к Плотину (I 8, 5) и Порфирию (из которого ему известен не дошедший до нас комментарий к «Тимею» Платона, II 3, 15). По примеру всех неоплатоников и прежде всего самого Платона наивысшим божеством является для М. благо, к-рое он называл также и первопричиной (I 2, 14 и след.). Из этого блага проистекает нус — ум, тождественный с ним и являющийся первообразом всего сущего (I 14, 6). Имеется у М. учение также и о третьей (после блага и нуса) неоплатонич. ипостаси — душе (II 14, 15), к-рая трактуется как вечное самодвижение и движение мира. М. признавал вечность мира (III 10), к-рая проявляется в вечной смене его состояний.

Соч.: Opera. Prolegomenis et notis instruxit Ludvig de Jan, Bd 1—2, Quedlinburg—Lpz., 1848—52, Opera, rec. F. Eyssenhardt, Lpz., 1868, Lpz., 1893; Saturnalia, Lpz., 1963.

Лит.: История рим. лит-ры, т. 2, М., 1962, с. 412—193; Petit L., De Macrobio Ciceronis interprete philosopho (Thèse), P., 1866; W i s s o w a G., De Macrobi Saturnaliorum fontibus, Breslau, 1880 (Diss.); L i n k e H., Quaestiones de Macrobio Saturnaliorum fontibus, Breslau, 1880 (Diss.); B i t s c h F., De Platoniorum quaestionibus quibusdam Vergilianis, B., 1911; S k a s s i s H., De Macrobi placitis philosophicis eorumque fontibus, Athènes, 1915; В а е u m k e r Cl., Der Platonismus im Mittelalter, Münch., 1916; S c h e d l e r M., Die Philosophie des Macrobius und ihr Einfluss auf die Philosophie des christlichen Mittelalters, «Beitr. Gesch. Philos. Mittelalt.», 1916, Bd 13, Hlbd 1. А. Лосев. Москва.

МАКСИМ ГРЕК (в миру — М и х а и л Т р и в о л и с) (ок. 1475—январь 1556)—рус. публицист и мыслитель. Род. в г. Арта (Эмир) в Византии. В 1492 уехал в Италию, где сотрудничал с деятелями Возрождения — Альдом Мануцием, Пико делла Мирандола, Анджело Полициано и др. Под влиянием проповедей Савонаролы в его мировоззрении происходит перелом. В 1502 М. Г. постригся в монахи доминиканского ордена св. Марка во Флоренции. Однако в 1504 он покинул Италию и в 1505 стал монахом православного монастыря на Афоне под именем Максима. В 1518 М. Г. прибыл в Москву в качестве переводчика богослужебных книг. В России М. Г. общался с *Вассианом Косым*, Федором *Карповым*, Андреем Курбским, Василием Тучковым. В конце 1519 он закончил порученный ему пе-

ревод Толкового псалтыря, но, вопреки условию, не был отпущен Василием III.

В России М. Г. выступал противником тех идейно-культурных принципов, к-рые он защищал в Италии. В своих соч. этого периода он рассматривал философию как служанку богословия, критиковал материалистич. традиции греч. философии, защищая христ. концепцию *свободы воли*. Он выступал против широкого применения аристотелевского учения о силлогизме, усматривая в пользовании им опасную возможность логич. опровержения религ. догматов. Исходным пунктом филос. воззрений М. Г. служил христианизированный аристотелизм, смягченный неоплатонизмом. Отсюда его понимание «духовной свободы», утверждение духовного, а не внешне-обрядового понимания веры, служения богу «в духе и истине», мистич. способности ума «переселиться на небо, минуя все звезды». Вместе с тем, признавая за естеств. и гуманитарными науками прикладное значение, он поощрял занятия ими. М. Г. отрицал врожденность нравств. понятий, уподобляя ум человека воску и бумаге, к-рые как бы заполняются в зависимости от навыков и воспитания. Труды М. Г. содействовали знакомству рус. читателей с произв. антич. классиков (Сократа, Платона, Аристотеля, Плутарха и др.).

Для социальных воззрений М. Г. характерна утопич. идея равновесия обществ. слоев и необходимости согласования интересов всех господствующих групп. Он критиковал подневольный труд крестьян, ростовщичество, спекуляции, обличал монашествоующих феодалов, выступал против монастырского землевладения, отстаивал принципы *нестяжателей*. После осуждения нестяжательства М. Г. по обвинению в ереси и гос. измене был приговорен (1531) к пожизн. заключению. Освобожден в 1556. При всех противоречиях мировоззрения М. Г. деятельность его отвечала прогрессивным тенденциям в идеологич. жизни России 1-й пол. 16 в.

Соч.: Соч. ..., ч. 1—3, Каз., 1859—62; Соч. ..., ч. 1—3, Сергиева Лавра, 1910—11.

Лит.: Иконников В. С., М. Г. и его время, 2 изд., К., 1915; Р ж и г а В. Ф., Опыты по истории рус. публицистики XVI в. М. Г. как публицист, в сб.: Тр. отл. древнерус. лит. ин-та рус. лит. АН ССР, [т.] 1, Л., 1934; Б у д о в н и ц И. У., Рус. публицистика XVI в., М.—Л., 1947; К л и б а н о в А. И., К изучению биографии и лит. наследия М. Г., в сб.: Византийский временник, т. 14, М., 1958; К а ш т а н о в С. М., Труды И. Денисова о М. Г. и его биограф., там же; D e n i s o f f E., Maxime le Grec et l'Occident, P.—Louvain, 1943. А. Каибанов. Москва.

МАКСИМ ПЛАНУД (Μάξιμος ὁ Πλανούδης) (1260—1310) — визант. ученый-энциклопедист, философ и педагог. Перевел на греч. яз. соч. *Августина*, *Овидия*, *Цицерона*, *Юлия Цезаря* и *Бозция*, в т. ч. его осн. труд «Об утешении философией» (Boethius, De consolatione Philosophiae, graece conversa per M. Planudem, 1833) М. П. принадлежат также комментарии к соч. *Аристотеля*, *Платона* и неоплатоников, до сих пор неизданные. Находясь под влиянием Бозция, М. П. придерживался эклектич. философии, соединяя неоплатонизм с идеями Аристотеля, Платона и стоицизма.

Соч.: Migne J. P., PG, t. 147, P., 1857; Соч. по грамматике в кн.: Anecdota graeca, Lpz., 1828; Das Rechenbuch des M. Planudes, Halle, 1865 (на греч. яз.); нем. пер. Halle, 1878; Planudis Maximi, Monachi, epistulae, Breslau, 1890; собрание поговорок в кн.: K r u m b a c h e r K., Mittlgrichische Sprichwörter, Münch., 1893; Antologia graeca epigrammatum Palatina cum Planudea, v. 1, lib. 5—7, Lpz., 1894.

Лит.: T r e u M., Zur Geschichte und Überlieferung von Plutarchs Moralia, Breslau, 1884; D r ä s e k e J., Zu M. Planudes, «Z. für wissenschaftliche Theologie», 1890, Bd 33; K r u m b a c h e r K., Geschichte der byzantinischen Literatur..., Münch., 1897; W e n d e l C., Planudea, «Byzantinische Z.», 1940, Bd 40, 1 Abt.; B e c k H.—G., Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, Münch., 1959; библи. в кн.: F a b r i c i u s J. A., Bibliotheca graeca, v. 1—12, Hamb.—Bonn, 1790—1809, Index, Lpz., 1838.

Б. Горянов. Ленинград.

МАКСИМОВ, Александр Александрович [р. 4(16) авг. 1891] — сов. философ, проф. (с 1929), д-р филос. наук (с 1934), член-корр. АН СССР (с 1943). Член КПСС с 1918. Окончил Казанский ун-т по физико-математич. фак-ту (1916). Вел преподавательскую работу по философии с 1922. С 1929 — проф. Ин-та красной профессуры, Моск. ун-та и Комакадемии. В 1944—49 проф. филос. фак-та Моск. ун-та. Член редколлегий журн. «Вопросы философии» (1949—55). Работал гл. обр. над проблемами истории науки и филос. вопросах естествознания (преим. физико-математич. наук). Редактор произведений Гегеля («Философия природы», Соч., т. 2, 1934), Геккеля, Р. Майера, Фарадея. В ряде работ и выступлений в печати допустил нигилистич., философски и научно ошибочную оценку квантовой физики, теории относительности.

С о ч.: Ленин и естествознание, М., 1933; Про немецкую натурфилософию, К., 1936; Дialectический материализм и природознание, К., 1941; Введение в совр. учение о материи и движении, М., 1941; О произведении Ф. Энгельса «Диалектика природы», [2 изд.], М., 1946; Очерки по истории борьбы за материализм в рус. естествознании, М., 1947.

МАКСИМОВИЧ, Михаил Александрович [3 (15) сент. 1804—10 (22) ноября 1873] — укр. естествоиспытатель, философ, фольклорист и историк. Окончил Московский ун-т (1823). С 1927 — магистр, с 1833 — проф. ботаники Моск. ун-та. С 1834 по 1845 — ректор (до 1836), а затем проф. Киевского ун-та. Преодолевая идеи шеллингианской натурфилософии, М. эволюционировал в сторону стихийного материализма и диалектики. М. доказывал, что в природе происходит вечное движение и развитие, благодаря этому она «повсюду разнообразна». Развитие природы идет «...от низшего к высшему, совершеннейшему, от единства и простоты к сложности и многообразию» (Избр. произв. рус. естествоиспытателей 1-й пол. XIX в., 1959, с. 115). Основа познания — опыт, к-рый «суть отпечатки внешней природы во внешних чувствах, сохраненные памятью» (там же, с. 101). Однако наука не должна ограничиваться описанием предметов и явлений (см. журн. «Московский телеграф», 1826, ч. 8, с. 307).

Вместе с тем в филос. взглядах М. имелись серьезные противоречия; он не сумел полностью преодолеть шеллингианские воззрения, в частности по вопросам об отношении умозрения и чувств. опыта, вещества и силы и др. Идеалистич. взглядов М. придерживался и по вопросу о происхождении человека. Тем не менее творчество М. в целом способствовало расшатыванию устоев теологии и метафизики, послужило толчком к широкой постановке в рус. науке филос. проблем естествознания.

С о ч.: Главные основания зоологии или науки о животных, М., 1824; О системах растительного царства, М., 1927; Основания ботаники: ч. 1 — Органология растений, М., 1828; ч. 2 — Систематика растений, М., 1831; Размышления о природе, М., 1833; Историч. изложение системы растительного царства, «Уч. зап. имп. Моск. ун-та», 1833, ч. 1, № 1; Собр. соч., т. 1—3, К., 1876—80; Автобиография, «Киевская старина», 1904, т. 86, сент.

Лит.: Райков Б. Е., Рус. биологи-эволюционисты до Дарвина, т. 2, М.—Л., 1951, с. 496—509; Мик у л и н с к и й С. Р., М. А. М., как естествоиспытатель, Тр. Ин-та истории естествознания АН СССР, т. 5, М., 1953; Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 342—44; Ш у д р и к С. П., Филос. и естественно-науч. взгляды М. А. М., К., 1955 (автореф.); О с т р о в н и й Д. Х., Философские взгляды М. О. Максимовича, Никумовы записки институту философии АН УРСР, т. 4, К., 1958; Мик у л и н с к и й С. Р., Развитие общих проблем биологии в России, М., 1961.

МАК-ТАГГАРТ (McTaggart), Джон Эллис (3 сент. 1866—18 янв. 1925) — англ. философ, представитель т. н. «радикального персонализма», науч. сотрудник Кембриджского ун-та. Свой тезис «не существует ничего, кроме личностей, групп личностей и частей личностей» М.-Т. пытался обосновать с помощью идеалистич. диалектики Гегеля. Абс. идея, — утверждал М.-Т., — не субстанция-субъект, как считал Гегель,

а «духовное сообщество» (spiritual society) личностей; сверхиндивидуального сознания не существует, но зато индивидуальное сознание субстанциально, несотворимо и неразруσιμο. Отсюда вывод М.-Т. о «бессмертии души» (независимо от того, признается ли существование бога). Иская философию Гегеля в духе персонализма, М.-Т. упрекает его за «преувеличение объективности» диалектич. процесса. Диалектика, по М.-Т., является лишь методом логич. доказательства в сфере чистой мысли, с помощью к-рого человек, сознание усваивает абс. истину. Но этой цели можно добиться и помимо диалектики.

Подлинной реальностью, по М.-Т., обладает только дух, т. к., согласно выдвинутому им априорному принципу «детерминирующего соответствия» (determining correspondence), «первичными частями» Вселенной являются восприятия субъекта, а чувств. данные и пространственно-временные характеристики («материя» в понимании М.-Т.) зависят от них. Время, по М.-Т., — лишь иррациональная видимость, скрывающая подлинную реальность. В целом система М.-Т. представляет собой амальгаму абс. идеализма, лейбницевской монадологии (множественность субстанций и духовная природа их), берклианского спиритуализма (принцип esse — percipi и восприятие как осн. форма чело-веч. сознания) и «геометрического метода» Спинозы, призванного придать видимость единства и строгой логич. последовательности его системе. В философии М.-Т. логич. аппарат идеалистич. философии поставлен на службу мистике (М.-Т. прямо заявлял, что «истинная философия должна быть мистической...») и обоснованию «нек-рых догм религии».

С о ч.: Some dogmas of religion, 1906; The unreality of time, «Mind», 1908, Oct., new ser., v. 17, № 68; A commentary on Hegel's logic, Camb., 1910; Studies in Hegelian cosmology, 2 ed., Camb., 1918; The nature of existence, v. 1—2, Camb., 1921—27; Studies in the Hegelian dialectic, 2 ed., Camb., 1922; An ontological idealism, в кн.: Contemporary British philosophy, [ser. 1], ed. by J. H. Muirhead, L.—N. Y., 1924; Philosophical studies, L., 1934.

Лит.: К и с е л ь М. А., Д. М.-Т. и его концепция диалектики, «Вест. ЛГУ», 1963, вып. 1, Серия экономики, философии и права, № 5; Broad Ch. D., Examination of McTaggart's philosophy, v. 1—2, Camb., 1933—38; D u m m e t M., A defence of McTaggart's proof on the unreality of time, «Philos. Rev.», 1960, Oct., v. 69. М. Киссель, Москва.

МАЛИНОВСКИЙ (Malinowski), Бронислав Каснер (7 апр. 1884—16 мая 1942) — англ. этнограф, антрополог и социолог, основоположник функциональной школы. Род. в Кракове, по происхождению поляк. Окончил в 1908 Краковский ун-т со степенью доктора по разделу физико-математич. наук. Заинтересовавшись этнографией под влиянием модной тогда *культурных кругов теории*, стал изучать ее в Лейпциге под руководством В. Вундта, а затем в Лондоне под руководством Дж. Фрейзера, У. Риверса, Э. Вестермарка. Годы 1-й мировой войны М. провел в Океании и выпустил первые работы, связанные с функциональной теорией, получившей вскоре признание реакц. ученых и брит. колониальной администрации. С 1927 М. возглавил кафедру этнографии в Лондоне.

В филос. отношении М. находился под влиянием *голизма Сэмтса*. Весьма эклектичная, теория М. биологизировала обществ. жизнь. В послевоенные годы он испытал сильное влияние фрейдизма, а в последние годы жизни, проведенные в США, — влияние *бихевиоризма*. М. рассматривал этнографию с утилитарной т. зр. и считал, что ее осн. задача — способствовать успешному колониальному управлению в новых историч. условиях. М. призывал к изучению современности, отрицая при этом необходимость и возможность исследования истории общества. Функциональная теория рассматривала общество как сумму индивидов, а культуру — как совокупность взаимосвязей, функций, к-рые служат для удовлетворения потребностей людей. Различия между культурами

М. основывал на способах удовлетворения этих потребностей. Понимая функции в биологич. смысле, а общество и культуру — как совокупность (интеграцию) функций (обществ. учреждений, обычаев и т. п.), М. объявлял, в духе идей философии холизма, родовые обычаи, религию (а также и колониальную систему) составными частями опред. целостности, находящейся в равновесии. Задача ученого ограничивалась изучением роли функций в поддержании равновесия общества. Функциональное учение М. нашло многих последователей, составивших функциональную школу. Взгляды М. оказали большое влияние на «психологич.» направление в амер. социологии и этнографии и на мн. совр. бурж. филос. направления.

Соч.: The family among the Australian aborigenes. A sociological study, L., 1913; Argonauts of the Western Pacific, L., 1922, new ed., N. Y., 1961; Myth in primitive psychology, L., 1926; Freedom and civilization, N. Y., 1944; A scientific theory of culture and other essays, Chapel Hill, 1944, new ed., N. Y., 1960; The dynamics of culture change, New Haven — L., [1946]; Magic science and religion and other essays, Glencoe (Illinois), 1948; Crime and custom in savage society, Paterson (New Jersey), 1959.

Лит.: Man and culture. A evaluation of the work of V. Malinowski, ed. R. Firth, L., 1957. Г. Марков. Москва.

МАЛИНОВСКИЙ, Василий Федорович (1765—1814) — рус. социолог-просветитель. Род. в Москве в семье священника. Окончил в 1781 филос. факт Моск. ун-та. В 1781—1811 — на дипломатич. службе. С 1811 — первый директор Царскосельского лицея; стремился воспитать лицейцев в духе свободомыслия, преданности народу и родине. В кн. «Рассуждение о мире и войне» (ч. 1—2, написано в 1790—98, изд. 1803, последнее изд. в кн.: Трактаты о вечном мире, 1963), в ст. «Общий мир» (опубл. в журн. «Сын Отечества», 1813, ч. 10, прибавл. к кн. 50) и др. М. осуждал захватнич. политику правительства и призывал к установлению всеобщего мира. М. выдвинул оригинальный проект междунар. орг-ции по поддержанию безопасности. В работах М. и в издававшихся им еженедельнике «Осенние вечера» (1803) были сформулированы прогрессивные принципы междунар. права (невмешательства во внутр. дела народов и др.), осуждалось *мальтузианство*, развенчивался культ завоевателей, пропагандировались идеи народоправства, патриотизма, равенства всех людей и народов, прославлялось могущество науки, знания. М. выступал поборником экономич. и культурного развития России, отмены крепостного права. М. был автором одного из ранних проектов крест. реформы в России («Записка о освобождении рабов», 1802, опубликована в 1958) и сторонником возглавлявшегося М. М. Сперанским либерального движения за гос. реформы. Социально-историч. ограниченность взглядов М. проявилась в той дани, к-рую он отдавал религ.-этич. идеям.

Соч.: Избр. обществ.-политич. соч., М., 1958 (Вступит. статьи Э. Араб-Оглы).

Лит.: Семевский В. И., Размышление В. Ф. М. о преобразовании гос. устройства России, «Голос минувшего», 1915, № 10; Михайлах Б., Пушкин и его эпоха, «Звезда», 1949, № 1—3; Араб-Оглы Э. А., Выдающийся рус.-просветитель-демократ, «Вопр. философии», 1954, № 2; Вианн А. I., Humanistul rus V. F. Malinowski în Târile Române, «Studii», 1960, № 2, p. 165—180.

МАЛОН (Malon), Бенуа (1841—1893) — франц. мелкобурж. социалист и публицист, один из лидеров социализма. В 1865 вступил в 1-й Интернационал. Вместе с Бакуниным участвовал в организации тайного «Альянса» и вел борьбу против Маркса и его соратников. Участник Парижской Коммуны. Основатель журн. «Revue socialiste» (с 1885). С 1889 — редактор газеты «Egalité». Будучи одним из лидеров правого, мелкобурж. крыла Рабочей партии, способствовал ее расколу и вместе с Бруссом основал «Рабочую социальную-революционную партию» (социалистов).

Взгляды М. эклектичны. Наибольшее влияние на него оказали идеи Прудона и Бакунина. М. утверждал,

что идея лучшего общества возникла вместе с классовым обществом, и считал социалистами Платона и Гельвеция. Переход к социализму М. представлял, как серию реформ, осуществляемых в рамках капитализма с помощью бурж. гос-ва и направленных на постепенную социализацию орудий труда, банков, транспорта, в результате чего наемный труд заменяется трудом ассоциированным (см. «Histoire du socialisme», t. 1, P., 1885, p. 19). Идеал коммунизма, по М., осуществится в далеком будущем, и тогда произойдет замена «законов—правами», а гос-ва — «общественной административной», «...братством между людьми и пришествием всемирной республики...» (там же, p. 20). М. приписывал подобные взгляды Марксу. Энгельс писал о созданной М. партии, что она стала «хвостом радикальной буржуазной партии», что «...рабочие вожди, которые берутся поставлять для радикалов это стадо рабочих избирателей, совершают, на мой взгляд, прямое предательство» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 27, 1935, с. 267).

Соч.: La troisième défaite du prolétariat français, Nohât., 1871; Histoire critique de l'économie politique, Lugano, 1876; La morale sociale, P., 1887; Le socialisme intégral, v. 1—2, [P.], 1890—92; Histoire du socialisme..., v. 1—5, P., 1882—85.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 27, М.—Л., 1935 (см. Указатель имен); Ляфарг П., Коллективизм-коммунизм, Соч., т. 1, М.—Л., 1925; Варга Е., Социал-демократические партии..., М.—Л., 1927; Новая история, ч. 2, М., 1939, с. 31, 125, 128.

Г. Зельманова. Ленинград.

МАЛЬБРАНШ (Malebranche), Николá (6 авг. 1638—13 окт. 1715) — франц. философ, объективный идеалист, гл. представитель *окказионализма*. В 1664 принял сан священника и в том же году познакомился с соч. Декарта «Трактат о человеке», к-рый и возбудил в М. интерес к философии. Разрабатывая собств. филос. систему, М. стремился сочетать положения *картезианства* с христ. верованием в его августианском толковании.

Абсолютное разграничение протяженной материи и мыслящего духа, понимаемых как субстанции, является для М. фундаментальным принципом философии. Воздействие этих субстанций друг на друга невозможно, поскольку их природа совершенно различна. Согласно М., естеств. причинности вообще не существует. М. понимал причинность как творение: быть причиной к.-л. вещи — значит создавать ее. Поэтому признание за материей и сотворенными духами способности быть причинами для М. равнозначно отказу от христ. идеи единого бога-творца. Единств. действующая причина в мире — это бог. «Все существа, — писал он, — соединены с богом непосредственной связью... он пожелал и постоянно желает, чтобы модальности духа и тела взаимно соответствовали друг другу» («Entretiens sur la métaphysique», см. Oeuvres, t. 2, P., 1837, p. 47). Поэтому каждая наблюдаемая в мире причина есть лишь «повод», за к-рым скрывается воля бога: «все естественные причины отнюдь не истинные причины, но только причины окказиональные» («De la recherche de la vérité», см. там же, т. 1, P., 1837, p. 220).

Стремление возвеличить бога провозглашает и учение М. о познании. Существуют три познават. способности: чувство, воображение и память, чистый разум. Соответственно объектам познания М. выделяет четыре его пути: непосредственно через сами вещи (познание бога); через идеи вещей (познание материальных тел); через внутр. чувство (познание собств. души); через предположение или по аналогии (познание душ др. людей и чистых духов). Ясное и отчетливое, т. е. рациональное, знание человек может иметь только о материальных телах, лишь в этой области применимы декартовские правила метода. Знания человека о своей душе, душах др. людей и о боге смутны и неопределенны. Это область веры, а не разума. Ставя пределы применению разума, М. писал, что в делах

природы нельзя полагаться на авторитет философов, а в делах веры не следует искать очевидности. М. — антисенсуалист, требующий «...вполне отрешиться от привычки и склонности руководствоваться своими чувствами при исследовании истины...» («Разыскания истины», т. 1, СПб, 1903, с. 49). Истина (о телах) дается лишь разумным познанием, совершенно оторванным от чувств. опыта и осуществляемым через идеи. М. определяет идею как непосредств. объект разума при созерцании им к.-л. вещи (см. там же, т. 2, СПб, 1906, с. 1). В понимании природы идей он близок к платонизму: идеи — это неподвижные вечные сущности, выступающие как совершенные образцы, архетипы вещей. Вещи — это копии идей, причем копии не адекватные; по М., человек, даже когда его внимание направлено на материальный мир, на тела, оказывается не в состоянии познать этот мир, ограничиваясь знанием об идеях тел. М. считал, что душа приобретает идеи через общение с богом; последний содержится в своем разуме идеи всех сотворенных существ. Отсюда вывод: созерцая идеи, человек их видит в боге; знание есть видение в боге.

М. считал, что все существующее имеет свое бытие в боге (см. «Разыскания истины», т. 2, с. 28). Но, становясь на путь включения всего в божеств. бытие, М. вильготную подходил к пантеизму, на что обратили внимание уже его современники. Отводя от себя обвинения в близости к спинозизму, М. разъяснял, что для него «не бог заключен в своем творении, но оно в нем», что «не столько бог есть в мире, сколько мир в нем...» («Entrétiens sur la métaphysique», см. Oeuvres, t. 1, p. 179, 180—81). Однако отмежевываясь от идеалистич. пантеизма М. не мог: внутр. логика выдвинутых им принципов вела к стиранию граней между богом и миром; только теоретич. непоследовательность и желание остаться верным христианству помешали М. самому осознать пантеистич. характер своего учения. Не разрешив противоречий декартовского учения, М. добавил к ним новые, еще более острые. Это свидетельствовало о неудаче попыток использовать экспериментальное естествознание и рационализм для нового филос. обоснования христ. религии. Эта противоречивость привела к тому, что философию М. критиковали с двух сторон. Боссюэ, Фенелон и др. упрекали его в отходе от ортодоксального христианства, что явилось причиной внесения соч. М. в «Индекс запрещенных книг». Обстоятельная критика идеалистич. рационализма М. с позиций сенсуализма и материализма была дана в трудах Локка, Кондильяка, Вольтера, Дидро, Гольбаха. С позиций ортодоксального картезианства М. был подвергнут критике со стороны А. Арно в спец. трактате (A. Arnauld, Des vraies et des fausses idées contre ce qu'enseigne l'auteur de la «Recherche de la vérité», 1683). Несмотря на офиц. осуждение, философия М. получила значит. распространение в религ. кругах. Известное влияние М. оказал на Лейбница (учение о *предустановленной гармонии*), Беркли (идеи, а не вещи, как непосредств. объект восприятия души), Юма (критика понятия естеств. причинности). В 18 в. во Франции, Италии, Англии философия М. широко использовалась для борьбы против материалистич. сенсуализма. С сер. 19 в. наблюдается значит. усиление интереса к М. со стороны христ. богословов и философов. Критикуя М. за разрыв со схоластизмом и близость к пантеизму, они в целом весьма положительно оценивали антинауч. деятельность М., как стремление установить примат веры над разумом.

Соч.: О разыскании истины (De la recherche de la vérité) — первое и осн. произведение М. Первый том вышел в Париже в 1674, второй и «Разъяснения» (Eclaircissements) к 1-му тому — в 1675. Отвечая на возражения противников (гл. обр. Арно), М. постоянно перерабатывал и дополнял книгу: окончательный вариант (6 изд.) вышел в Париже

в 4 тт. Лучшее франц. издание G. Lewis, t. 1—3, P., 1945; рус. пер. — Разыскания истины, т. 1—2, СПб, 1903—1906; есть пер. на лат., нем., англ., итал. и др. яз.

Oeuvres complètes, t. 4, 5, 10, 15—19, P., 1958—61 (изд. продолжается); Беседа христианского философа с философом китайским... «Православный собеседник», Каз., 1914.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 141; Вознесенский П. И., К истории идеализма. ч. 1, Об источниках философии М., «Ж. М-ва народного просвещения», СПб, 1904; Ершов М. Н., Проблема богопознания в философии М., Каз., 1914; История философии. т. 2, [М.], 1941 (по указ. имен); История философии, т. 1, М., 1957 (по им. указат.); Ollé-Lapruné L., La philosophie de Malebranche, t. 1—2, P., 1870; Delbos V., Etude de la philosophie de Malebranche, P., 1924; Stieler G., N. Malebranche, Stuttg., 1925; Gouhier H., La vocation de Malebranche, P., 1926; его же, La philosophie de Malebranche et son expérience religieuse, [2 ed.], P., 1948; [Études sur Malebranche], «Rev. Philos.», 1938, № 3—4. Guergoult M., Étendue et psychologie chez Malebranche, P., 1939; его же, Malebranche, [t.], 1—3, P., 1955—59; Colombó L., Malebranche, Mil., 1945; Cuvillier A., Essai sur la mystique de Malebranche, P., 1954; Giacomoni C., La causalità nel razionalismo moderno, Mil., 1954; Robinet A., Malebranche et Leibniz, P., 1955; Blanchard P., L'attention à dieu, P., 1956; Calot E., Problèmes du cartésianisme... Ancey, 1956; Dreyfus G., La volonté selon Malebranche, P., 1958 (thèse).

В. Кузнецов. Москва.

МАЛЬРО (Malraux), Андре (р. 3 сент. 1901) — франц. романист, эстетик, политич. деятель. В 20-х гг. принимал участие в гражд. войне в Китае на стороне Гоминьдана, а после разрыва Гоминьдана с коммунистами — на стороне коммунистов. Вернувшись во Францию, публикует романы, посвященные кит. революции — «Завоеватели» («Les conquérants», 1928, нов. изд., 1963) и «Условия человеческого существования» («La condition humaine», 1933, нов. изд., 1963). Персонажи М. в меньшей степени живут собственной жизнью, чем являются участниками того философ. спора, к-рый ведет автор. В центре же философ. взглядов М. находится метафизически трактуемая им проблема «человеческого состояния» (condition humaine). Согласно М., перед лицом смерти и в виду утраты веры в предопределенный порядок мира (божественный или рациональный) — человеческое существование обесценивается. Единственным путем преодоления его трагич. абсурдности является действие как таковое, пусть даже лишенное цели. В самом действии и состоит победа человека над «роком», его приобщение к судьбам всего человечества, к «человеческому братству». Эти идеи М. были позднее восприняты философией и лит-рой *экзистенциализма* (А. Камю, Ж. П. Сартр). Несмотря на субъективно-идеалистич. мотивировку этого приобщения М. к интересам человечества, М. в 30-е гг. сблизился с Коммунистич. партией, активно участвовал в антифашистском движении, в гражд. войне в Испании. В романе «Надежда» («L'espoir», 1937), посвященном борьбе исп. народа против фалянгистских мятежников, основной круг проблем также связан с индивидуалистич. богоборчеством и «преодолением смерти», поисками смысла жизни в действии как таковом. В 1939 М. порвал с Коммунистич. партией и с этого времени выступает против коммунизма. В годы гитлеровской оккупации Франции М. участвовал в Движении Сопротивления, где сблизился с правым его крылом — партией де Голля. В 1945—46 М. — министр информации во временном правительстве де Голля, в 1947 — член руководящего комитета деголлевской партии РПФ. С приходом де Голля к власти в 1958 М. становится министром по вопросам культуры.

В соч. «Психология искусства» («La psychologie de l'art», t. 1—3, 1947—50; нов. доп. изд. под назв. «La voix du silence», 1953) и «Воображаемый музей мировой скульптуры» («La musée imaginaire de la sculpture mondiale», v. 1—3, 1952—54) М. стремится обосновать свое понимание смысла иск-ва и его осн. закономерностей на широком фоне мировой истории

иск-ва, что немало способствовало интересу к этим сочинениям. Эстетич. взгляды М. воспроизводят различные теории идеалистич. эстетики и искусствознания (эстетики А. Бергсона, нем. формалистич. искусствоведения, нек-рых концепций кн. франц. искусствоведа А. Фосийона «Жизнь форм»). Согласно М., благодаря распространению художеств. репродукции совр. зритель имеет возможность объединить все наследие мирового иск-ва в «воображаемый музей». Собранные в этом музее произведения иск-ва благодаря репродукции утратили свое «качество предметности», «интеллектуализовались» и выявили свой высший смысл: смысл пластич. стиля, с помощью к-рого художник «подчиняет» себе действительность. Это «подчинение» состоит в том, что художник переселяет объекты реальной действительности в ту «исключительную область», в к-рой они ускользают от смерти. Для переселения в эту область, для создания иск-ва необходимо, чтобы отношение художника к изображаемому объекту было принципиально иного рода, чем то, к-рое ему «навязывает» общество. Т. обр., следуя за интуитивистской эстетикой, М. противопоставляет иск-во действительности, художеств. сознание — общественному. Однако в дальнейшем развитии своей теории М. нередко вообще опускает вопрос об отношении иск-ва к действительности и сводит историю мирового иск-ва к автономному, самовоспроизводящему развитию стиля. Тем самым всю историю мирового иск-ва М. изображает как своего рода прелюдию модернистского иск-ва 20 в., в к-ром он видит чистое выражение стиля.

Соч.: La métamorphose des dieux, P., 1957.

Лит.: Андреев Л., Музей обожествленного искусства, «Иностр. лит-ра», 1957, № 3; его же, Снова «чистое искусство», в сб. ст.: О совр. бурж. эстетике, М., 1963; D u i t G., Le musée imaginable, v. 1—3, P., [1956]; Bois deffe P. de, A. Malraux, 4 éd., P., 1957. М. Толмачев, Москва.

МАЛЬТУЗИАНСТВО — реакц. теория *народонаселения*, выдвинутая англ. священником и экономистом *Мальтусом*. М. пытается доказать, что причина перенаселения и недостатка средств существования для трудящихся классов коренится якобы в абсолютных и вечных законах природы, а также в «чрезмерной плодovitости» бедняков. М. по существу является прямой апологией капитализма. В условиях империализма бурж. идеологи предпринимая попытки реставрации и «обновления» М. (см. *Неомальтузианство*).

МАЛЬТУС (Malthus), Томас Роберт (17 февр. 1766—23 дек. 1834) — англ. экономист, идеолог земледельч. аристократии и наиболее реакц. слоев буржуазии, священник англиканской церкви. Род. в семье помещика. С 1805 до конца жизни — проф. истории и политич. экономии колледжа в Хейлбери близ Хартфорда.

Осн. работа М. «Опыт о законе народонаселения...» («An essay on the principle of population, as it affects the future improvement of society», 1798, первое издание — анонимное), выдержавшая при жизни М. шесть изданий, явилась ответом *Годвину*, к-рый выступал против частной собственности и требовал проведения политич. реформ. Книга М. появилась в период, когда в связи с пром. переворотом и дальнейшим обезземеливанием крестьянства усилилась безработица. М. объяснял ее как реакц. идеолог буржуазии, стремившийся оправдать бурж. строй и доказать, что причина бедствий народа заключается не в социальных отношениях, а в вечных, чисто биологич. законах природы. Согласно выдвинутому М. «естественному закону», население якобы возрастает в геометрич. прогрессии, а средства существования — в арифметической, в результате чего неизбежно наступает «абсолютное перенаселение». Причины бедствий трудящихся М. видел в «легкомысленных привычках» рабочего класса, якобы «неразумно» размножающегося. Голод, болезни, войны М. цинично провозглашал «позитивными фак-

торами», оказывающими благотворное влияние на человечество, поскольку они сокращают население. Пытаясь «обосновать» тезис о том, что возможности производства продовольствия ограничены, М. ссылался на т. н. закон убывающей производительности последоват. затрат, или, применительно к земледелию, «закон убывающего плодородия почвы». М. выступал против правительств. помощи беднякам, к-рая, по его мнению, может лишь обострить проблему «перенаселения». Учение М. оказало значит. влияние на принятие в Англии в 1834 пресловутой поправки к закону о бедных, резко ухудшившей их положение.

Теория М. была с одобрением встречена идеологами буржуазии и в то же время подверглась резкой критике со стороны прогрессивных мыслителей различных стран. В России 19 в. с критикой мальтузианства выступали: В. А. Милютин (см. «Мальтус и его противники», в кн.: Избр. произв., 1946), *Чернышевский* (см. «Замечания на последние четыре главы первой книги Милля. Разъяснение смысла мальтусовой теории», в кн.: Избр. экон. произв., т. 3, ч. 1, 1948), *Писарев* (см. «Очерки из истории труда», в кн.: Избр. филос. и общественно-политич. статьи, 1949, с. 184), *Менделеев* (см. Соч., т. 20, 1950, с. 562—77), *К. Тимирязев* (см. «Точно ли человечеству грозит близкая гибель», в кн.: Избр. соч., т. 2, 1948, с. 283—317) и др.

Антинауч. реакц. характер теории М. был разоблачен Марксом, к-рый показал, что абстрактного закона населения не существует, что каждому обществ. строю свойственны особые, имеющие историч. характер, законы населения. Маркс указывал на эпигонский характер теории М. (см. «Теории прибавочной стоимости», ч. 2, 1957, с. 113). Он с презрением говорил о «глубокой низости мысли», о «плагиаторстве» М. и считал, что «ненависть английского рабочего класса к Мальтусу... вполне оправдана; народ верным инстинктом почувствовал, что против него выступает здесь не человек науки, а купленный его врагами адвокат господствующих классов, их бесстыдный сикофант» (там же, с. 110, 113).

Теория М. получила широкое распространение в реакц. бурж. социологии (см. *Неомальтузианство*).

Соч.: An investigation of the cause of the present high price of provisions, L., 1800; Observations on the effects of the corn laws, L., 1814; Principles of political economy considered with a view to their practical application, L., 1820; Definitions in political economy, L., 1827; A summary view of the principle of population, L., 1830.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, М., 1955; его же, Теория прибавочной стоимости, ч. 2, М., 1957; Энгельс Ф., Положение рабочего класса в Англии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, М., 1955; Ленин В. И., Рабочий класс и неомальтузианство, Соч., 4 изд., т. 19; Водовозов Н. В., Р. М., его жизнь и научная деятельность, СПб., 1895; Бибииков П. А., Жизнь и труды М. (предисловие к кн.: Мальтус, Опыт о законе народонаселения..., т. 1, СПб., 1868); Попов А. Я., Совр. мальтузианство — человеконенавистнич. идеология империализма, [М.], 1953; Рикардо Д., Статьи по аграрному вопросу и критические замечания к книге М., Соч., т. 3, М., 1955; Кастро Ж. де, География голода, пер. с англ., М., 1954; Озер Д., Должны ли люди голодать?, М., 1959; Bonar J., Malthus and his work, [2 ed.], L., [1924]; Vogt W., Road to survival, N. Y., 1948; Stassart J., Malthus et la population, [Liège], 1957; Würgler H., Malthus als Kritiker der Klassik, Winterthur, 1957 (Diss.). Л. Ваграмов, Москва.

МАЛЬЦЕВ, Василий Иванович [р. 19 янв. (1 февр.) 1906] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1955), проф. (с 1960) филос. фак-та Моск. ун-та. Член КПСС с 1930. Окончил Академию коммунистич. воспитания им. Н. К. Крупской (1931) и аспирантуру филос. фак-та МИФЛИ (1935). С 1935 преподает диалектич. материализм, с 1940 — в Моск. ун-те. Науч. исследования ведет гл. обр. по диалектич. логике и филос. вопросам биологии.

Соч.: Проблема необходимости и случайности в учении Ч. Дарвина, «Под знаменем марксизма», 1939, № 9; О единстве диалектики, теории познания и логики в марксистско-ленинской философии, «Вестник Моск. ун-та. Серия экономи-

ки, философии и права», 1957, № 2; Вступ. ст. в кн.: К о р н ф о р т М., Наука против идеализма, М., 1957; О неких чертах диалектич. логики, Уч. зап. филос. фак-та МГУ, вып. 190, 1958; Проблема определения понятий в диалектич. логике, в сб. ст.: Проблемы диалектич. логики, [М.], 1959; Вопросы диалектич. логики в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1959, № 4; К вопросу о понятии биологич. вида, «Вопр. философии», 1959, № 7; Борьба в СССР против механицизма, М., 1959; В. И. Ленин о диалектике отражения внешнего мира, М., 1960; Значение и понятие, в сб.: Проблема значения в лингвистике и логике, М., 1963; Вступ. ст. в кн.: С е л з а м Г., Философия в революции, М., 1963.

МАМЕДУЛИЗАДЕ, Джаалил (псевд. — М о л л а Н а с р е д д и н) [10(22) февр. 1866—4 янв. 1932]—азерб. писатель-демократ; основатель и редактор первого на Востоке сатирич. журн. «Молла Насреддин». М. осуждал пороки феод.-патриархального Азербайджана; боролся против религ. фанатизма, видя в религии средство угнетения народа и препятствие для развития науки. М. разоблачал агрессивную политику империализма в странах Востока. В конце 19—нач. 20 вв. М. возглавлял борьбу передовых представителей азерб. культуры против теории «чистого искусства». После установления Сов. власти в Азербайджане выступил против врагов нового обществ. строя.

С о ч.: Әсәрләри, ч. 1—3, Баку, 1936—47; Сечилмиш әсәрләри, ч. 1—2, Баку, 1951—54; Драм ва нәср әсәрләри, Баку, 1958; в рус. пер.: Избр. произв., Баку, 1950; Избранное, М., 1959.

Лит.: Мирзоева Ш., Об эстетич. взглядах Д. М., в кн.: Тр. Ин-та истории и философии АН Азерб. ССР, т. 7, Баку, 1955; К а с у м о в М., Боевой революционно-демократич. журнал «Молла Насреддин», Баку, 1960; Ш а р и ф Э., Молла Насреддин (Челил Маммадгулу-заде), Баку, 1946; И б р а х и м о в М., Вейук демократ. Молла Насреддин, 2 изд., Баку, 1957. М. Мирзоева. Баку.

МАМЕДОВ, Шейдабек Фараджиевич [р. 10(23) янв. 1912] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1963). Член КПСС с 1939. Окончил МИФЛИ (1938) и аспирантуру там же (1941). Преподает философию с 1938, проф. филос. фак-та Моск. ун-та. Разрабатывает историю философии народов СССР (Закавказья, Ср. Азии), историю и теорию атеизма. Член редколлегии журн. «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы) (с 1958). Редактор избр. филос. соч. М. Ф. Ахундова (1963).

С о ч.: Из истории обществ. мысли в Азербайджане, «Большевик», 1946, № 11—12; М. Ф. Ахундов и традиции восточной философии, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1958, № 2; О неизвестной рукописи М. Ф. Ахундова, там же, 1959, № 2; Филос. и общественно-политич. взгляды Низами, М., 1959; М. Ф. Ахундов (Филос. и социально-политич. воззрения), М., 1960; Социологич. взгляды Низами, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1960, № 1; Очерки по истории философии в России. Вторая половина XIX и нач. XX в., М., 1960 (член авторского коллектива и редактор); Мироззрение Гасан-бека Меликова Зардаби, М., 1960; Краткий очерк истории философии, М., 1960 (член авторского коллектива); Осн. вопросы науч. атеизма, М., 1962 (член авторского коллектива); Мироззрение М. Ф. Ахундова, М., 1962.

МАМИАНИ ДЕЛЛА РОВЕРЕ (Mamiani Della Rovere), Теренцио (27 сент. 1799—21 мая 1885) — итал. философ, писатель и политич. деятель-либерал. Участвовал в революц. движении 1831—32 в Болонье. Министр просвещения в пр-ве Кавура (1831). В 1850 основал Филос. академию в Генуе; проф. философии истории в Турине (1857—60), в Рим. ун-те (с 1871). В 1869 вместе с *Джоберти* основал общество изучения философии и лит-ры, а в 1870 начал издавать орган этого общества—журнал «Filosofia delle scuole italiane» («Философия итальянских школ»), направленный как против *томизма*, так и против материализма (всего вышло 32 тома).

В первый период своей филос. деятельности (до 1857) М., примыкая к взглядам католич. философа Галуани, ставил перед собой задачу обоснования «натурального метода» и принимал эмпиризм *шотландской школы*. С 1857 М. стремился связать свой эмпиризм с платонизмом, чтобы избежать скептич. выводов. В этих условиях он, с одной стороны, выработал вариант онтологич. доказательства существования

бога, а с другой — старался объяснить познание посредством учения о «соприкосновении актов», т. е. о синтезе между воспринимающим действием субъекта и действием внешних сил, считая познание синтезом внутреннего и внешнего. Попытки М. создать «подлинно-итальянскую» филос. систему, синтезируя идеи итал. мыслителей 19 в., принадлежавших к разным течениям (*Розмини*, *Джоберти*), привели его к *электизму*.

С о ч.: Il rinnovamento della filosofia in Italia (в соавторстве с А. Rosmini Serbati), Mil., 1836; Dell'ontologia e del metodo, P., 1841; Confessioni di un metafisico, v. 1—2, Firenze, 1865; Compendio e sintesi della propria filosofia, ossia nuovi prolegomeni ad ogni presente e futura metafisica, Torino, 1876; Della religione positiva e perpetua del genere umano: libri sei, Mil., 1880.

Лит.: S b a r b a r o P., La mente di T. Mamiani, Firenze, 1886; G a s p a r i D., Vita di T. Mamiani della Rovere, Ancona, 1888; T a v j a n i U., Una polemica filosofica dell'Ottocento. T. Mamiani — A. Rosmini, Padova, 1955. А. Сандрему. Рим.

МАМУРЯН, Матевос (1830—2 янв. 1901) — арм. публицист-просветитель, философ и обществ. деятель. Род. в Смирне (Турция), образование получил в 40-х гг. в Париже. Призывал арм. народ к вооруж. восстанию против султанского деспотизма и российского царизма, к единству с рус. освободит. движением («Человек черной горы», 1909). В философии был электиком с тенденцией к позитивизму. С этих позиций он вел борьбу против материалистич. и атеистич. идей книги *Костандяна* «О методе» (опубл. в журн. «Аревелан мамул», 1878, сент., окт., дек., 1879, янв.).

С о ч. на арм. яз.: Армянский письменник, [под псевд.] Вруйр, Смирна, 1872; Английский письменник, Смирна, 1880; Восточная печать, Смирна, 1871—1901.

Лит. на арм. яз.: А с а т у р Грант, Силуэты, Константинополь, 1921; И о а н н и с я н А., Налбандян и его время, т. 1, Ер., 1955; Г а с л а р я н Г. Н., (О философских взглядах М. Мамуряна, «Известия АН Арм. ССР», 1959, № 12. Г. Гаспарян. Ереван.

МАНДЕВИЛЬ (Mandeville), Бернард де (1670—21 янв. 1733) — англ. философ-материалист, по профессии врач. Француз по происхождению, М. родился в Дордрехте (Нидерланды), обучался медицине в Лейденском ун-те. После получения звания доктора медицины в 1691 переехал в Англию, где в Лондоне занимался врачебной практикой. Материалистич., филос. взгляды М. сложились под влиянием учений *Гоббса* и *Локка*. М. был другом *Франклина*.

Гл. произв. М. «Басня о пчелах» вышло анонимно (1705) в Лондоне в виде стихотворного памфлета под заглавием «Ропщущий улей, или Плуты становятся добродетельными» («The grumbling hive; or, Knaves turn'd honest»). В 1714 была переиздана под назв. «Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды» («The fable of the bees; or, Private vices public benefits»; частичный рус. пер.— «О природе общества» в кн.: А. Деборин, Книга для чтения по истории философии, т. 1, 1924). В 1723 «Басня» вышла с комментариями и дополнениями: «Исследование о происхождении нравственного достоинства» («An enquiry into the origin of moral virtue») и «Изыскание о природе общества» («A search into the nature of society»).

В «Басне о пчелах» М. выступал как предшественник *Гельвеция*, *Ламетри* и *Дидро* с острой социальной сатирой на современное ему общество, в к-ром пороки являются движущей силой развития. Вместе с тем «Басня» направлена против религ.-этич. ханжества, а также идеалистич. этики *Шейфсбери* с ее принципом врожденного альтруизма и призывом к подавлению естеств. влечений и потребностей. Работа получила широкое распространение в 18 в. Вольтер посвятил теме М.—обществу, в к-ром царит «закон когтей и первенство зубов», басню «Марседец и лев», заканчивающуюся «моралью», совпадающей с выводами М.: «Так государям-львам приходится стократ контракты заключать, увы, за счет ягнят!» (рус. пер. А. Кочетко-

ва). Реакц. противники М. истолковали его написанную с демократич. позиций «Басню» как апологию безразличности, не желая видеть язв. иронии этого памфлета. Против нее выступили Беркли во 2-м диалоге «Алцифрона» (G. Berkeley, Alciphron, v. 1—2, L., 1732) и Хетчeson в «Системе моральной философии» (Fr. Hutcheson, A system of moral philosophy, v. 1—2, 1755). Наиболее злобные реакционеры требовали сожжения памфлета. По словам Маркса и Энгельса, М. «...доказывает, что в современном обществе пороки не обходимы и полезны. Это отнюдь не было апологией современного общества» (Соч., 2 изд., т. 2, с. 146).

В духе картезианского механистич. материализма М. защищал тезис об автоматизме животных. В соч. «Трактат об ипсихондрич. и истерич. страстях» («A treatise on hypochondriack and hysterick passions», L., 1711) М. попытался материалистически рассмотреть вопросы психопатологии.

Данный М. анализ экономич. строя совр. ему общества послужил одним из источников классич. англ. политич. экономии, оказав непосредств. влияние на А. Смита. По оценке Маркса, М. был «...бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 26, ч. 1, с. 395; см. также т. 23, с. 367, 628—30).

Соч.: Free thoughts on religion, the church and national happiness, L., 1723; An enquiry into the origin of honour, and the usefulness of Christianity in war, L., 1732; A letter to Dion, L., 1732 (ответ на критику Беркли); нов. изд. [Liv.], 1954. Лит.: История философии, т. 2. [М.], 1941 (см. указат. имен); Верцман И., Лоренс Стерн, в кн.: Из истории английского реализма, М., 1941, с. 134—37; Деборин А. М., Об этике М. и «социализме» Канта, в сб. ст.: Деборин А. М., Философия и политика, М., 1961 (первонач. опубли. в журн. «Die Neue Zeit» в 1906); Sakmann P., V. de Mandeville und die Bienenfabel-Controverse, Freiburg — Lpz. — Tübingen, 1897; Robertson J. M., Pioneer humanists, L., 1907; Stämmler R., Mandevilles Bienenfabel, B., 1918; Münstermann P., Mandevilles Bienenfabel, [Köln], 1960. Б. Выховский. Москва.

«МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» — произведение Маркса и Энгельса, первый программный документ марксизма. Завершает историч. процесс формирования марксизма и дает сжатое изложение осн. положений науч. коммунизма, стратегии и тактики коммунистов и их мировоззрения — диалектич. и историч. материализма. Написан в конце 1847 по поручению «Союза коммунистов»; опубли. в нач. 1848. «Эта небольшая книжечка стоит целых томов...», — говорил Ленин (Соч., т. 2, с. 10).

Важнейшая идея «Манифеста» — идея диктатуры пролетариата. Она намечается уже в предшествующих трудах Маркса и Энгельса («Немецкой идеологии» и др.), но только в «Манифесте» дается ее теоретич. и историч. обоснование. Борьба классов, говорит здесь, составляет движущую силу историч. развития общества, основанного на частной собственности. Закономерным результатом этой борьбы в каждом исторически определенном обществе — обществ.-экономич. формации — являются социальные революции. Если бурж. революция свергла господство феодалов, то революция пролетариата, низвергая диктатуру буржуазии, с необходимостью приводит к диктатуре рабочего класса. «...Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 446; см. также В. И. Ленин, Соч., т. 25, с. 374).

В «Манифесте» вскрываются материальные предпосылки социализма, возникающие в недрах бурж. общества, и тем самым объективная, экономически обусловленная необходимость социалистич. революции. Как указывал Энгельс, красной нитью через весь «Манифест» проходит мысль Маркса о том, что «...экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 1—2).

В «Манифесте» дан анализ развития производит. сил и производств. отношений, обосновано положение об определяющей роли способа произ-ва, о соотношении экономич. структуры (базиса) общества и обусловленной ею политич. и идеологич. надстройки, ведется острая критика всех устоев бурж. общества — бурж. собственности, бурж. семьи, морали, религии и т. д., и заложены вместе с тем теоретич. основы для их научного, материалистич. понимания. Вскрывая реальные основы бурж. идеологии и типичных для нее рассуждений о «свободе» личности, Маркс и Энгельс пишут: «Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» (там же, т. 4, с. 443). Разоблачая лицемерие бурж. фраз об отечестве и национальности, Маркс и Энгельс противопоставляют им идею пролетарского интернационализма.

Выясняя качеств. своеобразие освободит. борьбы пролетариата и ее всемирно-историч. задачи, Маркс и Энгельс обосновывают необходимость создания и упрочения коммунистич. партии, к-рая характеризуется ими как передовой отряд рабочего класса, выражающий его коренные, в основе своей единые во всех странах, интересы. Выступая против сектантского понимания классовых задач пролетариата, Маркс и Энгельс указывают: «...коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя... коммунисты повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран» (там же, с. 459).

Науч. коммунизм в «Манифесте» решительно противопоставляется всем ненауч., утопич. социалистич. теориям. Здесь подвергаются критике феодальный (а также т. н. христианский) лжесоциализм, проповедующий возвращение к ср.-век. порядкам; бурж. «социализм», увековечивающий и идеализирующий капиталистич. общество; мелкобурж. социализм, к-рый, идеализируя простое товарное х-во, видит в нем царство равенства и свободы товаропроизводителей. Вместе с тем Маркс и Энгельс выделяют и высоко оценивают «критически-утопический» социализм Сен-Симона, Фурье, Оуэна, отразивший «первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией».

«Манифест» пронизан диалектико-материалистич. пониманием обществ. жизни. Рассмотрение явлений обществ. жизни в их взаимосвязи и взаимозависимости, движении, изменении, революц. преобразовании

на основе борьбы противоположностей, материалистич. понимание основы и движущих сил развития общества — все это явилось громадным шагом вперед в деле творч. развития филос. мысли.

«Манифест» заканчивается замечат. словами: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного низвержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогнутся перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (там же).

Бурж. «критики» марксизма пытаются доказать, будто «Манифест» устарел, опровергнут последующим развитием бурж. общества. В действительности, и развитие капитализма и, в особенности, всемирно-историч. победы социализма убедительно подтверждают классич. идеи этого труда. Это произведение, указывал Ленин, «...до сих пор верно во всем основном, живо и злободневно, как будто бы оно писалось вчера» (Соч., т. 19, с. 507).

«...История „Манифеста“ в значительной степени отражает историю современного рабочего движения» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 366). «Манифест» впервые вышел на нем. яз. в Лондоне в 1848 без указания авторов (в 2 изд.). В 1848 в Париже вышел франц. перевод «Манифеста». Вскоре после опубликования нем. издания появились польский (в Лондоне) и датский переводы. В 1848 вышел швед. перевод (в Стокгольме). В 1850 «Манифест» был издан на англ. яз. (в Лондоне), в 1871 появились 3 англ. перевода в Америке. К 1872 вышло 12 изд. на нем. яз. в Германии, Англии, Америке, Швейцарии (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 18, с. 89).

В 1872 в Лейпциге вышло авторизованное издание «Манифеста» с первым предисловием авторов. В текст был внесен ряд поправок редакц. характера. Отметив, что «...общие основные положения остаются в целом совершенно правильными...» (там же), авторы, учитывая историч. опыт, указали, что ряд положений «Манифеста» нуждается в существ. дополнениях и изменениях (см. там же, с. 89—90). Авторизованными были и два последующих нем. издания (1883 и 1890). С 1891 брошюра выходила в Германии легально. Всего на нем. языке «Манифест» выдержал ок. 120 изданий.

Осенью 1869 в Женеве в типографии «Колокола» было отпечатано 1-е рус. издание «Манифеста» в переводе Бакунина, в к-ром были искажены важнейшие положения труда. В Россию проникло лишь незначит. количество экземпляров этой книги. В 1882 в Женеве в переводе Плеханова вышло новое рус. издание, получившее широкое распространение. К этому изданию Маркс и Энгельс написали спец. предисловие. «Переводить „Манифест“, — писал Энгельс, — дьявольски трудно: русские переводы, пожалуй, лучшие из всех, которые я встречал» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 27, 1935, с. 322). В 1889—93 в самарских кружках изучали «Манифест» в переводе Ленина (перевод не сохранился) (см. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 4, с. 649).

Всего в России до 1917 учтено (по неполным данным) 60 изданий «Манифеста». На англ. языке вышло не менее 85 изданий, на франц. — ок. 50. В 1872 впервые появились переводы «Манифеста» на сербский и исп., в 1873 — португ., в 1882 — чешский, в 1891 — болг., в 1892 — рум. и др. языки. «Манифест» переведен на араб., вьетнамский, индонез. языки, в Индии — на бенгали, маратхи, пенджаби, малайял и др. Более 130 изданий вышло в странах нар. демократии. Зарубежных изданий «Манифеста» учтено (по неполным данным) ок. 700 на 49 языках.

Наибольшее число изданий вышло в СССР, где проводилась большая работа по улучшению переводов (в изданиях 1932, 1939, 1948). «Манифест» переведен на 46 языков народов СССР. Всего в СССР выпущено 372 издания тиражом 14 678 тыс. экз. на 68 языках (данные на 1 янв. 1964).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., (Предисловие) к изд. «М. К. п.» 1872, 1882, 1883, 1890, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 1, М., 1953; Ленин В. И., Государство и революция, Соч., 4 изд., т. 25; Леонтьев А., О произведении К. Маркса и Ф. Энгельса «М. К. п.», М., 1932; Обичкин Г. Д., О «М. К. п.» К. Маркса и Ф. Энгельса, М., 1933; Ойзерман Т. И., Формирование философии марксизма, М., 1962, с. 524—39.

МАНИФЕСТ МИРА — программный документ междунард. коммунистич. движения, хартия его борьбы за мир и мирное сосуществование народов, демократию и социализм. Принят на Совещании представителей 64 коммунистич. и рабочих партий, состоявшемся в Москве 16—19 нояб. 1957. По своему содержанию непосредственно примыкает к Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. В М. м. дано обоснование позиции коммунистов как наиболее последоват. врагов войны и самых стойких борцов за мир и содержится высокогуманный призыв к рабочим и крестьянам, работникам науки, техники и культуры, людям доброй воли всех стран сплотиться во имя мира, прекращения гонки вооружений и устранения угрозы войны.

В основу М. м. положены теоретические выводы о возможности предотвращения войн в современной эпоху. Основываясь на науч. оценке сложившегося в мире соотношения сил, благоприятствующего успешной борьбе против воен. угрозы (возникновение мировой системы социализма, постоянный рост могущества СССР и др. социалистич. стран, усиление нац.-освободит. движения, укрепление и рост сил мира во всех странах), коммунисты заявили, что новая война не является неизбежной, что можно не допустить термоядерной катастрофы. М. м. вселяет в народы уверенность в возможности отстоять мир в случае, если они объединят свои усилия и постоянно будут бдительными в отношении воен. угрозы. Вместе с тем коммунисты сочли своей обязанностью предостеречь народы о серьезной опасности для судеб человечества войны с применением ядерного оружия. В М. м. определены источники воен. опасности: капиталистич. монополии, наживающиеся на подготовке к войне.

М. м. опроверг клеветнич. утверждения, будто социалистич. страны угрожают миру тем, что якобы хотят силой навязать другим свою систему. У коммунистов, у социалистич. стран, подчеркивается в М. м., нет побудит. причин для развязывания войны и воен. нападения на др. страны. Социализм нельзя насадить извне; он должен быть прежде всего результатом внутр. борьбы рабочего класса и всех прогрессивных сил каждой страны. В социалистич. странах нет классов или социальных слоев населения, заинтересованных в войне. Социалистич. странам нужен прочный мир для построения коммунистич. общества.

Коммунисты разработали общедемократическую программу мира. Коммунисты провозгласили, что страны разных социальных систем должны соревноваться и доказывать свои преимущества не путем войны, а в развитии мирной науки и техники, в повышении уровня жизни народов.

Идеи М. м. получили широчайшее распространение, они содействовали росту авторитета и влияния коммунистич. партий, активизации борьбы народов за мир.

Лит.: Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года, М., 1957; Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, М., 1960; Программа КПСС, М., 1961.

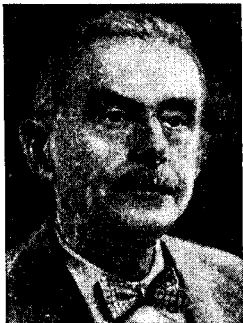
МАНИХЕЙСТВО — религ. учение, возникшее на Ближнем Востоке в 3 в. и представляющее собой син-

тез халдейско-вавилонских, персидских (*зороастризм, мадеизм, парсизм*) и христ. мифов. Известное влияние на М. оказал *гностицизм*. Название М. происходит от имени его основателя — полуполюгендарного Мани (ок. 216—277). Согласно преданию, Мани проповедовал свое учение не только в Персии, но и в Ср. Азии, Индии, Китае. Ему приписывают ок. 7 работ религ.-этич. содержания («Книга гигантов», «Шапуракана» и др.).

Осн. содержание М. составило пессимистич. учение об изначальности и непреоборимости зла. Полемицируя с *христианством*, М. учит, что зло — начало столь же самостоятельное и исконное, как и добро. Связывая зло с материей, а добро со светом как духом, Мани, однако, не считал тьму или материю следствием угасания света, как его современник Плотин; в М. царство тьмы как равное противостоит царству света. Мировая история — борьба света и тьмы, добра и зла, бога и дьявола. При нападении тьмы на свет часть света была поглощена тьмой. Смысл последующей истории — в освобождении поглощенного света. По М., человек двойственен: творение дьявола, он сотворен все же по образцу небесного «светлого первочеловека» и заключает в себе элементы поглощенного тьмой света. Согласно М., евангельский Христос был лже-Христом, вторгшимся в дело настоящего Христа, к-рый не воплотился и не сочетал в себе естество бога и человека. После Христа был послан Мани — параклет (утешитель) — главный из посланцев царства света. Зап. М. сблизилось с христианством и рассматривалось им как христ. ересь. Подвергаясь всюду гонениям, М., однако, распространилось до Рима на Западе и Китая на Востоке. В 8—9 вв. М. подверглось преследованиям со стороны *ислама*. Манихейское учение о дуализме добра и зла развивали в Европе павликяне (см. *Павликянство*), богемилы, *катары, альбигойцы, молоканы*, а на Востоке — перс. маздакиты.

Лит.: W e s e n d o n k O. G., Die Lehre des Mani, Lpz., 1922; W a l d s c h m i d t E. und L e n t z W., Die Stellung Jesu im Manichäismus, B., 1926; W i d e n g r e n G., The great Vohu Manah and the apostle of God; studies in Iranian and Manichaean religion, Uppsala, 1945; M e s s i n a G., Cris, tianesimo, buddhismo, manicheismo nell'Asia antica, Roma, 1947; P é t r e m e n t S., Le dualisme chez Platon, les gnostiques et les manichéens, P., 1947. А. Чанышев, Москва.

МАНН (Mann), Томас (6.VI.1875, Любек,—12.VIII.1955, Цюрих) — нем. писатель и мыслитель, автор многочисл. эссе по философии и истории культуры. Лит. деятельность начал в 1890-х гг. С приходом к

власти национал-социалистов эмигрировал в Швейцарию, затем в 1938 в США, где принимал участие в антифашистских радиопередачах для Германии. После второй мировой войны жил в Швейцарии.

Внутренний диалогизм характеризует стиль мышления М.: его мысль, как правило, идет путями параллельного развертывания различных точек зрения и интеллектуальных позиций, в процессе к-рого они все более

уточняются и выявляется их общность или, напротив, несовместимость. Эта черта отмечает не только романы и новеллы М. (где каждый герой, как в традиц. филос. диалоге, персонафицирует определен. мировоззренч. категорию), но и его эссе: последние строятся как обсуждение, в к-ром окончат. позиция М. не всегда поддается вполне однозначному выявлению. Путь М. как мыслителя, начавшийся под сильным влиянием Шопенгауэра, Ницше, Вагнера и

общей культурной ситуации нем. «конца века», весь стоит под знаком непрерывающегося движения к более гуманистич. и плодотворной мировоззренч. ориентации. В основном М. работает над преодолением психологии бурж. декаданса, глубоко им пережитой. В себе самом М. видит орудие критич. самоочищения нем. «бюргерской» культурной традиции, а в своем творчестве — инструмент «самопреодоления» (понимаемого в духе этики позднего Гёте) через самопознание.

Художеств. метод М. характеризуется повышенно сознательным отношением к творчеству и творч. процессу. Это проявляется двояко: 1) в его произведении вводятся прямые рассуждения о сущности и по поводу творчества; создание произведения сопровождается рефлексией, к-рая входит интегральной частью в само произведение; 2) исключит. содержанием произведений становится проблематика искусства и творчества, к-рая выполняет у М. роль универсального символа, вмещающего в себя более или менее значительную общественную тематику. Бытие художника, представленного как творческая личность и творящего свою жизнь как произведение искусства, выступает у М. как аналог самых различных социальных явлений: проблематика психологии художника раскрывается на образах монарха («Королевское высочество») или авантюриста («Признание авантюриста Феликса Круля»), библейских героев (тетралогия «Иосиф и его братья») или средневековых аскетов («Фьоренца», «Избранник») и т. д. С др. стороны, социальная проблематика оформляется как изображение жизни и творчества художника («Доктор Фаустус»). Для метода М. характерна автопортретность образа художника, стоящего в центре его произведений; притом это автопортрет не буквальный, а преобразованный, экспериментальный, являющийся продуктом транспозиции своего «я» на разные ситуации, разные эпохи и с заменой ряда черт на противоположные.

Самое раннее отношение к действительности у М. близко эстетству 90-х гг., но очень скоро над эстетич. критерием надстраивается этич. принцип. В центре этики М. стоит проблема взаимоотношения духовной культуры и социальной действительности, выражаемая противопоставлением двух групп понятий: дух, созерцание, творчество, болезнь — жизнь, действие, здоровье, счастье. Ранний М. под сильным воздействием идей Шопенгауэра (дух как аскетич. преодоление воли к жизни) и Ницше (дух как болезнь) понимает эти антитезы дуалистически: дух рассматривается как начало проблематическое, противоречивое, неполноценное, жизнеспособность отождествляется с антидуховностью, а в социальном плане — с агрессивной буржуазностью («Тристан», 1902) или в лучшем случае с бюргерской заурядностью («Тонно Крегер», 1903). Шопенгауэр привлекает М. как моралист, пессимизм к-рого для М. — трагическое, но внутренне освобождающее учение, и как истолкователь сущности музыки (музыка всегда остается для М. прообразом всякого искусства). В творчестве Вагнера М. находит выражение тех же колебаний между волей к смерти и волей к жизни.

Существенно, однако, что уже в этот период мы не находим у М. ни доктринерского отрицания «жизни», как у Шопенгауэра, ни взвешенно-эстетич. воспеваания антидуховности жизненного начала, как у Ницше. Сугубо критич. оценка как «жизни», так и «духа» в их разобщенности («Тристан») косвенно выражает потребность преодоления этой разобщенности, хотя такая потребность еще осмысливается как неосуществимое «томление» («Тонно Крегер», «Фьоренца»). От вечного, вневременного характера своих антитез М. переходит к явлению их в конкретных социальных условиях (бурж. действительность, как она противопоставляется искусству), хотя еще считает их непреодолимы-

ми. Перелом подготавливается в повести «Королевское высочество» (оптимистич. решение проблемы достоинства и счастья в противоположность шопенгауэровскому аскетизму), но осуществляется только после первой мировой войны (роман «Волшебная гора», 1924, эссе «Гёте и Толстой», 1923), выливаясь в требование единства противоположностей. С этого времени противопоставления «жизни» — «духу» и т. п. понимаются М. не как альтернатива для выбора, но как противоположности в их единстве, способном на равновесие. Это равновесие как условие победы гуманного начала и в творчестве, и в жизни — идеал М. во вторую половину его творч. пути. Олицетворение этого идеала М. видит в Гёте (роман «Лотта в Веймаре», 1939, ряд статей и выступлений — «Гёте как представитель бюргерской эпохи», «Гёте и демократия» и др.) как гуманисте, воплотившем в себе единство духовного и практич. начал. С этой концепцией Гёте связана и тетралогия «Иосиф и его братья» (1933—43), где шопенгауэровский идеал враждебной жизни чистоты и духовности снижается в откровенно иронич. мотивах бесплотного ангельского мира и ущербного бытия скопца Петерпе, а противоречия «достоинства» и «счастья», «чистоты» и «жизни» снимаются в гармонич. образе мудрого и деятельно-жизнеспособного Иосифа.

Этика М. теряет свой индивидуалистич. характер и обращается к широким социальным проблемам. Пройдя через период консерватизма и национализма («Размышления аполитичного», 1918), М. приходит к утопии справедливого общества, где реализуется искомое слияние духа и деятельности, к историч. оптимизму. К обществ. практике М. приводит и своего Иосифа («Иосиф-кормилец», 1943). С социально-этич. точки зрения пересматривается проблема «духа». Для позднего М. противоположны не дух и жизнь, а дух гуманный и антигуманный. В статье «Философия Ницше в свете нашего опыта» (1948) М. подвергает Ницше критике как раз за противопоставление духовного — жизненному и жизни — этике.

Испытав сильное влияние романтич. мировоззренч. стиля, М. критически переоценивает его. Как крайнюю степень его вульгаризации М. воспринимает «романтическое варварство» — фашизм («Слово немца. Воззвание к разуму», 1930, «Германия и немцы», 1947, и др.). Анализ мировоззренч. предпосылок фашизма посвящен роман «Доктор Фаустус» (1947).

М. интенсивно работает над проблемой взаимоотношения между рациональной и интуитивно-алогической, «олимпийской» и «хтонической» сферами человек. психики (мотив гармонии «сновидчества» и «рассудительности» в тетралогии «Иосиф и его братья»), выступая против иррационалистич. оценки интеллекта как разрушителя творческих потенций «души» (полемика против *Клагеса*). Особый интерес М. вызывает рациональное осмысление мифа (работа на материале мифа в романах «Иосиф и его братья» и «Избранник», мифологич. мотивы в других произведениях, изучение спец. работ по теории мифа — Кереньи, Юнга и др.). Интерес М. к фрейдизму обусловлен тем, что М. видит в нем средство аналитич. рационализации сферы подсознательного, в частности мифа («Место Фрейда в истории совр. культуры», «Фрейд и будущее»), «разоблачение неврозов», к-рое может быть мобилизовано против фашизма.

Пolemически заострены против иррационалистич. идеализации архаич. форм мировосприятия центр. понятия философии культуры позднего М. — понятия *иронии* и пародии. Они истолковываются чрезвычайно расширительно: сама культура определяется как пародия («Лотта в Веймаре»; ср. также «Замечания к роману „Избранник“», 1951). По мысли М., идея культуры неразрывно связана с идеей традиции, и в

этом смысле всякий акт культуры есть «повторение». Но принцип прогресса требует рефлексивного осмысления традиции: отсюда возникает ирония. Архаич. формы духовной культуры (напр., миф) суть для нас объект пиетета постольку, поскольку они служили в прошлом конструктивными орудиями интеллектуального и морального прогресса, но их «наивность», т. е. их несоответствие нашему рациональному, критич. сознанию, может быть предметом любованию только через иронию. Безответственное любование «наивностью» архаики, не дополненное иронией, есть «соблазн смерти». Позиция М. по отношению к мифу навлекла со стороны бурж. критики обвинения в «фальсификации мифа» и т. п.

В этич. ориентации своих творч. принципов М. опирался на традиции нем. классики, к-рой он в огромной степени обязан и своей философской культурой (влияние диалектики Гёте), и на опыт русской литературы (Толстой, Достоевский, позднее Чехов). С установкой М. на этич. принцип интеллектуальной честности связан эстетич. императив «скромности», т. е. художнич. интонации, противоположной всем видам взвинченной, демагогич. патетики.

Соч.: *Gesammelte Werke*, Bd 1—12. В., 1955; *Nachlese*, В.—Fr./M., 1956; *Th. Mann — K. Kerényi, Gespräch in Briefen*, Z., [1960]; в рус. пер. — *Собр. соч.*, т. 1—10, М., 1959—61.

Лит.: Адмони В. Г., Сильман Т. И., Т. Манн. Очерк творчества, JL., 1960; Mayer H., *Th. Mann. Werk und Entwicklung*, [В., 1950]; Lesser J., *Th. Mann in der Epoche seiner Vollendung*, Münch., [1952]; Thieler R., *Der Begriff der Zeit bei Th. Mann*, Baden-Baden, 1952; Nicholls R. A., *Nietzsche in the early work of Th. Mann*, Berk.—Los Ang., 1955; Alleman B., *Ironie und Dichtung*, Pfullingen, 1956; Thomas R. H., *Th. Mann: the mediation of art*, Oxf., 1956; Kaufmann F., *Th. Mann: the world as will and representation*, Boston, [1957]; Lukács G., *Th. Mann*, [5 Aufl.], В., 1957.

С. Аверинцев, Ал-др Михайлов. Москва.

МАННУРИ (Mannoury), Геррит (17 мая 1867—30 янв. 1956) — голл. математик, логик и философ. Сыграл большую роль в формировании амстердамской школы философии математики, виднейший представитель к-рой, Брауэр, был его учеником. С 1903 преподавал математич. логику и философию математики в Амстердамском ун-те. Один из основателей «Международ. общества сигнифики».

М. исходил из того, что в изучении оснований наук важнейшую роль играет анализ применения языка, или изучение речи. Он разработал особый психологическо-лингвистический т. н. сигнифич. метод анализа осн. понятий математики (и др. наук). Сигнификой М. называл науку о значении слов, предметом к-рой является не язык как таковой (как в обычной лингвистике), а речь как процесс общения людей с помощью языка, в к-ром психологич. сторона играет важнейшую роль. Сигнифич. метод М. состоит в попытке сведения осн. понятий науки к комбинациям нек-рых простейших психологич. фактов; при этом различие между психологич. явлениями и фактами внешнего мира сводится, по М., к выбору языка, на к-ром мы желаем выразить себя. Психологич. метод М., идеалистический по своей, близкой к *неопозитивизму*, филос. основе, в своей спец. части сыграл положит. роль в изучении прагматич. стороны языков (см. *Прагматика*) и способствовал развитию идей *семиотики* и *кибернетики*. М. выступал против *интуитивизма* Брауэра. Отстаивая взгляд, что философия и логика вытекают из языковых проблем, М. считал, что эти науки не могут вложить в наше знание ч.-л. такое, что не было бы обеспечено данными наук, основанных на наблюдениях, — физики, психологии, социологии. Задачей сигнифики в социологии М. считал изучение языкового общения людей и на этой основе получение знания об обществе и человек. отношениях.

Соч.: Over de beteekenis der wiskundige logica voor de philosophie, Rotterdam, 1903; Methodologisch und Philosophisches zur Elementar-Mathematik, Haarlem, 1909; Over de sociale betekenis van de wiskundige denkvorm, Groningen, [1917]; Woord in gedachte, Groningen, 1930; Les deux pôles de l'esprit..., [P., 1933]; Relativisme en dialectiek, Bussum, 1946; Les fondements psycho-linguistiques des mathématiques, Nchât., 1947; Handboek der analytische signifika, v. 1—2, Bussum, 1947—48; Signifika, Den Haag, 1949.

Лит.: Beth E. W., In memoriam G. Mannoury, «Euclides», Groningen, 1956—57, Jg 32, № 9; «Synthese», [1958], v. 10a; D a n t z i g D. van, G. Mannoury's significance for mathematics and its foundations, «Nieuw Arch. voor Wiskunde», 1957, ser. 3, v. 5.

МАНРО (Munro), Томас (р. 1897) — амер. эстетик, последователь эстетики натурализма. Проф., редактор «Journal of aesthetics and art criticism», президент Амер. об-ва эстетики (1942—44). Последователь Дьюи и Сантяны. В работах «Научный метод в эстетике» («Scientific method in aesthetics», 1928), «К превращению эстетики в науку» («Toward science in aesthetics», 1956, и др.) М. обосновывает натуралистич. эстетику. Критикуя философский подход к иск-ву, сводящийся, по М., к абстрактным рассуждениям о красоте, М. утверждает, что эстетика должна «ограничиваться только фактами» (см. указ. соч., N. Y., 1956, p. 135).

Обосновывая идею равноправия всех направлений в иск-ве и эстетике, М. считает, что натуралистич. эстетика должна вобрать в себя самые разнообразные концепции, как материалистич., так и идеалистич., и утверждает, что натурализм противоположен всем формам супернатурализма и трансцендентализма.

М. строит свой науч. метод на анализе эстетич. форм и психологии процесса восприятия, считая решающим критерием в оценке художеств. произведения его форму. Развитие иск-ва М. рассматривает как самостоят. замкнутый процесс, не связанный с развитием общества. Опираясь на социологию Спенсера, М. считает, что иск-ву присущи те же эволюц. тенденции, что и животному, растит. миру.

Проблемы эстетич. воспитания М. пытается решить вне социальных отношений («Художеств. воспитание. Его философия и психология» — «Art education. It's philosophy and psychology», 1956). Объективизм и аполитичность эстетики М. делают его взгляды чрезвычайно популярными в совр. бурж. эстетике.

Соч.: Primitive Negro sculpture, N. Y., [1926]; Great pictures of Europe, N. Y., [1930]; The arts and their interrelations, N. Y., 1949.

Лит.: Агафонова С. М., Социальная сущность эстетики Т. М., «Вопр. философии», 1963, № 12.

МАНСУРОВ, Николай Сергеевич (род. 7 апр. 1924) — сов. философ-психолог, д-р филос. наук (с 1963). Член КПСС с 1946. Окончил аспирантуру Ин-та философии АН СССР в 1951. Работает в области филос. проблем психологии и смежных наук.

Соч.: Против субъективизма в психологии, в кн.: Дialectик. материализм и совр. естествознание, М., 1957; Наука и религия о природе, М., 1958; Труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и проблема ощущений, «Вопр. психологии», 1959, № 3; В. И. Ленин об относительной противоположности материи и сознания, «Ж. невропатологии и психиатрии», 1959, т. 59, вып. 5; Наука и религия о психич. деятельности, М., 1960; Дарвинизм и нек-рые вопросы физиологии анализаторов, в кн.: Дарвинизм живет и развивается, М., 1960; Борьба материализма с идеализмом в медико-биол. науках второй половины XIX в., в кн.: Рус. ученые в борьбе против идеалистич. и метафизич. воззрений в естествознании, М., 1961; Совр. бурж. психология, М., 1962; Ощущение — субъективный образ объективного мира, М., 1963.

МАНХЕЙМ (Mannheim), Карл (27 марта 1893—9 янв. 1947) — нем. бурж. социолог. Профессор во Франкфурте (с 1930), в 1933 эмигрировал в Англию, доцент Лондонской школы экономики. В ранних работах М. о структуре познания заметно влияние гносеологии Риккерта и Гуссерля. Признавая плодотворность марксистской идеи о социальной природе и классовой определенности познания, М. истолковывал ее вульгаризаторски. Утверждая, будто марк-

сизм сводит социальное бытие к экономич. отношениям, М. отрицал определяющую роль последних. Для М. связь социального бытия и сознания является индетерминистской. Принцип классового деления общества, по М., является недостаточным; в обществе якобы существуют многообразные поля групповых социальных отношений, к-рые не имеют никакого классового содержания. Искажая марксистское учение об объективности и партийности, М. критиковал марксизм, не распространяющий положение о ложности классовых идеологий на самого себя.

М. резко критиковал предшествующую и совр., в особенности неокантианскую, гносеологию за антиисторич. схематизм, за анализ мышления как абстрактной и абс. сферы познания, утверждая, что обществ. позиция является определяющей по отношению к т. н. «абсолютным ценностям». Осн. задачу социологии познания М. видел в том, чтобы исследовать форму, связи в определ. историч. период духовных элементов с социальными и политич. силами (см. «Wissenschaftssoziologie», в кн.: Handwörterbuch der Soziologie, hrsg. von A. Vierkandt, Stuttg., 1931, S. 659—80).

В работе «Значение конкуренции в области духовного» («Die Bedeutung der Konkurrenz im Gebiete des Geistigen», в сб.: Verhandlungen des 6. Deutschen Soziologentages, 1929) М. разграничивал два типа мышления: социально обусловленный («историч. познание», познание обществ. явлений) и абстрактный, «нейтральный» (естественно-науч. познание). По отношению к последнему М. принимал «позитивистский критерий истины, санкционированный естествознанием». Это было «исключение» из принципа социальной обусловленности познания, к-рое сделал М., стремясь избежать релятивизма. М. признавал, что в «историч. познании» есть истины, независимые от влияния общества и историч. периода.

Т. о., по М., только идеологии, к-рые он отождествлял с ложным познанием, являются социально, классово обусловленными. В сущности, М. приходит к выводу, что субъект тем ближе к истине, чем решительнее он освобождается от обществ. зависимости. Классовое искажение познания в условиях капиталистич. общества М. выдавал за извечное качество познания. Утверждая, будто субъект истинного познания независим от общества, М. приходит к выводу, противоречащему принятым им посылкам.

М. придерживался реакц. утопии, будто кризис бурж. мышления сможет преодолеть «сверх-классовая» интеллигенция, способная якобы осуществить «спитез идеологий» и «селекцию категорий», приемлемую для всех классов и партий. Формирование новой духовной элиты М. считал основой научной политики (см. «Ideologie und Utopie», 1929, 2 Aufl., 1930).

Пытаясь применить выработанные им общие социол. принципы и методы к анализу совр. бурж. общества, М. в работе «Человек и общество в эпоху реконструкции» («Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus», 1935) сводит причины классовых конфликтов к «диспропорциональности в развитии человеческих способностей», к-рая свидетельствует о существовании в обществе «иррациональных» элементов, противостоящих элементам «рациональным» (развитию техники, организации и т. д.). По М., коллизии капиталистич. действительности преодолимы только на пути развития бурж. демократии («фундаментальной демократизации»). Панегерики бурж. демократии не мешали М. развивать элитарную концепцию.

Теория М. оказала большое влияние на совр. бурж. социологию. См. *Социология познания*.

Соч.: Beiträge zur Theorie der Weltanschauungsinterpretation, W., 1923; Historismus, «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», 1924, Bd 52, H. 1; Das Problem einer Soziologie des Wissens, там же, 1925, Bd 53, H. 3; Ideologische und soziologische Interpretation der geistigen Gebilde,

в кн.: *Jahrbuch für Soziologie*, Bd 2, Karlsruhe, 1926; *Das konservative Denken*, «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», 1927, Bd 57, H. 1—2; *Über das Wesen und die Bedeutung des wirtschaftlichen Erfolgsstrebens*, там же, 1930, Bd 63, H. 3; *Die Gegenwartsaufgaben der Soziologie*, Tübingen, 1932; *German Sociology* (1918—1933), «Politica», 1934, Feb., № 1; *Diagnosis of our time*, 2 ed., N. Y., 1944; *Freedom, power and democratic planning*, N. Y., 1951; *Essays on the sociology of knowledge*, L., [1952]; *Essays on sociology and social psychology*, L., [1953]; *Systematic sociology*, L., 1959.

Лит.: Шаффа А., «Социология знания» М. и проблема объективной истины, «Вопр. философии», 1956, № 4; Lieber H. J., Sein und Erkennen. Zur philosophischen Problematik der Wissenssoziologie bei K. Mannheim, «Z. philos. Forschung», 1949, Bd 3, H. 2. Н. Мотрошилова. Москва.

МАНЬКОВСКИЙ, Борис Степанович (р. 5 февр. 1904) — сов. философ, профессор (с 1938), д-р юридич. наук (с 1939), старший науч. сотрудник Ин-та философии АН СССР (с 1957). Член КПСС с 1932. Преподавательскую и н.-н. работу ведет с 1927. Разрабатывает проблемы социалистич. гос-ва и права.

Соч.: Социалистич. идеология и ее роль в создании и развитии коммунистич. формации (совм. с М. Х. Игитханяном), в кн.: *О закономерностях возникновения и развития социалистич. общества*, М., 1960; *Сов. право и формирование коммунистич. сознательности трудящихся*, в кн.: *Вопросы марксистско-ленинской этики*, М., 1960; *О повышении роли обществ. организаций в строительстве коммунизма*, в кн.: *От социалистич. государственности к коммунистич. обществу. самоуправлению*, М., 1961; *Критика ревизионистских теорий по вопросам социалистич. демократии*, в сб. ст.: *Демократия и коммунизм*, М., 1962; *Соотношение принуждения и убеждения в период строительства коммунизма и сов. общественность*, в сб. ст.: *Государство и коммунизм*, М., 1962.

МАНЬКОВСКИЙ, Лев Александрович [р. 10(23) мая 1900] — сов. философ, проф. (1933). Член КПСС с 1919. Окончил филос. отделение ИКП (1930). Проф. кафедры диалектик. и историч. материализма Моск. педагогич. ин-та им. В. И. Ленина (с 1956). Науч. интересы М. сосредоточены гл. обр. на разработке диалектик. логики, особенно логики «Капитала» Маркса.

Соч.: *Марксизм Георга Лукача*, в сб.: *Против новейшей критики марксизма*, М., 1929; *Спиноза и материализм*, М.—Л., 1930; *К вопросу о филос. истоках меньшевистского идеализма*, «Под знаменем марксизма», 1931, № 6; *Общая форма суждения в классич. логике*, в сб.: *Уч. зап. Тамб. пед. ин-та*, вып. 2, 1947; *Категории «вещи» и «отношение» в «Капитале» К. Маркса*, «Вопр. философии», 1956, № 6; *Категория формы и ее аспекты*, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1958, № 3; В. И. Ленин о диалектике, логике и теории познания, М., 1959; *Логич. категории в «Капитале» К. Маркса*, в кн.: *Диалектик. логика в экономич. науке* (Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та), М., 1962.

МАО ЦЗЭ-ДУН (р. 26 дек. 1893) — председатель ЦК Коммунистической партии Китая (с 1943). Родился в деревне Шаошань (пров. Хунань). В 1913—18 учился в педагогич. училище в г. Чанша. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции

познакомился с идеями марксизма-ленинизма. В 1920 организовал в Чанша кружок по изучению марксизма и Социалистический союз молодежи. Был делегатом I съезда КПК (1921). После съезда работал секретарем Хунаньского комитета КПК. На III съезде КПК (1923) избран членом ЦК КПК. В 1924—27 участвовал в организации крестьянского движения: с 1926 — председатель комиссии ЦК КПК по крестьянскому движению, председатель Всекитайского крестьянского союза. В 1926 в работе «О классах китайского общества» и в 1927 в «Докладе об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» дал характеристику классовой структуры Китая, проанализировал соотношение классовых сил в китайской буржуазно-демократической революции. В этой работе говорится о революционной роли китайского крестьянства.

В произведениях 1928—30 («Почему в Китае может существовать Красная власть?», «Борьба в Цзинганшане», «Об искоренении ошибочных взглядов в партии» и др.) М. Ц.-д. обосновывал необходимость перенесения центра тяжести партийной работы из городов в сельские районы. В 1930 назначен главным политическим комиссаром Красной армии Китая. В 1931 на 1-м Всекитайском съезде рабочих и крестьянских депутатов в Жуйцзине (пров. Цзянси) избран председателем Центр. исполнительного комитета рабоче-крестьянской республики. В 1933 избран членом Политбюро КПК. В 1934—36 участвовал в походе Красной армии Китая из провинции Цзянси на Северо-Запад. В январе 1935 возглавил новое руководство партии.

В работах «О тактике борьбы против японского империализма» (1935), «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (1936) и др. выступал за создание единого антияпонского национального фронта, рассматривал особенности революционной войны в Китае, тактику борьбы с японским империализмом.

В 1937 написал философские работы «Относительно практики» и «Относительно противоречия», в к-рых изложил ряд основных положений марксистской философии: о роли практики в процессе познания, о ступенях познания, о единстве материализма и диалектики, о соотношении общего и специфического, о главном и неглавном противоречии, тождестве и борьбе противоположностей, о месте антагонизма в ряду противоречий и др.

В статьях «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» (1939), «О новой демократии» (1940) рассматриваются вопросы об особенностях исторического развития Китая, о задачах, движущих силах, характере и перспективах китайской революции, о роли Коммунистической партии в китайской революции, о политическом строе и экономике новой демократии, об особенностях культурной революции в Китае.

В начале 40-х гг. в КПК развернулось «Движение за упорядочение партийного стиля». В работах «Перестроим нашу учебу» (1941), «За правильный стиль в работе партии» (1942), «Против шаблонных схем в партии» (1942) М. Ц.-д. говорил о том, как надо применять марксистско-ленинскую теорию в практике революционной борьбы.

В этот период М. Ц.-д. отмечал опасность мелкобуржуазного давления в КПК, что нашло отражение в «Решении по некоторым вопросам истории нашей партии» VII пленума ЦК КПК (1945). В нем отмечается, что выходы из мелкой буржуазии составляют в КПК огромное большинство. «Поэтому мелкобуржуазная идеология всех оттенков часто находит отражение в нашей партии». В решении подчеркивается, что если против мелкобуржуазной идеологии не вести решительной борьбы, «...то не только окажется невозможным преодолеть эту мелкобуржуазную идеологию, но, больше того, мелкобуржуазные элементы, несомненно, попытаются изменить облик партии... по своему образу и подобию и захватить ее в свои руки, что принесет ущерб делу партии и народа» (см. Мао Цзэ-дун, *Избр. произв.*, т. 4, 1953, с. 386—89).

Победа антифашистских сил и прежде всего СССР над гитлеровской Германией и империалистической Японией во 2-й мировой войне создала благоприятные условия для развертывания освободительной борьбы в Китае. Народно-освободительная армия Китая под руководством КПК разгромила гоминьдановскую армию. Китайский народ освободился от гнета империализма. 1 октября 1949 была провозглашена Китайская Народная Республика и создано правительство во главе с М. Ц.-д.; в 1954—59 М. Ц.-д. — Председатель КНР.

В работе «О демократической диктатуре народа» (1949) М. Ц.-д. подчеркнул, что «орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм», Октябрьская социалистическая революция помогла китайскому народу сделать единственно правильный вывод: «Идти по пути русских». На этом пути и была достигнута историческая победа революции в Китае. На смену буржуазно-помещичьей власти пришла новая, народно-демократич. власть. Китайский народ вступил на путь строительства социализма.

В речи на VIII съезде КПК (1956) М. Ц.-д. заявил, что победы китайского народа «...были одержаны благодаря поддержке возглавляемого Советским Союзом лагеря мира, демократии и социализма и глубоко сочувствию со стороны миролюбивых народов всего мира». М. Ц.-д. отметил также необходимость преодоления имеющихся серьезных недостатков в партии: «...в идеологии — субъективизма, в работе — бюрократизма и в организационном отношении — сектантства».

В 1957 была опубликована работа М. Ц.-д. «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», в которой рассматриваются вопросы о противоречиях внутри народа и о противоречиях между китайским народом и врагами социалистической революции, об искоренении контрреволюционеров, о кооперировании сельского хозяйства, о промышленных и торговцах, об интеллигенции, о национальных меньшинствах, о путях индустриализации Китая и др.

Работы М. Ц.-д. переведены на русский и другие языки.

С о ч.: Мао Цзе-дун сюань цзи (Избр. произв.), т. 1—4. Пекин, 1951—53; Мао Чжуси цзай Суляньди янь лунь (Речи и выступления во время пребывания в СССР), Пекин, 1957; в рус. пер.— Избр. произв., т. 1—4, М., 1952—53; Речь на открытии VIII Всекит. съезда коммунистич. партии Китая, М., 1956; Вопросы кооперирования в с. х-ве, М., 1955; Предисловие и замечания к сб. статей: Социалистич. подъем в кит. деревне, М., 1956; Речь на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957, в сб.: Юбилейная сессия Верховного Совета СССР..., [М.], 1957; Кит. революция и коммунистич. партия Китая; О новой демократии. О демократич. диктатуре народа, М., 1960.

МАРАНЬОН-И-ПОСАДИЛЬО (Marañón y Posadillo), Грегорио (1887—1960) — исп. врач, историк и философ-идеалист; идеолог либеральной буржуазии, в последние годы жизни стоявший в оппозиции к франкистскому режиму. Филос. взгляды М. близки к взглядам *Ортега-и-Гасета*, но отличаются религ. направленностью. М. утверждал, что материальное существование подчинено энергии и воле человека (см. «Корень и достоинство Испании» — «Raíz y decoro de España», В. Aires—Mex., 1952, р. 93). Дух имеет божествен. происхождение, а истину следует искать внутри человека. Познание, по М., это диалог с Космосом и Богом (см. «Vocación y ética u otros ensayos», Md., 1961, р. 131). Истинная история—это история «прогресса человеческого духа», причем прогресс невозможен без свободы и высокой нравственности (см. «Raíz y decoro de España», р. 123, 19).

С о ч.: Efemérides y comentarios (1952—1954), Md., 1955. Лит.: Gu y A., Les philosophes espagnols d'hier et d'aujourd'hui, ft. 1—2, Toulouse, 1956. Д. Претель. Москва.

МАРАТ (Marat), Жан Поль (24 мая 1743—13 июля 1793) — деятель франц. бурж. революции конца 18 в., один из вождей якобинцев; мыслитель, занимавшийся медицинской, физической, философией, правом. Род. в швейц. г. Будри. В 1760 уехал за границу. С 1765 жил в Англии, а в 1776 поселился во Франции. С начала революции М. целиком отдался политич. борьбе, издавал газ. «Ami du peuple» («Друг народа»). М. требовал углубления и развития революции в интересах нар. масс, разоблачал замыслы ее врагов, за что подвергался преследованиям и до падения монархии 10 авг. 1792 вынужден был порой скрываться в подполье. Был депутатом Конвента. М.—

один из гл. вдохновителей революц. выступления масс 31 мая—2 июня 1793, к-рое привело к падению жирондистов и к установлению якобинской диктатуры. Был убит жирондисткой Шарлоттой Корде.

В области естествознания М. выступал как сторонник опытной науки, нек-рые его работы по физике и медицине были удостоены премий Руанской и Дижонской академий. М. стремился поставить на науч. основу применение электричества в физике; оспаривал учение Ньютона о цветах.

Филос. взгляды М., сложившиеся под влиянием картезианства и франц. просветит. философии 18 в., были непоследовательны. Как ученый-естествоиспытатель М. стихийно стоял на материалистич. позициях. В то же время он враждебно относился к материализму как филос. учению. Полемизируя с Гельвецием («Филос. опыт о человеке» — «A philosophical essay on man», 1773, франц. пер.: «De l'homme, ou des principes et des loix de l'influence de l'âme sur le corps, et du corps sur l'âme», 1775), М. считал, что человек состоит из двух различных субстанций—тела и души; душа оживляет тело; ее местопребывание— мозговая оболочка. Взаимодействие души и тела — несомненный факт, но его невозможно объяснить, т. к. человек не знает сущности вещей. Эти идеи М. встретили критику со стороны Дидро («Элементы физиологии», Собр. соч., т. 2, 1735, гл. «Душа») и Вольтера (в рец. на книгу М. «De l'homme», см. Oeuvres complètes, nouv. éd., v. 30, P., 1880, р. 382—87). Непоследователен М. и в отношении к религии: он разоблачал ее как опору деспотизма («Цепи рабства» — «The chains of slavery», 1774, франц. пер.: «Les chaînes de l'esclavage», 1793; гл. «О суеверии», «Двойственный союз между государями и духовенством», в кн.: Избр. произв., т. 1, М., 1956, с. 137—143), но считал необходимым сохранить в виде гражд. религии. Пропаганду атеизма М. предлагал запретить («План уголовного законодательства», М., 1951, с. 118—19, — «Plan de l'église criminelle», 1780, гл. «Об атеизме, ересях и расколе»).

Испытав сильное влияние *Монтескьё* и *Руссо*, М. продолжил разработку теоретич. основ бурж. революции. Считая, что гос-во возникло в результате насилия, М. обосновывал право народов на восстание против деспотизма и разработал тактику вооруж. восстания (см. «Цепи рабства», гл. «Напрасные усилия народа», в кн.: Избр. произв., т. 1, с. 143—55). М. выдвигал идею революц. диктатуры. Близко подходил М. к идее классовой борьбы, рассматривая историю как постоянную борьбу между богатыми и бедными; существующее законодательство М. критиковал за то, что оно служит интересам богатых (см. там же, гл. «Об обязанности подчиняться законам», с. 35—44).

Политич. идеи и революц. деятельность М. получили высокую оценку со стороны деятелей революц. и демократич. движения Франции (*Бланки*), Англии (О'Брайен, Гарни), Германии (Эвербек), России (Велинский) и др. стран. Реакц. и консервативные идеологи неоднократно пытались очернить М. (см., напр., S. L. Phipps, J. P. Marat..., 1924 и J. Castelleau, Marat, 1939). Значение деятельности М. признается также и в более серьезных и объективных работах Готшалка (L. R. Gottschalk, J. P. Marat, l'ami du peuple, 1929) и Вальтера (G. Walter, Marat, 1933).

Маркс, Энгельс и Ленин дали деятельности М. высокую оценку. Энгельс писал, что «... все яростные вопли и вся фальсификация истории, в силу которой

в течение почти столетия был известен лишь совершенно искаженный облик Марата, объясняются только тем, что он безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачая в их лице уже законченных изменников революции, и тем еще, что ... он не считал революцию завершенной, а хотел, чтобы она была признана непрерывной» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 20).

Соч.: Oeuvres... recueillies et annotées par A. Vermorel, P., 1869; La correspondance, recueillie et annotée par Ch. Vellay, P., 1908; Pamphlets, M.—J., 1934.

Лит.: Маркс К., Борьба якобинцев с жирондистами, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 3, М.—Л., 1929; Геритье, Политич. и социальные идеи М., СПб., 1906; Кунов Г., Борьба классов и партий в Великой Франц. революции 1789—94 гг., 3 изд., М.—П., 1923, гл. 10; Степанов И., Ж.-П. М. и его борьба с контрреволюцией. 1743—1793 гг., 6 изд., М., 1924; Томилин С. А., Ж.-П. М. как врач и естествоиспытатель, X., 1929; Тарле Е., Ж. П. Марат, друг народа, «Большевистская печать», 1936, № 12; Ольшевский Д., Марат, М., 1938; Манфред А. З., Ж. П. М. и его произведения, в кн.: Марат Ж. П., Избр. произв., т. 1, М., 1956, с. 7—69; Герцекзон А. А., Уголовно-правовая теория Ж. П. М., М., 1956; Волгин В. П., Развитие обществ. мысли во Франции в XVIII в., М., 1958, с. 256—72; его же, Социальные и политич. взгляды М., в сб.: Из истории рабочего класса и революц. движения, М., 1958, с. 559—73; Деборин А. М., Социально-политич. учения нового и новейшего времени, т. 1, М., 1958; Фридрих Ц., Ж.-П. М. и гражданская война XVIII в., 2 изд., М., 1959; Манфред А. З., Марат, М., 1962; Bourgeois A., Marat, l'amî du peuple, t. 1—2, P., 1865; Chevremont Fr., J. P. Marat, t. 1—2, P., 1880; Cabanis A., Marat inconnu, P., 1891; Вах Е. В., J.-P. Marat, the people's friend, Boston—L., 1901; Compton P., Marat, L., 1935.

МАРБУРГ (Mahrburg), Адам (6 авг. 1855—20 ноября 1913) — польский философ-позитивист, педагог. В 1890 читал лекции по философии в «подпольном университете» в Варшаве, а с 1905 — в «Обществе научных курсов». В общем для всех позитивистов стремлении к построению «научной» философии, т. е. философии, к-рая не выходила бы за пределы опыта, М. сводил ее к теории и критике познания. Гносеология М.—релятивист. эмпиризм: науч. положения лишь вероятны и зависят от данного познават. этапа.

Соч.: Pisma filozoficzne, pod red. Wl. Spasowskiego, t. 1—2, Warsz., 1914; Teoria celowości ze stanowiska naukowego, Kr., 1888; Monizm współczesny i echa jego u nas, Warsz., 1890; Psychologia współczesna i stanowisko jej w systemie wiedzy, Kr.—Warsz.—Petersburg, 1891; Co to jest nauka?, Warsz., 1907; Filozofia współczesna, «Ogniwo», 1903, rok. 1, № 6, 8, 9, 11—13; W sprawie naukowości metafizyki, там же, № 31—37, 39.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 312; Spasowski S. t., A. Mahrburg i jego poglądy na filozofię, Warsz., 1913; Lubnicki N., Poglądy filozoficzne A. Mahrburga, «Studia Filozoficzne», 1958, № 1(4)—2(5). Н. Лубницкий. ПНР.

МАРБУРГСКАЯ ШКОЛА — одно из осн. направлений неокантианства конца 19—нач. 20 вв. Гл. представители — проф. Марбургского ун-та Коген и Натторп. К. М. ш. принадлежали также А. Штадлер, К. Ласвиц, Кассирер и др. М. ш. объявила о необходимости привести философию Канта в соответствие с совр. естествознанием и очистить ее от «дуализма», создаваемого учением «о вещи в себе» как объекте, аффицирующем человек. чувственность. Преодоление противоречия между этой стороной учения Канта и его трансцендентальным методом М. ш. видела в отказе от первой и в превращении второго в единств. содержание философии. Центр. проблемой кантовской философии М. ш. считала вопрос «как возможна наука?». Согласно воззрениям М. ш., объективный мир дан человеку не сам по себе, но в имманентных расцудку формах науч. знания, к-рые только и делают объект предметом познания, «творят» его. Иными словами, представители М. ш. считали, что единств. содержанием человек. знаний о мире являются логич. формы, т. е. метод науч. познания. Соответственно, т. зр. М. ш. характеризуется в неокантианстве как логистически-рационалистическая, «методологическая» или «эпистемологическая». Ее отличает резкий

антипсихологизм. Кантовская «вещь в себе» устранена М. ш. именно как источник «психологизма». М. ш. отказалась рассматривать ощущения как форму, а тем более как источник познания. Ощущение есть лишь «знак вопроса» (Fragenzeichen). Ответы дает чистая мысль. Функциями последней являются не только логич. формы, но также пространство и время, к-рые Кант рассматривал как априорные формы чувственности, а представители М. ш. — как логич. отношения. Но и чистая мысль рассматривается М. ш. не как духовная деятельность субъекта, а как логика науки. Вообще проблема отношения субъекта и объекта—основной вопрос философии третируется представителями М. ш. как «метафизика». Логич. система науки имеет самодовлеющее значение как единств. реальность, «объективирующая» предмет. Поскольку наука бесконечно развивается, постольку ее предмет всегда находится в становлении, т. е. в форме некоей «заданности», нек-рого «х». «Полагание» этого «х» в категориальную, логич. форме, т. е. как чистой мысли, есть, по М. ш., начало процесса становления, т. я. принцип первоначала (Princip des Ursprungs). Однако логика развития идеи как основоположения» зависит от того, какая наука имеется в виду, т. к. предмет науки определяется ее методом в соответствии с идеалистически толкуемым принципом тождества мышления и бытия. Поэтому предмет математики — бесконечно малое, предмет описат. естествознания — понятие целостности, основополагающей категорией для к-рого является цель. Из последней категории марбуржцы выводят «вещь в себе» в своем понимании. Если в математике «х» как бесконечно малое входит в науку в качестве ее предмета, то в биологии цель, являясь основоположением, остается вне пределов самой науки, являясь «пределным понятием» (Grenzbegriff) и в этом смысле «вещью в себе». Т. о., М. ш. берет из Канта как раз идеалистич. толкование «вещи в себе».

Логич. основоположения обществ. наук М. ш. отыскивала тем же методом, что и естественных. В отличие от *баденской школы*, к-рая рассматривает «вещь в себе» как идеал, как абсолютную, вне логики находящуюся «ценность» — достойное субъекта, М. ш. включает «вещь в себе» в трансцендентальную логику. Понятие цели, выходящее за пределы опыта как математич., так и описат. естествознания, не может быть предметом категориального синтеза в пределах этих наук. Оно оказывается понятием, относящимся к области «морального опыта», и соответственной логикой является «логика долженствования», а «образцовой наукой» в отношении обществ. явлений служит юриспруденция. Осн. нравств. закон, категорич. императив, как осн. идея этой науки, вытекающая из основоположения этики, кладется Когеном в основу социального учения «этического социализма». В этом учении, в противоположение марксизму, социализм рассматривается как чисто нравственная программа нового времени и всего будущего мировой истории. Марбуржцы нередко говорили о совпадении своей идеи этич. социализма с историч. материализмом Маркса. Типичным представителем этой линии в социальных науках был Р. Штаммлер. Объективно же этич. идеализм М. ш. имеет своей целью подрвать марксизм путем сведения социализма к кантовской этике. Эта тенденция марбургского неокантианства была подхвачена как неокантианцами, примыкавшими к социал-демократич. движению (Штаудингер, К. Форлендер), так и ревизионистами 2-го Интернационала Э. Берштейном, К. Шмидтом, М. Адлером и др. М. ш. оказала очень большое влияние на развитие совр. бурж. философии. Прямыми последователями М. ш. в новейшей нем. философии являются А. Либерт (впоследствии перешедший к неогегельянству), А.

Герланд, Р. Кинтермейер, Г. Ноак и др., к-рые открыто выступают против марксизма.

Лит.: Аксельрод Л. (Ортодокс), Филос. очерки, СПб, 1906; Савалеский В. А., Основы филос. права в науч. идеализме, т. 1, М., 1909; Трубецкой Е. Н., Метафизич. предположения познания, М., 1917; Ситковский А., Неокантианство, в кн.: Из истории философии XIX в., [М.], 1933; Фортлендер К., Кант и Маркс, пер. с нем., СПб, 1909; Наттори П., Социальная педагогика, пер. с нем., СПб, 1911; его же, Кант и М. ш., «Новые идеи в философии», 1913, № 5; Бакрадзе К. С., Очерки по истории новейшей и совр. бурж. философии, Тб., 1960, с. 240—300; Vogländer K., J. Kant und sein Einfluß auf das deutsche Denken, Bielefeld — Lpz., 1924; Lehmann G., Geschichte der nachkantischen Philosophie, В., 1931. В. Григорьян. Москва.

МАРЕШАЛЬ (Maréchal), Пьер Сильвен (15 авг. 1750—18 янв. 1803) — франц. философ, публицист и политич. деятель, теоретик революц. бабувизма (см. *Бабёф*). До 1789 работал библиотекарем. М. испытал глубокое

влияние дореволюц. франц. просвещения и проникся оппозиционными по отношению к монархии и церкви настроениями. В духе руссоизма он выступил против социального неравенства, деспотизма, отстаивая идеи бурж. демократии. В работе «Книга для всех возрастов, или Современный Пибрак» («Le livre de tous les âges, ou le Pibrac moderne», 1779) М. бичевал феод. строй, возмущался тем, что богатство и власть находятся в руках тех,

кто непричастен к общественно полезному труду. Здесь же М. развивал мысль о том, что король должен быть «рабом национального кодекса». В работе «Отрывок из нравственной поэмы о боге» («Fragment d'un poëme morale sur Dieu», 1781) М. отстаивал республиканские идеи, право народа на революцию. В анонимно изданной «Книге, уцелевшей от потопа» («Le livre échappé au deluge», 1784) М. писал, что все сыны матери-природы рождены равными и свободными и могут обойтись не только без злых, но и без добрых королей. В отличие от мн. дореволюц. просветителей, М. нападал не только на королевский двор и аристократов, но и бичевал крупную буржуазию, «бесстыдных богачей», «аристократов без фамильных гербов», поклонников «золотого тельца». Еще до революции М., говоря о равенстве, не желал свести его лишь к юридич. равенству перед законом, он мечтал об имуществ. равенстве людей. Эти мысли получили свое отчетливое выражение в работе «Первые уроки старшему сыну короля, преподаваемые кандидатом в депутаты будущих Генеральных штатов» («Premières leçons du fils aîné d'un roi par un Député presomptif aux futurs Etats généraux», 1789). В отличие от позднейших работ, в этом произведении М. мыслил установление равенства не путем уничтожения частной собственности, а посредством равномерного наделения всех людей частной собственностью. Разделяя социально-политич. взгляды Руссо, М. не принимал, однако, его идеализма и *деизма* и был сторонником материалистич. философии и воинствующего атеизма Дидро и его единомышленников.

М. восторженно приветствовал франц. бурж. революцию и стал ее активным участником. Многочисл. статьи М. в газ. «Révolutions de Paris» содействовали росту классового самосознания наиболее угнетенных масс. С нач. 1791 М. открыто защищал необходимость новой революции, к-рая была бы в состоянии на деле осуществить принципы свободы и равенства. По своим социально-политич. взглядам он был близок к группе

«бешеных» и полностью симпатизировал политике Парижской Коммуны, с руководителями к-рой Шометтом и Эбером был в дружеских отношениях. Как якобинец, он активно боролся против жирондистов. В 1793 М. анонимно издал работу «Поправки к революции» («Correctif à la révolution»), в к-рой подверг критике с левых позиций бурж. характер якобинской диктатуры. «Пока будут существовать господа и слуги,—заклучал М.,—бедные и богатые... не может быть свободы, не может быть равенства! Нет, революция шучуть не совершена» (указ. соч., Р., 1793, р. 307). В ходе борьбы М. пришел к убеждению, что коренная перестройка обществ. жизни может быть осуществлена только на основе ликвидации частной собственности.

В годы революции М. установил связи с Бабёфом. Вскоре после контрреволюц. термидорианского переворота (27 июля 1794) М. вошел в организованный Бабёфом тайный союз. По поручению этой организации М. написал знаменитый «Манифест равных» — один из осн. теоретич. документов бабувизма, где изложил принципы утопич.-коммунистич. организации общества на основе мелкобурж. уравнительности.

После разгрома бабувистского движения М. отошел от практич. политич. борьбы и посвятил себя лит. деятельности, направленной против идеализма и религии. В 1797 М., дополнив «Fragment...», издал его под назв. «Французский Лукреций» («Le Lucrèce français», отрывки в рус. пер.: «Стихи против бога», в кн.: Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой франц. революции, ч. 1, 1933). Эта работа — осн. филос.-атеистич. труд М. Здесь он дал материалистич. критику идеализма и религии: «Раз природа существует, — она возникает из самой себя. Ее формы могут меняться, но она вечна. Если, черпая все из самого себя, мир не имеет творца, он сам является собственным двигателем» (Избр. атеистич. произв., М., 1958, с. 53). В духе спинозизма М. утверждал, что если и можно говорить о боге, то лишь полностью отождествляя его с природой. М. дал яркую критику социальной функции *спиритуализма* и религии как идейных средств порабощения народа.

М. близко подошел к идее, к-рая стала позже основной для атеизма *Фейербаха*: поклоняясь богу, люди поклоняются своей собств. сущности, оторванной от них и обоготворенной. Согласно М., люди являются жертвами не только обмана, но и самообмана. Продолжая традиции плебейско-демократич. атеизма *Мелье*, М., подобно автору «Завещания», связывал упразднение религии с утопич. коммунизмом. М. критиковал христианство и, в частности, миф о Христе. Он соглашался с теми учениями, к-рые «...упорно не желают видеть в личности Иисуса ничего, кроме исторического маекена, облаченного в заимствованные лоскутья» (там же, с. 298).

Пезадолго до смерти М. издал произведение «Словарь древних и новых атеистов» («Dictionnaire des athées, anciens et modernes», 1800), «Путешествие Пифагора...» («Voyages de Pythagore...», t. 1—6, 1799, рус. пер., ч. 1—6, 1804—10), «За и против Библии» («Pour et contre la Bible», 1801). В первом из этих соч. М. пронагадировал не только атеистич. взгляды, но и коммунистич. идеалы.

Лит.: Момджян Х. Н., С. Марешаль, «Изв. АН Арм. ССР. Обществ. науки», 1944, № 1—2; Оксман Ю. Г., Из истории агитационно-пропагандистской лит-ры двадцатых годов XIX в., в кн.: Очерки из истории движения декабристов, М., 1934; Ланда С. С., У истоков «Оды к юности», в сб.: Лит-ра славянских народов, вып. 1, М., 1956; Кучеренко Г. С., Социально-политич. взгляды С. М., в сб. ст.: История социалистич. учений, М., 1962; Момджян Х. Н., S. Maréchal, P., [1950] (имеется библиогр. работ М.).

Х. Момджян. Москва.

МАРИАНА (Mariana), Хуан де (1536—16 февр. 1623) — исп. историк, политич. писатель и теолог. Преподавал теологию в Риме, Палермо, Париже,

где получил степень д-ра богословия. Во «Всеобщей истории Испании» [«Historiae de rebus Hispaniae. Libri XXV», по-латыни в 1592 г., в расширенном виде (Libri XXX), в 1605; авторский пер. на исп. яз. — «Historia general de España», 1601] подверг резкой критике политику исп. монархов. Трактат «О короле и институте королевской власти» («De rege et regis institutione», 1599) содержал изложение социол. воззрений М. Трактат «Об обесценении монет» («De monetae mutatione», опубли. в сб.: *Septem tractatus Joannae Marianaе*, 1609), направленный против экономич. политики исп. абсолютизма, навлек на М. преследования инквизиции. При аресте у М. была найдена рукопись его трактата «О болезнях ордена» («De las enfermedades de la Compañía de Jesus», опубликован посмертно, в 1625), в к-ром подвергались критике некие пороки иезуитского ордена.

Наибольший интерес представляют воззрения М. на происхождение общества и на формы гос-ва. По мысли М., в древние времена люди жили подобно зверям. Во то время все принадлежало всем; лишь позднее «преступная алчность» породила частную собственность, и мирная жизнь сменилась войной всех против всех (*bellum omnium contra omnes*), в к-рой сильные стремились подчинить себе слабых. Слабые обратились за покровительством к более сильным и справедливым, так родилось общество и гос-во. Гос-во, по М., имеет двойную цель: защиту жизни подданных от внутр. и внешних врагов; воспитание и развитие в подданных социальных добродетелей — взаимопонимания, порядка, мира и гуманности. Воспроизводя схему Аристотеля, М. указывал на три «правильных» формы гос. управления и три «извращенных» формы. К «правильным» он отнесил «монархию» (см. «*Del Roy y de la institucion real*», в кн.: «*Biblioteca de autores españoles*», т. 21, Мд., 1854, р. 477); «аристократию» и «республику» (см. там же). «Извращенные» формы гос. власти соответственно: «тирания», «олигархия» и «демократия». Наихудшей формой М. объявлял «тиранию». Наиболее предпочтительной формой гос-ва М. считал «монархию», при к-рой государь обязан подчиняться осн. законам гос-ва, являющимся областью «народного суверенитета», т. е. установленным собранием представителей сословий и священным нар. обычаями. Король обязан заботиться о нар. благе, следить за тем, чтобы собственность не сосредоточивалась в руках немногих, образуя на др. полюсе нищету, бороться против ростовщичества и мошенничества, заставлять всех способных к труду обрабатывать землю. Монарх, нарушивший осн. законы гос-ва, превращается в «тирана» и может быть наказан любым способом, вплоть до казни. М. считал необходимым четкое разделение сфер управления — светской и духовной властей.

В условиях господства реакц. абсолютизма в Испании политич. теория М. играла прогрессивную роль и была связана с гуманистич. критикой абсолютизма. В 19—20 вв. католич. церковь, замалчивая наиболее прогрессивные стороны учения М., пыталась поставить его идеи на службу своим реакц. целям. Такое же реакц. переосмысление учения М. характерно и для фашистской лит-ры во франкской Испании.

Соч.: *Obras*, v. 1—2, Мд., 1931.

Лит.: *Cirot G.*, *Études sur l'historiographie espagnole. Mariana, historien*, Bordeaux—P., 1905; *Antónides B.*, *Die Staatslehre des Mariana*, «Arch. Geschichte Philos.», [1908], Bd 21, H. 2—3; *Lugares J.*, *The political economy of J. de Mariana*, N. Y., 1928; *Koehler G.*, *J. de Mariana als politischer Denker*, [Lpz.], 1938 (Diss.); *Vallesteros Gaiñrois M.*, *J. de Mariana, cantor de España*, 2 ed., [Barcelona], 1941; *его же*, *J. de Mariana, pensador y político*, [Mд.], 1939; *Fava B.*, *Le teorie dei monarchomachi e il pensiero politico di Juan de Mariana*, Reggio Emilia, 1953.

З. Плавский. Ленинград.
МАРИАС (Marias), Хулиан (р. 1914) — исп. философ. Ученик *Ортега-и-Гассета*, М., следуя его фило-

софии «рационализма», допускает, однако, наличие объективно существующей действительности («Введение в философию» — «*Introducción a la filosofía*», 1947, 6 ed., 1959). Выступая против теории классовой борьбы, М. выдвигает реакц. идею избранного меньшинства, призванного управлять «пассивной массой», и рассматривает историю как борьбу поколений, сменяющих друг друга («Исторический метод поколений» — «*El método histórico de las generaciones*», 1949; «Структура общества» — «*La estructura social. Teoría y método*», 1955). Те же взгляды отстаивает М. и в историко-филос. трудах, содержащих, однако, ценные частные наблюдения.

Соч.: *Obras*, t. 1—6, Мд., [1958—61]; *Ortega y Gasset y la idea la rason vital*, Мд., 1948, нем. пер., Stuttg., 1952; *Ortega y tres antipodas*, B. Aires, 1950; *La escolástica en su mundo y en el nuestro*, Мд., 1951; *Filosofía actual y existencialismo en España*, Мд., 1955; *Filosofía española actual*, 3 ed., Мд., 1956.

З. Плавский. Ленинград.
МАРИАТЭГИ (Mariategui), Хосе Карлос (14 июня 1895 — 16 апр. 1930) — деятель революц. рабочего и коммунистич. движения Лат. Америки, теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма, один из основателей Коммунистич. партии Перу (1928). Под влиянием Октябрьской революции М. за короткий период проделал путь от революц. демократизма к марксизму. Практич. работу, направленную на объединение революц. сил Перу, и, в первую очередь, рабочего класса, М. сочетал с творч. разработкой вопросов революц. теории в конкретных историч. условиях Перу. Большое внимание М. уделял разработке и пропаганде марксистской философии. Написанная им в 1929 работа «В защиту марксизма» («*Defensa del marxismo*», опубли. в 1934) явилась гневной отповедью ревизионизму и ярким примером творч. применения марксизма. М. показал несостоятельность попыток отождествить марксистский диалектич. метод с гегелевской диалектикой: «Материалистическая концепция Маркса диалектически возникла как антитеза идеалистической концепции Гегеля» (указ. соч., р. 23). М. выступил непримиримым критиком теории «этического социализма» и др. разновидностей «реформистского социализма». М. неоднократно указывал на необходимость руководствоваться учением марксизма-ленинизма в нац.-освободит. борьбе перуанского пролетариата.

Большую роль сыграл М. в борьбе против мелкобурж. реформистских идей априористов (членов партии АПРА), отрицавших руководящую роль пролетариата в нац.-освободит. движении, выдвигавших идею об «исключительности» историч. развития Лат. Америки.

В 1928 М. опубликовал «Семь очерков истолкования перуанской действительности» («*Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana*», рус. пер. — 1963), в к-рых дал глубокий марксистский анализ развития классовых отношений и классовой борьбы в Перу, показал неспособность перуанской буржуазии осуществить задачи бурж.-демократич. революции.

Большое внимание М. уделял защите угнетенных индейских масс, к-рые он рассматривал как одну из движущих сил нац.-освободит. борьбы. Значит. место в творчестве М. занимают исследования истории Перу, в особенности первобытного коммунизма древних инков.

Соч.: *Obras*, t. 1—3, Lima, 1950—55.

Лит.: Семенов С. И., Шульговский А. Ф., Роль Х. К. М. в создании коммунистич. партии Перу, «Новая и новейшая история», 1957, № 5; *Мирошевский В.*, «Народничество» в Перу. К вопросу о роли Х.-К. М. в истории латино-амер. обществ. мысли, «Историк-марксист», 1941, № 6; *Хорхе дель Прадо*, Труд, зовущий к борьбе, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 1; *Del Prado J.*, *Mariategui, marxista-leninista*, «Dialectica», La Habana, 1943, № 8; *Arrogo Posadas M.*, A propósito del artículo «El populismo en el Perú» de V. Mirochevsky, там же, 1946, 5 año, v. 6, № 17; *Godoy Urrutia C.*, Un cuarto de siglo de la muerte de Mariategui, «Aurora», Chile, 1955, № 3.

Р. Буряте. Москва.

МАРИН (Μαρίνος) из Сихема (или Неаполиса; в Самарии) — глава (с 485 г. н. э.) *Академии плато-*

новской. На основании скудных сведений из Свиды, Дамаския и Фотия вырисовывается образ философа, значительно развившего обе осн. тенденции неоплатонизма — абстрактно-схоластическую и мистическую. Первая, вероятно, была представлена в его комментариях к платоновскому «Пармениду», а вторая — в дошедшем до нас произведении «Прокл, или О блаженстве» («Πρόκλος ἢ περὶ εὐδαιμονίας», в кн.: Diogenes Laertii... rec. C. G. Cobet, 1878, p. 150—70 с лат. переводом; пер. на англ. — в кн.: L. Y. Rosan, The philosophy of Proclus, 1949, p. 13—35). В последнем *Прокл* рассматривался как образец всех добродетелей, из к-рых низшее место занимают физич. добродетели, а затем в порядке возвышения — этические, политические, катаргические (очистительные), теургические и теургические (делавшие человека богом). Имеются сведения об интересе М. к математике (М. принадлежит комментарий к Эвклиду — Euclidis Opera, v. 6: Data cum commentario Marini..., ed. H. Menge, 1896). Свой комментарий к «Филебу» Платона М., по преданию, сжег. Философски неясная фигура М. интересна гл. обр. благодаря составленной им биографии Прокла, где рисуется весьма интересная в историко-культурном отношении картина упадка антич. философии, состоящей из веры во всякие чудеса, в явления демонов, магич. исцеления, пророческие сны и т. д.

Лит.: Heiberg I. L., Literargeschichtliche Studien über Euklid, Lpz., 1882, S. 173—76; Krauss S., Marinius, a Jewish philosopher of Antiquity, «Jewish Quart. Rev.», L., 1897, v. 9, p. 517—21; Schissel von Flesche nburg G., Marin von Neapolis und die neuplatonischen Tugendgrade, Athen, 1938. А. Лосев. Москва.

МАРИТЕН (Maritain), Жак (р. 18 ноября 1882) — наиболее влиятельный представитель совр. неомизма. Образование получил в лицее Генриха IV и в Сорбонне, где первоначально примкнул к учению Бергсона. Сначала был протестантом, в 1906 принял католичество. С 1914 — проф. Католического ин-та в Париже, с 1933 — Ин-та средних веков в Торонто (Канада), в 1941—42 — Принстонского ун-та и в 1941—44 — Колумбийского. С 1945 по 1948 был франц. послом в Ватикане. С 1948 вновь живет в США, преподает в Принстонском ун-те.

Филос. кредо М. полностью совпадает с осн. идеями томизма. Свою гл. задачу М. видит в примирении теологии и философии, веры и разума на новом историч. этапе. М. пытается осуществить этот компромисс, беря за основу богословско-схоластич. учение Фомы Аквинского. М. считает, что «святой Фома Аквинский является апостолом нового времени...». Он — «пророк разума» (см. «De Bergson à Thomas d'Aquin», P., 1947, p. 132). Все развитие антисхоластич. философии нового времени начиная с Декарта М. считает упадком и вырождением филос. мысли. Выступая против пренебрежения к разуму (в частности, против учения Бергсона), М. в то же время сам проповедует синтез логического и алогического, рационального и иррационального, стараясь примирить «...благодать и природу, веру и разум, теологию и философию...» (там же, p. 133). Но такая «гармония» осуществима только при отказе от приоритета разума и подчинения его вере. Свою философию М. называет «критическим реализмом» и противопоставляет ее рационализму Декарта. Но «реальность» у М. не совпадает с «материальностью», а неизмеримо шире, т. к. включает в себя и духовное, и, как производное от него, — материальное. Истинным бытием якобы обладает именно духовный мир; материальный, физич. мир есть реальность «второго порядка», — он не суверенен, а подчинен духовному миру и зависит от него. Такое удвоение мира позволяет М., формально не отказываясь от достижений науки, установить предел науч. познания. Наука имеет собств. объект — физич., реальный мир, но «над» этим естеств. миром существует другой — сверхъестеств. мир, недо-

ступный разуму. Фактически концепция М. является одной из форм объективного идеализма.

Уделяя большое внимание социологич. и социально-политич. вопросам, М. основал в Нью-Йорке спец. серию по проблемам «политической философии» («Цивилизация»), где публиковал работы, к-рые под видом критики совр. капитализма и бурж. демократии пропандировали традиц. идеи т. н. «христианской демократии». Отрицая объективную естественно-историч. закономерность развития человец. об-ва и утверждая, что основой общества являются стремления «бессмертной души», руководимой «евангельской инспирацией», М., таким образом, выступает против революц. пути преобразования общества.

Соч.: Antimoderne, P., 1922; La philosophie bergsonienne, 2 éd., P., 1930; Le songe de Descartes, P., 1932; De la philosophie chrétienne, P., 1933; La philosophie de la nature, P., 1935; Science et sagesse, P., 1935; Humanisme intégral, P., 1936; Eléments de philosophie, P., 1939; Christianisme et démocratie, N. Y., 1943; Principes d'une politique humaniste, P., 1945; Trois réformateurs, P., 1947; Art — et scolastique, P., 1947; Religion et la culture, P., 1947; Raison et raisons, P., 1947; La signification de l'athéisme contemporain, P., [1949]; La dialectique de Hegel, «Nouvelle Rev. Française», 1957, année 5, № 49, 50; Réflexions sur l'Amérique, P., 1958; Pour une philosophie de l'éducation, P., 1959; La philosophie morale, P., 1960; La philosophie dans la cité, P., 1960.

Лит.: Ойзерман Т. П., Неомизм — философия совр. реакционной буржуазии, М., 1959; Быховский В. Э., Неомизм — совр. философия католицизма, в сб.: Наука и религия, М., 1957; е го же, Неомистский обскурантизм, в сб.: Совр. религиозно-филос. течения в капиталистич. странах, М., 1962; Долгов К. М., Социальный смысл эстетич. концепции Ж. М., «Вопр. философии», 1963, № 11; Агчабабали П., J. Maritain, в его кн.: Jeunes maîtres, P., 1926; Maritain volume of the «Thomist». Dedicated to J. Maritain on occasion of his sixtieth anniversary, N. Y., 1943; Padella G. M., Maritain. La filosofia contro le filosofie, Brescia, 1952; Groteau J., Les fondements thomistes du personnalisme de Maritain, Ottawa, 1955; Ross E., Il pensiero politico di J. Maritain, Mil., 1956; Simonson V. L., L'esthétique de J. Maritain, Copenhagen, 1956; Barsh N., Maritain en notre temps, P., 1959; Gallego D. A. and I., The achievement of Jacques and Raissa Maritain, N. Y., 1962. Т. Сахарова. Москва.

МАРКОВ, Андрей Андреевич [р. 9(22) сент. 1903] — сов. математик и логик. Сын выдающегося рус. математика А. А. Маркова. Д-р физико-математич. наук (с 1935), с 1936 — проф. ун-та в Ленинграде; с 1959 — зав. кафедрой математич. логики Моск. ун-та; с 1939 работает в Математич. ин-те АН СССР. Чл.-корр. АН СССР (с 1953). Член КНСС с 1951.

М. получил важные результаты в области небесной механики, теории динамич. систем, теории групп. Работы М. по алгебре привели его к исследованию проблем тождества (см. *Тождества проблемы*) в этой области математики — проблем, являющихся частным случаем *массовых проблем*. В целях создания общего подхода к массовым проблемам М. в конце 40-х гг. предложил уточнение понятия *алгоритма* («нормальные алгоритмы» М.) и получил важные результаты, относящиеся к невозможности нек-рых алгоритмов в теории ассоциативных систем и целочисленных матриц. На основе понятия *нормального алгоритма* М. в конце 40 — нач. 50-х гг. построил и детально разработал первую общую теорию алгоритмов. М. в четкой форме ввел понятия об *абстракции отождествления* и *абстракции потенциальной осуществимости* в математике и логике. М. — основатель отечеств. *конструктивного направления*, опирающегося на особую конструкцию логич. использующую выдвинутый М. принцип конструктивного подбора. На основе идей конструктивного направления М. и его ученики ведут разработку конструктивного математич. анализа. М. получены результаты в области проблемы минимизации средств представления функций *алгебры логики*. Им предложено определение *кибернетики* как общей теории причинных сетей, изучающей их с точностью до изоморфизма (см. «Проблемы кибернетики», вып. 9, 1963, с. 349—50).

Соч.: Теория алгоритмов; Тр. Матем. ин-та им. В. А. Стеклова, т. 38, М., 1951; Теория алгоритмов, там же, т. 42, М., 1954; Логика математическая, БСЭ, 2 изд., т. 25, М., [1954]; Об одном принципе конструктивной матем. логики, Тр. 3 Всесоюз. матем. съезда, т. 2, М., 1956, с. 146—47; Матем. логика и вычислительная математика, «Вестн. АН СССР», 1957, № 8; О конструктивных функциях, Тр. Матем. ин-та АН СССР им. Стеклова, т. 52, М., 1958; Неразрешимость проблемы гомеоморфии, «Докл. АН СССР», 1958, т. 121, № 2; О подготовке кадров в области логики, в сб.: Строительство коммунизма и общественные науки, М., 1962; О конструктивной математике, Тр. Матем. ин-та им. Стеклова, т. 67, М., 1962; О некоторых алгоритмах, связанных с системами слов, «Изв. АН СССР», Сер. матем., 1963, т. 27, № 1. Лит.: Л и н и к Ю. В. и Ш а н и н Н. А., А. А. Марков, «Усп. матем. наук», 1954, т. 9, вып. 1; Математика в СССР за 40 лет, т. 1—2, М., 1959, т. 1 (см. указатель), т. 2, с. 446—448 (библиография трудов М. до 1957).

МАРКОВИЧ (Марковић), Светозар [9 (21) сент. 1846 — 26 февр. (10 марта) 1875] — сербский революц. деятель, философ-материалист, публицист и лит. критик, пропагандист социалистич. идей. Род. в г. Ягодина (ныне г. Светозарево). Учился в Сербии и Швейцарии. Участвовал в работе Рус. секции 1-го Интернационала. На страницах созданной им газ. «Радевик» («Работник», 1871—72) М. выступал в защиту Парижской Коммуны. Редактируемые М. газеты «Јавност» («Гласность», 1873) и «Ослобeђење» («Освобождение», 1875) объединили вокруг себя прогрессивные элементы серб. общества. За революц. деятельность М. подвергался тюремному заключению. Умер в Триесте.

На мировоззрение М. большое влияние оказали идеи рус. революц. демократов, в особенности Чернышевского. Отстаивая революц. методы разрешения социальных и политич. конфликтов, М. писал, что борьба «...является необходимым средством всюду, где только существует тирания, которую необходимо уничтожить» (Избр. соч., М., 1956, с. 690). По мнению М., Сербия сможет прийти к социализму, опираясь на патриарх. семью (задругу) и сельскую общину. Высоко оценивая открытие Марксом законов обществ. развития, М., однако, считал, что эти законы не приложимы ни к России, ни к Сербии.

Теоретич. основой революц. взглядов М. была материалистич. философия, изложенная им в соч. «Реальное направление в науке и жизни» («Реалии правац у науци и животу», 1871—72). Принципы веры и науки, по М., непримиримы. Конечным результатом любой религии является неравенство между людьми, отсутствие свободы, конечным результатом науки — достижение условий для равноправия и свободы. Объективный мир познаваем. Показателем истинности знания является возможность предсказания явлений. Видя в трудах Дарвина, Сеченова и др. естествоиспытателей доказательство того, что человек, мышление производно от движения материи, М., однако, не мог окончательно преодолеть ограниченности антропологич. материализма.

Труд «Социализм или общественный вопрос» (см. там же, с. 681—749) свидетельствует о влиянии на М. идей марксизма. Двигателем историч. развития является, по М., народ. М. понимал примат экономич. отношений в жизни общества, роль классовой борьбы, однако он преувеличивал значение обществ. сознания в историч. процессе, переоценивал роль интеллигенции.

Работы М. «Поэзия и мышление», «Реализм в поэзии», «Народ и писатели» и др. положили начало критич. реализму в сербской лит-ре. М. выступал против безыдейной поэзии, критиковал метафизич. принципы бурж. эстетов, высоко ценил материалистич. эстетику Чернышевского. «Народная жизнь — вот содержание в реальности поэзии», — писал М. (там же, с. 166).

Соч.: Целокупна дела, св. 1—8, Београд, 1891—1912; в рус. пер. — Избр. соч., М., 1956 (вступит. ст. В. Г. Карасева, имеется библиография).

Лит.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 462—73; В и к т о р о в - Т о п о р о в В., С. М. (Страница из истории обществ. движений в Сербии), «Голос минувшего»,

1913, № 3; Е р и х о н о в Л. С., Рус. революц. демократы и обществ. мысль южных славян в 60—70-х гг. XIX в., [М.], 1950; П а в л о в Т., Христо Ботев, Васил Левски, Светозар Маркович. Речи и статьи 1936—1945, С., 1946; С к е р л и Н. С., Марковић, Његов живот, рад и идеј, 2 изд., Београд, 1922; Н е д е љ к о в ић Д., Лик С. Марковића, революционара мислиоца и његова три извора и три саставна дела, «Гласник Српске Акад. Наука», Београд, 1951, кн. 3, св. 2.

МАРКОВИЧ (Марковић, Marković), Симма (8 нояб. 1888—1937)—югосл. обществ. деятель, философ. Окончил Белградский ун-т (1913). Преподавал в нем же на философском и технич. фак-тах. До 1921 был одним из секретарей ЦК КПЮ, принимал участие в работе III Конгресса Коммунистич. Интернационала в Москве (1921). После возвращения в Югославию находился в тюремном заключении. В 1926—28 жил в Австрии, где снова стал секретарем КПЮ и возглавил ее правоопортунистич. фракцию. IV съезд партии (1928) снял М. с поста секретаря за фракционность и оппортунизм.

М. выступал против идеалистич. понимания совр. науки, во вместе с тем ревизовал ряд положений историч. и диалектич. материализма. За ревизию марксистско-ленинского учения о нац. вопросе, за отрыв нац. вопроса от революции и сведения его к вопросу конституционному М. был подвергнут резкой критике в югосл. комиссии ИККИ (1925). М. вулгаризировал нек-рые важные положения материалистич. теории познания, напр. априористический толковал опыт (см. «Из науки и философии», Београд, 1925, с. 24).

Соч.: Национално питање у светлости марксизма, (6. м. б. г.); Теорија релативитета, Београд, 1924; Ајнштајнова теорија релативитета, Београд, 1929; Основни појмови политичке економије, Београд, [1933]; Принципи каузалитета и модерна физика, Београд, 1935; в рус. пер. — Коммунизм в Юго-Славии, М., 1923. И. Элес. Москва.

МАРКОВИЧ (Marković), Франьо (1845—1914) — хорватский писатель и эстетик, первый проф. философии Загребского ун-та. Соч. М. «Развитие и система общей эстетики» («Razvoj i sustav obćenite estetike», 1903) свидетельствует о влиянии на него нем. философа-идеалиста *Гербарта*.

МАРКС* (Marx), Карл родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (шпрейнская Пруссия). Отец был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представил университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэра и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвиг Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказать от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие» этих книг — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фей-

* Настоящая статья перепечатана из Собрания Сочинений В. И. Ленина, т. 21, 4 изд., с. 30—62. Статья печатается без предисловия, написанного Лениным позже, в 1918 г. В статье выдержаны шрифтовые оформления указанного издания, не соответствующие в некоторых отношениях энциклопедическому оформлению.

ербаха. «Мы» (т. е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами». В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основали в Кёльне оппозиционную газету: «Рейнскую газету» (начала выходить с 1 января 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. Л и т е р а т у р у), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 гг. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе в Арнольдом Руге (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—1870 бисмаркианец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала («Немецко-Французский Ежегодник»). Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к массам и к пролетариату.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного пролетарского социализма или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—48 гг., ниже: Л и т е р а т у р а. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов», приняли выдающееся участие на I съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической Партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять

в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кёльн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором ее был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Herr Vogt»^{*}). Строясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. Л и т е р а т у р у) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже у ч е н и е Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I, 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х гг. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное товарищество рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «Обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и д е й с т в е н н о, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции» 1871), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк. I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его в ш и р ь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «Капитала», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), но окончить «Капитал» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена. 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен, вместе со своей женой, на кладбище Хайгейт в Лондоне. Из детей Маркса несколько умерло в дет-

* Имеется в виду высказывание Маркса из его работы «К критике гегелевской философии права» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, 1938, с. 392).

* Здесь и далее, как и в 5-м изд. Соч. В. И. Ленина, опускаются подстрочные переводы иностранных названий, сделанные редакцией 4-го изд. Соч. В. И. Ленина.

ском возрасте в Лондоне, когда семья сильно бедствовала. Три дочери были замужем за социалистами Англии и Франции: Элеонора Эвелинг, Лаура Лафарг и Джени Лонгэ. Сын последней — член французской социалистической партии.

УЧЕНИЕ МАРКСА

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его мирозерцания вообще.

Философский материализм

Начиная с 1844—1845 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и в последствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекуляции», в отличие от «резвой философии») («Святое семейство» в «Литературном Наследстве»). «Для Гегеля, — писал Маркс — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, послесловие к 2 изд.). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» (см.): — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи — ...«Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос, ... что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира». В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно

перечитав старую рукопись свою и Маркса 1844—1845 гг. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливом пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики». См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 декабря 1868 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое, чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гёксли и его признание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма. В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепая необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») — признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением неизнанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и Фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности».

Диалектика

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение

необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.), «накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного надевши, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию».

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, по иным путям, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь в сех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г. с пасмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нельзя смешивать с материалистической диалектикой).

Материалистическое понимание истории

Сознание беспоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию».

Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия. «Технология, — говорит Маркс («Капитал», I), — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и протекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил».

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальную базу, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями... «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации». (Ср. краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства»).

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызывались эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий материализма, тогда как исторический материализм впервые

дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

Классовая борьба

Что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войны, зстоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех классов, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, — пишет Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет впоследствии Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к понима-

нию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического Манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крушной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата». В ряде исторических сочинений (см. Литературу) Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения каждого отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и переходных ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Конечной целью моего сочинения — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу» — является открытие экономического закона движения современного общества», т. е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

Стоимость

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной си-

стеме общественных отношений? Общее между ними то, что они — и р о д у к т ы т р у д а. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а абстрактный человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостью всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей о б щ е с т в е н н о о б х о д и м о г о рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу формы стоимости и денег. Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

Прибавочная стоимость

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было: Т (товар) — Д (деньги) —

Т (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д—Т—Д, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в капитал, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окунающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, напр., в нашем примере $\frac{6}{6}$, т. е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличие «свободного» в двойном смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйственного рабочего, рабочего-«пролетария», которому ничем существовать кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После

того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ накопления капитала, т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на перемешанный капитал. На самом же деле она распадается на средства производства плюс перемешанный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машинной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризиса в перепроизводства, периодически наступающих в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприация подлекает уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один

капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, впитание всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации; но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», I).

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономики общества, а всю эту экономику в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления, и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализируется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распаду на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимостям, а по ценам производства (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общественный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости,

ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаро-производителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонов в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *п о з е м е л ь н о й р е н т ы*. Цена производства сельскохозяйственных продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяйствами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *д и ф ф е р е н ц и а л ь н у ю р е н т у*. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особенно внимания заслуживает критика Родбергуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, след., индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удерживать цену выше средней, а эта монополия рождает *а б с о л ю т н у ю р е н т у*. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же *м о ж е т* — напр., при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое однако отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно,

сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 августа 1862 г., там же, стр. 86—87).*— К истории земельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и, наконец, в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической земельной ренты» следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об эволюции капитализма в земледелии. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса нисмущих помещиков, занимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами в свою очередь держали крепостных. У этих крестьян развивается таким образом постепенно возможность накапливать известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следов., рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332)... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», I², 778). Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль в деле создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т. е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наименьшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте паунизма» («Капитал», I², 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместно только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством ипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Классовая борьба во Франции»). «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, 1953, с. 126—131 и 132—133. Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат редакции 4-го изд., т. 21, Соч. В. И. Ленина.

из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату» («18 брюмера»). Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника» («Классовая борьба во Франции»). В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства?» («Капитал», III², 340). В том, что крестьянин отдает обществу (т. е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда». («Капитал», III², 340). Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. «Мелкая земельная собственность, по сути своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разделение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда). «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцеллярной (мелкой) собственности. Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мартирологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда, и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, след., развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», I, конец 13-й главы).

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, артелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным

и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противостоительного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений готовятся высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоюдопола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоюдопола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безобязанного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «сосливание усилий» рабочих по край-

ней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Коммунистический Манифест»). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникающая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, несколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет». «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музее древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с оmissions. Оригинал в «Neue Zeit»*).

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выяснив еще в 1844—1845 гг. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения

революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении в ее сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвым. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылаками своего материалистически-диалектического мирозерпцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, с. 127 «Переписки»)*. На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического зстоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе, одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достижни этого пункта, коалиция принимает политический характер». Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промыпленное «процветание» вызывает попытки «кушть рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом»)**.

* К. Маркс и Ф. Энгельс, 1947, Избр. письма, с. 139.
** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, 1932, с. 144.

* «Новое время».

отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218); как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290);* как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305);** как английские вожди рабочих создаются по типу середины «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голлоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433).*** Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (и исходом) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, по в то же время они отстаивают и будущность движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года». В Германии 1848—1849 гг. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся между прочим образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена назад!.. «без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами; ... напуганная мировой бурей; лигде с энергией, вездe с плагиатом; ... без инициативы; ... окающий старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа»... («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литературное Наследство», т. III, 212).**** Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—1849 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер—Виллих и борьба с ними), требуя уметь работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108).***** Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была незакончена, все внимание в тактике социального пролетариата Маркс устремлял на

развитие демократической энергии крестьянства. Лассаль он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволлил помещикам и прусскому национализму. «Подло, — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217).* В период 1864—70 гг., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции сверху, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспристрастно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним и на почве, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—441).** В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупредил французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было, с точки зрения диалектического материализма Маркса, меньшим злом в общем ходе и ходе пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпоху политического зстоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—78 гг., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон» («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424.*** Ср. также письма к Зорге).

ЛИТЕРАТУРА

Полное собрание сочинений и писем Маркса не издано еще до сих пор. На русский язык переведена большая часть произведений Маркса, чем на какой-либо другой язык. Нижеследующий перечень этих произведений составлен в хронологическом порядке. К 1841 году относится диссертация Маркса о философии Эпикура (вошла в посмертное издание — «Литературное Наследство», о нем ниже). В этой диссертации Маркс стоит еще вполне на идеалистически-гегельянской точке зрения. К 1842 году относятся статьи Маркса в «Рейнской Газете» (Кельн), в особенности критика прений о свободе печати в шестом рейнском ландтаге, затем по поводу законов о краже леса, далее: защита освобождения политики от теологии и др. (вошли частью в «Литературное Наследство»). Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В 1844 г. выходит в Париже под редакцией Маркса и Арнольда Руге «Немецко-французский Ежегодник», где вышеуказанный переход совершается окончательно. Особенно замечательны статьи Маркса: «Введе-

* Избр. письма, 1953, с. 105.

** Соч., т. XXIII, 1932, с. 142, 145 и 336.

*** Соч., т. XXIV, 1931, с. 252 и 529.

**** Избр. прощав., в 2 тт., т. 1, 1952, с. 43.

***** Избр. письма, 1953, с. 86.

* Соч., т. XXIII, 1932, с. 232, 239.

** Соч., т. XXIII, 1932, с. 152, 154—155, 166, 199, 225—226, 232, 237—238, 461, 482, 488.

*** Соч., т. XXIV, 1931, с. 480—481, 488, 505—506, 513, 515.

ние в критику гегелевской философии права» (кроме «Литературного Наследства» есть отдельное издание брошюрок) и «К еврейскому вопросу» (тоже: брош. в изд. «Знание», «Дешевая библиотека» № 210). В 1845 году Маркс и Энгельс издали вместе (во Франкфурте-на-Майне) брошюру: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К^о» (кроме «Литературного Наследства» есть по-русски два отдельных издания брошюрой, в изд. «Нового Голоса», СПб. 1906, и «Вестника Знания», СПб. 1907 г.). К весне 1845 г. относятся тезисы Маркса о Фейербахе (напечатаны в приложении к брошюре Фр. Энгельса: «Людвиг Фейербах»; есть русский перевод). В 1845—1847 гг. Маркс писал ряд статей (большая часть не собранных, не переизданных и не переведенных на русский) в газетах: «Vorwärts», — изд. в Париже, «Brüsseler Deutsche Zeitung» (1847), «Das Westphälische Dampfboot» (Bielefeld, 1845—1848), «Der Gesellschaftspegel» (1846, Elberfeld). К 1847 году относится изданное в Брюсселе и Париже основное сочинение Маркса против Прудона: «Ничета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (по-русски три издания «Нового Мира», одно Г. Львовича, одно Алексеевой, одно в Брюсселе «Речь о свободе торговли» (есть русский перевод) и затем в Лондоне, в сотрудничестве с Фр. Энгельсом, знаменитый, переведенный едва ли не на все языки Европы и частью других стран мира, «Манифест Коммунистической партии» (русский перевод около 8 изданий 1905—1906 гг., «Молота», «Космопола», Алексеевой и др., большая часть конфискованных, под разными названиями: «Коммунистический Манифест», «О коммунизме», «Общественные классы и коммунизм», «Капитализм и коммунизм», «Философия истории»; полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях большей частью группы «Освобождение труда»). С 1 июня 1848 по 19 мая 1849 выходила в Кельне «Новая Рейнская Газета», главным редактором которой фактически был Маркс. Многочисленные статьи Маркса в этой газете, донные остающиеся лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата, не собраны и не переизданы полностью. Наиболее важные вошли в «Литературное Наследство». Отдельной брошюрой многократно издавались статьи Маркса из этой газеты «Насмешный труд и капитал» (по-русски 4 издания, Козмана, «Молота», Мягкова и Львовича, 1905—1906 гг.). Из той же газеты: «Имперялы у власти» (изд. «Знание», «Дешев. Вибл.» № 272, СПб. 1906). В 1849 г. Маркс пал в Кельне «Два политические процесса» (две защитительные речи Маркса, оправданного судом присяжных по обвинениям в преступлении печати и в призыве к вооруженному сопротивлению правительству. Русский перевод 5 изданий 1905—1906 гг., Алексеевой, «Молота», Мягкова, «Знания», «Нового Мира»). В 1850 г. Маркс издал в Гамбурге 6 №№ журнала: «Новая Рейнская Газета». Важнейшие статьи его вошли в «Литературное Наследство». Особенно замечательны переизданные Энгельсом в 1895 г. брошюрой статьи Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 г.» (русский перевод, изд. М. М. Малахов, «Вибл.» № 59—60; также в сборнике: «Собрание спиритических работ», пер. Базарова и Степанова, изд. Спиритунта, СПб. 1906 г.; тоже: «Мысли и взгляды о жизни XX века», СПб. 1912 г.). В 1852 г. в Нью-Йорке вышла брошюра Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт» (русский перевод в только что названных сборниках). В том же году в Лондоне: «Разоблачения относительно кельнского процесса коммунистов» (русск. пер.: «Кельнский процесс коммунистов», № 43 «Популярно-Научной Библиотеки», СПб. 1906, 28 окт.). С августа 1851 по 1862 г. *Маркс был постоянным сотрудником нью-йоркской газеты «Трибуна» («The New York Tribune»), где многие из его статей появились без подписи, как редакционные. Особенно замечательны статьи: «Революция и контрреволюция в Германии», переизданные, после смерти Маркса и Энгельса, в немецком переводе (русский перевод в двух сборниках, пер. Базарова и Степанова, затем отдельной брошюрой пять изданий 1905—1906 гг., Алексеевой, «Общественной Пользы», «Нового Мира», «Всеобщей Библиотеки» и «Молота»). Некоторые из статей Маркса в «Трибуне» изданы были в Лондоне отдельными брошюрами, напр., о Пальмерстоне в 1856 г., «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века» (о постоянной корыстной зависимости английских министров либеральной партии от России) и др. После смерти Маркса его дочь Элеонора Эвелинг издала ряд статей его из «Трибуны» по восточному вопросу под заглавием: «The Eastern Question». London. 1897. («Восточный вопрос»). Часть переведена на русский: «Война и революция». Вып. I. Маркс и Энгельс: «Неизданные статьи (1852, 1853, 1854 гг.)», Харьков, 1919. (Вибл. «Наша Мысль»). С конца 1854 г. и в течение 1855 г. Маркс сотрудничал в газете «Neue Oder-Zeitung», а в 1861—1862 гг. в венской газете «Presse». Статьи эти не собраны и лишь частью появлялись в «Neue Zeit», как и многие письма Маркса. То же относится

к статьям Маркса из газеты «Das Volk» (Лондон. 1859 г.) относительно дипломатической истории итальянской войны 1859 г. В 1859 г. в Берлине вышло сочинение Маркса: «К критике политической экономии» (русский перевод, М. 1896 г., под ред. Мануилова, и СПб. 1907 г., перевод Румянцова). В 1860 г. в Лондоне вышла брошюра Маркса «Herr Vogt» («Г-н Фогт»).

В 1864 г. в Лондоне вышло написанное Марксом «Обращение Международного товарищества рабочих» (есть русский перевод). Маркс был автором многочисленных манифестов, обращений и резолюций Генерального совета Интернационала. Весь этот материал далеко еще не собран и даже не собран. Первым приступом к этой работе является книга Г. Йонка: «Интернационал» (русский перевод СПб. 1906, изд. «Знание»), где напечатаны, между прочим, некоторые письма Маркса и составленные им проекты постановлений. К числу написанных Марксом документов Интернационала относится манифест Генерального совета по поводу Парижской Коммуны, вышедший в 1871 г. в Лондоне отдельной брошюрой под заглавием: «Гражданская война во Франции» (рус. пер. под ред. Ленина, изд. «Молота» и др. изд.). К эпохе 1862—1874 гг. относится переписка Маркса с членом Интернационала Кугельманом (два издания в рус. пер., одно перевод А. Гойхбарга, другое под ред. Ленина). В 1867 г. в Гамбурге вышло в свет главное сочинение Маркса: «Капитал. Критика политической экономии». Т. 1. Второй и третий тома изданы после смерти Маркса Энгельсом в 1885 и 1894 гг. Русский перевод: т. I — пять изданий (два в пер. Даниельсона, 1872 и 1898 гг., два в пер. Б. А. Гурвич и Л. М. Зака под ред. Спруве, 1-е изд. — 1899, 2-е — 1905, одно под ред. Базарова и Степанова). Тт. II и III вышли в пер. Даниельсона (менее удовлетворительный) и в переводе под ред. Базарова и Степанова (лучший). В 1876 г. Маркс принял участие в составлении книги Энгельса «Анти-Дюринг» («Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft»), просмотрен в рукописи все сочинение и написав целиком главу, посвященную истории политической экономии.

Затем, после смерти Маркса были изданы следующие его произведения: «Критика Готской программы» (СПБ. 1906 г., по-немецки в «Neue Zeit», 1890/91, № 18). «Заработная плата, цена и прибыль» (доклад, читанный 26 июня 1865 г. «Neue Zeit», XVI, 1897/98, русский перевод в изд. «Молота» 1906 г. и Львовича 1905 г.). «Литературное Наследство К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассалля», 3 тома, Штутгарт, 1902. (Русский перевод под ред. Аксельрода и др. 2 тт. СПб. 1908. 1 том еще под ред. Е. Гурвич, М. 1907. Отдельно изданы письма Лассалля к Марксу, входят в «Литературное Наследство».) «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зорге» (два изд. по-русски, одно под ред. Аксельрода, другое — с пред. Ленина, изд. Дауге). «Теория прибавочной стоимости», 3 тт. в 4-х частях, Штутгарт, 1905—1910, изданная Каутским рукопись четвертого тома «Капитала» (русск. пер. только первого тома в трех изданиях: СПб. 1906, под ред. Плеханова; Киев, 1906, под ред. Железнова; Киев, 1907, под ред. Тучанского). В 1913 г. вышли в Штутгарте 4 больших тома «Переписки К. Маркса и Фр. Энгельса», содержащие 1386 писем за период времени с сентября 1844 по 10 января 1883 года и дающие массу в высшей степени ценного материала к изучению биографии и воззрений К. Маркса. В 1917 г. вышли 2 тома Маркса и Энгельса: Статьи 1852—1862 гг. (по-немецки). В заключение по поводу этого перечня произведений Маркса необходимо оговориться, что сюда не вошли еще некоторые из более мелких статей и отдельных писем, помещавшихся большей частью в «Neue Zeit», «Vorwärts» и др. периодических соц.-дем. изданиях на немецком языке; несомненно также, что не полон и список всех переводов Маркса на русский язык, особенно брошюр в 1905—1906 гг.

Литература о Марксе и марксизме необычайно велика. Мы отметим лишь наиболее существенное, разделяя авторов на три главные отдела: марксистов, стоящих в существе на точке зрения Маркса; буржуазных писателей, по существу враждебных марксизму, и ревизионистов, якобы признающих те или иные основы марксизма, а на деле заменяющих его буржуазными воззрениями. Как своеобразно русскую разновидность ревизионизма следует рассматривать народническое отношение к Марксу. В. Зомбарт в своем «Ein Beitrag zur Bibliographie des Marxismus» (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, XX, 2. Heft, 1905, S. S. 413—430) приводит 300 названий в далеко не полном списке. Для пополнения его см. «Neue Zeit», указатели за 1883—1907 гг. и последующие годы. Затем см. Josef Stammhammer: «Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus». Bd. I—III. Jena (1893—1909). Далее для детальной библиографии марксизма можно указать еще: «Bibliographie der Sozialwissenschaften». Berlin. Jahrgang 1, 1905 u. ff. См. также Н. А. Рубакин, «Среди книг» (т. II, 2-е изд.). Мы приводим здесь лишь наиболее существенное. По вопросу о биографии Маркса следует указать прежде всего на статьи Фр. Энгельса в «Volkskalender», изданном Франке в Брауншвейге в 1878 г., и в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Bd. 6, S. 600—603. W. Liebknecht: «Karl Marx zum Gedächtniss». Nürnberg. 1896. Lafargue: «K. Marx. Persönliche Erinnerungen». В. Liebknecht: «Karl Marx», 2 изд., СПб. 1906. П. Лафарг: «Мои воспоминания о К. Марксе», Одесса, 1905. (См. orig. в «Neue Zeit», IX, I.)

*Энгельс в статье о Марксе в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Bd. 6, S. 603 («Словарь государственных наук», том 6, стр. 603. Ред.) и Берштейн в статье о Марксе в 11-м издании «Британской Энциклопедии» 1911 г. ошибочно указывают 1853—1860 гг. Смотря переписку Маркса и Энгельса, изданную в 1913 году.

«Памяти К. Маркса». СПб. 1908, стр. 410, сборник статей Ю. Невзорова, Н. Рожкова, В. Базарова, Ю. Стеклова, А. Финна-Евотасовского, П. Румянцева, К. Реннера, Г. Ролланд-Гольбет, В. Ильина, Р. Люксембург, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, П. Орловского и М. Таганского. Фр. Меринг: «Карл Маркс». Обширная биография Маркса на английском языке, составленная американским социалистом Спарго (Spargo) «K. Marx, his life and work». London, 1911, неудовлетворительна. Общий обзор деятельности Маркса см. К. Каутский: «Die historische Leistung von K. Marx. Zum 25. Todestag des Meisters». Berlin. 1908. Русск. перевод: «К. Маркс и его историческое значение». СПб., 1908. Ср. также популярную брошюру Klara Zetkin: «K. M. und sein Lebenswerk» (1913). Воспоминания о Марксе: Анненкова в «Вестнике Европы», 1880, № 4 («Воспоминания», т. III. «Замечательное десятилетие»). СПб. 1882) и Карла Шуца в «Русском Богатстве», 1906, № 12; М. Ковалевского в «Вестнике Европы», 1909, VI и сл.

По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова: «За 20 лет». СПб. 1909, 3-е изд.; «От обороны к нападению». СПб. 1910; «Основные вопросы марксизма». СПб. 1908; «Критика наших критиков». СПб. 1906; «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». СПб. 1908, и др. соч. Антонио Лабриола: «К вопросу о материалистическом взгляде на историю». СПб. 1898. Его же: «Исторический материализм и философия». СПб. 1906. Фр. Меринг: «Об историческом материализме». СПб. 1906 (2 изд.: «Провещание и «Молота»). Его же: «Легенда о Лессинге». СПб. 1908 («Знание»). Ср. также (немарксист) Ш. Андер: «Коммунистический Манифест. История, введение, комментарий». СПб. 1906. См. также «Исторический материализм». СПб. 1908, сборник статей Энгельса, Каутского, Лафарга и мн. др. Л. Аксельрод: «Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма». СПб. 1906. Специальная защита неудачных отступлений Дигена от марксизма у E. Untermann: «Die logischen Mängel des engen Marxismus». München. 1910 (753 стр. — обширный, но несерьезный труд). Hugo Riekes: «Die philosophische Wurzel des Marxismus» in «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 62. Jahrgang, 1906, 3. Heft, S. 407—432, интересная работа противника марксовского взглядов, показывающего их философскую цельность с точки зрения материализма. Benno Erdmann: «Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung» in «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft» (Schmollers Jahrbuch) 1907, 3. Heft, S. 1—56 очень полезная формулировка некоторых основных положений философского материализма Маркса и свод возражений с ходячей точки зрения кантианства и агностицизма вообще. R. Stammler: «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung» 2 изд. Lpz. 1906 (кантианец). Вольман: «Исторический материализм», рус. перевод, 1901 г. (также кантианец). Форендер: «Кант и Маркс». СПб. 1909 (тоже). Ср. также полемику между А. Богдановым, В. Базаровым и др. («Очерки по философии марксизма», СПб. 1908. А. Богданов: «Падение великого фетишизма», М. 1909 и др. соч.) и В. Ильиным («Материализм и эмпириокритицизм», Москва, 1909). По вопросу об историческом материализме и этике: К. Каутский: «Этика и материалистическое понимание истории». СПб. 1906 и многочисленные другие произведения Каутского. Затем Boudin: «Das theoretische System von K. Marx». Stuttg., 1909 (Л. В. Буди: «Теоретическая система К. Маркса в свете новейшей критики», перев. с англ. под ред. В. Засулич. СПб. 1908). Hermann Gorter: «Der historische Materialismus», 1909. Из сочинений противников марксизма укажем: Тузан-Барановского: «Теоретические основы марксизма». СПб. 1907. С. Прокопович: «К критике Маркса». СПб. 1901. Hammacher: «Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus» (Lpz. 1910, стр. 730 — собрание цитат). В. Зомбарт: «Социализм и социальное движение в XIX в.». СПб. Max Adler (кантианец): «Kausalität und Teleologie» (Wien. 1909: «Marx-Studien») и «Marx als Denker».

Достойная внимания книга идеалиста гегельянца Gioe Gentile: «La filosofia di Marx» (Pisa. 1899) — автор отмечает некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающие от внимания кантианцев, позитивистов и т. п. — и Lévy: «Feuerbach» — об одном из главнейших философских предшественников Маркса. Полезный свод цитат из ряда сочинений Маркса у Чернышева: «Памятная книжка марксиста». СПб. («Дело») 1908. По вопросу об экономическом учении Маркса: К. Каутский: «Экономическое учение Маркса» (многочисленные русск. издания), его же: «Аграрный вопрос», «Эрфуртская программа» и многочисленные брошюры. Ср. еще Бернштейн: «Экономическое учение Маркса». 3-й том «Капитала» (русск. перев. 1905); Габриэль Девиль: «Капитал» (изложение 1 тома «Капитала», русский перевод 1907). Представителем так называемого ревизионизма среди марксистов по аграрному вопросу является Э. Давид: «Социализм и сельское хозяйство» (рус. перев. СПб. 1902). Критику ревизионизма см. у В. Ильина: «Аграрный вопрос», ч. 1, СПб. 1908. См. также В. Ильин: «Развитие капитализма в России», 2-е изд. СПб. 1908 и его же: «Экономические этюды и статьи». СПб. 1899. В. Ильин: «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», вып. 1. 1917. При-

менение взглядов Маркса, с некоторыми отступлениями, к новейшим данным об аграрных отношениях во Франции у Comptère-Morel: «La question agraire et le socialisme en France». Paris. 1912 (455 стр.). Дальнейшее развитие экономических взглядов Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни см. у Гильфердина: «Финансовый капитал». СПб. 1911. (Исправление существенных несправильностей во взглядах автора на теорию стоимости см. у Каутского в «Neue Zeit»: «Gold, Papier und Ware» — «Золото, бумажные деньги и товары» — 30, 1; 1912, S. 837, 886). В. Ильин: «Империализм, как новейший этап капитализма», 1917 г. В существенных пунктах отстывает от марксизма П. Маслов: «Аграрный вопрос» (2 тт.) и «Теория развития народного хозяйства» (СПб. 1910 г.). Критику некоторых из этих отступлений см. у Каутского в «Neue Zeit», XXIX, 1, 1911, статья: «Мальтузианизм и социализм».

Критика экономического учения Маркса с точки зрения широко распространенной среди буржуазных профессоров теории «предельной полезности»: Böhm-Bawerk: «Zum Abschluss des Marxschen Systems» (Brl. 1896 в «Staatswiss. Arbeiten», Festgabe für K. Kries). Есть русск. перевод: СПб. 1897, «Теория Маркса и ее критика», и его же «Kapital und Kapitalzins», 2 изд. Insbrg. 1900—1902, 2 т. («Капитал и прибыль»). СПб. 1909). Далее см.: Riekes: «Wert und Tauschwert» (1899); v. Borthkiewicz: «Wertrechnung u. Preisrechnung im Marxschen System» (Archiv f. Sozialw., 1906—1907); Leo v. Buch: «Über die Elemente d. polit. Ökonomie. I. Th. Die Intensität d. Arbeit, Wert u. Preis» (изд. также по-русски). Разбор критики Бём-Баверга с марксистской точки зрения: Hilferding: «Böhm-Bawerks Marx-Kritik» («Marx-Studien», Bd. 1, Wien, 1904) и более мелкие статьи в «Neue Zeit».

По вопросу о двух главных направлениях в истолковании и развитии марксизма, — «ревизионистском» и радикальном («ортодоксальном»), см. Эд. Бернштейн: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (нем. orig. Stuttg., 1899; рус. пер. «Историч. материализм», СПб. 1901. «Социальные проблемы», М. 1901), ср. также его же: «Очерки из истории и теории социализма», СПб. 1902. Ответ ему: К. Каутский: «Бернштейн и с.-д. программа» (нем. orig. Stuttg. 1899. Рус. пер. 4 издания 1905—1906 гг.). Из французской марксистской литературы: Jules Guesde: «Quatre ans de lutte des classes», «En garde!», «Questions d'hier et d'aujourd'hui» (Paris, 1911); P. Lafargue: «Le déterminisme économique de K. Marx» (Paris, 1909). Ant. Pannkoek: «Zwei Tendenzen in der Arbeiter-Bewegung».

По вопросу о марксовской теории накопления капитала новая работа Rosa Luxemburg: «Die Akkumulation des Kapitals» (Brl. 1913) и разбор ее неправильного толкования теории Маркса у Otto Bauer: «Die Akkumulation des Kapitals» («Neue Zeit», 31 т., 1913, 1, S.S. 831 u. 862). Eckstein в «Vorwärts», 1913 и Pannkoek в «Bremer Bürger-Zeitung», 1913.

Из старой русской литературы о Марксе: Б. Чичерин: «Немецкие социалисты» в «Сборнике государственных знаний», Безобразова, СПб. 1888, и «История политических учений», ч. 5. М. 1902, стр. 156. Ответ Зиберу: «Немецкие экономисты сквозь очки г. Чичерина» в «Собрании сочинений» т. II, СПб. 1900. Л. Слонимский: «Экономическое учение К. Маркса». СПб. 1898. Н. Зибер: «Давид Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях». СПб. 1885 и «Собр. сочинений», 2 тома, СПб. 1900. Рецензия И. Кауфмана (И. К-на) на «Капитал» в «Вестнике Европы» 1872, № 5 — замечательна тем, что Маркс в последующем ко 2-му изданию «Капитала» цитировал рассуждения И. К-на, признавая их правильным положением своего материалистически-диалектического метода.

Русские народники о марксизме: Н. К. Михайловский в «Русском Богатстве» 1894, № 10; 1895, №№ 1 и 2, перепеч. в собр. соч. — по поводу «Критических заметок» П. Струве (СПб. 1894), разобранных с марксистской точки зрения К. Трутиным (В. Ильин) в «Материалах к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб. 1895, уничтожено цензурой), перепечатано у В. Ильина: «За 12 лет», СПб. 1908. Далее, из народнической литературы: В. В.: «Наши направления». СПб. 1892. Его же: «От 70-х годов к 90-ым». СПб. 1907. Николай — он: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». СПб. 1893. В. Чернов: «Марксизм и аграрный вопрос». СПб. 1906. Его же: «Философские и социологические этюды». СПб. 1907.

Кроме этюдов об историческом материализме. СПб. 1896. 2-е изд. 1913 г. под заглавием: «Критика экономического материализма». Масарик: «Философские и социологические основания марксизма». М. 1900. Кроче: «Исторический материализм и марксистская экономика». СПб. 1902.

Для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и соратника Фридриха Энгельса. Нельзя понять марксизм и нельзя правильно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса.

Критика Маркса с точки зрения анархизма см. у В. Чернышева: «Доктрины марксизма». СПб. 1905, 2 части; В. Тежер: «Вместо книги». М. 1907. Синдикалист Сорель: «Социальные очерки современной экономики». М. 1908. В. И. Ленин (Соч., 4 изд., М., 1955, т. 24).

ОТ РЕДАКЦИИ

Редколлегия Философской Энциклопедии сочла целесообразным перепечатать в данном томе классическую работу Ленина о Марксе. После написания этой статьи вопросы истории марксизма и его творческого развития продолжали всесторонне исследоваться, в том числе и в связи с новыми публикациями рукописей Маркса, которые не были известны Ленину. Эти проблемы широко освещаются во всех томах Энциклопедии — в статьях, специально посвященных произведениям Маркса (напр., «Капитал», «Критика Готской программы», «Немецкая идеология» и др.), и в таких статьях, как: *Диалектический материализм, Исторический материализм, Марксизм-ленинизм, Коммунизм, Диктатура пролетариата, Классы, Классовая борьба, Государство, Диалектика, Логика диалектическая, Материализм, История, Мораль, Искусство* и др.

МАРКСИЗМ — см. *Марксизм-ленинизм, Маркс.*
«МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ» — произведение В. И. Ленина, посвященное критике международного ревизионизма. Написано в апреле 1908; впервые напечатано в сб. «Карл Маркс (1818—1883)» (1908). В период столыпинской реакции в России, после поражения революции 1905—07, приобрел особое значение вопрос о борьбе с ревизионизмом, выдвинулись на первый план вопросы защиты революц. теории. В интеллигентских кругах мутной волной разлились различные упадочные настроения, начавшие проникать и в рабочее движение. Усиленно пропагандировался *эмпириокритицизм*. Вышел в свет сб. статей *Богданова, Базарова* и др. «Очерки по философии марксизма». В сноске к ст. «М. и р.» Ленин сделал такое примечание по поводу этой книги: «Здесь не место разбирать эту книгу и я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что в ее сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим „новым“ неокантианским и неберклианским ревизионистам» (Соч., т. 15, с. 20, прим.). Отсюда видно, что Ленин уже начал работу над кн. «*Материализм и эмпириокритицизм*».

В ст. «М. и р.» дан глубокий анализ и принципиальная критика оппортунистич. антимарксистской сущности ревизионизма, вскрыты его идейные истоки и классовые корни. «Неизбежность ревизионизма, — писал Ленин, — обуславливается его классовыми корнями в современном обществе... Во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев», которые неминуемо в условиях капитализма «...выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение слова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима „полная“ пролетаризация большинства населения для осуществления такой революции» (там же, с. 23, 24, 25). Ленин показал, что ревизионизм есть интернационал. Несмотря на гигантское разнообразие нац. условий, отношение ревизионистов к марксизму повсюду в существе своем однородно.

Критически проанализировав всю систему филос. и социологич. взглядов ревизионизма, Ленин разгромил оппортунизм в области идеологии, теории, тактики, организац. принципов, раскрыл классовую роль оппортунизма как осн. опоры буржуазии в рабочем движении. Характеризуя политич. сущность ревизионизма, Ленин писал: «От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать корен-

ные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, — такова ревизионистская политика» (там же, с. 23). Ленин разгромил «поправки» ревизионистов к экономич. учению Маркса, доказав, что кризисы при монополистич. капитализме достигли невиданной раньше остроты, что капитализм неизбежно идет к своему краху (см. там же, с. 21). Суровой критике подверг Ленин рассуждения ревизионистов о бурж. демократии, показав, что парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократич. бурж. республик как органов классового угнетения.

«В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской „науки“ ..., тащился за неокантианцами...» (там же, с. 19), опошляя и искажая диалектический материализм, проповедуя старый и реакц. филос. хлам под флагом критики якобы «догматического» марксизма.

Важное значение работа «М. и р.» имеет для периодизации истории марксизма. Ленин показал, что первые полвека своего существования (с 40-х до 90-х гг., когда выступил ревизионизм) марксизм боролся с теориями, к-рые были в корне враждебны ему: младогегельянством, прудонизмом, бакунизмом, позитивизмом. К 90-м гг. победа марксизма над всеми прочими идеологиями рабочего движения была в осн. чертах завершена. Большинство пролетарских партий в разных странах стало на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, — те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-е годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма» (там же, с. 18).

Заканчивая статью «М. и р.», Ленин пророчески предсказал, что идейная борьба революц. марксизма с ревизионизмом в конце 19 в. есть лишь преддверие великих революц. битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства. «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу» (там же, с. 25). Победоносные социалистич. революции в России и ряде др. стран показали всю жизнеспособность и правдивость этого ленинского прогноза.

Лит.: Ситковский Е., Непобедимая сила учения Маркса (К 30-летию работы Ленина «М. и р.»), «Историч. ж.», 1938, № 4; Леонов Ф., Острое оружие в борьбе против ревизионизма (К 50-летию со времени опубликования работы В. И. Ленина «М. и р.»), «Правда», 1958, 10 октября, № 283 (14677); Окунев А. А., Борьба В. И. Ленина против философии реформизма и ревизионизма, М., 1959; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Великая картина коммунистич. и рабочих партий, М., 1961; Васецкий Г., Развитие В. И. Ленинским марксистской философии в борьбе с ревизионизмом (1907—1913 гг.), М., 1961. А. Окунев. Москва.

«МАРКСИЗМ О ГОСУДАРСТВЕ» — работа В. И. Ленина, представляющая собой анализ лит. и эпистолярного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу о *государстве*. Впервые опубли. в 1930 в XIV

Ленинском сборнике. Пад изучением лит-ры о гос-ве Ленин работал в конце 1916—нач. 1917 в Цюрихе. Прослеживая формирование и развитие взглядов основоположников марксизма на гос-во, Ленин отмечает определение ими политич. власти как организмов, насилия одного класса над другим и гос-ва как аппарата такого насилия. «С развитием классового антагонизма между капиталом и трудом „государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства“» («Марксизм о государстве», 1958, с. 79, 81).

Ленин продолжает начатую Марксом и Энгельсом борьбу против *анархизма и реформизма*. По мере развития классовой борьбы капиталистич. гос-во начинает привлекать рабочих к управлению, но оно делает это лишь для отцеживания революционеров, подкупа, развращения «...мещанским уютом „культурно“ сносной филистерской жизни...» (там же, с. 97) и т. п. Пролетариат же должен использовать бурж. гос-во для сочетания легальной и нелегальной работы, для постоянной борьбы против оппортунизма. Однако для свержения эксплуататоров и построения бесклассового общества старый бюрократически-воен. гос. аппарат непригоден. Ленин восстанавливает и защищает от оппортунистов важнейший вывод Маркса: «...Революция пролетариата не может „просто“ взять в руки „готовую“ государственную машину, революция должна разбить ее, эту готовую машину, и заменить н о в о й» (там же, с. 7). Ленин выписывает классич. слова Маркса о восстании как иск-ве, критикует заговорщич. тактику бланкизма. Разбитая революцией старая гос. машина, свергнутая диктатура буржуазии может быть заменена только *диктатурой пролетариата*. Ленин показывает, как исторически складывалось в марксизме понятие диктатуры пролетариата; он подчеркивает, что Маркс не «сочиняет» новую власть, а «...изучает, к а к сами революции „открывают“... ее, как само рабочее движение п о д х о д и т к этой задаче, как п р а к т и к а начинает решать ее» (там же, с. 91).

Ленин отмечает роль классовых орг-ций пролетариата и значение союзников в его борьбе, останавливается на вопросе об отношении пролетарского гос-ва к *религии*. Он указывает на возможность различных форм перехода от капитализма к социализму, цитируя в этой связи слова Энгельса: «Вообще... дело вовсе не в том, захватит ли пролетариат, достигнув власти, орудия производства, сырые материалы и средства существования путем простого насилия, заплатит ли он тотчас же вознаграждение за это или выкупит постепенно эту собственность небольшими частичными платежами. Пытаться отвечать на этот вопрос заранее и относительно всех возможных случаев — значило бы фабриковать утопии...» (там же, с. 77). Ленин раскрывает огромное значение исторически первого опыта диктатуры пролетариата — Парижской Коммуны — для развития марксистской теории, сравнивает ее опыт с опытом рабочего движения после 1871, особенно с первой рус. революцией 1905—07. Ленин обогащает марксистское понятие гос-ва новым опытом классовой борьбы пролетариата, указывает на Советы рабочих депутатов как гос. форму диктатуры пролетариата.

Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин характеризует осн. фазы развития коммунистич. общества, рассматривает их гл. черты и изменение роли гос-ва в каждой фазе. По мере исчезновения классов и построения коммунистич. общества гос-во начинает отмирать. Но окончательно оно может исчезнуть лишь в высшей фазе коммунизма, когда небывало разовьются производит. силы, исчезнет противоположность между умств. и физич. трудом, между городом и деревней,

когда труд делается первой жизненной потребностью человека.

Конспекты, составляющие «М. о г.», представляют большой интерес для изучения метода работы Ленина над теоретич. проблемами; они легли в основу кн. «Государство и революция», использованы в ряде др. ленинских произведений.

Работа выходила отд. изданиями в 1931, 1932, 1933, 1934 и 1958; вошла в 33-й т. Полн. собр. соч. В. И. Ленина (5 изд.); переведена на укр., узб., нем., рум. и чеш. языки.

И. Колюков. Москва.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — научная система революционных взглядов рабочего класса, трудящихся, отражающая объективные законы развития мира и опыт *классовой борьбы* народных масс против эксплуататоров, постоянно развивающаяся на основе обобщения этого опыта и представляющая собой программу, стратегию и тактику его революционной борьбы против *капитализма*, за *социалистическую революцию* и установление *диктатуры пролетариата* в целях построения *коммунизма*. «Марксизм-ленинизм, — указывается в заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, — это единое великое революционное учение, путеводная звезда для рабочего класса и трудящихся всего мира на всех этапах их великой битвы за мир, свободу и лучшую жизнь, за создание самого справедливого общества — коммунизма. Его великая творческая преобразующая сила — в неразрывной связи с жизнью, в непрерывном обогащении на основе всестороннего анализа действительности» (Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, 1961, с. 84—85).

Марксизм возник в 40-х гг. 19 в. в Германии, где тогда назревала бурж.-демократич. революция. Своим образом революц. ситуации в этой стране состояло в том, что буржуазия, напуганная революционностью нар. масс, стремилась к сделке с королевской властью и помещиками за счет интересов трудящегося народа. Существ. отличием этой революц. ситуации по сравнению с условиями, предшествовавшими бурж. революциям в др. странах Зап. Европы (Голландия, Англия, Франция), было то, что в Германии на арену самостоятел. борьбы вышел пролетариат, являющийся самой революц. силой в истории человечества. Если в прежних бурж. революциях пролетариат своими руками «таскал каштаны из огня» для буржуазии, то в назревшей революции в Германии пролетариат выступал самостоятельно со своими особыми требованиями. Все это делало Германию центром мирового революц. движения. Задачу вооружить рабочий класс науч. мировоззрением, программой, стратегией и тактикой революц. борьбы взяли на себя и блестяще выполнили революц. идеологи пролетариата, вожди рабочего класса Германии *Маркс* и *Энгельс*, положившие начало величайшему революц. учению — науч. коммунизму.

Они критически переосмыслили и творчески переработали всю предшествующую науч. и обществ. мысль человечества. Важнейшими теоретич. источниками марксизма явились *классическая немецкая философия*, англ. политич. экономия, франц. *утопический социализм*. Наряду с этим Маркс и Энгельс критически и творчески обобщили всю прошлую и современную им практику классовой борьбы и революц. движения трудящихся масс.

Т. о., созданная Марксом и Энгельсом революц. теория — марксизм — представляет собой закономерный результат всего прежнего развития человек. мысли и критич. обобщение с позиций пролетариата практики классовой борьбы и революц. битв трудящихся масс против эксплуататоров. Но вместе с тем возникновение марксизма явилось величайшим рево-

лющ. переворотом в развитии обществ. мысли человечества, т. к. марксизм принципиально по-новому подошел к решению всех проблем и дал науч. ответ на важнейшие вопросы, поставленные развитием самой жизни и сформулированные передовыми умами прошлого.

Марксистская теория состоит из трех органически взаимосвязанных и взаимообусловленных частей: философии — *диалектического материализма* и *исторического материализма*, *политической экономии* и науч. коммунизма.

Диалектич. и историч. материализм представляет собой философию пролетариата и его коммунистич. партии; он является теоретич. фундаментом коммунизма, наукой о всеобщих законах развития природы, общества и мышления, находящихся свое адекватное, объективно-истинное отражение только в философии пролетариата как самого прогрессивного в истории, последовательно и до конца революц. класса, не боящегося полностью раскрыть объективную истину, прогрессивную историч. тенденцию развития человеч. общества.

Марксистская политич. экономия возникла на основе диалектико-материалистич. анализа Марксом современного ему капиталистич. способа произ-ва и соответствующего ему строя общества. Маркс глубоко разработал и обосновал трудовую теорию стоимости, открыл закон прибавочной стоимости. Это открытие составляет, по выражению Ленина, «...краеугольный камень экономической теории Маркса» (Соч., т. 19, с. 6), т. к. именно оно помогло ему раскрыть эксплуататорскую сущность бурж. произ-ва. Создавая Марксом политич. экономия раскрывает объективные, истинные законы развития обществ. произ-ва на всем протяжении истории человечества. Она с неумолимой логикой доказывает преходящий характер капиталистич. способа произ-ва, неизбежность его гибели и замены высшим способом произ-ва — коммунистическим. Маркс и Энгельс показали, что важнейшей движущей силой развития общества является борьба антагонистич. классов на всем протяжении его существования, начиная с периода разложения *первобытнообщинной формации*. Великой революц. силой они считали пролетариат, историч. миссией к-рого является уничтожение капитализма и всякой эксплуатации человека человеком, создание справедливого, гармонич. общественного строя. Этот строй Маркс и Энгельс называли коммунизмом.

Маркс и Энгельс показали реальные пути и средства уничтожения капитализма и перехода к коммунизму. Такими путями и средствами, как доказали Маркс и Энгельс, являются социалистич. революция и диктатура пролетариата. Они показали, что между капитализмом и коммунизмом лежит длительный переходный период, в течение к-рого пролетариат, взяв гос. руководство обществом в свои руки, будет направлять развитие всех сторон обществ. жизни по пути к коммунизму. Необходимым условием успешной борьбы за свержение гнета капитализма, за победу пролет. революции и коммунизма, учили Маркс и Энгельс, является объединение пролетариата разных стран и наций против буржуазии всех стран и наций, ибо задача и цель у пролетариата всего мира одна — коммунизм. В силу этого одним из важнейших принципов организации и борьбы пролетариата является *интернационализм*.

Для того чтобы совершить пролетарскую революцию, рабочий класс должен организовать и сплотить свои ряды, создать свою боевую революц. партию, в к-рой должны быть собраны его лучшие силы и к-рая поведет на борьбу за победу коммунизма. Такая партия — «Союз коммунистов» — была впервые создана Марксом и Энгельсом. Это являлось первой попыткой

соединения революц. теории, марксизма, с практикой революц. борьбы пролетариата.

Возникнув как революц. теория рабочего класса, марксизм прошел практич. проверку начиная с революций 1848—49. После поражения этих революций необходимо было перестроить тактику «Союза коммунистов» и перейти к мирной работе по собиранию и подготовке сил для нового этапа подъема революции. В ноябре 1852 по предложению Маркса «Союз коммунистов» объявил себя распущенным. Маркс и Энгельс направили свою деятельность в этот период на терпеливую пропаганду идей науч. коммунизма, на подготовку кадров пролет. революционеров во всех странах, на собирание сил междунар. пролетариата для новой революц. борьбы. Этот период ознаменовался созданием под руководством Маркса и Энгельса боевой революц. интернациональной партии рабочего класса, названной «Международное товарищество рабочих» (1-й Интернационал), основанной 28 сент. 1864. «Международное товарищество рабочих» впервые осуществило соединение революц. теории с практикой массового революц. движения пролетариата, с его классовой борьбой против эксплуататоров. Этим были созданы исходные позиции для окончательной и прочной победы марксизма в мировом рабочем движении. В 70—80-х гг. 19 в. в ряде стран Европы были созданы массовые марксистские партии пролетариата, возникшие либо на базе существовавших в этих странах нац. секций «Международного товарищества рабочих», либо созданные революц. деятелями, выросшими и воспитанными в нем.

Распространение марксизма в рабочем движении встречало ожесточенное сопротивление как со стороны открытых противников его (напр., бакунистов, прудонистов и др.), так и со стороны соглашательских оппортунистич. элементов внутри социал-демократич. партий — ревизионистов.

Ревизионизм в рабочем движении возник как проявление влияния бурж. идеологии на определенные, наименее революционные, относительно обеспеченные слои рабочего класса (т. н. рабочая аристократия), идущие на поводу у хозяев и их дипломированных прислужников из бурж. интеллигенции. Другим источником ревизионизма явилась идеология входивших в пролет. партии мелкобурж. элементов, к-рым свойственны половинчатость, колебания между пролетариатом и буржуазией, что находит одно из своих выражений в теоретич. вывихах и уступках бурж. идеологии. Представители ревизионизма требовали в философии возврата к *Канту*, пытались подменить материализм субъективным идеализмом, материалистич. диалектику — плоским эволюционизмом. В области политич. экономии они выдвинули *организованного капитализма теорию*, утверждая, что капитализм должен перерасти в социализм в порядке самотека, без всякой революции. В области политики ревизионисты отстаивали теорию «гармонии классовых интересов» и «сотрудничества классов», отрицающую теорию пролет. революции и диктатуры пролетариата. Ревизионизм в рабочем движении привел к *реформизму*, получившему наиболее яркое выражение в тактике партий II Интернационала и выражавшемся в отказе от пролет. революции и диктатуры пролетариата и подмене их мирной парламентской «деятельностью», состоявшей в сотрудничестве с бурж. партиями и выключивании у господства классов отдельных подачек для трудящихся масс при сохранении власти и господства капитала. Одной из форм ревизионизма явился центризм (Каутский, Троцкий и др.), к-рый объявлял своей целью примирение противоречий между революц. и оппортунистич. течениями в рабочих партиях, а на деле выступал против всех осн. положений марксизма и старался подчинить рево-

лющ. элементы в с.-д. партиях влиянию оппортунистов. С ревизионизмом неразрывно связаны и имеют одинаковую с ним социальную природу *догматизм* и *сектантство*. Догматизм стремится толковать и применять положения марксизма метафизически, не сообразуясь с конкретной историч. обстановкой, и составляет как бы обратную сторону ревизионизма. Под сектантством в рабочем движении понимается попытка к.-л. группы или партии замкнуться в себе, изолироваться от широких слоев трудящихся, оторваться от общих интересов пролет. борьбы.

Марксизм нашел свое дальнейшее развитие в трудах гениального продолжателя дела Маркса и Энгельса — *Ленина*, к-рый поднял революц. учение марксизма на новую, высшую ступень развития.

Деятельность Ленина протекала в период высшей, последней стадии развития капитализма — в эпоху *империализма*, когда до крайности обострились все противоречия, присущие этой обществ. формации. Ленин не просто воспринял теорию Маркса и Энгельса, а творчески развил и конкретизировал ее применительно к условиям новой эпохи, эпохи перехода от капитализма к социализму, эпохи социалистич. и нац.-освободит. революций, эпохи крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпохи перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и строительства коммунистич. общества. Борьба и деятельность Ленина представляют собой новый этап, ленинский этап в развитии революц. теории рабочего класса, справедливо именуемой в силу этого марксизмом-ленинизмом. Ленинский этап в развитии марксизма характеризуется творческой разработкой и творческим применением положений марксизма к эпохе империализма и пролет. революций.

Ленин был выдающимся практиком революц. борьбы, вождем пролет. революции, величайшим теоретиком, во всех направлениях развивавшим марксизм на основе обобщения практич. опыта классовой борьбы в эпоху империализма. То обстоятельство, что революц. учение рабочего класса ныне всеми именуется марксизмом-ленинизмом, выражает признание великого творч. вклада Ленина в марксистскую теорию. Марксизм-ленинизм является великим интернациональным учением, истинность к-рого все более и более подтверждается всем ходом развития мировой истории. Все составные части марксизма — философия, политич. экономия, науч. коммунизм — получили в бессмертных трудах Ленина дальнейшее развитие, обогащение и конкретизацию. Ленин дал ответы на все коренные вопросы, к-рые поставила новая эпоха перед рабочим классом, и ярким светом марксистской теории осветил путь развития человечества к коммунизму.

Ленинский этап в философии ознаменован борьбой Ленина против *магизма*, к-рый он подверг всесторонней уничтожающей критике в «*Материализме и эмпириокритицизме*». Ленин не только защитил от нападков ревизионистов марксистскую философию, но и философски осмыслил и обобщил все то новое, что было достигнуто в развитии естествознания за время после написания Энгельсом «*Анти-Дюринга*». Ленин показал, что новейшие открытия в физике того времени подтверждают истинность диалектич. материализма.

Величайшим вкладом Ленина в развитие марксистской философии являются его «*Философские тетради*», где разработаны такие важнейшие проблемы марксистской диалектики, как единство, тождество диалектики, логики и теории познания; противоположность диалектич. и метафизич. методологии (две концепции развития); учение о единстве и борьбе противоположностей как ядре диалектики и др. В своих произведениях Ленин дает классич. образцы применения материалистич. диалектики, диалектич. метода к важней-

шим вопросам политики и классовой борьбы пролетариата, к стратегии и тактике рабочего движения, к политич. экономии и др. наукам. Эти и др. проблемы философии марксизма Ленин разрабатывал и в более поздних своих произведениях — «*О значении волевого материализма*», «*Еще раз о профсоюзях, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина*» и др.

Ленин внес неоценимый вклад в экономич. теорию марксизма. Он открыл высшую стадию капитализма — империализм, раскрыл его специфику, его экономич. и политич. сущность. Анализируя экономику эпохи империализма, Ленин открыл один из важнейших его законов — *неравномерности развития капитализма закон*, в силу к-рого революц. ситуация возникает не обязательно в самых развитых в экономич. отношении странах, а в той стране, где противоречия капитализма наиболее обострены и буржуазия к-рой неспособна путем политич. маневров и махинаций нейтрализовать революционность нар. масс. Такая страна, по определению Ленина, представляет собой слабое звено в цепи империализма. В этом слабом звене и произойдет прежде всего прорыв единой цепи системы империализма. Исходя из этого, Ленин конкретизировал и развил теорию социалистич. революции и диктатуры пролетариата применительно к эпохе империализма: пролет. революция не может произойти одновременно во всех важнейших, наиболее развитых капиталистич. странах, как предполагали Маркс и Энгельс, ибо революц. ситуация не может возникнуть одновременно во всех основных странах мира. Наоборот, исходя из учения о слабом звене в цепи империализма, естественнее предположить, что таким слабым звеном или звеньями окажется вначале одна или несколько стран, где позиции империализма наиболее подорваны и ослаблены, и именно там и произойдет пролет. революция. Т. о., Лениным был сделан важнейший вывод — о возможности победы пролет. революции и социализма сначала в одной стране. Жизненная практика, развитие историч. событий в 20 в. подтвердили этот ленинский вывод, к-рый после победы Великой Октябрьской социалистич. революции и построения социализма в СССР превратился из науч. гипотезы в науч. теорию. Победа социалистич. революции в ряде европейских и азиатских стран нар. демократии является новым практич. подтверждением правильности, истинности ленинской теории пролет. революций.

Новый вывод Ленина о возможности победы социализма в одной стране не означал «отмены» и «замены» им марксовой теории социалистич. революции какой-то иной теорией. Все осн. положения марксистской теории социалистич. революции были сохранены и развиты Лениным. Это относится к вопросу о диктатуре пролетариата, о партии рабочего класса, о союзниках пролетариата в революции — *крестьянстве* прежде всего, о стратегии и тактике его борьбы с буржуазией и ее прихвостнями — ревизионистами, догматиками и оппортунистами разных оттенков, о нац.-освободит. движении.

Создавая теорию коммунизма, Маркс и Энгельс наметили лишь общие контуры будущего коммунистич. общества, лишь в самых общих чертах показали различие между двумя его фазами. Основываясь на этих положениях Маркса и Энгельса, Ленин разработал вопросы об осн. чертах переходного периода от капитализма к социализму, о путях и средствах построения социализма и коммунизма, об осн. закономерностях развития общества в эпоху социализма и коммунизма. Тем самым Ленин идейно вооружил Коммунистич. партию на длительный историч. период. Исходя из гениальных ленинских положений, творчески применяя и развивая их, КПСС привела сов.

народ к победе социализма и теперь руководит раз-
вернутым строительством коммунистич. общества в
СССР.

Ленинизм, возникнув в России, на почве рус. рабо-
чего движения, имеет огромное междунар. значение.
Говоря словами самого Ленина, теория и тактика рус.
коммунистов представляют собой образец для всех
революционеров: «...русский образец,— писал он,—
показывает в с е м странах кое-что, и весьма существенное,
из их неизбежного и недалекого будущего» (Соч., т. 31, с. 5—6; ср. с. 10).

После смерти Ленина КПСС во главе со своим Цент-
ральным Комитетом и др. коммунистич. партии про-
должали развивать марксистско-ленинскую теорию,
обобщая практич. опыт социалистич. строительства
в СССР, опыт международного коммунистич. и нац.-
освободит. движения.

В напряженной борьбе с различного рода оппорту-
нистами (троцкистами, «правыми», бурж. национали-
стами и др.) КПСС сумела дать единственно правиль-
ный ответ на коренной жизненный вопрос того времени
о возможности построения социализма в одной стра-
не, находящейся в капиталистич. окружении. Это
положение явилось важнейшим вкладом в марксист-
ско-ленинскую теорию, обогатившим ее, открывшим
широкую историч. перспективу для развития револю-
ции. Развивая и конкретизируя это новое положение
марксистско-ленинской теории, КПСС разработала
вопросы: о путях, темпах и средствах социалистич.
индустриализации; о методах и формах осуществле-
ния кооперативного плана В. И. Ленина, что открыло
широкий путь к социализму многомиллионной массе
трудового крестьянства; о путях и средствах прове-
дения культурной революции в стране, к-рая до этого
страдала от дикого невежества, темноты и нищеты;
о закономерностях построения социалистич. общества
и постепенного перехода к коммунизму.

В годы Великой Отечественной войны КПСС, твор-
чески применив марксистскую диалектику в военном
деле, к военной теории и практике, развила марксист-
ско-ленинскую военную науку, к-рая неизмеримо пре-
восходит все бурж. военные доктрины, основанные на
порочной метафизич. методологии и антинаучном,
идеалистич. мировоззрении. Война показала неизме-
римое превосходство советской марксистско-ленин-
ской военной науки над военной доктриной фашист-
ской Германии и ее сателлитов в Европе и Азии.

Важнейшей вехой в развитии марксистско-ленин-
ской теории явился XX съезд КПСС. XX съезд раз-
венчал культ личности Сталина. Для культа лич-
ности Сталина были характерны такие явления, как на-
четничество, талмудизм, цитатничество, догматизм,
отсутствие смелости в постановке новых теоретич.
проблем. Культ личности, конечно, не мог остановить
творч. развития марксизма-ленинизма, но он сковывал
творч. инициативу партийных масс, тормозил
развитие теоретич. мысли. «Развенчав на своем XX
съезде культ личности И. В. Сталина,— говорится в
постановлении Июньского (1963) пленума ЦК
КПСС,— и отбросив его, партия окончила с наруше-
ниями ленинских норм партийной и государственной
жизни, субъективизмом и догматизмом в экономике,
политике и идеологии, открыла широкий простор
инициативе и активности народных масс» («Правда»,
1963, 22 июня, с. 1).

XX съезд КПСС смело поставил и творчески решил
ряд коренных жизненных вопросов современности:
о мирном сосуществовании двух обществ. систем; о воз-
можности предотвращения войн в совр. эпоху; о фор-
мах перехода различных стран к социализму. Идея о
возможности мирного сосуществования между гос-ва-
ми с различным обществ. и политич. строем впервые
была высказана Лениным еще в начальный период

существования Сов. гос-ва. Эта идея всегда лежала
и лежит в основе внешней политики Сов. Союза.
XX съезд КПСС подтвердил верность СССР ленинской
политике мирного сосуществования, основанной на
невмешательстве во внутр. дела др. стран, подчерк-
нул, что этот принцип и впредь остается основой внеш-
ней политики Сов. Союза, и призвал все страны
признать политику мирного сосуществования как един-
ственно разумную основу отношений между гос-вами
с различным обществ. и политич. строем, обеспечи-
вающую прочный мир во всем мире. Политика мирно-
го сосуществования рассчитана на мирное экономич.
соревнование социализма с капитализмом и исключает
войну как средство разрешения междунар. споров,
конфликтов и неурегулированных проблем, но она
не исключает идеологич. борьбы между социализмом
и капитализмом, так как в идеологич. области не мож-
ет быть мирного сосуществования. XX съезд КПСС
сделал важнейший вывод всемирно-историч. значения
о возможности предотвращения войн в совр. эпоху.
Такая возможность обуславливается изменением соот-
ношения сил на мировой арене: могучим ростом миро-
вой системы социализма, превратившейся ныне в ре-
шающую силу развития человек. общества и отстаи-
вающей дело мира, и полным крахом престижа импе-
риализма, к-рый деградирует и давно уже перестал
играть доминирующую роль в мире, потеряв значит.
часть своих экономич. и политич. позиций, своих
колоний, из к-рых он извлекал сверхприбыли, и стя-
жав себе всеобщую ненависть нар. масс всех стран.
Конечно, пока существует империализм как обществ.
система, остается опасность возникновения войн. Но
такие новые историч. факторы современности, как
мировая система социализма, обладающая могучими
материальными средствами для обуздания агрессоров
и тем самым предотвращения агрессии; наличие боль-
шой группы гос-в несоциалистических, но прочно стоя-
щих на позициях мира и активно выступающих против
войны; растущее рабочее движение в капиталистич.
странах; все более нарастающее движение сторонни-
ков мира, в к-ром участвует значит. часть человече-
ства,— все эти факторы создают реальную возможность
предотвращения войн в совр. эпоху. Задача заклю-
чается теперь в том, чтобы эту возможность превра-
тить в действительность. Для этого требуется: неустан-
ная бдительность народов, постоянное разоблачение
агрессивных планов империалистич. поджигателей
войны, постоянное расширение и укрепление движе-
ния сторонников мира, активная деятельность всех
сил, борющихся против войны, за мир во всем мире.
Теоретически обобщая с позиций марксизма-лениниз-
ма процессы совр. обществ. жизни, XX съезд КПСС
сделал новый творч. вывод, дополняющий и разви-
вающий ленинскую теорию социалистич. революции,
о возможности избежать в отдельных странах граждан-
ской войны при взятии власти рабочим классом и осу-
ществить этот важнейший шаг пролет. революции мир-
ным путем, используя традиц. парламентские формы
борьбы, исторически сложившиеся в данной стране.
Такая возможность возникла теперь благодаря нали-
чию мировой социалистич. системы, колоссального
увеличения сил социализма, демократии, мира и не-
прекращающегося ослабления сил империализма, ре-
акции и войны. В наст. время не исключена возмож-
ность того, что в нек-рых капиталистич. странах в ре-
зультате активной деятельности прогрессивных эле-
ментов и сплочения большинства народа вокруг рабо-
чего класса во главе с коммунистич. партией рево-
люц. силам удастся завоевать большинство в парла-
менте и, взяв власть в свои руки, осуществить социа-
листич. революцию без вооруж. восстания. Превраще-
ние такой возможности в действительность будет
в каждой стране зависеть от реального соотношения

классовых сил, от степени сопротивления эксплуататорских классов революц. преобразованиям, от ряда иных факторов конкретной историч. обстановки в данной стране и от междунар. положения. Этот вывод XX съезда КПСС отнюдь не снимает вопроса о немирном, насильств. пути развития социалистич. революции путем вооруж. восстания и ничего общего не имеет с ренегатскими теориями реформистов о «мирном пути» перехода от капитализма к социализму, о «перерастании» капитализма в социализм и т. п. Вывод XX съезда КПСС о возможности мирного перехода от капитализма к социализму не отрицает, а подчеркивает революц. характер этого перехода, не отрицает, а, наоборот, безусловно признает необходимость установления диктатуры пролетариата в результате мирной победы революции. Тем самым этот вывод направлен на победу социализма. В этом и заключается его марксистско-ленинская сущность.

Коммунистич. партия, следуя заветам Ленина, учит рабочий класс и всех трудящихся овладевать всеми формами борьбы против капитализма — мирными и насильственными, парламентскими и непарламентскими, диалектически сочетая их в своей повседневной практике и используя, в зависимости от конкретной историч. обстановки, те из них, к-рые наилучшим образом ведут к конечной цели трудящегося человечества — к коммунизму.

Важнейшим творч. вкладом в марксистско-ленинскую теорию являются решения и документы XXII съезда партии, принятая им Программа Коммунистической партии Советского Союза. В новой Программе КПСС дано теоретич. обобщение опыта социалистич. строительства в СССР и странах нар. демократии; раскрыты закономерности развития мировой системы социализма; закономерности, пути и средства построения материально-технич. базы коммунизма; определены перспективы роста и развития междунар. революц. движения рабочего класса и нац.-освободит. борьбы колониальных и зависимых народов; намечены пути и средства претворения в жизнь ленинской политики мирного сосуществования двух социальных систем и обеспечения всеобщего мира. Все ценнейшие теоретич. выводы новой Программы КПСС являются науч. обобщением реальных жизненных процессов.

Важнейшей задачей как Коммунистической партии Советского Союза, так и всех братских коммунистич. партий является борьба за чистоту своего идейного оружия — марксистско-ленинской теории.

Как показал опыт революционной борьбы, сила международного коммунистического движения — в верности марксизму-ленинизму и пролет. интернационализму. КПСС на протяжении всей своей истории вела борьбу против всяких видов отступничества от теории марксизма-ленинизма, против всех проявлений оппортунизма. В Заявлении Совещания коммунистич. и рабочих партий в ноябре 1960 отмечается, что гл. опасностью в мировом коммунистич. движении является ревизионизм, и указывается вместе с тем на необходимость решит. борьбы и против сектанства и догматизма, к-рые могут на том или ином этапе развития отд. партий стать главной опасностью, если против них не вести последоват. борьбы.

Борясь против совр. ревизионизма и догматизма, КПСС вместе с др. братскими партиями продолжает творчески развивать и конкретизировать марксистско-ленинскую теорию применительно к условиям мирного сосуществования двух противоположных социальных систем на мировой арене и развернутого коммунистич. строительства в СССР. Как указывается в Программе КПСС, «теоретическая разработка и своевременное практическое решение новых проблем, выдвигаемых жизнью, — необходимое условие успешного движения общества к коммунизму. Теория

и впрямь должна освещать путь практике, помогать выявлению и преодолению препятствий и трудностей, мешающих успешному коммунистическому строительству. Партия считает своей важнейшей обязанностью дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории на основе изучения и обобщения новых явлений в жизни советского общества и опыта мирового революционного рабочего и освободительного движения, творческое сочетание теории с практикой коммунистического строительства» (1961, с. 118).

Практика развернутого коммунистич. строительства дает массу фактич. материала для теоретич. обобщений, для дальнейшего развития и конкретизации марксистско-ленинской теории, для разработки науч. ответов на самые животрепещущие теоретич. вопросы действительности. В то же время коммунистич. строительство представляет собой применение марксистско-ленинской теории на практике и это, со своей стороны, способствует ее дальнейшей конкретизации и развитию.

Успешному строительству коммунистич. общества способствует воспитание всех людей в духе идеалов науч. коммунизма. Идеологич. работа партии имеет важнейшее значение. Она способствует всестороннему гармоничному развитию личности, формированию нового духовного облика людей, для к-рых характерны высокая идейность, нравств. чистота, для к-рых творческий труд на благо общества составляет первую жизненную потребность.

Коммунистич. партия Советского Союза, преодолев тяжелее последствия культа личности Сталина не только в практической, но и в идеологич. области, творчески продолжает и развивает марксизм-ленинизм, обогащает его на основе обобщения достижений совр. естествознания, практики революционной, классовой и нац.-освободит. борьбы и раскрытия новых закономерностей развития общества.

В совр. эпоху марксизм-ленинизм нашел свое материальное воплощение в мировой социалистич. системе, к-рая оказывает все более решающее воздействие на весь ход мировой истории, на все развитие человеч. общества. Как указывается в Программе КПСС, «все больше возрастает воздействие мировой социалистической системы на ход общественного развития в интересах мира, демократии и социализма» (1961, с. 25).

МАРСЕЛЬ (Marcel), Габриель (р. 7 дек. 1889) — основатель франц. католич. *экзистенциализма*, проф. Сорбонны. Известен также как драматург и лит. критик. На формирование мировоззрения М. оказали влияние идеи *Шеллинга*, *Кьеркегора*, *Бергсона*, *Ройса*. В 1929 принял католичество. После осуждения папской энцикликой (1950) экзистенциализма называет свою философию неосократизмом или христианским сократизмом.

В отличие от *Сартра*, *Камю*, *Хейдеггера*, экзистенциализм М. носит явно выраженный религиозный характер. В центре внимания М. стоят религиозно-этич. проблемы. Вместе с тем его апология христианства резко отличается от традиционного для католицизма схоластич. метода. Считая невозможным и неприемлемым науч. обоснование религии, он отвергает рациональные доказательства бытия бога и утверждает, что бог принадлежит особому миру «существования», недоступному для объективной науки. Поскольку «существование» носит иррациональный характер, понятие бога оказывается выведенным за пределы объективного мира. Бог, по М., существует, но не обладает объективной реальностью, не принадлежит миру «вещей»; он «непредставляем», «неопределим», его нельзя мыслить: «мыслить веру — значит уже не верить». Мир знания и мир веры лежат как бы в различных плоскостях, в разных «регистрах». Т. о., М.

использует своеобразную версию ср.-век. концепции двойственной истины, к-рая в совр. условиях явно направлена против науч. мировоззрения.

Индивидуальное бытие, по М., обладает значительной большей реальностью, чем бытие вообще. Весь мир, вся Вселенная раскрывается в субъекте и через субъект. От субъекта шел и Декарт, но М. декартовскому *cogito* противопоставляет как неопровержимое свидетельство (*lémoignage*) свое «я есть» — таинственную реальность своего личного существования. Она не может быть доказана рационально, она непосредственно постигается внутренним ощущением, «богатой и незаменимой эмоцией», и не нуждается в доказательствах. Бытие, по М., обладает очевидностью, к-рую можно сравнить только с осязанием (см. «L'être devant la pensée interrogative», «Bul. de la Société française de Philosophie», 1959, № 52).

Физич. мир — «мир объективности» — определяется М. как мир «надломленный», разобщенный (*monde cassé*), как царство «дуализма». Объект оторван в нем от субъекта, психич. «Я» от телесного организма; человек уподобляется вещи и целиком отождествляется с функциями телесного организма. При этом мир, оторванный от субъекта, оказывается «проблематичным», он становится объектом естествознания, предметом рациональной, теоретич. мысли. Научное, рациональное мышление объявляется М. существенным источником «дегуманизации» природы и самого человека: обладая механизмом универсализации, науч. мысль якобы всюду внедряет «дух абстракции», в к-ром все конкретное, «личностное» уничтожается, заменяется «безличным», «общезначимым». Никогда не следует забывать, что если превосходство науки состоит в том, что она для всех, то этому превосходству сопутствует тяжелое метафизическое возмездие; наука для всех только потому, что она ни для кого в отдельности (Marcel G., «Journal métaphysique», P., 1949, p. 289).

Эта оценка «мира объективности» распространяется и на область обществ. отношений. «Дух абстракции» проявляется, по М., в возросшей роли нар. масс и в распространении демократич. идеалов. В противовес личности, массы рассматриваются им как «сниженно человеческое», демократия трактуется как царство обезличенного человека, утратившего чувство «интимной реальности» своего существования. Дух абстракции и дуализма наиболее ярко проявляется, по М., в совр. технике. Технич. прогресс, утверждает он, превратился в самоцель, техника становится предметом «идолопоклонства». Благодаря технике человек окончательно поработается миром вещей.

В отличие от «мира объективности», в сфере «существования» исчезает граница между субъектом и объектом. Мир перестает быть «проблемой» и становится «таинством» (*mystère*). «Таинство» определяется как «сфера, в которой различие между тем, что во мне и тем, что предо мною, теряет свое значение и свою первоначальную ценность» («Être et avoir», P., 1935, p. 169). Если объект науки существует только в «третьем лице», как безличное «Он» (*lui*), то экзистенциальный объект — это «Ты» (*toi*); восприятие этого объекта всегда является **привязанностью**, влечением к нему. В мире «существования» рациональные отношения заменяются эмоционально-этическими. Любовь, а не разум является средством постижения «существования»; именно в этом, по М., состоит смысл сократо-платоновской идеи «блага»; истинное бытие «имманентно только любящей мысли, а не суждению». Область «существования» исключительно «персональна», все отношения в ней неповторимы в своей индивидуальности. Эмоц. отношения, по М., не могут быть объяснены рационально, они недоступны понятийному выражению и принадлежат к области иррацио-

нального. Существование, для М., — «...род чувства, которое не может интеллектуализироваться, обратиться в суждение..., не потеряв, быть может, всякого значения» («Journal métaphysique», P., 1949, p. 314).

В философии М. находит отражение кризис бурж. сознания, бурж. культуры. «Мир объективности», противопоставленный миру «существования», представляет собой картину бурж. обществ. отношений, критика к-рых у М. подчас является очень меткой. Но выход из кризиса М. ищет не в изменении обществ. отношений, а в уменьшении их влияния на индивидуальную жизнь, в ограничении общения узким кругом «духовной аристократии». Преодоление трагизма индивидуального существования он находит также в мистич. общении с божественным «Ты», являющимся источником «веры, надежды, верности и любви».

Для социальных взглядов М. характерна романтич. идеализация феод. средневековья, к-рое он противопоставляет совр. бурж. обществу.

Соч.: *Positions et approches concrètes du mystère ontologique*, в кн.: *Le monde cassé*, P., 1933; *Homo viator*, P., [1944]; *La métaphysique de Royce*, nouv. éd., P., 1945; *Du refus à l'invocation*, 2 éd., P., 1948; *Le mystère de l'être*, v. 1—2, P., 1951; *Les hommes contre l'humain*, P., 1951; *Le déclin de la sagesse*, P., [1954]; *L'homme problématique*, P., [1955]; *Présence et immortalité*, P., 1959.

Лит.: Zoccolotti M. A., *La filosofia dell'esistenza secondo G. Marcel*, Padova, 1942; *Existentialisme chrétien*: G. Marcel, P., 1947; *Chenu J.*, *Le théâtre de G. Marcel et sa signification métaphysique*, P., 1948; *Prini P.*, *G. Marcel e la metodologia dell'inverificabile*, Roma, 1950; *Bernard M.*, *La philosophie religieuse de G. Marcel...* [Le Puy, 1952]; *Trois fontaines R.*, *De l'existence à l'être*, v. 1—2, Namur, [1953]; *Rebollo Pen a A.*, *Crítica de la objetividad en el existencialismo de G. Marcel*, Burgos, 1954; *Hofeild P.*, *Der christliche Existentialismus G. Marcells*, Z., 1956; *Gallagher K. T.*, *The philosophy of G. Marcel*, N. Y., 1962.

[Г. Сульженко]. Москва.

МАРСИЛИЙ ПАДУАНСКИЙ (Marsilio da Padova) (р. между 1275 и 1280 — ум. 1342) — итал. ученый, врач, философ, политик и государствовед. Учился в Падуе, Орлеане и Париже. В 1312 избран ректором Париж. ун-та. За смелую критику папства и открытую поддержку императора Людвига Баварского в борьбе против папы Иоанна XXII (в этом отношении М. П. — соратник *Оккама*) М. П. был объявлен «величайшим еретиком», отлучен от церкви и заочно приговорен к смертной казни на костре (1327).

Взгляды М. П. проникнуты скептич. отношением к офиц. теологии. Считая сверхчувств. мир существующим, но недоказуемым, он придерживался теории *двойственной истины*. Отсюда вытекало оправдание им вслед за Оккамом сомнений в догматах религии. Отделяя политику от теологии, М. П. был одним из первых теоретиков, отстаивавшим мысль о светском характере гос-ва, не зависящего от церкви по самой своей природе и возникшего из обществ. договора. Целью гос-ва являются достижения материального благополучия граждан и обеспечение им досуга для умств. деятельности. Согласно взглядам М. П., монарха, осуществляющего гос. власть, избирает народ, под к-рым, однако, он понимал зажиточные сословия. За плохое управление монарх может быть наказан и отстранен от власти. М. П. сохранял сословное деление общества, требуя для всех сословий (в число к-рых не входило крестьянство) свободы и равенства политич. прав. М. П. впервые вводил разделение власти на законодательную и исполнительную. Правомочность имуществ. и политич. неравенства он обосновывал ссылкой на природные различия в умств. и моральном уровне людей.

В своем гл. соч. «Защитник мира» («Defensor pacis» 1324, опубл. 1522; Hannover, 1932—33, пер. на англ. яз., в кн. A. Gewirth, *Marsilius of Padua*, v. 2, 1956). М. П. резко нападал на тиранич. наследств. власть королей и отвергал светскую власть папства. Борьбу против папства он считал условием всеобщего мира

и образования нац. гос-ва. Требуя веротерпимости, он признавал необходимость религии как «воспитательной силы», к-рую нужно поставить на службу гос-ву. М. П. требовал сведения роли священников, избираемых прихожанами, к роли «духовных врачей» своей паствы. Этими идеями он оказал влияние на деятелей Реформации.

Лит.: Чичерин Б., История политич. учений, ч. 1, М., 1869; Книга для чтения по истории Средних веков, под ред. П. Виноградова, вып. 4, 4 изд., М., 1914, с. 1—10; Лернер И. Я., Политич. идеи М. П., М., 1946 (дисс.); История политич. учений, М., 1955, с. 99, 111—12; Battaglia F., Marsilio de Padova e la filosofia politica del medioevo, Firenze, 1928; Schneider-Windmüller W., Staat und Kirche im «Defensor pacis» des Marsilius von Padova, Bonn, 1934; Passerin d'Entrèves A., The medieval contribution to political thought: Thomas Aquinas, Marsilius of Padua, Richard Hooker, Oxf., 1939; Schinì A., Interpretazione storica di Marsilio, Padova, 1942; Desimoni G., Le dottrine politiche di Marsilio da Padova, Roma, 1942; Lagarde G., Naissance de l'esprit laïque au déclin du Moyen Age, v. 2, [P., 1948]; Gewirth A., Marsilius of Padua, the defender of peace, v. 1—2, N. Y., 1956. З. Мелещенко. Ленинград.

МАРТИ́ (Martí), Перес Хосе (28 янв. 1853—19 мая 1895) — нац. герой Кубы, философ, поэт и публицист. Род. в Гаване, в семье сержанта артиллерии. Уже в школьные годы воспеивал независимость родины и за поэму «Абдула» был выслан в Испанию (1870). Изучал философию и право в Сарагосском университете. Затем жил в Мексике, в 1879 читал лекции по философии в педагогич. ин-те в Гватемале. Еще в Испании (1870—74) М. опубликовал ряд работ, среди которых

«Политическая тюрьма на Кубе» («El presidio político en Cuba», 1871, нов. изд. 1953) и «Испанская республика перед кубинской революцией» («La Republica española ante la revolución cubana», 1873) представляют собой важный этап в формировании его революц.-демократич. программы, к-рая способствовала подготовке революции 1895—98 — самой демократич. из всех нац.-освободит. войн прошлого века в Лат. Америке.

М. принимал деятельное участие в создании Кубинской революц. партии (1892), разработал ее программу, руководил изданием печатного органа партии — газ. «Patria» («Родина»), на страницах к-рой вел пропагандистскую работу по подготовке всенар. борьбы против испанского ига (1895). М. погиб в бою с испанцами.

Практич. революц. деятельность М. сочетал с глубокой теоретич. разработкой вопросов революции и нац. независимости. «Проблема независимости, — писал М., — состоит не только в смене форм правления, но и в изменении его духа» (Избранное, М., 1956, с. 169). В своих работах М. раскрывал социальное значение революц. борьбы, обосновывал необходимость глубокого изучения действительности для определения будущих форм социальной организации. «Чтобы управлять хорошо, — писал он, — надо знать, кем и где ты управляешь, и хороший правитель... тот, кто знает, из каких элементов состоит население его страны, как их можно объединить и какими методами, при помощи каких учреждений, порожденных самой страной, можно вести народ к великой цели... Правительство должно быть детищем страны, дух правления ее народа» (там же, с. 166). Еще в конце прошлого века М. предупреждал об опасности для независимости лат.-амер. стран со стороны сев.-амер. империализма.

Хотя в целом объяснение исторического развития у М. носит идеалистич. характер, в решении ряда вопросов обнаруживается явно материалистич. тенденция. Так, М. утверждает, что «жизнь человека и народов основывается на удовлетворении их материальных потребностей» (цит. по журн. «Вопр. филос.», 1959, № 2, с. 136) и что литература, философия и религия изменяются вместе с условиями существования людей (см. там же).

Филос. взгляды М. претерпели эволюцию от эклектизма и увлечения краутизмом (см. Краузе), выразившегося в его «Филос. идеях», к материалистич. монизму. Уже в этом соч. М. обрушивается на схоластику и фактически исключает вмешательство бога в дела природы. В дальнейшем, при объяснении происхождения Земли, человека и т. п., М. придерживается в основном науч., материалистич. позиции. Стремясь найти правильный подход к решению мировоззренч. проблем науки, М. подвергает резкой критике, с одной стороны, вульгарный материализм, с другой — спиритуализм. Критикуя вульгарный материализм, «материализующий» психическое, М. считал заслугой науки успешное преодоление этого взгляда. М. защищает подлинно материалистич. концепцию происхождения жизни: «жизнь возникла из примитивной клеткв», а мир в целом «...не был сотворен, а является таковым в результате непрерывного развития» (там же, с. 134).

Согласно М., философия — это наука, изучающая «причины вещей, их различия, их аналогии, их взаимоотношения» (Obras completas, v. 2, Havana, 1946, p. 410). Природа, под к-рой он понимал все существующее, составляет единств. источник философии. М. выступил против попыток навязывать природе законы, выдуманные человеком: «Законы вещей должны быть выведены из наблюдения самих вещей» (там же, p. 412). Для познания истины философия, согласно М., обладает двумя основными средствами — наблюдением и рассуждением. Интуиция — это лишь вспомогат. средство. Вера в могущество познават. способностей человека выражена в словах М. о том, что над землей «...господствует лишь сила человеческого разума» (там же, v. 1, p. 743).

Лит.: Терновой О. С., Выдающийся кубинский мыслитель Хосе Марти, «Вопр. философии», 1959, № 2; История философии, т. 4, М., 1959; Лещенко Э. Р. де, Хосе Марти — антиимпериалист, чер. с исп., М., 1962; Хосе Марти. Библиографич. указатель, составитель Л. А. Шур, М., 1955; Sañudo F. P., Bibliografía Martiana. 1853—1955, La Habana, 1956. А. Буретт. Москва.

МАРТИ́НЕС (Martínez), Мартин (11 ноября 1684—9 окт. 1734) — исп. врач и философ. Окончив ун-т в Алькала-де-Энарес, получил звание проф. и доктора медицины. Пропагандировал эксперимент. метод, работал в области физики, химии и особенно плодотворно — анатомии. В философии изучал преимущественно разделы, наиболее соприкасающиеся с медициной, и сформулировал филос. концепцию «умеренного или рационального» скептицизма, развивая положит. начала скептицизма Санчеса. Объявив сомнение методом познания объективной действительности, М. выступал против ср.-век. схоластики и церк. догматики. Был сторонником атомистич. теории Гассенди. М. признавал возможность относит. познания истины через опыт, руководимый разумом. Свои филос. воззрения М. изложил в работе «Скептическая философия» («Philosophia sceptica», Md, 1730, 2 ed. 1750).

Лит.: Quiroz-Martínez O. V., La introducción de la filosofía moderna en España, Méx., 1949. З. Павский. Ленинград.

МАТИНЕТТИ (Martinetti), Пьеро (1872—1943) — итал. философ-идеалист; проф. Миланского ун-та. По М., функции философии, прежде всего, — религиозные. Позитивный результат филос. мысли —

«в религиозно-воспитании человечества» (см. «Saggi e discorsi», 1926, p. 27). Бог понимается М. в духе классич. идеализма: как бесконечный разум, представляющий собой множественность сознаний, как универсальное единство, цементирующее мир. Только такая концепция бога, полагая М., позволяет решить проблему свободы — центральную в его учении. Высшая форма познания, следующая за его чувственной и понятийной ступенями, — интуитивное постижение норм морали и истин религии. Последние, будучи недоступны рациональному познанию, находят выражение в образах и символах. Для воззрений М. характерна враждебность идеям демократии.

Соч.: *Introduzione alla metafisica*, [v.] 1, *Teoria della conoscenza*, Torino, 1904; *Breviario spirituale*, Mil., 1923; *La libertà*, Mil., 1928; *Gesù Cristo e il cristianesimo*, Mil., 1934; *Ragione e fede...*, Torino, 1942; *Il compito della filosofia e altri saggi inediti ed editi*, Torino, 1951.

Лит.: *Savinielli G.*, *La religione nel pensiero filosofico di P. Martinetti*, Firenze, 1939; *Sciassa F. M.*, *Martinetti*, Brescia, 1943; *Poggi A.*, *P. Martinetti*, Vicenza, 1943; *Lessio F. P.*, *L'idealismo religioso di P. Martinetti*, Brescia, 1950; *Goretti C.*, *Il pensiero filosofico di P. Martinetti*, Bologna, 1952; *Garin E.*, *Cronache di filosofia italiana (1900—1943)*, [2 ed.], Bari — Laterza, 1959; *Romanò F.*, *Il pensiero filosofico di P. Martinetti*, Padova, 1959. С. Эфиров. Москва.

МАРТИНО (Martineau), Джеймс (21 апр. 1805—11 янв. 1900) — англ. религ. философ, унитаристский напор в Ливерпуле, затем проф. в Манчестере и Лондоне (1840—85). Эклектич. философия М. направлена против материализма и атеизма и всецело служит оправданию христианского теизма и религ. морали. Признание внешнего мира М. основывает на изначальной вере в его существование и в его соответствии мыслимому миру. Пространство и время, будучи априорными формами сознания, также имеют объективную значимость. Особое место в идеалистич. философии М. занимает анализ причинности, используемый им для доказательства бытия бога. За феноменальной причинностью он усматривал поуменальную причинность и таким путем приходил к мысли о божестве воле как основе космич. причинности. Этика М. направлена против *утилитаризма* и основана на учении о свободе воли. М. выступал против теократич. притязаний церкви и превозносил святость государства.

Соч.: *The rationale of religious inquiry*, 3 ed., L., 1844; *Religion as affected by modern materialism*, L., 1874; *Modern materialism in its relations to religion and theology*, N. Y., 1877; *A study of Spinoza*, L., 1882; *Types of ethical theory*, v. 1—2, 3 ed., Oxf., 1889.

Лит.: *Уртон С. В.*, *Martineau's philosophy*, L., 1905; *Донес Н.*, *The philosophy of J. Martineau*, L., 1905. Б. Выховский. Москва.

МАРТИНОВИЧ (Martinovics), Игнац (1755—95) — венг. философ-материалист. Сначала был приверженцем просвещенного абсолютизма. Впоследствии, познакомившись с передовыми науч. и филос. теориями, стал выступать против монархии. В конце 80-х гг. М. написал ряд филос. трудов на нем. и франц. языках, в к-рых следовал в основном идеям «Системы природы» Гольбаха. М. руководил возникшим в начале 90-х гг. первым венг. респ. движением, целью к-рого были бурж.-демократич. преобразования; он разработал программу тайного радикального «Общества свободы и равенства». В 1794 «Общество...» было раскрыто, М. и его соратники казнены.

Соч.: *Dissertatio de harmonia naturali inter bonitatem divinam et mala creata*, Leopoli, 1783; *Physiologische Bemerkungen über den Mensch*, St. Pétervár, 1789; *Francia catechesis*, Nagyvárád, 1907; *Filozófiai írások*, Bdpst, 1956; *Mémoires philosophiques ou la nature dévoilée*, в кн.: *A magyar jakobinusok, iratai*, [köt.] 1, Bdpst, 1957.

Лит.: *История философии*, т. 1, М., 1957, с. 671—72.

МАРТЬЯНОВ, Петр Алексеевич (1835—65) — представитель рус. нар. свободомыслия 19 в. Был крепостным крестьянином, перед реформой 1861 выкупился и, разоренный помещиком, уехал в Лондон. Здесь сблизился с Герценом и Огаревым, сотрудничал

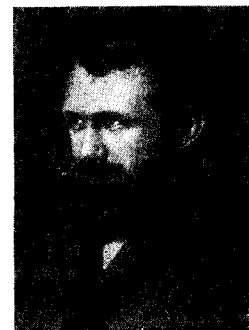
в «Колоколе» (опубликовал в нем открытое письмо к Александру II) и «Общем вече»; в издании «Вольной рус. типографии» вышла книга М. «Народ и гос-во» (1862). Весной 1863, возвращаясь в Россию, М. был арестован на границе; заточен в Петропавловскую крепость и за «дерзостное порицание» самодержавно-помещичьего строя приговорен к 5 годам каторжных работ с последующим пожизненным поселением в Сибирь. Умер в Иркутской тюремной больнице.

Основа мировоззрения М. — идея непримиримой борьбы с крепостничеством. Народ и самодержавно-помещичье гос-во рассматривались М. как враждебные силы. Народ, по М., это «то, что эксплуатируют», и те, «кто заодно с народом». Социальные силы, к-рые осуществляют угнетение, — «не народ, хотя к горю, стыду и прискорбию народа принадлежат к одной нации с ним» («Народ и государство», 1862, Лондон, с. 8, 13). Войны возникают из-за разногласий между гос-вами, а не пародами. Однако справедливы те войны, к-рые выражают стремление народа помочь «порабощенным братьям своим» (см. там же, с. 66). Осуждая мракобесие и лицемерие церковников, М. видел в них, как и в армии, орудие гос-ва. Страстная ненависть к дворянству, крепостному праву сочеталась в мировоззрении М. с наивной верой в «земского» царя.

След за Герценом и Огаревым М. признавал всеобщую связь явлений, их переход друг в друга, иллюстрируя это на примере растит. и животного мира (и соответственно — ботаники и зоологии). Бытие, считал М., подчиняется объективным законам, образующим определенную систему, «гармонию»; игнорирование этих законов пагубно сказывается на людях. Однако детерминизму М. присущ фаталистич. оттенок: М. склонялся иногда к трактовке личности как простого орудия законов и обстоятельств. Высоко оценивая М. как самобытного мыслителя из народа, Герцен писал: «Человек, испытанный всеми горящими бедствиями русской жизни, одаренный необыкновенным умом, энергический, глубоко страстный, Мартьянов сосредоточился весь на вопросе о судьбах русского народа; тут была его поэзия, его религия, любовь и ненависть» (Собр. соч., т. 18, 1959, с. 11—12).

Лит.: Герцен А. И., П. А. М. и земский царь, Собр. соч., т. 18, М., 1959; Огарев Н. Н., Куда и откуда, Избр. социально-политич. и филос. произв., т. 1, М., 1952; е го ж е. Расчетка нек-рых вопросов, там же; е го ж е. Голод и новый год, там же; Лемке М., Дело П. А. М. в кн.: Лемке М., *Очерки освободит. движения шестидесятых годов*, СПб., 1908; Коган Д. А., *Из истории рус. нар. свободомыслия в 60-е годы XIX века*, «Вопр. философии», 1964, № 6. Л. Козан. Москва.

МАРХЛÉВСКИЙ (Marchlewski) (псевдонимы — Карский, Куявский), Юлиан (17 мая 1866—22 марта 1925) — польский марксист, деятель междунар. рабочего движения. Род. в мелкошляхетской обедневшей семье в г. Влоцлавке. Революц. деятельность начал в 1885, один из организаторов и руководителей «Союза польских рабочих» (1889), революц. партии Социал-демократия Королевства Польского (1893). Окончил ун-т в Цюрихе (1895). В дисс. «Физиократизм в старой Польше» («Der Physiokratismus in Polen», 1896) дал марксистский анализ творчества польских просветителей конца 18 в. С 1896 жил в Германии; оказывал помощь Ленину при организации издания «Искры». Принимал участие в революции 1905—07 в Королевстве Польском. Представитель

С.-д-тии Королевства Польского и Литвы на V съезде РСДРП (1907), поддерживал большевиков. Делегат Цюрихского и Штутгартского конгрессов 2-го Интернационала. С 1909 вел работу преим. в герм. с.-д-тии. Вместе с Р. Люксембург и К. Либкнехтом участвовал в создании «Союза Спартака». За революц. деятельность неоднократно арестовывался. С мая 1918 — в Сов. России. В 1919 в течение неск. месяцев руководил революц. борьбой горняков Рура, затем вновь вернулся в Сов. Россию. Как один из представителей Коммунистич. рабочей партии Польши участвовал в создании Коммунистич. Интернационала (март 1919). Разработка М. теоретич. основ аграрной программы 3-го Интернационала получила высокую оценку Ленина (см. Соч., т. 31, с. 129). С 1922 — ректор Коммунистич. ун-та нац. меньшинств Запада. С 1923 — пред. ЦК МОПР.

М. — автор работ по вопросам экономики, междунар. положения, истории Польши и ее обществ. мысли («Социально-экономич. отношения на польских землях под властью Пруссии» — «Stosunki społeczno-ekonomiczne w ziemiach polskich zaboru pruskiego», 1903; «Антисемитизм и рабочие» — «Antysemityzm a robotniczo», 1913; «Очерк истории Польши», 1916—18, впервые опублик. в рус. пер. 1931, и др.). В кн. «Что такое политич. экономия и чему она учит» («Ekonomia polityczna, czym jest i czego uczy», 1902, рус. пер. 1905, нов. изд. 1921) М. разоблачал лживость утверждений Бернштейна о «социалистических» функциях финансового капитала. В работах «За что и как бороться?» («Jak i o co walczyć», 1905, рус. пер. 1959), «Имперализм или социализм?» («Imperialismus oder Socialismus?», 1912) М., рассмотрев взаимосвязь экономич. и политич. форм борьбы рабочего класса и соотношение насильств. и мирного путей низвержения капитализма, обосновывал марксистские тезисы о неизбежности классовой борьбы в бурж. обществе, об освобождении миссии пролетариата и раскрывал роль социалистич. идеологии в политич. просвещении рабочего класса. В ст. «Десять лет ревизионизма» («Dziesięć lat rewizjonizmu», в журн. «Przegląd socjal demokratyczny», 1908, № 7) М. подверг критике оппортунизм Бернштейна. Ленин в письме от 7 окт. 1910 (см. Соч., т. 34, с. 372—76) дал положительн. оценку критике М. меньшевистского оппортунизма.

Во время 1-й мировой войны в ст. «Воен. социализм в теории и на практике» М. разоблачал лживый лозунг т. н. «военного социализма», сторонники которого утверждали, будто борьба за социализм в условиях империалистич. войны должна заключаться в поддержке своего бурж. пр-ва. Империализм есть канун социалистич. преобразования общества, — доказывал М. в работе «Империализм или социализм?». В империализме М. видел последнюю стадию в эволюции капитализма, приближаясь, т. о., к ленинскому взгляду на сущность империализма.

Работа М. «Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией» («Rosja proletarjacka a Polska burżuazyjna», 1921, рус. пер. 1921) показывала, что для М. социализм и пролетарский интернационализм — нераздельные понятия. Конкретно-историч. подход М. к анализу практич. путей разрешения нац. вопроса в Польше фактически вел к преодолению ранее имевшегося у него отрицания роли нац.-освободит. движений как резерва в борьбе за социализм. Следуя ленинским идеям, М. указал на Советы как политич. форму социалистич. гос-ва.

По определению В. Гомулки, М. был одним из духовных вождей Коммунистич. партии Польши (см. Статьи и речи, М., 1959, с. 370). Борьбу М. за распространение идей науч. социализма и претворение их в жизнь продолжили в Польше 20—30-х гг. деятели КПП — А. Варский, М. Кошутская-Костышева,

Ю. Ленский, Э. Прухняк, Е. Рынг, С. Руднянский и др.

Соч.: Pisma wybrane, t. 1—2, Warsz., 1952—56; Listy do Stefana Żeromskiego i Władysława Orkana, [Кр., 1953]; в рус. пер.: Польша и мировая революция, М., 1920; Польша под иезовым игом, М., 1920; Социальные отношения в Польше, М., 1920; Революц. движение в Германии и Польше, Екатеринбург, 1923; Из истории Польши, М., 1925; Лит. наброски. Письма из Японии, М.—Л., 1929; Сегодня бросает работу, М.—Л., 1931; Соч., т. 4, 6, М.—Л., 1931.

Лит.: [Мархлевская Б.], Юлиан Балтазар М. (Карский). Основ. вехи биографии, [М.], 1933; Julian Marchlewski, Warsz., 1950; Kaszaniowska J., Bibliografia prac J. Marchlewskiego, Łódź, 1954. И. Нарский. Москва.

МАРЦИАН КАПЕЛЛА (Martianus Capella, 5в. н. э.) — рим. писатель, известен своим единств. соч. «О браке Филологии и Меркурия» («De nuptiis Philologiae et Mercurii», rec. F. Eyssenhardt, 1866; ed. A. Dick, 1925; ed. C. E. Lutz, 1939). В этом соч., чрезвычайно популярном в ср. века, дается очерк семи т. н. свободных искусств (из к-рых в ср. века образовался тривиум — грамматика, риторика и диалектика — и квадривиум — арифметика, геометрия, астрономия и музыка). Молодой Гроций изучал и даже переиздал соч. М. К. Историч. значение соч. М. К. состоит в том, что через него средневековой передавалась античная образованность. 4-я кн. соч. М. К. посвящена диалектике, к-рой он не придавал онтологич. значения, понимая ее как учение о языке и речи, о необходимых законах для соблюдения их правильности. В этой связи он излагал правила построения силлогизма и определения понятия, давал ряд важных для формальной логики дистрикций, писал о десяти категориях Аристотеля и пяти категориях Порфирия.

Лит.: История рим. литературы, т. 2, М., 1962, стр. 453—454; Schanz M., Geschichte der römischen Literatur, Münch., 1920, Bd 4, Hftd. 2, S. 166—70; Prantl C., Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 1, B., 1955, S. 672—79. А. Лосев. Москва.

МАРЧЕНА РУИС-И-КУЭТО (Marchena Ruiz y Cueto), Хосе (18 ноября 1768—1821) — исп. философ и публицист-просветитель. В 1788 отказался от принятого ранее духовного сана и, спасаясь от ареста, бежал во Францию. М. Р.-и-К. принадлежал к передовой исп. молодежи, по выражению Маркса «...горячо воспринявшей стремления и принципы французской революции и одно время даже питавшей надежду возродить родину при поддержке Франции» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 10, с. 437). М. Р.-и-К. сперва активно сотрудничал в газете Марата «Друг народа», затем отошел к жирондистам и во время якобинской диктатуры подвергся аресту. Горячий сторонник идей Просвещения, он перевел и нелегально переправил через исп. границу произведения Монтескье, Вольтера, Руссо. Републиканец, сторонник теории «народного суверенитета», М. Р.-и-К. в «Обращении к испанскому народу» («Aviso al pueblo español», 1792) призывал к созданию демократич. федеральной республики. В 1808 вернулся на родину, был арестован инквизицией, но освобожден Мюратом и активно сотрудничал с наполеоновскими властями. В 1814 вновь эмигрировал во Францию; возвратившись на родину после революции 1820, умер в бедности. Убеденный материалист, переводчик поэмы Лукреция «О природе вещей», М. Р.-и-К. изложил свои воззрения в «Чтениях по философии и морали» («Lecciones de filosofía moral...», v. 1—2, 1820), где выступил как горячий сторонник идей энциклопедистов и, в частности, их этики.

Соч.: Obras literarias, v. 1—2, Sevilla, 1892—96. Лит.: Schevill R., El abate Marchena and French thought of the eighteenth century, «Rev. Littér. Comparée», P., 1936, an. 16, № 2; Menéndez y Pelayo M., Historia de los heterodoxos españoles, v. 3, Md., 1947.

3. Плавский. Ленинград.
МАРШАЛЛ (Marshall), Альфред (26 июля 1842—13 июля 1924) — англ. бурж. экономист, проф. поли-

тич. экономики в Кембриджском ун-те (1885—1908). Теоретич. работы М., в к-рых он попытался объединить вульгарные теории издержек произ-ва, спроса и предложения, производительности капитала и воздержания с модными в конце 19 — нач. 20 вв. теориями предельной полезности и производительности, не только оказали влияние на развитие бурж. экономич. мысли, но затронули и ряд социологич. проблем: источники и направленность обществ. прогресса, социальная структура пром-сти (см. «Principles of economics», 1890, ch. 8—12, 8 ed., 1925), связи между формами собственности и организацией пром-сти (см. «Industry and trade», 2 ed., 1919, v. 1, ch. 3—8, v. 2, ch. 8—12, 4 ed., 1923), классовые взаимоотношения в пром-сти (там же, кн. 3, гл. 14), роль экономики в обществ. развитии и др.

Считая, что политич. экономия изучает экономич. деятельность людей или, иначе, их «экономическое поведение», к-рое регулируется их потребностями, склонностями, нравами и обычаями, психологич. и моральными установками, биологич. импульсами, М. тем самым примыкал к социологич. школе, полагавшей, что весь комплекс наук об обществе в основном должен изучать «социальное поведение». На развитие бурж. социологии оказала также влияние идея М. о том, что «в основе механизма экономич. деятельности и вообще социальной жизни лежит соблюдение общих норм, принципов человеч. общежития». Под влиянием философии *Спенсера* и учения Ч. *Дарвина* М. часто впадал в плоский эволюционизм, признавал в качестве единств. формы обществ. развития постепенную эволюцию. Ограниченность М. проявилась и в том, что он отвергал каузальный метод исследования. Согласно М., исследователь не должен искать единого основания к-л. экономич. явления (напр., стоимости), поскольку оно всегда находится во взаимодействии со множеством факторов, а должен выявить лишь функциональные связи и количеств. зависимости между экономич. явлениями. Поэтому работы М. не раскрывают существа экономич. явлений, хотя и насыщены математич. аппаратом (применение диаграмм, дифференциального и интегрального исчисления и т. д.), содержат детальный анализ явлений бурж. экономики.

М. оказал влияние на социологич. воззрения Т. *Маршалла* и особенно Т. *Парсонса*.

С о ч.: The economics of industry, L.—N. Y., 1888; Elements of economics, N. Y., 1892, 14 ed., L.—N. Y., 1907; Money, credit and commerce, L., 1924.
Лит.: Блюмин И. Г., Критика бурж. политической экономии, т. 1—2, М., 1962, т. 1, с. 152—227, т. 2, с. 40—48; Купев J. M., A. Marshall. 1842—1924, «Economic J.», 1924, Sept., v. 34, № 135; Memorials of A. Marshall, L., 1925.
И. Доброправов. Москва.

МАРШАЛЛ (Marshall), Томас Хемфри (р. 19 дек. 1893) — англ. бурж. социолог, президент Международ. социологич. ассоциации (1959—62). Проф. (с 1930) и руководитель кафедры социологии (1954—56) в Лондонской школе экономики; в 1949—50 — советник по вопросам образования англ. контрольной комиссии в Германии, в 1956—60 — директор департамента социальных наук ЮНЕСКО.

На социологич. концепцию М. оказали влияние взгляды М. Вебера, а также А. Маршалла и М. Гинсберга. М. не отрицает существования объективных обществ. закономерностей, к-рые, по его мнению, должны познаваться социологией, однако, следуя «теории факторов» М. Вебера, он не выявляет осн. моментов социального развития. М. утверждает, что социологи не должны делать ни безбрежных обобщений, ни исследовать универсальные законы и общее понимание человеч. общества как такового, ни ограничиваться только эмпирич. исследованием. По М., следует «...изучать не общество, прогресс, мораль и цивилизацию, но специфические социальные струк-

туры, определяющие основные процессы и функции» («Sociology at the Crossroads», L., 1947, p. 25). Исследуя в основном классовую структуру совр. бурж. общества, М. признает существование классов, но пытается доказать «старомодность» марксистской теории классов и ее равнозначность различным системам социальной стратификации. По М., главное значение в совр. обществе приобретает не классовая принадлежность, а социальный статус, по к-рому люди объединяются в «функциональные группы», характеризующиеся единством интересов их членов (см. «General survey of changes in social stratification in the twentieth century», в кн.: «Transaction of the third world congress of sociology», v. 3, L., 1956, p. 1—18).

В ряде работ (напр., «Природа классового конфликта» — «The nature of class conflict», в кн.: The social sciences., 1938, переизд. в его книге: «Citizenship and social class», Camb., 1950) М. указывал, что «принимает марксистский анализ природы классового конфликта...» (указ. сб., p. 119), однако он выходящая революц. содержание учения марксизма о классах и заменяет марксистские признаки класса такими признаками, как доход, собственность, образование, профессия (см. там же, p. 114—15). Такая трактовка непосредственно связана с отрицанием эксплуататорской сущности совр. капиталистич. строя. В своей наиболее значит. работе «Гражданство и социальный класс» — «The citizenship and social class», 1949 (переизд. в указ. сб., p. 1—85) М. стремится доказать, что происходит будто бы выравнивание социального статуса, к-рое изменяет основу капиталистич. строя, превращая его в «систему допустимого равенства и справедливости», в к-рой якобы исключена всякая возможность дискриминации кого-либо вследствие простой случайности рождения. По М., капиталистич. общество превращается в огромный средний класс, и социальный статус приобретает «скорее местное, индивидуальное и автономное значение», т. е. теряет осн. значение. Для М. характерно также ненауч. понимание бурж. гос-ва как надклассового, к-рое якобы способствует установлению социального равенства. Отсюда следует прямая апология принципов и практики бурж. демократии.

С о ч.: James Watt (1736—1819), L., [1925]; International comprehension in and through social science, L., 1960.
Лит.: Михеев В. И. и Зайцева М. И., Проблемы социальных изменений XX века (Обзор докладов Третьего Международного социологич. конгресса, август, 1956 год), М., 1957, с. 30—31.
И. Доброправов. Москва.

МАСАРИК (Masaryk), Томаш Гарриг (7 марта 1850—14 сент. 1937) — представитель позитивистского направления чешской философии, бурж. политич. деятель, первый президент бурж. Чехословацкой республики (1918—35). Д-р философии (с 1876), профессор философии Пражского ун-та (1882—1914). В 80—90-х гг. М. завоевал на родине популярность как обличитель мрачных сторон социальной жизни, выступал против антисемитизма и клерикализма. Стремясь создать «научное» позитивистское мировоззрение, М. противопоставлял его богословию, что, однако, не мешало ему быть сторонником неортодоксальной религии: только религиозная этика, по М., может удовлетворить духовные запросы человека, может дать ответ на вопрос о том, что должен делать человек. В своей первой работе по социологии «Самоубийство как обществ. массовое явление совр. цивилизации» (впервые опубл. на нем. яз. 1881, на чеш. яз. «Sebevražda hromadným jevem společenským moderní osvěty», 1904, 2 vyd., 1926) М. утверждал, что осн. причиной усиливающейся волны самоубийств является потеря религ. веры и вследствие этого — смысла жизни. Такая же религ. концепция пронизывает и др. работы М. («Современный человек и религия» — «Moderní člověk a nábo-

ženství), в журн. «Naše Doba», 1896—98, отд. изд. 1934; очерки о Паскале — «Blaise Pascal, jeho život a filosofie», 1883, и пр.). В кн. «Основы конкретной логики, классификация и система наук» («Základové konkrétní logiky», 1885, дополненное нем. изд. 1887) М. дает классификацию наук, исходя из *Конта* и Дж. С. Милля. Свою социологическую систему, отличающуюся крайним субъективизмом, М. излагает в соч. «Пособие по социологии. Сущность и методы социологии» («Rukověť sociologie. Podstata a metody sociologie», в журн. «Naše Doba», 1900—1901, не оконч.).

В конце 80-х гг. М. начинает заниматься философией истории. Понимание М. «смысла истории» отражены в его работах «Славянофильство И. В. Киреевского» («Slavjanofilství I. V. Kirejevského», в «Athenaeum», 1889, отд. изд. 1893) и «Славянская взаимность» Яна Коллара («Jana Kollárův „Slovanská vzájemnost“», в журн. «Naše Doba», 1894). Эти очерки являются началом ряда значит. трудов: двухтомного соч. «Россия и Европа» (впервые опубл. на нем. яз., Bd 1—2, 1913, на чеш. яз. «Rusko a Evropa», dl 1—2, 1919—20) и неск. произведений на тему о смысле чешской истории. Анализ «духовных течений» в России дается М. с т. зр. социол. субъективизма. М. отвергает значение революц. течений в рус. мысли и, продолжая традиции славянофилов и Достоевского, подчеркивает религ. смысл рус. истории. Равным образом религ. сущность ищет М. и в чешской истории («Ян Гус...» — «Jan Hus...», 1896; «Чешский вопрос» — «Česká otázka», 1895; «Наш современный кризис» — «Naše nynější krise», 1895; «Карел Гавличек» — «Karel Havlíček», 1896; «Идея чешск. народа у Палацкого» — «Palackého idea národa českého», в журн. «Naše Doba», 1898, 3 vyd., 1926, на нем. яз. 1898). Трактующий марксизм как экономич. материализм, чрезмерный историзм и односторонний коллективизм, М. полагал, что им дается «уничтожающая критика марксизма» («Социальный вопрос» — «Otázka sociální», 1898, [2 изд.], 1936, на нем. яз. 1899, в рус. пер. «Филос. и социол. основания марксизма», 1900). М. систематически выступал против революц. идеологии рабочего класса, проповедал бурж. гуманизм и либерально толкуемую демократию («Идеалы гуманизма» — «Ideály humanitní», 1901, 3 vyd., 1920; «Затруднения демократии...» — «Nesnáze demokracie...», 1913, и др.), что оказало отрицательное влияние на чешское рабочее движение. Антисоветским, антимарксистским духом проникнуты последующие произведения М.: «Новая Европа» (1 изд. на англ. яз. 1918, на чеш. яз. «Nová Evropa», 1920), «Славяне после войны» (впервые опубл. на англ. яз. 1922, на чеш. яз. «Slované po válce», 1923), «О большевизме» («O bolševictví», 1921), «Мировая революция» (впервые опубл. на англ. яз. в журн. «Slavonic Rev.», 1922, July, на чеш. яз. «Světová revoluce», 1925, 15 vyd., 1930), «Путь демократии» («Cesta demokracie», sv. 1, 1933).

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 326—27; Плеханов Г. В., О книге Масарика, в кн.: Избр. филос. произв., т. 2, М., 1956; Nejedlý Z., T. G. Masaryk, dl 1—4, [Praha], 1930—37; е го же, T. G. Masaryk, Praha, 1946; е го же, T. G. Masaryk ve vývoji české společnosti..., [Praha], 1950; Корескый В., T. G. Masaryk a komunisté, Praha, 1950; Тебие J. T., T. G. Masaryk: an intellectual in social and political action, [N. Y.], 1954; Дольанскый J., Masaryk a Rusko předrevoluční, Praha, 1959; Сулиба Т. H., T. G. Masaryk a revoluce v Rusku, Praha, 1959; Яковенко В., La bibliographie de T. G. Masaryk, Praha, 1935.

МАСЛИН, Александр Никифорович [р. 18 сент. (1 окт.) 1906] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1960), профессор (с 1960). Чл. КПСС с 1931. Окончил обществ.-экономич. отделение Казанского пед. ин-та (1929) и филос. аспирантуру МИФЛИ (1937). С 1932 преподает философию в вузах. В 1933—50 — на парт. работе, был ответств. редактором журн. «Пропагандист»

(1945—46) и «Партийная жизнь» (1946—47). С 1951 — в Ин-те философии АН СССР, с 1960 — зам. директора, с 1961 — зав. сектором проблем социалистич. культуры. Член редколлегий журн. «Вопр. философии» (1962). Исследует проблемы истории рус. философии, историч. материализма и теории культуры. Один из авторов и редакторов кн. «Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР» (1955—56).

Соч.: Мировоззрение Д. И. Писарева, в сб. статей: Из истории рус. философии, [Л.], 1949; Марксизм-ленинизм об уничтожении противоположности и существенного различия между умств. и физич. трудом, М., 1954; Принцип материальной заинтересованности при социализме, М., 1955; Критика Г. В. Плехановым идеализма и защита им марксистской философии в трудах 1904—1913 гг., вступ. ст. в кн.: Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957; О некоторых вопросах создания сов. социалистич. культуры и ее особенностях, «Вопр. философии», 1958, № 3; Учение В. И. Ленина о культурной революции и социалистич. культуре, в сб. ст.: Великое торжество идей ленинизма, М., 1960; Материализм и революц.-демократич. идеология в России в 60-х годах XIX в., М., 1960; Соединение умств. и физич. труда — одна из важнейших задач строительства коммунизма (в соавторстве), в сб.: От социализма к коммунизму, М., 1962; Итернац. характер культуры коммунизма, в кн.: Строительство коммунизма и проблемы культуры, М., 1963.

МАСОНСТВО, франкмасонство (от франц. franc maçon — вольный каменщик), — междунар. религ.-филос. течение. Возникло в Англии в 18 в., быстро распространилось в Европе и Америке. Ритуальная символика и организац. формы масонских лож заимствованы от ср.-век. цеховых братств каменщиков — строителей храмов. В раннем англ. М. широко представлены бурж. элементы. Затем в европ. ложах усиливается влияние дворянских элементов; ложи строятся по строгой иерархии, принципу. Для либерально-консервативной идеологии М. типичны определенные формы протеста против обществ. несправедливости, религ. нетерпимости и одновременно — аполитичность, проповедь покорности властям. Обществ. борьбе как средству обществ. преобразований М. противопоставляет нравств.-религ. самосовершенствование человека, обществ. равенство — взаимопомощь, любовь между членами лож. В масонском движении 18 в. участвовали мн. просветители (Вольтер, Лессинг, Гердер, Франклин и др.), думавшие найти в нем воплощение принципов гуманизма.

Система филос. идей М. не является единой и цельной. В англ. М. доминирует в 18 в. деизм, на европ. континенте — мистич. системы («Сен-Мартен», «Сведенборг», «Лафатер» и др.), пытающиеся противопоставить рационализму и материализму 18 в. обновленные аргументы гностиков (см. Гностицизм), Бэма, Парацельса, каббалы.

В наст. время М. распространено в США (ок. 4 млн. членов лож) и Зап. Европе (Великобритания, Дания, Финляндия, Швеция и др.). В 1952 под юрисдикцией трех старейших Великих лож — английской, ирландской и скандинавской — насчитывалось почти 9000 масонских орг-ций.

Масонство в России получило широкое распространение в 70—80-е гг. 18 в. в связи с кризисом рус. Просвещения после поражения крест. войны 1773—75 и начавшейся дворянской реакцией на франц. философию. Масонские ложи в эти годы насчитывают до 2500 чел. (данные Г. В. Вернадского); масоны издают обширную лит-ру, ряд журналов («Утренний свет», 1777—80; «Вечерняя заря», 1782; «Поконящийся трудолюбец», 1784—85, и др.). В 1792 Екатерина II запрещает масонские орг-ции, к-рые вновь возрождаются при Александре I, когда издаются журн. «Сионский вестник» (1806, 1817—18), «Друг юношества» (1807—15). После Отечеств. войны 1812 в масонских ложах участвуют мн. прогрессивные офицеры, пытаясь использовать для своих целей их организац. структуру. В 1822 масонские орг-ции были закрыты указом о «тайных обществах».

Борьбу с материализмом рус. М. начало с пропаганды умеренных религ.-этич. систем нем. идеалистов (Мейндельсон, Геллерт), сочинений антич. авторов и христ. моралистов (Платон, Паскаль, Юнг и др.). В нач. 80-х гг. под влиянием розенкрейцеров — наиболее реакц. ветви нем. М. — идеология рус. М. принимает характер откровенного обскурантизма. Начинается разработка и пропаганда систем Бёме, Сен-Мартена, Сведенборга, открытая борьба с науч. познанием. Логич. завершением пачатой еще в 70-е гг. борьбы с франц. вольномыслием явились в конце 80 — нач. 90-х гг. масонские «опровержения» политич. идей франц. революции, социологич. теорий Руссо, Гельвеция. Участие в рус. масонском движении просветителя Н. Новикова, оппозиционно настроенных дворян хотя и внесло некие гуманистич. мотивы в масонскую журналистику, элементы скептицизма в масонскую философию (см. журн. «Утренний свет» и «Покоящийся трудолюбец»), однако не изменило в целом консервативного характера идеологии М.; напротив, влияние М. сузило вскоре рамки просветительской деятельности Новикова; из его произведений исчезают антикрепостнич. мотивы, с сер. 80-х гг. писатель все больше уходит в мистику. Осн. представители рус. М.: И. Е. Шварц (ум. в 1782) — основоположник мистич. направления в рус. философии; Лопухин — автор ряда филиппик против энциклопедистов; С. И. Гамалей, И. П. Тургенев — переводчики на рус. язык сочинений Бёме, И. Масона, Сен-Мартена, Арндта; Кутузов — пропагандист нем. идеалистич. философии в России, и др.

М. являлось одним из гл. идейных противников формирующейся в России материалистич. мысли. Борьбе против масонского обскурантизма посвятил свой труд Батурин, резко выступали против масонских «бредомыслований» Радищев и др.

Лит.: Плеханов Г. В., История рус. обществ. мысли, ч. 3, Соч., т. 22, М.—Л., 1925; Фидель И. Г., История франк.-М. от возникновения его до настоящего времени, пер. с нем., т. 1—2, СПб., 1872—74; М. в его прошлом и настоящем, под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова, т. 1—2, М.—П., 1914—15; Барсков Я. Л., Переписка моск. масонов XVIII-го в. 1780—1792 гг., П., 1915; Пылин А. Н., Рус. М. XVIII и первая четверть XIX в., П., 1916; Вернадский Г. В., Рус. М. в царствование Екатерины II, П., 1917; Гукровский Г. А., Рус. лит-ра XVIII в., М., 1939, с. 293—303; Лотман Ю. М., Из истории лит.-общ.-еств. борьбы 80-х гг. XVIII в. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов, в кн.: Радищев. Статьи и материалы, Л., 1950; Макогоненко Г., Николай Новиков и рус. просвещение XVIII в., М.—Л., 1952; Плимак Е. Г., Масонская реакция против материализма в России, «Вопр. философии», 1957, № 2; его же, Из истории борьбы материализма и идеализма в XVIII в. (Батурин и Сен-Мартен), «Вестн. истории мировой культуры», 1960, № 4; Gould R. F., History of freemasonry..., v. 1—6, N. Y., 1936, new ed., v. 1, L., 1951. Е. Папмак. Москва.

МАССА (от лат. massa — глыба, масса) — мера инертных и гравитац. свойств материальных объектов. Филос. значение понятия М. определяется его тесной связью с категориями *материи, движения, пространства и времени*. Исторически понятие М. формировалось в связи с понятием материи, ее меры и движения. Поиски меры материи связаны с определ. идеями о ее структуре и сохранении. Античный атомизм трактовал принцип неуничтожимости и несотворимости материи как сохранение неделимых, вечно существующих атомов. Опираясь на идеи атомизма, Ньютон ввел понятие М., или количества материи, как меры таковой, пропорциональной плотности и объему тела. Задача определения М. тела в принципе сводится здесь к тому или иному способу счета неделимых частиц материи в единице объема.

Поиски законов движения материи вели к открытию фундаментальных свойств материальных объектов. Тела отличаются друг от друга не только числом частиц (количество материи), но, в частности, и свойством и н е р ц и и. Инерция трактовалась в классич. фи-

зике как свойство — атрибут, присущий атому и, следовательно, макроскопич. телу, составленному из этих атомов. М. как число атомов в данном теле естественно выступала как мера инерции тела. Инерция рассматривалась как косность материи, как ее полная пассивность по отношению к движению. Принцип инерции позволил придать понятию М. форму физич. величины, измеряемой в эксперименте.

Понятие М. формировалось и в связи с исследованием гравитационных взаимодействий. Понятие гравитационной М. по своему содержанию не зависимо от понятия инертной М. Проблема состоит в том, чтобы выяснить, откуда и на каких основаниях было введено в закон тяготения понятие гравитационной М. Инертная и гравитационная М. пропорциональны, а при соответств. выборе единиц равны. На этом основании можно было бы считать, как иногда допускается, что понятие М. берется из второго закона Ньютона ($F = m \frac{dv}{dt}$).

Однако такое решение вопроса логически несостоятельно, ибо сама возможность пропорциональности инертной и гравитационной М. реализуется только тогда, когда введено понятие гравитационной М. В силу этого понятие гравитационной М. могло быть введено только на основаниях, лежащих вне системы механич. понятий. И действительно, открытие законов механич. движения предшествовало открытию закона тяготения. Заслуга Ньютона заключалась именно в том, что он смело ввел понятие М., опираясь на атомистич. идеи. Формирование понятия М. способство-

вало открытию закона тяготения: $F = \gamma \frac{m_1 m_2}{r^2}$. Т. о.,

понятие М. уже в классич. физике складывается из трех структурных элементов общего понятия — М. как число материальных частиц, М. гравитационная и М. инертная. Каждый из них имеет относительно независимое содержание. Их связь физически проявляется в упомянутой пропорциональности гравитационной и инертной М.

В общей теории относительности пропорциональность инертной и гравитационной М. послужила исходным принципом (принцип эквивалентности) в построении совр. теории гравитации. Эта пропорциональность, в свою очередь, может быть понята в свете данных совр. науки на основе единства пространства и времени. Гравитация, согласно теории относительности, взаимосвязана с геометрич. свойствами пространства. Инертная М., в свою очередь, оказывается в тесной связи со временем. Глубокая связь пространства и времени может служить теоретич. объяснением родства инертной и гравитационной М. Развитие понятия М. определялось в процессе познания развитием научных знаний о видах материи и ее структуре. Исследование электромагнитных явлений привело к открытию нового вида материи — электромагнитного поля. Совр. физика позволяет рассматривать и другого рода поля как материальные объекты. В связи с исследованием движения электрич. заряженных частиц в электромагнитном поле возникла необходимость ввести понятие электромагнитной М. При этом оказалось, что электромагнитная М., напр., электрона изменяется в зависимости от скорости его движения. Это изменение электромагнитной М. открывало возможность объяснить инерцию на пути исследования электромагнитных процессов. Предполагалось, что у электрона остается механич. неизменная М. наряду с электромагнитной М., обусловленной его электрич. зарядом. При этом фактич. зависимость суммарных инертных свойств электрона экспериментально, как полагали, не должна совпадать с законом изменения одной только электромагнитной М., ибо электромагнитная М. — величина изменяющаяся, а механич. М.

электрона считалась в то время неизменной. По экспериментам, поставленных в начале века, электроны воли себя так, словно их M . имеет целиком полевою природу. Это послужило основанием для заявления о полном сведении M . электрона к электромагнитной M . А т. к. с понятием неизменной M . в классич. смысле связывалось представление о материи, то обнаруженные факты дали повод говорить о сведении материи к электричеству. В дальнейшем, однако, выяснилось, что сущность M . электрона, как и др. частиц, не исчерпывается электромагнитной природой. Это следовало уже из теории относительности. Эйнштейн открыл общий закон изменения M . со скоростью движения, применимый для любых частиц, обладающих собств. M ., вне зависимости от наличия или отсутствия у них электрич. заряда. Этот закон по математич. форме совпадает с законом зависимости электромагнитной M . от скорости движения. Из него следует, что поскольку закон зависимости массы электрона один и тот же как для механич., так и для электромагнитной M ., то вывод, что M . электрона имеет исключительно электромагнитную природу, нельзя считать достоверным. Совр. квантовая теория полей показывает, что не только электромагнитное поле, но и поля другой природы вносят нек-рый вклад в полную M . частицы; однако она не дает оценки относит. вклада тех или иных полей в M . частицы. Вопрос о природе M . в этом смысле остается нерешенной проблемой.

Общий закон зависимости M . от скорости движения указывает на глубокую связь M . с энергией. Известно, что чем больше скорость тела, тем больше кинетич. энергия и вместе с тем, как это следует из закона зависимости M . от скорости, тем больше M . тела. В силу закона взаимосвязи M . и энергии ($E=mc^2$) M . оказывается не только мерой инерции и гравитации, но может выступать и как мера энергии. Закон изменения M . тела со скоростью его движения и закон взаимосвязи M . и энергии внесли изменение в понятие M . и в др. отношении. Существуют частицы, имеющие M . покоя, или собств. M . При движении этих частиц с нек-рой скоростью у них возникает дополнит. M ., к-рая при приближении этой скорости к скорости света неограниченно возрастает. Общая M . таких частиц складывается из этих двух родов масс. M . частицы в системе, связанной с самой частицей, будут иметь вполне определ. фиксиров. значение. Это и будет собств. M . частицы, являющаяся ее специфич. характеристикой, отличающей данную частицу от других. Но т. к. частицы движутся по отношению к др. системам, то они вместе с тем обладают еще и динамич. массой. M . покоя инвариантна по отношению к пространств. перемещениям частицы как чего-то целого, в то время как динамич. масса — изменяющаяся в этом отношении величина. Однако M . покоя — не абсолютно неизменная величина. Она инвариантна по отношению к структурным изменениям материи. Если частицы с определ. собств. M . входят как часть в целое структурное образование, то собств. M . этого целого не равна простой сумме собств. M . частиц, составляющих это целое. Ядро имеет вполне определ. по величине собств. M ., к-рая, однако, не равна сумме собств. M . составляющих его частей — протонов и нейтронов. Это изменение собств. M . получило название дефекта M . Таким образом, M . покоя оказывается изменяющейся величиной и величина этого изменения служит характеристикой структурных связей элементарных частиц, образующих более сложные устойчивые дискретные единицы материи — ядра, ионы, атомы, молекулы. Величина дефекта M . может быть выражена через величину энергии. Это обстоятельство служит порой поводом к тому, чтобы явление дефекта M . описывать как явление превращения M . или даже материи в энергию. Эти утверждения противоречат фактич.

содержанию понятий M . и энергии. Такой вывод можно было бы сделать лишь в том случае, если, во-первых, под M . понимать только M . покоя и, во-вторых, если рассматривать энергию ядерных реакций вне связи с M ., как чистую энергию. Обнаружение изменчивости динамич. M . со скоростью движения, выяснение изменчивости собств. M . в связи со структурными изменениями материи не отменяет общего понятия M ., но выявляет лишь сложный состав этого понятия. Подобно тому, как общее понятие энергии предполагает специфич. формы ее проявления, общее понятие M . также может проявляться в специфич. формах. Если при этом учитывать закон взаимосвязи M . и энергии, то неизбежен вывод, что не существует чистой энергии как таковой. Энергия в любой форме всегда связана с соответств. типом M . В силу этого нет логич. оснований утверждать, что M ., а тем более материя, может превращаться в энергию. M . и энергия — два взаимосвязанных, не отделимых друг от друга свойства материальных объектов. В свете совр. атомистики M . уже не может рассматриваться как количество материи, ибо элементарные частицы не являются неизменными структурными элементами материи, как это представлялось в классич. атомизме. Можно говорить лишь о различных аспектах единого понятия M . — структурном, инерционном, гравитационном.

M . может выступать в качестве меры инерции и гравитации в силу того, что она подчиняется соответствующему закону сохранения. При этом закон сохранения M . может выполняться лишь для полной M ., включающей в себя все специфич. типы M . — M . покоя, динамич. M . и M ., соответствующую дефекту M . в ядерных реакциях. Дефект может реализоваться либо в форме динамич. M ., либо в форме M . квантов поля, напр. M . фотонов. В силу этого можно говорить о законе сохранения и превращения массы. Т. к. M . выступает как мера фундаментальных свойств материи — инерции и гравитации, а энергия есть мера движения, в законе взаимосвязи M . и энергии проявляется неразрывность материи и движения.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; Мах Э., Механика, [СПБ], 1909; Эйнштейн А., Зависит ли инерция тела от содержащейся в нем энергии, в кн.: Принцип относительности. Сб. работ классиков релятивизма, М.—Л., 1935; Ньюто́н И., Матем. начала натуральной философии, в кн.: Крылов А. Н., Собр. трудов, т. 7, М., 1936; Декарт Р., Начала философии, Избр. произв., [М.], 1950; Ломоносов М., [Письмо] Л. Эйлеру, Избр. филос. произв., [М.], 1950; Усп. физич. наук, т. 48, вып. 2, 1952; Лоренц Г. А., Теория электронов, пер. с англ., 2 изд., М., 1956; Овчинников Н. Ф., Понятия массы и энергии в их историч. развитии и филос. значении, М., 1957; Павлов А. И., О количественной определенности материи физ. объектов, в сб.: Уч. зап. Череповец. пед. ин-та, т. 2. [Вологда], 1959; Jammer M., Concepts of mass in classical and modern physics, Camb. (Mass.), 1961.

И. Овчинников, Москва.
МАССЕРА (Massera), Хосе Педро (1866—1942) — уругвайский философ, юрист, педагог и обществ. деятель. В конце 19 в. был близок к позитивизму *Спенсера*, однако впоследствии выступил с критикой позитивизма. M . стал сторонником идеалистич. течения, рассматривающего философию как учение о ценностях (см. *Аксиология*), основанных на автономии человек. воли.

Соч.: Estudios filosoficos, Montevideo, 1954.
Лит.: Ардао А., La filosofia en el Uruguay en el siglo XX, Mex. — B. Aires, 1956.

МАССОВАЯ ПРОБЛЕМА — бесконечный класс (научных) проблем (задач), охарактеризованный (или могущий быть охарактеризованным) при помощи некоего единого эффективно распознаваемого условия. На фигурирующее в этом пояснении понятие проблемы следует смотреть как на объемно-неопределенное, поскольку любая попытка предопределить, какие проблемы могут когда-либо в будущем представлять

интерес для к.-л. области знания, неоправдана. В характеристике понятия М. п. существенным является бесконечность класса проблем, т. к. в приращении к конечному классу задач не имеет смысла говорить об общем способе их задания, — этот класс может быть задан простым перечислением условий отд. проблем. Не менее существенным является требование эффективности распознаваемости того, удовлетворяет ли данная единичная проблема условию, характеризующему М. п., т. к. в противном случае самая постановка вопроса о «решении» М. п. становится неопределенной. Понятие эффективной распознаваемости теснейшим образом связано с уточняющим его понятием *алгоритма*. Однако понятие «алгоритм» незначительно включает в характеристику понятия М. п., поскольку для отнесения к.-л. конкретного класса задач к категории М. п. нужно не понятие об эффективной распознаваемости, а лишь некое конкретное эффективно распознаваемое условие. Решением М. п. естественно считать некую общую схему предписаний, применяемых к каждой из входящих в М. п. единичных проблем и дающих для каждой такой проблемы ее решение (в том смысле, в каком этот термин применим к задачам данного типа). Т. о., мы приходим к понятию алгоритма, к-рое может быть, в частности, охарактеризовано как решение массовой проблемы М. п., для к-рой существует решающий ее алгоритм, наз. разрешимой; если же доказано, что такого алгоритма не может быть, то М. п. наз. (алгоритмически) неразрешимой. Неразрешимость М. п. предполагает невозможность никакого алгоритма-решения — сам по себе факт отсутствия такого алгоритма, без доказательства его невозможности, свидетельствует лишь о том, что данная М. п. еще не решена, также как не решена ее *разрешения проблема*.

Понятие М. п. имеет фундаментальное методологич. и гносеологич. значение. Для любой науки характерно стремление перейти от описания единичных фактов и решения единичных задач к формулировке и решению М. п., охватывающих по возможности более широкий класс явлений описываемой в данной науке области действительности. Так, решениями определ. М. п. служат законы физики, в формулировку каждого из к-рых входят, кроме *констант* (характеризующих М. п. в целом), нек-рые *переменные* (параметры), каждому конкретному набору значений к-рых соответствует решение конкретной (единичной) проблемы. Иначе говоря, М. п. может быть охарактеризована как «задача с параметром (параметрами)»; решение понимаемой т. о. М. п. состоит в указании некоего правила (формулы), содержащего эти параметры (в отд. случаях решение может и не зависеть от всех параметров, входящих в формулировку самой М. п., — это означает, что нек-рые параметры излишни, несущественны для постановки М. п., или же — в другой трактовке — что решение данной М. п. может быть отнесено к более широкой М. п.).

Наличие неразрешимых М. п. является фактом первоочередной важности как для содержания той науки, к к-рой относится данная М. п., так и для ее методологии. Установление факта неразрешимости к.-л. М. п., предотвращающее бесплодную трату сил на попытки решения неразрешимых задач, свидетельствует о неправомерной широте постановки той или иной М. п., но никоим образом не предвещает вопроса о разрешимости к.-л. более узкой М. п., полученной из данной путем дополнит. ограничений, суживающих первоначально исследованный класс задач. В то же время решение М. п., неразрешимость к-рых не установлена, является своего рода программой-максимумом для данной области исследования.

При характеристике неразрешимых М. п. следует, кроме того, иметь в виду, что часто идет речь лишь о неразрешимости определенных средств в а. м. Так, неразрешимость М. п. решения любого алгебраич. уравнения выше 4-й степени в радикалах или неразрешимость М. п. интегрирования любой элементарной функции в элементарных же функциях свидетельствует по существу не о «неразрешимости» этих М. п., а лишь о недостаточности предлагавшихся вначале (и, конечно, желательных ввиду их простоты) средств решения. В упомянутых двух случаях более мощным (уже дающим возможность решения) средством служит, напр., аппарат теории бесконечных рядов.

Правда, в тех случаях, когда доказана алгоритмич. неразрешимость к.-л. М. п., ситуация принципиально иная, т. к. речь идет именно о несуществовании каких бы то ни было средств алгоритмич. решения. Но и здесь представление об «абсолютной» неразрешимости той или иной М. п. было бы неоправданным, поскольку оно должно было бы исходить из «абсолютной истинности» т. н. осн. гипотезы теории алгоритмов, состоящей не только в том, что неопределяемое, интуитивное понятие алгоритма эксплицируется тем или иным точным (математич.) понятием алгоритма, но и в том, что такая экспликация может быть исчерпывающей, охватывающей все естеств. понимания термина «алгоритм». Несмотря на ряд убедит. доводов в пользу этой гипотезы (эквивалентные формулировки к-рой известны как «тезис Чёрча», «тезис Тьюринга», «принцип нормализации» Маркова и др.), следует помнить, что ее оправдание находится вне сферы математич. логики и математики.

Сказанное выше о первичном, неопределяемом характере М. п. не исключает того, что для этого понятия (как и для понятия алгоритма) были предложены различные, оказавшиеся весьма плодотворными, уточнения. Характерно, что такого рода уточнения всегда предполагают — как и в случае понятия алгоритма — переход от общенауч. понятия М. п., каким оно выступает до уточнения, к трактовке его как понятия логико-математического. Напр., понятием М. п. по существу воспользовался Колмогоров в предложенной им интерпретации конструктивной (интуиционистской) логики (см. *Исчисление задач*). Пригодное для этой интерпретации уточнение понятия «проблема» было дано Клини. Другим примером может служить определение, предложенное сов. математиком Ю. Т. Медведевым.

Лит.: Медведев Ю. Т., Степени трудности М. п., «Докл. АН СССР», 1953, т. 104, № 4; его же, О понятии М. п., «Успехи матем. наук», 1956, т. 11, вып. 5, с. 231 — 232. См. также лит. при статьях *Алгоритм*, *Исчисление задач*, *Конструктивное направление*. Ю. Гастев. Москва.

«МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО» (англ. mass society) — понятие, к-рым ряд бурж. социологов и философов обозначает специфич. черты социальных и личных отношений людей в бурж. обществе эпохи монополистич. капитализма. Объективной основой этой концепции является возрастание роли масс в обществ. развитии, с одной стороны, и выделение узкой господствующей верхушки монополистич. буржуазии — с другой. Концепция «М. о.» развивалась в конце 19 — нач. 20 вв. Ортега-и-Гасет, Лебон, а затем экзистенциалисты, представители т. н. «неоиндивидуализма» (Э. Фромм, Д. Рисмен, неотрейдисты), сторонники возрождения свободной конкуренции («неолибералы» Ф. Хайек, Мизес и др.).

В понятие «М. о.» философы и социологи включают: разделение общества на элиту и «толпу», превращение подавляющей части общества в механич. совокупность индивидов, подчиняющихся противостоящей им системе принудит. норм и правил общежития; отсутствие внутр. целостности личности, постоянно переживаю-

щей конфликт между своими потребностями и требованиями общества; постоянное приспособленчество к мнениям, вкусам и запросам непосредств. окружения (конформизм) как гл. форму жизнедеятельности индивида. «М. о.» рассматривается как источник «социальных болезней»: преступности, неврозов, морального опустошения и разложения.

В концепциях «М. о.» различаются две линии. Первая имеет своей основой реакцию бурж. идеологии на революц. выступления масс (Ортега-и-Гасет, Лебон и др.). В этих концепциях, нашедших отражение и в художеств. фантастике (Хаксли, Оруэлл), в качестве силы, противостоящей «массе» и несущей в себе истинное историч. начало, обычно выдвигалась «элита», «вожди». Пападки на революц. выступления масс и формы нар. власти под видом критики «М. о.» широко распространены и в наши дни (см., напр., W. Kornhauser, *The politics of mass society*, 1960). Вторая линия представляет собой критику бурж. общества с позиций бурж. и мелкобурж. либерализма (Фромм, Рисмен, Бенсмен, Видич и др.). В чертах «М. о.» эти социологи и философы видят естеств. следствие совр. монолистич. капитализма. В этой линии находит выражение протест против его антидемократич. тенденций, против отказа от «традиционных» принципов бурж. демократии, подавления личности в совр. бюрократич. орг-циях. Критики «М. о.» выступают против стандартизации и унификации взглядов и форм поведения членов совр. бурж. общества, санкционируемых офиц. пропагандой в качестве идеала «нормальной» личности. Они отмечают, что в условиях бурж. общества усиливается отчуждение личности, растут элементы иррационального отношения людей к обществу, окружающим людям и собственным потребностям. Нек-рые из критиков «М. о.» используют ранние работы Маркса об отчуждении для характеристики совр. бурж. общества и свойственных ему фетишистских представлений об окружающей действительности.

Бурж. ограниченность концепции «М. о.» заключается в том, что ее представители связывают охарактеризованные процессы не с развитием монолистич. капитализма, а в большинстве случаев с «индустриальным обществом вообще», как якобы специфич. стадией в истории общества, стирая при этом коренное различие между экономич. отношениями капиталистич. и социалистич. обществ. Эта ограниченность проявляется в рекомендациях по реформированию «М. о.» не путем коренного преобразования системы капиталистич. отношений, а путем изменения сознания людей, самовоспитания их в духе индивидуализма. В большинстве своем представители концепции «М. о.» видят спасение от него в утопич. программе возрождения свободной конкуренции, к-рая связывается с «расцветом индивидуальности», «социальной целостностью» и т. д. Нередко критика «М. о.» используется как средство идеол. борьбы против социализма с его плановым х-вом и коллективистским сознанием.

Лит.: Замошкин Ю. А., Бюрократизация бурж. общества и судьбы личности, «Вопр. философии», 1961, № 4; Новиков Н. В., Совр. амер. капитализм и «теория социального действия» Т. Парсонса, там же, 1963, № 3; Норгену К., The neurotic personality of our time, N. Y., [1937]; Fromm E., Escape from freedom, N. Y., [1941]; Науек Ф. А., The counterrevolution of science, Glencoe (Ill.), [1952]; Riesman D. [a. o.], The lonely crowd, N. Y., [1953]; его же, Individualism reconsidered..., Glencoe (Ill.), [1954]; Fromm E., The sane society, N. Y., [1955]; Блау П., Bureaucracy in modern society, N. Y., [1956]; Уайт У. Н., The organization man, N. Y., 1957; Видич А. J. and Бенсман J., Small town in mass society, Princeton, (N. Jersey), 1958; Essay on individuality, ed. by F. Morley, N. Y., 1958; Ларгер Л., The freudian ethic, N. Y., [1959]; Белл Д., The end of ideology, Glencoe (Ill.), [1960]; Уоллич Н. С., The cost of freedom, N. Y., [1960]; An outline of man's knowledge of the modern world, ed. by L. Bryson, N. Y. — Toronto—L., [1960]; The psychoanalytic study

of society, ed. by W. Muensterberger and S. Axelrad, v. 1—2, N. Y., [1960—62]; Goodman P., Growing up absurd, N. Y., [1960]. Н. Новиков. Москва.

МАТА-И-ФОНТАНЕТ (Mata y Fontanet), Педро (14 июня 1811—27 мая 1877) — исп. философ-материалист, врач, писатель-публицист и политич. деятель. Образование получил в Барселонском ун-те. Еще в юношеские годы М.-и-Ф. начал принимать участие в политич. жизни страны. За свои лит. выступления, а также за непосредств. участие в революц. борьбе подвергался преследованиям. После поражения революции 1833—43 активно занимался науч. деятельностью.

В «Исп. мед. философии» («Doctrina médico-filosófica española», 1850) М.-и-Ф. обобщил свою полемику с идеалистами из Мед. академии наук. Его перу принадлежат также работы: «Исп. философия. Трактат о человец. разуме...» («Filosofía española. Tratado de la razon humana...», [ч. 1—3], 1858—78), «Учебник психологии» («Compendio de psicología», 1866) и естеств.-науч. произведения. В Испании сер. 19 в. М.-и-Ф. был одним из самых авторитетных пропагандистов идей материализма и защитником сенсуализма. Он отвергал идеалистическую интерпретацию духовной жизни человека и утверждал, что духовная жизнь имеет свой материальный субстрат — мозг.

Лит.: История философии, т. 3, М., 1959, с. 557—558, 570; Менéndez y Pelayo M., Historia de los heterodoxos españoles, v. 6, Santander, [1948] (Edición nacional de las obras completas, v. 42); Менéndez y Pelayo M., Historia de la filosofía en España..., Md., [s. a.].

Д. Претель. Москва.
МАТВЕЕНКОВ, Иов Иванович [р.5(18) мая 1901] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1957), проф. (с 1958). Чл. КПСС с 1930. Окончил 2-й Моск. ун-т (1927) и аспирантуру Ин-та философии Коммунистич. академии (1930). Преподает философию с 1928. Зав. кафедрой философии Сиб. отделения АН СССР (с 1958). Занимается разработкой проблемы: законы обществ. развития и их использование в практике социалистич. и коммунистич. строительства.

С о ч.: О мещанстве, «Революция и культура», 1929, № 5; Какую идеологию имеет рабочий, не обладающий марксистским образованием?, там же, 1929, № 9—10; Об использовании объективных законов обществ. развития в практике строительства социализма и коммунизма, в сб.: Тр. Новосибирского инженерно-строит. ин-та, т. 7, Новосибирск, 1957; Историч. значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в кн.: Великое произведение марксистской философии, [Новосибирск], 1960; Некоторые вопросы теории коммунистич. воспитания, в кн.: Вопросы воспитательной работы в коллективах коммунистич. труда, Красноярск, 1961.

МАТВЕЙ из Янова (Matěj z Janova) (р. между 1350 и 1355 — ум. 30 нояб. 1393) — чешский ср.-век. мыслитель, идейный предшественник гусизма. Ученик и последователь Миллика из Кромержижа, учился (в 70-х гг.) в ун-тах в Праге и Париже. Став священником, жил в уединении в Праге, окруженный небольшой группой студентов и реформаторские настроения священников; много писал. Обширные труды М., имевшие хождение в рукописи, собраны под назв. «Правила Ветхого и Нового завета» («Regulae veteris et novi testamenti», 1392, изд. 1908—26). В своих произведениях М. дал резкую критику пороков совр. ему общества, выступил с осуждением политич. власти и богатства церкви, отрицанием церк. обрядов и обычаев. Он требовал экспроприации монастырей и ликвидации монашества, выступал в защиту преследуемых «еретиков» из народа. Своим толкованием Библии и отношением к церк. обрядности М. подготовил почву для нем. Реформации (повлияв, в частности, на Лютера). Его выступления в защиту простого народа способствовали развитию гуситского революц. движения: М. оказал влияние на Гуса и Якова из Стрибро.

Лит.: P a l a c k ý F r., Die Vorläufer des Hussitentums in Böhmen, neue Ausg., Prag, 1869 (чеш. изд. 1872); К у б а I

V., Mistr Matěj z Janova. Jenó život, spisy a učení, Praha, 1905; Novotný V., Nábožanské hnutí české ve 14. a 15. stol., část I — Do Husa, Praha, [1915]; Machovec M., Husovo učení a význam v tradici českého národa, Praha, 1953.
M. Маховец. СССР.

МАТЕМАТИКА (греч. *μαθηματική*, от *μάθημα* — знание, наука) — наука о формах и отношениях, взятых в отвлечении от их содержания. Первый и основной предмет М. составляют количественные и пространственные отношения и формы. «Но, чтобы быть в состоянии исследовать эти формы и отношения в чистом виде, необходимо совершенно отделить их от их содержания, оставить это последнее в стороне как нечто безразличное; таким путем мы получаем точки, лишенные измерений, линии, лишенные толщины и ширины, разные a и b , x и y , постоянные и переменные величины...» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1957, с. 37). Если, напр., социолог интересуется ростом народонаселения с течением времени, а физик изменением давления газа в связи с изменением температуры, то математик видит здесь только функциональную зависимость числа y от числа x . Кроме количеств. и пространств. отношений и форм, в М. изучаются др. отношения и формы, в частности в *математической логике* — формы логич. вывода, в геометрии — n -мерные пространства, которые, конечно, не являются пространствами в обычном смысле слова, но имеют прообразы в *действительности*, напр. в виде множества всех возможных состояний той или иной механ. системы (т. н. фазовое пространство системы). В общем, в предмет М. могут входить любые формы и отношения действительности, к-рые объективно обладают такой степенью независимости от содержания, что могут быть от него полностью отвлечены и отражены в понятиях с такой ясностью и точностью, с сохранением такого богатства связей, чтобы дать основание для чисто логич. развития теории. Кроме того, в М. рассматриваются не только формы и отношения, непосредственно абстрагированные из действительности, но и логически возможные, определяемые на основе уже известных форм и отношений. Именно так появились «мнимые» числа, «воображаемая» геометрия *Лобачевского* и др.; причем сами термины «мнимое», «воображаемая» подчеркивают, что речь идет о мыслимых объектах, реальный смысл к-рых выяснился не сразу. В наст. время определение новых объектов математич. теорий стало столь обычным делом, а способы их истолкования настолько развиты, что разделение их на действительные и лишь логически возможные по большей части утрачивается. Тут имеется переход — через ряд абстракций и определений — от понятий, реальный смысл к-рых очевиден (напр., целое число), к таким, к-рым не удается дать наглядной интерпретации (напр., нек-рые понятия *множества теории*). М. может быть определена как наука о логически возможных, чистых (т. е. отвлеченных от содержания) формах или, что то же, о системах отношений, т. к. форма есть система отношений частей целого, а отношения в М. всегда фигурируют как система отношений между к-л. абстрактными объектами. Если две системы A_1 и A_2 таковы, что объекты и отношения одной можно сопоставить с объектами и отношениями другой так, что объектам из A_1 , находящимся в данном отношении, всегда отвечают объекты из A_2 , находящиеся в соответств. отношении, и обратно, то такое сопоставление наз. *изоморфизмом*, а системы — *изоморфными*.

То общее, что есть в изоморфных системах, и есть «чистая» форма. Соответственно М. рассматривает разные системы с точностью до изоморфизма (кроме, конечно, тех случаев, когда объектом изучения служит само отношение изоморфизма). Безразличие чистых форм к содержанию означает лишь то, что они встречаются с совершенно разным содержа-

нием (как одна и та же формула может выражать законы разных по своей природе явлений). Но это вовсе не значит, что эти формы всегда имеют внешний или чисто количеств. характер; напр., симметрия кристаллич. решетки (определяемая математически) является существенной качеств. ее характеристикой.

Особенности М. 1. Форма, отвлеченная от содержания, выступает как самостоят. объект, так что посредством предметом М. оказываются: числа, а не совокупности предметов, геометрич. фигуры, а не реальные тела и т. п. В природе есть, напр., тела более или менее шарообразной формы, но шарообразная форма, взятая сама по себе, превращается в идеальный объект — геометрич. шар; в природе есть разнообразные связи переменных величин, чистая же форма такой связи выступает в М. как идеальный объект — функция, и т. д. *Абстракции и идеализации* есть и во всякой др. науке, но там им не придается такого самодовлеющего значения, они всегда сверяются с действительностью. М. же абсолютизирует свои абстракции; ее понятия, возникнув и определившись, закрепляются и рассматриваются как данные, а сравнение их с действительностью есть задача не самой М., а ее приложений. Поэтому в М. не заботятся, напр., о том, что не только практически невозможно абсолютно точное измерение, но что и не существует абсолютно точных значений реальных величин. За нек-рыми пределами уточнения количеств. изменения влекут качественные, и данная величина теряет смысл, тело оказывается состоящим из атомов, давление газа — из ударов молекул и т. д. Но такой «переход количества в качество» зависит от природы величины, а раз в М. отвлекаются от этой природы, то в ней этот переход исчезает. Величина, взятая в отвлечении от содержания, величина в о о б щ е, естественно, мыслится как абсолютно точная, как допускающая неограниченно уточняющееся измерение. Точно так же, хотя совр. физика установила, что реальное пространство не является точно евклидовым, никто не считает от этого евклидову геометрию как математич. теорию неточной или нестрогой. Ее строгость и точность определяются соответствием ее выводов осн. посылкам, закрепленным и выраженным в аксиомах.

2. Результаты М. — теоремы — получаются путем логич. вывода из осн. понятий и посылок, ссылка на опыт не считается математич. аргументом (математич. выкладки суть не более как концентрированные в символич. форме логич. выводы). Это, так же как предыдущая особенность М., вовсе не означает, что М. не заимствует свои понятия из опыта и что она не имеет отношения к действительности. Но М. исследует формы и отношения, полностью отвлеченные от содержания, сохраняя в них лишь то, что содержится в их определении. Поэтому естественно, что в М. ее результаты получаются путем логич. выводов из самих этих определений, из самих понятий о соответств. формах, так что чистая М. имеет чисто дедуктивный, умозрит. характер.

3. Отличительной особенностью М. является непреложность ее выводов. Логически допустимо нарушение законов физики, но невообразимо, чтобы, напр., дважды два не было четыре. Эта непреложность выводов М. объясняется не более как их логич. связью с принятыми посылками. Они логически необходимы лишь постольку, поскольку приняты посылки. «Дважды два — четыре» следует из определения умножения. Следовательно, во-первых, указанная особенность М. вытекает из предыдущих, а во-вторых, она относительно: вывод обязателен лишь постольку, поскольку приняты его основания.

4. Для М. характерно наличие ряда ступеней абстракции и образование новых понятий на базе уже сложившихся. Уже понятия о бесконечно продолжае-

мом ряде целых чисел, о любом вещественном числе суть результаты ряда абстракций; затем уже внутри самой М. возникли понятия комплексного и, далее, гиперкомплексного числа. Аналогично возникли понятия о неевклидовых и многомерных пространствах и др. Для совр. М. вообще характерно сознат. введение новых понятий на базе уже имеющихся. Эта черта М. естественно связана с ее основной, определяющей особенностью, потому что, во-первых, достаточно полное отвлечение тех или иных форм и отношений от содержания происходит не сразу, а через ряд абстракций, а во-вторых, придавая своим понятиям самодовлеющие значения, М. уже тем самым делает их основанием для образования новых понятий, для новых ступеней абстракции.

5. Особенностью М. является также универсальность ее применений. В любой области, где только удастся поставить задачу математически, М. дает результат с точностью, соответствующей точности постановки задачи. Мы одинаково считаем любые предметы, лишь бы они были строго разграничены. Одни и те же уравнения могут описывать совершенно разные по существу явления. Т. о., в абстрактности М. заключается ее сила: чем больше отвлечение от содержания, тем шире возможности приложений. Но по той же причине универсальность приложений М. не абсолютна, а относительна: правомерность ее применения в данной области, к данной задаче должна быть обоснована анализом содержания.

6. М. занимает особое положение среди других наук, т. к. исследуя формы и отношения, встречающиеся в природе, обществе, а также в мышлении, она отвлечается от содержания и исключает из допускаемых внутри нее аргументов наблюдение и эксперимент. Поэтому ее нельзя причислить к естествознанию или к общественным наукам.

Тем не менее М. зародилась из практики как естеств. наука и только в результате достаточно длит. накопления знаний, выяснения понятий и связей между отд. результатами превратилась в «чистую» М., дальнейшее развитие которой, продолжая идти в тесной связи с естествознанием, включало существенное расширение ее предмета, восхождение к более высоким ступеням абстракции. Так, если у *Эвклида* имеются в виду геометрич. объекты в их обычном наглядном, хотя и отвлеченном от материального содержания, смысле, то теперь в основаниях геометрии говорят о «любых объектах», лишь бы они удовлетворяли соответствующим аксиомам. Словом, отвлечение от содержания исследуемых М. форм и отношенийшло постепенно и продолжается. Хотя определения математич. понятий все более уточняются, они не становятся абсолютно точными; математич. точность и строгость выводов также развивается, и то, что считалось строгим прежде, уже не считается таким теперь.

В этом отношении хорошим примером может служить арифметика. Предмет ее составляет система натуральных чисел $1, 2, 3, \dots$ с их отношениями: большего к меньшему, суммы к слагаемым и т. д. Отд. число само по себе не имеет свойств; если мы спрашиваем о свойствах, напр., числа 6, то замечаем, что $6=5+1$, $6=2 \times 3$ и т.п., так что свойства данного числа состоят в его отношениях к др. числам. Отношения же эти суть отвлеченные образы реальных количеств, отношений между совокупностями предметов. Каждое отд. число («два», «пять» и т.п.) есть свойство совокупности предметов — общее у совокупностей, предметы к-рых можно сопоставить по одному, и различное у таких, для к-рых такое сопоставление невозможно. Наличие такого свойства устанавливалось в процессе практич. счета предметов. Первоначально число определялось сравнением с к.-л. конкретным предметом (напр., «пять» — «рука»). Первая

ступень абстракции состояла в отвлечении от такого конкретного предмета, когда число выдвинулось как свойство совокупности; так, говорили: «три камня» и т. д. Следующая ступень абстракции состояла в том, что появилось понятие о числе самих по себе, без связи с к.-л. предметами; числа выступили как самостоятельные идеальные объекты. (Ср. образование понятия о др. свойствах, напр.: «как уголь», «черный», «чернота»; здесь граматич. форма существительного придает свойству характер самостоят. объекта.) Одновременно возникали действия над числами как абстрактное отображение реальных действий над совокупностями предметов; напр., умножение происходит из счета совокупностями по два, по три и т. п. В процессе практич. счета люди открывали не только связи между отд. числами, но и общие законы, как, напр., то, что сумма не зависит от порядка слагаемых. Так формировалась система чисел. История ее фактич. возникновения служит прямым подтверждением правильности материалистич. понимания М. Материализм признает как факт идеальный характер непосредственного объекта арифметики, но, в противоположность идеализму, признает также, что «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Маркс, *Капитал*, т. 1, 1955, с. 19). В становлении арифметики важную роль играло введение обозначений для чисел. Они позволили оперировать с числами, лежащими за пределами наглядного представления. Как понятие вообще выражается словом, так отвлеченное число — словом или знаком. Как «язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс), так и математич. обозначения есть «непосредственная действительность» математич. абстрактных понятий.

Следующая ступень абстракции состояла в образовании понятия о любом целом числе вообще, в отвлечении от практич. ограниченности счета и, следовательно, в осознании потенциальной возможности неогранич. продолжения числового ряда, закономерности к-рого, естественно, выводятся логически из понятия об этом ряде как бесконечной последовательности, образуемой с помощью единств. операции — прибавления единицы. Так, арифметика как искусство счета переросла в теоретич. арифметику, что знаменовало возникновение чистой, дедуктивной М. Следующая ступень абстракции, ясно выявившаяся лишь в 19 в., состояла в формировании понятия о *множестве* всех целых чисел, к-рое мыслится как целое (как актуальная бесконечность, в отличие от потенциальной бесконечности неограниченно продолжаемого ряда чисел; см. *Абстракция актуальной бесконечности, Абстракция потенциальной осуществимости*). Такое понимание бесконечности натурального ряда послужило естеств. основой для введения существенно нового понятия трансфинитных порядковых чисел, на основе к-рого, в свою очередь, метод математич. индукции был дополнен новым методом доказательства и определения, т. н. трансфинитной индукцией (см. *Математическая индукция*). Далее были подвергнуты более глубокому анализу самое понятие о целом числе и логич. средства теоретич. арифметики.

Развитие М. История М. делится на ряд этапов. Формирование на основе повседневной практики простейших понятий арифметики и геометрии восходит к очень ранним ступеням развития человеческого общества. Моментом зарождения собственно М. — превращения накопл. знаний в науку — следует считать систематизацию этих знаний и формулировку законов и правил (в данном случае — правил решения арифметич. задач и определения простейших площадей и объемов; само слово «геометрия» означает

«землемерие»). Это произошло в 3—2-м тысячелетиях до н. э. в ряде стран: Египте, Вавилоне, Китае, Индии. В то время математич. правила формулировались на основе практики. Но постепенно наряду с накоплением математич. знаний, с установлением связей между получаемыми результатами и унификацией правил решения задач складывались теоретич. способы вывода новых результатов, складывались первые математич. доказательства. В конечном итоге это привело к качеств. скачку: сложилась «чистая» М. с ее дедуктивным методом. Конечно, этот «скачок» был достаточно длительным. Насколько известно, это произошло в 7—5 вв. до н. э. в Греции, куда математич. знания перешли из Египта. Есть указания на то, что простейшие теоремы геометрии доказывались уже *Фалесом*. В 5 в. до н. э. появляется систематич. изложение геометрии, тогда же *Демокрит* дал глубокие для своего времени выводы, содержавшие как бы первый зародыш интегрального исчисления. Открытие несоизмеримых отрезков и последовавшее за ним создание теории отношений несоизмеримых величин было большим достижением греч. М. Это логич. построение, явно выходявшее за пределы эмпирически данного, очень четко обозначало окопчат. оформление чистой М. (Следует различать знание математич. фактов от установления их логич. доказательств. Так, составляющее содержание теоремы Пифагора соотношение между квадратами, построенными на сторонах прямоугольного треугольника, было известно до *Пифагора*, но соответствующая теорема не была доказана.) Принципиальное значение для развития М. имело появление понятия о бесконечности, к-рое играет в М. такую роль, что М. порой даже определяют как «науку о бесконечности». Помимо понятия о бесконечно продолжаемом ряде целых чисел и неограниченно продолжаемой прямой, возникло также представление о неогранич. делимости геометрич. фигур. Непрерывное, первоначально не подвергавшееся анализу, выступает как неограниченно делимое, содержащее неогранич. число частей, точек, моментов. [Дальнейшее развитие М. идет в следующих направлениях: 1) накопление новых результатов в рамках уже определившихся понятий; 2) расширение предмета М., включение в него новых форм и отношений и, следовательно, формирование принципиально новых понятий; 3) изобретение новых методов решения задач и доказательства теорем; 4) восхождение к более высоким абстракциям и более широким обобщениям; 5) углубление осн. понятий. Соответственно, развитие М. не сводится к количеств. росту, но включает качеств. изменения, связанные с существенным расширением ее предмета и образованием новых понятий и теорий. При этом, однако, не происходит отказа от существующих теорий; они лишь углубляются и обобщаются. Так, геометрия Лобачевского не опровергает геометрию Эвклида, но обе теории включаются в некую общую систему. В этом состоит одно из своеобразий развития М. Развитие М. идет как под влиянием др. наук и техники, так и «внутренним» путем. Роль каждого из этих факторов различна в каждом конкретном случае. В конечном счете, решающим является влияние др. наук и—гл. обр. через них—практики. Если последовательность развития определяется объективной логикой предмета М., то скорость его определяется обществ. условиями.] Первый этап развития «чистой» М. после ее оформления в 7—5 вв. до н. э.— это эпоха элементарной М. Она продолжается до 17 в. и делится, в свою очередь, на два существенно различных периода. Первый (период греч. М.) характеризуется глубоким развитием и господством геометрии, к-рую греки подвели вплотную к аналитич. геометрии и интегральному исчислению; второй — характеризуется преимуществ. развитием элемен-

тарной алгебры и формированием общего понятия (вещественного) числа (Индия, Ср. Азия, страны арабского Востока, Зап. Европы) и завершается, когда *Декарт* ввел совр. алгебраич. символику, так что алгебра обрела форму, наиболее адекватную ее содержанию.

Следующий этап в развитии М. охватывает период с начала 17 в. до сер. 19 в. Его обычно определяют как эпоху переменных величин, тогда как элементарную М. определяют как науку о постоянных величинах и простейших геометрич. фигурах. Такое определение неточно. Скорее элементарную М. нужно определять как конструктивную М. В ней изучаются не только связи между постоянными, но и между переменными величинами, т. е. функции (зависимость площади круга от радиуса, синус угла и т. п.), кривые линии и поверхности; используется, по существу, понятие предела (напр., при определении длины окружности). Все это было в греч. М. Но при этом речь шла о конструктивно заданных фигурах и функциях, об определении о процессе приближения к пределу. Общие же понятия кривой, функции, предела в элементарной М. просто отсутствуют. У греков кривая, не заданная определенным геометрич. построением, считалась «механической». Переворот, знаменовавший новую эпоху, состоял прежде всего именно в том, что в предмет М. были включены зависимости между переменными величинами вообще, появилось соответственно общее понятие функции и возник аппарат исследования функций (дифференциальное и интегральное исчисления, ряды), т. е. возникла теория функций — анализ бесконечно малых. Создание анализа подготовлялось с нач. 17 в. в работах ряда ученых и было оформлено *Ньютоном* и *Лейбницем*. Это новое направление М. имело три источника. Первый составляло изучение движения, зависимостей между переменными в природе (астрономич. законы *Кеплера*, законы падения, открытия *Галилея*, и др.). Решающее влияние задач механики на развитие анализа видно из след. примера. Второй закон динамики в формулировке самого Ньютона утверждает, что изменение количества движения пропорционально силе; по это «изменение» есть производная по времени, так что закон приобретает точную форму, только если ввести понятие производной. Для определения же движения по его «изменению» необходимо интегрирование. Поэтому Ньютон, можно сказать, был вынужден изобрести анализ, чтобы дать общие методы формулировки законов и решения задач механики. Второй источник представляла геометрия с ее задачами вычисления площадей и объемов и проведения касательных. Третий — алгебра, дававшая удобную символику и формальный аппарат, приведший, напр., к представительности функций в виде рядов. Метод координат связал геометрию с алгеброй (*Декарт*, 1637), а затем и с анализом — кривые задаются функциями, функции изображаются кривыми. Этот синтез сыграл важную роль в становлении и развитии как анализа, так и геометрии. Предметом этой последней также становятся любые (достаточно «гладкие») кривые. После Ньютона и Лейбница получил чрезвычайно интенсивное развитие математич. анализ. Его идеи и методы проникли в более старые области М. (геометрию, алгебру, теорию чисел), возникли новые его приложения и ответвления (теория дифференциальных уравнений, вариационное исчисление, дифференциальная геометрия). Выяснение основ анализа (общее определение функции, теория пределов и др.) совпало с началом следующего периода в развитии М. Следующий этап длится с 1-й пол. 19 в. до сер. 20 в. и характеризуется тем, что в предмет М. включаются формы и отношения, не являющиеся уже пространственными и количественными в первоначальном смысле

ле слова, причем нек-рые из этих форм и отношений определяются внутри самой М. Одновременно интенсивно развиваются и подвергаются воздействию новых идей ранее определившиеся области М. В результате всего этого М. превращается из науки о количеств. и пространств. отношениях и формах, какой она была прежде, в науку о логически возможных чистых формах только сходных, вообще говоря, с количественными и пространственными. Этот переворот идет неск. путями. Появляется неевклидова геометрия (Лобачевский, 1826; Я. Бойай, 1832), формируется понятие многомерного пространства, выделяются теории отд. свойств фигур (проективная геометрия, топология и др.). На место одной евклидовой геометрии появляется бесконечное множество разных «геометрий» — теорий возможных, формально сходных с пространственными, форм и отношений. Из них важнейшие: риманова геометрия (Б. Риман, 1854) и топология. Полученная на пороге 19 в. геометрич. интерпретация введенных еще в 16 в. мнимых (точнее — комплексных) чисел сняла с них покров таинственности и дала толчок дальнейшему расширению понятия числа и величины (гиперкомплексные числа, векторы, тензоры и др.), а также созданию новой области анализа — теории функций комплексной переменной. Одновременно (начиная от Э. Галуа) складываются совершенно новые направления алгебры: теория групп и др. алгебраич. систем. Каждая такая система есть множество к-л. элементов, между к-рыми имеются отношения, формально сходные с отношениями между числами (между слагаемыми и суммой, сомножителями и произведением, отношение порядка «больше» — «меньше» и др.). Алгебра из учения о формальных действиях с числами и решении уравнений превратилась в науку о любых таких системах.

В этот же период идет бурное развитие сохраняющего свою центр. роль в М. математич. анализа, а также уточнение его осн. понятий: предела, функции переменной (т. е. произвольного вещественного числа). Ставшие общепринятыми к 1870 представления, что «числовая прямая» должна рассматриваться как множество чисел, а любая геометрич. фигура как множество точек, привели к созданию Кантором теории множеств, в т. ч. специально теории точечных множеств, оказавшей громадное влияние на М. Во-первых, на почве теории точечных множеств были обобщены осн. понятия анализа (функция, производная, интеграл и др.), вошедшие затем в аппарат теорий, непосредственно связанных с приложениями (напр., теории дифференц. уравнений), а также в геометрию, где теперь исследуются фигуры гораздо более общие, чем прежде. Во-вторых, теория множеств породила в М. общую теоретико-множественную т. зр., согласно к-рой всякий объект М. трактуется как множество каких-то элементов, в к-ром имеются те или иные отношения (между элементами, между элементами и подмножествами — частями этого множества, между подмножествами). Пространство определяется как множество точек (тогда как, напр., Риман определял его как «протяженность»); область изменения переменной — как множество ее допустимых значений; функция может быть определена как множество упорядоч. пар (значение x и соответствующее значение y) и т. д. Это придало М. большую ясность и единообразие и облегчило точные определения вновь вводимых понятий. Вершиной рассматриваемого этапа в развитии М. явился функциональный анализ, возникший в начале 20 в. В нем соединились идеи и методы совр. анализа, геометрии и алгебры. Он дал новую постановку многим задачам теории функций, теории дифференц. и интегр. уравнений и вариационного исчисления, открыл новые сильные методы их решения и явился адекватным аппаратом для квантовой механики.

Середина 20 в. является началом нового этапа в развитии М., к-рый опять-таки характеризуется существенным расширением ее предмета и развитием принципиально новых идей. Приобретают особую роль разделы, посвященные исследованию самих способов и возможностей математич. вывода (математич. логика, теория алгоритмов). Эти математич. дисциплины оказывают существенное влияние на более старые области М.: ищутся схемы решений, к-рые можно осуществлять на машинах, оформилось целое *конструктивное направление* в М., изучающее проблемы алгоритмич. решения задач. доказательств теорем и построения математич. теорий. Возникли новые дисциплины: *теория информации*, теория автоматов, теория игр (помимо игр в собственном смысле, эта теория рассматривает вопросы военной тактики, производств. и экономич. задачи, вопросы выбора системы экспериментов и др.; к ней примыкают также спец. методы планово-экономич. расчетов). Характерным является также усиление роли и расширение приложений теории вероятностей (с к-рой связана теория информации и др. указанные новые дисциплины), зародившейся еще в 17 в. и развивавшейся с нарастающей интенсивностью, особенно по мере того как со 2-й пол. 19 в. стало все более выясняться значение статистических закономерностей (см. *Вероятность*). Все это связано с распространением применений М. на *биологию*, лингвистику, новые области техники, практич. задачи планирования произ-ва, обществ. науки и др. Можно сказать, что новый предмет М. составляют «сложные» системы, их структура и «поведение», т. е. переходы из одних состояний в другие (см. *Кибернетика*).

Основания М. Основание всякой науки лежит в действительности, к-рую она отражает. Однако М. имеет своим непосредств. предметом не сами объекты и явления действительности, а идеальные объекты, к-рые она рассматривает умозрительно, исключая из своих аргументов ссылку на опыт. Отсюда происходит особая, характерная именно для М. постановка вопросов о ее основаниях. Задача оснований М. составляет анализ ее осн. понятий, осн. посылок ее теорий и способов доказательства. Сюда же примыкают вопросы об истинности математич. утверждений и существовании математич. объектов. Основания М. стали предметом исследования вместе с формированием чистой М. Греки, приведя геометрию в логич. систему, выявили те осн. положения (аксиомы), к-рые могли быть положены в ее основу. Теперь ясно, что система аксиом Эвклида была далеко не полной, но важен самый факт сознательного и уже довольно тонкого анализа оснований геометрии. (Для арифметики подобный анализ явился делом уже 19 в., что естественно, т. к. понятие целого числа представляется более очевидным и более ясным, чем осн. понятия геометрии.) Греки же начали исследовать возможной зависимости одних аксиом геометрии от других: они стремились вывести аксиому о параллельных из др. аксиом Эвклида. Двухтысячелетняя история этих попыток завершилась построением геометрии Лобачевского, в основе к-рой лежит отрицание этой аксиомы. Возникновение неевклидовой геометрии и др. абстрактных теорий, знаменовавшее в 19 в. новый этап в развитии М., вместе с анализом осн. более старых теорий привело к существенно более глубокому исследованию оснований М. На почве этих исследований оформилось следующее понимание аксиоматич. «обоснования» математич. теорий. Предмет любой данной теории составляет нек-рое множество объектов с нек-рыми отношениями между ними, причем природа объектов никак не определена. Свойства же отношений точно формулируются в соответств. аксиомах. В этом виде аксиоматика данной теории составляет определение ее предмета. Конкретным же предметом теории может служить любое множество

объектов с отношениями, для к-рых выполняются аксиомы, если входящие в них термины истолкованы соответств. образом (подробнее см. *Метод аксиоматический*). Важнейшим из относящихся к любой аксиоматич. системе вопросов является вопрос о ее противоречивости (т. е. попросту осмысленности, т. к. противоречивая теория заведомо не может иметь никакого реального смысла). Она доказывается тем, что дается какая-нибудь интерпретация (*модель*) системы аксиом. Такая модель строится на основе к.-л. др. математич. теории, и тем самым вопрос сводится к непротиворечивости последней. Так, геометрия Лобачевского истолковывается в евклидовой геометрии, а этой последней дают аналитич. интерпретацию, в к-рой точка плоскости определяется как пара чисел. Однако понятие (аксиоматика) вещественного числа также нуждается в выяснении непротиворечивости. В общем, метод интерпретаций не дает окончат. доказательства непротиворечивости никакой теории, а лишь сводит одну теорию к другой, так что вопрос о непротиворечивости математич. теорий не может быть решен на этом пути в рамках самой М. В конечном счете, убеждение в состоятельности таких теорий М., как, напр., арифметика, оказывается той же природы, что и убеждение в состоятельности теорий естествознания: оно основано на том, что в этих теориях при всем их долгим развитии не обнаруживаются противоречия, что эти теории имеют громадное поле приложений, что они отражают действительность.

Однако анализ оснований М. породил др. путь решения той же проблемы, состоящий в исследовании самих логич. средств математич. доказательства, что составляет задачу математич. логики. Если мы отвлекаемся от какой бы то ни было интерпретации, то единственным критерием правильности теоремы оказывается то, что она строго доказана. Математич. объект (напр., решение к.-л. уравнения) считается существующим, если доказано его существование. Речь идет не об истине как соответствии утверждения действительности, не об объективном существовании, а о логич. доказуемости. Но что значит точное доказательство? Противоречия, обнаружившиеся в нек-рых далеких выводах теории множество, обострили этот вопрос, поскольку идеи этой теории пронизали все основания М. Убеждение в истинности М., основанное на ее гигантских достижениях, не могло снять указанного вопроса. Отказ от его решения означал бы подрыв доверия к строгости дедуктивного метода М. Стремясь спасти положение, нем. математик Д. Гильберт поставил проблему оснований М. следующим образом. Математич. теория трактуется чисто формально (отсюда название учения Гильберта — *формализм*), т. е. она строится на основе: перечня основных понятий; точного описания правил формулирования допустимых (считающихся осмысленными в этой теории) утверждений и определений; формулировок исходных утверждений (аксиом); указания правил вывода одних утверждений из других. Тогда утверждения теории можно записывать в подходящих символах и рассматривать правила формулирования и вывода просто как правила оперирования с этими символами. Теория превращается в формальную схему, и вопрос о непротиворечивости, о доказуемости в ее пределах той или иной теоремы сводится к исследованию этой схемы. Значение этой т. зр. состоит не только в том, что она очень четко ставит вопрос о математич. доказательстве, но и в том, что, превращая теорию в схему механич. выкладок, позволяет, хотя бы в принципе, передать осуществление этих выкладок машине. В этой связи особое значение приобретает теория алгоритмов (см. *Алгоритм*). Машина же есть объективный предмет и ее работа — объективный процесс, а не теория, так что здесь основания М. опять приходят к объективной действитель-

ности, хотя и др. образом. (М. как совокупности таких формальных схем противопоставляется метаматематика как учение о самих этих схемах, но на самом деле формальная схема уже не есть наука, так что метаматематика и есть М.)

Однако очень скоро выяснилось, что указанный подход не решает проблемы: было доказано, что никакая формальная теория не может исчерпать даже арифметику; доказательство непротиворечивости формальной теории не может быть получено в рамках самой этой теории. Всегда неизбежен переход от данной теории к более широкой и т. д. Напр., непротиворечивость обычной арифметики доказана с помощью т. н. конструктивных трансфинитных чисел. Но хотя такое доказательство удается провести средствами, убедительность к-рых весьма велика (логич. их база есть *минимальная логика*), относительно них также может быть поставлен вопрос о непротиворечивости и т. д. (см. *Метатеория*). Т. о., дедуктивный метод М. был спасен не в том окончат. смысле, как надеялся Гильберт. Перед основаниями М. лежит путь бесконечного развития и уточнения, а окончат. основания М. так или иначе упираются в отношение ее к действительности.

Отношение М. к действительности и к другим наукам. Возникнув из прямого отражения природы, постоянно заимствуя из нее новые понятия, М. отделяет их от действительности, закрепляет их и идет дальше в значит. мере путем внутр. развития, путем логич. доказательства теорем, образования новых понятий, построения новых теорий. А эти теоремы, понятия, теории применяются потом к исследованию действительности. По мере восхождения ко все более высоким абстракциям связь М. с практикой, с действительностью становится все менее непосредственной и осуществляется через др. науки. Во-первых, она черпает в них новые задачи, новые понятия, источники новых теорий и импульсы к развитию. Напр., вся теория дифференц. уравнений возникла и развивается под решающим влиянием механики и физики. Во-вторых, М. выступает по отношению к др. наукам как метод формулировки количеств. закономерностей, как аппарат для построения и разработки теорий, как средство решения задач. Влияние М. распространилось в наст. время не только на точные науки (механику, астрономию, физику), но и на др. естеств. науки и нек-рые области обществ. наук. При этом М. служит не только средством исследования отд. вопросов (напр., математич. статистика применялась в обществ. науках уже давно), но также влияет на формирование новых понятий и теорий. М. приобретает все большее эвристич. значение, особенно в физике, где порой сначала пишутся уравнения, а потом выясняется их физич. смысл. Так было, напр., с квантовой механикой.

Значение М. состоит именно в том, что она оказывается методом, своего рода «идеальной техникой», создающей аппарат для др. наук. Это ясно видно из таких выражений, как, напр., «математический аппарат квантовой механики», или из отношения римановой геометрии к общей *относительности теории*, для к-рой она явилась готовым аппаратом. Понимание М. как идеальной техники не противоречит ее определению как науки о «чистых» формах, поскольку дедуктивное исследование логически возможных чистых форм и есть построение математич. аппарата.

Отделяя формы действительности от их содержания и придавая им характер самостоят. объектов, М. не просто копирует действительность, она упрощает и вместе с тем дополняет ее (напр., математич. *континуум* включает свойства, которыми не обладают реальные величины, т. к. они не имеют абсолютно точных значений). Это тем более верно в отношении логически возможных форм, определяе-

мых внутри самой М.: они создаются, а не копируются, так же как далеко идущие логич. выводы из исходных понятий могут вести и ведут к результатам, не имеющим прямого прообраза в природе (как, напр., теорема о существовании неизмеримых множеств). Невозможность прямой опытной проверки подобных выводов и самое исключение опыта из математич. аргументации влечет специфич. постановку вопроса об истинности таких выводов, об истинности математич. теорий вообще. Теорема считается верной, если она доказана. Математич. теория верна (осмысленна), если она логически последовательна, непротиворечива. Но истина состоит в соответствии с действительностью, а логич. связь понятий и выводов — лишь ступень в ее познании. Чистая М. лишь постольку оказывается наукой, а не произвольным логич. построением, поскольку она отражает действительность, но устанавливается это на высокой ступени абстракции не непосредственно, а через др. науки. Чистая М. исходит из практики и возвращается к ней в виде прикладной М. В этом постоянном взаимном переходе прикладной М. в чистую и обратно и состоит главная движущая сила развития М. Поэтому математич. теория, будучи сама по себе (а тем более в ее формально-аксиоматич. понимании) только возможной схемой описания к.-л. сторон, явлений действительности, оказывается истинной или ложной только в приложении. А такое приложение не бывает абсолютно точным и потому не устанавливает истинности теории во всем ее логически возможном развитии. Так, нек-рым результатам теоретико-множественной геометрии (независимо от того, непротиворечива ли она) не удается приписать никакого реального смысла (напр., теорема Хаусдорфа о существовании разбиения сферы на такое конечное число «неизмеримых» частей, из к-рых можно составить две сферы того же радиуса).

Сказанное выражает коренное диалектич. противоречие в самой сущности М., являющееся специфическим для нее проявлением того общего противоречия познания, что отображение мыслью всякого элемента действительности, выхватывая его из общей связи природы, упрощает, огрубляет и вместе с тем придает ему дополнит. свойства. Проявлением этого противоречия М. служит то, что в ее абстрактности и точности заключаются ее сила и ее ограниченность. Это же противоречие обуславливает трудности оснований М.

Структура М. Совр. М. состоит из след. осн. разделов: 1) алгебры; 2) теории чисел, изучающей закономерности натурального ряда и др. числовых систем; 3) геометрии, из к-рой выделяется 4) топология, изучающая т. н. топологич. пространства, т. е. пространства, в к-рых определены понятия предела и непрерывности; 5) теории функций (одной и нескольких вещественных или комплексных переменных, функций множества, обобщенных функций); 6) теории дифференциальных и интегральных уравнений; 7) функционального анализа [разделы 5), 6) и 7) часто объединяют под общим назв. математич. анализа]; 8) вычислит. методов (примыкающих к алгебре и анализу); 9) теории вероятностей; 10) математич. логики и теории алгоритмов. Чрезвычайно сложная структура М. весьма приблизительно описывается приведенной классификацией, отнесение к.-л. конкретной математич. проблемы к одному из ее разделов часто бывает условным. Так, на стыке 1) и 4) лежит т. н. топологич. алгебра, предмет к-рой — алгебраич. системы, являющиеся в то же время топологич. пространствами (простейший пример — «числовая прямая»); геометрия переплетается с анализом и т. п. При др. классификации можно выделить, напр., раздел «Математич. проблемы кибернетики», в к-рый попадают такие математич. дисциплины, как теория автоматов [из 1)], теория информации [из 9)], теория игр и т. д. Наконец,

из 5) обособилась теория множеств, исследования по к-рой вместе с проблемами математич. логики (в т. ч. теории алгоритмов) можно рассматривать в качестве содержания спец. математич. дисциплины — оснований математики.

М. и философия. М. всегда играла большую роль в философии и испытывала на себе ее влияние. Так, математич. понятия о бесконечности, о непрерывности с момента их появления служили предметом филос. анализа; с ними связаны апории *Зенона Элейского*, в 17 в. — рассуждения о бесконечно малых и пр. Борьба материализма и идеализма в М. идет через всю ее историю от Древней Греции, где против материализма Фалеса, Демокрита и других философов, заложивших основы М., выступил идеализм Пифагора, Платона и др. Идеализм находит в М. удобную почву из-за ее абстрактного, умозрит. характера. Уже в элементарной абстракции, как отметил Ленин, заключается возможность идеализма. Платон считал достойной внимания истинного философа только чисто теоретич. геометрию, исключая из нее даже исследование конич. сечений, поскольку для вычерчивания они «нуждаются в применении орудий пошлого ремесла». Положение *платонизма* о самостоят. бытии идей несомненно связано по своему происхождению с отделением понятий М. от их конкретного основания. Позже М. сыграла решающую роль в формировании *рационализма*, к-рый видел в ее умозрительном, строго логич. характере идеал познания. *Кант* в построении своей философии исходил прежде всего из вопроса о том, как возможна чистая М. Упуская из виду ее происхождение из опыта, а видя лишь обязательность ее выводов, он приписывал ей априорный характер. Представление об априорности геометрии повлекло представление о пространстве как об априорной форме восприятия и т. д. Т. о., кантианство в большой мере выросло из неправильного понимания М. Начиная от греков М. играла несомненную роль в развитии логики; особенно эта роль усилилась с сер. 19 в. в связи с исследованием основ М., анализом ее логич. средств, возникновением математич. логики, что оказало на самую логику громадное преобразующее влияние. На этой почве выросла философия т. н. *логического позитивизма*, подобно тому как «физический идеализм» вырос на почве революции в физике.

Особенности М. служили источником разнообразных идеалистич. течений в понимании ее сущности. Это прежде всего платонизм в М., приписывающий математич. абстракциям самостоят. существование. Он более или менее осознанно сохраняется на всем протяжении истории М., но особенно ясно был выражен *Кантором*, к-рый приписывал бесконечным множествам, а вместе с ними всем понятиям М. некое объективное самостоятельное существование. Это платоновско-канторовское воззрение может быть характеризовано как теоретико-множественный идеализм. Затруднения в обосновании теории множеств вызвали против нее субъективно-идеалистич. реакцию *интуиционизма* и ряд др. течений: *логицизм*, *конвенционализм*, *эффективизм*, *формализм*, причем интуиционизм и особенно формализм сыграли большую роль в выяснении оснований М.

Идеализму в М. всегда противостоял материализм. Крупнейшие математики, особенно те, чьи исследования были тесно связаны с естествознанием, придерживались, как правило, хотя бы стихийно, материалистич. взглядов на свою науку. Диалектико-материалистич. понимание сущности М. было дано Энгельсом в «Анти-Дюринге». Оно разрабатывается сов. математиками. Важны для понимания М. данные Лениным в его «Философских тетрадях» положения о сложности пути познания, о роли абстракции, о единстве и борьбе противоположностей в познании и др. Метафизич.

материализм, «...основная беда когто есть неумение применить диалектики к *Bildertheorie* (теории отражения.— *Ред.*), к процессу и развитию познания» (Соч., т. 38, с. 360), не может верно понять М. во всей сложности ее развития и отношения к действительности. Он либо стремится придать математич. абстракциям слишком непосредств. объективный смысл и тогда смыкается с платоновско-канторовским идеализмом, либо доходит до отрицания правомерности математич. абстракций, т. е. до отрицания правомерности чистой М. В противоположность всем оттенкам идеализма и метафизики *диалектический материализм* рассматривает М. такой, как она есть, во всем богатстве и сложности ее связей и развития и поэтому ведет к верному ее пониманию.

Лит.: Энгельс Ф., Анти-Дюринг, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 36—9, 88—9; его же, Диалектика природы, там же, с. 500—01, 509, 572—87; Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 38, с. 105—06, 200—02, 371; М., ее содержание, методы и значение, т. 1—3, М., 1956; Александров А. Д., Геометрия, БСЭ, 2 изд., т. 10; Колмогоров А. Н., М., БСЭ, 2 изд., т. 26 (имеется библиография); М. в СССР за сорок лет, 1917—1957, т. 1—2, М., 1959. А. Александров. Ленинград.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ — общее название разл. реализаций идеи *бесконечности* в математике. Хотя между значениями понятия М. б. и др. значениями, в к-рых употребляется термин «бесконечность», нет жесткой границы (поскольку все эти понятия в конечном счете отражают весьма близкие свойства реального мира), математич. анализ понятия бесконечности следует отграничивать от филос. анализа, — признавая диалектич. характер бесконечности, математика стремится выделить в качестве ее экспликатов формально непротиворечивые понятия, пригодные для строгого дедуктивного (формальнологич.) построения математич. и логико-математич. теорий.

Вокруг идеи М. б. уже в античности шли острые дискуссии. Т. зр. *Демокрита*, рассматривавшего геометрич. прямую как состоящую из «неделимых» элементов нулевой длины, оказалась подорванной открытием (5 в. до н. э.) несоизмеримости отрезков. В порядке преодоления созданных трудностей возникли теории пропорций *Эвклида* (прообраз позднейших теорий *континуума*) и т. н. метод исчерпания Архимеда, фактически заключающий в себе понятие предела. В основе этих идей лежал отказ от атомистич. представлений (в геометрии).

Проблемы М. б. вновь привлекли внимание в 17 в. в связи с открытием дифференциального и интегрального исчисления и введением таких понятий, как «бесконечно малая» и «бесконечно большая» величина, к-рые часто воспринимались как нечто таинственное и непостижимое. Лишь в 20-х гг. 19 в. франц. математиком О. Коши понятие бесконечно малой величины было, по существу, изгнано из математики при помощи сведения его к точному понятию предела «переменной» величины, хотя это сведение и опиралось на интуитивные представления об изменении некоей «величины» во времени, т. е. было связано с категорией, лежащей вне «чистой» математики.

Еще со времен антич. древности наметилось глубокое различие между двумя аспектами М. б.: дискретным, отраженным в понятиях натурального ряда и последовательности, и непрерывным, связанным с рассмотрением свойств произвольных функций, определенных на (числовом) континууме (см. *Прерывность и непрерывность*). Но в 60—70-х гг. 19 в. понятие предела переменной величины было в принципе сведено к понятию предела последовательности (функции натурального аргумента), а исследования основного для математич. анализа понятия действительного (вещественного) числа, проведенные нем. математиками К. Вейерштрассом, Р. Дедекиндом, Г. Кантором и франц. математиком Ш. Мере, привели к т. н. арифме-

тизации анализа: действительные числа определялись как множество рациональных чисел, причем в теориях Вейерштрасса и Мере—Кантора эти множества в явном виде фигурировали в качестве последовательностей. В рамках арифметизированного анализа приобретали полную ясность все осознанные и неосознанные переходы к пределу, совершавшиеся в античной математике от Евдокса до Архимеда, и разрешались (в известном смысле) зеноновские *апории*.

Это обоснование понятий и методов, связанных с М. б., было обязано принятию т. н. теоретико-множественной установки, суть к-рой состоит в том, что конкретные математич. теории рассматриваются как разл. спецификации теории множеств *Кантора*, к-рый разработал четкую иерархию кардинальных чисел (мощностей) и трансфинитных (бесконечных) порядковых чисел. Известный еще со времен *Галилея* факт, что бесконечное множество может быть эквивалентно (равномощно; см. *Взаимно-однозначное соответствие*) своей правильной (т. е. не совпадающей с ним) части, воспринимавшийся как «парадокс бесконечного» (в нарушение «аксиомы» — целое больше части), теперь был положен в основу определения бесконечного множества (Дедекиннд).

Вскоре, однако, выяснилось, что теоретико-множеств. представления отнюдь не решили принципиальных трудностей, относящихся к М. б., что было связано с открытием *парадоксов* теории множеств. Естественно было считать, что появление парадоксов связано прежде всего с приводящим к *абстракции актуальной бесконечности* безоговорочным перенесением на бесконечные множества законов традиц. логики, сформулированных и безусловным верных в применении к конечным множествам. В дальнейшем во взглядах на причины возникшего кризиса определились далеко идущие расхождения. В рамках *типов теории* (см. также *Логцизм*) Рассела и Уайтхеда мощности конечных множеств (следуя *Фреге*) вводились посредством спец. логич. формул (предикатов), а понятие М. б. — при помощи т. н. аксиомы бесконечности. Однако уязвимость аксиомы бесконечности и особенно др. важного постулата системы Рассела — т. н. аксиомы сводимости, носящих характер практически непроверяемых гипотез, обратила внимание подавляющего большинства математиков и философов к др. путям решения проблемы М. б.

Как отмечал глава формально-аксиоматич. направления Д. Гильберт, никакое реальное наблюдение (или опыт) до сих пор не дало и принципиально не может дать к.-л. конкретного примера бесконечного множества. Тем не менее понятие М. б. может оказаться плодотворным в качестве т. н. идеального понятия (понятия, не имеющего реальной, физич. интерпретации) — при условии, что присоединение такого понятия (и получаемых с его помощью предположений) к теории не нарушает ее *непротиворечивости*. Реализацией гильбертовской программы (см. *Метатеория*) явились разл. системы аксиоматич. теории множеств (Э. Цермело, А. Френкеля, Дж. фон Неймана, Т. Сколема, Ш. Бернаиса, К. Гёделя, А. Мостовского и др.). Для построения в рамках этих систем конкретного примера бесконечного множества требуется спец. аксиома бесконечности, утверждающая существование множества, эквивалентного своей правильной части (напр., натурального ряда). В отличие от логистич. трактовки аксиомы бесконечности, при аксиоматич. подходе ее формулировка не предполагает к.-л. постулатов о содержательной бесконечности возможных физич. интерпретаций теории множеств.

Новейшее развитие математики и логики обнаружило, что представление об абсолютной, не зависящей от каких бы то ни было дополнит. понятий и допущений, «природе» понятия М. б. оказывается неоправдан-

ным. Так, казавшаяся очевидной равносильность (эквивалентность) используемого в аксиоматич. теории множеств определения бесконечного множества и представления о бесконечном множестве как «неконечном» связана, как выяснилось, с использованием т. н. аксиомы выбора. Это привело к имеющим важное филос. значение исследованиям о различных по силе определениях бесконечного множества (А. Тарский, А. Мостовский и др.). Относительность понятия М. б. раскрывается в рамках аксиоматич. подхода и в др. аспекте. Согласно теореме Лёвенгейма — Сколема (см. *Предикатов исчисление*), любая непротиворечивая аксиоматич. теория имеет *интерпретацию* (модель), причем такую, что ее элементами являются натуральные числа; отсюда следует, что описываемые в системах аксиоматич. теории множеств «несчетные» множества представимы средствами счетной модели. Этот «парадокс Сколема» демонстрирует относительность понятий счетности и несчетности (обуславливающую, в частности, возможность построения т. н. нестандартных моделей арифметики и теории множеств, т. е. таких моделей, что построенный в них натуральный ряд — или класс трансфинитных чисел — оказывается неизоморфным соответствующему числовому классу теории, средствами к-рой строится модель; см. *Изоморфизм, Модель*) и показывает беспочвенность расчетов на *категоричность системы аксиом* теории множеств (или даже арифметики), подрывая тем самым платонистские представления о существовании (безотносительно к нашему мышлению) таких «сущностей», как натуральный ряд и др. бесконечных множеств, рассматриваемых в математике.

В уяснении методологич. проблем М. б. большую роль сыграли *интуиционизм* и *конструктивное направление* в математике. После критики Брауэром классич. математики стало ясно, что суть проблемы состоит в разл. обоснованности, с к-рой правила обращения с конечными множествами могут быть перенесены (и действительно переносятся) на бесконечные множества, т. е. в понимании и использовании абстракций, связанных с М. б. Наиболее замечат. чертой конструктивного направления (по отношению к проблеме М. б.) является последовательная реализация (декларированных еще интуиционистами начала 20 в.) конструктивных принципов истолкования математич. суждений (в частности, всеобщих и экзистенциальных суждений) — принципов, не использующих абстракции актуальной бесконечности.

Существенно новый подход к проблеме М. б. возник в последние годы в связи с т. н. ультраинтуиционистской критикой оснований математики и возникшей на ее основе «генетической» программой обоснования теории множеств. Согласно ультраинтуиционистскому подходу, гипотеза потенциальной осуществимости (см. *Абстракция потенциальной осуществимости*) распадается на ряд содержательно неэквивалентных допущений об осуществимости. Неосуществимые средствами любой из этих частичных абстракций числа можно интерпретировать как бесконечные [такой подход к М. б., намечавшийся ранее Маннури, голл. математиком Д. ван Данцигом и др., в известной мере аналогичен представлениям, развиваемым Дж. фон Нейманом и А. Н. Колмогоровым в теории (конечных) автоматов]. Дальнейшие построения ультраинтуиционизма связаны с анализом *абстракции отождествления*.

В ультраинтуиционистской концепции понятие М. б., с одной стороны, как таковое вообще не используется, а с другой — в терминах принятой ультраинтуиционизмом «конечной установки» удается не только проинтерпретировать понятия теории (бесконечных) множеств, но и показать непротиворечивость последней, а также найти подход к решению трудных теоретико-

множеств. проблем (континуум-гипотеза, существование недостижимых трансфинитных чисел и др.). Интересно ультраинтуиционистское разрешение зеноновских апорий «Ахиллес», «Дихотомия» и др., состоящее в указании на неправомерность допущения об «окончании» бесконечного процесса посредством установления изоморфизма между последовательностью реальных (пространственных и временных) промежутков и последовательностью их мысленных образов. Вообще соврем. подходы к проблеме М. б. часто перекликаются с античной проблематикой. Так, исходным пунктом ультраинтуиционистских рассуждений можно считать явный учет реальных ситуаций, приводящих к парадоксам типа «Куча» *Евбулида*. Др. пример такого рода — «переволпощение» атомизма *Левкиппа* — Демокрита, черты к-рого можно усмотреть в концепции континуума в конструктивном математич. анализе, согласно к-рой каждая конструктивная вещественная функция оказывается непрерывной («спящие» извечного противопоставления дискретного и непрерывного).

Т. о., для математики, всегда имеющей в виду понятие М. б., характерно стремление освободиться от его явного использования. Математику, часто называемую «наукой о бесконечности», с не меньшим основанием можно определить как науку о способах обходиться без понятия бесконечности. В этом, в частности, естественно усматривать ее диалектич. характер. См. также *Математическая индукция, Алгоритм*.

Лит. см. при статьях *Конструктивное направление, Метод аксиоматический, Метатеория*.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА — предположительное изменение формы, вида, характера уравнения, выражающего закон изученной области явлений, с целью распространения его на новую, еще неизученную область в качестве присущего ей закона. М. г. широко применяется в совр. теоретич. физике, но использовалась и в классич. физике.

Метод М. г. применяется там, где открывается совершенно новый тип явлений, закономерности к-рых не установлены, но обнаружено, что эти законы не могут быть адекватно выражены с помощью привычных образов и понятий, в то время как новых физич. понятий и образов еще нет и неясны пути их создания. Для изучения этой неисследованной области физик-теоретик выбирает одну из групп явлений, примыкающих, по его мнению, вплотную к неисследованной области, а именно ту группу, закономерности к-рой достаточно хорошо известны и выражены в нек-ром математич. уравнении. Далее он довольно произвольно, но руководствуясь нек-рыми общими правилами (см. ниже), изменяет это уравнение. При этом он еще не знает окончат. физич. смысла производимых преобразований и вводимых новых членов, параметров. На этой стадии он даже еще и не ищет его в полном объеме, ограничиваясь своего рода эскизной прикидкой. Из преобразованного уравнения выводится ряд следствий, к-рые сопоставляются с данными эксперимента. Согласие с ними служит основанием для дальнейшей детальной разработки М. г.; противоречие — основанием для отказа от нее и начала новых аналогичных поисков на ином пути. В случае успеха начинается постепенная разработка конкретной физич. интерпретации полученных соотношений.

У М. г. много общего с обычной физич. гипотезой. Она так же, как и последняя, обладает большой предсказат. силой, перерастает при подтверждении опытом в систематически развитую теорию. Но есть и свои особенности: на первом плане обычной гипотезы стоит выявление основных физич. черт материального объекта, к-рый исследуется, а в М. г. исходным и непосредственным является предположе-

ние об общем характере и особенностях новой физич. теории исследуемого объекта. В обычной гипотезе физич. характеристика объекта выражается сразу, и теория затем развивается на основе уже сформулированной, хотя бы в общих чертах, физич. интерпретации исходных понятий. В М. г. в первую очередь схватывается общий математически выраженный костяк теории и лишь затем ищется физич. интерпретация частей, элементов этой теории и свойств объекта.

По своему конкретному воплощению, по своей форме М. г. весьма многообразны. Но в этом многообразии можно выделить несколько осн. типов М. г. По характеру, способу модификации осн. уравнения или закона эти осн. типы таковы: 1) М. г., в к-рых изменяется общий тип, общий вид уравнений; 2) М. г., в к-рых тип, общий вид уравнений остается прежним, но в них подставляются величины иной природы, иного характера; 3) М. г., в к-рых меняется и общий вид уравнения, и тип входящих в него величин; 4) М. г., в к-рых изменяется характер граничных, или предельных, условий решения уравнений.

К первому типу М. г. относится, напр., гипотеза В. Гейзенберга, с помощью к-рой он пытается выразить фундаментальный закон совр. теории «элементарных» частиц. Здесь исходное линейное квантовомеханич. уравнение П. Дирака путем ряда трансформаций (вычеркивание члена, содержащего массу, введение нового параметра, выражающего величину «минимальной длины», прибавление нового члена, содержащего спиновую функцию в третьей степени) превращается в нелинейное, т. е. в уравнение принципиально другого класса. К этому же типу М. г. относится и гениальное построение Максвеллом системы уравнений электродинамики путем введения в совокупность известных до него уравнений электромагнетизма принципиально нового члена, выражающего величину т. н. тока смещения. Благодаря этому Максвелл и создал целостную, логически замкнутую безупречную теорию электродинамики.

Второй тип М. г. представлен, напр., фактом создания Лоренцом классич. электронной теории, исходившей из электродинамич. уравнений Максвелла. Лоренц, не меняя внешней формы максвелловских уравнений, вместо величин, с которыми оперировала электродинамика Максвелла, не учитывавшая факта дискретности электрического заряда, ввел другие по физич. смыслу величины — вместо усредненных микроскопич. полей, зарядов, токов их микроскопич. значения. Эти М. г. в известном смысле увенчали все здание классич. физики. М. г. второго типа сыграли выдающуюся роль и в создании квантовой механики. С помощью М. г. второго типа разрабатывалась т. н. матричная механика, явившаяся первым вариантом совр. квантовой механики. М. Борн, В. Гейзенберг, разрабатывавшие матричную механику, исходили из мысли, что в атомных явлениях общий тип, общий вид канонич. уравнений классич. механики остается неизменным. Но в эти уравнения они ввели величины иной, неклассич. природы — не обычные числа, а матрицы, не обладающие свойством коммутативности. Аналогичным путем шел Э. Шрёдингер, разрабатывая основы волновой механики. Он исходил из изв. в классич. физике т. н. волнового уравнения, руководствуясь идеей де Бройля о том, что каждой материальной частице соответствует нек-рый волновой процесс. Эта идея определила особенность того типа уравнения, к-рый должен был стать ядром М. г., имевшей целью выразить закон движения микрообъектов. Фактически не меняя общего вида классич. волнового уравнения, Шрёдингер изменил смысл входящих в него членов, используя введенное де Бройлем неизвестное классич. физике соотношение между длиной волны волнового

процесса и импульсом частицы. Так получилось фундаментальное уравнение Шрёдингера для случая стационарных состояний атома, легшее в основу совр. квантовой механики. Интерпретация физич. смысла вошедшей в него «волновой функции» разрабатывалась затем на протяжении длит. времени. На основании М. г. второго типа создавалась и совр. квантовая электродинамика, взявшая в качестве исходных неизменные по форме уравнения Максвелла. Входящие в них физич. величины были заменены другими — подчиняющимися особым квантовым законам.

Третий тип М. г. соединяет особенности гипотез первого и второго типов. К нему относится М. г., на основе к-рой де Бройль, Вишке, Бом и др. стремятся разработать свой вариант теории «элементарных» частиц. Они меняют исходные квантовые уравнения, стараясь учесть идеи общей теории относительности. В результате получается трансформированное квантовое уравнение, в к-ром радикально изменен и смысл входящей в него волновой функции.

С четвертым типом М. г. особенно часто имеют дело в общей теории относительности и в проблемах космологии, где центр тяжести нередко переносится как раз на исследование граничных, предельных условий.

Разделение М. г. на различные типы не имеет жесткого, абс. характера. Так, с изменением типа уравнения в какой-то мере могут измениться тип и смысл входящих в него величин. И чем сильнее трансформируется вид уравнения, тем существеннее может быть изменение характера входящих в него величин. Т. о., между М. г. первого и третьего типов нет резкой границы. Но при всем том их нельзя и смешивать друг с другом. Изменение смысла, содержания входящих в уравнение величин в М. г. первого типа производно. Оно выступает как следствие гл. операции, характерной именно для гипотезы первого типа — трансформации вида уравнения. В гипотезе же третьего типа и трансформация уравнения, и изменения типа входящих в него величин с самого начала производятся совместно, на равных основаниях, независимо друг от друга.

Модификация типа, природы входящих в уравнение величин может произойти и при изменении граничных условий. Тем самым перекидывается нек-рый мостик и между М. г. второго и четвертого типов.

Приступая к поискам закономерностей еще не известной области явлений, физик обладает большой свободой в выборе конкретного варианта М. г. Однако полного произвола и полной свободы здесь не может быть. Это — свобода в выборе путей подхода к объективной истине.

Объективное содержание М. г., выражающей истину, оказывается совершенно не зависящим от произвола исследователя. Хотя физик может выбирать среди ряда вариантов построения М. г., конечный итог его работы по созданию гипотезы, общий результат не произволен, а определен объективной природой исследуемого круга явлений. К этому общему итогу, выражающему истину, можно прийти путем различных конкретных вариантов М. г. Существуют регулятивные принципы, управляющие процессом создания М. г., своего рода «правила отбора» М. г., действующие еще в ходе разработки этих гипотез еще до того, как последние в прямой форме начинают сопоставляться с опытными данными, относящимися к новой области природы. Эти «правила отбора» — не умозрительные, априорные требования, а положения, в обобщенном виде выражающие нек-рые существ. моменты подтвержденного опытом познания. В теоретич. физике широко используются след. регулятивные принципы, управляющие процессом разработки М. г.:

1. Принцип соответствия. Уравнение, выражающее закон вновь открытой области явлений, строится так, чтобы в предельном случае, при $k \rightarrow 0$ была верна старая теория, новый закон асимптотически переходил в прежний.

2. Требование инвариантности нового уравнения по отношению к системе преобразований, считающихся обязательными для всякой физич. теории вообще, и дополнит. преобразований, специфичных для данной области явлений. Важнейшее из таких общих требований — требование релятивистской инвариантности; неизменность по отношению к преобразованиям Лоренца.

3. Соблюдение предел. системы законов сохранения. Фундаментальными законами сохранения, с к-рыми должны согласовываться М. г. всех без исключения типов и конкретных форм, являются законы сохранения энергии, импульса, момента количества движения, массы, электр. заряда. В предел. областях явлений должны выполняться и другие, более частные законы сохранения, напр. законы сохранения странности, четности, барионного заряда. Возможно, однако, выдвижение М. г., вступающих в противоречие с этими частными законами сохранения. Но, как показывает опыт, в таких случаях появляется новый закон сохранения, специфичный именно для данной области явлений. Требование соблюдения системы законов сохранения связано с требованием инвариантности уравнений по отношению к соответств. типам преобразований.

4. Принцип причинности. Практически он в большинстве случаев выступает в форме положения о том, что причинами данного явления могут быть только явления, предшествующие ему во времени. Условие причинности широко применяется в совр. физике и имеет большое эвристич. значение.

5. Требование простоты и стройности математич. уравнений. При построении М. г. предпочитают уравнения, не содержащие производных больших порядков, больших степеней искомым функций, более симметричные по отношению к входящим в них элементам и т. п. Это требование, часто применяющееся явно или неявно в творч. работе ученых, ничего общего не имеет с махистским «принципом экономии мышления» (см. *Махизм*).

Позитивисты пытались выдвинуть в качестве регулятивного принципа построения М. г. т. н. «начало принципиальной наблюдаемости». Согласно ему, физич. теория, а тем самым и М. г., лежащая в ее основе, должна принципиально исключать всякого рода величины, не являющиеся «наблюдаемыми», т. е. непосредственно не проявляющимися в чувств. опыте и не фигурирующими в существующих теориях. Это «начало» служит помехой в развитии науч. познания, и даже те из ученых, к-рые принимали его, фактически отбрасывают его в реальной творч. работе, когда возникает необходимость сделать существ. шаг вперед в познании, связанный с выходом за рамки наличного эмпирич. материала и за пределы круга прежних представлений.

Указанные регулятивные принципы очерчивают границы и намечают общие линии поисков рациональных М. г. и тем самым значительно суживают круг возможных конкретных форм М. г., могущих конкурировать друг с другом в ходе поисков законов новых областей явлений. Но они однозначно не определяют к.-л. одну из форм в качестве единственно правильной. Решающее слово здесь также принадлежит опыту.

Метод М. г. — исключительно плодотворный метод совр. теоретич. физики. Но он с успехом может быть применен и в др. науках, в к-рых законы выражаются в виде точных количеств. соотношений.

Лит.: В а в и л о в С. И., Ленин и совр. физика. Собр. соч., т. 3, М., 1956; Б о р и М., Эксперимент и теория в физике, «Успехи физ. наук», 1958, т. 66, вып. 3; К у з н е ц о в И. В., О. М. г., «Вопр. философии», 1962, № 10.

И. Кузнецов. Москва.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ИНДУКЦИЯ, полная математическая индукция (наз. в математике часто просто полной индукцией; в этом случае это понятие следует отличать от рассматриваемого в нематематич. формальной логике понятия полной индукции), — прием доказательства общих предложений в математике и др. дедуктивных науках; особое значение имеет в связи с рассмотрением бесконечных дискретных процессов. Известно много различных форм М. и., по чаще всего этот термин применяют к следующему приему: доказываются, что (1) число 0 обладает нек-рым свойством P [(1) наз. базой индукции] и что (2), если произвольное натуральное число n обладает свойством P (т. н. индуктивное предположение), то непосредственно следующее за ним (в ряду 0, 1, 2, ...) число n' также обладает этим свойством [(2) наз. индукционным шагом]; отсюда делается вывод, что всякое натуральное число m обладает свойством P (свойство P наз. индукционным). Символически этот метод часто выражается следующей схемой аксиом:

$$P(0) \text{ и } \forall n (P(n) \supset P(n')) \supset \forall m P(m). \quad (I)$$

Обоснование М. и. обычно усматривается в том, что из $\forall n (P(n) \supset P(n'))$ по правилам логики сразу может быть выведено каждое из предложений

$$P(0) \supset P(1), P(1) \supset P(2), P(2) \supset P(3), \dots$$

и далее $P(0)$ вместе с $P(0) \supset P(1)$ позволяет получить $P(1)$, $P(1)$ вместе с $P(1) \supset P(2)$ позволяет получить $P(2)$ и далее таким же образом может быть получено каждое из предложений $P(3)$, $P(4)$, ..., т. е. может быть доказано каждое предложение $P(n)$, где n — любая из цифр 0, 1, 2, ..., а истинность каждого из этих предложений означает истинность общего предложения $\forall m P(m)$.

Имеются нек-рые др. формы М. и., сводящиеся к рассмотренной. Напр., можно начать рассмотрение натурального ряда не с 0, а с 1, и вообще с любого натурального числа k . Соответствующей формой М. и. будет:

$$P(k) \text{ и } \forall n (n \geq k \supset (P(n) \supset P(n'))) \supset \forall m (m \geq k \supset P(m)).$$

Если в дополнение к тому, что доказаны предложения $P(k)$ и $\forall n (n \geq k \supset (P(n) \supset P(n')))$, доказаны еще все предложения $P(0)$, $P(1)$, ..., $P(k-1)$, то тем самым считается доказанным и предложение $\forall m P(m)$. Последнюю форму М. и. наз. часто усеченной М. и. с базисом k (или $P(k)$). Ее частным случаем при $k=0$ служит рассмотренная выше «основная» форма М. и. Когда в качестве индукционного предположения берется $P(k)$, где $k < n$, М. и. называют возвратной индукцией, или индукцией пробегом. Символически ее можно выразить след. образом:

$$\forall n (\forall k (k < n \supset P(k)) \supset P(n)) \supset \forall m P(m). \quad (II)$$

В формализованной арифметике форма (II) М. и. выводится из формы (I) (с помощью нек-рых др. аксиом арифметики). Отсутствие члена $P(0)$ в формулировке возвратной индукции объясняется тем, что этот член выводится из $\forall n (\forall k (k < n \supset P(k)) \supset P(n))$. Действительно, освобождаясь, по правилам логики, от $\forall n$ и выбирая 0 в качестве значения n , получаем $\forall k (k < 0 \supset P(k)) \supset P(0)$. Формулу $\forall k (k < 0 \supset P(k))$ выводим [при этом используется логич. закон $A \supset (A \supset B)$ («из противоречия следует все, что угодно»)] из формулы

$k < 0$ (где « \neg » — знак отрицания), k -рая доказывается с помощью М. и.

Возвратная индукция является разновидностью «принципа наименьшего числа», гласящего, что во всяком непустом классе натуральных чисел имеется наименьшее число; она слабее М. и., т. к. М. и. не может быть выведена из возвратной индукции (это можно усмотреть из того, что принцип наименьшего числа верен для порядковых чисел теории множеств, для k -рых верны также те аксиомы арифметики, с помощью k -рых возвратная индукция выводится из М. и.; однако принцип М. и. неверен для порядковых чисел).

Для возвратной индукции также существуют разновидности, аналогичные усеченной форме М. и. В одной из таких форм принцип М. и. впервые появился в работе Паскаля «Об арифметич. треугольнике» (В. Pascal, *Traité du triangle arithmétique*, 1665).

По существу, доказательство всякого общего утверждения о натуральных числах основано на М. и., если только это утверждение не является следствием общелогич. законов [напр., $\forall m(m=m)$] или не требует для своего доказательства более сильных форм индукции. В частности, осн. свойства сложения и умножения, выражаемые коммутативным, ассоциативным и дистрибутивным законами, доказываются в совр. аксиоматич. арифметике посредством М. и.

К М. и. примыкают метод определения функций посредством т. н. (п р и м и т и в н о й) р е к у р с и и, состоящий в том, что значение определяемой функции для натурального числа n' выражается этим определением через ее значение для n и ранее определенных функций. Под этот вид определений можно подвести и определения п р е д и к а т о в посредством рекурсии (ибо предикат можно рассматривать как функцию, принимающую два значения — «истина» и «ложь»). Имеются виды рекурсий и более общие, чем эти «примитивные».

К М. и. также примыкает т. п. и н д у к т и в н ы е (или р е к у р р е н т н ы е) определения [примером такого определения может служить определение формулы исчисления высказываний (см. *Логика высказываний*), на k -рых основан спец. вид доказательств, родственный М. и., — т. п. и н д у к ц и я п о п о с т р о е н и ю ф о р м у л ы (подробнее см. *Определение, Рекурсивные функции и предикаты*).

М. и. играет серьезную роль в совр. исследованиях по логич. основаниям математики. Обычно при рассмотрении формализованной системы арифметики схема М. и. является одним из постулатов. Помню этого, схема М. и. неформально используется в мета-теоретич. рассуждениях (см. *Метатеория*).

Следует заметить, что коль скоро для записи М. и. не используются п р е д и к а т н ы е п е р е м е н н ы е, постулат М. и. является не аксиомой, а с х е м о й а к с и о м (I). В этой схеме содержится бесконечный класс аксиом, соответствующих всевозможным формулам $P(n)$. Польский математик Ч. Рылль-Нардзевский («Роль аксиомы математич. индукции в элементарной арифметике» — С. Ryll-Nardzewski, *The role of the axiom of induction in elementary arithmetic*, «Fundamenta Mathem.», 1952, т. 39) доказал, что схему аксиом (I) нельзя заменить никаким конечным числом аксиом, получающихся по этой схеме (именно, он показал, что такая замена непременно повлечет ослабление всей формальной арифметики).

В нек-рых системах формализованной арифметики схема аксиом (I) заменяется постулатами, по внешнему виду далекими от нее.

Арифметику иногда рассматривают как часть теории множеств. В этом случае схема аксиом М. и. может быть доказана с помощью аксиом этой теории, а среди последних нет М. и.

М. и. является разновидностью индукции в том смысле, что обоснование общего предложения $\forall m P(m)$ посредством М. и. предполагает возможность доказательства каждого из «частных случаев» $P(0), P(1), P(2), \dots$. Т. о., в основе М. и. лежит принцип *бесконечной индукции* по натуральному ряду. В математике встречается и др., отличные от М. и., виды индукции, посредством k -рых доказываются предложения вида $\forall m P(m)$, где m — любое натуральное число; их обоснование также использует бесконечную индукцию. Примером могут быть всевозможные виды индукции по «конструктивным трансфинитным числам». Последний термин можно понимать как означающий всякий конструктивный способ полного упорядочения натурального ряда, не обязательно в порядке возрастания натуральных чисел. Формулировка каждого из этих видов индукции отличается от схемы (I) возвратной индукции лишь тем, что отношение « $<$ » заменяется отношением порядка, соответствующего тому или иному способу полного упорядочения натурального ряда. Хотя идея этого метода по существу заимствована из теории множеств (в k -рой важную роль играет принцип «трансфинитной индукции», доказываемый на основе ее аксиом), сама формулировка индукции по конструктивным трансфинитам может быть отнесена к арифметике.

В дедуктивных науках встречаются и др. виды индукций, родственные М. и., но относящиеся не к натуральному ряду, а к др. дискретным процессам (в k -рых может быть несколько «нулей» и «ведущих операций» типа n' — не обязательно одноместных). Напр., дискретным процессом можно считать процесс развития аксиоматич. теории, состоящий в выведении все новых и новых следствий из ее аксиом. К этому процессу применим следующий принцип индукции («индукция по длине логич. вывода»): если все аксиомы теории (они играют роль «нулей») обладают свойством P и, коль скоро посылки нек-рого применения к-л. из имеющихся в данной теории правил вывода («ведущей операции») обладают свойством P и заключение тоже обладает этим свойством, то каждая теорема этой теории обладает свойством P . Обоснование этого принципа можно свести к М. и. Др. примеры — т. н. индукция по длине (логич.) формулы (длиной формулы наз. число входящих в нее логич. операций), k -рая может иметь, напр., вид следующей возвратной индукции: доказывается, что из принадлежности нек-рого свойства формуле (данного вида) длины n следует его принадлежность формуле длины n' , откуда следует его принадлежность всем формулам (данного вида); само доказательство при этом состоит в рассмотрении всех случаев, соответствующих различным «ведущим операциям» (т. е. случаям, когда последней, n -й операцией в формуле является конъюнкция, дизъюнкция и т. д., пока не будут рассмотрены все случаи, соответствующие всем возможным в формулах данного вида операциям логики).

Отличие М. и. (равно как и других, только что упомянутых видов индукции в математике) от т. н. *неполной индукции*, характерной для экспериментальных и описат. наук, состоит в том, что в дедуктивных науках каждое применение индукции основывается на умозрит. доказательстве возможности доказательства каждого частного случая исследуемого общего предложения, в то время как в др. науках обоснование этих частных случаев носит опытный характер. Значение таких умозрит. доказательств для М. и. не следует переоценивать, т. к. они основаны на ряде допущений о натуральном ряду, характерных для интуиционистской и тем более для классической арифметики (см. *Интуиционизм*). К их числу относится, в частности, допущение об однознач-

ной, с точностью до изоморфизма, определенности натурального ряда, ибо без этого допущения нельзя было бы утверждать, что в ряду доказываемых предложений $P(0), P(1), P(2), \dots$ [к-рый можно считать натуральным рядом, т. к. в нем есть 1-й элемент: $P(0)$, и за всяким элементом $P(n)$ ожидается наступление $P(n')$] имеется предложение $P(m)$ для всякого натурального числа m , и потому нельзя было бы применить бесконечную индукцию, а значит, и обосновать М. и. По само допущение об однозначности натурального ряда обосновывается посредством М. и.

Тут тавтология связь с антич. парадоксом «кучи»: одно зерно не образует кучи; если n зерен не могут образовать кучи, то и $n + 1$ зерно не может образовать кучи; следовательно, никакое число зерен не может образовать кучи, а потому куч не существует, что противоречит опыту. Т. о., идея М. и. была известна, фактически, уже в древности. Широко известны и др. формы того же парадокса (напр., «лысый»). В математике на протяжении ее истории парадоксы этого вида не возникали, и это связывается обычно с тем, что в ней не рассматриваются такие «расплывчатые», т. е. объемно-неопределенные, понятия, как «куча», и т. п. Не выяснено, однако, действительно ли ограничение круга наших понятий теми, к-рые встречаются в дедуктивных науках, исключает возможность возникновения парадоксов этого типа; с др. стороны, даже такое привычное понятие, как «натуральный ряд чисел», связано с достаточно серьезными логич. трудностями.

Изучение этого вопроса обнаружило, что он тесно связан с исследованием др. допущений, принятых в интуиционистской математике. В частности, в случае отказа от однозначной определенности натурального ряда и при одновременном изучении неск. параллельных натуральных рядов (или дискретных процессов, естественно сводящихся к таким рядам) невозможно безоговорочно пользоваться принципом М. и. и поэтому приходится отказываться от приятия М. и. в качестве одного из постулатов (см. «Infinitistic methods. Proceedings of the Symposium on foundations of mathematics», Warsz., 1961, с. 201—23).

Неоднократно предпринимались попытки ввести более общие (в к.-л. смысле) и более сильные, чем М. и., методы доказательства (и определения). Примером может служить т. н. индукция по континууму (числовому или линейному): 1) если к.-л. действит. число x обладает свойством P и 2) если для всякого числа y , обладающего свойством P , найдется число z , большее y и обладающее свойством P , то каждое действит. число, большее x , обладает свойством P (аналогичная формулировка для линейного континуума получается заменой слов «действит. число» на «точка прямой» и «больше» на «лежащая правее»). Аналогия такого метода доказательства обычной возвратной индукции очевидна. Однако роль таких «более общих» видов индукции неизмеримо скромнее роли М. и. для арифметики и трансфинитной индукции. В отличие от этих методов, исходящих из генетич. процесса построения натурального ряда (или класса трансфинитных чисел) в виде вполне упорядоченного множества (см. *Порядка отношение*), индукция по континууму не связана ни с каким эффективным способом «построения» континуума (причем перспектива эффективного вполне-упорядочения континуума представляется безнадежной).

Лит.: Марков А. А., Теория алгоритмов, Тр. Матем. ин-та им. В. А. Стеклова, т. 42, М., 1954; Клини С. К., Введение в метаматематику, М., 1957, гл. 2 (§ 7), 6, 8 (имеется большая библиография); Логич. исследования. Сб. ст., М., 1959, с. 218—62; Навинов П. С., Элементы матем. логики, М., 1959, гл. 5; Сомицкий И. С., Метод М. и., 6 изд., М., 1961; Генкин И. Л., О М. и., пер. с англ., М., 1962; Hilbert D. und Bernays P., Grundlagen der Mathematik, Bd 2, В., 1939.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА — логика, развившаяся в точную науку, применяющую математич. методы, или, согласно П. С. Порецкому, логика по предмету, математика по методам. Идея построения М. л. высказывалась впервые Лейбницем. По линии в 19 в. в соч. Буля «Математический анализ логики» (G. Boole, «The mathematical analysis of logic», 1847) была начата систематич. разработка этой науки. Дальнейшее развитие М. л. в значит. мере стимулировалось потребностями математики, ставившей логич. проблемы, для решения к-рых старые средства классич. формальной логики были непригодны. Одной из этих проблем явилась проблема недоказуемости 5-го постулата Эвклида в геометрии. Эта проблема связана с аксиоматическим методом, являющимся наиболее распространенным способом логич. систематизации математики. Он требует точной формулировки основных, принимаемых без доказательства положений развертываемой теории — т. н. аксиом, из к-рых все дальнейшее ее содержание логически выводится. Математич. теории, развиваемые т. о., наз. аксиоматическими. Классич. прототипом такого построения математич. теории является эвклидово построение геометрии.

В связи со всякой аксиоматич. теорией естественно возникает ряд логич. проблем. В частности, возникает проблема логической независимости аксиом данной теории, состоящая в установлении того, что ни одна из аксиом теории не может быть чисто логически выведена из остальных аксиом. Для эвклидовой геометрии в течение двух тысячелетий оставался открытым вопрос о логич. независимости 5-го постулата Эвклида. Было предпринято много тщетных попыток вывести его из остальных аксиом эвклидовой геометрии, пока, наконец, в работах Н. И. Лобачевского не было впервые в явной форме высказано убеждение в невозможности осуществить такой вывод. Это убеждение было подкреплено Лобачевским построением новой геометрии, в корне отличной от эвклидовой. В геометрии Лобачевского, тщательно разработанной ее творцом, не обнаруживалось противоречий; это вселяло уверенность в том, что противоречия и вообще не могут возникнуть, как бы далеко ни было продвинуто выведение следствий из аксиом новой геометрии. Впоследствии нем. математиком Ф. Клейном было доказано, что противоречия не могут возникнуть в геометрии Лобачевского, если они не могут возникнуть в эвклидовой геометрии (см. *Метод аксиоматический*). Так возникли и были частично решены исторически первые проблемы «недоказуемости» и непротиворечивости в аксиоматич. теориях.

Точная постановка таких проблем, их рассмотрение как проблем математических требуют уточнения понятия *доказательства*. Всякое математич. доказательство состоит в последовательном применении тех или иных логич. средств к исходным положениям. Но логич. средства не представляют собой чего-то абсолютного, раз навсегда установленного. Они вырабатывались многовековой человеческой практикой; «... практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 181—82). Человеческая практика является, однако, на каждом историч. этапе ограниченной, а объем ее все время растет. Логич. средства, удовлетворительно отражавшие человеческое мышление на данном этапе или в данной области, могут уже оказаться неподходящими на след. этапе или в др. области. Тогда в зависимости от изменения содержания рассматриваемого предмета

изменяется и способ его рассмотрения — изменятся логич. средства. Это в особенности относится к математике с ее далеко идущими многостепенными абстракциями. Здесь бессмысленно говорить о логич. средствах как о чем-то данном в своей совокупности, как о чем-то абсолютном. Зато имеет смысл рассмотрение логич. средств, применяемых в той же или иной конкретной обстановке, встречающейся в математике. Их установление для к.-л. аксиоматич. теории и составляет искомое уточнение понятия доказательства для этой теории.

Важность этого уточнения для развития математики выявилась в особенности за последнее время. Разрабатывая *множества теории*, ученые столкнулись с рядом трудных проблем, в частности с проблемой о мощности *континуума*, выдвинутой Г. Кантором (1883), к которой до 1939 не было найдено удовлетворит. подходов. Др. проблемы, столь же упорно не поддававшиеся решению, встретились в дескриптивной теории множеств, разрабатываемой сов. математиками. Постепенно выяснилось, что трудность этих проблем является логической, что она связана с неполной выявленностью применяемых логич. средств и аксиом и что единств. путем к ее преодолению является уточнение тех и других. Выяснилось, т. о., что разрешение этих задач требует привлечения М. л., к-рая, следовательно, является наукой, необходимой для развития математики. В наст. время надежды, возлагавшиеся на М. л. в связи с этими проблемами, уже оправдали себя. В отношении проблемы континуума очень существенный результат был получен К. Гёделем (1939), доказавшим непротиворечивость обобщенной континуум-гипотезы Кантора с аксиомами теории множеств при условии, что эти последние непротиворечивы. В отношении же ряда трудных проблем дескриптивной теории множеств важные результаты получены П. С. Новиковым (1951).

Уточнение понятий доказательства в аксиоматич. теории является важным этапом ее развития. Теории, прошедшие этот этап, т. е. аксиоматич. теории с установленными логич. средствами, называют дедуктивными теориями. Лишь для них допускают точную формулировку интересные математиков проблемы доказуемости и непротиворечивости в аксиоматич. теориях. Для решения этих проблем в совр. М. л. применяется метод формализации доказательств. Идея метода формализации доказательств принадлежит нем. математику Д. Гильберту. Проведение этой идеи стало возможным благодаря предшествовавшей разработке М. л. Булем, Порецким, Шрёдером, Фреге, Пеано и др. В наст. время метод формализации доказательств является мощным орудием исследования в проблемах обоснования математики.

Применение метода формализации бывает обычно связано с выделением логич. части рассматриваемой дедуктивной теории. Эта логич. часть, оформляемая, как и вся теория, в виде некоего *исчисления*, т. е. системы формализованных аксиом и формальных правил *вывода*, может быть рассматриваема как самостоятельное целое. Простейшим из логич. исчислений являются исчисления высказываний, классическое и конструктивное. Формальное различие двух исчислений высказываний отражает глубокое различие в их истолкованиях, касающееся смысла пропозициональных переменных и логич. связок (см. *Интuitionизм, Исчисление задач, Логика высказываний*).

Наиболее широко используемым при построении дедуктивных математич. теорий является в наст. время классич. *предикатов исчисление*, представляющее собой развитие и уточнение классич. теории суждений Аристотеля и вместе с тем соответствующее теоретико-множеств. системе абстракций. Кон-

структивное исчисление предикатов относится к классич. исчислению предикатов так же, как конструктивное исчисление высказываний к классич. исчислению высказываний. Самое существенное из расхождений между этими двумя исчислениями предикатов связано с истолкованием в них частных, или экзистенциальных, суждений. В то время как в конструктивном исчислении предикатов такие суждения истолковываются как утверждения о возможности определ. конструкций и считаются установленными лишь при указании этих конструкций, в классич. исчислении предикатов экзистенциальные суждения обычно трактуются в отрыве от конструктивных возможностей как некие «чистые» утверждения о существовании (см. *Конструктивное направление*). Более удовлетворительное истолкование экзистенциальных суждений классич. исчисления предикатов, уязвляющее определ. образом это исчисление с конструктивным исчислением предикатов, было открыто А. Н. Колмогоровым в 1925.

В математике логич. исчисления применяются в сочетании со специфич. аксиомами развешиваемых дедуктивных теорий. Напр., теорию натуральных чисел можно строить, объединяя аксиомы Пеано для арифметики с исчислением предикатов (классическим или конструктивным). Применяемое при этом объединение логич. символики с математической не только позволяет оформлять математич. теории в виде исчислений, но и может являться ключом к уточнению смысла математич. предложений. В наст. время сов. математиком П. А. Шапшиным разработаны точные правила конструктивного истолкования математич. суждений, охватывающие широкие области математики. Применение этих правил становится возможным лишь после того, как рассматриваемое суждение записано на надлежащем точном логико-математич. языке. В результате применения правил истолкования может выявиться конструктивная задача, связываемая с данным суждением. Это, однако, происходит не всегда: не со всяким математич. предложением обязательно связывается конструктивная задача.

С исчислениями связаны следующие понятия и идеи. Об исчислении говорят, что оно непротиворечиво, если в нем не выводима никакая формула вида \exists вместе с формулой \exists (где \exists есть знак отрицания). Задача установления непротиворечивости применяемых в математике исчислений является одной из гл. задач М. л. В наст. время эта задача решена лишь в весьма огранич. объеме. Употребляются разл. понятия *полноты* исчисления. Имея в виду охват той или иной содержательно определенной области математики, считают исчисление полным относительно этой области, если в нем выводима всякая формула, выражающая верное утверждение из этой области. Другое понятие *полноты* исчисления связано с требованием доставлять либо доказательство, либо опровержение для всякого предложения, формулируемого в исчислении. Первоственное значение в связи с этими понятиями имеет теорема Гёделя — Россера, утверждающая несовместимость требования полноты с требованиями непротиворечивости для весьма широкого класса исчислений. Согласно теореме Гёделя — Россера, никакое непротиворечивое исчисление из этого класса не может быть полным относительно арифметики: для всякого такого исчисления может быть построено верное арифметич. утверждение, формализуемое, но не выводимое в этом исчислении (см. *Метатеория*). Эта теорема, не снижая значения М. л. как мощного организующего средства в науке, в корне убивает надежды на эту дисциплину как на нечто способное осуществить всеобщий охват математики в рамках одной дедуктивной теории. Надежды такого рода высказывались мн. учеными, в том числе

Гильбертом — главным представителем формализма в математике — направления, пытавшегося свести всю математику к манипуляциям с формулами по определенным раз навсегда установленным правилам. Результат Гёделя и Россера нанес этому направлению сокрушительный удар. В силу их теоремы, даже такая сравнительно элементарная часть математики, как арифметика натуральных чисел, не может быть охвачена одной дедуктивной теорией.

М. л. органически связана с кибернетикой, в частности с теорией релейно-контактных схем и автоматов, машинной математикой и лингвистикой математической. Приложения М. л. к релейно-контактным схемам основаны на том, что всякая двухполюсная релейно-контактная схема в след. смысле моделирует некую формулу \mathfrak{A} классич. исчисления высказываний. Если схема управляется n реле, то столько же различных пропозициональных переменных содержит \mathfrak{A} , и, если обозначить через \mathfrak{F}_i суждение «Реле номер i сработало», то цепь будет тогда и только тогда замкнута, когда будет верен результат подстановки суждений $\mathfrak{F}_1, \dots, \mathfrak{F}_n$ вместо соответствующих логич. переменных в \mathfrak{A} . Построение такой моделируемой формулы, описывающей «условия работы» схемы, оказывается особенно простым для т. п. П-схем, получаемых исходя из элементарных одноконтактных цепей путем параллельных и последовательных соединений. Это связано с тем, что параллельное и последовательное соединения цепей моделируют, соответственно, дизъюнкцию и конъюнкцию суждений. Действительно, цепь, полученная путем параллельного (последовательного) соединения цепей C_1 и C_2 , тогда и только тогда замкнута, когда замкнута цепь C_1 или (и) замкнута цепь C_2 . Применение исчисления высказываний к релейно-контактным схемам открыло плодотворный подход к важным проблемам совр. техники. Вместе с тем эта связь теории с практикой привела к постановке и частичному решению мн. новых и трудных проблем М. л., к числу к-рых в первую очередь относится т. н. проблема минимизации, состоящая в разыскании эффективных методов нахождения простейшей формулы, равносильной данной формуле.

Релейно-контактные схемы являются частным случаем управляющих схем, применяемых в совр. автоматах. Управляющие схемы пных типов, в частности, схемы из электронных ламп или полупроводниковых элементов, имеющие еще большее практич. значение, также могут быть разрабатываемы с помощью М. л., к-рая доставляет адекватные средства как для анализа, так и для синтеза таких схем. Язык М. л. оказался также применимым в теории программирования, создаваемой в наст. время в связи с развитием машинной математики. Наконец, созданный в М. л. аппарат исчисления оказался применимым в математической лингвистике, изучающей язык математич. методов. Одной из осн. проблем этой науки является точная формулировка правил грамматики рассматриваемого языка, т. е. точное определение того, что следует понимать под «грамматически правильной фразой этого языка». Как показал амер. ученый Хомский, есть все основания искать решение этой задачи в следующем виде: строится некое исчисление, и грамматически правильными фразами объявляются выражения, составленные из знаков алфавита данного языка и выводимые в этом исчислении. Работы в этом направлении продолжаются.

См. также *Алгебра логики, Конструктивная логика, Логика комбинаторная, Логика классов, Логическое исчисление, Модальная логика* и лит. при этих статьях. А. Марков. Москва.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ К. МАРКСА — значительная (около тысячи страниц) часть руко-

писного наследия К. Маркса, отражающая его занятия математикой. М. р. М. были сохранены Энгельсом, к-рый придавал им большое значение и намеревался их опубликовать (см. предисловие Энгельса ко 2-му изданию «Анти-Дюринга»).

М. р. М. свидетельствуют о многолетнем (начиная с 50-х гг. 19 в.) изучении Марксом математики. В начале его интересы сосредоточивались преимущественно на возможных в то время приложениях математики к исследованию экономич. проблем и на систематич. пополнении своих математич. знаний. Вскоре после выхода в свет 1-го т. «Капитала» (1867) занятия Маркса математикой приобрели самостоятел. направление (см., напр., «Капитал», т. 2, 1955, с. 3) и продолжались до конца его жизни. К этому периоду времени относится подавляющая часть сохранившихся М. р. М.

Объектами изучения в М. р. М. в этот период являлись: аналитич. геометрия, алгебра (гл. обр. общая теория уравнений) и, в особенности, математич. анализ. Маркс изучал последний с целью раскрыть тайну, окружающую «еще и в наше время те величины, которые применяются в исчислении бесконечно малых, — дифференциалы и бесконечно малые разных порядков...» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1955, с. 214). Он проанализировал все способы обоснования математич. анализа (вплоть до работ франц. математика О. Коши) и показал их неудовлетворительность. Затем Маркс приступил к систематич. изложению своей точки зрения. Работа эта осталась незавершенной; смерть Маркса прервала ее.

В М. р. М. проявились черты метода науч. исследования Маркса — метода материалистич. диалектики — в применении к изучению конкретных проблем математики. Это придает им непреходящую науч. ценность.

Рукописи не содержат попыток формального построения системы определений и аксиом в качестве логич. базы математич. дисциплин. Любое понятие или метод Маркс рассматривал с т. зр. развития его из первоначальных, неразвитых форм. Задачу полного выяснения смысла и логич. связи математич. понятий и методов Маркс разрешил на пути исследования их историч. происхождения и развития. Так, им был изучен вопрос о предпосылках создания дифференц. исчисления: о тех операциях и понятиях элементарной алгебры, к-рые являлись неразвитыми формами, «образцами» (по выражению Маркса) понятий и методов этого исчисления. М. р. М. содержат ряд высказываний, раскрывающих сложную историю создания анализа бесконечно малых, включающую в частности: (а) переход от алгебры конечного к алгебре бесконечного, соответствующий переходу от дискретного к непрерывному, сопровождающийся введением в математику понятий бесконечного ряда, непрерывности, предела и др.; (б) переход от операций алгебры (теперь допускаемых уже и в бесконечном числе) к операциям собственно дифференц. исчисления, оперирующего с характерными для него символами.

Алгоритмы дифференц. исчисления, по мысли Маркса, делятся на первичные и вторичные, или алгоритмы сведённые. Первые позволяют непосредственно находить по аналитич. выражению функции аналитич. выражение ее производной для возможно более широкого класса функций. Специфич. для дифференц. исчисления символы dx , dy и т. п. при этом играют роль отражения реально протекающего (без употребления этих символов) математич. процесса дифференцирования, а не исходного пункта. Процесс дифференцирования функции $f(x)$ состоит, по Марксу, в полагании и последующем (после выполнения нек-рых операций) с нятии разности

сти $j(x_1) - f(x)$. Предшествующие этому снятию операции состоят в (1) образовании отношения $\frac{f(x_1) - f(x)}{x_1 - x}$

(назовем его $\frac{\Delta y}{\Delta x}$) и (2) в отыскании «предварительной» производной, т. е. функции от обоих аргументов x_1 и x , к-рая при $x_1 \neq x$ равняется $\frac{\Delta y}{\Delta x}$, но, в отличие от этого отношения, при $x_1 = x$ определена (и непрерывна относительно x_1). Алгоритм отыскания такой «предварительной» производной для аналитич. функций действит. переменной был (для разных случаев) подробно указан Марксом. Производная функция определялась Марксом как значение «предварительной» производной при $x_1 = x$.

Задача вторичных алгоритмов состоит в сведении сложных задач к последовательностям первичных алгоритмов. Введение вторичных алгоритмов и переход к собственно дифференц. исчислению основаны на диалектич. оборачивании метода, выражением к-рого (оборачивания) является оперирование с дифференц. символами. Последние, игравшие вначале роль отражения реального математич. процесса, изменяют свою сущность. Они сами становятся объектом исчисления, являясь теперь оперативными символами.

Открытый Марксом процесс образования дифференциального исчисления, связанный с оборачиванием метода и изменением роли символов, имеет много общего с процессом формирования всех символических исчислений. Он позволяет также правильно понять задачу создания аксиоматики исчисления.

Сила примененного в М. р. М. метода проявилась, в частности, в том, что Марксу удалось открыть новое понятие дифференциала как оперативного символа. Аналогичная идея впервые появилась лишь в 1911 (в работах франц. математика Ж. Адамара) в связи с обобщением понятий классич. анализа на функциональный анализ.

Перечень важнейших проблем, к-рые исследовал Маркс, этим не исчерпывается. М. р. М. содержит замечат. идеи по ряду вопросов развития математики, актуальные и для современного нам этапа. Среди них: высказывания о решающем значении для математики введения переменной величины (аналогичную идею, высказанную Энгельсом, см. «Диалектика природы», 1955, с. 206), о развитии понятия функции, об отображении движения средствами математики, о связанной с этим задаче о способах представления изменения переменной величины, о борьбе воззрений как необходимом условии развития математики и мн. др.

М. р. М. подготовлены к изданию в Ин-те марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Лит.: Маркс К., Математические рукописи, «Под знаменем марксизма», 1933, № 1, с. 15—73; его же, Письмо Энгельсу 11 января 1858 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 22, М.—Л., 1929; его же, Письмо Энгельсу 6 июля 1863 г., там же, т. 23, М.—Л., 1930; Энгельс Ф., Письмо Марксу 18 августа 1881 г., там же, т. 24, М.—Л., 1931; его же, Письмо Марксу 21 и 22 ноября 1882 г., там же; Яновская С., О математических рукописях К. Маркса, «Под знаменем марксизма», 1933, № 1; Гливицкий В. И., Понятие дифференциала у Маркса и Адамара, там же, 1934, № 5; Рыбников К. А., Математические рукописи Маркса, БСЭ, 2 изд., т. 26.

К. Рыбников. Москва.

МАТЕРИАЛИЗМ (от лат. materialis — вещественный) — науч. направление в философии, к-рое решает основной вопрос философии в пользу первичности материи, природы, бытия, физического, объективного и рассматривает сознание, мышление как свойство материи в противоположность идеализму, принимающему за исходное дух, идею, сознание, мышление, психическое, субъективное.

Общий определяющий признак материализма

Слово «М.» начали употреблять в 17 в. не столько в смысле гносеологич. учения, сколько в смысле физич. представлений о материи (напр., Бойль). Позднее им пользуются в более филос. смысле (напр., Лейбниц) для противопоставления М. идеализму. Выяснение науч. смысла М. и точное определение М. было впервые осуществлено Марксом и Энгельсом. «Философы разделились на два больших лагеря, — писал Энгельс, — сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос (об отношении мышления к бытию. — *Ред.*). Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма.

Ничего другого первоначально и не означают выражения идеализм и материализм... Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 283). Такого понимания М. придерживался и Ленин: «Это коренное различие „двух больших лагерей“, на которые делятся философы „различных школ“ идеализма и материализма, Энгельс ставит во главу угла, прямо обвиняя в „путанице“ тех, кто в ином смысле употребляет выражения идеализм и материализм» (Соч., т. 14, с. 87).

Однако, несмотря на то, что наука выяснила этот вопрос, противники М. употребляют неправильную терминологию для обозначения М. 1) Те, кто отрицают или ставят под сомнение существование чего-либо вне ощущений, называют М. «метафизикой» (поскольку М. признает существование внешнего мира). «Метафизиками, надо сказать, обзывают материалистов многие идеалисты и все агностики (кантианцы и юмисты в том числе), потому что им кажется, будто признание существования внешнего мира, независимого от сознания человека, есть выход за пределы опыта» (там же, с. 51). Но на этом же основании «метафизикой» именуют объективный идеализм и фидеизм, к-рые признают существование абсолютного духа или бога вне опыта отдельных идей; т. о. здесь М. смешивается с идеализмом. 2) М. называют «реализмом», поскольку М. признает реальность внешнего мира. Отмечая, что термин «реализм» употребляется иногда в смысле противоположности идеализму, Ленин писал: «Я вслед за Энгельсом употребляю в этом смысле только слово: материализм, и считаю эту терминологию единственно правильной, особенно ввиду того, что слово „реализм“ захватано позитивистами и прочими путаниками, колеблющимися между материализмом и идеализмом» (там же, с. 48). Позитивисты называют себя «реалистами», поскольку они признают реальность нашего «Я» и наших ощущений. Тогда реалистами можно назвать сторонников имманентной школы и фидеизма, поскольку они признают реальность духа и бога, в итоге чего М. и здесь смешивается с прямо противоположными ему направлениями. 3) Пытаясь принизить М. до уровня обыденного, философски неформленного убеждения людей в реальности внешнего мира и его вещей, враги М. именуют его «наивным реализмом». 4) Смешивая М. как направление с механистич. М., нек-рые критики М. называют его «механицизмом». Энгельс отмечал, что ошибочное приравливание «материалистического» и «механического» идет от Гегеля, к-рый хотел унижить М. эпитетом «механический». 5) Нередко слово «М.» употребляется произвольно, в искомом смысле. «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, похоть и плотские наслаждения и тщесла-

вие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоня за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 290).

Линия М., как противоположная линия идеализма, проводится во всех областях науч. познания, применительно к любым проблемам и категориям философии и частных наук. Напр., по вопросу о причинности и закономерности М. и идеализм различаются не тем, признается или отрицается наличие закономерностей, причинной связи явлений и не тем, какой именно тип этой связи признается или отрицается, а тем, что принимается здесь за исходное — природа или дух: либо признается объективно существующая вне и независимо от субъекта причинная связь явлений (позиция М.), либо она отрицается вообще или же отрицается ее объективный характер, ее первичность по отношению к воле и сознанию человека (позиция идеализма). Отсюда «... два философских направления в вопросе о причинности» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 19). Хотя для М. существенно признание причинности, но и среди идеалистов имеются мыслители, к-рые ее не отрицают. С гносеологич. т. зр. материалистическое решение вопроса о причинности состоит, по Ленину, в признании того, что «... необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное» (там же, с. 176). Отсюда осн. точка зрения по данному вопросу есть «... признание объективной реальности внешнего мира и законов внешней природы...» (там же, с. 177).

Вопрос о познаваемости мира, составляющий др. сторону осн. вопроса философии, также имеет большое значение для характеристики тех или иных филос. школ и течений. Однако положительное или отрицательное его решение даст основание к разделению философов не на два осн. лагеря — идеалистов и материалистов, а на тех, кто признают, что мир познаваем, и агностиков, к-рые это отрицают. Ленин подчеркивал, что к философам, утвердительно решавшим вопрос о познаваемости мира, Энгельс относил «... не только всех материалистов, но и самых последовательных идеалистов...» (там же, с. 88), противопоставляя им агностиков.

Частные характеристики материализма

В лит-ре М. характеризуется с самых различных сторон, в весьма разнообразных его связях и отношениях с др. явлениями обществ.-историч., в особенности духовного, порядка. В результате этого возникают частные определения М., к-рые и служат основаниями для различных классификаций материалистич. учений.

1) Выделяются две историч. эпохи в прогрессивном развитии М., к-рым соответствуют: до марксистский М. и марксистский, или диалектич., М. Домарксистский М. охватывает все формы М., к-рые исторически предшествовали возникновению диалектич. М. Те школы М., к-рые появлялись после возникновения марксизма, строго говоря, не могут относиться к домарксистскому М., т. к. они не представляют собой дальнейшего развития М. и занимают особое место в истории М. Существуют два взгляда на хронологич. границу, разделяющую эпохи домарксистского и марксистского М.: согласно первому, эта граница является общей для всех стран и народов — сер. 40-х гг. 19 в., когда возник марксизм. Но в таком случае для тех стран, где рабочее движение развилось позднее (напр., Россия, страны Востока), процесс развития домарксистского М., совершившийся в пределах этих стран, пришлось бы искусственно разбивать на две совершенно обособленные стадии.

Согласно второй т. зр., домарксистским является М., распространенный в данной стране до проникновения в нее марксизма.

Можно было бы принять два различных термина: домарковский М. (обозначающий М. до сер. 40-х гг. 19 в.) и домарксистский М. (обозначающий М. до распространения марксизма в данной стране). Тогда период домарксистского М. будет хронологически определяться по-разному в разных странах; напр., для России это будет период до 80-х гг. 19 в.

Единственно последовательным во всех отношениях является марксистский М. Ленин называл Маркса «... основателем современного материализма, неизмеримо более богатого содержанием и несравненно более последовательного, чем все предыдущие формы материализма...» (там же, с. 322). К непоследовательному М. относятся все без исключения школы немарксистского М. Непоследовательность М. проявляется различным образом:

а) Когда линия М. проводится только в одной области знания (напр., «вниз», в понимании природы), а в др. областях дается идеалистич. трактовка рассматриваемых явлений (напр., общественных, откуда идеализм «вверх»). Так было, напр., у франц. материалистов 18 в. и рус. революц. демократов 19 в. Непоследовательный материалист-ученый может последовательно проводить линию М. в своей специальной области, а в филос. вопросах защищать идеализм. Поскольку такой ученый — человек науки, писал Энгельс, «... поскольку он что-либо знает, постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, в которых он ничего не знает, он переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 305). Таким ученым был, напр., Буглеров.

б) Когда одна группа или сторона гносеологич. вопросов решается с позиций М. (напр., первая сторона осн. вопроса философии), а другая — с позиций идеализма и агностицизма. Так, Гельмгольц был в основном материалистом, но в теории познания он отходил от М. в сторону агностицизма, а отсюда — неизбежно — и в сторону идеализма (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 222). Аналогичную ошибку делал Плеханов (см. там же, с. 220). Т. о., агностич. решение вопроса логически ведет к идеализму, подрывая исходную посылку М. — признание объективной реальности внешнего мира, а значит и первичности материи по отношению к духу. Это составляет особое проявление непоследовательного М., т. н. символич., или иероглифич., М. — значит, половичатый М. Последовательный материалист, напротив, решает с позиций М. не только первую, но и вторую сторону осн. вопроса философии.

Примером непоследовательного М. служит и механистич. М., поскольку он признает объективно существующими только *первичные качества*, но не *вторичные качества*. С такой т. зр. наши ощущения не являются образами вещей, т. к. содержащиеся в них качества носят якобы чисто субъективный характер. Это — прямое отступление от М., ведущее к агностицизму.

в) Когда отрицаются или игнорируются всеобщая связь явлений и развитие природы. В частности, метафизич. М., неспособный объяснить происхождение вещей и явлений мира, нередко приходит к идеалистич. концепции «первого толчка», посредством к-рого тела природы якобы были созданы, а материя обрела будто бы способность двигаться. Способность произвести такой «толчок» может быть приписана только некоему внеприродному началу, т. е. богу. Такая непоследовательность была свой-

ственна метафизич. М. 17—18 вв., в особенности тем его направлениям, к-рые принимали форму *деизма*. Такая же непоследовательность была характерна и для филос. идей Дюринга. «Всю борьбу с Дюрингом,— писал Ленин,— Энгельс провел целиком под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга... за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма,— вот та постановка вопроса, которая дана в каждом параграфе „Анти-Дюринга“» (там же, с. 323).

2) По отношению к обществ.-историч. практике, различаются созерцательный М. и практически действительный М. Первый есть одна из характеристик домарксистского М. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, и практика, не субъективно» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 1). Поэтому такой М. не мог подняться до понимания законов обществ. развития: «Самое большее, чего достигает созерцательный материализм, т. е. материализм, который понимает чувственность не как практическую деятельность, это — созерцание им отдельных индивидов в „гражданском обществе“» (там же, с. 3). М., ставящий задачу не только объяснить мир, но изменить его, есть марксистский М.

3) С т. зр. метода мышления, к-рым пользуются материалисты, выделяются: диалектич. М. и метафизич. М. Для диалектич. М. характерны внутр. единство, нераздельная слитность диалектики и материалистич. теории познания. Метафизич. М. имеет много разновидностей, зависящих от того, какая сторона действительности или процесса познания превращается в абсолют: напр., а) М., опирающийся на метафизику абсолютных качеств, отрицающую развитие; б) М., отрицающий качеств. различия и сводящий их к количеств. различиям, а развитие — к плоской эволюции, к чистой постепенности. Этот второй вид метафизич. М. является механическим, если сводит все высшие формы движения к механической, как это было свойственно М. 17—18 вв.; однако механицизм связывается не только с М., но и с идеализмом, особенно в совр. реакц. философии.

4) С т. зр. понимания сущности сознания и его роли по отношению к материи, бытию, противоплагаются научный и вульгарный материализм. Науч. М. видит качеств. отличие психического от физического. Напротив, вульгарный М. (*Бюхнер, Фохт, Молешотт* и др.) отождествляет сознание с материей. В понимании обществ. явлений проявлением вульгарного М. является экономич. М., противоположный историч. М. Историч. М. противостоят различные школы упрощенного М., дающие неправильное объяснение обществ. явлений: а) Антропологич. М. (Фейербах, отчасти Чернышевский) (см. *Антропологическая школа, Антропологический принцип*). б) Географич. М. (см. *Географическая среда, Географическая школа*). в) Натуралистич. М. (натурализм), к-рый считает природу определяющим фактором развития общества. Все эти школы в М. антиисторичны и ведут, в конечном счете, к идеализму в понимании истории; они искажают взаимоотношения между обществ. бытием и обществ. сознанием, причины их развития. «И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания материализма» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 72).

5) С т. зр. отношения к различным ступеням, или сторонам процесса познания, различались школы рационалистического и сенсуалистического М. (см. *Рационализм и Сенсуализм*).

6) Различаются сознательный М. и стихийный, или наивный, философски неформальный М. Наивный М. древности Энгельс называл первоначальным стихийным М. (см. «Диалектика природы», 1955, с. 147), принимавшимся как что-то само собой разумеющееся (см. там же, с. 157). Обычный, не философский, «наивный» взгляд всех людей на мир Ленин характеризовал как «стихийно, бессознательно материалистическую точку зрения, на которой стоит человечество, принимая существование внешнего мира независимо от нашего сознания» (Соч., т. 14, с. 49). «Наивное» убеждение человечества сознательно кладется материализмом в основу его теории познания» (там же, с. 57—58; ср. с. 331).

Стихийный М. естествоиспытателей Ленин называл *естественно-историческим материализмом*. Существует неразрывная связь стихийного М. естествоискусств с филос. М. как направлением. Геккель, напр., защищал точку зрения М., «... не видя того, что он стоит на точке зрения материалиста...» (там же, с. 337). Следовательно, естеств.-историч. М. есть М. «... по отношению к бессознательному и стихийно-верному духу естествознания...» (там же, с. 218).

7) Различные школы М. характеризуются по географич. и хронологич. признакам. Обычно оба эти признака соединяются вместе, в результате чего образуются характеристики определенных школ М.: напр., древнегреч. М., рус. М. 19 в. и т. д. Иногда подобная характеристика дается раздельно с учетом только одного из этих признаков, напр.: античный М. или М. 17 в. (объединяющий англ., франц., голл. и др. материалистов этого времени).

8) М. характеризуется по имени мыслителя, к-рый его разрабатывал; напр., выделяется материализм Вэкона, Фейербаха, Ломоносова и т. д. Этим подчеркиваются индивидуальные черты и особенности философского учения данного конкретного материалиста, особенно те, к-рые сохраняются в истории философской мысли благодаря его ученикам и продолжателям.

Перечисленные частные характеристики М. касаются не всего М. как направления, а только отдельных его школ. М. нельзя отождествлять ни с какой-либо одной из его школ, ни с какими-либо естеств.-науч. теориями. Еще Фейербах смешивал М. как общее мировоззрение с той особой формой, в к-рой оно выражалось у «странствующих проповедников» вульгарного М. в 50-х гг. 19 в. Отвергая эту частную форму М., Фейербах неизбежно приходил к выводу о том, что М. как общее мировоззрение должен быть отвергнут. «Фейербах был совершенно прав, отклоняя от себя ответственность за этот (т. е. вульгарный.— *Ред.*) материализм; он только не имел права смешивать учение странствующих проповедников с материализмом вообще» (Энгельс Ф., Диалектика природы, с. 154).

Эту логич. ошибку мыслителей 19 в. махисты и др. «физич.» идеалисты превратили на рубеже 19 и 20 вв. в осн. аргумент против М. Они называли материализмом не М. как направление, а его устарелую метафизич. или механич. форму, к-рая как раз в то время рушилась под воздействием «новейшей революции в естествознании», прежде всего под влиянием последних открытий физики. «... единственное „свойство“ материи, с признанием которого связан философский материализм,— подчеркивал Ленин,— есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» (Соч., т. 14, с. 247). Ленин показал, что сме-

шение М. как направления с его устарелой формой привело нек-рых физиков к идеализму: они боролись против метафизич. М., против его односторонней «механистичности» и «при этом вышескивали вместе с водой и ребенка», т. е. выбрасывали самый М. вместе с отвергаемой ими метафизикой и механицизмом. Аналогично этому неокантианцы, напр. Риккерт, объявляли М. архаич. учением и приписывали ему допущение «первоматерии» в качестве первоисточника всего сущего.

Критерий истинности и партийность материализма

Критерием истинности М., как и всех достижений человек. познания, служит обществ.-историч. практика. Именно на практике опровергаются ложные построения идеалистов и агностиков и неоспоримо доказывається истинность всех осн. посылок М. и вытекающих из них следствий (см. *Истина, Практика*). Обществ.-историч. практика включает в себя и опыт революц. борьбы пролетариата, опыт классовой борьбы в области идеологии, посредством к-рого на практике проверяется правильность, т. е. соответствие объективной действительности, партийной линии М. Чтобы успешно вести активную борьбу против идеализма, М. должен быть философски осознанным; в активной направленности М. против идеализма выражена его партийность. Ленин писал, что «... материализм включает в себя, так сказать, партийность, объявляя при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (там же, т. 1, с. 380—81).

В этой связи различают воинствующий М. и «примирительный» М., не ведущий активной борьбы против идеализма. Для воинствующих материалистов Ленин считал обязательным связь не только с философами-атеистами, но и с естествоиспытателями, без чего их М. не может быть воинствующим. «Он останется, употребляя педрииское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым» (там же, т. 33, с. 208).

В зависимости от того, как выражают сами материалисты свои взгляды, можно обнаружить прямой, открытый М. и стыдливый, прикрытый М. Последний может маскироваться даже под агностицизм в угоду т. н. обществ. мнению в бурж. странах. «Действительно, что такое агностицизм, как не „стыдливый“... материализм? — писал Энгельс. — Взгляд агностика на природу насковоз материалистичен... Но, — добавляет агностик, — мы не в состоянии ни доказать, ни опровергнуть существование какого-либо высшего существа вне известного нам мира» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 302—03). В роли стыдливой М. нередко выступает естеств.-историч. М. естествоиспытателей в странах капитализма.

Отмечая, что агностицизм Гельмгольца похож на «стыдливый» М., Ленин писал: «Против прямого, ясного, открытого материализма Гельмгольц питает неодолимое предубеждение» (Соч., т. 14, с. 222). То же касается Больцмана, к-рый, «... конечно, боится назвать себя материалистом и даже специально оговаривается, что он вовсе не против бытия божия» (там же, с. 274), и Геккеля, к-рый «... сам отрекается от материализма, отказываясь от этой клички. Мало того: он не только не отвергает всякие религии, а выдумывает свою религию...» (там же, с. 335).

В современных условиях воинствующий М., проводящий принцип партийности, есть атеистический М. Однако до 19 в. передовые философские течения часто бывали вынуждены приспособляться к господствующей религиозной идеологии (*пантеизм, деизм*).

Творческий характер материализма

В ходе борьбы с идеализмом М. выявляет уязвимые пункты в воззрениях филос. противника и для нанесения по ним удара развивает соответствующие положения своего учения. Со своей стороны идеалисты отыскивают слабые пункты у данного конкретного вида М., выступающего в роли их конкретного противника, и наносят в этих пунктах удар по М.; в ответ на это М. стремился укрепить свои позиции именно в этих уязвимых своих пунктах и тем развить дальше свои принципы и их обоснование.

Отношение М. к науке прямо противоположно тому, к-рое свойственно идеализму. Последний в корне враждебен науке: он подменяет вымышленными, фиктивными представлениями реальную задачу познания законов действительности, сбивает науку с правильного пути и заводит ее в тупик. Напротив, М., отвергая вымыслы идеализма, указывает науке правильный путь к познанию действительного мира и его законов. Когда наука сталкивается с каким-нибудь сложным, трудным, еще нерешенным вопросом, то М. заранее исключает его идеалистич. объяснение как чего-то сверхъестественного, нематериального. М. всегда считает, что все вещи и явления возникли естеств. путем из материи по законам, ей присущим. Если же между двумя к.-л. явлениями оказывается разрыв, отсутствие закономерной связи, то М. объясняет это тем, что действительная связь явлений в данном их пункте еще не открыта. Этим М. направляет внимание исследователей на поиски непознанных связей и обнаруживает свой творческий характер. Так, напр., махисты объявили вопрос о происхождении сознания и ощущения в основе ложным, поскольку за первичное махисты принимали психическое. Исходя из осн. материалистич. посылок, Ленин показал, что в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами (органич.) материи, но что в фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением, из к-рой в ходе последовательного усложнения и развития материи возникло ощущение. «... на деле, — констатировал Ленин, — остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы бы ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путаного идеализма, засорил вопрос и отводит в сторону от правильного пути...» (там же, с. 34). Совр. естествознание идет по пути, к-рый указывал Ленин, и этим подтверждается творческий характер М. В 30-х гг. 20 в. творч. роль М. обнаружилась с новой силой и доказательностью. При анализе радиоактивного бета-распада (при этом совершается вылет электронов из атомного ядра) оказалось, что в среднем вылетающие электроны уносят с собой лишь половину всей энергии, к-рую теряет распадающееся ядро. Вторая ее половина, на первый взгляд, исчезает, казалось бы, бесследно. «Физич.» идеалисты поспешили заявить об «уничтожении» энергии, следовательно, о нарушении принципа ее сохранения. Если бы такое идеалистич. «объяснение» утвердилось в науке, то не было бы смысла искать ответа на вопрос — куда девается др. половина энергии. Напротив, М., отвергая идею об уничтожении или творении энергии (движения), требовал экспериментального и теоретич. выяснения вопроса о том, что стало с др. половиной энергии. Передовые физики в лице В. Паули фактически пошли именно по этому пути,

хотя сам Паули и не высказывался в пользу М., принадлежа по своим филос. взглядам к школе «физич.» идеализма. Исходя из того, что вторую половину выделяемой ядром энергии обнаружить пока не удалось, Паули выдвинул предположение, что она уносится особыми частицами материи, свойства к-рых, а значит и их присутствие, нельзя непосредственно обнаружить известными нам до сих пор физич. способами. Отсюда следует, что такие частицы должны быть электронейтральными и очень легкими (или же вообще не обладать собственной массой), иначе наши физич. приборы могли бы обнаружить их, а вместе с ними — и уносимую ими энергию. Так возникла гипотеза нейтрино, дававшая материалистич. ответ на поставленный науч. вопрос. Последующее развитие ядерной физики превратило гипотезу нейтрино в доказанный факт, продемонстрировав творч. характер М. Возможно, нейтрино до сих пор не был бы открыт, если бы в физике восторжествовала гипотеза уничтожения энергии, а это значит, что не было бы тех успехов физики, к-рые связаны с представлением о нейтрино (напр., при расчетах значений суммарного спина). Только тогда, когда ученые, хотя бы бессознательно, идут по материалистич. пути в поисках ответа на нерешенные вопросы науки, они приходят к крупным открытиям, к конструктивному выходу из кажущегося тупика.

Т. о., отвергая идею божеств. творения, М. выдвигает требование искать естеств. причины изучаемых явлений. Но выполнять последовательно это требование М. может только опираясь на идею развития и всеобщей связи, т. е. на диалектику. Поэтому творч. характер М. раскрывается в полной мере только в диалектич. М., но не в метафизическом.

Напр., метафизич. М. считал пространство и время абсолютными в смысле их полной независимости от материи (ее структуры) и от движения (его скорости), а также в смысле их абсолютной независимости друг от друга. Напротив, диалектич. М. утверждал, что пространство и время, будучи осн. формами всякого бытия, не могут быть внешними по отношению к движущейся материи, независимыми от нее, поскольку именно она составляет их содержание. Бытие вне времени и пространства является с т. зр. диалектич. М. бессмыслицей. Но т. к. мир един, и это его единство заключено в его материальности, то и осн. формы его бытия — пространство и время, будучи различными между собой, должны быть органически связаны не только с движущейся материей, но и между собой. Этот вывод логически вытекал из того положения, что две различные формы одного и того же единого содержания не могут быть оторваны и независимы друг от друга. Это доказала *относительности теория* в качестве физич. теории пространства и времени в их связи с материей и движением. Метафизич. М. разрывал и обособлял друг от друга качественно различные виды материи, считая, что между ними нет никакой связи и перехода. Так, между веществом и светом он проводил абсолютно непреходимую грань. В противоположность этому, диалектич. М., считая мир движением материи, утверждал, что все вещи и явления (значит, вещество и свет тоже) способны при определенных условиях взаимно превращаться друг в друга. Действительно, ядерная физика доказала взаимопревращаемость вещества и света (электромагнитного поля), открыв рождение пары (электрона и позитрона из фотонов света) и аннигиляцию пары (т. е. обратное их превращение в фотоны). Упрощенный (наивный, метафизич., механистич.) М. утверждал также, что материя состоит из первичных абсолютно простых элементов. В 19 в. эта идея воплотилась в учение о химич. эле-

ментах и атомах. В противоположность этому диалектич. М. считал, что не существует никаких «последних» частиц материи в смысле абсолютно простых и неделимых кирпичиков мироздания, из к-рых будто бы строятся все тела. Поэтому атомы надо рассматривать как сложные образования, состоящие из более простых частиц материи. К этому взгляду присоединились мн. естествоиспытатели 19 в., стоявшие стихийно на позициях диалектики (напр., Менделеев, говоривший об «ультиматах»). «Новейшая революция в естествознании» полностью подтвердила это положение диалектич. М. Однако метафизически мыслящие ученые сделали попытку распространить на электроны старые представления об атомах как о «последних» частицах материи. Ленин предупреждал против таких попыток, подчеркивая, что электрон также неисчерпаем, как и атом, и что природа бесконечна во всех своих проявлениях и формах. Тем не менее нек-рые физики вплоть до 50-х гг. 20 в. пытались рассматривать электроны и др. элементарные частицы как точечные образования, лишённые внутр. структуры. Только в 50-х гг. 20 в. были получены экспериментальные доказательства существования внутр. структуры у элементарных частиц, следовательно, их сложности и неисчерпаемости. Была снова доказана несостоятельность идеи «первоматерии», или «праматерии», в ее метафизич. понимании, и утверждена идея бесконечности материи вглубь и неисчерпаемости любых, даже самых простых и элементарных ее видов и частиц.

М., будучи в самой основе противоположен идеализму, имеет и диаметрально противоположные ему гносеологич. источники. Это: а) строгая объективность рассмотрения любых вещей и явлений; б) многосторонность рассмотрения изучаемого предмета, гибкость и подвижность понятий, в к-рых он отражается; в) неразрывная связь всех науч. представлений (теорий, гипотез, законов, понятий), всех сторон науч. познания с понятием материи, природы, обеспечивающая пользование ими как относительными (релятивными) и предупреждающая их превращение в абсолют. Раскрывая гносеологич. корни М., Энгельс писал: «... материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений...» («Диалектика природы», с. 157), и это «соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 301). Ленин, говоря об элементах диалектики и вместе с тем о гносеологии, корнях М., подчеркивал: «... 1) о б ъ е к т и в н о с т ь рассмотрения... (сама вещь в ее отношении и в ее развитии должна быть рассматриваемой. — *Ред.*)... 2) вся совокупность многообразных о т н о ш е н и й этой вещи к другим» (Соч., т. 38, с. 213). «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная о б ъ е к т и в н о, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» (там же, с. 98—99).

Форма и содержание материализма. Его виды

Под содержанием М. понимается совокупность его исходных посылок, его принципов. Под формой М. понимается общая его структура, определяемая в первую очередь методом мышления, в связи с к-рым и посредством к-рого разрабатывается и обосновывается данное течение М. Т. о., в содержании М. заключено прежде всего то о б щ е е, что присуще всем школам и течениям М., в их противоположности

идеализму и агностицизму, а с формой М. связано то особенное, частное, что характеризует отдельные школы и течения М. Но т. к. форма и содержание М. находятся в связи между собой и взаимно влияют друг на друга, то их разграничение относительно, условно. Форма М., действуя на его содержание, вносит в него существ. коррективы, благодаря чему, напр., диалектич. М. не только по форме, но и по содержанию качественно отличен от вулгарного М., от метафизич. М. и всех др. видов М., хотя имеет с ними общее, присущее всякому М. вообще.

Если речь идет о существующих внутри данного вида М. разных его школах, то эти последние именуются разновидностями М. Если же речь идет о последовательных ступенях развития одного и того же учения (или вида) М., то эти ступени рассматриваются как этапы развития М. Когда происходит коренное изменение формы М., смена старой его формы новой, говорят, что меняется вид М.; если же вносятся те или иные изменения в существующую уже форму М. без ее коренной ломки, без ее замены новой формой М., то говорят, что внутри данного вида М. возникает новая разновидность М. или же новая ступень развития данного его вида.

В отношении диалектич. М. как высшего наиболее развитого вида М. выделяются этапы (или ступени) его историч. развития: а) этап Маркса и Энгельса (создание диалектич. М.) и б) ленинский этап (дальнейшее его развитие применительно к новой историч. обстановке). Внутри диалектич. М. существовали и менее последовательные воззрения, к-рые так или иначе упрощали его, допускали известную непоследовательность в изложении его принципов и даже нек-рые отступления от его основных положений (Динген, Сталин и др.). Изменение формы М., как коренное (смена вида М.), так и некоренное (смена разновидностей М. или отд. учений в пределах одного и того же вида М.), совершается в первую очередь под влиянием прогресса науч. знания и всей истории общества. Через естествознание практика оказывает могучее воздействие на М., выступая как одна из движущих сил его развития. В продолжении «... длинного периода, от Декарта до Гегеля и от Гоббса до Фейербаха, философов толкала вперед отнюдь не одна только сила чистого мышления, как они выражали. Напротив. В действительности их толкало вперед главным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности. У материалистов это прямо бросалось в глаза» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 285).

Изменение формы М. как раз и составляет основу тех ступеней, к-рые прошел М.: «Но материализм, подобно идеализму, прошел ряд ступеней развития. С каждым составляющим эпоху открытием даже в естествоисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму» (там же, стр. 353—354). Это касается как домарксистского, так и марксистского М., равно как и отдельных материалистич. систем и учений. Ленин указывал, напр., на необходимость пересмотреть «форму» материализма Энгельса, его естеств.-науч. положения. Но это не значит, что Ленин имел в виду смену диалектич. М., как его формулировал Энгельс, каким-то другим видом М., отличным от диалектич. М. У Ленина речь идет о таком пересмотре, к-рый приводит к возникновению нового этапа в развитии самого диалектич. М.

Каждое создающее эпоху в естествознании 20 в. открытие — в физике (теория относительности; квантовая механика; использование атомной энергии, выделяемой как при делении атомных ядер, так и при термоядерном синтезе; проникновение вглубь элементарных частиц и др.), в молекулярной био-

логии (раскрытие «механизма» биосинтеза, физико-химических основ наследственности и др.), в кибернетике, астрономии и др. науках — требовало неперестанного изменения и развития формы и содержания диалектич. М. путем его обогащения обобщениями новых естеств.-науч. открытий. При этом полностью сохраняются все принципы диалектич. М., получающие лишь новое подтверждение и конкретизацию. а тем самым — развивающиеся дальше. Поэтому Ленин пояснял, что ревизия «формы» материализма Энгельса «...не только не заключает в себе ничего „ревизионистского“ в установленном смысле слова, а, напротив, необходимо требует марксизмом. Марксистам мы ставим в упрек отнюдь не такой пересмотр, а их чисто ревизионистский прием — изменять сути материализма под видом критики формы его...» (Соч., т. 14, с. 238—39).

Для определения видов М. необходимо проанализировать общий ход человек. познания, к-рое проходит три гл. ступени, придающие ему своеобразный трехфазный ритм:

1) Непосредств. созерцание мира, когда мир выступает как единое целое, нерасчлененное на части. Этот взгляд соответствует картине мира как изменяющегося, где все взаимосвязано, превращается из одного в другое.

2) Аналитич. расчленение мира: единый предмет познания (мир) анатомируется, разлагается — мысленно или физически — на отд. свои части или стороны. Для того чтобы познать процессы (движения, изменения, взаимодействия и т. д.), надо сначала познать предметы, к-рые изменяются. Гл. внимание обращается на то, чтобы остановить движение, изолировать связанное, омертвить живое. Это приводило к взгляду на мир, в основе к-рого лежала привычка брать вещи и явления как неизменные, изолированные и мертвые. Будучи возведен в абсолют, такой взгляд становился метафизикой.

3) Синтетич. воссоздание картины мира, когда на основе частных, познанных с помощью аналитич. подхода, составляется общее представление о мире вновь как о едином и цельном, но уже изученном в деталях. Достигается это тогда, когда от изучения отдельных предметов познание переходит к раскрытию процессов, т. е. изменений и движений, к-рые совершаются с этими предметами.

Соответственно этому тройств. ритму развития познания выделяются осн. виды М.:

а) **Наивный** (или **стихийный**) М. древних греков и римлян, сочетавшийся у них с панью диалектикой. Античная наука не расчленена на отдельные отрасли; она носит единый филос. характер: все отрасли знания находятся под эгидой философии и подчинены ей.

б) **Метафизич.** (или **механич.**) М. 17—начала 19 вв. Наука нового времени быстро дифференцируется, расчленяясь на отд. обособленные между собой отрасли, к-рые полностью выходят из-под опеки философии. Происходит разрыв между М. и диалектикой, встречаются лишь элементы диалектики при господстве общего метафизич. взгляда на мир.

в) **Диалектич.** М., в к-ром М. и диалектика органически соединяются, так что устанавливается полное единство диалектики (учения о развитии), логики (учения о мышлении), теории познания (учения об источнике познания). В науку проникает великая идея всеобщей связи и развития природы. Разобщенные до тех пор отд. отрасли науки приводятся во взаимную связь не только между собой, но и с философией. Дальнейшая дифференциация наук совершается в диалектич. единстве с их интеграцией.

В последовательной смене трех осн. видов М. сказывается действие закона отрицания отрицания: пер-

воначальное сочетание наивного М. с наивной диалектикой сменяется («отрицается») разрывом между М. и диалектикой, свойственным второму виду М.; этот разрыв сменяется («отрицается») = «отрицание отрицания») вновь восстановленным единством М. и диалектики на более высокой ступени развития, что является как бы возвратом к исходному пункту всего процесса.

Наряду с осн. видами М. существовали промежуточные — переходные от одного осн. вида М. к другому. В развитии М. внезапные перевороты всегда подготавливаются постепенными переходами. Как и все переходные явления, переходные виды М. сочетают в себе признаки обоих смежных осн. видов М. В качестве переходных выделяются след. виды М.:

а) М. Древнего Востока, предшествовавший античному М. По большей части это был предматериализм, поскольку первые элементы М. в филос. учениях Древнего Востока еще не вполне отделились от мифологич. представлений, не обособились от *антропоморфизма* и *гиллоизма*.

б) М. эпохи Возрождения, непосредственно предшествовавший М. 17—18 вв. Он соединял в себе черты наивного М. и наивной диалектики с первыми элементами метафизич. взгляда на мир. Т. о., он был, строго говоря, переходным между античным, наивным М. и еще не сформировавшимся метафизич. М. В известном смысле такой характер носили и нек-рые ранние системы М. 17 в. (напр., Ф. Бэкон) и даже 18 в. (отчасти Ломоносов).

в) М., непосредственно предшествовавший диалектич. М. и частично развивавшийся параллельно ему. Он уже выходил за границы метафизич. М., содержа элементы диалектики, но еще не поднимался до диалектич. М. и не распространял М. на общество. Этот вид М. зарождается в 18 в. (напр., *Толанд*, отчасти Ломоносов) и нач. 19 в. (напр., *Сен-Симон* и в особенности рус. революц. демократы).

г) Особое место среди промежуточных видов М. занимают те его виды, к-рые зарождались в рамках господств. религ.-идеалистич. идеологии, а потому не могли носить открыто материалистич. характера. Сюда относятся материалистич. тенденции в философии средневековья. Соответственно этому его можно было бы называть переходной ступенью от схоластики и теологии к М. Исторически эта форма предшествовала М. эпохи Возрождения и подготавливала его формирование еще в недрах предшествующей эпохи.

Классовая основа различных видов и школ материализма

Было бы упрощением связывать взгляды того или иного материалиста непосредственно с его классовой принадлежностью или его обществ.-политич. убеждениями. История М. свидетельствует, что такая связь носит опосредованный характер. Более того, в силу диалектич. противоречивости историч. развития может случиться так, что защитник философски прогрессивных идей М. в данной историч. обстановке находится в лагере реакц. социальных сил, тогда как философ-идеалист выступает глашатаем прогрессивных сил общества. Однако для раскрытия классовых основ и истоков М. в целом существенны не эти внутренне противоречивые ситуации, а общая направленность М. как филос. учения, отражающего наиболее прогрессивные тенденции общественного развития — связь через естествознание с прогрессом производительных сил и борьбу против религии, суеверий и всякого рода мракобесия.

В различных историч. условиях классовая основа М. может быть различной:

а) Как правило, М. был мировоззрением передовых революц. классов в противовес идеализму, религии, к-рые были и являются идейным оружием реакц. классов. Но в истории были и такие случаи, когда М. на определенный отрезок времени оказывался на идеологич. вооружении реакц. сил общества, особенно, если революц. классы в данное время в данной стране выступают под знаменем идеализма и религии. Такая ситуация сложилась, напр., в Англии во времена бурж. революции сер. 17 в., к-рая готовилась и совершалась под флагом *кальвинизма*. Объяснялось это тем, что в условиях длительного господства религ.-церк. идеологии в качестве офиц. мировоззрения феод. общества борьба против феодализма и его идеологии неизбежно должна была принимать религ. окраску; в условиях Зап. Европы она направлялась прежде всего против католич. церкви и ее идеологии. Т. к. поднимавшаяся на революц. борьбу буржуазия оказывалась религиозной, то М. не мог в то время явиться для нее подходящим идеологич. знаменем. Напротив, он мог быть использован в данных условиях в качестве идейного оружия в борьбе против религ. мировоззрения вообще, а значит, и против идеологии революц. по тому времени буржуазии. Действительно, в 17 в., в условиях подготовки и проведения англ. бурж. революции, М. и связанный с ним атеизм были взяты на вооружение определенными кругами англ. аристократии (роялистами). Точно так же во Франции 17 в. он был аристократич. учением.

б) В условиях достижения социального компромисса М. может приобрести половинчатый, компромиссный характер. Отражая характер своего классового источника, он может сочетать в себе и пыгаться примирить прямо противоположные элементы, так что дальнейшая эволюция М. может совершиться при определ. условиях в двух диаметрально противоположных направлениях. Так, англ. бурж. революция заканчивается классовым компромиссом (т. н. «славной революцией» конца 17 в.). Продуктом и выражением этого компромисса является не только локновский М., но и М. тех естествоиспытателей (Бойль и Ньютон), М. к-рых уживается с теологич. тенденциями, с попытками примирить науку и веру. Этому способствовали и причины гусеологич. порядка, т. к. метафизич., механистич. характер М. с его неизбежными логич. следствиями (концепции первотолчка) легко приводил к идеалистич. и религ. выводам. Энгельс указывал, что наука того времени еще глубоко увязала в теологии, и это обстоятельство прямо отражалось на М.

в) Непоследовательность метафизического М., включая и французский М. 18 в., вполне гармонировала с непоследовательностью буржуазии как революц. класса; при определ. условиях буржуазия готова пойти на компромисс и даже наговор со свергнутыми феодалами, если это окажется для нее выгодным и поможет ей укрепить свое политич. господство. Непоследовательность буржуазии как революц. класса проявляется в том, что, будучи классом эксплуататорским, она заинтересована не в ликвидации всякой эксплуатации вообще, а только в замене прежней формы эксплуатации, существовавшей при феодализме, новой ее формой — капиталистич. эксплуатацией. Готовя третью битву против феодализма (франц. революцию конца 18 в.), буржуазия стала под знамена М. и атеизма. Так, у одного вида М. изменялась классовая основа.

г) Попытки преодолеть наиболее резкие проявления метафизики (разрыв материи и движения, признание абсолютной неизменности природы) и — соответственно — включение в М. элементов диалектики, в разных странах имели различную классовую

подоплеку. В Англии 18 в. (Толанд, Пристли) социальными вдохновителями этих попыток были наиболее радикальные круги общества, выступавшие против пронизанной религ. ханжеством офиц. идеологии буржуазии, ставшей господств. классом. В конце 18 в. сказывалось влияние идей франц. революции (Пристли). Во Франции такие попытки наблюдались у наиболее последоват. представителей М. как философии революц. буржуазии (*Дидро*). В Германии «немецкая теория французской революции» (по определению Маркса) возникла в форме идеалистич. диалектики, к-рая в ряде случаев сочеталась с элементами М., особенно в естеств.-науч. концепциях (у докритич. *Канта*, сильнее у *Гёте*). В России элементы диалектики врывались в материализм Ломоносова, отражавшего объективно чаяния прогрессивных кругов рус. общества, а позднее у Радищева, дворянских революционеро-декабристов (*Н. Крюков* и др.). Эти же элементы обнаруживаются во взглядах южнославянского ученого *Бошковица*. При этом у отдельных представителей М. обнаруживалось различное, а иногда прямо противоположное отношение к франц. М. и франц. бурж. революции 18 в.: пастор Бошковиц — их ярый противник, пастор Пристли — горячий приверженец. Т. о., обнаруживается чрезвычайно пестрота социальных предпосылок различных систем М. 18 — нач. 19 вв. Общим у всех систем М., стремившихся преодолеть наиболее грубые черты метафизики, было то, что их социальными источниками были, как правило, радикальные слои общества.

д) Промежуточный, переходной характер М. рус. революц. демократов сер. 19 в., к-рый сложился в условиях назревавшей в России крестьянской революции, отражал в своеобразной форме промежуточный, противоречивый характер крестьянства как класса. Будучи классом эксплуатируемым в условиях феодализма (крепостничества), рус. крестьянство выступало как класс более революционный, чем когда-либо была буржуазия. Его идеологов не мог удовлетворить ограниченный метафизич. М., под знаменем к-рого революц. буржуазия поднялась на битву с феодализмом. Отсюда, в конечном счете, настоячивые попытки представителей рус. М. сер. 19 в. подняться над метафизич. франц. М. 18 в. и феиербаховским М. Но вместе с тем крестьянство никогда не было последовательно революц. классом общества. Идеологи рус. крест. революции, выйдя за рамки метафизич. М., не могли все же подняться до уровня диалектич. М., до мировоззрения революц. пролетариата. Герцен, отмечал Ленин, «... вилотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» (Соч., т. 18, с. 10); Чернышевский «... не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (там же, т. 14, с. 346). Подъему рус. М. сер. 19 в. способствовали успехи естествознания, к-рое совершало великие открытия, разрушавшие старую, метафизич. картину мира, и открывало двери для нового, диалектич. взгляда на природу.

е) Последовательный характер марксистского М. прямо и непосредственно выражает до конца последовательную революционность пролетариата, мировоззрение к-рого — марксизм. Пролетариат явился тем классом, историч. миссия к-рого — коренное преобразование человек. общества с целью ликвидации классов, основанных на эксплуатации человека человеком. В отличие от всех систем домарксистского М. в «... философии марксизма, вылитой из одного куьска стали, — писал Ленин, — нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» (там же, с. 312).

ж) Метафизич., механистич. М. после возникновения диалектич. М. становится носителем реакц. тенденций. В сер. 19 в. в Германии бурж. идеология взяла временно на свое вооружение вульгарный М. в целях борьбы с пролет. мировоззрением. С позиций метафизич., механистич. М. против марксизма выступает во 2-й пол. 19 в. позитивист Дюринг, пытавшийся перетянуть рабочих на сторону мелкобурж. социализма. В 20—30-х гг. 20 в. в СССР с позиций того же механистич. М. против диалектич. М. выступили *мезанисты*.

з) Отступления от последовательно марксистского М., попытки упростить его, освободить от тех или иных принципов оказывались следствием либо недостаточной зрелости данного его сторонника (*Дидген*), либо политич. оппортунизма (нек-рые деятели 2-го Интернационала), либо грубых нарушений марксистско-ленинских принципов в практике революц. борьбы и строительства социализма (*Сталин*).

Т. о., один и тот же вид М. (напр., метафизич., механистич.) в зависимости от места и времени может иметь различные классовые корни, выступая в одних условиях как прогрессивное направление в М., в др. — как реакционное, в частности ревизионистское. Один и тот же обществ. класс на одной и той же примерно ступени развития (напр., революц. буржуазия, выступающая против феодализма и стремящаяся к политич. господству) в различных странах и в различных историч. условиях выбирает для себя различное филос. облачение, причем необязательно, чтобы им был всегда М. Непоследовательность М., выступающего в роли мировоззрения того или иного класса, находится в определ. соответствии с непосредственностью самого этого класса, когда он выступает как революц. сила в обществ. развитии; последовательный до конца характер М. стоит в прямой зависимости от последовательности революционности того класса, составной частью мировоззрения к-рого является данный вид М. Филос. отступления от диалектич. М. находятся в закономерной связи с отступлениями от революц. марксизма в практике, в политике. Однако классовую основу М. необязательно связывать с социальным происхождением, классовой принадлежностью и характером политич. деятельности отд. мыслителей.

Периодизация истории материализма

Выделение осн. и переходных видов М. позволяет дать периодизацию истории М. на основе учета внутр. логики его развития и его связей с историч. факторами, определяющими это развитие. В первую очередь учитываются специфич. признаки самого процесса (истории М.) с тем, чтобы не ограничиваться простым механич. отнесением того или иного его периода к соответствующей социально-экономич. формации.

Закономерности развития М. условно можно разделить на две группы: а) те, к-рые составляют движущие силы или источник развития М., выражая решающие стимулы его развития, и к-рые относятся поэтому к области практической — обществ.-производств. и идеологич. — деятельности классов; б) те, к-рые выражают относит. самостоятельность развития М. как направления и связаны с логич. последовательностью происхождения и преемственностью смежных определенных ступеней, внутренне присущих М.

Обе группы закономерностей развития М. находятся во взаимодействии между собой и образуют единство, к-рое обнаруживается в периодизации истории М.

Периодизация истории М. предполагает выяснение связей М. с естествознанием и с идеологич. борьбой классов. В сочетании с раскрытием внутр. логики развития М. учет отмеченных его связей дает возмож-

ность выделить важнейшие периоды в истории М. Поскольку речь идет о периодизации прогрессивного развития М., постольку здесь не выделяются запоздалые процессы, а тем более реакц. попятные движения.

Периодизация истории М. строится соответственно выделению его осн. и переходных видов. В соответствии с тем, что было сказано в предыдущем разделе о видах М., можно наметить следующие эпохи и ступени его развития:

Эпоха домарксовского М. 1) Зарождение М.; 2) наивный М.; 3) сохранение и накопление элементов М. в рамках теологии и схоластики; 4) М. эпохи Возрождения в странах Зап. Европы; 5) становление и развитие метафизич., механистич. М. 17 — нач. 19 вв.; 6) выход за пределы метафизич. М. и движение к диалектич. М. — 1-я пол. 19 в.

Эпоха марксистского М.: 1) этап Маркса и Энгельса. В качестве враждебных марксистскому М. течений выступали сначала вульгарные материалисты (Бюхнер, Фохт, Молешотт), позднее механистич., метафизич. материалист и позитивист Дюринг. 2) Ленинский этап (конец 19—20 вв.).

Для периодизации истории М. в ее связи с общегражданской историей как историей борьбы классов очень важно учитывать, что крупные повороты и новые этапы в развитии М., начиная с зарождения капиталистич. общества, нередко оказывались составной частью общей идеологич. подготовки социальной революции в соответствующей стране: а) М. эпохи Возрождения в ср. Европе был филос. прелюдией к крест. войнам нач. 16 в., явившимся первой большой битвой, к-рую дала зарождающаяся буржуазия феодализму; б) англ. М. нач. 17 в., хотя он и оказался на идеологич. вооружении аристократии, послужил объективно филос. прологом к англ. бурж. революции сер. 17 в.; в) материализм Спинозы связан с нидерландской бурж. революцией 17 в.; г) франц. М. 18 в. явился прямой филос. подготовкой франц. бурж. революции конца 18 в.; д) материализм Фейербаха вслед за нем. идеалистич. диалектикой послужил аналогичным филос. прологом к бурж. революции 1848 в Германии; е) М. рус. революц. демократов сер. 19 в. был составной частью идеологич. подготовки крест. революции (назревавшей в сер. 19 в. в России); ж) материализм Маркса и Энгельса по самой сути был необходимым элементом идейно-теоретич. подготовки пролет. революции, идеологич. оружием политич. движения пролетариата, к-рый в революции 1848 впервые выступил самостоятельно в качестве осознавшего свои цели класса; з) ленинский этап диалектич. М. представляет собой важный момент идейно-теоретич. подготовки и проведения революции в России, явившейся началом, составной частью и базой мировой социалистич. революции.

Главнейшие линии развития материализма в его борьбе с идеализмом

В истории М. осуществляется строгая преемств. связь последующих учений и систем М. с предыдущими; новые учения и системы М. развивались и возникали из ранее сложившихся. Возможны 3 случая: 1) Прямая связь, идущая от одной системы к другой (напр., от Ф. Бэкона к Гоббсу); в этом случае последующая система представляет собой развитие, возможно одностороннее, предыдущей (подобно тому, как Гоббс был систематизатором учения Бэкона). 2) Свообразное раздвоение (дивергенция) линии развития, когда от одной системы берут начало две различные, а при известных условиях, прямо противоположные новые системы (напр., от Локка к субъ-

ективному идеализму, идеалистич. сенсуализму Беркли и к франц. М., материалистич. сенсуализму); в этом случае возможна двойная критика исходной системы со стороны обеих позднейших, в частности «справа», с позиций более открытого идеализма, и «слева», с позиций более последовательного М. (напр., критика учения Канта). 3) Схождение и даже слияние сторон, содержащихся у ранее обособленно развивавшихся филос. систем (напр., переход от картезианского М. и от сенсуализма Локка к франц. М. 18 в., а еще резче — от идеалистич. диалектики Гегеля и от фейербаховского метафизич. М. к диалектич. М.). Такое слияние прогрессивных сторон у ранее изолированных и даже противостоящих филос. течений происходит как органич. переработка содержания предшествующих течений с новой, единой и цельной т. зр., по отнюдь не как эклектич. сложение и примирение до тех пор обособленных и даже враждебных друг другу филос. направлений.

Учитывая преемств. связи и переходы, раздвоения и схождения линий развития филос. мысли, можно схематично наметить следующие магистральные пути или линии развития М.

На схемах I, II и III линии, соединяющие имена философов, выражают лишь некие существ. связи, влияния и гегетич. отношения между различными учениями М., а в отд. случаях — идеализма. Вертикальные столбцы выражают линии развития М. в пределах отд. стран; более поздние системы М. располагаются под более ранними, так что в одном горизонтальном ряду оказываются филос. системы, возникавшие примерно в одно и то же время. Сплошными линиями соединяются учения М., пунктирными — выражаются связи с идеалистич. системами. В кавычки ставятся названия древних книг, в скобках указываются идеи и принципы соответствующих филос. учений.

1. Осп. линии развития М. Древнего Востока и античного М. (см. схему I).

М. выступал как учение о вещественных началах мироздания. Таких начал допускалось несколько, или одно в виде первоматерии. М. выступал также и как учение о естественности (*dao* — у китайцев) или о закономерности (*логос* — у древних греков). Процесс развития учения о материальной основе мироздания шел либо от представления о конкретных началах — веществах (вода, воздух) к чему-то абстрактному, беспредельному (*ци* — у китайцев, *пракрити* — у индусов, *апейрон* или эфир, *квинтэссенция* — у греков), либо от качеств. дискретности материи (*гомеомерии*) к бескачеств. атомистике. В Древней Индии в («Упанишадах») в качестве начал (первоэлементов) фигурировали: вода, огонь, воздух, пространство и свет. Наряду с этим за их общую основу (первоматерию) принималась вода, а позднее — пракрити. В Древнем Китае (в «И-цзин») за начала принимались: вода, огонь, земля, дерево и металл, а за их общую основу позднее принималась первомаateria — *ци*. В Древней Греции стихиями, или корнями, считались: вода, огонь, воздух, земля; позднее к ним добавлялась *квинтэссенция*, эфир. Кроме того, за элементы принимались качества: холодное, теплое, сухое, влажное. Можно предположить, что идея начал, абстрактной первоматерии и атомистики проистекла в Древнюю Грецию с Востока, что показано на схеме соединит. линиями (вопросительные знаки означают, что это — предположение). От Аристотеля показаны линии, ведущие к учениям ср. веков.

Гл. в развитии наивного М. древности и предшествующих ему воззрений является процесс восхождения от весьма наглядных (вплоть до грубо антропоморфич.) представлений о мире, о природе, о материи к обобщенным и абстрактным представлениям о свойст-

вах и стрессии материи, к-рые были разработаны древними атомистами, выразившими высшую степень первоначального М. Тенденция восхождения от конкретного к абстрактному в развитии М. обнаруживается повсюду: и в странах Древнего Востока, и в античном мире.

В античном М. (как и всей древнегреч. философии) в зародыше содержались все позднейшие течения М.: механистич. М., метафизич. М., диалектич. М., вульгарный М. В универсальной системе Аристотеля, завершающей развитие классич. греч. философии, синтетически соединились линии М., идущие от зачатков диалектич. М. (Гераклит), от учения о четырех неизменных корнях мироздания (Эмпедокл), к-рые у Аристотеля обрели способность к взаимопревращению, и от представления о беспредельном материальном начале, лишенном чувств., веществ. конкретности (Анаксимандр). Наряду с этим в системе Аристотеля сильны элементы идеализма, хотя Аристотель и критиковал основы идеализма своего предшественника Платона. В целом он колебался между М. и идеализмом, склоняясь к М. гл. обр. в своей «Физике» (учении о природе).

Наиболее ярко и четко борьба между М. и идеализмом в антич. философии выступила как борьба противоположных тенденций, или линий, Демокрита и Платона (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 117).

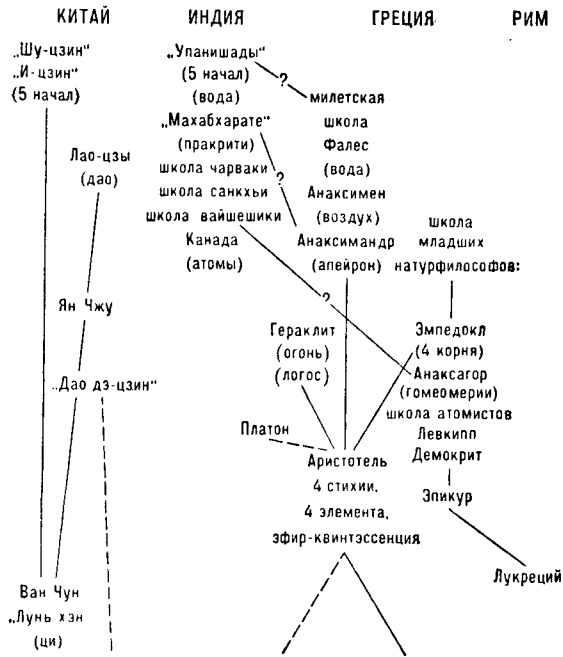

Схема I
(9в. до н.э. - I в. н.э.)

2. Линии сохранения и накопления элементов и ростков М. в ср. в. к. философии.

Кроме воздействия социально-экономич. факторов, кроме почти полного отсутствия стимулирующего влияния естествознания, были также причины гносеологич. характера, к-рые обусловили вытеснение М. идеализмом в ср. века. Неспособность М. древности выяснить отношение мышления к материи, раскрыть генезис сознания, обусловила смену М. идеализмом (см. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1957, с. 130); конечно, идеализм давал в принципе неверные ответы на осн. гносео-

логич. вопросы, однако он не отрицал сознания, не сводил его к материи, подобно наивному М., а позволял изучать его, хотя и с ложных, идеалистич. позиций. После Ван Чуна в Китае получила развитие школа позднего даосизма, в к-рой элементы М. все более вытесняются тенденциями религ.-идеалистич. характера. В Зап. Европе в учении Аристотеля, к-рый колебался между М. и идеализмом, официальная церк. идеология удержала все реакционное и отбросила все прогрессивное. Напротив, в странах араб. Востока, в странах Ср. Азии и Закавказья сохранялись элементы М. и была представлена линия М. того времени в трудах комментаторов Аристотеля и др. мыслителей, напр. Ибн Сины, Ибн Рошда и др. В рамках ср.-век. схоластики борьба М. и идеализма приняла форму борьбы между номинализмом и реализмом. В различных схоластич. школах пробивались ростки материалистич. воззрений (первое приближение к представлению о чувств. опыте у Р. Бэкона; поставленный Иоанном Дунсом Скотом вопрос: «не способна ли материя мыслить?» и др.). Однако все это еще не было сформировавшейся линией М. Как направление М. вновь выступил, когда отчетливо встал осн. вопрос философии, а «...он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 283).

3. Осн. линии возрождения и развития М. в начале нового времени в Европе (см. схему II).

Нек-рые общие особенности этих линий таковы. 1) В 15—16 вв. в центре внимания представителей М. и возникающего естествознания стоял вопрос об опыте как единств. источнике знаний и критерии их правильности. Этот вопрос ставился в противовес схоластике и церк. догматизму, видевшим источник знаний в изучении соч. древних авторитетов и священных книг, а критерий истины — в сличении текстов. Англ. М. 17 в. возник на базе эмпиризма, к-рый перерос затем в сенсуализм. С эмпиризмом была связана индукция в качестве общего метода опытного изучения явлений природы. Этот метод разрабатывали Ф. Бэкон, Галилей, Бойль, Ньютон. 2) В конце 16—17 вв. материалистич. идеи естествознания (Галилей, Бэкон, Декарт) были направлены против скрытых (или абсолютных) качеств ср.-век. схоластов, на изучение реальных (в данном случае — механич.) свойств и отношений вещей природы. 3) Ранние системы М. в разных странах несут в себе значительные элементы наивного М. и наивной диалектики, в к-рых явно возрождаются нек-рые черты античного М. Таков М. итал. Возрождения 15—16 вв. (Леонардо да Винчи, Бруно и др.), М. 17 в. (Ф. Бэкон), к-рый представлял материю качественно многообразной. Позднее элементы наивного М. и наивной диалектики вытесняются механистич. учениями, в к-рых материя трактуется абстрактно-механически (Галилей) или абстрактно-геометрически (Гоббс). Однако в отд. случаях наивное, но в основном правильное представление о природе удерживалось дольше: напр., представление о теплоте, как о движении (Бэкон) и как о молекулярном движении (Бойль, Ньютон) в 17 в., на смену к-рому в 18 в. приходит метафизич. концепция теплорода. В 18 в. параллельно тому, как углубляются метафизич., механистич. идея разрыва материи и движения, усиливается в ряде систем М. и идеализма стремление преодолеть этот разрыв: материалисты пытаются рассматривать тела природы как наделенные внутр. активностью, движением, хотя само это движение трактуется как механич., а потому по самой своей сути как внешнее к материи (в картезианской школе, у нек-рых представителей франц. М., а в атомно-кинетич. концеп-

ции Ломоносова, в идее Толанда о неразделимости материи и движения, в динамизме Бошковича и его последователя Пристли). У нем. идеалистов (от Лейбница до Гегеля) попытка преодолеть разрыв материи и движения строится на основе монадологии (Лейбниц) или чистого динамизма (Кант, Шеллинг, Гегель); сначала докритич. Кант пытался наделить материю противоположными силами притяжения и отталкивания, позднее он же в «Метафизич. началах естествознания» сводил ее к ним. 5) Диалектика как цельное учение разрабатывалась лишь на почве нем. идеализма, в системах же М. преобладали и, как правило, господствовали метафизика и механицизм, но были и элементы диалектики (Декарт, Дидро, Ломоносов, Пристли, Толанд, особенно Бошкович, к-рый прямо приближался к диалектике в своей натурфилософии). 6) Атомистич. идеи возрождались и развивались почти всеми школами М.: как механич. атомистику их разрабатывал Галилей, Бэкон, Бойль, Ньютон, Гассенди, Спиноза, франц. материалисты 18 в., Ломоносов, к-рый пытался отыскать качеств. градацию у микрочастиц. На основе динамизма идею о дискретности материи и об атомах, как центрах приложения сил, обладающих инерцией (отсюда и массой), развивал Бошкович, а за ним Пристли. Декарт стоял особняком, поскольку его атомизм допускал бесконечную делимость материи.

Из отдельных линий развития М. выделялись: а) Линия, идущая от гелиоцентрич. учения Коперника, к-рое нанесло первый ощутимый удар по церк. идеологии, и от активных борцов против этой идеологии (Бруно, Галилей); эта линия вела к Ньютону, к-рый шел на примирение с религией и ввел представление о божеств. первотолчке. Еще дальше эта линия вела к докритич. Канту, в космогонич. гипотезе к-рого преобладала тенденция М.

б) Линия англ. М., начинающаяся с его основателя Ф. Бэкона, к-рый испытал влияние исп. философа Уарте. У механич. материалистов Гоббса, Бойля и Локка усиливаются элементы субъективизма в связи с утверждением концепции о сводимости качеств. различий к чисто количественным (учение о первичных и вторичных качествах). От сенсуализма Локка идут два пути: к М. и к идеализму. Первый путь невозможен на англ. почве, поскольку буржуазия после своей политич. победы закрепляет свое религ.-идеалистич. мировоззрение; поэтому здесь получает развитие идеалистич. сенсуализм (в скептицизме Юма, особенно в субъективном идеализме Беркли). Во Франции открывается путь для материалистич. сенсуализма.

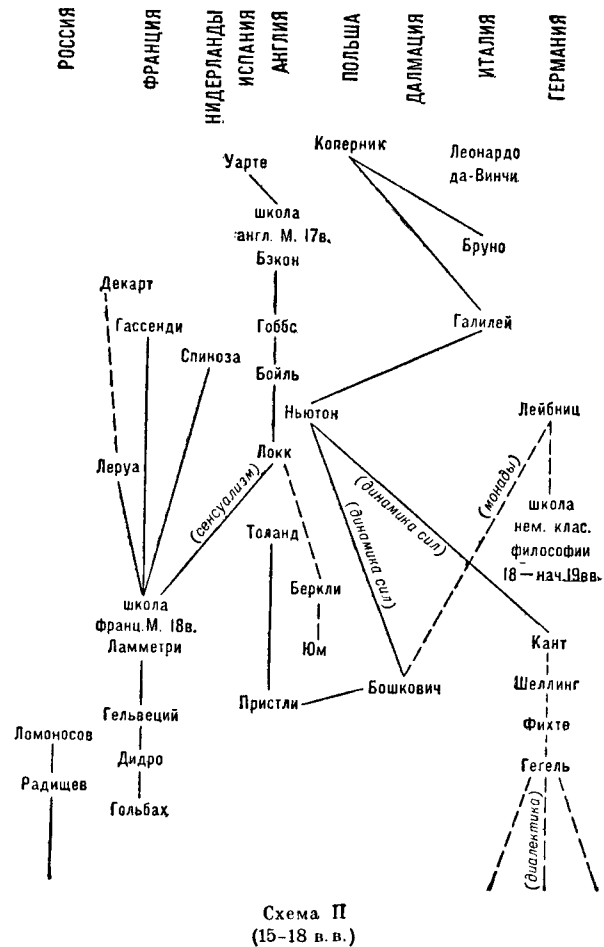
в) Гл. преимств. связь в учениях М. 17—18 вв., образующая как бы осн. узел развития всего М. того времени, образовалась в результате слияния двух линий — сенсуализма, идущего от Локка, и собственно М., идущего от картезианской школы (от физики Декарта через Леруа, от М. и атомизма Гассенди, от М. Спинозистского). Слияние М. с сенсуализмом определило весь дальнейший прогресс М. в 18 в. (франц. М. 18 в., русский М. 18 в.).

г) С гносеологич. т. зр. важны две линии — сначала внутри М., а затем перешедшие из М. в область идеализма: линия эмпиризма, позднее — сенсуализма (англ. М. 17 в. вплоть до Локка) и линия рационализма, берущая начало в дуализме Декарта (в его теории познания), перешедшая затем в Спинозистский М. Подобно эмпиризму, рационализм был реакцией прогрессивной филос. мысли против ср.-век. схоластики с ее принижением не только чувств. познания, но и мелочев. разума. Формула «мыслью, значит, существую» имела для своего времени прогрессивное значение и сочеталась с М. Впоследствии подобно тому, как сенсуализм (после Локка) перешел в Англию на идеалистич. почву, так и рационализм (после Спино-

зы) продолжал свое развитие на почве нем. идеализма (Лейбниц, Кант, Гегель).

д) Особые узлы в развитии М. образовались в Восточной Европе: Ломоносов творчески развивал М. и продолжал картезианскую линию (в понимании движения) и атомистич. линию Бойля. Именно от Ломоносова берет начало та «солидная материалистич. традиция» в рус. обществ. и филос. мысли, о к-рой писал Ленин. Эту традицию продолжал Радищев. В учении Бошковича соединилась линия, идущая от Ньютона (динамика сил), с линией, идущей от Лейбница (идея монады, истолкованной как точка в пространстве); отсюда родилось осн. понятие его философии — «динамида» (геометрич. центр сил, нераздельных с самой материей).

Борьба М. с идеализмом развернулась сначала (в эпоху Возрождения) как борьба с господствующей религ. идеологией. Позднее наиболее последовательные учения М. (Гоббс, франц. М. 18 в.) выступали вместе с тем и как атеистич. учения. Англ. М. конца 17 в. оказался половинчатым в своем отношении к религии (попытки примирить науку и религию у Бойля и Ньютона). В 17—18 вв. борьба осн. филос. направлений идет между вновь возникающими системами М. и идеализма: Гоббс — против идеализма Декарта,

Беркли — против М. вообще, франц. М. 18 в. — против Беркли, Гегель — против франц. М. 18 в. и т. д. Борьба становится многосторонней, многоплановой и постепенно приобретает международный характер.

4. Осн. линии развития домарксистского М. 19 в. в России и Западной Европе (см. схему III).

Гл. магистральная линия развития М. в 19 в. проходила в направлении обогащения его диалектикой, к-рая достигла на почве идеализма наивысшего развития в философии Гегеля. Встала задача слияния диалектики Гегеля с М. путем ее материалистич. переработки. Этот процесс был начат, но не доведен до конца представителями рус. М. 19 в.; продолжая материалистич. традицию Ломоносова и Радищева, Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, сделали попытку соединить диалектику Гегеля с М.; в Германии Фейербах произвел революцию, когда он отбросил абсолютную идею Гегеля, игравшую в гегелевской системе роль творца всего сущего, и вернулся снова к М. Но вместе с абсолютным идеализмом он отбросил и диалектику, а потому вообще не мог соединить М. с диалектикой. Для всего домарксистского М. характерно вообще непонимание или неспособность добиться единства диалектики, логики и теории познания. У Фейербаха непонимание этого единства выступало столь же сильно, как у франц. материалистов 18 в. и у их прямого продолжателя Сен-Симона (эта линия во Франции 19 в. перешла на почву идеализма и позитивизма у Конта). У рус. революц. демократов-материалистов (вплоть до Чернышевского и его школы) единство М. и диалектики не было достигнуто именно в области логики и теории познания, хотя они и приближались к нему. Эту характерную особенность отметил Ленин, говоря, что осн. беда старого (домарксистского) М. — неумение применить диалектику к теории отражения, к процессу познания. Все последующие отступления от диалектик. М. шли также в значит. мере по этому же направлению (механисты, Сталин). В отношении рус. М. 19 в. под влиянием культа личности Сталина допускались серьезные отступления от историч. правды. Напр., утверждалось, будто бы признание преемств. связи взглядов Чернышевского с материализмом Фейербаха и диалектикой Гегеля означает космополитич. отрицание оригинальности передовой материалистич. мысли в России 19 в. и низкопоклонство перед философами Зап. Европы. Это резко противоречило тому, что писал Ленин. Ошибочной была прямо противоположная тенденция — недооценивать, а тем более принижать историч. значение и материалистич. роль учения рус. революц. демократов 19 в.

М. естествоиспытателей 19—20 вв. в схеме III не отражен.

5. Линия развития марксистского М. (см. схему III).

Задачу соединения М. с диалектикой впервые решили Маркс и Энгельс. Теоретич. источниками служили им гегелевская диалектика и материализм Фейербаха, а через него и франц. М. 18 в. Взаимопроникновение М. и диалектики в марксистской философии 19 в., вызвало революц. переворот в истории всей челоуеч. мысли. Дальнейшее развитие диалектик. М. в новой историч. обстановке связано с именем Ленина. Развитие марксистского М. от момента его возникновения до настоящего времени на схеме III обозначено жирной линией, в отличие от более тонких линий, представляющих его предшественников. Этим обозначается качеств. отличие марксистского М. от всех домарксистских и вообще немарксистских течений в М. и вместе с тем международный характер всего марксистско-ленинского учения (в т. ч. и филос. его части). Пунктирные линии показывают попытки реставрации старых видов М. в целях борьбы против диалектик. М. (см. линии, идущие от франц. М. 18 в. к вульгарному М. сер. 19 в. и далее к позитивисту Дюрингу и к механистам 20 в.).

Во всех этих случаях водоразделом оказывалось признание (Маркс, Энгельс, Ленин) или непризнание (непоследовательные материалисты) органич. единства (тождества, совпадения) диалектики, логики и теории познания. У Гегеля такое единство осуществлялось на идеалистич. основе. Невозможно было до конца соединить М. с диалектикой, если не решить вопроса об этом единстве на основе М. Все отступления от последовательного (диалектик., марксистского) М. связаны в первую очередь с тем, что М. и диалектика оказывались недостаточно органически слиты между собой (как это было, напр., у Сталина, к-рый резко разделял диалектик. метод и материалистич. теорию).

Относительно истории возникновения и развития диалектик. М. выдвигались неверные концепции. По поводу генезиса диалектик. М. утверждалось следующее:

1) Будто бы учение свое Маркс и Энгельс создали путем простого сложения диалектики Гегеля с фейербаховским М. В действительности свой метод Маркс характеризовал как прямо противоположный гегелевскому, из к-рого основоположники марксизма выделили только рациональное зерно. Точно так же из фейербаховского М. они выделили осн. зерно, отбросив всю его метафизич. ограниченность. В итоге Маркс и Энгельс коренным образом переработали воззрения своих филос. предшественников, создав качественно новое учение — диалектик. М., в к-ром диалектика и М. пронизывают друг друга. 2) Будто бы Маркс и Энгельс вообще не исходили из гегелевской диалектики: философия Гегеля была объявлена Сталиным аристократич. реакцией на франц. М. и на франц. бурж. революцию 18 в. Тем самым отрицался факт теоретич. подготовки диалектик. М., резко обрывалась преемств. связь в историч. развитии мировой филос. мысли, а сам марксизм изображался как появившийся внезапно, в стороне от осн. путей развития мировой цивилизации.

В отношении дальнейшего развития диалектик. М. утверждалось следующее:

1) Будто бы между Марксом и Лениным стоит Плеханов в качестве необходимого связующего звена, так что, кроме ленинского этапа, в развитии диалектик. М. следовало бы выделить особый плехановский этап. В действительности Ленин, высоко оценивая филос. работы Плеханова, исходил, однако, непосредственно из учения Маркса и Энгельса, минуя всякого рода «промежуточные звенья». Особенно недопустимо было бы считать продолжателями дела Маркса всякого рода ревизионистов и оппортунистов, в т. ч. лидеров 2-го Интернационала. 2) Будто бы у ленинского этапа в марксистской философии было два равноправных теоретических источника: учение Маркса и М. русских революционных демократов 19 в. Но очевидно, что М. последних резко отставал от марксистского М. в самом главном — в вопросе о единстве диалектики, логики и теории познания, не говоря уже об историч. М., а потому нельзя ставить в один ряд единств. теоретич. источник ленинизма — учение Маркса — и к.-л. другие учения. Это не исключает того факта, что дальнейшее развитие марксистского М. не только допускает, но и требует постоянного его обогащения опытом рабочего движения и достижениями науки, культуры, в т. ч. и нац. культуры (включая философию) той страны, где происходит его развитие. 3) Будто бы развитие ленинизма, а значит и марксистского М., после смерти Ленина осуществлялось Сталиным, к-рый был неправильно поставлен в один ряд с Марксом, Энгельсом и Лениным как классик марксистского учения. В действительности же Сталин лишь популяризировал марксистскую философию, сопровождая это грубыми искажениями популяризируемого учения, за-

черкивая диалектич. логику. Поэтому в настоящее время представители марксистского М., ликвидируя последствия культа личности, исправляют допущенные Сталиным ошибки и отступления от диалектич. М. и всецело опираются непосредственно на филос. наследие Ленина, разработка к-рого составляет одну из гл. задач диалектич. М. Задачи, стоящие перед марксистами-ленинцами в области философии, подробно изложены в ст. *Диалектический материализм*.

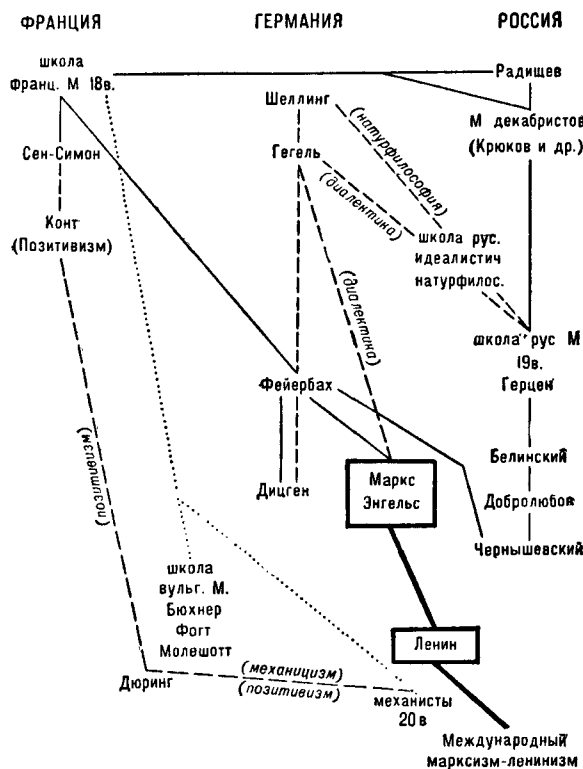

Схема III
(19—20 вв.)

6. Осн. линии развития М. в естествознании 19—20 вв. В 17—18 вв. философия и естествознание тесно соприкасались друг с другом и мн. ученые были одновременно и философами и естествоиспытателями (Галилей, Ньютон, Бойль, Декарт, Бошкович, Ломоносов, Кант, Пристли и др.). В 19 в. философия и естествознание становятся раздельными специальностями ученых, причем в естествознании складывается самостоят. линия развития М. (см. *Материализм естественнонаучный*). Независимо от личных филос. воззрений объективно, по содержанию сделанных ими науч. открытий, естествоиспытатели способны обоснованию и дальнейшему развитию М. С этой т. зр. можно выделить две эпохи. 1) До конца 19 в., когда в естествознании почти безраздельно господствовал М., а идеализм проникал лишь в виде экстравагантных концепций, к-рые касались еще не познанной сущности явлений (*Игноранс Дюбуа-Реймона*), их причин и законов (*«физиологический идеализм»* И. Мюллера и Гельмгольца) и т. п. Среди крупных естествоиспытателей сторонники диалектич. М. насчитывались единицами (Шорлеммер). 2) С конца 19 в., когда под влиянием новейшей революции в естествознании и кризиса физики некая часть естествоиспытателей (особенно физиков) скати-

лась в идеализм (*«физический идеализм»*), стремясь вытеснить М. из естествознания и заменить его идеализмом и агностицизмом. Аргументы для осуществления этой реакц. цели черпались из новейших открытий естествознания. В действительности же все эти открытия не подрывали, а укрепляли позиции М. в естествознании, подтверждали и обогащали диалектич. М.

Характеризуя линию М. в естествознании, Ленин писал, что «...картина мира есть картина того, как материя движется и как материя мыслит» (Соч., т. 14, с. 338). Но вопрос о движении материи предполагает выяснение вопроса о физич. структуре самой материи, как носителя движения, т. е. вопроса о «...строении материи, об атомах и электронах...» (там же, с. 246).

В 19 в. в силу того, что диалектика еще не проникла достаточно глубоко в естествознание, исследование вопроса о строении материи (о ее дискретной структуре, о ее атомизме) могло быть еще до нек-рой степени отчленено от изучения вопроса о формах движения материи (об энергии, ее формах и их взаимных переходах). Но в том же 19 в. с вопросом о внутр. механизме взаимных превращений различных форм энергии неразрывно оказался связан вопрос об их дискретных носителях (кинетич. теория тепла и газов, электрохимич. учения). Однако сама энергия в 19 в. трактовалась как непрерывное образование (на этой основе сложилась, в частности, классич., феноменологич. термодинамика). В 20 в. сначала идея дискретности была распространена на понятие движения (действие, энергия), а затем идея непрерывности (в частности, волнообразности) — на понятие веществ микрочастиц, в результате чего две обособленные в 19 в. линии развития М. (связанные — одна с атомистикой, другая с учением об энергии) слились в одну линию совр. атомизма.

Наряду с обеими указанными выше линиями М. в естествознании можно выделить тесно связанную с ними линию М., касающуюся изучения наиболее общих форм бытия материи (пространства и времени), их математич. (геометрия) и физич. (физич. поля) трактовки, количеств. стороны наиболее общих отношений, материальных объектов (предметов и процессов), их общих структур, связей и закономерностей, составляющих предмет математики и теоретической физики.

Вопрос о том, как материя мыслит, предполагает другой вопрос: как материя живет? Этот последний обычно включается в общий вопрос о том, как материя движется (поскольку жизнь есть лишь одна из форм движения материи). Однако в виду его исключит. важности с т. зр. философии, ниже он выделен особо, тем более, что идеалистич. тенденции выступают здесь своеобразно (*витализм*, телеологизм, психоломаркизм, холизм и пр. разновидности «биологич.» идеализма).

Т. о., в качестве важнейших линий М. в естествознании 19—20 вв. или его разновидностей выступают: а) атомистич. М. 19 в.; б) М. 19 в., связанный с учением об энергии и о формах бытия; в) совр. атомистич. М. 20 в.; г) биологич. М. и д) М., связанный с учением о психич. (в частности, мыслительной) деятельности. Это разделение условно (напр., вопрос о сущности и о происхождении жизни связан с развитием атомистич. химии, вопрос об осн. формах бытия связан с учением о строении и движении материи, вопрос о мышлении — с общим учением о жизни и т. д.).

Атомистич. М. нач. 19 в. противостоял в естествознании динамизм как специфич. вид идеализма; линии М. в учении об энергии противостоял энергетизм, продолживший линию динамизма; всему совр. атомистич. М. противопоставит «физич.» идеализм; всему М. в учении о живой природе противопоставит витализм,

психоломаркизм, «физиологич». идеализм, а в 20 в. — холизм, неовитализм и др. течения идеализма.

Естествоиспытатели по их филос. взглядам делятся нами на пять групп: 1) стоящие на позициях диалектич. М.; 2) стоящие на позициях естеств.-науч. М. и считающие себя материалистами или же открыто выступающие против идеализма и религии, но стыдливо отказывающиеся назвать себя материалистами; 3) стоящие на позициях стихийного М., не выступающие открыто по филос. вопросам и не ведущие активной борьбы против идеализма; 4) делающие отд. уступки идеализму в области философии, хотя в целом стоящие на позициях М.; 5) выступающие открыто против М., хотя на деле стоящие на позициях стихийного М. Индекс около имени ученого указывает, к какой группе этот ученый нами относится.

а) Атомистич. М. 19 в. берет начало от Дальтона² (Англия), заложившего основы химич. атомистики с понятием атомного веса и выступавшего против динамизма; эту линию М. продолжил Берцелиус⁴ (Швеция) — автор электрохимич. представлений об атомах и вместе с тем защитник виталистич. учения о «жизненной силе». Против атомистич. материализма Берцелиуса боролся Гегель в своей «Натурфилософии». Диалектич. идею о существовании двух качественно различных ступеней в усложнении материи (атом и молекула) развивали сначала Авогадро³ (Италия) и Ампер⁴ (Франция), позднее — Жерар⁴ (Франция) и Канниццаро³ (Италия). Идею наличия электрич. зарядов у осколков атомов и молекул (ионов) развивали Фарадей² (Англия) и Аррениус³ (Швеция), продолживший электрохимич. линию материализма Берцелиуса. Линию Дальтона — Жерара продолжили Менделеев² (Россия), открывший периодич. закон химич. элементов, согласно к-рому свойства элементов зависят от их атомных весов, и сподвижник Менделеева Браунер³ (Чехия), занимавшийся неразработанными сторонами периодич. закона.

К этой линии М. примыкают школы М., связанные с органич. химией: Жерар (гомологич. и генетич. ряды, в к-рых отражен закон перехода количества в качество); Кекуле⁴ (Германия) и др., развившие представления о связи между атомами (о валентности); Бутлеров⁵ (Россия), создавший материалистич. теорию химич. строения, но защищавший идеализм и спиритизм против М. в философии; Шорлеммер¹ (Германия), создавший науч. систему органич. химии и раскрывший ее диалектику; Вант-Гофф² (Голландия), выдвинувший идею пространств. тетраэдрич. модели атома углерода и выступивший против энергетизма Оствальда. Если атомистич. М. в химии основывался на выяснении того, как из атомов образуются молекулы, а в физич. химии — как молекулы электролитов распадаются на ионы, то в физике тот же М. опирался на изучение того, как из молекул образуются физич. тела (агрегаты), начиная с разреженных газов (кинетич. теория газов и теплоты). Эту линию М. развивали Клаузиус⁴ (Германия), выдвинувший в то же время идеалистич. гипотезу «тепловой смерти Вселенной», Больцман² (Австрия), доказавший несостоятельность этой гипотезы на основании своей *H*-теоремы, и др. Т. о., атомистич. М. в естествознании 19 в. строился и развивался, исходя из учета взаимосвязи трех дискретных видов материи: атом—ион—молекула.

б) М. 19 в., связанный с учением о движении (энергии) и осн. формах бытия. Центр. пунктом здесь было открытие закона сохранения и превращения энергии. В подготовке этого открытия участвовал Фарадей, выдвигавший идею единства «сил» природы (т. е. форм движения материи) и понятие электрич. поля. Открытие назв. закона связано с именами Р. Майера⁴ (Германия),

Гельмгольца⁴ — механич. материалиста в физике, «физиологич.» идеалиста в физиологии органов чувств, и др. ученых. В дальнейшей разработке этого закона принимали участие мн. ученые: 1) в области кинетич. теории газов и вообще статистич. физики — Томсон (Кельвин)³ (Англия), разработавший теорию мирового «эфира», Клаузиус, Больцман, Гиббс³ (США), разработавший химич. термодинамику наряду с Вант-Гоффом; 2) в области учения об электромагнетизме и о физич. полях — Максвелл³ (Англия), создавший электромагнитную теорию света, Герц³ (Германия), открывший особые электромагнитные волны, Лебедев³ (Россия), впервые измеривший давление света; 3) в области физич. химии — Нернст² (Германия), противопоставивший идеалистич. концепции «чистой энергии» как основы физич. (теоретич.) химии материалистич. идею единства учения об энергии (термодинамики) и учения о молекулярном строении материи; Бекетов² (Россия), выступавший против энергетизма, и др.; 4) в области связи лучистых и электрич. явлений — Столетов², изучавший фотоэлектрич. эффект и также борющийся против энергетизма; 5) в области изучения законов движения энергии — Умов⁴.

В области механики и геометрии линию М. проводили: Лобачевский² (Россия), создавший неевклидову геометрию, выступивший против кантовских взглядов на пространство, Кирхгоф³ (Германия), к-рый вместе с Бунзеном⁴ (Германия) нанес удар по агностицизму и кантовскому позитивизму, открыв спектральный анализ, с помощью к-рого можно определять химич. состав небесных тел; физич. геометрию (кристаллографию и кристаллохимию) разрабатывал Федоров² (Россия).

В итоге всех этих исследований сложилась классич. физич. картина мира с понятиями неделимого атома и неизменной массы, непрерывной мировой среды — «эфира» — и непрерывной энергии, а также с понятиями внешних по отношению к материи и движению и по отношению друг к другу — пространства и времени. Филос. основу этой картины мира составлял механистич. М., хотя по своему содержанию все открытия, обобщенные в этой картине, уже в 19 в. не укладывались в тесные рамки механистич. М. и объективно означали раскрытие диалектики природы.

в) Совр. атомистич. М. 20 в. На рубеже 19 и нач. 20 вв. началась «новейшая революция в естествознании», в результате к-рой произошла смена формы атомистич. М. и коренная ломка всей физич. картины мира. Одной из важнейших линий развития этой революции, а вместе с тем и М. в естествознании (прежде всего атомистич. М.) было раздвижение уже известного ряда дискретных видов материи в сторону более мелких микрочастиц: открытие электрона Дж. Дж. Томсоном² (Англия) и создание им же первой (статич.) модели атома, открытие радиоактивности; затем открытие радия супругами М. Склодовской³ (Польша) и П. Кюри⁴ (Франция), что привело к созданию Резерфордом³ и Содди³ (Англия) первой теории радиоактивности, как распада атомов и превращения элементов. Отсюда берет начало ядерная физика: открытие атомного ядра, протона и искусств. превращения химич. элементов Резерфордом, изотопии Содди и закона «сдвига» Содди и Фаянсом³ (Польша) и мн. др. Раздвижение ряда дискретных видов материи совершалось и в сторону более крупных микрочастиц: коллоидных, а также еще более крупных, участвующих в броуновском движении, изучение к-рого доказало объективную реальность молекул. В этом прогрессе физики участвовали Смолуховский³ (Польша), Сведберг³ (Швеция) и др. В математич. разрезе категорию случайности, играющую здесь гл. роль, разрабатывал А. Марков² (Россия). Суммируя успе-

хи атомистики и атомистич. М., Перрен² (Франция) показал, что, идя самыми различными путями, физика и химия приходят к одному значению «числа Авогадро» (т. е. числа молекул в грамм-моле вещества). Реальность молекул стала несомненной. Философы и естествоиспытатели (особенно Оствальд и Мах), отрицавшие реальность атомов и молекул, признали свое поражение. Это была величайшая победа М. вообще и в первую очередь атомистич. М.

Теоретич. узлом, в к-ром на рубеже 19 и 20 вв. сошлись осн. линии развития М. в естествознании 19 в., был органич. синтез идеи дискретности материи с представлением о движении материи (о ее энергии), а вместе с тем — синтез принципов сохранения материи и энергии, открытие зависимости массы от движения. Решающее значение здесь имели два открытия: 1) создание Планком² (Германия) теории квантов, показавшей прерывистый характер действия, откуда вытекал прерывистый характер излучения; Планк с позиций М. вел борьбу против махизма; благодаря теории квантов движение материи было подведено под общую атомистич. концепцию, лежавшую в основе всего физич. учения о материи; 2) создание теории относительности Эйнштейном⁴ (Германия), к-рая раскрыла новый взгляд на пространство и время, показав их относительность, их взаимосвязь и зависимость от движения; до этого к такому открытию приближались Ланжевэн¹, вставший позднее на позиции диалектич. М. и открыто борющийся против «физич. идеализма», Лоренц² (Голландия), с именем к-рого связаны т. н. «лоренцовы преобразования», и др. Из частного принципа своей теории Эйнштейн вывел очень важное соотношение (взаимосвязь) между массой и энергией любого тела, ставшее фундаментальным законом совр. физики и соединившее в себе до того разобщенные принципы сохранения массы и сохранения энергии. Это соотношение (в применении к свету) фактически уже содержалось в экспериментальном измерении Лебедевым светового давления. Эйнштейн продолжил идеи Планка, введя представление о фотоне как «частице» (кванте) света; он участвовал в разработке теории броуновского движения. Позднее в общем принципе своей теории он связал основные формы бытия (пространство и время) не только с движением, но и их материальным содержанием, развил представление о физич. поле (пришедшее на смену старому, механич. понятию мирового «эфира»). Открытия Эйнштейна укрепляли позиции совр. атомистич. М., а вместе с ним — и диалектич. М., хотя сам Эйнштейн склонился частично к идеализму в области философии. Позднее тенденции М. в его воззрениях усилились.

Следующим узлом, в к-ром сошлись основные линии развития атомистич. М., выраженные в 19 в. в периодич. законе Менделеева, а в 20 в. в открытиях электрона, рентгеновских лучей, радиоактивности, квантов (фотонов), явилась первая модель атома Бора⁴ (Дания). Эта модель строилась целиком на основах атомистич. М. и опиралась на важное материалистич. положение, выдвинутое Бором — принципом соответствия, в к-ром применительно к развитию физич. теорий фактически конкретизировался общий взгляд на соотношение абсолютной и относит. истины. Будучи стихийным (значит, непоследовательным) материалистом, Бор впоследствии сделал уступки идеализму, примыкал к неопозитивизму. Позиции атомистич. М. укреплялись открытием Лауэ² (Германия) волновой природы рентгеновских лучей, изучением структуры кристаллов. В этом направлении развиваются работы Бернала¹ (Англия), давшего также исследования по истории развития науки как обществ. явления и его закономерностей.

В 20-х гг. 20 в. начался новый подъем «новой революции в естествознании» в связи с возникновением

квантовой механики, к-рая продолжила теоретич. синтез в физике, начатый на рубеже 19 и 20 вв. Этот синтез был распространен на представления о прерывности (дискретности) и непрерывности всех физич. видов материи, шире — о веществе и поле (прежде всего свете). Начало этому прогрессу науки положил Луи де Бройль², выдвинувший идею, что каждой микрочастице (электрону, фотону и т. д.) сопоставлена определ. волна, каждой волне — определ. частица. Сначала де Бройль примкнул к лагерю неопозитивизма, но затем открыто перешел на позиции совр. атомистич. М., порвал с идеализмом, что явилось крупной победой М. вообще, т. к. свидетельствовало о начавшемся новом поражении субъективного идеализма в области физики. Одним из моментов создания и развития квантовой механики было установление Паули⁵ (Швейцария) т. н. «принципа запрета» (принципа Паули), давшего возможность дальнейшей разработки модели атома; Паули выдвинул материалистич. гипотезу нейтрино в противоположность идеалистич. концепции об уничтожаемости энергии. Паули фактически укреплял этим совр. атомистич. М., хотя сам примыкал к неопозитивизму в области философии. Развитию совр. атомистич. М. способствовали открытия: супругами Ирен Кюри³ и Фредериком Жолио-Кюри¹ (Франция) искусств. радиоактивности, предсказание Юкавой³ (Япония) и открытие Блэккетом³ «тяжелого электрона» — первого мезона, чему предшествовали открытия позитрона и нейтрона, причем последнее открытие привело к открытию деления ядра, а затем и способов использования атомной энергии. Последующие открытия показали существование целого мира элементарных частиц, начиная от легких (лептонов) и средних (мезонов, особенно пи- и ка-мезонов) и кончая тяжелыми (нуклонами) и сверхтяжелыми (гиперонами). В результате этого ряд дискретных видов материи был далеко продвинут в сторону более мелких микрочастиц. Одновременно совершалось его раздвижение и в сторону более крупных частиц (макромолекул, полимерных молекул), что достигнуто совр. химией. Здесь химия непосредственно подводит к переходу в область явлений жизни (биохимия, биоорганич. химия, молекулярная биология). Т. о., первонач. участок дискретных видов материи, составляющих основу атомистич. М. 19 в., оказался в 20 в. раздвинутым в обе стороны: элементарные частицы — ядро — атом — ион — молекула — макромолекулы, полимеры. Обобщающие филос. исследования, касающиеся современного атомистич. М. и его истории, даны С. И. Вавиловым¹ (СССР). В области учения о Земле и Вселенной эта же линия проводилась геохимиком А. Е. Ферманом¹ (СССР), астрономом В. А. Амбарцумяном¹ (СССР) (разрабатывающим вопросы звездной космологии) и др.

г) Биологич. М. 19—20 вв. М. в понимании жизни развивался по четырем гл. направлениям: понимание (1) сущности и происхождения жизни, где ему противостоял витализм, (2) строения и функционирования живых организмов, (3) возникновения и развития органич. видов и (4) чувственной и вообще психич. деятельности живых существ, вплоть до зарождения у них мыслит. способности. 1-я пол. 19 в. проходит под знаком борьбы М. в биологии против идеалистич. и метафизич. понятия «жизненной силы» и против концепции абсолютной вечности и неизменности органич. видов. Здесь большую роль сыграл первый синтез органич. соединения из неорганич. веществ, осуществленный Вёлером³ (Германия) и положивший начало длинной цепи органич. синтезов вплоть до самых сложных. Это укрепляло позиции М. еще и с др. стороны, нанося удар по агностич. кон-

цепции непознаваемой кантовской «вещи в себе». Позиции М. в биологии были укреплены во 2-й трети 19 в. в результате создания клеточной теории. Благодаря успехам органич. химии был обнаружен материальный носитель жизни (белок) и важнейшее общее проявление жизни (самопроизвольный перманентный органич. обмен веществ). Укреплению М. в биологии способствовало опровержение Пастером⁴ (Франция) ложной концепции «самозарождения» жизни, к-рую отстаивали вульгарный материалист Пуше³ (Франция) и революционный демократ Писарев² (Россия). В конце 19 в. начались попытки создать белок искусственным путем. В этом направлении много работал Э. Фишер³ (Германия). Однако только в начале 60-х гг. 20 в. удалось вплотную подойти к этой сложнейшей задаче, нерешенность к-рой всегда использовалась идеалистами и виталистами в их борьбе против М. Возможность биосинтеза и конкретные пути его осуществления выяснились благодаря успехам биохимии и молекулярной биологии, опирающейся на кибернетику и биофизику, в результате чего удалось расшифровать код, указывающий «механизм» включения в строящуюся белковую частицу определ. аминокислот (строит. звеньев) в соответствии со звеньями в молекулах ДНК и РНК, участвующих в управлении биосинтезом.

Эволюц. идеи в биологии развивали в додарвиновский период Ламарк³ (Франция), указавший на определяющее влияние внешней среды на жизнедеятельность организмов, Рулье³ (Россия) и мн. др. Решающий шаг был сделан в этом отношении Дарвином³ (Англия), к-рый создал эволюц. учение — дарвинизм, основу к-рого составила теория развития органич. мира. Это великое открытие, изложенное в книге «Происхождение видов», составило эпоху в развитии не только биологии, но и всего естествознания и послужило Марксу и Энгельсу естественнонаучным обоснованием их учения, в частности, теории классовой борьбы. Своим острием дарвинизм был направлен против метафизики (понятия постоянного вида) и идеализма, выступавшего в биологии в форме телеологизма. Весь дальнейший прогресс биологии и смежных с нею наук совершается под знаком дарвинизма, т. е. идеи развития. Идеалисты, теологи и мракобесы всех мастей обрушиваются на него за его материалистич. и атеистич. направленность; напротив, представители М., прежде всего биологич. М., становятся на защиту дарвинизма, стремятся не только отстоять его, но и двинуть вперед, обогатить новыми данными. В этом направлении разветвляется деятельность К. А. Тимирязева² (Россия), вплотную подошедшего к марксизму, к диалектич. М., раскрывшего химич. сущность процесса фотосинтеза; Геккеля² (Германия), углубившего дарвинизм и пытавшегося освободить его от нек-рых недостатков путем раскрытия более глубоких движущих сил эволюционного процесса (взаимодействие наследственности и изменчивости); братьев Ковалевских³ (Россия), один из к-рых (Вл. О. Ковалевский) заложил основы эволюционной палеонтологии, и мн. др. Особенно большую роль в развитии дарвинизма сыграл И. В. Мичурин¹, учение к-рого явилось одним из материалистич. направлений в совр. биологии.

д) М. 19—20 вв., связанный с учением о психич. деятельности животных и человека. В области учения о психич. деятельности живых существ особенно сильные были всегда позиции идеализма, к-рый оперировал понятием особой психич. субстанции («души»), якобы независимой от материальной оболочки тела. Удар по этой идеалистич. концепции нанес основоположник материалистич. физиологии и материалистич. психологии Сеченов² (Россия) своим учением о рефлексах

головного мозга. Его линию продолжил И. П. Павлов² (Россия — СССР), создавший учение об условных рефлексах, о двух сигнальных системах, легшее в основу всей теории о высшей нервной деятельности человека и высоко развитых животных. Учение о психич., в т. ч. мыслительной, деятельности человека получило дальнейшее развитие благодаря успехам кибернетики, дающей возможность моделировать психич. процессы и находить общие законы для всех управляющих процессов, совершающихся как в области живой природы, так и в сфере обществ. и психич. жизни человека, равно как и в области техники (искусственно изготовленных кибернетич. устройств или машин).

Таковы нек-рые линии развития М. в естествознании 19—20 вв. в его борьбе против идеализма.

Весь ход развития совр. естествознания и междунар. революц. движения рабочего класса полностью подтверждает истинность высшей формы филос. М. — диалектич. М.

Лит. см. при статьях *Диалектический материализм* и *статьях о материалистич. учениях и об отдельных материалистах.* Б. Кедров. Москва.

МАТЕРИАЛИЗМ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ — особый вид материализма, получивший распространение в естествознании 19—20 вв. и противополженный особым видам *идеализма*, к-рый приспособлялся к соответствующим разделам естествознания и их проблематике.

Под М. е. обычно понимают: 1) либо содержание естественнонауч. открытий, объективно, независимо от воззрений и намерений их авторов и толкователей служащих фундаментом филос. материализма, способствующих изменению его формы и его прогрессивному развитию; 2) либо неоформленные филос. убеждения большинства естествоиспытателей, стихийно стоящих на позициях материализма; в этом смысле М. е. совпадает с материализмом стихийным, бессознательным, являясь его разновидностью, присущей мировоззрению естествоиспытателей (см. *Естественно-исторический материализм*); 3) либо материалистич. взгляды совр. естествоиспытателей на природу, не распространяемые, однако, на общество (в этом смысле М. е. выступает как материализм естеств.-исторический, в отличие от материализма исторического, марксистского). Ленин приводил оценку взглядов Геккеля, к-рая дана Мерингом: «Геккель — материалист и монист, но не исторический, а естественно-исторический» (Соч., т. 14, с. 340). С т. зр. такого понимания М. е. изложение успехов естествознания, укрепляющих и развивающих материализм вообще, совпадает с «изложением победного шествия естественно-исторического материализма» (там же, с. 341).

В М. е. могут быть выделены разновидности в зависимости от той области естествознания или той группы естеств.-науч. проблем, в связи с к-рыми развивается данный вид материализма (см. о них в ст. *Материализм*). Соединяя вместе все эти три различные толкования М. е., можно принять более общее его толкование как материализма в естествознании. Б. Кедров. Москва.

«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ. Критические заметки об одной реакционной философии» — одно из основных (см. также *Философские тетради*) филос. произведений Ленина. Написано в 1908; вышло в свет в 1909. В нем Ленин подверг глубокой критике реакц. философию *эмпириокритицизма (махизма)*, защитил и развил дальше диалектич. и историч. материализм, материалистически обобщил все важное и существенное из того, что было приобретено наукой (прежде всего естествознанием) за период после смерти Эн-

гельса. «М. и э.» — важнейшая веха ленинского этапа в развитии марксистской философии.

Книга создана в годы столыпинской реакции, когда царское пр-во при поддержке контрреволюц. буржуазии обрушило на рабочий класс и его партию жестокие репрессии, а в среде попутчиков революции начались распад и разложение. Упадоочничество коснулось и нек-рых интеллигентов социал-демократов (Богданов, Базаров, Луначарский, Юшкевич, Валентинов и др.). Уверяя, будто дело идет лишь об освобождении марксизма от нек-рых устаревших понятий и о дополнении его данными новейшего естествознания, они пытались заменить марксистское мировоззрение идеалистич. философией эмпириокритицизма. Часть парт. интеллигентов дошла даже до проповеди *богостроительства*. Перед революц. марксистами — диалектич. материалистами, встала неотложная задача — дать отповедь перерожденцам в области теории марксизма, отстоять теоретич. основы марксистской партии. Эту задачу и выполнил Ленин.

Определив классовые и идейные истоки махизма, Ленин доказал, что проповедники этой философии являются распространителями идеализма, мистики, поповщины, злейшими врагами марксизма. Ленин подверг тщательному разбору филос. построения эмпириокритиков, раскрыл их софистическую сущность, противоречащую данным науки и практики. Выдвигая свои теории об ощущениях как «элементах мира», о «принципиальной координации» субъекта и объекта, махисты объявляли, будто они «подымаются» и над материализмом и над идеализмом, будто они открывают некую «третью линию» в философии. Ленин показал науч. несостоятельность этих попыток «подняться» и над материализмом и над идеализмом. В основе подобных попыток лежало представление о том, будто можно создать последоват. философию, обходящую *основной вопрос философии*. Всестороннее доказательство принципиальной несостоятельности этого — важная теоретич. заслуга Ленина.

Ленин показал, что, покинув почву материализма, Богданов, Базаров и др. оказались неспособными критически разобраться в истинном содержании махистской философии. Соблазнившись новыми терминами и словечками, введенными махистами, они стали искать в философии эмпириокритицизма марксистские тенденции. На самом деле рус. махисты стали проповедниками обветшалых идеалистич. взглядов.

Книга «М. и э.» ознаменовала собой новую ступень в развитии диалектич. материализма. Огромное значение имела дальнейшая разработка Лениным осн. вопроса философии и определение филос. понятия *материи*. Для решения осн. вопроса философии — вопроса об отношении мышления к бытию — требуется установить объем и содержание понятий *материи* и сознания, установить способ их точного определения. Ленин решил обе эти задачи. Он показал, что понятия *материи* и сознания являются предельно широкими. Ввиду этого определение этих понятий может быть дано только путем указания на направление филос. линии, т. е. указания, идти ли от сознания, ощущений к материи, или от материи — к сознанию, ощущению. Именно на основе такого подхода Ленин и дал свое знаменитое определение материи: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (Соч., т. 14, с. 117). В этой формулировке фактически содержится и общее определение сознания: оно понимается как отображение материи. В определении Ленина первичность материи и вторичность сознания находят свое прямое выражение: отображаемое может существовать и существует до

своего отображения, вне и независимо от него, в то время как отображение является производным от отображаемого, вторичным.

Определение материи, разработанное Лениным, отличается той особенностью, что оно совершенно не связано с признанием наличия у материи каких-либо конкретных свойств, изучаемых естествознанием (массы, инертности, непроницаемости и т. п.), в качестве универсальных и всеобщих. Поэтому данное определение обладает той гибкостью, благодаря к-рой любое открытие ранее неизвестных и неожиданных свойств материи не может стать в противоречие с принципиальными основами диалектич. материализма. Это значит, что понятие материи, данное Лениным и выражающее «свойство» быть объективной реальностью, никогда не может устареть или измениться когда-либо излишним. «Поэтому говорить о том, — подчеркивал Ленин, отвечая на заявления махистов об „устарелости“ понятия материи, — что такое понятие может „устареть“, есть младенческий и лепет, есть бессмысленное повторение доводов модной реакционной философии» (там же).

Рассматривая вторую сторону осн. вопроса философии, Ленин подчеркнул, что ее никоим образом нельзя отрывать от первой. Последоват. материалист, признавая первичность материи и вторичность сознания, неизбежно должен признать и безусловную познаваемость материи. Признание этого выражено в положении о том, что материя дана человеку в его ощущениях, что его ощущения, сознание представляют собой фотографии, копии материи. Идеализм считает «непосредственно данным» человеку его собственные ощущения, оторванные от их источника, т. е. объективной реальности. В противоположность этому Ленин доказал, что «непосредственно данным» человеку является материя, ибо она служит источником ощущений. Признание того, что материя дана нам в ощущениях, в корне подрывает позицию *агностицизма*, так или иначе подвергающего сомнению существование объективной реальности.

Большой теоретич. заслугой Ленина является раскрытие им глубокой диалектики абсолютного и относительного в решении вопроса о соотношении материи и сознания. При решении осн. вопроса философии материя противопоставляется сознанию. Но «противоположность материи и сознания, — указывал Ленин, — имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительности данного противопоставления несомненна» (там же, с. 134—35). Сознание — реально существующее явление; оно не есть нечто чуждое природе, а столь же естеств. продукт ее, как и те материальные объекты, которые обладают им, как присущим им внутр. свойством. Поэтому противопоставление сознания материи относительно и имеет безусловное значение только в вышеуказ. пределах. «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют и а п р а в л е н и е гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (там же, с. 233).

Указывая на ограниченность рамок, в к-рых противопоставление сознания материи имеет абс. значение, Ленин вместе с тем решительно предостерегал против стирания этой противоположности вообще. Он отмечал, что факт реальности сознания, его действит. существования не дает права отождествлять сознание с материей, считать мысль материальной.

Ленин не только разработал определение филос. понятия материи, но и раскрыл осн. черты материи, ее всеобщие и фундамент. свойства. Это, во-первых, присущее всей материи свойство отражения, родственное, но не тождественное ощущению; из этого свойства генетически вырастает ощущение, присущее только особым образом организов. материи. Во-вторых, это неисчерпаемость материи в любых ее видах и формах, ее бесконечность вглубь.

Подчеркнув особую роль *ощущений* в процессе познания, Ленин охарактеризовал их как непосредств. связь сознания с внешним миром, как основу всей познающей деятельности разума, как единств. путь к познанию действительности: «иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем» (там же, с. 288). Подвергая критике махистскую субъективистскую трактовку ощущений, Ленин раскрыл их объективное содержание, к-рым является данный в них внешний мир. Ленин показал, что последоват. материалистич. решение осн. вопроса философии возможно лишь на основе диалектич. подхода к ощущению. Диалектич. природа ощущения — это единство субъективного и объективного, составляющее самую его суть: «ощущение есть субъективный образ объективного мира, мира *an und für sich*» (там же, с. 106). Поставив вопрос о генезисе ощущений, Ленин глубоко обосновал представление об ощущении как об одном из свойств особым образом организов. материи, неразрывно связанном с определенными материальными процессами, но не сводимом к самим этим процессам. Он показал принципиальную важность для последоват. проведения материалистич. линии в философии вопроса о том, являются ли ощущения символами, условными знаками или образами, копиями вещей, и дал развернутое обоснование диалектико-материалистич. понимания ощущений как образов материального мира. Вместе с тем он дал исчерпывающую критику представления об ощущениях как иероглифах, символах или условных знаках.

Всесторонне развивая марксистское учение об *истине*, Ленин дал определение объективной истины как такого знания, содержание к-рого не зависит ни от человека, ни от человечества. Положение о существовании объективной истины есть безусловная посылка диалектич. материализма. Вместе с тем признание объективной истины неразрывно связано с признанием истины абсолютной: «Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и человечества истину, значит так или иначе признать абсолютную истину» (там же, с. 120). Т. о., диалектич. материализм стоит на позиции признания абс. истины. Но познание объективной истины осуществляется не сразу, не целиком, не безусловно, а постепенно, приблизительно, относительно, т. е. объективная истина выступает в форме истины относительной. Однако, хотя истина и относительна, в ней неизбежно есть элемент абсолютного. Для диалектич. материализма не существует переходимой грани между относит. и абс. истиной. Рассмотрев соотношение между относит. и абс. истиной, Ленин сформулировал один из осн. законов учения об истине: абс. истина «складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины...» (там же, с. 122). Ленин раскрыл метафизич. характер трактовки истины в домарксистском материализме и филос. релятивизме. Для первого характерно непонимание соотношения абсолютного и относительного: абсолютность истины считалась полностью исключительной ее относительностью. Филос. релятивизм противопоставляет относительность истины ее объективности и догматически утверждает, что относительное в познании совершенно исключает

объективное. Ленин показал несостоятельность и того и другого представления об истине.

В «М. и э.» Ленин обогатил марксистское учение о роли *практики* в теории познания. Он сформулировал положение о неразрывной связи диалектико-материалистич. теории познания с практикой, подчеркнув, что «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» (там же, с. 130), что критерий практики должен быть включен в основу теории познания. Ленин подверг критике антинауч. извращение критерия практики, допускаемое, в частности, прагматизмом. Ленин вскрыл противоречивую природу критерия практики: с одной стороны, он обладает нек-рой «неопределенностью», не дающей возможности полностью подтвердить или опровергнуть то или иное научное представление и тем самым исключать превращение научных знаний в застывший абсолют; с другой стороны, он настолько определен, что позволяет строго отграничить научные воззрения от ненаучных и «вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» (там же).

В «М. и э.» Ленин разработал дальше ряд основных категорий диалектич. материализма. Рассматривая *движение*, Ленин с особой силой подчеркнул его неотрывность от материи, необходимость нахождения материального носителя движения во всех случаях, когда обнаруживаются новые, еще не изученные виды движения. Он вскрыл филос. несостоятельность представления о движении без материи, доказав, что такое представление по существу есть попытка протащить идеализм. Анализируя категории *пространства и времени*, Ленин подчеркнул, что движение материи не может происходить иначе, как в пространстве и времени. Отсюда следует, что тот, кто признает существование объективной реальности, тот «...неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства...» (там же, с. 162). Ленин показал, что гносеологической основой для махистского решения проблемы пространства и времени, полностью отрицающего их объективную природу, является смешение совершенно различных вопросов — вопроса о существовании природы в пространстве и времени с вопросом о том, как вырабатываются абстрактные понятия о пространстве и времени. Указание Ленина на недопустимость подобного смешения имеет весьма важное методологич. значение.

Ленин раскрыл связь между филос. пониманием сущности пространства и времени и филос. трактовкой *причинности*: отрицание объективной реальности пространства и времени неизбежно ведет к отступлению от позиций материализма в проблеме причинности. Вместе с тем неправильное, субъективистское понимание причинности ведет к неправильному, идеалистич. решению осн. вопроса философии. Т. о., согласно Ленину, вопрос о причинности имеет весьма важное значение для определения филос. линии того или иного учения. С развитием науки изменяются, уточняются и углубляются представления о причинности. Но эта изменчивость, относительность наших представлений о причинности никоим образом не означает, что сама по себе причинность не коренится в объективной природе вещей. Ленин показал недопустимость подмены вопроса об источнике наших представлений о причинности вопросом об относительности этих представлений, об их изменчивости, о точности формулировки закона причинности.

Между тем аргументация махистов, отрицающих объективность причинности и вообще закономерности, основывается именно на этой софистич. подмене. Отрицание причинности, закономерности, необходимости, как объективно присущих самой природе, указывал Ленин, означает отрицание объективной цен-

ности науки, подчинение ее религии. Критикуя утверждения идеалистов о способности сознания создавать всеобщие формы существования материи, диктовавшие природе законы и т. д., Ленин указал, что осн. идея, общая Юму и Канту, состоит в отрицании объективной закономерности природы, в выведении тех или иных принципов, постулатов, посылок из субъекта, из человека, сознания. Различие между юмовской точкой зрения («ощущение, опыт ничего не говорит нам ни о какой необходимости») и кантовско-махистской формулой («человек дает законы природе») представляет собой второстеп. различие между агностиками, к-рые сходятся в главном: в отрицании объективной закономерности природы.

В кн. «М. и э.» Ленин рассмотрел новые достижения науки и дал их материалистич. обобщение. В конце 19—нач. 20 вв. естествознание переживало период революции. Особенно значительными были успехи в области физики. В 1897 был открыт электрон. Было установлено, что масса этой мельчайшей частицы не остается неизменной, меняется в зависимости от скорости движения. Это привело к мысли об электромагнитном происхождении массы материальных частиц. Электромагнитная теория стала фундаментом новых взглядов на строение материи. Открытие радиоактивности показало, что атомы являются делимыми, изменяющимися, превращающимися друг в друга. При анализе спектров излучения нагретых тел обнаружилась неизвестная ранее характеристика процессов испускания и поглощения света — их дискретность. Новейшие естеств.-науч. открытия опрокидывали старые метафизич. представления о неделимости атома, о неизменяемости химич. элементов, о постоянстве массы тел и т. д., вплотную подводили ученых-естественников к диалектико-материалистич. мировоззрению. Но подавляющее большинство естествоиспытателей не знало иной формы материализма, кроме материализма метафизического. Они безуспешно пытались втиснуть новейшие данные естествознания в рамки прежних, окостенелых представлений. Крушение старых принципов науки и открытие новых свойств материального мира часть физиков восприняла как крушение, исчезновение материи и отказалась от материализма. Поворот части ученых-физиков к идеализму (филос. взглядам к-рых Ленин дал название «физического идеализма»), происшедший в обстановке крутой ломки старых понятий под влиянием новых открытий, Ленин охарактеризовал как «кризис физики». «Суть кризиса современной физики, — писал Ленин, — состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом. „Материя исчезла“ — так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшее этот кризис» (там же, с. 245). Раз атом не является неделимым и неизменным, значит, утверждали «физические» идеалисты, материализм рушится; раз составными частями атомов являются электроны, значит «материя исчезает»; раз наши знания меняются, значит в них нет ничего объективного и т. п. Не ограничиваясь падками на общие принципы науч. знания, «физич.» идеалисты пытались отвергнуть также и конкретно-физич. теории и понятия, основанные на материалистич. воззрениях (критика Махом атомистики и кинетич. теории; замена В. Оствальдом кинетич. теории и атомистики идеалистич. «энергетикой»; выхолащивание объективного содержания понятия массы и т. п.). Борьба против идеализма вообще и «физич.» идеализма в частности приобретала исключительное важное значение. В «М. и э.» Ленин вскрыл социальные и гносеологич. корни «физич.» идеализма, показал, что общей основой, на к-рой возник кризис в физике, яв-

ляются социальные условия империализма: вся обстановка капиталистич. гос-ва мешает ученым воспринять единственно науч. мировоззрение — диалектич. материализм. Физики «свихнулись» в идеализм гл. обр. потому, что не знали диалектики и поэтому не сумели «прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму» (там же, с. 299). Одной из причин, породивших «физич.» идеализм, является, указывал Ленин, математизация физич. понятий; успехи науки, позволяющие выразить ее законы в форме математич. уравнений, из к-рых могут быть выведены следствия, оправдываемые на опыте, создают у нек-рых естествоиспытателей иллюзию о всеилии уравнений, иллюзию, будто разум диктует свои законы природе, будто «материя исчезла — остались одни уравнения». Др. причина кроется в непонимании соотношения между относительным и абсолютным в познании, в возведении относительности нашего знания в некий «принцип релятивизма», к-рый — при незнании диалектики — неминуемо ведет к идеализму. «Этот вопрос о соотношении релятивизма и диалектики, едва ли не самый важный в объяснении теоретических злоключений махизма» (там же, с. 295). Разбирая вопрос о том, являются ли науч. теории отражением объективной реальности или они, как утверждали «физич.» идеалисты, суть лишь условные знаки, символы, произвольные продукты человек. разума, Ленин опроверг эти попытки отрицать объективность науч. знания.

Подобные кризисные явления имелись не только в физике, но и в др. отраслях естествознания, в частности в физиологии и биологии, находившихся также в периоде бурного развития. Но Ленин сосредоточил осн. внимание именно на кризисе в физике, во-первых, потому, что физика к тому времени стала ведущей отраслью естествознания, оказывающей большее влияние на др. науки о природе; во-вторых, потому, что в физике этот кризис был особенно острым и сильным. Однако суть кризисных явлений в др. отраслях естествознания являлась той же самой, что и в физике. Ленинский анализ кризиса физики и путей выхода из него имеет поэтому общее значение, применимое ко всему естествознанию в целом. Он нанес, в частности, сокрушит. удар по т. н. «физиологическому идеализму», отрицающему, что ощущения являются отражением внешнего мира и т. о. скатывающемуся к отрицанию объективной реальности.

Одним из важнейших положений кн. «М. и э.» является доказательство того, что естествознание не безразлично к борьбе осн. филос. направлений, к борьбе материализма с идеализмом, не «нейтрально» в этой борьбе. Решительно отвергая утверждения бурж. философов о «беспартийности» естествознания в филос. борьбе, Ленин писал: «Наука беспартийна в борьбе материализма с идеализмом и религией, это — излюбленная идея не одного Маха, а всех современных буржуазных профессоров, этих, по справедливому выражению того же И. Дичгена, «...дипломированных лакеев, оглуляющих народ вымученным идеализмом» (там же, с. 126).

Ленин показал, что, несмотря на все усилия махистов, несмотря на идеалистич. ошибки отд. даже очень крупных, естествоиспытателей, идеализму не удастся свернуть естествознание с материалистич. пути, ибо только материалистич. философия совместима с естествознанием. Принципы материализма прочно лежат в основе всего естествознания. Стихийное, несоздаваемое, философски неоформленное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в существовании объективной реальности, в объективной истинности познания Ленин назвал естеств.-историч. материализмом. В нем Ленин видел устой, «...о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной

пшклки философского идеализма, позитивизма, реализма, эмпириокритицизма и прочего конфузионизма» (там же, с. 336). Анализируя общее направление хода развития естествознания, Ленин сформулировал вывод, имеющий огромное теоретич. и практич. значение: естествознание не просто расширяет и укрепляет естеств.-историч. материализм, но неуклонно движется к более высокой и последоват. форме материализма — диалектич. материализму, переход к к-рому становится неизбежным. «Современная физика, — писал Ленин, — лежит в родах. Она рождает диалектический материализм» (там же, с. 299). И это относится не только к физике, но и ко всему естествознанию вообще.

В кн. «М. и э.» Ленин подверг критике идеализм махистов в вопросах познания общества, развил дальше историч. материализм. Он разоблачил реакц.сущность биологич. теорий общества и показал, что претенциозно-пустой энергетич. и биологич. словесность махисты хотели заглушевать непримиримость классовых противоречий в капиталистич. обществе и доказать, что это общество придет к полному миру и благополучию в силу якобы присущей людям «психологической тенденции к устойчивости». Следуя реакц. взглядам бурж. профессуры, рус. махисты Богданов, Суворов, Базаров и др. искажали историч. материализм. Ленин назвал нелепой «теорию» Богданова о тождестве обществ. бытия и обществ. сознания, подверг резкой критике Суворова, к-рый назвал классовую борьбу, а значит и революц. борьбу пролетариата, явлением отрицательным, противобщественным. Ленин подчеркнул, что в философии марксизма «вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» (там же, с. 312).

Книга Ленина «М. и э.» является образцом воинствующей марксистской партийности, непримиримой борьбы против всяких отступлений от революц. марксизма, за коммунистич. мировоззрение. «Новейшая философия, — писал Ленин, — так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела... являются материализм и идеализм» (там же, с. 343). Борьба материализма и идеализма является закономерностью в развитии философии, она неизбежна в условиях общества, расколотого на антагонистич. классы. В противовес филос. ревизионистам, к-рые, по выражению Ленина, плелись «в хвосте буржуазной философской науки», Ленин показал, что марксистская философия является боевой наукой о революц. преобразовании общества, она выражает коренные интересы рабочего класса.

Труд Ленина «М. и э.» имеет огромное междунар. значение. Более полувека он находится на вооружении марксистско-ленинских партий, активно служит великой цели революц. преобразования мира. Являясь сильнейшим теоретич. оружием марксистских партий, он оказывает огромное влияние на сознание всех передовых людей.

После Окт. революции книга издана в СССР 107 раз, общим тиражом в 5 157 000 экз. на 23 языках (данные на 1 янв. 1964).

И. Кузнецов, А. Окулов. Москва.

Лит.: В и е в с к и й А. Ф., Вопросы истины в работе В. И. Ленина «М. и э.», К., 1959; Г а з е н к о В. И., Вопросы историч. материализма в книге В. И. Ленина «М. и э.», М., 1959; Г а п о ч к а М. П., Вопросы историч. материализма в книге В. И. Ленина «М. и э.», М., 1959; Г е н и а л ь н ы й л е н и н с к и й т р у д «М. и э.», [Тула], 1959; Г о л о с о в В. Ф., Книга В. И. Ленина «М. и э.» — величайшее филос. произв. творч. марксизма, Красноярск, 1959; Г о т т В. С., «М. и э.» В. И. Ленина и совр. наука, «Укр. химич. журн.», 1959, т. 25, вып. 4; И л ь и н А. Я., Произведение В. И. Ленина «М. и э.» и нек-рые вопросы борьбы материализма и идеализма в совр. естествознании, в сб.: Уч. зап. Бурят. пед. ин-та им. Д. Банзарова. Ист.-филос. серия, вып. 18, Улан-Удэ, 1959; К а ц а р о в а В. Л., «М. и э.» В. И. Ленина и совр. «физич. идеализм», Тб., 1959 (на груз. яз.); К е д р о в Б. М., Книга В. И. Ленина «М. и э.» и совр. естествознание, М., 1959; е г о ж е,

Как изучать книгу В. И. Ленина «М. и э.», М., 1961; Классич. произв. марксизма. Запорожье, 1959; Книга В. И. Ленина «М. и э.» — важнейший этап в развитии марксистской философии. [Сб. ст.], М., 1959; К у р а ж к о в с к а я Е. А., «М. и э.» и борьба против ревизионизма и идеализма в естествознании, «Вест. Моск. ун-та. Серия биологии, почвоведения, геологии, географии», 1959, № 2; В. И. Ленин и нек-рые вопросы теории познания, [Сб. ст.], Г., 1959; С и м и у ш П. И., Нек-рые вопросы диалектики в труде В. И. Ленина «М. и э.», «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1959, № 3; М а л ь ц е в В. И., Вопросы диалектич. логики в книге В. И. Ленина «М. и э.», там же, № 4; М и с а б и ш и л и Ш. В., Выдающееся филос. произведение В. И. Ленина, Сухуми, 1959; М и т и н М. Б., Великое идейное оружие познания и преобразования мира, в кн.: Филос. проблемы совр. естествознания, М., 1959; О книге В. И. Ленина «М. и э.», [М.], 1959; О к у л о в А. Ф., М ш в е н и с р а д з е В. В., Великое филос. произв. творч. марксизма, М., 1959; П а в л о в Л. С., Книга В. И. Ленина «М. и э.» — образец творч. развития марксистской философии, Л., 1959; П а н ц а в а И. Д., Значение книги В. И. Ленина «М. и э.» в борьбе с бурж. идеологией, М., 1959; Р у т к е в и ч М. Н., Развитие В. И. Ленинским диалектич. материализма в труде «М. и э.», Свердлов., 1959; С и м о н я н Е., О работе В. И. Ленина «М. и э.», М., 1959; Великое произведение марксистской философии, Сб. ст., Новосибир., 1960; В и с л о б о к о в А. Д. и П е р ф и л ь е в В. В., Книга В. И. Ленина «М. и э.» и совр. физика, Иркутск, 1960; Г р е ч а н о в А. Д. и М е л е щ е н к о Ю. С., Значение работы В. И. Ленина «М. и э.» для критики совр. бурж. философии, Л., 1960; З а л м а н о в и ч А. В., Против ревизионизма в философии. О значении труда В. И. Ленина «М. и э.» для борьбы с совр. филос. ревизионистами, Тула, 1960; К е с с и д и Ф. Х., Нек-рые вопросы историч. материализма в книге В. И. Ленина «М. и э.», в кн.: Сб. науч. работ Моск. кооп. ин-та Центрсоюза, вып. 2, М., 1960; Л е в и н Г. А., Вопросы теории познания в произведении В. И. Ленина «М. и э.», Минск, 1960; М а к а р о в М., Значение книги В. И. Ленина «М. и э.» для борьбы против телеологии, в сб.: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 89, Тарту, 1960; М и н ц З., Второе издание книги В. И. Ленина «М. и э.» и борьба за развитие сов. эстетики и лит-ры в первые годы Сов. власти, там же; Нек-рые вопросы ленинского филос. наследия, Томск, 1959; Р о с е н к о М. Н., Книга В. И. Ленина «М. и э.» — могучее оружие в борьбе против бурж. философии и ревизионизма, Л., 1960; С а н к и н Д. Н., Ленинское учение о развитии естествознания и его значение для совр. науки, в сб.: Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. Философия, вып. 33, Куйбышев, 1960; С м и р н о в Л. В., Книга В. И. Ленина «М. и э.» и совр. физика, в сб.: Зап. Ленингр. горного ин-та им. Г. В. Плеханова, т. 38, вып. 3, Л., 1960; Вопросы методики преподавания и изучения книги В. И. Ленина «М. и э.», Сб. ст., М., 1961; Г е р м а н о в Г. Г., О произведении В. И. Ленина «М. и э.», Тирасполь, 1962; Е р и ч е в Л. И., Примечание В. И. Ленинским в книге «М. и э.» диалектич. логики к определению осн. категорий материалистич. философии, в сб.: Науч. зап. кафедры обществ. наук Ленингр. инж.-строит. ин-та, вып. 3, Л., 1962; Б о ч к а р е в Н. И., Как изучать книгу В. И. Ленина «М. и э.», Львов, 1963; И в а н о в Е. А. [и др.], О книге В. И. Ленина «М. и э.», [М.], 1963; Ш а л и н М. А., О методе ленинской критики идеализма и филос. ревизионизма. По произведению «М. и э.», Каз., 1963; Philosphie im Klassenkampf. Fünfzig Jahre W. I. Lenin: Materialismus und Empiriokritizismus, B., 1959; 50 de ani de la apariția operei lui V. I. Lenin «Materialism și empiriocriticism», Buc., 1960; Zur aktuellen Bedeutung von Lenins Werk «Materialismus und Empiriokritizismus», B., 1960.

Библиография: П р и м а к о в с к и й А. П., Труд В. И. Ленина «М. и э.» на языках народов мира, в кн.: Великое произведение воинствующего материализма, М., 1959.

А. Примakovский. Москва.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ —

1) о б щ е с т в е н н а я — объективно обусловленный интерес коллектива, класса, общества в сохранении или изменении условий производства, в реализации назревших обществ. потребностей; 2) л и ч н а я — объективно обусловленный интерес, проявляющийся в стремлениях и действиях индивидов, направленных на получение материальных благ, необходимых для удовлетворения их жизненных потребностей. М. з. отд. личности выступает непосредств. побудит. мотивом повседневной человек. деятельности. Основной личной М. з. являются в конечном счете потребности человека в пище, одежде, жилье и т. п. материальных, а затем и духовных благах. Удовлетворение осн. человек. потребностей происходит всегда на базе определ. произ-ва и опосредуется местом человека в системе данных производств. отношений. Напр., М. з. рабочего, противостоящая М. з. капиталиста в прибыли, есть выражение их обществ. природы, определяемой ме-

стом, к-рое они занимают в системе капиталистич. производства. Личная М. з. проявляется в истории также как способ приобщения индивида к процессу обществ. произ-ва и решению порождаемых его развитием социальных задач. В различных общественно-экономич. формациях М. з. имеет определ. конкретн-историч. содержание.

При первобытнообщинном строе М. з. индивида еще не отделилась от общих интересов рода, племени. Личная М. з. выделяется из общей коллективной в период возникновения частной собственности и связана с классовой принадлежностью индивида. Представители господствующих эксплуататорских классов заинтересованы в личном обогащении, в сохранении и укреплении отношений эксплуатации и т. д. Деятельность трудящихся, развитие произ-ва они рассматривают как средство для реализации личных целей. Но деятельность представителей эксплуататорских классов, стимулируемая эгоистич. М. з., включается в историч. процесс, направление и результаты к-рого определяются объективными законами обществ. развития. В общем тот способ произ-ва и распределения материальных благ является более прогрессивным, к-рый обеспечивает большую М. з. в труде у трудящихся и тем самым способствует дальнейшему развитию производит. сил. Раба, материально не заинтересованного в труде и работавшего из-под палки, заменяет феод. крестьянин, у к-рого имелась семья, свое хозяйство и, следовательно, личная М. з. в труде. Последнего сменяет формально свободный наемный рабочий капиталистич. общества, заинтересованный как в условиях продажи своей рабочей силы, так и в условиях повышения своей квалификации, сокращения рабочего дня и т. п. Личная М. з. служит т. о. и формой реализации обществ. потребностей.

Принцип личной М. з. широко используется в процессе строительства социализма и коммунизма, т. к. он остается необходимым на данной ступени историч. развития. Обобщая опыт первых лет революции в России, Ленин сформулировал положение о том, что подвести многомиллионные массы к коммунизму можно «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...» (Соч., т. 33, с. 36).

В условиях строительства социализма и коммунизма принцип личной М. з. приобретает качественно новое содержание. На основе частной собственности личная М. з. лишь в конечном счете приобщает индивида к реализации обществ. закономерностей. Непосредственно же личная М. з. противопоставляет общество и индивида, поскольку он стремится использовать обществ. условия лишь как средство для достижения своих личных целей, напр. обогащения. На базе обществ. социалистич. собственности на средства произ-ва складываются объективные предпосылки для единства личных и обществ. интересов.

Принцип личной М. з. выступает формой выражения отношений сотрудничества и взаимной помощи и способом непосредств. приобщения трудящихся к решению общих задач.

Личная М. з. в процессе социалистич. и коммунистич. строительства сочетается с развивающимися моральными стимулами к труду, объективной основой к-рых является обществ. интерес. Обществ. интерес все в большей степени становится непосредств. побудит. мотивом деятельности личности. В условиях социализма большое значение приобретают различные формы коллективной М. з., умелое использование к-рой также служит ускорению темпов развития социалистич. произ-ва. При социализме действует единый для всего общества закон распределения по труду, обеспечивающий М. з. в труде всех членов обще-

ства. Отступления от этого закона в условиях, когда общество еще не имеет достаточно средств для полного удовлетворения всех потребностей, означает нарушение принципа личной М. з., что подрывает у трудящихся стимулы к труду, снижает их творч. активность и тормозит рост производительности труда, социалистич. и коммунистич. строительство. Принципу личной М. з. при социализме противоречит всякая несправедливость в распределении материальных благ: уравниловка, неравная оплата за равный труд, проявления рвачества и т. д. КПСС осудила нарушения принципа личной М. з., имевшие место в период культа Сталина, особенно в колхозах. «...Строительство коммунизма должно опираться на принцип материальной заинтересованности. Оплата по труду в течение предстоящего двадцатилетия останется основным источником удовлетворения материальных и культурных потребностей трудящихся» (Программа КПСС, 1961, с. 91). Вместе с тем уже при социализме общество имеет возможность удовлетворять часть потребностей из обществ. фондов, независимо от количества и качества труда; темпы роста обществ. фондов потребления превысят темпы увеличения индивидуальной оплаты по труду. Удельный вес этих фондов к 1980 составит примерно половину всей суммы реальных доходов населения. «Переход к коммунистическому распределению завершится после того, как принцип распределения по труду исчерпает себя до дна, то есть когда наступит изобилие материальных и культурных благ и труд превратится для всех членов общества в первую жизненную потребность» (там же, с. 92).

С полной победой коммунизма, когда на основе изобилия материальных и культурных благ утвердятся принцип распределения по потребностям, когда труд станет первой жизненной потребностью человека, принцип личной М. з. сольется с М. з. общества и люди, осознав это единство, во всей своей деятельности будут непосредственно исходить из обществ. интересов.

Лит.: Маркс К., Дебаты шестого Рейнского ландтага (Статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1; е го ж е, К критике гегелевской философии права, там же; е го ж е, Наемный труд и капитал, там же, т. 6; е го ж е, [Капитал], Предисловие к 1-му изд., там же, т. 23; Энгельс Ф., Положение рабочего класса в Англии, там же, т. 2; е го ж е, К жилищному вопросу, там же, т. 18; Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Ленин В. И., Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; е го ж е, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе), там же; е го ж е, Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 22 декабря [1920], там же, т. 31; е го ж е, К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, там же, т. 33; е го ж е, Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., там же; е го ж е, О кооперации, там же; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет, т. 1–2, М., 1956; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1–3, М., 1962; Лаптин М. Н., В. И. Ленин о материальных и моральных стимулах к труду, М., 1962. В. Келле, М. Ковальзон. Москва.

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА ОБЩЕСТВА — исторически определенная совокупность средств произ-ва, в первую очередь орудий труда, технологич. приемов произ-ва и его технич. организации, при помощи к-рых в каждой данной общественно-экономич. формации производятся материальные блага. Учение о М.-т. б. о., ее роли в развитии человек. общества — составная часть историч. материализма. М.-т. б. о. охватывает созданную человеком вещественную часть *производительных сил* общества на данной ступени его развития и выражает степень господства людей над силами природы. М.-т. б. о. более узкое понятие, чем производит. силы, поскольку в нее не входит рабочая сила общества. Однако раз-

вие М.-т. б. о. происходит в неразрывной связи с самим производителем, что является осн. условием ее функционирования. Между развитием М.-т. б. о. и совершенствованием рабочей силы существует постоянное взаимодействие, формы которого меняются в зависимости от конкретно-историч. условий. По отношению к *производственным отношениям* М.-т. б. о. является ведущей и в своем развитии наиболее революц. стороной произ-ва. Решающим элементом М.-т. б. о. являются механич. средства труда (орудия труда), «костно-мускульная система производства», определяющая существо технич. прогресса (см. К. Маркс, Капитал, т. 1, 1955, с. 187).

Существует взаимодействие между М.-т. б. о. и наукой. Как определенная сумма знаний наука не входит в М.-т. б. о. Однако М.-т. б. о. включает в себя материальные средства науки, способы ее технологич. применения в процессе произ-ва, ее научно-производств. аппарат (лаборатории, научно-исследоват. центры, экспериментальные цехи, конструкторские бюро). Связь науки с произ-вом возникает на определ. ступени. До появления машинной техники эта связь была весьма отдаленной. Машину же Маркс называл «овеществленной силой знания». Крупное машинное произ-во широко использует науч. достижения в технологич. процессах и в организации труда. В совр. условиях наука все в большей степени определяет успехи произ-ва, его перспективу, превращаясь в непосредств. производитель. силу. Объективная тенденция состоит в органич. соединении науки и произ-ва. Для совр. этапа характерна возрастающая роль химии в развитии М.-т. б. о. Продукты химич. пром-сти дают возможность осуществить качеств. преобразование во всех сферах материального произ-ва, интенсифицировать с. х-во, увеличить выпуск и улучшить качество продуктов произ-ва.

Уровень развития М.-т. б. о. определяется не только характером применяемой техники и технологии произ-ва, но и степенью развития обществ. характера произ-ва, т.е. степенью концентрации средств произ-ва, ступенью развития обществ. разделения труда. Каждый способ произ-ва, возникающий при наличии определенных материально-технич. условий, созданных предшествующим способом произ-ва, требует для своего окончат. утверждения создания своей собственной материально-технич. базы. Так, напр., капитализм возник на материально-технич. базе мелкого раздробленного ремесленного произ-ва. Однако на этой стадии капитализм составлял всего лишь уклад в недрах феод. общества. Пром. переворот в Англии (60-е гг. 18—40-е гг. 19 вв.) привел к тому, что капиталистич. способ произ-ва стал господствующим, произошло реальное подчинение труда капиталу. Крупное машинное произ-во явилось адекватной материально-технич. базой капитализма.

Материально-технич. база социализма вырастает непосредственно из материально-технич. базы, созданной капитализмом. Однако как бы ни была развита материально-технич. база, достигаемая пролетариату в наследство от капитализма, строительство социализма предполагает создание соответствующей ему материально-технич. базы. Эта задача решается по-разному для различных стран, ставших на путь социалистич. преобразований, в зависимости от уровня их экономич. развития. Особенно большие трудности возникают перед народами тех стран, к-рые переходят к социализму, минуя капиталистич. стадию развития, поскольку у них вообще нет крупного машинного произ-ва; эти трудности разрешаются при поддержке и помощи со стороны стран социализма. Но даже высокоразвитые в экономич. отношении страны стоят перед проблемой всеобщего развития крупного машинного произ-ва, глубокой перестройки

отраслевой структуры нар. х-ва, приспособленной к стихийному капиталистич. рынку и изуродованной благодаря подчинению узкокласовым целям монополистич. буржуазии (гипертрофированное военное произ-во, неравномерность размещения производит. сил, наличие отсталых районов, произ-во предметов роскоши).

М.-т. б. о. в той или иной формации неразрывно связана с господствующими производств. отношениями. Взятая в единстве с последними, М.-т. б. о. обнаруживает существ. особенности в каждой формации. Так, материально-технич. база социализма с материально-технич. т. зр. имеет немало общего с материально-технич. базой капитализма, но новая социальная форма обусловила огромные преимущества материально-технич. базы социализма. Новый способ соединения рабочей силы со средствами произ-ва, принадлежащими самим трудящимся, уничтожил эксплуатацию человека человеком, создал новые материальные и неизвестные прежним формациям моральные стимулы к труду, к повышению его производительности.

Непрерывность роста произ-ва и повышения производительности труда, характеризующие функционирование материально-технич. базы социализма, обусловлены обществ. собственностью на средства произ-ва, планомерным характером развития М.-т. б. о. Социализм создал возможность более полного использования производств. аппарата (отсутствие кризисов, безработицы и т. д.), постоянно высокие темпы роста произ-ва.

Развивая и совершенствуя материально-технич. базу социализма, СССР подошел к созданию материально-технич. базы коммунизма, к-рая вырастает из материально-технич. базы социализма, но вместе с тем представляет собой качественно новую ступень. В Программе КПСС содержится развернутая характеристика осн. признаков материально-технич. базы коммунизма: полная электрификация страны и совершенствование на этой основе техники, технологии и организации обществ. произ-ва во всех отраслях нар. х-ва, комплексная механизация производств. процессов, все более полная их автоматизация; широкое применение химии в нар. х-ве; всемерное развитие новых, экономически эффективных отраслей произ-ва, новых видов энергии и материалов; всестороннее и рациональное использование природных, материальных и трудовых ресурсов; органич. соединение науки с произ-вом и быстрые темпы научно-технич. прогресса; значит. превосходство над наиболее развитыми капиталистич. странами по производительности труда. Такая материально-технич. база является адекватной для высшей фазы коммунистич. общества. Только на ее основе может быть достигнуто изобилие материальных и духовных благ для всех, превращение труда в первую жизненную потребность, постепенное преобразование социалистич. обществ. отношений в коммунистические, утверждение принципа: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям.

«Материально-техническая база будет непрерывно развиваться и совершенствоваться вместе с развитием общества по пути к полной победе коммунизма» (Программа КПСС, 1961, с. 67). Создание материально-технич. базы коммунизма является важнейшим условием успешного решения задачи по воспитанию нового человека. Переход от социализма к коммунизму происходит путем планомерного создания материально-технич. базы коммунизма и перестройки социалистич. обществ. отношений в коммунистические.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Архив, т. 2 [7], М., 1933, с. 89—127; Маркс К., Капитал, т. 1, [М.], 1955, гл. 13; е го же, Из неопубликованных рукописей, «Большевик», 1939, № 11—12; Лени н В. И., набросок плана научно-технических работ, Соч., 4 изд., т. 27; е го же, Очередные задачи Советской власти, там же; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961, ч. 2, раз-

дел 1; XII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; Марксизм-ленинизм о материально-технич. базе коммунизма. Сост. Г. И. Зинченко и М. Н. Лантин, М., 1963; Н о т к и н А. И., Материально-производств. база социализма, М., 1954; Е ф и м о в А. Н., Высшая техника — база совершенствования социалистического производства, М., 1955; З в о р ы к и н А. А., Создание материально-технической базы коммунизма в СССР, М., 1959; е г о ж е, Материально-техническая база коммунизма, «Вопр. философии», 1960, № 5; К о н ю ш а я Ю. П., Технический прогресс и создание материально-производств. базы коммунизма, М., 1959; Л е о н т ь е в Л. А., Заветная цель близка. О материально-технической базе коммунизма, М., 1960; Б е р р и Л. Я. и Т о л ь к а ч е в А. С., Материально-техническая база коммунизма, М., 1960; Х е й м а н С. А., Экономические проблемы организации промышленного производства, М., 1961; Х а ч а т у р о в Т. С., Главная экономическая задача советского народа, М., 1962.

В. Черковец. Москва.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ — см. *Общественные и личные интересы, Материальная заинтересованность.*

МАТЕРИЯ (лат. materia—вещество). «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (Л е н и н В. И., Соч., т. 14, с. 117).

Попытки дать определение М. в домарксистской философии исходили из необходимости решения проблемы объективной, всеобщей основы, субстанции отд. бесконечно многообразных предметов окружающего нас мира, природы. При этом для материалистов бесспорным было, что эта основа первична по отношению к мыслит., логич. «соединению» предметов в понятиях. Иными словами, определение М. прямо связано с решением *основного вопроса философии* и поэтому всегда имеет polemич. партийное острие.

В древней философии (Древние Индия, Китай, Греция) в основе определения М. лежало понятие материала (первоматерии), из к-рого «вылеплены» все вещи. В античной философии первые попытки определить такое понятие осуществлялись путем наивного отождествления М. с водой (Фалес) или воздухом (Анаксимен). Анаксимадр понял, что нельзя одно из существующих веществ принять за М. как таковую. Он перенес бытие первовещества в бесконечное прошлое, выделив гипотетическое, логически первоначальное вещество (апейрон) с единств. качеством — быть первовеществом. Гераклит избрал первовеществом огонь и как материал, и как силу, источник непрерывного изменения. Диалектич. натурфилософия Гераклита была одной из первых форм решения проблемы единства М. и как «материала» и как источника движения. Демокрит разрешил трудности проблемы единства М. и движения, сформулированные элеатами (в первую очередь Парменидом), в своей системе атомизма. Существуют, по Демокриту, два вида М.—атомы и пустота. Атомы — материал тел, пустота — пространство для движения тел. При помощи атомистич. гипотезы объясняется возможность «построения» бесконечно многообразных сочетаний из первоначальных однокачеств. элементов. Однако решение Демокрита раскрыло лишь возможность предметного многообразия, составленного из неделимых, тождеств. атомов. Вопрос о действит. превращении вещей, о динамич. стимуле, двигателе этих бесчисленных сочетаний оставался открытым. Самопроизвольное движение Эпикура, хотя и включало активность в характеристику атома, но не могло объяснить качественное богатство «образов», видов вещей, «вылепленных» из единого материала.

Согласно Аристотелю, М.— это только всеобщая возможность предметного многообразия. Действительность веществ. многообразия, его стимул и цель— это форма, как самодовлеющее активное начало. Иными словами, идеальный в конечном счете познават.)

образ, проект вещи оказался целевым импульсом, конечной причиной движения, превращения, становления вещей в их конкретности и неповторимости. Глине оказался необходим гоичар — демиург, бог. Сформулированный Аристотелем дуализм М. как пассивного, страдат. начала и духа как начала активности, творчества надолго определил решение проблемы М. в философии. Эпикуреизм был последней в античности филос. системой последоват. материализма. В ср. века аристотелевская дуалистич. концепция, преобразованная сообразно монотеистич. религ. учению христианства и мусульманства, заняла господств. положение. Лишь в филос. системах Аверроэса (см. *Ибн Рошд*) и Иоанна Дунса Скота предпринимались попытки представить активное начало — мысль — имманентным М.

В механистич. материализме нового времени в основе определения М. лежит уже не понятие материала, а понятие основных, первичных, неизменных свойств, общих для всех материальных предметов. В субстанциальный, материальный фундамент вещей входит ряд механич. свойств: протяженность, непроницаемость, фигура, тяжесть, перемещение и т. д. Эти свойства не есть для механич. материализма 17 в. умозрительн. допущения, но определяются строго геометрически и физически. Однако остается проблема, что является субстратом, носителем этих всеобщих свойств. Чаще всего таким носителем признаются неделимые атомы.

Декарт в своей теории субстанций снимает вопрос о носителе первичных свойств, вообще отождествляя М. с единственным ее свойством — протяженностью. «...Природа материи, то есть тела, рассматриваемого вообще, состоит не в том, что оно — вещь твердая, весомая, окрашенная или каким-либо иным образом возбуждающая наши чувства, но лишь в том, что оно есть — субстанция протяженная в длину, ширину и глубину» (Избр. произв., М., 1950, с. 446).

И для антич. материалистов, и для механистов предиски материального субстрата всех конкретных предметов характеризуются тремя общими чертами. Во-первых, М. противопоставляется отд. вещам, как нечто неизменное — изменчивому. Во-вторых, в основе определения лежит критерий объективности: первичны, определяют М. те свойства, признаки, к-рые лежат вне нас, существуют независимо от нас. В-третьих, материальная субстанция обнаруживается путем нахождения общего первовещества или общего первопризнака, одинакового для всех отд. материальных предметов. В результате такого «выделения» материальной основы внутри каждого предмета он распадается на две «половины» (М. и форма; первичные и вторичные качества); но эти выделенные анализом «половины» уже не могут объяснить единый конкретный предмет. Все философы-механисты 16—17 вв. ставили перед собой неразрешимую, по сути дела, проблему — дать определение объективной основы материальных предметов вне отношения к сознанию, путем отсечения первичных свойств, к-рые существуют в предмете якобы скрыто, от вторичных качеств, воспринимаемых в наших ощущениях. У всех сенсуалистич. материалистов 16—17 вв. М. сводится к совокупности свойств, объект этих свойств растворяется в предикатах. Здесь таилась опасность берклеанского решения вопроса.

В философии Бруно и далее Спинозы выступает новое определение М. Как субстанция М.— это мир в целом (по отношению к отд. предмету), т. е. М. равна природе. «...Сущность вселенной едина в бесконечном и в любой вещи, взятой как член его. Благодаря этому вселенная и любая её часть фактически едины в отношении субстанции» (Б р у н о Д., Диалоги, М., 1949, с. 280). Спиноза вообще избегает термина «мате-

рия», предпочитая понятие «субстанция». Понимание Спинозы было важнейшим этапом в домарксовском осмыслении категории М. В концепции Бруно — Спинозы возникает след, антиномия. Все вещи определены к действию внешней причиной, и только Природа как целое — причина самой себя, *causa sui* (см. Этика, 1, теорема 28). Лишь в познании своей бесконечной природы, в познании себя, как части целого, вещь может обрести свободу. Движение низводится до степени бесконечного модуса; единичное, особенное оказываются конечными модусами субстанции. Т. о., и в этой концепции единство не объясняет, а снимает многообразие.

Гольбах и Дидро пытались связать концепции «материи — природы» и «материи — совокупности механич. свойств». Для Гольбаха единая, бесконечная природа Вселенной выступает в отд. предмете как его особая природа — сгусток механич. качеств протяжения, подвижности, делимости, твердости, тягести, силы инерции и т. д. (см. П. Гольбах, Система природы, М., 1940, с. 25). При этом Гольбах и Дидро обнаруживают понимание важнейшего недостатка всех предшеств. определений М. Материя — это как раз то, что отражается в наших ощущениях, но с добавкой: то, что вызывает эти ощущения. Гольбах не отказывается от мысли Спинозы — Бруно (субстанция — природа), он реформирует идеи механистов (М. — система механич. свойств) и нацуживает гносеологич. аспект определения М. Но его понимание М. еще не дает диалектич. науч. определения.

Для Дидро, как затем и для Фейербаха, становится вполне ясным, что коль скоро нельзя все свойства М. свести к механическим, а все формы движения — к механич. движению, значит, понятие М. — это абстрактная категория, отвлекающая от всех материальных предметов их всеобщие свойства и качества или всеобщие особенности законов их развития. Но тогда невольно встает вопрос: что первоначально — единство в мысли (чистое бытие абс. идеи) или материальное единство предметов?

Признание М. за всеобщее начало вещей, за нечто субстанционально-общее в вещах — это лишь одна сторона определения М. Абсолютизировать эту сторону — означает отождествить абстрактное понятие о М. с самой материальной действительностью (см. Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1955, с. 203). Все эти трудности нельзя было разрешить, не соединив объективно-диалектич. и теоретико-познават. определения понятия М. Др. словами, филос. понятие М. может быть определено только в пределах основного вопроса философии. В марксистской философии вообще, в определении понятия М. в частности не существует особой онтологич. и особой гносеологич. задач филос. исследования. Ленинское определение М. по своей форме имеет теоретико-познавательный, по своему содержанию — объективно-диалектич. характер. Это не закрытая, законченная дефиниция (в формально-логич. смысле), а открытое диалектич. определение и самого предмета, и законов его изменения и познания. М. можно определить лишь по отношению к чему-то нематериальному (хотя бы в относит. смысле). Единственным относительно отличным от М. качеством является сознание. Отражаясь в сознании, предмет существует дважды: как объективный предмет мысли и как мысль о предмете. В рамках основного вопроса философии М. и сознание могут выступать только как предельно-широкие понятия (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 133). При всем том эти предельно широкие понятия являются категориями диалектики, выступая как противоположности. Объективным содержанием филос. понятия М. является не «общий признак» существования вне сознания, а сложный, противоречивый процесс определения сознания бытием

в ходе практич. деятельности человека. Сознание противоположно М. именно как существующей вне нас (1), действующей на нас, вызывающей ощущение, т. е. как следствие — причине (2), и, наконец, как «копия», образ — отражаемому, предмету отражения (3). Поэтому «...совершенно непозволительно смешивать... учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией, — смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п.» (там же, с. 116). Каждое новое естеств.-науч. открытие — материальных частиц, полей, их трансмутации и т. д. — означает конкретизацию филос. понятия М., поскольку раскрывает новые способы, формы воздействия на наше сознание, новые источники ощущений.

В понятие М. как предмета определения (познания), как предпосылки, витающей перед умственным взором (Маркс), включается вся постоянно изменяющаяся и развивающаяся картина мира. Тем самым конкретизируется и понятие объективной реальности, понятие того, каким образом М. определяет сознание.

Филос. понятие М. указывает прежде всего на такой атрибут материальных предметов, их материального существования, как действительность. Материальное бытие вещей — это действит. бытие в единстве (тождестве) сущности и существования, в «контексте» всеобщих связей универсума, в отличие от идеального, отраженного существования этих предметов в нашем (индивидуальном и обществ.) сознании, в ощущениях, представлениях, понятиях. Второй момент, характеризующий объективное содержание филос. понятия М., — телесность. Энгельс пишет: «Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи» («Диалектика природы», с. 203; ср. с. 187). В основе процесса отражения, познания лежит материальное взаимодействие внешних предметов с материей нашего тела и общественно-историческая материальная же деятельность человека по преобразованию мира.

Наиболее рельефно единство объективно-диалектич. и теоретико-познават. сторон понятия М. выступает в последнем пункте ленинского определения: «...объективная реальность, которая копируется, фотографируется, отображается в наших ощущениях». Это определение указывает на возможность познания, коренящуюся в самой материальной природе вещей. Возможно эта заключается во всеобщем качестве материального мира — качестве отражения.

Именно благодаря этому свойству природы сознания человека, суверенно познавая особенное, познает всеобщее. Всеобщее качество отражения у человека выступает как его особая способность (формируемая общественно-историч. деятельностью) воспроизводить материальный мир в виде идеальных образов. В основе этой способности лежит специфика трудового процесса, произ-ва орудий, в к-ром предметы выступают не по отношению к нашим чувствам (не только по отношению к нашим чувствам), а в своих объективных связях и отношениях. Человек сознательно, творчески вырабатывает свой познават. образ, преобразовывая чувственную данность (предметно — в практич. деятельности, идеально — в логич. мышлении). Далее, познават. образ есть отражение осознанное, т. е. такое, в к-ром предмет отражения (то, что отражается) не сливается с бытием отражающего человека, а воспринимается в своей действительности, материальности как внешний предмет, существующий независимо от нас, входящий в отношение с общественно-историч. субъектом. Именно поэтому в процессе научно-теоретич. мышления человек всегда сознает, что объектив-

ное содержание его знаний бесконечно глубже и богаче, чем осознанное содержание этих знаний. Это противоречие выступает одним из важнейших импульсов развития науч. познания.

Филос. понятие М. вызывает к ряду важнейших объективно-диалектич. выводов об атрибутах материи. Так, с определением М. как первичного по отношению к сознанию органически связано утверждение объективного характера пространства, времени, движения. «Внеположность», пространственность, как и существование во времени, являются необходимым объективным условием материальности вещей. Положение Ленина, что объективная реальность действует на нас, копируется и отражается в наших ощущениях, уже содержит в себе указание на объективный характер движения (предмет отражается путем действия, он вызывает ощущение) и времени (сначала — предмет, потом — его отражение, образ).

В конечном счете конкретизация и развитие филос. понятия М. осуществляется в цельной системе категорий материалистич. диалектики, точнее, в бесконечном процессе человек. (общественной) деятельности, направленной на предметное преобразование и идеальное воспроизведение материальной действительности.

В. Виблер. Москва.

В длит. процессе познания объективного мира находятя и закрепляются в понятии М. его действительно существ. признаки, отражающие наиболее общие свойства. Наиболее важными из этих свойств, по совр. представлениям, являются сохранение и изменение (движение), дискретность и непрерывность, пространство и время. Эти свойства М. существуют в нераздельном единстве друг с другом. Вот почему при рассмотрении каждого из них неизбежно возникает необходимость обращаться к другим. К первому из таких свойств М. следует отнести ее сохранение (устойчивость) в процессе изменения. Материальный мир есть «причина самого себя». В непрекращающемся процессе взаимных превращений вещей М. сохраняется как субстанция всех изменений. Др. словами, процесс материальных изменений, или движения М. в общем смысле слова, реализуется в природе лишь в связи с сохранением М. Сохранение же М., в свою очередь, выявляется лишь в процессе изменения ее форм. Сохранение М. в процессе ее изменения находит свое отражение в конкретных науках. Формирование системы физич. понятий, составляющих основу физич. теории, приводит к открытию нек-рых фундаментальных величин, подчиняющихся принципам сохранения, — энергии, импульса, момента, зарядов различного вида и т. д. (см. *Сохранения законы*). Инварианты физич. теории, отражающие это сохранение, обеспечивают возможность математич. описания законов природы. Более того, в основе экспериментальной проверки физич. теорий лежит требование постоянства принятых масштабов и условий измерения. Наличие адекватных природе постоянных — условие точности измерения. Т. о., не только структура физич. теории, но и проверка ее истинности возможны лишь в силу наличия сохраняющихся «элементов». Сохраняющиеся параметры в системе данной теории отражают на языке физики существ. свойство М. — ее сохранение (устойчивость), неуничтожимость и несотворимость. Сохранение М. находит свое выражение в различных формах симметрии. В физике наиболее часто встречаются формы симметрии, связанные с переносом, поворотом и зеркальным отражением в пространстве. Каждой из этих форм симметрии соответствует сохраняющаяся величина. Можно сказать, что сохранение М. проявляется здесь в свойствах симметрии пространства. В случае, напр., сохранения комбинированной четности зеркальное отражение в пространстве связано с заменой частицы на античастицу. Здесь симметрия

пространства неотделима от самих материальных частиц.

Законы движения, вскрытые совр. физикой, позволяют глубже понять тот факт, что с каждым типом материальных объектов органически связана свойственная им форма движения. Атом химич. элемента представляет собой динамически устойчивую систему. Атом может принимать участие в самых разнообразных формах движения. И хотя при этом нек-рые свойства атома изменяются, он тем не менее сохраняет свою индивидуальность, к-рая определяется внутренне закономерными движениями, составляющими условие его существования. Атом может находиться в различных дискретных состояниях. Однако любой атом имеет свой наименьший энергетич. (нулевой) уровень. Энергия, свойственная этому уровню, характеризует ту наименьшую меру внутр. движения, к-рое присуще атому как квантовой системе. Атом «теряет» нулевую энергию, лишь когда он перестает существовать как единый материальный объект. Движение, измеряемое определ. величиной наименьшей энергии, выступает здесь как условие бытия атома. Внутренне динамичный атом совр. физики коренным образом отличается от внутренне статичного атома классич. физики.

Движение — форма бытия любого материального объекта, в т. ч. и элементарных (или лучше — фундаментальных) частиц. Поскольку внутр. закономерности движения элементарных частиц еще не познаны, динамичность их структуры обнаруживается через связи присущих им свойств с уравнениями движения. Так, величины массы, заряда, спина частиц соответствуют вполне определ. типу законов движения элементарных частиц. Движение предстает как самодвижение М. в силу взаимосвязи противоположностей. Взаимосвязи противоположностей принимают самые разнообразные формы. Одна из наиболее общих противоположностей, свойственная движущейся М., есть противоположность устойчивого и изменчивого. Движение было бы невозможно, если бы ему не противостояла противоположная сторона — сохранение. В свою очередь, сохранение движения реализуется лишь в самом процессе материальных превращений. Другого рода противоположности, свойственные М., — дискретность и непрерывность. Дискретное и непрерывное в их единстве составляет важнейшую неотъемлемую черту движущейся М., к-рую можно назвать структурностью. Характерной чертой всякого объекта является наличие относительно «неделимых» элементов, его образующих, и устойчивый закон связи элементов в целое. Совр. атомами вскрыл относительность неделимости структурных элементов материи. Атом, как известно, оказался сложным образованием. Но по отношению к значит. классу природных явлений, не нарушающих его структуру, атом остается необычайно устойчивым. М. не просто дискретна, но каждый дискретный элемент М. — макроскопич. тела, молекулы, атом, ядро атома, фундаментальная частица — являются в определ. области взаимодействия практически неделимыми, а следовательно, «элементарными» объектами. Каждая последоват. форма М. характеризуется специфич. типом взаимосвязи образующих его «элементов». Если эти типы связи качественно различны, то можно говорить о разных уровнях М. Относительно «неделимые» элементы структурных форм содержатся на любом уровне М. Это указывает на всеобщий характер самого свойства структурности. Исследование физич., химич., биологич., социальных явлений ведет к открытию специфич. структур или, иначе, классов систем. Каковы бы ни были области материального мира, каждая их них существует как некая структурная организация. Элементы структуры определяют особенности тех связей-взаимодействий,

к-рые позволяют образовать структурное целое; последние, в свою очередь, существуют лишь как связи определ. элементов структуры. Однако соотношение между элементами и взаимодействиями этих элементов можно связать определ. типом взаимодействий и, соответственно, определ. тип взаимодействий может осуществлять связь многих структурных элементов. В физике известны в наст. время четыре осн. типа взаимодействий: сильное (ядерное), среднее (электромагнитное), слабое (распадное), сверхслабое (гравитационное). Поиски элементов, образующих класс объектов, приводят к открытию их «субстанции». В этом смысле понятие М. как субстанции сохраняет свое значение и в совр. науке. В частности, открытие субстанциональных элементов структуры при исследовании биологич. формы материи, прежде всего клетки, составляет одну из важнейших задач совр. биологии. Конечно, субстанциональные элементы частей клетки, определяющие ее «сверхструктуру» — макромолекулы белков и нуклеиновых кислот — сами внутренне динамичны, а характерные для них внутр. процессы относятся уже к др. форме движения — физико-химической, но на биологич. уровне: при определ. характере взаимосвязи этих макромолекул в определ. среде они выступают как материальный субстрат жизни.

Обнаружение субстанциональных элементов того или иного класса структур не означает сведения специфич. закономерностей данного уровня М. к др. уровню. Наоборот, оно позволяет открыть точные закономерности данной формы М. и глубже выявить специфичность данного уровня. Структурность М. многообразна по своим формам; материя неисчерпаема вглубь. Каждый шаг в познании все более тонких материальных структур открывает новые специфич. закономерности и требует для их выражения новых понятий. Так, исследование структуры атома привело к необходимости формирования понятий, отличных от классических. Эта необходимость выявилась при решении центр. задачи атомной физики — вскрыть природу «сверхустойчивости» атомов. Для объяснения устойчивости целого оказалось недостаточным найти «неделимые» элементы этого целого. Действительно, найденные элементы атомной структуры — ядра, электроны, связывающее их электромагнитное поле, сами по себе еще не обеспечивают «неделимости» атома. Эту устойчивость необходимо было понять как результат внутр. движения. Но ни законы классич. механики, ни законы классич. электродинамики не могли раскрыть причину динамич. устойчивости атома. Ее удалось объяснить только на основе квантовых законов внутриатомного движения.

С проникновением в область фундаментальных частиц возникает задача исследования их специфич. структуры. Поиски устойчивых элементов специфич. структуры частиц пока еще неизвестного типа — одна из труднейших проблем совр. физики. Т. к. реальная структура элементарных частиц пока не известна, то на данном уровне развития физики ограничиваются энергетич. описанием процессов взаимных превращений частиц. Энергия, как сохраняющаяся во всех этих процессах величина, трактуется иногда как неуничтожимая устойчивая субстанция, из к-рой, так сказать, «изготавливаются» все известные элементарные частицы. Указанный ход мысли, хотя и не ведет к решению проблемы, тем не менее отражает определ. этап в познании структуры элементарных частиц. Этот этап можно характеризовать след. образом: от элементарных частиц физика уже пошла в глубь М., но еще не дошла до ее более глубоких структур. Энергетич. способ описания оказывается на этом этапе плодотворным способом продвижения вперед, поскольку сам фундамент М. предстает здесь еще в недифференциро-

ванном, бесструктурном виде. Стремление *Гейзенберга* рассматривать элементарные частицы как различные формы одной и той же сохраняющейся субстанции — энергии по существу свидетельствует о поисках сохраняющихся общих элементов М. Однако если все частицы образованы из энергии, то энергия должна представлять собой субстанцию, обладающую рядом фундаментальных свойств. Обычное физич. понятие энергии расширяется в этом случае до весьма широкого филос. понятия. Энергия, с этой т. зр., оказывается не только мерой физич. форм движения, но становится неким объектом, к-рому сторонники энергетич. концепции вынуждены приписывать такие, напр., свойства, как дискретность и непрерывность, протяженность и длительность, равно как и ряд более конкретных характеристик (инерция, спин, заряды, странность и т. д.). Отсюда следует, что энергетич. концепция содержит в себе глубокое противоречие между настоят. необходимостью для физич. теории оперировать содержанием понятием М., отражающим данные совр. науки, и субъективным стремлением неких физиков устранить это понятие из физич. теории, ограничиваясь старым классич. понятием.

Структура М. реализуется в пространстве и времени, в закономерном расположении различных элементов М. вне друг друга, в закономерном следовании явлений друг за другом. Время и пространство также включают в себя два дополняющих друг друга момента — устойчивость и изменчивость.

Пространство — порядок сосуществования элементов структуры М. О пространстве. размерах данного материального тела имеет смысл говорить только в том случае, если это тело отличается от других тел и имеет с ними фиксированную границу. Изменение пространств. размеров данного объекта возможно лишь по отношению к более широкой устойчивой материальной системе, частью к-рой этот объект является. Устойчивость структуры представляется не только условием существования самого пространства, но и условием изменения самих пространств. форм. То же действительно и для времени. Можно сказать, что сами пространство и время имеют своеобразную структуру, отражая тем самым структурные свойства движущейся М. Связь пространства и времени вскрывается в связи с общими физич. свойствами движущейся М. Впервые на эту связь обратил внимание *Лобачевский*, что послужило теоретич. обоснованием новой геометрии. Совр. физика (теория относительности) реализует эти идеи. Эта связь пространства и времени выражается в особенности наглядно в понятии пространственно-временного интервала. Однако характерные пространственно-временные свойства каждого объекта — его время жизни и размер — находят непосредств. выражение при измерении их в т. н. собственной системе отсчета (см. *Относительности теория*). Исследование структуры пространства и времени в их связи с др. свойствами М. ведет к дальнейшему более глубокому познанию М., к открытию новых, необычных форм ее устойчивости, движения и структуры.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, [М.], 1955, После-слобие ко второму изданию, гл. 1, 5, 23; Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, [М.], 1953; е го же, Анти-Дюринг, М., 1957; П л а н к М., Единство физической картины мира, в кн.: Философия науки. Естественно-науч. основы материализма, ч. 1, вып. 2, Л., 1924; Г е г е л ь, Соч., т. 1, ч. 1, М.—Л., 1929; т. 2, М.—Л., 1934; А р и с т о т е л ь, Метафизика, М.—Л., 1934; е го же, Физика, 2 изд., М., 1937; Б э к о н Ф р., Новый Органон, Л., 1935; Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности, М., 1935; Г о л ь б а х П., Система природы..., М., 1940; Д я д р о Д., Избр. филос. произв., [М.], 1941; Д е к а р т Р., Метафизич. размышления, в кн.: Избр. произв., М., 1950; е го же, Начала философии, там же; «Успехи физ. наук», 1952, т. 48, вып. 2; Г е й з е н б е р г В., Филос. проблемы атомной физики, пер. с нем., М., 1953; е го же, Открытие Планка и осн. филос. вопросы учения об атомах, «Вопр. философии», 1958, № 11; е го же, Физика и

философия, пер. с нем., М., 1963; Эйпштейн А., Сущность теории относительности, М., 1955; Архипцев Ф. Т., В. И. Ленин о научном понятии М., М., 1957; Ибн-Сина, Даниш-Наме. Книга знаний, [Душанбе], 1957; Овчинников Н. Ф., Понятие массы и энергии в их историч. развитии и филос. значении, М., 1957; Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание, М., 1957; Кедров В. М., О соотношении форм движения М. в природе, в сб.: Философские проблемы совр. естествознания, М., 1959; Лейбниц Г. В., Полемика Г. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания (1715—1716 гг.), Л., 1960; Кузнецов Б. Г., Эволюция картины мира, М., 1961; Бранский В. П., Филос. значение проблемы наглядности в совр. физике, Л., 1962; Свидерский В. И., О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании, М., 1962. *И. Овчинников*, Москва.

МАТЕУШ из Кракова (Mateusz z Krakowa) (ок. 1330—5 марта 1410) — польский теолог и религ. реформатор. Учился в Пражском ун-те. В 1396 стал ректором ун-та в Гейдельберге. После возвращения в Польшу (1397) принял участие в учреждении Краковской академии. М. — деятель европейского реформац. движения. В своем соч. «О практике Римской курии» («De squaloribus curiae Romanae», известном также под назв.: «О грязных делах Римской курии») ратовал за реформу церкви, прекращение злоупотреблений со стороны Рима, выступал против спекуляций церк. должностями, чрезмерной роскоши духовенства и т. д.

Соч.: *Rationale operum divinorum—Theodicea*, ed. V. Rubczynski, Cr., 1930 (Archiwum Komisji do badania historii filozofji w Polsce, t. 3).

Лит.: История Польши, 2 изд., т. 1, М., 1956, с. 136; *Sommerlad T. H.*, *Matthaeus von Krakau*, Halle, 1891; *Rubczynski W.*, *Mateusza z Krakowa «Rationale operum divinorum» (Theodicea)*, «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności», Cr., 1910, t. 15, № 3; *его же*, *Sprawa wydania pisma Mateusza z Krakowa*, там же, 1921, [№] 3; *его же*, *W kwestii autorstwa dialogu «Speculum aureum de titulis beneficiorum»*, в кн.: *Charisteria Cas. de Morawski*, Cr., 1922. *Я. Легович*, ПНР.

МАТРИАРХАТ (от лат. mater—мать и греч. αρχή—начало, власть) — термин, обычно применяемый для обозначения эпохи материнского рода, основного этапа в истории первобытного общества времени его расцвета. В этом значении М. характеризуется большой ролью женщины в хозяйстве и ее равноправным с мужичной положением в обществе. Кроме того, этим же термином обозначается специфическая и неуниверсальная форма разложения первобытнообщинного строя, при к-ром женщины приобретают господствующее положение в обществе и материнский счет родства сменяется отцовским уже после образования раннеклассового государства. В последнее десятилетие мн. сов. ученые (М. Г. Левин, А. Л. Монгайт, А. И. Першиц) предлагают не употреблять термин «М.» для обозначения всемирно-историч. эпохи материнского рода, сохранив за ним лишь его второе, буквальное значение. И напротив, нек-рые другие специалисты (М. О. Косвен) продолжают применять термин «М.» в обоих значениях, ограничиваясь его разделением на ранний и развитый.

Термин «М.» вошел в литературу в 80-х гг. 19 в. Для обозначения того же понятия употреблялись и отчасти до сих пор употребляются такие термины, как «матернитет», «материнское право», «гинекократия». Древнейшие сообщения о матриархальных порядках содержатся в античной литературе (Геродот, Гераклid Понтийский, Страбон, Николай Дамасский, Диодор Сицилийский, Иллиий, Тацит). Первым и наиболее известным из них является свидетельство Геродота о ликийцах (5 в. до н. э.), у к-рых счет родства велся по материнской линии и девушки сами выбирали себе мужей. Отражением матриархальных порядков являются бытующие в античной литературе рассказы о женщинах-воительницах — амазонках (см. М. О. Косвен, Амазонки. История легенды, «Сов. этнография», 1947, № 2, 3).

В ср. века господствующей являлась патриархальная теория (см. *Матриархат*). В то же время про-

должалось накопление данных о матриархальных порядках у народов различных частей света. С 17 в. появляются первые сообщения о матриархальных порядках у народов Сев. Америки. Англ. философ Гоббс впервые обосновал независимость власти матери над детьми отсутствием в природном, т. е. первобытном, состоянии человечества брачных законов и независимостью отца (см. «Левнафан», М., 1936, гл. 20). К сер. 19 в. этнография накопила обширный материал о материнско-родовых порядках у различных народов земного шара. Но этот материал почти не был систематизирован и теоретически осмыслен (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 22, с. 215). С 1861, когда вышло в свет «Материнское право» И. Бахофена (J. Bachofen, *Das Mutterrecht*), началось создание теории матриархата как всемирно-историч. стадии. Ближайшим преемником Бахофена стал Дж. Ф. Мак-Леннап. Как и Бахофен, он считал, что в истории семьи материнское право предшествует отцовскому. В 1877 вышла книга Л. Моргана «Древнее общество» (L. H. Morgan, *Ancient society*, рус. пер.—1900, нов. изд., 1935). В ней Морган впервые связал матрилейную филиацию с родовой организацией, тогда как его предшественник Бахофен обошел вопрос о роде. Морган доказал, что материнский род универсален и что он предшествует отцовскому роду.

Однако лишь Энгельс создал стройное учение о материнском роде как обязательном и основном этапе в истории первобытного общества. Учение Энгельса о материнском роде и его универсальности стало одним из краеугольных камней учения марксизма о единстве историч. процесса. Именно поэтому с конца 19 в. реакционная бурж. паука ведет яростную борьбу против теории об эпохе материнского рода как обязательном этапе развития человек. общества.

Археологически эпоха материнского рода имеет большую протяженность, охватывая время от позднего палеолита до развитого неолита. Осн. занятиями человека в эту эпоху были охота, собирательство, рыболовство, а в более позднее время примитивное мотыжное земледелие. Основой производств. отношений являлись коллективный труд и обществ. собственность на орудия и средства производства. Производств. отношения в этот период выступали в форме кровнородств. отношений сородичей. Осн. обществ. единицей была материнская родовая община, в позднейшее время делившаяся на несколько больших материнских домохозяйств. Развитой племенной организации не было. Она появилась лишь в конце эпохи материнского рода. Существовала дуальная экзогамия, т. е. постоянная связь двух брачащихся родов. Брак был сначала групповым, позднее он сменяется парным браком с сильными пережитками группового. Поселение сунругов было сначала дислокальным, а в более позднее время матрилокальным. Для религии человека этой эпохи характерны *анимизм*, *тотемизм* и *магия*. Навысшее специфич. выражение она нашла в культе женских духов-покровителей.

При особо благоприятных условиях (развитое мотыжное земледелие) материнский род перерастает в собственно М., характеризующийся господством женщин в обществе и являющийся наряду с отцовским родом и первобытной безродовой соседской общиной одной из форм разложения первобытнообщинного строя. Известны случаи сохранения собственно М. и в раннеклассовых государствах (Ашанти, Дагомья, Древний Египет).

В 19—20 вв. на земном шаре не сохранилось обществ, к-рые могли бы считаться классическими для эпохи материнского рода. Наиболее близок к классич. типу род ирокезов, реконструированный в 19 в. по пережиткам Л. Моргана. До последнего времени материнский род сохранялся у индейцев хопи юго-

запада США, сери Мексики и локоно (область тропич. лесов Южной Америки).

Лит.: Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Толстов С. П., Древний Хорезм, М., 1948, с. 329; Косвен М. О., М. История проблемы, М.—Л., 1948; е го же, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1952, № 3; Монгайт А. Л., Першиц А. И., Некоторые вопросы первобытной истории в сов. литературе последованных лет, «Вопр. истории», 1955, № 1, с. 137; Косвен М. О., Очерки истории первобытной культуры, 2 изд., М., 1957, с. 124—25; Семенов Ю. И., Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и совр. данные этнографии, «Вопр. философии», 1959, № 7, с. 146—47; Першиц А. И., Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, в сб.: Тр. ин-та этногр. АН СССР, т. 54, 1960, особ. с. 166; Briffault R., The mothers. The matriarchal theory of social origins, N. Y., 1931; Lion J., Quelques observations sur les problèmes du Patriarcat et du Matrigarcat, «Rev. Psychol. Peuples», 1962, № 4.

Л. Файнберг. Москва. —
МАТТЕОС ДЖУГАЕЦИ (ок. 1350 — ок. 1411) — арм. мыслитель, представитель *татевской школы* философии. Важное место в социально-политич. исследованиях М. Д. занимает изучение причин бедств. положения Армении; ответственность за судьбу страны и народа он возлагает на власть имущих, ибо от их прав и образа правления зависят судьбы миллионов простолыдинов. Констатируя сословное деление феод. об-ва, М. Д. связывает социальное положение различных групп общества с родом их занятий. Естественнонауч. взгляды М. Д. представляют собой дальнейшее развитие идей *Григора Татеваци*.

Соч. на арм. яз.: Анализ «Деяний апостолов», Гос. Матенадаран Арм. ССР, рукопись № 1402; там же, Проповедь, рукопись Матенадарана № 2229.

Лит. на арм. яз.: Хачикян Л., Жизнь и творчество Маттеоса Джугаеци, «Вестник Матенадарана», 1956, т. 3.

МАУРЕР (Maurer), Георг Людвиг фон (2 нояб. 1790—9 мая 1872) — нем. историк, автор работ по истории аграрных отношений и общины в Германии.

Значение трудов М. состояло в том, что он отошел от распространенной в бурж. историографии теории об исконности частной собственности на землю и на основе документов доказал, что у германцев в древности господствовала обществ. собственность на землю и коллективная ее обработка. Собранные М. доказательства существования общины — марки (наряду с трудами Л. Моргана и М. Ковалевского) послужили материалом для обоснования Марксом и Энгельсом их воззрений на первообщинный строй. Маркс писал, что книги М. «имеют огромное значение» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, 1931, с. 33). Но неверно считать, что своими взглядами на древнейший период человек. общества Маркс и Энгельс обязаны М., как это утверждали бурж. историки (Г. Белов, Э. Майер) и теоретики оппортунизма (Г. Кунов, О. Бауэр). Маркс еще до ознакомления в 1868 с трудами М. проделал значит. работу по изучению различных форм общины в их историч. развитии. Маркс подчеркивал, что его предположение о повсеместном распространении обществ. собственности на заре человек. истории подтверждается в книгах М. (см. там же, с. 28—29).

Историч. концепция М. в целом проникнута консервативно-монархич. и бурж.-националистич. идеями.

Соч.: Einleitung zur Geschichte der Markt-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung und der öffentlichen Gewalt, Münch., 1854, рус. пер. — М., 1880.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 329—45, 403, 417; т. 21, с. 96, 140; и х же, Соч., т. 24, М.—Л., 1931, с. 599; т. 27, [М.—Л.], 1935, с. 693; Вайнштейн О. Л., Историография средних веков, М.—Л., 1940; Данилов А. И., Проблемы аграрной истории раннего средневековья в нем. историографии, М., 1958, ч. 2, гл. 3.

А. Заваде. Москва. —
МАХ (Mach), Эрнет (1838—1916) — австр. философ и физик, основатель *махизма*. С 1861 — приват-доцент в Венском ун-те, с 1864 — проф. математики в Граце, с 1867 — проф. физики и ректор нем. ун-та

в Праге, с 1895 занимал кафедру философии Венского ун-та. Наиболее значит. работы М. как физика относятся к механике, оптике и акустике. С именем М. часто связывают т. н. М.-число. Заимствовав основные филос. идеи у Беркли, Юма и Канта, М. утверждал, что мир есть комплекс ощущений. Движение, время, пространство, закономерности действительности, по М., — субъективны, а потому и наука не имеет объективного содержания. Критика философии М. и его влияния на философский ревизионизм дана В. И. Лениным («Материализм и эмпириокритицизм», 1908, изд. 1909) и Г. В. Плехановым (см. сб. «Против философского ревизионизма», М., 1935).

Осн. сочинения М. см. в лит. при ст. *Махизм*.

МАХАБХАРАТА (санскр. — великая повесть о бхаратах) — др.-инд. эпос, созданный в 1-й пол. 4-го тыс. до н. э., состоит из 100 тыс. двустиший (шлок), разделенных на 18 книг. Эпос М. создавался в период распада *ведической религии* и образования *индуизма* с его двумя гл. богами: кшатрийским Вишну и браминским Шивой. Тексты М. создавались на протяжении 6—5 вв. до н. э. и лишь позже были объединены одной, вероятно брахманской, редакцией. М. повествует о междоусобной борьбе двух братьев. Эта тема занимает всего около 1/4 поэмы, остальные 3/4 непосредственно не связаны с фабулой и посвящены фольклорной, мифологич., социально-политич. и филос. тематике. М. — богатейший источник сведений о культурной и социальной жизни инд. народа. История междоусобной борьбы отражает картину соперничества браминов (жрецов) и кшатриев (воинов-правителей), их борьбу за идеол. и политич. первенство.

М. — гл. источник сведений о развитии ортодокс. инд. философии в период после эпохи *Упанишад*, в частности о древней *санкхье*, тесно связанной с *вишнуизмом* и *йогой*. В М. имеется ряд ссылок на неортодокс. еретич., рационалистич. и материалистич. учения (*настику*, *локаяту*, *чарваку*), отрицавшие догмы о бож. бессмертии души и ее переселениях. Большой интерес представляют упоминания материалистич. школ *свабхава-вада* и *ядричха-вада* (XII. 175; XII. 222; XII. 224).

Вместе с тем М. свидетельствует об окончательном складывании осн. концепций инд. религии и этики; в ней уже четко говорится о трех путях достижения «высшей реальности»: пути знания (джьяна-марга), пути действия (карма-марга) и пути преданности, любви (бхакти-марга).

Мн. тексты М. проникнуты духом высокого гуманизма («нет ничего выше человека», «Мокшадхарма» 301, 20), глубокой преданности *долгу* (дхарме), стремления к правде. Как лит.-художеств. произведение поэма дает образцы яркого поэтич. творчества и является источником вдохновения для всей последующей санскритской художеств. лит-ры.

И з д а н и я : The Mahabharata..., transl. into English prose by Pratap Chandra Roy, Calcutta, 1883; new ed., Calcutta, 1919; рус. пер. — М., кн. 1, Адипарва, пер. с санскр. и коммент. В. И. Кальянова, М.—Л., 1950; М., пер. с санскрита, вып. 1—6, Ашхабад, 1955—62.

Лит.: Ильин Г. Ф., Старинное инд. сказание о героях древности, М., 1958.

В. Смирнов. Ашхабад.

«МАХАЕВЩИНА» — мелкобурж. анархистское течение, проповедовавшее враждебное отношение к *интеллигенции* и особенно к социалистич. интеллигенции. Название получило по фамилии лидера — В. Махайского (псевд. — А. Вольский), в работе к-рого «Умствен. рабочий» (1-я часть — «Эволюция социал-демократии», 1898; 2-я часть — «Науч. социализм», 1899; 3-я часть, вып. 1 — «Социализм и рабочее движение в России», 1904, вып. 2 — «Социалистич. наука как новая религия», 1905; полн. изд. 1906) социализм объявлялся «чудовищным обманом рабочих» со стороны интеллигенции, заинтересованной в порабоще-

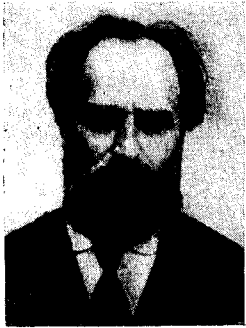
нии пролетариата и создании общества, где власть будет принадлежать монополистам знания. В этом произведении, а также в работах последователя Махайского — Е. Лозинского («Что же такое, наконец, интеллигенция?», 1907; «Итоги и перспективы рабочего движения на Западе и в России», 1909), утверждалось, что интеллигенция есть особый обществ. класс, характеризующийся собств. источником дохода — знаниями — и являющийся поэтому паразитич. классом, к-рый живет за счет труда рабочих и готовит «грядущее мировое господство интеллигенции». Гл. социальная база революции, по мнению махаевцев, — безработные, босяки и ... хулиганы, т. к. квалифицир. рабочие заинтересованы якобы в сохранении своего привилегиров. положения, а масса рабочих одурочена социалистич. пропагандой.

«М.» была направлена не только против интеллигенции, но и против рабочего класса. «Теория» борьбы только за «конкретные, повседневные требования» и восхваление «равнодушия» ко всякой «политич.» повторяли, в сущности, разоблаченные Лениным взгляды рус. экономистов. Имевшая нек-рое распространение среди отсталой части пролетариата в период революции 1905—07 (в Белостоке, Екатеринославе, Одессе, Варшаве, Петербурге), «М.» не пользовалась влиянием среди массы рабочих. Коммунистич. партия веда решит. борьбу с «М.» и отд. ее проявлениями в годы социалистич. строительства.

Лит.: Батурин Н., Памяти «М.», «Правда», 1926, 2 марта, № 50; Сыркин Л. Н., Махаевщина, М.—Л., 1931; Что такое «М.», «Правда», 1938, 18 ноября, № 318.

И. Златоцветов. Москва.

МАХАРАДЗЕ, Филипп Исеевич [9(21) марта 1868—10 дек. 1941] — профессиональный революционер, пропагандист марксизма в Грузии, обществ. и гос. деятель. Учился в Тифлисской духовной семинарии (1884—90) и в Варшавском ветеринарном ин-те (с 1891). С 1891 — участник марксистского кружка. Вел активную революц. деятельность в Грузии. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. С февр. 1921 — пред. Ревкома Грузии, затем пред. ЦИК Груз. ССР, пред. Госплана ЗСФСР, пред. СНК Груз. ССР, пред. ЦИК ЗСФСР. С 1938 — зам. пред. Президиума Верх. Совета СССР и пред. Президиума Верх. Совета Груз. ССР. Выступая по теоретич. вопро-

сам, М. резко критиковал груз. идеалистов, вел борьбу против субъективно-идеалистич. взглядов. Большое внимание М. уделял изложению осн. принципов марксистской диалектики, вопросов историч. материализма, этики и эстетики. Как литературовед и лит. критик М. выступал в защиту реализма.

Соч.: Советы и борьба за советскую власть в Грузии 1917—1921, Тб., 1928; Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии, [М.], 1932; на груз. яз.: Соч., т. 1, 2, 5, Тб., 1924—26; Задачи института марксизма-ленинизма, Тб., 1931; Марксизм и его международное значение, «Большевик», 1933, № 3—4.

Лит.: Махарадзе Н. Б., Ф. Махарадзе. Жизнь и революционная деятельность, Тб., 1960; на груз. яз.: Горгиладзе Л., К истории марксизма в Грузии, Тб., 1956; Вакурдзе О., Из истории распространения марксистской философии в Грузии, Тб., 1959.

В. Кердзевадзе. Тбилиси.

МАХАЙНА (санскр. — большая колесница) — название одного из двух гл. направлений в буддизме, возникшего в 1 в. н. э. в Индии. В М. на первый план выдвигаются культ обожествленного Будды и пышные религ. обряды. Укрепленною позиций М. служили филос. школы мадхьямиков и йогачаров. В 1 в. н. э. началось распространение М. из Индии в Китай,

оттуда в 4 в. в Корею, в 6 в. в Японию. Позднее махайнистский буддизм проник в Тибет, Монголию и Бурятию.

Лит.: Радхакришнан С., Индийская философия, пер. с англ., т. 1, М., 1956; Dut N., Aspects of Mahayana Buddhism and its relation to Hinayana, L., 1930.

МАХДУМ — см. Дониш.

МАХИЗМ — 1) В узком смысле — совокупность филос. воззрений австр. физика и философа Маха. 2) В широком смысле — субъективно-идеалистич. направление в философии и методологии наук, разработанное в нач. 20 в. в работах Маха, Авенариуса и их учеников (Петцольдт, Карстаньен, Вилли и др.), а также в работах Пирсона и Дюгема. В нек-рых отношениях близки к махизму филос. взгляды Пуанкаре и Оствальда. М. — форма позитивизма. В России сторонниками М. были В. Чернов, П. Юшкевич, В. Базаров, А. Богданов и др., пытавшиеся «примирить» марксизм с М. Всесторонняя критика М., его реакц. социально-политич. сущности дана в классич. работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Остроумную, хотя и недостаточно глубокую марксистскую критику М. предпринял Плеханов в работах «Materialismus militans» и «Трусливый идеализм». Хотя осн. теоретич. положения М. разработаны почти одновременно и независимо друг от друга Махом и Авенариусом, широкое распространение М. связано с деятельностью Маха. Это объясняется тем, что филос. и методологич. работы Маха возникли в качестве непосредств. реакции на кризис классич. механистич. физики; Мах выступил с претензией объяснить этот кризис филос. позиций естествознания и предложить методологич. программу выхода из него. Ленин писал: «...Надо принять во внимание несомненную связь махизма с одной школой в одной отрасли новейшего естествознания... Меньшинство новых физиков, под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму» (Соч., т. 14, с. 342—43).

Развитие физич. науки к концу 19 в. выявило, что классич. механика не может быть принципом объяснения ряда новых открытий физики. Открытие второго начала термодинамики привело физику в конфликт с осн. особенностью механич. явлений — обратимостью. Одна из особенностей термодинамики состоит в том, что ее понятия стоят ближе к эмпирич. наблюдению, а ее законы — ближе к эмпирич. констатациям, чем понятия и законы молекулярно-кинетич. теории. Это обстоятельство толкало нек-рых из критиков механистич. физики, видевших в термодинамике образец немеханич. физич. теории, к отождествлению физич. теории с описанием того, что «дано» в опыте, с борьбой против «объяснительной» за «описательную» физику, с ее отказом от качеств. интерпретации явлений в пользу математич. формализма. Термодинамич. формализм стал почвой для т. н. энергетизма (Дюгем, Оствальд). К этому же периоду относится открытие Планком прерывного, квантового характера обмена энергии и импульса, что прямо противоречило классич. концепции непрерывности движения. В 1881 опытом Майкельсона была опровергнута гипотеза эфира, неразрывно связанная с теорией инерции света, гравитации в классич. механике. Впоследствии этот опыт послужил экспериментальной основой относительности теории. Наконец, необходимость пересмотра понятий классич. физики стала неизбежной с открытием в конце 19 — нач. 20 вв. явлений радиоактивности, поставивших под вопрос классич. теорию атомизма, пространства, времени и движения.

К концу 19 в. появляются работы, в которых показывается недостаточная логич. оправданность ряда предпосылок ньютоновой механики, принимавшихся до этого времени в физике как нечто самоочевидное, не подлежащее анализу. Такую логич. критику осн. понятий классич. механики содержали и работы Маха, к-рый в «Механике» дал анализ ньютоновских понятий массы, силы, инерции, показал роль системы отсчета для формулирования законов механики и раскрыл логич. несостоятельность классич. ньютоновских представлений об абсолютных пространстве и времени. Если в механике Ньютона ряд физич. явлений объясняется через отнесение их к абс. пространству, то Мах выдвигает др. принцип: все, что происходит в мире, должно объясняться взаимодействием тел. Этот «принцип Маха», как его называл Эйнштейн, был использован не только для критики классич. физики, но и для построения новой физики, как Эйнштейном, так и другими крупными физиками 20 в., хотя уже в работах самого Эйнштейна была обнаружена ограниченность, неуниверсальность этого «принципа». Эйнштейн в последние годы жизни допускал существование таких физич. явлений, для к-рых «принцип Маха» теряет смысл. Однако сам Мах рассматривал этот «принцип» как выражение методологич. требования эмпирического, чисто описат. определения исходных понятий науки. М. как определ. система филос. и методологич. принципов по сути дела и был попыткой подвести теоретич. базис под требования «описательной» физики и сформулировать методологич. принципы новой, неклассич. физики в филос. рамках субъективного идеализма.

Двумя осн. методологич. требованиями науки Мах считает: 1) экономию мышления; 2) идеал «чисто описательной» науки. Экономия мышления Мах объясняет осн. характеристикой познания вообще, распространяя на человека и его познание учение Дарвина о борьбе за существование и естеств. отборе. В основе как обществ. жизни, так и науки, по Маху, лежит удовлетворение нек-рых изначальных биологич. потребностей, в частности потребности в самосохранении. Из биологич. инстинкта самосохранения и выживания, свойственного человеку, Мах выводит необходимость «приспособления» организма к фактам, а из последнего — экономию мышления как существ. характеристику человек. познания. То же содержание Авенариус выражает в «принципе наименьшей траты сил». Принцип экономии мышления в махистской философии выступает как выражение субъективно-идеалистич. эмпиризма. «...Принцип экономии мышления, если его действительно положить „в основу теории познания“, не может вести ни к чему иному, кроме субъективного идеализма. „Экономнее“ всего „мыслить“, что существую только я и мои ощущения, — это неоспоримо, раз мы вносим в гносеологию столь целеное понятие» (Ленин В. И., там же, с. 157). Эйнштейн, к-рый в молодости, находясь под впечатлением критики Махом классич. физики, не всегда критически относился к философско-методологич. положениям М., в более поздние годы решительно протестовал против смещения Махом «психологической простоты» (в виде принципа экономии мышления) и «логической простоты» как рационального требования к науч. гипотезе объяснять как можно больший круг явлений. Махистский принцип экономии мышления был впоследствии использован и развит в филос. работах Рассела и Карнапа.

Из принципа экономии мышления в системе Маха вытекает положение об «описании» как идеале науки. Гипотеза плодотворна в качестве предварит. допущения в целях более легкого понимания фактов. Однако гипотеза нужна ученому только постольку, поскольку он не может иметь ясных мыслей о неизвестном и вы-

нужден предугадывать наглядные условия уже известного типа. В развитой науке, с т. зр. Маха, объяснит. часть является излишней, паразитической и в целях экономии мышления должна быть удалена.

Одним из паразитич. объяснит. элементов науки, подлежащих удалению, М. считает понятие причинности. Вместе с механистич. интерпретацией причинности М. отбрасывает само понятие причинности, предлагая заменить его понятием функциональной зависимости признаков явлений. Ленин обращает внимание на то, что в данном случае М. подменяет вопрос о возможности выразить причинность в математических функциональных отношениях субъективно-идеалистич. отрицанием объективного характера причинной связи. «Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, — а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п. Вот что бесспорно отделяет материалистов Фейербаха, Маркса и Энгельса от агностиков (юмистов) Авенариуса и Маха» (там же, с. 146—47).

Методологич. принципы экономии мышления и чистого описания Мах пытается применить к теории познания. Свой критич. анализ ньютоновских понятий массы, абс. пространства Мах связывает с филос. тезисом о мнимости понятия субстанции, вещи, о мнимости проблемы отношения субстанции и ее свойств. Свое методологич. требование о необходимости определения понятий через наблюдаемые данные Мах доводит до выделения осн. «элементов», к-рые непосредственно, чувственно даны и лежат в основе всего познания, будучи нек-рым пределом разложения эмпирич. опыта. Единство наук, по мнению Маха, покоится на том, что все они имеют один и тот же предмет — чувственно данные элементы — и лишь по-разному, с разных т. зр. подходят к раскрытию зависимостей этих элементов. Как понятие «вещи», так и понятие «Я» являются лишь условными наименованиями комплексов элементов (ощущений). Проблема отношения тела и его свойств, так же как и проблема отношения «Я» к телу, имеют, по Маху, мнимый характер. Ленин вскрывает субъективно-идеалистич. смысл теории «элементов» Маха: «На деле, разумеется, проделка со словечком „элемент“ есть самый жалкий софизм... Либо „элемент“ есть ощущение и е, как говорят все эмпириокритики, и Мах, и Авенариус, и Петцольд, и т. д., — тогда ваша философия, господа, есть идеализм, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего солипсизма нарядом более „объективной“ терминологии. Либо „элемент“ не есть ощущение, — и тогда с вашим „новым“ словечком не связано ровно никакое мышление...» (там же, с. 44). Согласно М., формирование комплексов элементов, выделение тех или иных связей элементов и т. д. зависит от определ. «точки зрения». Существо, от «точки зрения» к-рого зависит та или иная форма объединения элементов, не может быть в сущности интерпретировано иначе, чем познающий субъект. Авенариус специально подчеркивает неразрывность и неразсторжимость человека и его среды, «принципиальную координацию» «центрального члена» и «противочлена». Как известно, с т. зр. марксистской философии, в процессе познания субъект играет активную роль. Бесспорно, что познающему субъекту объект дан не сразу во всей полноте его свойств. Субъект активно строит образ внешнего объекта в процессе практич. и познават. освоения этого мира. Мах, однако, предполагает субъекта с его «точкой зрения» не в

качестве материального существа, носителя познават. процесса, а в качестве основы самой действительности, т. е. элементы, с т. зр. М., это не просто стороны объекта, выделенные в процессе его познания, а осн. компоненты мира. «Мы видели, что исходный пункт и основная посылка философии эмпириокритицизма есть субъективный идеализм. Мир есть наше ощущение,— вот эта основная посылка, затушевываемая, но несколько не изменяемая словечком „элемент“, теориями „независимого ряда“, „координации“ и „интроспекции“. Нелепость этой философии состоит в том, что она приводит к солипсизму, к признанию существующим одного только философствующего индивида» (там же, с. 82). Сам Мах подчеркивает, что исходные пункты его философии несущественно отличаются от философии Беркли и Юма. Махистское «снятие» дуализма физического и психического было в дальнейшем подхвачено и развито многими т. п. «реалистическими» направлениями совр. бурж. философии, течениями «нейтрального монизма» и др. филос. школами (*неореализм*, Рассел). Критика Махом и Авенариусом субстанциалистского понятия о «Я», душе повлияла на критику В. Джемсом понятия сознания, а через него и на неореалистов, на формирование филос. основ *биохевиоризма*. Махистское решение психофизич. проблемы было подхвачено мн. бурж. психологами (В. Вундт, Титчнер, мн. из представителей гештальтпсихологии, как, напр., В. Кёлер). Философия и методология Маха были исходным пунктом оформившегося в нач. 20-х гг. 20 в. субъективно-идеалистич. филос. направления *логического позитивизма*, к-рое, отбросив теоретико-познават. психологизм и биологизм Маха и приняв на вооружение совр. математич. логику, развило дальние махистский тезис описат. науки в виде т. п. «принципа верификации».

Если в конце 19 в. и нач. 20 в. М. имел влияние на умы мн. физиков, видевших в Махе сильного критика механицизма, то в наст. время явное разочарование в М. и позитивизме даже тех бурж. ученых, к-рые пахидлись когда-то под его влиянием. М. и позитивизм как философия и методология пришли сейчас в явное столкновение с совр. наукой. Отходя от М. и позитивизма, те из бурж. физиков, к-рые не переходят на позиции диалектич. материализма, обращаются к др. видам идеализма: платонизму, неотомизму и т. д. Разгром М. как идейного течения, претендовавшего на роль «философии совр. естествознания» и как таковое пытавшегося занять «надпартийную» позицию в философии над материализмом и идеализмом, осуществил в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин. Показав сущность М. как явления кризиса естествознания, Ленин вместе с тем выяснил, что «... за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества» (там же, с. 343).

Лит.: Плеханов Г. В., *Materialism militans*. Отчет г. Богданову, Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957; Богданов А. А., *Эмпириомонизм*, кн. 1—3, М., 1904—1906; Авенариус Р., *Критика чистого опыта*, т. 1—2, СПб., 1907—08; его же, *Человек, понятие о мире*, М., 1909; его же, *Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил*, СПб., 1913; Мах Э., *Анализ ощущений* ..., 2 изд., М., 1908; его же, *Познание и заблуждение*, [М.], 1909; его же, *Популярно-научные очерки*, СПб., 1909; его же, *Механика*, СПб., 1909; его же, *Принцип сохранения работы*, СПб., 1909; Дюгем П., *Физич. теория*, СПб., 1910; Вундт В., *О наивном и критич. реализме*, П., 1910; Пирсон К., *Грамматика науки*, СПб., [б. г.]; Блонский П. П., *Совр. философия*, ч. 1, М., 1918, с. 20—36, 48—112; Бакардзе К. С., *Очерки по истории новейшей и совр. бурж. философии*, Тб., 1960, с. 56—123; Нарский И. С., *Очерки по истории позитивизма*, М., 1960, с. 110—138; Кузнецов Б. Г., *Эйнштейн*, 2 изд., М., 1963, с. 74—76. В. Лекторский. Москва.

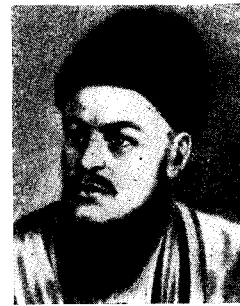
МАХМУД ШАБУСТАРИ пбш Абдулкарим (1287—1320) — азерб. философ-пантеист. Филос. поэма М. «Цветник тайн» («Гюльшан-и раз», Тебриз, 1848/49; Шираз, 1954) была переведена на англ., нем., франц., тур., частично на лат. и итал. языки. Выступая против платоновского раздвоения мира, М. писал, что «мир есть единое (существо)» («Гюльшан-и раз», с. 11), хотя «бытие внешне проявляется во множественности, оно едино внутренне» («Гюльшан-и раз», с. 38). Бог и природа, по его мнению, составляют единство; бог имманентен природе и неотделим от нее. Примыкая к аристотелизму в рассуждениях о форме и материи, М. вместе с тем писал, что «форма без материи, так же как и материя без формы, кроме небытия, ничего не означает» (там же, с. 29), а «все вещи в мире состоят из этих двух видов небытий» (там же).

М. утверждал, что природа непрестанно обновляется и развивается, что «каждое мгновение в ней есть возникновение и исчезновение» (там же, с. 38), что «все вещи возникают через противоречия» (там же, с. 7, «Саадат-наме», с. 509). Он высказывал мысль, согласно к-рой органич. мир возник из неорганического путем длит. эволюции. От соединений и смешений четырех элементов (огонь, воздух, вода, земля), — писал он, — возникли минералы, из минералов — растения, из растений — животные, а когда животное царство достигло совершенства, появился человек. Человек, по М., есть результат длительной эволюции и непосредственно происходит от обезьяны (см. «Мират-ул Мухаггеин», с. 8—9—а). «Человек имеет ум, чтобы познать скрытые тайны» (там же, с. 27).

Лит.: Крымский А., История Персии, ее литературы и древнейшей теософии, т. 3, М., 1914—15; Самиди М., Гамус-ул-лам, т. 1—6, Стамбул, 1306—1316 [1888—98]; Говне Е. G., A history of Persian literature under Tartar dominion, [Camb.], 1920; Дашешимандае Азербайджан, Тегеран, 1314 с. г. х. (1935); Шиблин Нумани, Шир аз-аджам, т. 5, Тегеран, 1318 с. г. х. [1939]; Табризи Мохаммед-Али, Райханат ал-алаб..., т. 2, Тегеран, 1327 с. г. х. [1948]; Азербайжан адабияти тарихи, Баку, 1960; Hammer-Purgstall J. von, Mahmud Schebistaris' Rosenflor des Geheimnisses. Posth.—Lpz., 1838; Whinfield E. H., Gulshan Ras; the mystic Rose Garden of Sa'd ad-Din Mahmud Shabistari, L., 1880; Shebistari. Sa'd al-Din Mahmud b. 'Abd al-Karim b. Yahya, Enzyklopaedie des Islam. Bd 4, Leiden—Lpz., 1934; Mahmud Shabustari, philosopher and poet, «Iran today», 1953, № 3.

Ш. Исмаилов. Москва.

МАХТУМКУЛИ (прозвище — Фраги) (р. ок. 1730—ум. в 80-х гг. 18 в.) — туркм. поэт и мыслитель. Филос. взгляды М. формировались под влиянием *Низами*, Саади, *Навои*, Рудаки и *Несими*. Приверженность исламу сочеталась у М. с резкой критикой мракобесия и корыстолюбия эксплуататорских классов, что выражалось нарастающим протестом обездоленных масс против феод.-байского гнета. М. мечтал о создании лучшего общества, к-рое соответствовало бы интересам простого народа. Не осознавая антагонизма между эксплуататорами и эксплуатируемыми, М., однако, делал попытки понять сущность социальных противоречий.

Соч.: Сайлалан эсерлер, Ашгабат, 1957; в рус. пер. — Избр. прозап., М., 1948 (предисл. Е. Бертельса); Стихотворения, Л., 1949; Классики туркменской поэзии. Махтум-Кули, Молла-Несес. Кемине, М., 1955.

Лит.: Махтумкули. Юбилейный сборник, Ашхабад, 1961; Магтымкулы (Туркмен халкынын бейик шахыры Магтымкулынын 225 йиллык юбилейине багышланан йыгынды), Чержев, 1961. Г. Чарыев. Ашхабад.
МАЦКЯВИЧЮС, Ионас Антано (р. 28 февр. 1922) — сов. философ, член-корр. АН Лит. ССР (с 1953). Член

КНИСС с 1943. В 1944—46 — первый секретарь ЦК ЛКСМ Литвы. Окончил ВПШ (1949) и АОН (1952) при ЦК КПСС. В 1952—57 — зав. кафедрой философии Вильнюсской парт. школы, с 1957 работает в АН Лит. ССР, зам. гл. редактора «Малой литов. сов. энциклопедии». Разрабатывает проблемы истории филос. и обществ.-политич. мысли в Литве.

Соч.: *Is visuomeninės filosofinės minties istorijos Lietuvoje*, «Komunistas», 1961, № 6, 7.

МАШРАБ, Боборахм (ок. 1657—1711) — узб. поэт и мыслитель, один из представителей *суфизма*, в творчестве к-рого, однако, преобладали вольнодумческие мотивы. М. критиковал каноны ислама, хотя и признавал единого и безличного Аллаха. Соч. М. проникнуты печалью о тяжелом положении народа. Казнен за критику духовенства.

Соч.: *Танланган асарлар*, Таш., 1963; в рус. пер. — *Избранное*, Таш., 1959.

Лит.: М у м и н о в И., Из истории развития обществ.-филос. мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв., Таш., 1957, с. 59—61. М. Хайруллаев. Ташкент.

МАЭСТУ (Maetz), Рамиро де (1874—1936) — реакц. исп. писатель и философ, разделявший в своем раннем творчестве идеи *Канта* и *Ницше* и переведший затем на позиции католицизма. В кн. «*Authority, liberty and function in the light of the war*», появившейся в 1916 на англ. языке, а затем в 1919 на исп. под названием «*Кризис гуманизма*» («*La crisis del humanismo*»), М., критикуя буржуазно-демократич. порядки, утверждает, что начиная с 12 в. люди предали забвению религ. истину о первородном грехе и о преходящем бытии человека на земле, вследствие чего возникли этатизм и индивидуализм. Преодолеть их можно только перейдя к корпоративно-синдикальному гос. строю, при к-ром принципы авторитета и свободы заменяются принципом функциональности.

Общественно-политич. взгляды М. вошли в идейный арсенал исп. фашизма.

Соч.: *La revolución y los intelectuales*, Barcelona, 1911; *Obreros e intelectuales*, Barcelona, 1911; *Defensa de la hispanidad*, B. Aires, 1945; *Frente a la republica*, Md., 1956; *Obras*, t. 12—13, Md., 1957.

Лит.: К л и м к е Ф., *Historia de la filosofia*, 2 ed., Md., 1953; М а г г е р о Суáñez V., *Maetz*, Md., 1955.

МАЙНС-И-СИСКАР (Mayáns y Siscar), Грегорио (9 марта 1699—21 дек. 1781) — исп. философ-просветитель, юрист, лингвист и библиограф. Развивая идеи исп. просветителей — *Вивеса*, *Небрихи*, *Х. Вальдеса*, *Кеведо-и-Вильегаса*, *Марианы* и др., выступая против аристотеликов-схоластов, М.-и-С. поднимал на щит древних материалистов — *Левкиппа*, *Демокрита*, *Эпикура*. М.-и-С. был сторонником естеств.-науч. философии. Философия, по М.-и-С., должна служить целям просвещения и быть достоянием всех людей.

Соч.: *Orígenes de la lengua Española*, Md., 1737, nueva ed., Md., 1873; *Carta al Doctor D. J. Berni sobre las fuentes del derecho Español*, Valencia — Md., 1745; *Observaciones legales, históricas y críticas sobre el concordato celebrado entre S. S. Benedicto XIV y el rey católico Don Fernando VI*, Md., 1817.

Лит.: Х и м е н о В., *Escritores del reyno de Valencia*, v. 1—2, Valencia, 1747—49; F u s t e r J. P., *Biblioteca Valenciana*, v. 1—2, Valencia, 1827—30; M i r N o g u e r a J., *Prontuario de hispanismo y barbarismo*, t. 1—2, Md., 1908; M o r e l - F a t i o A., *Un érudit espagnol au XVIII siècle*, D. G. Mayáns y Siscar, «*Bulletin Hispanique*», 1915, v. 17; Q u i r o z - M a r t í n e z O. V., *La introducción de la filosofía moderna en España*, Mex., [1949], p. 19, 32—33, 39, 42, 49, 65, 204. Д. Претель. Москва.

МЕГАРСКАЯ ШКОЛА — одна из сократовских школ *древнегреческой философии*, эклектически сочетавшая на основе идеализма идеи *Сократа*, *элейской школы* и *софистов*. М. ш. проповедовала учение о том, что бытие свойственно только идеям и отрицала всякое др. бытие. Основателем школы был *Эвклид из Мегары*, непосредств. ученик Сократа; в школу входили: *Ихтий*, *Евбулид* из Милета, *Трасимах*, *Диодор Крон*, *Стиллион* из Мегары и др. Имеются сведения

о том, что еще до знакомства с Сократом Эвклид был близок к элейцам, что делает еще более понятной его тенденцию признавать только одно неподвижное идеальное бытие и отрицать все прочее. С историко-филос. т. зр. понятна также близость мегарцев к софистике в тех ее пунктах, где она доказывала невозможность мышления чувств. вещей. Софизмы характерны для мегарцев (в особенности для Евбулида) не меньше, чем для софистов; доказательства Диодора против движения близки к тем, к-рые мы находим у *Зенона Элейского*. В историко-филос. отношении важна деятельность Стиллиона, к-рый сблизился с *киниками*. Об *apatии* (бесстрастии) Стиллиона говорит *Сенека* (Epist. 9.3). Известно также, что Стиллион полемизировал с учением об идеях (Diog. L. II 119), считая весь мир абсолютно единым. Еще интереснее переход мегарцев на путь *стоицизма*, поскольку основателем стоицизма *Зенон* из Китиона был учеником Стиллиона. Восстанавливая древнюю *натурфилософию*, Зенон из Китиона синтезировал Гераклита с кинизмом, заимствуя этот последний у мегарцев. Для историч. положения М. ш. характерно также и то, что, кроме книжечки настроенных стоиков, у них заимствовали принципы своей философии также и скептики *Пиррон* и *Тимон*. Со времен *Шлейермахера* выдвигается хорошо обоснованное мнение о том, что Платон (Soph. 248 B—249 D), критикующий абс. раздельность идей и вещей, имеет в виду именно мегарцев. В др. диалоге Платона, где также имеется критика учения об идеях, многое, если не все, тоже относится к мегарцам (Parm. 131 A—135 C).

Лит.: Г о м п е р ц Т., *Греч. мыслители*, т. 2, СПб, 1913, с. 128—57; Д ы н н и к М. А., *Очерк истории философии классич. Греции*, М., 1936, с. 183—85; *История философии*, т. 1, [М.], 1940, с. 143—46; *История философии*, т. 1, М., 1957, с. 110—11; M a l l e t Ch., *Histoire de l'école de Mégare*, P., 1845; G i l l e s p i e C. M., *On the Megarians*, «*Arch. Geschichte Philos.*», 1910, Bd 24, H. 1, S. 218—41; R o t t a P., *I socratici minori*, Brescia, 1948, p. 41—72.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ — организация, объединяющая гл. обр. нац. и региональные орг-ции социологов [34 нац. ассоциации, в т. ч. СССР, Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Англии, Франции, Италии, США, ОАР, Индии, Японии; две региональные орг-ции по сел. социологии; ок. 30 социологич. ин-тов и центров, в т. ч. ГДР, Венгрии, Индонезии, Уганды; 4 ассоциированных члена (напр., междунар. совет по исследованиям в области социологии сотрудничества) и 35 индивидуальных членов]. Создана в 1949. Находится под покровительством и финансируется ЮНЕСКО. Гл. целями МСА, согласно Уставу, является содействие междунар. исследованиям в области социологии, развитие контактов социологов на междунар. арене, обеспечение обмена социологич. информацией. МСА организует работу исследоват. комитетов, созывает всемирные социологич. конгрессы, публикует социологич. материалы.

Исследовательские комитеты (социальной стратификации и социальной мобильности; индустриальной социологии; гор. социологии; социологии семьи; социологии массовых средств связи; политич. социологии; психиатрич. социологии; социологии религии; социологии досуга и массовой культуры; социологии права; социологии медицины) проводят исследования, заседания круглого стола, обсуждения.

Всемирные социологич. конгрессы созывались МСА: 1-й в 1950 в Цюрихе (Швейцария), 2-й в 1953 в Льеже (Бельгия), 3-й в 1956 в Амстердаме (Голландия), 4-й в 1959 в Милане-Стрезе (Италия), 5-й в 1962 в Вашингтоне (США). Сов. ученые принимали участие в работе 3, 4 и 5-го конгрессов. 6-й конгресс намечен на 1966 (см. ст. *Социология*, раздел Конгрессы). МСА публикует обозрение «*Current Sociology*» (3 вып. в год, в одном из к-рых, как правило, дается междунар.

библиография социологич. работ за предыдущий год), материалы всемирных социологич. конгрессов («Trans-actions of the world congress of sociology»), а также ежегодные доклады («Report of activities»).

Руководящие органы МСА: Совет, состоящий из назначаемых представителей нац. ассоциаций, и избираемый им Исполком. Исполком, избранный в 1962: президент МСА — Р. Кёниг (ФРГ); вице-президенты: Г. Влумер (США), Дж. Джермани (Аргентина), Р. Треви (Италия); ген. секретарь — Р. Жиро (Швейцария); члены: Ф. В. Константинов (СССР), Я. Щепаньский (Польша), Р. Арон (Франция), Х. Фриис (Дания), Ш. Мэдж (Англия), К. Одака (Япония), Ш. Роккан (Норвегия).

МЕЙЕР (Meier), Георг Фридрих (1748—77) — нем. эстетик и философ-идеалист, проф. философии в Галле. В отличие от многих своих предшественников, писавших по-латыни, М. составил на нем. языке по различным филос. дисциплинам учебники, к-рые стали офиц. пособиями в уни-тах Германии, особенно в Ирусси. Впоследствии Кант строил свои лекции по метафизике на основе труда М. «Извлечения из учения о разуме» («Auszug aus der Vernunftlehre», 1752). На эстетич. взгляды М. оказали влияние *Баумгартен*, англ. философы-эмпирики и швейцарцы Бодмер и Брейтингер. М. выдвинул учение о роли интуиции в чувств. восприятии красоты и о значении гения в художеств. творчестве. По требованию Фридриха II М. читал лекции о философии Локка, подчеркивая практич. полезность опытных наук. Однако М. с идеалистич. позицией выступал против материализма («Доказательство, что никакая материя не может мыслить» — «Beweis, daß keine Materie denken könne», 1743). С этих же позиций М. довел до крайности теорию *преформизма*. Защищая идею бессмертия души не только человека, но и животных («Попытка научного обоснования вопроса о душах животных» — «Versuch eines Lehrgebäudes von den Seelen der Tiere», 1749).

Соч.: *Theoretische Lehre von den Gemütsbewegungen überhaupt*, Halle, 1744; *Gedanken von dem Zustande der Seele nach dem Tode*, Halle, 1746; *Anfangsgründe aller schönen Künste und Wissenschaften*, Bd 1—3, Halle, 1748—50, 2 Aufl., 1754; *Vernunftlehre*, Halle, 1752; *Metaphysik*, Tl 1—4, Halle, 1755—59; *Philosophische Sittenlehre*, Halle, Tl 1—5, 1753—1761; *neue Aufl.*, 1762—74; *Recht der Natur*, Halle, 1767.

Лит.: *Дангелс* Ф. А., *История материализма...*, т. 1, Н.-У., 1899, с. 246; *Неннингс* Н., *Geschichte von den Seelen der Menschen und Tiere*, Halle, 1774; *Ланге* С. Г., *G. F. Meier*, Halle, 1778; *Вергманн* Е., *Die Begründung der deutschen Ästhetik durch A. G. Baumgarten und G. F. Meier*, Lpz., 1911; *Селлафф* А. Г. *Die Philosophie des G. F. Meier*, Freiburg, 1940; *Nivelle A.*, *Les théories esthétiques en Allemagne*, de Baumgarten à Kant, P., 1955. М. Бур. ГДР.

МЕЙЕРСОН (Meyerson), Ильяс (р. 27 февр. 1888) — франц. психолог и теоретик искусства. Член Франц. коммунистич. партии с 1956. Род. в Варшаве; сын философа Эмиля *Мейерсона*; проф. Тулузского уни-та, зам. директора Школы высших курсов (Сорбонна) и директор Центра исследований по сравнительно-историч. психологии (Париж); редактировал «Journal de Psychologie normale et pathologique». Доктор наук (с 1947) за работу «Психические функции и творчество» («Les fonctions psychologiques et les oeuvres», P., 1948). М. создал новое направление — сравнительно-историч. психологию. В свете принципа историзма М. изучает формы и продукты человеч. творчества (язык, науку, технику, искусство, право, нравственность, мифологию, религию, социальные учреждения, материальную культуру и т. д.), к-рые он рассматривает как объективные выражения психич. функций, исследует их генезис, особенности развития в конкретных социально-историч. условиях. По М., надо изучать человека «в том и через то, что он создал, и особенно через творения, которые он сам оценивает как самые важные...» («Les fonctions psychologiques et les oeuvres», 1948, p. 12). Мысль, психика человека — в мире его творений, изучение к-рых и дает психологу возможность установить историю психич. функций. Взаимодействие мышления и творений постоянно и диалектично. Эти последние не только выражают мысль, сохраняют и воплощают ее, но и сами ее творят. Мышление — и результат, и мотив создат. труда. Взаимодействие между мышлением и продуктами творчества осуществляется через труд, к-рый, т. о., есть основа этого взаимодействия и развития личности. Труд, по М., — это общий тип поведения и особая, даже осн. функция психики, к-рая сформировалась в процессе историч. развития произ-ва, техники и науки.

Соч.: *Le travail: une conduite*, «J. de Psychol. normale et pathologique», 1948, t. 41; *Problèmes d'histoire psychologique des oeuvres: spécificité, variation, expérience*, в сб.: *Hommage à Lucien Febvre. Eventail de l'histoire vivante*, [t.] 1, P., 1953; *Le travail, fonction psychologique*, «J. Psychol.», 1955, № 1.

Лит.: *Тутунджян* О. М., *Прогрессивные тенденции в историч. психологии* П. М., «Вопр. психологии», 1963, № 3; *Dambuyant M.*, *La psychologie historique d'après M. J. Meyerson*, «Revue Métaphysique et Morale», 1950, № 3; *Malrieu P. h., Vernant J.-P.*, *Le «Journal de psychologie» (1950—1954) et l'orientation de la psychologie française*, «La Pensée», 1955, № 61. О. Тутунджян. Ереван.

МЕЙЕРСОН (Meyerson), Эмиль (12 февр. 1859 — 4 дек. 1933) — франц. философ-идеалист. Род. в г. Люблине (Польша). Работы М. посвящены теории познания. С т. зр. М., истинный метод теории познания — это изучение форм разума в готовом, овеществленном знании. Поэтому теория познания необходимо становится историко-критич. исследованием науки. С т. зр. М., в основе разума лежит априорный принцип тождества. Познание означает отождествление различного. В духе кантовских традиций М. представляет процесс познания как взаимодействие активного разума с подлежащим чувственным материалом. Однако, в отличие от кантовцев, он подчеркивает, что разум не несет в себе никаких готовых категориальных схем. Категории, науч. теории, согласно М., возникают в результате взаимодействия априорной способности разума к идентификации с эмпирич. материалом, а поэтому не априорны и не аностерорны, а лишь «правдоподобны».

М. особо подчеркивает роль принципа причинности как основы для объяснения в науке. Причинность — это выражение априорного принципа тождества применительно к познанию явлений, существующих во времени. Причинность, с т. зр. М., выражает неизменность предмета во времени. Причина и следствие мыслятся как равные, следствие чисто логически вытекает из причины. М. противопоставляет познание законов познанию причинных связей. Он разделяет т. зр. позитивизма, что вскрытие законов еще не есть объяснение явлений. Но позитивистскому принципу «описания» явлений М. противопоставляет принцип «объяснения», как процесса раскрытия причинных зависимостей.

Со своих филос. позиций М. защищает от махистской критики атомную теорию строения материи, критикует субъективистские толкования теории относительности и квантовой механики. Однако неумение схватить диалектику реального познават. процесса, метафизич. противопоставление тождества и различия, разума и действительности предопределяют идеализм и агностицизм философии М. Суть разума, с его т. зр., в отождествлении, а действительность становится, длительность, изменчивость во времени как «иррациональность» действительности, ее непостижимость. Если бы не было «иррационального», изменчивого, то отождествление потеряло бы всякий объясняющий смысл. Эту метафизич. дилемму, из к-рой М. не может вырваться, он называет «эпистемо-

логическим парадоксом». М., однако, считает, что, хотя наука в основном имеет дело с рациональным, тавтологичным, в ней прорываются также и «иррациональные», разумом не постижимые моменты. Т. о., к метафизич. противоположности тождества и различия, интеллекта и действительности М. прибавляет надуманную противоположность рациональных и «иррациональных» принципов и понятий внутри науки.

Соч.: De l'explication dans les sciences, t. 1—2, P., 1921; La déduction relativiste, P., 1925; Identité et réalité, 3 ed., P., 1926; Du cheminement de la pensée, t. 1—2, P., 1931; Réel et déterminisme dans la physique quantique, P., 1933; в рус. пер.: Тождественность и действительность, СПб, 1912.

Лит.: Metz A., Une nouvelle philosophie des sciences, P., 1928; Benrubi I., E. Meyerson, в кн.: Philosophische Strömungen der Gegenwart in Frankreich, Lpz., 1928, S. 227—39; Einstein A., A propos de «La déduction relativiste», de M. E. Meyerson, «Rev. Philos. de la France et de l'Étranger», 1928, t. 105, № 3—4; Boas G., A critical analysis of the philosophy of E. Meyerson, Balt., 1930; Séé H., Science et philosophie d'après la doctrine de M. E. Meyerson, P., 1932; Kelly T. H. R., Explanation and reality in the philosophy of E. Meyerson, L., 1937; Mourélos G., L'épistémologie positive et la critique meyersoniennne, P., 1962.

В. Лекторский. Москва.

МЕЙМАН (Meumann), Эрнст (29 авг. 1862 — 26 апр. 1915) — нем. педагог, психолог и философ, идеалист, ученик В. Вундта, проф. многих ун-тов Германии, основатель Ин-та экспериментальной педагогики (Гамбург, 1911) и журналов «Archiv für die gesamte Psychologie» (1903) и «Zeitschrift für experimentelle Pädagogik» (1905, в 1911 переименован в «Zeitschrift für pädagogische Psychologie und experimentelle Pädagogik»). М. известен работами в области эстетики, психологии (восприятия времени и памяти) и гл. обр. экспериментальной педагогики, в к-рых он стремился примирить т. зр. различных психологич. школ и направлений.

Соч. в рус. пер.: Введение в совр. эстетику, М., 1909; Экономия и техника памяти, М., 1913; Интеллигентность и воля, [6 м.], 1917; Эстетика, т. 1—2, М., 1919; Лекции по экспериментальной педагогике, ч. 1—3, 3 изд., М., 1914—17; Очерк экспериментальной педагогики, М., 1922.

Лит.: Wundt W., Zur Erinnerung an E. Meumann... «Z. pädag. Psychol. und experiment. Pädagogik», 1915, H. 5—6; Külpe O., E. Meumann und die Ästhetik, там же; Störing G., Nachrufe für E. Meumann, «Arch. ges. Psychol.», 1915, Bd 34 (им. библи.). М. Роговин. Москва.

МЕЙНОНГ (Meinong), Алексис (17 июля 1853 — 27 ноября 1920) — австр. философ-идеалист. С 1882 — проф. ун-та в Граце; в 1894 создал там же первую в Австрии экспериментально-психологич. лабораторию. Философия М. представляет разновидность *неореализма*. Исходя из философии своего учителя Ф. Brentano, М. развил идеалистич. «теорию предметов» (Gegenstandstheorie). Под «предметом» М. понимал не объективный, материальный объект, но акт данности объекта в переживании. При этом безразлично, какова природа этого объекта: есть ли это реальная вещь или идеальное отношение, напр. понятия сходства и различия. Объект становится предметом только в акте познания. Это положение М. было потом развито в теории *интенциональности* Гуссерля. Предмет определяется только опосредствованно, исходя из переживаний, в к-рых он «понимается». Психическое есть, по М., медиум, посредством к-рого субъект соприкасается с царством «предметов». «Теория предметов» М. отличается от феноменологии Гуссерля тем, что она признает логич. примат за «предметами», а не за актами сознания или сознанием вообще. Тем не менее стирание грани между материальными и идеальными «предметами» характеризует систему М. как идеалистическую. В теории «ценностей» М. исходил из критики понятия экономич. ценности в бурж. полит. экономии. Стремясь достичь «всеобщего» понятия ценности, М. пришел к крайне субъективистской концепции. М. считал ценности психологич. фактом удовлетворения чувства удовольствия. Теория субъективной, или личной, ценности лежит в основе психологической индивидуалистич. этики М.

М. считал, что его теория соприкасается с неокантианством марбургской школы. Ряд идей М. подводил к основным понятиям *логического позитивизма* и оказал известное влияние на англ. философию нач. 20 в., в частности на ранние работы Б. Рассела, равно как и на дальнейшее развитие позитивизма в Австрии.

Соч.: Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Werttheorie, Graz, 1894; 2 Aufl. под назв.: Zur Grundlegung der allgemeinen Werttheorie, Graz, 1923; Über Annahmen, Lpz., 1902; 3 Aufl., Lpz., 1928; Untersuchungen zur Gegenstandstheorie und Psychologie, Lpz., 1904; Über die Erfahrungsgrundlagen unseres Wissens, Fr./M., 1906; Über die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften, Lpz., 1907; Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit, Lpz., 1915; Über emotionale Präsentation, W., 1917; Zum Erweise des allgemeinen Kausalgesetzes, W., 1918; [Selbstdarstellung], в кн.: Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen, 2 Aufl., Lpz., 1923.

Лит.: [Liljeqvist E.], Meinongs allmänna värde-teori, Göteborg, 1904; Hicks G. D., The philosophical researches of Meinong, «Mind», v. 31, new series, 1922, № 121; Tégén E., De personliga värdena hos Meinong, Lund, 1935; Meinong Gedenkschrift, Graz, 1952.

А. Мысливченко. Москва.

МЕКСИКАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Расцвет древних цивилизаций народов Мексики относится к толтеков к 6—10 вв., у майя — к 10—15 вв., у ацтеков — к 14—16 вв. У этих народов уже в те времена формировались зачатки науч. знаний, были созданы довольно совершенные календари, система счисления, производились расчеты движения планет, предсказывались солнечные затмения. В доколониальный период в рамках мифологии уже складывались филос. представления и понятия. Так, в учении ацтеков о мире была выдвинута идея о четырех первоэлементах (огонь, вода, земля, ветер) и понятие борьбы как причины космич. изменений.

Собственно филос. воззрения народов Мексики в колониальный период формировались под сильным влиянием идеологии европ. средневековья, прежде всего схоластики, преподавание к-рой сводилось к комментированию ср.-век. текстов Фомы Аквинского и Аристотеля или к повторению идей наиболее известных исп. схоластов Сото, Виторио, Суареса и др. Автором первых оригинальных филос. работ Нового света «Dialectica Resolutio» (1554) и «Recognitio summularum» (1554), представляющих собой курс логики, написанной в духе традиц. схоластики, был Алонсо де ла Веракрус (1504—84). В 1557 он опубликовал работу «Phisica speculation», в к-рой центр. место занимают проблемы познания. Нек-рой самостоятельностью в изложении филос. проблем отличаются и работы Антонио Рубио «Мексиканская логика» («Logica Mexicana») (1605); Томаса Меркадо (1775), пропагандировавшего идеи Петра Испанского; Антонио Ариаса (1562—1603), комментатора работ исп. схоласта Франсиско де Толедо; Педро Ортигоса (1547—1626) и др.

В конце 16 — нач. 17 вв. в Мексику проникают идеи европ. гуманизма, исходя из к-рых делаются попытки решения социальных проблем мекс. действительности. Так, первый епископ Мексики Хуан де Сумаррага (1475 или 1476—1515) следовал гуманистич. идеям Эразма Роттердамского («Краткая доктрина...») — «Doctrina brevis...», 1543). Преподаватель ун-та в Мехико Франсиско Сервантес де Саласар (1515—75) пропагандировал идеи исп. гуманиста Луиса Вивеса. Утопич. работы Томаса Мора нашли в Мексике горячего сторонника в лице епископа Васко де Кирога (1470—1654), пытавшегося организовать жизнь своей епархии согласно нек-рым принципам учения Т. Мора. Гуманисты решительно выступали против рабства, осуждали жестокость колонизаторов и утверждали, что индейцы такие же люди, как испанцы. В наиболее острой и критич. форме эти идеи изложены в книгах епископа Чианпаз Бартоломе де лас Касаса (1474—1566), одна из к-рых «Краткий отчет о разорении Индии» («Brevisima relación de la destrucción de las Ind-

días», 1552), получила всемирную известность. О деградации схоластики, занимающей все еще господствующее положение в 17 в., свидетельствует большинство работ этого периода: напр., труды Андреса де Валенсии (1578—1644), Педро Сели (1587—1617), Диего Вилья Рубии (1563—1622), Хосе Гавальды (1539—1638), Диего Басаланке (1577—1651) и др. К этому же времени относится деятельность писателей и поэты монахини Хуаны Инес де ла Крус (Хуаны Рамирес) (1651—95), работы к-рой обнаруживают глубокую гуманистич. тенденцию. Филос. идеи изложены ею в поэме «Первый сон» («Primer sueño», 1692) и в «Ответе сестре, Филотеа де ла Крус» («Respuesta a sor Filotea de la Cruz», 1691). Особенный интерес представляет «Первый сон», в к-ром говорится, что жизнь есть сон, а в состоянии сна все становится равным—и вещи, и тело, и душа. Во сне сохраняет свою действительность только разум, и жизнь сводится к деятельности разума, осн. функция к-рого — познание природы, а не «метафизических» сущностей.

Одним из первых распространителей гуманистич. и науч. идей европ. возрождения в Мексике был Карлос де Сигуэнса-и-Гонгора (1645—1700), ученый и писатель, автор ряда работ, среди к-рых наибольший интерес для философии представляет его «Астрономическая и философская книга» («Libra astronómica y filosófica», 1690). Сигуэнса-и-Гонгора отстаивает приоритет разума и экспериментального метода в решении науч. вопросов и высмеивает преклонение перед авторитетами.

Во 2-й пол. 18 в. намечаются нек-рые перемены, связанные с тем, что молодая мекс. буржуазия стремится освободиться от опеки полуфеод. Испании. В этот период интересы нац. буржуазии совпадают с интересами широких нар. масс, начинающих все решительнее выражать свое недовольство колониальными порядками. В таких условиях гуманистич. и революц. идеи находят в стране благоприятную почву, особенно среди креольской интеллигенции, к-рая видит в новой философии могучее средство борьбы против идеологии колонизаторов. Развитие бурж. отношений дало значит. толчок прогрессу в естествознании. Получают широкое распространение идеи Ф. Бэкона, Декарта, Ньютона, Лейбница, Коперника, Гассенди, Спинозы и др. Влияние новых идей отразилось на творчестве нек-рых мекс. философов, напр. Хосе Рафаэля Кампы (1723—77), Диего Хосе Авата (1727—79), Франсиско Хавьера Алгре (1729—88), Франсиско Хавьера Клавихеро (1731—87), Андреса де Гевары (1748—1801), и выразилось прежде всего в признании ограниченности силлогистич. метода и необходимости дополнить его экспериментальным. Важной чертой их творчества является интерес к конкретным проблемам мекс. действительности, ее истории, культуре, природе. Идеи этих мыслителей представляют собой своеобразную форму перехода от традиц. схоластики к философии нового времени и прежде всего Декарта. Наиболее полно они изложены в работе Хуана Бенито Диаса де Гамарры (1745—83) «Элементы совр. философии» («Elementa recentioris philosophiae», 1774). Гамарра защищал самостоятельность разума по отношению к вере, утверждая, что философия познает истину посредством разума и рассудка.

С острой критикой схоластики, пропагандой новых прогрессивных идей и науч. знаний выступили во 2-й пол. 18 в. Хосе Антонио Альсате (1729—90), издававший «Литературную газету», и математик и астроном Хосе Игнасио Бартолаче (1739—90), в 1772—73 издававший журн. «Mercurio volantes».

В первые годы 19 в. обостряются противоречия между Испанией и ее амер. колониями и нац.-освободит. борьба принимает форму вооруж. нар. восстания. В Мексике оно началось в сент. 1810 и привело к

провозглашению независимости (1813). В этот период в стране широко распространяются революц. материалистич. идеи франц. бурж. революции. Многие выдающиеся деятели нац.-освободит. борьбы: Мигель Идальго-и-Костилья (1753—1811), Хосе Мариа Морелос (1765—1815), Висенте Герреро (1782—1832), Гуадалупе Виктория (1785—1843) вдохновлялись идеями Руссо, Вольтера, Монтескье, Дидро. Эти идеи лежат в основе ряда важных документов революц. Мексики. Напр., в «Чувствах нации или 23-х положениях для мексиканской конституции» («Sentimientos de la Nación...», 1813) Морелос ставит вопросы нац. независимости и демократич. преобразований. В обращении по случаю принятия Мексиканской конституции (1824) говорится о том, что идеологич. прогресс человечества опирается на открытые Ньютоном секреты природы и на общественные принципы, изложенные Руссо и Монтескье.

В период борьбы за независимость, в связи с ростом нац. самосознания и революц. настроений народа, философия как академич. дисциплина теряет свое значение; действительность идей начинает проверяться в политич. борьбе. Газеты и политич. прокламации становятся средством пропаганды и распространения социальных доктрин. Важную роль в борьбе за глубокие социальные преобразования сыграла в 1-й четверти 19 в. газ. «El pensador Mexicano» («Мексиканский мыслитель»), к-рой руководил писатель, прогрессивный публицист Хосе Хоакин Фернандес де Лисарди (1776—1827). Опираясь на рационалистич. идеи, Лисарди выступил против реакции и явился одним из зачинателей мекс. либерализма.

В 1-й пол. 19 в. в центре идеологич. борьбы Мексики продолжает оставаться борьба двух осн. течений: ср.-век. схоластики, на к-рую опирается реакция, и рационалистич., материалистич. идей, ставших методологич. основой социально-политич. доктрин нац. буржуазии, наиболее известными идеологами к-рой явились Хосе Мариа Луис Мора (1794—1850), Лоренсо де Савала (1788—1836), Мельчор Окампо (1814—61) и др. Наиболее видным представителем материалистич. философии этого периода был Игнасио Рамирес (1818—79), к-рого иногда называют мекс. Вольтером. Он доказывал, что все мировые явления есть результат развития вечной и неуничтожимой материи и отрицал существование бога. Ученый и соратник Рамиреса Игнасио Мануэль Альтамирано (1834—93) тоже остро критиковал схоластику и религ. мракобесие, выступал в защиту трудового народа и особенно индейского населения (сам Альтамирано был индейцем).

Среди представителей схоластич. философии, выступавших в этот период против идей материализма и рационализма, наибольшую известность получил Клементе де Хесус Мунхия (1810—68), ставший в 1852 епископом. В книге «О мышлении и его проявлениях, рассмотренном в самом себе, в его связях и законах...» («Del pensamiento y su enunciación, considerado en sí mismo, en sus relaciones y en sus leyes...», 1837—52) Мунхия пытается дать классификацию человек. знания, исходя из католич. понимания души, и обосновать тезис о гармонии веры и разума. По Мунхии, существуют три различных степени познания. «С помощью органов чувств мы познаем материальные предметы, которые нас окружают, с помощью сознания мы познаем самих себя, с помощью разума познаем Бога, начало и центр абсолютных истин» (цит. по кн.: Valverde Tellez E., Apuntaciones históricas sobre la filosofía en México, Méx., 1896, p. 262).

Идейная борьба и филос. полемика этого периода нашли яркое отражение в периодич. печати. Либеральная прогрессивная печать, нападая на привилегии церкви и религ. обскурантизм, противопоставила

филос. идеям схоластики ряд филос. концепций — материалистических, рационалистических, пантеистических и даже спиритуалистических. В католич. газетах все большее место также начинают занимать филос. темы. Значит. распространение в этот период получили перенесенные в Мексику книги исп. католич. философа Хайме Бальмеса.

Филос. мысль в Мексике после бурж. революции 1854 характеризуется проникновением идей позитивизма, связанным в значит. степени с развитием рационалистич. и антиклерикальной мысли. Так, Габико Барреда (1818—81) пытался интерпретировать историю Мексики в соответствии с учением Конта и его классификацией социальной эволюции. В своем развитии мекс. позитивизм претерпел явную эволюцию в сторону консерватизма и реакционности. Позитивизм явился той концепцией, к-рая наиболее соответствовала целям буржуазии, — идеологически укрепляла ее господствующее положение. Ученики Барреды основали в 1877 г. н. «Методифильскую ассоциацию» для разработки и распространения идей позитивизма.

В конце 19 — нач. 20 вв. позитивизм оставался официально признанной в Мексике доктриной, в сфере его влияния находилось нар. образование, концепцию позитивизма разделяла большая часть интеллигенции. В этот период в Мексику начинают проникать идеи естественнонауч. материализма. И хотя представители этого направления по ряду вопросов были близки позитивизму Спенсера, в своих работах они пытались на основе материалистич. монизма Геккеля и эволюц. теории Дарвина осмыслить осн. научные открытия 19 в. Представители этого направления: Фортунато Эрнандес, автор книги «Материя, разум и жизнь» («La materia, la inteligencia y la vida», 1901); Энрике О. Арагон, написавший книгу о материалистич. психологии («Psicología», 1902). Материалистич. идеи легли также в основу книги Альфонсо Л. Эррера «Начала биологии» («Nociones de biología», 1904) и ряда работ др. авторов, в к-рых отставалась мысль о многообразии мира как результата развития вечной и неуничтожимой материи. В противоположность агностицизму естественнонауч. материализм верил в силу познавательных способностей человек. разума. Однако все эти естественнонауч. концепции в своей основе были метафизическими. Гл. противником позитивизма и материалистич. философии в Мексике во 2-й пол. 19 в. выступает католицизм и христ. философия. Наиболее показательна в этом отношении книга «Томизм и неотомизм» («Tomismo y Neo-tomismo», 1903) доминиканца Гильермо Гарсиа (1872—1910) и серия статей Рафаэля Порьега «Схоластика и совр. мысль» («La Escolástica y el pensamiento moderno», опубли. в газ. «El País», 17 и 20 авг. 1903 г.).

В конце 19 — нач. 20 вв. появляются первые серьезные исследования по истории филос. идей в Мексике. Напр., книга Агустина Риверы (1827—1919) «Философия в Новой Испании, или Диссертация об отсталости Новой Испании в области философских наук» («La filosofía en la Nueva España...», 1885), в к-рой критикуется схоластика. С критикой этой книги выступил католич. философ Агустин де ла Роса (1824—1907). Исследования истории философии продолжил Эмертино Вальверде Тельес («Исторические записки о философии в Мексике» — «Apuntaciones históricas sobre la filosofía en Mejioco», 1896, и «Мексиканская философская библиография» — «Bibliografía filosófica Mexicana», 1907).

Среди опубликованных в Мексике во 2-й пол. 19 в. филос. работ наиболее значительна работа инженера, изобретателя Хуана Непомусено Адорно (1807—80) «Гармония Вселенной» («La Armonía del Universo», 1862), в к-рой он стремится доказать, что

все существующее в мире — это различные формы проявления Провидения, ведущего мир к всеобщей гармонии. Исходя из этих предположений, он создает утопич. картину будущего человечества, где все люди будут равны и счастливы. Исчезнут несправедливость, пороки и болезни, и человек своим трудом достигнет полного господства над природой.

В 1-й пол. 20 в. на смену исчерпанному себя позитивизму приходят новые зап.-европ. и амер. филос. течения: интуитивизм, неокантианство, экзистенциализм. Снова усиливает свое влияние томизм.

Наиболее известными мекс. философами-идеалистами 1-й пол. 20 в. являются Антонио Касо (1883—1946), Хосе Васконселос (1882—1959) и Рамос. Касо отстаивал идеи Бергсона и Бутру и в своей осн. работе «Существование как экономика, беззаинтересованность и милосердие» («La existencia, como esoponia, como desinterés y como caridad», 1916, 2 изд., 1919) дополняет эти идеи рядом положений Маха и Дьюи. Васконселос, эклектически сочетая взгляды различных философов-идеалистов, под сильным влиянием католич. философии и религ. мистицизма создал учение, к-рое сам называет «эстетическим монизмом». Филос. идеи Рамоса близки идеям исп. философа Х. Ортега-и-Гассета.

После 2-й мировой войны в Мексике продолжают распространяться различные течения бурж. филос. мысли. Среди совр. философов-идеалистов наиболее известны неокантианцы Ларройо и Эктор Родригес; неосхоласты Освальдо Роблес, Хосе Сапчес Вильясенор, Агустин Басаве Фернандес дель Валье; ортегисты Романо Муньос, Гаос, Сеа, Эдмундо О'Горман, Хустино Фернандес и др. На позиции христ. экзистенциализма перешел неокантианец Адольфо Менендес Самара. Вопросы юридич. логики занимается Эдуардо Гарсиа Майнес, на к-рого оказали большое влияние идеи Н. Гартмана. Большое место в работах совр. мекс. философов занимают исследования по истории филос. мысли Мексики: «История философии в Мексике» («Historia de la filosofía en México», 1943) Рамоса; «Позитивизм в Мексике» («El positivismo en México», 1943), «Апогей и упадок позитивизма в Мексике» («Augeo y decadencia del positivismo en México», 1944) Сеа; «Философия Мексики наших дней» («La filosofía Mexicana de nuestros días», 1954) Гаоса; коллективный труд «Исследования по истории философии в Мексике» («Estudios de historia de la filosofía en México», 1963) и мн. др. Значит. часть авторов, исследующих особенности развития филос. мысли в стране, поднимает вопрос о необходимости создания нац. философии, пытаясь доказать, что Мексика развивается самобытным путем. При этом, однако, они исходят из психологич. и культурных особенностей мекс. народа, игнорируя социальные условия и классовую борьбу в стране. В Мексике издается ряд филос. журналов, среди к-рых наиболее интересны «Filosofía a Letras» («Философия и словесность»), «Dianoia» («Дианоиа»), печатающие статьи не только буржуазных, но и марксистских философов. В ряде университетов страны имеются филос. фак-ты. При Национальном автономном университете г. Мехико, кроме филос. фак-та, с 1955 работает «Семинар научных и философских проблем», регулярно публикующий доклады по наиболее актуальным проблемам философии и науки. В 1963 в Мексике состоялась 13-й Международный филос. конгресс, в к-ром принимала участие и сов. делегация.

Марксистские идеи начали распространяться в Мексике в 70-е гг. 19 в., что было тесно связано с возникновением первых рабочих организаций. Пронагандистом марксистских идей явилась газета «El Socialista» («Социалист»), 1871—88. Газета издавалась группой

рабочих-печатников, впоследствии образовавших «Кружок мексиканских рабочих». Она воспроизводила документы 1-го Интернационала, освещала вопросы международного рабочего движения. Газета с восторгом приветствовала Парижскую Коммуну. Кроме того, между 1870 и 1880 выходил ряд др. газет, отстаивающих интересы рабочего класса, напр. «La Comuna» («Коммуна»), «La Internacional» («Интернационал»), «El hijo del Trabajo» («Сын труда»). Однако в этот период в рабочем движении Мексики преобладают анархистские и анархо-синдикалистские идеи. Наиболее влиятельным сторонником идей анархизма в Мексике в нач. 20 в. был Рикардо Флорес Маргон (1873—1922). Созданный в 1912 рабочий центр — «Дом мирового рабочего», руководствовался в своей деятельности идеями анархизма.

В 1919 была создана Мексиканская коммунистич. партия, объединившая марксистские кружки, действовавшие в разных провинциях. В первые десятилетия существования Коммунистич. партии теоретич. деятельность мекс. марксистов имела огранич. характер: осн. внимание они уделяли вопросам экономич. и политич. революц. борьбы.

В период правления демократич. президента Кардонаса в стране создались более благоприятные условия для распространения и пропаганды социалистич. идей. Большую роль в этом сыграл созданный в 1936 «Рабочий университет».

После 2-й мировой войны в Мексике продолжает распространяться марксистская философия. Философы-марксисты читают свои курсы в ряде ун-тов, их работы печатаются в журналах и публикуются в виде монографий. Среди них известны Эли де Гортари — автор книги «Введение в диалектическую логику» (изд. на рус. яз.), А. Санчес Васкес, работающий в области эстетики и истории философии, Ломбардо Толедано, опубликовавший в 1963 очерк «Филос. течения в жизни Мексики» («Las corrientes filosóficas en la vida de México»).

Мексиканские марксисты осуществляют большую работу по переводу советской филос. литературы. В последние годы были, в частности, переведены: Категория марксистской диалектики, под ред. М. М. Розенталя и Г. М. Штракса, 1956; Ф. В. Константинов, Исторический материализм, 1954; Основы марксистско-ленинизма, под ред. О. В. Кушнина, 1959; Основы марксистской философии, под ред. Ф. В. Константинова и др.; История философии, т. 1—5, 1957—1961.

В центре внимания мекс. марксистской мысли продолжают оставаться проблемы обществ. развития страны, революц. и нац.-освободит. борьбы пролетариата. Эти вопросы наиболее последовательно разрабатываются Мексиканской коммунистической партией и широко освещаются на страницах партийной печати.

Лит.: Докладный период — Пон-Портилья М., Философия народа, пер. с исп., М., 1968; Caso A., El pueblo del sol, Méx., 1953; Méndiz Bolio A., Libro de Chilam Balam de Chuyamel, San José, 1930; Sostelle J., La pensée cosmologique des anciens Mexicains, P., 1939.

Колониальный период — Ricard R., La conquista espiritual de México, Méx., 1947; Gallegos Rosafull J. M., El pensamiento Mexicano en los siglos XVI y XVII, [Méx.], 1951; Robles O., Filósofos Mexicanos del siglo XVI, Méx., 1950; Navarro B., La introducción del a filosofía moderna en México, Méx., 1948; Moya G. J., Ambiente filosófico de la Nueva España, Méx., 1945; Pérez-Marchand M. L., Dos etapas ideológicas del siglo XVIII en México, [Méx.], 1945; Salas A. M., Tres cronistas de Indias, Méx., [1959]; Zavala S., Ideario de Vasco de Quiroga, Méx., 1941; Pición Salas M., De la conquista a la independencia, 3 ed., Méx., 1958.

Период независимости — Агабон А., Essai sur l'histoire du positivisme au Mexique, P., 1898; Sierra J., Evolución política del pueblo Mexicano, Méx., 1940; Zea L., El positivismo en México, [Méx.], 1943; e g o ж е, Apogeo y decadencia del positivismo en México, [Méx.], 1944; Gortari E. de, La ciencia en la reforma, Méx., 1957;

Reyes Heróles J., El liberalismo Mexicano, t. 1—3, Méx., 1957—61; Cue Cánovas A., La reforma liberal en México, Méx., 1960; González Casanova P., Una utopía de América, [Méx.], 1953; Valdes Jose C., El pensamiento político de Benito Juárez, Méx., 1949; Heróles J., Dos ideas sobre la filosofía en la Nueva España, Méx., 1959.

Современный период — Очерки новой и новейшей истории Мексики, М., 1960; История философии, т. 1, М., 1957, с. 621—24; т. 2, М., 1957, с. 551—69; т. 4, М., 1959, с. 411—13, 426—30; т. 5, М., 1961, с. 761—62, 767—71; Caso A., El problema de México y la ideología nacional, Méx., 1924; Larroyo F., La filosofía americana, Méx., 1958; e g o ж е, Historia comparada de la educación en México, 5 ed., Méx., 1959; Ramos S., El perfil del hombre y la cultura en México, Méx., 1951; e g o ж е, Historia de la filosofía en México, Méx., 1943; O'Gorman E., Fundamentos de la historia de América, Méx., 1942; Zea L., La filosofía como compromiso, y otros ensayos, [Méx.], 1952; e g o ж е, América en la historia, Méx., 1958; Villegas A., La filosofía de lo Mexicano, Méx., [1960]; Krauze de Koltenuk R., La filosofía de Antonio Caso, Méx., 1961; Estudios de historia de la filosofía en México, Méx., 1963.

Р. Биргемс. Москва.

МЕЛАНХТОН (Melanchthon — гречизация нем.

Шварцверд (Schwarzerd), Филипп (16 февр. 1497—19 апр. 1560) — нем. филолог и гуманист. В 1514 по окончании Тюбингенского ун-та М. становится лектором по классич. филологии, а в 1518 получает кафедру греч. языка в Виттенбергском ун-те. В своей вступит. речи «О реформировании обучения юношества» М. отстаивал принципы гуманистич. педагогики, требуя положить в основу изучения наук в школе знание древних языков и христ. верования непосредственно по источникам. В Виттенберге установилась прочная дружба М. с Лютером, к-рому он помогал как в переводе Нового завета, так и в полемике с папистами. М. оставался сподвижником и помощником Лютера до конца жизни последнего (1546). Вместе с Лютером М. боролся с нарастающим в 1521—25 революц. движением. М. выступал не только против пропагандируемого *Миунцера* нар. понимания Реформации, но и против радикал. течений бюргерской Реформации и свободы мысли, называя геллоцентрич. учение *Коперника* «злым и безбожным мнением» и приветствуя *Кальвина* за преследование еретиков и сожжение *Серама*. В период наступившей после подавления Крест. войны реакции М. развил энергичную деятельность по укреплению догматич. основ лютеранской церкви, явившись автором т. н. Аугсбургского исповедания и ряда др. политико-богословских трактатов. С этой деятельностью М. была связана и разработанная им система школьного обучения и составленные им школьные учебники (по древним языкам, по логике, этике, риторике и др.), за что он был назван «учителем Германии» (praecceptor Germaniae). Созданная М. лютеранская система школьного обучения оказала влияние на последующее развитие культуры в Германии. Политич. значение деятельности М. заключалось не только в систематизации лютеранской теологии, но и в приспособлении создавшейся лютеранской церкви к интересам феод. князей и тем самым — в религ. санкции политич. раздробленности Германии. Сделавшись ближайшим сотрудником Лютера и придерживаясь вместе с тем нек-рых этич. принципов гуманизма Эразма и Рейхлина, М. стремился смягчить резкие фаталистич. формулы Лютера, пытаясь сочетать их с философией Эразма. Уже во 2-м издании своего теологич. трактата «*Loci communes...*» (1535) М. называет полное отрицание свободы воли стоицизмом. В других произведениях он развивает мысль о том, что человек, воля — сама по себе духовно беспомощная — приобретает силу от «слова божия», к к-рому она прибегает. Начав свою деятельность с пропаганды гуманистич. учения, М. пришел к попытке сочетать лютеранство с нек-рыми положениями эразмовского гуманизма. Эта попытка представляла собой по существу приспособление к теологии и догматике, при к-ром

из гуманизма выхолащивалось его живое, прогрессивное содержание. Энгельс видел в М. прообраз «филистерского, чухлого кабинетного ученого» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 7, с. 373).

Соч.: Opera quae supersunt omnia, v. 1—28, Halle—Brunswick, 1834—60; Erg. Bd 1—2, 5—6, 1910—26, в изд.: Corpus reformatorum, ed. C. G. Bretschneider [u. a.]; Werke in Auswahl, hrsg. von R. Stupperich, Bd 1—4, [Güterstoh], 1951—63 (изд. продолжается).

Лит.: Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; Смирнин М. М., Нар. реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, 2 изд., М., 1955; Camerarius J., De vita Melanchthonis, narratio, Halle, 1777; Planck A., Melanchthon der praceptor Germaniae, Nördlingen, 1869; Loeffel F., Melanchthon als Humanist und Reformator, «Theologische Studien und Kritiken», 1897, S. 641—67; Stegn L., M. Luther and Ph. Melanchthon. Ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung, B., [1953]; его же, P. Melanchthon — Humanist, Reformator, Praceptor Germaniae, Halle, 1960; Manschreck C. L., Melanchthon, the quiet reformer, N. Y.—Nashville, 1958; Ph. Melanchthon, 1497—1560. Gedenkschrift zum 400. Todestag des Reformators, Bretten, 1960. М. Смирнин. Москва.

МЕЛЕЩЕНКО, Зоя Николаевна [р. 17(30) мая 1893] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1962). Окончила Петерб. женский пед. ин-т (1913) и филос. отделение Петерб. ун-та (1914). С 1913 преподавала в средней школе, позднее — на рабфаках, с 1930 — преподает и ведет науч. работу в различных вузах. С 1944 работает на филос. фак-те Ленинградского ун-та. Науч. исследования М. посвящены истории философии (эпоха Возрождения, нем. Просвещение, нем. классич. философия, философия эпохи империализма в Италии и Германии, марксистская философия в Италии) и критике ревизионизма.

Соч.: Женщины двух эпох. «Сов. наука», 1941, № 4; Коммунистич. партия Италии в борьбе против философствующих поджигателей войны, Л., 1955; Влияние Великой Окт. социалистич. революции на развитие марксистской мысли в Италии, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1958, № 1; Из истории идейно-филос. борьбы за единство Германии в 18 и нач. 19 вв., Л., 1958; Неокантианство как филос. основа ревизионизма, Л., 1960; Возрождение, Филос. энциклопедия, т. 1, М., 1960; Нек-рые вопросы историч. материализма в трудах А. Грамши, «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1961, № 1.

МЕЛИСС (Μέλισσος) Самосский (сер. 5 в. до н. э.) — др.-греч. философ, ученик Парменида, последний из представителей элейской школы, развивший ее метафизич. и идеалистич. тенденции. Видный гос. и воен. деятель (командующий флотом самосцев и политич. противник Перикла, А 1—3, Diels⁹), написавший не дошедшее до нас соч. «О природе, или О существе» (А 4). М. критиковал и гифагорейство, и Гераклита, и Эмпедокла, и атомистов с т. зр. элейского единого, неподвижного, нерасчлененного, бестелесного, доразумного, бесконечного и самоотдельного. По его учению, ничто вообще не может возникать, т. к. в конце концов оно возникало бы из ничего, а из ничего не может возникнуть ничего. То, что есть, абсолютно едино, поскольку два единых указывали бы уже на множественность. Оно не имеет ни начала, ни конца, т. к. будучи всем, оно ничего не имеет, кроме себя, от чего оно могло бы отличаться и в области чего оно имело бы начало или конец. Движение тоже невозможно, потому что нельзя передвинуться ни в пустоту (ибо пустое есть ничто), ни в заполненное (потому что это последнее ничего не может пустить на свое место). Также невозможно и смешение вещей, потому что, если бы вещи были различны, то мы узнали бы их в любой их смеси. Новым моментом в элейской философии является здесь то, что бесконечность понимается не только временным образом, но и пространственно (А 5, 9—10). Однако М., как и элейцы вообще, не отрицал существования чувств. мира и его разнообразия. Символически, напр., прекрасно понимал, что у элейцев речь идет о природе не в смысле обыкновенных чувств. вещей, но в смысле отвлеченной категории бытия (А 4, В 1—4). Это особенно

ясно видно на таких категориях, как движение (В 7 телесность (В 9), величина (В 10). Элейцы не были б. греками, если бы целиком отрицали подвижный и разнообразный мир с его вечным становлением. Эпифани (А 12), напр., прямо говорил, что у М. «в природе ничего постоянного, но все в возможности подвержено гибели». В древности говорили также и о том, что отрицат. рассуждение у М. имеет только эвристич. характер, а на самом деле он вполне признавал чувств. ощущения и на них базировался (А 14; ср. 7). Ощущения обманчивы, если они берутся вне разумного усмотрения, но если они не мешают разумной определенности сущего, они имеют вполне положит. характер (В 8). И в конце концов, как единое у М. ни отвлечено, все же он трактует его как божество (А 13) и даже приписывает ему блаженство (А 5), а уж относительно конкретности греч. богов сомневаться не приходится. Наконец, свое знаменитое единое, или бытие он называл самым простым и обыкновенным греч. термином «природа» и даже приписывал ему пространств. бесконечность. Т. о., единое у М. не отрицает природы, а только выдвигает в ней на первый план один из ее моментов, именно непрерывную целостность.

Фрагм.: Diels H., Die Fragmente der Vorsokratiker, 9 Aufl., Bd 1, В., 1960; Маковельский А. О. Демократизм, ч. 2, Каз., 1915, гл. 20.

Лит.: Мандес М. И., Элеаты, О., 1911, с. 245—310; Дьячков М. А., Очерк истории философии классич. Греции, М., 1936, с. 98—99; История философии, т. 1, [М.], 1946 (по имен. указ.); Aplet O., Melissos bei Pseudo-Aristoteles, in: Jahrb. klass. Philol., Bd 133, В., 1886, S. 729—66; Pabst A., De Melissi Samii fragmentis, Bonnac, 1889 (Diss.); Offner M., Zur Beurteilung des Melissos, «Arch. Geschichte Philos.», 1894, Bd 4, S. 12—33; Reinhardt K., Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie, Bonn, 1916; Meloni P., Contributo ad una interpretazione del pensiero di Melisso di Samo, «Annali della Facoltà di Lettere, Filosofia e Magistro della Università di Cagliari», 1948, v. 15; Unterstein M., Senofane e Melisso nel «De Melisso Xenophane Gorgia», «Antiquitas», 1953, pp. 3—65.

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ — класс мелких собственников при системе товарного хозяйства, занимающий в капиталистич. обществе промежуточное положение по отношению к его осн. классам — буржуазии и рабочему классу. М. б. подразделяется на сельскую (большинство крестьян, мелких фермеров) и городскую (ремесленники, кустари, торговцы и др. мелкие предприниматели); к ней принадлежат также самостоятельно работающие лица свободных профессий, мелкие рабты. Наиболее общие признаки, объединяющие всю эту пеструю массу и образующие понятие М. б., — частная собственность на средства произ-ва (обращения) и личный (семейный) труд. В отличие от пролетария, мелкий буржуа владеет частной собственностью, в отличие от капиталиста — работает сам. Многие мелкие собственники прибегают к использованию наемного труда; в этом случае они отличаются от капиталистов настолько, насколько масштабы эксплуатации наемной рабочей силы еще не позволяют им освободиться от участия в производств. процессе и сосредоточиться на функциях управления и надзора. Если собственник средств произ-ва вынужден «...прилагать свои руки непосредственно к процессу производства...», то «...он и будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, будет „мелким хозяйчиком“» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 313).

В противоположность марксистскому, научному понятию М. б., бурж. экономисты и социологи выдвигают крайне расплывчатое понятие мелкого бизнеса (small business), относя сюда предприятия с числом занятых до 100, 200 и даже 500 чел. Затуманивая принципиальное отличие М. б. от немонополистич. буржуазии как части капиталистич. класса, апологетич. лит-ра представляет дело таким образом, будто мелкий бизнес сохраняет преобладающие позиции во всех экономич. секторах, а его интересы — тождествен-

пы интересам бизнеса вообще. Однако даже нек-рые бурж. авторы признают, что нельзя не учитывать различий между предприятиями, основанными на собственн. труде владельца, и предприятиями, где преобладает наемный труд (Дж. Филлипс). Вместе с тем антимарксистская социология пытается подменить понятие М. б. понятием «средний класс» (middle class, Mittelstand), к к-рому она, оперируя различными субъективистскими подобранными критериями, такими, как занятие, уровень дохода, образ жизни, «ранг», «престиж» и т. п., произвольно относит осн. массу пролет. населения, в т. ч. большинство *служащих* и значит. часть рабочих (Г. Грейсон, Ф. Штернберг, А. Кросленд, Г. Шельский, Ф. Марбах и др.). Бурж. концепция «среднего класса» ненаучна, поскольку она игнорирует объективное, социально-экономич. понятие класса (см. *Классы и «Нового среднего класса» теория*).

М. б. является неосн., переходным классом. Она постоянно находится в процессе социальной дифференциации. Поэтому в социально-экономич. отношении М. б. крайне неоднородна. Представители ее низших, беднейших групп, вынужденные прибегать к продаже своей рабочей силы, стоят тем самым на грани полупролет. или пролет. существования. Верхний, более зажиточный слой М. б., систематически эксплуатирующей наемный труд, притягивает непосредственно к капиталистич. классу. Отсюда — условность социальных границ М. б. Оставаясь особым обществ. классом, она через массу переходных ступеней всегда тесно связана как с пролетариатом, так и с буржуазией.

Осн. историч. тенденция эволюции М. б. — тенденция к упадку, разложению и вытеснению. Победа капитализма над феодализмом и окончат. утверждение системы товарного х-ва первоначально превращают М. б. — гл. обр. в лице освобожденного от феод. зависимости *крестьянства* — в наиболее многочисл. обществ. класс, охватывающий большинство населения. Именно этот класс, в решающей степени способствовавший приходу буржуазии к власти, становится первой жертвой капитализма. Процесс капиталистич. накопления и развития крупной машинной индустрии сопровождается прогрессирующим разложением мелкой частной собственности, вытеснением мелкотоварного произ-ва, экспроприацией и пролетаризацией самостоят. мелких производителей. Мелкие хозяева со своей отсталой техникой, низкой производительностью труда, отсутствием достаточных предпосылок для произ-ва в расширенном масштабе не могут выдержать конкуренции с более крупными предприятиями. Профес. мастерство мелких ремесленников обеспечивается благодаря появлению новых, пром. методов произ-ва. Поэтому большинство мелких собственников рано или поздно переходит в ряды пролетариата и лишь нек-рые, расширяя масштабы применения наемного труда, выбиваются в капиталистич. предпринимателей. В результате удельный вес М. б. в обществе неуклонно сокращается; в самых развитых капиталистич. странах она образует ныне меньшинство населения.

Неизбежность вытеснения М. б. была предсказана Марксом и Энгельсом еще в сер. 19 в. Развитие капитализма подтвердило их выводы, полностью развенчав романтич. утопии мелкобурж. философии и политич. экономии (Сисмонди, Прудон, народники), а также раннереформистские теории «устойчивости» мелкого произ-ва (Бернштейн, Давид). Наиболее сильный удар по теориям, идеализировавшим мелкое произ-во, нанесла эпоха империализма, когда положение М. б. особенно ухудшилось. Установление экономич. и политич. господства монополий, катастрофич. экономич. кризисы, мировые войны, инфляция — все это ускорило процесс разорения мелких собственников. Однако переход от свободной конкуренции к монополи-

стич. капитализму вовсе не означает автоматич. и полного уничтожения мелких предприятий. Империализм не существует в «чистом» виде, без старой основы — капитализма. Длит. сохранение экономич. базы М. б. обусловлено несколькими, неодинаковыми по своему значению причинами. 1) Свойственное капитализму отношение перенаселение тормозит ликвидацию отсталых, примитивных форм мелкого произ-ва, превращая мелкие предприятия в средоточие избыточной рабочей силы (скрытое перенаселение). Поскольку при капиталистич. системе х-ва предложение рабочей силы, как правило, превышает спрос на нее, мелкий хозяин вынужден цепляться за свое предприятие даже тогда, когда оно не обеспечивает ему необходимых средств существования. Мелкое предприятие в условиях господства монополий и царящей на рынке ожесточ. конкуренции сплошь и рядом сохраняется лишь ценой чрезмерной работы самого владельца, а также неоплачиваемого труда членов его семьи, сведения к минимуму уровня личного потребления, усиленной эксплуатации наиболее дешевой рабочей силы (батраки, подмастерья, ученики и т. п.). 2) В странах с высоким уровнем индустриального развития происходит закономерное расширение сферы распределения и услуг, к-рая временно становится своего рода «отдушиной» для М. б. Наступающее в конечном итоге переполнение этой сферы мелкими предприятиями и высокий уровень «смертности» последних означают, что мелкое предприятие по-прежнему остается формой скрытого перенаселения. 3) Крупная промышленность сама порождает нек-рые новые виды мелкого предпринимательства. «Целый ряд „средних слоев“ неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например велосипедной и автомобильной, индустрии, и т. д.)» (Лепин В. И., Соч., т. 15, с. 24). В США на одну крупную пром. фирму приходится в среднем минимум 500 поставщиков. Нек-рые монополистич. объединения связаны контрактами с десятками тысяч фирм-поставщиков, среди к-рых много мелких фирм, изготовляющих отд. детали, выполняющих ремонтные работы и т. п. Владелец таких мелких фирм совершенно утрачивает свою самостоятельность. 4) Совр. технич. прогресс, подрывая главные устои мелкотоварного произ-ва, вместе с тем позволяет какой-то части мелких хозяев хотя бы временно приспособиться к новым условиям благодаря появлению электромотора, трактора небольшой мощности и т. п. Однако механизация мелких предприятий требует капитальных затрат, превышающих финансовые возможности большинства мелких собственников, вследствие чего резко возрастает их задолженность, а вместе с ней — зависимость от крупного капитала, неустойчивость экономич. положения.

Бурж. экономисты и социологи, а также идеологи правой социал-демократии видят в этих изменениях фактор «приспособления» и даже «возрождения» мелкого предпринимательства (Ж. Мок, А. Ф. Утц и др.). Увеличение числа мелких предприятий в нек-рых отраслях экономики «опровергает», по их мнению, выводы марксизма. В действительности марксизм не имеет ничего общего с упрощенным представлением, согласно к-рому процессе концентрации произ-ва и централизации капитала обрекает М. б. на полное исчезновение. Критикуя Рикардо и Мальтуса, Маркс отмечал возможность численного роста средних слоев. Вытеснение М. б. — сложный, противоречивый процесс, не обязательно связанный с абсолютным уменьшением общего количества мелких собственников. Место той их части, к-рая переходит в ряды наемных работников, занимают новые мелкие собственники. Но создание новых мелких предприятий становится все

более трудным (ибо увеличивается минимум необходимого для этого капитала), период их жизни все более коротким, зависимость от крупного капитала все более сильной. Наиболее очевидное проявление упадка М. б. — постоянное уменьшение ее экономич. веса, роли в создании совокупного обществ. продукта и доли в нац. доходе.

Различные группы М. б. подвержены вытеснению в неодинаковой степени. В то время как численность крестьянства во многих странах сокращается absolutely (в силу особенностей процесса концентрации в с. х-ве), городская М. б. продолжает расти (особенно в торговле и услугах), а ее доля в общей массе М. б. увеличивается. В США в 1870 фермеры составляли 27,1% самодеят. населения, остальные самостоят. хозяева (включая предпринимателей-капиталистов и лиц свободных профессий) — 12,5%, в 1954 — соответственно 5,9% и 7,4%. В Зап. Германии самостоятельные (вместе с помогающими членами семьи) в с. х-ве и в несельскохозяйств. отраслях составляли по отношению к самодеят. населению: в 1925 (вся Германия) — 21,7% и 11,1%, в 1958 — 13,4% и 10,5%. Известная стабильность городской М. б. и относительное увеличение ее веса во всей мелкобурж. массе связаны в первую очередь с огромным ростом гор. населения. Благодаря процессу урбанизации центр тяжести скрытого перенаселения в условиях совр. капитализма все более перемещается из деревни в город.

Состав городской М. б. также изменяется — доля производит. слоев (ремесленники, мелкие промышленники) падает, доля мелких собственников, занятых в торговле и услугах, напротив, возрастает. Естественно, что в разных капиталистич. странах состав М. б. неодинаков. В США, напр., мелкие хозяева в строительстве и обрабатывающей промышленности составляют менее $\frac{1}{10}$ городской М. б., в Зап. Германии — $\frac{2}{5}$.

Разбухание бурж. гос. аппарата, а также адм.-управленч. аппарата монополий позволяет некоторым выходцам из М. б. сохранить на какое-то время сравнительно привилегированное положение в качестве гос. чиновников, руководящих служащих. Но по мере увеличения численности этих «новых средних слоев» основная их масса постепенно утрачивает свои привилегии.

В условиях совр. гос.-монополистич. капитализма все слои М. б. подвергаются растущей эксплуатации со стороны монополий. Посредством контроля над процессом обращения (монопольно-высокие цены на средства произ-ва, низкие — на продукцию мелко-товарного сектора), ростовщических процентов по краткосрочным кредитам (долгосрочные кредиты мелким предприятиям недоступны) и высоких налогов (особенно в связи с милитаризацией) крупная буржуазия и ее гос-во отнимают у крестьян и ремесленников не только созданную их трудом прибавочную стоимость, но и часть той стоимости, к-рая должна быть обращена на покупку необходимых средств существования. Вследствие этого доходы мелких хозяев сплошь и рядом оказываются ниже уровня средней заработной платы наемных рабочих. Гнет монополий становится все более ощутим даже для верхнего, зажиточного слоя М. б. Наряду с косвенными формами ограбления М. б. получают широкое распространение прямые методы ее подчинения и эксплуатации: кабальные «соглашения» нефтяных компаний с владельцами бензоколонок, автомобильных компаний — с владельцами авторемонтных мастерских и т. п.

М. б. стран развитого капитализма, будучи переходным, распадающимся классом, лишенным прочных внутр. связей, не представляет собой самостоя-

тельной, единой и целеустремленной силы в политич. борьбе. Желание остаться в стороне от классовых столкновений между трудом и капиталом порождает у нее стремление к «средней линии» в политике. «...Весь суть классовая позиция и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т. е. как раз к такой „средней линии“» (Ленин и В. И., Соч., т. 25, с. 76). Отсюда — неизменный крах многочисл. «независимых» мелкобурж. политич. движений. Неспособность М. б. к самостоят. политике обусловлена экономически. «Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату» (там же, с. 180).

В период ранних бурж.-демократич. революций, когда пролетариат еще не сформировался как класс и не стал самостоят. политич. силой, мелкобурж. массы выступали на стороне революц. буржуазии того времени и притом — с гораздо более радикальных позиций, чем последняя. Крестьянство и городская М. б. были движущей силой англ. бурж. революции сер. 17 в., франц. бурж. революции конца 18 в. Тогда, как показал пример якобинцев, «...мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами» (там же, т. 32, с. 338). После утверждения бурж. строя и начала самостоят. классовой борьбы пролетариата М. б., будучи заинтересована в сохранении режима частной собственности, стала изменять прежним революционно-демократич. традициям. В революциях 1848—1849 значит. часть крестьянства оказалась резервом контрреволюц. буржуазии, а городская М. б. проявила крайнюю непоследовательность и неустойчивость, способствовавшие поражению этих революций. Парижской Коммуне 1871 удалось привлечь на свою сторону значит. часть парижской М. б., но мелкобурж. массы франц. крестьянства либо остались пассивными, либо поддержали контрреволюцию. Наступление империалистич. эпохи, вызвав резкое ухудшение экономич. положения М. б., усилило в мелкобурж. массах тенденции к поддержке борьбы рабочего класса. В бурж.-демократич. революциях, развернувшихся в этот период, все более значит. слои М. б. стали выступать на стороне рабочего класса (буржуазно-демократич. революции 1905—07 и 1917 в России, ноябрьская революция 1918 в Германии). Окт. социалистич. революция, социалистич. революции в странах Европы и Азии после 2-й мировой войны совершились при поддержке рабочего класса широкими слоями трудящихся крестьян и части городской М. б. Историч. опыт показал, что поведение М. б. в конечном счете зависит от того, какому из двух осн. классов, буржуазии или пролетариату, удастся повести ее за собой.

Источник постоянных колебаний М. б. — двойственная природа мелкого хозяйчика как собственника и одновременно труженика. Фанатич. приверженность к мелкой собственности обуславливает консервативные и реакц. черты сознания М. б., свойственный ей дух мещанства, филистерства, индивидуализма, ее страх перед коммунизмом, якобы посягающим на мелкую собственность. С другой стороны, мелкому буржуа присущи демократизм, стремление к справедливости, сочувствие эксплуатируемым, враждебность к крупному капиталу, монополиям. Слепая вера в спасит. роль бурж. гос-ва, вытекающая из чрезвычайной силы в мелкобурж. среде иллюзий веклассовости и надклассовости, перелетается у М. б. с анархистскими тенденциями (прудонизм, бакунизм). Желание устранить «плохие стороны» капитализма, сохранив его основу, превращает многих мелких хозяев в приверженцев либерально-бурж. или социал-демократич. реформизма. Сословные, це-

ховые черты психологии М. б. влекут ее к идеям корпоративизма. М. б. остро реагирует на всякое ущемление нац. чувства, однако ее патриотизм легко переходит в национализм и шовинизм, вследствие чего она часто становится послушным орудием фашистской реакции. В силу своей восприимчивости к социальной демагогии М. б. нередко оказывается игрушкой в руках различных политич. проходимцев и авантюристов (см. *Фашизм*). Поскольку в сознании мелкобурж. масс, прежде всего крестьянских, более прочны религ. предрассудки, эти массы служат гл. социальной опорой клерикализма. Мелкобуржуазность создает, т. о., почву для крайней пестроты идейно-политич. течений в бурж. обществе. Испытывая подчас резкие ухудшения условий существования, М. б. обнаруживает в такие периоды сильную неустойчивость, легко переходя от крайней революционности к поддержке самых реакц. сил «„Взбесившийся“ от ужасов капитализма мелкий буржуа, это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в „бешеное“ увлечение тем или иным буржуазным „модным“ течением, — все это общеизвестно. Но теоретическое, абстрактное, признание этих истин несколько еще не избавляет революционных партий от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной — более или менее оригинальной — обстановке» (Ленин и В. И., Соч., т. 31, с. 15—16).

Правящие круги капиталистич. стран стремятся использовать М. б. как опору бурж. строя, добиваясь подчинения ее своему влиянию с помощью разветвленной системы массовых корпоративных организаций, контролируемых крупным капиталом, политики «разделов и властств» и антикоммунизма. Бурж. идеологи рассматривают М. б. как «стабилизирующий», «равновешивающий» фактор обществ. развития, приписывая ей функции амортизатора в классовой борьбе между трудом и капиталом, «посредника» между реакц. и революц. силами (напр., В. Кроче). В связи с этим они восхваляют мнимые «преимущества» мелкого предпринимателя, свойственные ему действительные и мнимые морально-этич. ценности — «трудолюбие», «бережливость», «ответственность», «самостоятельность» и т. п. Политич. партии монополистич. капитала в погоне за голосами мелкобурж. избирателей не скупятся на обещания помощи и поддержки, уверяя будто целью бурж. общества является благополучие мелких собственников, «спасение» их от коммунизма. Поскольку капиталистич. действительность находится в контрасте с этими уверениями, защитники капитализма пытаются приписать экономич. трудности мелких хозяев их личным «недостаткам», рекомендуя М. б. различные рецепты «самопомощи». Вместе с тем бурж. гос-во, напуганное масштабами пролетаризации масс, вынуждено время от времени проводить те или иные хоз.-политич. мероприятия для поддержки нек-рых гл. обр. верхних, слоев М. б.

Принципиальное отношение революц. рабочего движения к М. б. определяется тем, что подавляющее ее большинство — трудящиеся и эксплуатируемые. Поэтому сознат. рабочие видят в мелкобурж. массах деревни и города своего естеств. союзника. Задача партий рабочего класса по отношению к М. б. двояка: с одной стороны, оградить рабочее движение от вредных последствий влияния мелкобурж. идеологии, с другой — возможно шире привлекать мелкобурж. массы на сторону борющегося пролетариата. В условиях, когда происходил процесс отделения пролетариата от мелкобурж. демократии, марксисты

делали, естественно, особый упор на критике колебаний и непоследовательности М. б., привлекая к союзу с рабочими в первую очередь ее беднейшую часть и проводя линию на нейтрализацию наиболее неустойчивых элементов. По мере роста пролетариата, усиления монополий и обострения противоречий между монополистами и всей нацией создается все более широкая объективная основа для постоянного и прочного союза рабочих с М. б. в борьбе за демократию и социализм.

Вопреки этому, нек-рые социал-демократич. теоретики каутскианского толка выдвигают мнение, будто с ухудшением положения М. б. возрастает ее враждебность к пролетариату, вследствие чего ее союз с последним якобы невозможен (Э. Грюнберг, А. Филип). К этой ложной концепции примыкают бурж. идеологи, выводящие авторитарно-фашистские тенденции империализма непосредственно из природы М. б. (С. Липсет). Коммунисты решительно выступают против подобных антинаучных теорий. Меншевизм (и троцкизм) в России проповедовал идеи о непримиримости интересов пролетариата и М. б., о невозможности перехода к социализму в странах с преобладанием М. б. в населении. Построение социализма в СССР и др. странах опровергает эти теории. Новейший опыт международного рабочего движения полностью подтверждает положения марксистско-ленинского учения о необходимости и возможности союза рабочего класса с непролет. слоями трудящихся (Народный фронт во Франции, нац. фронты в странах народной демократии). Конечно, М. б. неизбежно вносит в демократич. движение свои предрассудки и реакц. фантазии, свои слабости и ошибки. Предостерегая коммунистов против ожиданий «чистой» классовой борьбы и социальной революции, Ленин указывал, что с точки зрения участия мелкобурж. масс в будущих классовых битвах важны не их субъективные представления, а тот факт, что «...о бъективно они будут нападать на к а п и т а л» (Соч., т. 22, с. 340).

Коммунистич. партии капиталистич. стран стремятся еще в условиях капитализма сделать максимум возможного для того, чтобы облегчить участь наиболее эксплуатируемых групп М. б., защищая их насущные требования. Благодаря растущему влиянию пролетариата, демократич. силам удается подчас вырвать определен. уступки в пользу средних слоев населения (пенсионное обеспечение и т. п.). Вместе с тем марксистско-ленинские рабочие партии разъясняют крестьянству и городской М. б., что коренное изменение их положения при капитализме невозможно. Они выдвигают перед ними социалистич. перспективу, показывая одновременно, что в странах с высоким уровнем индустриального развития после прихода к власти трудящихся возможно длит. сохранение мелких предприятий, активное участие средних слоев в строительстве нового общества. Обострение общего кризиса капитализма открывает все более благоприятные перспективы для создания возглавляемых рабочим классом широких антимонополистич. коалиций, включающих, в частности, сельскую и городскую М. б. «В ликвидации господства монополий кровно заинтересованы рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, мелкая и средняя буржуазия города» (Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, 1961, с. 72).

Условия существования М. б. в экономически слабо развитых странах отличаются, естественно, своей спецификой. Преобладающее большинство мелкобурж. массы составляет здесь крестьянство, к-рое переживает стадию, пройденную крестьянством развитых капиталистич. стран много десятилетий назад. В странах, где капиталистич. отношения мало развиты, мелкобурж. характер крест. х-ва обнаруживается еще слабо. Для стран с относительно более сильным ка-

питалистич. развитием, где уже давно началось разложение крест. х-ва, характерна крайняя степень пауперизма как сел., так и гор. М. б.

Мелкобурж. массы экономически слабо развитых стран, гл. обр. крестьянские, представляют собой непосредственно революц. силу, будучи, наряду с молодым рабочим классом, важнейшим фактором антиимпериалистич., антифеод., национально-демократич. революции. По мере того как на первый план в жизни народов этих стран выдвигаются проблемы независимого экономич. развития и социального прогресса, все более насущной становится необходимость тесного союза рабочего класса с крестьянством и городской М. б. в качестве основы нац. фронта. Все большее распространение среди обездоленных мелкобурж.-крестьянских масс недавно освободившихся стран получают социалистич. идеи, к-рые часто принимают «народническую» или религ. окраску. В этих условиях стремление революционно настроенных мелкобурж. масс к укреплению нац. независимости и социальному прогрессу становится — как показывают прежде всего примеры Кубы и Алжира — одним из решающих факторов перерастания национально-демократич. революций в социалистические.

Союз рабочего класса с трудовыми слоями М. б. при руководстве первого приобретает особенно большое значение в переходный период от капитализма к социализму. Чтобы удержать политич. власть, рабочий класс безусловно нуждается в сочувствии и поддержке демократич. масс М. б., в прочном союзе с ними. Руководство мелкобурж. массой Ленин рассматривал как одну из новых форм классовой борьбы, возникающих в переходный период. В правильном определении и осуществлении политики рабочего класса по отношению к М. б. он видел одну из главных и труднейших задач социалистич. строительства. «Уничтожить классы... значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо уживаться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» (Соч., т. 31, с. 26—27). Победа рабочего класса освобождает М. б. от гнета финансового капитала и крупных помещиков, открывает перед ней возможность постепенного перехода к крупному социалистическому произ-ву через кооперацию (см. *Кооперативный план В. И. Ленина*). В странах народной демократии сложились новые формы политич. союза рабочего класса с непролет. массами: мелкобурж. демократич. партии и организации, выступающие единым фронтом под руководством коммунистич. и рабочих партий.

Вместе с тем мелкобурж. влияние, особенно в странах с отставшей при капитализме экономикой, служит одним из факторов, осложняющих процесс социалистич. строительства. В мелкобурж. среде находят питательную почву такие специфически мелкобурж. явления, как карьеризм, псевдорадикальный догматизм, национализм, а также идеалистич. представления о роли личности в истории. Мелкобурж. неустойчивость и шатания, проникая в ряды пролет. революц. партий, гл. обр. в периоды их бурного роста, выступают в форме правого и левого оппортунизма и в форме ревизионизма и национализма. Борьба против всякого рода мелкобурж. шатаний, марксистско-ленинцы исходят из необходимости всемерного укрепления единства и сплоченности народов социалистич. стран, всего междунар. коммунистич. движения.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4; и х же, Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов, там же, т. 7; Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, там же, т. 8; Энгельс Ф., Революция и контрреволюция в Германии, там же; Лепин В. И., Экономическое содержа-

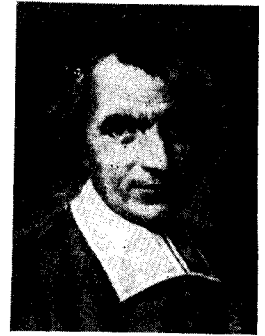
ние народничества и критика его в книге Г. Струве, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Марксизм и ревизионизм, там же, т. 15; его же, Из какого классового источника приходят «спридут» Кавеньяки?, там же, т. 25; его же, О конституционных иллюзиях, там же; его же, Ценные признания Пятирима Сорокина, там же, т. 28; его же, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, там же, т. 31; его же, О кооперации, там же, т. 33.

Сидоров А., Фашизм и городские средние слои в Германии, М.—Л., 1936; Грант Э., Социализм и средние классы, пер. с англ., М., 1960; Надель С., Совр. капитализм и мелкая буржуазия, «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 12; Городские средние слои совр. капиталистич. об-ва, М., 1963; Торез М., Понятие класса и историч. роль рабочего класса, «Коммунист», 1963, № 6; Grünberg E., Der Mittelstand in der kapitalistischen Gesellschaft, Lpz., 1932; Marbach F., Theorie des Mittelstandes, Bern, [1942]; Cole G. D. H., The conception of the middle classes, «Brit. Journ. Sociology», 1950, v. 1, № 4; Lewis R., Maude A., The English middle classes, L., 1953; Bonham J., The middle class vote, L., [1954]; Galyson H., The crisis of the middle class, N. Y., [1955]; Delille R., Les classes moyennes en France, «Economie et Politique», 1956, № 26; Phillips J. D., Little business in the American economy, Urbana, 1958; Der Mittelstand in der Wirtschaftsordnung heute. Die Akten des internationalen Mittelstandskongresses von Madrid 17—11. Mai 1958, Hdb.—Löwen, [1959].

МЕЛЬЕ (Meslier), Жан (1664—1729) — франц. философ-материалист, атеист, революц. демократ и утопич. коммунист. Сын деревенского ткача, М. по настоянию родителей стал сельским священником (с 1689).

Трагедия жизни М. состояла в том, что, в силу своего положения, он должен был проповедовать идеи, в ложности к-рых был твердо убежден. Опасаясь репрессий, М. решился изложить свои взгляды, лишь чувствуя приближение смерти, и закончил свое единств. соч. — «Завещание» (см. ниже — Соч.) незадолго до своей кончины.

Оторванный от культурных центров, М. сумел подняться до вершин филос. и социально-политич. мысли своего времени. М. дал глубокую и всестороннюю критику феод.-абсолютистского строя Франции как строя крайне несправедливого и тиранического, при к-ром «...одни носили все тяжести труда и неудобства жизни, а другие, не зная заботы и труда, наслаждались всеми благами и удобствами жизни» («Завещание», т. 3, М., 1954, с. 366). Используя античные легенды о «золотом веке», когда люди владели всем сообща, М. писал, что «...зло и даже величайшее зло, допускаемое людьми, — это владеть благами и удобствами жизни отдельно, порознь от других...» (там же, т. 2, М., 1954, с. 225). Как идеалист в понимании обществ. жизни, М. связывал возникновение частной собственности с злонамеренными действиями отд. лиц, желавших избавиться от тягот труда и повелевать другими людьми. Противоречия между народом и «сильными мира сего» М. считал непримиримыми; отвергая мысль о «просвещенном государе», служащем обществу, М. призывал народ к революции: «...Постарайтесь объединиться... чтобы окончательно стряхнуть с себя иго тиранического господства ваших князей и ваших царей: ниспровергните повсюду все эти троны несправедливости и нечестия, размножьте все эти коронованные головы, сбейте гордость и спесь со всех ваших тиранов и не допускайте, чтобы они когда-либо царствовали над вами» (там же, т. 3, с. 356). М. набросал контуры коммунистич. общества, «...жизни сообща, как лучшей и наиболее подходящей для людей...» (там же, т. 2, с. 221): все люди одной местности должны объединиться в одну семью-общину, в к-рой существует общее владение всеми благами, все трудятся и любят друг друга, как братья; общины заключают между

собой союз с целью поддержания мира и взаимопомощи, устанавливает «справедливую и соразмерную» власть (см. там же, с. 155). Единообразное и равное воспитание, осуществляемое на средства и силами общества, формирует из всех детей хороших граждан.

Тиранич. порядки существуют, согласно М., лишь потому, что у народа нет ясного сознания тяжести своего положения, его причин и своей силы; народ обманут и подавлен предрассудками, гл. роль среди к-рых играет религия, к-рую М. подверг разносторонней и систематич. критике. Своими сказками об аде и рае религия стремится удержать народ в повиновении тиранам, политика и религия — это «...два вора-карманника, которые защищают и поддерживают друг друга» (там же, т. 1, М., 1954, с. 67). Не понимая всей глубины социальных и особенно гносеологич. корней религии, М. с классич. ясностью выразил просветит. взгляд на происхождение религии, как результат сознательного обмана (см. там же, с. 68—69). М. считал борьбу с суевериями первоочередной задачей «умных людей», к-рые должны просветить народ; тем самым М. определил направление деятельности франц. Просвещения 18 в.

Теоретич. источниками механистич. материализма М. явились античный атомизм, физика Декарта, материалистич. тенденция философии Монтезя. Материализм М. носил воинствующий характер. М. дал оригинальную критику декартовской метафизики, идеализма Мальбранша и религ.-идеалистич. философии вообще. М. доказывал, что нелепо допускать существование сверхъестеств. существ, в т. ч. бога, нематериальной и бессмертной души. Порядок и совершенство природы, на к-рые ссылаются и правоверные теологи, и деисты как на свидетельство божеств. провидения, должны быть поняты из самой природы. отождествив материю с бытием вообще, М. утверждал ее вечность и несотворенность: «материя сама по себе существует, сама от себя получает свое движение и действительно есть первопричина всех вещей» (там же, т. 2, с. 318). Пространство и время, являющиеся формами существования материи, также вечны и несотворенны; протяжение, тождественное пространству, это атрибут материи, а время — длительность материального бытия. Материя сплошь заполняет пространство и состоит из множества частиц, движущихся в различных направлениях; их сочетания образуют все вещи в мире. Это движение частиц порождает самые сложные и совершенные создания природы: растения, животных, человека. Жизнь, ощущения, мышление — это модификация самой материи, возникшие естеств. путем. Опираясь на физику Декарта, М. развивал материалистич. линию картезианства.

В трактовке познания, к-рое понималось как способность адекватного представления в сознании объективных связей вещей, М. в основном является рационалистом. Ясность и отчетливость идей рассматривались им как критерий их истинности. Он признавал существование вечных истин (прежде всего он относил к ним математич. истины), к-рые не нуждаются ни в каком доказательстве и ясны сами по себе. Как правило, положения своей философии М. обосновывал исходя из анализа понятий бытия, материи и т. д.; точно так же, polemизируя со своими противниками, М. сосредоточивал внимание на обнаружении противоречий в их понятиях и рассуждениях. В то же время у М. иногда проявляется эмпирич. и сенсуалистич. тенденция; нек-рые положения он доказывал, ссылаясь на опыт; чувства признаются им источником большинства знаний. М. делал попытку преодолеть ограниченность рационализма путем соединения его с нек-рыми тезисами эмпиризма. Филос. взгляды М. оказали большое воздействие на формирование мировоззрения франц. материалистов 18 в.

В 1793 Нац. конвент, чтя заслуги М. в борьбе с религией, принял решение воздвигнуть его статую в храме Разума.

Соч.: «Завещание» («Le Testament») в количестве 3 рукоп. экз., написанных самим М., было обнаружено после его смерти (в настоящее время все оригиналы утрачены). Уже в нач. 1730 появились первые рукописные копии, продававшиеся тайно и получившие широкое распространение. В 1762 в Женеве было издано «Извлечение из „Завещания“» («Extrait des sentiments de Jean Meslier, adressés à ses Paroissiens, sur une partie des abus et des erreurs en général et en particulier»), сделанное Вольтером, значительно сократившим текст М. и оставившим только то, что было непосредственно направлено против христианства; Вольтер пытался представить М. деистом. Гольбах в «Здравом смысле юре Мелье» («Le Bon sens du curé Meslier», 1772) дал вольное изложение сущности атеистич. аргументации М., подчеркивая, что религия и тирания совместно угнетают людей; как и Вольтер, Гольбах ничего не говорил о коммунизме М. Извлечения Вольтера и Гольбаха издавались много раз; как и само «Завещание», они были осуждены на сожжение и запрещены властями. Впервые «Завещание» было полностью опубликовано в 3 томах в 1864 в Амстердаме по одной из рукописных копий голландским антикварием Р. Шарлем с написанными им предисловием и биографией М. На рус. яз. первый (сокращенный) перевод был издан в 1925. Полный пер. «Завещания» опублик. в 1937 и 1954 (3 тт., вступит. ст. В. П. Волгина, комментарии Ф. Б. Шуваевой).

Лит.: Волгин В. П., Революц. коммунист XVIII в., в его кн.: Очерки по истории социализма, 4 изд., М.—Л., 1935; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 286—92; Деборин А. М., Ж. Мелье, «Вопр. философии», 1954, № 1; История философии, т. 1, М., 1957, с. 518—26; Джайм Урзин А., Материализм Ж. М., «Уч. зап. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС», 1957, вып. 28; Бирило А. А., Социальные и идейные истоки утопич. коммунизма М., Морелли и Мабли, «Тр. Ин-та философии АН БССР», 1958, вып. 1; Волгин В. П., Франц. утопич. коммунизм, М., 1960, с. 19—33; Поршнева В., Мелье, М., 1964 (имеется библи.); Nodier Ch., Mélanges tirés d'une petite bibliothèque... De curé Meslier, P., 1829, p. 178—82; Grünberg C., J. Meslier, un précurseur oublié du socialisme contemporain, «Rev. d'Economie politique», 1888, t. 2; Malon B., Études sociales, 1, J. Meslier, communiste et révolutionnaire, «Rev. socialiste», 1888, t. 8; Petitfils E., Un socialiste-révolutionnaire au commencement du XVIIIe siècle, J. Meslier, P., 1908; Haar J., J. Meslier und die Beziehungen von Voltaire und Holbach zu ihm, Hamb., 1928 (Diss.); Morehouse A., Voltaire and J. Meslier, New Haven, 1936 В. Кузнецов. Москва.

МЕН ДЕ БИРАН (Maine de Biran), Мари Франсуа Пьер Гонтье (29 ноября 1766 — 20 июля 1824) — франц. философ-волюнтарист и реакц. политич. деятель, роялист. Филос. взгляды М. де Б. складывались в борьбе против идей франц. Просвещения и франц. материализма. М. де Б. занимали гл. обр. вопросы теории познания, рассмотренные в основном в работах «Влияние привычки на способность мыслить» («Influence de l'habitude sur la faculté de penser», 1803), «Фрагменты, относящиеся к основаниям морали и религии» («Fragments relatifs aux fondements de la morale et de la religion», 1818) и в обобщающем «Очерке об основаниях психологии...» («Essai sur les fondements de la psychologie...», 1812, отрывки опублик. 1845—46, полностью — 1859).

Нельзя отождествлять способность чувствовать с сознанием (см. «Influence de l'habitude...», p. 13). Сознание появляется только тогда, когда возникает самосознание, личность (le moi). Поэтому важнейшая задача философии и заключается в установлении того «первичного», «основополагающего факта», к-рый конституирует личность — «Я». М. де Б. считал, что этот факт находится во внутр. мире, внутр. опыте человека. Так, филос. проблемы он стремился разрешить на почве психологии. Но и способность испытывать ощущения не может быть сведена только к физич. чувствительности. Даже самые простейшие впечатления включают в себя пассивные ощущения (sensations) и активные восприятия (perceptions). Возникновение первых есть следствие воздействия внешнего мира на нас, на наши органы чувств и не зависит от нашего «Я». Возникновение вторых определяется нашим «Я», его активностью, к-рую М. де Б. в последних работах рассматривал как нечто «надорганическое», не зави-

сущее от физич. природы человека. Об активности нашего «Я» мы можем знать лишь по ее проявлениям в усилие (effort) или воле. В усилии проявляется отношение субъекта к объекту, «Я» к «не-Я» (см. там же, р. 25—26). Воля, проявляющаяся в усилие, при столкновении с «не-Я» и есть тот основополагающий факт, к-рый конституирует «Я». Она же определяет возможность познания. Все то, что идет от объекта, не содержится в себе знания. Знание, истина достигаются всегда в борьбе силы собственно человеческой воли против импульсов животной природы.

М. де Б. различал четыре ступени в раскрытии воли, ступени установления человека, субъекта: 1-я ступень — жизнь простая, животная; это система аффектов, инстинктивных движений, реакций, органической интуиции; 2-я ступень — возникновение «Я» из недр примитивной жизни, когда сила сознания начинает освещать инстинкты, обобщения начинают возникать на стадии интеллектуального и морального существования, еще окутанного впечатлениями, идущими извне; 3-я ступень — «Я» познает то, что есть «не-Я», это — познание внешнего, природы; 4-я ступень — «Я» поднимается до познания самого себя. Оно размышляет и образует знание математическое и метафизическое. «Я» обнаруживает себя как сознание, освобожденное от примитивности.

В последний период деятельности М. де Б. его философия приняла открыто религ.-мистич. характер: идеи есть лишь проявление в нас бесконечного существа бога (см. Oeuvres inédites de Maine de Biran, t. 3, P., 1859, p. 52).

Взгляды М. де Б. оказали воздействие на последующее развитие реакц. филос. мысли во Франции (*Жуффруа, Кузен*) и в России (П. Е. Астафьев, Л. М. Лопатин и др.), а также на *прагматизм* и *экзистенциализм*.

Соч.: Oeuvres philosophiques, v. 1—3, P., 1841; Science et psychologie. Nouvelles oeuvres inédites, Lyon, t. 1—3, 1887; Oeuvres, t. 1—5, P., 1920; Oeuvres choisies. Avec une introd. par H. Courcier, P., 1942.

Лит.: К у д р я в ц е в Н., Философия М. де Б. в начальной стадии ее развития, М., 1941; Введенский А., Очерк совр. франц. философии, X., 1894; История философии, т. 3, М., 1943; Lang A., Maine de Biran und die neuere Philosophie, Köln, [1901]; Fessard G., La méthode de réflexion chez Maine de Biran, P., 1938; Hallie P.H., Maine de Biran. Reformer of empiricism. 1766—1824, Camb., 1959. Г. Зельманова, Ленинград.

МЕНДЕ (Mende), Георг (р. 6 сент. 1910) — нем. философ-марксист, проф. (с 1950), директор филос. ин-та ун-та им. Ф. Шиллера в Иене. Науч. интересы М. лежат в области истории философии и критики совр. бурж. идеологии.

Соч.: Freiheit und Verantwortung, В., 1958; Das Atom und die Philosophie, В., 1960; Die deutsche Philosophie nach 1945, В., 1961 (соавтор); в рус. пер. — Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунисту, М., 1957; Очерки о философии экзистенциализма, М., 1958; Философия жизни, в сб. ст.: Нем. бурж. философия после Великой Окт. социалистич. революции, М., 1960; Экзистенциализм (соавтор), там же; Фашистская «философия» (соавтор), там же.

МЕНДЕЛЕЕВ, Дмитрий Иванович [27 янв. (8 февр.) 1834 — 20 янв. (2 февр.) 1907] — рус. ученый-химик. Науч. интересы М. разносторонни. Он работал в области химии, физики, техники, технологии промышленности, агрохимии, метрологии, метеорологии, экономики и др. Его величайшее открытие — периодич. закон химич. элементов (закон М.).

Философские взгляды Менделеева. В формировании мировоззрения М. большую роль сыграли материалистич. традиции передового рус. естествознания, влияние филос. взглядов Добролюбова, Сеченова, Герцена. По своим филос. воззрениям М. — последовательный естеств.-науч. материалист как в вопросе о единстве мира, так и в проблеме его познаваемости. Ядром естеств.-науч. материализма М. был атомизм, с т. зр. к-рого он отвергал идеалистич. динамизм вообще, «энергетизм» Оствальда в частности. М. считал жизнь особым видом матери-

ального движения и в связи с этим отвергал *витализм*.

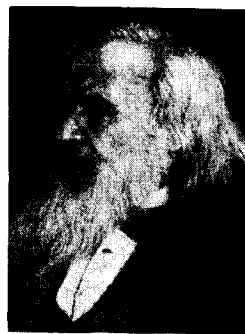
Теоретич. взгляды М. не уместались в рамках метафизич. материализма. Он искал новую форму материалистич. мировоззрения, соответствующую идее развития, проницающей в естествознание. Разделяя ошибочный взгляд, отождествляющий материализм вообще с метафизич. материализмом, М. искал что-то среднее между материализмом и идеализмом; следуя Герцену, он свое мировоззрение назвал реализмом. Он признавал три первичных, самобытных изначальных принципа, или начала: «... нераздельную, однако и не сливаемую, познавательную триаду вечных и самобытных: вещества (материи), силы (энергии) и духа...» («Попытка хим. понимания мирового эфира», 1910, с. 17). Т. о., протест М. против метафизич. материализма, отрывающего материю от движения, и против динамизма и энергетизма, сливающего материю с движением, оборачивается известной нечеткостью материалистич. позиции. Эта дуалистич. непоследовательность привела М. к уступке агностицизму. Материя, энергия и дух сами по себе, в своей сущности, непознаваемы, но они познаваемы в своем сочетании в физико-химич. явлениях, здесь материя и движение познаваемы без ограничения.

В своей науч. деятельности М. пользовался многими элементами диалектики. М. признавал качественно разные формы движения материи, а также связь между ними и резко критиковал метафизич. попытки свести многообразие мира к единой первоматерии. В периодич. законе М. обратил внимание на скачкообразный характер изменений химизма в зависимости от изменения массы или атомного веса, указал на единство противоположных свойств в каждом элементе, определил место каждого единичного элемента во всеобщем единстве, применил анализ и синтез, индукцию и дедукцию в их диалектич. единстве.

М. все же не мог полностью преодолеть господствовавшие в естествознании метафизич. взгляды. Он отождествлял материю с веществом и приписал ей вес, или механич. массу, как существ. свойство. Отвергая гипотезу Прюта как метафизич. концепцию эволюции химич. элементов, сводящую их многообразие к количеству уплотнению единой первоматерии, М. настаивал на качеств. индивидуальности каждого элемента. Однако он отвергал саму идею развития химич. элементов. Метафизич. непоследовательность во взглядах М. мешала ему правильно оценить значение ряда важных открытий физики и химии (электроны, ионная теория, радиоактивность), к-рые он ошибочно считал несовместимыми с теорией атомизма.

Общественно-политич. взгляды М. Считая, что «у научного изучения предметов две основных и конечных цели: предвидение и польза» («Основы химии», т. 1, 1932, с. 239), М. свою деятельность посвятил развитию производит. сил России. М. написал ряд работ об экономике и природных богатствах России, по вопросам нар. образования, политич. устройства и др.

М. разделял мелкобурж. иллюзии, полагая, что после того, как капитализм разовьет промышленность, можно будет постепенно перейти на некапиталистич. путь развития (кооперативные предприятия, участие всех рабочих во владении фабриками и заводами при помощи акционерных обществ). Он считал, что капитализм пока «оставляют существовать лишь потому, что еще нет выработанных средств достигать промыш-

ленного развития без развития капитализма» («Толковый тариф...», СПб, 1891, с. 651). Капитализм, думал М., становится злом, если капиталисты получают политич. власть. Поэтому М. отрицал бурж. демократию и наивно считал царя беспристрастным защитником интересов страны, способным ограничить алчность капиталистов.

Соч.: Соч., т. 1—25, Л.—М., 1934—1954; Научный архив, т. 1, Периодический закон, М., 1953; Растворы, [Сб. работ], М., 1959.

Лит.: Забродский Г., Мирозрение Д. И. М., М., 1957; Кедров В. М., День одного великого открытия, М., 1958; его же, Филос. анализ первых трудов Д. И. М. о периодич. законе (1869—1871), М., 1959; Кудрявцева Т. С., О конспекте Д. И. М. 5-го и 6-го «Писем об изучении природы» Герцена, «Вопр. философии», 1962, № 4; Борисов К. М., А. И. Герцен и Д. И. М., там же.

Э. Карпович. Рига. А. Макарена. Ленинград.

МЕНДЕЛЬСОН (Mendelssohn), Моисей (6 сент. 1729 — 4 янв. 1786) — нем. философ-идеалист, представитель умеренного крыла нем. Просвещения. В Берлине познакомился с Лессингом. Вместе с ним М. написал работу «Поп-метафизик» («Pope ein Metaphysiker», 1755; издана анонимно) в защиту теодицеи Лейбница от критики англ. поэта Попа. Впоследствии разошелся с Лессингом, переходя на все более консервативные позиции.

М. принадлежал к школе Лейбница—Вольфа. Популяризуя осн. положения лейбнианской системы, он, однако, не удержал диалектических идей, содержащихся в учении Лейбница. М. презрительно отзывался о Спинозе. Спор между М. и Якоби о спинозизме Лессинга послужил поводом к дискуссии о Спинозе, в которой приняли участие материалисты и идеалисты.

Осн. вопрос философии М. решал идеалистически, считая бога первоосновой всего существующего. Все явления, по М., делятся на три класса: 1) бог, 2) души, 3) телесный мир. М. считал, что душа является первичной по отношению к телу. Он активно боролся против материализма и полагал, что способность мыслить дана человеку богом. Теория познания М. присущи субъективизм и априоризм. Познающее всегда предшествует познаемому — таков осн. тезис его гносеологии. Чем больше познание зависит от чувств, тем оно темнее. Лишь душа способна познать истину. Конечная цель знания — познание бога.

М. выступал за рационалистически преобразованную «естественную» религию, требовал веротерпимости и свободы религ. убеждений, предлагал разграничить сферы влияния гос-ва и религии, считая, что различие в вере не может быть препятствием к нац. равноправию. Этими идеями М. сыграл нек-рую роль в борьбе с религ. нетерпимостью и националистич. предрассудками нем. общества 18 в.

Соч.: Philosophische Gespräche, В., 1755; Briefe über die Empfindungen, В., 1755; Abhandlung über die Evidenz in metaphysischen Wissenschaften, В., 1764; Jerusalem oder über religiöse Macht und Judentum, В., 1783; Morgenstunden oder Vorlesungen über das Dasein Gottes, В., 1785; Abhandlung von der Unkörperlichkeit der menschlichen Seele, в его кн.: Kleine philosophische Schriften, В., 1789, S. 171—230; Gesammelte Schriften, Bd 1—7, Lpz., 1843—45; Die Hauptschriften zum Pantheismusstreit zwischen Jacobi und Mendelssohn, В., 1916; Gesammelte Schriften, Jubiläumsausgabe, [Bd 1—16], В., 1929; в рус. пер.: Рассуждение о духовном свойстве души человеческой, М., 1806; Федон, или о бессмертии души, СПб, 1837.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 24, с. 355; и х же, Избр. письма, [М.—Л.], 1948, с. 239; Меринг Ф., Легенда о Лессинге, СПб, 1907, с. 293—94; Гергель Г. В. Ф., Соч., т. 11, М.—Л., 1935, с. 406; Чернышевский Н. Г., Полн. собр. соч., т. 4, М., 1948 (см. указат. имен); Гулыга А. В., Из истории нем. материализма (последняя треть XVIII в.), М., 1962 (см. указат.); К а у с е р л и н г М., М. Mendelssohn. Sein Leben und Wirken, 2 Aufl., Lpz., 1888; G o l d s t e i n L., Mendelssohn und die deutsche Aesthetik, Königsberg, 1904; C o h e n B., Über die Erkenntnislehre M. Mendelssohns, Gießen, 1921; V a m b e r g e r F., Die geistige Gestalt M. Mendelssohns, Fr./M., 1929; V a u m g a r d t D., Spinoza und Mendelssohn, В., 1932; L e m l e H., Mendelssohn und die Toleranz..., Augsburg, 1932 (Diss.); Н о

e l t e r s H., Der spinozistische Gottesbegriff bei Mendelssohn..., Bonn, 1938; S t o c k h u m J. C. van, Lavater contra Mendelssohn, Amst., 1953. Т. Румянцева. Ленинград.

МЕНДИС (Mendes), Раймунду Тейшейра (1855—1927) — браз. философ и социолог, один из вождей т. н. ортодоксально-религиозного позитивизма, вместе с Лемусом руководил «Бразильской позитивистской церковью», читал курс о позитивизме, печатал ежегодный бюллетень «Circular Anual do Apostolado Positivista do Brasil» и брошюры о позитивистской «религии человечества». В ранних прозв. М. утверждал, что лишь рабочие являются подлинными производителями; с 1914 выступил с нападками на марксизм и отверг классовую борьбу.

Соч.: A pátria Brasileira, R. de J., 1881, 2 ed., 1902; A universidade, R. de J., 1882, 2 ed., 1903; A incorporação do proletariado na sociedade moderna, R. de J., 1889, 2 ed., 1908.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 416.

Ж. Базарян. Москва.

МЕНЕДЖЕРИЗМ (от англ. manager — управляющий) — совр. бурж. теория управления. М. объявляет своей целью создание науки, формулирующей «осн. принципы управления», пригодные для любой человеч. орг-ции. Практич. применение этих принципов позволит якобы устранить противоречия капитализма и обеспечит его процветание. Являясь апологией капиталистич. способа произ-ва, М. в искаженной идеологич. форме отражает объективные процессы организации совр. обществ. произ-ва. Противоречивый характер М. обусловлен двойств. природой управления в условиях капитализма: с одной стороны, оно представляет собой неотъемлемую принадлежность всякого обществ. процесса произ-ва, а с другой — выступает в качестве орудия практич. реализации власти капитала над рабочими.

М. развивается в тесной связи с конкретными исследованиями (организация труда управленч. персонала различных звеньев, выработка оптимальных методов и систем управления, искусство администрирования, техника управления, психология управления, взаимоотношения между администрацией и рабочими, профсоюзами и т. п.), к-рые содержат подчас позитивный материал, отражающий стремление капиталистов к сокращению издержек произ-ва путем рационализации. Однако усиливается тенденция к превращению М. в идеологич. оружие монополистич. капитала. Большинство теоретиков М. называет «отцом научного менеджмента» Ф. У. Тейлора (1856—1915), теория к-рого получила распространение в первые десятилетия 20 в. В дальнейшем тейлоризм подвергся критике за «ограниченность», «механицизм», «игнорирование человеч. фактора». На смену концепции «управления машинами» пришла концепция «управления людьми», и в 30—50-х гг. 20 в. развитие бурж. теорий управления происходило гл. обр. на основе доктрины «человеческих отношений». Однако в 50-х гг. нек-рые бурж. теоретики управления признали упорядочение на «моральные стимулы», «человеч. фактор» также односторонними. В 50—60-х гг. получает развитие новое направление М., стремящееся примирить обе школы.

Наиболее видные представители М. тесно связаны с крупными монополиями и нередко работают в качестве консультантов фирм по вопросам «деловой политики», «методов управления», «индустриальных отношений» и т. п. (П. Дракер, Р. К. Дейвис, Д. Мак-Греггор, У. Ньюмен, Г. Ливитт, А. Коул и др.). Теоретики М. стремятся слить воедино организационно-технич. функции управления с идеологич. защитой капиталистич. строя, извращают сущность капиталистич. отношений, изображая бизнес в качестве верного служителя интересов всего общества. Они утверждают, что капиталистич. общество находится в состоянии «революции» («капиталистической» — Берл,

«организационной» — Боулдинг, «революции менеджеров» — Берхейм), что власть капиталистов сменяется властью управляющих, к-рые действуют в интересах всех слоев общества.

Методологич. основой концепций М., наряду с социологич. эмпиризмом позитивистского толка, является субъективистское, волюнтаристское истолкование историч. процесса, идеализация и фетишизация функции управления. Рассмотрение производств. отношений людей подменяется описанием технич. взаимоотношений работников, а анализ реальных экономич. явлений — рассуждениями о психологии индивидов, рассматриваемых вне связи с социально-экономич. отношениями.

В 50 — нач. 60-х гг. 20 в. М. получил широкое распространение в США, Англии, Франции, ФРГ, Италии и др. капиталистич. странах. Существуют и междунар. орг-ции по М.: Междунар. ин-т развития менеджмента (International Management Development Institute) в Женеве, Европ. ассоциация центров по подготовке менеджеров (European Association of Management Training Centers), Междунар. ассоциация менеджмента (International Management Association) и др.

В США в разработку проблем М. наряду со специалистами-теоретиками включаются бизнесмены. Теория менеджмента преподается в большинстве колледжей и ун-тов США в качестве одного из важнейших предметов. Разработкой М. заняты Америк. ассоциация менеджмента — American Management Association, Об-во совершенствования менеджмента — Society for Advancement of Management, Ин-т менеджментских наук — Institute of Management Sciences и др., издаются журналы: «Advanced Management», «Business Management», «Harvard Business Review» и др.

Лит.: Миллс Р. Властвующая элита, пер. с англ., М., 1959; Гвишиани Д. М., Социология бизнеса. Критич. очерк амер. теории менеджмента, М., 1962, его же, «М.» — амер. социология бизнеса, «Вопр. философии», 1961, № 5; Васильев Н., О бурж. теории «революции управляющих», «Вопр. экономики», 1963, № 5; Berle A. A. and Means G. C., The modern corporation and private property, N. Y., 1934; Bowen H., Social responsibilities of the businessman, N. Y., [1953], Drucker P. F., The practice of management, N. Y., [1954], The executive life by the editors of Fortune, N. Y., 1956; Dimock M. E., A philosophy of administration, N. Y., 1958; Leavitt H. J., Managerial psychology, Chicago, 1958; Harbison F. and Myers Ch. A., Management in the industrial world: an international analysis, N. Y., 1959; Brown W., Exploration in management, L. [a. o.], [1960]; Dale E., The great organizers, N. Y., 1960. Д. Гвишиани. Москва.

МЕНЕЗИС (Menézes), Джасир (р. 1907) — бразильский социолог и философ-неопозитивист, профессор ун-та в Рио-де-Жанейро. Находясь под сильным влиянием Гегеля и Дж. Дьюи, М. пытается объединить неопозитивизм с гегельянством и инструментализмом под лозунгом «научной философии», выступая в то же время против отд. тезисов неопозитивистов, особенно против их понятия об истине. Высшим науч. методом М. считает вероятностную логику или, как он ее называет, «вероятностный детерминизм», следуя в этом за своим учителем Понтисом ди Мирандой. В своей последней кн. «Гегель и сов. философия» («Hegel e a filosofia soviética», 1959) критикует сов. философию и сов. власть.

Соч.: O problema da realidade objetiva, Fortaleza, 1932; Preparação ao método científico, São Paulo, 1938; Dialética a metafísica, «Rev. Bras. Filos.», 1952, p. 278—301. Ж. Базарян. Москва.

МЕНЕНДЕС-И-ПЕЛАЙО (Menéndez y Pelayo), Марселино (3 ноября 1856—19 мая 1912) — исп. философ-идеалист, стоявший на позициях католицизма, но критиковавший томизм, особенно за его призывания на абс. истину. Предметом истории философии М.-и-П. считал изучение идей, согласующихся с идеалистич. миропониманием. Главный итог развития

филос. мысли, по мнению М.-и-П., — подтверждение несостоятельности материализма.

Однако в критике материализма М.-и-П. иногда отходит от догматич. католич. концепции, признавая достоинства нек-рых его представителей. Так, напр., Дидро он охарактеризовал как «наиболее гениального и наименее устаревшего писателя своего времени, несмотря на громадные aberrации мысли и стиля».

Будучи противником идеологич. фанатизма, М.-и-П. выступил в конце 19 в. в защиту прогрессивных взглядов на историю развития исп. естественн. науч. мысли. В ряде работ (напр., Polémicas, Indicaciones y proyectos sobre ciencia española, 1876, последующие изд. под назв. «La ciencia española», t. 1—3, [1947]) он доказал наличие преемственной линии развития (зачастую прерывавшейся из-за вмешательства католич. церкви) в биологии, астрономии, математике, разработавших оригинальные учения, многие из к-рых стояли на уровне требований передового науч. мышления эпохи.

В политич. отношении М.-и-П. был сторонником монархич. строя, но признавал необходимость свободы мысли и правомерность существования либеральных течений.

Соч.: Edición nacional de las obras completas..., 2 ed., v. 1—62, Md., 1941—55.

Лит.: Artigas y Ferrando M., La vida y la obra de Menéndez Pelayo, Zaragoza, 1939; Iriarte I., Menéndez Pelayo y la filosofía española, Md., 1947; Muñoz A. A. d., Las ideas filosóficas en Menéndez Pelayo, Md., 1950; Bonis S. d., Posición filosófica de Menéndez y Pelayo, Barcelona, 1954; Sandoval A. d. e., Menéndez y Pelayo. Biografía de un gran español, [Md.], 1956; Catalogo da exposição bibliográfica comemorativa do primeiro centenário do nascimento de M. Menéndez Pelayo, R. de J., 1956.

Р. Мартинес. Москва.
МЕННОНИТЫ — разновидность протестантизма, получившая название от имени Меннона Симона (Menno Simons, 1492—1559), основателя секты. М. — это анабаптисты, отказавшиеся от революц. устремлений, перешедшие к проповеди непротивления и выродившиеся в т. н. «мирных анабаптистов». Численность М. уменьшается: если в нач. 20 в. их насчитывали 500 тыс., то теперь их ок. 300 тыс. Больше всего М. в США (ок. 200 тыс. — четырнадцать самостоят. орг-ций со своими специфич. особенностями), в Канаде, Голландии, Германии. М. есть и в СССР, в основном среди граждан нем. национальности.

«МЕНШЕВИСТВУЮЩИЙ ИДЕАЛИЗМ» — название, употреблявшееся в сов. филос. лит-ре для характеристики взглядов группы сов. философов (Деборин, Н. Карев, Я. Стэн и др.), в работах к-рых в 20—30-х гг. был допущен ряд формалистич. и идеалистич. извращений марксистской философии, отступлений от диалектич. материализма. Эти отступления выразились в пренебрежении принципом партийности, отрыве теории от практики, философии от политики, в «гегелизации» материалистич. диалектики, в непонимании, игнорировании ленинского этапа в развитии марксистской философии.

Деборин и его ученики, группировавшиеся вокруг журн. «Под знаменем марксизма» и составлявшие до 1930 т. н. филос. руководство, в своих работах и выступлениях показывали роль филос. учений прошлого, в частности нем. классич. философии, в подготовке марксизма, подвергали критике реакц. идеалистич. концепции (неогегельянство, шпенглерянство, фрейдизм, социал-реформистские «теории» идеологов 2-го Интернационала), подчеркивали в полемике с «механистами» роль диалектики как науч. метода познания. В то же время они в ряде случаев неоправданно сближали идеалистич. диалектику Гегеля с материалистич. диалектикой Маркса, ошибочно утверждали, будто марксизм представляет собой синтез материалистически переработанной гегелевской диалектики и материализма Фейербаха (см. «Под

знаменем марксизма», 1927, № 2—3, с. 21). Не отрицая, что Ленин был великим революционером-марксистом, Деборин и некоторые его сторонники говорили о нем как о воинствующем материалисте и диалектике, но по существу не понимали значения ленинского этапа как новой, высшей ступени в развитии диалектич. и историч. материализма и зачастую ограничивали роль Ленина применением марксизма на практике, противопоставляя Ленину как «практику» Плеханова как теоретика. Деборин писал, что Ленин был «главным образом, философом-практиком», «учил практическому материализму» (см. «Ленин как мыслитель», 1929, с. 7, 8). «Больше всего Ленин был бы удивлен, если бы ему сказали, что он открыл новую эру (!) в марксизме», — писал Н. Карев («Под знаменем марксизма», 1924, № 4—5, с. 241).

Ошибочные взгляды Деборина и его учеников подверглись в 1929—30 широкому публичному обсуждению и критике на науч. дискуссиях, проведенных в Коммунистич. академии, Ин-те красной профессуры философии и естествознания, в др. науч. учреждениях и вузах Москвы, Ленинграда и союзных республик, в научно-теоретич. журналах и т. п. С критикой позиций Деборина и его сторонников выступали видные партийные деятели В. В. Адоратский, В. А. Милотин, Н. А. Скрыпник, Е. М. Ярославский, сов. философы М. Д. Каммари, Ф. В. Константинов, М. Б. Мишин, В. Ф. Ральцевич, П. С. Черемных, П. Ф. Юдин и др.

Филос. дискуссии конца 20—нач. 30-х гг. сыграли большую роль в идейной борьбе партии за ленинизм. В итоге в философии победила парт. линия, была раскрыта великая роль филос. наследия Ленина как нового, высшего этапа развития марксизма, усилилась пропаганда филос. основ марксистско-ленинского мировоззрения. Под влиянием филос. дискуссий и борьбы за филос. наследство Ленина развернулась острая критика ошибочных взглядов и в др. обществ. науках — политич. экономии, историч. науке, правоведении, литературоведении — за идейное наследие Ленина в этих областях науч. знания.

25 янв. 1931 ЦК КПСС принял постановление «О журнале „Под знаменем марксизма“», к-рое подвело итоги идейной борьбы в сов. философии. В постановлении отмечалось, что, несмотря на достижения, имевшиеся в работе журнала, он не сумел осуществить осн. указаний Ленина, данных им в ст. «О значении воинствующего материализма», не стал боевым органом марксизма-ленинизма. Работа журнала была оторвана от задач социалистич. строительства в СССР и междунар. революц. движения. «Журнал „Под знаменем марксизма“», — говорилось в постановлении, — исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма, что было обусловлено позицией группы т. т. Деборина, Карева, Стана и др., фактически превратившей журнал, особенно за последнее время, в свой групповой орган. ... Отрывая философию от политики, не проводя во всей своей работе партийности философии и естествознания, возглавлявшая журнал „Под знаменем марксизма“ группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала — разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевистского идеализма». Далее в постановлении определялись важнейшие задачи журнала, в особенности по разработке ленинского филос. наследия (см. «О парт. и сов. печати», сб., 1954, с. 406—07).

Отд. сов. философы иногда в пылу полемики допускали перегибы в критике ошибок Деборина и его сторонников. Термин «М. и.» в некоторых выступлениях и статьях употреблялся как исчерпывающая характе-

ристика взглядов критикуемых товарищей, как парт. оценка всей их деятельности. Взгляды Деборина и его группы порой характеризовались как проявление классово-враждебной идеологии, как идеализм, антимарксизм, антиленинизм, политич. методология троцкизма, а сами они — как враждебная нашей партии политич. агентура меньшевизма и т. п. Подобного рода утверждения отступали от действит. смысла постановления ЦК партии, в к-ром говорилось об ошибочных установках и извращениях, допущенных сов. философами-марксистами. Впоследствии, в условиях культа личности Сталина, некоторые из представителей ошибочных течений в философии были неправильно объявлены врагами народа и безвинно репрессированы. Партия осудила эти ничем не оправданные репрессии.

В целом же принципиальная критика идеалистич. извращений марксистской философии, допущенных Дебориным и его сторонниками в 20-х гг., имела большое значение для дальнейшего развития марксистской филос. мысли, для популяризации философского наследия Ленина, обоснования ленинского этапа в развитии диалектич. и историч. материализма.

Лит.: За поворот на филос. фронте. Сб. статей, вып. 1, М.—Л., 1931; Митин М. Б., Боевые вопросы материалистич. диалектики, М., 1936; Ильичев Л. Ф., Методол. проблемы естествознания и обществ. наук, в кн.: Методол. проблемы науки, М., 1964, с. 118—19; Иовчук М. Т., Ленинский этап в философии марксизма и проблемы его исследования, там же, с. 285—86.

М. Мишин. Москва.

МÉРА — филос. термин, обозначающий в своем самом общем виде определ. соединение качеств. и количеств. характеристик предмета, посредством к-рого этот предмет может быть измерен. Термин «М.» употребляется в различных значениях составляющих его моментов — качества и количества, а также и с разным значением взаимосвязи этих моментов.

1) В статич. измерит. смысле слова М. означает просто «единицу измерения» или «измеренность», когда, напр., говорят о «мерах и весах» (килограмм, километр, мера пшеницы и т. д.). «Безмерный» в этом смысле означает «лишенный всякого измерения», «неизмеримый» (напр., в выражении «безмерное горе»). В этом первом и наиболее элементарном значении термин «М.» еще не содержит указания на качество или на соотношение количества и качества. Однако уже здесь указывается на то, что данное количество или данная величина применяется для измерения в тех или других качествах.

2) Углубляясь дальше в значение этого термина, можно найти в языке множество разного рода выражений, к-рые уже более отчетливо объединяют в этом термине качество и количество вещей, явлений, событий и т. д. В обычном словоупотреблении часто, напр., говорят «душа меру знает». В такого рода выражениях М. употребляется как такое количество, к-рое соответствует тому или иному качеству, так что при изменении этого количества изменяется и данное качество. В этом случае М. обозначает, очевидно, уже не «измеренность» или «отмеренность», а «соразмерность». Везде в такого рода выражениях со словом М. соединяют уже не просто представление о каком-нибудь количестве или измеренности, исчисленности, но о таком количестве, к-рое соответствует определ. качеству, хотя это взаимоотношение качества и количества мыслится здесь пока еще только фактически, как непосредств. факт действительности.

3) Эта соразмерность может содержать в себе те или иные нормативные черты. Так, когда говорят о М. в области морали, то понимают под этим то, что можно назвать «умеренностью» или «мерностью». Человек умеренный в этом смысле — значит человек «скромный», «воздержанный», «нераспущенный». Говорят также об «умеренном климате», «умеренной пол-

ноте человека», «умеренном аппетите», «умеренных ценах» и т. д. Здесь, следовательно, мы имеем физич., физиологич., психологич., этич. и социальные значения термина с нормативным оттенком.

4) М. часто трактуется не только как этич. норма, но и как эстетич. принцип — в тех случаях, когда «соразмерный» или «мерный» предмет получает значение модели для чувств. восприятия. Нек-рого рода элементарно-эстетич. значение этот термин получает уже в таких словосочетаниях, как «размеренный шаг», «мерное покачивание лодки», «мерное тиканье часов», «соразмерная комплекция человека». М. может иметь и целый ряд еще более сложных эстетич. значений. Основным везде остается здесь указанный выше синтез качества и количества. Но качество может пониматься с разной степенью глубины. Когда оно достигает значения «сущности», оно означает углубленное эстетич. понятие, хотя и предполагающее по преимуществу числовое «явление» такой сущности (поскольку сущность проявляется здесь именно в своем определ. соотношении со своим количеством). Таково, напр., греч. слово «симметрия», к-рое иной раз обозначает не что иное, как «соразмерность», но в данном случае это есть соразмерность частей какою-нибудь целого как в их соотношениях между самими собой, так и в соотношении их с целым при понимании этого целого как той или иной идейной или вообще смысловой сущности. Напр., какое-нибудь глубокое, сложное и идейно насыщенное действие в драме обязательно предполагает и соответствующие этому размеры и монументальную, развернутую и обстоятельную сценич. картину этого действия. Комизм или юмористика бытовых положений, наоборот, требует краткой, подвижной, а иной раз даже суетливой сценич. трактовки.

5) Существует и целый ряд др. терминов, словесно выраженных иначе, но по смыслу близких к термину «М.» или даже прямо совпадающих с ним. Таков термин «пропорция», имеющий значение равенства двух или неск. числовых соотношений качественности. Таков термин «грация», обозначающий ту или иную свободно организованную мерность в движении. Сюда же относятся и термины «ритм» и «метр», указывающие тоже определ. рода синтез качества и количества, то ли в его динамич. развертывании, то ли в его статич. построении. Очевидно, сюда же в знач. степени относится термин «структура». От этих терминов М. отличается только своим обобщенным характером, в то время как все указанные понятия являются вид.ыми его определениями с тем или иным специфич. оттенком, к-рый каждый раз требует спец. исследования.

6) Наконец, термин «М.» приобретает и чисто логич. значение, к-рое обнимает все предыдущие как нек-рого рода общая категория, возникающая в результате диалектич. синтеза качества вообще с количеством вообще. Этому вполне соответствуют данные совр. языков. Так, в рус. языке под М. понимают в народе определ. размеры сыпучих тел (М. зерна — вроде пуда зерна) и даже тот сосуд, в к-ром находится сыпучее тело, вообще те или иные надлежащие размеры («знать меру», «мера наказания»), действие или способ действий («принимать меры», «крайние» или «крутые» меры), критерий оценки («мерить своей меркой») и т. д. Эта качественно-количеств. определенность чувствуется и в немецком *mal*, к-рое, имея тот же корень, что и рус. М., обозначает «раз» (*einmal*, *vielmals*, *manchmal*) или соответствует рус. побудительной частице «ка» (*sehen Sie mal* — посмотрите-ка), выражающей явный и определ. предмет мысли или восприятия. Греческое *μέτρος* (та же этимология) прямо указывает на «мысль» или «намерение». Во всех подобных языковых явлениях выражается част-

ным образом то, что закрепила логич. категория в наиболее общем и абстрактном виде.

Уже в тысячелетних глубинах нар. сознания и языка зафиксирована тяга к той или иной реализации категорий М., особенно в ее познании и конструктивной функциях. Древние греки мыслили свое отдаленное прошлое в мифологич. форме. Мифологич. символами этой мировой М. были Дика («Правда») и Фемида («Право», «Правопорядок», «Законность»), входившие в окружение Зевса на Олимпе. Гегель правильно указывал на то, что для греков Немезида была своеобразным символом М., поскольку этой богине принадлежали не только карающие функции, но и функции уравнивания поступков человека. Как только люди осознали нек-рые свои действия в качестве преступных, тотчас же появилось и учение о возмездии, полагавшее границу и М. для всяких преступных деяний. Все греч. трагики учат о вине и о возмездии, и о той М., к-рая регулирует собой человека. поведение и мыслится в виде т. н. «неписаных законов» (*Sophocles Antig.* 453—55 сл.). Зевс устанавливает свою гармонию в мире, преступить к-рую никто не может (*Aeschylus Prometheus* 550—52 сл.). Чувство М. пронизывает всю др.-греч. лит-ру. Чередование дня и ночи для Еврипида тоже является показателем нек-рого рода космич. М. (*Euripides Phoen.* 541—45).

Термин «М.» возник как обобщение социальной практики человека. Еще Гесиод (7 в. до н. э.), к-рый прославился как теоретик рационального х-ва, писал: «Меру во всем соблюдай и дела свои вовремя делай» (*Opera*, 694). Клеобул и Фалес, входившие в число т. н. семи мудрецов, прославились своим изречением: «Ничего слишком» (10 fr. Diels⁹), а другой источник (10, fr. 2) утверждает, что это изречение было начертано семью мудрецами на храме Аполлона в Дельфах. Эти же два ранних философа высказали и другие подобные изречения: Клеобул, что «мера — наилучшее», и Фалес — «пользуйся мерой» (10, fr. 18). Солон (6 в. до н. э.) тоже призывал к мудрой размерности в личной и общественной жизни (fr. 5, 9, 10, 13, 16, 19, 24 Diels⁹).

Переходя к филос. значению понятия М. необходимо указать, что понятие М. выражалось у греков при помощи разнообразных терминов. Наиболее частыми терминами необходимо считать *μέτρον* («мера»), *μετρία* («соразмерность»), *ἰσόν* («равное», «уравновешенное»), *μέσος* («середина», «центр»), *μεσότης* («центр», «центральность», «центрированность»). М. в значении измеренного количества мы находим, напр., у Эпихарма (23 В 2, Diels⁹). О «мерах и весах» мы читаем уже в пифагорейских текстах (14, fr. 12), а в применении к стихотворным размерам — у Парменида (А 15). Антич. философия особенно прославилась совмещением этически-эстетич. и онтологич. понимания термина «М.». У Филолая (44 А 16) центральный космич. огонь, или Гестия, именуется «мерой природы». В этом же смысле нужно понимать и знаменитые слова Гераклита (В 30) о живом огне, «мерами вспыхивающем и мерами угасающем», а также (А 8) о Логосе, или эфирном теле, к-рое является «мерой назначенного круга времени». Особенно подчеркнут натурфилософский и, в частности, эстетич. структурный смысл М. в высказывании Гераклита (В 94): «Ибо солнце не преступит (положенной ему меры). В противном случае его постигнут Эринии, блюстительницы правды». В этом же контексте следует понимать и учение Диогена Аполлонийского о мышлении, к-рое он, как известно, не отличал от воздуха. «Ибо без мышления, — говорит он, — не могло бы быть такого разделения (первовещества), чтобы во всем заключалась (определенная) мера: в зиме и лете, в ночи и дне, в дождях, ветрах и ясной погоде» (64 В 3). Большую роль играет понятие М. и в философии Демокрита, к-рому при-

надлежит суждение (В 102): «Равное (равномерное) во всем является прекрасным. Избыток и недостаток таковым мне не кажется». Полагая, что в основании вещей лежат атомы, греч. атомисты связывали с определ. структурой атомов, а также с их симметрич. и асимметрич. взаиморасположением все конкретные чувств. качества (напр., Левкипп А 14). Чувств. ощущения рассматривались Демокритом также в зависимости и от симметрии органов человек. организма. То же — у Парменида, Эмпедокла и Анаксагора (259 А 47). Чувством М. пронизана решительно вся этика Демокрита. Так, один источник гласит (А 167): «Счастье же он называет хорошим расположением духа, благосостоянием, гармонией, симметрией и невозмутимостью».

О распространенности понятия М. в греч. классике свидетельствует использование его в таких разнородных областях, как медицина и искусствоведение. Так, Алкмеон (24 В 4) объяснял здоровье именно таким мерным равновесием (*ισομερία*) стихий, т. е. влажного, сухого, холодного, теплого, горького, сладкого и т. п. Болезни же, согласно этому философу, возникают от чрезмерного преобладания (*μεγαρχία*) какой-нибудь одной из этих стихий.

Что касается М. в применении к иск-ву в собств. смысле слова, то подобное понятие встречается уже у пифагорейцев. Пифагореец Поликлет написал целый трактат под названием «Канон», где он строил теорию применения числовых отношений к иск-ву. Этому древнему онтологич. пониманию М. в нераздельном этико-эстетич. смысле слова противостоит знаменитое учение софиста Протагора о М. (80 В 1): «Человек есть мера вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». М. здесь понимается антропологически, но уже не космологически, т. к. выставляется постулат, что человек все измеряет сам собой или что все с ним соизмеримо. Соответственно с этим Антифонт и Критолай (87 В 9) признавали время мыслью или М., а не объективной субстанцией.

С классич. учением о соразмерности спорит также Сократ (в изложении Ксенофонта), к-рый выдвинул новое понимание иск-ва, исходящее не из представлений об объективной М., а из понятия внутри. жизни человека. В разговоре со скульптором Клитоном Сократ прямо так и формулирует принцип своего нового понимания иск-ва: «Скульптор должен в своих произведениях выражать состояние души» (Хеп. Мемор., III 10,8). На этом основании отодвигается на задний план традиция классич. иск-ва. Сократ доказывал, что иск-во изображает «духовные свойства» человека (см. там же, III 10,3). Отношение внешней соразмерности признается Сократом только для таких прикладных иск-в, как иск-во делать панцири (см. там же, III 10, 15).

Это учение Сократа обобщается Платоном, к-рый различал два вида измерения: количественное, когда измеряющий имеет в виду только величину предмета, и сущностное, когда измеряющий в результате своих измерений хочет «путем сохранения (соответствующей) меры создать все прекрасным и добротным» (Politic., 284 А—В). Платон приводит в качестве примера работу ткача, к-рый путем придания мерности своему ткачеству получает именно ткань, а не что-нибудь другое. М. становится здесь, т. о., смысловым принципом создаваемого предмета в его качественно-количеств. связях. Все это рассуждение Платона в «Политике» (283 А — 285 В) о значении М. как избегании всякого излишка и всякого недостатка во всех областях человек. жизни, включая общественную, является типичным для антич. учения о М. Его рассуждения в «Государстве» о безусловном равновесии установленных у него трех сословий тоже пронизаны принципом М.,

к-рый в данном случае привлечен для построения реакц. обществ.-политич. утопии. В произведениях Платона можно найти много др. текстов, относящихся к понятию М., но эти тексты только детализируют приведенное рассуждение: «Ничто несовершенное ни для чего не может быть мерой» (R. P. VI 504 С). «Для всего есть мера. У кого есть ум... для того мерою слушания рассуждений является целая жизнь» (там же, V 450 b). «То, что верит мере и рассуждению, должно быть наилучшим в душе» (там же, X 603 a). Учению о М. посвящен диалог Платона «Филеб». Устанавливая, что всякая вещь состоит из беспредельного и предела, т. е. как бы рисуя некую предел. фигуру на беспредельном фоне бумаги, Платон объединяет также и удовольствие (как относящееся по своей расплывчатости к беспредельному) с разумностью (как с принципом предельности, т. е. раздельности). Получается нечто третье, «смешение», в к-ром уже нельзя разделить удовольствие и разумность и к-рое регулируется особым принципом («причина смеси»), получающим свое конкретное выражение в категориях «красоты», «соразмерности» и «истины». Если у досократиков М. была имманентной материальному миру, т. е. космосу, то у Платона она возникает как синтез сверхкосмич. идеи и чувств. материи. Т. о., соразмерность является у Платона одной из высших эстетич., гносеологич. и онтологич. категорий.

Широкое значение имеет М. и в философии Аристотеля. Рассуждая о едином, Аристотель рассматривал его не в изолированном существовании, но как принцип измерения в любой области бытия, жизни и познания. «Быть целым и неделимым» — это значит быть «исходною мерою для каждого рода». «Мера есть то, чем познается количество... И во всех остальных областях (кроме количества) мерою называется то исходное, с помощью чего там каждое (определение) познается и для каждого мерою является единое — в длине, в ширине, в глубине, в тяжести, в скорости...» (Met. XI, 1052 b 1 — 1053 a 1). В «Метафизике» (X, 1) Аристотель развивает понятие о М. как принципе познания, причем количеств. М. трактуется только как одна из существующих мер, правда, как наиболее точная. Для М. выбирается в каждой данной области то, что наиболее едино и неделимо, и то, что наиболее характерно для данной области. Так, в астрономии движение неба является наиболее простым и ясным, с чем сравниваются всякие др. движения. Аристотель критически относится к тезису Протагора о том, что человек является мерой вещей, т. к. скорее вещи являются мерой для человека. В известном смысле можно говорить и так, как говорит Протагор, если выдвигать на первый план те или другие элементы нашего познания для характеристики этого познания в целом. Однако, «...хотя всякое знание есть знание о познаваемом, но не всякое познаваемое стоит в отношении к знанию, так как с известной точки зрения знание измеряется тем, что познается» (Met. X 6, 1057 a 9). М. здесь, очевидно, — это познават. отождествление сущности предмета с самим предметом в условиях пребывания этой сущности в самом предмете, а не вне его. Говорит Аристотель и о моральной М., утверждая, что «мерилом» и «мерой» для истины в каждом отд. случае является сам человек со своими чувствами «прекрасного и приятного» (Eth. Nic. III 6—9). Но это говорится не в протагоровском смысле, а в смысле значения морали как необходимого принципа в переживаниях эстетического и вообще приятного. Наука, по Аристотелю, невозможна без эмпирии, а эмпирия без науки тоже бессмысленна; необходимо их мерное объединение (см. Met. I, 1). Особенно широкое применение принцип М. имеет у Аристотеля в его этике. «Добродетель есть известного рода середина, поскольку она стремится к целому» (Eth. Nic. II 5, 1106 a

30). Конкретнее говоря, добродетель есть середина между двумя порочными крайностями (см. там же, II 6—9); мужество — середина между трусостью и отвагой, кротость — середина между смиренностью и гневливостью, щедрость — середина между скупостью и расточительностью. Т. о., основное учение Аристотеля о добродетели есть не что иное, как учение о М., избегающей как недостаточности, так и излишества. В связи с этим учением о М. нужно понимать и аристотелевскую концепцию «правильного разума» (*orthos logos* см. там же, VI 13). Мерность, или соразмерность (*ison*), Аристотель предлагает соблюдать также и в дружбе и в справедливости (см. там же, VIII 9). Т. о., вся философия Аристотеля, начиная от осн. онтологич. учения о мире и кончая эстетич. и этич. учениями, оказывается пронизанной принципом М., понимаемым в разных разделах его философии весьма специфично.

В эпоху эллинизма М. также остается в греч. философии чрезвычайно популярным понятием. Таково перипатетич. учение о *μετριότητι* («умеренности страсти»), к-рое развивалось эпикурейством с его учением о разумном «удовольствии» — а также и стоицизмом с его учением о внутр. «выправке». У Горация вся «Поэтика» строилась на понятии М. («есть мера в вещах, и в конечном счете их определенные границы», *Sat. I, 106*). Весь неоплатонизм тоже понимал М. как идеальную структуру и упорядоченность каждой вещи и всего космоса в условиях реального функционирования этой структуры и упорядочения всего существующего (многочисл. тексты у Прокла).

Антич. концепция М., развивавшаяся во все периоды греко-римского мира, с тех пор уже никогда не исчезала в последующие эпохи, а только принимала разные формы, приобретая различное содержание в соответствии с потребностями времени и общества. Ср.-век. спиритуализм, выросший на основе феод.-иерархич. отношений, внес в эту концепцию принцип монотеистич. миропонимания. Этой М. стал теперь не пластич. чувств. космос, но надприродный и притом личный абсолют. Тем не менее антич. материалистич. концепция М. не только не исчезла в ср. века, но использовалась там весьма часто в самом причудливом переплетении с идеализмом и богословием. Уже Августин, этот предначинатель ср.-век. философии, утверждает (*De liber. arbitr. II 16, 42*), что все живое обладает какой-нибудь формой, а каждая форма характеризуется каким-нибудь числом. Следовательно, каждый живой индивидуум обладает определ. соотношением качеств и количеств. характеристик. Августин фиксирует в каждом иск-ве нек-рого рода соответствие (*convenientia*), выражением к-рого является равенство (мы бы сказали равномерность) и единство (*De ver. relig. XXX 55*). У Августина мы находим также учение о числовом равенстве (*aequalitas numerosa*), к-рое нельзя понять иначе, как учение о равномерной числовой структуре художеств. цельности (*De mus. VI 12, 38*). В анонимном трактате 13 в. (*Summa Alexandri I ed. Quaracchi, p. 181*) говорится, что каждой вещи свойственны: 1) вид (*species*), то, чем она отличается от всего другого; 2) мера (*modus*), то, чем она ограничивается, т. е. больше чего и меньше чего она не может быть, и 3) порядок (*ordo*), то, как она по своей структуре соотносится с другими вещами. В этом тексте заметна весьма важная попытка отграничить понятие М. как вообще от формы, так, в частности, и от ее структуры. Фома Аквинский пишет (*Summ. theol. I 4, 1*): «Совершенным называют то, что не имеет никакого недостатка соответственно мере его совершенства». У философа 13 в. Витело (*Perspect., IV 148*) прямо фиксируется взаимосоответствие качества и количества вещи, выражением чего является ее пропорциональность и красота: «Пропорциональ-

ность частей, отвечающая какой-либо природной или искусственной форме, в сочетании с чувственными образами создает большую красоту, чем каждый из этих образов в отдельности».

Деятели эпохи Возрождения отдавали большую дань категории М. Марсилио Фичино в своем комментарии на «Пир» Платона (V 6) также трактует три старых понятия — меру, вид и порядок, давая категории М. глубокое художеств. истолкование. У Альберти («О зодчестве» VI 2) содержится точное определение понятия М., хотя и без употребления этого термина: «Красота есть строгая соразмерная гармония всех частей, объединяемых тем, чему они принадлежат, — такая, что ни прибавить, ни убавить, ни изменить ничего нельзя, не сделав хуже». Подобного же рода художественные представления о М. приводят Леонардо да Винчи (см. «Трактат о живописи», III 272—76), Филенцола (см. «О красотах женщины», Соч., 1934, Рассужд. 1), Дж. Бруно (см. «О героич. энтузиазме», М., 1953, с. 56), Дюрер (см. Дневники, письма, трактаты, т. 2, 1957, с. 12—20, 177—84) и мн. др.

Классицизм нового времени, связанный с картезианским рационализмом и возрождающий этику и эстетику Горация, на все лады проповедует учение о М., умеренности, уравновешенности, избегании крайностей. Таковы знаменитые наставления Буало (1636—1711) и соответствующая характеристика Гомера в 3-й кн. его «Поэтич. искусства». В предисловии Мармонтеля (1723—99) к его «Элементам литературы» сущность прекрасного понимается как соблюдение «ирриличий» или «соответствий» (*convenance*) в «естественной» и в «искусственной» (т. е. в общественной) жизни с указанием на век Людовика XVI как наиболее совершенный в этом отношении (то же у Лагарпа, 1739—1803).

Из англ. эстетиков нового времени концепция М. особенно ярко представлена у Шефтсбери. Ему принадлежит учение о мировой гармонии, исходящей из космич. центра, охватывающей всю природу и человека и в каждой отд. душе пробуждающей энтузиазм в отношении универсальной и мерной благоустроенности всего существующего (см. 1. I. Osske, *Ganzheit, Unendlichkeit und Form. Studien zu Schaffesburys Soziologie*, Freib., 1942, Diss.).

Учением о М. проникнута и философия Спинозы. Таково его учение об адекватности мышления и протяжения, о соответствии истинной идеи ее объекту, о тождестве сущности и существования в боге (природе), о регулировании богом всякой субстанции и т. д. Таковы же и многие учения Лейбница, как, напр., о предустановленной гармонии. Несмотря на широчайшую распространенность концепции М. в новой философии, четкий логич. анализ М. дает только философия нем. классич. идеализма. Предшественником диалектич. учения о М. является Кант, поскольку он впервые сформулировал в раздельном виде категории качества и количества (наряду с прочими категориями рассудка). Однако Кант не сумел понять качества и количества в их диалектич. единстве, поскольку этому мешал дуализм в его учении о субъекте и объекте. Только Гегель впервые в истории новой философии разработал диалектику качества и количества и тем самым сформулировал обобщенно учение о М.

Свое учение о М. Гегель дал в различных трудах и прежде всего в «Энциклопедии философских наук» (см. Соч., т. 1, 1929, с. 184—90), где каждая филос. категория рассматривается как итог векового развития человек. познания. Осн. определение М. у Гегеля резюмирует все рассмотренные выше учения по этому вопросу (см. там же, с. 184—86). «Мера есть качественно-определенное количество, прежде всего, как не посредственное; она есть определенное количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество» (там же, с. 184). Другими словами,

Гегель исходит из диалектич. единства качества и количества, когда увеличение или уменьшение количества данного качества только до определенной границы остается безразличным для данного качества, а дальше приводит его к гибели. Так, увеличение или уменьшение температуры воды с определ. момента превращает воду либо в газообразное, либо в твердое состояние. Такой живой синтез качества и количества наблюдается, по Гегелю, решительно везде, в неорганич. и органич. мире, в одушевленной, обществ., этич. и историч. области. Поскольку Гегель рассматривал свои категории диалектически, в процессе их становления и взаимоперехода, постольку ни качество, ни количество не являются у него застывшими и неподвижными категориями. Качество проходит через разные свои моменты, пока не исчерпает себя, не придет к своему отрицанию, уступая место новой категории, количеству; так же и количество постепенно исчерпывает себя, возвращаясь к качеству, но уже на новой ступени, т. е. к такому качеству, к-рое вобрало в себя и все количеств. отношения. В этом диалектич. развитии всех категорий как раз и заключается огромная сила и новизна учения Гегеля о М.

Более подробный анализ понятия М. Гегель дает в своей «Науке логики». Согласно Гегелю, первоначально М. выступает как количеств. определенность, данная сама по себе без всякого соотношения со всем другим. Так, вода сохраняет свое жидкое состояние в пределах между нулем и ста градусами по Цельсию. Этот момент Гегель так и называет «специфическое количество». Здесь уже количеств. сторона есть не просто количество, но определ. образом измеряемое качество, или, по Гегелю, «специфицирующая М.». Если взять то и другое вместе, то качественно-количеств. определенность, т. е. температура от нуля до ста градусов и вода, предстанут как едино-раздельное целое качество. Все эти три момента есть самое обобщенное объединение качества и количества или «специфическое количество». Кроме жидкого состояния, физич. субстрат — вода может иметь и твердое и газообразное состояние. Следовательно, для одного данного вещества возникает уже не одна М., но много М., к-рые образуют, по терминологии Гегеля, «узловую линию» становления М. Но если имеется много М. какого-нибудь вещества, то возникает вопрос, что же объединяет все эти М. в одно целое? Количественно их уже нельзя объединить, потому что категория количества дала нам только самый факт существования разных М. Качественно тоже нельзя их объединить, поскольку качественное объединение только создало для нее бесконечный ряд переходящих одно в другое качеств. Должна быть найдена такая категория, к-рая объединяет все М. данного вещества не только количественно и не только качественно, но объединяет их по существу. Другими словами, ставится вопрос о том, что же общего между льдом, водой и паром и что является в них такой основой, к-рая определяет их и качественно, и количественно. Здесь от М., являющейся наиболее конкретным выражением бытия, совершается переход уже к сущности, к-рая отражает в смысловом виде все качества и количества, составляющие М.

Особую роль эта категория играет и в эстетике Гегеля. Определяя *идеал* как соразмерное, адекватное единство идеи и чувств. действительности, Гегель фактически исходит из понимания категории М. В учении о трех историч. формах иск-ва — символической, классической и романтической, он тоже применяет категорию М. В символич. иск-ве идея и внешняя форма не соответствуют друг другу, идея адекватно не выражается в действительности; она растекается по всем природным обликам, «...в своем беспокойстве и безмерности идет себя в них и все же не находит их адекватными себе...» (Гегель, Соч., т. 12, М. 1938,

с. 81). Безмерность, причудливость, гротескность, случайность и путаница — вот, по Гегелю, отличит. черты инд. и егип. символич. иск-ва. Классич. форма иск-ва, иск-во антич. Греции, — это по преимуществу иск-во М. Красота классич. идеала — «...красота в ее более подлинной форме и ее наиболее соответствующем содержании...» (там же, т. 13, М., 1940, с. 88). Далее начинается период сумерек иск-ва, эпоха его разложения. Из иск-ва меры оно становится иск-вом безмерного, ничтожного, прозаического, безобразного, задумчиво-пугливого. Но этот переход М. в безмерное обнаруживает, по Гегелю, что иск-во не является подлинной формой осознания духом самого себя, что необходимо перейти к другим, более высоким формам духа. Если в символич. форме иск-ва последнее только стремилось к идеалу, а в классической достигало его в совершенном и притом чувств. виде, то с распадением классич. иск-ва возникла необходимость выхода за пределы эстетич. идеала и погружения в недра чистого духа, для к-рого все чувственное оказывалось только более или менее случайным и несущественным (см. там же, с. 82—94); три осн. формы иск-ва выступают у Гегеля как три типа историч. проявления категории М. Т. о., категория М. получает у Гегеля универсально-диалектич. значение. Всякое единство противоположностей выступает у него как М., в к-рой эти противоположности объединяются. Не только «качество» и «количество» сливаются в М., но также, напр., «сущность» и «явление» сливаются в свою собств. М., к-рая в данном случае является «действительностью». Также сливаются каждый раз в свою собств. М. «содержание» и «форма», «внутреннее» и «внешнее», «субъект» и «объект» и т. д.

В бурж. философии после Гегеля категория М. утрачивает свой универсальный и диалектич. смысл. В известных пределах эта категория употребляется неокантианцами (напр., Когеном), к-рые интерпретируют ее гл. обр. в узкологич. смысле.

Категория М. получает новое, подлинно науч. развитие в философии диалектич. материализма. В «Капитале» Маркса эта категория первоначально выступает в наиболее непосредств., чувственно-конкретном значении, а именно, в связи с внешней М., с масштабом. Так, напр., одно тело, вес к-рого должен быть найден, соизмеряется с нек-рым другим телом, напр. куском железа, вес к-рого является единицей измерения. С переходом от потребительной стоимости к меновой Маркс выдвигает новое понятие внутр. М. стоимости, т. е. то, чем стоимость измеряется по своему существу. Но Марксу, ее внутренней, имманентной М., или точнее, М. ее величины является рабочее время труда. «Рабочее время это суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилом этого бытия» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 16). Установив эту М. труда, или имманентную М. стоимости, Маркс сталкивается со мн. разными стоимостями; и тут Маркс говорит уже о взаимоотношениях М. этих стоимостей и, в частности, выражении одной какой-нибудь М. какими-нибудь другими М. Это — ступень уже не внутр. М., но тех реальных М., когда они выражаются одна через другую и когда мы получаем то, что Маркс называет полной или развернутой формой стоимости. Здесь внутр. М. величины стоимости вступает во взаимоотношение вообще со всем товарным миром. Далее следует третья и последняя ступень развития стоимостной категории М., когда все товары измеряются только одним товаром, а именно, золотом, и когда золото является наиболее развитой количеств.-качеств. М. величины всякой стоимости. Это — т. н. всеобщая форма стоимости. Золото не есть просто металл. Но оно

также не есть и просто какая-нибудь ценность. Его экономич. сущность в мире товарных отношений есть именно предел. М., к-рая особенно ярко выражается в процессах купли и продажи, где мы имеем все время переходы качества в количество и обратно, причем переходы эти основаны на эквивалентности золота любому товару, т. е. на категории М. в ее всеобщем экономич. значении.

Энгельс также придавал огромное значение категории М. Энгельс пишет о М. движения (см. «Анти-Дюринг», 1957, с. 59, 293), о времени как М. труда (см. там же, с. 293, 295), о труде как М. всех стоимостей (см. там же, с. 179—80), о М. стоимости (см. там же, с. 216, 226), а также и вообще об узловых отношениях М. (см. там же, с. 43, 63, 119).

Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, указал на широкое значение категории М. в моральной, социально-политич., гносеологич. сфере. Он отметил, что гегелевская «узловая линия мер» свидетельствует о скачкообразном характере перехода количества в качество, о том, «...что постепенность ничего не объясняет без скачков» (Соч., т. 38, с. 111).

Марксистско-ленинское понимание М. исходит из идеи революц. развития действительности, к-рая является окончат. М. для оценки и самой действительности в целом. 1) В диалектич. материализме М. выступает как диалектич. единство качества и количества. 2) Отсюда вытекает та характеристика М., к-рая свойственна вообще всякому единству противоположностей: качество и количество в М. относительно самостоятельны и относительно связаны одно с другим; развитие того и другого возможно только в предел. границах, нарушение к-рых означает разрушение самой М.; последоват. возникновение разных М. в процессе количеств. увеличения или уменьшения образует узловую линию становления М. 3) Категория М. имеет место решительно во всех науках о природе и обществе. В математике уже натуральный ряд чисел представляет собой узловую линию числового становления М., поскольку каждое число не сводится к простой сумме изолированных единиц, а есть некоего рода количеств. качество. В механике и физике переходы одного вида энергии в другой тоже образуют узловую линию изменения М. в области энергии. Энергия является М. движения материи в разных ее областях — механич., тепловой, химич., электромагнитной, гравитационной, ядерной и др. В химии периодич. система Менделеева есть тоже не что иное, как узловая линия увеличения удельного веса, составляющего вместе с качеством данного элемента его М. Такой же узловой линией соответствующего развития М. являются в биологии рождение организма, его расцвет и его смерть. Каждому лекарств. веществу тоже свойственна своя М., поскольку его полезность или вред зависят не только от его качества, но и от его количества. История общества тоже немислима без перехода одного качества в другое в результате количеств. изменений предыдущего качества. М. является одним из осн. критериев эстетич. оценки действительности. Наконец, в логике М. рассматривается в виде наиболее общей категории. 4) Категория М., как и всякая категория мышления и бытия, является категорией исторической, т. е. она является разной в разные периоды человек. развития. 5) Марксистско-ленинская философия использует категорию М. в учении о пяти осн. обществ.-экономич. формациях. Такой М. является способ произ-ва, представляющий собой диалектич. единство количеств. роста производит. сил и качества производственных отношений. 6) В научном коммунизме мерой всех М. является бесклассовое коммунистическое общество, которое является окончательным критерием оценки развития всей истории человечества.

Лит.: Брушлинский В., О категории М. у Гегеля, «Вестн. Коммунистич. Академии», 1929, кн. 35—36; Столяров А. К., Субъективизм механистов и проблема качества, 2 изд., М.—Л., [1929]; Кедров Б. М., О количествах и качествах. изменениях в природе, [М.], 1946; Лосев А. Ф., Эстетич. терминология ранней греч. лит-ры, «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», т. 83. Кафедра классич. филос., 1954, вып. 4; Розенталь М., Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; Тавадзе И. К. и Каландаршвили Г. М., В. И. Ленин о «Науке логики» Гегеля, Тб., 1959; Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, [М.], 1960; Шептулин А. П., Взаимосвязь категорий в философии Гегеля, в сб.: Науч. труды Моск. технологич. ин-та легкой промышленности. Сб. 15, 1960, Воровьев Л. В., Каганов В. М. и Фурман А. Е., Осн. категории и законы материалистич. диалектики, М., 1962; Маньковский Л. А., Логич. категории в «Капитале» К. Маркса, в сб.: Диалектич. логика в экономич. науке («Уч. зап. МГПИ им. Ленина»), № 179, 1962; Schadow I. G., Polycet oder von den Maassen des Menschen nach dem Geschlecht und Alter, 10 Aufl., B., 1905; Schilling H., Das Ethos der Mesotes. Eine Studie zur Nikomachischen Ethik des Aristoteles, Tübingen, 1930; Laue H., Mass und Mitte. Eine problemgeschichtliche Untersuchung zur frühen griechischen Philosophie und Ethik, Münster, 1960. (В разделе, посвященном анализу категории М. у Маркса, использованы материалы А. С. Огурцова). А. Лосев. Москва

МЕРЕЖКОВСКИЙ, Дмитрий Сергеевич [2(14) авг. 1866—9 дек. 1941] — рус. писатель, поэт и религ. философ. Род. в чиновничьей семье. Окончил историко-филологич. фак-т Петерб. ун-та (1887). В нач. 900-х гг. — один из представителей *богоскательства*. Окт. революцию не принял, бежал за границу (1920).

Уже в первых произведениях («Стихотворения», 1888; «Символы», 1892; «Новые стихотворения», 1896) выступил как символист. В работе «О причинах упадка и о новых течениях в совр. рус. лит-ре» (1893) М., отвергая позитивизм и материализм в философии, натурализм и реализм в иск-ве, отстаивал т. н. «новое искусство», осн. элементами к-рого считал «мистическое содержание» и «символы». На филос. построения М. (помимо христианства) оказали влияние идеи *Достоевского* и *В. Соловьева*. По М., во всякой эволюции есть три момента: нерасчлененное «интегральное единство» противоположных начал, их дифференциация, их «совершенная интеграция». В соответствии с этим и история человечества имеет три этапа: языческий (недифференциров. единство мира и бога); христианский — религия богочеловека Христа (этому этапу свойствен дуализм земного и небесного, плоти и духа); послехристианский — религия бога в человечестве, богочеловечество (как синтез античности и христианства). Идеал богочеловечества реализуется, по М., в условиях «безгосударственной религиозной общности», составляющей «мистический предел» рус. революции, к-рая, как полагал М., может быть плодотворной только в рамках религиозности. Эта концепция М. с ее религ.-анархич. идеалом была бурж.-дворянской реакцией на теорию науч. социализма, на развивавшееся в России революц. движение.

Свои концепции М. проводил как в историч. романах, драмах («Христос и Антихрист», Трилогия, 1896 — 1905; «Рождение богов», 1925, и мн. др.), так и в историко-критич. исследованиях («Вечные спутники», 1897; «Л. Толстой и Достоевский», т. 1—2, 1901—03; «Пророк рус. революции», 1906, и др.) В творчестве любого писателя и мыслителя (Пушкина, Гоголя, Достоевского, Белинского и т. д.) М. видел прежде всего борьбу апирелиг. и религ. начал (см., напр., «Завет Белинского», 1915, с. 27, 42). Реакц. воззрения М. подвергнуты резкой критике в трудах Ленина и Плеханова, а также в работах сов. литературоведов.

Соч. Полн. собр. соч., т. 1—24, М., 1914—15; Грудный хам. Чехов и Горький, СПб, 1906; Le Taq et la révolution, P., 1907 (совм. с З. Гиппиус и Л. Философовым); Не мир, но меч. К будущей критике христианства. Статьи, СПб, 1908; Зачем воскрес? (Религ. личность и общечеловечество), П., 1916; Тайна трех, [Прага], 1925; Тайна Запада. Атлантида и Европа, Белград, [1930]; Иисус неизвестный, Белград [б. г.].

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 20, с. 441; Плеханов Г. В., О так называемых религ. исканиях в Рос-

сии, Соч., т. 17; Михайловский Н. К., Рус. отражение франц. символизма, в кн.: Лит. воспоминания и совр. смута..., т. 2, СПб, 1900; Покровский М., Религия и революция, в сб.: О веяниях времени, СПб, 1908; Лурье С., Религ. искания в совр. лит-ре, «Рус. мысль», 1908, № 10; Жданов В., Мережковский, «Лит. энциклопедия», т. 7, М., 1934 (библ.); Волков А., Очерки рус. лит-ры конца XIX и начала XX века, 2 изд., М., 1955, с. 405—75; Мейлах Б., Ленин и проблемы рус. лит-ры конца XIX — начала XX вв. Исследования и очерки, 3 изд., Л., 1956, с. 125—305; Гиппиус З., Д. Мережковский, Париж, [1951].

МЕРЗЛЯКОВ, Алексей Федорович (1778—26 июля 1830) — рус. лит. критик, поэт и эстетик. Проф. Моск. ун-та (с 1804). В работах «Об изящной словесности...» («Вестник Европы», 1813, № 7, 8), «Об изящном, или о выборе в подражании» (там же, № 11, 12), «О подражании» («Украинский журнал», 1824, № 6; авторство М. предположительно) и др. М., исходя из осн. положения об искусстве как «подражании природе», разработал ряд эстетич. проблем в направлении, ведущем к эстетике реализма. Говоря о «подражании», М. понимал под природой не только физическую природу, но и мир нравственный и гражданский, исторический, мифологический и идеальный или возможный (см. «Об изящном...», в журн. «Вестник Европы», 1813, № 11 и 12, с. 197). Протестуя против истолкования «подражания» как рабского копирования, М. понимал подражание как творч. акт, — художнику «... все позволено с одним только условием: чтобы свойства и действия творений его не противоречили самому существу предметов... и нашему о том понятию и мнению...» («Украинский журн.», 1824, № 6, с. 264). Перерабатывая классицистич. понятие о подражании «прелестнейшей» природе и о необходимости «украшать» ее, М. шел к пониманию того, что иск-во должно представлять изображаемое обобщенно в том виде, в каком о нем может быть создано наиболее полное представление, «в виде разительнейшем» («Об изящном...», с. 196). Согласно М., «украшенное подражание» «прелестнейшей природе» есть процесс выявления существенного, наиболее полно выражающего сущность предметов. К пониманию художеств. творчества как обобщающей деятельности художника М. подходил также и со стороны утверждения его идейности. М. считал, что художник «...должен знать наперед, что он хочет произвести через подражание, требовал от иск-ва гражданского служения (там же, с. 225). Осуждая помпезность и ходульность иск-ва придворного классицизма, М. настаивал на том, что в произведениях иск-ва должно соблюдаться «правдоподобие», «натуральное течение вещей», резко критиковал за нарушение этих эстетич. норм Сумарокова, Хераскова, Озерова и др. рус. классицистов (см. «О том, что называется действие драмы...», в журн.: «Вестник Европы», 1817, № 11; «Сумароков», там же, № 14; «Россиада», в журн.: «Амфион», 1815, № 1—3). В этой связи М. критиковал и романтич. иск-во, к-рое, по его мнению, «оскорбляет наш ум», противоречит «существу предметов». В связи со всеми этими его идеями стоит и попытка определить прекрасное, с одной стороны, как объективное, совершенное по отношению к «своей природе», а с другой — как относительное к природе человека, имеющее «ближайшее к нам отношение» (см. «Об изящном...», с. 204—11), поскольку «прелесть предметов, избираемых искусством, не заключается собственно в них самих, но в отношении, которое они имеют к нам» («Чтение пятое...», в журн.: «Амфион», 1815, июль, с. 73).

М., как гл. представитель преддекабристской эстетики начала 19 в., являлся одним из предшественников того реализмич. направления, которое формировалось в недрах эстетики рус. классицизма.

Лит.: Белоруссов И. М., Зачатки рус. лит. критики, вып. 2, Воронеж, 1888; Виноградов Ф. А., А. Ф. Мерзляков, СПб, 1908; Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1, Л., 1950, гл. 6, 7; История

рус. критики, т. 1, М.—Л., 1958; Мордовченко Н. И., Рус. критика первой четверти XIX в., М.—Л., 1959; Беленский В. Г., Полн. собр. соч., т. 13, М., 1959 (см. Указатель имен и названий).

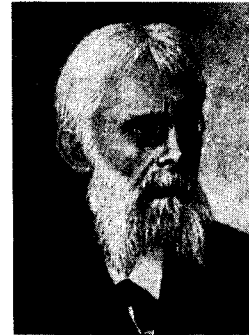
Библи.: Биографич. словарь профессоров и преподавателей Моск. ун-та, ч. 2, [б.м.], 1855. З.Каменский.Москва.

МЕРИНГ (Mehring), Франц (27 февр. 1846 — 28 янв. 1919) — марксистский теоретик и публицист, один из вождей левого крыла нем. социал-демократии и основателей компартии Германии, историк нем. рабочего движения, издатель и комментатор наследия Маркса и Энгельса, биограф Маркса.

Род. в состоят. семье. Учился на филос. ф-те Лейпцигского (1866—68), затем — Берлинского (1868—70) ун-тов. В 70—80-е гг., то сближаясь с рабочим движением, то отдаляясь от него, сотрудничает в либеральной, с.-д., бурж.-демократич. прессе. Переход М. на позиции марксизма совершился в нач. 90-х гг. Отныне вся деятельность М. посвящена пролетариату. В конце 19 — нач. 20 вв. М. печатается гл. обр. в теоретич. органе нем. социал-демократии «Die Neue Zeit». По мере обострения политических противоречий в Германии и Европе вообще М. ведет все более репиг. борьбу с ренегатством и оппортунистич. приспособленчеством нем. и междунар. социал-демократии. В годы рус. революции 1905—07 он выступает против меньшевистской ее оценки, подчеркивает роль рус. пролетариата как гегемона демократич. движения. В период первой мировой войны М., клеймя предательство, совершенное правыми социал-демократами и центром, издает вместе с Р. Люксембург журн. «Die Internationale» («Интернационал»), примыкает к «Союзу Спартака», ставшему ядром компартии. После 1917 М. пишет статьи в защиту Сов. России («Маркс и Парижская Коммуна» — «Marx und die Pariser Kommune», опубли. в газете «Leipziger Volkszeitung», 1918, 10 июня; «Маркс и большевики» — «Marx und die Bolschewiki», 1918, опубли. впервые в журн. «Internationale» в 1927), одобряет политику и тактику большевиков. Ленин отмечал в 1918 заслугу М., «...который теперь в ряде статей доказывает немецким рабочим, что правильно поняли социализм только большевики...» (Соч., т. 27, с. 442). От бурж. демократизма в ряды коммунистов — таков путь М.

В соответствии с политич. развитием М. существенно изменялись и его филос. взгляды. На своем марксистском этапе М. сначала был идеалистом, затем испытал на себе влияние Фейербаха. Осн. часть статей М. о философии написана уже после его вступления в ряды социал-демократии, в период, когда отд. попытки ревизовать марксизм переросли — после смерти Маркса и Энгельса — в широкое наступление на него. Историч. значение филос. работ М. определяется прежде всего той ролью, к-рую они сыграли в отражении этих атак ревизионизма.

Филос. кругозор М. очень широк. Издавая докторскую диссертацию Маркса «Различие натурфилософии Демокрита и Эпикура» («Differenz der demokratischen und epikureischen Naturphilosophie», опубли. в кн.: Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassalle, Bd 1, 1902), М. во введении и примечаниях к ней дал полемический в отношении бурж. традиции набросок истории античной мысли. Много статей М. посвящено классич. периоду нем. философии, в особенности Канту. Среди философов 2-й пол. 19 в. внимание М. привлекали Гартман, Шопенгауэр,

Ницше. Пристально следил М. и за работами неокантианцев, неогегельянцев, неолмарксистов, махистов, Ф. Адлера и Е. Дидгена. М. принадлежат также статьи о естеств.-науч. материализме, дарвинизме, об Э. Геккеле, об отношении марксизма к религии и христианству.

Значителен вклад М. в разработку проблем материалистич. понимания истории. Уже в 1893 М. выступил со ст. «Об историч. материализме», получившей положительную оценку Энгельса. Направленная против «ниспровергавшего» марксизм бурж. философа П. Барта, эта статья выходила, однако, далеко за пределы этой полемики. Вопросам историч. материализма посвящен ряд последующих произведений М. Выступая против вулгарного истолкования историч. материализма как шаблона, схемы, в к-рую втискивается сложная жизнь человечества, М. писал: «В действительности дело обстоит как раз наоборот. Исторический материализм наносит смертельный удар всякому произвольному историческому построению; он устраняет всякую голую формулу, посредством которой желают остричь под одну гребенку изменчивую жизнь всего человечества» («На страже марксизма», М., 1927, с. 33). М. не только блестяще отстаивал историч. материализм от нападок, но и умело применял его к конкретным областям науч. исследования (воен. теория, лит-ра, история и пр.). Лучшее историч. исследование М. — «Легенду о Лессинге» Энгельс назвал «превосходной работой». «Отрадно видеть, — писал Энгельс по поводу этой книги А. Бебелю 16 марта 1892, — что материалистич. понимание истории, после того как оно в течение 20 лет, как правило, оставалось в работах молодых членов партии только трескучей фразой, наконец, начинает применяться надлежащим образом в качестве руководящей нити при изучении истории» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 29, 1946, с. 41). В письме к М. от 14 июля 1893 Энгельс определял эту книгу как «наилучшее из имеющихся изложений генезиса прусского государства, могу сказать даже единственно хорошее, в большинстве случаев вплоть до мелочей правильно раскрывающее все взаимосвязи» (там же, с. 230).

Теоретич. работы М. отличаются четкость социально-политич. оценок, умение обнажить классовую суть филос. концепций. «...Философия, — писал М., — представляет собою идеологическое, сопутствующее явление классовой борьбы, одну из тех идеологических форм, в которых люди сознают эту борьбу и в которых проводят ее ... Только история классовой борьбы может осветить кажущуюся совершенно необозримой путаницу филос. систем, только при ее свете можно разграничить и классифицировать их» (там же, с. 155).

Не умаляя историч. заслуг Канта, М. отметил в его трудах черты, порожденные «убожеством» Германии 18 в., т. е. ее экономич. слабостью, политич. бессилием буржуазии, феод. раздробленностью и пр. М. подчеркивал, что Кант, начав с грандиозной материалистич. теории неба, создал позднее учение о непознаваемой «вещи в себе», к-рое стало оружием против материализма. Выступая против филос. ревизионистов, М. писал: «Немецкая социал-демократия в области философии так же мало может идти назад к Канту, как она в политике может идти назад к Робеспьеру и в эконо-мике к Бабефу» («Die Neue Zeit», XX, т. 2, с. 124). М. превосходно понял реакц. смысл пессимистич. теорий Шопенгауэра и причины, по к-рым она распространилась среди нем. буржуазии после поражения революции 1848. Едва ли не первым среди марксистских теоретиков М. отметил связь между нищенством и агрессивной идеологией империалистич. Германии. Особое внимание М. уделил борьбе против социал-демократич. теоретиков, отступивших от исто-

рич. материализма на идеалистич. позиции (прежде всего Берштейна, а в предвоенные годы и Каутского).

Большой заслугой М. является создание монументальной, до сих пор непревзойденной (несмотря на содержащиеся в ней отд. ошибки, в частности в оценке борьбы Маркса с Лассалем) биографии Маркса («Карл Маркс. История его жизни» — «Karl Marx. Geschichte seines Lebens», 1918). В ней величие Маркса раскрывалось как неразрывное единство между «человеком мысли и человеком дела» (см. «Карл Маркс...», 1957, с. 27).

Ленин высоко ценил М. Он видел в нем человека «... не только желающего, но и умеющего быть марксистом» (Соч., т. 14, с. 340). Плеханов называл М. «... лучшим — едва ли, впрочем и не единственным знатоком философии между германскими социал-демократами» (Избр. филос. произв., т. 3, 1957, с. 128).

Работам М. были присущи и недостатки, в той или иной степени свойственные и др. выдающимся с.-д. мыслителям Зап. Европы в эпоху 2-го Интернационала. В мирные годы между Парижской Коммуной и первой рус. революцией, к-рые Ленин назвал периодом «...распространения социализма вширь...» (Соч., т. 19, с. 263), общий уровень марксизма на Западе несколько понизился. У его пропагандистов экономика зачастую становилась единств. движущей силой обществ. развития, а идеология — лишь продуктом экономики; человек. деятельность отделялась от истории, субъект от объекта, свобода от необходимости. Подобные черты мышления в какой-то степени проявились и у М.

Механистич. ошибки и сопутствующие им элементы идеализма налицо даже в лучших работах М., напр. в «Легенде о Лессинге». В письмах к М. от 11 апреля и 14 июля 1893 Энгельс упрекал его в нек-ром упрощении зависимости между базисом и надстройкой, призывая не упускать из виду их взаимод.

Именно частичные отступления от диалектики — причина того, что, страстно отстаивая учение Маркса, М. в то же время несколько обеднял его. В истолковании М. до известной степени стиралось принципиальное различие между методом Гегеля и Маркса. М. слишком узко толковал мысль Энгельса о «конце философии». Не случайно он почти не употреблял термин «диалектический материализм», хотя и вынашивал замысел написать историю логики и диалектики. Указывая на важнейшее методологич. значение диалектики для изучения общественных явлений, М., однако, так и не сумел понять диалектику как логику и теорию познания марксизма. В проистекающем отсюда нек-ром равнодушии к вопросам теории познания, ставшей гл. участком борьбы в области философии на рубеже веков, — основа непоследовательности М. как критика иррационализма, механицизма, неокантианства.

После смерти М. оппортунисты в лице Брандлера и Тальгеймера стремились воспользоваться авторитетом М., к-рый они приравняли к ленинскому, представить его «полнокровным диалектиком», канонизировать не только его достижения, но и просчеты. Необходимость борьбы с этой фальсификацией стала одним из мотивов отпора, к-рый обязана была дать этим попыткам марксистская мысль. Однако И. В. Сталин в своем письме «О нек-рых вопросах истории большевизма» (1931) сконцентрировал внимание гл. обр. на слабостях немецких левых, дав их деятельности резко негативную оценку, предопределившую критический уклон марксистских работ о М. в 30-х гг. Позже наследие М. было по сути дела предано забвению.

Новая пора в его разработке началась после 1953. Сов. ученые и исследователи ГДР отвергли одинаково ложные в своей односторонности попытки как канонизации, так и развенчания М. Исходя из отзывов Ленина, авторы совр. марксистских трудов о М. раскрывают закономерность его политич. и филос. развития, показывают, как на каждом новом его этапе М. освобождался от своих прежних ошибок; как, покинув бурж.-демократич. лагерь, придя к социализму 2-го Интернационала, он в итоге вступил в ряды коммунистов.

Соч.: Zur Geschichte der Philosophie..., В., [1931]; Krieg und Politik, Bd 1—2, В., 1959—61; Aufsätze zur Geschichte der Philosophie, Лpz., [1960]; Gesammelte Schriften (имеется предисловие В. Пика), Bd 1—3, 9—13, В., 1960—63 (изд. продолжается); в рус. пер.—Об историческом материализме, М., 1923; История германской социал-демократии, т. 1—4, М.—П., 1923; История Германии с конца средних веков, 3 изд., М., 1924; Некоторые замечания о теории и практике марксизма, Иваново-Вознесенск, 1924; На страже марксизма, Л., 1927; Литературно-критич. статьи. Предисловие Г. Лукача, т. [1]—2, М.—Л., 1934; Очерки по истории войн и военного искусства, 6 изд., М., 1956; Карл Маркс. История его жизни, М., 1957; Литературно-критич. статьи, М.—Л., 1964.

Лит.: Маркс К., Письма к Энгельсу от 1 августа 1877 г. и 3 августа 1882 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 24, М.—Л., 1931; Работа Франца Меринга «Легенда о Дессинге» в оценке Энгельса, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1, М., 1957, Ленин В. И., Фр. Меринг о второй Думе, Соч., 4 изд., т. 12; е го же, Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Диттенба, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др., там же; Шпиглер Ф., Ф. Меринг, «Под знаменем марксизма», 1929, № 1; Розанов Я., К характеристике философско-социологич. взглядов Ф. Меринга, там же, 1932, № 7—8; Чагин В., Философские и социологич. воззрения Ф. Меринга, М.—Л., 1934; е го же, Из истории борьбы против философского ревизионизма в германской социал-демократии, 1895—1914, М.—Л., 1961; Гагарин А., Ф. Меринг и его философские взгляды, М., 1937; Платонов И. Г., Некоторые вопросы материалистич. понимания истории в трудах Фр. М., «Уч. зап. Акад. обществ. наук», вып. 44—Из истории философии, 1958, вып. 2; Zetkin K., Kämpfer und Führer, «Internationale», 1920, Н. 19/20; е го же, Revolutionäre Kämpfe und revolutionäre Kämpfer, Ausgewählte Reden und Schriften, Bd 1, В., 1957; е го же, F. Mehring zum 70. Geburtstag, там же, Bd 2, В., 1960, Höhle T., F. Mehring. Sein Weg zum Marxismus. 1869—1891, 2 Aufl., В., 1958; Koch H., F. Mehrings Beitrag zur marxistischen Literaturtheorie, В., 1959; Schleifstein J., F. Mehring. Sein marxistisches Schaffen. 1891—1919, В., 1959; Примаковский А. П., К 40-летию со дня смерти (Ф. М. 1846—1919. Краткий библиографич. обзор), «Вопр. философии», 1959, № 2.

МЕРЛО-ПОНТИ (Merleau-Ponty), Морис (18 марта 1908—4 мая 1961) — франц. бурж. философ — феноменолог и экзистенциалист. Род. в Рошфор-сюр-Мер. Проф. философии в Коллеж де Франс; проф. детской психологии в Сорбонне. Философия М.-П. — эклектич. субъективно-идеалистич. концепция, включающая элементы феноменологии, экзистенциализма и социологии М. Вебера. М.-П. строит свою философию с помощью феноменологич. метода, к-рый он противопоставляет детерминизму и характеризует как попытку «прямого описания нашего опыта таким, каким он является ..., не обращаясь к его психологическому генезису, не вдаваясь ни в какие причинные объяснения, которые может дать ученый, историк или социолог» («Phénoménologie de la perception», Р., 1945, р. I). В духе феноменологизма Гуссерля он трактует непосредств. данные сознания как «смысловые факты» бытия: «Отныне непосредственным является отнюдь не впечатление, объект, составляющие единое с субъектом, а смысл, структура, внезапное соединение частей» (там же, р. 70). Однако в толковании этого «смысла» М.-П. отходит от гуссерлевского антипсихологизма и понимает его в плане экзистенциализма. Попытка М.-П. встать «выше» материализма и идеализма при помощи опыта, к-рый толкуется как дообъективная и досубъективная категория, выражаемая понятием «быть-в-мире» (être-au-monde, ср. In-der-Welt-sein Хейдеггера) (причем объект предстает через субъект и не существует независимо от последнего), приводит к субъективному идеализму.

Стремление М.-П. опровергнуть диалектич. материализм (см. Les aventures de la dialectique, [1955]) было подвергнуто критике со стороны франц. марксистов, в частности Гароди (с. R. Garaudy, G. Cognio и др., Mémoires de l'antimarxisme. Les malheures de M. Merleau-Ponty, 1956).

Психологич. солипсизму М.-П. соответствует его историч. солипсизм. История — достояние лишь субъекта, к-рый ее пережил. Науч. предвидение обществ. развития отрицается, поскольку отрицается историч. закономерность (см. «Les aventures de la dialectique», Р., 1955, р. 51—52), революционность пролетариата толкуется им не как объективная характеристика, а как некий «авантюризм», вытекающий из «смысла» пролетарского существования. Саму революцию М.-П. определяет как «перманентную негативность», как «насилованную критику» и, в конечном счете, как какую-то вечную, вневременную категорию, выражающую некий «отказ от того, что есть». Философия М.-П. служит теоретич. основой антикоммунизма.

Соч.: Humanisme et terreur, [Р., 1947]; Sens et non-sens, Р., [1948]; Signes, Р., 1960; La structure du comportement, Р., 1960.

Лит.: Гароди Р., Оsn. направления совр. бурж. философии во Франции, «Вопр. философии», 1954, № 1, р. 174—182; Bayer R., Merleau-Ponty's existentialism, [Bufalo], 1951; Châtelet F., M. Merleau-Ponty et la dernière mode de l'anticommunisme, «La Nouvelle Critique», 1955, № 67, р. 30—48; Kaelin E. F., An existentialist aesthetic. The theories of Sartre and Merleau-Ponty, Madison, 1962.

МЕРСЬЕ (Mercier), Дезире Жозеф (21 ноября 1851—23 янв. 1926) — бельг. философ-неотомист, видный церк. деятель. Учился в духовной семинарии в Малине, где с 1877 преподавал схоластику, философию; проф. философии в Лувене (1882—86); католич. архиепископ (с 1906) и кардинал (с 1907). М. создал в Лувене «Высший институт философии, или Школу Фомы Аквинского» (1888). Он же основал томистский журн. «Revue Néoscholastique» (1894), к-рый позднее (с 1946) стал называться «Revue Philosophique de Louvain». М. — инициатор восстановления схоластики, традиции и создания неотомистской философии как учения, к-рое принимает все осн. принципы Фомы, стремясь согласовать их с совр. естествознанием и с требованиями новейшей бурж. философии. М. в 1882 первым среди католич. философов читал курс *неотомизма*. М. считал, что каждый неотомист должен быть сведущим в области естеств. наук. Борясь против материализма, М. выступил также с критикой *позитивизма* и *механицизма*. М. выдавал неотомизм за реалистич. философию, признающую объективность внешнего мира, сотворенного и управляемого, однако, богом. Выступая против агностицизма и скептицизма, М. с позиции христ. вероучения защищал существование объективной истины (см. «Critériologie générale ou théorie générale de la certitude», Louvain — Р., 1911, р. 20).

М. способствовал превращению Лувена в международный центр неотомизма. В Бельгии им была создана школа философов-неотомистов (Депдуаж, де Вульф, Нис, Тьерри и др.), существующая и поныне.

Соч.: Psychologie, 11 éd., т. 1—2, Р., 1923; Logique, 8 éd., Louvain, 1933; в рус. пер. — отрывки из произв. в кн.: Хрестоматия по истории западноевроп. театра, т. 2, М., 1955, с. 363—76.

Лит.: Быховский Б. Э., Неотомистская критерология, в кн.: Практика—критерий истины в науке, М., 1960; Dubly N. L., Le Cardinal Mercier, Lille, 1927; Lenzlinger J., Cardinal Mercier (1851—1926), St. Gallen, 1929; Goua G., Le Cardinal Mercier, Р., 1930; Gaudet J. A., The life of Cardinal Mercier, N. Y.—L., 1934; Harrett J. J., D. J. Mercier and the neo-scholastic revival, «New Scholasticism», 1944, v. 18, № 4; Simon A., Position philosophique du Cardinal Mercier. Esquisse psychologique, Brux., 1962.

МЕРСЬЕ (Mercier), Луи Себастьян (6 июня 1740—25 апр. 1814) — франц. писатель и философ. В ранний период своей деятельности (до 1792) выступил

как деист и как пропагандист просветит. идеологии, критиковал пороки франц. общества, порожденные феодализмом (многочисл. драмы, очерки париж. быта: «Картины Парижа» — «Tableau de Paris», v. 1—2, 1781; рус. пер. — т. 1—2, 1935—36, политич. труды). Политич. программа М. ярче всего выражена в его утопич. романе «Год 2440» («L'an 2440, rêve s'il en fut jamais», 1771), где рисуется разумно устроенное общество, в к-ром осуществлены осн. идеалы просветителей. Приветствуя франц. бурж. революцию как начало предсказанных им перемен, М. принял в ней деятельное участие (член Законодат. собрания, Конвента). Будучи членом Якобинского клуба, М., однако, опасался углубления революции, к-рого желали руководители якобинцев. В период якобинской диктатуры М. был арестован за близость к жирондистам. В результате тяжелого духовного кризиса М. отошел от просветит. идей, стал защитником религии. Выступал с опровержением *сенсуализма* Локка и Кондильяка как учения, подрывающего нравственность. Сенсуализму М. противопоставил учение о *врожденных идеях*. Испытал сильное влияние кантовской философии и стал ее проводником во Франции [см. «Magazin Encyclopédique», 1801, № 4, p. 250—52 и 1802, № 2, p. 79—83; «Journal des Débats» (del 21 pluviôse, an. X)].

Эволюция мировоззрения М. — яркий образец поворота бурж. идеологов вправо после того, как революция осуществила непосредств. цели буржуазии и грозила развязать самостоят. активность нар. масс. «...В начале XIX века, — писал *Лафарг*, — наша буржуазия, покончив дело революционного разрушения, принялась отрицать свою вольтерианскую философию; в моду опять вошел католицизм, который Шатобриан размалевывал ...романтическими красками, и Себастьян Мерсье импортировал идеализм Канта, чтобы добить материализм энциклопедистов, пропагандисты которого были гильотинированы Робеспьером» (цит. по кн.: Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 189—90).

Как драматург и теоретик искусства М. выступил в первый период своей деятельности крупным реформатором, продолжавшим дело, начатое Дидро («O teatre, или Опыт о драматич. искусстве» — «Du Théâtre, ou Nouvel essai sur l'art dramatique», 1773). М. обосновывал необходимость демократизации театра, высокой социальной значимости драматургии. Драмы М. были широко известны во мн. странах Европы (в т. ч. в России). Критикуя *классицизм*, призывая к изображению сильных естеств. страстей, пропагандируя Шекспира, М. явился предшественником прогрессивных романтиков начала 19 в.

С о ч . : Le songes et visions philosophiques, Amst. — P., 1788; Fictions morales, v. 1—3, P., 1792; Histoire de France, depuis Clovis jusqu' au règne de Louis XVI, v. 1—6, P., 1802; Charité, P., 1805; в рус. пер. — Философич. снов часть 1, содержащая в себе шесть сновидений. Переведенная с франц. на русский яз. Иваном Долгоруковым, ч. 1—2, М., 1780—81; Основания нравственности и политич. экономии (Вольный перевод), М., 1860.

Лит.: Иванов И. в., Политич. роль франц. театра в связи с философией XVIII в., [М., 1895]; его же, Сен-Симон и сен-симонизм, [М., 1901]; История франц. лит., т. 1, М.—П., 1946, с. 785—88; Левбарг Л., Л. С. Мерсье, Л.—М., 1960; Zöllinger O., L. S. Mercier als Dramatiker und Dramaturg, Strasb., 1899; Béclard, L.-S. Mercier..., P., 1903; San Giorgio J., S. Mercier dramaturgische Ideen im «Sturm und Drang», Basel, 1921; Vallouis M., La formation de l' «influence kantienne en France», P., [1925]; Pusey W. W., L.-S. Mercier in Germany..., N. Y., 1939. В. Кузнецов. Москва.

МЕРТОН (Merton), Роберт Кинг (р. 5 июля 1910) — амер. бурж. социолог, проф. социологии и руководитель «Бюро прикладных социальных исследований» Колумбийского ун-та. Главная работа М. — «Социальная теория и социальная структура» («Social theory and social structure», 1949, 2 ed., 1957).

М. стремится преодолеть разрыв между эмпирич. исследованиями и социологич. теорией. Ему принад-

лежит идея т. н. «теорий среднего ранга» («theories of the middle range»), к-рые должны связать эмпирич. исследования и общую всеохватывающую теорию социологии, к-рую, по М., еще предстоит создать. «Теории среднего ранга» применимы лишь в огранич. кругу явлений или фактов и являются попыткой выйти за пределы плоского эмпиризма, разработать принципы обобщения на более высоком уровне. Критикуя состояние бурж. социологии, к-рая не может дать научного решения ни одной из острых социальных проблем, М. заявил на 5-м социологич. конгрессе, что «социологии еще предстоит родовые муки, в результате которых она может быть через 40 или 50 лет будет иметь своего Ньютона или Дарвина».

Руководящий методологич. принцип, принимаемый М., — это структурно-функциональный анализ. Вместе с тем для М. характерна нек-рая критика постулатов функционализма, стремление преодолеть его «крайности», содержащиеся, напр., в теории *Парсонса*. М., в частности, считает необходимым ввести понятие «дисфункция», к-рое выражало бы возможные варианты «отклоняющегося поведения», нарушающего равновесие данной социальной структуры в связи с неравномерным развитием ее отд. элементов. М. предлагает также различать «явные» и «скрытые» («латентные») функции тех или иных институтов или порядков в обществе, что необходимо для установления конфликтов в данной социальной структуре.

Примером социологич. анализа М. является его теория «аномии» (понятие, заимствованное М. у *Дюркгейма*). «Аномия», по М., — особое нравственно-психологич. состояние индивидуального и обществ. сознания, к-рое характеризуется разложением системы «моральных ценностей» и «вакуумом идеалов». Человек чувствует себя отчужденным от общества и потому оказывается глухим к чему бы то ни было, кроме мелких эгоистич. инстинктов и влечений. М. считает причиной «аномии» противоречие между господствующими в США «нормами-целями культуры» (принципы индивидуализма, выступающие в качестве жизненных установок и мотивов личности) и существующими институтами, санкционированными средствами достижения этих целей. Он подходит к пониманию того, что капитализм вообще, а современный в особенности, выдвигая и пропагандируя в качестве всеобщих и якобы доступных для каждого американца бурж.-индивидуалистич. цели (стремление к богатству, власти, успеху), практически лишает подавляющее большинство американцев всякой возможности реализовать эти цели «законными путями». Это противоречие, по М., лежит и в основе преступности (бунт индивидуалиста против сковывающих его законов и правил, создаваемых институтами), апатии и разочарованности в жизни (потеря жизненных целей). Однако М. рассматривает это противоречие как «всеобщий» конфликт, якобы типичный для всякого «индустриального общества», имеющего сложную и развитую организацию, выдает типично бурж. формы сознания и поведения за всеобщие. Отсюда и его отношение к путям уменьшения «аномии». М. выступает за уменьшение степени «честолобия» среди тех, кто в силу своего фактич. бытия не может реализовать надежды на «успех», но при сохранении идеологии «личного успеха» в качестве господствующей. В то же время он предлагает укреплять буржуазные законы и традиции.

В ряде работ М. выступает как либерально-демократич. критик бюрократич. тенденции в совр. гос.-монополистич. организации, тенденции к милитаризации и фашизации обществ. жизни в США (см. гл. Личность и бюрократич. структура в указ. книге, а также созданный при участии М. сб. «Материалы по бюрократии» («Reader in bureaucracy», [1952]).

М. принадлежат эмпирич. исследования «средств массовых коммуникаций» в США (радио, кино, телевидение, пресса), содержащие критику последних (см. «Mass persuasion», [1946] совместно с М. Fiske and A. Curtis), а также работы по социологии познания.

Соч.: Friendship as social process: a substantive and methodological analysis (совместно с P. F. Lazarsfeld). в кн.: Freedom and control in modern society, led. by M. Berger [и др.], N. Y., [1954]; The focused interview, Glencoe, [1956] (соавтор); Priorities in scientific discovery: a chapter in the sociology of science, «Amer. Sociological Rev.», 1957, v. 22, № 6; Sociology today. Problems and prospects, N. Y., [1960] (один из авторов и ред.); Social conformity, deviation and opportunity-structures, «Amer. Sociological Rev.», 1959, v. 24, № 2; [Introduction], в кн.: Le Bon G., The crowd, N. Y., 1960.

Лит.: Loomis Ch. P., Loomis Z. K., Modern social theories, N. Y., 1961, глава о М. и подробная библиография его работ. В. Семенов. Москва.

МЕСРОП МАШТОЦ (361 или 362 — 17 февр. 440) — арм. ученый и мыслитель. Изобретатель арм. письменности. Внес вклад в создание арм. филос. терминологии. Основанная им школа переводчиков перевела на арм. язык ряд трудов древнегреческих мыслителей эпохи эллинизма — Платона, Аристотеля, Зенона (стоика), Филона Александрийского, Теона Александрийского, Порфирия и др., среди них ряд трудов, ныне утраченных в греческом оригинале (некоторые из сочинений Филона, Зенона, древний и более точный вариант «Категорий» Аристотеля и др.).

Мировоззрение М. М. изложено в соч. «Частые просветительные речи св. отца нашего блаженного Григора Просветителя» (1894—96).

Лит.: Манандян Я. А., М. М. и борьба арм. народа за культурную самобытность, Ер., 1941; Абегиан М., История древнеарм. лит., т. 1, Ер., 1948; на арм. яз.: Севак Г., Месроп Маштоц. Возникновение арм. письма и словесности, Ер., 1962; Корюн, Житие Маштоца, Ер., 1962. С. Аревшатян. Ереван.

МЕССИАНИЗМ (от др.-евр. «машиах» — мессия, помазанник) — 1) Религ. учение о грядущем спасении человечества или той или иной его национальной или вероисповедной группы, к-рое якобы наступит в результате деятельности сверхъестественного существа — мессии, посланного для этой цели богом. Впервые в оформленном виде это учение возникло в древнем иудаизме. Оно отразило настроения и верования древних евреев в условиях чужеземного господства (ассиро-вавилонское, персидское, сиро-селевкидское, римское) и усиления классовой эксплуатации, когда было подорвано учение о покровительстве Яхве его избранному народу; возникла вера в то, что в определенный момент бог сменит гнев на милость и пришлет своего посланца, к-рый встанет во главе евреев и не только освободит их от чужеземного владычества, но и доставит им господствующее положение среди др. народов, а заодно уладит и все внутр. социальные конфликты. Иудейский М. существует вплоть до нашего времени. В значительной мере именно на идеологии М. базируется современный еврейский клерикализм и национализм.

В христианстве М. подвергся коренным изменениям. Мессия-Христос призван спасти не один какой-либо народ, а все человечество. Изменения претерпела и легенда, объясняющая необходимость потустороннего вмешательства в земные дела: первородный грех Адама и Евы, искупление к-рого, согласно религ. верованиям, является осн. задачей мессии-Христа. По христ. вероучению, М. уже приходил в мир, но его миссия еще не до конца выполнена, поэтому предстает второе пришествие Христа (см. Христианство, Евангелия).

М. имеет место и в исламе, и в нек-рых др. религиях. Мусульмане-шииты, напр., ждут второго пришествия «скрытого имама», двенадцатого по счету

верховного руководителя шиитов, долженствующего объявиться в роли махди-мессии.

В истории М. часто являлся идеологич. оболочкой социальных и нац. движений. Яркими примерами здесь могут служить первая и вторая иудейские войны (66—73 и 132—135 н. э.), когда вожди освободит. движения Иохана из Гисхалы, Симон бар Гиора, Элеазар, Бар-Кохба рассматривались их последователями как мессии. Социальные движения в форме М. имели место и в истории ислама. Последнее по времени большое движение этого рода связано с именем Махди Суданского (1848—85), возглавившего в 1881 восстание суданцев против англ. колонизаторов и организовавшего независимое гос-во, захваченное Англией в 1898.

2) Историко-социологич. концепция, отводящая тому или другому народу исключительную, ведущую роль в историч. процессе (М. национальный). Мессианистские идеи высказывались в Польше (М. Воронич, Ю. Словацкий, Вронский-Хёне и др.), в России (славянофилами) и в др. странах.

Лит.: Ранович А., Очерк истории раннехристианской церкви, М., 1941; Крывелев И., Книга о библии, М., 1958, с. 185—192; Кронский Т., Консервация filozoficzne mesjanistów polskich w połowie XIX wieku, «Arch. Historii Filozofii i Myśli Społecznej», 1957, № 2.

И. Крывелев. Москва.

МЕСТР (Maistre), Жозеф де (1 апр. 1753—26 февр. 1821)—реакц. франц. политич. деятель и философ. Род. в сановой монархич. семье, воспитывался иезуитами; с 1788 — сенатор. После победы революции эмигрировал в Сардинию, с 1800 — ее канцлер. В 1802—17 — посланник сардинского короля в России. Давал обскурантистские советы мин-ву нар. просвещения, стремился основать в России орден иезуитов. Филос. идеи М., подчиненные задаче обоснования его реакц. политич. и социальных идеалов, проникнуты ненавистью к революции и демократии, направлены против франц. просвещения, материализма и их идейных предшественников. Особенно ненавистным для него был Ф. Бэкон, против к-рого он написал спец. работу — «Рассмотрение философии Бэкона» («Examen de la philosophie de Bacon», 1815, изд. посмертно, v. 1—2, 1836). М. критиковал сенсуализм Кондильяка и надеялся, что под влиянием идей Декарта, Мальбранша, Канта сенсуализм и материализм будут побеждены. Он выдвигал мысль о «подлинных идеях», независимых от всякого опыта; высшей такой идеей для М. является бог. Считал, что «мы обладаем жизнью, движением и бытием благодаря богу» («Les soirées de St.-Petersbourg», v. 2, Vaux., 1838, p. 157). М. был сторонником провиденциализма: «...действия „свободных существ“ определены „божественной рукой“...» («Considérations sur la France...», Vaux., 1838, p. 15). Сторонник монархии, М. считал, что «все преступления», совершенные людьми, нацией в ходе революции, «особенно против короля и собственности», должны быть «наказаны неотложно и самым ужасным образом»; в живой природе царствует жестокость и в силу этого божеств. предписания «...человек должен зарезать другого человека... война есть выполнение этого декрета» (там же, p. 22—23). Человек зол, жесток, и никакое воспитание не может улучшить или изменить его природу. Его можно лишь устранишь и заставить повиноваться. В этой связи М. опровергал идею Руссо о добром дикаре.

Наилучшим средством управления людьми было бы, по М., рабство, но он понимал, что старые политич. формы возродить нельзя. Поэтому, говорил он, нужна религия — особый род «духовной прививки», парализующей волю людей. М. приносил в жертву своему стремлению к жестокой власти суверенитет монарха, подчиняя его папе как высшему авторитету. Взгляды М. были знаменем междунар. реакции его времени

и стали идейным истоком для франц. реакционеров, в частности для Ш. Морраса.

Соч.: Essai sur le principe générateur des constitutions politiques..., Lyon—P., 1924; Du pape..., P., 1903; De l'égglise gallicane, Tours, 1886; Lettres et opuscules inédits, 7 éd., v. 1—2, Lyon, 1880; Correspondance diplomatique, v. 1—2, P., 1866; Mémoires politiques..., 3 éd., P., 1864; Oeuvres complètes, Iv. 1—14, Lyon, 3-e tirage, 1924—28.

Лит.: В и п е р Р., Общественные учения и история теории XVIII и XIX вв., 3 изд., М., 1913; История философии, т. 3, [М.], 1943, с. 379—85; История философии, т. 2, М., 1957, с. 190—91; Ferraz M., Histoire de la philosophie en France au XIXe siècle, P., 1880; Paulhan Fr., J. de Maistre et sa philosophie, P., 1893; Descostes P., J. de Maistre avant la révolution, P., 1893; ето же, J. de Maistre pendant la Révolution, Tours, 1895; Gouau G., La pensée religieuse de J. de Maistre, 2 éd., P., 1921; Rohden P. R., J. de Maistre als politischer Theoretiker, München, 1929; Ostrorogorskij S., J. de Maistre und seine Lehre von der höchsten Macht und ihren Trägern, Hels., 1932; Holdsworth F., J. de Maistre et l'Angleterre, P., 1935; Bayle F., Les idées politiques de J. de Maistre, P., 1945; Huber M., Die Staatsphilosophie von J. de Maistre im Lichte des Thomismus, Basel—Stuttg., 1958.

МЕСТРЕ (Mestre), Хосе Мануэль (1832—85) — кубинский прогрессивный философ и обществ. деятель. Преподаватель логики и философии Гаванского ун-та. Будучи правоведом, занимался философией права и в 1856 основал журн. «Jurisprudencia». Автор работы «О философии в Гаване» («De la filosofía en la Habana», 1862) — первого исследования по истории филос. мысли на Кубе с позиций развития передовых прогрессивных идей. М. примыкал к материалистической сенсуалистической концепции Луси-Кабальеро, выступал против схоластики и отстаивал необходимость опытного метода в научном познании.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 437; Rodríguez y Hernández J. I., Vida del Doctor J. M. Mestre. Habana, 1909; Vitier Medardo, La filosofía en Cuba, Méx.—B.-Aires, 1948.

МЕТАГАЛАКТИКА (от греч. μετά — за, после и γαλαξίας — млечный) — гигантская космич. система, частью к-рой является вся совокупность звездных систем (галактик), доступная совр. телескопам. Термин введен амер. астрономом Шепли.

МЕТАЛОГИКА — область логики, в к-рой метатеоретич. средствами (см. *Метатеория*) изучается строение логич. теорий. М. возникла в связи с исследованиями оснований дедуктивных наук (в особенности математики). В качестве исследуемых («предметных») теорий в М. рассматриваются логич. исчисления, изучение к-рых привело к созданию различных теорий формального доказательства (см. *Вывод* в математической логике, *Доказательство*), теории определмости понятий, теории моделей, теории истинности в *формализованных языках* и др. К числу осн. результатов М. в собственном смысле (т. е. результатов, не затрагивающих специально-математич. понятия, к-рые естественно отнести к области метаматематики) относятся доказательство Чёрчем неразрешимости *разрешения проблемы для узкого предикатов исчисления* и доказательство Тарским факта невыразимости предиката истинности для к.-л. исчисления средствами того же исчисления (см. *Метаязык*, *Семантика* в логике). Работы Тарского и Карнапа положили начало новому разделу М. — *логической семантике*. В рамках М. возникает также интересная проблема взаимоотношения между т. н. экстенциональными и интенциональными языками, явившаяся исходным пунктом исследований по формализованной прагматике (см. *Семантика*), к-рые связаны с попытками выразить смысловые отношения и психологич. аспекты обычных содержат. рассуждений. Последний круг вопросов весьма актуален в связи с задачами *моделирования* интеллектуальной деятельности человека. Идеи и методы М. прилагаются также к исследованию законов рассуждения в естеств.-науч. теориях.

Лит.: Гильберт Д., Аккерман В., Основы теоретической логики, иер. с нем., М., 1947; Тарский А.,

Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948; Карнап Р., Значение и необходимость, пер. с англ., М., 1959; Чёрч А., Введение в математическую логику, [Т.] 1, пер. с англ., [М.], 1960; Church A., A note on the Entscheidungsproblem, «J. Symbolic Logic», v. 1, 1936, p. 40—41, 101—102; Carnap R., The logical syntax of language, N. Y.—L., 1937; ето же, Logical foundations of probability, Chi., 1950; Tarski A., Logic, semantics, methamathematics, Oxf., 1956; Martin R., Towards a systematic pragmatics, Amst., 1959. В. Фигин. Москва.

МЕТАМАТЕМАТИКА — см. *Метатеория*.

МЕТАТЕОРИЯ (от греч. μετά — за, после) — теория, анализирующая структуру и методы к.-л. другой теории. Термин «М.» имеет смысл и употребляется лишь по отношению к нек-рой данной, конкретной теории (М. логики, или *металогика*; М. математики, или *метаматематика*, — теория математич. доказательств; М. отд. разделов физики; метакимия; метабиология и т. д.). Вообще, в принципе можно говорить о М. любой науч. дисциплины как дедуктивной, так и недедуктивной. Однако выполнение требований, предъявляемых к развитию любой М., связано с большими трудностями при построении М. для нематематич. наук или для наук нематематизируемых на данном этапе познания.

Каждая науч. теория изучает определ. фрагмент реального мира, а ее М. — систему понятий и положений данной теории. Задача М. — установить границы области применения изучаемой в ней теории, ответить (если это возможно на данном этапе развития науки) на вопросы о ее *непротиворечивости* и *полноте*, изучить (или установить) способы введения ее новых понятий и доказательства ее предложений и т. п. При этом различают синтаксический и семантический аспекты М., посвященные соответственно изучению формальной структуры и *интерпретациям* рассматриваемой в ней теории (см. *Синтаксис* в логике, *Семантика* в логике).

Метатеоретич. исследование не только содействует более глубокому проникновению в основы теории, но и существенно влияет на развитие самой теории.

Критически изучая структуру к.-л. теории, М. позволяет изыскивать методы более рационального ее построения. Составляющие содержание М. метатеоремы, или теоремы о теоремах, позволяют упростить механизм проведения логич. выводов в изучаемой теории; образцом может служить метаматематич. (металогич.) *теорема о дедукции*.

Непосредственная цель многих метатеоретич. исследований в различных областях науки — автоматизация отд. звеньев процесса логич. вывода (а в идеале — и всего этого процесса в целом) «автоматизация» в самом прямом, технич. значении этого термина. Встающие здесь трудности, особенно значительные для наук, не имеющих ясно выраженного дедуктивного характера, разрешаются на пути логич. анализа оснований данной науки и ее последующей формализации и аксиоматизации (см. *Метод аксиоматический*).

Фактически любая М. имеет дело не с содержательно понимаемой науч. теорией, а с точным понятием формальной системы (*исчисления*) [если предназначенная для исследования в М. теория с о д е р ж а т е л ь н а, то она п р е д в а р и т е л ь н о подвергается формализации]. Формальная система, являющаяся предметом исследования М., наз. ее п р е д м е т н о й теорией. Последняя представляет собой систему четко определенных символов и конструируемых из них предметов, с к-рым оперируют по определ. правилам. В отличие от предметной теории (к-рая в дальнейшем изложении будет пониматься как формальная система), М. есть с о д е р ж а т е л ь н а я теория. Иногда метатеоретич. результаты в свою очередь формализуются и становятся предметом изучения м е т а -

метатеории и т. д. М. формулируется в *мета-языке*, тогда как изучаемая ею предметная теория находит свои средства выражения в т. н. языке объектов.

Понятие предметной теории становится, т. о., эквивалентом понятия научной теории. Выдвинувший впервые концепцию М. немецкий математик Д. Гильберт в своих ранних, относящихся к концу 90-х гг. 19 в., доказательствах непротиворечивости математич. теорий пользовался заданием нек-рой модели, т. е. такой системы формальных объектов, к-рая берется (вообще говоря) из др. теории и удовлетворяет аксиомам данной теории. В этом смысле предметная теория есть модель определ. части содержат. логики и математики (или, возможно, к.-л. др. дисциплины, основанной на логике), из к-рых она получается посредством формализации. В свою очередь, содержат. теория является интерпретацией формальной системы. Это обстоятельство имеет первостепенное гносеологич. значение, обеспечивая приложимость логико-математич. результатов к той области действительности, к-рая отражается в данной науч. теории. Взаимоотношение между М. и предметной теорией отчетливо проявляется на примере требования непротиворечивости предметной теории, согласно к-рому в формальной системе должны быть доказуемы только истинные предложения, формализуемые в ее языке. Т. о., для постановки и обсуждения всех вопросов, касающихся непротиворечивости, исходным пунктом является естественное с гносеологич. т. зр. требование соответствия теории реальной действительности; теорию, в к-рой доказуемы в ее предложения, формулируемые на ее языке, есть все основания считать ложной.

Метаматематика. Необходимость создания М. возникла прежде всего в применении к математике; метаматематика является наиболее разработанной М. (Следуя плуццей от Гильберта традиции, метаматематику, в отличие от металогики, часто понимают в более узком смысле, чем тот, к-рый следует из очерченной выше концепции метатеории; именно к метаматематике иногда причисляют лишь вопросы синтаксиса предметной математической теории, выделяя семантику в качестве самостоят. области исследования.) Развитие аксиоматич. метода в математике и открытие теоретико-множественных (логических) парадоксов разуршили привычные представления о «наглядной» очевидности как критерии истинности в математике и «общепонятности» (общеубедительности) математич. рассуждений. Это вызвало необходимость в уяснении смысла (а следовательно, и точного определения) понятий доказательства, аксиомы, теоремы, потребовало исследования структуры математич. теорий (синтаксис) и вопроса об их истинности в к.-л. интерпретациях (семантика) и, наконец, проблемы их непротиворечивости (метаматематика).

Решение этих проблем было предложено в т. н. гильбертовской программе, согласно к-рой подлежащая изучению в М. научная теория подвергается *формализации*. Получающаяся в результате формальная система исследуется (на предмет выяснения ее непротиворечивости, полноты, разрешимости, *независимости* ее аксиом и др.) с помощью к.-л. методов, не апеллирующих, однако, к *смыслу* ее объектов (формул) (см. *Формализм*). Такую содержат. теорию, изучающую структуру и свойства формальных систем, Гильберт и назвал метаматематикой.

Программа Гильберта допускала в М. лишь т. н. финитные методы, т. е. методы, в к-рых используются лишь конечные конструкции и выводы; наглядно представляемые предметы и эффективно осу-

ществимые процессы (отсюда термин «финитизм» как название концепции Гильберта). Т. о., не допускается абстракция актуальной бесконечности (см. также *Алгоритм*) и требуется, чтобы доказательства существования любых объектов носили конструктивный характер; это значит, что должен быть указан, хотя бы неявно, метод построения рассматриваемого объекта. Иначе говоря, финитизм требует, чтобы математические предметы были указаны в явной форме, — или же должен быть дан способ их конструирования. Эти предметы должны быть «наглядны» (т. е. состоять из представляемых, различаемых и отождествляемых элементов). Строя свою теорию доказательства, Гильберт исходил из того, что содержащиеся в ней правила должны выражать «технику нашего мышления». «Основная идея моей теории доказательства сводится к описанию деятельности нашего разума, иначе говоря, это протокол о правилах, согласно которым фактически действует наше мышление» («Основания геометрии», М.—Л., 1948, с. 382).

На пути, указанном Гильбертом, был получен ряд важных метаматематич. результатов. Ограниченность гильбертовского финитизма была вскрыта открытием Гёделя (1931), которое положило начало новому этапу в развитии метаматематики.

Гёдель ввел важный метод арифметизации М., в основе к-рого лежит однозначная нумерация объектов формальной системы (символов, термов, формул, доказательств и т. д.) нек-рыми натуральными числами. Эти числа наз. гёделевскими номерами этих объектов. Каждому формальному символу, входящему в алфавит системы, ставится в соответствие нек-рое число, а правилам образования формальных объектов — такая арифметич. операция, к-рая позволяет по числу — результату этой операции — однозначно восстановить способ образования из элементарных символов формального объекта (напр., формуль), имеющего номером это число. (Идея такой нумерации, по существу весьма естественная, напоминает принцип библиотечной или к.-л. др. классификации.)

Суть подхода Гёделя состоит в том, что арифметич. высказывания о числах, являющихся гёделевскими номерами нек-рых объектов предметной теории, могут быть интерпретированы как предложения о самих этих объектах. В результате этого метаматематич. предикаты (напр., «быть термом», «быть формулой», «быть доказательством» и т. д.) становятся представимыми при помощи арифметич. предикатов.

Рассмотрим метаматематический предикат $\mathfrak{P}(A(a), x, y)$, имеющий смысл: «у есть доказательство формулы, получающейся в результате подстановки цифры \bar{x} (т. е. знака, обозначающего число x) в формулу $A(a)$ вместо свободной переменной a ». Заменим все объекты в этом предикате их гёделевскими номерами. Если формула $A(a)$ получит номер p , а доказательство y номер b , возникнет арифметич. предикат (или предикат от натуральных чисел): $P(p, x, b)$. Этот предикат может быть представлен в арифметич. формальной системе, т. е. может быть написана арифметич. формула, выражающая этот предикат. Будем считать, что эта формула совпадает с обозначением нашего предиката P . Рассмотрим теперь формулу $\forall b \exists p P(p, p, b)$ (где вместо x подставлен гёделевский номер этой формулы). Получившаяся формула [назовем ее $A_p(p)$] выражает следующее метаматематич. утверждение: «Для всякого натурального числа b неверно, что b есть гёделевский номер доказательства результата подстановки вместо переменной x в формулу с гёделевским номером p натурального числа p ». Т. е., иными словами, она выражает, что не существует доказательства этой формулы — выражает свою собственную недоказуемость. Если система непротиворечива (и, следовательно, все доказуемые в ней формулы истинны), то $A_p(p)$ не может быть доказуемой, потому что тогда она была бы, в соответствии со своим собственным смыслом, ложной.

Но эта формула не только не доказуема, но и не опровержима. Для доказательства неопровержимости этой формулы методом Гёделя требуется более сильное условие, чем непротиворечивость системы (т. н. *ω*-непротиворечивость), но, как показал амер. математик и логик Дж. Б. Россер (1934), это несущественно. Несколько усложнив пример неразрешимой формулы [назовем эту новую формулу $A_q(q)$], он доказал, что если арифметическая формальная система непротиворечива, то недоказуема как формула $A_q(q)$, так и ее отрицание $\neg A_q(q)$; иначе говоря, если эта система непротиворечива, то она неполна, и $A_q(q)$ является неразрешимой формулой. Это — первая теорема Гёделя в форме Россера.

Утверждение, что арифметич. формальная система непротиворечива, тоже может быть выражено нек-рой формулой этой системы. Выше говорилось, что система непротиворе-

чива, если в ней есть недоказуемая формула. Возьмем в качестве такой формулы ложную формулу «1 = 0». Пусть эта формула имеет гёделевский номер r . Тогда $\forall b \neg P(r, r, b)$ выражает недоказуемость формулы «1=0», и, следовательно, непротиворечивости системы. Выше мы видели, что из того, что система непротиворечива, следует, что $A_p(p)$ недоказуема. Если доказательство этого факта формализуется в формальной арифметике, системе с помощью гёделевской нумерации, то в этой системе должна быть доказуема следующая формула: $\forall b \neg P(r, r, b) \supset A_p(p)$ [по смыслу самой формулы $A_p(p)$].

Допустим, что $\forall b \neg P(r, r, b)$ доказуема, тогда, применив правило *modus ponens*, мы получаем $A_p(p)$, что невозможно по предыдущей теореме Гёделя. Отсюда — следующая теорема: «Если арифметич. формальная система непротиворечива, то недоказуема формула $\forall b \neg P(r, r, b)$ »; иначе говоря, если указанная система непротиворечива, то невозможно построить доказательства ее непротиворечивости, проведенное средствами, формализуемыми в этой системе. Это — вторая теорема Гёделя о неполноте.

Результаты Гёделя (верные не только по отношению к арифметике, но и ко всякой системе, содержащей арифметику натуральных чисел как свою часть — такова, напр., аксиоматич. теория множеств) и полученные в последующие годы др. важные результаты, относящиеся к неразрешимости и неполноте формальных систем (так, в 1934 Чёрч, пользуясь методами, аналогичными гёделевым, доказал неразрешимость проблемы разрешения как для теорий, содержащих арифметику натуральных чисел, так и для исчисления предикатов), имели важнейшее филос. значение, т. к. обнаружили ограниченность метода формализации. Они убедительно показали, что понятия и принципы даже такой казалась бы «элементарной» области математики, как арифметика натуральных чисел, — не говоря уже о всей математике и о нематематических науках, пользующихся аппаратом математики, — «...не могут быть полностью выражены никакой формальной системой, как бы мощна она ни была» (Н о в и к о в П. С., *Элементы математической логики*, 1959, с. 36). Значение теорем Гёделя состоит еще и в том, что те рассуждения, к-рые выше были охарактеризованы как финитные, формализуются в арифметике с помощью гёделевской нумерации. Следовательно, такими финитными методами мы не только не можем доказать непротиворечивость всей классической математики, но даже и классической арифметики.

Теоремы Гёделя, указывая на предел возможностей финитизма, направили значит. часть последовавших за ними исследований по новому пути: не отказываясь от осн. идеи Гильберта исследовать средствами, представляющимися вполне допустимыми, проблемы, связанные с непротиворечивостью и др. свойствами формальных систем, искать новые, более сильные, но также достаточно убедительные, методы такого исследования (во всяком случае эти средства должны быть, согласно второй теореме Гёделя, сильнее арифметических). Такие конструктивные, — но уже не финитные в прежнем понимании — методы [напр. (математическая) индукция по т. н. конструктивным трансфинитным числам], были успешно применены нем. математиком Г. Генценом (1936), П. С. Новиковым (1943), нем. математиком Аккерманом (1940) и К. Шютте (1951) для доказательства непротиворечивости классич. арифметики, причем для этих доказательств оказалось достаточным использование средств *минимальной логики*. Еще раньше Гёдель (1932—33) показал непротиворечивость классич. арифметики относительно интуиционистской арифметики (см. *Интуиционизм*); для т. н. ограниченной арифметики [без аксиомы (полной) *математической индукции*] непротиворечивость была установлена П. С. Новиковым (1959) метаматематически. Др. подход, использующий т. н. ультраинтуиционистскую (не формализуемую в классич. логике, но удовлетворяющую системе весьма строгих критериев убедительности) концепцию в основаниях мате-

матики, был использован для доказательства (1960) непротиворечивости аксиоматич. теории множеств — проблемы, к-рая в рамках финитизма, согласно результатам Гёделя, не может быть решена.

Лит.: Гейтинг А., *Обзор исследований по основаниям математики*, пер. с нем., М.—Л., 1936, гл. 2, 4; Гильберт Д., *Основания геометрии*, пер. с нем., М.—Л., 1948, доб. VI—X; Клини К. С., *Введение в метаматерику*, пер. с англ., М., 1957; Есенин-Вольпин А. С., *Анализ потенциальной осуществимости*, в сб. ст.: *Логич. исследование*, М., 1959; К обоснованию теории множеств, в кн.: *Применение логики в науке и технике*, [М., 1960]; Gödel K., *Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme. I*, *Monatsh. Math. Physik*, 1931, Bd 38, S. 173—98; е го же, *Zur intuitionistischen Arithmetik und Zahlentheorie*, «*Ergebnisse eines mathematischen Kolloquiums*», Bd 4 (1931—32), W., 1933, S. 34—38; Gentzen G., *Die Widerspruchsfreiheit der reinen Zahlentheorie*, «*Math. Ann.*», 1936, Bd 112, H. 4; Church A., *An unsolvable problem of elementary number theory*, «*Amer. J. Math.*», 1936, v. 58, p. 345—63; Rosser B., *Extensions of some theorems of Gödel and Church*, «*J. Symbolic Logic*», 1936, v. 1, № 3; Ackermann W., *Zur Widerspruchsfreiheit der Zahlentheorie*, «*Math. Ann.*», 1940, Bd 117, H. 2; Novikoff P. S., *On the consistency of certain logical calculus*, *Mathem. сб.*, Новая серия, т. 12, 1943, вып. 2; Schütte K., *Beweistheoretische Erfassung der unendlichen Induktion in der Zahlentheorie*, «*Math. Ann.*», 1951, Bd 122, H. 5; Tarski A., Mostowski A., Robinson R. M., *Undecidable theories*, *Amst.*, 1953. См. также лит. при ст. *Металогика. Металогика*. Ю. Гастев, И. Шаин. Москва.

МЕТАФИЗИКА — 1) Филос. «наука» о сверхчувств. принципах бытия. 2) Противоположный диалектике филос. метод, исходящий из количеств. понимания развития, отрицающий саморазвитие. Оба указанных смысла понятия М. исторически преемственны: возникнув как осн. филос. «наука» о начале всего сущего, М. на определ. этапе, на базе механистич. естествознания 17 в., была переосмыслена как общий антидиалектич. метод. Это переосмысление сочеталось с общим отрицат. отношением к М. как филос. спекулятивной науке, к-рой был противопоставлен метод точных наук — механики и математики в качестве науч. образа мышления, соответствующего новой механич. естеств.-науч. картине мира. В качестве метода мышления, противоположного диалектике, М. впервые была понята со времени создания совр. диалектики — в идеалистич. форме Гегелем и в форме новой диалектико-материалистич. философии — Марксом и Энгельсом. Именно в марксизме понятие «М.» приобрело указанный смысл и в терминологич. отношении.

Термин «М.» имеет искусств. происхождение. Александрейский библиотекарь Андроник Родосский (1 в. до н. э.), стремившийся расположить произведения Аристотеля в соответствии с их внутр. содержанием, связью, озаглавил «*μετὰ τὰ φυσικά*» («после физики») его книгу о «первых родах сущего». Сам Аристотель называл науку, изложенную в этих книгах, то «первой философией», то «наукой о божестве» (см. *Met. VI, 1, 1026a 10—23*), то просто «мудростью». «Первая философия», «мудрость», по Аристотелю, есть наука о первых причинах, о первой сущности. Умозрительн. характер этой науки противопоставляется Аристотелем сфере практич. опыта, составляя ее высшую ценность, и в этом понимании философия Аристотеля выступал как ученик Платона. Однако для Платона существует лишь одна философия — мудрость, обращенная к познанию истинно сущего, т. е. идей; чувственно-действит. мир вещей познается только по «приобщению» к идеям. Аристотель же выступил против Платона как раз в связи с этим «приобщением», к-рое по существу оборачивалось удвоением действительности, а фактически — отрицанием сущности реальности мира вещей. Позиция Аристотеля определялась след. возражением Платону: «...покажется, пожалуй, невозможным, чтобы врозь находились сущность и то, чего она есть сущность; поэтому как могут идеи, будучи сущностями вещей, сущест-

вовате отдельно от них?» (там же, XIII, 5, 1080a 11). Посюсторонность сущности определяет для Аристотеля науч. подход к ее познанию. Первыми сущностями являются для него единичные вещи, но как объект науки эти чувственно-воспринимаемые вещи выступают не в качестве единичных, а по их понятию, рассматриваемые со стороны их сущностей, как они выявляются в движении вещей. Этот аспект «...есть дело физики и второй философии» (там же, VII, 11, 1037a 14). Но отвергая теорию идей Платона из-за неадекватного изображения связи сущности и вещи, из-за «удвоения» мира сущностей, Аристотель обратил внимание на действительные, заключенные в развитии науки и практики основания этого учения. «Установление единого и чисел отдельно от вещей, а не так, как у пифагорейцев, и введение идей произошло вследствие исследования в области понятий...» (там же, I, 6, 987 b 22). Сущности вещей в самом деле идеально «удваиваются» в знании, воспаряя все дальше от непосредств. чувств. образа предмета и от конкретной деятельности. Объективно это значит, что всеобщий закон природы, немислимый вне ее развития, сам не является вещью среди вещей. Причина, источник движения, закон воспринимаются уже не только как непосредственно слитая с данным особым движением «форма» его, но как отвлеченный от телесного движения идеальный принцип. Он лишь проявляется через материальное движение, но с нек-рой особой материальной сферой не отождествим. Как говорит Аристотель, это есть «чистая форма». Отсюда — аристотелевские понятия «энтелехии», или «первого двигателя». Отсюда же — жесткая необходимость «первой философии», М. Свойства, сущности вещей, «...поскольку они отграничены от всего телесного, ...составляют предмет изучения философа-метафизика» (см. De an. I, 1, 403 b 15). Физика изучает вещи с т. зр. материи, субстрата и формы — она, т. о., видит закон в действии или действии закона. «А что касается начала формы, едино ли оно или их много, и каковы они, то разобрав это в подробности — дело первой философии...» (Phys. I, 9, 192 b; рус. пер., М., 1936). Здесь происходит первое разграничение философии и естествознания. Метафизика Аристотеля свидетельствует о первых попытках самоопределения философии перед лицом зарождающегося конкретного знания. М. и есть первый образ собственно философии, первое позитивное, а не негативное, как у Платона, определение специфически философского способа подхода к миру и знанию.

При этом, несмотря на то, что Аристотель говорит о «божественной» природе энтелехии, сведение божества к отвлеченной «чистой форме» говорит о падении мифологии под ударами науки. «Чистая форма» Аристотеля была воспроизведена в другом теоретич. контексте в ср.-век. философии, где понятию М., заимствованному у Аристотеля, был придан иной смысл. Если у Аристотеля бытие есть действит. конечный космос, определяемый в своем развитии всей совокупностью причин, материальных и формальных, то ср.-век. философия переотолковывает Аристотеля в соответствии с религ. догмами: мир конечных вещей понимается как несамостоят. в своей сущности, как сотворенная природа (*natura naturans*). Этим объясняется то, что проблема принципов бытия выносится за пределы действит. мира, в мир божественный. Чувственный, пространственно-временной, физич. мир есть обнаружение, эманация божеств. мира. Путь бытия — это путь нисхождения. Поскольку природный мир — лишь бледное выражение сверхчувств. принципов, постольку содержание М. предстает как содержание теологии. Ср.-век. мирозерцание утверждает примат веры над знанием, ибо мистич. откровение есть единств. путь непосредств. постижения первоначал бытия, бо-

жеств. субстанции. Однако христ. теологи не исключают возможности косвенного, опосредствованного познания бога, хотя это познание как рациональное есть лишь «обходной», косвенный путь постижения божеств. сущности, возможный потому, что бог обнаруживает себя в мире конечных вещей. М. и выступала как форма рационального, дискурсивного, политийного постижения сверхразумного существа, т. е. как форма несамостоят., вспомогат. знания по отношению к откровению. Так, первая философия, или М., у Фомы Аквинского направлена на познание бога как действующей, всеобщей причины и духовной цели, оторванной от материального мира, у Ансельма Кентерберийского предмет М. — постижение бога как высшего блага и бесконечно совершенного существа. Поэтому и в этом смысле философия, приобретающая форму М., являлась служанкой богословия. Но именно потому, что в своей рациональной форме познание в средневековье выступало как М., только она и могла поднимать, правда в теологич. форме, нек-рые действит. проблемы мира, напр. вопрос о бесконечности и конечности, о взаимоотношении общего и единичного, субстанции и акциденции и т. д.

Эпоха Возрождения внесла коренное изменение в толкование сути философии. Становление бурж. обществ. отношений, разрушавших феодально-патриархальные связи, создало объективные условия для осознания личностью собств. самостоятельности, достоинства и самоценности. Это объективное содержание эпохи получило отражение в философии: сущность мира, движущие силы бытия стали толковаться по типу сущностных сил человека. Самое понятие М. как филос. науки ассоциировалось деятелями Возрождения, особенно т. н. гуманистами, с догматич. концепцией церк. философии, и потому к ней относились пренебрежительно. Это выразилось, в частности, в отходе от Аристотеля и обращения к Платону и неоплатонизму (Валла, Пико делла Мирандола, Фичино и др.). Это увлечение, при зыбкости, невыработанности мировоззренч. основ эпохи, характеризовавшихся оппозиционной направленностью против схоластики, теологии и М. как ее служанки, облекалось в форму натурфилософии, мистики, пантеизма. Любимая идея философии этого времени — идея человека-микрокосма, в к-ром сконцентрировалось все содержание макрокосма. Так, Бруно полагает, что каждая звезда бесконечной Вселенной есть живое существо. Созвездия приводятся в движение не перводвигателем, а душой, находящейся в них. Атрибутами бога являются по существу свойства человек. существа — сила, мудрость, любовь. Пико делла Мирандола в своей «Речи о достоинстве человека» вкладывает в уста бога такое определение человека «Я ставлю тебя в центре мира... Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и почетный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь» (цит. по кн.: «История эстетики...», т. 1, 1962, с. 507).

Судьба М. в философии нового времени отразила коренные сдвиги в мировоззрении, наступившие в связи с утверждением капиталистич. способа произ-ва в его первой исторически прогрессивной стадии развития. В центре этого нового мировоззрения — механич. концепция мира. Одним из ее источников было изменение соотношения философии и естествознания. Последнее совершило революц. скачок, выразившийся в разработке физич. теории, основанной на точных, математически обоснованных законах механики. Эта теория охватила как земной (динамика, статика), так и небесный мир (небесная механика). В механич. мировоззрении нового времени мир как целое, в т. ч. и прежде всего проблема его принципов и начал, предстал как предмет физики, все тайны к-рого суть ес-

теств.-науч., а отнюдь не филос. проблемы. Такое изменение предмета философии привело к тому, что физика (механика) заступила место М. Поскольку же объективно филос. проблемы остались во всей их сложности, только воспринимались они под углом зрения нового всеобщего естеств.-науч. подхода, то эти проблемы решительно перестали трактоваться как метафизические, и в центре философствования стал вопрос только о том, каков метод их решения. Так М. обернулась методологией. Но здесь неизбежно сказались одно существо, несоответствие. Классич. механика трактовала природу как целостный неразвивающийся механизм с раз навсегда заданным количеством движения, т. е. просто отбрасывала диалектику. Поэтому исторически оправданный отказ от М. как филос. науки и разрушение ее старой спекулятивной формы фактически не привел к преодолению такого ее коренного порока, как концепция вечности и неизменности мира в его осн. принципах и началах. Вот почему М. не была преодолена принципиально, но из «первой философии» превратилась в «...специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 24). В то же время М., отброшенная в качестве особой филос. «науки наук» Ньютоном и др. естествоиспытателями, неизбежно вновь воскрешалась в филос. системах в замаскированном виде действия учения о божестве как перво-двигателе. Это учение, противоречащее самому материалистич. духу естествознания, обусловлено метафизичностью его метода. М. как учение о сверхчужд. принципах и началах бытия и М. как односторонне-аналитич. метод взаимообуславливают и поддерживают друг друга.

Трактовку М., переходную от старой «первой философии» к концепции общезнач. метода исследования природы, дал Ф. Бэкон. Согласно Бэкону, М., как и физика, анализирует природные процессы. Различия между ними — в степени познания. Если «...физика занимается предметами, вполне погруженными в материю и изменяющимися...» (Соч., т. 1, СПб, 1874, с. 249), то М. раскрывает сущностные законы природы, называемые Бэконом (вслед за Аристотелем, но в новом смысле) формами. М., в истолковании Бэкона, есть наука, вырастающая из физич. исследования природы и предполагающая это исследование. Цель М. — в открытии закономерностей, в постижении отвлеченной и неизменной основы действующих, изменяющихся причин. Постигнув формальные причины, М. достигает законченного, исчерпанного познания сущности природы.

У философов 17 в. М. еще сохраняется в качестве особой филос. науки, причем предмет ее резко ограничивается от предмета естествознания. Этот предмет — бог и душа (Декарт). И если естествознание, физика во внутр. логике своего построения оказывается независимой от М., то построение системы М. подчиняется логике науч. знания. О своих «Метафизических размышлениях» Декарт писал: «...Я ...старался писать в этом трактате только о вещах, которые мог доказать вполне точно, в силу чего и был вынужден придерживаться такого же порядка, каким пользуются геометры...» (Избр. произв., М., 1950, с. 330—331). Это размежевание М. и физики выявляет общую тенденцию обособления естеств. наук, однако для 17 в. характерно действие этой закономерности пока еще как тенденции. Поэтому виднейшие философы-метафизики этого периода выступают одновременно и крупнейшими естествоиспытателями (Декарт, Паскаль, Лейбниц). В то же время ряд филос. систем (окказионалистов — Мальбранша, Гейлинкса, Клауберга, ясениста Арио и др.) строится вполне в духе старой М., т. е. как чисто умозрительные конструкции, трак-

туемые в качестве последних, сверхъестеств. начал бытия.

На фоне новаторства 17 в., выражавшегося, в частности, в распространении механич. метода на исследование метафизич. проблем, философия Спинозы занимает необычное место. Разработанная в полном соответствии с «геометрич. методом» (*more geometrico*) своего времени, она фактически обнаруживает диалектику объективного мира и потому направлена против М. и как филос. науки и как метода, господствовавшего в совр. ему философии. Спиноза принципиально отказался от метафизич. трактовки субстанции как некоей предпосылочной филос. конструкции, служившей исходной категорией для дедуктивного выведения физич. и духовного мира. Понятие субстанции в его философии получило диалектич. определение «причины самой себя». Иными словами, вместо субстанции — абсолютизированной метафизич. характеристики форм бытия или субъекта (напр., пространства или мышления), Спиноза ввел понятие субстанции как всеобщего качества активности мира. Отсюда у него получилось естеств. определение субстанции как природы («бог, или природа»). Тем самым Спиноза разрубил гордый узел затруднений прежней М., не умевшей преодолеть дуализм бога и природы, души и тела, в диалектич. концепции мира как *causa sui*, как взаимодействия.

Для истории М. показательна судьба метафизич. системы Лейбница. Обычно она демонстрируется как пример единства естеств.-науч. и филос. аспектов внутри одной филос. концепции. Это единство есть несомненный факт, причем по существу ведущую роль играют в нем математич. и физич. теории Лейбница. В результате М. у Лейбница обнаруживает полную несостоятельность именно как умозрительная система. Лейбниц солидарен со Спинозой в признании внутр. активности субстанции, но трактует субстанцию не как природу (мировое целое), а как исходную индивидуальность, монаду. Он принимает старую метафизич. догму, что источником активности может быть только дух, в то время как тело (материя) есть пассивное начало. Обнаружив диалектику математич. и физич. непрерывности (принцип бесконечно малых величин, закон сохранения импульса), Лейбниц столкнулся с необходимостью интерпретировать с т. зр. этой диалектики свой атомизм. В результате получилось, что каждая монада, будучи в качестве активного духовного начала целым миром, входит в то же время на положении составного элемента в мир как целое. Но поскольку монада есть духовный индивид, то природа ее духовности сводится к формам индивидуального сознания — перцепции (восприятию), представлению, мышлению, а М. оборачивается рациональной психологией. Поскольку же монада как духовный индивид в себе вполне замкнута, мир в целом может действовать как система, только если автономные активности всех монад приводятся в гармонич. согласование богом. Т. о., М. сводится к теории предустановленной гармонии и теодицеи, каковые являются самыми искусств. и непрочными из умозрительных конструкций лейбницевой М. В очевидной несостоятельности предустановленной гармонии Лейбница обнаружилась совершенная непригодность М. и как филос. системы, и как метода. Во всяком случае в качестве метафизич. системы философия Лейбница оказалась явным анахронизмом.

«Метафизика XVII века, — по словам Маркса, — ещё заключала в себе положительное, земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.). Она делала открытия в математике, физике и других точных науках, которые казались неразрывно связанными с нею. Но уже в начале XVIII века эта мнимая связь была уничтожена. Положительные науки отде-

лились от метафизики и отмежевали себе самостоятельные области. Всё богатство метафизики ограничивалось теперь только мысленными сущностями и божественными предметами, и это как раз в такое время, когда реальные сущности и земные вещи начали сосредоточивать на себе весь интерес. Метафизика стала плоской» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 141).

Примером превращения М. в плоскую, далекую от науки педантичную систему может служить философия Х. Вольфа. Он положил в основу М. идеи Лейбница о монадах и теодицею, в сущности ничего не прибавив к ним по содержанию, но догматизировав и абсолютизировав их. Верховным принципом метафизики Вольф считает формальную логику, закон противоречия, из которого он и стремится вывести исключительно дедуктивным путем все содержание М. В филос. системе Баумгартена М. превращается в онтологию, т. е. учение о первопринципах реально сущего.

Педантизм и сухость М., ее отрешенность от коренных проблем науки и практики стали объектом критики со стороны представителей скептицизма, франц. Просвещения и материализма 18 в. П. Бейль подорвал всякое доверие к М., «...разрушил метафизику с помощью скептицизма, подготовив тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла во Франции» (там же). Англ. философы 18 в. (Локк, Юм) подвергли критике М. вообще. Однако непоследовательности Локка, создавшего антиметафизич. систему, оказались подхваченными в системе Беркли, к-рый восстановил М. в противоестественной для нее форме субъективного идеализма.

Лишь франц. материализм 18 в. последовательно и до конца разрушил М. 17 в. В блестящей и остроумной форме материалисты 18 в. высмеивают М., ее псевдонаучность и связь с теологией. Как только наука перешла от изучения отд. вещей к изучению их движения, процессов их возникновения и развития, так М. как метод познания была вынуждена отойти на задний план и уступить место диалектике.

М., разрушенная франц. Просвещением и материализмом 18 в., пережила, по словам Маркса, «свою победоносную и содержательную реставрацию» в нем. философии, «особенно в спекулятивной немецкой философии XIX века». По существу «критическая М.» Канта явилась реакцией на механицизм 17—18 вв., к-рый выступил против М. как догматич. филос. науки с позиций догматич. же, антидиалектич. метода. Критика прежней, догматич. М. не означает у Канта разрушения и признания бесплодности М. вообще. Неудачи и пороки догматич. М. обусловлены, по Канту, тем, что в ней не исследуется сама способность познания, ее возможности и границы. Различая вещь в себе и мир явлений, рассудок и разум, Кант остро критикует М., в к-рой «...можно беззаботно врать всякий вздор, не опасаясь быть уличенным во лжи», ибо такие понятия, как душа, мир в целом, бог «...не могут быть даны ни в каком даже самом обширном опыте...» («Пролегомены», М., 1937, с. 120, 121). Кант отнюдь не отвергает необходимости М. как науки о боге, свободе воли и бессмертии души. «Вся задача этой критики чистого теоретического разума состоит в попытке изменить прежний метод метафизики, именно совершить в ней полный переворот, следуя примеру геометрии и естествознания» («Критика чистого разума», П., 1915, с. 15). Кант мыслит М. как систему чистого разума, как «...цельное (истинное или ложное) философское знание из чистого разума в систематической связи...» (там же, с. 458), оценивая М. как «...необходимое завершение всей культуры человеческого разума...» (там же, с. 462), ибо «...человеческий разум, уже по природе своей имею-

щий диалектический характер, не может обойтись без такой науки, обуздывающей его и предохраняющей... от опустошений...» (там же, с. 461). Проводя различие между спекулятивным и практич. применением чистого разума, Кант разделяет М. на М. природы и М. нравов. М. природы, или М. спекулятивного разума, состоит из трансцендентальной философии, охватывающей такие области, как онтология, рациональная физиология и космология, и имманентной физиологии чистого разума, рассматривающей природу как совокупность чувственных предметов и состоящей из рациональной физики и рациональной психологии. Правда, Кант вынужден признать, что М. оторвана от науч. знания уже по предметам своего размышления и что «...из всех открытий, которые удалось бы достигнуть здесь, нельзя сделать никакого применения, полезного in concreto, т. е. в естествознании» (там же, с. 438). Кант переводит решение антиномий чистого разума в область практич. разума. Этот вывод Канта — косвенное признание социально-классовой, идеологич. обусловленности М. Догматич. М. неизбежно приходит к антиномиям, неразрешимым средствами рассудка. В форме противоположения рассудка и разума Кант сформулировал проблему противоположности М. и диалектики. В отличие от метафизич. теории познания, считавшей противоречие лишь результатом случайного заблуждения, Кант показал, что мышление по самой своей природе впадает в противоречия. Однако Кант считал, что противоречие принадлежит не только предмету самому по себе, но и познающему разуму. Выявив в схематизме чистого рассудка и антиномиях чистого разума объективную диалектику мира, Кант показал только ее «отрицательную» сторону, невозможность разрешения действит. противоречий метафизич. проблем средствами рассудка и чистого разума. Он предугадал необходимость введения практики в философию, однако не решился на этот революц. вывод, возвратившись к старому фидеистич. противопоставлению знания как области чисто теоретич. деятельности разума и веры как области практики в морально-этич. смысле. Кант предпринял попытку доказать «практическую», моральную необходимость существования и развития М.

Гегель, продолжая критику прежней М., вместе с тем возрождает ее и основывает, по словам Маркса, «...метафизическое универсальное царство...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 139). Приняв кантовское разграничение рассудка и разума, Гегель сосредоточил внимание на критике ограниченности рассудка и рассудочной философии. Он же впервые употребляет термин «М.» для обозначения этой ограниченности. М. у Гегеля определяется как учение, не выходящее «...за пределы конечных определенных мысли...» (Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 64) и считающее противоречие «случайностью, как бы аномалией и преходящим пароксизмом болезни» (Соч., т. 5, М., 1937, с. 520). Рассудок и его правила выполняют ценную работу в процессе познания: «...как в теоретической, так и в практической области нельзя достигнуть твердости и определенности без помощи рассудка» (там же, т. 1, с. 132). Однако, по мнению Гегеля, метафизич. способ рассмотрения удовлетворяет лишь «...самые необходимые домашние потребности познания...» (там же, с. 209). «Противоречие — вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить» (там же, с. 206). М., по Гегелю, возникает в период, когда мышление еще приступает прямо к предметам и верит, что содержание первоначального опыта ощущений и созерцаний является содержанием самой истинной мысли. «Все начальные ступени философии, все науки и даже повседневная деятельность и движение созна-

ния живут в этой вере» (там же, с. 64). Характеризуя предмет и замыслы М., Гегель обращает особое внимание на сопряженный с ними метод исследования. Гегель видит специфику прежней М. в господстве метафизич. способа мысли, к-рому он противопоставляет систему идеалистич. диалектики. Решающее значение в преодолении старой метафизики Гегель придает принципу «целостности», бесконечности развития, взаимосвязи абстрактных определений, т. е. принципу системы. Однако Гегель вовсе не отвергает сами замыслы М., не отказывает ей в праве размышлять о сверхчувств. предметах — о боге, душе и пр. «Познать бога посредством разума, — это, несомненно, величайшая задача науки» (там же, с. 75). Свою философию Гегель рассматривает, в сущности, как подлинную М., а диалектику — как «спекулятивную М.», как раскрытие понятия бога. «...Выводы, к которым приходит свободное мышление, согласуются с содержанием христианской религии, так как последняя есть откровение разума» (там же, с. 76). Гегель удерживает теологич. ориентацию М. Отвергая антидиалектич. способ мышления М., он в то же время сохраняет идеалистич. и спекулятивно-умозрительную ее тенденцию. Свою философию он рассматривает как «науку наук». В истолковании законов конкретных областей человек. бытия Гегель зачастую возводит в ранг окончат. филос. истины абстрактные определения совр. ему науки или обыденного сознания. Некритич. «позитивизм» Гегеля связан с этим возрождением М. Т. о., и в отношении к М. философия Гегеля обнаружила на собств. содержании, что возможности построения чисто умозрит. системы философии исчерпаны как по содержанию, так и по методу. Процесс расхождения М. как филос. науки и как метода, начавшийся вместе с формированием новой механистич. картины мира, достиг в гегелевской попытке возродить М. на базе диалектики крайней степени противоречивости. Дальше был возможен только путь ликвидации М. и как метода и как особой филос. науки и замены ее диалектикой как логикой и теорией познания.

Критике религии и идеализма в 19 в. соответствовало наступление на спекулятивную М. и всякую М. вообще. Огромная роль в критике М. принадлежит Фейербаху, противопоставившему «трезвую философию пьяной спекуляции», антропологич. философию умозрительному, иллюзорно-критич. конструированию мира. Хотя Фейербах сумел увидеть земное содержание в метафизич. спекуляциях идеализма, ему не удалось раскрыть социальные и гносеологич. источники М., а значит, преодолеть ее.

В бурж. философии 2-й пол. 19 в. отчетливо обнаруживается тенденция возродить М., причем в ее докантовских формах. Герbart обосновывает принципиальную возможность познания «вещей в себе» и тем самым — существование М. Различая эмпирич. и метафизич. абс. бытие, Герbart предполагает существование множества простых сущностей, подобных монадам Лейбница. Предмет М. и составляют эти простые, неразложимые, лишённые противоречия и самодвижения субстанции — «реалы». Метафизич. учение Гербарта проникнуто стремлением вытравить диалектич. моменты из процесса познания, устранить противоречивость из предметного мира и из человек. познания, построить позитивную М., т. е. М. без противоречий. Тенденция оживить М. находит свое выражение в филос. системе Фриза, разделившего мир явлений и мир «вещей в себе», Бенеке, видевшего в психологии основу М., Лотце, эклектически соединявшего метафизич. системы от Лейбница до Гегеля, и даже в системах Конта и Спенсера.

Для бурж. философии 20 в. характерны две тенденции: во-первых, борьба против М., к-рую провозглашает неопозитивизм, и, во-вторых, возрождение М.

Позитивисты, обрушившись на М. за ее спекулятивный, чисто умозрит. характер, стремились исключить из философии непроверяемые опытом, метафизич. высказывания о боге, душе, бытии, о связи бытия и сознания. Однако борьба позитивизма против теологич. элементов М. смыкалась с борьбой против мировоззренч. функции философии, сопровождалась отказом от исследования категориальной структуры и содержат. процессов мышления.

В последнее время неопозитивисты начинают признавать правомерность мировоззренч. вопросов, в т. ч. и религиозных, ранее отвергаемых как бессмысленные. Школа т. н. «логического прагматизма» выражает против резкого разделения формализованного знания и метафизич. постулатов. Некоторые представители кембриджской школы «философии анализа» обыденного языка оправдывают необходимость М. как явления, обусловленного социально-психологич. причинами (Дж. Уисдом и др.). Неопозитивисты начинают подмечать насущную потребность совр. науки — потребность в мировоззренческом, методологическом синтезе.

Эту тенденцию к мировоззренч. синтезу одним из первых бурж. философов 20 в. почувствовал Н. Гартман. Анализируя внутр. проблемы совр. науки, он отмечает, что науки сами приходят к постановке метафизич. проблем. В то время как прежняя М., по его словам, была дисциплиной, отграниченной от мира, поскольку обращалась к таким предметам, как бог и душа, новая М. вместо рассуждений о первых принципах и абс. сущностях изучает связи, закономерности и структуру бытия, постепенно сливаясь с учением о категориях. В этом понимании М. пробивается разумная мысль о том, что единство философии и естествознания совершается благодаря разработке фундаментальных филос. категорий, выступающих одновременно как всеобщие связи действительности. Гуссерль, опираясь на феноменологич. метод, стремился опровергнуть и прежнюю М. и позитивизм. Он выдвигает идеал универсальной науки, объединенной единым методом и требующей универсального индивида, но в качестве синтетич., универсальной науки он не приемлет и традиционную М., поскольку последняя, с его т. зр., в исследовании духа тяготеет к натурализму и выдает за известное то, что в совр. мире становится «загадкой всех загадок» — соотношение бытия и познания. В ранних работах он исходил из антиметафизич. идеала философии как строгой науки о «феноменах», как наукоучения и «чистой» теории познания. Но на этом пути сущность неуловима. Она познается благодаря интуитивному «усмотрению». Так, замысел антиметафизич., строгой философии завершается возрождением М.

Хейдеггер, называя свою философию «фундаментальной онтологией», видит ее осн. задачу в том, чтобы найти конкретное решение вопроса о смысле бытия, об истине самого бытия, к-рый в эпоху господства М. не мог быть поставлен. М. в толковании Хейдеггера представляет собой не только филос. концепцию, но прежде всего исторически определ. способ отношения людей к природе и друг другу, при к-ром действительность выступает как нечто предметное, человек как творец предметного мира и первоначальное единство субъекта и объекта раскалывается. Онтологизируя опред. уровень осознания сущности человека, Хейдеггер отрицает тот факт, что изменение природы и создание социальной предметности составляет *differentia specifica* человека. Для него это истолкование связано лишь с историч. типом отношений субъекта и объекта, к-рый он характеризует как метафизический. Само возникновение и существование науки есть, по его словам, одно из проявлений метафизич.

периода человек. истории. Таким путем отвергается наука и восстанавливается иррационализм.

В различных религ. направлениях в совр. бурж. философии М. уже не является филос. наукой, но выступает как «толкование», «прозрение» бытия. От такого понимания М. — один шаг к религ. пониманию ее целей и содержания, к-рый и делается неотомистами. Согласно неотомистской М., наряду с физич. бытием существует трансцендентное бытие, и цель М. — узрение божеств. сущности. Стремясь возвысить М. над научным знанием, неотомисты одновременно заигрывают с наукой. Но по своему существу неотомистская М. принимает науч. знание и представляет собой антидиалектич. способ толкования мира.

Во всех формах М., даже в крайне религиозных, отражается назревшая в совр. знании потребность в мировоззренческом синтезе, к-рая в подлинно научной форме осуществляется только в философии марксизма.

Сохранив все рациональное в критике М. нем. классич. философией, Маркс и Энгельс вместе с тем отвергли присущий ей абстрактно-теоретич. идеалистич. подход к этой проблеме. Создание материалистич. понимания истории и применение его к объяснению развития человек. познания позволило уяснить сущность М. как исторически-определ. формы обществ. сознания. На этой основе было впервые научно понято подлинное существо М. как исторически ограниченной превращенной формы человек. знания. М. возникает из присущей науке тенденции дать синтетическое, целостное, конкретное осмысление предмета, но, поскольку эта тенденция не может еще реализоваться в адекватной форме, она получает в М. свою превращенную форму. М. замещает действительно целостное, науч. освоение предмета априорными конструкциями, зачастую пренебрегающими науке, на той стадии развития обществ. произ-ва, когда производит. силы еще не приобрели форму единой обществ. организации (античность, средневековье). Поэтому законы их функционирования выступали как характеристики деятельности отд. производителей, а не как всеобщие формы деятельности человека вообще. Отражением этого противоречия и была абсолютизация философии (логики) как чисто умозрительной формы знания, в то время как конкретное знание было просто эмпирич. опытом, оформляющимся в виде теоретич. традиции. М. переносит понятия, отражающие закономерности лишь узкой сферы освоенной человечеством действительности, на всю действительность в целом. Метафизич. система — это «...окончательно завершенная система всех мировых связей как физических, так и духовных и исторических...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 36). М., по своему существу, есть всеобщая мировая схематика, абсолютизирующая какую-то историч. ступень науки и практики. Однако М. не понимает своей ограниченности. Делая ограниченности достигнутого уровня знания своим достоинством, М. ставит пределы дальнейшему прогрессу науки. Классики марксизма подчеркивали антинаучность попыток дать априорную законченную мирозидательную конструкцию, отмечая, что логика построения М. во многом тождественна с логикой построения любой идеалистич. системы. Метафизик переворачивает действительные отношения вверх ногами, он «...понимает вещи наизуворот и видит в действительных отношениях лишь воплощение тех принципов, тех категорий, которые дремали... в недрах „безличного разума человечества“» (Маркс К., там же, т. 4, с. 133). М. не критически относится к существующей действительности, освещает ее как подлинно разумную и соответствующую первопринципам сущего. М., по словам Маркса, «...лишь систематически перестраивается и располагает, соглас-

но своему абсолютному методу, те мысли, которые имеются в голове у всех людей» (там же), она заимствует во многом свое содержание просто из существующего обывденного сознания. Если М. зиждется на принципе замкнутости системы логич. категорий, завершенности предлагаемой ею априорной конструкции первоначал сущего, то диалектика настаивает на открытости системы категорий, отвергая попытку дать законч. систему мира. М. берет объект только в форме объекта созерцания, рассматривая природу, сущее вне отношения к практич. деятельности. Поэтому и субъект рассматривается ею или как антропологич. существо, как часть природы, или как некое безличное существо, эманацию к-рого составляет природа. В первом случае первопринципы всего сущего непосредственно заимствуются из естествознания, причем М. сама может и не отдавать себе в этом отчета, во втором случае происходит абсолютизация и мистификация исторически определенной ступени человеческого знания.

Господство М. как метода теоретич. мышления соответствует тому периоду общественно-историч. практики, когда происходил процесс формирования капиталистич. разделения труда и профессиональной узости ученых. Они остаются в плену односторонности метафизич. мышления, поэтому от них «ускользает связь целого» и они запутываются в одном противоречии за другим (см. Ф. Энгельс, там же, т. 20, с. 483—484). Вместе с тем обособленность, разьединенность наук лишь углубляет, усиливает стремление к методологич. и мировоззренч. синтезу. М. выступает как суррогат подобного синтеза. Развитие науки настоятельно требует нового метода — диалектики, к-рая является в истории отрицанием М. и в методологич., и в общественно-историч. смысле. «В своём рациональном виде диалектика внушает буржуазии и её доктринам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно также и с её переходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 20). Политич. и идеологич. история современности свидетельствует, что метафизич. способ мышления характеризует позицию консервативных, реакц. сил общества, а идеологи этих сил либо открыто выступают против диалектики, либо толкуют ее в духе иррационализма. Одной из форм, в к-рой проявляется М. в идеологич. борьбе на совр. историч. этапе, является *догматизм*. Особенность этой формы метафизич. метода состоит в том, что определ. теоретич. положения, составляющие основание научной теории, в т. ч. и теории марксизма-ленинизма, вырываются из целостной системы науки и рассматриваются как некие абсолютные предписания. Тем самым теория из формы обобщенного познания действит. развития превращается в набор догм, принудительно навязываемых действительности и поэтому фактически оказывающихся вне историч. времени и условий. Т. о., догматизм неизбежно лишает теорию критерия практики. Каждый раз, когда на политич. и идеологич. арену выступает догматизм — эта совр. форма М., социальной подоплекой его неизбежно оказывается ориентировка на неперелетарские классы. Это социальное содержание М. как метода смыкается с его анахроничностью и консервативной ролью в современном естествознании. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» показал неадекватность метафизического метода мышления достигнутым уже к сер. 19 в. успехам естественных наук. К этому времени уже возник конфликт меж-

ду укоренившимся способом мышления и достигнутым уровнем науки.

Марксистское понимание М. как системы и метода было развито Лениным. Существ. признаком М. как антидиалектики он считал стремление ее выйти за пределы человек. опыта и науки, воспарить к заоблачным высотам сверхчувственного, построить замкнутую, законченную систему, не оставляющую никаких возможностей для дальнейшего прогресса науки. Так, по словам Ленина, домарксистская социология, состоявшая во многом из «чисто априорных, догматических, абстрактных построений», негодна именно в силу «своей сплошной и беспроектной метафизичности» (см. Соч., т. 1, с. 126). Ленин отмечает историч. неизбежность метафизич. подхода к предмету, если ученые пытаются дать целостное теоретич. осмысление предмета, когда еще отсутствуют для этого соответств. условия: «...пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли а priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными» (там же). М. выражает поиски, запросы, стремление к синтезу в человеческом знании, но выражает их в неадекватной форме. Лишь диалектика способна научно решить трудности естествознания, дать целостное методологич. и мировоззренческое осмысление научных достижений.

Противопоставляя «неразвитому, мертвому, грубому, неподвижному» (см. там же, т. 38, с. 274) метафизич. материализму диалектико-материалистич. миропонимание, Ленин подчеркнул, что диалектика усматривает в предметном мире живую, находящуюся в постоянном движении целостную систему. Противоположность М. диалектике особенно четко обнаруживается в противоположности метафизич. и диалектич. концепций развития. Если первая рассматривает «развитие как уменьшение и увеличение, как повторение», то вторая «как единство противоположностей». «При первой концепции движения остаются в тени с а м о движение, его д в и г а т е л ь н а я сила, его источник, его мотив (или с ей источник переносится в о в н е — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание и с т о ч н и к а „с а м о“-движения» (там же, с. 358). М., по словам Ленина, характеризует «закостенелость понятий» (см. Соч., т. 14, с. 35), «...неумение применить диалектики к Bildertheorie (теория отражения. — Ред.), к процессу и развитию познания» (там же, т. 38, с. 360). Непонимание диалектики абсолютной и относит. истины выявляется в том, что метафизик «...направо, налево, по сложнейшим вопросам науки вообще... бросал словами: последняя, окончательная, вечная истина» (там же, т. 14, с. 120). Диалектика противопоставляет «...метафизическому решению раз навсегда („объяснили“!) вечный процесс познания глубже и глубже» (там же, т. 38, с. 117, прим.), противопоставляет метафизическому пониманию общества как механически сцепленного образования научное понимание его как развивающегося организма.

Марксистское объяснение сущности М. сыграло большую роль в осмыслении Лениным причин кризиса естествознания нач. 20 в. и путей выхода из него. В своей классич. критике махизма Ленин показал, что М. как метод явилась чертой историч. ограниченности старого материализма и что методологией совр. естествознания может быть только диалектич. материализм. Это тем более так, что диалектика как метод рождается и логикой объективного развития естествознания.

Однако диалектич. материализм выступил как отрицание М. не просто в плане противопоставления методов, как это имело место в отношении гегелевской диалектики к М. Он явился диалектич. отрицанием всей

предшеств. философии как по типу построения филос. систем, по предмету философии как науки, так и по методологии. Только диалектич. материализм покоячил с пониманием философии как законченной умозрит. системы мира, противопоставлявшей его естественнонауч. картине. Тем самым впервые в истории философии было разрушено основание для М. как «первой философии», как «науки наук». Но тем самым мир в качестве предмета философии предстал как развивающаяся действительность, а единств. адекватным методом изучения развития оказалась диалектика как наука «...об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 302). Совр. движение истории и развития науки обнаруживают диалектич. характер этих законов со все большей всеобъемлемостью, и все более очевидным становится, что диалектика, все более вытесняющая М. как метод мышления из голов естествоиспытателей, и есть та самая диалектич. логика (см. *Логика диалектическая*), к-рая утверждается философией диалектич. материализма.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, Соч., 2 изд., т. 2; и х же, Немедкая идеология, там же, т. 3; Маркс К., Капитал, т. 1, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23; Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; его же, Анти-Дюринг, М., 1957; его же, Людвиг Фейербах..., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Ленин В. И., Карл Маркс, Соч., 4 изд., т. 21, с. 34—43; его же, О значении воинствующего материализма, там же, т. 33; Л е н и н Г. В., Рассуждение о М., Избр. филос. соч., М., 1890; его же, Монадология, там же; Философия в систематич. изложении В. Дильтея (и др.), пер. с нем., СПб., 1909; Гессе С. И., Мистика и М., «Логос», 1910, кн. 1; Гуссерль Э., Философия как строгая наука, «Логос», 1911, кн. 1; Гегель, Наука логики, Соч., т. 5—6, М., 1937—39; его же, Лекции по истории философии, т. 9—10, М.—Л., 1932—39; Бэкон Ф., Новый Органон, Л.—М., 1938; Декарт Р., Избр. произв., М., [1950]; П л е х а н о в Г. В., К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956; С л и н о в а Б., Этика, Избр. произв., М., 1957; Н е r b a r t J. F., Hauptpunkte der Metaphysik, Gött., 1808; его же, Allgemeine Metaphysik, nebst den Anfängen der philosophischen Naturlehre, Tl 1—2, Königsberg, 1828—29; В e n e k e F. E., System der Metaphysik und Religionsphilosophie, B., 1840; L o t z e R. H., Metaphysik, Lpz., 1841; его же, Mikrokosmos, Bd 1—3, 14 Aufl., Lpz., 1888—1905; H a r t m a n n E. v o n, Geschichte der Metaphysik, Bd 1—2, Lpz., 1899—1900; Н e y m a n s G., Einführung in die Metaphysik, Lpz., 1911; H e i m s o e t h H., Metaphysik der Neuzeit, Münch.—B., 1929; D e m p f A., Metaphysik des Mittelalters, Münch.—B., 1930; H e i d e g g e r M., Was ist Metaphysik?, Bonn, 1930; W h i t t a k e r T., Prolegomena to a new metaphysics in modern times, Camb., 1931; S t e n z e l J., Metaphysik des Altertums, Münch.—B., 1931; W u n d t M., Geschichte der Metaphysik, B., 1931; S o r e l G., D., Aristote à Marx (L'ancienne et la nouvelle métaphysique), P., 1935; M a r i t a i n J., Sept leçons sur l'être et les premières principes de la raison spéculative, P., 1936; S a r t r e J. P., L'être et le néant, P., 1943; B a l t h a s a r N., La méthode en métaphysique, Louvain, 1943; L a n d g r e b e L., Phänomenologie und Metaphysik, Hamb., 1949; R é g i s L.—M., L'odyssée de la métaphysique, Montréal, 1949; B a y e r R., Histoire de la philosophie métaphysique, P., [1950]; B o n t a d i n i G., Dal problematicismo alla metafisica, Mil., 1952; H o m m e s J., Zwiespältiges Dasein. Die existenziale Ontologie von Hegel bis Heidegger, Freiburg, 1953; H e i d e g g e r M., Einführung in die Metaphysik, Tübingen, 1953; D e G e o r g e R. T., Classical and contemporary metaphysics, N. Y., 1962; M ö l l e r J., Von Bewußtsein zu Sein. Grundlegung einer Metaphysik, Mainz, 1962.

Н. Мотрошилова, А. Огурцов, М. Туровский, Москва, А. Потемкин, Ростов н/Д.

«МЕТАФИЗИКА» — сочинение *Аристотеля*, в к-ром изложено его учение о сущем, или «первая философия».

МЕТАЯЗЫК — понятие совр. логики, используемое при исследовании языков различных логико-математич. исчислений и естеств.-науч. языков, при описании взаимоотношений языков различного «уровня» и при характеристике отношения между рассматриваемыми языками и описываемыми с их помощью предметными областями. М. паз. язык, на к-ром про-

исходит рассмотрение к.-л. др. языка, изучение строения выражений этого языка, доказательство теорем о его дедуктивных свойствах и об отношении его к др. языкам и т. д. М. может быть как неформализованным, так и *формализованным языком*. Язык, рассматриваемый в М., — он наз. языком-объектом (или предметным языком) — обычно является формализованным. Если в языке-объекте формулируется теория, посвященная рассмотрению к.-л. содержательно воспринимаемой предметной области, то средствами М. формулируется *метатеория*, объектом изучения к-рой является первая (предметная) теория. Классич. примером метатеории служит метаматематика. Метатеоретич. проблемы собственно логики и методы исследования их образуют *металогик*.

При метатеоретич. исследованиях формализованных языков, допускающих достаточно богатые в логич. отношении интерпретации, к М. обычно предъявляются следующие требования: 1) М. должен включать в себя язык-объект как свою часть (в том смысле, что выражения языка-объекта должны быть переводимы в М., так что выражения М. должны быть *именами* соответствующих выражений языка-объекта); 2) в числе выражений М. должны иметься выражения более высоких логич. типов (см. *Типов теория*), чем выражения языка-объекта. Иначе говоря, чтобы в М. можно было проводить рассуждения о строении выражений языка-объекта и о его дедуктивных свойствах, М. должен быть логически более богатым, чем язык-объект. (Требование 2, впрочем, не предполагает непрерывного использования аппарата теории типов; оно может быть сформулировано и в терминах др. логич. теорий; см., напр., *Предикатов исчисление*.) Средствами М. осуществляется описание свойств выражений исходной теории (и, тем самым, языка-объекта, на к-ром она излагается) и определяются понятия, относящиеся к строению данной предметной теории (напр., аксиоматизируемость теории, доказуемость или разрешимость ее предложений, *непротиворечивость*, *полнота* и *независимость* положенной в основе предметной теории системы аксиом и т. п.); исследование относящихся к этим понятиям проблем применительно к конкретной предметной теории составляет задачу метатеории.

Та часть метатеории, к-рая исследует формальную структуру предметной теории (независимо от к.-л. ее интерпретаций), наз. синтаксич. частью метатеории, или просто синтаксисом (см. *Синтаксис* в логике). Соответственно М., предназначенный для изучения структуры формализованного предметного языка, наз. синтаксич. языком, или языком синтаксиса. Часть метатеории, посвященная исследованию различных *интерпретаций* предметной теории (или выражений языка-объекта), наз. ее семантической частью, или семантикой данной предметной теории (соответственно, языка-объекта) (см. *Модель*, *Семантика* в логике). Семант. понятия характеризуют отношения между элементами из предметной области исследуемой теории и языком-объектом, в к-ром описываются (формализуются) свойства этих элементов и отношения между ними. Примерами таких семант. понятий служат «имя», «истинность», «значение», «выполнимость», «модель». Различение понятий метатеории и понятий исследуемой в ней теории (соответственно, выражений М. и языка-объекта) не проводится сколько-нибудь четко ни в обычном разговорном языке, ни, как правило, в науч. языке. *Тарский* показал, что попытки определения понятия «истинное предложение» в естеств. языке, неизбежно приводящие к антиномиям типа «Лжец», являются результатом сдвига языка-объекта и (часто неявно предполагаемого) М. Формально точное

(и не ведущее к противоречиям) определение истинности предложения может быть построено лишь в М. с конечным числом логич. типов. [Однако, если предикат «истинное (предложение)» присоединить к числу сходных понятий М., то он может употребляться бесконечным и непротиворечивым образом и в М. с бесконечным числом логич. типов]. Четкое разграничение (вообще говоря, содержательного) М. и (как правило, формализованного или хотя бы формализуемого) языка-объекта не только чрезвычайно важно в методологич. отношении [будучи, в частности, необходимым условием корректной постановки таких проблем, как, напр., непротиворечивость и (или) полнота к.-л. дедуктивной теории], но и оказывается весьма плодотворным для разл. приложений анализируемой теории. Так, формализация языков, употребляемых в разл. науках, в качестве языков-объектов, и необходимое для этой цели построение соответствующих М. играют большую роль в лингвистических и логических исследованиях т. н. машинных языков, используемых при программировании задач, относящихся к этим наукам, для решения их на электронно-вычислительных машинах. В процессе формализации различных теорий их М., будучи неформализованными (или частично формализованными) языками, сами могут подвергаться формализации и исследованию в метамета-языке и т. д.

В металингвистич. исследованиях активную роль сыграли логики *львовско-варшавской школы*, а также *Карнап*, *Чёрч*, *Кемени* и *Куайн*. Основнополагающее значение для рассматриваемой проблематики имеют работы Д. Гильберта и *Гёделя*. Успешно работают в этой области мн. сов. ученые.

Лит.: Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, гл. 1; Чёрч А., Введение в математическую логику, т. 1, пер. с англ., [М.], 1960, Введение; Hilbert D., 1934; Woodger J. H., The axiomatic method in biology, L., 1937; его же, Biology and language, L., 1952; Тарский А., Logic, semantics, metamathematics, Oxf., 1956. В. Финн. Москва.

МЕТОД (от греч. μέθοδος — путь исследования, познания, теория, учение) — форма практического и теоретического освоения действительности, исходящего из закономерностей движения изучаемого объекта; система регулятивных принципов преобразующей, практической или познавательной, теоретической деятельности. Напр., в производстве — система приемов изготовления определ. изделий; в педагогике — система воспитательных и образовательных средств; в науке — способы исследования и изложения материала; в искусстве — приемы художеств. отбора, обобщения материала, оценки действительности с позиций определ. эстетич. идеала и воплощения отраженной действительности в образы искусства; в марксистской философии — система положений, категорий и законов диалектического и исторического материализма.

Любое разумное действие вообще подчиняется к.-л. регулятивным принципам. В науке от этих принципов часто зависит судьба исследования. Напр., один и тот же фактич. материал может привести к противоположным выводам при различном к нему подходе. Вот почему можно сказать, что в том смысле, в каком наука определяется как способ истолкования фактов, она совпадает с М. этого истолкования. И это относится не только к естеств. наукам. Еще Лейбниц справедливо усматривал сущность математики не в ее предмете, а в ее М.

Верная картина изучаемого объекта может быть получена лишь при правильном подходе к нему, лишь при верном М. Характеризуя роль правильного М. в научном познании, Ф. Бэкон сравнивал его со све-

тильником, освещающим путнику дорогу в темноте. Он метко сказал: даже хромой, идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги. Нельзя рассчитывать на успех в изучении какого-либо вопроса, идя ложным путем. Именно поэтому Маркс считал, что не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным.

Понятия «правильный М.» и «научный М.» по существу совпадают. Правильный М. вытекает из достоверной, проверенной практикой научной теории. М. лишь тогда является научным, когда он верно отражает объективные законы мира, когда он определяется особенностями предмета исследования, законами его развития, его отраженной в сознании сущностью.

В реальном процессе познания постоянно преодолевается грань между его средствами и его результатом, между теорией и методом. М. находится в неразрывном единстве с теорией: любая система объективного знания может стать М.

По существу М. — это сама удостоверенная практикой теория, обращенная к практике же исследования. Неразрывная связь М. и теории находит свое выражение в методологич. роли науч. законов. Любой закон науки, отражая то, что есть в действительности, вместе с тем указывает и на то, как нужно мыслить о соответствующей сфере бытия; будучи познающим, он в определ. смысле выступает и как принцип, как М. познания. Так, напр., закон сохранения материи и энергии — это методологич. принцип, к-рый требует неукоснительного соблюдения при соответствующих расчетах и теоретич. построениях; рефлекторная теория высшей нервной деятельности служит вместе с тем одним из М. исследования поведения животных и человека. Вообще любое научное положение, закон, категория приобретают методологич. значение, когда они выступают в роли направляющей линии в развитии познания и преобразования мира.

Своими генетич. корнями М. восходит к практич. деятельности. Приемы практич. действий человека с самого начала должны были подчиняться объективной логике тех вещей, с к-рыми он имел дело, т. е. сообразоваться с их свойствами и отношениями. Способы практич. действий постепенно «пересаживались» в голову и превращались в М. познания, мышления. Теперь уже прежде чем приступить к делу, человек мог мысленно представить и результат этого дела, и способ или средства достижения этого результата. Т. о., в ходе истории труд, производство, практика все более теоретизируются, а теория становится все более практически значимой. М. выступает в роли объединяющего начала практики и теории.

В истории науки М. возникали как результаты открытий, создания новых теорий. Искусство открытия, по словам Ф. Бэкона, росло вместе с самим открытием. Формируясь в практике прошлого исследования, М. выступает как исходный пункт последующих исследований.

Процесс науч. исследования осуществляется всегда на основе исторически выработанных М. Никто и никогда не ловил истины «голыми руками», вслепую. Поэтому никак нельзя согласиться с теми, кто считает, «... что в науке нет философской столбовой дороги с гносеологическими указателями...» и что «...мы находимся в джунглях и отыскиваем свой путь, посредством проб и ошибок, строя свою дорогу позади себя, по мере того, как мы продвинулись вперед.» (В о р н М., Эксперимент и теория в физике, в журн.: «Успехи физических наук», 1958, т. LXVI, вып. 3, с. 374). Конечно, ученый действует и путем проб и ошибок; бывает и так, что ища одно, он находит совсем другое; но, «строю дорогу» позади себя, он все же с бо-

лее или менее отдаленной перспективой предусматривает ее направление.

Каким бы научным ни был М. сам по себе, он не предопределяет полностью успеха в исследовании действительности: важен не только хороший М., но и опыт его применения. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы научиться правильно и умело применять научный М.

Конкретно-научные и философские методы. В процессе науч. познания используются многочисленные и весьма разнообразные М., включая и частные приемы, обычно именуемые методикой. Все они применяются либо в более узкой, либо в более широкой предметной области соответственно их степени общности.

Всеобщим М. является *диалектический материализм*. По отношению к нему М. науч. социологии (*исторического материализма*) является частным М., а М. политэкономии, эстетики, языкознания являются частнонаучными по отношению к историч. материализму.

Отличительной особенностью философских М. является их универсальность: они включены в ткань научного познания во всех его сферах. Все положения, категории и законы диалектического материализма выполняют важную методологическую роль. Не подменяя собой конкретно-научного М. познания, философские М. преломляются в них, действуют через них; они указывают общий путь к истине в любой области исследования. Конкретизация философских М. осуществляется в зависимости от характера изучаемого объекта. Напр., принцип *историзма* как универсальный М. преломился в биологии в виде эволюционного учения, а в астрономии — в виде различных теорий происхождения и развития звездных систем (см. *Космогония*), в социологии — в виде диалектико-материалистического учения о развитии человеческого общества и т. д.

Сравнение как весьма общий прием познания в своей конкретизированной форме выступает в различных науках как сравнительный М., напр. в сравнительной анатомии, сравнительном историческом языкознании, в сравнительной психологии.

Наиболее общими М. научного исследования действительности являются эмпирические М., к-рые включают в себя *наблюдение* и *эксперимент*, осуществляющиеся с помощью соответствующей аппаратуры, и теоретические М., к-рым относятся, напр., все М. т. н. дедуктивных наук, наиболее ярким примером к-рых может служить математика. Оба эти типа М. взаимосвязаны и предполагают применение таких М., как *анализ* и *синтез*, абстрагирование (см. *Абстракция*), *идеализация*, *обобщение* и *ограничение*, *восхождение от абстрактного к конкретному*, *индукция* и *дедукция* и др. В совр. научном познании широкое распространение получили М. *анalogии*, М. *моделирования*, М. *формализации*, статистические М. (см. *Статистика*), М. теории вероятности и др.

Каждая сколько-нибудь развитая наука, имея свой особый предмет изучения и свои теоретич. принципы, применяет свои особые М., вытекающие из того или иного повимания сущности ее объекта. Так, М. применяемые при исследовании обществ. явлений, определяются спецификой социальной формы движения материи, ее закономерностями, ее сущностью; точно также биологич. М. должны сообразовываться с сущностью биологич. форм движения материи. Статистич. закономерность, к-рая существует объективно в массе случайных явлений и к-рая характеризуется специфич. взаимоотношением между случайным и необходимым, единичным и общим, целым и его частями, составляет объективную основу статистич. М. позна-

ния. Поэтому обычно в особую категорию выделяют т. н. конкретно-научные, или специальные М.

Спец. М., применяемые в археологии или в географии, могут не выходить за их пределы. А, скажем, физич. и химич. методы применяются не только в физике и химии, но и в астрономии, и в биологии, и в археологии, и в истории, и в искусствоведении. В настоящее время исключительно широкое применение находят математич. М. Многие из них в принципе всеобщы (см. *Математика*). Применение М. одной науки в др. областях знания осуществляется в силу того, что их объекты подчиняются законам этой науки. Напр., физич. и химич. М. применяются в биологии на том основании, что объекты биологического исследования включают в себя в той или иной форме физические и химические формы движения материи. При этом М., характерный для одной области знания, действует в др. областях уже как подчиненный.

Если спец. М. выступают как частные приемы раскрытия закономерностей исследуемых объектов, то философские М. являются приемами исследования тех же объектов, но с т. зр. раскрытия в них всеобщих законов движения, развития, разумеется, по особому проявляющихся в зависимости от специфики объекта. При этом общифилософские М. не определяют однозначно линию творческих поисков истины. И в этом вопросе последнее и решающее слово, в конечном счете, принадлежит практике, жизни.

М. характеризуются определ. свойствами, среди к-рых можно выделить следующие:

ясность, или общепонятность (эффективная распознаваемость);

детерминированность, или отсутствие произвола (последовательность) в применении соответствующих регулятивных принципов, что, в частности, обеспечивает обучаемость данным М.;

направленность, или подчиненность определ. цели (задаче);

результативность, или способность обеспечивать достижение намеч. цели (результата);

плодотворность, или способность давать, кроме намеч. результатов, еще и другие, побочные, но порой не менее важные. (Напр., М. *математической логики*, кроме осн. результата — анализа основной математики, позволили получить целый ряд др. результатов, в частности выработать точное понятие *алгоритма*, что в свою очередь сыграло определяющую роль в решении вопросов конструирования и создания вычислительной техники, а также сделало возможным с помощью понятия «алгоритм» нек-рым образом уточнить и само понятие «М.»);

надежность, или способность с большой вероятностью (в предельном случае всегда) обеспечивать получение искомого результата. (Понятие надежности М. является одним из важнейших в тех областях науки и техники, к-рые основаны на вероятностных расчетах);

экономность, или способность давать результат с наименьшими затратами средств и времени. Так, вопросы разработки наиболее экономных М. управления и промышленного произ-ва являются основными в практике экономич. планирования. Существует даже целый раздел математики — исследование операций, к-рый занимается разработкой математич. аппарата, обеспечивающего решение этих вопросов. Экономность М. тесно связана с его общностью. Напр., *метод аксиоматический*, поднявший науч. мысль на более высокую ступень абстракции, позволил в свою очередь добиться большей экономии во времени и средствах науч. исследования путем выявления общих инвариантных структур в семантических различных системах объектов.

Разумеется, не все указанные свойства присущи каждому М., но чем больше разработан М., тем в большей степени он удовлетворяет перечисленным выше свойствам.

Методол. роль материализма. Идеализм есть ложное воззрение на мир, на место и роль в нем человека и поэтому идеализм, несмотря на то, что нек-рые выдающиеся его представители внесли ценный вклад в развитие науки, философии, искусства и культуры, в целом не может служить методологическим средством научного познания действительности. История науч. познания свидетельствует о том, что достижения в науке осуществлялись не благодаря, а вопреки идеализму. Он в корне враждебен науке: реальные, естественные связи вещей идеализм подменяет вымышленными, сверхъестественными. Тем самым идеализм сбивает науку с верного пути в ее поисках истины.

В вековой борьбе материализма и идеализма немало ученых оказалось на стороне последнего. Даже выдающиеся ученые разделяли и разделяют идеалистич. предрассудки. В их теоретич. концепциях содержится глубокое противоречие между данными науки и их филос. истолкованием.

Как, напр., совместить ценные достижения крупного англ. астрофизика А. Эддингтона с его заявлением о том, что только одна мысль полностью познаваема и что все, что существует, есть мысль? Или же его заявление о том, что будто бы доводы совр. науки дают возможность сделать заключение, что религия стала приемлемой для здравого науч. ума. Очень скоро, по словам амер. астронома Х. Шепли, станет очевидно, что наука в широком смысле слова смогла бы обогатить основы религии и что религиозное отношение могло бы усилить ценность познания. Пространство, время и материя — это, по мнению бурж. философа и физика Ф. Франка, «таинственная троица», не имеющая объективного значения. Только религия, по его мнению, может дать объяснение глубочайшей структуры Вселенной. Гл. смысл этих идей сводится к попытке подчинить науку — как знание о «временном», «преходящем» и «конечном» — истине «вечной», божественной. Все эти рассуждения в корне чужды материалистически убежденному сознанию. По справедливому замечанию П. Ланжевена, напрасно идеалисты ссылаются на новейшие достижения современной науки. «Их идеи взяты совсем не оттуда; они извлечены из старой философии, враждебной научному познанию; ... И когда философы-идеалисты ссылаются на физика-идеалиста, они лишь берут у него обратно те представления, которые когда-то ссудили ему сами» (Избр. труды, М., 1960, с. 657).

В странах империализма все с большей остротой разгорается идейная борьба между прогрессивными и реакц. мировоззрением, между сторонниками материализма и идеализма. Наиболее передовые естествоиспытатели капиталистич. стран, как свидетельствуют примеры Ланжевена, Жолио-Кюри, Бернала и мн. др. ученых, неуклонно переходят на позиции той философии, по пути к к-рой развивалось теоретич. познание в течение мн. веков и к-рая полностью отвечает осн. духу науки. Именно такой философией является диалектич. материализм. Именно он как универсальный М. позволяет, исходя из единых принципов, объяснить как явления объективного мира, так и духовную культуру человечества.

Великая методол. роль материализма заключается в том, что он срывает мистич. завесу сверхъестественности, к-рой обычно прикрывают сложные явления природы, общества и особенно человек. сознания. Всякий раз, когда исследование сталкивается со сложной проблемой, материализм, заведомо исключая все таинственное, сверхъестественное, бо-

жественное, всякого рода чудеса, — ориентирует науку на раскрытие естественных, объективных связей, подлинных причин явлений. Он обязывает ученого оставаться на почве надежно установл. фактов.

Мн. века идеализм мешал плодотворному развитию, напр., биологии. Витализм как разновидность идеализма не дал и не мог дать никакого представления о естеств. принципе эволюции органич. мира. Создание теории эволюции было связано с отказом от виталистич. и религиозных концепций и с выделением из всей массы биологич. фактов в качестве решающей стороны — взаимодействие организма и среды. Эволюц. учение Дарвина дает материалистич. решение вопроса о происхождении и сущности живой природы и целесообразности ее форм. Характеризуя методологическое содержание этого учения, Э. Геккель писал: «Беспросветный туман поэтической мифологии не мог устоять против ярких лучей естественно-научного познания» («Трансформизм и дарвинизм», СПб, 1900, с. 11).

Взгляд на психич. деятельность как на проявление функций души веками пытался удерживать изучение психики на донаучном, индетерминистич. уровне. Напротив, материализм, считающий психику функцией мозга, направлял и направляет усилия исследователей на анализ психич. явлений с т. зр. их причинной обусловленности: «...Прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы» (Ленин В. И., Соч., т. 1, т. 126—27). Под влиянием материализма наука увидела в психике результат деятельности мозга, а сам мозг стала рассматривать как материальный орган мысли, отражающей действительность.

Идеализм сыграл отрицательную роль в развитии обществ. наук. Свойственная идеализму абсолютизация сознания не давала возможности даже великим ученым найти действительные причины обществ. развития, установить определяющие и производные стороны в жизни общества, создать теоретич. основу для предвидения его развития. Формирование науч. социологии было связано с выделением из всей совокупности обществ. явлений материальных, производств. отношений, на основе к-рых только и оказалось возможным понять все др. стороны обществ. жизни, движущие силы истории и осуществить предвидение будущего общества. Материалистич. понимание истории имеет прежде всего методологич. значение. Это своего рода алгебра историч. развития, к-рая указывает не на причины отд. явлений, а на то, как нужно подходить к раскрытию причин и движущих сил историч. событий. Давая научное объяснение происхождения идей, Маркс писал, что их необходимо вывести «...из данных отношений реальной жизни... Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод» («Капитал», т. 1, 1955, с. 378, прим.).

Наука материалистична по самой своей сущности. То, что в ней нематериалистично, — не научно. «В основе всей научной работы, — писал В. И. Вернадский, — лежит единое аксиоматическое положение о реальности предмета изучения науки — о реальности мира и его закономерности... Только при признании этого положения возможна и приемлема для человека научная работа. Эта аксиома признается всяким научным исследователем. Ученый бросает научную работу, и она теряет для него значение, когда для него является сомнение в этом аксиоматическом положении» [О жизненном (биологическом) времени, 1931, см. Архив АН СССР, ф. 518, оп. 1, ед. хр. 156, л. 10, цит. по журн.: «Вопр. филос.», 1963,

№ 5, с. 107]. Поэтому идеализм остается за порогом действительной науки, каких бы философских взглядов ни старался придерживаться тот или иной ученый.

Вопрос о материализме и идеализме не сводится к одному лишь признанию или отрицанию объективного мира. Важнейшее значение имеет также отношение к объективности знаний о мире, к истолкованию их происхождения и критерия достоверности. Последовательное проведение материализма предполагает умение в любом исследовании четко отделять объективное от субъективного, реальные процессы от их истолкования, объект исследования от средств и форм его познания; предполагает умение видеть в наших знаниях их определяемое внешним миром объективное содержание. Идеализм же рассматривает теоретич. положения науки, содержание наших знаний всего лишь как более или менее произвольные конструкции ума. Это ведет к ограничению познавательного процесса рамками «внутреннего мира» ученого. Отрицание объективной истинности познания так или иначе выступает тормозом в развитии науки. Оно способствует догматизации достигнутого уровня науки, заставляет порой усматривать в нек-рых науч. законах вечные принципы, будто бы вытекающие из природы познавательных способностей человека. На этом зыбком основании иногда отвергаются новые науч. идеи, противоречащие привычным понятиям. Между тем ученый не имеет права считать себя свободным от обязательства быть верным объективной логике исследуемых вещей. За пределы науки выходят как раз те конструкции ума, к-рые не имеют ничего общего с действительностью: субъективные намерения ученого должны состоять в том, чтобы быть объективным. Уроки истории науки таковы: идея о том, что «все содержание знания извлечено из объективного мира и более или менее верно отражает его», всегда оказывалась правильной. Идея же о том, что научные теории — «конструкции чистой мысли», всегда оказывалась в конечном счете ложной. По мнению Планка, история физики убеждает нас в том, что задача построения физической теории решалась всегда лишь на основе допущения реального мира, независимо от человеческого восприятия. Т. о., материальность мира — это та предпосылка, к-рая вольно или невольно всегда витает перед умственным взором ученого.

Диалектика как всеобщая методология научного познания. Материализм может выполнять свою роль последовательно научного М., лишь опираясь на диалектику. Поэтому методологич. значимость материализма выявляется в полную меру лишь в диалектич. материализме. Единственно науч. филос. М. познания и преобразования действительности является материалистич. диалектика, «... ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1955, с. 22).

Метафизич. материализм страдает непоследовательностью, односторонностью, и поэтому он всегда ведет в конечном счете к необходимости признания некоего первотолчка как источника движения, т. е. к идеализму (см. *Метафизика, Механицизм*). По словам Энгельса, презрение к диалектике не остается безнаказанным; оно наказывается тем, что самые трезвые эмпирики становятся жертвами самых диких суеверий (см. там же, с. 36).

Метафизич. М. зачастую является источником неверной интерпретации тех или иных фактов, положений науки. Напр., в физике в течение мн. веков имела место неверная интерпретация соотношения материи,

пространства и времени, считалось, что пространство и время, хотя существуют объективно, но никак не связаны с материей. Пространство, время и материя мыслились метафизически — как существующие сами по себе. Средствами диалектич. мышления была выдвинута идея о том, что пространство и время — это формы существования материи и находятся в ней в неразрывном единстве. Это нашло свое последующее подтверждение в *относительности теории*. Т. о., в общей постановке вопроса диалектич. М. ошердил конкретные исследования.

Развитие всех областей совр. науки властно диктует необходимость именно диалектич. способа мышления. Это и понятно: застывшие категории метафизич. мышления не могут быть адекватными образами текущей действительности. Бесконечное качеств. многообразие и неоднородность единого материального мира отражаются в совр. диалектичной науч. картине мира. При переходе от макромира к микромиру или к мегамиру скачкообразно изменяются мн. осн. свойства и закономерности, к-рым эти миры подчиняются. Качеств. многообразие космич. объектов проявляется в их различном физич. состоянии — разнообразии процессов физико-химич. превращений, богатстве структур. Если прежде астрономия рассматривала Вселенную гл. обр. в статике, то благодаря новым открытиям стало возможным рассматривать ее в эволюции. В области химии прежняя картина строения вещества: атом — молекула — макротело, сменялась новой картиной: атомы, молекулы, радикалы, ионы, комплексы, мицеллы, микромолекулы и т. д. Различные виды частиц — это последовательные уровни развития материи. Достижения химии в исследовании строения вещества подтверждают и развивают мысль Энгельса о диалектич. сущности новой атомистики, к-рая «... отличается от всех прежних тем, что она не утверждает, будто материя т о л ь к о дискретна, а признает, что дискретные части различных ступеней ... являются различными у з л о в ы м и т о ч к а м и, которые обуславливают различные к а ч е с т в е н н ы е формы существования всеобщей материи...» (там же, с. 236).

Современная наука проникает в сферу все более опосредованных и отдаленных связей, напр. мегамира и микромира, неживой и живой формы организации материи, информационных процессов в кибернетич. машинах и в мозгу.

Ученый применяет или должен применять в своем исследовании диалектику, потому что этого требует сама диалектич. природа любого объекта познания. Диалектич. М. оправдал себя как эффективное средство исследований прежде всего в области обществ. наук. Марксу, Энгельсу и Ленину удалось разработать свое учение о законах развития общества благодаря тому, что они мастерски применили к его исследованию диалектич. М.

Диалектика как М. есть логика содержания т е л ь н о г о т в о р ч. м ы ш л е н и я. Будучи сознательно положенной в основу теоретич. мышления, материалистич. диалектика освобождает ученого от тщетных поисков сверхъестеств. сил в объекте познания, от субъективного произвола в подборе и объяснении фактов, от односторонности в подходе к исследованию. В диалектике все проблемы приобретают исторический характер. Результат развития никогда не может быть оторван от самого процесса развития. Поскольку современные науки все глубже изучают свои объекты в их развитии (что прежде всего отличает науку 20 в. от прежней науки), постольку М. ее теоретической «стратегии» неизбежно становится диалектика.

Противоречие возводится ныне самым ходом развития науки в орудие познания мира, в руководящий

принцип исследования. По словам Н. Бора, в каждом новом шаге физики, к-рый, казалось бы, однозначно следовал из предыдущего, Эйнштейн отыскивал противоречия, и противоречия эти становились импульсом, толкавшим физику вперед. По признанию Н. Бора, лишь благодаря диалектическим приемам мышления ему удавалось в своих исследованиях преодолеть ограниченные рамки позитивистской философии.

Нельзя, конечно, думать, что диалектически мыслит только тот ученый, к-рый изучил диалектику. Диалектика — это неотъемлемое свойство всякого творческого мышления, хотя и проявляющееся у людей в разной степени. Но одно дело стихийная диалектичность мышления и другое — сознательное применение диалектики, ее законов и категорий как методологических принципов. Конечно, одно сознательное пользование принципами диалектики само по себе еще не гарантирует научные достижения; для последних нужно еще и многое другое — прежде всего творческие способности, знания, опыт, владение фактами и т. д. Сознательное применение диалектики дает возможность правильно пользоваться понятиями, учитывать взаимосвязь явлений действительности, их противоречивость, изменчивость, возможность перехода противоположностей друг в друга. Она говорит о необходимости «бездыши оттенков подхода» к действительности, предупреждает от абсолютизации и омертвления понятий, указывает на необходимость их гибкости и подвижности, соответствующих всей сложности и изменчивости отражаемых в них предметов. Диалектика — это М., к-рый не терпит застоя и не налагает никаких ограничений на познание и его возможности; неудовлетворенность достигнутым — его стихия; революционная активность — его суть.

Для применения диалектики необходимо глубокое знание конкретных фактов. Только в результате тщательного изучения каждой конкретной ситуации она может быть понята и правильно оценена, выяснена линия действия. Материалистич. диалектика не подменяет специальные М. исследования. Она в каждой науке выявляет всеобщие принципы и дает знание о целом, знание о всеобщих законах развития природы, общества и мышления, к-рые являются в то же время и законами познания мира. Применение диалектики — творческая задача. Образцы пользования М. материалистической диалектики содержатся в трудах ее великих творцов — Маркса, Энгельса, Ленина.

Историч. очерк. М. как форма познания и практич. отношения к действительности возникает на исторически определен. этапе развития науки и философии. Общая тенденция развития философии, как и науки, заключается в движении от умозрит. конструирования сущности вещей, определяющих их связей и отношений к раскрытию действит. содержания процессов и явлений объективного мира. Когда теоретич. осмысление мира идет в отрыве от практич. его преобразования, то спекулятивные, идеалистич. конструкции неизбежны, а теория не может выступить как М. овладения предметом. С др. стороны, практика эмпирич. действий с предметом, поскольку она не основывается сознательно на знании его сущности, также не есть еще М. овладения предметом, но лишь совокупность извлеченных из опыта правил, к-рые ограничивают отношение к предмету наличным опытом и тем самым затрудняют дальнейшее познание его. М. есть орудие развитой науки, проникшей в сущность. связи и отношения своего предмета, познающей законы его развития и использующей эти знания для практич. овладения им. Иными словами, научная теория является предпосылкой М. Именно это — научное, материали-

стич. содержание теории Ленин рассматривал как критерий, отличающий научный М. от умозрит. конструирования объекта, к-рое он называл метафизикой. Такое конструирование есть «... самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли а priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными» (Соч., т. 1, с. 126). И Маркс, и Ленин связывали возникновение М. с развитием материалистич. теории. Такое понимание вытекает из диалектики соотношения логического и исторического. Поскольку теория есть отражение предмета во всеобщей логич. форме, очищенной от случайностей, то теоретич. знание не может быть исторически первым, но, как свидетельствует история науки, является относительно поздним результатом развития человек. практики. Историч. богатство практики является в то же время и ее историч. ограниченностью, точнее историч. ограниченностью условий ее формирования, вследствие к-рой осознание всеобщих законов действительности хотя по источнику зависит от практики, но в истории познания в течение длит. периода протекает в обособленной от нее форме теоретич. познания. Такое обособление оформляется и закрепляется обществ. разделением труда. Развитие обществ.-исторической практики с необходимостью ведет к постепенному преодолению этого обособления, в ходе к-рого практика все более теоретизируется, теория же конкретизируется. Формой сближения практики и теории выступает М.

Особенно отчетливо такой характер процесса развития М. как формы соотношения теории и практики виден в истории философии. Поскольку предметом ее являются наиболее общие законы развития мира, постольку и обособление филос. теории от практики проявляется особенно отчетливо, а процесс их схождения необходимо опосредствован прогрессом сближения практики и конкретных наук. Философия становится орудием переделки мира, только когда она выступает как обобщенный М. по отношению к конкретному содержанию частных наук. Философия развивалась путем преодоления шаг за шагом несоответствующих ее предмету притязаний на непосредств. теоретическое истолкование частных объектов, выявления объективной логики развития вообще и создания на этой основе М. построения всякого научного знания как пути достижения объективной истины.

История научного познания начинается с рассмотрения реального и конкретного в их непосредств. действит. целостности. Таковы историч. описания Геродота, Фукидида, такова же физич. картина мира античных натурфилософов 6—4 вв. до н. э. С теоретич. т. зр., эти описания основываются на «хаотическом представлении о целом», по словам Маркса (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 12, с. 726). В таком представлении предмет характеризуется как нек-рое качеств. единство. Однако, поскольку здесь еще не выявлены составные части, к-рые образуют это целое, предмет не раскрывается в своей сущности, вследствие чего оказываются размытыми, неясными его определения. Тем не менее уже в этих наивных теориях очевидно намерение объяснить устройство мира, скрытое за поверхностным восприятием его. Так, ээаты подчеркнули это различие сущности и явления, назвав свою теорию единого «миром по истине», в отличие от чувственного многообразия — «мира по мнению». Демокрит создал систему натурфилософии, в к-рой исходное понятие первоэлемента — неделимого (атома) выступило не только в качестве физич. принципа построения мира, но и как логич. начало истолкования его (мира) «механизма». Т. о., он получил логику многообразия вещей, а с ними и движения,

как логику сочетания атомов, к-рое он обозначил как причинность. Тем самым логика движения атомов стала впервые в философии М. познания мира. Благодаря этому различие «мира по истине» и «мира по мнению» получило у Демокрита методологический смысл. Тем не менее философская теория Демокрита как и его М. оставались еще в рамках натурфилософии, и вопрос о познавательном отношении человека к миру здесь не ставился как философская проблема.

Сократ поставил в центр филос. проблематики вопрос о всеобщем как специфич. категории знания. Платон, придав взглядам Сократа форму филос. системы путем создания теории идей, или идеальных сущностей, истолковал сократич. М. как путь движения мышления от низших понятий к высшим, различив два рода знания: разумное познание сущности и мнение. Первое в свою очередь разделяется на научное знание, исследующее саму сущность, т. е. идеальные первоначала, и познание посредством рассуждения. Последнее принимает идеальные предметы за предположения и делает из них выводы, не восходя к первоначалам (так обстоит дело, напр., в геометрии). Т. о., Платон понял, что научное познание означает познание сущности предмета. Однако он противопоставил изучение сущности как самостоят. «предмета» изучению конкретно-материальных вещей, как, с его идеалистич. т. зр., чего-то ничтожного. Поэтому М. у Платона был по существу чисто дедуктивным. Аристотелю принадлежит первая попытка определения предмета и содержания логики как филос. науки о мышлении. У него нет и намека на гносеологизм нового времени. Мышление ни в какой мере не противопоставляется им бытию, так что соответствие мысли объекту выступает у него в качестве критерия истины непосредственно. Поэтому проблема соотношения общего и единичного принимает у него значение объективной логики взаимосвязи вещей. Но именно вследствие этого единичное и общее были в его философии определены как два «рода сущего». Такая «рядоположность» объективной реальности конкретных тел и общих законов совпадала с экстенсивным, «классификаторским» характером совр. ему науки, в к-рой отсутствовала еще конкретно-научная теория естеств. процессов. Поэтому анализ сущности вещей и процессов велся все еще в плане умозрительно-философском. В такой ситуации в качестве М. у Аристотеля выступил способ упорядочения и согласования материала науки с т. зр. логики координации и субординации статич. форм отношения объектов. М. оказалась способом получения знания из уже имеющегося знания, т. е. способом приобщения к уже имеющемуся знанию (см. Аналитики, Вторая аналитика, I,1). Если в качестве органа, т. е. М. доказат. сообщения наличного знания, у него выступает формальная логика, то его умозрит. содержит анализ идет диалектически, но выработать диалектич. логику как М. он оказался не в состоянии. Т. о., логика Аристотеля имеет двойственный характер: она положила начало формальному подходу к анализу знания, нахождению критериев соответствия знания знанию. Но одновременно Аристотель пытался определить пути достижения нового знания, совпадающего в своем содержании с объектом.

Возникновение М. научного познания связано с развитием опытной науки нового времени. Разработка физико-математич. основ механики, ставшей теорией производств. практики, получила обществ. значение универсальной естественнонаучной картины мира, к-рая явилась отрицанием натурфилософии и «метафизики» в старом смысле филос. науки о «сущем». Новая философия понималась как общая теория преобразования мира в интересах человека. Поэтому М.

становится гл. и осн. содержанием философствования эпохи. Напр., Ф. Бэкон прямо решает в своих кн. задачу построения детализир. М., к-рый мог бы быть программой научно-практич. исследования. Наука должна исходить из анализа, наблюдения и экспериментов, восходя к познанию причин, законов, простейших элементов («натур» и «форм»). Способом такого восхождения является индукция, именуемая им выведением, или порождением, аксом из опыта. Галилей, отвергая попытки схоластов найти истину путем сопоставления текстов авторитетов, разработал и применил в практике своих научных исследований М. рациональной обработки опытных данных. Характерной особенностью М. у Галилея является сочетание опыта наблюдений и эксперимента с точным математич. анализом и количеств. выражением полученных в опыте результатов. Декартовский М. является следствием его учения о мире; в этом М. механич. мировоззрение тесно связано с признанием реформированной математики единств. средством познания мира. Причем математика берется со стороны ее М. и практич. значения, а не как учение о количеств. отношении. Здесь Декарт отвергает схоластику, к-рая учит «... рассуждать о том, чего не знаешь, вместо того, чтобы изучать это» (Избр. произв., М., 1950, с. 171). Логика создания научной теории на основании экспериментов и постановки новых экспериментов на базе опытной теории составляет содержание нового научного понятия М. Научный эксперимент явился исторически первой формой единства теории и практики. Такое огранич. понимание практики имело существ. значение в том, как складывались взаимоотношения науки и философии. Человек как субъект познания, носитель опыта, оказываясь, с этой т. зр., за пределами практики, и тем самым абсолютизировался. В идеалистич. философиях он выступал как абсолютное сознание, а в материалистич. сенсуализме — как робинзон, абсолютный индивид, сознание к-рого начало определялось особенностями его физич. организации. И в том и в другом случае философия выступала как гносеология, т. е. теория знания, исходящая из противопоставления абс. субъекта столь же абс. объекту. Этот период в развитии науки с т. зр. М. может быть охарактеризован, по Марксу, как период аналитич. восхождения к абстрактным определениям (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, с. 726). На этом аналитич. пути закладываются абстрактные теоретич. основы всех совр. наук. Но именно в силу абстрактности этих аналитич. определений предмет науки оказывается объясненным в них как застывший, раз навсегда данный. Вот почему «перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления» (Энгельс Ф., там же, т. 20, с. 24). Историч. ограниченность этого этапа развития науки и научного М. обнаружилась в проблеме происхождения, к-рая неизбежно оказалась вне досягаемости аналитически-экспериментальных М. конкретных наук. Поэтому последние оказались не в состоянии выработать собств. «начала» и «принципы». Ими занималась философия, к-рая именно в силу «трансцендентности» этих принципов конкретным границам науки, конструировала принципы умозрачительно.

В критич. М., созданном Кантом, сделана попытка преодолеть догматизм метафизики 17 в. Попытка эта выросла из протеста против метафизич. манеры философствования, связанной с некритич. принятием ньютоновской механики как модели теоретич. построения мира вообще. Выступив в докритич. период своего творчества как исследователь проблем естествознания и философии природы с ньютоновских позиций, Кант столкнулся с рядом универсальных противоречий,

к-рые были потом сформулированы им в «Критике чистого разума» в виде антиномий разума. Эти антиномии Кант рассматривал как признак выхода разума за пределы возможного для него опыта. Понятие опыта приобрело у Канта полностью субъективное содержание, так что критерием отнесения факта к области опыта оказалась логика. Но тогда и пределы опыта необходимо определялись субъектом — отсюда априоризм Канта. Критич. М. и состоял в том, чтобы указать правила, по к-рым разум определяет границы своей применимости. Хотя Кант рассматривал противоречия как признак границы, за пределами к-рой разум уже не может добыть содержание знания, тем не менее в такой отрицат. форме Кантом была сформулирована идея об имманентной противоречивости объективного мира. Гносеологизм Канта существенно подорвал односторонность и эмпиризма и рационализма, однако привел к изоляции М. от содержания теории объекта. Проблема совпадения логики развития познания с объективной логикой действит. мира была на идеалистич. лад решена Гегелем. «Метод может ближайшим образом представлять только в идом или с п о с о б о м познания, и он на самом деле имеет природу таковую» (Гегель, Соч., т. 6, М., 1939, с. 298). Он выполняет эту функцию только в силу того, что основывается на системе истинного знания, возникает как само себя знающее понятие, а сама истина является процессом. Т. о., по Гегелю, «... метод есть сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания» (там же, т. 5, М., 1937, с. 33). Сила М. состоит в том, что он не терпит ограничений, в познании «... поставлен как о р у д и е, как некоторое стоящее на субъективной стороне средство, через которое она соотносится с объектом» (там же, т. 6, с. 299). Таким объектом Гегель считал абсолютную идею, заключающую в себе всю полноту развития. Гегель называл свой филос. М. спекулятивным, или диалектическим. Диалектика — это не субъективная характеристика предмета, а его внутр. содержание. Истинный М. должен образовывать систему содержания знания, и, наоборот, всякая система знания, имеющая объективный характер, становится М. Гегелевский М. — идеалистич. диалектика — при всей своей непоследовательности выявил с определенностью, что М. есть форма теоретич. и практич. отношения к действительности, исходящего из закономерностей ее собств. развития, и что в качестве такого М. может выступить только диалектика, диалектич. логика. Вот почему Энгельс имел полное основание заявить, что гегелевская философия «... и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 285).

В середине 19 в. наступил новый этап в развитии науки. Обозначился решит. поворот от аналитич. замкнутых систем к синтетич. системам, центральной проблемой к-рых оказалась проблема происхождения, развития. Принцип развития, положенный в основу этого направления, придавал исследованиям синтетич. характер, к-рый потребовал нового логич. подхода к предмету научного познания. Необходимость такого подхода вытекала из нового типа отношения теории и практики, формировавшегося в науке начиная с 19 в. Связь науки с производством приобретала форму, в к-рой наука все более выступала как производитель. сила. В этих условиях эксперимент, хотя и сохранил свое значение в научных исследованиях, однако утратил значение абс. критерия сопоставления результатов науки с действительностью. Изменился качественно и характер связи науки с философией.

Становление философии как М. познания сущности развития материального мира завершилось созданием материалистич. диалектики. Этот процесс явился

вместе с тем качеств. преобразованием философии как науки. «Теперь задача в той и в другой области (в области изучения природы и истории. — *Ред.*) заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах. За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика» (Энгельс Ф., там же, с. 316). При этом имеется в виду, что диалектика есть наука «...об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны...» (там же, с. 302). Преобразование философии явилось, таким образом, следствием развития современной науки, поскольку она охватила существенное содержание осн. форм движения материи и тем самым не оставила места спекулятивным натурфилос. построениям. Но предметы многообразных отраслей совр. науки обнаружили по своей сущности как диалектич. процессы развития. Иными словами, диалектика не явилась изобретением Гегеля или Маркса, а выявилась сущест. содержанием форм движения объективного мира. В совр. бурж. философии противоречие между стихийной диалектикой, все более проникающей в науку, и тенденциями к формализации, порожденными узкой специализацией наук, в к-рой выражается влияние на науку капиталистич. разделения труда, проявляется в виде двух осн. тенденций. С одной стороны, выступают различные формы иррационализма — «философия жизни», неогегельянство, интуитивизм. Отказываясь от рационалистич. диалектики Гегеля, они трактуют действие, практику как активность духа, принципиально выходящую за рамки рационального познания. Отсюда сама наука изображается как форма жизни духа (*Литт, Кроче, Дильтей*). В филос. системах этого толка проблемы М. рассматриваются как второстепенные, производные по отношению к теориям разума, интуиции. Значительно большее распространение получили в совр. бурж. философии различные направления неопозитивизма («логический анализ», «логический позитивизм», «философия науки», «лингвистический анализ» и др.). В центре внимания этих филос. систем находится вопрос о М. науки. Исходя из логич. структуры математики как из образца, неопозитивизм пытается построить логику научного знания вообще. В этом он видит единств. предмет философии. Т. о., для него М. выступает способом сопоставления знания со знанием же. Камнем преткновения для неопозитивизма оказалась проблема отношения знания к объективности, в особенности проблема критерия истины. Именно принципиальная неразрешимость этой проблемы в том теоретич. направлении, в к-ром движется неопозитивизм, привела его к глубокому кризису, сущность к-рого состоит в том, что формализация представляет для совр. науки лишь один, и не основной, момент, абсолютизация к-рого неизбежно ведет к фактич. потере предмета научного исследования как целого. Разработка теории различных аспектов единого объекта, когда она ведется на уровне познания его сущности, неизбежно вовлекает науку в область познания его как целого, как единой системы взаимодействия. Однако трудности в синтетич. изучении объекта знания, к-рые вызваны совр. дифференциацией и специализацией наук, приводят к тому, что научные М., разрабатываемые в условиях неизбежно искусств. изоляции предмета от его объекта как целого, оказываются формалистичными, что накладывает свой отпечаток на самую возможность создать конкретно-всеобщую содержат. теорию объекта. Эта трудность в конечном счете коренится в непонимании значения материалистич. диалектики как единств. конк-

ретно-всеобщего М. Потребность в таком М. ощущается всеми отраслями совр. науки. Содержат. теория и М. в совр. науке возможны только как теория и М. историч. развития объекта. Единство материального мира своим содержанием имеет всеобщее взаимодействие конкретных видов его движения. Поэтому качеств. специфика этих видов движения своей оборотной стороной имеет их преемственность, взаимообусловленность. Отсюда следует, что изучение структуры любого конкретного объекта может вылиться в его содержат. теорию, только если рассматривается история его развития, причем не в ее эмпирич. протекании, а во всеобщих, т. е. логических, характеристиках. Последние есть объективно-диалектич. закономерности. И как бы ни были качественно разнообразны процессы и явления материального мира, тот факт, что все они суть продукты историч. взаимосвязи, свидетельствует о содержательно-всеобщем значении диалектики, как логики историч. развития вообще. Т. о., в развитии совр. науки отчетливо выявилось соотношение конкретных М. специальных наук и общепилос. М. Первые выступают как особенные формы раскрытия сущности конкретных объектов, второй как М. овладения сущест. содержанием тех же объектов, но во всеобщей форме законов и категорий развития вообще, качественно по-особому проявляющихся в каждом конкретном предмете, т. е. законов и категорий диалектики. Именно в этом смысле диалектика, являющаяся логикой и теорией познания процесса развития, выступает как единственно возможный общепилос. М. См. *Логика диалектическая, Логическое и историческое, Противоречие, Наука* и лит. при этой статье.

П. Копнин. Киев, М. Туровский. Москва.

МЕТОД АКСИМАТИЧЕСКИЙ — способ построения теории, при к-ром в ее основу кладутся некоторые положения — *аксиомы* или *постулаты*, — из к-рых все остальные положения теории (теоремы) выводятся путем рассуждений, называемых *доказательствами*. Правила, по к-рым должны проводиться эти рассуждения, рассматриваются в логике — в учении о дедукции; все понятия, с к-рыми имеют дело в доказательствах (кроме небольшого числа первоначальных понятий), вводятся на основе *определений*, разъясняющих их смысл через ранее введенные или известные понятия. Науки, к-рые строятся на основе М. а., называются *дедуктивными*; к последним в настоящее время относятся математика, а также нек-рые разделы логики и физики (в частности, механика), тесно связанные с математикой.

М. а. возник в др.-греч. геометрии, идущей от *Фалеса, Пифагора* и *Платона*. В антич. науке он достиг кульминации в соч. *Эвклида* «Начала», в к-ром излагается построение значит. части известной тогда геометрии на основе этого метода. В качестве аксиом при этом выбирались предложения, по возможности наиболее очевидные в силу пространств. интуиции. Стимулом к развитию М. а. послужило, по-видимому, стремление придать в сем положениям геометрии эту же степень очевидности, что было связано с убеждением в безупречности тех приемов рассуждения, к-рые применяются в доказательствах. Рассуждения в геометрии и др. разделах математики необходимы — без них невозможно разобратся в сложных соотношениях между изучаемыми объектами. Введение М. а. открывало возможность упорядочения рассуждений и на этой основе устранения ошибок типа порочного круга, представляющих большую опасность в запутанных случаях. Кроме того, М. а. способствовал выяснению логич. связей между изучаемыми понятиями и придавал изложению науки строгость. Поэтому в дальнейшем неоднократно предпринимались попытки строить на основе М. а. и др. науки: философию (*Спиноза*),

этнологию (Вико), политическую экономию (Родбертус), а также различные разделы физики. В наст. время известны попытки использования М. а. в биологии (англ. биологом Дж. Вуджером).

Сфера применения М. а. ограничена теми науками, в к-рых понятия имеют стабильность, достаточную для применения к ним четких предписаний формальной логики, а плодотворность М. а. проявляется лишь тогда, когда надлежит разобраться только в отношениях между понятиями. В противном случае самая ответственная часть решения задачи выпадает на долю *экспериментов и наблюдений*, рассуждения же играют уже подчиненную роль. По этой причине попытки применения М. а. в философии (к-рая по самому существу занимается неформальным анализом понятий, при к-ром их нельзя рассматривать как стабильные), а также в науках, тесно связанных с наблюдениями, большого успеха не имели. Говоря о развитии М. а., можно поэтому ограничиться М. а. в математике и *математической логике*.

М. а. в математике прошел три стадии развития. Первая связана с появлением М. а. в антич. построении геометрии, к-рой представлялся здесь в виде нек-рого идеала. Однако М. а. не был достаточно разработан ни в «Началах» Эвклида, ни в к.-л. др. работе до 2-й пол. 19 в. Не существовало точного описания того, что следует понимать под логич. доказательством, и в рассуждения, наряду с силлогизмами, вторгались ссылки на геометрич. очевидность. Это относится особенно к утверждениям, связанным с непрерывностью геометрич. образов и их взаимным расположением в пространстве. С другой стороны, не было отчетливости во введении понятий. Введение первонач. понятий сопровождалось, напр. у Эвклида, различными разъяснениями, выглядевшими как попытки определения.

Роль М. а. в математике начала особенно возрастать после того, как в сер. 19 в. *Лобачевским* и венг. математиком Я. Бойай была показана возможность строить геометрию на аксиомах, отличных от эвклидовых. С этого времени можно говорить о второй стадии в развитии М. а. Появилось много геометрич. и алгебраич. теорий, к-рые строились на основе М. а. *Пеано* первый предпринял (1889) далеко идущую попытку аксиоматизировать арифметику, впоследствии углубленную нем. ученым Д. Гильбертом и его учениками. В этот период происходило устранение недостатков, присущих М. а. др.-греч. ученых. В геометрии они были устранены в работах Паша, Гильберта и др. В конце 19 — нач. 20 вв. различные разделы математики подвергались аксиоматизации, причем в построении этих аксиоматич. систем участвовали (по большей части неявно) теоретико-множеств. концепции. С помощью последних первонач. понятия различных областей математики сводились к арифметич. понятиям, для которых в свою очередь была предложена теоретико-множеств. интерпретация. Т. о., практически вся математика была объединена на основе теории множеств *Кантора*. После того как последняя была аксиоматизирована (нем. математики Э. Цермело, 1908; А. Френкель, 1922—25), можно было считать, что М. а. распространился на всю математику. Параллельно шло развитие математич. логики, в к-рой М. а. также играет большую роль.

Разработанная Гильбертом (1899) совр. аксиоматизация геометрии позволила нем. математику Ф. Клейну и Пуанкаре доказать н е п р о т и в о р е ч и в о с т ь геометрии Лобачевского — Бойай относительно геометрии Эвклида. Это доказательство, основанное на важной идее *интерпретации* (или *модели*) аксиоматич. теории, состояло в указании способа истолкования понятий и предложений этой неэвклидовой геометрии в терминах эвклидовой. Метод интерпрета-

ции, предложенный Клейном — Пуанкаре для относительного доказательства непротиворечивости (или, как иначе говорят, для доказательства относительной непротиворечивости) геометрии Лобачевского — Бойай (т. е. для доказательства того, что эта геометрия непротиворечива, если непротиворечива др. известная теория, — в данном случае эвклидова геометрия), с тех пор получил широкое применение в основаниях математики и математич. логике для доказательства относительной непротиворечивости математич. и логич. теорий.

Следует подчеркнуть, что в указ. доказательствах речь идет о доказательстве непротиворечивости системы аксиом. Вопрос о том, в какой мере данная система аксиом (напр., система аксиом Гильберта) точно соответствует тому, что обычно подразумевается под геометрией, оставляется при этом в стороне: это вопрос об отношении аксиоматич. теории к нек-рой области познания. О точности этого соответствия мы судим уже не на основании средств самого М. а., а при помощи критериев, носящих практический (в широком смысле) характер, а именно критериев, учитывающих успешность отображения в рассматриваемой аксиоматич. теории интересующих нас фактов из изучаемой области (в нашем примере — элементарной геометрии).

С идеей интерпретации тесно связана др. важная для 2-й стадии развития М. а. (конец 19 — нач. 20 вв.) идея, к-рая состоит в том, что предметом изучения всякой аксиоматич. теории служит любая ее интерпретация. В самом деле, если все теоремы получаются из аксиом путем чисто логич. заключений, без использования к.-л. свойств понятий, кроме тех, к-рые содержатся в определениях и аксиомах, то, ввиду того что аксиомы во всякой интерпретации должны выполняться, теоремы данной аксиоматич. теории, в применении к рассматриваемой интерпретации, также могут быть доказаны путем соответствующих логических заключений. В этой концепции стирается грань между аксиомами и определениями. С одной стороны, вместо того, чтобы вводить к.-л. новое понятие посредством определения, можно присоединить его к числу первоначальных понятий и добавить соответствующую этому определению аксиому. Напр., вместо определения «ромб есть четырехугольник с равными сторонами», можно ввести понятие «ромб» в качестве первоначального, добавив аксиому: «четырёхугольник является ромбом в том и только в том случае, если все его стороны равны»; класс доказуемых предложений — аксиом, определений и теорем — от этого не изменился бы (если игнорировать нек-рую несущественную для математики формально-грамматич. разницу между формулировками определения и аксиомы). С др. стороны, все понятия можно с помощью определений свести к первоначальным, и тогда в формулировках аксиом окажутся только первонач. понятия, соединенные логико-грамматич. связками. Т. к., кроме аксиом, при выводе теорем мы никакими др. свойствами первонач. понятий в рамках данной аксиоматич. теории не вправе пользоваться, то на аксиомы можно смотреть как на неявные определения первонач. понятий. Правда, при этом сохранится различие между явными и неявными определениями (см. *Определение*).

Теперь на аксиомы уже не следует смотреть, как на очевидные предложения. Аксиомы, согласно рассматриваемой концепции М. а., — это неявные определения первоначальных понятий. Вместо данных аксиом мы могли бы принять другие; тогда мы рассматривали бы др. аксиоматич. теорию, к-рая считается эквивалентной данной, если классы доказуемых предложений в обеих теориях совпадают.

Новый взгляд на аксиомы привел к расширению применимости аксиоматич. теорий, поскольку, помимо естествен. интерпретации, к-рая имеется в виду при по-

строении каждой такой теории, последняя применима и ко всякой др. интерпретации. Так, естеств. интерпретацией для аксиоматич. элементарной геометрии служат точки, прямые и т. п. объекты наглядно воспринимаемого пространства, связанного с физич. действительностью. Но, помимо изучения этой интерпретации, аксиоматич. геометрия дает нам теперь теоремы, относящиеся, напр., к арифметич. интерпретации. Применение в классич. разделах математики таких абстрактных аксиоматич. теорий, как теория групп или полей или теория топологич. пространств, основано именно на методе интерпретации. В данном случае метод интерпретации содействует объединению различных разделов математики на основе абстрактных аксиоматич. теорий.

В связи с аксиоматич. теориями возникает ряд задач общелогич. характера; рассмотрение этих последних содействовало дальнейшему совершенствованию М. а. и привело к возникновению 3-й стадии в его развитии. Важнейшие из этих задач — доказательство *непротиворечивости*, а также *полноты* данной аксиоматич. теории. Теория должна быть непротиворечивой, потому что в случае наличия в ней противоречия она не имеет интерпретаций и потому беспредметна. Полнота теории означает, что всякое предложение, к-рое можно в ней сформулировать, можно в ней доказать или опровергнуть, т. е. вывести из аксиом само это предложение или его отрицание. Полнота теории имеет несколько меньшее значение, чем непротиворечивость, поскольку и неполная теория может давать важные сведения об изучаемых ею объектах. С проблемой полноты до нек-рой степени связана другая проблема — проблема разрешения (см. *Разрешения проблемы*), состоящая в нахождении метода, позволяющего установить, доказуемо ли в рассматриваемой теории ее произвольно данное предложение или нет. Еще один вопрос, к-рый возникает в связи с каждой аксиоматич. теорией, состоит в том, являются ли аксиомы данной системы независимыми (см. *Независимость*). Если к.-л. аксиома не является независимой, то среди аксиом есть лишние, а это затрудняет доказательство непротиворечивости и установление интерпретации для данной аксиоматич. теории.

Третья, современная стадия развития М. а. началась с появления теории математич. доказательств Гильберта (1900—1904). Осн. понятия этой теории тесно связаны с математич. логикой, одним из достижений к-рой является создание языка, позволяющего записать любое математич. предложение в виде формулы. Логико-грамматич. связи разговорного языка: «если...то», «и», «или», «не», «каждый», «некоторые» выражаются при этом спец. символами, называемыми символами логич. операций. Первонач. понятиям аксиоматич. теории, выражаемым предикатами (скажем обычному разговорного языка, соответствующим при этом т. н. предикатным символам, с помощью к-рых символич. образом выражаются элементарные (т. е. неразложимые далее) предложения теории. Напр., предложение «точки a и b лежат на прямой c » можно выразить так: $((P(a) \& P(b)) \& G(c)) \& I_n(a, b, c)$, где $P(x)$ — (предикатный) символ, соответствующий предикату « x есть точка», $G(y)$ — символ, соответствующий предикату « y есть прямая», а $I_n(x, y, z)$ — символ, соответствующий предикату « x и y лежат на z » (& есть символ логич. связки «и»). Т. о., всякое предложение аксиоматич. теории может быть выражено в виде нек-рой формулы. Символич. язык теории задается символич. способом выражения каждого первонач. понятия теории; после этого всякое исходное предложение теории может быть выражено с помощью символов логич. операций. Это — т. н. нелогич. аксиомы. Помимо них, имеются логич. аксиомы, заимствованные из математич. логики. Те и др. аксиомы

суть формулы. Из этих аксиом по определ. правилам, к-рые дает математич. логика и к-рые наз. правилами вывода, можно получить новые формулы. При этом все формулы рассматриваются как простые последовательности знаков. Аксиомы и правила вывода вместе называют иногда *постулатами*. Хотя правила вывода и имеют чисто формальную структуру, они требуют (в отличие от аксиом и формул вообще) содержания, понимания. Аксиоматич. теории, рассматриваемые в рамках этой гильбертовской концепции, стали называть формализованными, или формальными, теориями. Анализ и изучение данной формальной теории содержательными средствами составили область исследований, к-рую наз. ее *метатеорией*.

С помощью своей теории доказательств Гильберт стремился прежде всего доказать непротиворечивость таких аксиоматич. теорий, лежащих в основе математики, как арифметика и теория множеств. Спорные вопросы этих теорий связаны с понятием бесконечности (см. *Математическая бесконечность*). В теории доказательств Гильберта был получен ряд важных результатов. Одним из них является теорема *Гёделя* о полноте классич. исчисления предикатов (1930), из к-рой следует, что непротиворечивые теории (в частности, теория множеств, если она непротиворечива) допускают интерпретацию [причем, в соответствии с результатом *Лёвенгейма* (1915), даже в области натуральных чисел].

В теории доказательств произошел крутой поворот (1931), вызванный открытием Гёделя, к-рый доказал неполноту широкого класса непротиворечивых формальных теорий (см. *Метатеория*). В 1936 Чёрч присоединил к этим результатам теорему о неразрешимости проблемы разрешения для таких теорий.

Т. о., было обнаружено существование неразрешимых проблем в любой достаточно богатой средствами выражения (в частности, позволяющей выражать арифметику натуральных чисел) формальной теории. Это свидетельствует об ограниченности М. а. и о необходимости дополнить его др. путями установления математич. истин, а также истин тех наук, в к-рых М. а. играет определ. роль. В этом направлении особое значение имела (и до сих пор не утратила) интуиционистская математика (см. *Интуиционизм*) (заметьте, что эту математику нельзя рассматривать как совокупность аксиоматич. теорий или как часть теории множеств). Ее средствами было получено удовлетворит. доказательство непротиворечивости классич. арифметики. С появлением в 30-х гг. 20 в. строгого определения *алгоритма* возникло *конструктивное направление* в математике, к-рое также не сводится к М. а. Др. добавлением к М. а. является *логическая семантика*.

Лит.: К а г а н В., Основания геометрии, [т. 1—2], О., 1905—07; В е й л ь Г., О философии математики. Сб. работ, пер. с нем., М.—Л., 1934; Г и л ь б е р т Д., Основания геометрии, пер. с нем., М.—Л., 1948; Начала Эвклида, пер. с греч., [т. 1—3], М.—Л., 1948—50; Г ё д е л ь К., Совместимость аксиомы выбора и обобщенной континуум-гипотезы с аксиомами теории множеств, пер. с англ., в сб.: Успехи матем. наук, т. 3, вып. 1, М.—Л., 1948; М о с т о в с к и й А., Совр. состояние исследований по основаниям математики, там же, т. 9, вып. 3, М.—Л., 1954; К л и н и С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957 (библиогр.); Е с е н и н - В о л ь п и н А. С., Об аксиоматич. методе, «Вопр. философии», 1959, № 7; Г е н к и н Л., О матем. индукции, пер. с англ., М., 1962; В а н Х а о, М а к - Н о т о н Р., Аксиоматич. системы теории множеств, пер. с франц., М., 1963; Б у р б а к и Н., Теория множеств, пер. с франц., М., 1964; Р е а н о G., Arithmetices principia, nova metodo exposita, Torino, 1889; e r o ж е, Sul concetto di numero, «Riv. Mathematica», 1891, v. 1, p. 87—102, 256—67; e r o ж е, Formulaire de mathématiques, t. 1—5, Turin, 1894—1908; F r e g e G., Grundgesetze der Arithmetik, begriffsschriftlich abgeleitet, Bd 1—2, Jena, 1893—1903; Z e r m e l o E., Untersuchungen über die Grundlagen der Mengenlehre, [T1], 1, «Math. Annalen», 1908, Bd 65; S k o l e m T., Einige Bemerkungen zur axiomatischen Begründung der Mengenlehre, в кн.: Wissenschaftliche Vorträge gehalten

auf dem Fünften Kongress der Skandinavischen Mathematiker in Helsingfors von 4. bis 7. Juli 1922, Helsingfors, 1923; Whitehead A. N. and Russell B., Principia mathematica, v. 1—3, 2 ed., Camb., 1925—27; Neumann J. v. o. n., Die Axiomatisierung der Mengenlehre, «Math. Z.», 1928, Bd 27; Gentzen G., Untersuchungen über das logische Schließen, «Math. Z.», 1934—35, Bd 39, S. 176—210, 405—31; Bernays P., Axiomatic set theory, with a historical introd. by A. A. Fraenkel, Amst., 1958; Stoll R. R., Sets, logic, and axiomatic theories, S. F.—L., 1961; Curry H. B., Foundations of mathematical logic, N. Y., 1963.

МЕТОД ПРИНЦИПОВ — один из методов построения физич. теорий, при к-ром физич. теория разветвляется как система математически выводимых следствий из небольшой группы непосредственно констатируемых и должным образом обобщенных опытных фактов («принципов»). Последние принимаются в качестве не требующих объяснений.

Использование М. п. в ходе создания физич. теории предполагает два существенно различных этапа: 1) отыскание принципов и 2) их применение к истолкованию свойств всего многообразия изучаемых явлений. Первый этап — по существу аналитический: совокупность множества взаимосвязанных эмпирич. фактов подвергается расчленению и среди них выделяются те, к-рые принимаются как особо важные, фундаментальные по значению. Второй этап — синтетический. Вычлененные, ранее обособленные, осн. эмпирич. факты обобщаются и соединяются друг с другом как элементы единой теоретич. системы. Такое соединение — не внешнее союлагание, а образование некой целостности, обладающей специфич. чертами, т. к. при таком соединении принципов возникает необходимость более или менее глубокой перестройки прежних физич. понятий и разработки новой системы науч. представлений.

Создателем М. п. является Ньютон, стремившийся с помощью этого метода обеспечить неоспоримую и очевидную достоверность физич. теории. С помощью М. п. Ньютон построил механику, включая теорию тяготения и движения тел солнечной системы, а также стремился создать теорию световых явлений. В последующем развитии физики М. п. также приволил к выдающимся науч. достижениям. Примером физич. теории, построенной на М. п., является термодинамика. Ее исходными принципами служат два т. н. «начала». Эти начала суть обобщения опытных данных, одно из к-рых выражает факт существования отношений постоянной эквивалентности между разными видами энергии (или невозможности perpetual mobile), а другое — эмпирич. факт неизбежности самопроизвольного одностороннего перетекания теплоты от более нагретого тела к менее нагретому при их соприкосновении.

Теория относительности также построена благодаря применению М. п. Ее содержание вытекает из двух независимых положений — принципа относительности и принципа постоянства скорости света. Каждый из них представляет собой обобщенное выражение определ. группы эмпирич. фактов: 1) факта одинаковости законов природы в инерциальных системах отсчета, движущихся относительно друг друга прямолинейно и равномерно, и 2) факта независимости скорости света от движения источника. Аналитич. этап в построении теории относительности, т. е. вычленение вышеуказанных принципов из всего многообразия эмпирич. данных в качестве фундаментальных основ теории, был весьма легким. Но несравненно более трудным оказался синтетич. этап, т. е. соединение этих принципов в некое единство. Они вступали в резкое противоречие друг с другом, исключали друг друга в системе существовавших тогда представлений о пространстве и времени. Эйнштейн соединил эти принципы в одно целое, потребовав решить изменения всей системы пространственно-временных представлений.

Т. о., принципы по существу не имеют и не могут иметь чисто логич. обоснования и доказательств. Они проистекают из опыта, доказуемы только опытом и сильны именно тем, что наиболее непосредственно выражают данные опыта. Именно благодаря этому применение М. п. обеспечивает физич. теориям особенно высокую степень достоверности, стабильности. Будучи выражением опыта, принципы с развитием физики могут так или иначе меняться, дополняться, обогащаться или ограничиваться, но полностью потерять свое значение они не могут. В силу этого осн. содержание физич. теорий, построенных на них, всегда остается значимым, но, конечно, в пределах той сферы, в к-рой сохраняют свое значение опытные данные, послужившие исходным пунктом для формулирования принципов. Иным, конечно, оказывается дело, когда исходные опытные данные были полностью ошибочны и извлеченные из них «принципы» оказались ложными. Но такого рода заблуждения лежат вне рамок научного прогресса, поскольку не являются ступенями в познании объективной сущности явлений. И судьба такого рода ложных «принципов» не должна приниматься в расчет при оценке значения М. п.

Сколько бы точным выражением накопленного эмпирич. материала ни служили извлеченные из него принципы, это не значит, что физич. теории, построенные на них, исчерпывающим образом представляют соответств. область объективной реальности. Сам опыт исторически ограничен и по точности, и по глубине проникновения в сущность явлений, и по широте их охвата как в количеств., так и в качеств. отношениях. Эти ограничения шаг за шагом устраняются в ходе науч. познания. Вследствие этого рано или поздно изменяются и принципы. Но это изменение всегда такого характера, что сохраняется значимость старых принципов для прежних условий опыта (см. *Соответствия принципам*).

Применение М. п. для построения науч. теории не предполагает обязат. объяснения сущности самих принципов, раскрытия их физич. смысла, раскрытия конкретной природы исследуемого круга явлений. Когда такое объяснение еще не представляется возможным, когда еще не обнаружены пути для раскрытия физич. природы исследуемого явления, эта особенность М. п. значительно расширяет возможности теоретич. мышления, позволяя сделать шаг вперед, обойдя еще не разрешенные задачи. «Необязательность», напр., второго начала (принципа) термодинамики и неизученность природы тепловых явлений в свое время не закрыли путь к созданию на основе М. п. развернутой классич. теории теплоты, сохранившей значение и в наст. время. Еще раньше неизученность природы тяготения не помешала Ньютону благодаря М. п. создать строгую теорию движения небесных тел, являющуюся огромным завоеванием науки. Так же отсутствие объяснения принципов прямолинейного распространения световых лучей, их отражения и преломления не остановили разработки т. н. геометрической оптики, принесшей большие научные результаты.

Однако М. п. не обязательно связан с отказом от объяснения, от раскрытия механизма явлений, не исключает и то и другое. Применение М. п. делает возможным отложить разработку объяснения до более позднего этапа исследования, но фактически науч. мысль неизбежно возвращается к объяснению самих принципов и познанию физич. природы явлений. И М. п. способствует созданию необходимых предпосылок для этого, поскольку выросшие на его основе теории как раз и ведут к раскрытию сущности явлений. Последнее и составляет ядро науч. объяснения. Выдвигая созданный им М. п., Ньютон, по-видимому, как подчеркнул Вавилов, считал отыскание «причин

принципов», т. е. их объяснение, рано или поздно необходимым.

Иногда М. п. относят к чисто эмпирич. методам. Это неверно. Принципы не тождественны простой эмпирич. констатации к.-л. ситуации, представленной в нек-ром единичном опыте. Они выражают опыт в обобщенной форме, часто связаны с применением понятий, далеко отходящих от непосредств. эмпирич. констатации (напр., понятие «сторонны» у светового луча в оптике Ньютона). Эта обобщенность вносит существ. элемент гипотетичности в содержание принципов. Подобный элемент с самого начала содержался, напр., во втором начале термодинамики в виде неявного допущения о его абс. применимости во всех без исключения физич. системах независимо от их масштаба. То же есть и во втором принципе теории относительности, допускающем не только существование предельной скорости распространения любых физич. взаимодействий, но и равенство скорости света в вакууме. В наст. время высказываются предположения о необязательности последнего в ядерных процессах.

Часто М. п. противопоставляется методу гипотез как нечто совершенно чуждое последнему, принципиально обособленное от него и могущее плодотворно функционировать без всякой связи с гипотезами. Сказанное свидетельствует об ошибочности такой т. зр. Обобщение эмпирич. факта до уровня широко действующего принципа несомненно связано с допущениями гипотетич. характера, без них не может обойтись и применение принципов вне области, в к-рой они первоначально непосредственно установлены. История науки показывает, что оба метода — М. п. и метод гипотез — в сущности немислимы друг без друга и благотворно влияют друг на друга в ходе научного исследования. Рано или поздно физич. теория, созданная на основе М. п., встречается с ситуацией, свидетельствующей о недостаточности принятых принципов и вместе с тем не дающей возможности выдвинуть новый принцип такого же рода без гипотетич. допущения о физич. природе исследуемого круга явлений. Так было в развитии теории теплоты в конце 19 в., когда стали изучаться, напр., флуктуационные явления, не укладывавшиеся в рамки классич. термодинамики. Только атомистич. гипотеза, пролившая свет на внутр. природу тепловых явлений, позволила физике пойти дальше. Она дала объяснение сущности второго начала термодинамики. Благодаря ей совр. учение о теплоте стало весьма разносторонним и плодотворно развивающимся. Но теперь атомистич. гипотеза перестала быть гипотезой. Ее осн. идея может быть принята в качестве бесспорного принципа, составляющего фундамент совр. физики. Появление первых зачатков молекулярно-кинетич. теории теплоты (Ломоносов, Бернулли и др.) предшествовало возникновению классич. термодинамики. Метод гипотезы, т. о., был первым орудием создания учения о теплоте. Но со временем этот метод был вынужден отойти на задний план, уступив место М. п. в термодинамике Карно, Томсона, Клаузиуса, Планка. Благодаря разработанной по этому методу термодинамике были созданы предпосылки для возрождения на несравненно более высокой основе первоначального метода гипотез. Следствием этого были новые успехи в теории теплоты. Поэтому представление М. п. в качестве единственно науч. метода познания, исключаящего гипотезы, совершенно неправомерно. Оно существенно ограничивает возможность творч. деятельности ученых. Такая абсолютизация, в сущности догматизация, М. п. свойственна позитивизму, отрицающему метод гипотез, лишаящему его познават. значения. С таких позиций выступали, напр., В. Оствальд, П. Дюгем и др.

Лит.: Дюгем П., Физическая теория. Ее цель и строение, СПб, 1910; В а в и л о в С. И., Принципы и гипотезы оптики Ньютона, Собр. соч., т. 3, М., 1956; е г о ж е , Исаак

Ньютон, там же; е г о ж е , «Лекции по оптике» И. Ньютона, там же; Кузнецов И. В., Выдающийся физик — диалектик-материалист, «Вопр. философии», 1961, № 7. И. Кузнецов. Москва.

МЕТОДИЗМ — одна из разновидностей протестантизма, отделившаяся от англиканской церкви в конце 18 в. и близкая к ней в области культуры и догматики. В 1729 Джон Уэсли (1703—91) организовал в Оксфордском ун-те кружок студентов, методически соблюдавших христ. заповеди (отсюда и термин «М.»), из к-рого впоследствии выросла методистская церковь. Целью М. было пробуждение в англ. народе религ. чувства, борьба против религ. индифферентизма, против деизма и рационализма и вообще идеологии Просвещения, насаждение морали терпения и покорности. М. отставил частную собственность.

Гл. внимание М. уделял эсхатологич. вопросам. Настаивая на имманентности бога природе и душе человека, М. говорил о религии как о «жизни бога в людских душах». М. служил либерализации протестантизма. Основатель М. Уэсли выступал против предопределения, учил о всеобщем, свободном, полном и достоверном спасении. Он смягчил учение Лютера и особенно Кальвина о всеобщей греховности людей, отдав дань гуманизму Просвещения, утверждал, что человек при грехопадении, утратив праведность, не утратил божеств. образа, разума и свободы воли и способен в результате долгой борьбы со своими греховными склонностями достичь безгрешного состояния. М. свойственно учение о вере как деятельном процессе преобразования человека. М. возродил идею о роли «добрых дел» в спасении, приблизившись в этом отношении к католицизму, ввел строгую централизацию и дисциплину. Методисты объединены в междунар. масштабе. В 1881 учрежден Всемирный методистский совет.

Методисты ведут широкую миссионерскую деятельность в интересах англо-амер. капитала. С сер. 19 в. М. выступают как инициаторы организации христ. профсоюзов и пропагандисты христ. социализма.

Лит.: Булгаков А. И., Очерки истории методизма, т. 1—2, К., 1887; Wesley J., The works, v. 1—14, L., 1829—1831; е г о ж е , Selected letters, L., 1956; Stevens A., The history of the religious movement of the XVIII century, called Methodism, v. 1—2, L., 1873—74; Dobbie B. J., Wesley, L., 1933; Gill F. C., The romantic movement and methodism, L., 1937. А. Чалышев. Москва.

МЕТОДОЛОГИЯ (от *метод* и греч. *λόγος* — учение; учение о методе) — философское учение о методах познания и преобразования действительности; применение принципов мировоззрения к процессу познания, к духовному творчеству вообще и к практике.

М. возникла и развивалась как аспект филос. осмысления мира под углом зрения критич. исследования методов познания — как общифилософских, так и конкретно-научных. Философы не только разрабатывали опред. методы на основе обобщения развития науки и творчества в целом, но и теоретически их обосновывали, выявляли их место в системе средств познания, взаимосвязь методов различных наук.

В античной философии не было разветвленной М., поскольку проблемы метода не занимали центрального места. Вместе с тем уже тогда закладывалась филос. основа М. Великим методологич. памятником античного мира являются «Органон» и «Метафизика» Аристотеля, к-рый обобщил опыт научного познания своего времени. Открытые Аристотелем формы и закономерности мышления получили значение норм для всякого научного исследования и построения научных систем на мн. века вперед.

В философии нового времени в связи с гигантским взлетом научного познания мира разработка научной М. стала центром теоретич. мысли. Исканья правильного, философски обоснованного метода стоят в центре филос. исканий Ф. Бэкона, Декарта и др. философов

17—18 вв. Значение философии как М. науки подчеркивается в этот период тем, что сама философия стремится к естественнонаучной систематичности и точности, в связи с чем использует в качестве образца построения филос. системы математику. Влияние развития точных наук на философию 17—18 вв. сказалось в распространении механич. материализма как М. естествознания. Проникновение диалектич. идей в естествознание, особенно в биологич. науки, и выявление несостоятельности механич. материализма как М. были в значит. мере причинами появления кантовского критицизма как реакции на механицизм. Кант стремился вообще превратить философию в М., выдвинув идею «трансцендентальной методологии», призванной вскрыть формальные условия системы чистого разума, в пределах к-рой только и возможна, по Канту, строгая наука. Самая постановка проблемы «критики разума» содержала в себе неизбежность субъективистского и агностич. разрешения, поскольку границы разума были Кантом отождествлены с границами логики, т. е. им по существу отрицалась объективность последней. Гегель разрушил кантовскую критику М., показав, что логика развития есть объективная диалектика. Однако он истолковал свое открытие идеалистически, представив объект логики как абсолютно всеобщее, идею. Поэтому у Гегеля «Наука логики» может быть рассматриваема как М., в к-рой систематически развертываются категории его метода — идеалистич. диалектики.

Процесс формирования научной М. завершился созданием диалектич. материализма. Возникнув в условиях всестороннего развития науки, когда теоретич. естествознание полностью освободилось от натурфилос. умозрений, и опираясь на конкретно-научные теории осн. форм движения материи, диалектич. материализм стал философией нового типа — наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, а в качестве таковой — общей М. научного исследования любой конкретной науки. Методол. роль выполняет не только материалистич. диалектика, ее категории и законы, но и материализм. Применительно к истории общества роль всеобщей М. играет диалектич. материализм в единстве с историч. материализмом. Марксистская философия — это универсальная М., поскольку она изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Отличительная черта марксистской М. состоит в том, что она выступает не только в качестве орудия познания, но и революц. преобразования мира. Методол. значение диалектич. материализма неизмеримо возросло по сравнению с философией старого типа. Теоретич. и методол. основы конкретных наук разрабатываются не только философией, но и ими самими. Конкретные науки, являясь по отношению к философии специальными, в свою очередь могут выступать как методологические по отношению к более узким разделам данной области знания. Так, общая биология вооружает общими методами исследования, напр., ботанику, зоологию и т. д. Общая биология, опираясь на философию, разрабатывает методол. проблемы, относящиеся ко всем разделам биологич. науки и в то же время использует и обобщает их достижения. Аналогич. отношения существуют и во всех др. науках, напр., основание математики и все др. разделы этой науки, политич. экономия и отраслевые экономики и т. д. Но единств. научной методол. основой для теоретич. дисциплин, к-рые сами выступают как М. по отношению к частным научным дисциплинам в составе определ. конкретной науки, является диалектич. материализм. Последний является содержательной логикой познавательного процесса — логикой диалектич. материализма. Использование марксистско-ленинской философии в качестве М. научной и прак-

тич. деятельности исключает толкование ее как догмы, как серии «рецептов» или технич. приемов, а предполагает раскрытие объективной диалектики конкретного содержания процессов, происходящих в действительности. Поэтому диалектико-материалистич. М. является руководством для живого, творч. процесса познания и преобразования мира в соответствии с его законами. См. *Диалектика, Метод, Наука*.

П. Копнин. Киев. А. Спиркин. Москва.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ — логич. методы установления причин явлений или вытекающих из них следствий. Простейшими М. и. п. с. являются методы изучения эмпирич. причинных связей, известные под названием методов Бэкона — Милля (или индуктивных методов Милля, или методов бэконовской индукции, или методов опытного исследования Милля и т. п.). Эти названия объясняются тем, что осн. черты этих методов впервые были выявлены Ф. Бэконом в рамках его учения об индукции, а детальное рассмотрение их осуществлено Дж. Ст. Миллем, к-рому принадлежат также принятые в наст. время названия этих методов: метод схождения (или согласия, или совпадения), метод различия (или разницы), соединенный метод схождения и различия, метод сопутствующих изменений и метод остатков. Милль сформулировал эти методы в виде след. правил: 1. Метод схождения: «Если два или более случаев подлежащего исследованию явления имеют общим лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство, — в котором только и согласуются все эти случаи, — есть причина (или следствие) данного явления» («Система логики силлогистической и индуктивной», М., 1914, с. 354). 2. Метод различия: «Если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, встречающегося лишь в первом случае, то это обстоятельство, в котором одним только и различаются эти два случая, есть следствие, или причина, или необходимая часть причины явления» (там же, с. 355). 3. Соединенный метод схождения и различия: «Если два или более случая возникновения явления имеют общим одно лишь обстоятельство, и два или более случаев невозникновения того же явления имеют общим только отсутствие того же самого обстоятельства, то это обстоятельство, в котором только и различаются оба ряда случаев, есть или следствие, или причина, или необходимая часть причины изучаемого явления» (там же, с. 359—60). 4. Метод сопутствующих изменений: «Всякое явление, изменяющееся определенным образом всякий раз, когда некоторым особенным образом изменяется другое явление, есть либо причина, либо следствие этого явления, либо соединено с ним какою-либо причинной связью» (там же, с. 365). 5. Метод остатков: «Если из явления вычесть ту его часть, которая, как известно из прежних индукций, есть следствие некоторых определенных предыдущих, то остаток данного явления должен быть следствием остальных предыдущих» (там же, с. 361).

Эти методы представляют собой методол. приемы, основанные на законе причинности (называемом также принципом единообразия природы, принципом законности природы) и связанных с ним принципах, — на том, что всякое явление имеет некую вызвавшую его причину, что одинаковые причины (в одинаковых условиях) вызывают одинаковые следствия, что причина предшествует следствию (или, во всяком случае, появляется не раньше его), что если имеет место причина, то обязательно появляется соответствующее следствие, а если этого следствия нет, то, значит, не было соответствующей

причины и др. Эти принципы можно считать аксиомами, лежащими в основе методов 1—5. Формулировки методов можно при этом рассматривать как металогику, теоремы, а правила действия по этим методам — как металогику, правила, подобные, напр., правилу подстановки или модусу поненсу. Общая идея методов состоит в рассмотрении обстоятельности изучаемого явления с тем, чтобы, исключив все те из них, которые не могут быть его причиной (или следствием), принять в качестве причины неисключенные обстоятельства. При этом процесс исключения обстоятельности можно рассматривать как происходящий по схеме утверждающе-отрицающего модуса разделительно-категорич. умозаключения. Использование этой схемы не делает, однако, рассуждение по этим методам разновидностью дедукции, т. к. последнее имеет существенную индуктивную сторону (многие логики даже считают эти методы формами индукции). Эта сторона методов состоит в присутствии им опытного характера, а также в связанном с их обычным применением в науке моментом обобщения; последний заключается в том, что открытая по этим методам причинная связь между данными явлениями обычно распространяется (на основании упомянутого выше принципа единообразия природы) на случаи соотношений между явлениями, которые можно отождествить с изученными.

Применение методов 1—5 основано на весьма сильных абстракциях (отвлечениях) и упрощающих предположениях. Предполагается, что в распоряжении имеется некоторый критерий отождествления событий (происходящих обычно в различное время и по существу в различных обстоятельствах) как одного и того же явления; что мы можем подходить к изучаемому явлению и рассматриваемым в связи с ним обстоятельствам как к отдельным, изолированным событиям и говорить о связи отд. причины и отд. действия (т. е. можем отвлекаться от взаимного влияния обстоятельств данного явления, от обратного действия следствий на причины, от эффекта т. н. смешения действий и т. п., состоящего в том, что данное явление может быть порождено не одной к.-л. причиной, но совместным действием ряда причин, находящихся между собой в сложных отношениях, и т. п.); что имеется возможность из фактически бесконечного множества обстоятельств наступления данного конкретного явления выделить некоторую конечную и практически обозримую область возможных его причин (или следствий); что, определяя круг возможных причин (или действий), мы не упускаем из виду ни одного существенного обстоятельства; что мы в состоянии — в тех случаях, когда это необходимо (это касается методов 1, 3 и 4), — исключить фактически наличие причин (состоящий в том, что одно и то же явление в различных случаях вызывается различными причинами); что мы в состоянии распознавать предшествующие (среди которых следует искать причину) и последующие (среди которых надлежит искать следствие) обстоятельства явления; что мы можем выделить единственное сходство (или единств. различие или единств. признак, по которому происходит изменение) в обстоятельствах различных случаев данного явления (необходимость выполнения этого требования в случае первых двух методов часто подчеркивают тем, что их называют методом единственного сходства и методом единственного различия).

Эти упрощающие предположения предъявляют к условиям применения методов Бэкона—Милля такие требования, выполнение которых сопряжено с большими трудностями и всегда, по существу, осуществляется с той или иной степенью приближения. Это определяет ограниченность возможностей этих методов, взятых самих по себе, что проявляется в том, что полу-

чаемые с их помощью результаты содержат неопределенность, а заключения носят лишь вероятный характер. Неопределенность результатов состоит в том, что методы, указывая на факт причинной связи между данными явлениями, часто не позволяют, однако, судить, какое из двух явлений является причиной, а какое — следствием в данном случае или, быть может, налицо более опосредствованная связь, напр. связь между двумя явлениями как действиями общей причины. Часто бывает, что причиной явления выступают сразу неск. обстоятельства, каждое из которых необходимо, но не достаточно для возникновения явления; применяя методы Бэкона — Милля, мы можем зачастую принять в качестве причины явления ее часть — необходимое, но недостаточное условие. Может также случиться, что установленное по этим методам причина на деле является сложным явлением, содержащим действит. причину изучаемого явления лишь в качестве своей части. Может также быть, что то, что мы по одному из этих методов вывели в качестве причины явления, есть причина не сама по себе, а в соединении с некоторыми другими — в различных случаях различными — обстоятельствами. При этом даже в пределах указанной неопределенности результатов методы 1—5 не дают достоверного заключения; отмеченные выше трудности, особенно трудности, связанные с учетом всех возможных факторов, которые могут играть роль в осуществлении данной причинной связи, с преодолением влияния смещения действий и множественности причин, с разделением обстоятельств на предшествующие и последующие, с удостоверением единственности сходства или различия в обстоятельствах явления, обуславливают только лишь вероятность их.

Вероятность заключений по методам 1—5 может быть различной. Наибольшей вероятностью, — во многих случаях практически приближающейся к достоверности, — обладают заключения по методу 2. Этот метод является в основном методом эксперимента, и это обуславливает его особую ценность. Применяя метод 2, исследователь вводит или исключает некоторые обстоятельства и наблюдает за изменением ситуации. Метод 1 носит более пассивный характер: это преимущественно метод наблюдения. Методы 4 и 5 применяются как при наблюдениях, так и при экспериментах. Вероятность заключения по методу 1 существенно меньше вероятности выводов по методу 2, однако она повышается с повышением числа рассмотренных случаев изучаемого явления и с увеличением разнообразия вводимых в изучение обстоятельств. Метод 3 следует рассматривать как развитие метода 1: к методу 1 в его обычном применении (т. е. к сравнительным случаям, в которых изучаемое явление происходит) здесь присоединяется сравнение случаев, в которых явление отсутствует, а также сравнение первого ряда случаев со вторым; вопреки буквальному смыслу принятого названия метода 3, последний не следует рассматривать в качестве последоват. применения методов 1 и 2 (сам Милль называл этот метод также и «косвенным методом различия»); вероятность заключений, полученных по этому методу, обычно выше, чем по методу 1. Свообразие метода 5 состоит в том, что он требует от исследователя больших, чем в случае остальных методов, предварит. знаний об изучаемом явлении, т. к. для его применения необходимо знать действия некоторой части предшествующих обстоятельств сложного явления.

Указанные выше трудности применения методов Бэкона — Милля отнюдь не свидетельствуют о какой-то их несостоятельности, а связаны с общим характером эмпирич. исследования, которое никогда не дает полной достоверности, оставляя открытыми возможности для уточнения результатов. Любые эмпирич. обобщения и законы в принципе носят вероятностный

характер. В практике науч. исследования методы Бэкона—Милля используются не изолированно, а в комбинации друг с другом и с иными методологич. и логич. средствами — абстрагированием, аналогией, гипотетико-дедуктивным методом, дедуктивными выводами и др. Важным источником повышения надежности заключений по этим методам является использование имеющегося теоретич. знания для оправдания обоснованности, в данном конкретном исследовании, тех предположений, к-рые лежат в основе используемого метода (единственность сходства или различия, невозможность в рассматриваемом случае множественности причин и т. п.). Следует также иметь в виду, что после получения, по методам Бэкона—Милля, предположения (гипотезы) о причинной связи, оно обычно дополняется дедуктивной проверкой, связанной с объяснением имеющихся и с предвидением новых фактов при помощи полученной гипотезы. Особое значение при этом имеют количеств. методы исследования, прежде всего исследования функциональных зависимостей, что дает возможность применить к анализу причинных связей математич. аппарат.

М. и п. с. являются, прежде всего, признаками получения знания о причинных связях на основе эмпирич. данных и средством открытия новых фактов опытного характера. Если эти методы применяются надлежащим образом, то они гарантируют одновременно и логич. обоснованность (в пределах доступной для них вероятности заключений) полученных результатов.

Когда в процессе познания совершается переход от изучения причинных связей между эмпирически данными явлениями к раскрытию более глубоких закономерностей действительности, методы Бэкона—Милля, взятые сами по себе, становятся мало применимыми. Исследование закономерностей, представляющих собой сложные переплетения причинных связей на различных уровнях сложности рассматриваемой области действительности (включая отношения между постулируемыми теорией «внутренними» параметрами вещей и их «внешними» — доступными эмпирич. обнаружению — проявлениями) осуществляется при помощи всего арсенала средств теоретич. и экспериментального исследования [процессы идеализации и создания систем абстрактных понятий, применение аксиоматич. метода, построение теоретич. моделей и их реализация на электронных вычислит. машинах, гипотетико-дедуктивная (включая применение экспериментов) проверка теоретических положений, широкое использование современных измерительных приборов и др.].

Изучение логич. стороны процесса исследования причинных связей в совр. логике, наряду со строгим анализом и уточнением исходных понятий методов Бэкона—Милля: понятий причины, явления и др. (см., напр., Z. Czerwiński, O pojęciu przyczyny i kanonach Milła, в журн. «Studia logica», 1960, t. 9), связано с обобщением этих методов на более сложные случаи причинных отношений, с использованием их в попытках анализа более общего, чем причинность, понятия связи, с развитием идей вероятностной логики (см. G. H. von Wright, A treatise on induction and probability, 1960).

См. также *Логика индуктивная* и лит. к этой статье.

Лит.: Минто В., Дедуктивная и индуктивная логика, пер. с англ., 6 изд., М., 1909, кн. 2; Челпанов Г. И., Учебник логики, М., 1946, гл. 20. Асмус В. Ф., Логика, [М.], 1947, гл. 11, 12; Горский Д. П., Логика, М., 1954, гл. 7; Логика, М., 1956, гл. 11; Клаус Г., Введение в формальную логику, пер. с нем., М., 1960, гл. 8; Зиновьева А. А., Б. определение понятия связи, «Вопр. философии», 1960, № 8; Буныге М., Причинность, пер. с англ., М., 1962; Котарбиньский Т., Избр. произв., пер. с польск., М., 1963, с. 379—606; Nicod J., Le problème logique de l'induction, P., 1961.

Б. Бирюков, В. Швырёв, Москва. А. Суханов, Челябинск.

МЕТРИПАТИЯ (греч. *μετριπάθεια*, от *μέτριος* — умеренный и *πάθος* — страсть) — принцип др.-греч. этики, означающий требование умеренности в страстях. В др.-греч. этике он противопоставлялся *apatiai* — отсутствию страстей. Принцип М. содержится уже у т. н. семи мудрецов (7—6 вв. до н. э.). Таковы изречения: «Старайся быть спокойным» (Хилон), «Обуздывай страсть к удовольствиям» (Клеобул), «В счастье будь умерен, в несчастье — благоразумен» (Периандр), «Язык, чрево и похоть обуздывай» (Анахарис), «Не гнев, а ум должен властвовать» (Эпихарм) и т. п. Особенное развитие М. получает в этике Демокрита и Эпикура, к-рые рекомендовали умеренность в чувств. наслаждениях в качестве необходимого условия для достижения душевного покоя. У Демокрита умеренность выступает в качестве осн. нормы поведения как в политич. жизни, так и в области чувств. наслаждений.

Принцип М. встречается и у Платона, к-рый учит о том, что печаль надо умерять посредством разумного начала, «мыслящего по мере» (Р. Р. 603). Об умеренности Платон трактует и в др. своих диалогах, напр. в «Филебе». В школе Платона этот вопрос обсуждал Крантор, к-рый в борьбе против стоиков, требовавших полного подавления страстей, отстаивал положение о том, что умеренное удовлетворение естеств. чувств человека законо.

М. является одним из основополагающих принципов «Этики» Аристотеля. Аристотель определяет этич. добродетель как середину между двумя противоположными крайностями: «слишком много» и «слишком мало», избытком и недостатком. Так, по учению Аристотеля, храбрость есть середина между трусостью и безрассудной смелостью, щедрость есть середина между скупостью и расточительностью. Определить в каждом отд. случае, где лежит середина между противоположными крайностями, — дело разума. Отсюда вытекало требование подчинения страстей разуму, к-рый держит их в границах умеренности.

Учение о М. лежало и в основе др.-греч. медицины. Алкмеон в своей теории исомнии учил, что здоровье есть равновесие противоположностей, образующих человек. организм, а сущность болезни состоит в том, что какая-либо одна из противоположностей становится преобладающей. В теории Алкмеона содержится также учение о «соразмерности» образующих человек. организм элементов, к-рое было далее развито Гиппократом и Галеном.

Лит.: Лосев А. Ф., Эстетич. терминология ранней греч. литературы (эпос и лирика), «Уч. зап. МГУ», т. 83, вып. 4, 1954; Laue H., Maß und Mitte. Eine problemgeschichtliche Untersuchung zur frühen griechischen Philosophie und Ethik, Münster, 1960 (Diss.). А. Маковельский, Баку.

МЕТРОДОР ЛАМПСАКСКИЙ (*Μετρόδορος Λαμψακῆς*) (330—277 до н. э.) — теоретик и пропагандист эпикуреизма, друг, ученик и единомышленник Эпикура; вместе с Полиэном и Эрмархом входил в руководящее ядро школы Эпикура, известной под названием «Сад». М. Л. написал большое количество произведений: «Против софистов», «Против диалектиков», «Против Демокрита», «Об ощущениях», «Об изменении» и др., из к-рых до нас дошли только отрывки. В этих работах М. Л. с позиций эпикурейского материализма разрабатывал вопросы теории познания, этики, риторики, выступал против агностицизма Горгия и идеализма Платона.

Фрагменты: Epicurea, ed. H. Usener, Lipsiae, 1887; Metrodori Epicurei Fragmenta, col. A. Koerte, «Jahrbücher class. Philol.», 1890, 17 Suppl.-Bd, S. 529—97; Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности, [М.], 1935, с. 30, 166, 278, 376; Лукреций, О природе вещей, [Т.] 2, [М.], 1947, с. 613—25; Материалисты древней Греции. Собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура, М., 1953, с. 218—24.

Лит.: Воричевский И. В., Древняя и соврем. философия науки в ее предельных понятиях, ч. 1, М.—Л., 1925; его же, Краткий очерк истории древнего материализма,

Л., 1930; История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 269, 282; Шакир-Заде А. С., Эпикур, М., 1963, с. 38, 39, 105, 133—137, 140; Pellegrini S., Problemi di Metrodoro, «Classici e Neolatini», 1905, № 1; Sudhaus S., Metrodoro, «Hermes», 1906, p. 45—58, 1907, p. 645—47; Krohn C., Der Epicureer Hermarchos, В., 1921 (Diss.); Epicuri Epistulae tres..., ed. P. von der Mühl, Lipsiae, 1922; Epicuri et Epicureorum scripta..., Berolini, 1928.

М. Петров. Ростов-на-Дону. Шакир-Заде. Баку.
МЕХАНИКА КВАНТОВАЯ — наука о законах движения микрочастиц — составная часть квантовой теории. Была создана в 20-х гг. 20 в. Л. де Бройлем, В. Гейзенбергом, Н. Бором, М. Борном и др. На М. к. базируются совр. теории вещества — атомного ядра, атома, молекулы и др.

«**МЕХАНИСТЫ**» — название, закрепившееся в историко-филос. лит-ре за группой сов. философов (Аксельрод, Варьяш, Сарбабянов, Скворцов-Степанов, А. К. Тимирязев и др.), в работах и выступлениях к-рых в 20—30-е гг. имели место отступления от принципов диалектич. материализма к механистич. истолкованию явлений природы и общества, извращения марксистской философии (см. *Механицизм*). Поскольку правый оппортунизм, представлявший тогда гл. опасность в партии, при обосновании своей антиленинской политич. линии опирался на механистич. методологию, «механицизм» в сов. философии 20-х гг. являлся гл. опасностью.

Существование отступлений «М.» от диалектич. материализма к механистич. т. зр. состояло в отрицании философии как науки, игнорировании ее значения для естествознания. Ряд «М.», считавших, что общие выводы естествознания делают ненужным существование философии как особой, отд. науки (см. И. Степанов, Историч. материализм и совр. естествознание, 1926, с. 55), растворял диалектич. материализм в «последних выводах науки». Не понимая сущности материалистич. диалектики, они утверждали, что «для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно как механистическое понимание...» (Степанов И., Диалектич. материализм и деборинская школа, 1928, с. 73). Высшие, сложные формы движения «М.» сводили к относительно более простым, а в конце концов — к механич. движению. В соответствии с этим они считали, напр., что явления жизни в конечном счете сводимы к физико-химическим процессам, что «... все действия живого организма есть действия машины, механизма» (Сарбабянов В., Беседы о марксизме, 1925, с. 14). Учению диалектич. материализма о единстве и борьбе противоположностей «М.» противопоставляли «теорию равновесия» и в соответствии с ней рассматривали скачки как «процессы нарушенного равновесия» (Сарбабянов В., Основное в едином науч. мировоззрении—методе, 1925, с. 113). «М.» по существу отрицали объективный характер качества, считая, что оно создается активностью сознания, что «для логики качество есть категория оценки» (Сарбабянов В., В защиту философии марксизма, 1929, с. 186). «М.» отрицали также объективное существование случайности как формы проявления необходимости, утверждая, что «мы говорим о случайности в том условном смысле, что мы не можем объяснить все, что происходит в мире...» («Диалектика в природе», сб., № 3, Вологда, 1928, с. 97).

Взгляды «М.», особенно в 1925—29, подверглись критике на широких науч. дискуссиях и в печати. Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских учреждений (1929) отметила в своем решении, что «механицизм», «ведя по существу борьбу против философии марксизма-ленинизма, не понимая основ материалистической диалектики и подменяя на деле революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм — позитивизмом, объективно препятствует проникновению ме-

тодологии диалектического материализма в область естествознания и т. д., это течение представляет явный отход от марксистско-ленинских философских позиций» [«Вестник коммунистич. академии», 1929, № 32 (2), с. 243]. В постановлении ЦК КПСС от 25 янв. 1931 о журнале «Под знаменем марксизма» «механицизм» был квалифицирован как «попытка своеобразной ревизии марксизма» (см. «О парт. и сов. печати», сб., 1954, с. 406—07).

Идейно-теоретич. критика взглядов «М.» в 20—нач. 30 гг. способствовала оживлению позитивистских настроений среди части сов. ученых, усилению влияния диалектич. материализма на естествознание и обществ. науки, раскрытию огромного методологич. значения марксистско-ленинской диалектики и тем самым имела большое положительное значение для развития сов. науки, марксистско-ленинской философии.

Лит.: Столяров А. К., Диалектич. материализм и махисты, Л., 1930; За поворот на филос. фронте. Сб. статей, М.—Л., 1931; Нарский И. С., Суворов Л. Н., Позитивизм и механистическая ревизия марксизма, М., 1962; Методологич. проблемы науки. Материалы заседания президиума АН СССР, М., 1964, с. 117—18, 285—86.

М. Митин. Москва.
МЕХАНИЦИЗМ — односторонний метод познания и соответствующее ему миропонимание, основывающееся на представлении, будто механич. форма движения есть единственно объективная. Последоват. проведение этого взгляда приводит к отрицанию качеств, многообразия явлений в природе и обществе, к представлению о многообразии как о лишь субъективной иллюзии. Более широко М. понимается как вообще метод «сведения» сложных явлений к их более простым составляющим, метод разложения целого на части, неспецифичные для данного целого (на биологич. отношения, когда речь идет о социальных явлениях, на физико-химические, когда речь идет о биологии и т. д.). Однако, напр., тот факт, что устойчивость органич. молекул объясняется с помощью квантовомеханич. законов движения, не может служить основанием для вывода, что биология сводится к квантовой механике и не имеет своих специфич. закономерностей.

Исторически М. выступал в качестве господств. направления науч.-материалистич. мысли на протяжении 16—18 вв. и составлял исторически обусловленную ограниченность естествознания и философии этого периода. Эта ограниченность исторически оправдана тем, что механика была в то время единств. наукой, получившей достаточное развитие и применение в произ-ве, и потому казалась «наукой вообще», абсолютной наукой, руководствующей соответственно абс. методом — математикой, понимаемой в основном механистически. Классич. представителями М. могут считаться Галилей, Ньютон, Лаплас (в естествознании), Гоббс, Ламетри, Гольбах (в философии). Типичными представителями М. в 19—20 вв. являлись Бюхнер, Фохт, Молешотт, Дюринг. Односторонне-механистич. подход к познанию природных и общественно-историч. явлений уже внутри указанного периода подвергался критике со стороны выдающихся представителей диалектич. мышления (Спиноза, Лейбница, отчасти Дидро). Как ограниченно оправданный метод мышления он был «снят» Гегелем (к-рому, кстати, принадлежит и сам термин «М.») в более высоком, диалектическом понимании задач и природы мышления.

Критикуя М., Гегель одновременно отожждествлял его недостатки с природой материализма вообще. Гегель «...хотел унизить материализм эпитетом „механистический“. Но дело в том, что критикуемый Гегелем материализм — французский материализм XVIII века — был действительно исключительно механич. е с к и м...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 568—69).

М. есть пройденный историч. этап развития материалистич. философии, и всякая попытка возродить М. в условиях совр. науч. развития должна расцениваться как вульгаризация, противоречащая и объективным закономерностям историч. развития знания, и их выражению в диалектич. логике.

Возможность возрождения М. постоянно сохраняется в силу того факта, что любая, сколь угодно сложная и развитая форма движения материи заключает в своем составе механич. движение как одну из сторон. Механика, — именно потому, что ее законы получены путем абстрагирования от качественной специфики любой из материальных систем и в силу этого выражают лишь абстрактно-всеобщие, пространственно-временные условия существования любой из них, — не может ничего сказать о том, что именно и почему происходит во Вселенной внутри этих условий, подобно тому, как грамматика ничего не может сказать о содержании тех произведений, к-рые созданы в согласии с ее требованиями. Поэтому с законами механики и могут быть согласованы не только различные, но и прямо противоположные процессы и явления. Но при этом они обязательно утрачивают свою качеств. специфику и представляются с их абстрактно-всеобщей стороны, т. е. непротиворечиво. Поскольку М. и есть т. зр. такого сведения, постольку все реальное богатство качеств. многообразия явлений в природе и обществе является, с т. зр. М., продуктом чистой случайности. Так, напр., для материализма «... тот факт, что материя развивается из себя мыслящий мозг человека, есть чистая случайность, хотя и необходимо обусловленная шаг за шагом там, где это происходит» (там же, с. 523—24).

По отношению к любой форме движения, кроме чисто механической, М. естественно и логично приводит к выводу о принципиальной невозможности ее точного познания. М. у Галилея, Гоббса, франц. материалистов ни в малейшей степени не затронут агностицизм. Но в 19 в. перед лицом громадного обогащения естествознания содержанием, диалектическим по существу, среди естествоиспытателей-механистов распространяются агностич. взгляды. Знание, раскрывающее природу надмеханич. областей движения, где в силу вступают как раз качеств. различия и соотношения меры, М. объявляет ненаучным. Этот нигилизм в отношении диалектики приводит М. к тому, что на место третируемых им диалектич. понятий и категорий он подставляет понятия неких внешних сил, в к-рых реальные моменты, абстрагированные от движения, превращаются в самостоятельно существующие механич. «причины» этого движения, в особые «силы». В пределах механики эта методология не приносит большого вреда, но как только т. зр. механики превращают в единственно научную, т. е. становятся на позицию М., эта методология тотчас же обнаруживает свою несостоятельность. «В механике причины движения принимают за нечто данное и интересуются не их происхождением, а только их действиями. Поэтому если ту или иную причину движения называют силой, то это несколько не вредит механике как таковой; но благодаря этому привыкают переносить это обозначение также и в область физики, химии и биологии, и тогда неизбежна путаница» (там же, с. 407).

Особенно наглядно эта антинаучность М. проявляется в экскурсах сторонников М. в область проблемы мышления, сознания, вообще человек. деятельности, связанной с проблемой цели, свободы и т. п. категорий. Пытаясь изобразить мышление как функцию механич. системы, М. оставляет без внимания все те условия, при к-рых мозг действительно мыслит. Представители М. в кибернетике игнорируют специфич. отличия автоматов от живых систем, к-рым присущи состояния потребности, самостоят. выработка цели и критерий

отбора реакций и т. д., а в отношении человека игнорируют все действит. движущие причины процесса мышления, — чувственно-предметную деятельность общества человека, преобразующего природу, связанную с ней цели и т. д., также принимая эти причины за нечто данное и пытаясь толковать их в свою очередь чисто механически. Столь же несостоятелен М. и в трактовке проблемы жизни. Тем самым М. оказывается питательной почвой для витализма, телеологии и идеализма, старающихся заполнить те «белые пятна», к-рые М. не способен заполнить принципиально, а не только «на сегодняшний день». Поэтому витализм и телеология являются неизбежным дополнением М.

М. как позиция в философии представляет собой типичное проявление метафизич. метода мышления, неспособного справиться с противоречием. Сталкиваясь с противоречием, с наличием противоположных определений, М. всегда старается зачеркнуть одно из них (напр., качество в угоду количеству) или же принимает то одно, то другое (то абс. случайность, то столь же абсолютную необходимость), то дискретность, то непрерывность и т. д. Не будучи в силах понять противоречие как подлинную действующую причину всякого движения и развития, М. мистифицирует и самое понятие действующей причины, понимает движение не как самодвижение материи, а как результат действия внешней силы, и материя начинает представляться как сама по себе инертная и косная масса. Так, с т. зр. механистич. детерминизма Лапласа, закон инерции представляет собой «закон самонедетельности материи», в то время как с позиций диалектич. материализма закон инерции есть «...отрицательное выражение неуничтожимости движения» (там же, с. 343).

Диалектич. материализм установил на основе обобщения данных науки, что механич. движение есть сторона, абстрактно-всеобщее условие всякого движения. В составе высших, надмеханич. процессов оно оказывается «побочной формой», необходимой, но далеко не достаточной для характеристики природы этих процессов. В составе этого высшего низшие формы движения проступают самостоятельно лишь при соприкосновении с высшим уровнем развития на низший. Так, физико-химич. процессы выступают самостоятельно в живом организме в полную силу лишь с его смертью. Тем самым М. как вполне реальная, но абстрактно-всеобщая характеристика действительности и ее науч. выражения был преодолен и «снят» в составе более глубокого понимания действительности и процесса ее теоретич. познания.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; е го же, Анти-Дюринг, М., 1957; Гегель, Энциклопедия филос. наук, ч. 1, Логика, Соч., т. 1, М.—Л., 1929; е го же, Наука логики, Соч., т. 5, 6, М., 1937—39; Самуэльс В., Нек-рые филос. вопросы атомистики и борьба против М. в совр. физике, в сб.: Науч. тр. по философии (Белорус. ун-та), вып. 1, Минск, 1956; В и с л о б о к о в А. Д., Марксистская диалектика и совр. М., М., 1962.

А. Потемкин. Ростов-на-Дону.

МЕХСЕТИ-ХАНУМ (Г а н д ж е в и) (12 в.) — азерб. поэтесса и мыслитель. Идеалистич. мировоззрению М. свойственны, однако, материалистич. тенденции: в основе материального мира, по М., лежат 4 элемента (воздух, огонь, вода и земля). Материя совершает постоянный круговорот, воплощаясь в различные формы. М. сурово осуждала гнет и насилие, выступала против патриархально-феод. порядка. «Кто совершает зло, тот увидит зло», — предупреждает она угнетателей. Резкой критике подвергла М. мораль господств. класса, лицемерие и распущенность духовенства. В мировоззрении М. нашли отражение настроения ремесленников и городской бедноты.

С о ч.: Диван, Рукопись (хранится в Рукописном фонде Академии наук Азерб. ССР); Мехсети и Амир Ахмед, Руко-

пись (хранится в Рукописном фонде Академии наук Азерб. ССР).

Лит.: Ордыбады М., Азерб. лит. эпохи Низами, в сб.: Низами, [сб.] 3, Баку, 1941; Ishaque M., Four eminent poetesses of Iran, Calcutta, 1950.

С. Ракулизаде. Баку.

МЕЧНИКОВ, Илья Ильич [3(15) мая 1845 — 12 (15) июля 1916] — рус. биолог. Род. в семье помещика. Окончил Харьковский ун-т (1864), специализировался и занимался науч. исследованиями за границей (1864—67), был проф. Новороссийского (Одесского) и Петерб. ун-тов, почетный академик (1902). Основал (1886) в Одессе первую бактериологич. станцию. С 1888 переехал в Париж, где работал до конца жизни в Пастеровском ин-те. Труды М. относятся к проблемам общей биологии, дарвинизма, зоологии, эмбриологии, микробиологии и медицины. За фагоцитарную теорию, сформулированную М. для объяснения процессов воспаления и иммунитета (1883—1901), был удостоен Нобелевской премии (1908). Большую роль в истории биологии сыграла теория М. о происхождении многоклеточных организмов (теория фагоцителлы). Широкую известность приобрела также выдвинутая М. теория причин старости и смерти — первая попытка науч. анализа этих явлений. На основе этой теории им было сформулировано учение об «ортобиозе» — оптимистическое понимание жизни и смерти для обеспечения «полного и счастливого цикла жизни, заканчивающегося спокойной естественной смертью» (см. «Этюды о природе человека», 1903; «Этюды оптимизма», 1907).

М. рассматривал в своих трудах многие общетеоретич. и общефилос. проблемы, допуская биологизацию нек-рых социальных явлений. М. занимал материалистич. позицию, критикуя религию и идеализм. Однако, причисляя себя к сторонникам «рационального мировоззрения» (см. «Сорок лет искания рационального мировоззрения», 1913), М. не преодолел ограниченности позитивизма и агностицизма.

Соч.: Страницы воспоминаний, М., 1946; Избр. биологич. произв., М., 1950; Избр. произв., М., 1956; Этюды о природе человека, М., 1961; Академич. собр. соч., т. 1—15, М., 1955—62.

Лит.: Мечникова О. Н., Жизнь И. И. М., М.—Л., 1926 (имеется библиограф. указатель); И. И. Мечников. Памяти великого ученого. Сб. ст., Х., 1947; Острикин Л. Ф., Мировоззрение И. И. М., [Х.], 1948; Залкинд С. Я., И. И. Мечников, М., 1957; Хижняков В. В., Вайндрах Р. М., Хижнякова Н. В., Творчество М. и лит. о нем (Библиограф. указатель), М., 1951.

А. Гайсенович. Москва.

МЕЧНИКОВ, Лев Ильич [18 (30) мая 1838 — 18 (30) июня 1888] — рус. географ, социолог и публицист, брат И. И. Мечникова. Учился в Харьковском ун-те (1855—56), Петерб. медико-хирургич. академии (1857), Петерб. ун-те. Не закончил образования, т. к. преследовался за участие в студенч. движении. С 1860 участвовал в нац.-освободит. борьбе итал. народа, волонтер в «тысяче» Гарибальди; был ранен. В сер. 60-х гг. в Италии сблизился с *Бакуниным*, усвоил нек-рые его идеи. Переехав в Женеву (1865), принимал участие в делах Интернационала и рус. революц. пропаганды, сотрудничал в герценовском «Колоколе». В 1874—76 читал лекции в Токийском ун-те; в 1883 занимал кафедру в Невшательской Академии наук (Швейцария), участвуя в подготовке труда Э. Реклю («Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes», v. 1—19, 1876—94; рус. пер. — «Земля и люди. Всеобщая география», т. 1—19, 1898—1901). В 1889 в Париже на франц. яз. вышло гл. соч. М. «Цивилизация и великие историч. реки. Географич. теория развития совр. общества» («La civilisation et les grands fleuves historiques», рус. пер. 1898, более полный — 1924).

М. — представитель *географической школы* в социологии. В обществе, по М., имеет место постоянный прогресс, проявляющийся в «...нарастании обще-

человеческой солидарности» («Цивилизация...», 1924, с. 42). Различные формы солидарности проявляются в кооперации; область социологии охватывает все факты, где наблюдается кооперация. М. понимал кооперацию в значит. степени натуралистически, видя ее даже в механич. связи первичных недифференциров. многоклеточных организмов. Прогресс социальной связи состоит в том, что она все более принимает психологич. характер и выливается в форму свободного союза. Общество движется от деспотизма с его угнетением личности к анархии с ее полной свободой. Выступая против расистских идей К. Фохта, Ш. Летуруно и др., подвергая в этой связи критике колониалистскую политику капиталистич. гос-ва, М. видел основу историч. развития в условиях географич. среды и прежде всего в гидросфере. Водные пути, по М., являясь как бы синтезом географич. условий, оказывают гораздо большее влияние на развитие общества, чем др. компоненты среды. В соответствии с тем, что составляет основу цивилизации — река, море или океан, — М. делил историю человечества на три периода: 1) Речной, охватывающий 4 древних цивилизации (Египет на Ниле, Месопотамия на Тигре и Евфрате, Индия на Инде и Ганге, Китай на Янцзы и Хуанхэ); отличит. черты этого периода — деспотизм и рабство. 2) Средиземноморский, или средневековый (с основания Карфагена до Карла Великого), характеризующийся крепостничеством, подневольным трудом, олигархич. и феод. федерациями. 3) Океанический, охватывающий новое время (с открытия Америки); этот период, по М., только начинается; в нем должны осуществиться свобода (уничтожение принуждения), равенство (ликвидация социального неравенства), братство (солидарность согласованных индивидуальных сил). Данная М. периодизация внутренне противоречива и не может объяснить, напр., отсутствие синхронности в развитии восточных (Индия, Китай) и западных (Египет, Месопотамия) цивилизаций, отнесение одинаковых по типу гос-в (Египет и Финикия) к разным историч. периодам, а неодинаковых (Рим и гос-во Карла Великого) — к одному, исчезновение тех или иных культур в неизменяющихся географич. условиях и т. д. Тем не менее теория М. сыграла положит. роль в борьбе с религиозно-мистич. концепциями общества.

Соч.: Географич. теория развития историч. народов, «Вестник Европы», 1889, т. 2, № 3.

Лит.: Плеханов Г. В., О книге Л. И. М. (Л. М., «Цивилизация и великие историч. реки»), Соч., т. 7, М.—Л., 1925; его же, Л. И. Мечников [Некролог], там же; Романенко В. М., Борьба Л. И. Мечникова против малятузизма, социал-дарвинизма и расизма, «Вопр. философии», 1956, № 5; Семенов И. Е., Рус. гарибальдизм Л. И. М., «Уч. зап. историч. фак-та Кирг. ун-та», вып. 5, 1958.

А. Поляков. Москва.

МИД (Mead), Джордж Герберт (27 февр. 1863 — 26 апр. 1931) — амер. философ и социолог прагматистского направления. Учился в Гарвардском ун-те в Германии. С 1894 и до конца жизни — проф. философии Чикагского ун-та. Окружающий мир он трактует как совокупность реакций и форм поведения, как «серию ситуаций», а человек, по М., — в духе бихевиоризма, как биологич. влечения, реакции. Последние М. рассматривает как исходный элемент общества. Отсюда и все социальные институты — только «способы отражать на социальном экране в увеличенном виде процессы, происходящие в нашей центральной нервной системе» («Mind, self and society», Chi., 1934, p. 242). Однако «человеческое животное» превращается в индивида под действием социальных отношений. Первоначально это, по М., иррациональный процесс «моделирования» биологич. влечений младенца под давлением межчеловеч. отношений и форм активности, к-рые в виде опрдел. установок и действий образуют сознание индивида. Далее пове-

дение последнего становится рациональным в том смысле, что в своих действиях он «играет роль», к-рую другие от него ожидают. Вслед за Кули, М. толкует «Я» как «Я — зеркало», т. е. как рефлекс образов поведения др. людей. По «роли», определяемой другими, в к-рую индивид себя «вкладывает», как «актер», обнаруживаются формы поведения и установок, характерные для социальной группы. Поэтому основы социальной эволюции составляют развитие систем символизации и коммуникации. Сознание личности находит полное выражение внутри символич. системы установок социальной группы как целого.

Соч.: The philosophy of the present, Chi., 1932; Movements of thought in the nineteenth century, Chi. (III.), [1950]; The philosophy of the act, Chi. (III.), [1950]; The social psychology..., ed. by A. Strauss, Chi., 1956 (отрывки из соч. Милла).

Лит.: Victoroff D., G. H. Mead; sociologie et philosophie, P., 1953; Natanson M., The social dynamics of G. H. Mead, Wash., [1956]. И. Зыков, М. Роговин. Москва.

МИЗАНТРОПИЯ (греч. *μισανθρωπία*, от *μίση* — ненависть и *ἄνθρωπος* — человек) — ненависть к людям, отчуждение от них. М. выступает как крайняя форма индивидуализма, противопоставления личности обществу. Трактовка М. как разрыва всех связей с обществом исходит от Лукриана («Тимон или мизантроп») и Шекспира («Жизнь Тимона Афинского»). М. связана с пессимизмом, неверием, подозрительностью, нелюдимостью. М. подчас переходит в антропофобию (человекобоязнь), проявляется в антигуманных действиях. В широком смысле она является антиподом гуманизма и служит нравств. основой различных человекопечавистич. теорий. В идеалистич. этике явление М. объясняется, как правило, психологич. причинами, не зависящими от обществ. условий. Шоенгауэр, напр., оправдывал М., считая ее выражением «благородного негодования» личности, направленного против всех людей (см. Полн. собр. соч., т. 4, М., 1910, с. 452—53).

Уничтожение антагонизма между личностью и обществом означает устранение социальной основы М. В обществе, основанном на началах коллективизма, всестороннее развитие личности исключает возможность появления ложного представления о неполноценности людей, а следовательно, и появления ненависти или неприятия к ним. Е. Панфилов. Москва.

МИЗЕС (Mises), Рихард Эдлер (19 апр. 1883—14 июля 1953) — австр. математик, много занимавшийся проблемами теории познания, а также, в связи с проблемами теории вероятностей и статистики, вопросами социологии. 1909—33 — проф. математики и философии в различных ун-тах Германии; 1933—39 — в Стэмбульском ун-те; 1939—53 — в Гарвардском ун-те. Кроме многочисл. филос. рассуждений в трудах по теории вероятностей, у М. имеется ряд спец. исследований по философии, в к-рых он отстаивает взгляды неопозитивизма с уклоном в операционализм. Эти взгляды М. нашли отражение в его научных работах. М. принадлежит попытка частотного обоснования теории вероятностей (см. *Вероятностная логика*), привлекающая внимание большого количества естествоиспытателей: физиков, биологов и пр., поскольку он предлагал измерять вероятность случайного события не с помощью неприменимого в большинстве практич. задач критерия равновероятности, как это делала классич. теория вероятностей, но с помощью доступной наблюдению величины — относительной частоты случайного события. С методологич. и математич. т. зр. эта попытка, однако, не была удачной — оказалась неопозитивистская недооценка М. роли абстракций, почему он, в частности, протестовал против самой постановки вопроса об уточнении нек-рых «эмпирических» понятий, лежащих в основе его теории; между тем впоследствии как раз из попыток такого уточнения выросли математич. теории, имеющие важное

практич. значение. В социологии М. разделял взгляды Кетле (концентрация среднего человека и др.).

Соч.: Vorausberechnung vom Umfang und Altersschichtung der deutschen Bevölkerung, «Blätter für Versicherungsmathematik und verwandte Gebiete», 1933, Bd 2; E. Mach und die empiristische Wissenschaftsauffassung. Zu E. Machs hundertstem Geburtsjahr, s'Gravenhage, 1938; Kleines Lehrbuch des Positivismus, Hague, 1939; Vorlesungen aus dem Gebiete der angewandten Mathematik, N. Y., 1945; Notes on mathematical theory of probability and statistics, Camb., 1946; Positivism, Camb., 1951; Studies in mathematics and mechanics, N. Y., 1954; в рус. пер. — Вероятность и статистика, М.—Л., 1930; Проблема двух рас, в кн.: Математич. сборник, т. 41, вып. 3, М.—Л., 1934.

Лит.: Poggendorff J. C., Biographisch-literarisches Handwörterbuch..., Bd 7a, Tf 3, 3 Lief., B., 1958, S. 313—14; Temple G., Prof. R. von Mises, «Nature», L., 1953, v. 172, № 4373. Б. Петлицын. Москва.

МИКРОСОЦИОЛОГИЯ — одно из названий направления в бурж. социологии, возникшего в 20-х гг. 20 в. (Морено, Гурвич и др.) (см. *Социометрия*).

МИКРОЧАСТИЦЫ (от греч. *μικρός* — малый) — частицы очень малой массы (в частности, нулевой), для движения и взаимодействия к-рых существенно дискретность (атомизм) действия. К М. относятся элементарные частицы, атомные ядра, атомы, молекулы, квази-частицы. Динамика М. исследуется квантовой механикой, свойства больших коллективов М. — квантовой статистикой, превращения элементарных М. — их рождение и аннигиляция — квантовой теорией полей.

Квантовая теория была создана в процессе преодоления ограниченности и недостаточности понятий классич. физики о материальных частицах, их движении и взаимодействии; о физич. полях, связывающих частицы друг с другом; о системах частиц — атомах, молекулах, макроскопич. телах. Рождение и развитие теории М. явилось революцией в физике, химии и др. науках о природе; на этой основе произошли коренные изменения в технике. Эта радикальная ломка науч. понятий и представлений имеет непосредств. отношение к философии, к картине мира в целом. Естественно, что смысл теории М. по-разному понят различными филос. направлениями; существенно различными представляются и перспективы теории М. Вместе с тем физика М. ставит задачу дальнейшей разработки многих филос. категорий.

Понятие частиц в доквантовой физике.

Ограниченность и противоречивость понятия частицы и поля в классич. физике. Классич. физика к началу 20 в., основываясь на законах ньютоновой механики, на открытых в 19 в. законах сохранения и превращения энергии, периодич. системе химич. элементов Менделеева, законах электромагнитного поля, наконец, на принципах физич. статистики и кинетики, пришла к единой физич. картине явлений природы. Все физич. явления стали рассматриваться как результат движения и взаимодействия электронов, атомов, молекул и электромагнитных полей. Это был отход от господствовавшего в естествознании 18 в. метафизич. мировоззрения, к-рое исходило из существования независимых неизменных субстанций; в физике начало формироваться учение о строении единой движущейся материи. К концу 19 в. стало ясно, что специфич. свойства тел могут быть объяснены только путем раскрытия природы образующих их частиц — атомов и молекул — и их взаимодействий. Понятия атома и молекул приобрели определенность и конкретность. Открытие радиоактивности и изотопов привело к убеждению в сложности структуры атома: атом оказался системой электрически заряженных частиц.

Однако представления о простейших известных в начале 20 в. частицах материи — электронах и протонах — оставались метафизическими; предполагалось, что они являются изначально и вечно существующими «кирпичиками» мироздания. Из факта атомизма

заряда — существования наименьшего электрич. заряда у любых элементарных частиц (что означало невозможность разделения электрона на субэлектроны, несущие долю элементарного заряда) делали вывод, что электроны и протоны вообще не могут испытывать превращений. Спор шел только о том, имеет ли электрон конечный размер порядка 10^{-13} см («электрон-шарик»), или же он является точечной частицей, лишённой размера. Обе эти т. зр. заключали в себе глубокие противоречия и приводили к неразрешимым трудностям.

Этими противоречиями не ограничивались трудности классич. физики. В последней четверти 19 в. было доказано, что наряду с дискретными частицами вещества существуют поля, к-рые представлялись как «чистая» непрерывность. Эти противоположные по осн. своим свойствам формы материи выступают в классич. физике как связанные друг с другом чисто внешним образом: заряженный электрон создает вокруг себя поле, перемещающееся вместе с ним и воздействующее на др. электроны, изменяя их движение; наряду с такими полями, всегда связанными со своими источниками — заряженными частицами, существует и свободное поле излучения, распространяющееся независимо от породивших его источников. Поле создается каждым электроном в отдельности, причем поля просто накладываются друг на друга (суммируются).

Согласно классич. физике, двум осн. формам материи — частице вещества и полю — присущи две различные формы движения. Движение частицы представлялось как непрерывный перенос ее по траектории с опред. скоростью (импульсом) в каждой точке; изменение скорости частицы происходит под действием поля в точке пространства, занимаемой в данный момент частицей, т. е. действие поля на частицу строго локально; отсюда следовало, что изменение состояния движения частицы в данный момент (а также ее действия на др. частицы) не зависит от структуры поля в остальной системе, в к-рую входит частица. Изменения же состояния поля распространяются в виде волны, к-рая характеризуется амплитудой, частотой и фазой и представляет собой согласованный в конечной области процесс.

Исходя из таких представлений о движении и взаимодействии, классич. физика не была в состоянии объяснить возникновение устойчивых сложных разнокачеств. систем из немногих видов «простейших» частиц; свойства различных систем — молекул, кристаллов — объяснялись существованием специфич. сил, действующих в данной системе, но объяснить происхождение этих сил на основе изложенных представлений было невозможно. Невозможно было и понять законы взаимодействия заряженных частиц и полей — законы излучения.

Согласно классич. физике, излучение электромагнитных волн происходит при ускоренном движении заряженных частиц — электронов. Поскольку поле является абс. непрерывным и обладает бесконечным числом возможных движений (степеней свободы), энергия движения колеблющихся электронов должна превращаться в энергию электромагнитных волн любых частот; ускоренно движущийся электрон при любых условиях должен излучать электромагнитные волны любых длин волн. Но это противоречит фактам. Известно, что атом испускает прерывный (линейчатый) спектр, характерный именно для атома данного элемента. Распределение энергии в спектре излучения нагретого тела также не соответствовало классич. законам теплового излучения.

На основе классич. представлений невозможно объяснить образование и длит. существование атомов. В самом деле, атом испытывает миллионы столкновений в секунду и тем не менее сохраняет свою инди-

видуальность и структуру, не разваливаясь на составные части — ядро и электроны. Эти факты представляли собой загадку с т. зр. классич. механики, допускающей возможность больших изменений любой системы в результате суммирования множества сколь угодно слабых воздействий; а согласно классич. электродинамике, атом, как система заряженных частиц — электронов, обращающихся вокруг ядра, должен был бы потерять всю свою энергию в ничтожную долю секунды, излучив ее в виде электромагнитных волн. Классич. закономерности движения и взаимодействия не давали объяснения и образованию из одинаковых атомов более сложных и качественно отличных систем — молекул. Наконец, нельзя было понять и возможности формирования упорядоченных макросистем — кристаллов — из скопления атомов и молекул, не говоря уже о причинах существования разнокачеств. твердых тел — металлов, полупроводников, диэлектриков — и выяснения связи их свойств со структурой.

Стало ясно, что нужна радикальная ломка старых понятий и представлений об элементарных формах материи, о движении и взаимодействии. Этот процесс начался в нач. 20 в.

Формирование квантовых идей. В 1900 Планк открыл новый закон теплового излучения тел, соответствующий опыту, сделав предположение, явно противоречащее классич. представлению о волновой природе света, а именно, что свет испускается атомами в виде отд. «порций», или квантов, причем энергия порции света пропорциональна частоте излучения. В 1905 Эйнштейн, анализируя закономерности фотоэлектрич. эффекта (вырывания электронов на поверхности металла падающим на нее светом), сделал дальнейший шаг: он предположил, что свет не только испускается квантами, но и состоит из отд. «частиц» — фотонов, энергия к-рых пропорциональна частоте световых волн, а импульс обратно пропорционален длине волны; коэффициент пропорциональности h , введенный Планком, — один и тот же для всех видов излучения. Но дискретность излучения явно противоречила представлениям о чисто волновой природе света.

В 1913 Н. Бор на основе этих идей построил первую модель атома, к-рая представляла собой чисто внешнее соединение законов классич. физики с новыми, противоречащими им квантовыми законами движения и излучения. Бор предположил, что существуют два различных типа состояний движения атома: стационарные состояния и переходы между ними. В стационарных состояниях электроны движутся вокруг ядра только по строго опред. орбитам, обладая на каждой из них лишь опред. значением энергии; движение по орбите происходит по законам классич. механики, но при этом, вопреки классич. электродинамике, электрон не излучает электромагнитных волн. Излучение происходит лишь при переходах (мгновенных перескоках) электрона с одной стационарной орбиты на другую, причем атом теряет (или поглощает) энергию, равную разности значений энергии стационарных состояний. Др. словами, энергия излучаемого кванта зависит не только от того, с какой орбиты «сскочил» электрон, но и от того, на какую орбиту он «перескочил». Эти положения несомнимы с идеями классич. механики, а также с положением классич. физики, что частота электромагнитной волны не связана с количеством уносимой ею энергии. Несмотря на эти внутр. противоречия, модель атома Бора дала возможность объяснить спектр излучения простейшего атома — водорода. С помощью дополнит. допущений удалось также разгадать порядок застройки электронных оболочек при переходе к более тяжелым атомам. Однако модель Бора не могла правильно объ-

яснить излучение сложных атомов, она не указывала также пути к объяснению образования молекул. Стало ясно, что классич. представления о движении вообще не применимы к М.

Современные физические представления о микрочастице.

Теория движения микрочастиц (квантовая механика). Двойственная природа движения М. Совр. теория движения и взаимодействия М. — квантовая механика — была создана в 1924—27 трудами Л. де Бройля, Э. Шрёдингера, В. Гейзенберга, П. Дирака, Н. Бора, М. Борна и др. Осн. чертой движения М. является его двойственная корпускулярно-волновая природа. Согласно квантовой механике, любая М. — это не только корпускула, она обладает также волновыми свойствами, а любому волновому процессу присуща также дискретность. Эта неразрывная связь корпускулярных и волновых свойств выражена в соотношениях де Бройля, связывающих энергию E и импульс p отд. М. с волновыми характеристиками движения — частотой ν и длиной волны λ : $E = h\nu$, $p = h/\lambda$.

Величина h , связывающая корпускулярные и волновые характеристики движения М., — универсальная физич. постоянная, наз. постоянной Планка, или квантом действия (действие — это величина, равная произведению энергии на время или импульса на координату); численно квант действия — величина чрезвычайно малая; он равен $6,62 \cdot 10^{-27}$ эрг·сек. Соотношения де Бройля, представляющие собой исходный пункт квантовой теории, рассматриваются как универсальные соотношения, справедливые для М. любой природы. Опыт полностью подтверждает соотношения де Бройля. Электрон (вообще М.), с одной стороны, движется и действует подобно корпускуле: в столкновениях он участвует как целое, обладая опред. энергией и импульсом; вместе с тем при движении электронов обнаруживаются такие типичные волновые явления, как интерференция и дифракция. Если пропустить пучок электронов одинаковой энергии через тонкую кристаллич. пластинку, то на экране позади пластинки (или на фотопластинке) появятся интерференционные кольца или полосы, с помощью к-рых можно определить длину «электронной волны». Если пластинку вырезать из другого кристалла, с иным расположением атомов, то картина дифракции изменится. Это означает, что движение электрона зависит от структуры поля во всей области движения. При этом каждый электрон, попадая на фотопластинку, действует на нее локально, в одной точке, подобно корпускуле, но движется так, что попадает с наибольшей вероятностью в места максимума интенсивности волны. Поэтому, хотя каждая М. обладает свойствами и волны, и корпускулы, волновые свойства непосредственно обнаруживаются в результате многих одинаковых опытов над совокупностью М., находящихся в совершенно одинаковых условиях; волновые свойства М. проявляются статистически. Т. о., волновые и корпускулярные черты движения М. проявляются совместно, неразрывно.

Двойств. природу обнаруживает также электромагнитное излучение. Дифракция и интерференция света (и радиоволн) служат убедит. доказательством его волновой природы и позволяют определить длину световых волн. Вместе с тем взаимодействие излучения с частицами вещества доказывает, что излучению присущи также свойства частиц, что его можно рассматривать как газ фотонов, каждый из к-рых обладает опред. энергией и импульсом. Естественно, возникает вопрос о природе волны, связанной с движением любой М., а также о том, чем обусловлена универсальность кванта действия. Этот вопрос стал в центре

принципиальных дискуссий, о к-рых будет сказано далее.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что классич. разделение материи на абсолютно прерывную форму (вещество) и абсолютно непрерывную (поле) лишено оснований. Различие между частицей вещества (напр., электроном), имеющей массу покоя, и фотоном, не имеющим массы покоя, проявляется в том, что фотон также действует как целое, но ему нельзя приписать в процессе распространения опред. локализацию, т. е. он дискретен только энергетически, но не пространственно. Фотон «локализуется» лишь в момент испускания или поглощения, т. е. при рождении или исчезновении. Далее, при достаточно большой массе частицы вещества длина ее дебройлевской волны становится настолько малой, что волновые черты движения фактически исчезают. Напротив, у фотонов очень малой энергии (напр., радиоволн) исчезают черты дискретности. Поэтому в пределе, с к-рым имели дело в классич. физике, вещество выступает как чисто дискретная форма материи, а поле — как чисто непрерывная.

Волновая природа движения электронов обнаруживается не только в явлениях дифракции. Она убедительно подтверждается и т. н. туннельным эффектом, суть к-рого заключается в следующем. Электрон, связанный с опред. атомом и вместе с тем находящийся под воздействием внешнего поля, «вытягивающего» его из данного атома, может «просочиться», преодолевая связывающее его поле, сквозь т. н. потенциальный барьер и уйти из данного атома даже в том случае, если внешнее поле — слабое. Для классич. частицы такое поведение немисливо, это противоречило бы закону сохранения энергии. Локализация электрона за пределами потенциального барьера обусловлена его волновой природой: электрон находится под воздействием поля во всей области его возможного движения; изменение его состояния движения зависит не от напряженности поля в данной точке, а от структуры поля в области его возможной локализации. Поэтому электронная волна может оказаться и за пределами барьера. Туннельный эффект лежит в основе многих явлений, напр. альфа-радиоактивности (альфа-частица просачивается через удерживающее ее поле ядерных сил). Туннельный эффект сказывается и при конденсации атомов в твердое тело (кристалл); при приближении атомов на их внешние (валентные) электроны действует электрон. поле соседних ядер, и (если структура кристаллич. решетки этому благоприятствует) эти электроны, перескакивая от атома к атому, начинают мигрировать по всему объему тела. Происходит дelokализация внешних электронов атома, они становятся частью всего кристалла. Таковы важнейшие факты, свидетельствующие о двойственной природе М.

С т. зр. классич. физики, наличие волновых и корпускулярных свойств в движении одного и того же объекта исключается. Обычная частица движется по траектории, обладая в каждой точке опред. скоростью, ее действие всегда локально; к волне понятие траекторного движения неприменимо. С другой стороны, у классич. волнового процесса энергия распределена по всему пространству; частица же действует всегда только как целое. Очевидно, двойств. природа М., наличие у нее и волновых и корпускулярных свойств означает, что М. нельзя рассматривать ни как обычную частицу, ни как обычную волну. Обладая относит. индивидуальностью, М. вместе с тем в каждый момент как бы «чувствует» влияние системы в целом.

Соотношения неопределенностей. В силу двойственной, корпускулярно-волновой природы движение вещества М. кардинально отличается

от движения массивной (классич.) частицы. М. не обладает одновременно опред. значениями координаты и импульса (скорости), она не движется по траектории с опред. скоростью в каждой ее точке. В общем случае и координата и импульс М. (равно как и др. динамич. ее характеристики) в известной мере неопределены.

Согласно квантовой механике, между неопределенностью координаты Δq и неопределенностью импульса Δp М. всегда имеет место соотношение: $\Delta q \cdot \Delta p \geq h$. Это означает, что чем определеннее значение координаты М. (т. е. чем меньше Δq), тем более неопределенным является импульс в направлении этой координаты (тем больше Δp), и наоборот. Соотношение неопределенностей координаты и импульса проявляется в том, что любое взаимодействие электрона с к.-л. массивной частицей (напр., атомным ядром), локализуящее электрон в малой области пространства, создает неопределенность импульса. Поэтому электрон, выходя из этой области после взаимодействия, может иметь различное значение импульса. Чем меньше область пространства, в к-рой электрон локализуется, тем более неопределенным делается его импульс. Напротив, свободный, ни с чем не связанный (нелокализованный) электрон обладает опред. значением импульса. Имеет место также соотношение неопределенностей для изменения энергии М. ΔE и времени Δt , когда такое изменение происходит.

Из соотношений неопределенностей следует, что невозможно одновременно измерить с любой точностью значение импульса и координаты. Чем точнее данным классом приборов (напр., микроскопом) можно измерить координату, тем менее точно измерится импульс, и наоборот. Такой результат обусловлен тем, что в процессе измерения координаты М. создаются условия, в к-рых «размывается» ее импульс, он делается более или менее неопределенным; в процессе измерения импульса «размывается» координата. Однако не следует сводить понятие «неопределенность величин» к «неточности измерения». Как уже отмечено, любое взаимодействие электрона со значительно более массивной частицей, напр. атомным ядром, ограничивающее область локализации электрона, создает неопределенность его импульса, хотя ядро и не является прибором.

Неопределенность величин не является специфич. особенностью характеристик М.; она имеет место и в макроскопич. теории волн. Новым в квантовой теории является, во-первых, то, что понятие неопред. величины применяется к осн. сопряженным параметрам движения частицы: координате и импульсу, энергии и времени; во-вторых, что соотношение неопределенностей связано с существованием «атома действия» h . Если бы h равнялся нулю, то соотношения неопределенностей для М. утратили бы смысл. Но в этом случае перестали бы существовать также соотношения де Бройля, т. е. должна была бы исчезнуть двойств. природа движения. Практически это проявляется у достаточно массивных частиц, для движения к-рых несуществен атомизм действия. Т. о., неопределенность динамич. величин, характеризующих состояние М., является следствием корпускулярно-волновой природы движения М.

Неопределенности координат и импульса М. означают не только ограничение применимости классич. понятий для описания движения М., но и дальнейшее развитие этих понятий. Понятие «местонахождения» (координаты) М. следует понимать как место ее локализации при внешнем воздействии на нее. Вне взаимодействия с классич. объектом нельзя говорить об опред. локализации М. Понятие размера (длины, объема) приобретает содержание лишь тогда, когда речь идет о микросистеме, об объекте, имеющем опред. структуру

(в частности, и о структуре М.). Изменяется и понятие импульса. Эта величина может иметь опред. значение только у свободной М., не связанной с к.-л. системой, т. е. нелокализованной. Электрон, принадлежащий опред. атому или молекуле, локализованный вблизи ядра, не обладает опред. импульсом. Это значит, что такой электрон действует только как невыделенная часть атома, т. е. не обладает динамич. индивидуальностью. Только при освобождении электрона из атома, происходящем в результате сильного столкновения электрона с внешним агентом, он приобретает динамич. индивидуальность — «свое» значение импульса; но при этом теряется его локализация, ограниченность, т. е. пространств. индивидуальность.

Величина неопределенности к.-л. физич. величины (импульса, координаты, энергии) может быть охарактеризована с помощью статистич. разброса ее возможных точных значений, появляющихся при изменении состояния М. в результате ее взаимодействия с классич. объектом, в частности при измерении. Напр., если неопределенность координаты электрона равна Δq , то при последующем точном измерении координаты ее значения будут лежать в нек-ром интервале между q и $q + \Delta q$. Такой разброс значений будет получен на опыте, если точно измерить координаты множества электронов, находящихся в таком же состоянии, как и данный электрон. При этом вероятность получить то или иное точное значение координаты, вообще говоря, будет различна.

Вопрос о смысле соотношения неопределенности также вызвал дискуссию (см. раздел II).

Состояние М. Волновая функция. Из соотношения неопределенностей следует, что понятие состояния М. коренным образом отличается от понятия состояния движения массивной (классич.) частицы. Состояние движения классич. частицы в каждый момент задается значениями ее координаты и скорости. В противоположность этому, для М. эти величины в той или иной мере неопределены. Соответственно оказываются неопределенными и др. механич. величины, являющиеся функциями координаты и импульса. Напр., атомарному электрону можно приписать (с достаточным приближением) опред. значение лишь трех величин — энергии, момента количества движения и одной из проекций момента. Остальные же динамич. характеристики атомарного электрона — координата, импульс, кинетическая энергия, потенциальная энергия — остаются неопределенными; вероятности возможных значений этих величин, получающихся при точном измерении, распределяются по строго опред. законам, характерным для данного состояния. Следовательно, состояние электрона вообще описывается не числами, задающими координату и скорость в данный момент времени, а нек-рой функцией, квадрат абс. значения к-рой характеризует закон распределения вероятностей возможных значений к.-л. физич. величины, чаще всего координаты. Эта функция носит название волновой функции (или п-с-функции). Волновая функция дает полную информацию о возможных (потенциальных) значениях любых динамич. величин в данном состоянии. Напр., с помощью волновой функции можно рассчитать закон распределения вероятностей возможных значений координат М. в данном состоянии, закон распределения вероятностей возможных значений импульса и др. величин.

Характерным свойством М. является то, что она подчиняется т. наз. принципу суперпозиции состояний, согласно к-рому М. может рассматриваться как находящаяся одновременно в различных состояниях, описываемых различными волновыми функциями (интерференция состояний). При наложении (суммировании) этих функций возникает интерференция.

Законом движения M . — законом изменения ее состояния — является уравнение Шрёдингера, связывающее изменение волновой функции M . во времени с внешними условиями, — ходом потенциала внешнего поля, действие k -рого испытывает M ., с взаимодействиями M . с др. частями системы, в k -рую она входит. Уравнение Шрёдингера играет в квантовой механике такую же роль, как закон Ньютона в классич. механике. Решая это уравнение, находят вид волновой функции. Важно подчеркнуть, что новый способ характеристики состояний движения M . в квантовой механике влечет за собой необходимость применения для этой цели иных математич. понятий, чем в классич. физике. Состояния M . описываются функциями, а связь физич. величин друг с другом в каждом состоянии характеризуется т. н. операторами — способами преобразования функций.

Замечат. особенность движения M . заключается в том, что совокупность возможных состояний M . (возможных волновых функций) находится в соответствии с фиксированными физич. условиями во всей области, в k -рой M . существует, — законом изменения поля, в k -ром она движется, а также с наличием др. частиц, входящих в данную систему. В этом отношении M . кардинально отличается от макрочастицы, состояния k -рой в каждый момент могут быть любыми.

Если физич. условия, в k -рых существует M ., меняются достаточно быстро и неупорядоченно, то приписать M ., входящей в такую систему, опред. квантовое состояние, характеризующее опред. волновой функцией, невозможно.

Особый интерес представляют связанные состояния электрона, принадлежащего опред. атому или молекуле. Совокупность стационарных связанных состояний, в k -рых может находиться электрон в атоме или молекуле, образует прерывный ряд; они квантованы. Энергия этих состояний может принимать лишь опред. значения (дискретные уровни энергии); дискретными являются также и возможные значения момента количества движения. При переходе атома из одного стационарного состояния в другое значение энергии и момента (или соответств. им квантовые числа) изменяются скачком. Дискретность (квантованность) ряда возможных состояний обусловлена тем, что состояние связанного электрона в каждый момент как бы «согласовано» со структурой поля в атоме в целом. В квантовании состояний связанного электрона также проявляется его двойственная природа.

С этой т. зр. интересен описанный выше туннельный эффект (напр., когда атом подвергается воздействию внешнего электр. поля, стремящегося вытянуть его из атома). Это означает, что изолиров. атом связывается этим внешним полем с другой системой — источником поля. При этом атомарный электрон как бы «коллективизируется» этой большой системой, его состояние определяется уже не только внутриатомными взаимодействиями, но условиями, характерными для общей системы, например кристалла в целом.

Еще одна особенность стационарных квантовых состояний, неизвестная классич. физике, — это наличие в квантовых системах нулевой энергии — минимального значения энергии, k -рой может обладать такая система. Отнять эту энергию от системы можно, только разрушив ее.

Существует два различных типа изменений состояния M ., в зависимости от характера воздействия на них: 1) квантовые переходы M . из одного возможного стационарного состояния в другое, происходящие при сообщении (или отнятии) M . энергии, но при сохранении внешнего поля, в k -ром частицы движутся;

2) изменения всей совокупности возможных состояний, происходящие при изменении внешнего поля. Примером квантового перехода является переход атомарного электрона из одного стационарного состояния атома в другое под воздействием излучения. Примером второго типа изменений является изменение всего спектра состояния атома, возникающее при его помещении в электр. или магнитное поле.

Отличительная особенность квантового перехода M . из одного состояния в другое заключается в том, что он зависит не только от начального состояния M ., но также и от конечного. Переход из начального состояния в конечное тем вероятнее, чем сильнее «перекрываются» оба состояния, чем больше они «резонируют» — как в смысле пространств. перекрытия, так и в смысле близости типа волновых функций, характеризующих оба состояния. Поэтому понятие резонанса имеет большое распространение в теории движения M . При квантовых переходах атома изменяется «динамич. структура» его электронной оболочки, сопровождающаяся во мн. случаях поглощением или излучением фотона.

Взаимодействие M . Системы M . Указанные выше особенности движения M . проявляются и в характере их взаимодействия, и в особенностях систем M . Система M . (квантовая система) не может рассматриваться как совокупность отдельных M ., сохраняющих свою индивидуальность. Приписать индивидуальное движение каждому электрону, входящему в состав атома или молекулы, строго говоря, невозможно.

Осн. положением квантовой механики многих частиц и квантовой статистики является принцип тождественности одинаковых M ., входящих в одну и ту же систему. Этот принцип резко отличает систему M . от системы макрочастиц. Согласно принципу тождественности, две (или несколько) одинаковых M ., входящих в одну систему и находящихся в одном и том же состоянии движения, ни в чем не проявляют индивидуальных различий. Поэтому перестановка мест двух электронов («обмен координатами») в атоме не может рассматриваться как реальное изменение; существует лишь число M . в данном состоянии (она наз. числом заполнения), а не то, какие M . находятся в данном состоянии. Между тем в классич. теории газов перестановка мест двух молекул считается реальным эффектом, k -рый должен учитываться. В принципе тождественности проявляется ограничение индивидуальности M ., о k -ром шла речь выше.

Во взаимодействии M . играет роль их спин — собств. момент количества движения. Однако спин нельзя рассматривать как меру вращения M ., ибо M . есть ни твердая корпускула, ни жидкая капля. Наиболее существ. проявлением спина M . является наличие у M . магнитного момента, пропорционального спину; M ., обладающая ненулевым спином, представляет собой элементарный магнетик, т. е. опред. образом ориентируется в магнитном поле. Поэтому можно сказать, что микроскопически магнетизм есть прежде всего квантовое явление, характерное для M . Величина спина характерна для данной M ., она является одним из основных ее параметров; спин элементарных частиц

[в единицах $\hbar = \frac{h}{2\pi}$] может быть либо полудельным — у электронов, протонов, нейтронов, нейтрино и др., либо целочисленным (1 или 0) — у фотонов или пи-мезонов. В зависимости от спина M . подчиняется одному из двух различных типов статистики (статистика Ферми — Дирака и Бозе — Эйнштейна). Для M ., подчиняющихся статистике Ферми (или фермионов), имеет место принцип Паули, согласно k -рому в каждом состоянии системы может находиться только одна M . Это значит, что возможные

состояния электрона в атоме или кристалле зависят не только от действующих на него полей атомных ядер и др. электронов, но и от того, в каких состояниях находятся др. электроны. Число же M , подчиняющихся статистике Бозе (бозонов), в каждом состоянии может быть любым.

Принцип Паули представляет собой закономерность совершенного нового типа, неизвестного классич. физике. Он отражает согласование состояний M с состояниями др. таких же M . Отношение между одинаковыми M , выражаемое принципом Паули, является не динамич. взаимодействием, а отношением нового типа, специфичного для микрообъектов. Именно это согласование движения многих M . дало возможность понять, как происходит формирование опред. структуры микросистем, согласованность их с движениями в системе, в частности образование сложной структуры электронной оболочки атомов, обуславливающей периодичность системы атомов химич. элементов, оболочечной структуры атомных ядер и т. д.

Квантовая механика многих M . раскрывает возможность образования разнокачественных объектов, напр. образование молекул из атомов, природу химич. связей. Она впервые объяснила самую возможность «насыщения» связей, т. е. образование системы только из опред. числа частиц. Старая проблема, — почему возможна молекула водорода из двух одинаковых атомов, но не из трех, — к-рая была неразрешимой в классич. физике, нашла разрешение в квантовой теории. Именно было показано, что при взаимодействии пары внешних электронов в обоих атомах, спины k -рых направлены противоположно, вследствие согласования состояний происходит «обобществление» этих электронов, k -рые начинают совместно двигаться вокруг обоих ядер, т. е. оба атома как бы непрерывно обмениваются этими электронами, связывающими их воедино в молекулу (т. н. «обменное» взаимодействие).

К наиболее интересным принципиальным выводам квантовой теории систем относится мысль, что связанная M ., входящая в k -л. систему, динамически не идентична такой же M ., но свободной или входящей в систему др. типа; напр., свободный атом существенно отличается от атома, входящего в состав молекулы или кристалла; движения электронов в свободном атоме отличаются от движения электронов в таком же атоме, как части молекулы. Поэтому важная задача, возникающая при решении проблем квантовой механики, заключается в установлении специфичности материального носителя того или иного свойства систем или явления.

На основе квантовой механики и статистики была создана совр. физика твердого тела, объяснившая многообразие форм твердых тел — металлов, полупроводников, диэлектриков. Квантовая механика является теоретич. основой теории атома, молекулы. Эти огромные успехи физики явились результатом революционного преобразования картины движения M . и их взаимодействия, произведенного квантовой механикой.

Теория превращения M . (квантовая теория поля).
Основные представления квантовой теории поля. Квантовая механика исследует только закономерности движения «готовых» M . Ее осн. положения применимы к взаимодействиям сравнительно малой энергии, при k -рых число взаимодействующих M . сохраняется. Но при больших энергиях взаимодействия простейших M . (элементарных, или фундаментальных частиц) — электронов, протонов, мезонов и др. — происходят их превращения, т. е. исчезновение данных M . и рождение новых, причем число M . изменяется. Большинство элементарных частиц нестабильно и спонтанно распадается на др. частицы

до тех пор, пока продуктами распада не оказываются стабильные M . — протоны, электроны, фотоны и нейтрино (и их античастицы). Пара элементарных M . — частица и ее античастица, — связываясь друг с другом, аннигилирует, превращаясь в др. частицы (иногда они до аннигиляции образуют короткоживущие системы). При столкновениях элементарных частиц, образующих при этом неустойчивые и очень быстро распадающиеся системы, происходит рождение новых частиц (или пар); если энергия взаимодействующих частиц очень велика, может произойти множественное рождение, причем спектр рождающихся частиц может быть различным.

Превращения элементарных частиц не рассматриваются как распад их на составные части, как, напр., диссоциацию молекулы или деление ядра. Строго говоря, и в последнем случае частицы, входящие в более сложные системы (напр., нуклоны, образующие ядро), не идентичны свободным частицам (см. выше); различие свободных и связанных частиц проявляется, в частности, в наличии дефекта массы у связанной системы. Однако такой факт, как множественное рождение, доказывает, что превращения элементарных частиц есть рождение новых M ., к-рое может происходить по многим «каналам», причем во всех известных опытах превращения имеет место появление элементарных же частиц. Это и дает основание говорить об их «элементарности», хотя это не означает отсутствия структуры.

В совр. теории взаимодействия элементарных частиц подразделяют на слабые, обуславливающие гл. обр. распад неустойчивых частиц, и сильные и электромагнитные, ответственные за превращения при их столкновениях. Гравитационные взаимодействия не учитываются современной квантовой теорией поля.

Пути превращения элементарных частиц не однозначны в том отношении, что при одной и той же энергии столкновения данных частиц возможны различные элементарные реакции. Однако это не означает, что превращения могут быть любыми. Помимо законов сохранения энергии, импульса, момента и спина, электрич. заряда, элементарные частицы при своих превращениях подчиняются законам сохранения ряда квантовых чисел, характеризующих их свойства, — изотопич. спина, барионного и лептонного зарядов, четности, странности. О смысле этих величин, а также характеристиках свойств различных групп элементарных частиц см. в ст. *Элементарные частицы материи*.

Теория превращения M ., открытых уже в 30-х гг. и позднее, была сначала построена так же, как теория «элементов» электромагнитного поля — фотонов, созданная в конце 20-х гг. В этой теории M . каждого типа понимается как состояние нек-рого поля — объекта с неопред. и неогранич. числом степеней свободы. Поэтому необходимо сначала остановиться на квантовой теории электромагнитного поля, в к-рой M . рассматривается как «возбуждение» поля, а поле — как опред. распределение возникающих и исчезающих M .

Как уже было отмечено, фотоны дискретны только в энергетич. отношении; в процессе распространения фотон не локализован. Фотон характеризуется значением энергии (пропорциональной частоте электромагнитной волны) и импульса, направлением распространения, спином, равным единице (в единицах \hbar), и поляризацией; собств. масса фотона равна нулю.

Теория превращения фотонов содержит важную идею, положенную в основу квантовой теории любых полей. Именно рождение и исчезновение фотона рассматривается не как появление (или исчезновение) частицы в абсолютно пустом пространстве, а как скачкообразное изменение энергии «элемента» поля —

Приемника и источника фотонов данного сорта. Электромагнитное поле в целом представляется как сумма бесконечного числа таких простых составляющих колебательных систем — т. н. линейных осцилляторов. В соответствии с этой картиной рассеяние фотона рисуется так: первоначальный фотон с энергией E_1 , импульсом p_1 и данным направлением распространения исчез в нек-рой точке пространства, энергия соответствующего полевого осциллятора уменьшилась на один квант; вместо него в этой же точке родился др. фотон, т. е. энергия др. осциллятора увеличилась на квант.

Такой способ рассмотрения электромагнитного поля сразу же приводит к своеобразным соотношениям неопределенностей для числа фотонов, с одной стороны, и состояния поля в каждой точке пространства, с другой. Чем определеннее фаза поля в данной точке, тем менее опред. является число фотонов, и наоборот; при опред. числе фотонов фаза поля становится неопределенной. Отсюда следует, что если число фотонов в данных условиях равно нулю, т. е. имеется фотонный вакуум, то поле (т. е. соответств. осциллятор) не исчезает; напряженность нулевого поля (вакуума) испытывает неустранимые «нулевые» колебания в каждой точке — беспорядочные флуктуации. Вывод квантовой теории поля о том, что в вакууме, где нет фотонов, поле не исчезает, а имеют место флуктуации напряженности, был подтвержден экспериментально.

До сих пор речь шла о чистом, или свободном, поле излучения. Но такое поле является абстракцией. Ибо фотоны не рождаются и не исчезают сами по себе, а лишь вследствие взаимодействия с заряженными частицами или системами. Поэтому последоват. квантовая теория электромагнитного поля требует рассмотрения не только фотонов, но и электронов и позитронов.

Квантовая теория электронов и позитронов, исследующая их рождение и исчезновение, рассматривает их также как «кванты» особого поля. По аналогии с полем фотонов электроны представляются как возбужденное состояние особых полевых колебат. систем — волновых осцилляторов — электронно-позитронных; рождение электрона (или исчезновение позитрона) трактуется как переход соответств. осцилляторов в более высокое энергетич. состояние, исчезновение электрона или рождение позитрона — как переход осциллятора в низшее состояние. Отличие электронного осциллятора от фотонного состоит в том, что электронная волна распространяется по специфич. законам, в соответствии с законом движения электрона (уравнением Дирака); параметры электрона включают элементарный заряд и собств. массу, а также половинный спин. Изменение энергии и импульса электрона при взаимодействии трактуется в теории поля не как изменение состояния того же электрона (как это делается в квантовой механике), а как исчезновение электрона в состоянии с начальной энергией, импульсом и спином и рождение его в состоянии с конечным значением энергии, импульса и спина. Отличие электронно-позитронного поля от фотонного заключается также в том, что в каждом состоянии электронного поля (каждого осциллятора), в соответствии с принципом Паули, может находиться только один электрон.

Теория электронно-позитронного поля как бесконечного «набора» особых осцилляторов также приводит к выводам о существовании реального электронно-позитронного вакуума. Пространство, в к-ром нет реальных электронов, рассматривается как нулевое состояние поля (электронный вакуум), в к-ром происходят флуктуации заряда, т. е. содержит потенциальные электроны и позитроны. Более того,

предполагается, что реальный электрон влияет на электронно-позитронный вакуум, поляризуя его, и вместе с тем испытывает воздействие его неупорядоченных нулевых колебаний. Это заключение также нашло экспериментальное подтверждение.

Однако теория электрона более сложна, чем теория фотона; здесь встают новые проблемы. Электрон — заряженная частица, образующая вокруг себя электромагнитное поле, посредством к-рого он взаимодействует с др. электронами. Электромагнитное поле, связывающее друг с другом заряженные частицы, также трактуется как фотонное, но с тем отличием, что здесь фотоны не излучаются волны, а непрерывно переходят от одного электрона к другому. Получается «обменное» взаимодействие, осуществляемое не реально излученными фотонами, а т. н. виртуальными, не отпочковавшимися от системы электронов; каждый электрон как бы испускает фотон, к-рый тут же поглощается др. электроном. Более того, приходится допустить существование не только фотонов обычного типа, но и т. н. продольных, или псевдофотонов, реально никогда не обнаруживаемых в поле излучения. Обменом виртуальными фотонами объясняется не только взаимодействие электронов; теория таким же образом рассматривает и собств. поле каждого электрона как результат «самообмена» фотонами: электрон испускает и тут же обратно поглощает виртуальные фотоны.

Понятие виртуальной частицы очень своеобразно. С одной стороны, совр. теория М. приписывает ей в сущности такие же свойства, как и реальной частице, и обязана учитывать эти свойства при расчете любых явлений, в к-рых играет роль обмен виртуальными частицами. С др. стороны, виртуальные частицы рассматриваются только как возможные объекты, а отнюдь не как реально образовавшиеся; промежуточные процессы с их участием могут происходить с нарушением закона сохранения энергии, что немислимо для реальных частиц. Смысл виртуальных частиц состоит в том, что поле реальной частицы нек-рым образом характеризуется всей совокупностью виртуальных частиц, его «окужающих»; каждый электрон (вообще М.) окружен «облаком» (или «шубой») виртуальных частиц. Введение этого понятия оказалось оправданным.

Изложенный метод рассмотрения превращений М. применяется не только к фотонам и электронам (позитронам), но и, в принципе, к любым элементарным частицам. Мезон и нуклон также рассматриваются как «кванты» соответств. полей, рождающиеся при нек-рых пороговых энергиях, соответствующих массам этих частиц. Уравнение поля мезона (закон его движения) связано со значением его спина, равного нулю; уравнение движения нуклона — со спином, равным половине.

Нуклоны связаны друг с другом мезонным полем; это значит, что взаимодействие нуклонов осуществляется в результате обмена виртуальными мезонами. Однако, в отличие от квантовой теории электронного поля, теория поля нуклонов дает лишь качеств. картину взаимодействий и превращений. Картина превращения здесь усложняется тем, что у нуклона имеется также ядерный заряд. В совр. теории элементарных частиц любая М. несет много зарядов, т. е. она взаимодействует с различными полями. Поэтому во взаимодействии с М. разного вида она проявляет различную «виртуальную» структуру.

Теория превращения М. применима не только к элементарным частицам, но и к квантованным волновым процессам в твердых телах: коллективные, согласованные движения реальных частиц в твердом теле образуют новые микрообъекты, «квазичастицы», к-рые могут рассеиваться, превращаться в др. квазичасти-

цы. Напр., тепловые неупорядоченные волны в твердых телах также квантованы, и такая элементарная волна — фонон — может рассматриваться как квазичастица с определенной энергией, импульсом, нулевым спином. Фонон, сталкиваясь, напр., с электроном, исчезает, а вместо него может родиться другой фонон. Движение и взаимодействие квазичастиц могут быть рассмотрены методами квантовой теории поля. Именно на основе квантовой теории поля была раскрыта природа такого загадочного явления, как сверхпроводимость.

Трудности и противоречия квантовой теории поля. Квантовая теория полей представляет собой дальнейшее развитие и обобщение теории движения М.— квантовой механики. В самом деле, движение электрона есть частный случай его превращения. Поскольку электрон непрерывно взаимодействует со средой, его движение может рассматриваться как «самовоспроизведение», как непрерывное «исчезновение» и «рождение», сопровождающееся обменом со средой виртуальными фотонами. В свете квантовой теории поля стали более понятными такие свойства М., как тождественность одинаковых М.

Однако теория превращения М. (квантовая теория поля), в отличие от теории их движения (квантовой механики), представляет непоследовательную и приводит к трудностям и противоречиям. Примитивность трактовки превращения М. обусловлена рассмотрением их как возбуждений линейных осцилляторов различных типов (электронных, электромагнитных, мезонных и т. д.), не связанных друг с другом. Теория представляет М. как независимые, со «своими» вакуумами. В качестве исходного пункта квантовой теории поля берется свободная, ни от чего не зависящая частица, с заданными, ничем не обусловленными свойствами. Каждая частица принадлежит «своему» полю, и ее связи с др. частицами выступают как внешние и случайные. Превращения простейших М. первоначально рассматривались в квантовой теории поля не как многостадийный процесс, а как ряд единичных нерасчлененных актов рождения или исчезновения. В этом отношении характерна теория распадов неустойчивых элементарных частиц (теория слабых взаимодействий), в к-рой распад представлялся как непосредственное превращение исходной частицы в конечные, без промежуточных этапов. В действительности, как показали исследования последних лет, элементарные частицы образуют единую систему, состоящую из опред. «подсистем» (барионы, мезоны, лептоны). Свойства всех элементарных частиц взаимосвязаны, каждая частица «многоструктурна». Наконец, при взаимодействиях большой энергии понятие частицы как выделенного индивидуума вообще теряет смысл.

Квантовая теория поля приводит к трудностям. Поскольку рождение и исчезновение частицы рассматривается как происходящее в точке пространства и мгновенно (а точечность взаимодействия, или его локальность, есть осн. условие совместности теории с теорией относительности), то получается вывод, что собств. энергия точечной М., обусловленная ее взаимодействием с бесконечным множеством осцилляторов, должна быть бесконечной. Квантовая теория поля не знает такого принципа отбора, к-рый позволил бы выделить из бесконечного числа этих виртуальных взаимодействий наиболее вероятные, поскольку влияние всех осцилляторов на М. считается одинаковым. Поэтому она избавляется от получающихся в ней лишенных реального смысла бесконечных значений массы М. при помощи искусств. методов (т. н. перенормировки). Однако и эти методы применимы не ко всем типам полей.

Мысль об «одноактном» нерасчлененном характере превращения в свое время, в начальный период формирования квантовой теории, соответствовала господствовавшим тогда взглядам на элементарные частицы как на предельно простые, бесструктурные точечные объекты. Но с тех пор была доказана несостоятельность этих представлений. С филос. т. зр., наличие у любого объекта совокупности опред. свойств может быть следствием только опред. структуры объекта и опред. типов его взаимодействий с др. объектами. Исследования, проведенные после 1955, показали что у таких элементарных частиц, как протон и нейтрон, действительно имеется устойчивая динамич. структура, к-рая может рассматриваться как опред. пространственное распределение в частице электрич. заряда и магнитного момента. По совр. взглядам нуклон имеет сложное строение, он как бы окружен внешней атмосферой виртуальных пи-мезонов, по к-рой расположен слой виртуальных ка-мезонов, а затем и виртуальных нуклонных пар; разумеется такая модель нуклона является заведомо упрощенной, но сложность строения нуклона бесспорна. Многоступенчатость процессов превращения элементарных частиц доказывается наличием цепочек последовательных распадов.

В 60-х гг. были открыты промежуточные, весьма короткоживущие элементарные частицы (с временем жизни 10^{-22} — 10^{-23} сек), т. н. резонансные частицы. Выяснилось, что мн. резонансные частицы обладают большими значениями спина, что позволяет рассматривать их как возбужденные состояния более устойчивых долгоживущих частиц. На основе этих открытий создана единая (унитарная) систематика барионов и мезонов (включая резонансы), позволяющая объединить их в группы (октеты и декаплет); частицы каждой группы имеют одинаковое значение спина и четности. Значение этих работ по систематике очень велико, они, по-видимому, сыграют такую же роль в физике элементарных частиц, какую периодич. система Менделеева играла в физике атома.

Следует отметить также предпринимавшие в последние годы поиски промежуточных форм в процессах распада (т. н. промежуточных бозонов).

Вопрос о путях разрешения трудностей и противоречий квантовой теории поля решается по-разному. Согласно одной т. зр., трудности теории проистекают от стремления раскрыть слишком детально «механизм» действия поля последовательно в пространстве и времени; действит. задача теории, с этой т. зр., заключается в том, чтобы по заданным параметрам частиц до взаимодействия определить вероятности появления в результате взаимодействия опред. числа других (или таких же) частиц с опред. параметрами и импульсами (т. н. метод матрицы рассеяния, предложенный Гейзенбергом). То, что происходит при непосредств. столкновении, считается не подлежащим исследованию (это «черный ящик»). Однако знание амплитуды рассеяния позволяет раскрыть «динамич. структуру» М. Здесь достигнуты частные успехи.

Другой путь, более радикальный — это создание единой теории поля; значит. вклад в решение этой задачи также внесен Гейзенбергом. В основу ее положен единый закон взаимодействия первичной материи. Из общего уравнения должен получаться спектр масс и спинов всех элементарных частиц, а также значения зарядов, связывающих частицу с «миром».

К созданию единой теории с необходимостью приводит и унитарная симметрия. В связи с ней были сделаны попытки по-новому осмыслить сущность вакуумного «фона». На этом пути, возможно, удастся включить в единую теорию простейших форм материи также и гравитацию. Т. о., совр. квантовая теория вплотную подошла к задаче выработки нового, более глубокого

понятия *M.* как структурного образования, возникающего как частица за счет поля системы др. частиц. Наряду с этим выясняется необходимость развития представлений о пространстве и времени в микромире (квантование пространства и времени, нелокальная теория). Подробнее см. в ст. *Пространство и время.*

Философские проблемы квантовой теории.

Обобщенный «образ» *M.* и его философский смысл. Коренное преобразование физич. представлений о *M.*, происшедшее при создании и разработке квантовой теории, внесло радикальные изменения в общую картину мира. Существенно обогатились понятия материи, движения, взаимодействия, частицы, системы, пространства и времени. Прежде всего физика освободилась от метафизич. представления о «кирпичах мироздания», об извечно существующих простейших частицах материи, — представления, давно отвергнутого философией диалектич. материализма. Выяснилось, что и фундаментальные *M.* рождаются и исчезают, испытывая многообразные превращения. Это обстоятельство вынуждает рассматривать их как особые состояния единой материи, обладающие специфич. внутренними связями, специфич. структурой. Эти структуры еще только начали изучать, представления о них еще примитивны, но их наличие проявляется в том, что каждый тип простейших *M.* характеризуется своим особым уравнением движения, включающим в себя определ., типичный для этой *M.*, комплекс осн. параметров.

Изменилось понятие частицы. Классич. представление о частице как обособл. индивидууме, резко ограниченном от своего окружения, обладающем «своим» движением по данной траектории, действующем как целое и испытывающем внешние воздействия только в данном месте (данной «точке»), сменилось представлением о *M.* как относительно индивидуальной, не обладающей ни строго определ. местоположением (координатой), ни строго выделенным собств. движением (импульсом и кинетич. энергией), «чувствующей» воздействие поля во всей области своей локализации; освобождаясь от связи с данной системой, становясь «свободной», *M.* приобретает индивидуальное движение («свой» импульс), но детализуется; и наоборот, будучи «привязана» к малой области, локализуясь в ней, *M.* теряет индивидуальное движение. Входя в к.-л. систему наряду с др. такими частицами, *M.* оказывается лишь функциональной частью системы; она «неотличима» от др. таких же частиц. Во всем этом проявляется двойств. природа *M.*, наличие у них волновых черт.

Существование частицы как целого в квантовой теории рассматривается как следствие дискретности ее внутренних изменений; она характеризуется определенными квантовыми числами (в широком смысле).

Изменилось понятие движения (перемещения). Двойств. характер движения *M.* вынуждает отказаться от классич. представления о переносе себе тождественной частицы по определ. траектории. Высказывались мнения, что процесс движения представляет собой регенерацию *M.*, воспроизведение ее в др. месте (Ф. Бопп, Я. И. Френкель и др.). Идея регенерации *M.* различной степени сложности слабо разработана; для элементарных *M.* она естественно вытекает из всей совокупности понятий квантовой теории поля, рассматривающих само существование *M.* как процесс непрерывного обмена виртуальными частицами со средой, в частности с вакуумом. Рассмотрение движения как воспроизведения *M.* в др. месте связано и с квантовым пониманием взаимодействия *M.* с другими как процесса «обмена» общими материальными элементами.

Кардинальное значение для общей картины мира имеет понятие согласования движений *M.* Мы встречаемся здесь с совершенно новой, неизвестной классич. физике идеей интегрального, «несловового» взаимодействия движений многих одинаковых *M.*, входящих в одну систему: таков, по-видимому, смысл принципа Паули. Согласование движений *M.* соответствует их волновой природе.

Таков «образ» *M.*, суммирующий ее наиболее общие черты, и этот «образ» гораздо глубже проникает в сущность вещей, чем концепция материальной частицы, ее движения и взаимодействия, к-рая существовала в классич. физике.

Появилась возможность понять, опираясь на физич. теорию, каким образом при столь малом «ассортименте» устойчивых элементарных частиц могло появиться в природе множество качественно различных видов материальных образований, к-рые отнюдь нельзя сводить к конгломерату этих простейших частиц. Ибо из одного и того же «набора» частиц могут формироваться существенно различные системы. Стало ясно, что специфич. свойства каждой системы имеют своего специфич. материального носителя. Структурные элементы системы отнюдь не совпадают с теми *M.*, на к-рые система может быть разложена в пределе. Структурный элемент системы — это атом в молекуле, сегмент в макромолекуле, домен в ферромагнетике; причем атом, как часть молекулы, отнюдь не тождествен по ряду своих свойств свободному атому. Можно сказать, что в значит. степени свойства частицы определяются системой, частью к-рой она является. Т. о., физика приходит к диалектич. пониманию соотношения части и целого; в филос. отношении физика прошла за последние 40 лет тот же путь, к-рым проделала, напр., политич. экономия, отказавшись от понимания общества как совокупности независимых индивидуумов («робинзонов») с извечными свойствами и перейдя к рассмотрению человека как существа социального.

Именно эти идеи, представляющие собой конкретизацию и развитие воззрений диалектич. материализма на материю и движение, предопределили огромные успехи квантовой физики в решении многообразных проблем строения материи.

Разумеется, диалектически противоречивый «образ» *M.*, формирующийся на основе квантовой теории, отнюдь не представляет собой модели в обычном понимании и не является чем-то завершенным. Как уже было отмечено, совр. квантовая теория еще далека от ответа на многие вопросы, выдвигаемые экспериментом. Не существует удовлетворит. теории превращения *M.*; недостаточно ясна и сущность волновых свойств *M.*, — др. словами, природа ее движения. Более того, нет единого понимания физич. сущности квантовой теории. Осн. ее положения получили принципиально различное истолкование со стороны физиков и философов разных направлений. Сами творцы квантовой теории вкладывали различный смысл в соотношения, образующие формальный аппарат квантовой механики. Это объясняется тем, что квантовая теория была создана на основе ряда математич. гипотез, физич. смысл к-рых первоначально был неясен.

Философская дискуссия об основных понятиях квантовой механики. Принципиальные разногласия возникли сразу же при истолковании исходных для квантовой теории соотношений де Бройля, выражающих двойств. природу *M.* В чем физич. смысл двойственности, как представить себе связь корпускулярных и волновых величин?

Сам Л. де Бройль сначала придерживался взглядов, получивших название (в несколько упрощенном

варианте) концепции волны-пилота. Согласно этой концепции, частица и волна сосуществуют, причем волна «ведет» за собой частицу (отсюда название). Частица — это локальное матеральное образование (типа волнового пакета), почему-то сохраняющая свою устойчивость; частица является единств. реальным объектом с динамич. свойствами, поскольку именно она обладает энергией и импульсом. Ведущая же «пси-волна» лишь управляет характером движения частицы. Сама пси-волна не несет энергии; значение ее амплитуды в каждой точке пространства определяет лишь вероятность локализации частицы вблизи этой точки. Движение частицы (по неизв. причинам) согласовано с этим «бесплотным» объектом. Кроме того, если пси-волна проходит через среду, от к-рой она частично отражается, то та часть волны, с к-рой частица в дальнейшем оказывается не связанной, вообще исчезает. Все это построение настолько неестественно, что сам де Бройль от него вскоре отказался. Концепция де Бройля возродилась только в 50-х гг., но существенно видоизмененная (см. ниже).

Э. Шрёдингер пытался представить частицу как чисто волновое образование, т. е. по сути дела упразднить идею двойственности. По Шрёдингеру, частица представляет собой волновой пакет; с этой т. зр. волна первична, а частица есть лишь место наибольшей концентрации энергии волны. Но в таком случае нельзя понять устойчивости М. при любых процессах, поскольку волновой пакет расплывается за ничтожную долю секунды даже при свободном движении. Кроме того, в замкнутой микросистеме — атоме или молекуле — пси-волна электрона распространена с заметной амплитудой во всем пространстве системы. Но тогда непонятно, почему столкновение быстрой частицы с атомарным электроном происходит локально, вблизи к.-л. точки внутри атома.

Т. о., создать наглядную модель М. в духе классич. физики оказалось невозможным. На первый план выступила противоположная концепция, нашедшая свое выражение в работах Гейзенберга и Бора и получившая широкое признание.

Гейзенберг разработал в 1925 другой вариант квантовой механики, исходя из др. соображений, чем Шрёдингер. Гейзенберг искал такой способ описания внутриатомных процессов, к-рый находился бы в соответствии с дискретным характером испускаемого атомом спектра излучения, зависящего и от начальных и от конечных состояний атома. Представление об электроне, к-рый движется в атоме по опред. орбите, оказывается явно не соответствующим этому требованию. Не следует ли считать, что понятие орбитального движения атомарного электрона вообще должно быть исключено из теории, поскольку оно противоречит опыту, и заменено другим способом описания? Гейзенберг нашел такой способ: движение атомарного электрона считается не орбитальным, а колебательным процессом, характеризуемым не обычными координатами и импульсами, а др. величинами — т. н. матрицами координат и импульсов, связи между к-рыми лишь аналогичны классическим. Гейзенберг показал, что при таком способе описания движения электрона имеют место соотношения неопределенностей между координатой и импульсом. В дальнейшем была доказана эквивалентность способов описания движения М., найденных Гейзенбергом и Шрёдингером.

В отличие от Шрёдингера, Гейзенберг отказывается от наглядного представления движения атомарного электрона. Однако какова же связь между результатами измерения явлений микромира и тем, что там действительно происходит? Ответ Гейзенберга на этот вопрос, данный им в 1925—27 гг., заключался в следующем. По Гейзенбергу, физика должна пользоваться только такими понятиями и величинами, к-рые

основаны на измерениях; все, что принципиально не поддается измерению, должно быть изгнано из науч. языка (начало принципиальной наблюдаемости). Отсюда и проистекает та интерпретация квантовой механики, к-рая была дана в 1928—29 Гейзенбергом и Бором. Согласно этим взглядам, наука в конечном счете имеет дело только с показаниями макроскопич. приборов, стоящих «на выходе» любой экспериментальной установки и дающих на макроскопич. языке показания в виде таких величин, как координата, импульс, энергия, момент и т. д. Но описания движения М. в классич. смысле слова, т. е. значения ее координаты и импульса в каждый момент времени, макроприбор не может дать вследствие принципиально неполной контролируемости взаимодействия любого прибора с М., обусловленной атомизмом действия; имеют место соотношения неопределенностей, в силу к-рых измерение координаты нарушает возможность одноврем. измерения импульса, и обратно. С этой т. зр. соотношения неопределенностей по сути дела являются соотношениями неточностей измерения. Именно вследствие этой (принципиальной) неточности любые предсказания теории носят вероятностный характер; при этом вероятность понимается как следствие принципиальной неполноты сведений о движении М. Отсюда было сделано заключение о крушении принципа причинности в старом его понимании, поскольку наука не в состоянии предсказать точные значения динамич. характеристик М. С этой т. зр. волновая функция рассматривается как «запись сведений» о вероятных проявлениях М.

Дальнейшее развитие этих идей (гл. обр. Н. Бором) известно под названием копенгагенской трактовки квантовой механики. В качестве осн. положения квантовой механики эта трактовка принимает принцип дополненности (см. *Дополнительности принцип*), к-рый рассматривается как универсальный принцип познания. На первый план выдвигается идея, что теория движения М. вынуждена принимать в качестве исходных параметров классич. величины, измеряемые (на выходе экспериментального устройства) макроприборами. Атомизм действия приводит к невозможности пользоваться одновременно двумя классами приборов — измерителями координаты и измерителями импульса. Отсюда получается соотношение неопределенностей и, как следствие, необходимость вероятностного описания состояния М. Согласно этой трактовке, квантовая теория вынуждена описывать состояние М. классич. величинами — координатой и импульсом (и их функциями). Приписывать эти величины самой М. не имеет смысла, ибо они создаются в процессе измерения, т. е. взаимодействия М. с макроприбором того или иного класса. Однако специфическая связь этих величин, обнаруживаемая квантовой механикой и характерная для данного состояния М., напр., опред. закон распределения возможных значений координаты или другой динамич. величины, дает объективную картину состояния М.

Трактовка квантовой механики, к-рая была дана копенгагенской школой, представляла собой отказ от создания классич. модели М.; именно в отказе от представления о движении М. по орбите, к-рое считалось естественным и неизбежным, и заключается глубокий рациональный смысл начала принципиальной наблюдаемости. Это «начало» выдвигалось Гейзенбергом в качестве принципа познания и в дальнейшем (в 1943) в его критике квантовой теории поля, когда он предложил отказаться от попыток детальной характеристики процессов столкновения (взаимодействия) М., заменив ее т. н. матрицей рассеяния, связывающей между собой параметры состояния М.

до столкновения и после него. Гейзенберг руководствовался при этом идеей, что при сильных столкновениях взаимодействие частиц вообще не может быть выражено в функции от расстояния между ними; он предполагал, что существует минимальная четырехмерная «длина», в пределах к-рой понятие расстояния вообще лишается смысла. Хотя квант «длины» пока не обнаружен, но возможность его существования вероятна (подробнее см. *Пространство и время*).

Принцип дополнительности также содержит важную и правильную идею о возможности отражения динамич. свойств M . только через совокупность противоположных понятий. Большое значение имел анализ процесса измерения в квантовой теории, данный Бором, к-рый убедительно показал невозможность возврата к классич. представлениям.

Однако поскольку в изложенной трактовке квантовая теория рассматривается как специфич. форма познания свойств M . с помощью макроприборов, вопрос о природе M ., о присущих ей объективных свойствах затухивался, а в нек-рых ранних работах даже объявлялся несущественным. Характерным в этой связи является высказывание Гейзенберга в его ранней монографии по квантовой механике (1930). Гейзенберг писал, что поскольку координата M . и ее импульс порознь измеримы сколь угодно точно, можно представлять себе, что до измерения M . двигалась по траектории; тем не менее вводить понятие траектории в физику неправомерно, т. к. мы принципиально не можем ее измерить (см. «Физические принципы квантовой теории», M ., 1932, с. 24).

Отсюда следует, что науч. знание не относится к самой M ., как к объекту исследования; микрообъект выступает в неразрывной связи с прибором, или, по словам Гейзенберга, с изучающим его субъектом. Понятие физич. реальности оказывается, по Гейзенбергу, отличным от объективной реальности самой по себе, ибо физич. реальностью является не M ., а лишь совокупность ее возможных проявлений. Гейзенберг призывает объективный характер тех закономерностей M ., к-рые открывает квантовая механика, но вместе с тем он подчеркивает, что объективные знания о M . мы получаем только с помощью неадекватных характеристик M .

Из этих высказываний были сделаны позитивистские выводы, к-рые получили в 30 — 40-х гг. широкое распространение в зарубежной филос. литературе. Начало принципиальной наблюдаемости было истолковано сторонниками позитивизма в том смысле, что физич. теория вообще должна содержать только «принципиально наблюдаемые», измеримые величины. Из статистич. характера квантовой теории делалось заключение об индетерминизме явлений микромира. Принцип дополнительности был истолкован в духе *операционализма* и объявлен основным теоретико-познавательным принципом любой науки.

Позитивистские взгляды в квантовой механике подверглись всесторонней критике со стороны ряда философов и физиков как в СССР, так и за рубежом, к-рая вскрыла несостоятельность этих взглядов. Было показано, что начало принципиальной наблюдаемости само по себе без положит. программы, не позволяет решить заранее, до создания теории, наблюдаема ли данная величина или нет. Более того, в самой квантовой теории содержатся заведомо ненаблюдаемые величины и объекты, напр. виртуальные частицы; наблюдаемы лишь реальные частицы, однако понятие виртуальной частицы существенно необходимо для этой теории; число таких «ненаблюдаемых» величин все время возрастает.

Несостоятельны рассуждения о принципиально неполной контролируемости взаимодействия прибора с M . Неправомерно ставить вопрос о неконтролируемости величин, к-рых не существует в природе. В частности, координата и импульс M . не измеримы одновременно не потому, что взаимодействие M . с прибором не контролируемо, а потому, что M . объективно одновременно не обладает точными значениями этих величин в силу своей двойств. природы.

Неверно утверждение об индетерминированности явлений микромира, ибо причинность отнюдь не сводится к возможности однозначно предсказывать координату и импульс M .; необходимая и однозначная связь между изменением состояний во времени и взаимодействием, содержащаяся в уравнении Шрёдингера, и выражает причинную зависимость в микромире.

Наконец, и принцип дополнительности явился следствием и развитием соотношений неопределенностей, выражающих двойств. природу M .; сам же эти соотношения выражают не «предел познания», а напротив, вскрывают новые связи между координатными и импульсно-энергетич. характеристиками M .

Было подвергнуто критике утверждение, что динамические характеристики M . представляют собой макроскопические величины, приписываемые M . В действительности величины, характеризующие состояние M ., являются объективными ее характеристиками. В самом деле, нелокализованный свободный электрон, не связанный с какой-либо определенной системой, обладает определен. значением импульса вовсе не потому, что этот импульс измерен прибором, а до измерения. В противном случае было бы непонятно, почему эта величина сохраняется при любых взаимодействиях M .; ведь импульс является существ. мерой движения именно потому, что он подчиняется закону сохранения. Следовательно, импульс нельзя рассматривать только как классич. величину, создаваемую макроприбором. Столь же неправомерно утверждать, будто локализация электрона, находящегося в состоянии сильного столкновения с к.-л. массивной частицей, создана измерит. прибором, косвенно регистрирующим последствия этой локализации. Координата является объективной характеристикой состояния самой M . в определ. условиях, к-рая лишь регистрируется макроприбором, а отнюдь не создается им. Конечно, понятие координаты M . сложнее, чем аналогичное понятие в классич. физике. Во-первых, потому, что определ. локализация M . создается при взаимодействии M .; во-вторых, вследствие двойств. природы M . точечная ее локализация требует бесконечно большой энергии, что делает иллюзорной саму точечность, ибо при этом может произойти размножение M . Следовательно, понятие координаты M . имеет свою специфику, но она вовсе не создается только в процессе измерения макроприбором.

Было подвергнуто анализу понятие прибора и показано (В. А. Фок и др.), что следует различать те части макроприбора, к-рые играют роль макроусловий, и регистрирующую часть прибора. Напр., в опыте по дифракции электронов часть устройства, где «приготавлиется» электронный лучок, и дифракционная решетка создают условия, определяющие состояние электрона. Экран же или фотопластика только регистрируют места попадания дифрагированных электронов. Первые две части устройства ничем не отличаются от аналогичных естеств. объектов (напр., тонкой кристаллич. пленки, через к-рую пролетает никем не «измеряемый» электрон).

В последние годы происходит отход ряда физиков от нек-рых неправильных представлений. Напр., в

своих последних работах Бор уже не говорил о частичной неконтролируемости, об акаузальности и т. п. (см. его статью в «Вопросах философии», № 8, 1964). В последних работах Гейзенберга также содержится критич. высказывания по адресу позитивизма. В своей книге «Физика и философия» он пишет, что «...объективность является высшим критерием ценности научных открытий» и «...квантовая теория соответствует этому идеалу» (указ. соч., М., 1963, с. 34). Специфика квантовой теории, по Гейзенбергу, состоит в том, что выделение М. из окружающего мира (к-рый описывается классич. понятиями) неоднозначно. Способ выделения М. оказывается различным при измерении ее импульса или координаты; отсюда получается дополн.тельность. Т. о., исходным фактом для квантовой теории является относит. индивидуальность микрообъекта.

Т. о., тот факт, что определ. состояние электрона существует не само по себе, а зависит от фиксированных условий, в к-рых он движется (в частности, осуществляемые и в макроприборе), был истолкован на «приборном языке». Разумеется, само по себе применение «приборного языка» еще не означает позитивистского истолкования квантовой теории. Но этот язык не безразличен для содержания М. при этом выступает односторонне: взаимосвязь динамич. характеристик М. предстает как их внешняя дополн.тельность друг другу, тождественность одинаковых М. — как их «неразличимость» и т. п. Объективное развитие квантовой теории показало недостаточность такого истолкования.

Проблема полноты квантовой теории и дискуссия о ее перспективах. Дискуссия между различными направлениями в связи с истолкованием осн. положений квантовой теории привлекла внимание к проблеме — можно ли вообще считать ее полной теорией движения М. Этот вопрос был впервые поставлен Эйнштейном в 20-х гг. Осн. мысль Эйнштейна заключается в том, что квантовую механику по самой постановке задач следует рассматривать как статистич. теорию, исследующую закономерности, к-рые относятся только к ансамблю М., но не к отд. М. По мнению Эйнштейна, каждая М. в действительности обладает одновременно опред. значениями и импульса и координаты, т. е. является всегда строго локализованным объектом. Постановка же задачи квантовой механики такова, что она не в состоянии точно определить значения этих величин; в этом отношении квантовая механика не отличается от классич. статистики. Эйнштейн неоднократно пытался доказать, что соотношения неопределенностей должны рассматриваться как следствие неполноты квантовой механики. Рассмотрим, напр., альфа-радиоактивный атом. Согласно квантовой механике, время его распада неопределенно; однако вылет альфа-частицы с опред. энергией, говорит Эйнштейн, происходит в опред. момент времени и этот момент можно было бы измерить, напр., счетчиком частиц. Значит, все дело в том, что мы пока не умеем одновременно измерять изменение энергии М. и момент этого изменения, поэтому мы не в состоянии его заранее предсказать. Др. словами, существуют ск р ы т ы е п а р а м е т р ы, но пока неизвестные. Поэтому квантовая механика, по мнению Эйнштейна, является существенно неполной теорией движения М. Для подтверждения этих взглядов Эйнштейн пытался доказать, что описание данного состояния М. при помощи определ. волновой функции является неполным.

Воззрения Эйнштейна были подвергнуты критике (Н. Бор и др.). Анализируя мысленные опыты, предложенные Эйнштейном, Бор показал, что в действительности возражения Эйнштейна несостоятельны. Напр., в случае вылета α -частицы из радиоактивного

ядра принципиально не существует устройств, к-рые точно определили бы и момент вылета α -частицы, и ее энергию в этот момент. По сути дела, взгляды Эйнштейна основаны на отрицании возможности существования объективно неопределенных величин. Но если принять, что М. обладает только определ. динамич. характеристиками, подобно классич. частице, то присущие М. волновые черты оказываются загадкой. Если М. — локальное образование, при всех условиях имеющее центр масс, движущихся по определ. траектории, то туннельный эффект — просачивание М. через потенциальный барьер при условии сохранения ее целостности — вступает в противоречие с законом сохранения энергии. На самом деле М. не является резко отграниченным индивидуумом, и ее динамич. параметры зависят от фиксированных условий ее существования. Именно объективная неопределенность динамич. характеристик М. является причиной статистичности квантовой теории, а отнюдь не «полузнания» этих параметров.

В дискуссии высказывались различные соображения о причинах статистичности. Указывалось, в частности, что вероятностный характер закономерностей М. обусловлен тем, что характеристики поля, влияющего на движение М. (потенциал поля), являются осредненными, и, следовательно, не учитываются флуктуации поля, к-рые и создают разброс значений динамич. параметров М. Эти соображения, по-видимому, являются недостаточными. Необходимо учесть и др. сторону, именно, волновые свойства М., сущность к-рых еще полностью не раскрыта. Исходя из сказанного, нельзя согласиться с Эйнштейном, что задача будущей теории М. заключается в точном предсказании координаты и импульса М. Двойств. природа М., относительность ее индивидуальности исключают такую постановку задачи. Поэтому возврат к классич. представлениям о движении и взаимодействии М. в процессе дальнейшего развития теории невозможен.

Разумеется, существует возможность создания физической теории, к-рая будет изучать совершенно новый круг явлений, лежащих на более глубоком уровне материи и характеризующихся вообще иными параметрами. Но пока нет никаких экспериментальных фактов, подводящих к этому кругу проблем.

Спор о дальнейших путях развития квантовой механики вступил в новую стадию в начале 50-х гг. в связи с противоречиями квантовой теории поля, с одной стороны, и обострением филос. дискуссии, с другой. В начале 50-х гг. появились работы Д. Бома, снова обратившегося к представлениям волны-пилота, высказанным де Бройлем. Бом рассматривает пси-волну как реальное поле, связанное с М. и действующее на нее наряду с обычным полем, напр. электромагнитным; Бом называет пси-функцию квантово-механич. потенциалом. Бом предполагает, что в очень малых областях вблизи частицы (10^{-13} см) закономерности пси-поля могут отличаться от известных.

Идея Бома была встречена критически не только сторонниками копенгагенской школы, но и рядом ее противников. Дело в том, что у Бома волна и частица лишь внешним образом связаны друг с другом. С одной стороны, пси-поле действует на электрон с опред. силой, с другой — пси-поле, в отличие от других полей, не излучается. Отрываясь от электрона (напр., при разделении волнового пакета на несколько пакетов, движущихся в разных направлениях), пси-поле бесследно исчезает, не унося с собой энергии и импульса. Нет смысла указывать на другие противоречия и недостатки концепции волны-пилота.

Работы Бома послужили толчком к возрождению более последоват. концепции «двойного решения»,

в свое время также выдвинутой де Бройлем. Здесь частица рассматривается как особое место — т. н. «сингулярность» пси-волны, характеризующаяся тем, что в области, занимаемой ею, действуют нелинейные закономерности. Др. словами, частица представляется как особое образование, возникающее в самом пси-поле, как «релятивистская капля», движущаяся в сплошной среде, но сохраняющая вместе с тем свою индивидуальность. Сотрудник де Бройля П. Вижье выполнил ряд исследований, в к-рых поставил себе целью синтезировать идеи квантовой механики и общей теории относительности. Работы физиков этого направления имеют целью не только дать новое толкование теории движения М., но и создать более рациональную теорию их превращения. Однако в этом направлении достигнуты лишь отд. результаты. Осн. недостаток этого направления, по-видимому, заключается в том, что здесь сохраняется слишком большая степень индивидуальности М. Поэтому можно сказать, что воззрения физиков этого направления слишком «классичны». К этому направлению примыкают и работы Л. Яноши, однако его представления менее «модельны».

В 50-х гг. в центре филос. дискуссии стал вопрос о природе элементарных частиц. Долгое время они рассматривались многими физиками как бесструктурные точечные объекты. Эта идея была подвергнута критике сторонниками диалект. материализма. Объективный процесс развития квантовой теории (в частности, и методов матрицы рассеяния) показал, что понятие бесструктурной частицы бессодержательно, что элементарные частицы обладают структурой и образуют единую систему. Совр. теория элементарных частиц приняла эту точку зрения.

Анализ филос. исследований, связанных с проблемами М., показывает, что они имеют важное значение не только для уяснения более далеких перспектив теории М., но и для решения принципиальных вопросов совр. квантовой физики. Сюда относятся, прежде всего, вопрос о сущности элементарной частицы.

Заслуга философии диалект. материализма заключается в том, что она вскрыла сущность тех глубоких преобразований, к-рые испытывали за последние полвека науч. представления о простейших формах материи, их движении и взаимодействии. Была доказана несостоятельность субъективистского понимания теории М. Однако недостаточная разработанность ряда филос. понятий привела к тому, что роль науч. философии в развитии физики М. оказалась недостаточно эффективной.

Нет сомнения, что позитивистские взгляды на законы движения и превращения М. сыграли отрицат. роль в развитии квантовой теории. Убеждение, что квантовая теория ведет не к раскрытию сущности микроявлений, а к границе познания, обусловленной относительностью разделения на объект и субъект и связанной с этим произвольностью понятий, входящих в теорию М., и отказ от создания единого образа М. замедлили развитие и теории элементарных частиц и ряда др. разделов физики. Объективный ход развития физики опровергает позитивистские концепции и вынуждает их сторонников к отказу от них.

На совр. этапе осн. филос. исследования направлены на дальнейшую разработку таких понятий, как понятия частицы, системы, структуры, движения, превращения, взаимодействия, формирующихся на основе теории М.

Лит.: Гайтлер В., Элементарная квантовая механика, пер. с англ., М., 1948; его же, Квантовая теория излучения, пер. с англ., М., 1956; Иваненко Д. и Соколов А., Квантовая теория поля, М.—Л., 1952; Философские вопросы современной физики, [Сб. ст.], М., 1952; К., 1956; М., 1958; М., 1959; Вопросы причинности в квантовой механике. Сб. переводов, М., 1955; Омельяновский М. Э., Философские вопросы квантовой механики,

М., 1956; Сачков Ю. В., О материалистическом истолковании квантовой механики, М., 1959; Дирак П. М., Принципы квантовой механики, М., 1960; Проблемы причинности в современной физике. [Сб. ст.], М., 1960; Во м Д., Квантовая теория, пер. с англ., М., 1961; Свидерский В. И., О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании, М., 1962; Борн Н., Атомная физика и человеческое познание, пер. с англ., М., 1961; Бройль Л. де, По тропам науки, пер. с франц., М., 1962; Блохинцев Д. И., Основы квантовой механики, 4 изд., М., 1963; Ландау Л. Д. и Лифшиц Е. М., Квантовая механика, М., 1963; Гейзенберг В., Физика и философия, пер. с нем., М., 1963; Борн М., Физика в жизни моего поколения. Сб. ст., М., 1963; Философские проблемы физики элементарных частиц. Сб. ст., М., 1963; Кузнецов И. В., Принцип соответствия в совр. физике и его филос. значение, М.—Л., 1948; Риченбах Н., Philosophic foundations of quantum mechanics, Berk.—Los Ang., 1946; «Dialectica», 1948, v. 2, № 7—8. Р. Штейнман. Москва.

МИКУЛАШ из Пельгржима [(Mikuláš z Pelhřimova), псевд. — Бискупец] (ок. 1385—50-е гг. 15 в.) — чешский религ. реформатор, один из идеологов гусизма. В 1409 М. получил звание бакалавра Пражского ун-та. Был одним из основателей Табора, хотя с начала 1421 принимал участие в ликвидации таборского радикализма. В 1420—52 был таборским епископом. В течение мн. лет вел идеол. борьбу в защиту программы городского Табора; является автором многочисл. таборских документов. В 50-х гг. 15 в. М. пишет «Таборскую хронику», представляющую собой осн. источник сведений об истории гусизма. После ликвидации таборской партии в 1452 М. был схвачен и заключен в тюрьму, где вскоре умер.

М. оказал решающее влияние на оформление учения Табора, содержавшее, в частности, одно из гл. положений гусизма, согласно к-рому народ имеет право судить и наказывать высшие сословия за несправедливые поступки. Вместе с тем М. еще более радикально, чем Гус, выступал с критикой церкви и ее вероучения; отрицал существование чистилища и почитание святых, отвергал идею перевоплощения, вместо 7 католич. таинств предлагал ограничиться двумя и т. д.

Соч.: Cronica causam Sacerdotum Thaboriensium continens et magistrorum Pragenses ejusdem impugnationes, в кн.: Höfler K., Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, t. 2, Bd 4, W., 1865, S. 475—822. Лит.: Nejedlý Z d., Prameny k synodám strany pražské a taborské v letech 1441—1444, Praha, 1900. Р. Калывода. ЧССР.

МИЛЕТСКУ-СПАФАРИЙ, Николаи Гаврилович (1636—1708) — молдавский ученый и политич. деятель, жил в России. Выступал против тур. ига, за присоединение Молдавии к России. В 1675 возглавил рус. дипломатич. миссию в Китае. Признавая сотворенность мира богом, М.-С. вместе с тем при объяснении явлений природы и развития материального мира исходил из существования «первоначал»: земля, вода, воздух и огонь. Высказал мысль о единстве пространства и времени. Признавал познаваемость мира.

Соч.: Описание первая части вселенная именуемой Азии..., Каз., 1910; Хрисмологон (рукопись, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина); Книга иероглифическая (рукопись, Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Лит.: Арсеньев Ю. В., Н. Спафарий и его время (Молдавский период), «Рус. архив», 1895, № 7; его же, Новые данные о службе Н. Спафария в России (1671—1708), М., 1900; Михайловский И. Н., Очерк жизни и службы Н. Спафария в России, К., 1895; Урсул Д., Филос. и общественно-политич. взгляды Н. Г. М.-С., Кишинев, 1955. В. Ермуратский. Кишинев.

МИЛЕТСКАЯ ШКОЛА — первая наивно-материалистич. и стихийно-диалектич. школа древнегреческой философии, представленная Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом. Название получила по имени Г. Милета в Ионии (зап. побережье М. Азии), цветущего в 6 в. до н. э. экономич. центра. В Милете, как и в др. полисах Ионии, бурное развитие ремесла и торговли вызвало возвышение торг.-пром. класса, к-рый, опережая экономически, завоевал осн. позиции в политич. жизни полиса. Вместе с падением власти родовых аристократии стали играть все меньшую роль и ее

традиц. представления. Обычные религ.-мифологич. представления о богах как внешних причинах всего происходящего в мире не отвечали запросам человека, стремящегося к естеств. объяснению явлений действительности. Возникает сомнение в достоверности мифов. Развитие математич., астрономич., географич. и др. знаний объясняется общим подъемом всех сторон обществ. жизни, в т. ч. развитием торговли, мореплавания, ремесла и строит. дела, а также использованием достижений восточной науки. Однако милетские философы развили нек-рые накопленные на Древнем Востоке знания, придав им более науч.-теоретич. характер. Представителям М. ш. свойственна была также связь с политич. деятельностью — Фалес был выдающимся политич. деятелем (он, напр., выдвинул идею панионийского союза), Анаксимандр основал милетскую колонию Аполлонию на побережье Черного моря и т. д.

Все милетские философы — стихийные материалисты; для них единая сущность («первоначало») многообразных явлений природы заключается «в чем-то определенно-телесном» (см. Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1955, с. 147): для Фалеса эта сущность — вода, для Анаксимандра — неопределенное и беспредельное первоначество (*apeiron*), для Анаксимена — воздух. В представлениях философов М. ш. о первоначале и закономерностях сущего сказываются эстетич. восприятие мира, связанная с этим деятельность художеств. воображения и образного мышления, пережитки мифологич., антропоморфич. и гилозоистич. представлений. Но в них отчетливо заметно становление собственно-теоретич. мышления; вода по Фалесу — это не просто вода, а жидкое начало вообще, *apeiron* по Анаксимандру уже не сводим к к.-л. виду материи, а воздух в понимании Анаксимена отличается от воды, как ее понимал Фалес, более подвижными (и, пожалуй, менее «опутимыми») свойствами. Милетские материалисты поднялись выше видимости и за многообразием явлений усмотрели «первоначало сущего», к-рое не возникает и не уничтожается, а «сохраняется навеки» (Аристотель). В такой постановке вопроса о соотношении единого и вечного материального начала и многообразия переходящих вещей отразился также наивно-диалектич. взгляд М. ш. на мир: Анаксимандр проводил идею единства и борьбы противоположностей, Анаксимен — перехода количества в качество (все тела образуются посредством сгущения или разрежения воздуха). Этот диалектич. взгляд на мир был связан также с идеей закономерности: «А из чего возникли все эти вещи, — говорил Анаксимандр, — в то же самое они разрешаются согласно необходимости» (А 9, Diels⁹). В мире господствует необходимость, или, что то же самое, принуждение, «законность» или «справедливость». Мировая справедливость определяет место и «меру» распространения каждой вещи во Вселенной. Закономерность смены явлений, по представлениям М. ш., — это некий циклич. процесс, своего рода ритм живого космоса и его жизнеопределяющих «начал» или «стихий» (воды, *apeiron*, воздуха). Однако идея закономерности носила у милетцев в значит. мере антропоморфич. характер. Так, у Анаксимандра антропоморфизм сказывается в использовании понятий «нечестивость», «наказание» и «возмездие» в их прямом смысле, хотя эти термины употребляются им одновременно и в переносном (метафорическом) смысле. Поэтому идея М. ш. о мировой необходимости или закономерности сохраняет еще сходство с мифологич. представлениями о роке (мойре). Вместе с тем она не тождественна религ.-мифологич. образам о сверхъестеств. силе, личном существе или высшем боге. Идея М. ш. о мировой справедливости, несмотря на свои антропоморфич. черты, частично совпадает с

представлением о естеств. законе, с понятием о естеств. причинной обусловленности всего происходящего в мире.

Милетские материалисты объявили природу свободной от вмешательства сверхъестеств. сил и существ, высказали догадку о вечности материального первоначала, указали на то, что явления мира подчиняются внутренне им присущему единообразному порядку (закономерности), а не произвольной воле богов. Признавая существование богов, они по существу не считали их создателями и управителями мира (напр., у Анаксимандра не бог, но *apeiron* «объемлет все и правит всем»).

Огромное значение для последующего развития науки имели их поиски естеств. причин происходящих процессов и стремление рационально обосновать свои утверждения. В природе, а «не вне ее» (Герцен) они искали причины всего происходящего. Но исследование природы, основанное на наблюдении и незначит. количестве опытных данных, неизбежно носило у них созерцат. и умозрит. характер, тем более, что естеств.-науч. представления и филос. воззрения составляли у них единое целое. Преобладание умозрения над опытом, художеств.-эстетич. восприятия мира над кропотливым анализом — характерная черта М. ш. Для милетских натурфилософов мир — это прекрасный и стройный порядок (космос), живое целое, к-рое человек созерцает, постигая силой своего мышления его сущность, общую закономерность, общую картину мира.

Рассматривая мир как живое целое, М. ш. не делала принципиального различия между живым и мертвым, психическим и физическим и признавала за неодушевленными предметами лишь меньшую степень одушевленности (жизни); сама же одушевленность («душа», психическое) рассматривалась как «тонкий» и подвижный вид первоначества. Поэтому, напр., Фалес наделял магнит «душой» и считал, что «душа» разлита во всем существующем и что «все полно богов» или душ в том смысле, что всем вещам присущ внутр. источник движения, активности или жизни.

Пережитки мифологии более характерны для философских, чем для естеств.-науч. идей представителей М. ш. Эти пережитки объясняются первоначальной связью философии с мифологией и вместе с тем наблюдаемой в Древней Греции близостью филос. мышления с искусством, переплетением философии с художеств. творчеством, а для последнего мифологии (к-рая была своего рода поэтич. творчеством), по словам Маркса, служила арсеналом и почвой (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 12, с. 736). Кроме того, уровень науч. знаний оставался недостаточным для полного преодоления мифологии. Пережитки мифологии относятся преимущественно к форме выражения, а не к содержанию идей М. ш. Зародившиеся в М. ш. науч. и филос. идеи оказали большое влияние на дальнейшее развитие материалистич. мысли Древней Греции.

Фрагм.: Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch, hrsg. von W. Kranz, 8 Aufl., Bd 1, Hamb., [1957]; на рус. яз. — в приложении к книге: Таннери П., Первые шаги древнегреч. науки, СПб, 1902, с. 3—13, 20—4; Макавельский А., Досократики, ч. 1, Каз., 1914, с. 9—24, 35—47, 51—7.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 14, М.—Л., 1931, с. 57, 138, 373, 340, 498, 651—52 — примечание; Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956, с. 131, 187, 199; Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38, с. 215, 244, 245; Герцен А. И., Письма об изучении природы, [М.], 1946, с. 86—96; История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 25—40; История философии, [т.] 1, М., 1957, с. 75—78; Лурье С. Я., Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета, М.—Л., 1947, с. 13—42; Соколов В. В., Античная философия, М., 1958, с. 5—7; Кессиди Ф. Х., Филос. и эстетич. взгляды Гераклита Эфесского, М., 1963, с. 44—49; Лосев А. Ф., История античной эстетики, М., 1963, с. 339—44; Seydel R., Der Fortschritt der

Metaphysik unter den ältesten ionischen Philosophen, Lpz., 1864; Covotti A., Dal mito alla scienza. La scuola di Mileto, «Atti di R. Acc. di sc. mor. e pol. di Napoli», 1918; Guérin P., L'idée de justice dans la conception de l'univers chez les premiers philosophes grecs de Thalès à Héraclite, P., 1934. Ф. Рецциди. Москва.

МИЛИЧ из Кромержижа (Milíč z Kroměříže) (ум. в 1374) — чешский идеолог и писатель, подготовивший идейную почву для гуситского революц. движения. Будучи прелатом, отказался от сана и стал проповедником аскетически-морализирующего направления в гусизме. Не расходясь теоретически с учением римско-католич. церкви, М. объективно содействовал подготовке революц. движения, обличая беззакония и проповедуя обмирщение церкви. Несмотря на преследования, М. выступал за созыв всеобщего церк. собора для реформы церкви. Учениками и последователями М. были Матвей из Янова и Фома Штитный.

Соч.: Libellus de Antichristo, 1367, опубли. в «Věstník Kralovské české společnosti nauk», Třída filosoficko-historicko-jazykozpytná, 1890, S. 325—36; ... list k papeži Urbanu V., 1367, опубли. там же, стр. 318—25; нов. изд.— Poslání papeži Urbanu V. Spisek o Antikristovi, přeložil P. Loskot, Praha, 1948.

Лит.: Палацкий Ф., Dějiny národu českého..., dl 3, č. 1, Praha, 1850; Кубал В., Milíčův sen, в кн.: Sborník prací historických, K šedesátým narozeninám J. Golla, Praha, 1906; Новотный В., Náboženské hnutí české ve 14. a 15. stol., č. 1, Praha, [1915]; Мачовес М., Husovo učení a význam v tradici českého národa, Praha, 1953. М. Маховец. ЧССР.

МИЛЛС (Mills), Чарлз Райт (28 авг. 1916 — 20 марта 1962) — амер. либеральный бурж. социолог. С 1956 — проф. социологии Колумбийского ун-та. В работах «Белый воротник» («White collar. The American middle classes», 1951, нов. изд. [1959]), «Властвующая элита» («The power elite», 1956; рус. пер. 1959), «Причины третьей мировой войны» («The causes of world war three», 1958), «Слушайте, янки» («Listen, Yankee. The revolution in Cuba», 1960) выступил с острой критикой антидемократич. тенденций во внутр. и внешней политике США. Показывая все усиливающуюся роль в жизни США узкого слоя буржуазии — «властвующей элиты», М. пишет: «Право принимать решения, относящиеся к прерогативам исполнительной власти, — решения, выносимые от имени Соединенных Штатов Америки, — предоставлено ныне узкой группе людей... По своему социальному облику... 435 членов палаты представителей и 96 сенаторов не представляют рядовых граждан... В сенате нет ни одного бывшего наемного промышленного рабочего, низкооплачиваемого служащего или сельскохозяйственного рабочего, а в палате представителей мы находим лишь одного или двух таких человек» («Властвующая элита», М., 1959, с. 318, 339, 340, прим.). Однако М. не дает правильного анализа объективной основы противоречий совр. обществ. развития.

М. резко критиковал ограниченность и абстрактный эмпиризм совр. амер. социологии, в особенности теорию социального действия Т. Парсонса (см. в кн.: «Социол. воображение» — «Sociological imagination», 1959), правильно подчеркивая ее апологетич. характер.

Исследуя «властвующую элиту», М. применил конструкцию из четырех понятий (класс, статус, господство, профессия), напоминающую теорию «идеальных типов» М. Вебера и теорию факторов. Поэтому понятие «властвующая элита» утрачивает конкретно-историч. характер. М. не выделяет в обществ. структуре определяющую основу — экономику общества. Отсюда и непонимание путей преобразования капиталистич. общества, к-рое М. критикует с большой остротой. С ненауч. трактовкой социальной структуры капитализма, а также с влиянием концепций М. Вебера и К. Манхейма связана и проповедь М.

мессианской роли интеллигенции, в к-рой он видел носителей разума и прогресса. Трактовка М. роли интеллигенции двойственна. М. правильно противопоставлял интересы интеллигенции гос.-монополистич. капитализму и нарушениям демократии. Но противопоставляя «свободу» интеллигенции всякой социальной организации вообще, М. отгораживал ее от рабочего класса, в революционность к-рого он не верил, и толкал тем самым интеллигенцию на ложный путь. Рассматривая марксизм как «одно из течений» зап.-европ. социологии 19 в., М. не понял его всемирно-историч. роли и ограничивал его сферу влияния отсталыми странами. Он неверно подходил к ленинизму, отрывая его от марксизма. Все это нашло выражение в глубоко ошибочной книге М. «Марксисты» («The Marxists», 1962), в к-рой он не вышел за пределы стандартных положений идеологии бурж. либерализма.

Смелая критика антидемократизма и милитаризма бурж. общества, глубокая неудовлетворенность состоянием бурж. социологии, стремление связать социологию с актуальными проблемами современности выделяют М. из рядов бурж. социологов. В кн.: «Слушайте, янки» М. выступил в поддержку кубинской революции, показал ее глубоко народный характер, подчеркнул справедливость борьбы кубинского народа против засилья монополий США. М. постоянно подвергался травле со стороны реакционеров. Представители прогрессивных сил, в т. ч. и амер. ученые-марксисты, относились к нему с уважением и симпатией, хотя и критиковали его слабости и ошибки.

Соч.: Language, logic and culture, «Amer. Sociological Rev.», 1939, v. 4, Oct.; The professional ideology of social pathologists, «Amer. J. Sociology», 1943, v. 49; Methodological consequences of the sociology of knowledge, там же, 1940, v. 46, № 3; New men of power. America's labor leaders, N. Y., 1948 (совместно); Character and social structure. The psychology of social institutions, N. Y., 1953 (совместно); Images of man. The classic tradition in sociological thinking, N. Y., 1960 (ред. сб. и автор статьи).

Лит.: Модржинская Е. Д., Прогрессивное явление в совр. амер. социологии, «Вопр. философии», 1963, № 4, с. 97—105; Артхекер Н., World of C. W., Mills, N. Y., 1960. Е. Модржинская. Москва.

МИЛЛЕ (Mill), Джеймс (6 апр. 1773 — 23 июня 1836) — англ. философ юмистского направления. Испытал значит. влияние утилитаризма Бентама в этике и представителя шотландской школы Д. Стюарта в теории познания; отец Джона Стюарта Милля.

В своей гл. филос. работе — «Анализ феноменов челоуеч. духа» («Analysis of the phenomena of the human mind», 1829, нов. изд., v. 1—2, 1869) М., следуя традиции Юма, стремился свести все знания к чувствованиям, или переживаниям, включая в число их ощущения, эмоции и «идеи» (т. е., гл. обр. представления, что соответствовало употреблению этого термина Юмом). М. широко использовал выдвинутый Юмом и Гартли принцип ассоциации идей (но без материалистич. его трактовки в трудах последнего). М. считал этот принцип своего рода «силой сродства» в «психич. химии», т. е. осн. операцией сознания. Утверждая, что осн. вид ассоциации — ассоциация по смежности («прямое касание»), М. пришел к выводу, что соединение идей посредством ассоциации приводит к их органич. смыканию в понятия. Поэтому для М., в отличие от Беркли, объекты — это не комплексы, т. е. сочетания ощущений, но результаты слияния групп идей в челоуеч. сознании. Близка к юмистской концепция причинности М., основываемая им на законе усиления всякой ассоциации от ее повторения. Филос. концепция М. разделяет слабости философии Юма: отрицание материальности источника сознания и его содержания, превращение картины мира и механизма психич. ассоциаций в нечто совершенно необъяснимое.

В этич. концепции М. отрицал возможность достижения обществ. блага путем гармонич. сочетания себялюбия отдельных личностей. Считая принцип обществ. пользы высшим принципом морали, к-рая не поддается полной реализации в жизни людей, М. тем самым был близок к противопоставлению должного сущему. Возможность приближения к должному М. пытался обосновать с помощью ассоциативного принципа, используя его для вывода о воздействии воспитания на занимаемую субъектом моральную позицию (первоначально люди пытаются использовать общее благо лишь как орудие достижения личной выгоды, но постоянная ассоциация этих двух целей может быть, по М., использована для выработки стремления поставить эгоизм, наоборот, на службу общественному). Достижению обществ. блага должна содействовать правовая система наказаний и поощрений. Однако такая трактовка «общественного блага» все же не преодолевает у М., как и у Бентама, психологич. индивидуализма.

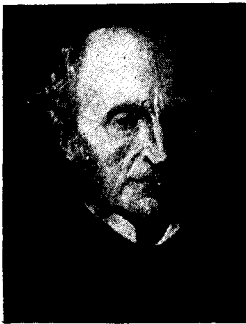
Для социологич. воззрений М. характерны враждебность к концепции *естественного права* и стремление к объяснению содержания и структуры всех социальных институтов непосредственно из принципа утилитаризма. М. предлагал частичные усовершенствования брит. бурж. конституц. системы. По мнению М., всякое правительство неизбежно тяготеет к политике, выражающей личные интересы его членов; часто обновляющие свой состав представит. учреждения должны этому противодействовать, выступая в роли противостоящих правительству инстанций. М. считал целесообразным предоставление избират. прав только главам семейств, а подлинного хозяина гос-ва видел в «среднем классе», т. е. в пром. и торг. буржуазии.

В политич. экономии М. защищал интересы пром. капиталистов против землевладельцев. С М. начинается... разложение рикардианской школы» (М а р к с К., Теория прибавочной стоимости, ч. 3, 1961, с. 73).

Соч.: The history of British India, 5 ed., v. 1—10, L., 1858; Elements of political economy, 2 ed., L., 1826; The principles of toleration, 1837; A fragment on Mackintosh, new ed., L., 1870; Статьи: Government, Jurisprudence, Liberty of the Press, Prisons and prison discipline, Colonies, Law of nations, Education, в Encyclopaedia Britannica, 4, 5, 6 ed., Supplement, отд. изд.—L., [1828].

Лит.: Т р о и ц к и й М., Нем. психология..., 2 изд., т. 1, М., 1883; И в а н о в с к и й В. Н., Ассоциационизм, психологич. и гносеологич., ч. 1, Каз., 1909; История философии, т. 3, [М.], 1943, с. 456—59; В о в е г Г. С., D. Hartley and J. Mill, L., 1881; Bain A., J. Mill, L., 1882; S e i k r i t t W., Die dogmenhistorische Stellung von J. Mill..., Fr., 1936 (Diss.); S t e p h e n L., The English utilitarians, v. 1—3, N. Y., 1950; M i l l J. S., Autobiography, N. Y., [1957].

МИЛЛЬ (Mill), Джон Стюарт (20 мая 1806 — 8 мая 1873) — англ. философ-позитивист, логик и экономист. Филос. взгляды М., оформившиеся под влиянием *Беркли*, *Юма*, *Бентама* и *Конта*, изложены им в соч. «Обзор философии сэра В. Гамильтона» («An examination of Sir W. Hamilton's philosophy...», 1865; рус. пер. 1869). М. — агностик и субъективный идеалист; его взгляды, по характеристике Ленина (см. Соч., т. 14, с. 96), ничем существенным не отличаются от философии Юма. Исходный пункт филос. концепции М. — положение о том, что предметами познания могут быть лишь наши ощущения, что материя — лишь постоянная возможность ощу-

щений, а сознание — постоянная возможность переживаний. С позиций идеалистич. эмпиризма и сенсуализма М. критиковал англ. априористов (*Гамильтона*, *У. Уэвелла* и др.).

В истории логики М. занимает видное место как автор соч. «Система логики» («A system of logic, ratiocinative and inductive», v. 1—2, 1843; new ed., 1900; рус. пер. Ф. Резенера, т. 1—2, 1865—67 и 1878; пер. В. Н. Ивановского, 1899, 1900, 1914), в к-ром попытался систематически изложить логику как общую методологию наук. При построении своей «Системы логики» М. использовал наследство Ф. Бэкона, а также логич. идеи англ. естествоиспытателя Дж. Гершеля.

Анализ и предложенная М. формулировка т. н. *методов исследования причинных связей* были существенным шагом вперед (в частности, по сравнению с Бэконом) в *логике индуктивной*. Однако филос. взгляды М. отрицательно сказались на его логич. теории. Если для Бэкона логика — это метод познания материального мира, то М. пытался строить систему логики на базе эмпирич. психологизма. Он считал, что логика есть ветвь психологии, изучающая технику мышления, и должна поэтому строиться на психологич. основе. По своим задачам логика — практич. прикладная наука и сводится по существу к теории умозаключения. Поэтому весьма интересное учение М. об именах и предложениях служит в его системе лишь введением к теории умозаключения. Различные методы познания (индуктивный и т. н. прямой и обратный дедуктивные методы) являются лишь видоизменениями и комбинациями индуктивных умозаключений. Только последние способны давать новое знание; все же остальные умозаключения обладают этим свойством лишь постольку, поскольку они сводятся к индукции. Но т. н. индукция не дает достоверного знания, все наше знание, по М., имеет гипотетич. характер. Агностицизм и всеиндуктивизм М. неоднократно подвергались критике. Отрыв индукции от дедукции и преувеличение роли индукции в познании критиковал Энгельс (см. «Диалектика природы», с. 180—81). Развернутую критику гносеологич. и логич. взглядов М. дали *Каринский* и *Рутковский*.

С филос. концепцией М. тесно связана его позиция в области этики. В этич. теории М. выступал против «априористов» и требовал эмпирич. обоснования моральных принципов, к-рые, по его мнению, не являются врожденными и неизменными, а имеют опытное происхождение и потому изменчивы. Вслед за Бентамом М. развивал этич. систему *утилитаризма* (этот термин впервые ввел М.); моральная ценность поступка определяется, по М., его пользой; высшей целью человек. деятельности должно быть содействие «счастью человечества или, скорее, всех чувствующих существ» («Система логики», М., 1914, с. 867). Выступая против «крайностей» утилитаризма Бентама, М. ввел в этику наряду с принципом эгоизма принцип альтруизма, к-рый логически не только не вытекал из его утилитаристских предположений, но и противоречил им. Этич. взгляды М. изложены в последней главе 6-й кн. «Системы логики» и в соч. «Утилитарианизм» («Utilitarianism», 1863, new ed., 1931, рус. пер. 1866—69, 3 изд., 1900). М. считал, что в обществ. жизни люди «обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены» («Система логики», с. 798). Эти законы устанавливаются психологией (изучающей процесс образования индивидуального характера) — наукой, лежащей в основе социологии.

В политич. экономии М. отказывается от трудовой теории стоимости Д. Рикардо, заменяя ее вульгар-

пой теорией издержек произ-ва, к-рую эклектически сочетал с учениями Мальтуса (теория народонаселения), Ж. Б. Сея (учение о кризисах), Н. У. Сензора (теория воздержания) и др. Маркс, критикуя М. и ему подобных экономистов за противоречия их «старомодных экономических догм с современными тенденциями», одновременно отмечал, что «было бы в высшей степени несправедливо смешивать их в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами» («Капитал», т. 1, 1955, с. 616, прим.). Глубокую критику экономич. учения М. дал также Н. Г. Чернышевский [см. «Очерки из политической экономии (по Миллю)», в кн. Полн. собр. соч., т. 9, 1949, с. 337—1004].

Соч.: Essays on some unsettled questions in political economy, L., 1844; Principles of political economy... v. 1—2, Boston, 1848, new ed., N. Y., 1936; рус. пер. Н. Чернышевского — Основание политич. экономии..., неполное изд., т. 1, СПб, 1860; полное — т. 1—2, СПб, 1865, СПб, 1874; нов. пер. Е. И. Остроградской, в. 1—5, К.—Х., 1896—1898; On liberty, L., 1859, new ed., Bielefeld — Lpz., 1924; Dissertations and discussions: political, philosophical and historical, v. 1—4, Boston, 1859; рус. пер.— Рассуждения и исследования политич., филос. и исторические, ч. 1—3, СПб, 1864—65; Auguste Comte et le positivisme, P., 1865; рус. пер.— О. Конт и позитивизм, в кн.: Жизнь и с Г. Г. и Милль Д. С., О. Конт и положительная философия, СПб, 1867 и в кн.: Омст Конт и позитивизм, М., 1897; The subjection of women, L., 1869; new ed., L.—Toronto, 1929; рус. пер.— Подчиненность женщины, СПб, 1906; Autobiography, L., 1873; new ed., N. Y., 1957; рус. пер.— Автобиография, СПб, 1874, М., 1896; Three essays on religion, N. Y., 1874.

Лит.: Россель Ю., Д. С. Милль и его школа, «Вестник Европы», 1874, №№ 5, 6, 7, 10, 12; Карпикский М., Классификация выводов, СПб, 1880; Туранин В. А. и Раковский М., Д. С. Милль. Его жизнь и учен.-литературная деятельность, СПб, 1892; Карпикский М., Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об источниках самоочевидных, М., 1914; Рутковский Л. В., Критика методов индуктивного доказательства, в кн.: Избр. труды рус. логиков XIX в., М., 1956; Трахтенберг О. В., Очерки по истории философии и социологии Англии XIX в., [М.], 1959. И. Таванец. Москва.

МИЛОСЛАВСКИЙ, Петр Алексеевич (г. рожд. неизв.—1884)—рус. философ-идеалист, проф. Казанской духовной академии по кафедре логики и метафизики. Примыкал к позитивистскому течению в рус. философии.

Соч.: Древнее языч. учение о странствованиях и переселениях душ..., Каз., 1873; Типы совр. филос. мысли в Германии, Каз., 1876—78; Основания философии как спец. науки, т. 1, Каз., 1883.

Лит.: Лесевич В.; Этюды и очерки, СПб, 1886.

МИЛЮКОВ, Павел Николаевич (27 янв. 1859—31 марта 1943)—рус. бурж. историк и социолог, публицист и политич. деятель. Окончил историко-филологич. фак-т Моск. ун-та (1886); с 1886—приват-доцент ун-та, с 1892—магистр. Один из организаторов (окт. 1905) партии кадетов, позже—пред. ЦК этой партии и редактор ее газ. «Речь». Депутат 3-й (1907) и 4-й (1912) Государственных дум. В марте—апреле 1917—министр иностранных дел в первом составе Врем. пр-ва. После Окт. революции 1917—белоземigrant, активный деятель антисов. фронта. Находясь в эмиграции, признал, что «белое движение» потерпело крах, говорил даже о принятии революции в ее исторически законной и положительной части; тем не менее по-прежнему считал своей осн. задачей борьбу против социализма и Сов. власти («Три платформы республиканско-демократич. объединений», Париж, 1925, и др.). Ленин характеризовал М.-политика как «умного вождя буржуазии и помещиков» (Соч., т. 32, с. 337), как «...приказчика англо-французского империалистического капитала...» (там же, т. 35, с. 249) и неоднократно подчеркивал «безутизм» его политич. тактики (см., напр., там же, т. 13, с. 97).

Общетеоретич. воззрения М. близки к позитивизму. Историч. процесс, по М., строго закономерен, что придает различным обществам характер сходства

(с этих позиций М. выступал против поздних славянофилов). В то же время историч. явления разнообразятся особенностями географич. среды, в к-рой они протекают, а также связями, устанавливаемыми данным народом с др. народами. Хотя личность и вносит в историю элемент случайности, ее деятельность не может выйти за рамки историч. закономерности. Здесь М. выступал против субъективной социологии народников, упрекая их в дуализме. Одновременно он резко критиковал и историч. материализм (по его терминологии—«экономич. материализм»), к-рый, по его утверждениям, неправомерно сводит духовную культуру и объяснение закономерного характера социальных явлений к экономич. фактору. «...На самом деле,—писал М.,—явления человеческой экономики происходят в той же психической среде, как и все другие явления обществности» («Очерки по истории рус. культуры», ч. 2, СПб, 1902, с. 3). Моизм социологич. исследования, по М., состоит не в сведении духовного к материальному, и наоборот, а в признании историч. закономерности; последняя же «...должна быть сведена к закономерности явлений соседних областей,—и прежде всего к закономерности психологической...» (там же, ч. 1, СПб, 1900, с. 10). В свою очередь, психология опирается на физич., химич. или физиологич. законы. Задача историка—следить за имманентным развитием каждой из многообразных сторон социального целого, а также за взаимодействием этих сторон, не пытаясь установить примат к.-л. из них. Опираясь на эту позитивистско-идеалистич. теорию, М. соответствующим образом истолковывал различные конкретные социальные явления. Так, для него гл. факторами русской, как и всякой др. духовной культуры, оказываются церковь и школа; сущность национальности, как явления чисто социологического, определяется М. через религ. идею и психич. взаимодействие индивидов; своеобразие этого взаимодействия обнаруживается в языке; войны, согласно М., вызываются не материальными причинами, а инстинктами и чувствами (тщеславие, соперничество, воля к власти и т. п.). Подобное объяснение М. давал мн. сторонам обществ. жизни, и это вполне согласуется с его осн. социологич. идеей о том, что «все социальные явления происходят в психической среде» (там же, ч. 3, СПб, 1903, с. 1).

Как историк рус. обществ. мысли (анализ историч. идей Татищева, Ломоносова, Щербатова, Карамзина и др.; работы о Герцене, Белинском, славянофилах и т. д.), М. также не выходил за рамки позитивизма и идеализма. Рассмотрение тех или иных теорий, мировоззрений сводится им или к имманентной истории идей, или к установлению их зависимости от социально-психической среды как фактора идеального. Так, М. считал, что в особенностях «личной истории» Белинского, в его сердечных увлечениях и психич. складе «... надо искать ключа к правильному объяснению развития его теоретических взглядов» («Из истории рус. интеллигенции», СПб, 1902, с. 82, см. также с. 105, и др.); разложение старого славянофильства М. объяснял лишь внутр. противоречием между идеями национализма и мессианизма в рамках славянофильской теории; различие обществ. взглядов у историков обусловлено, по М., исключительно различием их общепилос. идей, и т. п.

Соч.: Историческая философия г. Кареева, [рец.], «Рус. мысль», 1887, № 11; Гос. хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, СПб, 1892; Очерки по истории рус. культуры, ч. 1—3, СПб, 1903—1909; Год борьбы, СПб, 1907; Интеллигенция и историч. традиция, в сб.: Интеллигенция в России, СПб, 1910; Гл. течения рус. историч. мысли, 3 изд., СПб, 1913; История второй рус. революции, т. 1, вып. 1—3, София, 1921—24; Нац. вопрос, Берлин, 1925; Россия на переломе. Большевицкий

период рус. революции, т. 1—2, Paris, 1927; Республика или монархия, Париж, 1929; Воспоминания (1859—1917), т. 1—2, Нью-Йорк, 1955.

Лит.: Покровский М. Н., Историч. борьба и борьба классов, вып. 1—2, М.—Л., 1933; Рубинштейн Н. Л., Рус. историография, [М.], 1941, гл. 29; Историография истории СССР..., М., 1961, с. 410—47; Тарасий И., М. и ученое шарлатанство, Почаев, 1907 (критика М. с позиций теологии); Вернадский Г. В., П. Н. Миллюков, П., 1917 (апологетич. брошюра); Сб. статей, посвященных П. Н. Миллюкову (1859—1929), Прага, 1929; П. Н. Миллюков. Сб. материалов по чествованию его семидесятилетия, Париж, 1930 (Белоэмигрантский сб.) (библ. до 1929).

А. Поляков. Москва.

МИЛЮТИН, Владимир Алексеевич [4(16) дек. 1826 — 5 (17) авг. 1855] — рус. публицист, экономист, представитель социалистич. мысли России 40-х гг. 19 в. Род. в семье петерб. фабриканта. Окончил юридич. ф-т Петерб. ун-та (1847). Участник кружка *петрашевцев*. Адъюнкт-профессор (1850), проф. (1853) Петерб. ун-та.

В конце 40-х гг. М. опубликовал цикл статей: «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» («Отечеств. записки», 1847, № 3—4), «Мальтус и его противники» («Современник», 1847, № 8 и 9) и др., в к-рых дал критику капиталистич. порядков, показал ужасное положение рабочих в странах Зап. Европы. Характеризуя состояние бурж. экономич. науки как кризисное, М. утверждал, что пришедшие на смену апологетич. бурж. политэкономии социалистич. учения, в основе к-рых лежит не «отвлеченная идея ценности», а «живая идея человека», не обладают, однако, характером научности; к тому же социалистич. утопии слишком регламентируют жизнь в будущем обществе: человек, личность у них «...или исчезает совершенно или подвергается самым стеснительным ограничениям» (Избр. произв., вступ. ст. И. Блюмина, 1946, с. 351, 354). Размышляя о необходимости перехода от утопии к действительности, М. писал: «...Необходимо освободить утопию от ее мистического, мечтательного характера и придать ей характер рациональный и положительный, необходимо, другими словами, изучить и понять действительность, раскрыть ее стремления и силы и сообразно с этим видоизменить самую мечту, сблизив ее с жизнью» (там же, с. 349, см. также с. 355—56). Поскольку, согласно М., «общества вполне подчиняются закону исторической необходимости» (там же, с. 168) и «только науки точные, основанные на наблюдениях и опыте», могут привести «к открытию тех законов, по которым совершается или должно совершаться со временем развитие человека и общества» (там же, с. 156), постольку необходимо, во-первых, чтобы социалистич. теории прежде всего занимались экономич. вопросами, во-вторых, чтобы обществ. учения овладели методами естеств., «положительных» наук. Цель будущей науки об обществе заключается «... в приложении открытых истин к жизни и в преобразовании экономического устройства сообразно с требованиями разума и общей пользы» (там же, с. 38). При определении своего непосредств. положит. идеала М. склонялся в области филос.-социологической к учению *Конта*, а в области социально-политической — к утопич. надежде на постепенное, осуществляемое мирным путем превращение всей земли в единое и нераздельное средство труда с сохранением крестьян как класса мелких собственников, соединяющихся в производств. ассоциации.

Лит.: В. К., Позитивизм в рус. лит., «Рус. богатство», 1889, № 3, 4; Русанов Н. С., Из идейной истории рус. социализма 40-х гг., «Рус. богатство», 1909, № 1; Сакун П., Рус. лит. и социализм, ч. 1, М., 1924; Богарский С., Критика капитализма в трудах прогрессивного рус. экономиста 40-х годов XIX столетия В. А. М., в кн.: Науч. зап. кафедры обществ. наук. Одесский политехнич. ин-т, т. 15, в. 1, О., 1957; Ярыгин П. И., Экономич. воззрения В. А. М., в кн.: Уч. зап. Иркутского фин.-экономич. ин-та, в. 5, Иркутск, 1957; Дубнов А. С., Экономич. взгляды В. А. М., М., 1958; Мартынов

В. С., Экономич. взгляды В. А. М., в кн.: История рус. экономич. мысли, т. 1, Эпоха феодализма, ч. 2, М., 1958, гл. 16; Богард В., Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания, М.—Л., 1959.

А. Володин. Москва.

МИЛЮТИН, Владимир Павлович (1884—1938) — сов. экономист, политич. деятель, публицист, выступавший с работами по философии. С 1903 — в революц. движении, большевик (с 1910), неоднократно избирался в состав ЦК и ЦКК партии. На VI съезде РСДРП(б) выступал с докладом об экономич. программе партии. В 1917 опубликовал ряд статей в парт. печати, высоко оцененных Лениным (см. Соч., т. 25, с. 267). Нарком земледелия в первом составе Сов. пр-ва; в ноябре 1917 проявил колебания, вышел из состава Совнаркома и ЦК партии. После — на ответств. гос. и хозяйств. работе, один из руководителей Коммунистич. академии (зам. пред. президиума). Произведения М. посвящены вопросам экономики [некоторые из них подверглись критике (см. В. И. Ленин, там же, т. 32, с. 114—22)], социологии («Сельскохозяйственные рабочие и война», 1917; «Капиталистич. рационализация и рационализация социалистическая», 1929) и философии.

В кн. «Социалистич. этика» (1909) М. критиковал этич. теории *Спенсера*, *Вундта*, бурж. индивидуалистич. этику, противопоставляя им материалистич. понимание нравственности, принципы пролетарской этики. Статья М. (под псевд. Вл. Павлов) «О некоторых чертах философии А. Богданова» («Просвещение», 1914, № 2) явилась первым критич. обзором работ *Богданова* о «философии живого опыта» и «теологии». Отмечая определяющее значение работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в разгроме рус. махистов, М. раскрыл дальнейшую (после 1908) идеалистич. эволюцию Богданова и несостоятельность его возражений на ленинскую критику. По характеристике М., философия *эмпириокритицизма* отличают субъективизм (отрицание объективной реальности и объективной истины), бурж. «бытательский» характер, родственный прагматизму (мнение группы как критерий истины), схоластичность (подмена изучения реальных связей и процессов искусств. «всеобщими» схемами и лингвистич. построениями), капитуляция перед религией (человек как «творец мира», «миростроительство», тождественное *богостроительству*). В ст. «Два направления» (под псевд. В. Павлов, в сб.: Под старым знаменем, 1916) М. поддержал ленинскую критику оппортунизма Бернштейна и рус. меньшевиков, раскрыл противоположность интернационалистич. характера марксизма и националистич. сущности ревизионизма.

В филос. дискуссии конца 20 — нач. 30-х гг. М. выступал против механистич. и идеалистич. ревизии марксистско-ленинской философии, за разработку ленинского теоретич. наследия, связь философии с практикой социалистич. строительства [«О разногласиях на филос. фронте» (Доклад), «Вестн. Коммунистич. акад.», 1930, кн. 40—41; Заключит. слово, там же, кн. 42].

Соч.: Аграрная политика СССР, М.—Л., 1929; История экономич. развития СССР (1917—1927), М.—Л., 1929; Борьба на аграрном фронте и социалистич. реконструкция с. х-ва, «Вестн. Коммунистич. акад.», 1930, кн. 37—38; Достижения культурного строительства СССР, М., 1933.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 31, с. 358—359; [Ольминский М.], Три письма, «Пролетарская революция», 1922, № 4.

А. Новиков. Ленинград.

МИМАНСА (санскр. — проникновение, исследование, рассуждение, дискуссия) — одна из шести ортодоксальных систем инд. философии. Называется также карма-миманса («миманса действия») и пурва-миманса («первая, или ранняя миманса»), в отличие от утара-мимансы («второй мимансы»), т. е. *веданты*.

Основателем системы считается мудрец Джаймини, написавший «Миманса-сутры». Их датировка весьма неопределенна — от 4 в. до н. э. до 2 в. н. э. Первоначально осн. цель М. заключалась в интерпретации ведич. ритуализма. В дальнейшем для его защиты в условиях острой идейной борьбы того времени М. вынуждена была обратиться к рациональному философскому обоснованию.

Для М. характерна полемич. направленность против субъективно-идеалистич. и нигилистич. школ *йогачаров*, *мадхьямика* и объективного идеализма веданты, что сближает ее со школами *ньяя* и *вайшешика*. М. отстаивала реальность внешнего мира и отрицала роль бога или духа в его сотворении и управлении. М. выступала против учения нек-рых школ буддизма о мире как совокупности или потоке наших представлений, к-рым ничего не соответствует вне их. Она решительно отвергала идею нереальности или иллюзорности мира, его мгновенности, пустоты или идеальности, к-рые утверждались мадхьямиками и йогачарами. В отличие от др. школ, М. не разделяла представления о циклич. разрушениях (праяла) и созданиях (сришти) мира. Она считала, что мир в целом вечен и неизменен, не имеет ни начала, ни конца, хотя отд. вещи в нем подвержены изменению, возникновению и гибели. Но во всех этих превращениях не происходит их абс. уничтожения и появления заново. Все многообразии мира М. сводила к неск. категориям, среди к-рых наиболее важной является субстанция — основа всех качеств, пребывающая во всех ее модификациях. В М. различается девять видов субстанций: пять вещественных элементов (земля, вода, воздух, огонь, эфир), душа (*атман*), ум, время и пространство. Все эти субстанции, за исключением ума, непосредственно воспринимаемы чувствами. Согласно М., веществ. элементы имеют атомарное строение; эфир — тонкая, вечная и всепроникающая субстанция. Из атомов образуются все веществ. объекты мира.

М. отстаивает сенсуалистич. характер познания, считая, что его исходным пунктом является восприятие. Она выдвигает положение: подобное познается подобным. Объекты, в каждом из к-рых преобладает один из пяти первоэлементов, воспринимаются адекватными им органами: носом, языком, кожей, глазами и ушами.

М. выдвигает ряд положений относительно связи языка и мышления, слова и его значения. М. различает вечно существующие, неизменяемые звуковые субстраты слова (варна) и конкретные его фонетич. выражения (дхвани-тон), подверженные модификациям и изменениям у каждого человека. Эти положения М. тесно связаны с современными ей грамматич. учениями (Пашини, Бхартрихари и др.).

Учение М. в общем отличается метафизичностью. Однако защита М. материальности мира, его вечности и бесконечности во времени и пространстве сыграла большую роль в развитии инд. материализма.

Лит.: Чаттопадхья Д., Локаята даршана. История индийского материализма. М., 1961; Bhatta K. u. a. r. i. l. a. Sloka — varttika, Banaras, 1898—99; Mishra S. a. l. i. k. a. n. a. t. h. a., Prakarana — pancika, Madras, 1903; Jainini, Purva — mimansa — sutra with Sabaraswamin's Bhashya, Banaras, 1910; Sloka — varttika, Calcutta, 1910; G a n g a n a t h a I. h. a., Mimansa — sutra of Jainini, Allahabad, 1910; его же, The Prabhakara school of the Purva Mimansa..., Allahabad, 1911; Mishra Parthasarathi, Sastra — dipika, Bombay, 1913; Keith A. B., The Karma mimansa, Calcutta, 1921; Sastri P., Introduction to Purva-mimansa, Calcutta, 1923; Sastri N. M. S. K., A primer of Indian logic, Madras, 1923; Narayana Bhatta K., Manameyodaya, Adyar, 1933; Prabhakara [Misra], Brhat, [Bhaga 1—2], Madras, 1934—36; Venkataranih B., Sastradipika of Parthasarathi Mishra, Baroda, 1940; Mishra U., Critical bibliography of Purva-mimansa, Allahabad, 1940; G a n g a n a t h I. h. a., Purva-mimansa, Banaras, 1942.

Н. П. Анисеев. Москва.

МИМЕСИС (греч. *μιμησις* — подражание) — учение в антич. эстетике и философии, рассматривающее человек. познание и искусств. творчество как подражание действительности (см. *Подражание*). В истории философии М. трактовалась материалистически и идеалистически. Термин этот употреблялся, по-видимому, у древнем пифагорействе, поскольку Аристотель свидетельствует, что платоновское «участие» вещей в идеях есть только перетолкование пифагорейского учения о подражании вещей числам (58 В 12, ср. 14, Diels⁹). Развернутое материалистич. учение о подражании как сущности всякой человек. деятельности выдвигал Демокрит: «От животных мы путем подражания научились важнейшим делам: (а именно, мы — ученики) паука в ткацком и портняжном ремеслах, (ученики) ласточек в построении жилищ, и (ученики) певчих птиц, лебедей и соловья в пении» (68 В 154). Применяя М. и в этике, Демокрит указывал на необходимость подражания добру (В 39, 79). Учение Демокрита оказало влияние на Ксенофонта, к-рый говорит (Xen. Oecon. XV, 1—13) о научении человека хозяйству посредством подражания природе. В эстетике и философии Платона теория М. истолковывается с позиций объективного идеализма. Всякое иск-во основано, по Платону, на подражании. Однако это искусство подражание неполноценно, т. к. иск-во подражает не истине, но лишь изменяющемуся миру становления. Тот же, кто создает не образы иск-ва, а реальные вещи (плотник, сапожник), является подражателем несравненно более важным. Самый же гл. подражатель — бог, к-рый создает не образы вещей и не самые вещи их в разнообразии, но — вечную идею вещей, к-рая лежит в основе всего существующего (см. Plat. R. P. X 597 В — 605 С). Правда, это не мешает Платону находить в музыке иной раз «подражание божественной гармонии» (Tim. 80 В).

Аристотель, применяя принцип подражания ко всем видам иск-ва, дает глубокое обоснование материалистич. эстетики: «Эпическая и трагическая поэзия, а также комедия и поэзия дифирамбическая, большая часть авлетики и кифаристики — все это, вообще говоря, искусства подражательные» (Poet., I 1447a 13). Согласно Аристотелю, «подражание свойственно нам по природе» (там же, IV — 1448b 5) и притом гораздо больше, чем прочим живым существам. Благодаря ему человек получает свои первые познания, причем оно доставляет удовольствие даже в тех случаях, когда предмет подражания неприятен и безобразен. Подражания отличаются своим предметом, способом и областью, в к-рой они происходят. Подражание вызывает в нас сочувственное настроение даже тогда, когда оно не сопровождается мелодией или ритмом (Polit. VIII, 5, 1340 a 12). Теория М. получила широкое распространение в антич. эстетике (напр., Филострат Старший, «О картинах», Лукреций, «О природе вещей» и др.). Это значение теории М. объясняется тем, что для антич. философии самым гл. произведением иск-ва являлся *космос*, к-рому обыкновенное человек. иск-во должно лишь подражать.

Изучение антич. теории М. создало в науке целую традицию. Наиболее удачной была попытка рассмотреть антич. М. как подражание по преимуществу танцевальным движениям (Г. Коллер). Антич. учение о М. не раз возрождалось и в новое время в связи с гораздо более дифференцированной психологией (К. Грос), социальной (Г. Тард), общеметафизич. (Г. Тейхмюллер) и др. филос. проблематикой.

Лит.: Лосев А., История античной эстетики, М., 1963; [K o l l e r H.], Die Mimesis in der Antike, Bernae, 1954; U t t i t z E., Bemerkungen zur altgriechischen Kunsttheorie, B., 1959, S. 6—14; Verdenius W. J., Mimesis. Plato's doctrine of artistic imitation and its meaning to us, Leiden, 1949; G i l b e r t K. E., Aesthetic imitation and imitators in Aristotle, «Philos. Rev.», 1936, v. 45, № 6, p. 558—73.

А. Лосев. Москва.

МИНАГАВА КИЭН (наст. имя — Сунао; прозвище Буидзо) (1716—1804) — япон. мыслитель; создал т. н. теорию кайбуцу («раскрытие предметов»), согласно к-рой познание осуществляется в сложном процессе единства науки и философии. Наука представляет непосредственное «изучение, усвоение, обсуждение и собирание» понятий, философия же организует и вводит в действие «законы сознания» (разума), «субстанциализирует», придает «предметность».

Соч.: Раздел: «Гаку» то «Тэцу» («Наука» и «Философия») и 5-й том трактата «Мэйдзю» («О категориях»), в кн.: Нихон тэцугаку сисо дзэнсе (Полн. собр. соч. по япон. филос. мысли), т. 1, Токио, 1957, с. 117—149; Мэйдзюдзэ [Предисловие (к трактату) «О категориях»], в кн.: И в а х а с и Н о б у а р и, Дайнихон ринри сисо хаттацу си (История развития японских этич. идей), т. 2, Токио, 1915, с. 589, 591—94.

Лит.: Сангуса Хирото, Введение, пояснения, библиографич. и текстологич. справка к тексту М. К. «Гаку» то «Тэцу» («Наука» и «Философия»), в кн.: Нихон тэцугаку сисо дзэнсе (Полн. собр. соч. по япон. филос. мысли), т. 1, Токио, 1957, стр. 109—15; е г о ж е, Сэй'ока нихон-но кэнкю (Изучение европеизации Японии), Токио, 1958, с. 181—86, 205; История философии, т. 2, М., 1957, с. 609, 614, 629. Я. Радуль-Затюловский, Ленинград.

МИНАСИН, Артавазд Михайлович (р. 1913) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1963), проф. (с 1964). Член КПСС с 1932. Окончил Ин-т нар. х-ва в Баку (1936). Преподават. работу в вузах ведет с 1939. С 1952 работает в Ростовском ун-те. Исследует проблемы марксистской диалектики, в особенности категории «содержание» и «форма», закон отрицания отрицания.

Соч.: К вопросу о противоречии между формой и содержанием, «Вопр. философии», 1955, № 4; К вопросу об использовании старой формы новым содержанием, в сб.: Учен. зап. Ростов-на-Дону ун-та, т. 61, вып. 1, 1957; Закон отрицания отрицания, там же, т. 54, вып. 4, 1957; Внутри противоречия — источник развития социалистич. об-ва, «Вопр. философии», 1958; № 8; Despre rolul formei in dezvoltarea continutului, «Analele romino — sovietice». Seria filozofie, 1958, № 4 (30); Das Gesetz der Negation der Negation, «Dtsch. Z. Philos.», 1960, № 1/2; Категории содержания и формы, Ростов-на-Дону, 1962; Категории «содержание» и «форма» и их взаимопереход, «Вопр. философии», 1962, № 6.

МИНИМАЛЬНАЯ ЛОГИКА — система логич. правил, не использующая не только принципа исключенного третьего (или закона снятия двойного отрицания) классич. математич. логики, но и приемлемого, с т. зр. интуиционистской логики и конструктивной логики, принципа, согласно к-рому «из противоречия следует все что угодно». Т. о., М. л. является результатом дальнейшего (после интуиционизма) пересмотра (с т. зр. всеобщей применимости) принципов классич. логики.

Формализациями М. л. служат прежде всего минимальное исчисление высказываний и [Колмогоров (1925); И. Йоганссон (1936; здесь впервые употребляется сам термин «минимальное») и минимальное исчисление предикатов. Минимальное исчисление высказываний может быть, напр., описано след. схемами аксиом (с единств. правилом вывода modus ponens):

- 1) $A \supset (B \supset A)$,
- 2) $(A \supset B) \supset ((A \supset (B \supset C)) \supset (A \supset C))$,
- 3) $A \supset (B \supset A \& B)$,
- 4) $A \& B \supset A$,
- 5) $A \& B \supset B$,
- 6) $A \supset A \vee B$,
- 7) $B \supset A \vee B$,
- 8) $(A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset (A \vee B \supset C))$,
- 9) $(A \supset B) \supset ((A \supset \neg B) \supset \neg A)$.

Добавление к этой (или любой эквивалентной ей) системе схемы аксиом $\neg A \supset (A \supset B)$ (интерпретируемой как «из противоречия следует все что угодно») или (дедуктивно) эквивалентной ей формулы $A \vee \neg A \supset (A \supset A)$ приводит к интуиционистскому (гейтинговскому, конструктивному) исчислению высказываний, а добавление схемы $\neg \neg A \supset A$ («закона снятия двойного отрицания») —

к классическому. В минимальном исчислении высказываний, более слабом, чем оба вышеуказ. исчисления, можно все же проводить *доказательство от противного* [2-го вида, см. *Косвенное доказательство* — это позволяет делать схема аксиом 9), интерпретируемая как «закон приведения к абсурду»].

Аналогично классич. и интуиционистскому исчислению высказываний минимальное исчисление высказываний может быть расширено до минимального исчисления предикатов. Средства последнего (хотя это явно и не оговаривается) проводятся доказательством *непротиворечивости* классич. арифметики, предложенные нем. математиком Г. Генценом (1936, 1938) и К. Шютте (1951), а также П. С. Новиковым (1943). Минимальное исчисление предикатов систематически используется в качестве логич. базы *метатеории* в работах по т. н. ультраинтуиционистскому обоснованию математики.

Система, получающаяся из минимального исчисления высказываний (предикатов) отбрасыванием схемы аксиом 9), наз. *положительным* исчислением высказываний (соответственно предикатов). В положит. исчислении высказываний, являющемся формализацией *положительной логики*, могут быть доказаны все теоремы минимального (и интуиционистского) исчисления высказываний, не содержащие операций отрицания.

Если добавить к исходному базису положит. исчисления произвольную постоянную формулу f («пропозициональную константу») и определить отрицание так: $\neg A \equiv A \supset f$, где A — формула, то в полученном т. о. исчислении будут выводимы все формулы минимального исчисления. Схема аксиом 9) оказывается тогда просто частным случаем схемы 2). Константу f можно (но необязательно) интерпретировать как «ложь».

Лит.: Колмогоров А. Н., О принципе tertium non datur, *Математ. сб.*, т. 32, вып. 4, М., 1925, с. 646—67; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, с. 94, 490—91; Johansson J., Der Minimal-kalkül, ein reduzierter Formalismus, в кн.: *Compositio Mathematica*, v. 4, fasc. 1, Groningen, 1937; Wajsberg M., Untersuchungen über den Aussagenkalkül von A. Heyting, «Wiadomości Matematyczne», 1939, t. 46.

Ю. Гаснев. Москва.

МИНИН, Сергей Константинович (29 июня 1882 — 8 янв. 1962) — сов. политич. деятель и публицист, автор работ по философии и атеизму. С 1903 участвовал в революц. движении. Член КПСС с 1905. Выступал с критикой эсеровских теорий [«Письма к пролетарию (О программе и партии социалистов-революционеров)», СПб, 1907]. Подвергался арестам и ссылке. Осенью 1917 возглавлял борьбу за установление Сов. власти в Царицыне. Активный участник гражданской войны, военачальник и политработник Красной Армии, делегат ряда парт. съездов. В 1923 — член Северо-Зап. бюро ЦК ВКП(б); ректор Гос. и Коммунистич. ун-тов в Петрограде.

Ряд книг и статей М. посвящен критике религ. идеологии и деятельности церкви («Религия и коммунизм», 1919, «Письма о религии», 1925). В 1922 М. опубликовал статьи «Философию за борт!» («Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6; полностью в журн. «Армия и революция», 1922, № 5) и «Коммунизм и философия» («Под знаменем марксизма», 1922, № 11—12), в к-рых подверг критике бурж. идеологию, показал реакц. сущность идеализма и фидеизма, противопоставив им марксизм как науч. идеологию. Однако эти статьи М. содержали серьезные ошибки вульгарно-социологич. характера (отрицание специфики философии и приравнение ее к религии, неисторич. подход к домарксовской философии как «антинаучной», отрицание философии как составной части марксизма). Религия, философия и наука неправильно рассматривались М. как три последоват. стадии развития идеологии, соот-

ветствующие господству трех классов — помещиков, буржуазии и пролетариата. Нигилистич. отношение М. к домарксистской философии, отрицание им необходимости союза филос. материализма с естествознанием для борьбы против идеализма и религии прямо противоречили указаниям Ленина («О значении воинствующего материализма») и были подвергнуты справедливой критике в печати (см. С. Канатчиков, Мысли о партийно-воспитат. работе, «Правда», 1922, 16 авг., № 183, 18 авг., № 185; В. Румин, Философия за борт?, «Под знаменем марксизма», 1922, №№ 5—6; его же, Аз—Буки—Веди, там же, № 11—12).

Лит.: Крупская Н., [рец.] С. К. Минин. Религия и коммунизм, «Коммунистич. просвещение», 1922, № 3, с. 104; Рахлин Н., Карапетян К., Сучков М., Тациев Г., Оганесов Н., Мужеств. революционер (К 80-летию со дня рождения С. К. М.), «Правда», 1962, 29 июня, № 180. А. Новиков. Ленинград.

МИНСКИЙ Н. (псевдоним; наст. имя и фамилия — Николай Максимович Виленкин; явл. 1855 — 2 июля 1937) — рус. поэт-символист и философ религ.-мистич. направления. Окончил юридич. фак-т Петерб. ун-та (1879). Вместе с *Мережковским*, *Розановым* и др. был организатором религ.-филос. собраний (1901—03; в 1907 преобразованы в «Религ.-филос. об-во»), имевших целью «сблизить» рус. интеллигенцию с церковью. В 1905 большевики воспользовались имевшимся у М. разрешением на издание газеты и пригласили его в качестве редактора газ. «Новая жизнь», где М. заведовал лит. отделом, не оказывая никакого влияния на направление газеты. В ноябре 1905 М. вышел из редакции, но все же был арестован как издатель. В 1906 уехал за границу (Париж). Вернулся в Россию после амнистии (1913). Октябрьскую революцию 1917 не принял, стал белоэмигрантом; умер в Париже.

В ранних произведениях М. слышатся отголоски *народничества* («Белые ночи», опубл. в журн. «Вестник Европы», 1879, № 11, и др.). К концу 80-х гг. М. переходит к декадентству. В это же время он начинает заниматься философией, видя ее задачу в построении целостного миропонимания, к-рое осветит смысл человек. существования. Таким миропониманием М. считал мэонизм (от греч. *μη ὄν* — несуществующее; термин взят из диалога *Платона* «Софист»; мэон — это то, чего нет в этом мире, но чего мы страстно жаждем). С т. зр. мэонизма, жизнь человека (несмотря на его страдания) обретает смысл в стремлении приобщиться к религ. истине (см. *Богоскательство*).

В истолковании социальных явлений М. соединял мэонизм с географич. фактором. Недуг России, по М., заключается в отсутствии у нее естеств. границ. Последнее вело к войнам, к-рые породили в стране деспотизм: личность оказалась задавленной государственностью. Именно это и привело к революции 1905, осп. идея к-рой — освобождение личности из-под власти гос-ва, пробуждение ее для культурной работы. Признавая справедливость борьбы пролетариата против буржуазии, М. отвергал теорию науч. социализма, противопоставлял ей надклассовый социал-гуманизм — синтез любви к природе и любви к человеку, культуры и правды (см. «На обществ. темь», СПб, 1909, с. 62).

В эстетике, развивая идеи *символизма*, М. утверждал, что иск-во создает чистые, непричастные к мирским интересам символы, отражающие в той или иной форме идеальные целесобразности, т. е. бога.

Соч.: Старинный спор, «Заря», К., 1884, 22 июля, № 193; При свете совести, СПб, 1890; О свободе религ. совести, СПб, 1902; Религия будущего (Филос. разговоры), СПб, 1905; От Данта к Блоку, Берлин, 1922; Кого ищешь?, Берлин, 1922; Ответ на вопрос: «Как вы пережили войну и революцию?», «Новая рус. книга», Берлин, 1922, № 8; Полное собр. стихотворений, 4 изд., т. 1—4, СПб, 1907.

Лит.: Плеханов Г. В., О т. н. религ. исканиях в России, Соч., т. 17, М., [1924]; Рус. литература XX в., под ред. С. А. Венгеровой, т. 1, М., 1914; Брюсов В., Далекие и близкие, М., 1912, с. 46—53; Блок А., [рец.]

Н. М. Минский. Религия будущего, Собр. соч. в 8 тт., т. 5, М.—Л., 1962; Благый Д., Минский Н., Лит. энциклопедия, т. 7, М., 1934; Мейлах В., Ленин и проблемы рус. литературы, М.—Л., 1951, с. 152, 176—82, 189—91; Волков А., Очерки рус. литературы конца XIX и начала XX века, М., 1955, с. 431, 432, 441. А. Поляков. Москва.

МИНЬЕ (Mignet), Франсуа Огюст Мари (8 мая 1796—24 марта 1884) — франц. бурж. историк и либеральный журналист. С 1837 — бессменный секретарь Академии нравств. и политич. наук. Автор ряда книг по истории Франции, М. вошел в историю обществ. мысли гл. обр. благодаря своему труду «История французской революции...» («Histoire de la révolution française...», v. 1—2, 1824). В этой книге М. рассматривал революцию как историч. необходимость, вызванную всем предшествовавшим обществ. развитием страны, как результат борьбы третьего сословия с феод. аристократией. Выводом из этого положения у М. было оправдание революции и всех ее актов, вплоть до якобинского террора, т. к. каждый акт утверждал новую «демократическую» (т. е. буржуазную) Францию будущего. Др. выводом было то, что осп. движущей силой историч. и, в частности, революц. событий оказывалась не индивидуальная воля правителя, а «сила обстоятельств», т. е. историч. условия, потребности масс, интересы классов. Внимание М. привлечено к материальным интересам, «нуждам» различных классов. Он подходил к мысли об определяющей роли этих интересов в процессе историч. развития. Плеханов, рассматривая эти идеи М., писал: «Общественное движение определяется господствующими интересами, и именно это движение определяет и форму правительства. Когда правительство перестает соответствовать состоянию народа, оно исчезает» (Соч., т. 8, 1923, с. 10). Энгельс относил М. к числу историков, к-рые объективно подводили науку к открытию материалистич. понимания истории (см. Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 471). Энгельс отмечал также, что франц. историки периода Реставрации, в т. ч. и М., «постоянно указывают» как на «ключ к пониманию французской истории» на тот факт, что центром тяжести всей политической борьбы «... являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии... и буржуазии...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 308). Тем самым М. указывал на роль классовой борьбы в истории. Однако, как и другие бурж. историки периода Реставрации, он считал, что с приходом к власти буржуазии борьба классов закончится и наступит справедливый гос. строй. Ошибочность этого взгляда вскоре, после июльской революции 1830, стала совершенно очевидной.

М. отнюдь не был демократом. Власть, по его мнению, должна принадлежать обеспеченным и просвещенным классам, а равенство для него — понятие не столько социальное, сколько политическое. Его симпатии — на стороне жирондистов, хотя он и признавал, что только якобинцы могли руководить народом в разгар политич. страстей. Оправдывая якобинскую диктатуру, М. пытался установить законы в чередовании событий, определить причины, вызывавшие те или иные следствия, и формулировал ситуацию и неизбежные ее результаты в виде теорем, решение к-рых могло быть только одно — то, к-рое дано историей. М. утверждал, что революция преследовала две цели: свободную конституцию и более совершенную цивилизацию. Каждый из классов, составлявших франц. народ, в течение шести революц. лет пытался найти совершенную конституцию и терпел в этом неудачу. Но среди этих неудач возникала более совершенная цивилизация, сменявшая феодализм.

Политич. смысл книги М. таков: революция была необходимостью, вызванной потребностями угнетен-

ных классов, а ее «эксцессы» имели причиной сопротивление привилегированных классов. Дальнейшее развитие будет продолжаться вплоть до утверждения справедливого строя, но если дворянство будет сопротивляться этому развитию, то вновь произойдет революция. Чтобы предотвратить новую революцию, нужно немедленно и без сопротивления осуществить программу либеральной партии и произвести необходимые реформы.

С о ч.: De la féodalité, des institutions de Saint Louis, et de l'influence de la législation de ce prince..., P., 1822; Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV..., v. 1—4, P., 1835—42; Histoire de Marie Stuart, v. 1—2, P., 1851; Charles Quint, son abdication, son séjour et sa mort au monastère de Guste..., P., 1854.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 27, М.—Л., 1935, с. 533; Рейзов Б. Г., Франц. романт. историография (1815—1830), [Л.], 1956, гл. 7; Simon J., Mignet, Michellet, Henri Martin, P., 1889; Petit E., Fr. Mignet, P., 1889. Б. Рейзов. Ленинград.

МИР м е ж д у н а р о д н ы й — отношения между народами и гос-вами, исключаящие применение насильств. средств для проведения политики; отсутствие войны между народами и гос-вами. В антагонистич. классовом обществе М. прерывается войнами и закрепляет их результаты. Характер М., как и характер войны, определяется политикой, к-рая проводится гос-вами. классами. «Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение той же политики, с а п и с ь ю тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями» (Ленин В. И., Соч., т. 22, с. 152).

Вечный М. между народами, исключаяющий всякие войны и подготовку к ним, является междунар. принципом коммунистич. общества (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 17, с. 5), одним из великих идеалов, за к-рые борются коммунисты (см. В. И. Ленин, Соч., т. 21, с. 264, а также Программу КПСС, 1961, с. 6).

Стремление к жизни без войн, когда в отношениях между народами соблюдались бы простые общепризнанные нормы справедливости, — одно из самых сокровенных чаяний нар. масс. Оно возникло в глубокой древности, в эпоху становления классового общества и встречается уже в 3-м тысячелетии до н. э. в шумерском нар. эпосе о Гильгамеше (X, VI, ст. 27—28). Первонач. идеал вечного М., выдвинутый разными народами в легендах о «золотом веке», а впоследствии в ранних социальных утопиях, представлял собой фантастич. отображение обществ. отношений родового строя (эллинистич. роман *Ямбула* о «солнечном гос-ве», в кн.: «Историч. библиотека» Диодора Сицилийского, рус. пер.— ч. 1, 1774; древнекит. утопия Лао-цзы).

Идеологи рабовладельч. класса не допускали возможности равноправного длит. М. с «варварами». Аристотель обосновывал взгляд, что не только война, но и М. есть необходимое условие жизни рабовладельч. гос-ва: «Нужно, чтобы граждане имели возможность... (в случае надобности), вести войну, но, что еще предпочтительнее, наслаждаться миром...» (Polit. VII, 13, 9; рус. пер., М., 1911). На бессмысленность захватнич. стремлений к порабощению всего мира указал *Плутарх* в диалоге Киния и Пирра (см. его соч. «Сравнительные жизнеописания», т. 4, СПб, 1891). Попытка разрешить сложную моральную проблему, связанную с участием в братоубийств. войне, содержится в древнеинд. эпосе *Вхагвадгите*.

В комедиях Аристофана обрисованы силы, способные, по его мнению, прекратить междоусобные войны в Элладе (комедии «Мир» и «Лисистрата»). В Др. Риме широкое распространение получила теория М., опирающегося на силу; существо ее выражается в изречении, приписываемом воен. писателю Вегецию

Флавию: «Si vis pacem, para bellum» («Хочешь мира — готовься к войне»). Мировая империя, в к-рой подавляется стремление поработанных народов к независимости, считалась средством устранения междунар. конфликтов. В учении стоиков, а затем в раннем христианстве обосновывалась идея о том, что условием М. является воплощение в едином гос-ве некоей духовной общности народов Рим. империи. Идеал М., основывающегося на отказе от политики захватов, провозглашен в надписях инд. царя Ашоки (3 в. до н. э.), к-рый вследствие морального раскаяния в совершенных им при покорении гос-ва Калинги злодеяниях, принял дхармавиджаю (закон благочестия) в качестве основы деятельности гос-ва.

В феод. Европе стремление масс к М. эксплуатировалось церковью (проповедь «божьего мира»). Идеологи папства (католическое движение) выдвинули программу теократич. М. — мирового господства рим. курии. Этим претензиям светские феодалы, в частности герм. императоры, противопоставили план возрождения Рим. империи, к-рый маскировался «заботами» о замещении Европы. Необходимость положить конец междоусобицам для того чтобы успешно отражать опасности чужеземного нашествия, вызвала появление «Слова о полку Игореве», призывавшего к единству и М. во имя защиты Родины, и политич. планов устранения междоусобных распрей путем союза гос-в («русский мир» Романа Галицкого в нач. 13 в., «всеобщий европ. мир» П. *Дюбуа* в нач. 14 в., проект советника чеш. короля Йиржи Подебрада — Марины в 15 в.). Требование «крепкого мира» выдвигалось и в крест. восстаниях (напр., восстание под руководством Уота Тайлера в 1381, и др.).

В эпоху Возрождения против феод. распрей и монархич. войн выступили гуманисты Т. Мор (см. «Утопия», М., 1953, с. 95), Эразм Роттердамский (см. «Жалоба мира», в журн.: «Вопр. философии», 1955, № 2), Дж. Колет, Фишер из Рафы, Рабле, Монтень, Себастьян Франк. Они рассматривали М. как необходимое условие нравств. развития человека, указали на несовместимость войн с интересами народа.

В нач. 17 в. зарождается наука о междунар. праве (*Гроций*, *Пуфендорф*, *Томасий*), отразившая процесс становления системы нац. гос-в. Ее центр. идеей было регулирование отношений между гос-вами в целях сохранения М., ограничение войны юридич. нормами. В это же время появились проекты создания общевроп. или всемирных орг-ций гос-в для решения междунар. споров мирными средствами (Э. Круа, Новый Киней, или Рассуждение об основах и средствах установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире — E. de la Croix, Le nouveau Sené ou Discours des occasions et moyens d'établir une Paix générale et la liberté du Commerce pour tout le monde, 1623; Я. Коменский, Всеобщий совет человек. роду... — Comenius, De rerum humanarum emendatione consultatio catholica ad genus humanum..., [1657]; *Пейн*, Опыт о настоящем и будущем мире в Европе — W. Penn, An essay towards the present and future peace of Europe, 1693; Дж. Беллерс, Нек-рые основания Европ. гос-ва, предложенные державам — J. Bellers, Some reasons for an European state, 1710). Наибольшую известность в тот период получил проект Ш. Сен-Пьера, изложенный им в «Записке об улучшении дорог» (1708), а затем в «Проекте сохранения вечного мира в Европе» — C. de Saint-Pierre, Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe, v. 1—3, 1713—17. Этот проект привлек к проблеме вечного М. внимание многих просветителей: Лессинга, Х. Вольфа, Гердера и др., а также Руссо. Но он имел и реакц. сторону, поскольку предусматривал подавление нар. восстаний в Европе и сохранение монархич. форм правления, и был впоследствии использован создателями

европ. «священного союза». Идея вечного М., поддерживаемого союзом суверенных гос-в, получила дальнейшее развитие у Канта в трактате «К вечному миру» («Zum ewigen Frieden», 1795, рус. пер. 1880), где поставлен вопрос о гарантиях М., тенденции обществ. развития, обуславливающей необходимость его установления путем соглашения между гос-вами.

Прогрессивные мыслители 17—18 вв. обосновали демократич. программу справедливого М.—реорганизации междунар. жизни на основе принципов равноправия и уважения суверенных прав народов. Они выдвинули требование разоружения (Беллере), отказа от тайных договоров (Мабли), выступали за смягчение бедствий, приносимых войнами крестьянам, ремесленникам, торговцам путем междунар. соглашений (Б. Франклин). Свои надежды на М. они связывали с нравств. перевоспитанием людей (Гердер), развитием науки и просвещения (Коменский), расширением торговых связей между странами (Монтескье, А. Смит, Рикардо), «взаимного купечества» (Десницкий). В противоположность Сен-Пьеру, к-рый ставил осуществление М. в зависимость от воли правящего класса, «просвещенных монархов», Руссо видел путь к М. в революц. низвержении европ. монархий, хотя и полагал, что время для такой революции еще не пришло (см. «Суждение о вечном мире», в кн.: «Трактаты о вечном мире», М., 1963, с. 149). Дидро считал условием М. установление республики. Прогрессивное значение имела идея об «упреждении раздоров и войн», выдвинутая в 1798 В. Малиновским (см. Избр. обществ.-политич. соч., 1958, с. 81).

В отличие от просветителей, искренне веривших в то, что ликвидация феод.-династич. устоев повлечет за собой в междунар. отношениях установление вечного и всеобщего М., утопич. коммунисты (Морелли, Мабли) указывали, что для уничтожения войн нужно реорганизовать социальное устройство наций на основе общности имущества. В программе М., провозглашенной бабувистами (см. *Бабёф*), поставлен вопрос об отношении революц. власти к др. народам после коммунистич. переворота в стране. Бабувисты стремились внушить народу уважение к междунар. праву и отвращение к завоеваниям. М. они рассматривали как первое из благ после свободы и допускали только справедливые войны (см. Ф. Буонарроти, Заговор во имя равенства, т. 1, М.—Л., 1958, с. 352—53, прим.).

После наполеоновских войн в Европе зародилось пацифистское движение, имевшее вначале религ. окраску. Его практич. деятельность свелась к изданию религ. пацифистской лит-ры, «барской, не для народа» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 35, с. 223), посылке петиций в парламенты, созыву начиная с 1843 междунар. конгрессов в защиту М. В 1855 пацифист Беррит выдвинул идею всеобщей антивоен. стачки в христ. странах. В конце 40—нач. 50-х гг. 19 в., благодаря активной деятельности примкнувших к пацифистским общинам поборников свободной торговли (фритредеров), пацифизм начал преодолевать религ. форму, превращаясь в либеральное движение за проведение реформ в междунар. отношениях в условиях капиталистич. строя. Фритредеры (Кобден, Брайт, Чаннинг, Бастия) требовали ликвидации тарифных барьеров, освобождения колоний как условия мира. Маркс, раскрывая сущность фритредерских лозунгов, писал, что «было бы большой ошибкой предположить, что доктрина мира манчестерской школы имеет глубокое философское значение. Она сводится лишь к тому, что феодальный метод ведения войны должен быть заменен торговым, что место пушек должен занять капитал» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 8, с. 533). «Присвоить имя всеобщего братства эксплуатации в ее космополитическом виде — такая идея могла зародиться только у буржуазии» (Маркс К.,

там же, т. 4, с. 416). В 1867 мелкобурж. республиканцы и либералы при участии Лемонье, Гюго, Гарibaldi создали «Междунар. Лигу свободы и мира», к-рая пыталась в начале своей деятельности направить рабочее движение на путь пацифизма. Программа М. «Лиги» включала в себя: замену монархий демократич. республиками, отстранение церкви от участия в политич. делах, создание «Соединенных Штатов Европы», организацию «армии мира» для пресечения агрессии, осуществление на основе СШ Европы всеобщего разоружения. Эту программу «Лига» надеялась осуществить путем просвещения всех классов общества в духе миролюбия. В эпоху сравнительно мирного развития капитализма пацифизм сыграл известную положительную роль в заключении различных конвенций и соглашений между гос-вами, кодификации междунар. права, разработке принципов арбитража, санкций и т. п. В конце 19 в. в Европе установилось господство милитаризма; получила распространение концепция «вооруженного мира», согласно к-рой наращивание воен. мощи служит устранению войн. Просветительно-воспитат. и парламентарно-реформистская деятельность пацифистов потерпела полный провал.

Ограниченность бурж. пацифизма, к-рый желал невозможного — капитализма без войн, не была признаком программы М. социалистов-утопистов 19 в. (Фурье, Оуэн, Дезамы), но и они не смогли еще подняться до осознания коренной противоположности интересов трудящихся и буржуазии в вопросах М. и войны и апеллировали ко всему обществу, в т. ч. и к господств. классам, призывая их «в интересах самосохранения» ввести социализм, чтобы «...не быть свергнутыми в анархию, в войны и бедствия» (Оуэн Р., Избр. соч., т. 2, М., 1950, с. 208). По мере развития классовой борьбы пролетариата этим иллюзиям приходит конец; его руководители начинают выдвигать междунар. программу рабочего движения, к-рую это движение отстаивает против буржуазии: «Мы ненавидим все войны, кроме тех, которые народ вынужден вести против внутреннего угнетения или иностранного вторжения», — говорил Дж. Гарри на митинге чартистов, членом «Союза справедливых» и революц. эмигрантов в Лондоне в 1845 (цит. по кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 596). Рус. революц. демократия (Чернышевский) вплотную подошла к этой программе: «Человеку трудящемуся разорительна всякая война; полезна для него только та война, которая ведется для отражения врагов от пределов отечества» (Избр. филос. соч., т. 2, 1950, с. 198).

В марксизме-ленинизме демократич. традиция в вопросах М. и войны, созданная прогрессивной обществ. мыслью, получила продолжение и развитие. Научно объяснив природу и сущность войны, марксизм-ленинизм выдвинул действенную программу борьбы за М., указав реальный путь к вечному М.; выяснил роли рабочего класса как творца новых междунар. отношений, как передовой обществ. силы, возглавляющей нар. массы и способной положить конец всяким войнам, — главное в марксистско-ленинской постановке вопроса о М. Интернац. солидарность рабочего класса — необходимое условие успешной борьбы против агрессии, милитаризма и войны. «...Объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 556; см. также т. 17, с. 5). Основоположники марксизма вместе с тем подчеркивали необходимость борьбы рабочего класса за М. в условиях капитализма. Энгельс, называя разоружение гарантией М., указывал, что оно «возможно» (см. там же, т. 22, с. 387). Созданный Марксом и Энгельсом 1-й Интернационал провозгласил, что борьба за всеобщий М. —

часть борьбы за освобождение рабочего класса и что рабочий класс должен «...добиваться того, чтобы простые законы правденности и справедливости... стали высшими законами и в отношениях между народами» (М а р к с К., там же, т. 16, с. 11). Необходимость согласованных выступлений рабочих разных стран в интересах М. подчеркнули Брюссельский (1891) и Цюрихский (1893) конгрессы 2-го Интернационала. В период перед 1-й мировой войной междунар. социалистич. движение, партия большевиков разработали антимилитаристскую тактику рабочего класса эпохи империализма. Штутгартский конгресс 2-го Интернационала (1907), по предложению Ленина и Люксембург, заявил, что в случае войны междунар. пролетариат выступит за устранение капиталистич. строя, порождающего войны. В антивоен. манифесте чрезвычайного Базельского социалистич. конгресса (1912) определена позиция рабочего класса в отношении надвигающейся империалистич. войны: «Пролетариат считает и р е с т у л е н и е м с т р е л ь т ь д р у г и в д р у г а р а д и у в е л и ч е н и я п р и б ы л ь и к а п и т а л и с т о в...» (цит. по кн.: Л е н и н В. И., Соч., т. 18, 1936, с. 410). Социалистич. движение выдвинуло таких страстных борцов против милитаризма, как Ж. Жорес, К. Либкнехт, Ю. Дебс. Однако отход правооппортунистич. вождей 2-го Интернационала после начала 1-й мировой войны от обязательств, провозглашенных в совместных декларациях социалистов, дезорганизовал и расколол рабочий класс. Только большевики во главе с Лениным, болг. «тесняки», сербские социал-демократы и левые интернационалистич. элементы в ряде др. социалистич. партий выступили против войны с позиций пролет. солидарности. Но этих сил было недостаточно, чтобы отстоять М.

Коммунисты, в отличие от бурж. пацифистов и анархистов, ставят проблему М. конкретно-исторически, в связи с определ. политич. условиями и коренными интересами рабочего класса и нар. масс. Они указывают, каким образом можно укрепить М. в данных условиях, как нужно бороться против конкретной военной опасности за справедливый, демократич. и прочный М. «Лозунг мира можно ставить или в связи с определенными условиями мира или без всяких условий, как борьбу не за определенный мир, а за мир вообще (Frieden ohne weiters). Ясно, что в последнем случае перед нами не только не социалистический лозунг, но и вообще совершенно бессодержательный, бессмысленный лозунг» (Л е н и н В. И., Соч., т. 21, с. 262). Гос-ва поддерживают состояние М. между собой, соблюдая определ. условия, обычно закрепленные в междунар. договорах. В зависимости от характера этих условий М. бывает двоякого рода. М., попирающий суверенные права народов, их нац. достоинство и имеющий своей целью обеспечение господства одних стран над другими или подготовку к новым захватам чужих территорий, является несправедливым, империалистическим. Этот М. основывается либо на замирении силой угнетенных наций угнетающими (система колониализма), либо на известном «равновесии сил» между угнетающими нациями и компромиссах между ними о разделе сфер влияния за счет других народов («мирные» союзы империалистич. держав), либо же на насилиев. удержании части территории др. гос-ва вопреки воле и симпатиям его населения и навязывании кабальных условий. По своей природе империалистич. М. является «перedyшкой» между войнами и вырастает из той же почвы капиталистич. мировой системы хозяйства, что и империалистич. войны. В противоположность этому, М., обеспечивающий суверенные права народов, их независимость, равенство, добрососедские отношения и имеющий своей задачей всемерное развитие культурных, экономич. и торг. связей к взаимной выгоде со-

трудняющихся сторон, является справедливым, демократич. М. Устанавливая принципы демократизма как высший закон в отношениях между народами, этот М. открывает простор для решения спорных вопросов в соответствии со свободно выраженной волей и симпатиями населения и закладывает прочную основу для обеспечения общих политич. интересов всех миролюбивых стран в борьбе против войн.

В эпоху, когда безраздельно господствовал империализм, демократич. М. был не осуществим без революц. борьбы масс и свержения империалистич. пр-ва. Ленин указывал, что только гос-во рабочих и крестьян в состоянии «...добиться м и р а, притом не империалистического мира, не сделки между империалистическими державами о дележе пограбленной капиталистами и их правительствами добычи, а действительно прочного и демократического мира, который не достигим без пролетарской революции в ряде стран» (там же, т. 23, с. 331). В условиях 1-й мировой войны единственно возможный путь к прочному демократич. М. лежал через превращение империалистич. войны в войну гражданскую. Именно этим путем вывела из войны народы России Коммунистич. партия. С победой Окт. революции в мировой политике начался поворот от М. империалистического с вырастающими из него войнами к прочному демократич. М., к-рый закладывает основы для полного устранения войны.

В первом акте Сов. гос-ва — Декрете о мире (1917) — программа демократич. М. была органически связана с новым принципом междунар. отношений, рожденным социалистич. революцией, — принципом мирного сосуществования социалистич. и капиталистич. систем. Этим декретом Сов. власть провозгласила мирную политику, равно справедливую для всех народов; отказ от войны как средства решения межгос. споров; мирные переговоры; аннулирование неравноправных договоров, направленных к захвату чужих земель; защита нац. равноправия и осуществление на деле самоопределения наций; добрососедские отношения между гос-вами; экономич. сотрудничество; призыв к нар. массам всех стран активно вмешаться в вопросы мировой политики и совместно решить задачу освобождения человечества от ужасов войны. Декрет о мире исходил из того, что мирные отношения между социалистич. и империалистич. странами не только допустимы и возможны, но и необходимы в интересах укрепления М. и развития социализма. Последоват. борьба Сов. гос-ва и междунар. рабочего класса во главе с коммунистич. авангардом — партиями 3-го Интернационала в период между двумя мировыми войнами за новые принципы междунар. политики, выдвинутые социализмом, способствовала сплочению демократич. миролюбивых сил для борьбы против фашистской агрессии.

Развитие и укрепление первого в мире социалистич. гос-ва, а после 2-й мировой войны мировой системы социализма — историч. шаги к созданию материальных гарантий прочного М. и осуществлению многовековой мечты человечества об устранении войн из жизни общества. Ныне сложились такие условия, когда уже имеется не только моральное, но и материальное превосходство миролюбивых сил над поборниками войны. Марксисты-ленинцы рассматривают борьбу за М. как выполнение своей историч. миссии перед человечеством и как важнейшее условие построения социализма и коммунизма, развертывания революц. рабочего и нац.-освободит. движения. В современных условиях на мировой арене сложилось новое соотношение сил в пользу социализма, при к-ром нельзя решать вопросы М. и войны, не считаясь с волей народных масс. Исходя из марксистско-ленинского анализа этого соотношения сил, XX съезд КПСС по-новому поставил вопросы М. и войны и сделал важный теоретич. и поли-

тич. вывод о том, что теперь уже нет фатальной неизбежности войны. Могучие силы современности, выступающие в защиту М.: Советский Союз, социалистич. лагерь, молодые нац. гос-ва, междунар. рабочий класс, всенародное движение сторонников М. — могут предотвратить войну. Выводы о возможности предотвращения войны в современную эпоху, сделанные мировым коммунистическим движением, легли в основу программных документов борьбы за М.: «Манифеста мира» (1957) и «Обращения к народам всего мира» (1960), а также «Декларации Совещания представителей коммунистич. и рабочих партий социалистич. стран» (1957) и «Заявления Совещания представителей коммунистич. и рабочих партий» (1960). Благодаря активности, организованности и выдержке миролюбивым силам удалось сорвать суэцкую авантюру империалистов в Египте (1956), предотвратить вторжение в Сирию, Ирак (1958), отстаивать свободу и независимость Кубы (1961), была ликвидирована острая междунар. напряженность, возникшая в связи с агрессивными действиями амер. империалистов против Кубы (1962). Важнейшим итогом деятельности КПСС, братских партий стран социализма, результатом активизации миролюбивых сил всех стран является тот факт, что войну удалось предотвратить (см. Материалы XXII съезда КПСС, 1962, с. 298). Однако опасность новой мировой войны еще не устранена.

Могущество социалистич. лагеря — решающая гарантия М. на земле. Ленин считал, что со временем «...новые изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой мощной, что всякое нападение на неё станет невозможным» («Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, 1957, с. 682). Решение вопроса о том, удастся ли предотвратить войну, зависит не только от материальной (военной, экономической) мощи, но и от моральных, политических факторов, то есть организованности, бдительности, выдержки миролюбивых сил, широких народных масс.

В совр. условиях вопрос о М. вследствие невиданно возросшей разрушит. силы средств войны стал общечеловеч. проблемой и затрагивает судьбы не только целых стран и народов, но и будущих поколений человечества. Главное состоит сейчас в том, чтобы отвести термоядерную угрозу, не дать вспыхнуть ракетно-ядерной войне, в огне к-рой могут сгореть мн. страны и народы. Покончить с этой угрозой может уже нынешнее поколение людей (см. Программа КПСС, 1961, с. 57). Против опасности термоядерной войны выступают социалистич. страны, нейтральные страны, народы, борющиеся за нац. независимость и ее укрепление против империализма, революц. рабочее движение капиталистич. стран и самые разнообразные массовые движения, объединенные общим стремлением сохранить М., напр. Движение сторонников мира, движение участников Пагуошских конференций, Нац. комитет борьбы за разумную ядерную политику (США), сторонники ядерного разоружения — участники похода на Олдермастон (Англия), Комитет 100 (Англия), Совет солидарности стран Азии и Африки, Движение против атомной смерти (ФРГ), Франц. лига борьбы против атомного вооружения и др. Борьба за М. против милитаризма — общедемократич. движение — не ставит перед собой задач социалистич. преобразований. Но она теснейшим образом связана с борьбой за социализм, поскольку ведется против империализма — источника военной опасности. Организующей силой в борьбе за М. выступает междунар. рабочий класс. Коммунисты добиваются обеспечения М. не путем вымалывания его у империалистов, а складывая марксистско-ленинские партии, рабочий класс всех стран, опираясь на мощь социалистических государств. Опасность термоядерной войны останется до тех пор, пока решительная и ак-

тивная борьба народов империалистических стран не приведет к изоляции агрессивных кругов и созданию таких правительств в этих странах, к-рые осознавали бы опасность политики агрессии и «холодной войны» и пошли бы на соглашение о всеобщем и полном разоружении, вступили на путь мирного сосуществования государств. Превращение мировой системы социализма в решающий фактор обществ. развития, возрастающий перевес сил М. над силами войны создают реальную возможность еще при сохранении капитализма на части земного шара, до того, как социализм победит во всем мире, исключить мировую войну из жизни общества, принудить агрессивные силы не нарушать всеобщий М. Осуществление выдвинутой Сов. правительством программы полного и всеобщего разоружения устранило бы саму возможность ведения войн между гос-вами. С победой социализма во всех странах будут окончательно устранены социальные и национальные причины возникновения войн. «Уничтожить войны, утвердить вечный мир на земле — историческая миссия коммунизма» (там же, с. 58).

Коммунисты отстаивают выдвинутую ими программу упрочения М. и устранения войн в острой борьбе с бурж. идеологией, роль к-рой объективно сводится к идейному разоружению масс в борьбе против воен. опасности. В совр. бурж. социологии широкое распространение получили взгляды, согласно к-рым «ради мира» народы должны заплатить цену свободы (Сантьяна), отказаться от своих суверенных прав (Э. Ривс и др. поборники теории «универсализма»), пережить еще одну разрушит. войну (Маритен), ограничить рождаемость (неомальтузианцы), заняться лечением психопатологич. расстройств индивидов, проявляющихся в «агрессивности» и «поисками» морального эквивалента войны (бурж. социальная психология), накапливать разрушит. оружие (милитаристская теория «фатального мира», основывающегося на страхе перед применением водородного оружия) и т. п. В своих теориях о М. бурж. социологи игнорируют обществ. силы, способные положить конец войне, и не видят всей глубины опасности, к-рую несет деятельность сил, готовящих войну, — монополистов и милитаристов. Широко распространенной доктриной воинствующих сил империализма является концепция политики «с позиции силы», в основе к-рой лежит идея о том, будто можно обеспечить «М.», балансируя на «грани войны», усиливая междунар. напряженность, непрерывно наращая гонку вооружений. Бессилие бурж. социологии указать, что необходимо сделать, чтобы война не разразилась в ближайшие десятилетия, констатируют и сами ее представители (см. «The nature of conflict», UNESCO, 1957, p. 203).

Научный коммунизм обосновывает для всех народов реальный путь к прочному М.; этот путь лежит только через мирное сосуществование двух систем, подкрепленное разоружением (см. ст. *Мирное сосуществование*).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистич. партии, Соч., 2 изд., т. 4; Маркс К., Смертная казнь. — Памфлет г-на Кобдена. — Мероприятия Англ. банка, там же, 2 изд., т. 8; его же, Первое воззвание генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне, там же, т. 17; Энгельс Ф., Избр. военные прозв., М., 1956; Ленин В. И., О международной политике и международном праве, Сб. М., 1958; XXII съезд КПСС 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; Программа КПСС. (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Документы Совещаний представителей коммунистич. и рабочих партий, М., 1960; Лодыженский А., Проекты вечного мира и их значение, М., 1880; Тихомиров П. В., Вечный мир в филос. проекте Канта, М., 1899; Толстой Л. Н., Как уничтожить войну, [П.], 1917; Либкнехт К., Милитаризм и антимилитаризм, пер. с нем., П., 1924; Николаи Г. Ф., Биология войны, пер. с нем., Л., 1926; Папаригиоуло С. В.,

Прогрессивные рус. мыслители XVIII в. о мире и войне, «Вопр. философии», 1960, № 2; Андреева И. С., Гудыга А. В., Вопросы мира в западноевроп. философии XVII—XVIII вв., там же, 1960, № 11; Федосеев П. Н., Совр. социологич. теории о войне и мире, в кн.: Историч. материализм и социальная философия совр. буржуазии, М., 1960; Тракаты о вечном мире. Сб., М., 1963; Hemleben S. J., Plans for world peace through six centuries, [Chic. J., 1943 (см. также лит. при ст. *Мирное сосуществование*)].
Е. Панфилов. Москва.

МИРАНДА (Miranda), Франсиску Понтис ди (Pontes de) (р. 1892) — браз. социолог и философ-неопозитивист. Развивает теорию, согласно к-рой спекулятивная философия не в состоянии дать нам познания действительности. М. утверждает, что сущность мира познанаема, но с помощью логич. и математич. «аккомодаций» можно создать представление о нем; пытается преодолеть ограниченность механич. детерминизма с помощью новой техники анализа, названной им «вероятностным детерминизмом», т. е. детерминизмом, основанным на теории вероятности (вероятностная логика).

Соч.: A sabedoria dos instinctos, R. de J., 1921; Obras literárias, R. de J., 1960.

Лит.: Круз Коста Ж., Обзор истории философии в Бразилии, пер. с португ., М., 1962, с. 146; Pinto Ferreira, Panorama de sociologia Brasileira, «Rev. Brasiliense», 1957—58, № 14, 15, 16.

Ж. Базарян. Москва.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ — государств. отношения между социалистич. и капиталистич. странами, основанные на взаимном отказе от применения войны как средства решения междунар. споров; особая форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом на междунар. арене, связанная с борьбой народов всех стран за мир против войны. М. с. не означает примирения с капитализмом и империалистич. гнетом и не распространяется на область идеологии, на отношения между антагонистич. классами внутри капиталистич. гос-в, между угнетенными народами и колонизаторами. Как принцип мировой политики М. с. предполагает: отказ от войны между гос-вами, решение спорных вопросов путем переговоров, равноправие, взаимопонимание и доверие между гос-вами, учет интересов друг друга; невмешательство во внутр. дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономич. и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды (см. Программа КПСС, 1961, с. 59). Принцип М. с. составляет незыблемую основу внешней политики социалистич. стран и надежную основу мира и дружбы между народами [см. Декларацию Совещания представителей коммунистич. и рабочих партий социалистич. стран (1957), в кн.: «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», 1961, с. 9]. Понятием «М. с.» не исчерпываются принципы взаимоотношений между социалистич. странами, а также взаимоотношений стран социализма с гос-вами, освободившимися от колониального гнета (см. *Интернационализм*).

Принцип М. с. органически вытекает из ленинской теории социалистич. революции. Переход от капитализма к социализму охватывает целую историч. эпоху, в течение к-рой вследствие разновременности перехода на путь социализма все новых стран неизбежно и закономерно совместное существование социалистич. и капиталистич. гос-в. Рост сил социализма — гл. фактор М. с., удерживающий империалистич. державы от осуществления агрессивных замыслов.

Миротворная политика вытекает из сущности коммунистической идеологии. Передовая социальная мысль уже в период восходящего капитализма отстаивала в утопической форме необходимость мирных взаимоотношений между народами и государст-

вами (см. Т. Мор, Утопия, М., 1953, с. 181—96; Кампанелла, Город Солнца, М., 1954, с. 76—77; Буонаротти, Заговор во имя равенства, т. 1, М., 1948, с. 325—26, 335—38, 352—54).

Нераздельность коммунизма и мира была научно обоснована марксизмом-ленинизмом. Основоположники науч. коммунизма Маркс и Энгельс исходили из того, что в эпоху домонополистич. капитализма коммунистич. революция «... произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 334). Поэтому на протяжении известного времени будут существовать коммунистические и некоммунистические страны и даже «антикоммунистические нации» (см. там же, т. 2, с. 539). Не исключая в такой историч. ситуации возможности оборонит. войн со стороны коммунистич. народов, Энгельс указывал, что «... победоносный пролетариат не может никакому чуждому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 357). Ленин, исходя из анализа новой историч. эпохи, развил эти положения и выдвинул принцип М. с. Незыблемость принципа М. с. и для совр. условий подчеркнута в Программе КПСС (1961, с. 59).

В результате победы Окт. революции в России сосуществование двух противоположных социальных систем стало реальным историч. фактом. В Декрете о мире (1917), принятом по инициативе Ленина, Сов. гос-во провозгласило М. с. основой своей внешней политики. В борьбе с троцкистами, отрицавшими возможность к.-л. отношений с империалистич. странами («ми мира, ни войны»), допустимость мирных договоров с капиталистич. державами, в борьбе с «левыми коммунистами», утверждавшими, будто «интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами», Ленин обосновал возможность М. с. двух систем и показал, что М. с. является единственно приемлемым принципом, на к-ром могут строиться нормальные межгосударств. отношения стран с противоположным социальным строем. «Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами» (Ленин В. И., Соч., т. 33, с. 129). Возможность М. с. обусловлена завоеваниями социализма, к-рый заинтересован в мире и не нуждается для своего развития в войнах; экономич. тенденциями мирового развития; борьбой народов против империализма и войн, за нац. независимость, демократию и мир. Для М. с. с бурж. странами у социалистич. гос-ва нет никаких препятствий; этому мешают «империализм со стороны американских (как и любых иных) капиталистов» (там же, т. 30, с. 340). Выдвигая принцип М. с., Ленин подчеркивал, что оно предполагает «... состояние двух способов, двух формаций, двух хозяйств — коммунистического и капиталистического» в условиях мира (там же, т. 31, с. 426). Идеологи антикоммунизма, фальсифицируя высказывания Ленина, пытаются отыскать некое противоречие между ленинской теорией социалистич. революции и идеей М. с. Однако Ленин отвергал «подталкивание» революции путем войны и рассматривал борьбу социалистич. гос-ва за мир и М. с. как выражение верности интернационализму. Свое главное воздействие на мировое развитие Сов. республика оказывает хозяйств. политикой, мир открывает во сто раз больше и шире дорогу ее влиянию (см. там же, т. 32, с. 413; т. 30, с. 422). Антимарксистская теория о том, будто социализм восторжествует лишь

в результате войны, «была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях» (там же, т. 27, с. 49).

В условиях, когда первое социалистич. гос-во развивалось во враждебном капиталистич. окружении, политика М. с., к-рую оно проводило, выражалась в борьбе за возможно более длительный мир. После 2-й мировой войны, в 50-х гг., междунар. условия изменились коренным образом. Образовалась мировая система социализма, к-рая превращается в решающий фактор мирового развития, рухнула колониальная система и возникли новые независимые гос-ва, заинтересованные в мире, произошло резкое и всестороннее ослабление мирового капитализма, обострились его классовые антагонизмы и возникли широкие демократич. движения за мир. Все это позволило КПСС, мировому коммунистич. движению творчески развить ленинский принцип М. с. Войны между народами, к-рые раньше были неизбежны, теперь могут быть предотвращены; миролюбивые силы в состоянии навязать империалистич. кругам длит. мир (см. Материалы XXII съезда КПСС, с. 302). Единств. источник военной опасности — империализм, к-рый готовит мировую термоядерную войну. Перед лицом ее страшных последствий М. с. стало объективно необходимым условием прогресса мировой цивилизации, оно отвечает интересам всего человечества, за исключением горстки монополистов и военщины, и требует активизации нар. масс в борьбе за мир. Курс на М. с. не есть пацифистская политика. Это линия на мобилизацию всех миролюбивых и социалистич. сил в борьбе против угрозы новой войны, за прекращение «холодной войны», за ликвидацию агрессивных блоков, осуществление всеобщего и полного разоружения, урегулирование междунар. споров мирными средствами, за междунар. безопасность. Поддержка М. с. предполагает нек-рые взаимные уступки, компромиссы, не затрагивающие суверенитета стран. Борьба за М. с. ведет к изоляции агрессивных сил империализма, сплачивает рабочий класс и др. миролюбивые силы и содействует разоблачению пацифистской идеологии. Идеологи антикоммунизма пытаются опорочить принцип М. с. Совр. троцкисты утверждают, будто М. с. не только невозможно, но и вредно для рабочего класса всех стран.

Общая линия мирового коммунистич. движения в вопросе борьбы за М. с. состоит в том, что в силу сложившихся объективных историч. условий (крайнее обострение агрессивности империализма, появление оружия огромной разрушит. силы и т. п.) центральное место среди всех задач, стоящих перед антиимпериалистич. силами в совр. эпоху, занимает борьба за предотвращение термоядерной войны. «Коммунисты всего мира единодушно и последовательно отстаивают мирное сосуществование, решительно борются за предотвращение войны. Коммунисты должны проводить неустанную работу среди масс, чтобы не допускать недооценки возможности предотвращения мировой войны, недооценки возможности мирного сосуществования и в то же время не допускать недооценки опасности войны».

В условиях разделения мира на две системы единственно правильным и разумным принципом междунар. отношений является принцип мирного сосуществования государств с разным социальным устройством, выдвинутый В. И. Лениным и получивший свое дальнейшее развитие в московской Декларации и Манифесте мира 1957 года, в решениях XX и XXI съездов КПСС и документах других коммунистических и рабочих партий (Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, 1961, с. 60).

М. с. включает в себя широкую позитивную программу, предусматривающую проведение в меж-

дунар. отношениях демократич. требований, пограничных империализмом. В принципе М. с. получают благоприятное разрешение прогрессивные тенденции совр. междунар. развития — тенденция к завоеванию всеми народами своей государственности и независимости и тенденция к хозяйств. сближению стран на почве междунар. разделения труда и всемирного рынка.

М. с. предполагает усиление борьбы марксистов-ленинцев за торжество коммунистич. идей. Развитие добрососедских и дружеств. отношений между странами на основе М. с. не ведет к исчезновению противоречий между двумя системами, к затуханию классовой борьбы на междунар. арене и внутри капиталистич. стран. М. с. «... служит основой мирного соревнования между социализмом и капитализмом в междунар. масштабе и является специфической формой классовой борьбы между ними» (Программа КПСС, с. 59). М. с. не есть примирение социализма с империализмом и отказ от идеол. борьбы. В вопросах идеологии и социальных принципов М. с. быть не может. Неизбежность идеол. борьбы определяется тем, что мировоззрение рабочего класса и мировоззрение буржуазии непримиримы по своей природе. Попытки занять «среднюю линию», примиренчество с бурж. идеологией неминуемо ведут к сползанию на позиции противников коммунизма. Борьба идей объективна и закономерна. «Мирное сосуществование государств с различным общественным строем не означает примирения социалистической и буржуазной идеологии. Напротив, оно предполагает усиление борьбы рабочего класса, всех коммунистических партий за торжество социалистических идей. Однако идеол. и политические споры между государствами не должны решаться войной» (Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, 1961, с. 62).

Борьба, к-рую ведут марксисты-ленинцы против враждебных коммунизму идей, за утверждение науч. коммунистич. мировоззрения, идеологически обеспечивает решение задач, стоящих перед народами социалистич. стран, междунар. рабочим классом, нац.-освободит. движением. «Проповедь мирного сосуществования идеологий есть измена марксизму-ленинизму, предательство дела рабочих и крестьян» («Об очередных задачах идеологической работы партии», Постановление Пленума ЦК КПСС от 21 июня 1963, см. «Правда», 22 июня 1963, с. 1). В совр. условиях значение идеол. борьбы возрастает в связи с тем, что правящие круги империалистич. стран, широко используя другие формы борьбы против социализма, делают главную ставку на идеол. диверсии в отношении социалистич. гос-в, на антикоммунизм. В этих условиях особенно необходимо повышать политическую бдительность, вести развернутое наступление против бурж. идеологии, против пережитков прошлого в сознании людей.

Принцип М. с. получает признание среди людей, придерживающихся различных взглядов. Это усиливает его критику со стороны ряда бурж. идеологов, к-рые отрицают закономерный и неизбежный характер сосуществования двух систем, отождествляют М. с. с «холодной войной», пытаются доказать несовместимость принципа М. с. с марксистско-ленинским учением о неизбежности победы коммунизма во всем мире, пытаются изобразить М. с. как путь, ведущий к синтезу двух систем. С др. стороны, бурж. социологи, выступающие в поддержку М. с. двух систем, ограничиваются анализом демократич. характера М. с. как принципа мировой политики и не видят его неразрывной связи с революц. мировым процессом, с классовой борьбой на междунар. арене.

Политика М. с., к-рую проводят социалистич. страны, является могучим фактором, ускоряющим всемирный революц. процесс. В условиях мира и М. с.

социализм наиболее широко и наглядно раскрывает свои преимущества во всех областях жизни; это усиливает влияние коммунистич. идей на нар. массы во всем мире. В условиях М. с. создаются более благоприятные возможности для борьбы рабочего класса капиталистич. стран, для развертывания нац.-освободит. движения. М. с. между двумя системами не исключает революций в форме вооруж. восстаний и справедливых нац.-освободит. войн против империалистич. гнета, к-рые происходят в рамках капиталистич. системы. Переход от капитализма к социализму, освобождение народов от империалистич. гнета вполне согласуется с перспективой упрочения М. с. Проблемы революц. борьбы рабочего класса и нац.-освободит. движения ныне тесно связаны с борьбой за М. с., за предотвращение мировой термоядерной войны.

Лит.: Энгельс Ф., Письмо К. Каутскому. 12 сентября 1882 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; его же, Эльберфельдские речи, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2; Ленин В. И., Доклад о мире, 26 октября (8 ноября), Соч., 4 изд., т. 26; его же, Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября), там же; его же, Странное и чудовищное, там же, т. 27; его же, Амер. рабочим, там же, т. 30; его же, Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News», там же; его же, Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «New York Evening Journal», там же; его же, Наше внешнее и внутр. положение и задачи партии, там же, т. 31; его же, Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 22 декабря, там же; его же, Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта, там же, т. 32; его же, О внутр. и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК IX Всероссийскому Съезду Советов 23 декабря 1921 г., там же, т. 33; его же, Политический отчет ЦК РКП(б) 27 марта, там же; его же, Проект постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции, там же; его же, Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарману, там же; XX съезд КПСС 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1956; Внеочередной XXI съезд КПСС 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1959; XXII съезд КПСС 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; Программа КПСС. (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Постановления Пленума ЦК КПСС. Июнь 1963 г., М., 1963; Документы Совещаний представителей коммунистич. и рабочих партий, М., 1957; Документы Совещания представителей коммунистич. и рабочих партий, М., 1960; За сплоченность междунар. коммунистич. движения. Документы и материалы, М., 1964. Е. Панфилов. Москва.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ — обобщенная система взглядов человека на мир в целом, на место отд. явлений в мире и на свое собств. место в нем, понимание и эмоц. оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность научных, филос., политич., правовых, нравств., религиозных, эстетич. убеждений и идеалов людей. Понятие М. употребляется и в узком смысле, напр. филос. М., политич. М., религиозное М. и т. п. Отношение человека к миру бесконечно многообразно. Это и обуславливает различные аспекты осознания человеком себя в мире, различные грани единого М. Каждый из нас — это «природа, ставшая человеком», и мы так или иначе отдаем себе отчет в том, какое место занимаем в бесконечном круговороте событий. Через труд, науку, искусство мы осознаем свое единство с природой, а вместе с тем и относим самостоятельность — и по своему происхождению, и во всех своих жизненных отправлениях. Мы живо интересуемся тем — одинок ли человек как разумное существо в мироздании или разумная жизнь есть и на других мирах. Это все мировоззренч. вопросы.

Отношение человека к природе осуществляется через его бесконечно многообразные отношения к др. людям, через обществ. отношения. И мы также осознаем свое единство с обществ. целым и вместе с тем свою относим. самостоятельность — и по образу своей жизни, и по языку, и по нормам сознания. Социальная жизнь формирует у людей предел. идеалы, политические воззрения, нравственные и эстетич. идеи и т. д. Все это мировоззренч. вопросы.

Человек не только действует, но и мыслит. И человечество издавна интересуется, какое место занимает разум в общем развитии жизни, как он соотносится с действительностью. Это также глубоко мировоззренч. проблемы, имеющие большое практич. значение. Те или иные воззрения на мир имеет каждый человек — это составляет одну из особенностей человека, отличающих его от животных. М. может быть обыденным (стихийным, наивным) и теоретически обоснованным, сознательным, проникнутым определ. филос. принципами. В М. обобщенно отражены особенности обществ. бытия личности, ее место в исторически конкретной системе обществ. отношений.

Поскольку человек выступает в истории всегда как представитель определ. класса, опыт к-рого определяет его социальный бытие, то и М. человека составляет не только его личное достоинство, но отраженное в его сознании через формы культуры классовое сознание. В классовом обществе М. носит всегда классовый характер. В зависимости от того, совпадают ли практич. интересы класса с объективной тенденцией истории или нет, партийность данного класса совпадает с науч. объективностью или противоречит ей, и, следовательно, М. этого класса складывается как передовое или отсталое, реакционное. По своему содержанию и обществ. значимости М. может быть последовательно научным, т. е. основанным на данных передовой науки и науч. философии, или ненаучным, материалистич. или идеалистич., диалектич. или метафизич., атеистич. или религиозным, реакционным или буржуазным. В наше время последоват. революционным и единственно науч. М. является М. революц. рабочего класса и его коммунистич. партии — марксизм-ленинизм, а диалектич. и историч. материализм является филос. М.

М. не пассивный спутник, а своего рода духовный наставник, путеводитель человека, класса, партии, народа, человечества. И если оно исходит из правильного миропонимания, то служит прочной основой для разумного преобразования мира. Если же М. представляет собой ложное отражение действительности, то оно является серьезной помехой в жизни личности.

Характерная черта М. — единство образа мыслей с образом жизни. Коммунистическим М., напр., обладает не тот человек, к-рый только изучил марксизм-ленинизм и знает его, а тот, к-рый живет и действует в полном соответствии с этим знанием. Знания превращаются в М. тогда, когда они формируют социально-политич., нравств. и эстетич. позиции человека, приобретают характер внутр. убеждения человека, т. е. становятся основой всего образа его жизни.

В процессе социального воспитания личности усваиваемая ею духовная культура становится из совокупности знаний о мире осознаваемой программой ее обществ., а тем самым и личного поведения. Именно как фактор поведения человека его знания становятся его убеждениями. Благодаря этому М. оказывает сильнейшее активное воздействие на жизнь, на все стороны познания и практич. деятельности людей. Вот почему принципиальные люди, глубоко убежденные в правоте своих взглядов, способны идти на любые страдания и даже на смерть. Многие великие истинны и принципы социальной справедливости оплачены кровью их убежденных защитников, к-рые шли на костер, виселицу, отбывали каторгу, умирали в ссылке и на чужбине.

Для революционеров и мучеников науки, напр. Джордано Бруно, характерен девиз: «Стою на этом и не могу иначе!». Именно передовое М. придало поразительную чувствительность социальной совести благородных мыслителей и революционеров, так резко обострило их понимание действительности.

Именно оно вдохновило их на неустанный поиск и напряженное размышление над социальными загадками.

Сила личного убеждения — это важное условие практич. и теоретич. деятельности. Корифеи мысли и революционного дела, основоположники марксизма-ленинизма не только владели истиной. Они были глубоко убежденными людьми. Их характеризуют бесстрашие, самопожертвование и беспредельная преданность своим идеям. Всем образом их жизни и мысли руководила извечная мечта человечества о счастливой жизни всех тружеников на земле.

Человек, лишенный широкой и верной ориентации в вопросах М. и способах подхода к познанию и преобразованию мира, чувствует себя беспомощным. Чтобы не оказаться в положении неумелого пловца, плывущего по воле волн в бурном океане жизни, человек обязан овладеть науч. М. Тогда он сможет смело и уверенно идти в избранном направлении, видеть свое место и роль в сложном водовороте событий.

В чем состоит могучая и неотразимая сила марксистско-ленинского М.? «Учение Маркса, — писал Ленин, — всеисильно потому, что оно верно» (Соч., т. 19, с. 3). Правильно и глубоко отражая законы развития природы и общества, марксистско-ленинское М. всесторонне выражает коренные интересы трудового народа, открывает реальный смысл человек. истории и жизни людей.

Для совр. бурж. М. характерно отсутствие положительных идеалов; настоящее в нем кажется неопределенным, а будущее — темным и лишенным перспектив. Идеологи реакц. буржуазии, жалуясь на то, будто бы в совр. мире все духовные ценности потеряли свой смысл, провозглашают пессимистич. принцип — благословен тот, кто ничего не ожидает: кто ничего не ожидает, никогда не будет разочарован. Они против всяких социальных идеалов, полагая, что последние зачастую превращаются в злую иронию. Утрата обществ. идеалов, смысла и целей жизни, моральный нигилизм и цинизм, потеря чего-либо во что можно верить и чему можно быть преданным — вот основные черты совр. реакц. бурж. М.

В противоположность взглядам буржуазии и ее идеологов с их проповедью пессимизма, безнадежности и неверия в будущее, марксистское М. придает человеку революционную устремленность во взглядах на жизнь: силу идейной убежденности, веру в могущество разума, в светлое будущее человечества. Оно резко выделяется на фоне общего упадка бурж. М. и ясно указывает человечеству путь в будущее.

В условиях победоносного развития социалистич. революции марксистско-ленинское М. стало одной из решающих сил, организующих революц. действия масс в борьбе за мир, социализм и коммунизм. В социалистич. странах марксизм-ленинизм становится М. всего народа и формирует новое, социалистич. и коммунистич. отношение к труду и ко всем сторонам обществ. развития. Оно является решающей силой в борьбе с пережитками бурж. и религ. М. Поэтому Программа КПСС придает первостепенное значение формированию науч. М. у всех тружеников сов. общества на идейной основе марксизма-ленинизма.

Чем глубже это М. проникает в сознание народных масс, тем активнее они участвуют в борьбе против эксплуатации, колониального гнета, за социализм и коммунизм. Вот почему КПСС одной из важнейших задач строительства коммунизма считает воспитание всего народа, каждого советского человека в духе науч. М. Формирование науч. М. предполагает обобщение, синтезирование всех знаний, добытых отд. науками. А такой синтез возможен лишь на основе марксистской философии.

МИСТИКА средневековая — религиозно-философские течения, к-рые в противоположность,

напр., *схоластике* видели путь постижения бога не в логике и рассуждении, а в сверхразумном созерцании и чувстве. Теоретич. источником ср.-век. М. как на Западе, так и на Ближнем Востоке послужили религ.-мистич. концепции, гл. обр. *неоплатонизма*, достигшие огромного влияния в эпоху кризиса рабовладельч. общества на исходе античности. Важнейшим источником неоплатоновского *мистицизма* в средние века стали *Ареопагитики*, к-рые были переведены на лат. яз. в 9 в. *Иоанном Скотом Эриугеной*. Сам термин «М.» и большая часть терминов, связанных с ней, восходит к этим произведениям (особенно «О божественных именах», 11,7, «Таинственная теология», 1,4). Не менее влиятельным теоретич. источником М. на Западе послужило также учение *Августина* о сверхчувств. озарении человек. души (т. н. иллюминизм), достигаемом в результате непостижимой милости бога и позволяющем проникнуть в сущность божества. Сохраняя дуализм бога и мира, бога и человека, Августин вместе с тем рассматривал мистич. «познание» как увенчание рационального.

В развитии ср.-век. христ. философии на Западе М. стояла в одном ряду со схоластикой. При этом М. ортодоксальных, вполне признанных церковью писателей нередко становилась гл. формой защиты религ. мировоззрения, к-рое под напором рационалистич. течений в схоластич. философии стремилось полностью уйти в *иррационализм*. Нек-рые из ортодоксальных христ. мистиков, напр. *Бернар Клервоский*, стремились к полному вытеснению схоластики и замене ее М. Ортодокс. М. в лице Бернара Клервоского стала одним из гл. теоретич. оснований *аскетизма*. Современники Бернара — *Гуго Сен-Викторский* и *Ришар Сен-Викторский*, не отвергая схоластич. способов осмысления действительности, единственно адекватный путь постижения бога видели именно в М.

Европейская ортодоксальная М. включала в себя нек-рые элементы схоластич. философствования (прежде всего аристотелизма). Большинство ортодокс. мистиков этого времени принадлежало к францисканскому ордену, напр. епископ Гильом из Оверни (ум. в 1249), *Александр* из Гэльсы и в особенности *Бонавентура*.

Неортодоксальная М., решительно осуждавшаяся католич. церковью, была тесно связана с неоплатонизмом, в т. ч. с его идеей о непознаваемости бога. В отличие от ортодокс. мистиков, мистики неортодоксальные, как, напр., *Иоанн Эриугена*, утверждали, что соединение души с богом в процессе экстаза происходит в силу тождественности их природы, поскольку душа — одно из проявлений неведомого бога, возникших, как и весь мир, посредством эманации из него. Тем самым неортодоксальная М. смыкалась с *пантеизмом*, к-рый последовательно отвергался монотеистич. религиями, основывавшимися на дуализме бога и мира. Поскольку с т. зр. мистич. пантеизма экстазич. «познание» бога есть факт природный, мистич. «познание» выступает как деятельность человек. ума. На этой основе нек-рые мистики-пантеисты, напр. *Иоанн Эриугена*, а значительно позже *Николай Кузанский*, приходили к высокой оценке человек. разума и к ряду положений рационалистич. характера. К пантеистич. направлению в ср.-век. М. принадлежат философы 13 в. *Аморн Бенский* и *Давид Динанский*. Пантеистич. ср.-век. М. стоит в резко оппозиционном отношении к господствующей церкви, освящавшей систему феод. эксплуатации. Именно эта разновидность М. стала одной из гл. идеологий. основ многочисленных еретич. и революц. движений плебейства, крестьянства и горожан против феодализма и католицизма. По замечанию Энгельса, «революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде

открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 361). Революционность пантеистич. М. вытекала из того, что открывшая индивидуальное пути богопознания перед каждым верующим, она внушала последним мысль о том, что сложная система господствовавших религ. догматов и иерархически-бюрократич. церк. организация, их пропагандировавшая, излишни в деле «спасения» человека. Если Бонавентура и др. ортодокс. мистики утверждали, что духовномистич. общение с богом, остающимся внеприродным существом, не отменяет обязательности всех церк. обрядов, то, напр., *амальриканы* отрицали по существу все церк. обряды и таинства. К пантеистич. М. очень близко движение т. н. хилиастов, начало к-рому положил *Иоазим Флорский*. Большинство оппозит. мистиков 16—17 вв. — *Франк, В. Вейгель, Бёме*, поэт-философ Иоганн Шеффлер, англ. квакеры и нидерландские *меннониты* и коллегиянты, выступавшие с пассивным протестом против господствовавшей формализованной религиозности, тоже принадлежали к числу пантеистов. Отражая слабость и бессилие угнетенных классов феод. общества, далеких от образованности и науки, оппозиционно-еретич. М. противопоставляла господств. церкви не рациональную интерпретацию мира, а созерцат. веру в «царство божие», к-рое должно наступить само собой, без участия людей. С др. стороны, эта разновидность М. была идеологич. формой организации плебейско-крестьянских масс в их стихийной антифеод. и антицерк. борьбе. С М. была связана деятельность таких революц. борцов против феодализма, как *ноахимит Дольчино*, мн. табориты, и в особенности *Мюнцер*, мистич. пантеизм к-рого, иногда сочетавшийся с элементами рационализма и атеизма (см. там же, с. 370), стал наиболее последоват. выражением революц. устремлений плебейско-крест. масс.

Др. особенность пантеистич. М. состояла в субъективизации духа и отказе на этой основе от священных и церк. авторитетов. Наиболее характерный представитель ее — *Экхарт*. Через *Таулера*, *Экузо* и анонимного автора «Немецкой теологии» Экхарт оказал влияние на *Лутера*, выдвинувшего принцип «оправдания верой», а не «делами», и в специфич. форме — на *Томаса Мюнцера*.

М. как неотъемлемое явление теологич. идеологии феод. общества была широко представлена не только на Западе, но и на Востоке. В мусульм. странах (особенно в Иране) наиболее влият. мистич. направлением был *суфизм*. В ср.-век. свр. философии источником М. была гл. обр. *каббала*. М. в ср.-век. инд. философии была представлена рядом направлений и школ, в частности *ведантой*.

Лит.: Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; его же, Анти-Дюринг, М., 1957; его же, Книга откровения, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 16, ч. 1, [М.—Л., 1937]; его же, К истории раннего христианства, там же, т. 16, ч. 2, [М.], 1936; его же, Естествознание в мире духов, в его кн.: Диалектика природы, М., 1955, с. 28—37; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; Трахтенберг О. В., Очерки по истории зап.-европ. средневековой философии, М., 1957; Сидорова Н. А., Очерки по истории ранней гор. культуры во Франции, М., 1953; Смирин М. М., Нар. реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, 2 изд., М., 1955; Вертеловский А., Западная средневек. мистика и отношение ее к католицизму, Х., 1888; Мацек И., Табор в Гуситском революционном движении, пер. с чеш., т. 1—2, М., 1956—1959; Preger W., Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter, Tl 1—3, Lpz., 1874—1893; Delagrè H., Essai sur le mysticisme en spéculatif en Allemagne au XIV siècle, P., 1899 (thèse); Butler C., Western mysticism, L., [1922]; Hornstein X. de, Les grands mystiques allemands du XIV-me siècle: Eckart, Tauler, Suso, Lucerne, 1922; Büttner Th., Werniger E., Circumcellionen und Adamiten, B., 1959. В. Соколов. Москва.

МИСТИЦИЗМ (от греч. *μυστικός* — таинственный) — в широком смысле истолкование явлений природы

и общества как имеющих в своей основе таинственное, необъяснимое, сверхъестеств. начало. В этом смысле М. присущ всем без исключения религиям, в частности *иудаизму, исламу, христианству, буддизму* и др. В более узком смысле М. означает религ.-филос. концепцию, признающую возможность непосредств. сверхчувств. общения человек. души с богом как «первичной духовной реальностью». Мистич. состояние сознания проявляется в фантастич. видениях, грехах, галлюцинациях, приступах экстаза и т. п.

Как религ.-филос. явление *мистика* достигает наибольшего распространения в эпоху средневековья. Отношение христ. богословия и христ. церквей к М. было всегда противоречивым и определялось как историч. обстановкой, так и теми конкретными формами, в к-рых выражалось мистич. движение на том или ином этапе его развития.

«Теория» божеств. откровения, лежащая в основе как иудейской, так и христ. догматики, по своему существу является выражением М. — она исходит из того, что авторы библейских книг писали их в состоянии *бogosдохновенности*, т. е. духовно-мистич. единения с богом.

Раннехристианские богословы Игнатий Антиохийский, *Ориген, Августин* активно пропагандировали М. По учению Оригена, цель жизни христианина заключается в достижении подобия Христу, а ступени совершенствования личности христианина означают ступени его приближения к полному слиянию с Христом. Дальнейшими проповедниками М. в христ. богословии явились Евагрий Понтийский и особенно автор *Ареопагитик*. В качестве формы теологич. обоснования М. в Ареопагитиках, а также у Симеона Нового-Богослова выступало т. н. апофатическое, или негативное, богословие, по к-рому постижение божества разумом возможно лишь в отрицат. определениях, указывающих на то, какие признаки ему не должны быть приписываемы, действительное же познание бога дается лишь мистич. озарением души верующего.

Как для вост., так и для зап. христ. церкви М. представлялся всегда обоюдоострым оружием, — с одной стороны, усиливающим христ. рвенне масс, а с другой, тающим в себе серьезную опасность для церкви, поскольку учение о непосредств. общении души верующего с богом легко переходило в представление о ненужности духовенства в качестве посредника между ними. Эта опасность ярко выразилась в ср.-век. мистике.

В России М. нашел свое выражение в идеологии и культовой практике ряда сект хлыстовского направления. Участники «радений» при помощи различных средств психич. и физич. воздействия приводили себя в состояние иступления, рассматривавшееся как признак состоявшегося соединения с божеством. В наст. время эта практика сохранилась в секте *пятидесятников*.

Как филос. явление, М. не пользовался сколько-нибудь значит. влиянием в эпоху, когда бурж. идеология разрывала феод.-религ. пути, о чем свидетельствует резко иронич. отповедь Канта Сведенборгу, виднейшему мистика 18 в. В бурж. философии 19 в. М. имел таких представителей, как *Сен-Мартен, Баадер*, поздний *Шеллинг* и др.

Распространение М. резко усиливалось по мере загнивания бурж. культуры в эпоху империализма. Среди философов, обосновывавших М., наибольшую роль сыграли В. *Соловьев, Джемс, Бергсон*. К числу еще более поздних философов-мистиков относятся французенка Симона Вейль (1909—43), опубликовавшая кн. «Ожидание бога» (S. Weil, Attente de Dieu, [1950]), а также американец Уильям Стейк (р. 1886).

В совр. богословии, а также в бурж. филос. лит-ре обоснование и оправдание М. находит все большее распространение. В условиях явного краха всей системы «рационалистического» богословия, оперирующего мнимо-логич. рассуждениями и претендующего на научность, идеологи религии вынуждены все больше прибегать к чисто мистич. фразеологии о неизреченной таинственности божеств. истин, о возможности их постижения лишь при помощи «религиозного опыта» (*прагматизм*), индивидуального религ. переживания (*экзистенциализм*), «встречи с богом» (диалектическая теология» К. Барта).

Лит.: Францев Ю. П., У истоков религии и свободы мысли, М.—Л., 1959; Джемс У., Многообразие религ. опыта, пер. с англ., М., 1910; Görges J. von, Die christliche Mystik, Bd 1—4, Regensburg—Landshut, 1836—42; neue Aufl., Bd 1—5, Regensburg, [1879—80]; Steiner R., Das Christentum als mystische Tatsache und die Mysterien des Altertums, 3 Aufl., Lpz., 1910; Watkin E. I., The philosophy of mysticism, N. Y., 1920; Butler E. C., Western mysticism..., L., [1922]; Thurston H., The physical phenomena of mysticism, Chi., 1952; Scholem G., Die jüdische Mystik in ihren Hauptströmungen, Fr./M., 1957; Andrae T., Islamische Mystiker, Stuttgart, 1960.

И. Крылова. Москва.

МИТИН, Марк Борисович [р. 22 июня (5 июля) 1901] — сов. философ и обществ. деятель, академик (с 1939). Член КПСС с 1919. Окончил филос. отделение ИКП (1929). Был зам. директора Академии коммунистич. воспитания, зам. директора Ин-та философии, гл. редактором журн. «Под знаменем марксизма» (1930—44), директором ИМЛ при ЦК КПСС (1939—44), членом Президиума АН СССР, руководителем кафедры философии ВПШ при ЦК КПСС, членом редколлегии журн. «Большевик» (1944—50), «Лит. газеты» (1949—50). В 1950—56 — шеф-редактор газ. «За прочный мир, за народную демократию!», в 1956—60 — пред. правления Всесоюзного об-ва по распространению политич. и науч. знаний. С 1960 — гл. редактор журн. «Вопросы философии». Зам. акад.-секретаря Отделения философии и права АН СССР. Был депутатом Верховного Совета СССР 3—5-го созывов. На XVIII, XIX, XX съездах партии избирался членом ЦК КПСС. Гос. премия СССР (1943) за участие в труде «История философии».

Н.-и. и лит.-публицистич. деятельность посвящена разработке актуальных проблем марксистской философии. Начиная с 30-х годов, М. занимается исследованием истории всемирной философии, в частности нем. классич. философии. В центре его исследований проблемы ленинского этапа в развитии диалектич. и историч. материализма, вопросы партийности в философии. В филос. дискуссии конца 20—нач. 30-х гг. М. вел активную борьбу на два фронта: против механицизма и идеалистич. извращений марксистской философии. М. разрабатывает вопросы теории гос-ва и социалистич. демократии, актуальные проблемы марксистской гносеологии (теория отражения, проблема идеального и материального, роль знаковых систем в познании и т. п.). В трудах М. разоблачается империалистич. бурж. идеология, подвергаются критике различные позитивистские, оппортунистич. и др. антимарксистские «теории». М. — один из авторов и редакторов многотомной «Истории философии» (т. 1—5, М., 1957—62). Мн. работы М. переведены на языки народов СССР и изданы за рубежом. М. выступал с докладами на 12-м и 13-м Междунар. филос. конгрессах.

Соч.: Гегель и теория материалистич. диалектики, М., 1932; Диалектич. и историч. материализм, под ред. М., М., 1933; Боевые вопросы материалистич. диалектики, [М.], 1936; К столетию «Манифеста Коммунистич. партии» Маркса и Энгельса, [М.], 1948; За материалистич. биологию, науку, М.—Л., 1949; Demosgasia sovietica u demosgasia burguesa, M., 1950; Историч. роль В. Г. Плеханова в рус. и междунар. рабочем движении, М., 1957; Философия и современность, М., 1960; Ленинизм и крушение колониальной системы империализма, «Вопр. философии», 1960, № 11; Прогресс наук и задача филос. исследований, там же, 1961, № 7;

Сов. гос-во и строительство коммунизма, там же, № 10; Материальное и идеальное, там же, 1962, № 7; Марксистско-ленинская гносеология и проблема знака и значения, там же, 1963, № 6.

МИУРА БАЙЭН (наст. имя—Сион, прозвище—Ясуада) (1723—89) — япон. философ, представитель филос. мысли периода упадка неоконфуцианства и начала распространения в Японии европейских естественнонауч. знаний. Философия М. Б. представляет собой эклектич. соединение материалистич. и идеалистич. представлений, *пантеизма* и *мистицизма*. Натурфилософия М. Б., к-рую он определял как теорию нерушимого закономерного порядка в природе и пытался построить на строго логич. основаниях, содержит диалектич. элементы. Однако она была не свободна от схоластики и софистики.

Филос. и этич. взгляды М. Б. изложены в соч. «Слово о сокровенном» («Кэнго», 8 тт., 1753—55), «Слово об обилии (вселенной)» («Дзэйго», 14 тт., 1756—89) и «Слово о смелом (правдивом) должествовании» («Канго», 1760—63). Кроме филос. трудов, перу М. Б. принадлежат экономич. трактат «Источник цен» («Кагэн», 1773) и ряд работ по грамматике.

Лит.: Радуль-Затуловский Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 263—64; Цудуми Ханухиса, Эдо тьюгоро иго какаку, тэцугаку сисо-но гайкан (Общий обзор научных и философских идей второй половины периода Эдо), «Юбидзурон кизю», 1937, № 53; Нагата Хироси, Нихон тэцугаку си (История японской философии), Токио, 1937, с. 152—53; его же, Нихон хокэн идэроги (Идеология феодальной Японии), Токио, 1938, с. 82—83; Саигуса Хирото, Тага Сумиго кун-ни котару сё (Пояснения к «Ответу Тага Сумиго М. Б.»), Токио, 1947, с. 53—61; его же, Пояснения к соч. Миуры Байона, в кн.: Нихон тэцугаку сисо дзэнсе (Полн. собр. соч. по японской филос. мысли), Токио, 1955—56, т. 1, с. 6, 9, 17, 19, 25, 183, 189, т. 2, с. 53, т. 6, с. 4—5, т. 7, с. 12, т. 12, с. 119, 174, т. 14, с. 128, 135, т. 16, с. 5, т. 17, с. 4, т. 18, с. 93, т. 19, с. 6, 9; его же, Нихон-но юбидзуроня (Японские материалисты), Токио, 1956, с. 80—94; Нарамото Тацую, Нихон сисока (Японские мыслители), Токио, 1954, с. 172—85.

И. Радуль-Затуловский. Москва.

МИФОЛОГИЯ (от греч. *μῦθος* — предание, сказание и *λόγος* — рассказ) — 1) Фантастическое отражение действительности, возникающее в результате одушевления природы и всего мира в первобытном сознании. 2) Наука, изучающая образы этого отражения — мифы и соответствующие им сказания.

Понятие мифа. М.—«... природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией» (Маркс К., К критике политической экономии. Введение, 1953, с. 225 и сл.). Ленин в мифе и М. видел «идеализм первобытный», в к-ром «...общее (понятие, идея) есть отдельное существо» (Соч., т. 38, с. 370). Попытка раскрыть эти определения Маркса и Ленина приводит к следующим выводам:

1. Миф есть чувств. представление, и в нем не содержится ничего абстрактного. Однако миф не есть сфера просто только чувств. представлений, потому что в обычных чувств. представлениях нет ничего чудесного, волшебного, фантастического, а миф полон всем этим.

2. Миф всегда есть обобщение тех или иных явлений природы и общества. Деметра, напр., есть обобщение всего земледелия, взятого в целом, а Посейдон — обобщение моря, всех морей и всех морских явлений. Однако все обобщения в М. не выходят за пределы чувств. представлений. В этом смысле М. принципиально отличается от науки или философии, хотя в отд. периоды человек, развития наука и философия приближались к М. и даже сливались с ней. Вошло в обыкновение понимать миф как попытку объяснения или понимания природы и общества первобытным человеком. Это неверно, поскольку всякое объяснение природы и об-

щества, даже максимально мифологическое, является уже результатом рассудочного познания и тем самым резко отличается от мифа, обладающего какой угодно, но только не познавательной функцией. Конечно, когда смена зимы и лета объясняется уходом с земли и появлением на ней Персефоны, дочери Деметры, украденной подземным богом, то это есть попытка объяснить известное явление природы. Тем не менее эта попытка не составляет сущность данного мифа. Эту сущность составляет перенос в обобщенном виде на природу и на весь космос чисто человек. отношений в определенный период человек. истории. М. не есть объяснение природы, поскольку мифич. объяснение природы уже предполагает наличие М., и потому объяснительная функция М. вторична. Каким бы детским характером ни отличалось объяснение природы в первобытное время, это объяснение, как и наука вообще, не имеет ничего общего с мифотворчеством, хотя то и другое в первобытное время переплетаются столь тесно, что их часто даже трудно расчлениить. Познательные способности человека вообще не являются чем-то первичным и сами должны быть объяснены из его обществ. практики.

3. Миф есть непосредственное веществ. совпадение общей идеи и самого обыкновенного чувств. образа. Любое построение отвлеченной мысли, к-рое является только отражением действительности, для М. является самой действительностью со всеми ее материальными и веществ. свойствами, со всеми ее чувств. качествами, в виде живых существ или неживых предметов. В мифе все идеальное вполне тождественно с материальным и вещественным, а все вещественное ведет себя так, как будто бы оно было идеальным. Поэтому всякий миф всегда является чем-то чудесным, фантастическим, магическим и волшебным.

4. Мифологич. фантазия, имея сходство с художеств. фантазией в том, что обе они являются обобщением действительных фактов, в то же время резко противостоит последней, поскольку она предполагает субстанциальное тождество идеи и вещи или идеи и образа, тогда как художеств. фантазия есть только отражение вещей, а не сама вещь. Вследствие этого мифологич. фантазия полна чудес, волшебства, художеств. фантазия (по крайней мере, принципиально) ничего чудесного в себе не содержит. Мифологич. образы мыслятся овеществленными в буквальном смысле слова, они не являются метафорой или аллегорией, тогда как художеств. образы всегда понимаются только переносно.

5. Миф не есть религ. символ, потому что религия есть вера в сверхчувств. мир и жизнь согласно этой вере, включая определенного рода мораль, быт, магию, обряды и таинства, и вообще культ. Миф же ничего сверхчувственного в себе не содержит, не требует никакой веры. Вера предполагает к.-л. противоположность того, кто верит, и того, во что верят. Мифич. же сознание развивается еще до этого противопоставления, и поэтому здесь — и не вера и не знание, но свое собственное, хотя и вполне оригинальное, сознание. С т. з. первобытного человека, еще не дошедшего до разделения веры и знания, всякий мифич. объект настолько достоверен и очевиден, что речь должна здесь идти не о вере, но о полном отождествлении человека со всей окружающей его средой, т. е. природой и обществом. Не будучи магич. операцией, миф тем более не включает в себя никакой обрядности. Магич. операция есть буквальная или субстанциальная реализация мифа. Обряд не является даже и такой реализацией мифа, хотя он первоначально от нее неотделим. Это уже некого рода драматизация мифа, предполагающая его более или менее близкое воспроизведение при помощи действий, танца, жестикюляции и молитвы. Магия, обряд, религия и миф

представляют собой принципиально различные явления, к-рые не только развиваются часто вполне самостоятельно, но даже и враждуют между собой.

Т. о., М. — это обобщенное отражение действительности в виде чувств. представлений или, точнее, в фантастич. виде тех или других одушевленных существ. В этом смысле миф отличается и от сказки, поскольку в этой последней содержится уже критическое и даже иной раз насмешливое отношение к изображаемой действительности, так что сама сказка преследует скорее дидактич. или эстетич. цели.

Согласно определению Ленина, «инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы» (там же, с. 81). Действительно, первобытный человек не выделяет себя из природы, для него все является таким же чувственным, каким является он сам, поэтому вся действительность, отраженная в М., чувственна. И если, далее, человек на самом деле ничем существенным не отличается от окружающей его природы, то он не противопоставляет свою мысль окружающей его природе. Это — самая начальная и самая осяз. позиция мифологич. мышления. В результате мифич. интерпретации всей действительности как безусловно чувственной появляется идея о тождестве целого и части или убеждение в том, что все находится решительно во всем и в соответствии с этим принципом дифференцируется и организуется вся мифич. действительность. Наконец, если человек чувствует себя живым и одушевленным существом, то в условиях отождествления себя с природой он всегда одушевляет эту последнюю, населяя ее вымышленными живыми существами.

Такое своеобразное тысячелетнее явление духовной культуры, как М., имеет глубокие социальные и историч. корни. В условиях первобытнообщинной формации, основанной на коллективизме ближайших родственников как в отношении собственности на средства (а в ивых случаях и на орудия) произ-ва, так и в отношении самого труда и распределения его продуктов, недифференцированность индивидуума и родовой общины накладывает неизгладимый отпечаток на все его мышление и, след., на мифотворчество. Сознывая свою общность с родовой общиной, первобытный человек, несмотря на свою прикованность к отд. чувств. вещам, не может обойтись без обобщений. Поэтому все мифич. сознание есть результат обобщения, причем фантастич. обобщения, обобщения в области фантазии и при помощи фантазии. Благодаря такому обобщению отд. вещей и человека, а также той или иной области действительности, только и возникают боги, демоны и герои. Но дело касается здесь не только умственных обобщений, потому что эти последние в те периоды истории очень слабо дифференцируются от поведения человека вообще, от общежизненных функций последнего. Первобытный нерасчлененный стихийный коллективизм приводит к тому, что каждый член коллектива мыслит себя носителем всех жизненных возможностей коллектива. Он сознает себя всегда наполненным теми стихиями жизни, общественной и природной, к-рая его окружает. Поэтому он был убежден, что и он, и каждый член общины, и каждый вообще предмет наделен силами и возможностями других людей и других предметов, так что каждый человек и каждый предмет могут совершать любые акты, далеко выходящие за пределы физич. возможностей отд. человека и отд. предмета. Отсюда все мифич. сознание обязательно сказочно, волшебное и чудесно.

Подобно тому как каждый отд. представитель родовой общины не является изолированным субъектом, но живет общей жизнью со своей общиной, т. е. является ею же самой, но данной индивидуально, точно так же и в развитой мифологич. системе каждый

отд. бог, взятый как предельное обобщение и идеализация данной области действительности, является сразу всей этой действительностью, но данной по-своему, индивидуально. Далее, слабая дифференцированность членов родовой общины в отношении друг друга и в отношении самой общины приводит мышление первобытного человека к необходимости везде и всюду находить только родовые отношения, только родовую общину, т. е. те примитивные отношения живых существ, к-рые ему максимально понятны и не требуют никаких дальнейших объяснений. М. и возникла как фантастич. перенесение общинно-родовой формации на всю природу и на весь мир, когда все вещи оказываются живыми существами, объединенными к тому же родственными отношениями.

Расцвет М. относится к эпохе расцвета общинно-родовой формации. В эту эпоху возникают все крупнейшие мифологич. циклы, к-рые впоследствии были закреплены в лит. памятниках, напр. Веды, Махабхарата и Пураны — в Индии, Хуайнань-Цзы — в Китае, Авеста — в Иране, Эдда — в Германии и Скандинавии, Илиада и Одиссея — в Древней Греции, и т. д.

Первоначальными формами М. являются фетишистские представления, когда одушевляются неодушевленные предметы, их «душа» («дух», «демон») мыслится от них неотделимой. Более высокой ступенью развития М. является анимизм, когда человек начинает отделять идею вещи («демона» вещи) от самой вещи. По мере овладения природой, с развитием своего сознания, человек постепенно приучается к более высокой оценке своих разумно-волевых функций, в результате перенесения к-рых на природу создаются образы разумно-волевых богов и героев.

С развитием производит. сил общинно-родовые отношения начинают приходить в упадок. На месте первобытного коллективизма зарождается рабовладельческое общество. Рабовладение порождает сравнительно высокое развитие производит. сил, разделение умств. и физич. труда. На смену мифологич. объяснению природы приходят попытки понять природу как таковую, открыть в ней закономерности на основе зарождающегося научного знания. «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, с действительным господством над этими силами природы» (Маркс К., К критике политической экономии, с. 225 и сл.). Ковер-самолет или Дедал, летающий со своим сыном Икаром по воздуху при помощи крыльев, прикрепленных ремнями, являются для нас в век авиации только беспомощной и детской выдумкой, в то время как самостоятельное летание по воздуху в настоящее время является реальным фактом. Современный человек, имея за собой тысячелетний опыт борьбы с природой и победы над ней, в настоящее время глубоко проникает в тайны природы и космоса и совершает такие деяния, которые в полном смысле слова можно назвать чудесными и волшебными. И разница здесь с первобытным человеком вовсе не в том, что отвергаются чудеса, а в том, что первобытный человек совершал эти чудеса в своей фантазии, в своем воображении, пользуясь методами внушения или самовнушения, современный же человек совершает эти чудеса при помощи науки и техники.

Будучи в течение мн. тысячелетий формой осознания бытия и природы, М. рассматривается совр. наукой не как бессмыслица и пустое суеверие, а как древняя и возвышенная мечта человека об овладении природой, несмотря на всю свою связь с примитивной цивилизацией первобытной эпохи. «Бог являлся художественным обобщением успехов труда, и „религиозное“ мышление трудовой массы нужно взять в кавыч-

ки, ибо это было чисто художественное творчество. Идеализируя способности людей и как бы предчувствуя их мощное развитие, мифотворчество, в основах своих, было реалистично» (Горький М., Собр. соч., т. 27, 1953, с. 301).

Искусство и лит-ра на протяжении всей своей истории неизменно обращались к М., используя и переосмысляя мифич. образы в художеств. целях и создавая по аналогии с ними свои собственные, вполне оригинальные фантастические образы. В «Медном всаднике» Пушкина, в «Портрете» и «Носе» Гоголя, в «Путешествиях Гулливера» Свифта, в «Коте Муре» Гофмана, в «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина и многих др. произведениях даны мифич. по своему характеру образы, выступающие здесь, однако, в качестве сознательного художеств. приема.

Частое наличие мифологич. образов в реалистич. искусстве (напр., мертвецы в «Железной дороге» Некрасова, тень отца Гамлета или ведьмы в «Макбете» Шекспира) безусловно доказывает ту истину, что миф, взятый сам по себе, не имеет никакого существенного отношения к религиозным верованиям, хотя он и связан с ними как в первобытную эпоху, так часто и в позднейшие времена. Непосредственная материализация той или иной идеи в виде одушевленного существа используется в реалистич. иск-ве для создания особого художеств. эффекта, и миф органически вылетает в художеств. ткань реалистич. образа, хотя и остается по своей структуре мифом, т. е. непосредственным, вещественным тождеством идеи и образа.

Народность М., ее реализм, ее героизм и предчувствие в ней будущих побед человека, равно как и вопросы о зарождении, расцвете и падении М., об ее прогрессивности или реакционности для данного времени, — все эти и подобные проблемы должны решаться по-разному для разных народов и для разных историч. эпох, а потому требуют спец. исследования.

Мифология. Возникновение и развитие М. как науки в Европе вплоть до 18 в. было связано с изучением гл. обр. антич. мира, его религии и М.

Уже греч. классика, вообще говоря, настроена весьма критически к М. Эсхилу, этому безусловному почитателю Зевса, принадлежит трагедия «Скованный Прометей», в к-рой восхваляется Прометей, ненавистник богов и защитник людей. Еврипид показывает богов и героев в бытовом плане, а Аристофан в своих комедиях изображает их в балаганном стиле. В эпоху эллинизма М. выступает как система лит. приемов для выражения совсем не мифологич. идей.

Что касается антич. философов, то уже с появлением первых философов в Греции устанавливается критич. отношение к М. Общеизвестны высказывания элейских философов (см. Ксенофан В 11. 12. 14. 15. 16, Diels⁹). Вместо богов у философов появляются обобщенные стихии (вода, воздух, земля и т. д.) или отвлеченные понятия (число, логос, любовь и вражда и т. д.). Платон и Аристотель углубили критику антропоморфизма. Платон пользовался М. скорее ради художеств. целей, причем многие мифы сочинял сам. Таковы его мифологич. мотивы, напр., в «Федре» и в «Пире». О том, что Платон всерьез отрицает нар. М., явствует из того, что он изгоняет всех поэтов, в т. ч. Гомера и Гесиода, из своего идеального гос-ва (R. P. Ш 398А—В; X 595А—608В). Этот ригоризм, впрочем, ослабевает у него в последний период творчества (Legg. 659А—С). Аристотель тоже, по-видимому, не придает большой ценности М., и если она имеет у него к.-н. значение, то только в качестве формы выражения его мыслей о первых субстанциях (Met. XII 8). В этом смысле Аристотель выводит М. из чувства удивления человека перед действительностью, из к-рого в дальнейшем возникает, по Аристотелю, и философия; поэтому любитель мифов в известном

смысле оказывается и философом (см. Met. I 2). Впрочем, в своей «Поэтике» Аристотель понимает миф просто как фабулу трагедии, не входя ни в какие вопросы о соответствии этих мифов к.-н. реальности и рассматривая их только теоретико-литературно.

В последующем для антич. философии характерно аллегорич. понимание М. Особенно известен аллегоризм стоиков, для к-рых Афина Паллада есть не что иное, как просто «мудрость», а Гефест не что иное, как «огонь», и т. д. Атомисты вообще, и в частности эпикурейцы, учили о богах; но эти боги у них тоже состоят из особого рода атомов, находятся в межзвездных пространствах, предаются блаженной жизни и никак не вмешиваются в ход мировой и человек. истории. Здесь М. перерождается в своеобразную натурфилос. концепцию, исключаящую характерное для М. чудесное вмешательство внешних сил, магию и волшебство (Лисг. V, 1161—1240). Подобное же учение о богах находим и у Демокрита (А 74. 75. 78). Скептики, отвергая познаваемость божеств, отрицали всякую познават. ценность М. [ср. критику понятия бога у Секста-Эмпирика (Sext. Emp. Pyrrh. III 3)]. Этот просветит. рационализм достиг кульминации в 3 в. до н. э. у Эвгемера, доказывавшего, что боги и демоны суть не что иное, как обожествленные крупные деятели истории (обширный текст из Эвгемера сохранился в лат. переводе у Энния, Fr. Gr. Hist. I A63 frg. 12—26, Jacoby). Эвгемеризм в дальнейшем был в Греции и в Риме необычайно популярен. Им пользовались не только мн. просветительские настроенные историки и философы, но даже «отцы церкви», опровергавшие на этом основании существование языч. богов. Так, эвгемерически толковали антич. богов Лактанций, Арнобий, Фирмик Матерн. Перелом в истории др.-греч. М. наступил в 1 в. до н. э., когда восходящая императорская власть требовала для своего обоснования реставрации древней М. со всеми ее чудесами и фантастикой. Известна в этом отношении деятельность греч. философа 1 в. до н. э. Посидония, с к-рого начинается медленная и постепенная подготовка уже систематич. реставрации древней М. как настоящей и подлинной философии. Именно неоплатонизм (3—6 вв. н. э.) рассматривал каждый мифологич. образ как логич. категорию, составляя из М. целые таблицы логич. категорий. Особенно прославились логич. трактовкой древней М. неоплатоники Ямвлих (4 в. н. э.), Саллюстий и Прокл (5 в. н. э.). При помощи этой мифологич. реставрации древний мир боролся с восходящим христианством.

В средние века антич. М. рассматривалась либо как область малозначачих сказок, либо как цитадель земных соблазнов, когда каждый антич. бог расценивался как некий бес. Тем не менее, образуя собой названное течение ср.-век. культуры, антич. М. стойко держалась вплоть до эпохи Возрождения и являлась одним из источников расцветшего в эпоху Возрождения гуманизма. В период Реформации учение о ведьмах и весь связанный с ним мифологич. комплекс развивали не только инквизиторы Я. Шпренгер и Г. Инстинорис (1487), но даже Лютер и проповедник веротерпимости Ж. Боден (1580).

Для развития знаний о М. в эпоху Возрождения колоссальное значение имело открытие Америки и связанное с этим знакомство с религией, правами и обычаями амер. индейцев. Эта культура, имевшая мало общего с европейской, представлялась европейскими учеными в противовес ср.-век. библейской традиции в идеализированном виде. В это время появляются первые попытки сравнит. М., к-рые содержатся в сочинениях М. Монтеня, Дж. Коккьяра, Ж. Лафито (1670—1740), Ш. де Броса (1709—77). Благодаря развитию путешествий, в Европе возникает живой интерес к восточной, «внешнехристианской» М. Появляется перевод арабских сказок под названием «1001 ночь»,

принадлежащий востоковеду и путешественнику А. Галлану (A. Galland, Les Mille et une nuits, contes arabes, t. 1—12, 1704—17). К этому времени относится деятельность египтологов, установивших, подобно итал. гуманисту Н. Конти (1551) и А. Кирхеру (1652), зависимость библейского учения от Египта.

Развивается чисто художеств. подход к антич. М., в к-ром выражалось желание личности сбросить с себя гнет средневековья и защитить свои земные и интимно-личные права. Достаточно прочесть «Триумф Вакха и Ариадны» Лоренцо Медичи (1559) или «Венеру и Адониса» Шекспира (1593), чтобы понять, какие земные страсти клокотали в человеке эпохи Возрождения, когда он обращался к антич. М. Во франц. классицизме 17 в., выросшем в атмосфере картезианской эстетики, М. приобретает ясные и четкие формы, выражая собой идеи и вкусы тогдашней абс. монархии (напр., в трагедиях Корнеля и Расина, в эстетике Буало). В 18 в. наблюдается салонный подход к антич. М., характерными представителями к-рого являются, напр., Грекур, Грессе и особенно Парни с его произведениями «Война богов» (1800) и «Переодевания Венеры» (1802). Антич. М. превратилась здесь в собрание шуточных анекдотов, среди к-рых главную роль играли изящные, но не всегда пристойные образы Венеры, Амура, Купидона, Вакха и разного рода веселые и забавные приключения антич. богов и героев.

Науч. подход к М. возникает уже в эпоху Возрождения. Боккаччо (1313—75) написал в конце жизни трактат «Генеалогия языческих богов» (опубл. 1472), где он понимает антич. мифич. образы как аллегорич. звездного неба. Итальянцы К. Ландино, А. Эвгубин и Н. Комес толковали антич. мифы эвгемерически и аллегорически, понимая иной раз антич. М. как извращение библейской священной истории. В философско-аллегорич. смысле истолковывает мифологию Ф. Бэкон (1561—1626) в труде «Великое восстановление» (1609) и во 2-й кн. «О достоинстве и усовершенствовании наук» (1623, рус. пер. 1874). Голл. филологи 16—18 вв. Г. Фоссиус, Д. Гейнзиус и Гуго Гроций возводили антич. М. то к Финикии, то к Библии.

В 18 в. выдающуюся попытку историч. понимания М. предпринимает итал. философ Дж. Вико. В своем соч. «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) Вико указывает на четыре ступени ее развития: очеловечивание и обожествление природы (морей — Посейдон), начало покорения и переделывания природы (символами покорения природы являлись, напр., Деметра и Гефест), обществ.-политич. толкование богов (Юнона — покровительница браков), очеловечивание богов и потеря ими аллегорич. смысла (Гомер).

В эпоху Просвещения о М. писал Б. Фонтенель (1657—1757), к-рый в своих соч. «История оракулов» (1686) и «Происхождение вымыслов» (1724) рисует первобытную М. как вымысел, как область суеверий, предрассудков и обмана. Вместе с Бейлем (1647—1706) он объясняет все чудесное в М. невежеством дикарей. Монтескьё и Вольтер также рассматривали древние нравы и воззрения чисто рационалистически, не видя в них никакой внутр. логики. Вольтер и Дидро объясняли все мифы и чудеса исключительно деятельностью жрецов, сознательно обманывавших народ в целях укрепления своего авторитета. Один из гл. представителей англ. эмпиризма Д. Юм в соч. «Естественная история религии» (1757), исходя из политеизма как естеств. религии, пытается объяснить ее весьма популярными в дальнейшем методами психологизма, т. е. выводит ее не из созерцания небесных явлений, а из жизненных переживаний, гл. обр. страха и надежды, невольно переносимых человеком на

все окружающее. Виланд (1733—1813), хотя и исходил из учения о высшем существе, истолковывал М. не только рационалистически, но даже эвгемерически. Наиболее значительным для философии Просвещения является то понимание антич. М., к-рое развивал И. И. Винкельман в своей «Истории искусства древности» (1764). В антич. иск-ве и мифологии Винкельман увидел благородную простоту и спокойное величие. Эта концепция перешла к Шиллеру, Гёте и многим романтикам.

В целом просветительское понимание М. отличалось прямолинейным рационализмом и отсутствием историч. подхода. Исследователи, изучавшие те источники, к-рыми пользовались просветители в своих суждениях о М., приходят к выводу, что эти источники мало достоверны и почти не имеют науч. ценности. Подходя к М. с т. зр. ограниченного бурж. рассудка, просветители рассматривали М. как продукт невежества и обмана, как суеверие, к-рое должно быть искоренено разумом.

Новое понимание М. как выражения общенародной мудрости начинается в 18 в. с т. н. «Поэм Оссиана», созданных англ. поэтом Дж. Макферсоном и приписанных мифич. певцу Оссиану, и деятельности нем. писателя и философа Гердера, к-рый исходил из понятия народа как духовной общности, как подлинного творца литературных и в том числе мифологич. произведений. Большое значение имело также учение о М. нем. филолога Хр. Г. Гейне, к-рый доказывал, что мифы суть философема космоса, выраженные не с помощью отвлеченных понятий, а с помощью фантазии, естественной для первобытного человека. Ш. Ф. Дюлюю тоже указывал, что мифы суть образы божеств, эманации в космосе. Этим самым подготавливалось понимание М., свойственное романтизму, к-рый пытался реставрировать средневековье и еще более древние эпохи вопреки просветительству, но к-рый в области М. как раз впервые стал на позиции историко-реалистич. и философско-теоретич. исследования. И в этом он был прогрессивен. Уже для Гердера М. есть самое существенное, что человек мог сказать о природе и обществе. Для Гердера, как и для романтиков, М., философия, религия и поэзия неразделимы. Романтизм закрепил и развил гердеровское учение о М., понял ее как выражение духовной субстанции народа и окончательно вышел за пределы классицизма, заменив его устойчивые, пластич. формы непрестанным стремлением в бесконечные дали, будь то глубины человека, субъекта, будь то всеобъемлющая ширь космоса, будь то всенародная мудрость и творчество, извлеченные романтиками из глубин веков.

Романтич. понимание М. прежде всего было художественно-теоретическим. Романтики дали и общее художеств. трактовку М., получившую отражение в учении о «Kunst-Mythologie», или «художественной М». Представителями этой трактовки М. были К. Ф. Морц (1757—93) и К. А. Бёттигер. В области лит-ры эту теорию развивали Ф. Шлегель и А. Шлегель, Л. И. Арним (1781—1831), К. Брентано (1778—1842), Я. Гримм (1785—1863) и В. Гримм (1786—1859). Ф. Шлегель в своем «Разговоре о поэзии» (1800) ставил задачу создания новой М., к-рая «должна быть произведена из сокровеннейших глубин духа; она должна быть самым художественным из всех художеств. произведений, ибо она должна охватывать все остальные...» («Jugendschriften», Bd 2, W., 1882, S. 358). Поскольку М. трактовалась в романтизме как откровение нар. мудрости, то вся мировая М. понималась как универсальная символика общечеловеч. мудрости народов. Это символич. понимание М. было представлено Хр. Г. Гейне (1729—1812), Ф. Крейцером (1771—1858), Й. Гёрресом (1776—

1848) и Ф. Бутманом (1764—1829). Филос. основы мифологич. учений дали работы Шеллинга и отчасти Гегеля. Систематич. филос. концепцию мифологии Шеллинг развил в своей «Философии мифологии и откровения», где понятие мифа трактуется при помощи аристотелевского учения о четырех причинах: формальной, материальной, движущей и конечной. Согласно Шеллингу, М. представляет собой субстанциальное единство этих причин. Если формальную причину (вид, облик вещи) понять в буквальном смысле как материальную причину, то идея сразу станет существом, т. е. превратится в чудо или сказку, а если эту волшебную чудесную идею понять еще и как действующую причину и притом как действующую в определенном направлении, т. е. как целевую, то возникает волшебное чудесное существо, действующее само по себе и для своих собств. целей. Это и есть миф.

Наряду с этим Шеллинг дал концепцию историч. развития М., к-рую он разработал в трактатах «Мировые эпохи» (опубл. 1861) и «Самофракийские мистерии» (опубл. 1815). К этой трактовке М. примыкает диалектико-историч. концепция Гегеля, к-рый дал яркую характеристику восточной, античной и европ. М. в своем учении о символич., классич. и романтич. художеств. формах.

Т. о., в течение первых десятилетий нач. 19 в. романтизм в области изучения М. создал ряд глубоких концепций, представивших М. как продукт общенародного творчества и как выражение народной мудрости. Однако наряду с романтич. трактовкой М. существовали и концепции, выступавшие с критикой романтизма. Так, напр., И. Г. Фосс (1751—1826) прямо нападал на символич. толкование мифов в романтизме и толковал отд. мифы и религии в весьма сниженном и прозаич. виде. Г. Герман (1772—1848) путем произвольного этимологизирования лишил мифич. образы их таинственности и волшебности и сводил их к природным явлениям. Против спекулятивного и филос. истолкования мифов выступал филолог К. О. Мюллер (1797—1840). Вместе с тем он указывал на народнотворческое происхождение М., ее неизбежность для определенных периодов культурного развития и необходимость изучения ее в историческом плане без выведения греческой М. из индийской и с точным учетом всей ее локальной дифференциации. Сходную с Мюллером позицию занимал в России П. М. Леонтьев.

Представления о М., созданные романтизмом, получили во 2-й половине 19 в. позитивистское истолкование в связи с развитием эмпирической психологии, а также собиранием и изучением историч. материалов. Большое распространение получает теория заимствования зап. мифов с Востока, к-рую выдвигали в разных странах (Т. Бенфей, Гладстон, О. Группе, Бера). Так, напр., Группе выводил все греч. мифы из Финикии, П. Фукар выводил Элевсинские мистерии из Египта; В. В. Стасов считал, что рус. былинные богатыри ведут свое происхождение из Персии и Индии. Аналогичные идеи развивались в трудах Г. Н. Потанина и раннего А. Н. Веселовского (1838—1906). Учение о миграции мифологич. мотивов и образов от одних народов к другим имеет корни еще в 18 в. Однако наряду с такими вполне доказанными теориями, как происхождение греч. Аполлона из Малой Азии (Виламовиц-Меллендорф) или Гефеста оттуда же (Мальтен), находилось много исследователей, шедших по пути Геродота с его известной египтоманией или Фр. Делича с его панвавилонизмом. Теория заимствования исследовала целый ряд фактов, однако не решила проблемы происхождения М., но лишь относила его к более далеким историч. эпохам.

С сер. 19 в. в филос. лит-ре была выдвинута солярно-метеорологич. теория (А. Кун, М. Мюллер, Ф. И. Буслаев, Л. Ф. Воеводский, О. Миллер), истолковывавшая все мифы как аллегория тех или иных астрономич. и атмосферных явлений. Эта теория, приобретшая огромную популярность, основывалась на данных эмпирич. психологии, к-рая объясняла всю психич. жизнь, исходя из элементарных чувств. представлений. Т. к. солнце является для всякого человека очевидным источником света, тепла и жизни, а мрак и темнота всегда ассоциировались с отрицат. воздействием природы на человека, то эти явления природы и были положены в основу объяснения М. Русский исследователь Л. Ф. Воеводский во 2-й пол. 19 в. так и толковал Одиссея как солнце, женов Пенелопы — как звезды, а Пенелопу — как луну; завоевание Трои истолковывалось им как восход солнца, греч. герои оказывались солнечными героями, а Елена — луной. У основателей этой теории толкование мифов соединилось с особой теорией языка, по к-рой корень каждого слова тоже обозначал к.-н. природное явление, и М., рассказывавшая о богах и героях и возводившая природные явления в ранг богов и героев, трактовалась как особого рода «болезнь языка». Огромное количество трудов, появившееся в этой мифологич. школе, было посвящено разъяснению именно такого рода корней слов, так что конструировалась исходная индоевропейская религия и М. неба с олицетворением всех происходящих на нем явлений, включая гром и молнию, а также все атмосферные явления. Т. о., солярно-метеорологич. теория в значит. мере соединялась с теорией заимствования. Гл. недостаток солярно-метеорологич. теории заключается в том, что она рассматривала отд. стороны челоуеч. сознания в отрыве от других и от всей совокупности обществ. отношений в конкретный исторический период; обособление отдельных чувств. представлений есть результат сравнительно позднего развития и не могло существовать в первобытную эпоху. Лингвистическая теория сравнительной мифологии А. Куна и М. Мюллера, поддерживавшаяся такими крупными историками, как Эд. Мейер и Ю. Белох, в наст. время полностью опровергнута.

В противовес подобного рода теориям возникали и такие толкования мифа, к-рые сводили его к элементарным формам челоуеч. практики и сознания. Мифы истолковывались как отражение самых обыденных явлений жизни, в результате чего возникла т. н. «низшая М.» (В. Шварц, В. Мангардт, отчасти Г. Узенер). Теория «низшей М.» имела большое значение в том смысле, что заставляла исследователей изучать не только крупные мифологич. образы, но и самые мелкие и чисто местные, включая все вообще фольклорное творчество. Вместо солярно-метеорологич. аллегории здесь выдвигалось учение о частном, локальном демоне, почему и всю теорию называют также демонологической. Это обстоятельство позволило «низшей М.» сыграть немалую роль в борьбе с идеалистич., а иной раз даже и расистским превознесением индоевропейской прамифологии над М. других стран и народов. Однако и эта теория не могла удержаться долго ввиду того, что ей также был чужд социально-историч. подход к М., и ее мелкие демоны, из к-рых она выводила крупные божества, в свою очередь требовали объяснения, поскольку оставалось неизвестным их социально-историч. происхождение и назначение.

Однако философия позитивизма не ограничивалась этими теориями М. Известные психологи-языковеды М. Лацарус и Х. Штейнталь толковали М. не как продукт воздействия внешней природы на человека, но, наоборот, как продукт перенесения св-в субъекта

на природу. Эти концепции были связаны с т. н. анимистич. теорией, для к-рой М. выступала как ступень примитивного спиритуалистич. сознания, в одинаковой степени свойственного всем народам. Представители этой школы пользовались обширными материалами антропологии, этнологии и этнографии мн. народов и даже отд. диких племен, пытаясь найти в них общие историч. закономерности, полагая в основу всей М. представления о духах, сначала мелких, а затем и крупных. В Англии представителями анимистич. направления являлись Э. Тайлор (1832—1917), Г. Спенсер, Э. Лэнг, Ф. Дживенс; в Германии — Л. Фробениус, П. Эрнрейх и др.

В 60-х гг. 19 в. в Швейцарии оригинальную разработку получило социологич. понимание М. благодаря деятельности Бахофена, к-рый в своей книге о материальном праве, высоко оцененной Энгельсом, доказывал на материале антич. М. наличие *матриархата* у всех народов. У Бахофена М. оказывалась уже не просто анимизмом, но получала особого рода социальное-историч. осмысление, в основе к-рого лежало миропредставление человека времен материнской общины и к-рое в виде рудиментов осталось в антич. М. Во Франции социологич. направление получило большую известность благодаря деятельности Э. Дюркгейма и его учеников М. Мосса и Юбера. Согласно этому учению, не существует никакого познания и никакой деятельности вне общества того или другого типа. При этом обществ. бытие не сводится ни к биологич., ни к вообще к.-н. материальным фактам, но обладает своей собственной, ни к чему другому не сводимой сущностью. Представление о мире всегда несет на себе следы того или другого типа обществ. развития. Даже всякое чувственное представление отнюдь не является одинаковым во все времена, но обладает той или иной структурой, согласно типу данного обществ. развития.

В 19 в. наряду с анимистич., социологич. и антропологич. пониманием М. появились попытки и историч. ее исследования. В частности, возникла историко-филологич. школа, использующая методы лит. и лингвистич. анализа. Так, напр., Г. Узенер на основе анализа языка конструировал целую историю мифологич. представлений, начиная от богов, связанных с данным моментом, и кончая крупными божествами. Филологи 2-й пол. 19 в. — нач. 20 в. У. Вилламовиц-Меллендорф, М. Нильсон, О. Керн и мн. др. создали обширные сводки истории антич. М. и религии, используя не только филологич. аппарат, но и данные археологии, этнографии, фольклора, лингвистики и общей истории древнего мира. Выдающейся работой такого синтетич. историко-филологич. типа является 5-томный труд А. Куна о Зевсе. В России представителями историко-филологич. школы являются В. Власов, Ф. Ф. Зелинский, Н. И. Новосадский, С. А. Жеболев, Е. Г. Кагаров, Б. Л. Богасевский, И. И. Толстой.

Развитие мифологич. теорий 2-й пол. 19 в. и нач. 20 в. показывает, что позитивистски настроенные ученые-мифологи в решении проблем М. были далеки от понимания народа как творца истории и М. Позитивисты анализировали только отд. стороны М., что, конечно, принесло огромную пользу науке, но окончат. обрисовки М. как продукта всенародного творчества они все-таки не давали.

Совр. бурж. мифологич. теории базируются исключительно на логич. и психологич. данных истории челоуеч. сознания, вследствие чего М. истолковывается как тончайшее и высокоинтеллектуальное явление, каковой она вовсе не была в период дикости и варварства. Поэтому эти теории носят, как правило, абстрактный, а порой и антиисторич. характер.

Наиболее абстрактными мифологич. теориями в совр. науке являются теории, основанные на механико-математич. и структурно-лингвистич. концепциях. Сов. этнограф В. Г. Богораз (Тан) заметил, что чудесные превращения в М., пребывание предмета сразу в нескольких местах, его мгновенное исчезновение или появление основаны на том, что человек в ту эпоху имеет совершенно оригинальное представление о времени и пространстве, совершенно не похожее на традиционное ньютоновское понимание времени как чего-то неоднородного и неспособного сжиматься или расширяться. В этой связи Богораз сопоставил мифические и сказочные представления с механико-математич. учением Эйнштейна. Эта теория Богораз, производящая эффективное впечатление, требует критич. рассматривания. Совр. языковедение, применяя математич. методы к изучению языка, использует эти методы также и для изучения художеств. и мифич. творчества. По Леви-Стросу, напр., миф является матричным представлением и полем разрешения нек-рых задач первобытной логики, а нек-рые образы тотемич. М. — своеобразным кодом, служащим для построения первобытным мышлением различных моделей мира. Естественно, что в М. возможно выделить структурно-математич. сторону, но эта сторона М. далеко не единственная.

В совр. бурж. науке получили развитие и целый ряд психологич. и психоаналитич. теорий. Одна из них принадлежит В. Вундту, к-рый в своем 10-томном труде «Психология народов» довел до логич. конца теорию анимизма, создав онредел. систему, где фетишизм, тотемизм, анимизм, манизм (культ предков), а в конце концов, и все мифы о природе получили стройную и глубокую характеристику. Однако в основе своей теория Вундта была идеалистической, выдвигавшей на первый план всякого рода иррациональные моменты — аффект, волю и т. д.

Среди психологич. ученых 20 в. наибольшим распространением пользовалась концепция З. Фрейда, к-рая сводила все явления культуры и социальной жизни к психич. жизни индивидуума, а в этой последней выдвигала на первый план подсознательные, но преимущественно сексуальные потребности, к-рые будто бы и являются единств. фактором всей сознат. жизни человека. Согласно Фрейду, сознание создает разного рода нормы, законы, заповеди, правила, к-рые подавляют подсознат. сферу, являясь для нее цензурой духа или сублимируя ее в неузнаваемом виде. Поэтому подсознат. сфера может проявлять себя только в областях аномальных (сновидения, случайные оговорки, описки, забывания и т. д.) или прямо ненормальных (всякого рода неврозы, психозы, душевные расстройства и т. д.). М. и религия являются с этой т. зр. коллективным психозом. Вся греч. М. превращается у Фрейда в иррац. отражение онредел. психологич. комплексов. Гея—Земля, первая и последняя субстанция, согласно греч. М., порождает из себя Урана—Небо, с которым тут же вступает в брак, но появившихся от этого брака детей, т. е. титанов, Уран из-за сексуальной конкуренции низвергает в Тартар. Мать-Земля, к-рая хочет быть женой всех мужей, помогает одному из титанов, Кроносу, оскопить Урана и тем самым получить его верховную власть в космосе. Кронос, освободившись от своего отца и сексуального конкурента (Урана), тут же вступает в брак опять все с той же Матерью-Землей, но только под именем Реей. Поведение его в качестве властителя Вселенной опять-таки обуславливается исключительно сексуальными мотивами: он проглатывает всех своих детей, чтобы не иметь их конкурентами в общении с Реей. Но Реея находит средство спасти одного сына, Зевса, к-рый все из-за той же сексуальной конкуренции вступает

в бой с Кроносом и титанами, а после низвержения его в Тартар тоже вступает в брак с Матерью-Землей (в образе Геры). Само религ.-мифологич. чувство есть не что иное, как чувство вины побежденных сексуальных конкурентов перед тем или другим победившим властелином, овладевшим всеобщей сексуальной сущностью, Землей. Поэтому все возникавшие в истории типы М. есть коллективное сповидение человечества, пребывающего в состоянии сплошного невроза в результате невозможности сексуального удовлетворения. Один из крупнейших фрейдистов К. Юнг видел в М. выражение «коллективного бессознательного», присущего всем людям, народам и расам, всему космосу; онр. задачей психоанализа он считал изучение типов и «архетипов» этого «коллективного бессознательного». Истолковывая все явления М. исключительно с т. зр. психонатологии, фрейдизм изображает мифологич. сознание в чрезвычайно упрощенном виде, игнорируя его социальную сущность и историч. условия его происхождения.

В противоположность психоанализу Фрейда и его школы нек-рые психологи и антропологи в 20 в. занимались изучением рациональной основы М. К этому направлению принадлежит, напр., *Леви-Брюль*, согласно к-рому первобытная мысль всецело основана только на феноменальной памяти и на ассоциациях по смежности. Птица летит по воздуху, перо и снежинки тоже летят по воздуху; следовательно, перо есть птица и снежинка есть птица. Перо—белое, снежинка—тоже белая, и олений хвост—белый; следовательно, олень есть перо и, в конце концов, птица. Мышление первобытного человека, по мнению Леви-Брюля, определяется законом сопричастности. Отсюда Леви-Брюль делал ошибочный вывод о дологич. характере первобытного мышления. Можно говорить о слабой дифференцированности логич. категорий в первобытном мышлении, но никак не об отсутствии хотя бы одной какой-нибудь из них. Работы Леви-Брюля подверглись в свое время резкой критике, а сам Леви-Брюль впоследствии тоже отказался от своей «дологической» теории первобытной М.

Большое распространение в бурж. науке имеет и культурно-историч. теория мифообразования. Крупнейшим деятелем в этой области был англ. этнограф и антрополог *Фрейзер*. В своем соч. «Золотая ветвь», появившемся еще в 90-х гг., на огромном материале он установил три периода духовного развития человека — магический, религ. и научный. Фрейзер изучил целый ряд глубоких явлений первобытной М., как, напр., явление аграрных демонов и их связь с происхождением верховной власти, многочисл. экзотич. культы с выраставшей из них М., религию страдающего и умирающего бога в дохрист. религиях и их связь с христ. учением.

Др. бурж. исследователь *Малиновский* рассматривает миф в его неразрывной связи с ритуалом и магией, выдвигая в то же время на первый план его огромную культурную силу, к-рая заключается в установлении единства с прошлым, в гармонии с трудовыми, магич., производительными и др. социальными факторами первобытного общества. Из культурной значимости мифа Малиновский выводит эпос и трагедию. К числу тех представителей культурно-историч. теории, к-рые в объяснении М. выдвигают на первый план магию и обряд, относятся Ж. Дюмезиль, П. Сентив, Г. Р. Леви, А. Лорд, Ш. Отран, Ж. Бедье, Ф. Рюглан, Я. де Фриз, Ш. Бодуан, Э. Мирро, Р. Карпентер. В отличие от солярно-метеорологич. школы, эту школу называют «неомифологической». Она рассматривает всякий миф как отражение ритуала и переосмысление древнего магич. обряда, часто проведя, однако, эти идеи в очень односторонней форме. Ш. Отран и Ж. Бедье выводят позднейшие ге-

ронч. сказания из чисто жреч. традиций. Наиболее крайнюю позицию занимают Я. де Фриз и Ш. Бодуэн, трактующие ритуальное происхождение М. с помощью методов фрейдизма.

Чисто исторически подходят к М. Х. М. и Н. К. Чедвик, в значительной мере также Баура, К. Вайс. В советской науке культурно-историч. толкование М. и связанный с этим сравнительно-историч. анализ мирового эпоса дают В. Я. Пропп (в своих позднейших трудах), П. Богатырев, В. М. Жирмунский, В. И. Абаев, У. Б. Далгат, Е. М. Мелетинский, Голенищев-Кутузов и др.

Для бурж. науки конца 19—нач. 20 вв. характерно большое распространение различного рода символич. теорий. Родоначальником этих теорий М. был Ф. Ницше. В своем раннем произведении о происхождении трагедии Ницше рассматривал греч. трагедию как синтез двух начал — дионисийского (оргнистич., исступленного, экзальтированного) и аполлонийского (спокойного, величавого, уравновешенного и пластического). М. древних греков периода классики приобрела у Ницше символич. характер, создаваясь, по его мнению, из двух осн. начал, нашедших выражение в образах Диониса и Аполлона. Научно-филологич. обработку этой теории дал Э. Роде, а в России — В. Иваноф.

Неокантпанство гл. обр. в лице Э. Кассирера также пришло к пониманию М. как «символич. формы». Если Тайлор и Вуидт думали, что в первобытные времена готовое понятие души переносится на внешний мир, то Кассирер постулирует для М. полную неразличимость внутр. и внешнего, постепенное и очень медленное позревание противоположности внутреннего и внешнего и всеобъемлющую силу мифа, в сравнении с к-рой все остальные категории человек. сознания и познания являются только вторичными и абстрактными. Неразличимость в М. идеального и реального, внутреннего и внешнего, души и тела, индивидуума и общества выдвигал в 1927—30-х гг. независимо от неокантпанства А. Ф. Лосев, к-рый в то время склонялся к Гегелю, Шеллингу и Гуссерлю. Сходные теории были выдвинуты А. Иоллесом и Э. Брюсом.

Символистской теорией в своей основе является и та теория М., к-рую выдвинули экзистенциалисты, увидевшие в греч. мифологии и у Гомера свое собств. мировоззрение (Хейдеггер, К. Динельт и др.).

Указанные выше мифологич. теории 20 в., несмотря на их огромное разнообразие, в подавляющем большинстве основываются на индивидуалистич. философии, использующей для объяснения М. ту или иную способность или деятельность отд. человека, умственную, аффективно-волевую, сексуальную, культурную, художественную, научную, религиозную и т. д. Все эти теории, несомненно, дают то или иное объяснение какой-нибудь реальной стороны мифотворчества. Однако ни одна из этих теорий не могла объяснить социальную сущность М. Для такого объяснения совершенно недостаточно обращения к отд. способностям человек. духа, хотя бы уже по одному тому, что эти способности сами требуют для себя объяснения. Раскрытие сущности и происхождения М., а также ее социально-историч. основы, возможно только с историко-материалистич. позиций.

Марксистская литература о М.

Маркс К., Капитал, т. 1, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф.; Соч., 2 изд., т. 23, с. 61—93 (о фетишизме); е го же, К критике политич. экономии, [М.], 1953, с. 224—225 (об античной М.); е го же, Формы, предшествующие капиталистич. производству, [М.], 1940 (об идеологии, основе М.); Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, [М.], 1963 (из М. матриархата); Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 38, с. 370 (о «первобытном идеализме»); Лафарг П., Миф о Прометее (и др. статьи по М.), в кн.: Лафарг П., Очерки по истории культуры,

2 изд., М.—Л., [1928]; Богоевский Б., Ритуальный жест и общество, стрый древней Греции, в сб.: Религия и общество, Л., 1926; Тронский И. М., Религия греч. пастуха (К постановке вопроса), там же; Болдырев А. В., Религия древнегреч. мореходов (Опыт изучения профессиональной религии), там же; Альтман М., Слспой Фамир, в кн.: Ифетич. сборник (Recueil Japhétique), 6, Л., 1930; Богоевский Б. Л., Мужское божество на Крите, там же; е го же, Гончарные божества Милойского Крита, Изв. Акад. ист. мат. культ., т. 7, вып. 9, Л., 1931; Шмидт Р. В., Металлич. производство в мифе и религии античной Греции, там же, т. 9, вып. 8—10, Л., 1931; Тронский И. М., Миф о Дафнисе, в сб.: Язык и литература, т. 8, Л., 1932; Альтман М. С., К семантике собств. имен у Гомера, в кн.: Из истории докапиталистич. формаций, Л., 1933, с. 437—74; Богоевский Б. Л., Минотавр и Пасифая на Крите в свете этнографич. данных, в сб. ст.: С. Ф. Ольденбургу К 50-летию научно-обществ. деятельности, Л., 1934, с. 95—113; Тронский И. М., Античный миф и совр. сказка, там же, с. 523—34; Кагаров Е. Г., Шаманство и явления экстаза в греч. и рим. религиях, «Изв. Акад. наук СССР». Серия 7. Отд. обществ. наук, 1934, № 5; Альтман М. С., Пережитки родового строя в собств. именах у Гомера, [Л.], 1936; Штернберг Л. Я., Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936; Фрейденберг О., Поэтика сюжета и жанра, Л., 1936; Альтман М. С., Греч. М., М.—Л., 1937; Марр Н. Я., Избр. работы, т. 1—5, Л., 1933—1937; Радциг С. И., Античная М. Очерк античных мифов в освещении совр. науки, М.—Л., 1939; Дымыш и ц З., Эпифания Диониса в мифе и обряде, «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филологич. наук», 1939, № 33, вып. 2; Францов Ю. П., Фетишизм и проблема происхождения религии, М., 1940; Фрейденберг О. М., Орестейя в Одиссее, в сб.: Научн. бюлл. ЛГУ, № 6, 1946; Радциг С. И., Миф о дочерях Даная и связанные с ним мифы в свете совр. науки, в сб.: Доклады и сообщения филологич. ф-та МГУ, вып. 1, М., 1946; Никольский Н. М., Этюды по истории финикийских общинных и земледельч. культов, Минск, [1947]; Казьменко К. И., Кавказские легенды о прикованных богатырях и миф о Прометее у ранних греч. авторов, в сб.: Тр. Ставропольск. пед. ин-та, вып. 6, Кавказский сборник, кн. 1, 1949, с. 57—76; Штаерман Е. М., Отражение классовых противоречий II—III вв. в культуре Геракла, «Вестн. древней истории», 1949, № 2(28); Шенгелля И., Гесиод и проблема Прометея, в кн.: Сб. науч. трудов аспирантов Тбилис. ун-та, кн. 1, Тб., 1950; е го же, Древнейшие элементы мифа о Прометее, Тбилиси, 1950 (дисс.); Косвен М. О., Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, с. 129—66; Энгельс Ш., Происхождение религии, пер. с франц., М., 1954; Лосев А. Ф., Олимпийская М. в ее социально-историч. развитии, в сб.: Уч. зап. Моск. пед. ин-та, т. 72, Каф. классич. филологии, вып. 3, М., 1953, е го же, Гесиод и М., там же, т. 83, вып. 4, М., 1954, с. 263—301; е го же, Введение в античную М., в сб.: Уч. зап. пед. ин-та. Филологич. сер., вып. 5, [Душанбе], 1954; Амашукели Е. В., Миф об аргонавтах в груз. литературе, Тб., 1954 (дисс.); Матье М. Э., Древнеегипетские мифы, М.—Л., 1956; Пичхадзе М. И., К истории проблемы Прометея, в сб.: Сообщения Акад. наук Груз. ССР, т. 19, № 1, Тб., 1957, с. 124—127; Кубанов М. М., Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистич. празднества (К истории формирования культов античного подлса), в сб.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, [Т.] 1, М.—Л., 1957; Лосев А. Ф., Античная М. в ее историч. развитии, М., 1957; е го же, Совр. проблемы изучения античной М., «Вестн. истории мировой культуры», 1957, № 3; е го же, Chaos antyczny, «Meander», 1957, № 9; Токарев С. А., Религ. верования восточнославянских народов XIX — нач. XX в., М.—Л., 1957; Кинжалов Р. В., Папдора (К мифу у Гесиода), в сб.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, [Т.] 2, М.—Л., 1958; Мелетинский И. Е. М., Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе), «Вестн. истории мировой культуры», 1958, № 3(9); Тренчени-Вальдацфельд И. М., пер. с венг., М., 1959; Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959; Лосев А. Ф., Гомер, М., 1960, с. 237—341 (учение об историч. напластованиях в М. Гомера); Спиркин А., Происхождение сознания, М., 1960, гл. 9; Штаерман Е. М., Мораль и религия угнетенных классов рим. империи, М., 1961; Токарев С. А., Что такое М.?, в сб. ст.: Вопросы истории религии и атеизма, [вып.] 10, М., 1962; Дониини А., Люди, идолы и боги, пер. с итал., М., 1962.

Общий обзор литературы по М.

The mythology of all races, ed. J. A. MacCulloch [a. o.], v. 1—13, Boston, 1916—32; v. 1, Fox W. S., Greek and Roman, 1916; v. 2, MacCulloch J. A., Eddic, 1930; v. 3, е го же, Celtic, Máchal J., Slavic, 1918; v. 4, Holmberg U., Finno-Ugric, Siberian, 1927; v. 5, Langdon S. H., Semitic, 1931; v. 6, Keith A. B., Indian; Sagnay A. J., Iranian, 1917; v. 7, Ananikian M. H., Armenian; Werner A., African, 1925; v. 8, Ferguson J. C., Chinese; Anesaki M., Japanese, 1928; v. 9, Dixon R. B., Oceanic, 1916; v. 10, Alexander H. B., North American, 1916; v. 11, е го же, Latin-American, 1920; v. 12, Müller

W. M., Egyptian; Scott J. G., Indo-Chinese, 1928; v. 13, Complete Index to v. 1—12, 1932.

Обзоры истории мифологич. теорий

Коккьяра Дж., История фольклористики в Европе, пер. с итал., М., 1960; Vries J. de, Forschungsgeschichte der Mythologie, Münch.—Freiburg, 1961; Кагаров Е., К вопросу о классификации совр. мифологич. теорий, «Гермес», 1910, № 13 (59), с. 337—341; его же, Очерк совр. состояния мифологич. науки, в сб.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5, X., 1913, с. 293—372; Лавров П. Л., Собр. соч., серия 5, вып. 1. Статьи по истории религии, II., 1917 (наиболее важные с. 6—124); Gruppe O., Geschichte der klassischen Mythologie und Religionsgeschichte während des Mittelalters im Abendland und während der Neuzeit, Lpz., 1921; Kern O., Die Religion der Griechen, Bd 1—3, B., 1926—1938 (весь третий том посвящен истории мифологич. теорий от Аристотеля до Вилламовица); Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959.

Древность и ср. века

Nestle W., Griechische Geistesgeschichte von Homer bis Lukian, Stuttg., [1944], 2 Aufl., Stuttg., [1956]; его же, Die griechische Religiosität in ihren Grundzügen und Hauptvertretern von Homer bis Prokles, Bd 1—3, Lpz.—B., 1930—34 (Sammlung Götschen, № 1032, 1066, 1080); Cornford F. M., From religion to philosophy, L., 1912; Nestle W., Vom Mythos zum Logos. Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates, 2 Aufl., Stuttg., 1942; Buffière F., Les mythes d'Homère et la pensée grecque, P., 1956; Stöcklein P., Über die philosophische Bedeutung von Platons Mythen, Lpz., 1937; Hildebrandt K., Platon, Logos und Mythos, 2 Aufl., B., 1959; Hunger H., Lexikon der griechischen und römischen Mythologie mit Hinweisen auf das Fortwirken antiker Stoffe und Motive in der bildenden Kunst, Literatur und Musik des Abendlandes bis zur Gegenwart, 5 Aufl., W., 1959; Vezold F. von, Das Fortleben der antiken Götter im mittelalterlichen Humanismus, Bonn, 1922.

От Возрождения до романтизма (14—18 вв.)

Vossaccio G., De genealogiis deorum, Venezia, 1472; nuova ed., v. 1—2 (Opera, v. 10—11), Bari, 1951; англ. пер., Princeton, 1930; Coni N. [Comes Hieronymus], Mythologiae, sive Explicationum fabularum libri X, Venetiis, 1568; Vossius G., De theologia gentili, et physiologia Christiana, sive de origine ac progressu idololatriae..., liber 1—4, Amst., 1641, 2 ed., libri 1—9, Amst., 1668, 3 ed., Amst., 1675—79; Vasson F., De dignitate et augmentis scientiarum libros, Opera, t. 1, L., 1623; 2 часть — De dignitate et augmentis scientiarum, [Principaux chapitres] avec une introduction et des notes par M. Mauxion, P., 1897; Бэкон Ф., О достоинстве и усовершенствовании наук, Собр. соч., пер. П. А. Бибикова, ч. 1, СПб., 1874; Visco G. V., Principi di una Scienza nuova intorgo alla natura della nazioni, Nap[oli], 1725; Вико Дж., Основания новой науки об общей природе наций, пер. и комм. А. А. Губера, под общ. ред. М. А. Лифшица, Л., 1940; Lafitau J. F., Moeurs des Sauvages Ameriquaines, comparées aux moeurs des premiers temps, t. 1—2, P., 1724; Fontenelle B. de, Histoire des oracles, P., 1686, P., 1934; его же, Discours sur l'origine des fables, в его кн.: Entretiens sur la pluralité des mondes, P., 1724, P., 1932; Bosses C. de, Du culte des dieux fétiches, ou Parallèle de l'ancienne religion de l'Égypte avec la religion actuelle de Nigritie, P., 1760; Слова: Dieu, Mythologie и неск. ст. на слова Religion, в изд.: Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, v. 1—35, P., 1751—80.

Преромантизм и романтизм (конец 18 — начало 19 вв.)

[Macpherson J.], The poems of Ossian, ed. by A. Clerk, v. 1—2, Edinburgh, 1870; Макферсон Дж., Поэмы Оссиана, исследование, пер. и прим. Е. В. Балабановой, СПб., 1890; Herder J. G. von, Über Ossian und die Lieder der alten Völker, Werke, Bd 2, Weimar, 1957; Гердер И. Г., Избр. соч., М.—Л., 1959; Heyne Ch. G., De causis fabularum seu mythorum physici, Opuscula Academica collecta..., v. 1, Gött., 1785; Wieland C. M., Über den freien Gebrauch der Vernunft in Glaubenssachen, Sämtliche Werke, 1794—1805, Bd 30, Lpz., 1840; Dupuis Ch. F., Origine de tous les cultes, ou religion universelle, t. 1—7, P., 1795—96; v. 1—10, 1834; сокращен. изд., P., [1895]; Moritz K. Ph., Götterlehre oder mythologische Dichtungen der Alten, B., 1791; 8 Aufl., B., 1843; Böttiger C. A., Ideen zur Kunst-Mythologie, Bd [1]—2, Dresd.—Lpz., 1826—36; Schlegel Fr., Geschichte der alten und neuen Literatur, Tl 1—2, W., 1813; 2 Aufl., Bd 1—2, Regensburg, 1911; Шлегель Ф., История древней и новой литературы, ч. 1—2, СПб., 1829—30; Schlegel A. W., Über dramatische Kunst und Literatur, Vorlesungen, Tl 1—2, Hdb., 1809—11; Bd 1—2, Bonn—Lpz., 1923; Arnim L. A. von und Brentano C., Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder. [Nach dem Text der Erstausg. von 1806—1808], Münch., [1957]; Grimm J. L. K., Deutsche Mythologie, Gött., 1835, W.—Lpz., [1939]; Grimm J. и Grimm W. K., Kinder- und Haus-Märchen, Bd 1—2, B., 1812—14, Bd 1—3, [4 Aufl.], Marburg, [1935], B., 1957; Kreuzer G. F.,

Symbolik und Mythologie der alten Völker, Bd 1—3, Lpz.—Darmstadt, 1810—12, 3 Aufl., Bd 1—4, Lpz.—Darmstadt, 1836—1843; Schelling F. W. J. von, Einleitung in die Philosophie der Mythologie, Sämtliche Werke, 2 Abt., Bd 1, Stuttg.—Ausb., 1856; его же, Philosophie der Mythologie, там же, 2 Abt., Bd 2, Stuttg., 1857; сравни: Ailwolin A., Der Mythos bei Schelling, Charlottenburg, 1927; Görges J. von, Mythengeschichte der asiatischen Welt, Bd 1—2, Hdb., 1810; Buttmann Ph., Mythologie oder gesammelte Abhandlungen über die Sagen des Alterthums, Bd 1—2, B., 1828—29; Hermann G., Opuscula, v. 1—8, Lpz., 1827—77: De mythologia Graecorum antiquissima, v. 2, Lpz., 1827, p. 167—95; De Atlante, v. 7, Lpz., 1839, p. 241—259; De Gracca minerva, там же, p. 260—84; De Apolline et Diana, pt 1—2, там же, p. 285—315; его же, Über das Wesen und die Behandlung der Mythologie. Ein Brief an Herrn H. Kreuzer, Lpz., 1819; Voss J. H., Antisymbolik, T. 1—2, Stuttg., 1824—26; его же, Mythologische Briefe, Bd 1—2, Königsberg, 1794; 2 Aufl., Bd 1—3, Stuttg., 1827, Bd 4—5, Lpz., 1834; Müller K. O., Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie, Gött., 1825; Лео́нтьев П. М., О поклонении Зевсу в древней Греции, М., 1850; Лобеск Ч. А., Aglaophamus, t. 1—2, Königsberg, 1829.

Позитивизм (2-я пол. 19 — нач. 20 вв.)

Теория заимствования

Gruppe O., Die griechischen Culte und Mythen in ihren Beziehungen zu den orientalischen Religionen, Bd 1, Lpz., 1887; его же, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, Bd 1—2, Münch., 1906; Curtius E., Die Griechische Götterlehre vom geschichtlichen Standpunkt, в кн.: Preussische Jahrbücher, Bd 36, H. 1, B., 1875; его же, Studien zur Geschichte des griechischen Olympos, «Sitzungsber. Preuss. Akad. Wiss.», 1890, S. 1141—56; Bégar d V., De l'origine des cultes arcadiens, P., 1894; его же, Les phéniciens et l'Odyssée, t. 1—2, P., 1902—1903; [t. 1—6], P., 1927—29 (последние 4 тт. под назв.: Les navigations d'Ulysse); Стасов В. В., Происхождение рус. были, «Вестн. Европы», 1868, № 1—4, 6—7 и в кн.: Стасов В. В., Собр. соч., т. 3, СПб., 1894; Потанин Г. Н., Вост. мотивы в средневековом европ. эпосе, М., 1899; Веселовский А. Н., Слав. сказания о Соломоне и Китоврасе и зап. легенды о Морольфе и Мерлине, СПб., 1872; Миллер В. Ф., Осетянские этюды, ч. 1—3, М., 1881—87; Кuhn A., Die Herakunft des Feuers und des Göttertrank, B., 1859.

Солярно-метеорологич. теория

Müller T. M., Comparative mythology. An essay, L.—N. Y., [1909]; его же, The science of language, v. 1—2, N. Y., 1891; Мюллер Т. М., Наука о языке, вып. 1—2, Воронеж, 1868—70; его же, Natural religion, L., 1889; его же, Anthropological religion, L.—N. Y., 1892; его же, Contributions to the science of mythology, v. 1—2, L.—N. Y.—Bombay, 1897; Сох G. W., The mythology of the Aryan nations, v. 1—2, L., 1870; его же, An introduction to the science of comparative mythology and folklore, L., 1881; Vreal M.-J.-A., Mélanges de mythologie et de linguistique, P., 1877; Siecke E., Die Liebesgeschichte des Himmels. Untersuchungen zur indogermanischen Sagenkunde, Stras., 1892; его же, Die Urreligion der Indogermanen, B., 1897; Wendorff F., Erklärung aller Mythologie aus der Annahme der Erringung des Sprachvermögens, B., 1888; Gilbert G., Griechische Götterlehre in ihren Grundzügen dargestellt, Lpz., 1898; Воеводский Л. Ф., Введение в мифологию Одиссея, О., 1881; Вуслав Ф. И., Историч. очерки рус. нар. словесности и иск-ва, т. 1—2, СПб., 1861; его же, Рус. богатыр. эпос, «Рус. Вестн.», 1862, № 3; его же, Нар. поэзия, СПб., 1887; Афанасьев А. Н., Поэзич. воззрения славян на природу, т. 1—3, М., 1865—69; Миллер О., Опыт историч. обозрения рус. словесности, ч. 1, СПб., 1863; 2 изд., СПб., 1865; его же, Илья Муромец и богатырство киевское, СПб., 1869; Потёбня А. А., Из записок по теории словесности, X., 1905.

«Низшая М.»

Schwartz F. L. W., Der Ursprung der Mythologie, B., 1860; его же, Die poetischen Naturanschauungen der Griechen Römer und Deutschen in ihrer Beziehung zur Mythologie, Bd 1—2, B., 1864—1879; его же, Indogermanischer Volksglaube, B., 1885; Mannhardt W., Die Kornsämonen, B., 1868; его же, Wald- und Feldkulte, Bd 1—2, B., 1875—1877; 2 Aufl., Bd 1—2, V., 1904—15; его же, Mythologische Forschungen, Stras., 1884.

Психологич. теории

Lazarus M., Steinthal H., Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie, «Z. Völkerpsychol. Sprachwiss.», 1860, Bd 1, H. 1; Welfer F. G., Griechische Götterlehre, Bd 1—3, Gött., 1857—63.

Анимистич. теории

Тейлор Э., Первобытная культура, пер. с англ., М., 1939; Lippert J., Die Religionen der europäischen Kulturvölker, B., 1881; его же, Der Seelencult in seinen Beziehungen zur althebräischen Religion, B., 1881; Lang A., Myth, ritual and religion, v. 1—2, L.—N. Y., 1887; new ed.,

v. 1—2, L.—N. Y., 1899, [4 ed.], v. 1—2, L., 1913; Ланг Э. М., М., 1901; Spencker H., Principles of psychology, L., 1855; его же, Principles of sociology, v. 1—3, L., 1877—96; v. 1—3, N. Y.—L., 1925—29; Jevons F. B., An introduction to the history of religion, L., 1896; 2 ed., L., 1902; Frobenius L., Das Zeitalter des Sonnengottes, B., 1904; его же, Die Weltanschauung der Naturvölker, Weimar, 1898; Ehrenreich P., Die allgemeine Mythologie und ihre ethnologischen Grundlagen, Lpz., 1910; Клингнер В. П., Животное в античном и совр. суеверии, К., 1911; Margaret R. R., The threshold of religion, L., [1900]; 2 ed., L., 1914.

Социологич. теории

Bachofen J. J., Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur, Stuttg., 1861; сравни: Косвен М. О., И. Я. Вахофен и рус. наука, «Сов. этнография», 1946, № 3; его же, Матриархат, М.—Л., 1948, с. 106—146; Huber H. et Mauss M., Etude sommaire de la représentation du temps dans la magie et la religion; в кн.: Huber H. et Mauss M., Mélanges d'histoire des religions, P., 1909.

Общеисторич. теории

Морган Г., Древнее общество... [Л.], 1934; Винников И. Н., Из архива Л. Е. Моргана, М.—Л., 1935; сравни: Косвен М., Л. Г. Морган, 2 изд., Л., 1935; Успенер Н., Die Sintfluthsagen, Bonn, 1899; его же, Götternamen. Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung, Bonn, 1895, 2 Aufl., Bonn, 1929; Трубецкой С. Н., Новая теория образования религ. понятий, в кн.: Християн. Сб. ст. по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша, М., 1896, с. 299—332 (критика Узенера); Preller L., Griechische Mythologie, 4 Aufl., Bd 1—3, B., 1894—1926; Wilamowitz-Moellendorf U. von, Hephaistos, «Nachrichten Gött. Gesellschaft der Wissenschaften», 1895, N. 1; его же, Apollo, «Hermes», 1903, Bd 38; его же, Der Glaube der Hellenen, Bd 1—2, B., 1931—32; [neue Aufl.], B., 1955; Nilsson M. P., Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluß der attischen, Lpz., 1906; его же, The Mycenaean origin of Greek mythology, Berkeley (California), 1932; его же, The minoan-mycenaean religion and its survival in Greek religion, 2 ed., Lund, 1950; его же, Geschichte der griechischen Religion, 2 Aufl., Münch., Bd 1, 1955, Bd 2, 1950; Kern O., Die Religion der Griechen, Bd 1—3, B., 1926—38; Otto W. F., Die Götter Griechenlands, [3 Aufl.], Fr./M., 1947; Сооск А., Zeus. A study in ancient religion, v. 1—3, Camb., 1914—40; Керényi K., Die antike Religion, neue Ausg., Düsseldorf—Köln, 1952; Мерджинский А., Исследование о Персе у древних эпиков... Варшава, 1872; Властоу Г., Теогония Гесиода и Прометей, СПб., 1897; Велинский Ф. Ф., Из жизни идей, т. 1—4, СПб., [1903]—22; 3 изд., СПб., т. 1, 1916, т. 2, 1911; его же, Введение и вступит. очерк в кн.: Софокл, Драмы, т. 1—3, М., 1914—15; его же, Комментарии, в кн.: Театр Еврипида. [Пьесы], т. 1—3, М., 1916—1921; его же, Древнегреч. религия, П., 1918; его же, Религия эллинизма, П., 1922; Новосадский Н. И., Елевсинские мистерии, СПб., 1887; его же, Культ кавиоров в древней Греции, Варшава, 1891; его же, Орфия. гимны, Варшава, 1900; Жебелов С. А., К религиозным древностям о-ва Коса, «Ж. М-ва нар. просвещения», 1892, Отдел классич. филологии, ч. 284, дек., с. 117—20; его же, Культ Димоса и Харит в Афинах, в сб.: Commentationes philologicae. Сб. ст. в честь И. В. Помяловского, СПб., 1897, с. 109—18; его же, Парфенон в «Парфеноне» (К истории культа Афины Девы), «Вестн. древней истории», 1939, № 2; его же, Титан Иапет, в сб.: Язык и литература, т. 5, 1930, с. 19—28; Кагаров Е. Г., Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПб., 1913; Богаевский В. Л., Земледельч. религия Афин, т. 1, П., 1916; Толстой И. И., Остров Белый и Таврика на Евксинском Поente, П., 1918; его же, Античный мир и совр. сказка, в кн.: С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-обществ. деятельности, Л., 1934, с. 523—34; его же, Миф в Александрийской поэзии, «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та», 1948, т. 67, с. 17—22.

Современные мифологич. теории (20 в.)

Структурные теории

Богораз (Тан) В. Г., Эйнштейн и религия, М.—П., 1923; Lévi-Strauss C., The structural study of myth, «J. Amer. Folklore», 1955, v. 68, oct.—dec., p. 428—444; его же, Anthropologie structurale, P., [1958], ch. 9—12; Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов, М., 1962.

Психологич. и психоаналитич. теории

Wundt W., Völkerpsychologie, Bd 4—6, Mythos und Religion, 3 Aufl., Lpz., 1920—23; 1 ч. этого труда переведена на рус. яз.: Миф и религия, СПб., [1913]; сравни: Ланге Н. Н., Теория В. Вундта о начале мифа, О., 1912; Фрейд З., Лекции по введению в психоанализ, пер. [с нем.] М. В. Вульфа, т. 1—2, М.—П., [1922]; 2 изд., М.—П., 1923; его же, Тотем и Табу, пер. [с нем.] М. В. Вульфа, М.—П.,

[6. г.]; его же, Психопатология обыденной жизни, 2 изд., М., 1923; его же, Я и оно, пер. с нем., Л., 1924; его же, Психология масс и анализ человеческого «Я», пер. с нем., М., 1925; его же, Будущность одной иллюзии, пер. с нем., М.—Л., 1930; его же, Толкование сновидений, пер. с нем., М., 1913; Абрагам К., Сон и миф, пер. с нем., М., 1912; Виттельс Ф., Фрейд. Его личность, учение и школа, пер. с нем., Л., 1925; Уэллс Г., Павлов и Фрейд, пер. с англ., М., 1959; Косов М. В., Марксистская критика психоанализа, «Вопр. философии», 1959, № 11; Уэллс Г., Фрейдизм и его совр. «реформаторы», «Вопр. философии», 1959, № 12, 1960, № 1; Михайлов Ф. Т., Парегородцев Г. И., За порогом сознания, М., 1961; Мансуров Н. С., Совр. бурж. психология, М., 1962; Jung C. G., Wandlungen und Symbole der Libido, Lpz.—W., 1912; Jung C. G., Kerényi K., Einführung in das Wesen der Mythologie. Das göttliche Kind. Das göttliche Mädchen, [4 Aufl.], Z., [1951], S. 105—148, 230—50; Левин-Броль Л., Первобытное мышление, пер. с франц., М., 1930; его же, Сверхъестественное в первобытном мышлении, пер. с франц., М., 1937; сравни: Тиадер К., О началах мистич. мировоззрения, в сб.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5, X., 1914, с. 417—78.

Культурно-историч. теории

Graebner F., Das Weltbild der Primitiven, Münch., 1924; Фрезер Дж., Золотая ветвь, М., 1928; Schmidt P. W., Der Ursprung der Gottesidee, Bd 1, Münster, 1912; Münster, 1926; Preuss K. Th., Die geistige Kultur der Naturvölker, Lpz.—B., 1914; его же, Der Ursprung der Religion und Kunst, «Globus», Braunschweig, 1904, Bd 86, № 20, 24; его же, Das religiöse Gehalt der Mythen, Tübingen, 1933; Baumann H., Schöpfung und Urzeit des Menschen im Mythos der afrikanischen Völker, B., 1936; Malinowski B., Myth in primitive psychology, L., 1926; Saintyves P., Les contes de Perrault et les récits parallèles, P., 1923; его же, Les reliques et les images légendaires, P., 1912; Боас Ф., Ум первобытного человека, пер. с англ., М.—Л., 1926; Radin P., Primitive man as philosopher, L., 1927; Jensen A. E., Mythos und Kult bei Naturvölkern, Religionswissenschaftliche Betrachtungen, Wiesbaden, [1951]; Chadwick H. M. and Chadwick N. K., The growth of literature, v. 1—3, Camb., 1932—40; Dumézil G., Légendes sur les Nartes, P., 1930; его же, Loki, P., 1948; Levi G. R., The gate of horn. A study of the religious conceptions of the stone age, and their influence upon European thought, L., 1948; Raglan F. P. S., The hero. A study in tradition, myth, and drama, L., 1930; Lord A., The Singer of Fables, Camb. (Mass.), 1960; Aurgan C. H., Phéniciens. Essai de contribution à l'histoire antique de la Méditerranée, Caïre, 1920; его же, Homère et les origines sacerdotales de l'épopée grecque, t. 1—3, P., 1943; его же, L'épopée indoue. Etude de l'arrière-fonds ethnographique et religieux, P., 1946; сравни: Англо-амер. этнография на службе империализма. Сб. ст., М., 1951; Мигеах Э., Les romans homériques et l'histoire grecque, v. 1—2, P., 1948—49; Carpenter R., Folk tall, fiction and saga in the Homeric epics, Berkeley—Los Ang., 1949; Vries J. de, Betrachtungen zum Märchen, besonders in seinem Verhältnis zu Heldensage und Mythos, Hels., 1954; Baudouin Ch., Le triomphe de héros. Etude psychoanalytique sur le mythe du héros et les grandes épopées, P., 1952; Нуман С. П., The ritual view of myth and the mythic, «J. Amer. Folklore», 1955, v. 68, № 270; Bogatyrev P., Actes magiques, rites croyances en Russie subcarpathique (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, 9), P., 1929; Пропп В. Я., Морфология сказки, Л., 1928; его же, История. корни волшебной сказки, Л., 1946; его же, Рус. героич. эпос, 2 изд., М., 1958; Жирмунский В. М., Нар. героич. эпос. Сравн.-историч. очерки, М.—Л., 1962; Нартский эпос. Материалы совещания, Орджоникидзе, 1957; Мелетинский Е. М., Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаич. памятники, М., 1963.

Символистские теории

Ницше Ф., Рождение трагедии из духа музыки, Полн. собр. соч., т. 1, [М.], 1912; сравни: Вересаев В. В., Аполлон и Дионис (О Ницше), 2 изд., М., 1924, а также Полн. собр. соч., т. 8, М., 1930; Rohde E., Psyche, Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen, Tübingen in Breitgau, 1890—94, 10 Aufl., Tübingen, 1925; Иванов Вяч., Эллинская религия страдающего бога, «Новый путь», 1904, 2 г. изд., № 1—3, 5, 8, 9; его же, Религия Диониса. Ее происхождение и влияние, «Вопросы жизни», 1905, № 6, 7; его же, Ницше и Дионис, в кн.: Иванов Вяч., По звездам, СПб., 1909, с. 1—20; его же, Дионис и прадионисийство, Баку, 1923; Лезин Б., Из черновых заметок А. А. Потебни о мифе, в сб.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5, X., 1914, с. 494—509; Cassirer E., Philosophie der symbolischen Formen, Bd 2, Das mythische Denken, B., 1925; его же, Sprache und Mythos, Lpz., 1925; Лосев А. Ф., Диалектика мифа, М., 1930; Jolles A., Einfache Formen, 2 Aufl., Halle, 1956; Buess E., Die Geschichte des mythischen Erkennens, Münch., 1953; Weigl L., Kosmos und Arche. Eine philosophische Untersuchung vom Anfang der griechischen Philosophie bis Platon. Mit einem Nachwort über die Beziehungen dieses Themas zur Existentialphilosophie, P., 1951.

Iosophie M. Heideggers, Würzburg, [1949] (Diss.); Die n e l t K., Existentialismus bei Homer, в кн.: Festschrift zur 250-Jahr-Feier des Bundesrealgymnasiums in Wien, Tl 1, W., 1951, S. 151—59; V u e i n a s V., Earth and gods. An introduction to the philosophy of M. Heidegger, The Hague, 1961, ch. 5. А. Лосев. Москва.

МИХАЙЛ ПСЕЛЛ (Ψελλός; до пострижения—Константин) (1018—ок. 1078 или ок. 1096)—визант. просветитель. Работы М. П. (частью еще неопубликованные) посвящены вопросам богословия, философии, логики, грамматики, риторики, права, истории, музыки, математики, астрономии, физики, медицины, агрокультуры. М. П. содействовал возрождению интереса к Платону и неоплатоникам, трактуя их как предшественников христианства; он выступал против невежества, мопахов, к-рые, по его словам, предадут Платона анафеме, словно сатану. М. П. отстаивал *рационализм*. Он подверг критике веру в чудеса, астрологию, демонологию, считая, что каждое явление имеет свою естеств. причину. «Бог, — писал он, — само собой разумеется, есть конечная причина землетрясений, как и других вещей, — по ближайшая причина землетрясений — природа» (Migne, Patrol. gr., t. 122, col. 765 a-b). Природа (φύσις) представлялась ему рассеянной во всем, невидимой, но постижимой разумом. В соответствии с этим он выделял две части философии: одна из них имеет своим предметом то, что постигается духом, т. е. потусторонний мир («вечность»), предмет второй — земной мир, доступный разуму. Огромное значение М. П. придавал математике, к-рая, по его словам, уступает лишь богословию. При этом М. П. подчеркивал единство геометрии (науки о протяженном) и арифметики (науки о непротяженном) и видел в этом отражение единства протяженного и непротяженного. В мировоззрении М. П. встречаются элементы диалектики. «В этом мире, — писал он, — нет ничего постоянного, ничего неподвижного, но все движется и изменяется» (Scripta minora, ed. E. Kurtz, F. Drexl, v. 2, Mil., 1941, p. 54). Время постоянно приносит с собой изменения (см. там же, p. 143) и более того природа, душа, разум — все двойственно, все содержит противоречивые и борющиеся между собой моменты (см. С. Sathas, Bibl. graeca, v. V, 282). Однако рационализм М. П. непоследователен: он считал богословие первой мудростью и видел гл. задачу в сочетании антич. философии с христианством, рассуждений, основанных на силлогизме, с верой. Полемицируя с мистицизмом патриарха Михаила Керулярия, М. П. сам отдавал дань мистицизму в духе неоплатоников, говоря об устремлении души к Единому. Высеивая магию, он в трактате «О свойствах драгоценных камней» в духе ср.-век. схоластики останавливался прежде всего на сверхъестеств. свойствах, приписываемых минералам.

Рационализм М. П. распространялся также и на историю. В «Хронографии» [«Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976—1077)», t. 1—2, éd. E. Renauld, P., 1926—28], первом памятнике визант. мемуарной лит-ры, нет и следов теории сверхъестеств. воздействия на историч. процесс: историю творят люди, руководствуясь своими корыстными побуждениями; в то же время М. П. прямо провозглашал необходимость критич. отношения к источникам (см. указ. соч., v. 1, P., 1926, p. 73). М. П. осуждал всякие попытки выступления нар. масс. Учение *павликианства* о зле как о сущем в природе и обществе было им отвергнуто: в соответствии с христ. принципами он рассматривал зло как относит. категорию, как отсутствие блага. Вместе с тем М. П. критиковал многие отрицат. стороны визант. действительности: лицемерие монашества, деспотизм императоров, беспримерные траты двора. М. П. пользовался огромным авторитетом: писатели 12 в. считали его образцом

философа. Рационализм М. П. нашел радикальное развитие в творчестве его младшего современника *Иоанна Итала*. А. Каждан. Москва.

В логике М. П. рассматривал, в частности, вопрос о равносильности предположений (aequipollentia propositionum), а также изучал подстановки одних терминов на место других. Последняя задача подводит вилотную к различению логич. постоянных и логич. переменных. Однако большую часть логич. исследований М. П. занимает проблематика, преобладающая у первых комментаторов аристотелевой логики времен *Бозция* и связанная в основном с изучением различных разновидностей силлогизмов. М. П. интересен также попытками разработать общие приемы отыскания «среднего термина» в связи с задачей нахождения предпосылок (inventio propositionum), обращением к вопросам логич. символики и мнемоники (известен, в частности, т. п. *логический квадрат* М. П.), разработкой некоторых проблем *модальной логики*. Еще до Спинозы М. П. настаивал на применении геометрич. схемы для доказательства филос. и логич. утверждений. Позднейший ср.-век. логич. трактат на тему «о свойствах терминов» (determinorum proprietatibus) имеет своим отправным пунктом исследование добавление к последней главе «Топики» Аристотеля, в к-ром М. П. трактует с логич. т. зр. о значении грамматич. частей речи для логич. исследований.

И. Стяжкин. Москва.
Соч.: De omnifaria doctrina, ed. L. G. Westerink, Nijmegen, 1948; Προς τὸν ἀυτοκράτορα Μιχαὴλ κεφάλαια θεολογικά, Dogmatikos λόγος ἀγάπης, Jassy, 1698; De operatione daemonum, ed. F. Boissonade, Norimbergae, 1838; Renauld E., Une traduction française du *περί ἐνεργείας δαιμόνων*, — Revue des études grecques, t. 33, 1920; Wellnhofer M., Die thrakischen Euchiten und ihr Satanskult im Dialoge des Psellos, «Byzantinische Zeitschrift», 1929—30, Bd 30; Krumbacher K., Geschichte der Byzantinischen Literatur, Münch., 1897, S. 436, 441—42; Ruellie Ch. E., Psellos *περί παραδόξων ἀναγνωσμάτων*, «Revue de philologie», t. 27, P., 1903; Некоторые приписываемые М. П. соч. в действительности ему не принадлежат (см. Bidez J., Psellus et le commentaire de Proclus, «Revue de philologie», t. 29, 1905; Βανάκις Α. Ρ., Ἡ Ἐνόμησις, εἰς τὴν Ἀριστοτέλους Λογικὴν καὶ ὁ Μιχαὴλ Ψελλός, Ἑλληνικά, 16, 1958—59).

Лит.: Безобразов П. В., Византийский писатель и гос. деятель М. П., М., 1890; Вальденберг В., Философские взгляды М. Пселла, Византийский сборник, М.—Л., 1945; Tanner P., Psellus sur les nombres, «Revue des études grecques», v. 5, 1892; Zervos C., Un philosophe néoplatonicien du XI siècle: Michel Psellos, P., 1920; Tatakis B., La philosophie Byzantine, P., 1949; Prantl C., Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 2, B., 1955, S. 263—304; Ioannou P., Christliche Metaphysik in Byzanz: die Illuminationslehre des Michael Psellos und Johannes Italos, Ettal, 1956. А. Каждан. Москва.

МИХАЙЛЕСКУ (Mihailescu), Штефан (1846—99) — рум. ученый и мыслитель-материалист. М. стремился объяснить мир из него самого, раскрыть законы движения материи. «Нет никакого сверхъестественного существа, способного воздействовать каким-либо образом на природу, — писал он. — Явления в их обширной целостности, хотя и безгранично разнообразны в своих особенностях, были, есть и останутся и впрямь чисто материальными действиями» («Spiritualism și materialism in „Revista contemporana“», Buc., 1873, № 3, с. 264— Спиритуализм и материализм в «Современном журнале»). М. указывал, что в отличие от идеализма, делающего свои выводы априори, материализм является филос. учением, построенным апостериори, на фундаменте естественных наук. Филос. работы М. содействовали распространению материализма в среде рум. естествоиспытателей конца 19 в.

Соч.: Sociologia. Industria și rezebul studiului sociologic și politic, Buc., 1878; Încercări critice asupra învățămîntului nostru primar—studiu didactic și sociologic, Buc., 1888; Introducere la psihofizică, Buc., 1892; Pagini filosofice alese, [Buc.], 1955, с предисл. Ghița S. *Инт-т философии РНР*.

МИХАЙЛОВ, Михаил Лареонович (Илларионович) [3(15) янв. 1829—2(14) авг. 1865] — рус. публицист, писатель и поэт, переводчик; слодовик Чернышевского. Род. в Оренбурге в семье чиновника.

С 1846 — в Петербурге, вольнослушатель ун-та. В 1848—52 служил в Н.-Новгороде, занимался лит. деятельностью. С 1852 — вновь в Петербурге, сотрудник «Современника» и др. демократич. изданий. В 1858—59 М. совершил поездку за границу, где встречался с Герценом и Огаревым. Зарубежные очерки делают М. популярным публицистом демократич. лагеря. В 1861 *Шелгунов* и М. в прокламации «К молодому поколению» выдвигают задачу подготовки кадров грядущей революции. «... Мы хотели бы, разумеется, — говорилось в прокламации, — чтобы дело не доходило до насильственного переворота. Но если нельзя иначе, мы не только не отказываемся от него, но мы зовем охотно революцию на помощь к народу» (цит. по кн.: Шелгунов Н. В., Воспоминания, 1923, с. 298). За распространение прокламации М. был осужден на каторгу и вечное поселение в Сибирь, где и погиб.

Творчество М. пронизано идеей долга рус. интеллигенции перед народом. В центре публицистич. выступлений М. — вопрос о женском равноправии («Парижские письма», «Современник», 1858, № 9, 10, 12, 1959, № 2; «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», там же, 1860, № 4, 5, 8; «Женщины в Университете», там же, 1861, № 4; и др.). Полагая, что семья составляет основание общества, М. думал, что начинать социальное переустройство необходимо с изменения семейных отношений. В ст. «Иностр. лит-ра» (там же, 1861, № 4, 5) М., разбирая вопрос о труде и капитале, защищал «новое экономическое», т. е. социалистич. учение; в нем он видел «справедливое стремление к упрочению общего благосостояния, а не одних привилегированных сословий». Идеалом М. было такое общество, где «результат производства составляет собственность трудившегося». Для зап.-европ. народов М. видел выход в децентрализации произ-ва и создании с помощью правительств. субсидий рабочих производств, ассоциаций; путь России к социализму М., как и др. представители *народничества*, связывал с использованием сельской общины.

М. отстаивал в своих лит.-критич. статьях принципы реализма. Иск-во, поэзия являются, по М., важнейшим фактором морально-политич. воспитания — «руководящей и живущей силой». Это было связано с мнением М. о том, что решающую роль в переустройстве общества играет распространение науч. мировоззрения; отсюда огромное значение, к-рое М. придавал «аристократии мысли» — литераторам, поэтам, ученым, художникам.

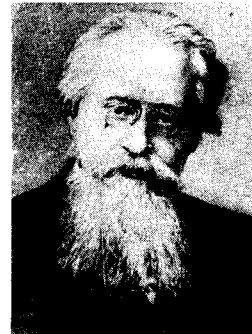
Соч.: Полн. собр. соч., т. 1—4, СПб, 1913—14; Соч., т. 1—3, М., 1958, вступит. статья М. Дикман и Ю. Левина. Лит.: Козьмин Б., Н. Г. Чернышевский и М. И. М., «Вопр. истории», 1946, № 7; Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 288—299; Малаютин А., Встреча М. с Петрашевским в Красноярске, в альм. «Енисей», Красноярск, 1962, № 2 (34). Библ. в кн.: История рус. лит-ры. Библиографич. указатель, М.—Л., 1962, с. 460—62.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Николай Константинович [15(27) ноября 1842 — 28 янв. (10 февр.) 1904] — рус. социолог, публицист и лит. критик; теоретик либерального *народничества*. Род. в Мещовске Калужской губ. в семье чиновника из дворян. Учился в Костромской гимназии, в Петерб. ин-те горных инженеров. В 1863 за участие в студенч. волнениях исключен из ин-та. Лит. деятельность начал в 1860. С 1868 — в «Отечеств. записках»; сначала — сотрудник, затем — один из редакторов журнала. Здесь были опубликованы важнейшие работы М.: «Что такое прогресс?», «Теория Дарвина и обществ. наука», «Вольтер — человек, Вольтер — мыслитель», «Орган, неделимое, общество», «Жестокий талант», «Записки профана», «Письма о правде и неправде» и др. В конце 70-х гг. М. сблизился с народовольцами, публиковал статьи

в их органе «Народная воля», редактировал «Письмо исполнит. комитета Народной воли» Александру III. После закрытия «Отечеств. записок» (1884) сотрудничал в журн. «Сев. вестник» и «Рус. мысль», в газете «Рус. ведомости». С 1892 вплоть до самой смерти — один из ведущих редакторов журн. «Рус. богатство».

Талантливый публицист, М. пользовался большой популярностью в революц. народнич. движении 70—80-х гг., хотя по политич. взглядам М. в общем принадлежал к либеральному крылу народничества. Даже в период сотрудничества в «Народной воле» он заявлял о том, что не верит в нар. восстание и отделял себя от «людей революции» (см. «Лит-ра партии „Народная воля“», М., 1930, с. 29). Не случайно именно из среды соратников М., группировавшихся вокруг «Рус. богатства», вышли первые ликвидаторы в демократич. движении России, к-рые «... отреклись от „подполья“ и от его лозунгов» и образовали «открытую партию» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 20, с. 102). Ленин, Плеханов и др. рус. марксисты вели в 80—90-х гг. острую идейную борьбу с М. и его единомышленниками.

Филос.-социологич. концепция М. складывалась в 70-х гг. 19 в., когда обнаружился, более или менее явственно, бурж. характер пореформ. развития страны. Народнич. идеологи были вынуждены признать факт капиталистич. эволюции России. Однако при этом они отрицали объективную необходимость совершающегося процесса, доказывали возможность коренного изменения его путем активного вмешательства в ход событий. В отличие от революц. народников, понимавших под гарантиями от буржуазности полный пересмотр реформы 1861 в пользу крестьянства, М. видел средство предотвращения капитализма прежде всего в «...развитии тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом первобытном виде» (Соч., т. 1, СПб, 1896, с. 703—04). М. наравне с *Лавровым* принадлежал к разработкам идеи о свободном выборе «идеала», философски обосновывавшей возможность изменить филос. развитие в избранном передовой интеллигенцией направлении. Наиболее полное выражение эта идея получила в т. н. субъективном методе в социологии. М. писал о необходимости применения «... различных методов в двух великих областях человеческого ведения» (там же, с. 129) — объективного при изучении природы и субъективного при изучении общества. Сущность последнего заключалась в отрицании естеств.-историч. характера обществ. развития. «Что общество повинуется в своем развитии известным законам, — это несомненно, — писал М., — но не менее несомненно присущее человеку сознание свободного выбора деятельности» (там же, с. 777). Идея необходимости в приложениях к истории означает, по М., «...покорность ходу вещей, неверие в собственные силы» (там же, с. 778). Субъективный метод в социологии объявлял личностное («неделимое») отправным пунктом историч. исследования и высшим мерилом ценности всех обществ. явлений. Поскольку современное М. буржуазное («органическое») развитие общества уродовало, душило и давило личность, постольку М. отказывался признавать всякую, даже относит. прогрессивность этого развития. Действит. историч. движению он противопоставлял умозрительную формулу про-

гресса: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми» (там же, с. 150).

Субъективистский характер социологии М. особенно ярко выразился в его воззрениях на соотношение личности и массы в историч. процессе. В работе «Герой и толпа» М. признавал личность («героя») гл. творцом истории. Условия жизни совр. общества, доказывал М., обрекают массу на нищенское существование, уость интересов и односторонность духовной деятельности. Такой образ жизни опустошает сознание людей и обескидывает их волю, в результате чего масса превращается в «толпу». «Герой» своим примером может увлечь «толпу» на подвиг или на преступление. Концепция «героев и толпы» послужила в дальнейшем теоретич. обоснованием тактики индивидуального террора.

М. считал себя хранителем и продолжателем традиций Чернышевского, однако в своем мировоззрении, особенно в философии, он «... сделал шаг назад от Чернышевского» (Ленин В. И., Соч., т. 20, с. 100) к позитивизму и агностицизму. Вслед за Контом и Спенсером М. разделял претензию позитивистов встать над борющимися филос. партиями. Принимая «основные положения позитивизма о границах исследования», М. в теории познания делал серьезные уступки агностицизму и идеализму. Так, в ст. «Идеализм, идопоклонство и реализм» (1873) он призвал бросить всякие рассуждения о том, насколько отражение вещей в сознании соответствует вещам в себе, объективной реальности. «... Цель науки, — писал М., — состоит в удовлетворении известной потребности человеческой природы, или, что то же, в служении человеку, или, что опять-таки то же самое, в исполнении приказов человека» (Соч., т. 3, СПб, 1897, с. 350). Исходя из этого, М. предлагал слово «истина» заменить словами «...удовлетворение познавательной потребности человека» (там же, с. 349), а под заблуждением понимать «...уклонения от известного нам типа» (там же, с. 353).

Филос.-социологич. концепция М. отразила неразвистость экономич. и политич. условий России, в частности отсутствие массового революц. движения в стране. Этим объясняется ее субъективно-идеалистич. характер, приписывание интеллигентному меньшинству исключит. роли в развитии общества и др. Однако ложная в теоретич. отношении, она тем не менее отвечала настроениям передовой разночинной интеллигенции того времени, ставила вопрос об ее ответственности за историч. судьбы страны.

Как лит. критик М. пытался продолжить традицию школы Чернышевского и Добролюбова. Он рассматривал писателя прежде всего как нравств. судью общества, а лит-ру — как голос совести, подвергающий действительность разбору с т. зр. определенного идеала. Поэтому на протяжении всей своей деятельности М. вел страстную борьбу, с одной стороны, против представителей «чистого искусства», с другой — против натурализма, видя в них «...замаскированное служение данному общественному строю» (Соч., т. 2, СПб, 1896, с. 609). Однако в оценке ряда рус. писателей М. стоял далеко позади Чернышевского и Добролюбова.

Беспощадно критикуя политич. ошибки М., показывая теоретич. несостоятельность его мировоззрения, Ленин тем не менее выделял его из общей массы либерально-народнич. публицистов. «Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России, — писал Ленин, — было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического

гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к „подполью“, где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью» (Соч., т. 20, с. 99—100).

Соч.: Полн. собр. соч., т. 1—8, 10, 4 изд., СПб, 1906—1914; Лит.-критич. статьи, М., 1957, пред. Вялово Г. А.

Лит.: Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Экономич. содержание народничества..., там же; его же, От какого наследства мы отказываемся?, там же, т. 2; его же, Народники о Н. К. Михайловском, там же, т. 20; Плеханов Г. В., К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1958; Крассосельский А. И., Мировоззрение гуманиста нашего времени. Основы учения Н. К. М., СПб, 1900; Бердяев Н., Субъективизм и индивидуализм в обществе. Философия. Критич. этюд о Н. К. М., СПб, 1901; Ранский С., Социология Н. К. М., СПб, 1904; Кареев Н., Памяти Н. К. М. как социолога, «Рус. богатство», 1904, № 3; Косолюков Е. Е., Очерки мировоззрения Н. К. М., СПб, 1912; Ковалевский М., Н. К. М., как социолог, «Вестн. Европы», 1913, [ки. 4]; Русанов Н. С., Н. К. М. и общество. Жизнь России, «Голос минувшего», 1914, № 2; Горев Б. И., Н. К. М., М., 1931; Левин Ш. М., Обществ. движение в России в 60—70 гг. XIX в., М., 1958; Полсвой Ю., Зарождение марксизма в России, М., 1959; История философии, т. 4—5, М., 1960—61; Billington J. H., Mikhailovsky and Russian populism, Oxf., 1958 (реп. Левина Ш. М. и Волка С. С., «История СССР», 1959, № 4). Библи.: Указатель лит-ры, в кн.: Михайловский Н. К., Полн. собр. соч., т. 10, с. 1113—44.

И. Пантин. Москва.
МИХАЙЛОВСКИЙ, Димитр (р. 1880) — болг. философ, член Болг. АН, последователь Ремке. По М., физич. и духовное одинаково первичны, т. к. «даны» вместе. М. выступает против диалектич. материализма, в частности против материалистич. теории отражения, одновременно пытаясь соединить философию Ремке с историч. материализмом.

Соч.: Philosophische Studien, Lpz., 1909; Принос кем ученого за познание, 2 изд., С., 1931; Философията като наука. Методологичен увод, 2 изд., С., 1946.

МИХЕЛЬС (Michels), Роберт (9 янв. 1876 — 3 мая 1936) — реакц. бурж. историк, экономист и социолог. По происхождению немец, в 1926 принял итал. гражданство. Преподавал историю, экономик и социологию в Брюссельском, Базельском и Римском ун-тах, в 1928—31 — в Турине и Перудже. На М. оказали влияние идеи В. Парето и Г. Моска. Изучал классы бурж. общества, их структуру, политич. роль интеллигенции. В осн. работе «Социология политич. партии в условиях совр. демократии» («Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie», 1911; переведена на итал., франц. и англ. языки, последнее переиздание — на англ. яз. 1960) он выдвинул т. н. «железный закон олигархических тенденций» в бурж. демократии, согласно к-рому деятельность демократии строго ограничивается необходимостью организации, опирающейся на «активное меньшинство» (элиту), поскольку «прямое господство масс технически невозможно» и приведет к гибели демократии. Наряду с этим М. указывал на опасность «вождизма» в демократич. организациях (см. указ. соч., гл. 1). После 1-й мировой войны М. порвал с социалистич. движением, выступил с резкой критикой марксизма. В конце жизни восхвалял фашизм. Характеристику М. дал Ленин (см. Соч., т. 21, с. 325). Указывая на «поверхность» М., Ленин отмечал, что в его книге «...собран ценный материал о происхождении итальянского империализма и о том переходе, который составляет сущность современной эпохи...» (там же, с. 324).

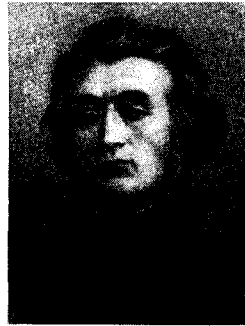
Реакц. взгляды М. подверглись критике итал. коммунистов, особенно А. Грамши (см. Избр. произв., т. 2, 1957, с. 63; т. 3, 1959, с. 137—38).

Соч.: Proletariat und Bourgeoisie in der sozialistischen Bewegung Italiens..., Bd 1—2, Tübingen, 1905—06; Probleme der Sozialphilosophie, Lpz.—B., 1914; Problemi di sociologia applicata, Torino, 1919; La teoria di C. Marx sulla miseria crescente e le sue origini, Torino, 1922; Sozialismus und Faschismus als politische Strömungen in Italien, [Bd 1—2], Münch., 1924—25; Corso di sociologia politica, Mil., 1927; Sittlichkeit

in Ziffern? Kritik der Moralstatistik, Münch.—Lpz., 1928; Der Patriotismus. Prolegomena zu seiner soziologischen Analyse, Münch.—Lpz., 1929; Studi sulla democrazia e sull'autorità, Firenze, 1933; Nuovi studi sulla classe politica..., Roma, 1936; в рус. пер. — Что такое патриотизм, К., 1906.

Лит.: Беккер Г. и Босков А., Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении, пер. с англ., М., 1961; Studi in memoria di R. Michels, Prægial, 1937.

МИЦКЕВИЧ (Mickiewicz), Адам (24 дек. 1798 — 26 ноября 1855) — польский поэт, деятель польского освободит. движения. Учился в Вилельском ун-те (1815—19). Высланный за пределы Литвы (1824—29)

за участие в патриотич. организациях «филомагов» и «филоретов» и живя в Петербурге, Одессе, Москве, М. сблизился с декабристами и Пушкиным. После польского восстания 1830—31 поэт навсегда остался в эмиграции.

М. является основоположником польского революц. романтизма. Его художеств. произведения «Ода к молодости» («Oda do młodości», 1820, опубл. 1827), «Баллады и романсы» («Ballady i romanse», 1822), «Гражина»

(«Grażyna», 1822, опубл. 1823), «Дзяды» («Dziady», 1820—32, опубл. 1823—60), «Пан Тадеуш» («Pan Tadeusz», 1834) проникнуты идеями революц. энтузиазма, осуждения неравенства. Живя за границей, М. занимался публицистич. и критич. деятельностью, в 1840—44 читал курс слав. лит-ры в Париже. В «Книгах польского народа и польского пилигримства» («Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego», 1832), в публицистич. статьях и выступлениях в газ. «Pielgrzym polski» («Польский пилигрим», 1832—33) М. высказал ряд историософских идей, носящих в осн. романт. характер. Согласно М., история человечества — это процесс осуществления морального идеала. Последствием этого процесса является постепенное расширение свободы. Процесс историч. развития человечества проходит 3 ступени: греха (отход от этич. принципов, составляющих предназначение человечества), кары (победа неволи и антагонизма в челоуеч. отношениях, аморальность) и, наконец, искупление (процесс обновления из абс. неволи). Универсальный моральный идеал ведет, по М., к единству челоуеч. рода и приводит к солидарности всех народов, борющихся за политич. и социальную свободу. Т. о., история осуществляется при посредстве дейст. отд. народов. Особую роль в обновлении человечества М. отводил Польше. Эти идеи нашли выражение в прочитанных во Франции «Лекциях о славянских литературах» («Les Slaves. Cours professé au College de France par Adam Mickiewicz et publié d'après les notes sténographiées», t. 1—5, 1849; польский перевод 1841—45), в к-рых М., в частности, резко критиковал нем. классицистич. философию и ее польских эпигонов. Элементы мистики и мессианизма особенно усилились в 40-х гг., когда М. подпал под влияние А. Товьяньского. Наступление нового революц. подъема в Европе в 1848 вызвало крутой перелом в настроениях и деятельности М.: он организовал в Италии революц. польский легион, программа к-рого, написанная М., содержит элементы революц.-демократич. идеологии. В 1849 М. основал в Париже газ. «La Tribune des peuples» («Трибуна народов»), в к-рой он призывал к революц. союзу народов, высказывал идеи утопич. социализма. Резкая критика совр. бурж. общества и революц. интернационализм составляли сильные стороны «Трибуны народов», характеризующие мировоззрение М. в последний период его жизни.

Соч.: Dzieła, t. 1—16, Warsz., 1955; в рус. пер. — Собр. соч., т. 1—5, М., 1948—1954; в кн.: Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей, т. 2, М., 1956, с. 251—404.

Лит.: История Польши, т. 1—2, М., 1954—55 (см. им. указ.); Живо в М., А. М., М., 1956; А. М. в рус. печати. Библиографич. материалы, М.—Л., 1957; K r i d l M., Mickiewicz i Lamennais, Warsz., 1909; P i g o Ń S t., Z ero k i Mickiewicza, Lw., 1922; Z o ł k i e w s k i S., Sp ó r o Mickiewicza, Wr., 1952; D r o b n e r B., Mickiewicz jako socjalista, K r., 1959; Adam Mickiewicz. Zarys bibliograficzny, Warsz., 1957; S e m k o w i c z A., Bibliografia utworów A. Mickiewicza do roku 1855, Warsz., 1958. А. Сукора. ПНР.

МИЦКЯВИЧЮС-КАПСУКАС (Mickevičius Kapšukas), Винчас (7 апр. 1880 — 17 февр. 1935) — литов. марксист, один из руководителей Коммунистич. партии Литвы. Род. в крест. семье. В 1902—04 изучал философию и политэкономию в Бернском ун-те. Включившись в революц. движение (1903), стал одним из организаторов трудящихся Литвы в борьбе против царизма. В 1907 был приговорен к восьми годам каторги; в 1913 сослан в Сибирь; в 1914 бежал за границу. В 1914 в Галиции встречался с Лениным. Вернувшись из эмиграции, в июне 1917 вступил в РСДРП(б). Редактировал большевистскую газ. «Гиеса» («Правда»). С дек. 1917 — комиссар Сов. пр-ва по литов. делам. Участвовал в создании компартии Литвы; член ЦК КПЛ (с 1918). В конце 1918 возглавил первое сов. пр-во Литвы; в нач. 1919 — пр-во Литвы и Белоруссии. После победы контрреволюции в Литве — в подполье. С конца 1921 — в Москве. Кандидат в члены ИККИ (1924), член ИККИ (1928).

Теоретич. выступления М.-К. посвящены широкому кругу вопросов. В статьях, написанных в годы столыпинской реакции в тюрьме, М.-К. защищал теорию марксизма и доказывал неизбежность победы революции. В ст. «Историч. материализм» («Istorinis materializmas», опубл. в «Zarija», 1908, № 9) он показал отличие диалектич. материализма от домарксистского материализма и противоположность марксистской диалектики диалектике Гегеля (см. Соч.—Rāstai, т. 3, с. 376—85). В ст. «Зарождение научного коммунизма» [«Mokslingojo komunizmo užgimimas», опубл. в журн. «Komunaras», 1923, № 2(14)], М.-К. выступал против теории стихийности, указывая на большую роль субъективного фактора в превращении возможности победы социализма в действительность.

В полемике против бурж. теории об особом пути развития Литвы, о неклассовости и единстве литов. нации, о непригодности социализма для Литвы, К. показывал, что литов. нация, как и все др. бурж. нации, состоит из антагонистич. классов (см. Соч.—Rāstai, т. 3, с. 298—304; т. 5, с. 264—73; Буржуазная Литва — Buržuazine Lietuva, 1961), что единств. выход из кризисов и связанных с ними эксплуатации, горя и нищеты, — уничтожение господствующего капиталистич. строя и установление социализма (см. «Fasistinės galvos apie Lietuvos ekonominę krizę», опубл. в журн. «Priekalas», 1932, № 11).

М.-К. разоблачал декадентскую теорию о том, что «реализм чужд литовскому духу, который должен искать другие пути для самовыражения», утверждал, что лучшие произведения литов. лит-ры написаны реалистами (см. Соч.—Rāstai, т. 5, с. 429).

Работы М.-К., направленные против религии и клерикализма, характеризуют католич. церковь как опору эксплуататорского общества («Ксендзы и царское правительство» — «Kunigai ir caro valdžia», 1918; «Как ксендзы заботятся о рабочих» — «Kaip kunigai rūpinasi darbininkais?», 1917; «Христианские демократы и рабочие» — «Krikščionys demokratai ir darbininkai», 1919, см. Veidmainiu darbai, 1961). Отвергая лживые утверждения церковников о том, что упадок морали в совр. обществе связан с появлением социалистов, М.-К. в кн. «Семья в прошлом, настоящем и в будущем» («Šeimyna seniau, dabar ir

ateityje», 1917) показал, что упадок морали связан с загниванием бурж. строя. Он высмеивал попытку объявить религ. мораль универсальной («Отделение церкви от государства» — «Bažnyčios atskyrimas nuo valstybės», 1918, см. Veidmainių darbai, 1961).

Соч.: *Ekonominio plėtojimosi keliai*, Voronežas, 1918; *Trumpa Lietuvos social-demokratų partijos istorija*, d. 1—2, Petropilis-Smolenskas, 1918—20; *Apsakymai ir atsiminimai*, Vilnius, 1954; *Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija ir tarybų valdžia*, 2 leid., Vilnius, 1958; *Raštai*, t. 1—5, Vilnius, 1960—62 (изд. продолжается); *Veidmainių darbai*, Vilnius, 1961; *Buržuazine Lietuva*, Vilnius, 1961; на рус. яз.— *Фашистский переворот в Литве*, М., 1927; *Литва*, М.—Л., 1931. *Лит.: Яковлев П. Н.*, И. В. Мичурин, М., 1951; *Бахарев А. Н.*, И. В. М., М., 1955; *Лысенко Т. Д.*, Сто лет со дня рождения И. В. М., «Тр. ин-та генетики АН СССР», 1956, № 23; *Столстов В. Н.*, И. В. Мичурин, в кн.: *Люди рус. науки*, [кн. 3], М., 1963. *Г. Платонов*, Москва.

Соч.: Соч., т. 1—4, 2 изд., М., 1948; Итоги 60-летних работ, 5 изд., М., 1949; Избр. соч., М., 1955; Принципы и методы работы, М., 1957.

Лит.: Яковлев П. Н., И. В. Мичурин, М., 1951; Бахарев А. Н., И. В. М., М., 1955; Лысенко Т. Д., Сто лет со дня рождения И. В. М., «Тр. ин-та генетики АН СССР», 1956, № 23; Столстов В. Н., И. В. Мичурин, в кн.: Люди рус. науки, [кн. 3], М., 1963.

Г. Платонов, Москва.

МИЧУРИНСКОЕ УЧЕНИЕ—основанное И. В. Мичуриным направление в биологической науке, «...которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира» (Программа КНСС, 1961, с. 127). Важнейшими особенностями М. у. являются его тесная связь с практикой, сознат. использование диалектико-материалистич. методологии. М. у. не только расширяет представление о законах органич. эволюции, но и указывает наиболее действ. пути управления ею. Это стало возможным благодаря всестороннему выяснению ведущей роли условий жизни в развитии органич. мира (см. И. В. Мичурин, Соч., т. 1, 1948, с. 590).

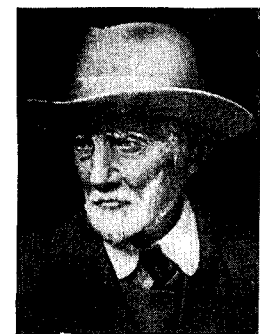
Как показали работы Мичурина, гибридизация дает возможность не просто объединить в потомстве полезные признаки родителей, но и ослабить консерватизм наследственности, сделать последнюю более восприимчивой к внешнему воздействию. Эти работы позволили ему установить закономерный, направленный характер изменения наследственности. То же следует сказать и о законе наследования приобретаемых свойств и признаков. Мичурин, опираясь на свои собств. эксперименты и данные др. исследователей, приходит к выводу, что наследств. передача приобретаемых особенностей растений «...если и не всегда проявляется с одинаковой силой, но тем не менее неоспорима» (там же, т. 3, 1948, с. 518). В статье «К вопросу о наследовании приобретенных признаков» (см. там же, т. 1, 1948, с. 655—56) Мичурин охарактеризовал это явление как причину историч. развития организмов.

Указанные теоретич. положения, сформулированные в трудах Мичурина, послужили отправной точкой теоретич. исследований и обобщений его учеников и последователей. В ходе развития М. у. наряду с нек-рыми положит. результатами у ряда его сторонников (Лысенко, Нуждин, Презент, Долгушин и др.) выявились и существенные теоретические ошибочные положения: отрицание внутривидовой борьбы, недооценка значения проблем молекулярной генетики в развитии биологич. теории, трактовка живого организма как только формы, а среды обитания как содержания и др. Нек-рыми сторонниками М. у. высказывалась неправомерная претензия монополизировать в рамках только этого направления применение диалектико-материалистич. методологии к биологич. науке. В период культа личности эта претензия была использована как основание для административных мер против теоретич. противников, для создания в биологич. науке обстановки нетерпимости к научной критике, что мешало нормальному развитию науки.

М. у. развивается в ходе решения важных практич. задач с.-х. производства. Работы селекционеров-мичуринецов Ф. Г. Кириченко, П. П. Лукьяненко, В. И. Ремесло по выведению новых сортов пшеницы и В. С. Пустовойта по выведению высокомасличных сортов подсолнечника были отмечены ленинскими премиями. М. у. получило значит. распространение не только в Сов. Союзе, но и за рубежом — в Болгарии, Румынии, Франции, Бельгии, Японии и др. странах.

В последние годы мичуринское направление в биологии расширяет фронт своих научных исследований: если раньше эколого-синтетич. подход к изучению организма недостаточно подкреплялся аналитич. трудами в области цитологии, биофизики, биохимии, то теперь этот недостаток постепенно изживается. Большую роль в этом отношении играет Постановление ЦК

МИЧУРИН, Иван Владимирович (27 окт. 1855 — 7 июня 1935) — биолог и селекционер, основоположник нового направления в биологии (см. *Мичуринское учение*). Почетный член АН СССР (1935), действит. член ВАСХНИЛ (1935), заслуж. деятель науки и техники (1934). Род. в дер. Долгое Рязанской губ. Учился в гимназии, но из-за недостатка средств был вынужден бросить учебу. С 1889 целиком посвятил себя селекц. работе. За свою жизнь М. вывел более 300 новых сортов высококачеств. плодово-ягодных растений. В ходе их создания М. выработал оригинальные методы селекции и развил мн. положения учения Дарвина об эволюции органич. мира. М. выдвинул девиз: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача» (Соч., т. 1, 1948, с. 486). М. изучал философию марксизма-ленинизма, положив ее в основу своей научной деятельности. «Естественнознание, — писал он, — по своему существу материалистично, материализм и его корни лежат в природе. Естественнознание стихийно влечется к диалектике. Для избежания ошибочного понятия в усвоении необходимо знать единственно правильную философию, — философию диалектического материализма» (там же, с. 623). М. тесно увязывал свою теорию с с.-х. практикой; он сознательно опирался на марксистско-ленинские принципы единства теории и практики. По М., преимущественно социалистич. науки состоят в том, что она марксистски обоснованно ставит перед собой задачу «...вести научную мысль в плановое русло, неразрывно увязать теорию и практику, выносить работу ученых из лабораторий и кабинетов непосредственно на производство... и на твердой незыблемой базе марксистско-ленинской методологии поднять разработку философских проблем по биологии на высшую ступень» (там же, т. II, с. 515).

После Октябрьской революции работами М. заинтересовался Ленин, увидев в них дело гос. значения. На базе плодового питомника М. (близ г. Козлова) был создан целый комплекс научно-исследоват., высших и средних уч. заведений по плодоводству. М. был награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

М. был награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой» (см. «Правда», 1963, 25 янв., с. 1). В Постановлении подчеркивается необходимость всемерно развивать весь комплекс биологич. наук. В качестве главных указаны след. задачи: выяснение сущности явлений жизни, вскрытие биологич. закономерностей развития органич. мира, изучение физики, химии живого, разработка различных способов управления жизненными процессами. Большое внимание уделяется сейчас изучению живого на молекулярном уровне — т. н. молекулярной биологии.

Лит.: Рубашевский А. А., Филос. значение теоретич. наследия И. В. Мичурина, М., 1949; Дюроховалов В. П., Филос. и естественнонауч. предпосылки учения И. В. Мичурина, М., 1954; Фейгинсон Н. И., Осн. вопросы мичуринской генетики, М., 1955; Платонов Г. В., Принцип детерминизма в М. у., «Иzv. АН СССР. Сер. биологич.», 1956, № 3; его же, Атеистич. значение учения И. В. Мичурина, в сб.: Естественное и религия, М., 1956; его же, М. у. и дарвинизм, в сб.: Филос. вопр. естествознания, т. 1. Филос.-теоретич. вопросы М. у., М., 1958; Фурман А., М. у. о закономерностях развития органич. мира, М., 1957; его же, Возникновение и формирование диалектик. концепции развития в биологии, М., 1961; Лысенко Г. Д., Дарвинизм живет и развивается, в сб.: Дарвинизм живет и развивается. Труды Юбилейной конференции, посвященной 100-летию опубликования «Происхождения видов» Ч. Дарвина и 150-летию опубликования «Философии зоологии» Ж. Ламарка (19—21 ноября 1959 г.), М., 1960; Очерк диалектики живой природы, М., 1963; Столетов В. Н., Условия жизни и развитие организмов, «Вопр. философии», 1964, № 10.

МИЯКЭ СЭЦУРЭЙ (наст. имя — Ю д з и р о) (1860—1945) — япон. философ, идеалист и мистик, пользовался популярностью в среде националистич. бурж. и мелкобурж. интеллигенции.

Соч.: Тэцугаку но ханчи рондзю (Рассуждения о пределах философии), Токио, 1888; Тэцугаку кэтэки (Крупные философии), Токио, 1889; Ронригаку (Логика), Токио, 1889; Гакан сёкэй (Маленький набросок моих воззрений), Токио, 1892; Утё (Вселенная), Токио, 1908; Тодзай но сэйдзи то сюке (Наука Востока и Запада), Токио, 1911, Токио, 1914; Тодзай тэцугаку кай но кайко (Политика и религия Востока и Запада), Токио, 1915—19; Мэйдзи тэцугаку кай но кайко (Ретроспективный взгляд на философский мир времени Мэйдзи), Токио, 1932.

Лит.: Сакисака Ицуро (ред.-составитель), Современные японские мыслители, пер. с япон., М., 1958; Фунаяма Синъити, Мэйдзи тэцугакуси кэнкю (Изучение истории философии времени Мэйдзи), Токио, 1959.

МЛАДОГЕГЕЛЬЯНСТВО (левогегельянство) — идеалистич. направление в нем. философии 30—40-х гг. 19 в. См. *Гегельянство*.

МНОГОЗНАЧНАЯ ЛОГИКА — область совр. логики, охватывающая логич. исчисления (исчисления высказываний и предикатов), в к-рых высказываниям приписывается любое конечное (большее, чем 2) или бесконечное множество значений истинности. В М. л. исследуются также свойства этих исчислений (независимость осн. функций, полнота и т. п.) и отношения между ними.

Оставаясь в рамках принципа двузначности (согласно к-рому каждое высказывание либо истинно, либо ложно), логики сталкивались с затруднениями при оценке значений истинности высказываний о переходных состояниях, модальных высказываний, высказываний, в к-рых не указано время или место события, и т. д. Однако эти затруднения смогли сыграть роль стимулов к построению многозначных логич. систем лишь после разработки совр. методики логич. исследования в рамках математической логики. Существенную роль в развитии М. л. сыграла интуитивистская критика классической логики (см. *Интуиционизм*).

Исторически первой системой М. л. является трехзначное исчисление высказываний Лукасевича (1920). Исходя из анализа свойств и взаимоотношений модальных высказываний (см. *Модальная логика*), Лукасевич пришел к выводу, что здесь нужна логика, в

к-рой, помимо обычных значений истинности («истинно», «ложно»), фигурирует от треть значение («возможно»). Независимо от Лукасевича построил систему М. л. Э. Пост (1921). В отличие от Лукасевича, Пост при разработке своей системы М. л. исходил из чисто формальных соображений: он просто допустил, что число значений истинности высказываний может быть большим, чем 2, и исследовал вытекающие из этой гипотезы последствия для логики высказываний.

В трехзначной логике Лукасевича значения истинности высказываний отождествляются с числами 1 (истинно), 0 (ложно) и $1/2$ (третье значение). В качестве основных выбираются две функции [обозначаемые через N и C и соответствующие отрицанию и (материальной) импликацию двузначной логики], к-рые определяются так: (1) $Nx=1-x$ (т. е. $Nx=0$ при $x=1$, $Nx=1$ при $x=0$ и $Nx=1/2$ при $x=1/2$), (2) $Cxy=\min(1, 1-x+y)$ [т. е. значение истинности импликации высказываний x и y равно меньшему из чисел 1 и $1-x+y$; напр., при $x=1$ и $y=1/2$ импликация Cxy имеет значение $\min(1, 1-1+1/2)=1/2$]. В табличной форме эти определения имеют вид:

для Nx	для Cxy																								
<table style="border-collapse: collapse; margin: 0 auto;"> <tr><td style="border-right: 1px solid black; padding: 2px 5px;">x</td><td style="padding: 2px 5px;">Nx</td></tr> <tr><td style="border-right: 1px solid black; padding: 2px 5px;">1</td><td style="padding: 2px 5px;">0</td></tr> <tr><td style="border-right: 1px solid black; padding: 2px 5px;">$1/2$</td><td style="padding: 2px 5px;">$1/2$</td></tr> <tr><td style="border-right: 1px solid black; padding: 2px 5px;">0</td><td style="padding: 2px 5px;">1</td></tr> </table>	x	Nx	1	0	$1/2$	$1/2$	0	1	<table style="border-collapse: collapse; margin: 0 auto;"> <tr><td style="border-right: 1px solid black; padding: 2px 5px;">y</td><td style="padding: 2px 5px;">1</td><td style="padding: 2px 5px;">$1/2$</td><td style="padding: 2px 5px;">0</td></tr> <tr><td style="border-right: 1px solid black; padding: 2px 5px;">x</td><td style="border-top: 1px solid black; border-left: 1px solid black; padding: 2px 5px;">1</td><td style="border-top: 1px solid black; padding: 2px 5px;">$1/2$</td><td style="border-top: 1px solid black; padding: 2px 5px;">0</td></tr> <tr><td style="border-right: 1px solid black; padding: 2px 5px;">$1/2$</td><td style="border-left: 1px solid black; padding: 2px 5px;">1</td><td style="padding: 2px 5px;">$1/2$</td><td style="padding: 2px 5px;">0</td></tr> <tr><td style="border-right: 1px solid black; padding: 2px 5px;">0</td><td style="border-left: 1px solid black; padding: 2px 5px;">1</td><td style="padding: 2px 5px;">1</td><td style="padding: 2px 5px;">1</td></tr> </table>	y	1	$1/2$	0	x	1	$1/2$	0	$1/2$	1	$1/2$	0	0	1	1	1
x	Nx																								
1	0																								
$1/2$	$1/2$																								
0	1																								
y	1	$1/2$	0																						
x	1	$1/2$	0																						
$1/2$	1	$1/2$	0																						
0	1	1	1																						

Функции трехзначной логики Лукасевича, соответствующие дизъюнкции и конъюнкции двузначной логики (обозначаемые через A и K), определяются так: (3) $Axy=\max(x, y)$ (т. е. значение истинности дизъюнкции x и y равно большему из значений истинности x и y); (4) $Kxy=\min(x, y)$ (т. е. значение истинности конъюнкции x и y равно меньшему из значений истинности x и y). Функции A и K можно определить через N и C , соответственно, как $CCxy$ и $NCCxNyNy$ [или в др. символике (см. *Логика высказываний*): $((x \supset y) \supset y)$ и $\neg((\neg x \supset y) \supset \neg y)$]. В свою очередь функцию C можно определить через N и A или через N и K . Но в логике трехзначная система Лукасевича известна как система с осн. функциями N и C .

Высказывания, принимающие значение 1 при любых значениях истинности образующих их высказываний (аргументов), рассматриваются в качестве законов трехзначной логики Лукасевича (или тавтологий, или всегда истинных высказываний). Таковы, напр., высказывания $CNNxx$ и $CxNNx$. Законы исключенного третьего, $AxNx$, и противоречия, $NKxNx$, двузначной логики в трехзначной системе Лукасевича законами не являются, т. к. при $x=1/2$ они имеют значение истинности $1/2$ ($A^2/2N^1/2=A^1/2^1/2=1/2$; $NK^1/2N^1/2=NK^1/2^1/2=N^1/2=1/2$). Не являются в ней законами и их отрицания, т. к. при $x=1$ и при $x=0$: $NAxNx=0$, $NNKxNx=0$. Логике Лукасевича можно рассматривать как обобщение двузначной в следующем смысле: если исключить третье значение, мы получим обычную двузначную логику высказываний (см. *Алгебра логики*).

Система Лукасевича с осн. функциями N и C не является функционально полной, т. е. в ней не все функции можно определить с помощью только N и C . Примером функции, к-рую нельзя определить указ. способом, является функция одного аргумента, принимающая значение $1/2$ при любых его значениях (т. н. функция Слупецкого, обозначаемая через Tx). Система Лукасевича была аксиоматизирована Тарским и М. Вайсбергом. В дальнейшем Лукасевичем были

построены др. системы М. л., в частности бесконечнозначная логика. Последняя получается путем обобщения приведенных выше определений функций N и C , при k -ром в качестве значений истинности высказываний принимаются действит. числа от 0 до 1.

Многозначная система Поста характеризуется такими осн. чертами. Среди значений истинности t_1, t_2, \dots, t_m (где m может быть любым натуральным числом, но таким, что $m \geq 2$) значение t_1 соответствует истинности, а t_m — ложности. Осн. функции, через k -рые можно определить все остальные, суть отрицание (\neg) и дизъюнкция (\vee). Они определяются так: (I) если x имеет значение t_i ($1 \leq i \leq m$), то $\neg x$ имеет значение t_{κ} ($1 \leq \kappa \leq m$), где $\kappa = i+1$ при $i < m$ и $\kappa = 1$ при $i = m$; при $m = 2$ $\neg x$ есть обычное двузначное отрицание высказывания x ; (II) если x имеет значение t_i и y имеет значение t_{κ} , то $x \vee y$ имеет значение t_i , если $i \leq \kappa$, и значение t_{κ} , если $\kappa < i$. Если значения t_1, \dots, t_s , где $1 \leq s < m$ назвать, как это принято, утверждающими, то тавтологию в системе Поста можно определить как высказывание, имеющее всегда утверждающее значение (возможно, что число таких значений равно 2 и более).

После работ Лукасевича и Поста развитие М. л. шло в двух направлениях: 1) разработка систем М. л. с целью развития аппарата логики, изучение свойств таких систем и отношений между ними, создание их общей теории; 2) использование имеющихся систем М. л. (и построение новых) для решения конкретных задач науч. исследования. В первом направлении шли работы польских логиков С. Яськовского и Е. Слупецкого, а также работы Д. Вебба, Дж. Россера, А. Тюркетта, Дж. Роуза, сов. ученых С. В. Яблонского, А. В. Кузнецова и др. При этом были построены разнообразные непротиворечивые и полные (в различных смыслах) многозначные исчисления, в частности исчисления с бесконечным числом значений истинности высказываний, разработаны общие методы построения исчислений, удовлетворяющих определ. требованиям, выяснены взаимоотношения функциональных (матричных) и аксиоматич. построений в М. л., взаимоотношения двузначных и многозначных систем, выявлены критерии полноты отд. типов исчислений М. л. (напр., трехзначных) и т. п. Построения М. л. охватили и сферу логики предикатов (напр., Россер и Тюркетт построили многозначное предикатов исчисление первой ступени).

Во втором направлении шли работы А. Гейтинга, сов. ученых Д. А. Бочвара и В. И. Шестакова, работы Рейхенбаха, Клини, франц. ученой П. Детуш-Феврие и др. Так, Гейтинг формализовал интуиционистскую логику высказываний (k -рую в силу результата К. Гёделя можно рассматривать как М. л. с бесконечным числом значений истинности) с целью оправдать исключение из числа логич. средств принципа исключенного третьего; Бочвар построил трехзначную логику с целью решения парадоксов логики путем формального доказательства бессмысленности определ. высказываний; Рейхенбах использовал трехзначное построение для преодоления ряда филос. и логич. трудностей квантовой механики; Шестаков исследовал возможности моделирования М. л. предложенной посредством электр. схем. Идеи и аппарат М. л. использовались и разрабатывались также (Лукасевич, Рейхенбах) в связи с теорией вероятностей (Если в k -л. бесконечнозначной системе логики пропозиц. переменные истолковать как события, то ее значения истинности естественно интерпретировать как вероятности этих событий), в связи с системами строгой и сильной импликаций (К. И. Льюис, нем. математик В. Аккерман) и т. д. В последние годы делают серьезные попытки использования М. л. в кибернетике (напр., в теории программирования, при разработке информационно-логич. машин и др.).

Исчисления (системы) М. л. задаются чаще всего с помощью истинностных таблиц (матриц), определяющих логич. операции. Известны исчисления, в k -рых

число значений истинности предполагается равным трем, четырем и т. д., а также системы, где предполагается любое конечное или бесконечное множество значений. Для любой такой системы имеет смысл задача обзора всех возможных функций истинности. Число таких функций для m аргументов при n значениях истинности равно n^m . Осн. путь при этом состоит в том, чтобы свести исследование сложных функций к исследованию элементарных, отыскать нек-рое (обычно конечное) множество функций, с помощью k -рых можно определить (записать) все возможные функции данной системы. Сам осн. функции не должны при этом сводиться друг к другу. Известно много систем М. л., в k -рых все возможные функции истинности могут быть определены с помощью основных (функционально полные системы). Таковы, напр., системы Поста, Лукасевича — Слупецкого, Россера — Тюркетта и др. Полной является система, основывающаяся на одной единственной функции — т. н. функции Вебба, k -рая является аналогом и обобщением функции Шеффера двузначной логики. Эта функция определяется (для n -значной логики, в k -рой значениями истинности являются $0, 1, 2, \dots, n-1$, где $n \geq 2$) как $[\max(x, y) + 1] \pmod{n}$.

В качестве удобного метода обзора тавтологий систем М. л., заданных с помощью матриц, можно использовать их аксиоматическое описание. При этом для каждого матричного построения существует хотя бы одно аксиоматическое, эквивалентное ему (что означает, что множество выводимых в этом аксиоматич. построении формул совпадает с множеством тавтологий данного матричного построения). Однако не для всякого аксиоматич. построения имеется эквивалентное ему матричное (таковы, напр., системы строгой импликации). Для интуиционистского исчисления высказываний имеется эквивалентное матричное построение лишь при счетнобесконечном числе значений истинности (работы Яськовского, сов. математика Б. Ю. Пильчак, Дж. Роуза).

Возникновение и развитие М. л., а также попытки использования ее при решении науч. проблем поставили ряд филос. вопросов, — таких, как вопросы о понимании дополнительных (кроме истинности и ложности) значений истинности с т. зр. теории отражения, о взаимоотношении М. л. и двузначной логики, о связи логики с особенностями исследуемой предметной области и т. п. Выяснилось, что М. л. не противоречит двузначной логике, а находится с ней в различных отношениях иного рода: для построения n -значных систем достаточно (мета)языка двузначной логики; многозначные построения выступают как обобщения двузначного построения, так что последнее есть частный случай (при $n=2$) первых; из двузначной логики могут быть получены многозначные системы по определ. правилам и т. п. Факты интерпретации многозначных логич. систем в виде модальной логики, логики нормативных высказываний, на языке технич. устройств, на языке квантовой механики и т. п. показали, что эти системы имеют вполне реальный смысл, являясь отображением свойств определ. предметных областей. Использование связанных с идеями М. л. дополнит. значений истинности, таких, как бессмысленность, неопределенность, неразрешимость и т. п., получило широкое распространение в науке. Возникновение М. л. показало ошибочность представлений об абсолютном, априорном, независимом от развития познания действительности характере законов двузначной логики. Вместе с тем М. л. выступила как более глубокое и обобщенное (сравнительно с двузначной логикой) средство исследования свойств человек. мышления.

Лит.: Бочвар Д. А., Об одном трехзначном исчислении..., Матем. сб., нов. сер., т. 4(46), вып. 2, 1938; его же, К вопросу о непротиворечивости одного трехзначного

исчисления, там же, нов. сер., т. 12 (54), вып. 3, 1943; Шестаков В. И., Представление характеристических функций предложений посредством выражений, реализуемых релейно-контактными схемами, «Иzv. АН СССР. Сер. матем.», 1946, т. 10, № 6; его же, Моделирование операций исчисления предложений посредством простейших четырехпольных схем, в сб.: Вычислительная математика и вычислительная техника, вып. 1, М., 1953; его же, О двойной арифметич. интерпретации трехзначного исчисления высказываний, в сб.: Применение логики в науке и технике, [М., 1960]; Яблоцкий С. В., О функциональной полноте в трехзначном исчислении, «Докл. АН СССР», т. 95, 1954, вып. 6; его же, Функциональные построения в n -значной логике, Тр. Математич. ин-та АН СССР, т. 51, 1958; Лукасевич Я., Аристотелевская силлогистика с точки зрения совр. формальной логики, пер. с англ., М., 1959; Łukasiewicz J., O logice trójwartościowej, «Ruch Filozoficzny», rok 5, 1920, № 9; Post E. L., Introduction to a general theory of elementary propositions, «Amer. J. Math.», 1921, v. 43, № 3; Heyting A., Die formalen Regeln der intuitionistischen Logik, «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Physikalisch-mathematische Klasse», Jg 1930, Stück 2; Łukasiewicz J., Philosophische Bemerkungen zu mehrwertigen Systemen des Aussagenkalküls, «Sprawozdania z posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego», wydział 3, rok 23, 1930; Łukasiewicz J., Tarski A., Untersuchungen über den Aussagenkalkül, там же; Śliupęcki J., Pełny trójwartościowy rachunek zdań, «Sprawozdania z posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego», wydział 3, rok 29, 1936; Wajsberg M., Aksjomatyzacja trójwartościowego rachunku zdań, там же, wydział 3, rok 24, 1931; Lewis C. I., Langford L. S., Symbolic logic, N. Y.—L., 1932; Webb D. C., Generation of any N -valued logic by one binary operation, «Proc. Nat. Acad. Sci. USA», 1935, v. 21; его же, The algebra of n -valued logic, «Sprawozdania z posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego», wydział 3, rok 29, 1936—37; Zawiński Z., Geneza i rozwój logiki intuicjonistycznej, «Kwartalnik Filozoficzny», 1946, t. 16; Destouches-Février P., La structure des théories physiques, P., 1951; Rosser J. B. and Turquette A. R., Many-valued logics, Amst., 1952; Suszko R., Formalna teoria wartości logicznych, «Studia Logica», t. 6, 1957. А. Зиновьев. Москва.

МНОЖЕСТВ ТЕОРИЯ — математич. теория, предметом изучения к-рой являются множества. М. т. сыграла выдающуюся роль в изучении идеи бесконечности, весьма важной для математики, логики и гносеологии. Осн. содержание т. н. классич. М. т. было разработано в последней трети 19 в. Кантором. В терминах М. т. удалось построить почти всю совр. математику. С 1900-х гг., в связи с открытием парадоксов в М. т. и логике, начался продолжающийся до сих пор этап усиленного логич. анализа осн. понятий М. т. Эти исследования (см. Метод аксиоматический, Типов теория, Интуизионизм, Математическая бесконечность) оказывают значит. влияние на разработку логич. оснований математики и на развитие совр. формальной (математической) логики.

МНОЖЕСТВО — понятие математики и логики, выражающее обычно то же (или почти то же), что и понятие класса (в определ. форме различия между этими понятиями проводится иногда в связи со спец. проблематикой и терминологией теории М.). Поскольку, однако, в логич. основаниях математики обычно пользуются термином «М.», анализ глубоких трудностей, вызванных рассмотрением М. (конкретных или абстрактных) предметов (называемых элементами и М.), связан в методологии науч. исследования именно с применением термина «М.».

Введение в рассмотрение М. тех или иных предметов является одной из осн. познават. операций; при этом понятие М. становится отчетливым лишь в предположении, что элементы данного М. можно рассматривать как отд. предметы. Кроме того, обычно предполагается возможность сравнивать — различать и отождествлять — любые два элемента М.

Осн. принципом образования М. служит возможность рассматривать, в связи с каждым свойством, М. предметов, обладающих этим свойством. В соответствии с этим, в связи с каждым понятием можно рассматривать М. предметов, обладающих тем свойством, к-рое выражается этим понятием; соответствующее ему М. может состоять из любого (конечного) числа предметов;

оно может также быть бесконечным; оно может быть и пустым, т. е. вовсе не содержать элементов — так, в частности, бывает тогда, когда рассматриваемое понятие логически противоречиво (напр., М. всех круглых квадратов пусто, т. к. никакой квадрат не может быть круглым). М. может оказаться пустым и в том случае, когда соответствующее понятие непротиворечиво (т. е. когда мыслимы предметы, обладающие выражаемым им свойством); напр., до полета В. Николаевой-Терешковой в космос пустым было понятие «женщина-космонавт». Если понятие, в связи с к-рым образуется М., имеет в виду конкретный предмет, — таковы, напр., понятия, выражаемые собственными именами, — то М. состоит ровно из одного элемента. При этом М., состоящее из одного элемента, следует отличать от самого этого элемента. Напр., космонавт Валентина Николаева-Терешкова имеется только одна и поэтому М. всех космонавтов по имени Валентина Николаева-Терешкова состоит лишь из одного элемента и это М. следует отличать от самой Валентины Николаевой-Терешковой. Но и М., построенное в связи с общим (по крайней мере по форме) понятием, может состоять ровно из одного элемента; напр., М. всех женщин-космонавтов, известных на 4 июня 1963. В связи с рассмотрением М., состоящих лишь из одного элемента, могут возникать определенные трудности. Напр., М. центров тяжести Земли должно, согласно принципам механики и геометрии, состоять ровно из одной точки, однако благодаря непрерывным перемещениям тел на поверхности и в недрах Земли такая точка является лишь воображаемой реальностью.

Элементы М. могут быть отвлеченными объектами, в их обозначение могут входить неопредел. имена (т. е. языковые выражения в таком их употреблении, к-рое соответствует употреблению существительных с неопредел. артиклем в нем. и англ. языках), или т. н. п а р а м е т р ы. Так постоянно бывает, когда в рассмотрение вводятся множества точек, чисел и др. математич. объектов, к-рые при этом рассматриваются как неопределенные.

Понятие М. играет центр. роль в совр. классич. математике, т. к. к нему сводятся понятия действит. числа, функции, пространства и др. важнейшие понятия; оно крайне важно также и для логики. В т. н. чистой теории множеств рассматриваются М., элементами к-рых являются, в свою очередь, М. Это — характерная черта *множеств теории*. Основатель этой теории Кантор рассматривал понятие М. как результат двойной абстракции (отвлечения): от природы элементов М. и от порядка, в к-ром их естественно рассматривать. Первая из этих абстракций проводится последовательно лишь в отношении элементов, не являющихся М. Если элементами М. служат М., в теории множеств не отвлекаются от природы элементов. Часто рассматривают и упорядоченные М. (см. Порядок отношение), причем, с помощью понятия упорядоченной пары, их иногда сводят к М. в уже рассмотренном смысле, рассматривая такие, напр., М., как М. упорядоченных пар (обозначенных, напр., выражениями вида $\langle r, s \rangle$, где r и s — элементы данного упорядоченного М. и r предшествует s в рассматриваемом для этого М. порядке).

Конечные М. часто задаются перечнем их элементов (т. е. списком их названий). Это невозможно в случае бесконечных М., к-рые можно задать только указанием тех свойств, к-рыми обладают их элементы.

Рассматривая к.-л. область предметов (термин «область» является синонимом слова «М.»), можно без колебаний ввести в рассмотрение любые М. элементов этой области, т. е. М. всех ее элементов, обладающих к.-л. свойством, — но это лишь в предположении, что сам факт образования этого М. не меняет ни перво-

начальной области, ни рассматриваемого свойства. Это, казалось бы, ясно требовало бы приходиться нарушать при попытках обоснования канторовской теории М. обычными средствами. Дело в том, что «свойства», рассматриваемые в этой теории, являясь свойствами М., и в их формулировку постожно входят выражения «для всех М.», «для нек-рых М.» — и смысл этих выражений может измениться при построении нового, ранее не существовавшего М. Если М. вводится свойством этого рода, то говорят, что оно введено посредством *непредикативного* определения. Внимательное рассмотрение простейших построений классич. теории М. показывает, что эти построения либо просто основаны на таких допущениях, к-рые влекут за собой возможность этих построений (и в таком случае сами эти построения не могут служить для обоснования этих допущений, т. к. это значило бы *круг в доказательстве*), либо на *непредикативных* определениях, представляющих собой разновидность порочного круга в определениях. В использовании *непредикативных* определений можно видеть осн. причину возникновения *парадоксов* теории М. К таким парадоксам приводит, напр., рассмотрение М. всех М. (парадокс Кантора) или М. всех М., не являющихся своими собств. элементами (парадокс Рассела). Трудности, связанные с *непредикативными* определениями, являются одной из причин постановки острых проблем логич. оснований теории М., поскольку важнейшие построения этой теории используют конструкции, обоснование к-рых включает *непредикативные* определения (или к.-л. др. вызывающие сомнения предположения). К числу таких конструкций относится, напр., построение объединения всех элементов нек-рого множества М., а на этом построении основаны доказательства *мн. осн. теорем* математич. анализа. Поэтому, с одной стороны, предпринимаются усилия по построению теории М., не использующей конструкций этого рода, — т. н. *предикативная математика* (Г. Вейль, *Лоренцен*), в к-рой *мн. классич. теоремы* верны лишь с нек-рыми ограничениями, — с др. стороны, приобретает особую остроту проблема доказательства *непротиворечивости* различных вариантов аксиоматич. теории М., пригодных для построения на их основе классич. математики.

МОБИДАН (1-я пол. 5 в.) — религ.-филос. мыслитель Грузии, представитель *манхейства*.

Лит.: Н у ц у б и д з е Ш. И., История груз. философии, Тб., 1960; Х и д а ш е л и Ш. В., Основные мировоззренческие направления в феодальной Грузии (IV—XIII вв.), Тб., 1962.

МОВЄС ХОРЕНАЦІ (Моисей Хоренский; 5—6 вв.) — арм. историк и мыслитель, представитель «школы переводчиков», основатель *Месропом Маштоцем*, идеолог феодализма. В своем осн. труде «История Армении» (481—484, пер. с древнеарм., 1893, нов. изд. 1961) впервые представил историю арм. народа с легендарных времен до 5 в. Ему принадлежат фрагменты в «Книге хрий» — памятнике эстетич. мысли, переведенной им с греч. языка, а также арм. перевод «Повести об Александре Македонском» Псевдо-Каллисфена.

Для эстетич. воззрений М. Х. характерны требование правдивого отображения жизни и выдвижение на первый план воспитат. роли иск-ва. Отступление от жизненной правды ведет к выхолащиванию иск-ва. Эти передовые принципы сыграли положит. роль в развитии ср.-век. арм. эстетич. мысли, иск-ва и лит-ры.

Лит.: А б е г я н М., История древнеарм. лит., т. 1, Ер., 1948; А д а м я н А. А., Эстетич. воззрения средневековой Армении, Ер., 1955; Ч а л о я н В. К., История арм. философии, Ер., 1959. С. *Арешатян*. Ереван.

МОДАЛЬНАЯ ЛОГИКА — область логики, в к-рой изучаются логич. операции, называемые *модальными* (и выражаемые словами «возможно»,

«невозможно», «необходимо» и т. п.), разрабатываются исчисления, формализующие модальности, а также исследуются свойства этих исчислений.

В обычной речи слова «возможно», «невозможно», «необходимо» и т. п. употребляются в различных значениях: 1) В предложениях типа (а): «Львы, возможно, живут на Аляске» [или в др. форме (а'): «Возможно, что львы живут на Аляске»] или (б): «Этот камень необходимо черный или не черный» [(б'): «Необходимо, что этот камень черный или не черный»] модальности понимаются в смысле т. н. логической возможности, необходимости и т. н. Логич. возможность при этом означает отсутствие логич. противоречия (примером логически противоречивого высказывания будет, напр., высказывание «Возможно, что этот стол белый и не белый»), а логич. необходимость служит для выражения законов логики [в примере (б) необходимость вытекает из закона исключенного третьего]. 2) В предложениях вида (в): «На Марсе возможна жизнь» [(в'): «Возможно, что на Марсе есть жизнь»] или (г): «При температуре 0°С лед необходимо плавится» [(г'): «Необходимо, что при температуре 0°С лед плавится»] модальности понимаются как *каузальная* возможность, необходимость и т. д. Предложения с каузальными модальностями выражают *вспелогич. законы* — основанные на причинных отношениях действительности законы природы, общества и т. д. В логике обычно предполагают, что всякое высказывание, содержащее каузальную возможность, также и логически возможно, а всякое высказывание, содержащее логич. необходимость, также и каузально необходимо, но не наоборот. Так, высказывание (а) истинно, если возможность рассматривать как логическую, и ложно, если ее рассматривать как каузальную. Высказывание (г) истинно, если необходимость рассматривать как каузальную, и ложно, если ее считать логической. 3) В предложениях вида «Возможно, что завтра пойдет дождь» или «Он обязательно придет сегодня вечером» модальности выражают *сомнение* или *уверенность* в наступлении события. 4) В высказываниях «Осужденный может подать кассационную жалобу» или «На суде свидетель должен говорить только правду» модальности понимаются как *возможность* или *необходимость* к.-л. действий или поступков людей, диктуемые (юридич.) законами, нормами морали, правилами игры или др. обстоятельствами.

Приведенные выше предложения были примерами предложений с т. н. *абсолютными* модальностями. Кроме них, в обычной речи употребляются предложения вида «Прямоугольник необходимо является квадратом, если все его стороны равны». Модальности, употребляемые в такого рода предложениях, наз. *относительными*. *Мн. модальности*, рассматриваемые обычно как абсолютные, при более тщательном анализе оказываются *относительными*, ибо в высказываниях с такими модальностями неявно подразумеваются нек-рые необходимые условия. Так, в высказывании «Вода необходимо кипит при 100°С» подразумевается в качестве необходимого условия то, что атмосферное давление равно 760 мм ртутного столба.

При изучении в логике модальных высказываний модальности (иначе называемые *модальными* операциями: «возможно», «невозможно», «необходимо» и др.) рассматривают обычно относящимися: (I) либо к высказываниям в целом, (II) либо к свойствам (вообще, к предикатам), (III) либо к словам, выражающим действия и поступки людей. В случае (I) исследуются высказывания вида: «(Высказывание) Р необходимо», «(Высказывание) Q возможно» и т. п. [см. примеры (а'), (б'), (в'), (г')], в случае (II) — высказывания вида

«*A* необходимо есть *B*», «*A* возможно больше *C*» и т. п. [см. примеры (а), (б), (в), (г)], в случае (III) — высказывания вида «Действие *M* необходимо» и т. п. Модальности вида (I) — (II) наз. а л е т и ч е с к и м и, а вида (III) — д е о п т и ч е с к и м и. Важной особенностью модальностей вида (I) является то, что к высказываниям, содержащим к.-л. из модальностей этого вида, можно применить эту же или др. модальность того же вида. Так, из высказывания «*P* возможно» можно образовать высказывания «Необходимо, что *P* возможно», «Необходимо, что необходимо, что *P* возможно» и т. д. К модальным высказываниям вида (II) второй модальный оператор того же вида не применим. Это же касается и высказываний с деонтич. модальностями: к высказыванию «Поступок *M* возможен» второй деонтич. модальный оператор применять не имеет смысла. Однако к модальным высказываниям вида (II) и (III) можно применять модальный оператор вида (I).

Кроме выражений «возможно», «невозможно», «необходимо», к модальностям иногда относят выражения «истинно» и «ложно», а также «доказуемо», «недоказуемо», «опровержимо» и т. п. Модальности вида «доказуемо», «опровержимо» и т. п. наз. э п и с т е м о л о г и ч е с к и м и; по своим свойствам они близки к алетич. модальностям, причем «доказуемо» соответствует оператору «необходимо»; «опровержимо» — оператору «невозможно».

Изучение модальностей имеет большое значение в связи с тем, что с одной стороны при формулировке законов (будь то логич. законы или законы природы, общества и т. д.) используется модальность «необходимо», а с другой — в связи с тем, что всякое высказывание о возможности построения нек-рой конструкции (в частности, технической), а также всякое истолкование абстракций в той или иной степени связано с модальностью «возможно». В юриспруденции важную роль играют деонтич. модальности; изучению последних в наст. время начинают уделять все больше внимания (см. *Нормативная логика*).

Первые исследования в области М. л. принадлежат Аристотелю, к-рый наряду с ассерторич. силлогизмами рассматривал также модальные силлогизмы, т. е. силлогизмы, в к-рых хотя бы одна из посылок является модальным высказыванием. Модальные высказывания у Аристотеля имеют вид: «*A* возможно принадлежит *B*», «*A* необходимо принадлежит *B*» и т. д. Модальная силлогистика Аристотеля имеет две след. отличит. черты. Во-первых, в ней модальный оператор относится к свойству (модальность вида II), во-вторых, истинность высказывания «*A* возможно принадлежит *B*» предполагает ложность высказывания «*A* необходимо принадлежит *B*». Такая возможность, противостоящая как невозможности, так и необходимости, в истории философии и логики получила название «двусторонней» возможности. Модальная силлогистика Аристотеля является крайне сложной логической системой как по своему содержанию, так и по числу различных модусов (их, по меньшей мере, 137). Идеи модальной силлогистики Аристотеля не получили дальнейшего развития в древнегреческой логике.

Ученик Аристотеля *Теофраст* изучал модальные высказывания вида «Возможно, что *A* принадлежит *B*», «Необходимо, что *A* принадлежит *B*» и т. п., в к-рых модальный оператор относится ко всему высказыванию [модальность вида (I)], а не к свойству (как у Аристотеля). В отличие от Аристотеля, Теофраст считал, что из высказывания «Необходимо, что *A* принадлежит *B*» следует высказывание «Возможно, что *A* принадлежит *B*». Такая возможность, к-рая включает в себя необходимость как частный случай, наз. «односторонней».

Своеобразный подход к модальностям развил *Диодор Крон*. Он ставил задачей свести модальные высказывания к высказываниям с квантором по времени. Так, «*P* возможно» означает, с его т. зр., «*P* истинно сейчас или *P* будет истинно в нек-рый будущий момент времени»; «*P* необходимо» означает: «*P* истинно сейчас и будет истинно в любой момент в будущем» и т. д. Возможность у Диодора оказывалась односторонней.

В ср. века вопросы М. л. разрабатывались схоластиками, к-рые развили дальше др.-греч. модальную силлогистику. Именно они разделили модальности на модальности *de dicto* («о речи»), относящиеся к высказыванию в целом, и модальности *de re* («о вещи»), относящиеся к свойству. *Оккам* рассматривал, кроме силлогизмов, у к-рых обе посылки содержат модальности *de dicto* (как у Теофраста) или модальности *de re* (как у Аристотеля), также силлогизмы, в к-рых одна посылка содержит модальности *de dicto*, а другая — модальности *de re*. Возможность трактовалась схоластиками преим. как «односторонняя»; «двустороннюю» возможность они называли «случайностью». Иоани из Корнубии (14 в.) считал модальными такие высказывания, как «Истинно, что *P*», «Известно, что *P*» и т. д.

Совр. исследования в области М. л. отличаются прежде всего стремлением представить М. л. как аксиоматич. систему и дать определения модальностей, не зависящие от к.-л. нелогич. факторов. основополагающими в этой области были работы К. И. *Льюиса*, а также *Лукасевича* и *Тарского*. Был предложен ряд определений модальностей и построено неск. аксиоматич. систем М. л., к-рые по своим свойствам оказались близкими друг другу. Системы М. л. рассматриваются обычно как расширения формальнологич. систем математич. логики — таких, как исчисления высказываний и предикатов; при этом в большинстве работ в основу М. л. кладутся к л а с с и ч е с к и е (в смысле: отличные от конструктивных и интуиционистских, см. *Конструктивная логика*) системы логики. В совр. системах М. л. модальные операторы применяются обычно в смысле *de dicto*, т. к. это дает возможность повторно применять модальный оператор к выражению, содержащему модальность. Льюис построил шесть систем М. л. (названных им *S1*, *S2*, *S3*, *S4*, *S5* и *S6*). По Льюису, высказывание «*P* возможно» будет истинно (в к.-л. из систем *S1—S6*), если допущение *P* не приводит к появлению противоречия в этой системе. *Карнап* определил модальности через понятие описания состояния (о понятии «описание состояния» см. *Логическая истинность*); по Карнапу высказывание «*P* возможно» истинно, если *P* выполняется хотя бы в одном описании состояния; высказывание «*P* необходимо» истинно, если *P* выполняется во всех описаниях состояния («во всех возможных мирах» по Лейбницу); высказывание «*P* невозможно» истинно, если *P* не выполняется ни в одном описании состояния. *Кёрри* рассматривает неск. (в простейшем случае — две) формальных систем, в какой-то мере близких друг другу; по Кёрри высказывания «*P* необходимо», «*P* возможно» и «*P* невозможно», соответственно, истинны, если *P* доказуемо во всех или в нек-рых или не доказуемо ни в одной из этих формальных систем. Здесь различные формальные системы соответствуют различным описаниям состояния у Карнапа. Согласно Дж. Мак-Кинси, высказывание «*P* возможно» истинно, если *P* получается из истинного высказывания *Q* заменой в нем к.-л. нелогич. постоянной на др. нелогич. постоянную. Так, высказывание «Возможно, что львы живут на Аляске» истинно, ибо высказывание «Львы живут на Аляске» получается из истинного высказывания «Львы живут в Африке» заменой нелогич. постоянной «Африка» на нелогич. постоянную «Аляска». Хотя Мак-Кинси считает

это определение чисто синтаксическим, в нем используются понятия логич. и нелогич. постоянной (см. *Константа*), относящиеся к области семантики.

Если к высказыванию (напр., P) применить к.-л. оператор модальности (напр., возможность, обозначаемую обычно через \diamond), то к полученному высказыванию (напр., $\diamond P$) можно применить все операции *логики высказываний*, а также модальные операторы; так получают высказывания: $\diamond P$, $\diamond \neg P$, $\neg \diamond P$, $\square(P \vee \neg \diamond Q)$ и т. д. (здесь \square — знак оператора «необходимо»). Нек-рые из этих высказываний будут эквивалентны друг другу; напр., в большинстве систем М. л. высказывания $\diamond P$ и $\neg \square \neg P$ эквивалентны. Число неэквивалентных модальностей различно в различных системах М. л.: в системе $S2$ Льюиса оно бесконечно, а в системе $S5$ Льюиса — конечно.

Обычно в аксиоматич. системах М. л. нек-рая модальность рассматривается в качестве первоначальной, не выражающейся через др. операции системы; чаще всего для этого используется возможность, реже необходимость; др. модальности выражаются через первонач. модальность. Если в качестве таковой взять возможность, то « P невозможно» выразится как $\neg \diamond P$, « P необходимо» — как $\neg \diamond \neg P$ (т. е. «Невозможно отрицание высказывания P ») и т. д. Если же в качестве первоначальной модальности взять необходимость, то « P невозможно» выразится как $\square \neg P$, « P возможно» — как $\neg \square \neg P$ (т. е. «Отрицание P не необходимо») и т. д.

В качестве примера систем М. л. приведем систему Льюиса $S3$. Знаками системы являются пропозициональные переменные p, q, r, \dots и знаки логич. операций: $\&$ (конъюнкция), \neg (отрицание), \diamond (возможность). С помощью этих операций определяются операции \rightarrow (строгая импликация) и \vee (дизъюнкция) следующим образом: $p \vee q \equiv \neg(\neg p \& \neg q)$; $p \rightarrow q \equiv \neg \diamond(p \& \neg q)$ [, \equiv «есть знак эквивалентности»]. Аксиомы системы:

1. $(p \& q) \rightarrow (q \& p)$; 2. $(q \& p) \rightarrow p$;
3. $p \rightarrow (p \& q)$; 4. $(p \& (q \& r)) \rightarrow (q \& (p \& r))$;
5. $p \rightarrow \neg(\neg p)$; 6. $((p \rightarrow q) \& (q \rightarrow r)) \rightarrow (p \rightarrow r)$;
7. $\neg \diamond p \rightarrow \neg p$; 8. $(p \rightarrow q) \rightarrow (\neg \diamond q \rightarrow \neg \diamond p)$.

Правила вывода: I. Из формул p и $p \rightarrow q$ выводится формула q (правило *modus ponens* для строгой импликации Льюиса). II. На место всех вхождений пропозициональной переменной в нек-рую формулу можно подставить одну и ту же формулу (правило подстановки). III. Пусть формула Q есть часть формулы P ; формула P' , полученная из формулы P заменой формулы Q в нек-ром ее вхождении в формулу P на нек-рую др. формулу Q' , такую, что $Q \equiv Q'$, будет эквивалентна формуле P (правило замены эквивалентным).

В отношении формальнологич. свойств существует (правда, не совсем полная) аналогия между возможностью и квантором существования, а также между необходимостью и квантором общности. В связи с этим многим истинным формулам М. л. можно поставить в соответствие определенные истинные формулы исчисления предикатов. Есть, однако, нек-рые формулы М. л., аналоги к-рых в исчислении предикатов неверны. Так, формула $\neg \diamond \neg P \rightarrow \diamond P$ в М. л. истинна, тогда как соответствующая ей формула исчисления предикатов $\forall x A(x) \supset \exists x A(x)$ истинна лишь для непустой предметной области. Кроме того, если к модальным высказываниям можно повторно применять модальные операторы, то к формуле с квантором вторично применять квантор по той же переменной не имеет смысла. Вследствие указанной аналогии возникает вопрос о возможности сочетания модальностей с кванторами. Одни логики (*Куйн*, Г. Г. Райт) считают это сочетание нецелесообразным, тогда как

др. логики, напр. Карнап, считают такое сочетание полезным. Амер. логик Баркан построила пример исчисления предикатов первой ступени, основанное на одной из систем Льюиса.

В системе М. л. Льюиса и в ряде др. систем с помощью модальности определяется строгая импликация. С др. стороны, Кёрри предложил рассматривать в качестве осн. операции М. л. именно строгую импликацию, а модальности выражать через нее. Эта идея получила развитие в исчислении строгой импликации Аккермана, где модальности выражаются через строгую импликацию и нек-рое постоянное высказывание (аналог лжи). По Аккерману, « P возможно» определяется как $\neg(P \rightarrow \wedge)$, « P необходимо» — как $\neg(P \rightarrow \wedge)$ и т. д. (\rightarrow — знак строгой импликации Аккермана). Модальности у Аккермана по своим свойствам значительно отличаются от модальностей у Льюиса. В то время как у Льюиса из невозможного высказывания следует любое высказывание и необходимое высказывание следует из любого высказывания, в исчислении Аккермана это не имеет места.

М. л. тесно связана с *многозначной логикой*. Простейшей системой М. л. является система трехзначной логики, в к-рой третье значение истинности (кроме значений «истинно» и «ложно») истолковывается как «возможно». Однако большинство систем М. л., в т. ч. все системы Льюиса, являются счетно-бесконечнозначными. Это обстоятельство сближает многие системы М. л. с *вероятностной логикой*. Эта близость подтверждается и тем, что М. л. можно использовать для построения теории правдоподобных выводов в духе Поппа (см. Д. Поппа, *Математика и правдоподобные рассуждения*, 1957).

По отношению к системам М. л. возникают обычные металогич. проблемы: *разрешения проблема*, *проблема полноты* и др. Для конечнозначных систем М. л. проблема разрешения решается тривиально; для систем Льюиса эта проблема также решена с помощью алгебраич. методов. Амер. логик Крипке доказал, что в исчислении одноместных предикатов, к к-рому добавлены модальные операторы, проблема разрешения неразрешима. Этот результат очень важен, т. к. он указывает на существ. отличие М. л. от обычных логич. систем. Доказана также семантич. неполнота исчислений Льюиса в том смысле, что в них выводится не всякая истинная формула.

Из др. результатов в области М. л. следует отметить построение исчислений, формализующих относит. модальности, а также попытки формализации каузальных модальностей. Бёркс в исчислении *каузальной импликации* выразил каузальную возможность, невозможность и необходимость. Однако каузальные модальности Бёркса не полностью соответствуют каузальным модальностям, употребляемым в обычной речи. Др. подход к изучению каузальных модальностей состоит в рассмотрении *номологических высказываний* (Рейхенбах) и *контрфактических предложений* (Гудмен).

Лит.: Карнап Р., *Значение и необходимость*, пер. [с англ.], М., 1959; Лукасевич Я., *Аристотелевская силлогистика с точки зрения совр. формальной логики*, пер. с англ., М., 1959, гл. 6—8; Huntington E., *The mathematical structure of Lewis' theory of strict implication*, «Fundamenta Math.», 1935, v. 25; McKinsey J. C. C., *Proof that there are infinitely many modalities in Lewis' system S2*, «J. Symbolic Logic», 1940, v. 5, № 3; егo же, *On the syntactical construction of system of modal logic*, там же, 1945, v. 10, № 2; Carnap R., *Modalities and quantification*, там же, 1946, v. 11, № 2; Barcan R. C., *The deduction theorem in a functional calculus of first order based on a strict implication*, там же, 1946, v. 11, № 4; егo же, *Strict implication, deducibility and the deduction theorem*, там же, 1953, v. 18, № 3; Halden S., *On the semantic non-completeness of certain Lewis Calculi*, там же, 1951, v. 16, № 2; Rasiowa H., *Algebraic treatment of the functional calculi of Heyting and Lewis*, «Fundamenta Math.», 1951, v. 38; Wright G. H. von, *An essay in modal logic*, Amst., 1951; егo же, *Deontic logic*, «Mind», 1951,

v. 60, № 237; его же, A new system of modal logic, Actes du XI Congrès international de philosophie, v. 5, Logique analyse philosophique. Philosophie des mathématiques, Amst., 1953; Davis C., Modal operators, equivalence relations and projective algebras, «Amer. J. Math.», 1954, v. 76, № 4; Goodman N., Fact, fiction and forecast, L., 1954; Bocheński J. M., Formale Logik, Freiburg—Münch., 1956, § 15, 17, 19, 29, 33, 49; Kubinski T., On a method of constructing modal logics, «Studia Logica», 1956, № 4; Prior A. N., Modality and quantification in S5, «J. Symbolic Logic», 1956, v. 21, № 1; Anderson A. R., Independent axiom schemata for von Wright's M., там же, 1957, v. 22, № 3; Curry H. B., A theory of formal deducibility, Notre Dame (Ind.), 1957, ch. 5; Kanger S., On the characterization of modalities, «Theoria», 1957, v. 23, № 3; Prior A. N., Diodorus and modal logic, «Philos. Quarterly», 1958, v. 8, № 32; Anderson A. R., The logic of norms, «Logique et Analyse», nouvelle série, 1958, № 2; Крипке С., A completeness theorem in modal logic, «J. Symbolic Logic», 1959, v. 24, № 1; его же, The undecidability of monadic modal quantification theory, «Z. Math. Logik und Grundlagen Math.», 1962, Bd 8, H. 2.

См. также лит. при ст. Импликация.

В. Донченко. Москва.

МОДАЛЬНОСТЬ (от лат. modus — мера; способ, через позднелат. modalis — модальный) — понятие философии, логики и науки о языке. В домарксистской философии под М. (модальностями) обычно понимался способ (способы), каким нечто существует или происходит (онтологическая М.), или мыслится (гносеологическая и логическая М., М. суждений); при этом к онтологич. М. относились возможность или невозможность (бытия ч.-л.), действительность (фактич. наличие вещей или явлений), необходимость или случайность (нек-рых процессов, явлений) и др., а к логическим М. (в одном из распространенных толкований) — понятия об онтологич. М. (т. н. модальные понятия) [или, соответственно, языковые образования, выражающие онтологич. М., — модальные выражения «необходимо», «возможно», «невозможно» и т. п.], употребление к-рых в суждениях (высказываниях) приводит к различию последних по их «познавательной силе» (модальные высказывания, т. е. высказывания о возможном или вероятном, о необходимом, о случайном и т. п.).

Различие суждений по М. проводил уже Аристотель, к-рый разработал особую модальную силлогистику (см. «Аналитики», М., 1959, и «Об истолковании», в «Ж. мин-ва нар. просвещения, 1891, №2); рассмотрение М. было продолжено учениками и комментаторами Аристотеля (в частности, Теофрастом и Эвдемом Родосским). Много внимания уделялось М. — онтологическим и логическим — в схоластич. философии и логике; так, в схоластической логике были сформулированы правила умозаключения от модального суждения большей «познавательной силы» к модальному суждению меньшей «познавательной силы»; от суждения о действительном к (имеющему то же содержание) суждению о возможном (Ab esse ad posse valet consequentia) и от суждения о необходимом к суждению о действительном (Ab oportere ad esse valet consequentia). В традиц. логику 19 в. подразделение суждений по М. вошло гл. обр. в том виде, какой ему придал Кант: в соответствии со своим учением о категориях он разделил все суждения на ассерторические (суждения действительности; от лат. assertio — высказывание), аподиктические [суждения необходимости; от греч. apodeitike (episteme) — наука, служащая доказательству] и проблематические (суждения возможности). По Канту, М. суждения не добавляет ч.-л. к его содержанию: она выражает лишь способ, каким нечто утверждается или отрицается (судящий субъект, высказывая ассерторич. суждение, рассматривает нечто как действительное, высказывая аподиктическое — как необходимое, высказывая проблематическое — как возможное).

С т. зр. диалектич. материализма рассматриваемое в традиц. логике деление суждений по М. на сужде-

ния возможности (*S* возможно есть *P*), действительности (*S* есть *P*) и необходимости (*S* необходимо есть *P*) имеет своей основой различие между объективно возможным, действительным и необходимым. В суждении возможности выражается возможность появления определ. явления. Ассерторич. суждение раскрывает факт (но не необходимость) наличия данного явления. Суждение необходимости выражает мысль о необходимом, закономерном явлении, процессе, отношении; при этом, если выражаемая в суждении необходимость обусловлена законами, установленными в естествознании или в науках об обществе, она наз. физической (причинной) необходимостью; если же основанием ее являются законы логики, то необходимость наз. логической. От суждений возможности (выражающих объективную возможность ч.-л.) следует отличать суждения вероятности (или вероятностные суждения, вероятные суждения; в этом же смысле употребляется часто и термин «проблематическое суждение»), к-рые высказываются с известной степенью предположительности. Суждения вероятности применяются в случае неполной осведомленности о тех или иных обстоятельствах, а также при отсутствии твердого решения по к.-л. вопросу; часто они возникают при рассмотрении науч. вопросов, для определ. ответа на к-рые в наст. время нет необходимых данных (напр., «Планета Венера, вероятно, имеет очень слабое магнитное поле»). Суждения вероятности противопоставляются достоверным суждениям (см. *Достоверность* в логике). Их изучением занимается *вероятностная логика*.

Понятие М. используется также в науке о языке, где оно распространяется на более широкий круг логико-языковых явлений, чем в (традиционной) логике, охватывая не только модальности возможности, действительности и необходимости и не только такие свойства суждений, как вероятность и достоверность, но и разнообразные оттенки отношения высказывающего лица к содержанию своего высказывания (уверенность, сомнение) и к лицам, к-рым высказывание обращено (желательность, просьба, побуждение). Для выражения этих М. в естественном языке используются разнообразные средства (употребление специальных модальных слов и частиц, грамматическая конструкция выражений, интонация и пр.).

В наст. время изучение разнообразных логич. и лингвистич. М. все больше входит в круг исследований математич. логики, логич. семантики и лингвистики математической (см. *Модальная логика*, *Диспозиционный предикат*, *Номологические высказывания*). В марксистской философии онтологич. М. и их отношения к логич. М. рассматриваются при анализе соответствующих категорий.

Лит.: Асмус В. Ф., Логика, [М.], 1947, с. 87—91; Строгович М. С., Логика, [М.], 1949, с. 169—72; Бахрадзе К., Логика, Тб., 1951, с. 216—20; Горский Д. П., Логика, М., 1954, с. 52—55; Логика, М., 1956, с. 100—103; Лукасевич Я., Аристотелевская силлогистика с точки зрения совр. формальной логики, пер. с англ., М., 1959, гл. 6—8; Modalität. Wörterbuch der philosophischen Begriffe, von R. Eisler, Bd 2, В., 1929, S. 157—59.

См. также лит. при ст. *Модальная логика*.

Б. Бирюков. Москва.

МОДЕЛИРОВАНИЕ — исследование объектов познания на их *моделях*; построение (и анализ, изучение) моделей объектов (систем, конструкций, процессов и т. п.). Предметом М. могут быть как конкретные, так и абстрактные объекты, как реально существующие системы, так и системы, лишь подлежащие конструированию (для определения характеристик и рациональных способов конструирования к-рых и применяется М.). В отличие от понятия модели, допускающего — при всем разнообразии смысла, в к-рых употребляется термин «модель», — достаточно строгое (и даже

вполне формальное) определение в логико-математич. терминах, понятие М. (в описанном выше смысле) имеет исключительно содержат. характер, т. к. является гносеологич. категорией, характеризующей один из важнейших путей (приемов, способов, методов) человек. познания вообще. Термин «М.» (и связанные с ним термины «принцип М.», «метод М.», «метод моделей»; обороты речи, подобные следующим: «применение принципа М.», «использование метода моделей» и т. п.) охватывает широкую и разнообразную совокупность познават. приемов; при этом многозначность термина «модель» (см. *Модель*), сложившаяся в науке, технике и гносеологии, сказывается и на употреблении термина «М.», затрудняя проведение к.-л. жесткой классификации видов М. Однако все познават. приемы, охватываемые понятием М. в его различных смыслах, имеют то общее, что основаны на переносе знания, извлеченного из построения и анализа модели, на моделируемый объект («оригинал»). Этот перенос находит свое оправдание в том, что модель отображает (воспроизводит или, как говорят, моделирует) определ. свойства изучаемого объекта; при этом указанное отображение основано, явно или неявно, на точных понятиях *изоморфизма* и *гомоморфизма*.

Виды моделирования. В зависимости от характера моделей говорят о предметном М., о физич. М., о (предметно-)математич. М., о М. на электронных цифровых машинах (ЭЦМ), о знаковом М. и т. д. Предметное М. означает исследование объекта на модели, воспроизводящей — часто с применением тех же материалов, из к-рых построен моделируемый объект, — осн. геометрич., физич., динамич. и функциональные (т. е. относящиеся к функционированию) характеристики объекта. В простейшем случае предметного М. имеют дело с т. н. макетом объекта, в наглядной форме и обычно в уменьшенном размере передающим пространственные свойства объекта, его внешний вид, соотношение и взаимосвязь частей (макеты, используемые как пособия в музеях, в учебных заведениях и т. п.). В отличие от макетирования, предметное М. (в собственном смысле слова), преследующее цель воспроизведения прежде всего физич. процессов, происходящих в оригинале, наз. физич. М. (этот вид М. не следует смешивать с теоретич. М. в физич. науке, см. ниже). Физич. М. широко применяется в науке и технике; оно используется как способ разработки и экспериментального изучения на моделях свойств строит. конструкций (зданий, сооружений), разнообразных механизмов, самолетов, судов, тепловых установок и пр. Важнейшими вопросами физич. М. являются вопросы о том, как строить физич. модели и как по результатам их исследования (в частности, экспериментального) судить о явлениях, происходящих (или могущих произойти) в т. н. «натурных условиях». Ответы на эти вопросы наука получает, используя теорию размерности физич. величин и теорию подобия.

От физич. М. следует отличать т. н. (предметно-)математич. М. — исследование физич. процесса путем опытного изучения к.-л. явления иной физич. природы, но описываемого теми же математич. соотношениями, что и моделируемый процесс. Напр., механич. и электр. колебания относятся к различным формам движения материи, но они могут быть описаны одними и теми же дифференц. уравнениями; поэтому с помощью механич. колебаний можно моделировать электр. колебания [такое М. будет примером т. н. механич. М., г. е. М. с помощью процессов, описываемых в (классич.) механике] и наоборот. В последнем случае мы имеем пример электр. М. (Предметно-)математич. М. широко применяется для замены изучения одних явлений изучением др. явлений, более удобных для лабораторного исследования, в частности потому, что они допускают измерение неизвестных величин.

Особенно важным при этом является электр. М., позволяющее на электр. моделях изучать механические, тепловые, гидродинамические, акустические и иные явления. Электр. М. лежит в основе работы вычислит. машин непрерывного действия — т. н. аналоговых, или моделирующих машин (напр., дифференциального анализатора, электр. интегратора и др.). В то время как аналоговые машины по своим функциям подобны конкретным (моделируемым) процессам (универсальные), электронные цифровые машины (ЭЦМ), М. на к-рых приобретает все большее методологич. и практич. значение, можно уподобить чистым тетрадам, страницы к-рых можно заполнить, в принципе, описанием любого процесса в виде его программы, т. е. закодированной на «машинном языке» (см. *Кодирование*) системы предписаний, следуя к-рым машина может «воспроизвести» ход моделируемого процесса. Моделью к.-л. процесса или явления при таком «машинном М.» можно, очевидно, с равным основанием называть как программу этого процесса (явления), так и самую ЭЦМ, после введения в нее этой программы. Иначе говоря, универсальность ЭЦМ — явление того же порядка, что «универсальность» нашего мышления и языка, — в том смысле, что средствами последних мы отображаем (и тем самым «моделируем») любое явление вселенного мира.

М. на (универсальных) цифровых машинах можно рассматривать как технич. реализацию определенной формы т. н. знакового М., характерная черта к-рого состоит в том, что моделями в этом случае являются либо плоские фигуры (схемы, графики, т. н. «деревья» формул, графы и т. п.), либо строчки знаков, пазываемых обычно буквами, составляющие слова в определенном алфавите (значительно реже в качестве знаковых моделей используются трехмерные объекты); при этом и те, и другие, во-первых, рассматриваются вместе с определ. операциями (преобразованиями) над ними или их элементами, к-рые выполняет человек или машина, и, во-вторых, определ. образом истолковываются в терминах той предметной области, к к-рой относится моделируемый процесс или объект. Поскольку оперирование со знаками при знаковом М. всегда связано, в той или иной степени, с п о и м а н и е м знаков и операций над ними (что выражается в осознании их смысла и значения) и поскольку реальное воспроизведение и преобразование знаков может заменяться мысленно-наглядным представлением знаков и операций, постольку знаковое М. можно назвать мысленным М.

Знаковое М., осуществляемое математич. или логич. средствами, наз. иногда расчетным М. или соответственно математическим (абстрактно-математическим) и логическим (абстрактно-логическим). Если в случае предметного М. новое знание получается в результате экспериментального исследования модели, то в случае математич. М. опытное исследование заменяется логич. анализом и новое знание получается дедукцией из исходного описания модели.

Значение моделирования в познании. В наст. время роль М. значительно возросла в связи с развитием кибернетики и совр. вычислит. техники. Кибернетика сильно расширила область явлений, к-рые оказались возможным моделировать (явления, происходящие в живой природе, в сфере экономики и языкового общения, в процессах обучения и т. д.). Одной из интереснейших задач кибернетич. М., т. е. М., осуществляемого в рамках идей и теорий кибернетики или (и) с помощью ее технич. средств, является, напр., задача М. различных форм умственной деятельности; последнему не следует ставить заранее к.-л. пределы, ибо прогресс в области М. интеллектуального труда имеет громадное социальное значение, представляя в распорядке человечества могущественные средства умножения его материальных и духовных сил (см.

Логические машины). Это не исключает, конечно, того факта, что при любом М. интеллектуальной деятельности сохраняется различие между моделью и оригиналом.

М. тесно связано с экспериментом. Изучение к.-л. явления на его модели при предметном и (предметно-) математич. М., при М. на ЭЦМ представляет собой особый вид эксперимента — т. н. модельный эксперимент, специфика к-рого по сравнению с обычным экспериментом состоит в том, что в процесс познания включается промежуточное звено — модель, выступающая, с одной стороны, как средство, а с др. стороны — как предмет экспериментального исследования, заменяющий «подлинный» объект изучения. Благодаря этому возможности экспериментального исследования значительно расширяются, т. к. на моделях можно воспроизводить и изучать многие объекты, прямой эксперимент над к-рыми затруднителен, экономически невыгоден или вообще невозможен из-за их большой сложности, значительных или исключительно малых размеров, чрезвычайно большой длительности или же, наоборот, чрезвычайно кратковременности их существования (сложные промышленные комплексы, биологич. явления, социальные процессы, явления микромира, процессы, происходящие на звездах и в галактиках, и т. п.); важнейшее значение приобретает модельный эксперимент тогда, когда объектом изучения являются те стороны явления, к-рые физически не могут быть отделены от него самого.

Своеобразной формой оперирования со знаковыми моделями становится т. н. мысленное экспериментирование, основанное на введении в рассмотрение идеализированных абстрактных объектов (см. *Идеализация*). Мысленное экспериментирование над знаковыми моделями имеет большое познават. значение, особенно в тех случаях, когда нельзя провести реальный эксперимент или применить предметное или предметно-математич. М. (напр., мысленные эксперименты с инерциальной системой в механике и т. п.). Для мысленного эксперимента, совершаемого над «воображаемой» (заданной в к.-л. знаковой форме) моделью, характерно тесное взаимодействие теоретич. мышления и воображения.

М. неразрывно связано с процессами абстрагирования и идеализации, посредством к-рых происходит выделение тех сторон моделируемых объектов, к-рые отображаются на модели. При этом специфика М. состоит в том, что анализ, абстрагирование и идеализация происходят или с помощью операций над чувственно-воспринимаемыми реальными объектами, в частности над знаками, или же с помощью наглядных образов, полученных из непосредственного созерцания этих объектов и практич. действий с ними. Т. о., М. удовлетворяет, — в форме, приемлемой для науки, — потребность в наглядности, связанную с чувственным, опытно-практич. происхождением знания. М. используется также как средство воспроизведения сложного объекта или структуры в виде единого целого, что особенно важно, если в опыте (на практике) мы имеем дело лишь с нек-рой его частью. Эта функция «глобализации» может реализоваться, напр., в форме создания зрительн. картины, объекта, его схемы и т. п. или путем построения знаковой системы, позволяющей наглядно представить и сделать обозримыми связи и отношения, характеризующие объект как целое.

Будучи связанным с процессами анализа, абстрагирования и идеализации М. позволяет вместе с тем решать противоположные задачи синтеза и конкретизации знания, что обычно осуществляется посредством уточнения и дополнения исходной модели новыми элементами, свойствами и характеристиками, в результате чего конкретизированная модель становится более

полным и точным отображением моделируемого фрагмента действительности. Следует, однако, иметь в виду, что на пути конкретизации моделей могут возникать принципиальные трудности, связанные с ограниченностью средств М.; примером может служить ограниченность возможностей М. процессов микромира «классическими» (т. е. относящимися к классич. механике, макроскопическими) средствами. В качестве выхода из такого положения иногда используются модели, дополняющие друг друга, — как это имеет место в квантовой механике, где модели изучаемых в ней явлений иногда даже в нек-ром смысле противоречат друг другу (напр., для моделирования свойств атомных объектов используются корпускулярная и т. н. «волновая» модели, исключаящие и вместе с тем дополняющие друг друга).

М. является важным элементом в процессах выдвижения и проверки гипотез, т. к. на моделях, в частности при М. на электронных цифровых машинах, оказывается возможным представлять процессы и связи, лежащие, согласно предположению, в основе той или иной группы наблюдаемых явлений. Здесь проявляется важная эвристич. роль М., к-рое способно подсказывать новые идеи, вести к открытию неизвестных явлений и закономерностей. Даже если модель оказывается неудачной, т. е. не позволяет непосредственно выявить интересующие исследователя закономерности и предсказать новые факты, проведенный теоретич. анализ и эксперименты во мн. случаях помогают найти новые пути развития теории и построить более совершенные модели. М. часто служит средством построения теории нек-рой области явлений на основе аналогии с др. областью, для к-рой теория была разработана ранее. Оно также позволяет объединять теории, обобщать их, распространяя на новые области явлений, и т. д. Кроме того, связанная обычно с М. возможность дать объяснение явлениям в наглядной форме — часто по аналогии с хорошо известными процессами — обуславливает педагогич. значение моделей и М. (модели как средство демонстрации при обучении).

Всякая науч. теория имеет неск. аспектов: статический (совокупность выраженных в ней знаний), индуктивно-динамический (обогащение теории новыми положениями, полученными в результате непосредств. изучения действительности, в частности основывающегося и на данной теории) и дедуктивно-динамический (обогащение теории положениями, получающимися в результате ее дедуктивного развития). Несколько расширяя понятие М., можно сказать, что теория в этом последнем аспекте выступает как логич. модель отражаемого в ней фрагмента действительности. Возможность функционирования науч. теории в качестве логич. модели в принципе справедлива для любой теории, но нетривиальным логич. М. становится лишь на сравнительно высокой ступени развития науки, когда в ней используются абстрактно-математич. построения. При этом часто происходит то, что можно назвать «оборачиванием результата»: процесс начинается не с создания теории, к-рая затем может быть использована в качестве модели, а с разработки нек-рой абстрактно-математич. модели, к-рая затем, путем соответствующей интерпретации, приобретает предметное содержание и становится теорией (таков, напр., был путь создания квантовой механики).

Ни одна модель не может выразить всех свойств и отношений моделируемого фрагмента действительности. Всякая модель характеризует действительность лишь приближенно. Степень этого приближения зависит от вида М., от используемых в нем теоретич. и технич. средств. Переход от одних моделей к другим, более глубоко воспроизводящим особенности модели-

руемых явлений, а также сочетание различных видов М., позволяет все более полно и глубоко характеризовать действительность. В этом — важное гносеологич. значение М. Однако М. следует рассматривать не только как одно из средств отображения объективного мира, но еще и как объективный практич. критерий истинности нашего знания о мире, по-новому освещающей связь науч. теории с науч. практикой и в то же время наглядно демонстрирующей справедливость диалектико-материалистич. тезиса о том, что «...живая человеческая практика врывается в самое теорию познания...» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 177).

Лит.: Харкевич А. А., Эквивалентные электрич. схемы преобразователей, «Журн. техн. физики», 1945, т. 15, вып. 7; Гутенмахер Л. И., Электрич. модели, М.—Л., 1949; Теория подобия и моделирование, М., 1951; Кириничев М. В., Теория подобия, М., 1953; Седов Л. И., Методы подобия и размерности в механике, 4 изд., М., 1957, гл. 1, § 6, гл. 2, § 6; Эшби У. Р., Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959, ч. 1, гл. 6; Зицовой Е. А. и Ревзин И. И., Логич. модель как средство науч. исследования, «Вопросы философии», 1960, № 1; Китов А. И. и Крилицкий Н. А., Электронные цифровые машины и программирование, 2 изд., М., 1961; Беркли Ф., Символич. логика и разумынные машины, пер. с англ., М., 1961; Фролов И. Т., Гносеологич. проблемы моделирования биологич. систем, «Вопр. философии», 1961, № 2; Маслов П. П., Моделирование в социологии, исследованиях, «Вопр. философии», 1962, № 3; Вальт О., О познавательной функции модельных представлений в совр. физике, «Вестник ЛГУ». Серия экономика, философия, право, 1961, № 5; его же, Познавательное значение модельных представлений в физике, Тарту, 1963; Жданов Ю. А., Моделирование в органич. химии, «Вопр. философии», 1963, № 6; Новик И. Б., Гносеологич. характеристика кибернетич. моделей, «Вопр. философии», 1963, № 8; Штоф В. А., Роль моделей в познании, Л., 1963; Моделирование в биологии, пер. с англ., М., 1963; Клаус Г., Кибернетика и философия, пер. с нем., послесловие Л. В. Вазенова, В. В. Бирюкова и А. Г. Спиркина, М., 1963; Глушков В. М., Гносеологич. природа информационного моделирования, «Вопр. философии», 1963, № 10; Rosenbluth A., Wiener N., The role of models in science, «Philos. Sci.», 1945, v. 12, № 4; Hatten E. H., Language of modern physics, N. Y., 1956; Hagar R., An introduction to the logic of sciences, L., 1960; Kupper A., Model en inzicht, Assen — [Nijmegen], 1959; Proceedings of the Colloquium: The concept and the role of the model in mathematics and natural and social sciences, Utrecht, January 1960, [Dordrecht, 1961]; «Synthese», 1960, v. 12, № 2—3; Strauss G., Modell und Erkenntnis, Jena, 1963.

Л. Вазенов, В. Бирюков, Москва.
В. Штофф, Ленинград.

МОДЕЛЬ (франц. modèle, от лат. modus — образец) — условный образ (изображение, схема, описание и т. п.) к.-л. объекта (или системы объектов). Служит для выражения отношения между человек. знаниями об объектах и этими объектами; понятие М. широко применяется в семантике, логике, математике, физике, химии, кибернетике, лингвистике и др. науках и их (гл. обр. технич.) приложениях в различных, хотя и тесно связанных между собой, смыслах.

Эти различные понимания могут быть извлечены из след. общего определения. Две системы объектов А и В наз. М. друг друга (или моделирующими одна другую), если можно установить такое гомоморфное отображение системы А на нек-рую систему А' и гомоморфное отображение В на нек-рую систему В', что А' и В' между собой изоморфны (см. *Изоморфизм*); данные в этой статье определения следует обобщить, рассматривая отношения не только между элементами, но и — в случае надобности — между подмножествами систем). Определенное т. о. отношение «быть М.» есть рефлексивное, симметричное и транзитивное отношение, т. е. отношение типа эквивалентности (равенства, тождества); ему, в частности (при $A=A'$ и $B=B'$), удовлетворяют любые изоморфные друг другу системы.

Понятие М. в науке обычно связывают с применением т. н. метода моделирования (см. *Моделирование*). В силу вытекающей из определения М. симметричности отношения между к.-л. объектом (системой) и его М. любую из попарно изоморфных систем мы в

принципе с равным основанием можем называть М. другой. Напр., в живописи и скульптуре М. наз. изображаемый объект; сравнивая же между собой к.-л. предмет и его фотографию, мы считаем М. именно фотографию. Какая из двух моделирующих друг друга систем (в смысле данного выше определения) при естеств.-науч. моделировании будет выбрана в качестве объекта исследования, а какая в качестве его М., зависит от встающих перед исследователем конкретных познавательных-практич. задач. Вследствие этого обстоятельства, отраженного и в самой грамматич. структуре термина «моделирование», последний имеет нек-рую субъективную окраску (будучи часто связан с тем, кто «моделирует»). Термин же «М.», лишенный этой окраски, естественнее понимать (а следовательно, и определять) независимо от различных возможных «моделирований». Иначе говоря, если понятие моделирования характеризует выбор средств исследования к.-л. системы, то понятие М. — отношение между существующими (в том или ином смысле) конкретными и (или) абстрактными системами.

Отношение между М. и моделируемой системой зависит от совокупности тех свойств и отношений между объектами рассматриваемых систем, относительно к-рых определяется их изоморфизм и гомоморфизм. Хотя данное выше определение М. настолько широко, что при желании (рассматривая «тривиальный» гомоморфизм каждой системы на множество, состоящее из одного единств. элемента) можно любые две системы считать М. одна другой, такая широта понятия М. никоим образом не затрудняет применения принципа моделирования в науч. исследовании, поскольку интересующие нас свойства и отношения в принципе всегда могут быть фиксированы. Т. о., понятия М. и моделирования, как и понятия изоморфизма и гомоморфизма, всегда определяются относительно не к-рой совокупности предикатов (свойств, отношений).

Хотя отношение «быть М.» симметрично и моделирующие друг друга системы, согласно определению, совершенно равноправны, при употреблении термина «М.» почти всегда все же предполагается (часто неявно) нек-рое «моделирование» [напр., моделирование, применяемое в теоретических исследованиях для построения моделей средствами математич. и логич. символики (т. н. абстрактно-логич. моделирование), или моделирование, заключающееся в воспроизведении изучаемых явлений на специально сконструированных М. в эмпирич. науках (экспериментальное моделирование)]. В зависимости от того, какая из двух сравниваемых систем фиксируется как предмет изучения, а какая в качестве ее М., термин «М.» понимается в двух различных смыслах.

В теоретич. науках (особенно в математике, физике) М. к.-л. системы обычно наз. др. систему, служащую описанием исходной системы на языке данной науки; напр., систему дифференц. ур-ний, описывающих протекание во времени к.-л. физич. процесса, наз. М. этого процесса. Вообще, М. — в этом смысле — к.-л. области явлений наз. науч. теорию, предназначенную для изучения явлений из этой области. Аналогично, в (математической) логике М. к.-л. содержат теории часто наз. формальную систему (*исчисление*), и н е р е т а ц и е й к-рой является эта теория. [Содержательность, о к-рой здесь идет речь, конечно, относительна; так, интерпретацией к.-л. формальной системы может быть и др. формальная система — см. *Интерпретация*; с др. стороны, и М. — в этом понимании — вовсе не обязательно должна быть полностью формализована (составляющие ее объекты могут сами рассматриваться с содержат. т. зр., как имеющие определ. смысл); существенным является лишь то, что понятия (термины) «М.» истояковываются в те р

м и н а х и н т е р п р е т а ц и и.] Такой же характер имеет употребление термина «М.» в лингвистике («модели языка», играющие важную роль как в теоретико-лингвистич. исследованиях, так и в задачах, связанных с построением информационных языков, с разработкой машинного перевода и др.; см. *Лингвистика математическая*), теоретич. физике (напр., «модели ядра») и вообще во всех тех случаях, когда слово «М.» служит синонимом для понятий «теория» и «научное описание».

Не менее распространенным является такое употребление термина «М.», когда под М. понимается не описание, а то, что описывается. При таком употреблении (опять-таки в математич. логике, в аксиоматич. построениях математики, в семантике и др.) термин «М.» рассматривается как синоним термина «интерпретация», т. е. М. к.-л. системы соотношений наз. совокупности объектов, удовлетворяющих этой системе. Точнее говоря, синонимами при таком употреблении являются выражения «построить М.» и «указать интерпретацию»; иначе говоря, интерпретацией к.-л. системы объектов обычно называют не саму ее М. (т. е. нек-рую др. систему), а перечень т. н. с е м а н т и ч е с к и х п р а в и л «перевода» с «языка» моделируемой системы (напр., науч. теории) на «язык» М. Так, интерпретациями геометрии Лобачевского фактически послужили не сами по себе М., предложенные Пуанкаре, итал. ученым Э. Бельтрами и нем. ученым Ф. Клейном, а именно истолкования и понятия геометрии Лобачевского в терминах этих М. Впрочем, с содержат. зр. выделение к.-л. М. теории в качестве ее интерпретации равносильно указанию семантич. правил, согласно к-рым элементы одной из М. теории рассматриваются в качестве интерпретации ее объектов.

В тех же случаях, когда основным являются не содержательный, а строго формальный аспект понятий М. и интерпретации (в частности, в логич. семантике), эти понятия могут быть уточнены, напр., след. образом:

Пусть A есть формула нек-рого исчисления (формальной системы) L . Результат замены всех входящих в A нелогич. констант (если таковые имеются) переменными соответств. типов (см. *Типов теория, Предикатов исчисление*) обозначим через A' . Класс предметов N , выполняющих формулу A' (класс предметов, по определению, выполняющих данную формулу, если при такой подстановке имен этих предметов на места всех входящих в нее переменных, что имя одного и того же предмета подставляется на место различных входящих одной и той же переменной, формула переходит в истинную формулу), — при соблюдении требования, чтобы тип каждого предмета был равен типу переменной, на место к-рой он подставляется, — наз. М. формулы A (или — М. предложе-ния, выражаемого этой формулой). Аналогично, если дан класс формул K , то система S классов предметов, элементам каждого из к-рых приписан определ. тип, одновременно выполняющих — при соблюдении вышеуказ. условий — все формулы класса K' (получающегося из K так же, как A' из A), наз. М. этого класса формул [имея в виду это понятие М., нек-рые авторы для М. отдельной формулы (предложения) — или, аналогично, отдельного термина (понятия) — употребляют термин «полумодель»]. Модель S считается М. всего исчисления L , если: 1) все аксиомы исчисления L входят в K (и, следовательно, выполняются системой S); 2) каждая формула из L , выводимая по правилам вывода исчисления L из выполнимых в S формул исчисления L , также выполняется системой S . На основе этого определения легко определяются важнейшие семантич. понятия: «аналитическое» и «синтетическое» (предложения), «экстенциональное» и

«интенциональное» (выражения) и вообще «семантич. отношение». В такой терминологии легко может быть охарактеризовано отношение логического следования: предложение A следует из предложения B , если и только если A выполняется всеми М., к-рыми выполняется B .

У формальной системы может быть, вообще говоря, много различных М., как изоморфных между собой, так и не изоморфных. Если все М. к.-л. формальной системы изоморфны, то говорят, что лежащая в ее основе система аксиом к а т е г о р и ч н а (см. *Категоричность системы аксиом*), или п о л н а (в одном из значений этого термина; см. *Полнота*); в противном случае система наз. н е п о л н о й. (Для произвольной системы аксиом а priori возможен, конечно, и третий случай — отсутствие какой бы то ни было М. Тогда система наз. п р о т и в о р е ч и в о й, или — н е в ы п о л н и м о й. Обратное, указание М. к.-л. аксиоматич. системы служит доказательством ее *непротиворечивости* относительно системы, средствами к-рой построена М. — см. *Интерпретация, Метод аксиоматический*). В любом из этих случаев одна из М. системы — т. н. в ы д е л е н н а я (п о д р а з у м е в а е м а я при построении системы или рассматриваемая для к.-л. целей) — наз. п н т е р п р е т а ц и е й системы (если же интерпретацию отождествляют с М. — в последнем из употребленных здесь смыслов — то подразумеваемую интерпретацию наз. е с т е с т в е н н о й). Образно говоря, М. мы называем любой возможный «перевод» с языка моделируемой системы на любой др. язык, а интерпретацией — лишь тот из этих переводов (и на тот именно язык), к-рый мы имеем в виду при истолковании понятий системы, считая его (по к.-л. соображениям) единственно верным. Напр., конец англ. фразы «In this way we can obtain only a 50 per cent solution» может быть переведен и как «только 50-процентный раствор» и как «лишь половинное решение», причем легко представить себе конкретный текст, при переводе к-рого потребуются дополнительные (не содержащиеся в нем самом) указания на то, какую из этих «М.» выбрать в качестве «интерпретации».

Как известно, фигурирующее в только что приведенном определении понятий М. и интерпретации понятие выполнимости определяется (хотя и не обязательно явным образом) через понятие *логической истинности*, к-рое в таком случае принимается за первоначальное. С др. стороны, понятие истины в формализованных языках может быть в свою очередь определено через понятие выполнимости. Т. о., «содержательность» понятий М. и интерпретации носит относит. характер — эти понятия определяются в терминах (логической) «истинности», оказывающейся если не «формальным», то во всяком случае ф о р м а л и з у е м ы м понятием. Это обстоятельство оправдывает распространенную в математике и логике т. зр., согласно к-рой в языке интерпретация «формальна» (а всякое изучение любой системы объектов есть изучение нек-рой ее М.) в том смысле, что служащая для целей интерпретации М. к.-л. системы должна быть описана в точных терминах (т. к. в противном случае не имеет смысла даже ставить вопрос об ее изоморфизме с какой бы то ни было др. системой); более того, именно само это описание можно рассматривать в этом случае в качестве М. Конечно, этим не снимается важнейший гносеологич. вопрос об адекватности М. — напр., эмпирич. описания — описываемой ею совокупности объектов реального мира, но критерии этой адекватности носят уже существенно внелогич. характер.

Свойства моделей-интерпретаций в математике являются предметом изучения спец. алгебраич. «теории М.», где используется понятие «реляционной систе-

«мы, т. е. множества, на к-ром определена нек-рая совокупность предикатов (свойств, операций, отношений) (ср. определения в ст. *Изоморфизм*). Следует иметь в виду, что природа математич. М. бывает очень сложной и даже «парадоксальной» (т. е. не соответствующей укоренившимся представлениям, из чего, однако, не следует их логич. противоречивость). Примером могут служить т. н. «нестандартные» М. аксиоматич. систем, характеризующиеся тем, что «исходный» натуральный ряд чисел (используемый в теории, средствами к-рой строится М.) оказывается изоморфным натуральному ряду, построенному в М. (здесь речь идет об обычной, традиционной математике, исходящей, в отличие от т. н. ультраинтуиционистской, из предположения об однозначной — с точностью до изоморфизма — определенности множества натуральных чисел); отношение «быть М.» трактуется при этом, конечно, как существенно несимметричное.

Для совр. этапа развития науки характерно интенсивное расширение запаса применяемых в науч. исследовании способов построения и использования различных М. Особенно плодотворным в этом отношении оказался «кибернетич.» подход к исследованию систем различной природы. Применяемые в наст. время науч. М. способствуют изучению не только структуры, но и функций и роли в них весьма сложных систем (в т. ч. объектов живой природы). Расширение понятия моделирования (и М.), предполагающее учет не только структурных, но и функциональных свойств и отношений, может быть достигнуто по меньшей мере двумя (родственными) путями. Во-первых, можно потребовать, чтобы описание каждого элемента М. (и, конечно, моделируемой системы) включало в себя временную характеристику (как это, напр., принято в нек-рых разделах теоретич. физики — см. *Континуум, Относительности теория*); этот путь по существу означает, что введение параметра времени свело бы понятие функционирования к общему понятию «пространственно-временной структуры». Во-вторых, пользуясь точным математич. понятием функции (в логич. генезисе к-рого, как известно, понятие «временной переменной» не входит), можно с самого начала считать элементами, из к-рых строится М., именно функции, описывающие изменение во времени элементов «статической» (т. е. «структурной») М. (используя для обобщенных т. е. определенных изоморфизма, гомоморфизма и М. аппарат исчисления предикатов второй ступени — см. *Предикатов исчисление*). Именно в таком расширенном смысле говорят не просто о моделировании систем, но и о моделировании процессов (химич., физич., производственных, экономич., социальных, биологич. и др.). Примером описания к.-л. процесса, служащего для цели его моделирования, может служить схема его алгоритма; возможность четкого определения понятия алгоритма открыла, в частности, широкие возможности моделирования различных процессов с помощью программирования на электронно-вычислит. (цифровых) машинах. Др. пример «машинного» моделирования — использование т. н. аналоговых машин непрерывного действия [см. *Техника* (раздел Вычислительная техника)].

Как это часто происходит в ходе развития науки, термин «М.» применяется расширительным образом и в тех случаях, когда предварит. учет всех подлежащих воспроизведению при моделировании параметров (необходимый для буквального понимания термина) оказывается, ввиду сложности моделируемой системы, практически невозможным. Это относится, в частности, к изменяющимся во времени т. н. с а м о н а с т р а п а ю щ и м с я М., напр. к «моделям обучения». Но даже если остаться в рамках точных определений, то в кибернетике (как и в физике, а также в математике и логике) понятие М. используется

в обоих упомянутых выше смыслах [характерен следующая важный пример: «запись» наследств. информации в хромосомах моделирует родительский организм (или организмы) и в то же время модель ируется в организме потомка]. Эта кажущаяся двусмысленность термина «М.» (снимаемая, впрочем, предожженным выше общим определением М., охватывающим оба смысла) на самом деле служит примером т. н. «оборачивания метода», характерного для конкретных применений многих гносеологич. понятий.

Лит.: К л и н и С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, гл. 3, § 15; Э ш б и У. Р., Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959, гл. 6; Л а х у т и Д. Г., Р е в з и н И. И., Ф и н н В. К., Об одном подходе к семантике, «Филос. науки» (Науч. докл. высш. школы), 1959, № 1; Ч е р ч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., [т.] 1, М., 1960, § 7; Р е в з и н И. И., Модели языка, М., 1962; Г е н к и н Л., О математич. индукции, пер. с англ., М., 1962; Моделирование в биологии. [Сб. ст.] пер. с англ., М., 1963; Молекулярная генетика. Сб. ст., пер. с англ. и нем., М., 1963; В и р С., Кибернетика и управление производством, пер. с англ., М., 1963; С а г н а р R., The logical syntax of language, L., 1937; К е м е н у J. G., Models of logical systems, «J. Symbolic Logic», 1948, v. 13, № 1; R o s s e r J. B., W a n g H., Non-standard models of formal logics, «J. Symbolic Logic», 1950, v. 15, № 2; M o s t o w s k i A., On models of axiomatic systems, «Fundamenta Math.», 1953, v. 39; T a r s k i A., Contributions to the theory of models, [pt] 1—3, «Indagationes Math.», 1954, v. 16, 1955, v. 17; Mathematical interpretation of formal systems, Amst., 1955; К е м е н у J. G., A new approach to semantics, «J. Symbolic Logic», 1956, v. 21, [№] 1, 2; S c o t t D., S u p p e s P., Foundational aspects of theories of measurement, «J. Symbolic Logic», 1958, v. 23, № 2; R o b i n s o n A., Introduction to model theory and to the metamathematics of algebra, Amst., 1963; C u r r y H. B., Foundations of mathematical logic, N. Y., 1963. Ю. Гаснев. Москва.

МОДЕРНИЗМ (франц. modernism) в искусстве — обозначение течений в бурж. иск-ве 20 в., характеризующихся разрывом с художеств. формами, выработанными классич. искусством. Констатируя кризис личности в позднебурж. обществе, М. подвергает сомнению все попытки его положить, разрешения. Если в классич. иск-ве, исходящем из возможности органич. связи человек. индивидуальности с окружающим ее миром, изображение кризиса сознания было лишь одним из частных моментов, а преодоление этого кризиса выступало как общеобязательный закон художеств. формы, то в М. разорванность сознания предстает как картина обществ. состояния, а обнаружение этой разорванности — как осн. задача иск-ва. Поскольку само внутр. единство личности (образующее исходную предпосылку классич. иск-ва) становится в М. проблемой, адекватное раскрытие внутр. мира во внеш. образах утрачивает свой смысл в иск-ве М. и сменяется аналитич. фиксацией реакций человека, выявляемых как нечто отчужденное от человек. личности, не аутентичное ей. Рассматривая все попытки преодоления этой дисгармонии как проблематичные и иллюзорные, М. отказывается от позитивного изображения идеала, к-рый выступает в иск-ве М. лишь в форме отрицания. В М. исчезает завершенное единство классич. художеств. произведения, гармонич. слияние всех частей в единое целое; фрагментарность становится осн. принципом художеств. формы.

Бурж. идеалистич. философия истолковывает М. как выражение извечной абсурдности человек. существования (см. *Камю, Кафка, Экзистенциализм*), как «дегуманизацию искусства» (*Ортега-и-Гасет*), как «чистое» проявление «стиля», преодолевающего действительность (*Мальро*) и т. п. Сов. эстетика рассматривает М. как выражение кризиса бурж. культуры (см. *Капитализм*, раздел Капитализм и буржуазная культура), отмечая в то же время сложный и противоречивый характер отд. его проявлений. Ред.

В религии — церк.-богословское направление, утверждающее необходимость приспособления религ. догматов и всего вероучения к уровню совр. науч.

знания. В католич. богословии М. открыто выступил в конце 19 — нач. 20 вв. в работах проф. Парижского католич. ин-та П. Дюшена и аббата А. Луази, в к-рых признавалось право науч. исследования истории церкви и догматов и проводилось различие между вечным духом догмы и конкретно-историч. формой его выражения. Одновременно с этим появились модернистские соч. Дж. Тирелла, Ф. фон Хюгеля, Г. Шелля и др. Филос. позиции М. характеризовались отрицат. отношением к схоластицизму. «интеллектуализму» и ориентировкой на интуитивизм Бергсона, прагматизм Джемса и «философию действия» Блонделя. Основываясь на антиинтеллектуализме этих филос. школ, М. освобождал себя от безнадёжных попыток «гармонизировать» догматы христианства с данными науки и здравого смысла. Он провозгласил приемлемыми для себя выводы историч. библейской критики и в нек-рых вопросах занял даже более радикальные позиции, чем те, на к-рых стояли левые протестантские библеисты. Ватикан в лице папы Пия X категорически осудил М. в качестве «синтеза всех ересей». В дальнейшем основоположники М. были отлучены от церкви. Официально католич. церковь осуждает М., однако фактически постепенно сама эволюционирует в сторону М.

Протестантизм и М. возник в эпоху Просвещения под влиянием бурж. либерализма, филос. рационализма и деизма. В теологии протестантизма проявляется критич. отношение к догматике, подмена супранатуральной религии с ее откровением, чудесами, таинствами и пророчествами «естественной религии»; возникает специфически протестантская форма историч. библейской критики. Нем. протестантский М. ведет свое начало от рационализма Х. Вольфа. В дальнейшем филос. основой нем. М. стал идеализм Канта и Гегеля: первый провозгласил «религию в границах только разума», второй усматривал в религии несовершенное осознание тождества бога и абс. идеи. Вершиной протестантского М. в Германии явилась деятельность тубингенской историко-критич. школы в теологии. Во 2-й пол. 19 в. и в начале 20 в. все крупные нем.-протестантские теологи в той или иной мере примыкали к М. (Ричль, Трёлльч, Гарнак). Осн. моментами развития протестантского М. в Англии явились основание «Модернистского союза священников», начало выхода журналов «Liberal Churchman» («Либеральный священник», 1904—08, [т.] 1—3) и «Modern Churchman» («Модернистский священник», выходит с 1911). В США начало протестантского М. положили амер. Просвещение и деизм. В 1-й пол. 20 в. протестантский М. вызвал сильную ответную реакцию со стороны фундаментализма и т. н. неоортодоксии.

В рус. православной церкви М. безусловно осуждается. Нек-рые робкие попытки приближения к М. имели место в т. н. обновленческом движении, но и там они ограничивались требованием изменения социально-политич. ориентации церкви, переходом на григорианский календарь, а также нек-рыми реформами в организации церкви — ликвидацией монашества и безбрачия духовенства и т. д. В настоящее время, несмотря на в общем консервативную позицию рус. православной церкви в вопросах догматики и культа, все же намечается и ее эволюция в направлении М.

Лит.: Спекторский Е., Происхождение протестантского рационализма, Варшава, 1914; Совр. течения религ.-филос. мысли во Франции, П., 1915; Леруа Э., Догмат и критика, М., 1915; Ершов М. Н., Проблемы религ.-филос. мысли в соврем. Франции, Каз., 1916; The programme of modernism, N. Y., 1908; Lilliey A. L., Modernism: a record and a review, [L.], 1908; Petre M. D., Alfred Loisy. His religious significance, Camb., 1944.

А. Чапышев, И. Крыжелев. Москва.

МОДЖЕВСКИЙ (Modrzewski), Анджей Фрыч (Frycz) (1503—72) — польский обществ. деятель

и религ. реформатор, продолжатель традиции Яна Остророга. После окончания Краковской академии учился в Германии у Меланхтона. В своем обширном труде «Об усовершенствовании Речи посполитой» («O poprawie Rzeczypospolitej...», 1577) выдвинул требование усиления власти короля, реформы законов, судов и всей системы воспитания.

Вместе с тем М. выступил и как религ. реформатор. Первоначально он исходил из учения Лютера, а затем стремился демократизировать религию, опираясь на принципы кальвинизма. При рассмотрении религ. вопросов М. зачастую становился на т. зр. рационализма. Он требовал отдавать «на суд разума» все религ. вопросы, выступал с обоснованием принципа терпимости в вопросах религ. веры.

Соч.: Wybór pism, oprac. L. Kurdybacha, Warsz., 1953; Dzieła wszystkie, t. 1—6, Warsz., 1953—60; Opera omnia, v. 1—5, Warsz., 1953—60.

Лит.: Kot S. t., A. F. Modrzewski, 2 wyd., Kr., 1923; Lepsz y K., A. F. Modrzewski, Warsz., 1953; Kurdybacha L., Ideologia F. Modrzewskiego, Warsz., 1953; Voisé W., F. Modrzewskiego nauka o państwie i prawie, Warsz., 1956; Budkiewicz J., Psychologiczna problematyka w dziele A. F. Modrzewskiego «O poprawie Rzeczypospolitej», «Przegląd psychologiczny», 1960, № 4; A. F. Modrzewski. Bibliografia zest. Instytutem badań literackich, Wr.-Warsz.-Kr., 1962.

МОДРАЧЕК (Modráček), Франтишек (р. 8 сент. 1871) — политик и теоретик чешской социал-демократич. партии, отвергал историч. материализм, к-рый, по М., недооценивает роль психологич. и моральных факторов в обществ. жизни. Диктатуре пролетариата М. противопоставлял «экономическую» демократию, основанную на «самоуправлении» труда и не исключающую «здоровую конкуренцию».

Соч.: Marxův názor na dějiny a socialism, [s. l.], 1900; Otázka národnosti v sociální demokracii Rakouské, Praha, 1908; Samospráva práce, Praha, 1918; Nauka a politické zásady pokrokového socialismu, Praha, 1919; Úvod do historické sociologie, «Akademie», [sv.] 30, [1927]; Hospodářské a sociální řády v přírodních společnostech, [s. l.], 1927; Společenský vývoj, [Praha], 1929; Sociologie jako teorie dějin, Praha, 1930. И. Дубски. ЧНР.

МОДУС (от лат. modus — мера, способ, образ, вид). В традиц. логике термин «М.» применяется для обозначения разновидностей форм силлогистич. (в т. ч. модальных, см. *Модальная логика*), условно-категорических, разделительных и условно-разделит. умозаключений. Так, в теории категорич. силлогизма М. наз. разновидности силлогизмов, определяемые количеством и качеством посылок и заключения в пределах каждой фигуры *силлогизма*. При рассмотрении *умозаключений* с условными и разделит. посылками различают modus ponens и modus tollens условно-категорич. умозаключения (наз. также условно-категорич. силлогизмом), modus ponendo tollens и modus tollendo ponens разделит. умозаключения (разделит. силлогизма), простые и сложные модусы поненсы и модусы толленсы *диллемы* и т. п. В математич. логике термин «modus ponens» обозначает имеющееся во мн. се исчислении правило вывода, иначе называемое *правилом зачеркивания* или *схемой* *зачеркивания*; см. *Консеквент и имплицит*.

МОИСТЫ — представители одного из шести осн. направлений *китайской философии*, основателем к-рого был Мо Ди (*Мо-цзы*). Выражая интересы мелкособственнич. слоев (ремесленников, свободных крестьян, торговцев), М. выступали против офиц. идеологии — *конфуцианства*, стоявшего на страже интересов правящих классов. В 5—3 вв. до н. э. моизм имел большое влияние в Китае. До наших дней сохранился только один памятник, дающий представление о филос. идеях М.: трактат «Мо-цзы».

В ранний период развития моизм был представлен учением Мо-цзы. В более поздний период его последователи стали развивать моизм в материалистич. направлении, утверждая, что познание предполагает наличие органов чувств, объекта ощущения (см. «Мо-

цзы», раздел «Цзин», 1) и источников: личный опыт, высказывания др. людей, вывод. Большое место в работах М. позднего периода занимает логика; они разработали 7 методов суждения, некоторые из которых подобны дедуктивному и индуктивному методам, разработанным зап. учеными (см. «Мо-цзы», разд. «Сяо цюй», 1). В логич. трудах М. опровергаются взгляды *Хуэй Ши* и *Гунсунь Луна*. М. занимались также математич., естественнонауч. и инженерно-технич. проблемами.

Во 2 в. до н. э. конфуцианство отнесило моизм на задний план, и последний потерял свое значение. Лит. см. при ст. *Мо-цзы*.

МОК (Moch), Жюль (р. 15 марта 1893) — один из ведущих теоретиков Франц. социалистич. партии (СФИО), член ее руководящего комитета, руководитель Группы доктринальных исследований, разработавшей проект новой партийной программы (1962). Инженер по образованию, М. с 1928 был депутатом парламента и занимал посты министра внутр. дел, нац. обороны и др. в ряде кабинетов, представлял Францию в Комитете по разоружению.

Взгляды М., сформировавшиеся гл. обр. под влиянием Блюма, носят эклектич. характер: формально признавая правильность марксистской методологии, он зачастую переходит на позиции вулгарного позитивизма, пытается «примирить» социализм с религией, объявляя их в работе «Живой социализм» («Socialisme vivant», 1960) явлениями прежде всего морального порядка и изображая «моральную революцию» необходимой предпосылкой социальной.

Характерной чертой его взглядов является фетишизация научно-технич. прогресса, который рассматривается как фактор коренной трансформации закономерностей развития бурж. общества в условиях гос.-монополистич. капитализма. М. некритически воспринимает мн. положения бурж. теории технократии. Преувеличивая роль адм.-технич. кадров (управляющих), якобы подменяющих капиталистов, он выдвигает в качестве гл. условий подготовки перехода к социализму децентрализацию управления производом и «планирование» капиталистич. экономики. М. считает, что в ходе осуществления этих мероприятий произойдет якобы ликвидация частной собственности на средства произ-ва и в связи с этим говорит о «приоритете социалистического планирования» над обобществлением произ-ва, хотя на деле одно невозможно без другого. По мнению М., вмешательство гос-ва и профсоюзам в условиях бурж. строя способно сделать заработную плату «социальной», т. е. полностью отвечающей затратам труда, что приведет якобы к замене капиталистич. принципов распределения социалистическими. Хотя в своих теоретич. воззрениях М. порывает с принципами марксизма, по ряду вопросов внутр. и внешней политики он выступает как представитель левого крыла партии.

См. также: Jean Jaurès et les problèmes du temps présent, Brux., 1927; Socialisme et rationalisation, Brux., 1927; Capitalisme et transports, P., [1932]; Arguments socialistes, P., 1945; Le parti socialiste au peuple de France, P., 1945; Yougoslavie, terre d'expérience, Monaco, [1953]; La folie des hommes, P., [1954]; U. R. S. S. Les yeux ouverts, P., [1956]; En retard d'une paix..., P., 1958.

Ю. Рубинский. Москва.

МОКША (санскр.) — термин др.-инд. философии, означающий освобождение, спасение от бедствий бесконечного процесса перевоплощений (самсара). Согласно классич. традиции, М. занимает высшее место среди четырех целей человек. деятельности, включающих в себя, кроме нее, наслаждение (кама), польза (артха) и долг (*дхарма*). М. выступает как высшая цель религ. опыта и филос. познания.

Представления о природе М. в различных филос. школах Древней Индии различны. Согласно адвайтаведанте, М. есть растворение индивидуального сознания (джива) в мировом сознании (брахман), после

осознания им нереальности феноменального мира. Согласно вишишта-адвайте, М. есть не исчезновение «Я», а реализация его божеств. природы и осознание его связи с брахманом. В *санкхье* и *йоге* освобождение есть отделение индивидуального сознания (пурущи) от материи (пракрити). В *ньяе*, *вайшешике*, *лимансе* «освобождение» заключается в отделении вечного «Я» от его временных свойств.

В новое время концепция М. получает своеобразное толкование в трудах Раммохан Рая, *Вивекананды*, Ауробиндо *Гхоша*, Р. Тагора, С. *Радхакришнана* и др. Преобладающее значение получает идеал коллективного, а не индивидуального спасения. При этом идеал М. используется идеологами инд. буржуазии для противопоставления инд. цивилизации цивилизации капиталистич. Запада, преподносится ими в качестве панацеи от пороков бурж. общества.

Лит.: Чаттерджи С., Датта Д., Введение в инд. философию, М., 1955, Введение; Радхакришнан С., Инд. философия, т. 1, М., 1956, гл. 4; Schomergus H. W., Indische Erlösungslehren..., Lpz., 1919; Rana de R. D., A constructive survey of uranishadic philosophy, Poona, 1926, ch. 6; 7; Chatterjee S., The fundamentals of hinduism, Calcutta, 1950, ch. 7; Нигиуана М., The quest after perfection, Mysore, 1952; The cultural heritage of India, v. 3, Calcutta, 1953, pt 5, ch. 139; Синха J., A history of Indian philosophy, v. 1, Calcutta, 1956, ch. 1.

В. Костюченко. Москва.

МОЛДАВСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. Гл. вопросом на протяжении трех веков волновавшим умы передовых представителей молд. народа, был вопрос борьбы за независимость. Эту проблему поднимали еще летописцы Гр. Уреке (1590—1647), М. Костин (1633—91) и Ион Некулче (1672—1745), призывавшие к единению для борьбы против иноземных поработителей. Произведения молд. летописцев выражали идеологию той части феодалов, к-рая стремилась к освобождению от ига иноземных поработителей. Выдающимися представителями идеологии конца 17—нач. 18 вв. в Молдавии были Н. *Милеску-Спафарий* и Д. *Кантемир*.

Начиная со 2-й пол. 18 в. возникают ряд идеол. течений и направлений. Победы России в войнах с Турцией ослабили Османскую империю и способствовали экономич., политич. и культурному развитию Молдавии. Для развития просвещения в Молдавии много сделал просветитель Амфилохий (конец 18 в.). В написанной им «Грамматико физики...» (рукопись хранится в Киевской публичной библиотеке) отстаивалась гелиоцентрич. система мира Коперника. Он выступал поборником распространения знаний среди народа. В Молдавию начинают проникать идеи социального освобождения, распространяются в рукописи «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, появляются произведения передовых мыслителей запада: «Энциклопедия» франц. просветителей, труды Вольтера, Монтескье и др. Освободит. идеи нашли свое яркое выражение в одном из анонимных документов этого времени — «Слово крестьянина к боярам» (см. «Anul 1848 in principate le romane», Buc., 1902, t. 3).

В 1-й пол. 19 в. происходит присоединение вост. части Молдавии — Бессарабии, к России (1812). Подъем нац.-освободит. и антикрепостнич. движения, известного в истории под названием гетерия (1821), вызвал бурное развитие обществ. мысли. Появляется нац. художеств. и политич. лит-ра. Молдавский писатель И. Тэутул (1798—1825) написал первый проект молд. конституции (1822). Кроме этого, он сочинил памфлет «Голос народа Молдавии к боярам и митрополитам», в к-ром осуждал боярскую олигархию, выступал против социальной несправедливости. Издаваемая Гр. Асаке (1788—1869) первая молдавская газета (1829) «Албина ромыняск» способствовала распространению просветительских идей.

Материалистич. направление в естествознании развивали молд. ученые Якоб Чихак (1800—88), Константин Вырнав (1806—77), Тоадер Стамати (1812—52), А. Д. Денгинк и А. И. Гросул-Толстой. Получает развитие литературно-критич. направление. Виднейшим его представителем был молд. революционер-демократ Алеку Руссо (1819—59).

В 60-х гг. в Бессарабии распространялись запрещенные произведения Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, а в 70—80-х гг. здесь, как и в др. частях России, широкую известность получают идеи *народничества*. Рев. народники (В. Красеску-Бассарабеану, Замфир Арборе и др.) сыграли большую роль в распространении произведений Маркса и Энгельса. Пропагандистом марксизма в Молдавии был Н. *Зубку-Кодрану*.

В 70—80-х гг. в легальной филос. лит-ре Молдавии шла борьба между идеализмом (*Леонард*) и материализмом (хотя и не вполне последовательными материалистами выступали *Стамати-Чурия* и В. Л. Лаников).

К концу 19 в. относится возникновение социал-демократич. движения в Молдавии. В 1896 рус. политич. ссыльными в Кишиневе был организован первый социал-демократич. кружок. К осени 1900 рабочие социал-демократич. кружки были созданы в ряде мест Молдавии. Однако в них еще не были полностью изжиты идеи народничества. В это время в Кишиневе образуется социал-демократич. группа, которая начинает осуществлять постепенный переход от пропаганды марксизма в узких кружках к агитации среди рабочей массы. Группа установила тесную связь с социал-демократич. организациями Киева, Одессы, Харькова и Екатеринослава.

В начале 900-х гг. усилилось влияние «экономистов». Решающую роль в преодолении этой опасности сыграла ленинская «Искра» и работа Ленина «Что делать?». Защитниками идей «Искры» в Молдавии были А. Боград, О. Басовский, М. Вельтман, В. Броска и др. В декабре 1902 в Кишиневе был создан социал-демократич. комитет, возглавивший революц. работу в крае. В Молдавии в годы первой рус. революции распространились большевистские газеты «Вперед», «Пролетарий», работы Ленина «Задачи русских социал-демократов», «От какого наследства мы отказываемся», «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» и др. Для пропаганды идей марксизма местные социал-демократы стремились использовать и легальные возможности.

В результате Великой Окт. социалистич. революции 1917 перед молд. народом открылся путь к новой, социалистич. жизни. Но оккупация Молдавии боярской Румынией (1918) задержала социалистич. развитие. Созданием Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (1924) были заложены основы социалистич. государственности молд. народа и открыты широкие возможности для образования и культурной революции в целом.

В это время в оккупированной Бессарабии борьбу против реакц. идеалистич. течений возглавляла подпольная коммунистич. организация Бессарабии. На страницах газет «Бессарабский коммунист», «Красное знамя» и др. разоблачались бурж. доктрины открытых и скрытых врагов марксистской идеологии. Пропаганду марксистско-ленинских идей проводили представители передовой интеллигенции Н. Д. Кочя, П. Константинуеску-Яшь, К. С. Сырбу и др.

В 1940 была образована Молд. ССР (в результате освобождения Бессарабии и воссоединения ее с Молд. АССР). Тем самым был завершен процесс создания социалистич. государственности всего молд. народа.

В республике созданы кафедры науч. коммунизма, диалектич. и историч. материализма при Кишинев-

ском гос. ун-те и с.-х. ин-те, а также кафедры марксизма-ленинизма в др. учебных заведениях, организован сектор философии при Ин-те истории АН Молдавской ССР. Важным событием в духовной жизни республики было издание на молд. яз. полного собрания соч. Ленина и осн. трудов Маркса и Энгельса.

Философы-марксисты опубликовали ряд трудов: Д. Т. Урсул, Филос. и общественно-политич. взгляды Н. Г. Милеску-Спафарья (1955); П. Ковчегов и Коробан В., Общественно-политич. и философские взгляды А. Руссо (1953); В. Н. Ермуратский, Общественно-политич. взгляды Д. Кантемира (1956) и др.

В наст. время ведутся исследования по конкретной социологии и истории филос. и обществ.-политич. мысли в Молдавии.

Лит.: Кантемир Д., Книга система или состояние Мухаммеданския религии, т. 1, СПб, 1722; Арсеньев Ю., Николай Спафарий и его время, «Русский архив», 1895, № 7; История Молдавии, т. 1, Кишинев, 1951; Известия Молдавского филиала АН СССР, 1958, № 3 (48); История философии, т. 4, 5, М., 1959—61; Мохоу Н. А., Очерки истории молдавско-русско-украинских связей, Кишинев, 1961; Известия Академии наук Молдавской ССР, Кишинев, 1962, № 1; Амфильский Хотинянул, Элементе аритметиче артате фирште акум интыю тинерите, Ясса, 11 децембрия 1795; Cantemir D., Istoria Imperiului otomanu irescere si scaderea lui, Buc., 1876—78; егo же, Storia iresogifică, Buc., 1883; егo же, Ironicul vechimei a Romano-Moldo-Vlahilor, Buc., 1901; егo же, Metafisica, Buc., 1928; егo же, Descrierea Moldovei, Buc., 1909; Adamescu Ch., Istoria literaturii române, [2 ed.], Buc., 1920; Iorga N., Istoria literaturii românești, v. 1—3, Buc., 1925—33. В. Ермуратский. Кишинев.

МОЛЕШОТТ (Moleschott), Якоб (9 авг. 1822—20 мая 1893) — нем. физиолог и философ, один из родоначальников *вульгарного материализма*. Род. в Голландии, изучал медицину и физиологию в Гейдельбергском ун-те, в к-ром с 1847 читал лекции и вел исследования в основанной им лаборатории. После издания в нач. 50-х гг. ряда книг подвергся преследованиям за пропаганду материализма и атеизма и переехал в Цюрих, где преподавал в Политехнич. школе. В 1861 занял кафедру философии в Турине, позднее принял итал. гражданство.

Концепция М. эклектична. М. фактически отождествлял философию с естествознанием, видя в ней лишь «... умственное выражение суммы наблюдений, сделанных людьми до известного времени» («Вращение жизни в природе», СПб—М., 1867, с. 2). М. сводил мышление к чувств. восприятию, рассматривая человека как биологич. существо. Он видел в мышлении лишь физиологич. механизм. М. всерьез искал внутри связь между составом пищи и «духовной жизнью народов» (см. «Физиологич. эскизы», М., 1865, с. 74—80). М. отвергал воззрения о существовании «нещей в себе» и полагал, что вещи существуют только «друг для друга». Он стоял на позициях познаваемости мира и беспредельного развития науки. Однако, сводя рациональное познание к чувственному, М. не избег нек-рых агностич. высказываний (см. «Вращение жизни в природе», с. 5,9). Взгляды М. оказали нек-рое влияние на итал. ученых, в частности на *Ломброзо*. К ним сочувственно относился *Лисарев*.

Соч.: Über die allgemeinen Lebenseigenschaften der Nerven, Giessen, 1882; Für meine Freunde. Lebens-Erinnerungen, Giessen, 1894; в рус. пер.—Естествознание и медицина, СПб, 1865; Единство жизни, СПб, 1866; Границы человека, СПб, 1866; Круговорот жизни Я. Молешотта. Физиологич. ответы на «Письма о химии» Юстуса Либиха, Х., 1866; Причины и действия в учении о жизни, М., 1868; Учение о пище, 2 изд., СПб, 1868.

Лит.: Жане П., Совр. материализм, пер. с франц., М., 1867; Таганский Г., Вульгарный материализм третьей четверти XIX в. и совр. механизмы, в сб. ст.: Из истории философии XIX в., [М.], 1933; Юшманов Н., Обществ.-политич. взгляды вульгарных материалистов, там же; Баградзе К. С., Очерки по истории новейшей и совр. бурж. философии, Тб., 1960; Юшманов Н. З., Критич. оценка вульгарного материализма XIX столетия, К., 1960 (Автореферат); Gentile G., Le origini della filosofia contemporanea in Italia, v. 2, Messina, 1921.

А. Огурцов. Москва.

МОЛИНОС (Molinos), Мигель (29 июня 1628—28 дек. 1696) — исп. теолог-мистик. Получив сан священника в Валенсии, отправился в 1655 в составе духовной миссии в Рим. Здесь начал проповедовать свои религ. взгляды, изложенные им в книге «Руководство для души...» (*Guia espiritual...*, 1675; новое изд., 1935), за короткое время выдержавшей около 20 изданий на различных языках. Воззрения М. — разновидность *квиезма*, возникшего как следствие кризиса *мистицизма* 17 в. Отрицая многие общ. догматы и обряды католич. церкви, М. утверждал, что общение с божеством возможно лишь через размышление и созерцание, причем созерцание — высшая форма слияния с божеством — должно сопровождаться «актом самоотречения», подавления собств. воли. Признанное еретическим, учение М. было осуждено православным католицизмом, а сам М. в 1685 был арестован инквизицией. В 1687, после того как М. отрекся от своих взглядов, он был освобожден на пожизненное заключение в монастыре.

Лит.: *Engrambasaguas J. de, M. de Molinos, M., 1935; Dudoñ P., Le quietiste espagnol M. Molinos (1628-1696), P., 1921.* З. Павский. Ленинград.

МОЛОДЦОВ, Василий Сергеевич [р. 20 дек. 1899 (1 янв. 1900)] — сов. философ, проф. (с 1954), кандидат филос. наук (с 1949), декан (с 1953), зав. кафедрой диалект. материализма (с 1960) филос. фак-та Моск. ун-та. Член КПСС с 1949. Окончил Коммунистич. ун-т преподавателей обществ. наук (1933), учился в ИКП философии (1935—37). Преподал философию с 1931. Науч. работу ведет преимущественно в области диалект. материализма.

Соч.: Диалектика и метафизика, «Большевик», 1939, № 2; Марксистская диалектика как наука, М., 1951; О коренной противоположности марксистской философии бурж. мировоззрению, М., 1951; О противоречиях при социализме и путях их преодоления, «Большевик», 1951, № 14; Марксистская диалектика о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений в природе и обществе, М., 1951; Марксистская диалектика о развитии в природе и обществе, [М.], 1953; Диалектика прератения возможности в действительность, М., 1958; Классовые и гносеологич. основы ревизионизма, «Вопр. философии», 1958, № 12; Закономерности перехода к коммунизму, М., 1959; В. И. Ленин о партийности философии, в кн.: Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» важнейший этап в развитии марксистской философии, М., 1959; Об одновременном переходе стран социалистич. системы к коммунизму, в кн.: Нек-рые теоретич. вопросы строительства коммунизма, М., 1960; Классовые и гносеологич. корни совр. религий, в кн.: Осн. вопросы научного атеизма, М., 1962; Научное мировоззрение — каждому строителю коммунизма, М., 1963.

МОЛОКАНЕ — религ. секта, возникшая в России в конце 60-х гг. 18 в. Представляя собой религ. форму антикрепостнич. движения крестьянства и демократич. элементов города, М. отличались рационалистич. критикой господств. церкви и ее догматов. Внешне-обрядовому православию с его церк. иерархией, институтом монашества, почитанием икон, мощей, культом святых и т. д. М. противопоставили евангельское христианство. Однако догмат троицы, как и церк. учение о таинствах, не были полностью отвергнуты М., хотя и получили своеобразное истолкование.

Демократич. элементы придали социально-утопич. идеям М. действительный характер, причем упор был сделан на этику добрых дел как на средство устройства на земле «царства божия». Все это противостояло авторитарному учению церкви о всеильном «прмысле божием». Причисленные царским прав. и церковью к «вреднейшим сектам», М. подвергались преследованиям. В конце 18 — 4-й пол. 19 вв. значит. часть М. центрально-черноземных и поволжских губерний переселилась в Крымские и Ставропольские степи (частично и в Сибирь). В 40-х гг. 19 в. большие партии М. были поселены в Закавказье. В 19 в. М. разделились на донской толк, постоянных, духовных христиан-прыгунов, общих.

Хотя обществ. недовольство, как правило, принимало в молоканской среде форму религ. брожений, низы секты иногда участвовали в общем антикрепостнич. движении крестьян, как это было, напр., в крест. волнениях начала 40-х гг. в Тамбовской губ. По мере развития капитализма утопичность социально-религ. доктрины М. с ее этикой «добрых дел» становилась все более очевидной, что вело к разочарованию в молоканстве. Идеологи М. предпринимали попытки спасти свое движение созданием культурнич. организаций («Общество образованных молокан» А. С. Проханова), толстовской «мирно-апархической» проповедью (Д. В. Зайцев), приспособлением молоканства к баптизму.

Великую Окт. революцию руководители М. встретили враждебно. В нек-рых случаях М. даже участвовали в восстаниях против Сов. власти, отказывались от службы в Красной Армии. Успехи социалистич. строительства, победы культурной революции в СССР уже в начале 30-х гг. привели к окончат. краху молоканства. Осн. же часть М. активно включилась в строительство новой жизни. Вслед за развалом общин на местах в 1929 распался Центр. совет молокан.

Лит.: Дружинин В., Молокане, [Л.], 1930; Морозов И. П., Молокане, М.—Л., 1931; Никольский И. М., История рус. церкви, М.—Л., 1931; Бонч-Бруевич В. Д., Сектанство и старообрядчество в первой половине XIX в., Избр. соч., т. 1, М., 1959; Совр. сектанство и его преобразование. По материалам экзегезиса в Тамбовскую область в 1959 г., в кн.: Вопросы истории религии и атеизма, т. 9, М., 1961; Сахаров Ф., Лит. истории и обличения рус. раскола. Систематич. указатель книг, брошюр и статей о расколе, находящихся в духовных и светских периодич. изданиях, вып. 1—3, Тамбов — СПб., 1887—1900.

А. Клибанов. Москва.

МОМДЖАН, Хачик Нишанович [р. 25 февр. (10 марта) 1909] — сов. философ, профессор (с 1956), д-р филос. наук (с 1954). Окончил филос. фак-т (1934) и аспирантуру МИФЛИ (1937). Член КПСС с 1944. Занимается науч. работой по философии с 1934. Был членом редколлегии и редактором филос. отдела журн. «Коммунист» (1958—62). Член редколлегии «Философской энциклопедии». Преподал на филос. фак-те Моск. ун-та (с 1954). Ведет науч. работу по проблемам истории философии, истории материализма и атеизма. В центре историко-филос. работ М. («Философия Гельвеция», 1955, пер. на нем., франц., рум. и др. яз.) — вопрос об истории и логич. связи между франц. материализмом 18 в. и утопич. социализмом 19 в. В кн. «Лафарг и нек-рые вопросы марксистской теории» (1954), а также в др. работах М. характеризует особенности распространения марксизма во Франции. М. исследует также проблему объекта и субъекта в историч. процессе, дает критич. разбор различных форм волюнтаризма и фатализма, раскрывает социальную природу активности личности при социализме. С вступит. статьями М. изданы избр. атеистич. произведения Дидро (1956), С. Маршалля (1958), Вольера (1962), избр. филос. произведения Гольбаха (1963).

Соч.: Социалистич. общество и творческая активность пар. масс, Ер., 1954; Монтегье, «Коммунист», 1955, № 4; Дальнейший сдвиг вправо в идеологии совр. реформизма, «Коммунист», 1960, № 3; Диалектика и современность (соватор), там же, № 10; Коммунизм и христианство, 2 изд., М., 1959; Коммунизм — будущее человечества, «Коммунист», 1961, № 12; Декларация банкротств, там же, 1962, № 7; Socialism: its present and future, Moscow, 1963 (переводы на франц., исп., араб., япон., хинд., вьетнам. и др. яз.); The dynamism of our century, в кн.: Philosophy, science and man. The Soviet delegation reports for the XIII world congress of philosophy, Moscow, 1963.

МОНАДА (от греч. *μονάς* — единица) — термин, употребляемый в философии для обозначения простейшего элемента, неделимой части бытия. В идеалистич. учениях М. наделяется духовной природой и является антиподом материального атома. Сам термин «М.» первоначально употреблялся не только

в философии (напр., у Пифагора, противопоставлявшего единичность как принцип вещей их двойственности — диаде), но и в математике (напр., Эвклидом, согласно к-рому всякое число состоит из единиц — М.). В антич. философии понятие М. в различных значениях встречается также у Экфанта, Аристотеля, Платона и др. мыслителей. Как филос. термин понятие о М. в эпоху *Возрождения* было введено *Николаем Кузанским* («Об ученом познании», в кн.: Избр. филос. соч., 1937, с. 5—157) и *Бруно*, в философии к-рого М., наряду с физич. атомами и математич. точками, выступает в качестве минимума («наименьшего»), являющегося субстанцией всех сложных вещей, и обозначает собой физич. и одновременно психич. элемент действительности («О причине, начале и едином» — «De la causa, principio et uno», 1584, рус. пер. — в кн.: Диалоги, 1949; «О тройном наименьшем и об измерении» — «De triplici minimo et mensura», 1591, рус. пер. — в кн.: Диалоги, 1949; «О монаде, числе и фигуре» — «De monade, numero et figura», 1591). Позднее термин М. употреблялся в *Ф. ван Гельмолтом*, *Г. Мором* и др. В цельную филос. систему учение о М. (монадология) было развито *Лейбницем*, одно из осн. произведений к-рого имеет одноименное название «*Монадология*» (см. Избр. филос. соч., М., 1908, с. 339—64). Учение о М. продолжали последователи Лейбница — *Х. Вольф*, *Баумгартен* и др. Упоминания о М. содержатся и в соч. докритич. Канта, а также у Гёте, использовавшего в своей натурфилософии понятие о М. в смысле одушевленной жизненной индивидуальности. В дальнейшем учение о М. было воспринято и разрабатывалось на идеалистич. основе представителями различных направлений бурж. философии, в частности *Гербартом*, *Лотце*, *Мартино*, *Тардом* и особенно *Ш. Ренувье* (*Ch. Renouvier, La nouvelle monadologie*, 1899). В наст. время учение о М., опровергнутое естествознанием как попытка найти последние неделимые частицы мироздания, не имеет сколько-нибудь видных последователей и анализируется лишь в историко-филос. исследованиях.

Лит.: Д е н и н В. И., Филос. тетради, Соч., 4 изд., т. 38, с. 311—23; С г а н е r W., Die Monade. Das philosophische Problem von Ursprung, Stuttg., 1954.

Б. Работ. Москва.

МОНАДОЛОГИЯ — учение о монаде.

«**МОНАДОЛОГИЯ**» (1720) — одно из осн. филос. соч. *Лейбница*, в к-ром изложено его учение о монаде.

МОНГОЛЬСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ.

Особенности формирования обществ. мысли мнгл. народа происходят из своеобразных особенностей формирования монг. нации, вобравшей в себя элементы культуры завоеванных монг. войсками стран и областей.

До образования Монг. гос-ва (1206) среди монг. племен безраздельно господствовало шаманство, древняя религия монголов, оказавшая большое влияние на формирование общественной мысли в Монголии.

После образования монг. гос-ва шаманство стало вытесняться новой религией — *буддизмом* (желтой верой), для проповеди к-рого привлекались тибетские ламы. Это привело к распространению *ламаизма*, чему способствовало также и то, что он очень упростил обрядность для масс верующих и включил в свой пантеон местных богов. Вместе с ламаизмом в Монголию стали проникать филос. трактаты буддийских монахов. Первое филос. соч. такого рода — «Разъяснение познаваемого» — написано Пагба-ламой Лодой Чжалцаном (1235—80). К 16—17 вв. ламаизм распространился по всей Монголии и стал офици. религией. С этого времени начинается деятельность наиболее крупных и известных монг. философов, толкователей и комментаторов буддийских филос. трактатов

Сумба Хамбо Еши Бальчжира, *Балдана Цорчжэ*, *Агван Дандар Лхарамбы* и *Сахар Лубсан Сультама*. *Сумба Хамбо Еши Бальчжир* (1704—88) — историк и философ, среди его трудов важное место занимают исследования по осн. проблемам буддийской философии. *Балдан Цорчжэ* в 1846 написал книгу в трех томах по истории философии с целью прокомментировать «Историю философии Индии» *Гунчена Чжамьяна Шадна Дорчжэ* (1649—1723) — крупного тибетского ученого и философа. *Балдан Цорчжэ* разбирает около 570 филос. школ и направлений в Индии и особо выделяет буддийскую школу. Наибольшее место в книге занимает толкование и пропаганда идей столпов буддизма *Нагарджуны* и *Асанги*. *Агван Дандар Лхарамба* (*Агван Дандар Алашанский*) посвятил свои работы логике, философии и теории поэзии. Он разрабатывал вопрос об обосновании чужой одушевленности, причем ставил его в плане опровержения солипсизма. *Агван Дандар* дает также изложение буддийского идеализма, разбирает вопрос о познании человеком своей собств. духовной жизни и пишет о мистическом (логическом) восприятии. *Сахар Лубсан Сультим* тоже в основном комментировал и толковал буддийские филос. трактаты. Одним из гл. его соч. является комментарий на «Учение о мышлении» *Асанги*. В нем *Сахар Лубсан* исследует вопросы причинной связи в теории мышления, проблему отсутствия индивидуального «Я» в буддийской философии и излагает теорию воздержания от греховных поступков. В связи с этим рассматриваются вопросы об абсолютной и относит. истинах, о шести элементах интуитивного познания. Кроме того, он разбирает различие между махаянистской философией и философией хпаяны. В заключение автор пишет о том, что вещи состоят из множества дхарм, к-рые следуют друг за другом в непрерывной последовательности. Как и *Асанга*, он считает это важнейшим положением буддизма. Свое понимание махаянистской теории пустоты *Сахар Лубсан Сультим* излагает так: «Все пусто, потому что все, что существует, существует благодаря зависимому происхождению. А отсутствие самостоятельного или независимого показывает нереальность объектов, их пустоту» (Соч., т. 1, соч. № 25).

Несмотря на засилье буддизма с его проповедью смирения и непротивления, в монг. народе жило стремление к свободе и независимости, нашедшее отражение в разнообразном устном народном творчестве. В распространенном в Монголии «Сказании о Гэсэре» воспевается Гэсэр — вождь простых людей, защищающий их от козней лам и князей.

Исключительно большое внимание на развитие освободит. движения монг. народа оказала рус. революция 1905—07. Победа Окт. революции открыла монг. народу перспективу социалистич. развития. Под ее непосредств. влиянием в Урге (*Улан-Батор*) в 1919 образовались революц. кружки, пропагандировавшие в массах монг. народа идеи Октября. Их деятельность сыграла большую роль в формировании передовой обществ. мысли предреволюц. Монголии. На базе этих кружков была создана Монгольская народно-революционная партия (1924), идеологич. основой деятельности к-рой стал марксизм-ленинизм.

Лит.: В а с и л ь е в В. О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке Казанского университета, в кн.: Уч. зап. имп. Академии наук по первому и третьему отделениям, т. 3, СПб., 1855; Д а р м а к и р т и, Обоснование чужой одушевленности. С толкованием *Випитадевы*, пер. с тибетского *Ф. И. Щербатского*, П., 1922; Л а у ф е р Б., Очерк монгольской лит., пер. с нем., Л., 1927; М и х а й л о в Г. И., Ленини в Монголии, в сб. Памяти В. И. Ленина, М.—Л., 1934; В л а д и м и р ц о в Б. Я., Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934; Ж а м ц а р а н о в Ц. Ж., Монгольские летописи XVII в., М.—Л., 1936, с. 70—78; История Монгольской Народной Республики, М., 1954; История Бурят-Монгольской АССР, т. 1—2, Улан-Удэ, 1954—59; Б а н з а р о в Д., Собр. соч.,

М., 1955; Востриков А. И., Тибетская историч. лит., М., 1962; Мерперт П. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Чингис-хан и его наследие, «История СССР», 1962, № 5. П. Хадилев. Улан-Удэ.

МОНИЗМ (от греч. *μόνος* — один, единственный). В истории филос. мировоззрений — истолкование мира в целом и объяснение всего многообразия его явлений с помощью единой субстанции, из к-рой выводится и к-рой замыкается вся система миропонимания, так что она является одновременно и началом и концом мировоззренч. построения, его исходным пунктом и его целью. Под М. понимается также логич. воззрение, согласно к-рому любое цельное и последоват. теоретич. построение возможно лишь на базе одного единственного исходного основоположения (постулата), проведенного через всю цепь науч. рассуждения и, соответственно, убеждение в том, что в основе каждой логически стройной и систематически развернутой науч. концепции лежит один и только один фундаментальный принцип, из к-рого выведены все остальные теоретич. положения этой концепции.

Применительно к *основному вопросу философии* М. означает требование его строго однозначного решения, предполагающего признание примата либо *материи* над *духом*, либо духа над материей, с последующим выведением одного из этих начал из другого, рассматриваемого в качестве субстанционального. Это требование решительно исключает все и всякие проявления дуализма, к-рый, с т. зр. М., представляется как простая непоследовательность, допущенная при решении гл. мировоззренч. проблемы, как полная неспособность определенно решить ее или как желание уклониться от такого решения. Пытаясь утвердить мировоззрение на основе предположения двух независимых друг от друга («параллельных» друг другу) первоначал, «дуализм никогда не мог ответить удовлетворительно на неизбежный вопрос о том, каким образом эти две отдельные субстанции, не имеющие между собою ничего общего, могут влиять одна на другую. Потому наиболее последовательные и наиболее глубокие мыслители всегда склонялись к монизму...» (Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 1, 1956, с. 510). По этой же причине даже такие классич. представители филос. дуализма, как Декарт и Кант, не могли прочно удерживаться на дуалистич. позициях и проявляли явное тяготение к М. как раз в тех пунктах, где дуалистич. предпосылки обнаруживали свои осн. антиномии.

Поскольку монистич. подход к определению исходного филос. основоположения совпадает с определенным всеобщей природы субстанции, полагаемой в основу миропонимания, постольку возможны только два типа М. — материалистический и идеалистический. Материалистич. М. находит свое выражение в утверждении единства мира (бытия, «космоса», «универсума») в его материальности. В противоположность ему идеалистич. М. выражается в постулировании идеальной («духовной», «интеллигибельной») природы бытия. Энгельс показал на примере Дюринга, что сколько-нибудь последовательная философия может выводить единство мира либо из мышления..., либо из той объективной реальности, которая существует вне нас, давным-давно называется в гносеологии материей и изучается естествознанием» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 160).

Исторические формы философского М. На различных этапах развития научно-теоретич. мышления монистич. тенденция философии воплощалась в разнообразных формах, особенности к-рых определялись степенью развития филос. знания, взаимоотношениями философии с др. формами обществ. сознания (религ., этич., правовой и т. д.) и естествознанием.

Первой исторической известной формой монистич. философии был космологич. М., к-рый харак-

теризуется эстетич.-филос. представлением о мире как о замкнутом, гармонически организованном космосе, возникающем — во всем многообразии его явлений — из неч-рой космич. «стихий» («хаоса»). В классически чистом виде эта форма М. выступила у древних греков — в философии пифагорейцев (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен) и в особенности у Гераклита, возвысившего космологич. представление до уровня стихийно-диалектич. миропонимания. У каждого из них осн. мировоззренч. проблема выступала в качестве вопроса о «первоначальном», телесном первоначале, объясняющем одновременно и целостность и многообразие мира. В этой ярко выраженной монистич. тенденции др.-греч. космологии нельзя не видеть своеобразной оппозиции по отношению к иллюриализму традиц. мифологии. Все это дает основание отнести рассматриваемую форму к материалистич. типу М.

Самой высокой степенью античного материалистич. М. явился атомистич. монизм Демокрита, получивший уточнения и систематизацию у Эпикура и Лукреция. На этой ступени М. достигает, с одной стороны, более высокого уровня абстракции, а с другой — теснее связывается с естеств.-науч. способом понимания мира.

В глубокой и радикальной оппозиции по отношению к этой форме материалистич. М. кристаллизовалась религ.-этич. форма М., представленная философией Сократа и в особенности Платона. Для возникновения и развития этой формы М. решающее значение имело теоретич. осмысление универсальности и объективности неч-рых всеобщих закономерностей природы и человек. бытия, выявленных в результате развития науч. знания (прежде всего математики), философии (диалектич. способ полемики и теоретич. рассуждения) и — что имело особое значение — этич. самосознания (осознания «правды»). Придя к выводу, что идеи «справедливости», «красоты», «блага» и прочие нравственно-эстетич. понятия (нормы) представляют собой нечто гораздо более устойчивое и постоянное, чем вещи и тела; что всеобщее усваивается каждой человек. головой, т. е. выступает как индивидуальное и субъективное; что объективное активно влияет на определение людьми своей деятельности и своего поведения, — Сократ, а за ним и Платон уверовали в примат интеллектуального мира, мира идей и идеалов. Отправляясь от этой предпосылки, Платон развил идеалистич. М. — положил начало линии идеализма в философии.

Однако уже эта форма идеалистич. М. столкнулась с трудностью «выведения» телесного из бестелесного, к-рую с помощью диалектики «единого» и «многого» и эстетической идеи Эроса и наслаждения, должествующей объяснить происхождение многообразия материального мира из божеств. первоначала, безуспешно пытался преодолеть Платон.

В виде реакции на дуализм ср.-век. идеологии (дуализм бога и мира, души и тела и т. д.) в эпоху Возрождения возникла пантеистич. форма М. (Николай Кузанский и Бруно), получившая дальнейшее развитие у Спинозы. Противоречие этой формы М. заключалось в том, что решение антиномии бога и мира, души и тела, мышления и бытия за счет прямого отождествления этих противоположностей вступало в противоречие со стремлением решить эту антиномию посредством утверждения примата одного из двух начал с последующим выведением одного из другого.

Весьма показательным, что в момент своего возникновения пантеистич. М. был связан, с одной стороны, с оппозицией против аристотелизма и настаиванием на платоновской диалектике «единого» и «многого» (ведущей свое начало от пифагорейства),

а с др. стороны — с реставрацией элементов эстетич. мирозерцания, свойственного платонизму.

Так, у Бруно в созерцании мира в качестве единого и целостного, живого и деятельного «организма» дано не столько филос. решение проблемы, сколько ее эстетич. описание, эстетич. «освоение»: так человек Возрождения осваивался с открывшейся ему бесконечностью «универсума», «абсолютного максимума».

Но именно поэтому, как только Спиноза попытался подобному — эстетически-пантеистическому — воззрению придать геометрически-строгий вид, снова обнажилась осн. монистич. проблема, к к-рой фактически был приведен Бруно, но к-рую он так и не смог осознать в чисто логич. форме. Эта проблема не получила своего решения и у Спинозы, к-рого идеалисты упрекали за то, что в его божественной субстанции исчезает «самосознание», а материалисты — за то, что в лоне его «единого» не отдано должное «многому», «индивидуальному», «партикулярному» и т. д. По сути дела, здесь шла речь об одной и той же диалектич. проблеме: проблеме становления, к-рая является логич. выводом из последовательно монистич. построения. Однако для того чтобы эта проблема была осознана во всей чистоте, необходимо было оформление сознат. диалектики, систематически продуманного диалектич. мышления. До тех же пор пока филос. мысль не выработала сознат. диалектики, оппозиция к спинозовскому М. должна была вести либо к отрицанию всякого М. — к откровенному дуализму, илюриализму и просто эклектизму, либо к возникновению промежуточных монистич. форм. К числу последних относятся: эстетич. и натурфилос. монизм Шеллинга, с одной стороны, и механистич. и метафизич. М. франц. материалистов (Гольбах, Гельвеций, Дидро) и Фейербаха — с другой.

М. нем. классич. идеализма вырос из попыток разрешить антиномии кантовского дуализма. Попытка преодолеть кантовский дуализм на почве субъективного идеализма, предпринятая Фихте, оказалась неудачной: ему не удалось построить монистич. систему, несмотря на горячее желание прирешиваться единого принципа — «чистого Я». Неудача Фихте была весьма поучительной: она обнаружила, что единств. формой М., построенной на основе последовательно проведенной субъективно-идеалистич. предпосылки, может быть только солипсизм. Фихте должен был незаконно вводить в свое субъективно-идеалистич. построение объективно-идеалистич. посылки и, тем самым, фактически покидал монистич. позицию.

В своем стремлении освободить учение Фихте от непосредственности молодой Шеллинг переосмыслил фихтеанский исходный постулат в духе объективного идеализма, превратив принцип «чистого Я» в «объективный субъект-объект», в «абсолютное тождество субъекта и объекта» (мышления и бытия, духа и природы). Гносеологич. проблема отношения субъекта к самому себе, к своим собств. познаниям, способностям, взятым в качестве объекта исследования, превратилась у Шеллинга в натурфилос. проблему исследования «параллелизма» между субъектом и объектом, духом и природой.

Провозглашение «абсолютного тождества» духа и природы означало реставрацию монистич. принципа Спинозы. Однако возрождение спинозизма было осуществлено на идеалистич. почве. Проблему М. Шеллинг, как и Бруно, пытался разрешить с позиций эстетики. Процесс возникновения действит. многообразия мира из «абсолютного тождества», постулированного в качестве его всеобщей основы, изначального принципа, Шеллинг уподобил некому «творч. акту», аналогичному акту художеств. творчества. Посему этот процесс был объявлен рацио-

нально непостижимым и невыразимым с помощью аппарата логич. понятий, доступным лишь «конгенциальной» акту творчества «интеллектуальной интуиции», столь же непосредственно, сколь и иррационально «усматривающей» «многое» в таинств. недрах «единого». Так шеллингианский М. превратился в форму иррационально-эстетич. «натурфилософствования» (закономерно выродившегося впоследствии в религ.-мистич. риторику «философии откровения»).

В противоположность Шеллингу, Гегель, принявший шеллингианский постулат «абсолютного тождества субъекта и объекта» в качестве исходного пункта своей философии, глубочайшим образом осознал диалектич. смысл и значение вставшей перед ним проблемы М. Поэтому центр тяжести перемещается у него на диалектич. осмысление проблемы «первоначала», как она выступает в последоват. М.; осн. задачей для Гегеля становится создание «беспредпосылочной» монистич. «логики первоначала» — исходного принципа философии, развертывающего из самого себя богатство теоретич. определений. Формулируя эту свою задачу, Гегель писал в «Науке логики»: «Таким образом начало должно быть а б с о л ю т н ы м, или, что здесь равнозначно, абстрактным началом; оно, таким образом, н и ч е г о н е д о л ж н о п р е д л о г а т ь, ничем не должно быть опосредствовано, не должно также иметь никакого опознания; оно, наоборот, само должно быть основанием всей науки... Началом, стало быть, оказывается ч и с т о е б ы т и е» (Соч., т. 5, М., 1937, с. 53). «Далее, и о с т а в а е т с я д л я д в и ж е н и е о т т о г о, что составляет начало, должно быть рассматриваемо как дальнейшее его определение, так что начало продолжает лежать в основании всего последующего и не исчезает из него... Таким образом, начало философии есть наличная во всех дальнейших развитиях и сохраняющаяся основа, есть то, что остается всецело имманентным своим дальнейшим определениям» (там же, с. 55). Т. о. шеллингианский эстетич. и натурфилос. М. превращался в логич. или, точнее, панлогич. М. Гегеля. В пределах своей логики Гегель был максимально последователен и монистичен. И это именно потому, что он, в отличие от Шеллинга, во-первых, встал на т. зр. сознат. диалектич. мышления и, во-вторых, вынес идеалистич. псевдопроблему «порождения» природы «духом» за пределы логики, тем самым отделив ее от чисто логич. постановки вопроса. Вот почему оказалось, что «... в этом самом идеалистическом произведении Гегеля все го м е н ь ш е идеализма, все го б о л ь ш е материализма» (Л е ц и н В. И., Соч., т. 38, с. 227). Подлинной причиной того, что логика развивающейся «из самой себя» абстрактнейшей категории оказалась содержит. диалектич. логикой, было то отмеченное Марксом и Лениным обстоятельство, что Гегель в диалектике понятий «угадал» диалектику «самих вещей». А это значит, что «беспредпосылочность» гегелевской логики была мнимой, иллюзорной, реальной же, фактической ее предпосылкой, обеспечившей М. логич. построения Гегеля, была диалектика бытия, постигнутая в диалектике мышления в силу того, что законы бытия и законы мышления одни и те же (см. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1957, с. 349). Но именно по этой причине Гегель, с одной стороны, не мог удержаться в замкнутых пределах своей логики, а с другой, как указывал Маркс, — не мог осуществить логич. переход от нее к философии природы иначе как за счет крайних мистификаций и нарушения своих собств. монистич. предпосылок (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произв., 1956, с. 639—40).

Т. о., даже наиболее цельная форма идеалистич. М. обнаруживает свою неспособность последовательно провести монистич. т. зр.

Материалистич. форма М. 19—20 вв. Первым, кто проанализировал гегелевский М. с материалистич. позиций, раскрыв принципиальную неспособность идеализма вообще монистически решить проблему взаимоотношения бытия и мышления, был Фейербах. «Бытие, — писал он по поводу осн. тенденции идеалистич. М., — только там выводится из мышления, где разрушено подлинное единство мышления и бытия...» (Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955, с. 129). Философия Гегеля представляется ему устраненным противоречием между мышлением и бытием «... в пределах самого противоречия, в пределах одного элемента, в пределах мышления» (там же, с. 127). Противопоставляя Гегелю концепцию материалистич. М., Фейербах утверждает: «Единство бытия и мышления истинно и имеет смысл лишь тогда, когда основанием, субъектом этого единства берется человек» (там же, с. 199).

Фейербах, как видим, не внес существенно нового в формулировку материалистич. М. по сравнению со спинозизмом и теми же принципами, развитыми на более широкой естеств.-науч. базе франц. материалистами 18 в., он лишь мастерски синтезировал эти две тенденции, освободив материалистич. монизм Спинозы от элементов пантеизма, а франц. материализм — от грубо механистич. тенденций. Однако для 19 в. этого было явно недостаточно: с т. зр. философской монизм Фейербаха был недостаточно последователен: будучи материализмом «внизу», он оставался идеализмом «вверху»; с т. зр. естеств.-научной монизм Фейербаха был явно недостаточно «фундирован» новейшими данными естествознания; наконец, — и это было осн. слабостью фейербаховского М. — ему не хватало диалектики. Поэтому монизм Фейербаха оказался нек-рой переходной формой, на смену ему пришли, с одной стороны, диалектико-материалистич. М., а с другой — естеств.-науч. М. материалистич. естествознания 19 в., причем и для первой и для второй формы М. фейербахизм сыграло в высшей степени положит. роль.

Монистич. тенденция материалистич. естествознания 19 в. отлилась в свою наиболее завершенную форму в монизме Геккеля, к-рый считал, что «... монизм является наглядным и цельным мирозерцанием новейшего естествознания на исходе 19-го столетия» («Мировые загадки», Лpz.—СПБ, 1906, с. 221). Считая свой М. продолжением монизма Анаксимандра, Анаксимена, Лукреция, Спинозы и Гёте (в особенности двух последних мыслителей, к-рых он считал «чистыми монистами»), Геккель стремится преодолеть, с одной стороны, дуализм Декарта и Канта, с другой — как «односторонний материализм» Гольбаха, Фогта и Бюхнера, так и «крайний динамизм» Лейбница и Оствальда (см. «Чудеса жизни», СПб, 1908, с. 201, 202). Утверждая монистич. принципы своего мировоззрения в противоположность «дуалистич. философии», он писал: «Материальный мир и бестелесный мир духа образуют одну единую, нераздельную и всеобъемлющую область вселенной» («Мировые загадки», СПб, 1906, с. 203).

Недостатки естеств.-науч. М. были связаны прежде всего с ограниченностью его методологии. В этом смысле был совершенно прав Н. Дитцен, говоривший, что «... даже Геккель еще не умеет мыслить монистич. ески» (Избр. соч., т. 1, М.—Л., 1934, с. 138).

История развития и смены материалистич. форм М. в 19—20 вв., равно как и борьба за материализм в естествознании в условиях «крутой ломки» естеств.-науч. понятий, показала неоспоримые преимущества диалектико-материалистич. М. перед

всеми др. формами материалистич. М. Причины этого заключались, во-первых, в том, что диалектич. материализм представлял собой «... законченный философский материализм...» (Ленин В. И., Соч., т. 19, с. 5), т. е. доведенный до конца — до познания человека, общества и, следовательно, объективных предпосылок самого филос. знания; во-вторых, в том, что он представлял собой именно диалектич. материализм, т. е. материализм, органически вобравший в себя диалектику «... как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии...» (там же, т. 21, с. 37).

Диалектико-материалистич. М. естественно и органически сочетается с принципом партийности марксистско-ленинской философии, к-рый предлагает: 1) строгое и точное определение отрывных диалектико-материалистич. позиций, с самого начала исключаящее какую бы то ни было возможность идеалистич. и фидеистич. выводов; 2) последоват. соотношение каждого положения марксистского мировоззрения с материалистич. решением осн. вопроса философии и всей внутренне связанной с ним «линией гносеологических вопросов», означающее решит. наступление на позиции идеализма и фидеизма; 3) последоват. развитие материализма до конца — создание «законченного философского материализма», предполагающего его развитие и распространение на познание человек. общества, что с логич. неизбежностью приводит к созданию и развитию марксистской политич. экономии и науч. социализма. Вот эта единая нить последоват. развития теории от самых глубоких основоположений диалектико-материалистич. философии до самых конкретных выводов в области классовой борьбы и практики коммунистич. строительства и соединяет все составные части марксова учения в единое нерасторжимое целое, делает его вечно живым, непрерывно развивающимся учением: «Оно полно и стройно, — пишет Ленин, — давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суевением, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета» (там же, т. 19, с. 3).

Целостность, стройность и последовательность диалектич. материализма получили наиболее адекватное выражение в ленинском последовательно монистич. принципе тождества логики, диалектики и теории познания. Основополагающий тезис Ленина, согласно к-рому «... логика, диалектика и теория познания материализма... это одно и то же...» (там же, т. 38, с. 315), выявляет тот теоретич. фундамент, на к-ром базируется единство и целостность марксистской философии.

С т. зр. монистич. требования диалектич. логики, исходное понятие всякой науч. теории должно фиксировать специфич. природу (конкретно всеобщее) рассматриваемой группы явлений, с тем чтобы последующее развертывание системы теоретич. определений адекватно воссоздавало осн. закономерность развертывания этой специфич. природы в данное многообразие явлений. Т. о., М. выступает здесь как общеметодологич. требование «о б ъ е к т и в н о с т и рассмотрения... не примеры, не отступления, а вещь сама по себе...», «... вещь в ее отношениях и в ее развитии должна быть рассматриваема» (там же, с. 213); как требование «раздвоения единого и познания противоречивых частей его...» (там же, с. 357); как требование указания «единства», т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном, перехода «...от отрицания к „единству“ с утверждаемым...» (там же, с. 219).

Идеалистич. М. конца 19—20 вв. Крах рационалистич. объективно-идеалистич. тенденции М., с одной стороны, несомненный прогресс поступат. развития материалистич. форм М. — с другой, и разо-

чарование в научно-филос. возможностях неокантианского дуализма — с третьей, вызвали в бурж. философии конца 19 в. стремление выработать новую форму филос. М., к-рая давала бы возможность «преодолеть» противоположность материализма и идеализма. Попытки решить эту задачу были предприняты почти одновременно на почве традиции англ. идеалистич. эмпиризма, ведущего свое начало от Беркли и Юма, откровенного субъективного идеализма, восходившего к Фихте, и, наконец, дуалистич. концепции психофизич. параллелизма, пытавшейся опереться на отд. непоследовательности пантеистич. монизма Спинозы. Сторонники эмпирич. М. — Авенариус, Мах, позднее «радикальный эмпирист» Джемс, «эмпириомонист» Богданов и др. — пытались положить в основу своих филос. построений «ощущение», «опыт», истолкованные как нечто «нейтральное» как по отношению к «физическому», так и по отношению к «психическому». Сторонники откровенно субъективно-дуалистич. М., представители имманентной школы Шунпе и Деклер в качестве монистич. основоположения своих филос. концепций выдвинули понятие «мыслимого бытия». Сторонники психофизич. параллелизма Вундт, Эббингауз, Риль, Гёффдинг, Паульсен, Рибо видели свой М. в постулировании некого «единого» начала, в к-ром «сопричастны» как психическое, так и физическое, представляющие собой результат рассмотрения «одного и того же», по с двух различных т. зр.

Субъективно-идеалистич. М. слишком быстро обнажил свою солипсистскую тенденцию и потому не надолго удержался в бурж. философии. Что касается первой и второй групп, то они обнаружили тенденцию к сближению. В конце концов, уже в 20 в. сложилось крайне неопредел. течение в бурж. философии, состоявшее из представителей самых различных филос. и психологич. школ, объединенное только одним: стремлением утвердить т. н. «нейтральный монизм», суть к-рого состояла в том, что он признавался «независимым» как по отношению к психическому, так и по отношению к физическому. К «нейтральным монистам» примкнули Джемс и Рассел, Перри и Холт, Дьюи и Мэд, Титченер и Вундт, словом все те, кто считал осн. вопрос философии «устаревшим».

Лит. см. при статьях Материализм, Идеализм, Диалектический материализм. Ю. Н. Давыдов. Москва.

МОНОТЕИЗМ (от греч. *μόνος* — единый, *θεός* — бог) — форма религ. верования, почитание единого бога, единобожие, в отличие от *политеизма* — многобожия. К монотеистич. религиям обычно относят *христианство*, *иудаизм* и *ислам*. Понятие М. условно и относительно, т. к. по существу ни одна из религий не является последовательно монотеистической: в христианстве, напр., наряду с культом единого бога существует дуализм бога и сатаны, культ ангелов, святых, бесов и т. д.

М. — результат историч. развития религ. верований. Уже в свободомыслящей бурж. науке с 18 в. укрепилось мнение (*Вольней*, *Конт*, *Леббок* и др.), что М. есть последняя и высшая форма религии, выросшая из политеизма в процессе развития абстрактного мышления. Энгельс указал на социальную основу М.: «... Единый бог никогда не мог бы появиться без единого царя..., единство бога, контролирующего многочисленные явления природы... есть лишь отражение единого восточного деспота...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 27, с. 56).

Впервые элементы М. возникают в Древнем Китае (культ верховного бога Шан-ди), в Индии (учение о Брахме как едином боге), в Древнем Египте (религ. реформа царя Эхнатона-Аменхотепа, введшего культ единого бога-солнца), в Вавилоне (все боги суть лишь

проявления единого верховного бога Мардука); в Древнем Перу инки пытались ввести общегос. культ единого бога-солнца. У древних евреев племенной и нац. бог Яхве (Саваоф) вначале почитался наряду с др. богами, а в 6—5 вв. до н. э. превратился в единого бога-творца и вседержителя. Христианство, усвоив культ этого верховного бога (бог-отец) и дополнив его верой в бога-сына, воплотившегося в «бого-человека» Христа, и неоплатонич. учением о едином мировом духе (бог-дух святой) не может считаться строго монотеистич. религией: христианский бог — «Троица». Еврейский М. был в 6—7 вв. воспринят арабами из секты ханифитов, отсюда вырос ислам, в к-ром М. проявился гораздо отчетливее, чем в христианстве. Данные совр. науки опровергают ложную теорию *прамонотеизма*, утверждающую изначальное почитание единого бога.

МОНОТОННОСТЬ (от греч. *μόνотονος* — однотонный) — свойство нек-рых логических или математических операций (функций), состоящее, грубо говоря, в том, что направление возможного изменения результата операции зависит только от направления изменения того, над чем эта операция производится. Одним из наиболее известных примеров М. является след. свойство сложения действит. чисел: если $a \leq b$, то $a + c \leq b + c$; вообще, если $a \leq b$ и $c \leq d$, то $a + c \leq b + d$. Иначе говоря, при увеличении или уменьшении слагаемых сумма тоже увеличивается или остается неизменной. Другим примером М. является то свойство функции $f(x) = -x$, что из $a \leq b$ следует $f(a) \geq f(b)$. Вообще, функция $g(x)$, определенная на области всех или нек-рых действит. чисел и имеющая своими значениями тоже лишь действит. числа, наз. *монотонной*, если имеет место, по крайней мере, одно из двух: 1) для всяких a и b (из области определения функции) из $a \leq b$ следует $g(a) \leq g(b)$, 2) для всяких a и b из $a \leq b$ следует $g(a) \geq g(b)$. В первом случае функция g наз. *возрастающей*, или *изотонной*, а во втором случае — *убывающей*, или *антиотонной*. Если функция $g(x)$ и $h(x)$ монотонны, то и функция $g(h(x))$ тоже монотонна. Для удобства обобщения этой теоремы на случай неск. переменных термин «М.» часто (особенно в логике) употребляют в более узком смысле, относя его лишь к первому случаю. При этом М. функции $g(x_1, x_2, \dots, x_n)$ (точнее, ее *изотонность*) определяется как след. свойство: для всяких $a_1, a_2, \dots, a_n, b_1, b_2, \dots, b_n$ из того, что $a_1 \leq b_1, a_2 \leq b_2, \dots, a_n \leq b_n$, следует $g(a_1, a_2, \dots, a_n) \leq g(b_1, b_2, \dots, b_n)$.

Благодаря обычному в алгебре логики отождествлению значения «истина» с числом 1, а значения «ложь» — с 0, понятие М. становится применимым к функциям алгебры логики. Напр., для всяких A, B, C и D (равных 0 или 1) из того, что $A \leq B$ и $C \leq D$, следует $A \vee C \leq B \vee D$. Т. е. (неразделимая) *дизъюнкция* является изотонной функцией. Изотонными являются также *конъюнкция*, константы 0 и 1 (рассматриваемые как функции; напр., $g_0(A) = 0$), а также все функции, представимые через конъюнкцию и дизъюнкцию (напр., медиана $(A, B, C) = A \vee (A \wedge C \wedge B)$). Других изотонных функций алгебры логики не существует. Отношение \supset оказывается убывающей функцией: из $A \leq B$ следует $\supset A \supset \supset B$. Т. к. здесь отношение $A \leq B$ эквивалентно истинности материальной импликации $A \supset B$, то эти примеры М. можно сформулировать в виде след. формул логики высказываний, формально выражающих законы М. для соотв. операций: $(A \supset B) \supset ((C \supset D) \supset ((A \vee C) \supset (B \vee D)))$, $(A \supset B) \supset ((C \supset D) \supset ((A \wedge C) \supset (B \wedge D)))$, $(A \supset B) \supset (\supset B \supset \supset A)$ и т. п. Последняя из выписанных формул выражает также *контрапозиции закон*. А вместо первых двух — для выражения законов М. обычно (учитывая *коммутативность* операций и транзитивность отношения $A \leq B$ и связан-

ной с ним импликацией) употребляют более простые формулы: $(A \supset B) \supset ((A \vee C) \supset (B \vee C))$ и $(A \supset B) \supset ((A \& C) \supset (B \& C))$.

Аналогичные законы (выражаемые теми же формулами) имеют место также в *конструктивной логике* и в *минимальной логике*. Сходные законы имеются и для операций объединения и пересечения множеств: если $A \subseteq B$, то $A \cup C \subseteq B \cup C$ и $A \cap C \subseteq B \cap C$ (\subseteq , \cup и \cap являются соответственно знаками включения, объединения и пересечения). В *предикатов исчислении* имеются похожие законы для *кванторов*, выражаемые формулами $\forall x (A(x) \supset B(x)) \supset (\forall x A(x) \supset \forall x B(x))$ и $\forall x (A(x) \supset B(x)) \supset (\exists x A(x) \supset \exists x B(x))$. Чтобы все эти и некоторые др. законы можно было тоже рассматривать как законы М. и, не пользуясь их в рассуждениях аналогично обычным, исследовать общие законы таких рассуждений, производят обобщение понятий М. Один из вариантов обобщения состоит в том, что понятие М. распространяется на те случаи, когда вместо области действит. чисел с обычным в ней отношением $a \leq b$ берется любая область предметов с некоторым отношением, квазиупорядочивающим последнюю, т. е. удовлетворяющим законам рефлексивности и транзитивности (см. *Порядка отношение*). Для вышеприведенных примеров это — область высказываний с отношением импликации ($A \supset B$) данной логики, или область множеств с отношением включения ($A \subseteq B$), или область предикатов с отношением т. н. формальной импликации $[\forall x_1 \dots \forall x_n (\mathcal{A} \supset \mathcal{B})]$, где x_1, x_2, \dots, x_n — список всех переменных, от к-рых зависит \mathcal{A} или зависит \mathcal{B} .

Дальнейшее обобщение, связанное с отказом от требований рефлексивности и транзитивности и рассмотрением не только двуместных отношений, приводит к общему понятию *сохранения предиката*.

Лит.: Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948; Александров П. С., Введение в общую теорию множеств и функций, М.—Л., 1948; Биркгоф Г., Теория структур, пер. с англ., М., 1952; Труды Математич. ин-та им. В. А. Стеклова, т. 151, М., 1958, с. 16—29, 77—137, 174—77; Николс П. С., Элементы математич. логики, М., 1959; Математика в СССР за сорок лет (1917—1957), т. 1, М., 1959, с. 102—108; Глушко В. М., Синтез цифровых автоматов, М., 1962.

А. Кузнецов. Москва.

МОНОФЕЛИТЫ (от греч. *μόνος* — единственный и *θέλημα* — воля) — сторонники религ.-политич. учения в Византии 7 в., возникшего после отделения монофизитских церквей в вост. провинциях (см. *Монофизиты*) как попытка компромисса с монофизитами. Признавая в соответствии с решением Халкидонского собора в Христе две природы, М. утверждали, что ему свойственна одна воля, одна «богочеловеческая действительность (энергия)». Против учения М., выдвинутого епископом Фасиса Киром, выступил Максим Исповедник, утверждавший, что монофелитство есть замаскированное монофизитство и что две природы Христа — божественная и человеческая — не могут иметь одну волю. В 680 на Константинопольском соборе учение М. было осуждено как еретическое.

Монофелитство было, по существу, последним этапом в истории христологич. споров 4—7 вв. С его разгромом церковь утвердила мистич. учение о двух природах (и двух волях) в Христе, составившее богословскую основу представлений об отсутствию непреходимой грани между человеческим и божественным и питавшее смутную надежду верующих на слияние в далеком будущем с божеством. В отличие от ранних христологич. ересей (особенно *арианства* и *несторианства*), опиравшихся на элементы аптчного рационализма, учение М. было пронизано всевозможными суевериями (напр., М. выступали с обещанием воскресить мертвецов).

Лит.: Лебедев А. П., Вселенские соборы VI, VII и VIII вв., 3 изд., СПб., 1904; O w s e r i a n G., Die Entste-

lungsgeschichte des Monothelismus..., Lpz., 1897; В е с к Н. G., Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, Münch., 1959, S. 292—95, 430—33.

А. Каждан. Москва.

МОНОФИЗИТЫ (от греч. *μόνος* — единственный и *φύσις* — природа) — сторонники религ.-политич. учения, основанного в 5 в. константинопольским архимандритом Евтихимом, к-рый, развивая антинесторианские (см. *Несторианство*) высказывания Кирилла Александрийского, отстаивал тезис, что после воплощения логоса Христу была присуща одна (божественная) природа: т. е., пострадавшим за человечество оказывался не богочеловек, а бог. Учение М. получило широкое распространение на востоке Византии (в Египте, Сирии, Армении), где оно стало символом сепаратизма; популярность его на Востоке в какой-то мере может быть объяснена наличием здесь древних традиций, восходящих к вост. культурам умирающего и воскресающего божества, с к-рым в народном воображении смутно отождествлялся Христос. Крупнейшим успехом М. был Эфесский собор 431, где они встретили поддержку императорской власти, опасавшейся усиления константинопольского патриарха и опиравшейся на александрийского патриарха Диоскора; однако стремление Диоскора играть роль папы Востока оттолкнуло от него епископат, и в 451 на соборе в Халкидоне учение М. было осуждено. Борьба М. против халкидонского вероучения продолжалась и в 6 в., когда все более обнаженным становится политич. содержание монофизитства (борьба за отделение вост. провинций), в то время как богословские формулы обеих группировок все более сближаются. Учение М. было воспринято в Армении, где в 554 образовалась особая (григорианская) церковь, в Сирии, где на основе монофизитства выросла яковитская церковь, в коптском Египте и Эфиопии.

Лит.: Лебедев А. П., Вселенские соборы VI, VII и VIII вв., 3 изд., СПб., 1904; Соколов В., Леонтий Византийский, Сергиев Посад, 1916; Н а г н а с к А., Lehrbuch der Dogmengeschichte, 2 Aufl., Bd 2, Freiburg im Breisgau, 1888, S. 378—401; Das Konzil von Chalkedon, I Bd 1—3, Würzburg, 1951—54; В е с к Н. G., Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, Münch., 1959, S. 283—91, 387—94.

А. Каждан. Москва.

МОНРАД (Monrad), Маркус Якоб (19 янв. 1816—30 дек. 1897) — норв. бурж. религ. философ, правый гегельянец. С 1851 — проф. в Христиании (Осло), М. пытался примирить религию и науку, он считал, что вера предвосхищает бесконечную цель, к к-рой наука постоянно стремится, никогда ее не достигая. Абсолютное (бог) есть «личность», к-рая открывается прежде всего вере, предвосхищающей знание. Действительное, по М., — это идея, проявляющаяся в природе и духе; позитивное науч. познание имеет право на существование лишь как момент в развитии идеи, в к-рой он берет свое начало и должен затем раствориться. М. называл свою т. зр. мистическо-пантеистической.

Соч.: Philosophisk propaedeutik..., 2 opl., Chra, 1856; Tolv forelaesninger over det skjønne, Chra, 1859; Udsigt over den høiere logik, [Chra], 1881; Tankeretninger i den nyere tid, 2 opl., Chra, 1884; нем. пер.— Bonn, 1879; Aesthetik..., Bd 1—2, Chra, 1889—90; Tro og viden, Chra, 1892; Blik ud i filosofiens fremtid, Chra, 1896.

Лит.: История философии, т. 3, М., 1959, с. 592.

А. Мысливченко. Москва.

МОНТЕГЮ (Montague), Уильям Пеннерелл (1873—1953) — амер. бурж. философ, ведущий представитель амер. *неореализма*. С 1903 — проф. Колумбийского ун-та. М. один из авторов неореалистич. манифеста (1910) и сб. «Неореализм» — «The new realism» (1912). Впоследствии пытался «синтезировать» неореализм и персонализм. В 30-х гг. примыкал к «религиозному реализму» (см. сб. «Religious realism», 1931); к концу жизни стал склоняться к томизму, считая неореализм средством исправления «опибион здравого смысла» и подготовкой к возрождению «реализма в духе Фомы Аквинского».

Под предлогом борьбы за науку М. считал необходимым произвести синтез идеализма и материализма, к-рый он называл анимистич. материализмом, или «гипопсихизмом». В основе материи, согласно М., лежит логич. сущность. Выступая против бихевиоризма, М. признает реальность сознания. Противник дуализма, М. рассматривает материю и психику как две различные формы энергии: материя — механич. система кинетич. энергий; мысль — иерархич. система потенциальных энергий, сосредоточенных в мозгу (см. «The ways of things», N. Y., 1940, p. 510). Любое содержание якобы становится духовным или перестает быть таковым в зависимости от той функции, к-рую оно выполняет. М. подверг критике релятивистки-феноменалистич. тенденцию иск-рых представителей неореализма (Перри, Холт). М. — сторонник теории эмерджентной эволюции, к-рую он трактовал в механистич. духе как возникновение нового качества в результате постоянного нарастания одного фактора развития по сравнению с другим («A materialistic theory of emergent evolution», в сб.: «Essays in honor of John Dewey», [1929]).

С о ч.: The ways of knowing..., L., [1925]; Belief unbound..., New-Haven—L., [1930]; Confessions of an animistic materialist, в кн.: Contemporary American philosophy, v. 2, L.—N. Y., [1930]; The illusion of nominalism, [s. l.], 1948; Great visions of philosophy, La Salle, 1950.

Лит.: [William Pepperell] Montague (1873—1953), «J. Philos.», 1954, v. 51, № 21.

А. Богомолов, П. Зыков. Москва. МОНТЕНЬ (Montaigne), Мишель де (28 февр. 1533 — 13 сент. 1592) — франц. просветитель, философ-скептик. Выходец из купеческой семьи, мэр Бордо, депутат Генеральных штатов. Друг Генриха IV,

политический деятель передовой буржуазии, борющейся за единство страны, за прекращение гражд. войны и веротерпимость. В философии М. доминирует эпикурейская, материалистич. тенденция — «жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1955, с. 4). М. считал, что возникновение, изменение и исчезновение сознания определяются состоянием чело-веч. тела, над к-рым сознание не властно; люди, как и их братья, животные, — дети «нашей матери-природы»; объективным непреложным законам природы подчинены все вещи, все живые существа, в т. ч. и люди. Волюнтаризм и антропоцентризм — вздорные иллюзии. Материальный мир — это все, что есть; никакого потустороннего мира не существует. Учение о бессмертии и воздаянии — такой же обман, как рассказы о сверхъестественном, о чудесах и прощаниях. Все это противоречит здравому смыслу и законам природы. М. смело выступал против охоты за ведьмами, против зверских расправ с жертвами ср.-век. предрассудков. Решительно отвергая христ. этику с ее призывом к умерщвлению плоти и самоубийшению, критикуя этич. взгляды стоиков (влияние к-рых он испытал на себе), М. провозглашает *гедонизм* и индивидуализм. По М., взгляд, будто образ жизни и образ мыслей его соотечественников единственно разумный и естественный, рушится при ознакомлении с античностью и с народом только что открытого Нового Света. М. провозглашал идею естеств. равенства людей и идеализировал «естественное состояние» человечества, где счастливая жизнь и исключительное высокое моральное качество людей обусловлены отсутствием сословного и имуществ. неравенства, гос-ва и религии. Все эти преимущества были

утрачены с развитием цивилизации. Общепризнанные политич., этич., эстетич. положения лишены, по М., разумных оснований, навязаны силой авторитетов, воспитания и обычаев. М. требовал отказа от мнений, принятых на веру, призывал представить все вопросы на суд разума. Несмотря на лояльные декларации М. о том, будто его учение унижает разум и укрепляет веру, на деле оно проникнуто рационализмом и подрывает религию. Вера, по М., вовсе не исходит от людей выше: «... религия есть не что иное, как их собственное измышление...» («Опыт», кн. 2, М.—Л., 1960, с. 292), созданное, «... чтобы налагать узду на народ и держать его в подчинении» (см. там же, с. 353). Лежащий в основе всех религий взгляд, приписывающий богу разум, волю и вмешательство в судьбы людей, явно антропоморфный вымысел. М. доказывал, что все религии противоречат здравому смыслу (там же, с. 198). Поэтому «хорошими христианами» являются «простые умы, мало любознательные и мало развитые» (там же, кн. 1, с. 390), те же, кто способен здраво судить о религии, лишь притворяются верующими (см. там же, кн. 2, с. 132). М. показывал, что религии, в особенности христианство, с момента своего возникновения порождают нетерпимость, бесчеловечные расправы с инакомыслящими, преследование науки, уничтожение культурных ценностей. Бесчеловечность представителей раннего христианства «... причинили науке гораздо больше вреда, чем все пожары, произведенные варварами» (там же, с. 401). М. показывал огромный вред, наносимый религиоз. обществом. «Наша религия создана для искоренения пороков, а на деле она их покрывает, питает и возбуждает» (там же, с. 134). Борьба против фидеизма и фанатизма средневековья — гл. задача скептицизма. Но, излагая доводы скептиков, М. заходил дальше, чем требовала эта задача; он часто был не в силах справиться со скептич. аргументацией и допускал агностич. утверждения. На деле, однако, его скепсис направлен не против науки, а против теологии и схоластики. М. обличал пустоту догматич. учения теологов, призывал свергнуть гнет авторитетов и поставить на место схоластич. умозрения, исследование, опирающееся на факты и разумное, естественное их объяснение. Ощущения, по М., это «... основа, ... принцип всего здания нашей науки» (там же, с. 302). М. — один из первых в 16 в. выдвинул мысль о важной роли опыта в познании, а также мысль об историч. характере возникающих на пути науки и преодолеваемых преград: «то, что осталось неизвестным одному веку, разъясняется в следующем... Поэтому ни трудность исследования, ни мое бессилие не должны приводить меня в отчаяние, ибо это только мое бессилие» (там же, с. 269).

М. выдвинул прогрессивные педагогич. идеи: школа должна не «начинать память» учащегося, а развивать его разум; ни одно филос. учение не должно ему преподноситься как догма — ознакомившись с различными воззрениями «пусть сделает выбор самостоятельно» (кн. первая, там же, кн. 1, с. 195—96). Изучаться должны не только книги, но прежде всего сама жизнь, природа и люди. При этом воспитание интеллекта должно сочетаться с физич. воспитанием.

М. оказал большое влияние на развитие атеизма и материализма во Франции и за ее пределами. Наследниками и продолжателями его идей являлись Гассенди, Декарт, Бейль, «либертенны», Р. Бэкон, а позднее Вольтер, Руссо и франц. материалисты 18 в. Для многочисл. трудов совр. бурж. историков философии характерно искажение взглядов М. В работах Г. Янсена «Монтень-фидеист» (H. J. J. Janssen, Montaigne fidéiste, 1930), М. Ситолё «Подлинный Монтень — теолог и солдат» (M. Citoleux, Le vrai Montaigne, théologien et soldat, 1937), Р. Склафера «Религиозная душа Монтеня» (C. Sclafert, L'ame religieuse de Mon-

taigne, 1951), а также в работах Ж. Кошена (1925), М. Дреано (1936, 1952), Г. Трюк (1945), Г. Фридриха (1949), Ж. Шенвалье (1956) и др. М. изображается активным защитником религии, в особенности католицизма, реакционером в политике. Т. Сюран (1903), Р. Думик (1905), Р. Рихтер (1903—08), Э. Фор (1926), Э. Ауэрбах (1946), А. Крессон (1952), И. Гиршбергер (1955) и мн. др. приписывают М. идеализм, агностицизм, политич. консерватизм. В. Вогуславский. Москва.

Соч.: «Опыты» («Essais») — осн. соч. М. Издано впервые в Бордо в 1580. При жизни автора вышло еще три издания (Бордо, 1582, Париж, 1587 и 1588, последнее — в 3 книгах, значительно дополненное). Людовик XIV запретил печатание «Опытов» (1670), а Ватикан включил их в 1676 в «Индекс запрещенных книг». В один из экземпляров 1588 М. внес большое количество поправок. В первом посмертном издании (Лион, 1593) они не учтены, но начиная с париж. изд. 1595 в какой-то мере принимались во внимание. Текст 1595 многократно переиздавался без особых изменений. Лишь в начале 20 в. выяснилось, что париж. изданием 1595 правка М. учтена неудоветворительно. В 1912 текст с пометками автора издан фотомеханич. способом, после чего в печати появляются новые, окончательные версии, в их числе изд. на франц. яз. — 1924—27. Переводы на англ. яз.: первый — 1603, 1685, новый — [1957]; на нем.: первый — 1753—54, 1793—99, новый — 1915; на исп.: 1899, [1912], 1941, 1948, 1947—51; на каталонском: 1930—35; на итал.: в отрывках 1590, полный 1633, новый — 1953; на голл.: 1674; на дат. — 1955; на венг. — 1803; на швед. — 1923; на фин.: 1955; на польском: 1909, [1932, 1957]. На рус. яз. частично переведено С. Волчковым — «Михайла Монтаньева опыты...», СПб., 1762. Затем вышел неполный перевод В. И. Глебовой («Пантеон литературы», 1891, март, июнь, 1892, июль, сент.). Взгляды на воспитание детей, «Женское образование», 1891, № 6—7, 9. Мысли о воспитании детей. Избр. места из «Опытов», пер. с франц. В. Смирнова, в кн.: Раблэ Ф. и Монтань М., Мысли о воспитании и обучении, М., 1896. Новое рус. издание: вступ. статьи Ф. А. Коган-Бернштейн и М. П. Баскина, изд. подготовили А. С. Борович, Ф. А. Коган-Бернштейн, А. А. Смирнов, Н. Я. Рыкова, кн. 1—3, М., 1954—60. Д. Азарх. Москва.

Oeuvres complètes, вступит. ст., комментарии и примечания Армэнго, ч. 7—6, P., 1924—27; Journal du voyage en Italie par la Suisse et l'Allemagne en 1580 et 1581, P., [1955]; Gesammelte Schriften, Bd 1—8, 2 Ausg., 1915.

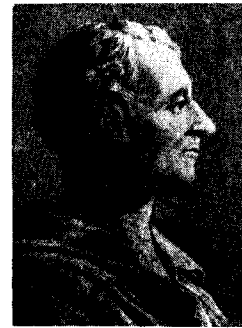
Лит.: Миллер О., М. и его взгляд на народную словесность, «Отечеств. записки», 1864, т. 155, № 7; Л-кин И., Очерк развития скептич. мысли во Франции в XVI и XVII вв., «Знание», 1873, № 1, 3, 8, 12; Мережковский Д., Монтань, «Рус. мысль», 1893, кн. 2; Пиков В., У истоков эмпиризма, «Под знаменем марксизма», 1933, № 5; История философии, т. 2, М., 1941 (см. Указатель имени); История философии, т. 1, М., 1957 (см. Именной указатель); Коган-Бернштейн Ф. А., М. Монтань и его «Опыты», в кн.: Монтань М., Опыты, кн. 1, М., 1954; Баскин М. П., М. М. как философ, там же; Вогуславский В. М., «Опыты» М. М., «Вопр. философии», 1956, № 5; Коган-Бернштейн Ф. А., Филос. воззрения М. М., в кн.: Монтань М., «Опыты», кн. 3, М.—Л., 1960; Кессель Л. М., М. и его «Опыты», «Вестн. истории мировой культуры», 1961, № 1; Волпегон Р., Montaigne, l'homme et l'oeuvre, P., 1893; Gide A., Essai sur Montaigne, P., 1929; Plattard J., Montaigne et son temps, P., [1933]; Villeu P., Les sources et l'évolution des Essais de Montaigne, 2 éd., v. 1—2, P., 1933; Strowski F., Montaigne. Sa vie publique et privée, P., [1938]; Brunshyicq L., Descartes et Pascal, lecteurs de Montaigne, N. Y.—P., [1944]; Weiler M., Pour connaître la pensée de Montaigne, [P.], 1948; Friedrich H., Montaigne, Bern, [1949]; Callot E., Von Montaigne zu Sartre, Meisenheim, 1953; Schön P. M., Vorformen des Essays in Antike und Humanismus, Wiesbaden, 1954; Morgau P., Montaigne. L'homme et l'oeuvre, 4 éd., P., [1958]; Frauge D. M., Montaigne's discovery of man, N. Y., 1955; Таппенбаум С. А., M. E. de Montaigne (A concise bibliography), N. Y., 1942. В. Вогуславский. Москва.

МОНТЕСКЬЕ (Montesquieu), Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де М. (18 янв. 1689—10 февр. 1755) — франц. философ-просветитель, историк и правовед, писатель; участник «Энциклопедии». Род. в семье знатного провинц. дворянина. Отказавшись в 1726 от офиц. гос. должностей, занялся спец. изучением франц. и европ. иск-ва, предприняв в 1728 путешествие по Европе. М. — мыслитель энциклопедич. склада: он занимался физикой и механикой, философией и социологией, историей, теорией права и государства и др. науками. М. блестяще знал искусство, разрабатывал вопросы эстетики. В духе *деизма* М. провозглашал бога лишь «созда-

телем и охранителем» природы; бог не вмешивается в ее дела и сам подчиняется объективным закономерностям. Тяготая к материализму, М. подчеркивал, что «непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишеного разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам. Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атенстов» (Избр. произв., М., 1955, с. 163, вступит. ст. М. П. Баскина. Подробная библиография соч. М. в рус. пер., составленная А. П. Примаковским). Вслед за англ. материалистами М. неоднократно указывал на то, что человек как физич. существо является частью природы и приобретаемые им знания суть прежде всего знания о природе, основанные на опыте. Подчеркивая свой сенсуализм, М. называл человека чувствующим существом. Благодаря разуму человек оценивает свои ощущения и делает правильные выводы. Как и все просветители, М. считал разум способным к непрерывному прогрессу, призывал человечество к борьбе с суевериями, мешающими людям жить. В этой связи М. отмечал значение науки, к-рую противопоставлял теологии, основанной на плоском антропоморфизме (см. «Персидские письма», 1956, с. 177). В отличие от просветителей-атенстов, М. считал, тем не менее, веру в бога необходимым условием для поддержания обществ. порядка и сохранения нравственности. Вместе с тем он вел борьбу против осн. догматов христианства, в частности против учения о бессмертии души. М. утверждал, что люди, думающие о пребывании души на «том свете», мало заботятся о земной жизни и не хотят улучшения обществ. строя. В этой же связи М. приходил к выводу, что христианство погворствует паразитизму. М. протестовал против претензий церкви на светскую власть, высказывался за свободу совести и гневно осуждал все проявления религ. фанатизма, считая, что деятельность инквизиции покрывала нозором всю Европу («О духе законов», 25 кн.).

Ярким выражением просветительских взглядов М. являются его эстетич. идеи (см. «Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства», написанный для «Энциклопедии»). М. решительно выступал против церк. иск-ва и считал, что гл. задача всех видов и жанров иск-ва — доставлять людям удовольствие, что источником иск-ва является объективная действительность и что оно имеет познават. значение. «Искусство, — заявлял М., — приходит нам на помощь и обнаруживает природу, которая от нас ускользает» (Избр. произв., с. 741). Слабостью эстетики М. является его неумение связать проблемы иск-ва с интересами третьего сословия, с борьбой простого человека за свои права, непоправимые церковными и светскими феодалами. В этом отношении он значительно уступал Дидро, Руссо и др. франц. просветителям.

В своей историч. концепции М. решительно выступил против теологич. понимания истории (*Августина, Фомы Аквинского* и др.). М. считал бессмысленным искать божеств. предопределение в социальных явлениях. С т. зр. М., история человечества — независимый от бога закономерный процесс. Он понимал под законами необходимые отношения, вытекающие из природы вещей, объективно существующие правила. «Было бы нелепо думать, что творец мог бы управлять

миром и помимо этих правил, — утверждает М., — так как без них не было бы и самого мира» (там же, с. 163). Признание детерминированности обществ. явлений — большая заслуга М. Вместе с тем, как и др. просветители, он вступил в противоречие с детерминизмом. Идеалистически подходе к истории, М. видел в ней продукт деятельности законодателей (см. «Персидские письма», с. 295) и определял закон, как человек, разум, управляющий народами («О духе законов», кн. 1). М. — один из основоположников *географической школы* в социологии. Он доказывал, что географич. среда и в первую очередь климат — решающая причина различия форм гос. власти и законодательства. Так, напр., он утверждал, что «в жарких климатах... обыкновенно царит деспотизм...» (Избр. произв., с. 215). Кроме географич. фактора, М. признавал и такие «естественные законы», как закон самосохранения, стремление человека добывать себе пищу, биологич. влечение людей друг к другу, как к представителям одной животной породы и т. п. В итоге, опираясь на принципы *естественного права и общественного договора*, М. приходил к выводу, что люди сознательно отказались от «естественного состояния» и пришли к гос-ву и частной собственности. М. сыграл большую прогрессивную роль как критик королевского деспотизма, к-рому он противопоставлял конституц. монархию англ. образца, защищающую частнособственнич. устои и формальные бурж. свободы. В этом политич. идеале М. отразилась его позиция компромисса аристократии и буржуазии.

Основоположники марксизма, высоко оценивая просветительскую деятельность М., неоднократно отмечали бурж. ограниченность его взглядов и принципиальную несостоятельность его оценки монархич. строя (см., напр., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 1, с. 374). Такой же ограниченный бурж. характер носит развиваемое М. под влиянием Локка учение о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную.

М. неоднократно высказывался о России (см., напр., «О духе законов», кн. 10, гл. 13; кн. 13, гл. 6; кн. 19, гл. 14). Он беспощадно бичевал ее деспотич. режим, отмечал достоинство рус. народа, в к-ром ценил такие черты, как патриотизм и настойчивость. М. особо интересовался деятельностью Петра I, экономич. прогрессом России, к-рый связывал с уничтожением феод.-крепостнич. отношений. М. пользовался большим уважением среди передовых деятелей России — Радищева, Пушкина, декабристов, революц. демократов. Уже в 18 в. появились первые переводы соч. М. на рус. язык («Размышления о причинах величества Римского народа и его упадка», 1769; позже напечатаны под назв. «Рассуждения о причинах возвышения и упадка римлян», 1893; «Персидские письма», 1789, и др.).

Франц. компартия неоднократно подчеркивала прогрессивную роль М. в истории Франции и мировой обществ. мысли. По постановлению Всемирного Совета Мира 20 мая 1955 во всех странах отмечалось двухсотлетие со дня смерти М. [М. Баскин]. Москва.

Соч.: О духе законов (De l'esprit des lois) — осн. произведение М. Первое изд. в 2 тт. вышло в 1748 в Женеве. Книга перерабатывалась десятки раз. Включена во все многочисл. полные собр. соч. М., начиная с трехтомника 1758 (Амстердам — Лейпциг), в т. ч. в двухтомник 1949—51 (éd. R. Caillois) и в 1-й том Полн. собр. соч., Париж, 1950 (éd. de M. A. Masson). Многочисл. пер. на англ. яз., начиная с 1749 (Лондон), в т. ч. американские, начиная с 1802 (Вустер, Масс.) вплоть до 1949 (Нью-Йорк) и 1955 (Чикаго); пер. на нем. яз. — первое изд. 1753 (Франкфурт — Лейпциг). Из поздних — пер. 1951 (Тюбинген). Книга вошла во все нем. собр. соч. Пер. на гол. яз. (1771—73), исп. (многочисл. изд. 1787 до 1921, 2 тт.), итал. (от 1777 до 1931), польский (1777, 1957), венг. (1833, 1962). Первый рус. пер. (4 тома) В. Крамаренкова, СПб., 1775 (2 «тиснение», 1801). Полн. пер. осуществлены Дм. Языковым в 4 чч. в 1809—

1814, Е. Карнеевым в 3 чч. (СПБ, 1839 и 1862), А. Г. Горифельдом со вступ. статьей М. М. Ковалевского (СПБ, 1900), А. Прессом (СПБ, 1901); пер. А. Г. Горифельда с исправлениями А. И. Рубина вошел в «Избранные произведения» Монтеस्कье (М., 1955). Неск. раз печатались пер. отрывков в хрестоматиях по истории философии (А. Фулье, М., 1895, пер. П. Николаева и др.).

Letters persanes, Amst., 1721; Considérations sur les causes de la grandeur de Romains et de leur décadence, Amst., 1734.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, 3, 5, 20, 23 (по имен. указат.); Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 25, с. 402; Никонов А. А., М., его жизнь и учено-литер. деятельность, СПб., 1893; Сорель А., Монтеस्कье, пер. с франц., М., 1898; Ильберт К., Монтеस्कье, пер. с англ., СПб., 1904; Герцен А. И., Собр. соч. в 30 тт., т. 7, М., 1956, с. 332; Волгин В. П., Социальные и политич. идеи во Франции перед революцией (1748—1789), М.—Л., 1940; История философии, т. 2, [М.], 1941 (по имен. указат.); Писарев Д. И., Избр. соч. и обществ.-политич. статьи, [М.], 1949; Момджян Х. Н., Гельвеций и М., «Изв. АН Арм. ССР. Обществ. науки», 1948, № 10; его же, Философия Гельвеция, М., 1955, с. 18—48; его же, Монтеस्कье, «Коммунист», 1955, № 4; Баскин М. П., Ш. Л. М. — выдающийся франц. мыслитель XVIII века, М., 1955; История философии, т. 1, М., 1957, с. 533—35; Vian L., Histoire de Montesquieu, sa vie et ses oeuvres, P., 1878; Brunetière F., Histoire de la littérature française classique (1515—1830), t. 3, P., [1913]; Hazard P., La pensée européenne au XVIII siècle de Montesquieu à Lessing, t. 1—3, P., 1946; Lanson G., Histoire de la littérature française, P., [1952]; Durkheim E., Montesquieu et Rousseau précurseurs de la sociologie, P., 1953; Cotta S., Montesquieu e la scienza della società, Torino, 1953; Groethuyzen B., Philosophie de la Révolution française, 6 éd., P., 1956; Rombout M. W., La conception stoïcienne du bonheur chez Montesquieu..., Leiden, 1958 (Дисс.); Althusser L., Montesquieu..., P., 1959; Shackleton R., Montesquieu..., [Oxf.], 1961.

[М. Баскин]. Москва.

МОПЕРТЮИ (Maupertuis), Пьер Луи Моро (28 сент. 1698—27 июля 1759) — франц. математик, физик и философ; чл. Франц. академии наук (1723), с 1745 — президент Прусской академии наук. После посещения Англии в 1728 М. стал одним из первых энергичных проводников идей Ньютона, к-рые он защищал и разрабатывал в полемике с *картезианством*. Считая неприменимыми для объяснения всех явлений природы декартовский закон сохранения количества движения и лейбницевский закон сохранения «живой силы», М. в качестве универсального механич. закона Вселенной сформулировал принцип наименьшего действия, к-рый в уточненной и обобщенной форме явился одним из осн. принципов физики: «когда происходит в природе какое-нибудь изменение, то количество движения, употребленное для этого изменения, всегда является наименьшим из возможных» (Oeuvres..., t. 1, Lyon, 1756, p. 42—43). Согласно М., все законы движения могут быть выведены из этого принципа. Принцип этот является для М. наиболее убедит. доказательством существования всемогущего и всеведущего существа. При объяснении природы М. считал необходимым умеренное пользование конечными причинами (целями). Он занимал промежуточную позицию между последоват. *деизмом* и *теизмом*. Та же примирит. тенденция заметна в отношении М. к христианству, к-рое, по его мнению, полно непонятных догм и в то же время учит наиболее совершенной морали, способной сделать людей счастливыми.

Промежуточная позиция М. вызвала критику как со стороны теологов, недовольных его вольнодумством, так и со стороны противников христианства — атеистов и деистов.

В филос. взглядах М. имеются моменты, сближающие его с франц. материализмом 18 в. М. стремился преодолеть дуализм материи и духа, объяснить явления психики из свойств самой материи. Это привело его к крайним формам *гилозоизма* и органицизма. Для объяснения органич. жизни, по М., совершенно недостаточно ссылки на такие свойства материи, как протяженность, непроницаемость, подвижность, инерция,

притяжение. Нужно предположить, что мельчайшим частицам материи, ее элементам принадлежат свойства, к-рые в людях называются желанием, отражением, памятью, разумом. Характеризуя эту теорию, высказанную в работе «Система природы» («Système de la nature», 1754) как «...наиболее соблазнительный вид материализма», Дидро вместе с тем отмечал необоснованность предположений М., полагая, что у элементов материи — органич. молекул — следует допустить лишь наличие неразвитой формы искривки — чувства, «похожего на тупое и смутное осязание» (см. Избр. филос. произв., М., 1941, с. 124); на эту гипотезу Дидро обратил внимание Ленин (см. Соч., т. 14, с. 25 и 34). Критика М. идеалистич. монадологии Лейбница и вообще пристрастия философов к созданию законченных систем, защита им идей трансформизма, принятие локковского сенсуализма — все это также свидетельствует о материалистич. тенденциях в философии М.

Соч.: Oeuvres, t. 1—4, Lyon, 1768.
Лит.: Дидро Д., Собр. соч., т. 1, М.—Л., 1935 (по указат. имен); Brunet P., Maupertuis, v. 1—2, P., 1929; Guéroult M., Dynamique et métaphysique leibniziennes, Strassb., 1934; Crombie A. C., P.—L. Moreau de Maupertuis, précurseur du transformisme, «Revue de Synthèse», 1957, № 5—6.

[В. Зубов], В. Кузнецов. Москва.

МОР (More), Генри (12 окт. 1614—1 сент. 1687) — англ. философ-мистик и поэт, один из гл. представителей школы кембриджских платоников, проф. философии и теологии Кембриджского ун-та. Свой крайне мистич. идеализм М. отстаивал в борьбе против материализма Гоббса и физики Декарта, подвергая механистич. понимание природы критике справа и отрицая, что в мире что-либо существует на основе чисто физич. законов, независимо от духовных факторов. В полемике с Декартом (1648—49) М. отвергал понимание протяжения как атрибута материи и рассматривал его как атрибут бога. Пространству он приписывал четыре измерения, признавая его материальным и считая протяжение присущим как материальной, так и духовной субстанции. М. подверг также критике с идеалистич. позиций механистич. учение Декарта о животных, признавая душу не только у человека (и ангелов), но также животную и растительную души. Против картезианского учения о корнисулах М. выдвинул учение о бесконечно малых одухотворенных первичных элементах, лишенных формы (фигуры). Придерживаясь теизма, М. считал, что «мировая душа», правящая материальным миром, подчиняется богу. Он признавал не только бессмертие души, но и предсуществование души и присущие им *врожденные идеи*, отрицающие опытное происхождение знания. К врожденным идеям М. относил и вечные аксиомы морали. В противовес детерминизму, а также кальвинистской догме предопределения, он был сторонником свободы воли, основывая на ней свое религ.-этич. учение. Больше, чем у других кембриджских платоников, его философия наполнена фантастич. суевериями, оккультным, теософией, каббалистикой.

Соч.: Antidotus adversus atheismum, L., 1652; Enchiridion ethicum, [s. l.], 1668, [4 ed.], Amst., 1695; Enchiridion metaphysicum, L., 1671; Opera omnia, v. 1—3, L., 1675—79; переписка с Декартом, см.: Oeuvres de Descartes, ed. Ch. Adam et P. Tannery, v. 5, Correspondence, P., 1903; Philosophical writings..., ed. with introduction and notes by P. I. Mackinnon, N. Y., 1925 (имеется библи.).
Лит.: Смирнов А. И., Англ. моралисты XVII в., Каз., 1880; его же, Петерия англ. этики, т. 1, Каз., 1880, с. 346—57; Ward R., The life of the learned and pious, L., 1710, [new ed.], L., 1911; Cassirer E., Die Platonische Renaissance in England..., Lpz.—B., 1932; англ. пер., Edinb., 1953; Anderson P. R., Science in defense of liberal religion; a study of H. More's attempt to link seventeenth century religion with science, N. Y.—L., 1933.

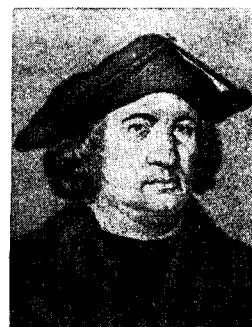
Б. Выховский. Москва.

МОР (More), Томас (7 февр. 1477 или 1478 — 7 июля 1535) — англ. гуманист и политич. деятель, осно-

ватель *утопического социализма*. В 1492 поступил в Оксфордский ун-т, где сблизился с кружком англ. гуманистов (Колет, Гроцин, Линакр). Большое влияние на М. оказали взгляды итал. философа-гуманиста *Пико della Мирандола*, в особенности его учение о человеке. В 1494 М. оставил ун-т и занялся изучением права. К 1497 относится начало многолетней дружбы М. с *Эразмом Роттердамским*, посвятившим ему впоследствии свое сочинение «Похвала глупости». Своей справедливостью М. приобрел популярность как адвокат, и в 1504 был избран в парламент. Смелым выступлением против финансовых притязаний королевской власти М. вызвал недовольство Генриха VII и вынужден был отойти от политической деятельности до вступления на престол Генриха VIII (1509). В 1510 М. стал помощником шерифа Лондона, с 1523 — пред. палаты общин, а с 1529 — лорд-канцлер королевства. В годы Реформации М. выступал в защиту *католицизма*, резко полемизировал с лютеранами. За выступление в защиту верховенства папы и отказ дать присягу королю, как главе церкви, М. был заключен в Тауэр и казнен.

В обширном и разнообразном лит. наследии М., включающем переводы диалогов Лукриана, нек-рых произведений Пико della Мирандола, лат. стихотворения и послания, «Историю короля Ричарда III», морально-филос. трактаты и полемич. соч. против лютеран, центр. место занимает «Утопия» (1516; см. соч. библиографич. справку в конце статьи), положившая начало лит-ре утопич. социализма. Само слово «утопия» составлено из греч. слов «отрицание» и «место», и означает «несуществующее место». В этой книге М. дал резкую критику совр. ему обществ. строя, нарисовал потрясающую картину бедствий трудящихся масс Англии, на к-рую ссылается Маркс, характеризуя процесс первоначального накопления в Англии (см. «Капитал», т. 1, 1955, с. 724—40). Осн. причиной пороков общества М. считал господство частной собственности, но причину ее существования видел в дурных качествах людей — гордости, тщеславию. Миру эксплуатации и несправедливости М. противопоставлял идеальное общество острова Утопии.

В Утопии не существует частной собственности. Земля является обществ. достоянием и находится в собственности гос-ва, представляющего собой федерацию городов. Основу производства составляет с. х-во, однако с. -х. населения в Утопии не существует. С.-х. произ-во организовано по принципу всеобщей трудовой повинности — в нем участвуют все граждане, живущие в городах и выезжающие на два года поочередно на земледельч. работы. Большая часть населения занимается ремесл. произ-вом. Гл. хоз. ячейка — семья, организованная не столько на родственных, сколько на производств. началах; в случае, если кто-нибудь испытывает склонность к др. виду ремесла, он переходит в др. семью; подобные переходы осуществляются и по распоряжению гос-ва в случае экономич. целесообразности. Все граждане Утопии участвуют в производит. труде. От физич. труда освобождена только небольшая группа лиц, проявивших особые способности к науч. занятиям. Все продукты с. х-ва и ремесл. произ-ва являются обществ. достоянием; все необходимое граждане получают из обществ. складов. Распределение осу-

ществляется по потребности; в Утопии достигнуто изобилие продуктов, рабочий день сокращен до 6 часов. Это оказывается возможным в результате упразднения тунеядства, паразитизма. Особую категорию населения Утопии составляют рабы, выполняющие наиболее тяжелые работы. Это либо военнопленные, либо лица, осужденные на каторжные работы (смертная казнь в Утопии применяется только по отношению к закоренелым преступникам), причем честный труд и хорошее поведение могут привести к освобождению от рабства.

Должностные лица в Утопии избираются гражданами прямо или косвенно. Утопийцы воюют только тогда, когда защищают свою территорию, прогоняя врагов, или защищают своих союзников и освобождают их от ига тирана.

Короткий рабочий день и всеобщее изобилие создают возможности для занятий науками. В Утопии учатся все дети, кроме того, значительная часть мужчин и женщин, занятых физич. трудом, изучают науки в свободное от работы время. Обучение детей связано с их подготовкой к производств. деятельности в с. х-ве и ремесле.

Женщины в Утопии пользуются равными с мужчинами правами, наравне с ними участвуют в произ-ве, в обществ. жизни, получают равное образование, участвуют в защите родины от врагов в случае войны и могут быть избранными в священники. Женщины, как правило, свободны от домашнего х-ва, т. к., хотя утопийцам и разрешается обедать дома, они предпочитают общие трапезы в специально отведенных дворцах. Больные содержатся в обществ. больницах, где им обеспечено лечение и уход.

Гуманистич. мораль утопийцев осуждает тунеядство, в то же время она свободна от аскетизма. Утопийцы ценят красоту, здоровье как дары природы, физич. и духовные наслаждения. Утопийцы презирают золото, золотые цепи надевают только на рабов и из золота делают отхожие места. Высшее наслаждение они видят в изучении наук, в познании окружающего их мира.

В Утопии господствует полная веротерпимость. Обязательными для всех являются вера в сотворение мира богом и в бессмертие души, без чего, по мнению утопийцев, невозможна нравственность. Атеистам запрещено проповедовать свои взгляды публично, они могут беседовать лишь со священниками и старейшинами, но никаким наказаниями они не подвергаются. Священники выборны, всякое насилие, навязывание религ. убеждений преследуется законом. В целом религия утопийцев сводится к пантеистич. почитанию «божественной природы», освобожденному от вероисповедных особенностей, обрядности, т. е. к той «естественной религии», к-рой стремились гуманисты.

Вызванная к жизни противоречиями эпохи первоначального накопления и зарождения капиталистич. отношений, связанная отчасти с предшеств. лит. традицией (сам М. упоминает Платона и «коммунизм» ранних христиан), отчасти с рассказами современников о быте индейцев (выдвинута также гипотеза о влиянии на «Утопию» сведений об общинном быте слав. народов — см. М. П. Алексеев, Славянские источники «Утопии» Т. Мора, в кн.: М. П. Алексеев, Из истории англ. лит-ры, 1960), «Утопия» М. объективно выражала протест трудящихся масс против капиталистич. эксплуатации. Воплощенная в «Утопии» мечта о бесклассовом обществе положила начало многовековой традиции утопич. социализма и оказала влияние на произведения Морелли, Годвина, Кабе, сен-симонистов и др. утопистов. Несмотря на неизбежную историю, ограниченность (непонимание роли технич. прогресса в развитии социалистич. строя,

сохранение в обществе утопийцев рабства, религии, патриархальных семейных отношений и т. п.), М. сумел гениально предвосхитить нек-рые существ. черты коммунизма.

Соч.: «Утопия», полн. назв.— «Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (De optimo rei publicae statu, deque nova insula Utopia, libellus vere aureus)— первые два изд.— Louvain, 1516 и Paris, 1517; лучшее при жизни автора 3 изд.— Basel, 1518. Последующие многочисл. изд.— перепечатки с этих изд. Имеются переводы на англ. яз.— L., 1551; лучшее науч. изд. лат. текста и англ. пер.: The Utopia of sir Th. More. In Latin from the ed. of march 1518, and in English from the first ed. of R. Robynson's transl. in 1551, with additional transl., introduction and notes by J. H. Lupton, Oxf., 1895; пер. на нем. яз.— Basel, 1524, нов. изд., Lpz., 1951; на франц. яз.— P., 1550; лучший франц. пер.— P., 1789; на итал. яз.— Venecia, 1548; на исп.— Cordova, 1637. Рус. пер.— Картина всевозможно лучшего правления или Утопия, СПб, 1789; пер. Тарле Е. В., СПб, 1901; пер. Генделя А. Г., СПб, 1903, 4 изд., X., 1923. Новейший пер. Малена А. И. и Петровского Ф. А., вступ. ст. Волгина В. П., 2 изд., М., 1953.

Opera omnia, Fr./M.—Lpz., 1689; The works, written in English tongue, L., 1557, переизд. v. 1—7, L.—N. Y., 1931; The correspondence of sir Th. More, Princeton, 1947. Лит.: Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, [М.], 1953, с. 34; [без автора], Т. Морус и его Утопия, «Библиотека для чтения», 1837, т. 24, раздел 3; Яковенко В. И., Т. Мор. Его жизнь и обществ. деятельность, СПб, 1891; Виллер Р., «Утопия» Т. Мора, «Мир божий», 1896, № 3; Тарле Е. В., Обществ. воззрения Т. М. в связи с экономич. состоянием Англии его времени, СПб, 1901; Каутский К. Т., Т. М. и его утопия, пер. с нем., М., 1924; Волгин В. П., Предшественники совр. социализма в отрывках из их произведений, ч. 1, М.—Л., 1928; История философии, т. 2, [М.], 1941 (см. по указателю); Осинковский И. Н., Социально-политич. взгляды Т. М., М., 1954 (авторферат); Мортон А. Л., Англ. утопия, пер. с англ., М., 1956; История философии, т. 1, М., 1957, с. 322—25, 339; Осинковский И. Н., Т. М. в англ. историографии XX в., в сб.: Сп. века, вып. 24, М., 1962, с. 262—75; Bridgett T. H. E., Life and writings of sir Th. More, L.—N. Y., 1891, нов. изд.— [Ann Arbor—L., 1962]; Hutton W. H., Sir Th. More, L., 1895; Dermenghem E., T. Morus et les utopistes de la Renaissance, P., [1927]; Routh E. M. G., Sir Th. More and his friends, L., 1934; Chambers R. W., The place of St. More in English literature and history, L., [1934]; его же, Th. More, 6 ed., L., [1938]; Sargent D., Th. More, N. Y., [1948]; Sturm K., T. Morus, B.—Lpz., [1948]; Campbell W. E., Erasmus, Tyndalle and More, L., [1949]; Battaglia F., Saggi sull'«Utopia» di T. More, Bologna, 1949; Hexter J. H., More's Utopia. The biography of an idea, Princeton, 1952; Möbus G., Macht und Menschlichkeit in der Utopia des T. Morus, B., 1953; Zavala S., Sir Th. More in New Spain. A utopian adventure of the Renaissance, [L., 1955]; Surtz E., Praise of pleasure, philosophy, education and communism in More's Utopia, Camb. (Mass.), 1957; его же, The praise of wisdom; a commentary in the religious and moral problems and backgrounds of St. Th. More's Utopia, Chi., 1957; Sullivan F., Sullivan M. P., Moreana. 1478—1945. A preliminary check list of material by and about St. Th. More, Kansas City, 1946; Sullivan F., Sir Th. More, a first bibliographical notebook..., Los Angeles, 1953; Gibson R. W., St. Th. More: a preliminary bibliography of his works and of Moreana to the year 1750. With a bibliography of Utopiana, New Haven—L., 1961; Petsch D., T. Morus, Warsz., 1962.

А. Горфункель. Ленинград.

МОРАВСКИЕ БРАТЬЯ — название, употребляющееся для обозначения 1) представителей религ. секты чешских братьев, эмигрировавших в нач. 18 в. из Моравии в результате преследований протестантов в Германию; позднее многие из них переселились в Англию и Америку; 2) моравской ветви нем. анабаптистов (16 в.), к-рые, спасаясь от преследований в Германии и Австрии, нашли убежище в Моравии. М. б. отрицали всякое насилие, войну, вообще участие в осуществлении светской власти. Радикальное крыло М. б., вдохновлявшееся Я. Гутером, отстаивало принципы потребительского коммунизма (общность имущества, общее питание, общее воспитание детей и др.). М. б. разделили судьбу протестантских общин, подвергшихся разгрому после полной ликвидации политической самостоятельности Чехии в результате Белогорской битвы 1620. Р. Каливода. ЧССР.

МОРАЛЬ (от лат. *moralis* — нравственный) — форма обществ. сознания, совокупность принципов, правил, норм, к-рыми люди руководствуются в своем поведении. Эти нормы являются выражением определ. реальных отношений людей друг к другу и к различным формам человек. общности: к семье, трудовому коллективу, классу, нации, обществу в целом. Важнейшую специфич. черту М. составляет нравств. оценка поступков и побуждений к ним. Основой такой оценки являются сложившиеся в обществе, в среде данного класса представления о *добре и зле*, о долге, справедливости и несправедливости, о чести и бесчестье, в к-рых находят выражение требования к индивиду со стороны общества или класса, обществ. или классовые интересы. В отличие от *права*, принципы и нормы М. не зафиксированы в гос. законодательстве; их выполнение основано не на законе, а на совести и обществ. мнении. М. воплощается в правах и обычаях. Устойчивые, прочно закрепившиеся нормы нравств. поведения, переходящие от поколения к поколению, составляют нравств. традицию. В содержание М. входят также нравств. убеждения, чувства и привычки, образующие в совокупности нравств. сознание личности. М. проявляется в поступках людей. Нравств. поведение характеризуется единством сознания и действия.

Согласно историч. материализму, М. является одним из элементов идеологич. надстройки общества. Социальная функция М. состоит в том, чтобы способствовать сохранению и укреплению существующих обществ. отношений или содействовать их уничтожению — путем нравств. одобрения или осуждения определ. поступков и обществ. порядков. Основой формирования норм М. является социальная практика, те отношения, к-рыми люди связаны друг с другом в обществе. Среди них определяющее значение принадлежит производств. отношениям. Люди вырабатывают те или иные моральные нормы прежде всего в соответствии со своим положением в системе материального произ-ва. Именно поэтому в классовом обществе М. носит классовый характер; каждый класс вырабатывает свои моральные принципы. Кроме производств. отношений, на М. воздействуют также исторически сложившиеся нац. традиции, семья и быт. М. взаимодействует с другими составными частями надстройки: гос-вом, правом, религией, иск-вом.

Моральные воззрения людей изменялись вслед за изменениями их социальной жизни. В каждую эпоху общество в целом или составляющие его антагонистич. классы вырабатывали такой критерий М., к-рый с объективной необходимостью вытекал из их материальных интересов. Ни один из этих критериев не мог претендовать на общезначимость, поскольку в классовом обществе не существовало и не могло существовать единства материальных интересов всех людей. Однако в М. передовых обществ. сил содержались элементы общечеловеч. М. будущего. Их наследует и развивает рабочий класс, призванный навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком и создать общество без классов. «Мораль истинно человеческая, — писал Энгельс, — стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда не только будет уничтожена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни» («Анти-Дюринг», 1957, с. 89).

Прогресс в развитии общества закономерно приводил к прогрессу и в развитии М. «...В морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем наблюдается прогресс» (там же). В каждую историч. эпоху прогрессивный характер носили те моральные нормы, к-рые отвечали потребностям обществ. развития, способствовали уничтожению

старого, отжившего обществ. строя и замене его новым. Носителями нравств. прогресса в истории всегда были революц. классы. Прогресс в развитии М. состоит в том, что с развитием общества зарождались и получали все большее распространение такие нормы М., к-рые поднимали достоинство личности, ценность общественно-полезного труда, воспитывали в людях потребность служить обществу, солидарность между борцами за справедливое дело.

М. — древнейшая форма обществ. сознания. Она зародилась в первобытном обществе под непосредств. воздействием процесса произ-ва, к-рый требовал согласования действий членов общины и подчинения воли индивида общим интересам. Практика взаимоотношений, складывавшаяся под влиянием жестокой борьбы за существование, постепенно закреплялась в обычаях, традициях, к-рые строго выполнялись. Основой морали были первобытное равенство и свойственный родовому обществу первобытный *коллективизм*. Человек чувствовал свою неразрывную связь с коллективом, вне к-рого он не мог добывать пищу и бороться с многочисленными врагами. «Безопасность индивида зависела от его рода; узы родства являлись мощным элементом взаимной поддержки; панести кому-либо обиду значило обидеть его род» (Архив Маркса и Энгельса, т. 9, 1941, с. 67). Беззаветная преданность и верность своему роду и племени, самоотверженная защита сородичей, взаимопомощь, сострадание по отношению к ним были непререкаемыми нормами М. того времени, и во имя рода его члены проявляли трудолюбие, выдержку, мужество, храбрость, презрение к смерти. В совместном труде закладывалось чувство долга, на основе первобытного равенства рождалось чувство справедливости. Отсутствие частной собственности на средства произ-ва делало М. единой для всех членов рода, для всего племени. Каждый, даже самый слабый член рода чувствовал за собой его коллективную силу; в этом состоял источник чувства собственного *достоинства*, свойственного людям того времени. Классики марксизма-ленинизма указывали на высокий уровень М. в родовом обществе, где, по словам Ленина, общая связь, самое общество, *дисциплина*, распорядок труда держались «...силою привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже передко и более высокое, и когда особого разряда людей — специалистов, чтобы управлять, не было» (Соч., т. 29, с. 438).

Вместе с тем было бы неправильно идеализировать М. первобытнообщинного строя и не видеть ее исторически обусловленной ограниченности. Суровые условия жизни, крайне низкий уровень развития произ-ва, бессилие человека перед еще непознанными силами природы порождали суеверия и крайне жестокие обычаи. В роде получил свое начало древний обычай кровной мести. Лишь постепенно исчезал дикий обычай людоедства, долго еще сохранявшийся во время военных столкновений. Маркс в конспекте книги «Древнее общество» указывал, что в родовом обществе развивались как положительные, так и нек-рые отрицат. нравств. качества. «На низшей ступени варварства начали развиваться высшие свойства человека. Личное достоинство, красноречие, религиозное чувство, прямота, мужество, храбрость стали теперь общими чертами характера, но вместе с ними появились жестокость, предательство и фанатизм» (Архив Маркса и Энгельса, т. 9, с. 45).

М. первобытнообщинного строя — гл. обр. М. слепого подчинения непререкаемым требованиям

обычая. Индивид еще слит с коллективом, он не создает себя личностью; отсутствует различие «личного» и «общественного». Коллективизм носит огранич. характер. «Все, что было вне племени, — говорит Энгельс, — было вне закона» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 99). Дальнейшее развитие общества потребовало расширения общения людей и должно было закономерно повести за собой расширение тех рамок, в которых действуют моральные нормы.

С возникновением рабовладельч. общества наступил период существования классовой М. Частная собственность подорвала, а затем и разрушила коллективизм родового общества. Энгельс писал, что власть первобытной общины «... была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются воспримчивыми новыми, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели» (там же). Частная собственность освободила рабовладельцев от необходимости трудиться; производим. труд стал считаться недостойным свободного человека. В противоположность обычаям и правам родового общества, М. рабовладельцев рассматривала социальное неравенство как естественную и справедливую форму чужд. отношений и защищала частную собственность на средства произ-ва. Рабы по существу стояли вне М., они рассматривались как имущество рабовладельца, «говорящее орудие».

Тем не менее новая М. являлась отражением более высокого уровня развития общества и, хотя она и не распространялась на рабов, охватывала гораздо более широкую общность людей, чем род или племя, а именно — все свободное население гос-ва. Нравы оставались крайне жестокими, однако пленных уже, как правило, не убивали. Подверглось нравств. осуждению и исчезло людоедство. *Индивидуализм* и связанный с ним *эгоизм*, к-рый пришел на смену первобытному коллективизму и со врем. рабовладельч. М. лежит в основе нравственности всех эксплуататорских классов, были на первых порах необходимой формой самоутверждения личности (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 236). Вместе с тем то лучшее, что было создано в нравств. сознании родового строя, не умерло совсем, а получило в новых условиях новую жизнь. Многие из простых норм нравственности и справедливости, зародившихся в родовом обществе, продолжали жить в среде свободных ремесленников и крестьян эпохи рабовладения. Наряду с М. рабовладельцев и ее разновидностью для угнетенных — рабской М. смирения и покорности — возникла и развивалась в массах рабов М. протеста угнетенных против угнетения. Эта М., будившая возмущение бесчеловечными порядками рабовладельч. строя и развившаяся особенно в эпоху его упадка, отражала противоречия, которые вели к крушению рабовладельч. общества, и ускоряла его крах.

В эпоху феодализма характерной чертой духовной жизни было господство религии, церкви, к-рая выступала «... в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 361). Догматы церкви оказывали большое влияние на нравственность и сами имели, как правило, силу нравств. нормы. М.,

проповедовавшаяся христ. церковью, имела целью защиту феод. отношений и примирение угнетенных классов с их положением в обществе. Эта М. с ее проповедью религ. нетерпимости и фанатизма, ханжеского отказа от мирских благ, христ. равенства людей перед богом и смирения перед властью имущими внешне выступала как единая М. всего общества, но в действительности служила лицемерным прикрытием аморальной практики и дикого произвола духовных и светских феодалов. Для М. господствующих эксплуататорских классов характерно все возрастающее расхождение между официальной М. и практич. М. или реальными нравств. отношениями (правами). Общей чертой практич. М. духовных и светских феодалов было презрение к физич. труду и трудящимся массам, жестокость по отношению к инакомыслящим и всем тем, кто покушался на феод. порядки, ярко проявившаяся в деятельности «святой инквизиции» и в подавлении крест. восстаний. С крестьянином «... всюду обращались как с вещью или выучным животным, или же еще того хуже» (там же, с. 356). Реальные нравств. отношения были очень далеки и от нек-рых норм христ. М. (любви к ближнему, милосердия и т. п.) и от рыцарского кодекса того времени, предписывавшего феодалу проявлять верность сюзерену и «даме сердца», честность, справедливость, бескорыстие и т. д. Предписания этого кодекса играли, однако, определ. положит. роль в развитии нравств. отношений.

М. господствующих классов и сословий феод. общества противостояла прежде всего М. крепостных крестьян, отличавшаяся крайней противоречивостью. С одной стороны, века феод. эксплуатации, политич. бесправия и религ. одурманивания в условиях феод. замкнутости вырабатывали у крестьян смирение и покорность, привычку к подчинению, холопский взгляд на духовного и светского феодала как на отца, определенного богом. Энгельс писал, что «... крестьян, хотя и озлобленных страшным гнетом, все же трудно было поднять на восстание. Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего соглашения. Действовала долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению» (там же, с. 357). С др. стороны, жестокая эксплуатация пробуждала в крестьянах чувства стихийного возмущения и протеста, к-рые, хотя и облекались вплоть до 18 в. в религ. форму, давали толчок крест. войнам и восстаниям. Эти последние, в свою очередь, способствовали нравств. развитию крестьянства, пробуждению его классового сознания, выдвижению из крест. среды новых и новых бесстрашных борцов за справедливость. Сама эта справедливость обычно понималась крест. революционерами в духе спартанского равенства. Энгельс указывал, что крест. восстаниям зап.-европ. средневековья, носившим религ. окраску, свойствен плебейский и пролет. *аскетизм*, к-рый был необходим для того, чтобы низшие слои феод. общества пришли в движение.

В подраж. феод. общества зарождается и развивается бурж. М. как отражение возникающих и развивающихся бурж. отношений. Эта М., в особенности в ее первоначальных формах, противостоит М. феодалов. Моральные нормы ср.-век. бюргерства и буржуазии эпохи революций 17—18 вв. осуждают паразитич. образ жизни аристократии и в качестве положит. требований выдвигают труд (как средство создания и увеличения богатства), бережливость, скромность, воздержание (как условие накопления собственности), честность (как условие успешной коммерч. деятельности). Эти моральные требования получили религ. освящение в протестантской М. (см. *Протестантизм*). Нравств. идеал буржуазии воплощался в образе энергичного, деятельного человека, любимыми средствами до-

бывающегося успеха, богатства и уважения сограждан. М. поднимавшейся буржуазии оправдывала и освещала борьбу против феод. строя. Маркс писал: «...как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет попадались героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов» (там же, т. 8, с. 120).

Внутр. противоречивость и эксплуататорская сущность бурж. М. проявилась тогда, когда пришедшая к власти буржуазия оказалась лицом к лицу с поднимавшимся на борьбу пролетариатом. Обещанное бурж. просветителями царство разума и справедливости оказалось на деле царством денежного мешка, усилившим нищету рабочего класса, породившим новые социальные бедствия и пороки (см. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1957, с. 241). Бурж. М. с ее претензией на всеобщность и вечность оказалась узкой, ограниченной и своекорыстной М. буржуа.

Оси. принципом бурж. М., определяемым характером бурж. обществ. отношений, является принцип святости и неприкосновенности частной собственности как «вечной» и «незыблемой» основы всей обществ. жизни. Из этого принципа вытекает моральное оправдание эксплуатации человека человеком и всей практики бурж. отношений. Ради богатства, денег, прибыли буржуа готов нарушить любые нравственные идеалы и гуманистич. принципы. Буржуазия, достигнув господства, «...не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“. В ледяной воде эгоистического расчета потонула она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость...» (Маркс и Энгельс с Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 426).

В бурж. М. получил свое законченное выражение свойственный в той или иной мере М. всех эксплуататорских классов индивидуализм и эгоизм. Частная собственность и конкуренция разъединяют людей и ставят их во враждебные отношения друг к другу. Если в борьбе против феодализма бурж. индивидуализм еще способствовал в известной мере становлению личности, освобождению ее от феод. и религ. пут, то в период господства буржуазии он стал источником лицемерно маскируемого или открытого аморализма. Индивидуализм и эгоизм ведут к подавлению подлинно челоуеч. чувств и отношений, к пренебрежению обществ. долгом, подавляют и уродуют развитие личности.

Неотъемлемой чертой бурж. М. является лицемерие, ханжество, двуличие. Источник этих пороков коренится в самой сущности капиталистич. отношений, делающих каждого буржуа лично заинтересованным в нарушении официально провозглашаемых моральных норм и в том, чтобы эти нормы соблюдались остальными членами общества. По образному замечанию Энгельса, буржуа верит в свои нравств. идеалы только с похмелья или когда он обанкротился.

Чем ближе капиталистич. строй к своей гибели, тем антинароднее и лицемернее становится М. буржуазии. Особенно реакц. характер она приняла в совр. эпоху — эпоху крушения капитализма и утверждения коммунизма. Глубокий моральный распад охватил в наибольшей степени верхушку капиталистич. общества — монополистич. буржуазию. Она превратилась в класс излишний и в процессе произ-ва и в обществ. жизни. Для совр. буржуазии характерно отсутствие подлинно нравств. идеалов, неверие в будущее, пессимизм и цинизм. Бурж. общество переживает глубокий идейный и нравств. кризис. Моральная деградация буржуазии особенно пагубно сказывается на молодежи, в среде к-рой растут преступность и аморализм. Историч. обреченность буржуазии воспринимается

бурж. сознанием как грядущая гибель всего общества, является источником деградации всех моральных ценностей бурж. общества. Чтобы отсрочить свою гибель, буржуазия прибегает к проповеди антикоммунизма, в к-ром значит. место занимает клевета на геронч. М. передовых борцов за мир и прогресс.

Уже на ранних этапах развития бурж. общества в рабочем классе зарождается пролет. М. Она возникает и развивается в борьбе, к-рую рабочий класс ведет против буржуазии, против бесправия и гнета, и формируется затем под воздействием научного, диалектико-материалистич. мировоззрения. Марксистско-ленинская теория впервые дала науч. обоснование цели, к к-рой стремились все угнетенные классы — уничтожению эксплуатации — и открыла пути и средства к достижению этой цели. Осн. черты пролет. М. вытекают из особенностей и историч. роли пролетариата.

Революц. пролетариат сознательно кладет в основу нравств. оценки классовый интерес. «Для нас, — говорил Ленин, — нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата... Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов» (Соч., т. 31, с. 267, 268). Эта борьба, по словам Ленина, налагает на пролетариат великие обязанности и требует от него героизма, самоотверженности и сплоченности не только в национальном, но и в интернацион. масштабе. Вместе с тем борьба за великие цели освобождения нар. масс служит для пролет. борцов источником морального удовлетворения, чувства достоинства, веры в свои силы. Образцом негнбаемого мужества, героизма, непоколебимой веры в нар. массы является самоотверженная борьба пролет. революционеров-коммунистов.

Для М. рабочего класса характерен последоват. коллективизм, к-рый вытекает из экономич. условий жизни рабочего класса, из особенностей его борьбы за освобождение от капиталистич. эксплуатации. Солидарность рабочего класса становится могучей моральной силой в их борьбе за уничтожение капитализма. Победа социалистич. революции, социалистич. преобразования в СССР, а затем и в странах нар. демократии открыли широкую дорогу нравств. прогрессу и сопровождались коренными изменениями в нравств. сознании масс. На основе ликвидации эксплуататорских классов был преодолен нравств. раскол в жизни общества, уничтожены экономич. корни, питавшие бурж. М. Господствующей стала коммунистич. М., являющаяся дальнейшим развитием пролет. М.

Коммунистич. М. развивается на базе новых, социалистич. обществ. отношений и в то же время является закономерным результатом нравств. прогресса общества. Она органически включает в себя подлинные эthic. ценности, созданные нар. массами в предшествующие эпохи. «Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальными гнетом и нравственными пороками» (Материалы XXII съезда КПСС, 1961, с. 410).

Вместе с тем коммунистич. М. качественно отличается от тех нравств. идей, к-рыми руководствовались в своей борьбе угнетенные классы в обществе, основанном на эксплуатации. Коммунистич. М. — это обобщение нравств. отношений нар. масс, борющихся за коммунистич. переустройство общества

под руководством марксистско-ленинской партии. Объективным критерием коммунистич. М. является борьба за укрепление и завершение коммунизма. Коммунистич. М. имеет своей социальной основой обществ. отношения, обеспечивающие единство личных и обществ. интересов людей. Это М. освобожденного труда, перед к-рым открылись необозримые горизонты развития подлинно человеческих качеств и способностей.

Этим определяются характерные черты коммунистич. М. и содержание ее осн. принципов. Коммунистической М. свойствен глубокий оптимизм, жизнеутверждающая сила, вера в победу сил прогресса и торжества светлых нравств. идеалов. Коммунистич. М. высоко поднимает достоинство человека, веру в его возможности и разум. Не менее характерной чертой коммунистич. М. является проповышающий все ее нормы и принципы последоват. гуманизм.

В коммунистич. М. получает дальнейшее развитие социалистич. коллективизм, взаимопомощь членов социалистич. общества в труде, в обществ. начинаниях, в учебе и быту. Этот моральный принцип, всесторонне развивающийся в период развернутого строительства коммунизма, опирается на подлинный коллективизм обществ. отношений. Благодаря господству социалистич. собственности на средства производства достоянием нравств. сознания членов общества становится та простая истина, что «... интерес, благо, счастье каждого в отдельности неразрывно связаны с благом остальных людей» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 535).

Вопреки клеветнич. утверждениям бурж. идеологов, коммунистич. М. не требует растворения личности в коллективе, подавления личности. Наоборот, принципы коммунистич. М. открывают широкий простор для всестороннего развития и расцвета личности каждого трудящегося человека, потому что только при социализме «...самобытное и свободное развитие индивида перестаёт быть фразой...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 441). Одним из условий развития высоких нравств. качеств личности (чувства достоинства, мужества, принципиальности в убеждениях и поступках, честности, правдивости, скромности и т. п.) является деятельность индивида в социалистич. коллективе. В сов. обществе, строящем коммунизм, мн. миллионы трудящихся участвуют в управлении гос. делами, проявляют творч. инициативу в развитии социалистич. произ-ва, в борьбе за новую жизнь.

Для нравств. отношений социалистич. общества характерно новое отношение к обществ.-полезному труду, к-рый оценивается обществ. мнением как высоко нравств. дело (см. *Коммунистический труд*). Нравств. качеством сов. людей стала забота об обществ. благе, высокое сознание обществ. долга. Сов. людям свойственна любовь к социалистич. Родине и социалистич. интернационализму.

Победа социализма утвердила новые нравств. отношения в быту людей, в их семейной жизни, положила конец угнетенному положению женщины.

Семейные отношения в социалистич. обществе освобождаются от материального расчета, основой семьи становятся любовь, взаимное уважение, воспитание детей.

Коммунистич. М. социалистич. общества, строящего коммунизм, представляет собой стройную систему принципов и норм, нашедших обобщенное выражение в моральном кодексе строителя коммунизма. Эти принципы и нормы утверждаются в жизни сов. общества в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей, с чуждыми сов. обществ. строю моральными нормами старого общества, к-рые держатся силой привычки, традиции и под влиянием бурж. идеологии.

Коммунистич. партия рассматривает борьбу с проявлениями бурж. морали как важную задачу коммунистич. воспитания и считает необходимым добиться, чтобы новые нравств. нормы стали внутр. потребностью всех сов. людей. Новые моральные нормы порождаются самой жизнью социалистич. общества и являются отражением новых общественных отношений. Но для того чтобы они стали достоянием всего народа, необходима настойчивая, целеустремленная идеологическая и организаторская работа партии.

Свое полное развитие коммунистич. М. получит в коммунистич. обществе, где нравств. отношения будут играть роль гл. регулятора поведения. Вместе с совершенствованием коммунистич. обществ. отношений будет постоянно совершенствоваться и коммунистич. М., будет все больше раскрываться красота подлинно человеческих нравственных отношений.

В. Морозов. Москва.

Лит.: Маркс К., Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, там же, т. 20; его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21; его же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, там же, т. 24; В. И. Ленин о морали, М.—Л., 1926; В. И. Ленин о коммунистической нравственности, 2 изд., М., 1963; Гренин В. И., Задачи союзов молодежи, [М.], 1954; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Мораль как ее понимают коммунисты, [Документы, письма, высказывания], 2 изд., М., 1963; Шопенгауэр А., Свобода воли и основы М., 3 изд., СПб, 1896; Бергелю О. М., Наука и нравственность, М., 1898; Летурно Ш., Эволюция М., 1899; Брюнетьер Ф., Иск-во и нравственность, СПб, 1900; Ницше Ф. В., Происхождение морали, Собр. соч., т. 9, М., [1902]; Каутский К., Происхождение М., М., 1906; Кржиwickий Л. И., Происхождение и развитие нравственности, Гомель, 1924; Юначарский А. В., М. с марксистской точки зрения, Х., 1925; Марксизм и этика. [Сб. ст.], 2 изд., [К.], 1925; Ярославский Е., М. и быт пролетариата в переходный период, «Молодая Гвардия», 1926, кн. 5, с. 138—53; Лафарг П., Исследования о происхождении и развитии идей: справедливости, добра, души и бога, в кн.: Лафарг П., Экономич. детерминизм Карла Маркса, 2 изд., М.—Л., [1928]; Морган Л. Г., Древнее общество, 2 изд., Л., 1935; Калинин М. И., О моральном облике нашего народа, 2 изд., М., 1947; Карева М. П., Право и нравственность в социализме, М., 1955; Шипкин А. Ф., Основы коммунистич. М., М., 1955; его же, Основы марксистской этики, М., 1961; Вуслов К. В. И. Ленин о классовой сущности морали, «Коммунист Белоруссии», 1957, № 6; Колоник П. Ф., М. и религия, М., 1958; Мухортов Н. М., Некоторые вопросы коммунистической М. в связи с проблемой необходимости и свободы, «Тр. Воронеж. ун-та», 1958, т. 69, с. 187—201; Кош И. С., М. коммунистич. и М. буржуазная, М., 1960; Бакшут В. К., Моральные стимулы в жизни человека, [Свердл.], 1961; Ефимов Б. Т., Коммунизм и М., К., 1961; Прокофьев В. И., Две М. (М. религиозная и М. коммунистич.), М., 1961; Штерман Е. М., М. и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961; Марксистская этика. Хрестоматия, сост. В. Т. Ефимов и И. Г. Петров, М., 1961; Васкин М. П., Кризис бурж. сознания, М., 1962; Бёк Г., О марксистской этике и социалистич. М., пер. с нем., М., 1962; В человеке все должно быть прекрасно. [Сб. ст.], Л., 1962; Курочкин П. К., Православие и гуманизм, М., 1962; О коммунистич. этике. [Сб. ст.], Л., 1962; Селзам Г., Марксизм и М., пер. с англ., М., 1962; Уткин С., Очерки по марксистско-ленинской эстетике, М., 1962; Хайкин Я. З., Нормы права и М. и их связь при переходе к коммунизму, «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1962, вып. 124, Тр. по философии, вып. 6, с. 94—123; Дробницкий О. Г., Оправдание безнравственности. Критич. очерки о совр. бурж. этике, М., 1963; Журков М. Г., Важнейший принцип коммунистической морали, «Вопр. философии», 1963, № 5; Иванов В. Г. и Рыбакова Н. В., Очерки марксистско-ленинской этики, [Л.], 1963; Садыков Ф. Б., Коммунистич. нравственность, [Новосиб.], 1963; Шварцман К. А., «Психологический анализ» и вопросы М., М., 1963; Златаров А., Мораль и наука, в кн.: Златаров А., Очерки по философии на биологията, София, 1911, стр. 46—105; Schweitzer A., Civilization and ethics, 3 ed., L., 1946; Oakley H. D., Greek ethical thought from Homer to the stoics, Bost., 1950; Draz M. A., La morale du Koran, P., 1951; Lottin D. O., Psychologie et morale aux XII et XIII siècles, t. 2—4, Louvain—Gembloux, 1948—54; Carritt E. F., Morals and politics. Theories of their relation from Hobbes and Spinoza to Marx and Bosanquet, Oxf., [1952].

Л. Азарх. Москва.

МОРАЛЬ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ. — см. *Мораль* (раздел Коммунистическая мораль), *Моральный кодекс*, *Коммунистическое воспитание*, *Коммунистический труд*, *Этика*.

МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО — см. *Социально-политическое и идейное единство*.

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС строителя коммунизма — свод научно обоснованных принципов коммунистической морали, возникших в социалистическом обществе и нашедших свое теоретическое обобщение в Программе КПСС, принятой XXII съездом КПСС. В истории существовали различные моральные кодексы, как писанные (заповеди религии, сословные кодексы, дуэльные и т. д.), так и неписанные, фактически существующие в каждой, исторически известной форме морали. О высоком М. к. мечтал Руссо, к-рый писал в письме Вольтеру от 18 авг. 1756: «Я хотел бы, чтобы в каждом государстве существовал моральный кодекс, нечто вроде исповедания гражданской веры, которое содержало в положительной форме те общественные максимы, которые всякий должен признавать, и в отрицательной форме нетерпимые максимы, которые следует отвергать не как безбожные, а как мятежные. Этот кодекс, будучи составлен тщательно, был бы, по-моему, наиболее полезной книгой из когда-либо написанных и, быть может, единственной, необходимой людям» (цит. по кн.: Хрестоматия по истории западноевропейского театра, т. 2, 1955, с. 363). Необходимости новых М. к. утверждали и утопич. социалисты. Так, напр., Сен-Симон говорил о создании Академии моральных наук, целью к-рой было бы установление «кодекса чувств», соответствующего справедливым законам и принципам поведения (см. Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1948, с. 256—58). Появление М. к. не случайно, обычно они формулируются тогда, когда выраженные в них требования уже прочно закреплены в обществ. мнении соответствующей обществ. группы.

В противовес абстрактному содержанию моральных кодексов прошлого, претендовавших на выражение вечных и неизменных «добродетелей», М. к. строителя коммунизма носит конкретно-историч. характер, отражает уровень обществ. развития, степень и форму распространения новых нравств. норм, высокую моральную культуру социалистич. общества и определяющие тенденции нравств. развития личности в условиях перехода к коммунизму. Кодекс рожден самой эпохой строительства коммунизма, когда в обществе все больше возрастает и расширяется сфера действия нравственности и сокращается сфера действия административного регулирования отношений между людьми.

Ведущим принципом М. к. является преданность делу коммунизма, любовь к социалистич. Родине. В нем определено новое отношение человека к труду, к обществ. собственности, к обществ. интересам, общению между людьми в условиях господства социалистич. производств. отношений (*коллективизм*, гуманность, честность и правдивость, простота и скромность), отношение его к семье, к детям. Нетерпимость к порокам старого мира и непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов М. к. сов. человека причисляет к важнейшим принципам коммунистич. морали, выражающим ее революц. направленность и боевой дух. Интернациональная природа М. к. раскрывается в утверждении им дружбы и братства народов СССР, братской солидарности с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Жестоким и циничным законами эксплуататорских классов М. к. строителя коммунизма противопоставляет нравств. принципы коллективизма и гуманизма, выраженные в словах: «каждый из всех, все за одного», «человек человеку — друг, товарищ и брат» (см. Программа КПСС, 1961, с. 120).

В основе М. к. строителя коммунизма лежит утверждение идеалов международного коммунистического движения и борьба за коммунизм. Но это классовое содержание сочетается в нем с общечеловеческой, поскольку борьба за коммунизм отвечает интересам не только рабочего класса, трудящихся, но в конечном итоге и всего человечества.

М. к. служит могуществ. средством нравств. воспитания сов. людей, он способствует выполнению гл. задачи этого воспитания — сформировать сознательного и активного борца за коммунизм, всесторонне развитого нового человека, свободного от пороков и пережитков старого общества.

Лит.: Ленин В. И., Задачи союзной молодежи, Соч., 4 изд., т. 31; Материалы XXII съезда КПСС, М., 1962; Постановления Пленума ЦК КПСС. Июнь 1963 г. Об очередных задачах идеологической работы партии..., М., 1963; Шишкин А. Ф., Основы марксистской этики, М., 1961; Косолапов С. М., Крутова О. П., Нравств. принципы строителя коммунизма, М., 1962; Журавков М. Г., Важнейший принцип коммунистич. морали, «Вопр. философии», 1963, № 5, его же, Об отношении человека к обществу, «Политич. самообразование», 1963, № 4.

МОРГАН (De Morgan), Огастес (Августус) де (1806—1871) — шотл. математик и логик, основатель логич. анализа отношений; проф. математики (1828—34; 1836—66) Университетского колледжа в Лондоне; первый президент (1866) Лондонского математич. об-ва. Известен работами по теории математич. рядов, а также историко-математич. и историко-физич. исследованиями.

К своим алгебро-логич. идеям М. пришел независимо от Буля. М. определял логику как теорию имен предметов и исчисление необходимых и вероятностных умозаключений. Осн. результаты М. сформулированы в соч. «Формальная логика ...» («Formal logic, or the calculus of inference, necessary and probable», 1847, [2 ed.], 1926), где он изложил элементы *логики высказываний* и *логики классов*, дал первую развитую систему алгебры отношений. М. обобщил аристотелевскую теорию форм высказываний, употребляя знак логич. отрицания не только над предикатом суждения, но и над его субъектом (последней операции в дальнейшем было присвоено назв. «квалификация»). Вслед за Ламбертом М. анализировал умозаключения, состоящие из количественно определенных предложений, не укладывающихся в рамки традиц. силлогистики. Алгебра отношений М. содержит такие важные понятия, как логич. сумма и логич. произведение отношений, деление отношений на транзитивные и нетранзитивные и т. п. М. — инициатор применения логич. исчислений к обоснованию теорем теории вероятностей. С именем М. связаны т. н. *законы де Моргана* (см. также *Алгебра логики*).

Соч.: First notions of logic, preparatory to study of geometry, L., 1839; A budget of paradoxes, L., 1872, new ed., [L.], 1954; Syllabus of a proposed system of logic, L., 1860.

Лит.: Стяжкин Н. И., К характеристике ранней стадии развития идей математич. логики, «Филос. науки» (Науч. доклады высшей школы), 1958, № 3; De Morgan S. B., Memoir of A. de Morgan, L., 1882 (имеется в библиографии); De Morgan as a logician, «J. speculative Philos.», 1884, v. 18. *Н. Стажкин*. Москва.

МОРГАН (Morgan), Льюис Генри (21 ноября 1818—17 дек. 1881) — амер. этнограф и историк первобытного общества. В 1841—43 изучал юриспруденцию. В 1844 поступил в адвокатуру в г. Рочестер, в к-рой состоял до конца жизни. В 1840 основал об-во «Великий орден прокезов», имевшее целью изучение истории и культуры индейцев и оказание им помощи. С этого времени М. систематически посещал резервации прокезов и изучал хозяйство, культуру и общество строй прокезов. В 1847 М. был усыновлен племенем сенека. В 1851 издал кн.: «Лига прокезов» («League of the Ho-dé-no-sau-nee or Iroquois», нов. изд., т. 1—2, 1922). М. провел огромную работу по сравнительно-систематическому родству прокезов и др. индейских племен, а позднее и др. народов мира. В 1871 в монографии

«Системы родства и свойства человеческой семьи» («Systems of consanguinity and affinity of the human family») М. показал, что номенклатуры родства отражают реальные родств. отношения далекого прошлого, древние формы брака и семьи и поэтому являются важным историч. источником. В 1875 М. был избран членом Нац. АН. В 1877 вышло основное соч. М. — «Древнее общество...» («Ancient society or researches in the lines of human progress...»), рус. пер. под назв. «Первобытное общество» — 1900, затем с правильным названием — 1934 и 1935). В 1879 М. был избран президентом амер. ассоциации для развития науки. Последние годы жизни М. занимался изучением жилищ индейцев («Дома и домашняя жизнь амер. туземцев» — «Houses and house-life of the American aborigines», 1881; рус. пер. — 1934).

М. положил начало научной истории первобытного общества. Гл. причину прогресса человек. общества он видел в совершенствовании материального произ-ва, хотя и понимал этот процесс только как историю отд. изобретений. «...Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 25).

Положит. значение для своего времени имела введенная М. периодизация (*дикость, варварство, цивилизация* с дальнейшей разбивкой этих крупных периодов на отд. ступени), основанная на развитии отд. элементов материальной культуры. Энгельс подчеркивал, что «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе» (там же, с. 28).

Важной стороной социологич. концепции М. является его теория об историч., переходящем характере частной собственности, развитие которой «...тесно связано с увеличением числа изобретений и открытий...» (Морган и Л. Г., Древнее общество, Л., 1934, с. 315). М. нанес удар господствовавшим в бурж. науке взглядам о вечном и неизменном характере частной собственности и соответствующего ей общества. Вместе с тем М. не сумел глубоко вскрыть причины возникновения частной собственности, классов и гос-ва.

Ядром учения М. является обоснованная им на огромном фактич. материале теория об универсальности родовой организации и о едином пути развития человек. общества, прошедшего через периоды матриархата и патриархата. Открытие М. универсальности материнского рода «...имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 223). Теория М. сыграла большую роль в опровержении почти безраздельно господствовавшей до тех пор патриархальной теории (см. *Патриархат*). М. уделил также большое внимание вопросам развития брачно-семейных отношений, опроверг библейские представления об изначальности семьи, возглавляемой патриархами.

По его схеме брачные отношения прошли путь от прамискуитета через групповой брак к моногамии, а последовательно сменявшимися друг друга формами семьи были кровнородств. семья, пуналуа, парная и многогамная семья.

Вскоре после выхода в свет книги М. «Древнее общество» ею заинтересовался К. Маркс и в 1880—1881 составил ее конспект (К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», в кн.: Архив

Маркса и Энгельса, т. 9, 1941). По словам Энгельса, Маркс собирался изложить результаты исследований М. в связи с выводами своего материалистич. изучения истории и «...только таким образом выяснить все их значение» (там же, т. 21, с. 25). В конспекте Маркс не только излагает взгляды М., но и критикует его по нек-рым вопросам, а в ряде пунктов существенно дополняет материалы М. Так, Маркс подчеркивает роль классовой борьбы в процессе становления государства, дополняет данные М. своими материалами о поздних формах общины у др. германцев и южных славян, вскрывает значение перехода от материнского к отцовскому счету родства как процесса распада родовой организации и показывает связь моногамной семьи с возникающими классовыми отношениями. Конспект К. Маркса был использован Ф. Энгельсом при написании книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Впоследствии работами У. Риверса, А. М. Золотарева и других, гл. обр. сов. ученых, взгляды М. подверглись дальнейшему уточнению. Так, были опровергнуты гипотезы М. о существовании кровнородств. семьи и о семье пуналуа как обязат. стадии в истории семейно-брачных отношений.

Устарели и нек-рые другие частные положения М. Прошедшая в начале 1950-х гг. дискуссия выявила значит. недостатки в периодизации М., напр. неуправляемость нек-рых ее признаков. По теории М. о материнском роде, о развитии брачно-семейных отношений от прамискуитета через групповой брак к моногамии, а также и другие важнейшие положения успешно выдержали испытания времени.

Лит.: Маркс К., Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», в кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. 9, [М.], 1941; Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Косвен М. О., Энгельс и М., в сб.: Вопросы истории доклассового общества, М.—Л., 1936; Толстов С. П., К вопросу о периодизации истории первобыт. общества, «Сов. этнография», 1946, № 1, с. 25—30; е го же, К. Маркс и Л. Г. М., там же, с. 243—247; Левин М. Г., История, эволюция, диффузия, там же, 1947, № 2, с. 235—40; Горбачева Н. П., К вопросу о пересмотре периодизации М., там же, 1952, № 1, с. 154—166; Косвен М. О., О периодизации первобытной истории, там же, № 3, с. 157—58; Першиц А. И., Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, там же, 1955, № 4, с. 18—32; Монгайт А. Л. и Першиц А. И., Нек-рые вопросы первобытной истории в сов. лит. послевоенных лет, «Вопр. истории», 1955, № 1; Семенов Ю. И., «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и совр. данные этнографии, «Вопр. философии», 1959, № 7; е го же, Возникновение человек. общества, Красноярск, 1962, с. 41—58; Stegn B. I., L. H. Morgan social evolutionist, Chi. (Ill.), [1931]; Resek K., L. H. Morgan, American scholar, [Chi., 1960]. Л. Файнберг. Москва.

МОРОДИНОВ, Авксентий Егорович [р. 10(23) февр. 1910] — сов. философ, др. филос. наук (с 1956), профессор (с 1955). Член КПСС с 1931. Окончил МИФЛИ (1934). Преподает философию в вузах с 1934. Зав. кафедрой философии Якутского ун-та (с 1956). Перевел на якут. яз. «Коммунистич. манифест» (1939), работу Энгельса «Людвиг Фейербах...» (1949), ряд трудов Ленина. Осн. проблематика науч. работ — формирование и развитие социалистич. культуры.

Соч.: В. И. Ленин социалистической индустрии коммунистич. культуры, Якутск, 1943; Расцвет и взаимное обогащение культур народов СССР, «Вопр. философии», 1951, № 6; Развитие социалистич. по содержанию, нац. по форме культур народов СССР, в кн.: Социалистич. нац. СССР, М., 1955; Развитие языков народов СССР, там же; О социалистич. содержании и нац. форме сов. культуры, М., 1959; В. И. Ленин и социалистич. культура, «По ленинскому пути», Якутск, 1960, № 4; В. И. Ленин о возникновении и развитии марксизма, Якутск, 1963; Коммунизм тутуута уонна сака кинини ритии, Якутск, 1963.

МОРЕЛЛИ (Morelly) — франц. просветитель, философ-деист, утопич. коммунист 18 в. Достоверных биографич. данных о М. не сохранилось (наиболее авторитетные исследователи — Волгин, Ж. Шнар — склоняются к мысли о реальном существовании М.);

ния М. стояло на трех книгах, изданных в 1743—48 в Париже и Амстердаме (см. соч.); в 1751—78 вышло пять анонимных работ, ряд указаний в к-рых позволяет приписать их автору, выступившему под именем М.

Основываясь на локковском сенсуализме, М. в двух первых работах, объединенных под назв. «Естественные принципы воспитания»

(«Principes naturels de l'éducation»), рассматривал человека как чувствующее существо, созданное для счастья, заключающегося в удовлетворении его страстей и потребностей. Эти потребности можно удовлетворить только в результате совместного с др. людьми труда; т. о., к образованию общества и развитию солидарности приводит необходимость. В естеств. состоянии люди владеют всем сообща; живя семьями, они любят друг друга, как братья. Рост населения, расселение привели к ослаблению сознания родства всех людей. Воцарилась вражда и распри, возникла частная собственность. Неразумные законодатели осыпали сложившиеся отношения, их законы сами стали источником бедствий общества. Но страдания людей не были напрасны. М.—оптимист, для него не существует абсолютного зла в физич. и нравств. мире; то, что представляется поверхностному взгляду злом, есть необходимый элемент общей гармонии Вселенной, установленной богом (М. близок в этом к *Лейбницу*, его *теодицее*). Разделяя теологич. взгляд на историю, М. считал, что провидение, заставив людей испытать все беды, привело их к открытию той истины, что соответствующее природе состояние равенства является наилучшим. После того как мудрецами открыты и разъяснены естеств. принципы общества, они постепенно становятся принципами воспитания, к-рое М. (предвосхищая *Гельвеция*) считал всемогущим; затем просвещенный законодатель придает им силу законов. М. не понял необходимости революц. борьбы нар. масс для преобразования общества. В поисках наиболее совершенной политич. формы М. переходил от идеи абсолютной монархии к идее патриарх. демократии (см. «Государь» — «Le prince...», т. 1—2, 1751 и «Базилиада» — «Naufrage des isles flottantes ou Basiliade du célèbre Pilpai», 1753). В своем осн. произв. «Кодекс природы» («Code de la nature, ou le véritable esprit de ses loix, de tout temps négligé ou méconnu», 1755; [ed. F. Villegardelle], P., 1841; [éd. E. Dölléans], P., 1910; [éd. G. Chinard, P.], 1950; в рус. пер. 1921, 1938, 1947 и 1956; два последних с предисл. В. И. Волгина и комментариями Р. Б. Шуваевой) М., критикуя феод. строй, социальное и имущест. неравенство, опираясь на труды *Мора*, *Кампанеллы*, Д. Вераса, Гедвилья, *Мелье*, не только нарисовал картину коммунистич. общества, но и дал разработку законодательства этого общества. К осн. законам М. относил следующие: «1. В обществе ничего не будет принадлежать отдельно или в собственность кому бы то ни было, кроме тех вещей, которые каждый употребляет для удовлетворения своих потребностей, для удовольствий, или для своего повседневного труда (М. пеходил здесь из представлений о ремесл. производстве, при к-ром орудия труда неразрывно связаны с личностью работника.— *В. К.*). 2. Каждый гражданин будет должностным лицом, обеспеченным работою и получающим содержание на общественный счет.

3. Каждый гражданин будет содействовать, со своей стороны, общественной пользе сообразно своим силам, дарованиям и возрасту» («Кодекс природы», М.—Л., 1947, с. 202). Коммунистич. общество в изображении М. строго централизовано и образует единую экономич. организацию, базирующуюся на обществ. собственности. В нем не существует ни обмена, ни продажи. Все граждане получают необходимые им продукты в «общественном магазине» (см. там же, с. 206—207). Верховный сенат, обладающий абсолютной властью, на основании учета ресурсов и потребностей общества устанавливает объем производства продуктов и число работников каждой профессии. Преодоление противоположности между городом и деревней М. видел в обязательности с.-х. труда для всех граждан в возрасте 20—25 лет. Образование соединено с производит. трудом. Однако проблема преодоления противоположности умств. и физич. труда, как и проблема воспитания гармонически развитой личности, еще не находит удовлетворительного решения у М., т. к. общее образование весьма элементарно и сводится в основном к изучению законов и моральных обязанностей, и лишь немногие, наиболее одаренные дети имеют возможность заниматься наукой и иск-вом. Для остальных граждан эта возможность открывается только по достижении 30-летнего возраста. Экономич. и административной единицей общества является крепкая патриархальная семья. Обществ. должности замещаются в порядке очередности (М. отвергал выборность, как нарушающую равенство) отцами семейств, достигшими 40-летнего возраста; остальные члены общества фактически исключены из политич. жизни. Эта социальная структура не подлежит изменению и устанавливается на вечные времена как выражение абсолютной истины, соответствующей порядку природы и разума. М. предусматривал создание свода моральных и филос. истин, изменять к-рые запрещено. Сторонник *деизма*, М. отвергал существование религии как вредных суеверия, считал необходимым создание гос-вом «естественной религии» и предлагал положить в основу философии коммунистич. общества положение о том, что существует всеблагой, всемогущий, но непостижимый бог. Черты историч. ограниченности воззрений М. (уравнительские тенденции, непоследовательность применения демократич. принципов, установление границ прогресса общества и познания — он считал непостижимой природу человек. способностей, неприятие материализма и атеизма) не могут заслонить главного у М.—предвосхищения нек-рых черт коммунистич. общества.

Работы М. были почти незамечены современниками, но «Кодекс природы» оказал большое влияние на идеологию бабунизма (см. *Бабёф*) и на франц. утонич. коммунистов 1-й пол. 19 в. (*Кабэ*, *Дезамы*).

Соч.: *Essai sur l'esprit humain*, P., 1743; *Essai sur le coeur humain*, P., 1745; *Physique de la beauté, ou Pouvoir surnaturel de ses charmes*, Amst.—Brux., 1748.

Лит.: Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, М., 1952, с. 109; Волгин В. П., История социализма, идей, ч. 1, М.—Л., 1928; его же, Очерки по истории социализма, 4 изд., М.—Л., 1935; его же, Французский утонич. коммунизм, М., 1960; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 336—39; История философии, т. 1, М., 1957, с. 584—86; Reverdy A., Morelly; idées philosophiques, économiques et politiques, Poitiers, 1909; Dutry J., Réflexions sur Morelly et le «Code de la nature», «Pensée», 1956, № 65; Rapport C. H., Le Socialisme, fasc. 13, Le Socialisme au XVIII siècle: Morelly, P., [s. a.].

МОРЕНО (Moreno), Якоб (Джэкоб) (р. 20 мая 1892) — бурж. социальный психолог и психиатр, основатель *социометрии*. Род. в Бухаресте. Окончил Венский ун-т, где изучал философию и медицину. Работал в психиатрич. клиниках и ин-тах Австрии и США (с 1927); создатель первого терапевтич. театра (1936); основатель (1936) и гл. врач клиники в Бикон-Хилле (ныне —

В. Кузнецов. Москва.

санаторий Морено), основатель журн. «Sociometry» (1937), Ин-та социометрии и психодрамы (1940; Ин-т Морено), проф. (с 1951) Нью-Йоркского ун-та. Отталкиваясь от психоанализа и гештальтпсихологии, под влиянием Зиммеля, Кули, Л. фон Визе, М. сконцентрировал внимание на психологич. взаимоотношениях людей в небольших группах.

Целостностью первого порядка М. считает «социальный атом» — индивида в окружении эмоциональных связей с другими людьми. Эта связь осуществляется якобы посредством «теле» — невидимых, нематериальных сгустков эмоциональной энергии, направленных от человека к человеку. Гл. качество людей, по М., — их «спонтанность», соответствующая «жизненному порыву» Бергсона.

М. исходит из того, что, кроме ясно видимой, офиц. макроструктуры общества, изучаемой социологией, существует некая внутр. неформальная микроструктура, образуемая переплетением индивидуальных влечений, притяжений и отталкиваний. В тех случаях, когда внешняя структура не соответствует внутренней, возникают неврозы и конфликты. Микроструктура обнаруживается с помощью разработанного М. социометрич. теста, результаты к-рого оформляются в социограмму. Последняя является как бы статич. срезом отношений в коллективе. Динамику этих отношений и причины конфликтов позволяют вскрыть, по М., психодрама и социодрама. Обнаруженный конфликт устраняется хирургически (перестановка людей) или терапевтически (терапевтич. театр). Применение социометрич. методов иногда позволяет достигнуть нек-рых практич. результатов повышения производительности труда, сглаживания конфликтов, лечения неврозов.

М. критиковал пороки капиталистич. строя, он выступал против подготовки новой войны и гонки вооружений. В то же время он выступил против учения Маркса, ложно утверждая, что марксизм сводит жизнь общества к экономич. схемам, игнорирует роль психологич. отношений между людьми. М. абсолютизирует роль психологич. отношений и неправомерно распространяет выводы, полученные на небольших социально однородных группах, на все общество. В целом его социометрия, выдаваемая за беспартийную науку, — лишь социальная утопия, объективно служащая сохранению капиталистич. строя.

С о ч.: Das Stegreiftheater, Potsdam, [1924]; англ. пер. — The theatre of spontaneity, N. Y., 1947; Application of the group method to classification, 2 ed., N. Y., 1932; The words of the father, N. Y., [1941]; Sociometry and the cultural order, [N. Y.], 1943; Sociodrama, a method for the analysis of social conflict, N. Y., [1944]; Who shall survive?, Washington, 1934, 2 ed., Beacon [N. Y.], 1953; Sociometry and the science of man, N. Y., 1956; Gruppenpsychotherapie und Psychodrama, Stuttg., 1959; в рус. пер. — Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе, М., 1958.

Лит.: Бахитов М. Ш., Об одной «новой» социологии утопии, М., 1958. В. Ольшанский. Москва.

МОРИ КОИТИ (наст. фамилия и имя — Су г и х а р а К э й д з о) (р. 1901) — японский философ, теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма, член КПЯ, лектор Центрального рабочего колледжа (Тюэиро дакуин) в Токио. Окончив филос. отделение Токийского императорского ун-та (1924), в конце 20-х гг. перешел на позиции марксизма. С 1932 сотрудничал в Обществе по изучению материализма. Выступал с пропагандой марксизма-ленинизма в филос. журнале «Изучение материализма» (Юбуцурон кэнкю). Подверг критике совр. бурж. филос. направления: иррационализм, экзистенциализм, феноменологизм и др. Осн. внимание уделяет исследованиям в области марксистской мысли ленинского этапа в философии, филос. материализма вообще. В 1961 в составе делегации япон. философов посетил Сов. Союз, где выступал с науч. докладами.

С о ч.: Иссэн кухяку сандзю си нэндо-но гаккай — Тэцугаку (Научный мир в 1934 г. — Философия), «Юбуцурон кэнкю», 1935, № 27; Рэкиси рирон-ни окурэ дзинруй-то юбуцурон (Антропология и материализм в истории теории), там же, № 28; «Дзиссэн» гайзин-ни кансүру токэн (Исследование, касающееся общей идеи «практики»). Изучение тенденций япон. академич. философии, там же, 1936, № 44; Сайкин-но рэкисирон-ни окурэ мондай-ни ёсатэ (О проблемах новейшей историч. теории), там же, № 45; Дзисэйкан сёби хюанизму-но мондай (Взгляд на человек. жизнь и проблемы гуманизма), там же, 1936, № 50; Киндай юбуцурон си (История совр. материализма), Токио, 1935, 2 изд., Токио, 1948; Рэнин «Тэцугаку ното» кэнкю (Изучение «Философских тетрадей» В. И. Ленина), ч. 1, Изучение материализма (Орган Ин-та по изучению материализма), Сб. № 6, Токио, 1949, сент.; ч. 2, там же, Сб. № 7, 1950, февр.; Тэцугаку нюмон (Введение в философию), Токио, 1957; Переводы на япон. яз.: М а р к с К и Э н г е л ь с Ф., Немецкая идеология, Токио, 1937, 2 изд., Токио, 1947; Л е н и н В. И., Государство и революция, Токио, 1946.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

МОРРИС (Morris), Уильям (24 марта 1834 — 3 дек. 1896) — англ. утопич. социалист, поэт, художник и теоретик иск-ва. Окончил Оксфордский ун-т. Свою деятельность начал в кружке художников-префаэлитов (Россетти, Бёрн-Джонс), пытался реорганизовать художеств. пром-сть по образцу ср.-век. ремесла. В 80-х гг. принимает активное участие в англ. рабочем движении. В 1883 примкнул к с.-д. федерации; в 1884 вместе с Элеонорой Маркс-Эвелинг и ее мужем возглавлял Социалистич. лигу; редактор журн. «Commonweal».

М. — автор утопич. романов «Сон про Джона Болла» («A dream of John Ball», в журн. «Commonweal», 1886—87, рус. пер. — [1911], нов. изд. — 1923), «Вести ниоткуда» («News from nowhere», в журн. «Commonweal», 1890, рус. пер. — [1906], нов. изд. — 1962).

Во мн. выступлениях и работах М., отстаивая социалистич. традицию в эстетике, развивал взгляд на иск-во как на трудовое наслаждение. Согласно М., всякое художеств. творчество уходит своими корнями в свободный труд, к-рый выступает как наслаждение, как развитие и применение в процессе деятельности различных сил и способностей человека. «То, что я признаю за подлинное искусство, — говорил М., — есть выражение наслаждения человека своим трудом» (The collected works of William Morris, v. 22, L.—N. Y., 1914, p. 42). Связывая творчество красоты со свободным и поэтому радостным трудом, М. остро ставил вопрос о народности иск-ва, ибо, по его мнению, приобщение к творч. труду делает каждого человека художником.

Согласно М., капиталистич. общество оказывается враждебным и губительным для иск-ва потому, что оно превращает труд миллионов людей в тяжкую обязанность. Иск-во в этих условиях становится все более рафинированным, далеким от жизни, вырождается в пустое времяпровождение богатых и праздных людей, в «искусство для искусства».

М. подошел к пониманию глубокой органич. связи судеб иск-ва с судьбой народа, с борьбой его за освобождение от капиталистич. рабства. М. примыкает к революц. движению рабочего класса, становится активнейшим участником социалистич. движения в Англии. Однако по сути дела он был, по характеристике Энгельса, «социалистом чувства». Рассматривая проблемы классовой и партийной борьбы скорее с эстетич. т. зр., М. не всегда мог правильно решать конкретные вопросы, подпадал иногда под влияние анархизма.

С о ч.: Selections, M., 1959, в рус. пер. — Как я стал социалистом, СПб, 1906.

Лит.: Маркс К и Энгельс Ф., Об искусстве, т. 2, М., 1957, с. 375—79; Шрагин Б., Наследие У. М., «Декоративное искусство СССР», 1960, № 5; Scott T., A bibliography of the works of W. Morris, L., 1897; Glasier J. B., W. Morris and the early days of the socialist movement, L., 1921; Fritzsche G., W. Morris 'Sozialismus und anarchistischer Kommunismus, Lpz., 1927; М а с к а й

J. W., *The life of W. Morris*, L., 1950; Thompson E. P., *W. Morris. Romantic to revolutionary*, L., 1955; MacLeod R. D., *W. Morris (As seen by his contemporaries)*, new ed., Glasgow, 1956.

МОРРИС (Morris), Чарлз Уильям (р. 23 мая 1901) — амер. философ. Проф. философии Чикагского (1931—47) и Флоридского (с 1958) ун-тов, член Америк. академии наук и искусств, Америк. филос. ассоциация, вице-президент ин-та по единству науки, один из редакторов серии «International encyclopedia of unified science».

Филос. работы М. ориентируются больше на психологию, биологию и социологию, поскольку основной задачей своих исследований он считает анализ социального и биологич. поведения человека, систематич. изложение и дальнейшее развитие социально-психологич. аспектов семиотич. наследия Ч. Пирса.

В своих гл. соч. «Основы теории знаков» («Foundations of the theory of signs», Chi., 1938) и «Знаки, язык и поведение» («Signs, language and behavior», N. Y., 1946, 2 ed., 1955) М., исходя из положений *бихевиоризма*, выдвинул прагматическую (см. *Прагматика*) концепцию, согласно к-рой поведение человека определяется лишь в терминах реакций на знаки, а значение знаков — функционированием в качестве организаторов поведения человека, использующего разветвленную и все более усложняющуюся сеть знаковых систем. Эта концепция неправомерно сводит весь процесс познания к созданию эффективных систем знаков. В ее рамках М. определяет такие понятия, как «знак», «символ», «значение» (знака), «интерпретация» (знака), «интерпретатор» и т. д. В пределах этой же концепции М., подчеркивая, что знаки и их сочетания обычно обозначают ч.-л. неоднозначно, различает определ. типы или «модусы» обозначения и — соответственно им — определ. способы употребления знаков. Сочетания модусов обозначения и способов употребления знаков образуют по М. определ. типы рассуждений. Исходя из этих типов рассуждений, он пытается дать классификацию всех отраслей человеч. знания, приписывая каждой из них свой, характерный для нее тип рассуждений. Напр., в науке, согласно М., преобладают указующе-информирующие рассуждения; в поэзии — оценочные; в праве — указующе-побуждающие; в политике — предписывающе-оценочные (предписывающие определ. линию поведения с целью добиться ее общественного одобрения); в религии — побуждающе-оценочные и т. д. В ходе рассмотрения всех этих проблем М. впервые были четко сформулированы основные понятия и принципы новой научной дисциплины — *семиотики*.

Однако результаты семиотич. анализа М. социального поведения человека в обществе противоречивы. С одной стороны, М. указывает на необходимость исследования каналов передачи информации в обществе, средств массовой коммуникации; на необходимость изучения знаковых систем, к-рые в той или иной форме употребляются всеми членами данного коллектива и с помощью к-рых они овладевают своим поведением и регулируют его. Позитивная сторона этих идей выявилась в связи с развитием приложений *кибернетики*, *математики* и *логики* к изучению социальных процессов. Но, с др. стороны, М. абсолютизирует значение языка как средства коммуникации, сводит причину всех обществ. конфликтов лишь к неправильному употреблению знаков, видит в знаках «...наиболее мощный инструмент в индивидуальном освобождении и в социальной реконструкции общества» («Signs, language and behavior», N. Y., 1946, p. 244). По М., необходимо различать «социально-здоровые» и «социально-патологические» знаковые процессы — т. е. социальную патологию знаков, проявляющуюся в использовании их индивидуумами и группами в эгоистич. целях.

Сознавая до нек-рой степени пороки капитализма в США, М. в качестве средства разрешения всех социальных конфликтов предлагает т. н. «прикладную семиотику», в основе к-рой лежит апологетич. прославление идеала бурж. демократии и амер. образа жизни и к-рая отнюдь не затрагивает основных устоев амер. империализма. В целом филос. взгляды М. представляют собой сочетание *прагматизма*, особенно прагматической концепции Дж. Миде, со мн. положениями *логического позитивизма*. Следуя последнему, М. считает, что философия должна полностью принять методы и установки точных наук, что она якобы должна ограничиться миром непосредственно данного и признать бессмысленными общие рассуждения об объективно существующем мире, лежащем в основе человеч. опыта (см. «Pragmatism and the crisis of democracy», Chi., 1934). Следуя прагматизму, М. подчеркивает, что философия должна рассматривать изучаемые ею проблемы в процессе их «работы», функционирования.

Соч.: *Logical positivism, pragmatism and scientific empiricism*, P., 1937; *Six theories of mind*, Chi., 1932; *Paths of life, preface to a world religion*, N. Y.—L., [1942]; 2 ed., N. Y., 1956; *The open self*, N. Y., [1948]; *Axiology as the science of preferential behavior*, в кн.: *Value; a cooperative inquiry*, ed. R. Lepley, N. Y., 1949; *Varieties of human value*, Chi., [1956].

Лит.: Black M., *Language and philosophy*, Ithaca (N. Y.), 1949, ch. 7, *The semiotic of Charles Morris*.

МОРРИСОН (Morrison), Герберт Стэнли (р. 3 янв. 1888) — англ. социолог, политич. деятель, лидер и идеолог лейбористской партии. В 1929—31 — министр транспорта, в 1940—45 — министр внутр. дел и гос. безопасности, в 1951 (март — октябрь) — министр иностр. дел. В гл. своей работе «Мирная революция» («The peaceful revolution», 1949) М. под маской «демократич. социализма» пропагандирует оппортунистич. теорию вращающегося капитала в социализм, к-рой он определяет как «признание обществом ответственности за социальные проблемы». Вслед за Кейнсом М. говорит о якобы возможном планировании х-ва, устранении антагонистич. противоречий, достижении полной занятости в условиях капитализма; гос-во, по его мнению, стало играть новую роль: обеспечение общего «благополучия» и «социальных услуг». Факт существования лейбористского пр-ва в Англии М. рассматривает как «осуществленную социальную революцию», к-рая, по М., произошла «с общего согласия». Национализацию лейбористским пр-вом нек-рых отраслей пром-сти и ограниченное планирование экономики в условиях капитализма М. отождествляет с переходом к социализму, выдавая усиление функций контроля со стороны гос-ва и рост гос.-монополистич. капитала за построение социализма. Рабочих, по его мнению, не следует допускать к управлению национализированными предприятиями, т. к. они еще не способны управлять. Принципы капиталистич. прибыли, по М., «правильны и справедливы». По существу М. оправдывает колониализм, утверждая, что «капиталистич. империализм» — удел 18 и 19 вв. и что ныне во всей Британской империи не существует эксплуатации.

Соч.: *Socialization and transport*, L., 1933; *Looking ahead*, L., 1943; *How London is governed*, L., 1949; *Government and Parliament*, Oxf., 1954; *Economic planning*, L., 1946.

Лит.: Птон Д., Маркс против Кейнса. Ответ на «социализм» Г. Моррисона, пер. с англ. М., 1958.

П. Зыков. Москва.

МОСКА (Mosca), Гаетано (1 апр. 1858—8 нояб. 1941) — итал. бурж. юрист, социолог и историк обществ.-политич. мысли. Известен концепцией о «политич. или правящем классе» («Elementi di scienza politica», 1 ч., 1896, 2 ч., 1923, 6 изд., 1953), сформировавшейся под влиянием Тона и Гумбольдта и являющейся разновидностью реакц. *элиты теории*. М. утверждал, что «во всех об-

ществах... существуют два класса людей, управляющие и управляемые» (указ. соч., ч. 2, р. 78). Класс управляющих, хотя он и составляет меньшинство, обладает силой, богатством, организованностью, использует достижения культуры. По характеристике *Граммши*, правящий класс М. «...есть не что иное как интеллигенция господствующей группы», а учение о нем является «...попыткой объяснить исторический процесс образования и развития интеллигенции и ее роль в государственной и общественной жизни» (Избр. произв., т. 3, М., 1959, с. 458, прим.). Демократию М. считал расширенной аристократией. Он изображал историю как борьбу классов за власть, исход которой определяется соответствием качеств того или иного класса потребностям эпохи, отражающим в свою очередь изменения в религии, политич. мышлении, научно-технич. и экономич. развитии (см., напр., «Storia delle dottrine politiche», 2 ed., 1937, nuova ed., 1957).

М. отрицал возможность монистич. толкования истории, считая, что в последней царит «плюрализм причин». Он враждебно относился к науч. социализму, характеризуя его как перенос демократич. утопий из области гос. права и философии в область политики и теоретич. экономики; отрицал роль нар. масс в истории и считал нар. революции «кровавой и ужасной бойней», тормозящей ход истории.

Осп. положения учения М. о правящем классе объективно оправдывали фашизм. Но сам он отрицательно относился к фашизму и его идеологии (в частности, резко критиковал фашистские расистские теории). Фашизм, согласно М., знаменует кризис и упадок «бурж. цивилизации 19 в.».

Соч.: Sulla teoria dei governi e sul governo parlamentare, Palermo, 1884, 2 ed., Milano, 1924; Il principio aristocratico e il democratico nel passato e nell'avvenire, Torino, 1903; Cenni storici e critici sulle dottrine razziste, Roma, 1933; Partiti e sindacati nella crisi del regime parlamentare, Bari, 1949.

Лит.: Беккер Г. и Босков А., Современная социол. теория в ее преемственности и изменении, М., 1961; Michels R., Gaetano Mosca und seine Staatstheorien, в кн.: Schmoller's Jahrbuch..., Münch.—Lpz., 1929, Jg. 53, H. 5, S. 111—30; Pjan e M. delle, Gaetano Mosca. Classe politica e liberalismo, Napoli, 1952.

И. Добронравов. Москва.

МОСКАЛЕНКО, Федор Яковлевич [р. 7(20) июня 1901] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1953), профессор (с 1953). Член КПСС с 1927. Окончил Черниговский ин-т нар. образования (1926) и аспирантуру по философии при Ленингр. отделении Коммунистич. академии (1932). С 1932 преподавал марксистскую философию и логику в вузах, с 1963 — профессор-консультант Киевского ун-та. Разрабатывает вопросы логики.

Соч.: Великий предшественник декабристов. К 150-летию книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», «Лит. Воронеж», 1940, № 4 (11); Учение об индуктивных выводах в истории рус. логики, К., 1955; Венция про индуктивни висновки в працях класиків російської філософії XIX ст., в сб.: Збірник філософського факультету, № 2. Наукові записки, т. 14, вип. 3, К., 1955; Карл Маркс і Фрідріх Енгельс про індукцію та індуктивні висновки, там же, № 3, т. 16, вип. 4, К., 1957; «Матеріалізм і емпірокритицизм» В. І. Леніна і критика ідеалізму та софістичних перекучень у логіці, в сб.: Теоретична зброя комунізму, К., 1959; В. І. Ленін о познавальному значенні індукції та індуктивних висновків, в сб.: Гносеол. г. содержание логич. форм и методов. (Научные труды кафедры философии), К., 1960; Вопросы науки логики в произв. Г. В. Плеханова, там же; Вопросы формальной логики в курсе диалект. материализма, в сб.: Некоторые вопросы методики преподавания философии, К., 1961.

МОСС (Mauss), Марсель (10 мая 1872—10 февр. 1950) — франц. бурж. этнолог и социолог, племянник и ученик *Дюркгейма*. С 1900 — проф. Практической школы высших исследований, в 1925—27 — ректор франц. ин-та социологии, с 1939 — проф. Коллеж де Франс, руководитель «Année sociologique» [2 sér.] (с 1925), «Annales sociologiques», sér. B («Soc. religieuse») (с 1939); М. — издатель посмертных соч. Дюркгейма.

Для М. антропология — универсальная наука о человеке, включающая демографич., экономич., моральную, религ. и правовые аспекты. Социология и психология, по М., — части антропологии. Первая основывается на не вполне четком понятии «социальной морфологии», объединяющем все условия жизни той или иной этнич. и обществ. группы. Различиям в типе «социальной морфологии» соответствуют различия типов морали, экономики и правовых отношений («Essai sur les variations saisonnières des sociétés eskimos», «Année soc.», v. 9). В социальных ин-тах символически выражаются характерные особенности того или иного общества; самая символизация — явление «коллективного», а не индивидуального сознания; последнее приобретает символич. характер только в случаях патологии. Символы как предмет социол. и этнологич. исследования оказываются, с этой точки зрения, более реальными, чем то, что символизируется.

Несмотря на постоянное подчеркивание идеалистически понимаемого примата «социального» и тезис о полном подчинении психологии социологии, в работах М., по сравнению с трудами его учителя, все отчетливее акцент на индивидуальное развитие и тенденции к психологизации социальных явлений. Вне прямого влияния фрейдизма М. начал развивать идею *бессознательного*, проявляющегося, по его мнению, в религии, магии и гл. обр. в языке. Работы М. оказали влияние не только на совр. бурж. социологию и этнологию, но также на психиатрию (антиклинич. направление), особенно американскую.

Соч.: La religion et les origines du droit pénal, P., 1897; De quelques formes primitives de classification, «Année sociologique», 1903, [t.] 6; Esquisse d'une théorie générale de la magie, «Année sociologique», 1904, [t.] 7 (совм. с Н. Hubert); La prière, [s. l.], 1909; Rapports réels et pratiques de la psychologie et de la sociologie, «J. Psychol. normale et pathologique», 1924, № 10; Effet physique chez l'individu de l'idée de mort..., там же, 1926; Essai sur le don. Forme archaïque de l'échange, «Année sociologique», [2 sér.], [t.] 1, P., 1925; Divisions et proportions des divisions de la sociologie, там же, [t.] 2, P., 1927; Une catégorie de l'esprit humain: la notion de personne, «J. Royal Anthropol. Inst.», 1938, v. 68; Manuel d'ethnographie, P., 1947; La nation, «Année sociologique», 3 sér. (1953—54), 1956; Sociologie et anthropologie, P., 1950 (сб. ранее опубликованных работ).

Лит.: Роговин М. С., Социол. концепции совр. франц. и амер. психопатологии, «Ж. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1964, т. 64, № 2.

М. Роговин. Москва.

МОСТОВСКИЙ (Mostowski), Анджей (р. 1 ноября 1913) — польский логик и математик, чл.-корр. Польской АН (с 1956), проф. ун-та в Варшаве. М. принадлежит труды по математич. логике, логич. основаниям теории множеств, по топологии и алгебре. М. написал также ряд монографий и учебников по этим дисциплинам; большой ун-тский курс «Математич. логика» — «Logika matematyczna», 1948; оригинальное изложение теории К. Гёделя в кн.: — «Неразрешимые предложения формализованной арифметики» — «Sentences undecidable in formalized arithmetic», 1952, и др.

Из ранних работ М. (конец 30-х гг., частично совместно с А. Тарским и А. Линденбаумом) наибольшей известностью пользуются доказательства *независимости* аксиомы выбора от др. аксиом в ряде аксиоматич. систем теории множеств, — в том числе и при допущении, что всякое множество можно упорядочить. (Доказательства М. были получены для таких систем теории множеств, к-рые допускают существование индивидуумов, не являющихся множествами).

М. занимался исследованиями в области теории вычислимых функций, теории разрешимых и неразрешимых формальных систем, вопросами определенности множеств и функций средствами формальной теории, различными проблемами теории моделей, вопросами, относящимися к возможности или невозможности конечной аксиоматизации теории, обобщениями понятия *квантора* и мн. др.

Предложенная М. (1946), независимо от С. К. Клини, классификация множеств (и соответствующая ей перархия логич. систем) в зависимости от формы, в к-рой могут быть выражены представляющие их предикаты, известна в мировой литературе под именем «классификации Клини — Мостовского». Она положена М. (1957) в основу определения степени конструктивности теории. Из многочисленных др. результатов М. следует отметить: полученное им (совм. с А. Тарским и Р. Робинсоном) доказательство того, что всякая подсистема (частичная система) формализованной арифметики, содержащая знаки сложения и умножения, является неразрешимой; доказательство существования полных систем аксиом и правил вывода для нек-рых многозначных численных предикатов (1961), полученное средствами топологии (на основе теоремы Тихопова, т. е., как отмечает сам М., неконструктивно), и, наоборот, пример системы с такими кванторами, к-рые делают систему неаксиоматизируемой; нек-рое обобщение теоремы Гёделя о неполноте формализованной арифметики (1961).

Первоначально филос. взгляды М. формировались под влиянием *львовско-варшавской школы*, но в наст. время М. занимает материалистич. позиции в понимании природы логики и математики, подвергает критике неопозитивистские взгляды на математику, подчеркивает значение филос. проблем оснований математики для развития самой математики.

С о ч.: О niezależności definicji skończoności w systemie logiki, *Kr.*, 1938; Über die Unabhängigkeit des Auswahlaxioms und einiger seiner Folgerungen (совм. с А. Lindenbaum), «Sprawozdania z posiedzeń Towarzystwa naukowego Warszawskiego», wydziel. 3 nauk matem.-fizycznych, 1938, rok 31, z. 1-3; Boolesche Ringe mit geordneter Basis (совм. с А. Tarski), «Fundamenta Math.», 1939, t. 32; Über die Unabhängigkeit des Wohlordnungssatzes vom Ordnungsprinzip, там же; On definable sets of positive integers, там же, 1946, t. 34; с. 81—112; A classification of logical systems, в сб.: *Studia Philosophica*, v. 4, Posaoniae, 1951, с. 237—74; Undecidability and essential undecidability in arithmetic (совм. с R. M. Robinson и A. Tarski), в кн.: Tarski A., Undecidable theories, *Amst.*, 1953; The classical and the ω -complete arithmetic (совм. с А. Grzegorzcyk и C. Ryll-Nardzewski), «J. Symbolic Logic», 1958, v. 23, № 2; On various degrees of constructivism, в кн.: Constructivity in mathematics, *Proceedings of the Colloquium held at Amst.*, ed. by A. Heyting, *Amst.*, 1959; Axiomatizability of some many valued predicate calculi, «Fundamenta Math.», 1961, t. 50, fasc. 2; An example of a non-axiomatizable many valued logic. «Z. Math. Logik und Grundlagen Math.», 1961, Bd 7; A generalization of the incompleteness theorem, «Fundamenta Math.», 1961, t. 49, fasc. 2; A system of analysis based on an infinitary rule of proof, в сб.: *Infinitistic methods. Proceeding of the International symposium on foundations of math.*, *Warsz.*, 1959, [Oxf., a. o.], 1961; в рус. пер.— Совр. состояние исследований по основаниям математики, «Успехи матем. наук». Нов. сер., т. 9, 1954, № 3(61).

МОТИВЫ (франц., ед. ч. motif, от лат. moveo — двигаю) — побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением определ. потребностей; совокупность внутр. психологич. условий, вызывающих, направляющих и управляющих человек. действиями и поступками. Объект потребности, отражаясь в голове человека и побуждая к деятельности, выступает в качестве М., предлагающих более или менее осознанную цель действия. Отношение М. к цели действия выражает смысл деятельности. Т. о., М. не тождественны целям действия, образуя с ними единство. Одни и те же М. порождают различные по целям действия, сходные действия могут вызываться разными М.

Поскольку потребности человека детерминированы его обществ.-историч. деятельностью, то и М., как форма проявления его потребностей, всегда означают «...то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность, как на побуждающее ее» (Л е о т ь в А. И., Проблемы развития психики, 1959, с. 225—26). В качестве побуждений сознат. деятельности М. являются «идеальными силами» и «идеаль-

ными стремлениями». Материалистич. взгляд на М. человек. деятельности состоит в том, чтобы, признавая существование идеальных побудит. сил, не останавливаться на них, а идти к их движущим обществ.-историч. причинам, к-рые в головах действующих людей принимают форму данных М. или побуждений. М. могут выступать в форме образов, мыслей и волевых стремлений, отличаясь значит. многообразием. В зависимости от того, насколько осознаны М., различают влечения и желания. Влечения — это М. деятельности, представляющие собой еще не дифференцированную, недостаточно отчетливо осознанную потребность. Желание как М. деятельности характеризуется осознанностью потребности, при этом осознаться могут не только объекты потребности, но и возможные пути ее удовлетворения. Среди разнообразных М. в каждый момент жизни человека одни получают большее, другие меньшее значение и в связи с этим может возникнуть борьба М. Одно желание субъективно противопоставляется другому, сталкивается с ним. Исход борьбы М. зависит от уровня развития личности. М. отличаются друг от друга видом потребности, к-рой они отвечают, формой, к-рую они принимают (понятие, образ, мысль, мечта и т. п.), степенью актуализации или действительности, широтой или узостью, конкретным содержанием деятельности, в к-рой они реализуются (М. трудовой деятельности, М. учебной деятельности и т. д.). Сложные виды деятельности, как правило, отвечают не одному, а нескольким одновременно действующим и взаимодействующим М., образующим разветвленную систему мотивации действий и поступков человека. Психологич. изучение М. открывает широкие возможности науч. произведения характера, хода и результата деятельности, а также ее формирования. См. также *Воля, Интерес, Личность, Потребности*.

Лит. см. при ст. *Потребности*.

МОТОРА ЮДЗИРО (1858—1912) — япон. ученый, психолог и философ, «колебавшийся между материализмом и идеализмом», как правильно характеризовал его *Нагата Хироси*. Философию изучал в Бостонском ун-те и ун-те Джона Хопкинса (США). В 1888 вернулся в Токио. М. Ю. отвергал возможность построения науч. психологии в отрыве от мира материальных явлений («Психология» — «Синригаку», 1890). М. Ю. придерживался реакц. социально-политич. взглядов.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 545—47; Сайгуса Хироно, Нихон юбидзуронен (Япон. материализм), Токио, 1956, с. 276, 279—80; Фунаяма Синъити, Майдзи тэнгаку си кэнкю (Исжение истории философии времени Майдзи), Киото, 1959, стр. 19, 20, 22, 23, 46, 153, 261, 265, 276—77.

Я. Радиль-Затуловский. Ленинград.

МОХНАЦКИЙ (Mochnecki), Мауриц [13 сент. 1803 (или 1804) — 12 дек. 1834] — польский философ, представитель эстетики революц. романтизма. Принимал участие в шляхетско-революц. движении; был одним из организаторов восстания 1830. В это время М. выдвигал идею социальной революции и союза народов в борьбе против деспотизма. Последние годы жизни провел в эмиграции во Франции.

Основы филос. и лит. взглядов М. сформировались под влиянием нем. романтич. школы, гл. обр. философии Шеллинга. Согласно М., история — это процесс достижения народом самознания, к-рое, по его мнению, осуществляется в лит-ре, представляющей собой сознание и совесть народа. Поэтому важнейшей проблемой философии М. считал проблему *народности* лит-ры. Разрабатывая социально-политич. идеи, он считал, что польская революция должна быть в своей основе тождественна с восстановлением исконных нац. прав и традиций. Этот элемент обществ. теории М. был фактором его позднейшего сближения с кон-

серваторами. М. принадлежит ряд работ в области истории лит-ры и политики: «О польской литературе 19 в.» («O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym», 1830), «Восстание польского народа в 1830—1831 гг.» («Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831», t. 1—2, 1834—35) и др.

Соч.: Dzieła, t. 1—5, Poznań, 1863; Pisma wybrane, [Warsz. J., 1957; в рус. пер.— в кн.: Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей, т. 2, М., 1956, с. 55—65.

Лит.: Sliwiński A., M. Mochnacki. Żywot i dzieła, Lwów, 1910; Gollenhof J., Polityczna strona działalności M. Mochnackiego, Kł., 1910; Bankowski P., M. Mochnacki jako teoretyk i krytyk romantyzmu polskiego, Kł., 1913; Szacki J., Mochnacki i problem historii, «Arch. historii filoz. i myśli społecznej», 1959, № 4; Schönderr H., Studien über M. Mochnacki mit besonderer Berücksichtigung des deutschen Einflusses, B.—Wiesbaden, 1953.

Е. Шацкий. ПНР.

МО-ЦЫ (Мо Ди) (479—381 до н. э.) — кит. философ и политич. деятель, создатель моизма — учения, направленного против *конфуцианства*. Осн. источником для изучения жизни и взглядов мыслителя служит философско-политич. трактат «Мо-цы», излагающий учение как самого М.-ц., так и его последователей. М.-ц. происходил из средних слоев и выражал их идеологию. Вначале выступил гл. обр. с критикой доктрины о воспитании народа посредством музыки (юэ) и ритуала (ли) («Мо-цы», гл. Фэй жу, II). В дальнейшем подверг критике этико-политич. систему конфуцианства; в основе критики лежали разработанные М.-ц. принципы шансянь (уважение талантов), шантун (взаимное уважение), цзеюн (экономия), фэйгун (ненападение) и Цзяньгай (всеобщая любовь). М.-ц. утверждал, что доступ к власти должен быть открыт для всех способных и талантливых людей, а не только для тех, кто имеет знатное происхождение (принципы шансянь и шантун), выступал против аристократич. роскоши и излишеств (принцип цзеюн), войн (принцип фэйгун): «нельзя нападать на соседние царства, убивать народ, захватывать скот и грабить богатства» («Мо-цы», гл. Лу вэнь). Принцип всеобщей любви был основным в системе М.-ц. По его мнению, все социальные и политич. конфликты можно разрешить с помощью этого морально-этич. принципа. В принципе всеобщей любви М.-ц. вкладывал еще экономич. и политич. значение, т. к. подкреплял необходимость его осуществления идеей о «взаимной выгоде» (любя друг друга и помогая друг другу, люди могут избежать экономич. трудностей), а если правитель будет управлять страной, руководствуясь этим принципом, то никогда не будет политич. хаоса. Не видя в тогдашнем обществе социальной силы, способной побудить людей выполнять его принципы, М.-ц. прибегал к традиционному положению о «воле неба», утверждая, что небо наказывает тех, кто не проявляет любви к ближнему («Мо-цы», гл. Фа и). Выступая против конфуцианского определения «воли неба» как божества, предопределяющего судьбу человека, М.-ц. говорил, что если люди поверят в судьбу, они перестанут бороться за свое благосостояние (см. там же, гл. Фэй мин). М.-ц. впервые в истории кит. философии выдвинул категорию причины (гу) и рода (лэй), на основе материалистич. истолкования к-рых развилась теория познания и логики позднейших моистов.

М.-ц. говорил, что истиной является: 1) то, что основывается на опыте прошлого (причем он требовал критич. его изучения; брать у древности только хорошее; 2) то, что соответствует пользе народа; 3) то, что является истиной в понимании народа (если народ говорит «да», это будет истина). Выступая против распространённой теории «врожденного знания», М.-ц. говорил, что знания человек получает только в процессе практич. деятельности, а те знания, к-рые человек получил и к-рым не находит применения, в жизни не являются истинными. Учение М.-ц. подвергалось непрерывным нападениям со стороны конфуцианцев.

Лит.: Петров А. А., Очерк философии Китая, в сб.: Китай, М.—Л., 1940; Ян Хин-шун, Теория познания моистов, «Вопр. философии», 1956, № 1; Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, М., 1957, с. 91—172, 339—75; История философии, т. 1, М., 1957, с. 62—63; Александров Г. Ф., История социол. учений. Древний Восток, М., 1959.

МУКАРЖОВСКИЙ (Mukařovský), Ян (р. 11 сент. 1891) — чешский философ, литературовед и эстетик. Академик, проф. эстетики Карлова ун-та в Праге. В осн. своих работах М. решал проблемы эстетики и литературоведения с позиций структурализма. После 2-й мировой войны М. подверг пересмотру исходные положения структуралистской эстетики и перешел на позиции марксистского литературоведения.

Соч.: Estetika, funkce, norma u hodnota jako socialni fakty, Praha, 1936; Kapitoly z české poetiky, dl 1—3, Praha, 1948. К. Хватик. ЧССР.

МУКИМЙ, Мухаммед Амин (1851—1903) — узб. просветитель, один из основоположников демократической литературы в Узбекистане; стоял на идеалистических позициях. Выражая интересы бедного крестьянства и трудовой части гор. населения, М. протестовал против неравенства и эксплуатации и разоблачал реакц. духовенство, представителей рус. и местной буржуазии. М. выдвигал принципы правдивости и народности художеств. произведений, был сторонником передовой рус. культуры.

Соч.: Асарлар туплами, т. 1—2, Тош., 1960; на рус. яз. — Избр. произв., Таш., 1958.

Лит.: Муминов И. М., Из истории развития обществ.-филос. мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв., Таш., 1957; Муминов И. М., Хайруллаев в М. М., Из истории прогрессивных эстетич. учений в Узбекистане конца XIX и начала XX вв., «Изн. АН Уз. ССР», сер. обществ. наук, 1958, № 5; Каримов В. К., Узб. поэт-демократ М. и лит. его времени, Таш., 1962 (автореферат). М. Хайруллаев. Ташкент.

МУМИНОВ, Ибрагим Муминович [р. 25 окт. (7 ноября) 1908] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1950), проф. (с 1950), акад. (с 1956) и вице-президент АН Узб. ССР (с 1956). Член КИСС с 1940. Член ЦК КП Узбекистана (избран XVI съездом КП Узбекистана, 1962). Окончил обществ.-экономич. фак-т Узб. педагогич. академии в Самарканде (1931). Научно-педагогич. работа в области марксистско-ленинской философии ведет с 1931. Один из организаторов Гос. ун-та в Самарканде (1933) и Ин-та философии и права АН Узб. ССР (1958). Пред. правления респ. об-ва по распространению политич. и науч. знаний (с 1958). Специалист в области обществ.-филос. мысли народов Ср. Азии. Редактор и один из авторов трудов: «Материалы по истории прогрессивной обществ.-филос. мысли Узбекистана» (1957), «Вопросы диалектич. материализма» («Диалектик материализм масалалари», 1958), «Вопросы историч. материализма» («Тарихий материализм масалалари», 1962), «Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане» (1962).

Соч.: К вопросам истории развития общественно-филос. мысли в Узбекистане (XIX — начало XX вв.), «Тр. Узб. ун-та», новая серия, вып. 54, Самарканд, 1954; Филос. взгляды Мирзы Бедия, Самарканд, 1946, нов. изд., Таш., 1958; Из истории развития общественно-филос. мысли в Узбекистане конца XIX и нач. XX вв., 2 изд., Таш., 1957; на узб. яз. — 1960; автор разделов об обществ.-филос. мысли народов Узбекистана, в кн.: История философии, т. 2, 3, М., 1957—59, Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 1—2, М., 1955—56.

МУНЬЕ (Mounier), Эммануэль (1 апр. 1905 — 22 марта 1950) — основатель и глава совр. франц. *персонализма*, организатор и руководитель его теоретич. органа — журн. «Esprit» («Дух») (осн. в 1932). М. характеризует свою теорию как филос., моральное и социальное учение, основанное на признании абсолютной ценности личности. Человеч. личность, пишет М., «есть первичная реальность», она является «главным объектом и необходимым содержанием философии» («Esprit», 1948, № 11, р. 685). М. резко отграничивает понятие личности от понятия индивидуума.

Если индивид, по М., — это изолированное человек. «Я», замкнутый в себе, погруженный в свой внутр. мир человек (под к-рым М. подразумевает, в частности, «эгоцентрич. буржуа» совр. капиталистич. общества), то личность — это высшая духовная сущность, «единственная из всех реальностей Вселенной, подлинно „общаемая“ (communicable. — *Peç.*)» («Qu'est-ce que le personnalisme?», P., 1948, p. 52). В противоположность индивиду личность стремится не к достижению собств. счастья, а к благу всего общества. Но личность, в понимании М., не может удовлетвориться лишь земными идеалами. Она в конечном счете стоит «над» условиями природы и общества. Конечная цель личности — превзойти «эмпирич. план» своего существования и устремиться к «сверхчеловеч. миру абсолютных ценностей». В этом призыве к потустороннему, к мистич. «благодати» персонализм М. опирается на непреложные «истины» христианства и выступает как религ.-филос. учение явно прокатоллич. ориентации. Хотя М. призывает личность к борьбе и активному служению человечеству, он считает осн. задачей каждого человека духовное самосовершенствование и стремление к трансцендентному. Без ориентации на трансцендентность «всякая свобода и всякая деятельность ведут к порабощению» (там же, p. 42). Персонализм М. — одна из разновидностей волюнтаристского идеализма (хотя сам М. называл свое учение «реализмом», противопоставляя его идеализму и материализму). Не отрицая реального существования внешнего мира, М. утверждал примат духовного над материальным, полагая, что «именно благодаря духу все вещи обладают плотностью» («Révolution personnaliste et communautaire», P., 1935, p. 41).

М. разделяет общую с экзистенциализмом теорию «вовлечения» (engagement), но вносит в нее нек-рые изменения. Согласно М., личность не «брошена» в мир, не враждебна ему, а разумно «вовлекается», активно включается в него, преобразуя его согласно своим морально-политич. устремлениям, вдохновляемым в конечном счете богом.

Персонализм М. ставил перед собой и конкретные социально-политич. задачи: борьбу с капитализмом и колониализмом, выступления против фашизма, поддержку мира и т. п. Для их решения и распространения идей персонализма в целом М. попытался организовать междунар. группы журнала «Esprit», выступившие единым фронтом (правда, весьма кратковременным) с движением т. н. «третьей силы»; М. высказал солидарность с Движением Сопротивления и т. п. Но, выступая в роли обновителя совр. мира, М. усматривал путь освобождения человечества в плане морального обновления личности и оздоровления общества. Он выступал, с одной стороны, как решительный противник капитализма, с другой — открыто объявлял о необходимости преодоления марксизма, отвергал диктатуру пролетариата, классовую борьбу, партийную орг-цию, учение о социалистич. революции. М. выдвинул идею «персоналистской и общинной духовной революции», программу к-рой он изложил в «Манифесте персоналистов», противопоставленном им «Коммунистическому Манифесту» Маркса и Энгельса. Осн. положение персоналистской программы гласит, что «истинное общество носит личностный характер, само является личностью личностей» (там же, p. 66). Т. о., попытки М. осуществить синтез христианства, экзистенциализма и элементов марксизма свидетельствуют, насколько чуждо ему понимание классовой природы философии, ее партийности.

Осн. внимание М. было направлено на «чистоту» духовных ценностей. Персоналисты считали, что лучше вовсе не делать революцию, чем совершать ее негодными, т. е. насильственными, средствами. Отсюда и двусмысленный лозунг М.: «Моральная рево-

люция будет экономической или ее вовсе не будет. Экономическая революция будет „моральной“ или ее вовсе не будет» («Qu'est ce que le personnalisme?», p. 14). Фактически М. вел нерешительную политику т. н. «атлантизма» (выжидания), за что его резко критиковали франц. коммунисты (R. Garaudy, *Lettre à E. Mounier, homme d'Esprit*, P., 1949).

См. о ч.: La pensée de Charles Péguy, P., 1931; De la propriété capitaliste à la propriété humaine, P., 1936; Manifeste au service du personnalisme, P., 1936; L'affranchissement chrétien, Nchât., 1944; Traité du caractère, P., 1946; Introduction aux existentialismes, Nchât., 1947; La petite peur du XX-mesiècle, P., 1948; Carnets de route, t. 1—2, P., 1950—51; Personnalisme, 4 ed., Milano, 1955; Oeuvres, t. 1—3, P., 1961—62.

Лит.: Кузнецов В. Н., Франц. персонализм, в сб.: Совр. объективный идеализм, М., 1963; Desanti J. T., *Scruples et ruses d'Emmanuel Mounier*, «Nouvelle Critique», 1949, № 9; E. Mounier, 1905—1950, «Cahiers Internationaux de Sociologie», P., 1950, v. 8; Emmanuel Mounier, «Esprit», 1950, № 12 (174); Bulletin des amis d'Emmanuel Mounier. Numero special pour le 20-e anniversaire de la revue «Esprit», P., 1953; Mounier et sa génération, P., 1956; Juin H., Emmanuel Mounier, «Critique», 1956, t. 14, № 111—112; Moix G., La pensée d'Emmanuel Mounier, P., 1960; Lestavel J., Introduction aux personnalismes, P., 1961; Ibarolla J., Le mouvement personnaliste, «Nouvelle Critique», 1961, № 128.

Г. Сахарова. Москва.

МУР (Moore), Джордж Эдуард (4 ноября 1873—24 окт. 1958) — англ. философ, проф. Кембриджского ун-та (1925—39), член Британской академии наук (с 1918), гл. редактор журн. «Mind» (1921—47). Примкнув в начале своей филос. деятельности к неогеггелянству, М. затем переходит на позиции неореализма. В работе «Опровержение идеализма» («The refutation of idealism», опубли. в «Mind», new series, v. 12, 1903, Oct., № 48) подверг критике субъективный идеализм и англ. неогеггелянство за отождествление ими «реальности» и «опыта». Предпринятый М. гносеологич. анализ ощущений приводит его к т. зр., согласно к-рой в ощущениях имеется нек-рый общий всем им элемент — «сознание» и элемент различия — «объект», независимый от сознания, хотя и имманентный ему. Этот «объект» (или физич. объект), по М., не совпадает полностью с тем, что непосредственно дано в чувствах человека («чувственно данным», sense-datum). «Чувственно данное» (к-рое М. понимал наподобие «нейтрального элемента» махизма) совпадает лишь с частью внешних проявлений физич. объекта, воспринимаемой нами, или же находится с объектом в нек-ром более общем отношении, причем «ни один философ... не объяснил, каково это отношение... — там, где это не тождество („чувственно данного“ и части внешних проявлений физич. объекта. — *Peç.*)». («Visual sense-data», в кн.: «British Philosophy in the Mid-Century», L., 1957, p. 211). «Чувственно данное» М. рассматривал в качестве непосредств. объекта познания, тем самым повторяя берклианскую подстановку ощущений на место объекта. Вместе с тем М. принимал «взгляд здравого смысла на мир», заимствуя этот подход у шотландской школы (Т. Рид): во Вселенной существуют материальные объекты и акты сознания; последние связаны лишь с нек-рыми материальными телами; материальные тела могут существовать, когда мы их не сознаем, и т. д. (см. «Some main problems of philosophy», L., N. Y., 1958, p. 10—11). Однако, согласно М., «здравый смысл» не исключает возможности того, что мир по своей природе духовен, или что существует божеств. разум, акты этого разума и загробная жизнь. Отстаивая «взгляд здравого смысла», М. тем самым отвергал сведение философии к позитивистскому «анализу» знания, хотя и считал анализ понятий важной областью философской деятельности. Поскольку всякое понятие выражается в языке, анализ понятий есть одновременно «анализ языка»; при этом, в отличие от логического анализа философии, у М. — это анализ обыденного языка, а не искусственных «языков

науки». Развивая эту линию философии М., его последователи (*Райл*, *Остин*, *Уисдом*, *Строусон* и др.) пришли к философии т. н. лингвистич. анализа.

М. разработал собственную концепцию этики, исходный пункт к-рой — тезис, что этика основана на неопределимых понятиях «добра» и «зла», представляющих собой данные интуиции качества (подобные чувственным качествам) и имеющих объективное значение; эти понятия несводимы к к.-л. «внеморальным» качествам, в частности ни к пользе, ни к удовольствию. Отвергая, т. о., как утилитаризм и гедонизм, так и эгоизм и альтруизм, М. формулирует «этич. нейтрализм»: долг каждого из нас состоит в улучшении баланса добра и зла во всей совокупности опыта, т. е. во всей Вселенной, частью к-рой этот опыт является. Получая «космическое» звучание, этика М. в то же время индивидуалистична, оторвана от жизни общества. Согласно М., этич. положения отличны от суждений (для к-рых имеет смысл ставить вопрос об истинности или ложности), они лишь раскрывают эмоции говорящего, возбуждают эмоции у слушателей или (в скрытом виде) выражают повеление. Эти положения М. стоят у истоков двух линий в совр. англо-амер. этике: *эмотивизма* и т. н. «анализа этич. высказываний».

С о ч.: *Principia ethica*, Camb., 1903; *Ethics*, L., [1912]; *Philosophical studies*, L., 1920, new ed., [L.], 1959; *A defence of common sense*, в кн.: *Contemporary British philosophy*, 2 series, L.—N. Y., [1925]; *Proof of an external world*, «Proceedings of the British Academy», L., 1939, v. 25; *Philosophical papers*, L.—N. Y., [1959].

Лит.: *Богомолов А. С.*, Философия англо-амер. неореализма, М., 1962; *История философии*, т. 5, М., 1961; *The philosophy of G. E. Moore*, ed. by P. A. Schilpp, Evanston—Chi., 1942; *White A. R.*, *G. E. Moore: A critical exposition*, Oxf., 1958. *А. Богомолов*. Москва.

МУР (Moore), Уилберт Эллис (р. 26 окт. 1914) — амер. реакц. бурж. социолог и экономист. Проф. социологии Принстонского ун-та (с 1951). Ученик и последователь Т. Парсонса, М. видит цель социолога в том, чтобы «сформулировать основные принципы социальной организации и нормативного порядка в обществе» (см. «Sociology of economic organization», в сб.: «Twentieth century sociology», N. Y., 1945, p. 439). Он следующим образом определяет осн. задачи социологии экономики: «разработка принципов разумного социального контроля над экономическим порядком, включая экономическое планирование в его различных формах, изучение влияния этого контроля не только на экономическую организацию, но и на социальную структуру в целом, исследование влияния профессий и разделения труда на общий социальный статус, источников предложения рабочей силы и факторов, влияющих на ее количество, качество и мобильность, исследование взаимоотношений между группами «экономического интереса» и между ними и другими типами организаций, исследование роли технологии и экономич. организации в формировании социальной структуры и в процессах социального изменения» (там же, p. 442). Занимаясь этими проблемами, М. истолковывает их в духе апологетики бурж. экономич. порядка и придерживается реакц. теорий «единого индустриального общества», «регулируемого капитализма», «нового среднего класса», участия рабочих в прибылях, поддерживает миф о том, что в совр. амер. обществе исчезла эксплуатация рабочего класса, изменились формы собственности, что якобы в США «нет частной собственности в ее старом понимании» («The emergence of new property conceptions in America», см. «Journal of legal and political sociology», 1943, v. 1, № 3—4, p. 34—58).

М. выступает с критикой марксизма и марксистской политич. экономии, утверждая, что экономич. фактор не является решающим в обществ. развитии (см. «Sociology of economic organization», p. 448—59). Придер-

живаясь ненауч. теории факторов, М. утверждает, что в развитии экономики взаимодействуют комплексы идей и культурных ценностей, институциональный контроль (т. е. система обществ. норм поведения; она включает право собственности, методы распределения и т. п.), изменение технологии и др. М. заявляет, что «в каждом конкретном случае анализ должен показать, какой фактор развития является определяющим» (там же, p. 459). Эта концепция обуславливает и понимание им природы экономич. законов, к-рые «подобно любым другим — универсальны только в абстракции и применимы только в тех условиях, при которых они возникли» (там же, p. 463). Приписывая марксизму не только «абсолютизацию» и «универсализацию» экономики, но и недооценку роли норм и ценностей в обществ. развитии, М. пытается доказать, что эти последние «в широком смысле определяют экономическую деятельность» (см. там же, p. 452 и 458).

С о ч.: *Industrial relations and the social order*, N. Y., 1950; *Some principles of stratification*, «Amer. Sociol. Rev.», 1945, v. 10, № 2 (в соавторстве с Davis K.); *Industrialization and labor*, Ithaca, [1951]; *Economy and society*, Garden City (N. Y.), 1953; *Labor commitment and social change in developing areas*, ed. by W. E. Moore and A. S. Feldman, N. Y., 1960.

И. Добронравов. Москва.

МУРО КЮСО (наст. имя — Наоке) (1658—1734) — япон. философ. Выступая против субъективного идеализма *Ван Ян-мина*, М. К. отвергал учение о врожденном знании. Он утверждал, что идеальное начало не является абсолютным творцом вещей и первопричиной движения природы: оно связано с материей и без нее существовать не может. Кн существует вне сознания человека, вне богов и духов. Оно принимает различные формы и в зависимости от того, как взаимодействуют силы движения *инь* и *ян* М. К. придерживался прогрессивных социально-политич. воззрений; разоблачал теории *синтоизма* о том, что императоры будто бы являются «богами в образе людей». По его мнению, не народ должен почитать императоров, а «правитель обязан почитать его, как само небо». За эти идеи он стал впоследствии подвергаться злобной критике со стороны япон. монархистов.

С о ч.: Сюндай дзацува (Разные беседы в Суруга дан), Токио, 1732.

Лит.: *Радуль-Затуловский*, Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, стр. 181, 295, 296, 319—26; *Нагата Хироси*, Нихон тэдугаку сисоги (История япон. филос. мысли), Токио, 1938, стр. 112—16; его же, Нихон хокэнсей идеогии (Япон. феод. идеология), Токио, 1938, стр. 81, 239, 245, 257.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

МУСА, Салама (1880—1958) — егип. философ, публицист и обществ. деятель демократич. направления, один из основоположников первой в Египте социалистич. партии (1920). На раннем этапе испытал влияние Ницше (в вопросах этики), Б. Шоу (во взглядах на социализм), Фрейда (в психологии) и особенно Ч. Дарвина (в философии природы).

Решающее влияние на мировоззрение М. оказала философия марксизма, к-рую он рассматривал как единств. науч. базу этики, социологии и психологии. М. однако не стал последоват. сторонником науч. материализма; он предлагал сочетать науку с религией. Солидаризируясь с марксизмом в вопросах объяснения социальных и политич. явлений, он вместе с тем не выходил за рамки фабианского учения о социалистич. переустройстве общества. В эстетике М. выступал против теории «чистого» искусства и отстаивал идею партийности лит-ры. Будучи другом стран социалистич. лагеря, М. считал, что могущество СССР является единственной гарантией мира во всем мире.

С о ч.: *ан-Нахия аль-иджитмайя ва-с-сий ясий я фи фальсафа Ибн-Сина* (Общественно-политич. аспекты в философии Ибн-Сины), Каир, 1952; *Акли ва аклика* (Мой разум и твой), Каир, 1953; *Китаб ас-саурат* (Книга о революциях), Бейрут, 1955; *Тарбият Салама Муса* (Формирование Саламы Мусы), Каир, 1958; *Машахль ат-тарик ли-ш-шабаб* (Факелы,

освещающие путь арабской молодежи), Бейрут, 1959; Макалят мамнуа (Запрещенные статьи), Бейрут, 1959; Хуррийят альфикр (Свобода мысли), Бейрут, 1960. А. Сагадев. Москва.

МУТАЗИЛИТЫ (от араб. — му'тазила — отделившиеся) — приверженцы особого течения или секты в исламе, возникшей во 2-й пол. 8 в. в раннефеод. халифате. Осн. положения учения М. — единобожие и справедливость. Под единобожием М. понимали отрицание атрибутов бога, недопустимость антропоморфных представлений о нем, невозможность лицезреть бога. Бог, по мнению М., в силу своей природы не может осудить человека на вечные мучения и обязан дать загробное воздаяние людям. Это представление о благом и правосудном боге связывалось с признанием свободной воли у человека; М. были волюнтаристами и вели упорную борьбу с мусульм. правоверами, сторонниками учения о предопределении.

Коран М. рассматривали как одно из творений бога-аллаха, тогда как ортодоксальные мусульмане считают эту книгу несотворенной, предвечно существовавшей. М. выступили в качестве первых богословов в исламе, создателей мусульм. спекулятивной догматики (см. *Калам*). Будучи знаками по арабским переводам с антич. философией, они использовали ее как «служанку богословия». М. не стремились противопоставить разум вере, а пытались объяснить свои догматы, привлекая доводы разума. Попытка ввести учение М. в качестве гос. религии в халифате при аббасидском халифе Мамуне [813—833] не увенчалась успехом: оно оставалось идеологией придворно-правительств. группировки феодалов, не оказав влияния на мусульм. массы. Догматы М., насильственно привнесенные халифскими властями, должны были служить идеол. оружием в борьбе с антифеод. движением и укреплять самодержавие халифа.

Лит.: Гольдциер И., Ислам, пер. с нем., СПб., 1911; Беляев Е. А., Мусульманское сектанство, М., 1957; Nader A. N., Le système philosophique des mutazila, [Beirut], 1956. Е. Беляев. Москва.

МУТЭИ РИСАКУ (р. 1890) — япон. философ, профессор ун-та Кэйо (Токио), был сторонником феноменологии философии; затем эволюционировал к материализму, особенно в трактовке проблем этики. В соч. «Третий гуманизм и теория мира» («Дайсан хюманизму то хэйварон», 1951) отстаивает необходимость борьбы за мир. В соч. «Изучение совр. этич. мысли» («Киндай ринри сисо-но кэнкю», 1955) ищет «природу истинного гуманизма» в «социалистич. гуманизме» и находит ее в марксизме.

Соч.: Гэндай-но хюманизму (Совр. гуманизм), Токио, 1961.

Лит.: Сакисака Ицуро (ред.-составитель), Совр. япон. философия, пер. с япон., М., 1958, с. 242—43; Тосака Дзюи, Сэнсю (Избр. соч.), т. 5, Сякай то бунка (Общество и культура), Токио, 1947, с. 136.

Я. В. Радугин-Затуловский. Ленинград.

МУТАКАЛЛИМЫ — приверженцы мусульм. ортодоксального богословия — *калама* (см. *Ислам*). Среди М. различают два осн. направления: ашаритов — последователей богослова Ашари, и *мутазилитов*.

МУХАММЕД (ок. 570—632) — араб. религ. и гос. деятель, к-рого зап. бурж. востоковеды считают «основателем» ислама и автором *Корана*, а мусульмане — величайшим пророком, посланником божьим. Достоверных биографич. данных о М. очень мало, никаких подлинных документов, непосредственно восходящих к нему, не сохранилось. Коран не содержит сведений о его жизни. Наиболее ранняя из дошедших до нас биографий М., составленная мединцем Ибн Исхаком во 2-й пол. 8 в. в Багдаде и переработанная в 9 в. филологом Ибн Хишамом, переполнена легендами и мифами, затемняющими и искажающими реальный историч. образ М. В последующих мусульм. биографиях М. он превращен в фантастич. чудотворца и провидца. По преданию, М. родился в Мекке. Был пастухом, сопровождал торговые караваны. Ок. 610

выступил с проповедью новой религии, к-рой впоследствии дал название «ислам». Не получив признания в Мекке, М. осенью 622 переселился в Медину, где возглавлял мусульм. общину верующих, стал правителем этого города, военачальником и верховным судьей мусульман. Его борьба с мекканцами завершилась сдачей Мекки, в к-рую М. в 630 вступил победителем.

Е. Беляев. Москва.

МХИТАР ГЕРАЦЬ (12 в.) — арм. врач, астроном, один из основоположников натурфилос., естественнонауч. мысли в Армении. Источником познания М. Г. считал опыт и наблюдения.

Соч.: Утешение при лихорадках, пер. с арм. Г. Арутюняна [и др.], Ер., 1955.

МХИТАР ГОШ (1133—1213) — арм. мыслитель, идеолог просвещенной части арм. общества. Автор «Арм. судейника» (1184, опубл. 1880, нов. изд. 1954). Не выступая против феод. порядков в целом, М. Г. осуждал его пороки. Каждый человек, по М. Г., обладает «естественным правом», к-рое трактуется им как выражение божеств. разума в человеке. Бог наделил человека свободой воли, дающей ему возможность выбора между добром и злом. Исходя из принципа разделения человек. природы на душу и тело, М. Г. признавал необходимость правовых норм двух родов — духовных и телесных. Видя бедств. положение нар. масс, он требовал от властителей не творить беззаконий, ибо власть их исходит от бога и должна быть проникнута заботой о «простых и слабых». М. Г. — ревностный защитник идеи строго централизованного гос-ва, необходимого для нормальной жизни страны. Социальная философия М. Г. оказала большое влияние на последующее развитие арм. общественно-политич. мысли, в частности на философию Иоанна Ерзынкаци, *Григора Татеваци* и др.

Лит.: Алексеев К., Изложение законоположений, заключающихся в Арм. судейнике, М., 1870; Марр Н. Я., Сборники притч Вардана, ч. 1—3, СПб., 1894—99; Орбели И., Басни средневековой Армении, М.—Л., 1956; Чалоян В. К., История арм. философии, Ер., 1959. С. Аревшатян. Ереван.

МЦИРЕ, Ефрем (11 в.) — представитель схоластики в Грузии. Филос. деятельность М. выразилась в переводе и комментировании «Источника знания» *Иоанна Дамаскина*, благодаря чему в Грузию проникли идеи двух значит. филос. направлений античности: неоплатонизма и аристотелизма. М. выступал против принципа Дамаскина, согласно к-рому философия должна подчиняться теологии, и писал о том, что между философией и теологией должен существовать равноправный союз.

Лит.: Нуцубидзе Ш., История груз. философии, Тб., 1960; на груз. яз. — Блейк Р., Из лит. деятельности Е. М., «Мимомхилведи», 1926. Е. Хидашели. Тбилиси.

МШВЕНИЕРАДЗЕ, Владимир Власович (р. 1 марта 1926) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1963). Член КПСС с 1945. Окончил филос. фак-т Тбилисского ун-та (1953) и аспирантуру Ин-та философии АН СССР (1957). Старший науч. сотрудник Ин-та философии АН СССР (с 1959). Ведет науч. работу по истории философии и критике совр. бурж. философии и социологии, гл. обр. неопозитивизма и антикоммунизма.

Соч.: Разносчик «прикладного христианства», «Коммунист», 1955, № 14 (совм. с А. Чанышевым); Совр. материализм — философия сотрудничества между народами, «Вопр. философии», 1955, № 5; Философия неопозитивизма, там же, 1957, № 2; О филос. сущности «семангич. концепции истины», в сб.: Логич. исследования, М., 1959; Великое филос. произв. творч. марксизма. К 50-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909—1959), М., 1959 (совм. с А. Ф. Окуловым); Филос. мысль в Канаде, гл. из кн.: История философии, т. 5, М., 1961; Философия неопозитивизма и семантики, М., 1961; Осн. течения совр. бурж. философии, К., 1961; Антикоммунизм — идеология реакции, в сб.: Великая хартия коммунистич. и рабочих партий, М., 1961; Антикоммунизм — отражение крайней степени деградации бурж. идеологии, в кн.: От социализма к коммунизму, М., 1962; Слова и вещи (Вступит. статья), в кн.: Геллиер Э., Слова и вещи, пер. с англ., М., 1962; Антикоммунизм — враг культуры,

в сб.: Строительство коммунизма и проблемы культуры, М., 1963; Антикоммунизм — оружие обреченных, М., 1964; Report on Analysis. «Problem № 12», «Analysis», 1958, v. 18, № 5; Die semantische Philosophie — eine Abart des subjektiven Idealismus, «Dtsch. Z. Philos.», 1961, № 8; Sociology in the USSR, «Social Sci. Information», 1962, v. 1, № 3 (совм. с G. V. Osipov).

«МЫСЛИ» («Pensées») — сочинение Паскаля, изданное посмертно (1670), в к-ром собраны его афоризмы по религ.-филос. вопросам.

МЫШЛЕНИЕ — процесс отражения объективной реальности, составляющий высшую ступень человек. познания. М. дает знание о существ. свойствах, связях и отношениях объективной реальности, осуществляет в процессе познания переход «от явления к сущности». В отличие от ощущения и восприятия, т. е. процессов непосредственно-чувств. отражения, М. дает непрямо, сложно опосредствованное отражение действительности. Хотя М. имеет своим единств. источником ощущения, оно переходит границы непосредственно-чувств. познания и позволяет человеку получать знание о таких свойствах, процессах, связях и отношениях действительности, к-рые не могут быть восприняты его органами чувств. Спец. устройство, напр., нашего глаза потому и не ставит абс. границы человек. познанию, что к нему присоединяются, по выражению Энгельса, не только др. органы чувств, но и деятельность нашего М. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 20, с. 554—55). Способность М. переходить границы непосредственно-чувств. познания объясняется тем, что мыслит. деятельность заключается в активном соотношении между собой данных практич. опыта, а также данных, представляющих собой продукт самой мыслит. деятельности в виде уже имеющихся знаний, понятий.

М. является объектом изучения ряда науч. дисциплин: теории познания, логики, психологии и физиологии высшей нервной деятельности; последнее время М. изучается также в кибернетике в связи с задачами технич. моделирования логич. операций. Строго научное, последовательно материалистич. понимание М. было впервые дано в трудах классиков марксизма. Марксизм решительно отвергает подход к М. как проявлению особого духовного начала, как «чистой активности сознания», якобы стоящей над чувственностью. Вместе с тем марксизм полностью преодолевает в учении о М. ограниченность метафизич. материализма, его созерцательность и порождаемые им упрощенные представления о процессах мыслит. деятельности, сводящие ее к элементарным процессам анализа и генерализации чувств. впечатлений и их ассоциированию в сознании человека. Марксизм рассматривает М. как продукт историч. развития обществ. практики, как особую, теоретич. форму человек. деятельности, являющуюся дериватом деятельности практической. Даже на той ступени развития, когда М. приобретает относит. независимость, практика остается его основой и критерием его истинности.

М. есть функция человек. мозга и в этом смысле представляет собой естеств. процесс; однако М. человека не существует вне общества, вне языка, вне накопленных человечеством знаний и выработанных им способов мыслит. деятельности — логич., математич. и т. п. действий и операций. Каждый отд. человек становится субъектом М., лишь овладевая языком, понятиями, логикой, представляющими собой продукт развития общественно-историч. практики; даже задачи, к-рые он ставит перед своим М., порождаются обществ. условиями, в к-рых он живет. Т. о., М. человека имеет обществ. природу.

Старый метафизич. подход к М. неизбежно ограничивал возможности науч. исследования природы и механизмов мыслит. деятельности. Эта ограниченность порождалась прежде всего тем, что М. рассматрива-

лось исключительно в форме внутр., данной в самонаблюдении деятельности, в форме процессов дискурсивного, словесно-логич. познания, протекающих по якому неизменным, присущим им внутр. законам. При этом объектом изучения служили, как правило, собств. мыслит. процессы исследователей.

На протяжении почти всего 19 в. конкретно науч. представления о М. развивались под влиянием формальной логики и на основе субъективно-эмпирич. ассоцианистич. психологии. Психологич. анализ М. сводился гл. обр. к выделению отд. мыслит. процессов: абстракции и обобщения, сравнения и классификации. Описывались также разные виды суждений и умозаключений, причем описания эти прямо заимствовались из формальной логики. В формально-логич. духе освещался и вопрос о природе понятий. Понятия изображались как продукт процесса своеобразного «наслаивания» друг на друга чувств. образов, в ходе к-рого несовпадающие признаки воспринимаемых объектов стираются, а общие их признаки, наоборот, взаимно усиливаются; последние якобы и образуют содержание общих представлений и понятий, к-рые у человека ассоциируются с соответств. словами. Основы ассоцианистич. теории, заложенные Гоббсом и развитые особенно в трудах Гартли и Пристли, были внесены в субъективно-эмпирич. психологию 19 в. в Англии гл. обр. Спенсером и Бэнном, в Германии — Гербартом, Эббингаузом и Вундтом, во Франции — Тэнном и др. Ее осн. объяснит. понятием стало понятие ассоциации, т. е. связи между психич. явлениями (ощущениями, представлениями, идеями), к-рая возникает под влиянием повторения их сочетания во времени или пространстве. С этой т. зр., М. изображалось как процесс, представляющий собой сложные цепи ассоциаций, протекающих в сознании. Последоват. проведение взглядов на М. как на поток ассоциаций наталкивалось, однако, на неразрешимые трудности. Невозможно было, напр., объяснить, каким образом ассоциации, образующие мыслит. процессы, приобретают избират. и целенаправл. характер. Поэтому большинство авторов, стоящих на ассоцианистич. позициях, было вынуждено ввести, наряду с понятием ассоциации, понятия творч. синтеза, активной операции и т. п., в к-рые вкладывался идеалистич. смысл. Хотя само по себе понятие ассоциации отражает бесспорную психологич. реальность и широкое введение этого понятия имело прогрессивное значение, учение об ассоциациях в субъективно-эмпирич. психологии оставалось метафизическим. Последующие попытки свести М. к элементарным процессам были сделаны в 1-й четверти 20 в. амер. психологами-бихевиористами (Торндайк, Уотсон). Они пытались интерпретировать внутр., мыслит. деятельность как совокупность сложных цепей речевых (беззвучных) навыков, формирующихся по общей для поведения животных и человека схеме «стимул реакция». Впоследствии это представление о М. было усложнено, но его чисто натуралистич. характер полностью сохранился.

К направлениям, противостоящим в пределах бурж. психологии ассоцианистскому и «атомистич.» пониманию М., относятся прежде всего работы вюрцбургской школы (Ах, Кюльпе, Мессер и др.). Изучая логич. М. у взрослых с помощью метода экспериментального самонаблюдения, эти авторы описали ряд особенностей, характеризующих с субъективной стороны протекание внутр., мыслит. процессов: их несводимость к простому ассоциированию словесных понятий, подчиненность их цели («детерминирующей тенденции») и свойственную им безобразность. Исследователи вюрцбургской школы, однако, полностью оставались на идеалистич. позициях, рассматривая М. в отрыве от чувственности и практики — как проявление осо-

бой духовной способности. Особенно резко выраженную антиассоцианистскую позицию занимали представители «гештальтпсихологии» (Вертхеймер, Кёллер, Коффка, Левин и др.). Исходя из идеи подчиненности психич. процессов принципу образования целостных форм, они понимали М. как непосредств. усматривание искомого решения, выражающееся изменением структуры проблемной ситуации в сознании субъекта. В результате такого «переструктурирования» субъекту открываются, с этой т. зр., новые, заключенные в исходной ситуации отношения и функциональные свойства. Процесс этот не может быть выведен из прежде накопл. ассоциаций, из опыта поведения и научения; он представляет собой «автохтонный», самопорождающийся процесс. Т. о., по своему филос. смыслу это понимание М. по существу смыкается с идеалистич. интуитивизмом.

Общей чертой, характеризующей перечисл. теорит. в т. ч. и ассоцианистские, является их антипсихизм, отказ от изучения происхождения и общественно-историч. развития человек. М. Если в них и шла речь о развитии, то оно понималось как процесс чисто количеств. накопления ассоциаций, их обобщения, дифференцирования и объединения во все более сложные цепи или комплексы. Такое понимание развития удерживалось как психологами-эволюционистами (Спенсер), так и в работах по психологии народов (Вундт).

Только в нач. 20 в. конкретные исследования М. приобрели черты подлинного историзма и появились работы, систематизирующие накопленные прежде многочисл. этнографич. данные о качеств. своеобразии М. народов, стоящих на относительно низких ступенях общественно-экономич. и культурного развития (Л. Леви-Брюль, Вейле и др.). При всей неудовлетворительности теоритич. интерпретаций излагаемых в них фактич. материалов работы эти имели то значение, что они показали несостоятельность положения о неизменности законов человек. духа и внесли в учение о М. идею о качеств. изменениях, к-рые оно претерпевает в ходе историч. развития. Второе направление исследований, сыгравшее важную роль в понимании природы и механизмов М., составили экспериментальные работы, посвященные изучению предьстории человек. М. — его генетич. корней в животном мире. Уже первые систематич. исследования (В. Кёллер, Р. Йеркс, П. Н. Лавгина-Котс) интеллектуального поведения человекообразных обезьян показали, что у высших животных существует сложная деятельность, к-рая по своему характеру сходна с М., хотя и протекает в форме внешне-двигат. операций («практический интеллект», или, по Павлову, «ручное мышление» животных). Изучение интеллектуального поведения высших животных, углубив генетич. подход к М., вместе с тем поставило перед конкретными исследованиями проблему о принципиальном, качеств. изменении мыслит. процессов при переходе к человеку. Конкретизируя положение Энгельса о роли труда в формировании человека, *Выготский* показал, что «М.» животных превращается в подлинное, человек. М. под влиянием закрепления линии развития практич. предметных действий и линии развития голосовых реакций, к-рое необходимо происходит в условиях коллективной трудовой деятельности. В результате голосовые сигналы, посредством к-рых осуществляется общение животных, все более превращаются из инстинктивно-выразительных в отражающие объективное содержание и становятся носителями обобщений, вырабатывающихся в практич. опыте, т. е. приобретают функцию означения. С др. стороны, практич. интеллектуальное поведение «оречевляется», опосредствуется языком, словесными понятиями и в силу этого оказывается способным приобрести в ходе дальнейшего развития форму внутр. речевых процес-

сов, свойственную словесно-логич. М. Исследования интеллектуального поведения человекообразных обезьян дали, с др. стороны, толчок экспериментальному изучению процессов практич., т. н. «наглядно-действенного» М. и у человека. Почти тотчас вслед за работой В. Кёллера были начаты с помощью разработанной им принципиальной методикой многочисл. исследования на детях. Эти исследования позволили выделить и описать процессы наглядно-действ. М. как составляющие необходимую стадию умств. развития ребенка. В дальнейших работах, среди к-рых широкой известностью пользуются исследования А. Валлона и Ж. Пиаже, было экспериментально показано, что словесно-логич. М. развивается из практич. интеллектуальных операций путем их «интериоризации», т. е. путем перехода прежде внешних предметных действий в действия внутр., умств., совершающегося в условиях общения ребенка с окружающими и в связи с успехом его речевого развития. Большой вклад в теорию онтогенетич. развития М. внесли исследования Л. С. Выготского и его школы, посвященные проблеме активного формирования мыслит. процессов. Значение этих исследований состоит в том, что развитие М. рассматривается не как идущее само собой под влиянием накопления знаний и их систематизации, а как процесс усвоения ребенком общественно-исторически выработанных умств. действий и операций. Т. к. это усвоение имеет строго закономерный характер, то, управляя им, можно активно и планомерно формировать у учащихся необходимые мыслит. процессы — программировать их развитие (П. Я. Гальперин).

Новый аспект в изучение М. внесли задачи, возникшие в связи с усложнением техники произ-ва, что потребовало исследовать М., оперирующее с наглядными механич. отношениями (т. н. «технический интеллект»). Вместе с этими исследованиями, чаще всего подчиненными целям профессионального отбора, были предприняты также работы, посвященные изучению сложной мыслит. деятельности конструкторов, шахматистов, дешифровщиков аэрофотоъемок и т. и. Все это значительно расширило круг процессов, относимых к числу интеллектуальных, мыслительных. Еще в начале 20 в. под М. разумелась исключительно познават. деятельность, протекающая в форме внутр. логич. процессов. Описанные в генетич. исследованиях стороны «практического», или «наглядно-действенного», интеллекта рассматривались лишь как ранние, подготовит. стадии в развитии М. или как примитивные и «низшие» его формы. В дальнейшем изучение сложной мыслит. деятельности, необходимо опирающейся, однако, на конкретные простраств., силовые и т. и. представления и протекающей в виде действий с внешними объектами (схемами, макетами конструкций, разного рода динамич. предметными ситуациями и т. д.), создало почву для признания сосуществования у человека различных форм высокоразвитого М., нередко теснейшим образом переплетающихся между собой и переходящих друг в друга. Принципиальное значение признания такой «полиморфности» мыслит. процессов для общей теории М. состоит в том, что оно ведет к фактич. преодолению абс. метафизич. противопоставления внутр., теоритич. деятельности и деятельности чувственной, мысли и практич. действия.

Существ. вклад в учение о М. внесли также работы по изучению нейрофизиологич. механизмов мыслит. деятельности. Уже в трудах И. М. Сеченова было выдвинуто положение, что М. представляет собой результат рефлекторных мозговых процессов, осуществляющих сопоставление объектов друг с другом в к.-л. отношении, и что отвлеченные, вневещ. формы М. являются лишь дальнейшим развитием этого

сопоставления — «продолженными» за пределы чувственности анализом и синтезом. Впервые систематич. экспериментальному изучению аналитико-синтетич. деятельность коры головного мозга была подвергнута в классич. работах И. П. Павлова и его школы. Особенно важное значение для понимания физиологич. основы высших познават. процессов имеют открытые Павловым механизмы ориентировочно-исследоват. деятельности, принцип системности мозговых процессов и, применительно к человеку, учение об особенностях второй (речевой) сигнальной системы в ее соотношении с первой сигнальной системой. Хотя в трудах Сеченова и Павлова в качестве одного из центральных удерживается понятие ассоциации, однако самый подход к этому понятию принципиально отличается от подхода, свойственного субъективно-эмпирич. психологии. Они рассматривают ассоциацию не в качестве объяснит. понятия, а как процесс, подлежащий науч. анализу и объяснению, как продукт активной приспособит. деятельности организма, его поведения в условиях сложной предметной среды.

Дальнейшие нейрофизиологич. исследования с широким применением электрофизиологич. методов, в частности электроэнцефалографич. исследования на человеке, обнаружили новые данные о механизмах тонкой мозговой регуляции сложной деятельности. Вместе с тем была особенно подчеркнута роль т. н. обратных связей, описанная уже Павловым в его учении о функции подкрепления и о кинестезиях. В совр. нейрофизиологии термином «обратная связь» обозначается механизм регуляции деятельности посредством сигнализации об эффектах, осуществленных рабочими органами текущих реакций, благодаря к-рой происходит их коррекция. Понятие обратной связи как основное для понимания механизма саморегулирования деятельности животных и человека впервые было введено сов. физиологами еще в 30-х гг. (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн). В наст. время это понятие является центральным как в нейрокибернетике, так и в технич. кибернетике.

Разработка проблемы регулирования посредством обратных связей имеет важное значение с т. зр. развития науч. представлений о механизмах познавательной, в частности мыслительной, деятельности, поскольку она позволяет понять также и физиологич. необходимость активности субъекта в процессе познания, прямо или опосредствованно связывающей его с познаваемыми объектами. Новые нейрофизиологич. схемы, учитывающие механизмы обратных связей и компарации, включив психофизиологич. изучение мозга в разработку общей теории регулирования, открыли возможности моделирования высших, в т. ч. логич., операций посредством кибернетич. технич. устройств, что, помимо практич. значения, имеет также и значение одного из методов их исследования. Наконец, совр. науч. представления о М. учитывают достижения и таких дисциплин, как теория информации, математич. логика, теория игр, а также нек-рые разделы лингвистики.

К числу важнейших общетеоретич. проблем М. относится прежде всего проблема соотношения внутр., мыслительной и внешней, практич. деятельности человека. В противоположность метафизич. идеалистич. теориям, исходящим из абс. противопоставления М. и практич. деятельности, марксизм подчеркивает изначальную связь между ними. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно влечет в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь ещё непосредственным порождением материального отношения людей» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд.,

т. 3, с. 24). Труд посредством орудий ставит человека не непосредственно перед материальными объектами, а перед их взаимодействием, к-рое он сам создает, воспроизводит и контролирует: в этом процессе и происходит их познание человеком. Если при непосредств. взаимодействии субъекта и объекта последний открывает свои свойства лишь в границах, обусловленных составом и степенью тонкости ощущений субъекта, то в процессе взаимодействия, опосредствованного орудием, познание выходит за эти границы. Так, при механич. обработке предмета из одного материала предметом, сделанным из др. материала, мы подвергаем безопиобчному испытанию их относит. твердость в пределах и с точностью, совершенно недоступных непосредственно-чувств. оценке, в данном случае — оценке при помощи органов кожно-мышечных ощущений. По зрительно воспринимаемой деформации одного из них мы умозаключаем о большей твердости другого. Идя по этому пути, мы можем, далее, построить шкалу твердости тел и выделить такие объективные единицы твердости, применение к-рых способно дать точное и независимое от постоянно колеблющихся порогов ощущений познание данного свойства. Для этого, однако, опыт практич. действий должен отражаться в такой форме, в к-рой их познават. результат может закрепляться, обобщаться и передаваться др. людям. Такой формой и является слово, языковой знак. Первоначально познание свойств, недоступных непосредственно-чувств. отражению, является непреднамеренным результатом действий, направленных на практич. цели. Лишь вслед за этим оно может отвечать спец. задаче, напр. оценить пригодность исходного материала или промежуточного продукта путем предварит. испытания, практич. «примеривания» его. Такого рода действия, подчиненные познават. цели, т. е. результатом к-рых являются добываемые посредством их знания, представляют собой уже настоящее М. в его внешней, практич. форме. Познание, результат таких действий, отражаемый в словесной форме, отличается от результатов непосредственно-чувств. отражения, генерализуемых в соотвеств. чувственных же образованиях — в т. н. генерических образах и представлениях. Он отличается от последних не только тем, что включает в себя свойства, связи и отношения, недоступные непосредственно-чувств. оценке, но и тем, что, передаваясь в процессе речевого общения др. людям, он входит в систему знаний, составляющих содержание сознания коллектива, общества. При этом формирующиеся у отд. людей представления, понятия, идеи подвергаются отбору и уточнению в соответствии с критерием уже не индивидуальной практики, неизменно узко ограниченной и подверженной влиянию случайности, а неизмеримо более широкой и богатой обществ. практики.

Языковая форма выражения и закрепления результатов первоначально внешне-предметной познават. деятельности создает условие, благодаря к-рому в дальнейшем отд. звенья этой деятельности могут выполняться уже только в речевом, словесном плане. Т. к. речевой процесс осуществляет при этом прежде всего познават. функцию, а не функцию общения, то его внешне-звуковая, произносит. сторона все более редуцируется; происходит переход от громкой речи к речи «про себя», «в уме» — к внутр. словесной мыслит. деятельности. Между исходными чувств. данными и практич. действием теперь включаются все более длинные цепи внутр. процессов мысленного сопоставления, анализа и т. д. В ходе дальнейшего развития эти внутр. познават. процессы постепенно приобретают относит. самостоятельность и способность отделяться от внешней, практич. деятельности. При этом разделение труда приводит к тому, что умств.,

духовная деятельность и практич., материальная деятельность могут выпадать на долю различных людей. В условиях развития частной собственности на средства произ-ва и дифференциации общества на антагонистич. общественные классы происходит отрыв умств. труда от труда физич., и внутр., мыслит. деятельность начинает все более противопоставляться внешней, материальной деятельности. Она кажется теперь вполне независимой от последней, имеющей принципиально другую природу и происхождение. Эти представления о мыслит. деятельности и закрепляются впоследствии идеологами в идеалистич. теориях М.

Пропасть между внутр., теоретич. и внешней, практич. деятельностью, созданная отделением умств. труда от физического и монополизацией умств. труда господств. классами, не является вечной. С уничтожением частной собственности на средства произ-ва и антагонистич. классов она постепенно исчезает. В условиях коммунистич. общества, утверждающего практич. единение умств. и физич. труда, жизнь все-сторонне развитых людей все более охватывает как теоретич., мыслит. деятельность, так и деятельность практическую. В этих условиях переход одной деятельности в другую происходит естественно и не нуждается, говоря словами Маркса, в сложных фокусах рефлексии. Конечно, единение умств. и физич. труда, мыслит. деятельности и деятельности практической отнюдь не означает устранения различий между ними. Утрачивая нек-рые черты, возникшие в результате их отрыва друг от друга, они сохраняют, однако, присущие им действит. особенности. Изучение особенностей мыслит., умств. деятельности и составляет задачу наук о М. Особенности внутр., теоретич. деятельности, деятельности отвлеченного М., определяются тем, что она протекает без прямого соприкосновения с внешней действительностью, с объектами материального мира, хотя и опирается обычно на те или иные чувств. представления, схемы и т. п.

К тому же, если рассматривать теоретич. М. отд. людей, оно не нуждается даже в отпранной предметно-чувств. основе, к-рая может быть представлена уже в ее отраженной, идеальной форме — в форме прежде накопл. знаний, понятий. Поэтому, в отличие от процессов познания, к-рые осуществляются непосредственно в практике — в пром-сти и эксперименте — и в силу этого жестко ограничены рамками возможности производить те или другие действия в наличных предметных условиях, теоретич., мыслит. деятельность обладает принципиально беспредельными возможностями проникновения в реальность, в сущность ее явлений.

С др. стороны, утрата внутр., теоретич. деятельностью прямого и непрерывного контакта с материальными объектами приводит к тому, что она может отрываться от действительности и создавать ложные, извращенные представления о ней. Именно это обстоятельство порождает проблему критерия истинности М., критерия адекватности его результатов объективной реальности.

Заслуга марксизма состоит в разработке учения о практике как о единств. критерии истинности наших знаний. Введение этого критерия обозначает необходимость проверки тех теоретич. результатов, к-рым приходит М., в практич. деятельности и эксперименте. Конечно, такая проверка отнюдь не всегда может быть осуществлена прямо вслед за достигнутым теоретич. результатом и, тем более, непосредственно самим субъектом М. Под практикой и в этом случае следует понимать не только и не столько практику индивидуального субъекта познания, сколько практику обществ., к тому же не только ближайшую практику, но и практику, иногда отдаленную от прове-

ряемых теоретич. результатов десятками и даже сотнями лет. Все это делает необходимым, чтобы опыт практики учитывался уже в самом процессе М., причем эта необходимость выступает тем более, чем сложнее и «длиннее» становится путь, проходимый познанием в плане умств., внутр., теоретич. деятельности. То, что теоретич. М. не может обходиться без руководства некими предписаниями или правилами, к-рые служили бы для него ариадниной нитью, так или иначе создалось всеми теоретиками. «Без этого,— писал Лейбниц,— наш разум не смог бы проделать длинного пути, не сбившись с дороги» («Die Philosophischen Schriften», В., 1890, р. 22). Исторически выработанная человечеством система такого рода правил («законов М.») и составляет содержание особой дисциплины — *логики*, развивавшейся под влиянием прогресса человек. знаний, науки. Анализ природы логич. законов приводит ко второму аспекту проблемы теоретич. познания и практики, а именно к вопросу о том, как входит опыт практики в самый процесс М.

В противоположность идеалистич. взглядам на логич. законы как имманентные законы самого М., как на выражение законов абс. духа или как на законы «языка» науки, марксистский взгляд состоит в том, что логич. законы представляют собой обобщенное отражение тех объективных отношений действительности, к-рым подчиняется и к-рые воспроизводит практич. деятельность. «... Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, да бы эти фигуры могли получить значение аксиом» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 181—82). Т. о., практич. деятельность, практика не только служит критерием, позволяющим проверить адекватность результатов теоретич. мысли и объективной реальности, но является также той предпосылкой, из к-рой вырастают правила и законы, к-рым подчиняется М. человека. Первоначально эти правила и законы, отражающие объективные отношения, открываются людьми, передаются последующим поколениям и усваиваются стихийно. Лишь в связи с усложнением и «удлинением» того пути, к-рый проходит процесс познания во внутреннем, только мысленном плане, возникает необходимость сознательно контролировать и регулировать этот процесс; иначе говоря, возникает задача сделать предметом познания само М. Этой задаче и служит наука о М. — логика. В качестве первого автора, систематизировавшего правила рассуждения, независимые от конкретного предмета познания, обычно называют Аристотеля. Система, изложенная Аристотелем, стала исходной для последующего развития классич. формальной логики. Изучение М., однако, не могло ограничиться только анализом, описанием и формулированием элементарных правил дискурсивн; оно включило в себя также более широкие проблемы об отношении М. к объективной реальности и об общем методе познания (см. *Диалектический материализм, Теория познания*). Единство теоретико-познават. и логич. аспектов изучения М. нашло наиболее полное выражение в марксистской *логике диалектической*, к-рая представляет собой общее учение о развитии, самодвижении предмета познания и его отражении в М., в движении понятий. Диалектич. логика, играя важнейшую роль не только в формировании науч. мировоззрения, но и в развитии конкретных наук, вместе с тем отнюдь не устраняет необходимости в логике формальной. Напротив, огромное усложнение задач, стоящих перед совр. наукой и техникой, потребовало дальнейшего быстрого развития формальной логики, приведения логич. аппарата М. в соответствие с этими новыми задачами. Эта потребность и вызвала к жизни новые направления формальной ло-

гики. В наст. время во мн. областях науки применение нового логич. аппарата стало столь же обязательным, как и применение математич. аппарата, причем круг этих областей науки все более расширяется. Это объясняется тем, что совр. формальная логика позволяет осуществить теоретич. моделирование мыслит. операций и передачу их выполнения электронным цифровым машинам. Успехи совр. формальной логики, ее сближенность с математикой (исчисление высказываний, применение вероятностного подхода и т. д.) и приобретенная ею относительная самостоятельность не дают, однако, основания рассматривать ее вне более широких теоретико-познават. проблем и, ели более, противопоставлять ее диалектико-материалистич. теории познания, к-рая полностью сохраняет для нее свое значение филос. основы.

В противоположность тенденции нек-рых зарубежных авторов свести мыслит. деятельность к совокупности логич. операций и таким образом «автономизировать» формальную логику, марксизм требует подходить к М. как к одной из форм живого. деятельности, направленной на преобразование действительности. Этот подход полностью устраняет теоретич. обособление М. от жизни, к-рое выражается во взглядах на М. как на вполне автономный процесс, подчиненный лишь чисто формальным отношениям. Вместе с тем такой подход открывает пути анализа М. в системе деятельности человека в ее целом. Как показывают совр. психологич. и генетико-эпистемологич. исследования, внутр., мыслит. деятельность не только является дериватом внешней, практич. деятельности, но имеет принципиально то же строение, что и практич. деятельность. Как и деятельность практич. внутр., мыслит. деятельность также отвечает тем или иным потребностям и побуждениям и, соответственно, испытывает на себе регулирующие действия эмоций. «... Без „человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет и быть не может человеческого и с к а н и я истины» (там же, т. 20, с. 237). Как и в практич. деятельности, в мыслит. деятельности могут быть выделены отд. действия, подчиненные конкретным сознат. целям. Они-то и составляют осн. «единицу» деятельности, не только внешней, практич., но и внутр., мыслительной. Наконец, как и практич. действие, всякое внутр., умств. действие осуществляется теми или иными способами, т. е. посредством опред. операций. В отличие от действия, содержание к-рого определяется субъективной целью, содержание операций, образующих его состав, определяется объективными условиями выполнения данного действия. Т. к. указанные структурные «единицы» деятельности относительно самостоятельны, а вместе с тем представляют собой элементы структуры, к-рая является общей и для внешней, практич. и для умств., мыслит. деятельности, то они могут входить в одну и ту же, единую деятельность в обеих своих формах — и внешней, и внутр. Напр., в состав теоретич., мыслит. деятельности могут входить действия внешние, практич., а в эти внешние действия, в свою очередь, отд. внутр., умств. логич. или математич. операции. Такого рода «сплавы» процессов внешних и внутр., практич. и умств. наблюдаются постоянно и тем более отчетливо, чем более практич. деятельность интеллектуализируется, сближается с умств. и, с др. стороны, чем более умств. деятельность вооружается внешними технич. средствами. Т. о., мыслит. деятельность как полностью внутр. представляет собой лишь частный случай и поэтому отнюдь не может рассматриваться исключительно в этой ее форме. К еще более важным выводам приводит анализ тех генетич. и динамич. отношений, к-рые связывают между собой умств. действия и операции. Любые операции, безразлично — внешне-двигат. или внутр., умств., являются по свое-

му происхождению трансформированными действиями. Это значит, что всякая операция первоначально формируется в виде сознательного, подчиненного ясно выделенной цели действия, осуществляющего нек-рое звено живой человек. деятельности — практич. учебной, познавательной и т. д. Лишь полное освоение действия и включение его в состав более сложных целостных действий, в к-рых оно окончательно отрабатывается, теряет свои избыточные звенья и автоматизируется, превращает его в способ выполнения этих действий, т. е. в собственно операцию. В результате такой трансформации исходное действие утрачивает свою зависимость от тех побуждений и целей, с к-рыми было связано его рождение; оно утрачивает и первоначально присущую ему эмоциональную, личностную окраску. Непосредственно в самих операциях остаются фиксированными лишь связи и отношения, к-рые воспроизводят объективные связи и отношения, абстрагированные от конкретно-предметных условий выполнения действия и обобщения. Эти операции становятся полностью безличными, формализуются и могут быть описаны в виде соответств. алгоритмов, формул, аксиом и т. д. При этом они сами могут становиться предметом дальнейшего анализа и обобщения; кодифицируясь, они образуют относительно устойчивые системы знаний — логических, математических. Как и др. продукты человек. деятельности, они отделяются от человека и т. о. получают свое объективное существование и развитие. Т. к. система мыслит. операций, осуществляющих умств. действия, полностью покрывает по своему объему их содержание, то может создаться представление, будто она целиком исчерпывает М., иначе говоря, будто формальная логика является единств. наукой о М. и ее законы суть единств. его законы.

Это иллюзорное представление получает свое кажущееся подтверждение в факте существования «думающих» электронных машин. Совр. вычислит. машины действительно осуществляют сложнейшие мыслит. операции, намного превосходя по точности и скорости возможности человек. мозга. Однако машина может выполнять лишь такие процессы, к-рые полностью «технизировались» в самом М. человека: иначе их вообще невозможно было бы технически моделировать. Но именно потому, что умств. операции не добавляются к деятельности М., а образуют ее состав так же, как, напр., технологич. операции не добавляются к производств. деятельности, а образуют ее, и возникают взгляды, утверждающие принципиальную сводимость М. человека к «мышлению» машин. В действительности же М. в строгом и полном значении этого понятия у машин так же не существует, как не существует у них и труда. Подобно тому, как машина не является действит. субъектом труда, так она не может стать и субъектом М., познания. Из этих положений отнюдь, конечно, не вытекает, что возможности технич. моделирования М. ограничены некими абс. пределами. Пределы эти смещаются, все более и более расширяясь, что происходит в силу постоянно идущей трансформации развивающихся познават., мыслит. действий в мыслит., умственные операции. Т. о., то, что сегодня выступает в виде не формализуемого живого действия, завтра может стать операцией — способом решения новых творч. познават. задач, формализоваться и быть переданной машине. Развитие электронной вычислит. техники остро подчеркнуло еще одну сторону связи между внутр., идеальной мыслит. деятельностью и деятельностью внешней, материальной. Если с генетич. т. зр. эта связь находит свое выражение в процессах интериоризации первоначально внешней деятельности, то другая, не менее существ. сторона этой связи выражается в процессах, идущих в противоположном направлении, —

в процессах экстерниоризации, т. е. в переходах внутр. мыслит. действий и операций из свойственной им свернутой, сокращенной формы в развернутую, внешнюю форму. Такого рода обратное их преобразование, иногда полное, иногда неполное, происходит постоянно, напр. в случаях возникновения затруднений, создающих необходимость контролировать умств. действия посредством записей, схем, уравнений и т. п. Это является совершенно необходимым в целях их коммуникации др. людям, напр. в условиях обучения или сотрудничества. Вместе с тем переход умств. процессов в развернутую внешнюю форму делает единственно возможным их кристаллизацию в орудиях и машинах — этих «... созданных человеческой рукой органах человеческого мозга» (Маркс К., см. журн. «Большевик», № 11—12, 1939, с. 63). Если при создании простых машин этот процесс выступает в еще непрямом и поэтому неясном своем выражении, то при конструировании электронных вычислит. машин, к-рые выполняют операции самого М., он становится непосредственно видимым.

Значение описанных взаимопереходов и взаимопревращений внешней, материальной, практич. деятельности и деятельности внутр., идеальной, мыслит. заслонялось тем их противопоставлением, к-рое возникло на основе отделения умств. труда от физического. В истории развития учения о познании это противопоставление выразилось в том, что внутр., теоретич. деятельность М. абстрагировалась от ее внутр. связи с внешней и практич. деятельностью, от того факта, что «... существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человека, а не одна природа как таковая», и что «разум человека развивался соответственно тому, как человек научился изменять природу» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 20, с. 545).

А. Леонтьев. Москва.

Лит.: Спенсер Г., Основания психологии, пер. с англ., 2 изд., т. 1—2, СПб—М., 1897—98; Рибо Т., Эволюция общих идей, пер. с франц., СПб., 1898; Бинэ А., Механизм мышления, пер. с англ., О., 1894; Психология мышления, СПб., 1914; Потебня А. А., Мысль и язык, Полн. собр. соч., т. 1, [О.], 1926; Леви Брюль Л., Первобытное мышление, пер. с франц., М., 1930; Блонский П. П., Память и мышление, М.—Л., 1935; Гоббс Т., Левинафан, М., 1936; Сеченов И. М., Элементы мысли, Избр. произв., М., 1953; Анциферова Л. И., Исследования проблемы мышления в современной зарубежной психологии, «Вопр. психологии», 1956, № 3; Валлон А., От действия к мысли, пер. с франц., М., 1956; Выготский Л. С., Мышление и речь, Избр. психологич. исследования, М., 1956; Мышление и язык. [Сб. ст.] под ред. Д. П. Горского, М., 1957; Рубинштейн С. Е., О мышлении и путях его исследования, М., 1958; Шейверев П. А., Обобщение ассоциаций, «Вопр. психологии», 1958, № 1; Гальперин П. Я., Развитие исследований по формированию умственных действий, в кн.: Психологическая наука в СССР, т. 1, М., 1959; Костюк Г. С., Вопросы психологии мышления, там же; Пономарев И. А., Психология творческого мышления, М., 1960; Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. Сб. ст. под ред. С. Л. Рубинштейна, М., 1960; Зейгарник Б. В., Патология мышления, [М.], 1962; Колмогоров А. Н., Жизнь и мышление с точки зрения кибернетики, М., 1962; Vain A., The senses and the intellect, 3 ed., L., 1868; Магве К., Experimentell - psychologische Untersuchungen über das Urteil, Lpz., 1901; Claparède E., L'association des idées, P., 1903; Watt H. J., Experimentelle Beiträge zu einer Theorie des Denkens, «Arch. ges. Psychol.», 1905, Bd 4, H. 3, S. 289—436; Messer A., Experimentell - psychologische Untersuchungen über das Denken, там же, 1906, Bd 8, H. 1, 2; Wundt W., Über Ausfrageexperimente und über die Methoden zur Psychologie des Denkens, «Psychol. Studien», 1907, Bd 3, H. 4; Titchener E. B., Lectures on the experimental psychology of the thought-processes, N. Y., 1909; Binet A., La psychologie du raisonnement, 5 ed., P., 1914; Ach N., Über die Begriffsbildung, Bamberg, 1921; Zeltz O., Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums, Bonn, 1922; Thurnwald R., Psychologie des primitiven Menschen, в кн.: Handbuch der vergleichenden Psychologie, hrsg. von G. Kafka, Bd 1, Abt. 2, Münch., 1922; Piéron H., Le cerveau et la pensée, 2 éd., P., 1923; Koffka K., Bemerkungen

zur Denk-Psychologie, «Psychol. Forschung», 1927, Bd 9, [H. 1, 2]; Späier A., La pensée concrète, P., 1927; Forschungen zur Völkerpsychologie und Soziologie, hrsg. von R. Thurnwald, Bd 1—10, Lpz., 1925—31; Bühler K., Denken, в кн.: Handwörterbuch der Naturwissenschaften, 2 Aufl., Bd 2, Jena, 1933; Hartley D. M., Observation on man, his frame, his duty and his expectations, 6 ed., L., 1934; Duncker K., Zur Psychologie des produktiven Denkens, B., 1935; Porteus S. D., Primitive intelligence and environment, N. Y., 1937; Rey A., De la pensée primitive à la pensée actuelle, Encyclopédie française, t. 1, p. 1, P., 1937; Goldstein K. and Scherer M., Abstract and concrete behavior, Evanston (Ill.), 1941; Wallon H., Les origines de la pensée chez l'enfant, t. 1—2, P., 1945; Wertheimer M., Productive thinking, N. Y.—L., [1945]; Bartlett F. C., Programme for experiments on thinking, «Quarterly J. Experimental Psychol.», 1950, v. 2, part 4; Humphrey G., Thinking: an introduction to its experimental psychology, L.—N. Y., [1951]; Piaget J., La psychologie de l'intelligence, 3 éd., P., 1952; Johnson D. M., The psychology of thought and judgment, N. Y., 1955; Bruner J. S. [a. o.], A study of thinking, N. Y., [1956]; Geer J. P. van de, A psychological study of problem solving, [s. l.], 1957; Berlyne D. E. et Piaget J., Théorie du comportement et opérations, P., 1960; Johnson D. M., Psychology: a problem-solving approach, N. Y., 1961;

МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК — неразрывно связанные между собой явления — первое как высшая форма отражения действительности, а второе — как материальная форма осуществления мыслит. деятельности. Посредством языка мысли отд. людей превращаются из их личного достояния в обществ. достояние, в духовное богатство всего общества. Человек может выражать свои мысли многими способами (мимикой, жестами, поступками, музыкальными звуками, рисунками и красками, чертежами, формулами и т. д.), однако универсальным средством выражения мысли является язык. В языке человек фиксирует свою мысль и благодаря этому имеет возможность подвергать ее анализу как вне его лежащий объект. Он служит средством понимания не только чужих, но и своих собств. мыслей. Выражая свои мысли, человек тем самым отчетливее уясняет их сам. Слово существенно для мышления и в силу того, что оно является материальной формой существования знания, что в нем откладываются, объективируются и через него актуализируются знания, посредством к-рых человек во все возрастающей мере осознает окружающую действительность и самого себя. Посредством языка происходит переход от восприятия к понятиям, осуществляется формирование обобщенной мысли, протекает процесс оперирования понятиями. Без обобщающей роли языка человек не мог бы приобрести способность обозревать бесконечное многообразие отдельных вещей окружающего мира. «... В языке есть только общее... Всякое слово (речь) уже обобщает... Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 272, 269). Связь между мышлением и языком не механическая, а органическая: их нельзя отделить друг от друга, не разрушая того и другого. Не только язык не существует вне мышления, но и мысли, «идеи не существуют оторванно от языка» (Архив Маркса и Энгельса, т. 4, 1935, с. 99). См. Мышление, Язык и библиографию при этих статьях.

А. Спиркин. Москва.

МЫШЛЕНИЯ ЗАКОНЫ (логические) — законы связи между суждениями и понятиями, законы формирования и развития мысли, определяющие правильные формы и методы познания действительности на ступени абстрактного мышления. Целью изучения М. з. является выяснение объективных условий истинности познания. М. з. определяются исключительно содержанием мысли, однако не конкретным содержанием отдельных мыслей, а тем общим, что имеется в содержании различных мыслей, т. е. в конечном счете нек-рыми общими чертами отражаемых в мышлении предметов и отношений действительности.

Необходимо различать формальнологич. законы и законы диалектич. логики. Диалектич. М. з. в совокупности составляют логику *ф о р м и р о в а н и я* и *р а з в и т и я* мысли.

К числу диалектич. М. з. относятся, во-первых, общие принципы подхода к исследуемым предметам и явлениям, вытекающие из общего диалектико-материалистич. понимания мира и представляющие собой необходимые условия познания сущности изучаемых явлений; именно в силу всеобщности и необходимости этих принципов как условий истинности результатов процесса познания сущности явлений действительности они являются М. з. Таков, напр., принцип, требующий учета всех (могущих быть выделенными на данной ступени познания) сторон и связей изучаемого предмета с др. предметами; принцип, требующий рассмотрения предметов в развитии; принцип, требующий учета *практики* как критерия истины и как определителя наиболее главного, решающего в предмете; принцип конкретности истины, требующий конкретности в постановке и решении вопросов и т. д. (см. В. И. Ленин, Соч., т. 32, с. 72—73; т. 38, с. 213—14). Во-вторых, к диалектич. М. з. принадлежат законы логич. воспроизведения в мышлении хода (осн. этапов, истории) развития тех или иных предметов и явлений действительности: природы, общества, а также и самого мышления. Эти законы совпадают по содержанию с общими законами развития объективной реальности; точнее говоря, общие законы развития предметов оказываются в таких случаях и законами развития мысли. Осн. наиболее общими законами развития предметов и явлений в любой области действительности являются законы: *единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания закон*. Логически воспроизвести (или представить) историю развития к.-л. предмета — значит мысленно проследить характер действия этих законов в реальном, имеющем место в действительности (или в возможности) процессе. Естественно, что законы развития самих предметов оказываются, т. о., и законами движения мысли: «Диалектика в е щ е и создает диалектику и д е й...» (Л е н и н В. И., Соч., т. 38, с. 188). Классич. образец логич. воспроизведения диалектики предмета дан в «Капитале» Маркса. Исследование общих диалектич. М. з. как законов познания имеет важное методологич. значение. Выдвигая на первый план этот логич. аспект диалектики, Ленин особо подчеркивает мысль о том, что «диалектика и е с т ь теория познания (Гегеля и) марксизма...» (там же, с. 360). Наконец, необходимо выделить диалектич. законы, выражающие специфику самого процесса отражения предметов и явлений действительности в мышлении. Отражение предметов, а также процессов их развития представляет собой сложный и противоречивый процесс движения мысли от поверхностного и одностороннего ко все более глубоко и полному знанию предмета.

В процессе познания, как отмечал В. И. Ленин, выделяются три члена: 1. Природа (познаваемые объекты); 2. Мозг человека как орган познания и 3. Форма отражения природы в познании человека. Последнюю составляют формы мысли и законы, присутствующие процессу познания. Один из осн. законов процесса отражения состоит в том, что всякий отд. предмет познается через общее (через многообразие общих понятий, отражающих отдельные, общие с др. предметами, стороны предмета). Всякое конкретное нечто предварительно разлагается мышлением на отд. части и стороны и лишь на основе образованных абстракций воспроизводится как целое (см. *Анализ, Восхождение от абстрактного к конкретному*). Законы процесса отражения — законы образования абстракций, форми-

рования и развития *понятий, теорий* и т. д. — представляют собой специфич. формы проявления общих законов развития и являются отражением диалектики объективного мира. Законы, присущие предметам и явлениям действительности и выступающие как законы их познания, а также специфич. законы процесса отражения в совокупности определяют диалектич. метод исследования действительности, мысленного воспроизведения связей вещей и их развития.

Вместе с тем в процессе такого исследования используются уже сформировавшиеся понятия и суждения, в операциях с к-рыми существенно учитывать их формальные связи, подчиняющиеся формально-логич. М. з., среди к-рых осн. значение имеют законы, выражающие зависимость истинности одних суждений от истинности (или ложности) других; при этом суждения характеризуются лишь своими логич. формами, а общность закона состоит в справедливости его для суждений определ. вида с любым конкретным содержанием. Значение законов этого рода состоит в том, что они определяют логически правильные формы умозаключений.

Существует (как это стало ясно в результате развития математич. логики) бесчисленное множество законов связи между суждениями и понятиями. Напр., наряду с известными в традиц. формальной логике законами (лежащими в основе описываемых в ней форм умозаключений) большое значение имеют мн. др. законы логики высказываний и логики предикатов, в частности коммутативный закон для *конъюнкции* и *дизъюнкции*: $a \cdot b = b \cdot a$, $a \vee b = b \vee a$; законы ассоциативности для этих операций: $a \cdot (b \cdot c) = (a \cdot b) \cdot c$, $a \vee (b \vee c) = (a \vee b) \vee c$; законы идемпотентности: $a \cdot a = a$, $a \vee a = a$; законы поглощения: $a \vee (a \cdot b) = a$, $a \cdot (a \vee b) = a$; законы *де Моргана* и др. Знак равенства выражает здесь отношения равнозначности между высказываниями, к-рое имеет тот смысл, что всегда, когда истинно сложное суждение, стоящее слева от него (при этом предполагается, что вместо переменных a , b , c взяты определ. суждения), то истинно также суждение, стоящее справа от него, и наоборот. Все эти выражения можно рассматривать также и как законы связи между классами (объемами понятий), если под a , b , c понимать классы предметов, обладающих, соответственно, признаками a , b , c (см. *Логика классов*). При такой интерпретации мы получаем законы отношений между объемами сложных понятий, определяемые логич. структурой признаков, составляющих их содержание.

Законы связи между высказываниями, в свою очередь, могут быть выражены в форме высказываний. Так, закон, согласно к-рому при истинности суждения вида: «Все S суть P » истинно также суждение вида: «Ни одно не- P не есть S », может быть выражено высказыванием «Если истинно суждение „Все S суть P “, то истинно и суждение „Ни одно не- P не есть S “, или: «Если все S суть P , то ни одно не- P не есть S ». Обозначив отношение, выражаемое словами «если..., то...» (*импликация*), знаком „ \rightarrow “, получим: (1) «Все S суть $P \rightarrow$ Ни одно не- P не есть S ». Аналогично, напр., для $a \cdot a = a$ получаем высказывание: (2) $\{a \cdot a \rightarrow a\} \cdot [a \rightarrow a \cdot a]$.

Подобные выражения отличаются тем, что они обращаются в истинные суждения при подстановке на место встречающихся в них переменных (в приведенных выражениях S , P , a , b , c) любых допустимых значений (характер к-рых зависит от семантич. природы переменных; напр., допустимыми значениями для переменных S , P являются любые классы предметов; для a , b — любые суждения) и т. п. В силу этого такие выражения наз. *тождественно-истинными* и (а иногда тавтологиями или логич. тавтологиями); сами законы (имеются в виду законы связи

между суждениями и понятиями) определяют именно как тождественно-истинные выражения; более точно, формальнологич. законы представляют собой такие тождественно-истинные выражения, в к-рых нет постоянных терминов (терминов с вполне определенным содержанием), кроме логич. констант (см. *Константа*).

Суждения, к-рые получаются из тождественно-истинных выражений при замене переменных постоянными терминами (и, следовательно, превращающиеся, наоборот, в тождественно-истинные выражения при замене в их словесной формулировке всех нелогич. постоянных терминов переменными), представляют собой конкретные проявления логич. законов. Нередко (особенно в традиц. логике) их также наз. логич. законами.

Исследование законов связи между высказываниями и выработка критериев для их распознавания составляют важную задачу математич. логики, в к-рой впервые было сформулировано точное понятие логич. закона этого вида. Это понятие играет важную роль в анализе логич. связей; так, с его помощью удалось уточнить понятие логич. следствия и выработать точные критерии, по к-рым можно судить о логич. правильности умозаключений.

Логич. законы связи между суждениями представляют собой выражение общих логич. свойств суждений и гл. обр. свойств логич. отношений, составляющих общий смысл (формальное содержание) суждений, различных по своему конкретному содержанию, но имеющих одну и ту же логич. форму. По существу логич. отношения — это нек-рые наиболее общие объективные отношения, стихийно выделенные в историч. процессе формирования мышления (зафиксированные в логич. связях языка) и определяющие его осн. формы. В этом смысле М. з. носят объективный характер, что выражается, в частности, в возможности чисто онтологических их формулировок. (Напр., закон «Все S суть $P \rightarrow$ Ни одно не- P не есть S » может быть истолкован так: «если каждый предмет, обладающий свойством S , имеет свойство P , то ни один предмет, не имеющий свойства P , не имеет и свойства S »). Они являются М. з. лишь постольку, поскольку определяют общие формы умозаключений.

Марксизм-ленинизм понимает М. з. (и диалектические, и формальнологические) как отражения закономерных связей и отношений объективного мира в сознании людей. В зарубежной лит-ре существует взгляд, что законы, изучаемые формальной логикой, вообще не имеют никакого специального отношения к мышлению (см., напр., Я. Лукасевич, Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики, М., 1959, с. 48). Этот взгляд является следствием неправомерного, отвергаемого диалектич. материализмом, противопоставления М. з. законам внешнего мира. «Законы логики, — по определению Ленина, — суть отражения объективного в субъективном сознании человека» (Соч., т. 38, с. 174). Вместе с этим диалектич. материализм подчеркивает определенное единство законов объективного мира и мышления. «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собою» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1955, с. 213). Всякий закон объективного мира в определен. смысле является вместе с тем М.з., ибо, как это отмечал Фреге, любой закон, указывая на то, что есть в действительности, указывает также на то, как правильно мыслить о соответствующей области явлений действительности; логические же законы, по характеристике Фреге, являются н а и б о л е е общими и законами,

предписывающими, как следует думать всюду, где вообще думают (см. «Grundgesetze der Arithmetik», Iena, 1893, Bd 1, S. XV). Всеобщность логич. законов, состоящая в том, что они (в отличие от др. законов науки) не связаны со специфичкой объектов той или иной области, и обусловленная этим их особая роль в мышлении служат основанием для выделения их как М. з.

Решение вопроса о том, является ли то или иное выражение логич. законом, зависит от истолкования встречающихся в нем логич. постоянных (что обычно не учитывалось в традиц. логике). Так, предложение (1), рассматриваемое в традиц. логике как выражение логич. закона, оказывается таковым лишь при определен. понимании слова «суть», а именно, если ему придается не экзистенциальный а л ь н ы й смысл, при к-ром в суждениях вида «Все φ суть ψ » и «Ни одно φ не есть ψ » не обязательно подразумевается существование предметов φ ; если же связка «суть» понимается в экзистенциальном смысле (предполагающем существование предметов φ , имеющих в виду в суждении вида «Все φ суть ψ »; именно в этом смысле она употребляется обычно в традиц. логике), то предложение (1) не выражает логич. закона, ибо высказывание «Если все S суть P , то ни одно не- P не есть S » становится ложным в случае, когда P представляет собой универсальный класс предметов (т. е. «не- P » оказывается пустым классом). С др. стороны, при употреблении связки «есть» в неэкзистенциальном смысле оказывается, что нек-рые выражения, принявшиеся в традиц. логике за логич. законы, не являются таковыми. (Напр., закон, соответствующий принципу умозаключения по модусу *Darapti*, и др.).

В логике принято говорить о логич. законах лишь в той или иной логич. системе, строящейся на основе точного определения употребляющихся в ней терминов; при этом, однако, не всегда осознается, что в самих этих определениях с большей или меньшей степенью полноты воспроизводится интуитивно воспринимаемый смысл логич. терминов обычного языка и тем самым отражаются свойства обозначаемых ими логич. отношений. Существуют разные логич. системы, различающиеся определением употребляемых в них логич. связей. Так, наряду с классич. системами с т. н. материальной импликацией, существуют системы со строгой и сильной импликацией. Есть системы, различающиеся истолкованием отрицания и др. логич. связей. Выражения, доказуемые (представляющие собой законы логики) в одних логич. системах, могут быть недоказуемыми в других. Существенно различаются по составу законов системы классической и конструктивной логики (см. *Конструктивное направление, Интуиционизм, Принцип исключенного третьего*). Это многообразие систем может создать ошибочное представление о произволе в их построении; оно является одним из гносеологич. источников идеалистич. истолкования природы логич. систем и логич. законов нек-рыми философами и логиками-марксистами. Так возник, напр., распространенный в совр. бурж. логике принцип *конвенционализма*. В действительности, однако, различия систем по составу логич. законов (подобно, напр., различию между классич. и релятивистской механикой) обусловлены степенью полноты и точности отражения в них определен. объективных связей, прежде всего логич. отношений.

В традиц. формальной логике было принято выделять в качестве основных четыре логич. закона: закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего и закон достаточного основания. Содержание этих законов не было выяснено с достаточной точностью (это особенно касается трех первых из указанных законов), о чем свидетельствует

поразительный разницей в их формулировках; при этом нередко под одними и теми же названиями подразумевались фактически разные положения. Более или менее ясно выделяются два различных понимания этих законов. С одной стороны, под этими законами понимаются законы, представимые в виде тождественно-истинных выражений. Закон тождества в этой трактовке может быть описан как утверждение, что всякая вещь, имеющая нек-рое качество A , имеет его: A есть A ; согласно закону противоречия, не могут быть истинными два суждения, из к-рых в одном

отрицается то, что утверждается в другом ($A \cdot \bar{A}$); по закону исключенного третьего одно из таких суждений обязательно истинно ($A \vee \bar{A}$). С таким содержанием они вошли в математич. логику, в к-рой, однако, их не считают основными. Обычно в логич. системах они выводятся из др. законов, принятых за исходные. «Они не более основные и не более самоочевидны, чем различные другие принципы» (Р а с с е л Б., Проблемы философии, СПб, 1914, с. 54).

В др. истолковании эти законы вместе с законом достаточного основания (к-рый вообще не находит места в системах математич. логики) представляют собой специфич. законы мышления как познавательной деятельности (законы логики в этом смысле не учитываются явно при построении систем математич. логики, поскольку здесь ставится задача формализации выводов и доказательств, а не исследование процесса мышления вообще):

I. Закон тождества выражает необходимость выделять всякий предмет мысли по относительно постоянным признакам с тем, чтобы с ним можно было оперировать как с тождественным самому себе в этих (определяющих) признаках. (Этот принцип часто формулируется в виде требования определенности и тождества понятий самим себе в процессе рассуждения или определенности и постоянства значений слов, см. Аристотель, Метафизика, IV, 4.)

II. Согласно закону противоречия (к-рый при данном понимании иногда называют законом непротиворечия), недопустимо что-либо утверждать и то же самое (в том же смысле, о том же самом предмете, взятом в то же время и в том же отношении) отрицать. В процессе познания нередко возникают такие ситуации, когда оказываются как будто истинными утверждение и отрицание того же самого. Действие данного закона проявляется при этом в стремлении разрешить возникшее противоречие путем уточнения мысли, более строгого определения понятий, посредством отказа от нек-рых предпосылок и т. д. Обеспечение непротиворечивости науч. систем является непрерывной заботой любой науки.

III. По закону исключенного третьего, решение всякого вопроса должно доводиться до определ. утверждения или отрицания (между утверждением чего-либо и отрицанием того же самого нет ничего третьего). В силу неопределенности граней в природе обычных случаев, когда о нек-ром явлении a (из класса явлений, для к-рых имеет смысл утверждать или отрицать наличие нек-рого признака P) нельзя сказать, что оно обладает этим признаком, и вместе с тем непременно отрицание этого признака относительно данного явления (напр., нек-рые промежуточные состояния между жизнью и смертью таковы, что об организме нельзя определенно сказать, жив он или нежив). Смысл закона исключенного третьего сводится в таких случаях к требованию уточнения понятий (хотя бы за счет допустимого огрубления явлений действительности, искусств. усиления разграничит. линий между различными их классами) так, чтобы обеспечить возможность определ. решения вопроса о наличии или отсутствии P в том или ином конкретном

случае (если, конечно, решение подобных вопросов имеет существ. значение).

Когда в логике формулируют законы противоречия и исключенного третьего как выражения свойств противоречащих суждений ($A \cdot \bar{A}$ и $A \vee \bar{A}$), то имеют в виду именно суждения, обработанные в соответствии с требованиями, выраженными в пунктах I, II и III.

IV. Закон достаточного основания указывает на необходимость утверждать или отрицать что-либо лишь на достаточном основании (причем следует иметь в виду не только логич. основания, но также, напр., показания органов чувств при определ. условиях; в конечном счете основанием всех утверждений науки является обществ. практич. деятельность).

Перечисленные в пунктах I—IV законы выражают наиболее общие и необходимые условия не только логич. правильности, но и самой возможности мышления как познават. деятельности и потому правомерно называются осн. М. з. (подробнее см. *Тождества закон, Противоречия закон, Принцип исключенного третьего, Достаточного основания принцип*). В определ. смысле их можно назвать формально-логическими, поскольку они выражают общие необходимые требования, к-рым должны удовлетворять осн. формы мысли — понятия и суждения, независимо от их конкретного содержания. К числу логич. М. з. этого же рода относятся также необходимые условия, к-рым должны удовлетворять различные формы логич. операций (эти условия формулируются обычно в виде правил; таковы, напр., правила определения, правила деления понятий и т. п.).

Формальнологич. М. з. имеют самостоят. значение и действуют в любом процессе познания наряду с диалектич. М. з. И те и другие объективны по происхождению, в них находят отражение наиболее общие свойства, отношения и законы развития объективного мира, а также общие условия и закономерности развития общественной практич. деятельности людей. Этим объясняется их единый, общечеловеч. характер. См. также *Логика диалектическая, Диалектический материализм, Формальная логика*.

Лит.: Маркс К. [Письмо] Л. Кугельману, 11 июля 1868, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, [Л.], 1953; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957, с. 79—90, 309—17, 349—58; его же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14, с. 344—46; его же, Философские тетради, там же, т. 38; Аристотель, Метафизика, М.—Л., 1934, кн. 4 и 9; Ахманов А. С., Формы мысли и законы формальной логики, в сб.: Вопр. логики, М., 1955; Розенталь М. М., Принципы диалектич. логики, М., 1960, гл. 3; Рассел Б., Проблемы философии, пер. с англ., СПб, 1914, с. 54; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, с. 373; Витгенштейн Л., Логико-филос. трактат, пер. с нем., М., 1958, с. 59—60; Клаус Г., Введение в формальную логику, пер. с нем., М., 1960, гл. 3; Frege G., Grundgesetze der Arithmetik, Bd 1, Jena, 1893, S. 13; Wright G. H. von, Form and content in logic, Camb., 1949.

Е. Войшицкило. Москва.

МЭЙО, Мейо (Mayo), Элтон (26 дек. 1880 — 7 сент. 1949)—амер. бурж. социолог, проф. в школе бизнеса при Гарвардском ун-те, один из основателей амер. *индустриальной социологии*, психологич. направления в ней (т. н. «школа М.») и программы «человеческих отношений» (см. «The human problems of an industrial civilization», 1933, нов. изд. [1949]). Все проблемы отношений между социальными группами в пром-сти (напр., предприниматели и рабочие), по М., лежат в области взаимного сознательного или эмоционально-личного отношения между членами этих групп («коммуникации» между ними), их взаимопонимания. Не существует якобы объективного противоречия классовых (в т. ч. экономич.) интересов предпринимателей и рабочих, но лишь «нарушения коммуникации» между отд. представителями этих социаль-

ных групп. Поэтом путь ликвидации столкновений между трудом и капиталом (в т. ч. забастовок) лежит в улучшении личных отношений рабочих и предпринимателей (руководства). Извращая существо реальных отношений эксплуатации на капиталистич. предприятии, М. утверждает, что рабочие как личности заинтересованы не в повышении своего материального благосостояния и улучшении условий труда, а в установлении доброжелат. личных отношений друг с другом и с начальством; это объясняется тем, что все материальные потребности трудящихся в совр. капиталистич. обществе якобы удовлетворены.

Социология, согласно М., должна практически содействовать установлению «мира в промышленности», к-рый провозглашается им «главной проблемой современности». Индустриальная социология должна вырабатывать рекомендации по влиянию на сознание, психологию, мораль трудящихся с тем, чтобы приспособить их к существующим буржуазным отношениям, т. е. примирить с отношениями эксплуатации.

Соч.: The social problems of an industrial civilization, Boston, 1945; The political problem of industrial civilization, [Boston, 1947].

Лит.: «Review of Sociology. Analysis of a Decade», ed. by J. Gitter, N. Y., [1957]; Baumann Z., Z zagadnień współczesnej socjologii amerykańskiej, [Warsz., 1, 1961; Matelk A., Socjologia przemysłu w Stanach Zjednoczonych Ameryki, Warsz., 1962. Н. Новиков. Москва.

МЭМФОРД (Mumford), Льюис (р. 19 окт. 1895) — амер. бурж. социолог, специалист по теории и истории архитектуры и градостроительства, историк техники. Исследуя роль техники в развитии общества («Техника и цивилизация» — «Technics and civilization», 1934), М. переоценивает ее значение, не раскрывает причин противоречивости технич. прогресса при капитализме. Он приходит к выводу о циклич. характере развития общества (см. «The transformation of man», N. Y., 1956, p. 120). Идеализируя монополистич. капитализм, М. в ряде работ критикует совр. капитализм. Вера в полезность технич. прогресса исчезла. Автоматизация ведет к тому, что «инициатива и главная роль от рабочего, который когда-то управлял машиной, переходит к машине, управляющей рабочим» («In the name of sanity», 1954, p. 53). Техника выходит из-под обществ. контроля. Рациональное мышление отодвигается на задний план и такие явления, как постимпрессионизм, кубизм, футуризм, абстракционизм, получают широкое распространение. М. решительно осуждает фашизм, бюрократизацию капиталистич. общества, свойственное ему подавление духовной жизни личности. Он предостерегает от неиспользования технич. достижений для воен. целей и милитаризации экономики и выступает за исключение войны из жизни общества, заявляя, что иначе нынешний этап цивилизации может стать последним в истории человечества (см. «The city in history», 1961, p. 573). М. мечтает о «трансформации» капитализма с помощью ограничения прибылей и власти финансовых групп. Он идеализирует нек-рые явления гос.-монополистич. капитализма, рассматривая их как «планирование», переоценивает роль «новорожденной» Рузвельта. М. призывал к «задержке» экспансии техники, пока не будет поднят уровень морали и психологии людей. Попытки преодолеть нек-рые пороки капиталистич. урбанизма и оказать влияние на развитие обществ. сознания нашли отражение в градостроит. теории М. В течение ряда лет он поддерживал движение за «всемирное правительство», к-рое смогло бы, по его мнению, спасти человечество от гонки вооружений. Не понимая сущности коммунизма, М. допускает грубые выпады против СССР и марксизма-ленинизма. В то же время в последние годы М. выступает с призывами к пр-ву США отка-

заться от попыток грозить Сов. Союзу силой, с призывами к здравому смыслу.

Соч.: American taste, S. F., 1929; Wither Honolulu?, [s. 1.], 1938; Men must act, N. Y., 1939; Faith for living, N. Y., [1940]; The South in architecture, N. Y., 1941; The story of utopias, N. Y., 1941; The condition of man, N. Y., [1944]; City development, L., 1946; Values for survival, N. Y., [1946]; The culture of cities, L., [1946]; Green memories, N. Y., [1947]; The conduct of life, L., 1952; Art and technics, N. Y., 1952; The brown decades, N. Y., 1955; The human prospect, L., 1956; From the ground up, N. Y., [1956]; The golden day, Boston, [1957]; Herman Melville, N. Y., [1962]; в рус. пер. — От бревенчатого дома до небоскреба, М., 1936; Нужно сделать первый шаг, «Лит. газета», 1962, 3 июля, № 78.

Лит.: М. С. Д., «Во имя здравого смысла», [Рец.], «Вопр. философии», 1955, № 5; Осипов Г. В., Техника и обществ. прогресс, М., 1959; Историч. материализм и социальная философия совр. буржуазии, М., 1960, с. 232—70. Д. Ермоленко. Москва.

МЭН-ЦЫ (фамилия — Мэн, имя — Кэ, прозвище — Цзы-Юй) (372—289 до н. э.) — ученик учеников вунка Конфуция Цзы Сы. Записи о нем, сделанные его учениками, составили книгу «Мэн-цзы» в 7 разделах. Школа М.-ц. развивала идеалистич. элементы конфуцианского учения (см. *Конфуцианство*).

В период междоусобных войн (5—3 вв. до н. э.) М.-ц. осуждал разложение правящих слоев, их жестокость и произвол в управлении народом, требовал прекращения междоусобных войн; тем не менее М.-ц. пытался убедить правителей принять проповедуемые им идеи для смягчения социальных противоречий и недовольства нар. масс. Этико-политич. доктрина М.-ц. выражена в словах: «кто трудится умом, тот управляет людьми, кто трудится силой, тот подлежит управлению; те, кем управляют, кормят; те, кто управляет людьми, кормятся от людей» («Мэн-цзы» раздел «Тэн-вэнь-гун», 1). М.-ц. утверждал, что доброта человек. природы присуща как эксплуататорам, так и эксплуатируемым. Добро, по М.-ц., — это человеколюбие, справедливость, соблюдение обществ. регламента, мудрость. М.-ц. сводил источники знания к врожденным свойствам человека.

Развивая мистич. элементы учения Конфуция, М.-ц. считал, что небо наделяет волей и является господином, к-рый наделяет властью правителей, и учил людей довольствоваться «велемием неба» (судьбой), а правителей считать себя «присемниками велемий неба».

Лит.: Попов П. С., Кит. философ Мэн-Цзы, СПб, 1904; Ян Юн-го, История древнекит. идеологии, пер. с кит., М., 1957, с. 192—225.

МЭХЭН (Mahan), Альфред Тайер (27 сент. 1840 — 1 дек. 1914) — амер. бурж. историк, один из родоначальников геополитики. В 1886—89 — президент военно-морского колледжа. Из лекций по истории морских войн сложились книги М. «Влияние морской силы на историю. 1660—1783» («The influence of sea power upon history. 1660—1783», 1890, рус. пер. 1895, 1941) и «Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. 1793—1812» («The influence of sea power upon the French revolution and Empire. 1793—1812», v. 1—2, 1892, рус. пер. т. 1—2, 1897—98, 1940). Для концепции М. характерно увеличение влияния морских вооруж. сил на историю войн и судьбы гос-в. Исходные теоретич. позиции М. — попытка установить непосредств. связь между географич. положением гос-ва, «характером народа» и морским могуществом, игнорируя экономич. и социальную организацию общества. М. утверждал, что «история прибрежных наций» определялась прежде всего «условиями положения, протяжения и очертаний береговой линии», а также «численностью и характером населения». Черты «народного характера» М. изображает антиисторически и произвольно (если испанцы отличались «жесточкой скупостью», то англичане и голландцы были «по природе своей делю-

выми людьми» и т. п.; «способность к основанию колоний» М. объясняет «нац. гением» англичан). Социологич. взгляды М. не выходят из круга идей бурж. позитивистской социологии и историографии конца 19 в. Своей известностью работы М. обязаны тому, что они обосновывали гонку морских вооружений и оказали влияние на стратегич. воззрения и планы империалистич. кругов США, Англии, Германии, Японии (Вильгельм II писал, что он старается «выучить их наизусть», президенты Мак-Кинли и Т. Рузвельт неоднократно пользовались «советами» М.). В годы 2-й мировой войны и после нее нек-рые реакц. амер. социологи и историки геополитич. толка (Спикмен, Хантингтон, Малин и др.) возрождают интерес к идеям М.

Соч.: The interest of America in sea power, present and future, L., 1897; The interest of America in international conditions, Boston (Mass.), 1910.

Лит.: Taylor C. S., The life of admiral Mahan, naval philosopher..., N. Y., 1920; L i v e z e y W. E., Mahan on sea power, Norman, 1947. А. Заводье. Москва.

МИЮЛЛЕР (Müller), Георг Элиас (20 июля 1850 — 23 дек. 1934) — нем. психолог, один из основателей экспериментальной психологии, проф. Гёттингенского ун-та. Сторонник теории психофизич. параллелизма. Проводил исследования в области нейрофизиологич. обоснования закона Фехнера (1893), методов психологии (1900), внимания (1924) и зрит. восприятия (1930). М. интерпретировал закономерности восприятия с т. зр. своего варианта ассоциативной теории (см. *Ассоциативная психология*), названной им *Komplextheorie*. Наиболее известен своими работами в области представлений и памяти. М. развил теорию «персеверационных тенденций». По этой теории, представления, бывшие в сознании, имеют тенденцию вновь вернуться в него.

Соч.: Zur Grundlegung der Psychophysik, В., 1878; Zur Psychophysik der Gesichtsempfindungen, «Zeitschrift für Psychologie», 1896—97, Bd 10, 14; Zur Analyse der Gedächtnisverläufe und Vorstellungsvorgänge, Tl 1—3, Lpz., 1911—17, 2 Aufl., 1924; Komplextheorie und Gestalttheorie, Gött., 1923; Abriss der Psychologie, Gött., 1924.

Лит.: Katz D., Georg Elias Müller, «Forschungen und Fortschritte», 1930, Jg 6, № 20; Boring E. G., Georg Elias Müller, 1850—1934, «Amer. J. Psychol.», 1935, v. 47, p. 344—48; Claparède E., Georg Elias Müller (1850—1934), «Archives de Psychologie», 1935, v. 25, p. 110—14. М. Роговин. Москва.

МИЮЛЛЕР (Müller), Иоганнес (14 июля 1801 — 28 апр. 1858) — нем. естествоиспытатель, один из создателей совр. сравнит. анатомии, эмбриологии и физиологии, но филос. воззрения — кантианец; с М. связано зарождение т. н. «физиологического идеализма». М. выдвинул учение о специфич. энергии органов чувств, согласно к-рому ощущения по своему качеству есть разряды заложенной в рецепторном отделе нервной системы «специфич. энергии». Тем самым отрицал подобие между ощущениями и свойствами реальных предметов. Восприятие пространства М. объяснял кантиански: сетчатке изначально присуща способность укладывать ощущения в априорные пространства, схемы.

В исследованиях М. имелись и стихийно материалистич. моменты. Противоречивость взглядов М. явилась предметом критики. Естествоиспытатели и философы-материалисты (Иовский, Пуркинъ, Бёмер, Фейербах, Сеченов) отвергали доктрину М. за отрицание определяющей роли объекта в сенсорном процессе. Идеалисты (Лютце) критиковали М. за допущение причинной зависимости ощущения от материального субстрата.

М. выдвинул (одновременно с М. Холлом) понятие о рефлексе как гл. объяснит. принципе элементарных форм нервной деятельности. В целом он оставался в пределах механистич. схемы, поскольку в его трактовке ощущение не влияет на механизм рефлекса. Все же рефлекторная схема, к-рой придерживался

М., в свое время оказала прогрессивное влияние на физиологию и медицину.

Ленинская оценка «физиологич. идеализма» позволяет отделить достижения М. в области исследования нервно-психич. актов от идеалистич. интерпретации этих достижений (см. Соч., т. 14, с. 219—26; 289—99).

Соч.: Zur vergleichenden Physiologie des Gesichtssinnes des Menschen und der Tiere, Lpz., 1826; Über die phantastischen Gesichterscheinungen, Coblenz, 1826; Handbuch der Physiologie des Menschen, Bd 1—2, Coblenz, 1833—34, 3 Aufl., Bd 1—2, 1838—40; Briefe von J. Müller an Anders Retzius von dem Jahre 1830 bis 1857, Stockh., 1900.

Лит.: Петленко В. И., Физиологич. идеализм и некоторые филос. вопросы теоретич. медицины, Л., 1960, гл. 2, 3; Ярошевский М. Г., Проблема детерминизма в психофизиологии 19 в., Душанбе, 1961, гл. 4; Haberling W., J. Müller. Das Leben des Rheinischen Naturforschers, Lpz., 1924; Murphy G., Historical introduction to modern physiology, N. Y., 1949.

М. Ярошевский. Душанбе.

МИОНСТЕРБЕРГ (Münsterberg), Гуго (1 июля 1863 — 16 дек. 1916) — нем. психолог и философ. В 1891 — проф. Фрейбургского ун-та, в 1892 перешел в США, где стал проф. Гарвардского ун-та. Наибольшее влияние на М. оказали взгляды Вундта, Фихте и Риккерта. М. стремился построить систему философии, в основе к-рой лежит понятие наиндивидуальной воли, проявляющейся в априорных «ценностях». Во вне-врем. и внепространств. мире «ценности» действуют телеологич. и смысловые связи, подлежащие изучению со стороны «наук о духе»; последние противопоставляются наукам естественным. В психологии т. зр. М. была одним из вариантов психофизич. параллелизма. Эмпирич. психологию М. относит к наукам естественным, не распространяющимся на область психического. В этом плане сознание может быть разложено на отд. элементы — ощущения, в основе к-рых лежат моторные акты (Aktionstheorie). М. был также одним из основателей прикладной психологии (сам М. пользовался термином «психотехника»). М. принадлежат первые работы по определению проф. пригодности, а также работы о методах психологии.

Соч.: Beiträge zur experimentellen Psychologie, H. 1—4, Freiburg, 1889—92; Grundzüge der Psychologie, Bd 1—2, Lpz., 1900; 2 Aufl., Bd 1—2, Lpz., 1918; Science and idealism, Boston — N. Y., 1906; Psychology and industrial efficiency, L. — Boston — N. Y., 1913; в рус. пер.: Психология и учитель, 2 изд., М., 1915; Основы психотехники, т. 1—2, М., 1924—25; Психология и экономич. жизнь, 2 изд., М., 1924.

Лит.: Strong Ch. A., Dr. Münsterberg's theory of mind and body and its consequences, «Philos. Rev.», 1892, v. 1, № 2; Wigmore J. H., Münsterberg and the psychology of evidence, Illinois, 1909; Münsterberg M., Hugo Münsterberg. His life and work, N. Y., 1922.

М. Роговин. Москва.

МИОНЦЕР (Münzer), Томас (ок. 1490 — ум. 27 мая 1525) — идеолог народного течения в нем. Реформации, предводитель крестьян и городского плбса в Крестьянской войне 1524—25. Род. в Штольберге (Гарц). Биография М. до 1517 окружена легендами. Он принадлежал к образованнейшим людям своего времени и, будучи проповедником и священником, проявлял свое оппозиц. отношение к католич. церкви. Почти до конца 1520 М. считал себя сторонником *Лутера*, но в том же году, проповедуя в г. Цвиккау и действуя против францисканцев заодно с лютеранами, он показал, что ведет эту борьбу с совершенно иных позиций, опираясь на гор. бедноту и широкие массы крестьянства.

Симптом начинающегося социального и политич. переворота М. видел в развернувшихся революц. событиях и считал, что дело идет к объединению всех

разрозненных движений в общее нар. восстание, направленного против основ существующего строя, к-рое приведет к установлению «царства божия на земле». Порвав с Лютером, пропагандировавшим религ. смирение и покорность властям, М. в поисках авторитетного обоснования своего революц. толкования Реформации обратился к мистич. учению *Иоахима Флорского*, привлечшему его внимание поисками внутр. смысла Священного писания, а также пророчеством о предстоящем наступлении новой мировой эры. Но М. не удовлетворяло пассивное ожидание новой эры и чисто мистическое, оторванное от земных дел учение Иоахима. Не удовлетворяли М. и учения нем. мистиков 14 в. (*Экхарта*, Таулера, Сузо), проповедовавших «внутреннюю» активность человека в его непосредственном общении с божеством и полное равнодушие к злу, существующему вне его — в мире. Наиболее близким своему революц. учению М. считал учение чешских таборитов о том, что бог свершит свой суд над мировым злом через избранных, мечом «ревнителей дела бога» (см. *Гусизм*). Оживление в начале 20-х гг. в Чехии оппозиц. настроений против дома Габсбургов и успеха реформац. движения М. воспринимал как свидетельство начинающегося общепланетарного переворота и считал, что революц. традиции таборитов, возродившиеся в Чехии, распространятся на весь мир и прежде всего окажут влияние на Германию. Летом 1521 М. дважды посетил Чехию. В Праге М. опубликовал на чешском, лат. и нем. языках «Пражский манифест», в к-ром изложил осн. положения своего революц. учения и понимания Реформации. М. идет значительно дальше таборитов в понимании сущности социально-политич. переворота, к-рый не только начнется действиями людей — «ревнителей дела бога», но ими же будет завершен.

Религ.-филос. и социально-политич. взгляды М. изложены в его гл. произведениях «Обоснованная защитная речь» (*Hochverursachte Schutzrede und Antwort*, 1524), «Разоблачение ложной веры» (*Ausgedrückte Entblössung des falschen Glaubens*, 1524), «Протест или призыв» (*Protestation oder Entbietung*, 1524), «Проповедь перед князьями» (*Die Fürstendpredigt*, 1524). Эти идеи окончательно сложились в 1522—24 и неотделимы от его практич. революц. деятельности в эти годы в Тюрингии, в Ср. и Верхней Германии, где он и группировавшиеся вокруг него сторонники сделались важной организующей силой в подготовлявшихся событиях Крестьянской войны. В кругах М. была составлена наиболее респит. программа революц. действий — «Статейное письмо» (*Artikelbrief*). События самого героич. этапа Крестьянской войны — восстания в Тюрингии — разыгрались, по словам Энгельса, вокруг величеств. фигуры М. и под его непосредственным руководством. В битве у Фраункенхаузена М., попавший в руки князей, был подвергнут жестоким пыткам и казнен.

Революц. активность составляла суть религ.-филос. мировоззрения М. В его произведениях нигде нет упоминания о потустороннем загробном мире. Само понятие божества не являлось для него чем-то абстрактным. Божественное и человеческое, внутреннее и внешнее, добро и зло фигурируют в произведениях М. как категории земной жизни. Небесное, по М., это не что иное, как земное, приведенное в идеальное совершенство. М. пантеистически отождествлял понятия «бог» и «мир». Бог, по М., это мир в целом, а «божеств. воля» состоит в том, что все «творения» должны действовать как части мирового целого, а не для себя. Это учение не является материалистическим: мировое целое выступает в концепции М. как сознающий себя субъект, требующий исполнения его воли, осуществления его цели. Все же религ.-филос.

учение М. было направлено, как указывает Энгельс, «...против всех основных догматов не только католицизма, но и христианства вообще» («Крестьянская война в Германии», в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 370). Определяя мировоззрение М. как пантеистическое, он писал, что «... религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму...» (там же, с. 371). По существу пантеизм М. является не натурфилос., а социальным учением. Практически оно означало, что индивиды не могут иметь особых интересов и воли, отличных от интересов общества в целом. Когда частное рассматривает себя вне целого, оно становится, по мнению М., «безбожием», а те, к-рые руководствуются своими частными интересами во вред обществу, — «безбожниками». Реформацию М. понимал как преобразование мира на началах торжества общих интересов, как задачу революц. устранения злых. Повторяя лютеровскую формулу «оправдание верой», М. под «верой» понимал активные действия в интересах народа и борьбу с «безбожниками», т. е. угнетателями трудового народа. В этом смысле М. утверждал, что только трудовой народ — «ремесленники и пахари» — способен понимать цель бога, потому что их интересы полностью совпадают с интересами общества. С религ.-филос. идеями М. тесно связаны его социально-политич. взгляды. Исходя из необходимости торжества в мире общих интересов и подчинения им всех частных интересов и действий отд. людей, М. высказался за общепланетарность имуществ, понимая под этим лозунгом не аскетич. отказ от мирских благ в духе сектантской идеологии бегства от греховного мира, а основу для преобразования обществ. строя. Идеальное общество будущего, согласно учению М., это общество, в к-ром вовсе не будет частных интересов и все будет общим. Этот далекий идеал будущего представлялся М. весьма туманным и фантастическим. Но он считал, что переход к идеальному строю требует такого повышения духовного уровня нар. масс, к-рое невозможно при настоящем его угнетенном состоянии. «Как же это возможно, — писал М., — чтобы простой человек смог при таких заботах о своих временных благах воспринимать чистое слово божие с добрым сердцем?» (цит. по кн.: Смирнин М. М., Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война, 1955, с. 268). М. утверждал, что будущий строй наступит в результате борьбы нар. масс против господ и угнетателей. Устранение феодалов и переход всех имуществ и материальных благ в руки трудящихся путем уравнил. раздела М. считал началом «общности имуществ». Борьбу крестьян против феодалов за собственность М. считал справедливой и необходимой. Социальное учение Мюнцера Энгельс характеризовал как «предвосхищение коммунизма фантазией».

В политич. взглядах М. различаются далекий идеал будущего строя и непосредств. очередные задачи. Политич. программу Мюнцера Энгельс характеризовал как «близкую к коммунизму», как «... гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавшихся тогда развиваться среди этих плебеев пролетарских элементов...», как программу «... немедленного установления царства божьего на земле...». Под «царством божьим» Мюнцер, по словам Энгельса, «понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти» («Крестьянская война...», там же, с. 371). При этом М. утверждал, что установление обществ. строя без обособленной гос. власти начнется с перехода власти в руки трудящегося народа и явится результатом борьбы нар. масс

против их эксплуататоров и угнетателей. В письмах и речах М. неоднократно повторяется формула: «Власть должна быть отдана простому народу». В проповеди перед саксонскими герцогами М. заявил, что власть только тогда может считаться законной, когда она осуществляется от имени нар. масс и в их интересах.

Соч.: Thomas Müntzers Briefwechsel, hrsg. von H. Böhmmer und P. Kirn, Lpz.—В., 1931; Thomas Müntzer. Sein Leben und seine Schriften, hrsg. von O. S. Brandt, Jena, [1933]; Politische Schriften, hrsg. von C. Hinrichs, Halle, 1950.

Лит.: Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; Петров М. Н., Т. Мюнцер, в кн.: Очерки всеобщей истории, 2 изд., X., 1882; Шеллер-Михайлов А. К., Революц. анабаптизм, Соч., т. 15, СПб., 1895; Каутский К., Предшественники новейшего социализма, т. 2, М., 1919; Циммерман В., История Крестьянской войны в Германии, т. 1—2, М., 1937; Смирин М. М., Нар. Реформация Т. М. и Великая Крестьянская война, 2 изд., М., 1955; его же, Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны, М., 1962; Штекли А. Э., Т. Мюнцер, М., 1961; Seidemann K., T. Müntzer, Dresd.—Lpz., 1842; Merx O., T. Müntzer und H. Pfeiffer (1523—1525), Gött., 1889; Walter L. G., T. Müntzer (1489—1525) et les luttes sociales à l'époque de la réforme, P., 1927; Sommer E., Die Sendung T. Müntzers..., B., 1948; Meusel A., T. Müntzer und seine Zeit, B., 1952; Hinrichs K., Luther und Müntzer, B., 1952; Steinmetz M., Zur Entstehung der Müntzer-Legende, в кн.: Beiträge zum neuen Geschichtsbild. Festschrift für A. Meusel, B., 1957; Husa V., Thomáš Müntzer a Čechy, [Praha], 1957; Pizola M., T. Müntzer ou la Guerre des paysans, [P.], 1958; Bloch E., T. Müntzer als Theologe der Revolution, B., 1960. М. Смирин. Москва.

МЮРДАЛЬ (Myrdal), Гуннар (р. 6 дек. 1898) — шведский бурж. экономист и социолог. В 1933—50 — проф. политич. экономии, с 1960 — междунар. экономикки Стокгольмского ун-та. Занимал ряд гос. постов, в 1945—47 — министр торговли. В 1933—38 и 1944—47 — депутат нижней палаты от с.-д. партии. В 1947—57 — исполнит. секретарь экономич. комиссии ООН для Европы. Выступал за развитие торговли между Западом и Востоком. Работы М., снабженные методологич. разделами, посвящены проблемам слаборазвитых стран и междунар. экономич. отношений. М. придерживается релятивистских субъективно-идеалистич. воззрений, перенося их в область экономич. исследований. Он отрицает объективность понятий обществ. науки, объявляет себя «индетерминистом». По М., люди способны направлять развитие общества согласно своим идеалам, независимо от объективных условий. «... Общественные явления можно изучать лишь с точки зрения человеческих идеалов, ценностей или «принципов оценки» («Мировая экономика», М., 1958, с. 505). Не только суждения, но и сами наши понятия уже «... выражают собой известное отношение к ним...», т. е. «принципы оценки» (там же). Мысль о существовании объективной экономич. науки, сохраняющуюся в ранней работе М. «Политич. элемент в развитии экономич. теории» («The political element in the development of economic theory», 1954; 1 изд. на швед. яз. в 1930), М. ныне считает «наивным эмпиризмом» (см. «Value in social theory», L., 1958, p. VII). Исходными «принципами оценки» в его экономич. работах служат т. н. «зап. идеалы свободы и равенства возможностей» и идеал «междунар. экономич. интеграции», т. е. достижения всеми странами капиталистич. мира высокого экономич. уровня в условиях бурж. демократии и с помощью империалистич. держав. М. не способен решить проблему должного и сущего, составляющую камень преткновения для субъективно-идеалистич. аксиологии. Опираясь понятиями «про-

граммы» (цели, идеалы) и «прогноза» (оценка реальных перспектив развития), М. констатирует, что «программа» зависит от «прогноза», а «прогноз», в свою очередь, — от «программы», от «принципов оценки» и, т. о., оказывается в замкнутом кругу. Анализируя положение слаборазвитых стран, М. отдает себе отчет в том, что нельзя ожидать, что развитые капиталистич. страны «по своей доброй воле окажут им помощь», что идеал «междунар. интеграции» осуществится, если «не произойдет чего-то близкого к чуду». Выражая надежду на возможность «чуда», М. обнаруживает несостоятельность своей методологии. В 1938—42 по поручению Ин-та Карнеги М. изучал положение негров в США («Американская дилемма» — «An American dilemma. The Negro problem and modern democracy», v. 1—2, N. Y., 1944; написана при участии Р. Стернера и А. Роуза). В этой работе, оцениваемой в бурж. кругах США как классич. труд, М. рассматривает негритянскую проблему как моральную, основанную на столкновении «идеалов» и становится на позиции т. н. градуалистов (постепеновцев), утверждая, что изменения в положении негров должны осуществляться «не путем внезапных сдвигов, а постепенно, шаг за шагом». М. ограничивается призывом к господствующим кругам юж. штатов «начать допускать высший слой негритянского населения к участию в политическом процессе». Работа М. встретила резкую критику в США со стороны прогрессивной общественности (см. Н. Arptheke, The Negro today, N. Y., 1962).

Соч.: Economic theory and underdeveloped regions, L., [1957]. А. Завадье. Москва.

МЮРИДИЗМ (от арабск. мурид — ученик высшего мусульманского духовного наставника) — религ.-мистич. направление в исламе, получившее распространение на Кавказе в 19 в. Хотя в основе этого направления лежали принципы, выработанные еще в 12 в. аль-Кадиром и дополненные затем в 14 в. Бахаадином *Накибенди* идеей равенства людей перед богом в загробной жизни, культом бедности, призывами к самоотречению и самоуничтожению, оно приобрело самостоят. значение лишь в 19 в., когда был выдвинут лозунг спасения ислама от «неверных» (царской России). Главным в М. была идея джихада (газавата) — войны как против русских, так и против мусульман, оказавшихся на их стороне или уклонившихся от участия в газавате. Идеология М. была широко использована тремя имамами — Гази-Магомедом, Гамзатбеком и Шамилем. Шамиль проповедовал идеал теократич. гос-ва (имамат), жизнь в к-ром строго регламентировалась шариатом, борьба с «неверными» объявлялась гл. условием религ. совершенствования, погибшим за дело ислама обещалось спасение души и вечное блаженство. Большая роль в имамате отводилась мюридам (отсюда и название — М.), наиболее преданным сподвижникам имама, воспитанным в неведении к «неверным». Идеология М. была религ. оболочкой антиколониальной и антифеод. борьбы горцев. Однако, как всякая религ. идеология, она вместе с тем скрывала истинные цели борьбы, не звала на борьбу с несправием и социальным неравенством и являлась одной из причин поражения движения горцев.

Лит.: Бушув С. К., Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, М., 1939; Фадеев А. В., Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни, «История СССР», 1960, № 5; Смирнов Н. А., Мюридизм на Кавказе, М., 1963. Н. Смирнов. Москва.

Н

НААН, Густав Иоганович (р. 17 мая 1919) — сов. философ, акад. АН Эст. ССР (с 1951). Чл. КПСС с 1943. Учился на физич. фак-те Ленинградского ун-та (1937—41), окончил Высшую парт. школу при ЦК КПСС (1946) и аспирантуру Академии обществ. наук при ЦК КПСС (1949). Вице-президент АН Эст. ССР (1951—64), в наст. время (1964) ст. научн. сотрудник Ин-та физики и астрономии АН Эст. ССР. Занимается филос. вопросами естествознания (космологии, теории относительности).

Соч.: Совр. «физич.» идеализм в США и Англии на службе поповщины и реакции, «Вопр. философии», 1948, № 2; К вопросу о принципе относительности в физике, там же, 1951, № 2; Борьба материализма и идеализма в совр. космологии, «Изв. АН Эст. ССР», 1952, № 1; О совр. состоянии космологич. науки, в сб.: Вопросы космогонии, т. 6, М., 1958; Общие вопросы космологии, в сб.: Тр. шестого совещания по вопросам космогонии, М., 1959; О бесконечности Вселенной, «Вопр. философии», 1961, № 6; Завоевание космоса и религия, в сб.: Успехи совр. науки и религия, М., 1961; автор ряда глав в «Истории философии», тт. 2—5, М., 1957—1961; автор и редактор «Истории Эст. ССР с древнейших времен до наших дней», 2 изд., Т., 1958, «Истории Эст. ССР», т. 1, Т., 1961; Über die Freiheit der nationalen Entwicklung, в сб.: Das Problem der Freiheit im Lichte des wissenschaftlichen Sozialismus, В., 1956; Despre structura si «vistra» Universului in lumina datelor celor noi recente ale astronomiei extragalactice, в кн.: Probleme filozofice ale stiintelor naturii, Buc., 1960.

НАБЛЮДЕНИЕ — вид деятельности, связанный с преднамеренным целенаправленным восприятием предметов и явлений внешнего мира (в применении к собств. субъективному миру — самонаблюдение).

Способность к Н. может быть объяснена только как результат историч. развития. Выработавшиеся у животных формы прослеживания опреде. объектов представляют собой нервно-физиологич. акт, детерминированный видовыми особенностями и вызываемый лишь узким диапазоном стимулов, где определ. типу изменений в объекте соответствует определ. следующий за ним по времени ответ (Н. Тинберген, Исследование инстинкта— N. Tinbergen, The study of instinct, 1951, new ed., 1958). Н. в собств. смысле рождается в трудовой деятельности. Процесс труда есть в то же время процесс познания, при к-ром человек постоянно сталкивается со все новыми свойствами окружающих его предметов. В процессе труда реализуется единство предметно-чувств. деятельности и ее осознания (в виде диктуемого прежде всего функцией изготавливаемого орудия представления о результате труда). С началом использования орудий, приводимых в действие силами природы или домашними животными, а также вместе с развитием обществ. разделения труда Н. выделяется в самостоят. вид деятельности. В этих условиях результат Н. уже не только реализуется в изменении самих трудовых операций, но и обязательно связан с появлением качественно новых, в известной мере обобщенных, действий, включаемых в процесс труда (управление). Осуществление Н. предполагает активное противопоставление себя как познающего субъекта окружа-

ющей действительности. При Н. направленность на непосредственно чувств. отражение порождается проблемной ситуацией, в зависимости от характера к-рой оно может осуществляться на различных уровнях, от включения в акты поведения повседневной жизни и до специализированных, высоко организованных видов деятельности.

Н. предполагает выделение и осознание объекта, его предметных, существ. свойств — собств. содержания Н. Вместе с вычленением содержания Н. предполагает также осознание целей и способов их осуществления, а также умения распланировать свои действия в пространстве и времени не только в реальной ситуации, но и в отношении более или менее отдаленного будущего (замысел Н.).

В философии прошлого Н., как таковое, естественно, не нашло отражения ни в одном из направлений, ибо они рассматривали «... чувственность не как практическую человечески-чувственную деятельность» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 2). Но филос. коррелятом понятия Н. была проблема направленности сознания на объект. Вся идеалистич. философия утверждает принципиальное различие чувств. и отвлеченного познания, наделяя лишь это последнее той степенью необходимости, к-рая делает его истинным.

Впервые изучение Н. на основе эксперимент. данных было осуществлено в связи с установлением индивидуальных различий в фиксировании при астрономич. Н. времени прохождения звезды через меридиан. Это явление, открытое в 1795 Маскеллином (Гринвичская обсерватория) и подробно изученное Бесселем (Кёнигсбергская обсерватория), получило название «личного уравнения». Период наиболее активной разработки связанных с проблемой «личных уравнений» психологич. фактов совпал с зарождением лабораторного психологич. эксперимента (60—70-е гг. 19 в.) и на ближайшие десятилетия определил их тематику — время простой реакции и реакции с выбором (В. Вундт и его школа).

Поскольку понятие Н. выводится непосредственно из деятельности, оно по отношению к понятиям абстрактно-психологич. содержания (восприятию, мышлению, вниманию, памяти) представляет сложное единство психич. функций и включается в иной психологич. план — психологию деятельности.

Реализация прошлого опыта человека ведет к значит. индивидуальным различиям в Н. (т. п. наблюдательности). Лежащее в основе Н. восприятие уже само есть результат опреде. переработки, включения получаемого впечатления в систему уже выработавшихся знаний и отношений.

Теоретич. отношение человека к миру проявляется лишь в научном Н. С развитием науч. Н. все больше выступают на первый план такие его стороны, как замысел, система методов и осмысление результатов, их контроль. Тем самым в Н. все бóльшую роль начи-

нают играть элементы мышления. Н. органически включено в процесс познания и в зависимости от конкретного содержания изучаемого явления может выступать в различных формах связи с др. этапами науч. познания. Материал Н. может через систематизацию привести к обобщениям (Ч. Дарвин). Н. может предшествовать измерению. Из Н. над взаимным угловым положением Земли, Солнца и Луны возникли попытки измерения их взаимных расстояний (Аристарх, 280 до н. э.) и объемов (Эратосфен, 276—194 до н. э.). Наконец, Н. ведет к эксперименту, с к-рым оно остается неразрывно связанным в течение всего его осуществления.

С развитием науки усложняется и становится все более опосредствованной структура Н. Уже использование технич. приборов для Н. невозможно без постоянного кодирования и раскодирования получаемой с их помощью информации. В совр. науке обобщения редко делаются на «уровне воспринимаемых фактов». Объекты науч. Н., будь то кривая на осциллографе, рентгеновский снимок или электроэнцефалограмма и т. д., вообще ничего не значат без соответств. интерпретации, ибо они есть только нек-рые из возможных чувственных компонентов изучаемых явлений. Замысел и осуществление Н. становится действительно научными только в том случае, если они уже сами по себе отражают сущность изучаемого явления. Так, введение Эйнштейном понятия одновременности сигналов лежит в основе Н., проводимых в тех областях совр. физики, к-рые имеют дело со скоростями, близкими к скорости света.

Особые сложности представляет Н. в науках, связанных с оценкой поведения. В Н. над поведением людей прошлый опыт наблюдателя не ограничен науч. данными, а обязательно включает такие элементы, как личный жизненный опыт, привычные, укоренившиеся стереотипы суждений, эмоц. отношение к объекту Н. (т. н. «вульгарные понятия»). Поэтом в Н. над поведением людей положения о Н. в естеств. науках как о точном, математически описываемом процессе могут быть использованы только частично. В ряде случаев полное освобождение от этих «вульгарных понятий», как правило, отчетливо не осознаваемых, не только невозможно, но и нежелательно.

В процессе социального и культурного развития, в ходе технич. прогресса роль Н. все возрастает. Во мн. важнейших областях деятельности Н. превращается в их обязат. аспект (науч. и художеств. творчество, наблюдательские профессии). Труд, связанный с применением физич. усилия к орудию произ-ва, все больше уступает место Н., выдаваемой приборами информации и принятию на этой основе решений по регулированию хода технологич. процесса. Постоянная необходимость кодирования и перекодирования выдаваемой информации сближает Н., осуществляемое в процессе труда, и науч. Н.

Лит.: Urban F. M., On the theory of errors of observation, «Amer. J. Psychol.», 1924, v. 35, № 3; Wood L., Inspection and introspection, «Philos. Sci.», 1940, v. 7, № 2; Welch L., Observation and hypothesis in psychology, «J. Psychol.», 1948, v. 25; Augier E., De l'observation psychologique, P., 1951; Peters R., Observationalism in psychology, «Mind», 1951, v. 60; Scott J. P., The place of observation in biological and psychological science, «Amer. Psychologist», 1955, v. 10, № 2; Beobachtung und Experiment in der Sozialforschung, hrsg. von R. König, [Köln, 1956]; Ziedins R., Conditions of observation and states observers, «Philos. Rev.», 1956, v. 65, № 3; Observation and interpretation. A symposium of philosophers and physicists, ed. S. Körner, L., 1957. М. Роговин. Москва.

НАВОИ, Низаматдин Алишер (1441—1501) — узб. поэт, мыслитель и гос. деятель, основоположник узб. языка и лит-ры. В основе мировоззрения Н. лежал пантеизм с элементами суфизма; природа, учил Н., это — сокровищница, изучение к-рой делает человека

счастливым. Критиковал духовенство и ср.-век. схоластику, Н. высоко ценил науку, знания и человец. разум. Выступая против лицемерной клерикальной идеологии, Н. поет гимн земному бытию, твердо веря в конечное торжество справедливости и счастья в человеческом обществе. Однако в силу историч. условий все свои надежды он возлагал на «справедливого царя».

Уважение к труду, утверждение братства между народами, стремление к справедливости и освобождению личности — осн. мотивы творчества Н.

Соч.: Танланган асарлар, т. 1—3 (6 книг), Тош., 1948—49; Мезонул авзон, Тош., 1949; Хазойинул маоний, т. 1—4, Тош., 1959—60; в рус. пер.—Пять поэм, М., 1948; Лирика, М., 1948; Избр. произв., Таш., 1951.

Лит.: Бертельс Е. Э., Навои. Опыт творческой биографии, М.—Л., 1948; Великий узб. поэт А. Н. Сб. ст., Таш., 1948; Захидов В. Ю., Мир идей и образов А. Н., Таш., 1961; Айбек, Навои, [М., 1961].

А. Валиев, Ташкент.

НАВЫК — сложившаяся в индивидуальном опыте субъекта система регуляторных процессов, обеспечивающая устойчивое и стандартное выполнение действия. Это определение включает традиц. в сов. психологии понимание Н., к-рый определяется как «...упроощенные благодаря упражнению способы действий...» («Психология», М., 1956, с. 415). Под «стандартным выполнением» понимается реализация действия (направленного на решение двигательной, перцептивной или мыслит. задачи) одним и тем же способом, выбор к-рого определяется: а) содержанием задачи, б) внешними условиями ее решения, в) средствами решения, г) возможностями субъекта. Существует известный интервал варьирования параметров реализуемого действия, содержания и условий решения задачи, при к-ром способ действия может оставаться неизменным. Под «устойчивым выполнением» понимается стабильность действия и всех составляющих его компонент при реализации его в условиях влияния внешних и внутр. возмущающих факторов. Т. о., стандартность и устойчивость Н. предполагают подвижность лежащих в его основе регуляторных процессов. Чем прочнее освоен Н., тем шире круг вариантов и осложнений задачи, к-рые не приводят к его дезорганизации. Под «системой регуляторных процессов» понимается вся совокупность влияний психологич. и физиологич. механизмов, координирующих реализуемое действие на микроинтервалах времени. Психологич. содержание процесса координации соответствует *ориентировочная деятельность* субъекта. Процесс ориентировки протекает на базе ориентировочной основы действия, в к-рую входят: система объективных условий реализации действия, способ его выполнения и корректировки и используемые средства (орудия и материал). Будучи отраженной в сознании субъекта, ориентировочная основа составляет содержание психич. образа, в соответствии с к-рым осуществляется ориентировочная деятельность. При формировании Н. (двигательного, перцептивного или умственного) ориентировочная основа действия, как явление объективное, остается относительно постоянной, в то время как содержание психич. образа и, соответственно, ориентировочной деятельности изменяется по мере упражнений. Поэтому следует различать предвариит. психич. образ, складывающийся в начале формирования Н., и образ, к-рый является продуктом, результатом процесса формирования. В предвариит. образе отражаются внешние признаки действия (в случае, напр., двигат. акта к этим признакам относятся: элементы траектории, амплитуда движения); в сформированном же образе количество внешних признаков сокращается до минимума, уступая место внутр. признакам. Последние в своей совокупности образуют «внутренний опыт» субъекта, существование к-рого было бы невозможно без активной практич. деятельности, направленной на решение поставленной задачи

(в том же примере к внутр. признакам относятся кинестетич. сигналы, возникающие при работе мышц движущегося органа). Изменение в содержании ориентировочной деятельности выражается в том, что в начале формирования Н. она значительно развернута во времени и направлена на всю совокупность внешних признаков, а в конце она превращается в симультанный процесс, направленный только на некоторые внешние и внутр. признаки действия (в том же примере зрительное восприятие смежных микроучастков траектории сменяется дискретным «вырыванием» отд. ее точек или «узловых» участков на пути движения). Описанные психич. процессы, связанные с формированием Н., тесно переплетаются с работой разных уровней центр. нервной системы. Эта работа направлена на освоение всей совокупности рецепций, характерных для задач данного вида, с выявлением адекватных и оптимальных сенсорных коррекций для всех деталей и компонент действия, с переключением фоновых коррекций в низовые уровни. Частичная передача регуляторных функций с высших уровней центр. нервной системы на нижележащие уровни, являющиеся наиболее адекватными для тех или иных сенсорных коррекций, образует стадию автоматизации Н. Для этой стадии чрезвычайно характерным является то, что в какой-то момент происходит внезапное, скачкообразное овладение действием. После автоматизации Н. наступает стадия его стабилизации, при которой происходит срабатывание отдельных нижележащих уровней и между собой, укрепление устойчивости Н. против «сбивающего» влияния возмущающих факторов. Т. о., Н. является многоуровневой структурой: высшие (ведущие) уровни центр. нервной системы, являющиеся материальным субстратом различных форм сознат. отражения действительности, обеспечивают работу психич. механизмов регуляции; под их контролем функционируют нижележащие (фоновые) уровни, обеспечивающие весь комплекс необходимых для реализации данного действия биологич. функций.

Лит.: Уотсон Д. В., Психология как наука о поведении, пер. с англ., М.—Л., 1926; Коффа К., Основы психич. развития, пер. с нем., М.—Л., 1934; Торндайк Э., Процесс учения у человека, пер. с англ., М., 1935; Бернштейн Н. А., О построении движений, М., 1947; его же, Некоторые назревающие проблемы регуляции двигат. актов, «Вопр. психологии», 1957, № 6; Ориентировочный рефлекс и ориентировочное исследование деятельности, М., 1958 (см. ст. Гальперина П. Я. и Пантюхиной Н. С., Запорожца А. В., Зинченко В. П.); Гальперин П. Я., Развитие исследований по формированию умственных действий, в сб.: Психологич. наука в СССР, т. 1, М., 1959; Запорожца А. В., Развитие произвольных движений, М., 1960. А. Назаров. Москва.

НАГАРДЖУНА — инд. мыслитель, основоположник буддийской филос. школы *мадхьямика*. Согласно свидетельствам тибетских и кит. историков, время жизни Н. относится ко 2 в. н. э. Осн. положения своей философии Н. сформулировал в трактате «Карикки срединного учения» («Mūlamadhyamakakārikās»). В этом трактате он выступил с опровержением учения *вайбхашики*, *няи* и *санкхьи*, используя метод сведения к абсурду филос. положений своих противников. Так, он доказывал, что все объяснения причинной связи, к-рые приводились различными филос. школами его времени, противоречивы. Poleмизируя с последователями санкхьи, утверждавшими, что вещь возникает «из себя», что следствие содержится в причине, Н. указывал, что если следствие тождественно своей причине, то тогда нет никакого различия между причиной и следствием и следствие бессмысленно. Поэтому порождение следствия становится простым удвоением причины, и весь мир сводится к бесконечному повторению самого себя, к однообразной, тождественной, лишенной различий массе. Н. опровергал и учение *ньяи* о том, что вещи

возникают «из другого», что следствие и причина различны. Он показал, что учение о возникновении ведет к абс. различию причины и следствия, к упразднению связи между ними, к распаду причины и следствия. Н. отрицал также и учения, отвергающие и тождество и различие причины и следствия, т. е. считающие, что вещи происходят случайно, беспричинно.

Следуя своему методу, Н. показал также противоречивость и всех др. понятий совр. ему филос. систем: движения, времени, субъекта и объекта, бытия и небытия, субстанции и атрибута. Н. назвал свою философию «средним путем», т. е. учением, к-рое отрицает как тезис, так и антитезис, как единую субстанцию, так и отд. *дхармы*. Осн. содержанием споров Н. с *вайбхашиками* и *саутрантиками* была защита последовательно идеалистич. философии против материалистич. тенденции в раннем буддизме. Отрицание реальных субстанций мира, отрицание реальности причинной связи, движения, возникновения и уничтожения субъекта и объекта, учение об интуитивном сверхразумном знании открыло путь идеализму, интуитивизму и религ. фантазии. На систему Н. опирались *йогаচারи* и *зен-буддизм*, тантризм и философия Шанкары.

Н. был одним из первых мыслителей в истории инд. философии, к-рый дал рациона. опровержение бытия бога. Если бог создает несуществующее, — говорится в одном из трактатов Н., специально написанном для опровержения бытия бога, — то пусть он создаст также вещи, как масло, выжатое из песка, шерсть на черепахе и т. д. (см. Ф. И. Щербатской, Буддийский философ о единбожии, СПб., 1904, с. 072). Н. опроверг понятие бога-творца как логически несостоятельное, как немислимое понятие. «Когда нет семени, то не может быть ни ростка, ни ствола, ни листьев, ни цветов, ни плодов и т. д. Почему? Потому что нет семени. Точно также, если Бог не имеет начала, то он и сам не существует» (там же, с. 074).

Диалектика понятий Н. близка к диалектике элейтов и скептиков, она представляет своеобразную параллель той диалектике, к-рую развивали *Зенон Элейский*, *Секст-Эмпирик*, *Пиррон* и *Прокл*. Однако если элейты считали, что единое постигается разумом, то Н. отвергает все понятия человек. разума, считая, что разум приводит к неразрешимым противоречиям.

Соч.: изданы на санскрите—Mūlamadhyamakakārikās (Mādhyamikāsūtras). De Nāgārjuna avec la Prasannapadā. Commentaire de Candrakīrti. Publié par L. de la Vallée Poussin, St.-Petersbourg, 1903—1913 (Bibliotheca Buddhica, v. 4); переводы на европ. яз.—Щербатской Ф., Буддийский философ о единбожии, СПб., 1904; Die mittlere Lehre (Mādhyamika-sāstra) des Nāgārjuna. Uebersetzung von M. Walleser, в кн.: Walleser M., Die buddhistische Philosophie., Tl 2, Hdb., 1911; Frauwallner E., Die Philosophie des Buddhismus, B., 1956.

Лит.: Walleser M., The life of Nāgārjuna, «Asia Major», L., [1923]; его же, Die Lebenszeit des Nāgārjuna, «Z. für Buddhismus und verwandte Gebiete», 1925, Jg. 6, H. 1, 2; Bustin, History of Buddhism, [v. 1] 2, trans. by E. Obermiller, Hdb., 1932, в серию: Materialien zur Kunde des Buddhismus, 19. И. Кутасова. Москва.

НАГАТА ХИРОСИ (Кимисима Синъити) (1904—47) — япон. философ-марксист, историк япон. философии. Вместе с Тосака Дзюп, *Мори Коити*, Кодава Йосингэ и др. марксистами организовал «Общество по изучению материализма». Н. Х. выступал в филос. журн. «Юбуцурон канкю» («Изучение материализма») с исследованиями марксистско-ленинской теории ленинского этапа в философии. В работах Н. Х. подвергнуты критике япон. популяризаторы механицизма. Н. Х. — автор первых марксистских работ по истории япон. философии и, в частности, истории япон. материализма.

Соч.: Хандоо тацугакусэ-но юбуцубэнсэхо «хихан»-по хихан (Критика «критики» материалистич. диалектики

реакц. философами), «Юйбудурон кэнкю», 1934, май, № 19; Гэндай юйбудурон-ни окару нинсивирон-но мондай. Рэннин-ва икани бэнсэхотэки юйбудурон-но нинсикирон-о хаттэн сасота ка? (Проблемы теории познания в совр. материализме. Как Ленин развил диалектич. материализм?), там же, январь, № 15; Рокиси-ни окару сюкантэки дзёкан-но иги (Значение субъективных условий в истории), там же, 1934, февраль, № 26; Гэндай сюкё хихан кова (Ленини, посвященные критике современной религии), Токио, 1935; Нихон юйбудурон си (История япон. материализма), Токио, 1936 (в соавторстве с Акисава Сюдзо); Нихон тоцугакусэй (История япон. философии), Токио, 1937; Нихон хоконсэй идэорон (Идеология япон. феодализма), Токио, 1938; Нихон тоцугаку сисо си (История япон. филос. мысли), Токио, 1938.

Лит.: Радуль-Затуловский Я. В., Андо Сёэки — философ-материалист XVIII века, М., 1961, с. 22, 23, 62, 68, 121, 172, 177, 187.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

НАГЕЛЬ (Nagel), Эрнест (р. 16 нояб. 1901) — амер. философ и логик. Проф. Колумбийского ун-та. Разработал филос. систему, названную им «контекстуальным натурализмом». В плане онтологии она является в общем материалистической, ибо «в понятии природных процессов, которое отстает от натурализма, нет места для действий бестелесных сил, нет места для имматериальных духов, направляющих ход событий, нет места для жизни личности после разрушения тела, в котором она проявлялась» («Logic without metaphysics, Glencoe, 1956, [р. 7]). Качеств. многообразие вещей Н. считает не обманчивыми фантомами, а реальными данной среды, неотделимой чертой космоса. Причинная связь, по Н., существует только между различно организованными материальными телами. Но в гносеологич. аспекте учение Н. содержит много идеалистич. положений в духе *неопозитивизма* и *прагматизма*, что особенно проявляется в понимании Н. природы логики и вообще науки, в неправильной трактовке связи эмпирического и теоретического и т. д. По мнению Н., в распоряжении философов как отд. группы мыслителей нет особого, открытого лишь для них пути к познанию существующей действительности. Задача философии заключается не в соперничестве с наукой в деле расширения наших познаний о природе вещей, — философия должна играть роль интеллектуальной совести человечества и подвергнуть коренному пересмотру и критике все чуждое, убеждения и ценности. В центре интересов Н. — логика и методология науки, к-рым посвящено большинство его работ. В них Н. разрабатывает проблемы теории вероятностей, науч. объяснения структуры науч. теорий, дедукции, редукции и т. д.

Соч.: On the logic of measurement, [N. Y.], 1930; An introduction to logic and scientific method, N. Y., 1934 (совм. с М. R. Cohen); The formation of modern conceptions of formal logic in the development of geometry, в сб. I. Siris, v. 7. Bruges (Belgium), 1939; Principles of the theory of probability, Chi., 1939; Operational analysis as an instrument for the critique of linguistic signs, «J. Philos.», 1942, v. 39; The meaning of reduction in the natural sciences, в кн.: Science and civilization, Madison, 1949; Sovereign reason, and other studies in the philosophy of science, Glencoe, [1954]; The structure of science. Problems in the logic of scientific explanation, L., [1961].

Лит.: Боднар Я., О совр. философии в США, [пер. со слованк. I. M., 1959; Turner J. S., Cohen — Nagel on logic, [редакт.], «Bull. Amer. Math. Soc.», 1935, v. 41, № 1; Reichensbach H., Reply to E. Nagel's criticism..., «J. Philos.», 1946, v. 43, № 3.

И. Добропоров, Ю. Солодухин. Москва.

НАДЕЖДИН, Николай Иванович [5 (17) окт. 1804 — 11 (23) янв. 1856] — рус. ученый, лит. критик, журналист. Род. в с. Н.-Белоомут Рязанской губ. в семье дьякона. Окончил Моск. духовную академию. После защиты диссертации, посвященной романтической поэзии (1830), — проф. Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии (1831—35). С 1831 издавал журн. «Телескоп» с приложением газ. «Молва», в к-рых активно сотрудничал *Белинский*. В 1836 за опубликование «Философического письма» *Чаадаева* «Телескоп» был закрыт, а Н. выслан в Усть-Сысольск. По

возвращении из ссылки (1838) Н. занимался гл. обр. исследованиями в области этнографии, лингвистики, истории и историч. географии.

Взгляды Н. глубоко противоречивы. Убеденный монархист и противник революции (в частности, Н. резко отрицательно встретил франц. революцию 1830), он в то же время отстаивал идею демократизации образования, обличал застои в общественной жизни России.

Резко выступая против французских материалистов 18 в., Н. в идеалистич. форме стремился развить принцип изменчивости и закономерности, к-рый, по его мнению, должен обнять все богатства опыта, «вещественности». С этим связана критика Н. субъективного идеализма и агностицизма: «иступленного идеализма» Беркли, «скептического неверия Давида Юма», «идеалистического иступленья» Фихте (см. «Телескоп», 1834, ч. 21, с. 270 и 1832, ч. 13, с. 244). Высший этап философии Н. видел в «философии тождества» Шеллинга, поскольку тот обратился к «вещественности» и пытался опереться в своих систематич. построениях на «скрижали опыта» (см. там же, 1831, № 1, с. 17—19). Философия Шеллинга, прежде всего его учение о противоречивости, о центробежной и центростремительных силах, оказала сильное влияние на методологию Н. Борьбу (и примирение) противоборствующих начал Н. стремился проследить во всех сферах жизни: в природе, в развитии общества (центробежит. стремление к «народности», центростремительное стремление к «общности», всечеловеческому), в теории познания (внутр. созерцание и внешнее наблюдение), в развитии иск-ва (стремление «вне себя» — к объективному миру — и «внутри себя»). При этом в постановке филос. проблем эстетики («сообразность формы с идеєю» и т. д.) Н., по мнению Н. Г. Чернышевского, «... пошел далее Шеллинга и приблизился, силою самостоятельного мышления, к Гегелю...» (Полн. собр. соч., т. 3, 1947, с. 159).

Стремясь к выявлению «строгаго систематич. единства» фактов, Н. пришел к построению системы развития иск-ва, полное всего выраженной в диссертации. Считая, что в «воззнии» «отражались эпохи жизни всего человечества» (см. «Телескоп», 1836, т. 31, с. 106), Н. различал три периода истории иск-ва: классицизм, романтизм и новая поэзия. Последняя должна объединить в себе сильные стороны предыдущих форм иск-ва. В дальнейшем Н. осознал известный схематизм такого построения, однако никогда не отказывался от идеи «стройной философской системы» в эстетике.

Н. — наиболее яркий представитель филос. направления в рус. критике 20—30-х гг. 19 в. (*Веневитинов*, *И. Киреевский* и др.). Постановкой и разработкой таких вопросов эстетики, как единство формы и содержания, зависимость видов и форм иск-ва от развития эстетич. и обществ. сознания, закономерность в эволюции иск-ва и т. д., Н. содействовал формированию реализма в рус. лит-ре и оказал известное влияние на Белинского. Однако Белинский относился к Н. после 1837 очень критически. Это объясняется гл. обр. тем, что задачей Белинского было преодолеть слабые стороны воззрений Н., в частности его ошибочную трактовку ряда произведений Пушкина. Но уже в 1856 Чернышевский, отметив, что Н. был «образователем» Белинского, назвал его «...одним из замечательных людей в истории нашей литературы...» (Полн. собр. соч., т. 3, с. 140).

С о ч.: Метафизика Платонова, «Вестн. Европы», 1830, № 13, 14; Различие между классич. и романт. поэзией, объясняемое из их происхождения. [Отрывок из диссертации «Опыт о романт. поэзии», «Атеней», 1830, № 1; О настоящем злоупотреблении и искажении романт. поэзии. Отрывок (из той же диссертации), «Вестн. Европы», 1830, № 1, 2; Совр. направление просвещения, «Телескоп», 1831, № 1; Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана, [редакт.], «Телескоп», 1832, № 5, 6, 8; Европеизм и народность в отношении к рус. словесности, «Телескоп», 1836, [№ 1, 2]; История поэзии. Чтения С. Шевырева, [редакт.], там же, [№ 4]; Для г. Шевырева. Пояснения критических замечаний на его Историю поэзии, там же, [№ 8]. Не для г. Шевырева, а для читателей..., там же, [№ 11]; Об историч. трудах в России, «Библиотека для чтения», 1837, [№ 1]; Об историч. истине и достоверности, там же, [№ 2]; Автобиография, «Рус. вестник», 1856, т. 2, [№ 3].

Лит.: Козмин Н. К., Н. И. Н. Жизнь и научн.-лит. деятельность. 1804—1836. СПб., 1912; Лавренко И. А., Историко-лит. концепция Белинского, ее предшественники, последователи и критики, в сб.: Белинский — историк и теоретик лит., М.—Л., 1949; Мордовченко Н., В. Г. Белинский и рус. литература его времени, М.—Л., 1950, гл. 1; Нечаева В. С., В. Г. Белинский. Ученые в пути и работа в «Телескопе» и «Молве» 1829—1836, М., 1954, гл. 8; Поляков М., Белинский в Москве, [М.], 1948; его же, Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха, М., 1960, гл. 5, 6; История рус. критики, т. 1, М.—Л., 1958; Осовцов С., К спорам о исследовании П. Ш., «Рус. лит-ра», 1959, № 4; его же. А. Б. В. и другие, там же, 1962, № 3; Манн Ю., Н. И. Н. — предшественник Белинского, «Вопр. лит-ры», 1962, № 6. Ю. Манн. Москва.

НАДСТРОЙКА — см. *Базис и надстройка*.

НАЗАРЕНКО, Иван Дмитриевич [р. 16 (29) авг. 1908] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1962). Член КПСС с 1929. Окончил Харьковский электротехнич. ин-т (1935), три курса Ин-та красной профессуры (1934), Академию обществ. наук при ЦК КПСС (1948). В 1936—41 заведовал кафедрой философии в ряде вузов Харькова. С 1941 — на руководящей парт. работе. Директор Ин-та истории партии ЦК КП Украины (с 1956). Автор ряда работ по философии, в частности о мировоззрении Шевченко; руководитель авторского коллектива «Очерков истории Коммунистич. партии Украины» (2 изд. 1964). Лауреат Ленинской премии (1964).

С о ч.: О ленинских филос. «кругах», «Большовик Украины», 1940, № 10; Немецкая классичная философия, К., 1941; Світогляд Т. Г. Шевченка, К., 1957; К вопросу о научной разработке истории Коммунистической партии Украины, «Коммунист Украины», 1957, № 5; Нариси історії Комуністичної партії України, К., 1961; Общественно-политич. филос. и атеистич. взгляды Т. Г. Шевченко, М., 1961; Т. Г. Шевченко — борец против идеализма и религии, К., 1961.

НАЗАРЯН, Степанос [15 (27) мая 1812 — 27 апр. (9 мая) 1879] — арм. обществ. деятель, просветитель, историк, философ и филолог. Издававшийся им в Москве (1858—64) журн. «Юсисапайл» («Северное сияние») оказал влияние на развитие прогрессивной обществ. мысли Армении. Н. вел борьбу против клерикализма и крепостничества, считая, что крепостное произ-во основано на грабеже крестьянина и не имеет стимулов для развития. Вместе с тем Н. отрицал эксплуатацию и классовую борьбу при капитализме. В гос-ве, по Н., воплощается идея справедливости и закона, гармония противоборствующих сил.

Отвергая революцию, он считал, что нет «скачков» как в мире вещественном, так и духовном. Все следует закону необходимой постепенности; всякое новое развитие требует времени и, так сказать, живительного дыхания счастливых обстоятельств» (Обозрение Гайканской литературы в новейшее время, «Ученые записки Казанского императорского университета», 1846, № 2, с. 120).

В философии Н. был деистом; подчеркивал роль производства в развитии науки; подвергая анализу роль категорий в познании, он развивал диалектические идеи и критиковал субъективный идеализм.

С о ч.: Абуль-Касем Фердауси Тусский, творец Книги Царей, известный под названием Шах-Наме, кн. 1—2, Каз.,

1849—51; на арм. яз.: Значение арм. языка, «Юсисапайл», 1858, № 1; Письмо К. Ц., там же, 1859, № 11; Новогодние думы, там же, 1860, № 1; Век священных переводчиков, там же, № 2; Предложение о создании арм. общества в России, там же, 1862, № 7; Национальные думы, там же, 1863, № 1, 1864, № 2, 3, 4.

Лит. на арм. яз.: Лэо, С. Назарянц, т. 1—2, Тб., 1902; Мхитарян М., Журнал «Юсисапайл», Ер., 1958.

А. Хачатурян. Москва.

НАЗВАНИЕ — языковое выражение, применяемое для обозначения (именования, называния) — и тем самым выделения и фиксирования — вещей, свойств, отношений и т. п.

Н. обычно предполагает наличие некого — конкретного или абстрактного, реального или воображаемого — предмета (предметов), на к-рый оно указывает. В естеств. и искусств. языках имеются различные виды Н., что связано, с одной стороны, с различным тех предметов, на к-рые указывают Н. (отд. вещи, классы вещей, свойства или отношения вещей и т. д.), а с др. стороны — с различиями в их синтаксич. структуре и семантич. характеристиках, в контекстах их употребления в языке, в способах, какими Н. указывают на называемый предмет (предметы), в их происхождении и т. п. Важным подразделением Н. является их деление на простые (элементарные) и сложные (составные) имена. Связь простого имени с обозначаемым предметом произвольна в том смысле, что от человека, дающего Н. предмету, вполне зависит отнеси к последнему то или иное выражение в качестве его Н. Имея в виду такие Н., Маркс писал: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» («Капитал», т. 1, 1955, с. 107). Характерная черта простого Н. в том, что в нем нет частей, имеющих самостоят. смысл. В отличие от простого, сложное Н. включает в себя такие части; при этом связь сложного Н. с обозначаемым предметом определяется уже смыслом этих частей (что является условием правильного употребления сложного имени); так, сложное имя «Создатель теории силлогизма» обозначает Аристотеля не в силу к.-л. произвола или соглашения, а в силу смысла входящих в него выражений «создатель (ч.-л.)», «теория», «силлогизм» (находящихся в определ. грамматич. отношении друг с другом). Н. этого вида наз. иначе описательными и именами (или описаниями). Др. важное подразделение Н. — это их деление на собственные (т. е. Н. отд. предметов) и общие (т. е. Н., указывающие на предметы некого класса). Важными вопросами, возникающими при изучении Н. в естеств. и искусств. языках (осуществляемом в языкознании, логике и логич. семантике), являются: уточнение понятия смысла (содержания, значения) Н.; рассмотрение различных видов Н., их генезиса и изменения в ходе развития языков; анализ познават. роли систем Н. в науках (проблематика этого рода тесно связана с вопросами классификации, терминологии, номенклатуры и теории определений). В науке о языке вопрос о значении Н. составляет часть более общего вопроса о смысле слов и выражений данного языка (или языков) вообще.

Трудности, обусловленные многозначностью слов естеств. языков, в науке стремятся преодолеть путем подходящей экспликации Н. естеств. языков или введением спец. Н., к-рым придается (каждому) одно и только одно (причем достаточно уточненное) значение (термины науки). Трудности же, лежащие на пути определения понятия значения Н. (отметим, что в совр. лингвистике нет общепринятого определения понятия значения слова), побудили ученых привлечь для их преодоления средства логики (в логич. лит-ре при уточнении понятия Н. используется обычно термин «имя»). Б. Бирюков. Москва.

В руководствах по традиц. логике распространение получила т. зр., согласно к-рой имена имеют значение двух видов: объем (или, в терминологии Дж. С. Милля, означение) и содержание (или, по Миллю, соозначение). Согласно теории имен Милля, собств. имена имеют лишь означение, тогда как общие имена обладают обоими видами значения; соозначение общего имени есть совокупность признаков, необходимых и достаточных для того, чтобы отличить означение данного имени от означений др. имен. Милль отличал общие имена от собирательных (собств. имен классов в совр. логич. терминологии). С др. стороны, он делил имена на конкретные («Джон», «озеро», «белый») и абстрактные («человечность», «близна»); первые обозначают вещи, вторые — признаки.

В конце 19 — нач. 20 вв. понятие Н. получило уточнение в ряде теорий имен, возникших в русле идей математич. логики, а затем вошедших в качестве составной части в проблематику логич. семантики. Такова прежде всего теория Фреге (развита впоследствии Чёрчем), к-рая основана на понятии отношения именования (называния, обозначения) и т. н. семантич. треугольнике (имя — предмет имени — смысл имени). В противовес этой теории Карнап выдвинул свою теорию имен, в к-рой отказался от понятия отношения именования, но сохранил семантич. треугольник [хотя и в новой терминологии: десигнатор (соответствует собств. имени), экстенционал (соответствует предмету имени, или денотату в терминологии Чёрча), интенционал (соответствует смыслу в теории Фреге)]. Особенность концепции Карнапа в том, что в ней каждый десигнатор рассматривается как говорящий и о своем экстенционале, и о своем интенционале. Поэтому исчезает необходимость вводить (как это было в теории Фреге) особые имена для смыслов и можно говорить, напр., о свойстве и о соответствующем классе, используя только одно Н. (десигнатор). Однако для того чтобы различать, когда речь идет об экстенционалах, а когда об интенционалах, Карнапу приходится вводить особые отношения между десигнаторами, в частности отношения эквивалентности, логич. эквивалентности и интенционального изоморфизма. Так, высказыванию «Имена «Вечерняя Звезда» и «Утренняя Звезда» имеют один и тот же денотат, но разный смысл» соответствует в системе Карнапа высказывание: «Десигнаторы «Вечерняя Звезда» и «Утренняя Звезда» эквивалентны, но не логически эквивалентны». Десигнатор в любом контексте сохраняет свой экстенционал и свой интенционал, меняются лишь, в зависимости от контекста, правила взаимозамещения десигнаторов.

Рассел показал, что различные виды имен можно получить как производные, взяв в качестве исходных имена свойств. Отсюда он делал вывод, что хорошо построенный формализованный язык не должен содержать к.-л. имен, кроме имен свойств. Однако этот взгляд не получил признания в совр. логике. К. И. Льюис, исходя из своей концепции четырех видов значения, считал любое выражение, обладающее значением, именем любого из объектов, входящих в охват (comprehension) этого выражения, т. е. единичным или общим именем в зависимости от того, один или более предметов входит в охват данного термина.

См. также *Значение, Имя* и лит. при этих статьях. Д. Лахути, В. Финн. Москва.

НАЗЗАМ (а н-Н а з з а м) ибн Сайяр (801—837) — арабский философ. Под влиянием философии *Анаксагора* Н. высказал ряд новых для Ближнего Востока того времени идей: тело состоит из бесконечного множества частиц, оно бесконечно делимо, мир является

ся вечным, а все тела существуют одновременно в потенциальном состоянии; все движется; душа материальна и она распространена по всему организму, и др. Многочисл. труды Н. до нас не дошли, о его филос. воззрениях известно гл. обр. по трудам его противников, полемизировавших с Н.

Лит.: Аль-Касими Джама ад-дин. Тарих Джахмий во аль-Мутазила, Каир, 1831; Абу Мансур аль-Багдади. Аль-Фарк байн аль-фирак, Каир, 1899; Закуев А. К., Философия ан-Наззама, Баку, 1961; Ibn al-Murtada al Mu'tazila, ed. T. W. Arnold, Lpz., 1902. А. Закуев. Баку.

НАИМИ, Фазлаллах аль-Хуруфи (р. ок. 1339 — ум. 1394) — основоположник широко распространенного в странах мусульм. Востока хуруфитского движения (см. *Хуруфизм*). Идею близок к исмаилитам карматского толка. Мироззрение Н. формировалось под влиянием сектантских эзотерич. учений вост. перипатетиков. Выступая в роли комментатора Корана и толкователя ислама, Н. в действительности опровергал их, подменяя веру в Аллаха пантеистич. учением, облаченным в мистич. форму (обожествление букв и цифр). Н. призвал людей изучать окружающее, причем изучение мира считал необходимым начинать с познания определений. По Н., мир находится в вечном циклич. движении, а в развитии существует преемственность: «каждая предыдущая ступень является началом последующей» («Джавидан-наме» — «Книга о вечности»). Н. писал о взаимосвязи между неорганическим, растительным, животным мирами и человеком. За резкую критику совр. ему действительности, за призывы бороться против господства Тимуридов и еретич. идей Н. был предан мучительной казни.

С о ч.: Искандер-Наме, [Книга об Искандере (Ал. Македонском)], в «E. J. W. Gibb Memorial series», v. 9, Textes persans relatifs à la secte des houroufis, publiés, traduits et annotés par C. Huart, L., 1909; Махаббат-наме (Книга о любви), рукопись, хранится в библиотеке гос. ун-та в Ереване; Аш'ар Наими (Стихи Наими), хранится в библ-ке Ленинградского ин-та народов Азии и Африки, шифр — Г306.

Лит.: Садег Кпйа, Важд наме (Словарь гюргянского языка), Тегеран, 1330 с. г. х. (1951).

Э. Кули-Заде. Баку.

НАКАЭ ТЕМИН (псевдонимы: Та кэ ма, А о р ё, С ю с у й, На н к а й С э н г ё и др.; наст. имя — Т о к у с у к э) (1847—1901) — япон. философ. Под влиянием идей Парижской Коммуны поддерживал движение «за свободу и народные права» в Японии (70-е гг. 19 в.); в 1887 опубликовал в журн. «Кокумин-но томо» (№ 3) соч. «Беседа трех подвыпивших о гос. правлении» («Сан суйдзин кэйрин мондо»), в к-ром отстаивал идею народоправия. Впоследствии выступил против конституции 1889, считая ее обманом народа; разоблачал беззакония, творимые япон. парламентом. В 1891 Н. Т. отказался от депутатского звания. После перевода фрагментов из книги Верона, названных «Эстетика г-на Вэй» («Вэйси бигаку», 1884), и перевода книги Фулье «История философии» («Ригаку энкакуси», 1886) Н. Т. опубликовал соч. «Глубины философии, или Детальное исследование по философии» («Ригаку тэгэн», 1886), в к-ром ясно проявляется материалистич. направленность его рассуждений. Н. Т. отрицательно характеризовал идеалистич. школы европ. философии и положительно — материалистич. направление, к-рое называл «объективным сенсуализмом». По его мнению, пренебрежение логич. размышлением приводит к мистике, а «религия и спиритуализм представляют собой вред» для развития филос. мышления. В соч. «Еще полтора года» («Дзоку итинэн юхан», 1901) Н. Т. подвел итоги своих филос. размышлений. Догме о бессмертии души Н. Т. противопоставил бессмертие материи. Мир безначален, бесконечен и неистощим; к бесконечному потоку соединяющихся и освобождающихся атомов ничего нельзя добавить. Отстаивая объективность пространства

и времени, Н. Т. писал: «...Поскольку мир есть мир предметов, то несомненно должно существовать некоторое место, в котором они находятся. Это место в качестве пространства существует вне и независимо от нашего сознания...» («Еще полтора года», с. 74), и далее — «Время подобно телеге, нагруженной предметами и движущейся от одного отрезка к другому» (там же, с. 76). В гносеологии Н. Т. придерживался теории отражения материалистов 18 в. Н. Т. называл позитивистов школой, к-рая «в своем убожестве премного кленещет на способности человеческого духа и доходит до того, что умаляет его достоинства и ценность» (там же, с. 54). Н. Т. отрицал свободу воли и отстаивал детерминизм. В области этики Н. Т. отступал от материализма, проповедуя теорию «разумной самооценки и самоконтроля» как основы нравственных поступков «для себя и для других». В 1894 он сделал перевод из Шопенгауэра и издал его под названием «Великие основные принципы этики» («Дотоку дайгэнри»). Филос. и социально-политич. воззрения Н. Т. оказали большое влияние на демократич. интеллигенцию Японии.

Лит.: Радуль-Затуловский Я. В., Накаэ Тэммин, «Сов. востоковедение», 1949, № 4; Сакисака Ицуро (ред.-составитель), Совр. япон. мыслители, пер. с япон., М., 1958; Котокую Сюэйи, Тэммин сансей (Учитель Тэммин), Токио, 1902; Нагата Хироси, Нихон юбундурон си (История япон. материализма), Токио, 1936, с. 241—316; Торри Хакуро, Мэйдзи сисоци (История идей времени Мэйдзи), Токио, 1947, с. 98—106; Саигуса Хирото, Нихон юбундуроней (Япон. материалисты), Токио, 1956, с. 207—33; Хидзиката Кадзую, Накаэ Тэммин, Токио, 1958; Фунаяма Синьити, Мэйдзи тэцугакуси кэнкю (Изучение истории философии времени Мэйдзи), Токио, 1959, с. 245—60, 278—93.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

НАКАЭ ТОДЗЮ (Корэнака) (1608—48) — япон. философ. Основал япон. «Школу Ван Ян-мина» (см. *Ван Ян-мин*). Н. Т. проповедовал, что субстанцией мира является «божественная великая пустота»; идеальное (ри) и материальное (ки) начала представляют собой ее свойства и в основе между ними нет различия, как нет различия между бытием и небытием вообще. Вещи существуют лишь постольку, поскольку человек их воспринимает. Познание, согласно Н. Т., есть результат «рети» — естественного (врожденного) знания или интуитивного постижения, и его поле тем шире, чем совершеннее душа человека. «Рети» заложено во всех людях, т. к. они по своей природе в конечном счете представляют частицы одной и той же мировой субстанции. Среди соч. Н. Т. наиболее популярны — «Вопросы и ответы старца» («Оокива мондо»), «Истолкование памятника „Великое учение“» («Дайгаку кай»), «Истолкование памятника „Беседы и рассуждения“ Конфуция и его учеников» («Тюэ кай») и др.

Лит.: Радуль-Затуловский Я. В., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 328—331; Нагата Хироси, Нихон тэцугаку си (История япон. философии), Токио, 1937, с. 53—58; Иноуэ Тэцудзиро, Нихон ёмэйгакуха-но тэцугаку (Философия японской школы Ван Ян-мина), Токио, 1938; Саигуса Хирото, Тэцугакухон-но кайсэцу (Решения, пояснения и введение к «Толкованию памятника „Следование середине“»), в кн.: Нихон тэцугаку сисо дзэнэ (Полн. собр. соч. по япон. филос. мысли), т. 15, Токио, 1957, с. 49—50.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

НАКШБЕНДИ (Шейх Бахааддин, Ходжа Мухамед) (1319—89) — основатель ордена Накшбендия (см. *Накшбендизм*), проповедовал идеалистич. пантеистич. теории, проникнутые идей возвращенния ислама к его первоначальной чистоте.

Лит. см. при ст. *Накшбендизм*. М. Хайруллаев. Ташкент.

НАКШБЕНДИЗМ — одно из гл. направлений среднеазиатского суфизма, получило развитие после возникновения в 13 в. дервишского ордена Накшбендия, основателем к-рого был *Накшбенди*. Ранний Н. имел нек-рое прогрессивное значение, отражая инте-

рес нар. масс к чисто мирским проблемам. В этот период на Н. оказывали влияние идеи Хамадани и Абдухалика Гиждувани. Н. призывал пользоваться благами этого мира, овладевать знаниями и трудиться. После смерти Накшбенди Н. становится реакционным. Ставший во главе ордена Ходжа Ахрар (14—15 вв.) и его последователи учили, что наука — это не знания, полученные посредством ощущений, рассуждений и размышлений, что истинная наука — это внушения и разъяснения самого шейха, она состоит из духовных божеств. тайн, к-рые неизвестны обычным ученым (журн. «Шур», 1913, № 22).

Лит.: История Узбекской ССР, 2 изд., т. 1, кн. 1, Таш., 1955; Муминов И. М., Филос. взгляды М. Бедли, Таш., 1937; Смирнов Е. Т., Дервишизм в Туркестане, «Туркест. ведомости», 1898, № 55—58; Цветков П., Исламизм, т. 4, Ашхабад, 1913.

М. Хайруллаев. Ташкент.

НАЛБАНДЯН, Микаэль Лазаревич (14 нояб. 1829 — 12 мая 1866) — революц. демократ, философ, публицист, поэт, критик и теоретик литературы. Род. в г. Нор-Нахичевань (ныне район г. Ростов-на-Дону) в семье ремесленника. Учился в школе священника Г. Патканяна, к-рый заметил его литературное дарование и поощрил его. С 1846 Н. служил секретарем епархиального правления Нахичевани; в это время он выступает как защитник интересов крестьян и ремесленников и как общественный деятель городской власти и группы клерикалов, что вызвало гонения на Н. В 1853 он переехал в Москву и, сдав экзамен при Петербургском ун-те, получил должность преподавателя арм. яз. в Лазаревском ин-те вост. яз. в Москве. В 1854 по настоянию католика арм. церкви Н. был арестован, а после освобождения уволен с должности преподавателя. Н. поступил вольнослушателем на мед. фак-т Московского ун-та. В это же время он следит за произведениями русской лит-ры и изучает Белинского, Герцена и Чернышевского, к-рые сыграли большую роль в формировании взглядов Н. В 1858—1860 Н. сотрудничал в журн. «Юсисапайл» («Северное сияние»), издаваемом в Москве прогрессивным публицистом *Назаряном*.

В 1857—62 Н. неоднократно бывал в европ. странах, посетил Турцию и Индию. В Константинополе он создал вокруг арм. журн. «Мегу» революционно-демократич. группу «Партия молодых», установил связи с Герценом, Огаревым, Гарibaldi и Мадзини и возглавил арм. нац.-освободит. движение. За революц. деятельность и связь с группой т. н. лондонских пропагандистов Н. в 1862 был арестован и заточен в Петропавловскую крепость. После трехлетнего заключения, большой туберкулезом, Н. был сослан в Камышин.

Свою жизнь Н. посвятил защите интересов нар. масс и созданию свободной единой суверенной Армении. Н. понимал, что основную роль в этом должно сыграть революц. движение рус. народа и угнетенных народов России и Турции. Защищая нац.-освободит. движение Армении и рус. революцию Н. разоблачал арм. либералов, их утверждения о возможности прогресса в условиях крепостничества. В труде «Земледелие как верный путь» (1862), касаясь созданной после реформы 1861 ситуации в России, предсказывал неизбежность революции.

Н. подверг резкой критике капитализм и колониализм; он указывал, что бурж. страны Европы — злейшие враги Индии, Китая и др. закабаленных стран. Коренная ломка существующих социальных отношений, революц. преобразование жизни — такова политич. программа Н. Но его социализм, несмотря на ориентацию на революц. путь, носил утопич. характер, был крестьянским. Н. принадлежит особая заслуга в разработке вопросов нац.-освободит. движения.

Н. считал, что нация — явление историческое. Он был убежден, что придет время, когда нац. вопрос будет решен в результате уничтожения социального гнета и победы социалистич. начала, к-рое он связывал с общиной. Н. считал, что развитие национально-особенного не отдаляет, а сближает народы. Он подверг критике расизм, космополитизм и национализм.

По своим филос. воззрениям Н. — материалист. Дух он рассматривает как свойство материи. Философия, по Н., должна заниматься реально существующими вещами — природой и человек. обществом. Исходя из антропологич. материализма, Н. видел твердый фундамент философии в истории и естествознании и критиковал идеалистов, основывающихся, по его мнению, на умозрительных, абстрактных схемах. Н. отверг упрощенный, механистич. взгляд на движение и развитие. Движение, по Н., есть принцип всего сущего. Жизнь природы и общества есть движение, а движение есть борьба. Диалектика у Н. неотделима от революц. подхода к жизни.

В понимании истории Н. в конечном счете был идеалистом, хотя его высказывания содержат много материалистич. положений, напр. о классовом характере государства, об объективной экономич. основе существования различных социальных групп, неизбежности их борьбы и революции в эксплуататорском обществе. Но Н. не понял законов развития экономич. жизни, оставаясь в социологии на позициях идеализма.

Религия, по Н., представляет собой извращенное отражение сил природы в головах людей и фетишизацию этих сил. Среди осн. причин возникновения и утверждения религ. взглядов Н. особо выделял, наряду с невежеством, социальный гнет. Н. подверг критике религ. и «официальную» мораль господствующих классов. В обществе, где существуют социальный гнет и эксплуатация, по мнению Н., не может быть справедливости, истинно моральных отношений между людьми. Так, капитализм исключает свободу и справедливость. Н. подчеркивал связь искусства с жизнью, его социальную природу. Искусство, по Н., выносит оценку, приговор действительности, требует ее преобразования согласно идеалу. Н. первый в арм. литературе дал обстоятельный анализ ряда произв. («Сос и Вардигер» П. Прошяна и др.). Он создал образцы гражданской поэзии, на к-рых воспитывалось не одно поколение революц. молодежи. Историч. значение творчества Н. в том, что он завершил процесс формирования революционно-демократич. идеологии и материализма в Армении и тем самым подготовил почву для распространения марксизма на своей родине.

С о ч.: Избр. филос. и общественно-политич. произведения, М., 1954; на арм. яз.—Журнал нового арм. яз., 16. м. 1. 1857; Две строки, Ер., 1939; Земледелие как верный путь, Ер., 1939; Национальное бедствие, Ер., 1939; Полн. собр. соч., т. 1—4, Ер., 1940—49.

Лит.: Саркисян Х. С., Микаел Налбандян и вопросы языка, Ер., 1955; на арм. яз.—Иоаннисян А. Г., Налбандян и его время, кн. 1—2, Ер., 1955—56. А. Хачатурян. Москва.

«НАПИСАНИЕ О ГРАМОТЕ» — анонимный филос. грамматич. трактат, памятник рус. рационалистич. и гуманистич. мысли 15 — нач. 16 вв. Филос. введение «Н. о г.» содержит идеи, утверждающие познават. возможности и созидат. силы ума в противоположность феодально-православному мировоззрению, обезличивавшему человека. «Н. о г.» представляет собой новую ступень в развитии идеи свободы человека, к-рая в Лаодикийском послании моск. еретика Ф. Курицына была формулирована как «самовластие души». «Н. о г.» постулирует самовластие ума человека, различая понятия «разума» как сознающей, но пассивной способности человека,

и «ума» как активной способности к действию, к обогащению сознающей способности, выражением чего является знание. Знание дает постижение миновавшего, понимание настоящего, предвидение будущего. Начальной ступенью к знаниям служит грамота и с ее помощью люди становятся учеными, мудрецами, овладевают всевозможными мастерствами и искусствами. Отсюда вывод: «грамота есть самовластие», иными словами «учение есть свобода». «Н. о г.» содержит гуманистич. мотивы и по своей центр. идее имеет точки соприкосновения со знаменитым манифестом итал. гуманизма 15 в. трактатом *Пико дела Мирандола* «О достоинстве человека». Социальными носителями идей «Н. о г.» являлись участники еретич. движения последней трети 15 — нач. 16 вв., среди к-рых находились представители городских торгово-ремесленных кругов, низшего духовенства, а также представители социальных низов города. «Н. о г.» вызвало к жизни спец. соч.—«Беседы об учении грамоте», в к-ром анонимный представитель церк. кругов выступил с полемикой против «Написания», уличая автора его в антиринитаризме (см. *Антитринитарии*), в следовании ереси *арианства, несторианства* и т. п.

Лит.: Клибанов А. И., «Н. о г.», в сб. ст.: Вопросы истории религии и атеизма, [т.] 3, М., 1955; его же, Реформац. движения в России в XIV — первой половине XVI вв., М., 1960, с. 63—82 и с. 333—50.

А. И. Клибанов. Москва.

НАРИМА́НОВ, Нариман Кербалай Наджаф оглы [2(14) апр. 1871—19 марта 1925] — азерб. писатель, деятель Коммунистич. партии и Сов. гос-ва, один из председателей ЦИК СССР. Род. в Тифлисе в крест. семье. Будучи студентом Новороссийского ун-та в Одессе, вел революционную работу среди портовых рабочих. В 1905 вступил в большевистскую организацию «Гуммет». За революц. деятельность был арестован и сослан в Астрахань (1909). В 1917 — пред. комитета орг-ции «Гуммет», один из руководителей революц. борьбы за власть Советов в Азербайджане. В 1921 — пред. СНК Азербайджана. С 1922 — пред. Союзного Совета ЗССР, затем один из пред. ЦИК СССР.

Мировоззрение Н. формировалось под влиянием передовой рус. культуры и, впоследствии, идей марксизма. В 90-х гг. Н. стоял на просветительских позициях и, разоблачая религию, выдвигал демократич., гуманистич., интернационалистич. идеи. Н. активно пропагандировал материализм и естественнонауч. знания, выступал за отделение церкви от гос-ва. Его антирелиг. пропаганду высоко оценил Ленин (см. Ленинский сб., XXXV, 1945, с. 233). Переход Н. на позиции марксизма начался в годы первой рус. революции, в этот период он стал пропагандировать прекрасные идеи прекрасных принципов Маркса (газ. «Хаят», №№ 102 и 140, 1960). После 1917 Н. прочно стал на позиции марксизма-ленинизма и начал борьбу за торжество ленинских идей в Азербайджане. «Путь вашего восторженного освобождения — в ленинской программе. Ленинская программа, направленная против помещиков и капиталистов... освободит мусульманский народ из-под гнета» (газ. «Гуммет», «Что мы должны делать?», янв., 1918).

В области лит-ры Н. отстаивал реализм, критиковал теорию «чистого» иск-ва.

С о ч.: Ленин в Шерг, Баку, 1924; Эсэрлери. Баку, 1956; на рус. яз.— Ленин и Восток. Сб. ст. (соавтор), М., 1924; Статьи и письма, М., 1925; Пир, М., 1925; Собр. соч., т. 1—2, М.—Л., 1926; О В. И. Ленине. Сб., Баку, 1957.

Лит.: Памяти Н. Н. Сб. ст., М., 1925; Рафил и М. Г., Н. Н.— выдающийся революционер и писатель, Баку, 1956; Активные борцы за Сов. власть в Азербайджане, Баку, 1957; Гулиев Дж. Б., Н. Н.— выдающийся партийный и гос. деятель, в кн.: Тр. Ин-та истории партии при ЦК КП Азерб. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, т. 20, 1957; История философии, т. 5, М., 1961, с. 379; на азерб. яз.— М э м э д о в В., Н. Нариманов, Баку, 1957. Ф. Кочарли. Баку.

НАРОД (на родные массы) — исторически изменяющаяся общность социальных групп с разной классовой структурой на различных этапах историч. развития, включающая те слои и классы, к-рые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества; прежде всего — трудящиеся, создатели материальных ценностей; творец истории, ведущая сила коренных обществ, преобразований. Н. — подлинный субъект истории; его деятельность создает преемственность в поступат. развитии общества. Место и роль Н. в истории впервые раскрыл марксизм, устранивший один из гл. пороков идеалистич. социологии, к-рая игнорировала решающую роль Н. в обществ. развитии (см. В. И. Ленин, Соч., т. 21, с. 40).

В период рабовладельч. строя в учении Платона получило филос. обоснование пренебрежит. отношение господствующих классов к Н. как к «толпе», «враждебной мудрости» (см. Государство, 421 С—432 В; рус. пер., СПб, 1863). Христ. церковь проповедовала учение о небесной и земной иерархии, освящавшее сословно-феод. порядки. Подчинение трудящихся правителям превозносилось церковью как «высшая добродетель». Для бурж. и мелкобурж. идеологов характерно отождествление интересов и идей представляемых ими классов с интересами и идеями Н. В период революц. борьбы буржуазии против феодализма это имело историч. основание в самих обществ. условиях. «Всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего „народа“, классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно в с е х» (Ленин и В. И., Соч., т. 1, с. 401—02). Идеологи нарождавшейся буржуазии выступили против феод. порядков и церкви, подняв знамя разума, просвещения. Дидро, Гельвеций, Гольбах, Ламетри гневно осуждали тиранию и деспотизм. Франц. материалисты, а также Руссо считали, что интересы Н. грубо пощаны, что феод. правители лишили его естеств. прав. Идеологи молодой буржуазии провозгласили право Н. на восстание. «Великий народ, стонущий под игом самовластия, вправе сбросить его» (Гельвеций и К. А., О человеке..., М., 1938, с. 396). Однако франц. материалисты опасались «крайностей» революции, не верили в способность Н. самостоятельно руководить обществ. жизнью. По их мнению, нар. массы должны следовать за просвещенными людьми из образованных классов. По мере развития классовых противоречий, бурж. и мелкобурж. идеологи стремились затушевать противоречивые интересы различных классов. «Демократы допускают, — писал Маркс, — что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всеми остальными слоями нации они составляют народ. Они стоят за народное право; они представляют народные интересы. Поэтому им нет надобности перед предстоящей борьбой исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком взвешивать свои собственные средства. Им стоит ведь только дать сигнал — и народ со всеми своими неисчерпаемыми средствами бросится на угнетателей. Но если на деле оказывается, что их интересы не заинтересовывают, что их сила есть бессилье, то виноваты тут... вредные софисты, раскалывающие единую и народ на различные враждебные лагеря...» (Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 8, с. 151). С приходом буржуазии к власти и обострением ее борьбы с пролетариатом взгляды бурж. идеологов на Н. приобрели реакц. характер. Они стремятся философски «обосновать» опасность для общества революц. выступлений масс. Гегель, рассматривая историю как развитие «мирового духа», писал о «бесформенной мас-

се», действия к-рой «...были бы лишь стихийны, неразумны, дики и ужасны» (Соч., т. 7, М.—Л., 1934, с. 328). У Гегеля лишь абсолютная идея, мировой дух активен, выступает как творец всей природы и истории, а масса — пассивный материал, к-рый он преодолевает.

Субъективно-идеалистич. теории «героя» и «толпы», развивавшиеся младогегельявцами (см. Гегельянство), позднее народниками (см. Народничество), противопоставляли «исторически бесплодную», «неудухотворенной» массе «критически мыслящих личностей». Англ. историк Карлейль третировал Н. как «нетворческое» начало, заявляя, что «всемирная история... есть... в сущности история великих людей» («Герои и героическое в истории», СПб, 1891, с. 1).

Известный шаг вперед в понимании роли Н. сделали франц. бурж. историки Тьерри, Гизо, Мишье. Они отмечали, что успехи и страдания подданных важнее для истории, чем победы и страдания королей, показали, что материальные интересы Н. определили его активное участие в революции.

В работах великих социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье и Оуэна подвергнута критике антигуманистич. сущность капитализма, обрекающего Н., трудящихся на материальное и духовное рабство. Однако эти мыслители рассматривали трудящихся как страдающую массу, помочь к-рой должны просвещенные представители господствующих классов, отвергали путь классовой борьбы. Представители революционно-демократич. крыла утопистов (Мелье, Бабёф и др.) призывали Н. к революции. Но не понимая историч. миссии пролетариата, бабувисты, бланкисты (см. Бланки) видели путь к новому обществу лишь через заговор узкой группы революционеров и диктатуру революц. меньшинства общества.

Близко подошли к науч. пониманию Н. и его роли в истории рус. революц. демократы. Чернышевский писал, что причиной обществ. прогресса является «внутреннее стремление массы к улучшению своего материального и нравственного быта» (Полн. собр. соч., т. 7, 1950, с. 477). Для революц. демократов характерно признание нар. масс самостоятельной и ведущей силой в освободит. движении.

Рост рабочего движения, образование партий пролетариата углубили страх буржуазии перед Н. В эпоху империализма еще более обнажились антинародный характер бурж. идеологии. Ницше рассматривал Н. как толпу, к-рая должна быть удерживаема в рабстве всеми средствами и «... служит только фундаментом и подмостками, по которым избранный порода существ может взбираться и достигать своих высших задач...» («По ту сторону добра и зла», М., 1900, с. 258). Франц. социолог Г. Тард заявлял, что Н. — это пассивная толпа, к-рая «гипнотизируется» гением, подражает ему (см. «Законы подражания», СПб, 1892).

В период общего кризиса капитализма широкое распространение получили взгляды Фрейда, к-рый объявил Н. иррациональным началом, подверженным подсылат. влияниям. «Невозможно отказаться от принципа господства меньшинства над массой, так как масса ленива и инертна, не любит отказываться от влечений... Только влияющие исключительные личности, которых масса признала своими вождями, может заставить массу обратиться к полезной работе... Представляется необходимым, чтобы... люди, имеющие власть, были независимы от массы» (Freud S., Die Zukunft einer Illusion, Lpz., 1928, S. 9—10).

Для идеологов реакц. классов характерно изображение Н. как опасной разрушит. силы. Так относился к массам идеолог феод. реставрации во Франции де Местр; такой же взгляд характерен и для реакц. бурж. идеологов, напр. для исп. социолога Ортеги и-Гасета, в работах к-рого Н. выступает как деструктив-

ное начало; его самостоят. выступление на политич. арене ведет якобы к обществ. катаклизмам (J. Ortega y Gasset, *La rebelión de las masas*, [1929]).

Теории о «неспособности» Н. к самостоят. управлению обществом служат идеол. прикрытием фашизации политич. жизни капиталистич. стран, подавления демократии. Ненависть и вражду к Н. проповедают социальные дарвинисты, расисты, мальтузианцы.

Во взглядах совр. бурж. социологов и философов на Н. проявляются различные тенденции. Нар. массы провозглашаются «толпой», способной лишь слепо следовать за теми или иными лидерами из господствующих классов, «небольшим числом людей», к-рые знают, что они хотят (см. Dewey J., *The public and its problems*, Chi., 1946, p. 18). Широкое распространение в совр. бурж. социологии получили реакц. теории «элиты». Игнорируя социально-экономич. основу классового деления общества, идеологи элиты утверждают, что человечество якобы извечно распадается на два класса, две страты — элиту и Н. Такими теориями В. Парето, О. Шпанца, О. Шпенглера, ряда экзистенциалистов. Шпенглер писал, что с развитием техники человечество неизбежно делится на две части: «На одной стороне собирается человеческая масса огромных размеров, которая пасется машинной техникой, для нее работает и для нее живет... А на другой стороне выделяется небольшое количество творческих голов, предпринимателей, организаторов, открывателей, инженеров» («*Der Mensch und die Technik*», Münch., 1932, S. 76—77). К. Ясперс деит людей, исходя из их способностей, на массы и «духовную аристократию» и утверждает, что «историю делает меньшинство», что массы «приходят в движение только благодаря вождям» («*Die geistige Situation der Zeit*», В., 1931, S. 177). Дж. Бёрнхем утверждает, что историч. эволюция идет в направлении создания общества, к-рое будет состоять из «элиты» — касты ученых, администраторов и трудящихся — рабочих-автоматов («*The managerial revolution*», N.Y., 1941). Бурж. социологи утверждают, что в Н. «теряется личность». Франц. экзистенциалист Г. Марсель объявляет нар. массы «сниженным уровнем человечества» (см. «*Les hommes contre l'humain*», P., 1951, p. 13). Нем. социолог К. Башиц заявляет, что «когда человек действует с другими, его индивидуальный уровень падает» («*Du und die Masse*», Leiden, 1915, S. 17).

К бурж. теориям примыкают взгляды совр. реформистов и ревизионистов. Л. Блюм и др. правые социалисты повторяли и повторяют антинауч. бурж. теории о том, что власть Н. — это «режим некомпетентности». Однако в совр. эпоху бурж. социологи уже не могут не учитывать небывало возросшей роли Н. Многие из них вынуждены констатировать, что 20 в. является «веком масс» (см. R. Strausz-Hupe, *The Zone of indifference*, N. Y., 1952, p. 127). Они пишут не столько о «пассивности» Н., сколько об его «необузданной активности» (см. S. Huddleston, *L'esprit des fules*, Brux., 1942, № 86, p. 305—06).

Теории бурж. идеологов свидетельствуют о том, что интересы империалистич. буржуазии находятся в антагонистич. противоречии с интересами широких нар. масс, с объективными потребностями обществ. прогресса.

Марксизм впервые вскрыл социальное содержание понятия «Н.» и установил, что характер Н. изменяется на разных ступенях истории. Для первобытнообщинного строя, когда не было классового деления общества, термины «население» и «Н.» не различаются. В антагонистич. формациях в состав Н. не входят господствующие эксплуататорские группы, ведущие антинародную реакц. политику. Только с ликвидацией эксплуататорских классов, при социализме понятие Н. охватывает все социальные группы общества. Марксизм выясняет объективное различие в положении отд. слоев

и групп населения, расчленяет его на классы и лишь на основе учета классовых интересов приходит к выводу о наличии нек-рых общих интересов у ряда прогрессивных классов и слоев, составляющих Н. на том или ином этапе развития общества.

На всех ступенях обществ. развития ядром, основой Н., его большинством являются трудящиеся массы — главная производит. сила общества. Деятельность трудящихся выступает как решающее условие существования всякого общества. Однако понятие «Н.» не тождественно понятию «производители материальных благ»; нельзя также на всех историч. этапах отождествлять понятия «народ» и «трудящиеся, эксплуатируемые классы». На опред. историч. ступенях Н. включал в себя и другие слои населения, в т. ч. и эксплуатировавшие чужой труд. «Сколько-нибудь сознательный рабочий прекрасно знает, — писал Ленин в 1905, — что народ, борющийся с самодержавием, состоит из буржуазии и пролетариата» (Соч., т. 8, с. 469). В классовом обществе Н. может включать в себя слои населения с весьма различными, и даже с противоположными интересами. Историч. материализм требует, чтобы словом Н. «...не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа» (там же, т. 9, с. 92). Критерием, к-рый позволяет на любом историч. этапе выделить из всего населения ту ее часть, к-рая составляет Н., являются объективные задачи прогрессивного развития данной страны. «Употребляя слово „народ“, — писал Ленин, — Маркс не затуманивал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию» (там же, с. 112). Понятие «Н.» и отражает опред. единство классов и групп населения, складывающееся для разрешения этих назревших задач.

В ходе истории, с изменением объективных задач обществ. развития, с изменением содержания революций неизбежно изменяется и социальный состав тех слоев, к-рые образуют Н. Однако понятие Н. не тождественно понятию «движущие силы революции»: не всегда классы, составляющие Н., оказывались в то же время классами, выступающими в качестве движущих сил революции. Так, во время революции 1871 во Франции парижский пролетариат не был активно поддержан др. слоями Н., объективно заинтересованными в завершении демократич. и развертывании социалистич. преобразований. Ленин в своих работах прослеживал изменение классового состава Н. в ходе развития истории. Так, говоря о сословной полурепублике России 19 в., Ленин включал в понятие «Н.» антагонистич. классы, т. е. наряду с трудящимися, эксплуатируемыми массами и радикально настроенную буржуазию, и отмечал, что «как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861), — тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри „народа“...» (там же, т. 1, с. 402). О странах Зап. Европы 19 в. Ленин писал: «В Европе 1871-го года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. „Народная“ революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковой, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда „народ“» (там же, т. 25, с. 388).

Особое внимание марксизм уделяет анализу роли Н. в периоды революций, перегруппировке сил и изменениям, происходящим в революц. Н. по мере углубления историч. действия и осуществления коренных обществ. преобразований. Выясняя состав социальных групп, заинтересованных в победе демократической, а затем социалистич. революции в России, Ленин подчеркивал, что как борьба за демократию, так и борьба за социализм будет нар. борьбой, однако классовое содержание этой нар. борьбы будет различным, ибо различается состав классов и социальных групп,

способных участвовать в борьбе за осуществление этих задач и составляющих Н. (см. там же, т. 9, с. 40, 66).

Марксизм-ленинизм отличает революц. Н., сплоченный идейно и организационно и способный вести активную борьбу за решение назревших задач обществ. прогресса, от тех масс, к-рые в т. н. «мирные» периоды развития, когда социальные антагонизмы еще не обострились, политически не осознали своих задач, не силотились и не оказывают организованного отпора политике эксплуататорских классов. В политич. пробуждении и организации Н. гл. роль играет его авангард, передовой класс, его партия. «Политику в серьезном смысле слова могут делать только массы, а масса беспартийная и не идущая за крепкой партией есть масса распыленная, бессознательная, не способная к выдержке и превращающаяся в пгруппку ловких политиканов...» (там же, т. 19, с. 393).

Конкретно-историч. подход к Н. позволяет коммунистич. партиям проводить гибкую политику, стратегию и тактику, учитывающую изменения в позициях различных классов, вовлекать в ряды нар. движения наряду с пролетариатом и крестьянством и др. группы населения: мелкую буржуазию, бурж. интеллигенцию и при определ. условиях и отд. слои др. классов, блокироваться с другими обществ. орг-циями, союзами, объединениями, в т. ч. и с бурж. партиями, позволяет выводить широкий нар. фронт, объединяющий все прогрессивные элементы населения, способные вести борьбу за мир, за нац. независимость, за демократию и социализм.

Опора на Н., изучение и обобщение его опыта, запросов и устремлений — характерная особенность деятельности коммунистич. партии. «... Мы можем управлять, — писал Ленин, — только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает» (там же, т. 33, с. 273). Коммунистич. партия является коллективным вождем Н., направляющей силой, обеспечивающей своей организаторской и воспитат. работой рост социалистич. сознательности трудящихся, сосредоточение их усилий на решении исторически назревших задач. Политика и деятельность Коммунистич. партии направлены на широчайшее вовлечение Н. в историч. творчество (см. там же, т. 31, с. 169—70). Развитие общества подготавливает материальные и духовные предпосылки для все более широкого и активного участия Н. как в разрушении старого, так и в создании нового обществ. строя.

В области теории правильное понимание содержания понятия «Н.» позволяет раскрыть закономерности деятельности Н. в отд. общественно-экономич. формациях, а также на разных ступенях их зрелости, раскрыть внутр. динамику, специфику нар. движений в этих формациях на разных этапах в разных странах, показать качественно новое содержание понятия Н. в период пролет. революции и строительства социализма, качественно новую роль нар. масс в период строительства коммунизма.

Созидат. деятельность Н. в борьбе за построение социализма и коммунизма является величайшим фактором, влияющим на мировую политику, на укрепление мира и дружбы между народами. Совр. эпоха перехода от капитализма к социализму характерна огромным возрастанием роли Н. во всех областях жизни общества (см. *Роль народных масс и личности в истории*).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, или критика критической критики, Соч., 2 изд., т. 2; и х же, Немецкая идеология, там же, т. 3; и х же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Маркс К., Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г., там же, т. 7; е го же, Восемнадцатое брошюра Луи Бонапарта, там же, т. 8; Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, там же, т. 7; е го же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, М., 1955; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; е го же,

Что делать?, там же, т. 5; е го же, Две тактики социал-демократии в демократической революции, там же, т. 9; е го же, Карл Маркс, там же, т. 21; е го же, Очередные задачи Советской власти, там же, т. 27; е го же, Великий почин, там же, т. 29; е го же, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, там же, т. 31; е го же, Лучше меньше, да лучше, там же, т. 33; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1956; Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1959; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; К о н с т а н т и н о в Ф. В., Роль народных масс в истории, М., 1953; Г а к Г. М., Марксизм-ленинизм о роли нар. масс и личности в истории, М., 1954; М о м д ж и я Х. Н., Социалистич. общество и творческая активность нар. масс, Ер., 1954; Федосеев П. Н., Роль народных масс и личности в истории, М., 1956; Роль народных масс и личности в истории, М., 1957; Б у т е н к о А., Народ как социологич. категория, «Вопр. философии», 1957, № 1; Д ж е м с У., Зависимость веры от воли, пер. с англ., СПб., 1902; Э м е р с о н Р. У., Избранники человечества, пер. с англ., М., 1912; М и л л е р Р., Властвующая элита, пер. с англ., М., 1959; В о г а р д у с E. S., Leaders and leadership, N. Y.—L., [1934]; L e d e r e r E., State and the masses; the threat of the classless society, N. Y., 1940; D e w e y J., Problems of men, N. Y., [1946]; К о л и н Н., Prophets and peoples: studies in nineteenth century nationalism, [Toronto], 1946; C o r b e t t T. A., People or masses: a comparative study in political theory, Wash., 1950; Н о о к S., The hero in history, a study in limitation and possibility, N. Y., 1950; G i l l o u i n R., L'homme moderne bourgeois de lui-même, [P., 1951]; F l e w e l l i n g R. T., The person; or the significance of man, Los Ang., [1952]; W i l l i a m s R. J., Free and unequal, Austin, 1953; F r i s c h A., Une réponse au défi de l'histoire, [Bruges, 1954]; M a r t i n i W., Das Ende aller Sicherheit. Eine Kritik des Westens, Stuttg., [1954]; L i p p m a n n W., Essays in the public philosophy, [N. Y., 1956]; К н о л л J., Führungsaulese in Liberalismus und Demokratie, Stuttg., 1957. Г. Ашур, А. Бутенко, М. Иштханян. Москва.

НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — революция, осуществляемая массами, широкими слоями народа в противоположность «верхушечным» революциям и дворцовым переворотам. Отличит. чертой Н.р. является то, что она поднимает к участию в историч. творчестве нар. массы, к-рые выступают активно, со своими собственными экономич. и политич. требованиями. Н.р. могут иметь весьма различное общественно-экономич. содержание. Так, известны Н.р., сметавшие феодализм, расчищавшие дорогу для развития капитализма: напр., бурж. революции во Франции конца 18 в., в России 1905—07. Сравнивая три бурж. революции 20 в.: португальскую, турецкую и русскую, Ленин писал о первых двух, что «...народной» ни та, ни другая не являются». Революция 1905—07 в России была «...несомненно, действительно народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимаясь самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток с в о и х требований, с в о и х попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого» (Л е н и н В. И., Соч., т. 25, с. 388).

К числу Н.р. 20 в. относятся *народно-демократические революции* в 40-х гг. в ряде стран Европы и Азии, выросшие из антиимпериалистич., антифашистской, нац.-освободит. борьбы широких нар. масс, кубинская революция 1959, *национально-освободительные революции* в ряде стран Азии и Африки. Наиболее глубокими Н.р., руководимыми рабочим классом и осуществляемыми массами трудящегося народа, являются *социалистические революции*. В совр. развитых капиталистич. странах существуют предпосылки антиимпериалистич. демократич. революции, направленной против наиболее реакц. групп буржуазии, во имя упрочения мира, защиты и расширения демократии. Н.р., имеющие антиимпериалистич. характер, при руководстве рабочего класса и его марксистско-ленинской партии сближаются и непосредственно перерастают в социалистич. революции.

А. Бутенко. Москва.

НАРОДНИЧЕСТВО — система взглядов мелкобуржуазной крест. демократии в России; разновидность утопич. социализма. Специфич. чертой народнич. идеологии является переплетение идей аграрной демократии с социалистич. мечтами, надеждой миновать путь капитализма, предупредить капитализм (см. В. И. Ленин, Соч., т. 18, с. 146). Социальный источник Н. — борьба рус. крестьянства за уничтожение крепостнич. латифундий и переход земли от помещиков к крестьянам. В своеобразной идеол. форме Н. отразило противоположность двух путей бурж. развития: т. н. «прусского», либерально-помещичьего, и «американского», крестьянски-революционного. Имея в виду эту противоположность, Ленин называл Н. «...теорией массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего...» (там же, т. 16, с. 102).

Противоречивость положения мелкого производителя в условиях развивающегося капитализма выразилась в двоякого рода тенденции Н. — демократической и либеральной. Для первой характерны утопия крест. социалистич. революции и реальное стремление поднять на борьбу против крепостничества и абсолютизма широкие массы; для второй — приспособление идеалов социализма к интересам хозяйств. мужика, боязнь крутых обществ. поворотов, поиск компромисса с господствующими классами.

Родоначальники Н. — Герцен и Чернышевский. На 70-е гг. 19 в. приходится расцвет революц. Н.; народнич. интеллигенция переходит к практич. осуществлению доктрины («хождение в народ», «Нар. воля» и др.). 80—90-е гг. — период господства легального, реформистского Н. В нач. 20 в. народнич. идеология находит свое выражение в непосредств. выступлениях и требованиях самого крестьянства (трудовики в Гос. думах); к народнич. направлению относятся идеология «социалистов-революционеров» (эсеров).

Как социология, доктрина Н. испытало на себе влияние утилитаризма, антропологии Фейербаха, левого гегельянства с его культом «критически-мыслящих» личностей, учения Бокля и Спенсера о прогрессе, а также нек-рых элементов теории Маркса. Значит. эволюцию претерпело Н. в филос. отношении. Если родоначальники Н. были материалистами и диалектиками, то народнич. идеологи 70-х гг. (Бакунин, Лавров, Ткачев, Михайловский) сделали шаг назад, к позитивизму и метафизике. В конце 19 — нач. 20 вв. в народнич. идеологии получают господство неокантианство и эмпириокритицизм (Лесевич, Чернов и др.).

Н. имеет междунар. значение. Формы идеологии, подобные рус. Н., характерны для стран со сравнительно низким уровнем развития капитализма и преобладанием крест. населения, стран, относительно поздно вставших на путь демократич. преобразований, когда капитализм в Зап. Европе и Сев. Америке уже обнаружил свойственные ему противоречия и породил социалистич. движение пролетариата.

Родоначальники народничества

Впервые теорию народнич. или т. н. рус. крест. социализма сформулировал Герцен. К ней он пришел после революции 1848 в результате глубокой духовной драмы, связанной с разочарованием в способности передовых стран Зап. Европы совершить социалистич. переворот. По мнению Герцена, крест. Россия вовсе не обязательно должна «... пройти через все фазы европейского развития» (Собр. соч., т. 12, 1957, с. 186). Ее развитие может пойти «самобытным» путем, минуя капитализм. Для этого у нее есть предпосылка в виде общинного поземельного устройства и «... прирожденного признания права на землю...» (там же, т. 18, 1959, с. 355). Некапиталистич. путь развития

предполагает, по Герцену, прежде всего ликвидацию крепостного права, наделение крестьян землей, а также просвещение общины «социальной идеей Запада».

Вслед за Герценом теорию общинного социализма развивал Чернышевский, сделавший по сравнению со своим предшественником большой шаг вперед. «Чернышевский, — писал Ленин, — был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы» (Соч., т. 20, с. 224). Возможность перехода страны к социализму через общину Чернышевский связывал с обязат. решением таких задач, как уничтожение самодержавия и безвозмездная передача всей земли крестьянству. От революц. энергии народа, его сознательности и организованности зависит, по мнению Чернышевского, сумеет ли Россия воспользоваться благоприятной историч. возможностью, связанной с сохранением в стране общинного земледелия. Вера в способность народа к историч. творчеству сочеталась у Чернышевского с трезвым пониманием страшной отсталости рус. крестьянства, его забитости и темноты (см. Полн. собр. соч., т. 7, 1950, с. 865—66, 887). Горячо желая своему народу избежать ужасов капитализма, Чернышевский не исключал тем не менее и той возможности, что Россия пойдет по пути стран Зап. Европы (см. там же, т. 4, 1948, с. 413).

Надежда миновать капитализм соединялась у Чернышевского с воззрением на историю как на закономерный процесс смены обществ. форм. Необходимость этой смены возникает естественно и неизбежно; никакая сила не в состоянии предотвратить крушение старых порядков и победу новых. Конечное торжество социализма не подлежит для Чернышевского сомнению, «потому что к тому ведет историческая необходимость...» (там же, с. 742). Однако пути, к-рыми пойдут народы к социализму, различны. Страны Зап. Европы идут к нему через разрушение общины и «обеспечение частных прав отдельной личности...» (там же, с. 738), т. е. через капитализм. Россия, позже др. стран вступившая на путь экономич. развития, может, по мнению Чернышевского, пойти к социализму, минуя капитализм, если сумеет воспользоваться преимуществами, к-рые дает община с ее уравнил. началами. Превращение возможности в действительность зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов и прежде всего от наличия «энтузиазма к движению в массе». Осуществление этой возможности не противоречит закономерному ходу истории, поскольку обществ. явление в процессе своего развития вовсе не обязательно должно проходить «...все логические моменты с полной их силой...»; при благоприятных условиях процесс «...прямо с первой степени прибегает к последней, не останавливаясь на средних...» (там же, т. 5, 1950, с. 379, 381).

Идея историч. необходимости, характерная для взглядов Герцена, Чернышевского, а также Огарева, Добролюбова и др., являлась логич. выводом из их материалистич. мировоззрения, опиравшегося на лучшие традиции классич. нем. философии, особенно Гегеля и Фейербаха. В теории познания родоначальники Н. последовательно выступали против агностицизма и субъективизма в любых его формах и проявлениях.

Революционное народничество 70-х гг.

В пореформ. эпоху Н. становится преобладающим направлением в рус. демократич. движении, приобретает новые черты, обусловленные, с одной стороны, превращением народнич. теории в программу практич. деятельности разночинной интеллигенции, с другой — приложением доктрины к пореформ. действительности. Большинство народников полагало, что хотя Россия сделала первые шаги по пути бурж. развития, капитализм в ней еще не упрочился, оставаясь чем-то «чу-

жеродным» хозяйству страны. Поэтому существует возможность путем активного вмешательства в ход процесса изменить коренным образом направление обществ. развития. Появляется действенное Н., для к-рого крест. социалистич. революция становится вопросом непосредств. практики.

Однако в понимании форм и способов революц. деятельности П. 70-х гг. не было единым. Преобладающую роль играло в нем бунтарское направление (бакунизм). Бакунисты отрицали необходимость предварт. пропагандистской работы в народе. По их мнению, народ всегда готов к революции. Задача революционной интеллигенции состоит лишь в том, чтобы «соединить все его (народа. — *Ред.*) бунты в один бунт поголовный и несокрушительный, т. е. народную революцию» (Бакунин и М. А., Поли. собр. соч., т. 2, СПб, 1907, с. 238). Напротив, Лавров, идеолог пропагандистского направления в Н., утверждал, что ни интеллигенция, ни народ не готовы к социальному перевороту и что революции должна предшествовать длительная систематич. пропаганда социалистич. идей в народе (см. Избр. соч. на социально-политич. темы, т. 1, 1934, с. 104). Несколькими годами позже оформляется третье направление в Н. — заговорщич.-бланкистское. Его основатель Ткачев считал заговор революц. партии, сопровождаемый пар. бунтом, «... наиболее целесообразным средством политического переворота». Главное в этом перевороте, по Ткачеву, заключается в том, чтобы «овладеть правительственной властью и превратить данное государство в революционное» (Избр. соч. на социально-политич. темы, т. 3, 1933, с. 224).

Специфич. ограниченностью народнич. идеологии 70-х гг. являлось непонимание значения политич. революции и борьбы за политич. права и свободы. Противопоставляя «социализм» «политике», мн. народники, под влиянием анархич. взглядов Бакунина, считали самостоятельн. борьбу за политич. свободы делом, выгодным лишь буржуазии. Проповедовалась идея единой социальной революции, к-рая разрушила бы одновременно и государство, и социальный строй. Только в самом конце 70-х гг. часть народников пересмотрела свои взгляды и признала необходимость борьбы за политич. свободы. Однако политич. борьба понималась ими узко и сводилась по преимуществу к индивидуальному террору. Вера в возможность решающего влияния революц. интеллигенции на народ породила у идеологов Н. 70-х гг. специфич. манеру трактовки обществ. вопросов, к-рую Лещин называл «интеллигентным самомнением» (см. Соч., т. 2, с. 490). Игнорируя тенденции обществ. классов, в частности буржуазии, народник рассуждал о том, какой путь должна избрать интеллигенция для страны. Идея историч. необходимости — центральный пункт социологич. концепции Чернышевского — отвергалась как оправдание неприемлемого для революционеров бурж. пути развития. Мысли о пересоздании действительности, исходя из нее самой, народнич. теоретики Лавров и Михайловский противопоставили тезис о свободном выборе «идеала». В социологии этот тезис обосновывался с помощью т. п. субъективного метода, согласно к-рому обществ. явления должны изучаться и оцениваться с т. зр. определенного «нравственного идеала». Вся история, по мнению субъективных социологов, представляет не что иное, как воплощение идеалов истины и справедливости в определенных обществ. формах. «... Понимать историю значит ясно понимать способы осуществления нашего нравственного идеала в исторической обстановке» (Лавров П. Л., Избр. соч. ..., т. 1, 1934, с. 390). Отказ от объективного метода в социологии народнич. теоретики обосновывали ссылками на особенность историч. процесса, на решающее зна-

чение в истории «субъективно-телеологической» деятельности человека (Михайловский). Субъективная социология изображала интеллигенцию самостоят. и направляющей силой историч. процесса (ср. учение о критически мыслящих личностях Лаврова и теорию «героев» и «толпы» Михайловского). «... Как ни мал прогресс человечества, — писал Лавров, — но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях: без них он безусловно невозможен; без их стремления распространить его он крайне непрочен» (там же, с. 227). Однако для того чтобы сделаться реальной силой прогресса, интеллигенция должна, согласно Лаврову, заручиться поддержкой масс.

Бакунин и Ткачев не были сторонниками субъективного метода в социологии, а последний даже посвятил его критике спец. работу (см. П. Н. Ткачев, Что такое партия прогресса, в кн.: Избр. соч., т. 2, М., 1932). Однако их социологич. взгляды также пронизаны субъективизмом и волюнтаризмом. В особенности Бакунин не понимал объективной обусловленности социалистич. революции, основывая свои расчеты и деятельность на личных чувствах, вкусах и симпатиях. Маркс писал, характеризуя его миросозерцание: «Воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 615). Столь же субъективной являлась теория «исторических скачков» Ткачева.

В философии народнич. теоретики 70-х гг. сделали крупный шаг назад от материализма к позитивизму, преим. контовского направления. Их филос. взгляды представляли собой эклектич. сочетание позитивистских и кантовских идей с элементами естеств.-науч. материализма. Идеологи Н. объявляли себя сторонниками естествознания с его «объективной» т. зр. и признанием закономерности явлений природы. Однако основывающийся на естествознании филос. материализм отвергался ими как «метафизическое» обобщение, якобы выходящее за пределы науки, «... для которой неоспоримы лишь явления и допустительны лишь ближайшие, простейшие гипотезы» (Лавров П. Л., Собр. соч., сер. 1, вып. 2, П., 1917, с. 39—40). Даже те из народников, к-рые придерживались материалистич. в целом взглядов на природу (напр., Ткачев), противопоставляли философию и науку, утверждали, вслед за позитивистами, что философия имеет «чисто историческое значение», что она ставит «неразрешимые задачи, блуждая в неведомом мире, „причин и сущностей“, недоступных человеческому пониманию...» (Ткачев П., Избр. соч. на социально-политич. темы, т. 5, 1933, с. 173). Поскольку народнич. теоретики пытались гносеологически обосновать свое «антиметафизическое» воззрение, постольку они, как правило, скатывались на позиции агностицизма и субъективизма, повторяли доводы неокантовцев и махистов против материализма. В этом смысле особенно характерны взгляды Михайловского, открыто отрицавшего объективную истину в познании (см. Соч., т. 4, СПб, 1897, с. 62).

Как политич. движение революц. Н. развивалось в след. направлении. Попытки народнич. интеллигенции поднять крестьянство на социалистич. революцию окончились крахом. Ни «хождение в народ», принявшее массовый характер весной 1874, ни деятельность организованной в 1876 партии «Земля и воля» не принесли ощутимых результатов: крестьянство в своей массе оставалось чуждым социалистич. пропаганде. В среде революционеров происходит перелом настроений в пользу политич. борьбы с самодержавием в форме индивидуального террора. Знамя этой борьбы подняла партия «Народная воля», возникшая в 1879 в результате раскола «Земли и воли». Кульминац. пунктом ее деятельности явилось убийство Александра II в 1881.

Либеральное народничество

С сер. 80-х гг. 19 в. Н. вступает в период глубокого кризиса. Этот кризис был обусловлен, с одной стороны, крахом народнич. социалистич. пропаганды в деревне, с другой — классовыми сдвигами в стране: бурж. эволюцией крестьянства, ростом пролетариата и развитием его борьбы. Часть революционеров (Плеханов и др.) порвала с Н. и перешла на позиции марксизма. В Н. возобладало либеральное течение. В лит-ре его представляли публицисты «Недели» П. П. Червинский, П. Юзов (И. И. Каблиц), группа сотрудников «Русского богатства»: Михайловский, Воронцов, С. Н. Кривенко, Южаков и др., переводчик «Капитала» Николай-он (Н. Ф. Даниельсон) и др. Специфич. чертой либерального Н. был отказ от борьбы за революц. низвержение существующего строя и надежда перейти к социализму мирным путем. При этом за социализм выдавалась программа, в к-рой наряду с демократич. требованиями (увеличение крест. наделов, снижение высоких платежей, полное восстановление крестьян в гражд. правах) большой удельный вес занимали требования специфически бурж. и мелкобуржуазные (реорганизация крест. банка, учреждение колонизац. управления, обеспечение сбыта и т. п.). Имея в виду эту мелкобурж. программу, Ленин называл «социализм» народников 80—90-х гг. «мещанским социализмом» (см. Соч., т. 4, с. 268), в отличие от «крестьянского социализма» народников 60—70-х гг.

Преимущество, внимание народнич. теоретики 80—90-х гг. уделяли обоснованию экономич. стороны своей доктрины. Утратив сильные стороны старого Н., идеологи либерального Н. восприняли и углубили одну из его самых крупных ошибок — непонимание классового антагонизма внутри крестьянства. В этом смысле характерна распространенная среди народников 80—90-х гг. теория Воронцова о противоположности мелкого «народного производства» капитализму (см. В. В., «Судьба капитализма в России», 1882). Под напором фактов часть народников (Михайловский, Кривенко, Николай-он и др.) была вынуждена признать капиталистич. эволюцию страны и расслоение крестьянства. Однако признание развития капитализма в России сопровождалось всякого рода утопич. и реакц. проектами насчет помощи «народному производству» (см., напр., Николай-он, «Очерки нашего пореформ. обществ. хозяйства», СПб, 1893, с. 331—32). Как писал Ленин, народники надевали «...себе на глаза шапку иллюзий и мечтаний, чтобы не видеть неприятной действительности...» (Соч., т. 13, с. 287).

Представители либерального Н. вели ожесточ. борьбу с марксизмом. В споре со сторонниками диалектич. материализма они повторяли ходячие обвинения марксизма в фатализме, гегельянстве, утверждали, будто марксисты верят в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма и т. д. Poleмика с рус. марксистами (Ленин, Плеханов, Федосеев и др.) закончилась идейным разгромом народников, показала отсталость и реакционность их теорий.

На филос. и социологич. взгляды народников 80—90-х гг. значит. влияние оказало реакц. «критическое» движение в философии Зап. Европы. Одним из проводников этого влияния был Лесевич, последователь Авенаруса и Петцольдта.

Народничество начала 20 в.

В начале 20 в. народнич. взгляды наиболее оформленно выражали «социалисты-революционеры» — эсеры (В. Чернов, Н. Д. Авксентьев, Г. А. Гершуни и др.). В идеологии эсеров соединились старые народнич. догмы с ревизионистской критикой марксизма. Так, в принятой в 1906 эсеровской программе признава-

лись «творческие стороны» капитализма, обобществляющего труд и произ-во и создающего «социальную силу», к-рая способна преобразовать общество. Однако это признание «положит. сторон» капитализма не распространялось на нек-рые отрасли пром-сти, в особенности на земледелие, и даже на целые страны. Опираясь на ревизионистскую критику марксизма, эсеры утверждали, что не только пролетариат, но и все мелкое, трудовое, не эксплуатирующее чужого труда крестьянство способно стать творцом социалистич. революции. В аграрном вопросе эсеры выдвигали лозунг «социализации земли, т. е. перехода ее в собственность всего народа на началах «уравнительного землепользования». В политич. области их программа требовала установления демократич. республики, введения всеобщего избират. права, политич. свободы, отделения церкви от гос-ва и т. д.

В области философии эсеровские теоретики были сторонниками неокантианства и эмпириокритицизма (см. В. Чернов, Филос. и социологич. этюды, М., 1907). Подвергая обработке «по эмпириокритич. методу» социологию, Чернов призывал «безжалостно» устранить из нее осн. понятия историч. материализма, «все эти фундаменты и надстройки, экономические, правовые и идеологические «факторы» с их «взаимодействиями» и т. п. «суррогаты научного знания» (см. там же, с. 303). Объявляя марксизм «односторонним» и «неполным» учением, эсеровские теоретики заменяли его теорией «активного прогресса», в к-рой во главу угла был поставлен «...не объективный процесс истории, а целостная всесторонне развитая автономная личность» («Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров», СПб, 1906, с. 75).

Революция 1905—07 доказала, что эсеры являются левым крылом «...чрезвычайно широкого и безусловно массового народнического или трудовического течения, выразившего интересы и точку зрения крестьянства в русской буржуазной революции» (Ленин В. И., Соч., т. 15, с. 311). Социалистич. фразеология эсеров служила идейным облачением революц. мелкобурж. демократии в России. В ходе революции проявилась политич. неустойчивость эсеров: эсеровская партия постоянно колебалась между подчинением гегемонии либералов и решит. борьбой против помещичьего землевладения и крепостнич. гос-ва (см. «КПСС в резолюциях...», 7 изд., ч. 1, 1954, с. 165).

Мелкобурж., соглашат. сущность эсеров особенно ярко проявилась в 1917, когда после свержения царской монархии эсеры вместе с меньшевиками и кадетами стали правительств. партией. Своей политикой союза с буржуазией они продемонстрировали окончат. разрыв с социализмом и демократией, превратились в партию кулацкой верхушки. Крест. беднота убедилась на собств. опыте, что ее аграрные требования могут быть осуществлены лишь против буржуазии, в союзе и под руководством пролетариата.

Изучение народничества

Изучение Н. в России до Окт. революции 1917 встречало серьезные трудности, поскольку большинство участников «хождения в народ» и «народовольцев» были объявлены «государств. преступниками», а революц. народнич. лит-ра находилась под запретом. В бурж. лит-ре одной из первых попыток осмыслить Н. как определенное направление обществ. мысли была книга либер. народника В. В. (В. П. Воронцова) «Наши направления» (1893). Истории народнич. движения были посвящены также книги В. Богучарского («Активное Н. семидесятых годов», 1912, и «Из истории политич. борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия „Народной воли“, ее происхождение, судьбы и гибель», 1912) и др. Коренной недостаток этой лит-ры заклю-

чался в том, что Н. изучалось в отрыве от классовой борьбы. Бурж. исследователи рассматривали Н. как умонастроение и систему взглядов рус. интеллигенции, восходящую к Чаадаеву и славянофилам.

За развитием Н. внимательно следили основоположники марксизма. В ряде статей и писем (см. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политич. деятелями, 2 изд., 1951) Маркс и Энгельс анализировали народнич. идеологию, показывали ее утопич. характер. В общей форме классики марксизма ставили вопрос о социальных корнях народнич. социализма. Утопичность народнич. социализма не заслоняла, однако, от Маркса и Энгельса заслуг народников (народовольцев) как борцов против абсолютизма. «Этих людей, — писал Ф. Энгельс, — которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности казитуляции и об ее условиях, — таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции» (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политич. деятелями, 1951, с. 296).

Первым среди рус. марксистов развернутую оценку Н. дал Плеханов. В ряде работ («Социализм и политич. борьба», «Наши разногласия», «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова», «Анархизм и социализм», «К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю», «Неудачная история партии „Народной Воли“ и др.) Плеханов развернул блестящую критику идеологич. основ Н. как одной из форм мелкобурж. утопич. социализма. Показывая ложность народнич. теории «героев» и «толпы», вред тактики индивидуального террора и т. п., Плеханов вместе с тем указывал на заслуги народников перед рус. революц. и социалистич. движением. В плехановской оценке Н. были и свои слабые стороны. Н. в широком смысле этого слова он рассматривал гл. обр. как ошибочную социалистич. доктрину, исповедуемую рус. революц. интеллигенцией. Крестьянско-демократич. характера народнич. идеологии Плеханов вполне так и не понял, хотя и отмечал стремление народников к радикальному пересмотру рус. аграрных отношений.

Этот принципиальный недостаток плехановской оценки Н. был преодолен Лениным. Уже в работах 90-х гг., посвященных критике Н. («Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Перлы народничества прожектерства», «К характеристике экономического романтизма», «От какого наследства мы отказываемся?»), Ленин подчеркнул связь народнич. идеологии с интересами и положением крестьянина, мелкого буржуа. При этом Ленин не упускал из виду различия между этапами в самом Н. В Н. 60—70-х гг. он ценил «характерный для социалиста» протест против буржуазности рус. пореформенных отношений. Показывая реакционность Н. как мелкобурж. формы социализма, Ленин в то же время выделял в нем демократич. элементы, критиковал либеральных народников за их отступления от последоват. демократич. программы «шестидесятников».

Дальнейшее развитие взглядов Ленина на Н. связано с обобщением опыта революции 1905—07. Эта революция подтвердила марксистскую оценку Н. как течения, выражающего интересы мелких буржуа. Но революция, говорил Ленин, не оставила вопроса в «прежнем положении и в прежнем виде», она перенесла его на «...несравненно более высокую почву: прежде дело шло только о сравнении доктрин и идеологий, о политике группок; теперь дело идет о сравнении исторической деятельности классов и масс, идущих за этой или родственной идеологией» (Соч., т. 15, с. 312). Оценивая Н. с т. зр. историч. деятельности классов во время

революции 1905—07, Ленин указывал на крест. демократию как на «...единственное реальное содержание и общественное значение народничества» (там же, т. 18, с. 490). «Народническая утопия, — писал Ленин, — выражение стремления трудящихся миллионов мелкой буржуазии с о в с е м покончить с старыми феодальными эксплуататорами и ложная надежда „заодно“ устраним эксплуататоров новых, „капиталистических“» (там же, с. 329). В эти же годы Ленин сформулировал важнейшее положение о междунар. значении Н. Народничество, подчеркивал Ленин, есть явление, характерное для многих стран, переживающих бурж. революцию в условиях развитых противоречий капитализма на Западе. Именно в силу того, указывал Ленин в статье «Демократия и народничество в Китае», что на Западе «...на очереди стоит уже освобождение от буржуазии, т. е. социализм», — неизбежно возникает сочувствие демократов социализму, «с у б ъ е к т и в н ы й социализм» (см. там же, с. 146).

В послеоктябрьской марксистской историч. лит-ре происходит процесс освоения ленинского наследия. Правда, ленинский подход к Н. был осмыслен и усвоен далеко не сразу. Так, в работе М. Н. Покровского («Очерки рус. революц. движения XIX—XX вв.», М., 1924) народнич. социализм связывался с «нарастающим рабочим вопросом» в России (см. указ. соч., с. 53). Мелкобурж. характер Н. объяснялся Покровским тем, что рус. интеллигенция, носительница социалистич. взглядов, была «по роду своего труда» мелкобуржуазной (см. там же, с. 55). Полемизируя с Покровским, И. Теодорович («Историч. значение партии „Народной воли“, 1930; «Первое марта 1881 г.», 1931) ссылался на ленинское определение Н. как выражения интересов мелких производителей, однако несколько вульгаризировал ленинскую формулу. Игнорируя ленинские указания о наличии тяжелого гнета, пережитков крепостничества в пореформенной деревне, Теодорович утверждал, что «шестидесятник», в отличие от «шестидесятника», перенес направление главного удара с дворянства на буржуазию (см. «1 марта 1881 г.», М., 1931, с. 38). В «Народной воле» Теодорович ошибочно усматривал «зародыш пролетарской партии» и даже «ранний ленинизм» (см. «Историч. значение партии „Народной воли“, с. 183). Подобными упрощениями страдали работы и др. исследователей, в частности Ю. М. Стеклова («Борцы за социализм», 1918), В. Невского («Группа „Освобождение труда“ в период 1883—1894 гг.», в сб.: Историко-революционный сборник, т. 2, 1924) и др. Однако, несмотря на некоторые отступления от ленинской трактовки Н., в целом период 20 — нач. 30-х гг. не прошел безрезультатно для сов. историч. науки. Положит. роль в освоении ленинской концепции рус. освободит. движения сыграли работы, созданные в связи со столетним юбилеем Чернышевского (1928), а также дискуссия о «Нар. воле». В итоге были созданы ценные труды по Н., такие как: Б. П. Козьмин, Революционное подполье в эпоху «белого террора», 1929; его же, От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». Очерки по истории Н., 1933; М. Потап, Народнич. социализм, 1930; сб. Революц. движение 1860-х годов, под ред. Б. П. Козьмина, 1932, и др.

Дальнейшему развитию исследоват. работы по Н. был нанесен большой ущерб в период культа личности Сталина. С одной стороны, проблема Н. была по существу исключена как особый предмет науч. исследования. с другой — содержавшаяся в «Кратком курсе истории ВКП(б)» оценка Н. неправильно ориентировала исследователей. Одним из гл. недостатков этой оценки было игнорирование ленинского определения сущности Н. как идеологии крест. демократии; Н. рассматривалось только под углом зрения его противоположности марксизму. В лит-ре это привело к тому, что Н. стало ха-

характеризоваться только как попятное движение рус. обществ. и политич. мысли. Революц. Н. 70-х гг. в ряде работ метафизически противопоставлялось революц. демократизму как идеология мелкой буржуазии идеологии революц. крестьянства.

После XX съезда КПСС (1956) происходит постепенное восстановление ленинской традиции в изучении Н., науч. подхода к истории Н. По существу все дискуссии по Н. в 50—60-х гг. так или иначе вращаются вокруг истолкования ленинского наследства (см. П. С. Ткаченко, О нек-рых вопросах истории Н., «Вопр. истории», 1956, № 5; Ю. Полевой, В. И. Ленин о домарксистском периоде революц. движения в России, «Коммунист», 1958, № 6; Б. П. Козьмин, Н. на буржуазно-демократич. этапе освободит. движения в России, «Историч. записки», 1959, т. 65; И. Д. Ковальченко, В. И. Ленин об этапах революц. движения XIX в. в России, «Вопр. истории», 1960, № 4; Э. С. Виленская, О статье В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?», «Изв. АН СССР. Отделение лит. и языка», 1960, т. 19, вып. 2; доклад М. Г. Седова, В. И. Ленин о революц. Н., в обзорах: В. Ф. Захариной, «История СССР», 1960, № 1, и Д. А. Колесниченко и В. А. Твардовской, «Вопр. истории», 1960, № 2; дискуссия в журн. «Вопр. лит.», см. А. А. Белкин, Народники и революц. демократы, «Вопр. лит.», 1960, № 2; Я. И. Эльсберг, Упрощенные решения, там же; Ф. Кузнецов, Ленин о Н., там же, № 4; У. Фохт, Ленинская концепция Н. и народнич. лит., там же, № 7; Э. Виленская и Б. Итенберг, Действительно, не надо упрощать!, там же, № 10; В. Мейлах, В единстве теории и истории, там же; Я. Эльсберг, Лавров — предшественник социал-демократии и марксизма?, там же, 1961, № 2; А. Демештьев, Н. и народнич. лит., там же; дискуссия в журн. «История СССР», см. Г. И. Ионова и А. Ф. Смирнов, Революц. демократы и народники, «История СССР», 1961, № 5, и др.; Итенберг, Некоторые вопросы изучения истории пореформенной России, в сб.: Сов. историч. наука от XX к XXII съезду КПСС, История СССР, М., 1962; А. Г. Назаров, К проблеме историзма в исследовании социологии революц. демократов, («Вопросы философии», 1963, № 3, и др.

В ходе обсуждения проблем истории Н. наметились две осн. точки зрения. Одни исследователи, ссылаясь на ленинское определение Н. как протеста против крепостничества и буржуазности «... с точки зрения крестьянина, мелкого производителя» (Соч., т. 1, с. 323; см. также с. 322, 381 и др.), выдвигают в народнич. идеологии на первый план протест мелкого буржуа против буржуазности пореформенного развития России. Согласно этой т. зр., Н. возникло в конце 60 — нач. 70-х гг. как отражение перехода крестьянства из условий феод. общества в условия товарного капиталистич. х-ва. Сторонники этой т. зр. предпочитают говорить о Н. в узком смысле этого слова, т. е. народничестве 70—90-х гг. 19 в. Их оппоненты выдвигают в Н. на первый план его антифеод. содержание. Для них Н. — это прежде всего «... идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России» (там же, т. 18, с. 490). Соответственно этому народнич. протест против капитализма, народнич. социализм квалифицируется ими как «идеализация борьбы с крепостничеством» (см. Ленинский сб. XIX, 1932, с. 237). Сторонники этой т. зр. распространяют термин «Н.» на весь разnochинский этап освободит. движения.

Из крупных работ обоснованию первой точки зрения посвящена монография Ш. М. Левина «Обществ. движение в России в 60—70-е годы XIX в.» (1958); аргументация второй концепции изложена в работах Б. П. Козьмина: «Рус. секция Первого Интернационала» (1957) и «Н. на бурж.-демократич. этапе освободит. движения в России» («Историч. записки», 1959, т. 65). Работа сов. ученых по восстановлению ленин-

ской концепции Н. подытожена в 1-м томе многотомной «Истории Коммунистич. партии Сов. Союза» (М., 1964).

Филос. и социологич. взгляды народников в сов. литературе освещены далеко недостаточно. Характеристике филос. концепций Н. посвящены написанные В. А. Фоминой главы «Филос. и социально-политич. взгляды революц. народников (60—70-е годы XIX века)», в кн.: Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР (т. 2, 1956), и «Филос. и социологич. взгляды народников», в кн.: История философии, т. 4, 1959; см. также А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров, История рус. философии, 1961, с. 398—436. Кроме того, о филос. и социологич. взглядах народников 70—90-х гг. говорится в работах, посвященных борьбе Ленина против либерального Н. (см. М. Г. Шестаков, Борьба В. И. Ленина против идеалистич. социологии народничества, 2 изд., 1959; Б. А. Чагин, Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии, 1960, и др.).

И. Папчин. Москва.

«НАРОДНОГО КАПИТАЛИЗМА ТЕОРИЯ»

— одно из реакционных направлений совр. бурж. обществ. мысли и пропаганды, утверждающих, что капитализм якобы претерпел коренные социальные изменения, утратил присущие ему противоречия и пороки и находится в процессе мирного перерастания в бесклассовое общество при сохранении капиталистич. частной собственности на средства произ-ва. Представляет собой попытку соединить разнообразные и подчас противоречивые бурж. апологетич. экономич. и социологич. воззрения. Термин «Н. к.» был введен в оборот в США в 1956 организаторами выставки, предназначенной для рекламы за границей амер. капитализма. Апологеты «народного капитализма» (М. Надлер, А. Берли) заявляют, что в совр. бурж. обществе буржуазия путем т. н. выравнивания доходов пролетаризируется, а пролетариат обуржуазивается, классовая борьба замещается «сотрудничеством» между трудом и капиталом. Идеологи буржуазии стремятся в извращенном виде толковать процессы, развивающиеся в капиталистич. экономике. Известный рост пром. произ-ва, а также затрагивающий незначит. часть трудящихся нек-рый рост жизненного уровня, достигнутый в результате классовой борьбы в нек-рых капиталистич. странах, бурж. пропагандисты пытаются выдать за нечто внутренне присущее совр. капитализму. Одной из особенностей «Н. к. т.» является использование близкой трудящимся терминологии, попытка подкрасить капиталистич. общество под социализм.

В основе «Н. к. т.» лежит теория «демократизации капитала» (А. Берли, С. Сличтер), возникающая в Англии и получившая распространение в США, согласно к-рой распространение мелких акций среди млн. тысяч держателей якобы превращает последних в «совладельцев» капиталистич. предприятий и придает «демократич.» характер капиталу. В действительности мелкие акции распространены среди незначит. числа рабочих и служащих, что не может изменить существа капиталистич. производств. отношений. Так, по данным амер. биржи, в 1959 из 31 млн. рабочих владели мелкими акциями 1,3 млн., а из 13,7 млн. служащих — 1,8 млн. человек. Из общей суммы дивидендов в 9,4 млрд. долларов, выплаченных в 1959, на долю рабочих и служащих с доходом менее 10 тыс. долларов в год приходилось всего 3 млн. долларов. Распространение акций позволяет горстке финансовых магнатов усиливать свое влияние и расширять сферу капиталистич. эксплуатации. «Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистич.ские «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала»...

на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии» (Ленин В. И., Соч., т. 22, с. 216).

Адепты «народного капитализма» призывают к сотрудничеству труда и капитала как «равноправных» и «взаимодополняющих» факторов произ-ва, к установлению «человеческих отношений» на предприятиях. Распространенным вариантом проповеди классового мира является теория «социального партнерства», особенно активно культивируемая в качестве составного элемента «Н. к. т.» бурж. клерикальными кругами зап.-европ. стран. Правящие круги капиталистич. стран видят в «Н. к. т.» не только пропагандистский лозунг, но и соответствующую их интересам определ. форму экономич. политики (мобилизация части трудовых доходов различных слоев населения для расширения инвестиций). «Н. к. т.» своим острием направлена против марксизма и социализма. Она служит тому, чтобы отвлечь народные массы от борьбы против господства монополий, ослабить воздействие успехов социализма на трудящиеся массы всего мира, воспрепятствовать созданию единого антимонополистич. фронта.

Лит.: Блюмин И. Г., Дворкин И. Н., Миф о «народном капитализме», М., 1957; Будин Дж. М., «Народный» капитализм, пер. с англ., М., 1959.

Г. Ардаев. Москва.

НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

— новый тип антиимпериалистич., антифеодальной, демократич. революции, развернувшейся в обстановке 2-й мировой войны в ряде стран Европы и Азии и послужившей прологом социалистич. преобразований в этих странах. Н.-д. р. имеет некие существ. стороны, общие для этих стран, а также черты, являющиеся специфическими для каждой страны. Страны Европы и Азии, несмотря на различия в уровне обществ.-экономич. развития, оказались в 40-х гг. 20 в. в полуколониальной зависимости от иностр. империализма (германского, итальянского, японского), что и поставило перед народами этих стран в качестве ближайших общие задачи революц. борьбы за нац. независимость и демократию, обусловило существ. сходство путей их революц. развития. В условиях разгрома при решающем участии Сов. Союза герм. и итал. фашизма и япон. империализма, благодаря освобождению ряда стран Европы и Азии Сов. Армией, в результате активной борьбы внутр. революц.-демократич. сил, возглавляемых коммунистами, в этих странах возник новый народно-демократич. строй.

Характер преобразований почти во всех странах Центр. и Юго-Вост. Европы и в странах Юго-Вост. Азии свидетельствует о том, что Н.-д. р. не является революцией социалистич. типа (см. *Социалистическая революция*) и вместе с тем существенно отличается от бурж.-демократич. революций (см. *Буржуазная революция*). Одним из важнейших отличий Н.-д. р. является характер объективных экономич. противоречий, лежащих в ее основе и разрешаемых ею. Если экономич. основой бурж.-демократич. революции старого типа является противоречие между развитием производит. сил и феодальных (полуфеодальных) производств. отношений, а основой социалистич. революции является противоречие между развитием производит. сил и отжившими капиталистич. производств. отношениями, то в основе Н.-д. р. в рассматриваемых странах Европы и Азии, как правило, лежали два разнородных противоречия: с одной стороны, противоречие между развитием производит. сил и отжившими феод. или полуфеод. производств. отношениями (это противоречие не имело существ. значения, напр., для Чехословакии); с другой — противоречие между интересами нац. экономич. развития и засильем иностр. капитала и связанного с ним местного финан-

сового капитала. Уничтожение пережитков феод.-крепостнич. порядков стало невозможным без революц. борьбы с империализмом, без разгрома фашизма. Именно поэтому Н.-д. р. представляет собой уже не просто антифеод. (бурж.) революцию и еще не антикапиталистич. (социалистич.) революцию, а новую антиимпериалистич., антифеод., антифашистскую, нац.-освободительную демократическую революцию.

Отличит. чертой Н.-д. р. является также состав ее движущих сил. Если движущими силами бурж.-демократич. революции старого типа были возглавляемые буржуазией классы, а движущую силу социалистич. революции составляет возглавляемый пролетариатом союз пролетариата и всех трудящихся, всех эксплуатируемых, то Н.-д. р. в этом отношении имеет свою специфику. Движущей силой Н.-д. р. явился широкий нар. фронт пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии и слоев др. классов (напр., средней или нац. буржуазии), основанный на союзе пролетариата и крестьянства и руководимый пролетариатом во главе с марксистско-ленинской партией. В отличие от бурж.-демократич. революции старого типа, гегемоном Н.-д. р. выступает пролетариат. Н.-д. р. отличается и от социалистич. революции как общим составом своих движущих сил, так и целями их борьбы, характером их объединения. Вместе с тем Н.-д. р. решительно сближается с социалистич. революцией. Гегемония пролетариата, возглавляющего союз революц. сил, обеспечивает радикальный характер Н.-д. р., позволяет ей делать шаги в сторону социализма.

Если осн. вопросом бурж.-демократич. революции старого типа являлся вопрос о гос. власти буржуазии, а осн. вопросом социалистич. революции является вопрос о гос. власти пролетариата, то осн. вопрос Н.-д. р. имеет свои особенности. Важнейшим отличием Н.-д. р. является характер устанавливаемой ею гос. власти — революционно-демократич. диктатуры революц. классов, руководимых пролетариатом.

Эта власть призвана осуществить прежде всего демократич. преобразования (при известном сохранении частнокапиталистич. собственности на средства произ-ва); однако, в отличие от бурж. демократии, являющейся властью меньшинства, она является властью подавляющего большинства, проводящей глубокие социально-экономич. преобразования в интересах большинства населения. Повсюду в этих странах были созданы пр-ва и органы гос. власти широкого нар. фронта (Нац. фронта — в Чехословакии, Демократич. блока — в Польше, Нац.-демократич. фронта в Румынии, и т. п.), куда входили пролетариат, крестьянство, мелкая буржуазия и представители буржуазии (напр., Миколайчик — в Польше, Ференц Надь и др. — в Венгрии, Татареску — в Румынии, Бейсен и др. — в Чехословакии, и т. д.). Социально-экономич. преобразования в этих странах были проведены в ходе острой классовой борьбы, при наличии в большинстве стран ряда партий (напр., в Польше — рабочей партии (ПНР), социалистич. партии (ПИС), «Стронництво людове» (СЛ) и др., в Венгрии — коммунистич., социал.-демократич., нац.-крестьянской партий, партий мелких сельских хозяев).

Власть народа, установившаяся непосредственно в результате Н.-д. р., отличалась от диктатуры пролетариата не только по своему классовому характеру, но и по осн. функциям. Вместе с тем гегемония пролетариата и его марксистско-ленинской партии в рамках этой демократич. власти представляла собой зародки формирующейся диктатуры пролетариата. Для ее утверждения необходимо было очистить гос. власть от эксплуататорских элементов, сопротивлявшихся дальнейшим демократич. и социалистич. преобразо-

ваниям, а также перестроить ее в целях решения социалистич. задач.

Существенно отличается Н.-д. р. и по своим целям, по социально-экономич. содержанию осуществляемых преобразований. Если целью бурж.-демократич. революции является создание условий для беспрепятственного развития капитализма, что достигается путем упразднения феод. отношений и замены их капиталистич. отношениями, если целью социалистич. революции является построение социализма, что обеспечивается заменой бурж. отношений социалистическими, то у Н.-д. р. свои особые задачи. Целью Н.-д. р. является создание нового, демократич. строя, обеспечивающего максимум условий для революц. перехода к социализму. Новый демократич. строй, создаваемый в результате Н.-д. р., не представляет собой к.-л. определен. общественно-экономич. формации. Это переходный строй, соответствующий характеру разрешаемых объективных экономич. противоречий. Антифеод. и антиимпериалистич. характер революции предопределяет двойственный, противоречивый характер ее экономич. результатов, ибо, с одной стороны, в результате антифеод. преобразований в деревне создается не социалистич., а мелкобурж. строй, а, с другой стороны, в результате антиимпериалистич. преобразований в пром-сти (и торговле) возникает гос., национализированная собственность, на основе к-рой складываются производств. отношения, по своей тенденции социалистич. типа.

Н.-д. р. занимает особое историч. место. Она представляет собой ближайший этап, подступ для перехода к социалистич. преобразованиям. Н.-д. р. завершает решение задач бурж.-демократич. революции, в то же время она создает уклад в основном социалистич. типа, новое нар. гос-во, руководимое пролетариатом. Все это видоизменяет задачи и формы развития непосредственно следующей за Н.-д. р. социалистич. революции, открывает мирный путь для перехода к социализму (см. *Народно-демократическое государство*).

Лит.: Ленин В. И., *Две тактики социал-демократии в демократич. революции*, Соч., 4 изд., т. 9; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Пик В., *Историч. значение образования Германской Демократич. Республики*, Избр. произв., М., 1956; Георгий-Деж Г., *Политич. отчет ЦК I съезду Румынской рабочей партии*, 21 февр. 1948 г., Статьи и речи, т. 1, М., 1956; ег о ж е, *Отчетный доклад ЦК II съезду Румынской рабочей партии*, 23 дек. 1955 г., Статьи и речи, т. 2, М., 1956; Соболев А., *Что такое народная демократия*, М., 1956; Димитров Г., *Наступление фашизма и задачи Коммунистич. Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма* (Доклад на VII Мирном конгрессе Коммунистич. Интернационала, 2 авг. 1935 г.), Избр. произв., т. 1, М., 1957; ег о ж е, *Политич. отчет ЦК ВРП(к) V съезду партии*, 19 декабря 1948 г., Избр. произв., т. 2, М., 1957; *Основы марксизма-ленинизма*, 2 изд., М., 1962; Gottwald K., *Od februára na cestě k socialismu*, t. 2, Bratislava, 1950.

А. Бутенко. Москва.

НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

— новая форма социалистич. гос-ва, возникшего в ряде стран Европы и Азии в результате победы революций, развернувшихся в этих странах в ходе 2-й мировой войны и в первые годы после ее окончания (см. *Народно-демократическая революция*). Еще ранее Н.-д. г. в иных условиях сложилось в Монгольской Нар. Республике. Новая историч. обстановка, в первую очередь ослабление империализма и изменение соотношения сил в пользу социализма, обусловила особенности возникновения и развития Н.-д. г. Историч. и нац. особенности разных стран также отразились на становлении Н.-д. г. в них.

Н.-д. г. в странах Европы и Азии возникли в результате революц. борьбы народных масс, руководимых коммунистич. и рабочими партиями. Благоприятные условия для развертывания этой борьбы были созданы тем, что Сов. Армия освободила ряд

стран от фашистских захватчиков и их пособников. Это помогло избавить народы этих стран от империалистич. экспорта контрреволюции, в значит. степени явилось препятствием и для происков внутр. контрреволюции.

Революции, утвердившие нар.-демократич. строй, прошли в большинстве стран этап демократич., антиимпериалистич. и антифеод. (в странах с феод. пережитками) преобразований и этап социалистич. преобразований. Оба этапа тесно связаны друг с другом.

Н.-д. г. в большинстве стран возникло как одна из форм революц.-демократич. власти революц. классов при гегемонии рабочего класса и представляла собой переходную ступень к *диктатуре пролетариата*. На этом этапе было ликвидировано господство монополистич. капитала, искоренен фашизм, проведена демократизация обществ. жизни; проведена аграрная реформа по принципу: «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает» и национализация, в результате к-рой к гос-ву перешли ключевые позиции в пром-сти, транспорте и финансовой системе. С самого начала Н.-д. г. приступило и к проведению ряда преобразований по своей тенденции социалистич. характера.

Возникновение и укрепление народно-демократич. строя связано со сломом старого и созданием нового гос. аппарата. Этот процесс протекал несколько иначе, чем в Сов. России, и занял сравнительно больше времени. В ряде стран, особенно на первом этапе развития Н.-д. г., в той или иной мере использовались прежние гос.-правовые ин-ты.

По мере перерастания антиимпериалистич., демократич. революции в социалистическую Н.-д. г. все более становилось по своей сущности гос-вом диктатуры пролетариата, а проводимые им преобразования стали носить четко выраженный социалистич. характер. При этом незавершенные задачи первого этапа развития решались уже на этапе диктатуры пролетариата. Развитие стран нар. демократии полностью подтвердило марксистско-ленинское положение о том, что народы могут прийти к социализму только в результате победы социалистич. революции и установления власти рабочего класса, к-рая утвердилась в странах, существенно отличавшихся друг от друга по форме гос. строя и уровню развития экономики.

Общие закономерности перехода от капитализма к социализму проявляются в Н.-д. г. в несколько иных формах, чем в СССР. Это обусловлено конкретно-историч. особенностями революции в той или иной стране. Так, в Чехословакии диктатура пролетариата окончательно утвердилась после победы, одержанной трудящимися над реакцией в февр. 1948. На востоке Германии гос. власть приобрела социалистич. характер с созданием ГДР (1949). В Болгарии Н.-д. г. одновременно решало как общедемократич., антиимпериалистич., так и социалистич. задачи. Характерной чертой возникновения и развития Н.-д. г. в Азии являлся более продолжит. этап нар.-демократич. революции.

Национализация в странах нар. демократии проводилась медленнее и постепеннее, чем в СССР. При этом нередко законы о национализации предусматривали полную или частичную компенсацию за имущество, переходящее к гос-ву. Кооперирование с. х-ва проводилось и проводится при сохранении частной собственности на землю.

Специфич. черты имеются и в системе обществ. организации общества. В ряде Н.-д. г. (ГДР, Польша и др.) существуют многопартийные системы. Так, напр., отд. слои крестьянства составляют основу таких партий, как Объединенная крестьянская партия (Польша), и т. п. Часть интеллигенции и ремеслен-

ников входят: в ГДР — в Нац.-демократич. партию, в Чехословакии — в Чехословацкую социалистич. партию, и т. п.

Своей деятельностью эти партии показали, что они являются союзниками коммунистич. и рабочих партий и тесно сотрудничают с ними как в период революц. борьбы, так и после установления диктатуры пролетариата. Во всех Н.-д. г. существуют массовые орг-ции, объединяющие все политич. партии и обществ. орг-ции: в Болгарии — Отечеств. фронт, в Венгрии — Отечеств. народный фронт, в Польше — Фронт единства народа и т. д. В совр. условиях социалистич. строительства эти орг-ции способствуют сплочению народа вокруг коммунистич. и рабочих партий и развитию обществ. самоуправления. В отличие от СССР, где до 1936 бывшие эксплуататоры не участвовали в выборах, большинство стран нар. демократии не вводило ограничений по классовому признаку.

Тем самым было подтверждено ленинское положение о том, что лишение буржуазии избират. прав не является необходимым признаком диктатуры пролетариата. Нек-рые различия имеются также в организации и структуре гос. органов.

Трудящиеся зарубежных социалистич. стран творчески использовали и используют опыт социалистич. и коммунистич. строительства в Сов. Союзе, к-рый в свою очередь использует опыт этих стран. В документах мирового коммунистич. движения подчеркивается историч. значение решений XX и XXII съездов КПСС, новой Программы КПСС для успешного развития всей мировой социалистич. системы. Коммунистич. и рабочие партии развенчали и осудили *культ личности*, к-рый является тормозом в социалистич. строительстве, непримиримо выступают против всех проявлений его идеологии и практики, чуждых марксизму-ленинизму, природе социалистич. строя.

По мере решения вопросов, связанных с построением основ социализма, на первый план выдвигается создание материально-технич. предпосылок для перехода к коммунистич. строительству. В ряде стран социалистич. производств. отношения победили и господствуют не только в городе, но и в деревне. На этой основе в Н.-д. г. укрепляется союз рабочего класса с крестьянством, идущим по пути социалистич. переустройства с. х-ва.

По мере продвижения нар.-демократич. стран по пути социалистич. строительства происходят существ. изменения как в содержании, так и в формах деятельности диктатуры пролетариата, историч. миссия к-рой, однако, еще не завершена. Все большее развитие получают функции, свойственные общенар. гос-ву, и сокращаются функции, характерные только для диктатуры пролетариата. Эти изменения выражаются, в частности, в значит. ослаблении, а в ряде стран, где построение социализма завершено, и в отпадении функции подавления эксплуататорских классов.

Большое развитие получили хозяйственно-организаторские и культурно-воспитат. функции социалистич. гос-ва. В наст. время все большее значение приобретают функции Н.-д. г., связанные с сотрудничеством стран мировой социалистич. системы в области политики, экономики и культуры.

Опыт развития социалистич. стран показывает, что важнейшим междунаро. условием их достижений и успехов в социалистич. и коммунистич. строительстве являются единство и сплоченность, взаимная помощь и поддержка друг друга. Нерушимым законом взаимоотношений между социалистич. странами, объединенными узлами социалистич. солидарности, единством общих целей и интересов является строгое соблюдение принципов марксизма-ленинизма, социалистич. интернационализма, подлинное равноправие и самостоятельность каждой социалистич. страны.

Междунар. разделение труда в рамках социалистич. системы создает наиболее благоприятные условия для экономич. политич. и культурного развития каждой социалистич. страны и всей социалистич. системы.

Гл. направлением развития государственности в странах нар. демократии является дальнейшее развертывание социалистич. демократии, все более широкое привлечение трудящихся к управлению гос-вом и х-вом, совершенствование работы гос. аппарата и развитие форм нар. контроля за его деятельностью.

В странах нар. демократии существенно возросла роль и расширились полномочия представит. гос. учреждений как высших, так и местных. При максимальном развертывании всех других форм социалистич. демократии, в т. ч. непосредств. демократии, представит. органы остаются осн. формой народо-властия. Особое значение приобретает развитие обществ. начал в их деятельности. Значительно активизировали свою деятельность массовые обществ. организации, к-рым передаются нек-рые функции гос. органов (руководство спортивным и физкультурным движением, социальное страхование и др.). Возросла также роль проф. орг-ций трудящихся в решении вопросов, связанных с хоз. деятельностью предприятий. Производств. совещания и мн. другие формы предусматривают все более непосредств. вовлечение трудящихся в управление производством.

Большое внимание в странах нар. демократии уделяется укреплению социалистич. законности, дальнейшему расширению прав и свобод граждан.

На совр. этапе развития нар. демократии значительно возрастает руководящая роль коммунистич. и рабочих партий, к-рые все больше продвигаются по пути превращения во всенародные партии. В ходе социалистич. строительства страны нар. демократии вносят много нового в коллективный опыт социалистич. строительства во всех его областях. Этот опыт является ценнейшим достоянием междунар. рабочего движения.

Лит. см. при статьях *Государство*, *Социалистическое государство*. В. Топорнин. Москва.

НАРОДНОСТЬ — исторически сложившаяся на базе рабовладельч. и феод. строя языковая, территориальная, экономич. и культурная общность людей, предшествующая *нации*. Определяющим критерием для различения этнич. общностей является характер экономич. строя. Образование союзов *племен*, сопровождавшееся усилением межплеменных хозяйств. и культурных связей, военные столкновения, миграции населения, вызванные увеличением его численности, возникновением частной собственности и классов, — все это приводило к постепенному смешению племен, к замене прежних кровнородств. связей территориальными связями и появлению новой формы этнич. общности — *Н.* Начало формирования *Н.* относится к периоду консолидации племенных союзов. Первыми сложились *Н.* рабовладельч. эпохи (древнеегипетская, древнеэллнская и др.). Процесс образования *Н.* в Европе завершился в основном в период феодализма (древнерус., польская, франц. и др. *Н.*). В остальных частях света этот процесс продолжался и в последующую эпоху. *Н.* обычно складывались из неск. племен, близких по своему происхождению и языку (польская — из слав. племен: полян, вислян, мазовчан и др.; немецкая — из герм. племен: швабов, баварцев, алеманов и др.), или из разноязычных племен, смешавшихся в результате завоевания одних племен другими (французская — из галльских племен, римских колонистов и герм. племен: франков, вестготов и бургундов и т. п.). В процессе складывания *Н.*, по мере усиления связей между отд. частями ее, язык одного из этнич. компонентов (более многочисленного или более развитого) превра-

щается в общий язык Н., а остальные племенные языки низводятся до роли диалектов, а иногда совсем исчезают; формируется территориальная, культурная и экономич. общность, не имеющая зачастую устойчивого характера. Одним из показателей новой общности является собирательное имя, под к-рым Н. становится известной соседям.

Становление гос-ва способствовало упрочению Н., но в процессе историч. развития Н. могли не совпасть с гос-вом ни территориально, ни по языку. На востоке Европы, где создание централизованных гос-в происходило в феод. эпоху, в их состав был включен целый ряд Н.; руководящую роль в этих гос-вах играли наиболее развитые в политич. и экономич. отношении Н. (напр., русская).

С развитием капиталистич. отношений усиливаются экономич. и культурные связи, ликвидируется хозяйств. раздробленность данной Н., происходит ее превращение в нацию. Все признаки, характеризующие Н., получают новую качеств. форму. Нации обычно являются дальнейшим этнич. развитием тех или иных Н. и сохраняют их названия, однако территориальные рамки тех и других могут не совпадать. Н., оказавшиеся разрезанными на части гос. границами, могут дать начало неск. нац. образованиям (португальцы и галисийцы, немцы и люксембуржцы и др.). Древнерус. Н. явилась общим корнем рус., укр. и белорус. Н., сложившихся впоследствии в нации; не менее часты случаи, когда в формировании одной нации участвовали или участвуют неск. Н. (так, индонезийская нация формируется из яванцев, суидов, мадурцев и др. Н.). Мн. Н. при капитализме не успели стать нациями; с победой социализма они складываются в социалистич. нации. Процесс превращения Н. в нацию не универсален. Мн. Н. (и особенно мелкие), оставшие по ряду причин в своем развитии, могут и не превратиться в нации. С течением времени они вступают в тесные связи с другими, более развитыми Н. и нациями, утрачивают свои особенности в области культуры и быта, усваивают культуру др. народов, воспринимая их язык и постепенно сливаясь с ними. Такие ассимиляционные процессы имеют место во многих районах земного шара.

Распад колониальной системы империализма и нац.-освободит. борьба в колониальных и зависимых странах, полученные ими гос. независимости, освобождение нац. экономики от иностр. зависимости, рост городов, мероприятия по переводу кочевых племен на оседлость — все это способствует ускорению процессов этнич. консолидации и росту нац. самосознания. Из племенных и локально-территориальных этнич. групп формируются новые Н. и нации.

Лит.: Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Ленини В. И., «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», Соч., 4 изд., т. 1, с. 137—38; Вопросы формирования рус. народности и нации, Сб. ст. под ред. Н. М. Дружинина и Л. В. Черепнина, М.—Л., 1958; Сатыбалов А. А., Историч. типы общности людей, Л., 1959; Москаленко В. А., Племя, народность, нация как историч. формы общности людей, М., 1960; Минута капитализм (О переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана), [Сб. ст.], М., 1961; Алексеев В., Род, племя, народность, нация (Историч. формы общности людей), М., 1962; Численность и расселение народов мира, под ред. С. И. Врука, в серии: Народы мира. Этнографич. очерки, под общ. ред. С. П. Толстова, М., 1962. С. Врук. Москва.

НАРОДНОСТЬ ИСКУССТВА — одно из осн. понятий марксистско-ленинской эстетики, означающее связь иск-ва с народом, обусловленность художеств. явлений жизнью, борьбой, идеями, чувствами и стремлениями трудящихся, выражение в иск-ве идеалов и интересов нар. масс. В условиях социализма Н. и. выступает как тесная связь художеств. культуры с широчайшими массами трудящихся, идейной основой к-рой являются коммунистич. партийность, идеалы коммунизма.

В процессе историч. развития Н. и. приобретала различные формы. Искусство первобытнообщинного строя создается самими трудящимися, обслуживает всю массу общества, будучи непосредственно «влетено» в социальную практику коллектива. Эта первоначальная примитивная форма Н. и. выступает как исходный пункт развития т. н. «народного творчества» — иск-ва, непосредственно создаваемого трудящимися в условиях классовых эксплуататорских обществ. В условиях развития разделения труда и материальной и духовной экспроприации трудящихся, постепенного отделения от нар. творчества профессионального иск-ва — процесса, к-рый окончательно завершается только в эпоху капитализма, формируются новые формы народности художеств. культуры. В античном обществе на почве рабовладельч. демократии расцветает иск-во, народность к-рого заключается в выражении идеалов и интересов коллектива свободных граждан классич. полиса. При этом производит. класс — рабы — остается практически за пределами развития эстетич. сознания общества. Рабы лишь обеспечивают это развитие, создавая для него необходимые материальные предпосылки. Художеств. идеология ср.-век. феод. общества, особенно на ранних стадиях, вбирает в себя эстетич. сознание крестьянской общины, а позднее и трудящихся города. В этом основа народности ср.-век. иск-ва, к-рое даже в условиях подчинения религии и церкви было тысячами нитей связано с укладом жизни и образом мышления трудящихся.

Новая пора наступает с эпохи Возрождения. Иск-во здесь получает возможность освободиться от примитивности и патриархальности средневековья на основе широкого развития историч. самодетельности масс. Но вместе с тем здесь назревает и новое противоречие. На исходе этой эпохи нар. творчество впервые резко расходится с профессиональным иск-вом, отныне концентрирующим в себе осн. потенции эстетич. прогресса общества. Вследствие задушенности нар. масс профессиональное иск-во становится все менее доступным народу. Отсюда нередко рождается протест против художеств. завоеваний своего времени (*Сава-нарола*, Карлштадт, нидерландские «иконоборцы»). Однако на протяжении всей последующей истории нар. творчество, непосредственно выражающее идеалы трудящихся масс, их эстетич. вкусы, составляет важнейший пласт художеств. культуры, из к-рого нередко черпает и профессион. искусство. Вместе с тем формируются направления в иск-ве, к-рые, не будучи прямым выражением эстетич. сознания трудящихся, отражают борьбу за интересы народа, объективно выступают как форма идеологии трудящихся классов. Наиболее яркие примеры передового художеств. сознания, отражающего «рассудок» нар. масс, дает эпоха демократич. освободит. движения. Здесь Н. и. проявляется в том, что иск-во выражает идеалы и связанные с ними действительные интересы трудящихся, а не уровень их массового сознания. Таково иск-во Лессинга и Гойи, Бёрнса и Шелли, Бетховена и Гейне, Гюго и Домье, Некрасова, Толстого, Репина и Мусоргского.

Н. и. проявляется и в творчестве таких художников, к-рые сами не являются идеологами трудящихся масс, но к-рые благодаря глубине и правдивости своего творчества сумели отразить существеннейшие стороны жизни и потребности своего народа, почувствовать величие его историч. творчества. В этом раскрывается внутр. единство Н. и. и реализма, что отчетливо может быть прослежено у таких великих нац. поэтов, без к-рых немислымо представить себе обществ. самосознание отд. наций: у итальянцев — Данте, у англичан — Шекспир, у немцев — Гёте, у русских — Пушкин.

Демократич. движения эпохи бурж. революций дают возможность впервые осмыслить нар. характер иск-ва, его связь с жизнью народа, с характером каждой нации, с борьбой, к-рую массы ведут за свободу. Основные теории Н. и. возникают в эстетике Просвещения. Просветители указывали на связь профессионального иск-ва с народным мышлением, с образным и метафорич. характером нар. языка, с нар. эпосом и мифологией (*Вико, Гердер, В. Гумбольдт* и др.). Особенное внимание идеям Н. и. уделяется в эстетике романтизма, где Н. и. органически связывается с проблемой национальности в художеств. творчестве. Однако представители романтич. школы (*Вакенродер, Арним, Бреитано* — в Германии, *Шевьер* — в России) подчеркивали гл. обр. исконный, патриархальный характер Н. и., противопоставляли Н. и. как нечто бессознательное и естественное профессиональному иск-ву как искусственному и индивидуалистическому. Более глубокое понимание народности в иск-ве высказали писатели-реалисты Пушкин, Гоголь, В. Гюго, Стендаль, к-рые видели основу Н. и. в нар. жизни, в «духе» народа, где преломляется историч. опыт данной нации.

Наиболее всесторонне и глубоко в домарксистской эстетике теория Н. и. была разработана у рус. революц. демократов, особенно у Белинского и Добролюбова. На основе критики романтически-патриархального понимания Н. и. славянофилами они сумели связать идею Н. и. не только с жизнью и интересами масс, но и с освободит. борьбой трудящихся. Резюмируя понимание Белинским Н. и., Чернышевский писал: «...В сущности, о ней нечего и заботиться народу, имеющему нравственные силы. Она так же неотъемлема и несокрушима, как физиологические особенности народа, потому что и сама, подобно им, врождена от природы. Мнимая борьба человеческого с национальным, ... в сущности, есть только борьба нового со старым, современного с отжившим» (Полн. собр. соч., т. 3, 1947, с. 291).

По мысли Добролюбова, истинный поэт должен быть по-настоящему народен, а для этого «...надо проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки словесий, книжного учения и пр., прочувствовать всё тем простым чувством, каким обладает народ...» (Избр. филос. произв., т. 1, 1948, с. 169).

Вместе с тем демократы были далеки от сентиментальной идеализации народа, в просвещении и раскрепощении к-рого они видели условие распространения художеств. достижений в широких массах, преодоление той ограниченности распространения профессионального иск-ва только «образованными классами», к-рое заставило Л. Толстого дать острую критику отрыва иск-ва от народа.

Анализ и критика противоречий капиталистич. цивилизации стали исходным пунктом марксистского понимания Н. и. Маркс и Энгельс не только глубоко охарактеризовали нар. основы ряда художеств. явлений (антич. художеств. мифологии, ср.-век. нар. поэзии, Шекспира), но и раскрыли причины художеств. ограбления нар. масс в бурж. обществе, показали, что пути к преодолению этих антагонизмов лежат в социалистич. революции. Подвергнув критике вульгарное понимание связи иск-ва с интересами «нижних классов» (критика романа Э. Сю «Парижские тайны», поэзии «истинного социализма» и т. д.), Маркс и Энгельс показали, что в основе подлинной Н. и. лежит объективное, глубоко правдивое художеств. освоение действительности, соответствие эстетических идеалов реальному содержанию исторического развития Н. и.

Если бурж. социология усматривает народность только в тех художеств. явлениях, к-рые являются

эстетич. «эквивалентом» определ. состояния народа, то Маркс и Энгельс всегда подчеркивали значение реалистич. иск-ва как орудия пробуждения и революционизирования нар. сознания.

Теория Н. и. была поднята на высшую ступень В. И. Лениным. На основе опыта социалистич. революции и начального этапа строительства социалистич. культуры в СССР Ленин раскрыл диалектику превращения иск-ва в общенародное достояние как один из центр. моментов культурной революции. Он подчеркнул, что лишь в условиях социализма, ликвидирующего антагонизм художеств. культуры и миллионов трудящихся, совершается процесс возвращения художеств. ценностей народу. Говоря о Л. Толстом, Ленин указывал, что «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием в с е х, ... нужен социалистический переворот» (Соч., т. 16, с. 293). В социалистич. гос-ве иск-во становится орудием воспитания миллионов, мощным средством формирования коммунистич. сознания. Н. и. для Ленина — решающий критерий оценки во всех вопросах как эстетич. теории, так и художеств. политики. Ленин был непримирим к любым тенденциям, мешающим иск-ву обрести всю полноту народности, в частности ко всяким проявлениям субъективизма и формализма.

По случайно бурж. эстетика 20 в., обосновывая историч. право на существование модернистских течений в иск-ве, развивает теории антинародности всякого якобы «прогрессивного» художеств. движения. Народ для этих реакц. апологетов отрыва иск-ва от масс — сила косная, неспособная понять аристократич. дух элиты с ее «высоким» художеств. вкусом. Модернизм развертывает борьбу не только против демократического народного содержания иск-ва, но и против демократической доступности формы, ставшей в 19 веке одним из программных требований Н. и. Характерным представителем подобных концепций был Ф. Ницше. Извечную отсталость массового эстетич. сознания проповедовали в 1910-х гг. Бердяев, в 1920-х — Х. Ортега-и-Гасет, апологет «элитарности» модернизма, в 1930-х — Т. Элиот, в 1950-х гг. — А. Мальро. Бурж. реакц. эстетика оказалась неспособной указать пути преодоления противоречий массового эстетич. сознания, с одной стороны, и лишенного народной почвы модернистского иск-ва, с другой. Эти противоречия решаются в ходе строительства социалистич. культуры, иск-ва социалистич. реализма, одной из основ которого является мысль В. И. Ленина о том, что «искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их» (цит. по кн.: Цеткин К., Воспоминания о Ленине, М., 1959, с. 11). Уже в переломовом сов. иск-ве складываются черты, предвосхищающие его всенародность, к-рую классики марксизма-ленинизма считали важнейшей особенностью коммунистич. культуры. Коммунистич. идеалы становятся основой истинно последовательной Н. и. в методе социалистического реализма. Пути утверждения Н. и. в условиях развернутой подготовки перехода к коммунизму теоретически глубоко разрабатываются в документах партии, в решениях XX и XXII съездов, в Программе КПСС. В них подчеркивается неразрывное единство коммунистич. партийности и Н. и., указывается на необходимость непримиримой борьбы с буржуазной художественной идеологией, в корне противоречащей интересам и идеологии народных масс, строящих коммунизм.

Лит.: В. И. Ленин о литературе и искусстве, 2 изд., М., 1960; Добролюбов Н. А., О степени участия народности в развитии русской литературы, Собр. соч. в трех томах, т. 1, М., 1950; Горький об иск-ве, М.—Л., 1940; Ванслоу В. В., Народность иск-ва, в кн.: Вопросы марксистско-ленинской эстетики, М., 1956; Неедлы З. д., За народную и национальную культуру. Статьи об иск-ве, Л.—М., 1960, с. 487—502; Служение народу — высокое призвание советского художника, в кн.: Художник и современность. Ежегодник Академии художеств СССР, М., 1964; Ильичев Л. Ф., Иск-во принадлежит народу, М., 1963; Siegmund-Schultze W., Über den Begriff der Volkstümlichkeit in der Kunst, Halle, 1960 (Diss.). Г. Недошивин. Москва.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ — совокупность людей, живущих или проживавших в определенных странах, частях света, на земном шаре в целом. Понятие Н. не адекватно понятию население, к-рое иногда применяют для обозначения группы людей, граждан, жителей (напр., население области, города и т. п.); часто понятие население употребляется как синоним Н. Вопросами Н. занимается демография (от греч. *δημος* — народ и *γραφω* — пишу, описываю) — наука, к-рая на основе анализа экономич., социальных, а также биологич. и географич. факторов изучает закономерности процессов в структуре, размещении и динамике Н. Начало демографии было положено англичанином Дж. Граунтом («Наблюдения о смертности в Лондоне» — J. Graunt, Natural and political observations mentioned in a following index and made upon the bills of mortality..., 1662). Термин «демография» введен в 1855 французским ученым А. Гийаром. До него эта наука называлась популяционистикой (от франц. и англ. population — население).

Бурж. теории Н. отрицают определяющее влияние социально-экономич. факторов на все процессы, происходящие в Н., отводя осн. место биологич. и географич. факторам. Родоначальником биологич. теорий Н., служивших апологией капитализма, является Мальтус, утверждавший, что бедность и нищета масс — неизбежный результат «необузданного размножения» народа. Его реакц. идеи положили начало т. н. мальтузианству и *неомальтузианству*, получившему широкое распространение. Органич. теорию Н. предложил Спенсер, утверждавший, что существует обратная зависимость между уровнем плодovitости и степенью усложнения организма. Согласно реакц. расовым «теориям» Н. (*Гобино* и *Лануэ*), высшие расы должны размножаться, вытесняя низшие. Расовые «теории» в англо-амер. странах выражаются в человекоенавистнич. противопоставлении «дорогих» людей (гл. обр. англо-американцы) и «дешевых» людей (народы слабо развитых стран); на этом основании утверждается необходимость сокращения населения (Пирсон, Харпер, Фохт, Кук, Пенделл и др.).

Биологизм бурж. теорий Н. в ряде случаев дополняется формально-математич. построениями, оторванными от социально-экономич. действительности. Так, напр., бельг. математик Ферхюлет еще в 1838 высказал мысль о том, что рост населения подчиняется закону т. н. логистич. кривой, к-рой свойственно постепенное возрастание темпов роста с последующим затуханием их, приводящим к полной приостановке роста после достижения опред. уровня. Попытка американского биолога Р. Пирла и математика Рида в 20-х гг. 20 в. применить логистическую кривую к объяснению законов роста населения оказалась несостоятельной.

Большое количество сторонников имеет теория оптимума населения. Эта теория, выдвинутая англ. демографом Карр-Саундерсом, исходит из того, что каждая страна должна иметь ту численность населения, к-рая обеспечивает наибольший доход на душу. Она исходит из соотношения между фактич. и нек-рой «оптимальной» численностью населения, к-рую, од-

нако, никто из сторонников этой теории не в состоянии обосновать и определить.

Н. как категория марксистской социологии. Осн. черты и развитие Н. выражаются в соответствующих законах. Маркс установил, что «...всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы населения» («Капитал», т. 1, 1955, с. 637; см. также В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 433). Осн. рычагом, приводящим в движение весь сложный механизм эволюции человек. общества, является способ произ-ва материальных благ. Однако его влияние в известной степени зависит от плотности населения в стране, темпов его роста и структуры. Выдвигались теории, согласно к-рым рост Н. является осн. фактором прогресса в развитии общества (см. М. М. Ковалевский, Развитие нар. хозяйства в Зап. Европе, СПб, 1899, с. 2—9; А. Богданов и И. Степанов, Курс политич. экономии, т. 1, 1920, с. 255), и, наоборот, что Н. не играет никакой роли в обществ. развитии и рост Н. является лишь следствием роста производительности труда (см. М. Weber, Agrargeschichte. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3 Aufl., S. 159; Dietzel, Weltwirtschaft und Volkswirtschaft, 1900, S. 118). В действительности же существует диалектич. взаимодействие между ростом произ-ва и ростом Н. Рост произ-ва и производительности труда оказывает влияние на рост населения, что, в свою очередь, приводя к увеличению плотности населения, к большему общению людей друг с другом и облегчая различные формы кооперации, оказывает влияние на рост произ-ва и производительности труда.

При первобытнообщинном строе рост населения был чрезвычайно медленным. Уровень смертности был очень высок и почти достигал уровня рождаемости, т. к. люди были беспомощны в борьбе с природой и массами погибали от холода, голода и диких зверей. При наличии заметного роста населения первобытные народы, в связи с ограниченностью средств существования, искусственно сокращали свою численность путем детоубийства (уничтожения части родившихся), убийства престарелых, оставления их на голодную смерть (у кочевых народов), запрещения половых сношений и др. Крупнейшие изобретения той эпохи — добывание огня, варка пищи, приручение животных, земледелие — увеличивали продолжительность жизни людей и способствовали постепенному возрастанию численности населения. «...Благодаря увеличивающемуся производству средств существования вследствие полеводства, народы стали развиваться и насчитывать под общим управлением много тысяч людей вместо прежних нескольких тысяч» (Маркс К., см. Архив Маркса и Энгельса, т. 9, 1941, с. 50).

При рабовладельч. строе рост населения становится несколько более значительным. Для него характерно воспроизводство рабочей силы путем войн для захвата рабов и возникновение нек-рого относит. перенаселения, к-рое находило свое выражение в виде эмиграции. «В древних государствах, в Греции и Риме вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой пельза было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 8, с. 567).

При феод. строе рост населения происходит быстрее, чем при рабовладельч. строе, но продолжает оставаться еще очень слабым. Захват общинных зе-

мель феодалами, крепостнич. эксплуатация масс приводили к нищете народа и к образованию массы нищих бродяг и беглых крестьян. Слабое развитие техники вело к возникновению относительного перенаселения, т. е. феодальный способ произ-ва не создавал условий для поглощения растущего числа рабочих рук.

При капитализме темпы роста населения ускорились в результате развития техники, успехов науки, к-рые привели к снижению смертности, особенно детской. Однако капиталистич. система произ-ва оказалась не в состоянии производительно использовать возрастающее население. Открытый Марксом закон Н. для капиталистич. строя вытекает из особенностей капиталистич. накопления, к-рое «... постоянно производит и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 636).

Значит. часть рабочих в условиях капиталистич. строя не находит применения своим силам и образует резервную армию труда, т. е. армию безработных, к к-рой присоединяются разоренные мелкие производители.

Маркс установил три формы относит. перенаселения при капитализме: текущее, характеризующееся наличием массы людей, ищущих приложения своему труду, но не могущих его найти; скрытое, выражающееся в неполной занятости населения; застойное, выражающееся в распространении т. н. домашнего труда, т. е. работающих дома на определ. пром. и торговые предприятия.

Масштабы относит. перенаселения непрерывно возрастают вместе с проникновением капитализма во все отрасли нар. х-ва. «Относительное перенаселение тем более заметно обнаруживается в известной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства» (там же, т. 3, 1955, с. 245). В эпоху империализма возрастание относительного перенаселения происходит также вследствие того, что возможности поглощения избыточной рабочей силы при помощи эмиграции значительно сократились, а усиление экспорта капитала в слаборазвитые страны приводит к сокращению спроса на рабочую силу в данной стране.

Закон Н. социалистич. строя характеризуется полной и рациональной занятостью обществ.-организованного труда, планомерным размещением населения и возрастанием его численности. Полная занятость, т. е. отсутствие безработицы и относит. перенаселения, обеспечивается плановым ведением хозяйства, непрерывным расширенным воспроизводством. Рациональная занятость обеспечивается в результате роста культурно-технич. уровня населения стран социализма и планомерного распределения обществ. труда между отраслями нар. х-ва. Процесс внутр. миграции происходит организованно с целью обеспечить планомерное размещение населения. Увеличение численности населения происходит прежде всего вследствие низкого уровня смертности, являющегося совокупным результатом всего общественного уклада жизни, успехов медицины, социального законодательства, лучшего удовлетворения материальных потребностей, роста культурного и санитарного уровня населения.

Динамика населения Земли. На основе отрывочных и ориентировочных данных можно составить приближенное представление о динамике Н. земного шара за всю историю человечества. В период нижнего палеолита (питекантропы, синантропы, гейдельбергский человек, неандертальцы) численность Н.

была весьма незначительна. Лишь начиная с верхнего палеолита (ок. 70 тыс. лет до н. э.), т. е. с появлением Homo sapiens, можно говорить о росте населения, выражавшемся в среднем примерно в 0,01—0,02% в год. По мере перехода к более прогрессивным формам х-ва темпы роста Н. начали постепенно увеличиваться. Эпоха неолита (ок. 5—3 тыс. лет до н. э.), означавшая переход к оседлости и возникновение земледелия, возможно характеризовалась темпом роста Н. порядка 0,05%. В античную эпоху темп роста в среднем приближался к 0,1%, в 18 в. он увеличился до 0,3%, в 19 в. — до 0,6%, в 1-й пол. 20 в. — до 0,8%, а в наст. время составляет 1,9%.

В абсолютных величинах численность населения земного шара может быть ориентировочно представлена след. цифрами. На протяжении неск. сотен тысяч лет своего существования — к окончанию мезолита (т. е. 7 тыс. лет до н. э.) человечество размножилось примерно до 5 млн. чел. За время неолита население земного шара возросло с 5 до 50 млн. чел. (к 3 тыс. лет до н. э.), а к началу новой эры оно увеличилось до 200 млн. В эпоху Возрождения численность Н. Земли достигла 0,5 млрд., в сер. 19 в. — одного млрд., а к 1930 — 2 млрд. чел. К началу 1965 на земном шаре — 3,3 млрд. чел. Значит. ускорение темпов роста Н. земного шара пугает многих бурж. ученых, к-рые видят в этом главную угрозу существованию человечества. Так, англ. ученый Хилл в 1952 заявил, что прогресс медицины и гигиены поставил человечество перед катастрофой. Нек-рые из них уверяют, что рост населения опаснее термоядерной войны. Все эти «теории» основаны на неверии в успехи науки и социального преобразования общества. Природные ресурсы нашей планеты при условии их рационального использования способны обеспечить гораздо большее число людей, чем их живет в наст. время. К тому же представления о том, что с переходом к социализму темп роста населения должен обязательно увеличиваться, являются необоснованными. Резкий подъем культурного уровня, рост материальных потребностей, широкое привлечение женщин к обществ. труду и обществ. деятельности уже сейчас вызывают снижение рождаемости в ряде социалистич. стран, что даже при снижении смертности приведет к уменьшению естеств. прироста населения. В отдаленном будущем человечество возможно станет перед необходимостью приостановить рост своей численности, что не составит особенных трудностей. На это указывал еще Энгельс в письме к Каутскому в 1881: «Абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно, существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет урегулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то только оно именно и сможет выполнить это без затруднений» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 27, 1935, с. 108).

Демография использует различные показатели, методология построения к-рых разрабатывается демографич. статистикой. Состав Н. изучают по ряду признаков. Возрастная группировка Н. характеризует численность трех поколений: до 16 лет, от 16 лет до конца трудовой деятельности, поколение за пределами рабочего возраста. Снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни приводит к возрастанию удельного веса населения преклонного возраста. Так, напр., в СССР удельный вес лиц старше 60 лет в 1939 составил 6,8%, а в 1959 — 9,4%. Группировка Н. по полу в сочетании с группировкой по возрасту позволяет выявлять соотношения между численностью мужчин и женщин в отд. возрастных группах. Группировка Н. по отношению к тру-

довой деятельности позволяет выявить экономически активное население, т. е. занятое в общественно-организованном труде. Трудовые ресурсы страны включают численность трудоспособного населения в рабочем возрасте и работающих, находящихся за пределами рабочего возраста.

Демография изучает также социальный состав населения и его профессиональную структуру. В капиталистич. странах вуализируется деление общества на классы: капиталисты обычно рассматриваются как «трудящиеся» и распределяются по различным группам. В сов. статистике социальный состав выявляется путем распределения населения по обществ. группам: рабочие, служащие, колхозники, крестьяне-единоличники и некооперированные кулаки. Помимо этого, сов. статистика всех занятых в пар. х-ве подразделяет на лиц, занятых преимущественно физич. трудом, и лиц, занятых преимущественно умств. трудом. К первой категории отнесены рабочие, колхозники и нек-рые категории служащих, как, напр., письмоводцы, кондукторы, няни, кладовщики и др. Ко второй категории отнесены все лица интеллигентных профессий, канцелярские работники и др.

Распределение населения по отраслям нар. х-ва характеризует разделение обществ. труда. С этой точки зрения производится группировка на занятых в сфере материального производства, т. е. в пром-сти, с. х-ве, строительстве, лесном х-ве, грузовом транспорте, связи (частично), торговле, обществ. питании, заготовках, материально-технич. снабжении и сбыте, и в непроизводств. сфере (в пассажирском транспорте, просвещении, науке, искусстве, здравоохранении, физкультуре и спорте, жилищном х-ве, бытовом обслуживании, гос. аппарате и др.).

Н. изучается с точки зрения его культурного уровня. Прежде осн. показателем являлось число грамотных. В наст. время о культуре населения судят по полученному образованию (число лиц с высшим образованием, со средним образованием, с неполным средним образованием и т. д.).

Важными показателями Н. является также его национальный, языковой, расовый состав. Динамика нац. состава дает возможность выявить процессы, происходящие в этнич. составе населения, выражающиеся либо в виде консолидации отд. национальностей, либо в виде ассимиляции их внутри другой национальности. Важное значение имеет изучение семейного состава населения.

Изучается также размещение и плотность населения, причем особый интерес представляет учет городского и сельского населения. Удельный вес населения, проживающего в городах, обычно рассматривается как показатель степени индустриализации страны. Изучается также перемещение населения, т. е. механич. движение населения (внутр. и внешняя миграция) и естественное движение населения, под к-рым понимаются данные, характеризующие осн. факты челоуеч. существования: начало жизни (рождение), вступление в брак, конец жизни (смерть). Число живорожденных в отношении к средней численности населения за данный период (обычно за год) с последующим умножением на 1000 дает коэффициент рождаемости. Этот коэффициент колеблется в широких пределах: от 14‰ (промиль) в Швеции до 62‰ в Гвинеи. В СССР он равен 21,3‰ (в 1963), что превышает уровень большинства европ. стран. В сер. 19 в. в наиболее развитых странах мира коэффициент рождаемости составлял примерно 40‰, но начиная с 70-х гг. 19 в. он начал снижаться и в наст. время упал более чем вдвое.

Число заключенных за год браков в отношении к средней численности населения (с умножением на 1000) дает коэффициент брачности. Соответствующим

образом исчисляются коэффициент разводимости (число разводов на 1000 человек).

Число умерших в отношении к средней численности населения (также с последующим умножением на 1000) дает коэффициент смертности, к-рый колеблется в разных странах от 6 до 30‰, а в годы голода, войн и эпидемий повышается до 50—60‰ и даже 80‰. В СССР коэффициент смертности (7,3 в 1963) является самым низким среди всех крупнейших гос-в мира. Точным измерителем уровня смертности является средняя продолжительность жизни, к-рая в Сов. Союзе за годы после Октябрьской революции увеличилась в два раза.

Разность между числом родившихся и числом умерших образует естеств. прирост, а разность между коэффициентом рождаемости и коэффициентом смертности дает коэффициент естеств. прироста. В нек-рых странах этот коэффициент в отд. годы бывает отрицательным (напр., во Франции и Австрии в 30-х гг. 20 в.). В СССР в 1963 он составлял 14,0‰, т. е. был выше, чем почти во всех других экономически развитых гос-вах мира. Во мн. развивающихся странах коэффициент естеств. прироста превышает 30‰, т. е. 3% (Мексика, Венесуэла, ОАР и др.).

Статистика Н. базируется на переписях населения и на текущем учете. В России первая перепись на научных основаниях была произведена в 1897. В СССР переписи производились в 1926, 1939, 1959. В США переписи населения («цензы») производятся раз в 10 лет начиная с 1790. Во многих странах переписи населения производятся 1 раз в 5 лет (Япония и др.). Текущий учет населения основан на регистрации рождений, браков, разводов и смертей. Результаты переписи населения и текущего учета позволяют получить полное представление о структуре и динамике населения и могут служить исходным материалом для демографич. анализа.

В дореволюц. России проблемы демографии разрабатывались гл. обр. в Академии наук начиная с конца 18 в. (труды Ломоносова, Татищева, Эйлера, Щербатова, Крафта, Германа, Шлецера, Буняковского и др.). После Окт. социалистич. революции в Киеве был учрежден Демографич. ин-т, просуществовавший до 1938. Кроме того, в Ленинграде до 1934 существовал Демографич. ин-т АН СССР. В наст. время проблемы демографии разрабатываются в НИИ ЦСУ СССР, в Ин-те организации здравоохранения и истории медицины имени Н. А. Семашко, Ин-те экономики АН СССР и ряде др. научно-исследователь. ин-тов.

За границей наибольшей известностью пользуется франц. Институт демографич. исследований. В США имеется неск. науч. центров, занимающихся вопросами Н. [бюро демографич. исследований при Принстонском, Оксфордском (штат Огайо), Луизианском, Вашингтонском, Чикагском ун-тах, Америк. ассоциация по вопросам населения и др.]. Имеется также Всемирная организация по вопросам населения, объединяющая в своем составе более 400 демографов из 50 стран. Эта организация созывает международные демографич. конгрессы и конференции (Париж — 1928, Рим — 1931, Берлин — 1935, Париж — 1937, Рим — 1954, Вена — 1959, Нью-Йорк — 1961). Конгрессы и конференции происходят под преобладающим влиянием бурж. демографов, т. к. страны социализма на них почти не представлены.

В наст. время издаются следующие демографич. журн.: «Studia demograficzne» (Польша), «Stanovništvo» (Югославия), «Demografie» (Чехословакия), «Demografia» (Венгрия), «Population» (Франция), «Population Studies» (Англия), «Population Bulletin», «Millbank Memorial Fund Quarterly Bulletin», «Demographie» (США). Текущая библиография печатается в «Population Index» (США).

Лит.: Маркс К.; Капитал, т. 1, гл. 23, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23; его же, Теории прибавочной стоимости (4 том «Капитала»), ч. 2, М., 1957, с. 114; Ленин В. И., Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., 4 изд., т. 1, с. 430 и далее; его же, Рабочий класс и неомальтузианство, там же, т. 19; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961, с. 96—100; Смертность и продолжительность жизни населения СССР, М.—Л., 1930; Урланис Б. Ц., История амер. цензов, М., 1938; его же, Рост населения в Европе, М., 1941; его же, Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, М., 1963; его же, Динамика и структура населения СССР и США, М., 1964; Кастро Ж. де, География голода, пер. с англ., М., 1954; Боярский А. Я. и Шустерин П. П., Демографическая статистика, 2 изд., М., 1955; Смуглевич Б. Я., Критика буржуазных теорий и политики народонаселения, М., 1959; Озер Дж., Должны ли люди голодать?, пер. с англ., М., 1959; Попов А. Я., Совр. мальтузианство, М., 1960; Подъячых П. Г., Население СССР, М., 1961; Писарев И. Ю., Народонаселение СССР, М., 1962; Численность и расселение народов мира. Под ред. С. И. Брука, М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том), М., 1962; Валентей Д., Реакц. теории народонаселения периода общего кризиса капитализма, М., 1963; Carr-Saunders A. M., World population: past growth and present trends, Oxf., 1936; Titmuss R. M., Birth, poverty and wealth, L., 1943; The determinants and consequences of population trends, United Nations, N. Y., 1953; Thompson W. S., Population problems, 4 ed., N. Y., 1953; Bennett M. K., The world's food, N. Y., 1954; Saucy A., La théorie générale de la population, 2 ed., v. 1—2, P., 1956—59; Coontz S. H., Population theories and the economic interpretation, L., 1957; Pressat R., L'analyse démographique, P., 1961; Demographic yearbook, United Nations, N. Y. (с 1948 — ежегодно).

В. Урланис. Москва.

НАРСКИЙ, Игорь Сергеевич (р. 18 ноября 1920) — сов. философ, д-р филос. наук (1961), профессор (с 1963). Окончил филос. фак-т Моск. ун-та (1948). С 1949 ведет педагогич. и науч. работу по философии. Ст. науч. сотрудник Ин-та философии АН СССР (1951—61). С 1962 — проф. филос. фак-та Моск. ун-та. Член редколлегий журн. «Филос. науки» (с 1963). Исследует проблемы марксистско-ленинской теории познания, особенно методологии науки и роли языка и символич. средств в познании; вопросы истории филос. и социологии, мысли европ. стран нар. демократии, особенно Польши; вопросы истории англ. философии, особенно «эмпирических» ее течений; истории и критики позитивизма, особенно логич. и лингвистич. позитивизма. Редактор, автор вступит. статей и комментариев в кн.: Избр. произведения прогрессивных польских мыслителей (т. 1—3, М., 1956—58); Польские мыслители эпохи Возрождения (М., 1960); Д. Локк, Избр. филос. произведения (т. 1, М., 1960); Т. Котарбиньский, Избр. произведения (М., 1963).

Соч.: Мировоззрение Э. Дембовского. Из истории польской философии XIX в., М., 1954; Критика семантич. идеализма, [М.], 1956; Философия польского просвещения, М., 1958; Марксистское понимание предмета философии и позитивизм, М., 1959; «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина и логич. позитивизм, в сб.: Великое произведение воинствующего материализма, М., 1959; Вопросы диалектики познания в «Капитале» К. Маркса, М., 1959; Философия Джона Локка, М., 1960; Очерки по истории позитивизма, М., 1960; Совр. позитивизм. Критич. очерк, М., 1961; Философия Бертрама Рассела, М., 1962; Понятие формального анализа и диалектика, «Вестн. МГУ», Серия 8, Экономика, философия, 1963, № 1; Проблема значения и критика ее неопозитивистских решений, «Вопр. философии», 1963, № 6; Об историко-филос. развитии понятия «отчуждение», «Филос. науки» (Науч. докл. высшей школы), 1963, № 4; К вопросу об отражении диалектики движения в понятиях (Еще раз о парадоксе «Летящая стрела»), в сб.: Форм. логика и методология науки, М., 1964.

НАСИЛИЕ — применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении других классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономич. и политич. господства, завоевания тех или иных прав или привилегий. Осн. средства Н. материализуются в гос-ве (см. К. Маркс, Капитал, т. 1, 1955, с. 754; В. И. Ленин, Соч., т. 29, с. 437—38). Вместе с расколом общества на антагонистич. классы вы-

деляется и спец. разряд людей, занятых только тем, «... чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время ... вооруженные отряды войск, тюрьмы, прочие средства подчинения чужой воли насиллию, — то, что составляет сущность государства» (Ленин В. И., Соч., т. 29, с. 437). Методы Н. применяются и в междоусобных расприх в среде господствующего класса (борьба за власть между отд. его фракциями, слоями, партиями), а также в межгосударственных отношениях (см. *Война*).

Бесчисл. политич. коллизии и кровавые перевороты в жизни общества создали иллюзию решающей роли политич. Н. в истории, представление «... столь же древнее, как и сама историография» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 20, с. 163). Это традиц. представление поколебал Руссо, связав возникновение обществ. неравенства и политич. гнета с появлением частной собственности и «изобретением двух искусств: обработки металлов и земледелия» («О причинах неравенства», СПб., 1907, с. 78). Историки эпохи Реставрации (Минье, Тьерри, Гизо), сведя все многообразие фактов политич. борьбы в новой истории Франции и Англии к соперничеству землевладельч. аристократии и «третьего сословия» (буржуазии), сделали шаг к выявлению экономич. осн. классовой борьбы. Историч. материализм нанес окончат. удар по «теориям Н.», представленным в социологии нового времени *Дюрингом*, *Гумпловичем* и др.

Марксизм показал, что систематич. применение Н. в истории общества связано прежде всего с существованием антагонистич. классов, т. е. объективными факторами, определяемыми в конечном счете уровнем развития производит. сил; рядом с огромным большинством членов общества, все или почти все время к-рых занято подневольным трудом, неизбежно «... образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в усиленную эксплуатацию масс» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 225—26).

Н. в руках господствующих классов является одним из гл. средств сохранения или укрепления данной системы антагонистич. обществ. отношений, одним из условий ее «нормального» функционирования. История общественно-экономич. формаций показывает опред. эволюцию форм и средств Н.: от чисто физич. принуждения работника при рабовладении до разнообразных сочетаний физич. принуждения с принуждением экономическим при феодализме; при этом все более существ. роль начинают играть средства духовного угнетения (религия); при капитализме сохранение отношений эксплуатации маскируется формальной «свободой» работника, здесь естественно возрастает роль извращенных идеологич. форм обществ. сознания, социальной демагогии. Однако в решающие моменты классовой борьбы буржуазия, не колеблясь, отбрасывает разного рода иллюзорные демократич. облачения, обнажая эксплуататорскую сущность антагонистич. системы отношений. В эпоху империализма в политике господствующих классов проявляется тенденция к отказу от формально-демократич. методов,

к установлению откровенно насильственных, милитаристских, фашистских диктатур, к диктату и войнам в междунар. отношениях. В области идеологии наряду с социальной демагогией получает распространение откровенная апология Н. (культ силы, теории элиты, расистские теории и т. п.), получившая концентрированное выражение в *фашизме*.

Восходящие, прогрессивные классы в свою очередь применяют Н. для ломки системы отживших обществ. отношений и диспропорции связанных с этой системой классов, не желающих поступиться своими интересами и привилегиями. В этих случаях Н., являясь фактором революционным, ускоряет превращение одного способа произ-ва в другой, сокращает его переходные стадии. В период т. н. первоначального капиталистич. накопления в Англии рычагом в руках возникающего класса капиталистов служили такие перевороты, «...когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев» (Маркс К., Капитал, т. 1, с. 721). Экспроприация с.-х. производителя, составлявшая основу всего этого процесса, дополнялась колониальным грабежом и торговыми войнами. Все эти методы покоились на грубейшем Н.

Радикальным средством разрешения непримиримых социальных противоречий Н. оказалось и в ходе буржуазных революций нового времени. Так, во Франции конца 18 в. господство мелкобурж. якобинского террора послужило тому, «... чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия с ее трусливой осмотрительностью не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа, следовательно, лишь расчистили ей путь» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 299).

Общий вывод Маркса гласил: «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» («Капитал», т. 1, с. 754).

Марксизм, выяснив объективную роль Н. в истории, впервые решил вопрос о сознат. применении Н. пролетариатом в его революц. борьбе за коммунизм. Не только радикальные идеологи мелкой буржуазии и плембейских или крест. масс (Мелье, Руссо, Марат, якобинцы, Радищев и др.), но и более умеренные бурж. просветители (Гельвеций, Дидро, Рейналь) и отд. утопич. социалисты (Мабли) оправдывали для определ. условий революц. насильств. действия против угнетателей, писали о «благах» великих потрясений, гражд. войн, указывали, что за вызванными ими временными бедствиями следуют «эпохи наибольшего счастья». Однако домарксистская обществ. мысль не могла дать обоснованное решение проблемы революц. Н. Для одних мыслителей и вождей революции (Марат, якобинцы, «бешеные», эбертеты, впоследствии бланкисты и анархисты) революц. Н. представлялось всепасающим средством разрешения возникающих перед революцией проблем, гл. способом перестройки обществ. отношений. Напротив, более умеренные мыслители и политики антифеод. лагеря высказывали опасения, что вооруж. Н., террор могут привести к ненужным массовым кровопролитиям, уничтожению культуры, анархии и хаосу, к забвению и попранию тех принципов гуманности и справедливости, во имя к-рых совершалась революция, к деморализации самих революционеров. Именно поэтому в бурж. и особенно мелкобурж. идеологии существует немало «ультрареволюц.» теорий, но не менее типичны для нее теории, отрицающие Н., проповедующие политич. индифферентизм, абст-

рактный гуманизм, теории «непротivления злу» насилем (толстовство, гандизм, пацифизм и т. д.). Подобного же рода шатания характерны и для различных форм антибурж. утопич. социализма (отрицание революц. Н. у «мирных» социалистов, преклонение перед «творческой страстью» разрушения у Бакунина, бланкистские преувеличения роли насильств. действий организованного меньшинства, не опирающегося на широкие массы, «терроризм» народолюбцев и т. п.).

Марксистская постановка проблемы Н. исходит из объективных закономерностей и условий классовой борьбы, требуя сводить Н. до необходимого минимума на каждом из этапов борьбы и применять более мягкие формы принуждения там, где имеется выбор. Историч. опыт показал, что господствующие классы не отказываются добровольно от своих привилегий и применяют в борьбе с угнетенными классами все доступные им средства борьбы, вплоть до массового террора; в общем и целом «... чем меньше шансов имеет данный общественный класс или слой отстоять свое господство, тем более склонности обнаруживать он к террористическим мерам» (Плеханов Г. В., Соч., т. 4, 1925, с. 63). Сопротивление отживающих классов заставляет и революц. классы прибегать к ответным насильств. мерам, вплоть до вооруж. борьбы. Однако масштабы и формы этого революц. Н. находятся в зависимости прежде всего от сопротивления свергаемых классов, а также от размаха революции. Вместе с тем в выборе более жестоких или более гуманных форм переворота существ. роль играет также степень морального и интеллектуального развития самого рабочего класса, его партий и вождей, а также др. обстоятельств, как, напр., наследие войны (см. К. Маркс, Капитал, т. 1, с. 7; В. И. Ленин, Соч., т. 27, с. 238).

Марксизм с самого своего зарождения выдвигал путь мирной революции как возможную в определ. условиях, хотя и редкую, альтернативу немирному революц. пути. Предпочтительность первого пути, использование «последнего» шанса на мирное развитие (см. В. И. Ленин, Соч., т. 26, с. 39) вытекает из гуманистич. характера марксизма и диктуется соображениями революц. целесообразности: вооруж. борьба, гражд. войны сопряжены с максимальными жертвами и страданиями нар. масс, разрушением производ. сил общества, ограничениями демократии. Но признание реальной возможности мирной революции не предполагало того, что эксплуататорские классы добровольно откажутся от власти, собственности и привилегий. Никакая глубинная социальная революция немыслима без массового политич. действия, без применения принудит. мер к эксплуататорам, без установления диктатуры революц. классов, т. е. определ. форм социального Н. (см. *Социалистическая революция*).

Отличие мирного пути развития социалистич. революции от немирного состоит в том, что перевес революц. сил парализует сопротивление эксплуататорских классов, избавляя пролетариат от необходимости использовать крайние формы и методы борьбы (*вооруженное восстание, гражданская война*). Однако и в случае немирной социалистич. революции тот факт, что социалистич. преобразования выгодны подавляющему большинству населения, опора революц. партий на большинство угнетенного населения, на революц. класс, а не на заговор, является одним из гл. объективных факторов, позволяющих свести к минимуму сопротивление разбитых классов, а вместе с тем сузить сферу применения насильств. средств. Видя в политич. организации типа Парижской Коммуны «организованное средство действий» пролетариата, добывающегося уничтожения всех классов, Маркс отмечал: «...Коммуна создает рациональную обста-

повку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 17, с. 553). Опыт Парижской Коммуны 1871 и Окт. революции 1917 говорит о том, что пролет. революции были первоначально почти совершенно бескровными революциями и только поддержка контрреволюц. сил интервентами (Пруссия в 1871, Антанта в 1918) позволила свергнутым классам развязать кровопролитные гражд. войны.

Маркс в 19 в. и Ленин накануне революции 1917 считали вообще ненужным создание в ходе революции профессионального аппарата принуждения, указывая на необходимость выбора чиновников и офицеров народом, полного слияния армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения, полную демократию в организации произ-ва и распределения (см. там же, т. 28, с. 14). В ходе борьбы против контрреволюции и интервенции пролетариату России пришлось создать кадровую армию и спец. органы принуждения (ВЧК), пойти на ряд временных ограничений демократии. Однако принципиальное отличие этих особых органов Н. заключается не только в их направленности против свергнутых эксплуататорских классов, но и в том, что создаются условия, исключающие их обособление от народа, а тем более их переход «во владение» к какому-то привилегированному слою, как это постоянно происходило в прежних революциях. (Эти условия: постоянный обществ. и партийный контроль, полная гласность, участие во власти все более широких масс, систематич. обновление состава руководящего аппарата и др. — см. К. Маркс, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 17, с. 340, 342, 347, 602; В. И. Ленин, Соч., т. 25, с. 391—92).

В период перехода к строительству социализма главными становятся методы не принуждения, а убеждения, воспитания, организации, причем конкретная историч. условия развития социалистич. революции в той или иной стране, уровень ее социального развития определяют соотношение этих методов. В России бешеное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, враждебность к социализму со стороны значит. части бурж. интеллигенции и специалистов, разгул мелкобурж. стихии, частичная деклассированность пролетариата, тяжелейшие условия разрухи, оставленные в наследие войной, потребовали от пролет. власти чрезвычайных мер вплоть до «... полного подавления и всех эксплуататоров и всех элементов разложения» (Ленин и В. И., т. 27, с. 235). «Военный коммунизм» эпохи гражданской войны включал продразверстку, принудит. трудовую повинность для буржуазии, использование частей Красной Армии на трудовом фронте, частичную милитаризацию труда в пром-сти. Ленин подчеркивал, что «военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой» (там же, т. 32, с. 321).

Задача построения социализма требует применения принудит. мер по отношению к сопротивляющимся элементам эксплуататорских классов (буржуазии, кулачества). Однако неизбежная в социалистич. обществе социальная смерть эксплуататорских классов не означает применения ко всем их представителям репрессий, а тем более их физич. уничтожения: решительно пресекая сопротивление враждебных социализму сил, пролет. гос-во предоставляет лояльным элементам полную возможность применить свои знания и способности в строительстве нового общества, стать его полноправными членами.

Принципиально недопустимым становится применение насильств. принудит. мер в мирный период

строительства социализма в отношении трудящихся масс. «Без длительного воспитания и перевоспитания мы здесь ничего не сделаем. Тут та область, где революционное насилие, диктатура употребляется для того, чтобы злоупотреблять и от этого злоупотребления я бы осмелился вас предостеречь. Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются, когда следует и против кого следует. Но в области организации их применять нельзя» (там же, т. 29, с. 142).

Подчеркивая, что социализм, коммунизм — дело сознат. большинства, указывая на недопустимость строительства новых форм жизни путем голого декретирования, оторванного от повседневного опыта масс, бюрократич. навязывания сверху, Ленин говорил о значении массового обществ. экспериментирования: «...Социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами» (там же, т. 27, с. 111). Всемерное развитие пролет. демократии, свободное выдвижение и обсуждение всех актуальных проблем социалистич. строительства, сопоставление различного опыта, борьба мнений на почве коммунизма являются неотъемлемым условием выработки правильной линии и предохранения от возможных ошибок. Особое значение ленинский подход к массам приобретал при выработке способов и средств социалистич. перестройки деревни, перевода на рельсы коллективизма многомиллионного класса крестьян (См. *Кооперативный план В. И. Ленина*).

Практика социалистич. строительства в СССР доказала правоту ленинских установок. Творчество новых форм жизни стало реальностью благодаря сознат. участию в нем миллионных масс. И, напротив, там, где методы воспитания, убеждения, организации подменялись методами бюрократич. администрирования, принуждения, Н. (нарушение ленинского принципа добровольности по отношению к середняку в нач. 30-х гг. в колхозном строительстве), строительству социализма наносился серьезный урон. Особый вред нанесло нарушение ленинских принципов в обществ., гос. и партийной жизни, когда в условиях культа личности Сталин начал возводить в норму некие временные ограничения внутрипартийной и сов. демократии, к-рые были неизбежны в первый период существования СССР, в условиях ожесточ. борьбы с классовым врагом, а впоследствии в условиях войны против немецко-фашистских захватчиков. Карательные органы пролет. гос-ва (МВД, МГБ) вышли из-под контроля народа и партии, стали орудием необоснованных массовых репрессий. Созданию атмосферы всеобщей подозрительности способствовала выдвинутая Сталиным формула об «усилении сопротивления последних остатков умирающих классов» по мере продвижения к социализму. Эта и другие политически ошибочные формулы были провозглашены в 1937, когда были полностью ликвидированы эксплуататорские классы и их экономич. база. В жизнь партии стал внедряться дух нетерпимости и систематич. «отлучений» от марксизма, заменивший ленинскую деловую атмосферу свободного обсуждения всех актуальных теоретич. и практич. проблем, а карательные органы диктатуры пролетариата, созданные для борьбы с враждебными классами, были обращены против ленинских кадров партии и гос-ва. Партия в условиях культа личности была лишена нормальной жизни, внутрипартийная демократия погиралась. Это создало почву для злоупотреблений властью и произвола. XX, XXI и XXII съезды КПСС решительно осудили явления культа личности, злоупотребления властью и нарушения норм социалистической демократии и законности, как глубоко чуждые природе социализма. Программа КПСС (1961) наметила всестороннее

развитие социалистической и внутрипартийной демократии. В связи с ликвидацией эксплуататорских классов отмерла функция подавления их сопротивления внутри страны. Государство диктатуры пролетариата в СССР превратилось в общенародное государство. Взят курс на постепенное превращение органов гос. власти в органы обществ. самоуправления. Вместе с тем и в условиях построения коммунизма сохраняются меры принуждения к антиобществ. элементам — ворами, туеядцам, преступникам, хулиганам. Усиливая борьбу с подобными элементами, сов. гос-во и партия ставят целью постепенную замену мер уголовного наказания мерами обществ. воздействия и воспитания на основе всеобщего привлечения широких масс трудящихся в органы контроля и обществ. правопорядка. Широкий и постоянный контроль народных масс является наиболее действенным средством борьбы с антиобщественными элементами, нарушением социалистич. норм и законов. Что касается функции политич. подавления, Н., то она сохраняется гл. обр. против действий враждебных социализму междунар. сил.

Новые междунар. условия, связанные с ростом социализма и междунар. антиимпериалистич. движения, позволили поставить на XX и XXII съездах КПСС вопрос об окончат. изгнании Н. из сферы межгос. отношений еще в период сосуществования на земле капиталистич. и социалистич. гос-в, о возможности предотвращения новой мировой войны еще до полной победы социализма на земле. Историч. необходимость мирного сосуществования гос-в с различным обществ. строем диктуется также революцией в развитии средств разрушения, к-рая создала угрозу гибели в мировом термоядерном конфликте сотен миллионов людей, опустошения целых гос-в и континентов, утраты гигантской массы материальных богатств. (См. *Мир международный, Мирное сосуществование*).

В совр. условиях силы мирового социализма затрудняют экспорт контрреволюции, благодаря чему и революц. процессы в ряде стран могут развиваться в более безболезненных формах. Если раньше буржуазия, будучи сильнее пролетариата, навязывала ему самые кровавые формы борьбы, если социалистич. революция в России «...пришлось осуществлять диктатуру пролетариата в самой ее суровой форме» (Ленин и В. И., Соч., т. 28, с. 186), то теперь перед пролетариатом открывается возможность навязывать буржуазии более гуманные формы борьбы, идти к социализму «более человеческим» путем (см. там же, т. 29, с. 245). Ввиду появления новых условий неправомерна универсализация ряда особенностей Окт. революции (гражд. война, однопарт. система как политич. форма диктатуры пролетариата, безвозмездная конфискация средств произ-ва у буржуазии, полное лишение политич. прав свергнутых эксплуататорских классов и временное ограничение избират. прав мелкобурж. классов), превращение их во «всеобщую истину» марксизма-ленинизма.

Вместе с тем мировое коммунистич. движение, опираясь на опыт истории, подчеркивает в своих программных документах необходимость иметь в виду и перспективу «немирного перехода к социализму», быть всегда готовыми к смене форм борьбы, к применению вооруж. форм принуждения там, где к этому вынуждает пролетариат сопротивление реакции. Коммунисты считают также своим долгом оказывать всемерную поддержку нац.-освободит. антиимпериалистич. движениям, к-рые могут развертываться как в форме мирных революций, так и в форме справедливой нац.-освободит. войны.

Правильный подход к проблеме Н. выработывался в коммунистич. движении в систематич. борьбе против оппортунистич. представлений. Ревизионистские

концепции возникали на почве преувеличения легальных возможностей бурж. демократии, якобы гуманизирующей условия классовой борьбы в достаточной мере, чтобы позволить рабочим партиям в рамках парламентаризма, без установления диктатуры пролетариата ввести социализм. При этом сбрасывалось со счета углубление противоречий капитализма в эпоху империализма, не учитывались объективные тенденции в жизни бурж. общества: рост милитаризма, гигантское усиление военно-бюрократич. аппарата, стремление правящих классов к установлению открыто насильственных, фашистских диктатур, диктату и войнам в междунар. отношениях. Плоды ревизионистского ренегатства руководства 2-го Интернационала междунар. рабочий класс сполна пожал в годы 1-й мировой войны, когда большинство с.-д. партий встало на путь поддержки «своих» империалистич. пр-в. Отказ от революц. марксизма, сползание на позиции бурж.-реформистского соглашательства характерны и для большинства совр. с.-д. партий. Марксистско-ленинские партии в совр. условиях ведут непримиримую борьбу с ревизионизмом, правым оппортунизмом, к-рый парализует революц. волю рабочего класса, (см. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, 1961, с. 81).

Ничего общего не имеют с революц. марксизмом и разного рода левацкие представления, носители к-рых переоценивают значение вооруж. насильств. действий в практике революц. борьбы угнетенных классов или пытаются внедрить методы «казарменного коммунизма» в практику социалистич. строительства. Маркс в 1850 пошел на разрыв с авантюристич. фракцией Виллиха — Шанпера, утверждавшей, что немедленным революц. действием, «рубкой голов», можно компенсировать отсутствие объективных условий для взятия власти пролетариатом. Впоследствии Маркс и Энгельс решительно отвергли авантюристич. лозунги бланкистов и анархистов (Бакунина, Моста и др.), а также их примитивные представления о социализме и коммунизме как строе, основанном на насилии. Маркс и Энгельс, характеризуя документ бакунистов «Главные основы будущего общественного строя» (введение принципа «производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше», мелочная регламентация всей обществ. деятельности — произ-ва, потребления, воспитания, вплоть до порядка пользования столовыми и «общественными спальнями», а также передача высшего руководства никому не подконтрольному Комитету заговорщиков) писали: «Эта статья показывает, что если простых смертных карают, как за преступление, за одну мысль о будущей организации общества, так это потому, что главы все уже устроили заранее... Какой прекрасный образец казарменного коммунизма!» (Соч., 2 изд., т. 18, с. 413—14). В годы гражданской войны в СССР Ленин резко выступал против авантюристич. теории «подталкивания революции» в других странах с помощью штыков Красной Армии. Переходя к мирному строительству, КПСС отвергла троцкистский лозунг милитаризации нар. х-ва, требование перенесения навыков, приемов аппарата военного ведомства на всю гос. жизнь. XX съезд Коммунистической партии покончил с извращениями принципов революц. законности, порожденными культом личности, разоблачил ошибки и преступления Сталина.

Марксистско-ленинские партии и в совр. условиях ведут решительную борьбу против левооппортунистич. взглядов, догматизма и сектантства в вопросах о путях перехода от капитализма к социализму, о путях и методах строительства социализма. Марксистско-ленинизм требует точного учета объективных и субъективных условий и движущих сил обществ. развития,

объективных законов строительства социализма и коммунизма. Задачи революц. перехода к социализму требуют в каждой отд. стране творческого конкретного анализа соотношения классовых сил, междунар. условий, революционной ситуации, исключаяющего абсолютизацию и универсализацию каких-либо форм классовой борьбы. В вопросе о путях и средствах строительства социализма и коммунизма марксизм-ленинизм отвергает насильств. методы в отношении трудящихся масс, волюнтаризм, субъективизм и произвол, чуждый марксизму-ленинизму культ личности, выступает против подмены творчества, самостоятельности, инициативы широких нар. масс голым администрированием и прожектерством. Догматизм и сектантство «...лишают революционные партии способности развивать марксизм-ленинизм на основе научного анализа и творчески применять его в соответствии с конкретными условиями, изолируют коммунистов от широких слоев трудящихся, обрекают их на пассивное выжидание или левацкие, авантюрные действия в революционной борьбе, не позволяют своевременно и правильно оценивать меняющуюся обстановку и новый опыт, использовать все возможности в интересах победы рабочего класса и всех демократических сил в борьбе против империализма, реакции и военной опасности, и тем самым мешают народам одержать победу в их справедливой борьбе» (Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, с. 82).

Марксистское понимание Н. является объектом систематич. нападок и фальсификации в совр. антикоммунистич. лит-ре. Бурж. пропагандисты замалчивают тот основополагающий факт, что само бурж. общество есть строй, систематически практикующий Н. по отношению к трудящимся массам, угнетенным нациям. Изображая коммунистов почитателями террора, Н., они умалчивают о том, что применение пролетариатом Н. является вынужденным, а также носит временный, ограниченный характер. Пытаясь доказать, что сущность социалистич. системы в противовес принципу «свободы» бурж. мира является «тоталитаризм», бурж. идеологи идут на ухищрения и подтасовки: под рубрику «тоталитаризм» ими объединяются фашистский режим и диктатура пролетариата; явления культа личности, явившиеся следствием отступления от марксизма и осужденные и отвергнутые самими коммунистами, выдаются за «суть» коммунизма; марксизм изображается зачастую «наследником» примитивных форм донауч. социализма и революц. мысли (бабунизм, бланкизм, якобинизм, анархизм и т. п.); марксизму приписывается некое неразрешимое противоречие, «роковая дилемма» средств и цели (осуществление гуманного идеала насильств. средствами якобы ведет к превращению этих средств в самоцель), всячески искажается сущность политики мирного сосуществования, к-рая рассматривается как «тактич. уловка» коммунистов.

Вопреки этим домыслам, коммунисты следуют ясным заветам классиков марксизма-ленинизма: «революция не неизбежна...; но революция может принять более мягкие формы... Это будет зависеть не столько от развития буржуазии, сколько от развития пролетариата... По принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом; он признаёт лишь её историческое значение для настоящего, но отрицает её необходимость в будущем; он именно ставит себе целью устранить эту вражду. Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривал ожесточение пролетариата против своих поработителей, как необходимость, как наиболее важный рычаг и а ч и н я щ е г о с я рабочего движения, но коммунизм идёт дальше этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего

человечества» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 516).

«В нашем идеале нет места насилью над людьми», — подчеркивал Ленин, — и этот идеал коммунизма соответствует объективной тенденции истории процесса, где «...все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой» (Соч., т. 23, с. 57). Последоват. развитие социалистич. демократии в социалистич. странах, борьба коммунистич. партий капиталистич. стран за обновление и расширение демократии, против реакц. диктатуры буржуазии все больше разоблачают и опровергают измышления идеологов антикоммунизма.

Лит.: Маркс К., Капитал, гл. 24, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, отд. 2, главы 2, 3, 4, там же, т. 20, с. 162—170; его же, Роль насилия в истории, там же, т. 21, с. 419—83; Ленин В. И., О государстве, Соч., 4 изд., т. 29; его же, Как буржуазия использует ренегатов, т. 30; его же, Замечания на книгу Н. И. Вухарина: «Экономика переходного периода», Ленинский сборник, XI, М.—Л., 1929; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; XX съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1—2, М., 1956; XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1—3, М., 1962; Су слов в М. А., О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистич. движения, М., 1964; Со мервилл Д., Избранное, пер. с англ., М., 1960; Кар Г., О мирном и немирном путях развития социалистич. революции, «Проблемы мира и социализма», 1962, № 5; Бурлацкий Ф. М., Государство и коммунизм, М., 1963; Ш а б а д Б. А., Политич. философия совр. империализма, М., 1963; К о в а л е в С., Коммунистич. гуманизм и революц. принуждение, «Проблемы мира и социализма», 1964, № 5; Федосеев П., Материалистич. понимание истории и «теория насилия», «Коммунист», 1964, № 7; Р у м я н ц е в А., «Китаизированный марксизм»: националистич. содержание в псевдомарксистской оболочке, там же, № 12; Сорель Ж., Размышления о Н., М., 1907; Каутский К., Социальная революция, М., 1918; Мартов Ю., Мировой большевизм, Берлин, 1923; П л е х а н о в Г. В., Сила и насилье, Соч., т. 4, М.—Л., 1923; его же, Наши разногласия, там же, т. 2, М., 1925; Каутский К., Материалистич. понимание истории, пер. с нем., т. 2, М.—Л., 1931; Лавров П., Государственный элемент в будущем обществе, Избр. соч..., т. 4, М., 1935; Каутский К., Terrorismus und Kommunismus, B., 1919; Bauer O., Bolschewismus oder Sozialdemokratie?, W., 1920; Aulard A., La théorie de la violence et la Révolution française, P., 1923; Nomad M., Apostles of revolution, Boston, 1939; Jouvenel B. de, Du pouvoir. Histoire naturelle de sa croissance, Genève, [1947]; Arendt H., Origins of totalitarianism, N. Y., 1951; Camus A., L'homme révolté, 12 éd., P., 1951; Talmont J. L., The origins of totalitarian democracy, L., 1952; его же, Political messianism. The romantic phase, N. Y., [1960]; Gross F., The seizure of political power in century of revolutions, N. Y., 1958; Temple B. van den, The evolution of social systems in Europe, L., 1962. Е. Пинак. Москва.

НАСИР ХОСРОВ (Носир Хисрав) (р. 1004 — ум. ок. 1088 или между 1072 и 1077) — таджико-перс. философ, поэт и обществ. деятель. Как приверженец исмаилизма, подвергался гонениям со стороны феод. правителей и мусульм. духовенства. Философия Н. Х. носила в основном идеалистич. характер. Утверждая, что «...мир телесен и разнообразен и движется в пространстве», он идеалистически заключал, что «все субстанциональное, все существующее есть творение творца», и считал, что движение есть порождение формы, «а не материи». Окружающий мир, по Н. Х., познаваем; внешнее познается при помощи органов чувств, а внутреннее — при помощи разума. Его теория познания в своей основе рационалистична: «Наука — это познание вещей такими, какими те вещи являются, а познавателем вещей, как они есть, является разум». Он подчеркивал и бесконечность процесса познания: «Невозможно, чтобы человек стал таким, что ему не останется что познавать». Известное влияние на философию Н. Х. оказали *Фараби* и *Ибн Сина*.

Соч.: Зад ал-мусафирин, Берлин, 1341 л. г. х. (1923); Джамил-хекматин, Тегеран — Париж, 1953; Вадж-е-дин, Берлин, 1343 л. г. х. (1924); Диван, Тегеран, 1307 г. г. х. (1928); в рус. пер. — Избранное, [Душанбе], 1949; Сафар-Намо. Книга путешествия, пер. Е. Э. Бертельса, [М.—Л.], 1933.

Лит.: Богоутдинов А. М., Очерки по истории таджикской философии, [Душанбе], 1961; Бертельс А. Е., Насир-и Хосров и исмаилизм, М., 1959; Ашуров Г., Филос. трактат Н. Х. «Зод ал-мусофирин», «Изн. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», 1960, № 2 (23); его же, Решение осн. вопроса философии Н. Х., там же, 1963, № 2 (33); Ivanov W., Nasiri Khusraw and Ismailism, Bombay, 1948.

НАСИРЭДДИН Туси, Абу Джафар Мухаммед [17 (или 18) февр. 1201 — 26 (или 25) июня 1274] — азерб. ученый и мыслитель, известен исследованиями в области астрономии, математики, философии и этики, основатель Марагинской астрономич. обсерватории. Филос. воззрения формировались под влиянием *Вазманыра*. В соч. «Комментарии к философии и логике Ибн Сины. На полях примечания ар-Рази» [«Шарх аль-Ишарат», 1290 л. г. х. (1873)], «Трактат по теологии и метафизике» [«Теджрид ал-калан», 1274 л. г. х. (1857)], «Насировская этика» [«Ахлаг-е-Насери», 1309 л. г. х. (1891/92)], «Характеры или качества благородных людей» [«Оусаф-ол-ашраф», 1306 с. г. х. (1927)] и др. Н. комментировал филос. взгляды Ибн Сины и защищал его воззрения от нападок мусульм. богослова Фахраддина ар-Рази, излагал догмы ислама шиитского толка в филос. плане, разбирал вопросы этики и социологии. В филос. произведении «Рассуждение о двух рассуждениях» («ал-Мухакмат бейн ал-Муха каматайн») Н. разбирал полемику между мусульм. мыслителем Абу Хамидом аль-Газали и араб. философом, перипатетиком *Ибн Рошдом* (Аверроэсом). Н. сыграл большую роль в развитии и распространении естеств. и математич. наук на Ближнем и Среднем Востоке. Его астрономич. таблицы («Зиджи Ильхани») были известны и на Востоке и в Зап. Европе.

Лит.: Бартольд В., История изучения Востока в Европе и России, 2 изд., Л., 1925; Бертельс А. Э., Очерк истории перс. лит., Л., 1928; Ташкентский А. Э., *Mevzûât ul-ulûm*, т. 1—2, Константинополь, 1313 л. г. х. (1895); Закуев А. К., Психологич. воззрения Н. Туси, в кн.: Тр. Ин-та истории и филос. [АН Азерб. ССР], т. 6, Баку, 1955; Рашид-ад-дин, Джами-ат-таварих, Сб. летописей, т. 3, пер. с персид., Баку, 1957; Мамедбаев А. М., Насирэддин Туси, Баку, 1957. А. Закуев, Баку.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ — присущая всем живым организмам необходимость происходить только в строгой преемственности от себе подобных форм. Жизнь, раз зателившись, в буквальном смысле вечно сохраняет себя на основе Н., передаваясь бесконечному и бесчисл. потомству. Однако потомство никогда точно не повторяет своих родителей, а в силу *изменчивости*, идущей бок о бок с Н., получает новые признаки. Некоторые новые признаки, полученные потомством, становятся новыми приобретениями самой Н. Следовательно, благодаря Н. сохраняется и необычное разнообразие жизненных форм, возникших и возникающих на основе наследств. изменчивости. Поступат. движение в развитии органич. мира может быть понято лишь на основе представлений о преемственности, о непрерывной протяженности все развивающейся и меняющей свои формы жизни. Жизнь угасает в бесчисл. множестве отд. особей, успевших, однако, оставить потомков при своем размножении. Эти потомки также погибнут, но снова успевши произвести еще большее потомство. И так извечно и всегда вперед.

Известно, что в химич. составе любого живого существа нет ни одного элемента, не встречающегося в неорганич. природе. Но сочетания этих элементов в структуре живых организмов столь высокомолекулярны и сложны, что возникать заново в природе теперь они уже не способны. Во всей своей сложности они могут себя лишь повторять, копируя готовые образцы со своих предшественников. Их же предшественники — это те жизненные формы, к-рые создавались природой в течение историч. хода всей эволюции и, совершенствуясь на основе изменчивости,

смогли выдержать беспощадное действие *естественного отбора*.

Каждый новый организм — это результат Н., проявляющейся в нем как способность воссоздавать в результате развития признаки своих предков. Отсюда и возникла гл. загадка науки о Н. — как идет передача признаков предков к их потомкам, свойств и особенностей родителей к их детям? Ответ на этот вопрос заключен в осн. свойстве самой жизни. Если существ. признаком всех живых существ является постоянный обмен веществ с внешней средой, то с этой т. зр. и Н. в существе своем представляет лишь особую форму ассимиляции. Благодаря этой ассимиляции любой организм способен сохранять, восстанавливать и, главное, воспроизводить свое основное высокоорганизованное белковое строение, для данного организма специфичное и уникальное. Подобное же наследств. воспроизведение имеет место и в развитии многоклеточного организма, когда в клеточных поколениях одной-единственной яйцеклетки миллионы и миллиарды раз копируется осн. наследств. структура клетки-родоначальницы. И эта осн. структура присутствует в любых живых клетках многоклеточного организма, несмотря на то, что клетки различных его тканей могут быть столь непохожи друг на друга. Это и позволило Дарвину дать такое четкое, хотя и недостаточное, определение: «Наследственность нужно рассматривать просто как форму роста, подобную делению низкоорганизованного одноклеточного организма» (Соч., т. 4, М.—Л., 1951, с. 758).

Значение развития органич. материи в ее вечно поступательном движении может быть осознано только на основе понимания всей глубины процесса ассимиляции. Это не только способность организма (клетки) постоянно восстанавливать свою высокоорганизованную белковую структуру, для него строго специфичную, но и способность размножить эту структуру, передавая ее последующим клеточным поколениям и последующим поколениям особей — потомкам. Любое живое существо (клетка) строит само себя и размножается за счет материала, поступающего в него извне, т. е. за счет поступающей в него, им перерабатываемой и, наконец, им ассимилируемой, т. е. «себе уподобляемой», пищи. При этом надо иметь в виду, что ассимиляция (+ диссимиляция) — это обмен веществ, а не условий.

У классиков марксизма-ленинизма находят предельно ясное толкование развитие любого процесса и, в частности, биологич. развитие, как направляемое не условиями, в к-рых он протекает, а движимое в основном борьбой собственных, внутренних, свойственных именно этому процессу, противоречий. Энгельс говорил: «...теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, и до человека — с другой, совершается через постоянную борьбу наследственности и приспособления» («Диалектика природы», 1955, с. 166).

От самых истоков научного познания явлений Н. предпринимались попытки обосновать представление о материальных носителях Н. Раньше в этом отношении большое значение приписывалось крови, так что даже до наших дней сохранились в рус. речи такие выражения, как «кровное родство», «кровосмешение», «полукровка» и др. Дарвин, создавая свою «временную теорию пангенезиса», в крови же помещал гипотетич. частицы Н. — «геммулы», в к-рых можно видеть предвидение будущих генов — дискретных носителей Н. как целого. Однако со времени открытия клетки (Шванн, 1839) как той единицы, из размножения и дифференцирования к-рой вырастает все одноклеточные и многоклеточные организ-

мы, наследственную преемственность стали совершенно правильно связывать с преемственностью клеток, возникающих только от себе подобных клеток. И теперь едва ли кто сомневается, что «...как растения, так и животные, включая человека,— вырастают каждый из одной клетки по закону клеточного деления...» (там же, с. 156).

Последние десятилетия 19 в. принесли важнейшие свидетельства значения клетки в явлениях Н. и развития. Громадный фактич. материал говорил об особой роли ядра. Так, рус. ботаник Чистяков (1874) описал «непрямое» деление клеточного ядра у растений и основные элементы ядра — хромосомы. Вскоре (1878) киевский гистолог Перемежко у нас и Флемминг за рубежом открыли митоз (особый тип деления неполовых клеток) и хромосомы также и у животных организмов. Благодаря этим фактам было получено важнейшее доказательство единства происхождения растений и животных и сформулировано затем эволюционное обобщение о законе постоянства числа и формы хромосом для каждого вида растений и животных.

Целый ряд открытий был связан с установлением ведущей роли клеточного ядра в явлениях полового размножения. Так, еще в 1875 О. Гертвиг доказал, что сущность оплодотворения состоит в слиянии ядер женской и мужской половых клеток, что было подтверждено и на растениях (Горожанкин, 1880). Ван Бенеден (1883) открыл у животных особое, т. н. редукционное, деление при образовании половых клеток (т. н. мейоз). В результате этого деления число хромосом в половых клетках всегда вдвое меньше, чем в остальных, т. н. соматич., клетках тела. При оплодотворении, т. е. при слиянии женской и мужской половых клеток, соматич. двойное число хромосом опять восстанавливается. Мейоз был установлен и у растений (Беляев и Страсбургер). Укажем еще на открытие С. Г. Навашиным (1898) двойного оплодотворения у высших покрытосеменных растений и получение в эксперименте И. И. Герасимовым первых полиплоидных форм. Перечисленные факты легли в основу т. н. ядерной теории Н., предложенной еще в 1884 О. Гертвигом и Страсбургером. Но факты и обобщения, добытые наукой о клетке, оставались в поле зрения сравнительно небольшого числа биологов.

Крупнейший сдвиг в науке о Н. наступил в начале 20 в. В 1900 трое ученых из разных стран «пероткрыли» законы Менделя и нашли работу самого Г. Менделя, напечатанную еще в 1866 и оставшуюся незамеченной современниками. Мендель провел точные опыты по скрещиванию различающихся растений гороха и по анализу их гибридного потомства. Проследившая наследование отд. пар альтернативных признаков (красный или белый цветок, желтое или зеленое семя, высокий или низкий рост и т. д.), он установил правила единообразия гибридного потомства и доминирования в нем одного из признаков: правило расщепления (3:1) в потомстве гибридов по каждой паре признаков; правило независимого наследования признаков (отношение 9:3:3:1), принадлежащих к разным альтернативным парам. Заслуга Менделя в том, что он теоретически осмыслил и объяснил все полученные им факты с т. зр. дискретности в Н., т. е. зависимости проявления каждого признака от своей собств. пары наследств. факторов (в будущем названных генами), получаемых по одному со стороны материнского и отцовского родительских организмов.

Представление о дискретном строении вещества наследственности было оформлено в теорию гена. Развитие учения о гене шло теми же путями и претерпевало те же превращения, как и учение об атоме.

В начале 20 в. ген был постулирован как гипотетич. единица, изменяемая и познаваемая только в результате мутационного процесса. В дальнейшем гены все более осязательно материализовались, а в 30-х гг. их места уже довольно точно определялись в гигантских хромосомах двукрылых насекомых. В наст. время, гл. обр. благодаря развитию генетики микроорганизмов, понятие о гене превратилось в реальность. Ген теперь представляется как сложная функциональная единица (цистрон), состоящая из отд. участков, способных давать мутационные изменения (мутоны) и участвовать в рекомбинациях генетич. материала (реконы). Еще в 10-х гг. 20 в. было составлено представление о генах как о единицах, независимо определяющих «мозаичное» развитие и строение организмов. На самом же деле гены, расположенные как отдельности по длине хромосом, действуют в целостном комплексе всех структурных элементов Н.

Уже в 1902 поведение наследств. факторов в скрещиваниях было сопоставлено (Сеттон и, независимо, Говери) с поведением особых и непреходящих элементов клеточного ядра — хромосом, чем было сделано первое обобщение, положившее основу т. н. хромосомной теории Н. Материальная основа простых менделевских расщеплений находится в материнских и отцовских хромосомах, к-рые сначала объединяются в гибридах, а затем, согласно правилам простой вероятности, распределяются и сочетаются в потомстве этих гибридов.

Противоречивое развитие генетики повело к ограничению применимости правил Менделя, до этого подтвержденных на множестве растит. и животных (вплоть до самого человека) видов.

Кроме параллелизма в поведении наследств. факторов и хромосом, объясняющего материальную основу менделевских закономерностей, замечателен такой же параллелизм поведения хромосом (в частности, т. н. половых) при наследовании пола и сцепленных с ним признаков. Зримо на тех же гигантских хромосомах полностью подтвердились представления о внутри и межхромосомных перестройках (нехватки, инверсии и транслокации), ранее постулированные генетиками лишь на основе особенностей наследования различных признаков. Поучительно поведение хромосом при конъюгации бактерий, передающих тем большее количество признаков, чем дольше идет конъюгация и чем длиннее участок хромосомы, переданный от одной особи к другой. Примеры подобного параллелизма можно множить бесконечно. Созданная совместным трудом генетиков и цитологов хромосомная теория Н. оказалась плодотворнейшим обобщением. Она по праву дала совр. учению о Н. имя «цитогенетики». Это крупнейшее теоретическое достижение занимает в биологии такое же место, как молекулярная теория в химии и теория атомных структур в физике.

В продолжении работ по уточнению «местонахождения» вещества наследственности в последние годы принимают участие уже не только биологи, но и физики, и химики. Их объединенная работа, идущая уже на уровне совр. молекулярной биологии, подошла к началу 60-х гг. 20 в. к величайшим открытиям в биологии. Теперь предметом самого пристального внимания оказались не только белковые компоненты хромосом, но и непреходящие их спутники — нуклеиновые (ядерные) кислоты. Это сложные высокополимерные соединения, в состав к-рых входят азотистые (два пуриновых и два пиримидиновых) основания, сахар и остаток молекулы фосфорной кислоты. Несмотря на то, что нуклеиновые кислоты гораздо проще по своей структуре, чем белки, они, как и белки, представляют собой беспредельно варьирующие полимеры. Одна из них, а именно дезоксирибонуклеиновая

кислота (ДНК), образующая вместе с белками самый состав хромосом, теперь заслуженно признается осн. структурой, ответственной за явления Н. и ассимиляции. ДНК программирует синтез специфических белков в клетке. Кроме того, весь код наследств. информации сосредоточен в ДНК, вместе с ней размножается и вместе с ней передается в хромосомах следующим поколениям клеток, а через половые клетки к следующим поколениям организмов — особей. Итак, Н. и биосинтез специфических для каждого организма белков, т. е. важнейшие проявления жизни, идут в клетке при обязательном участии нуклеиновых кислот в этих синтетических, ассимиляционных процессах. Однако само явление размножения (репродукции) хромосом осуществляется, в частности, в цитоплазматическом синтезе предшественников ДНК. Их же укладывание в единую длинную полимерную цепь — генетич. основу строения хромосомы — не может происходить без действия специальных белковых ферментов (полимераза). Исследования последних лет показали, что нуклеиновые кислоты оказались действительно молекулярной основой организации всех форм жизни, и клеточных и неклеточных — от человека, животных, растений, любых микроорганизмов и до вирусов. Параллельно расположенные основания образуют двойную спиральную нить ДНК. В каждой из нитей четыре основания располагаются линейно и их последовательные тройки создают непересекаемые возможности комбинаций, составляя т. н. триплетный код. Оказалось, что эта линейность представляется единственным расположением, при к-ром возможно дальнейшее размножение нитей ДНК, их ауторедупликация. Полностью подтвердилось то, что было постулировано генетиками еще пятьдесят лет назад (а предсказано значительно раньше) и формулировалось как «линейное расположение генов в хромосоме». Установленное на множестве растительных и животных видов, относящихся к клеточным формам, это явление линейного расположения оказалось универсальным для всех, и в т. ч. для неклеточных форм жизни.

Добавим только, что все события, связанные с передачей Н., совершаются в клетке и ядерные элементы — хромосомы непосредственно соприкасаются и взаимодействуют с цитоплазмой. Известны и случаи т. н. «цитоплазматической» и «пластидной» Н., хотя число подобных примеров несопоставимо мало по сравнению с Н. «хромосомной».

Блестящее развитие молекулярной генетики наших дней является подтверждением и прямым продолжением генерального направления ей предшествовавшей науки о Н., в основу к-рой была положена хромосомная теория Н. Полностью оказались подтвержденными представления Н. К. Кольцова (1928) о том, что хромосомы не делятся, а ассимилируют возле себя свое подобие, после чего новая и старая хромосомы расходятся. Верным оказалось и его учение о генных мутациях как об ошибках в ассимиляции «наследственной молекулы». Оправдались и слова Э. Вильсона, сказанные еще в 1896: «наследственность это передача последовательным поколениям сходных форм обмена веществ».

Лит.: Морган Т. Г., Структурные основы Н., пер. с англ., М.—П., [1924]; Кольцов Н. К., Организация клетки, М.—Л., 1936; Вильсон Э., Клетка и ее роль в развитии и Н., пер. с англ., т. 1—2, М.—Л., 1936—40; Вагнер Р., Митчелл Г., Генетика и обмен веществ, пер. с англ., М., 1958; Робертс Е. де Повинский В., Сазс Ф., Общая цитология, пер. с англ., М., 1962; Дубинин Н. П., Молекулярная генетика и действие излучений на Н., М., 1963; Эфроимсон В. П., Введение в медицинскую генетику, М., 1964; Жакоб Ф. и Вольман Э., Пол и генетика бактерий, пер. с англ., М., 1962; Лобашев М. Е., Генетика, Л., 1963; Сэджер Р. и Райн Ф., Цитология и химич. основы Н., пер. с англ., М., 1964. В. Сахаров. Москва.

НАСТИКА (санскр. — отрицающий) — термин инд. философии. Согласно классич. традиции, он употребляется для обозначения учений, отвергающих верховный авторитет Вед. К Н. относились филос. школы *буддизма*, *джайнизма* и *локайты*, противопоставляемые шести ортодоксальным школам (*веданта*, *миманса*, *санхья*, *йога*, *ньяя*, *вайшешика*). Такое толкование термина Н. дается в «Законах Ману» (II, 11; III, 150; VIII, 22), а при разграничении ортодоксальных и неортодоксальных учений — в «Сарвадаршана-санграхе» *Мадхавы*. Однако в ряде др. инд. текстов с учением Н. связывается отрицание не только авторитета Вед, но и существования бога (Майтри уранишпада, III, 5), потусторонних миров (Мокшадхарма, 323, 40), бессмертной души (Мокшадхарма 218, 28). В подобных случаях слово «Н.» употребляется в качестве синонима материализма и атеизма. Встречающееся в др.-инд. филос. лит-ре отнесение признанных впоследствии ортодоксальными филос. учений (напр., санхьи) к Н. нередко обусловлено наличием в них атеистич. и материалистич. идей.

В. Костюченко. Москва.
НАСЫРОВ (Насыри), Каюм (14 февр. 1825 — 20 авг. 1902) — татарский ученый-просветитель, педагог и писатель; по своим филос. взглядам материалист. Обществ.-педагогич. взгляды Н. развивались под влиянием рус. революц. демократов и педагогич. идей Ушинского и Л. Н. Толстого.

Соч.: Сайланма эсэрләр, [Каз.], 1953; Тәрбия китабы, Каз., 1891.

Лит.: Гайнуллин М., Каюм Насыри (Его науч. лит. и просвет. деятельность), Каз., 1945; Каюм Насыри. 1825—1902 (Материалы науч. сессии, посвященной 120-летию со дня рождения), Каз., 1948; Фасеев К. Ф., Из истории татарской иеродовой обществ. мысли (Вторая половина XIX в.— начало XX в.), Каз., 1955.

М. Гайнуллин. Казань.
НАТИВИЗМ (от лат. *nativus*— врожденный). Этим термином Гельмгольц обозначил учение о прирожденности пространств видения. Согласно Н., система психофизиологич. актов, дающих осн. пространств. параметры образа, готова с момента рождения, а не приобретает посредством опыта. Концепция Н. восходит к И. Мюллеру, к-рый под влиянием априористской схемы Канта утверждал, что сетчатая оболочка глаза непосредственно ощущает себя пространственно. Геринг, Штумпф и др. последующие представители Н. выделяли сенсорные аппараты прирожд. чувством различных пространств, измерений, к-рое дано изначально и лишь совершенствуется под воздействием опыта, упражнения. Н. противостоят генетизм (или эмпиризм) — концепция пространств. образа как продукта развития, опыта. Спенсер пытался примирить оба направления с позиций эволюц. теории; то, что является прирожденным для индивида, сформировано опытом в процессе филогенеза. Спор Н. и генетизма к концу 19 в. потерял актуальность. Среди сторонников и противников Н. были как идеалисты, так и материалисты. Иногда термином Н. обозначают любое представление о прирожденности к.-л. психич. качеств.

Лит.: Гельмгольц Г., Факты в восприятии [пер. с нем.], СПб., [1880]; Сеченов И. М., Герман ф.-Гельмгольц как физиолог, Избр. произв., т. 1, [М.], 1952; Ярошевский М. Г., Проблема детерминизма в психофизиологии XIX в., Душанбе, 1961; Helmholtz H., Über das Sehen des Menschen, Lpz., 1856; Stumpf K., Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung, Lpz., 1873; Boring E., Sensation and perception in the history of experimental psychology, N. Y.—L., [1942]; его же, A history of experimental psychology, 2 ed., N. Y., [1950]. М. Ярошевский. Душанбе.

НАТОРП (Natorp), Пауль (24 янв. 1854—17 авг. 1924) — нем. философ-неокантпалец, последователь Г. Когана. С 1885—проф. философии Марбургского ун-та. Марбургское неокантианство было попыткой интерпретировать с кантовских позиций идею развития, глубоко проникшую в науку 19—20 вв. Если

неогегельянство и философия жизни представили развитие как иррациональную диалектику, то марбуржцы противопоставили диалектике эволюционистскую теорию развития, в к-рой общефилос. методом выступило «исчисление бесконечно-малых». В свете этого принципа получали видимость рационалистич., положительно-научной конструкции кантовские телеологизм (в т. н. описат. естествознания) и идея должностности (в т. н. «науках о духе»). Эта концепция получила название «критического идеализма». Н. проводил защиту и обоснование «критич. идеализма» марбургской школы по двум линиям. Во-первых, он интерпретировал филос. системы прошлого как «предысторию» критицизма. В книге «Учение об идеях Платона. Введение в идеализм» («Plato's Ideenlehre. Eine Einführung in den Idealismus», 1903) Н. представил платоновскую философию в историч. виде, в духе канонич. понятий марбургской школы. Во-вторых, Н. перетолковывал в духе указ. концепции совр. естествознание. Этой задаче посвящена его центральная работа «Логич. основоположения точных наук» («Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften», 1910).

В таком же методологич. плане Н. строил логич. систему т. н. социальной педагогики — область его специальных интересов. Общественно-научные взгляды Н. представляют вариант т. н. филос. антропологии: «... человек действительно микрокосм, мир в миниатюре, как бы сконцентрированный в одном пункте» («Культура народа и культура личности», СПб, 1912, с. 118—19). Поэтому весь строй наук — от естествознания до «науки о духе» (социальных наук и истории) — имеет предметом человека в разных аспектах. Конкретность человека — в его активности, деятельности, к-рая рассматривается Н. как «работа» (труд). Однако ее определение он ищет не в ее объективной структуре, но в целеполагающем характере человек. деятельности, что он и истолковывает в понятии должностности. Т. о., человек, активность оборачивается активностью мышления. Если наука есть теоретич. мышление, т. е. воспроизведение в эмпирич. материале логики чистого мышления, то человек, деятельность есть практич. мышление, иными словами бесконечный процесс воплощения в практике человек. обществ. жизни некой «регулятивной» идеи, практически недостижимой (см. «Социальная педагогика», СПб, 1911, с. 51; см. также с. 45). Прогресс в освоении людьми этой задачи, проходящий 3 этапа — влечение, воля и разум, есть путь к «свободе». Три указанные характеристики имманентны человек. природе. В соответствии с этой индивидуалистич. исходной позицией Н. строит теорию общества, где осн. социальные связи оказываются проокцией конститутивных качеств человека на взаимоотношения в организованном обществ. единстве: влечению соответствует хоз. деятельность, воле — социальные учреждения, разуму же — система образования. Соответственно, система «социальной педагогики» оказывается социальной программой Н., к-рая приводит его к законченной политич. программе бурж., этнич. социализма. Умеренная критика капиталистич. общества разрешается проповедью воспитания «разумности» всех членов общества. Результатом этого воспитания должно явиться «единение» всех разумных сограждан в процессе достижения идеальной цели, к-рая в качестве идеи практич. разума оказывается в конечном счете даже не знанием, а верой.

Рассматривая философию марбургской школы как «метод», Н. последовательно применил ее для «конструирования» точных наук, «науки о духе» и системы обществ. отношений. Но здесь-то и обнаружилось, что дело фактически идет о законченной филос. системе, сочетающей абс. идеализм Платона с критицизмом Канта.

Соч.: Descartes' Erkenntnisstheorie. Eine Studie zur Vorgeschichte des Kriticismus, Marburg, 1882; Galilei als Philosoph, «Philos. Monatsh.», 1882, Bd 18; Quantität und Qualität in Begriff, Urteil und gegenständlicher Erkenntnis, там же, 1890, Bd 27, H. 1, 2; Zu den logischen Grundlagen der neueren Mathematik, «Arch. System Philos.», 1901, 2 Abt., Bd 7; Zur Frage der logischen Methode, «Kantstudien», 1901, Bd 6; Philosophische Propädeutik, Marburg, 1903; Logik, Marburg, 1904; Philosophie und Pädagogik, Marburg, 1923; в рус. пер. — Кант и Марбургская школа, в сб.: Новые идеи в философии, сб. 5 (Теория познания II), СПб, 1913.

Лит.: Б а к р а д з е К. С., Очерки по истории новейшей и совр. бурж. философии, Тб., 1960; B e l l e r s e n H., Sozialpädagogik P. N., (s. I.), 1928; Grafe I., Das Problem des menschlichen Seins in der Philosophie P. N., Würzburg, 1933. М. Туровский, Москва.

НАТУРАЛИЗМ в и с к у с с т в е (от лат. naturalis — естественный) — метод художеств. творчества, характеризующийся стремлением к внешне правдоподобию деталей, протокольному описанию и изображению единичных явлений, отказом от обобщения и типизации, подменной обществ. закономерностей закономерностями биологич. и природной жизни. Окончательно сформировался как самостоят. художеств. направление во 2-й пол. 19 в., гл. обр. в Европе: братья Гонкур, Э. Золя (Франция), А. Хольц (Германия), П. Боборыкин, М. Арцыбашев (Россия) и др.

Решающее влияние на формирование теории Н. оказали философия и эстетика позитивизма, получившие развитие в соч. Спенсера, Т. А. Рибо, Э. Ренана, Э. Липпсе, И. Тэна. Быстрое развитие естественнонаучных знаний привело к попыткам распространить биологич. закономерности на сферу иск-ва. Опираясь на механистич. детерминизм, Тэн создал концепцию, согласно к-рой «доминирующее свойство» индивида, нации, эпохи определяется тремя условиями: «расой, средой, моментом», причем своеобразные «расы» в конечном счете тоже сводятся к воздействию на человека как на биологич. особь среды, климата, питания, характера местности и т. п. (см. «Введение» к кн.: «Histoire de la littérature anglaise», 1863, р. XXII — XXIV). Соединение абстрактно-идеалистич. принципов философии Тэна с принципами «социального дарвинизма» составило идеологич. базу Н. в иск-ве и лит-ре, приверженцы к-рого рассматривали человека как пассивный результат неотвратимого воздействия внешних сил — наследственности и материальной среды.

Против теории Н. боролись уже рус. революц. демократы — Герцен, Салтыков-Щедрин, разоблачая характерные для Н. черты мещанства и вульгарную низменность идеалов (см. А. И. Герцен «Юнцы и начала», М. Е. Салтыков-Щедрин «За рубежом» и др.). Основоположники марксизма неоднократно обращались к критике Н. Энгельс в письмах к М. Каутскому и М. Гаркнесс четко разграничил реализм и Н., указав на принципиальное превосходство классич. реалистов вроде Бальзака перед всеми «Золя прошлого, настоящего и будущего».

Произведения «последовательного натурализма» в соответствии с требованиями теории лишали человека свободы воли, видели в нем лишь пассивную игрушку «рока» — закона наследственности и внешней среды. Таковы ранние романы Э. Золя («Герза Ракет», 1867, «Мадлена Фера», 1868), пьесы нем. драматургов А. Хольца и И. Шлафа («Семья Зелике», 1890) и др. Художников мучило противоречие между трагич. сознанием того, что гибель личности, ее нивелировка в наступающем «железном будущем» капитализма неизбежна, и сознанием прогрессивности самого историч. процесса, неразрывно связанного с успехами науки и техники. Крутейший франц. писатель натурализма Э. Золя, теоретически обосновавший Н. (см. его «Натурализм в театре», 1881), стоял на таких пессимистич. позициях лишь до конца 70-х гг. («Западня», 1877). В более поздних произведениях он выр-

вался из оков теории «рокового детерминизма» и в своих романах показал неизбежность массового нар. протеста против капиталистич. рабства («Жерминаль», 1885, «Разгром», 1892). Использование массовых нар. движений в качестве основы сюжета для последователей Н. было выходом за пределы ложных социально-дарвинистских и физиологич.-фаталистич. доктрин, ограничивавших возможности иск-ва. Писатели-натуралисты 19 в. утратили нек-рые завоевания своих предшественников-реалистов, — у них прежде всего ослабла социальная обобщенность типич. образов, хотя они обогатили лит-ру множеством тем, ввели в нее новые социальные слои.

Начиная с 20 в. принципы Н. стали использовать различные антиреалистич. направления бурж. иск-ва и лит-ры. Выродившись в иск-во мещански и самодовольно скользящее по явлениям действительности, Н. становится одним из злейших врагов революц. иск-ва. В бурж. иск-ве 20 в. Н. представляет собой эстетич. форму приятия капиталистич. действительности, ее апологию. В этих направлениях Н. все время смыкается с *формализмом*, зачастую выступая как средство придать субъективизму последнего нарочитую правдоподобность. Это приводит нередко к отталкивающе-безобразным произведениям (напр., роман Селина «Путешествие на край ночи»). Переплетение формалистич. и натуралистич. тенденций в совр. реакц. бурж. иск-ве обусловило отсутствие в наше время законченной теории Н. Однако ее элементы содержатся в эстетике Т. Манро, амер. позитивистов; особенно наглядно Н. проявляется в сюрреализме с его принципом подчеркивания «достоверности» «подознательного» (А. Бретон, М. Надо). Широко использовалась натуралистич. достоверность в целях социальной демагогии в «художественной» практике фашистских государств.

Марксистская эстетика в конце 19—нач. 20 вв. продолжает начатую Марксом и Энгельсом борьбу против Н. На Готском партийтаге 1896 специально обсуждался вопрос об отношении к натуралистич. направлению в лит-ре. В. Либкнехт видел в нем «продукт декаданса и загнивания капиталистического общества», «культ неприкрытого животного, звериных инстинктов в человеке», «ничего революционного, а по большей части, мелкобуржуазно-реакционное» («Protokoll über die Verhandlungen des Parteitagtes der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands», В., 1896, S. 102—03). В работах Плеханова, Лафарга, Меринга и, особенно, К. Либкнехта, Луначарского дана всесторонняя критика Н. Ленин резко выступал против натуралистич. тенденций в иск-ве, указывая, что «искусство не требует признания его произведений за действительность» (см. «Конспект книги Л. Фейербаха „Лекции о сущности религии“», в кн.: Соч., т. 38, с. 62; см. также письмо к И. Арманд от 5 июня 1914, в кн.: Соч., т. 35, с. 107). Большую роль в борьбе против Н. в сов. лит-ре и иск-ве сыграл А. М. Горький.

В социалистич. действительности нет условий для возникновения Н. как направления. В сов. иск-ве в условиях культа личности, а также вследствие отсталости эстетич. сознания нек-рых слоев народа наряду с идеализацией и приукрашиванием жизни существовали и натуралистич. тенденции. В связи с преодолением культа личности создана благоприятная почва для их полной ликвидации на основе воспитания высоких эстетич. вкусов масс, на путях развития метода социалистического *реализма* в борьбе против влияния бурж. идеологии в иск-ве.

Лит.: Плеханов Г. В., Иск-во и лит., Соч., т. 14, М., [1924]; Меринг Ф., Литературно-критич. статьи, т. 1—2, М.—Л., 1934; Лафарг П., Литературно-критич. статьи, М., 1936; Луначарский Я. В., Статьи об иск-ве, М.—Л., 1941; Гоффеншефер В., П.

Лафарг и критика Н., «Вопр. лит.», 1957, № 5; Михлин Е. И., Лит. теории раннего франц. Н., Уч. зап. ЛГУ, 1940, № 64, вып. 8, Л., 1941; История франц. литературы, т. 3, М., 1959; Мотылева Т., Иностран. лит. и современность. Статьи, М., 1961; Пузиков А. И., Э. Золя, М., 1961, Г. Недошивин, Москва, Е. Эткинд, Ленинград.

НАТУРАЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ (и с ч и с л е н и е е с т е с т в е н н о г о в ы в о д а) — общее название логич. исчислений [введенных и впервые описанных нем. логиком и математиком Г. Генценом (1934) и польским логиком С. Яськовским (1934) с целью формализации процесса логич. вывода], более близких к обычным содержательным методам рассуждений, чем различные аксиоматич. формулировки *логики высказываний и предикатов исчисления*. В соответствии с общепринятыми способами рассуждений, в Н. и. допускается не только вывод истинных предложений из истинных посылок, но и вывод следствий из гипотез. В то время как теоремы аксиоматич. систем логики высказываний и предикатов являются результатом последовательного применения правил вывода к нек-рым исходным истинным формулам (аксиомам), в Н. и. никакие формулы заранее не предполагаются истинными — в Н. и. нет аксиом, а есть лишь *правила вывода*. Иначе говоря, объектом рассмотрения в Н. и. является соотношение выводимости одних предложений (формул) из других. Предложение Н. и., выведенное (по правилам вывода) из к.-л. совокупности формул (посылок, гипотез), будет (как и в обычных исчислениях высказываний и предикатов) теоремой лишь в том случае, если все посылки сами являются теоремами, или же — и этот случай наиболее интересен — когда формула выведена из пустой совокупности посылок, т. е. для установления ее истинности не требуется принятия к.-л. исходных предпосылок. Такие доказуемые в Н. и. формулы естественно считать выражением «логических истин», или законов логики (см. *Логическая истинность*). Поскольку, однако, ни один из таких законов логики в Н. и. заранее не постулируется, в числе средств Н. и. должно быть правило, позволяющее перейти от вывода (из гипотез) к доказательству, т. е. выводу из пустой совокупности посылок (напр., путем последовательного уменьшения числа посылок). Таким средством получения теорем в Н. и. оказывается т. н. правило введения *импликации*, согласно к-рому, если предложение (формула) В может быть выведено из предложения (формулы) А по правилам вывода Н. и., то импликация $A \supset B$ считается доказанной. Правила вывода Н. и. подразделяются на правила введения и удаления (или исключения) логич. символов: *конъюнкции* (&), *дизъюнкции* (V), импликации (\supset) и отрицания (\neg). При записи каждого правила вывода над горизонтальной чертой пишутся одна или более посылок (гипотез), каждая из к-рых является либо формулой Н. и. (формулы Н. и. определяются как в обычных исчислениях высказываний и предикатов), либо констатацией факта следования (т. е. выводимости по правилам вывода Н. и.) к.-л. формулы В из формулы А, что обозначается через $A \vdash B$ [соответственно $\vdash B$, где левее знака \vdash стоит «пустое множество» формул, означает, согласно сказанному выше, что В доказано в Н. и.; по определению также $A \vdash A$ (иногда эта «тривиальная» выводимость принимается в качестве единств. аксиомы Н. и.)]. Под чертой пишется заключение, полученное из этих гипотез.

Классич. Н. и. высказываний может быть, напр., описано при помощи след. логич. правил вывода (здесь А, В и С — формулы, а Г и Д — произвольные конечные, возможно пустые, списки формул):

Введение	Удаление
$\frac{A, B}{A \& B}$	$\frac{A \& B}{A}; \frac{A \& B}{B}$

∨	$\frac{A \quad B}{A \vee B} \quad \frac{B \quad A}{A \vee B}$	$\frac{\Gamma, A \vdash C; \Gamma, B \vdash C}{\Gamma, A \vee B \vdash C}$
=	$\frac{\Gamma, A \vdash B}{\Gamma \vdash A \supset B}$	$\frac{A, A \supset B}{B}$
∩	$\frac{\Gamma, A \vdash B; \Gamma, A \vdash \neg B}{\Gamma \vdash \neg A}$	$\frac{\neg \neg A}{A}$

Кроме того, в Н. и. используются т. н. структурные правила вывода, определяющие отношение выводимости:

(I)	$\frac{\Gamma \vdash A}{B, \Gamma \vdash A}$	(III)	$\frac{\Delta, C, B, \Gamma \vdash A}{\Delta, B, C, \Gamma \vdash A}$
(II)	$\frac{B, V, \Gamma \vdash A}{B, \Gamma \vdash A}$	(IV)	$\frac{\Delta \vdash C; C, \Gamma \vdash E}{\Delta, \Gamma \vdash E}$

Правила (I) — (III) выражают соответственно сохранение выводимости при усилении посылок, опускании одной из совпадающих посылок, перестановки посылок; правило (IV) («сечение») есть аналог т. н. правила цепного заключения, согласно которому посылки, вытекающие из других посылок, можно опускать.

Н. и. высказываний (а также предикатов) эквивалентно обычному исчислению высказываний (соотв., предикатов) в том смысле, что правила вывода Н. и. являются выводимыми (или постулированными) правилами обычных исчислений, а аксиомы (следовательно, и теоремы) исчисления высказываний и предикатов могут быть доказаны в Н. и.

Правило \supset -введения Н. и. есть не что иное, как *теорема о дедукции «обычных»* исчислений. Правило \supset -удаления соответствует т. н. правилу зачеркивания, или с х е м е з а к л ю ч е н и я (modus ponens). Правило \vee -удаления выражает т. н. *доказательство разбором случаев*, а правило \neg -введения — т. н. *reductio ad absurdum* (метод доказательства *при ведении к нелогичности* — см. *Доказательство от противного*). Содержательная интерпретация остальных правил вывода Н. и., отличающихся от аксиом исчисления высказываний по существу лишь заменой знака импликации на знак выводимости \vdash или горизонтальную черту, исна непосредственно из их внешнего вида.

Замена правила \neg -удаления (закон двойного отрицания классич. логики) на т. н. правило слабого \neg -удаления: $\frac{A, \neg A}{B}$ («из противоречия выводимо все, что угодно») приводит к *интуиционистскому* (или *конструктивному*) варианту Н. и. высказываний (см. *Интуиционистская логика, Конструктивная логика*), а исключение этого правила без всякой замены — к *минимальной логике*.

Н. и. предикатов может быть задано независимо от Н. и. высказываний или же — присоединением к правилам вывода последнего нек-рых др. правил, напр. таких:

Введение	$\frac{A(x)}{\forall x A(x)}$	Удаление	$\frac{\forall x A(x)}{A(t)}$
∧	$\frac{A(t)}{\exists x A(x)}$	∃	$\frac{\Gamma(x), A(x) \vdash C}{\Gamma(x), \exists x A(x) \vdash C}$

Здесь $\Gamma(x)$ — список формул Н. и. предикатов, а переменная x , предикат $A(x)$, формула C и терм t подчинены обычным для исчисления предикатов условиям.

Богатый арсенал постулированных правил [среди к-рых, как было сказано, есть, напр., правило, соответствующее дедукционной (мета)теореме, доказательство к-рой в обычных исчислениях, при всей принципиальной простоте, достаточно громоздко] и возможность вывода из гипотез (с их последующим исключением при помощи правила \supset -введения) способствует тому, что пользование Н. и. значительно сокращает и упрощает выводы по сравнению с обычными аксиоматич. системами логики с их зачастую весьма утомительными процедурами вывода из аксиом даже таких простейших «законов логики», как, напр., эквиваленция $A \sim A$ [формула: $A \sim B$, но определению, есть сокращение для $(A \supset B) \& (B \supset A)$]; в Н. и. эта эквиваленция получается сразу при помощи правил \supset -введения и $\&$ -введения. Но и в тех случаях, когда при исследовании применяется к.-л. др. логич. система, Н. и. очень удобно для эвристических целей.

Формальный аппарат Н. и. близок к введенному также Генценом (в тех же работах, хотя и совсем для др. целей) *секвенций исчислению*. Близкая к Н. и. техника вывода используется в т. н. семантических

таблицах голл. математика Э. Бета. Разл. системы Н. и. разрабатывались также *Куайном* (1950), нем. математиком К. Шютте (1950) и др.

Лит.: Гильберт Д. и Аккерман В., Основы теоретич. логики, пер. с нем., М., 1947; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, § 20, 23 (термины «Н. и.» и «естественный вывод» не используются); Гудетейн Р. Л., Математич. логика, пер. с англ., М., 1961, гл. 1, 2; Gentzen G., Untersuchungen über das logische Schliessen, [Tl] 1—2, «Math. Zeitschrift», 1934, Bd 39, S. 176—210, 405—31; Jaśkowski S., On the rules of suppositions in formal logic (в серии: Studia Logica, 1), Warsz., 1934; Quine W., On natural deduction, «J. Symbolic Logic», 1950, v. 15, № 2, p. 93—102; Beth E. W., Formal methods, Dordrecht — N. Y., [1962]; Curry H. B., Foundations of mathematical logic, N. Y., [1963]. Ю. Гаевая, Москва.

НАТУРФИЛОСОФИЯ (от лат. natura — природа и философия) — философия природы, умозр. истолкование природы, рассматриваемой в ее целостности, опирающееся на понятия, выработанные естествознанием. Границы между естествознанием и Н., ее место в философии исторически менялись. Наиболее значит. роль П. играла в древности. Она обычно именовалась *физикой* или *физиологией*, т. е. учением о природе. Фактически Н. явилась первой историч. формой философии. Стихийно-материалистич. тенденции древнейшей филос. мысли, стремившейся к вытеснению мифологии и к замене ее понятиями общечеловеч. опыта и естествознания, приобрели форму Н. Др.-греч. натурфилософы выдвинули ряд гипотез, сыгравших значит. роль в истории науки. Так, в истории философии и науки важное место занимает атомистич. гипотеза. В эллинистическо-римский период из Н. выделяется ряд науч. дисциплин, однако, поскольку уровень опытно-математич. исследования природы был крайне ограничен, Н. продолжала оставаться осн. формой теоретич. осмысления природы.

В ср. века, когда философия должна была обосновывать теоцентрич. представления, Н. почти исчезает с филос. горизонта, лишь отд. элементы антич. Н. были приспособлены к креационистским представлениям христианской, мусульманской и иудейской теологии. Напр., восходящая к неоплатонизму метафизика света у христ. теологов 13—14 вв., элементы перипатетич. Н. и космологии у Фомы Аквинского, элементы теологически извращенной атомистики у мутакаллимов.

Бурный рост интереса к природе — одно из следствий развивающегося капиталистич. способа произ-ва — в философии эпохи Возрождения нашел свое выражение в новом расцвете Н., связанной с именами Бруно, Телезно, Кампанеллы, Кардано, Парацельса, Патрици. Н. эпохи Возрождения развивалась на основе натуралистич. пантеизма, динамизма и гилозоизма. Особенно широко был использован принцип тождества микро- и макрокосмоса. С одной стороны, это привело к злоупотреблению примитивной аналогией между природой и человек. организмом и к появлению многих фантастич. утверждений. С другой же, оно усиливало принцип целостного рассмотрения природы и порождало ряд глубоких диалектич. положений (напр., учение о борьбе противоположных начал как источнике изменения). Однако сравнительно неразвитый уровень естествознания обусловил то, что понимание этих связей носило во многом фантастич. характер. Оно включало, напр., астрологию, суеверия. Страстное стремление к овладению силами природы породило увлечение магией, алхимией, каббалистич. и пифагорейской мистикой и т. п.

В 17—18 вв., в эпоху бурного прогресса экспериментально-математич. и механистич. естествознания, когда возобладали аналитич. методы и метафизич. способ рассмотрения природы, Н. отступает на второй план. В нем. классич. философии Н. снова выдвигается в качестве одной из осн. филос. дисциплин, особенно

у Шеллинга, пытавшегося объективно-идеалистически обобщить достижения современного ему естествознания (в частности, электрич. открытий Гальвани и Вольты, электрохимия. исследований Дэви, открытия кислорода Лавуазье, биологич. теории Броуна и Кильмейера). На идеалистич. и телеологич. основе Шеллинг выдвигает диалект. идеи о полярности как принципе дифференциации первонач. единства природы и о том, что высшие формы представляют собой как бы возведение в степень более низших. Шеллингова Н. имела талантливых сторонников (Окена, Велланского). К ней примкнули также нек-рые естествоиспытатели (напр., физик Эрстед, геолог Стеффенс, биологи Тревиранус и Карус, психолог Шуберт).

Маркс и Энгельс высоко оценивали историч. значение «старой натурфилософии», однако показали ее историч. ограниченность. Характеризуя Н., Энгельс писал, что она «... заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные проблемы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и вздора. Иначе тогда и быть не могло. Теперь же, когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы диалектически, то есть с точки зрения их собственной связи... натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а была бы шагом назад» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 304—05.) В дальнейшем такой шаг назад был сделан Оствальдом, Дришом, Линном и др., пытавшимися преодолеть с помощью Н. кризис новейшего естествознания. Элементы идеалистич. Н. существуют в теории эмерджентной эволюции и в философии Уайтхеда.

Лит.: Reichenbach H., Ziele und Wege der heutigen Naturphilosophie, Lpz., 1931; Dingler H., Geschichte der Naturphilosophie, B., 1932; Holländer A., Vom Wesen der Natur. Einführung in die traditionelle Naturphilosophie, W., 1948; Мау Е., Kleiner Grundriß der Naturphilosophie, Meisenheim, 1949.

В. Соколов, Москва.

НАТЯШАСТРА («Учение о театральном искусстве») [санскр., 2—4 (?) вв.] — памятник др.-инд. мысли, содержащий сведения по вопросам театра, сценич. иск-ва, танца, теории музыки и поэтики. Приписывается легендарному мудрецу Бхарате. Отд. часть трактата посвящена описанию эмоционального состояния, вызываемого в зрителях театральным представлением, к-рое определяется термином *раса* (букв. «вкус», «вкушение»). Последующая традиция окружила Н. ореолом святости, ей был присвоен титул «пятой Веды». Трактат неоднократно комментировался. Одним из крупнейших толкователей Н. является Абхинавагупта (X в.; см. «Абхинавабхарати»). Ряд комментариев, в том числе комментарии, составленные Бхатта Лоллатой, Шанкукой и Бхатта Найакой, не сохранились до нашего времени.

Издаии: Bharata, Nātyasastra, Benares, 1929; Bharata, Nātyasastra with the commentary of Abhinavagupta, v. 1—4, Varāda, 1926—36.

Лит.: Эрман В. Г., Теория драмы в древнеинд. лит., в сб.: Драматургия и театр Индии, М., 1961; Радсү К. С. H., Comparative aesthetics, 2 ed., v. 1, Indian aesthetics, Benares, 1959. Ю. Алиханова, Москва.

НАУКА. Содержание:

I. Понятие «наука»	562
II. Наука о природе, естествознание	571
III. Науки о человеке и обществе	575
IV. Классификация наук	577

I. Понятие «наука»

Наука — важнейший элемент духовной культуры, высшая форма человеческих знаний; система развиваю-

щихся знаний, к-рые достигаются посредством соответствующих методов познания, выражаются в точных понятиях, истинность к-рых проверяется и доказывается общественной практикой. Н. — система понятий о явлениях и законах внешнего мира или духовной деятельности людей, дающая возможность предвидения и преобразования действительности в интересах общества, исторически сложившаяся форма человеческой деятельности, «духовного производства», имеющая своим содержанием и результатом целенаправленно собранные факты, выработанные гипотезы и теории с лежащими в их основе законами, приемы и методы исследования.

Общие признаки науки. Понятие Н. применяется для обозначения как процесса выработки науч. знаний, так и всей системы проверенных практикой знаний, представляющих объективную истину, а также для указания на отд. области науч. знаний, на отд. Н. Совр. Н. это чрезвычайно разветвленная совокупность отд. научных отраслей.

Посредством Н. человечество осуществляет свое господство над силами природы, развивает материальное производство, преобразует общественные отношения. Н. способствует выработке правильного, диалектико-материалистич. мировоззрения, освобождает человека от суеверий и предрассудков, расширяет его кругозор, совершенствует его умственные способности и нравственные убеждения.

Слово «наука» буквально означает знание. Под знанием имеются в виду удостоверенные сведения о материальных и духовных явлениях, верное их отражение в сознании человека. Знание противоположно незнанию, т. е. отсутствию проверенной информации о чем-либо. Познание, как отмечал Ленин, а след. и знание, есть процесс погружения ума в действительность ради подчинения ее власти человека. Наш разум движется от незнания к знанию, от поверхностного знания ко все более глубокому и всестороннему. Знания могут быть различными: житейскими, донаучными и научными, эмпирическими и теоретическими.

Элементарные знания свойственны животным, к-рые располагают верной информацией о нек-рых свойствах вещей и их простейших отношениях, что является необходимым условием их верной ориентировки в окружающем мире. Элементарными житейскими знаниями располагают дети раннего возраста. Каждый человек в ходе своей жизни приобретает множество эмпирич. сведений о внешнем мире и о самом себе. Уже первобытные люди обладали немалыми знаниями в форме передаваемых от поколения к поколению полезных сведений, обычаев, эмпирич. опыта, производственных рецептов; они многое умели делать и их умения основывались на их знаниях. И житейские, и донаучные, и научные знания основаны на *практике*. Все виды знания являются верным отражением вещей. Но тем не менее научные знания существенным образом отличаются от житейских и донаучных знаний. Житейские, эмпирич. знания, как правило, сводятся к констатации фактов и их описанию. Напр., моряки превосходно знали, как надо пользоваться рычагами, а купцы — весами. Это было известно задолго до того, как Архимед открыл закон рычага. Но этот закон дал возможность создать новые механич. изобретения, к-рые не пришли бы в голову никакому практику. Научные знания предполагают не только констатацию фактов и их описание, но и объяснение фактов, осмысление их во всей системе понятий данной Н. Житейское познание констатирует, да и то весьма поверхностно, как протекает то или иное событие. Научное познание отвечает на вопросы не только как, но и *почему* оно протекает именно таким образом. Сущность научного знания заключается в достовер-

пом обобщении фактов, в том, что за случайным оно находит необходимое, закономерное, за единичным — общее и на этой основе осуществляет предвидение различных явлений, объектов и событий; «...венец научной работы есть предсказание. Оно раскрывает нам даль грядущих явлений или исторических событий, оно есть признак, свидетельствующий о том, что научная мысль подчиняет задачам человечества и силы природы, и силы, движущие жизнь общественную» (Умов Н. А., Собр. соч., т. 3, М., 1916, с. 251). Весь прогресс научного знания связан с возрастанием силы и диапазона научного предвидения. Предвидение же дает возможность контролировать процессы и управлять ими. Научное знание открывает возможность не только предвидения будущего, но и сознательного его формирования. Жизненный смысл всякой Н. может быть охарактеризован так: знать, чтобы предвидеть, и предвидеть, чтобы действовать.

Существенным признаком научного познания является его системность, т. е. такая совокупность знаний, к-рая приведена в порядок на основании определенных теоретич. принципов. Собрание разрозненных знаний, не объединенных в связную систему, еще не образует Н. В основе научных знаний лежат определенные положения, закономерности, позволяющие объединять соответствующие знания в единую систему. Знания превращаются в научные, когда целенаправленное собрание фактов и их описание доводится до уровня их включения в систему понятий, в состав теории. Уже в древности приобретает научный характер философия, логика. У древних народов были накоплены немалые знания о количеств. отношениях вещей. На основе этих знаний строились довольно сложные сооружения: дворцы, пирамиды и т. д. Но эти элементарные математич. знания долгое время носили лишь донаучный характер: они не были объединены в логически связную систему на основе общих принципов, закономерностей. Впервые математич. знания стали обретать научную форму лишь в трудах Евклида, к-рый придал им системный и доказательный характер. Практич. химия так же стара, как и человечество. Но элементарные практич. сведения о химич. процессах не составляли еще Н. Только в 17 в. начиная с трудов Бойля химия стала превращаться в Н.

Каждая Н. имеет свой этап формирования. Но критерий формирования любой Н. общий: определение предмета исследования, выработка понятий, соответствующих этому предмету, установление фундаментального закона, присущего этому предмету, открытие принципа или создание теории, позволяющих объяснить множество фактов. Напр., механика оформилась как Н., когда были установлены законы инерции и сохранения количества движения и выработаны соответствующие понятия (Галилей, Декарт, Ньютон). Зарождение политической экономии восходит к физиократам. А. Смит, Д. Рикардо и др. открыли первые экономич. законы, но только Маркс превратил политич. экономию в подлинную Н. Социологич. знания превратились в Н., когда Маркс и Энгельс вскрыли движущие силы историч. процесса и объективные законы развития общества, давшие возможность предвидения коммунизма.

Познание в истории своего развития становилось научным в меру того, как оно раскрывало закономерности и приобретало силу предвидения.

Научное знание коренным образом отличается от веры, т. е. от слепого принятия за истину того, что в принципе не поддается никакому практич. проверке и логич. доказательству. При этом следует отличать веру от уверенности, основанной на знании, особенно на научном знании, напр. уверенность сов. народа

в победе коммунизма. Уверенность может быть научно обоснованной; напротив, слепая, религиозная вера в бога, в чудеса, в сверхъестественное, вера как предрассудок, как суеверие, как вера в приметы и в сны ничем не доказывается; она только внушается. Если Н. делает человека могущественным перед силами природы и общества, жизни, то религия, вера, наоборот, дезориентирует человека, вселяет в него беспомощное чувство обреченности, усыпляет его классовое самосознание. В противоположность вере, научные знания есть верное, практически обоснованное, логически доказательное отражение действительности. Логич. связь в системе научного знания воспринимается как необходимая, вытекающая или из фактов, или из ранее установленных истин. Вот почему аргументированный результат научного познания выступает как нечто всеобщее и приобретает убедительную силу для людей, обладающих необходимой культурой мышления.

Научное познание мира существенно отличается от эстетич. формы сознания. Хотя и Н. и искусство есть отражение действительности, но в Н. это отражение осуществляется в форме понятий и категорий, а в искусстве — в форме художественных образов (см. *Образ художественный*). И научное понятие, и художеств. образ представляют собой обобщенное воспроизведение действительности. Но в силу понятийного характера научного мышления диалектика общего, особенного и единичного в научном познании выступает иначе, чем в искусстве. В Н. диалектич. единство общего, особенного и единичного выступает в форме общего, в форме понятий, категорий, а в искусстве то же самое диалектич. единство выступает в форме такого образа, к-рый сохраняет непосредственную наглядность единичного жизненного явления. Научное познание стремится к максимальной точности и исключает что-либо личностное, привнесенное ученым от себя; Н. — это всеобщая общественная форма развития знания. Вся история Н. свидетельствует о том, что любой субъективизм всегда беспощадно отбрасывался с дороги научного знания, сохранялось в Н. лишь надличное, объективное. Художеств. произведения неповторимы, а результаты научных исследований всеобщы. Н. есть продукт «общего исторического развития в его абстрактном итоге» [Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 2(7), 1933, с. 161]. В искусстве же допускается художеств. вымысел, привнесение от самого художника того, чего в таком именно виде нет, не было и, возможно, не будет в действительности. Но художеств. вымысел допустим лишь в отношении единичной формы выражения общего, но не самого общего: художеств. правда не допускает никакого произвола и субъективизма. Если художник выражает общее вне органич. единства с особенным (типичным) и единичным, то получается не художеств. произведение, а схематизм и голая социологизация. Если же художник в своем творчестве сводит все к единичному, слепо следует за наблюдаемыми явлениями, отрывает единичное от общего и особенного, то получается не художеств. произведение, а натуралистич. копия. В Н. же главное — эллиминировать, устранить все единичное, индивидуальное, неповторимое и удерживать общее в форме понятий, категорий. Форма всеобщности в мире — это закон. Поэтому научное познание — это познание законов мира.

Агностики и многие идеалисты-метафизики отрицают тот факт, что осн. назначение Н. состоит в познании закономерностей природы. Нек-рые идеалисты-агностики сводят Н. лишь к описанию явлений природы. Против этих агностики установок выступали не только классики марксизма-ленинизма, но и крупнейшие естествоиспытатели-материалисты.

Предмет, методы и структура научного познания. Для научного познания существенно прежде всего то, что исследуется и как исследуется. Ответ на вопрос о том, что исследуется, раскрывает природу предмета Н., тогда как ответ на вопрос о том, как осуществляется исследование, раскрывает природу метода исследования. Предметом Н. является вся действительность, т. е. различные формы и виды движущейся материи, а также формы отражения их в сознании человека.

По своему предмету Н. делятся на общие и частные. Общими и являются филос. Н. (см. *Философия*), изучающие наиболее общие законы всякого движения (диалектика) и специфич. законы мышления (логика). Частные Н.— это те, к-рые изучают или природу, или общество, или их взаимодействие (см. ниже).

При изучении любого предмета обнаруживается общий ход развития Н., соответствующий осн. ступеням всякого познания вообще. Познание в непосредств. явлениях «... открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.) — таков действительно общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и естественного познания и политической экономии [и истории]» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 314). Энгельс показал, что общий ход познания природы, общества и духовной деятельности людей включает в себя осн. ступени: непосредств. созерцание предмета изучения как нерасчлененного целого, где все изменяется, все взаимосвязано; анализ предмета, выделение отд. его сторон, изучение частных; воссоздание целостной картины предмета на основе познанных частных, т. е. на основе фактич. соединения анализа и синтеза. Для диалектич. взгляда характерно «...соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе» (Ленин В. И., там же, с. 214). В ходе познания анализ предшествует синтезу, хотя и неразрывно связан с ним. В совр. Н. картина мира воссоздается в ее целостности и конкретности. Таково одно из проявлений внутр. логики развития Н. Качеств. многообразие действительности и обществ. практики определило внутренне многоплановый характер человек. мышления, различные его приемы и методы, разные области научного знания, по-разному выступающие на различных этапах историч. развития Н.

Особенности метода определяются особенностями предмета научного исследования. В методе выражено содержание изучаемого предмета. Метод настолько тесно связан с научным познанием мира, что каждый существенный шаг в развитии Н. обычно вызывает к жизни новые методы исследования. Поэтому об уровне развития той или иной Н. можно судить и по характеру развития применяемых ею методов (см. *Метод, Методология*). Виды и формы науч. метода в Н. можно подразделить на такие группы:

Общие методы касаются всей Н., т. е. любого ее объекта. Это—диалектич. метод, к-рый является для совр. Н. единств. подлинно научным общим методом исследования. Все его понятия, категории и законы выполняют роль методологич. принципов. В отд. отраслях Н. в зависимости от конкретного содержания их предмета и особенностей их развития общий научный метод конкретизируется в различных формах. При этом раскрывается та или иная сторона всеобщей связи явлений или их развития. Такая конкретизация имеет место, напр., в сравнит. методе применительно к изучению объектов биологии, географии, химии и др. С его помощью раскрывается здесь всеобщая связь явлений. В биологии на основе его применения возникли сравнительные анатомия, эмбриология, физиология и т. д., способствовавшие созданию или дальнейшему развитию эволюц. теории. В химии

с помощью сравнительного метода Менделеев раскрыл всеобщую связь химических элементов (периодический закон).

Другим конкретным проявлением общего метода в науке служит историч. метод, с помощью к-рого раскрывается и обосновывается принцип развития в той или иной области явлений действительности. В биологии этот метод, как показал К. А. Тимирязев, является общей методологич. основой эволюц. теории (*дарвинизма*); в геологии (будучи неполно выражен в виде метода актуализма) он лежит в основе историч. геологии, трактующей о развитии Земли, земной коры; в астрономии, по сути дела, на этот же метод опираются все прогрессивные космогонич. гипотезы. Общие методы, свойственные всякой Н., всему научному познанию, изучаются философией.

Особенные методы применяются во всех отраслях Н., но для исследования лишь отд. сторон его объектов. В известной мере они носят тоже общий характер, не будучи соотнесены только с к.-л. одной формой движения материи, но вместе с тем каждый из них касается не всего предмета исследования в целом, а лишь одной опред. его стороны (явления, сущности, количеств. стороны, структуры и т. д.).

Н. не есть регистрация или простое накопление фактов, а прежде всего есть их систематизация, обобщение и истолкование. Соответственно этому осн. и наиболее общими приемами науч. исследования служат приемы эмпирич. и теоретич. исследования, к-рые в совокупности составляют метод Н. Оба рода приемов взаимосвязаны, предполагают друг друга и обуславливаются один другим. Поскольку путь познания идет от изучения непосредств. явлений к раскрытию их сущности, постольку отд. ступеням этого общего хода познания соответствуют конкретные приемы исследования: непосредств. наблюдение явлений в естеств. условиях; эксперимент, с помощью к-рого изучаемое явление воспроизводится искусственно и ставится в заранее опред. условия; сравнение; измерение—частный случай сравнения, представляющее собой особого рода прием, при помощи к-рого находится количеств. отношение (выражаемое числом) между изучаемым объектом (неизвестным) и др. (известным) объектом, принятым за единицу сравнения (масштаб); индукция и дедукция, с помощью к-рых логически обобщаются эмпирич. данные и выводятся логич. следствия; анализ и синтез, позволяющие раскрывать закономерные связи между объектами (их частями и сторонами) путем их расчленения и воссоздания из частей. Сюда относятся также математич. приемы как особые способы исследования предметов и явлений действительности, их структуры, обработки и обобщения результатов этих исследований, поиски и выражения физич. законов и т. д.

Средствами науч. исследования являются те предметы (приборы, инструменты и т. д.), к-рые служат целям экспериментального изучения объекта и опытной проверки достигнутых результатов, а также целям фиксации и обработки этих результатов. Предполагает объяснение причин и сущности изучаемых явлений дается в гипотезах. Когда роль теоретич. мышления делается достаточно большой, гипотеза становится формой развития Н. Теоретич. обобщение опытных данных совершается при помощи науч. абстракций, понятий; накапливаемый эмпирич. материал вызывает необходимость пересмотра и ломки прежних теоретич. представлений и выработки новых путем обобщения вновь накопленных опытных данных. Объединение отд. науч. теорий, гипотез, понятий в систему взглядов приводит к выработке общей картины, отражающей действительность в ее внутр. связи.

В совр. Н. получили развитие новые способы и методы исследования, среди к-рых следует выделить:

Метод *аналогии*, под к-рой подразумевается раскрытие внутр. единства различных явлений, единства в их сущностях, общности в их законах. Этот метод широко применяется в кибернетике, при моделировании и т. п.

Метод *формализации*, основанный на обобщении формы различных по своему содержанию процессов, на абстрагировании их формы от содержания с целью выработки общих приемов оперирования с ней. Этим методом широко пользуются математическая логика, кибернетика и некоторые другие отрасли Н. и техники.

Метод *математизации*, к-рый является конкретизацией предыдущего метода, распространенного на изучение и обобщение количеств, сторон, общих связей и структуры изучаемых предметов и процессов; сюда же относятся, в частности, методы статистики и теории вероятности, а также связанные с применением счетно-вычислит. машин.

Метод *моделирования*, также неразрывно связанный с предыдущими, при к-ром моделируется именно сущность явлений действительности путем искусственного перевоплощения ее в образ веществ. или абстрактной модели (вещи). Поскольку модель дает возможность проводить над ней мысленный или физич. эксперимент, в совр. Н. возникают новые, весьма сложные проблемы познания, характера, касающиеся взаимоотношения между методами моделирования и эксперимента.

Частные методы, или методы частных наук, связаны со специфич. характером отд. форм движения материи. Одни из этих методов имеют значение только в пределах отд. отраслей Н., будучи связаны только с изучением их собств. объекта, другие — за пределами данной отрасли Н., к к-рой они непосредственно относятся и в связи с к-рой возникли. К числу последних относятся методы физики, используемые при изучении явлений, связанных с кристаллич. формой вещества (кристаллофизика), астрономич. явлений (астрофизика), геологич. (геофизика), химич. (химич. физика и физич. химия), биологич. (биофизика) и мн. др. явлений. Таковы же методы химии, применяемые при изучении химич. состава веществ с различной кристаллич. структурой (кристаллохимия), геологич. (геохимия) и биологич. явлений (биохимия и биогеохимия) и т. д.

Иногда применяется целый комплекс взаимосвязанных частных методов при изучении одного и того же объекта (напр., методы физики, химии и кибернетики как нечто единое в молекулярной биологии). При этом, как правило, здесь методы Н., изучающих более простые формы движения, распространяются на исследование более сложных объектов, составляющих предмет др. Н. Объясняется это тем, что более сложные формы движения материи содержат в себе в качестве «обочных», превзойденных в ходе развития действительности, более простые формы, поскольку первые исторически возникли и развивались из вторых. Поэтому изучение более простых форм движения позволяет раскрыть не только структуру, но и генезис этих более сложных форм, а тем самым их сущность, следовательно, познать их полнее и глубже.

Нередко под методом Н. понимается общая совокупность всех ее методов, приемов и способов исследования (общих, особенных и частных).

В составе Н. необходимо различать: накопленный в ходе ее развития фактич. материал — результаты наблюдений и экспериментов; результаты обобщения фактич. материала, выраженные в соответствующих теориях, законах и принципах; основанные на фактах научные предположения, гипотезы, нуждающиеся в дальнейшей проверке опытом; общетеоретические,

филос. истолкования открытых Н. принципов, законов, мировоззренческой и методологич. стороны научного познания. Все эти стороны и грани Н. существуют в тесной связи между собой.

Необходимым условием научного исследования является установление *факта* или фактов. Констатацией факта фиксируется определенная сторона или явление изучаемого объекта. Научный факт представляет собой результат достоверного наблюдения, эксперимента и т. д. Научный факт выступает в виде прямого наблюдения объекта, показания прибора, фотографии, протоколов опытов, таблиц, схем, записей, архивных документов, проверенных свидетельств очевидца и т. д.

Сила Н. заключается в ее опоре на факты. Но сами по себе факты не составляют еще Н., так же как строительный материал еще не есть здание. Факты включаются в ткань Н. лишь тогда, когда они подвергаются отбору, классификации, обобщению и объяснению. Задача научного познания заключается в том, чтобы вскрыть причину возникновения данного факта, выявить существенное его значение и установить закономерную связь между фактами.

Для прогресса научного познания особо важно установление новых фактов. Их осмысление ведет к построению *теории*, представляющей собой важнейшую составную часть любой Н. Развитие Н. связано с открытием новых законов действительности. Власть человека над окружающим миром измеряется объемом и глубиной знания его законов. К законам Н. тесно примыкают принципы, представляющие собой обобщенные опытные факты, напр. принцип наименьшего действия, принцип постоянства скорости света.

Любая сколь угодно развитая теория представляет собой неполное, огрубленное воспроизведение объекта. Научное познание движется в вечном противоречии между неисчерпаемым богатством свойств и отношений объекта и стремлением субъекта как можно полнее воспроизвести их в системе научного знания. Поскольку любая научная теория носит ограниченный характер, постольку в каждый данный период существует необходимость в предположит. знании, в гипотезах. Проверенные и подтвержденные опытом гипотезы превращаются в теории.

Существенным компонентом научного познания является филос. истолкование данных Н., составляющее ее мировоззренческую и методологич. основу. Ученый подходит к изучаемым фактам, к их обобщению всегда с определенных филос. позиций. Уже сам отбор фактов, особенно в обществ. Н., — это вопрос глубоко методологический, верное решение к-рого требует большой теоретич. подготовки и филос. культуры. Развитие Н. требует не только теоретич. осмысления фактов, но и анализа самого процесса их получения, осмысления общих путей поисков нового. Изучение этих проблем носит филос. характер.

Социальная сущность науки. Н. — это сложное обществ. явление, к-рое заключает в себе много граней и связано с множеством др. явлений обществ. жизни. Возникновение Н. и ее развитие есть неотъемлемая часть всемирной истории человечества. Если вне общества Н. не может ни возникнуть, ни развиваться, то и общество на высокой ступени его развития немислимо без Н. Историч. смысл возникновения и развития Н. заключается в удовлетворении потребностей общественной жизни. На выбор предмета научного исследования, на направление и темпы развития Н., на характер использования ее достижений оказывают влияние многие общественные факторы: нужды материального производства, социально-политич. практика, экономич. строй общества, характер господствующего мировоззрения, различные формы обществ. сознания, уровень развития произ-

водства, техники, духовной культуры, просвещения, а также внутренняя логика самого научного познания. Среди всех этих факторов потребности материального производства и революционной классовой борьбы являются решающим: они выдвигают перед Н. определ. познавательные задачи; производство выступает основным потребителем результатов науч. познания — природы и поставщиком технич. средств познания — приборов, инструментов, без применения к-рых практически невозможно вести исследование, напр. микромира и мн. др. областей действительности. Успех в научном творчестве зависит не только от одаренности, остроумия и фантазии ученого, но и от наличия необходимой аппаратуры. Именно развитие техники обеспечило Н. мощными средствами экспериментального и логич. исследования вплоть до синхрофазотронов, космич. кораблей и логич. машин. Обществ. практика является сферой приложения знаний и в этом смысле она — цель познания. Практика служит критерием истинности результатов научного познания. По существу в любой области Н. практич. направленность является главным и определяющим стимулом научного исследования. Вся история научного познания говорит о том, что вслед за практич. применением какого-либо открытия начинается бурное развитие соответствующей области научного познания: развитие техники революционизирует Н.

В научных исследованиях существуют как бы разные этажи: одни из них отвечают ближайшим и непосредств. нуждам практики (это решение текущих, тактич. задач сегодняшнего дня), другие рассчитаны на более или менее отдаленную перспективу. Это как бы верхние этажи научного исследования. Они нацелены на решение стратегических задач, на раскрытие больших и широких возможностей практики будущего и на внесение коренных изменений в существующую практику. Ярким примером такой научной стратегии является научное предвидение Марксом коммунистич. строя будущего общества.

Узкий практицизм вреден для Н., особенно для теоретич. ее разделов: он ограничивает научную мысль узкой колеей движения, сковывая ее теми гранями изучаемого объекта, к-рые важны лишь для исторически переходящих форм практики и тем самым обедняет содержание теорич. Наоборот, когда научная мысль не скована этими рамками, она способна раскрыть в объекте такие свойства и отношения, которые в перспективе дают возможность более разносторонне использовать его практически. Отрыв же теории от практики, от жизни делает теорию беспредметной и в конечном счете лишает ее социальной и научной значимости, приводя ее в дебри схоластики.

Возникнув и развиваясь под влиянием материальных потребностей общества, научное творчество имеет вместе с тем относительно самостоятельный характер, внутреннюю логику своего движения.

В истории Н. зачастую было так, что выдвигавшие плодотворных идей в одной области знания являлись толчком для творч. развития др. областей Н. Теоретич. движение мышления в конечном счете выступает как цель практич. деятельности, воплощаясь и материализуясь в производстве. Н. не только следует за практикой, но и опережает практику. Множество открытий сделано вне зависимости от непосредственных запросов практики и лишь впоследствии они явились источником новой практики: открытие лучей Рентгена и др.

В развитии Н. немалую роль играют материальные стимулы, воздействующие на ее творцов, но большую роль играют и моральные стимулы, идеальные побуждающие силы: облегчить труд людей, просветить их, перестроить общественные отношения в интересах

народа, насладиться процессом творчества и т. д. Сознание ответственности перед обществом и желание служить во имя интересов человечества являлись стимулом творчества многих великих ученых. Идеальные побуждающие силы — явление не исходное, а производное: они имеют объективную основу и выражают реальные потребности общества. Каждый ученый — сын своей эпохи, потребности к-рой в конечном счете предопределяют характер его деятельности. Человечество ставит перед собой «... всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (М а р к с К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 7).

Потребности материального производства влияют на развитие Н. через призму экономич. строя данного общества. При этом зависимость развития Н. от обществ. отношений в ходе истории все больше возрастает. Н. становится все больше под контроль общества и государства.

В условиях феодализма, когда господствующей идеологией была религия и познание мира рассматривалось как нечто греховное, запретное, Н. не могла развиваться нормально. Капитализм в период своего становления создал благоприятную атмосферу для развития Н. Он требовал замены религиозной схоластики рациональными методами мышления и опытного познания. Буржуазия не могла на такой фантастической «базе», как религиозная вера, строить промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой; по этой причине она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании» (Э н г е л ь с Ф., там же, т. 22, с. 307).

Развитие материального производства в свою очередь создавало средства для теоретич. осмысления действительности. «... Вместе с капиталистическим производством на учный фактор впервые сознательно развивается, применяется и создается в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия» («Из рукописного наследия К. Маркса», см. журнал «Коммунист», 1958, № 7, с. 23). Капитализм обусловил применение Н. не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Земледелие было впервые поставлено на прочные научные основания, что явилось мощным стимулом развития почвоведения и всего комплекса биологических Н.

Дальнейшее развитие Н. обуславливается неуклонно возрастающими потребностями промышленного и сельскохозяйственного производства и расширением мирового рынка, отражая в себе все противоречия буржуазного общества, в том числе и противоречия, связанные со все возрастающим *разделением труда*.

Капиталистич. производство включает в свою сферу и продукты духовного творчества. Это выражается прежде всего в том, что достижения Н. выступают как товар, к-рый в системе бурж. отношений передко играет роль, противоречащую назначению научного познания и целям, которые ставят перед собой сами ученые. Конкретно-историч. условия бурж. общества влияют на общую направленность сознания ученого. Это понимают и мн. передовые ученые капиталистич. стран.

Растущие потребности производства, обострение конкуренции требуют постоянного улучшения техники и тем самым финансирования научных исследований. Но развитие Н. приводит неизбежно к материалистич. мировоззрению, а тем самым к столкновению Н. с господствующим в бурж. мире реакц. мировоззрением. Отсюда тенденции в бурж. философии к позитивизму, к игнорированию широких мировоззренч. и методологич. проблем совр. науч. знания. Все это мешает развитию Н.

Вместе с тем несомненно, что достижения Н., прежде всего естествознания, в бурж. мире огромны. В ином положении находятся обществ. Н. Господствующие классы не позволяют слишком пристально всматриваться в механизм действия своего собственного общества. Ленин подчеркивал, что «...беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе» (Соч., т. 19, с. 3). В таком обществе сокрытие от народа истины о ведущей тенденции историч. развития может входить в число средств, необходимых для сохранения этого строя. Идеологич. позиции бурж. представителей обществ. Н. не дают им возможности правильно решать кардинальные проблемы, выдвигаемые обществ. развитием. И хотя в бурж. обществ. Н. имеет место накопление фактов, появление новых областей исследования, решение частных проблем, но там не появилось ни одной принципиально новой, научно обоснованной теории обществ. развития.

Н. занимает совсем иное положение при социализме, где ей созданы исключительно благоприятные условия для плодотворного развития. В условиях социализма Н. обладает огромным преимуществом по сравнению с ее положением при капитализме прежде всего в том отношении, что ее развитие планируется в общегосударственном масштабе, что она пользуется любовью и уважением у всего народа. Социализм открыл широкие возможности для вовлечения народных масс в систему среднего и высшего образования и тем самым приобщил народ к Н. В странах социализма Н. служит народу, а народ имеет невиданный никогда и нигде широчайший доступ в Н.

Обществ. собственность на орудия и средства производства, планоный характер социалистич. экономики, постоянная забота Коммунистической партии и Советского государства о научно-технич. прогрессе, господство в стране передового научного мировоззрения — все это предопределило большие достижения сов. Н., составляющей гордость нашего народа и всего прогрессивного человечества. Правда, в условиях культа личности Сталина обстановка препятствовала творческому развитию научной мысли и свободным научным дискуссиям. Это особенно отрицательно сказалось на развитии обществ. наук. После разоблачения культа личности наблюдается бурное развитие творч. мысли во всех областях знания.

Исмытывая на себе влияние общества, Н. в свою очередь оказывает огромное воздействие на общество, прогресс. Она влияет на развитие приемов и методов материального производства, на условия быта людей. По мере использования научных открытий в технике происходит революционизирование производит. сил. Н. не только косвенно, но и прямо влияет на всю духовную жизнь общества. Она поднимает общую интеллектуальную культуру и революционизирует умы человечества. Великие научные открытия и тесно связанные с ними технич. изобретения оказывают колоссальное влияние на судьбы всей истории человечества.

В разные периоды истории роль Н. неодинакова. Знания, приобретаемые людьми в труде, в производстве, в быту, начали принимать научный характер в условиях рабовладельч. общества. Но тогда элементы

научного знания оказывали весьма слабое влияние на производство; последнее осуществлялось гл. обр. рабами с помощью ручных орудий на основе эмпирических, веками выработанных знаний и павыков. В период феодализма производство обслуживало патриархальное хозяйство мало изменившимися орудиями. Технич. прогресс был очень слабым и базировался преимущественно на индивидуальном искусстве и опыте мастеров.

Роль Н. в развитии производства увеличивалась по мере расширения и обобществления производства. Лишь зарождавшийся в недрах феодального общества капитализм впервые поставил такие практич. проблемы, к-рые могли быть разрешены только научно: производство достигло такого масштаба, к-рый делал необходимым применение механики, математики и т. д. Н. все больше становилась духовным содержанием производительных сил, ее достижения воплощаются в технич. нововведениях.

Ведущие мыслители того времени начали остро осознавать необходимость внедрения в производство научных принципов и взывали к разработке такой Н., при помощи которой, «...зная силу и действие огня, воды, воздуха, звёзд, небес и всех других окружающих нас тел так же отчётливо, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений и тем самым сделать хозяевами и господами природы» (Декарт Р., Избр. произв., М., 1950, с. 305). Весь последующий ход истории представляет собой в этом аспекте неуклонный и все углубляющийся процесс, «онаучивания» производства, процесс превращения Н. о природе в непосредственную производительную силу.

Этот процесс осуществляется мн. путями и прежде всего путем создания теоретич. основы для конструирования все более совершенных инструментов и машин: развитие орудий труда «...является показателем того, до какой степени общественные знания вообще — наука — превратились в непосредственную производительную силу...» (Маркс К., см. журн. «Большевик», 1939, № 11—12, с. 63). Ныне этот процесс выражается в автоматизации производства, в частичной замене работы человеческого мозга кибернетическими устройствами. Увеличивая сферу овеществленного труда, Н. позволяет с меньшей затратой живого труда добиваться больших результатов в материальном производстве.

Превращение Н. о природе в непосредственную производительную силу происходит путем усовершенствования методов производства, напр. путем замены механич. методов обработки электрическими, химическими методами, а также путем сокращения времени изготовления изделий: создание действительного богатства общества — «...становится менее зависима от рабочего времени и количества затраченного труда...», а зависит от общего состояния науки и от степени развития технологии или от применения этой науки к производству» (там же, с. 61).

Н. о природе превращается в производительную силу путем поисков и использования новых источников энергии и создания искусственных материалов, путем усовершенствования транспорта и сокращения времени перевозок людей и грузов, путем сокращения времени на передачу информации с помощью средств связи, путем увеличения урожайности сельскохозяйств. растений и продуктивности животноводства, путем сохранения здоровья человека как главной производительной силы, путем повышения его культурно-технич. уровня.

Плодотворное решение проблемы соединения Н. о природе с производством зависит от характера об-

ществ. строя. Общественное назначение Н. заключается в том, чтобы облегчать жизнь и труд людей, увеличивать власть общества над силами природы, способствовать совершенствованию обществ. отношений. Совр. Н. благодаря своим открытиям сделала очень многое для облегчения жизни и деятельности людей. Научные открытия и изобретения в рамках капиталистич. производства привели к повышению производительности труда и увеличению массы товаров. Но сокровища совр. Н. не принесли счастья всем людям; они не оградили их от нужды и нищеты. «Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот» (Ленин В. И., Соч., т. 18, с. 557). Введение автоматических машин ведет к интенсификации труда, к безработице и снижению заработной платы.

«Наука — обоюдоострое всемогущее орудие, которое, в зависимости от того, в чьих руках оно находится, может послужить либо к счастью и благу людей, либо к их гибели» (Вавилов С. И., Соч., т. 3, 1956, с. 607). Так, одностороннее развитие естеств. Н. и техники в рамках капиталистич. производства привело к тому, что над человечеством нависла угроза термоядерной войны. Выдающиеся естествоиспытатели с тревогой думают о последствиях своих науч. открытий. «Ученые знают, сколько пользы принесла наука человечеству; они знают и то, чего она могла бы достигнуть, если бы на всем земном шаре воцарился мир. Они не хотят, чтобы когда-нибудь были произнесены такие слова: „Наука нас привела к гибели от атомных и водородных бомб“. Ученые знают, что наука не может быть виновата. Виноваты только те люди, которые плохо используют ее достижения» (Жолито-Кюри Ф., Пять лет борьбы за мир, М., 1955, с. 190).

В условиях социализма социальная роль Н. существенно меняется. Деятельность Коммунистич. партии и Сов. государства базируется на Н. На основе Н. осуществляется планирование экономики и преобразование общественных отношений. Как общественные, так и естественные Н. призваны сыграть большую роль не только в деле создания материально-технич. базы коммунизма, но и в идеологич. воспитании сов. человека, в выработке у него научного мировоззрения. Исключительно большую роль призвана играть Н. в борьбе против реакц. бурж. идеологии.

В Программе КПСС подчеркивается, что дальнейшие перспективы прогресса Н. и техники определяются прежде всего достижениями ведущих отраслей естествознания. Перед Н. стоят грандиозные задачи: открыть возможности управления термоядерными реакциями в целях мирного использования источников ядерной энергии, воздействовать на климат, победить болезни и обеспечить человеку долголетие, направлять и регулировать жизненные процессы организмов, создавать множество искусственных материалов с заданными свойствами, овладеть космическим пространством, освоить бесконечные просторы Вселенной.

В условиях социализма прежде всего экономич. Н. призваны помочь наиболее рационально использовать материальные и людские ресурсы, выбрать наиболее прогрессивные направления в развитии производства, совершенствовать организацию труда. При социализме обществ. отношения регулируются сознательно, а обществ. Н. составляют основу руководства развитием общества по пути к коммунизму.

В ходе коммунистич. строительства роль Н. будет все больше возрастать (см. *Коммунизм, Коммунистический труд*).

Закономерности развития науки. Важнейшими закономерностями развития Н. считаются следующие:

а) Обусловленность развития Н. потребностями

общественно-историч. практики. Это — главная движущая сила, или источник развития Н.

б) Относительная самостоятельность развития Н. Какие бы конкретные задачи ни ставила практика перед Н., решение этих задач может быть осуществлено лишь по достижении определ. ступеней развития самого процесса познания действительности, к-рый совершается в порядке последоват. перехода от явлений к сущности и от менее глубокой сущности ко все более глубокой.

в) Преемственность в развитии идей и принципов, теорий и понятий, методов и приемов Н., неразрывность всего познания действительности как внутренне единого целенаправленного процесса. Каждая более высокая ступень в развитии Н. возникает на основе предшеств. ступени, с удержанием всего ценного, что было накоплено раньше. По мере того как из относит. истин складывается абсолютная истина, позднее достигнутая более полная (относительная) истина оказывается во внутр. соответствии с менее полной, ранее достигнутой.

г) Постепенность развития Н. при чередовании периодов относительно спокойного (эволюционного) развития и бурной (революционной) ломки теоретич. основ Н., системы ее понятий и представлений (картины мира). Эволюционное развитие всей Н. — это процесс постепенного накопления новых фактов, эксперимент. данных в рамках существующих теоретич. воззрений, в связи с чем идет расширение, уточнение и доработка уже принятых ранее теорий, понятий и принципов. Революция в Н. наступает, когда начинается коренная ломка и перестройка ранее установившихся воззрений, пересмотр фундаментальных положений, законов и принципов в результате накопления новых данных, открытия новых явлений, не укладывающихся в рамки прежних воззрений. Но ломке и отбрасыванию подвергается при этом не само содержание прежних знаний, а их неверное толкование, напр. неправильная универсализация законов и принципов, имеющих в действительности лишь относит. огранич. характер.

д) Взаимодействие и взаимосвязанность всех составных отраслей Н., в результате чего предмет одной Н. может и должен исследоваться приемами и методами др. Н. В результате этого создаются необходимые условия для более полного и глубокого раскрытия сущности и законов качественно различных явлений. Такая взаимосвязь частей Н. определяет некоторые особенности ее исторического развития, в частности последовательность возникновения отдельных ее отраслей.

е) Свобода критики, беспрепятств. обсуждение спорных или неясных вопросов Н., открытое и свободное столкновение различных мнений. Поскольку диалектически противоречивый характер процессов природы раскрывается в Н. не сразу и не прямо, в борющихся мнениях и воззрениях отражаются лишь отд. противоречивые стороны изучаемых процессов. В результате такой борьбы преодолевается первоначальная неизбежная односторонность различных взглядов на объект исследования и вырабатывается единое воззрение, более адекватное самой действительности, чего не могло бы произойти в случае объявления наперед, что одна из борющихся сторон обладает абсолютной истиной.

Нарушение указанных закономерностей развития Н. влечет за собой серьезные ошибки и отклонения от истины в деятельности отд. ученых и даже целых школ. Напр., отрыв от практики влечет за собой утрату перспектив науч. развития, увлечение несущественными, а нередко и ложными вопросами, уход в дебри наукообразной схоластики. Игнорирование относит. самостоятельности и внутренней логики развития Н. приводит к узкому практицизму, к недооценке

роли теории, к принижению теоретич. мышления, к прожектерству. Непонимание преемственности в развитии Н. порождает нигилистич. отношение к предшест. истории Н., в результате чего утрачивается способность видеть историч. корни, а тем самым и познават. фундамент совр. науч. направлений, теорий, понятий. Непонимание взаимосвязанности и взаимопроникновения методов Н. обуславливает различные проявления односторонности во взглядах на предмет исследования, типичными из к-рых являются: отрицание применимости методов одних Н. при изучении объектов др. Н., или, напротив, отрицание специфики и даже самого существования предмета одной Н. на том основании, что он может быть подвергнут изучению методами других. Всякая попытка скрывать свободу науч. критики и науч. дискуссий, навязав Н. одну к.-л. т. зр. как якобы единственно верную, не подлежащую оспариванию, приводит к застою в Н. Всякое администрирование в области Н., подмена науч. аргументации декретированием и организац. мерами, монополизм, запрещение свободных дискуссий или сведение их к заранее организованному разгрому одних, неугодных воззрений ради насаждения других и т. п. явления, свойств, особенно культу личности, несовместимы с подлинной наукой и чреваты большими опасностями для нее.

Условия и тенденции развития совр. науки. Н. — сложный процесс «духовного производства», в к-ром многие тысячи людей нашли свою профессию. Если раньше научные исследования осуществлялись, как правило, одиночками или небольшими группами людей в маленьких лабораториях с примитивным оборудованием, то теперь положение коренным образом изменилось: научное творчество осуществляется, как правило, объединенными усилиями больших коллективов людей в гигантских лабораториях с дорогостоящим материальным оснащением. Научное творчество осуществляется в разветвленной системе научных учреждений, институтов, производственных лабораторий, учебных заведений, особенно университетов. В научном творчестве в каждый данный момент участвует ряд поколений. *Преемственность* знаний осуществляется в результате взаимодействия старых и молодых кадров, учителей и учеников, гениальных, талантливых людей и людей средних способностей. «Ни одно открытие любой степени эффективности не может быть сделано без подготовительной работы сотен сравнительно незначительных и лишенных воображения ученых. Эти последние собирают, большей частью даже не понимая, что они делают, необходимые данные, на основании которых великие люди могут работать» (Бернал Дж., Наука в истории общества, М., 1956, с. 29).

Важной формой организации и развития Н., формой выражения преемственности знаний является **научная школа**. Дарования ученого, его талант и гений получают наиболее полное свое проявление через связанный с ним коллектив, через созданную им или творчески развитую научную школу. В научном коллективе посредством обмена опытом, в ходе дискуссий, личных бесед оттачивается лезвие разума и рождаются новые идеи. Вместе с тем, как отметил Луи де Бройль, «коллективная работа, ставшая необходимой во многих исследованиях, конечно, никогда не заменит интенсивных усилий ума, размышляющего в уединении» («По тропам науки», М., 1962, с. 37).

Научные знания все время развиваются: одни положения Н. устаревают и со временем превращаются в тормоз дальнейшего движения, а другие появляются и в борьбе со старыми идеями завоевывают себе право на жизнь. Заимствуя достижения предыдущих поколений, новое поколение критически перерабатывает эти достижения и творчески развивает их дальше.

«...„Ученики“ хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу» (Ленин В. И., Соч., т. 2, с. 494).

Научная истина зачастую появляется как результат борьбы мнений. Единственно надежным судьей в противоборстве мнений является не авторитет, а практика (см. *Критика в науке*).

Отличительным признаком совр. уровня научного знания является проникновение во внутреннюю *структуру* объекта, доведение познания закономерности до раскрытия структуры. Это выдвинуло на передний план структурные методы научного исследования и изображение объектов как сложной системы взаимосвязанных элементов. Объектом совр. Н. являются не только отд. формы движения материи, а их с в я з ь и в з а п о д е й с т в и е. Развиваясь в направлении все более глубокого исследования высоких уровней и сложных систем организации материи, Н. вместе с тем глубже проникает в суть более простых форм движения и тем самым добивается более успешного их практического использования в интересах общества. Так, на основе углубленного структурного изучения биологических, физиологических и психических процессов удается осуществить ускоренный технич. прогресс средствами кибернетики. Проникновение в глубины структуры вещей создало возможность для создания веществ и искусственных систем со свойствами, близкими к заданным: полимеры, искусственные алмазы, кибернетические системы и т. д.

На основе проникновения в глубинные закономерности и установления общих принципов, охватывающих многие сферы действительности, Н. движется по пути специализации. Научное познание тем плодотворнее, чем разветвленнее понятия Н., к-рые способны к огромной дифференциации и интеграции. Происходит уточненная детализация научных понятий и соответственно терминологич. обогащение Н. В связи с этим наблюдается все более широкое использование не только естественных языков, но и разнообразных искусственных знаковых систем (см. *Семiotика, Знак*). Дифференциация научного знания проявляется в выделении отд. разделов Н. в относительно самостоятельные дисциплины со своими специфическими задачами и методами исследования. Чем глубже Н. проникает в детали, тем она лучше вскрывает связи между различными областями действительности, а отсюда интеграция научного знания — формирование наук, к-рые изучают свойства и отношения, общие для большого числа разнокачественных объектов. Чем больше Н. вскрывает общие связи вещей, тем лучше она уясняет суть деталей. Такова реальная диалектика познания по пути дифференциации и интеграции.

С т. зр. специальных методов, совр. Н. характеризуется внедрением в широчайших масштабах экспериментальных приемов изучения, в частности моделирования, с использованием разнообразных технич. средств и растущим проникновением математики в различные области знания. Такие науки, как биология, физиология, языкознание, психология и мн. др. совсем недавно почти не использовали математич. методы. Ныне доступ не только к глубоким проблемам естествознания, но и к области социальных исследований требует тончайших математич. методов. Быстро му процессу математизации наук способствует развитие кибернетики. Успехи кибернетики и *математической логики*, их прямой выход в производство говорят о том, что формализация приносит огромные практические результаты. Развитие этих областей знания в единстве с достижениями Н. в целом приведет к автоматизации почти всего материального произ-ва.

Вместе с тем становится все более ясной и ограниченность формализации и математизации научного

познания. «Математический формализм оказывает совершенно удивительную услугу в деле описания сложных вещей. Но он нисколько не помогает в понимании реальных процессов» (Борн М., Физика в жизни моего поколения, М., 1963, с. 87). «...Нельзя недооценивать необходимой роли воображения и интуиции в научном исследовании. Разрывая с помощью иррациональных скачков (их важность некогда подчеркнул Мейерсон) жесткий круг, в который нас заключает дедуктивное рассуждение, индукция, основанная на воображении и интуиции, позволяет осуществить великие завоевания мысли; она лежит в основе всех истинных достижений науки... Таким образом (поразительное противоречие!), человеческая наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения, которые называются воображением, интуицией, остроумием» (Луи де Бройль, По тропам науки, М., 1962, с. 294—95).

Совр. Н. развивается по пути синтеза формальной и содержательной сторон познания. С общеметодологич. т. зр., совр. Н. характеризуется фактич. проникновением в нее диалектн. материализма. Если раньше, напр., историзм применялся преимущественно к изучению истории общества, к эволюции животного и растительного царств, к геологическим процессам, то теперь он стал сердцевинной научного метода мышления.

По словам Энгельса, научное познание развивается ускоренными темпами; Н. движется вперед пропорционально массе знания, унаследованной от предшествующих поколений. Одним из критериев ускорения темпов развития Н. является сокращение сроков перехода от одной фазы научного познания к другой, от открытия к его практическому применению. Если в прошлом открытие и его применение отделялись десятками и даже сотнями лет, то теперь эти сроки исчисляются несколькими годами и даже месяцами.

Для совр. Н. с ее мощной технич. базой и обширными коллективами ученых, занятых решением задач, к-рые выдвигает практика, связь теоретич. разделов с приложениями становится тесней; все больше утрачивает прежнее значение разделение Н. и разделов внутри отд. Н. на теоретич. и прикладные Н.

Существенной особенностью совр. Н. является то, что она все чаще начинает опережать развитие производства. Н. стала такой силой, к-рая преобразует практику. Из дочери производства Н. превращается в его мать. Многие совр. производственные процессы родились в научных лабораториях. Т. о., совр. Н. не только обслуживает запросы производства, но и все чаще выступает в качестве предпосылки технич. революции. Великие открытия за последние десятилетия в ведущих областях знания привели к научно-технич. революции, охватившей все элементы процесса производства: всесторонняя автоматизация и механизация, освоение новых видов энергии, сырья и материалов, проникновение в микромир и в космос. В итоге сложились предпосылки для гигантского развития производительных сил общества.

Совр. Н. ставит перед учеными и обществом в целом ряд новых обших проблем. К их числу относится задача ориентировки в колоссальной массе материала. Число научных публикаций нарастает чрезвычайно быстрыми темпами. Уже теперь количество научных работников на Земном шаре составляет около двух миллионов, причем численность лиц, занятых научными исследованиями, в развитых странах мира растет гораздо быстрее естественного прироста населения. Все больший процент жителей

Земли занимается Н. Можно считать, что объем научной деятельности удваивается каждые 10 лет. В этих условиях обмен научными идеями становится все более затруднительным. Учащаются случаи дублирования научных открытий и технических изобретений. Ученному становится все более затруднительным следить за научной литературой по своей специальности. Все большую часть своего времени они вынуждены тратить не на творческую постановку и решение проблем, а на поиск информации в литературе. В ряде случаев оказывается выгоднее заново решить некоторую проблему, чем найти в литературе указания о решении этой же проблемы. Для преодоления этой трудности создаются всевозможные обзорные и реферативные журналы по соответствующим областям знания. Однако если учесть современные темпы развития науки, это не может служить радикальному решению вопроса: при сохранении этих темпов и существующих форм научных публикаций к концу 20 в. число научных журналов и периодических изданий приблизится к 1 000 000!

Среди западных ученых сложилась ошибочная «теория предела» развития Н. (Оже, Буш, Прайс и др.), согласно к-рой прогресс Н. в недалеком будущем прекратится в силу того, что цивилизация будет насыщена Н. «Трагедия науки в действительности происходит единственно из ее слишком быстрых темпов развития», — пишет Луи Марлю (цит. по журн.: «Вопр. филос.», 1952, № 5, с. 117). Бурж. идеологи конфликт между прогрессом Н. и бурж. обществом стремятся истолковать как конфликт между Н. и обществом вообще. Но это ложный ход мысли.

Решение этой проблемы следует искать прежде всего в ликвидации социальных антагонизмов, разумной организации общества, а также в рационализации форм научных публикаций, в организации хранения и автоматизации поиска информации, в использовании совр. цифровой техники для логич., статистич., математич. и др. обработки материала. Все это предполагает логич. систематизацию научных дисциплин. Возрастающее значение приобретает создание в широких масштабах справочных трудов — универсальных и отраслевых энциклопедий, терминологич. и др. словарей. Сказанное выдвигает на весьма видное место л о г и к у н а у ч н о г о и с с л е д о в а н и я. Одной из центральных проблем является разработка «метанаук» для различных областей знания, разработка формализованных языков для записи научных фактов (см. *Метатеория*).

Для современной Н. характерно нарастание абстрактности знания. Теоретические разделы Н. возвышаются до такого уровня, когда некоторые ее результаты не могут быть представлены наглядно. Все большую роль приобретают абстрактные, логико-математические и знаковые модели, в к-рых нек-рые черты моделируемого объекта выражаются в абстрактных формулах.

Развитие Н. настойчиво требует взаимного обогащения, обмена идеями между различными, казавшимися далекими отраслями знаний. Встает проблема синтетических методов, охватывающих естествознание и обществ. Н. Естественнонаучные приемы познания все больше проникают в обществ. Н. В историч. исследованиях они, напр., дают надежную основу для определения хронологии, уточнения историч. событий, открывают возможности быстрого анализа огромной массы исторических источников и фактов.

Одним из кардинальных путей взаимного оплодотворения различных Н. является применение методов одной или нескольких Н. для изучения объектов др. Н. Напр., биология получила мощный толчок в своем развитии в результате применения химич. и физич. методов, позволяющих уяснить взаимосвязь физич.

и химич. явлений с биологическими. Биологи установили, что наследственность обусловлена ядром клетки, хромосомами, к-рые передают наследственные признаки. Оказалось, что один из самых интимных вопросов биологии зависит в своем решении в большой степени от химии и что жизнь есть химия не только белковых тел, но и др. химич. компонентов, нуклеиновых кислот.

Исключительно важной новой Н., возникшей в результате применения методов одних наук к изучению объектов из др. областей, является кибернетика, идеи и методы к-рой проникают в такие области, как физиология, биология, экономика, лингвистика и др. науки. С др. стороны, проводимые с кибернетич. точки зрения исследования биологич. систем открывают новые перспективы перед автоматикой, помогают выявлять новые принципы построения технич. систем. Создается действительно такое положение, когда, по одному остроумному замечанию, физиолог учит инженера, как строить автомат, инженер учит физиолога, как изучать мозг, математик учит биолога, как изучать явления жизни, а лингвиста — как изучить структуру языка; животные дают уроки того, как строить самолеты и вообще развивать технику, и т. д.

Взаимодействие различных методов в совр. науках, взаимопроникновение теоретич. и прикладных дисциплин, расчленение отд. Н. на разделы разного уровня абстракции и интеграция научного знания — все это является конкретным проявлением диалектики процесса познания.

Историч. тенденцией развития совр. Н. является ее движение к единой Н. коммунистич. общества. Основные ее черты вырисовываются уже теперь. Они выражаются в интеграции научного знания на основе его дифференциации, в стирании резких граней, разделяющих различные отрасли Н., в образовании Н. с большой широтой обобщения типа кибернетики, а также промежуточных областей типа биофизики, бионики, геохимии и др., цементирующих все здание Н. в единое целое, в проникновение методов одних наук в др. науки. Н. коммунистич. будущего — это единая Н. о различных областях природы, общества и мышления, где теоретич. разделы будут находиться в неразрывном единстве с эмпирическим, а то и другое — с практическим их применением; гуманитарные Н. будут находиться в единстве с естественнотехнич. Н., исторический аспект Н. — с логическим и методологическим и т. д.

С момента возникновения марксизма в истории научного познания четко обозначилась тенденция к единству в развитии наук о природе, об обществе и о мышлении. «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включает в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включает в себя естествознание: это будет одна наука» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 596). Но в этом единстве, разумеется, сохранится качественное своеобразие каждого подхода и каждого предмета исследования. Это будет сложное единство с богатым внутренним расчленением, сцементированным единым научным мировоззрением и единой научной методологией — диалектическим и историческим материализмом.

Б. Кедров, А. Спиркин. Москва.

II. Наука о природе, естествознание

Естествознание — система Н. о природе (естеств. Н.), одна из трех осн. областей человек. знания; теоретич. основа пром. и с.-х. техники и медицины; науч. фундамент филос. материализма, диалектич. понимания природы. Познание природы достигается в результате теоретич. и производств. деятельности чело-

века. Естествознание имеет двойную цель: 1) раскрытие сущности явлений природы, познание их законов и предвидение на их основе новых явлений и 2) указание на возможность использовать на практике познанные законы природы.

Предмет и структура естествознания. Структура Н. о природе определяется прежде всего характером самой природы, как предмета этой Н. Природа есть движущаяся материя. Задача естествознания — познать ее законы и формы ее бытия, ее виды и формы ее движения. Отсюда вытекает определение предмета естествознания: «Познание различных форм движения... является главным предметом естествознания», — писал Энгельс (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 283). Структуру Н. о природе можно рассматривать в двух планах. Первый отражает последовательность усложнения самого ее объекта (т. е. различных видов материи и форм ее движения). Второй отражает ряд Н., в к-рых последовательно углубляется познание одного и того же объекта (или одного и того же круга явлений), начиная с Н., к-рые только описывают его и систематизируют данные о нем, и кончая Н., к-рые проникают в его сущность, отражают законы его истории, развития. В общем весь этот ряд Н. отвечает движению познания от явлений к сущности и от менее глубокой сущности к более глубокой. В этом сказывается внутр. логика развития Н., логика познания природы. Вопрос о структуре естествознания неразрывно связан с проблемой классификации Н. Связь Н. о природе отражает развитие природы, идущее от объектов более простых, низших, к более сложным, высшим.

Раздвоение ряда Н. вслед за химией отражает раздвоение процесса развития природы на неживую и живую, к-рое зарождается в пределах химии с того момента, когда химич. соединения дифференцируются на органич. и неорганич.

Такое раздвоение подготавливается на атомном и молекулярном уровнях структуры материи: из молекул образуются агрегаты (газообразные, жидкие, твердые — аморфные и кристаллич.), составляющие основу различных сфер нашей планеты или неживой природы (обл. геологии и родств. с нею Н.). С др. стороны, постепенное усложнение молекул углеродистых соединений приводит к образованию белков, к-рые составляют основу живой природы. Физика, химия, геология и биология относятся к числу основных отраслей современного естествознания. Их взаимная связь в самом первом приближении может быть выражена в виде общего ряда Н.

В совр. естествознании существует множество переходных Н., к-рые свидетельствуют об отсутствии к.-л. резких граней между различными его отраслями о взаимопроникновении ранее обособленных Н.

Каждая осн. отрасль естествознания подразделяется, в соответствии с изучаемыми ею более частными формами движения материи, на ряд науч. дисциплин; так, химия подразделяется на неорганич. и органич. (по характеру объекта) и аналитич. химию (по методу); биология — на зоологию и ботанику (по характеру объекта, но вместе с тем и по общему методу, поскольку обе они носят характер систематич. Н.), морфологию, анатомию и физиологию (по методу и вместе с тем по предмету: первые две изучают форму и внутр. строение организмов, физиология — их функции) и т. д.

Между естеств. Н. существуют также взаимоотношения, к-рые отражают развитие целых совокупностей материальных объектов, включающих в себя различные формы движения. Так, астрономия изучает небесные тела и их системы, их происхождение (космогония) и Вселенную как целое (космология).

В результате абстрагирования от природы движущегося предмета и рассмотрения его движения лишь со стороны характеристики его перемещения в пространстве под воздействием внешних сил из физики выделяется особая отрасль естествознания — механика. Дальнейшее абстрагирование от качеств физич. содержания явлений природы и ограничение их количеств. стороной лежит в основе математики. Предметом математики является не к.-л. особая форма движения материи, а абстрактно выделенная (количеств. и пространств.) сторона движения и взаимоотношения тел природы. Не будучи сама частью естествознания, математика тесно связана с ним и по отношению к нему выступает в качестве аппарата — особого приема исследования и обобщения опытного материала.

Связь естествознания с техникой и философией. При всей своей внутр. целостности, вытекающей из единства как самой природы, так и теории, естествознание представляет весьма сложное явление, обладающее различными сторонами и связями; оно взаимодействует с др. обществ. явлениями, причем само не относится ни к базису, ни к надстройке. Через технику, через практич. использование познанных законов природы естествознание связано непосредственно с пром-стью, с х-вом, здравоохранением, средствами сообщения и связи и т. д. Через философию, борьбу партий в философии естествознание связано с борьбой классов в области идеологии..

Эту двоякую, или двустороннюю связь Н. отмечал Энгельс, говоря, что «... науки приняли в восемнадцатом веке свою научную форму и вследствие этого сомкнулись, с одной стороны, с философией, с другой — с практикой» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 608) (под Н. здесь имеется в виду естествознание, а под практикой — прежде всего произ-во, техника). Связь с техникой, а произ-вом является важнейшей для естествознания. Критикуя идеалистич. взгляд на генезис Н., Энгельс писал, что возникновение и развитие Н. обусловлены произ-вом и что Н. зависит от состояния и потребностей техники. Не только экспериментальная, но и теоретич. стороны естествознания целиком обязаны своим развитием произ-ву, поскольку потребность использования новых сил и веществ природы толкает ученых к более полному и глубокому ее изучению, открывают ее законы и обобщению эмпирич. материала. Естествознание начинает выступать как специфич. производит. сила. В Программе КПСС указывается, что прогресс Н. и техники в условиях социализма становится решающим фактором роста производит. сил общества.

При решении задач, вывинутых запросами совр. техники, произ-ва, естествознание следует собств. относительно самостоят. путями развития, оперируя специфич. способами исследования природы, к-рые определяются внутр. логикой науч. познания.

В отношении общетеоретич. истолкования явлений природы естествознание тесно связано с философией, т. к. никакое научное обобщение невозможно без оперирования научными понятиями и приемами научной логики. Говоря о необходимости для естествознания вступить в теоретич. область исследования, Энгельс отмечал, что «...здесь эмпирические методы оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление» («Диалектика природы», 1955, с. 22), ибо «естествоиспытатели ... без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории...» (там же, с. 164); последние разрабатываются философией.

Чем более широкий характер имеют теоретич. обобщения, тем теснее они связаны с философией. Отсюда возникает потребность в единстве между философией и естествознанием, в контакте между представителями обеих отраслей знания, в их взаимопомощи. Об этом писал еще Герцен. О союзе между философами-марксистами и естествоиспытателями в совр. историч. условиях говорил Ленин в статье «О значении воинствующего материализма»: «...Союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму», чрезвычайно важен: без разрешения этой задачи «...воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом» (Соч., т. 33, с. 206—07). Без поддержки со стороны философско-материалистов «...крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях». Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае (там же, с. 208).

Одно из пагубных последствий культа личности состояло в отступлении от этих ленинских заветов, в их грубом нарушении. Примером этого являлась обстановка, к-рую создал в области биол. наук Сталин, способствуя утверждению односторонних взглядов нек-рых догматиков-биологов. Нормальное положение в данной области Н., мешавшее правильному развитию Н. и установлению дружеских контактов между самими естествоиспытателями, а также между ними и философами, продолжало отчасти сохраняться и после Сталина. Между тем одним из важнейших условий развития естествознания и всей Н. является свобода критики и творч. дискуссий. В Программе КПСС указывается на необходимость свободных товарищеских дискуссий в Н., содействующих творч. решению назревших проблем. Только при соблюдении этого условия будет в дальнейшем крепнуть союз естествоиспытателей и философов во всех областях Н.

Периодизация истории естествознания. Обусловленность развития естествознания обществ.-историч. практикой ведет к тому, что каждому типу и уровню развития производит. сил, техники отвечает своеобразный период в истории естествознания. Развитие техники закономерно вызывает не только дальнейший рост естествознания, но и переход на качественно более высокую ступень познания природы. Естествознание как систематич. исследование природы возникло во 2-й пол. 15 в.; более ранние периоды его развития можно рассматривать как зачаточные или подготовительные к систематич. опычному изучению природы. В соответствии с этим в истории естествознания можно выделить след. периоды.

П е р в ы й п е р и о д (зарождение элементов естествознания) характерен в основном для древности; его можно назвать натурфилософским, или наивно-диалектическим. Он зародился в странах Древнего Востока (Китай, Индия, Египет и др.) и получил наиболее полное выражение в Древней Греции, а также в Древнем Риме. В целом техника того времени была еще сравнительно слабо развита, несмотря на отд. выдающиеся технич. достижения древних мастеров. Из всех отраслей естествознания начали складываться в самостоят. Н. лишь механика и астрономия, к-рые обслуживались математикой; позднее стала выделяться химия в первонач. форме алхимии. Анатомия, медицина и др. Н. находились еще в за-

чаточном состоянии. Естествознание не смогло тогда выделиться в самостоят. отрасль знания, и естеств.-науч. воззрения того времени входили в единую филос. науку, т. е. носили натурфилософский характер. В первонач. картине природы было отражено гл. обр. «общее» (связь, движение, взаимодействие, развитие), но отсутствовало изучение частных, без чего общая картина была неясна, расплывчата. Аналитич. исследование природы зародилось по мере того, как из единой до тех пор философии начиналось выделение первых отраслей естествознания. Однако полное отпочкование естеств. Н. от философии могло произойти только тогда, когда у общества появилась технич. потребность, для удовлетворения к-рой нужна была самостоят. Н.

В т о р о й п е р и о д характерен для средневековья (точнее, до 2-й пол. 15 в.). В изв. степени его можно назвать схоластическим, т. к. в условиях зап.-европ. средневековья Н., подобно схоластике, была смиренной служанкой церкви, утратила черты подлинной науки и выродилась в псевдонауч. придаток теологии и схоластики (астрология, алхимия, магия, каббалистика и т. п.). Прогресс техники на Западе до сер. 15 в. совершался крайне медленно. Техника того времени почти не нуждалась в систематич. изучении природы, поэтому она не оказывала заметного влияния на развитие естеств.-науч. знаний. Но все же и в это время (особенно начиная с 14 в.) шел, хотя крайне медленно, процесс накопления новых фактов, подготовивших переход к след. периоду в истории естествознания. Еще раньше такая подготовка уже происходила в странах Ближнего Востока, где народами Ср. Азии, арабами были сделаны многие важные естеств.-науч. открытия.

П е р и о д м е х а н и ч е с к о г о е с т е с т в о з н а н и я, начавшийся с момента возникновения Н. о природе как систематической, экспериментальной Н. в эпоху Возрождения, отвечает времени возникновения и формирования капиталистич. отношений в недрах феод. строя в Зап. Европе (со 2-й пол. 15 в. и кончая примерно 2-й пол. 18 в.). Здесь особенно выделяется естествознание начала 17 в., связанное с именами Галилея, Бэкона и др. (формирование механич. естествознания), и естествознание конца 17 в. — начала 18 в., связанное с именем Ньютона (завершение этого процесса). В связи с тем, что господств. методом мышления стала в то время метафизика, этот период в естествознании можно также назвать метафизическим. Однако уже тогда во всех только еще возникавших его отраслях делались открытия, в к-рых обнаруживалась диалектика природы. Естествознание было связано с пром-стью, превращаясь из ремесленного в мануфактурное произ-во. Энергетич. базой пром-сти служило тогда механич. движение; вставала задача изучить механич. движение, найти его законы. Мореплавание нуждалось в небесной механике; воен. дело выдвигало проблему баллистики. В связи с решением такого рода задач и развивалась механика. За механикой следовали химия и физика и уже потом — биология. Естествознание рассматриваемого периода стало механистическим, поскольку ко всем процессам природы прилагался исключительно масштаб механики. С таких позиций химии и физики разрабатывали в 17 в. атомистич. учение (Бойль, Ньютон и др.), идею сохранения движения (Декарт) и др. Без созданных в конце 17 в. анализа бесконечно малых и аналитич. геометрии, опирающейся на понятие переменной величины, были бы невозможны успехи механики и всего естествознания, ибо, напр., лишь дифференциальное исчисление дало естествознанию возможность изображать не только состояния, но и процессы, не только покой, но и движение. Тем самым уже математика начала готовить крушение метафизич. взгляда на природу, опиравшегося на затвердевшие категории и учитывавшего лишь постоянство и неизменность предметов природы.

Будучи связано в своей общетеоретич. части с филос. материализмом, естествознание служило идеологич. оружием в борьбе прогрессивных сил общества против господств. феод. идеологии. Борьба материализма против идеализма в значит. мере выступала как борьба естествознания, опиравшегося на опыт, против религии и ее союзника — схоластики, опиравшихся на авторитет «отцов» церкви и священных книг. Начавшийся период в развитии естествознания означал систематич. переход к анализу явлений природы. Это сказалось в появлении и развитии таких направлений в опытном исследовании природы, к-рые предполагали расчленение целого на его составные части (анатомия растений и животных, аналитич. химия, учение о физич. «силах» и т. д.). Особенно глубоко такое расчленение было осуществлено в механике, где анализ был доведен до отчленения материи (в виде инертной массы) от источника ее движения (превращенного во внешнюю «силу»), от пространства и времени, превращенных в абсолютные (пустые и неподвижные) формы бытия, к тому же оторванные друг от друга. Этот анализ лег в основу системы механики Ньютона, к-рый завершил данный период в истории естествознания. Однако расчленение природы, проводимое учеными в целях лучшего ее познания, постепенно превращалось в привычку представлять природу состоящей из неизменных вещей, лишенных развития и взаимной связи. Так сложился метафизич. взгляд, в основу к-рого было положено представление об абс. неизменности природы. Возникли метафизич. учения о невесомых «материях», воплощавшие идею обособленности и неизменности «сил» природы. Признание неизменности и обособленности предметов, явля-

ний природы исключало возможность дать в конечном счете их происхождение материалистич. объяснение, пришлось прибегнуть к т. н. первоначальным толчкам, т. е. божество. актам творения (первотолчок по Ньютону, якобы данный богом планетам; божественное сотворение органич. видов по Линнею и т. д.). Это определило осн. противоречие тогдашнего естествознания: «Революционное на первых порах естествознание оказалось перед наскоком консервативной природы, в которой и теперь все было таким же, как в начале мира, и в которой все должно было оставаться до скончания мира таким же, каким оно было в начале его» (Энгельс Ф., *Диалектика природы*, с. 153). В середине и 2-й пол. 18 в. началась подготовка крушения этого взгляда на природу: в 40—60-х гг. Ломоносов (атомно-кинетич. концепция в химии и физике, закон сохранения материи и движения, историч. взгляд на образование слоев земли); Кант и Лаплас, создавшие космогонич. гипотезу; К. Ф. Вольф, выдвинувший идею развития в биологии, и др.

Период эволюц. идей в естествознании и начался примерно в 1-й трети 19 в.; его можно было бы назвать также стихийно-диалектич. в связи с тем, что с этого момента начинается стихийное проникновение диалектики широким фронтом в естествознание. Пром-сть достигает стадии крупного машинного произ-ва, начавшего развиваться еще в конце 18 в., — технич. переворот, связанный с изобретением и применением рабочих машин. Энергетич. базой пром-сти становится паровой двигатель. В связи с этим преимуществ. развитие механики перестает удовлетворять потребностям произ-ва. На первый план выдвигаются физика и химия, изучающие взаимопревращение и взаимосвязь различных форм движения: термодинамика (теплота и механич. движение — работы С. Карно), электрофизика, электрохимия (электричество и теплота, химизм и электричество — работы В. В. Петрова, Дэви, Фарадея и др.). В химии получают развитие химич. атомистика (в работах Дальтона, Берцелиуса и др.), способствующая ликвидации разрыва между веществами неживой и живой природы (первый органич. синтез — искусств. приготовление мочевины — Вёлером, выступление химика Шверля против витализма). В геологии развивается историч. взгляд на земную кору (теория медленного развития Земли Лайеля); в биологии складывается эволюц. теория (Ламарк и др.), возникают палеонтология (Ж. Кювье) и эмбриология (К. М. Бэр).

Возникла необходимость в сочетании анализа с синтезом в целях теоретич. охвата накопленного опытного материала. В естествознании получили развитие такие приемы исследования, к-рые позволили раскрывать связи между различными, ранее разрозненными областями Н. (элементам сравнит. метода в анатомии, в климатологии, в географии). В химии такой синтез осуществлялся и теоретически (с помощью атомистич. теории) и экспериментально (с помощью органич. синтеза). В естествознании подготавливался закономерная смена метафизич. взгляда на природу диалектич. Особенно этому способствовали 3 великих открытия: создание клеточной теории Пуркине и в особенности Шлейден и Шванном; открытие закона сохранения и превращения энергии Р. Майером и др.; создание Дарвином эволюционной теории.

За эти последовали новые выдающиеся открытия: создание теории химич. строения Бутлеровым, открытие периодич. закона химич. элементов Менделеевым, разработка химич. термодинамики Вант Гоффом и Гиббсом и мн. др. В результате всех этих открытий диалектика все глубже проникала в естествознание. Однако уже с нач. 19 в., а особенно после европ. революций 1848 в силу причин, лежащих в самом естествознании, положение коренным образом изменилось. Как раз в то самое время, когда естествознание 19 в. стало доказывать наличие объективной диалектики в природе, диалектика стала всячески изгоняться из Н. и третироваться представителями официальной философии. В силу этого естествоиспытатели, нуждавшиеся в диалектич. методе, вынуждены были пользоваться старыми идеалистич. и метафизич. системами; это сильно тормозило развитие естествознания. Влияние бурж. мировоззрения сказывалось и в отстаивании идеалистич. и агностич. взглядов на природу. В подобных условиях диалектика могла лишь стихийно проникать в естествознание. В результате возникло осн. противоречие в естествознании этого периода — между объективным содержанием делаемых открытий, подтверждавших материалистич. диалектику, и субъективными оценками и истолкованием этих же открытий учеными в духе идеализма и метафизики: «... этот конфликт между достигнутыми результатами и укореившимся (метафизическим. — *Ред.*) способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей» (Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, 1957, с. 23). Анализ всего этого периода в естествознании дан в классич. произведениях основоположников марксизма (особенно в работе Энгельса «Диалектика природы»), касающихся филос. оценки современных им открытий и обобщающих эти открытия с позиций диалектич. материализма.

Период революции и кризиса в естествознании и Капитализм на рубеже 19 и 20 вв. вступил в стадию империализма, в связи с этим появились новые обстоятельства, оказывающие на естествознание как стиму-

лирующее, так и тормозящее влияние. В этот период особенно ясно выступает связь естествознания с техникой. В 20 в. форсируется развитие ведущих отраслей естествознания: физики (атомная энергия, радиолокация, средства связи, автоматика и кибернетика и т. д.); химии — синтез высокомолекулярных соединений, в особенности играющих роль стратегич. сырья (каучук, искусств. волокно, синтетич. топливо), получение легких сплавов для авиации и др.; бурное развитие авиации стимулировало разработку аэродинамики и т. д. Энергетич. базой пром-сти в нач. 20 в. становится не только пар, но и электричество, а также химич. энергия (двигатели внутр. сгорания). Выдвигаются такие громадные технич. задачи, как открытие способов передачи энергии на большие расстояния. Стимулирующее воздействие на естествознание новых потребностей техники привело к тому, что в сер. 90-х гг. 19 в. началось, по определению Ленина, «новейшая революция в естествознании», прежде всего в физике: открытие электромагнитных волн (Герц), лучей Рентгена, радиоактивности (А. Беккерель), радия (М. Кюри-Склодовская и П. Кюри), электрона (Дж. Дж. Томсон), светового давления (Лебедев), первых законов, изучаемых квантовой теорией (Планк), изобретение радио (Попов) и др. Позднее на основе периодич. закона Менделеева и этих физич. открытий была создана модель атома (Н. Бор). Революция в физике сопровождалась крупением прежних метафизич. взглядов на атомы, как на неизменные, неделимые, последние частицы материи, на механич. массу, на пространство и время, на движение и его формы; новые физич. открытия подтверждали диалектич. материализм. Однако в обстановке империализма эта революция в естествознании сопровождалась кризисом его методологич. осн., к-рый вызван активизацией идеализма и религии. В таких условиях часть ученых на рубеже 19—20 вв. перешла в лагерь идеализма и повела активную борьбу против материализма внутри самого естествознания. Так возник «физический» идеализм (максизм, энергетизм). «Суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» (Ленин и В. И., *Соч.*, т. 14, с. 245). Прогресс Н. и одновременно использование его для реакц. филос. выводов — таков глубоко антагонистич. характер развития естествознания в эпоху империализма в капиталистич. странах. «Реакционные поползновения порождают сам прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождают забвение материи математиками. „Материя исчезает“, остаются одни уравнения» (там же, с. 294). Это положение вещей продолжало сохраняться в естествознании и позднее, вследствие чего новые физич. теории, напр. квантовая механика, при самом своем возникновении были истолкованы идеалистически; положит. физич. содержание новых теорий нередко переплеталось (особенно в области новых физич. понятий) с их идеалистич. истолкованием. Т. о., кризис совр. физики не означает прекращения ее дальнейшего развития, как это утверждают механисты, но означает паразитирование филос. реакции на дальнейшем росте физики, на революции в ней. Анализ данного периода в естествознании дан в произведениях Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Период диалектико-материалистич. развития естествознания. В этот период естествознание вступает при социализме, строе, когда ликвидированы в корне антагонистич. противоречия, свойственные капиталистич. строю. Это естествознание Энгельс называл «сознательно-диалектич.» (см. «Анти-Дюринг», 1957, с. 12, прим.). Плановое социалистич. х-во, бурный рост производит. сил, техники всесторонне стимулируют развитие Н. Ученые социалистич. стран на базе диалектич. материализма успешно ликвидируют кризис естествознания и преодолевают прежнюю стихийность и непоследовательность применения диалектики, что обуславливало до сих пор слабость позиций материализма в естествознании. В капиталистич. странах все больше и больше расширяется фронт передовых ученых, к-рые отстаивают в интересах мира между народами и процветания мировой культуры значение передового естествознания, служащего мирному развитию пром-сти и техники, росту благосостояния трудящихся масс. Для ряда прогрессивных ученых капиталистич. стран (Бернал, Ланжевен, Жюлио-Кюри и мн. др.) характерен переход от стихийного материализма на позиции диалектич. материализма, на путь сознательного его применения.

В произведениях Ленина после 1917, особенно в статье «О значении воинствующего материализма», характеризуется совр. естествознание с позиций диалектич. материализма и определяются задачи ученых в области естествознания. «В век бурного развития науки еще большую актуальность приобретает разработка философских проблем современного естествознания на основе диалектического материализма, как единственно научного метода познания» (Программа КПСС, с. 127).

Перечисленные осн. периоды в истории естествознания подразделяются на более мелкие этапы, в течение к-рых получают развитие характерные особенности каждого периода. Напр., кризис естествознания в странах капитализма прошел этапы: до 20-х гг. 20 в. (связан с открытием электрона, радиоактивности, кванта), с 20-х до начала 40-х гг. 20 в.

(связан с квантовомеханич. и релятивистскими концепциями); с 40-х гг. по настоящее время (связан с овладением атомной энергией, проникновением в глубь атомного ядра и его частиц, с созданием кибернетики, космонавтики, молекулярной биологии).

Узловые проблемы диалектики совр. естествознания. Узловыми проблемами диалектики совр. естествознания могут считаться те, в к-рых наиболее полно и всеобъемлюще раскрывается диалектика природы на нынешнем этапе его развития. К таким проблемам относятся:

а) Раскрытие всеобщей связи явлений природы, их взаимных переходов, их взаимообусловленности. С особенной отчетливостью эта диалектика раскрывается во взаимосвязи между неживой и живой природой: учение о сущности жизни как форме существования сложных полимеров (белков и др.) и их химизме; гипотеза о происхождении жизни из неживой материи химич. путем; учение о физико-химич. основах наследственности и др. свойств и сторон жизнедеятельности организмов; результаты применения кибернетики к изучению различных жизненных функций. Усложнение структуры совр. естествознания — появление в нем новых переходных и промежуточных наук — есть следствие осн. процесса все более полного раскрытия объективной диалектики природы. Непонимание диалектики взаимосвязи различных форм движения и отражения ее в виде взаимосвязи Н. приводит к двум ошибкам противоположного характера. Одна состоит в недооценке или отрицании специфики высшей формы движения, в попытке «сводите» ее к более низким формам, из к-рых она возникла исторически и к-рые входят в нее как в «главную» в виде «побочных» (снятых или превзойденных) форм движения. Другая ошибка состоит в отрицании или недооценке связи высшей формы движения с низшими, в попытке оторвать ее от них, абсолютизировать ее специфику, превратить ее в нек-рое вполне обособленное от всей остальной природы «начало» (подобное «жизненной силе» в биологии). Обе ошибки преодолеваются, если к соотношению форм движения в природе подходить не с метафизич., а с диалектич. позиций.

б) Движение познания к сущности явлений природы, развитие достигнутых ранее пределов познания объекта. Это движение имеет два взаимно противоположных направления: в глубь материи, в область микрокосмоса (или атомного мира) и в ширь материи, в область макрокосмоса (или мира небесных тел). С проникновения в микрокосмос исторически началась новейшая революция в естествознании, а вместе с ней и само совр. естествознание. Открытие электрона и в особенности создание квантовой теории, опирающейся на планковскую универсальную константу, играющую роль как бы пограничного столба между двумя областями — макро- и микроявлений, явились замечат. обнаружением диалектики природы и диалектики ее познания человеком. С тех пор совр. естествознание каждым своим открытием в области микропроцессов доказывает вновь и вновь положение Ленина о неисчерпаемости любой сколь угодно малой частицы материи и «вообще бесконечность материи вглубь...» (Соч., т. 38, с. 101). Проникновение физики в глубь «элементарных» частиц, выяснение того, что они обладают сложной внутр. структурой, служит подтверждением этой объективной диалектики природы. С др. стороны, совершаются проникновения человека в космос. Исключительно большие победы Н. и техники достигнуты благодаря запуску совр. ракет, спутников, лунников и космических кораблей, несущих на своем борту космонавтов. Благодаря этому естествознание перестало быть геоцентрическим. Дальнейшие тенденции развития совр. естествознания: все более широкое проникновение в космос. Раскрывающаяся при этом объективная диалектика природы служит опровержением агностицизма и свидетельством всемогущества разума и безграничных возможностей человека познавать природу и овладевать ею.

в) Обнаружение нераздельности материи и форм ее бытия (движения, пространства и времени). Это с особенной ясностью происходит при проникновении естествознания в глубь и в ширь материи: преодолевается механистич. представление о разделенности материи и движения о независимости значения массы тел от скорости их движения, о разобщении осн. форм бытия (каковой разрыв допускался в ньютоновском представлении об абсолютных, или «чистых», пространстве и времени) и идеалистич. отрыв движения, или энергии, от материи («энергетизм»), пространства и времени от материи. Из *относительности теории* выведены: а) релятивистские соотношения, показывающие, что масса тела количественно меняется в зависимости от скорости его движения, и фундаментальный закон взаимосвязи и неразрывности массы и энергии (закон Эйнштейна), широко подтвержденный на ядерных реакциях, в частности на явлении «дефекта массы». Тем самым объективная диалектика природы подтверждает филос. положение диалектич. материализма о неразрывности материи и движения, о том, что нет материи без движения и нет движения без материи. Теория относительности раскрыла единство пространства и времени и их зависимость от внутр. структуры материи и от движения материи. Дальнейшие тенденции развития естествознания идут в этом же направлении (напр., при изучении природы «элементарных» частиц).

г) Взаимосвязь принципа развития природы с принципом единства природы. Развитие совр. естествознания идет в сто-

рону все более полного и последоват. раскрытия взаимосвязи указанных двух принципов диалектики. Этим подтверждается ленинское указание, что «... всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом ед и н с т в а м и р а, природы, движения, материи...» (Там же, с. 251). Конкретно это выражается в том, что строение, структура вещи или системы вещей (выражающая связь ее элементов) трактуется как закономерный результат происхождения этой вещи или системы вещей. Следовательно, структурный и генетич. разрезы вещи совпадают в конечном счете и должны приводить различными путями к одним выводам. Такое совпадение обнаруживается в области представлений о строении и происхождении физич. микрообъектов («элементарных» частиц, атомных ядер, атомов или химич. элементов), основой к-рых служат законы, подобные периодич. закону Менделеева. К выяснению строения «элементарных» частиц и ядер физика подходит здесь со стороны анализа тех превращений, к-рые они испытывают. Такое же совпадение составляет руководящую нить для исследований в области звездной (Амбарцумян) и планетной (В. Г. Фесенков, О. Ю. Шмидт) космогонии: при разработке космогонич. концепций необходимо исходить из учета совр. строения космич. систем с тем, чтобы показать, как оно возникло исторически. Отмеч. совпадение особенно сказывается в биологии, является по сути дела руководящим принципом всей эволюц. теории органич. природы и сравнит. метода во всех отраслях биологии. Тенденции развития естествознания идут в направлении дальнейшего еще более тесного взаимопроникновения и взаимообоснования обоих отмеч. принципов, в к-рых также все полнее и глубже раскрывается объективная диалектика природы.

д) Раскрытие ядра диалектики природы. Ядром диалектики является, по Ленину, «... учение о единстве противоположностей» (там же, с. 215). Общая схема проявления единства противоположностей, данная Лениным (см. там же, с. 357), получила глубокое развитие в совр. естествознании. В области физики и механики ядро диалектики выступило как противоречие прерывности и непрерывности прежде всего благодаря раскрытию противоречивой природы микрообъектов — их корпускулярно-волнового характера. Теория относительности раскрыла единство противоположных проявлений массы как фундаментального физич. свойства материальных тел: массы покоя и массы движения. В области микропроцессов развилось и усложнилось представление о противоположности свойств микрообъектов, к-рое раньше выступало гл. обр. в форме противоположности положит. и отрицат. электричества. Установлено теперь, что любая микрочастица вещества имеет свой диалектич. антипод в виде соответств. ей античастицы. По значению такого специфич. квантовомехан. свойства, как «спин», микрочастицы могут находиться в противоположных состояниях, как если бы они могли вращаться в двух прямо противоположных направлениях вокруг своей оси. Противоречивость обнаруживается и в том, что одни частицы относительно устойчивы, стабильны и могут сохраняться неопределенно долго; другие же, напротив, неустойчивы, нестабильны, склонны к спонтанному распаду (радиоактивные) и обладают огранич. временем жизни.

Ядро диалектики природы выступает и в виде противоречивой характеристики различных сторон универсальной закономерности связи явлений мира, в частности в виде соотношения динамич. закономерности, к-рой подчиняется отд. индивид., и статистич. закономерности, присущей целому коллективу индивидов, или их ансамблю.

Единство противоположностей в биологич. эволюции проявляется в форме единства случайности и необходимости, прерывности и непрерывности; оно проявляется в виде единства целостности и дискретности живых организмов и т. д. В более широком смысле ядро диалектики природы выступает как единство макро- и микрокосмоса, неживой и живой природы и мн. др. Тенденция развития естествознания направлена к раскрытию единства и «борьбы» противоположностей во всех областях природы.

е) Обнаружение качеств. изменений, различий в природе. Раскрытие диалектики природы находит свое выражение в установлении качеств. различий явлений природы там, где раньше предполагали их полное, или абстрактное, тождество. Такое тождество допускалось еще в 1-й четверти 20 в. между строением макро- и микрокосмоса: атом трактовался как в принципе полное подобие миниатюрной солнечной системы, где вокруг ядра, как центрального тела системы, обращаются по строгим орбитам шарики-электроны в качестве микропланет. Квантовая механика в корне разрушила идею полного, механич. тождества макро- и микрообъектов, раскрыв специфику последних, обусловленную тем, что электроны ссы в шарики, а сложные образования, обладающие корпускулярно-волновой природой. Тем не менее единство обеих областей природы — макро- и микроявлений было сохранено в форме конкретного тождества, в к-рое органически включено и различие. Следовательно, здесь выступило тождество в различии, единство в многообразии.

Особенно важное значение приобретает проблема скачка и связанная с ней проблема специфичности законов в каждой области природы. Преодолевая механицизм, естествознание вынуждено признать, что, напр., биологич. закономерности качественно отличны не только от социальн., но и от физико-химических, подобно тому, как жизнедеятельность организма не есть простая совокупность механич., физич.

и химич. процессов, хотя она предполагает их и включает их в себя в качестве «побочных», или подчиненных, форм движения.

Проблема скачка составляет основу многих сложных, еще нерешенных вопросов совр. естествознания, в т. ч.: о внутр. механизме взаимного превращения «элементарных» частиц, т. е. скачки при переходе от одних частиц к другим, качественно отличным от них (напр., от фотонов к электронам и позитрону при «рождении пары»); о переходе от протозвездной материи к звездным системам и от первоначальной диффузной материи, окружавшей Солнце, к планетам; о переходе от неорганич. материи к жизни, от неощущающей материи к ощущающей, от ощущения к мышлению; о видообразовании, т. е. о качеств. изменениях и переходах от одного вида к другому в живой природе; о переходе от вышних обезьяноподобных предков человека к человеку (проблема *антропогенеза*) и т. д. В постановке и решении таких вопросов наблюдается антидиалектич., ленауч. тенденция представлять скачок, или переход, от одного качества к другому не в виде историч. процесса, имеющего предел. длительность во времени, а в виде внезапного, одноактного события (катастрофы, взрыва, разового удара), практически лишенного развития во времени. Тем самым эти концепции противоречат идее эволюции, лежащей в основе всего совр. естествознания. Противоположные концепции строятся на основе признания постепенности развития, непрерывно к-рой оказывается скачок как качеств. изменение; но сам скачок, будучи непрерывом количеств. постепенности, может протекать как постепенно и длительно развивающийся во времени процесс. На этой основе строятся прогрессивные концепции в совр. естествознании. Тенденция его развития направлена к тому, чтобы ликвидировать остатки метафизич. учений о внезапных, якобы ничем не обусловленных, «катастрофах» и «взрывах» и утвердить последовательно идею развития природы.

ж) Выяснение соотношения между материей и сознанием и законом функционирования сознания. Решение этой проблемы идет с двух сторон. Ее решает учение о *высшей нервной деятельности*. С иной стороны к этой же проблеме подходит кибернетика, к-рая раскрывает единство в явлениях, протекающих в неживой и живой природе и в человек. мозгу, трактуя это единство явлений как их далеко идущую аналогию. Проникновение кибернетики во все отрасли естествознания, в т. ч. и биологию, будет способствовать их быстрому прогрессу.

з) Ведущая роль физики как лидера совр. естествознания. Главнейшее положение, к-рое заняла физика с начала новейшей революции в естествознании, объясняется тем, что именно физика сыграла решающую роль в проникновении сначала в микрокосмос (в конце 90-х гг. 19 в.), а затем в макрокосмос (в конце 50-х гг. 20 в.), что именно она является гл. теоретич. основой развития всей совр. техники (электроника, автоматика, механизация произ-ва). Далее, именно физика позволяет остальным отраслям естествознания (астрономии, химии, геологии, биологии и др.) раскрывать основы и генезис изучаемых ими явлений природы, связывая их с физич. процессами, к-рые сопутствуют им или вызывают их. Вот почему в решении ХХI съезда КПСС сказано: «Ведущее место в естествознании занимают физические науки, от успешного развития которых зависит движение вперед смежных наук и народного хозяйства. Дальнейшие перспективы технического прогресса определяются в настоящее время прежде всего достижениями основных направлений физической науки... Значение комплекса биологических наук будет особенно возрастать по мере использования в биологии достижений физики и химии» (Материалы внеочередного ХХI съезда КПСС, 1959, с. 243).

Вместе с тем открытия физики начиная с 1895 имели исключительно большое значение, для развития материалистич. философии и диалектики в части учения о материи и ее структуре, о движении как форме существования материи, о пространстве и времени, о причинности и типах закономерности в природе и т. д. Все это обусловлено тем, что физика имеет дело с относительно самыми простыми, «элементарными» видами материи и формами ее движения, типами ее внутр. связей, с наиболее общими формами всякого бытия. Объекты всех др. естеств. наук исторически, в ходе развития природы, так или иначе возникли из тех, к-рые изучает физика. Но, не выяснив генезиса этих более сложных объектов природы (химич., биологич. и др.), нельзя понять и их собств. сущности. Поэтому прогресс естествознания на совр. уровне его развития состоит в том, чтобы раскрыть генетич. и структурную связь всех высших форм движения материи (включая и те, к-рые совершаются в мозгу человека) с физическими. Когда эта задача будет выполнена, возможно, что ведущая роль лидера перейдет к к.-н. другой отрасли естествознания, напр. к биологии, или к ряду Н. одновременно, напр. к физике, астрономии, биологии и др. В истории естествознания однажды уже возникла аналогичная ситуация: в 17—18 вв. ведущей отраслью естествознания была механика, к-рая изучала простейшую по тому времени форму движения материи. Это обусловило то, что масштаб механики применялся ко всем процессам природы. Но к началу 19 в., когда задача изучения механич. стороны у тел и явлений природы была в основном выполнена, ведущая роль перешла от механики к трем другим отраслям естествознания—физике, химии и биологии. Если 18 в. был

веком механики, то 19 в. стал веком пара, атомистики и дарвинизма.

Возможно, что на новой, более высокой ступени развития естествознания история повторится в несколько иной форме, когда генезис и структура более сложных форм движения будут в основном выяснены с помощью физики. Но пока — это лишь тенденция развития совр. естествознания, к-рая может реализоваться в более или менее отдаленном будущем.

Б. Кедров. Москва.

III. Науки о человеке и обществе

Общественные Н., социальные Н.; употребляется также название гуманитарные Н. — совокупность Н. о человеке и обществе, которые отличаются от Н. о природе (естествознания) и практическом использовании ее законов. В составе гуманитарных Н. выделяют И. о мышлении. Обществ. Н. представляют собой систему всех областей знания об обществе, законах его возникновения и развития; о его структуре, отд. элементах этой структуры и различных сторонах обществ. жизни; об общественном бытии, общественном сознании и их взаимодействии; о *человеке*, его формировании, деятельности, развитии, положении; о человек. общностях: классах, нациях, группах и отношениях между ними; о материальной и духовной *культуре*.

Поскольку природа является предпосылкой возникновения и существования общества, существуют Н., находящиеся на стыке обществ. и естеств. Н. (антропология, география, медицина и др.). К особой области относится философия как Н. о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Существуют обществ. Н., изучающие отд. стороны, процессы, явления общества: экономичку, политику, право, гос-во, язык, лит-ру и т. д., к-рые охватывают все проявления обществ. жизни. Однако простая совокупность обществ. Н. не дает еще представления об обществе как целостной системе. Поэтому наряду с Н., изучающими обществ. сферы, явления и процессы, существует Н., исследующая развитие общества в целом. В качестве общего метода марксистских обществ. Н. и метода преобразования общества выступает *исторический материализм*.

Специфика познания обществ. явлений. Предметное единство мира определяет предметное и методологич. единство познания природы и общества, принципиальное единство логич. структуры естеств. и обществ. Н. Но наряду с этим единством существуют специфич. особенности познания обществ. явлений, обусловленные характером общества как особого — социального — образования. Поэтому неравномерно как противопоставление, разрыв естественнонаучного и социально-историч. познания, так и их отождествление, подмена предмета обществознания явлениями природы и ограничение его метода методами естествознания. Общество является продолжением природы и потому обществ. Н. включает анализ его естеств. предпосылок. Так, Маркс говорил о естеств. основе ряда социальных категорий (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 31, с. 209).

Общество прежде всего является наиболее сложным объектом изучения по сравнению с объектом естеств. Н. Специфич. особенность познания общества обусловлена тем, что люди сами творят свою историю, являются, по словам Маркса, одновременно и актерами и авторами своей всемирно-историч. драмы. Изменяющийся характер общества также влияет на его познание, т. к. анализируемые процессы весьма скоро становятся историей, а изучение истории находится под влиянием настоящего. Теории прошлого с необходимостью нерелевизируются в свете настоящего. Познание общества, подчеркивал Энгельс, носит «...по существу относительный характер, так как ограничивается выяснением связей и следствий известных общественных и государственных форм, существующих только в данное время и у данных народов и по самой природе своей преходящих. Поэтому, кто здесь логонится за окончательными истинами в последней инстанции, за подлинными, вообще неизменными истинами, тот неминуемо поживится, — разве только банальностями и общими местами худшего сорта...» (там же, т. 20, с. 90). Существует опасность абсолютного релятивизма в обществ. Н., к-рая выражается, напр., в бурж. теориях *презентизма*. Марксистам отвергает подобный релятивизм, однако необходимо связать развитие общественных теорий несомненно, что связано как с развитием самого объекта, так и с изменением понимания его сущности. В этом смысле все общество. Н. являются историческими, т. к. исследуют «...условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д. ... в их исторической преемственности и современном состоянии...» (Энгельс Ф., Там же).

В каждую эпоху существуют исторически обусловленные пределы познания обществ. явлений, определяемые развитием материальных условий жизни общества. Но поскольку

обществ. Н. исследуют область экономич., политич. и идеол. отношений людей, они тесно связаны с классовыми интересами. Обществ. Н. или поддерживают или отвергают опред. строй, и это определяет отношение к ним господствующих классов, извлекающих выгоды из существующей обществ. организации. В обществе с антагонистич. классовыми противоречиями не может быть «беспристрастной» социальной науки. Классовые отношения, классовые позиции мыслителей каждой эпохи в значит. мере определяют развитие познания общества. Вместе с тем следует различать честную позицию того или иного теоретика и прямую апологию существующего строя. Так, Маркс отмечал научную честность идеолога пром. буржуазии Рикардо и клеймил Мальтуза, выводы к-рого «...по научным вопросам сфабрикованы с оглядкой на господствующие классы вообще и на реакционные элементы этих классов в особенности; а это значит: Мальтус фальсифицирует науку в угоду интересам этих классов» («Теории прибавочной стоимости», ч. 2, 1957, с. 113).

Сдвиги в развитии человек. мысли об обществе приходятся в особенности на революц. эпохи, когда назревает кризис существующих отношений и достаточно укрепляются элементы новых обществ. отношений, позиции новых обществ. классов, выдвигающих и своих теоретич. представителей.

Специфика познания обществ. явлений состоит еще и в том, что результат историч. развития приобретает в глазах мн. людей прочность естеств. и единственно возможных форм обществ. жизни. Маркс отмечал, что «размышления над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* (задним числом), т. е. исходит из готовых результатов процесса развития» («Капитал», т. 1, 1955, с. 82). В этом смысле важнейшее значение для познания общества имеет зрелость самого объекта исследования, т. к. только его развитые формы служат необходимой предпосылкой истинного научного познания. Отсутствие подобной предпосылки, попытки создания обществ. теорий, не опирающихся на развитую действительность, служили и служат осн. причиной рождения межличностных идеалов, ложных идеол. систем и утонич. построений. Возникновение марксизма, как подлинной Н. об обществе, становится возможным только на опред. ступени развития общества и его познания. Вместе с тем следует подчеркнуть, что специфика познания обществ. явлений вовсе не означает специфику знания об обществе в логич. и методол. плане. И для совр. естеств. и для совр. обществ. Н. единственно научной методологией является материалистич. диалектика. Рассматривая развитие общества как естественн-историч. процесс, Маркс и Ленин подчеркивали необходимость точности его объяснения, не уступающей методам естествознания.

Становление Н. об обществе. Зачатки знаний об обществе составляли часть единой и нерасчлененной философии древности и были ответом на практич. вопросы, выдвигаемые жизнью, попытками понять смысл и цель существования мира и человека. Первоначальные социальные знания основывались на непосредственном наблюдении. С расширением историч. опыта человечества, развитием контактов между народами возникают социальные теории, содержащие оценки и соответствующие предписания человек. поведения. Потребности производства, необходимость организации жизни общества в соответствии с интересами существовавших социальных групп, задачи обучения вступающих в жизнь поколений — вот проблемы, на к-рые давали ответ социальные теории. Они или оправдывали существовавшее положение или содержали описание желаемых форм жизни людей. Естественно, что они отражали неразвитость обществ. отношений, господствующую обществ. структуру, незначительный историч. материал. Уже в античности наряду с общими социальными теориями (Демокрит, Платон, Аристотель) возникают и зачатки частных обществ. Н. — истории, географии (Геродот, Фукидид, Полибий, Страбон). Однако предметом истории было, напр., простое описание событий в хронологич. последовательности. Развитие законодательства в сложное объемное целое приводит к выделению профессиональных правоведов и возникновению правовой Н. (общая теория права, гос. право, гражданское право). Так, римские юристы дали тонко разработанную систему отношений товаропроизводителей. Представления античности об обществе надолго сменяются религ. мировоззрением, отвергавшим всякое научное истолкование явлений обществ. жизни, но содержавшим постулаты и догмы, освещавшие существовавший феод. строй (Августин, Боссюэ, Фома Аквинский).

Серьезные сдвиги в познании обществ. явлений связаны с возникновением и развитием капитализма. Рождение опытного естествознания оказало значит. влияние на развитие представлений об обществе. В этот период (16—18 вв.) обществ. теории все еще входят составной частью в общую филос. систему взглядов того или иного мыслителя. Господствует стремление к непосредственному выведению социальных законов из законов механики. Это было связано с представлением о существовании единого универсального закона, охватывающего всю совокупность явлений природы и общества, рассматриваемого как простое продолжение первого и, соответственно, о возможности единой, строго дедуктив-

ной, универсальной Н., в к-рой слились бы все существовавшие области знания. Были выдвинуты идеи *естественного права* и *общественного договора*, к-рые служили теоретич. основой развивавшихся взглядов на гос-во, право, хозяйств., политику (Гроций, Спиноза). По аналогии с физич. представлением об атомах, общество мыслилось как механич. соединение абстрактных индивидов, различавшихся лишь по степени преобладания тех или иных свойственных всем качеств, что было отражением обособленности индивидов капиталистич. общества. Эти представления об обществе послужили исходным пунктом в теориях политич. экономии. Ее отпочкование от других наук, начатое физиократами, связано с работами У. Петти и полностью оформляется А. Смитом и Рикардо. «У А. Смита политическая экономия развилась в некоторую целостность, охватываемая ею область получила до известной степени законченные очертания...» (Маркс К., Теории прибавочной стоимости, ч. 2, 1957, с. 158). Смит и Рикардо разработали теоретич. оружие революц. буржуазии и программу ее экономич. политики.

В пределах философии получают отчетливые очертания *философия истории*, что связано с именами Вико, Вольтера, Гердера, Кондорсе, Монтескье, Руссо и особенно Гегеля, система к-рого — высшее достижение домарксистской философии истории. В этих системах разрабатываются плодотворные идеи (историч. прогресса, единства истории, влияния на человека географич. и социальной среды, внутр. связи истории). Они подрывали богословский взгляд на развитие общества. Однако их осн. пороком была умозрительность, априоризм, искусственность построений, выводившихся не из анализа действительности, а из идеалистич. филос. постулатов. Франц. материалисты (Гельвеций, Гольбах и др.) выдвинули плодотворное положение о формировании человека и его интересов под влиянием внешней среды, однако считали побудит. силы людей последними причинами историч. событий. Серьезный вклад в развитие обществ. Н. внесли франц. историки периода Реставрации (Гизо, Минье, Тьерри), исследовавшие развитие классовый борьбы в истории Франции, подчеркивавшие роль имуществ. отношений и собственности.

Теории бурж. идеологов отменяли интересам буржуазии, однако их основой были идеалистич. и метафизич. взгляды, а отношения капиталистич. общества антиисторически рассматривались как естеств. и вечные отношения. Вместе с тем противоречия и пороки капитализма уже стали объектом острой критики представителей *утопического социализма*, теории к-рых были одним из источников формирования марксизма.

Бурж. домарксистская Н. продемонстрировала способность решить проблему общего и единичного в истории, связать осн. и производные элементы обществ. структуры, объективные законы истории и их субъективное отражение в обществе, сознании, раскрыть роль нар. масс в истории.

Сер. 19 в., отмеченная революц. выступлениями пролетариата, знаменует перелом в развитии бурж. обществ. Н. В них «...совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в такое время, когда оба открыто враждебны рабочему классу» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 316—17).

Реакц. политич. тенденции в бурж. общественном сознании особенно усилились в эпоху империализма и в связи с победой социалистич. революции в России, а затем и в других странах. Одной из главных задач идеологов реакц. буржуазии становится борьба с коммунизмом и опорочение социализма. Наряду с антикоммунистич. направлением, к-рое по существу находится за пределами Н., существует множество школ и направлений бурж. обществ. Н., зачастую с основанием критикующих друг друга и отражающих реальные трудности создания подлинно научной теории общества и его развития. В нек-рых бурж. теориях есть ценные наблюдения, постановка важных вопросов, выходящих за рамки идеалистич. мировоззрения, нек-рые положит. результаты в разработке техники исследования, наконец, известные достижения в разработке отдельных проблем организации произ-ва и управления. Однако общим пороком этих течений, нередко основывающихся на абсолютизации каких-либо реальных процессов и факторов обществ. жизни, является неспособность создать цельную теорию обществ. развития. Для бурж. обществ. Н. характерно изучение структурных элементов общества, однако реже исследуются процессы изменения и развития. Это связано с господствующим представлением, непосредственно вытекающим из интересов властвующих групп буржуазии, о капиталистич. строе как в целом рациональной организации общества, изменение к-рой возможно только в рамках существующей структуры с целью поддержания ее равновесия.

В бурж. обществ. Н. происходит дифференциация, к-рая, будучи закономерным явлением в развитии Н., в условиях капитализма приводит к разрыву между накоплением эмпирич. материала и его теоретич. обобщением. Для бурж. обществ. Н. характерно также усиление, с одной стороны, неопозитивистских тенденций, эмпиризма, абстрактного структурно-функционального формализма, с другой — рост пси-

хологизма, интуитивистских, иррационалистич. теорий. Оба эти направления, получающие своеобразное выражение в отд. обществ. Н., основаны на идеалистич. философских принципах и метафизич., субъективистских методах. Они свидетельствуют о неспособности бурж. обществ. Н. к действительному познанию обществ. жизни.

Марксистские общественные науки. Сер. 19 в. является поворотным пунктом в развитии Н. об обществе, связанным с возникновением марксизма (см. *Марксизм-ленинизм, Исторический материализм*). Рассматривая сложный и закономерный процесс возникновения обществ. науки, Ленин писал: «Т а к к а к эту науку строили, во-первых, экономисты-классики, открывая закон стоимости и основное деление общества на классы,— т а к к а к эту науку обогащали далее, в связи с ними, просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной, — т а к к а к эту науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни, — то марксизм, сделавший ряд громадных шагов вперед именно по этому пути, есть в ы с ш е е р а з в и т и е всей исторической и экономической и философской науки Европы» (Соч., т. 20, с. 184). Великая историч. заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они изгнали идеализм и метафизику из обществ. Н. Раскрывая сущность нового, материалистич. понимания истории, Энгельс писал: «подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическим налетом, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д., что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которых они поэтому должны быть объяснены, а не наоборот, как это делалось до сих пор» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 350—351). Создав диалектич. и историч. материализм — философскую основу мировоззрения рабочего класса, Маркс и Энгельс разработали теорию научного коммунизма, доказав неизбежность гибели капитализма и его закономерной смен коммунистич. формацией. Материалистич. понимание истории, как теоретич. и методологич. основа ее исследования, подняло на уровень подлинной Н. политич. экономии, истории, правопедение, этику и все др. дисциплины, изучающие жизнь общества, и поставило перед ними задачу диалектико-материалистич. переработки накопленных человечеством знаний, ответа на актуальные обществ. проблемы. Марксизм-ленинизм — живое, творческое, развивающееся учение. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, — подчеркивал Ленин, — как на нечто законченное и непркосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» (Соч., т. 4, с. 191).

Новый этап в развитии марксизма, связанный с именем Ленина, является этапом дальнейшей диалектико-материалистич. разработки обществ. Н. на основе обобщения опыта междунар. классовой борьбы пролетариата в конце 19 — нач. 20 вв., победы социалистич. революции в России и филос. обобщения достижений естествознания новейшего времени. Поэтому марксизм, творчески развитый и поднятый Лениным на новую ступень, представляет собой марксизм-ленинизм. В совр. историч. эпоху марксизм-ленинизм творч. развивается коллективными усилиями КПСС и др. братских коммунистич. партий, отстаивающих его творческий характер и чистоту в борьбе с ревизионизмом и догматизмом. Крупным достижением совр. марксистской мысли является *Программа КПСС* (1961). В условиях социализма и строительства коммунистич. общества обществ. Н. приобретает важнейшее значение как инструмент научного руководства развитием общества, как фактор воспитания народа и средство борьбы на междунар. арене.

Задачи обществ. Н. в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму определены в Программе КПСС: «Интенсивно должна развиваться исследовательская работа в области о б щ е с т в е н н ы х н а у к, которые составляют научную основу руководства развитием общества. Главным в этой области является изучение и теоретическое обобщение практики коммунистического строительства, исследование основных закономерностей экономического, политического и культурного развития социализма и перерастания его в коммунизм, разработка проблем коммунистического воспитания» (1961, с. 127—28). В частности, в качестве задачи экономич. Н. выдвигается обобщение новых явлений в экономич. жизни общества, разработка народнохозяйств. проблем, решение к-рых способствует успешно строительству коммунизма. Перед историч. Н. ставится задача исследовать проблемы всемирной истории и совр. мирового развития, закономерного процесса движения человечества к коммунизму. «Общественные науки и впрямь должны решительно выступать против буржуазной идеологии, против правосоциалистической теории и практики, против ревизионизма и догматизма, отстаивая

чистоту принципов марксизма-ленинизма» (там же, с. 128). Важнейшее значение в совр. условиях приобрела необходимость разработки методологич. проблем обществ. Н., развития конкретных социологич. исследований различных областей жизни, использования новых научных методов. Применение материалистич. диалектики в конкретном исследовании есть творч. процесс, требующий глубокого знания предмета и учета его специфики. Развивающееся в обществ. Н. разделение труда приводит к специализации и известной односторонности ученых. Поэтому важнейшей задачей является взаимообогащение Н., творч. содружество ученых различных специальностей в разработке актуальных проблем развития социалистич. общества (см. *Методологич. проблемы науки*, М., 1964).

Науки о мышлении. Мышление, неразрывно связанное с языком, представляет собой сложный познавательный процесс, к-рый изучается целым рядом Н., прежде всего *философией, теорией познания, логикой, психологией*, в значительной степени *языкознанием*, а также физиологией высшей нервной деятельности и кибернетикой. Каждая из этих областей знания осуществляет свои особые подходы в исследовании мышления, свои методы, связанные с особенностями той стороны мышления, к-рая составляет специфику. Предмет данной Н. Научное осмысление различных сторон, к-рые исследуются отд. Н., зависит от понимания этого сложного явления как целого.

Мышление издавна представляет собой предмет изучения прежде всего логических наук (см. *Логика, Логика диалектическая, Формальная логика, Математическая логика*). Общей методологич. основой всех Н. о мышлении служит *диалектика*. Диалектистич. материализм изучает мышление в его единстве с бытием, отражением к-рого оно является, в его возникновении и развитии на основе общественной практики. Мышление как психич. процесс в его возникновении и связи с другими психич. явлениями изучает психология (см. *Психология, Психика*). С психологией тесно связана педагогика, к-рая вырабатывает приемы формирования личности, в том числе и умственных способностей и навыков человека. Связь мыслительной деятельности с языком как материальной формой выражения мысли, с историей языка, с историей культуры изучается языкознанием (см. *Мышление и язык, Язык*).

Мышление исследуется кибернетикой с целью выявления возможности моделирования умственной деятельности человека (см. *Кибернетика, Логические машины, Моделирование*). Возникшая в настоящее время настоятельная задача моделирования мыслительных операций, автоматизация нек-рых процессов умственного труда, машинного перевода, механизации поисков информации может быть решена лишь на основе углубленного исследования мышления.

Разработка теории мышления связана с развитием всех основных проблем методологии научного познания.

А. Спиркин, Москва.

IV. Классификация наук

Классификация Н. — раскрытие взаимной связи Н. на основании определ. принципов и выражение их связи в виде логически обоснованного расположения (или ряда) Н. Кроме принципов классификации Н., большую роль играют также графич., в т. ч. табличные, способы ее изображения.

Принципы классификации наук. Связи Н. определяются: 1) предметом Н. и объективными отношениями между различными его сторонами; 2) методом и условиями познания предметов Н.; 3) целями, к-рыми порождает и к-рым служит науч. знания. С гносеологич. т. зр. принципы классификации Н. делятся на объективные, когда связь Н. выводится из связи самих объектов исследования, и субъективные, когда в основу классификации Н. кладутся особенности субъекта. С методологич. т. зр. принципы классификации Н. делятся в соответствии с тем, как понимается связь между Н.: как внешняя, когда Н. лишь сопологаются друг с другом в определ. порядке, или как внутренняя, органическая, когда они с необходимостью выводятся и развиваются одна из другой. В первом случае имеет место принцип ко о р д и н а ц и и; во втором случае — принцип с у б о р д и н а ц и и; ег о с х е м а А|В|С и т. д.; во втором случае — принцип р а з р ы в ы м е ж д у Н., отточия — взаимные перецо ды Н.). С л о г и ч. т. зр. за основу классификации Н. берутся различные стороны общей связи Н., характеризующие начальный и конечный пункты осн. ряда Н. Такими два принципа расположения Н. в порядке: а) убывающей общности — от общего к частному и б) возрастающей конкретности — от абстрактного к конкретному. Оба эти принципа в противоположении один другому леги в основу наиболее распространенных в 19 в. немарксистских классификаций Н.: Конта (1-й принцип) и Спенсера (2-й принцип); оба при этом исходили из принципа координации. Соответственно принципу субординации Н. располагаются в порядке развития от простого к сложному, от низшего к высшему. Здесь гл. внимание направляется на то, что полностью игнорируется принцип координации, — на пункты соприкосновения и взаимного проникновения Н. Возможны др. аспекты выделения различных сторон общей связи Н. с образованием

соответств. принципов (напр., от эмпирич. описания к теоретич. объяснению, от теории к практике и др.). Существенно, однако, не столько то, какие именно стороны общей связи Н. учитываются в той или иной классификации Н., сколько то, каким образом они трактуются: в противопоставлении выделенной стороны всем остальным, в их подчинении этой одной, положенной в основу всей данной системы, или же в их взаимной связи и зависимости. Первый подход характерен для формализмы, или искусственных, классификаций Н., второй — для содержательной, или естеств., классификации Н. Последняя не обособляет различные стороны общей связи Н. друг от друга; она рассматривает связи между Н. как выражение или как результат: 1) движения нашего познания от общего закона к частным его проявлениям или от общих законов всякого развития к частным законам природы и общества, чему соответствует принцип классификации Н., основанный на учете последоват. перехода от общего к частному; 2) перехода нашего познания от одной стороны предмета к совокупности всех его сторон, чему соответствует принцип перехода от абстрактного к конкретному; 3) отражения в мышлении движения объекта от простого к сложному, от низшего к высшему, чему соответствует принцип развития. Этот последний охватывает и движение, развитие нашего познания как от общего к частному, так и от абстрактного к конкретному. Дialectико-материалистич. принципы, лежащие в основе марксистской классификации Н., предполагают нераздельность принципа объективности и принципа развития (или субординации). Гносеологич., методологич. (диалектич.) и логич. аспекты всеобщей связи Н. выступают при этом в их внутр. единстве. Логич. основу принципа координации составляют положения формальной логики, в частности ее требование, чтобы члены деления взаимно исключали друг друга. Логич. основу принципа субординации составляют положения марксистской диалектич. логики, к-рая в первую очередь учитывает развитие понятий и их переходы друг в друга, при к-рых исключается представление о резких разгранич. линиях между Н. Принцип координации допускает внешнее комбинирование различных сторон общей связи Н.; в результате этого возникает табличная форма классификации Н., отличная от линейного ряда, основанного на учете только одной к.-л. стороны этой связи. Если схема линейного ряда в формальных классификациях Н. есть А В С и т. д., то схема табличной формы есть сочетание двух линейных рядов, один из к-рых составляет абсциссу координатной системы, другой — ее ординату.

$$\begin{array}{ccc} A & B & C \\ A' & B' & C' \text{ и т. д.} \\ A'' & B'' & C'' \end{array}$$

(Здесь штрихами обозначается 2-й линейный ряд, схема к-рого: А' В' С' и т. д.) В табличной классификации Н. каждая Н. имеет свои «координаты», указывающие ее место в вертикальных и горизонтальных рядах. Такие «координаты» свидетельствуют о том, что классификация Н. строится на последоват. проведении принципа координации как при составлении отд. линейных рядов Н., так и при комбинировании этих рядов в таблицу. От табличной классификации Н. можно перейти к линейной, если «вытянуть» в один ряд: 1) горизонтальные строки, ставя их одну за другой, или же 2) вертикальные столбцы, ставя их один над другим. В результате образуются системы двух рядов; их схемы:

- 1) А В С и т. д., А' В' С' и т. д., А'' В'' С'' и т. д.
- 2) А А' А'' и т. д., В В' В'' и т. д., С С' С'' и т. д.

Напр., можно обозначить буквами без штрихов теоретич. (или «чистые») Н., а буквами со штрихом — соответств. практич. (или «прикладные»), подобно тому как химич. технология соответствует химии, зоотехника — зоологии, агро-техника — ботанике, горное дело — геологии и т. д. В таком случае схема 1 будет означать, что сначала в определ. порядке классифицируются все теоретич. Н., а за ними в том же примерно порядке группируются все практич. Н. Такова система Конта. Напротив, схема 2 будет означать, что за каждой теоретич. Н. следует ее практич. применение в виде соответств. ей «прикладной» Н. Такова система Ампера. Табличная система Курно есть комбинирование обеих этих систем. Возможны иные формы классификации Н., в частности обобщенные, в к-рых сочетаются не две стороны общей связи Н., а три и более. Однако и эти системы строятся на том же принципе координации. Особое место занимает тот случай, когда наблюдается деление (ди- или трихотомич.), связанное с развитием общего ряда классифицируемых объектов. В этих условиях линейный ряд, равно как и основанная на нем табличная форма, не могут быть применены. Деление (напр., разделение на А и не-А) имеет место и в формальных классификациях Н., если члены деления находятся во внешнем отношении между собой, напр. при переходе от более общих понятий к более частным («Древо Порфирия»).

В содержательной классификации Н. разделение (разветвление) ряда отражает разделение единого на обособляющиеся стороны, формы или тенденции развития, как это имеет место, напр., при раздвоении области живой природы на растения и животных. Его схема: А... В... С... (здесь от ...С...)

В линия развития раздваивается на два полнорно противоположных направления: одно — к С, другое — к С₁. При разветвлении линии развития процесс осуществляется

либо путем перехода на более высокую ступень, в качественно отличную область явлений (напр., линия развития животных приводит к человеку, вместе с к-рым процесс развития выходит за рамки собственно природы и переходит в область истории), либо без такого перехода, оставаясь в рамках данной, качественно определенной ступени (напр., высшие растения не открывают возможности для выхода процесса развития за пределы собственно природы). При мысленной элиминации этой второй стороны, или тенденции, развития можно перейти от разветвленного дихотомич. ряда Н. к линейному, как это сделал Энгельс. Схема такого перехода

$$A \dots B \dots C_1$$

Элиминируя противоположные тенденции, ведущие от А к В, от В к С, и т. д. (это указано горизонтальной чертой), получим обычный линейный ряд, построенный согласно принципу субординации: А... В... С... и т. д. В этом случае элиминированные ветви развития, не приводящие к переходу на более высокую ступень, могут рассматриваться как условия или предпосылки для возникновения и развития более прогрессивных его ветвей: А... В или В... С и т. д.

Сущест. роль, особенно в естествознании, играют две взаимосвязанные проблемы: 1) классификация Н., при анализе к-рой связь Н. рассматривается в логич. разрезе, с т. зр. внутр. структуры науч. знания, взаимоотношения его составных частей, и 2) периодизация истории Н., при анализе к-рой связь Н. раскрывается в историч. разрезе, с т. зр. генезиса науч. знания, последоват. формирования отд. его отраслей. Связь обеих проблем можно понять исходя из того, что марксистская диалектич. логика представляет собой обобщение истории всей человек. мысли, раскрывает законы ее развития. Классификация Н. представляет собой итог развития самих Н. в их взаимной связи. Поэтому, чтобы правильно решить с логич. стороны, как связаны между собой различные отрасли знания и в какой последовательности они должны располагаться в ряд, нужно рассмотреть их исторически — как они возникали и развивались одна за другой, влияя друг на друга. Такой подход наметился у Д'Аламбера, яснее выразился у Сен-Симона и Конта (в их подразделении истории всего познания на 3 фазы, к-рые последовательно достигаются различными Н., составляющими энциклопедич. ряд). Однако, особенно у Конта, здесь было много искусственного. В трудах Энгельса этот подход был освобожден от всякой искусственности и разработан в строго науч. форме. Классификация Н. у Энгельса опирается на периодизацию истории Н., причем анализ классификации Н. ведется конкретно, в зависимости от характера развития всего науч. познания.

Место философии в системе наук. Стержень всей истории классификации Н. составляет вопрос о взаимоотношении между философией и частными науками. Вся история классификации Н. может быть разделена на 3 осн. этапа, к-рые соответствуют: 1) нерасчлененной Н. древности и отчасти средневековья, 2) дифференциации Н. в 15—18 вв. (аналитич. расчленению знаний на обособл. отрасли) и 3) начавшейся в 19 в. их интеграции (синтетич. воссозданию, связыванию Н. в единую систему знаний). На каждом из этих историч. этапов существенно по-разному складывались взаимоотношения между философией и частными Н., соответственно чему по-разному определялся и самый предмет философии. На первом этапе философия включала в себя все отрасли знания. В единой натурфилософии общее полностью поглощало и растворяло в себе частное. На втором этапе в силу начавшейся дифференциации Н. от философии последовательно отпочковывались одна Н. за другой (сначала математика, механика, астрономия, затем физика и химия, далее биология и геология, наконец антропология, психология и обществ. Н.); последние поглощались философией под видом социологии). Но тенденция к дифференциации знаний привела в определ. историч. условиях к отрицанию философии вообще как самостоят. Н., к попыткам растворить ее в частных Н., что нашло выражение в *позитивизме*. Оба крайние, в корне неправильные воззрения на соотношение между философией и частными Н. продолжали существовать и на третьем этапе, когда началась тенденция к синтезу Н. Эта тенденция носила диалектич. характер: она опиралась на итоги предшеств. дифференциации знаний, выражая необходимость приведения их во внутр. связь. Более того, она прямо стимулировалась продолжающимся процессом дифференциации Н., начиная с создания химич. атомистики и особенно с открытия закона сохранения и превращения энергии. Вновь возникающие отрасли знания (механич. теория теплоты, кинетич. теория газов, астрофизика, физич. химия, особенно электрохимия и химич. термодинамика, биохимия, геохимия, биофизика и мн. др.) оказывались на стыке ранее разобщенных Н. и как бы заполняли собой существовавшие ранее разрывы между отд. Н., осуществляя синтетич. связывание Н. в единую систему. Т. о., обе противоположные тенденции науч. развития (дифференциация Н. и их интеграция) оказались находящимися в диалектич. единстве. Этот диалектич. характер развития Н. обнаружился и в отношениях между философией и частными Н.: необходимость их теснейшего контакта выявилась в сер. 19 в., обнаруживая несостоятельность старой натурфилософии и модного в то время позитивизма. Философия дает частным Н. общий метод науч. познания, указывает подход

к изучению явлений, общую теорию их познания; достижения частных Н. служат философией конкретным материалом для обобщения, для выработки указанного метода и теории познания, для их дальнейшего обогащения. О таком синтезе философии и частных (естественных) Н. писал Герцен. Впервые такой синтез был осуществлен Марксом на основе диалектич. и историч. материализма; это нашло конкретное выражение в классификации наук Энгельса. За философией сохранилась сфера диалектики и логики. Все остальное вошло в частные Н. о природе (естествознание) и обществе (история).

Исторический очерк классификации наук. Три осн. этапа науч. развития — 1) древняя филос. Н. древности, 2) дифференциация Н. в новое время (с эпохи Возрождения до конца 18 в.) и 3) их интеграция в 19—20 вв. — являются общей канвой для рассмотрения истории классификации Н. На каждом из этих этапов задача классификации Н. решалась существенно по-разному.

На первом этапе идея классификации знаний зародилась в странах Древнего Востока вместе с первыми начатками науч. знаний. У антич. мыслителей (Аристотель и др.) имелись уже зародыши всех позднейших классификаций Н. и их принципов, в т. ч. разделения всего знания (по его объекту) на 3 гл. области: природа (физика), общество (этика) и мышление (логика). В ср. века мыслители Ближнего и Среднего Востока развили идеи античности, сохранив их для последующих поколений. Напротив, на Западе господств. теологич. учения и схоластика, пережив лишь внешнюю форму взглядов Аристотеля, убили их живое, материалистич. содержание.

На втором этапе прежняя единая философия стала распадаться на ряд самостоят. обособл. Н.: математику, механику, астрономию и т. д. Господствовавший аналитич. метод обуславливал общий характер классификаций Н.: она могла осуществляться тогда лишь путем внешнего приложения Н. друг к другу, основываясь на принципе координации. Первоначально (в связи с развитием идей гуманизма в эпоху Возрождения) выдвинулся субъективный принцип классификаций Н., сыгравший в тех условиях прогрессивную роль. Он учитывал такие свойства человек. интеллекта, как память (чему соответствовала история), воображение (поэзия) и рассудок (философия). Это было большим шагом вперед по сравнению с тем, что давала теология и схоластика с их делением «светского» знания на семь «свободных искусств». Субъективный принцип, выдвинутый Уарте, был развит Ф. Бэконом, делившим все знание на историю, поэзию и философию. Систематизатор учения Бэкона Гоббс пытался сочетать субъективный принцип с объективным. Как механист Гоббс считал метод математики всеобщим и ставил геометрию во главе дедуктивных Н., а физику — во главе индуктивных. В зародыше у Гоббса наметился принцип расположения Н. от абстрактного к конкретному, от количеств. определенности предмета к его качеств. определенности, сводившейся им к количественной. Объективный принцип классификации Н. в соответствии с признаками самих предметов знания развивал Декарт, у к-рого в рамках общего механич. мировоззрения имелись элементы историзма во взглядах на мир. Ламетри провел метафизич. деление природы на 3 царства (минеральное, растительное и животное), чему отвечало аналогичное деление Н. Восстанавливая классич. деление Н. на логику, физику и этику (Гассенди) или на физику, практику и логику (Локк). Атомистич. идеи подводили к мысли о ступенях в усложнении материи (молекулы у Гассенди, «кучки» первичных корпускул у Бойля); это способствовало выработке объективного принципа классификации Н. В 18 в. этот принцип развивали дальше Ломоносов и Козельский, приближавшийся к Гассенди. Напротив, франц. энциклопедисты (Дидро и Д'Аламбер) приняли принципы и схему Бэкона, изменив ее лишь в деталях. Деление всей области знания на 3 осн. раздела (природа, общество и мышление) начинает вытесняться в 18 в. более дробными делениями. В Англии Дж. Уилкинс строит классификацию Н., беря за отправное начало не отд. Н., но нек-рые элементарные виды и понятия. Из них путем сочетания (координации) он образует сложные предметы и понятия, выявляет отношения между понятиями путем установления у них общих элементов. Т. о., на место деления оторванных друг от друга предметов Уилкинс ставил выявление отношений между ними. Несмотря на это и его метод в своей основе был чисто аналитическим.

Переход к третьему этапу (первые три четв. 19 в.) включает в себя два существенно различных направления. Первое связано с сохранением тех принципов, к-рые сложились и стали господствующими на предшеств. этапе. Будучи основаны на общем принципе координации, они пришли в противоречие с гл. тенденцией науч. развития в 19 в. В основном здесь были предложены два решения классификации Н.: 1) Формальное решение на основе принципа координации от общего к частному (в порядке убывающей общности), получившее развитие во Франции в начале и середине 19 в. Сен-Симон впервые с полной отчетливостью выдвинул объективный принцип классификации Н. соответственно переходу от более простых и общих явлений к более сложным и частным. Этому соответствовала последовательность изучения этих явлений в истории Н. Система Сен-Симона содержала гениальные догадки и элементы диалектики (напр., о единстве устойчивости и изменчивости в при-

роде, выраженных как «твердость» и «флюидность» тел). Конт перенял систему Сен-Симона, систематизировал его идеи, но придал им утрированный, оплошленный характер. Выделенные им в целях классификации 6 основных (теоретич., абстрактных) Н. составили энциклопедич. ряд, или иерархию, Н.

математика	астрономия	физика	химия	физиология	социология
------------	------------	--------	-------	------------	------------

(механика земных тел включалась в математику, психология — в физиологию). История, взгляд на природу у Конта отсутствовал и проявлялся лишь в отношении познания природы человеком. Отсюда — сочетание логического и исторического как двух методологич. проблем классификации Н. и периодизации их истории. В основе системы Конта лежит принцип координации: Н. располагаются по убывающим степеням общности, простоты и независимости друг от друга изучаемых явлений. Только социология, к-рая не выделена у Сен-Симона в отд. науку, получила у Конта самостоят. место в ряду наук. Значение классификации наук Конта в том, что: 1) выделены действительно осн. Н., к-рым реально отвечает (если не считать математики) осн. формы движения материи в природе и обществе. Форма движения (как предмет социологии); 2) эти Н. приведены в правильную, хотя и внешне связь между собой именно в той последовательности, в какой они развивались одна за другой. Поэтому система Конта исторически и логически явилась предпосылкой и подготовкой классификации Н., основанной на принципе субординации. Несравненно более искусств. была система Ампера, основанная на четырех т. зр., с к-рых, по Амперу, можно рассматривать любую предмет. Принцип координации получает здесь развитие в результате того, что указанные т. зр. составляют попарным комбинарованием след. моментов: а) либо описание явлений, либо нахождение их законов; б) рассмотрение предмета либо со стороны того, что в нем явно, либо — что в нем скрыто. Более простое, близкие к реально существующим Н., особенно к естествознанию, системы дали И. Жоффруа Сент-Илер (сын) и д'Аллау. Комбинируя два различных аспекта рассмотрения классификации Н., Курно получил табличную форму для классификации Н., где принцип координации выступает еще более резко, нежели в линейном ряду: абсцисса (по горизонтали) отражает группировку наук согласно методу изучения или использования предметов, ордината (по вертикали) — согласно характеру самого объекта.

1) Формальное решение проблемы на основе принципа координации от абстрактного к конкретному (в порядке убывающей абстрактности) получило распространение в Англии в сер. и 2-й пол. 19 в. Предшественниками Спенсера здесь были Колридж с его чисто эмпирич. классификацией Н., Ариотт (его система близка к контовской), Вейтам (давший чисто искусств. построение), Уэвелл с его индуктивной классификацией Н. и разбивкой Н. на формальные (астрономия), механич., вторично-механич. и механико-химич. (Физика), аналитич. (химия), аналитико-классификаторные (минералогия), классификаторные (ботаника и зоология) и геологич. Дж. Милль и Спенсер, критикуя Конта, отстаивали место для психологии в ряду наук. Спенсер отверг контовский взгляд, что каждая Н. имеет свою абстрактную и конкретную части, утверждая, что все Н. делится на целиком абстрактные (логика и математика), целиком конкретные (астрономия, геология, биология, психология и социология) и промежуточные между ними — абстрактно-конкретные (механика, физика и химия). Между этими группами Н. существуют резкие грани, тогда как внутри групп имеется постепенный переход. Проводя идею эволюции для конкретных Н., Спенсер отвергал ее в отношении других двух групп Н.: он отрицал также связи классификации Н. (логич. связь) с историей познания мира. При общности методологич. основ, т. е. принципа координации, Конт и Спенсер по-разному понимали абстрактное и конкретное, беря лишь одну из сторон этой пары категорий, но не учитывая всего их содержания в целом. Попытку примирить системы Конта и Спенсера предпринял Ван; придерживаясь принципов Конта, он пытался пополнить схему Конта логикой (в начале ряда) и психологией (замещающей социологию).

Усиление принципа координации происходит как раз в то время, когда идеи развития, противоречащая этому принципу, особенно проникает в естеств. и обществ. Н. (сер. 19 в.). Вторым направлением при переходе к третьему этапу было начало замены принципа координации принципом субординации, отвечающим общему характеру Н. 19 в. и согласное с идеей развития и всеобщей связи явлений природы. Здесь также имелось два различных решения.

1) Разработка принципа субординации на идеалистич. основе как принципа развития духа (но не природы) Кантом, Шеллингом и особенно Гегелем. На место излюбленного в области формальных классификаций Н. дихотомич. деления Гегель выдвинул триадное деление, что соответствовало общему духу его филос. системы. Последняя делилась у него на логику, философию природы и философию духа, причем вторая подразделялась далее на механизм (механика, астрономия), химизм (физика, химия) и организм (биология). При всей искусственности эта система отразила, хотя и в идеалистическом извращенном виде, идею развития природы от низших ее ступеней до высших, вплоть до порождения ею мыслящего духа.

II) Развитие принципа субординации и подход к теоретич. синтезу знаний даны на материалистич. основе в России в трудах Герцена и Чернышевского. Для осуществления синтеза Н. в сер. 19 в. необходимо было устранить навязанный позитивистами разрыв между философией и естеств. науками (так шел Герцен) и ликвидировать разрыв между естеств. и гуманитарными (прежде всего общественными) Н. (так шел Чернышевский). Для Герцена союз философии и естествознания вытекал из нераздельности эмпирич. и теоретич. моментов познания; историзм в понимании природы органически сочетался с историзмом во взглядах на развитие познания природы, что давало глубокую методологич. основу для осуществления синтеза Н. То же и у Чернышевского, к-рый, как до него Белинский, а после него Антонович, критиковал ограниченность контовских воззрений.

Третий этап нашел свое полное отражение лишь в трудах основоположников марксистской философии. В вопросе классификации Н., их синтезе Маркс и Энгельс опирались на созданный ими диалектико-материалистич. метод, преодолев ограниченности каждой из предшеств. двух крайних концепций классификации Н. (идеализм у Гегеля, метафизичность у Сен-Симона) и удержав и критически переработав то ценное и правильное, что в них содержалось (диалектика Гегеля, материализм франц. мыслителей). В результате были выработаны новые диалектико-материалистич. принципы, в к-рых органично сочетались 2 осн. момента: объективный подход и принцип субординации (или принцип развития). Маркс открыл осн. законы материалистич. диалектики как наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Этим уже был заложен фундамент общего теоретич. синтеза Н., к-рый охватил прежде всего 3 гл. области знания: Н. о природе, обществе и мышлении. Этот синтез предполагает решение двух проблем, касающихся соотношения: а) философии и естествознания и б) естеств. и обществ. (гуманитарных вообще) Н. Их решение было достигнуто Марксом на основе раскрытия единства мира, взаимосвязи различного рода явлений — естеств. и обществ. Этим определялось и место технич. Н. в общей системе знаний, поскольку они являются связующим звеном между естеств. и обществ. Н., стоя на стыке между ними. Решающую роль здесь сыграл историч. материализм, дающий общий метод для всех обществ. Н. Естественнауч. открытия 2-й трети 19 в. способствовали обнаружению внутр. связи между явлениями природы, следовательно, между Н. в пределах либо только неживой природы (учение об энергии, атомистика), либо только живой природы (дарвинизм, клеточная теория). Энгельс единым, общим для всех областей природы понятием «форма движения» охватил: 1) различные виды энергии, действующие в неживой природе, и 2) жизнь (биологич. форму движения). Отсюда следовало, что науки располагаются естеств. образом в единый ряд: механика... физика... химия... биология, подобно тому, как следуют друг за другом, переходят друг в друга и развиваются друг из друга сами формы движения — высшие из низших, сложные из простых. Т. о., понятие «форма движения», по Энгельсу, является более широким, чем понятие «энергия» или понятие «жизнь». Свою первоначальную классификацию наук Энгельс расширил в различных направлениях. Он показал, что последовательность форм движения отвечает последоват. ступеням как развития самой природы в целом, так и истории Н. Совпадение исторического и логического в познании природы и применительно к развитию самой природы вело к решению двух методологич. проблем: классификации Н. и периодизации истории Н. Дальнейшее развитие классификации наук Энгельсом шло по линии учета материальных носителей (субстратов) различных форм движения. Тем самым классификация Н. приходила в контакт с учением о строении материи (с атомистикой). Определяя носителей отд. форм движения (массы у механич. движения, молекулы у физического, атомы у химического, белковые тела у биологического), Энгельс получил, казалось, полное совпадение между рядом усложняющихся форм движения материи и общим рядом их носителей, образующихся один из другого при делении исходных масс. Однако гипотеза, допущение «эфирных частиц» в качестве предположит. носителей световых и электрич. явлений нарушало стройность всей системы, поскольку предполагалось, что эти «частицы», будучи физическими, должны возникать при делении атомов на более мелкие части. Тем самым оказывалось, что только молекулярная физика предшествует химии в общем ряду Н., а физика «эфира» следует за химией. В 20 в. это подтвердилось благодаря возникновению субатомной (ядерной и квантовой) физики. Серьезное осложнение в выработанную уже классификацию Н. вносило признание раздвоенности линии развития природы прежде всего на неживую и живую. Это обнаруживалось немедленно, как только Энгельс ставил вопрос о существовании непрерывного перехода между развитыми объектами той и другой области природы.

Немарксистские системы в конце 19 и в 20 вв.). Немарксистская филос. мысль начиная с конца 19 в. пошла назад от того уровня, к-рого она достигла в сер. 19 в., не будучи в состоянии выдвинуть к.-л. новой обобщающей идеи или нового принципа, способных привести к синтезу Н. В конце 19 в. в разработке классификации Н. резко выявилась идеалистич. линия, непосредственно связанная с начавшимся кризисом естествознания и обострением идеол. борьбы, вызванными переходом капитализма в ста-

дию империализма. В основе классификации Н. сохраняется, как правило, общий принцип координации, причем он еще больше усиливается вследствие того, что применяется к комбинированию более частных принципов. Типичным примером этого может служить классификация Н. амер. социолога Ф. Г. Гиддингса, для к-рой характерны формализм и своеобразный «конструктивизм». С геологием т. зр. происходит явный сдвиг в сторону субъективного идеализма, особенно у махистов. Махистские, позитивистские классификации Н. вырастают в основном на базе классификации Н. Конта. Но они подвергаются критике «справа», со стороны защитников религ. мировоззрения, напр. Э. Карпентера, к-рый вообще осуждает стремление Н. к объективному знанию и объективной классификации Н. Конта в принципе ложным кругом. Во Франции совершается эволюция от Конта к махистским схемам А. Пуанкаре, Гобло, А. Навиля и др. Напр., у Навиля предметом Н. служат не явления действит. мира, а «вопросы», к-рые возникают при изучении этих явлений. В Германии классификация Н. эклектичного, гл. обр. позитивистского, характера выдвигали Дюринг, Эрлман, Вундт и др., в Чехии — Масарик. Здесь отстаивалось по преимуществу деление Н. на формальные и реальные. К первым Вундт относил математику, ко вторым — естествознание и Н. о духе. Эклектизм сказывался в попытках сочетать принципы классификации Н. Конта и Спенсера. Разработка классификации Н. велась и с позиций неокантианства. *Виндельбан* и *Риккерт* (*Ваденская школа*) строили ее на базе идеалистич. метафизич. разрыва между Н. о природе (история к-рой считалась закономерными) и об обществе — явлении (события к-рой представлялись хаосом случайностей). *Коген*, отчасти *Кассирер*, *Наторп* (*Марбургская школа*) придавали классификации Н. априористическо-логич. направление, видя задачу в том, чтобы ввести единство в многообразие при помощи математически сконструированных понятий. Соответственно этому математика превращалась в гл. Н. Махисты и энергетисты строили классификацию Н. на отрицании специфики обществ. явлений, считая их лишь усложненными биофизическими (*Авенариус*, *Мах*) или энергетическими биофизическими (*Оствальд*) явлениями. Деля все Н., согласно принципам энергетики, на три класса: математика, энергетика, биология, *Оствальд* построил свою «пирамиду наук». В ее основе лежит принцип координации, причем *Оствальд* трактует переходные Н. (физич. химию) как простое комбинирование двух видов энергии. Формальный подход к классификации Н. нашел отражение в выдвигании к.-л. одной стороны общей связи Н. (соответственно явлений мира) и принятии ее за главную, определяющую. Таково географич. направление в классификации Н., принимающее за главную пространств. связь вещей и явлений (*Е. Чижов*, *И. Мечников*, *Л. Берг* — в России, *А. Гетнер*, *Ф. Ратцель* — в Германии).

Для всех направлений Н., возникших на рубеже 19 и 20 вв., характерны явное эпигонство, неспособность охватить все науч. знания с единой т. зр., а главное — бессилие бурж. теоретич. мысли отразить то новое, что дала Н. Если принцип координации изжил себя уже в сер. 19 в., благодаря великим открытиям в естествознании, не говоря уже об обществ. науках, то на рубеже 19—20 вв. он стал явным анахронизмом. Однако представители модных филос. течений не смогли противопоставить ему ничего, кроме эклектизма и попыток втиснуть в него новые Н., к-рые требовали перехода к принципу развития и были несовместимы с принципом координации. В России особенно сильно распространились классификации Н., основанные на координации принципов координации (*М. М. Троицкий*, *Н. Я. Грот* и др.). У Грота идея эволюции находит отражение в разбивке Н. на неорганич., органич. и надорганич. В целом свою классификацию наук Грот характеризует как сочетание позитивного метода Конта с эволюционной т. зр. Спенсера. Напротив, *И. Пачоский* пытался воплотить в классификации Н. принцип развития (эволюции) природы и связанное с ним раздвоение (разветвление) линии развития, строя «конус наук», в к-ром учитывается объективная основа классификации Н. и познават. момент. Во Франции и Швейцарии классификация Н. отражена в работах *Э. Мейерсона* и *Ж. Пиаже*. Исходя из психологич. направления в науке, Пиаже пытается развить генетич. эпистемологию в противовес обычной, статич. т. зр. на человек. знания. В результате он приходит к диал. схеме, учитывающей переход от объекта к субъекту и обратно; такая классификация Н. имеет тенденцию замкнуться сама на себя, выраженную в психосоциологии (в изучении самого субъекта в аспекте индивидуальном и социальном) и получает характер «круга наук».

В связи с распространением на Западе неопозитивизма классификация Н. разрабатывается на логико-позитивистской основе. Типичным примером служит геометризация принципа координации *П. Опенгеймом* (Германия), вследствие чего действит. связь и переходы между совр. Н. совершенно не учитываются. Автор исходит из ряда антитез, подобных античезе природа—дух. Принимая противопоставление типичного индивидуальному и конкретного абстрактному, автор строит на этой основе «квадрат наук», якобы включающий в себя не только все Н., но и все их методологич. разрывы. Сирийский ученый *Я. Мухассеб* сделал попытку построить классификацию Н. на основе символич. схематизма; при переходе от более простого объекта (напр., математич. вещи) к более сложному (напр., механич. вещи) к исходному объ-

екту добавляется, по мнению автора, нек-рая величина (д, д', д" и т. д.), что позволяет автору символизировать весь процесс усложнения объектов (соответственно Н. о них) независимо от их природы. У Ф. Франка вопрос о классификации Н. фактически рассматривается при анализе соотношений между философией и частными Н. Связующим звеном между ними оказывается «философия науки». Все знание (включаящее Н., философию и здравый смысл) Франк, исходя из положений неопозитивизма, представляет в виде круга, разрыв к-рого приводит к образованию двух «концов» — научного и филос. С позиции логич. позитивизма те же вопросы трактует и Г. Бергман (США); он не поднимается до широких синтетич. обобщений Н. и направляет все внимание лишь на частности, растворяя этим общее (философию) в частностях. Близкую к этому позицию занимает и Айер (Англия). Наиболее реакц. направления в классификации Н. были представлены филос. течениями, прямо связанными с религ. мировоззрением: холдизмом (Смэтс, А. Мейер-Абих), неопозитивизмом (А. Реймон), неотомизмом (Ж. Маритен). Холдисты пытались поставить в центр классификации Н. жизнь, духовное. Отрицая к-л. сводимость этого высшего к низшему, они допускали обратное сведение низшего к высшему. Поэтому свою классификацию они строили в порядке не от простого, низшего, к сложному, высшему, а наоборот. Такой принцип (еще до возникновения холдизма) был раскрыт К. А. Тимирязевым как антинаучный, антиисторический. Швейцарский спиритуалист А. Реймон критиковал справа более ранние субъективно-идеалистич. классификации Н.; за основу классификации он принимал действительность суждения, заменяя этим содержание форм мышления (понятий, суждений), отражающее реальные связи вещей внешнего мира. С помощью этого принципа Реймон пытался преодолеть резкие разгранич. линии между Н., проводимые Контом, и выразить относительность, подвижность границ между Н. как одну из важнейших особенностей совр. Н. вообще. Но он пришел лишь к голому релятивизму и формализму. Основоположник неотомизма Ж. Маритен исходит из концепции 3 ступеней абстракции: 1-я ступень (познание чувств. природы, или физика в широком смысле слова, т. е. естествознание) имеет дело с предметом, к-рый не может ни существовать без материи и качества, ни быть понят без нее. 2-я ступень (познание количества как такового, или математика) — с предметом, к-рый не может существовать без материи, но может быть понят без нее. 3-я ступень (познание сверхприродного, или «метафизика») — с предметом, к-рый может быть понят и может существовать без материи («бог», «чистые духи» и общие абстрактные понятия). На этих трех пунктах Маритен строит свою классификацию Н. После 2-й мировой войны в странах Запада значительно возросло влияние не только неотомизма на Н., в т. ч. на классификацию Н., но и объективного идеализма (с его «метафизикой») за счет субъективного идеализма (напр., Н. Гартман, трактующий с этих позиций взаимоотношение Н.). Зап.-герм. философ Ф. Шнейдер (1955) показал, что связь между ними на почве филос. субъективизма и агностицизма невозможна. Неотомизм и поповщина пытаются использовать в своих целях классификацию Н. Папа Пий XII писал о трех орудиях истины (наука, философия, откровение), из к-рых высшим является третье; к нему должны-де приспособляться первые два. То же самое пишут и неотомисты (напр., Э. Жильсон и его ученик М. де Вульф, к-рый строит 3-этажную пирамиду: частные Н. — внизу, общие, или философия, — в середине, теология — сверху). На 11-м международном филос. конгрессе (Брюссель, 1953) были сделаны попытки обосновать теорию Н., включая классификацию Н. с позиций объективного идеализма (Исай) и неотомизма (Эби, Бринкман, ван Лаар). Классификация Н. у Эби завершается «познотой жизни, святостью», что, по Эби, является конечной целью существования человека, якобы венчающей «естественную систему наук». Ван Лаар делит Н. по их «материальному» и формальному объекту, причем в первый включается и бог как особый предмет. Т. о., кантующийся «объективным» принцип классификации Н. оказывается на деле искусственно подогнанным под теологизм.

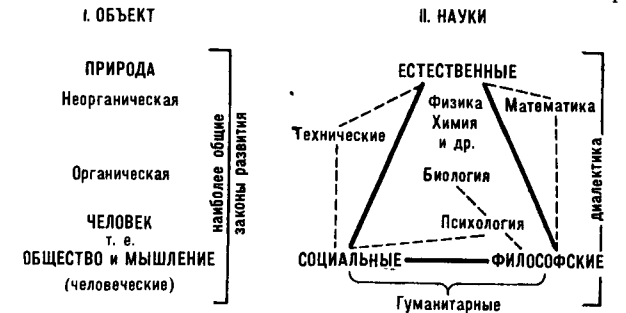
Особое место занимают логич. и математико-логич. исследования в области структуры Н., структуры науч. знания (напр., Бергланфи), к-рые, сами не являясь классификацией Н., тесно примыкают к проблеме классификации Н. и служат ее логич. обоснованию с позиций той или иной философии. Их цель — попытаться найти выход из хаоса разрозненных, часто слабо эмпирических, описат. направлений в совр. Н. Запада.

Марксистская классификация Н. (после Энгельса). В кн. «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин показал, как надо разрабатывать объективную основу Н., обобщая результаты «новейшей революции в естествознании», особенно по линии учения о строении материи. В «Философских тетрадях», в работе «Еще раз о профсоюзках» он разработал принципы марксистской диалектич. логики, имеющие прямое отношение к задаче классификации Н. Важное значение для Н. имеют ленинские указания на необходимость соблюдать единство исторического и логического, учитывать раздвоение единого на противоречивые части, переходы и связи явлений, взаимодействие теории и практики. В первые годы Сов. власти в России получили распространение классификации Н., авторы к-рых еще придерживались так или иначе схем и принципов обычных

формальных классификаций (Б. П. Гущин, В. Н. Ивановский и др.). Исключением являлись работы К. А. Тимирязева, в к-рых классификация Н. базировалась на широкой историко-эволюционистской основе и приближалась к марксистской. Лишь в 1925 благодаря публикации «Диалектики природы» стала известна классификация наук Энгельса. Сильный толчок к ее дальнейшей разработке дала публикация ленинских тетрадей по философии в 1930. Однако первые попытки опереться на идеи Маркса, Энгельса и Ленина в классификации Н. кончались часто неудачно, т. к. авторы фактически становились на позиции механицизма (Н. М. Сомов). С позиций, близких к гегельянству, дал классификацию Н. В. Рожницын. Решению проблемы классификации Н. в целом предшествовало и способствовало исследование места отд. Н. в общей системе Н. и определение их предмета (напр., исследование Н. Н. Семенова о границах между физикой и химией с т. зр. определения этих наук Энгельсом). Классификацию естеств. Н. дал О. Ю. Шмидт в ст. Естествознание (1-е изд. БСЭ), в к-рой он пытался применить ленинское положение о движении познания от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Шмидт особо рассмотрел стыковую область между естествознанием и техникой, показав, что грань между ними стирается. Общие идеи марксистской классификации Н. были изложены Б. Барнашем и С. Турецким (в той же БСЭ). В ряде работ проводился догматич. подход к классификации наук Энгельса, делались попытки удержать ее схему без учета совершившихся в Н. изменений. В др. работах (Э. Кольман, М. Н. Рутевич, В. М. Букановский и др.) подчеркивалась необходимость изменения конкретной схемы классификации наук Энгельса, особенно в части, касающейся субатомной физики, при сохранении и развитии общих диалектико-материалистич. принципов классификации Н., разработанных Энгельсом. Нек-рые авторы (Струмилин и др.) разрабатывали идею циклич. характера общей классификации Н. Попытку осветить классификацию Н. с позиций диалектич. материализма предпринял югославский ученый М. Миланкович. Большую работу по библиотечной классификации с обоснованием ее на принципах марксистской Н. провели работники библиотечного дела (Е. И. Шамурин, З. Н. Амбарцумян, О. П. Тесленко и др.).

Классификация современных наук. Общая классификация Н. в наст. время общая классификация Н. основывается на раскрытии взаимосвязи трех гл. разделов науч. знания: естествознания, обществ. Н. и философии. Каждый из гл. разделов представляет целую группу (комплекс) Н. В табл. 1 показана основа («скелет») об-

Таблица 1

щей классификации Н. Здесь жирными линиями обозначены связи 1-го порядка (между тремя гл. разделами наук). Сопоставление правой части таблицы с ее левой частью поясняет суть принципов объективности и развития в применении к классификации Н. Порядок расположения Н. здесь представлен как прямое отражение истории, последовательности возникновения и взаимосвязи ступеней развития мира, равно как взаимосвязи наиболее общих (диалектич.) и частных (остальные Н.) его законов. Кроме трех гл. разделов Н., имеются крупные ее разделы, к-рые находятся на стыке главных, но не входят целиком ни в один из них. Связи между ними и гл. разделами изображены линиями 2-го порядка (пунктирными). Это технич. Н. в их широком понимании (включая с.-х. и медицинские науки), стоящие на стыке между естественными и социальными, и математика, стоящая на стыке между естествознанием (гл. обр. физикой) и философией (гл. обр. логикой). С логикой математику сближает то, что она отражает общую, а именно количественную сторону вещей и явлений внешнего мира, но отражает ее в абстрактной форме, имея непосредственно дело лишь с отвлеченными понятиями (величина, число, структура, фигура, функция; множество и т. д.). Между всеми тремя гл. разделами стоит психология в качестве самостоят. Н., изучающей психич. деятельность человека с естественноисторич. стороны (отсюда ее связь с физиологией высшей нервной деятельности, т. е. отраслью естествознания) и с социальной стороны (отсюда ее связь, в частности, с педагогикой, как отраслью обществ. Н.). Но еще теснее ее связь с логикой (Н. о мышлении как частью философии). В табл.

не отражены связи 3-го порядка; напр., между логикой (частью философии) и математикой находится математическая логика (главным образом математич. дисциплина); между физиологией высшей нервной деятельности (частью естествознания) и психологией человека — зоопсихология; экономич. география и статистика (специальные Н.) связаны: первая — с физич. географией (отраслью естествознания), вторая — с математич. статистикой (частью математики), к-рая связана с физич. статистикой (частью физики, следовательно, естествознания); практич. математика связана с технич. Н.; языковедение (социальная Н.) связано с философией и психологией (поскольку язык неотделим от мышления); этнография (часть историч. Н.) и антропология (стоящая на грани естествознания и истории) переплетаются друг с другом. Особое место занимают Н., лежащие на грани истории (гл. обр. истории культуры) и естествознания. Это — история самих естеств. Н. Будучи общественно-историч. и естеств. одновременно, они связаны и с философией, особенно диалектич. логикой, к-рая есть логич. обобщение истории всего человек. познания.

Классификация гуманитарных наук. Гуманитарные науки Энгельс называл человек. историей, т. к. каждая такая Н. есть прежде всего историч. Н. Человек. историю можно рассматривать в двух разрезах: 1) как развитие всего общества, во взаимозависимости всех его сторон и элементов, и 2) как развитие к.-л. одной или неск. его структурных сторон, выделенных из общей их взаимосвязи. В первом случае образуется собственно историч. Н. в узком смысле слова. Это — история отд. ступеней развития общества (от первобытного до современного) — древняя, средняя, новая и новейшая. Сюда относится также археология и этнография. Во втором случае образуется группа социальных Н., отражающих взаимосвязь отд. сторон или элементов внутр. структуры общества: его экономич. базиса и его надстройки — политической и идеологической. Объективная последовательность перехода от базиса ко все более высокой надстройке обуславливает порядок расположения Н. этой группы. Переход к философии в процессе мысленного движения от базиса к надстройке и от политич. к идеологич. надстройке есть вместе с тем выход за пределы собственно социальных Н. в область общемировоззренч. вопросов, связанных с Н. о наиболее общих законах всякого развития, а также с Н. о мышлении (см. табл. 2, к-рая представляет собой конкретизацию одной части табл. 1):

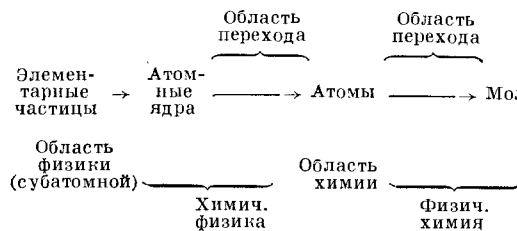
Таблица 2

Социальные науки		Философские науки	
политич. экономия — Н. об экономич. базисе	Н. о политич. и юридич. надстройке — учения о гос-ве и праве, о партии	Н. об идеологич. надстройке — учения о формах обществ. сознания, к-рые сюда входят,	в т. ч. философия.

Каждая из этих Н. или их групп разрабатывается с позиций историзма. Напр., политич. экономия раскрывает не только общесоциологич. законы экономич. развития, но и специфич. законы экономич. развития каждой социально-экономич. формации в той последовательности, в какой эти формации возникают в ходе самой истории.

Классификация естественных и технических наук. В совр. естествознании произошли коренные изменения по сравнению с 19 в.: возникла принципиально новая Н. — субатомная физика (квантовая механика, электронная и ядерная физика), к-рая в корне изменила соотношение между физикой и механикой, физикой и химией; развилась кибернетика, связующая многие отрасли естествознания, математики и техники; возникла космонавтика, повлиявшая на развитие ряда Н. и особенно астрономии; появилось множество переходных и промежуточных Н., в силу чего в 20 в. вся Н. о природе стала системной взаимопроникающей и переплетающейся Н. Схематически взаимоотношение между совр. физикой и химией представлено в таблице 3.

Здесь снова получают применение принципы объективности и развития в классификации Н.: соотношение физики и химии и переходных между ними Н. отражает соотношения соответств. форм движения и их материальных носите-

лей. Табл. 3 показывает самый «механизм» того, каким образом переходные Н. выполняют роль цементирующего начала по отношению к осн. отраслям естествознания.

Ряд совр. естеств. Н. представлен в табл. 4, к-рая является конкретизацией и детализацией определ. сторон табл. 1.

Таблица 4
ТЕХНИЧЕСКИЕ, ПРАКТИЧЕСКИЕ НАУКИ (в широком смысле)

Расщепление начала ряда Н. в связи с появлением субатомной физики показано дугообразной жирной линией (сравни с табл. 3). От биологии (зоологии) указан выход из области естествознания через физиологию человека и антропологию в область истории и через зоопсихологию в область психологии. В прямоугольнике заключены переходные Н.

Классификация технич. Н. представлена в связи с классификацией естественных. Но она имеет и др. связи — с конкретной экономикой, где она связывается с осн. отраслями нар. х-ва: пром-сть — тяжелая и легкая, обрабатывающая и добывающая, транспорт и связь; с х-во — растениеводство и животноводство, здравоохранение. Через эти отрасли произ-ва и вообще материальной жизни общества технич. Н. связываются уже с обществом. Н.

На грани между естественными, математич. и технич. Н. помещается кибернетика, выросшая на основе решения задачи автоматизации производственно-технич. процессов. Эта классификация Н. учитывает не только скачки (области качеств. переходов) от более низких и простых форм движения к более высоким и сложным, но и противоречия, действующие в природе и приводящие к раздвоению линии или тенденций ее развития, к поляризации вновь возникающих видов материи и форм ее движения.

Развитие природы можно анализировать не только со стороны отд. форм движения и видов материи, но и со стороны всей природы как целого, т. е. во взаимодействии всех форм движения и видов материи, сосуществующих на данной ступени ее развития. Предмет естеств. Н. в этом случае составляют отд. ступени развития всей природы в целом как определ. участка Вселенной. Таким ее участком могут служить отд. космич. тела или их система и даже вся Вселенная как целое (космология). Это — предмет астро-

Таблица 3

Макротела, т. е. агрегаты молекул
Область физики (молекулярной)

номии с примыкающими к ней астрофизикой, астрономией, астробиологией, к-рые получили развитие в последние годы в связи с прорывом человека в космос. Более узким участком служит Земля, как отд. тело (планета), история к-рого в целом составляет предмет геологии, и его поверхности — предмет географии с примыкающими к ней фито- и зоогеографией. Еще более узкий участок (биосфера Земли) составляет предмет биологии с примыкающей к ней биогеохимией. В итоге образуется еще один ряд Н., к-рый совпадает в основном с табл. 4 (если астрономии поместить около механики и физики, а физич. географию — между геологией и биологией).

Астрономия... геология... география... биология.
Практическое значение классификации наук. Классификация Н. является теоретич. основой мн. отраслей практич. деятельности. Она касается: 1) вопросов организации и структуры науч. учреждений и их взаимоотношений; 2) планирования научно-исследоват. работ в их взаимосвязи, в особенности носящих комплексный характер; 3) контакта, координирования и кооперации работ ученых различных специальностей, в частности между философами и представителями частных Н.; 4) связи теоретич. исследований с практич. задачами, вытекающими из потребностей нар. х-ва, из запросов идеологич., политич. и экономич. деятельности; 5) учебно-педагогич. работы, особенно в вузах широкого профиля (ун-ты), связи между теоретич. и технич. дисциплинами в технич., с.-х., медицинских и гуманитарных спец. вузах, связи философии с частными дисциплинами; 6) создания трудов сводного, энциклопедич. характера, их структуры, соответств. учебных пособий и руководства; 7) организации выставок универсального характера и, особенно, 8) библиотечного дела и библиотечной классификации. Для последней важно уметь правильно перейти от разветвленной или замкнутой классификации Н. к одноподлинной. Для этого необходимо: 1) разорвать в определ. пункте замкнутую цепь Н., 2) свести к линейной последовательности все раздвоения Н. и 3) найти определ. место для переходных Н. (напр., как открывающие собой Н. о высших формах движения или как завершающие собой Н. о низших его формах). В истории классификации Н. многие системы различались лишь тем, что разрыв замкнутой, по сути дела, цепи Н. производился в различных пунктах, благодаря чему, напр., логика оказывалась то в начале, то в конце ряда Н. В табл. 5 приведен один из возможных вариантов перехода от разветвленной к одноподлинной классификации Н.

Таблица 5

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Диалектика
Логика

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Математич. логика и практич. математика,
Математика включая кибернетику

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Механика и прикладная механика
Астрономия и космонавтика
Астрофизика
Физика и технич. физика
Химич. физика
Физич. химия
Химия и химико-технологич. нау-
Геохимия и металлургия
Геология и горное дело
География
Биохимия
Биология и с.-х. науки
Физиология человека и медицинские науки
Антропология

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

История

Археология
Этнография
Экономич. география
Социально-экономич. ста-
тистика
Науки о базисе и надстрой-
ках: политич. экономия,
Н. о гос-ве и праве, исто-
рия иск-ва и искусство-
ведение и т. д.

Языкознание

Психология и педагогич. наука и др.
науки

Лит.: Маркс К., Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4; Маркс К., Введение к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», там же, т. 19; его же, Капитал, там же, т. 25, ч. 1—2 (см. указатель); Энгельс Ф., Анти-Дюринг, там же, т. 20; его же, Диалектика природы, там же (см. указатель к 20 т., стр. 811); его же, [Письмо К. Шмидту, 27 окт. 1890 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избранные письма, М., 1953; его же, [Письмо] Г. Штаркенбургу, 25 янв. 1894 г.,

там же; Ленин В. И., Соч., 4 изд., см. Справочный том, ч. 1, с. 372; XX съезд КПСС, т. 1—2, М., 1956; XXII съезд КПСС, т. 1—3, М., 1962.

Общие вопросы

Риль А., Теория Н. и метафизика с точки зрения филос. критицизма, пер. с нем., М., 1887; Андреевский И. С., Гегелизм Н., ее принципы и методы, ч. 1, М., 1890; Пирсон К., Грамматика Н., пер. с англ., СПб., [1911]; Риккерт Г., Науки о природе и науки о культуре, СПб., 1911; Фатеев А. Н., Позитивная Н. и некоторые ее критики, Х., 1911; Пзко П. Ф., Элементы философии наук, пер. с франц., М., 1915; Богданов А. А., Социализм науки, М., 1918; Берг Л. С., Н., ее содержание, смысл и классификация, П., 1921; Боричевский И. А., Введение в философию Н., П., 1922; Рожницын В. С., Новая Н. и марксизм, Х., 1922; Уитерманн Э., Н. и революция, пер. с англ., [X], 1923; Бернал Дж., Развитие совр. Н., «Вестн. АН СССР», 1956, № 3; Ковалгин В. М., Диалектич. материализм у акаоках Н., Минск, 1958; Бовин А., Н. и мировоззрение, «Коммунист», 1960, № 5; Сифоров В., Новик И., Особности совр. естеств.-науч. познания, там же, 1963, № 15; Практика — критерий истины в Н., М., 1960; Сомервилл Дж., Что отличает Н. от др. форм знания, в его кн.: Избранное, М., 1960; Франк Ф., Философия Н., пер. с англ., М., 1960; Кедров В. М., Предмет и взаимосвязь естественных наук, М., 1962; Амрере А. М., Essai sur la philosophie des sciences, pt. 1—2, 2 éd., P., 1843—56; L i t t e r é e., La science au point de vue philosophique, 2 éd., P., 1873; Hill A., Introduction to science, 2 ed., L., 1900; Нейманс Г., Die Gesetze und Elemente des wissenschaftlichen Denkens, 2 Aufl., Lpz., 1905; Каммерер П., Das Gesetz der Serie. Eine Lehre von den Wiederholungen im Lebensund im Weltgeschehen, Stuttg.—B., 1919; T i l l i c h P., Das System der Wissenschaften nach Gegenständen und Methoden, Göttingen, 1923; D o t t e r e r R. H., Philosophy by way of the sciences, N. Y., 1929; M ü l l e r - F r e i e n f e l d s R., Psychologie der Wissenschaft, Lpz., 1936; В e n j a m i n A. C., Introduction to the philosophy of science, N. Y., 1937; D a n t z i g T., Aspects of science, N. Y., 1937; S h e l t o n H. S., The theory and practice of general science, L., 1939; W e r k m e i s t e r W. H., A philosophy of science, N. Y., 1940; S a u e r W., Grundlagen der Wissenschaft und der Wissenschaften, 2 Aufl., Basel, 1949; D a v a l S., G u i l l e m a i n B., Philosophie des sciences, P., 1950; C o n a n t J. B., Science and common sense, L., 1951; N a g e l E., Sovereign reason and other studies in the philosophy of science, Chi., 1951; S e l v a g g i F., Filosofia delle scienze, Roma, 1953; G u z z o A., La scienza, Torino, [1955]; H a n s o n N. R., Patterns of discovery. An inquiry into the conceptual foundations of science, Camb., 1958; What is science?, [2 ed.], ed. by J. R. Newman, N. Y., 1958; H u l l L. W. H., History and philosophy of science, L., 1959; M a d d e n E. H., The structure of scientific thought; an introduction to philosophy of science, Boston, 1960; B r a i t w a i t e R. B., Scientific explanation. A study of the function of theory, probability and law in science, N. Y., 1960; J a s p e r s K., Wahrheit und Wissenschaft, Basel, 1960; K a m i ŋ s k i S., Pojęcie nauki i klasyfikacja nauk, Lublin, 1961; P r i c e D. J., de S o l l a, Little science, big science, N. Y.—L., 1963.

Методология, логика науки

Джевоис С., Основы науки. Трактат о логике и науч. методе, пер. с англ., СПб., 1881; Фавр Л., Научный дух и научный метод, О., 1905; Лиар Л., Методология наук, в его кн.: Курс логики, пер. с франц., СПб., 1907; Пуанкаре А., Наука и метод, пер. [с франц.], СПб., 1910; Кедров В. М., Опыт методологии. анализа науч. открытий, «Вопр. философии», 1960, № 5; Таванец П. В., Шырев В. С., Некоторые проблемы логики науч. познания, там же, 1962, № 10; Подкорытов Г. А., Соотношение диалектич. метода с частнонауч. методами, там же, № 6; его же, О понятии науч. метода, «Вестн. Ленингр. гос. ун-та», 1962, № 11, сер. экон. филос. и права, вып. 2; Проблемы методологии и логики Н., Томск, 1962; Диалектика и логика. Законы мышления, М., 1962; Диалектика и логика. Формы мышления, М., 1962; Проблемы логики научного познания, М., 1964; Диалектика—теория познания. Проблемы научного метода, М., 1964; D e u e r F., Studien zu Methodenlehre und Erkenntniskritik, Lpz., 1895; C o h e n M. R., N a g e l E., An introduction to logic and scientific method, L., 1934; В e n j a m i n A. C., The logical structure of science, L., 1937; W e s t a w a y F. W., Scientific method. Its philosophical basis and its modes of application, N. Y., 1937; G e o r g e W. H., The scientist in action. A scientific study of his methods, N. Y., 1938; M i l l J. S., Philosophy of scientific method, N. Y., 1950; G r é g o i r e F., Logique et philosophie des sciences, P., 1953; K a n t o r J. R., The logic of modern science, Bloomington, 1953; R o w l a n d J., Mysteries of science, L., 1955; A l b e r g a m o F., Introduzione alla logica della scienza, Firenze, 1956; P o p p e r K. R., The logic of scientific discovery, N. Y., 1959; F i l k o r n V., Uvod do metodologie vied, Bratislava, 1960; H a r r é r., An introduction to the logic of the sciences, L., 1960.

Происхождение и история Н.

Мармерс Д. Ж. В., Прогресс Н., его происхождение, причины и результаты, пер. с англ., СПб, 1896; Ренан Э., Будущее Н., пер. с франц., т. 1—2, К., 1902; Eisler R., Geschichte der Wissenschaften, Lpz., 1906; Westaway F. W., The engless quest: three thousand years of science, L.—Glasgow, 1934; Farrington V., Science and politics in the ancient world, L., 1939; Singer C. H., A short history of science to the 19th century, Oxf., 1941; Whitehead A. N., Science and the modern world, Camb., 1947; Dampier W. C., A history of science and its relations with philosophy and religion, 4 ed., Camb., 1948; Mason S. F., Main currents of scientific thought; a history of the sciences, L., 1953; Schank R. L., The permanent revolution in science, N. Y., 1954; Störig H. J., Kleine Weltgeschichte per Wissenschaft, Stuttg., 1954; Ullmo J., La pensée scientifique moderne, P., 1958.

Н. и общество

Бертело М., Н. и нравственность, пер. с франц., М., 1898; Бернал Дж. Д., Н. и общество. Сб. статей, пер. с англ., М., 1953; его же, Н. в истории общества, пер. с англ., М., 1956; Габриэльян Г. Г., Н. и её роль в обществе, Ер., 1956; Руткевич М. Н., Н. как форма обществ. сознания, Свердлов., 1957; Корнеев М. Я., Н. и надстройка, Л., 1958; Рачков П. А., Н. как форма обществ. сознания, М., 1958; его же, Н. и общество. Прогресс, М., 1963; Семенов Н. Н., Н. и общество в век атома, «Вопр. философии», 1960, № 7; Карпов М. М., Н. и развитие общества, М., 1961; Ельмеев В. Я., Корнеев М. Я., Возрастание роли Н. в строительстве коммунизма, Л., 1962; Н. и человечество. [Ежегодник. Отв. ред. В. Р. Келлер], т. 1—2, М., 1962—63; Нихлеу J., Scientific research and social needs, L., 1934.

Л. Азарх. Москва.

Классификация Н.

Грот Н. Я., К вопросу о классификации наук, СПб, 1884; Пачоский И., Метод классификации и единство наук, К., 1891; Писарев Д. И., Полн. собр. соч., т. 5, СПб, 1894; Бэкон Ф., О достоинстве и усовершенствовании наук, СПб, [1895]; Лаланд А., Этюды по философии наук, пер. с франц., 2 изд., СПб, 1897; Огюст Конт и позитивизм. Статьи Д. С. Милля, Г. Спенсера и Л. Уорда, пер. [с англ.], М., 1897; Спенсер Г., Классификация наук, пер. [с англ., 3 изд.], М., 1897; Гиддингс Ф. Г., Основы социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации, 2 изд., М., 1898; Конт О., Курс положительной философии, пер. с франц., т. 1—2, СПб, [1899] — 1900; Вундт В., Введение в философию, пер. с нем., М., 1902; Пуанкаре А., Ценность науки, М., 1906; Даламбер Ж. Л., Очерк происхождения и развития наук, в сб.: Родоначальники позитивизма, т. 1, СПб,

1910; Карпентер Э., Совр. наука. Критич. очерк, предисл. Л. Н. Толстого, М., 1911; Оствальд В., Насущная потребность, пер. с нем., М., 1912; Иваниовский В. Н., Методологич. введение в науку и философию, т. 1, Минск, 1923; Гушин Б. П., Обзор главнейших систем классификации наук, Л.—М., 1924; Сомов Н. М., Карта знаний (Новая классификация наук), М., 1927; Гегель, Введение в философию (Филос. пролептика), пер. с нем., М., 1927; его же, Соч., т. 1—3, 5—6, М.—Л., 1929—56; Рожичин В. [С.], Марксистское введение в науку. Метод, содержание и классификация наук, М.—Л., 1929; Шмидт О. Ю., Естествознание, ВСЭ, [1 изд.], т. 24, М., 1932; Бархаш Б. и Турецкий С., Классификация наук, там же, т. 32, М., 1936; Тимирязев К. А., Сочинения, т. 3—7, 9, М., 1937—39; Амбарцумян З. Н., Библиотечная классификация, вып. 1—2, [М., 1947]; Кедров В. М., Энгельс и естествознание, [М.], 1947, разд. 4; его же, О классификации наук, в сб.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1958; его же, Классификация наук, М., кн. 1, 1961; Герцен А. И., Избр. филос. произв., т. 1—2, М.—Л., 1948; Чернышевский Н. Г., Полн. собр. соч., т. 2, 4, 5, 6, 12, 14, 15, М., 1948—50; Декарт Р., Избр. произв., [М.], 1950; Ломоносов М. В., Полн. собр. соч., т. 1—4, М.—Л., 1950—55; Козельский Я. П., [Соч.], в сб.: Избр. произв. русских мыслителей второй пол. XVIII века, т. 1, [Л.], 1952; Менделеев Д. И., Соч., т. 14, Л.—М., 1953; Шамурин Е. И., Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации, т. 1—2, М., 1955—1959; Букановский В. М., Принципы и основные черты классификации совр. естествознания, Пермь, 1960; Dantés A. [L.], Introduction aux connaissances humaines, 2 éd., P., 1872; Ratzel F., Antropo-Geographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte, Tl [1], Stuttg., 1882; Masaryk T. G., Základové konkrétní logiky, Praha, 1885; Goblot E., Les systèmes des sciences. Le vrai, l'intelligible et le réel, P., 1922; Oppenheim P., Die natürliche Ordnung der Wissenschaften. Grundgesetze der vergleichenden Wissenschaftslehre, Jena, 1926; Maritain J., Distinguer pour unir ou les degrés du savoir, 3 éd., P., 1940; Raymond A., Philosophie spiritualiste; études et méditations, v. 1—2, P., 1942; Wulf M. de, Initiation à la philosophie thomiste, 2 éd., Louvain, 1949; Piaget J., Introduction à l'épistémologie génétique, t. 3, P., 1950; Moutassab J., Essai sur la classification des sciences, Damas, 1953; Actes du 11-me Congrès Internationale de Philosophie, Bruxelles, 20—26 août 1953, v. 2, Amst.—Louvain, 1953; Laer P. H. van and Koren H. J., Philosophy of science, pt 1, Pittsburgh, 1956; Bergmann G., Philosophy of science, Madison, 1957; Vickers V. C., Classification and indexing in science, 2 ed., L., 1959.

Б. Кедров. Москва.

Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф. В. Константинов. М.,

«Советская энциклопедия», 1964.

(Науч. совет изд-ва «Советская энциклопедия».)

Ин-т философии АН СССР. Энциклопедии. Словари. Справочники.)

Т. 3. Коммунизм—Наука. 1964. 584 с. с илл.

Технический редактор А. В. Радишевская.

Бумага для текста изготовлена на фабрике им. Ю. Янониса.

Сдано в набор 12/III 1964 г. Том подписан к печати 22/IX 1964 г.

Издательство «Советская энциклопедия», Москва, Ж-28, Покровский бульвар, д. 8.

T-13335. Тираж 65300 экз. Формат 82x108/16. 36,5 физ. п. л. 59,86 усл. п. л. + вкл. 0,41 усл. п. л.

Всего 60,27 усл. п. л. 107,74 уч.-изд. л.

Цена 1 экз. книги 3 руб. 50 коп.

Московская типография № 2 «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати.
Москва, Проспект Мира, 105. Заказ № 3133.

КАРЛ МАРКС

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

